This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Bd. Nov. 1928
#138B
3 vols

HARVARD LAW LIBRARY

Received Nov. 13. 1925

СВОДЪ ЗАМѢЧАНІЙ

НА ПРОЕКТЪ ОБЩЕЙ ЧАСТИ

УЛОЖЕНІЯ О НАКАЗАНІЯХЪ,

ВЫРАБОТАННЫЙ РЕДАКЦІОННОЮ КОММИСІЕЮ.

СОСТАВЛЕНЪ

ДѢЛОПРОИЗВОДИТЕЛЕМЪ РЕДАКЦІОННОЙ КОММИСІИ

Бароном Э. Ю. Нольде.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ НА ПРОЕКТЪ И ЗАМѢЧАНІЯ НА ГЛАВЫ ПЕРВУЮ И ВТОРУЮ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1884.

NOV 1 3 1925

Въ Государственной Типографіи.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ НА ПРОЕКТЪ И ЗАМѢЧАНІЯ НА ГЛАВЫ ПЕРВУЮ И ВТОРУЮ.

Составленные Редакціонною Коммисіею проектъ 1-го раздѣла Уложенія о Наказаніяхъ и объяснительная къ этому проекту записка, съ Высочайшаго соизволенія, разосланы были Г. Министромъ Юстиціи въ Ноябрѣ 1882 г. чинамъ судебныхъ мѣстъ стараго и новаго устройства, чинамъ прокурорскаго надзора, присяжнымъ повѣреннымъ, юридическимъ факультетамъ Россійскихъ Университетовъ и нашимъ юридическимъ обществамъ, а также отдѣльнымъ спеціалистамъ по русскому уголовному праву, съ просьбою о доставленіи замѣчаній на проектъ. Независимо отъ сего проектъ въ нѣмецкомъ и французскомъ переводахъ сообщенъ былъ съ тою-же цѣлью наиболѣе извѣстнымъ криминалистамъ Германіи, Австро-Венгріи, Франціи и Италіи. Поступившія вслѣдствіе этого въ Редакціонную Коммисію до 15 Сентября 1883 г. замѣчанія расположены въ настоящемъ Сводѣ въ постатейномъ порядкѣ, статьи-же и замѣчанія, доставленныя за время съ 15 Сентября 1883 г. по 1 Января 1884 г., не могли быть включены въ постатейный Сводъ и отпечатаны цѣликомъ въ особомъ томѣ, наконецъ отдѣльный томъ Свода составляютъ полученныя отъ иностранныхъ ученыхъ замѣчанія на нѣмецкомъ и итальянскомъ языкахъ.

УЛОЖЕНІЕ О НАКАЗАНІЯХЪ.

ПРОЕКТЪ РЕДАКЦІОННОЙ КОММИСІИ.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

О преступныхъ дѣяніяхъ и наказаніяхъ вообще.

Общія замѣчанія.

Мюнхенскій профессоръ фонъ-Гольцендорфъ замѣчаетъ, что онъ съ живымъ интересомъ познакомился съ проектомъ и мотивами къ нему и не опасается встрѣтить съ чьей либо стороны противорѣчія, утверждая, что мотивы къ проекту представляютъ замѣчательную по ясности, опредѣлительности и основательности работу; подобный трудъ можетъ лишь возвысить уваженіе къ представителямъ науки уголовнаго права въ Россіи. Немногіе юристы западной Европы могли бы ожидать, что въ Россіи въ настоящее время могъ быть выработанъ проектъ, въ такой степени свободный отъ всякаго пристрастнаго отношенія и предвзятыхъ идей, тѣмъ болѣе, что невозможно отрицать того, что неблагопріятныя условія, возрастаніе преступленій, разгорѣвшіяся политическія страсти и взаимная ненависть національныхъ контрастовъ, могли значительно поколебать въ Россіи традиціи гуманности въ области уголовнаго права.

По отзыву Страсбургскою профессора Меркеля, проектъ представляетъ собою несомнѣнно документъ тщательныхъ и добросовѣстныхъ изслѣдованій и какъ тамъ, гдѣ онъ примыкаетъ къ современнымъ законодательнымъ трудамъ, такъ и тамъ, гдѣ онъ прокладываетъ свой собственный путь, свидѣтель-

ствуетъ объ обширныхъ свѣдѣніяхъ, научномъ безпристрастіи и гуманномъ духѣ его составителей.

По мнѣнію Марбургскаго профессора фонъ-Листа, проектъ представляетъ собою весьма важное произведеніе, которое послужитъ ко благу не одной только Россіи; являясь наиболѣе зрѣлымъ плодомъ науки уголовнаго права, онъ будетъ разсѣвать плодоносныя сѣмена все въ большемъ и большемъ пространствѣ.

По поводу расположенія матеріала въ восьми главахъ общей части проекта болонскій профессоръ Лукини замѣчаетъ слѣдующее:

«Общій планъ и содержаніе главъ весьма сходны съ системою итальянскихъ кодексовъ и проектовъ. Наиболѣе существенное различіе состоитъ въ слѣдующемъ: не имѣется дѣленія главъ на титулы (*), а напротивъ, послѣдніе, повидимому, должны замѣнить въ новомъ кодексѣ «книги» итальянской законодательной системы (и такая метода заслуживаетъ предпочтенія, такъ какъ она проще); въ «общія положенія» включенъ перечень наказаній (въ ст. 2), который дѣйствительно представляетъ собою краеугольный камень всего кодекса; имѣется научное и поэтому логичное разграниченіе трехъ категорій условій, видоизмѣняющихъ нравственную вмѣняемость, физическую вмѣняемость и наказуемость, давность уголовнаго преслѣдованія разсматривается совмѣстно съ давностью наказанія».

Профессоръ Лукини замѣчаетъ далѣе, что изъ поверхностнаго обзора проекта видно, въ какомъ прогрессивномъ духѣ создатели проекта рѣшились построить отечественное уголовное законодательство, слѣдя внимательно за развитіемъ законодательства иностраннаго, преимущественно Бельгіи, Германіи и Голландіи. Оставляя въ сторонѣ различіе взглядовъ на отдѣльные вопросы или институты, преимущественно политическаго и мѣстнаго свойства, нельзя, по мнѣнію его, не сознаться, что проектъ выработанъ мастерскими руками людей опытныхъ и въ теоріи, и въ практикѣ. Окончательный пересмотръ, кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ измѣненій, вѣроятно также придастъ больше связи и согласія внѣшней формѣ отдѣльныхъ постановленій: этого можно всего болѣе пожелать. Но и теперь г. Лукини привѣтствуетъ въ этой важной реформѣ русскаго законодательства новое и существенное проявленіе какъ прогресса гражданскихъ учрежденій страны, такъ и того

(*) Авторъ подразумѣваетъ, очевидно, наши «раздѣлы».

направленія однообразія и сходства, которое въ законодательствахъ различныхъ государствъ обнаруживается все болѣе и болѣе, вслѣдствіе сравнительнаго изученія, обмѣна опыта и дружественной солидарности».

По мнѣнію Мюнхенскаго профессора Гейера, систематика проекта во всякомъ случаѣ болѣе удачна, нежели систематика извѣстныхъ ему въ Европѣ и внѣ Европы уголовныхъ кодексовъ. Такъ, проектъ избѣгъ ошибки, сдѣланной, напримѣръ, германскимъ уложеніемъ, которое въ четвертомъ раздѣлѣ (4 Abschnitt) соединяетъ причины, исключающія вину, съ причинами, исключающими наказаніе, отчасти даже съ смягчающими обстоятельствами, и, кромѣ того, тамъ же содержитъ (герм. улож. § 60) положеніе о зачетѣ предварительнаго заключенія. Русскій проектъ помѣстилъ послѣднее положеніе (ст. 54) въ главу «о замѣнѣ и смягченіи наказаній»; положеніе это, впрочемъ, не принадлежитъ и сюда, такъ какъ зачетъ предварительнаго заключенія представляется не смягченіемъ наказанія, а «компенсаціею», что согласно и съ «Объясненіями», которыя (стр. 187) говорятъ, что предварительное заключеніе, являясь въ сущности одною изъ формъ лишенія свободы, должно быть принято впослѣдствіи (при постановленіи приговора) во вниманіе.

Далѣе пр. Гейеръ не согласенъ съ проектомъ въ томъ, что онъ помѣстилъ опредѣленія, касающіяся наказаній, передъ опредѣленіями, относящимися до общаго состава наказуемыхъ дѣяній, хотя эта метода сдѣлалась почти повсемѣстно господствующею со времени наполеоновскаго законодательства. Каррара имѣлъ полное право сдѣлать этотъ упрекъ германскому уложенію; но и итальянскіе проекты придерживаются такой системы. А между тѣмъ, вѣдь необходимо говорить прежде о томъ, *что* подлежитъ наказанію, т. е. о преступленіи, и лишь затѣмъ, *какъ* оно должно быть наказываемо, и именно сначала говорить, *какія* наказанія, а потомъ—*какъ* эти наказанія должны примѣняться.

Одесскій профессоръ Палаузовъ высказываетъ по поводу проекта слѣдующее общее замѣчаніе:

Нельзя не порадоваться тому, что, въ общемъ итогѣ, проектъ будущаго уголовнаго кодекса нашего стоитъ на высотѣ выработанныхъ современною европейскою жизнью и наукою началъ уголовнаго права, что редакторы отвергли тотъ казуистическій характеръ редакціи уголовныхъ законовъ, которымъ запечатлѣно дѣйствующее уложеніе, не только въ особенной, но и въ общей своей части. Судя по сдѣланному уже, русскій криминалистъ можетъ

съ увѣренностью ожидать уголовнаго кодекса, не уступающаго лучшимъ изъ новѣйшихъ европейскихъ кодексовъ по тому же отдѣлу законодательства.

По мнѣнію Харьковскаго профессора Владимірова, гуманность, которая уже просвѣчиваетъ въ проектѣ уложенія, можетъ принести только самые утѣшительные плоды. Не суровостью каръ содѣйствуетъ уголовное правосудіе возвышенію нравственнаго уровня народа, а ихъ неизбѣжностью и умѣренностью. Не образцами жестокости, а примѣрами справедливости питаетъ правосудіе чувство отвѣтственности въ обществѣ. Справедливость не есть метафизическое измышленіе, а обобщеніе, совершаемое подъ вліяніемъ моральнаго чувства, существованіе котораго у человѣка никѣмъ изъ серьезныхъ мыслителей не отвергается.

По мнѣнію Ярославскаго профессора Тальберга, задача Редакціонной Коммисіи по отношенію къ дѣйствующему уложенію выразилась въ чисто отрицательной дѣятельности, да и иною она быть не могла: недостатки уложенія настолько вошли въ общее сознаніе, въ постановленіяхъ его столько анахронизмовъ и существенныхъ отступленій отъ требованій науки и дѣйствительной жизни,—что коренное измѣненіе въ уголовныхъ законахъ нашихъ составляло давно предметъ неотложной необходимости. Въ особенности сознаніе этой необходимости живо дало себя чувствовать со времени введенія у насъ судебныхъ уставовъ 1864 г., когда на практикѣ обнаружилось столь рѣзкое и вредное для правильнаго хода правосудія противорѣчіе между началами матеріальнаго и формальнаго права. Давно назрѣвшія требованія дѣйствительной жизни нашли наиболѣе вѣрный отголосокъ въ проектѣ Редакціонной Коммисіи, которая, слѣдуя указаніямъ опыта и науки, не оставила, такъ сказать, камня на камнѣ въ первомъ раздѣлѣ дѣйствующаго уложенія; во всякомъ случаѣ, если въ проектѣ и удержано кое-что изъ постановленій дѣйствующаго уложенія, то весьма немногое.

Варшавскій профессоръ Будзинскій находитъ, что заглавіе: «уложеніе о наказаніяхъ» слѣдовало бы замѣнить словами «уложеніе о преступленіяхъ и наказаніяхъ» или, какъ во всѣхъ иностранныхъ кодексахъ, «уголовное уложеніе», ибо слова «уложеніе о наказаніяхъ» собственно значатъ, что законодатель указываетъ только санкціи, предоставляя усмотрѣнію судьи опредѣлить, какія дѣянія должны подлежать наказанію.

Останавливаясь затѣмъ на матеріалѣ, послужившемъ основаніемъ для

выработки проекта, профессоръ Будзинскій замѣчаетъ, что желательно было бы имѣть въ виду, кромѣ законодательствъ германскаго и французскаго типа, еще и другія законодательства, какъ напр. замѣчательное во многихъ отношеніяхъ уложеніе бразильское 1831 г., ньюіорское 1881 г. и прогрессивныхъ кантоновъ Швейцаріи, каковы Цюрихъ, Аппенцелль, Швицъ, Базель, Цугъ и др. Послѣдніе кодексы замѣчательны ясностью, сжатостью и краткостью редакціи до того, что нѣкорыя изъ этихъ уложеній заключаютъ въ себѣ всего 114 статей.—При этомъ г. Будзинскій указываетъ, что до изданія этихъ кодексовъ, онъ, по порученію правительства, составилъ въ 1862 г. проектъ уложенія для Царства Польскаго, заключающій въ себѣ всего 118 статей. Проектъ этотъ изданъ затѣмъ на польскомъ языкѣ («Mysli do ulozenia prawa karnego w formie projektu z motywami. Warszawa. 1866 roku)».

Что же касается редакціи мотивовъ, то по сему предмету профессоръ Будзинскій полагаетъ, что какъ ни замѣчательны и интересны объясненія къ проекту, но они слишкомъ обширно изложены, такъ что многіе дѣльные практическіе юристы находили въ этомъ затрудненіе при изученіи проекта. Сколько извѣстно, этого рода труды, даже въ нѣмецкихъ законодательныхъ работахъ, изложены сжато, безъ цитатъ, auctoritate rationis, а не ratione auctoritatis.

Вѣстникъ Европы (Внутреннее Обозрѣніе, Декабрь, 1882 г.) высказываетъ слѣдующее: «при сравненіи настоящаго проекта Коммисіи съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ нынѣ дѣйствующаго уголовнаго кодекса, прежде всего бросается въ глаза *краткость* перваго; онъ содержитъ въ себѣ только шестьдесятъ-четыре (64) статьи въ замѣнъ ста-семидесяти-пяти (175). Такое сокращеніе достигнуто исключеніемъ всего частнаго, казуистичнаго, уничтоженіемъ мелкой, дробной регламентаціи, установленіемъ общихъ, широкихъ началъ, подъ которыя легко могутъ быть подведены отдѣльные случаи. Вмѣсто тридцати-семи статей, посвященныхъ въ уложеніи разнымъ видамъ и степенямъ виновности (3—15 и 105—128), мы находимъ въ проектѣ только шесть (43—48); замѣна и смягченіе наказаній исчерпаны также въ шести статьяхъ (49—54) вмѣсто тридцати трехъ (70—89 и 134—146). Уложеніе старается все предусмотрѣть, на все дать точный отвѣтъ, и именно вслѣдствіе того многое упускаетъ изъ виду, многое оставляетъ безъ разрѣшенія; проектъ совершенно свободенъ отъ этого недостатка. Возьмемъ, въ видѣ образца, постановленія объ участіи въ преступленіи и объ условіяхъ вмѣненія. Уложеніе задается цѣлью перечислить всѣ формы участія, отдѣляетъ

сообщниковъ отъ пособниковъ, зачинщиковъ отъ главныхъ виновныхъ, установляетъ сложную номенклатуру, даетъ цѣлый рядъ длинныхъ опредѣленій—и все-таки не достигаетъ желаннаго результата; въ особенной его части можно встрѣтить, напримѣръ, такіе способы подстрекательства, которыхъ не обнимаетъ перечень ст. 13. Проектъ знаетъ, наоборотъ, только «соучастниковъ» и формулируетъ понятіе о соучастіи въ такихъ выраженіяхъ, примѣненіе которыхъ къ самымъ различнымъ его видамъ не представляетъ никакихъ затрудненій. Разъ, что соучастниками признаются, между прочимъ, всѣ «прямо подстрекавшіе другихъ къ соучастію въ преступномъ дѣяніи»,—судъ можетъ привлечь къ отвѣтственности всякаго интеллектуальнаго виновника преступленія, не стѣсняясь формой, въ которую облечена его виновность. Уложеніе относитъ къ числу причинъ, уничтожающихъ вмѣненіе,—безуміе, сумасшествіе и припадки болѣзни, приводящей въ умоизступленіе или совершенное безпамятство, а также, при извѣстныхъ условіяхъ, лунатизмъ и глухонѣмоту; это казуистическое опредѣленіе неизбѣжно оказывается недостаточнымъ, не распространяясь, напримѣръ, на безсознательное состояніе, происходящее не отъ болѣзненнаго припадка (а отъ просонковъ,одуряющей атмосферы, опьянѣнія и т. п.). Проектъ, сознавая невозможность и безцѣльность перечисленій, претендующихъ на полноту, но никогда ея не достигающихъ, установляетъ, въ замѣнъ нѣсколькихъ статей уложенія (92 п. 3, 95—98), слѣдующее простое, общее правило: «не вмѣняется въ вину дѣяніе, учиненное лицомъ, которое, по недостаточности умственныхъ способностей, или по болѣзненному разстройству душевной дѣятельности, или по безсознательному состоянію, не могло, во время учиненія дѣянія, понимать свойство и значеніе совершаемаго или руководить своими поступками».

Недовѣріе къ суду, составляющее отличительную черту уложенія, выражается не только въ стремленіи къ безусловной точности опредѣленій, къ установленію отдѣльныхъ правилъ для каждой отдѣльной группы случаевъ, но и въ ограниченіи суда возможно-тѣсными рамками при выборѣ и назначеніи наказаній. Отсюда—дѣленіе наказаній на множество степеней, образующихъ ту пресловутую «лѣстницу», надъ которой ломало себѣ голову, въ судахъ и школахъ, столько поколѣній юристовъ. Въ проектѣ нѣтъ ничего похожаго на это дѣленіе; онъ намѣчаетъ только *крайніе предѣлы*, maximum и minimum каждаго отдѣльнаго вида наказанія. Самое число этихъ видовъ значительно уменьшено въ сравненіи съ дѣйствующимъ закономъ. Окончательно опредѣлить размѣръ свободы, предоставляемой новымъ кодексомъ усмотрѣнію суда, можно будетъ, впрочемъ, только тогда, когда сдѣлается извѣстной особенная часть кодекса. Изъ нѣкоторыхъ статей про-

екта (напр. 53) видно, что помимо низшаго предѣла каждаго вида наказанія, установленнаго общею частью, составители проекта предполагаютъ назначать иногда *спеціальный* предѣлъ, ниже котораго не можетъ быть опредѣлено наказаніе за извѣстное преступленіе. Такъ, напримѣръ, общій низшій предѣлъ каторги—пять лѣтъ; но для отдѣльныхъ случаевъ онъ можетъ составлять семь, десять, двѣнадцать лѣтъ. Понятно, что чѣмъ чаще будутъ встрѣчаться подобные случаи въ особенной части кодекса, тѣмъ больше будетъ умаляться значеніе общаго начала, въ силу котораго уничтожено проектомъ дѣленіе наказаній на степени. Принять начало въ принципѣ и потомъ до крайности ограничить его примѣненіе—было бы явною непослѣдовательностью; слѣдуетъ надѣяться поэтому, что спеціально-низшій предѣлъ наказанія будетъ установленъ особенною частью лишь въ видѣ исключенія.

Сравнительно-бо́льшій просторъ суда въ назначеніи наказаній обусловливается не только уничтоженіемъ степеней, но и отмѣной обязательныхъ нормъ, которыми опредѣляется въ уложеніи отвѣтственность по мѣрѣ участія въ преступленіи, или по мѣрѣ приведенія его къ окончанію. На основаніи уложенія, главнымъ виновникамъ, зачинщикамъ и подстрекателямъ назначается высшая мѣра наказанія; для пособниковъ, участіе которыхъ не было необходимо, наказаніе уменьшается одною степенью, для участниковъ—одною или двумя степенями; наказаніе за покушеніе уменьшается одною, двумя, тремя или четырьмя степенями сравнительно съ тѣмъ, которымъ карается совершившееся преступленіе. Проекту такая *регламентація* совершенно *чужда*; мѣру наказанія соучастниковъ онъ ставитъ въ зависимость отъ усмотрѣнія суда въ тѣхъ предѣлахъ, какіе вообще опредѣлены для даннаго преступленія; только «незначительность» соучастія разсматривается, какъ обстоятельство, уменьшающее вину, и подводится подъ дѣйствіе общихъ правилъ, на этотъ предметъ установленныхъ; такимъ же обстоятельствомъ признается и покушеніе. Другія обстоятельства, уменьшающія вину, въ проектѣ не перечисляются; въ признаніи или въ непризнаніи ихъ—судъ не стѣсненъ рѣшительно ничѣмъ. Упрощая и облегчая дѣятельность суда, проектъ даетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ возможность сообразовать свой приговоръ съ особенностями каждаго отдѣльнаго случая, съ дѣйствительною, а не предполагаемою, въ силу юридической фикціи, мѣрою вины каждаго отдѣльно подсудимаго.

Капитальнымъ достоинствомъ проекта слѣдуетъ признать далѣе *уравненіе*, передъ судомъ уголовнымъ, привилегированныхъ и непривилегированныхъ сословій. Выборъ наказанія не будетъ болѣе зависѣть отъ того, къ какому классу общества принадлежитъ виновный. По дѣйствующему закону, одно и то же преступленіе подвергаетъ однихъ ссылкѣ на житье,

другихъ—заключенію въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи или въ рабочемъ домѣ. Иногда это различіе оказывается тягостнымъ и невыгоднымъ для дворянъ, иногда—для не-дворянъ; но оно всегда несправедливо, всегда представляетъ собою ничѣмъ неоправдываемый обломокъ отжившей системы. Есть основаніе думать, что со введеніемъ въ дѣйствіе новаго уложенія исчезнетъ и другое различіе того же рода,—различіе подсудности, въ силу котораго лица привилегированныхъ сословій подлежатъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, суду общихъ судебныхъ мѣстъ, лица же непривилегированныхъ сословій—суду мировыхъ учрежденій. Различіе это обусловливается тѣмъ, что мировыя учрежденія не уполномочены на лишеніе сословныхъ правъ, съ которымъ теперь иногда сопряжено, для лицъ привилегированныхъ сословій, тюремное заключеніе. Проектъ допускаетъ потерю сословныхъ правъ лишь при заключеніи въ исправительномъ домѣ; съ заключеніемъ въ тюрьмѣ онъ соединяетъ только временное лишеніе нѣкоторыхъ особыхъ правъ, которое, не касаясь сословныхъ преимуществъ, безъ сомнѣнія, будетъ включено въ кругъ власти мировыхъ учрежденій. Замѣтимъ, по этому поводу, что новый уголовный кодексъ замѣнитъ собою не только уложеніе о наказаніяхъ, но и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Совмѣстное существованіе двухъ уголовныхъ кодексовъ—явленіе очевидно ненормальное, допущенное у насъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ по необходимости вслѣдствіе недостатковъ уложенія и неопытности вновь созданныхъ мировыхъ учрежденій, оно должно прекратиться само собою, какъ только совершится давно ожидаемая реформа нашего уголовнаго законодательства.

Сравнительно съ дѣйствующимъ уложеніемъ, проектъ Коммисіи отличается большою *гуманностью*; въ немъ нашли мѣсто многія нововведенія, составляющія лучшую черту новѣйшихъ западно-европейскихъ уголовныхъ кодексовъ. Смертная казнь включена проектомъ въ число наказаній, но только потому, что Коммисія не считала себя въ правѣ разрѣшить вопросъ, имѣющій преимущественно политическое значеніе; сама Коммисія держится того взгляда, что «Россія могла бы сдѣлать новый дальнѣйшій шагъ по историческому пути, преемственно начертанному еще съ прошлаго вѣка, съ царствованія императрицы Елизаветы, и не только по возможности ограничить число случаевъ примѣненія смертной казни, но и вычеркнуть ее вовсе изъ списка уголовныхъ наказаній, налагаемыхъ по общимъ законамъ». Несовершеннолѣтніе, на основаніи проекта, ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ смертной казни; женщины подлежатъ ей только въ рѣдкихъ случаяхъ. Высшій предѣлъ срочной каторги ограниченъ, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ—пятнадцатью годами (вмѣсто двадцати); уничтожены такіе тяжкіе ея виды, какъ работа въ рудникахъ или крѣпостяхъ. Большое, сравнительно,

мѣсто отведено заточенію, т.-е. такому виду лишенія свободы, который не имѣлъ бы опозоривающаго характера, налагалъ бы на заключеннаго возможно меньшую мѣру лишеній и стѣсненій и назначался бы, сообразно съ этимъ, за преступленія, въ которыхъ нѣтъ ничего безчестнаго. Другими словами, это нѣчто въ родѣ теперешняго заключенія въ крѣпости, распространеннаго на бо́льшее число случаевъ, начиная съ важныхъ до самыхъ незначительныхъ, и вслѣдствіе этого весьма различнаго по своей продолжительности; заточеніе можетъ быть назначаемо на время отъ двухъ недѣль до десяти лѣтъ (заключеніе въ крѣпости по дѣйствующему закону—на время отъ четырехъ недѣль до четырехъ лѣтъ). Самое названіе: «заточеніе» избрано Коммисіею потому, что мѣстомъ заключенія, въ вышеупомянутыхъ случаяхъ, можетъ быть и не крѣпость, а другое,особо устроенное для того помѣщеніе. Совершенно отмѣняется проектомъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, т. е. гражданская смерть. Осужденный даже на каторгу сохраняетъ право собственности на свое имущество; оно только берется въ опеку и возвращается въ распоряженіе осужденнаго по отбытіи имъ наказанія. Этимъ путемъ устраняется весь вредъ, сопряженный съ открытіемъ наслѣдства при жизни собственника, и ограждаются одинаково права владѣльца, права его семьи, интересы государства. Безвозвратно теряются, при тяжкихъ наказаніяхъ, только права сословныя и пріобрѣтенныя прежнимъ званіемъ или службой; всѣхъ остальныхъ правъ, общественныхъ и политическихъ, осужденные лишаются только на время отбытія наказанія и на опредѣленный затѣмъ срокъ, отъ одного года до десяти лѣтъ. Тѣлесныхъ наказаній, конфискаціи, церковнаго покаянія проектъ вовсе не знаетъ. Для приговоренныхъ къ каторгѣ и къ продолжительному заточенію или содержанію въ исправительномъ домѣ проектъ установляетъ досрочное освобожденіе, по усмотрѣнію главнаго тюремнаго управленія; приговоренные къ безсрочной каторгѣ могутъ быть освобождены въ этомъ порядкѣ по истеченіи пятнадцати лѣтъ. Допускается также, по опредѣленію окружнаго суда, досрочное возстановленіе правъ и освобожденіе отъ полицейскаго надзора. Приговариваемымъ къ заточенію на срокъ не свыше шести лѣтъ, къ исправительному дому, тюрьмѣ или аресту, можетъ быть засчитано въ наказаніе время, проведенное ими въ предварительномъ заключеніи. Взысканіе денежной пени можетъ быть отсрочено или разсрочено на время не свыше одного года. Повтореніемъ преступленія, въ смыслѣ обстоятельства, увеличивающаго наказаніе, признается только совершеніе, вскорѣ по отбытіи наказанія, новаго преступленія, тождественнаго или однороднаго съ первымъ, или болѣе тяжкаго по роду; но даже и при этихъ условіяхъ усиленіе наказанія не обязательно для суда. Болѣе строгими, сравнительно съ дѣйствующимъ закономъ, являются только постановленія проекта о совокупности преступленій, уполномочиваю-

щія судъ назначать наказаніе въ мѣрѣ высшей противъ общаго крайняго его предѣла (напримѣръ, двадцать лѣтъ каторги, высшій предѣлъ которой во всѣхъ другихъ случаяхъ, какъ мы уже сказали, пятнадцать лѣтъ). И здѣсь однако, усиленіе наказанія зависитъ отъ усмотрѣнія суда; оно примѣнимо притомъ не ко всѣмъ преступленіямъ, а только къ тѣмъ, на которыя это правило будетъ распространено въ особенной части уложенія, и только тогда, когда они совершены или по привычкѣ къ преступной дѣятельности, или вслѣдствіе обращенія преступной дѣятельности въ ремесло».

Сенаторъ А. К. Фриде находитъ, что проектъ уложенія о наказаніяхъ составляетъ въ высшей степени отрадное явленіе въ законодательной дѣятельности. Не только онъ стоитъ вполнѣ на высотѣ новѣйшихъ уголовныхъ уложеній Европы, но во многомъ, общія начала, которыя только и подлежатъ пока разсмотрѣнію, имѣютъ преимущество предъ общею частью новѣйшихъ уголовныхъ уложеній по малочисленности статей и по относительной краткости и немногосложности принциповъ, установленныхъ Редакціонною Коммисіею. Еще болѣе въ семъ отношеніи достоинства этого замѣчательнаго труда оказываются заслуживающими вниманія по сравненіи его съ нынѣ дѣйствующимъ у насъ уложеніемъ о наказаніяхъ, въ которомъ общая часть изложена въ 175 ст. вмѣсто 64, вошедшихъ въ проектъ Коммисіи, и если поэтому то, *что изложено* въ проектѣ, во многомъ, и подлежитъ то опроверженію по существу, то возраженію въ редакціонномъ отношеніи, — то все то, что *опущено* въ проектѣ, по оцѣнкѣ тѣхъ мотивовъ, которые содержатся въ объяснительной запискѣ, оказывается неподлежащимъ включенію въ новый законъ ни съ той точки зрѣнія, на которую встали составители новаго проекта, ни съ точки зрѣнія современнаго положенія науки. Въ этомъ отрицательномъ, если можно такъ выразиться, достоинствѣ и заключается главнѣйшее и существенное преимущество новаго проекта, которое вполнѣ оцѣнятъ всѣ тѣ, кому приходилось примѣнять нынѣ дѣйствующее уложеніе, недостатки коего составляютъ единственную причину нападковъ, и нынѣ еще раздающихся нерѣдко противу суда присяжныхъ.

Прокуроръ Тифлисской Судебной Палаты Андреевъ указываетъ, что въ замѣчаніяхъ на дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ, представленныхъ имъ въ 1863 и 1880 годахъ, были высказаны въ существѣ слѣдующія мнѣнія:

1) что принятое въ уложеніи дѣленіе преступныхъ дѣйствій на преступленія и проступки неправильно и въ уложеніи неумѣстно;

2) что принятое въ уложеніи и обязательное для суда различіе между заранѣе обдуманнымъ умысломъ и умышленностью и между различными степенями участія въ преступленіи, какъ различіе чисто теоретическое, искуственное и невѣрное, оказывалось для суда стѣснительнымъ и лишало его возможности точнѣе опредѣлить отвѣтственность обвиняемаго;

3) что изложенныя въ уложеніи обстоятельства, уменьшающія и увеличивающія мѣру вины обвиняемаго, несмотря на ихъ мелочную подробность, все таки не исчерпываютъ всѣхъ обстоятельствъ, могущихъ быть принятыми судомъ во вниманіе, и что ихъ слѣдуетъ отмѣнить;

4) что смертная казнь, какъ учрежденіе несогласное съ ученіемъ христіанской религіи, должна быть примѣняема только при необыкновенныхъ обстоятельствахъ, временно, въ мѣстностяхъ, объявляемыхъ заранѣе на военномъ положеніи;

5) что за единственныя основныя наказанія должны быть приняты ссылки и лишенія свободы различнаго рода съ работами и безъ работъ;

6) что усиленіе наказанія за повтореніе преступленій, принятое уложеніемъ, какъ общее правило для всѣхъ преступленій и въ особенности для кражъ, не имѣетъ достаточныхъ основаній и неправильно

и 7) что слѣдовало бы устранить несоотвѣтствіе установляемой уложеніемъ лѣстницы наказаній съ дѣйствительностью, такъ какъ, несмотря на большое разнообразіе въ названіяхъ наказаній, въ дѣйствительности существуютъ только ссылки и тюрьма.

Эти мнѣнія, конечно, не были выраженіемъ личнаго взгляда г. Андреева, но принадлежали большинству кружковъ судебныхъ дѣятелей того времени и составляли, еще 20 лѣтъ тому назадъ, практически осязаемые недостатки уложенія о наказаніяхъ.

Изъ проекта новаго уложенія о наказаніяхъ видно, что существо этихъ предположеній будетъ принято за основаніе нашего будущаго уголовнаго кодекса, вводящаго сверхъ того многія другія, вполнѣ человѣчныя ученія, какъ-то: о выдачѣ преступниковъ, объ умыслѣ, укрывательствѣ, недонесеніи и проч.

Существо положеній новаго проекта уложенія о наказаніяхъ, составляющихъ отмѣну прежнихъ воззрѣній, можетъ быть выражено въ слѣдующемъ:

1) въ отрицаніи смертной казни вообще;

2) въ невыдачѣ иностранцевъ за политическія преступленія;

3) въ упрощеніи лѣстницы наказаній и отмѣнѣ степеней наказаній;

4) въ предоставленіи суду болѣе широкой власти выбирать мѣру наказаній;

5) въ предоставленіи возможности ослаблять и сокращать наказанія послѣ обращенія ихъ къ исполненію;

6) въ ограниченіи лишенія правъ состоянія временемъ отбытія наказанія;

7) въ оставленіи во всякомъ случаѣ правъ семейственныхъ и имущественныхъ неразрушаемыми наказаніемъ;

8) въ отмѣнѣ конфискаціи имущества;

9) въ принятіи въ число причинъ невмѣняемости безсознательнаго состоянія;

10) въ допущеніи невмѣняемости за исполненіе закона или приказа;

11) въ принятіи ненаказуемости покушенія на проступки и нарушенія;

12) въ признаніи ненаказуемости злаго умысла;

13) въ установленіи новой системы для отвѣтственности за участіе въ преступленіи: исполнителей, подстрекателей и пособниковъ, съ отнесеніемъ прочихъ прикосновенныхъ, именно попустителей, укрывателей и недонесшихъ, къ особенной части уложенія;

14) въ расширеніи права суда въ уменьшеніи наказаній

и 15) въ установленіи новыхъ началъ отвѣтственности за повтореніе преступленій.

Поэтому г. Андреевъ не можетъ не выразить искренняго уваженія и сочувствія къ тѣмъ вполнѣ человѣчнымъ началамъ, которыя, составляя давно ощущаемую потребность, теперь наконецъ будутъ входить въ составъ нашего кодекса, и находитъ, что если проектъ новаго уложенія о наказаніяхъ въ изложенныхъ главныхъ началахъ своихъ удостоится утвержденія, то можно сказать, что нашъ уголовный кодексъ будетъ однимъ изъ образцовыхъ.

Останавливаясь далѣе на самомъ способѣ изложенія проекта, Прокуроръ Тифлисской Палаты замѣчаетъ, что Редакціонная Коммисія, повидимому, пришла къ убѣжденію, что новый кодексъ уголовныхъ законовъ долженъ быть изданъ по примѣру дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ въ формѣ отдѣльныхъ, существенныхъ положеній или выводовъ, выражаемыхъ по возможности кратко въ статьяхъ кодекса, безъ всякаго, впрочемъ, изложенія въ объяснительной запискѣ основаній, почему она отвергла способъ изданія новаго кодекса съ мотивами, послужившими къ изложенію каждой статьи. Между тѣмъ это вопросъ величайшей важности и еслибы обсужденіе его было поставлено въ ряду прочихъ вопросовъ, то едва ли большинство лицъ, принимающихъ въ этомъ дѣлѣ участіе, не высказалось бы за изданіе мотивированнаго кодекса.

Г. Андреевъ считаетъ приэтомъ необходимымъ указать тѣ соображенія, которыя приводятъ его къ убѣжденію въ несомнѣнномъ преимуществѣ изданія мотивированнаго кодекса.

а) Изложеніе мотивовъ законовъ представляетъ то удобство, что даетъ возможность уразумѣть истинный смыслъ законовъ, особенно если текстъ закона самъ по себѣ можетъ возбуждать сомнѣнія; кромѣ того мотивированный законъ остается легче и тверже въ памяти, чѣмъ законъ не вполнѣ ясный.

б) Въ смыслѣ воспитательномъ—мотивированные законы имѣютъ болѣе вліянія на умственное и нравственное развитіе народа.

в) Для судей мотивы законовъ служатъ пособіемъ и руководствомъ и доставляютъ имъ возможность давать себѣ сознательный отчетъ въ способѣ примѣненія законовъ; составляя развитіе принциповъ, на которыхъ основанъ весь кодексъ, мотивы законовъ дадутъ судьямъ возможность избѣжать упрека въ произволѣ или пристрастіи.

г) Для законодательной власти мотивы законовъ не менѣе полезны; нерѣдко явленія государственной жизни дѣйствуютъ такъ сильно на законодательную власть, что она становится склонной, переходя отъ однихъ изъятій изъ законовъ къ другимъ, довести ту или другую часть кодекса до противорѣчія основной мысли; мотивы законовъ, въ этомъ случаѣ, могутъ служить охраной отъ уклоненій и дадутъ возможность всегда возстановить настоящій смыслъ законовъ, устранивъ вредныя измѣненія.

По мнѣнію Сарапульскаго Окружнаго Суда, постановленія проекта служатъ яснымъ доказательствомъ того, что составители его руководились принципомъ полнаго довѣрія къ судьямъ, которымъ придется примѣнять къ дѣлу новое уложеніе о наказаніяхъ. Еслибы Редакціонная Коммисія не выразила этого въ своей объяснительной запискѣ, то это во всякомъ случаѣ несомнѣнно доказывалось бы тѣмъ широкимъ просторомъ, который предполагается предоставить суду въ примѣненіи уголовнаго закона къ каждому конкретному случаю.

Это существенно важное нововведеніе, согласованное съ духомъ уставовъ 20 Ноября 1864 года, принесетъ несомнѣнно большую пользу правосудію, потому что дастъ возможность судебной власти вполнѣ соразмѣрять отвѣтственность осужденнаго съ дѣйствительною его виновностію и освобождать его отъ всякой отвѣтственности во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда наказаніе за дѣяніе, само по себѣ преступное, представлялось бы явно несправедливымъ. Можно съ увѣренностію предположить, что со времени введенія

въ дѣйствіе новаго уложенія о наказаніяхъ, основаннаго на этомъ принципѣ полнаго довѣрія къ суду и устройства достаточнаго количества проектированныхъ новыхъ благоустроенныхъ мѣстъ заключенія и исправительно-воспитательныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ уменьшится въ значительной степени число оправдательныхъ приговоровъ по дѣламъ уголовнымъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, такъ какъ опытомъ дознано, что во многихъ случаяхъ присяжные засѣдатели выносятъ оправдательные вердикты, несмотря на полную доказанность виновности подсудимыхъ и даже сознаніе послѣднихъ, иногда изъ опасенія, что въ случаѣ обвиненія подсудимаго онъ подвергнется чрезмѣрно строгому несоотвѣтствующему его винѣ наказанію, въ другихъ же случаяхъ изъ опасенія, что въ нынѣшнихъ тюремныхъ помѣщеніяхъ еще неиспорченный человѣкъ можетъ окончательно испортиться.

По замѣчанію Предсѣдателя Астраханской Соединенной Палаты Антонова, проектъ представляетъ совершенное измѣненіе дѣйствующаго уложенія. Несоотвѣтствіе послѣдняго съ жизнью было столь очевидно, въ особенности со введеніемъ устава 20 Ноября 1864 г., что требовало пересмотра и кореннаго видоизмѣненія. Составленный Редакціонною Коммисіею проектъ вполнѣ доказываетъ, что въ работахъ по этому предмету участвовали лучшія силы науки и практики. Въ общихъ чертахъ несомнѣнныя его достоинства суть: 1) измѣненіе системы изложенія, принятой въ дѣйствующемъ сводѣ, 2) выраженіе довѣрія суду, 3) уравненіе предъ судомъ привиллегированныхъ и непривиллегированныхъ сословій, 4) совершенная отмѣна лишенія всѣхъ правъ состоянія, то есть гражданской смерти, тѣлесныхъ наказаній, конфискаціи, церковныхъ покаяній и 5) опредѣленіе досрочнаго, по усмотрѣнію тюремнаго начальства, освобожденія.

Екатеринодарскій Окружной Судъ находитъ, что проектъ Редакціонной Коммисіи, по точности изложенія, юридической техникѣ языка, совершенной опредѣлительности наказаній, какъ относительно юридической сущности ихъ, такъ и относительно сопровождающихъ нѣкоторыя изъ нихъ правопораженій и другихъ послѣдствій, по широкой, научной и полной формулировкѣ положеній, относящихся какъ до условій вмѣненія, преступности, виновности, соучастія и отвѣтственности, такъ и до условій, вызывающихъ возвышеніе, замѣну, смягченіе и отмѣну наказаній, представляется замѣчательнымъ произведеніемъ законодательной и юридической мысли, долженствующимъ,

по своимъ великимъ достоинствамъ, занять видное мѣсто въ ряду лучшихъ уголовныхъ кодексовъ. Находясь подъ впечатлѣніемъ богатаго научнаго матеріала, заключающагося въ объяснительной запискѣ, чтеніе и изученіе которой не могло не быть въ высшей степени назидательнымъ, Судъ не можетъ не сознаться, что въ составѣ своемъ онъ не располагаетъ такими научными силами и эрудиціею, которыя бы давали возможность съ большей или меньшей авторитетностью опровергать какое бы то ни было изъ положеній проекта. Въ то же время Екатеринодарскій Судъ признаетъ умѣстнымъ заявить, что если и существуетъ въ наукѣ извѣстныя суду доктрины, отличныя отъ положеній, усвоенныхъ проектомъ, то при ближайшемъ соображеніи какъ этихъ доктринъ, такъ и проектируемыхъ проектомъ положеній съ условіями дѣйствительной жизни и судебной практики, приходится всегда отдавать предпочтеніе положеніямъ проекта, какъ отличающимся справедливостью, практичностію и цѣлесообразностью и дающимъ судьямъ возможность разрѣшать существеннѣйшіе вопросы уголовнаго права безъ недоразумѣній и затрудненій.

Общее впечатлѣніе, производимое созданнымъ Коммисіею проектомъ уложенія, представляется, по отзыву Прокурора Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскаго, въ высшей степени отраднымъ и пріятнымъ: не говоря уже о томъ, что всѣ проводимыя въ уложеніи юридическія положенія вполнѣ согласованы съ требованіями науки уголовнаго права, нельзя не высказать, что краткость изложенія, точная послѣдовательность и строго обдуманная система въ размѣщеніи отдѣльныхъ статей, уничтоженіе той весьма сложной и запутанной системы, которая существуетъ въ нынѣ дѣйствующемъ уложеніи какъ въ опредѣленіи лѣстницы наказаній, такъ и относительно наказуемости по мѣрѣ соучастія, по мѣрѣ проявленія злой воли и т. под. и замѣна таковой системы другою, значительно упрощенною, постановка наказаній на совершенно правильныхъ началахъ и, наконецъ, крайняя гуманность взглядовъ, проводимыхъ въ проектѣ,—составляютъ тѣ выдающіяся, отличительныя достоинства, въ силу коихъ разсматриваемый нынѣ проектъ уложенія представляется весьма капитальнымъ трудомъ и, если ему будетъ суждено удостоиться утвержденія, несомнѣнно займетъ подобающее мѣстъ въ ряду лучшихъ иностранныхъ кодексовъ.

Переходя къ изложенію тѣхъ замѣчаній, которыя названный Прокуроръ признаетъ нужнымъ сдѣлать по поводу возбуждаемыхъ нѣкоторыми отдѣльными статьями недоразумѣній, онъ считаютъ необходимымъ прежде всего высказать нѣсколько общихъ замѣчаній, долженствующихъ предшествовать разсмотрѣнію проекта.

Въ этомъ отношеніи прежде всего нельзя не обратить вниманія на то, что проектъ создаетъ совершенно новую систему наказаній, не имѣющую почти ничего общаго (кромѣ, быть можетъ, однихъ названій) съ нынѣ дѣйствующей и вовсе отъ нея отличную; устанавливается каторга на иныхъ началахъ, создаются исправительный домъ, тюрьма съ одиночнымъ заключеніемъ и обязательными работами, заточеніе,—а между тѣмъ необходимыхъ для этихъ наказаній мѣстъ заключенія вовсе не имѣется.—Существующія нынѣ мѣста заключенія: а) или существуютъ только на бумагѣ и вовсе непримѣнимы въ дѣйствительности, какъ напримѣръ каторжная работа съ нѣсколькими ея подраздѣленіями, которыхъ на самомъ дѣлѣ не имѣется,—рабочій домъ, б) или настолько недостаточны и переполнены, что въ силу необходимости приходится замѣнять другимъ родомъ наказаній, какъ напримѣръ, арестантскія отдѣленія тюрьмою,тюрьму розгами и т. п. и в), или, наконецъ, настолько неудовлетворительны, что вовсе не достигаютъ цѣли, каковое замѣчаніе одинаково примѣнимо ко всѣмъ родамъ наказаній. Подобное, весьма печальное положеніе равносильно почти совершенной ненаказуемости преступленій по степени ихъ важности. Суды приговариваютъ, напримѣръ, преступника въ каторжныя работы, а его оставляютъ въ особыхъ тюрьмахъ; приговоры суда относительно арестантскихъ отдѣленій замѣняются тюрьмою,—усиленные сроки заключенія въ тюрьмѣ взамѣнъ арестантскихъ отдѣленій сокращаются административнымъ вѣдомствомъ, приводящимъ судебный приговоръ въ исполненіе, и вслѣдствіе сего выходитъ такой абсурдъ, что, напримѣръ, убійца, грабитель и воръ подлежатъ въ дѣйствительности почти одинаковому наказанію, отбывая таковое въ одной и той же тюрьмѣ, съ незначительною лишь разницею, мѣсяца на 2 или 3, въ срокѣ заключенія.—Такимъ образомъ для примѣненія созданной проектомъ системы наказаній придется соорудить цѣлую сѣть совершенно новыхъ мѣстъ заключенія, удовлетворяющихъ тѣмъ условіямъ, которыя для нихъ преподаны, а для осуществленія сего потребуется и слишкомъ много еще времени, и не одинъ милліонъ, а быть можетъ и не одинъ десятокъ милліоновъ рублей.

Поэтому, если нынѣ же, одновременно съ проектомъ уложенія, не будутъ предприняты надлежащія мѣры къ выработкѣ и окончательному утвержденію надлежащихъ уставовъ всѣхъ вновь формулируемыхъ мѣстъ заключенія и если проектъ уложенія удостоится утвержденія и будетъ осуществленъ въ дѣйствіи раньше сооруженія всѣхъ упоминаемыхъ въ немъ мѣстъ заключенія, то вся установленная симъ проектомъ лѣстница наказаній, весьма прекрасная по мысли, останется таковою лишь на бумагѣ и вовсе непримѣнимою на дѣлѣ, а вслѣдъ затѣмъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе, явится надобность въ цѣломъ рядѣ указовъ и циркуляровъ о замѣнѣ однѣхъ

наказаній другими, однимъ словомъ придется вернуться къ той же полной почти безнаказанности и путаницѣ, которыя существуютъ и въ настоящее время и которыя, съ выходомъ въ свѣтъ новаго уложенія, будутъ еще болѣе ощутительны и очевидны, ибо тогда явится надобность въ пріуроченіи новыхъ наказаній по уложенію къ существующимъ нынѣ старымъ мѣстамъ заключенія.—Для предотвращенія такого печальнаго порядка вещей, при которомъ цѣлый отдѣлъ проекта о *наказаніяхъ*, о замѣнѣ и смягченіи таковыхъ, о назначеніи наказанія по степени виновности, по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ преступленіе, при совокупности, повтореніи и т. д. остались бы мертвою буквою, безусловно необходимо: 1) нынѣ же на ряду съ работами по составленію проекта уложенія приступить къ составленію уставовъ для каждаго рода наказанія въ отдѣльности, придерживаясь тѣхъ совершенно вѣрныхъ главныхъ началъ, которыя въ отношеніи этихъ наказаній указаны въ объяснительный запискѣ; 2) тотчасъ по утвержденіи въ законодательномъ порядкѣ сихъ уставовъ приступить къ сооруженію всѣхъ мѣстъ заключенія; 3) настоящій проектъ уложенія по утвержденіи ввести въ дѣйствіе не раньше, какъ послѣ сооруженія достаточнаго числа нужныхъ мѣстъ заключенія, ибо никакой законъ немыслимъ безъ возможности практическаго его осуществленія.

Съ другой стороны утвержденіе проекта уложенія о наказаніяхъ должно повлечь за собою измѣненіе во многомъ нѣкоторыхъ законоположеній устава уголовнаго судопроизводства, на что сдѣланы были указанія въ объяснительной запискѣ Редакціонной Коммисіи, а потому и для устраненія противорѣчій въ примѣненіи обоихъ этихъ законодательныхъ актовъ необходимо нынѣ же возбудить вопросъ о согласованіи устава уголовнаго судопроизводства съ новымъ уложеніемъ, съ тѣмъ, чтобы вызываемыя симъ уложеніемъ измѣненія послѣдовали одновременно съ утвержденіемъ проекта уложенія.

Прокуроръ Орловскаго Окружнаго Суда Хрулевъ высказываетъ слѣдующія общія соображенія: развитіе права, какъ естественнаго продукта общественной жизни, обусловливается взаимодѣйствіемъ двухъ элементовъ: прогрессивнаго и консервативнаго. Однимъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ прогрессивнаго движенія права является постоянно развивающаяся юридическая наука. Законъ не можетъ упускать изъ виду этого поступательнаго движенія юридической мысли и такъ или иначе долженъ считаться съ постоянно появляющимися научными работами. Но задача закона, въ особен-

ности въ области уголовнаго права, не исчерпывается этимъ. Онъ имѣетъ дѣло не съ сухими формулами, а съ живою дѣйствительностью, съ ея многообразными и настоятельными требованіями, съ ея разносторонними стремленіями и идеалами. Законъ долженъ соображаться съ этими явленіями. Разладъ въ этой сферѣ между доктриною и практикою кромѣ того, что тягостно отзывается на обществѣ, умаляетъ значеніе закона. Право уголовное, по существу образующихъ его факторовъ, имѣетъ двойственную природу. Какъ составные его элементы въ него входятъ съ одной стороны истины общія, коренящіяся въ самой природѣ человѣка, тѣ истины, которыя могутъ имѣть одинаковое приложеніе ко всякому обществу во всякомъ его состояніи и во всякое время. Съ другой стороны элементами его являются истины, обусловленныя временемъ и мѣстомъ, имѣющія примѣненіе только къ извѣстному опредѣленному народу, при извѣстномъ его нравственномъ и политическомъ развитіи и въ извѣстный моментъ его существованія. Гармоническое согласованіе этихъ двухъ началъ, постояннаго и измѣнчиваго, составляетъ задачу уголовнаго закона. При существованіи судовъ присяжныхъ практическое значеніе всякаго закона, находящагося въ противорѣчіи съ чувствомъ справедливости и понятіемъ народа о правѣ, можетъ быть сведено къ отрицательной величинѣ. Въ западно-европейской практикѣ можно найти не мало случаевъ, когда тѣ или другія законоположенія, санкціонированныя наказаніями и не гармонировавшія съ нравственнымъ чувствомъ общества, оставались безъ всякаго примѣненія, благодаря систематически повторявшимся оправдательнымъ приговорамъ. Да не за долгое время существованія у насъ суда присяжныхъ такіе случаи можно найти и въ нашей практикѣ. Такимъ образомъ, уголовный законъ долженъ находиться въ тѣсной и неразрывной связи съ реальными условіями общественной жизни, регулировать проявленія которой онъ имѣетъ въ виду. Вслѣдствіе этого всякая законодательная работа,—будетъ ли она относиться къ отдѣльному частному вопросу или захватывать обширную группу такихъ вопросовъ, цѣлую систему права, должна отвѣчать двумъ условіямъ, соотвѣтственно которымъ критика можетъ поставить ей два вопроса: 1) насколько она отвѣчаетъ тѣмъ общимъ началамъ правды, которыя выработаны юридическою мыслью человѣчества, и 2) насколько она находится въ согласіи съ тѣми измѣняющимися условіями народной жизни, которыми обусловливается примѣненіе тѣхъ или другихъ регулирующихъ началъ. Первый вопросъ подлежитъ обсужденію людей науки, при разрѣшеніи втораго должны быть спрошены практики. Практикъ имѣетъ дѣло съ примѣненіемъ законодательной нормы къ дѣйствительной жизни и ему болѣе, чѣмъ кому либо, можетъ быть замѣтно то несоотвѣтствіе между нормою и жизнью, о которомъ только что упомянуто и которое нерѣдко ставитъ его въ

необходимость тяжелаго выбора между требованіями совѣсти и велѣніемъ закона.

Оставляя поэтому обсужденію спеціалистовъ научную сторону настоящаго проекта, г. Хрулевъ, предлагая свои замѣчанія, имѣетъ въ виду преимущественно его практическую сторону, примѣнимость тѣхъ или другихъ его положеній къ требованіямъ жизни. Конечно, въ дѣйствительности невозможно провести границу между этими двумя точками зрѣнія. Теорія и практика находятся между собою въ такомъ взаимодѣйствіи, что абсолютное раздѣленіе ихъ невозможно. Сдѣланнымъ указаніемъ онъ только желалъ-бы опредѣлить направленіе своихъ замѣчаній и установить ту точку зрѣнія, съ которой онъ преимущественно относится къ разсматриваемымъ вопросамъ.

Составленный Редакціонною Коммисіею проектъ уложенія о наказаніяхъ представляетъ собою такой серіозный и глубоко задуманный трудъ, что, приступая къ его обсужденію, нельзя не сознавать недостаточности необходимыхъ для того условій. Обширность области, подлежащей разсмотрѣнію, въ связи съ важностью разбираемыхъ ею вопросовъ, и срочность работы, въ связи съ служебными занятіями, все это заставляетъ г. Хрулева ограничиться лишь нѣкоторыми замѣчаніями, не задаваясь мыслью представить полную оцѣнку этаго капитальнаго законодательнаго труда.

Но прежде чѣмъ перейти къ детальному разбору тѣхъ или другихъ его положеній съ указанной точки зрѣнія, онъ находитъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ разбираемаго проекта.

Проектъ совершенно отрѣшается отъ нынѣ дѣйствующаго нашего законодательства и имѣетъ въ виду замѣнить собою какъ уложеніе о наказаніяхъ, такъ и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Образцами и руководителями его были новѣйшіе западно-европейскіе кодексы: венгерскій, германскій, голландскій, бельгійскій и другіе. Иностранные кодексы, представляя собою сводъ всѣхъ выработанныхъ современною юридическою наукою положеній, могутъ служить богатымъ матеріаломъ для законодательной работы. Ни одинъ законодатель не можетъ, безъ ущерба для дѣла, игнорировать эти драгоцѣнные памятники, въ которыхъ выразился юридическій геній наиболѣе цивилизованныхъ народовъ. Но иностранные кодексы, какъ бы они ни были совершенны, не могутъ быть единственнымъ матеріаломъ въ рукахъ законодателя. Законодатель не можетъ отрѣшиться отъ той почвы, на которой будетъ стоять примѣнитель создаваемаго имъ закона.

Задача г. Хрулева состояла, по мнѣнію его, въ томъ, чтобы отмѣтить тѣ положенія проекта, которыя, въ силу тѣхъ или другихъ условій, не могутъ быть примѣняемы и принятіе которыхъ привело бы не къ тѣмъ цѣлямъ, какія имѣлись въ виду составителями.

*

Дѣйствующее въ настоящее время уложеніе о наказаніяхъ, изданное въ 1845 году и подвергавшееся съ тѣхъ поръ лишь частичнымъ измѣненіямъ и исправленіямъ, давно уже обветшало во многихъ своихъ отдѣлахъ и настоятельно требовало кореннаго преобразованія. О недостаткахъ этого уложенія такъ много писалось и говорилось, что по этому вопросу составилась чуть не цѣлая литература. Но спрашивается, все ли въ немъ достойно однаго огульнаго осужденія и не имѣется ли въ немъ чего либо такого, что можетъ имѣть значеніе и примѣненіе въ настоящее время?

Въ своихъ замѣчаніяхъ г. Хрулевъ старается указать на тѣ положенія нашего настоящаго законодательства, которыя до сихъ поръ еще не устарѣли и которыя по свидѣтельству практики находятся въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями нашей соціальной жизни.

Наконецъ въ частности нельзя, по мнѣнію его, не отмѣтить и нѣкоторой непослѣдовательности въ примѣненіи началъ, касающихся вопроса о наказаніи, на что и обращено вниманіе въ замѣчаніяхъ.

Само собою разумѣется, что въ виду означенныхъ условій его работы, замѣчанія г. Хрулева являются односторонними: онъ указываетъ только на тѣ положенія, которыя, по его мнѣнію, подлежатъ измѣненію, не касаясь тѣхъ положеній, которыя такихъ измѣненій не требуютъ. Онъ не оцѣниваетъ далѣе достоинства нѣкоторыхъ замѣчательно выработанныхъ формулъ (напр. 1 ч. ст. 36), не говоритъ о необходимости оставить въ лѣстницѣ наказаній смертную казнь и вообще о своемъ желаніи видѣть постановленія проекта, противъ которыхъ имъ не представлено возраженій, въ прежней формѣ ихъ.

Чины Смоленской прокуратуры находятъ, что проектъ Редакціонной Комисіи отличается многими несомнѣнными достоинствами, ставящими его въ уровень какъ съ требованіями уголовной политики, такъ и съ теперешними условіями общественныхъ отношеній.

1) Нельзя сомнѣваться, что отмѣна сословныхъ различій въ примѣненіи къ наложенію и отбытію наказаній является лишь логическимъ послѣдствіемъ всѣхъ реформъ позднѣйшаго времени и вполнѣ соотвѣтствуетъ принципу равенства всѣхъ предъ закономъ.

2) Вторымъ несомнѣннымъ достоинствомъ проекта является простота его изложенія, отсутствіе той казуистичности и дробности въ различнаго рода опредѣленіяхъ, которыя, составляя характеристическую черту нынѣ дѣйствующаго уложенія, съ одной стороны стѣсняютъ судъ при примѣненіи закона, съ другой—дѣлаютъ весьма труднымъ его усвоеніе для общества.

Проектъ новаго уложенія составляетъ весьма важный шагъ къ сближенію закона съ обществомъ, что, конечно, имѣетъ громадное практическое значеніе.

3) Нельзя не видѣть важнаго достоинства новаго уложенія также и въ расширеніи предѣловъ самодѣятельности суда. Уголовное правосудіе, по самой своей сущности, требуетъ широкаго примѣненія принципа индивидуализаціи, возможности обсуждать каждый данный случай въ соотвѣтствіи съ различнаго рода условіями жизни, психическимъ состояніемъ преступника и другими данными, составляющими жизненную обстановку конкретнаго случая.

4) Немаловажнымъ преимуществомъ проекта слѣдуетъ признать также и отсутствіе замѣны наказаній за исключеніемъ чисто естественныхъ причинъ, лежащихъ въ личныхъ свойствахъ преступниковъ (полъ и возрастъ). Новое уложеніе предполагаетъ, какъ необходимое условіе своего примѣненія, что разныя категоріи вводимыхъ имъ мѣстъ заключенія будутъ существовать въ достаточномъ числѣ, такъ что не придется предусматривать замѣну однихъ наказаній другими за недостаткомъ извѣстныхъ мѣстъ заключенія. Такое предположеніе вполнѣ допустимо, если принять во вниманіе, что проектъ вводитъ весьма простую систему наказаній, ненуждающуюся въ существованіи многихъ типовъ мѣстъ заключенія. Въ настоящее время, при одинаковости устройства почти всѣхъ мѣстъ заключенія, замѣна однихъ наказаній другими приводитъ на практикѣ нерѣдко къ усиленію наказанія.

Варшавскіе Присяжные Повѣренные замѣчаютъ, что потребность капитальной реформы уголовнаго уложенія живо сознается въ Царствѣ Польскомъ всѣми образованными и благомыслящими гражданами. Сознаніе это возникло и распространилось какъ вслѣдствіе многочисленныхъ общеизвѣстныхъ техническихъ несовершенствъ нынѣ дѣйствующаго уложенія, такъ и вслѣдствіе несоотвѣтствія сего уложенія состоянію нашей гражданственности. Это сознаніе не могло не явиться въ особенности потому, что, до введенія въ привислянскомъ краѣ уложенія 1847 г., составленнаго по образцу уложенія 1845 г. изданнаго для Имперіи, Царство Польское пользовалось особымъ уголовнымъ уложеніемъ, о которомъ слѣдуетъ упомянуть, какъ о замѣчательномъ историческомъ памятникѣ уголовнаго законодательства. Рѣчь идетъ объ уголовномъ кодексѣ, изданномъ для Царства Польскаго въ 1818 г. Это уложеніе было составлено по проекту, утвержденному Императоромъ Александромъ I, указавшимъ даже на источники для составленія сего кодекса, а именно на законодательства французское, австрійское и прусское. Проектъ кодекса, по одобреніи его народными представителями, былъ утвержденъ Императоромъ Александромъ I и введенъ въ дѣйствіе съ $^{11}/_{16}$ Іюля 1818 г.

Кодексъ 1818 г. прежде всего отличался относительною своею краткостью, онъ состоялъ всего изъ 588 статей, не погрѣшающихъ многорѣчіемъ и избыткомъ казуистики. Составители кодекса воспользовались указанными Монаршею Волею источниками, но притомъ, дѣйствуя самостоятельно и съ особенно заботливостью о примѣненіи отвлеченныхъ началъ къ условіямъ народнаго быта, они ввели въ новый кодексъ разныя постановленія, представлявшія важныя улучшенія въ сравненіи съ иностранными законодательствами, такъ что кодексъ 1818 г., особенно по сравненію съ прежними прусскими и австрійскими законами, имѣвшими въ Царствѣ до того времени обязательную силу, принадлежалъ къ числу лучшихъ современныхъ ему европейскихъ уложеній. Онъ носитъ, конечно, на себѣ слѣды своего времени: слѣдуетъ не рѣдко теоріи устрашенія, хотя и въ этомъ отношеніи заключаетъ въ себѣ болѣе угрозъ, чѣмъ жестокостей, онъ значительно ослаблялъ чрезмѣрную, иногда доходившую до безчеловѣчія, строгость дѣйствовавшихъ до него иностранныхъ законовъ. Кодексъ 1818 г. былъ строже прусскаго только относительно злоупотребленій чиновниковъ по службѣ и относительно кражи и поджигательства. Эта строгость была вызываема тогдашнею расшатанностью гражданскихъ отношеній послѣ раззорительныхъ войнъ и стремленіемъ къ искорененію этого зла, что и было въ значительной степени достигнуто. За то многія другія постановленія кодекса представляютъ собою примѣръ трезвыхъ философскихъ воззрѣній, мудрой умѣренности и осторожности въ выборѣ репрессивныхъ средствъ.

Хотя, по истеченіи шестидесяти пяти лѣтъ, многія постановленія кодекса 1818 г. устарѣли и хотя техническая сторона редакціи, въ настоящее время, можетъ быть значительно усовершенствована подъ вліяніемъ теоріи, однакоже кодексъ 1818 г. заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя, могущія быть весьма пригодными даже для ближайшаго будущаго, начала, которыя усвоены и проектомъ Редакціонной Коммисіи и составляютъ лучшее украшеніе этого проекта. Къ такимъ началамъ Варшавскіе Присяжные Повѣренные относятъ: 1) равенство гражданъ по отношенію къ наказанію: наказанія въ кодексѣ 1818 г. назначаются одинаковыя для всѣхъ сословій, различіе привилегированныхъ и непривилегированныхъ сословій введено въ Царствѣ Польскомъ въ уголовный законъ только указомъ $^{12}/_{24}$ Марта 1847 г., когда кодексъ 1818 г. былъ исправленъ, причемъ выражено желаніе, чтобъ «новые законы были, въ главныхъ основаніяхъ своихъ, по возможности сближены съ предначертанными для сей части законодательства въ Имперіи постановленіями» т. е. съ уложеніемъ 1845. (*) 2) Въ кодексѣ 1818 г. принято

(*) Въ какой степени кодексъ 1818 г. чуждался различій сословныхъ, это видно изъ того, что воры и поджигатели, ежели принадлежали къ числу лицъ, пользующихся политиче-

отчасти начало срочности ограниченія правъ при срочномъ лишеніи свободы. Заключеніе въ уголовной тюрьмѣ отъ 3 до 10 лѣтъ (соотвѣтствующее высшимъ степенямъ наказаній исправительныхъ и низшимъ степенямъ каторги, по уложенію 1847 и 1866 гг.), влечетъ за собою пріостановленіе политическихъ и гражданскихъ правъ *на время наказанія;* относительно же правъ политическихъ на время *не свыше двойнаго срока* противъ того, на который назначено было наказаніе (ст. 45), между тѣмъ какъ начало срочности ограниченія правъ въ законодательствѣ Имперіи встрѣчается въ первый разъ въ проектѣ Редакціонной Коммисіи. 3) Кодексу 1818 г. неизвѣстно начало общей конфискаціи имущества, а лица, подвергаемыя уголовнымъ наказаніямъ, подлежали до 1848 г. лишь законному прещенію, не лишаясь своего имущества, и были только въ распоряженіи онымъ ограничены опекунскимъ управленіемъ на законномъ основаніи (ст. 21—25 гр. кодекса 1825 г.).

Кодексъ 1818 г. имѣлъ обязательную силу въ продолженіи почти 30 лѣтъ и обезпечивалъ надлежащимъ образомъ имущественную безопасность и спокойствіе жителей. Населеніе Царства вспоминаетъ о немъ съ благодарностью особенно потому, что этому закону была чужда ссылка въ отдаленныя мѣстности, которая тамъ признается наказаніемъ для общества нежелательнымъ, для приговоренныхъ же чрезвычайно обременительнымъ и гибельнымъ.

Усматривая въ проектѣ Редакціонной Коммисіи осуществленіе нѣкоторыхъ началъ, признаваемыхъ въ Царствѣ Польскомъ справедливыми и гуманными, Варшавскіе Присяжные Повѣренные встрѣчаютъ этотъ проектъ съ сочувствіемъ и уваженіемъ въ той надеждѣ, что при послѣдовательномъ, дальнѣйшемъ развитіи этихъ раціональныхъ началъ, новый законъ устранитъ на будущее время тяжелыя ощущенія, пережитыя минувшимъ и настоящимъ поколѣніями.

Независимо отъ сего они считаютъ долгомъ заявить, что, по ихъ убѣжденію, трудъ Редакціонной Коммисіи долженъ принести дѣйствительную пользу обществу, для котораго онъ назначается.—Раціональное разрѣшеніе многихъ теоретическихъ вопросовъ, улучшеніе системы, значительное сокращеніе опредѣленій закона, должны выгодно отразиться на отправленіи правосудія, сообщить ему болѣе основательности и послѣдовательности, развить уваженіе къ закону. Выгоды новыхъ постановленій не ограничатся одними теоретическими улучшеніями. Уже предполагаемое ограниченіе ссылки на поселеніе и принятіе начала срочности правопораженій принесутъ

сими правами и имѣли почетные знаки отличія, подвергались позорнымъ наказаніямъ, наравнѣ съ другими (ст. 219,227).

несомнѣнно весьма значительную пользу. Въ этомъ отношеніи для дѣйствительной пользы общества желательно, чтобы новое уложеніе далѣе развило начала, принятыя Коммисіею. Для общества мѣриломъ совершенства уголовнаго закона служитъ система наказаній, которая имѣетъ наиболѣе вліянія на жизнь общественную и должна не только ограждать ея безопасность и правильность, но и стремиться къ осуществленію высшихъ нравственныхъ цѣлей государства.

Въ наше время необходимы законы не только для блага общества, какъ одного цѣлаго, но и для блага его членовъ, даже провинившихся, законы не только карательные, но и цѣлительные, стремящіеся къ перевоспитанію павшихъ, къ нравственному развитію и усовершенствованію всего общественнаго организма.

Въ области уголовнаго законодательства, въ этомъ отношеніи, представляются особенно желательными и необходимыми: 1-е отмѣна ссылки, какъ наказанія самостоятельнаго и дополнительнаго къ каторгѣ, и 2-е раціональное преобразованіе тюремнаго устройства.—Безъ этихъ двухъ условій дѣйствительная цѣль реформы уголовнаго законодательства не можетъ быть достигнута. Первое изъ нихъ можетъ быть достигнуто одною волею закона, для втораго необходимо участіе самого общества. Варшавскіе Присяжные Повѣренные питаютъ надежду, что сія послѣдняя цѣль—раціональное и плодотворное для нравственности тюремное устройство—будетъ достигнута правительствомъ, при искреннемъ и дружномъ содѣйствіи всѣхъ равноправныхъ членовъ общества, стремящихся къ его благу, посредствомъ удовлетворенія законныхъ его интересовъ.

Въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры докладчикъ г. Кичинъ заявилъ, что раздѣляетъ вполнѣ тѣ соображенія, по которымъ составителями проекта устранены: 1) примѣненіе уголовнаго закона по аналогіи (ст. 151 улож. 1866 г.), противорѣчащее 1 п. 771 ст. Уст. Угол. Судопр. и несогласное съ основными началами уголовнаго права; 2) нынѣ дѣйствующія произвольныя и не имѣющія практическаго значенія дѣленія наказаній на уголовныя и исправительныя и т. д., и 3) рядъ наказаній, не имѣющихъ научнаго и практическаго значенія и сообщающихъ нынѣ существующей лѣстницѣ наказаній крайнюю сложность, запутанность и неустойчивость.

По мнѣнію Предсѣдателя и Членовъ Томскаго Губернскаго Суда, проектъ составленъ безъ такихъ неудобствъ или неясностей, которыя могли бы представить какое либо затрудненіе при практическомъ его примѣненіи; вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ не противорѣчитъ какъ началамъ науки уголовнаго

права, такъ и требованіямъ и условіямъ жизни народа, на который можетъ распространиться дѣйствіе этого уложенія.

Томскій Губернскій Прокуроръ Соинъ находитъ проектъ всесторонне разработаннымъ, составленнымъ возможно полно и примѣнительно къ настоящимъ условіямъ общественной жизни Россіи.

Чины Радомскаго Окружнаго Суда привѣтствуютъ систему, духъ и и общія высокогуманныя начала, принятыя въ проектѣ и могущія безспорно поставить наше будущее уложеніе о наказаніяхъ вполнѣ на уровень современной цивилизаціи вообще и современной науки уголовнаго права въ частности.

По мнѣнію Предсѣдателя Кутаисскаго Окружнаго Суда Кайтмазова, проектъ общей части уголовнаго уложенія безусловно стоитъ на высотѣ выработанныхъ современною наукою началъ уголовнаго права.

Признавая въ общемъ проектъ вполнѣ отвѣчающимъ всѣмъ требованіямъ современнаго человѣчества, какъ проникнутый началами гуманности и ставящій наказаннаго преступника не въ положеніе отвергнутаго парія, а напротивъ указывающій ему дорогу къ возвращенію себѣ прежняго положенія въ обществѣ и добраго имени, Екатеринославскій Окружный Судъ вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что и на практикѣ большая часть статей проекта не только не породитъ какихъ либо неудобствъ, а напротивъ, такъ сказать, развяжетъ руки по многимъ вопросамъ, которые нынѣ разрѣшаются весьма разнообразно, смотря по тому, придерживаться ли общаго смысла закона или же подчиняться безусловно кассаціонной практикѣ, не всегда выдерживающей единство и точность въ своихъ рѣшеніяхъ.

Проектъ въ общемъ его видѣ вызываетъ полное сочувствіе и одобреніе Бакинскаго Окружнаго Суда, такъ какъ трудъ Редакціонной Коммисіи безспорно займетъ одну изъ лучшихъ страницъ въ законодательныхъ работахъ настоящаго времени.

По отзыву Члена Сумскаго Окружнаго Суда Лихтенштадта, проектомъ общей части уложенія о наказаніяхъ Редакціонная Коммисія заслужила, безъ сомнѣнія, такую же благодарность, какая выпала на долю составителей судебныхъ уставовъ 20 Ноября 1864 г. Уничтоженіе различія между наказаніями для лицъ привиллегированныхъ и непривиллегированныхъ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній, исключеніе изъ числа наказаній конфискаціи всего имущества и церковнаго покаянія, установленіе момента, когда преступнику забывается его прошлое, допущеніе условнаго досрочнаго освобожденія изъ мѣстъ заключенія—вотъ столько шаговъ впередъ по пути къ разумному и гуманному устройству карательной дѣятельности государства, вотъ столько маяковъ, которые будутъ освѣщать путь законодателя при составленіи особенной части уложенія. Но, сохранивъ смертную казнь, вопреки своему убѣжденію, что Россія могла бы вычеркнуть ее вовсе изъ списка уголовныхъ наказаній, налагаемыхъ по общимъ законамъ, Коммисія не избѣгнетъ упрека въ томъ, что она относительно этого столь важнаго и едва ли не важнѣйшаго въ уголовномъ кодексѣ вопроса, не исполнила своей обязанности — начертать проектъ по своему научному убѣжденію и по крайнему разумѣнію положенія и потребностей отечества, а не взваливать бремя иниціативы въ вопросѣ такой важности на Государственный Совѣтъ, который и безъ того можетъ измѣнить все предположенное Коммисіей.

Къ этому г. Лихтенштадтъ присовокупляетъ, что каковы бы ни были недостатки проекта,—вышеупомянутыя достоинства, къ которымъ онъ прибавляетъ еще краткость и незапутанность изложенія—64 статьи вмѣсто 175 дѣйствующаго уложенія—вполнѣ выкупаютъ ихъ и составляютъ для Коммисіи «памятникъ нерукотворный».

Членъ Стародубскаго Окружнаго Суда Борцовъ замѣчаетъ, что уложеніе о наказаніяхъ, въ новомъ его видѣ, должно быть руководствомъ какъ для примѣненія наказаній общими судебными установленіями, такъ и мировыми судьями, ибо выдѣленіе устава о наказаніяхъ въ 1864 г. состоялось, какъ надо полагать, по необходимости вслѣдствіе того, что уложеніе о наказаніяхъ не могло быть измѣнено совершенно сообразно требованіямъ времени и судебнымъ уставамъ, утвержденнымъ 20 Ноября 1864 г. Насколько долженъ быть измѣненъ уставъ о наказаніяхъ, нал. мир. судьями, въ особенной его части, это вопросъ, подлежащій дальнѣйшему обсужденію Коммисіи.

Отдѣльно отъ уложенія, долженъ быть составленъ дисциплинарный уставъ за служебныя правонарушенія и сельскій судебный уставъ, необходи-

мость котораго чувствуется и народомъ, и всѣми тѣми, кто живетъ среди народа, такъ какъ волостные судьи до сего времени руководствуются болѣе вдохновеніемъ, чѣмъ судебнымъ уставомъ, составленнымъ для селеній государственныхъ крестьянъ чуть ли не 50 лѣтъ назадъ; между тѣмъ отношенія между сельскими жителями усложнились въ настоящее время настолько, что требуютъ регулированія положительнымъ закономъ, конечно, составленнымъ на основаніи практически примѣненныхъ соображеній. Настоятельность изданія сельскаго судебнаго устава явствуетъ изъ того, что угроза закона за самыя мелкія нарушенія сообразными маловажными взысканіями дѣйствуетъ на большинство благотворно, останавливая нарушителя на первыхъ его, еще скользкихъ шагахъ къ совершенію нарушенія, особенно въ средѣ еще достаточно добродушнаго сельскаго люда, чѣмъ уменьшаетъ контингентъ преступниковъ для будущаго. Насколько вредно отозвалось на простомъ народѣ наказаніе тюремнымъ заключеніемъ за маловажныя кражи—можно доказать фактами, которыхъ тысячи прошли подъ глазами тѣхъ, кому постоянно приходится сталкиваться съ народомъ.

Что касается до терминологіи, которую слѣдуетъ внести въ особенную часть уложенія, взамѣнъ принятой нынѣ какъ въ уставѣ о наказаніяхъ, такъ и въ уложеніи 1866 г., то вкратцѣ слѣдуетъ сказать, что выраженіе, употреблявшееся при назначеніи какихъ бы то ни было наказаній: «*не свыше*» слѣдуетъ вовсе исключить, какъ не имѣющее за собой ни исторической, ни практической подкладки. Законодательство должно опредѣлить или minimum и maximum, или же одинъ maximum кары, такъ какъ судья, какъ исполнитель закона, въ силу своего званія, не посмѣетъ преступить границу maximum'а; выраженіемъ же «*не свыше*» какъ бы предполагается остановить судью, чтобы онъ не превысилъ власти, предоставленной закономъ, и если оно идетъ послѣдовательно въ сотняхъ статей закона, какъ въ уставѣ о наказаніяхъ, налаг. мир. суд., то такое указаніе закона болѣе похоже на предупрежденіе судьѣ, нежели на предупрежденіе нарушителю, которому оно должно объяснить, что за такое то правонарушеніе назначается такое то наказаніе. По этому казалось бы болѣе цѣлесообразнымъ принять выраженіе «*до*» такъ напр.: арестъ «до» одного мѣсяца, денежная пеня до 100 р. и т. д.

Какъ бы ни мелочно показалось это возраженіе противъ редакціи закона въ данномъ случаѣ, но слѣдуетъ помнить, что законъ долженъ выражаться опредѣленно и такъ, чтобы между строкъ закона нельзя было читать, когда нѣтъ на то подлежащихъ въ немъ самомъ указаній, что законъ, угрожая наказаніемъ, въ то же время произноситъ свою угрозу въ какой-то мягкой, неизвѣстно къ кому относящейся, формѣ смягченія. Равнымъ образомъ выраженіе: «наказаніе . . . . . *можетъ быть* увеличено», не должно

имѣть мѣста по тѣмъ доводамъ, которые указаны ниже въ замѣчаніяхъ г. Борщова на ст. 54, 55 и 58 улож.

Частный повѣренный Бакинскаго Окружнюмъ Судѣ фонъ - Велькъ указываетъ, что изъ объясненій Редакціонной Коммисіи къ проекту уложенія о наказаніяхъ видно, что Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 11 Декабря 1879 г., преподавая основныя начала для преобразованія уголовнаго законодательства, объяснило вмѣстѣ съ тѣмъ, что этимъ не предрѣшаются подробности лѣстницы наказаній.—Редакціонная Коммисія сама нашла возможнымъ выйти за предѣлы указаннаго мнѣнія Государственнаго Совѣта. По этому онъ полагаетъ, что если рѣчь идетъ о преобразованіи уголовнаго законодательства для русскаго государства, то желательно вопросъ преобразованія обсудить вообще съ научной точки, не стѣсняясь существующимъ положительнымъ законодательствомъ и руководившими оное взглядами прошедшаго времени. Чтобы пріобрѣсти такое твердое научное начало, онъ полагаетъ необходимымъ прежде всего намѣтить предложенные новому уложенію цѣль, задачу и способы.—Необходимо указать, что и для чего должно охраняться новымъ уложеніемъ?

Начертаніе уложенія о наказаніяхъ для нашей Имперіи составляетъ задачу несравненно болѣе сложную, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, потому что Россійская Имперія составляетъ единое неразрывное въ пространствѣ цѣлое вмѣстѣ съ своими колоніями, т. е. не русскими, не европейскими провинціями,—заселенное нескончаемымъ различіемъ племенъ и вѣроисповѣданій, стоящихъ на всѣхъ ступеняхъ развитія.—Этого нѣтъ въ другихъ европейскихъ государствахъ!

Охраняться должно въ государствѣ все подлежащее охранѣ вездѣ одинаково въ сущности, но, чтобы способы этой охраны были справедливы, нельзя вездѣ къ каждому племени примѣнять одинъ и тотъ-же видъ охраны.

Что въ одномъ особьи, принадлежащемъ къ данному племени и вѣроисповѣданію, можетъ составлять субъективно злую волю, требующую строгаго преслѣдованія, можетъ относительно другаго особья изъ совершенно другаго племени и вѣроисповѣданія составлять лишь зло, которое нужно устранять, но которое нельзя преслѣдовать, какъ суебъективную злую волю.

Необходимо разрѣшить, можетъ-ли государство имѣть относительно каждаго особья больше правъ, чѣмъ каждое особье, тогда какъ наукою признается вообще только равноправность по суду, какъ основаніе справедливости,—а если государство въ исключительныхъ случаяхъ можетъ имѣть больше правъ, чѣмъ каждое особье, то необходимо указать, въ какихъ именно

случаяхъ? Безъ теоретической обработки этихъ основаній едва ли возможно будетъ составить послѣдовательное и цѣлесообразное уложеніе, которое наказывало-бы всѣ нарушенія правъ, подлежащихъ охранѣ государствомъ, но которое не стѣсняло-бы излишне движеній каждаго гражданина, отъ чего уменьшается его полезная трудоспособность.

По замѣчанію Предсѣдателя Казанскаго Окружнаго Суда Грасса, Члена того же Суда Дьяченко и Присяжнаго Повѣреннаго Степанова, проектъ уложенія о наказаніяхъ, составленный Редакціонной Коммисіей, несомнѣнно составляетъ собою образцовый законодательный трудъ—это послѣднее слово науки уголовнаго права, примѣненное къ русской народной жизни; это строго выработанные итоги науки права, согласованные съ историческимъ развитіемъ нашего отечественнаго законодательства и требованіями культурнаго развитія русскаго народа. Общій духъ человѣчности, проведенный въ проектѣ, какъ нельзя болѣе согласуется съ издревле присущимъ русскому человѣку чувствомъ милосердія, чувствомъ сердечной жалости ко всему караемому. Только гуманный, только справедливо милосердный карательный законъ можетъ быть популяренъ среди русскаго народа, народа нетерпящаго месть и легальную жестокость.

Составители проекта ясно сознавали, что приговоръ, исходящій отъ имени Императорскаго Величества, не долженъ заключать въ себѣ чего либо жестокаго, превышающаго общія человѣческія права одного человѣка въ отношеніи другаго, и, подъ вліяніемъ подобнаго сознанія, начертали общія начала уголовной отвѣтственности, только исходя изъ идеи безусловной справедливости. Стремленіе проекта къ наибольшему развитію системы исправительной также вполнѣ согласуется съ поступательнымъ развитіемъ нашей народной жизни, оно несомнѣнно будетъ плодотворно при улучшеніи нашихъ тюремныхъ учрежденій; расширяя до возможныхъ предѣловъ просторъ суда въ примѣненіи наказаній и въ опредѣленіи виновности, проектъ принесетъ осязаемую практическую пользу на дѣлѣ. Краткость и ясность изложенія проекта дополняютъ собою его внутреннія качества.

Что касается принятаго Редакціонною Коммисіею названія «уложеніе о наказаніяхъ», то оно, по мнѣнію названныхъ лицъ, представляется недостаточно точнымъ и недостаточно правильнымъ. Въ проектѣ своемъ редакторы весьма основательно отличаютъ уголовныя наказанія отъ наказаній, налагае-

мыхъ въ порядкѣ суда дисциплинарнаго и церковнаго. При такихъ условіяхъ, названіе: «уложеніе о наказаніяхъ» безъ опредѣленія рода самыхъ наказаній, составляющихъ предметъ уложенія, является неточнымъ и во всякомъ случаѣ менѣе опредѣлительнымъ, чѣмъ названіе, которое носитъ дѣйствующее уложеніе.

Сомнительно также, существуютъ ли достаточныя основанія къ тому, чтобы назвать уголовный кодексъ уложеніемъ о наказаніяхъ. Правильное названіе должно отвѣчать содержанію называемаго предмета; содержаніемъ же уголовныхъ законовъ являются не только наказанія, но и преступленія. Поэтому, если бы представлялась необходимость составить для совокупности уголовныхъ законовъ имя изъ означеній отдѣльныхъ предметовъ ихъ содержанія, то такому требованію отвѣчало бы несомнѣнно названіе: «уложеніе о преступленіяхъ и наказаніяхъ». Въ такомъ описательномъ названіи не представляется однакоже надобности, такъ какъ для означенія систематической совокупности уголовныхъ законовъ можно подыскать другое названіе, болѣе краткое, простое и отвѣчающее требованіямъ техники. Такимъ названіемъ представляется названіе «уголовнаго уложенія». Терминъ «уголовный» пользуется у насъ широкимъ правомъ гражданственности и въ литературѣ, и въ судебной практикѣ, и въ разговорномъ языкѣ; значеніе его внѣ всякой неясности; по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ закону выраженіе «уголовный» не означаетъ ничего, кромѣ закона, опредѣляющаго преступленія и наказанія, такъ что названіе уложенія «уголовнымъ» будетъ вполнѣ точно опредѣлять содержаніе уложенія, какъ совокупности законовъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ.

Гг. Грассъ, Дьяченко и Степановъ находятъ далѣе, что какъ въ группировкѣ матеріала по главамъ, такъ и въ изложеніи содержанія отдѣльныхъ главъ проекта, не всегда виденъ строго опредѣленный порядокъ. Для убѣжденія въ этомъ достаточно, по ихъ мнѣнію, взглянуть на послѣдовательность главъ: гл. I. общія положенія, гл. II. пространство дѣйствія уложенія, гл. III. наказанія, гл. IV. условія вмѣненія и преступности, гл. V. виды виновности, гл. VI. замѣна и смягченіе наказаній, гл. VII. совокупность и повтореніе, гл. VIII. обстоятельства, устраняющія наказуемость. Едва ли можно сомнѣваться, что, напр. VI гл. о замѣнѣ и смягченіи наказаній не имѣетъ ничего общаго ни съ предшествующей ей главой о видахъ виновности, ни со слѣдующей за нею главою о совокупности и повтореніи; что гл. III, VI и VIII, говорящія о наказаніи, о замѣнѣ и смягченіи наказанія и объ обстоятельствахъ, устраняющихъ наказуемость, суть части одного общаго ученія о наказаніи и что посему было бы выполненіемъ строгой послѣдовательности, еслибы эти главы были отдѣлены отъ главъ, относящихся къ предмету

преступленій, и изложены непосредственно другъ за другомъ. Не видно также основаній, почему опредѣленія о пространствѣ дѣйствія уложенія раздѣляютъ общія положенія о преступленіяхъ отъ другихъ главъ, касающихся внутренней и внѣшней стороны преступнаго дѣянія, и почему бы опредѣленія эти не могли быть помѣщены или въ началѣ кодекса, или въ концѣ его. Вообще проектируемое уложеніе отличалось бы большей стройностью и усвоялось бы легче, еслибы содержащіяся въ немъ опредѣленія были распредѣлены не по общепринятому въ европейскихъ кодексахъ шаблону, а раздѣлены, по внутреннему содержанію ихъ, на постановленія, касающіяся преступленій, на постановленія о наказаніяхъ и на опредѣленія о пространствѣ дѣйствія уложенія. Къ принятію такой группировки законовъ въ уложеніи врядъ ли могутъ встрѣтиться какія либо серьезныя затрудненія. И дѣйствительно изъ содержанія проекта Редакціонной Коммисіи видно, что постановленія о наказаніяхъ, содержащіяся въ III гл., не представляются необходимыми для изложенія слѣдующихъ за ними статей вплоть до VI гл. Изъ всѣхъ статей, содержащихся въ главахъ IV и V, только одна 38 ст. предполагаетъ извѣстность родовъ наказаній; но статья эта, говорящая о замѣнѣ наказаній для малолѣтнихъ отъ 10 до 17 лѣтъ, могла бы быть помѣщена въ VI гл. подъ рубрикою о замѣнѣ наказаній также удобно, какъ помѣщена подъ этою рубрикою 49 ст., говорящая о замѣнѣ наказаній для несовершеннолѣтнихъ отъ 17 до 21 года. Равнымъ образомъ и во II гл., посвященной опредѣленію пространства дѣйствія уложенія, не содержится ничего такого, что было бы сколько нибудь необходимо для изложенія или уразумѣнія содержанія послѣдующихъ главъ.

Но разъ, такимъ образомъ, опредѣленія о пространствѣ дѣйствія уложенія и о наказаніяхъ ничѣмъ не связаны съ послѣдующими до VI гл. постановленіями, и не предполагаются необходимыми для полноты и ясности изложенія и пониманія послѣднихъ,—не можетъ существовать основаній къ тому, чтобы удерживать гл. II и III на мѣстѣ, отведенномъ имъ проектомъ и чтобы не принять какой либо другой, болѣе послѣдовательный порядокъ распредѣленія статей уложенія. Желательнымъ представлялся бы напр. такой порядокъ: гл. I общія положенія (ст. 1 и 4), гл. II условія вмѣненія и преступности, гл. III виды виновности, гл. IV наказанія (ст. 2, 3, 13—35), гл. V замѣна и смягченіе наказаній, гл. VI совокупность и повтореніе (обстоятельства увеличивающія наказаніе) гл. VII обстоятельства, устраняющія наказуемость, гл. VIII пространство дѣйствія уложенія.

Въ заключеніе, необходимо замѣтить что нѣкоторыя статьи проекта не всегда умѣстно или даже правильно помѣщены подъ тою или другою рубрикою. Къ числу такихъ статей принадлежатъ: 1) ст. 2 и 3, говоря-

щія о родахъ главныхъ и дополнительныхъ наказаній; всего умѣстнѣе было бы помѣстить эти статьи подъ рубрикою о наказаніи, гдѣ онѣ въ большинствѣ уголовныхъ западно-европейскихъ законодательствъ дѣйствительно и помѣщаются; между тѣмъ въ проектѣ исчисленіе родовъ наказаній дѣлается въ разрывъ самой тѣсной связи между статьею, опредѣляющею законное понятіе преступнаго дѣянія и статьею, говорящею о видахъ послѣдняго; 2) ст. 38, помѣщенная въ главѣ объ условіяхъ вмѣненія и преступности, но въ дѣйствительности говорящая не объ этихъ условіяхъ, а о замѣнѣ наказаній для малолѣтнихъ отъ 10 до 17 лѣтъ; какъ замѣчено выше, статью эту было бы болѣе правильно помѣстить въ число статей, относящихся къ замѣнѣ наказаній; 3) ст. 44 и слѣд.; статьи эти помѣщены въ главѣ о видахъ виновности, съ которою, по содержанію своему, онѣ не имѣютъ однако ничего общаго; виновность, говоря словами Таганцева (Курсъ, вып. II, стр. 6) представляетъ одно изъ проявленій нашей воли; поэтому ученіе о ней входитъ въ ученіе о внутренней сторонѣ преступленія; между тѣмъ приготовленіе, покушеніе и проч. составляютъ предметъ ученія о внѣшней сторонѣ преступнаго дѣянія; выходитъ во всякомъ случаѣ, что приготовленіе, покушеніе и проч. не есть виды виновности; 4) ст. 63, говорящая о правѣ суда ходатайствовать предъ Императорскимъ Величествомъ о чрезвычайномъ смягченіи участи или помилованіи виновнаго; статья эта съ обстоятельствами, устраняющими наказуемость, подъ рубрикою о которыхъ она помѣщена, ничего общаго не имѣетъ и представляется совершенно излишнею въ уложеніи, разъ потому, что является процессуальнымъ правиломъ, два—потому, что не содержитъ въ себѣ ничего такого, что не было бы выражено въ 775 ст. 2 ч. XV т. уст. угол. судопр.

Курляндскій Губернскій Прокуроръ баронъ Майдель замѣчаетъ, что внимательное разсмотрѣніе проекта возбуждаетъ желаніе, чтобы, въ случаѣ превращенія его въ законъ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ составленъ, онъ повсемѣстно примѣнялся бы на практикѣ лицами къ тому подготовленными и въ особенности обладающими достаточными для того юридическими познаніями. Этого очевидно и ожидали составители проекта, какъ видно изъ встрѣчающихся въ Объясненіяхъ къ проекту указаній на юридическую литературу и практику, которымъ предоставляется пополнять и развивать нѣкоторыя изъ содержащихся въ проектѣ кратко изложенныхъ основныхъ положеній (въ особенности постановленія объ участіи). Въ связи съ этимъ состоитъ, кажется, предположеніе составителей проекта о томъ, что ко времени вступленія въ дѣйствіе новаго уложенія во всей Имперіи будутъ введены новыя судебныя учрежденія.

Такъ въ ст. 33 проекта говорится только объ окружномъ судѣ, но не упоминается о соотвѣтствующихъ ему учрежденіяхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ судебная часть еще не преобразована; въ ст. 23 сказано, что уплата денежной пени можетъ быть отсрочена, но не сказано кѣмъ, а между тѣмъ, судя по бывшимъ въ прежнее время случаямъ, тамъ, гдѣ еще не введены новыя судебныя учрежденія, по сему предмету могутъ возникать недоразумѣнія и пререканія между судебными и административными учрежденіями, на которыя возложено приведеніе въ исполненіе судебныхъ приговоровъ; въ объясненіяхъ къ главѣ восьмой говорится только объ уставѣ уголовнаго судопроизводства и о необходимости дополнить главу третью книги второй сего устава и т. д. Но опытъ доказываетъ, что не разъ уже возникали пререканія и недоразумѣнія вслѣдствіе того, что въ новыхъ общихъ для всей Имперіи законахъ не упоминалось о тѣхъ учрежденіяхъ, которыя обязаны исполнять постановленія закона въ частяхъ Имперіи, въ которыхъ не введены въ дѣйствіе судебные уставы 1864 г. — Поэтому въ проектѣ слѣдовало бы указать на соотвѣтствующія новымъ установленія стараго порядка.

Прокуроръ Харьковской Судебной Палаты Закревскій, ссылаясь на недостатокъ времени, какъ на причину краткости и неполноты представленныхъ имъ замѣчаній, высказываетъ, что еслибы прослѣдить шагъ за шагомъ за всѣмъ тѣмъ, что изложено Коммисіею въ проектѣ и въ объясненіяхъ ея, еслибы разобрать всѣ ея соображенія и провѣрить ея ссылки, то можно было бы возразить весьма многое.

Однако и при томъ разсмотрѣніи, которому онъ подвергъ трудъ Коммисіи, есть, по мнѣнію г. Закревскаго, возможность сказать, что еслибы проектъ ея обратился въ законъ, то онъ внесъ бы въ жизнь лишь незначительныя улучшенія сравнительно съ существующимъ. Одно существенное улучшеніе, конечно это—отмѣна различія въ наказаніяхъ для привилегированныхъ и непривилегированныхъ. Относительно же самаго важнаго въ проектѣ—наказаній, рода ихъ и способа исполненія, правила, предложенныя Коммисіею, безъ достаточнаго, повидимому, вниманія къ условіямъ русской дѣйствительности, не только не представляютъ шага впередъ, но, такъ сказать, усугубляютъ существующую запутанность. Спеціально же по вопросу о смертной казни едвали не слѣдовало бы лучше уяснить себѣ, для какой страны и для какого столѣтія проектируются законы.

Что же касается до такихъ правилъ, какъ распространеніе русскаго уголовнаго уложенія на весь обитаемый міръ (3 п. 7 ст.), какъ допущеніе

формальнаго, лишеннаго всякаго внутренняго содержанія, производства въ окружномъ судѣ на основаніи полицейскаго свидѣтельства о хорошемъ поведеніи (ст. 33), какъ допущеніе однихъ наказаній для мущинъ, а другихъ для женщинъ (ст. 51), какъ оставленіе въ силѣ системы поглощенія для всѣхъ преступныхъ дѣяній, совершенныхъ «до вступленія приговора въ законную силу», а не до произнесенія приговора (ст. 55), какъ исчисленіе въ одной и той же статьѣ сравнительной строгости наказанія по двумъ различнымъ системамъ (ст. 55), какъ значительное увеличеніе наказанія, даже каторги на нѣсколько лѣтъ, потому только, что не болѣе какъ за годъ передъ тѣмъ обвиняемый былъ приговоренъ къ штрафу, хотя бы въ 50 коп.,— то такія правила едва ли будутъ, по отзыву г. Закревскаго, служить доказательствомъ, что наше уголовное законодательство значительно двинулось впередъ.

Предсѣдатель Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Бартеневъ находитъ, что тѣ самыя условія, какія препятствуютъ въ большинствѣ случаевъ строго примѣнять статьи нынѣ дѣйствующаго уложенія, будутъ препятствовать и въ приведеніи въ дѣйствіе будущаго уложенія, но можно ожидать, что эти препятствія будутъ еще болѣе трудно преодолимы. Существующія у насъ нынѣ наказанія не примѣняются потому, что нѣтъ тѣхъ мѣстъ заключенія, куда, по уложенію, должны быть отданы лица приговоренныя,—результатомъ чего и слѣдовали одно за другимъ законоположенія о замѣнѣ одного наказанія другимъ. Если такое неправильное примѣненіе получаетъ уложеніе 1866 г., то еще болѣе препятствій будетъ при дѣйствіи настоящаго проекта съ установленіемъ новыхъ родовъ наказаній, условій примѣненія этихъ наказаній въ отдѣльности и многихъ другихъ подобныхъ причинъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя, по мнѣнію его, не обратить вниманія и на то, что весьма часто въ проектѣ, при обсужденіи какихъ либо началъ права, указывается на то, что въ виду установленія ихъ слѣдуетъ измѣнить и нѣкоторыя статьи устава уголовнаго судопроизводства и другіе законы, заключающіеся въ другихъ томахъ свода законовъ. Вполнѣ раздѣляя мысль, что такое измѣненіе законовъ неизбѣжно должно послѣдовать, въ случаѣ утвержденія сего проекта, г. Бартеневъ находилъ бы нужнымъ, чтобы всѣ эти измѣненія дѣлались уже теперь, одновременно съ составленіемъ новаго уложенія, такъ какъ всякая отсрочка такой работы будетъ имѣть послѣдствіемъ лишь замедленіе въ общей работѣ всего труда по пересмотру всѣхъ законовъ, относящихся до разсматриваемаго предмета, а равно можетъ послужить, по истеченіи нѣкотораго времени, къ измѣненію даже самаго проекта уложенія, въ виду тѣхъ возра-

женій, какія могутъ послѣдовать при редактированіи статей другихъ томовъ свода законовъ и согласованіи ихъ съ настоящимъ проектомъ.

Симферопольскій Окружный Судъ высказываетъ слѣдующія общія соображенія, вызываемыя разсмотрѣніемъ проекта:

1) Прежде всего слѣдуетъ указать на затруднительность представлять замѣчанія на многія основныя положенія общей части уложенія, не имѣя передъ собою постановленій особенной части его. Обсудить необходимость всѣхъ исчисленныхъ во 2 ст. проекта родовъ наказаній и цѣлесообразность установленныхъ въ 14—19 ст. способовъ отбыванія и самое значеніе ихъ, подать голосъ за тотъ или другой родъ наказанія и оцѣнить ихъ взаимное соотношеніе—представляется крайне затруднительнымъ въ виду совершенной неизвѣстности того, какимъ образомъ будетъ распредѣленъ между этими различными родами наказаній тотъ матеріалъ преступныхъ дѣяній, который составитъ предметъ особенной части уложенія. Эта трудность увеличивается еще въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣлается ссылка на совершенно неизвѣстныя постановленія особенной части, какъ наприм. въ ст. 8, 9, 11, 56, 61, 62, или когда упоминается объ особо установленныхъ въ особенной части и нынѣ неизвѣстныхъ случаяхъ, какъ напр. въ ст. 29, 31, 43, 44, 46, 48, 51. Необходимость этихъ ссылокъ или особыхъ случаевъ въ настоящее время не можетъ быть оцѣнена, такъ какъ и въ разсужденіяхъ Коммисіи часто не встрѣчается достаточнаго къ тому разъясненія. Къ этому слѣдуетъ добавить, что трудности оцѣнки установленныхъ проектомъ видовъ лишенія свободы не мало способствуетъ полное отсутствіе въ настоящее время въ дѣйствительности (а можетъ быть даже ко времени введенія въ дѣйствіе новаго уложенія) упоминаемыхъ въ проектѣ мѣстъ заключенія и полное несоотвѣтствіе ихъ существующимъ мѣстамъ заключенія.

2) Другое общее заключеніе, вызываемое проектомъ, относится къ неясности редакціи нѣкоторыхъ статей его. Постановленія положительнаго закона должны быть изложены настолько ясно и опредѣленно, чтобы быть совершенно понятными для каждаго, а между тѣмъ нѣкоторыя постановленія проекта, какъ напр. ст. 39, 43, 52, безъ объясненій Коммисіи представляются трудно понятными.

3) Нѣкоторыя постановленія проекта представляются излишними, не составляя такихъ положеній, которыя должны входить въ уголовный кодексъ; таковы постановленія ст. 11, посл. часть 35, 52, 63, 64, мѣсто которымъ принадлежитъ въ уст. угол. судопр., постановленія ст. 21, 22, 28 и отчасти 17 и 18, составляющія правила для тюремнаго управленія,

постановленія 32 ст. о порядкѣ отбытія полицейскаго надзора и постановленіе 48 ст. о сообществѣ.

Тотъ же Окружный Судъ признаетъ далѣе, что новый уголовный кодексъ, замѣняя собою какъ дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ, такъ и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, долженъ, подобно всѣмъ почти европейскимъ кодексамъ, получить названіе *уголовнаго уложенія*.

Чины прокуратуры Рыбинскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что достоинство всякаго кодекса безспорно заключается, во 1-хъ, въ возможной простотѣ и ясности въ опредѣленіяхъ тѣхъ основныхъ положеній, которыя проводятся въ жизнь даннымъ закономъ; во 2-хъ въ практичности или удобопримѣнимости даннаго законодательнаго положенія къ выработаннымъ самою жизнію понятіямъ о свойствѣ, характерѣ и цѣлесообразности даннаго требованія законодателя, и въ 3-хъ, въ систематичномъ распредѣленіи статей закона по соотвѣтственнымъ каждой изъ нихъ рубрикамъ, т. е. раздѣламъ и главамъ.

Въ уложеніи о наказаніяхъ—первыми, т. е. простотой и ясностью, достигается безошибочность въ установленіи юридическаго понятія о данномъ преступленіи, его родовыхъ и видовыхъ признакахъ; второю—усвоеніе закону значенія обязательной его силы въ народномъ сознаніи, помимо настоянія надъ тѣмъ правительственной власти, и третьимъ, т. е. систематичностью въ распредѣленіи статей—удобство при примѣненіи соотвѣтствующаго преступному дѣянію карающаго закона.

Насколько излишняя дробность и частность постановленій уложенія 1866 г., навязываемыя имъ нерѣдко народной жизни теоретическія воззрѣнія на свойства преступности даннаго дѣянія,—воззрѣнія несогласныя ни со степенью развитія народа, ни со степенью его сочувствія тому или другому взгляду законодателя, казуистичность и несистематичность распредѣленія статей по разнымъ раздѣламъ и главамъ, безъ строгаго сопоставленія содержанія статей съ заглавіемъ раздѣловъ и главъ, доказали свои невыгодныя послѣдствія, настолько предстоитъ опасаться того, что излишнею скупостью въ опредѣленіи основныхъ положеній, съ возложеніемъ большаго упованія на юридическое образованіе дѣятелей, по примѣненію къ жизни уложенія,—будущее уложеніе, судя по проекту общей части, способно будетъ вызвать на практикѣ недоразумѣнія при примѣненіи издаваемаго закона.

По мнѣнію Главнаго Военно-Морскаго Прокурора, проектъ, вообще не отличающійся редакціею, переполненъ выраженіями или оборотами, несвойственными правильной русской рѣчи. Если можно сказать (ст. 2): наказанія суть—каторга, заточеніе, поселеніе; то едва ли можно писать въ законѣ: наказанія суть исправительный домъ, тюрьма. Съ своей стороны Статсъ-Секретарь Яневичъ-Яневскій полагаетъ, что слѣдуетъ писать: заключеніе въ тюрьмѣ, заключеніе въ исправительномъ домѣ. Отъ этого проектъ нисколько не усложнится, ясность и точность его редакціи много выиграютъ. Выраженія (ст. 17, 18, 22, 26, 27, 28 и др): исправительный домъ назначается, тюрьма назначается, приговоренные къ исправительному дому, приговоренные къ тюрьмѣ (вмѣсто: заключеніе въ исправительномъ домѣ, приговоренные къ заключенію въ тюрьмѣ и т. д.) также неточны и странны. Еще болѣе странно читать (ст. 56 п. 2): продлить тюрьму, продлить исправительный домъ; а такія сокращенія, какъ (ст. 49) отъ семнадцати до двадцати одного года—прямо грѣшатъ противъ грамматики. Языкъ закона, конечно, не долженъ быть растянутъ и многословенъ, но и излишняя сжатость и краткость, въ ущербъ точности и правильности рѣчи, столь же мало его достойны.

Чины Пермской прокуратуры высказываютъ въ видѣ общаго замѣчанія, что проектъ 1-го раздѣла уложенія, отличаясь въ большинствѣ своихъ постановленій чисто теоретическими опредѣленіями, изложенными слишкомъ научнымъ языкомъ, болѣе соотвѣтствуетъ конспекту къ курсу уголовнаго права или къ объяснительной запискѣ въ данномъ случаѣ, безъ которой конспектъ этотъ никакъ не можетъ быть усвоенъ, чѣмъ общей части уголовнаго кодекса, постановленія котораго должны быть понятны для всякаго. Поэтому названные чины находили бы желательнымъ, чтобы въ работахъ по составленію уложенія приняли участіе не только теоретики, но и практики.

Разсматривая проектъ съ точки зрѣнія его практической удобоисполнимости, чины Ярославской прокуратуры находятъ, что онъ требуетъ многихъ поправокъ и измѣненій, такъ какъ хотя онъ и представляетъ въ сравнительно немногихъ статьяхъ пространныя положенія прежняго уложенія о наказаніяхъ, онъ однако не отличается желательною ясностью и точностью редакціи, такъ что во многихъ случаяхъ приходится только догадываться о желаніи законодателя, причемъ и чтеніе объяснительной записки не всегда уясняетъ способъ примѣненія закона. Сами составители во многихъ случаяхъ должны были прибѣгать къ примѣрамъ, путемъ которыхъ только и уясняли смыслъ издаваемаго положенія, сознавая вѣроятно, что всѣ теоретическія

ихъ разсужденія и общія объясненія не приводили къ желанной цѣли. Если же подобное затрудненіе при пониманіи новаго закона встрѣчается въ настоящее время, при совмѣстномъ его обсужденіи, въ связи съ чтеніемъ объяснительной записки у лицъ знакомыхъ, какъ съ практикою, такъ отчасти и съ теоріею права, то спрашивается, чего же нужно ожидать въ будущемъ безъ этой справки съ источникомъ, при примѣненіи новаго закона не юристомъ, или малоопытнымъ практикомъ? Въ общемъ новый законъ производитъ впечатлѣніе, какъ будто Коммисія при составленіи его болѣе стремилась къ краткости и сжатости изложенія, чѣмъ къ ясности и категорической удобопонятности терминологіи,—почему не удивительно, что отъ самой редакціи приходится желать еще многаго. Недостатокъ этотъ, по мнѣнію чиновъ Ярославской прокуратуры, слишкомъ очевиденъ для того, чтобы распространяться о немъ подробнѣе.

По отзыву чиновъ Самарской прокуратуры, многія статьи проекта представляются мало удобопонятными даже для лицъ, привыкшихъ къ юридической терминологіи. Эта неудопонятность окажется особенно вредной въ виду того, что примѣнять уложеніе будутъ и не юристы—мировые судьи, мнѣнія которыхъ, къ тому же, при обсужденіи уложенія вовсе не будутъ имѣться въ виду. Непонятность, неясность статей проекта происходитъ, впрочемъ, не только отъ употребленія краткихъ юридическихъ терминовъ, замѣняющихъ иногда цѣлыя выраженія, но и отъ самаго слога, отчасти напоминающаго слогъ германскихъ законоположеній, отчасти изобилующаго старинными выраженіями, въ родѣ «буде же сіе содѣянное».

Въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества останавливаясь, прежде всего, на предположеніи Редакціонной Коммисіи озаглавить овый кодексъ: «уложеніе о наказаніяхъ», В. Д. Спасовичъ замѣтилъ, что такое сокращеніе заглавія отмѣняемаго кодекса, врядъ ли можетъ быть признано удачнымъ. Уложеніе не содержитъ въ себѣ узаконеній о всѣхъ вообще карательныхъ мѣрахъ, разбросанныхъ по различнымъ уставамъ, какъ напримѣръ воинскому, уст. о пред. и пресѣч. преступ., дисциплинарному и т. д. Это соображеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ ст. 1 проекта, на основаніи которой: «никто не можетъ быть приговоренъ къ наказанію, симъ уложеніемъ неустановленному». Болѣе соотвѣтственнымъ было бы назвать проектъ «уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ», или еще точнѣе, такъ какъ наказаніе есть только послѣдствіе преступленія, «уложеніе о преступленіяхъ и наказаніяхъ уголовныхъ». Въ видахъ же сокращенія этого

послѣдняго длиннаго названія, правильнѣе назвать новый кодексъ «уголовное уложеніе». Слово «уголовный»,—буквальный переводъ слова «capitalis» (caput), являясь на русскомъ языкѣ съ значеніемъ, соотвѣтствующимъ словамъ «criminalis» и «poenalis»,—характеризуетъ собою всю область права, посвященную преслѣдованію государствомъ преступленій и опредѣленію за таковыя соотвѣтствующихъ наказаній. Усвоивая это наименованіе новому кодексу, мы избавимся и отъ подражанія иностранному (peinlich, poënal, Strafgezetzbuch), а вмѣстѣ съ тѣмъ и разрываемъ связь съ уложеніемъ о наказаніяхъ 1845 года.—Предложеніе В. Д. Спасовича было принято собраніемъ.

По вопросу о названіи будущаго уголовнаго кодекса членъ коммисіи Новороссійскаго Юридическаго Общества А. В. Волковъ полагалъ болѣе соотвѣтственнымъ наименовать его «уголовнымъ уложеніемъ», а не «уложеніе о наказаніяхъ», ибо хотя центръ тяжести матеріальной части уголовнаго законодательства и лежитъ въ наказаніи, но тѣмъ не менѣе имъ не исчерпывается содержаніе общей части разсматриваемаго кодекса, а потому наименованіе его «уложеніемъ о наказаніяхъ» представляется одностороннимъ. Что-же касается высказаннаго Коммисіею сужденія, что наименованіе будущаго уложенія «уголовнымъ» не соотвѣтствовало-бы его содержанію, по существу заключающихся въ немъ карательныхъ постановленій, не ограничивающихся тяжкими наказаніями, то въ этомъ отношеніи г. Волковъ полагалъ, что нѣтъ основанія придавать слову «уголовный», такое узкое значеніе, ибо на нашемъ юридическомъ языкѣ слово «уголовный» употребляется въ болѣе широкомъ значеніи, какъ противоположеніе слову «гражданскій»; такое широкое значеніе этому слову усвоено и въ наукѣ, и въ законодательной терминологіи: «уголовное право»; «уголовное судопроизводство»; «уголовный судъ»; «уголовный законъ». и т. д. Названіе новаго уголовнаго кодекса «уголовнымъ уложеніемъ» въ то же время соотвѣтствовало бы предположенному названію будущаго свода гражданскихъ законовъ «гражданское уложеніе».

Въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры Прокуроръ Судебной Палаты Муравьевъ предложилъ заглавіе проекта «уложеніе о наказаніяхъ» замѣнить болѣе краткимъ и точнымъ «уголовное уложеніе», каковое названіе будетъ согласоваться съ содержаніемъ сего уложенія, разсматриваю-

щаго не только наказанія, но и преступныя дѣянія. Предложеніе это совѣщаніемъ единогласно принято.

Останавливаясь на самомъ наименованіи будущаго уголовнаго кодекса, Одесскій Окружной Судъ находитъ данное ему названіе «уложеніе о наказаніяхъ» одностороннимъ, ибо такое названіе указываетъ, что предметомъ кодекса служатъ лишь одни наказанія, устанавливаемыя уголовнымъ закономъ за преступныя дѣянія. Между тѣмъ содержаніе этого кодекса представляется, въ общей его части, болѣе широкимъ и обнимающимъ собою вопросы и цѣлые отдѣлы, не соотвѣтствующіе названію кодекса, какъ напр. о вмѣненіи и преступности, о видахъ виновности и т. д. Вслѣдствіе сего Окружной Судъ полагалъ бы предпочтительнымъ присвоить проектируемому кодексу наименованіе «уголовное уложеніе». Названіе это, въ то же время, было бы поставлено въ соотвѣтствіе съ наименованіемъ «гражданское уложеніе», которое будетъ носить будущій кодексъ матеріальной части гражданскихъ законовъ.

Судебная Газета (1883 г.№ 3) находитъ вполнѣ основательнымъ исключеніе изъ проекта существующихъ въ дѣйствующемъ уложеніи постановленій о вознагражденіи за вредъ и убытки при преступныхъ дѣяніяхъ вытекающіе (59—64 ст.). Все ученіе о вознагражденіи по самому существу своему носитъ характеръ гражданскій и потому должно быть помѣщено въ законахъ гражданскихъ. Между тѣмъ ошибка дѣйствующаго уложенія заключалась не только въ томъ, что оно дало у себя мѣсто постановленіямъ не уголовнаго характера, но еще и въ томъ, что оно не съумѣло согласовать свои постановленія съ такими же постановленіями X т. свода законовъ. Исключеніемъ изъ проекта неподлежащаго предмета достигнуто столько же очищеніе уголовнаго кодекса, сколько и устраненіе возможныхъ противорѣчій и несогласій между уголовными и гражданскими законами.

Однимъ изъ членовъ совѣщанія чиновъ С.-Петербургской прокуратуры было заявлено (г. Марковъ), что составители уголовнаго уложенія не вошли въ обсужденіе весьма важнаго вопроса, находящагося въ тѣсной связи съ главою 3-й проекта, вопроса о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ. Такъ какъ ученіе о вознагражденіи за такой вредъ вытекаетъ изъ началъ уголовнаго права и возбуждаетъ рядъ вопросовъ, въ особенности въ случаяхъ совершенія преступленія нѣсколь-

ними соучастниками, то основанія возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ преступленіемъ, и распредѣленіе ихъ между соучастниками, должны быть указаны въ общей части уложенія. Ст. 59—64 улож. 1866 г. и ст. 644—689 т. X, ч. I должны быть пересмотрѣны и сообразованы съ новымъ ученіемъ о соучастіи, принятымъ составителями проекта. Вознагражденіе за вредъ есть одно изъ послѣдствій преступнаго дѣянія, также какъ и самое наказаніе, и опредѣляется судомъ уголовнымъ въ порядкѣ уголовнаго судопроизводства, а потому общая часть уложенія необходимо должна дать отвѣтъ, насколько и въ какой постепенности соучастники преступнаго дѣянія могутъ отвѣчать предъ уголовнымъ судомъ за причиненный преступленіемъ вредъ.—Въ виду сложности этого вопроса, требующаго спеціальной разработки, признавая разрѣшеніе его по существу преждевременнымъ, совѣщаніе нашло, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимымъ указать, что въ 3 главу общей части уложенія должна быть введена особая статья, въ которой были бы указаны главныя основанія возмѣщенія вреда и убытковъ, причиненныхъ преступленіемъ.

Варшавскіе Присяжные Повѣренные замѣчаютъ, что въ проектѣ Редакціонной Коммисіи не встрѣчается постановленія о вознагражденіи за вредъ, причиненный преступными дѣяніями. Хотя вознагражденіе за вредъ составляетъ лишь гражданское послѣдствіе преступленія, но причиненіе вреда столь тѣсно связано съ существомъ преступнаго дѣянія, что и правила о вознагражденіи слѣдуетъ считать необходимымъ дополненіемъ самаго наказанія, а потому и помѣстить ихъ въ уголовномъ уложеніи. Помѣщеніе сихъ правилъ въ уголовномъ законѣ, въ такомъ лишь случаѣ можно бы считать излишнимъ, если бы законы гражданскіе заключали въ себѣ необходимыя и соотвѣтственныя по сему предмету правила. Это, однакоже, въ настоящее время не имѣетъ мѣста. Ежели постановленія 59—63 ст. дѣйствующаго уложенія не будутъ замѣнены другими въ новомъ уголовномъ уложеніи, то этотъ вопросъ подойдетъ въ Имперіи подъ правила, изложенныя въ ст. 644—688 свод. зак. т. X ч. I, а въ Царствѣ подъ правила статей 1382 —1386 гражданскаго кодекса. Что постановленія свода законовъ, распредѣляющія отвѣтственность лишь совокупно (а не солидарно) между соучастниками, и дополнительно между попустителями и недоносителями, неудовлетворительны, это не нуждается въ доказательствахъ. Правило 1382 ст. гражданскаго уложенія Царства Польскаго относится собственно къ гражданскимъ проступкамъ (délits et quasi—délits civils), а не къ преступнымъ дѣяніямъ уголовнаго свойства, и притомъ оно не выражаетъ положительно того рода отвѣтствен-

ности, которая наиболѣе свойственна уголовному возмездію за преступное дѣяніе, относящееся къ сферѣ правъ имущественныхъ, а именно: солидарности виновныхъ. Это начало, по всей вѣроятности, будетъ принято въ новомъ гражданскомъ уложеніи, но едва ли возможно предположить, что новое уложеніе гражданское получитъ обязательную силу одновременно съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ. Потому представляется цѣлесообразнымъ и даже необходимымъ, чтобы въ новомъ уголовномъ уложеніи помѣщены были правила сходныя съ французскимъ (ст. 55) и бельгійскимъ (ст. 44, 45, 50) уголовными кодексами, и въ особенности, что всѣ осужденные за одно преступное дѣяніе несутъ солидарную отвѣтственность въ платежѣ денежныхъ штрафовъ, стоимости подлежащихъ возвращенію предметовъ, вознагражденіи за вредъ и убытки и судебныхъ издержекъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія положенія.

Прокуроръ Полтавскаго Окружнаго Суда Люце находитъ, что всѣ постановленія, изложенныя въ первой главѣ проекта, относятся къ предметамъ, о которыхъ говорится въ главахъ II и III, вслѣдствіе чего, едва ли не было бы удобнѣе изложить ихъ въ этихъ послѣднихъ главахъ. Статья 1 проекта была бы умѣстна въ одной главѣ со статьями о пространствѣ дѣйствія уложенія. Эти статьи (5, 6 и проч.) говорятъ о пространствѣ дѣйствія уложенія *по мѣсту* совершенія преступнаго дѣянія и *по лицамъ*, къ коимъ примѣняется уложеніе; поэтому къ нимъ необходимо было бы присоединить и ст. 1, которая излагаетъ постановленіе о пространствѣ дѣйствія уголовныхъ законовъ *по времени* совершенія преступныхъ дѣяній, требуя примѣненія этихъ законовъ только къ тѣмъ дѣяніяхъ, которыя совершены послѣ изданія закона, ихъ запрещающаго подъ страхомъ наказанія. Кромѣ того статья 12 главы II представляется какъ бы продолженіемъ и разъясненіемъ мысли, изложенной въ 1 статьѣ: послѣдняя говоритъ о наказуемости только тѣхъ дѣяній, которыя совершены послѣ изданія уголовнаго закона, т. е. о неимѣніи *вообще* обратнаго дѣйствія уголовными законами, а 12 ст. говоритъ объ обратномъ дѣйствіи нѣкоторыхъ уголовныхъ законовъ. Эти постановленія излагаются въ кодексахъ обыкновенно или въ одной и той же статьѣ (*), или въ двухъ статьяхъ,

(*) Германское уложеніе § 2, бельгійское ст. 2, голландское ст. 1.

слѣдующихъ непосредственно одна за другой (*), и большею частью въ той же самой главѣ, которая излагаетъ постановленія о пространствѣ дѣйствія уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ (**).

Статьи 2, 3 и 4 было бы весьма удобно помѣстить въ началѣ III главы, излагающей постановленія о наказаніяхъ, ибо въ этихъ статьяхъ поименовываются наказанія, установляется сравнительная ихъ тяжесть и излагается классификація преступныхъ дѣяній по тяжести опредѣленныхъ за нихъ наказаній.

Чины Рыбинской прокуратуры указываютъ, что глава первая носитъ названіе *общія положенія* и мѣстомъ своего нахожденія ставитъ читателя въ увѣренность, что въ ней заключаются такіе тезисы уголовнаго права (насколько они обязательны въ кодексѣ), которые должны, какъ положенія общія, предшествовать положеніямъ, изъ нихъ уже вытекающимъ при дальнѣйшей разработкѣ началъ уголовнаго законодательства.

И дѣйствительно, такимъ тезисомъ уголовнаго уложенія кажутся двѣ статьи первой главы, 4-я, заключающая въ себѣ ученіе о преступленіи, проступкѣ и нарушеніи и 1-я о силѣ уголовнаго закона. Остающіяся же статьи 2-я и 3-я заключаютъ въ себѣ перечень наказаній, существу которыхъ отведено самостоятельное мѣсто въ главѣ третьей проекта, и въ первую главу внесены едвали не для того только, чтобы наполнить чѣмъ нибудь эту главу, не безъ ущерба для систематизаціи ученія о наказаніяхъ.

Оставить существованіе первой главы изъ 2-хъ всего статей возможно было бы въ томъ развѣ случаѣ, когда бы по содержанію своему статьи эти представляли нѣчто цѣльное между собою и въ такой же мѣрѣ отличное отъ смежныхъ постановленій проекта. Но легко видѣть, что по содержанію своему, 1-я и 4-я статьи проекта ничего общаго не имѣютъ, кромѣ того, что ни ту, ни другую статью нельзя отнести ни къ одной изъ послѣдующихъ главъ съ ихъ теперешними заголовками, что, напротивъ, съ такимъ же общимъ характеромъ, какъ и эти двѣ статьи, являются послѣдующія постановленія проекта о дѣйствіи уложенія по мѣсту, а потому вполнѣ возможно и было бы согласно съ примѣрами иностранныхъ кодексовъ, упразднивъ первую главу проекта въ ея настоящемъ видѣ, слить ее съ главою второю, давъ этой сводной главѣ наименованіе «вступительныя постановленія»; статьи 2-ю и 3-ю перенести въ слѣдующую затѣмъ главу, нынѣ третью, а тогда вторую; первою статьею первой главы сдѣлать статью 4-ю, опре-

---

(*) Венгерское уложеніе § 1 и 2, итальянскій проектъ ст. 1 и 2.

(**) Германское уложеніе, бельгійское, голландское и итальянскій проектъ.

дѣляющую разные виды преступныхъ дѣяній; подъ № 2 помѣстить статью нынѣ 1-ю, трактующую о силѣ уголовнаго закона во времени, послѣ чего перейти къ ученію о территоріальной силѣ того же закона, т. е. къ постановленіямъ нынѣ второй главы.

Товарищъ Предсѣдателя Плоцкаго Окружнаго Суда Павловскій указываетъ, что въ I главѣ проекта на первый взглядъ замѣчается нѣкоторая, такъ сказать, черезполосность въ изложеніи, а именно: послѣ преподаннаго въ статьяхъ 2 и 3 проекта простаго перечня наказаній, отдѣленнаго главою II «о пространствѣ дѣйствія уложенія» и главою III подъ заглавіемъ «наказанія», объемлющею въ себѣ статьи 13 до 35 включительно, опять переходимъ мысленно къ 4 статьѣ I главы, заключающей въ себѣ основное постановленіе закона, исчисляющее роды противозаконныхъ дѣяній и квалифицирующее таковые, причемъ мѣриломъ къ оцѣнкѣ рода и свойства противозаконныхъ дѣяній, составляющихъ три категоріи: преступленій, проступковъ и нарушеній, служатъ именно тѣ же роды опредѣляемыхъ закономъ за эти дѣянія наказаній.

Нельзя не признать, что было бы весьма желательно отдѣлить рѣзкими чертами исчисленіе и квалифицированіе противозаконныхъ дѣяній, изложеніе чего должно составлять содержаніе I главы, посвященной «общимъ положеніямъ» отъ III главы: «наказанія», въ которой изложены свойства, примѣты и послѣдствія наказаній; но коль скоро сими послѣдними, спеціально означенными, обусловливается и раздѣленіе на три выше приведенныя категоріи противозаконныхъ дѣяній, квалифицированіе которыхъ на другихъ началахъ дѣлало бы необходимымъ прибѣгнуть, по образцу отжившихъ уже свой вѣкъ прежнихъ карательныхъ кодексовъ, къ весьма тонкимъ, нескончаемымъ и нерѣдко довольно туманнымъ и шаткимъ теоретическимъ опредѣленіямъ какъ противозаконныхъ дѣяній, такъ и опредѣляемыхъ за оныя по прежней системѣ наказаній уголовныхъ, исправительныхъ, или болѣе легкихъ взысканій, то разумѣется гораздо предпочтительнѣе согласиться съ системою проекта Редакціонной Коммисіи, разстаться навсегда съ теоретическимъ раздѣленіемъ наказаній на уголовныя и исправительныя и допустить эту кажущуюся черезполосность.

Статья 1. Никто не можетъ быть ни наказанъ за дѣяніе, незапрещенное, во время его совершенія, закономъ уголовнымъ подъ страхомъ наказанія, ни приговоренъ къ наказанію, неустановленному симъ уложеніемъ.

По замѣчанію вѣнскаго профессора Вальберга, статья 1-ая имѣетъ главнымъ образомъ въ виду указать на законный характеръ назначаемыхъ по суду

наказаній. Nullum crimen et nulla poena sine lege. Вѣроятно, тѣмъ самымъ исключается неписанное или обычное право при вопросѣ о томъ, что и чѣмъ должно наказывать. Но вполнѣ ли выражено это правовое положеніе, признанное основнымъ въ уголовныхъ законодательствахъ на европейскомъ материкѣ?

Слова: «дѣяніе, запрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія»— обнимаютъ собою дѣянія и упущенія, запрещенныя уголовными законами или запрещенныя административными распоряженіями подъ страхомъ наказанія, положеннаго въ санкціи государственнаго закона. А если дѣяніе будетъ запрещено какимъ либо административнымъ установленіемъ, безъ надлежащаго о томъ опубликованія или несогласно съ существующими въ государствѣ уголовными законами? А если въ административномъ порядкѣ будетъ вновь опубликовано такое запрещенное подъ страхомъ наказанія дѣяніе, которое уже болѣе не преслѣдуется? Если въ статьѣ 1 говорится о единомъ господствѣ положительнаго закона, то было бы весьма важно въ практическомъ отношеніи указать на различіе между закономъ и административнымъ распоряженіемъ.

Но и независимо отъ сего, слова: «дѣяніе, запрещенное подъ страхомъ наказанія» невполнѣ пригодны для выраженія упущеній, которыя предполагаютъ повелѣніе, а не запретъ. Если же въ смыслѣ уголовнаго права подъ дѣяніями должно разумѣть и упущенія, то всетаки преступное упущеніе не можетъ быть правильно опредѣлено, какъ запрещенное дѣяніе въ тѣсномъ смыслѣ, если только въ ст. 1 выраженіе «дѣянія» можетъ быть понимаемо и въ тѣсномъ, и въ широкомъ смыслѣ.

Это выраженіе можетъ обнимать собою не только проявленіе воли преступника, но и послѣдствіе, требуемое для законнаго состава преступнаго дѣянія, хотя и не всегда зависящее единственно отъ проявленія воли преступника, а въ такомъ случаѣ снова можетъ возникнуть вопросъ, долженъ ли быть изданъ уголовный запретъ до начала преступной дѣятельности или во время таковой, и насколько слово «учиненіе» дѣянія касается покушенія, а по свойству нѣкоторыхъ преступленій и приготовленія?

Не надо забывать также о ненаказуемыхъ до сихъ поръ дѣяніяхъ по ремеслу, о продолжаемыхъ упущеніяхъ, о ненаказуемыхъ до сихъ поръ дѣяніяхъ, которыя учиняются, какъ средство къ совершенію дѣяній, теперь только запрещенныхъ подъ страхомъ наказанія.

Въ статьѣ 1 ясно выражено, что никто не можетъ быть приговоренъ къ наказанію, неустановленному уложеніемъ. Но развѣ обезпечивается этимъ законный характеръ наказанія, коему виновный подвергается не по судебному приговору, но лишь въ порядкѣ помилованія?

При замѣнѣ наказанія путемъ помилованія не опредѣляется, въ какомъ

преступномъ дѣяніи признанъ былъ виновнымъ обвиняемый; въ постановленіи не указываются тѣ факты, которые обусловливаютъ собою наказаніе, назначенное судомъ и измѣненное затѣмъ путемъ помилованія; въ немъ не приводятся тѣ постановленія уголовныхъ законовъ, которыя должны быть примѣнены къ обвиняемому, уже осужденному уголовнымъ судомъ. Другими словами: измѣненіе судебныхъ приговоровъ ex gratia principis не совершается по тѣмъ процессуальнымъ формамъ, которыя установлены для судебныхъ приговоровъ. Однако, если бы въ Высочайшемъ манифестѣ было назначено, вмѣсто опредѣленнаго судомъ наказанія, такое наказаніе, которое не установлено уложеніемъ, то тѣмъ самымъ была бы отмѣнена, въ данномъ конкретномъ случаѣ, существующая система наказаній или же было бы допущено противорѣчіе смыслу статьи 1.

И не смотря на то, что возбужденіе вопроса о замѣнѣ наказанія путемъ помилованія зависитъ и отъ судебныхъ установленій, смягченіе участи приговореннаго или замѣна наказанія путемъ Высочайшаго помилованія всетаки не суть судебныя дѣйствія, а слѣдовательно они не являются и приговорами къ наказанію въ смыслѣ ст. 1 проекта, ст. 154 уложенія 1866 года и ст. 775 устава уголовнаго судопроизводства 1864 года. Сверхъ того, независимо отъ замѣны наказанія судомъ, замѣна наказанія можетъ быть также проявленіемъ милости Монарха въ его самодержавномъ пользованіи предоставленными закономъ суду правами.

Итакъ, изъ смысла статьи 1, а равно и изъ текста статей 63 и 64 проекта не видно, можетъ ли быть въ уголовномъ дѣлѣ, о коемъ постановлено судебное рѣшеніе, приговоренный подвергнутъ путемъ помилованія также такому лишь роду наказанія, которое установлено уложеніемъ. Сообразно съ способомъ опредѣленной въ главѣ VI замѣны наказаній, о самодержавномъ правѣ помилованія, принадлежащемъ Монарху, не могли быть установлены какія либо правила, а тѣмъ менѣе оно можетъ быть обсуждаемо по аналогіи съ правами суда. И всетаки, съ точки зрѣнія статьи 1 можно утверждать, что назначенное судомъ наказаніе можетъ быть смягчено или замѣнено Всемилостивѣйшимъ манифестомъ, но не можетъ быть измѣнено имъ въ наказаніе, неустановленное уложеніемъ. Поэтому, въ случаѣ замѣны наказанія путемъ помилованія, можетъ быть сдѣлано одно лишь измѣненіе наказанія, въ предѣлахъ установленной закономъ лѣстницы наказаній, и мнѣніе о томъ, что измѣненіе наказанія путемъ помилованія является измѣненіемъ общаго уголовнаго закона, особеннымъ закономъ, lex specialis, изданнымъ для единичнаго случая, о коемъ состоялось судебное рѣшеніе, не выдерживало бы критики. Измѣненіе назначеннаго судомъ наказанія путемъ помилованія не означаетъ вовсе, что примѣнимый по общему правилу уголовный законъ

отмѣняется; оно означаетъ лишь, что назначенное судомъ наказаніе невполнѣ примѣнимо въ данномъ случаѣ, по своему качеству или по величинѣ своего размѣра. Такая чрезвычайная, выходящая за предѣлы судебной власти, замѣна наказанія не есть актъ законодательной власти, не есть lex specialis, а только измѣненіе назначеннаго судомъ наказанія личнымъ правительственнымъ дѣйствіемъ главы государства.

Профессоръ фонъ-Гольцендорфъ находитъ, что такъ какъ въ статьѣ 1-ой вовсе не имѣется въ виду устранить всѣ спеціальные карательные законы прошедшаго и будущаго, то она представляется слишкомъ узкою. Слѣдовало бы сказать приблизительно такъ: «Никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе и т. д. Равнымъ образомъ никто не долженъ быть приговариваемъ за дѣяніе, воспрещенное этимъ уложеніемъ, къ наказанію иному, чѣмъ то, которое въ немъ установлено».

По поводу ст. 1 проекта профессоръ Лукини замѣчаетъ, что такое законоположеніе, введенное венгерскимъ кодексомъ, хорошо и прочно устанавливаетъ юридическій принципъ, по которому наказаніе поражаетъ преступника, а не преступленіе.

По замѣчанію профессора Владимірова, употребленное въ 1 ст. проекта выраженіе: «*во время его совершенія*» очевидно должно означать: «уже до его совершенія», такъ какъ только при этомъ послѣднемъ условіи можно еще поддерживать презумпцію, что подсудимый, выполняя преступленіе, имѣлъ въ виду грозящее ему наказаніе. Въ новѣйшихъ уголовныхъ кодексахъ, въ соотвѣтствующей статьѣ употребляется выраженіе: «прежде его совершенія», а въ кодексѣ Ливингстона разсматриваемое положеніе формулировано: «No act or omission done or made before the promulgation of the law, which forbids it, can be punished as an offence».

По мнѣнію профессора Будзинскаго, слова «ни приговоренъ къ наказанію, неустановленному симъ уложеніемъ», слѣдовало бы изъ текста 1-ой ст. устранить. Они имѣли значеніе только въ уложеніи 1845 съ цѣлью указать судьямъ, что законодатель ограничиваетъ власть судьи, устраняя санкціи совершенно неопредѣленныя, существовавшія до того въ сводѣ законовъ 1842 года.

Въ засѣданіи С.-Петербургскаго юридическаго общества по содержанію ст. 1 предсѣдательствующимъ *В. Д. Спасовичемъ* высказано слѣдующее замѣчаніе:

Безспорная въ наукѣ уголовнаго права аксіома, выраженная въ 1 ч. ст. 1 проекта, о ненаказуемости дѣянія, незапрещеннаго въ моментъ учиненія преступленія, совершенно устраняетъ и вытѣсняетъ изъ проекта примѣненіе закона по аналогіи, составляющее одно изъ вопіющихъ безобразій нашего уголовнаго права. Вторая часть статьи: «ни приговоренъ къ наказанію, неустановленному симъ уложеніемъ», находится въ явномъ противорѣчіи съ ст. 12, по силѣ которой постановленія вновь изданныхъ законовъ уголовныхъ примѣняются и къ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ, но ненаказаннымъ до дня вступленія сихъ законовъ въ силу. Если права гражданина не страдаютъ отъ того, что, вмѣсто мѣръ наказанія по уложенію 1845 г., за преступленіе совершонное, когда это уложеніе было обязательно, онъ подвергнется мѣрамъ наказанія по новому проектируемому уложенію, то и послѣ изданія проектируемаго уложенія можетъ быть еще издано новѣйшее, которое точно также распространитъ свое дѣйствіе вспять и на преступленія, совершенныя до его изданія. Трудно понять, почему бы въ случаѣ отмѣны каторги, смертной казни или арестантскихъ ротъ, эти мѣры должны быть непремѣнно примѣняемы къ совершившимъ преступленія, до отмѣны ихъ, преступникамъ, или почему, за невозможностью примѣненія этихъ мѣръ, такіе преступники освобождались бы отъ всякаго наказанія. Такимъ образомъ, второю частью 1 ст. совершенно напрасно возбуждается конфликтъ между правомъ государства измѣнять свою карательную систему и свою лѣстницу наказаній и правомъ гражданина не подвергаться усиленнымъ противъ существовавшихъ, въ моментъ совершенія имъ преступленія, наказаній. По симъ основаніямъ, В. Д. Спасовичъ предложилъ измѣнить редакцію конца 1 ст. такимъ образомъ:

«ни приговоренъ къ наказанію болѣе тяжкому, въ сравненіи съ тѣмъ, какое установлено симъ уложеніемъ».

Противъ изложеннаго мнѣнія *Н. Д. Сергіевскимъ* представлено слѣдущее возраженіе: ст. 1 (послѣдняя часть) не находится вовсе въ противорѣчіи со ст. 12 (первая часть), а наоборотъ, онѣ составляютъ одно стройное цѣлое, вполнѣ согласное съ природою уголовнаго закона и устраняющее всякій вопросъ о дѣйствіи закона вспять (такъ называемая обратная сила законовъ).

Основнымъ принципомъ проекта, по отношенію къ дѣйствію уголовнаго закона во времени, является слѣдующее положеніе, твердо установленное новѣйшей наукой: всякое явленіе и всякій актъ государственной власти нормируется закономъ своего времени. Въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ разли-

чаются три составныя части: учиненіе преступленія, судъ, приложеніе наказанія. Преступность дѣйствія опредѣляется закономъ времени его учиненія, порядокъ суда—закономъ времени производства суда, наказаніе—закономъ времени его наложенія. Такимъ образомъ, мѣста для такъ называемой обратной силы уголовнаго закона не остается вовсе. Права преступника на наложеніе на него наказанія не свыше того или именно того, которое установлено было закономъ времени учиненія, уголовное право признать не можетъ. Таковы основныя положенія, на которыхъ построены всѣ опредѣленія объ уголовномъ законѣ въ проектѣ. Лишь въ видѣ уступки старому воззрѣнію и «изъ снисхожденія» къ преступнику, какъ сказано въ объяснительной запискѣ, составители проекта ввели частичное смягченіе во 2-й и 3-й части 12 статьи, но эти изъятія стоятъ несомнѣнно въ противорѣчіи съ основнымъ принципомъ.

Въ силу этихъ соображеній Н. Д. Сергѣевскій полагалъ:

1) что предположенная В. Д. Спасовичемъ поправка 1 ст. нарушаетъ основной принципъ, принятый проектомъ, и не можетъ быть обсуждаема безъ совмѣстнаго обсужденія 2 и 3 части ст. 12-й;

и 2) что весь вопросъ о дѣйствіи закона уголовнаго во времени можетъ обсуждаться лишь на почвѣ 1 и 12 ст. въ ихъ совокупности, а по сему пренія по этому предмету могутъ быть съ пользою отложены до обсужденія ст. 12 проекта.

Что же касается редакціоннаго измѣненія 2 ч. ст. 1 проекта, то, находя ее излишнею, онъ полагалъ возможнымъ исключить 3 строку означенной статьи.

Н. В. Муравьевъ, высказываясь противъ исключенія 2 ч. ст. 1-й проекта, полагалъ, что такое измѣненіе текста 1 ст. дало бы возможность примѣненія другихъ наказаній, помимо установленныхъ симъ уложеніемъ.

А. Н. Турчаниновъ полагалъ необходимымъ раздѣлить статью 1 на двѣ самостоятельныя. Въ одной должно заключаться постановленіе: «никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе, незапрещенное, во время его совершенія, закономъ уголовнымъ, подъ страхомъ наказанія». Содержаніе же другой статьи должно составить второе положеніе ст. 1-й «ни приговоренъ къ наказанію, неустановленному симъ уложеніемъ».

В. М. Володимировъ признавалъ вторую половину ст. 1 подлежащею коренному измѣненію въ томъ смыслѣ, который присущъ соотвѣтствующему по тому же предмету законоположенію венгерскаго уложенія, недопускающаго инаго наказанія за преступленіе кромѣ того, которое было установлено уголовнымъ закономъ времени учиненія преступленія.

Дальнѣйшее обсужденіе статьи 1 проекта, по тѣсной связи этой статьи съ 12-ю, отложено до разсмотрѣнія сей послѣдней статьи. Предложеніе А. Н. Турчанинова о раздѣленіи 1 статьи на два самостоятельныя постановленія, одно о запрещенности, другое о наказуемости дѣяній, одобрено большинствомъ присутствовавшихъ.

Коммисія Новороссійскаго Юридическаго Общества предлагаетъ слѣдующее изложеніе ст. 1 проекта: «никто не можетъ быть ни наказанъ за дѣяніе незапрещенное, во время его совершенія, закономъ подъ страхомъ наказанія, ни приговоренъ къ наказанію, неустановленному симъ уложеніемъ».

Исключая изъ текста этой статьи слово «уголовнымъ», коммисія руководствовалась тѣмъ соображеніемъ, что слово это представляется излишнимъ, въ виду слѣдующихъ за нимъ словъ «подъ страхомъ наказанія».

При обсужденіи проекта уложенія въ засѣданіи Юридическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ, 1 ст. принята безъ измѣненій противъ проекта Редакціонной Коммисіи.

По обсужденіи 1-й ст. проекта въ Кавказскомъ Юридическомъ Обществѣ *В. В. Смиттенъ* высказалъ слѣдующее:

Ст. 1-я опредѣляетъ нѣсколько коренныхъ принциповъ права, такъ называемыхъ regulae juris.

Первая часть ея заключаетъ два такихъ принципа:

1) Въ словахъ: «никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе, незапрещенное закономъ уголовнымъ подъ страхомъ наказанія» выражено воспрещеніе признавать дѣяніе преступнымъ и наказуемымъ по аналогіи. Указавъ на различное значеніе, придаваемое ст. 151 дѣйствующаго уложенія, на недоразумѣнія по вопросу о возможности примѣнять уголовный законъ по аналогіи, вытекающія изъ ст. 12 уст. угол. суд., и, наконецъ, на недостаточную ясность 1 п. 771 ст. того же устава, имѣющей, повидимому, въ виду воспретить примѣненіе правила аналогіи къ уголовнымъ законамъ, референтъ полагалъ, что, въ виду существующей судебной практики, необходимо признавать правило, выраженное въ указанныхъ словахъ 1-й ст. проекта, новымъ. Находя, въ то же время, это правило необходимымъ, такъ какъ наука и справедливость не допускаютъ возможности признавать преступнымъ и наказуемымъ дѣяніе, прямо не воспрещенное закономъ подъ

страхомъ наказанія, референтъ полагалъ однако, что это правило выражено въ 1-й ст. недостаточно ясно.

2) Указаніе 1-й ст., что не наказуемо дѣяніе, незапрещенное «во время его совершенія» уголовными законами, выражаетъ особый отъ предъидущаго принципъ о неимѣніи новымъ уголовнымъ закономъ, опредѣляющимъ преступность и наказуемость дѣянія, обратнаго дѣйствія на дѣянія, совершенныя до изданія этого закона. Выражая лишь одинъ изъ случаевъ примѣненія общаго правила о неимѣніи уголовными законами обратнаго дѣйствія, это правило слѣдовало-бы, по мнѣнію референта, перенести изъ 1-й ст. въ 12-ю, опредѣляющую дѣйствіе уголовнаго закона по времени. Съ такимъ переносомъ всѣ принципы, касающіеся дѣйствія уголовнаго закона во времени, были-бы соединены въ одномъ мѣстѣ.

При этомъ референтъ замѣтилъ, что подъ выраженіемъ «уголовный законъ» разумѣется не только собственно законъ, составленный въ установленномъ порядкѣ и утвержденный Верховной Властью, но и постановленія административныхъ, земскихъ и городскихъ управленій, обязательныя для жителей подъ страхомъ отвѣтственности. Хотя это положеніе не высказано въ текстѣ 1-й ст., но такое умолчаніе не представляетъ неудобствъ, такъ какъ преступность и наказуемость нарушенія обязательныхъ постановленій означенныхъ управленій будетъ, безъ сомнѣнія, опредѣлена въ особенной части уложенія и, слѣдовательно, санкціонирована «уголовными законами».

Вторая часть имѣетъ въ виду опредѣлить, какъ выражается Коммисія, законный характеръ налагаемаго наказанія и замѣняетъ ст. 90 и 147 дѣйствующаго уложенія. Она указываетъ, слѣдовательно, что судъ не можетъ назначать иного наказанія, кромѣ установленнаго уложеніемъ.

Но это положеніе вытекаетъ не только изъ правилъ основныхъ законовъ (ст. 47 и 63—65), что Имперія управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, исходящихъ отъ Самодержавной Власти, и что законъ равно обязателенъ для всѣхъ подданныхъ, но и изъ законовъ особенной части уложенія, грозящихъ судьѣ, который-бы вздумалъ примѣнить наказаніе, неустановленное закономъ, отвѣтственностью, какъ за неправосудіе или превышеніе власти. Референтъ находилъ посему, что это правило, неуказываемое и въ иностранныхъ уголовныхъ кодексахъ, совершенно лишнее и составляетъ въ уложеніи ненужный балластъ. Сверхъ того, онъ находилъ, что и редакція второй части 1 ст. неудачна.

Опредѣляя, что «*никто* не можетъ быть приговоренъ къ наказанію, не установленному симъ уложеніемъ», она даетъ поводъ къ заблужденіямъ, такъ какъ это правило распространяется, конечно, не на всѣхъ лицъ, а лишь на тѣхъ, которыя подлежатъ суду гражданскому, и притомъ въ порядкѣ

общаго уголовнаго суда, что и выражено во 2 и 6 ст. проекта. Сверхъ того, редакція 2-й части 1 ст. какъ-бы предрѣшаетъ вопросъ о томъ, должны ли наказанія, установленныя новымъ уложеніемъ, быть примѣняемы къ дѣяніямъ, совершеннымъ до вступленія уложенія въ силу, вопросъ, спеціально разрѣшаемый ст. 12-ю проекта.

По этимъ основаніямъ, референтъ полагалъ выключить изъ 1-й статьи вторую ея часть.

Сводя все сказанное имъ о 1-й ст., референтъ находилъ: 1) что въ первой части этой статьи, разрѣшающей, какія дѣянія должны быть признаваемы преступными, нѣтъ вовсе надобности упоминать объ ихъ наказуемости, такъ какъ и безъ того понятно, что непреступное дѣяніе не наказуемо въ порядкѣ уголовнаго суда, въ отличіе отъ суда дисциплинарнаго и отъ имѣющихъ нѣкоторое карательное значеніе мѣръ, принимаемыхъ въ порядкѣ предупрежденія преступленія; 2) что невозможность примѣнять по аналогіи уголовный законъ, опредѣляющій преступность дѣянія, недостаточно оттѣнена въ 1-й ст.; 3) что принципъ, выраженный въ словахъ: «во время его совершенія», было-бы умѣстнѣе перенести въ 12 ст. проекта и 4) что вторую часть 1-й ст. слѣдовало-бы совсѣмъ исключить. Сообразно съ этими положеніями, референтъ полагалъ редактировать 1 ст. въ такихъ выраженіяхъ: «преступнымъ признается дѣяніе, прямо воспрещенное уголовнымъ закономъ подъ страхомъ наказанія» или

«не признается преступнымъ дѣяніе, прямо не запрещенное уголовнымъ закономъ подъ страхомъ наказанія».

Если бы, однако, выраженіе «*прямо* воспрещенное» или «*прямо* не запрещенное» могло давать поводъ къ предположенію, что имъ устраняется не только возможность примѣнять уголовный законъ по аналогіи, но и возможность примѣнять къ уголовному закону простое толкованіе, то референтъ полагалъ-бы редактировать 1 ст. въ такой формѣ:

«Преступленіемъ признается лишь то дѣяніе, которое воспрещено уголовнымъ закономъ подъ страхомъ наказанія».

При возникшихъ затѣмъ въ Юридическомъ Обществѣ преніяхъ *Ѳ. А. Быковъ* высказалъ, что умѣстность примѣненія уголовнаго закона по аналогіи безусловно зависитъ отъ достоинства или несовершенства особенной части уголовнаго уложенія. Наша судебная практика допустила аналогію, въ виду очевидной необходимости, такъ какъ дѣйствующее нынѣ уложеніе, вслѣдствіе своей казуистичности, оставляетъ непредусмотрѣнными многія явно преступныя дѣйствія. Нерѣдко наше уложеніе второстепенные признаки преступнаго дѣянія вводитъ, однако же, въ текстъ, чѣмъ придаетъ имъ характеръ необходимаго элемента преступности. Если пересмотрѣть всѣ

рѣшенія Сената по вопросу объ аналогіи, то всякій согласится съ тѣмъ, что, за исключеніемъ немногихъ спорныхъ случаевъ, оставлять безнаказанными дѣянія, къ которымъ примѣнена аналогія, было невозможно. Такъ напр., 286 ст. улож. предусматриваетъ оскорбленіе должностнаго лица на *словахъ*. Сенатъ дѣйствіе этой статьи распространилъ и на оскорбленіе на *письмѣ*. Возражать противъ наказуемости этого послѣдняго дѣянія нельзя, такъ какъ главный признакъ даннаго преступленія есть оскорбленіе, а не то, нанесено-ли оно на словахъ или на письмѣ. Высказавъ, затѣмъ, предположеніе, что вновь составляемое уложеніе не будетъ страдать казуистичностью, г. Быковъ добавилъ, что поэтому вводить въ него правило о примѣненіи карательныхъ законовъ по аналогіи нѣтъ надобности, но что воспрещеніе аналогіи, по его мнѣнію, достаточно ясно выражено въ 1 ст. проекта и единственное, что въ этомъ отношеніи слѣдуетъ еще сдѣлать, такъ это показать въ сравнительномъ указателѣ ст. 151 нынѣ дѣйствующаго уложенія отмѣненною, а не замѣненною ст. 53 проекта, какъ она тамъ показана. Хотя Сенатъ, разрѣшая аналогію, и ссылался, между прочимъ, и на 12 ст. Уст. угол. суд., но главнымъ основаніемъ все-таки служила ст. 151 Улож.

В. В. Смиттенъ замѣтилъ, что выгода допущенія аналогіи состоитъ въ томъ, что, благодаря ей, иной разъ дѣяніе несомнѣнно преступное, но случайно упущенное изъ виду законодателемъ, не избѣгаетъ наказанія. Но такая выгода вовсе не уравновѣшиваетъ того зла, которое, въ видѣ судебнаго произвола, есть неизбѣжное послѣдствіе допущенія аналогіи. Бѣда не велика, если одинъ или два преступника избѣгнутъ наказанія. Вопросъ всегда можетъ быть возбужденъ и разрѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ, и третій преступникъ уже не ускользнетъ болѣе отъ законной кары и возмездія. Между тѣмъ, при узаконеніи судебнаго произвола горькія послѣдствія его и неустранимы, и неисчислимы.

А. В. Степановъ высказалъ: Аналогія осуждена наукою безусловно. Въ рукахъ судьи право примѣнять уголовный законъ по аналогіи представляется жесточайшимъ орудіемъ произвола. При признаніи за судьями такого права, ни одинъ гражданинъ не можетъ заснуть спокойно, въ увѣренности, что въ истекшій день онъ не совершилъ никакого преступленія и завтра его не потянутъ въ судъ и не накажутъ. Самое совершенное уложеніе не исключитъ практически пользованія аналогіей, разъ въ принципѣ будетъ признано за судомъ право прибѣгать къ ней: умы съ направленіемъ по преимуществу криминальнымъ всегда розыщутъ такія дѣянія, которыя, съ ихъ точки зрѣнія, слѣдуетъ облагать наказаніями и которыя не предусмотрѣны дѣйствующимъ закономъ. Точно также и самое несовершенное законодательство не оправдываетъ дѣйствія аналогіи, ибо только при отсутствіи ея свобо-

да и безопасность гражданъ отъ судебнаго произвола могутъ считаться обезпеченными. Обезпеченіе же личной свободы и безопасности въ ихъ законныхъ, конечно, предѣлахъ столько же, если не больше, интересно для законодателя, сколько и охраненіе безопасности общественнаго союза. Далѣе г. Степановъ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, и наше законодательство не допускаетъ анологическаго примѣненія уголовнаго закона. Можно, пожалуй, согласиться съ тѣмъ, что 1 п. 771 ст. уст. недостаточно ясно воспрещаетъ ее, но во всякомъ случаѣ законъ этотъ ничего не говоритъ и въ пользу приверженцевъ аналогіи. 151 ст. улож. говоритъ не о преступности дѣянія, а только о наказаніи. Въ этомъ только смыслѣ и надлежитъ понимать ее. На законъ этотъ надо смотрѣть, какъ на историческое наслѣдіе тѣхъ временъ, когда уголовный законъ, не опредѣляя въточности наказанія, говорилъ иногда, что за такое-то преступленіе слѣдуетъ наказывать «безо всякія пощады» и т. под. Замѣчаніе, что въ такомъ случаѣ, т. е. при такомъ толкованіи и при настоящемъ состояніи особенной части улож. о наказ., ст. 151 была бы рѣшительно никогда непримѣнима, а между тѣмъ она сохранила свою силу при всѣхъ перемѣнахъ уголовнаго законодательства, по мнѣнію г. Степанова, ничего не доказываетъ. Мало-ли у насъ статей, неимѣющихъ болѣе никакого смысла, но тѣмъ не менѣе аккуратно перемѣщаемыхъ изъ свода въ сводъ. Но самымъ сильнымъ аргументомъ противъ лагеря аналогистовъ является именно ст. 12 уст., на которую опирается Сенатъ, проводя свою теорію аналогическаго примѣненія закона. Аналогія есть не столько способъ интерпретаціи закона, сколько средство для созданія закона новаго. Для примѣненія аналогіи безусловно необходимо, чтобы на данный случай закона не было. Неполнота закона равнозначительна только недостаточной его опредѣлительности, и законъ неполный, разумѣется, подлежитъ истолкованію по общему смыслу законовъ. Но тутъ еще нѣтъ рѣчи объ аналогіи. Поэтому уст. угол. суд. (ст. 12) опредѣляетъ, что въ случаѣ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ они подлежатъ толкованію по общему ихъ смыслу. Но здѣсь законъ ничего не говоритъ объ отсутствіи закона, которое вызвало-бы созданіе его по аналогіи и, значитъ, не допускаетъ аналогіи. Не то въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, гдѣ въ ст. 9 содержится такой перифразъ ст. 12 уст. угол. суд.: въ случаѣ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія въ законахъ и т. д. Составители уставовъ, какъ полагалъ г. Степановъ, въ этомъ случаѣ не обмолвились, а умышленно не помѣстили слова: «недостатокъ» въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, давъ ему въ то же время мѣсто въ уставѣ судопроизводства гражданскаго. Тѣмъ самымъ они ясно показали, что аналогія, умѣстная въ дѣлѣ толкованія законовъ гражданскихъ, вовсе непримѣнима, когда рѣчь идетъ о законахъ

уголовныхъ. Затѣмъ г. Степановъ присоединился къ мнѣнію докладчика г. Сминтена о желательности, для устраненія всякаго рода споровъ и недоразумѣній въ будущемъ, точно и опредѣлительно выразить въ законѣ, что преступность дѣянія не можетъ быть признаваема по аналогіи.

Относительно двухъ остальныхъ возбужденныхъ референтомъ вопросовъ, именно о запрещенности дѣянія во время его совершенія и о невозможности наказанія иного, кромѣ установленнаго уложеніемъ, А. В. Степановъ и нѣкоторые другіе члены высказали, что 1-я статья новаго проекта имѣетъ въ виду опредѣлить, что надлежитъ считать преступленіемъ съ точки зрѣнія положительнаго закона. Оставляя въ сторонѣ, какъ оно и слѣдуетъ, философскую сторону вопроса, законъ смотритъ на преступленіе, какъ на дѣяніе, воспрещенное въ данный моментъ подъ страхомъ наказанія. Слѣдовательно, слова: «во время его совершенія», относясь къ опредѣленію существеннѣйшаго признака преступленія, не только умѣстны именно въ 1-й статьѣ, но и положительно необходимы. Наконецъ, выраженіе: «никто не можетъ быть приговоренъ къ наказанію, неустановленному симъ уложеніемъ» имѣетъ то же значеніе, что и 1 ст. уст. угол. суд., опредѣляющая, что никто не можетъ быть подвергнутъ судебному преслѣдованію иначе, какъ въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами устава уголовнаго судопроизводства. Установленный приведенными словами 1 статьи принципъ представляется, во всякомъ случаѣ, немаловажной гарантіей правильности дѣйствій, по крайней мѣрѣ, судебной власти.

По окончаніи преній Предсѣдатель предложилъ на рѣшеніе Общества слѣдующіе три вопроса:

1) Слѣдуетъ-ли допускать примѣненіе карательныхъ законовъ по аналогіи?

2) Слѣдуетъ-ли говорить въ 1 ст., что наказуемо только то дѣяніе, которое запрещено въ моментъ его совершенія?

и 3) Слѣдуетъ-ли говорить въ 1 ст. о томъ, что никто не можетъ быть подвергаемъ наказанію, неустановленному уложеніемъ?

Первый вопросъ единогласно рѣшенъ отрицательно, остальные же два большинствомъ голосовъ рѣшены утвердительно, но при этомъ большинствомъ-же голосовъ признано, что правило о невозможности аналогіи недостаточно ясно выражено въ текстѣ 1 ст. проекта, а потому желательно или измѣненіе редакціи въ этомъ отношеніи или же составленіе особой статьи, въ которой бы было прямо высказано, что уголовные законы по аналогіи примѣняемы быть не могутъ. Принимая затѣмъ во вниманіе, что выработка новой редакціи въ многочисленномъ Обществѣ слишкомъ затруднительна и потребуетъ слишкомъ много времени и что въ задачи Общества при обсужденіи

проекта не можетъ входить составленіе новой редакціи, общество опредѣлило: не составлять новой редакціи, а ограничиться указаніемъ тѣхъ недоразумѣній, которыя, по его мнѣнію, порождаются редакціею проекта.

По замѣчанію г. фонъ-Резона, редакція статьи 1-ой не ясна; по буквальному тексту своему, она опредѣляетъ только временныя границы дѣйствія закона, между тѣмъ какъ, по намѣренію Коммисіи, она заключаетъ въ себѣ и запрещеніе аналогическаго примѣненія уголовнаго закона. Но намѣреніе и мотивы Коммисіи не составляютъ закона, ибо могутъ не совпадать съ намѣреніемъ законодателя. Поэтому необходимо изложить ее болѣе точно, ибо иначе практика можетъ сомнѣваться, дѣйствительно ли запрещена аналогія или нѣтъ. Что такое опасеніе неголословно, доказываетъ примѣръ 2 ст. германскаго уложенія, которая различно истолковывалась теоріею и практикою (см. Merkel въ Holtzendorf's Handbuch II, 82, 6), несмотря на то, что она была заимствована изъ прусскаго уложенія, которое несомнѣнно желало устранить аналогію, какъ это видно изъ исторіи его составленія. Кромѣ того, ссылка на 90 и 147 ст. улож. можетъ легко ввести въ заблужденіе. Примѣненіе аналогіи по уложенію 1866 г. основываютъ (хотя можетъ быть и неправильно) на 151 ст., слѣдовательно въ статьѣ новаго уложенія, относящейся къ этому предмету, необходимо, для большей ясности, сдѣлать ссылку и на эту статью. Наконецъ слова: «и приговоренъ къ наказанію» и т. д., невстрѣчающіяся ни въ одномъ изъ новыхъ уложеній, могутъ быть совершенно исключены.

Судебная Газета (№ 10—1882 г.) замѣчаетъ, что во всѣхъ европейскихъ уголовныхъ кодексахъ первыя статьи имѣютъ однородный характеръ. Искони заключаютъ онѣ въ себѣ выраженіе одного и того же кореннаго начала уголовнаго права: nullum crimen sine lege; nulla poena sine lege.

Все различіе опредѣленій законовъ по этому предмету заключается, въ томъ, что въ однихъ кодексахъ это начало выражается, такъ сказать, въ чистомъ видѣ, безъ всякой примѣси, какъ норма основная. Въ другихъ же законодательствахъ, напротивъ, эта норма вводится въ постановленіе, имѣющее цѣлью сразу же установить и основное начало дѣйствія уголовнаго закона во времени и имъ какъ бы поглощается.

Представителемъ перваго типа является венгерское уложеніе, представителями втораго—германское, голландское и французское.

Не касаясь вопроса о преимуществахъ того или другого типа, нельзя не замѣтить, что, со стороны общаго характера и пріема, указанныя законоопредѣленія имѣютъ то достоинство, что даютъ постановленія ясныя и опре-

дѣленныя, а главное, имѣютъ своимъ предметомъ именно то, что соотвѣтствуетъ существу уголовнаго кодекса и требуется всею его логикою. Они даютъ норму права матеріальнаго.

Въ нашемъ дѣйствующемъ уложеніи прямаго постановленія, выражающаго эту норму, не существуетъ, хотя признаніе этой нормы вытекаетъ изъ общаго смысла законовъ уголовныхъ и ст. 771 уст. угол. суд. Кромѣ того, въ нашемъ уложеніи существуетъ ст. 151, допускающая примѣненіе закона по аналогіи. Составители проекта отдалились отъ мысли вполнѣ вѣрной. Они поставили себѣ задачей не только ввести въ законъ признаніе указанной нормы, но и выразить свое постановленіе съ тою категоричностью, которая бы не оставляла никакихъ сомнѣній насчетъ отмѣны аналогическаго примѣненія закона.

Но одно дѣло мысль, другое дѣло выполненіе этой мысли.

Уже при первомъ взглядѣ на 1 ст. невольно поражаешься ея тяжеловатостью и своеобразностью, хотя, несомнѣнно, она должна выражать ту же норму, какую выражаютъ и другіе кодексы. По самой редакціи своей, 1 ст. носитъ гораздо болѣе характеръ процессуальный; въ ней заключается не принципіальное выраженіе нормы, а скорѣе *порядокъ* ея примѣненія.

Если же всмотрѣться въ содержаніе 1 ст., то легко замѣтить, что она составлена изъ двухъ разнородныхъ частей, изъ коихъ только первая часть касается выраженія той основной нормы, о которой было сказано. Вторая же часть, говорящая о томъ, что никто не можетъ быть приговоренъ къ наказанію, неустановленному уложеніемъ, имѣетъ своимъ предметомъ опредѣленіе «власти и обязанности суда въ опредѣленіи наказаній». Чрезъ присоединеніе этой второй части какъ бы измѣняется весь характеръ закона. Какъ будто этотъ законъ имѣлъ своею цѣлью выразить всю формулу уголовной юстиціи. Но въ такомъ случаѣ этотъ законъ неполонъ. Для достиженія этой цѣли, въ него надлежало бы включить и начало, выраженное въ 1 ст. уст. угол. суд. Тогда, дѣйствительно, формула была бы полна.

Конечно, не эту цѣль имѣли въ виду составители 1 ст. Но въ такомъ случаѣ, та цѣль, которую они имѣли, не выражена ими въ законѣ съ достаточной опредѣленностью. Изъ объяснительной записки видно, что 1 ст. проекта образована изъ 90 и 147 ст. дѣйствующаго уложенія. Однако, при внимательномъ разсмотрѣніи этихъ статей, оказывается, что ни та, ни другая къ предмету 1 ст. проекта, какъ онъ установленъ самими редакторами, не относится. Обѣ, 90 и 147 ст. улож. 1866 г., говорятъ о предѣлахъ власти суда въ назначеніи наказаній, установленныхъ дѣйствующею «лѣстницею». Статьи эти установляютъ собственно лишь порядокъ и правила примѣненія лѣстницы наказаній. Что именно такой характеръ имѣли разсматриваемы

статьи, явствуетъ изъ того, что они существовали вмѣстѣ съ 151 ст., допускающею такъ называемую аналогію. Между тѣмъ, составители 1 ст., какъ видно изъ объяснительной записки, имѣли цѣлью именно упраздненіе аналогіи. Очевидно, что по источникамъ своимъ 1 ст. проекта не достигаетъ главнѣйшей и вполнѣ правильной цѣли своей,—упраздненія 151 ст. улож. 1866 г., которая даже и не указана въ проектѣ въ числѣ источниковъ, наряду съ ст. 90 и 147.

Собственно, основная норма уголовнаго права заключается въ первой части 1 ст. Въ ней она выражена вмѣстѣ съ выраженіемъ основнаго начала дѣйствія уголовнаго закона во времени, т. е. по второму типу западныхъ образцовъ. Не будь второй части, одна первая часть 1 ст., при указаніи, что она образована въ отмѣну 151 ст., вполнѣ обняла бы своимъ содержаніемъ идею составителей проекта. Если же составители проекта такою редакціею не удовлетворились и включили въ 1 ст. ея вторую часть, то, очевидно, въ ней то они и видѣли всю силу положенія, упраздняющаго аналогію, ибо не могли же они, въ самомъ дѣлѣ, имѣть желаніе сказать то же, что говорили 90 и 147 ст. улож. Въ этомъ никакой надобности и не представлялось. Съ другой стороны, въ дѣйствительности эта вторая часть вовсе не говоритъ и того, что желали сказать составители и до упраздненія 90 и 147 ст., далеко неравносильна упраздненію 151 ст., что собственно и должно составлять главный предметъ 1 ст.

Совокупность приведенныхъ замѣчаній не можетъ не указывать на то, что опредѣленіе 1 ст. проекта далеко не безспорно. Это опредѣленіе открываетъ поводъ къ толкованіямъ и не устраняетъ возможности ошибокъ такого толкованія. Во всякомъ случаѣ, отступленіе, сдѣланное составителями 1 ст. проекта отъ образцовъ западныхъ кодексовъ, только въ томъ случаѣ могло бы быть оправдано, если бы этимъ отступленіемъ достигалась своя «русская» цѣль,—упраздненіе ясное и категорическое «многострадальной» 151 ст. Можетъ быть, иная редакція 1 ст. кодекса лучше и проще выражала бы свою мысль. 1-ю ст. проекта можно формулировать въ такомъ видѣ:

«Преступными почитаются лишь дѣянія, прямо воспрещенныя подъ страхомъ наказанія уголовнымъ закономъ, дѣйствующимъ во время ихъ совершенія».

«Аналогія ни въ какомъ случаѣ не допускается.»

«Взамѣнъ 151 ст. улож. изд. 1866 г.».

По поводу 1 ст. проекта Сенаторъ А. К. Фриде замѣчаетъ, что, соглашаясь вполнѣ, въ виду мотивовъ Коммиссіи къ означенной статьѣ, съ цѣле-

сообразностію выраженія *именно въ самомъ началѣ* уложенія того положенія, которое заключается въ означенной статьѣ, онъ тѣмъ не менѣе полагаетъ, что редакція этой статьи не объемлетъ въ полномъ составѣ всего того, что Коммисія желала вложить въ этотъ законъ. Цѣль Коммисія кажется скорѣе была бы достигнута, если бы выраженіе «*закономъ уголовнымъ*» было опущено. Въ необходимости этого измѣненія убѣждаетъ соображеніе, изложенное въ 3 п. мотивовъ, ибо если для примѣненія въ данномъ случаѣ наказанія *за дѣяніе* не требуется *безусловно*, чтобы это послѣднее было запрещено только *закономъ обнародованнымъ и вступившимъ въ законную силу въ порядкѣ, указанномъ ст. 57 и послѣдующими законовъ основныхъ, а достаточно*, чтобы оно было запрещено постановленіями административныхъ, сельскихъ и городскихъ управленій въ предѣлахъ, для каждой изъ сихъ властей закономъ установленныхъ; если эти запрещенія могутъ послѣдовать и по изданіи новаго уложенія и если нарушенія запрещеній административныхъ, сельскихъ и городскихъ управленій, хотя и подлежащія наказанію на основаніи уложенія, не могутъ быть признаваемы ни за преступленія, ни за проступки, а подходятъ, въ большинствѣ случаевъ, подъ простыя нарушенія и часто подвергаютъ виновныхъ только взысканіямъ, то лучше не говорить въ ст. 1 о дѣяніяхъ, запрещенныхъ только «*закономъ уголовнымъ*».

Выраженіе ст. 1: «*во время его совершенія*» также не выражаетъ той мысли, которая, на основаніи законовъ основныхъ, указана весьма правильно въ мотивахъ, ибо законъ обнародованный напр. 1 Января такого то года въ Собраніи узаконеній, издаваемомъ въ столицѣ, и запрещающій извѣстное дѣяніе, не можетъ еще, на основаніи ст. 59 закон. основн., быть примѣнимъ въ Тобольской губерніи къ запрещенному имъ дѣянію, совершонному того же 1 Января, ибо для примѣненія закона отъ сего числа въ Тобольскѣ необходимо принять въ соображеніе полученіе онаго на мѣстѣ и время его распубликованія въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. По симъ соображеніямъ Сенаторъ А. К. Фриде полагалъ бы ст. 1 изложить слѣдующимъ образомъ:

I.

Никто не можетъ быть ни наказанъ за дѣяніе, незапрещенное установленнымъ въ законѣ порядкомъ до его совершенія, ни приговоренъ къ наказанію, неустановленному симъ уложеніемъ.

При такой редакціи отъ правительства не будетъ отнята возможность издавать, и по распубликованіи уложенія, запретительныя правила, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти правила будутъ имѣть, для виновнаго въ нарушеніи оныхъ, послѣдствія карательныя только-либо если они будутъ подводить вновь запрещенное дѣяніе подъ извѣстное, уже запрещенное уложеніемъ

дѣяніе, либо если въ нихъ положительно будетъ выражена угроза извѣстнымъ наказаніемъ, допускаемымъ уложеніемъ.

Въ этомъ же мѣстѣ, по внутренней связи, слѣдовало бы изложить, по примѣру новаго нидерландскаго уложенія, то, что изложено въ ст. 12 проекта подъ рубрикою *главы второй: о пространствѣ дѣйствія уложенія*; такимъ образомъ *въ первыхъ двухъ статьяхъ* новаго проекта были бы изложены правила: *о пространствѣ дѣйствія уложенія* по отношенію *ко времени* изданія закона; а въ ст. 5—11 проекта содержались бы исключительно правила: *о пространствѣ дѣйствія уложенія въ территоріальномъ* отношеніи, т. е. по мѣсту совершенія преступленія, или по мѣсту пребыванія преступника.

Предсѣдатель Казанскаго Окружнаго Суда Грассъ, Членъ того же Суда Дьяченко и Присяжный Повѣренный Степановъ указываютъ, что статья 1 проекта содержитъ въ себѣ два правила: 1) никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе, незапрещенное, во время его совершенія, закономъ уголовнымъ подъ страхомъ наказанія (*), и 2) никто не можетъ быть приговоренъ къ наказанію, неустановленному уложеніемъ.

Что касается до перваго изъ этихъ правилъ, то нельзя не замѣтить прежде всего, что формула: «никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе, незапрещенное . . . . закономъ уголовнымъ . . . . » по буквальному смыслу своему опредѣляетъ прямо и непосредственно право каждаго не быть наказаннымъ за дѣяніе, незапрещенное закономъ, право, несомнѣнно, политическое. Еслибы правило такой формы помѣщено было въ системѣ законовъ основныхъ, подобно тому, какъ мы находимъ его напр. въ бельгійской конституціи, то противъ него трудно было бы что-нибудь сказать, такъ какъ опредѣленіе коренныхъ правъ гражданъ составляетъ несомнѣнную задачу основныхъ законовъ; но опредѣленіе политическихъ правъ въ уголовномъ законѣ едва ли умѣстно. Уголовный законъ преслѣдуетъ свою спеціальную цѣль—опредѣленіе преступленій и наказаній, и потому желательно, чтобы нормы, входящія въ составъ уголовнаго кодекса, отвѣчали этой цѣли не только по существу своему, но и по своей редакціи. Необходимо поэтому, чтобы 1 ч. 1 ст. изъ формулы, опредѣляющей политическое право, была обращена въ простое опредѣленіе легальнаго понятія преступнаго дѣянія и

(*) Выраженіе: «закономъ уголовнымъ подъ страхомъ наказанія» очевидный плеоназмъ, ибо если дѣяніе запрещено уголовнымъ закономъ, то это само собою уже значитъ, что оно запрещено подъ страхомъ наказанія.

получила бы соотвѣтствующую этому редакцію, напр. примѣнительно къ формѣ § 1 венгерскаго уложенія: «преступнымъ почитается только такое дѣяніе, которое объявлено таковымъ закономъ».

По содержанію своему 1 ч. 1 ст., по мысли редакторовъ, должна устранять примѣненіе уголовнаго закона по аналогіи. Слѣдуетъ однако сказать, что въ буквальномъ смыслѣ этой части 1 ст. не содержится ничего такого, что лишало бы судъ права примѣнять уголовный законъ по аналогіи. Аналогія есть одинъ изъ способовъ толкованія закона; наказуемость же дѣянія со стороны закона, какъ условіе его преступности, сама по себѣ способовъ толкованія закона не опредѣляетъ. Примѣненіе закона къ судимому дѣянію по аналогіи неравносильно признанію непримѣнимости къ нему этого закона; напротивъ, примѣняя законъ по аналогіи, судъ признаетъ тѣмъ самымъ, что судимое имъ дѣяніе обнимается закономъ, хотя и не по буквальному содержанію его, а по тождеству основаній. И, сколько извѣстно, умѣстность аналогіи въ уголовномъ правѣ оспаривается не потому, чтобы аналогическое примѣненіе закона не было дѣйствительнымъ примѣненіемъ послѣдняго, а потому, что аналогія, какъ способъ доказыванія, можетъ быть, говоря словами *Милля*, и ничтожнымъ доводомъ, и совершеннымъ невѣдѣніемъ,—все зависитъ отъ способности и качества лица, пользующагося этимъ доказательствомъ. Эта недостаточность аналогическаго толкованія, обусловливающаяся самою сущностью его съ одной стороны и важностью тѣхъ интересовъ личности, которые затрогиваются наказаніемъ—съ другой, и является истинною причиною отрицанія умѣстности аналогіи въ уголовномъ правѣ и объясненіемъ того, почему въ этой области права буквальное примѣненіе закона считается однимъ изъ существенныхъ средствъ для устраненія «произвольнаго умствованія, порождающаго необузданныя и продажныя толкованія» (*).

Изъ сказаннаго, такимъ образомъ, слѣдуетъ, что требованіе запрещенности дѣянія, какъ условіе его наказуемости, само по себѣ не исключаетъ возможности аналогическаго примѣненія закона.

Пресѣченіе такой возможности мыслимо лишь путемъ прямаго требованія буквальнаго примѣненія закона. Требованіе это, весьма опредѣлительно заявленное въ 12 ст. 2 ч. XV т. уст. угол. суд., могло бы быть выражено достаточно ясно и въ уложеніи, если предложенное выше опредѣленіе преступленія будетъ формулировано такъ: «преступнымъ почитается только такое дѣяніе, которое *прямо* объявлено такимъ закономъ».

Обращаясь къ 2 ч. 1 ст., приходится, по мнѣнію гг. Грасса, Дьяченко и Степанова, замѣтить, что, по прямому смыслу своему, правило, изложенное

(*) Беккарія, О преступленіяхъ и наказаніяхъ, пер. Соболева, § 4.

въ ней, является совершенно безсодержательнымъ. Изъ того, что никто не можетъ быть приговоренъ къ наказанію, неустановленному закономъ, не возможно сдѣлать никакого вывода, исключая развѣ ничего необъясняющаго перифраза, что всякій можетъ быть приговоренъ къ наказанію, установленному закономъ. Лучшимъ доказательствомъ безцѣльности такого правила служитъ то, что указаній на него не находится ни въ одномъ западно-европейскомъ кодексѣ; содержащіяся въ нихъ правила о томъ, что никто не можетъ быть наказанъ за преступное дѣяніе какимъ либо инымъ наказаніемъ, какъ тѣмъ, которое было опредѣлено закономъ до его совершенія (*), имѣетъ, очевидно, цѣлью опредѣлить дѣйствіе закона по времени, но не отвлеченное правило о томъ, что никто не можетъ быть присужденъ къ наказанію, неустановленному закономъ.

Правда, редакторы говорятъ, что разсматриваемымъ правиломъ они желали установить законный характеръ наказанія, но такимъ теоретическимъ опредѣленіямъ вовсе не мѣсто въ уголовномъ кодексѣ, назначенномъ для практическихъ цѣлей. Конечно, изъ того начала, что никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію, неустановленному закономъ, возможенъ и практическій выводъ о томъ, что судъ не вправѣ измышлять наказанія, но такой выводъ можетъ служить основаніемъ для правила въ процессѣ, а никакъ не въ матеріальномъ уголовномъ правѣ, ибо обязанность судьи примѣнять только наказанія, установленныя закономъ, есть обязанность процессуальная. Впрочемъ, и какъ процессуальное правило, постановленіе 2 ч. 1 ст. является излишнимъ, такъ какъ въ 12 ст. уст. угол. суд. содержится уже предписаніе, обязывающее судебныя установленія рѣшать дѣла по точному разуму законовъ и само собою отнимающее у нихъ право приговорить кого-либо къ наказанію, неустановленному закономъ за судимое дѣяніе и тѣмъ болѣе вовсе неозначенному въ законѣ.

По поводу 1-й статьи проекта чины Смоленской прокуратуры высказываютъ единогласное убѣжденіе, что статья эта имѣетъ громадное значеніе, составляетъ, такъ сказать, краеугольный камень всякаго разумно составленнаго уложенія о наказаніяхъ, ибо она уничтожаетъ возможность наложенія наказаній помимо тѣхъ, которыя прямо установлены закономъ, и положительно, категорически, отвергаетъ аналогію наказаній, что до сихъ поръ возбуждало еще сомнѣнія.

(*) *Венгерское улож.* § 1, *германское* § 2, *бельгійское* ст. 2, *французское* ст. 4.

Чины прокурорскаго надзора Рязанскаго Окружнаго Суда находятъ, что текстъ ст. 1-й, не опредѣляя съ точностью понятія о дѣяніи, закономъ караемомъ, вскользь лишь указываетъ, что можетъ быть дѣяніе закономъ уголовнымъ запрещаемое. Въ статьѣ сказано: «никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе незапрещенное».

Первая статья всякаго уголовнаго закона должна прежде всего въ общихъ выраженіяхъ обрисовать, юридически опредѣлить, какое дѣяніе составляетъ предметъ закона уголовнаго, вѣдается этимъ закономъ, и, по юридическомъ опредѣленіи такого дѣянія, возникаетъ уже вопросъ о послѣдствіяхъ совершившагося дѣянія, и цѣль уголовнаго закона и заключается въ оцѣнкѣ или въ уравновѣшиваніи проявленія во внѣ воли, нарушающей право государства, общества, или частнаго лица съ тѣми преградами, которыми государство, общество или частныя лица отстаиваютъ или охраняютъ свои права (наказаніе). Такимъ образомъ въ первой статьѣ проекта должно быть изложено общее понятіе о дѣяніи, закономъ уголовнымъ караемомъ, объ уклоненіи воли, проявляемой во внѣ, отъ нормъ существующихъ, закономъ положенныхъ.

Съ своей стороны, названные чины полагаютъ, что 1 ст. проекта могла бы быть изложена, примѣняясь къ статьѣ 1 венгерскаго уложенія, отличающейся ясностью и точностью изложенія. Означенная статья говоритъ: «преступленіями или проступками почитаются только дѣянія, признанныя таковыми закономъ; никто не можетъ быть приговоренъ за преступленіе или проступокъ къ иному наказанію, кромѣ назначеннаго за нихъ въ законѣ до ихъ совершенія».

По замѣчанію Старшаго Предсѣдателя Казанской Судебной Палаты Окулова и Членовъ той же Палаты Кобеко и Орлова, уложеніе о наказаніяхъ должно заключать въ себѣ сборникъ тѣхъ карательныхъ правилъ, которыя законодатель назначаетъ за дѣянія и упущенія, воспрещенныя закономъ.

Такой сборникъ, составленный на основаніи историческаго развитія народа, долженъ заключать въ себѣ двѣ части: 1) общую, въ которой помѣщаются основные принципы, принятые законодателемъ для опредѣленія системы карательныхъ мѣръ, усвоенныхъ государствомъ, и 2) особую, въ которой означается слѣдующее за каждое отдѣльное преступленіе наказаніе.

Въ виду изложеннаго, 1-я статья является помѣщенною совершенно неумѣстно, ибо содержитъ въ себѣ не соотвѣтствующее изложеннымъ выше

началамъ постановленіе, а лишь судопроизводственное правило, заключающееся въ 771 ст. уст. угол. судопр.

По замѣчанію Члена Казанской Судебной Палаты Орлова, эта статья заключаетъ еще въ себѣ плеоназмъ: «запретъ уголовнаго закона подъ страхомъ наказанія».

Нѣтъ, посему, основаній избѣгать въ новомъ кодексѣ того начала, которое имѣлось въ прежнемъ, но слѣдовало только измѣнить редакцію, согласивъ таковую съ 4 статьею проекта.

Въ виду этого предлагается слѣдующая редакція 1-й статьи: «преступленіемъ, проступкомъ или нарушеніемъ, уголовными законами преслѣдуемыми, признаются какъ самое преступное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, что, подъ страхомъ наказанія, закономъ предписано или воспрещено».

Въ образованной изъ состава Варшавской Судебной Палаты особой коммисіи для разсмотрѣнія проекта, относительно 1 статьи одинъ членъ коммисіи (г. Кочубей) полагалъ изъ текста этой статьи исключить слова: «закономъ уголовнымъ», такъ какъ эта вводная фраза представляется излишнею.

При дальнѣйшемъ же обсужденіи коммисіею этого вопроса мнѣнія членовъ ея раздѣлились:

Два члена (гг. Потуловъ и Вендрихъ) присоединились къ изложенному мнѣнію.

Всѣ же прочіе члены (гг. Томашевскій, Фейлертъ, Суходольскій и Сарандо) высказались за оставленіе 1 ст. безъ измѣненія, такъ какъ смыслъ этой статьи не возбуждаетъ, по ихъ мнѣнію, никакихъ сомнѣній.

При разсмотрѣніи соображеній коммисіи на ст. 1 проекта, Общее Собраніе Департаментовъ Варшавской Судебной Палаты согласилось съ большинствомъ коммисіи, т. е. не признало нужнымъ какихъ либо измѣненій въ текстѣ этой статьи.

Въ собраніи лицъ прокурорскаго надзора округа Кіевской Судебной Палаты единогласно высказано было мнѣніе, что редакція статьи 1-ой является не вполнѣ точной и, при буквальномъ толкованіи, можетъ вызвать слѣдующія недоразумѣнія:

Первая часть означенной статьи, имѣя въ виду общій принципъ теоріи уголовнаго права о безотвѣтственности лицъ за дѣянія, не предусмотрѣнныя подъ страхомъ наказанія уголовнымъ закономъ, вообще, гдѣ бы онъ ни помѣщался, какъ бы обобщаетъ означенный принципъ, распространяя его силу въ словахъ: «уголовнымъ закономъ» не только на уложеніе, но и на другіе уголов-

ные наши кодексы, какъ то: уставы дисциплинарный, воинскій, морской и т. д., тогда какъ вторая часть той же статьи, словами: «ни приговоренъ къ наказанію, не установленному симъ уложеніемъ», пріурочиваетъ принципъ безотвѣтственности за дѣянія, непредусмотрѣнныя уголовнымъ закономъ, лишь къ тѣмъ изъ нихъ, которыя обложены наказаніями, установленными уложеніемъ, и по буквальному смыслу какъ бы исключаетъ возможность примѣненія наказаній, указанныхъ въ другихъ уголовныхъ кодексахъ.

Собраніе, находя такую редакцію разбираемой статьи не вполнѣ удовлетворительною и признавая необходимымъ согласовать заключающіяся въ ней два положенія, не пришло къ соглашенію о томъ, которое изъ сихъ положеній должно быть измѣнено и согласовано съ другимъ, и голоса по этому предмету раздѣлились въ собраніи поровну: одни, признавая, что ненаказуемость за дѣяніе, незапрещенное, въ моментъ его совершенія, подъ страхомъ наказанія, какъ принципъ теоріи уголовнаго права, должна быть установлена въ каждомъ изъ уголовныхъ кодексовъ въ видѣ общаго положенія, полагали обобщить вторую часть этой статьи подобно первой и изложить редакцію таковой приблизительно въ слѣдующей формѣ: «никто не можетъ быть ни наказанъ за дѣяніе, не запрещенное, во время его совершенія, закономъ уголовнымъ подъ страхомъ наказанія, ни приговоренъ къ наказанію, таковымъ закономъ неустановленному», другіе же, исходя изъ того соображенія, что каждый хотя и общій принципъ теоріи уголовнаго права, при введеніи его въ какой-либо уголовный кодексъ, долженъ быть пріуроченъ къ сему послѣднему, полагали наоборотъ измѣнить первую часть этой статьи и, согласовавъ ее со второю, редактировать таковую слѣдующимъ образомъ: «никто не можетъ быть ни наказанъ за дѣяніе, не запрещенное, во время его совершенія, симъ уложеніемъ подъ страхомъ наказанія, ни приговоренъ къ наказанію, въ этомъ уложеніи неустановленному».

Тульскій Окружной Судъ замѣчаетъ, что статья 1, по содержанію своему, устанавливаетъ два положенія руководящихъ, слѣдующихъ одно изъ другаго: 1) взысканіе съ лица за дѣяніе только предусмотрѣнное въ уголовномъ уложеніи и притомъ наказаніемъ только обозначеннымъ въ семъ уложеніи за судимое дѣяніе и 2) ненаказуемость такого дѣянія, которое не было предусмотрѣно, во время совершенія его, этимъ уложеніемъ. Такъ какъ положеніе первое является главнымъ и изъ буквальнаго смысла его само собою должно слѣдовать положеніе второе, то не было бы неудобнымъ это положеніе второе исключить и редактировать статью первую такъ, чтобы главное положеніе само собой давало бы уразумѣть и смыслъ положенія втораго. Далѣе, уложеніе о

наказаніяхъ, для опредѣленія отвѣтственности за преступленія, есть руководство только для судей, и самое наказаніе лица, на основаніи устава уголовнаго судопроизводства, можетъ послѣдовать только по судебному акту, составленному и подписанному судьями и вступившему въ законную силу; а потому въ статьѣ 1 части общей уложенія о наказаніяхъ было бы точнѣе выраженіе: «приговоренъ къ наказанію», а не «наказанъ». Статья 1 главнымъ образомъ должна быть правиломъ руководящимъ для суда, а не для исполнителей приговоровъ суда; нѣтъ приговора по извѣстному дѣянію, не можетъ быть и наказанія за то же дѣяніе. По всѣмъ этимъ основаніямъ Тульскій Судъ полагалъ бы, при составленіи 1 статьи нашего уложенія о наказаніяхъ, принять въ руководство редакцію 1 статьи венгерскаго уложенія, признаваемую полною и Редакціонною Коммисіею. Но такъ какъ въ венгерскомъ уложеніи эта статья имѣетъ два отдѣла, то отдѣлы эти было бы полезно, для краткости, соединить и изложить статью 1 нашего уложенія о наказаніяхъ въ слѣдующей редакціи:

«Никто не можетъ быть приговоренъ за преступныя дѣянія, признанныя таковыми симъ уложеніемъ, къ иному наказанію, кромѣ назначеннаго за нихъ въ законѣ до ихъ совершенія.»

Такая редакція, по мнѣнію Окружнаго Суда, отличаясь ясностью, въ выраженіи «до ихъ совершенія» опредѣляетъ и выводъ непосредственный, что дѣяніе, непредусмотрѣнное въ уложеніи, наказуемо быть не можетъ и притомъ непредусмотрѣнное до совершенія дѣянія. Карательный законъ долженъ предшествовать совершенію дѣянія въ виду примѣненія общаго правила, что никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона и что самый законъ, до примѣненія его, долженъ быть сначала оглашенъ установленнымъ порядкомъ. Такого положенія въ наказуемости дѣянія держатся уголовные кодексы: венгерское (ст. 1), германское (§ 2), бельгійское (ст. 2), французское (ст. 4), итальянское (проектъ ст. 1 § 1), нидерландское (ст. 1).

Чины Владикавказскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что статьею 1 проекта, какъ видно изъ ея буквальнаго смысла и объяснительныхъ примѣчаній, сдѣланныхъ къ этой статьѣ Редакціонною Коммисіею,—во первыхъ устраняется право суда облагать наказаніями по аналогіи дѣянія, хотя и совершенно схожія съ преступными, но прямо закономъ невоспрещенныя; во вторыхъ—запрещается примѣненіе наказаній по аналогіи и въ третьихъ—устанавливается положеніе, по которому уголовный законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія.

Второе изъ установляемыхъ первою статьею проекта положеній пред-

ставляется излишнимъ и можетъ быть исключено безъ всякаго ущерба, такъ какъ при руководствѣ уложеніемъ, опредѣляющимъ лишь извѣстныя наказанія, само собою, только эти наказанія и могутъ примѣняться въ дѣйствительности, такъ что особое указаніе на воспрещеніе примѣненія иныхъ, кромѣ указанныхъ уложеніемъ, наказаній является плеоназмомъ.

Положеніе третье, указывающее дѣйствіе уголовнаго закона во времени, не должно имѣть мѣста въ 1 статьѣ, прямое мѣсто положенія о неимѣніи уголовнымъ закономъ обратной силы въ ряду статей, опредѣляющихъ пространство дѣйствія уложенія, что же касается перваго изъ установляемыхъ настоящею статьею положенія, воспрещающаго примѣненіе уголовныхъ законовъ по аналогіи, то введеніе этого новаго положенія въ законъ представляется, по мнѣнію названныхъ чиновъ, нежелательнымъ, несмотря на осужденіе многими теоретиками и практиками аналогическаго примѣненія уголовнаго закона.

Нынѣ дѣйствующіе уголовные законы допускаютъ аналогическое примѣненіе уголовнаго закона. Хотя Редакціонная Коммисія въ своихъ объяснительныхъ примѣчаніяхъ и указываетъ, что и нынѣ примѣненіе законовъ уголовныхъ по аналогіи воспрещается 1 п. 771 статьи уст. угол. суд., но едва ли изъ смысла 771 статьи можно сдѣлать такой выводъ. При сопоставленіи этой статьи устава уголовнаго судопроизводства со статьею 12 того же устава, предоставляющей суду несомнѣнное право аналогическаго примѣненія уголовнаго закона, нельзя не придти къ заключенію, что 1 пунктомъ 771 ст. уст. угол. судопр. не воспрещается примѣненіе законовъ уголовныхъ по аналогіи, а указывается лишь на право и обязанность суда входить въ обсужденіе правильности аналогическихъ выводовъ, сдѣланныхъ при преданіи обвиняемаго суду. Другое толкованіе 1 пункта 771 статьи шло бы въ разрѣзъ съ положеніемъ 12 статьи устава уголовнаго судопроизводства, по которой судамъ поставляется въ обязанность не останавливаться въ своихъ рѣшеніяхъ не только вслѣдствіе противорѣчій или неясности дѣйствующихъ законовъ, но и въ случаѣ «неполноты» ихъ и предписывается основывать въ этихъ случаяхъ свои рѣшенія на общемъ смыслѣ законовъ. Такимъ образомъ статья 12 устава уголовнаго судопроизводства не только не воспрещаетъ, но даже поставляетъ въ обязанность судамъ восполнять пробѣлы законодательства, руководствуясь его общимъ смысломъ, т. е. даетъ право аналогическаго примѣненія уголовнаго закона. Но не одними законами судопроизводства предоставляется суду право примѣненія уголовнаго закона по аналогіи, такое право дается и въ 151 статьѣ нынѣ дѣйствующаго уложенія, гласящей «если въ законѣ, за подлежащее разсмотрѣнію суда преступное дѣяніе, нѣтъ опредѣленнаго наказанія, то судъ приговариваетъ виновнаго къ одному изъ наказаній

предназначенныхъ за преступленія, по важности и роду своему наиболѣе съ онымъ сходныя».—Нѣкоторыя лица, слѣдуя буквальному смыслу первыхъ строкъ этой статьи, признаютъ, что она допускаетъ аналогію только въ примѣненіи наказанія, а не въ опредѣленіи преступности дѣянія. Одно уже грамматическое толкованіе статьи 151-й уложенія, при болѣе внимательномъ ея разсмотрѣніи, не допускаетъ однако объясненія ея въ указанномъ выше смыслѣ. Дѣйствующій законъ даетъ преступленію опредѣленіе не по внутреннимъ свойствамъ дѣянія, а опредѣляетъ преступность дѣянія, въ силу воспрещенности его совершенія подъ страхомъ наказанія; поэтому выраженіе первыхъ строкъ 151 статьи уложенія «если за подлежащее разсмотрѣнію суда преступное дѣяніе нѣтъ опредѣленнаго наказанія», слѣдуетъ понимать: «если законъ не запретилъ подъ страхомъ наказанія дѣянія, подлежащаго разсмотрѣнію суда», или, иначе говоря, «если не предусмотрѣно закономъ преступнаго дѣянія», что именно такъ нужно понимать первыя строки 151 статьи уложенія, указываетъ сопоставленіе ихъ со второю половиною той же статьи: «то судъ приговариваетъ виновнаго къ одному изъ наказаній, предназначенныхъ за преступленія по важности и роду своему наиболѣе съ онымъ сходныя», слово «онымъ» въ этой половинѣ статьи относится, очевидно, къ первымъ строкамъ статьи и несомнѣнно замѣняетъ собою слово «преступленія». Нельзя толковать 151 статью уложенія о наказаніяхъ въ смыслѣ, допускающемъ аналогіи только въ примѣненіи наказанія, а не въ опредѣленіи преступности дѣянія и потому, что тогда статья эта представлялась бы совершенно излишней и практически непримѣнимою, такъ какъ въ особенной части уложенія о наказаніяхъ нѣтъ ни одного преступнаго дѣянія, которое не было-бы обложено тѣмъ или другимъ наказаніемъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній сенатская практика разрѣшила вопросъ о правѣ суда на аналогическое примѣненіе закона въ опредѣленіи преступности дѣянія въ положительномъ смыслѣ, указавъ, что право это должно быть ограничено условіемъ существованія въ разсматриваемомъ судомъ дѣяніи, непредусмотрѣнномъ прямо уголовнымъ закономъ, несомнѣнныхъ признаковъ преступности и противозаконности этого дѣянія, тождественныхъ съ признаками дѣянія, предусмотрѣннаго уголовнымъ закономъ (рѣш. 1869 года № 592 по дѣлу Филиппова, 1869 года № 958 по дѣлу Игорева, 1873 года № 117 по дѣлу Грина).—И такъ, по мнѣнію Владикавказскаго Суда, является очевиднымъ, что нынѣ дѣйствующее право и практика признаютъ за судомъ право аналогическаго примѣненія уголовнаго закона въ опредѣленіи преступности дѣянія; сохраненіе такого права и на будущее время было бы вполнѣ желательнымъ. Законъ представляетъ собою лишь общую формулу, не могущую предвидѣть всѣхъ частныхъ случаевъ, возникающихъ

въ дѣйствительной жизни. При самой обширной регламентаціи, стремленіе къ которой, какъ стремленіе объять необъятное, есть притомъ не достоинство, а недостатокъ, законъ все-таки можетъ содержать неизбѣжные пробѣлы въ виду громадной разновидности представляемыхъ жизнью явленій, опредѣленія которыхъ касается правовая норма. Поэтому законъ для того, чтобы быть совершеннымъ, долженъ отказаться отъ стремленія къ казуистичности, охарактеризовать лишь въ общихъ чертахъ тотъ или другой родъ или видъ явленій, которыхъ онъ касается, предоставивъ затѣмъ судьѣ, какъ юристу, подведеніе подъ общую норму закона разновидныхъ, но однородныхъ случаевъ, представляемыхъ дѣйствительною жизнью, причемъ судья долженъ руководствоваться, конечно, опредѣленными юридическими пріемами, въ числѣ ихъ и аналогіею. Аналогія, подобно толкованію, представляетъ собою необходимый атрибутъ разумной судейской дѣятельности, восполняетъ пробѣлы, неизбѣжные во всякомъ законодательствѣ, способствуетъ этимъ удовлетворенію требованій общественной справедливости и создаетъ матеріалъ для дальнѣйшаго развитія законодательства. Допущеніе аналогіи столь-же необходимо въ уголовномъ правѣ, сколько и въ гражданскомъ, такъ какъ иначе масса преступныхъ дѣяній, случайно непредусмотрѣнныхъ закономъ, но явно преступныхъ по разуму и смыслу закона, вопреки требованіямъ справедливости, оставались бы ненаказанными. Противники аналогіи въ уголовномъ законѣ обыкновенно указываютъ на то, что она служитъ въ рукахъ суда орудіемъ жестокаго произвола, право примѣнять уголовный законъ по аналогіи лишаетъ гражданъ гарантіи отъ судебнаго произвола и зло, заключающееся въ этомъ произволѣ, не уравновѣшиваетъ выгоды права аналогіи, заключающіяся въ томъ, что дѣянія несомнѣнно преступныя, но прямо закономъ непредусмотрѣнныя, не избѣгнутъ наказанія. Съ этими доводами противниковъ аналогіи нельзя было-бы не согласиться, если-бы можно было признать аналогію и произволъ синонимами, но этого не могутъ признать, конечно, и противники аналогіи. Аналогія, подобно толкованію, не представляетъ собою чего-либо произвольнаго, а является юридическимъ пріемомъ, заключающимся въ пріуроченіи къ извѣстному закону частнаго случая, имъ непредусмотрѣннаго, но съ нимъ тождественнаго по юридическимъ началамъ, и при примѣненіи къ уголовнымъ законамъ ограничивается условіемъ несомнѣнной преступности дѣянія, предусмотрѣннаго закономъ, и тождественности притомъ его съ дѣяніемъ, уголовнымъ закономъ предусмотрѣннымъ. Аналогія весьма близка къ распространительному толкованію и часто смѣшивается съ нимъ и если считать аналогію въ рукахъ уголовнаго суда орудіемъ произвола, то отчего же не считать такимъ же орудіемъ произвола и право толкованія закона, отчего не

желать воспрещенія толкованія уголовныхъ законовъ? Но тогда водворились бы прежняя рутина и буквоѣдство, въ сто разъ вреднѣйшія права самаго широкаго аналогическаго примѣненія уголовнаго закона.

Въ виду изложенныхъ соображеній слѣдовало-бы внести въ новое уложеніе о наказаніяхъ положеніе, предоставляющее суду право примѣнять аналогію въ опредѣленіи преступности дѣянія.

По отзыву Прокурора Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскаго, статья 1, будучи вполнѣ ясною послѣ прочтенія соображеній Коммисіи, представляется нѣсколько неточною по редакціи и по содержанію своему не вполнѣ выражаетъ ту мысль, которую хотѣла въ ней выразить Коммисія. Изъ объяснительной записки Редакціонной Коммисіи видно, что статья 1 должна выражать собою правило, въ силу котораго немыслимо было бы аналогическое примѣненіе закона; но это положеніе достаточно вытекаетъ изъ первой половины означенной статьи и еще больше было бы очевиднымъ, еслибы статья это не носила процессуальный характеръ и подъ текстомъ ея было указано, что она образована не «взамѣнъ 90 и 147 ст. улож.», а взамѣнъ 151 статьи того же уложенія, — вторая же половина статьи 1, нисколько не поясняя высказанной Коммисіею мысли объ упраздненіи аналогіи, представляется совершенно излишнею, какъ потому, что она служитъ повтореніемъ того общаго правила, которое уже выражено въ основныхъ законахъ о томъ, что Россійская Имперія управляется на точномъ основаніи существующихъ законовъ, такъ и потому, что по буквѣ ея изъ того, что «никто не можетъ быть приговоренъ къ наказанію, не установленному симъ уложеніемъ», вообще еще само по себѣ не слѣдуетъ, что аналогія наказанія не допускается, и что коль скоро какое-либо дѣяніе, безспорно преступное по своимъ главнымъ признакамъ, почему-либо пропущено въ кодексѣ, то оно не можетъ быть подведено подъ другой законъ, опредѣляющій наиболѣе аналогичный съ нимъ случай, ибо буквальный смыслъ второй половины 1 статьи требуетъ лишь, чтобы никому не было назначаемо наказаніе, не установленное вообще уложеніемъ, т. е. не перечисленное въ лѣстницѣ наказаній, такимъ образомъ включеніе въ статью и этой второй половины, совершенно безполезной по своему существу, весьма естественно должно порождать множество недоразумѣній и толкованій, которыя только затемняютъ истинный смыслъ самой статьи. Вслѣдствіе сего названный Прокуроръ полагалъ бы изъ текста статьи 1 совершенно исключить вторую ея часть и самую статью, примѣняясь къ венгерскому уложенію, дающему, и по мнѣнію Коммисіи, наиболѣе полное и точное опредѣленіе разсматриваемаго положенія, изложить приблизительно такъ «*преступными*

почитаются только дѣянія, точно опредѣленныя симъ уложеніемъ подъ страхомъ наказанія», а чтобы не было никакого сомнѣнія въ томъ, что аналогія не только преступленія, но и наказанія не допускается, изложить въ видѣ особой самостоятельной статьи, что *«всякое преступное дѣяніе влечетъ за собою лишь установленное за него въ законѣ наказаніе»* и подъ текстомъ ея упомянуть, что она постановлена взамѣнъ 151 ст. улож.

Что же касается вопроса о томъ, должна ли быть аналогія преступности и наказуемости вообще допущена въ законѣ, то въ этомъ отношеніи Коммисія пришла къ совершенно вѣрному заключенію, что подобная аналогія вовсе неумѣстна въ уголовномъ законѣ, ибо всякое лицо должно съ точностью знать, какія именно дѣянія не дозволены закономъ и какое наказаніе каждое изъ нихъ можетъ повлечь на случай совершенія,—и если съ одной стороны для государственной власти представляется крайне нежелательнымъ и неудобнымъ, чтобы какой-либо преступный фактъ, случайно пропущенный въ законѣ, оставался безнаказаннымъ, то съ другой стороны еще болѣе вреднымъ является дозволеніе опредѣлять преступность и наказуемость дѣяній по аналогіи, притомъ же необходимость руководствоваться аналогіею, оправдываемая единственно неполнотою и несовершенствомъ закона, можетъ быть всецѣло устранена особенно тщательнымъ и внимательнымъ составленіемъ особенной части уложенія, дабы ни одно преступное дѣяніе не осталось непредусмотрѣннымъ закономъ или же необложеннымъ соотвѣтствующимъ наказаніемъ.

При разсмотрѣніи первой статьи проекта нѣкоторыми изъ членовъ совѣщанія чиновъ прокурорскаго надзора округа Варшавской Судебной Палаты были представлены слѣдующія три возраженія: 1) одни находили не вполнѣ удовлетворительною редакцію этой статьи въ виду того, что въ первой ея половинѣ говорится въ отрицательной формѣ о томъ, что наказаніе назначается на основаніи закона уголовнаго, а во второй, что приговоръ о наказаніи постановляется на основаніи уложенія; употребленіе этихъ двухъ выраженій въ первой статьѣ уголовнаго кодекса можетъ дать поводъ однимъ толковать ихъ какъ однозначущія, а другимъ противополагать ихъ одно другому, 2) по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ членовъ того же совѣщанія буквальный смыслъ первой статьи показываетъ, что ею устраняется всякая возможность примѣненія наказанія по аналогіи, допускавшейся ст. 151 улож. о наказ. изд. 1866 г., о чемъ нельзя не сожалѣть въ виду того, что какъ бы ни было совершенно и полно новое уложеніе, оно можетъ нормировать лишь тѣ виды преступности, которые созданы жизнію до времени его

составленія, между тѣмъ какъ при постоянномъ прогрессивномъ измѣненіи экономическихъ и соціальныхъ условій общественной жизни, чрезъ извѣстное время послѣ изданія уложенія многое, что было условлено прежде считать преступнымъ, окажется менѣе преступнымъ и даже безразличнымъ въ уголовномъ отношеніи и наоборотъ; 3) наконецъ, по замѣчанію третьихъ, мѣсто первой статьи не въ уложеніи о наказ., а въ законахъ основныхъ, или въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, такъ какъ, не заключая въ себѣ опредѣленія какой-либо изъ нормъ уголовнаго закона, она говоритъ лишь о силѣ этого послѣдняго и о порядкѣ его примѣненія.

Обсудивъ эти замѣчанія, совѣщаніе чиновъ Варшавской прокуратуры нашло:

первое, что примѣненіе первой статьи въ редакціи проекта вообще не можетъ встрѣтить затрудненія на практикѣ, что тѣ выводы, которые могутъ быть дѣлаемы изъ сопостановленія двухъ заключающихся въ ней выраженій: «уголовный законъ» и «уложеніе» едва-ли могутъ имѣть значеніе даже теоретическое и что для незыблемости извѣстнаго уголовнаго принципа совершенно достаточно облеченіе его въ форму законоположенія, безразлично отъ того, будетъ ли таковое названо уголовнымъ закономъ или уложеніемъ;

второе, что, не входя въ обсужденіе того, допустимо ли вообще примѣненіе аналогіи преступности или наказуемости и допускаетъ ли нынѣ дѣйствующій законъ подобное примѣненіе, или таковое было неправильно допущено существующею въ этомъ отношеніи судебною практикою, какъ вопросовъ чисто теоретическаго свойства,—слѣдуетъ признать, что замѣчаніе относительно необходимости допущенія аналогическаго толкованія уголовнаго закона подлежитъ разсмотрѣнію совѣщанія исключительно съ практической точки зрѣнія. Съ этой стороны совѣщаніе, по значительному большинству голосовъ, признало, что аналогія уголовнаго закона должна быть признана не только безполезною, но и безусловно вредною. Въ отношеніи къ уменьшенію, съ теченіемъ времени, значенія преступности или другими словами, измѣненію квалификаціи извѣстнаго дѣянія, предусмотрѣннаго уложеніемъ, совѣщаніе полагаетъ, что ст. 53-ю проектируемаго уголовнаго закона, предоставляющею суду смягчать наказаніе въ весьма широкихъ размѣрахъ, достаточно восполняется пробѣлъ, могущій возникнуть въ указанномъ отношеніи. Что же касается до совершеннаго уничтоженія свойства преступности дѣяній или возникновенія новаго вида преступленій, проступковъ и нарушеній, то въ этомъ отношеніи законодательная дѣятельность, исключающая изъ уложенія тѣ изъ предусмотрѣнныхъ имъ видовъ преступныхъ дѣяній, которые утратили со временемъ характеръ преступности, или дополняющая это уложеніе введеніемъ въ него новыхъ статей о вновь соз-

данныхъ жизнью уголовныхъ правонарушеніяхъ (ст. 12 проекта), всегда предпочтительнѣе дѣятельности суда, какъ основанной исключительно на субъективномъ взглядѣ лицъ, составляющихъ его присутствіе, на свойства судимаго имъ дѣянія, и слѣдовательно отправляемой при такихъ условіяхъ, которыя даютъ мѣсто не только безконечному разнообразію практики, но даже и произволу. Въ виду этого требованіе о допущеніи аналогическаго толкованія уголовнаго закона, какъ невыдерживающее критики даже съ практической точки зрѣнія, должно быть, по мнѣнію совѣщанія, безусловно отвергнуто; но такъ какъ существующая практика, согласно съ разъясненіями Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Сената, къ сожалѣнію, держалась противнаго мнѣнія, то недопущеніе аналогическаго толкованія, осуществленное въ проектѣ новаго уложенія редакціей текста 1 ст. его и отсутствіемъ въ немъ законоположенія, соотвѣтствующаго 151 ст. улож. 1866 г, представляется, по мнѣнію совѣщанія, вполнѣ цѣлесообразнымъ, и

третье, что не представляется возможнымъ согласиться ни съ тѣмъ положеніемъ, что статья первая проекта Редакціонной Коммисіи должна войти въ составъ основныхъ законовъ Имперіи, ни, равнымъ образомъ, съ тѣмъ, что она имѣетъ исключительно процессуальное значеніе, первое—на томъ основаніи, что положенія, въ ней заключающіяся, должны быть признаны относящимися исключительно до уголовнаго закона въ той его отдѣльной части, которую въ наукѣ признано называть матеріальнымъ правомъ; никакого примѣненія къ законамъ гражданскимъ, финансовымъ, административнымъ и др. они очевидно имѣть не могутъ, а потому имъ болѣе всего приличествуетъ находиться въ уголовномъ уложеніи, тѣмъ болѣе, что въ нынѣ дѣйствующихъ законахъ они не содержатся не только въ уложеніи о наказаніяхъ, но и въ законахъ основныхъ, тогда какъ большинствомъ иностранныхъ законодательствъ они помѣщены именно въ уголовныхъ кодексахъ. Что касается до будто бы процессуальнаго значенія первой статьи, то совѣщаніе, признавая, что первая ея часть, указывающая на порядокъ, какимъ должны быть налагаемы наказанія, хотя и заключаетъ въ себѣ принципъ отчасти судопроизводственный (ст. 771 уст. угол. суд.) нашло, что въ цѣломъ статья первая, взятая въ совокупности со второю ея частью, имѣетъ въ виду установленіе законнаго характера налагаемаго наказанія, какъ это и указано въ объясненіяхъ Редакціонной Коммисіи, такъ что и съ этой стороны помѣщеніе ея въ уложеніи представляется вполнѣ необходимымъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, совѣщаніе чиновъ Варшавской прокуратуры полагаетъ, что 1-ая статья проекта Редакціонной Коммисіи должна быть оставлена безъ измѣненія.

Тифлисская Судебная Палата находитъ, что въ статьѣ 1-й проекта, заключающей въ себѣ, между прочимъ, выраженіе того основнаго начала уголовнаго права, признаваемаго наукой и всѣми новѣйшими законодательствами, по которому никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе, незапрещенное во время совершенія онаго закономъ подъ страхомъ наказанія, не съ достаточною ясностью установлено правило о невозможности примѣненія наказанія по аналогіи къ дѣяніямъ, хотя прямо и не запрещеннымъ, но заключающимъ въ себѣ болѣе или менѣе явственные признаки преступности, свойственные другимъ въ законѣ предусмотрѣннымъ дѣяніямъ. Такая неясность разсматриваемой статьи проекта, въ указанномъ отношеніи, представляется тѣмъ болѣе нежелательною, что, несмотря на существованіе 1 п. 771 ст. уст. угол. суд., въ которой Редакціонная Коммисія усматриваетъ запрещеніе примѣненія наказанія по аналогіи, до настоящаго времени практика судебныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ и Правительствующаго Сената, во многихъ случаяхъ, основываясь на 12 ст. того же уст. и въ особенности на 151 ст. улож. 1866 г., допускала аналогичное примѣненіе наказанія къ нѣкоторымъ дѣяніямъ, непредусмотрѣннымъ въ особенной части дѣйствующихъ уголовныхъ законовъ. Считая излишнимъ приводить здѣсь подробно тѣ соображенія, по которымъ допущеніе аналогіи въ примѣненіи карательныхъ законовъ не должно имѣть мѣста, тѣмъ болѣе, что и Коммисія въ объяснительной запискѣ высказалась въ этомъ именно смыслѣ, Судебная Палата замѣчаетъ, что, для устраненія возможныхъ, при дѣйствіи новаго уложенія недоразумѣній, слѣдовало бы болѣе точно выразить въ немъ о воспрещеніи аналогичнаго примѣненія наказаній.—Въ этихъ видахъ 1 статью проекта, по мнѣнію Палаты, можно было бы дополнить словомъ «прямо» предъ выраженіемъ «незапрещенное». Съ добавленіемъ этого слова означенная статья выражала бы болѣе точно изложенное въ ней постановленіе о ненаказуемости дѣянія незапрещеннаго во время совершенія онаго закономъ подъ страхомъ наказанія и, такимъ образомъ, устранялось бы всякое сомнѣніе въ томъ, что аналогическое примѣненіе карательныхъ законовъ при дѣйствіи новаго уложенія не должно имѣть мѣста.

По поводу 1-ой ч. статьи 1-ой Товарищъ Прокурора Полтавскаго Окружнаго Суда Сливицкій указываетъ, что, какъ видно изъ объясненій, относящихся къ этой статьѣ, предполагается исключеніе 151 ст. уложенія, дающей право суду опредѣлять наказаніе по аналогіи. Хотя 151 ст. имѣетъ въ виду примѣненіе лишь наказанія по аналогіи, но рѣшеніями Кассаціоннаго Департамента Сената (1866 г. № 43, 1867 г. № 406, 1868 г. № 160,

1871 г. № 91 и 795) разъяснено, что въ силу 151 ст. улож. судъ можетъ восполнять пробѣлы закона, примѣняя къ дѣянію, прямо непредусмотрѣнному въ законахъ уголовныхъ, постановленія наиболѣе съ нимъ сходныя. Такимъ образомъ Сенатъ распространяетъ примѣненіе 151 ст., допуская и аналогію преступленія. Такой взглядъ Кассаціоннаго Сената представляется очень вѣскимъ доводомъ противъ исключенія 151 ст. изъ уложенія. Но кромѣ того противъ такого исключенія можно привести слѣдующее: чѣмъ уголовный законъ будетъ опредѣленнѣе и обниметъ болѣе дѣяній, которыя, по общему сознанію, преступны и требуютъ уголовной репрессіи, тѣмъ конечно лучше, но, какъ всякое дѣло человѣческое, и уголовный законъ всегда будетъ болѣе или менѣе далекъ отъ совершенства, въ немъ всегда найдутся пробѣлы, да и не всѣ карательныя статьи его будутъ столь точны и опредѣленны, чтобы не обратиться иногда для совершившаго преступное дѣяніе въ средство ускользнуть отъ наказанія подъ прикрытіемъ буквы того же карательнаго закона. Въ помощь законодательной власти въ этомъ отношеніи является судъ, который, въ силу 151 ст., дополняетъ пробѣлы, исправляетъ неполноту и недомолвки закона и тѣмъ сглаживаетъ противорѣчіе закона съ общественнымъ сознаніемъ. Къ тому же практика гласнаго суда даетъ много случаевъ примѣненія 151 ст., говорящихъ за дѣятельность суда въ этомъ отношеніи; достаточно указать на примѣненіе 286 ст. улож., распространеніемъ ея на оскорбленіе должностнаго лица въ письмѣ (рѣш. Сен. 1866 г. № 43) и на примѣненіе 1476 ст., распространённой и на неумышленное вовлеченіе находящагося на попеченіи лица не только въ такое дѣяніе, какъ самоубійство, но и въ иное преступленіе, напр. зажигательство (рѣш. Сен. 1868 г. № 160). Безъ права, даваемаго суду 151 ст. улож., эти дѣянія, не менѣе очевидно преступныя, какъ и предусмотрѣнныя 286 и 1476 ст. улож., остались бы безъ наказанія. Независимо отъ сего нельзя упускать изъ виду, что законъ уголовный издается разъ въ извѣстный періодъ времени, немыслимо часто дополнять и исправлять его, жизнь же идетъ впередъ, рука объ руку съ этимъ поступательнымъ движеніемъ усложняются и видоизмѣняются условія и гражданскія отношенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ новые случаи, непредусмотрѣнные уголовнымъ закономъ, или видоизмѣняются и указанные въ законѣ случаи. Таковые хотя по установившемуся взгляду и преступны, но останутся ненаказуемыми до того времени, пока войдутъ въ уголовный законъ и будутъ обложены наказаніемъ. Дѣйствіе 151 ст. улож. и въ этомъ отношеніи представляется необходимымъ. Коммисія въ своихъ объясненіяхъ предполагаетъ, согласно духу уставовъ 1864 г., внести въ уложеніе принципъ довѣрія къ суду (стр. 186), а если такъ, то этому принципу противорѣчитъ исключеніе 151 ст. изъ уложенія. Вся дѣятельность суда

учрежденнаго по уставамъ 1864 г., по примѣненію 151 ст. была такъ осторожна и разумна, что врядъ-ли найдется что-либо говорящее противъ суда. Да и къ тому же судебною практикою выработанъ богатый матеріалъ для новаго уложенія, именно благодаря существованію 151 ст. улож. и толкованію, данному этому закону Кассаціоннымъ Сенатомъ. Далѣе не только исключеніе 151 ст. ничѣмъ кромѣ теоріи не оправдывается, но отмѣна этого закона можетъ принести вредъ и въ томъ отношеніи, что поведетъ къ умноженію случаевъ самосуда въ тѣхъ случаяхъ, когда совершенное дѣяніе, по общественному сознанію и сопоставленію съ дѣйствующимъ закономъ, преступно, но не можетъ быть наказано, какъ прямо непредусмотрѣнное закономъ.

Г. Сливицкій указываетъ затѣмъ, что, какъ видно по источникамъ, основаніемъ 2 ч. 1-ой статьи проекта послужила 147 ст. улож. 1866 г., гласящая: «судъ не можетъ опредѣлить инаго наказанія кромѣ того, которое за судимое имъ преступное дѣяніе именно предназначено». Хотя и такое постановленіе излишне, но оно всетаки опредѣленно, оно предписываетъ суду за преступленіе опредѣлять то наказаніе, которое указано въ законѣ, а не иное изъ установленныхъ уложеніемъ наказаній, но статья 1-ая проекта запрещаетъ назначать то наказаніе, которое не установлено, которое, какъ не установленное, немыслимо и назначать. Поэтому 2-я половина 1-й ст. представляется г. Сливицкому совершенно лишенною практическаго значенія и вслѣдствіе сего излишнею.

Признавая цѣлесообразность 1-й статьи проекта, какъ устраняющей вредную аналогію преступленія и наказанія (*), Варшавскіе Присяжные Повѣренные считали бы полезнымъ помѣстить въ ней, въ текстѣ или въ примѣчаніи, что наказанію подлежатъ не только дѣянія, но и упущенія запрещенныя закономъ (кодексъ 1818 г. ст. 1 и 2.) Упущенія составляютъ столь важную категорію преступныхъ фактовъ, что постановленіе о наказуемости ихъ должно быть помѣщено въ основномъ уголовномъ законѣ, какимъ является ст. 1 проекта, и что наказуемость упущеній не должна быть выводима, какъ теперь, изъ кассаціонной практики, или изъ учебниковъ, неизвѣстныхъ большинству населенія.

(*) Аналогія преступленія, а вмѣстѣ съ нею и аналогія наказанія были положительно исключены въ кодексѣ 1818 г. ст. 49 и привились на основаніи ст. 156 уложенія 1847 г. заимствованной изъ ст. 155 уложенія 1845 г. для Имперіи (ст. 151 уложенія 1866 г.).

Ставропольскій Окружный Судъ замѣчаетъ, что составители проекта, редактируя 1 ст., какъ видно изъ объяснительной записки, имѣли цѣлью, между прочимъ, упраздненіе аналогіи преступности. Между тѣмъ 151 ст. улож. о наказ. не указана въ проектѣ въ числѣ источниковъ, на ряду съ 90 и 147 ст. улож. Хотя ст. 151 по буквальному ея смыслу трактуетъ объ опредѣленіи по аналогіи только наказанія, но въ виду толкованія Правительствующаго Сената (Р. У. К. Д. 1869 г. № 958), что ст. 151 предусматриваетъ и аналогію преступности, слѣдовало бы указать, что ст. 1 замѣняетъ также и ст. 151 улож., въ видахъ устраненія всякаго сомнѣнія относительно допустимости аналогіи преступности.

Тотъ же Судъ находитъ, что ст. 1 тяжеловата по своему изложенію, а потому и предлагаетъ слѣдующую ея редакцію: «никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе, прямо незапрещенное, во время его совершенія, закономъ уголовнымъ, ни приговоренъ къ наказанію, неустановленному симъ уложеніемъ».

Предсѣдатель Елецкаго Окружнаго Суда Костылевъ замѣчаетъ, что право суда примѣнять въ извѣстныхъ случаяхъ наказаніе по аналогіи находится въ связи съ выраженною въ 12 статьѣ уст. угол. судопр. обязанностью всѣхъ судебныхъ установленій рѣшать дѣла «по точному разуму существующихъ законовъ, а въ случаѣ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ, коими судимое дѣяніе воспрещается подъ страхомъ наказанія.... основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ».

Коренное право суда, обозначенное въ 151 статьѣ уложенія о наказаніяхъ изд. 1866 г., предназначено въ проектѣ новаго уложенія къ упраздненію, какъ о томъ изложено въ комментаріяхъ подъ 1-ою статьею.

Какія же побудительныя причины къ такому, столь серьезному измѣненію и основанія для каранія дѣяній преступнаго свойства, и характера судейской обязанности? отвѣтъ на это заключается въ означенныхъ комментаріяхъ подъ 1 статьею проекта. «Статья 1, являющаяся выраженіемъ одного изъ коренныхъ основаній права уголовнаго, заключаетъ въ себѣ два положенія, внесенныя, хотя и въ различной редакціи, во всѣ европейскіе кодексы. Этимъ положеніемъ (1 части) статьи 1 опредѣляется, что наказаніе къ виновному можетъ быть примѣнено только при наличности слѣдующихъ условій.... 3) если дѣяніе было запрещено постановленіемъ, уже вступившимъ въ законную силу въ моментъ совершенія поступка, такъ какъ только при семъ условіи существуетъ юридическое основаніе отвѣтственности, обязанность

каждаго безусловно подчиняться установленнымъ для всѣхъ гражданъ предписаніемъ закона.»

И такъ, по мнѣнію г. Костылева, главнѣйшая причина проектируемой отмѣны 151 статьи уложенія та, чтóбы соблюсти принятое въ европейскихъ кодексахъ юридическое основаніе уголовной отвѣтственности, заключающееся въ обязанности каждаго подчиняться предписаніямъ закона.

Обязанность повиноваться предписаніямъ закона существовала всегда, съ первыхъ дней русскаго государства, но это повиновеніе имѣетъ предметомъ законы, опредѣляющіе положительныя дѣйствія гражданъ, присущія теченію государственной жизни, а не законы уголовные, коими лишь караются преступныя дѣйствія, какъ зло, которое надо побороть государственною властью для общаго блага. Проявленіе этого караемаго зла совершается преступникомъ съ сознаніемъ свойства онаго, сознаніемъ, которое, даже при очерствѣлости его чувства и исключительности понятій, не исчезаетъ въ немъ безслѣдно, какъ въ человѣкѣ, созданіи Божіемъ, обладающемъ разумомъ и совѣстью.

Положеніе о наказуемости лишь того преступнаго дѣянія, которое въ точности указано въ уголовномъ кодексѣ, и что при семъ только условіи каждый можетъ сообразовать законность своихъ дѣйствій,—такое положеніе установлено на призрачныхъ основаніяхъ. Русская уголовная статистика указываетъ, что значительное большинство преступленій совершается лицами неграмотными, которымъ почти недоступно изученіе уголовнаго кодекса; затѣмъ было бы недостойно серьезнаго значенія предполагать, что остающееся меньшинство грамотныхъ преступниковъ справляется съ тѣмъ же кодексомъ прежде, нежели совершить то или другое преступленіе; наконецъ, всѣ преступленія, учиняемыя по внезапному умыслу, въ запальчивости и раздраженіи, конечно не могутъ быть предварительно провѣряемы ихъ совершителями съ уголовными законами.

Оставленіе по закону безъ наказанія дѣяній явно вредныхъ лицъ, а слѣдовательно преступныхъ, лишь по необозначенію ихъ въ точности въ уголовномъ кодексѣ, послужило бы, съ одной стороны, предметомъ ропота на снисходительность Верховнаго Законодателя къ явнымъ преступникамъ, а съ другой—къ явному для всѣхъ соблазну, было бы какъ—бы преміею за преступную изобрѣтательность лицамъ, искусившимся въ изученіи уголовнаго законодательства для безнаказаннаго проявленія ихъ ухищренныхъ злоумышленій, неподходящихъ подъ узаконенныя опредѣленія преступленія или проступка.

При отсутствіи 151 статьи уложенія о наказ. въ послѣдніе 16 лѣтъ остались бы безъ наказанія многія извѣстныя въ печати преступленія и про-

ступки, по которымъ дѣламъ доходили до Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, коимъ и разрѣшены на основаніи означеннаго закона. Такъ напримѣръ: 1) злоупотребленіе родительской власти, вовлекшее малолѣтнюю дочь совершить умышленный поджогъ, каковое преступленіе родителей пріурочено Правительствующимъ Сенатомъ, по аналогіи, къ 1476 статьѣ уложенія о наказаніяхъ (1868 г. № 160), 2) подложное составленіе обвиняемымъ отъ своего имени векселя на имя другаго лица и выдача этому лицу сего векселя за настоящій въ уплату своего долга, каковыя преступныя дѣйствія пріурочены Правительствующимъ Сенатомъ по аналогіи къ 1160 статьѣ улож. о наказ. (1869 г. № 992), 3) насильственное совокупленіе съ недостигшею четырнадцатилѣтняго возраста дѣвицею, уже лишенною невинности, преступленіе, пріуроченное Правительствующимъ Сенатомъ по аналогіи, къ 1525 статьѣ улож. о нак. (1869 г. № 958) и т. п. По этимъ, взятымъ на удачу, примѣрамъ примѣненія уголовнаго закона по аналогіи, можно ли, по справедливости, сказать, что обвиненные находились въ заблужденіи о преступныхъ свойствахъ своихъ дѣйствій, въ точности неопредѣленныхъ закономъ? Какъ бы тщательно ни были установлены въ проектируемомъ уложеніи опредѣленія разныхъ родовъ преступленій, жизнь постоянно будетъ указывать на пробѣлы многоразличныхъ видовъ проявленія явно злой воли въ этихъ точно опредѣленныхъ родахъ. Неужели всѣ эти, очевидно преступнаго свойства, дѣянія могутъ оставаться безнаказанными лишь во имя соблюденія юридическаго основанія, нынѣ проводимаго въ 1 статьѣ проектируемаго уложенія? Лица потерпѣвшія отъ этихъ преступленій, оставляемыхъ безъ наказанія, не будутъ ли поставлены въ необходимость лично отмщевать своимъ обидчикамъ? но такимъ образомъ данъ будетъ поводъ къ вынужденному нарушенію другаго юридическаго основанія о предоставленіи исключительно государственной власти права отмщевать преступленія, причиненныя частнымъ лицамъ.

Благо государства въ сферѣ уголовной обусловлено не тѣмъ, чтобы соблюдаемы были въ законахъ формально вѣрныя юридическія основанія, а твердостію власти въ побороніи злой воли, нарушающей теченіе государственной общественной и частной жизни, причемъ наказанія налагаются судомъ за дѣйствія явно преступнаго свойства, сообразно съ ихъ родомъ и важностію.

Упоминаемое въ комментаріяхъ подъ 1 статью проекируемаго уложенія юридическое основаніе, во имя котораго предполагается лишить судъ права примѣненія уголовныхъ законовъ по аналогіи, обезпечено болѣе важнымъ и дѣйствительнымъ образомъ,—съ одной стороны, судомъ присяжныхъ, голосъ которыхъ не осудитъ обвиняемаго за дѣйствіе, непреступное по общечеловѣческому пониманію, а съ другой коронными судьями, юриди-

ческія свѣдѣнія которыхъ достаточно полны для аналогическаго, съ должною осторожностью, примѣненія уголовныхъ законовъ.

Справедливо было бы не примѣнять дѣйствіе 151 статьи уложенія о наказаніяхъ лишь къ дѣяніямъ, совершаемымъ безъ злаго умысла, а по небрежности или невѣдѣнію, клонящимся къ нарушенію уставовъ: строительнаго, торговаго, питейнаго и т. п.

Екатеринодарскій Окружной Судъ замѣчаетъ, что статья 1-я проекта вводитъ въ законодательство два основныхъ начала уголовнаго права, выражающіяся въ латинской формулѣ: sine lege nullum crimen, sine lege nulla poena, причемъ первое начало выражено въ первой части статьи, а второе начало во второй части ея. Сущность перваго начала заключается въ томъ, что дѣяніе человѣка можетъ быть признано подлежащимъ наказанію преступленіемъ только въ томъ случаѣ, когда, во время его совершенія, оно запрещено было подъ страхомъ наказанія, дѣйствующимъ въ то время уголовнымъ закономъ. Начало это выражено, по мнѣнію Суда, въ 1 части статьи съ такой точностію, которая не допускаетъ никакихъ измѣненій. Было, впрочемъ, высказано замѣчаніе, что хотя по мотивамъ, приведеннымъ въ запискѣ, законъ имѣетъ въ виду, между прочимъ, устранить право суда облагать наказаніями извѣстныя дѣянія по аналогіи, но эта мысль не обозначена прямо въ редакціи статьи, которая, поэтому, должна быть измѣнена. При ближайшемъ обсужденіи Екатеринодарскимъ Судомъ этого замѣчанія, были приняты на видъ слѣдующія соображенія: примѣненіе вообще закона по аналогіи, истекая изъ мысли, что одинаковыя юридическія основанія должны вести законодателя къ одинаковымъ опредѣленіямъ, предполагаетъ, что законодатель, опредѣляя какіе либо случаи, распространилъ бы свое опредѣленіе и на тѣ случаи, которые имѣютъ основанія, одинаковыя съ опредѣленнымъ въ законѣ, если бы имѣлъ ихъ въ виду—ubi eadem ratio, ibi eadem legis dispositio. Но если вообще аналогія въ примѣненіи закона и не можетъ быть отвергаема, то она до такой степени, по отношенію къ примѣненію уголовнаго закона къ непредусмотрѣнному имъ дѣянію, противна принципу гражданской свободы и юридическому основанію отвѣтственности, что безусловно отвергается и наукой, и кодексами. И по дѣйствующему праву, если бы не было 151 ст. улож., то, по мнѣнію Суда, въ виду 1 ст. улож. и 771 ст. уст. угол. суд., аналогія въ примѣненіи наказаній не могла бы имѣть мѣста въ практикѣ нашихъ судовъ. Но статья 151 улож. прямо уполномочиваетъ суды примѣнять наказаніе къ непредусмотрѣннымъ уголовнымъ закономъ дѣяніямъ по аналогіи и только благодаря этой статьѣ, возможны въ судебной

практикѣ случаи, въ родѣ бывшаго недавно въ одномъ изъ закавказскихъ судовъ и заключающагося въ томъ, что обвинительная власть привлекла обвиняемыхъ къ отвѣтственности по обвиненію въ вовлеченіи завѣдомо сумашедшаго въ убыточныя для него сдѣлки, причемъ, по аналогіи, подвела это дѣяніе подъ 1688 ст. улож.; окружный судъ, признавъ обвиняемыхъ виновными, подвергъ ихъ наказанію по аналогіи, за мошенничество и наконецъ судебная палата назначила наказаніе, по аналогіи, за подлогъ. Между тѣмъ, подобной, допускающей прямо аналогію, статьи въ проектѣ нѣтъ и потому не представляется никакого сомнѣнія, что совокупный смыслъ 1 ст. проекта улож. и 771 ст. уст. угол. суд. устраняетъ вполнѣ мысль объ аналогическомъ примѣненіи карательныхъ законовъ. Что касается до 12 ст. уст. угол. суд., въ которой также видятъ основаніе для аналогическаго примѣненія наказаній и которая даже въ практикѣ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Сената приводится, наравнѣ съ 151 ст. улож., въ основаніе допустимости аналогіи, то, по мнѣнію Суда, статья эта, по своему смыслу, не имѣетъ ничего общаго съ правилами, содержащимися въ 151 ст. улож. Законъ устава уголовнаго судопроизводства заключаетъ въ себѣ процессуальное правило, обязывающее судей, при неполнотѣ, неясности и противорѣчіи законовъ, основывать рѣшеніе на общемъ ихъ смыслѣ, т. е. допускается такъ называемое доктринальное толкованіе законовъ. Если при подобномъ толкованіи и неизбѣжна аналогія, то исключительно такъ называемая аналогія закона, подъ которой разумѣется толкованіе одного закона, относящагося къ преступленію, смысломъ другаго закона, относящагося къ тому же преступленію, или аналогія права, подъ которой разумѣется толкованіе извѣстнаго закона по общему смыслу, или духу всѣхъ другихъ законовъ опредѣленной категоріи. По изложеннымъ соображеніямъ Екатеринодарскій Окружный Судъ находитъ, что 1 часть ст. 1 проекта вполнѣ ясно выражаетъ одно изъ основныхъ положеній уголовнаго права и не вызываетъ никакихъ редакціонныхъ измѣненій. Совершенно въ иномъ видѣ представляется 2 часть той же статьи, опредѣляющая другое коренное начало уголовнаго права «sine lege nulla poena». Эта часть закона редактирована такимъ образомъ, что, по буквальному смыслу своему, даетъ поводъ думать, что законъ будто бы хочетъ сказать, что никто не можетъ быть приговоренъ къ какому-либо иному наказанію кромѣ тѣхъ наказаній, которыя опредѣлены въ проектируемомъ уложеніи. Но 1) и послѣ изданія уложенія жизнь будетъ вызывать изданіе новыхъ уголовныхъ законовъ, опредѣляющихъ въ иномъ видѣ какъ преступность дѣяній, такъ и ихъ наказуемость, и 2) сущность положенія «sine lege nulla poena» заключается не въ томъ только, чтобы никто не подвергался наказаніямъ, вообще не установленнымъ уголовными законами,

а въ томъ, что преступникъ можетъ и долженъ быть подвергнутъ за учиненное дѣяніе только такому наказанію, какое установлено именно за это дѣяніе предусматривающими его уголовными законами. На этомъ основаніи Окружный Судъ полагаетъ болѣе правильнымъ редактировать 2 часть 1 ст. проекта такъ: «ни подвергнутъ наказанію, неустановленному за учиненное дѣяніе уголовнымъ закономъ».

По поводу статьи 1 проекта нѣкоторыми изъ чиновъ прокуратуры Варшавскаго Окружнаго Суда было прежде всего указано на неточность выраженія «дѣяніе», такъ какъ преступныя нарушенія могутъ выразиться какъ въ дѣяніи, такъ и въ преступномъ бездѣйствіи или упущеніи; соглашаясь съ неточностью употребленнаго выраженія «дѣяніе», собраніе названныхъ чиновъ однако нашло, что трудно придумать какое либо другое, соотвѣтствующее выраженіе и что употребленное проектомъ выраженіе «дѣяніе», въ виду объясненій Редакціонной Коммисіи, не можетъ возбудить на практикѣ никакихъ недоразумѣній.

Тѣ же чины замѣчаютъ, что содержаніе ст. 1 указываетъ на то, что новое уголовное уложеніе не допускаетъ вовсе ни аналогіи преступленія, ни аналогіи наказанія. Между тѣмъ нынѣ дѣйствующее уложеніе въ ст. 151 допускаетъ не только аналогію наказанія, но и, какъ это было неоднократно разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ (рѣш. 1868 г. № 263, 1868 г. № 362, 1868 г. № 663, 1866 г. № 43, 1875 г. № 550 и мн. друг.), аналогію преступленія. Посему и во избѣжаніе на будущее время всякихъ недоразумѣній о возможности примѣненія аналогіи, по мнѣнію одного изъ этихъ чиновъ, надлежало бы указать, что ст. 1 постановлена взамѣнъ не только ст. 90 и 147 улож. изд. 1866 г., но и ст. 151 того же уложенія. Правда, что по сравнительному указателю ст. 151 улож., изд. 1866 г., замѣнена ст. 53 проекта, но это указаніе не устранитъ всѣхъ недоразумѣній по вопросу о недопустимости аналогіи, такъ какъ ст. 53 проекта, касающаяся власти суда при опредѣленіи наказанія устраняетъ лишь примѣненіе по аналогіи наказанія, но не разрѣшаетъ вопроса о недопустимости аналогіи преступленія, каковой вопросъ вполнѣ разрѣшается ст. 1 проекта.

Собраніе чиновъ прокурорскаго надзора согласилось съ этимъ мнѣніемъ, за исключеніемъ одного члена, который признавалъ предлагаемое дополненіе излишнимъ, такъ какъ, по его мнѣнію, буквальный смыслъ ст. 151 дѣйствующаго уложенія не допускаетъ аналогіи преступленія, а таковая аналогія введена лишь практикой Сената, которая съ изданіемъ новаго уложенія потеряетъ всякое значеніе; но съ этимъ возраженіемъ собраніе не согласи-

лось, такъ какъ: 1) содержаніе ст. 151 неясно и допускаетъ возможность толкованія, придаваемаго ей Сенатомъ; 2) установившееся пониманіе смысла того или другаго узаконенія имѣетъ весьма важное значеніе для юристовъ-практиковъ, которые долгое время послѣ изданія новыхъ законоположеній не могутъ отрѣшиться отъ прежнихъ своихъ взглядовъ, и 3) указаніе на то, что ст. 151 улож. изд. 1866 г. замѣняется лишь ст. 53 проекта, можетъ послужить основаніемъ къ предположенію, что новымъ закономъ устраняется лишь аналогія наказанія, а не аналогія преступленія.

Общее указаніе ст. 1 проекта, что «никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе, не запрещенное, во время его совершенія, закономъ уголовнымъ подъ страхомъ наказанія» можетъ дать поводъ къ такому толкованію этого узаконенія, что въ предѣлахъ Россійской Имперіи подлежатъ наказанію лишь такія дѣянія, которыя запрещены закономъ уголовнымъ подъ страхомъ наказанія. Между тѣмъ такое толкованіе представляется неправильнымъ, такъ какъ правомъ облагать наказаніями облечены разныя полицейскія и административныя власти, которыя, при примѣненіи наказаній, руководствуются не уголовнымъ, а другими законоположеніями и могутъ подвергать наказаніямъ за такія дѣянія, которыя не запрещены закономъ уголовнымъ. Составители судебныхъ уставовъ при изложеніи ст. 1 уст. угол. суд., имѣющей очень много общаго съ ст. 1 разбираемаго проекта, вполнѣ ясно опредѣлили въ 1 ст. устава, что никто не можетъ подлежать преслѣдованію за преступленіе или проступокъ, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами устава; они сочли необходимымъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, въ примѣчаніи къ ст. 1 указать на то, что къ судебному преслѣдованію не относятся мѣры, принимаемыя полицейскими и другими административными властями. Составители проекта новаго уложенія *въ мотивахъ* объясняютъ, что они имѣли въ виду только взысканія, налагаемыя въ порядкѣ уголовнаго суда, но въ текстѣ этого указанія не сдѣлано и ст. 1 представляется несогласною съ другими дѣйствующими у насъ узаконеніями. Въ виду изложеннаго, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ собранія, надлежало бы или изложить ст. 1 въ такой редакціи: «никто не можетъ быть въ порядкѣ уголовнаго суда ни наказанъ . . . . .» и т. д. или подъ ст. 1 помѣстить примѣчаніе, аналогичное съ примѣчаніемъ къ ст. 1 уст. угол. суд. Это мнѣніе вызвало возраженіе другихъ членовъ собранія, которые находили излишнимъ дополненіе ст. 1 въ вышеуказанномъ смыслѣ, такъ какъ самый смыслъ слова «наказанъ» и «наказаніе» указываетъ на такія только взысканія, которыя налагаются въ порядкѣ уголовнаго суда; съ этимъ однако возраженіемъ другіе члены не сочли возможнымъ согласиться, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, съ одной стороны наказаніе арестомъ остается наказа-

ніемъ безразлично къ тому, какою властію оно опредѣлено, а съ другой—въ нашихъ законахъ нигдѣ не указано, что подъ словомъ «наказаніе» слѣдуетъ разумѣть только взысканіе, наложенное въ порядкѣ уголовнаго суда, а напротивъ того арестъ и денежныя пени, которыя могутъ налагаться и разными правительственными учрежденіями, считаются безусловно наказаніями согласно 2 ст. проекта.

Наконецъ, въ средѣ тѣхъ же чиновъ было указано, что слово «уголовнымъ», употребленное проектомъ представляется неяснымъ, такъ какъ неизвѣстно, что именно разумѣютъ составители проекта подъ этимъ выраженіемъ. Если подъ *уголовнымъ* закономъ разумѣется такое предписаніе, неисполненіе коего запрещено подъ страхомъ наказанія вообще, то слово «уголовнымъ» представляется лишнимъ; если же слово «уголовный» указываетъ на то, что дѣяніе должно быть запрещено подъ страхомъ только такого наказанія, которое указано въ уложеніи, то слово «уголовный» не вполнѣ точно означаетъ это указаніе. За симъ было приступлено къ голосованію, причемъ: 5 голосовъ было подано за сохраненіе предложенной Коммисіей редакціи ст. 1, но съ указаніемъ, что ст. 1 постановлена взамѣнъ ст. 90, 147 и 151 улож. изд. 1866 г., 4 голоса было подано за измѣненіе редакціи ст. 1 добавленіемъ послѣ словъ «никто не можетъ быть» словъ «въ порядкѣ уголовнаго суда»; тѣ же члены собранія признали также необходимымъ указать на то, что ст. 1 проекта постановлена взамѣнъ ст. 151 улож. изд. 1866 г.; 1 голосъ былъ поданъ за оставленіе ст. 1 въ предложенной редакціи безъ всякихъ измѣненій.

Чины прокурорскаго надзора Ярославскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что ст. 1 проекта трактуетъ исключительно о дѣяніяхъ, тогда какъ вѣроятно въ особенной части будетъ обложено наказаніемъ и преступное бездѣйствіе, и преступное равнодушіе и т. п. Правда, что въ сущности можно себѣ представить, что неподаніе помощи, недонесеніе и т. п. суть дѣянія, состоящія въ бездѣйствіи, но это уже будетъ аналогія, противъ которой такъ ратуютъ составители проекта.

По замѣчанію чиновъ Орловскаго Окружнаго Суда, употребленное въ этой статьѣ слово «*дѣяніе*», заключая въ себѣ понятіе о содѣяніи чего-либо, не обнимаетъ собою другихъ формъ проявленія злой воли, т. е. понятій «*о бездѣйствіи и упущеніи*».—Поэтому было бы желательно внести въ проектъ опредѣленіе «преступнаго дѣянія». Опредѣленіе это можетъ быть выражено такъ: «преступнымъ дѣяніемъ признается: а) дѣйствіе, запрещен-

ное закономъ уголовнымъ, и б) наказуемое тѣмъ закономъ неисполненіе требованій его».

Однимъ изъ членовъ совѣщанія чиновъ С.-Петербургской прокуратуры г. Марковымъ, по поводу статьи первой проекта были высказаны слѣдующія замѣчанія: каждый законъ долженъ быть точенъ, ясенъ, сжатъ и долженъ по возможности избѣгать какъ повтореній, такъ и введенія новыхъ терминовъ. Ст. 1 проекта въ первой своей части устанавливаетъ такое общее начало, которое не имѣетъ исключительнаго примѣненія къ праву уголовному и которое выражено въ 1 п. ст. 771 уст. угол. судопр. и въ ст. 60 законовъ основныхъ, устанавливающей, что никакой законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія. Самое выраженіе *дѣяніе* не точно и требуетъ особаго опредѣленія для того, чтобы было ясно, что подъ него подходятъ и случаи преступной бездѣятельности, упомянутые въ ст. 1 улож. 1866 г.

Чины Херсонскаго Окружнаго Суда и мѣстные Присяжные Повѣренные указываютъ, что 1-я ст. проекта, какъ видно изъ объяснительной записки, содержитъ въ себѣ опредѣленіе условій, при наличности коихъ наказаніе можетъ быть примѣнено къ виновному.

Условія эти слѣдующія:

1) если дѣяніе было запрещено или закономъ обнародованнымъ и вступившимъ въ силу, согласно съ положеніями ст. 57 и слѣдующихъ законовъ основныхъ, или же постановленіями административныхъ, земскихъ и городскихъ управленій;

2) если это дѣяніе не только запрещено, но за него установлены опредѣленныя взысканія, и

3) если дѣяніе было запрещено постановленіемъ, уже вступившимъ въ законную силу въ моментъ совершенія поступка.

Такимъ образомъ Коммисія, редактируя законоположеніе и имѣя въ виду опредѣлить качество дѣянія, ввела въ текстъ статьи и понятіе о времени его совершенія, а тѣмъ самымъ понятіе о времени дѣйствія закона уголовнаго, который, какъ видно изъ текста и смысла статьи 1, поражаетъ извѣстною карою всякое дѣяніе, запрещенное симъ закономъ *во время его совершенія*.

Но если сопоставить смыслъ и значеніе статьи первой съ тѣми положеніями, кои сами собою подразумѣваются въ правилѣ, выраженномъ въ 12-й статьѣ проекта, то, по мнѣнію Предсѣдателя Херсонскаго Окружнаго Суда

Вархаловскаго, между этою послѣднею статьею и статьею первою встрѣчаются противорѣчія.

По статьѣ 12-й «постановленія новыхъ уголовныхъ законовъ примѣняются и къ преступнымъ дѣяніямъ учиненнымъ, но ненаказаннымъ до дня вступленія сихъ законовъ въ силу».

По мнѣнію Редакціонной Коммисіи, въ силу этого правила, если новый законъ отмѣняетъ наказуемость какого либо дѣянія, то виновный и не можетъ быть за него привлеченъ къ суду; если прежній законъ наказывалъ извѣстное дѣяніе строже, то оно должно быть облагаемо наказаніемъ по новому, болѣе мягкому закону.

Засимъ замѣченное противорѣчіе представляется очевиднымъ, ибо по силѣ статьи 12-й дѣяніе, запрещенное уголовнымъ закономъ, *дѣйствовавшимъ во время его совершенія*, переставая быть запрещеннымъ съ отмѣною того закона, перестаетъ быть и дѣяніемъ наказуемымъ.

Отсюда логически вытекаетъ необходимость: или исключить изъ статьи первой слова «во время его совершенія» или 12 статью помѣстить подъ статьею 1-ою въ видѣ исключенія.

Собраніе по большинству голосовъ, принимая во вниманіе, что первая часть 1-ой статьи поясняется второю ея частію, а именно словами «симъ уложеніемъ», которыя, повидимому, относятся и къ наказаніямъ, симъ уложеніемъ установленнымъ, и къ основному опредѣленію закона о наказуемости дѣянія, признало, что редакція статьи 1-й не требуетъ измѣненія.

По мнѣнію чиновъ прокуратуры Ставропольскаго Окружнаго Суда, выраженіе «дѣяніе незапрещенное во время его совершенія» можетъ подать поводъ къ предположенію, что дѣяніе, совершеніе коего совпадаетъ съ временемъ изданія запрещенія, можетъ быть признано преступнымъ, но очевидно, что запрещеніе должно предшествовать преступленію. Во избѣжаніе возможныхъ на практикѣ недоразумѣній, слѣдовало бы слово «во время» замѣнить словомъ «до», какъ это значится въ цитируемыхъ въ объяснительной запискѣ иностранныхъ кодексахъ.

По замѣчанію Сенатора С. И. Заруднаго въ ст. 1-й слѣдовало бы слова «*во время*» замѣнить словами «*до дня*» или «*до времени*»: иначе можно вывести, что преступныя дѣянія должны быть воспрещаемы не заранѣе, а въ самое время ихъ совершенія.

При обсужденіи чинами Черниговскаго Окружнаго Суда и мѣстной прокуратуры статьи 1-й проекта, высказано мнѣніе, что таковая въ редакціи, принятой для нея Коммисіей, можетъ вызвать слѣдующія недоразумѣнія при буквальномъ толкованіи.

Первая часть статьи, имѣя въ виду общій принципъ теоріи уголовнаго права о безотвѣтственности лицъ за дѣянія, непредусмотрѣнныя, подъ страхомъ наказанія, уголовнымъ закономъ вообще, гдѣ-бы онъ ни помѣщался, какъ бы обобщаетъ означенный принципъ, распространяя его силу, въ словахъ «уголовными законами», не только на уложеніе, но и на другіе уголовные наши кодексы, какъ-то: уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, уставы: воинскій, сельско-судебный и другіе; тогда какъ вторая часть той же статьи словами «ни приговоренъ къ наказанію, неустановленному *симъ уложеніемъ*» пріурочиваетъ принципъ безотвѣтственности за дѣянія, непредусмотрѣнныя *уголовнымъ закономъ*, лишь къ тѣмъ изъ нихъ, которыя обложены наказаніями, установленными уложеніемъ, и по буквальному смыслу, какъ бы исключаетъ возможность примѣненія наказаній, указанныхъ въ другихъ уголовныхъ кодексахъ.

Признавая такую редакцію указанной статьи не совсѣмъ точною и имѣя въ виду, что такая неточность редакціи можетъ повести къ разнорѣчивымъ толкованіямъ заключающихся въ ней правилъ, названные чины полагали бы необходимымъ, согласовавъ объ части поименованной статьи, редакцію оной выразить приблизительно въ слѣдующей формѣ: «никто не можетъ быть ни наказанъ за дѣяніе, незапрещенное, во время его совершенія, уголовнымъ закономъ подъ страхомъ наказанія, ни приговоренъ къ наказанію, таковымъ закономъ неустановленному».

Кромѣ сего въ совѣщаніи названныхъ чиновъ высказано было и отдѣльное мнѣніе, что статью эту, согласно двумъ, заключающимся въ ней положеніямъ, удобнѣе было-бы раздѣлить на двѣ самостоятельныя статьи, прибавивъ ко второй слова: «за дѣянія, предусмотрѣнныя уложеніемъ» съ каковою прибавкою она получила бы слѣдующую редакцію: «за дѣянія, предусмотрѣнныя симъ уложеніемъ, никто не можетъ быть приговоренъ къ иному наказанію, кромѣ установленнаго тѣмъ же уложеніемъ».

По замѣчанію Старшаго Предсѣдателя Кіевской Судебной Палаты, Сенатора И. Н. Орлова, статья 1-я въ практическомъ отношеніи не нужна; если же по теоретическимъ соображеніямъ она представляется необходимою, то редакція ея должна быть дополнена въ выраженіи «закономъ уголовнымъ», такъ какъ нельзя упустить изъ виду сказаннаго въ объяснительной запискѣ, что

извѣстное дѣяніе можетъ быть запрещено постановленіемъ административныхъ, земскихъ и городскихъ управленій, а постановленія эти хотя и пріобрѣтаютъ обязательную силу, но закономъ не называются. Потому слѣдовало бы сказать: «никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе, незапрещенное, во время его совершенія, закономъ или обязательнымъ поставленіемъ подлежащаго установленія».

По отзыву Владимірскаго Окружнаго Суда, редакція статьи 1-й не вполнѣ соотвѣтствуетъ мысли, выраженной въ объяснительной запискѣ, и притомъ въ обѣихъ своихъ частяхъ мысль направляетъ на одно и тоже, что «никто не долженъ быть наказанъ или приговоренъ къ наказанію» и т. д.; между тѣмъ какъ въ ней должно быть ясно выражено, что «дѣяніе не считается преступленіемъ, доколѣ таковымъ оно не признано закономъ; преступное же дѣяніе подлежитъ наказанію на точномъ основаніи сего уложенія». Въ статьѣ этой въ словахъ «запрещенное уголовнымъ закономъ» слово «уголовнымъ» слѣдуетъ вычеркнуть, такъ какъ источникъ права есть единый: законъ.

По поводу ст. 1 Членъ Сумскаго Окружнаго Суда г. Лихтенштадтъ замѣчаетъ, что законъ уголовный не знаетъ запрещеній безъ санкціи, а потому достаточно сказать: «незапрещенное закономъ уголовнымъ», или «незапрещенное подъ страхомъ наказанія», двухъ признаковъ не нужно, такъ какъ признаки эти сливаются.

Московская Судебная Палата замѣчаетъ, что ст. 1 заключаетъ въ себѣ два положенія, изъ коихъ первое постановляетъ общее и основное правило уголовнаго права о томъ, что «никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе, незапрещенное, во время его совершенія, закономъ уголовнымъ, подъ страхомъ наказанія». Являясь такимъ образомъ статьею съ общимъ характеромъ, она должна, по возможности, пользоваться терминами наиболѣе растяжимыми, т. е. такими, которые находились-бы къ каждому отдѣльному случаю, ими опредѣляемому, въ отношеніи понятія родоваго къ своимъ видамъ. Между тѣмъ употребляемый въ ст. 1 терминъ «законъ уголовный», не соотвѣтствуетъ такому требованію. И дѣйствительно, въ объясненіяхъ къ ст. 1 говорится, что по смыслу выраженнаго въ ней положенія, наказаніе къ виновному можетъ быть примѣнено только при наличности слѣдующихъ условій: «если дѣяніе было запрещено *или закономъ*, обнародованнымъ и вступившимъ въ силу» и т. д., «*или же постановленіями* административныхъ, земскихъ и городскихъ управленій» и т. д. Спрашивается, можно—ли

подъ словомъ уголовный законъ понимать и то, и другое? и не указываетъ ли противоположеніе въ объяснительной запискѣ постановленій закону на то, что слово законъ, какъ общій терминъ, не вполнѣ примѣнимъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ того требуетъ ст. 1?

Далѣе, въ объясненіяхъ къ разсматриваемой статьѣ, Редакціонная Комисія находитъ ненаказуемымъ дѣяніе, которое не было запрещено «до» совершенія его, а въ текстѣ закона ненаказуемыми признаются лишь такія, которыя не были запрещены «во время» совершенія ихъ. При сопоставленіи этихъ двухъ терминовъ, обнаруживается нѣкоторая неполнота этой редакціи закона, ибо моменты, съ которыхъ преступное дѣяніе вмѣняется въ вину лицу, совершившему его, въ указанныхъ двухъ случаяхъ не совпадаютъ, а вслѣдствіе этого нельзя опредѣлить, который изъ этихъ терминовъ точнѣе, т. е. который изъ нихъ болѣе соотвѣтствуетъ началу, положенному въ основу ст. 1.

По мнѣнію Предсѣдательствующаго Ландрата Эстляндскаго Оберъ-Ландгерихта фонъ-Фока, вторая часть ст. 1-й, гласящая: «ни приговоренъ къ наказанію, неустановленному симъ уложеніемъ» представляется, во 1-хъ, излишнею, такъ какъ само собою разумѣется, что судья не можетъ назначить никакого другаго, кромѣ закономъ указаннаго, наказанія, а, во 2-хъ, слишкомъ стѣснительною, такъ какъ въ дѣйствительности могутъ быть назначены также и другія, кромѣ указанныхъ въ уголовномъ уложеніи наказанія, а именно наказанія, опредѣленныя уставами: воинскимъ, дисциплинарными и т. д., какъ-то выговоръ, отрѣшеніе отъ должности, разжалованіе и т. п. Однако, въ виду 2-й части 1-й статьи судья будетъ колебаться въ примѣненіи этихъ особенныхъ наказаній, хотя также указанныхъ закономъ, но въ другомъ мѣстѣ. Сверхъ того, въ практикѣ нерѣдко встрѣчаются такіе случаи, что общее судебное установленіе разсматриваетъ дѣла объ общихъ преступленіяхъ или проступкахъ совмѣстно съ дѣлами о преступленіяхъ по должности или воинскихъ, а потому должно назначать вмѣстѣ съ общими наказаніями и наказанія особенныя, напр. за растрату вмѣстѣ съ тюрьмою отрѣшеніе отъ должности. Въ такихъ случаяхъ 2-я часть статьи 1 будетъ мѣшать судьѣ подлежащимъ образомъ творить судъ и расправу. Изъ этого слѣдуетъ, что 2-я часть статьи 1 должна быть или совершенно исключена, или изложена такимъ образомъ, чтобы вмѣсто выраженія: «неустановленному симъ уложеніемъ», было употреблено выраженіе: «закономъ непредусмотрѣнному» («gesetzlich nicht vorgesehenen»), такъ какъ это послѣднее выраженіе

будетъ обнимать собою и особенныя наказанія, указанныя въ другихъ законахъ.

Чины прокурорскаго надзора Казанской Судебной Палаты замѣчаютъ, что такъ какъ въ законѣ не содержится опредѣленія того, что такое «законъ уголовный», то, во избѣжаніе недоразумѣній на практикѣ, слѣдовало бы выпустить здѣсь слово—«уголовный», ибо практика, при недостаткѣ руководящаго опредѣленія, можетъ ограничивать это понятіе *мѣстомъ*, т. е. считать уголовнымъ закономъ лишь то, что вошло въ извѣстный сборникъ или кодексъ уголовныхъ законовъ, тогда какъ при изданіи всякаго новаго закона, въ видѣ особыхъ и отдѣльныхъ уставовъ, въ эти послѣдніе могутъ входить тѣ или другія воспрещенія закона подъ страхомъ извѣстнаго наказанія, нарушенія которыхъ, при этихъ условіяхъ, будутъ, конечно, наказуемы въ силу 1 ст. уложенія.

По замѣчанію Прокурора Плоцкаго Окружнаго Суда Фукса, вторая часть 1 статьи проекта «ни приговоренъ къ наказанію, неустановленному симъ уложеніемъ» дѣлаетъ какъ бы совершенно невозможнымъ появленіе въ будущемъ уставовъ и положеній по отдѣльнымъ сторонамъ общественнаго строя и обложеніе ихъ надлежащей отвѣтственностью, между тѣмъ какъ составленіе и изданіе подобныхъ уставовъ и положеній обусловливается сущностью общественнаго развитія, и потребность въ нихъ подтверждается дѣйствительною жизнью; опредѣленіе наказанія такими отдѣльными уставами и положеніями въ смыслѣ ст. 1 будетъ незаконнымъ, а такъ какъ эти уставы и положенія имѣютъ такую же силу закона, какъ и уложеніе, то и окажется между ними неразрѣшимый конфликтъ. Если же вышеприведенныя слова понимать въ смыслѣ ограниченія видовъ наказаній, перечисляемыхъ въ ст. 2, то подобный захватъ на счетъ будущаго едва ли можно признать цѣлесообразнымъ, такъ какъ наука о наказаніи еще не сказала, да и вообще никогда не можетъ сказать послѣдняго слова и потому нельзя связывать руки законодателю только поименованными во 2 ст. родами наказаній. Впрочемъ, такое ограниченіе законодательной воли въ дѣйствительности ни къ чему серьезному и не поведетъ, такъ какъ она всегда можетъ отмѣнить его, но въ такомъ случаѣ не представляется основанія къ удержанію его въ текстѣ закона; для ограниченія же судейскаго произвола совершенно достаточно пояснить о томъ, что наказаніе должно быть установлено уголовнымъ закономъ. Кромѣ того, по всей вѣроятности, новое уложеніе войдетъ въ силу ранѣе приведенія нашихъ мѣстъ заключенія въ полное соотвѣтствіе съ упо-

минаемыми въ 2 ст. наказаніями и тогда первое же дѣйствіе суда по его примѣненію будетъ или нарушеніемъ первой статьи новаго закона, или обращеніемъ къ какому-нибудь временному положенію, устраняющему ея приложеніе.

Въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры по поводу ст. 1 докладчикомъ г. Кичинымъ было указано, что 2 ч. ст. 1 находится въ противорѣчіи съ ст. 6 проекта, предусматривающею случаи наказанія не по уголовному уложенію, а по законамъ финляндскимъ, по уставамъ воинскимъ, сельско-судебнымъ и др. Такія дѣянія не утрачиваютъ характера преступныхъ и опредѣляемыя по этимъ уставамъ взысканія имѣютъ значеніе наказаній.—Поэтому докладчикъ предложилъ 2 ч. ст. 1 согласовать съ 1 частью той же статьи, опредѣляющей наказуемость дѣяній, запрещенныхъ вообще уголовнымъ закономъ, замѣнивъ послѣднія слова статьи «симъ уложеніемъ» словами «симъ закономъ». Двумя членами совѣщанія (гг. Васильевъ и Домерщиковъ) было предложено замѣнить отрицательную редакцію статьи положительною, выразивъ, что «дѣяніе, запрещенное уголовнымъ закономъ, признается преступнымъ и влечетъ за собою наказаніе, подъ страхомъ котораго дѣяніе это, въ моментъ совершенія, было запрещено». Признавая, что отрицательная редакція статьи первой выражаетъ яснѣе ту мысль, что всѣ остальныя дѣянія ненаказуемы, совѣщаніе высказалось за оставленіе статьи въ настоящемъ ея видѣ, но съ тою поправкою, которая была предложена докладчикомъ.

По замѣчанію частнаго повѣреннаго при Бакинскомъ Окружномъ Судѣ фонъ-Велька, ст. 1 обезпечиваетъ ненаказуемость дѣяній, которыя не были запрещены въ моментъ ихъ совершенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаетъ, что никто не можетъ быть наказанъ *не по установленію уложенія сего*.

Что законъ признаетъ наказаніемъ?

Изъ ст. 2 видно, что ограниченіе свободы есть наказаніе, ограниченіе способовъ заработковъ (15, 17, 18, 19 ст. улож.) тоже есть наказаніе.

Ст. 6 п. 2 не упоминаетъ исключенія изъ-подъ уложенія о наказаніяхъ тѣхъ наказаній, которыя существуютъ по правиламъ усиленной охраны 14 Августа, ни тѣ наказанія, которыя губернаторы примѣняютъ на основаніи министерскихъ циркуляровъ (тюрьма, ссылка на житье въ другой уѣздъ своей губерніи по личному благоусмотрѣнію), ни тѣ, которыя примѣняются по уставу о ссыльныхъ.

Выходитъ неясность, противорѣчіе. Для устраненія его нужно бы добавить «ни приговоренъ *по суду* къ наказанію, неустановленному симъ уложеніемъ, если обвиняемый не изъ лицъ несостоящихъ въ положеніи ссыльныхъ»,—или же отмѣнить всѣ примѣняемыя внѣ судебнаго порядка наказанія, распространяя уложеніе о наказаніяхъ и на ссыльныхъ. Иначе редакція этой статьи вызоветъ недовѣріе къ закону, что хуже всего вредитъ государственному порядку.

Обращаясь къ разсмотрѣнію ст. 1 проекта, чины Рыбинской прокуратуры находятъ, что положеніе, въ ней выраженное, въ томъ или другомъ видѣ нашло себѣ мѣсто въ каждомъ европейскомъ кодексѣ.

Трудно возражать въ общемъ смыслѣ противъ основательности мотивовъ Редакціонной Коммисіи къ 1-ой ст., но въ такой же мѣрѣ необходимо оспаривать *редакцію* сего постановленія и помѣщеніе ея во главѣ уложенія. Какъ видно изъ объясненій Коммисіи, статья эта должна опредѣлять одно изъ коренныхъ правъ личности въ государствѣ, о которомъ можетъ идти рѣчь сколько въ уголовномъ кодексѣ, столько же и въ основныхъ государственныхъ законахъ (ст. 9 бельгійской конституціи—nullum crimen, nulla poena sine lege). Но, помѣстивъ статью эту въ началѣ своего труда, редакторы проекта не удержались отъ внесенія въ ея содержаніе выраженій, чуждыхъ этимъ двумъ основнымъ положеніямъ уголовнаго права о crimen и poena, такихъ выраженій, которыя имѣютъ отношеніе лишь къ составленному ими проекту и опредѣляютъ, такъ сказать, будущую роль этого кодекса въ русской общественной жизни, но опредѣляютъ невѣрно. Ибо, основываясь на точномъ смыслѣ 1 ст., въ Россіи нельзя предположить существованія иныхъ наказаній, кромѣ установленныхъ симъ уложеніемъ и перечисленныхъ, вслѣдъ за 1 ст., во 2 и 3 статьяхъ проекта. Но такъ какъ изъ послѣдующихъ же статей проекта приходится убѣдиться, что на ряду съ предполагаемымъ уголовнымъ уложеніемъ имѣютъ сохранить дѣйствіе и кругъ примѣненія законы военно-уголовные, уставы сельско-судебный и т. п., и такъ какъ сіи отдѣльные кодексы и уставы содержатъ и будутъ содержать въ себѣ не только опредѣленіе новыхъ, не предусмотрѣнныхъ въ общемъ уголовномъ уложеніи, преступленій, но и назначенія за оныя новыхъ, непредусмотрѣнныхъ въ уложеніи, наказаній, по иной лѣстницѣ, то на дѣлѣ окажется, что, вопреки заявленію второй половины 1 ст. проекта, русскіе граждане, на ряду съ отбываніемъ наказаній по уложенію, будутъ подвергаемы и такимъ наказаніямъ, кои уложенію неизвѣстны.

Напримѣръ, если въ результатѣ разногласій по вопросу о примѣненіи

смертной казни, таковая изъ проектируемаго уложенія будетъ выброшена, то нѣтъ сомнѣнія, что по военно-уголовнымъ законамъ смертная казнь будетъ всетаки сохранена, и, стало быть, въ болѣе или менѣе частыхъ практическихъ случаяхъ, будетъ исполняться въ Россіи какъ наказаніе, хотя въ уложеніи и неустановленное, но, однако, правомѣрное и назначаемое по суду. Также непомѣщеніе тѣлеснаго наказанія въ лѣстницѣ наказаній по уложенію не исключаетъ назначенія его и ежедневнаго исполненія по уставу сельско-судебному. Оспариваемая редакція второй половины 1 ст., предполагая существованіе въ государствѣ не болѣе одного свода законовъ о наказаніяхъ, не нашла себѣ мѣста ни въ одномъ изъ новѣйшихъ европейскихъ кодексовъ, по примѣру которыхъ редакторами составлена эта статья. Дополненіе же, внесенное отъ себя въ содержаніе сего постановленія редакторами проекта, при существующихъ условіяхъ нашей кодификаціи, у насъ всего менѣе удобно.

На основаніи изложеннаго, послѣдняя часть ст. 1 проекта можетъ быть измѣнена, а именно вмѣсто послѣднихъ ея словъ «*симъ уложеніемъ*» надлежитъ вставить «*тѣмъ закономъ*». Затѣмъ, являясь выраженіемъ общаго правила о дѣйствіи уголовнаго закона во времени, ст. 1 съ удобствомъ могла бы быть слита воедино со ст. 5 проекта, содержащею въ себѣ общее правило о дѣйствіи того же уголовнаго закона по мѣсту, причемъ послѣдующія статьи этой главы явились бы болѣе подробнымъ развитіемъ постановленія 2 ст. Возможная редакція ея въ такомъ случаѣ такова: «всякій русскій подданный, или иностранецъ, учинившіе въ предѣлахъ Россійской Имперіи дѣяніе, воспрещенное уголовнымъ закономъ, изданнымъ до его совершенія, подлежатъ наказанію, положенному въ томъ законѣ».

Ст. 1 надлежало бы, по мнѣнію Рыбинской прокуратуры, изложить въ слѣдующей формѣ: «*сверхъ сего*, дѣйствіе постановленій сего уложенія распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя внѣ предѣловъ Россіи: 1) когда русскими подданными учинены дѣянія, облагаемыя наказаніями, опредѣленными въ пп. 2, 3, 4, 5 и 6 ст. 9 (нынѣ 2); 2) когда русскими подданными учинены преступныя дѣянія въ государствахъ, съ коими о наказуемости такихъ дѣяній существуютъ особые договоры; 3) по нынѣшней редакціи: статья нынѣ 8, заняла бы мѣсто подъ № 4, ст. 6 подъ № 5, ст. 9 подъ № 6, ст. 10 подъ № 7; ст. 11 отнести подъ № 8 и наконецъ ст. 12 подъ № 9; статью нынѣ 5, какъ входящую по содержанію своему въ ст. 1, изъ проекта пришлось бы исключить; ст. 4 сдѣлалась бы 1-ою.

По мнѣнію Прокурора Люблинскаго Окружнаго Суда Поллана, второе положеніе ст. 1 выражено въ проектѣ несовсѣмъ правильно. Изъ буквальн-

наго его толкованія вытекаетъ, что судъ, приговаривая виновнаго, обязанъ опредѣлить ему только то наказаніе, которое установлено уложеніемъ. Между тѣмъ судъ иногда принужденъ, въ силу 1269 ст. уст. угол. суд, назначать преступникамъ наказаніе не по уложенію, а по военно-уголовнымъ законамъ, что впрочемъ признается проектомъ, какъ видно изъ 6 ст.

Вслѣдствіе сего лучше всего оставить это второе положеніе въ прежней редакціи, какъ оно было выражено въ 147 ст. улож. о нак., изд. 1866 года.

Постановленіе, изложенное въ послѣднихъ словахъ 1 ст., представляется, по мнѣнію Прокурора Полтавскаго Окружнаго Суда Люце, излишнимъ и не совсѣмъ правильнымъ. За преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя уложеніемъ о наказаніяхъ, никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію, неустановленному уложеніемъ, это само собою разумѣется и упоминать объ этомъ особо не представляется необходимости. Въ надлежащемъ мѣстѣ уложенія сказано, какія наказанія установлены закономъ, въ каждой статьѣ особой части уложенія говорится, какому наказанію подлежитъ виновный въ данномъ преступномъ дѣяніи; само собою разумѣется, что за преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя уложеніемъ, судъ не можетъ опредѣлить такое наказаніе, котораго нѣтъ въ уложеніи. Но послѣднія слова 1 ст. представляются въ томъ отношеніи невполнѣ основательными, что, по смыслу ихъ, изложенное въ нихъ постановленіе относится не только къ тѣмъ преступнымъ дѣяніямъ, которыя предусмотрѣны симъ уложеніемъ, но вообще ко всякимъ преступнымъ дѣяніямъ, предусмотрѣннымъ уголовными законами; въ то же время это постановленіе заключаетъ въ себѣ запрещеніе приговаривать къ какимъ либо наказаніямъ, непредусмотрѣннымъ «симъ уложеніемъ». Между тѣмъ, наказанія могутъ быть опредѣлены и другими законами, а не только «симъ уложеніемъ», въ особенности наказанія за преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя другими законами; и нѣтъ никакой причины установлять, что никто не можетъ быть приговоренъ къ такимъ наказаніямъ. Ежели въ первыхъ словахъ той же статьи говорится о дѣяніяхъ, запрещенныхъ вообще уголовнымъ закономъ, а не только симъ уложеніемъ, то и въ послѣднихъ словахъ этой статьи нѣтъ основанія ограничивать число наказаній только тѣми, которыя опредѣлены симъ уложеніемъ. Приведенная въ объяснительной запискѣ, въ примѣръ, ст. 1 венгерскаго уложенія вовсе не говоритъ о наказаніяхъ, опредѣленныхъ этимъ уложеніемъ, но говоритъ о наказаніяхъ, опредѣленныхъ вообще закономъ, изданнымъ до совершенія даннаго преступнаго дѣянія, и эта статья имѣетъ только тотъ самый смыслъ, который заключается

въ первыхъ словахъ 1 ст. проекта. Постановленіе же, заключающееся въ послѣднихъ словахъ этой статьи, имѣетъ совершенно другое значеніе, и въ такомъ видѣ не встрѣчается въ иностранныхъ законодательствахъ. Его слѣдовало бы, по мнѣнію г. Люце, исключить и изъ 1 ст. проекта.

Слова «никто не можетъ быть ни наказанъ....ни приговоренъ» подлежатъ, по мнѣнію Товарища Предсѣдателя Казанскаго Окружнаго Суда Пашковскаго, исключенію, какъ имѣющія отчасти процессуальное значеніе и какъ представляющіяся—послѣднія въ отношеніи первыхъ—плеоназмомъ. Казалось бы, что первая статья уложенія должна быть всецѣло посвящена опредѣленію преступнаго дѣянія, безъ упоминанія о лицѣ, подлежащемъ наказанію, такъ какъ наказаніе, какъ послѣдствіе преступленія, само собою предполагается и никѣмъ не оспаривается.

По мнѣнію Екатеринославскаго Окружнаго Суда, ст. 1-я, составляющая основу всего уложенія, изложена весьма неясно, что не должно быть допускаемо въ новомъ, болѣе совершенномъ законѣ. Нужно съ большимъ, напряженнымъ вниманіемъ прочесть нѣсколько разъ, чтобъ усвоить себѣ точную, основную мысль этой статьи. По мнѣнію Окружнаго Суда, редакція ея грѣшитъ тѣмъ, что вся мысль въ ней состоитъ изъ однихъ отрицаній и вслѣдствіе сего является неудобопонятною. И дѣйствительно, изложивъ ту же самую мысль въ такой формѣ, чтобы понятія отрицательныя перемѣшивались съ положительными,—она представляется совершенно ясною и усвоиваемою съ перваго же раза. Затѣмъ въ статьѣ этой послѣдовательность мысли прямо противоположна дѣйствительности: въ ней говорится сначала о томъ, что никто не можетъ быть наказанъ за извѣстныя дѣянія, а затѣмъ о томъ, что не можетъ быть также и приговоренъ къ наказанію. Тогда какъ всегда приговоръ предшествуетъ наказанію, а не обратно. Посему Екатеринославскій Окружный Судъ полагалъ бы редакцію этой статьи приблизительно изложить въ слѣдующемъ видѣ:

«Никто не можетъ быть приговоренъ къ наказанію, неустановленному симъ уложеніемъ, ни наказанъ за дѣяніе, незапрещенное, во время его совершенія, закономъ уголовнымъ подъ страхомъ наказанія».

По мнѣнію Прокурора Кашинскаго Окружнаго Суда Безе, въ статьѣ 1-ой проекта выражены общія начала уголовнаго права: nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege—въ формѣ неудобной и не соотвѣтствующей той мысли,

которую хотѣли провести редакторы: масса отрицаній въ 1-й статьѣ и плеоназмъ въ словахъ «закономъ уголовнымъ подъ страхомъ наказанія» (какъ будто существуетъ уголовный законъ, не налагающій наказаній), слѣдуетъ отнести къ неудачной редакціи статьи, которая могла бы выиграть только отъ положительнаго указанія, что всѣ преступныя дѣянія, запрещенныя въ моментъ совершенія ихъ, подлежатъ карѣ уголовнаго закона. Неточность редакціи 1-й статьи можетъ повлечь за собой разныя недоразумѣнія, такъ напримѣръ выраженіе: «ни приговоренъ къ наказанію, неустановленному симъ уложеніемъ» указываетъ на то, что уложеніе обнимаетъ всѣ виды наказаній, налагаемые за разныя преступныя дѣянія; между тѣмъ въ 6-й статьѣ проекта точно выражены и изъятія изъ круга дѣйствія уложенія, почему, казалось бы, удобнѣе замѣнить слова «симъ уложеніемъ» словами «уголовнымъ закономъ, или этимъ закономъ». Помимо неточности редакціи 1-й статьи, въ ней не выражена мысль редакторовъ, что аналогія преступленій и наказаній запрещается новымъ уложеніемъ, что составляетъ пробѣлъ въ редакціи статьи, и было бы желательно имѣть категорическое запрещеніе аналогіи въ новомъ уложеніи и видѣть въ немъ точное указаніе, что 151 ст. улож. о нак., изд. 1866 г., отмѣнена, а не замѣнена только статьею 53 проекта, имѣющею предметомъ своимъ опредѣленіе предѣловъ власти суда при пониженіи наказанія и переходѣ отъ высшаго рода наказанія къ низшему.

Изложеніе первой статьи проекта не обладаетъ, по мнѣнію чиновъ прокуратуры Московскихъ судебныхъ мѣстъ, достаточною простотою и чтеніе ея представляется нѣсколько затруднительнымъ вслѣдствіе того, что въ ней, несмотря на краткость самаго постановленія, занимающаго всего три строки, употреблено шесть отрицаній. Поэтому статья 1-я могла бы быть изложена въ такой редакціи:

«Ст. 1. Никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе, незапрещенное, во время его совершенія, закономъ уголовнымъ подъ страхомъ наказанія, ниже приговоренъ къ наказанію, неустановленному симъ уложеніемъ».

По замѣчанію Прокурора Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалева, статья 1-я проекта, въ которой, для большей простоты изложенія, было бы возможно уничтожить первое отрицаніе: «ни» и выпустить слова: «подъ страхомъ наказанія»—возбуждаетъ сомнѣніе въ томъ отношеніи—не устраняется ли ею совершенно примѣненіе закона по аналогіи; по мнѣнію г. Москалева, безъ него трудно обойтись, не причиняя существеннаго вреда дѣйствительнымъ интересамъ правосудія, а между тѣмъ разбираемая статья, при отсутствіи какихъ либо

другихъ указаній въ проектѣ по этому предмету, можетъ создать на практикѣ различныя затрудненія.

Юристы—практики (Судебная Газета, 1883 г., № 33) замѣчаютъ, что, разсматривая статью первую проекта, нельзя прежде всего не обратить вниманія на форму ея изложенія. Послѣдняя является нѣсколько тяжеловатою и это потому, что въ постановленіи, несмотря на всю его краткость (4 строки), употреблено шесть отрицаній. Простое уничтоженіе двухъ отрицательныхъ частицъ «ни—ни» уже значительно упростило бы редакцію статьи и сдѣлало бы чтеніе ея болѣе удобнымъ.

По содержанію своему, статья эта совмѣщаетъ два основныя положенія уголовнаго права: «nullum crimen sine lege» и «nulla poena sine lege»; одно изъ нихъ, какъ бы ограждая право каждаго человѣка на свободу и личную неприкосновенность, узаконяетъ, что никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе, незапрещенное закономъ уголовнымъ, а другое, относясь скорѣе къ предѣламъ власти суда, опредѣляетъ, что за преступленіе не можетъ быть присуждено иное наказаніе, кромѣ установленнаго уложеніемъ; но оба эти положенія, слитыя въ одномъ постановленіи, какъ будто бы говорятъ только о наказаніи, объ его размѣрахъ и объ условіяхъ, при коихъ оно можетъ быть примѣнено къ виновнику извѣстнаго дѣянія. Между тѣмъ, уголовный кодексъ заключаетъ въ себѣ постановленія какъ о наказаніи, такъ и о преступленіи, и самый раздѣлъ первый проекта уложенія озаглавленъ такъ: «о преступныхъ дѣяніяхъ и наказаніяхъ вообще». Было бы правильнѣе поэтому въ новомъ уложеніи помѣстить на первомъ планѣ опредѣленіе понятія преступнаго дѣянія по закону, а затѣмъ уже перейти къ обозначенію родовъ наказанія и къ дальнѣйшимъ постановленіямъ. Хотя изъ смысла первой половины разсматриваемой статьи и составляется такое опредѣленіе преступленія вообще, какъ дѣянія, запрещеннаго, во время его совершенія, закономъ уголовнымъ подъ страхомъ наказанія, но это опредѣленіе слѣдовало бы, по примѣру венгерскаго уложенія, формулировать прямо и положительно. Въ силу приведенныхъ мотивовъ, а также того соображенія, что обозначеніе условій, при которыхъ дѣяніе становится преступнымъ, и постановленіе о непримѣненіи къ нему неустановленнаго уголовнымъ кодексомъ наказанія, касаясь двухъ различныхъ положеній, составляютъ и два отдѣльныя повелѣнія законодательной власти,—статью первую проекта можно бы было раздѣлить на двѣ, изложивъ ихъ въ такой, приблизительно, редакціи:

«Ст. 1. Дѣяніе почитается преступнымъ, если оно, во время его совершенія, было запрещено закономъ уголовнымъ подъ страхомъ наказанія».

Ст. 2.

«Ст. 2. Никто не можетъ быть приговоренъ за преступное дѣяніе къ наказанію, неустановленному симъ уложеніемъ».

При обсужденіи 1 ст. проекта нѣкоторыми членами собранія чиновъ Кишиневскаго Окружнаго Суда и мѣстныхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ возбужденъ былъ вопросъ о неясности и неточности ея редакціи. По буквальному смыслу своему, она опредѣляетъ только границы дѣйствія закона, между тѣмъ какъ, по намѣренію Коммисіи, она заключаетъ въ себѣ и запрещеніе аналогическаго примѣненія уголовнаго закона, его санкціи (аналогія наказанія). Ссылка Редакціонной Коммисіи только на 90 и 147 ст. уложенія, при означенной неясности редакціи 1 ст., легко можетъ повести на практикѣ къ сомнѣнію, а слѣдовательно и заблужденію относительно дѣйствительной запрещенности аналогіи наказанія по новому уложенію, такъ какъ примѣненіе аналогіи по дѣйствующему уложенію основываютъ (хотя можетъ быть и неправильно) на 151 ст. уложенія. Въ виду этого поставленъ былъ на обсужденіе вопросъ о необходимости новой, болѣе ясной и точной редакціи 1-й ст. съ указаніемъ на совершенную отмѣну правила, содержащагося въ 151 ст. уложенія. Большинство собранія, прійдя къ заключенію, что 1 ст. проекта, при настоящей своей редакціи, съ достаточною ясностію устанавливаетъ два безспорныхъ въ наукѣ уголовнаго права положенія, запрещенность дѣянія (sine lege non est crimen) и примѣнимость къ запрещенному дѣянію наказанія, за такое дѣяніе въ уложеніи установленнаго, что исключаетъ всякую мысль о допустимости аналогіи, постановило: оставить редакцію 1 ст. безъ измѣненія, указавъ лишь въ ссылкѣ на замѣняемую ею 151 ст. улож.

По мнѣнію Симферопольскаго Окружнаго Суда, статья 1-ая должна быть изложена не въ отрицательной, а въ положительной формѣ, отчего содержаніе ея можетъ выиграть въ ясности, а именно: наказаніе можетъ быть назначено только за такое дѣяніе, которое запрещено уголовнымъ закономъ ранѣе его совершенія, и притомъ только такое, которое установлено уголовнымъ закономъ.

Статья 2.

Наказанія суть:
1) смертная казнь;
2) каторга;

3) заточеніе;
4) поселеніе;
5) исправительный домъ;
6) тюрьма;
7) арестъ;
8) денежная пеня.

По замѣчанію Судебной Газеты (1882 г., № 11) новая «лѣстница» наказаній явилась результатомъ энергической критики лѣстницы наказаній дѣйствующаго уложенія съ одной стороны, а съ другой—плодомъ обработки и дополненія системы наказаній, предначертанной Государственнымъ Совѣтомъ 11 декабря 1879 года.

И дѣйствительно, разсматривая проектированную систему въ цѣломъ, нельзя не замѣтить, что она представляетъ большія достоинства, именно со стороны своей несложности и недробности. Каждый видъ наказанія представляетъ собою цѣльный типъ, охватывающій совокупность самыхъ существенныхъ чертъ ему свойственныхъ и рѣзко выдѣляющихъ его изъ числа другихъ видовъ наказаній. Въ такомъ построеніи системы наказаній нельзя не видѣть крупнаго шага впередъ. Дѣйствующее уложеніе не только дробитъ одинъ и тотъ же видъ наказанія на подвиды и создаетъ сложную систему неуловимыхъ разновидностей, но и включаетъ въ свою «лѣстницу» нѣкоторыя наказанія «не по необходимости», а лишь для вящей полноты (Мат., т. IV, стр. 24). Исходя изъ признанія такихъ существенныхъ недостатковъ дѣйствующаго уложенія, составители проекта исключили изъ своей системы рѣшительно всѣ *спеціальныя взысканія* (65 ст. улож.), а также и тѣ *исключительныя* мѣры, которыя въ общей части дѣйствующаго уложенія хотя и упоминаются, но въ дѣйствительности существуютъ, будучи указаны, подъ нѣкоторыми статьями части особенной. Такимъ образомъ, вышеприведенная 2 статья проекта заключаетъ въ себѣ всецѣло всѣ тѣ наказанія, которыя должны употребляться въ кодексѣ; никакихъ другихъ мѣръ взысканія существовать не должно. Такова мысль составителей проекта, мысль, выведенная изъ признанія недостатковъ дѣйствующаго уложенія. Но одно дѣло мысль,—другое дѣло ея выполненіе. Оказывается, что въ числѣ перечисленныхъ наказаній вовсе не упомянуто *внушеніе*, установленное въ 38 ст. проекта. Правда, это наказаніе *исключительное* и замѣняющее. Однако же оно существуетъ въ проектѣ уложенія. Разъ же оно существуетъ и притомъ въ другомъ мѣстѣ, не слѣдуетъ увѣрять, что во 2 статьѣ перечислены *всѣ* наказанія. Что же касается до того, что это взысканіе замѣняющаго характера, то едва-

ли такое возраженіе можетъ быть принято. За исключеніемъ смертной казни, всѣ остальныя наказанія, по 38 ст. проекта, являются тоже замѣняющими. Существуетъ еще возраженіе противъ упоминанія *внушенія* въ системѣ наказаній, установленныхъ 2 ст. проекта. Возраженіе это заключается въ томъ, что *внушеніе*, какъ особый видъ наказанія, отвергнуто составителями проекта *въ принципѣ* по причинѣ слишкомъ слабой репрессивности и даже по отсутствію таковой. Но это еще хуже. Зачѣмъ же могла понадобиться мѣра, по признанію самихъ составителей проекта, никуда негодная. Что нибудь одно: или негодная мѣра, или годная. Отвергать же въ принципѣ и вводить въ другую дверь одно и то же взысканіе невозможно.

Но дѣйствительно ли это взысканіе нерепрессивно? Трудно усвоить себѣ точный смыслъ этого положенія. Въ извѣстныхъ случаяхъ и видахъ виновности слабъ и арестъ, если назначать его за тяжкія преступленія. Въ другихъ же случаяхъ онъ строгъ (слишкомъ репрессивенъ) и представляется надобность понизить наказаніе до простой денежной *пени*, которая въ свою очередь можетъ быть тяжела. Тогда что дѣлать? Остается или назначить все-таки пеню или оправдать, т. е. поступить несправедливо.

Составители проекта упустили изъ вида, что они создаютъ единый и общій кодексъ для всѣхъ судовъ, въ томъ числѣ и для суда мироваго, практика котораго представляетъ массу примѣровъ вполнѣ цѣлесообразнаго и справедливаго примѣненія разсматриваемаго вида взысканія.

Между тѣмъ, отвергая внушеніе *въ принципѣ* и принимая его не въ принципѣ, составители проекта не вполнѣ вѣрно установили и историческія основанія. Они признали, что «въ дѣйствующемъ правѣ оно (внушеніе) употреблялось какъ мѣра дополнительная, налагаемая даже не въ порядкѣ уголовнаго суда» (стр. 22). Такое указаніе не полно. Въ уст. о наказ., налаг. мир. суд., внушеніе поставлено въ самостоятельное положеніе и назначается *только* въ порядкѣ уголовнаго суда (ст. 1). Судебная Газета, съ своей стороны, вполнѣ раздѣляетъ мысль, высказанную Государственнымъ Совѣтомъ, принимавшимъ разсматриваемый видъ наказанія *въ принципѣ*. Онъ высказалъ: «чѣмъ разнообразнѣе и шире способы и виды наказаній, тѣмъ *вѣрнѣе* и *лучше* могутъ быть удовлетворены требованія *справедливости* и общественной безопасности». Эта мысль вполнѣ оправдываетъ включеніе *внушенія* въ систему наказаній. Этого включенія требуетъ и послѣдовательность.

Итакъ, кромѣ упрека въ неполнотѣ установленной системы наказаній и въ недостаточномъ обоснованіи исключенія изъ нея *внушенія*, составители 2 ст. проекта подлежатъ тому же упреку, который они сами дѣлали дѣйствующему уложенію, ибо и они допускаютъ случай существованія такого вида

взысканія, который не указанъ въ основной статьѣ проекта, т. е. въ ст. 2. Такой упрекъ вовсе не такъ легокъ, какъ это кажется съ перваго раза. Статья 2 проекта находится въ неразрывной связи съ 1 ст. Она составляетъ прямое развитіе послѣдней. Въ 1 ст. категорически говорится, что можно приговорить лишь къ тому наказанію, которое означено въ семъ уложеніи. Вслѣдъ за симъ, вторая статья гласитъ, что «наказанія суть слѣдующія», и въ этомъ перечисленіи «внушенія» не оказывается, тогда какъ оно существуетъ въ ст. 38. Такимъ образомъ, самъ проектъ колеблетъ довѣріе къ своимъ постановленіямъ и обязываетъ изучающаго не особенно полагаться на его категоричность.

Обращаясь къ разсмотрѣнію внутренняго характера новой системы наказаній, Судебная Газета замѣчаетъ, что, исключивъ изъ своей системы, такъ называемыя, спеціальныя наказанія и исключительныя мѣры взысканія, составители проекта не приняли и прежняго дѣленія наказаній на *общія* и *особенныя*—дѣленія, прямо совпадающаго по дѣйствующему уложенію съ существованіемъ обыкновенныхъ и спеціальныхъ наказаній. Такимъ образомъ, можно думать, на первый разъ, что непринятіе стараго дѣленія есть прямое послѣдствіе устраненія изъ системы наказаній спеціальныхъ наказаній и что всѣ включенныя во 2 ст. проекта суть наказанія общія и ординарныя. Но, при внимательномъ разсмотрѣніи, оказывается не то и обнаруживается даже какое-то замѣшательство. Дѣло въ томъ, что, въ сущности, проектъ установилъ тѣ же виды наказаній, какъ и въ дѣйствующемъ уложеніи, только въ *типическомъ ихъ построеніи*, изъ нихъ и составилъ «лѣстницу», какъ онъ называетъ свою систему. Главнѣйшій упрекъ, сдѣланный составителями проекта дѣйствующему уложенію, состоялъ въ томъ, что оно включило въ свою «лѣстницу» всѣ наказанія, несмотря на то, что многія изъ нихъ не входили въ лѣстницу, будучи предназначены для нѣкоторыхъ особыхъ преступленій. Результатомъ этого было созданіе ст. 150, т. е. *закона обходовъ*. Такимъ образомъ, ошибка уложенія состояла въ томъ, что оно неправильно пріурочило дѣленіе наказаній на общія и особенныя съ существованіемъ общихъ и спеціальныхъ наказаній. Если оно желало этого дѣленія, то ему слѣдовало спеціальныя наказанія (ст. 65 улож.) оставить въ особомъ отдѣлѣ, а всѣ перечисленныя въ ст. 17 и 30 подраздѣлить на общія и особенныя, тогда бы ему не пришлось ни создавать, ни пользоваться закономъ обходовъ, ибо тогда бы въ лѣстницѣ не заключалось лишнихъ ступеней, по которымъ ходить не велѣно. Но въ ст. 17 и 30 улож. заключается собственно не «лѣстница», какъ полагаютъ составители проекта, а лишь система наказаній, т. е. упорядоченное перечисленіе всѣхъ видовъ наказаній, установленныхъ закономъ. «Лѣстница» же установлена въ ст. 150 улож. Что же мы видимъ въ

проектѣ? Совершенно тоже самое, что въ дѣйствующемъ уложеніи. Какъ въ дѣйствующемъ уложеніи въ ст. 17 и 30 заключается только система наказаній, такъ и во 2 ст. проекта, и какъ въ дѣйствующемъ уложеніи въ этой системѣ перечислены *всѣ* виды наказаній лишь по ихъ относительной важности, такъ и во 2 ст. проекта. Составители проекта сами говорятъ, что они не предполагали придавать послѣдовательности наказаній, установленной 2 ст., «характера соподчиненности ихъ другъ другу» (ст. 6 и 7). Такимъ образомъ, подобно дѣйствующему уложенію и во 2 ст. проекта включены не только одни общія или ординарныя наказанія, но и такія, которыя предназначены лишь за нѣкоторыя особыя преступленія. Отсюда, совершенно по тому же основанію, по какому это сдѣлано въ дѣйствующемъ уложеніи, пришлось создать законъ обходовъ и переходовъ, который и существуетъ въ видѣ 53 ст. проекта и изъ котораго точно также усматривается, что не всѣ перечисленныя во 2 ст. проекта ступени таковы, что по нимъ можно ходить,—есть и такія, по которымъ ходить нельзя, ибо они существуютъ лишь для нѣкоторыхъ преступленій. Въ концѣ концовъ, проектъ пришелъ къ тому же, отъ чего хотѣлъ уйдти, т. е. также ошибочно пріурочилъ дѣленіе на общія и особенныя къ дѣленію наказаній на общія и спеціальныя. Вмѣстѣ съ этимъ, онъ перенесъ на себя всѣ тѣ же упреки, въ которыхъ онъ не скупился по отношенію къ дѣйствующему уложенію. Между тѣмъ, упрекъ, дѣлаемый дѣйствующему уложенію, вполнѣ справедливъ и основателенъ. Если бы составители проекта извлекли изъ него полезныя указанія для самихъ себя, они неминуемо должны бы были придти къ заключенію о необходимости принятія дѣленія наказаній на *общія* и *особенныя*, отнеся его къ установленнымъ проектомъ во 2 ст. видамъ наказанія. Принятіе этого дѣленія оправдывалось не только логикою вещей, не только тѣмъ, что оно было предначертано Государственнымъ Совѣтомъ, но и важными практическими цѣлями. Принятіе этого дѣленія сдѣлалось бы важнымъ руководящимъ принципомъ для особенной части въ области примѣненія наказаній къ тѣмъ или другимъ преступленіямъ.

Составители проекта теоретически отвергаютъ смертную казнь. Исторія этого кроваваго наказанія въ Россіи убѣждаетъ ихъ, что не далекъ тотъ моментъ, когда смертная казнь могла бы быть вычеркнута изъ системы наказаній русскаго кодекса. Однако, вопросъ о смертной казни заключаетъ въ себѣ «и весьма важную политическую сторону», говорятъ составители проекта. Эта сторона должна значительно вліять на признаніе своевременности или несвоевременности отмѣны смертной казни. Они оставили этотъ видъ наказанія, но предположили «ограничить область его примѣненія наиболѣе втяжкими изъ государственныхъ преступленій» (стр. 17). Такова мысль составителей проекта. Она съ несомнѣнностью удостовѣряетъ о желаніи ихъ

сообщить смертной казни характеръ наказанія, хотя и допускаемаго въ общемъ порядкѣ, но исключительнаго и особеннаго, предназначеннаго лишь для нѣкоторыхъ преступленій. Такое же значеніе особенныхъ наказаній имѣютъ и заточеніе, и ссылка на поселеніе. Но видно ли все это изъ текста самого закона? Нисколько. Уже этого одного, кажется, достаточно, чтобы упрекнуть законодателя въ томъ, что онъ не выразилъ въ законѣ своей мысли въ высшей степени важной по ея существу. Выраженіе этой мысли въ томъ и заключается, чтобы раздѣлить наказанія на ординарныя и особенныя и къ послѣднимъ причислить смертную казнь, заточеніе и ссылку на поселеніе. Но выраженіе этой мысли въ указанномъ раздѣленіи наказаній важно еще и потому, что оно устраняетъ напередъ возможность произвольныхъ истолкованій намѣренія законодателя. Оно должно служить твердымъ принципомъ, на которомъ могли бы опираться послѣдующія законодательныя измѣненія, въ особенности въ отдѣльныхъ случаяхъ. Этотъ принципъ велъ бы не къ расширенію, подъ вліяніемъ требованій минуты, а къ ограниченію области примѣненія особенныхъ наказаній. Смертная казнь, если ей суждено остаться, заняла бы подобающее ей мѣсто, не по частнымъ опредѣленіямъ закона и не въ практикѣ, а въ самомъ коренномъ постановленіи законодателя—въ общей части уложенія. Вотъ почему Судебная Газета, съ своей стороны, рекомендовала бы 2 ст. проекта измѣнить или дополнить слѣдующимъ образомъ: «Наказанія раздѣляются на общія и особенныя. Общія наказанія суть: каторга, исправительный домъ, тюрьма, арестъ, денежныя пени и внушенія. Особенныя наказанія: смертная казнь, заточеніе и ссылка на поселеніе».

Такъ какъ общія наказанія, за изъятіемъ изъ числа ихъ особенныхъ, стоятъ въ перечнѣ въ отношеніи *соподчиненности*, то въ установленіи какой либо особой «лѣстницы», съ запрещенными ступенями, надобности не представляется. Равнымъ образомъ и особенныя наказанія упорядочились бы наиболѣе цѣлесообразно. Лѣстница переходовъ понадобилась бы лишь для смертной казни. Такимъ образомъ, 53 ст. проекта также подверглась бы радикальному видоизмѣненію.

Въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества *А. Н. Турчаниновъ*, по поводу сдѣланнаго въ ст. 2 и 3 перечисленія наказаній, замѣтилъ что, по мнѣнію его, оно умѣстно въ проектѣ уложенія, такъ какъ можетъ служить схемою для законодателя при избраніи наказанія за то или другое преступленіе, но сохраненіе его, затѣмъ, въ самомъ кодексѣ, не только

излишне и безцѣльно, такъ какъ голый перечень наказаній ничего не даетъ, ничему не поучаетъ (новое уложеніе не знаетъ той непрерывной лѣстницы наказаній, которая установлена уложеніемъ 1845 г.), но и можетъ вызвать путаницу при примѣненіи судьею наказанія, въ случаяхъ перехода отъ одного самостоятельнаго вида наказанія къ другому, также самостоятельному.

Н. В. Муравьевъ противъ этого мнѣнія замѣтилъ, что перечисленіе наказаній, сдѣланное въ ст. 2 и 3, представляется необходимымъ по содержанію ст. 4, которая, съ исключеніемъ указанныхъ статей, потеряетъ свою raison d'être.

Предложеніе А. Н. Турчанинова не нашло въ собраніи поддержки.

Сенаторъ А. К. Фриде замѣчаетъ, что какъ 2 статью, такъ равно и 3, удобнѣе было бы, по его мнѣнію, помѣстить въ главу третью въ самомъ ея началѣ, передъ нынѣ начинающею означенную главу статьею 13, подъ общею рубрикою означенной главы «*наказанія*». Тогда бы, съ перемѣщеніемъ ст. 12, согласно предположенію г. Фриде, глава первая, состоящая изъ статей проекта 1, 12 и 4, дѣйствительно оправдывала бы названіе общихъ положеній.

Не признавая возможнымъ представить особый проектъ лѣстницы наказаній, Симферопольскій Окружный Судъ все же считаетъ необходимымъ замѣтить, что разница между отдѣльными родами наказаній должна быть очень отчетливою, рельефною какъ по организаціи наказаній, такъ и по существу причиняемаго преступнику страданія и мѣръ къ его исправленію. Таковой рельефности въ исчисленныхъ во 2 ст. проекта родахъ наказаній однако не усматривается.

Такъ какъ кромѣ наказаній, назначаемыхъ по уложенію, есть наказанія и взысканія административныя и опредѣляемыя спеціальными уставами, то начало этой статьи, примѣнительно къ редакціи ст. 17 и 30 дѣйствующаго уложенія, надлежало бы, по мнѣнію Главнаго Военно-Морскаго Прокурора, изложить такъ:

Наказанія, опредѣляемыя симъ уложеніемъ, суть....

По мнѣнію Владимірскаго Окружнаго Суда, изъ перечня наказаній во 2 статьѣ слѣдовало бы, въ виду исключительности условій примѣненія и еще потому, что заточеніе есть наказаніе параллельное прочимъ наказаніямъ, выключить, для большей ясности, смертную казнь, поселеніе и заточеніе, обозначивъ ихъ названіемъ особыхъ или исключительныхъ наказаній.

Старшій Предсѣдатель Кіевской Судебной Палаты, Сенаторъ И. Н. Орловъ замѣчаетъ, что если наказанія, поименованныя во 2 ст., поставлены въ послѣдовательномъ порядкѣ по степени ихъ тяжести (см. 2 ч. 55 ст. проекта), то «поселеніе» должно бы стоять выше «заточенія». Нельзя также согласиться съ мнѣніемъ Коммисіи объ излишествѣ «выговора» въ лѣстницѣ общихъ наказаній; если выговоръ и назначается нынѣ не въ порядкѣ уголовнаго суда, какъ замѣчаетъ Коммисія, то это только по преступленіямъ должности (примѣч. къ 69 ст. улож.), а въ общихъ преступленіяхъ не иначе, какъ по судебному приговору, и отнюдь не «какъ мѣра дополнительная», а какъ самостоятельное личное наказаніе (1493 и 1494 ст. улож.); съ уничтоженіемъ «выговора» стѣснится безъ нужды право суда въ выборѣ наказанія, наиболѣе соотвѣтствующаго обстоятельствамъ дѣла и степени вины. Сверхъ сего хотя «репрессивность» выговора и не велика, но разнообразіе всѣхъ данныхъ дѣла нерѣдко бываетъ таково, что выговоръ представляется единственно правомѣрнымъ взысканіемъ, а недостатокъ личной «репрессивности» его уравновѣшивается имущественными послѣдствіями обвинительнаго приговора (судебными издержками и гражданскимъ искомъ).

По мнѣнію г. Ц. Я. (Юридическій Вѣстникъ, 1883 г., № 8) четвертое наказаніе въ лѣстницѣ наказаній должно бы быть названо не поселеніемъ, а ссылкою, чтобы былъ устраненъ поводъ смѣшивать поселеніе, какъ послѣдствіе каторги, съ самостоятельнымъ наказаніемъ ссылкою, а во 2 ст. слѣдовало бы указать, какъ 9-е наказаніе, внушеніе, назначаемое по 38 ст. проекта.

Смѣшеніе всѣхъ наказаній въ одной лѣстницѣ оказывается, по мнѣнію Варшавскихъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, неудобнымъ, въ 1-хъ потому, что при этомъ смѣшеніи лѣстница наказаній не представляетъ правильной посте-

пенности: заточеніе до шести лѣтъ—легче поселенія, между тѣмъ въ лѣстницѣ оно стоитъ выше, что и ведетъ къ уклоненіямъ при опредѣленіи наказаній по совокупности преступленій (ст. 55 проекта); во 2-хъ потому, что субъективные мотивы преступленій, наказуемыхъ заточеніемъ, по соображеніямъ Редакціонной Коммисіи, столь рѣзко отличаются отъ мотивовъ другихъ преступленій, что это наказаніе не должно быть поставляемо на ряду съ другими. Коммисія совершенно справедливо полагаетъ, «что несомнѣнно существуетъ цѣлый разрядъ даже тяжкихъ преступныхъ дѣяній, которыя вовсе не указываютъ на позорный или безчестный характеръ лицъ ихъ совершившихъ, которыхъ было бы несправедливо смѣшивать съ общими преступниками». Коль скоро заточеніе, по объясненію Коммисіи, должно быть примѣняемо лишь въ случаяхъ, не выказывающихъ особенной испорченности, ни безнравственности виновнаго (о чемъ было бы даже полезно сдѣлать указаніе въ самомъ текстѣ закона, на подобіе § 20 германскаго уложенія), то рѣзкое выдѣленіе этого наказанія изъ числа другихъ, позорныхъ наказаній, было бы желательно, даже въ интересѣ сохраненія и укрѣпленія нравственности лицъ приговариваемыхъ къ заточенію.

Въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры, указывая на то, что смертная казнь по закону 11 Декабря 1879 г. должна быть сохранена для исключительныхъ случаевъ, а именно для наиболѣе тяжкихъ преступленій государственныхъ, докладчикъ г. Кичинъ высказалъ, что ст. 2 представляетъ не простой перечень, а такъ называемую лѣстницу наказаній, какъ видно изъ 55 ст. проекта, предписывающей, при опредѣленіи сравнительной тяжести наказаній, руководствоваться порядкомъ, въ которомъ наказанія означены во 2 ст. Въ виду сего и принимая во вниманіе, что по мысли проекта заточеніе и поселеніе (какъ самостоятельное наказаніе) имѣютъ, въ отличіе отъ другихъ, значеніе наказаній, не обезчещивающихъ виновнаго (custodia honesta) и назначаются за дѣянія, не обнаруживающія нравственной испорченности, докладчикъ полагалъ, что оставленіе этихъ наказаній, въ особенности заточенія, въ ряду другихъ наказаній и сравненіе заточенія, напримѣръ, съ исправительнымъ домомъ, только по продолжительности срока этихъ наказаній, какъ это устанавливается 55 ст. проекта, уничтожило бы на практикѣ значеніе указаннаго особаго характера заточенія, такъ какъ при совокупности преступленій пришлось бы нерѣдко нравственно испорченныхъ лицъ приговаривать къ заточенію или поселенію. По этимъ соображеніямъ и для болѣе полнаго проведенія въ законѣ весьма важнаго начала о различіи

наказаній, основанномъ на оцѣнкѣ внутренней стороны преступленія, докладчикъ предложилъ въ ст. 2 раздѣлить наказанія на общія и особенныя и къ послѣднимъ отнести заточеніе и поселеніе, которыя въ особенной части могутъ опредѣляться параллельно съ каторгою, исправительнымъ домомъ и тюрьмою. Затѣмъ докладчикъ обратилъ вниманіе совѣщанія на то, что подъ поселеніемъ проектъ разумѣетъ съ одной стороны самостоятельное наказаніе, а съ другой—наказаніе дополнительное. Эти два вида поселенія имѣютъ различное значеніе и преслѣдуютъ разныя цѣли: цѣль перваго—обращеніе преступниковъ къ новой общественной жизни, а цѣль втораго—удаленіе отъ общества лицъ, только что отбывшихъ каторгу. Сообразно этому первые будутъ приписываться къ городамъ и селеніямъ, а вторые—селиться на незанятыхъ мѣстахъ. Такое различіе примѣненія поселенія, по цѣли этой мѣры, должно быть прямо указано въ проектѣ, а потому докладчикъ полагалъ—поселеніе, какъ самостоятельное наказаніе, оставить во 2 ст., а поселеніе, какъ послѣдствіе другихъ наказаній, отнести подъ наименованіемъ «водворенія» въ 3-ю статью проекта. Находя, что ст. 2 составляетъ лишь перечень наказаній, переходъ же отъ одного наказанія къ другому указанъ въ ст. 53 проекта; что во всякомъ случаѣ, въ виду указанныхъ въ ст. 55 проекта подробныхъ правилъ о сравнительной тяжести наказаній, нѣтъ основаній вводить въ проектъ дѣленіе наказаній на общія и особенныя, какъ не имѣющее практической важности; что возбужденный докладчикомъ вопросъ о томъ, что въ случаяхъ совокупности заточенія съ другими, обезчещивающими наказаніями, такія наказанія заточеніемъ не поглощаются, долженъ быть разсмотрѣнъ при обсужденіи главы 7 проекта; что поселеніе, какъ самостоятельное наказаніе отъ другихъ видовъ поселенія, не должно отличаться столь существенно, чтобы вводить для него новый, особый терминъ; и что затѣмъ къ выдѣленію такихъ видовъ поселенія и заточенія въ особую статью не представляется повода,—совѣщаніе высказалось за оставленіе ст. 2 въ настоящемъ ея видѣ, съ тѣмъ, что въ виду послѣдовавшаго измѣненія ст. 1, ст. 2-я должна начинаться словами: наказанія «по уложенію» суть.

Чины Пермской прокуратуры указываютъ, что, какъ видно изъ объяснительной записки, заточеніе имѣетъ характеръ особеннаго наказанія, установленнаго только для извѣстнаго рода преступленій. Между тѣмъ, будучи введено въ общую лѣстницу наказаній, оно вноситъ съ собою крайне сложную механику въ опредѣленіе наказаній. Это очевидно изъ сопоставленія 2 п. 53 ст. и 2 отд. 55 ст. проекта. Математическія выкладки, какія приведется дѣлать на практикѣ при опредѣленіи и замѣнѣ наказаній, повлекутъ за

собою массу ошибокъ, устранимыхъ только путемъ продолжительнаго опыта. Кромѣ того постановленіе 2 отд. 55 ст. противорѣчитъ установленной постепенности наказаній, ибо, согласно этому постановленію, приходится придти къ заключенію, что тюрьма строже исправительнаго дома.

По мнѣнію Люблинскаго Окружнаго Суда, ст. 2 слѣдуетъ редактировать такъ: «главныя наказанія суть». Третьимъ главнымъ наказаніемъ слѣдуетъ поставить заточеніе въ крѣпости. Нельзя ожидать, чтобы устроены были вмѣсто нея какія либо особыя мѣста заточенія. Необходимо означить, гдѣ преступники будутъ отбывать заточеніе, и потому, что, въ сущности, содержаніе во всѣхъ другихъ мѣстахъ заключенія есть заточеніе (см. также ст. 15). Исправительный домъ и тюрьма сами по себѣ суть не наказанія, а мѣста заключенія, поэтому слѣдуетъ сказать: «заключеніе въ исправительномъ домѣ, заключеніе въ тюрьмѣ». Самая лѣстница наказаній подлежитъ измѣненію. Смертную казнь слѣдуетъ исключить. Должно быть проведено строгое различіе между поселеніемъ, какъ самостоятельнымъ наказаніемъ и какъ послѣдствіемъ каторги и заточенія свыше шести лѣтъ. Смѣшеніе этихъ двухъ видовъ поселенія порождаетъ многочисленныя неудобства.

Предсѣдатель Сумскаго Окружнаго Суда Золотницкій находитъ, что въ поименованіи наказаній замѣчается отсутствіе опредѣлительности терминовъ и даже правильности языка. «Поселеніе», напр., само по себѣ не представляетъ понятія о наказаніи; оно скорѣе—одинъ изъ признаковъ благосостоянія; также и терминъ «исправительный» домъ не даетъ понятія о наказаніи, но выраженіе принудительнаго дѣйствія «ссылка на поселеніе» и «заключеніе въ исправительномъ домѣ» дали бы точное понятіе о существѣ наказанія. По мнѣнію г. Золотницкаго, номенклатура наказаній можетъ быть изложена слѣдующимъ образомъ:

1) смертная казнь;

2) каторга;

3) заключеніе въ крѣпостяхъ или въ соотвѣтствующихъ ему помѣщеніяхъ;

4) ссылка на поселеніе въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ;

5) заключеніе въ исправительномъ домѣ;

6) тюремное заключеніе.

Очевидно, что упомянутая неточность или неправильность терминовъ

допущена въ видахъ компактности кодекса, но нѣсколько лишнихъ строкъ, устраняющихъ существенный его недостатокъ, не умалили бы его достоинства.

По замѣчанію Сенатора С. И. Заруднаго, въ ст. 2 слова: «исправительный домъ» и «тюрьма» выдѣляются изъ ряду всѣхъ другихъ пунктовъ, въ коихъ опредѣлены наказанія, а здѣсь указаны зданія, гдѣ наказаніе исполняется. Слѣдовало бы сказать: «заключеніе въ исправительномъ домѣ», «заключеніе въ тюрьмѣ».

Въ п. 3 сказано «поселеніе», но сущность наказанія заключается не въ поселеніи, а въ ссылкѣ на поселеніе.

Это замѣчаніе относится также къ ст. 17, 18 и 22 проекта.

Въ п. 3 ст. 2 сказано *заточеніе*. Неизвѣстно, желаетъ ли Коммисія совсѣмъ исключить слово *заключеніе* или считать его слабѣйшею мѣрою *заточенія*. По этому въ п. 4 и 5 С. И. Зарудный поставилъ бы слово *заключеніе*. Въ статьяхъ 14—23 и 54 проекта слова *заточеніе* и *заключеніе* употребляются безразлично и какъ то перепутаны. Это слѣдовало бы устранить. Тамъ говорится о *заключенныхъ*, а о *заточенныхъ* ничего не сказано.

Въ 2-й и 3-й статьяхъ составители проекта имѣли въ виду перечислить всѣ наказанія, въ немъ встрѣчающіяся (об. стр. 6), однако перечисленіе это является, по замѣчанію Прокурора Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалева, неполнымъ: въ немъ не указаны внушеніе и отдача въ исправительно-воспитательныя заведенія, упоминаемыя въ 38 ст., а также высылка иностранцевъ за границу по 31 ст. Кромѣ того въ проектѣ вообще не указаны такія мѣры взысканія, какъ закрытіе фабрикъ, заводовъ, торговыхъ или промышленныхъ заведеній и возложеніе на обязанность виновнаго, въ указанныхъ закономъ случаяхъ, исправить сдѣланныя имъ упущенія и послѣдствія незаконныхъ дѣйствій, подавшихъ поводъ къ судебному преслѣдованію, какъ напр.: сломка и исправленіе за счетъ виновнаго неправильно возведенныхъ зданій (1242, 1252 и 1260 ст. уст. угол. судопр. и 26 ст. уст. о нак.); такія мѣры не могутъ быть отнесены къ числу гражданскихъ послѣдствій правонарушенія и къ вознагражденію за причиненные имъ вредъ и убытки, о чемъ въ проектѣ рѣшено не упоминать (об. стр. 23), напротивъ мѣры эти имѣютъ карательный характеръ и представляются однородными

съ ограниченіями правъ и отобраніемъ отдѣльныхъ предметовъ, упоминаемыми въ 29 и 35 статьяхъ.

Прокуроръ Кашинскаго Окружнаго Суда Безе замѣчаетъ, что во 2-й статьѣ исчислены всѣ роды наказаній, вводимые проектомъ, между тѣмъ въ п. 3 ст. 38 того же проекта упоминается о правѣ суда дѣлать внушеніе малолѣтнимъ, признаннымъ дѣйствовавшими съ разумѣніемъ. Такимъ образомъ 2-я статья проекта не обнимаетъ всѣхъ наказаній и ее слѣдовало бы дополнить еще однимъ пунктомъ о томъ, что новымъ уложеніемъ вводится также какъ наказаніе—внушеніе.

При обозрѣніи лѣстницы наказаній, упомянутыхъ во 2 статьѣ, въ связи съ 55 статьею того же проекта, слѣдуетъ придти къ тому выводу, что тяжесть наказаній опредѣляется ихъ постепенностію и потому переходъ отъ одного наказанія къ другому долженъ происходить въ томъ порядкѣ, въ какомъ указаны самыя наказанія; но такой выводъ окажется ошибочнымъ, такъ какъ заточеніе и поселеніе носятъ на себѣ исключительный характеръ, по указанію составителей проекта, и въ 53 статьѣ проекта точно установленъ порядокъ перехода отъ высшаго рода наказанія къ низшему. Изъ этой статьи видно, что существуетъ извѣстная постепенность въ тяжести наказаній отъ каторги, исправительнаго дома и тюрьмы до ареста; заточеніе же и поселеніе представляютъ особый видъ наказаній и только между этими двумя видами существуетъ переходъ отъ заточенія къ поселенію и обратно. Изложенныя соображенія даютъ, по мнѣнію Безе, полное право высказать слѣдующія замѣчанія: 1) проектомъ новаго уложенія вводятся два рода наказаній, общія—смертная казнь, каторга, исправительный домъ, тюрьма, арестъ и денежная пеня, и исключительныя — заточеніе, поселеніе и внушеніе; 2) во второй статьѣ нѣтъ указанія на исключительныя наказанія и послѣднія, поставленныя въ ряду общихъ, какъ будто указываютъ на постепенность наказаній и отсюда возможность перехода отъ поселенія къ исправительному дому, что однако запрещается 53 статьею проекта; 3) для устраненія противорѣчія въ самомъ проектѣ слѣдовало бы заточеніе и поселеніе, а также внушеніе отнести къ отдѣльной рубрикѣ наказаній, а въ общую лѣстницу наказаній внести смертную казнь, каторгу, исправительный домъ, тюрьму арестъ и денежную пеню.

Въ самомъ перечнѣ наказаній въ п. 4 ст. 2, какъ наказаніе, приводится «поселеніе», по своимъ послѣдствіямъ сходное съ ссылкой на поселеніе по улож. о наказ. изд. 1866 г., и въ объяснительной запискѣ къ проекту часто упоминается безразлично то поселеніе, то ссылка на поселеніе, почему

желательно не вводить новаго термина, а оставить прежнее названіе, т. е. ссылку на поселеніе, какъ болѣе точно выражающую принудительный фактъ поселенія въ силу карательнаго закона.

Чины Московской прокуратуры замѣчаютъ, что статья 2-я, перечисляя различные виды наказанія, во 1-хъ, не упоминаетъ объ исключительныхъ взысканіяхъ, установленныхъ статьею 38 для малолѣтнихъ отъ 10 до 17 лѣтъ, признанныхъ дѣйствовавшими съ разумѣніемъ, а именно объ отдачѣ въ исправительно-воспитательныя заведенія и внушеніи отъ суда, а во 2-хъ, не дѣлаетъ подраздѣленія родовъ наказанія на общія и особенныя, тогда какъ такое дѣленіе является и естественнымъ, и необходимымъ по существу карательныхъ мѣръ и по свойству тѣхъ преступныхъ дѣяній, за которыя таковыя предположено назначить.

Что касается перваго замѣчанія, то изъ соображеній Редакціонной Коммисіи можно вывести заключеніе, что она не признаетъ внушеніе, какъ мѣру, не заключающую въ себѣ никакой респрессивности, наказаніемъ (стр. 21 проекта), а исправительно-воспитательныя заведенія, по самому названію и назначенію ихъ, не считаетъ мѣстомъ лишенія свободы. Но, съ одной стороны, сама же Коммисія называетъ внушеніе отъ суда взысканіемъ (стр. 22) и слѣдовательно придаетъ ему отчасти характеръ наказанія для малолѣтнихъ, а съ другой—нельзя, дѣйствительно, не признать такого значенія за указанною мѣрою, въ виду той торжественной обстановки, при которой она примѣняется, и того впечатлѣнія, какое можетъ произвести на воспріимчивую натуру малолѣтнихъ самое внушеніе, дѣлаемое судомъ. Исправительно же воспитательныя заведенія хотя и имѣютъ своимъ назначеніемъ исправленіе нравственности малолѣтнихъ путемъ воспитанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и стѣсняютъ ихъ личную свободу, почему и являются въ этомъ отношеніи однимъ изъ видовъ мѣстъ заключенія, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь способы къ исправленію, которое составляетъ цѣль и другихъ видовъ наказанія, избираются иные, во вниманіе къ возрасту заключенныхъ и представляющейся вслѣдствіе того большей возможности къ направленію, при помощи образованія, ихъ силъ и способностей на прямую дорогу. Что помѣщеніе въ исправительно-воспитательное заведеніе есть въ сущности наказаніе—это видно уже изъ того, что по ст. 38 проекта, какъ и по нынѣ дѣйствующему уложенію, въ случаѣ неимѣнія такого заведенія или при недостаткѣ помѣщенія въ оном, эта мѣра взысканія замѣняется тюрьмою, причемъ лишь сокращаются сроки содержанія. Во всякомъ случаѣ, разъ въ уголовномъ кодексѣ опредѣлены за преступное дѣяніе извѣстная отвѣтствен-

ность, эта послѣдняя, въ какомъ бы видѣ или формѣ она ни установлялась, является однимъ изъ видовъ наказанія и, какъ таковое, должна быть поименована въ статьѣ, опредѣляющей всѣ виды наказанія вообще.

Переходя затѣмъ ко второму замѣчанію, слѣдуетъ указать, что Редакціонная Коммисія, обсуждая систему наказаній, существующую въ дѣйствующемъ уложеніи, признало ее и сложною, и не имѣющею практическаго значенія (стр. 5), а потому нашла возможнымъ удержать только одно дѣленіе наказаній, выраженное въ статьяхъ 2 и 3 проекта и основанное на различіи главныхъ и дополнительныхъ взысканій (стр. 7). Такое соображеніе Коммисіи по отношенію къ дѣленіямъ, принятымъ въ уложеніи 1857 г., представляется совершенно правильнымъ, но, съ другой стороны, помѣщеніе всѣхъ вновь проектируемыхъ видовъ наказанія въ одну статью, безъ всякихъ подраздѣленій, имѣетъ то практическое неудобство, что эти наказанія, приведенныя въ статьѣ послѣдовательно, изображаютъ какъ бы общую лѣстницу, а между тѣмъ изъ мотивовъ Коммисіи и изъ ст. 53-й проекта видно, что имъ не придается ни значенія послѣдовательности въ общемъ перечнѣ, ни характера соподчиненности другъ другу. При разсмотрѣніи отдѣльныхъ типовъ наказанія по проекту и объясненій Коммисіи оказывается, что смертную казнь предполагается назначать только за нѣкоторыя и притомъ немногія политическія преступленія (стр. 17): заточеніе, какъ custodia honesta, за особаго рода противозаконныя дѣянія, поводомъ которыхъ служатъ заблужденія, увлеченія или общественные предразсудки, но которыя не указываютъ на позорный или безчестный характеръ лицъ, ихъ совершившихъ (стр. 17 и 18), и, наконецъ, ссылку на поселеніе—за нѣкоторыя преступленія, оправдывающія удаленіе преступника изъ прежняго мѣста жительства, но не требующія болѣе или менѣе долгосрочнаго его заключенія, какъ напр. за принадлежность къ особенно вреднымъ сектамъ (стр. 21). Очевидно, что перечисленные три вида наказанія, какъ примѣняемые только къ особо обозначеннымъ въ уложеніи о наказаніяхъ преступнымъ дѣяніямъ, должны быть признаны и особенными карательными мѣрами; остальные же виды—каторга, исправительный домъ, тюрьма, арестъ и пеня являются наказаніями общими, нормальными или ординарными. Посему тѣ и другія слѣдовало бы раздѣлить на отдѣльныя двѣ группы, присоединивъ къ нимъ и третью, исключительныхъ наказаній для малолѣтнихъ: внушеніе отъ суда и помѣщеніе въ исправительно-воспитательное заведеніе. Такое подраздѣленіе, предполагавшееся отчасти и Коммисіею Государственнаго Совѣта, бывшею подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря К. К. Грота (стр. 8), представило бы ту выгоду, что лѣстница общихъ, ординарныхъ наказаній совпадала бы вполнѣ съ порядкомъ, установленнымъ 53 ст. проекта для суда при

переходѣ отъ одного наказанія къ другому, въ случаѣ признанія обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, а наказанія особенныя, хотя и не изображали бы собой такой лѣстницы, тѣмъ не менѣе имѣли бы также, согласно 53 ст., нѣкоторую послѣдовательность или постепенность, ибо эта статья опредѣляетъ переходъ: отъ смертной казни къ заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ (и къ каторгѣ), а отъ поселенія—къ заточенію на срокъ отъ одного года до шести лѣтъ, перехода же отъ заточенія къ наказаніямъ общимъ вовсе не допускаетъ.

На основаніи изложенныхъ соображеній статью 2-ю проекта слѣдовало бы, по мнѣнію чиновъ Московской прокуратуры, редактировать такимъ образомъ:

Ст. 2. Наказанія суть:

А. Общія:

1) каторга;
2) исправительный домъ;
3) тюрьма;
4) арестъ;
5) пеня.

Б. Особенныя:

1) смертная казнь;
2) заточеніе;
3) ссылка на поселеніе.

В. Исключительныя, для малолѣтнихъ.

1) отдача въ исправительно-воспитательное заведеніе;
2) внушеніе отъ суда.

Предлагая такое измѣненіе, чины Московскаго прокурорскаго надзора полагаютъ замѣнить слово «поселеніе» выраженіемъ «ссылка на поселеніе», во 1-хъ потому, что сущность этой карательной мѣры именно и заключается въ удаленіи виновнаго изъ мѣста его жительства, а во 2-хъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы такое наказаніе, какъ самостоятельное, отличить отъ поселенія, какъ дополнительнаго взысканія, для отбывшихъ сроки содержанія въ каторжныхъ тюрьмахъ и мѣстахъ заточенія (ст. 14 и 15).

Они замѣняютъ далѣе выраженіе «денежная пеня» словомъ «пеня», такъ какъ подъ этимъ понятіемъ сама собою разумѣется пеня денежная.

Прокуроръ Владикавказскаго Окружнаго Суда Чинчинадзе указываетъ, что Редакціонная Коммисія признала принятую въ дѣйствующемъ правѣ систему наказаній весьма сложною и неимѣющею во многомъ практическаго значенія и потому въ проектированной лѣстницѣ наказаній удержала лишь 8 видовъ наказаній, а остальныя карательныя мѣры, указанныя въ нынѣ дѣйствующемъ уложеніи, совершенно исключила. Такъ, между прочимъ, Коммисія исключила изъ лѣстницы наказаній выговоръ и предположила сохранить подобное взысканіе въ видѣ внушенія отъ суда и то лишь въ случаяхъ, указанныхъ въ 38 ст. проекта. Между тѣмъ, обращаясь къ Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта отъ 11 Декабря 1879 г., въ коемъ начертаны основныя начала, долженствующія служить руководствомъ для дальнѣйшихъ работъ по преобразованію нашего уголовнаго законодательства, оказывается, что Коммисія Государственнаго Совѣта, на предположеніяхъ которой основанъ законъ 11 Декабря 1879 года, оставивъ выговоръ въ числѣ карательныхъ мѣръ, предположила внести этотъ родъ взысканія въ общую лѣстницу наказаній. Такимъ образомъ, при разсмотрѣніи 2 ст. проекта, прежде всего возникаетъ вопросъ о томъ, правильно ли поступила Редакціонная Коммисія, исключивъ выговоръ изъ общей системы карательныхъ мѣръ и соотвѣтствуетъ ли редакція 2 ст. проекта тѣмъ началамъ, кои положены въ основаніе Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта отъ 11 Декабря 1879 г. Обсуждая этотъ вопросъ съ чисто формальной стороны, представляется умѣстнымъ замѣтить, что если разъ Редакціонная Коммисія въ работахъ своихъ по преобразованію нашего уголовнаго законодательства, обязана руководствоваться тѣми основными началами, кои указаны въ мнѣніи Государственнаго Совѣта отъ 11 Декабря 1879 г., то, само собою разумѣется, эти начала должны быть приняты въ основаніе проектируемаго уложенія и такъ какъ выговоръ въ означенномъ законѣ указанъ въ числѣ предположенныхъ общихъ мѣръ взысканія, то естественно онъ и долженъ войти въ общую лѣстницу наказаній. Хотя, правда, Редакціонная Коммисія, какъ это видно изъ соображеній ея, признала себя вправѣ исключить выговоръ изъ проектированной лѣстницы наказаній потому, что въ мнѣніи Государственнаго Совѣта отъ 11 Декабря 1879 г. объяснено, что приведенными въ этомъ мнѣніи положеніями не предрѣшаются подробности предполагаемой лѣстницы наказаній, однако таковой выводъ, по ближайшемъ разсмотрѣніи этого мнѣнія Государственнаго Совѣта, едва ли можно признать правильнымъ, ибо изъ приведенныхъ выше словъ мнѣнія Государственнаго Совѣта несомнѣнно явствуетъ лишь то, что Государственный Совѣтъ оставилъ вопросъ о подробностяхъ предполагаемой лѣстницы наказаній открытымъ и предоставилъ это дальнѣйшей разработкѣ и только; но изъ этого мнѣнія

отнюдь не слѣдуетъ, чтобы общія мѣры взысканія, указанныя въ законѣ 11 Декабря 1879 г., долженствующія войти въ предполагаемую лѣстницу наказаній, могли подлежать измѣненію, а тѣмъ болѣе совершенному исключенію изъ проектированной общей части уложенія.

Обращаясь затѣмъ къ существу разсматриваемаго вопроса, оказывается, что Редакціонная Коммисія, какъ это видно изъ ея соображеній, исключила выговоръ изъ лѣстницы наказаній главнымъ образомъ потому, что въ немъ не заключается никакой репрессивности, но принимая въ основаніе исключенія выговора отсутствіе въ немъ репрессивности, Коммисія въ то же время признала возможнымъ замѣнить выговоръ другою мѣрою взысканія, а именно—внушеніемъ отъ суда.

Не говоря уже о томъ, что соображенія Коммисіи по вопросу о репрессивности одинаково примѣнимы какъ къ выговору, такъ и къ внушенію отъ суда и что поэтому за оставленіе въ числѣ мѣръ взысканія внушенія отъ суда представляются такія же основанія, какъ и за удержаніе въ уложеніи выговора, является умѣстнымъ замѣтить, что какъ бы мало репрессивности ни заключалъ въ себѣ выговоръ, онъ тѣмъ не менѣе не теряетъ характера извѣстнаго рода наказанія, а потому, если внушеніе отъ суда, мѣра во всякомъ случаѣ заключающая въ себѣ менѣе репрессивности, чѣмъ выговоръ, можетъ быть удержано въ числѣ мѣръ взысканія, то естественно представляется возможнымъ и удержаніе въ уложеніи выговора. Помимо сего, допуская возможность замѣны выговора внушеніемъ отъ суда и включенія сего послѣдняго рода наказаній въ число предположенныхъ карательныхъ мѣръ, необходимо въ то же время признать цѣлесообразнымъ и внесеніе его въ общую лѣстницу наказаній, ибо если разъ Коммисія сочла необходимымъ, какъ это видно изъ ея соображеній, перечислить въ проектированныхъ ею 2 и 3 статьяхъ всѣ наказанія, встрѣчающіяся на практикѣ, то и внушеніе отъ суда, какъ извѣстная мѣра взысканія, хотя бы оно и имѣло характеръ исключительнаго наказанія, само собою разумѣется, должно занять соотвѣтствующее мѣсто въ общей лѣстницѣ наказаній.

Московскій Столичный Мировой Съѣздъ указываетъ на то обстоятельство, что въ перечнѣ наказаній, установленныхъ проектомъ, опущены существовавшія до сихъ поръ наказанія дисциплинарнаго характера: выговоръ, замѣчаніе и внушеніе. Такое опущеніе мотивировано въ объяснительной запискѣ необходимостью выдѣлить подобныя наказанія въ особый дисциплинарный уставъ. Между тѣмъ, изъ пункта 3 ст. 38 проекта видно, что внушеніе предполагается сохранить для малолѣтнихъ, недостигшихъ 17 лѣтъ, дѣй-

ствовавшихъ съ разумѣніемъ,—какъ замѣну ареста или денежной пени. Уже по одному этому внушеніе должно было бы войти въ перечень наказаній, составляющій вторую статью проекта. Но и кромѣ того предполагаемый особый дисциплинарный уставъ будетъ касаться извѣстныхъ только нарушеній и примѣняться къ дѣяніямъ лицъ извѣстныхъ категорій, но не будетъ имѣть общаго примѣненія ко всѣмъ проступкамъ и нарушеніямъ; между тѣмъ сохраненіе въ новомъ уложеніи, если не всѣхъ трехъ существовавшихъ доселѣ видовъ дисциплинарныхъ наказаній (выговора, замѣчанія и внушенія), то, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ, напримѣръ выговора, какъ совмѣщающаго въ себѣ замѣчаніе и внушеніе, въ качествѣ ли самостоятельнаго наказанія за незначительныя преступныя дѣянія или въ качествѣ низшей мѣры наказанія, къ которому судъ, въ опредѣленныхъ случаяхъ, могъ бы перейти въ порядкѣ, указанномъ для смягченія наказаній, было бы желательно по слѣдующимъ практическимъ соображеніямъ. Въ весьма многихъ случаяхъ, незначительныя нарушенія, совершенныя неумышленно, будутъ вызывать оправдательные приговоры, неправильные, можетъ быть, по существу дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ нелишенные строгой справедливости. Такіе приговоры съ одной стороны могутъ имѣть видъ поощренія безнаказанностью дѣяній, воспрещаемыхъ закономъ, съ другой стороны могутъ преграждать путь къ гражданскимъ взысканіямъ за причиненный сими дѣяніями вредъ. Въ виду этого предоставленіе суду права смягчить наказаніе до выговора было бы въ подобныхъ случаяхъ правильнымъ и удобнымъ исходомъ, при которомъ судъ, признавъ наличность преступнаго дѣянія и отсутствіе умысла, поставлялъ бы на видъ обвиняемому его вину, не подвергая его вмѣстѣ съ тѣмъ тягости другаго какого либо наказанія, несоразмѣрнаго съ свойствомъ и степенью вины, ибо даже денежная пеня, какъ бы ни былъ малъ ея размѣръ, можетъ во многихъ случаяхъ считаться несоотвѣтствующимъ винѣ наказаніемъ, такъ какъ для нѣкоторыхъ лицъ, совершенно неимущихъ, она должна быть замѣнена лишеніемъ свободы, которое для многихъ обвиненныхъ, даже при всей своей краткосрочности, будетъ тяжелымъ наказаніемъ.

На основаніи изложеннаго, Московскій Столичный Мировой Съѣздъ призналъ бы желательнымъ дополнить ст. 2 проекта пунктомъ 9-ымъ—«выговоръ».—Къ тому же заключенію приходятъ и чины Екатеринбургскаго Окружнаго Суда.

По исчисленіи всѣхъ восьми видовъ наказаній, общихъ для осужденныхъ, какъ совершеннолѣтнихъ, такъ и несовершеннолѣтнихъ, Одесскій Окружный Судъ считаетъ необходимымъ сдѣлать въ ст. 2 уложенія нижеслѣдующее

дополненіе: «Сверхъ того, для малолѣтнихъ: а) исправительно-воспитательное заведеніе и б) внушеніе отъ суда». При этомъ Окружный Судъ имѣетъ въ виду, что исправительно-воспитательное заведеніе не можетъ быть исключено изъ числа карательныхъ мѣръ, устанавливаемыхъ проектомъ уложенія, ибо хотя оно и должно преслѣдовать исправительныя цѣли средствами воспитательными, но въ то же время ему принадлежитъ несомнѣнно и значеніе карательной мѣры тѣмъ болѣе, что, какъ видно изъ 38 ст. проекта, къ отдачѣ въ это заведеніе будутъ присуждаемы и малолѣтніе преступники, дѣйствовавшіе съ разумѣніемъ, а, въ указанныхъ закономъ случаяхъ, осужденные, взамѣнъ этого заведенія, будутъ заключаемы въ тюрьму. То же слѣдуетъ сказать и относительно «внушенія отъ суда», мѣра эта, хотя и лишенная репрессивности, является однако въ уголовномъ уложеніи съ характеромъ карательнымъ, какъ налагаемая въ видѣ взысканія за проступки. Независимо отъ этихъ соображеній по существу, Окружный Судъ находитъ, что указанное добавленіе необходимо для полноты 2 ст. проекта, которая должна заключать въ себѣ исчисленіе всѣхъ установляемыхъ уложеніемъ мѣръ взысканія.

Члены Коммисіи Новороссійскаго Юридическаго Общества А. В. Волковъ и А. А. Степановъ считаютъ нужнымъ пополнить ст. 2 проекта слѣдующимъ добавленіемъ: «сверхъ того для малолѣтнихъ: а) исправительно-воспитательное заведеніе и б) внушеніе отъ суда», по нижеслѣдующимъ соображеніямъ. Хотя проектируемое исправительно- воспитательное заведеніе и должно имѣть по преимуществу воспитательный характеръ, но такъ какъ къ отдачѣ въ это заведеніе имѣютъ быть присуждаемы (ст. 38) малолѣтніе преступники и притомъ дѣйствовавшіе съ разумѣніемъ и заведеніе это можетъ быть замѣняемо тюрьмою, то очевидно, что за нимъ не можетъ быть отрицаемо и значеніе карательной мѣры. Что же касается внушенія отъ суда, то и за нимъ нельзя отрицать значенія взысканія, налагаемаго по суду, хотя и лишенной той репрессивности, которая принадлежитъ другимъ карательнымъ мѣрамъ. Въ виду изложенныхъ основаній по существу, А. В. Волковъ и А. А. Степановъ признавали бы необходимымъ сдѣлать указанное добавленіе къ ст. 2, дабы она представляла, такимъ образомъ, совершенно полный перечень всѣхъ мѣръ взысканія, которыя могутъ быть налагаемы судомъ на основаніи проектируемаго уголовнаго уложенія.

Собраніе чиновъ Кишиневскаго Окружнаго Суда и мѣстныхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, исходя: во 1-хъ изъ того, установляемаго Редакціонной

Коммисіей, положенія, что 2 ст. представляетъ собой лишь одинъ голый перечень наказаній, неимѣющій значенія той лѣстницы наказаній, которая установлена въ дѣйствующемъ уложеніи, и во 2-хъ, что посему такой перечень долженъ обнимать собой всѣ виды наказаній, кои встрѣчаются въ проектѣ, находитъ, что такъ какъ въ 38 ст. проекта упоминается съ одной стороны объ исправительно-воспитательныхъ заведеніяхъ, какъ нормальномъ типѣ наказаній для малолѣтнихъ, а съ другой—о внушеніи, то представлялось бы необходимымъ упомянуть во 2 ст. проекта и объ этихъ двухъ видахъ наказаній. Что касается вызываемаго такимъ дополненіемъ измѣненія редакціи 2 ст., то, принимая во вниманіе: а) что задачи какъ будущихъ исправительно-воспитательныхъ заведеній, такъ и предполагаемыхъ въ 5 п. 2 ст. исправительныхъ домовъ будутъ въ общихъ чертахъ однѣ и тѣ же, при извѣстномъ различіи типовъ этихъ учрежденій, вызываемомъ различіемъ возраста преступнаго населенія и б) что весьма вѣроятно исправительно-воспитательныя заведенія будутъ при исправительныхъ домахъ или составлять отдѣленія послѣднихъ, приспособленныя для несовершеннолѣтнихъ и подчинены будутъ одной и той же администраціи,—собраніе находитъ, что 5 п. 2 ст. надлежало бы дополнить слѣдующими словами: «съ исправительно-воспитательнымъ заведеніемъ». Относительно же внушенія надлежитъ прибавить новый 9 п. къ ст. 2, въ слѣдующей редакціи: 5 п. исправительный домъ съ исправительно-воспитательнымъ заведеніемъ и 9 п. «внушеніе».

Нѣкоторые члены Собранія, не признавая за этимъ видомъ наказанія никакого репрессивно-карательнаго значенія, полагали совсѣмъ исключить его изъ перечня наказаній.

Независимо отъ сего къ выводу о необходимости включенія въ общую лѣстницу карательныхъ мѣръ опредѣляемаго малолѣтнимъ по ст. 38 проекта «внушенія» приходятъ чины Черниговскаго и Орловскаго Окружнаго Суда, и чины Казанской, а также Кіевской и Ставропольской прокуратуры. Эти послѣдніе чины указываютъ, сверхъ того, на желательность включенія въ лѣстницу наказаній назначаемой несовершеннолѣтнимъ отдачи въ исправительно-воспитательное заведеніе.

См. также общее замѣчаніе Предсѣдателя Казанскаго Окружнаго Суда Грасса, Члена того же Суда Дьяченко и Присяжнаго Повѣреннаго Степанова о группировкѣ матеріала въ проектѣ.

Статья 3.

Присоединяемыя къ симъ наказаніямъ дополнительныя наказанія суть:
лишеніе правъ;
отдача подъ полицейскій надзоръ;
опубликованіе приговора;
отобраніе вещей.

Разсматривая 3-ю статью проекта въ предѣлахъ ея текста, Судебная Газета (1883 г. № 3), съ своей стороны, видитъ въ ней весьма важное усовершенствованіе сравнительно съ дѣйствующимъ кодексомъ. По 58 ст. улож. о нак., изд. 1866 года, къ числу дополнительныхъ наказаній отнесены были: церковное покаяніе, конфискація всего имущества и воспрещеніе жительства въ обѣихъ столицахъ, или даже въ собственныхъ виновнаго имѣніяхъ, съ учрежденіемъ надъ нимъ опеки. Съ другой же стороны лишеніе правъ по дѣйствующему уложенію стоитъ не въ дополнительныхъ, а въ главныхъ наказаніяхъ. Значеніе этого послѣдняго обстоятельства важно въ томъ отношеніи, что имъ обусловливается, во 1-хъ, безсрочность наказанія и во 2-хъ, безусловная обязательность его, коль скоро оно опредѣлено въ законѣ за судимое дѣяніе. Отнеся лишеніе правъ къ разряду наказаній дополнительныхъ, составители проекта тѣмъ самымъ установили первое основаніе для примѣненія этого наказанія въ болѣе ограниченномъ объемѣ, факультативно и срочно. Что же касается до исключенія изъ числа дополнительныхъ наказаній конфискаціи и церковнаго покаянія, то для одобренія подобной мѣры едва ли нужны подтвержденія. И то, и другое наказаніе въ самомъ существѣ своемъ несостоятельны. Первое же, кромѣ того, и въ высшей степени несправедливо, ибо падаетъ всею своею тяжестью не на преступника, а на его семейство ни въ чемъ неповинное.

При разсмотрѣніи въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ ст. 3 проекта, въ видахъ устраненія недоразумѣнія, вызываемаго редакціею 1 строки ст. 3, при сопоставленіи ея съ послѣдними строками ст. 9, предсѣдательствующій ***В. Д. Спасовичъ***, согласно съ предложеніемъ С. Ф. Христіановича, предложилъ: названіе «дополнительныя наказанія», замѣнить словами «послѣдствія наказаній».

Большинствомъ голосовъ (26 противъ 22) замѣна, предложенная г. предсѣдательствующимъ, была отвергнута.

Далѣе въ отношеніи ст. 3 проекта, *В. К. Случевскій* находитъ, что она не заключаетъ въ себѣ полнаго исчисленія всѣхъ послѣдствій наказанія. Дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ, подобно иностраннымъ законодательствамъ, признаетъ для иностранцевъ, совершившихъ преступленія, особое послѣдствіе наказанія—высылку заграницу. Англія составляла, въ этомъ отношеніи, до послѣдняго времени, исключеніе, не допуская высылки иностранцевъ, но законодательство ея нынѣ, по поводу ирландскихъ дѣлъ, допустило уже отступленіе отъ этого принципа невысылки иностранцевъ. Ст. 75 уложенія знаетъ эту высылку, какъ самостоятельное наказаніе и какъ послѣдствіе наказаній. Признаютъ необходимость высылки и составители проекта (стр. 11). Раздѣляя мнѣніе о необходимости допущенія высылки иностранцевъ, какъ послѣдствія наказанія ихъ, въ установленныхъ законами случаяхъ, В. К. Случевскій полагаетъ, что она должна имѣть себѣ мѣсто въ ст. 3 проекта, въ которой исчисляются предусмотрѣнныя проектомъ послѣдствія наказаній.

Собраніе, по произведенномъ голосованіи, постановило включить въ ст. 3 проекта и «высылку заграницу иностранцевъ».

Коммисія Новороссійскаго Юридическаго Общества предлагаетъ слѣдующую редакцію ст. 3-ьей проекта: «Присоединяемыя къ симъ наказаніямъ дополнительныя наказанія суть:

Лишеніе и ограниченіе правъ...., полицейскій надзоръ, опубликованіе приговора, отобраніе вещей».

При этомъ Коммисія, находя, что дополненіями нѣкоторыхъ наказаній, принятыхъ проектомъ, будетъ, между прочимъ, пораженіе или лишеніе правъ въ разной степени, признала цѣлесообразнымъ первое дополнительное наказаніе назвать «лишеніе и ограниченіе правъ».

Затѣмъ въ названіи наказанія «отдача подъ полицейскій надзоръ» исключены слова «отдача подъ», такъ какъ наказаніемъ должно быть самое поднадзорное состояніе, а не актъ учрежденія надзора.

Признавая, что назначаемое за преступное дѣяніе наказаніе должно быть одно и недѣлимо и что постановленія ст. 3 имѣютъ характеръ *послѣдствій* наказанія, а не особыхъ дополнительныхъ наказаній, докладчикъ въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры г. Кичинъ находилъ, что въ число такихъ послѣдствій не должны быть включены: 1) полицейскій надзоръ, какъ мѣра, имѣющая предупредительный, а не карательный характеръ, практически вредная и стѣсняющая лишь тѣхъ изъ отбывшихъ нака-

заніе, которые исправились и желаютъ возвратиться къ честной трудовой жизни; 2) опубликованіе приговора, какъ вытекающее изъ начала гласности процесса и не требующее поэтому особаго опредѣленія, и 3) отобраніе вещей, такъ какъ оно является послѣдствіемъ не наказанія, а преступленія, и можетъ поражать какъ оправданнаго подсудимаго, такъ и постороннихъ лицъ (ст. 35 проекта). Признавая возможнымъ сохранить полицейскій надзоръ по соображеніямъ, изложеннымъ въ объяснительной запискѣ къ ст. 31 проекта (стр. 98), и имѣя въ виду, что ст. 2 предусматриваетъ случаи *обязательнаго* опубликованія приговора на счетъ виновнаго, и что отобраніе вещей можетъ быть послѣдствіемъ наказанія,—совѣщаніе согласилось съ докладчикомъ, что указанныя въ ст. 3 мѣры имѣютъ характеръ *послѣдствій* наказанія, а потому полагало начало статьи редактировать такимъ образомъ: «Въ указанныхъ закономъ случаяхъ къ симъ наказаніямъ присоединяются...»

Старшій Предсѣдатель Кіевской Судебной Палаты находитъ неудобнымъ, да едва ли и нужнымъ, опредѣлять два рода наказаній: главныя и «дополнительныя»; эти «дополнительныя» наказанія, какъ это явствуетъ изъ дальнѣйшихъ статей проекта, суть собственно «послѣдствія» главныхъ наказаній, и такъ бы ихъ слѣдовало и называть.—Лишеніе правъ, какъ видно изъ ст. 25—29 проекта, состоитъ какъ въ совершенной потерѣ, такъ и во временномъ лишеніи оныхъ, и распространяется на права какъ общегражданскія (сословныя, служебныя, семейныя, имущественныя), такъ и отдѣльныя профессіональныя (ст. 29); а потому, для большей ясности редакціи, слѣдуетъ упомянуть объ этомъ отдѣльно въ 3 ст. Отобраніе вещей—выраженіе крайне неясное, оно скорѣе указываетъ на временное отобраніе впредь до рѣшенія суда; изъ 35 ст. проекта видно, что это означаетъ или истребленіе вещей, или обращеніе тѣхъ изъ нихъ, кои не подлежатъ истребленію, въ казну; истребленіе вещей, недолженствующихъ существовать (возмутительныя сочиненія, кощунственные предметы, фальшивыя деньги, подложные документы и т. п.), ни въ какомъ случаѣ не есть дополнительное наказаніе, это есть самое естественное и логическое послѣдствіе, и притомъ не только обвинительнаго, но иногда и оправдательнаго приговора (о чемъ и упоминается во второй половинѣ 35 ст. проекта); остается лишь, какъ «дополнительное наказаніе», обращеніе вещей въ казну, т. е. конфискація, объ ней только и можно говорить въ этой статьѣ. По этимъ соображеніямъ и для большей точности редакціи, Сенаторъ И. Н. Орловъ предлагаетъ слѣдующее изложеніе 3 статьи: «Послѣдствія означенныхъ наказаній состоятъ: въ лишеніи общегражданскихъ правъ навсегда; въ лишеніи ихъ на опредѣленное

время; въ потерѣ правъ на занятіе торговлею, ремеслами, промыслами, или же какою либо спеціальною дѣятельностью; въ отдачѣ подъ полицейскій надзоръ; въ обращеніи въ казну орудій и вещей, предназначавшихся или служившихъ для совершенія преступнаго дѣянія, и въ опубликованіи приговора».

Исчисленныя въ статьѣ 3-ей дополнительныя наказанія удобнѣе, по мнѣнію Симферопольскаго Окружнаго Суда, назвать послѣдствіями наказаній, чтобы не было за одно преступное дѣяніе какъ бы двухъ наказаній: главнаго и дополнительнаго. Поэтому первыя двѣ строки этой статьи должны быть изложены такъ:

«Съ нѣкоторыми наказаніями сопряжены для виновныхъ слѣдующія послѣдствія»:

Сдѣланное, при обсужденіи въ собраніи чиновъ Кишиневскаго Окружнаго Суда и мѣстныхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ ст. 3 проекта, предложеніе замѣнить названіе: «дополнительныя наказанія» словами «послѣдствія наказаній» не было принято Собраніемъ, такъ какъ во 1-хъ, эти дополнительныя наказанія не являются послѣдствіями всѣхъ перечисленныхъ во 2 ст. проекта наказаній и во 2-хъ, это названіе самимъ законодателемъ придавало бы наказаніямъ, перечисленнымъ во 2 ст. позорящій характеръ, что несообразно съ раціональными задачами карательной дѣятельности государства.

Редакцію статьи 3-ей слѣдовало бы, по мнѣнію Тульскаго Окружнаго Суда, измѣнить и сказать: къ нѣкоторымъ изъ сихъ наказаній присоединяются. Такая редакція будетъ указывать, что не всѣ карательныя мѣры, упоминаемыя во 2 статьѣ, повлекутъ за собою дополнительныя наказанія, какъ это и усматривается изъ послѣдующихъ статей проекта уложенія. Далѣе, Редакціонная Коммисія въ 14 и 15 статьяхъ установила, что приговоренные къ каторгѣ и заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ, по отбытіи наказанія, поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ. Такъ какъ подобное поселеніе въ извѣстной мѣстности совершается не по желанію лица, отбывшаго наказаніе, то было бы послѣдовательно въ статьѣ 3 упомянуть и о поселеніи въ извѣстной отведенной мѣстности.

Такимъ образомъ статью 3-ю слѣдовало бы, по мнѣнію Тульскаго Суда, изложить такъ:

«Къ нѣкоторымъ изъ сихъ наказаній присоединяются:
а) лишеніе правъ;
б) поселеніе, по отбытіи наказанія, въ извѣстныхъ отведенныхъ мѣстностяхъ;
в) отдача подъ полицейскій надзоръ;
г) опубликованіе приговора;
д) отобраніе вещей».

Ст. 3 слѣдуетъ, по мнѣнію Люблинскаго Окружнаго Суда, изложить такъ: «дополнительныя наказанія суть». Слово «дополнительныя» совмѣщаетъ въ себѣ понятіе о присоединеніи. Упоминать о «присоединеніи» дополнительныхъ наказаній къ главнымъ тѣмъ менѣе умѣстно, что одно изъ нихъ—отобраніе вещей—получаетъ самостоятельное значеніе при постановленіи оправдательнаго приговора (см. ст. 35).

Архангельскій Губернскій Прокуроръ Краусъ останавливается на томъ обстоятельствѣ, что въ число дополнительныхъ наказаній въ ст. 3 проекта помѣщены, между прочимъ, «опубликованіе приговора» и «отобраніе вещей». Опубликованіе приговора въ смыслѣ карательной мѣры направлено исключительно къ опозоренію обвиняемаго и такъ какъ этого рода наказанія давно уже осуждены теоріею, признаны недостигающими цѣли и приносящими болѣе вреда, чѣмъ пользы, то слѣдуетъ полагать, что составители проекта, допуская въ извѣстныхъ, немногихъ случаяхъ опубликованіе приговора, имѣли въ виду не столько кару обвиняемаго, сколько возстановленіе пострадавшей отъ преступленія репутаціи потерпѣвшаго и вознагражденіе причиненнаго ему нравственнаго ущерба. Предположеніе это подтверждается соображеніями составителей проекта къ ст. 34 улож., изъ которыхъ видно, что «опубликованіе приговора» примѣняется главнымъ образомъ въ случаяхъ оскорбленій, клеветы и диффамаціи.

Если такимъ образомъ «опубликованіе приговора» не будетъ служить мѣрою карательною, а лишь средствомъ вознагражденія потерпѣвшаго, то было бы болѣе соотвѣтствующимъ, исключивъ указаніе этой мѣры въ ст. 3 изъ числа дополнительныхъ наказаній, ограничиться въ отношеніи ея постановленіемъ, изложеннымъ въ 34 статьѣ проекта.

Подобнымъ образомъ и «отобраніе вещей» по свойствамъ и цѣлямъ своимъ не соотвѣтствуетъ понятію о наказаніи, какъ мѣрѣ исправительной, направленной противъ личности виновнаго. Правильность такого взгляда подтверждается соображеніями къ 35 ст. проекта, изъ которыхъ видно,

что вещи эти главнымъ образомъ будутъ отбираться въ видахъ общественной безопасности и пресѣченія и предупрежденія преступленій, вслѣдствіе чего мѣра эта примѣнима даже въ случаяхъ оправданія подсудимаго или освобожденія его отъ наказанія. Поэтому г. Краусъ полагалъ бы, не упоминая объ «отобраніи вещей» въ ст. 3 при исчисленіи дополнительныхъ наказаній, ограничиться въ этомъ отношеніи постановленіемъ, изложеннымъ въ 35 ст. проекта.

Архангельскій Прокуроръ замѣчаетъ далѣе, что выраженіе «*отобраніе вещей*» какъ бы указываетъ, будто мѣра эта направлена противъ права собственности обвиняемаго, между тѣмъ какъ она имѣетъ цѣлью лишь изъять изъ обращенія извѣстные отдѣльные предметы, безразлично къ принадлежности ихъ тому или другому хозяину. Поэтому онъ полагалъ бы слова «*отобраніе вещей*» замѣнить терминомъ «*отобраніе отдѣльныхъ предметовъ*», какъ выразилась и Коммисія Государственнаго Совѣта о тюремномъ преобразованіи 1878 г.

Чины прокуратуры Московскихъ Судебной Палаты и Окружнаго Суда замѣчаютъ, что въ числѣ дополнительныхъ наказаній, перечисляемыхъ въ ст. 3 проекта, оказывается пропущеннымъ «поселеніе», которое, согласно 14 и 15 ст., является дополнительною карательною мѣрою для осужденныхъ въ каторгу и въ заточеніе на срокъ свыше шести лѣтъ, а потому этотъ видъ наказанія было бы нелишнимъ помѣстить въ текстѣ статьи, назвавъ его просто «поселеніемъ», въ отличіе отъ «ссылки на поселеніе» по ст. 2, какъ самостоятельнаго взысканія.

Далѣе, тою же 3-ею статьею проекта устанавливается, между прочимъ, «полицейскій надзоръ», но, сопоставляя эту статью съ послѣдующими, а именно 33, можно вывести заключеніе, что надъ лицами, отбывшими извѣстныя наказанія и отданными подъ надзоръ полиціи, долженъ de facto существовать, во все время пребыванія ихъ въ какой либо мѣстности, еще и надзоръ того общества, среди котораго они будутъ проживать. Это прямо вытекаетъ изъ того положенія 33 ст., что поднадзорный имѣетъ право ходатайствовать въ ближайшемъ окружномъ судѣ о снятіи съ него надзора до срока лишь въ томъ случаѣ, когда представитъ свидѣтельство о хорошемъ поведеніи отъ мѣстнаго городскаго или сельскаго общества, а такое право обществъ выдавать подобныя свидѣтельства налагаетъ на нихъ eo ipso и обязанность слѣдить за поведеніемъ поднадзорнаго. Указанныя права и обязанности обществъ по отношенію къ поднадзорнымъ не мѣшало бы нормировать въ самомъ законѣ и потому статью 3-ю слѣдовало бы дополнить, прибавивъ къ

полицейскому надзору и надзоръ общественный, но само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ, подъ понятіемъ «общество» должно пониматься не то общество, къ коему обвиняемый былъ приписанъ до осужденія, а то, въ которомъ онъ поселится послѣ отбытія наказанія. Учрежденіе общественнаго надзора вызывается уже тѣмъ соображеніемъ, что общество, гораздо болѣе заинтересованное въ недопущеніи въ свою среду порочныхъ членовъ, съ большимъ несравненно вниманіемъ будетъ слѣдить за послѣдними, нежели администрація, и вслѣдствіе сего самый надзоръ явится существующимъ въ дѣйствительности, а не чисто формальнымъ, какимъ представляется до сихъ поръ надзоръ полиціи.

Согласно приведеннымъ замѣчаніямъ чины Московской прокуратуры предполагали бы статью 3 изложить въ слѣдующемъ видѣ:

«Статья 3. Присоединяемыя къ симъ наказаніямъ дополнительныя наказанія суть:

лишеніе правъ;

поселеніе;

отдачи подъ полицейскій и общественный надзоръ;

опубликованіе приговора;

отобраніе вещей».

Одинъ изъ чиновъ Радомскаго Окружнаго Суда признаетъ полезнымъ причислить къ числу добавочныхъ наказаній воспрещеніе проживать въ извѣстной мѣстности, съ предоставленіемъ суду назначать оное на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Наказаніе это имѣетъ практическое примѣненіе въ тѣхъ случаяхъ, когда пребываніе въ извѣстной мѣстности способствуетъ преступленіямъ, совершаемымъ въ видѣ ремесла (напр. контрабанда) или же когда пребываніе преступника въ одной мѣстности съ потерпѣвшимъ, можетъ вызвать серьезныя опасенія на счетъ безопасности сего послѣдняго. Въ семъ послѣднемъ случаѣ дѣло идетъ о защитѣ интересовъ невиновнаго и съ требованіемъ защиты этой онъ вправѣ обратиться въ судебное мѣсто.

Прокуроръ Кашинскаго Окружнаго Суда Безе замѣчаетъ, что въ 3 ст. проекта исчислены тѣ дополнительныя наказанія, которыя присоединяются къ наказаніямъ, упомянутымъ во 2 статьѣ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи проекта оказывается, что проектъ, кромѣ лишенія правъ и отдачи подъ полицейскій надзоръ, устанавливаетъ еще ограниченіе правъ, (статья 29 проекта), а для иностранцевъ—отдачу подъ надзоръ полиціи замѣняетъ высылкою

за границу (3 п. 31 ст. проекта). Въ виду того, что въ 3 статьѣ нѣтъ никакихъ указаній на ограниченіе правъ и замѣну надзора полиціи высылкою заграницу, казалось бы, по мнѣнію г. Безе, необходимымъ дополнить третью статью приведенными добавленіями.

Чины Ставропольской прокуратуры находятъ, что исчисленіе дополнительныхъ наказаній неполно; пропущено упоминаемое въ 29 статьѣ временное воспрещеніе занятій профессіею.

По замѣчанію чиновъ Великолуцкой прокуратуры, проектъ, перечисляя въ 3 статьѣ роды наказаній, не призналъ нужнымъ упомянуть объ одномъ послѣдствіи ихъ, именно о вознагражденіи потерпѣвшаго за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ. Не отрицая важности соображеній, которыми руководились при этомъ случаѣ составители проекта и которыя высказаны въ объяснительной запискѣ, названные чины тѣмъ не менѣе считали бы весьма полезнымъ не только упомянуть объ этомъ въ уложеніи, но и упомянуть въ такой формѣ, которая бы въ случаѣ предъявленія гражданскаго иска настоятельно обязывала судей произносить категорическое сужденіе по этому предмету, отнюдь не ограничиваясь не имѣющимъ никакого юридическаго значенія выраженіемъ: «предоставить право отыскивать вознагражденіе за вредъ и убытки гражданскимъ порядкомъ», какъ это дѣлается нынѣ и судами, и въ особенности часто мировыми судьями.

По поводу статьи 3-ей Одесскій Окружный Судъ полагаетъ перечень дополнительныхъ наказаній пополнить, поселеніемъ составляющимъ дополнительное наказаніе къ каторгѣ и заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ; пунктъ 1 ст. 3 изложить такъ: лишеніе и ограниченіе правъ, ибо проектъ уложенія устанавливаетъ не только лишеніе, но и ограниченіе правъ состоянія осужденнаго; редакцію пункта 2 той же статьи измѣнить, исключивъ слова «отдача подъ» и оставивъ лишь «полицейскій надзоръ», ибо сущность этого дополнительнаго наказанія заключается не въ отдачѣ подъ надзоръ полиціи, а въ самомъ полицейскомъ надзорѣ; «отобраніе вещей» исключить изъ ст. 3-ей, такъ какъ мѣра эта не имѣетъ значенія дополнительнаго наказанія, ибо, во 1-хъ, по существу своему и по смыслу объясненій Редакціонной Коммисіи къ 35 ст. проекта, она преслѣдуетъ цѣли полицейскія и имѣетъ характеръ не карательный, а направлена къ охраненію общественной безопасности, и во 2-хъ, что̀ является прямымъ послѣдствіемъ предъидущаго,

она примѣняется и къ случаямъ оправданія подсудимаго или освобожденія его отъ суда. Вслѣдствіе сего, Окружный Судъ полагаетъ, что слѣдовало бы исключить изъ будущаго уложенія и 35 ст. проекта. Постановленія этой статьи было бы, по мнѣнію Суда, умѣстнѣе отнести къ 375 и 777 ст. уст. угол. суд.

Смотри сверхъ того приведенныя подъ ст. 2 замѣчанія Сенатора А. К. Фриде и Прокурора Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалева и пренія въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, а также замѣчаніе Члена Симферопольскаго Окружнаго Суда Тальберга, помѣщенное подъ ст. 35 проекта.

Статья 4.

Преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, смертная казнь, каторга, заточеніе на срокъ свыше шести лѣтъ или поселеніе, именуются преступленіями.

Преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, исправительный домъ, заточеніе на срокъ не свыше шести лѣтъ или тюрьма, именуются проступками.

Преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, арестъ или денежная пеня именуются нарушеніями.

Сдѣлавшееся со времени Code pénal излюбленнымъ, раздѣленіе преступныхъ дѣяній на преступленія, проступки и нарушенія, которое принялъ и проектъ въ ст. 4, по мнѣнію профессора Гейера, не выдерживаетъ критики и доводы въ его пользу, содержащіеся въ «Объясненіяхъ» (стр. 24 и слѣд.) представляются г. Гейеру самою слабою частью этой, столь прекрасной въ цѣломъ, работы. Онъ много разъ имѣлъ случай высказываться противъ вполнѣ ирраціональнаго трехчленнаго дѣленія, разбирая законодательныя работы Германіи, Австріи, Италіи и Нидерландовъ. Указаніе «Объясненій», что «подкладкою формальнаго трехчленнаго дѣленія является оцѣнка внутренняго значенія каждаго правонарушенія» (стр. 26) основано на недоразумѣніи. Конечно, приходится согласиться съ тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ въ видѣ правила, при назначеніи такъ называемыхъ «уголовныхъ» наказаній (Verbrechensstrafen) законодатель будетъ руководствоваться внутреннимъ значеніемъ преступныхъ дѣяній, но все, что здѣсь можетъ быть принято во вниманіе,

относится къ видамъ преступленія (Verbrechensarten), а не къ отдѣльнымъ случаямъ (Verbrechensfälle). Виды преступленій могутъ быть, при очень глубокомъ расчлененіи ихъ въ общемъ, сведены большею частью (не вполнѣ) къ такой схемѣ, на верху которой окажутся самые тяжкіе, а внизу самые легкіе виды. Но даже и при этомъ границы окажутся крайне шаткими и произвольными, въ особенности для многихъ видовъ преступленій средней тяжести. Напримѣръ, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ «различными видами захватовъ чужой собственности, несопровождавшихся *особо* отягчающими обстоятельствами», на которые указываютъ «Объясненія» (стр. 26) въ поясненіе «центральной группы проступковъ»? Г. Гейеръ предлагаетъ составителямъ проекта провѣрить, насколько во всѣхъ тѣхъ кодексахъ и проектахъ, которые проводятъ трехчленное дѣленіе, господствуетъ согласіе именно въ разграниченіи преступленій и проступковъ. Они найдутъ тамъ крайнее, путающее, разнообразіе и, въ особенности, при разграниченіи преступленій и проступковъ противъ собственности столь явный ***произволъ*** законодателя, что, быть можетъ, измѣнятъ свое мнѣніе, что г. Гейеръ отнюдь не считаетъ дѣломъ второстепенной важности, такъ какъ здѣсь вовсе не идетъ спора только о словахъ. Ежели различіе преступленія и проступка произвольно, то какъ же несправедливо клеймить именемъ «преступника» (въ тѣсномъ смыслѣ слова), человѣка, котораго вина менѣе тяжка, нежели вина другаго виновнаго лишь въ такъ называемомъ «проступкѣ»!

Это приводитъ г. Гейера къ другому пункту. Онъ уже сказалъ, что виды преступленій, въ общемъ, допускаютъ до извѣстной степени распредѣленіе ихъ по тяжести; но что слѣдуетъ сказать объ единичныхъ дѣйствительныхъ случаяхъ (Verbrechensfälle)? На это едва ли слѣдуетъ обращать вниманіе составителей проекта, которые, вполнѣ справедливо сознавая различную тяжесть отдѣльныхъ случаевъ, относящихся къ одному виду преступленій, избѣгаютъ абсолютно-опредѣленной санкціи: въ ст. 53, которая очень замѣчательна, они идутъ такъ далеко,—въ чемъ имъ можно лишь сочувствовать,—что даже тамъ, гдѣ угрожается смертною казнью, дозволяютъ, при наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ, спускаться до временнаго лишенія свободы. Но какъ же согласовать эту 53 ст. съ вышеупомянутымъ трехчленнымъ дѣленіемъ? Коммисія, впрочемъ, согласно мнѣнію, почти вездѣ господствующему въ Европѣ, не сомнѣвается повидимому, что статьи 4 и 53 очень хорошо согласуются другъ съ другомъ. «Объясненія» (стр. 20—22) говорятъ: «самое распредѣленіе дѣяній по видамъ, по мнѣнію Коммисіи, должно быть основано не на томъ наказаніи, которое будетъ примѣнено къ виновному въ данномъ случаѣ, а на томъ, которое назначено въ законѣ за дѣяніе, въ совершеніи коего подсудимый признанъ виновнымъ;

если же такихъ наказаній назначается нѣсколько, то на высшемъ изъ нихъ. Такимъ образомъ, напр. лицо, признанное виновнымъ въ похищеніи съ насиліемъ, но въ виду обстоятельствъ, уменьшающихъ отвѣтственность, наказанное не каторгою, а заключеніемъ въ исправительномъ домѣ, будетъ, тѣмъ не менѣе, считаться признаннымъ виновнымъ въ преступленіи».

При внимательномъ разсмотрѣніи ст. 53 оказывается далѣе, что можетъ быть признано виновнымъ въ ***преступленіи***, а не въ проступкѣ только, лицо, приговоренное къ заточенію на ***одинъ*** годъ, а между тѣмъ, по 2 ч. ст. 4, лицо, виновное въ ***проступкѣ***, можетъ быть приговорено къ заточенію на ***шесть*** лѣтъ: такимъ образомъ, простой разсчетъ показываетъ, что при этихъ постановленіяхъ возможны ***проступки*** въ шесть разъ болѣе тяжкіе, нежели ***преступленія***! При этомъ слѣдуетъ принять далѣе во вниманіе, что по п. 1 ст. 53 возможно, что «преступникъ» будетъ приговоренъ къ двумъ недѣлямъ заточенія (ср. 1 ч. ст. 15), или, другими словами, преступленіе можетъ влечь за собою наказаніе въ 156 разъ болѣе легкое, нежели проступокъ! А между тѣмъ приговоренный къ двумъ недѣлямъ заточенія долженъ быть отнесенъ къ одной категоріи съ тѣмъ лицомъ, дѣяніе котораго наказывается смертною казнью или каторгою, т. е. онъ такъ же, какъ и это лицо, виновенъ въ «преступленіи». Принимая во вниманіе, какое огромное вліяніе оказываютъ на общественное мнѣніе и на сужденія толпы названія и выраженія, легко видѣть, что несправедливо возвращать въ общественную среду заклейменнымъ злосчастнымъ названіемъ «преступника», человѣка, который въ сущности заслуживаетъ лучшаго имени, нежели большое число осужденныхъ лишь за «проступокъ».

Конечно, нельзя отрицать, что проектъ смягчаетъ вредныя послѣдствія трехчленнаго дѣленія, распредѣляя правопораженія (ст. 25—30) не въ связи съ раздѣленіемъ преступленій, проступковъ и нарушеній, но ставя объемъ ихъ въ зависимость отъ того наказанія, которое опредѣлено въ приговорѣ. Однако, это только доказываетъ, что все трехчленное дѣленіе есть, по существу своему, нѣчто вполнѣ ирраціональное.

Ссылка «Объясненій» (стр. 26) на практическія выгоды этого дѣленія, отчасти опровергается сама собою. Именно, «Объясненія» (l. c.) говорятъ по поводу процессуальныхъ выгодъ: «Въ первомъ (процессуальномъ) отношеніи, это дѣленіе можетъ ***до извѣстной степени*** соотвѣтствовать тройственному дѣленію судовъ, указывая на объемъ подсудности каждаго изъ нихъ». Тутъ Коммисія сама согласилась съ непригодностью трехчленнаго дѣленія для полнаго распредѣленія компетенціи уголовныхъ судовъ, что сдѣлалось постепенно общимъ убѣжденіемъ. Правда, французское трехчленное дѣленіе было предпринято именно ради процессуальныхъ цѣлей. Но опредѣленіе

круга вѣдомства уголовныхъ судовъ на основаніи *только* тяжести преступныхъ дѣяній или того наказанія, которое за нихъ угрожаетъ, вообще неправильно, и въ этомъ отношеніи то опредѣленіе круга вѣдомства судовъ присяжныхъ, которое сдѣлано напр. въ Австріи и Германіи, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, заслуживаетъ предпочтенія передъ французскою системою. По этому вопросу г. Гейеръ ссылается на свой «Учебникъ общегерманскаго уголовно-процессуальнаго права» (стр. 22 и 268) (*).

Да и возможно ли сколько нибудь оправдывать обезображеніе системы уголовнаго кодекса лишеннымъ разумнаго основанія опредѣленіемъ, ведущимъ къ различеніямъ, стоящимъ въ противорѣчіи съ народнымъ сознаніемъ и справедливостью, тѣмъ соображеніемъ, что безъ него въ двухъ или трехъ статьяхъ устава уголовнаго судопроизводства или учрежденія судебныхъ установленій пришлось-бы сказать по два или по три лишнихъ слова? Это значитъ покупать слишкомъ дорогою цѣною такое облегченіе въ способѣ выражаться.

Этимъ, въ сущности, опровергается и второй практическій доводъ, приводимый «Объясненіями», который состоитъ въ томъ, что трехчленное дѣленіе облегчаетъ редакцію общихъ опредѣленій уголовнаго кодекса. Здѣсь вопросъ идетъ о статьяхъ: 7, 9, 11, 43, 44, 46—48, 58 и 59, слѣдовательно, о десяти статьяхъ. Профессоръ Гейеръ останавливается на нихъ подробнѣе. Между этими статьями, очень немногочисленными, встрѣчается нѣсколько такихъ, съ которыми вообще нельзя согласиться. Дурное послѣдствіе принятія неправильнаго, по самому существу, основанія, обнаруживается въ томъ, что все выводимое изъ него оказывается тоже ирраціональнымъ. Таковы положенія 2 ч. ст. 44, гдѣ говорится: «Покушеніе на преступленіе наказуемо; покушеніе на проступки наказуемо въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ; покушеніе на нарушенія не наказуемо». Профессоръ Гейеръ не видитъ основаній этого положенія, заимствованнаго изъ Code pénal, въ «Объясненіяхъ» (стр. 146). Съ своей стороны, онъ можетъ лишь сожалѣть, если будущее русское уголовное уложеніе послѣдуетъ, въ этомъ отношеніи, примѣру французскаго, какъ это сдѣлали другіе кодексы. Но съ установляемою нѣмецкимъ и французскимъ кодексами безнаказанностью покушеній на нарушенія можно еще до нѣкоторой степени согласиться, такъ какъ здѣсь идетъ вопросъ о дѣяніяхъ, которыя представляютъ весьма мало значенія. Вопросъ измѣняется въ проектѣ, который допускаетъ за нарушенія денежную пеню въ неограниченномъ размѣрѣ и, что заслуживаетъ особеннаго

(*) Lehrbuch des gemeinen deutschen Strafprocessrechts. Leipzig. 1880.

вниманія, лишеніе свободы *на шесть мѣсяцевъ*. При такихъ условіяхъ едва ли умѣстно для всѣхъ нарушеній, безъ всякихъ оговорокъ, ставить положеніе о безнаказанности покушенія, принятіе котораго можетъ быть оправдано лишь при такихъ маловажныхъ полицейскихъ нарушеніяхъ, каковы большинство нарушеній, содержащихся въ французскомъ и германскомъ кодексахъ.

На этомъ основаніи, слѣдовало бы постановленіе проекта относительно проступковъ перенести на нарушенія, т. е. опредѣлить:

«покушеніе на нарушенія наказуемо въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ».

Но это и все, что, по мнѣнію г. Гейера, слѣдовало бы сказать во 2 ч. ст. 44: если между преступленіями и проступками нѣтъ внутренняго различія, если не подлежитъ сомнѣнію, что очень часто приходится карать «преступленія» гораздо мягче, чѣмъ «проступки», то становится непонятнымъ, какъ возможно дѣлать, относительно одного изъ этихъ двухъ классовъ преступныхъ дѣяній, постановленіе о наказуемости покушенія, которое прямо противорѣчитъ правилу, принятому относительно другаго класса. Нельзя не одобрить пріема, которому слѣдуетъ австрійскій проектъ, опредѣляющій безнаказанность покушенія на проступки лишь при отдѣльныхъ случаяхъ въ особенной части, а въ общей части ставящій правиломъ наказуемость покушенія на проступки и на преступленія въ тѣсномъ смыслѣ слова (*).

Подобныя же сомнѣнія возбуждаетъ и послѣдняя часть ст. 47, гдѣ опредѣлено: «Если нарушеніе учинено нѣсколькими согласившимися на сіе лицами, то изъ согласившихся наказываются только непосредственно участвовавшіе въ выполненіи самаго нарушенія; прочіе же соучастники наказываются лишь въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ».

Здѣсь, прежде всего, примѣнимо все сказанное выше, такъ какъ высокая степень наказуемости нарушеній, на которую уже было указано, не позволяетъ ставить правиломъ, въ значительномъ объемѣ, ненаказуемость соучастниковъ. Но, кромѣ того, проектъ оказывается крайне непослѣдовательнымъ, выставляя (въ одной и той же статьѣ!) *сначала* положеніе, по которому всѣ соучастники подлежатъ *одинаковой* отвѣтственности, за исключеніемъ лицъ «коихъ помощь была незначительна», а вслѣдъ *затѣмъ* опредѣляя противоположное *для нарушеній*. Но этотъ пріемъ всего менѣе оправдывается изъ общихъ соображеній въ томъ, что касается подстрекателей

(*) См. замѣчанія профессора Гейера въ «Grünhut's Zeitschrift für das Privat und öffentliche Recht» III стр. 348 и слѣд.

(ст. 47 п. 2), которые въ случаѣ нарушеній, какъ и при иныхъ преступныхъ дѣяніяхъ, стоятъ, по меньшей мѣрѣ, на одинаковой ступени наказуемости съ лицами «непосредственно участвовавшими въ выполненіи самаго дѣянія». Если же принять во вниманіе тѣ, далеко не рѣдкіе случаи, когда исполнитель представляется почти орудіемъ подстрекателя или соблазненъ имъ, то будетъ ясно, что *ни въ какомъ случаѣ, ни для одного* вида преступныхъ дѣяній, нельзя создавать для подстрекателей привилегіи безнаказанности. Можно было бы допустить только, чтобы касательно пособниковъ (ст. 47 п. 3) было введено постановленіе, въ родѣ того, которое сдѣлано относительно покушенія, т. е. приблизительно такого содержанія:

«Изъ соучастниковъ нарушенія наказываются лишь лица, указанныя въ пп. 1 и 2; не наказываются лица, указанныя въ п. 3, за исключеніемъ случаевъ, особо закономъ указанныхъ».

Однако, г. Гейеръ не желаетъ выразить этимъ своего согласія съ общимъ содержаніемъ ст. 47, къ которой онъ еще возвращается впослѣдствіи.

Онъ находитъ также невыдерживающимъ критики, въ другомъ отношеніи, опредѣленіе ст. 9, на основаніи которой русскіе подданные приговариваются, по возвращеніи ихъ въ Россію, къ лишенію правъ и къ отдачѣ подъ надзоръ полиціи лишь въ томъ случаѣ, ежели они отбыли «за границею наказаніе за дѣяніе, именуемое по уложенію преступленіемъ», тогда какъ по проекту и «проступки» могутъ влечь за собою лишеніе правъ и отдачу подъ надзоръ полиціи. Другой вопросъ—о томъ, насколько допустимо лишеніе правъ во всѣхъ случаяхъ въ томъ объемѣ, который опредѣляетъ проектъ, но во всякомъ случаѣ различіе, проводимое ст. 9 между преступленіями и проступками, не имѣетъ основанія.

Соединивъ все предъидущее, нельзя не замѣтить въ немъ подтвержденія сказаннаго выше, что принятое законодателемъ ирраціональное трехчленное дѣленіе легко приводитъ его къ дальнѣйшимъ подраздѣленіямъ, лишеннымъ основанія; поэтому стоитъ подумать, не лучше ли закрыть этотъ источникъ разнообразныхъ золъ.

Было бы уже очень много выиграно, если бы было проведено дѣленіе только на преступленія и нарушенія, причемъ послѣднія наказывались бы лишь арестомъ не свыше трехъ мѣсяцевъ или незначительною денежною пенею, и къ нимъ были бы дѣйствительно отнесены исключительно нарушенія постановленій полицейскаго характера.

Относительно терминологіи различныхъ родовъ наказуемыхъ дѣяній профессоръ Вальбергъ замѣчаетъ, что терминъ «преступныя дѣянія», обозна-

чающій родовое понятіе наказуемыхъ дѣяній, неудобенъ. Такъ какъ проектъ указываетъ и на проступки, и даже на нарушенія, какъ на преступныя дѣянія, то одно и то же названіе дается тремъ различнымъ классамъ наказуемыхъ дѣяній и различіе между преступными дѣяніями и преступленіями является искуственнымъ. Не годится причислять къ «преступнымъ» дѣяніямъ совершенно маловажныя опасныя дѣянія (Rechtsgefährdungen). Терминъ «преступныя дѣянія», обозначающій родовое понятіе, ничего не разъясняетъ и можетъ сдѣлать неяснымъ видовое понятіе преступленій. Надо принять во вниманіе, что понятіе «дѣянія», лежащее въ основѣ родоваго понятія «преступныхъ дѣяній», не совпадаетъ съ понятіемъ дѣяній въ отдѣльныхъ видахъ наказуемыхъ дѣяній и упущеній, и что терминъ «преступное дѣяніе», въ примѣненіи къ нарушеніямъ, стоитъ въ противорѣчіи съ общеупотребительнымъ языкомъ, указывая на несоразмѣрно съ характеромъ нарушеній высокую степень виновности и наказуемости. Вмѣсто термина «преступныя дѣянія», слѣдовало бы принять выраженіе «наказуемыя дѣянія».

По мнѣнію профессора Лукини, заразительный примѣръ Германіи несомнѣнно содѣйствовалъ упроченію устарѣлаго трехчленнаго дѣленія преступныхъ дѣяній. Г. Лукини надѣется, что русскіе юристы, подобно итальянскимъ, убѣдятся въ томъ, что трехчленное дѣленіе есть искуственный пріемъ, мѣшающій внутренней оцѣнкѣ преступныхъ дѣяній и распредѣленію наказаній и вовсе не необходимый для цѣлей процессуальныхъ.

Профессоръ Владиміровъ находитъ, что употребленный въ ст. 4 терминъ «нарушенія» не характеренъ и даетъ искуственное и узкое значеніе слову, которое въ криминалистическомъ лексиконѣ можетъ быть чрезвычайно полезно (*). Основное правило при выработкѣ терминовъ, особенно въ законодательствѣ, заключается въ томъ, что, безъ крайней нужды, не слѣдуетъ придавать условнаго значенія словамъ, взятымъ изъ разговорнаго языка. «Нарушеніе» выражаетъ общую всѣмъ преступнымъ дѣяніямъ черту.

(*) Въ «объясненіяхъ Редакціонной Коммисіи» встрѣчается фраза, доказывающая, что сохраненіе условнаго значеніе слова «нарушенія» довольно трудно. На стр. 26 находится такое мѣсто: «Такимъ образомъ, всѣ разнообразные случаи *нарушенія* законовъ, запрещающихъ или требующихъ что либо подъ страхомъ наказанія, Коммисія означаетъ общимъ терминомъ «преступныя дѣянія», а затѣмъ это родовое понятіе раздѣляется на три вида: преступленія, проступки и *нарушенія*.

Слово «*провинности*», можетъ статься, было бы выразительнѣе термина: «нарушенія».

Г. Лонгиновъ (Судебная Газета, 1883 г. № 11) находитъ, что попытка Редакціонной Коммисіи создать трехчленную классификацію преступныхъ дѣяній, являющаяся плодомъ подражанія нѣкоторымъ иностраннымъ законодательствамъ (французскому, бельгійскому и германскому), должна быть признана крайне неудачною. По поводу 4-й ст. проекта, дробящей преступныя дѣянія на преступленія, проступки и нарушенія, можно было бы написать цѣлый трактатъ. г. Лонгиновъ съ своей стороны ограничится разсмотрѣніемъ ея преимущественно по отношенію къ судебнымъ уставамъ 1864 г.

Судебные уставы вовсе не выдѣляютъ «нарушеніе» какъ *видъ* преступнаго посягательства, признавая за этимъ выраженіемъ широкій общежитейскій смыслъ. Напр., нарушеніе правилъ, постановленій, уставовъ, обязанностей, и т. п. (ст. 155, 157, 283, 368 и др. учр. суд. уст., ст. 174, 912, 1078, 1149 и послѣд. уст. угол. суд., изд. 1876 г.). Преступленіе и проступокъ они различаютъ, но не противополагаютъ, какъ справедливо замѣчено сенатомъ (рѣш. 1868 г. № 10 и др.), и не ставятъ самое различіе въ зависимость отъ наказаній. Оно проявляется лишь въ томъ, что въ общихъ положеніяхъ устава уголовнаго судопроизводства (ст. 1—32) и книгѣ II (порядокъ производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ) вездѣ, гдѣ законъ ведетъ рѣчь о преступныхъ посягательствахъ вообще и не называетъ ихъ преступными дѣяніями, преступленія во многихъ случаяхъ *сопоставляются* съ проступками, а въ книгѣ I (порядокъ производства въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ), также какъ въ уставѣ о наказаніяхъ, упоминается объ однихъ только проступкахъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы судебные уставы пріурочивали къ проступкамъ одни маловажныя правонарушенія или разумѣли подъ проступками нѣчто иное по существу, нежели подъ преступленіями. Въ доказательство противнаго можно сослаться между прочимъ на ст. 18, 21, 30, 210, 256, 314, 318, 371, 2 п. 389, 479, 515, 696, 754, 757, 761, 775, 1275—1279 уст. угол. суд.,—не говоря о множествѣ другихъ. Во всѣхъ этихъ статьяхъ наименѣе важныя правонарушенія наравнѣ съ важнѣйшими именуются *преступленіями*. Поэтому и въ виду того, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ, напр. 201 (сравн. 6 п. 355 ст. учр. суд. уст). къ проступкамъ причисляются даже такія дѣянія, которыя влекутъ лишеніе или ограниченіе правъ состоянія и всегда подсудны окружному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, нельзя не придти къ заключенію, что сопоставленіе въ уставѣ уголовнаго судопроизводства проступковъ съ пре-

ступленіями и усвоенная уставомъ о наказаніяхъ номенклатура преступныхъ дѣяній, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ, не имѣетъ никакого юридическаго значенія, будучи не болѣе какъ уступкою чисто житейскимъ воззрѣніямъ, въ силу которыхъ считается неудобнымъ окрещивать и тягчайшія злодѣянія, и самыя незначительныя отступленія отъ административныхъ распоряженій однимъ и тѣмъ же названіемъ преступленій. Иначе и не могло быть, такъ какъ рубежъ, существовавшій между преступленіями и проступками въ уложеніи изд. 1857 г. и уничтоженный Высочайше утв. мн. госуд. сов. 27 Декабря 1865 г., имѣлъ такіе неясные признаки, что составители уставовъ не въ силахъ были его уловить.

Продолжая сравненіе терминологіи судебныхъ уставовъ съ терминологіей проекта уложенія въ предѣлахъ, стоящихъ въ ближайшемъ отношеніи къ предмету, г. Лонгиновъ находитъ, что уставъ уголовнаго судопроизводства отождествляетъ не только преступленіе съ проступкомъ, но и преступное *дѣяніе* съ преступнымъ *дѣйствіемъ* (2 п. 51, 61, 2 п. 77, 753, 1082, 1151 и др. ст., сравн. 8 ст. уст. гражд. суд.), употребляя послѣдній терминъ чаще для означенія дѣяній, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ (ст. 35, 36, 3 п. 42, 2 п. 46, 47, 48, 1 п. 50, 52, 1 п. 174). Внѣ этого ничтожнаго оттѣнка, объясняющагося исключительно отсутствіемъ надлежащаго единства редакціи при окончательной обработкѣ законовъ судопроизводства уголовнаго,—по уставу уголовнаго судопроизводства и преступное дѣяніе, и преступное дѣйствіе суть равнозначущія родовыя понятія, тогда какъ по проекту уложенія преступное дѣйствіе составляетъ лишь одинъ изъ моментовъ преступнаго дѣянія, относясь къ нему какъ часть къ цѣлому. Такъ а) по статьѣ 44 проекта новаго уложенія «покушеніемъ почитается учиненіе *дѣйствія*, коимъ начинается осуществленіе умышленнаго преступнаго *дѣянія*,—и б) 2 ч. 59 ст. проекта опредѣляетъ порядокъ исчисленія сроковъ давности «для преступныхъ *дѣяній*, состоящихъ изъ нѣсколькихъ *дѣйствій*». Дѣло въ томъ, что, разъ принявъ трехчленное дѣленіе преступныхъ посягательствъ, составители проекта не могли не создать искуственнаго, противнаго филологическимъ законамъ отношенія преступнаго дѣйствія къ преступному дѣянію, такъ какъ сами лишили себя права употреблять въ смыслѣ понятія родоваго простой и понятный для каждаго терминъ «преступленіе». Таковы послѣдствія увлеченія обманчивою формою классификаціи, гармонирующею съ процессуальными законами тѣхъ государствъ, гдѣ она принята, но для насъ совершенно непригодной.

Практическія выгоды дѣленія преступныхъ дѣяній на три категоріи Редакціонная Коммисія усматриваетъ: 1) въ соотвѣтствіи его, до извѣстной степени, тройственной подсудности дѣлъ, разумѣя здѣсь, вѣроятно, подсуд-

ность: а) общимъ судамъ съ присяжными, б) общимъ судамъ безъ присяжныхъ, и в) судамъ мировымъ; и 2) въ упрощеніи редакціи общей части уголовнаго кодекса (объяснит. зап. стр. 26). Несостоятельность перваго соображенія очевидна. Формальное дѣленіе преступныхъ дѣяній, какое бы оно ни было, вовсе не совпадаетъ и, при данныхъ условіяхъ, не могло бы совпадать съ границами подсудности потому, что немыслимо ни изъять изъ вѣдомства мировыхъ учрежденій проступки, влекущіе тюремное заключеніе, большая часть коихъ (кражи) имъ по необходимости подсудны, и подчинить таковые вѣдомству окружныхъ судовъ, съ ограниченіемъ юрисдикціи мировыхъ учрежденій одними нарушеніями, облагаемыми по проекту арестомъ и денежною пенею,—ни передать мировымъ учрежденіямъ всѣ проступки, подъ которые Коммисія подводитъ и влекущіе заключеніе въ исправительномъ домѣ и заточеніе до шести лѣтъ. Не стоитъ распространяться приэтомъ о трудности согласованія предположеннаго въ 4-ой ст. проекта дѣленія съ обстоятельствами, опредѣляющими подсудность дѣлъ окружному суду съ участіемъ и безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

Остаются требованія такъ называемой техники,—но, на взглядъ г. Лонгинова, они далеко не столь настоятельны, чтобы, ради болѣе удобнаго изложенія нѣсколькихъ основныхъ положеній уголовнаго кодекса, приносить въ жертву образцовую, за небольшими изъятіями, редакцію сотни ни въ чемъ неповинныхъ статей судебныхъ уставовъ, прошедшую, какъ говорится, сквозь огонь и воду. Притомъ, встрѣченное Коммисіею затрудненіе въ данномъ случаѣ легко устранимо. Съ уничтоженіемъ формальнаго различія между преступленіями, проступками и нарушеніями, усложняющаго кодификацію и могущаго иногда служить источникомъ недоразумѣній и ошибокъ (такъ, въ ст. 59 проекта заточеніе свыше 6 *л.* подведено подъ проступокъ), пришлось бы только нѣсколько подробнѣе развить въ проектѣ ст. 7, 9, 11, 43, 44, 46—48, 58 и 59, придерживаясь однообразной системы редакціи. Напр. ст. 7-ю: «Дѣйствіе постановленій сего уложенія распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя внѣ предѣловъ Россіи: 1) когда русскими подданными учинены преступленія или проступки; 2) когда русскими подданными учинены нарушенія въ государствахъ, съ коими о наказуемости такихъ нарушеній существуютъ особые договоры; 3) когда иностранцами учинены преступленія, или такіе проступки, коими они посягали на права русскихъ подданныхъ»,—можно изложить приблизительно такъ: Постановленія сего уложенія распространяются на дѣянія, учиненныя внѣ предѣловъ Россіи: 1) когда русскими подданными учинены преступленія, влекущія наказанія не ниже тюремнаго заключенія; 2) когда преступныя дѣянія, влекущія арестъ или денежную пеню, учинены русскими подданными въ госу-

дарствахъ, съ коими о наказуемости такихъ дѣяній существуютъ особые договоры и 3) когда иностранцами учинены: а) преступленія, влекущія наказаніе не ниже заточенія свыше шести лѣтъ и поселенія, и б) другія преступленія, влекущія наказаніе не ниже тюремнаго заключенія, если таковыя сопровождались посягательствомъ на права русскихъ подданныхъ. Соотвѣтственнымъ измѣненіямъ подверглись бы и остальныя изъ приведенныхъ статей проекта.

Г. Лонгиновъ позволяетъ себѣ выразить увѣренность, что мнѣніе его встрѣтитъ сочувствіе и поддержку среди большинства нашихъ криминалистовъ-практиковъ. Впрочемъ, отчасти они уже высказались въ смыслѣ изгнанія изъ уголовнаго кодекса принципа дробленія преступныхъ дѣяній на группы по степени тяжести наказаній. Таковы мнѣнія Старшаго Предсѣдателя Казанской Судебной Палаты, Прокурора Тифлисской Судебной Палаты и Товарища Предсѣдателя Тверскаго Окружнаго Суда, изложенныя въ изданныхъ Министерствомъ Юстиціи (1881 г.) Матеріалахъ для пересмотра нашего уголовнаго законодательства (т. 2 стр. 12 и т. 3 стр. 37 и 38). Такой же, въ сущности, взглядъ проводился и въ отечественной литературѣ И. Калмыковымъ (учебникъ угол. права изд. Любавскимъ стр. 35), А. Лохвицкимъ (курсъ русск. угол. права, стр. 37—38) и многими другими юристами.

Судебная Газета (1883 г. № 3) замѣчаетъ, что четвертая статья проекта, хотя не составляетъ нововведенія въ собственномъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе вноситъ весьма существенную реформу въ дѣло формулированія понятій, существовавшихъ въ дѣйствующемъ правѣ. Въ этомъ смыслѣ оно есть постановленіе новое. По этой статьѣ всѣ преступныя дѣянія раздѣляются на три категоріи: преступленія, проступки и нарушенія. Подъ первыми разумѣются дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшія наказанія, смертная казнь, каторга, заточеніе на срокъ свыше шести лѣтъ или поселеніе, подъ вторыми, когда высшимъ наказаніемъ являются исправительный домъ, заточеніе на срокъ до 6 лѣтъ или тюрьма, подъ третьими, когда высшимъ наказаніемъ являются арестъ или денежная пеня. По объясненію составителей проекта, такое раздѣленіе преступныхъ дѣяній на категоріи должно имѣть главнымъ образомъ техническое значеніе, такъ какъ съ нимъ соединяются многія выгоды въ опредѣленіи отдѣльныхъ условій преступленія въ постановленіяхъ о дѣйствіи уголовнаго закона за предѣлами государства, о покушеніи, о соучастіи и др. Самое же распредѣленіе дѣяній по категоріямъ, по объясненію составителей проекта, должно быть основано не на томъ наказаніи, которое будетъ примѣнено къ виновному въ данномъ случаѣ, а на томъ, какое

назначено въ законѣ за *дѣяніе*, въ совершеніи котораго подсудимый признанъ виновнымъ; если же наказаній въ законѣ будетъ опредѣлено нѣсколько, то на высшемъ изъ нихъ.

Вопросъ о трехчленномъ дѣленіи преступныхъ дѣяній, по тяжести опредѣленныхъ за нихъ наказаній,—вопросъ не новый. Но судьба его въ доктринѣ и въ практикѣ законодательствъ не одинакова. Въ то время, когда противъ этого дѣленія высказываются многіе авторитетные голоса теоретиковъ, оно получаетъ въ законодательствахъ признаніе и вводится въ постановленія кодексовъ. Въ такомъ раздвоеніи вопроса въ жизни и въ доктринѣ нельзя не видѣть явленія, во всякомъ случаѣ, важнаго настолько, чтобы поставить законодателю, принимающему указанное дѣленіе, въ обязанность особую осмотрительность. Въ основаніе постановленія законодателя, при такомъ положеніи вопроса, должны лечь такія начала, которыя въ состояніи оправдать его. Очевидно, что оправданія эти сводятся столько же къ требованіямъ чисто практическаго характера и условіямъ быта и понятій страны, для которой создается кодексъ, сколько и къ требованіямъ наименьшаго противорѣчія постановленія законодателя, той части возраженій противъ указаннаго дѣленія, которыя направляются на излишній формализмъ его и произвольность классификаціи.

Устраняя, собственно, теоретическую сторону вопроса и обращаясь къ практикѣ законодательства, Судебная Газета находитъ, что наиболѣе типическими представителями современной постановки ученія о дѣленіи преступныхъ дѣяній на категоріи по наказуемости являются французское и венгерское уложенія. Каждое изъ этихъ уложеній въ разсматриваемомъ вопросѣ имѣетъ достоинства одному ему только свойственныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оба они одинаково приближаютъ свои постановленія къ тѣмъ именно требованіямъ, наличностью которыхъ можетъ быть оправдано ихъ существованіе въ кодексахъ. Правда, французская система, введенная въ кодексъ 1810 г., со стороны нѣкоторыхъ теоретиковъ вызвала сильныя нареканія и безпощадную критику. Росси, напр., по поводу этой системы высказалъ: «Дѣленіе, покоящееся на фактѣ матеріальномъ и произвольномъ,—на наказаніи, достаточно обнаруживаетъ духъ кодекса. Это значитъ сказать обществу: не затрудняйтесь испытаніемъ внутренней природы дѣйствія. Смотрите на власть: если она рубитъ голову, значитъ тотъ человѣкъ великій преступникъ». Но очевидно, что здѣсь Росси оспаривалъ самый принципъ дѣленія дѣяній по тяжести наказаній, а не практическую постановку этого дѣленія. Что же касается этой послѣдней стороны, то она, въ примѣненіи собственно къ французскому законодательству, представляется чрезвычайно цѣлесообразной. Французское дѣленіе соотвѣтствуетъ тройственному дѣленію судовъ и прямо

служитъ указаніемъ на объемъ подсудности каждаго изъ нихъ. Имѣя такимъ образомъ значеніе по преимуществу процессуальное, французское дѣленіе въ основаніи своемъ имѣетъ гораздо болѣе начало внутренняго различія преступныхъ дѣяній, чѣмъ внѣшняго и чисто формальнаго, а потому и фиктивнаго.

Совершенно иныя черты представляетъ система венгерскаго уложенія. Она не разсчитана, подобно французской, на систему судоустройства. Но она въ то же время вѣрно поставила тотъ критерій, съ помощью котораго дѣленіе утрачиваетъ господствующія черты формализма и фиктивности. Принявъ за отправной пунктъ, при опредѣленіи наказаній за преступныя дѣянія, по преимуществу объективную сторону посягательства, установивъ въ принципѣ назначеніе одного, а не нѣсколькихъ наказаній за каждое преступное посягательство, съ предоставленіемъ суду понижать наказаніе сообразно виновности совершителя, венгерское уложеніе распредѣлило *дѣянія* по твердымъ и постояннымъ признакамъ. Такимъ образомъ, по системѣ венгерскаго уложенія, *преступленія* суть тѣ *дѣянія*, которыя обложены: смертною казнью, цухтгаузомъ, государственною тюрьмою въ размѣрѣ пяти и болѣе лѣтъ и исправительнымъ домомъ, *проступками же* признаются дѣянія, обложенныя тюрьмою и денежнымъ штрафомъ (§ 20). Такое дѣленіе *дѣяній* имѣетъ значеніе лишь технической классификаціи, но имъ не предрѣшается классификація дѣяній in concreto въ соединеніи съ виновностью совершителя. Эта послѣдняя установляется не по наказанію, опредѣленному напередъ въ законѣ, а по наказанію, опредѣленному судебнымъ приговоромъ. Такова система венгерскаго уложенія. Достоинства ея, кажется, не нуждаются въ защитѣ. Остается только прибавить, что венгерская система тѣмъ особенно выдвигается передъ французскою, что она гораздо болѣе теоретична и непріурочена исключительно къ мѣстнымъ условіямъ; благодаря этому, она съ удобствомъ можетъ быть принимаема за образецъ тѣми законодательствами, которыя въ классификаціи дѣяній преслѣдуютъ не процессуальныя цѣли, а техническія, въ виду тѣхъ выгодъ, которыя представляетъ такое дѣяніе «при опредѣленіи отдѣльныхъ условій преступленія». Система нашего проекта не могла быть построена по началамъ французской уже потому, что у насъ иное судоустройство. Нашъ проектъ преслѣдовалъ главнымъ образомъ цѣли техническія. Но и при преслѣдованіи этихъ послѣднихъ цѣлей, какъ видно изъ примѣра, представляемаго венгерскимъ уложеніемъ, можно достигнуть такихъ успѣховъ, при которыхъ система утрачиваетъ самые существенные недостатки, связанные съ формализмомъ и фиктивностью. Стоитъ ли система нашего проекта на уровнѣ такихъ успѣховъ? Позволительно усомниться въ этомъ. Останавливаясь на разсмотрѣніи текста 4 ст., нельзя не обратить

вниманія, что въ ней прямо предрѣшается вопросъ о различной, напередъ опредѣленной въ законѣ, наказуемости одного и того же дѣянія. Объемъ различія наказаній за одно и то же дѣяніе можетъ быть такъ великъ, что одно и то же дѣяніе могло бы переходить изъ одного класса въ другой. И вотъ для того, чтобы *искуственно* удержать его въ своемъ классѣ и придумано ограниченіе, заключающееся въ требованіи, что классъ дѣянія опредѣляется *по высшему* наказанію, за него въ законѣ опредѣленному. Принципъ ограниченія свободы суда въ назначеніи наказаній, лежащій въ основаніи такого порядка опредѣленія наказаній по закону, неизбѣжно приводитъ къ тому, что наказуемость дѣяній напередъ установляется по совокупности самыхъ разнообразныхъ условій, болѣе или менѣе ихъ индивидуализирующихъ. Отсюда выходитъ, что и при опредѣленіи класса дѣянія по состоявшемуся приговору, всѣ эти индивидуализирующія условія совершенно *искуственно* будутъ отнесены на счетъ непризнанной виновности совершителя, единственно изъ-за того, чтобы удержать дѣяніе въ своемъ классѣ. Такимъ образомъ, нашъ проектъ, стремясь къ единству, ввелъ *двойную* искуственность въ свою систему. Одна обнаруживается въ классификаціи дѣяній самихъ по себѣ, ибо эта классификація совмѣщаетъ въ себѣ возможность отнесенія одного и того же дѣянія къ тому или другому классу; другая въ классификаціи дѣяній въ соединеніи съ виновностью, ибо и здѣсь дѣяніе классифицируется не по признакамъ, установленнымъ приговоромъ, а по признакамъ непризнанной, но отнесенной на счетъ осужденнаго виновности, напередъ по закону обложенной высшимъ наказаніемъ.

Обращаясь къ самому существу опредѣленія 4 ст., встрѣчаешься съ тою же фиктивностью, допускающею отнесеніе къ одному классу и дѣяній, облагаемыхъ однимъ изъ тяжкихъ видовъ лишенія свободы—исправительнымъ домомъ и дѣяній, облагаемыхъ—слабѣйшимъ изъ нихъ—тюрьмою (2 п.). Въ томъ же классѣ проступковъ находятся и дѣянія, необнаруживающія ни испорченности, ни безнравственности преступника,—облагаемыя заточеніемъ. Съ другой стороны, какъ бы въ противорѣчіе съ только что указаннымъ смѣшеніемъ разнородныхъ дѣяній, встрѣчается дробленіе одного и того же дѣянія на части, съ отнесеніемъ каждаго изъ нихъ въ особый классъ. Такъ, изъ объяснительной записки видно (*л.* 26), что убійство умышленное можетъ быть и преступленіемъ, и проступкомъ. Къ послѣднему классу оно будетъ принадлежать, если совершено въ запальчивости (43 ст.?).

Все до сихъ поръ сказанное, при всей сжатости и краткости, не можетъ не указывать на существенные недостатки проектируемой системы со стороны ея теоретической стройности. Но она не отвѣчаетъ и нашимъ обычнымъ понятіямъ, развитымъ въ насъ практикою законодательства. Дѣле-

ніе дѣяній по наказаніямъ еще въ сводѣ получило себѣ признаніе. Для образованія понятія проступка уже въ уложеніи имѣются твердыя данныя. Если же обратиться къ уставу о наказаніяхъ, то тамъ мы найдемъ прямой отвѣтъ. Всѣ дѣянія, облагаемыя наказаніями по 1 ст. уст. о нак., законодателемъ названы проступками, а всѣ наказанія, исчисленныя въ указанной статьѣ, не превышаютъ тюремнаго заключенія. Обращаясь къ уложенію, Судебная Газета находитъ, что въ системѣ его наказаній явственно обозначаются двѣ категоріи: наказанія, соединенныя съ праволишеніемъ и несоединенныя съ нимъ. Этими послѣдними являются все таже тюрьма, арестъ и проч., кои исчислены въ 1 ст. уст. о нак. Очевидно, что, по выработавшимся жизнью понятіямъ, проступокъ совсѣмъ не то, что проступокъ по проекту. И это различіе тѣмъ болѣе видно, что исправительный домъ, назначаемый *за проступки* по проекту, въ сущности, тяжелѣе арестантскихъ отдѣленій, назначаемыхъ по уложенію за преступленія.

По отзыву г. Ц. Я. (Юридическій Вѣстникъ, 1883 г. № 8), установляемое 4 ст. проекта раздѣленіе преступныхъ дѣяній на преступленія, проступки и нарушенія представляется не вполнѣ соотвѣтствующимъ значенію, отведенному проектомъ разнымъ родамъ наказаній. Исправительный домъ справедливо признанъ наказаніемъ, влекущимъ лишеніе извѣстныхъ правъ и довольно продолжительный надзоръ полиціи, а заключеніе въ исправительномъ домѣ на пять лѣтъ, по тяжести своей, признано проектомъ равносильнымъ заточенію на 10 лѣтъ. Въ виду этого преступныя дѣянія, наказуемыя исправительнымъ домомъ, слѣдовало бы отнести къ преступленіямъ, а для устраненія необходимости повторенія какъ въ общей, такъ и въ особенныхъ частяхъ сроковъ заточенія, назвать заточеніе на срокъ свыше шести лѣтъ—продолжительнымъ, а заточеніе на срокъ не свыше шести лѣтъ—непродолжительнымъ.

Ст. 4-ая вызвала въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ весьма продолжительныя пренія, касающіяся, главнымъ образомъ, того, какія она преслѣдуетъ цѣли: технически уголовныя или процессуальныя. По мнѣнію *В. К. Случевскаго*, исправительный домъ представляется наказаніемъ настолько тяжкимъ, что слѣдовало бы его перенести изъ 2 ч. въ первую ст. 4-ой, то есть облагаемыя имъ дѣянія считать преступленіями, а не проступками. Обсужденіе этого вопроса отложено впредь до разсмотрѣнія 17 статьи проекта, посвященной опредѣленію подробностей этого вида лишенія свободы.

Соглашаясь съ усвоеннымъ проектомъ трехчленнымъ дѣленіемъ преступныхъ дѣяній по степени ихъ важности, выражающейся въ большей или меньшей тяжести назначаемаго за нихъ вида наказанія, Коммисія Новороссійскаго Юридическаго Общества тѣмъ не менѣе нашла необходимымъ сдѣлать измѣненія какъ въ терминологіи, такъ и въ распредѣленіи преступныхъ дѣяній по тремъ категоріямъ.

Исходя изъ того воззрѣнія, что, при введеніи въ кодексъ новыхъ терминовъ необходимо, чтобы термины эти имѣли смыслъ твердо установленный и точно опредѣленный и чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда они заимствуются изъ общеупотребительнаго разговорнаго языка, новое, придаваемое имъ, спеціальное значеніе не шло въ разрѣзъ съ тѣмъ, которое связывается съ ними въ общежитіи, Коммисія Юридическаго общества нашла, что употребленное проектомъ названіе «нарушеніе», для маловажныхъ преступныхъ дѣяній неудовлетворительно въ этомъ отношеніи. Съ этимъ словомъ въ общежитіи не связывается понятія не только о большей или меньшей степени преступности, но и о самой преступности. Оно пріобрѣтаетъ опредѣленный смыслъ только въ соединеніи съ какимъ нибудь дополнительнымъ словомъ, отъ котораго и зависитъ то или другое представленіе, возникающее въ умѣ. Можетъ быть, конечно, и нарушеніе законовъ уголовныхъ, но можетъ быть въ равной степени и нарушеніе правилъ грамматики. Приписывать этому термину спеціальное, до сихъ поръ несвойственное ему, значеніе, не представляется надобности, такъ какъ, по мнѣнію Коммисіи, есть три термина общеупотребительные, съ которыми связывается понятіе преступности вообще и большей или меньшей ея степени въ частности. Таковы: 1) злодѣяніе, которое употребляется для выраженія особо тяжкихъ преступныхъ дѣяній; 2) преступленіе, съ которымъ этого понятія особой тяжести не связывается, но которое неумѣстно при обозначеніи легкихъ правонарушеній и, наконецъ, 3) проступокъ—для обозначенія этихъ послѣднихъ.

Признавъ эту терминологію болѣе цѣлесообразною, Коммисія нашла нужнымъ кромѣ того сдѣлать измѣненіе и въ самомъ распредѣленіи преступныхъ дѣяній по тремъ категоріямъ, а именно: 1) дѣянія, караемыя ссылкой, отнести ко второй категоріи, т. е. къ преступленіямъ. При этомъ Коммисія руководствовалась тѣмъ характеромъ этого наказанія, который приданъ ему въ объяснительной запискѣ, выражающей мнѣніе, что ссылка (поселеніе) можетъ быть назначаема только при нѣкоторыхъ преступленіяхъ, оправдывающихъ удаленіе преступника изъ мѣста прежняго жительства, но не требующихъ болѣе или менѣе долгосрочнаго его заключенія (стр. 21) и 2) дѣянія, наказуемыя тюрьмой, отнести къ разряду проступковъ. Этимъ, по мнѣнію Коммисіи, достигается какъ отнесеніе всѣхъ проступковъ къ подсудности

мировыхъ судебныхъ установленій, такъ и сохраненіе за понятіемъ о проступкѣ того самаго значенія, какое ему дано законодателемъ при составленіи нынѣ дѣйствующаго устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

По поводу этой статьи въ средѣ Коммисіи Новороссійскаго Юридическаго Общества остались при мнѣніи: 1) *А. А. Степановъ*, считавшій неправильнымъ употребленное въ этой статьѣ выраженіе «преступное дѣяніе» и 2) *В. Н. Палаузовъ*—несогласившійся ни съ принятой новой терминологіей, ни съ произведеннымъ перемѣщеніемъ преступныхъ дѣяній по категоріямъ. При этомъ послѣдній высказалъ, что возраженіе по поводу новизны термина «нарушеніе» равно примѣнимо и къ принятому Коммисіей Юридическаго Общества термину «злодѣяніе», который, какъ терминъ, также чуждъ современному языку уголовнаго закона и спеціальной литературы. Что касается замѣчанія, что слово «нарушеніе» непремѣнно предполагаетъ недосказанное опредѣленіе (какое нарушеніе, нарушеніе чего именно), то это возраженіе въ равной мѣрѣ относится и къ соотвѣтствующему нѣмецкому термину «Uebertretung», что, однако, не удержало германскаго законодателя отъ употребленія этого термина безъ опредѣленія.

Терминъ «злодѣяніе», далѣе, слишкомъ грозенъ не только для дѣяній, караемыхъ поселеніемъ, но и для преступленій, обложенныхъ заточеніемъ хотя бы на срокъ свыше 6 лѣтъ, тѣмъ болѣе, что заточеніе есть наказаніе за преступныя дѣянія, совершенныя не по безчестному побужденію, что заточеніе есть нѣчто въ родѣ custodia honesta. Едвали можно къ человѣку неиспорченному, небезнравственному, а только не умѣющему «подчинять порывы своихъ желаній требованіямъ закона» («Объясненія», стр. 62)», примѣнять слово «злодѣй». Наконецъ, едвали умѣстно смѣшивать въ одномъ терминѣ «проступокъ» такія разнородныя дѣянія, какъ, съ одной стороны, тѣ, за которыя полагается только арестъ (наказаніе, не позорящее и полагаемое за такъ называемыя полицейскія нарушенія) и съ другой стороны—тѣ, которыя караются тюрьмой—наказаніемъ мелкихъ воровъ, мошенниковъ и проч. Вообще принятая Коммисіею Новороссійскаго Общества перемѣна въ названіяхъ группировки преступныхъ дѣяній сопряжена со значительнымъ измѣненіемъ группировки преступныхъ дѣяній. Перемѣны же послѣдняго рода слѣдуетъ дѣлать въ ограниченномъ размѣрѣ и только при настоятельной надобности въ виду связи, въ какой находится 4 ст. проекта со многими статьями уложенія.

По поводу ст. 4 проекта Предсѣдатель Нѣжинскаго Окружнаго Суда Ланге высказываетъ слѣдующее замѣчаніе: въ объяснительной запискѣ къ

проекту новаго уложенія указано, какъ на значительную погрѣшность уложенія 1845 г., на то обстоятельство, что одно и тоже названіе придается въ немъ разнороднымъ понятіямъ, а еще чаще одно и тоже понятіе выражается различными наименованіями. Поэтому въ новомъ уложеніи, по существу своему, долженствующему имѣть практическій характеръ, признано необходимымъ установить техническіе термины для каждой изъ группъ преступныхъ дѣяній, назвавъ одну изъ нихъ преступленіями, другую проступками и третью—нарушеніями, смотря по роду наказанія, какое по закону влечетъ за собою то или другое дѣяніе. Такая классификація *по внѣшнимъ признакамъ*, а не *по внутреннему свойству самаго дѣянія*, съ одной стороны, не удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ, т. е. теоретиковъ, а съ другой—совершенно безполезна для практиковъ, для которыхъ безразлична кличка того или другого преступнаго дѣянія, а важно знать—какое за каждое изъ нихъ полагается наказаніе.

Но въ дѣйствительности устраняется ли по проекту новаго уложенія погрѣшность и неточность опредѣленій прежняго? Преступленіе есть нарушеніе законовъ нравственнаго и писаннаго, а нарушеніе есть проступокъ противъ извѣстнаго законоположенія. Съ другой стороны какой технической терминъ приличествуетъ дѣянію, воспрещенному подъ страхомъ наказанія, напримѣръ, убійству, скотоложству, мужеложству и даже кражѣ? Убійство въ одномъ случаѣ будетъ преступленіе, въ другомъ—проступокъ, а въ третьемъ дѣяніе невмѣняемое, вовсе ненаказуемое. Кража, смотря по цѣнѣ покраденнаго и по обстоятельствамъ ея сопровождавшимъ, будетъ въ одномъ случаѣ—проступкомъ, въ другомъ—нарушеніемъ! Скотоложство и мужеложство, по роду наказанія за нихъ полагаемаго, должны быть отнесены къ разряду преступленій. Но почему дѣянія эти подлежатъ наказанію болѣе строгому, чѣмъ кража со взломомъ, или кража простая? Не потому ли, что дѣянія эти, какъ противоестественное удовлетвореніе страсти, болѣе безнравственны! Но рукоблудіе есть также противоественное удовлетвореніе страсти, а между тѣмъ оно не относится къ дѣяніямъ, воспрещеннымъ подъ страхомъ наказанія?

По предложенной теоріи напр. устройство игорнаго дома, влекущее нынѣ, по 990 ст. улож., денежный штрафъ до 3.000 р., должно именоваться *нарушеніемъ;* но тоже самое дѣяніе уже превращается въ *проступокъ*, коль скоро осужденный окажется несостоятельнымъ къ платежу штрафа и будетъ поэтому подлежать, по 84 ст. улож., тюремному заключенію до одного года. Изъ объяснительной записки видно, что трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній признано полезнымъ допустить въ виду практическихъ выгодъ таковаго дѣленія, сводящихся къ двумъ категоріямъ—процессуальной и техни-

ческой. Въ первомъ отношеніи это дѣленіе, какъ тамъ же сказано, можетъ до извѣстной степени соотвѣтствовать тройственному дѣленію судовъ, указывая на объемъ подсудности каждаго изъ нихъ; во второмъ оно значительно облегчаетъ и упрощаетъ редакцію общихъ статей кодекса, давая возможность краткимъ терминомъ замѣнять подробное описаніе цѣлой группы дѣяній.

Первая выгода остается недостаточно разъясненною: судебные уставы 20 Ноября 1864 г. допускаютъ только двѣ категоріи подсудности дѣлъ—общіе суды и мировыя учрежденія. Если по новому уложенію, напримѣръ, дѣла о простыхъ кражахъ будутъ распредѣлены, по степени наказаній, по старому—до 300 р., то отъ наименованія кражи проступкомъ, не установится еще такого термина, который самъ по себѣ указывалъ бы на подсудность дѣла общимъ судамъ, или мировымъ судьямъ, и тѣ, и другіе будутъ разбирать проступки. Что же касается до технической терминологіи, то казалось бы болѣе возможнымъ достигнуть упрощенія редакціи кодекса, если бы вмѣсто наименованій—преступное *преступленіе*, преступный *проступокъ* и преступное *нарушеніе*, употреблялся одинъ точно опредѣленный терминъ *дѣяніе воспрещенное подъ страхомъ наказанія*. Подражаніе въ этомъ случаѣ кодексамъ Франціи, Пруссіи, Баваріи и Бельгіи, врядъ ли представляется, по мнѣнію г. Ланге, достаточнымъ основаніемъ для трехчленнаго дѣленія преступныхъ дѣяній, не смотря на всѣ возраженія ученыхъ юристовъ тѣхъ же странъ. При томъ названія—преступленіе, проступокъ и нарушеніе—это синонимы, указывающіе на отступленіе отъ существующаго закона, воспрещающаго извѣстное дѣяніе.

Предсѣдатель и Члены Енисейскаго Губернскаго Суда замѣчаютъ, что принятое въ проектѣ дѣленіе уголовныхъ правонарушеній на преступленія, проступки и нарушенія и различіе ихъ по сравнительной тяжести наказаній есть формальное и не вытекаетъ изъ существа правонарушеній. Недостатокъ этого дѣленія признается и въ объяснительной запискѣ къ проекту, причемъ указывается на то, что оно даже не совпадаетъ съ подсудностью различныхъ правонарушеній общей и мировой юстиціи, въ виду обширности компетентности послѣдней, а представляетъ лишь удобство въ техническомъ отношеніи для опредѣленія отдѣльныхъ условій преступленія, напр. въ постановленіяхъ о соучастіи, о покушеніи и пр. При подобномъ дѣленіи преступныхъ дѣяній одно и тоже правонарушеніе становится, смотря по обстоятельствамъ его сопровождавшимъ, то проступкомъ, то преступленіемъ, независимо отъ характера злой воли, руководившей дѣйствіями преступника. Имѣя въ виду, что главная цѣль наказанія есть воздѣйствіе на личность пре-

ступника, стремленіе измѣнить направленіе его воли—дѣятельности, что въ каждомъ преступномъ дѣяніи самое главное есть большая или меньшая опасность воли дѣятеля, а затѣмъ уже послѣдствія дѣянія, слѣдуетъ, по мнѣнію чиновъ Губернскаго Суда, признать, что основаніемъ дѣленія уголовныхъ правонарушеній долженъ быть характеръ злой воли преступника. Поэтому, если намѣреніе лица А было совершить похищеніе чужаго имущества, то безразлично, выразилось ли это похищеніе въ видѣ простой кражи, кражи со взломомъ или грабежа. Если это похищеніе совершено не по крайности и неимѣнію средствъ, то всѣ три названные вида похищенія одинаково характеризуютъ А, какъ человѣка, намѣреннаго воспользоваться чужою собственностью вслѣдствіе преступныхъ наклонностей своихъ. Во всѣхъ трехъ случаяхъ онъ совершаетъ преступленія, которыя, по большей или меньшей тяжести ихъ, облагаются различными наказаніями, но тѣмъ не менѣе всѣ они суть результаты одной и той же преступной воли, проявляющейся болѣе или менѣе сильно при преодолѣніи препятствій. Если же лицо А наноситъ оскорленіе дѣйствіемъ лицу Б, то оно не выказываетъ этимъ преступныхъ наклонностей, дѣлающихъ его опаснымъ въ обществѣ его согражданъ, а выказываетъ лишь неумѣніе владѣть собою, сдерживать порывы. Естественно, что его дѣяніе рѣзко отличается отъ похищенія чужаго имущества въ различныхъ его видахъ. Различіе это лежитъ въ характерѣ злой воли. Понятно, что послѣднее дѣяніе А не можетъ быть названо преступленіемъ, но такъ какъ оно непосредственно нарушаетъ права другаго лица на неприкосновенность личности, то и должно быть отнесено къ проступкамъ. Здѣсь слѣдуетъ оговориться, что не всегда преступное дѣяніе, являющееся послѣдствіемъ неумѣнія владѣть собою, порыва, можетъ быть отнесено къ проступкамъ. Такъ напр. человѣкъ въ раздраженіи наноситъ рану, убиваетъ другаго. Эти дѣянія уже будутъ преступленіями, но не потому, что они облагаются высшимъ наказаніемъ сравнительно съ обидою, а потому, что въ нихъ злая воля направлена на лишеніе объекта преступленія одного изъ высшихъ благъ и лицо, проявляющее такую злую волю, несомнѣнно опасно для своихъ согражданъ. Наконецъ домовладѣлецъ А, по невѣжеству своему, незнанію законовъ гигіены, сваливаетъ нечистоты въ рѣку, заражая тѣмъ воду, употребляемую въ пищу какъ имъ самимъ, такъ и его согражданами. Не проявляя въ этомъ случаѣ злой воли, онъ тѣмъ не менѣе совершаетъ уголовное правонарушеніе. Не имѣя въ виду причинить никому зла, онъ избѣгаетъ расходовъ по удаленію нечистотъ въ мѣсто, для того назначенное. Дѣяніе А рѣзко отличается отъ всѣхъ названныхъ выше и по существу своему составляетъ только нарушеніе постановленій, ограждающихъ общественное здравіе. Если однако подобное дѣяніе характеризуетъ безчестность виновнаго, напр. колбасникъ Б продаетъ колбасу изъ палой отъ заразы

скотины, не употребляя самъ ее въ пищу, то хотя Б относится безразлично къ тому, причинитъ ли его дѣяніе кому-либо вредъ или нѣтъ, его дѣяніе должно быть признано преступленіемъ, такъ какъ его воля направлена на пріобрѣтеніе имущества безчестнымъ путемъ независимо отъ послѣдствій дѣянія. Повидимому дѣянія А и Б очень близки другъ къ другу, а между тѣмъ они различаются рѣзко тѣмъ, что А совершаетъ дѣяніе по невѣжеству, а Б совершаетъ свое дѣяніе сознательно, изъ корыстныхъ видовъ, употребляя обманъ, но только относясь безразлично къ послѣдствіямъ дѣянія. Такимъ образомъ преступленіе характеризуется безчестностью мотивовъ или опасностью злой воли дѣятеля и нарушаетъ коренные интересы общества; проступокъ отличается отсутствіемъ безчестныхъ мотивовъ и характеризуется меньшею противъ преступленія опасностью злой воли, не нарушающей коренные интересы общежитія, и наконецъ нарушеніе отличается тѣмъ признакомъ, что само по себѣ не заключаетъ ничего преступнаго, но признается таковымъ въ силу различныхъ постановленій. Особенно характеристическая черта нарушенія есть относительная преступность его, такъ какъ то, что въ данной мѣстности признается нарушеніемъ полицейскихъ правилъ, въ другой мѣстности считается дѣяніемъ безразличнымъ. Это дѣленіе совершенно не зависитъ отъ наказаній, которыми облагаются различныя преступныя дѣянія, такъ что нарушеніе можетъ быть строже наказываемо, чѣмъ проступокъ, и можетъ не совпадать съ подсудностью преступныхъ дѣяній, какъ и дѣленіе формальное, принятое проектомъ, но вытекаетъ изъ существа уголовныхъ правонарушеній. Общество не различаетъ укралъ ли А 100 р., а Б 100.000 р. и обоихъ одинаково называетъ ворами, хотя они различно могутъ быть наказаны; но общество различаетъ человѣка, въ раздраженіи нанесшаго другому тяжкую обиду, отъ человѣка, воспользовавшагося случаемъ пріобрѣсти дешево вещь сомнительнаго происхожденія, и хотя первый въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ понести болѣе тяжелое наказаніе, чѣмъ второй, но несомнѣнно, что первый никогда не будетъ считаться безчестнымъ человѣкомъ, а второй мало чѣмъ отличается отъ вора. Подобный взглядъ общества основанъ на характерѣ злой воли, выказанной преступникомъ, и слѣдуетъ признать справедливость его.

Членъ Казанской Судебной Палаты Орловъ находитъ, что самое раздѣленіе противозаконныхъ дѣяній на преступленія, проступки и нарушенія, какъ основанное на чисто-внѣшнемъ, случайномъ, признакѣ, т. е. на томъ,— какими наказаніями обложено то или другое дѣяніе въ законѣ, совершенно излишне и не имѣетъ никакого серьезнаго внутренняго значенія; иное дѣло, если это дѣяніе будетъ имѣть своимъ основаніемъ внутренній критерій, какъ

*

напримѣръ, большую или меньшую безнравственность дѣянія, тѣ или другіе мотивы его совершенія и т. п.

Четвертая статья проекта принята собраніемъ чиновъ прокуратуры Варшавскаго Окружнаго Суда единогласно, за исключеніемъ одного члена собранія, который находилъ эту статью излишней, такъ какъ трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній могло бы имѣть значеніе лишь при соблюденіи тройственной системы въ судопроизводствѣ.

Прокуроръ Владикавказскаго Окружнаго Суда Чинчинадзе указываетъ, что ст. 4 проекта, цѣль установленія которой заключается въ возможно большемъ устраненіи на практикѣ сбивчивости въ словахъ и выраженіяхъ, встрѣчающихся въ законѣ, вводитъ особые спеціальные термины какъ для всѣхъ родовъ и видовъ преступныхъ дѣяній, такъ и для каждой изъ этихъ группъ въ отдѣльности, почему и обозначаетъ всѣ разнообразные случаи нарушенія закона однимъ общимъ терминомъ «преступныя дѣянія» съ подраздѣленіемъ этого родоваго понятія на три вида: преступленія, проступки и нарушенія, основывая это послѣднее трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній исключительно на тяжести назначенныхъ за нихъ въ законѣ наказаній.

Признавая съ своей стороны цѣлесообразность и полезность постановленія 4 ст. проекта и находя, что принятое въ этой статьѣ подраздѣленіе всѣхъ преступныхъ дѣяній, по тяжести назначенныхъ за нихъ въ законѣ наказаній, на преступленія, проступки и нарушенія во всякомъ случаѣ значительно устранитъ существующую нынѣ сбивчивость въ терминологіи, г. Чинчинадзе замѣчаетъ, что и въ новомъ постановленіи по этому предмету заключаются: съ одной стороны нѣкоторая дробность въ классификаціи преступныхъ дѣяній, а съ другой недостаточная опредѣленность и неполнота. Такъ, изъ разсмотрѣнія 1 и 2 ч. означенной статьи проекта оказывается, что въ одномъ случаѣ преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ положено заточеніе, именуются преступленіями, а въ другомъ проступками, и все различіе этихъ двухъ понятій въ отношеніи дѣяній, за которыя положено заточеніе, заключается въ срокахъ и послѣдствіяхъ этого наказанія. Что же касается 3 части 4 ст. проекта, то ею подъ понятіе нарушенія подведены только тѣ преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены арестъ или денежная пеня, преступныя же дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлено внушеніе отъ суда, замѣнившее по проекту выговоръ, совершенно исключены, и такимъ образомъ всѣ подобнаго рода дѣянія, т. е. дѣянія, за которыя положено внушеніе отъ суда, остаются безъ всякаго техническаго названія.

Не подлежитъ сомнѣнію и это признаетъ Редакціонная Коммисія, что раздѣленіе преступныхъ дѣяній на преступленія, проступки и нарушенія принято исключительно ради практическихъ удобствъ, по существу же своему это трехчленное дѣленіе является чисто искуственнымъ, формальнымъ. При такомъ воззрѣніи на трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній казалось бы отнесеніе всѣхъ дѣяній, за которыя въ законѣ опредѣлено заточеніе, къ одному изъ указанныхъ въ 1 и 2 части 4 ст. терминовъ, безъ различія сроковъ этого наказанія не только не представило бы никакихъ неудобствъ, но наоборотъ значительно упростило бы терминологію, давъ при этомъ возможность, какъ это выражено въ мотивахъ Редакціонной Коммисіи, однимъ техническимъ словомъ выражать описаніе всѣхъ преступныхъ дѣяній, за которыя положено заточеніе. Правда, хотя проектъ проводитъ рѣзкую границу между заточеніемъ на срокъ свыше шести лѣтъ и заточеніемъ на срокъ не свыше шести лѣтъ, но это разграниченіе главнымъ образомъ касается послѣдствій того и другаго наказанія (ст. 25, 27, 28, 29 и 30 проекта); въ существѣ же своемъ различіе между этими двумя наказаніями заключается только въ срокахъ и въ порядкѣ отбыванія того и другаго наказанія. При такой же несущественной разницѣ въ этихъ двухъ наказаніяхъ, едва ли не было бы удобнѣе, въ видахъ устраненія дробности въ этомъ отношеніи, могущей породить на практикѣ нѣкоторую путаницу въ терминологіи, отнести всѣ преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ положено заточеніе, вообще безъ различія сроковъ, подъ одно общее понятіе, наименовавъ ихъ преступленіями. На сколько же установленная 1 и 2 ч. 4 ст. проекта терминологія въ отношеніи преступныхъ дѣяній, за которыя опредѣлено заточеніе, является неопредѣленною и неустойчивою—это видно изъ того наприм., что тотъ же проектъ уложенія самъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ смѣшиваетъ эти понятія, называя оба рода заточенія однимъ общимъ названіемъ «заточеніе». Такъ, въ ст. 2 проекта, перечисляющей всѣ роды предположенныхъ наказаній, въ п. 3 заточеніе показано безъ всякаго подраздѣленія, точно также какъ и ст. 15, опредѣляющая способъ отбыванія заточенія—подъ этимъ послѣднимъ наказаніемъ разумѣетъ заточеніе отъ 2 недѣль до 10 лѣтъ, т. е. оба рода этого наказанія.

Въ виду такой неопредѣленности въ терминологіи относительно преступныхъ дѣяній, за которыя въ законѣ опредѣлено заточеніе, могущей на практикѣ породить сбивчивость, желательно было бы обобщить оба рода заточенія, наименовавъ всѣ преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлено заточеніе, «преступленіями» и согласно этому сдѣлать измѣненіе въ редакціи 1 и 2 ч. 4 ст. проекта, а именно: изъ 2 ч. совершенно исключить заточеніе, а изъ 1-й исключить только слова: «на срокъ свыше шести лѣтъ». Что

же касается 3 ч. 4 ст. проекта, то, дабы всѣ преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлено внушеніе отъ суда, не остались безъ техническаго названія, а въ случаѣ, если бы было признано необходимымъ выговоръ, согласно закону 11 декабря 1879 года, оставить въ числѣ карательныхъ мѣръ, то чтобы не остались безъ наименованія и дѣянія, за которыя въ законѣ будетъ опредѣленъ выговоръ, надлежало бы редактировать слѣдующимъ образомъ: «преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ положены наказанія не свыше ареста, именуются нарушеніями.»

По отзыву Прокурора Кашинскаго Окружнаго Суда Безе, трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній на «преступленія, проступки и нарушенія», взятое изъ европейскихъ кодексовъ, имѣетъ за собой большое удобство при систематизаціи кодекса, но при осуществленіи его на практикѣ едва ли достигается какой либо полезный результатъ, такъ какъ новымъ трехчленнымъ дѣленіемъ преступныхъ дѣяній не измѣнятся существующая нынѣ подсудность для уголовныхъ дѣлъ, по которой мировыя судебныя учрежденія вѣдаютъ и проступки, и нарушенія, а общія судебныя мѣста разсматриваютъ какъ преступленія, такъ и проступки. Сама Коммисія въ объяснительной запискѣ къ проекту высказывается, по поводу трехчленнаго дѣленія преступныхъ дѣяній, что оно на практикѣ не можетъ оказать какую либо пользу, такъ какъ оно искуственно.

По мнѣнію Симферопольскаго Окружнаго Суда, искуственное дѣленіе преступныхъ дѣяній по наказуемости можетъ имѣть практическое значеніе и удобство въ томъ лишь случаѣ, когда оно совпадаетъ съ подсудностью и имѣетъ процессуальное значеніе, какъ во французскомъ правѣ. Въ техническомъ же отношеніи или въ отношеніи удобства оно не достигаетъ цѣли во 1-хъ потому, что не совпадаетъ съ общепринятыми понятіями, связанными съ установленными названіями преступныхъ дѣяній; такъ съ названіемъ проступка трудно согласуется дѣяніе, караемое 6-ти-лѣтнимъ заключеніемъ въ исправительномъ домѣ или заточеніемъ на тотъ же срокъ; во 2-хъ потому что, установивъ это дѣленіе ради удобствъ изложенія положеній общей части, самъ же проектъ доказалъ его несостоятельность, будучи принужденъ отступать отъ этого удобства при изложеніи 10, 54 и 59 статей. При изложеніи постановленій особенной части, это искуственное дѣленіе, ненаходящее себѣ оправданія ни въ народномъ сознаніи, ни въ практическихъ удобствахъ подсудности, подастъ еще болѣе повода къ затрудненіямъ, такъ какъ въ одной и той же статьѣ придется быть можетъ соединять преступленія и проступки,

а подчасъ и нарушенія. Однимъ словомъ техническія удобства изложенія вовсе не настолько велики, чтобы ими оправдать введеніе въ уголовный кодексъ такихъ чисто искуственныхъ названій.

Прокуроръ Лубенскаго Окружнаго Суда Яновскій находитъ, что дѣленіе преступныхъ дѣяній по тяжести наказанія на преступленія, проступки и нарушенія—вводитъ излишнюю терминологію, не имѣющую при нашемъ судоустройствѣ процессуальнаго значенія и не соотвѣтствующую установившимся обычнымъ понятіямъ о различіи между преступленіемъ и проступкомъ.

Такъ по 4 ст. проекта къ категоріи проступковъ отнесены такія дѣянія, которыя, по тяжести опредѣленныхъ за нихъ наказаній (напримѣръ исправительный домъ), сообразнѣе отнести къ преступленіямъ. Далѣе, принятое въ проектѣ дѣленіе преступныхъ дѣяній не согласуется съ опредѣленіемъ понятія проступка по уставу о наказаніяхъ. Всѣ дѣянія, облагаемыя наказаніями по 1 ст. этого устава, названы проступками, а къ числу наказаній, исчисленныхъ въ указанной статьѣ, отнесены: выговоры, денежныя взысканія, арестъ и тюрьма. Такимъ образомъ, по принятой въ проектѣ системѣ дѣленія правонарушеній по тяжести наказанія,—то, что по уложенію будетъ признано нарушеніемъ, по уставу—проступкомъ.

Варшавскіе Присяжные Повѣренные указываютъ, что трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній было уже принято въ кодексѣ Царства Польскаго 1818 г. (ст. 4). Оно было отмѣнено со введеніемъ уложенія 1847 г. и теперь возстановляется въ проектѣ Редакціонной Коммисіи.

Хотя дѣленіе болѣе важныхъ преступныхъ дѣяній на преступленія и проступки соотвѣтствуетъ укоренившимся въ обществѣ общимъ, впрочемъ не вполнѣ отчетливымъ, представленіямъ объ относительной важности дѣяній, оскорбляющихъ вообще нравственное чувство,—нельзя однакоже не признать, что это дѣленіе не основано на твердыхъ теоретическихъ началахъ, не имѣетъ принципіально начертанныхъ строгихъ предѣловъ, а потому всегда будетъ являться болѣе или менѣе шаткимъ, въ примѣненіи же его къ разнороднымъ степенямъ преступности трудно соблюсти послѣдовательность. Техническія его выгоды, въ примѣненіи напр. къ теоріи покушенія, или участіи въ преступленіи нельзя считать ни доказанными, ни необходимыми. Главное практическое достоинство этого дѣленія можетъ состоять только въ примѣненіи его къ распредѣленію подсудности между различными судебными установленіями. Такое именно значеніе имѣло это дѣленіе при дѣйствіи кодекса 1818 г., когда

преступленія вѣдались судами уголовными, проступки—судами исправительной полиціи, а нарушенія—судами простой полиціи.

При настоящемъ судоустройствѣ, сказанное дѣленіе едва ли можетъ имѣть особенное значеніе. Если бы кругъ дѣйствія суда съ присяжными засѣдателями былъ ограниченъ одними только преступленіями, то это подорвало бы только значеніе этого института и приносимую имъ пользу.

Въ сгруппированіи преступныхъ дѣяній въ ст. 4 проекта Присяжные Повѣренные находятъ полезнымъ включеніе нарушеній въ общую систему уложенія, потому что этимъ устранится вредная двойственность уголовнаго закона. Включеніе нарушеній въ уложеніе, по ихъ мнѣнію, было бы еще полезнѣе, если бы оно могло послужить исходною точкою къ устраненію двойственности уголовной юстиціи, къ подчиненію мировыхъ учрежденій общимъ судебнымъ установленіямъ, безъ чего отправленіе правосудія всегда будетъ страдать недостаткомъ единства и правильной системы.

Нельзя приэтомъ не замѣтить, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мировыя учрежденія не основаны на выборномъ началѣ, какъ напримѣръ въ привислянскомъ краѣ,—до тѣхъ поръ пока нынѣшній порядокъ не подвергнется желательному измѣненію, было бы полезнѣе опредѣлить подсудность сихъ учрежденій одними только маловажными нарушеніями, на подобіе французскихъ и бельгійскихъ полицейскихъ судовъ: такъ какъ власть единоличная, въ особенности находящаяся въ рукахъ лицъ, не имѣющихъ юридическаго образованія и незнакомыхъ съ средою, къ которой относится ихъ дѣятельность, не можетъ не встрѣчать затрудненій по предметамъ серьезно уголовнаго свойства, по которымъ слѣдствіе не можетъ быть производимо поверхностно, а приговоры не могутъ быть постановляемы безъ твердыхъ фактическихъ и научныхъ основаній.

Дѣленіе преступныхъ дѣяній на преступленія, проступки и нарушенія представляется, по мнѣнію Люблинскаго Окружнаго Суда, лишнимъ. Практическія выгоды этого дѣленія Коммисія усматриваетъ: а) въ соотвѣтствіи его тройственной подсудности дѣлъ, б) въ упрощеніи редакціи общей части уголовнаго кодекса (общ. зап. стр. 26).—Введеніемъ трехъ типовъ преступныхъ дѣяній редакція общей части уложенія не облегчается, но усложняется. Простой терминъ «преступленіе» приходится вездѣ замѣнять составнымъ «преступное дѣяніе». Неудобство сего проявляется осязательно напр. въ ст. 44: «учиненіе дѣйствія, коимъ начинается осуществленіе умышленнаго преступнаго дѣянія (дѣйствія)», и во 2 ч. 59 ст. «преступныя дѣянія, состоящія изъ нѣсколькихъ дѣйствій (дѣяній)», и проч. Съ устраненіемъ формальнаго

различія между преступленіями, проступками и нарушеніями пришлось бы, при исключеніи 4 статьи, сдѣлать соотвѣтственныя измѣненія въ ст. 7, 9, 11, 43, 44, 46—48, 58, 59 и др. Съ другой стороны, тройственное дѣленіе преступныхъ дѣяній вовсе не совпадаетъ и не можетъ совпадать съ границами подсудности уже потому, что не представляется возможности изъять изъ вѣдомства мировыхъ судей всѣ проступки, большая часть коихъ (кражи) имъ подсудны, и отнести таковыя къ вѣдомству окружныхъ судовъ, съ ограниченіемъ юрисдикціи мировыхъ учрежденій одними нарушеніями. Кромѣ того, проектированное искуственное дробленіе преступленій повело бы къ напрасной передѣлкѣ многихъ основныхъ статей уст. угол. судопр., не полагающаго сколько нибудь строгаго различія даже между преступленіями и проступками, напр. ст. 18, 21, 23, 30, 210 и другія (сравн. ст. 1, 6, 14, 15, 17 и др.).

Предсѣдатель Казанскаго Окружнаго Суда Грассъ, Членъ того же суда Дьяченко и Присяжный Повѣренный Степановъ останавливаются на томъ обстоятельствѣ, что редакторы проекта дѣлятъ всю область преступныхъ дѣяній на 1) преступленія, 2) проступки и 3) нарушенія. Научная несостоятельность этого трехчленнаго дѣленія, выдвинутаго французскимъ кодексомъ, его искуственность и произвольность не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, такъ что существованіе такого дѣленія въ законѣ можетъ быть оправдано лишь практическими соображеніями. Особое значеніе раздѣленіе преступныхъ дѣяній на категоріи имѣетъ тамъ, гдѣ, какъ напр. въ французскомъ правѣ, для разныхъ родовъ наказуемыхъ дѣяній существуютъ особые суды; но нельзя не согласиться съ мнѣніемъ профессора Жиряева, что внѣ этихъ условій трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній является совершенно безполезнымъ (*). И дѣйствительно, въ защиту этого дѣленія редакторы указываютъ на техническія удобства; но указаніе это не объясняетъ, во первыхъ, необходимости дѣленія именно трехчленнаго, а не двухчленнаго, принятаго напр. уложеніемъ венгерскимъ, а во вторыхъ—представляется не настолько важнымъ, чтобы оно могло оправдать введеніе въ уголовное уложеніе новой и совершенно произвольной терминологіи. Изъ соображенія статей проекта оказывается, что проектируемое редакторами дѣленіе преступныхъ дѣяній оказало имъ услугу всего лишь въ десяти статьяхъ (4, 7, 9, 11, 43, 44, 46—48, 58, 59),—услугу самую ничтожную, ибо въ редакцію этихъ статей не было бы введено ни темноты, ни запутанности, если бы въ нихъ термины

(*) Жиряевъ, Уголовное право, Юрид. Вѣст. 1863 г., № 2, стр. 10.

преступленіе, проступокъ и нарушеніе были замѣнены соозначаемыми ими описательными выраженіями.

Съ своей стороны гг. Грассъ, Дьяченко и Степановъ полагаютъ, что если и есть необходимость въ дѣленіи преступныхъ дѣяній на категоріи, то нашему судоустройству будетъ болѣе соотвѣтствовать дѣленіе ихъ, по различію общей и мировой подсудности, на преступленія и проступки. Такое дѣленіе соотвѣтствовало бы вполнѣ и терминологіи дѣйствующаго уложенія и общепринятому соозначенію, усвоенному этимъ терминамъ разговорнымъ языкомъ, который дѣйствительно дѣлаетъ различіе между уголовнымъ преступленіемъ и простымъ проступкомъ и который, однако, никогда не причисляетъ дѣяній, влекущихъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ, къ числу проступковъ; въ противоположность мнѣнію редакторовъ, которые именуютъ проступками дѣянія, наказуемыя исправительнымъ домомъ и заточеніемъ на срокъ не свыше 6-ти лѣтъ, соединенными, по силѣ 26 и 27 ст. проекта, съ лишеніемъ и ограниченіемъ правъ.

Товарищъ Предсѣдателя Казанскаго Окружнаго Суда Пашковскій находитъ не вполнѣ правильнымъ дѣлить преступныя дѣянія на категоріи по послѣдствіямъ, а не по внутренному ихъ содержанію, такъ какъ въ жизни могутъ встрѣтиться случаи, когда невѣрное наименованіе какого-либо преступнаго дѣянія можетъ представиться весьма страннымъ. Если нарушеніемъ будетъ признаваться дѣяніе, влекущее за собой, какъ высшее наказаніе, арестъ или пеню и если (что весьма вѣроятно) уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, почти во всѣхъ статьяхъ своихъ грозящій арестомъ и пеней, только сольется съ уложеніемъ, но не подвергнется значительнымъ измѣненіямъ, то окажется, что мировымъ судьямъ будутъ подсудны исключительно одни нарушенія (не говоря конечно о проступкахъ противъ чужой собственности); положительно трудно себѣ представить, чтобы нанесеніе побоевъ съ цѣлью оскорбленія, растрата чужой собственности, хотя бы по легкомыслію, подкинутіе ребенка и т. д. могли называться нарушеніями. Подъ словомъ «нарушеніе», въ смыслѣ преступнаго дѣянія, всѣми до сихъ поръ понималось несоблюденіе какого-либо предписанія закона, но спрашивается, можетъ-ли существовать предписаніе о томъ, чтобы человѣка не бить, имущества его не присвоивать и дѣтей не подкидывать,—а не наоборотъ, прямое воспрещеніе—бить, нарушать чужое довѣріе, оставлять безъ помощи дѣтей? Затѣмъ самое трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній представляется, по мнѣнію г. Пашковскаго, безцѣльнымъ, такъ какъ практическаго удобства оно все равно не достигнетъ, ибо оно не соотвѣтствуетъ дѣленію

по предѣламъ подсудности разныхъ судовъ; если же оно и удобно для уложенія въ редакціонномъ отношеніи, то во всякомъ случаѣ это удобство не можетъ цѣниться такъ высоко, чтобы ради его извѣстнымъ дѣяніямъ придавались ненадлежащія наименованія. Вообще нельзя себѣ представить болѣе раціональнаго, болѣе соотвѣтствующаго русскому языку и русскимъ понятіямъ, дѣленія преступныхъ дѣяній, какъ на преступленія и проступки и если вновь вводимое слово «нарушеніе» и можетъ съ успѣхомъ занять мѣсто въ уложеніи, то лишь въ вышеуказанномъ смыслѣ опредѣленія дѣяній, заключающихся въ неисполненіи правилъ, различными уставами предписанныхъ.

Прокурорскій надзоръ Пермскаго Окружнаго Суда замѣчаетъ, что теорія уголовнаго права не видитъ пользы въ распредѣленіи преступныхъ дѣяній по категоріямъ; поэтому такое распредѣленіе должно вызываться исключительно практическими цѣлями, которыя обыкновенно сводятся къ процессуальнымъ удобствамъ или же къ техническимъ—при описаніи отдѣльныхъ преступленій. Проектъ, какъ видно изъ объяснительной записки, преслѣдуетъ эту послѣднюю цѣль, но введенная имъ классификація настолько произвольна, что на практикѣ можетъ породить путаницу понятій, ибо при этой классификаціи во многихъ случаяхъ преступленіе будетъ наказываться, какъ проступокъ, и въ тоже время, согласно ст. 4 проекта (по объяснит. зап. *л.* 26), признаваться преступленіемъ. Вопросъ о томъ, что должно считаться преступленіемъ, проступкомъ и нарушеніемъ, не можетъ быть рѣшаемъ отвлеченно, такъ какъ разрѣшеніе его зависитъ отъ господствующихъ въ данное время понятій. Въ извѣстное время нѣкоторыя преступленія могутъ перейти въ область проступковъ, а часть послѣднихъ въ область нарушеній и наоборотъ. Поэтому принятая въ нынѣ дѣйствующемъ уложеніи терминологія преступныхъ дѣяній, употребляющая безограничительно понятія преступленія и проступки, болѣе отвѣчаетъ дѣйствительности и не вызываетъ никакихъ недоразумѣній, какъ это подверждается и кассаціонною практикою, имѣвшей всего только одинъ случай, вызвавшій разъясненіе этихъ понятій.

По замѣчанію Членовъ Казанской Судебной Палаты Галкина-Враскаго, Кобеко и Орлова, представляется рѣшительно нежелательнымъ простое заимствованіе формъ изъ иностранныхъ кодексовъ, когда оно не только не вызывается необходимостью, но даже не обѣщаетъ никакой существенной пользы.—Обсуждая съ этой стороны 4 статью проекта, нельзя не замѣтить, что вполнѣ возможно ограничиться существующими въ настоящемъ уложеніи

только двумя названіями: «преступленіе» и «проступокъ» для всѣхъ преступныхъ дѣяній и упущеній, не вводя въ проектъ излишній третій терминъ «нарушеніе». Для сохраненія же предположенной въ проектѣ системы достаточно подвести подъ названіе «проступокъ» всѣ тѣ преступныя дѣянія и упущенія, за которыя въ законѣ будутъ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, арестъ или денежная пеня.

Чины Рыбинской прокуратуры замѣчаютъ, что вводимое Редакціонною Коммисіей трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній, на основаніи формальнаго признака наказуемости ихъ, позаимствовано изъ французскаго и большинства другихъ, современныхъ западно-европейскихъ кодексовъ. Какъ при всякомъ заимствованіи позволительно спросить: существуютъ ли у насъ тѣ условія въ жизни и законѣ, коими вызвано заимствуемое постановленіе въ тѣхъ странахъ, гдѣ таковое впервые появилось? Отвѣтъ на этотъ вопросъ сами редакторы даютъ отрицательный. По ихъ указаніямъ, въ основѣ трехчленнаго дѣленія преступныхъ дѣяній лежатъ выгоды двоякаго рода: процессуальныя и техническія; первыя зависятъ отъ того обстоятельства, что трехчленное дѣленіе преступленій совпадаетъ съ тройственнымъ дѣленіемъ судовъ во Франціи; вторыя—состоятъ въ нѣкоторомъ упрощеніи редакціи общихъ статей кодекса, давая возможность краткимъ терминамъ замѣнять подробное описаніе цѣлой группы дѣяній, къ которымъ должно относиться данное постановленіе. Что касается выгодъ втораго рода, то достиженіе таковыхъ отнюдь не предполагаетъ раздѣленія преступныхъ дѣяній именно на три группы, а на большее или меньшее число группъ; достиженіе же выгодъ перваго рода, чрезъ трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній, очевидно возможно лишь тамъ, гдѣ существуетъ, какъ во Франціи, тройственная система судоустройства и гдѣ уголовная юрисдикція каждаго изъ судовъ соотвѣтствуетъ опредѣленной категоріи преступныхъ дѣяній. Такъ какъ, по объясненію редакторовъ, юрисдикція нашихъ мировыхъ судовъ гораздо шире, чѣмъ предполагаемый разрядъ нарушеній, то тѣмъ самымъ устраняется всякое основаніе для трехчленнаго дѣленія преступныхъ дѣяній, ибо интересы техническія, какъ выше сказано и какъ убѣждаетъ примѣръ голландскаго уложенія, одинаково могутъ быть достигнуты и при двухчленномъ дѣленіи. Между тѣмъ, по условіямъ нашего судоустройства, двухчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній въ состояніи предоставить и процессуальныя выгоды, если преступныя дѣянія будутъ раздѣлены между обѣими категоріями, сообразно съ разграниченіемъ подсудности общихъ и мировыхъ судебныхъ установленій. Останавливаясь на мысли, что болѣе совершеннымъ законоположеніемъ

является то, которое не уклоняется въ своихъ опредѣленіяхъ отъ извѣстной выработки самою народною жизнію воззрѣній на извѣстное законодательное положеніе, приходишь къ выводу, что дѣленіе преступныхъ дѣяній на преступленія, проступки и нарушенія—и народной жизни понятно не будетъ. Народная жизнь выработала два представленія о преступности дѣяній: ***злодѣйство***, какъ такое дѣяніе, коимъ не только глубоко возмущается нравственное общечеловѣческое чувство, но и глубоко затрогиваются соціально-экономическія условія населенія,—и ***проступокъ или преступленіе***, какъ такое нарушеніе нормъ гражданской жизни, гдѣ наказуемость ставится или въ зависимость отъ количественности матеріальнаго зла, причиненнаго такимъ нарушеніемъ, или отъ формальныхъ требованій закона, признанія за тѣмъ или другимъ дѣяніемъ свойства наказуемости. Убійца въ глазахъ народа—злодѣй, но въ такой же степени и даже большей, злодѣй и конокрадъ, человѣкъ, по народному воззрѣнію, теряющій всѣ свои гражданскія права, почему убійство его, во мнѣніи народа, считается не злодѣяніемъ, а необходимостью. Совершающій кражу, грабежъ, оскорбляющій честь семьи, женщины, учиняющій насиліе надъ личностью и рядомъ съ этимъ сопротивляющійся власти и неисполняющій формальныхъ требованій закона по спеціальнымъ уставамъ—все равно, въ глазахъ народа—виновникъ условно, не преступникъ, не злодѣй, не нарушитель, а просто виновникъ, въ переводѣ на литературный-юридическій языкъ—человѣкъ, совершающій преступное дѣяніе. Никогда, конечно, съ такимъ воззрѣніемъ народа не согласится юристъ, но въ свою очередь ничѣмъ не убѣдитъ онъ народъ, что посягающій на жизнь человѣка совершаетъ преступленіе, посягающій на имущество его—дѣлаетъ проступокъ, а нарушающій извѣстный спеціальный законъ есть нарушитель. Разъ признавать, что достоинство кодекса выигрываетъ отъ соотвѣтствія устанавливаемыхъ имъ опредѣленій сложившимся понятіямъ объ этихъ опредѣленіяхъ того народа, для котораго кодексъ издается, то нельзя уже отвергать значеніе этихъ понятій при редакціонныхъ трудахъ.

На основаніи вышеизложеннаго, чины Рыбинской прокуратуры полагаютъ, что взамѣнъ предположеннаго Коммисіею раздѣленія преступныхъ дѣяній на преступленія, проступки и нарушенія, было бы полезно сохранить извѣстное уложенію 1866 г. двухчленное дѣленіе на преступленія и проступки и существо того и другаго опредѣлить лишь со стороны формальной, на основаніи положеннаго за нихъ въ законѣ наказанія, опредѣливъ область проступковъ границами подсудности мировыхъ судебныхъ установленій, дѣянія же, за которыя въ законѣ положено наказаніе, выходящее за предѣлы власти мировыхъ судей, отнести къ преступленіямъ.

———

По поводу приводимаго въ 4 ст. дѣленія преступныхъ дѣяній, чины Рязанской прокуратуры находятъ, что подобное раздѣленіе практически неудобно и едва ли имѣетъ за собой какую-либо юридическую или практическую подпочву. Къ таковому выводу можно придти по слѣдующимъ соображеніямъ: а) всякое дѣяніе, подъ страхомъ наказанія запрещаемое, есть уже правонарушеніе, или нарушеніе правъ государства, общества, учрежденія, или частнаго лица. Напр., умышленное убійство есть нарушеніе во всемъ объемѣ права личнаго, права на жизнь или, другими словами, уничтоженіе этого права въ существѣ; оскорбленіе есть тоже нарушеніе права неприкосновенности личности. То и другое дѣяніе есть правонарушеніе, но разница между ними, конечно, неизмѣримая, и если мы убійство назовемъ правонарушеніемъ, а оскорбленіе преступленіемъ, то, несмотря на подобную терминологію, всетаки убійство останется убійствомъ, т. е. дѣяніемъ, уничтожающимъ окончательно права другаго лица, а оскорбленіе—маловажнымъ дѣяніемъ. Слѣдовательно, какъ бы ни называть дѣянія, закономъ воспрещенныя, т. е. преступленіями, проступками, или нарушеніями, означенныя дѣянія будутъ пониматься общественною совѣстью не по внѣшней ихъ терминологіи, а по внутреннему ихъ смыслу или по степени вреда, наносимаго ими праву государственному, общественному или частному. Если мы назовемъ законопротивное дѣяніе, за которое полагается арестъ, проступкомъ, а другое дѣяніе, за которое полагается тюремное заключеніе, нарушеніемъ (статьи 3 ч. 155 мир. уст., 692, 693 и 694 улож. о нак. изд. 1866 г. и другія статьи о нарушеніи разныхъ спеціальныхъ уставовъ), то едва ли допустимъ ошибку; отсюда и раздробленіе или внѣшняя терминологія дѣяній, рекомендуемая 4 статьей проекта, практически, и даже по теоріи права, едва ли удобна и во всякомъ случаѣ не представляется необходимостью, вызываемой практикою жизни; в) редакція 4 статьи говоритъ: преступныя дѣянія въ иномъ случаѣ именуются преступленіями, въ иномъ случаѣ преступныя дѣянія именуются проступками, въ иномъ случаѣ нарушеніями. Сама статья говоритъ о преступномъ дѣяніи, отсюда преступленіе ли, проступокъ ли, нарушеніе ли, лишь бы они были только закономъ наказуемы, по смыслу статьи закона, суть дѣянія преступныя и послѣднее опредѣленіе, т. е. «дѣяніе преступное», вполнѣ опредѣляетъ характеръ этого дѣянія и прямо указываетъ, что оное закономъ запрещается и, слѣдовательно, карается; с) наименованіе преступнаго дѣянія преступленіемъ, проступкомъ и нарушеніемъ, по мѣрѣ отвѣтственности, одинаково не можетъ быть признано совершенно правильнымъ; для примѣра можно взять двѣ статьи—изъ уложенія о наказаніяхъ, изд. 1866 г., 832 и 180 ст. мир. уст.; по ст. 832 наказываются смертною казнью, кто во время чумы выйдетъ изъ карантинной

черты, или выйдетъ изъ оцѣпленнаго дома въ недозволенные часы, или тайно вынесетъ умершаго отъ чумы, однимъ словомъ, приведенная статья закона караетъ нарушающаго карантинные уставы. Безспорно, можно быть человѣкомъ вполнѣ безупречнымъ и совершить дѣяніе, предусмотрѣнное ст. 832 улож. о нак., а слѣдовательно и подвергнуться смертной казни, которая въ данномъ случаѣ вызывается лишь крайнею государственною необходимостью, когда личность частнаго лица, какъ бы она хороша ни была, поглощается вполнѣ насущною необходимостью общественной личности. По ст. 4 проекта дѣяніе, предусмотрѣнное ст. 832 улож. о нак., должно именоваться преступленіемъ. Дѣяніе же, 180 статьею мир. уст. предусмотрѣнное, покупка или пріемъ завѣдомо краденаго, дѣяніе, само по себѣ, крайне безнравственное, должно именоваться по ст. 4 проекта только нарушеніемъ. Названные чины полагаютъ съ своей стороны, что терминологія дѣяній, закономъ запрещенныхъ, по уложенію изд. 1866 г. (статья 1-ая), «преступленіе или проступокъ», вполнѣ удовлетворяетъ современной практикѣ и что не представляется необходимости въ какихъ-либо по этому поводу измѣненіяхъ или дополненіяхъ.

По замѣчанію Прокурора Елизаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскаго, ст. 4, устанавливая дѣленіе преступныхъ дѣяній на три категоріи: преступленія, проступки и нарушенія, по роду слѣдующихъ за нихъ наказаній, никакого теоретическаго значенія не имѣетъ и должна быть разсматриваема чисто съ практической стороны, какъ поясненіе тѣхъ техническихъ терминовъ, которыя употребляются въ дальнѣйшемъ изложеніи проекта, въ видахъ единообразнаго пониманія ихъ.—Но при этомъ нельзя не замѣтить, что съ практической стороны основанія, принятыя Коммисіею къ подраздѣленію дѣяній на категоріи по наказуемости, представляются совершенно произвольными, ибо во 1-хъ, такое дѣленіе не соотвѣтствуетъ тѣмъ условіямъ, коими опредѣляется подсудность дѣла у насъ тройственнымъ судамъ; такъ напримѣръ, если всѣ дѣянія, именуемыя преступленіями, безспорно будутъ подсудны окружному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, — то наоборотъ дѣянія, признаваемыя проступками, по свойству самихъ нарушеній и слѣдующихъ за нихъ наказаній, будутъ подсудны и суду съ присяжными засѣдателями или безъ присяжныхъ, какъ напримѣръ дѣянія, караемыя исправительнымъ домомъ и заточеніемъ, къ числу каковыхъ будутъ, вѣроятно, отнесены нѣкоторые виды грабежа, убійства и т. п., и мировымъ установленіямъ, какъ напримѣръ дѣянія, влекущія за собою тюрьму; точно также и дѣянія, признаваемыя нарушеніями, смотря по суммѣ слѣдуемаго денежнаго

штрафа, будутъ подсудны или окружному суду, или мировому суду и во 2-хъ, проектируемое Коммисіею подраздѣленіе не согласуется и съ тѣмъ значеніемъ, какое въ житейскомъ быту придается понятію о преступленіи или проступкѣ; такъ по проекту дѣянія, обложенныя исправительнымъ домомъ и заточеніемъ,—къ числу каковыхъ, какъ выше указано, вѣроятно будутъ отнесены низшіе виды грабежа, квалифицированныя кражи, убійство въ раздраженіи и т. п.,—почитаются проступками, между тѣмъ въ обыденной жизни подобныя дѣянія безспорно имѣютъ значеніе преступленій, въ отличіе отъ разныхъ мелкихъ кражъ, мошенничествъ и тому подобныхъ дѣяній, называемыхъ проступками.

Въ виду такого несоотвѣтствія указаннаго въ 4 ст. дѣленія ни съ дѣйствующими у насъ законами о подсудности, ни съ народнымъ воззрѣніемъ, г. Хлодовскій полагаетъ, что съ одинаковымъ удобствомъ возможно было бы раздѣлить преступныя дѣянія и на двѣ только категоріи: преступленія и проступки, отнеся къ числу первыхъ дѣянія, наказуемыя каторгою, поселеніемъ, заточеніемъ и исправительнымъ домомъ, и къ числу послѣднихъ,—тюрьмою, арестомъ и денежною пенею.

Товарищъ Астраханскаго Губернскаго Прокурора Лабунскій указываетъ, что по 4 ст. проекта всѣ преступныя дѣянія раздѣляются на преступленія, проступки и нарушенія, смотря по наказанію, которымъ, такъ сказать, обложено законопротивное дѣяніе. Затѣмъ составители проекта полагаютъ, что самое распредѣленіе дѣяній по категоріямъ должно быть основано не на томъ наказаніи, коему подвергнется виновный по приговору суда, а на томъ, какое опредѣлено въ самомъ законѣ за дѣяніе совершенное виновнымъ, а если такихъ наказаній опредѣлено нѣсколько, то на высшемъ изъ нихъ. Какъ видно изъ объяснительной записки къ проекту, такая трехчленная классификація преступныхъ дѣяній заимствована изъ французскаго уголовнаго кодекса. Но во Франціи такая классификація, имѣя значеніе, по преимуществу, процессуальное, соотвѣтствуетъ тройственному дѣленію судовъ и прямо служитъ указаніемъ на объемъ подсудности каждаго изъ нихъ. У насъ же такое дѣленіе законопротивныхъ дѣяній, по мнѣнію г. Лабунскаго, не встрѣчаетъ поддержки, напротивъ у насъ скорѣе болѣе цѣлесообразнымъ представляется слѣдовать венгерскому уложенію, гдѣ установлено двухчленное дѣленіе на преступленія и проступки, такъ какъ это соотвѣтствовало бы нашему двойственному дѣленію судовъ и казалось бы болѣе правильнымъ всѣ дѣянія, которыя запрещены подъ страхомъ наказанія включительно исправительнымъ домомъ, именовать преступленіями, а дѣянія, обложенныя тюрьмою, арестомъ

и денежными пенями—проступками. При этомъ надлежало бы, примѣняясь къ венгерскому уложенію, подводить дѣянія подъ ту или другую рубрику не по тому наказанію, которое опредѣлено въ законѣ, а по тому наказанію, которое въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлено будетъ по суду; это было бы тѣмъ болѣе цѣлесообразно, что при рецидивахъ должны быть разныя уголовныя послѣдствія, смотря потому, въ какомъ дѣяніи раньше подсудимый изобличенъ былъ.

При обсужденіи ст. 4 въ особой Коммисіи, образованной изъ состава Варшавской Судебной Палаты, членъ Коммисіи Кочубей, не соглашаясь съ дѣленіемъ преступныхъ дѣяній, предлагаемымъ проектомъ, на преступленія, проступки и нарушенія, полагалъ 4 ст. или совсѣмъ исключить изъ уголовнаго уложенія, или ввести вмѣсто нея 1 ст. нынѣшняго уложенія. За исключеніе означенной статьи изъ уложенія высказались еще гг. Томашевскій, Потуловъ и Кастріото. Кромѣ того членъ фонъ-Вендрихъ высказалъ при этомъ, что, по мнѣнію его, критеріумомъ дѣленія преступныхъ дѣяній долженъ быть не родъ наказаній, а важность сихъ дѣяній, что дѣленіе, сдѣланное въ этой статьѣ, совершенно искуственное, что тройственнаго дѣленія судовъ, о которомъ говорится въ объяснительной запискѣ къ проекту (стр. 26), и которое имѣетъ, по мнѣнію Редакціонной Коммисіи, извѣстныя процессуальныя выгоды, у насъ не существуетъ; членъ же Коммисіи Фейлертъ высказался за оставленіе 4 статьи проекта безъ всякихъ измѣненій, такъ какъ дѣленіе преступныхъ дѣяній, проектируемое этою статьею, имѣетъ важное практическое значеніе и притомъ оно весьма систематично проведено во всемъ проектѣ.—Съ своей стороны Общее Собраніе Департаментовъ Варшавской Судебной Палаты не усмотрѣло достаточныхъ основаній къ устраненію трехчленнаго дѣленія преступныхъ дѣяній и, находя, напротивъ, что дѣленіе преступныхъ дѣяній на преступленія, проступки и нарушенія вполнѣ удобно и соотвѣтствуетъ, по значенію этихъ словъ, самому характеру дѣяній, словами этими обозначаемыхъ,—высказалось за сохраненіе статьи 4 и за (соотвѣтствующее этому сохраненію дѣленія преступныхъ дѣяній на преступленія, проступки и нарушенія), устраненіе соображеній Коммисіи Судебной Палаты объ измѣненіи редакціи тѣхъ статей проекта.

При обсужденіи въ совѣщаніи чиновъ Кишиневскаго Окружнаго Суда и мѣстныхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ 4 ст. проекта, возбужденъ былъ вопросъ о томъ, насколько раціональна удерживаемая проектомъ система трехчленнаго дѣленія преступныхъ дѣяній, сдѣлавшаяся господствующей

со времени появленія code pénal.— Такъ какъ основаніе для такого дѣленія чисто внѣшнее, сравнительная тяжесть преступныхъ дѣяній, и границы, отдѣляющія преступленіе отъ проступка, оказываются весьма шаткими, произвольными, то послѣдствіемъ сего будетъ такое ненормальное явленіе, что придется клеймить именемъ преступника человѣка, котораго вина менѣе тяжка, нежели вина другаго, виновнаго въ такъ называемомъ простукѣ. Законодатель не можетъ не справляться съ жизнью, не можетъ игнорировать— какое вліяніе имѣютъ на общество и сужденія толпы тѣ или другія его выраженія и названія. Въ виду сего правильнѣе было бы провести дѣленіе преступныхъ дѣяній на преступленія и нарушенія. Но собраніе названныхъ лицъ, принявъ во вниманіе, что Редакціонная Коммисія при принятіи трехчленнаго дѣленія преступныхъ дѣяній имѣла въ виду цѣли техническо-уголовныя и процессуальныя, что эта система является въ извѣстномъ (техническомъ) отношеніи основаніемъ проекта, постановило: редакцію 4 ст. проекта оставить безъ измѣненія.

По поводу введенія въ новомъ уложеніи дѣленія всѣхъ преступныхъ дѣяній на преступленія, проступки и нарушенія, нѣкоторые изъ членовъ совѣщанія чиновъ Варшавской прокуратуры замѣчали: 1) что дѣленіе это представляется искуственнымъ, такъ какъ исчисленныя названія присвоиваются преступнымъ дѣяніямъ не по ихъ свойствамъ, а по тѣмъ наказаніямъ, коими эти дѣянія могутъ быть обложены при отсутствіи смягчающихъ обстоятельствъ, и 2) что при существующей у насъ судебной организаціи подобное дѣленіе не оправдывается условіями этой послѣдней, какъ напр. во Франціи, гдѣ оно вызвано главнымъ образомъ означенными условіями (три рода судовъ —по одному для каждаго изъ трехъ видовъ преступныхъ дѣяній). Тѣмъ не менѣе совѣщаніе находитъ, что во многихъ другихъ отношеніяхъ, какъ напр. при опредѣленіи наказуемости покушенія и т. п., проектированное Редакціонной Коммисіей трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній представляется съ технической стороны весьма удобнымъ, а потому и полагаетъ, что статья 4 проекта можетъ быть принята безъ измѣненій.

По поводу четвертой статьи проекта чины Смоленской прокуратуры замѣчаютъ, что хотя подраздѣленіе, устанавливаемое этой статьею, отличается нѣкоторою искуственностью и фиктивностью, но оно должно быть сохранено въ видахъ практическаго удобства, за невозможностью установить какую-либо другую схему незаконныхъ дѣяній.

По мнѣнію чиновъ Владимірской прокуратуры подраздѣленіе преступныхъ дѣяній на преступленія, проступки и нарушенія желательно было бы согласовать съ подсудностью дѣлъ: 1) окружному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 2) окружному суду безъ участія присяжныхъ засѣдателей и 3) мировымъ судебнымъ учрежденіямъ. Этимъ путемъ устранилось бы замедленіе въ разрѣшеніи дѣлъ, проистекающее отъ пререканій между общими и мировыми учрежденіями по вопросамъ о подсудности.

Статья четвертая вызвала, при обсужденіи проекта въ совѣщаніи чиновъ Смоленскаго Окружнаго Суда, возраженіе со стороны Прокурора В. В. Давыдова, который утверждалъ, что, при распредѣленіи преступныхъ дѣяній на категоріи, опредѣляющимъ моментомъ слѣдовало бы признать не то наказаніе, высшая мѣра котораго назначена за то или иное дѣяніе въ законѣ, а то именно, которое въ каждомъ данномъ случаѣ будетъ примѣнено судомъ къ обвиненному. Такое дѣленіе, представляя всѣ практическія удобства для номенклатуры преступныхъ дѣяній, имѣетъ еще за собою преимущество передъ дѣленіемъ, проектированнымъ Редакціонною Коммисіею, такъ какъ оно совершенно не допускаетъ возможности того противорѣчія, что подсудимый будетъ приговоренъ къ наказанію, какъ за проступокъ, и тѣмъ не менѣе долженъ считаться обвиненнымъ въ преступленіи, какъ это возможно, напримѣръ, при обвиненіи въ непредумышленномъ убійствѣ, похищеніи съ насиліемъ, покушеніяхъ, вообще въ такихъ преступныхъ дѣяніяхъ, высшее наказаніе за которыя квалифицируютъ преступленіе, а низшее—проступокъ. Недопущеніе же на практикѣ такого противорѣчія весьма желательно на томъ основаніи, что для подсудимаго не можетъ быть безразличнымъ въ нравственномъ отношеніи то обстоятельство, обвиненъ ли онъ въ преступленіи, или проступкѣ, или только въ нарушеніи. Мнѣніе В. В. Давыдова поддерживалъ и Членъ Суда М. Е. Клейстъ. Но большинство, соглашаясь съ доводами Редакціонной Коммисіи, находило, что проектированное ею дѣленіе преступныхъ дѣяній по родамъ представляется болѣе удобнымъ въ практическомъ отношеніи.

По поводу вводимаго проектомъ трехчленнаго дѣленія наказуемыхъ дѣяній на преступленія, проступки и нарушенія нельзя, по мнѣнію Московскаго Столичнаго Мироваго Съѣзда, не замѣтить, что особаго практическаго значенія такое новое дѣленіе имѣть не можетъ, такъ какъ различное именованіе болѣе или

менѣе важныхъ дѣяній, различаемыхъ по степени строгости наказанія, не установитъ предѣловъ ихъ подсудности, ибо, и при дѣйствіи новаго уложенія, останутся проступки, подвѣдомые мировымъ учрежденіямъ, и нарушенія, подсудныя общимъ судамъ (напр. по цифрѣ пени). Если же новая терминологія имѣетъ цѣлью придать наказуемымъ дѣяніямъ болѣе соотвѣтствующее ихъ относительной важности именованіе, то и въ семъ отношеніи предлагаемая ст. 4 проекта терминологія не будетъ точна, такъ напр. къ числу нарушеній предполагается отнести всѣ дѣянія, наказуемыя не свыше ареста или денежной пени. Между тѣмъ, если принять нормы дѣйствующаго нынѣ устава о наказаніяхъ, то окажется, что арестъ различно опредѣляется по различнымъ группамъ дѣяній; именно по болѣе важнымъ обвиненіямъ (клевета, насиліе, растрата по легкомыслію) законъ опредѣляетъ арестъ безусловный, безъ права суда примѣнить денежную пеню, за другія менѣе важныя дѣянія законъ опредѣляетъ арестъ или пеню, предоставляя суду избраніе того или другаго рода наказанія. Наконецъ, по наименѣе важнымъ обвиненіямъ, арестъ является только какъ замѣна присужденной денежной пени. Изъ означенныхъ трехъ группъ наказуемыхъ дѣяній, первая—заключающая въ себѣ, относительно, болѣе важныя дѣянія, за которыя законъ опредѣляетъ безусловный арестъ, должна бы быть отнесена къ числу проступковъ; остальныя же двѣ, какъ менѣе важныя и по которымъ арестъ опредѣляется наравнѣ съ пеней, или же опредѣляется одна только пеня, должны бы быть отнесены къ нарушеніямъ. Такое дѣленіе наказуемыхъ дѣяній ближе соотвѣтствовало бы смыслу присвоиваемыхъ имъ наименованій, ибо тѣ дѣянія, за которыя судъ можетъ опредѣлить лишеніе свободы до шести мѣсяцевъ, а при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ и до одного года, очевидно, не могутъ быть поставлены на одинъ уровень съ дѣяніями, за которыя можетъ быть опредѣлена одна пеня и при томъ съ разсрочкою уплаты ея.

На основаніи изложеннаго Московскій Столичный Мировой Съѣздъ признавалъ бы желательнымъ слѣдующее измѣненіе редакціи второй и третьей части ст. 4 проекта:

«Дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, исправительный домъ, заключеніе на срокъ не свыше шести лѣтъ, тюрьма, или одинъ арестъ, именуются проступками».

«Дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, арестъ или денежная пеня, или же одна денежная пеня, или выговоръ, именуются нарушеніями».

Предсѣдательствующій Ландратъ Эстляндскаго Оберъ - Ландгерихта фонъ-Фокъ находитъ, что хотя практическое дѣленіе преступныхъ дѣяній на «преступленія», «проступки» и «нарушенія» и не основано на внутреннихъ логическихъ и юридическихъ или процессуальныхъ началахъ; однако не надо забывать, что оно представляетъ важную выгоду въ техническо-редакціонномъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, правильнымъ выраженіемъ для обозначенія общаго понятія наказуемыхъ правонарушеній являются не «преступное дѣяніе», а «наказуемое дѣяніе», потому что общій терминъ долженъ обнимать собою въ одно и то же время всѣ три вида противозаконныхъ дѣяній, не указывая спеціально на тотъ или другой ихъ видъ, между тѣмъ, какъ выраженіе «преступное» указываетъ прямо на одинъ видъ противозаконныхъ дѣяній (на преступленія), такъ что не можетъ относиться ни къ проступкамъ, ни къ нарушеніямъ. Сверхъ того нельзя, при опредѣленіи какого либо понятія, употреблять тоже самое выраженіе, коимъ обозначается самое это понятіе.

Нельзя также именовать «проступками» наказуемыя дѣянія, за которыя положены столь тяжкія наказанія, какъ многолѣтнее заключеніе въ исправительномъ домѣ или многолѣтнее заточеніе, ибо это противорѣчитъ общему правовому чувству. Тоже можно сказать и о нарушеніяхъ, которыя могутъ влечь за собою многомѣсячный и даже однолѣтній арестъ (ст. 55 и 56) и значительную денежную пеню. Въ виду того, что продолжительность ареста значительно увеличена сравнительно съ существующими уголовными законами, слѣдуетъ предположить, что арестъ будетъ назначенъ за нѣкоторыя дѣянія, обложенныя нынѣ иными наказаніями, такъ что эти дѣянія станутъ нарушеніями, а вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторыя, относительно весьма важныя правонарушенія будутъ разсматриваемы, какъ простыя нарушенія, не смотря на то, что общее правовое сознаніе скорѣе выбрало бы для ихъ обозначенія выраженіе «проступки». Къ этому надо прибавить, что, происходящія изъ столь широкаго распространенія понятія нарушеній юридическія послѣдствія даютъ поводъ къ важнымъ сомнѣніямъ. Такъ, на основаніи п. 3 ст. 38, учиненныя малолѣтними нарушенія влекутъ за собою, по общему правилу, лишь внушеніе; по ст. 44 покушеніе на нарушеніе безусловно не наказуемо, по ст. 47 подстрекательство и пособничество при нарушеніяхъ, по общему правилу, не наказуемы и т. д. Г. фонъ-Фокъ полагаетъ, что эти постановленія должны быть примѣняемы къ нарушеніямъ во всякомъ случаѣ лишь при томъ условіи, если подъ нарушеніями разумѣются совершенно маловажныя, а отнюдь не обложенныя арестомъ на срокъ до 6 мѣсяцевъ, правонарушенія. Въ виду сего, по его мнѣнію, нарушеніями должны быть обозначены лишь такія незначительныя наказуемыя дѣянія, за которыя въ законѣ положено, какъ высшее наказаніе, наказаніе гораздо меньшее, сравнительно съ

указаннымъ въ проектѣ, напр. арестъ на нѣсколько недѣль или денежная пеня до 50 рублей.

Тульскій Окружный Судъ находитъ, что если бы, сообразно заявленнымъ Судомъ на главу третью замѣчаніямъ, составители новаго уложенія установили во 2 статьѣ и спеціальныя наказанія для лицъ должностныхъ, за нарушеніе долга службы, и удержали бы нѣкоторыя изъ сихъ наказаній въ дѣйствующемъ уложеніи, какъ напр. исключеніе изъ службы, отрѣшеніе отъ должности, то, въ виду тяжести этихъ наказаній для служащаго, слѣдовало бы во 2 отдѣлѣ статьи 4-й послѣ словъ «или тюрьма» сказать: а также для должностныхъ лицъ—исключеніе изъ службы, отрѣшеніе отъ должности, удаленіе отъ должности и перемѣщеніе съ высшей должности на низшую—именуются проступками; всѣ же остальныя взысканія съ служащихъ, опредѣляемыя по суду, надлежало бы отнести къ нарушеніямъ, перечисливъ въ 3-мъ отдѣлѣ 4 статьи послѣ словъ «пеня».

По поводу ст. 4 проекта Бакинскій Окружный Судъ замѣчаетъ, что онъ, съ своей стороны, полагалъ бы причислить къ категоріи преступленій и дѣянія, влекущія наказанія въ исправительномъ домѣ на срокъ свыше шести лѣтъ; мнѣніе это основано на томъ соображеніи, что примѣненіе сего наказанія будетъ имѣть мѣсто лишь при особенной испорченности преступника, при привычкѣ его къ преступной дѣятельности или при обращеніи преступной дѣятельности въ ремесло, какъ поясняетъ это Коммисія въ проектированной ею 56 ст. уложенія. Подобная профессія требуетъ сильнѣйшей кары, а потому къ осужденному въ исправительный домъ на срокъ свыше 6 лѣтъ правильнѣе было бы присоединить и послѣдствія, установленныя для преступленій, а не проступковъ, т. е. не только 2, но и 1 п. 25 ст. Примѣненіе 1-го п. 25 ст. имѣло бы и то важное значеніе, что на лицъ, осужденныхъ въ исправительный домъ, съ примѣненіемъ 56 ст. распространялась бы и сила 30 ст. улож., устанавливающая права супружескія и родительскія, которыя въ основѣ своей несомнѣнно будутъ расшатаны тѣмъ долгосрочнымъ заключеніемъ, какое влечетъ за собою исправительный домъ при примѣненіи къ нему 56 статьи улож. Если предложенная Судомъ мѣра окажется почему-либо неисполнимою и къ осужденнымъ будетъ примѣненъ, согласно проекту, одинъ лишь 2 п. 25 ст., то и въ этомъ случаѣ заключеніе въ исправительный домъ на срокъ свыше 6 лѣтъ должно, по мнѣнію Суда, повлечь за собою расторженіе супружескихъ и родительскихъ правъ, такъ какъ, помимо изъясненнаго выше, соображеніе это оправдывается и самымъ существомъ

этого наказанія; такъ: исправительный домъ на срокъ свыше 6 лѣтъ въ дѣйствительности будетъ имѣть примѣненіе лишь къ лицамъ безспорно закоренѣвшимъ въ своей преступной дѣятельности, въ основѣ своей безчестной и безнравственной, а при этомъ условіи лишеніе жены или мужа права на расторженіе брачнаго союза съ человѣкомъ, опозореннымъ по судебному приговору, едва ли найдетъ себѣ оправданіе съ нравственной стороны. Основаніе для примѣненія къ данному случаю 30 ст. улож. находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ положеніи, какое установлено Коммисіею по отношенію къ заточенію; на послѣднее, при опредѣленіи его на срокъ свыше 6 лѣтъ, Коммисія распространяетъ силу 30 ст., несомнѣнно исходя, между прочимъ, и изъ того положенія, что долгосрочность заключенія въ основѣ разрываетъ связь между мужемъ и женою, дѣтьми и родителями. Если допустить это соображеніе въ отношеніи заточенія, наказанія, налагаемаго за преступленія, не позорящія чести осужденнаго, то Бакинскій Судъ полагаетъ, что положеніе это должно имѣть большій просторъ въ примѣненіи къ проступкамъ безчестнымъ въ принципѣ и обращеннымъ преступникомъ въ ремесло. На основаніи изложенныхъ соображеній Окружный Судъ полагалъ бы, если не распространить на лицъ осужденныхъ по 17 и 56 ст. проекта 1 и 2 п. 25 ст., то во всякомъ случаѣ распространить на нихъ дѣйствіе 30 ст.

Члены Уголовнаго Отдѣленія Архангельской Соединенной Палаты, останавливаются на томъ правилѣ ст. 4-й проекта, въ силу коего дѣянія, за которыя назначается исправительный домъ, отнесены ко второй группѣ; по ихъ же мнѣнію, дѣянія сего рода или по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, за которыя будутъ положены болѣе долгіе сроки, было бы правильнѣе отнести къ преступленіямъ, т. е. иначе говоря, такимъ наказаніемъ, какъ исправительный домъ на срокъ болѣе шести лѣтъ, слѣдовало бы карать не проступки, а преступленія. Въ защиту такого положенія названные судебные чины приводятъ нижеслѣдующія основанія: во 1-хъ, въ понятіи массы народа исправительный домъ будетъ, въ теченіи еще долгаго времени, соотвѣтствовать существующимъ нынѣ исправительнымъ арестантскимъ отдѣленіямъ, заключеніе въ которыхъ считалось и считается тяжкимъ наказаніемъ; кромѣ того вслѣдствіе замѣны для женщинъ, по 14 ст. проекта, каторги работами при исправительномъ домѣ, въ понятіи народа представленіе объ исправительномъ домѣ невольно ассоціируется до нѣкоторой степени съ представленіемъ о каторгѣ; во 2-хъ, по проекту тѣ преступныя дѣянія, за которыя назначается заточеніе на срокъ свыше шести лѣтъ, именуются преступленіями, а между тѣмъ при сравненіи по проекту же этихъ наказаній, то

есть заточенія и исправительнаго дома, слѣдуетъ придти къ тому выводу, что различіе въ тяжести наказанія между заточеніемъ на срокъ свыше шести лѣтъ, которое по 15 ст. сопровождается поселеніемъ, и между исправительнымъ домомъ на тотъ же срокъ, не настолько велико, чтобы оно могло служить основаніемъ распредѣленія соотвѣтственныхъ преступныхъ дѣяній въ особыя первоначальныя группы тѣмъ болѣе, что группъ этихъ всего три и что оно могло бы имѣть значеніе лишь при дальнѣйшемъ дробленіи на болѣе мелкія группы. Такой выводъ основывается на слѣдующихъ сопостановленіяхъ: хотя заточеніе на срокъ свыше шести лѣтъ сопровождается поселеніемъ, но срокъ исправительнаго дома можетъ быть назначенъ также, какъ и заточенія, въ размѣрѣ до 10 лѣтъ и сверхъ того сопровождается шестимѣсячнымъ одиночнымъ заключеніемъ, чего при заточеніи не проектируется; независимо отъ сего въ матеріальномъ отношеніи исправительный домъ сопровождается менѣе выгодными для заключенныхъ условіями, чѣмъ заточеніе, такъ какъ въ послѣднемъ даже тѣ заключенные, которые приговорены на срокъ болѣе шести лѣтъ, пользуются двумя третями чистаго дохода отъ работъ, а не одною третью, какъ въ исправительномъ домѣ (15, 17, 56 ст. проекта); въ 3-хъ, по проекту тѣ преступныя дѣянія, за которыя назначается поселеніе, безусловно отнесены къ 1-й категоріи, то есть къ преступленіямъ; слѣдовательно оно считается болѣе строгимъ наказаніемъ, нежели содержаніе въ исправительномъ домѣ, хотя бы десятилѣтнее, а между тѣмъ по 53 ст. проекта, въ случаѣ смягченія и замѣны наказаній, отъ срочной каторги дѣлается переходъ къ исправительному дому, а не къ поселенію и не къ заточенію, изъ чего слѣдуетъ, что исправительный домъ на срокъ болѣе шести лѣтъ есть наказаніе не менѣе строгое, чѣмъ поселеніе, или по крайней мѣрѣ разница между ними не такъ велика, чтобы могла служить основаніемъ къ назначенію исправительнаго дома срокомъ болѣе шести лѣтъ только за проступки, а не за преступленія. По этому вѣрнѣе будетъ дать исправительному дому, при опредѣленіи важности преступныхъ дѣяній по тяжести соотвѣтственныхъ имъ наказаній, такое же значеніе, какое дано заточенію.

По отношенію къ ст. 4 проекта, раздѣляя вполнѣ соображенія Редакціонной Коммисіи, которыя привели ее къ заключенію о необходимости трехчленнаго дѣленія преступныхъ дѣяній, принятаго въ большинствѣ западноевропейскихъ законодательствъ, Сенаторъ А. К. Фриде полагалъ бы однако необходимымъ, сообразно заявленнымъ имъ о *заточеніи* и *поселеніи* замѣча-

ніямъ, исключить изъ первой части этой статьи слова «*заточеніе на срокъ свыше шести лѣтъ и поселеніе*», а во второй части этой статьи сказать:

«Преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, лишеніе свободы, на срокъ отъ 6 лѣтъ до одного года, въ исправительномъ домѣ или въ крѣпости и отъ одного года до 3-хъ мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, именуются проступками».

Къ измѣненію редакціи ст. 4 тѣмъ болѣе представляется необходимость, что разница между заточеніемъ *на 6 лѣтъ* и заточеніемъ *на 6 лѣтъ и одинъ день* слишкомъ незначительна для квалификаціи того или другаго дѣянія, подходящаго подъ первую мѣру, *проступкомъ*, а подходящаго подъ вторую мѣру, *преступленіемъ;* въ особенности въ виду установленныхъ ст. 15 послѣдствій заточенія на срокъ свыше 6 лѣтъ. Ежели уже заточеніе должно быть сохранено, какъ *custodia honesta*, то слѣдуетъ это наказаніе вообще изъять изъ числа такъ называемыхъ *уголовныхъ наказаній*, относительное свойство которыхъ должно заключаться *въ ихъ опозоривающемъ* характерѣ.

Прокуроръ Орловскаго Окружнаго Суда Хрулевъ находитъ, что дѣянія, караемыя заточеніемъ, по существу своему, не могутъ имѣть той степени преступности, въ силу коей они должны были бы именоваться преступленіемъ. Поэтому всѣ дѣянія, за которыя опредѣляется заточеніе на какой бы ни было срокъ, должны именоваться проступками. Сообразно этому и 4 статья проекта должна бы принять слѣдующую редакцію:

«Преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, смертная казнь, каторга или поселеніе, именуются преступленіями».

«Преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, исправительный домъ, заточеніе или тюрьма, именуются проступками».

«Преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, арестъ или денежная пеня, именуются нарушеніями».

Терминологія, принятая Редакціонною Коммисіею въ ст. 4-й для опредѣленія различныхъ видовъ преступныхъ дѣяній, представляется, по отзыву чиновъ Московской прокуратуры, несоотвѣтствующею выработанному жизнью взгляду на противозаконные поступки и невыражающею съ достаточною точностью подразумѣваемыхъ ея терминами понятій.—«Нарушеніе», предполагаемое для обозначенія низшаго вида преступныхъ дѣяній, есть понятіе общее

и потому для выраженія частнаго служить не можетъ: всякое преступное дѣяніе является нарушеніемъ извѣстной нормы закона и этимъ именемъ могутъ быть названы какъ преступленіе и проступокъ, такъ и неисполненіе какого либо маловажнаго полицейскаго запрета. Нельзя не замѣтить, что выраженіе «нарушеніе» хотя и употреблялось до сего времени въ законодательномъ языкѣ, но всегда въ сложной формѣ, и рядомъ съ нимъ непремѣнно ставилось наименованіе того или другаго запрета, устава и т. д. (нарушеніе питейнаго устава, строительнаго и проч.). Въ такомъ видѣ слово это можетъ еще служить для цѣлей законодателя, но допущеніе его, тѣмъ не менѣе, является все-таки неудобнымъ, ибо оно идетъ въ разрѣзъ съ давно уже сложившимися въ жизни понятіями о томъ или другомъ видѣ преступныхъ дѣяній, для которыхъ выработаны и особые термины. При оставленіи въ уложеніи термина «нарушеніе» для опредѣленія низшаго вида преступныхъ дѣяній, существующій уже у насъ терминъ «проступокъ», съ которымъ связано въ представленіи народа, а отчасти и въ законодательномъ языкѣ, понятіе о чемъ-то незначительномъ, неважномъ, долженъ будетъ выражать собою ту группу дѣяній, которая въ настоящее время, относится къ преступленіямъ. Корыстныя нарушенія чужихъ имущественныхъ правъ—кража, грабежъ, растрата, мошенничество и т. под. дѣянія—будутъ, такимъ образомъ, именоваться проступками, тогда какъ до сихъ поръ ихъ не назоветъ никто иначе, какъ преступленіями. Подобная ломка давно уже установившихся понятій не можетъ быть оправдываема кажущимся удобствомъ вновь устанавливаемой проектомъ терминологіи. Было бы цѣлесообразнѣе вводить въ опредѣленія закона, въ случаѣ необходимости, такіе термины, съ которыми въ народномъ сознаніи связано уже и теперь извѣстное представленіе. Подобнымъ терминомъ можетъ служить, напр. выраженіе «злодѣяніе», съ которымъ сопряжено понятіе о наиболѣе тяжкихъ нарушеніяхъ нормы закона. Слово это нѣсколько разъ проскальзываетъ въ данномъ смыслѣ даже и въ мотивахъ Редакціонной Коммисіи, а по воззрѣніямъ массы подъ злодѣянія именно подходятъ тѣ преступныя дѣянія, для обозначенія которыхъ Коммисія предлагаетъ терминъ «преступленія», т. е. убійство, зажигательство, разбой и проч. Замѣна же терминовъ нисколько бы не измѣнила сущности проектируемаго трехчленнаго дѣленія преступныхъ дѣяній.

Такимъ образомъ ст. 4-я приняла бы слѣдующую редакцію:

«Ст. 4-я. Преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, смертная казнь, каторга, заточеніе на срокъ свыше 6 лѣтъ или поселеніе, именуются злодѣяніями».

«Преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее

наказаніе, исправительный домъ, заточеніе на срокъ не свыше 6 лѣтъ или тюрьма, именуются преступленіями».

«Преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, арестъ или пеня, именуются проступками».

По мнѣнію Одесскаго Окружнаго Суда, Редакціонная Коммисія въ объяснительной запискѣ къ 4 ст. проекта справедливо высказываетъ, что юридическая техника требуетъ отъ закона точнаго и опредѣленнаго языка, требуетъ устойчивости внесенныхъ въ него выраженій. Въ этихъ видахъ представляется крайне желательнымъ, чтобы юридическая техника пользовалась, по возможности, такими выраженіями, съ которыми уже связано общепринятое, совершенно опредѣленное, значеніе. Противъ этого, по мнѣнію Окружнаго Суда, погрѣшаетъ проектированная терминологія, опредѣляющая трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній: во 1-хъ, она вводитъ новый терминъ «нарушеніе», съ коимъ, въ общепринятомъ значеніи этого слова, не связано того понятія, которое ему приписываетъ 4 ст., во 2-хъ, наименованіе «проступками» преступныхъ дѣяній, которыя будутъ наказуемы исправительнымъ домомъ, представляется, по мнѣнію Одесскаго Суда, несоотвѣтствующимъ общепринятому понятію, связанному съ словомъ «проступокъ», обозначающимъ сравнительно незначительное нарушеніе уголовнаго закона, между тѣмъ, судя по общей части проекта и объяснительной записки, исправительнымъ домомъ будутъ наказываемы и нѣкоторые виды грабежей и подлоги и сравнительно значительныя посягательства на тѣлесную неприкосновенность. Наконецъ, трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній, какъ оно проектировано Редакціонной Коммисіей, совершенно не удовлетворяетъ условіямъ процессуальнымъ, не совпадая съ дѣленіемъ преступныхъ дѣяній по подсудности ихъ общимъ и мировымъ судебнымъ установленіямъ. На основаніи этихъ, въ общихъ чертахъ намѣченныхъ, соображеній Окружный Судъ, высказываясь въ пользу трехчленнаго дѣленія преступныхъ дѣяній, считаетъ болѣе соотвѣтственнымъ измѣнить принятую проектомъ терминологію, наименовавъ наиболѣе тяжкія изъ преступныхъ дѣяній «злодѣяніями», слѣдующій за ними видъ «преступленіями» и, наконецъ, третій «проступками». Вмѣстѣ съ тѣмъ Окружный Судъ считаетъ необходимымъ измѣнить и проектированное распредѣленіе преступныхъ дѣяній по тремъ категоріямъ, соображаясь съ ихъ важностью. Такимъ образомъ, по мнѣнію Окружнаго Суда, преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ будутъ опредѣлены, какъ высшее наказаніе: смертная казнь (если таковая будетъ сохранена), каторга и заточеніе на срокъ свыше шести лѣтъ (какъ

наказаніе, которое будетъ назначаемо, очевидно, за тяжкія преступныя дѣянія, ибо, по проекту, къ этому наказанію судъ будетъ переходить прямо отъ смертной казни) слѣдуетъ наименовать злодѣяніями. Но изъ первой категоріи проекта судъ находитъ совершенно правильнымъ исключить преступныя дѣянія, облагаемыя ссылкою на поселеніе и отнести ихъ ко второй категоріи, ибо, какъ видно изъ объяснительной записки, наказаніе это будетъ назначаемо за преступныя дѣянія, истекающія лишь изъ увлеченія, заблужденій, общественныхъ предразсудковъ или фанатизма, словомъ, за такого рода дѣянія, которыя, ни по свойству своему, ни по важности послѣдствій, не должны быть поставляемы въ уровень съ преступными дѣяніями первой категоріи. Затѣмъ, преступныя дѣянія, за которыя будутъ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, ссылка, исправительный домъ или заточеніе на срокъ отъ двухъ до шести лѣтъ, слѣдуетъ наименовать преступленіями, и, наконецъ, преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ будутъ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, тюрьма, заточеніе на срокъ не свыше двухъ лѣтъ, арестъ или денежная пеня, наименовать проступками. Такое предлагаемое Окружнымъ Судомъ дѣленіе преступныхъ дѣяній по категоріямъ представляетъ и нѣкоторое удобство въ отношеніи процессуальномъ, такъ какъ всѣ преступныя дѣянія, подсудныя мировымъ судебнымъ установленіямъ, войдутъ въ составъ третьей категоріи.

Вполнѣ соглашаясь съ соображеніями объяснительной записки о необходимости юридической терминологіи, Старшій Предсѣдатель Кіевской Судебной Палаты полагаетъ однако, что терминологія эта должна по возможности болѣе примѣняться къ народному языку, какъ выразителю понятій массы народа. Въ этомъ отношеніи Сенаторъ И. Н. Орловъ можетъ признать удачною ту терминологію, которая предложена въ 4 статьѣ. Едва ли такое преступное дѣяніе, которое должно караться столь тяжкимъ наказаніемъ, каково 6-ти-лѣтнее заточеніе, народъ, да и всѣ мы, назовемъ «проступкомъ»; едва ли кражу или грабежъ безъ насилія (полагая, что за нихъ будутъ назначены исправительный домъ или тюрьма) правильно относить къ «проступкамъ»: все это справедливо называется теперь преступленіемъ и не слѣдовало бы уменьшать значеніе этого названія. Не лучше ли придержаться мѣткаго народнаго говора и исторіи языка и ввести прежній терминъ, не чуждый и нашему законодательству, «злодѣяніе», терминъ этотъ (злодѣяніе, злодѣй) употребляется и по нынѣ, онъ употребленъ еще недавно въ работѣ Коммисіи Государственнаго Совѣта о тюремномъ преобразованіи. Посему, сохраняя дѣленіе преступныхъ дѣяній на три категоріи, надлежало бы: 1) тѣ, за кото-

рыя опредѣляются смертная казнь и каторга, называть *злодѣяніями*; 2) тѣ, за которыя опредѣляются поселеніе, заточеніе, исправительный домъ и тюрьма, именовать *преступленіями* и 3) всѣ прочія—*проступками*.

По поводу 4 статьи проекта Ставропольскій Окружный Судъ выражаетъ сомнѣніе въ необходимости введенія изъ французскаго кодекса чуждаго намъ понятія о нарушеніяхъ (contraventions). Во Франціи оно соотвѣтствуетъ тремъ видамъ судовъ и слѣдовательно указываетъ на подсудность дѣла; у насъ же оно явится совершенно излишнимъ усложненіемъ юридической терминологіи. Обыденное и для всѣхъ понятное дѣленіе преступныхъ дѣяній на преступленія и проступки совершенно исчерпываетъ всѣ виды проявленія преступной воли. Процессуальнаго значенія трехчленное дѣленіе у насъ имѣть не можетъ, такъ какъ мы имѣемъ только два вида судовъ; особенныхъ техническихъ удобствъ оно тоже не представляетъ: вмѣсто слова «нарушеніе» достаточно сказать «проступокъ», влекущій, какъ высшее наказаніе, арѣстъ или денежную пеню, и въ этомъ смыслѣ измѣнить редакцію статей уложенія, въ которыхъ будетъ идти рѣчь о такихъ проступкахъ.

Частный повѣренный при Бакинскомъ Окружномъ Судѣ фонъ-Велькъ полагаетъ, что ясность терминологіи выиграла бы, если, соотвѣтственно различію преступленія, проступка и нарушенія, принять названія: уголовное наказаніе, исправительное наказаніе и исправительное взысканіе и съ тѣмъ вмѣстѣ раздѣлить разборъ дѣлъ между разными судами, такъ какъ судьи, разбирающіе уголовныя преступленія, не будутъ никогда удовлетворительными для разбора проступковъ и нарушеній и наоборотъ, да при этомъ положительно нецѣлесообразно въ одномъ и томъ же судѣ ставить всякія изъ трехъ разрядовъ дѣлъ въ общую очередь, какъ это теперь за Кавказомъ.

Предсѣдатель Сумскаго Окружнаго Суда Золотницкій находитъ во всѣхъ подраздѣленіяхъ статьи совершенно излишнимъ выраженіе «какъ высшее наказаніе». Сверхъ того, если достаточно опредѣлителенъ терминъ категоріи перваго подраздѣленія «преступленія», то второй «проступокъ» очевидно не соотвѣтствуетъ наказаніямъ этой категоріи. Нельзя представить себѣ, чтобы за проступокъ, въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимается, могло быть такое строгое наказаніе, какъ заключеніе до 6 лѣтъ въ исправительномъ домѣ, при томъ съ послѣдствіями, опредѣленными ст. 26 проекта. Также нельзя согла-

ситься и съ терминомъ категоріи преступленій, названной «нарушеніями». Слово нарушеніе, взятое отдѣльно, не имѣетъ окончательнаго смысла; чтобы его получить, притомъ въ самыхъ разнообразныхъ понятіяхъ, необходимо дополнительное слово—приличія, замочной пружины, правилъ гигіены и т. п. Это не французское contravention, имѣющее опредѣлительное значеніе нарушенія закона. Также совершенно излишне начальное слово каждой изъ названныхъ категорій «преступныя», такъ какъ преступность дѣяній, въ нихъ упоминаемыхъ, достаточно объясняется наказаніями, за нихъ опредѣленными. По мнѣнію г. Золотницкаго, всѣ преступленія слѣдуетъ подраздѣлить на три категоріи:

1) болѣе важныя преступленія,
2) менѣе важныя преступленія,
3) проступки.

Принимая во вниманіе, что дѣленіе преступныхъ дѣяній, указанное въ ст. 4, относится исключительно къ настоящему уголовному уложенію, докладчикъ въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры г. Кичинъ находилъ, что въ 1 ч. ст. 4 выраженіе «въ законѣ» должно быть замѣнено словами: «въ семъ уложеніи». Поправка эта совѣщаніемъ принята. Независимо отъ сего, членъ совѣщанія г. Марковъ полагалъ, что трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній, принятое ст. 4 проекта, имѣетъ существенное значеніе въ тѣхъ иностранныхъ кодексахъ, гдѣ съ этимъ дѣленіемъ согласованы постановленія о подсудности и самомъ порядкѣ судопроизводства, отличномъ для каждой категоріи этихъ дѣяній. При отсутствіи у насъ этихъ условій, вводить въ уложеніе норвый терминъ «нарушеніе», не представляется основаній. Терминъ этотъ имѣетъ значеніе въ ст. 43, 44, 47, 58 и 59 проекта, но внимательное разсмотрѣніе этихъ постановленій приводитъ къ заключенію, что во всѣхъ этихъ статьяхъ слово «нарушенія» безъ всякихъ неудобствъ можетъ быть замѣнено выраженіемъ «проступки, облагаемые арестомъ или пенею». По этимъ соображеніямъ г. Марковымъ предлагалось: 1) статью первую проекта исключить; 2) вмѣсто нея во главѣ уложенія поставить ст. 4 въ слѣдующей редакціи: Нарушенія уголовнаго закона за которыя. . . . . именуются преступленіями. Нарушенія уголовнаго закона, за которыя. . . . тюрьма, арестъ или денежная пеня, именуются проступками; 3) ст. 2 проекта исключить, и 4) ст. 3 проекта, въ редакціи, принятой совѣщаніемъ, поставить какъ 2-ую и послѣднюю главы первой. Замѣчанія эти, однако, совѣщаніемъ чиновъ прокуратуры отвергнуты.

По поводу трехчленнаго дѣленія преступныхъ дѣяній, устанавливаемаго 4 ст., Владимірскій Окружный Судъ замѣчаетъ, что слова «проступки и нарушенія», по своей лексіологіи, слова однозначащія относительно степени правонарушенія и обозначать ими преступныя дѣянія для отличія ихъ по тяжести будетъ невѣрно и неточно; притомъ едва ли согласно грамматическому смыслу словомъ «проступокъ» обозначить преступное дѣяніе, влекущее 6 лѣтъ заточенія или исправительный домъ. Неужели кражу, даже съ отягчающими вину обстоятельствами, даже грабежъ, за которые, вѣроятно будетъ назначено наказаніе—исправительный домъ, можно обозначить проступками? Также не можетъ соотвѣтствовать грамматическому смыслу, если личное оскорбленіе, самоуправство, будемъ называть нарушеніями. Очевидно, названія къ трехчленному дѣленію преступныхъ дѣяній подобраны въ 4 ст. неудачно. Слѣдовало бы, повидимому, въ проектѣ то, что предполагается назвать нарушеніями, обозначить проступками и нарушеніями; проступки же назвать преступленіями, а преступленія какъ нибудь иначе, напримѣръ злодѣяніями, или же ограничиться двухчленнымъ дѣленіемъ.

Московская Судебная Палата указываетъ, что Коммисія, вводя въ наше право изложенное въ ст. 4 различіе терминовъ «преступленіе», «проступокъ» и «нарушеніе», на первый планъ поставила проистекающія отсюда техническія выгоды, тѣмъ болѣе, что при нашей системѣ судоустройства процессуальнаго значенія дѣленіе это имѣть не можетъ, какъ не совпадающее съ дѣленіемъ по подсудности.

Между тѣмъ юридическая техника требуетъ вообще и, въ особенности въ законѣ, и при введеніи новыхъ терминовъ, возможно точнаго и опредѣленнаго языка,—требуетъ, чтобы каждый ея терминъ имѣлъ свое техническое значеніе и значеніе устойчивое. Такому требованію, высказанному и въ объяснительной запискѣ, не соотвѣтствуетъ принятый въ проектѣ терминъ: «нарушеніе». Понятіе это, какъ техническій терминъ — носитъ слишкомъ общій характеръ, ибо каждое преступленіе, а равно и проступокъ, есть нарушеніе: правонарушеніе и нарушеніе закона. Такимъ образомъ, по редакціи ст. 4, одному изъ трехъ видовъ родоваго понятія «преступныя дѣянія» присвоенъ терминъ, который постольку же могъ бы служить и для опредѣленія самаго родоваго понятія, что, конечно, не можетъ придавать особенной устойчивости предполагаемому дѣленію. Въ справедливости сказаннаго еще болѣе убѣждаетъ самая объяснительная записка (стр. 24, 3 строка снизу), въ которой, въ объясненіе принятаго дѣленія, тотчасъ по

установленіи необходимости въ точныхъ и устойчивыхъ терминахъ, слово «нарушенія» употребляется въ смыслѣ преступныхъ дѣяній вообще.

Товарищъ Предсѣдателя Плоцкаго Окружнаго Суда Павловскій указываетъ, что въ трехъ отдѣльныхъ фразахъ, составляющихъ три отдѣльныя части 4-й статьи проекта, фигурируетъ слово «преступныя дѣянія».

Такъ какъ въ этой статьѣ рѣзко отдѣлены три вида явленій злой воли человѣка, осуществляемой въ видѣ «преступленій», «проступковъ» и «нарушеній» и обусловливаемой родами опредѣляемыхъ за оные наказаній, то было бы безвредно, для точности редакціи, обобщить выраженіе самаго представленія объ этихъ трехъ явленіяхъ беззаконія, и слово «преступныя» замѣнить во всемъ проектѣ словомъ «противозаконныя», подъ которое весьма удобно будутъ подходить и преступленія, и проступки, и нарушенія. Вслѣдствіе этого измѣненія избѣгнется слишкомъ сильное по логикѣ представленіе о проступкахъ и нарушеніяхъ, которыя хотя по существу своему и составляютъ противные законамъ проступки, но не преступныя, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, дѣянія или преступленія (crimina).

При томъ появляющееся впервые въ послѣднемъ пунктѣ статьи 4 слово: «нарушеніе», взятое самостоятельно, на выдержку, изъ словаря русской рѣчи представляется г. Павловскому какъ бы неполнымъ, услышавъ это слово, поневолѣ рождается вопросъ «чего»? какъ напримѣръ нарушеніе: обязанностей, порядка, святыни и т. п. Въ настоящемъ случаѣ, слово «нарушеніе» дополняется мысленно словомъ и представленіемъ «закона, права», а потому, для полноты редакціи, въ филологическомъ отношеніи, г. Павловскій полагалъ бы вмѣсто слова: «нарушеніе» принять терминъ «правонарушеніе».

Архангельскій Губернскій Прокуроръ Краусъ замѣчаетъ, что при установленіи всякой новой терминологіи весьма желательно, чтобы вновь вводимыя выраженія, по возможности, соотвѣтствовали бы общепринятымъ уже словамъ для обозначенія даннаго понятія, такъ какъ въ противномъ случаѣ новые термины долго останутся безъ надлежащаго примѣненія и, сверхъ сего, могутъ повлечь за собою недоразумѣнія и смѣшеніе понятій. Исходя изъ этого начала, г. Краусъ думаетъ, что при раздѣленіи всѣхъ преступныхъ дѣяній на упомянутыя въ ст. 4 три категоріи: «преступленія, проступки и нарушенія», — словамъ этимъ придается иное значеніе, чѣмъ какое они до сихъ поръ имѣли, какъ въ литературномъ, такъ и въ языкѣ обыденномъ.

До настоящаго времени значительное большинство всѣхъ преступныхъ дѣяній привыкли называть «преступленіями» и только наименѣе важныя изъ нихъ, называютъ «проступками»; слова же «нарушеніе», въ смыслѣ преступнаго дѣянія, влекущаго за собою отвѣтственность въ порядкѣ уголовномъ, общеупотребительный языкъ вовсе не знаетъ.

Между тѣмъ въ ст. 4 проекта словомъ «преступленіе» обозначены только наиболѣе тяжкія изъ преступныхъ дѣяній, которыя на практикѣ встрѣчаются сравнительно не часто; главный же контингентъ преступныхъ дѣяній названъ «проступками», обнимающими не только случаи простой кражи и мошенничества, но и кражи квалифицированныя, кражи со взломомъ, грабежъ безъ насилія, разнаго вида подлоги, словомъ—довольно тяжкія преступныя дѣянія, которыя нынѣ каждый привыкъ называть преступленіями.

Въ виду изложеннаго казалось бы желательнымъ въ ст. 4 терминъ «*преступленія*» замѣнить словами «*преступленія тяжкія*», терминъ «*проступокъ*» замѣнить выраженіемъ «*преступленія менѣе тяжкія*» и терминъ «*нарушеніе*» замѣнить словомъ «*проступокъ*».

При подобной замѣнѣ, терминологія эта, конечно, проигрываетъ въ краткости, но за то она, по мнѣнію названнаго Прокурора, выигрываетъ въ ясности и для всякаго доступна.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Пространство дѣйствія уложенія.

Тюбингенскій профессоръ Гуго-Мейеръ замѣчаетъ, что вмѣсто выраженія: «пространство дѣйствія уголовнаго уложенія» правильнѣе было бы употребить выраженіе: «пространство дѣйствія уголовнаго закона» или «уголовныхъ законовъ россійскаго государства».

Коммисія Новороссійскаго Юридическаго Общества предлагаетъ замѣнить нынѣшнее заглавіе главы II проекта выраженіемъ «кругъ дѣйствія уложенія». Такое измѣненіе въ заглавіи этой главы, мотивируется тѣмъ, что принятое редакторами выраженіе «пространство» даетъ право заключать, что 2-я глава говоритъ лишь о территоріальныхъ границахъ, въ которыхъ имѣетъ силу уложеніе, а это не соотвѣтствуетъ содержанію главы.

Статья 5.

Дѣйствіе постановленій сего уложенія распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя русскими подданными или иностранцами въ предѣлахъ Россійской Имперіи.

По поводу ст. 5 и 6 проекта профессоръ Лукини замѣчаетъ, что здѣсь оказываютъ свое вліяніе обычаи, преданія и договоры, внутренніе и внѣшніе, о которыхъ онъ не можетъ судить, но эти положенія, имѣющія видъ исключеній, не содѣйствуютъ упроченію общаго права и національнаго верховенства.

Относительно редакціи ст. 5, *Н. М. Коркуновъ* сдѣлалъ въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества слѣдующее замѣчаніе: въ ст. 5 слѣдовало бы опустить слова «русскими подданными и иностранцами», такъ какъ въ статьѣ этой имѣлось, конечно, въ виду выразить примѣняемость уложенія ко всѣмъ преступнымъ дѣяніямъ, кѣмъ бы они совершены ни были, и, слѣдовательно, въ ближайшемъ опредѣленіи субъекта нѣтъ никакой надобности. Принятая же въ проектѣ редакція способна возбудить сомнѣніе относительно финляндскихъ уроженцевъ, едва-ли подходящихъ подъ понятіе «русскихъ подданныхъ» въ томъ смыслѣ, какъ оно употреблено въ ст. 7. Опущеніемъ указанныхъ словъ будетъ достигнута вмѣстѣ съ большею краткостью и большая опредѣленность.—Это предложеніе было принято большинствомъ собранія, одобрившимъ исключеніе словъ «русскими подданными или иностранцами».

Коммисія Новороссійскаго Юридическаго Общества, въ видахъ выясненія въ текстѣ закона употребляемыхъ Редакціонною Коммисіею выраженій «Россія» и «Россійская Имперія», полагаетъ пополнить ст. 5 проекта слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Употребляемые уложеніемъ термины «Россія» и «Имперія» имѣютъ слѣдующее различіе: первый терминъ обнимаетъ всю область русскаго государства, включая сюда и Финляндію; второй—означаетъ всю остальную часть государства за исключеніемъ Финляндіи. При этомъ равное значеніе имѣютъ и всѣ производныя отсюда выраженія; поэтому, напримѣръ, употребленныя въ текстѣ закона выраженія: «русскій подданный», «русскій судъ», и «законы дѣйствующіе въ Россіи» относятся какъ къ Имперіи, такъ и къ Великому Княжеству.»

Варшавскіе Присяжные Повѣренные указываютъ, что, согласно статьѣ 5, дѣйствіе новаго уложенія должно распространяться на дѣянія, учиненныя въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Въ проектѣ вовсе не упоминается о примѣненіи новаго уложенія къ Царству Польскому и въ этомъ отношеніи встрѣчаются только нѣкоторыя указанія въ объяснительной запискѣ.

Въ Объясненіяхъ изложено, въ видѣ общаго правила, что законъ распространяетъ свое дѣйствіе на все пространство Имперіи, что это начало было принято по отношенію къ законамъ уголовнымъ еще при изданіи уложенія 1845 г., распространеннаго одновременно на Царство Польское, что тоже самое начало сохранено Редакціонною Коммисіею. Въ этомъ отношеніи, въ Объясненіяхъ произошла очевидная ошибка. Уложеніе 1845 г. не было распространено на Царство Польское, такъ какъ для Царства издано было

особое уголовное уложеніе, различавшееся весьма замѣтно уже однимъ количествомъ статей, которыхъ въ уложеніи для Имперіи имѣлось 2224 (въ изданіи же 1857 г. даже 2304), между тѣмъ уложеніе для Царства заключало въ себѣ всего 1221 статью. Изданіе сего уложенія послѣдовало при томъ не одновременно съ изданіемъ уложенія 15 Августа 1845 г., такъ какъ уложеніе для Царства введено было только съ 1848 г. на основаніи Высочайшаго указа $^{12}/_{24}$ Марта 1847 г. Въ этомъ указѣ выражено желаніе законодателя, чтобы новые законы Царства были въ главныхъ основаніяхъ по возможности сближены съ постановленіями для Имперіи, и «чтобы жителямъ Царства были обезпечены въ полной мѣрѣ какъ безопасность и спокойствіе, такъ и всѣ права ихъ наравнѣ съ прочими вѣрными подданными, при сохраненіи однакоже и свойственныхъ краю ихъ мѣстныхъ учрежденій и правилъ»,—и вслѣдствіе сего поручено Коммисіи для ревизіи и составленія законовъ Царства Польскаго принять участіе въ пересмотрѣ законовъ Имперіи, составить, на одобренныхъ Верховною Властію основаніяхъ, новый по возможности полный для Царства Польскаго проектъ уложенія о наказаніяхъ. Ежели, поэтому, Редакціонная Коммисія имѣетъ въ виду сохранить начало 1845 г., то согласно изложенному, слѣдовало-бы, кажется, ожидать изданія особаго уложенія для Царства Польскаго. Въ такомъ случаѣ редакція ст. 5 проекта, согласно ст. 183 улож. 1845 г. (ст. 168 изд. 1866 г.) установилась бы для Имперіи такимъ образомъ: что дѣйствію постановленій уложенія подлежатъ въ равной мѣрѣ всѣ россійскіе подданные въ предѣлахъ государства; для Царства Польскаго осталась бы редакція ст. 174 улож. 1847 г., что дѣйствію уложенія подлежатъ въ равной мѣрѣ всѣ подданные Царства и всѣ прочіе россійскіе подданные въ предѣлахъ Царства находящіеся.

Съ другой стороны, изъ объясненій Редакціонной Коммисіи (стр. 27) можно заключить, что начало 1845 г. понимается ею въ томъ смыслѣ, что законъ, распространяя свое дѣйствіе на все пространство Имперіи, долженъ быть распространенъ и на Царство Польское съ указаніемъ въ подлежащихъ мѣстахъ тѣхъ отступленій, которыя должны быть сдѣланы въ отдѣльныхъ постановленіяхъ, въ виду дѣйствующихъ тамъ особенныхъ законовъ гражданскихъ, финансовыхъ и адмистративныхъ. Ежели, согласно этому, новое уложеніе должно составлять законъ общій какъ для Имперіи, такъ и для Царства Польскаго, то это необходимо было бы изъяснить въ ст. 5 проекта. Потребность эта вытекаетъ изъ того обстоятельства, что не только прежде Царство Польское имѣло совершенно отдѣльное законодательство, но и въ послѣднее время безпрестанно издаются законы отдѣльно для Имперіи и отдѣльно для Царства, что безъ сомнѣнія сохранится и на будущее время,

въ виду особенностей общественнаго строя и учрежденій Царства Польскаго. Когда законы издаются безъ указанія на то, предназначаются ли они только для Имперіи или же и для Царства, то изъ этого часто возникаютъ въ практикѣ недоумѣнія, причиняющія много затрудненій. Если Коммисіею имѣется въ виду указать отступленія, которыя должны быть сдѣланы въ отдѣльныхъ постановленіяхъ, въ виду особенныхъ законовъ края, то для того именно, чтобы имѣть логическую возможность указывать эти отступленія, необходимо было бы выставить сперва общее правило, что дѣйствіе новаго уложенія распространяется не только на Имперію, но и на Царство Польское. Въ такомъ случаѣ редакцію ст. 5 нужно бы изложить такимъ образомъ, что дѣйствіе постановленій новаго уложенія распространяется на всѣ преступныя дѣянія, учиненныя въ предѣлахъ Россійской Имперіи и Царства Польскаго какъ мѣстными жителями, такъ и иностранцами.

Останавливаясь на 5 ст. проекта, въ силу коей иностранцы въ предѣлахъ Имперіи подчиняются дѣйствію уложенія, Предсѣдатель Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Бартеневъ замѣчаетъ, что изъ объясненій Коммисіи къ этой статьѣ усматривается, что вопросъ о подчиненіи иностранцевъ уложенію основывается на международныхъ отношеніяхъ и правѣ и что въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе допущено для китайцевъ, что и изложено въ примѣчаніи къ 172 ст. улож. 1866 г., и конечно такое положеніе китайцевъ въ предѣлахъ Имперіи представляетъ значительныя практическія неудобства.

Посему, при дѣйствіи новаго уложенія, г. Бартеневъ полагалъ бы подчинить ст. 5 проекта то племя персидское-Шахсеванъ, которое въ значительномъ числѣ ежегодно на зимніе мѣсяцы перекочевываетъ въ предѣлы Бакинской губерніи, на Муганскую степь Древатскаго уѣзда и, совершая массу преступленій, всегда почти остаются безнаказанными, перекочевывая и часто не допуская къ себѣ мѣстныя власти. Возбужденный г. Бартеневымъ, въ установленномъ порядкѣ, вопросъ о распространеніи на Шахсеванъ силы закона не былъ разрѣшенъ, такъ какъ признано было неудобнымъ подымать его въ виду нѣкоторыхъ политическихъ соображеній. На этотъ предметъ слѣдовало бы обратить вниманіе, установивъ въ законномъ порядкѣ контроль надъ цѣлымъ племенемъ, вторгающимся въ Бакинскую губернію, между тѣмъ какъ нынѣ, за отсутствіемъ по сему предмету законоположенія, Шахсеване de facto пользуются правомъ, изложеннымъ въ 3 п. 6 ст. проекта.

Товарищъ Предсѣдателя Казанскаго Окружнаго Суда Пашковскій замѣчаетъ, что въ ст. 5 не сказано о корабляхъ, находящихся въ открытомъ морѣ, и что хотя въ объясненіяхъ къ сей статьѣ упоминается, что подъ предѣлами россійскаго государства, по началамъ права государственнаго и международнаго, должны быть понимаемы какъ суша, такъ и воды, а въ открытыхъ моряхъ и наши корабли, но такъ какъ уложеніе о наказаніяхъ должно имѣть отчасти характеръ настольной книги для тѣхъ, кто будетъ его примѣнять, самыя же объясненія Коммисіи для многихъ останутся неизвѣстными, то и упоминаніе о корабляхъ представлялось бы неизлишнимъ.

Въ статьѣ 5 слѣдуетъ, по мнѣнію прокуратуры Казанскаго Окружнаго Суда, добавить: «и на русскихъ судахъ въ открытомъ морѣ».

Одесскій Окружный Судъ указываетъ, что глава вторая проекта вноситъ въ наше законодательство новую терминологію въ наименованіе области русскаго государства: «Россія» и «Имперія», изъ коихъ каждый терминъ имѣетъ свое особое значеніе. Чтобы термины эти могли быть понимаемы въ томъ значеніи, которое имъ даетъ проектъ уложенія и различіе это могло быть усмотрѣно и не повлекло за собою неправильнаго толкованія и примѣненія закона, необходимо выяснить различіе и значеніе этихъ новыхъ терминовъ въ самомъ законѣ. Для этой цѣли, по мнѣнію суда, необходимо дополнить 5 ст. слѣдующимъ примѣчаніемъ. «Въ семъ уложеніи, подъ именемъ Россіи разумѣется вся область русскаго государства, а подъ именемъ Имперіи все русское государство за исключеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго».

Московская Судебная Палата замѣчаетъ, что, какъ видно изъ объяснительной записки, Коммисія нашла необходимымъ ввести два термина, опредѣляющіе область, на которую распространяется сила постановленій проекта: «Россія» и «Имперія», причемъ термины эти противополагаются другъ другу въ томъ смыслѣ, что первый обнимаетъ собою всю область русскаго государства, включая сюда Финляндію, второй же означаетъ всю остальную часть государства, за исключеніемъ Финляндіи. Равное значеніе должны, конечно, получить и всѣ производныя отсюда выраженія: «русскій подданный, русскій судъ» и т. д. Допуская введеніе этихъ терминовъ, однако не слѣдуетъ забывать, что они не сами по себѣ имѣютъ присвоенное имъ техническое значеніе, а получаютъ его лишь благодаря тому, что Коммисія,

сознавая пользу, получаемую отъ введенія предусмотрѣннаго такими терминами дѣленія, касающагося пространства дѣйствія уложенія, остановилась именно на нихъ, а не на другихъ. Поэтому и имѣя въ виду, что въ статьяхъ, въ которыя входятъ означенные термины, не заключается соотвѣтственныхъ этому разъясненій, является необходимость внесенія такого разъясненія въ самое уложеніе, въ видѣ примѣчанія къ ст. 5.

Вполнѣ соглашаясь съ Редакціонною Коммисіею въ томъ, что законъ долженъ быть изложенъ языкомъ возможно точнымъ и опредѣленнымъ, а каждый внесенный въ него терминъ долженъ имѣть свое техническое значеніе, чины Уманскаго Окружнаго Суда не считаютъ возможнымъ раздѣлить мнѣніе Коммисіи о необходимости придать значеніе терминовъ выраженіямъ «Россійская Имперія» и «Россія» въ томъ смыслѣ, какъ это сдѣлано Коммисіею.

Если разсматривать лишь одинъ проектъ уложенія, безъ объяснительной къ нему записки, то уловить разницу въ значеніи этихъ выраженій не особенно легко; а эта трудность всегда можетъ породить на практикѣ недоразумѣнія тѣмъ болѣе, что законы пишутся не для однихъ только судей—юристовъ, но и для всѣхъ тѣхъ, кто этимъ законамъ будетъ подчиненъ.

Между тѣмъ приданіе значенія терминовъ разсматриваемымъ выраженіямъ едва ли много упрощаетъ самую редакцію статей проекта уложенія, такъ какъ выраженія эти встрѣчаются всего въ шести его статьяхъ, изъ коихъ въ пяти статьяхъ говорится о «Россіи» и только въ одной (ст. 5) говорится о «Россійской Имперіи».

Въ виду изложеннаго казалось бы удобнѣе въ ст. 5 употребить тоже выраженіе «Россіи», но съ оговоркою: «кромѣ Великаго Княжества Финляндскаго».

При обсужденіи проекта лицами прокурорскаго надзора Варшавскаго Окружнаго Суда одинъ изъ членовъ собранія обратилъ вниманіе на то, что въ 5 ст. слова «русскими подданными или иностранцами» представляются совершенно лишними, такъ какъ дѣйствіе уложенія распространяется на всѣ преступныя дѣянія, учиненныя въ предѣлахъ Россійской Имперіи безразлично къ тому, кѣмъ таковыя учинены. На это другой членъ собранія возразилъ, что упомянутыя слова не лишнія, такъ какъ слова «въ предѣлахъ Россійской Имперіи» относятся лишь къ иностранцамъ, но не къ русскимъ подданнымъ. Однако съ этимъ вторымъ мнѣніемъ собраніе не согласилось, такъ какъ и на русскихъ подданныхъ не всегда распространяется дѣйствіе

уложенія (п. 2 ст. 7) и представляется очевиднымъ, что въ 5 ст. законодатель говоритъ лишь о пространствѣ дѣйствія уложенія въ предѣлахъ Россіи; но такъ какъ уложеніе издается не только для юристовъ, но и для публики, то, по мнѣнію собранія, не представляется излишнимъ указать на то, что и иностранцы за всѣ преступныя дѣянія, совершенныя въ предѣлахъ Россійской Имперіи, подлежатъ дѣйствію русскихъ законовъ, причемъ во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, по мнѣнію собранія, редакція ст. 5 должна быть измѣнена и статья эта могла бы быть изложена такъ: «дѣйствіе постановленій сего уложенія распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя въ предѣлахъ Россійской Имперіи какъ русскими подданными, такъ и иностранцами». Предлагаемая редакція ст. 5 устраняетъ тѣ сомнѣнія, которыя вызываетъ употребленное въ проектѣ слово «или», могущее дать поводъ къ предположенію, что русскіе подданные безусловно подлежатъ дѣйствію уложенія, совершено ли ими преступное дѣяніе въ предѣлахъ Россіи или заграницей.

При разсмотрѣніи 5 ст. большинствомъ голосовъ совѣщанія чиновъ Варшавской прокуратуры редакція ея была признана не вполнѣ удовлетворительною. Было замѣчено, что грамматическій смыслъ ея можетъ быть истолкованъ такимъ образомъ, что послѣднія ея слова: «въ предѣлахъ Россійской Имперіи» относятся не до русскихъ подданныхъ и иностранцевъ, а лишь только до этихъ послѣднихъ. Поэтому двумя членами было предложено измѣнить ея редакцію въ слѣдующемъ видѣ:

«Дѣйствіе постановленій сего уложенія распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя какъ русскими подданными, такъ и иностранцами въ предѣлахъ Россійской Имперіи».

Съ своей же стороны четыре члена совѣщанія находили, что указанная неясность, а также совершенно излишняя опредѣлительность субъекта преступныхъ дѣяній въ разбираемой статьѣ могутъ быть устранены опущеніемъ изъ нея словъ: «русскимъ подданнымъ или иностранцамъ».

Остальные члены совѣщанія высказались за сохраненіе редакціи ст. 5 по проекту Коммисіи.

По мнѣнію Сенатора С. И. Заруднаго 1 п. ст. 6 слѣдовало бы исключить, а въ ст. 5 прибавить слово: «*за исключеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго*». Эта поправка вызывается тѣмъ, что между 1 п. ст. 6 съ одной стороны и 2 и 3 пунктами съ другой нѣтъ ничего общаго.

Въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры, докладчикъ г. Бомъ указалъ, что ст. 5, представляя въ болѣе сжатой формѣ постановленія ст. 168 и 170 улож. о нак. 1866 г., не возбуждаетъ вопросовъ. Однимъ изъ членовъ совѣщанія г. Марковымъ была предложена, какъ болѣе точная, слѣдующая редакція данной статьи: «Дѣйствію сего уложенія подлежатъ преступныя дѣянія, учиненныя въ предѣлахъ Россійской Имперіи, какъ русскими подданными, такъ и иностранцами». Совѣщаніе признало возможнымъ оставить ст. 5 въ прежней редакціи.

Архангельскій Губернскій Прокуроръ Краусъ замѣчаетъ, что содержащееся въ ст. 5 положеніе высказано весьма категорически, вслѣдствіе чего у читающаго устанавливается мысль, что оно, какъ безусловное, не допускаетъ никакихъ изъятій. Поэтому слѣдующая затѣмъ 6 ст., устанавливающая цѣлый рядъ исключеній изъ этого положенія, является чѣмъ то неожиданнымъ и какъ бы противорѣчащимъ категорическому заявленію предшествующей 5 статьи.

Во избѣжаніе сего, равно какъ и для сокращенія числа статей уложенія, г. Краусъ полагалъ бы вполнѣ возможнымъ соединить объ 5 и 6 статьи въ слѣдующей редакціи: «Дѣйствіе постановленій сего уложенія распространяется на всѣ преступныя дѣянія, совершенныя въ предѣлахъ Россійской Имперіи, за исключеніемъ:

а) преступныхъ дѣяній, совершенныхъ въ.....

б) преступныхъ дѣяній, наказуемыхъ по.....

в) преступныхъ дѣяній, учиненныхъ въ.....»

Въ предлагаемой редакціи, какъ видно, опущены слова «русскими подданными или иностранцами», упомянутыя въ ст. 5 проекта, такъ какъ выраженія эти кажутся лишними.

Предсѣдатель Сумскаго Окружнаго Суда Золотницкій находитъ, что редакція ст. 5—8 будетъ едва ли не яснѣе и не послѣдовательнѣе: а) если выраженіе въ ст. 5 «въ предѣлахъ Россійской Имперіи» поставится между словъ «дѣяніе» и «учиненное», которое, оставаясь на этомъ мѣстѣ между запятыми, устранитъ всякое сомнѣніе, въ грамматическомъ отношеніи, въ томъ, не относится ли оно лишь къ иностранцамъ, а не къ русскимъ подданнымъ, б) если бы за ст. 5-ою вмѣсто 6-ой помѣстить 7-ую, начавъ ее словами: «оно также распространяется» и т. д. Затѣмъ должны слѣдовать нынѣшнія ст. 8, а потомъ 6.

Статья 6.

Дѣйствіе постановленій сего уложенія не распространяется:

1) на преступныя дѣянія, учиненныя въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ;

2) на преступныя дѣянія, наказуемыя по уставамъ воинскимъ, дисциплинарнымъ, сельско-судебнымъ и по обычному праву инородческихъ племенъ;

3) на преступныя дѣянія, учиненныя въ предѣлахъ Россіи иностранцами, пользующимися внѣземельностью по началамъ международнаго права или по международнымъ обычаямъ.

Пунктъ 1-й ст. 6 профессоръ фонъ-Гольцендорфъ предложилъ бы измѣнить въ томъ смыслѣ, что законъ не распространяется не только на уголовныя дѣянія, учиненныя въ Финляндіи, но и на тѣ также, которыя подлежатъ сужденію въ Финляндіи, что напр. имѣетъ практическое значеніе, если финляндецъ совершаетъ преступленіе заграницею и затѣмъ возвращается въ Финляндію. Теперь же остается сомнительнымъ, какой законъ долженъ быть примѣненъ въ подобномъ случаѣ финляндскимъ судьею.

Относительно пункта 2 той же статьи онъ полагалъ бы желательнымъ внести въ проектъ постановленіе, касательно того, должно ли обычное право инородцевъ получить примѣненіе, въ качествѣ личнаго права, только къ лицамъ, принадлежащимъ къ этимъ племенамъ, или же, въ территоріальномъ смыслѣ, и къ русскимъ и европейцамъ, проѣзжающимъ чрезъ мѣстности, населенныя инородцами.

По поводу правила п. 3 ст. 6 проекта, въ силу коего дѣйствіе уложенія не распространяется «на преступныя дѣянія, учиненныя въ предѣлахъ Россіи иностранцами, пользующимися внѣземельностью по началамъ международнаго права или по международнымъ обычаямъ» Харьковскій профессоръ Даневскій замѣчаетъ, что законъ долженъ быть ясенъ, кратокъ и не долженъ допускать ни двусмысленностей, ни повтореній. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ полнаго уваженія нѣкоторые законы Петра I-го, напр. «кто дубъ срубитъ въ рощѣ заповѣдной, смертью казненъ будетъ». Обратное явленіе этому лаконическому и ясному закону представляетъ приведенное постановленіе п. 3 ст. 6. Въ немъ на ряду съ международнымъ правомъ упоминается еще о международныхъ обычаяхъ, при чемъ послѣдніе какъ бы потивопоставляются первому или дополняютъ мысль о неподсудности преступныхъ дѣяній ино-

странцевъ, пользующихся внѣземельностью по началамъ международнаго права. Между тѣмъ, уже въ самомъ понятіи о международномъ правѣ заключается и понятіе о международныхъ обычаяхъ, входящихъ въ составъ этого права, которое во многихъ его отдѣлахъ является по преимуществу обычнымъ. Поэтому выраженіе «или по международнымъ обычаямъ» должно быть, какъ полагаетъ г. Даневскій, исключено изъ текста ст. 6 проекта.

По замѣчанію юристовъ-практиковъ (Судебная Газета, 1883 г. № 35) въ ст. 6, опредѣляющей изъятія изъ постановленія, узаконяемаго ст. 5, слѣдовало бы добавить, во второмъ пунктѣ, что дѣйствіе уложенія не распространяется и на дѣянія, наказуемыя по законамъ церковнымъ. Предположенія Редакціонной Коммисіи объ исключеніи изъ числа уголовныхъ взысканій нынѣ существующаго церковнаго покаянія, а изъ перечня преступныхъ дѣяній—нарушеній, которыя влекутъ такое взысканіе (стр. 33), представляются согласными и съ уголовною доктриною, и съ воззрѣніями судебной практики, но по отношенію къ отвѣтственности клира соображенія Коммисіи едва ли могутъ быть признаны нравственными. Несомнѣнно, что власть церковнаго суда относительно священно- и церковно-служителей, въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдними нарушаются обязанности, прямо присущія ихъ сану, имѣетъ характеръ дисциплинарной власти, но нельзя того же сказать о другихъ нарушеніяхъ, которыя, совмѣщая въ себѣ признаки общаго уголовнаго дѣянія, тѣмъ не менѣе, по нынѣ дѣйствующимъ узаконеніямъ, во вниманіе къ положенію духовенства, долженствующаго служить примѣромъ нравственной жизни для своей паствы, и во избѣжаніе соблазна, который можетъ произвести публичное осужденіе проступковъ духовныхъ лицъ въ общемъ порядкѣ, въ судахъ свѣтскихъ,—изъяты изъ подсудности послѣднихъ и подчинены вѣдѣнію судовъ церковныхъ. Дисциплинарными проступками, подъ коими разумѣются лишь нарушенія обязанностей званія должности или сана, не могутъ быть признаны, напримѣръ, оскорбленія, наносимыя представителями духовенства частнымъ лицамъ въ частной жизни, а между тѣмъ такіе поступки, по уставу духовныхъ консисторій, подлежатъ обсужденію судовъ церковныхъ. Сама Редакціонная Коммисія къ такимъ преступнымъ дѣяніямъ относится, какъ къ дѣяніямъ общеуголовнымъ, наказуемымъ по уложенію или по уставу мировому, и высказывается, что, «если эти положенія будутъ сохранены при пересмотрѣ устава духовныхъ консисторій, то они, конечно, должны быть признаны изъятіями изъ общаго правила, и о нихъ должно быть упомянуто въ законѣ (стр. 33 п. 34)», но, придавая имъ характеръ «какъ бы дисциплинарныхъ нарушеній», полагаетъ возмож-

нымъ указать таковыя въ ст. 5 подъ общимъ именемъ дѣяній, влекущихъ отвѣтственность по уставамъ дисциплинарнымъ. Въ виду, однако, того соображенія, что по основаніямъ, изложеннымъ выше, нѣкоторыя противозаконныя дѣянія духовенства не могутъ быть признаны дисциплинарными проступками,—что и по мнѣнію Редакціонной Коммисіи эти дѣянія имѣютъ не чисто дисциплинарный характеръ, а «какъ бы таковой», и что постановленія закона должны быть точными, не допускающими сомнѣнія,—было бы, кажется, нелишнимъ, по крайней мѣрѣ до пересмотра устава духовныхъ консисторій, въ ст. 6 проекта, послѣ слова «наказуемыя», добавить—«по законамъ церковнымъ».

По ст. 6 дѣлаемы были въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ возраженія по содержанію всѣхъ трехъ ея пунктовъ:

По первому пункту указываемо было нѣсколькими членами, что могутъ быть финляндцами совершаемы преступленія и заграницею, за которыя они могутъ подлежать, по законамъ финляндскимъ, суду по этимъ законамъ. Съ другой стороны, *В. М. Володимировъ* предлагалъ въ уложеніи же съузить дѣйствіе законовъ финляндскихъ, постановивъ, что русскіе должны подлежать дѣйствію уложенія и за преступленія, учиненныя ими въ Финляндіи.

По второму пункту *В. М. Володимировъ*, къ которому присоединился и *А. Т. Серебряковъ*, утверждалъ, что нельзя изъять изъ круга дѣйствія уложенія и дѣянія, совершонныя военно-служащими и судимыя въ военныхъ судахъ, коль скоро и военные суды руководствуются общимъ уголовнымъ уложеніемъ при сужденіи о преступныхъ дѣяніяхъ, не спеціально воинскихъ, слѣдовательно судимыхъ по общему уложенію о наказаніяхъ.

По третьему пункту *Н. М. Коркуновъ* замѣтилъ, что пользующіеся внѣземельностью въ Россіи иностранцы не могутъ быть судимы за преступныя дѣянія, совершенныя ими не только въ Россіи, но и въ другихъ государствахъ, и что надлежало бы въ спеціальной статьѣ опредѣлить судимость и наказуемость по уложенію русскихъ подданныхъ, которые, пользуясь внѣземельностью заграницею, учинили тамъ преступленія, за которыя не могли быть судимы вслѣдствіе того, что пользовались внѣземельностью.

За симъ предсѣдательствующій *В. Д. Спасовичъ* предложилъ на обсужденіе членовъ выработанный Редакціоннымъ Комитетомъ Уголовнаго Отдѣленія въ усиленномъ его составѣ, слѣдующій проектъ редакціи ст. 6:

Дѣйствіе постановленій сего уложенія не распространяется:

1) на дѣянія, наказуемыя по законамъ Великаго Княжества Финляндскаго;

2) на дѣянія, наказуемыя по уставамъ воинскимъ, сельско-судебнымъ и по обычному праву инородческихъ племенъ;

и 3) на дѣянія иностранцевъ, пользующихся въ Россіи внѣземельностью.

При этомъ предсѣдательствующій заявилъ, что по вопросу о редакціи п. 2 ст. 6, большинство членовъ Комитета высказалось за исключеніе изъ этого пункта выраженія «дисциплинарнымъ».

Не раздѣляя мнѣнія большинства членовъ комитета объ исключеніи изъ 2 п. ст. 6 проекта указанія на нераспространеніе дѣйствія уложенія на дѣянія, наказуемыя по уставамъ дисциплинарнымъ, дѣйствительные члены *А. Ф. Кони и М. В. Красовскій* высказали, что, по мнѣнію ихъ, составители проекта, вводя означенное указаніе, очевидно имѣли въ виду не тѣ, несогласные съ достоинствомъ носимаго званія или занимаемаго служебнаго поста, поступки должностныхъ лицъ и членовъ различныхъ корпорацій, за которые, по дѣйствующимъ узаконеніямъ, начальству виновныхъ или управленію корпораціи, къ составу коихъ они принадлежатъ, предоставлено наложеніе на нихъ дисциплинарныхъ взысканій (напр. взысканія, налагаемыя на присяжныхъ повѣренныхъ ихъ совѣтами; на учащихся—учебнымъ начальствомъ и т. н.), а исключительно менѣе важные преступленія и проступки по службѣ, помѣщенные нынѣ частью въ раздѣлѣ 5-мъ уложенія, а частью разсѣянные по другимъ его раздѣламъ, и которые, при начертаніи новаго уложенія, должны быть выдѣлены въ особый уставъ дисциплинарный. Что касается перваго рода дѣяній, то, не поддаваясь точной формулировкѣ, они не могутъ быть предусмотрѣны и исчислены ни въ уголовномъ кодексѣ, ни въ какомъ-либо иномъ карательномъ законѣ. Поэтому, очевидно нѣтъ надобности въ особой оговоркѣ о непримѣнимости постановленій уложенія къ такого рода непредусмотрѣннымъ въ законѣ дѣяніямъ, такъ какъ это прямо вытекаетъ изъ постановленія ст. 1, по силѣ коей никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе, прямо невоспрещенное подъ страхомъ наказанія. Напротивъ того, дѣянія втораго рода представляютъ собою прямыя нарушенія требованія или запрещенія закона и совмѣщаютъ въ себѣ всѣ элементы преступныхъ дѣяній, но выдѣляются изъ уголовнаго кодекса въ особый уставъ и изъемлются изъ вѣдѣнія уголовныхъ судовъ исключительно по соображеніямъ практическаго удобства. Очевидно, что, при распредѣленіи служебныхъ преступленій и проступковъ между уложеніемъ и уставомъ дисциплинарнымъ, въ нихъ могутъ оказаться дѣянія однородныя, которыя, смотря по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ ихъ совершеніе, по служебному положенію виновнаго и т. п., могутъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, влечь уголовную кару, налагаемую

судомъ, а въ другихъ дисциплинарныя взысканія, налагаемыя особыми установленіями, облеченными дисциплинарною властью. Въ виду этого, представляется необходимымъ оговорить, что дѣйствіе постановленій уложенія не должно распространяться на дѣянія, наказуемыя въ дисциплинарномъ порядкѣ, такъ какъ, при отсутствіи такой оговорки, естественно, можетъ возникнуть сомнѣніе въ правѣ облеченныхъ дисциплинарною властью установленій не примѣнять постановленій уложенія къ такого рода дѣяніямъ, которыя хотя и будутъ въ немъ предусмотрѣны, но, по условіямъ ихъ совершенія или по свойству виновнаго, должны влечь только дисциплинарныя взысканія. Имѣя однакоже въ виду, что объяснительная записка не содержитъ въ себѣ прямаго указанія на то, чтобы одновременно съ изданіемъ уложенія послѣдовало и изданіе устава дисциплинарнаго, и что въ томъ случаѣ, еслибы составленіе сего послѣдняго устава замедлилось, установленіямъ, облеченнымъ дисциплинарною властью, пришлось бы руководствоваться не дисциплинарнымъ уставомъ, а правилами объ отвѣтственности служащихъ, содержащимися въ различныхъ спеціальныхъ уставахъ (напр. питейномъ, почтовомъ и т. д.), два члена полагали бы болѣе удобнымъ заключающееся во 2 п. ст. 6 проекта выраженіе «наказуемыя по уставамъ дисциплинарнымъ» замѣнить словами: «наказуемыя *дисциплинарно*».

Предсѣдательствующій отстаивалъ редакцію комитета, ссылаясь, какъ на образецъ, на прусское законодательство, въ которомъ существуютъ два, совершенно отдѣльныя и неисключающія себя взаимно, производства: уголовное и дисциплинарное, противъ служащихъ въ государственной службѣ, причемъ послѣднее примѣняться можетъ, совмѣстно съ первымъ или отдѣльно, за дѣянія вообще противныя достоинству званія или долгу службы, хотя и непредусмотрѣнныя въ законѣ и незапрещенныя подъ страхомъ наказанія.

По произведенномъ предсѣдательствующимъ голосованіи, большинство (15 противъ 11) высказалось за редакцію проекта устава, измѣненнаго посредствомъ поправки гг. Кони и Красовскаго, то есть за помѣщеніе въ ст. 6 выраженія: *дисциплинарно*.

Относительно 3 п. ст. 6, дѣйствительный членъ *Н. М. Коркуновъ* полагалъ необходимымъ исключить изъ него слова: «учиненныя въ предѣлахъ Россіи». Въ ст. 6 п. 3 только тѣ преступныя дѣянія иностранцевъ, пользующихся внѣземельностью, изъяты отъ дѣйствія русскаго уголовнаго закона, которыя учинены въ предѣлахъ Россіи. Между тѣмъ международное право безусловно не допускаетъ уголовнаго преслѣдованія лицъ, пользующихся внѣземельностью, гдѣ бы ни были ими совершены преступныя дѣянія. Дипломатическаго агента нельзя судить и наказывать не только за то, что онъ дѣлаетъ въ Россіи, но и за то также, что онъ учинилъ въ своемъ отечествѣ.

Исключеніе выраженія: «учиненныя въ предѣлахъ Россіи», собраніемъ принято единогласно.

Независимо отъ сего, собраніе присоединилось къ заявленію дѣйствительнаго члена А. Н. Турчанинова о необходимости исключенія въ п. 2 ст. 6 выраженія «преступныя дѣянія», такъ какъ нарушенія спеціальныхъ уставовъ дисциплинарныхъ, по свойству ихъ, не всегда имѣютъ характеръ уголовно-преступныхъ дѣяній.

Коммисіей Новороссійскаго Юридическаго Общества текстъ ст. 6 проекта одобренъ, причемъ, однако, по поводу ея остался при особомъ мнѣніи А. А. Степановъ, полагавшій, во 1-хъ, что, въ виду 8 ст. воинскаго устава, уложеніе о наказаніяхъ не можетъ имѣть полнаго примѣненія къ лицамъ военнаго сословія, во 2-хъ, что отсутствіе въ ст. 6 упоминанія объ уставѣ о ссыльныхъ составляетъ пробѣлъ, который долженъ быть пополненъ, и, въ 3-хъ, что такой же пробѣлъ, требующій пополненія, состоитъ въ неупоминаніи устава духовныхъ консисторій. По мнѣнію же прочихъ членовъ той же Коммисіи, всѣ эти пробѣлы восполняются упоминаніемъ въ ст. 6 дисциплинарныхъ уставовъ.

По 1 п. 6 ст. проекта *В. В. Смиттенъ* въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества заявилъ, что изъ объяснительной записки усматривается, что и нынѣ изъ общаго правила объ отвѣтственности по финляндскимъ законамъ за преступныя дѣянія, учиненныя въ предѣлахъ этого Великаго Княжества, существуютъ изъятія, точно не перечисленныя, но, вѣроятно, относящіяся до отвѣтственности должностныхъ лицъ за служебныя преступленія и проступки; что Редакціонная Коммисія сочла излишнимъ указывать эти изъятія въ уложеніи, отсылая, въ этомъ отношеніи, къ финляндскимъ законамъ, но правильнѣе было бы означенныя изъятія установить уложеніемъ Имперіи, потому что, въ противномъ случаѣ, опредѣленіе объема этихъ изъятій будетъ вполнѣ зависѣть отъ финляндскихъ законовъ, тогда какъ допущеніе ихъ вызывается потребностями русскаго правительства. Сверхъ того, В. В. Смиттенъ высказалъ, что, вообще, дѣйствіе финляндскихъ законовъ должно быть, по возможности, ограничиваемо, а дѣйствіе русскихъ законовъ распространяемо, въ виду того, что Финляндія составляетъ часть Россійской Имперіи и потому желательно, чтобы дѣйствію русскихъ законовъ подлежали всѣ преступныя дѣянія, учиненныя въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ русскими уроженцами, и чтобы при соучастіи въ одномъ преступленіи рус-

скихъ и финляндскихъ уроженцевъ, для уравнительнаго наказанія всѣхъ соучастниковъ, они всѣ подлежали-бы дѣйствію русскихъ законовъ.

В. А. Андреевъ заявилъ, по этому поводу, что финляндскіе законы во многихъ случаяхъ строже русскихъ, такъ напр. они караютъ смертною казнью кражу и растрату, а потому нельзя сочувствовать примѣненію ихъ къ русскимъ уроженцамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда наши отечественные законы установляютъ менѣе строгія наказанія.

В. Х. Кусиковъ находилъ нужнымъ совершенно исключить изъ уложенія 1 п. 6 ст., въ виду того, что Финляндія управляется на особомъ положеніи и имѣетъ свое собственное законодательство.

Ѳ. А. Быковъ признавалъ правильнымъ, чтобы изъятія изъ общаго правила, выраженнаго въ 1 п. 6 ст., были исчислены въ финляндскихъ законахъ, потому что самое правило о наказаніи по финляндскимъ законамъ вытекаетъ изъ органическихъ законовъ Финляндіи.

Г. А. Брандтъ заявилъ, что изъ практики ему извѣстно, что военнослужащіе, за преступныя дѣянія, совершенныя въ Финляндіи, судятся по уложенію о наказаніяхъ и по уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, не только за преступленія противъ дисциплины, но и за общія преступленія.

Голосованію подвергнуты были слѣдующіе два вопроса: 1) не слѣдуетъ ли, въ дополненіе къ 1 п. 6 ст., перечислить тѣ случаи, когда на преступныя дѣянія, совершенныя въ Финляндіи, распространяется дѣйствіе русскаго уложенія?

и 2) Не слѣдуетъ ли, вообще, на русскихъ уроженцевъ, совершившихъ преступныя дѣянія въ Финляндіи, распространить дѣйствіе русскаго уложенія?

По первому вопросу *В. Х. Кусиковъ*, уклоняясь отъ прямаго отвѣта, полагалъ, что 1 п. 6 ст. вовсе не слѣдуетъ включать въ уложеніе; семь голосовъ (*) подано за сохраненіе 1 п. 6 ст. въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ въ проектѣ, а остальные 10 голосовъ высказались за предложенное В. В. Смиттеномъ дополненіе проекта.

По второму вопросу голоса тоже раздѣлились: *В. А. Андреевъ и Н. Т. Жила* подали особое мнѣніе, полагая, что дѣйствію русскихъ законовъ должны подлежать русскіе уроженцы въ тѣхъ случаяхъ, когда финляндскіе законы строже русскихъ. Шесть голосовъ дали отрицательный отвѣтъ (**), не признавая возможнымъ измѣнить дѣйствующія въ Великомъ Княжествѣ

(*) Гг. Хлѣбниковъ, Степановъ, Жила, Крашенинниковъ, Брандтъ, Андреевъ и Быковъ.

(**) Гг. Степановъ, Хлѣбниковъ, Быковъ, Кусиковъ, Крашенинниковъ и Брандтъ.

Финляндскомъ законы, а остальные 10 голосовъ поданы за предложенное распространеніе дѣйствія русскихъ законовъ.

По поводу 2 п. 6 ст. *В. А. Андреевъ* заявилъ, что желательно было-бы, чтобы обычаи инородцевъ были приведены въ извѣстность и обнародованы, для устраненія затрудненій, возникающихъ на практикѣ при констатированіи такихъ обычаевъ.

Обсуждая статью 6-ю, совѣщаніе чиновъ прокуратуры округа Варшавской Судебной Палаты прежде всего, по большинству голосовъ, нашло, что п. 2 ея долженъ составлять или вторую часть первой статьи проекта, или войти въ особую статью, непосредственно слѣдующую за первою, какъ вытекающій изъ нея и находящійся съ нею въ неразрывной связи. Мнѣніе это было основано на томъ соображеніи, что глава вторая, въ которой помѣщена шестая статья, озаглавлена: «пространство дѣйствія уложенія», изъ чего явствуетъ, что въ ней должны находиться лишь тѣ законоположенія, которыя распространяютъ дѣйствіе уложенія только во времени и въ территоріальномъ пространствѣ, какъ это и доказывается содержаніемъ 5, 1 и 3 пунктовъ 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12 статей означенной главы, за исключеніемъ 2 п. ст. 6, въ которомъ сдѣлана попытка перечисленія преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ особыми уставами. Большинство членовъ совѣщанія не считаетъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ Редакціонной Коммисіи, что исключеніе нѣкоторыхъ изъ преступныхъ дѣяній, наказуемыхъ по особымъ уставамъ, должно быть признано обстоятельствомъ, ограничивающимъ пространство дѣйствія проектируемаго уложенія въ томъ смыслѣ, въ какомъ это выраженіе употребляется обыкновенно въ уголовныхъ кодексахъ. Съ другой стороны, при опредѣлительности указаній первой статьи проекта о томъ, какія именно изъ преступныхъ дѣяній наказываются на основаніи уложенія (запрещенныя уголовнымъ закономъ подъ страхомъ наказанія), исключеніе нѣкоторыхъ правонарушеній, которыя запрещены уголовнымъ закономъ, вслѣдствіе того, что они наказываются по особымъ уставамъ, является необходимымъ дополненіемъ къ ст. 1, какъ ограничивающимъ ея примѣненіе не во времени или пространствѣ, а въ отношеніи къ нѣкоторымъ изъ уголовныхъ правонарушеній.

Далѣе въ пунктѣ второмъ статьи шестой сказано, что дѣйствіе постановленій уложенія не распространяется «на преступныя дѣянія, наказуемыя по уставамъ воинскимъ, дисциплинарнымъ, сельско-судебнымъ и по обычному праву инородческихъ племенъ». Совѣщаніе чиновъ Варшавской прокуратуры находитъ перечисленіе это неполнымъ. Во первыхъ въ немъ отсут-

ствуетъ указаніе на уставъ духовныхъ консисторій и хотя въ объясненіяхъ Редакціонной Коммисіи значится, что она причисляетъ этотъ уставъ къ дисциплинарнымъ, но, по мнѣнію совѣщанія, это положеніе вѣрно только отчасти, т. е. лишь въ отношеніи къ наказаніямъ, налагаемымъ духовнымъ начальствомъ на подчиненныхъ ему лицъ духовнаго вѣдомства, но едва ли въ тѣхъ же отношеніяхъ къ духовенству находятся лица свѣтскія, на которыхъ оно, въ извѣстныхъ случаяхъ, имѣетъ неотмѣненное до сихъ поръ право налагать взысканія въ порядкѣ суда, почему и взысканія этого рода едва ли могутъ быть названы дисциплинарными.

Во вторыхъ, ни въ разбираемомъ пунктѣ, ни въ объясненіяхъ Редакціонной Коммисіи къ шестой статьѣ ничего не упоминается объ уставахъ казенныхъ управленій. Между тѣмъ въ п. IV Высочайше утвержденнаго 22 Апрѣля 1881 г. всеподданнѣйшаго доклада о пересмотрѣ уложенія сказано: «Комитету (для составленія проекта новаго уложенія) предоставляется не вносить въ проектъ уложенія нарушенія уставовъ казенныхъ управленій и другихъ включенныхъ нынѣ въ уложеніе спеціальныхъ уставовъ, а ограничиться опредѣленіемъ общихъ основаній отвѣтственности за сіи нарушенія, а равно и предѣловъ ихъ наказуемости. Подробныя постановленія о сихъ нарушеніяхъ должны составить предметъ отдѣльныхъ уставовъ по принадлежности». Въ виду столь категорическаго указанія въ руководящихъ правилахъ, преподанныхъ Комитету, слѣдуетъ прійти къ заключенію, что столь желательное исключеніе нарушеній уставовъ казенныхъ управленій изъ уложенія о наказаніяхъ составитъ въ будущемъ фактъ, неподлежащій сомнѣнію. Поэтому отсутствіе означенныхъ уставовъ въ перечисленіи имъ подобныхъ, сдѣланномъ во 2 п. 6 ст. проекта, является совершенно необъяснимымъ пробѣломъ, и, вслѣдствіе этого, совѣщаніе считаетъ необходимымъ упомянуть о семъ въ своемъ заключеніи о проектѣ Редакціонной Коммисіи.

Въ третьихъ, однимъ изъ членовъ совѣщанія было замѣчено, что въ числѣ изъятій, исчисленныхъ въ п. 2 ст. 6 проекта, не упоминается объ уставѣ о ссыльныхъ. По принятіи къ свѣдѣнію этого замѣчанія, совѣщаніе полагало, что отсутствіе означеннаго устава въ числѣ изъятій, указываетъ на то, что при введеніи въ дѣйствіе новаго уложенія особая карательная система, существующая для ссыльныхъ, будетъ отмѣнена, что представляется въ высшей степени желательнымъ и цѣлесообразнымъ, въ виду проектируемыхъ измѣненій условій наказанія каторгою и сокращенія числа преступленій, наказуемыхъ ссылкою.

Наконецъ, при обсужденіи 2 п. 6 ст., нѣкоторыми изъ членовъ совѣщанія было выражено желаніе, чтобы въ текстѣ этого пункта не было подробнаго перечисленія всѣхъ уставовъ, а въ замѣнъ этого выражено слѣдующимъ

образомъ: Дѣйствіе постановленій уложенія не распространяется на преступныя дѣянія, наказуемыя по особымъ уставамъ.

Съ такимъ предложеніемъ однако не согласились нѣкоторые изъ членовъ, находившіе, что всѣ постановленія новаго уложенія могутъ имѣть дѣйствительную силу только въ случаѣ точнаго указанія въ законѣ всѣхъ изъятій изъ нихъ.

При разсмотрѣніи 2 п. 6 ст. лицами прокурорскаго надзора Варшавскаго Окружнаго Суда было обращено вниманіе на то, что узаконеніе это поставлено не на надлежащемъ мѣстѣ, такъ какъ оно должно бы войти въ особое примѣчаніе къ ст. 1. Редакторы уложенія въ 1 ст. проекта говорятъ, что только тѣ преступныя дѣянія подлежатъ наказанію, которыя запрещены закономъ уголовнымъ; указывая же во 2 п. 6 ст., что наказанію подлежатъ и другія преступныя дѣянія, которыя предусмотрѣны особыми уставами, составители проекта усматриваютъ исключеніе изъ общаго правила, указаннаго въ 1 ст., и это исключеніе должно слѣдовать непосредственно за общимъ правиломъ, помѣщеніе же его въ ст. 6 представляется неправильнымъ, такъ какъ въ статьѣ этой опредѣляется пространство дѣйствія уложенія въ территоріальномъ отношеніи. Это мнѣніе было поддержано только двумя членами, остальные же члены собранія полагали возможнымъ оставить 2 п. ст. 6 на своемъ мѣстѣ, такъ какъ въ ст. 6 говорится вообще о пространствѣ дѣйствія уложенія не только въ отношеніи территоріальномъ, но и въ другихъ.

Разсмотрѣніе содержанія 2 п. 6 ст. указываетъ на то, что въ этомъ узаконеніи перечисляются преступныя дѣянія, на которыя не распространяется дѣйствіе уложенія, при чемъ указывается, что дѣйствіе постановленій уложенія не распространяется на преступныя дѣянія, наказуемыя по уставамъ воинскимъ, дисциплинарнымъ, сельско-судебнымъ и по обычному праву инородческихъ племенъ. По мнѣнію одного изъ чиновъ Варшавской прокуратуры, вышеприведенное перечисленіе сдѣлано не въ видѣ примѣра, а имѣетъ исчерпывающее значеніе, или, иными словами, на основаніи 2. п. ст. 6, всѣ преступныя дѣянія наказуются или по уложенію или по тѣмъ уставамъ, которыя перечислены въ этомъ пунктѣ. Между тѣмъ въ дѣйствующемъ правѣ существуетъ цѣлый рядъ нарушеній, караемыхъ въ порядкѣ административномъ на основаніи особыхъ уставовъ (табачнаго, питейнаго и т. п.), и нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы, съ изданіемъ новаго уложенія, казенныя управленія были лишены права налагать взысканія за нѣкоторыя правонарушенія, такъ какъ существуетъ цѣлый рядъ такихъ

правонарушеній, разсмотрѣніе коихъ судомъ было бы обременительно какъ для суда, такъ и для публики (напр. водвореніе контрабанды, если виновный сознается въ этомъ правонарушеніи). Между тѣмъ въ ст. 6 не упоминается вовсе о томъ, что дѣйствіе уложенія не распространяется на преступныя дѣянія, наказуемыя по уставамъ казенныхъ управленій. Другіе члены возражали, что возбужденный вопросъ въ настоящее время не можетъ быть разрѣшенъ, такъ какъ содержаніе особенной части уложенія неизвѣстно, почему и можно предположить, что всѣ правонарушенія, караемыя нынѣ по особымъ уставамъ, войдутъ въ новое уложеніе; это послѣднее мнѣніе вызвало возраженіе одного члена, который находилъ, что неполное перечисленіе особыхъ уставовъ можетъ на практикѣ породить разныя недоразумѣнія, такъ какъ, если даже допустить, что въ уложеніи будутъ упомянуты всѣ правонарушенія, входящія нынѣ въ особые уставы казенныхъ управленій, легко можетъ случиться, что одно какое либо правонарушеніе останется въ особомъ уставѣ и, по недосмотру, не будетъ внесено въ уложеніе; при такомъ столкновеніи 2 п. 6 ст. проекта съ особымъ уставомъ придется оставлять ненаказуемымъ проступокъ, хотя и признанный преступнымъ законодательною властію, но не внесенный въ уложеніе. При дальнѣйшемъ обсужденіи 2 п. 6 ст. было высказано, что подъ понятіе дѣяній, наказуемыхъ по уставамъ дисциплинарнымъ, не подходятъ дѣянія, предусмотрѣнныя особыми церковными законами, и, хотя въ мотивахъ Редакціонной Коммисіи и говорится, что уставъ духовныхъ консисторій долженъ быть признанъ уставомъ дисциплинарнымъ, но мотивы, не согласные съ сущностью законовъ, для судьи не обязательны, такъ какъ Верховною Властію утверждается лишь текстъ закона, а не мотивы, которые остаются мнѣніемъ частныхъ лицъ, изложившихъ таковые. Посему, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ собранія, надлежало бы, при перечисленіи особыхъ уставовъ во 2 п. 6 ст., указать еще на уставы церковные и казенныхъ управленій, причемъ одинъ изъ членовъ предлагалъ, вмѣсто перечисленія разныхъ уставовъ, п. 2 ст. 6 изложить такъ: «на преступныя дѣянія, наказуемыя по особымъ уставамъ и по обычному праву инородческихъ племенъ». При голосованіи вопроса о томъ, надлежитъ ли измѣнить редакцію 2 п. 6 ст., *шесть голосовъ* было подано за оставленіе этого узаконенія въ предложенной проектомъ редакціи и *четыре голоса*—за измѣненіе редакціи этого пункта.

Наконецъ, было указано на то, что слова: «по обычному праву инородческихъ племенъ» надлежало бы замѣнить словами: «по обычаямъ инородческихъ племенъ», такъ какъ это выраженіе представляется болѣе точнымъ, тѣмъ болѣе, что слова: «обычное право» могутъ породить у юристовъ-практиковъ разныя недоразумѣнія. Одинъ изъ членовъ собранія высказалъ, что, по его

мнѣнію, обычное право инородцевъ должно быть вовсе исключено изъ сферы уголовнаго права, такъ какъ существуютъ въ Россіи племена, напр. кавказскія, стоящія на весьма низкой степени развитія, къ которымъ однако примѣняются общія уголовныя нормы, почему представлялось бы справедливымъ дѣйствіе уложенія распространить на всѣ инородческія племена, тѣмъ болѣе, что такое распространеніе дѣйствія общихъ уголовныхъ законовъ имѣло бы для инородцевъ даже цивилизующее значеніе и послужило бы къ скорѣйшему сліянію ихъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ.

По поводу ст. 6 нѣкоторыми изъ членовъ въ совѣщанія чиновъ С.-Петербургской прокуратуры было предложено: 1) въ 1 п. ст. 6, послѣ слова «учиненныя» прибавить «и судимыя,» на томъ основаніи, что при совокупности преступныхъ дѣяній, учиненныхъ въ Финляндіи и Имперіи, имперскій судъ долженъ примѣнять ко всѣмъ дѣяніямъ подсудимаго постановленія общаго уголовнаго уложенія, а не спеціальныхъ финляндскихъ законовъ (гг. Островскій, Кичинъ и Марковъ); и 2) во 2 п. упомянуть и о преступныхъ дѣяніяхъ священнослужителей (ст. 169 улож. 1866 г.), судимыхъ по уставу консисторскому (г. Васильевъ). Противъ перваго предложенія было замѣчено (г. Кильштетъ), что дѣянія, учиненныя въ Финляндіи, хотя бы они разсматривались по совокупности съ другими, совершенными въ Имперіи, всегда должны быть изъяты отъ дѣйствія имперскаго уложенія.

Совѣщаніе, по большинству голосовъ, признало, что ст. 6 не подлежитъ измѣненію, причемъ: 1) трое изъ членовъ (гг. Тимофеевскій, Бомъ, Васильевъ) находили, что примѣненіе къ дѣяніямъ, совершеннымъ въ Финляндіи, но судимымъ въ Имперіи, общаго уголовнаго закона не возбуждаетъ сомнѣній, и 2) шесть членовъ (гг. Марковъ, Тимофеевскій, Островскій, Бомъ, Кичинъ и Кильштетъ) нашли, что священнослужители судятся по уставу консисторскому въ порядкѣ дисциплинарномъ, а о дѣяніяхъ наказуемыхъ по уставамъ дисциплинарнымъ въ ст. 6 упомянуто.

По замѣчанію Старшаго Предсѣдателя Кіевской Судебной Палаты, нѣкоторыя неполноты и неточности статьи 6 могутъ вызвать недоумѣніе съ перваго же раза; такъ напримѣръ, хотя въ объяснительной запискѣ и говорится, что постановленія устава духовныхъ консисторій о взысканіи съ лицъ духовнаго званія суть для нихъ постановленія дисциплинарныя, но такъ какъ они таковыми нигдѣ въ законѣ не названы, то и слѣдуетъ о нихъ упомянуть особо.

«Обычное же право инородческихъ племенъ» есть терминъ понятія, на практикѣ не существующаго: у насъ нѣтъ и обычнаго права своего, не только что инородческаго. Инородцевъ у насъ много и потому право ихъ, если только оно можетъ быть признано существующимъ, какъ нѣчто точно и систематически формулированное, должно быть весьма разнообразно; но едва ли можно допустить, чтобы инородцы всегда и вездѣ наказывались по своимъ обычаямъ; татары, чуваши и черемисы въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ, калмыки и киргизы въ Самарской и т. п. судятся по общимъ законамъ, а разные кочующіе инородцы самыхъ отдаленнѣйшихъ угловъ государства наказываются исключительнымъ порядкомъ лишь за менѣе важныя преступныя дѣянія, притомъ совершенныя въ предѣлахъ ихъ кочевья, за болѣе же важныя несутъ отвѣтственность по общимъ законамъ (прил. V къ ст. 168 улож.). Поэтому Сенаторъ И. Н. Орловъ считаетъ необходимымъ объ инородцахъ редактировать въ этой статьѣ особый пунктъ, гдѣ и указать, что хотя они и представляютъ собою исключеніе изъ общаго примѣненія дѣйствія уложенія, но исключеніе это обусловливается и извѣстною мѣстностью, и извѣстнаго рода преступными дѣяніями. Для большей же полноты проектированнаго 3 пункта не лишнимъ было бы прибавить: «и по особымъ договорамъ съ иностранными государствами».

По мнѣнію Сенатора А. К. Фриде, первый пунктъ ст. 6 вызываетъ важныя сомнѣнія. До настоящаго времени въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ существуютъ свои особые законы, какъ гражданскіе, такъ и уголовные. При дѣйствіи Уложенія 1845 г., быть можетъ и не желательно было распространять постановленія этого послѣдняго на Великое Княжество; но если уже возбужденъ вопросъ *о пересмотрѣ* Уложенія и объ изданіи новаго, согласно съ новѣйшими требованіями науки и съ уложеніями западноевропейскими, то, казалось бы, правила подобнаго Уложенія надлежало бы распространить не только на Россійскую Имперію, но и на Финляндію; если же этого, по политическимъ и другимъ соображеніямъ, не признаютъ возможнымъ, и, въ Финляндскомъ сеймѣ, не будетъ, въ то же время, возбуждено вопроса объ изданіи *и для Финляндіи* новаго, современнаго, уголовнаго уложенія, и ежели, такимъ образомъ, уже этотъ край постоянно долженъ быть признанъ какъ бы за *отрѣзанный ломоть*, присоединенный къ Россійской Имперіи только самою живою ниткою, то, казалось бы, по примѣру уложенія 1845 г., осторожнѣе было бы *во всякомъ случаѣ* не упоминать вовсе, въ новомъ уложеніи о Финляндіи, примѣняя къ ней *пока* тѣ же постановленія, которыя относятся къ иностраннымъ государствамъ, хотя бы въ тѣхъ

видахъ, чтобы постановленіемъ, изложеннымъ въ п. 1 ст. 6, *не увѣковѣчить* ту рознь, которая въ новѣйшее время, при значительномъ переселеніи русскихъ подданныхъ въ Финляндію и каждодневныхъ сношеніяхъ, въ особенности въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, становится все болѣе и болѣе невозможною *и невыносимою*.

Сенаторъ А. К. Фриде замѣчаетъ далѣе, что внесеніе п. 1 ст. 6 въ проектъ уложенія указываетъ на предпочтеніе *венгерскаго* уложенія всѣмъ новѣйшимъ уложеніямъ, но положеніе Венгріи къ австрійской имперіи нѣсколько иное, чѣмъ положеніе Финляндіи къ Россіи, не говоря уже о томъ, что венгерское уложеніе 1878 г., во всякомъ случаѣ, въ сравненіи съ дѣйствующими пока въ Австріи уголовными законами, составляетъ явленіе прогресса, которое, конечно, не останется безъ вліянія и при составленіи новаго проекта для самой Австріи, между тѣмъ какъ *проектъ* русскаго уложенія, какъ болѣе соотвѣтствующій правиламъ современной науки, безъ всякаго вреда, могъ бы быть распространенъ на Великое Княжество, хотя бы путемъ повтореннаго предложенія о томъ сейму.

Кромѣ того, по отношенію къ п. 3, употребленное въ ономъ выраженіе «Россія» въ отличіе отъ употребленнаго въ ст. 5 выраженія «Россійской Имперіи» представляется г. Фриде также не вполнѣ удобнымъ. Уложеніе о наказаніяхъ, если разбираемый нынѣ проектъ удостоится утвержденія законодательной власти, какъ законодательный памятникъ, исходящій отъ Верховной Власти, безъ всякаго сомнѣнія, появится въ печати *безъ мотивовъ* Редакціонной Коммисіи, которая составляетъ только первую подготовительную инстанцію. Поэтому судебныя мѣста врядъ ли разъяснятъ себѣ, согласно съ мотивами Редакціонной Коммисіи, различіе въ выраженіяхъ: «Россія» и «Россійская Имперія», а за симъ, если, согласно съ тѣмъ, что сказано А. К. Фриде по отношенію къ п. 1, этотъ пунктъ будетъ опущенъ, то онъ полагалъ бы въ п. 3 выраженіе «Россія» замѣнить употребленнымъ въ ст. 5 выраженіемъ «Россійская Имперія», разрѣшая вопросъ о преступныхъ дѣйствіяхъ, учиненныхъ иностранцами въ Финляндіи, на основаніи тѣхъ же законовъ о территоріальности, какъ и преступленія, учиненныя иностранцами за предѣлами «Россіи»; ежели же первый пунктъ признано будетъ все же необходимымъ сохранить и ежели, къ тому, и соображенія, изложенныя въ мотивахъ къ 3 п. ст. 6, признаются правильными, то слѣдовало бы изложить начало означеннаго пункта въ такомъ видѣ: «на преступныя дѣянія, учиненныя въ предѣлахъ Россійской Имперіи, Великаго Княжества Финляндскаго, ...»

Соображенія Коммисіи о значеніи «территоріи государства» и о распространеніи этого выраженія и на *корабли* «въ открытыхъ моряхъ» вполнѣ

правильны, но именно поэтому они, по примѣру нидерландскаго уложенія, и должны быть *изложены* въ самомъ уложеніи. То обстоятельство, что правила, содержащіяся въ ст. 7 нидерландскаго уложенія, не вошли *ни въ одно изъ другихъ уложеній*, не дѣлаетъ включеніе этого правила, хотя бы въ видѣ примѣчанія къ ст. 6 проекта, излишнимъ, ибо законъ никогда не можетъ быть достаточно яснымъ; а хотя краткость составляетъ одно изъ завидныхъ преимуществъ закона уголовнаго, какъ и всякаго инаго, тѣмъ не менѣе ее слѣдуетъ избѣгать тамъ, гдѣ она возбуждаетъ сомнѣнія и гдѣ, поэтому, она можетъ породить шаткость самаго закона.

По поводу той же статьи А. К. Фриде замѣчаетъ, что всѣ соображенія, которыя указываютъ на излишество примѣчанія къ ст. 172 улож. о наказ., нынѣ дѣйствующаго, отмѣненнаго впрочемъ законодательною властью, справедливы.

По замѣчанію Прокурора Харьковской Судебной Палаты Закревскаго, вводимая Коммисіею терминологія: «Россія» и «Россійская Имперія» не послужитъ къ уясненію взаимныхъ отношеній между законами «Имперіи» и Великаго Княжества Финляндскаго, а только возбудитъ сомнѣнія и недоразумѣнія. Если принять терминологію Коммисіи, то нельзя не усмотрѣть нѣкотораго несогласія между 5 и 6 статьями: 5 ст. говоритъ, что уложеніе распространяется на предѣлы Имперіи; въ Имперію не входитъ Великое Княжество Финляндское. Слѣдовательно, 5 и 6 ст. представляютъ своего рода плеоназмъ. Такъ какъ Великое Княжество Финляндское имѣетъ свое самостоятельное законодательство по дѣламъ внутреннимъ, то все, что касается Финляндіи по этимъ дѣламъ, должно быть установлено порядкомъ, существующимъ для изданія законовъ для Финляндіи, и правительство имѣетъ возможность, не издавая въ уложеніи о наказаніяхъ правилъ, распространяющихся и на Финляндію, внести предложеніе о дополненіи финляндскаго уголовнаго уложенія соотвѣтствующими положеніями, которыя окажутся необходимыми для согласованія мѣстнаго кодекса съ общегосударственнымъ по отношенію къ предѣламъ дѣйствія уголовныхъ законовъ.

Слѣдовательно, въ статьяхъ 6, 7, 9, 10 и 11 слово «Россія» должно быть замѣнено словами: «Россійская Имперія».

По мнѣнію чиновъ Казанской Судебной Палаты, въ редакціи ст. 6 замѣчается неполнота. Въ виду того, что Редакціонная Коммисія (см. объясн. зап. стр. 28) допускаетъ возможность наказанія за преступленіе, учиненное въ предѣлахъ Великаго Княжества Финляндскаго, по законамъ Имперіи, то слѣдовало бы редактировать 1 п. 6 ст. такъ: «дѣйствіе поста-

новленій сего уложенія не распространяется: 1) на преступныя дѣянія, учиненныя въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ *и наказумыя по законамъ сего края*».

Московская Судебная Палата останавливается на томъ обстоятельствѣ, что дѣйствіе постановленій сего уложенія, согласно 2 п. ст. 6, не распространяется на преступныя дѣянія, наказуемыя по уставамъ воинскимъ, дисциплинарнымъ, сельско-судебнымъ и по обычному праву инородческихъ племенъ.

а) Въ объяснительной запискѣ, въ поясненіе перваго изъятія, говорится, что по этому правилу подлежатъ отвѣтственности по законамъ военнымъ не только дѣянія, совершенныя военно-служащими, но въ извѣстныхъ случаяхъ и лицами гражданскаго вѣдомства, причемъ подробное исчисленіе случаевъ, сюда относящихся, по мнѣнію Коммисіи, должно быть сдѣлано въ военно-уголовныхъ законахъ. Съ такимъ взглядомъ Коммисіи однако нельзя согласиться уже по тѣмъ практическимъ невыгодамъ, которыя неминуемо должны произойти оттого, что общіе суды, для опредѣленія подсудности дѣлъ, въ извѣстныхъ случаяхъ принуждены будутъ обращаться къ постановленіямъ на этотъ предметъ законовъ военно-уголовныхъ. Но помимо практическихъ невыгодъ, уже въ виду того, что случаи эти являются изъятіями изъ общаго правила о подсудности преступленій, совершенныхъ лицами гражданскаго вѣдомства, они должны быть точно опредѣлены именно въ уложеніи.

в) Ко второй категоріи преступныхъ дѣяній, на кои не распространяется дѣйствіе новаго уложенія, отнесены въ проектѣ преступленія, караемыя по уставамъ «сельско-судебнымъ». Въ данномъ случаѣ естественно возникаетъ вопросъ о томъ, что собственно слѣдуетъ понимать подъ уставами «сельско-судебными»? Что касается постановленій, содержащихся въ XII т. свод. зак., то вѣдь они относятся къ государственнымъ крестьянамъ, спеціальнаго же сельскаго судебника у насъ нѣтъ. Поэтому выраженіе «преступныя дѣянія, караемыя уставами сельско-судебными», слѣдовало бы замѣнить словами: «дѣла сельскихъ обывателей, подсудныя ихъ собственнымъ судамъ».

с) Наконецъ, во 2 п. ст. 6 ничего не упоминается объ уставѣ о ссыльныхъ, который къ тому же настоятельно нуждается въ пересмотрѣ. Между тѣмъ Коммисія, совершенно упуская его изъ вида, въ отношеніи уставовъ сельско-судебныхъ полагаетъ необходимымъ произвести немедленный пересмотръ.

За силою 1 ст. воинскаго и 1 ст. военно-морскаго уставовъ о наказаніяхъ, содержащееся во 2 п. ст. 6 слово «воинскимъ» слѣдуетъ, по мнѣнію Главнаго Военно-Морскаго Прокурора, исключить, и затѣмъ, между 6 и 7 статьями, помѣстить новую статью слѣдующаго содержанія:

Постановленія сего уложенія примѣняются къ лицамъ, подлежащимъ дѣйствію военно-уголовныхъ законовъ, въ той мѣрѣ, въ какой сіе опредѣлено воинскимъ и военно-морскимъ уставами о наказаніяхъ.

Останавливаясь на томъ обстоятельствѣ, что Редакціонная Коммисія, по поводу означенныхъ въ 6 ст. изъятій изъ дѣйствія постановленій проектируемаго уложенія, высказываетъ въ объяснительной запискѣ мысль о необходимости пересмотра сельско-судебныхъ уставовъ, Сенаторъ Князь М. Н. Шаховской замѣчаетъ, что въ такой же мѣрѣ необходимъ пересмотръ *воинскихъ судебныхъ уставовъ*, въ видахъ *отмѣны* существующаго нынѣ и не имѣющаго ни теоретическихъ, ни практическихъ основаній *правила о сужденіи особыми военными судами воинскихъ чиновъ, обвиняемыхъ въ общихъ*, т. е. не касающихся нарушенія обязанностей воинской службы, *преступленіяхъ*. Такое изъятіе изъ дѣйствія общаго закона не только совершенно напрасно усложняетъ задачи Военнаго Министерства, но еще и способствуетъ укорененію въ лицахъ военной профессіи ложнаго и вреднаго взгляда на военное вѣдомство, какъ на государство въ государствѣ.

По поводу 2 п. 6 ст. Прокуроръ Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалевъ замѣчаетъ, что сдѣланное въ немъ перечисленіе особыхъ уставовъ, исключающихъ примѣненіе къ нѣкоторымъ проступкамъ правилъ уложенія о наказаніяхъ, едвали полно; такъ, въ немъ не указанъ уставъ духовныхъ консисторій, предусматривающій проступки не только духовныхъ, но и свѣтскихъ лицъ, напр. прелюбодѣяніе (2 п. 1016 ст. уст. угол. суд.); далѣе, въ проектѣ уложенія не заключается ясныхъ указаній на то, сохранитъ ли свою силу уставъ о ссыльныхъ съ тѣми особыми наказаніями, которыя имъ установлены, или съ изданіемъ новаго уложенія онъ будетъ считаться отмѣненнымъ; изъ смысла 57 ст. проекта слѣдовало бы заключить, что каторжные, во время отбытія наказанія, а равно и поселенцы, за вновь совершаемыя ими преступныя дѣянія, подлежатъ наказаніямъ на общемъ основаніи, но въ объясненіяхъ Коммисіи къ означенной статьѣ (стр. 204 и 205), а также къ ст. 14—19 (стр. 60) говорится, что за маловажныя нарушенія и даже за проступки содержащіеся въ тюрьмахъ, исправительныхъ домахъ, а въ особенности на каторгѣ, будутъ подвергаемы взысканіямъ въ дисциплинарномъ порядкѣ на

основаніи уставовъ отдѣльныхъ мѣстъ заключенія; можно бы думать, что эти мѣры взысканія будутъ сравнительно незначительныя и что Коммисія разумѣетъ ихъ подъ общимъ названіемъ дисциплинарныхъ, но не правильнѣе ли было бы въ разбираемой статьѣ проекта упомянуть и объ уставахъ о содержащихся подъ стражей, такъ какъ по смыслу Высочайшаго повелѣнія объ образованіи Комитета для составленія новаго уложенія (п. III) подъ дисциплинарнымъ уставомъ разумѣется собственно уставъ о взысканіяхъ за маловажные проступки по службѣ государственной и общественной. Тѣмъ же Высочайшимъ повелѣніемъ (п. IV) Комитету предоставлено не вносить въ проектъ уложенія нарушеній уставовъ казенныхъ управленій и другихъ спеціальныхъ уставовъ, а ограничиться опредѣленіемъ общихъ основаній отвѣтственности за эти нарушенія и предѣловъ ихъ наказуемости; остается однако неизвѣстнымъ, будутъ ли примѣнимы общія правила уложенія и къ тѣмъ нарушеніямъ, которыя подлежатъ не судебному вѣдѣнію, а разбирательству казенныхъ и другихъ административныхъ управленій (прил. къ 1149 и 1239 ст. уст. угол. суд.), или же для послѣднихъ будутъ установлены какія либо особыя правила (напр. на случай несостоятельности виновнаго къ платежу штрафа); если къ нарушеніямъ этого рода правила уложенія не будутъ вполнѣ примѣнимы, то въ разсматриваемой статьѣ проекта должны быть упомянуты также и уставы казенныхъ и другихъ административныхъ управленій.

Товарищъ Прокурора Лубенскаго Окружнаго Суда Китицинъ находитъ, что въ ст. 6 проекта слѣдуетъ упомянуть о духовныхъ уставахъ въ виду того, что значительная часть не дисциплинарныхъ проступковъ, а предусмотрѣнныхъ карательными законами, напр. буйство въ публичномъ мѣстѣ со стороны духовныхъ лицъ, будутъ подлежать духовному суду по уставу духовныхъ консисторій. Кромѣ того, въ судебныхъ уставахъ 20 Ноября 1864 г. духовная судебная власть поименована (примѣч. къ 402 ст. общ. губ. учр. и 1017 ст. уст. угол. суд.).

Прокуроръ Кашинскаго Окружнаго Суда Безе замѣчаетъ, что хотя второй пунктъ 6 статьи обнимаетъ всѣ изъятія изъ уложенія, въ немъ однако не упомянуто объ уставѣ духовныхъ консисторій, тогда какъ юрисдикція послѣднихъ не отмѣняется новымъ уложеніемъ, почему казалось бы полезнымъ внести во 2 пунктъ 6 статьи изъятіе и для преступныхъ дѣяній, наказуемыхъ по этому уставу.

Къ такому же заключенію приходятъ чины Тульскаго Окружнаго Суда и Частный Повѣренный при Бакинскомъ Окружномъ Судѣ Теръ-Саановъ, а также образованная изъ состава Варшавской Судебной Палаты Коммисія для обсужденія проекта.

Къ числу особыхъ уставовъ, указанныхъ въ п. 2 ст. 6, слѣдуетъ, по мнѣнію Прокурора Люблинскаго Окружнаго Суда Поллана, еще отнести и уставъ о ссыльныхъ, такъ какъ объяснительная записка къ проекту не даетъ права заключить, что каторжники за новыя преступленія будутъ подлежать дѣйствію сего уложенія.

Къ тому же заключенію о необходимости пополненія 2 п. 6 статьи указаніемъ на уставъ о ссыльныхъ приходятъ чины Калужскаго прокурорскаго надзора.

При обсужденіи проекта въ собраніи чиновъ Кишиневскаго Окружнаго Суда и мѣстныхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ сдѣлано было Присяжнымъ Повѣреннымъ Киріакомъ указаніе на то, что предполагаемое 2 пунктомъ 6 ст. проекта нераспространеніе дѣйствія уложенія на дѣянія, наказуемыя по сельскому судебному уставу, при неизвѣстности компетенціи сельскихъ судовъ въ ихъ будущей организаціи, вызываетъ въ каждомъ юристѣ—практикѣ, знакомомъ съ порядками и условіями сельской юрисдикціи, понятное желаніе, чтобы будущій сельско-судебный уставъ, о необходимости немедленнаго пересмотра коего говоритъ Редакціонная Коммисія (стр. 34), исключилъ изъ подсудности сельскихъ судовъ всѣ преступленія кражи, которыя, нарушая весьма существенные имущественные интересы гражданъ, должны поэтому подлежать обще-карательной государственной регламентаціи чрезъ посредство общихъ ея судебныхъ органовъ, уполномоченныхъ правомъ возбужденія и преслѣдованія преступленія. Въ виду этого г. Киріякъ находилъ необходимымъ въ текстѣ 2 п. 6 ст. проекта къ словамъ: «сельско-судебнымъ» добавить: «за исключеніемъ изъ сего устава кражъ».

Собраніе, имѣя въ виду, что 2 п. 6 ст. проекта устанавливаетъ лишь общее начало касательно ограниченія дѣйствія уложенія примѣненіемъ отдѣльныхъ спеціальныхъ уставовъ, и признавая, что предложеніе г. Киріака, основательное въ принципѣ, затрогиваетъ уже содержаніе будущаго сельско-судебнаго устава, при составленіи котораго оно и можетъ быть подвергнуто обсужденію, отвергло означенное предложеніе и приняло 2 п. 6 ст. въ редакціи проекта.

Засимъ, такъ какъ 1 и 3 пп. той же 6 ст. не вызвали никакихъ возраженій, то вся 6 ст. проекта оставлена собраніемъ безъ измѣненій.

Предсѣдатель Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Бартеневъ обращаетъ вниманіе на 2 пунктъ ст. 6, по коему уложеніе не должно распространяться на преступныя дѣянія, наказуемыя по уставамъ сельско-судебнымъ. Изъ объясненія Коммисіи на стр. 34 видно, что она признала необходимымъ произвести немедленный пересмотръ этого устава. Подобное распоряженіе представляется особенно необходимымъ для Закавказскаго края, потому что хотя здѣсь и имѣется сельское положеніе, но оно во многомъ отличается отъ существующаго во внутреннихъ губерніяхъ, а сельская администрація и судъ представляютъ изъ себя неудачную копію общаго сельскаго положенія. Кромѣ того, надо замѣтить, что новый законъ, дѣлающій подсуднымъ мировому судьѣ кражу скота, на практикѣ возбудилъ въ населеніи общій ропотъ и послужилъ къ тому, что скотокрадство мало караемое сельскимъ судомъ, сдѣлалось вовсе ненаказуемымъ по мировому уставу за сложностью и формальностью даже этого суда.

Статья 6, по мнѣнію чиновъ Московской прокуратуры, представляетъ слѣдующій, не маловажный пробѣлъ. Администраціи, а иногда и земству, принадлежитъ въ настоящее время, въ силу закона, право издавать обязательныя къ исполненію постановленія, нарушеніе коихъ влечетъ извѣстныя карательныя послѣдствія, въ видѣ штрафовъ или даже кратковременнаго лишенія свободы. Право это за послѣдніе годы, при развитіи функцій нѣкоторыхъ представителей администраціи, въ особенности Генералъ-Губернаторовъ, получаетъ все большее и большее значеніе. Нерѣдко цѣлыя группы маловажныхъ проступковъ, подсудныхъ въ обыкновенное время общимъ судебнымъ установленіямъ, изъемлются изъ компетенціи послѣднихъ и переходятъ въ руки администраціи, нерѣдко также создаются вновь несуществовавшіе раньше запреты, нарушеніе которыхъ грозитъ уголовною карою, а между тѣмъ эти запреты не могутъ быть предусмотрѣны законодателемъ въ общемъ уложеніи и потому нарушенія ихъ, согласно 1 ст. проекта, какъ не запрещенныя уголовнымъ закономъ, не могутъ влечь за собою и наказанія. Въ видахъ устраненія подобнаго недоразумѣнія, было бы нелишнимъ указать прямо въ законѣ на возможность существованія такихъ исключительныхъ запретовъ и, сообразно съ этимъ, изложить статью 6 такъ:

«Ст. 6. Дѣйствіе постановленій сего уложенія не распространяется:

1) на преступныя дѣянія, учиненныя въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ;

2) на преступныя дѣянія, наказуемыя по уставамъ воинскимъ, дисциплинарнымъ, сельско-судебнымъ и по обычному праву инородческихъ племенъ;

3) на преступныя дѣянія, караемыя въ силу обязательныхъ постановленій административной власти;

4) на преступныя дѣянія, учиненныя въ предѣлахъ Россіи иностранцами, пользующимися внѣземельностью по началамъ международнаго права или по международнымъ обычаямъ».

Статьи 5 и 6 не вызываютъ со стороны Прокурора Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскаго никакихъ возраженій, но въ виду того, что дѣянія, подлежащія дисциплинарнымъ взысканіямъ, не будутъ включены въ уложеніе, представляется необходимымъ, для устраненія разномыслій и произвола, нынѣ же приступить къ составленію дисциплинарнаго устава; равнымъ образомъ является настоятельная надобность въ собраніи во едино всѣхъ обычаевъ, коими руководствуются народные суды въ дѣлахъ инородческихъ племенъ. Въ настоящее время на Кавказѣ не имѣется такихъ, имѣющихъ сколько-нибудь оффиціальное значеніе письменныхъ сборниковъ народныхъ обычаевъ (адатовъ), и обыкновенно въ народныхъ судахъ дѣйствительность того или другаго обычая удостовѣряется путемъ собранія необходимыхъ по сему предмету справокъ отъ сельскихъ должностныхъ лицъ или старожиловъ, или, наконецъ, обычаи удостовѣряются по примѣру прежде рѣшенныхъ подобныхъ же дѣлъ, вслѣдствіе чего и выходитъ, что въ рѣшеніи дѣлъ по обычаю не усматривается никакого единообразія и каждый народный судъ рѣшаетъ дѣло по своему усмотрѣнію; только лишь въ одной Дагестанской области, насколько извѣстно г. Хлодовскому, имѣются какіе-то сборники народныхъ обычаевъ, но и эти сборники, кажется, оффиціально не утверждены.

По поводу выраженія п. 2 ст. 6: «уставамъ дисциплинарнымъ» частный повѣренный при Бакинскомъ Окружномъ Судѣ фонъ-Велькъ находитъ, что слѣдовало-бы объяснить, какимъ именно: о службѣ по опредѣленію правительства, духовному управленію, управленія мѣстъ заключеній въ виду 57 ст. проекта уложенія и полнаго уясненія 1 ст. сего проекта. Онъ же указываетъ, что во 2 части II тома свода законовъ есть законоположенія, названныя законодательствомъ учрежденіемъ управленія инородцевъ, но относящіяся только до инородцевъ Сибирскихъ, Архангельскихъ и кочующихъ въ губерніяхъ Астраханской, Ставропольской, Таврической и Оренбургской, но въ той-же 1 статьѣ того-же учрежденія признается также, что есть и въ прочихъ частяхъ Имперіи обитатели изъ инородцевъ (ст. 2, 3, 69).

Что и кого именно имѣетъ въ виду проектъ, говоря объ инородческихъ племенахъ, Коммисія не указала, обѣщаясь лишь на стр. 34 сдѣлать подробный перечень тѣхъ племенъ и случаевъ, къ которымъ должно относиться исключеніе.

И по изданію 1857 года, и по изданію 1866 года уложенія о наказаніяхъ, приложеніе IV отдѣлъ IV и приложеніе V отдѣлъ IV упоминаютъ о Закавказскихъ инородцахъ, но никакого исключительнаго положенія для Закавказскихъ инородцевъ тамъ нѣтъ, а есть исключенія для Кавказскихъ инородцевъ.

Между тѣмъ весь Кавказъ съ Закавказьемъ главнымъ образомъ состоитъ изъ инородцевъ, но особымъ положеніемъ и исключительнымъ вѣдомствомъ пользуются только уголовныя дѣла горцевъ въ Дагестанской области, совершенныя въ той области и относительно природныхъ ея жителей.

У Кавказскихъ горцевъ, у Абхазцевъ, Сванетовъ, Самурзапанцевъ, въ нагорной Мингреліи, въ Дагестанѣ, въ Кубанскомъ уѣздѣ (что извѣстно г. фонъ-Вельку), существуетъ обычное преступленіе кровомѣщанія.—Это преступленіе водится вообще у народовъ южной Европы, vendetta на Пиренейскомъ и Аппенинскомъ полуостровахъ, на Балканскомъ полуостровѣ, кровина и у христіанъ православныхъ и католиковъ и у нехристовъ, канлы у мусульманъ.—Это есть кровный самосудъ личности, необезпеченной законнымъ порядкомъ управленія. Долгъ правды требуетъ признать, что потребность самосуда пока еще никакъ не прекратилась;—въ иномъ видѣ это та же дуэль. Это преступленіе нельзя наказать также, какъ и нарушенія тѣлесной неприкосновенности, совершаемыя безъ этихъ побужденій, имѣющихъ корень въ исторіи и порядкахъ даннаго племени.

Подчиненіемъ тѣхъ преступленій общему порядку наказаній не достигается общественнаго успокоенія, напротивъ получается вящшее раздраженіе, потому что каждый обвиняемый, лишенный политической жизни среди своего племени, увеличиваетъ кровный счетъ. Общіе интересы Россіи не страдаютъ отъ исключенія, допущеннаго для уголовныхъ дѣлъ природныхъ Дагестантскихъ жителей. Также составляетъ бытовую особенность Закавказскихъ племенъ похищеніе невѣстъ. Женихъ долженъ себѣ пріобрѣсти невѣсту удалью. Довольно, при примиреніи сторонъ, наказывать виновныхъ въ этомъ преступленіи за нарушеніе общественнаго спокойствія.

Невозможность общенія съ женщинами у мусульманъ, по ихъ бытовымъ порядкамъ, рождаетъ у нихъ порокъ противуестественной страсти къ своему же полу мущинъ. Мусульманамъ этого не запрещаютъ каноническіе законы; этотъ порокъ причиняетъ обществу и государству несравненно менѣе зла, чѣмъ пьянство, которое почти не наказуемо.

Мужеложство безъ насилія (по развращенію) существуетъ, но недостаточно для преслѣдованія между христіанами и образованными людьми, или юношествомъ. Бывшій Намѣстникъ Кавказскій Князь Воронцовъ, видя несоотвѣтствіе наказанія по уложенію, предписалъ Кавказскимъ судебнымъ мѣстамъ ограничивать наказаніе за этотъ порокъ непродолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ.

Желательно, чтобы такія вышеуказанныя дѣянія, или подобныя, истекающія исключительно изъ племенныхъ и бытовыхъ своеобразностей, подошли бы подъ указанія, упоминаемыя Коммисіею въ 4 пунктѣ объясненій къ 6 ст. уложенія.

См. также приведенныя подъ ст. 5 проекта замѣчанія Профессора Луккини, Сенатора Заруднаго, Архангельскаго Губернскаго Прокурора Крауса и Предсѣдателя Сумскаго Окружнаго Суда Золотницкаго.

Статья 7.

Дѣйствіе постановленій сего уложенія распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя внѣ предѣловъ Россіи:

1) когда русскими подданными учинены преступленія или проступки;

2) когда русскими подданными учинены нарушенія въ государствахъ, съ коими о наказуемости такихъ нарушеній существуютъ особые договоры;

3) когда иностранцами учинены преступленія, или же такіе проступки, коими они посягали на права русскихъ подданныхъ.

Относительно постановленія проекта о пространствѣ дѣйствія уголовнаго уложенія, профессоръ фонъ-Листъ, съ своей точки зрѣнія, высказываетъ слѣдующія соображенія, не забывая при этомъ, что проектъ почти во всѣхъ своихъ существенныхъ положеніяхъ стоитъ на почвѣ воззрѣній, господствующихъ въ современныхъ западныхъ законодательствахъ и въ современной западной литературѣ.

Всѣмъ новымъ кодексамъ, какъ это и указано въ объяснительной къ проекту запискѣ (стр. 35-я), пришлось переступить за предѣлы такъ-называемаго территоріальнаго принципа дѣйствія уголовнаго закона и признать наказуемыми по отечественному праву преступныя дѣянія, учиненныя за

границею. Въ виду современныхъ условій, отъ этого расширенія пространства дѣйствія мѣстнаго уголовнаго права отказаться нельзя. Но, тѣмъ не менѣе, безусловно необходимо, чтобы ограниченіе пространства дѣйствія закона отечественной территоріей было установлено, какъ принципіальное положеніе, и чтобы уклоненія отъ этого положенія допускались лишь настолько, насколько они вызываются настоятельными потребностями; иначе говоря, наказуемость по отечественнымъ законамъ преступныхъ дѣяній, учиненныхъ за границею, должна составлять исключеніе, и при томъ исключеніе, сколь возможно болѣе ограничительное.

По этимъ общимъ соображеніямъ нельзя согласиться съ тѣмъ, что объяснительная записка (стр. 35-я) сводитъ территоріальный принципъ къ идеѣ полнаго отчужденія и замкнутости каждаго государства. Уже въ виду того факта, что всѣ и новые, и старые законы исходятъ изъ территоріальнаго принципа, какъ изъ своего основнаго положенія, хотя они и переступаютъ за предѣлы этого принципа, нельзя утверждать, что территоріальный принципъ основывается на означенной апріористической «идеѣ». Скорѣе можно сказать, что онъ происходитъ «изъ основныхъ условій государственной жизни» (стр. 27 объяснительной записки). Даже болѣе того, весьма важныя практическія соображенія говорятъ за то, чтобы уклоненія отъ территоріальнаго принципа не допускались безъ настоятельной въ томъ необходимости. Прежде всего это положеніе вызывается процессуальнымъ интересомъ, заключающимся въ томъ, что изслѣдованіе и обсужденіе дѣянія должны, по возможности, происходить на мѣстѣ учиненія послѣдняго. Преимущество forum'a delicti commissi образовалось и установилось историческимъ путемъ; оно не является понятіемъ, произвольно вымышленнымъ или искусственно изобрѣтеннымъ. Объяснительная записка (стр. 47-я) такъ ясно и убѣдительно выставляетъ основанія и значеніе этого процессуальнаго интереса, что фонъ-Листъ ничего не имѣетъ прибавить къ ней, кромѣ пожеланія, чтобы въ проектѣ рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе были проведены тѣ начала, на коихъ онъ основанъ. Сверхъ того, всякое уклоненіе отъ территоріальнаго принципа порождаетъ коллизію уголовно-правовыхъ притязаній различныхъ государствъ, что, по возможности, должно быть избѣгаемо. По этому вопросу профессоръ фонъ-Листъ уже высказалъ свое мнѣніе (*) и въ настоящее время для выясненія своего взгляда ограничивается лишь приведеніемъ одного примѣра: русскій подданный совершилъ преступленіе во Франціи. По постановленіямъ проекта, какъ Россія, такъ и Франція имѣютъ право вступиться въ дѣло (sind zum Einschreiten berufen); ихъ

(*) Ср мнѣніе, высказанное имъ на XVI съѣздѣ нѣмецкихъ юристовъ (1882 г.) Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft, II Band.

уголовно-правовыя притязанія приходятъ въ коллизію. На это могутъ возразить, что такой, яко бы мнимой «коллизіи» можно опасаться только въ теоріи и что практически она будетъ лишь случайнымъ явленіемъ. Такое возраженіе будетъ неосновательно, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ возникаетъ дальнѣйшій вопросъ: какіе законы должны быть примѣнены въ разсматриваемомъ случаѣ, русскіе или французскіе? Этотъ же вопросъ можетъ быть удовлетворительно разрѣшенъ лишь при томъ условіи, если право на наказаніе будетъ признано принадлежащимъ или Россіи, или же Франціи. Ст. 8 проекта, также какъ и ея образцы въ западныхъ законодательствахъ, не разрѣшаетъ удовлетворительнымъ образомъ этого вопроса. Она является скорѣе яснымъ выраженіемъ господствующей въ современныхъ законодательствахъ неясности по этому вопросу; она колеблется между опредѣленіемъ права на наказаніе, какъ права собственнаго, и отношеніемъ къ нему, какъ къ праву чужому, она желаетъ примѣнять русскіе законы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаться съ законодательствомъ иностраннымъ. Поэтому то статья 8 приводитъ къ тому, что помилованіе, дарованное преступнику въ какомъ либо иностранномъ государствѣ—слѣдовательно отказъ этого государства отъ права на наказаніе, права, которое, прежде всего, само русское государство признаетъ за собою,—должно быть почитаемо обязательнымъ для Россіи; эта статья приводитъ къ тому, что виновный не можетъ быть преслѣдуемъ въ своемъ отечествѣ, если онъ вполнѣ отбылъ какое-либо незначительное наказаніе за учиненное имъ дѣяніе, и наоборотъ, что преслѣдованіе виновнаго допускается, если послѣднему остается отбыть хотя бы незначительную часть тяжкаго наказанія, назначеннаго ему, можетъ быть, за таковое же дѣяніе. Эти предположенія вовсе не являются несбыточными. Весьма легко можетъ случиться, что учинившій за границею преступленіе русскій подданный будетъ приговоренъ къ мнимому наказанію или помилованъ, или оправданъ, за границею же, подъ вліяніемъ политическихъ страстей; равнымъ образомъ легко можетъ произойти и то, что тяжесть назначеннаго виновному судомъ наказанія будетъ вопіюще несоразмѣрна съ маловажностью учиненнаго виновнымъ дѣянія. Можно ли представить себѣ какую-либо причину, которая бы побудила Россію преклониться предъ такимъ приговоромъ? Объяснительная записка (стр. 39-я) ссылается на положеніе: ne bis in idem. Въ виду этого то самаго положенія г. фонъ-Листъ и возражаетъ: если Россія и Франція предъявятъ свои уголовно-правовыя притязанія на основаніи одного и того же преступленія, то явятся именно два притязанія: одно—со стороны Россіи, и другое—со стороны Франціи; а изъ этого и проистекаетъ то, что онъ назвалъ «коллизіей уголовно-правовыхъ притязаній». Доказательствомъ того, что эту коллизію, какъ таковую, сознавали и составители проекта, служитъ сама

статья 8-я. Но какъ скоро изъ признанія того, что, по поводу учиненныхъ за границею наказуемыхъ дѣяній, для отечества виновныхъ возникаетъ собственное право на наказаніе, рѣзко и прямо будетъ сдѣланъ выводъ, т. е. бытіе и содержаніе этого права будетъ обсуждено исключительно на основаніи отечественныхъ законовъ, безъ соображенія иностраннаго законодательства, то немедленно должно выясниться, что такое признаніе собственнаго права на наказаніе въ принципѣ сомнительно и можетъ быть оправдываемо лишь въ виду настоятельныхъ практическихъ потребностей.

Представляются ли такія потребности въ случаяхъ, обнимаемыхъ статьею 7-ю? На этотъ вопросъ г. фонъ-Листъ отвѣчаетъ отрицательно.

1) Наказуемость русскихъ подданныхъ, учинившихъ преступное дѣяніе за границею, можетъ быть оправдываема лишь ссылкою на то вообще признаваемое въ современномъ правѣ положеніе, по которому собственные подданные ни въ какомъ случаѣ не должны быть выдаваемы иностранному государству. Изъ этого положенія необходимо вытекаетъ вышеуказанный выводъ. Но вѣдь самое-то это положеніе неправильно и все болѣе и болѣе признается въ литературѣ неосновательнымъ. Объяснительная записка вполнѣ доказала это на стр. 47, а между тѣмъ въ проектѣ принятъ принципъ невыдачи собственныхъ подданныхъ. Основанія, по коимъ принятъ этотъ принципъ (стр. 48-я объяснительной записки), представляются положительно недостаточными. Какъ въ наукѣ, такъ и въ законодательствѣ, весь институтъ выдачи преступниковъ находится пока въ періодѣ образованія; окончательнаго его установленія можно ожидать лишь въ будущемъ, не смотря на это, каждое національное законодательство имѣетъ право и даже обязано проводить начала, признаваемыя имъ правильными, если только оно тѣмъ самымъ не нарушаетъ своего согласія съ остальными государствами.

Въ виду этихъ соображеній, п. 1 статьи 7 могъ бы быть изложенъ приблизительно слѣдующимъ образомъ:

«если русскими подданными учинены преступленія или проступки, и ихъ выдача невозможна по фактическимъ или правовымъ основаніямъ (wenn von russischen Unterthanen Verbrechen oder Vergehen begangen worden sind und die Auslieferung derselben aus thatsächlichen oder rechtlichen Gründen unmöglich ist) (*)».

(*) Относительно формулировки этого положенія ср. § 4 п. 3 проекта австрійскаго уложенія 1881 г.

При таковомъ изложеніи статьи 7-й п. 1-го должны быть сдѣланы соотвѣтствующія измѣненія и въ ст. 11-ой.

2) Иначе ставится вопросъ о тѣхъ изъ учиненныхъ за границею русскими подданными или иностранцами преступленій, кои направлены противъ цѣлости (Integrität) и безопасности русскаго государства. Наказуемость этого рода преступленій по отечественнымъ законамъ весьма желательна, а въ виду фактическихъ обстоятельствъ даже, можетъ быть, необходима. При этихъ преступленіяхъ дѣло идетъ нѣкоторымъ образомъ объ актѣ необходимой обороны для защиты высшихъ и всеобъемлющихъ благъ. Противъ этого положенія не могутъ быть приведены никакія юридико-техническія соображенія. Но г. фонъ-Листъ не видитъ вовсе повода выходить за предѣлы этого положенія. Замѣчаніе на стр. 38 объяснительной записки, заключающееся въ томъ, «что нельзя допустить, чтобы завѣдомый убійца и т. д. оставался въ Россіи безнаказаннымъ и пользовался всѣми правами», неправильно, потому что для устраненія этого неудобства достаточно включить постановленіе о высылкѣ заграницу такого рода лицъ (Ausweisungsbefehl). Относительно же «общности интересовъ» (об. зап. стр. 39) г. фонъ-Листъ замѣчаетъ слѣдующее: тотъ, кто дѣлаетъ попытку принципіально опредѣлить общность и отдѣлить общіе интересы отъ интересовъ не общихъ, знаетъ также и то, что это слово имѣетъ значеніе и находитъ себѣ основаніе лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ (поврежденіе международнаго кабеля и т. д.) (*). Охраненіе же «правъ русскихъ подданныхъ» можетъ быть вполнѣ предоставлено иностранному законодательству. Въ виду этихъ соображеній пунктъ 3-ій статьи 7-й, согласно предложенію г. фонъ-Листа, долженъ быть изложенъ такъ:

«если иностранцами или русскими подданными учинена измѣна государственная или земская противъ русскаго государства» (wenn von Ausländern oder Inländern Hoch-oder Landesverrath gegen das russische Reich begangen worden).

Засимъ профессоръ фонъ-Листъ излагаетъ свои предложенія совокупно:

1) измѣненіе статьи 7-й въ указанномъ выше видѣ;

2) исключеніе ст. 8-й;

3) измѣненіе ст. 11-й чрезъ включеніе слова: «русскіе подданные» (Inländer).

Къ этому онъ прибавляетъ, что, на основаніи указаннаго выше мнѣнія

(*) Въ ст. 7-й слѣдовало бы поставить пунктъ 3-й пунктомъ 1-мъ, а нынѣшній п. 1-й—пунктомъ 2 съ необходимою при этомъ прибавкою словъ: ...«другіе преступленія или проступки».

его, XVI съѣздъ нѣмецкихъ юристовъ значительнымъ большинствомъ голосовъ принялъ слѣдующія положенія:

1) Желательно, чтобы во всѣхъ государствахъ пространство дѣйствія отечественныхъ уголовныхъ законовъ было опредѣлено на однихъ и тѣхъ же началахъ.

2) При таковомъ опредѣленіи пространства дѣйствія уголовныхъ законовъ слѣдуетъ, по возможности, избѣжать коллизіи уголовно-правовыхъ притязаній различныхъ государствъ. Поэтому означенное опредѣленіе должно быть основано на территоріальномъ принципѣ.

3) Въ тѣхъ случаяхъ, когда переходъ за предѣлы территоріальнаго принципа приводитъ къ коллизіи уголовныхъ притязаній, существованіе и содержаніе права на наказаніе, принадлежащаго отечеству виновнаго и конкуррирующаго съ таковымъ же правомъ иностраннаго государства, должны быть обсуждаемы по отечественнымъ законамъ.

Вышеизложенныя разсужденія уже далеко завели въ богатую контраверзами область выдачи преступниковъ. Ст. 11 задалась цѣлью опредѣлить важнѣйшіе, касающіеся выдачи преступниковъ, вопросы при помощи законодательныхъ постановленій. Противъ этой попытки г. фонъ-Листъ позволяетъ себѣ указать на одно предложеніе, сдѣланное имъ въ указанномъ выше «мнѣніи» XVI съѣзду нѣмецкихъ юристовъ и принятое собраніемъ послѣднихъ. Законы о выдачѣ преступниковъ, частью дѣйствующіе, частью же выработанные въ отдѣльныхъ государствахъ, несомнѣнно представляютъ болѣе высокую степень развитія института выдачи преступниковъ (Auslieferungswesen), нежели договоры о выдачѣ, заключенные между различными государствами безъ прочныхъ, неизмѣнныхъ основныхъ положеній. Не смотря на это, они всетаки не могутъ быть конечною цѣлью, къ которой надо стремиться, потому что на внутреннее согласіе различныхъ національныхъ законовъ разсчитывать нельзя, а ихъ внутреннее различіе самымъ опаснымъ образомъ вредило бы институту выдачи. Предложеніе профессора Листа таково: нужно стремиться къ международному соглашенію отдѣльныхъ государствъ по основнымъ вопросамъ, касающимся выдачи преступниковъ. Онъ полагаетъ, что осуществленіе этой мысли можетъ быть достигнуто подобнымъ же образомъ, какимъ осуществленъ всемірный почтовый союзъ: первенствующія (tonangebende) державы совмѣстно заключаютъ между собою союзъ и остальнымъ государствамъ предоставляютъ право вступить въ этотъ союзъ на основаніи опредѣленныхъ условій послѣдняго. Такъ какъ этотъ союзъ вовсе не долженъ и едва ли можетъ ограничиваться одними лишь вопросами по выдачѣ преступниковъ, то всего лучше было бы назвать его союзомъ всемірно-правовой помощи (Welt-Rechtshilfe-Verein). Такой союзъ

удовлетворялъ бы всѣмъ потребностямъ уголовнаго правосудія. Г. фонъ-Листу кажется, что именно настоящій моментъ вполнѣ благопріятствуетъ тому, чтобы идти къ осуществленію этого союза. Онъ замѣчаетъ далѣе, что по настоящему вопросу одинъ изъ самыхъ новѣйшихъ писателей, совершенно независимо отъ него, сдѣлалъ предложеніе, въ существенныхъ положеніяхъ согласное съ его предложеніемъ (*). Въ случаѣ принятія предложенія г. фонъ-Листа статья 11 была бы излишнею. Если же она должна быть сохранена въ проектѣ, то необходимо высказать еще слѣдующія соображенія:

1) Хотя невыдача политическихъ преступниковъ представляетъ собою установившееся уже основное положеніе современныхъ договоровъ о выдачѣ преступниковъ, однако же она является положеніемъ сомнительнаго достоинства. Доказательствомъ тому служитъ, съ одной стороны, та великая запутанность, къ которой это положеніе привело на практикѣ, а съ другой—общее, въ особенности обнаружившееся на Оксфордскомъ собраніи института международнаго права, стремленіе ограничить объемъ примѣненія этого положенія. Профессоръ фонъ-Листъ не останавливается на доказательствахъ юридической несостоятельности означеннаго положенія, такъ какъ онъ едва ли смѣетъ надѣяться на то, что уже въ настоящее время проведетъ свой взглядъ на этотъ вопросъ. Но слѣдуетъ ли связывать себѣ руки на продолжительное время законодательнымъ постановленіемъ по этому вопросу?

2) Въ настоящее время не только вообще допускается, но и настоятельно требуется, чтобы выдача преступниковъ примѣнялась въ случаяхъ, которые обнимаются такъ называемой бельгійской клаузулою о посягательствахъ (die belgische Attentats-Klausel). Изъ пункта 2 статьи 11 нельзя съ несомнѣнностію заключить, имѣемъ ли мы въ этомъ случаѣ дѣло съ политическимъ преступленіемъ или нѣтъ, говорится ли въ немъ объ исключеніи изъ положенія, выраженнаго въ послѣдней части ст. 11, или же о такомъ случаѣ, къ коему это положеніе вовсе не относится. По мнѣнію г. фонъ-Листа, убійство государя (Königsmord) есть безусловно политическое (eminent politisches) преступленіе, такъ какъ оно составляетъ главный случай государственной измѣны, этого katexochen политическаго преступленія. Этотъ вопросъ важенъ въ виду опредѣленія понятія политическаго преступленія, опредѣленія, которое всецѣло предоставляется наукѣ.

Вышеуказанный характеръ посягательства, въ п. 2 указаннаго, могъ бы быть выраженъ тѣмъ, что постановленіе п. 2 было бы присоединено къ послѣдней части ст. 11 въ видѣ исключенія изъ основнаго положенія невы-

(*) Paul Bernard, Traité théorique et pratique de l'extradition. Paris. 1883 (2 тома).

дачи политическихъ преступниковъ. Г. фонъ-Листъ предлагаетъ для этого постановленія слѣдующую (заимствованную изъ его, указаннаго выше, мнѣнія) редакцію:

«это положеніе не примѣняется въ случаѣ предпринятаго умышленнаго убійства главы иностраннаго государства (dieser Grundsatz findet keine Anwendung auf den Fall der unternommenen vorsätzlichen Tödtung eines ausländishen Staatsoberhauptes)».

Въ этой формулировкѣ выраженіе посягательство (Angriff) замѣнено техническимъ понятіемъ «предпринятія (Unternehmen)» (*), и преступное дѣяніе является, вмѣстѣ съ тѣмъ, юридически опредѣленнымъ. Указаніе въ п. 2 на «здоровье», съ одной стороны, является излишнимъ, а съ другой—слишкомъ распространяетъ примѣненіе этого постановленія.

3) Пунктъ 1 ст. 11 долженъ быть во всякомъ случаѣ исключенъ. Заключающееся въ немъ постановленіе само собою разумѣется. Затрудненія, которыя представляетъ такъ называемый délit connèxe, происходятъ отъ того, что вмѣстѣ съ послѣднимъ создано нѣкоторое особенное понятіе, вмѣсто того, чтобы при обсужденіи случаевъ этого ряда примѣнять установившіяся положенія уголовнаго права (объ идеальной и реальной конкурренціи и о единствѣ дѣйствія—Handlungseinheit).

По мнѣнію профессора Гейера, особеннаго вниманія заслуживаютъ положенія статей. 7—9 по такъ называемому «международному уголовному праву», въ которыхъ не только отвергнута жестокосердая формальная точка зрѣнія территоріальнаго принципа, на мѣсто котораго уже дѣйствующее русское уголовное право поставило принципъ персональный, но и сдѣланъ смѣлый шагъ къ «міровому» принципу, который, будучи понятъ правильно, основывается не на безсодержательномъ космополитизмѣ, но на идеѣ солидарной обязанности цивилизованныхъ государствъ бороться противъ враговъ

(*) Германское право во многихъ случаяхъ (см. §§ 81, 82, 105, 114, 122, 159, 357 герм. угол. улож., § 11 закона 12 Октября 1867 г. о соляномъ налогѣ, §§ 134 и 135 закона 1 Іюля 1869 г. о таможенномъ сборѣ, § 32 и 38 закона 16 Іюля 1879 г. о табачномъ налогѣ и др.) сравниваетъ въ наказуемости «предпринятіе (Unternehmen)» преступнаго дѣянія съ его окончаніемъ. F. v. Liszt, Das deutsche Reichsstrafrecht 1881, стр. 141, замѣчаетъ, что, вслѣдствіе такого сравненія въ наказуемости, «предпринятіе» дѣянія не утрачиваетъ характера покушенія, такъ что наказуемое покушеніе на «предпринятіе» дѣянія невозможно. Ср. также Hugo-Meyer, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 1877 г., стр. 193, и. V. Neuman, Die deutschen Reichsgesetzte 1878 г., стр. 128.

общества; другими словами, осуществлять справедливость, противодѣйствуя преступнымъ злодѣяніямъ (*).

Объяснительная записка говорятъ по этому поводу (стр. 38): «Коммисія нашла цѣлесообразнымъ признать наказуемыми и дѣянія, совершенныя иностранцами за границею и направленныя противъ иностранцевъ, буде они признаются въ нашемъ законѣ преступленіями. Въ большинствѣ случаевъ, такія лица могутъ быть выданы тому государству, гдѣ они совершили преступленіе, и такая выдача, въ интересахъ болѣе тщательнаго и всесторонняго разбора дѣла, представляется предпочтительнѣе суда надъ виновными въ мѣстѣ ихъ поимки; но если просьбы о выдачѣ не послѣдуетъ, то нельзя допустить, чтобы завѣдомый убійца, изнасилователь или поджигатель, могъ оставаться въ Россіи безнаказаннымъ и пользоваться всѣми принадлежащими ему дотолѣ правами: такая безнаказанность одинаково бы нарушала и справедливость, и интересы государственной безопасности.»

Профессоръ Гейеръ можетъ этому лишь сочувствовать, но съ одною оговоркою, а именно: по его мнѣнію, нельзя согласиться съ ограниченіемъ объема этого положенія одними «преступленіями» и онъ желалъ бы распространенія его по крайней мѣрѣ и на всѣ «проступки», за которые назначается исправительный домъ. Ему представляется новымъ доводомъ въ пользу сомнительности трехчленнаго дѣленія то обстоятельство, что къ преступленіямъ отнесены дѣянія, наказываемыя поселеніемъ, а исправительный домъ является наказаніемъ за проступки. Первое наказаніе назначается «единственно за дѣянія, необнаруживающія порочной нравственности, а истекающія изъ увлеченій, заблужденій, общественныхъ предразсудковъ или фанатизма» (стр. 21 «Объяснительной зап.»), за дѣянія «неизобличающія привычки къ праздности и порочному образу жизни» (стр. 63 «Объясн. зап.»). Исправительный же домъ, наказаніе, коего низшій размѣръ составляетъ одинъ годъ (статья 17), которое сопряжено съ принудительною работой и влечетъ за собою правопораженія въ широкихъ размѣрахъ (ср. статьи 25—27), будетъ, въ видѣ общаго правила, падать на такъ называемыхъ низкихъ преступниковъ, еще несозрѣвшихъ для каторги, всего болѣе за имущественныя преступленія, безъ насилія противъ личности, будетъ, слѣдовательно, угрожать ворамъ, мошенникамъ, укрывателямъ съ корыстною цѣлью, добы-

(*) Профессоръ Гейеръ упоминаетъ при этомъ, что онъ уже не разъ высказывался по этому вопросу, такъ напр. въ v. Holtzendorff's Encyclopädie 4 изд. стр. 913 и слѣд., въ v. Holtzendorff's Rechtslexicon 3 изд. т. I стр. 188 и слѣд., въ Kritische Vierteljahresschrift, XVII, стр. 9, и въ его разборѣ австрійскаго проекта уложенія, Вѣна, 1867 г. стр. 9, и слѣд. Ср. его разборъ «Международнаго уголовнаго права» Роланда, въ Kritische Vierteljahresschrift (Neue Folge, Band 1) стр. 453 и слѣд.

тыхъ преступленіемъ вещей (Hehler), лицамъ, совершившимъ подлоги. Несомнѣнно, что исправительный домъ не будетъ назначаться за легкіе случаи проступковъ этого рода, такъ какъ для нихъ существуетъ наказаніе тюрьмою, которую сама «Объяснительная записка» (стр. 67) признаетъ «мѣрою, принятою въ законѣ для дѣяній, имѣющихъ позорящій характеръ».

Поэтому г. Гейеръ считалъ бы умѣстнымъ, если уже необходимо удержать трехчленное дѣленіе, исправить его по крайней мѣрѣ отнесеніемъ дѣяній, за которыя опредѣленъ исправительный домъ, къ «преступленіямъ»; этимъ было бы устранено возраженіе противъ пункта 3 статьи 7.

Одно изъ возраженій, но не всякое возраженіе было бы устранено. Пунктъ 3 статьи 7 опредѣляетъ, что постановленія уложенія примѣняются:

«когда иностранцами учинены преступленія или же такіе проступки, которыми они посягали на права русскихъ подданныхъ».

На этомъ основаніи,—даже и съ принятіемъ такой поправки, т. е. понимая подъ «проступками» преступныя дѣянія, обложенныя заточеніемъ не свыше шести лѣтъ или тюрьмою,—такъ называемый «пассивный національный» принципъ, который проводятъ Вильфоръ, Арнольдъ, Вехтеръ, Гейнце, Пессина (ср. «Матеріалы для пересмотра нашего уголовнаго законодательства»; изд. М. Ю., томъ VI, вып. 1, стр. 57), примѣняется къ дѣяніямъ, обложеннымъ тюрьмою, дѣяніямъ «позорящаго характера». Почему же защитою уголовнаго наказанія отъ проступковъ (за которые не назначено наказанія свыше тюрьмы) противъ собственности, тѣлесной неприкосновенности (Körperverletzungen), свободы и т. д. должны пользоваться одни русскіе подданные?

Поэтому, на случай, если трехчленное дѣленіе будетъ всетаки удержано, профессоръ Гейеръ предложилъ бы упростить п. 3 ст. 7 такъ:

«когда иностранцами учинены преступленія или проступки».

Онъ не можетъ согласиться съ опредѣленіемъ п. 1 ст. 8, по которому «уголовное преслѣдованіе не возбуждается, если дѣяніе не запрещено законами мѣста его учиненія», и п. 3 той же статьи, по которому наказаніе уменьшается, «если законами мѣста учиненія дѣянія полагается наказаніе менѣе противъ опредѣляемаго въ семъ уложеніи строгое».

Здѣсь проектъ слѣдуетъ весьма распространенному мнѣнію, выраженному и во многихъ законодательствахъ. Но это мнѣніе основывается на неправильныхъ заключеніяхъ, въ сущности основывающихся на той мысли, что преступникъ имѣетъ право быть судимымъ по законамъ мѣста учиненія дѣянія. Слѣдуя этому мнѣнію и не держась строго территоріальнаго принципа, нельзя не впасть въ явныя противорѣчія. Ежели преступникъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ такое право, то какъ же возможно вообще наказывать

его въ государствѣ, за границами котораго онъ совершилъ преступленіе? Или при этомъ думаютъ найти въ иностранномъ законѣ мѣру тяжести преступленія? Въ такомъ положеніи заключается доля справедливости, если только законъ этотъ дѣйствительно выражаетъ господствующее въ странѣ нравственное воззрѣніе, а не представляется плодомъ игры случая или прихотью деспота. Въ этомъ случаѣ можно принять, по крайней мѣрѣ въ видѣ общаго правила, что «преступникъ», принадлежащій къ этому государству, имѣлъ возможность видѣть, насколько его дѣяніе становится въ противорѣчіе съ нравственнымъ воззрѣніемъ общества, которое является для него опредѣляющимъ. Въ *этомъ* смыслѣ государственный законъ, до извѣстной степени, является мѣриломъ вины, но для его правильнаго примѣненія необходимо соотвѣтствующее постановленіе касательно «error juris criminalis», о которомъ профессоръ Гейеръ считаетъ должнымъ прибавить еще нѣсколько словъ.

На основаніи ст. 62 русскихъ основныхъ законовъ, «никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона, если онъ былъ обнародованъ установленнымъ порядкомъ»; здѣсь выражено положеніе, которое стоитъ, повидимому, незыблемо уже многія столѣтія, но которое, въ примѣненіи къ уголовному праву, несомнѣнно приводитъ къ самой ужасной несправедливости. Безъ сознанія долга (Pflichtbewusztsein) не можетъ быть и вины. Поэтому лицо, незнающее закона, не можетъ быть, какъ дѣйствительно виновное, подвергнуто наказанію, ежели его дѣяніе представляется «delictum mere juris civilis», и, слѣдовательно, безъ знанія закона оно не могло сознавать, что его дѣяніе заслуживаетъ наказанія. Не говоря о прочемъ, вполнѣ понятно, что законодатель не легко рѣшится признать возможность съ своей стороны ошибокъ, допустивъ такіе случаи, когда созданныя имъ «преступленія» не находятъ себѣ основанія въ общемъ нравственномъ сознаніи; такой пріемъ представляется особенно сомнительнымъ въ Россіи, съ ея разнообразнымъ народонаселеніемъ. Быть можетъ, однако, возможно бы было удовлетворить несомнѣнному требованію справедливости добавленіемъ къ ст. 39, приблизительно такого содержанія:

> «Незнаніе уголовнаго закона устраняетъ вмѣненіе въ тѣхъ случаяхъ, когда, въ силу этого незнанія, учинившій дѣяніе не могъ видѣть его преступности».

Тогда можно было бы смѣло вычеркнуть пп. 1 и 3 ст. 8 и провести единственно вѣрное, по мнѣнію г. Гейера, начало, по которому въ государствѣ примѣняются только туземные законы и судьи не являются служителями иноземнаго уголовнаго закона. Издавая уголовный законъ, государство выражаетъ въ немъ опредѣляющимъ образомъ принятое имъ воззрѣніе на свою

обязанность наказывать и оцѣнивать юридическое значеніе дѣянія, которое считаетъ преступнымъ. Цивилизованное государство не можетъ оставлять безнаказаннымъ людоѣда, который, принадлежа самъ къ цивилизованному государству, принялъ участіе въ людоѣдствѣ, не бывши къ тому принужденъ,—на томъ основаніи, что существуютъ государства людоѣдовъ. Россія не можетъ оставлять безнаказаннымъ русскаго, который, по возвращеніи въ отечество, будетъ изобличенъ въ совершеніи убійства въ такой странѣ, гдѣ вовсе нѣтъ уголовныхъ законовъ! Отсюда слѣдуетъ далѣе, что отбытіе наказанія за границею должно быть принимаемо во вниманіе лишь настолько, насколько оно можетъ быть засчитано въ наказаніе, назначаемое даннымъ государствомъ (ср. § 7 герм. улож.), но что законная сила оправдательнаго приговора, произнесеннаго иностраннымъ судомъ по уголовному дѣлу, такъ же мало можетъ быть принята во вниманіе, какъ послѣдовавшее за границею помилованіе или исполнившаяся по тамошнему закону давность. Но профессоръ Гейеръ одобряетъ п. 3 § 5 германскаго уголовнаго уложенія (съ п. 1 и 2 § 5 онъ не можетъ согласиться), по которому уголовное преслѣдованіе не допускается, если «не будетъ жалобы со стороны потерпѣвшаго, заявленіемъ коей обусловливается по иностраннымъ законамъ самое уголовное преслѣдованіе за данное дѣяніе», однако лишь съ тою оговоркою, чтобы потерпѣвшими не были подданные даннаго государства, потому что послѣднее обязано преслѣдовать въ публичномъ порядкѣ и тѣ дѣянія, которыя совершены за границею, если само не признало дѣяніе наказуемымъ лишь по частной жалобѣ.

Впрочемъ, онъ считаетъ необходимымъ замѣтить, что если ст. 7 и 8 проекта перейдутъ въ законъ и въ измѣненномъ видѣ, то и тогда, сравнительно съ дѣйствующимъ теперь въ Россіи правомъ, будетъ достигнутъ весьма благотворный успѣхъ.

Прекрасными, кажутся ему, далѣе, общее направленіе постановленій о *выдачѣ* (ст. 11) и большая часть «Объясненій» (стр. 44 и слѣд.), на которыхъ они основываются. Только по поводу сомнѣній, которыя Коммисія высказываетъ (стр. 47 и слѣд.) противъ начала невыдачи собственныхъ подданныхъ г. Гейеръ желалъ бы обратить ея вниманіе на то, что говоритъ фонъ-Баръ по поводу тезиса VI оксфордскихъ рѣшеній института международнаго права (Gerichtssaal, XXXIV, стр. 492 и слѣд.).

По поводу ст. 7 и 8 профессоръ Лукини замѣчаетъ, что повидимому русскій проектъ даетъ большій просторъ для уголовнаго преслѣдованія преступныхъ дѣяній, совершенныхъ за границею; но въ сущности онъ сводитъ

его къ болѣе тѣснымъ предѣламъ, нежели нашъ послѣдній проектъ. Проектъ заслуживаетъ одобренія за его уваженіе къ постановленному иностраннымъ судомъ оправдательному приговору; но нельзя сказать того же по поводу положенія, которое исходитъ изъ эгоистическаго чувства, основываясь при разрѣшеніи вопроса о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія противъ преступника, бѣжавшаго на національную территорію, на національности потерпѣвшаго. Впрочемъ характеръ законоположеній этого отдѣла зависитъ отъ того содержанія, которое получатъ при выработкѣ особенной части оставленные въ его статьяхъ пробѣлы.

По мнѣнію профессора Гуго-Мейера, обязательная наказуемость иностранца, наступающая за всякое учиненное имъ за границею преступленіе, представляется слишкомъ широкою, даже въ томъ случаѣ, если принять во вниманіе постановленіе п. 2 ст. 8.

Профессоръ Будзинскій указываетъ, что въ мотивахъ къ проекту (стр. 38) говорится о преступленіяхъ, совершенныхъ иностранцами за границею противъ иностранцевъ и на это сдѣлано указаніе въ ст. 11, но этотъ принципъ не высказанъ положительно въ ст. 7, какъ это сдѣлано въ п. 3 относительно русскихъ подданныхъ.

С.-Петербургскимъ Юридическимъ Обществомъ обсуждалась слѣдующая, проектируемая Редакціоннымъ Комитетомъ Общества, редакція ст. 7:

Дѣйствіе постановленій сего уложенія распространяется и на преступныя дѣянія, учиненныя внѣ предѣловъ Россіи, въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) когда преступное дѣяніе учинено русскимъ подданнымъ, пользовавшимся, въ мѣстѣ совершенія дѣянія, внѣземельностью по международному праву;

2) когда русскими подданными, кромѣ упомянутыхъ въ предъидущемъ пунктѣ, учинены преступленія или проступки;

3) когда ими же учинены нарушенія въ государствахъ, съ коими о наказуемости таковыхъ существуютъ особые договоры;

4) когда иностранцами совершены преступленія или такіе проступки, которыми они посягали на права Россіи или русскихъ подданныхъ.

По поводу проектированнаго Комитетомъ дополненія ст. 7 особымъ постановленіемъ, что дѣйствіе уложенія распространяется и на преступныя дѣянія, учиненныя внѣ предѣловъ Россіи русскими подданными, пользовав-

нимися въ мѣстѣ совершенія преступленія внѣземельностью, *Н. М. Коркуновъ* пояснилъ, что Комитетъ нашелъ необходимымъ сдѣлать это добавленіе въ виду того, что проектъ содержитъ особую оговорку лишь о томъ, что дѣйствіе уложенія не распространяется на иностранцевъ, пользующихся внѣземельностью, не указывая при этомъ, что дѣйствіе его безусловно распространяется и на русскихъ, пользующихся внѣземельностью, т. е. что лица эти подлежатъ уголовному преслѣдованію за всѣ преступныя дѣянія, хотя бы таковыя и не были запрещены законами мѣста ихъ совершенія. При отсутствіи такого постановленія въ законѣ, можетъ возникнуть сомнѣніе относительно наказуемости дипломатическаго агента за преступныя дѣянія, влекущія за собою наказанія не свыше ареста или денежной пени, такъ какъ, при несуществованіи особой о семъ оговорки, возможно толкованіе въ томъ смыслѣ, что и ихъ отвѣтственность становится въ тѣ же условія, которыя опредѣлены ст. 7 и 8.

Ѳ. Ѳ. Мартенсъ возразилъ, что дипломатическіе агенты, пользуясь правомъ внѣземельности, всегда, вмѣстѣ съ тѣмъ, подлежатъ и дѣйствію отечественныхъ законовъ, а потому особая оговорка о нихъ въ уложеніи представлялась бы вполнѣ излишнею; по сообщенію иностраннаго правительства, при которомъ они акредитованы, русское правительство взыщетъ съ нихъ и безъ этой оговорки.

В. Д. Спасовичъ замѣтилъ, что отсутствіе въ проектѣ особаго постановленія объ отвѣтственности русскихъ дипломатическихъ агентовъ за нарушенія, совершенныя ими за границею, было бы равносильно совершенному освобожденію ихъ отъ всякой отвѣтственности за этого рода дѣянія.

М. В. Красовскій, останавливаясь на практической сторонѣ вопроса, указалъ на затрудненія, которыя неминуемо возникли бы на практикѣ, при примѣненіи подобнаго рода постановленій. Пришлось бы, напримѣръ, допустить вызовъ мировымъ судьею для судебнаго разбирательства дипломатическаго агента, живущаго во Франціи, по обвиненію его въ оскорбленіи кого нибудь и т. п.

П. Д. Серпьевскій, съ своей стороны, замѣтилъ, что предполагаемое дополненіе ст. 7 не вводитъ въ существѣ ничего новаго. И по дѣйствующему законодательству русскіе дипломатическіе агенты, живущіе за границею, могутъ быть привлекаемы къ отвѣтственности мировыми установленіями, однако это не вызываетъ никакихъ затрудненій на практикѣ.

Послѣ того, большинствомъ 15 голосовъ противъ 11, было принято проектируемое дополненіе ст. 7 постановленіемъ объ отвѣтственности русскихъ дипломатическихъ агентовъ.

Предлагая на обсужденіе собранія п. 4 ст. 7, предсѣдательствующій заявилъ, что редакціонное измѣненіе п. 3 ст. 7 проекта, въ смыслѣ добавленія выраженія «на права Россіи», вызвано тѣмъ, что составители проекта, ограничивая наказуемость иностранцевъ только преступленіями, которыя представляютъ посягательство на права русскихъ подданныхъ, по видимому, упустили изъ виду, что на территоріи иностраннаго государства могутъ быть совершены проступки, имѣющіе общегосударственное значеніе, напримѣръ противъ порядка правленія въ Россіи и др.

Къ этому *Н. М. Коркуновъ* добавилъ, что пребывающіе за границею консулы наши могутъ быть иностранными подданными. Нѣтъ, очевидно, основанія, почему бы проступокъ противъ русскаго подданнаго, частнаго лица, учиненный внѣ предѣловъ Россіи, у насъ наказывался, а такой же проступокъ противъ иностраннаго подданнаго, но русскаго консула, оставался ненаказуемымъ.

Независимо отъ сего, *А. Н. Турчаниновъ* предложилъ дополнить редакцію п. 4 ст. 7 выраженіемъ: «иностранцами, находящимися въ моментъ суда въ предѣлахъ Россіи».

В. Д. Спасовичъ указалъ, что, при отсутствіи у насъ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства существующаго въ другихъ государствахъ заочнаго суда (par contumace), во включеніи подобнаго постановленія въ уложеніе онъ не предвидитъ никакой надобности. Предложеніе г. Турчанинова не нашло въ собраніи поддержки, равно какъ предложеніе А. А. Маркова (отвергнутое 20 голосами противъ 6), чтобы наказывать иностранцевъ по уложенію за всякія совершенныя ими за границею, противъ кого бы то ни было, и преступленія, и проступки.

И. Д. Ахшарумовъ предложилъ распространить дѣйствіе и на иностранцевъ, находящихся въ предѣлахъ территоріи, занятой во время военныхъ дѣйствій русскою арміею. При этомъ онъ указалъ, что и въ минувшую войну съ Турціею приходилось въ занятыхъ нашею арміею областяхъ Турціи примѣнять уложеніе.

В. Д. Спасовичъ замѣтилъ, что случай, который хочетъ предусмотрѣть И. Д. Ахшарумовъ,—случай исключительный. Несомнѣнно, что если бы при оккупаціи русскою арміею иностранной территоріи, явилась необходимость распространить дѣйствіе нашего уложенія на эту территорію, то это могло бы быть сдѣлано путемъ изданія особаго Высочайшаго указа.

Ѳ. Ѳ. Мартенсъ высказался противъ включенія подобнаго постановленія въ проектъ на томъ основаніи, что возможность и необходимость примѣненія мѣстныхъ или иностранныхъ законовъ въ занятой русскими войсками

странѣ, исключительно зависитъ отъ численнаго превосходства военныхъ силъ непріятеля (autorité militaire), указавъ при этомъ, что вопросъ этотъ также рѣшенъ и Брюссельской декларацiей. Противъ предложенія г. Ахшарумова высказались также дѣйствительные члены Полуянскій и Красовскій; при голосованіи оно было собраніемъ отвергнуто.

Въ статьѣ 7 Коммисія Новороссійскаго Юридическаго Общества находитъ нужнымъ, вмѣсто окончанія статьи словами: «коими они посягали на права русскихъ подданныхъ», сказать: «коими они посягали на права русскаго государства или русскихъ подданныхъ». Дѣлая эту поправку, Коммисія имѣла въ виду, что иностранцами могутъ быть учинены преступныя дѣянія, не заключающія въ себѣ политическаго характера, но тѣмъ не менѣе направленныя противъ правъ самого государства.

Примѣромъ такихъ дѣяній могутъ служить тѣ, коими нарушаются интересы казны.

Въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества *В. А. Андреевъ* сдѣлалъ общее замѣчаніе, относящееся до статей 8, 10, 11 и послѣдней части 7-й, именно, что статьи эти содержатъ въ себѣ, въ сущности, процессуальныя правила, которыя, въ виду того, и слѣдовало бы помѣстить въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, какъ это и сдѣлано во французскомъ кодексѣ.

В. В. Смиттенъ возразилъ на это, что нѣкоторыя изъ означенныхъ статей опредѣляютъ условія наказуемости преступныхъ дѣяній, какъ напр. 8, 9 и первая часть 10-й, и поэтому должны быть помѣщены въ уложеніи о наказаніяхъ; что, сверхъ того, во всѣхъ означенныхъ статьяхъ часто трудно отдѣлять процессуальныя положенія отъ положеній матеріальнаго права и что въ германскомъ и голландскомъ кодексахъ правила о дѣйствіи закона за предѣлами государства внесены въ уголовныя уложенія, а потому В. В. Смиттенъ высказался за сохраненіе системы проекта уложенія.

В. А. Андреевъ заявилъ, что, если сохранить въ уложеніи статьи съ 7-й по 12-ю, имѣющія процессуальный характеръ, то не слѣдуетъ ли выразить желаніе, чтобы въ уложеніе были внесены и точныя правила о порядкѣ выдачи обвиняемыхъ иностраннымъ державамъ и о порядкѣ требованія преступниковъ, находящихся за границею, но подлежащихъ суду русскихъ судебныхъ учрежденій? Слѣдуетъ выяснить, достаточно ли въ такихъ случаяхъ предъявленія постановленія судебнаго слѣдователя, или нужно постановленіе суда первой инстанціи? Надо также разъяснить, мо-

жетъ ли, въ такихъ случаяхъ, постановленіе иностранной судебной власти подлежать новому обсужденію нашихъ судебныхъ властей, по самому существу его, или оно должно почитаться обязательнымъ?

Собственно относительно ст. 7, *В. В. Смиттенъ* въ засѣданіи того же Общества заявилъ, что въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ возникъ вопросъ о дополненіи ея особымъ пунктомъ слѣдующаго содержанія: «когда преступное дѣяніе учинено русскимъ подданнымъ, пользовавшимся въ мѣстѣ совершенія дѣянія внѣземельностью по международному праву». Дополненіе это дѣйствительно необходимо въ виду того, что, по редакціи проекта, можетъ возникнуть сомнѣніе о наказуемости такихъ нарушеній русскихъ дипломатическихъ агентовъ, о которыхъ въ трактатахъ ничего не упомянуто.

При голосованіи, 6 членовъ Общества (*) высказали, что предложенное дополненіе ст. 7 излишне въ виду того, что и безъ этого лица, пользующіяся правами внѣземельности, очевидно, подлежатъ дѣйствію своихъ отечественныхъ законовъ за всѣ преступныя дѣянія, ими совершенныя; а остальные 12 членовъ полагали полезнымъ внести въ уложеніе предложенное С.-Петербургскимъ Юридическимъ Обществомъ дополненіе.

По п. 3 ст. 7, *В. В. Смиттенъ* заявилъ, что С.-Петербургское Юридическое Общество, сочувствуя тому, чтобы проступки, совершаемые внѣ предѣловъ Россіи, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ подлежали дѣйствію уложенія, нашло, однако, нужнымъ дополнить редакцію п. 3 ст. 7 выраженіемъ: «на права Россіи» съ той цѣлью, чтобы преслѣдованію по русскимъ законамъ подлежали не одни проступки, направленные противъ интересовъ частныхъ лицъ, но и тѣ, которые нарушаютъ интересы государства.

В. А. Андреевъ, съ своей стороны, заявилъ, по поводу того же п. 3 ст. 7, опираясь на мнѣніе одного изъ мѣстныхъ прокуроровъ (**), что предѣлы дѣйствія уложенія, по отношенію къ иностранцамъ, слѣдовало бы съузить, ограничивъ случаи примѣненія русскихъ законовъ только такими преступленіями и проступками, которые направлены противъ русскихъ, и изъявъ изъ предѣловъ дѣйствія уложенія тѣ преступленія, въ которыхъ иностранцами нарушены права другихъ иностранцевъ. Мнѣніе это мотивировано: 1) тѣмъ, что иностранныя законодательства не допускаютъ такого распространенія дѣйствія своихъ законовъ, и 2) тѣмъ, что такое распространеніе не оправдывается ни государственными, ни общественными интересами, такъ какъ, въ видахъ обезпеченія безопасности, правительство можетъ

(*) Гг. Степановъ, Хлѣбниковъ, Френкель, Жила, Крашенинниковъ и Кусиковъ.

(**) Елисаветпольскаго.

ограничиться предупредительными мѣрами, каковы надзоръ за лицами, совершившими за границею преступленіе, или даже высылка ихъ за границу.

А. В. Степановъ выразилъ сочувствіе такому ограниченію наказуемыхъ по уложенію преступленій, совершенныхъ внѣ предѣловъ Имперіи, добавивъ, что, въ принципѣ, нѣтъ основаній ограждать интересы иностранцевъ, нарушенные внѣ Россіи, и что, сверхъ того, разсмотрѣніе въ Россіи дѣлъ о преступленіяхъ, совершенныхъ за границею, весьма затруднительно, а иногда даже невозможно, безъ нарушенія основнаго положенія устава уголовнаго судопроизводства—устности процесса.

В. В. Смитгенъ, возражая г. Степанову, сослался на мотивы объяснительной записки, признавая, съ своей стороны, что всѣ цивилизованныя государства должны быть солидарны между собою, по отношенію къ преслѣдованію болѣе важныхъ преступленій, и что уголовное преслѣдованіе иностранцевъ, совершившихъ преступленія внѣ предѣловъ Россіи и, затѣмъ, поселившихся въ ней, содѣйствуетъ обезпеченію безопасности въ самой Имперіи.

Въ виду изложенныхъ заявленій, изъ коихъ одно направлено къ распространенію, а другое—къ ограниченію предѣловъ дѣйствія уложенія, обсужденію Общества предложены были слѣдующіе два вопроса: 1) не слѣдуетъ ли, въ измѣненіе п. 3 ст. 7, наказывать по русскимъ законамъ только тѣ преступленія иностранцевъ, которыми они посягаютъ на права русскихъ подданныхъ?

и 2) не слѣдуетъ ли дополнить п. 3 ст. 7 выраженіемъ: «на права Россіи», чтобы наказуемыми по уложенію признавались не только проступки противъ частныхъ лицъ, но и противъ самого государства?

По первому вопросу, семь голосовъ (*) подано за предложенную поправку, исключающую изъ предѣловъ дѣйствія уложенія преступленія противъ иностранцевъ, а остальные одиннадцать голосовъ поданы за сохраненіе, въ этомъ отношеніи, проекта безъ измѣненія.

По второму вопросу, за дополненіе п. 3 ст. 7 выраженіемъ: «на права Россіи», высказались одиннадцать членовъ, а противъ дополненія—семь (**).

Г. фонъ-Резонъ находитъ, что, помимо указаннаго въ п. 2 ст. 7 проекта случая, нарушенія должны быть признаваемы наказуемыми и тогда,

---

(*) Гг. Степановъ, Хлѣбниковъ, Химшіевъ, Френкель, Сакварелидзе, Жила и Андреевъ.

(**) Гг. Кольчевскій, Хлѣбниковъ, Степановъ, Химшіевъ, Жила, Кусиковъ и Крашенинниковъ.

когда они совершены русскими подданными, пользующимися за границею правомъ внѣземельности; иначе за ними будетъ признано право совершать внѣ предѣловъ Россіи всякія нарушенія совершенно безнаказанно.

Ст. 7 п. 3 предполагаетъ наказывать въ Россіи всѣ, совершенныя иностранцами за границею преступленія, хотя бы они и были направлены противъ иностранцевъ; подобное распространеніе права наказанія государства на иностранцевъ съ теоретической точки зрѣнія не можетъ быть оправдано. Это признано, съ незначительными исключеніями, почти всѣми иностранными законодательствами, напр. французскимъ, бельгійскимъ, германскимъ и голландскимъ (*). Противоположное мнѣніе мотивируется въ «Объясненіяхъ» тѣмъ, что нельзя допустить, чтобы завѣдомый убійца, изнасилователь или поджигатель, могъ оставаться въ Россіи безнаказаннымъ и пользоваться всѣми принадлежащими ему дотолѣ правами; такая безнаказанность одинаково бы нарушала и справедливость, и интересы государственной безопасности. Эти соображенія мало убѣдительны. Прежде всего непонятно, почему изъ нихъ выводится наказуемость однихъ только преступленій, а не проступковъ; не подлежитъ сомнѣнію, что безнаказанность иностраннаго вора или конокрада, съ теоретической точки зрѣнія, нарушаетъ настолько же справедливость, какъ и безнаказанность поджигателя. Но, помимо этого, нельзя не сказать, что приведенные мотивы только относительно вѣрны; если напр., лицо, совершившее за нѣсколько верстъ отъ границы убійство, перешло бы затѣмъ къ намъ и поселилось бы въ средѣ населенія, которому хорошо извѣстно его дѣяніе, то дѣйствительно подобный фактъ могъ бы считаться опаснымъ для государственныхъ интересовъ. Но въ подобномъ случаѣ явилось бы непремѣнно, какъ говорятъ и самые мотивы, требованіе о выдачѣ преступника. Тоже самое случится при побѣгѣ извѣстнаго преступника изъ болѣе отдаленныхъ государствъ. Но можетъ статься, что напр. житель Гавайскихъ острововъ, по совершеніи тамъ преступленія, бѣжитъ въ Тамбовъ. Острова эти такъ далеки отъ насъ, порядки тамошніе такъ мало намъ извѣстны, опредѣлить мотивы преступленія, степень виновности или испорченности преступника такъ трудно, жертва преступленія такъ мало для насъ интересна, представить убѣдительныя доказательства вины такъ затруднительно, что его пребываніе между нами едва ли оскорбитъ наше чувство справедливости.

(*) Исключенія допускаютъ: Бельгія—для преступленій, совершенныхъ въ сообществѣ съ бельгійскими подданными; Германія—для Münzverbrechen (такъ что напр. итальянецъ, поддѣлавшій въ Бразиліи шведскія деньги, можетъ быть за это наказанъ въ Германіи) и Голландія—для морскаго разбоя.

Независимо отъ сего нельзя не обратить вниманія еще и на то, что, при теперешней редакціи проекта, 3 п. 7 ст. не достигаетъ тѣхъ результатовъ, ради которыхъ онъ устанавливается, а именно: если преслѣдованіе будетъ возбуждаться (п. 2 ст. 8) только по требованію иностранныхъ властей или по жалобѣ потерпѣвшаго, то можетъ случиться, что ни требованія, ни жалобы не поступитъ и что завѣдомый убійца, несмотря на общеизвѣстность его преступленія, останется безнаказаннымъ. Если же эти преступленія преслѣдовать ex officio, то можетъ явиться другое затрудненіе; допустимъ напр., что китаецъ, убившій въ пограничной деревнѣ, на глазахъ русскихъ, нѣсколько своихъ дѣтей, переселяется въ границы Россіи. Наказать его, какъ убійцу, за дѣяніе, по его отечественнымъ законамъ ненаказуемое, невозможно, въ виду п. 1 ст. 8. Слѣдовательно, онъ остается ненаказаннымъ, хотя этимъ нарушается и справедливость, и интересы государственной безопасности. По всѣмъ этимъ основаніямъ, является цѣлесообразнымъ измѣнить редакцію п. 3, согласно требованіямъ теоріи, въ томъ смыслѣ, что иностранные подданные наказываются только за преступленія, направленныя противъ россійскаго государства и русскихъ подданныхъ, съ прибавленіемъ, можетъ быть, еще и тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя имѣютъ международный характеръ, какъ напр. морской разбой, тѣмъ болѣе, что преслѣдованіе этого преступленія въ сосѣднихъ намъ китайскихъ моряхъ можетъ имѣть практическое значеніе.

Товарищъ Прокурора Полтавскаго Окружнаго Суда Сливицкій указываетъ, что постановленія ст. 7—10 проекта замѣняютъ ст. 172—174 улож. 1866 г. По дѣйствующему закону дѣйствіе уложенія распространялось на русскихъ подданныхъ, совершившихъ преступленіе внѣ предѣловъ Россіи (ст. 173, 74), и на иностранцевъ, совершившихъ преступленіе, коими они посягнули на права державной власти Россіи или права русскихъ подданныхъ (ст. 172). Такимъ образомъ по дѣйствующему уложенію иностранцы и русскіе подданные наказывались въ этихъ только случаяхъ за преступленія, совершенныя внѣ предѣловъ Россіи, причемъ преслѣдованіе русскихъ подданныхъ (174 ст. улож.) было поставлено въ зависимость отъ иниціативы иностранной державы или ея подданныхъ въ томъ случаѣ, когда преступленіемъ нарушались интересы этой державы или ея подданныхъ; но не было и рѣчи о подчиненіи дѣйствію уложенія иностранцевъ за преступное посягательство на права иностраннаго государства или его подданныхъ. Такое распространеніе дѣйствія уложенія впервые устанавливается проектомъ (3 п. 7 ст.) и ставится въ зависимость отъ иниціативы иностранной державы или ея под-

данныхъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія (2 п. 8 ст.). При установленіи проектомъ правилъ о выдачѣ преступниковъ (ст. 11) интересы иностранной державы или ея подданныхъ въ преслѣдованіи преступниковъ будутъ вполнѣ гарантированы; установляя выдачу, уложеніе даетъ возможность иностранной державѣ, по выдачѣ преступника принимать установленныя у себя мѣры репрессіи противъ него, предоставленіе же иностранной державѣ болѣе чѣмъ права на выдачу преступника, предоставленіе ей права требованія о наказаніи такого преступника ничѣмъ не оправдывается и не представляется для Россіи основанія брать на себя обязанность карать иностранцевъ за преступленія, совершенныя внѣ предѣловъ Россіи и не нарушающія прямо интересовъ Россіи. Для Россіи это будетъ бремя, да это и будетъ имѣть видъ права на вмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи. Если на установленіе такого закона, какъ обязанность Россіи наказывать иностранцевъ за совершенныя ими преступныя дѣянія внѣ предѣловъ Россіи и не нарушающія правъ Россіи или ея подданныхъ, смотрѣть съ той точки зрѣнія, что преступникъ, какъ убійца, поджигатель, считается лицомъ вреднымъ въ интересахъ государственной безопасности, и если Коммисія, проектируя 7 ст., отправляется отъ такого взгляда на преступленіе, то нелогичнымъ представляется постановленіе (2 п. 8 ст.), ставящее въ зависимость отъ внѣшней иниціативы преслѣдованіе такихъ преступниковъ.

Поэтому г. Сливицкій находитъ, что 3 п. 7 ст. проекта слѣдуетъ изложить такъ: «когда иностранцами учинены преступленія или проступки съ посягательствомъ на права русскихъ подданныхъ». Предполагается при этомъ, что когда такимъ дѣяніемъ нарушены права иностранной державы или иностранныхъ подданныхъ, то сама эта держава приметъ установленныя ея законами мѣры репрессіи противъ преступника, для чего и воспользуется правомъ, предоставленнымъ 11 ст., т. е. потребуетъ выдачи.

Тогда 2 п. 8 ст. будетъ относиться къ русскимъ подданнымъ, совершившимъ преступное дѣяніе внѣ предѣловъ Россіи съ посягательствомъ на права иностранныхъ подданныхъ или иностранной державы, и необходимость такого постановленія вызывается тѣмъ принципомъ, что свои подданные выдачѣ не подлежатъ.

Редакція 7 статьи представляется чинамъ Рязанскаго прокурорскаго надзора неясною, въ виду замѣчаній, сдѣланныхъ на 4 статью проекта (см. выше), они находятъ, что кромѣ того можно возразить слѣдующимъ на постановленіе о томъ, что русскій подданный, учинившій преступленіе внѣ предѣловъ Россіи, подлежитъ сужденію по уложенію, дѣйствующему въ Россійской Имперіи.

Территоріальная теорія, ограничивающая власть закона предѣлами извѣстнаго государства, имѣетъ за собой какъ науку, такъ и практику. Измѣненіе этой территоріальной системы, казалось бы, поведетъ за собой массу теоретическихъ и практическихъ недоразумѣній и затрудненій. Исходя изъ общаго принципа, что каждый подчиняется условіямъ той страны и мѣста, гдѣ находится, и, слѣдовательно, долженъ отвѣчать за нарушеніе тѣхъ условій по мѣстнымъ законамъ, ограждающимъ существованіе тѣхъ условій, слѣдуетъ прійти къ убѣжденію, что всякій гражданинъ, прибывающій въ предѣлы другаго государства, тѣмъ самымъ принимаетъ на себя обязанности всецѣло подчиняться и отвѣтствовать по законамъ государства, въ которое онъ прибылъ и покровительствомъ котораго онъ пользуется; засимъ, если онъ совершитъ дѣяніе, мѣстными законами воспрещаемое, покровительствомъ которыхъ пользовался, то и долженъ отвѣчать по мѣстнымъ законамъ, ибо, въѣзжая свободно въ иную территорію, онъ тѣмъ самымъ свободно принимаетъ какъ покровительство, такъ и кару закона въ той территоріи дѣйствующаго. Исключенія изъ этого положенія безусловно могутъ существовать, но лишь на основаніи правилъ международнаго права, экстерриторіальности, основываемой на особыхъ объ этомъ предметѣ договорахъ. На это можно возразить, что русскіе подданные могутъ совершить въ предѣлахъ иностраннаго государства серьезное преступленіе и засимъ бѣжать въ предѣлы своего отечества и такимъ образомъ остаться какъ бы безнаказанными. Но таковые случаи, сравнительно, могутъ встрѣтиться не часто и имѣютъ быть предметомъ особыхъ, на каждый являющійся случай, правительственныхъ отношеній, декларацій и пр. Важно лишь поддержать принципъ, что каждый, пользующійся покровительствомъ иностраннаго закона, тѣмъ самымъ и несетъ обязанность подчиняться ему и отвѣчать передъ нимъ. Какъ гарантировать русское государство отъ лицъ, понесшихъ болѣе или менѣе серьезныя наказанія за преступленія въ иностранныхъ государствахъ? На это отвѣчаетъ 9 статья проекта. Хотя и въ данномъ случаѣ чины Рязанской прокуратуры считаютъ себя обязанными высказать, что понятіе о преступленіи или проступкѣ должно быть основываемо не на внѣшней номенклатурѣ по послѣдствіямъ дѣянія, а каждый разъ обсуждаемо отдѣльно, т. е. дѣяніе такого-то лица, совершенное въ иномъ государствѣ, представляется ли настолько безнравственнымъ и серьезнымъ, что должны быть принимаемы мѣры, указываемыя 9 статьей проекта.

По замѣчанію Предсѣдателя Нѣжинскаго Окружнаго Суда Ланге, противъ 7 и 8 статей проекта можно возразить, что при отсутствіи общности международныхъ договоровъ, регламентація въ русскомъ уголовномъ кодексѣ

преступныхъ дѣяній, совершенныхъ русскими за границею, исключая политическія преступленія, можетъ повести къ такимъ же практическимъ несообразностямъ, къ какимъ уже повелъ новый законъ гражданскаго судопроизводства (уст. гражд. суд. раздѣлъ V, глава 10), установившій порядокъ исполненія рѣшеній иностранныхъ судовъ въ предѣлахъ Имперіи. Законъ этотъ, въ виду явной несправедливости исполненія рѣшеній другихъ государствъ, постановленныхъ противъ русскихъ подданныхъ, при совершенномъ игнорированіи за границей рѣшеній нашихъ судовъ, судебною практикою, и въ томъ числѣ кассаціонными рѣшеніями Правительствующаго Сената, сведенъ къ нулю и обратился въ мертвую букву.

Московская Судебная Палата замѣчаетъ, что, примѣняя установленную въ статьѣ 5 терминологію къ статьѣ 7, оказывается, что житель Великаго Княжества Финляндскаго, совершившій преступное дѣяніе внѣ предѣловъ Россіи, судится по уложенію (пп. 1 и 2 ст. 7), тогда какъ за таковое же дѣяніе, учиненное имъ въ Финляндіи, онъ подлежитъ преслѣдованію по мѣстнымъ законамъ. Тоже самое примѣнимо и къ 3 п. 7 ст., съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ этомъ случаѣ финляндецъ является уже лицемъ, потерпѣвшимъ отъ преступленія или проступка. Спрашивается: чѣмъ мотивируется такое постановленіе? Какими требованіями, напримѣръ, вызывается необходимость судить финляндца, совершившаго преступленіе въ Швеціи и бѣжавшаго затѣмъ въ свое отечество, въ петербургскомъ или иномъ русскомъ судѣ? Другое дѣло, если происходитъ коллизія между финляндскими законами и законами Имперіи; но такой коллизіи въ указанномъ выше случаѣ нѣтъ!

Наконецъ, объясненіями Редакціонной Коммисіи къ ст. 7 осталось не выясненнымъ, будетъ ли иностранецъ, посягнувшій на права русскаго подданнаго внѣ предѣловъ Россіи, судиться въ мѣстѣ совершенія преступленія, или же въ этомъ случаѣ будетъ производиться выдача его.

По мнѣнію чиновъ Пермской прокуратуры, статьи 7 и 8 изложены слишкомъ научно и совершенно непонятно для непосвященнаго, тогда какъ всякій уголовный законъ долженъ отличаться особенною ясностью; въ 8 же статьѣ п. 3 не отвѣчаетъ и требованіямъ справедливости, такъ какъ по этому постановленію преступленіе наказывается не тѣмъ закономъ, подъ дѣйствіемъ коего оно совершено, и наказаніе не приравнивается къ наказанію, указанному въ этомъ законѣ, а только смягчается.

Для большей точности редакціи, Товарищъ Предсѣдателя Плоцкаго Окружнаго Суда Павловскій полагалъ бы пунктъ 1 статьи 7 изложить слѣдующимъ образомъ:

«1) Когда преступленія или проступки учинены *русскими подданными*»; такъ какъ вся суть этой статьи и состоитъ не въ учиненіи преступленія или проступка за границею вообще, а въ учиненіи ихъ русскими подданными.

По мнѣнію Архангельскаго Губернскаго Прокурора Крауса, въ 1 части статьи 7 проекта было бы желательно выяснить, что примѣненіе ея обусловливается прибытіемъ или возвращеніемъ обвиняемаго въ предѣлы Россіи, по совершеніи имъ преступленія внѣ предѣловъ ея, такъ какъ безъ такого указанія статья эта теряетъ въ ясности.

По этому г. Краусъ полагалъ бы редактировать начало этой статьи слѣдующимъ образомъ: Дѣйствіе постановленій сего уложенія распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя внѣ предѣловъ Россіи лицами, *прибывшими послѣ совершенія преступленія въ предѣлы Имперіи*.

Одинъ изъ чиновъ Радомскаго Окружнаго Суда полагалъ бы справедливымъ распространить дѣйствіе 7 статьи и на нарушенія, совершенныя за границею противу русскихъ подданныхъ, какъ русскими, такъ и иностранцами.

Безнаказанность такихъ нарушеній могла бы вредно отразиться на русскихъ подданныхъ, въ особенности тогда, когда бы они по какимъ либо причинамъ не могли получить за границею удовлетворенія. Въ удовлетвореніи этомъ нельзя имъ отказать, если къ этому представляется возможность.

Тотъ же судебный дѣятель признавалъ бы полезнымъ въ 3 пунктѣ 7 статьи замѣнить слово «они» словами «сіи послѣдніе», ибо можетъ возникнуть сомнѣніе, относится-ли слово «они» къ преступленіямъ и проступкамъ или же лишь къ проступкамъ.

Прокуроръ Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскій указываетъ, что статья 7, опредѣляющая дѣйствіе постановленій уложенія внѣ предѣловъ Россіи, состоитъ изъ трехъ пунктовъ, изъ коихъ первые два, относящіеся къ наказуемости преступныхъ дѣяній, учиненныхъ русскими подданными, по соображеніямъ, изложеннымъ въ объяснительной запискѣ Коммисіи (стр. 35—37), должны быть приняты безъ измѣненія, что же касается 3 пункта этой статьи, то онъ возбуждаетъ двоякаго рода недоразумѣнія: въ смыслѣ

редакціонномъ и по самому существу своему. Въ 3 пунктѣ 7 статьи сказано, что дѣйствіе постановленій уложенія внѣ предѣловъ Россіи распространяется: «когда иностранцами учинены преступленія, или же такіе проступки, коими они посягали на права русскихъ подданныхъ». Съ перваго разу, послѣ прочтенія этого пункта, можно подумать, что статья эта касается вообще учиненныхъ иностранцами преступленій и проступковъ, нарушающихъ только права русскихъ подданныхъ и что такимъ образомъ для наказуемости иностранцевъ за предѣлами Россіи необходимо, чтобы совершенныя ими, какъ преступленія, такъ и проступки были направлены противъ правъ русскихъ подданныхъ. Между тѣмъ, изъ объяснительной записки (стр. 38) оказывается, что Коммисія, проектируя 3 пунктъ, имѣла въ виду установить наказуемость въ подобныхъ случаяхъ иностранцевъ за всѣ вообще преступленія, хотя бы таковыя были направлены противъ иностранца же и что, слѣдовательно, употребленное въ ст. 7 выраженіе: «коими они посягали на права русскихъ подданныхъ», относится только къ проступкамъ. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что излишнія подробности и многоглагольствованіе въ законѣ, затемняя иногда истинный смыслъ статьи, вредны,—но еще болѣе вредною, казалось бы, является неясность закона, допускающая возможность разныхъ толкованій и проистекающая вслѣдствіе неполноты, неточности и неоправдываемой краткости изложенія статьи; въ данномъ случаѣ истолкователемъ дѣйствительнаго смысла 3 пункта 7 статьи, каковой хотѣла придать ему Коммисія, должна служить запятая, поставленная предъ словами «или же», и если какъ нибудь случайно не обратить на нее вниманіе или же упустить ее, то означенный пунктъ получаетъ совершенно другой смыслъ и значеніе. А потому, если 3 пунктъ 7 статьи не подвергнется измѣненію въ самомъ существѣ своемъ, то въ виду тѣхъ недоразумѣній, которыя онъ можетъ возбуждать по своей редакціи, надлежало бы дополнить его, выразивъ точнѣе мысль о томъ, что дѣйствіе уложенія распространяется на иностранцевъ въ случаѣ совершенія ими всякихъ вообще преступленій, каковое измѣненіе могло бы быть сдѣлано приблизительно въ слѣдующей формѣ: «*когда иностранцами учинены всякія вообще* (или какія бы то ни было) *преступленія или же такіе проступки...* и т. п.»

Обращаясь затѣмъ къ существу положенія, которое выражено въ приведенномъ 3 пунктѣ, г. Хлодовскій находитъ, что Коммисія, распространивъ дѣйствіе постановленій уложенія на *всѣ вообще преступленія*, учиненныя иностранцами за предѣлами Россіи, допустила такой широкій объемъ отвѣтственности иностранцевъ, котораго до сихъ поръ не существовало ни въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ, ни въ другихъ европейскихъ кодексахъ. Къ такому широкому распространенію дѣйствія уложенія по отношенію къ ино-

странцамъ не представляется правильныхъ основаній. Главная забота правительства и цѣль всякаго законодательства должны заключаться въ охраненіи интересовъ своего государства и его отдѣльныхъ гражданъ,—безразлично будетъ ли нарушеніе подобныхъ интересовъ допущено русскими подданными или иностранцами,—въ предѣлахъ Россіи или за ея границею; въ этихъ именно видахъ представляется вполнѣ правильнымъ и согласнымъ съ требованіемъ государственныхъ интересовъ включеніе въ уголовное законодательство постановленій, изложенныхъ въ 5 статьѣ и 1 и 2 пунктахъ 7 статьи проекта; до нѣкоторой степени можетъ быть также оправдываема и наказуемость русскихъ подданныхъ, совершившихъ за границею преступное дѣяніе по отношенію къ иностранцу, ибо такое дѣяніе, какъ совершенное членомъ русской семьи, сыномъ русскаго государства, ложится позоромъ и темнымъ пятномъ на русскомъ государствѣ и обществѣ, которыя имѣютъ право требовать, чтобы граждане его вездѣ и всюду не нарушали правилъ, установленныхъ для общежитія. Но ни правительственная власть, ни русское общество нисколько не могутъ быть заинтересованы въ наказуемости преступленій, совершенныхъ иностранцами за предѣлами Россіи по отношенію къ иностранцу же, какой бы важности они ни были, такъ какъ подобными преступленіями нисколько не нарушаются ни государственные или общественные его интересы, ни, наконецъ, интересы отдѣльныхъ его гражданъ. Единственно правильный и справедливый въ подобныхъ случаяхъ исходъ, если иностранецъ, совершившій указанное преступленіе, бѣжитъ въ Россію, долженъ заключаться въ выдачѣ такого преступника его правительству, но если иностранное правительство не требуетъ его выдачи или вообще не позаботилось о заключеніи надлежащихъ конвенцій относительно выдачи бѣжавшихъ преступниковъ и, слѣдовательно, само не особенно интересуется наказаніемъ своего же подданнаго за преступленіе, учиненное противъ его же соотечественника, то тѣмъ менѣе представляется основаній русскому государству брать на себя заботу объ исправленіи и наказаніи такого иностраннаго преступника. Коммисія, отступая отъ общихъ началъ, принятыхъ по сему предмету современными европейскими законодательствами, какъ видно изъ объяснительной записки (стр. 38), въ основаніе сего приводитъ единственно лишь то соображеніе, что нельзя допустить въ интересахъ справедливости и государственной безопасности, чтобы завѣдомый убійца, изнасилователь или поджигатель могъ оставаться въ Россіи безнаказаннымъ и пользоваться всѣми принадлежащими ему дотолѣ правами. Дѣйствительно, съ точки зрѣнія государственной безопасности, русское правительство не можетъ относиться равнодушно къ такому иностранцу, ибо можно опасаться, что онъ совершитъ какое либо преступленіе въ предѣлахъ Россіи; но интересы государственной

или общественной безопасности имѣютъ весьма мало общаго съ тѣми основаніями, коими вызывается необходимость наказанія преступника. Въ видахъ безопасности, для предупрежденія могущихъ послѣдовать вредныхъ послѣдствій, вслѣдствіе появленія въ предѣлахъ Россіи иностраннаго преступника, на обязанности русскихъ властей лежитъ принять по отношенію къ нему извѣстныя предупредительныя мѣры,—каковыя мѣры могутъ и должны заключаться или въ установленіи надъ такимъ иностранцемъ извѣстнаго наблюденія и полицейскаго надзора, если совершенное имъ преступленіе было не чрезмѣрной важности, или наконецъ въ воспрещеніи ему въѣзда въ территорію и высылкѣ его изъ Россіи,—что допускаетъ и сама Коммисія относительно иностранцевъ, уже понесшихъ за границею наказаніе за совершенное преступленіе (стр. 40), и что въ равной мѣрѣ можетъ быть допущено и относительно ненаказанныхъ еще иностранцевъ; но интересы государственной безопасности вовсе не могутъ вызывать надобности въ судѣ и наказаніи иностранца, бѣжавшаго въ Россію, по русскимъ законамъ, за то, что имъ было совершено за предѣлами Россіи и что нисколько не нарушаетъ интересовъ Россіи.

По изложеннымъ соображеніямъ, г. Хлодовскій полагаетъ *3-й пунктъ 7 статьи измѣнить*, изложивъ его такимъ образомъ: 3) *Когда иностранцами учинены преступленія или проступки, коими они посягали на права русскихъ подданныхъ:*

Въ 3 пунктѣ статьи 7 проекта собраніемъ чиновъ Кіевской прокуратуры предположено исключить изъ редакціи слова: «же такіе», и добавить слова: «или русскаго государства». Этими измѣненіями было бы достигнуто, съ одной стороны, то, что иностранцы, совершившіе внѣ предѣловъ Россіи преступленія противъ иностранцевъ, въ Россіи по русскимъ законамъ судимы не будутъ, и слѣдовательно русскіе суды избавятся отъ невыполнимой работы разслѣдованія и сужденія такихъ преступныхъ дѣяній, въ которыхъ русское государство и его подданные непосредственно не заинтересованы, а съ другой—что русское государство не было бы лишено возможности карать и такія дѣянія, которыя, не нарушая интересовъ отдѣльныхъ русскихъ подданныхъ, наносятъ вредъ самому государству.

Что же касается до соображеній Редакціонной Коммисіи, что при такомъ рѣшеніи вопроса намъ пришлось бы допустить возможность спокойнаго пребыванія въ своей средѣ явнаго убійцы, то соображенія эти, будучи построены болѣе на идеальной, чѣмъ практической точкѣ зрѣнія, фактически почти не осуществимы, ибо устраняются ст. 11 проекта уложенія, трактующей о выдачѣ иностранцевъ. Но если и допустить на практикѣ возможность такого положенія, то его слѣдуетъ разсматривать какъ неизбѣжное зло, подобное

допускаемому при сопоставленіи пункта 1 ст. 7 съ пунктомъ 2 ст. 8 проекта, какое сопоставленіе не исключаетъ возможности такого положенія, что явный убійца русскій подданный, при отсутствіи жалобы потерпѣвшаго лица или требованія иностранныхъ властей, будетъ безнаказанно проживать въ Россіи.

Въ виду этихъ соображеній, собраніе полагало бы измѣнить редакцію 3 пункта ст. 7 проекта уложенія слѣдующимъ образомъ: «когда иностранцами учинены преступленія или проступки, коими они посягали на права русскихъ подданныхъ или русскаго государства».

При обсужденіи въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры статьи 7 было замѣчено (г. Марковъ), что составители проекта повидимому полагаютъ, что всѣ преступныя дѣянія иностранцевъ, противъ иностранцевъ, совершенныя внѣ предѣловъ Россіи, не подлежатъ дѣйствію нашего уложенія. Между тѣмъ изъ сопоставленія ст. 7 съ ст. 11 видно, что составители проекта сами предвидятъ случаи, когда иностранецъ за преступленіе, совершенное за границею, не будетъ выданъ изъ Россіи, а будетъ судиться и наказанъ русскимъ судомъ по нашему уложенію. Такіе случаи могутъ имѣть мѣсто: 1) когда требованіе иностраннаго правительства о выдачѣ не будетъ уважено, по отсутствію договора или инымъ причинамъ, и 2) когда такого требованія вовсе не послѣдуетъ, а между тѣмъ будетъ на лицо другой законный поводъ къ начатію слѣдствія, напримѣръ жалоба потерпѣвшаго. Оставлять такія преступныя дѣянія безнаказанными было бы безнравственно и въ государственномъ смыслѣ вредно. Поэтому ст. 7 слѣдовало бы изложить такимъ образомъ: «преступныя дѣянія, учиненныя внѣ предѣловъ Россіи, подлежатъ дѣйствію сего уложенія, когда русскими подданными или иностранцами, неподлежащими выдачѣ, согласно ст. 11, учинены 1) преступленія или проступки, и 2) нарушенія въ государствахъ, съ коими о наказуемости такихъ нарушеній существуютъ особые договоры.

Совѣщаніе не согласилось съ означеннымъ предложеніемъ, раздѣливъ представленныя однимъ изъ присутствовавшихъ (г. Кичинъ) соображенія о томъ, что подъ 3 п. ст. 7 подходятъ *преступленія*, учиненныя иностранцами какъ противъ русскихъ подданныхъ, такъ и противъ иностранцевъ; что же касается *проступковъ*, то нѣтъ достаточныхъ основаній къ возбужденію въ Россіи преслѣдованія, если проступкомъ этимъ не нарушены права русскихъ подданныхъ и иностранное правительство не заключаетъ съ Россіею договора или не требуетъ выдачи въ данномъ случаѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣщаніемъ

признано необходимымъ въ 3 п. ст. 7 послѣ словъ: «посягали на права», добавить: Россіи и русскихъ подданныхъ.

Чины прокурорскаго надзора Московскихъ судебныхъ мѣстъ находятъ, что послѣдній пунктъ 7 ст. не вполнѣ ясенъ и можетъ повести къ возбужденію вопроса о томъ, распространяются ли постановленія уложенія только на злодѣянія (*) (по проекту преступленія), учиненныя иностранцами внѣ предѣловъ Россіи противъ русскихъ подданныхъ исключительно, или же на всѣ вообще злодѣянія, безотносительно къ тому, чьи права ими нарушаются? Изъ смысла статьи и изъ мотивовъ Редакціонной Коммисіи слѣдуетъ прійти къ послѣднему заключенію, но во избѣжаніе недоразумѣнія, самая редакція статьи должна быть нѣсколько измѣнена и могла бы принять такой видъ:

Дѣйствіе постановленій сего уложенія распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя внѣ предѣловъ Россіи:

1) когда русскими подданными учинены злодѣянія или преступленія;

2) когда русскими подданными учинены проступки въ государствахъ, съ коими о наказуемости такихъ проступковъ существуютъ особые договоры;

3) когда иностранцами учинены злодѣянія или же и преступленія въ томъ случаѣ, ежели послѣдними они посягали на права русскихъ подданныхъ.

По замѣчанію чиновъ Казанской Судебной Палаты, 3 пунктъ 7 статьи слѣдовало бы измѣнить такъ: «когда иностранцами учинены преступленія или же такіе проступки, коими они посягали на права россійскаго государства или его подданныхъ».

Со своей же стороны, Члены той же Палаты Галкинъ-Враскій и Кобеко, считаютъ правильнымъ упомянуть въ этой статьѣ только о «преступленіи», такъ какъ названіе «проступокъ» должно, по мнѣнію ихъ, относиться къ тѣмъ преступнымъ дѣйствіямъ или упущеніямъ, для которыхъ проектомъ принято слово «нарушеніе».

Сенаторъ А. К. Фриде замѣчаетъ, что вполнѣ соглашаясь съ мыслями, которыя изложены въ мотивахъ Коммисіи къ ст. 7—9, онъ находитъ однако,

---

(*) См. выше замѣчанія Московской прокуратуры на стр 4.

что, именно въ виду ихъ, п. 3 статьи 7, по соображеніи онаго и съ ст. 8 проекта, не можетъ быть сохраненъ въ настоящей его редакціи, которая придана ему.

Общее правило, принятое во всѣхъ новѣйшихъ уложеніяхъ, заключается въ томъ, изложенномъ въ § 4 германскаго уложенія, началѣ, что «преступленія и проступки, совершенныя за границею вообще не преслѣдуются». Тоже выражено еще съ большею опредѣлительностію въ ст. 4 бельгійскаго уложенія и въ ст. 4 новаго проекта итальянскаго уложенія. Изъ этого правила допускаются исключенія для *подданныхъ*, совершившихъ извѣстныя дѣйствія, клонящіяся ко вреду *своего отечества*, и для *иностранцевъ*, совершившихъ за границею извѣстныя преступленія, которыя подвергаютъ опасенію цѣлость государства, или преступленія противъ монетныхъ уставовъ. При этомъ однако, какъ вполнѣ правильно указано въ итальянскомъ проектѣ, для того, чтобы къ лицу, совершившему указанныя какъ въ ст. 5, такъ и внѣ оной преступленія, могли быть примѣняемы итальянскими судами итальянскіе законы, необходимо, чтобы итальянецъ или иностранецъ былъ препровожденъ или вступилъ въ итальянскую территорію. Не говоря уже о томъ, что на практикѣ преступленія противу монетныхъ уставовъ или поддѣлка русскихъ ассигнацій и кредитныхъ билетовъ не имѣли послѣдствіемъ выдачу виновныхъ русскому правительству; что напротивъ того не только иностранцы, но и русскіе подданные, виновные въ тѣхъ же дѣйствіяхъ за границею, подвергались, тамъ же, и наказанію (такъ какъ, при существующемъ дозволеніи вывоза русскихъ кредитныхъ билетовъ, поддѣлка оныхъ подвергаетъ невыгоднымъ послѣдствіямъ не одно россійское государство, но и всѣхъ иностранныхъ владѣльцевъ означенныхъ кредитныхъ билетовъ), Сенаторъ Фриде, кромѣ этого, находитъ, что п. 3 ст. 7 проекта уже потому не возможенъ къ исполненію, что напр. въ ст. 9 германскаго уложенія и въ § 1 ст. 9 итальянскаго проекта уложенія положительно постановлено, что нѣмецъ и подданный Италіи никогда не могутъ быть выданы иностранному правительству для преслѣдованія или наказанія. Ежели же нѣмецъ и итальянецъ выданы быть не могутъ, то, если даже, въ данномъ случаѣ, по требованію русскаго правительства онъ будетъ подвергнутъ преслѣдованію въ Германіи или Италіи, конечно къ дѣянію примѣнится не русское уложеніе, а уложеніе германское и итальянское. Спрашивается, къ чему же поведетъ, хотя бы въ отношеніи къ Германіи и Италіи, статья русскаго уложенія, на основаніи которой, какъ это можно вывести изъ буквальнаго смысла ст. 7, не прочитавъ мотивовъ, на нѣмца или итальянца, учинившаго въ Германіи или Италіи преступленія, коими они посягали на права русскихъ подданныхъ, распространяется дѣйствіе русскаго уложенія.

Къ изданію подобнаго правила послужила, кажется, ст. 8 венгерскаго

уложенія (хотя въ мотивахъ противъ этого возражаютъ), но эта статья относится, какъ видно изъ весьма осторожной ея редакціи, къ такимъ, совершившимъ за границею извѣстныя преступленія, иностранцамъ, которые, не бывъ еще за оныя наказаны, *прибыли въ венгерскую* территорію; но и относительно означенныхъ лицъ все же постановлено, что они наказываются по законамъ венгерскимъ, *если не подлежатъ выдачѣ*, т. е. препровожденію въ свое отечество. Сообразно съ вышеизложеннымъ, г. Фриде полагалъ бы 3 п. ст. 7 изложить слѣдующимъ образомъ:

«Когда иностранцами, пребывающими въ Россіи, учинены, до прибытія ихъ въ Россію преступленія, или же такіе проступки, коими они посягали на права русскихъ подданныхъ».

Одинъ изъ членовъ собранія чиновъ прокуратуры Варшавскаго Окружнаго Суда полагалъ болѣе правильнымъ допустить безусловную выдачу иностранцевъ, совершившихъ за границей преступныя дѣянія, коими они посягали на права иностраннаго государства и на иностранныхъ подданныхъ, такъ какъ представляется весьма затруднительнымъ изслѣдованіе преступнаго дѣянія не въ мѣстѣ его совершенія. Съ этимъ мнѣніемъ однако собраніе не согласилось, такъ какъ могутъ быть случаи, когда государство не будетъ требовать выдачи, а оставлять безнаказаннымъ преступленіе было бы несогласно съ началами уголовной политики.

Чины Уманскаго Окружнаго Суда, имѣя въ виду, что буквальный смыслъ 3 п. ст. 7 проекта уложенія какъ бы исключаетъ изъ круга дѣйствія его постановленій случаи совершенія иностранцами, внѣ Россіи, преступленій или проступковъ, не направленныхъ ко вреду отдѣльныхъ русскихъ подданныхъ, но вредящихъ самой Россіи, какъ государству (напр. поддѣлка россійскихъ кредитныхъ билетовъ и сбытъ ихъ иностранцами), и признавая такое исключеніе едвали желательнымъ, находитъ болѣе удобнымъ разсматриваемый пунктъ седьмой статьи дополнить словами: «и Россіи».

По замѣчанію Уфимскаго Губернскаго Прокурора Мѣщанинова, третій пунктъ статьи 7 изложенъ не совсѣмъ ясно; очевидно онъ въ краткой редакціи представляетъ слѣдующее положеніе: иностранцы, совершившіе внѣ предѣловъ Россіи преступленіе или проступокъ, подлежатъ дѣйствію сего уложенія въ слѣдующихъ случаяхъ: а) совершившіе преступленіе противъ иностранца же—при задержаніи ихъ въ предѣлахъ Россіи, при отсутствіи

требованій о ихъ выдачѣ; б) совершившіе преступленіе или проступокъ противъ русскаго подданнаго—при задержаніи въ Россіи или по выдачѣ ихъ русскому правительству. Желательно было бы болѣе ясное изложеніе этого положенія, чѣмъ настоящая редакція 3 пункта 7 статьи.

Одесскій Окружный Судъ не усматриваетъ основаній, въ силу которыхъ дѣйствіе уложенія распространялось бы лишь на такіе проступки, учиненные внѣ предѣловъ Россіи, коими иностранцы посягали на права русскихъ подданныхъ, и не распространялось на проступки, коими иностранцы посягали противъ имущественныхъ интересовъ русскаго государства. Казалось бы, что если дѣйствіе уложенія не можетъ быть распространяемо на указанные проступки противъ другаго рода правъ государства, то нѣтъ основаній къ ограниченію дѣйствія сего уложенія по отношенію къ посягательствамъ противъ казеннаго имущества. Поэтому Окружный Судъ полагаетъ, что 3 п. 7 ст. проекта слѣдуетъ измѣнить въ указанномъ смыслѣ, изложивъ его такъ: «когда иностранцами учинены преступленія или же такіе проступки, коими они посягали на права русскихъ подданныхъ или имущественные интересы русскаго государства».

По отношенію къ третьему пункту статьи 7-ой, въ средѣ чиновъ Варшавской прокуратуры было выражено мнѣніе, что независимо отъ проступковъ противъ русскихъ подданныхъ иностранцами, находящимися въ предѣлахъ Россіи, могутъ быть совершены также проступки противъ правъ Русскаго Государства, о чемъ въ текстѣ означенной статьи не упоминается. Въ виду этого, по мнѣнію совѣщанія названныхъ чиновъ, 3 п. 7 ст. слѣдовало измѣнить такъ:

Когда иностранцами учинены преступленія или же такіе проступки, коими они посягали на права Русскаго Государства или русскихъ подданныхъ.

При обсужденіи чинами Кишиневскаго Окружнаго Суда и мѣстными Присяжными Повѣренными 3 п. 7 ст. указано было, что такъ какъ пунктъ этотъ по смыслу объяснительной записки (стр. 37 и 38) не только отвергаетъ въ сферѣ такъ называемаго «международнаго уголовнаго права» формальную точку зрѣнія территоріальнаго принципа, на мѣсто котораго уже дѣйствующее уложеніе поставило принципъ персональный, но и дѣлаетъ смѣлый новый шагъ къ міровому принципу, основывающемуся не на безсодержа-

тельномъ космополитизмѣ, но на идеѣ солидарной обязанности цивилизованныхъ государствъ бороться противъ враговъ общества, и принятіемъ этого принципа проектъ русскаго уголовнаго уложенія вводитъ новое начало, непризнаваемое и непрактикуемое почти ни однимъ иностраннымъ законодательствомъ, то такое свѣтлое раціональное начало объ отвѣтственности иностранцевъ по нашимъ законамъ за преступленія, совершенныя внѣ предѣловъ Россіи даже противъ иностраннаго государства и иностранныхъ подданныхъ, должно быть выражено въ законѣ точно и опредѣлительно. Этого не усматривается въ редакціи 3 п. 7 ст., неточно выражающей названную широкую мысль Редакціонной Коммисіи. Редакція этого пункта проекта даетъ возможность предполагать, что дѣйствіе постановленій сего уложенія не распространяется на иностранцевъ, совершившихъ внѣ предѣловъ Россіи преступленія противъ иностранцевъ. Поэтому предложено было раздѣлить 3 п. 7 ст. на два и формулировать ихъ такимъ образомъ: 3) когда иностранцами учинены преступленія; 4) когда иностранцами учинены такіе проступки, коими они посягали на права русскихъ подданныхъ.

Собраніе названныхъ лицъ, съ своей стороны, признало такія редакціонныя замѣчанія правильными.

По отношенію къ ст. 7-й, Прокуроръ Харьковской Судебной Палаты Закревскій замѣчаетъ, что устанавливаемое Коммисіею новое правило, въ силу котораго иностранцы будутъ отвѣчать по русскому уложенію о наказаніяхъ за преступленія, совершенныя за границею противъ иностранцевъ же, потому только, что «нельзя допустить, чтобы завѣдомый убійца, изнасилователь или поджигатель могъ оставаться въ Россіи безнаказаннымъ и пользоваться всѣми принадлежащими ему правами», едва ли имѣетъ совершенно твердое основаніе. Единственное, приводимое Коммисіею соображеніе, что «безнаказанность одинаково нарушала бы и справедливость, и интересы государственной безопасности», не можетъ, повидимому, считаться особенно вѣскимъ, особенно убѣдительнымъ. Россійская государственная власть не имѣетъ своею задачею водворять начала справедливости на всемъ земномъ шарѣ, на всемъ пространствѣ нашей планеты. Какъ справедливо замѣчаетъ Коммисія въ другомъ мѣстѣ (*л.* 35), предѣлами территоріи естественно «ограничивается власть закона». Въ виду этого, нельзя, по мнѣнію г. Закревскаго, не сожалѣть о томъ, что Коммисія, считающая нужнымъ ввести совершенно новое начало въ русское уложеніе о наказаніяхъ и распространить его на весь міръ, не нашла возможнымъ мотивировать необходимость подобнаго мѣропріятія болѣе обстоятельными, болѣе солидными соображеніями, чѣмъ

ссылкою на отвлеченную справедливость и на интересы государственной безопасности, которые именно этимъ способомъ едва ли могутъ быть ограждены. Если присутствіе извѣстнаго иностранца не безопасно для русскихъ подданныхъ, то его слѣдовало бы, кажется, выслать за границу, а не подвергать его наказанію за дѣяніе, совершенное на территоріи, гдѣ дѣйствуетъ иной, самостоятельный законъ, и нарушившее права лица, не пользующагося покровительствомъ русскаго закона.

По изложеннымъ основаніямъ, Прокуроръ Палаты предлагаетъ п. 3 ст. 7 изложить такъ:

3) «когда иностранцами совершены преступленія или проступки, коими они посягали на права русскихъ подданныхъ».

Образованная изъ состава Варшавской Судебной Палаты коммисія, имѣя въ виду, что большинство членовъ ея высказалось за исключеніе изъ уголовнаго уложенія ст. 4 проекта, полагала статью 7 изложить въ слѣдующей редакціи:

«Дѣйствіе постановленій сего уложенія распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя внѣ предѣловъ Россіи:

1) «когда русскими подданными учинены преступныя дѣянія, влекущія за собою наказаніе не ниже тюремнаго заключенія;

2) «когда русскими подданными учинены преступныя дѣянія, влекущія за собою арестъ или денежную пеню, въ государствахъ, съ коими о назуемости такихъ дѣяній существуютъ особые договоры;

3) «когда иностранцами учинены преступныя дѣянія, коими они посягали на права русскихъ подданныхъ, а равно въ случаѣ требованія подлежащихъ иностранныхъ властей или по жалобѣ потерпѣвшаго, если виновный посягнулъ на права иностраннаго государства или иностранныхъ подданныхъ».

Статья 8.

При примѣненіи статьи 7 соблюдаются слѣдующія правила:

1) уголовное преслѣдованіе не возбуждается: если дѣяніе не запрещено законами мѣста его учиненія, за исключеніемъ случаевъ, въ статьяхъ ..... означенныхъ; если виновный отбылъ за учиненное имъ дѣяніе наказаніе, или былъ оправданъ или освобожденъ отъ суда по приговору иностраннаго

суда, вошедшему въ законную силу; если дѣяніе относится къ числу тѣхъ, по коимъ, согласно статьѣ 11, не допускается выдача;

2) уголовное преслѣдованіе возбуждается не иначе, какъ по требованію подлежащихъ иностранныхъ властей или по жалобѣ потерпѣвшаго, если виновный посягнулъ на права иностраннаго государства или иностранныхъ подданныхъ;

3) наказаніе уменьшается въ порядкѣ, статьею 53 установленномъ, если виновный уже отбылъ часть назначеннаго ему по приговору иностраннаго суда наказанія, или если законами мѣста учиненія дѣянія полагается наказаніе менѣе противъ опредѣляемаго въ семъ уложеніи строгое; правило сіе не распространяется на дѣянія, статьями .... предусмотрѣнныя.

Профессоръ Меркель указываетъ, что, по словамъ объяснительной записки, преступникъ, наказанный въ Россіи за поддѣлку монеты, можетъ быть снова подвергнутъ въ Германіи полному наказанію, за это преступленіе положенному (стр. 39). Однако возможность такого случая прямо исключается § 7 германскаго уголовнаго уложенія. Въ этомъ отношеніи, германское уголовное уложеніе не заключаетъ въ себѣ никакой несправедливости. Постановленія же ст. 8 проекта, какъ кажется профессору Меркелю, переступили предѣлы надлежащей мѣры въ соображеніи иностраннаго законодательства. Если русскій судья будетъ подкупленъ за границею, то можно ли оставить его безнаказаннымъ потому только, что иностранное уголовное право не предусматриваетъ преступленій по должности, совершенныхъ должностными лицами другихъ государствъ (какъ напр. германское уголовное право), или потому, что должностное лицо иностраннаго государства хотя и было предано суду за границею, но было оправдано въ виду того, что иностранный судья призналъ иностранное уголовное уложеніе не примѣнимымъ къ служащимъ другихъ государствъ?

Профессоръ Гуго-Мейеръ находитъ неправильнымъ содержащееся въ п. 2 ст. 8 постановленіе о томъ, что и русскій подданный наказывается въ случаяхъ, симъ пунктомъ указанныхъ, не иначе, какъ по заявленію иностранныхъ властей или потерпѣвшаго иностранца. Въ пунктѣ 3 можетъ быть рѣчь не о смягченіи наказанія въ порядкѣ, ст. 53 установленномъ, а о смягченіи наказанія въ порядкѣ, установленномъ иностраннымъ, болѣе

мягкимъ, сравнительно съ уложеніемъ, закономъ, или, въ подлежащемъ случаѣ, о зачетѣ отбытаго заграницею наказанія.

Профессоръ Будзинскій замѣчаетъ, что въ п. 1 ст. 8 не указано *помилованіе*, какъ причина, устраняющая возбужденіе преслѣдованія; упоминается только, между прочимъ, объ освобожденіи отъ наказанія по приговору суда. Между тѣмъ въ мотивахъ (ст. 39) сказано и о помилованіи.

Г. фонъ-Резоцъ указываетъ, что согласно 1 п. ст. 8, уголовное преслѣдованіе не возбуждается, если дѣяніе не запрещено законами мѣста его учиненія, а по 3 п. наказаніе уменьшается, если законами мѣста учиненія дѣянія полагается наказаніе менѣе противъ опредѣляемаго въ семъ уложеніи строгое. При обсужденіи этихъ постановленій, нужно различать дѣянія, совершенныя русскими подданными, отъ дѣяній, совершаемыхъ иностранцами. Что касается первыхъ, т. е. отечественныхъ подданныхъ, то имъ извѣстенъ правовой порядокъ отечества, и они, разумѣется, наказываются именно за нарушеніе этого порядка; слѣдовательно, къ дѣяніямъ ихъ можетъ быть примѣненъ исключительно отечественный законъ. Примѣненіе, въ извѣстныхъ случаяхъ, къ дѣяніямъ ихъ иностраннаго закона привело бы (помимо его теоретической неправильности) къ явнымъ несправедливостямъ, ибо пришлось бы подвергнуть разнымъ наказаніямъ русскихъ подданныхъ, совершившихъ въ разныхъ мѣстахъ одно и то же преступленіе, или даже одного наказать, а другаго отъ всякаго наказанія освободить.

Новѣйшія иностранныя законодательства, за исключеніемъ проекта итальянскаго уложенія и венгерскаго уложенія, не допускаютъ примѣненія болѣе мягкаго иностраннаго закона (*), причемъ, въ соображеніяхъ къ германскому уложенію (стр. 32) это мотивировано тѣмъ, что тотъ, который совершаетъ наказуемое дѣяніе, сознаетъ допущенное имъ нарушеніе, и что только это обстоятельство имѣетъ значеніе для рѣшенія вопроса о наказуемости, между тѣмъ какъ размѣръ наказанія, въ сравненіи съ вопросомъ объ уголовной отвѣтственности, имѣетъ только второстепенное значеніе.—Менѣе правильно постановленіе иностранныхъ уложеній о наказаніи незапрещенныхъ закономъ мѣста учиненія дѣяній, хотя мотивы, говорящіе противъ допущенія болѣе мягкаго иностраннаго закона, должны привести послѣдова-

---

(*) Германія допускаетъ исключеніе для тѣхъ, которые, во время совершенія, были иностранными подданными и только впослѣдствіи приняли германское подданство.

тельно къ признанію и здѣсь исключительнаго дѣйствія отечественнаго закона; впрочемъ, высказанное г. фонъ-Резономъ мнѣніе принято въ дѣйствующемъ австрійскомъ правѣ и въ проектѣ новаго австрійскаго уложенія.

Болѣе сомнѣній можетъ вызвать вопросъ о наказаніи иностранцевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что преступное дѣяніе, совершенное иностранцемъ противъ иностранца, на иностранной территоріи, не касается нашей правовой сферы и не представляется ея нарушеніемъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что при наказаніи подобныхъ дѣяній долженъ быть принятъ въ соображеніе иностранный законъ, а напротивъ, что они у насъ совершенно ненаказуемы. Что же касается, затѣмъ, до преступныхъ дѣяній иностранцевъ, направленныхъ противъ россійскаго государства или русскихъ подданныхъ, то этотъ вопросъ рѣшается на основаніи уже сказаннаго: или дѣянія эти считаются нарушеніями нашего правоваго порядка, какъ это правильно признаютъ и «Объясненія», и тогда они подлежатъ дѣйствію нашихъ законовъ, или же они не нарушаютъ нашей правовой сферы, и тогда они у насъ ненаказуемы.

Независимо отъ сего, 3 п. 8 ст. вызываетъ еще слѣдующее недоразумѣніе: если разъ признано, что слѣдуетъ примѣнить болѣе мягкій иностранный законъ, то, разумѣется, является вопросъ, по какимъ правиламъ опредѣлить, что одно наказаніе мягче другаго, и по какимъ правиламъ уменьшить это наказаніе? 8 ст. отвѣчаетъ на эти вопросы такъ: «наказаніе уменьшается въ порядкѣ, ст. 53 установленномъ». Казалось бы, постановленіе это (если только 3 п. останется неизмѣненнымъ) должно вызвать самыя серьезныя сомнѣнія. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ: 1) преступленіе, наказуемое у насъ каторгою, считается въ иностранныхъ государствахъ проступкомъ или нарушеніемъ, наказуемымъ тюрьмою или арестомъ; по правиламъ 53 ст. слѣдуетъ назначить виновному, во всякомъ случаѣ, или каторгу, или исправительный домъ; 2) по уложенію полагается исправительный домъ безъ опредѣленія низшаго предѣла, по иностраннымъ законамъ—тюрьма отъ 6 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ; послѣднее наказаніе болѣе мягкое—слѣдовательно, судъ, согласно 2 п. 53 ст., можетъ перейти къ заключенію въ тюрьмѣ и назначить оное въ размѣрѣ двухъ недѣль; 3) по уложенію назначается срочная каторга, съ опредѣленіемъ низшаго размѣра; по иностраннымъ законамъ—Zuchthaus отъ 1 до 5 лѣтъ; согласно 53 ст., должна быть назначена каторга не менѣе пяти лѣтъ; 4) преступное дѣяніе у насъ наказывается заточеніемъ свыше шести лѣтъ, за границею—заключеніемъ въ крѣпости отъ одного до десяти лѣтъ; по 53 ст. можетъ быть назначено заточеніе на двѣ недѣли. Было бы нетрудно увеличить число примѣровъ, но и приведенные уже ясно доказываютъ, по мнѣнію г. фонъ-Резона, что примѣненіе 53 ст. не даетъ правильнаго мѣрила для смягченія наказаній. Можно даже прямо сказать, что

оно ведетъ къ очевиднымъ несправедливостямъ. Кромѣ того, установленное 3 п. 8 ст. правило о порядкѣ смягченія нисколько не устраняетъ главныхъ затрудненій, которыя являются при примѣненіи нынѣ дѣйствующаго права (174 ст. улож.). Самое трудное въ сихъ случаяхъ—разрѣшеніе вопроса о сравнительной тяжести иностраннаго и отечественнаго наказанія, а безъ разрѣшенія его примѣненіе 53 ст. невозможно. Но и помимо этого, могутъ явиться сомнѣнія, напр. при наличности обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, покушеніи и т. д. Поэтому, если уже признать дѣйствіе закона мѣста совершенія, то именно онъ и долженъ быть примѣненъ, какъ это признается напр. германскимъ и нашимъ уложеніемъ; установленіе же какого то средняго наказанія, не соотвѣтствующаго ни нашему, ни иностранному наказанію, не оправдывается ни практическими, ни теоретическими соображеніями.

Еще менѣе удовлетворительнымъ представляется примѣненіе 53 ст. при назначеніи наказанія въ томъ случаѣ, если виновный уже отбылъ часть назначеннаго ему, по приговору иностраннаго суда, наказанія. Прежде всего, постановленіе это является вполнѣ оригинальнымъ; проектъ итальянскаго уложенія (ст. 8), на который ссылаются «Объясненія», опредѣляетъ только, что если наказаніе было отбыто виновнымъ невполнѣ, то отбытая часть принимается въ разсчетъ при опредѣленіи новаго; о томъ, что отбытіе части наказанія должно считаться обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину, вовсе не упоминается; напротивъ, способъ засчитыванія части отбытаго уже наказанія, вполнѣ предоставляется благоусмотрѣнію суда. Совершенно такое же, вполнѣ цѣлесообразное постановленіе встрѣчается въ. 7 ст. герм. и 13 ст. венг. улож. Въ «Объясненіяхъ» не сказано, какими соображеніями вызвано предлагаемое нововведеніе, и поэтому едва ли необходимо возражать противъ него съ теоретической точки зрѣнія. Для провѣрки его практической годности возьмемъ сначала указанные выше примѣры: 1—3. 1) Виновный былъ присужденъ къ тюрьмѣ или аресту въ высшей мѣрѣ, т. е. (по германскому улож.) на 5 лѣтъ или на 6 недѣль, и въ послѣдній день наказанія убѣжалъ; слѣдовательно отбылъ $^{1824}/_{1825}$ или $^{41}/_{42}$ срока наказанія. Если теперь признать, что подсудимый будетъ тоже присужденъ къ каторгѣ въ высшей мѣрѣ, т. е. на пятнадцать лѣтъ, что онъ изъ этого наказанія отбылъ $^{1824}/_{1825}$ или $^{41}/_{42}$, значитъ ему остается отбыть въ первомъ случаѣ 3 дня, во второмъ же, приблизительно, еще $4^1/_2$ мѣсяца каторжныхъ работъ, или, согласно 55 ст., 6 дней и 9 мѣсяцевъ заключенія въ исправительномъ домѣ; между тѣмъ, при примѣненіи 53 ст., онъ долженъ быть присужденъ къ заключенію въ томъ же домѣ до шести лѣтъ. 2) Виновный былъ присужденъ къ тюремному заключенію въ высшей мѣрѣ, т. е. на пять лѣтъ, изъ

котораго отбылъ 6 мѣсяцевъ; согласно 55, ст. $4^1/_2$ года тюрьмы равняются 3-хъ годичному заключенію въ исправительномъ домѣ; между тѣмъ, по 2 п. 53 ст. можно перейти къ тюрьмѣ, такъ что $4^1/_2$ годичное заграничное тюремное заключеніе можетъ быть замѣнено двухнедѣльнымъ заключеніемъ у насъ. 3) Виновный отбылъ изъ четырехлѣтняго заключенія въ Zuchthaus 3 года; оставшееся время можетъ быть замѣнено годичною каторгою; въ случаѣ примѣненія 53 ст., вмѣсто одного года заключенія въ Zuchthaus, каторга должна быть назначена на срокъ не менѣе 5 лѣтъ. Къ подобнымъ результатамъ приходимъ и тогда, если возьмемъ случаи одинаковаго наказанія; напр. назначена каторга или Zuchthaus отъ 10 до 15 лѣтъ; виновный отбылъ изъ назначеннаго ему въ низшей мѣрѣ наказанія девять лѣтъ, слѣдовательно, остается одинъ годъ, но согласно 1 п. 53 ст. ему должна быть назначена каторга на пять лѣтъ.

Кажется, что этихъ примѣровъ довольно; они вполнѣ убѣдительно доказываютъ, что предположенный Коммисіею способъ зачисленія отбытаго уже срока заключенія не можетъ быть принятъ, ибо имъ можетъ уничтожаться всякое разумное отношеніе между преступленіемъ и наказаніемъ, и всякая возможность справедливо опредѣлить дѣйствительное значеніе отбытой уже части наказанія. Наконецъ, не представляется никакого основанія не примѣнять правила о зачисленіи отбытой уже доли наказанія ко всѣмъ вообще преступнымъ дѣяніямъ, за исключеніемъ разумѣется тѣхъ, по коимъ полагается смертная казнь или безсрочная каторга. Держится ли Коммисія этого мнѣнія—изъ «Объясненій» не видно.

Ст. 8 п. 2 опредѣляетъ, что уголовное преслѣдованіе возбуждается не иначе, какъ по требованію подлежащихъ иностранныхъ властей или по жалобѣ потерпѣвшаго, если виновный посягнулъ на права иностраннаго государства или иностранныхъ подданныхъ. Съ этимъ постановленіемъ тоже нельзя согласиться. Если преступныя дѣянія, совершенныя за границею, наказываются, какъ нарушенія нашего правоваго порядка, во имя нашего общественнаго интереса, то, разумѣется, преслѣдованіе и наказаніе ихъ не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ благоусмотрѣнія иностранныхъ властей или потерпѣвшихъ, тѣмъ болѣе, что соображенія, по коимъ допускается, какъ исключительное правило, наказаніе извѣстныхъ преступныхъ дѣяній не иначе, какъ по иниціативѣ потерпѣвшихъ, по существу своему, не могутъ быть распространены на другіе виды преступныхъ дѣяній. Разбой и убійство остаются всегда разбоемъ и убійствомъ, поэтому должны быть

(*) По германскому уложенію.

наказаны ex officio, безразлично, совершены ли они въ предѣлахъ Россіи или за границею. «Объясненія» не указали на мотивы, по которымъ они сочли нужнымъ принять изложенное во 2 п. правило. Во всякомъ случаѣ, они не могутъ сослаться на примѣръ иностранныхъ законодательствъ; нѣтъ ни одного уложенія, которое признавало бы постановленіе 2 п., какъ общее правило. Оно допускается въ видѣ исключенія въ Германіи, если виновный, во время совершенія преступленія, былъ иностранный подданный и лишь впослѣдствіи принялъ германское подданство; во Франціи (законъ отъ 27 іюля 1866 г.)—въ случаѣ совершенія проступка. Въ первоначальномъ итальянскомъ проектѣ находилось подобное правило, но оно уничтожено при разсмотрѣніи его коммисіею. Также и въ другихъ новѣйшихъ законодательствахъ не встрѣчается постановленія 2 п. (*).

Независимо отъ сего, нельзя не обратить вниманія на весьма неясную редакцію 2 п.; нельзя опредѣлить, въ чемъ именно заключается намѣреніе проекта: слѣдуетъ ли преслѣдовать дѣяніе, направленное противъ иностраннаго государства, лишь по требованію иностранныхъ властей, а дѣяніе, направленное противъ иностранныхъ подданныхъ, лишь по жалобѣ потерпѣвшаго, или же и дѣла послѣдняго рода могутъ быть возбуждены по требованію иностранныхъ властей? При первомъ толкованіи можетъ случиться, что многія преступленія останутся ненаказанными, ибо, съ одной стороны, напр. въ случаяхъ убійства и т. п. потерпѣвшій можетъ быть лишенъ возможности принести жалобу, а съ другой, въ извѣстныхъ преступленіяхъ (напр. кровосмѣшеніи, скотоложствѣ и т. д.) можетъ вовсе и не быть потерпѣвшаго. При другомъ же толкованіи 2 п. пришлось бы допустить, что и всѣ неофиціальныя преступныя дѣянія могутъ подлежать преслѣдованію по требованію иностранныхъ властей, помимо жалобы потерпѣвшаго; но, очевидно, что подобный порядокъ былъ бы совершенно неправиленъ, ибо если извѣстныя преступныя дѣянія, совершенныя въ Россіи, наказываются лишь въ случаѣ желанія потерпѣвшаго, то нѣтъ никакого основанія усугублять репрессивныя мѣры въ случаѣ совершенія тѣхъ же дѣяній внѣ предѣловъ Россіи.

(*) Преслѣдованіе только по требованію иностраннаго правительства или потерпѣвшаго могло бы быть допущено лишь въ одномъ случаѣ, а именно въ случаѣ совершенія преступнаго дѣянія иностранцемъ за-границею, противъ иностранца или иностраннаго государства, ибо подобное дѣяніе не нарушаетъ нашего правоваго порядка. Но, какъ сказано уже выше, дѣянія эти у насъ совершенно ненаказуемы.

Въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества предсѣдательствующимъ былъ прочтенъ составленный Редакціоннымъ Комитетомъ Общества проектъ редакціи ст. 8 слѣдующаго содержанія:

При примѣненіи ст. 7 соблюдаются слѣдующія правила:

1) если дѣяніе, совершенное за границею, было направлено противъ иностраннаго государства или противъ иностранцевъ, то оно преслѣдуется не иначе, какъ по требованію подлежащихъ иностранныхъ властей или потерпѣвшаго лица;

2) виновный не подвергается никакому изъ наказаній, предусмотрѣнныхъ во 2 ст., за свое преступное дѣяніе, если онъ отбылъ за него наказаніе за границею, или былъ оправданъ или освобожденъ отъ наказанія по приговору иностраннаго суда, или если его дѣяніе, за исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ статьяхъ ... (противъ Россіи и русскихъ подданныхъ), не было запрещено по уголовнымъ законамъ мѣста совершенія преступленія;

3) не отбывшимъ вполнѣ назначеннаго иностраннымъ судомъ наказанія назначается новое, по постановленіямъ сего уложенія, но сообразно установленной судомъ виновности и съ зачетомъ понесенной уже части наказанія;

4) наказаніе уменьшается въ порядкѣ, установленномъ ст. 53, если закономъ мѣста учиненія дѣянія полагается наказаніе менѣе строгое, нежели положенное по уложенію, за исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. . . . улож. (противъ правъ Россіи).

Н. Д. Сергіевскій замѣтилъ, что изложенною редакціею ст. 8 вводятся слѣдующія существенныя измѣненія въ редакціи этой же статьи проекта уложенія:

1) п. 1 ст. 8 ограничивается указаніемъ, что виновный не подвергается только никакому изъ наказаній, предусмотрѣнныхъ во 2 ст., вмѣсто выраженія, что уголовное преслѣдованіе не возбуждается. Указаніе это, по его мнѣнію, совершенно излишне. И помимо его, принципъ non bis in idem вполнѣ сохраняетъ свою силу. Ст. 8 и 9 составляютъ одно цѣлое, подобно тому, какъ 2 и 3. Первая, то есть 8, говоритъ о главныхъ наказаніяхъ, вторая, то есть 9—о послѣдствіяхъ наказаній;

2) исключаются 2 послѣднія строки п. 1 ст. 8, относящіяся къ невыдачѣ политическихъ преступниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ненаказуемости ихъ со стороны государства, дающаго имъ убѣжище. О необходимости подобнаго исключенія можно судить, онъ полагаетъ, только при разсмотрѣніи ст. 11 проекта, посвященной вопросу о выдачѣ и невыдачѣ преступниковъ;

3) въ п. 3 вводится зачетъ части понесеннаго наказанія, врядъ ли возможный въ виду существеннаго различія наказаній, устанавливаемыхъ

различными кодексами, а затѣмъ, врядъ-ли и необходимый при допущеніи въ этой же статьѣ смягченія наказаній по 53 ст. проекта.

Соглашаясь съ высказаннымъ г. Сергѣевскимъ желаніемъ, по возможности, сохранить текстъ проекта и находя также невозможнымъ, по трудности осуществленія на практикѣ, установить зачетъ наказаній, дѣйствительный членъ *А. Ф. Кони* высказалъ, относительно 2 п. ст. 8 контръ-проекта, что, по мнѣнію его, въ этомъ пунктѣ упущенъ одинъ случай, который не можетъ быть обойденъ: возбужденіе преслѣдованія не только по требованію потерпѣвшаго иностранца или иностраннаго государства, но и по явкѣ съ повинною самого преступника. Явка съ повинной не составляетъ особенно рѣдкаго явленія въ судебной практикѣ и нельзя отрицать, что могутъ быть случаи, когда она бываетъ средствомъ примиренія преступника съ укоряющею его совѣстью. Въ этомъ смыслѣ явка съ повинною имѣетъ высокое нравственное значеніе и поэтому то она и внесена въ разрядъ поводовъ къ производству слѣдствія. Нѣтъ основанія исключать ее и въ настоящемъ случаѣ.—Могутъ возразить, что уст. угол. судопр., кромѣ явки съ повинною, признаетъ и другіе поводы къ возбужденію дѣла, которые поэтому также слѣдовало бы включить въ текстъ 2 п. 8 ст. Но, разсматривая эти поводы, необходимо признать, что введеніе ихъ въ ст. 8 проекта уложенія съ практической точки зрѣнія невозможно. Нельзя говорить о возбужденіи дѣлъ противъ иностранцевъ, совершившихъ преступленіе заграницею, русскою прокурорскою властью, такъ какъ власть эта ограничена русскою территоріею и ея компетенція не простирается за границы Россіи; невозможно, по тѣмъ же соображеніямъ, и возбужденіе дѣла въ этомъ случаѣ и по сообщеніямъ русскихъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, какъ власти, имѣющей территоріальные предѣлы; личное же усмотрѣніе судебнаго слѣдователя, требующее, чтобы онъ былъ очевидцемъ совершеннаго преступленія, немыслимо. Но всѣхъ этихъ соображеній не существуетъ, однако, относительно явки съ повинною. Скажутъ, что явка съ повинною представитъ много практическихъ неудобствъ при изслѣдованіи преступленія, но тѣ же неудобства будутъ вызваны и допущеніемъ возбужденія преслѣдованія по жалобѣ потерпѣвшаго и по требованію иностранныхъ властей. Во всѣхъ этихъ случаяхъ будетъ необходимо мѣстное изслѣдованіе и будутъ неизбѣжные пробѣлы въ судебномъ слѣдствіи предъ русскимъ судомъ. Судопроизводственныя неудобства уже существуютъ и при теперешнемъ предположеніи проекта. Могутъ сказать, наконецъ, что явка съ повинною можетъ являться извѣстнаго рода торгомъ преступника съ правосудіемъ; онъ, являясь съ повинною въ Россію, можетъ желать упредить болѣе строгое наказаніе на родинѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что такой случай возможенъ, но основная мысль допущенія явки съ повин-

ною, какъ повода для слѣдствія, состоитъ въ разсчетѣ на хорошія побужденія человѣческой души. Не допустить въ ст. 8 уложенія явку съ повинною, въ нѣкоторыхъ случаяхъ было бы равносильно лишенію лица, совершившаго преступленіе, всякой возможности понести наказаніе иначе, какъ заставивъ его ѣхать въ ту сторону, нерѣдко отдаленную, гдѣ онъ имѣлъ несчастіе совершить преступное дѣяніе. Неужели человѣкъ, бѣжавшій въ Россію, въ надеждѣ, что его преступленіе не будетъ открыто, и судимый, затѣмъ, по требованію иностраннаго правительства или по жалобѣ потерпѣвшаго, долженъ стоять въ лучшемъ положеніи, чѣмъ тотъ, кто, не найдя и на чужбинѣ примиренія съ совѣстью, раскроетъ свое дѣяніе, быть можетъ оставшееся безвѣстнымъ, и будетъ искать суда, получая отвѣтъ: «обратитесь туда, гдѣ вы сдѣлали преступленіе и понесите, за вашу откровенность, не только наказаніе, но и путевыя издержки».

По симъ соображеніямъ, А. Ф. Кони полагалъ необходимымъ включить во 2-й п. 8 ст., что уголовное преслѣдованіе возбуждается и по явкѣ съ повинною.

Дѣйствительный членъ *А. А. Марковъ*, возразилъ А. Ф. Кони, что по уставу уголов. судопр. явка съ повинною не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ часто самый фактъ явки съ повинной не служитъ, самъ по себѣ, достаточнымъ поводомъ къ начатію уголовнаго дѣла (если она отвергается имѣющимися у слѣдователя свѣдѣніями, ст. 310).

С. Ф. Христіановичъ указалъ, что въ большинствѣ случаевъ явка съ повинною и не является актомъ искренняго показанія подсудимаго.

Н. Д. Сергіевскій находилъ, что самъ законодатель относится къ явкѣ съ повинной не съ полнымъ довѣріемъ.

На эти возраженія *А. Ф. Кони* замѣтилъ, что во 1-хъ) совершившій преступленіе не всегда можетъ разсчитывать на болѣе слабое наказаніе; оно можетъ быть и строже; что во 2-хъ) такому же слабѣйшему наказанію подсудимый можетъ быть подвергнутъ и по жалобѣ потерпѣвшаго, и по требованію иностраннаго правительства. Что касается до возраженія г. Маркова, А. Ф. Кони полагаетъ, что и жалоба потерпѣвшаго иностранца не можетъ служить безусловнымъ поводомъ къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія, безъ провѣрки ея надлежащимъ изслѣдованіемъ на мѣстѣ, посредствомъ сношенія съ иностранными властями. То обстоятельство, что иностранное государство не будетъ требовать наказанія преступника, не имѣетъ еще никакого значенія, такъ какъ оно можетъ и не знать о совершенномъ преступленіи. Если иностранное государство не доставитъ свѣдѣній, подкрѣпляющихъ явку съ повинною, то она и не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій.

А. Н. Турчаниновъ высказалъ, что не видитъ различія между явкою съ повинною и жалобою лица потерпѣвшаго. Въ обыкновенномъ порядкѣ, жалоба потерпѣвшаго потому имѣетъ значеніе, что жалобщикъ, удостовѣряющій своей подписью справедливость жалобы и находящійся въ предѣлахъ Россіи, несетъ затѣмъ уголовное наказаніе, если жалоба его не подтвердится,—не такъ будетъ въ случаѣ, предусмотрѣнномъ ст. 8 проекта. Что можно сдѣлать съ жалобщикомъ, находящимся за границею, насколько можно довѣрять подобной жалобѣ? Явка съ повинною представляетъ въ данномъ случаѣ (ст. 8) большія гарантіи истинности, такъ какъ сама личность преступника остается какъ бы живымъ залогомъ правды. Если уже исключить явку, то слѣдуетъ исключить и жалобу потерпѣвшаго, и остаться только при требованіи подлежащихъ властей.

По произведенному голосованію оказалось, что предложеніе о явкѣ съ повинною большинствомъ голосовъ было отвергнуто.

Затѣмъ предсѣдательствующій предложилъ къ голосованію вопросъ объ измѣненіи 1 п. ст. 8 проекта согласно съ 2 пунктомъ контръ-проекта редакціоннаго комитета (о главныхъ наказаніяхъ, упоминаемыхъ въ ст. 2). Принятъ контръ-проектъ большинствомъ 17 голосовъ противъ 10.

По тому же 2-му пункту контръ-проекта *Н. М. Коркуновъ* сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе. По его мнѣнію, употребленное выраженіе «освобожденъ отъ наказанія» слишкомъ широко, такъ какъ и помилованіе можетъ получить значеніе rei judicatae, что едва ли можетъ быть признано правильнымъ.

Помилованіе можетъ имѣть мѣсто по соображеніямъ политическимъ и даже прямо враждебнымъ Россіи, если дѣло идетъ о помилованіи правительствомъ того государства, съ которымъ мы находимся въ данное время въ войнѣ. Удобнѣе было бы не придавать помилованію значенія освобожденія отъ наказанія; этимъ не только не будетъ нарушенъ общій принципъ признанія авторитета иностранныхъ судовъ и иностранной судебной власти вообще, именно потому, что помилованіе не есть актъ судебный и не изображаетъ собою функціи судебной власти. Это актъ власти правительственной, а такое различіе имѣетъ не только теоретическое, но прямо и практическое значеніе, такъ какъ правительственныя функціи осуществляются правительствомъ непосредственно, а судебныя только отъ его имени, чрезъ особыхъ, пользующихъ независимостью, органовъ.

Ѳ. Ѳ. Мартенсъ, высказываясь за экстерриторіальное значеніе помилованія, утверждалъ, что актъ судебнаго приговора и актъ помилованія въ сущности тождественны. Въ актѣ суда и наказанія, осуществляется верховная карательная власть государства, которая, одинаковымъ образомъ, осуществляется и въ актѣ помилованія.

В. Д. Спасовичъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Н. М. Коркунова, добавилъ, что нельзя отнять у себя возможность провѣрки правильности помилованія иностраннаго государства.

По голосованіи, предложеніе Н. М. Коркунова было принято большинствомъ 20 голосовъ противъ 6, въ такомъ смыслѣ, что къ словамъ проекта: *освобожденъ отъ суда*, должны быть прибавлены слова: «за давностью или за примиреніемъ съ потерпѣвшимъ».

По вопросу о томъ, долженъ ли русскій судъ, въ случаѣ, указанномъ въ п. 3 контръ-проекта, признать безусловно фактъ виновности въ томъ видѣ, въ какомъ онъ установленъ въ приговорѣ иностраннаго суда, были высказаны слѣдующія соображенія:

Н. М. Коркуновъ высказалъ, что иногда нашъ судъ будетъ поставленъ въ невозможность формулировать наказаніе по признакамъ виновности, установленнымъ иностраннымъ судомъ.

Ѳ. Ѳ. Мартенсъ, указывая на то, что, по теоріи международнаго права, судъ въ мѣстѣ совершенія преступленія есть вообще настоящее forum, единственно компетентное по уголовному дѣлу, замѣтилъ однако, что этотъ взглядъ господствуетъ только въ теоріи, но далекъ отъ преобладанія на практикѣ. Въ дѣйствительности, только рѣшенія иностранныхъ гражданскихъ судовъ признаются обязательными и въ чужой странѣ, безъ повѣрки ихъ по существу дѣлъ.

Н. Д. Сергіевскій указалъ на фактическую невозможность примѣненія наказанія по установленной иностраннымъ судомъ виновности, причемъ привелъ изъ иностранныхъ кодексовъ примѣры преступленій, не находящихъ соотвѣтствующихъ себѣ преступленій въ русскихъ законахъ (assassinat, meurtre, Diebstal, Unterschlagung). Подобное правило было бы несправедливо еще вотъ почему: судъ, долженствующій постановить приговоръ о наказаніи, иногда выслушавъ всѣ обстоятельства дѣла, приходитъ къ сознанію несправедливости примѣнить наказаніе, несмотря на установленную, хотя бы даже вердиктомъ присяжныхъ, виновность. Принять контръ-проектъ, значитъ лишить судъ подобнаго права.

М. В. Красовскій высказался также противъ контръ-проекта, приведя въ примѣръ практическихъ неудобствъ при осуществленіи его обвиненіе иностраннымъ судомъ кого либо въ изнасилованіи. Подобное обвиненіе возбуждается у насъ, въ Россіи, не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшей, а на западѣ Европы—непосредственно прокуратурою. Если признать обязательную силу приговоровъ иностранныхъ судовъ, то что же дѣлать съ подобнымъ обвиняемымъ, осужденнымъ, отбывшимъ уже часть положеннаго ему наказанія, а затѣмъ бѣжавшимъ въ предѣлы Россіи?

. . . Высказано было мнѣніе, что нельзя лишать русскаго подданнаго дорогаго права быть судимымъ русскимъ же судомъ, который можетъ провѣрить правильность приговора суда иностраннаго, не всегда, быть можетъ, вполнѣ безпристрастнаго, напр. въ случаѣ натянутости политическихъ отношеній. Наконецъ, нѣкоторыя преступленія, которыя за границею судятся безъ присяжныхъ, у насъ, въ Россіи, подлежатъ суду присяжныхъ, представляющему большую гарантію справедливости. . . . . .

. После голосованія, редакція контръ-проекта, по вопросу объ окончательности установленія иностраннымъ судомъ факта виновности, была отвергнута, слѣдовательно редакція проекта была принята большинствомъ 22 голосовъ противъ 8.

Зачетъ наказанія, предложенный вмѣсто устанавляемаго проектомъ смягченія наказанія (п. 3 ст. 8), не принятъ Юридическимъ Обществомъ по трудности его осуществленія при несоизмѣримости разныхъ родовъ разныхъ системъ наказаній.

При обсужденіи 8 ст. проекта въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества, *Ѳ. А. Быковъ*, по поводу 1 п. этой статьи, высказалъ, что опасно принять за безусловное правило невозбужденіе уголовнаго преслѣдованія въ случаяхъ оправданія или освобожденія отъ суда приговорами иностранныхъ судовъ, такъ какъ можно ожидать, что иностранные суды, въ особенности присяжные, подъ вліяніемъ національно-политическихъ отношеній, иногда даже и временныхъ, будутъ постановлять явно неосновательныя оправданія, и ожидать этого можно не только по преступленіямъ государственнымъ, въ родѣ составленія за границей заговора противъ русскаго правительства, но и по такимъ преступленіямъ, какъ поддѣлка кредитныхъ знаковъ, а потому онъ и думалъ-бы, что слѣдуетъ опредѣлить и исчислить въ нашемъ кодексѣ случаи, въ которыхъ оправдательные приговоры иностранныхъ судовъ должны игнорироваться, и виновные должны, во всякомъ случаѣ, судиться русскимъ судомъ.

Мнѣніе это Обществомъ принято не было, причемъ *Ю. Д. Кольчевскій* высказалъ, что такое правило по отношенію къ преступленіямъ политическимъ совершенно безполезно, такъ какъ политическія преступленія противъ Россіи иностранными государствами не преслѣдуются и, вѣроятно, никогда преслѣдоваться не будутъ; *А. С. Френкель* указалъ на то, что это противно принципу non bis in idem, а *В. А. Андреевъ*—что это противно принципу уваженія къ суду, который необходимо соблюдать и по отношенію къ судамъ иностраннымъ.

2 п. 8 ст. не вызвалъ въ Обществѣ никакихъ замѣчаній; по поводу-же 3 п. этой статьи *В. А. Андреевъ* высказалъ, что въ немъ заключаются два положенія, а именно: а) о наказуемости преступниковъ, кои уже отбыли за границею часть опредѣленнаго наказанія и, слѣдовательно, въ отношеніи коихъ приговоръ иностраннаго суда вошелъ въ законную силу, и б) о порядкѣ наказуемости въ случаяхъ, когда по мѣстнымъ законамъ наказаніе полагается менѣе строгое, чѣмъ по уложенію. Коммисія полагаетъ судить въ обоихъ случаяхъ по русскимъ законамъ и опредѣлять наказаніе съ уменьшеніемъ въ порядкѣ, установленномъ 53 ст. проекта. Между тѣмъ, оба эти положенія существенно различны. Основаніемъ различія въ порядкѣ наказуемости должно служить вступленіе приговора иностраннаго суда въ законную силу. Если за совершенное за границей преступленіе виновный не будетъ еще вовсе осужденъ или же приговоръ иностраннаго суда еще не вошелъ въ законную силу,—то, по прибытіи виновнаго въ Россію, есть основаніе судить его по русскимъ законамъ съ уменьшеніемъ наказанія по 53 ст. проекта и не выше того, которое слѣдовало бы по мѣстнымъ законамъ. Но когда приговоръ иностраннаго суда вошелъ уже въ законную силу, приговоръ этотъ долженъ быть исполненъ, кромѣ приговоровъ о смертной казни.

Въ виду этого замѣчанія, на обсужденіе Общества былъ поставленъ вопросъ: слѣдуетъ ли и въ какой мѣрѣ подвергать пересмотру вошедшій въ законную силу, но еще вовсе или въ части неисполненный приговоръ иностраннаго суда? По этому поводу *Ю. Д. Кольчевскій* находилъ, что, въ виду несоотвѣтствія русскихъ родовъ наказанія съ наказаніями иностранныхъ кодексовъ, на практикѣ окажется невозможнымъ исполнить иностранные приговоры, а потому онъ и думаетъ, что надо иностранный приговоръ пересмотрѣть по существу и постановить новый, вслѣдствіе чего и высказывается за сохраненіе редакціи проекта. *В. В. Смиттенъ* высказалъ, что солидарность интересовъ правосудія требуетъ исполненія приговора иностраннаго суда; для устраненія же неудобствъ, могущихъ произойти отъ несоотвѣтствія родовъ наказаній, вполнѣ достаточно пересматривать приговоръ только въ отношеніи наказанія. Къ этому взгляду присоединились всѣ присутствовавшіе и признали, что вошедшіе въ законную силу, но еще неисполненные, приговоры иностранныхъ судовъ должны пересматриваться только въ отношеніи наказанія, за исключеніемъ, впрочемъ, приговоровъ, постановленныхъ судами нецивилизованныхъ странъ, которые должны быть пересматриваемы всецѣло.

Далѣе, по поводу того же 3 п. 8 ст., *В. В. Смиттенъ* высказалъ, что власть суда смягчать наказаніе по 53 ст. проекта ограничена извѣстнымъ

предѣломъ и потому можетъ случиться, что придется лицо, приговоренное за границей напр. къ десятилѣтнему лишенію свободы и отбывшее уже тамъ лѣтъ девять, приговорить еще на 5 или 6 лѣтъ, вслѣдствіе чего онъ и думаетъ, что отбытая за границею часть наказанія должна не служить основаніемъ для смягченія по 53 ст., а просто должна засчитываться, какъ то установлено 7 ст. германскаго кодекса. *Н. П. Смиттенъ* замѣтилъ, что, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ томъ, когда наказаніе по иностранному кодексу мягче, чѣмъ по русскому, слѣдуетъ просто предоставить суду право смягчать наказаніе, не стѣсняясь предѣлами 53 статьи. Выслушавъ эти замѣчанія, Общество единогласно признало, что рѣшеніе вопроса о томъ, какое наказаніе мягче, русское или иностранное, а также, въ какой мѣрѣ должна быть принята въ соображеніе часть наказанія, отбытая за-границею, можетъ быть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предоставлено усмотрѣнію суда. Кромѣ того, Общество признало, что изъ этого правила никакихъ исключеній быть не должно, а потому послѣднія слова 3 п. 8 ст. надо уничтожить.

Сенаторъ С. И. Зарудный указываетъ, что въ ст. 7 сдѣлана ссылка на ст. 11 и 53, т. е. на будущія статьи. Этого слѣдовало бы избѣгать вообще въ законахъ, а тѣмъ болѣе въ общихъ положеніяхъ уложенія о наказаніяхъ. Но, конечно, это очень трудно. С. И. Зарудный не берется теперь разрѣшить этой задачи, а только указываетъ на нее, такъ какъ эти ссылки на будущія статьи повторяются и въ другихъ статьяхъ. По его мнѣнію, это замѣчаніе должно относиться исключительно къ редакціи основныхъ положеній. Если этого можно достигнуть, то законъ очень много выиграетъ.

Нужно также замѣтить, что вообще при ссылкахъ на другія статьи закона не слѣдовало бы употреблять, какъ это сдѣлано въ 8 статьѣ, такихъ словъ: «въ статьяхъ означенныхъ», «согласно статьѣ», «въ порядкѣ, статьею установленномъ», «статьями предусмотрѣнныя».

Ихъ лучше замѣнять, если можно, простою ссылкою на подлежащую статью въ скобкахъ, напр. (см. ст. 11 и 53), а то и просто: (11.53), если ссылка дѣлается на законъ, содержащійся въ самомъ уложеніи, а въ противномъ случаѣ—поступать по нынѣ установленному порядку.

При всей кажущейся неважности этого замѣчанія, оно въ существѣ своемъ имѣетъ нѣкоторое значеніе. Если сосчитать всѣ эти вовсе не нужныя для ясности слова и замѣнить ихъ простыми ссылками, то, въ концѣ концовъ, уложеніе уменьшится на 2 и даже на 3 печатныхъ листа, что, при важности распространенія книгъ законовъ и ихъ удешевленія, принесетъ

пользу не только въ типографскомъ и денежномъ отношеніи, но и въ сбереженіи времени, и въ большей сжатости изложенія, и большей общедоступности книги, чѣмъ законодатель, во всякомъ случаѣ, пренебрегать не долженъ. Впрочемъ, это замѣчаніе относится болѣе всего къ облегченію и ускоренію типографской работы.

Въ этой же статьѣ, а за нею въ ст. 11 и 12 и во многихъ другихъ встрѣчается слово *«если»*, въ статьяхъ 8 и 11—въ серединѣ періода, а въ ст.—12 въ началѣ двухъ отдѣльныхъ ея пунктовъ.

На этомъ словѣ *если* Сенаторъ С. И. Зарудный считаетъ долгомъ остановить вниманіе членовъ Коммисіи. Оно представляется ему однимъ изъ самыхъ *вредныхъ въ законодательномъ языкѣ*, потому что оно требуетъ дополнительнаго слова *«то»* и затѣмъ вызываетъ за собою, въ большей части случаевъ, построеніе *условнаго* періода рѣчи. Тамъ, гдѣ построеніе такого періода не требуется, тамъ, безъ особеннаго неудобства, можно оставить даже и въ законѣ слово *если*. Исключить его совершенно изъ уложенія едва ли возможно, и, во всякомъ случаѣ, очень трудно; тѣмъ не менѣе кажется, что *въ общихъ положеніяхъ* уложенія о наказаніяхъ слѣдовало бы избѣгать этого слова во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно влечетъ за собою построеніе условнаго періода *въ статьѣ закона*.

Уничтоженіе слова *если* (съ условнымъ періодомъ) изъ статей закона слѣдовало бы возвести на степень *принципа* и *постоянно имѣть его въ виду* при изложеніи статей закона. При всей кажущейся ничтожности этого замѣчанія, г. Зарудный очень просилъ бы Коммисію обратить на него вниманіе, какъ на *коренное правило законодательнаго слога*.

Конечно, это слово можно легко исключить, замѣнивъ его словомъ *«когда»*, но это не имѣло бы практическаго значенія, потому что слово *когда*, точно также какъ и слово *если*, требуетъ построенія того же *условнаго* періода, съ устраненіемъ коего оборотъ рѣчи законодателя, т. е. самая статья закона, получаетъ ту ясность, сжатость, точность, соразмѣрность и опредѣлительность, которыя всегда требуются не только отъ законодателя, но даже отъ всякаго писателя, желающаго, чтобъ сочиненія его были скорѣе усвоены его соотечественниками.

Въ 64 статьяхъ разсматриваемаго проекта общихъ положеній уложенія о наказаніяхъ это вредное слово повторяется въ 17 статьяхъ 34 раза, т. е. на каждыя двѣ статьи одинъ разъ; между тѣмъ какъ въ общихъ положеніяхъ уложенія о наказаніяхъ 1866 г. слова: *если* и *когда* встрѣчаются съ *условными* періодами 16 разъ въ 175 статьяхъ, т. е. на десять статей одинъ разъ.

Слѣдовательно, въ новомъ проектѣ этому слову дано вдвое болѣе развитія. Это указываетъ на то, что нашъ современный законодательный слогъ не улучшается, а ухудшается.

Въ уложеніи Царя Алексѣя Михайловича нѣтъ ни одной статьи, которая начиналась бы словомъ *если*, но за то почти всѣ статьи его, или, по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ начинается словами: «*а будетъ*», что, какъ кажется, то же самое.

Это указываетъ на случайное (казуистическое) свойство нашего законодательства, которое, какъ всѣмъ извѣстно, развивалось мало по малу изъ частныхъ случаевъ и закончилось изданіемъ не уложенія, а «Полнаго Собранія Законовъ» и «Свода Законовъ» 1832 г., изъ коего впослѣдствіи выдѣлилось одно только уголовное уложеніе.

Потому, можетъ быть, слово *если* получило у насъ, въ особенности съ изданіемъ крестьянскихъ положеній 1861 г., такое широкое развитіе. Но замѣчательно, что въ Наказѣ Екатерины II словомъ *если* начинаются только 12 статей (89, 90, 135, 136, 155, 157, 208, 226, 265, 451, 469, 504), а словомъ *когда*—всего 7 статей (166, 242, 333, 344, 455, 478, 505). Всѣхъ статей въ «Наказѣ» 526: значитъ слова *если и когда* на каждыя 30 статей встрѣчаются одинъ разъ.

Въ уставѣ гражданскаго судопроизводства 1864 г. съ охранительными законами считается 1460 статей. Въ нихъ слова *если и когда* съ *условными періодами* встрѣчаются 50 разъ, т. е. на 28 статей одинъ разъ. Поверхностное даже обозрѣніе этихъ статей убѣдитъ въ томъ, что въ нихъ необходимо было удержать эти слова, по *условности* самыхъ правилъ гражданскаго судопроизводства, въ нихъ выраженныхъ; но въ гражданскомъ и уголовномъ уложеніяхъ эти случаи *условности* статей закона, по самому свойству предмета, встрѣчаются очень рѣдко, и потому, хотя никакъ нельзя требовать безусловнаго исключенія этого слова, но примѣненіе сего правила къ редакціи уложенія вообще и *основныхъ его положеній* въ особенности не можетъ не оказать полезнаго вліянія на изложеніе статей закона.

Сообразно сему С. И. Зарудный полагалъ бы ст. 8 проекта изложить такъ: «при примѣненіи статьи 7 соблюдаются слѣдующія правила»:

1) Уголовному преслѣдованію не подлежатъ:

а) Дѣяніе, незапрещенное законами мѣста его учиненія, б) дѣяніе, по коему виновный отбылъ наказаніе, или былъ оправданъ или освобожденъ отъ суда по приговору иностраннаго суда, вошедшему въ законную силу, в) дѣяніе, относящееся къ числу тѣхъ, по коимъ не допускается выдача (ст. 11).

2) Уголовное преслѣдованіе противъ лица, посягнувшаго на права

иностраннаго государства или иностранныхъ подданныхъ, возбуждается не иначе, какъ по требованію подлежащихъ иностранныхъ властей или по жалобѣ потерпѣвшаго.

3) Виновному, отбывшему уже часть назначеннаго по приговору иностраннаго суда наказанія или подлежавшему, по законамъ того государства, гдѣ совершено дѣяніе, менѣе строгому наказанію въ сравненіи съ настоящимъ уложеніемъ, наказаніе уменьшается (ст. 53).

По 1 п. ст. 8 докладчикомъ въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры г. Бомомъ и однимъ изъ членовъ совѣщанія (г. Тимофеевскій) было замѣчено, что подъ выраженіемъ: «освобожденъ отъ суда по приговору иностраннаго суда» составители проекта понимаютъ случаи, исчисленные въ ст. 16 у. у. с., на основаніи которой сюда подойдутъ не только освобожденные судомъ безъ постановленія приговора, но и помилованные, будетъ ли это общая амнистія или частное помилованіе даннаго преступника. Однимъ изъ присутствовавшихъ (г. Марковъ) было, напротивъ, указано, что только освобожденіе отъ наказанія по законному распоряженію иностраннаго суда можетъ быть обязательно для суда русскаго, а потому и въ виду того, что прекращеніе дѣла по законнымъ причинамъ можетъ послѣдовать безъ разсмотрѣнія дѣла судомъ по существу, предлагалось выраженіе: «по приговору иностраннаго суда, вошедшему въ законную силу», замѣнить словами: «иностраннымъ судомъ за давностью или примиреніемъ сторонъ». Четыре члена (гг. Островскій, Васильевъ, Кильштетъ и Кичинъ) высказались за средній исходъ, а именно признали, что для русскаго суда обязателенъ только такой актъ помилованія, который послѣдовалъ по ходатайству, въ установленномъ порядкѣ, иностраннаго суда, постановившаго приговоръ.

Относительно послѣдней части 1 п. ст. 8 въ томъ же совѣщаніи было замѣчено (г. Марковъ), что если бы совѣщаніе не отвергло предложенное измѣненіе ст. 7, уравнивающее отвѣтственность русскихъ и иностранныхъ подданныхъ за преступныя дѣянія, учиненныя внѣ предѣловъ Россіи, то эту часть ст. 8 слѣдовало бы изложить такъ: «уголовное преслѣдованіе не возбуждается».... «если дѣяніе относится къ числу тѣхъ, по которымъ, согласно ст. 11, *допускается* выдача». За принятіемъ ст. 7 въ настоящемъ ея видѣ, послѣдняя часть 1 п. ст. 8 оказывается неясною, и, только по тщательномъ соображеніи съ ст. 7 и 11, можно придти къ выводу, что здѣсь разумѣются такія дѣянія русскихъ *подданныхъ* (1 и 2 пп. ст. 7), за которыя для *иностранцевъ* не допускается выдача; въ такомъ смыслѣ и слѣдуетъ изложить послѣднюю часть 1 п. ст. 8. Одинъ изъ присутствовавшихъ (г. Островскій) присоединил-

ся къ послѣднему предложенію, но остальные члены совѣщанія редакцію послѣдней части 1 п. ст. 8 измѣнять не видѣли надобности.

2 п. ст. 8 былъ принятъ совѣщаніемъ безъ возраженій.

По 3 п. ст. 8 докладчикомъ было заявлено, что вообще едва ли возможна выдача Россіи такого преступника, который уже отбываетъ наказаніе по приговору иностраннаго суда. Но противъ этого послѣдовало возраженіе (г. Васильевъ), что эти случаи фактически возможны въ виду продолжительности дипломатической переписки.

Затѣмъ по 3 п. ст. 8 были возбуждены два вопроса: 1) вправѣ ли русскій судъ пересматривать по существу дѣло, рѣшенное судомъ иностраннымъ, или же, не входя въ обсужденіе вопроса о виновности, обязанъ примѣнить наказаніе по признакамъ преступнаго дѣянія, установленнымъ судомъ иностраннымъ, и 2) какимъ образомъ уменьшить наказаніе и опредѣлять сравнительную тяжесть наказаній.

По первому вопросу двое изъ присутствовавшихъ (гг. Островскій и Васильевъ) полагали, что, на основаніи 3 п. ст. 8 и въ силу понятія о единствѣ суда, русскій судъ обязанъ въ публичномъ засѣданіи, но безъ разсмотрѣнія дѣла по существу, ограничиться примѣненіемъ наказанія къ тому дѣянію, въ которомъ осужденный иностраннымъ судомъ былъ признанъ виновнымъ, подобно тому, какъ дѣйствуетъ судъ въ случаяхъ кассаціи приговора о наказаніи. Противъ этого мнѣнія было высказано (г. Марковъ), что приговоръ иностраннаго суда, какъ состоявшійся при чуждыхъ условіяхъ бытовыхъ и правовыхъ, не можетъ быть навязываемъ суду русскому; что могутъ быть весьма нерѣдко случаи, когда русскій судъ убѣдится въ невиновности осужденнаго; что нельзя лишить такого осужденнаго гарантій суда присяжныхъ, рѣшающаго дѣло по совѣсти, что особенно важно, если за границею онъ былъ судимъ судомъ коронным; наконецъ, что примѣненіе 3 п. ст. 8 въ томъ смыслѣ, какъ полагаютъ два члена совѣщанія, приведетъ къ неисчислимымъ практическимъ затрудненіямъ, такъ какъ придется примѣнять статьи нашего уложенія къ фактическимъ признакамъ, установленнымъ для примѣненія кодексовъ иностранныхъ, несогласованныхъ съ нашимъ и совершенно иначе нормирующихъ преступныя дѣянія. Большинство членовъ совѣщанія, раздѣляя эти соображенія, находило, что слова «виновный уже отбылъ часть назначеннаго ему по приговору иностраннаго суда наказанія» въ 3 п. ст. 8 должны быть замѣнены выраженіемъ: «осужденный русскимъ судомъ отбылъ часть наказанія по приговору иностраннаго суда», чѣмъ и будетъ устранено предположеніе о томъ, что судъ русскій будто бы не вправѣ возбуждать въ этихъ случаяхъ вопросъ о виновности и пересматривать дѣло въ установленномъ порядкѣ по существу.

По второму вопросу было замѣчено (г. Кичинъ), что къ ст. 8, въ видѣ

особаго приложенія, можетъ быть пріобщена сравнительная таблица наказаній, налагаемыхъ иностранными кодексами и нашимъ уложеніемъ. Принимая однако во вниманіе принятое рѣшеніе перваго вопроса и въ виду несомнѣннаго права суда, съ одной стороны—рѣшить сомнѣніе относительно тяжести наказанія въ пользу подсудимаго, а съ другой—оправдать подсудимаго при несоотвѣтствіи признакамъ опредѣленнаго преступнаго дѣянія того факта, въ которомъ онъ обвинялся за границею или признанъ виновнымъ на вторичномъ судебномъ разбирательствѣ, совѣщаніе признало подобную таблицу излишнею тѣмъ болѣе, что составленіе такой таблицы, обнимающей всѣ существующіе на земномъ шарѣ кодексы, было бы излишне и затруднительно.

По поводу правила ст. 8 Прокуроръ Полтавскаго Окружнаго Суда Люце замѣчаетъ, что въ 1 пунктѣ ея необходимо было бы дополнить первыя двѣ строки въ слѣдующемъ смыслѣ:

Уголовное преслѣдованіе не возбуждается, если дѣяніе не запрещено законами мѣста его учиненія *или погашено истеченіемъ давности, установленной тѣми законами,* и пр.

Хотя въ объяснительной запискѣ и сказано, что, по мнѣнію Редакціонной Коммисіи, виновный не долженъ быть подвергнутъ наказанію за дѣяніе, совершенное имъ за границею, если онъ освобожденъ былъ за границей отъ наказанія за это дѣяніе, за давностью; но по 1 пункту 8 ст. это освобожденіе должно послѣдовать непремѣнно по приговору суда, такъ что, если за границей вовсе не было возбуждаемо преслѣдованія противъ виновнаго, то онъ долженъ быть привлеченъ къ отвѣтственности предъ русскими судами, коль скоро его преступленіе не погашено давностью по русскимъ законамъ, хотя бы уже истекла давность, установленная законами мѣста совершенія преступленія. Между тѣмъ такое правило представляется неосновательнымъ, и едва ли Коммисія имѣла намѣреніе его установить: если въ ст. 12 она нашла справедливымъ примѣнять къ преступнымъ дѣяніямъ, совершеннымъ въ Россіи, тѣ принципы о давности, которые имѣютъ силу *во время* совершенія преступнаго дѣянія, то естественно бы сохранить тотъ же принципъ и въ отношеніи мѣста совершенія преступнаго дѣянія и примѣнять всегда тѣ правила о давности, которыя имѣютъ силу въ мѣстѣ совершенія преступленія.

Въ пунктѣ 1 ст. 8 необходимо было бы также упомянуть о томъ, что обвиняемый не подлежитъ въ Россіи преслѣдованію, если онъ былъ за границей освобожденъ отъ наказанія помилованіемъ.

Условіе, установленное во 2 п. 8 ст., было бы справедливѣе, по мнѣнію Прокурора Полтавскаго Окружнаго Суда, распространить на всѣ преступныя дѣянія, совершенныя за границей, не ограничивая его тѣми, которыя направлены противъ правъ иностраннаго государства и иностранныхъ подданныхъ. Для этого ограниченія нельзя найти достаточнаго мотива, такъ какъ преступность виновнаго совершенно одинакова, противъ русскаго ли подданнаго совершено имъ преступное дѣяніе, или же противъ иностранца; между тѣмъ сохраненіе этого ограниченія и установленіе такимъ образомъ правила, что преступныя дѣянія, совершенныя за границею противъ русскихъ подданныхъ, подлежатъ преслѣдованію въ Россіи безъ жалобы частныхъ лицъ и безъ требованія подлежащихъ иностранныхъ властей, поставитъ русскіе суды въ необходимость преслѣдовать въ порядкѣ публичнаго обвиненія и такія преступныя дѣянія, которыя на мѣстѣ ихъ совершенія (въ отличіе отъ русскихъ законовъ) не могли быть преслѣдуемы иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго, и не преслѣдовались тамъ именно за отсутствіемъ такой жалобы или за примиреніемъ виновнаго съ обиженнымъ. Кромѣ того, желаніе потерпѣвшаго или мѣстныхъ властей иностраннаго государства преслѣдовать преступное дѣяніе, совершенное за границей, есть необходимое условіе для успѣшности собранія доказательствъ по дѣлу, и безъ такого желанія возбужденіе преслѣдованія было бы почти всегда безполезно. Наконецъ, если не установить, что преслѣдованіе за преступныя дѣянія, совершенныя за границей, возбуждается не иначе, какъ по требованію иностранныхъ властей или по жалобѣ потерпѣвшаго, то ст. 7 и 8 будутъ имѣть такой смыслъ, какого, конечно, Коммисія не желала имъ придавать, ибо тогда, по смыслу этихъ статей, дѣйствіе русскаго уложенія будетъ распространяться безусловно на всякаго (какъ русскаго, такъ и иностранца), совершившаго за границей преступленіе или проступокъ противъ русскаго подданнаго, хотя бы виновный даже не укрылся, затѣмъ, въ предѣлы Россійской Имперіи, а оставался бы, послѣ совершенія своего преступнаго дѣянія, за границей.

Можно было бы перечислить только нѣсколько преступленій, за которыя русскіе подданные подлежали бы наказанію и безъ жалобъ, подобно тому, какъ въ пунктѣ 1 статьи 8 упомянуто нѣсколько исключеній изъ общаго правила.

Пунктъ 3 статьи 8 опредѣляетъ неправильный порядокъ уменьшенія наказанія въ упомянутыхъ въ немъ случаяхъ. Разница между наказаніемъ, положеннымъ законами мѣста совершенія преступнаго дѣянія, и тѣмъ, которое опредѣлено за то же преступное дѣяніе русскимъ уложеніемъ, можетъ быть столь значительна, что одно уменьшеніе наказанія по правиламъ, указаннымъ въ 53 ст. уложенія, представится иногда недостаточнымъ. Съ другой стороны,

въ нѣкоторыхъ случаяхъ разница между обоими наказаніями можетъ быть столь не велика, что ради ея не представляется основанія предоставлять суду право уменьшать наказаніе въ предѣлахъ, указанныхъ 53 ст. Необходимо, по мнѣнію г. Люце, имѣть въ виду, что между статьей 53, говорящей объ обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину подсудимаго, и случаями, упомянутыми въ 3 п. 8 ст., нѣтъ рѣшительно ничего общаго, и потому нѣтъ никакого основанія связывать между собою эти два законоположенія. Принципомъ, который слѣдовало бы высказать въ 3 п. 8 ст., нельзя не признать то правило, что виновный не долженъ быть подвергаемъ въ Россіи за совершенныя за границей преступныя дѣянія болѣе строгому наказанію, чѣмъ то, какое назначено за эти дѣянія законами мѣста ихъ совершенія. Ежели данное дѣяніе вовсе не запрещено подъ страхомъ наказанія законами той страны, гдѣ оно совершено, то оно вовсе не подлежитъ наказанію и въ Россіи, какъ бы ни было велико наказаніе, назначенное за него русскими законами (п. 1 ст. 8); сообразно сему и мѣра наказанія въ Россіи за преступное дѣяніе, совершенное за границей и запрещенное законами мѣста его совершенія, должна быть поставлена въ такую же прямую зависимость отъ мѣры наказанія, опредѣленной законами той страны, гдѣ совершено преступное дѣяніе.

Въ виду изложеннаго, Прокуроръ Полтавскаго Окружнаго Суда Люце признавалъ бы наиболѣе правильнымъ постановить, что въ случаяхъ, упомянутыхъ въ 3 п. 8 ст. уложенія, виновному не можетъ быть опредѣлено болѣе строгое наказаніе, чѣмъ то, которое положено за его преступное дѣяніе законами мѣста совершенія его (*), или чѣмъ та часть наказанія, отъ отбытія которой онъ уклонился, будучи осужденъ приговоромъ иностраннаго суда.

Правила для примѣненія уложенія, изложенныя въ 8 и 9 ст., по мнѣнію Прокурора Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалева, представляются не вполнѣ удовлетворительными: по 1 п. 8 ст. выходитъ, что за дѣянія, поименованныя въ особо указанныхъ статьяхъ, преслѣдованіе можетъ быть возбуждено только тогда, когда дѣянія эти не запрещены по законамъ того государства, гдѣ они учинены, но правило это, по смыслу статьи, не примѣняется даже и къ означеннымъ дѣяніямъ, если обвиняемый иностраннымъ судомъ былъ оправданъ или освобожденъ отъ наказанія. Не говоря уже о неудачномъ изложеніи статьи («виновный . . . . оправданъ»), едва ли можно согласиться съ тѣмъ, чтобы приговоръ иностраннаго суда могъ имѣть такое значеніе по отношенію къ русской судебной власти: невозможно допустить, чтобы рус-

---

(*) Подобно тому, какъ постановляютъ § 12 венгерскаго уложенія и § 4 германскаго.

скій подданный, уличаемый въ совершеніи на сосѣдней иностранной территоріи какого либо преступленія, направленнаго противъ интересовъ русскаго государства, и оправданный иностраннымъ судомъ, быть можетъ тенденціозно, могъ послѣ этого свободно явиться на русскую землю, не опасаясь преслѣдованій; притомъ въ виду разности въ судебныхъ порядкахъ и въ уголовныхъ законахъ очень часто будутъ возникать трудно разрѣшимые вопросы о томъ, за что именно обвиняемый судился за границей и всѣ ли признаки преступнаго дѣянія были иностраннымъ судомъ обсуждены. Могутъ быть, наконецъ, и такіе случаи, когда по поводу одного и того же преступленія будутъ производиться одновременно два дѣла: въ русскомъ и иностранномъ судахъ, и первый приговоритъ виновнаго къ наказанію, а второй въ тоже время признаетъ дѣяніе его неподлежащимъ вмѣненію.

Подобныя правила, какъ кажется г. Москалеву, могли бы быть примѣнимы только къ иностранцамъ, посягнувшимъ на права иностранныхъ же государствъ или иностранныхъ подданныхъ, такъ какъ русское правительство не можетъ быть заинтересовано въ преслѣдованіи преступленій, совершенныхъ на чуждой почвѣ и направленныхъ противъ чужихъ для него интересовъ, если при томъ преступленія эти уже были судебною властью разсмотрѣны; иностранцы же, пребываніе которыхъ въ Россіи признается неудобнымъ, всегда могутъ быть высланы, какъ это справедливо замѣчаетъ Коммисія въ объяснительной запискѣ (стр. 40).

Тотъ же Прокуроръ находитъ, что 2 п. 8 ст. слѣдовало бы исключить по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ Коммисіею признано неудобнымъ требовать разрѣшеніе Министра Юстиціи на преслѣдованіе преступныхъ дѣяній, совершенныхъ за границей (стр. 41). При нѣкоторыхъ преступленіяхъ потерпѣвшаго лица можетъ и не быть въ живыхъ (напр. въ случаѣ убійства), а ожиданіе требованія иностранныхъ властей будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ замедленіе въ начатіи дѣла и, быть можетъ, укрывательство виновнаго отъ суда; да и вообще не можетъ быть допущено пребываніе среди мирныхъ гражданъ человѣка, уличаемаго въ тяжкомъ преступленіи, гдѣ бы оно ни было совершено, такъ какъ можетъ случиться, что иностранныя власти, по какимъ либо соображеніямъ, не признаютъ нужнымъ требовать преслѣдованія такого лица.

Г. Москалевъ замѣчаетъ далѣе, что 9 ст., какъ нужно думать, относится только къ случаямъ судимости русскихъ подданныхъ за дѣянія, совершенныя за границей, хотя этого въ ней и не оговорено, такъ какъ, по отношенію къ дѣяніямъ, совершеннымъ въ предѣлахъ Россіи, нельзя признать за приговорами иностранныхъ судовъ такую силу, какую придаетъ имъ разбираемая статья, но за всѣмъ тѣмъ представляется неяснымъ, почему понесеніе какого

либо наказанія по приговору иностраннаго суда не освобождаетъ отъ полицейскаго надзора, но избавляетъ отъ каторги, хотя бы виновный подвергнутъ былъ только кратковременному аресту.

Правило это заключаетъ въ себѣ какое-то внутреннее противорѣчіе, которое въ практическомъ примѣненіи приведетъ къ несправедливости. Кромѣ того, оно распространяется только на преступленія, а совершившій проступокъ, по нашему уложенію довольно важный, и отбывшій за него за границей ничтожное наказаніе, уже не можетъ подлежать въ Россіи никакимъ мѣрамъ взысканія, но если это лицо, будучи присуждено напр. къ аресту, не досидитъ двухъ дней и бѣжитъ въ предѣлы Россіи, то тогда нашъ судъ будетъ его судить и, на основаніи 1 и 3 пп. 8 ст., можетъ приговорить его къ заключенію въ исправительномъ домѣ съ послѣдствіями, указанными въ 26 и 27 статьяхъ. Сопоставленіе этихъ двухъ случаевъ показываетъ, насколько, при дѣйствіи такихъ правилъ, справедливость будетъ соблюдена.

По изложеннымъ соображеніямъ г. Москалевъ признавалъ бы болѣе правильнымъ 9 ст. совсѣмъ исключить, а 8-ю изложить слѣдующимъ образомъ:

При примѣненіи статьи 7 соблюдаются слѣдующія правила:

1) русскіе подданные за дѣянія, совершенныя за границей, подвергаются суду и наказанію на общемъ основаніи; то же правило примѣняется и къ иностранцамъ, но за дѣянія, нарушающія права иностраннаго государства или иностранныхъ подданныхъ, уголовное преслѣдованіе противъ нихъ не возбуждается, если они уже были судимы за границей, а также, когда дѣянія эти не запрещены уголовными законами того государства, въ которомъ они совершены, или принадлежатъ къ числу тѣхъ, по коимъ, согласно ст. 11, не допускается выдача;

2) наказаніе уменьшается въ порядкѣ, ст. 53 установленномъ, если виновный былъ наказанъ за то же дѣяніе по приговору иностраннаго суда, или когда за это дѣяніе по законамъ той страны, гдѣ оно учинено, полагается наказаніе менѣе строгое, чѣмъ по сему уложенію; правило это не распространяется на дѣянія, статьями . . . . предусмотрѣнныя.

Ст. 8, опредѣляющая условія примѣненія 7 ст., состоитъ изъ трехъ пунктовъ. Первый и второй ея пункты представляются, по отзыву Прокурора Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскаго, вполнѣ раціональными и должны быть приняты лишь съ слѣдующими редакціонными исправленіями: 1) такъ какъ ст. 11 проекта, указывающая порядокъ выдачи иностранцевъ, по мнѣнію г. Хлодовскаго, должна быть исключена изъ уложенія, на что ука-

зывается ниже, то въ послѣдней части 1 пункта: «если дѣяніе относится къ числу тѣхъ, по коимъ, согласно статьѣ 11, не допускается выдача», г. Хлодовскій полагалъ бы слова: «согласно статьѣ 11», замѣнить словами: «согласно постановленіямъ дѣйствующаго законодательства и международныхъ трактатовъ», и 2) такъ какъ иностранцы могутъ подлежать дѣйствію уложенія, по вышеприведеннымъ г. Хлодовскимъ основаніямъ, за преступленія, учиненныя за границею лишь въ отношеніи русскихъ подданныхъ, и, слѣдовательно, 2 пунктъ 8 ст., очевидно, можетъ относиться только до преступныхъ дѣяній, учиненныхъ русскими подданными и указанныхъ въ 1 и 2 пунктахъ 7 ст., то, если означенное его мнѣніе будетъ принято, онъ полагалъ бы, для устраненія всякихъ недоразумѣній и въ видахъ болѣе опредѣленнаго изложенія 2 пункта 8 ст., употребленное въ этомъ пунктѣ слово «виновный», относящееся, очевидно, безразлично и къ русскимъ подданнымъ, и къ иностранцамъ, замѣнить выраженіемъ: «русскій подданный».

Затѣмъ 3 пунктъ той же статьи совмѣщаетъ въ себѣ два различныя положенія: прежде всего въ немъ говорится о наказуемости такихъ преступниковъ, кои уже отбыли за границею часть опредѣленнаго наказанія и, слѣдовательно, въ отношеніи коихъ приговоръ иностраннаго суда уже состоялся и вошелъ въ законную силу, а потомъ упоминается о порядкѣ наказуемости преступниковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по законамъ мѣста учиненія дѣянія, полагается менѣе, сравнительно съ уложеніемъ, строгое наказаніе, причемъ это послѣднее положеніе относится одинаково какъ къ тѣмъ случаямъ, когда преступное дѣяніе еще не было осуждено по законамъ иностраннаго государства, такъ и къ тѣмъ, когда приговоръ хотя и состоялся, но еще не былъ приведенъ въ исполненіе. Въ обоихъ этихъ случаяхъ Коммисія предлагаетъ судить преступниковъ по русскимъ законамъ и опредѣлять наказаніе по уложенію, съ уменьшеніемъ лишь онаго въ порядкѣ, статьею 53 установленномъ. Между тѣмъ, оба эти положенія представляются нѣсколько различными и не должны быть подводимы подъ одну рамку. Граничащею чертою въ опредѣленіи порядка наказуемости лицъ, совершившихъ преступное дѣяніе за предѣлами Россіи, какъ кажется г. Хлодовскому, должно служить вступленіе приговора иностраннаго суда въ законную силу. Если за совершенное за границею преступное дѣяніе виновный не будетъ еще вовсе осужденъ или же постановленный о немъ приговоръ иностраннаго суда еще не вошелъ въ законную силу и потому не имѣетъ значенія окончательнаго судебнаго рѣшенія, то въ подобныхъ случаяхъ, по прибытіи виновнаго въ Россію, представляется полное основаніе судить его по русскимъ законамъ и подвергнуть наказанію на основаніи постановленій уложенія, ибо немыслимо требовать, чтобы русскій судъ наказывалъ преступника по иностран-

нымъ законамъ, причемъ, если по законамъ мѣста совершенія дѣянія, таковое подлежало бы меньшему наказанію, то судъ обязанъ уменьшить слѣдуемое по уложенію наказаніе въ порядкѣ, указанномъ 53 статьею уложенія, и уменьшеніе это, по справедливости, должно быть доведено до того предѣла, чтобы слѣдуемое виновному наказаніе соотвѣтствовало тому, которое ему могло быть назначено по законамъ мѣста учиненія дѣянія. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда приговоръ иностраннаго суда уже вошелъ въ законную силу, или же когда виновный успѣлъ даже отбыть часть положеннаго ему наказанія, г. Хлодовскій не видитъ логическихъ основаній не придавать значенія подобному иностранному приговору. По этому поводу въ объяснительной запискѣ Коммисіи сказано лишь (стр. 40), что отбытіе назначеннаго за границею виновному наказанія частью, напримѣръ въ случаѣ его побѣга, не можетъ устранять права на уголовное преслѣдованіе его по нашимъ законамъ, такъ какъ *исполненіе иностраннаго приговора нашими судебными мѣстами является немыслимымъ съ точки зрѣнія международнаго права.* Къ сожалѣнію, не будучи хорошо знакомъ съ международнымъ правомъ и не имѣя подъ рукою трактатовъ, г. Хлодовскій не можетъ составить себѣ какое либо твердое понятіе по сему предмету, ибо не знаетъ, имѣются ли въ трактатахъ какія либо точныя и опредѣленныя по разсматриваемому предмету постановленія, запрещающія въ такихъ случаяхъ руководствоваться приговорами иностраннаго суда, или же такое запрещеніе вытекаетъ лишь изъ общаго разума международныхъ сношеній. По, разсматривая означенный предметъ съ точки зрѣнія логики, онъ не видитъ основательныхъ причинъ, въ силу коихъ приговоръ иностраннаго суда, состоявшійся съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ требованій закона и не обжалованный своевременно обвиняемымъ, а слѣдовательно вошедшій въ законную силу, долженъ быть игнорируемъ русскимъ судомъ. Если оправдательный приговоръ иностраннаго суда внушаетъ къ себѣ полное довѣріе и, какъ это можно видѣть изъ разсмотрѣнія 1 пункта 8 ст. проекта, въ случаѣ прибытія въ Россію въ такихъ случаяхъ не требуется вторичное сужденіе его по законамъ Россійской Имперіи, то, кажется, такимъ же довѣріемъ долженъ пользоваться и обвинительный приговоръ иностраннаго суда, и становится непонятнымъ, почему первый приговоръ признается обязательнымъ, а второй совершенно игнорируется. Обязательность приговоровъ иностраннаго суда, вошедшихъ въ законную силу, становится еще болѣе очевидною по разсмотрѣніи 9 ст. проекта, на основаніи коей въ отношеніи русскихъ подданныхъ, отбывшихъ наказаніе за границею, приговоръ иностраннаго суда получаетъ полную силу и значеніе, и даже по возвращеніи такихъ лицъ въ Россію восполняется русскимъ судомъ чрезъ назначеніе такимъ осужденнымъ лицамъ дополни-

тельныхъ взысканій.—По этимъ основаніямъ, г. Хлодовскій полагаетъ, что не можетъ встрѣтиться никакихъ препятствій къ тому, чтобы осужденному вошедшимъ въ законную силу приговоромъ иностраннаго суда или даже отбывшему часть опредѣленнаго наказанія, по прибытіи его въ Россію, было назначаемо, въ особо установленномъ порядкѣ, лишь соотвѣтствующее по уложенію наказаніе.

Примѣненіе указываемаго 3 п. 8 ст. правила, сверхъ того, представляется неудобнымъ и въ практическомъ отношеніи, каковыя неудобства усматриваются въ слѣдующемъ: во 1-хъ, разслѣдованіе и сужденіе въ Россіи преступныхъ дѣяній, совершенныхъ за границею, вообще представляется въ высшей степени затруднительнымъ въ судопроизводственномъ отношеніи; но затрудненія эти еще больше увеличатся, когда придется разслѣдовать давно совершенные факты; а между тѣмъ такіе случаи неминуемо могутъ возникнуть при существованіи вышеприведеннаго 3 п. 8 ст. проекта; такъ напр., виновный, совершившій за границею преступленіе лѣтъ 6—7 тому назадъ и приговоренный къ какому либо виду срочнаго лишенія свободы, положимъ на 10 лѣтъ, по истеченіи 5 или больше лѣтъ заключенія успѣваетъ бѣжать въ Россію; по проекту его нужно вновь судить по русскимъ законамъ, для чего необходимо, по минованіи многихъ лѣтъ, вновь производить слѣдствіе, чинить судъ и опредѣлять наказаніе; во 2-хъ, можетъ случиться, что наказаніе, къ которому виновный былъ присужденъ по приговору иностраннаго суда, значительно строже того, какое ему можетъ слѣдовать по русскимъ законамъ, и въ 3-хъ, еще болѣе несправедливымъ относительно виновнаго можетъ представиться тотъ случай, когда слѣдующее ему, по русскимъ законамъ, наказаніе будетъ несравненно строже опредѣленнаго ему иностраннымъ приговоромъ, даже и послѣ уменьшенія таковаго въ предѣлахъ, предоставленныхъ 53 ст. проекта. Для устраненія всѣхъ такихъ затрудненій, несомнѣнно долженствующихъ возникнуть въ случаѣ вторичнаго самостоятельнаго суда надъ преступникомъ, совершившимъ преступное дѣяніе за границею, единственнымъ исходомъ является переводъ опредѣленнаго ему вошедшимъ въ законную силу приговоромъ иностраннаго суда наказанія на соотвѣтствующее таковое же по уложенію, причемъ, если виновный уже отбылъ часть наказанія до прибытія въ Россію, то таковое должно быть зачтено ему.

Что же касается изъятія, указаннаго въ 3 п. 8 ст. относительно политическихъ преступленій, то оно представляется вполнѣ раціональнымъ и должно быть сохранено въ уложеніи; а именно въ виду особенности этихъ преступленій должно быть постановлено, что виновные въ извѣстныхъ, точно указанныхъ государственныхъ преступленіяхъ должны быть судимы и наказаны

на общемъ основаніи по русскимъ законамъ, даже и въ томъ случаѣ, когда по законамъ мѣста учиненія дѣянія за подобныя преступленія полагается меньшее наказаніе или когда виновный уже отбылъ часть наказанія.

Въ виду всего изложеннаго, г. Хлодовской полагаетъ 3 п. 8 ст. въ томъ видѣ, какъ таковой изложенъ въ проектѣ, исключить, и въ замѣну онаго постановить слѣдующіе два пункта:

«3) *если виновный еще не былъ осужденъ приговоромъ иностраннаго суда, или же состоявшійся о немъ приговоръ не вошелъ въ законную силу, то, по прибытіи въ Россію, онъ подлежитъ суду и наказанію на общемъ основаніи постановленій сего уложенія, съ тѣмъ однако, что если законами мѣста учиненія дѣянія полагается наказаніе менѣе противъ опредѣляемаго въ уложеніи строгое; то наказаніе должно быть уменьшено въ порядкѣ, статьею 53 установленномъ*»;

«4) *если приговоръ иностраннаго суда въ отношеніи виновнаго уже вошелъ въ законную силу, или виновный отбылъ уже часть назначеннаго симъ приговоромъ наказанія, то, по прибытіи его въ Россію, назначенное ему наказаніе замѣняется русскимъ судомъ, въ особо установленномъ для того порядкѣ, соотвѣтствующимъ таковымъ же по уложенію, со всѣми онаго послѣдствіями, причемъ отбытое виновнымъ за границею наказаніе засчитывается въ срокъ слѣдуемаго ему вообще по приговору наказанія*».

«*Правило, изложенное въ 3 и 4 пунктахъ сей статьи, не распространяется на преступныя дѣянія, статьями.... предусмотрѣнныя, въ каковыхъ случаяхъ виновный, по прибытіи въ Россію, во всякомъ случаѣ подлежитъ суду и наказанію на общемъ основаніи постановленій сего уложенія, независимо отъ того, былъ ли онъ уже присужденъ къ наказанію приговоромъ иностраннаго суда и слѣдовало ли ему по законамъ мѣста учиненія дѣянія менѣе строгое наказаніе*».

Въ ст. 8 п. 1 можно, по отзыву Люблинскаго Окружнаго Суда, къ словамъ «уголовное преслѣдованіе не возбуждается, если дѣяніе не запрещено законами мѣста его учиненія», добавить: «или погашается давностью, тѣми законами установленною»... и т. д.; п. 2 необходимо развить, указавъ взаимное отношеніе различныхъ порядковъ преслѣдованія—частнаго и оффиціальнаго; п. 3 заключаетъ въ себѣ правило, исполненіе котораго не всегда возможно.

Чины Херсонскаго Окружнаго Суда и мѣстные Присяжные Повѣренные признаютъ единогласно желательнымъ послѣ словъ 1-го п. ст. 8: «въ законную

силу» добавить: «*или подлежалъ бы освобожденію отъ преслѣдованія по мѣстнымъ законамъ о давности и объ отвѣтственности несовершеннолѣтнихъ*».—Дополненіе это признается необходимымъ въ тѣхъ видахъ, что употребленное въ проектѣ выраженіе: «или освобожденъ отъ суда по приговору, вступившему въ законную силу» хотя и подразумѣваетъ освобожденіе по давности, или манифесту, но, требуя судебнаго приговора, не исчерпываетъ собою тѣхъ случаевъ, когда уголовная отвѣтственность поглощена фактически давностію мѣста совершенія преступнаго дѣянія, либо когда между законами мѣста совершенія преступнаго дѣянія объ отвѣтственности несовершеннолѣтнихъ и нашими законами окажется различіе въ пользу виновнаго.

Въ 1 п. 8 ст. надлежало бы, по мнѣнію одного изъ чиновъ Радомскаго Окружнаго Суда, упомянуть о помилованіи, которое, по объясненіямъ проекта, имѣлось въ виду, а между тѣмъ нельзя подвести оное ни подъ одинъ изъ случаевъ, указанныхъ въ семъ пунктѣ.

Въ видахъ соглашенія терминологіи уложенія и устава уголовнаго судопроизводства, въ 1 пунктѣ ст. 8 проекта послѣ словъ: «освобожденъ отъ» слѣдовало бы, по мнѣнію чиновъ Московской прокуратуры, прибавить слова: «суда или», т. е., согласно 771 ст. устава, изложить эту часть 1 пункта такимъ образомъ: « . . . . . былъ оправданъ или освобожденъ отъ суда или наказанія . . . . » и т. д.

Однимъ изъ членовъ совѣщанія чиновъ прокуратуры округа Варшавской Судебной Палаты было заявлено, что, при перечисленіи въ 2 пунктѣ поводовъ къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія за совершеніе преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ 7 статьею, не упоминается объ явкѣ съ повинной, вслѣдствіе чего, при примѣненіи новаго уложенія, можетъ встрѣтиться затрудненіе относительно того, какъ поступать съ лицами, заявляющими полиціи или судебной власти о совершеніи ими внѣ предѣловъ Россіи такихъ преступныхъ дѣяній, которыя подлежатъ наказанію на основаніи 7 статьи. По обсужденіи этого замѣчанія было признано, что дополненіе 2 п. 8 ст. постановленіемъ, что уголовное преслѣдованіе возбуждается между прочимъ и вслѣдствіе явки съ повинной, представляется совершенно излишнимъ, такъ какъ, во первыхъ, явка съ повинной еще не составляетъ безспорнаго доказательства совершенія преступнаго дѣянія лицомъ, сознающимся въ этомъ, и, слѣдовательно, сама по себѣ еще не налагаетъ на государство нравственной обязан-

ности преслѣдовать подобное лицо въ уголовномъ порядкѣ; во вторыхъ, будучи разсматриваема, какъ сообщеніе о совершенномъ внѣ предѣловъ Россіи преступномъ дѣяніи, сдѣланное русскому правительству, такая явка можетъ быть передаваема имъ по принадлежности представителю того государства, гдѣ означенное преступленіе было совершено, наравнѣ съ другими свѣдѣніями или донесеніями, получаемыми русскими судебными властями или полиціею о преступныхъ дѣяніяхъ, имѣвшихъ мѣсто внѣ предѣловъ Россіи; и въ третьихъ, наконецъ, явка съ повинною можетъ быть учинена въ консульствѣ или посольствѣ, если таковыя имѣютъ мѣстопребываніе въ томъ городѣ, гдѣ живетъ заявитель, и тогда отъ нихъ будетъ зависѣть, по повѣркѣ на мѣстѣ справедливости сдѣланнаго заявленія, воспользоваться правомъ, предоставленнымъ имъ 2 п. 8 ст. улож., или же сообщить о сдѣланномъ заявленіи о преступномъ дѣяніи лицу, потерпѣвшему отъ него.

Далѣе, при обсужденіи ст. 8 въ совокупности съ 3 п. предъидущей 7 ст., было заявлено мнѣніе, что примѣненіе на практикѣ правила о судѣ надъ русскими и иностранцами за совершенные ими внѣ предѣловъ Россіи преступленія и проступки будетъ соединено съ значительными неудобствами, такъ какъ всѣ подобные процессы будутъ состоять исключительно въ чтеніи переводныхъ протоколовъ показаній, данныхъ свидѣтелями за границею, и другихъ письменныхъ доказательствъ, при опредѣленіи силы и значенія которыхъ судьи и въ особенности присяжные засѣдатели весьма часто будутъ поставлены въ большое затрудненіе. Съ другой стороны, положеніе обвиняемаго-иностранца, поставленнаго лицомъ къ лицу съ подобными доказательствами, при производствѣ повѣрки ихъ и судебныхъ преніяхъ на языкѣ ему непонятномъ, и безъ возможности представлять возраженія посредствомъ вызова новыхъ свидѣтелей, будетъ настолько исключительнымъ, что заставитъ всякій судъ отнестись скептически къ доказательствамъ, предъявленнымъ противъ подобнаго обвиняемаго, такъ что, въ большинствѣ случаевъ, всѣ подобнаго рода дѣла будутъ оканчиваться оправдательными приговорами. Если допущеніе суда, при нѣкоторыхъ изъ вышеупомянутыхъ условій, надъ русскими подданными, совершившими преступное дѣяніе за границею, можетъ быть оправдано силою необходимости, то едва ли тоже начало примѣнимо къ иностранцамъ, относительно которыхъ, при отсутствіи требованія о выдачѣ, было бы по видимому достаточнымъ въ подобныхъ случаяхъ ограничиться изгнаніемъ ихъ изъ предѣловъ Россіи, къ коему они могли бы быть присуждаемы на началахъ взаимности въ томъ особомъ порядкѣ, какой проектируется статьею 9 для лицъ, въ ней упоминаемыхъ.

Подчиняя иностранцевъ, учинившихъ за границей преступленія или проступки, коими они посягали на права русскихъ подданныхъ, дѣйствію постановленій уложенія и ставя уголовное преслѣдованіе ихъ въ зависимость отъ требованій подлежащихъ иностранныхъ властей или жалобы потерпѣвшаго въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный посягнулъ на права иностраннаго государства или иностраннаго подданнаго, проектъ, по отзыву Ржевской прокуратуры, устанавляетъ порядокъ, могущій, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, угрожать общественному спокойствію.

Было бы и несогласно съ справедливостію, и опасно для государства оставлять безнаказанными иностранцевъ, учинившихъ тяжкія уголовныя преступленія и прибывшихъ затѣмъ въ предѣлы Россіи, только потому, что нѣтъ со стороны подлежащихъ мѣстъ или лицъ требованій объ уголовномъ ихъ преслѣдованіи. Съ одной стороны, такія лица не могутъ быть терпимы въ предѣлахъ государства, но съ другой стороны—слѣдствіе и судъ надъ ними, въ виду того, что всѣ изобличающія ихъ данныя должны быть собираемы за границей, сопряжены съ величайшими затрудненіями и, при такихъ условіяхъ, цѣль правосудія въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть достигнута. Поэтому всего лучше было бы иностранцевъ, совершившихъ внѣ предѣловъ Россіи преступленія противъ иностранныхъ подданныхъ, высылать за границу.

Такой порядокъ не можетъ быть, конечно, примѣнимъ къ иностранцамъ, совершившимъ за границею преступленія противъ русскихъ подданныхъ, такъ какъ хотя производство слѣдствія и суда и въ этихъ случаяхъ сопряжено съ значительными трудностями, но въ виду того, что всякій русскій подданный имѣетъ право на защиту русскихъ законовъ, что иностранное государство, въ предѣлахъ коего совершено преступленіе, по тѣмъ или другимъ причинамъ можетъ и не принять надлежащихъ мѣръ къ преслѣдованію своего подданнаго, совершившаго преступленіе противъ русскаго,—слѣдуетъ признать, что на обязанности русскаго правительства лежитъ, во всякомъ случаѣ, защита русскаго подданнаго отъ посягательства на его личность или имущество со стороны иностранца и преслѣдованіе этого послѣдняго въ случаѣ прибытія его въ предѣлы Россіи.

Одинъ изъ членовъ собранія чиновъ прокуратуры Варшавскаго Окружнаго Суда полагалъ, что выраженіе 2 п. 8 ст.: «по требованію подлежащихъ иностранныхъ властей» представляется неточнымъ и можетъ возбудить недоразумѣнія за неизвѣстностью, какія именно власти разумѣются подъ словомъ: «подлежащія». Такъ напр. можетъ быть такой случай: французскій подданный

совершаетъ преступленіе въ Германіи противъ французскаго подданнаго и за симъ скрывается въ Россіи. Какая власть вправѣ предъявить требованіе о возбужденіи преслѣдованія: французская или германская, и если та или другая, то должно ли быть требованіе предъявлено представителемъ иностранной державы или же лицомъ, имѣющимъ въ предѣлахъ своего отечества право возбужденія уголовнаго преслѣдованія? Въ мотивахъ къ ст. 7—9 редакторы проекта разъясняютъ неточность въ текстѣ, объясняя, что, по ихъ мнѣнію, виновные, совершившіе преступныя дѣянія противъ иностраннаго государства или иностранцевъ, могутъ быть преслѣдуемы только или по частной жалобѣ, или по заявленію представителей *той* страны, т. е. очевидно той, *противъ которой было направлено преступное дѣяніе*. Желательно было бы, чтобы мысль, высказанная въ мотивахъ, была выражена и въ текстѣ. Такимъ образомъ, по мнѣнію члена собранія, возбудившаго настоящій вопросъ, 2 п. ст. 8 могъ бы быть изложенъ въ слѣдующей редакціи: «если виновный посягнулъ на права иностраннаго государства или иностранныхъ подданныхъ, уголовное преслѣдованіе возбуждается не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго или по требованію представителя той страны, права коей нарушены, или подданнымъ которой является потерпѣвшій».

Это мнѣніе не было поддержано другими членами собранія, находившими редакцію 2 п. 8 ст. вполнѣ удовлетворительною и не возбуждающею никакихъ сомнѣній.

Относительно ст. 8-й Коммисія, образованная изъ состава Варшавской Судебной Палаты, высказалась за оставленіе безъ измѣненій пунктовъ 1-го и 3-го этой статьи; пунктъ же 2-й, по мнѣнію Коммисіи, въ виду предположеннаго ею измѣненія пункта 3-го ст. 7-й, слѣдовало бы исключить.

Прокуроръ Харьковской Судебной Палаты Закревскій находитъ, что правила п. 3-го ст. 8 объ уменьшеніи наказанія въ порядкѣ, статьею 53 установленномъ, едва ли будетъ во всѣхъ случаяхъ справедливо, если виновный уже отбылъ часть наказанія, или если законами мѣста учиненія полагается наказаніе менѣе строгое. Отбыта можетъ быть самая бо́льшая часть наказанія, или же несоотвѣтствіе между законами русскимъ и мѣстомъ совершенія дѣянія можетъ быть настолько велико, что нельзя уравнять его при уменьшеніи наказанія по 53 статьѣ. Слѣдовало бы, поэтому, предоставить суду

право уменьшать наказаніе въ размѣрѣ, выходящемъ изъ предѣловъ 53 ст., и изложить п. 3 такъ:

«3) наказаніе можетъ быть уменьшено до низшаго установленнаго закономъ размѣра пени, если виновный и т. д.».

При обсужденіи въ собраніи чиновъ Кишиневскаго Окружнаго Суда и мѣстныхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ статьи 8-ой, обращено было вниманіе на неизбѣжность практическихъ затрудненій, которыя можетъ породить 3 п. этой статьи, говорящій «объ уменьшеніи наказанія въ порядкѣ, 53 ст. установленномъ», въ тѣхъ случаяхъ, когда признано будетъ, что слѣдуетъ примѣнить болѣе мягкій иностранный законъ, а именно: по какимъ правиламъ опредѣлить, что одно наказаніе мягче другаго, при существенномъ различіи наказаній, устанавливаемыхъ различными кодексами, что поведетъ за собой невозможность справедливо опредѣлить дѣйствительное значеніе отбытой уже части наказаній? Кромѣ того, указано было, что не представляется никакихъ основаній не примѣнять правила о зачисленіи отбытой уже доли наказанія ко всѣмъ вообще безъ исключенія преступнымъ дѣяніямъ, чего однако не принимаетъ тотъ же 3 п. 8 ст. проекта. Но собраніе названныхъ лицъ, не зная, какія исключенія разумѣетъ здѣсь проектъ, а равно о какихъ изъятіяхъ упоминается въ 1 п. этой же статьи, нашло невозможнымъ входить въ обсужденіе этихъ пунктовъ и оставило поэтому 8 статью безъ измѣненій.

Прокуроръ Владикавказскаго Окружнаго Суда Чинчинадзе замѣчаетъ, что нынѣ дѣйствующее уложеніе въ ст. 172, 173 и 174, опредѣляя предѣлы дѣйствія постановленій уложенія относительно русскихъ и иностранцевъ, совершившихъ преступленіе внѣ предѣловъ русскаго государства, совершенно умалчиваетъ о тѣхъ случаяхъ наказуемости по уложенію, кои указаны въ 3 п. 8 ст. проекта, который такимъ образомъ, являясь новымъ постановленіемъ, вводитъ въ наше уголовное законодательство не только особенную наказуемость лицъ, кои отбыли уже часть назначеннаго имъ по приговору иностраннаго суда наказанія, но и особый порядокъ наложенія на нихъ этого наказанія.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что самая редакція 3 п. 8 ст. проекта представляется настолько неясною, что неминуемо должна будетъ породить на практикѣ трудность примѣненія выраженнаго въ ней постановленія закона и, во всякомъ случаѣ, создаетъ нѣкоторое недоразумѣніе. Такъ, въ означенномъ выше постановленіи говорится лишь о томъ случаѣ, когда виновный уже отбылъ часть назначеннаго ему по приговору иностраннаго суда наказанія, и совершенно умалчивается о томъ, подлежитъ ли дѣйствію этого закона

и такой виновный, который, будучи присужденъ приговоромъ иностраннаго суда, вошедшимъ въ законную силу, къ наказанію, не понесъ и части этого наказанія и, прежде обращенія этого приговора къ исполненію, скрылся бѣгствомъ въ наши предѣлы. Сомнительно, конечно, чтобы въ послѣднемъ случаѣ виновный не подлежалъ дѣйствію постановленія 3 ч. 8 ст. проекта; но такъ какъ объ этомъ ни прямо, ни косвенно въ постановленіи не выражено, то естественно, оно получитъ на практикѣ превратное толкованіе и, во всякомъ разѣ, породитъ затрудненіе въ правильномъ примѣненіи этого закона.

Что же касается затѣмъ существа постановленія 3 ч. 8 ст. проекта, то нельзя не замѣтить, что проектируемый въ этомъ постановленіи порядокъ наложенія наказанія представляется настолько сложнымъ и затруднительнымъ, что онъ на практикѣ едва ли не окажется вполнѣ неосуществимымъ. Изъ означенной выше 3 ч. 8 ст. проекта не видно, какой именно способъ предполагается установить для преслѣдованія въ случаяхъ, если виновный отбылъ только часть назначеннаго ему приговоромъ иностраннаго суда наказанія, но каковъ бы ни былъ этотъ способъ, во всякомъ случаѣ онъ не можетъ быть иной, какъ только судопроизводственный, а разъ уменьшеніе наказанія въ случаяхъ, указанныхъ въ 3 ч. 8 ст. проекта, будетъ производиться путемъ судебнаго разбирательства, то несомнѣнно порядокъ этотъ встрѣтитъ на практикѣ массу самыхъ разнообразныхъ неудобствъ чисто процессуальнаго свойства, каковыя неудобства неизбѣжно поставятъ наши суды въ невозможность исполненія требованія 3 ч. 8 ст. проекта и сдѣлаютъ этотъ законъ мертвою буквою.

Въ виду сего г. Чинчинадзе полагаетъ болѣе цѣлесообразнымъ, съ одной стороны, въ видахъ удержанія за нашими законами права на уголовное преслѣдованіе въ случаѣ отбытія виновнымъ лишь части назначеннаго ему приговоромъ иностраннаго суда наказанія или же совершеннаго неотбытія таковаго, и лишенія такимъ образомъ совершившаго преступное дѣяніе внѣ предѣловъ Россіи и приговореннаго иностраннымъ судомъ къ наказанію возможности разсчитывать, путемъ побѣга въ наши предѣлы, на какое бы то ни было покровительство,—постановить правиломъ, чтобы отбытіе виновнымъ всего или части наказанія, назначеннаго ему приговоромъ иностраннаго суда, производилось нашими судебными мѣстами въ порядкѣ исполненія приговора.

Само собою разумѣется, что и этотъ способъ встрѣтитъ на практикѣ нѣкоторыя неудобства, но во всякомъ случаѣ неудобства эти будутъ легче устранимы, чѣмъ при способѣ, проектированномъ въ 3 ч. 8 ст.

Едва ли, наконецъ, означенный выше способъ, т. е. исполненіе иностраннаго приговора нашими судебными мѣстами, можетъ встрѣтить, какъ это

полагаетъ Редакціонная Коммисія, какія либо затрудненія съ точки зрѣнія международнаго права. Къ сожалѣнію, въ мотивахъ Редакціонной Коммисіи не указаны основанія, почему именно немыслимо исполненіе иностраннаго приговора нашими судебными мѣстами, но, во всякомъ случаѣ, указанное Коммисіею опасеніе не можетъ служить въ этомъ отношеніи помѣхою, и вопросъ о томъ, возможно или нѣтъ исполненіе иностраннаго приговора нашими судебными мѣстами отчасти разрѣшается уставомъ гражданскаго судопроизводства, въ коемъ 1273 и послѣд. статьи не только допускаютъ возможность исполненія рѣшеній судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ нашими судебными мѣстами, но и дѣлаютъ таковое исполненіе, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ 1281 ст., обязательнымъ для нашихъ судебныхъ мѣстъ, и даже, какъ это разъяснено рѣшеніемъ Сената за 1873 годъ, № 1711, независимо отъ того, заключенъ ли съ государствомъ, въ которомъ состоялось судебное рѣшеніе, трактатъ объ исполненіи судебныхъ рѣшеній или нѣтъ. Если же наше законодательство допускаетъ исполненіе нашими судебными мѣстами рѣшеній судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ, то почему же не допустить таковое же исполненіе нашими судебными мѣстами и приговоровъ иностранныхъ судовъ, тѣмъ болѣе, что исполненіе приговоровъ нашими судебными мѣстами не только не было бы противно достоинству и чести какъ Россіи, такъ и другихъ государствъ, но и прямо отвѣчало бы ихъ взаимнымъ интересамъ.

Одесскій Окружный Судъ не находитъ возможнымъ высказаться по содержанію послѣдней части 3 п. 8 ст., по неизвѣстности, какія преступныя дѣянія будутъ предусмотрѣны тѣми статьями уложенія, на которыя въ этомъ пунктѣ дѣлается ссылка.

См. также приведенныя подъ статьею 7 проекта замѣчанія профессоровъ фонъ-Листа, Гейера, Лукини и Будзинскаго, Предсѣдателя Нѣжинскаго Окружнаго Суда Ланге, чиновъ Пермской прокуратуры и Товарища Прокурора Полтавскаго Окружнаго Суда Сливицкаго, и пренія, происходившія въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества.

Статья 9.

Русскіе подданные, отбывшіе за границею наказаніе за дѣяніе, именуемое по уложенію преступленіемъ, по возвращеніи ихъ въ Россію, приговариваются русскимъ судомъ, въ особо для того установленномъ порядкѣ, къ лишенію правъ и къ отдачѣ подъ надзоръ полиціи, а отбывшіе наказаніе за дѣянія, статьями.... предусмотрѣнныя, приговариваются и къ поселенію.

Г. фонъ-Резонъ замѣчаетъ, что, согласно ст. 9, русскіе подданные, отбывшіе за границею наказаніе за дѣяніе, именуемое по уложенію преступленіемъ, по возвращеніи ихъ въ Россію, приговариваются русскимъ судомъ къ лишенію правъ и т. д. Объясненія доказываютъ вполнѣ убѣдительно цѣлесообразность этого постановленія, но мотивы идутъ далѣе текста 9 ст. и относятся не къ однимъ только преступленіямъ, а ко всѣмъ преступнымъ дѣяніямъ, соединеннымъ съ лишеніемъ или ограниченіемъ извѣстныхъ правъ. И дѣйствительно, нѣтъ кажется никакого основанія ограничить дѣйствіе 9 ст. одними преступленіями. Зачѣмъ лица, присужденныя за проступки къ наказанію, соотвѣтствующему нашему исправительному дому, не должны быть лишены у насъ правъ, указанныхъ во 2 п. 25, 26 и 27 ст., между тѣмъ какъ лишеніе тѣхъ же самыхъ правъ лицъ, приговоренныхъ за преступленіе, обязательно? «Объясненія», не даютъ отвѣта на этотъ вопросъ, и кажется, что вообще удовлетворительнаго отвѣта дать нельзя; поэтому г. фонъ-Резонъ полагалъ бы слова: «именуемое по уложенію преступленіемъ», замѣнить указаніемъ на преступленія и проступки, соединенные съ лишеніемъ правъ и отдачею подъ полицейскій надзоръ.

При обсужденіи ст. 9 Редакціонный Комитетъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества предложилъ слѣдующую редакцію этой статьи:

«По возвращеніи въ Россію русскихъ подданныхъ, отбывшихъ за границею наказаніе, они приговариваются русскимъ судомъ къ лишенію правъ и отдачѣ подъ надзоръ полиціи, и судебное разбирательство происходитъ въ подобныхъ случаяхъ въ особо установленномъ порядкѣ».

Такимъ образомъ, поселеніе, какъ дополнительное наказаніе, подлежитъ, по мнѣнію Редакціоннаго Комитета, исключенію. Комитетъ полагалъ при этомъ, что примѣненіе этого наказанія въ данномъ случаѣ есть нарушеніе принципа non bis in idem.

М. В. Красовскій, не соглашаясь съ этимъ предположеніемъ, находилъ, что въ данномъ случаѣ принципъ non bis in idem остается неприкосновеннымъ, такъ какъ рѣчь идетъ въ ст. 9 о поселеніи, какъ о необходимомъ послѣдствіи наказанія, а не какъ о самостоятельномъ наказаніи.

Н. М. Коркуновъ высказался также за проектъ, находя указанную въ 9 ст. мѣру довольно мягкою, устраняющею тѣ изъ административныхъ распоряженій, которыя несомнѣнно будутъ приняты противъ преступника, возвратившагося въ Россію, а распоряженія эти могутъ быть гораздо строже поселенія.

А. Ф. Кони высказалъ, что исключеніе поселенія изъ 9 ст. не устраняетъ возможности примѣненія таковаго административно и лишь даетъ пищу тому недовѣрію, которое иностранныя власти иногда высказывали относительно непредусмотрѣнныхъ въ законѣ послѣдствій налагаемыхъ русскимъ судомъ взысканій. Поэтому лучше оставить указаніе на поселеніе въ 9 ст. проекта.

Н. Д. Сергіевскій находилъ, что 9 ст., по проекту уложенія, касается только русскихъ подданныхъ, къ которымъ вполнѣ справедливо примѣнять русскіе законы цѣликомъ и которые при томъ, по смыслу проекта, будутъ подвергаемы поселенію только за посягательство на цареубійство и на основы русскаго государственнаго устройства.

Г. Коробчевскій высказался за исключеніе ст. 9, находя помѣщеніе ея въ уложеніи непослѣдовательнымъ, въ виду 1 п. ст. 8 проекта.

А. А. Марковъ высказался за исключеніе изъ ст. 9 полицейскаго надзора и за оставленіе поселенія, въ виду того, что, по проекту, оно всегда является послѣдствіемъ преступленія.

При голосованіи, редакція ст. 9, по проекту уложенія, принята большинствомъ голосовъ.

По поводу 9 ст. проекта *В. А. Андреевъ*, въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества, высказалъ, что подвергать лишенію правъ лицъ, осужденныхъ иностраннымъ судомъ, слѣдуетъ, по его мнѣнію, только въ томъ случаѣ, если и по приговору иностраннаго суда они подвергнуты таковому лишенію. *Н. П. Смиттенъ* и *А. С. Френкель* указали на то, что безусловное опредѣленіе лишенія правъ, независимо отъ того, полагается ли оно за данное дѣяніе иностраннымъ кодексомъ, противорѣчитъ правилу о примѣненіи болѣе мягкаго наказанія. Въ виду такихъ соображеній, названныя лица, къ которымъ присоединился и *П. М. Лебединскій*, высказались противъ 9 ст. проекта, причемъ, однако же, В. А. Андреевъ и Н. П. Смиттенъ считали

необходимымъ сохранить изъ нея ссылку на поселеніе для принадлежащихъ къ особо вреднымъ сектамъ, какъ напр. къ скопцамъ, а также надзоръ полиціи. Всѣ остальные присутствовавшіе высказались за сохраненіе 9 ст. проекта, причемъ *В. В. Смиттенъ* и *Ѳ. А. Быковъ* признавали нужнымъ распространить дѣйствіе ея и на проступки.

Подданные, отбывшіе за границею наказаніе. за совершенное тамъ же преступленіе, по мнѣнію Варшавскихъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, не должны уже подлежать новому наказанію по возвращеніи въ отечество. Кто совершилъ преступленіе внѣ предѣловъ своего государства, разсчитывая на то наказаніе, которому подлежитъ его дѣяніе по мѣсту совершенія, и отбылъ это наказаніе, тотъ не долженъ быть вторично наказываемъ по законамъ, которыхъ онъ не нарушалъ, и за дѣяніе, совершенное на территоріи, не подлежащей законамъ отечественнымъ. Редакціонная Коммисія вполнѣ справедливо приняла въ основаніе проекта недопускающую въ подобныхъ случаяхъ преслѣдованія франціузскую систему, какъ соотвѣтствующую коренному началу уголовнаго правосудія: ne bis in idem, и Варшавскіе Присяжные Повѣренные не могутъ усмотрѣть достаточнаго основанія для отступленія отъ этой системы. При составленіи ст. 9, Коммисія имѣла въ виду особенный случай, когда виновный, отбывшій наказаніе за границею, возвращается въ отечество. Полагая, что такое лицо не можетъ считаться полноправнымъ въ своемъ отечествѣ, Коммисія предоставляетъ судамъ отечественнымъ изрекать противъ него правопораженія. Варшавскіе Присяжные Повѣренные согласны съ тѣмъ, что въ подобныхъ случаяхъ, лицо отбывшее наказаніе за границею, но ускользнувшее отъ его послѣдствій, по случаю возвращенія своего въ отечество, не должно освобождаться отъ *послѣдствій* того наказанія, которое уже было имъ отбыто за границею. Но эти послѣдствія не должны быть отягощаемы. Въ отечествѣ лица, совершившаго преступленіе за границею, они могутъ быть строже такихъ же послѣдствій, въ мѣстѣ совершенія преступленія. Въ такомъ случаѣ самостоятельное опредѣленіе сихъ послѣдствій по законамъ отечественнымъ не только было бы несправедливымъ, но и противорѣчило бы началу, изложенному въ 3 п. 7 ст. проекта, по которой наказаніе, отбытое отчасти за границею, уменьшается, если законами мѣста учиненія дѣянія полагается наказаніе мягче въ сравненіи съ опредѣляемымъ по законамъ отечественнымъ. Это начало слѣдовало бы примѣнить въ принципѣ и къ случаю, предвидѣнному Коммисіею въ ст. 9, сію же послѣднюю статью, въ нынѣшней ея редакціи, исключить изъ проекта. Во всякомъ случаѣ опредѣленіе сказанныхъ послѣдствій наказанія судомъ отечественнымъ,

не должно бы имѣть мѣста «въ особо установленномъ порядкѣ», имѣющемъ еще только быть опредѣленнымъ въ уголовномъ судопроизводствѣ, какъ полагаетъ Коммисія, а должно бы состояться въ общемъ порядкѣ судопроизводства, во избѣжаніе вреднаго исключенія изъ нормальнаго судопроизводственнаго порядка.

Товарищъ Предсѣдателя Плоцкаго Окружнаго Суда Павловскій замѣчаетъ, что хотя ст. 9 весьма обширно оправдана мотивами Редакціонной Коммисіи, ею тѣмъ не менѣе, въ томъ видѣ, какъ она изложена, не только нарушенъ, но даже и вовсе отмѣненъ общепринятый въ уголовномъ правѣ принципъ: *non bis in idem*.

Коль скоро русскій подданный, совершившій за границею какое либо преступленіе (разумѣется въ тѣсномъ значеніи 1 п. ст. 4), былъ тамъ преданъ суду и наказанъ, когда онъ, за свое противозаконное дѣяніе уже пострадалъ и получилъ должное на мѣстѣ совершеннаго преступленія возмездіе, когда онъ вслѣдствіе сего уже вполнѣ искупилъ свою вину и примирился съ обиженнымъ имъ обществомъ, то будетъ ли справедливо продолжать преслѣдованіе его по возвращеніи на родину, растравлять заживпія уже его раны, предавать его нескончаемому нравственному истязанію, а въ случаѣ ссылки на поселеніе—дѣлать его пожизненнымъ страдальцемъ?

При этомъ нельзя упускать изъ виду, что опредѣляемые по ст. 9 проекта лишеніе правъ и полицейскій надзоръ, согласно ст. 3 проекта, принадлежатъ къ разряду дополнительныхъ, не могущихъ опредѣляться самостоятельно,безъ одного изъ поименованныхъ въ ст. 2 проекта наказанія, а потому, по разбираемой ст. 9, вышло бы, что провинившійся за границею русскій подданный, покончившій разъ навсегда всѣ разсчеты съ иностраннымъ правосудіемъ, подвергался бы на родинѣ только дополнительному безъ главнаго наказанію.

Проектируемое въ ст. 9 проекта правило является еще болѣе жестокимъ, если за границею, за извѣстное противозаконное дѣяніе, опредѣляется болѣе строгое, чѣмъ по законамъ Россіи, наказаніе; въ такомъ случаѣ примѣненіе къ нему ст. 9 становится уже чрезмѣрнымъ обремененіемъ провинившагося, идущимъ въ разрѣзъ съ проведенною во всемъ проектѣ идеею гуманности.

Если же, напротивъ, по законамъ иностраннаго государства за совершенное за границею противозаконное дѣяніе опредѣляется менѣе строгое, чѣмъ въ Россіи,наказаніе, то по ст. 9 слѣдовало бы развѣ догадываться, будто законодатель, находя русскаго подданнаго недостаточно наказаннымъ за гра-

ницею, признаетъ справедливымъ дополнить еще на родинѣ размѣръ опредѣленнаго ему наказанія.

Но въ такомъ случаѣ, кромѣ игнорированія принципа non bis in idem, вышло бы еще противорѣчіе сей статьи съ постановленіемъ п. 3 ст. 8 проекта, согласно которому, «наказаніе уменьшается въ порядкѣ, ст. 53 установленномъ, ... если законами мѣста учиненія дѣянія полагается наказаніе менѣе противъ опредѣляемаго въ семъ уложеніи строгое». Слѣдовательно, подобное толкованіе воли законодателя немыслимо.

Въ нидерландскомъ уложеніи о наказаніяхъ отъ 3 Марта 1881 г., одномъ изъ новѣйшихъ и наиболѣе раціональныхъ и гуманныхъ уголовныхъ кодексовъ, въ ст. 68 постановлено правило:

« . . . . . никто не можетъ быть вторично преслѣдуемъ за дѣяніе, по которому относительно его состоялся вошедшій въ законную силу приговоръ нидерландскаго судьи или судьи въ колоніяхъ и владѣніяхъ государства въ другихъ частяхъ свѣта».

«Если приговоръ постановленъ какимъ либо инымъ судьею, то противъ того же лица, за то же преступленіе, преслѣдованіе не имѣетъ мѣста:

1) въ случаѣ оправданія, или прекращенія преслѣдованія;

2) въ случаѣ полнаго отбытія, или погашенія наказанія давностію или помилованіемъ».

Наконецъ, въ ст. 9 проекта ничего не говорится о примѣненіи къ подобнымъ случаямъ правилъ о давности, а потому, по этой статьѣ слѣдуетъ предполагать, что противъ русскаго подданнаго, отбывшаго наказаніе за границею, можетъ быть вновь возбуждено и повторено уголовное преслѣдованіе по возвращеніи его въ Россію, положимъ, чрезъ 16 лѣтъ, то есть, по истеченіи самаго продолжительнаго 15-ти-лѣтняго срока (по проекту) для давности, погашающей даже смертную казнь (ст. 59 проекта).

Въ виду вышеизложеннаго, г. Павловскій приходитъ къ убѣжденію, что, согласно общему стремленію всѣхъ новѣйшихъ карательныхъ кодексовъ къ облегченію, по возможности, участи несчастныхъ, коимъ выпало на долю совершить преступленіе, а также для сокращенія какъ численности уголовныхъ дѣлъ, такъ и занятій судебныхъ учрежденій, было бы весьма желательно ст. 9 исключить изъ проекта, и замѣнить ее положительнымъ и безусловнымъ правиломъ, соотвѣтствующимъ приведенной 68 ст. нидерландскаго уложенія.

Если же подобное измѣненіе было бы признано невозможнымъ, то, для неприкосновенности, если уже не во всей силѣ, то по крайней мѣрѣ въ значительной части, завѣтной аксіомы *non bis in idem*, надлежало бы:

ст. 8 и 9 проекта передѣлать такимъ образомъ, чтобы оговоренные въ

нихъ и имѣющіе означиться въ будущихъ главахъ проекта случаи, допускающіе вторичное уголовное преслѣдованіе русскихъ подданныхъ, судившихся и отбывшихъ наказаніе за границею, были ограничены, по возможности, до minimum'a.

Сопоставляя 1 ч. ст. 8 и ст. 9 проекта, Прокуроръ Владикавказскаго Окружнаго Суда Чинчинадзе замѣчаетъ, что изъ разсмотрѣнія этихъ двухъ постановленій проекта оказывается, что проектъ въ одномъ случаѣ признаетъ полную безотвѣтственность по нашимъ законамъ виновнаго, если онъ уже отбылъ наказаніе за границей, причемъ не дѣлаетъ никакого различія между русскимъ подданнымъ и иностранцемъ, а также и въ томъ, составляетъ ли судимое дѣяніе по нашимъ законамъ преступленіе или проступокъ, а въ другомъ—облагаетъ дополнительнымъ наказаніемъ русскихъ подданныхъ, уже отбывшихъ наказаніе за границею.

Не говоря о явномъ противорѣчіи въ двухъ означенныхъ постановленіяхъ, требующихъ, въ видахъ устраненія на практикѣ всякихъ неясностей и недоумѣній, возможно большаго ихъ согласованія, самое положеніе, выраженное въ ст. 9 проекта, не можетъ быть, по мнѣнію г. Чинчинадзе, признано правильнымъ и согласнымъ съ наукою права, ученіемъ о пространствѣ дѣйствія уголовнаго закона и, наконецъ, съ идеею справедливости. По началамъ уголовнаго права, никто не можетъ быть приговоренъ за преступленіе или проступки къ иному наказанію, кромѣ назначеннаго за нихъ въ законѣ, а по ученію о пространствѣ дѣйствія уголовнаго закона, всякій иностранецъ, переступившій предѣлы государства, пользуясь правомъ неприкосновенности своей личности наравнѣ съ туземцами, обязанъ въ то же время полнымъ подчиненіемъ мѣстнымъ законамъ и отвѣтствуетъ за нарушеніе ихъ точно также, какъ и туземцы, и въ этомъ случаѣ изъятія сдѣланы лишь въ отношеніи лицъ, принадлежащихъ къ посольствамъ, кои, въ силу международнаго права, пользуются правомъ внѣземельности, и затѣмъ относительно тѣхъ государствъ, трактатами коихъ установлена выдача виновныхъ въ совершеніи извѣстнаго рода преступныхъ дѣяній, для сужденія ихъ по законамъ своей страны. Такимъ образомъ, за этими послѣдними немногими изъятіями, а также за исключеніемъ случаевъ, поименованныхъ въ ст. 7 проекта, и наука, и обычай международнаго права, признавая дѣйствіе уголовнаго закона на всемъ пространствѣ своего государства, въ то же время отрицаютъ власть государства и дѣйствіе уголовнаго закона за предѣлами своей территоріи.

Примѣняя эти общія положенія къ разсматриваемому вопросу, г. Чинчинадзе приходитъ къ заключенію, что 9 ст. проекта, вводя въ наше законода-

тельство дополнительную наказуемость въ отношеніи русскихъ подданныхъ, отбывшихъ за границею наказаніе за преступленіе и явившихся въ Россію, тѣмъ самымъ становится въ прямое противорѣчіе съ принципомъ, отвергающимъ власть закона за предѣлами территоріи, и, установляя для русскихъ подданныхъ двойственную отвѣтственность передъ закономъ мѣста учиненія преступленія и закономъ своей страны, является очевидною аномаліею и нарушеніемъ требованій справедливости. Въ самомъ дѣлѣ, если справедливо народное воззрѣніе, что съ одного вола двухъ шкуръ не деруть, если справедливо, что каждый отвѣтствуетъ за свое дѣяніе по законамъ даннаго времени и данной мѣстности, то никакія соображенія, въ томъ числѣ и тѣ, кои указаны въ мотивахъ Редакціонной Коммисіи, не должны были бы служить поводомъ къ введенію въ наше законодательство двойственной отвѣтственности за одно и то же дѣяніе уже потому, что подобная наказуемость не отвѣчала бы требованіямъ справедливости.

Соглашаясь вполнѣ съ высказанною Коммисіею мыслью о томъ, что русскіе подданные, отбывшіе за границею наказаніе, по возвращеніи въ Россію, въ видахъ общественной безопасности и справедливости, должны подлежать надзору подлежащей власти и извѣстному ограниченію въ правахъ, Прокуроръ Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскій полагаетъ лишь, что полицейскій надзоръ, какъ неизбѣжное послѣдствіе всякаго преступнаго дѣянія, гдѣ бы таковое ни было совершено, долженъ быть назначаемъ во всякомъ случаѣ; что же касается лишенія правъ, то, исходя изъ того начала, что всякому виновному можетъ быть назначаемо наказаніе не строже того, которое опредѣляется законами мѣста учиненія дѣянія, за исключеніемъ точно указанныхъ въ законѣ случаевъ, г. Хлодовскій находитъ, что лишеніе правъ въ подобныхъ случаяхъ должно быть назначаемо русскимъ судомъ лишь тогда, когда оно слѣдовало и по приговору иностраннаго суда, кромѣ лишь государственныхъ преступленій, когда оно при ссылкѣ на поселеніе является обязательнымъ; причемъ въ такомъ случаѣ лишеніе правъ можетъ быть назначаемо не только при наличности исключительно однихъ только преступленій, какъ сказано въ 9 ст., но и при всѣхъ преступныхъ дѣяніяхъ, сопровождающихся праволишеніями, ибо если, напримѣръ, убійца, совершившій преступленіе за границею, по прибытіи въ Россію, долженъ быть лишенъ указанныхъ въ ст. 25 проекта сословныхъ и другихъ правъ, то на этомъ же основаніи, кажется, не долженъ пользоваться въ Россіи правами, указанными въ ст. 26 и 27, завѣдомый воръ или грабитель, хотя бы

подобныя позорныя преступныя дѣянія, несомнѣнно порочащія честь или доброе имя, были совершены не въ Россіи, а за границею.

На этомъ основаніи слѣдовало бы ст. 9 видоизмѣнить слѣдующимъ образомъ: «*Русскіе подданные, отбывшіе за границею наказаніе, по возвращеніи ихъ въ Россію, подлежатъ, по опредѣленію русскаго суда, въ особо для того установленномъ порядкѣ, отдачѣ подъ надзоръ полиціи въ постепенности, указанной ст. 31 сего уложенія, и, сверхъ того, соотвѣтствующему лишенію правъ, если таковое было опредѣлено приговоромъ иностраннаго суда, а отбывшіе наказаніе за дѣянія, статьями ..... предусмотрѣнныя, подлежатъ, сверхъ лишенія правъ, и поселенію*».

Г. Хлодовскій думаетъ, что ссылка на ст. 31 относительно порядка и сроковъ полицейскаго надзора представляется необходимою въ видахъ устраненія всякихъ по сему предмету недоразумѣній и сомнѣній; равнымъ образомъ употребленное въ 9 ст. выраженіе: «приговариваются», должно быть замѣнено другимъ, болѣе подходящимъ: «подлежатъ», ибо первое опредѣляетъ порядокъ назначенія наказанія, тогда какъ въ уложеніи должно быть указано лишь самое наказаніе и случаи примѣненія его, а порядокъ назначенія наказанія долженъ быть опредѣленъ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства.

Устанавливаемое 9 ст. проекта правило, что русскіе подданные, отбывшіе за границею наказаніе за дѣяніе, по возвращеніи ихъ въ Россію приговариваются русскимъ судомъ, въ особо установленномъ для того порядкѣ, къ лишенію правъ и къ отдачѣ подъ надзоръ полиціи, а въ другихъ случаяхъ и къ ссылкѣ на поселеніе, представляется Предсѣдателю Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Бартеневу не подлежащимъ утвержденію по слѣдующему основанію: при обсужденіи направленія воли къ извѣстному правонарушенію, слѣдуетъ, какъ можно въ томъ весьма часто на практикѣ убѣдиться, имѣть въ виду, что такое лицо соразмѣряетъ свою будущую вину не только съ грозящимъ ему наказаніемъ, но еще болѣе разсчитывая на разныя случайности, при коихъ не будетъ ему вмѣненія проступка. Исходя изъ этого практическаго взгляда на уклоненіе воли отъ нормальнаго ея направленія, слѣдуетъ допустить, что данное лицо рѣшится совершить въ другомъ государствѣ извѣстное дѣяніе, которое оно не совершило бы внутри Россіи, какъ по нежеланію, чтобы оно сдѣлалось извѣстнымъ на родинѣ, такъ и потому, что дѣяніе это строже карается въ Россіи, чѣмъ за границею. Поэтому лицо, понесшее наказаніе внѣ предѣловъ отечества, не должно быть вновь за то же дѣяніе судимо, хотя бы даже для примѣненія ему дополнительнаго наказанія, проектируемаго уложеніемъ, и если Коммисія нашла невозможнымъ приводить въ исполненіе иностраннаго

приговора, то не слѣдуетъ и дополнять его. Г. Бартеневъ думаетъ, что установленіе такого порядка не можетъ нарушать и международнаго права, тѣмъ болѣе, что такихъ условій нѣтъ для иностранцевъ, совершившихъ преступленія въ Россіи; что же касается до Германіи, то она до такой степени недовѣрчиво относится къ русскому суду за извѣстнаго рода дѣянія, что, не смотря на постановленный въ Россіи приговоръ, вновь подвергаетъ своего подданнаго суду, по возвращеніи его въ Германію.

На основаніи изложеннаго, г. Бартеневъ находитъ, что не слѣдуетъ дѣлать никакихъ дополненій къ приговору иностранному, и что единственно можно было бы допустить предоставленіе суду права обсудить, не должно ли подобное лицо быть отдано подъ надзоръ полиціи.

По поводу ст. 9 докладчикъ въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры г. Бомъ находилъ, что, въ виду принятаго совѣщаніемъ по 3 п. ст. 8 рѣшенія, слѣдуетъ, оставаясь послѣдовательнымъ, установить пересмотръ по существу такихъ дѣлъ, о которыхъ говоритъ ст. 9. Совѣщаніе однако признало, что въ ст. 9 говорится лишь о *послѣдствіяхъ* отбытаго наказанія, которыя должны быть опредѣляемы судомъ обязательно, безъ пересмотра существа приговора иностраннаго суда, за исключеніемъ впрочемъ такихъ вопросовъ, какъ давность (г. Островскій), такъ какъ въ томъ «особомъ» законѣ, о которомъ говоритъ ст. 9, должно быть указано, что, по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ (меньшаго, чѣмъ по ст. 59 проекта) по отбытіи за границею наказанія, русскій судъ уже не вправѣ назначать ни лишенія правъ, ни полицейскаго надзора.

Предсѣдатель Сумскаго Окружнаго Суда Золотницкій признавалъ бы весьма опаснымъ оказывать безусловное довѣріе приговорамъ иностранныхъ судовъ относительно русскихъ подданныхъ, къ которымъ присяжные и даже коронные судьи, по національной враждѣ, могутъ относиться несправедливо.

По отзыву одного изъ чиновъ Радомскаго Окружнаго Суда, въ 9 ст. слѣдовало бы добавить, что русскіе, отбывшіе наказаніе за границею, по возвращеніи въ Россію, приговариваются къ лишенію правъ и къ отдачѣ подъ надзоръ полиціи, считая срокъ оныхъ со дня отбытія наказанія за границею, и что по истеченіи сроковъ, положенныхъ по 31 ст., считая со дня отбытія наказанія, 9 ст. уже не примѣняется. Лишеніе правъ и полицейскій надзоръ

составляютъ мѣры предупредительныя и потому нѣтъ основанія распространять оныя за предѣлы сроковъ, указанныхъ въ 31 ст.

Онъ находилъ бы далѣе правильнымъ: 1) дополнить ту же 9 ст. указаніемъ, что отбывшіе наказаніе за границею могутъ быть лишены судомъ права проживать въ извѣстной мѣстности въ тѣхъ случаяхъ, когда таковое воспрещеніе можетъ быть постановлено и для судившихся въ Россіи, и 2) установить правило о томъ, что иностранцы въ случаяхъ, указанныхъ 9 ст., по приговору суда могутъ быть высылаемы за предѣлы государства. Правило это дастъ возможность поступать съ иностранцами на твердомъ основаніи закона; за отсутствіемъ же такого правила (помимо дискреціонной власти администраціи) можетъ случиться, что иностранцы будутъ въ лучшемъ положеніи, чѣмъ русскіе подданные.

По замѣчанію Московской Судебной Палаты, ст. 9 формулируетъ правило, по которому русскіе подданные, отбывшіе за границею наказаніе за дѣяніе, преступное также и согласно нашимъ законамъ, по возвращеніи ихъ въ Россію, приговариваются русскимъ судомъ, «въ особо для того установленномъ порядкѣ», къ тѣмъ или другимъ дополнительнымъ наказаніямъ, которыя, по уложенію, слѣдуютъ за такими преступленіями. При этомъ однако самый порядокъ этотъ въ законѣ остается невыясненнымъ. Въ объяснительной запискѣ Редакціонная Коммисія также лишь въ общихъ чертахъ указываетъ на то, что считаетъ съ своей стороны полезнымъ предоставить судебной власти право въ подобныхъ случаяхъ возбуждать судебное разбирательство въ особомъ порядкѣ, который будетъ указанъ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства. Такимъ образомъ, порядокъ этотъ еще вовсе не установленъ; между тѣмъ, если онъ не будетъ указанъ своевременно, обстоятельство это неминуемо поведетъ къ большимъ затрудненіямъ, въ которыя будетъ поставленъ судъ при примѣненіи этой статьи. Поэтому желательно, чтобы уже теперь былъ выработанъ и точно установленъ особый порядокъ, требуемый ст. 9.

Обсудивъ ст. 9 проекта, образованная изъ состава Варшавской Судебной Палаты Коммисія полагала изложить ее въ слѣдующемъ видѣ:

«Русскіе подданные, отбывшіе за границею наказаніе за дѣяніе, подвергающее каторгѣ, заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ и поселенію, по возвращеніи ихъ въ Россію, приговариваются русскимъ судомъ, въ особо для того установленномъ порядкѣ, къ лишенію правъ, а отбывшіе наказаніе

за дѣянія, статьями ..... предусмотрѣнныя, приговариваются и къ поселенію».

См. также приведенное подъ 8 ст. замѣчаніе Прокурора Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалева.

Статья 10.

Русскіе подданные, пребывающіе въ Турціи, Персіи, Китаѣ или Японіи и учинившіе тамъ преступное дѣяніе, подлежатъ суду и наказанію по законамъ, дѣйствующимъ въ Россіи. Если за преступное дѣяніе назначены: заточеніе на срокъ не свыше одного года, тюрьма, арестъ или денежная пеня, то рѣшеніе постановляется русскимъ мѣстнымъ консуломъ, при обвиненіи же въ дѣяніяхъ болѣе важныхъ обвиняемый препровождается для суда и наказанія въ Россію.

По мнѣнію профессора фонъ-Гольцендорфа, ст. 10 слѣдовало бы лучше перенести въ учрежденіе судебныхъ установленій, или же въ законъ о введеніи въ дѣйствіе новаго уложенія. Эвентуально, на случай сохраненія ея на этомъ мѣстѣ, слѣдовало бы указать:

1) которому изъ двухъ консуловъ—консулу мѣстожительства преступника или мѣста совершенія дѣянія—должно быть отдаваемо предпочтеніе, или оба они компетентны;

2) что консулъ по отношенію къ проступкамъ и нарушеніямъ вправѣ примѣнять русскій законъ и въ томъ случаѣ, если русскій, послѣ учиненія имъ преступнаго дѣянія въ Россіи или за границею, въ Европѣ, избираетъ своимъ мѣстожительствомъ Востокъ; этимъ могли бы быть избѣгнуты неудобства, сопряженныя съ пересылкою виновнаго. Въ виду возрастающихъ сношеній съ Персіею, такое постановленіе было бы полезно.

При обсужденіи въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ ст. 10 проекта уложенія, предсѣдательствующій *В. Д. Спасовичъ* замѣтилъ, что статья эта Комитетомъ общества оставлена безъ замѣчаній, такъ какъ она сравнительно мало измѣнена съ соотвѣтствующей ей ст. 175 дѣйствующаго уложенія. Этою статьею расширена лишь юрисдикція консульскаго суда.

При этомъ предсѣдательствующій добавилъ, что не явившимся въ засѣданіе дѣйствительнымъ членомъ *С. Ф. Христіановичемъ* сообщено слѣдующее замѣчаніе относительно ст. 10: въ редакціонномъ отношеніи нельзя не замѣтить, что 2-я часть ст. 10, какъ исключительно касающаяся подсудности и порядка отбытія наказанія, составляетъ правило судопроизводственное, и потому едва ли должна входить въ составъ закона уголовнаго и подлежала бы исключенію. Но если бы признавалось необходимымъ дополнить первую часть статьи указаніемъ на выдачу обвиняемыхъ русскому правительству, то достаточно прибавить слова: . . . . для чего они выдаются русскому правительству чрезъ мѣстныхъ консуловъ; 2) по существу изъ объяснительной записки не видно, почему проектъ признаетъ необходимымъ усилить юрисдикцію консуловъ, такъ какъ нынѣ имъ предоставлено право подвергать лишь тюремному заключенію (по 38 ст. улож. о наказ. 1 годъ и 4 мѣсяца и по закону 18 мая 1882 года 1 годъ и 6 мѣсяцевъ), между тѣмъ, по 27 и 28 ст. проекта, приговоръ консула можетъ повлечь за собою важныя ограниченія въ правахъ, а по ст. 56 тюремное заключеніе можетъ быть назначаемо до 2-хъ лѣтъ. При этомъ, однако, едва ли консульскій судъ представляетъ тѣ гарантіи, какія представляетъ даже судъ мировой.

Во всякомъ случаѣ, трудно примирить то основаніе, по коему русскіе подданные изъемлются изъ-подъ дѣйствія законовъ восточныхъ государствъ, съ допущеніемъ отбытія ими наказанія заключеніемъ въ тамошнихъ тюрьмахъ. Едва ли онѣ болѣе соотвѣтствуютъ требованіямъ европейской цивилизаціи, чѣмъ восточное уголовное законодательство. Особенно сильно подобное сомнѣніе по отношенію къ отбыванію заточенія, которое, по мысли проекта, должно быть custodia honesta.

По этимъ соображеніямъ С. Ф. Христіановичъ полагалъ ограничить юрисдикцію консуловъ правомъ приговаривать къ аресту (который могъ бы отбываться при консульствѣ) и къ денежной пенѣ; если же было бы признано необходимымъ удержать за ними и присужденіе къ заточенію и тюрьмѣ, то не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы эти наказанія отбывались въ предѣлахъ Имперіи.

Н. М. Коркуновъ, съ своей стороны, полагалъ, что ст. 10 не перечисляетъ всѣхъ государствъ, въ коихъ имѣется консульская юрисдикція (Болгарія, Сербія, Египетъ и друг.), и что было бы правильнѣе изложить ст. 10 въ слѣдующей редакціи: «русскіе подданные, пребывающіе въ нехристіанскихъ государствахъ». При предполагаемой въ проектѣ редакціи 10 ст., государство, какъ будто, и ограничивается только этими четырьмя странами при заключеніи договоровъ о консульской юрисдикціи. Между тѣмъ, при

отсутствіи подобныхъ договоровъ, русскіе подданные остаются подсудными мѣстнымъ судамъ.

В. Д. Спасовичъ противъ предлагаемаго Н. М. Коркуновымъ измѣненія ст. 10 возразилъ, что едва ли удобно противополагать государства христіанскія нехристіанскимъ. Возможность заключенія консульскихъ конвенцій обусловливается степенью цивилизаціи договаривающихся государствъ, а не вѣрою.

А. Ф. Кони полагалъ, что замѣчаніе С. Ф. Христіановича не лишено основанія. Въ такихъ государствахъ, какъ Персія, Китай и другія, способы отбыванія наказаній лишеніемъ свободы настолько неудовлетворительны, что было бы, нежѣлательно допускать исполненіе приговоровъ консульскихъ судовъ въ мѣстѣ ихъ пребыванія.

Ф. Ф. Мартенсъ замѣтилъ, что предположенное проектомъ расширеніе консульской юрисдикціи согласно съ интересами самихъ подсудимыхъ. При этомъ онъ указалъ, что въ Тегеранѣ, Шангаѣ и друг. мѣстахъ существуютъ тюрьмы при консульствахъ, завѣдуемыя консулами, подъ наблюденіемъ только мѣстныхъ властей.

И. Д. Ахшарумовъ находилъ возможнымъ замѣнить 2 ч. ст. 10 словами: «согласно особымъ правиламъ уст. угол. судопр.» Въ виду замѣчаній Ф. Ф. Мартенса, что уст. угол. суд. не опредѣляетъ юрисдикціи консульскихъ судовъ и что только въ настоящее время вырабатывается министерствомъ иностранныхъ дѣлъ проектъ, имѣющій предметомъ точное опредѣленіе объема консульской юрисдикціи, г. Ахшарумовъ измѣнилъ предложеніе въ томъ смыслѣ, чтобы помѣстить въ ст. 10 выраженіе: «на основаніи особыхъ правилъ о консульской юрисдикціи».

На обсужденіе собранія было постановлено предсѣдателемъ два вопроса: оставить ли ст. 10 безъ измѣненія или съ предложеннымъ г. Ахшарумовымъ дополненіемъ ея словами: согласно особымъ правиламъ, имѣющимъ быть установленными въ особомъ положеніи о консульской юрисдикціи. Послѣднее предложеніе было отвергнуто большинствомъ 15 противъ 9.

Затѣмъ былъ постановленъ вопросъ о предѣлахъ консульской юрисдикціи, а именно: не слѣдуетъ ли ее ограничить, согласно предложенію С. Ф. Христіановича, предоставивъ консуламъ только право приговаривать къ аресту и денежной пенѣ. Большинствомъ 17 противъ 5 предложеніе было отвергнуто.

Въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества *Ѳ. А. Быковъ*, по поводу 10-й ст. проекта, заявилъ, что въ дѣйствующемъ уложеніи, въ

175 ст., указано, что, въ случаѣ совершенія русскими подданными болѣе тяжкихъ преступленій въ предѣлахъ Персіи и Турціи, слѣдствіе надъ ними производится нашими консулами и отсылается, затѣмъ, для рѣшенія дѣла, въ пограничные русскіе суды, но что при примѣненіи этого правила на практикѣ возникали недоразумѣнія вслѣдствіе того, что закономъ не опредѣлены отношенія консуловъ, по производству ими предварительныхъ слѣдствій, къ прокурорскому надзору и къ судамъ Имперіи, вѣдѣнію коихъ подлежитъ дальнѣйшее направленіе и рѣшеніе дѣла; что вопросъ объ установленіи этихъ отношеній въ духѣ устава уголовнаго судопроизводства поднятъ былъ мѣстнымъ прокурорскимъ надзоромъ еще въ 1875 году, но вопросъ этотъ и по настоящее время еще не получилъ окончательнаго разрѣшенія.

В. В. Смиттенъ замѣтилъ на это, что и Редакціонная Коммисія обратила вниманіе на необходимость создать правила для консуловъ по предмету производства ими слѣдствій, о чемъ и упомянуто на 43 стр. объяснительной записки.

По поводу 10 ст. проекта, Кавказское Юридическое Общество единогласно признало, что въ уложеніи о наказаніяхъ должна быть помѣщена только первая часть ея, опредѣляющая распространеніе дѣйствія русскаго кодекса на преступленія, совершенныя въ Турціи, Персіи, Китаѣ и Японіи; что же касается до второй части, опредѣляющей размѣры консульской юрисдикціи, то таковая должна быть, по мнѣнію Общества, помѣщена въ законахъ о судопроизводствѣ.

По поводу ст. 10 проекта, Товарищъ Предсѣдателя Плоцкаго Окружнаго Суда Павловскій замѣчаетъ, что существовавшее до 1845 года, на основаніи общихъ законовъ Имперіи, правило о подсудности русскихъ подданныхъ, провинившихся въ поименованныхъ въ этой статьѣ азіатскихъ государствахъ, болѣе соотвѣтствовало, по его мнѣнію, началамъ справедливости и международнаго взаимства, но за то врученіе уголовной юрисдикціи по отношенію къ русскимъ подданнымъ, въ нѣкоторыхъ, точно означенныхъ случаяхъ, исключительно мѣстнымъ русскимъ консуламъ болѣе гарантируетъ личность подсудимыхъ отъ произвола судей дальняго востока и отъ жестокости тамошнихъ, далеко негуманныхъ, карательныхъ законовъ.

Къ сожалѣнію, по проекту правило статьи 10 не распространено на русскихъ подданныхъ, проживающихъ и въ другихъ странахъ Средней Азіи, какъ напримѣръ въ Хивѣ, Бухарѣ, Афганистанѣ, гдѣ, по сосѣдству русскихъ владѣній, выдвигающихъ свои рубежи все болѣе и болѣе къ сердцевинѣ

Азіи, случаи подсудности для русскихъ подданныхъ могутъ значительно участиться. Притомъ является требующій разрѣшенія вопросъ, гдѣ именно въ Турціи, Персіи, Китаѣ и Японіи будутъ отбывать русскіе подданные наказанія заточеніемъ, тюрьмою или арестомъ: при помѣщеніяхъ ли мѣстныхъ русскихъ консульствъ или въ туземныхъ тюремныхъ заведеніяхъ? Въ первомъ случаѣ, представляется почти невозможнымъ существованіе при консульствахъ подобныхъ помѣщеній съ соотвѣтственными всякому изъ вышепоименованныхъ видовъ заключенія приспособленіями; въ послѣднемъ же, является небезосновательное опасеніе, не будутъ ли русскіе подданные въ турецкихъ, персидскихъ, китайскихъ или японскихъ тюрьмахъ и острогахъ, при извѣстной въ нихъ неурядицѣ и отсутствіи всякихъ правилъ гигіены и человѣколюбія, подвергаемы такимъ лишеніямъ, произволу и жестокостямъ со стороны мѣстныхъ исполнителей, какимъ подвергаются несчастные узники изъ туземцевъ. Вѣдь всѣмъ извѣстны существующія на Востокѣ недоброкачественность и скудность пищи, неопрятность помѣщеній, побои, безчеловѣчныя тѣлесныя наказанія и т. п.

Наконецъ, нелишнимъ будетъ остановить вниманіе на тѣхъ затрудненіяхъ, какія могутъ встрѣтиться русскому правительству при препровожденіи въ Россію болѣе важныхъ русскихъ подсудимыхъ, въ виду извѣстнаго недостатка въ глубинѣ Азіи удобныхъ средствъ сообщенія и транспортныхъ порядковъ.

Для избѣжанія всѣхъ этихъ неудобствъ и непомѣрнаго обремененія казны значительными расходами по препровожденію въ Россію болѣе важныхъ преступниковъ, г. Павловскій полагалъ бы по отношенію къ содѣяннымъ русскими подданными въ Азіи такимъ преступленіямъ и проступкамъ, которые превышаютъ предѣлы подсудности русскихъ консуловъ, возстановить порядокъ, существовавшій до 1845 года, то есть, виновныхъ привлекать къ отвѣтственности передъ смѣшаннымъ судомъ, въ составѣ мѣстныхъ судей и мѣстнаго русскаго консула.

Наконецъ, для точности редакціи, было бы болѣе соотвѣтственнымъ уголовному праву въ статьѣ 10 терминъ: «рѣшеніе», замѣнить словомъ: «приговоръ».

Въ интересахъ обвиняемыхъ, Одесскій Окружный Судъ полагаетъ желательнымъ, чтобы юрисдикція консуловъ была расширена распространеніемъ таковой и на проступки, за которые въ особенной части уложенія будетъ назначено заточеніе на срокъ не свыше двухъ лѣтъ. Окружный Судъ находитъ, что такимъ образомъ консульская юрисдикція относительно заточенія будетъ соотвѣтствовать тѣмъ же срокамъ, на которые консулы, по проекту

уложенія, будутъ въ правѣ подвергать тюремному заключенію, и что такое расширеніе подсудности будетъ вполнѣ согласно съ интересами обвиняемыхъ русскихъ подданныхъ, которые будутъ гарантированы отъ возможности высылки въ Россію для суда за сравнительно незначительные проступки, отъ высылки, которая можетъ угрожать, вслѣдствіе значительности разстояній и большой, вслѣдствіе сего, потери времени, полнымъ разстройствомъ дѣлъ и домашняго быта обвиняемыхъ за границею.

По замѣчанію Старшаго Предсѣдателя Казанской Судебной Палаты Окулова, консуламъ должно быть предоставлено право назначать наказанія не свыше предоставленнаго мировому судьѣ.

По замѣчанію чиновъ прокурорскаго надзора Казанскаго Окружнаго Суда, наказанія, предоставленныя консуламъ согласно 10 ст. проекта, слѣдовало бы ограничить денежною пенею и арестомъ; это власть единоличная, не спеціально судебная; преслѣдуемыя ею цѣли иногда посторонни цѣлямъ правосудія, а потому отъ нея нельзя ожидать тѣхъ строго обдуманныхъ и безпристрастныхъ приговоровъ, которые желательны при примѣненіи столь тяжкаго наказанія, какъ тюремное заключеніе.

Предсѣдатель Казанскаго Окружнаго Суда Грассъ, Членъ того же Суда Дьяченко и Присяжный Повѣренный Степановъ указываютъ, что, согласно 10 статьѣ проекта, при обвиненіи русскихъ подданныхъ въ дѣяніи, совершенномъ за границею, за которое положено заточеніе свыше одного года, они препровождаются для суда и наказанія въ Россію. При этомъ не означено однакоже, въ какой именно судъ? Между тѣмъ вопросъ этотъ для подсудимыхъ имѣетъ весьма важное значеніе.

Всѣ окраины наши еще десятки лѣтъ не будутъ пользоваться судомъ, по формѣ 20 Ноября 1864 г. установленнымъ, вслѣдствіе разныхъ причинъ, до внутренней политики касающихся, и по невозможности таковые суды образовать, между тѣмъ обвиняемые изъ Турціи, Персіи, Китая и Японіи, подлежащіе суду въ Россіи, могутъ быть доставляемы въ совершенно различные пограничные пункты наши, напр. на Кавказъ, въ Ташкентъ или въ Балтійскіе порты, но въ которомъ пограничномъ пунктѣ ихъ слѣдуетъ предавать суду—должно бы опредѣлить точно закономъ. Хотя это вопросъ судопроизводственный, но во всякомъ случаѣ въ проектѣ нѣтъ указаній на то, чтобы предполагалось выработать по этому предмету правила, какъ

напр. сказано относительно порядка разбора въ консульскихъ судахъ (лист. 43). Подобный законъ требуетъ особой точности еще и въ виду рѣшенія Уголовнаго Департамента Сената, 1873—658, Мешады-Оглы, признавшаго, что преступленіе, совершенное русскими подданными въ Персіи и неподлежащее разбирательству консула, подлежитъ изслѣдованію мѣстными персидскими властями порядкомъ, тамъ установленнымъ.

Признавая полную основательность соображеній, по которымъ Редакціонная Коммисія предположила установить извѣстный кругъ дѣйствій для русскихъ консуловъ въ Турціи, Персіи, Китаѣ и Японіи, чины Уманскаго Окружнаго Суда выражаютъ недоумѣніе, почему эти правила, носящія чисто процессуальный характеръ, вошли въ проектъ уложенія, а не оставляются для уст. угол. судопр.

Казалось бы, что, установивъ случаи, въ которыхъ россійскіе подданные, пребывающіе за границею, за совершеніе тамъ преступнаго дѣянія подлежатъ, въ противоположность правиламъ 7 и 8 его статей, всегда дѣйствію уложенія о наказаніяхъ, это послѣднее окончило свою задачу и можетъ предоставить уставу угол. судопр. разрѣшить вопросъ о власти, обязанной примѣнять уложеніе въ томъ или другомъ случаѣ, и о порядкѣ, въ которомъ эта власть должна дѣйствовать.

Поэтому вторая часть 10 статьи проекта, со словъ: «если за преступное....», представляется неумѣстною въ уложеніи о наказаніяхъ, а въ первой ея части, для большей ясности и для болѣе точнаго отличія устанавливаемаго ею правила отъ изложеннаго въ статьяхъ 7 и 8, слѣдовало бы предъ словами: «подлежатъ суду....» поставить слово: «всегда».

Одинъ изъ чиновъ Радомскаго Окружнаго Суда предлагаетъ исключить изъ проекта 2 часть 10 ст. и всю 11 ст., какъ заключающія правила, относящіяся къ судопроизводству и къ судоустройству; въ случаѣ же оставленія 11 статьи, установить общее правило выдачи преступниковъ, независимо отъ существованія трактатовъ и отъ начала взаимности. При современныхъ взглядахъ на значеніе суда, всѣ государства одинаково заинтересованы преслѣдовать обыкновенныхъ преступниковъ, а выдача иностранныхъ преступниковъ скорѣе оказывается удобствомъ, чѣмъ тяжестью для выдающаго государства. Установленіемъ такого общаго правила устранилось бы примѣненіе теоретически простаго, но практически очень сложнаго и неяснаго начала взаимности, для разъясненія коего у суда не бываетъ достаточныхъ данныхъ; притомъ судъ, руководствуясь этимъ правиломъ, долженъ

сойти съ твердаго поста исполнителя закона на постъ исполнителя мѣръ по временнымъ международнымъ комбинаціямъ.

Условія выдачи должны сообразоваться съ требованіями трактатовъ, но, насколько это не противорѣчитъ трактатамъ, слѣдовало бы установить слѣдующія условія выдачи:

а) чтобы она имѣла мѣсто по поводу дѣяній, признаваемыхъ по уложенію преступленіями или проступками;

б) чтобы дѣяніе это не составляло политическаго преступленія, направленнаго противу иностраннаго гусударства и соотвѣтствующаго преступленіямъ и проступкамъ, предусмотрѣннымъ.... ст. сего уложенія;

в) чтобы дѣяніе это не было направлено противу русскаго государства и правъ русскихъ подданныхъ;

г) чтобы лицо выдаваемо было не раньше окончанія о немъ слѣдствій и уголовныхъ дѣлъ, производящихся о немъ въ Россіи, и отбытія по онымъ наказанія;

д) чтобы представлено было опредѣленіе подлежащаго иностраннаго судебнаго мѣста, соотвѣтствующее постановленію судебнаго слѣдователя или судебнаго мѣста о привлеченіи и приводѣ обвиняемаго къ слѣдствію и суду, и

е) чтобы въ случаѣ нѣсколькихъ требованій, онѣ удовлетворялись по очереди поступленія.

Прокуроръ Орловскаго Окружнаго Суда Хрулевъ указываетъ, что статья 10 содержитъ въ себѣ два правила: первою частью этой статьи распространяется дѣйствіе уложенія на русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ Турціи, Персіи, Китаѣ и Японіи; второю же частью ея опредѣляется подсудность дѣлъ о преступленіяхъ, совершенныхъ такими русскими подданными. Заключая въ себѣ постановленіе процессуальное, эта вторая часть приведенной статьи должна быть исключена изъ уложенія и отнесена къ постановленіямъ устава уголовнаго судопроизводства или къ закону о консульской юрисдикціи, какъ это совершенно ясно и вѣрно выражено въ объяснительной запискѣ (стр. 43).

Къ тому же заключенію о неумѣстности въ проектѣ уложенія 2 ч. 10 статьи, въ виду судопроизводственнаго ея характера, приходятъ также чины Ставропольской прокуратуры, Прокуроръ Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскій и Членъ Нѣжинскаго Окружнаго Суда Каменцовъ. На процессуальный же характеръ 10 статьи указываютъ, сверхъ того, члены

образованнаго въ Кишиневскомъ Окружномъ Судѣ для разсмотрѣнія проекта совѣщанія изъ чиновъ Суда и мѣстныхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ.

Сенаторъ С. И. Зарудный предлагаетъ слѣдующее, измѣненное въ редакціонномъ отношеніи изложеніе статьи 10 проекта: Русскіе подданные, пребывающіе въ Турціи, Персіи, Китаѣ или Японіи и учинившіе тамъ преступное дѣяніе, подлежатъ суду и наказанію по законамъ, дѣйствующимъ въ Россіи. Рѣшеніе о преступномъ дѣяніи, за которое назначено заточеніе на срокъ не свыше одного года, тюрьма, арестъ или денежная пеня, постановляется русскимъ мѣстнымъ консуломъ; при обвиненіи же въ дѣяніяхъ болѣе важныхъ обвиняемый препровождается для суда и наказанія въ Россію.

Чины Московской прокуратуры предлагаютъ въ фразѣ «русскимъ мѣстнымъ консуломъ» сдѣлать болѣе правильную постановку словъ: «мѣстнымъ русскимъ консуломъ».

Смотри также приведенныя подъ ст. 7 проекта пренія, происходившія въ Кавказскомъ Юридическомъ Обществѣ.

Статья 11.

Иностранцы, учинившіе внѣ предѣловъ Россіи преступленіе или проступокъ, подлежатъ выдачѣ, согласно съ существующими о томъ договорами или по установившимся началамъ взаимности, если они не были по законамъ, дѣйствующимъ въ Россіи, за то дѣяніе наказаны, оправданы или освобождены отъ наказанія въ установленномъ порядкѣ.

На томъ же основаніи подлежатъ выдачѣ, если и въ семъ отношеніи существуетъ взаимность со стороны державы, требующей выдачи:

1) иностранцы, учинившіе преступленія или проступки, хотя бы и вызванные политическими побужденіями, или совершенные совмѣстно съ политическимъ преступленіемъ или проступкомъ, или по поводу таковыхъ;

2) иностранцы, обвиняемые въ посягательствѣ на жизнь или здоровье главы иностраннаго государства.

Не подлежатъ выдачѣ иностранцы, учинившіе преступленіе или проступокъ политическіе, направленные противъ иностраннаго государства и соотвѣтствующіе преступленіямъ или проступкамъ, предусмотрѣннымъ статьями.... сего уложенія.

Профессоръ фонъ-Гольцендорфъ находитъ, что хотя въ существѣ можно одобрить то, что право выдачи будетъ регулируемо законами (какъ напр. въ Бельгіи и т. д.), но не слѣдуетъ забывать, что въ Бельгіи исполнительная власть, въ смыслѣ конституціоннаго государственнаго права, должна быть ограничена въ заключеніи договоровъ о выдачѣ. Эта точка зрѣнія, какъ кажется, пока вовсе нежелательна для Россіи тѣмъ болѣе, что въ настоящее время международное право выдачи преступниковъ еще находится въ переходной стадіи своего развитія. Если уголовный судья въ Россіи не будетъ призванъ къ участію въ разсмотрѣніи иностранныхъ требованій о выдачѣ, то можно бы посовѣтовать выбросить вовсе изъ закона совершенно неустановившееся понятіе политическаго преступленія. Существованіе въ законѣ такого понятія легко можетъ вызвать въ присяжныхъ ложное представленіе о томъ, что и съ точки зрѣнія Россіи, политическое преступленіе заключаетъ въ себѣ меньшую степень виновности, чѣмъ преступленіе общее, что, по мнѣнію г. фонъ-Гольцендорфа, представляется неправильнымъ. Если однако, вопреки этимъ возраженіямъ признано будетъ нужнымъ не выдѣлять постановленія о выдачѣ преступниковъ въ самостоятельный законъ и сохранить ихъ въ самомъ уголовномъ кодексѣ, то можно бы посовѣтовать включить въ послѣдній дополнительное постановленіе о томъ, что русскіе не подвергаются смертной казни, если по закону того государства, которымъ они будутъ выданы, подлежащее дѣяніе не могло бы повлечь за собою смертной казни. Въ пользу такого рода постановленія нельзя привести никакихъ юридическихъ основаній, но за него много говорятъ соображенія уголовной политики.

Профессоръ Гуго-Мейеръ находитъ, что слово: «политическіе», употребленное въ послѣдней части статьи 11, можетъ возбудить предположеніе, что посягательство должно вмѣстѣ съ тѣмъ исходить изъ политическихъ побужденій, между тѣмъ, какъ Коммисія не имѣла намѣренія ограничить такимъ путемъ исключенія изъ общаго правила о выдачѣ преступниковъ хотя, можетъ быть, въ дѣйствительности это и было бы самое лучшее.

Профессоръ Лукини находитъ, что было вполнѣ естественно ожидать отъ Россіи расширенія принциповъ выдачи преступниковъ, къ которому русское правительство уже не разъ стремилось. Но сомнительно, чтобы, при современномъ положеніи вещей, оно встрѣтило сочувствіе со стороны другихъ европейскихъ государствъ, чего до сихъ поръ еще не было. Если бы государства были однообразно и разумно устроены, то г. Лукини безъ малѣйшаго колебанія призналъ бы справедливымъ устраненіе современной привилегіи политическихъ преступленій; тѣмъ не менѣе, онъ все же признаетъ логичнымъ такое требованіе русскаго правительства въ виду настоящихъ событій, хотя оно и не можетъ способствовать вѣрѣ за границею въ прочность русскихъ государственныхъ учрежденій.

По мнѣнію Комитета С.-Петербурскаго Юридическаго Общества, статья 11 возбуждаетъ три существенныхъ, главныхъ вопроса. Составители проекта, признавая въ принципѣ невыдачу собственныхъ подданныхъ, не выразили въ проектѣ этого начала достаточно ясно. Комитетъ полагалъ возможнымъ дополнить ст. 11 постановленіемъ: русскіе подданные выдачѣ не подлежатъ.

Затѣмъ, изъ другихъ затрогиваемыхъ ст. 11 вопросовъ два, о выдачѣ преступниковъ за общія преступленія, не возбуждаютъ споровъ, остается третій—о выдачѣ политическихъ преступниковъ. Начало невыдачи политическихъ преступниковъ представляется безспорнымъ. Но между областью общихъ и политическихъ преступленій есть еще преступленія смѣшанныя, заключающія въ себѣ и элементъ посягательства на права частныхъ лицъ. Комитетъ полагалъ, что это вопросъ, относящійся къ области международнаго права и притомъ весьма спорный и далеко нерѣшенный, и въ виду этого, считая полезнымъ не включать постановленій о выдачѣ за преступленія смѣшаннаго характера въ проектъ, Комитетъ, съ своей стороны, предлагаетъ слѣдующую редакцію ст. 11:

«Русскіе подданные выдачѣ не подлежатъ. Иностранцы, учинившіе внѣ предѣловъ Россіи преступленіе или проступокъ, подлежатъ выдачѣ согласно съ существующими договорами или по установившимся началамъ взаимности, если они не были, по законамъ, дѣйствующимъ въ Россіи, за то дѣяніе наказаны, оправданы или освобождены отъ наказанія по вступившимъ въ законную силу приговорамъ. Не подлежатъ на основаніи международнаго права выдачѣ иностранцы, учинившіе преступленіе или проступокъ политическіе, направленные противъ иностраннаго государства.»

Н. Д. Сергіевскій заявилъ, что онъ не можетъ согласиться съ новой редакціей, предложенной Комитетомъ. Что касается 1-го замѣчанія,—что

русскіе не подлежатъ выдачѣ, то оно излишне, такъ какъ въ ст. 11, указано, что только иностранцы подлежатъ выдачѣ. Что касается до втораго предлагаемаго Комитетомъ измѣненія, то грань между чисто политическимъ и смѣшаннымъ преступленіями опредѣляется не свойствомъ мотива, а составомъ даннаго дѣянія. Взглядъ Комитета могъ бы быть принятъ, если бы контръ-проектъ Комитета содержалъ выработанное понятіе о политическомъ преступленіи, на иныхъ началахъ основанное. Но такъ какъ онъ ничего подобнаго не предлагаетъ, а по началамъ теперешняго международнаго права смѣшанныя преступленія исключаются изъ области политическихъ преступленій, то въ сущности обѣ редакціи, и проекта, и контръ-проекта, согласны между собою.

В. Д. Спасовичъ замѣтилъ, что въ проектѣ затрогивается вопросъ: какой системѣ надлежитъ слѣдовать при соблюденіи обѣими державами взаимности относительно выдачи преступниковъ.

Этотъ вопросъ рѣшается либо по трактатамъ, либо безъ трактатовъ—по началу взаимности, причемъ выдача составляетъ общее правило, а въ этомъ правилѣ есть исключеніе—невыдача преступниковъ политическихъ. Практика среднихъ вѣковъ была совершенно обратная. Тогда существовали трактаты о взаимной выдачѣ политическихъ преступниковъ, но не выдавались общіе. Съ половины XVIII вѣка возникаютъ трактаты о выдачѣ общихъ преступниковъ. На этомъ поприщѣ самую большую дѣятельность обнаруживаетъ Франція, которая въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ заключила такіе трактаты съ 36 державами. Сверхъ того, французскій министръ юстиціи изложилъ въ циркулярѣ 1841 г. начала, которыми Франція будетъ руководствоваться при выдачѣ и независимо отъ трактатовъ. Далѣе, законами 1832 г. и 1849 г. постановлено удаленіе изъ Франціи иностранцевъ бѣглецовъ, нетребуемыхъ къ выдачѣ. Бельгія ввела выдачу особымъ уголовнымъ закономъ въ 1833 и послѣдующихъ годахъ. Государство, сравнительно слабое, Бельгія, видоизмѣняла много разъ свой уголовный законъ въ угоду своимъ могущественнымъ сосѣдямъ. Такъ напримѣръ, когда нѣкто Duchesne огласилъ печатно въ 1875 г. предложеніе покушенія на жизнь Бисмарка, въ Бельгіи былъ изданъ 7 Іюля 1875 г. дополнительный законъ о выдачѣ преступниковъ за offices et propositions de commettre un crime et d'y participer.

Италія имѣетъ множество конвенцій о выдачѣ (28); до настоящаго года она не признавала выдачи цареубійцъ, но, кажется, въ нынѣшнемъ году заключенъ ею подобный договоръ съ Австріею, по поводу дѣла Оберданка.

Трактаты Россіи о выдачѣ начинаются съ 1810 г. (съ Швеціею). Затѣмъ заключено множество картелей съ Австріею и Пруссіею о выдачѣ всѣхъ преступниковъ, въ томъ числѣ политическихъ и дезертировъ. Въ

1834 г. заключена ею конвенція о польскихъ эмигрантахъ съ тѣми же державами. Турція выдаетъ безъ трактатовъ общихъ преступниковъ, но часто отказывалась, напримѣръ въ 1848 г., выдавать политическихъ. До 1866 г. Англія отказывалась вообще отъ выдачи, но съ тѣхъ поръ она ее ввела и находится даже въ коллизіи съ Америкою по этому вопросу, по поводу выдачи фенієвъ.

Нынѣшняя система выдачи характеризуется слѣдующими чертами: во 1-хъ, количество влекущихъ за собою выдачу дѣяній увеличивается, при чемъ принимается во вниманіе общечеловѣческая преступность дѣянія. Исключаются дѣянія политически, религіозно и воинско-преступныя. Во 2-хъ, выдача производится чаще всего на основаніи трактатовъ. Но и въ этихъ трактатахъ попадаются условія въ родѣ слѣдующихъ: (Италія съ Швейцаріею 1866 г.): Les deux gouvernements se reservent le droit de ne pas consentir à l'extradiction dans quelques cas speciaux et extraordinaires. Въ 3-хъ, въ 1879 г. институтъ международнаго права, засѣдавшій въ Парижѣ, выработалъ положенія, которыя можно назвать руководящими въ теоріи: 1) l'extradiction n'est pratiquée d'une manière sure et regulière que s'il y a traités, 2) toutefois elle peut s'effectuer en l'absence de tout bien contractuel.

Большая запутанность существуетъ относительно délits connèxes. Выдача за обыкновенныя преступленія влечетъ за собою и судъ, какъ за обыкновенное преступленіе. Началу невыдачи своихъ собственныхъ подданныхъ записано во многихъ кодексахъ и трактатахъ *положительно*. Процессуальная сторона выдачи весьма разнообразна. Признано, что починъ требованія о выдачѣ долженъ быть судебный, продолжаемый путемъ дипломатическимъ. Рѣшаетъ о выдачѣ либо правительство въ лицѣ министра юстиціи (система Франціи), либо судъ мѣста выдачи (сист. анг. или америк.), либо судъ мѣстный даетъ только заключеніе, а министръ юстиціи разрѣшаетъ выдачу, не стѣсняясь заключеніемъ (бельгійская).

Что касается до невыдачи преступниковъ политическихъ, то вопросъ этотъ возникъ только съ 1830 г., когда, послѣ польской революціи, западная Европа раздѣлилась на два лагеря: либеральный, съ Франціею во главѣ, и реакціонно-монархическій. Франція и Англія давали пріютъ всевозможнымъ эмиграціямъ. Невыдача установилась твердо трактатами и не предполагается къ отмѣнѣ. Когда послѣдовала февральская революція 1848 г. и затѣмъ переворотъ 1851 г., вслѣдствіе котораго бывшій заговорщикъ сдѣлался императоромъ и самъ сталъ цѣлью направленныхъ противъ жизни его заговоровъ, сама Франція начинаетъ ограничивать и стѣснять право убѣжища для политическихъ преступниковъ, по крайней мѣрѣ старается изъять отъ невыдачи

цареубійцъ. Возникло дѣло Жакенъ. На пути изъ *Лилля* въ Кале было приготовленіе къ взрыву полотна желѣзной дороги подъ императорскимъ поѣздомъ. Одинъ изъ виновниковъ, французъ Жакенъ, бѣжалъ въ Бельгію. Франція требовала выдачи его за attentat contre l'empereur et contre les personnes qui devaient faire partie du convoi.

Брюссельская палата признала, что покушеніе на императора есть покушеніе политическое, такъ какъ императоръ есть учрежденіе политическое. Бельгійскій кассаціонный судъ 12-го Марта 1855 г. отмѣнилъ опредѣленіе судебной палаты. Другое отдѣленіе палаты рѣшило выдать Жакена. Бельгія внесла, вслѣдствіе того, въ 1856 г., въ свой уголовный законъ выдачу цареубійцъ (ne sera reputé délit politique l'attentat contre le chef d'un gouvernement etranger, lorsque cet attentat constitue le fait soit de meurtre, soit d'assassinat, soit d'empoisonnement).

Такіе же трактаты Франція заключила и съ другими державами, кромѣ Швейцаріи, Англіи, Италіи и Испаніи.—Институтъ международнаго права, засѣдая въ Оксфордѣ въ 1880 г., формулировалъ слѣдующее заключеніе: les faits qui réunissent les caractères des crimes de droit commun ne doivent pas être exceptés de l'extradition à raison seulement de l'intention politique de leur auteur.

Таково было положеніе дѣлъ, когда цареубійство 1 Марта 1881 г., въ связи съ невыдачею Франціею покушавшагося на цареубійство подъ Москвою Гартмана, по требованію Россіи, дало новый толчекъ идеѣ о недопущеніи до права убѣжища цареубійцъ.

Профессоръ Мартенсъ поставилъ въ европейской литературѣ вопросъ о непримѣненіи начала невыдачи относительно цареубійцъ или, что тоже, объ узаконеніи, что цареубійство не есть преступленіе политическое. Онъ былъ поддержанъ профессоромъ Блюнчли, но дальнѣйшихъ послѣдствій предложеніе не имѣло и европейскій конгресъ для обсужденія этого вопроса не собирался. Неосуществленная въ международныхъ отношеніяхъ идея предполагается для занесенія ея въ уголовный кодексъ Россіи. Ставятся начала, которыми Россія намѣрена руководствоваться даже безъ трактатовъ, но при условіи взаимности. Изъ области преступленій политическихъ выдѣляются всѣ смѣшанныя, и предполагается выдавать: 1) учинившихъ общія преступленія, хотя бы съ политическою цѣлью, 2) учинившихъ, вмѣстѣ съ политическимъ, и общее преступленіе и 3) всѣхъ цареубійцъ. Таково положеніе вопроса. Разбираясь въ немъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ общемъ вопросѣ спутаны два другіе: международный и внутренній. Раздѣльность ихъ несомнѣнна. Даже противникъ начала невыдачи цареубійцъ, желающій, по взаимному соглашенію государствъ, установить, чтобы они нигдѣ не были терпимы,

можетъ однако не желать внесенія выдачи въ законъ уголовный своего отечества. Онъ можетъ думать, что онъ тѣмъ свяжетъ только своему государству руки, само же начало останется мертвою буквою, пока не утвердится въ международномъ правѣ. Есть основаніе надѣяться и желать, чтобы утвердилось начало выдачи тѣхъ преступниковъ, учинившихъ дѣянія со смѣшаннымъ характеромъ, со включеніемъ и цареубійцъ, о которыхъ состоялась резолюція оксфордская 1880 года.

При всемъ желаніи, чтобы цареубійцы преслѣдовались повсемѣстно, В. Д. Спасовичъ заявилъ, что онъ не можетъ сойтись ни съ резолюціею 1880 г., ни съ мнѣніемъ Ф. Ф. Мартенса, по нижеслѣдующимъ основаніямъ.

По одному объекту, независимо отъ мотивовъ, нельзя въ большинствѣ случаевъ рѣшить: политическое ли преступленіе, или нѣтъ. Несправедливо также зачислять всѣ смѣшанныя преступленія въ неполитическія. Если цареубійство совершено изъ мести, то оно будетъ обыкновеннымъ преступленіемъ, съ точки зрѣнія международной. Но ежели оно совершено для измѣненія формы правленія, то на него нельзя иначе смотрѣть, какъ на политическое. Въ самомъ цареубійствѣ громадная разница между посягавшими заключается всегда въ томъ, противъ кого совершено покушеніе, противъ законнаго ли государя, или противъ узурпатора. Безъ всякихъ трактатовъ большинство государствъ дойдетъ до взаимной выдачи даже и такихъ преступниковъ, дѣяніямъ которыхъ присущъ элементъ политическій, но такимъ образомъ, что этотъ политическій элементъ утопаетъ въ общемъ уголовномъ (Италія выдавала тріестинскихъ злодѣевъ Австріи въ 1882 г.). Но, желая такой практики, опасно предрѣшать вопросы и связывать себѣ руки, устанавливая безусловную выдачу. Надлежало бы скорѣе твердо придерживаться 14 п. резолюціи оксфордской: l'état recquis apprecié souverainement d'après les circonstances si le fait, à raison duquel l'extradiction est reclamée, a ou non un caractère politique.

Для указанія, какъ трудно давать безусловное рѣшеніе вопросу, можно привести два примѣра: во 1-хъ, допустимъ, что нынѣ существуетъ гдѣ-либо такой порядокъ вещей, какъ во Франціи послѣ переворота 1851 г., и что какой нибудь изъ заговорщиковъ, виновный въ покушеніи въ родѣ орсиньевскаго, бѣжалъ въ Россію. Неужели можно, по человѣчески судя, выдать его тому правительству на судъ, который будетъ вѣроятно и неправый, и пристрастный. Второй примѣръ: положимъ, что боснякъ или герцеговинецъ, убивъ австрійскаго солдата, бѣжалъ въ Черногорію или къ намъ; какъ ни мала Черногорія, она его не выдастъ, по своему народному обычаю. Неужели можно предполагать, что онъ будетъ выданъ нами безусловно?

Во всякомъ случаѣ, невыдача не совпадаетъ еще съ безнаказанностью; государство, не выдавая преступника, можетъ его у себя судить и наказать по требованію иностранной державы, въ какомъ смыслѣ и сдѣлано предложеніе Н. М. Коркуновымъ.

Ф. Ф. Мартенсъ замѣтилъ, что вопросъ о выдачѣ преступниковъ въ высшей степени интересенъ и сложенъ. До 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія представлялся весьма спорнымъ вопросъ и о выдачѣ за преступленія политическія. Съ этого времени вопросъ о невыдачѣ за преступленія политическія поставленъ прямо, но что такое политическое преступленіе, осталось неопредѣленнымъ.

По разъясненіи этого вопроса, уголовный кодексъ можетъ подготовлять почву для Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которое будетъ имѣть подходящее основаніе для будущихъ трактатовъ. Обязанность русскихъ юристовъ заключается, по мнѣнію г. Мартенса, въ томъ, чтобы ребромъ поставить вопросъ. Что касается до предложенія г. Коркунова о наказываніи политическихъ преступниковъ, не выдавая ихъ иностраннымъ государствамъ, то эта идея уже предлагаема была на оксфордскомъ конгрессѣ въ 1880 г. г. Даневскимъ, но провалилась и не имѣла успѣха.

По мнѣнію *Н. М. Коркунова*, двѣ капитальныя причины мѣшаютъ включенію въ уголовное уложеніе началъ, изложенныхъ въ срединѣ 11 статьи, а именно: а) неизвѣстность, какъ будутъ судить выдаваемаго; опасеніе, что его будутъ судить несправедливо и пристрастно, и б) несогласіе средины 11 ст. съ правомъ войны; возможность подводить подъ нее дѣянія смѣшанныя, сопряженныя съ нападеніемъ на лицо и на имущество, во время открытаго возстанія или во время войны.

В. Д. Спасовичъ замѣтилъ, что Комитетъ, измѣняя редакцію ст. 11, не предполагалъ, чтобы преступленія смѣшаннаго характера оставались во всякомъ случаѣ ненаказуемыми. Неудобство редакціи проекта заключается въ томъ, что во многихъ случаяхъ государство могло бы чувствовать себя связаннымъ. Между тѣмъ, при рѣшеніи вопроса о выдачѣ лица, обвиняемаго въ преступленіи смѣшаннаго характера, государству должна принадлежать полная свобода дѣйствій, возможность рѣшить вопросъ о свойствѣ дѣянія безотносительно квалификаціи дѣянія, сдѣланной заинтересованнымъ государствомъ. Объектъ, на который направлено преступленіе, не можетъ еще, самъ по себѣ, служить единственнымъ и достаточнымъ критеріемъ для опредѣленія свойства дѣянія.

А. Ф. Кони замѣтилъ, что, по его мнѣнію, предложеніе г. Даневскаго вовсе не настолько неосновательно, чтобы его нельзя было, въ извѣстныхъ границахъ, поддерживать. Соглашаясь съ замѣчаніями Н. М. Коркунова на

ст. 11 проекта, надо имѣть въ виду, что по ней выдача,—а слѣдовательно судъ—обусловлены существованіемъ договора о выдачѣ или взаимностью. Путь, образъ дѣйствій русскаго правительства, опредѣленъ ясно. Но иначе ставится вопросъ, если взаимности нѣтъ, если намъ отказываютъ въ выдачѣ нашихъ преступниковъ, о коихъ упоминается въ 1 и 2 п.п. второй части ст. 11. Начало взаимности и достоинства государства не допускаютъ соотвѣтственной выдачи и съ нашей стороны. Мы не можемъ спокойно склоняться предъ чуждымъ государствомъ и, совершая выдачу, вопреки и несмотря на полученный нами отказъ, молчаливо признавать справедливыми то недовѣріе къ нашему правосудію и неуваженіе къ нашему суду, которое высказано въ отказѣ выдачи. Но если нельзя выдавать, то что же дѣлать? Можно ли допустить, чтобы иностранецъ, совершившій тяжкое, кровавое и мрачное дѣло у себя на родинѣ, бѣжавъ въ Россію и пользуясь отсутствіемъ взаимности, жилъ здѣсь спокойно, въ скорлупѣ своей безнаказанности, и пользовался тѣми благами общежитія, въ которыхъ государство отказываетъ людямъ, неизмѣримо менѣе преступнымъ. Въ объясненіяхъ на ст. 8 проекта, относительно общихъ преступленій, составители проекта говорятъ, что если просьбы о выдачѣ не послѣдуетъ, то нельзя допустить, чтобы завѣдомый убійца, изнасилователь или поджигатель, могъ оставаться въ Россіи безнаказаннымъ: это нарушало бы и справедливость, и интересы государственной безопасности. Очевидно, что тѣ же соображенія примѣнимы и къ delits connèxes. Поэтому, государство должно имѣть право судить такого преступника своимъ судомъ, если выдать его невозможно. Это его *право*, но не *обязанность*. Могутъ указать на три затрудненія при принятіи такого начала. Во 1-хъ, трудность слѣдствія. Но она существуетъ и при судѣ надъ общими преступниками по 8 ст. проекта. Во 2-хъ, несоотвѣтствіе нашихъ законовъ съ законами чуждой страны. Но судъ будетъ производиться лишь въ серьезныхъ случаяхъ, въ которыхъ законы всюду одинаковы относительно состава преступленія. Въ 3-хъ, борьба политическихъ партій за границею порождаетъ преступленія, которыя, съ нашей точки зрѣнія, не являются такими и самая выдача по которымъ нежелательна; но право не выдавать въ такихъ случаяхъ уже выражено въ трактатѣ Швейцаріи съ Италіею 1866 г., по которому государства могутъ, договариваясь о выдачѣ, прямо выразить, что они могутъ преступниковъ и не выдавать въ особенныхъ и исключительныхъ какихъ нибудь случаяхъ. Тѣмъ болѣе такое начало примѣнимо здѣсь. Поэтому А. Ф. Кони, присоединяясь къ Н. М. Коркунову, полагалъ, что идея г. Даневскаго заслуживаетъ внимательнаго обсужденія.

Н. Д. Сергіевскій, поддерживая редакцію проекта, полагалъ, что ст. 11 слѣдовало бы дополнить постановленіемъ, что выдаваемые преступники

должны быть судимы только какъ за общіе, а не какъ за политическіе преступленія или проступки.

На обсужденіе собранія предложены два вопроса: слѣдуетъ ли изложить ст. 11 въ редакціи, предложенной Комитетомъ, исключивъ среднюю часть ея изъ редакціи проекта. Вопросъ разрѣшенъ отрицательно 12 голосами противъ 10. Засимъ, предложеніе г. Сергѣевскаго о дополненіи ст. 11 постановленіемъ: «въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ 1 и 2 п.п. 11 ст., выданные должны быть судимы только какъ за общія преступленія» было принято большинствомъ.

Сенаторъ А. К. Фриде находитъ, что въ ст. 11 (ср. замѣчаніе его подъ ст. 7) слѣдовало бы первое слово этой статьи «иностранцы» замѣнить выраженіемъ: «пребывающіе въ Россіи иностранцы».

Кромѣ того, въ виду общаго правила, принятаго во всѣхъ уголовныхъ законодательствахъ, по которому законъ уголовный новый, болѣе мягкій по своимъ послѣдствіямъ, предпочитается болѣе строгому закону, дѣйствовавшему во время совершенія преступленія, *быть можетъ*, слѣдовало бы, при разрѣшеніи вопроса о выдачѣ преступника, совершившаго за границею преступленія, не подходящія подъ п. 2 ст. 11, принять за правило, что если въ данномъ случаѣ преступное дѣяніе подвергаетъ виновнаго *неодинаковому* наказанію, по закону русскому и по закону государства, требующаго выдачи, эта послѣдняя можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, когда иностранный уголовный законъ окажется болѣе мягкимъ, въ сравненіи съ нашимъ. Сообразно съ симъ слѣдовало бы первую часть ст. 11 изложить слѣдующимъ образомъ:

«Пребывающіе въ Россіи иностранцы, учинившіе внѣ предѣловъ Россіи преступленіе или проступокъ, подлежатъ выдачѣ, согласно съ существующими о томъ договорами или по установившимся началамъ взаимности, если они не были, по законамъ дѣйствующимъ въ Россійской Имперіи, за то дѣяніе наказаны, оправданы или освобождены отъ наказанія въ установленномъ порядкѣ и *если при томъ уголовныя послѣдствія дѣянія, въ которомъ они обвиняются, по законамъ страны, требующей выдачи, не представляются болѣе тяжкими въ сравненіи съ послѣдствіями того же дѣянія по законамъ Россійской Имперіи*».

Кромѣ того, по отношенію къ послѣдней части ст. 11 возникаетъ еще вопросъ, подлежатъ ли тѣ иностранцы, которые, несмотря на требованіе иностраннаго правительства, не могутъ быть выдаваемы, если тѣмъ не менѣе такое требованіе будетъ заявлено,—*суду и наказанію по законамъ россій-*

ским? Если о судебномъ преслѣдованіи подобныхъ лицъ можетъ не быть рѣчи, пока о пребываніи ихъ въ Россіи и о выдачѣ ихъ не возбуждено никакой переписки, то казалось бы, что въ настоящее время взаимная поддержка, которою всѣ правительства Европы обязаны одно другому, требовала бы, чтобы и дѣянія, означенныя въ послѣдней части ст. 11, не пользовались, во всякомъ случаѣ, въ иностранномъ государствѣ покровительствомъ, и, если подобное начало будетъ установлено въ новомъ россійскомъ уложеніи, то слѣдуетъ думать, что оно, въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени вызоветъ и взаимность въ иностранныхъ законодательствахъ.

Сообразно сему, Сенаторъ А. К. Фриде полагалъ бы послѣднюю часть ст. 11 изложить слѣдующимъ образомъ:

«Не подлежатъ выдачѣ, *но не освобождаются отъ уголовной отвѣтственности*, иностранцы, учинившіе и т. д.» по редакціи проекта.

При такой редакціи вопросъ о необходимости преслѣдованія того или другаго политическаго преступника, скрывающагося въ Россіи, будетъ уже зависѣть отъ усмотрѣнія, въ каждомъ данномъ случаѣ, по политическимъ или другимъ соображеніямъ, нашего правительства, но, во всякомъ случаѣ, обвиненіе въ томъ, что Россія служитъ убѣжищемъ политической пропаганды, на подобіе Англіи, не найдетъ уже оправданія въ законѣ, *устанавляющемъ*, съ одной стороны, что иностранцы, учинившіе преступленія, о которыхъ говорится въ послѣдней части ст. 11, *не подлежатъ* выдачѣ, но *не устанавляющемъ*, въ то же время, признаетъ ли русское правительство за собою право само принимать относительно означенныхъ лицъ какія-либо мѣры, обезпечивающія спокойствіе сосѣдней или дружественной державы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое собственное спокойствіе.

Правила, изложенныя въ статьѣ 11 относительно выдачи иностранцевъ, представляются, по мнѣнію Варшавскихъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, излишними въ уголовномъ уложеніи. Они не имѣютъ свойства закона, такъ какъ они сами по себѣ ничего новаго не повелѣваютъ и не запрещаютъ, а состоятъ въ полной зависимости отъ международныхъ договоровъ и началъ взаимности. Международные договоры обязательны для судовъ уголовныхъ и безъ особой о томъ оговорки въ уголовномъ уложеніи. Начало взаимности, пока оно не осуществится посредствомъ международныхъ договоровъ, представляется только обѣщаніемъ правилъ, еще неопредѣлившихся. Этотъ предметъ, прежде включенія его въ уголовное законодательство, слѣдуетъ предоставить разработкѣ въ международномъ правѣ, котораго начала по этому предмету далеко

еще не установились, и вообще во многомъ противорѣчатъ ст. 11-й проекта, въ особенности относительно такъ называемыхъ délits connèxes.

По замѣчанію Прокурора Плоцкаго Окружнаго Суда Фукса, статья 11 проекта ставитъ разрѣшеніе вопроса о выдачѣ иностранцевъ, учинившихъ преступленіе или проступокъ внѣ предѣловъ Россіи, въ зависимость отъ такихъ обстоятельствъ, признаніе или отрицаніе которыхъ всецѣло подлежитъ вѣдѣнію не судебной, а дипломатической и административной власти; руководствомъ для нихъ служатъ или вполнѣ точныя правила международныхъ договоровъ, или начала взаимности, но въ случаѣ разногласія сторонъ въ толкованіи этихъ правилъ и началъ и могущихъ происходить отъ того споровъ, послѣдніе опять-таки не могутъ быть переданы на разсмотрѣніе судебныхъ мѣстъ, а разрѣшаются односторонне и безапелляціонно правительственною властью каждаго государства. Поэтому и ст. 11, какъ нормирующая дѣятельность правительственныхъ учрежденій, а не судебныхъ, оказывается излишнею, тѣмъ болѣе, что 2 п. 8 ст. предоставляетъ иностраннымъ государствамъ право возбуждать уголовное преслѣдованіе за преступленія не политическія, и подобное право является совершенно достаточной гарантіей противъ безнаказанности преступленій иностранцевъ внѣ предѣловъ Россіи; съ исключеніемъ ст. 11 слѣдуетъ однако соотвѣтственно дополнить 1 п. ст. 8 упоминаніемъ о ненаказуемости политическихъ преступленій, а въ 3 п. 7 ст. слово «иностранцы» пояснить: «неподлежащіе выдачѣ».

При обсужденіи 11 статьи проекта въ собраніи чиновъ Кишиневскаго Окружнаго Суда и мѣстныхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ возникли пренія по вопросу о выдачѣ преступниковъ за дѣянія, соприкасающіяся съ политическими преступленіями, подводимыя подъ понятіе délits connèxes и разбитыя составителями проекта на три группы: а) совершенныя по политическимъ побужденіямъ; б) вмѣстѣ съ политическими (общія) и в) по поводу таковыхъ.

При этомъ, исходя изъ тѣхъ положеній, что грань между общими преступленіями и совершенными по политическимъ побужденіямъ весьма эластична и неопредѣленна, какъ неопредѣленно самое понятіе политическихъ преступленій; что въ виду этого возможны въ отдѣльныхъ случаяхъ злоупотребленія, обусловливаемыя характеромъ отношеній государствъ, между которыми идутъ переговоры о выдачѣ, и что возможно опасеніе, что такого выданнаго преступника будутъ судить несправедливо и пристрастно,—

предложено было исключить изъ объема дѣяній, за которыя предполагается выдача, преступленія, вызванныя политическими побужденіями. Точно также, въ виду крайней неопредѣленности и растяжимости понятія «политическихъ преступленій» и необходимости установить возможно болѣе гарантіи безпристрастности и справедливости при выдачѣ преступниковъ по другимъ категоріямъ délits connexes, о коихъ говоритъ 1 п. 11 ст. проекта, признавалось правильнымъ дополнить редакцію 1 п. ст. 11 выраженіемъ: «но не имѣющіе тѣсной съ ними связи», такъ какъ неудобство редакціи проекта заключается въ томъ, что во многихъ случаяхъ государство могло бы чувствовать себя связаннымъ. Между тѣмъ, при рѣшеніи вопроса о выдачѣ лица, обвиняемаго въ преступленіи смѣшаннаго характера, государству должна принадлежать полная свобода дѣйствій, возможность рѣшить вопросъ о свойствѣ дѣянія безотносительно къ квалификаціи дѣянія, сдѣланной заинтересованнымъ государствомъ. Предполагаемое добавленіе откроетъ государству эту, необходимую въ интересахъ справедливости и безпристрастности, свободу дѣйствій.

Въ виду сего, предложенъ былъ слѣдующій контръ-проектъ 1 п. 11 статьи:

«1 п.) иностранцы, учинившіе преступленіе или проступки хотя и совмѣстно съ политическими или по поводу таковыхъ, но не имѣющіе съ ними тѣсной связи».

Собраніе названныхъ лицъ, обсудивъ такое предложеніе и соглашаясь съ мотивами онаго, присоединилось къ изложенному контръ-проекту 1-й части разбираемой статьи.

При обсужденіи послѣдней части 11 ст., возбужденъ былъ вопросъ о томъ, чтобы область политическихъ преступленій, не допускающихъ выдачи, опредѣлялась всякій разъ дѣйствіями, которыя допускаются и оправдываются обычаями и законами войны, и въ этомъ именно направленіи измѣнена была обсуждаемая часть 11 статьи.

Собраніе, исходя изъ того положенія, что обычаи и законы войны растяжимы, неопредѣленны и, большею частью, для судьи неизвѣстны, нашло, что наиболѣе удобнымъ пріемомъ означенія политическихъ преступленій можетъ быть прямое указаніе на статьи, которыя опредѣляютъ дѣянія, признаваемыя политическими, какъ это дѣлается составителями проекта, а потому постановило: послѣднюю часть 11 ст. проекта оставить безъ измѣненій.

При обсужденіи проекта чинами прокуратуры Варшавскаго Окружнаго Суда, одинъ изъ членовъ собранія, находя, что иностранцы, учинившіе внѣ предѣловъ Россіи преступное дѣяніе, должны безусловно подлежать выдачѣ, полагалъ изъ п. 1 ст. 11 исключить слова: «если они не были по законамъ, дѣйствующимъ въ Россіи, за то дѣяніе наказаны, оправданы или освобождены отъ наказанія въ установленномъ порядкѣ». Это мнѣніе не было поддержано никѣмъ изъ прочихъ членовъ собранія.

Прокуроръ Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскій находитъ, что ст. 11 должна быть исключена изъ уложенія. Мысль Редакціонной Комиссіи регулировать международныя отношенія и постановленія отдѣльныхъ трактатовъ относительно объема и условій выдачи включить въ дѣйствующій законъ вполнѣ прекрасна и одобрительна; но такъ какъ опредѣленіе условій, при которыхъ допускается выдача преступниковъ, и предѣловъ такой выдачи представляется равнозначущимъ вопросу о порядкѣ и способахъ возбужденія преслѣдованія, и такъ какъ уложеніе, какъ законъ о преступленіи и наказаніи, можетъ имѣть примѣненіе къ совершившемуся факту лишь послѣ того, какъ преслѣдованіе будетъ возбуждено или же когда послѣдуетъ выдача преступника на законномъ основаніи, то очевидно, что законоположенія, какъ относительно порядка возбужденія преслѣдованія вообще, такъ и относительно выдачи преступниковъ въ частности, не имѣя ничего общаго съ вопросомъ о примѣненіи закона о наказаніи, должны быть всецѣло изложены въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, долженствующимъ заключать всѣ постановленія по сему предмету.

Членъ Казанской Судебной Палаты Галкинъ-Враскій находитъ, что ст. 11 неудовлетворительна по существу, неясна и запутана по редакціи.— По буквальному смыслу статьи, подлежатъ выдачѣ иностранцы, учинившіе преступленіе общаго права, совмѣстно съ политическимъ преступленіемъ, слѣдовательно, подлежитъ выдачѣ, напримѣръ, совершившій убійство во время боя на баррикадахъ.—На самомъ дѣлѣ, это невѣрно, и въ объяснительной запискѣ къ проекту на стр. 51 сказано, что учинившій общее преступленіе совмѣстно съ политическимъ не подлежитъ выдачѣ, если общее преступленіе заключается въ главномъ—политическомъ,—какъ средство къ его осуществленію. Но и такое объясненіе недостаточно и вызываетъ, въ свою очередь, недоразумѣніе.—Такъ, вырѣзываніе, по примѣру Пугачева, мирнаго населенія, или нанесеніе ранъ и смерти, хотя въ открытомъ бою, но посредствомъ веществъ, причиняющихъ излишнее мученіе и воспрещенныхъ

петербургскою международною конвенціей, и т. п. преступленія могутъ являться средствами къ осуществленію политическихъ цѣлей, но не должны пользоваться правомъ убѣжища. Посему, правильнѣе было бы выразиться такъ, что не подлежатъ выдачѣ иностранцы, учинившіе общія преступленія, какъ средство къ совершенію преступленій политическихъ, если, притомъ, эти общія преступленія не противны обычаямъ и законамъ войны цивилизованныхъ народовъ. Но еще лучше, проще и яснѣе—изложить послѣднюю часть 11 ст. въ самомъ началѣ ея и, засимъ прибавить только слѣдующее: «иностранцы, учинившіе всѣ прочія преступленія, подлежатъ выдачѣ, согласно съ существующими о томъ договорами, или установившимся началомъ взаимности, если они не были по законамъ, дѣйствующимъ въ Россіи, за тѣ преступленія наказаны, оправданы или освобождены отъ наказанія въ установленномъ порядкѣ». Съ такой редакціей 11 ст. согласились и остальные члены совѣщанія чиновъ Казанской Судебной Палаты.

Независимо отъ сего, Старшій Предсѣдатель Палаты Окуловъ и Члены Палаты Глобо-Михаленко, Кобеко и Ростковскій полагаютъ, что обязанность выдачи политическихъ преступниковъ со стороны Россіи обусловливается существованіемъ взаимности или договора о выдачѣ.—Слѣдовательно, сокрытіе Россіею отъ законнаго преслѣдованія иностранца—преступника (политическаго) является какъ бы возмездіемъ за такое же начало, принятое иностраннымъ государствомъ.

Политическіе агитаторы, какъ это доказывается совершающимися въ Европѣ событіями, переселяясь изъ своего отечества въ новое государство, ничуть не покидаютъ при такомъ переходѣ своихъ преступныхъ тенденцій, но лишь переносятъ ихъ на новую почву, участвуя въ политическихъ заговорахъ и возмущеніяхъ противъ правительствъ, ихъ гостепріимно пріютившихъ.

Врядъ ли такіе, искусившіеся въ политическихъ замыслахъ, люди могутъ быть безопасными гостями и полезными жителями въ нашемъ отечествѣ. Бѣжавшіе за границу политическіе преступники изъ русскихъ подданныхъ избавляютъ нашу страну отъ вреднаго элемента и принимать столь же вредный классъ иностранцевъ въ свою среду значило бы замѣнить одно зло другимъ.

Отказомъ въ убѣжищѣ для политическихъ преступниковъ—иностранцевъ, проведеннымъ въ своемъ уголовномъ кодексѣ, Россія показала бы примѣръ для другихъ государствъ Европы, а установившаяся, въ этомъ отношеніи, солидарность взглядовъ европейскихъ государствъ, конечно, не мало бы повліяла на сокращеніе преступленій, носящихъ политическій характеръ.

Товарищъ Прокурора Полтавскаго Окружнаго Суда Сливицкій находитъ, что въ постановленіяхъ о выдачѣ преступниковъ долженъ быть проведенъ тотъ принципъ, что стѣснять и ограничивать выдачу преступниковъ само по себѣ преступно, да и интересы государства, въ которомъ пребываютъ преступники, совершившіе преступленіе внѣ предѣловъ онаго, терпятъ, такъ какъ пребываніе такихъ лицъ не можетъ не угрожать безопасности и спокойствію общества. Поэтому не слѣдовало бы выдачу преступниковъ обусловливать взаимностью или международными договорами, а допустить безусловно, по крайней мѣрѣ, по отношенію лицъ, обвиняемыхъ въ преступленіи съ ограниченіемъ, указаннымъ въ 1 ч. 11 ст. проекта. Выдачу же лицъ, указанныхъ во 2 ч. 11 ст., обусловить слѣдуетъ, по мнѣнію г. Сливицкаго, такимъ образомъ: подлежатъ выдачѣ иностранцы, учинившіе преступленіе или проступокъ, хотя бы вызванные политическими побужденіями, или совмѣстно съ политическимъ преступленіемъ, или по поводу таковаго, но для сужденія и наказанія только за то преступное дѣяніе, по поводу котораго послѣдовала выдача.

Предварительно обсужденія ст. 11, въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры было высказано (г. Марковъ), что въ проектѣ слѣдовало бы ввести особую статью о невыдачѣ по требованію иностранныхъ правительствъ русскихъ подданныхъ, подобно тому, какъ это сдѣлано многими иностранными кодексами (§ 9 герман. улож., § 17 венг. улож., ст. 9 § 1 проекта итальян. улож.). Докладчикъ возражалъ, что не слѣдуетъ вводить такого правила въ виду того, что не только наука международнаго права, но и нѣкоторыя иностранныя правительства признаютъ возможность выдачи и собственныхъ подданныхъ. Въ виду сего и усматривая разрѣшеніе возбужденнаго вопроса въ пп. 1 и 2 ст. 7 (г. Васильевъ), совѣщаніе рѣшило, что особой статьи о невыдачѣ русскихъ подданныхъ вводить въ проектъ не слѣдуетъ.

Возникшій вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли оговорить въ 1 п. 2 ч. ст. 11, что въ этихъ случаяхъ выдаваемые судятся лишь какъ за общія преступленія,—разрѣшенъ совѣщаніемъ отрицательно на томъ основаніи (г. Марковъ), что уложеніе не можетъ заключать въ себѣ такихъ постановленій, которыя будутъ примѣняться иностранными судами и для послѣднихъ необязательны.

Въ редакціонномъ отношеніи предлагалось (г. Марковъ) начать ст. 11 такъ: *Пребывающіе въ Россіи* иностранцы, ... проступокъ, выдаются по требованію иностраннаго правительства и т. д.,—для того, чтобы болѣе

рельефно отдѣлить эти случаи отъ выдачи изъ-за границы въ Россію, о которой говорится въ ст. 8.—2 ч. ст. 11 слѣдовало бы равнымъ образомъ изложить такъ: «на томъ же основаніи *выдаются при условіи взаимности* и т. д. Совѣщаніе приняло предложенныя измѣненія редакціи ст. 11.

Во 2 ч. 11 ст. слѣдуетъ, по мнѣнію чиновъ Московскаго прокурорскаго надзора, исключить фразу: «если и въ семъ отношеніи существуетъ взаимность со стороны державы, требующей выдачи». Необходимость такого исключенія вытекаетъ изъ того противорѣчія, которое фраза эта представляетъ по отношенію къ стоящей передъ ней: «на томъ же основаніи подлежатъ выдачѣ», ибо основаніемъ выдачи по 1 ч. статьи признается договоръ или установившееся начало взаимности, а по 2 ч. какъ будто бы оказывается, что выдача можетъ имѣть мѣсто лишь при существованіи одной взаимности.

Предлагаемая редакція слѣдующая:

«Ст. 11. Иностранцы, учинившіе внѣ предѣловъ Россіи злодѣяніе (*) или преступленіе, подлежатъ выдачѣ, согласно съ существующими о томъ договорами или по установившимся началамъ взаимности, если они не были по законамъ, дѣйствующимъ въ Россіи, за то дѣяніе наказаны, оправданы или освобождены отъ суда или наказанія въ установленномъ порядкѣ.

На томъ же основаніи подлежатъ выдачѣ:

1) иностранцы, учинившіе злодѣянія или преступленія, хотя бы и вызванныя политическими побужденіями, или совершонныя совмѣстно съ политическимъ злодѣяніемъ или преступленіемъ или по поводу таковыхъ;

2) иностранцы, обвиняемые въ посягательствѣ на жизнь или здоровье главы иностраннаго государства.

Не подлежатъ выдачѣ иностранцы, учинившіе злодѣяніе или преступленіе политическія, направленныя противъ иностраннаго государства и соотвѣтствующія злодѣяніямъ или преступленіямъ, предусмотрѣннымъ статьями. . . . . сего уложенія».

Одною изъ самыхъ неясныхъ статей, помѣщенныхъ въ началѣ проекта, является, по мнѣнію Ярославскаго прокурорскаго надзора, ст. 11. Въ самомъ дѣлѣ, кто пойметъ, чего хочетъ законъ, утверждающій, что иностранцы, учинившіе преступленіе внѣ Россіи, если они не были за то судимы въ

(*) См. выше подъ ст. 4 замѣчаніе Московской прокуратуры.

Россіи, подлежатъ выдачѣ? Тотчасъ рождается вопросъ, какое дѣло Россіи до иностранцевъ, учинившихъ преступное дѣяніе внѣ ея предѣловъ, и какъ они могли бы быть судимы въ Россіи, пребывая внѣ Россіи, и какимъ образомъ Россія можетъ завладѣть ими, чтобы ихъ выдать. Конечно, справившись съ объяснительною запискою и путемъ примѣровъ, можно себѣ уяснить значеніе этого закона, но спрашивается: отчего не выразить ту же самую мысль въ слѣдующей, напримѣръ, удобопонятной редакціи: «Не русскіе подданные, явившіеся въ Россію, послѣ совершенія ими преступленія или проступка въ иностранномъ государствѣ, подлежатъ выдачѣ по требованію правительства того государства, въ предѣлахъ коего совершено ими преступленіе или проступокъ, или же правительства того государства, въ подданствѣ котораго они состоятъ» и т. д? Независимо отъ сего, этою статьею еще вовсе не опредѣляется обязанность русскихъ властей судить и подвергать наказанію турка, напримѣръ, ограбившаго болгарина въ Румыніи, по прибытіи ихъ обоихъ въ Россію, въ случаѣ жалобы послѣдняго, заявленной въ Россіи. Если же ихъ судить въ Россіи не только вслѣдствіе жалобы, но вообще согласно этой статьѣ, то спрашивается, отчего наказаніе должно имъ быть назначено выше или ниже дѣйствующаго у нихъ закона, или закона того государства, гдѣ совершено преступное дѣяніе? (Такими не одинаковыми наказаніями обложены, напримѣръ, убійство, бродяжество, проживаніе съ чужимъ видомъ и т. д.) Отчего мы должны признавать преступленіемъ то, что въ другомъ государствѣ признается проступкомъ или наоборотъ, или вовсе не наказуемо (дуэль, убійство любовника жены), или почему мы должны оставлять не наказуемымъ то, что въ другомъ государствѣ обложено наказаніемъ (vagabondage и т. п.)?

Противъ этихъ замѣчаній по поводу ст. 11 проекта можно пожалуй возразить, что онѣ касаются скорѣе уголовнаго процесса, а потому мѣсто имъ не въ положеніяхъ о матеріальномъ правѣ, но такъ какъ ст. 11 сама затрогиваетъ возбужденные вопросы, которые нигдѣ не разрѣшаются, да и при томъ новый проектъ въ цѣломъ, въ этомъ отношеніи, не безгрѣшенъ, то эта проектируемая къ нему прибавка не сдѣлаетъ его нисколько хуже.

Одинъ изъ членовъ совѣщанія чиновъ Варшавской прокуратуры находилъ, что редакція 11 ст., на его взглядъ, представляется неудовлетворительною, а именно: вся вторая ея часть отъ словъ: «На томъ же основаніи. . . . . .» и кончая: «главы иностраннаго государства» представляется излишнею, какъ составляющая повтореніе того, что уже въ общихъ выраженіяхъ заключается въ первой части той же статьи. Мнѣніе свое членъ совѣ-

щанія мотивировалъ слѣдующимъ образомъ. Первая часть данной статьи опредѣляетъ, что иностранцы подлежатъ выдачѣ за учиненіе ими внѣ предѣловъ Россіи преступленій или проступковъ; затѣмъ, въ послѣдней части той же статьи, въ видѣ исключенія изъ этого основнаго правила, постановляется, что не подлежатъ выдачѣ иностранцы, учинившіе преступленіе или проступокъ политическіе. Этими двумя постановленіями исчерпывается все то, что въ новомъ уложеніи постановляется относительно объема и условій экстрадиціи. Между тѣмъ, въ средней части 11 статьи помѣщены два пункта, которые, не составляя исключенія изъ послѣдней части означенной статьи, въ то же время не добавляютъ ничего новаго къ постановленію, заключающемуся въ первой ея части. Въ нихъ говорится, что подлежатъ выдачѣ также: 1) иностранцы, учинившіе преступленія или проступки, хотя бы и вызванные политическими побужденіями или совершенные совмѣстно съ политическими преступленіями или проступками, или по поводу таковыхъ, и 2) иностранцы, обвиняемые въ посягательствѣ на жизнь или здоровье главы иностраннаго государства. Оба эти вида преступной дѣятельности несомнѣнно подходятъ подъ опредѣленіе первой части 11 статьи, потому что подъ ними, очевидно, разумѣются общіе уголовные преступленія или проступки, а по этому и не было никакой надобности выдѣлять ихъ въ особый пунктъ, обусловливая его началомъ взаимности и предрѣшая такимъ образомъ необходимость въ договорахъ, имѣющихъ быть заключенными Россіею съ иностранными державами, помѣщать особую оговорку, что убійство, изнасилованіе и т. п. во время мятежа или возстанія, кража для пополненія революціоннаго фонда, или даже посягательство на человѣческую жизнь и здоровье только потому, что это посягательство было направлено противъ главы иностраннаго государства, составляютъ такія преступныя дѣянія, за совершеніе коихъ иностранцы также подлежатъ выдачѣ.

Обсуждая это заявленіе, совѣщаніе чиновъ Варшавской прокуратуры нашло, что хотя первый изъ пунктовъ средней части 11 статьи и отличается нѣкоторою неопредѣленностью, дѣлающею сомнительнымъ помѣщеніе его въ томъ же видѣ, на началахъ взаимности, въ какомъ либо изъ договоровъ, имѣющихъ быть заключенными Россіею съ иностранными государствами, и хотя также и второй пунктъ того же законоположенія предусматриваетъ преступленіе, подлежащее несомнѣнно причисленію къ разряду общихъ, а не политическихъ, но такъ какъ, при современномъ состояніи международнаго права, въ нѣкоторыхъ изъ сосѣднихъ съ Россіею державъ толкованіе преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ 1 и 2 пунктами средней части 11 статьи, въ смыслѣ общихъ преступленій, можетъ встрѣтить сомнѣніе, то выдѣленіе ихъ въ особую категорію въ настоящее время представляется небезполез-

нымъ и во всякомъ случаѣ составляетъ такой шагъ впередъ въ прогрессивномъ движеніи уголовнаго законодательства, который можетъ вызвать къ послѣдованію за нимъ и другія государства.

По замѣчанію прокурора Харьковской Судебной Палаты Закревскаго, п. 2 ст. 11 уже заключается въ 1-мъ. Если выдаются иностранцы, совершившіе преступленія и проступки, хотя бы и вызванныя политическими побужденіями, то само собою разумѣется, что они должны быть выданы и тогда, когда преступленіе заключается въ посягательствѣ на жизнь или здоровье главы иностраннаго государства.

Архангельскій Губернскій Прокуроръ Краусъ полагалъ бы желательнымъ ясно указать въ ст. 11 проекта, что она имѣетъ въ виду *не вообще иностранцевъ, а лишь тѣхъ изъ нихъ, которые, по совершеніи за границею преступленія, прибыли въ предѣлы Россіи*. Безъ такого указанія читающій можетъ впасть въ ошибку и думать, что рѣчь идетъ о выдачѣ иностранными государствами своихъ подданныхъ Россіи.

Поэтому начало 11 ст. можно было бы редактировать слѣдующимъ образомъ: «*Находящіеся въ Россіи* иностранцы, учинившіе внѣ ея предѣловъ преступленіе или проступокъ. . . . .»

Во второй части этой же статьи, въ раздѣлѣ 1 и 2, слѣдовало бы, сверхъ сего, между словами: «учинившіе» и «преступленіе», для ясности, вставить слова: «внѣ предѣловъ Россіи».

Въ изложеніи ст. 11: «Подлежатъ выдачѣ. . . . иностранцы, учинившіе преступленія или проступки, хотя бы и вызванные политическими побужденіями. . . . .», по мнѣнію г. Лихтенштадта, слѣдовало бы, для избѣжанія неясности и недоразумѣній, къ словамъ: «преступленія или проступки», добавить: «общаго свойства», «общіе» или «неполитическіе».

Старшій Предсѣдатель Кіевской Судебной Палаты И. Н. Сенаторъ Орловъ находитъ, что въ ст. 11, для ясности пониманія, нелишнее было бы прибавить къ словамъ: «иностранцы, учинившіе внѣ предѣловъ Россіи преступленіе или проступокъ», слова: «и находящіеся въ Россіи».

Ст. 11 должна быть, по мнѣнію Люблинскаго Окружнаго Суда, изложена яснѣе, съ указаніемъ территоріи, на которой находятся подлежащіе выдачѣ.

Сенаторъ С. И. Зарудный предлагаетъ слѣдующее, измѣненное въ редакціонномъ отношеніи, изложеніе начала ст. 11-й проекта:

Иностранцы, учинившіе внѣ предѣловъ Россіи преступленіе или проступокъ и не подвергшіеся за то дѣяніе по русскимъ законамъ послѣдствіямъ уголовнаго преслѣдованія, подлежатъ выдачѣ согласно существующимъ о томъ договорамъ или по установившимся началамъ взаимности.

На томъ же основаніи, въ случаѣ взаимности между державами, выдачѣ подлежатъ: 1) и т. д.

Смотри также приведенныя подъ ст. 7 проекта замѣчанія профессоровъ фонъ-Листа и Гейера, пренія, происходившія въ Кавказскомъ Юридическомъ Обществѣ, и, сверхъ того, замѣчаніе одного изъ чиновъ Радомскаго Окружнаго Суда, приведенное подъ ст. 10 проекта.

Статья 12.

Постановленія вновь изданныхъ законовъ уголовныхъ примѣняются и къ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ, но ненаказаннымъ до дня вступленія сихъ законовъ въ силу.

Если закономъ, дѣйствовавшимъ во время учиненія дѣянія, за сіе дѣяніе было установлено наказаніе менѣе строгое, то судъ уменьшаетъ наказаніе въ порядкѣ, статьею 53 установленномъ.

Если закономъ, дѣйствовавшимъ во время учиненія дѣянія, были установлены болѣе краткіе сроки давности, или возбужденіе уголовнаго преслѣдованія допускалось только по частной жалобѣ, или дозволялось дѣло оканчивать примиреніемъ, то судъ въ сихъ отношеніяхъ руководствуется прежнимъ закономъ.

По мнѣнію профессора Гуго-Мейера, въ части 2 ст. 12-й можетъ быть рѣчь не о смягченіи наказанія въ порядкѣ, статьею 53 установленномъ, а о наказуемости по прежнему, болѣе мягкому закону.

Правило 12 ст. вызываетъ со стороны профессора Лукини слѣдующее замѣчаніе: «справедливое смягченіе, противоположительность которому представляетъ слишкомъ большая снисходительность статьи 2 итальянскаго проекта, принятаго палатою».

Вмѣсто 2 и 3 частей 12-й статьи можно бы, по мнѣнію профессора Будзинскаго, ограничиться слѣдующимъ общимъ правиломъ: «Но если прежній законъ опредѣляетъ болѣе мягкое наказаніе, или является болѣе снисходительнымъ, то судъ примѣняетъ этотъ законъ съ тѣмъ, что, вмѣсто несуществующаго нынѣ наказанія, опредѣляетъ соотвѣтственное оному по новому закону».

Въ виду предполагаемаго (Объясненія, стр. 186), внесенія въ уложеніе принципа довѣрія къ суду, подробныя правила 2 и 3 ч. 12 статьи должны быть устранены и это слѣдуетъ предоставить юриспруденціи. Притомъ нужно замѣтить, что иногда примѣненіе 1 п. 53 ст. можетъ отягчить положеніе обвиняемаго, если наказаніе, полагаемое по новому уложенію, будетъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ прежнее по отношенію къ послѣдствіямъ.

Постановленія ст. 12, какъ кажется г. фонъ-Резону, должны быть помѣщены не въ текстѣ уложенія, а въ законѣ о введеніи уложенія въ дѣйствіе, какъ это мы видимъ напр. въ законѣ отъ 27 Марта 1846 г. о введеніи въ дѣйствіе уложенія 1845 г. и отчасти въ германской Strafrechts-Novelle отъ 26 Февраля 1876 г. п. III. Помимо выдѣленія изъ уложенія неподлежащихъ постановленій, подобною мѣрою выиграла-бы и ясность статей самого уложенія. Нынѣ 1 п. 12 ст. не служитъ дальнѣйшимъ развитіемъ 1 ст., представляющейся основаніемъ всего зданія новыхъ уголовныхъ законовъ, а прямо противорѣчитъ ей, ибо 1 статья опредѣляетъ, что никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе, незапрещенное во время его совершенія, и 12 статья, что постановленія вновь изданныхъ законовъ уголовныхъ примѣняются и къ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ до дня вступленія сихъ законовъ въ силу, причемъ ни во 2, ни въ 3 п. п., не сдѣлано исключенія для дѣяній, не запрещенныхъ во время ихъ содѣянія. Поэтому, можно придти къ такому толкованію, что 12 ст. устанавливаетъ исключенія изъ 1-й ст., и противъ этого толкованія, съ точки зрѣнія правилъ юридическаго толкованія, трудно будетъ возражать, ибо ст. 1, въ соотношеніи къ ст. 12, можетъ быть понята только такъ, что одна устанавливаетъ исключеніе изъ другой. Допустить же, что ст. 1 не есть общее правило, а только исключеніе изъ общаго правила, помѣщеннаго далѣе, разумѣется нельзя. Слѣдовательно, остается

только признать противоположное, т. е. что ст. 12 составляетъ исключеніе изъ 1 ст. Выдѣленіемъ же 12 ст. въ законъ о введеніи уложенія въ дѣйствіе уничтожится возможность подобныхъ недоразумѣній. Прежде всего, этимъ прекратится та непосредственная связь, которая существуетъ нынѣ между 1 и 12 ст., и послѣдняя получитъ съ большею очевидностью тотъ временной характеръ, который она въ дѣйствительности имѣетъ. Помимо этого, самая логическая послѣдовательность сдѣлается вполнѣ ясною: 1 п. 12 ст. заключаетъ въ себѣ общее, хотя временное правило; слѣдующіе затѣмъ 2 и 3 п. той же статьи—исключенія изъ этого правила, а 1 ст. уложенія—общее и постоянное правило, которое, въ то-же время, составляетъ исключеніе изъ постановленія 1 п. 12 ст.

Независимо отъ сего, сомнѣніе вызываетъ 2 п. 12 ст.; и здѣсь уменьшеніе по правиламъ 53 ст. является нецѣлесообразнымъ, напримѣръ:

1) виновный подлежалъ по улож. 1866 г. ссылкѣ на поселеніе, по новому улож.—каторгѣ съ опредѣленнымъ низшимъ предѣломъ; слѣдовательно, ему должна быть назначена, согласно 1 п. 58 ст., непремѣнно каторга;

2) виновный подлежалъ по улож. 1866 г. аресту, по новому улож.—заключенію въ исправительномъ домѣ, безъ опредѣленія низшаго предѣла; слѣдовательно, судъ долженъ перейти къ тюремному заключенію и назначить оное на срокъ не свыше одного года;

3) виновный подлежалъ по улож. 1866 г. денежной пенѣ, а по новому уложенію—аресту; смягченіе этого наказанія, согласно 2 п. 53 ст., невозможно.

Такимъ образомъ, во всѣхъ трехъ случаяхъ, смягченіе по 53 ст. не достигаетъ результата. По мнѣнію г. фонъ-Резона, было бы самое удобное замѣнить 2 п. 12 ст. сравнительной лѣстницею наказаній по уложенію 1866 г. и новому уложенію, съ предоставленіемъ суду права назначить срокъ новаго соотвѣтствующаго наказанія по своему усмотрѣнію, соображаясь съ новыми условіями содержанія и т. п. Такимъ образомъ, ссылка въ каторжныя работы соотвѣтствовала бы новой каторгѣ, арестантскія отдѣленія—исправительному дому и т. д. Отмѣненныя наказанія: заключеніе въ рабочемъ или смирительномъ домѣ, могли быть замѣнены, какъ это и дѣлается теперь, тюрьмою. Осталось-бы только опредѣлить замѣну для ссылки въ поселеніе.

По замѣчанію юристовъ-практиковъ (Судебная Газета, 1883 г., № 33), въ текстѣ 12-й статьи проекта выраженіе: «не наказаннымъ», въ виду того, что оно можетъ вызвать на практикѣ недоразумѣнія, слѣдовало бы исключить, а самую статью изложить такъ: «постановленія вновь изданныхъ законовъ уголовныхъ примѣняются и къ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ до дня

вступленія сихъ законовъ въ силу, но по которымъ или не послѣдовало приговора, или состоявшійся приговоръ не вошелъ въ законную силу».

Вторая и третья части статьи должны, конечно, остаться безъ измѣненій.

При обсужденіи въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ ст. 12, *А. П. Зубовъ* предлагалъ совсѣмъ исключить эту статью, какъ заключающую постановленія переходныя, годящіяся только въ указѣ о введеніи въ дѣйствіе уложенія. Это предложеніе было, однако, отклонено, въ виду сдѣланныхъ замѣчаній, что ст. 12 опредѣляетъ дѣйствіе не одного уложенія, но и всѣхъ будущихъ, имѣющихъ быть вновь изданными, законовъ уголовныхъ.

В. М. Володимировъ, по поводу ст. 12, отчасти повторилъ, отчасти дополнилъ замѣчанія, которыя уже дѣлалъ по ст. 1. Вторая половина этой статьи неудовлетворительна въ двухъ отношеніяхъ. Во 1-хъ, ею возбуждается сомнѣніе, не воспрещаетъ ли она самому законодателю установленіе въ будущемъ иныхъ видовъ наказаній, кромѣ опредѣленныхъ *симъ уложеніемъ*; во 2-хъ, ею утверждается начало, несправедливое по существу, и до сихъ поръ, въ этомъ видѣ, непрактиковавшееся въ нашемъ законодательствѣ, а именно: подчиненіе подсудимаго, при изданіи новаго закона, сему послѣднему и въ томъ случаѣ, когда имъ назначается наказаніе строжайшее, чѣмъ то, которое было раньше опредѣлено. Въ законѣ 27 Марта 1846 г. (п. с. з. № 19980) по этому предмету говорится слѣдующее: «постановленія новаго уложенія..... не распространять на тѣ случаи, гдѣ уложеніемъ опредѣляются наказанія строже назначенныхъ дѣйствовавшими доселѣ законами. Въ сихъ случаяхъ приговоры о подсудимыхъ постановлять на основаніи узаконеній, существовавшихъ *во время учиненія* преступленія или проступка». При столь ясномъ смыслѣ указа, представляется нѣсколько голословнымъ утвержденіе составителей проекта (стр. 53), что «это начало, столь *постоянно* соблюдаемое нашимъ законодательствомъ, принято и коммисіею». Гораздо болѣе согласно съ началами нашего законодательства изложить конецъ 1-й статьи (по примѣру кодекса венгерскаго § 1) такъ: «ни приговоренъ къ иному наказанію, кромѣ означеннаго въ законѣ за преступное дѣяніе, во время его совершенія», съ дополненіемъ этого правила тѣмъ исключеніемъ, которое проектировано ниже относительно ст. 12.

Обращаясь затѣмъ къ ст. 12, В. М. Володиміровъ находитъ, прежде всего, что 1 ея пунктъ, въ нынѣшней редакціи, поведетъ къ большимъ недоразумѣніямъ. Извѣстно, что новый уголовный законъ можетъ измѣнять положенія дѣйствующаго законодательства въ весьма различныхъ отноше-

ніяхъ. Такъ напр. 1) новымъ уголовнымъ закономъ измѣняется карательная часть прежняго, въ смыслѣ усиленія или смягченія наказанія; 2) новымъ закономъ измѣняется запретительная часть или составъ преступленія, (вводятся новые признаки, исключаются прежніе и т. д.), съ измѣненіемъ или безъ измѣненія карательной части; 3) новымъ закономъ воспрещается вновь какое либо дѣяніе, какъ преступное, и т. д. Останавливаясь только на этихъ трехъ видахъ и сопоставляя ихъ съ ст. 1 (никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе, невоспрещенное во время его совершенія) и со ст. 12 (постановленія вновь изданныхъ уголовныхъ законовъ примѣняются и къ преступнымъ дѣяніямъ, *учиненнымъ*, но не наказаннымъ *до* дня вступленія сихъ законовъ въ силу), можно утверждать, опираясь на слова: «*учиненнымъ*» и «*до*», что: или составители проекта имѣли въ виду одну только первую, изъ указанныхъ, форму новаго уголовнаго закона, упустивъ изъ виду всѣ остальныя, или, что еще хуже, статьею 12 опровергается *цѣликомъ* вся 1-я статья.

Едва ли желательно, чтобы уложеніе, разсчитанное не на тонкихъ знатоковъ права, а на среднихъ, рядовыхъ юристовъ, заключало въ себѣ столь существенныя недомолвки, тѣмъ болѣе, что и злоупотребленіе правомъ толкованія законовъ, именно въ подобнаго рода недоумѣніяхъ, находитъ себѣ обильную пищу.

Ст. 12, въ связи съ ст. 1, составляетъ, такъ сказать, базисъ всего уложенія. Послѣдствія неправильнаго примѣненія этихъ статей могутъ быть неисчислимы и непоправимы; вотъ почему и редакція этихъ статей должна быть сдѣлана съ особою тщательностью.

Принимая во вниманіе, что обязательность новаго закона, какъ принципъ, понятна сама собою, г. Володимировъ полагалъ бы 1 п. 12 ст. вовсе исключить и ограничиться указаніемъ въ ней лишь предѣловъ дѣйствія новыхъ уголовныхъ законовъ.

Но и въ этомъ отношеніи нельзя согласиться съ проектированными правилами. Придавая, въ 2 п. 12 ст., менѣе строгому закону, дѣйствовавшему во время учиненія дѣянія, значеніе лишь уменьшающаго вину обстоятельства (см. мотивы къ 53 ст. стр. 53, внизу)—что, само по себѣ, неправильно,—проектъ допускаетъ, въ видѣ общаго правила, назначеніе, въ каждомъ данномъ случаѣ, болѣе строгаго наказанія. Такъ, согласно 53 ст., если вмѣсто исправительнаго дома, новый законъ назначитъ каторгу не менѣе 8 лѣтъ, то подсудимый и подвергнется сему послѣднему наказанію (1 п. ст. 53), а если арестъ будетъ возвышенъ новымъ закономъ до исправительнаго дома, то подсудимый подвергнется наказанію не ниже тюрьмы (п. 2 ст. 53). Но и въ этихъ предѣлахъ пониженіе наказанія до minimum'а

особенно въ первомъ случаѣ, ничѣмъ не обезпечено; оно не составляетъ права подсудимаго, потому что объемъ его предоставленъ усмотрѣнію суда; сверхъ того, пониженіе наказанія, собственно по этому основанію, можетъ явиться и вовсе неосуществимымъ, въ томъ случаѣ, если уменьшающія вину обстоятельства, сами по себѣ, побуждаютъ судъ исчерпать всю мѣру его власти. Изложенная система, ничѣмъ не мотивированная въ проектѣ, противорѣчитъ, во 1-хъ, какъ уже указано, прежнему направленію нашего законодательства, допускавшаго дѣйствіе прежнихъ законовъ, когда они являлись болѣе выгодными для подсудимаго; во 2-хъ, гуманному направленію *всѣхъ* новѣйшихъ кодексовъ, изъ которыхъ германскій (ст. 2), венгерскій (ст. 2) и голландскій (ст. 1) предписываютъ примѣненіе благопріятнѣйшаго изъ всѣхъ постановленій, послѣдовавшихъ въ промежутокъ между совершеніемъ преступленія и осужденіемъ его, хотя-бы эти постановленія и оказались уже отмѣненными; въ 3-хъ, она несогласна съ здравыми началами уголовнаго законодательства, стремящимися установить соотвѣтствіе наказанія винѣ и оградить обвиняемаго отъ произвола и случайностей въ опредѣленіи мѣры отвѣтственности, и въ 4-хъ, наконецъ, она противна самой 12-й статьѣ, допускающей, въ своемъ послѣднемъ пунктѣ, примѣненіе и прежнихъ законовъ, если они болѣе благопріятны для подсудимаго.

Посему г. Володиміровъ полагалъ ст. 12, согласуя со ст. 1, въ измѣненномъ видѣ, изложить, какъ бы въ формѣ изъятія изъ правилъ ст. 1, такъ:

Ст. 12. Постановленія вновь изданныхъ уголовныхъ законовъ примѣняются и къ преступнымъ дѣяніямъ, совершеннымъ, но не наказаннымъ до вступленія ихъ въ законную силу, въ тѣхъ случаяхъ, когда новымъ закономъ отмѣняется наказуемость дѣянія или опредѣляется наказаніе менѣе строгое, или же новый законъ, вообще, въ какомъ-либо отношеніи, является болѣе благопріятнымъ для подсудимаго.

Изложенная въ такой редакціи ст. 12 будетъ, по мнѣнію г. Володиміровa, обнимать всѣ случаи, какъ нынѣ выраженные въ 12 ст., такъ и не нашедшіе въ ней мѣста, хотя и подразумѣваемые составителями проекта (см. мотивы къ 12 ст. стр. 52 и стр. 55). Сверхъ того, она будетъ находиться въ полномъ согласіи, какъ съ измѣненною 1-ю статьею проекта, такъ и съ началами, принятыми во всѣхъ новѣйшихъ кодексахъ.

Н. Д. Сергіевскій, развивая соображенія, изложенныя въ объяснительной къ проекту запискѣ, высказался за сохраненіе редакціи 12 и 1 ст., въ томъ видѣ, въ которомъ они изложены въ проектѣ. При этомъ, ставя вопросъ на принципіальную почву, онъ подробнѣе развилъ тѣ самые доводы, которые были изложены имъ при обсужденіи 1 ст.

. Въ отвѣтъ на возраженіе Н. Д. Сергѣевскаго, В. М. Володиміровъ, дополнилъ высказанное имъ раньше слѣдующими доводами: Н. Д. Сергѣевскій утверждаетъ, что составители проекта, слѣдуя новѣйшимъ теоріямъ уголовнаго права, признаютъ единственно справедливымъ слѣдующее начало: наказуемость дѣйствія опредѣляется закономъ времени его сужденія. Хотя въ мотивахъ такой выводъ и отыскивается лишь съ трудомъ, но и принявъ его за непреложный, слѣдуетъ признать, что онъ не нашелъ себѣ подлежащаго выраженія ни въ ст. 1, ни въ ст. 12. Согласно послѣдней, подсудимый, совершившій преступленіе при дѣйствіи болѣе мягкаго закона, въ сущности, не подвергается ни тому наказанію, которое было установлено во время совершенія преступленія, ни тому, которое опредѣляется во время его сужденія, а какому-то среднему, въ концѣ концовъ вовсе неопредѣленному, потому что оно будетъ зависѣть: съ одной стороны—отъ усмотрѣнія судьи, съ другой—отъ того, конкурируютъ-ли на ряду съ нимъ другія обстоятельства, уменьшающія вину, съ третьей, наконецъ,—будетъ-ли подходить случай подъ первую или вторую половину 53 ст. Такой порядокъ г. Володиміровъ признаетъ несостоятельнымъ не во имя омертвѣлыхъ теорій прошлаго, а во имя требованій справедливости. Несовмѣстно съ послѣднею, вмѣсто точнаго, всѣми признаннаго порядка опредѣленія наказанія, проектированнаго въ его замѣчаніяхъ, подвергать обвиняемаго всѣмъ, указаннымъ выше, случайностямъ опредѣленія наказанія, которое притомъ же легко можетъ обратиться въ наказаніе экстраординарное. Теорія Биндинга и его послѣдователей не принята даже тамъ, гдѣ движеніе закона подчинено извѣстнымъ ограничивающимъ началамъ; тѣмъ менѣе она можетъ быть признана цѣлесообразною въ тѣхъ странахъ, гдѣ новый карательный законъ безпрепятственно можетъ быть испрошенъ въ теченіи 24 часовъ послѣ совершенія преступленія, гдѣ, по тѣмъ же причинамъ, сужденіе лица, каждый разъ, можетъ быть отсрочено для подведенія его подъ новый законъ. Возникающія отсюда послѣдствія настолько противорѣчатъ основнымъ началамъ самого же проекта, что предупрежденіе ихъ является дѣломъ крайней необходимости. Послѣднее возраженіе Н. Д. Сергѣевскаго, состоящее въ томъ, что неудобно подвергать обвиняемаго такому наказанію, которое новымъ закономъ уже уничтожено, отстраняется тѣмъ, что подобное обстоятельство вовсе и не имѣлось въ виду. Измѣненіе карательныхъ системъ или отмѣна цѣлыхъ категорій наказаній, не происходитъ заурядъ; для такихъ особыхъ случаевъ должны быть издаваемы и особыя правила, указывающія соотвѣтствіе наказаній уничтожаемыхъ наказаніемъ, установляемымъ вновь, причемъ можно добавить, что даже и въ такихъ случаяхъ наказанія не исчезаютъ на другой же день послѣ ихъ отмѣны, а продолжаютъ существовать нѣкоторое время. Гораздо

чаще, возможнѣе и обыкновеннѣе представляются отдѣльные случаи возвышенія строгости существующихъ наказаній, по тѣмъ или другимъ, временнымъ или окончательнымъ, законодательнымъ соображеніямъ. Въ этихъ случаяхъ, не представляется рѣшительно никакихъ неудобствъ допустить для каждаго подсудимаго наказаніе, опредѣленное во время совершенія преступленія. Составители проекта, повидимому, задались мыслью создать правило, которое оказалось-бы одинаково пригоднымъ и при переходѣ отъ стараго уложенія къ новому, и при обычномъ теченіи дѣйствія уголовнаго закона; въ этомъ, по мнѣнію г. Володимірова, заключается коренная ихъ ошибка.

При голосованіи, статья 12 въ томъ видѣ, въ какомъ она имѣется въ проектѣ, одобрена 16 голосами противъ 6.

Коммисія Новороссійскаго Юридическаго Общества предлагаетъ слѣдующую редакцію 2 отдѣленія ст. 12: «Если закономъ, дѣйствовавшимъ во время учиненія дѣянія, за сіе дѣяніе установлено наказаніе менѣе строгое, то судъ опредѣляетъ наказаніе не выше того, какое слѣдовало за то дѣяніе во время его совершенія».

При этомъ Коммисія признала, что выраженное во 2 отд. 12 ст. положеніе не должно быть ограничиваемо предѣлами ст. 53 проекта, а должно быть выражено широко и безусловно. Ст. 53 указываетъ только предѣлы власти суда въ уменьшеніи наказанія по обстоятельствамъ, уменьшающимъ вину при существующей въ данный моментъ лѣстницѣ наказаній; это можетъ оказаться стѣснительнымъ въ случаяхъ изданія новыхъ законовъ, которыми будетъ назначена за то или другое дѣяніе кара, переходящая, въ смыслѣ смягченія, установленную въ ст. 53 границу; это во первыхъ. Во вторыхъ, упоминаніе о ст. 53 наводитъ на сомнѣніе въ томъ, можетъ ли она быть примѣняема по отношенію къ одному и тому же дѣянію дважды, т. е. какъ руководство при практикѣ ст. 12, такъ и въ самостоятельномъ значеніи; и въ третьихъ, въ редакціи проекта статья эта не устраняетъ вопроса о томъ, какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда, въ промежутокъ времени отъ совершенія преступнаго дѣянія до постановленія приговора, изданы будутъ не одинъ, а нѣсколько законовъ различной строгости.

Коммисія думаетъ, что всѣ эти недостатки и неточности устранятся, если принять предложенную ею редакцію 2 ч. 12 ст. При этомъ высказано было желаніе, чтобы къ новому уложенію была приложена параллельная таблица сравнительной тяжести родовъ наказаній нынѣ дѣйствующаго уложенія и новаго.

Въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества *В. В. Смиттенъ* по поводу ст. 12 проекта указалъ на то, что въ статьѣ этой, при нынѣшней ея редакціи, вопреки общепринятому логическому началу права, устанавливается обратное дѣйствіе уголовнаго закона. Коренное положеніе теоріи, что уголовный законъ не можетъ имѣть обратнаго дѣйствія, вытекаетъ изъ абсолютнаго, такъ сказать, логическаго начала справедливости, что лицо не только отвѣчаетъ лишь за то дѣяніе, которое было воспрещено закономъ во время его совершенія, но и отвѣчаетъ за него по тѣмъ постановленіямъ закона матеріальнаго, которыя существовали во время совершенія дѣянія и считались, по юридической фикціи, извѣстными ему.

Сама объяснительная записка къ проекту (стр. 52) признаетъ, что правило о неимѣніи закономъ обратной силы «вытекаетъ изъ самой природы закона».

Это правило, принятое современными кодексами, прямо выражено и въ ст. 60 нашихъ основныхъ законовъ.

Теорія допускаетъ, однако, отъ этого логическаго принципа отступленіе для новыхъ уголовныхъ законовъ, которые болѣе благопріятны для лица, чѣмъ старые. Это отступленіе отъ правила логики, допущенное по чувству гуманности, получило общее признаніе, въ виду того соображенія, что, если признано справедливымъ замѣнить суровый законъ болѣе мягкимъ, то нѣтъ уже основанія настаивать на примѣненіи прежняго сурового закона къ дѣянію, хотя и прежде совершенному, но еще не осужденному.

Проектъ ставитъ, напротивъ, основнымъ принципомъ обратное дѣйствіе новаго уголовнаго закона, но дѣлаетъ изъ него изъятіе для *нѣкоторыхъ* изъ болѣе благопріятныхъ прежнихъ законовъ. Если бы это изъятіе распространялось на всякій болѣе благопріятный старый законъ, то, конечно, разница была бы лишь чисто редакціонная, и принципы науки оставались бы неприкосновенными. Но допущенныя проектомъ исключенія недостаточны для восполненія принципа, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Изъ установляемаго имъ общаго правила объ обратномъ дѣйствіи новаго закона проектъ дѣлаетъ 3 исключенія: 1) для новаго закона, объявляющаго преступнымъ дѣяніе, прежде непризнававшееся таковымъ; это изъятіе выражено въ 1 ст. проекта; 2) для болѣе благопріятныхъ прежнихъ законовъ, устраняющихъ наказуемость за истеченіемъ давности, отсутствіемъ жалобы и примиреніемъ, и 3) для болѣе мягкихъ законовъ особенной части, *опредѣляющихъ наказаніе за преступное дѣяніе*. Такимъ образомъ, изъятія не распространяются на многіе институты уголовнаго права, хотя бы прежніе законы, опредѣлявшіе ихъ, были болѣе благопріятны. Такъ, оставаясь въ предѣлахъ новаго проекта общей части уложенія, можно указать на многія,

болѣе суровыя правила, которыя по 12 ст. будутъ имѣть обратную силу. Напр., болѣе суровы во многихъ отношеніяхъ правила ст. 55 и 56 о совокупности; также болѣе суровы правила о повтореніи, съ одной стороны, пріурочивая начало сложенія наказаній къ болѣе раннему моменту, чѣмъ по дѣйствующему закону, разъясненному Сенатомъ (къ моменту вступленія приговора въ законную силу по ст. 57), а съ другой стороны, допуская усиленіе наказанія, могущее привести, въ конкретныхъ случаяхъ, къ назначенію наказанія болѣе строгаго, чѣмъ по дѣйствующему закону; также правила о малолѣтныхъ могутъ во многихъ случаяхъ оказаться для лицъ, недостигшихъ 14 лѣтъ, болѣе суровыми, чѣмъ нынѣ дѣйствующія.

Необходимо имѣть въ виду притомъ, что правила ст. 12 будутъ примѣняться не только въ случаяхъ коллизіи законовъ дѣйствующаго уложенія и новаго, но и къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ уголовнаго законодательства, причемъ также нельзя отрицать возможности, что судъ будетъ поставленъ въ необходимость примѣнять болѣе суровыя правила новыхъ законовъ. Далѣе, 3-е изъятіе для болѣе благопріятныхъ старыхъ законовъ, опредѣляющихъ наказаніе, не распространяется на какія либо иныя постановленія, могущія заключаться въ законахъ особенной части. Наконецъ, 3-е изъятіе въ качественномъ отношеніи не соотвѣтствуетъ научнымъ принципамъ о дѣйствіи уголовнаго закона во времени.

Въ случаяхъ, указанныхъ въ этомъ изъятіи, все же примѣняются не прежніе болѣе благопріятные законы, а новые и установляется лишь обязательное смягченіе наказанія по ст. 53 проекта. Между тѣмъ, нельзя не замѣтить: 1) что предѣлы смягченія наказанія по ст. 53 вполнѣ зависятъ отъ усмотрѣнія суда, который, слѣдовательно, можетъ, смягчая наказаніе въ виду ст. 12, и не заботиться о поставленіи назначаемаго наказанія въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, которое опредѣлялось прежнимъ болѣе благопріятнымъ закономъ; 2) что нѣтъ гарантій, чтобы, даже при смягченіи наказанія до послѣдняго возможнаго предѣла, судъ, въ конкретномъ случаѣ, не былъ поставленъ въ необходимость назначить наказаніе, все же болѣе суровое, чѣмъ по прежнему закону, и 3) что смягченію по ст. 12 не остается никакого мѣста въ тѣхъ случаяхъ, когда, по обстоятельствамъ дѣла, наказаніе и безъ того было бы смягчено до послѣдняго возможнаго предѣла.

Такія существенныя отступленія отъ общепризнанныхъ принциповъ дѣйствія уголовнаго закона по времени допущены Коммисіей по чисто практическимъ соображеніямъ о затрудненіяхъ, которыя могутъ представиться при примѣненіи, съ устройствомъ новыхъ мѣстъ заключенія, заключенія по дѣйствующему уложенію.

Не отрицая этихъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что было бы невозможно

съ устройствомъ новыхъ мѣстъ заключенія сохранять старыя на неопредѣленное время для лицъ, не только уже приговоренныхъ или отбывающихъ наказаніе, но и впредь приговариваемыхъ по старому уложенію, референтъ не считалъ, однако, эти затрудненія существенными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, находилъ, что съ изданіемъ новаго уложенія представится гораздо болѣе затрудненій обратнаго свойства въ примѣненіи заключенія на основаніи новыхъ законовъ. Если можно ожидать, что ко времени вступленія въ силу новаго уложенія будутъ устроены на новыхъ началахъ каторжныя тюрьмы и арестантскія отдѣленія преобразованы въ исправительные дома, то не подлежитъ сомнѣнію, что пройдутъ десятки лѣтъ прежде, чѣмъ Россія покроется сѣтью тюремъ новаго типа и пересыльныхъ домовъ. Послѣднія затрудненія будутъ представляться чаще и заслуживаютъ болѣе вниманія, чѣмъ тѣ, на которыхъ остановилась Коммисія.

По мнѣнію референта, практическія затрудненія, которыя представляются при переходѣ отъ дѣйствующаго уложенія къ новому, должны быть разрѣшены не въ кодексѣ, а въ правилахъ о введеніи новаго уложенія въ дѣйствіе. Въ кодексѣ должны быть опредѣлены, такъ сказать, вѣчныя абсолютныя правила о дѣйствіи закона во времени; кодексы, фактически, конечно, не вѣчны, тѣмъ не менѣе въ нихъ имѣется въ виду установить постоянныя, а не временныя правила. Напротивъ, законъ о введеніи уложенія въ дѣйствіе опредѣляетъ временное, переходное положеніе отъ одного уложенія къ другому. Правила кодекса о дѣйствіи уголовнаго закона по времени должны непосредственно предусматривать нормальное измѣненіе въ уголовномъ законодательствѣ—изданіе отдѣльнаго закона, изданіе даже группы тѣхъ или другихъ законовъ, не доходящее, однако, до измѣненія самой системы наказанія или до устраненія цѣлыхъ видовъ наказанія и замѣны ихъ новыми. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ необходимы особыя временныя правила.

Въ кодексѣ должны быть опредѣляемы логическія правила коллизіи законовъ старыхъ и новыхъ; временныя правила, не отступая, по возможности, отъ логическихъ принциповъ, должны сообразовать ихъ съ практическими требованіями переходнаго времени.

Исходя изъ этого, референтъ полагалъ, что въ основаніе и временныхъ правилъ о введеніи въ дѣйствіе новаго уложенія должно бы поставить то начало, что, когда, по коренному закону, слѣдуетъ примѣнить наказаніе по старому уложенію, то оно и назначается, и что изъятіе можетъ быть допущено лишь въ томъ случаѣ, когда примѣненіе стараго наказанія представляется фактически невозможнымъ или вполнѣ неудобнымъ. Такъ, референтъ находилъ, что, напр., ссылка на житье, отмѣняемая новымъ уложеніемъ, должна бы назначаться и впредь, когда, по коренному правилу о дѣйствіи

закона во времени, слѣдуетъ примѣнить старый законъ, опредѣляющій за преступное дѣяніе ссылку, находилъ это потому, что осуществленіе ссылки на житье возможно и съ отмѣной этого наказанія новымъ кодексомъ.

Допуская во временныхъ правилахъ отступленія отъ постановленій кодекса, опредѣляющихъ дѣйствіе уголовнаго закона во времени, лишь въ случаяхъ совершенной невозможности или особеннаго неудобства назначить наказаніе по старому закону, референтъ находилъ, что и въ этихъ случаяхъ приговорами должно быть опредѣляемо наказаніе по старому закону, но съ замѣною его соотвѣтственнымъ наказаніемъ по новому уложенію.

Такія же правила должны быть, по мнѣнію референта, опредѣлены въ законѣ о введеніи въ дѣйствіе и въ отношеніи дѣяній, подлежащихъ сужденію по новому уложенію, въ тѣхъ случаяхъ, когда примѣненіе наказаній по этому уложенію представляется невозможнымъ или совершенно неудобнымъ.

Референтъ находилъ, что установленіе, во временныхъ правилахъ, соотвѣтствія между прежними и новыми наказаніями не представляется дѣломъ «почти невозможнымъ», какъ полагаетъ Коммисія.

Не задаваясь задачей составить таблицу такого соотвѣтствія, референтъ намѣтилъ, однако, въ общихъ чертахъ, какимъ изъ новыхъ наказаній могли бы, по его мнѣнію, соотвѣтствовать отмѣняемыя наказанія.

Такъ онъ полагалъ, что заключеніе въ арестантскихъ отдѣленіяхъ соотвѣтствовало бы заключенію въ исправительномъ домѣ на тотъ же срокъ, заключеніе въ рабочемъ домѣ — содержанію въ исправительномъ домѣ съ сокращеніемъ срока примѣрно на $\frac{1}{4}$ (два мѣсяца рабочаго дома—$1\frac{1}{2}$ исправительнаго дома, 2 года — $1\frac{1}{2}$) (*), заключеніе въ смирительномъ домѣ—содержанію въ тюрьмѣ на тотъ же срокъ. Ссылка на житье, если бы было признано неудобнымъ назначать ее впредь, соотвѣтствовала бы, смотря по тому, назначается ли она взамѣнъ арестантскихъ отдѣленій или рабочаго дома, исправительному дому: либо на тотъ же срокъ, которому подлежалъ бы ссылаемый, если бы онъ, вмѣсто ссылки, былъ отданъ въ арестантскія отдѣленія, либо съ сокращеніемъ на $\frac{1}{4}$ срока, которому онъ подлежалъ бы, если бы, вмѣсто ссылки, былъ отданъ въ рабочій домъ. Изъ особенныхъ наказаній исключеніе изъ службы, если бы, почему либо, было признано неудобнымъ назначать его, соотвѣтствовало бы лишенію правъ по ст. 28 проекта на 5 лѣтъ.

(*) Хотя отъ арестантскихъ отдѣленій на одинъ годъ, по дѣйствующему уложенію, установленъ, при смягченіи наказанія, переходъ къ рабочему дому до 2 лѣтъ, но суды всегда избѣгаютъ такого перехода, такъ какъ въ дѣйствительности онъ составляетъ не смягченіе наказанія, а усиленіе его.

Отрѣшеніе отъ должности, вычетъ изъ времени службы и выговоръ со внесеніемъ въ послужной списокъ, казалось бы, не можетъ быть препятствій назначать и впредь; въ противномъ случаѣ, первое могло бы быть замѣняемо лишеніемъ правъ по ст. 28 отъ одного года до трехъ лѣтъ, второй и третій—высшимъ изъ дисциплинарныхъ взысканій, удаленіемъ отъ должности. Изъ дополнительныхъ наказаній, также если бы было признано неудобнымъ назначать ихъ, лишеніе всѣхъ правъ могло бы соотвѣтствовать лишеніямъ по ст. 25, 27 и 30 проекта, лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ—лишеніямъ по ст. 26 и 27 проекта, лишеніе нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ—лишенію правъ по ст. 28 проекта на время отъ 1-го года до 5 лѣтъ, по усмотрѣнію суда.

Находя, по изложеннымъ основаніямъ, что въ кодексѣ должно быть сохранено коренное логическое правило о неимѣніи уголовнымъ закономъ обратной силы, съ отступленіемъ отъ этого правила для всякаго болѣе благопріятнаго новаго закона, референтъ остановился на вопросѣ, до какого момента судебнаго процесса или отбытія наказанія долженъ быть примѣняемъ новый болѣе благопріятный законъ. Выраженіе ст. 12 о томъ, что новый законъ примѣняется къ дѣяніямъ, еще *«не наказаннымъ»*, возбуждаетъ недоразумѣнія. Считать ли дѣяніе наказаннымъ съ момента постановленія приговора или вступленія его въ законную силу, съ момента обращенія приговора къ исполненію, или съ началомъ отбытія наказанія, или, наконецъ, съ окончаніемъ такового отбытія? Буквально наказаннымъ можно считать дѣяніе лишь по отбытіи наказанія, но, очевидно, тогда не можетъ уже быть рѣчи о примѣненіи къ дѣянію новаго уголовнаго закона.

Если имѣть въ виду то, что въ настоящее время понимается Сенатомъ подъ наказаннымъ дѣяніемъ въ вопросѣ о повтореніи преступленій, то дѣяніе слѣдуетъ считать наказаннымъ съ началомъ отбытія наказанія. Вообще, въ объяснительной запискѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія, что разумѣть подъ наказаннымъ дѣяніемъ; но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ думать, что въ виду соображеній, изложенныхъ на стр. 205 (къ ст. 57), въ которыхъ Коммисія пріурочиваетъ начало повторенія преступленій и сложенія наказаній къ моменту вступленія приговора въ силу, проектъ считаетъ дѣяніе наказаннымъ, по меньшей мѣрѣ, съ момента вступленія приговора въ силу. И, дѣйствительно, съ момента вступленія приговора въ законную силу нѣтъ уже мѣста для дѣйствія суда по примѣненію новаго закона и могутъ имѣть мѣсто лишь дѣйствія въ порядкѣ помилованія, либо облегченія наказанія по Монаршей милости. Но, если новый болѣе мягкій уголовный законъ, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ быть примѣняемъ судомъ послѣ вступленія приговора въ силу, то остается еще разрѣшить вопросъ, можетъ ли этотъ законъ примѣ-

няться судомъ послѣ постановленія имъ приговора, не вступившаго еще въ силу, и не долженъ ли, въ такомъ случаѣ, судъ подвергать приговоръ пересмотру для примѣненія къ дѣянію новаго закона. Референтъ находилъ такой пересмотръ въ видѣ общаго правила, занесеннаго въ кодексъ и подлежащаго примѣненію ко всякому новому, болѣе мягкому уголовному закону, неудобнымъ.

По всей вѣроятности, и Коммисія не имѣла въ виду установить подобнаго пересмотра приговоровъ, не вошедшихъ въ законную силу: иначе она не могла бы обойти молчаніемъ этотъ вопросъ. Установленіе общаго правила о пересмотрѣ приговоровъ неудобно, по мнѣнію референта, не столько потому, что пришлось бы пересмотрѣть тотъ или другой отдѣльный приговоръ, сколько потому, что часто пришлось бы подвергать особому обсужденію, по всѣмъ невступившимъ въ силу приговорамъ, самый вопросъ, подлежатъ ли они пересмотру или не подлежатъ.

Вопросъ, который изъ законовъ—старый или новый—въ примѣненіи къ данному дѣянію, представляется болѣе благопріятнымъ, можетъ во многихъ случаяхъ оказаться крайне спорнымъ и его не слѣдовало бы разрѣшать внѣ судебнаго засѣданія и безъ участія сторонъ. На постановленіе о семъ суда слѣдовало бы допустить жалобы, а въ такомъ случаѣ пришлось бы на весьма продолжительное время пріостанавливать теченіе срока на вступленіе приговора въ силу. Подобныя неудобства встрѣчались бы всегда при изданіи новаго уложенія, или при болѣе или менѣе значительныхъ измѣненіяхъ въ уголовныхъ законахъ.

Поэтому и такъ какъ вообще примѣненіе къ дѣяніямъ, прежде совершеннымъ, новаго болѣе мягкаго закона не составляетъ требованія логики, но есть дѣло снисхожденія къ подсудимому, то референтъ полагаетъ, что пересмотръ приговоровъ, не вступившихъ въ силу, не долженъ быть допускаемъ въ видѣ общаго правила, занесеннаго въ кодексъ. По общему правилу слѣдуетъ: 1) по приговорамъ неокончательнымъ—предоставить иниціативѣ сторонъ перенести дѣло въ высшую инстанцію, для примѣненія къ дѣянію новаго закона, и 2) по приговорамъ окончательнымъ—признавать возможность примѣненія къ дѣянію новаго закона совершенно устраненною, такъ какъ наши законы не допускаютъ ни кассаціи приговора, ни возобновленія дѣла по причинѣ изданія, послѣ постановленія приговора, но до вступленія его въ силу, новаго, болѣе легкаго уголовнаго закона.

Сводя все сказанное о 12 ст. проекта, референтъ находилъ:

1) что основнымъ принципомъ въ отношеніи дѣйствія уголовнаго закона по времени должно быть признано логическое правило, что дѣяніе подлежитъ обсужденію по тому закону, который дѣйствовалъ во время его совершенія, и

что новый законъ матеріальнаго уголовнаго права не имѣетъ обратной силы на дѣянія, совершенныя до вступленія этого закона въ силу; подъ этотъ принципъ подойдетъ и правило, выраженное въ 1-й ст. проекта, о томъ, что дѣяніе, не воспрещенное во время его совершенія, не наказуемо, хотя бы оно воспрещалось новымъ закономъ подъ страхомъ наказанія;

2) что изъ этого общаго правила должно быть сдѣлано исключеніе для новаго уголовнаго закона, болѣе благопріятнаго для обвиняемаго или подсудимаго, распространивъ это изъятіе *на всякій болѣе благопріятный уголовный законъ* матеріальнаго права; такой новый уголовный законъ долженъ имѣть обратное дѣйствіе на дѣянія, совершенныя до вступленія его въ силу, и долженъ быть примѣняемъ судомъ, если вступилъ въ силу *до момента постановленія судомъ приговора*,

и 3) что практическія затрудненія, встрѣчаемыя при примѣненіи стараго закона къ дѣяніямъ, совершеннымъ при дѣйствіи его, а также подобныя же затрудненія, могущія представиться при примѣненіи новаго закона къ дѣяніямъ, совершеннымъ послѣ вступленія его въ силу, должны быть разрѣшаемы не кодексомъ, а временными правилами о введеніи уголовнаго закона въ дѣйствіе.

Сообразно съ этими положеніями, референтъ полагалъ редактировать ст. 12-ю такъ:

«Новый уголовный законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія на дѣянія, совершенныя до вступленія его въ силу, за исключеніемъ случаевъ, когда новый законъ болѣе благопріятенъ для лица, учинившаго дѣяніе, или совершенно устраняетъ наказуемость его дѣянія. Въ этихъ случаяхъ, новый законъ примѣняется, если вступилъ въ силу до времени постановленія судомъ приговора».

Такъ какъ выраженіе: «или совершенно устраняетъ наказуемость дѣянія», можетъ быть признано лишнимъ, въ виду того, что законъ, устраняющій наказуемость дѣянія, тѣмъ самымъ представляется закономъ болѣе благопріятнымъ для лица, то референтъ находилъ возможнымъ выбросить эти слова и редактировать 12-ю ст. въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Новый уголовный законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія на дѣянія, совершенныя до вступленія его въ силу, за исключеніемъ случая, когда новый законъ болѣе благопріятенъ для лица, учинившаго дѣяніе. Въ этомъ случаѣ новый законъ примѣняется, если вступилъ въ силу до времени постановленія судомъ приговора».

Выслушавъ замѣчанія на 12 ст., Общество большинствомъ голосовъ приняло первую часть проектированной В. В. Смиттеномъ редакціи; меньшин-

ство же, находя редакцію проекта удовлетворительною, полагало бы необходимымъ сохранить ее.

По вопросу о томъ, при какомъ положеніи уголовнаго дѣла возможно примѣненіе къ судимому дѣянію новаго, болѣе снисходительнаго закона, большинство членовъ, согласно съ мнѣніемъ, изложеннымъ въ рефератѣ В. В. Смиттена, признало, что выраженіе 12 ст. проекта: *не наказаннымъ*, недостаточно ясно и можетъ на практикѣ породить недоразумѣнія; по вопросу же о томъ, какой долженъ быть принятъ крайній предѣлъ для примѣненія новаго закона, голоса раздѣлились.

При этомъ *г. Френкель* высказалъ, что пока дѣло находится въ рукахъ суда, послѣдній не имѣетъ справедливаго основанія уклоняться отъ смягченія участи подсудимаго, коль скоро новый законъ относится къ винѣ его легче и мягче. Если признано справедливымъ, что болѣе благопріятный законъ имѣетъ обратную силу къ дѣянію, то, въ силу этой же справедливости, гуманности и логической послѣдовательности, слѣдуетъ примѣнить болѣе благопріятный законъ и тогда, когда рѣшеніе вступило въ законную силу—до момента фактическаго обращенія приговора къ исполненію. Этотъ принципъ имѣетъ за себя поддержку и въ исторіи нашего законодательства—въ разныхъ манифестахъ, сепаратныхъ указахъ и даже въ послѣднемъ законѣ о кражѣ со взломомъ. Затрудненія, которыя могутъ быть встрѣчены при пересмотрѣ приговоровъ, не настолько серьезны, чтобы изъ за этого не примѣнять къ подсудимымъ болѣе для нихъ благопріятный законъ. На этомъ основаніи, г. Френкель полагалъ, что вопросъ разрѣшается примѣненіемъ новаго закона ко всякому дѣянію, приговоръ по которому еще фактически не обращенъ къ исполненію.

Н. П. Смиттенъ полагалъ, что обращеніе приговора къ исполненію, какъ дѣло болѣе или менѣе случайное, не можетъ почитаться такимъ юридическимъ моментомъ, съ которымъ можно было бы связывать дѣйствіе того или другаго закона. Такимъ моментомъ, вполнѣ точнымъ и опредѣленнымъ, можетъ, по его мнѣнію, считаться только вступленіе приговора въ законную силу.

Г. Степановъ, Хльбниковъ, Кусиковъ и Горбовскій, болѣе или менѣе согласно между собою, высказали, что вопросъ, занимающій Юридическое Общество въ настоящую минуту, уже не новъ въ теоріи уголовнаго права. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (проф. Кистяковскій), новый, болѣе мягкій законъ долженъ примѣняться къ дѣяніямъ, совершеннымъ до изданія его, и при томъ не только къ такимъ, по которымъ не состоялось еще приговора, но и къ тѣмъ, за которыя подсудимый началъ уже отбывать наказаніе, но еще не отбылъ его. Съ этимъ ученіемъ нельзя не согласиться, такъ какъ въ его основѣ лежитъ принципъ чистѣйшей справедливости. Общество не имѣ-

етъ никакого нравственнаго права подвергать страданію своего члена за дѣяніе, которое въ его сознаніи, выражаемомъ уголовнымъ закономъ, или вовсе перестало быть преступнымъ или преступность котораго въ отношеніи наказуемости болѣе или менѣе значительно ослабѣла. Подсудимый приговоренъ къ 10-ти-лѣтнему заточенію. На 3-й годъ его заключенія выходитъ новый законъ, по которому дѣяніе, за которое онъ несетъ кару, обложено только двухлѣтнимъ лишеніемъ свободы. За что и по какому нравственному основанію онъ будетъ лишенъ свободы еще 7 лѣтъ, когда другой подсудимый, совершившій такое же дѣяніе и въ этомъ году осужденный, подвергнется только двухлѣтнему заключенію? Несправедливость принципа, несогласнаго съ сказаннымъ ученіемъ, еще рѣзче обнаружится въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстное дѣяніе, признававшееся прежде преступнымъ, вовсе вычеркивается изъ уголовнаго кодекса. Безусловное поклоненіе «законной силѣ» приговора едва ли основательно, такъ какъ и окончательные приговоры въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ быть подвергнуты пересмотру. А съ другой стороны, никакія процессуальныя затрудненія, даже и въ 10 разъ сильнѣйшія противъ приводимыхъ, не должны препятствовать внесенію въ кодексъ матеріальныхъ законовъ извѣстнаго начала, разъ признается справедливость этого начала и его цѣлесообразность. Не матеріальный законъ долженъ поддѣлываться подъ тѣ или другія процессуальныя удобства, а правила процесса должны быть сообразованы съ опредѣленіями матеріальнаго закона. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ и кѣмъ должно быть производимо въ подлежащихъ случаяхъ видоизмѣненіе приговора, есть вопросъ процесса и опредѣленіямъ этого рода не можетъ быть мѣста въ уголовномъ кодексѣ. По этимъ основаніямъ, гг. Степановъ, Хлѣбниковъ, Кусиковъ и Горбовскій полагали, что дѣйствіе новаго, болѣе легкаго уголовнаго закона должно распространиться и на тѣ, совершенныя до изданія его, дѣянія, за которыя уже подсудимый началъ отбывать наказаніе, но еще не отбылъ его, въ тѣхъ случаяхъ, когда это смягченіе наказанія представляется возможнымъ, т. е. въ случаѣ лишенія свободы.

По окончаніи преній, предсѣдателемъ былъ поставленъ слѣдующій вопросъ: должно ли новый мягкій законъ примѣнять:

а) только къ тѣмъ изъ числа совершенныхъ до его изданія преступленіямъ, по которымъ приговоры еще не постановлены?

б) или же и къ тѣмъ, по которымъ приговоры хотя и постановлены, но еще не вступили въ законную силу?

в) или же и къ тѣмъ, по которымъ еще не начато дѣйствительное отбываніе присужденнаго наказанія?

г) или же и къ тѣмъ, по которымъ отбываніе наказанія еще не окончено?

За первое изъ этихъ положеній подано 8 голосовъ; за второе 5; за третье также 5 и за четвертое 7 (*).

По мнѣнію большинства собранія чиновъ Херсонскаго Окружнаго Суда и мѣстныхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, 12 статья, устанавливающая, между прочимъ, обратное дѣйствіе уголовнаго закона, не совпадаетъ въ этомъ отношеніи со ст. 60 нашихъ законовъ основныхъ и не соотвѣтствуетъ коренному правилу, окончательно принятому въ теоріи и въ судебной практикѣ, *что сила уголовнаго закона не распространяется на преступныя дѣянія, раньше обнародованія его совершенныя, за исключеніемъ того случая, когда новый законъ оказывается снисходительнѣе прежняго.* Желательно, чтобы это общее правило нашло себѣ мѣсто и въ новомъ уголовномъ уложеніи, гдѣ оно болѣе соотвѣтствовало бы первому отдѣлу ст. 1 проекта, чѣмъ правило противоположное, установляемое ст. 12 того же проекта.

Что касается теоретической несостоятельности руководства прежнимъ закономъ (ежели новый не будетъ имѣть обратнаго дѣйствія), то, во первыхъ, въ теоріи нельзя игнорировать презумпцію, по которой преступникъ могъ имѣть въ виду размѣры ожидающаго его наказанія, а во вторыхъ, гуманное чувство снисхожденія къ преступнику все таки приводитъ къ примѣненію прежняго закона, какъ это отразилось даже въ послѣдней части 12 ст. и проекта Редакціонной Коммисіи.

Дѣйствительно, допущеніе руководящаго правила, по которому новый уголовный законъ дѣйствуетъ обратно только въ видѣ исключенія, *приводитъ къ двумъ практическимъ затрудненіямъ*—одно касается порядка опредѣленія наказанія, а другое—порядка его отбытія. Для правильнаго опредѣленія размѣра новаго, болѣе мягкаго наказанія, возникаетъ необходимость сообразоваться со сравнительною тяжестью этого и прежняго наказанія. Хотя составленіе таблицы, показывающей соотвѣтствіе прежнихъ наказаній новымъ, представляется затруднительнымъ, но оно необходимо (**) и, какъ будетъ

(*) За *первое* мнѣніе высказались: гг. Соколовъ, кн. Андрониковъ, Смиттенъ (В. В.), Кольчевскій, Козловъ, кн. Циціановъ, Химшіевъ и Быковъ. За *второе* гг.—Смиттенъ (Н.П.), Крашенинниковъ, кн. Вачнадзе, Бакало и Жила. За *третіе*—гг. Френкель, Теръ-Іоаннисьянъ, Струве, Квятковскій и Кривецкій. За *четвертое*—гг. Андреевъ, Дингельштетъ, Степановъ, Хлѣбниковъ, Горбовскій, Кусиковъ и Воюцкій.

(**) Какъ на одинъ изъ примѣровъ такой необходимости можно указать на тотъ случай, когда, по прежнему закону, несовершеннолѣтній (до 17 лѣтъ) подлежалъ бы аресту (какъ нормальному наказанію), а по новому уложенію о нак.—отдачѣ въ исправительно-воспитательное заведеніе, по ст. 37 и 38 проекта; соотвѣтствуетъ ли арестъ заключенію въ воспитательномъ заведеніи?

упомянуто ниже, неизбѣжно, повидимому, даже при осуществленіи проектированнаго Коммисіею простаго пониженія отвѣтственности по ст. 53 проекта. Менѣе важнымъ представляется второе затрудненіе, вытекающее изъ соблюденія того же общаго правила, что новый законъ не имѣетъ обратной силы, необходимость временнаго сохраненія нынѣшнихъ мѣстъ заключенія, въ прежнемъ ихъ значеніи. Здѣсь необходимо имѣть въ виду во первыхъ, что пройдетъ извѣстный промежутокъ времени, пока уже осужденныя лица отбудутъ наказаніе въ прежнихъ мѣстахъ заключенія, и, слѣдовательно, въ продолженіи этого періода они все-таки, предполагается, будутъ существовать безъ кореннаго измѣненія; во вторыхъ, и съ упраздненіемъ или переустройствомъ прежнихъ мѣстъ отбытія наказанія, въ таковыхъ мѣстахъ новаго типа могутъ быть приспособлены особыя временныя отдѣленія съ примѣненіемъ къ прежде существовавшимъ порядкамъ, и въ этихъ особыхъ отдѣленіяхъ могли бы отбыть осужденные наказаніе, опредѣленное имъ по прежнему закону. Установленіе переходнаго порядка тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ не вызоветъ существенныхъ затрудненій, что главнѣйшія отступленія отъ нынѣ дѣйствующей тюремной системы—исправительный домъ и тюрьма съ одиночнымъ заключеніемъ—не исключаютъ окончательно употребленія въ оныхъ и общаго заключенія, и что, по нынѣ дѣйствующему уложенію о нак., заключеніе въ тюрьмѣ въ огромномъ количествѣ случаевъ являлось дѣйствительнымъ наказаніемъ, вмѣсто назначеннаго приговоромъ рабочаго дома, смирительнаго дома, заключенія въ крѣпости и т. п.

Тѣ же лица указываютъ далѣе, что примѣненіе 2-й части 12 ст. обязываетъ судъ выражать соотношеніе между прежнимъ наказаніемъ и вновь назначаемымъ, по объему ихъ. Здѣсь не встрѣтится практическихъ затрудненій, ежели новый законъ окажется въ извѣстномъ случаѣ *явно*, *несомнѣнно* строже прежняго, и ежели, при томъ, вновь назначаемое наказаніе не такъ далеко отклоняется, по своему типу, отъ прежняго. Могутъ однако встрѣтиться обратные случаи, гдѣ различіе между карательными постановленіями, въ смыслѣ сравнительной тяжести ихъ, можетъ представиться болѣе тонкимъ, а установленіе этого различія—болѣе сложнымъ, и тогда судебная практика очутится среди безвыходныхъ затрудненій, не имѣя никакой нормы для сравненія. Отсюда слѣдуетъ, что судъ окажется въ необходимости прибѣгнуть къ упомянутой выше сравнительной таблицѣ наказаній даже еще раньше самаго смягченія наказанія по ст. 53, т. е. еще при разрѣшеніи исходнаго вопроса, примѣнять ли къ дѣлу 2 ч. 12 ст., обязательно смягченіе или нѣтъ? Затрудненіе, возникающее при этомъ по причинѣ отсутствія закона о взаимномъ соотвѣтствіи прежней и новой кары, переходитъ во всей своей силѣ и въ слѣдующій затѣмъ моментъ исполненія судомъ 2 ч. ст. 12 проекта,

т. е. въ моментъ опредѣленія самыхъ размѣровъ смягченія въ предѣлахъ 53 ст. По мысли проекта, это будетъ простое, не соображаемое съ прежнимъ наказаніемъ, пониженіе. Однако же, въ дѣйствительности оно таковымъ быть не можетъ, или же, въ противномъ случаѣ, оно получитъ характеръ вполнѣ произвольный. Въ самомъ дѣлѣ, хотя уменьшеніе наказанія предоставляется здѣсь *усмотрѣнію* суда, но этимъ для послѣдняго не устраняется нравственная необходимость сообразоваться, по мѣрѣ возможности, со свойствомъ повода, призывающаго судейскую совѣсть къ смягченію наказанія, или со свойствомъ причины снисхожденія соразмѣрять и самый объемъ снисхожденія. Поэтому, понижая отвѣтственность въ предѣлахъ ст. 53, судъ невольно долженъ будетъ сравнивать новое наказаніе съ прежнимъ, отыскивая при этомъ отношеніе между величинами несоизмѣримыми (для примѣра слѣдуетъ сопоставить тюрьму по нынѣ дѣйствующему уложенію и тюрьму по проекту; гдѣ именно справедливо было бы остановиться при пониженіи послѣдняго наказанія *не по обстоятельствамъ дѣла*, а по чисто формальной причинѣ, т. е. вслѣдствіе меньшей строгости прежняго наказанія?).

Обращаясь къ процессуальнымъ элементамъ 12 ст. проекта, поименованныя выше лица находятъ, что обратное дѣйствіе новаго уголовнаго закона распространяется на всякое, еще *не наказанное*, преступное дѣяніе. Выраженіе: не наказанное оставляетъ открытымъ вопросъ, доколѣ преступленіе признается въ процессуальномъ порядкѣ не наказаннымъ, т. е. до провозглашенія приговора, до вступленія его въ силу, до обращенія къ исполненію или, наконецъ,—до начала дѣйствительнаго исполненія? Становясь на точку зрѣнія, что законъ уголовный получаетъ обратную силу лишь въ томъ исключительномъ случаѣ, когда болѣе благопріятствуетъ подсудимому, нельзя не признать и справедливымъ, и послѣдовательнымъ, чтобы предѣломъ дѣйствія этого снисхожденія къ подсудимому было не вступленіе приговора въ законную силу, а начало дѣйствительнаго исполненія онаго по предложенію прокурора. Осуществленіе подобнаго воззрѣнія не колеблетъ начала ненарушимости судебныхъ рѣшеній, потому что въ основѣ воззрѣнія лежитъ не случайный, непроизвольный элементъ, отнимающій у виновнаго надежду отвѣтить за свою вину одинъ только разъ; а напротивъ,—элементъ законности и высшей справедливости. Съ практической же стороны, въ оправданіе вышеуказаннаго измѣненія вошедшаго уже въ законную силу судебнаго приговора, можно сослаться на принятое кассаціонною практикою, въ видѣ исключенія, правило, согласно которому вступленіе приговора въ силу не препятствуетъ измѣненію его (помимо даже обжалованія или опротестованія) во имя публичнаго интереса (напримѣръ,—въ случаѣ присужденія къ несуществующему уже наказанію).

Ежели, за симъ, обобщить 3 ч. 12 ст. проекта, приближаясь къ краткой формулѣ II ч. ст. I голландскаго кодекса, то окончательный выводъ изъ всѣхъ вышеприведенныхъ соображеній представится въ видѣ слѣдующаго положенія, замѣняющаго ст. 12 проекта:

«Когда послѣ совершенія преступнаго дѣянія, но прежде, чѣмъ виновный въ ономъ начнетъ нести наказаніе, вступятъ въ силу какія-либо постановленія вновь изданныхъ законовъ уголовныхъ, то дѣйствіе сихъ постановленій распространяется на означенное преступное дѣяніе единственно въ томъ случаѣ, если они болѣе благопріятны для виновнаго».

Мнѣніе же меньшинства членовъ того же собранія состоитъ въ слѣдующемъ:

12 ст., дѣлая ссылку на ст. 53, ничуть не требуетъ сравнительной таблицы новыхъ наказаній съ прежними.

Способъ уменьшенія наказаній въ извѣстныхъ случаяхъ указанъ въ ст. 53 ясно и заключаетъ въ себѣ правила, вполнѣ отвѣчающія требованіямъ науки права по вопросу о значеніи власти судей при опредѣленіи наказаній.

Принимать во вниманіе тѣ особенности новыхъ наказаній, которыя не существуютъ въ нынѣ дѣйствующемъ уложеніи, и требовать, на этомъ основаніи, установленія сравнительной таблицы—соотвѣтствія наказаній между собою—нѣтъ основанія, ибо: 1) въ формѣ примѣненія наказаній (напримѣръ тюрьма съ одиночнымъ заключеніемъ) имѣетъ преобладающее значеніе процессуальная сторона принципа наказанія, а не законная (матеріальная), почему уже въ этомъ отношеніи, съ измѣненіемъ ея, она, по теоріи права, должна примѣняться и къ дѣяніямъ, совершеннымъ до ея возникновенія—признанія закономъ; 2) если принять въ соображеніе, что новая система наказаній имѣетъ въ виду принципъ исправленія, то видимая репрессивность даннаго наказанія сравнительно съ прежнимъ, окупается настолько, насколько принципъ исправленія выше, гуманнѣе принципа возмездія; 3) сама Редакціонная Коммисія, какъ это видно изъ объясненій ея подъ 12 ст., находя невозможнымъ и даже несправедливымъ сокращеніе размѣровъ вновь назначаемаго наказанія по соображенію съ прежнимъ, и указывая, что уравненіе наказаній по срокамъ, въ виду различія условій содержанія въ прежнихъ и новыхъ мѣстахъ заключенія, было бы совершенно формальнымъ, заключаетъ, что рѣшеніе вопроса о сравнительной тяжести наказаній по уложенію и проекту представляется дѣломъ не только труднымъ, но почти и невозможнымъ.

Положенія ст. 12 и 53 вполнѣ соотвѣтствуютъ новому взгляду науки на преобладаніе законовъ *относительно опредѣленныхъ*.

Голландскій кодексъ, заключая въ себѣ общее правило о примѣненіи постановленія наиболѣе благопріятнаго, также не установляетъ сравнительной

таблицы наказаній, предпочитая предоставить суду разрѣшеніе вопроса о благопріятности того или другаго наказанія. И такое правило тѣмъ удобнѣе, что примѣненіе его возможно не только въ данный періодъ времени (періодъ переходнаго состоянія), но и въ будущемъ, когда можно ожидать видоизмѣненія отдѣльныхъ законовъ о наказуемости того или другаго преступнаго дѣянія.

Ожидаемое уложеніе о наказаніяхъ имѣетъ предоставить суду широкое право при выборѣ наказаній, разсчитывая на относительное совершенство суда; установленіе же сравнительной таблицы наказаній старыхъ и новыхъ, представляя собою отрицаніе такого качества новаго суда, выражая полное недовѣріе къ этому суду, идетъ въ разрѣзъ съ прогрессивнымъ направленіемъ самого законодательства, содержитъ, поэтому, въ себѣ органическій порокъ, коимъ законъ страдать не долженъ.

Изъ всѣхъ положеній проекта 12 статья, по мнѣнію Екатеринодарскаго Окружнаго Суда, представляется наименѣе удачной. По своему содержанію, она находится въ противорѣчіи: 1) съ основной 1 статьей, 2) съ основными нашими законами и 3) съ началами, принятыми наукой уголовнаго права. Независимо отъ этого, редакція статьи грѣшитъ отсутствіемъ точнаго опредѣленія какъ того, что слѣдуетъ разумѣть подъ дѣяніями, не наказанными до вступленія новаго уголовнаго закона въ силу, такъ и момента вступленія закона въ силу. Каждый уголовный законъ состоитъ изъ двухъ частей: а) опредѣлительной, содержащей опредѣленіе преступнаго дѣянія, и б) санкціонирующей, содержащей опредѣленіе наказанія за это дѣяніе. Понятно, что и новый уголовный законъ можетъ быть новымъ, какъ относительно опредѣлительной, такъ и относительно утвердительной части. Между тѣмъ 12 статья проекта говоритъ: постановленія вновь изданныхъ уголовныхъ законовъ примѣняются и къ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ, но не наказаннымъ до дня вступленія сихъ законовъ въ силу. Такое положеніе не можетъ не быть признано прямо противорѣчащимъ 1 статьи проекта, признавшей основнымъ положеніемъ, что никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе не запрещенное, во время его совершенія, уголовнымъ закономъ. Правда, въ объяснительной запискѣ замѣчено, что 12 ст. имѣетъ въ виду опредѣлить дѣйствіе новаго уголовнаго закона только по отношенію къ установленному имъ наказанію. Но въ такомъ случаѣ, не говоря уже о неразрывности обѣихъ частей уголовнаго закона, въ силу которой, какъ преступность дѣянія, такъ и наказуемость его должны быть опредѣлены однимъ и тѣмъ же закономъ, почему, если преступность признается пра-

вильнымъ опредѣлять закономъ времени совершенія преступленія, то и наказаніе должно быть опредѣлено тѣмъ же самымъ закономъ, самая редакція статьи, дающая основаніе опредѣлять не только наказаніе, но и преступность по новому закону, требуетъ радикальнаго измѣненія. Далѣе, по силѣ 60 ст. основныхъ государственныхъ законовъ, законъ дѣйствуетъ токмо на будущее время; никакой законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія и сила онаго не распространяется на дѣянія, совершившіяся прежде его обнародованія. Статья эта очевидно редактирована съ особеннымъ удареніемъ на уголовную сферу и потому 12 ст. проекта представляется прямо противорѣчащею основнымъ государственнымъ законамъ. Правда, и здѣсь редакторы проекта замѣчаютъ, что и 60 ст. основныхъ законовъ, примѣнительно къ уголовному праву, можетъ быть толкуема въ смыслѣ нераспространенія новаго закона на дѣянія, совершенныя до его изданія, только относительно опредѣленія преступности дѣянія. Но такое замѣчаніе едва ли правильно; напротивъ, по мнѣнію Екатеринодарскаго Суда, буквальный смыслъ закона въ одинаковой мѣрѣ относится какъ къ опредѣлительной, такъ и утвердительной части новаго уголовнаго закона. Въ этомъ отношеніи основные законы выражаютъ ту, принятую въ наукѣ уголовнаго права и въ нѣкоторыхъ уголовныхъ кодексахъ, формулу, по которой законы уголовные обратнаго дѣйствія не имѣютъ. Не смотря, однако, на глубокій смыслъ этого положенія, установленнаго въ видахъ обезпеченія гражданской свободы отъ произвола и несправедливости, и наука, и современные уголовные кодексы допускаютъ изъятіе для новыхъ законовъ болѣе мягкихъ и снисходительныхъ къ преступникамъ, распространяя дѣйствіе подобныхъ законовъ и на дѣянія, совершенныя до ихъ изданія. Наши основные законы не заключаютъ въ себѣ подобнаго правила, и въ этомъ, согласно съ мнѣніемъ одного изъ нашихъ ученыхъ криминалистовъ, нельзя не усматривать существеннаго недостатка. Тѣмъ съ большимъ основаніемъ подобное правило должно найти мѣсто въ уголовномъ уложеніи. Впрочемъ, проектъ уложенія, распространяя дѣйствіе всѣхъ новыхъ уголовныхъ законовъ и на дѣянія, учиненныя до вступленія законовъ въ силу, грѣшитъ не тѣмъ, что не даетъ обратной силы болѣе мягкимъ законамъ, а тѣмъ, что даетъ подобную силу всѣмъ уголовнымъ законамъ, въ томъ числѣ и болѣе строгимъ. Въ этомъ отношеніи 12 ст. проекта прямо расходится съ твердо установившимся въ наукѣ принципомъ. Впрочемъ, изъ вниманія къ этому принципу, проектъ, при большей строгости новаго закона, даетъ суду право уменьшать наказаніе въ порядкѣ, ст. 53 установленномъ. Но такое разрѣшеніе вопроса едва ли можетъ быть признано правильнымъ, ибо ближайшее соображеніе правилъ, изложенныхъ въ 53 ст. проекта, не даетъ основанія думать, чтобы однимъ путемъ дозволеннаго

суду уменьшенія наказанія всегда можно было достигнуть полнаго уравновѣшенія назначаемаго наказанія съ тѣмъ, которое опредѣлялось закономъ, дѣйствовавшимъ во время совершенія преступленія. Все это приводитъ Екатеринодарскій Окружной Судъ къ заключенію, что 12 ст. проекта подлежитъ существенному измѣненію. Но если бы такое измѣненіе и было отвергнуто, то во всякомъ случаѣ редакція статьи требуетъ дополненія. Изъ дѣяній, совершенныхъ при дѣйствіи стараго закона, она облагаетъ наказаніями по вновь изданному закону только такія, которыя не наказаны до вступленія новаго закона въ силу. Между тѣмъ, подъ дѣяніями наказанными можно разумѣть и такія, по которымъ состоялся приговоръ, опредѣлившій наказаніе, и такія, по которымъ состоявшійся приговоръ вошелъ въ законную силу, и такія, по которымъ приговоръ обращенъ судомъ къ исполненію, и такія, по которымъ приговоръ приведенъ уже въ исполненіе, и, наконецъ, такія, за которыя отбыты уже наказанія. Сообразно съ этимъ, и ненаказанность дѣянія можетъ быть пріурочена ко всѣмъ означеннымъ моментамъ, за исключеніемъ послѣдняго. Въ дѣйствующемъ правѣ существуетъ одно постановленіе, подобная неопредѣленность котораго подавала поводъ къ разнымъ недоразумѣніямъ и затрудненіямъ. Статья 131 уложенія признаетъ повтореніемъ преступленія учиненіе другаго преступленія послѣ суда и наказанія за первое. Извѣстно, что неопредѣленность словъ «послѣ наказанія» приводила даже къ смѣшенію понятій о рецидивѣ и совокупности преступленій. Для устраненія всякаго недоразумѣнія, необходимо болѣе точное опредѣленіе въ законѣ. Принимая же во вниманіе, что вступившій въ законную силу приговоръ, по силѣ 68 ст. основныхъ законовъ, почитается закономъ (res iudicata pro veritate habetur), а равно примѣръ постановленія о введеніи въ дѣйствіе закона 18 Мая 1882 г. о кражахъ со взломомъ, Екатеринодарскій Окружный Судъ находитъ правильнымъ въ 12 ст. проекта, взамѣнъ словъ «но не наказаннымъ», внести слова: «но по коимъ приговоры не вступили въ законную силу». Наконецъ, по мнѣнію Суда, въ разсматриваемой статьѣ не опредѣленъ съ точностію моментъ воспріятія новымъ уголовнымъ закономъ обязательной силы. Подчиняя всѣ ненаказанныя дѣянія дѣйствію новаго уголовнаго закона, проектъ, по видимому, дѣлаетъ опредѣленіе означеннаго момента безразличнымъ. Но такъ какъ и по проекту новые уголовные законы должны примѣняться въ полной мѣрѣ лишь къ дѣяніямъ, совершеннымъ послѣ воспріятія законами этими обязательной силы, а относительно остальныхъ дѣяній допускается, при извѣстныхъ условіяхъ, смягченіе, то точное опредѣленіе означеннаго момента представляется весьма важнымъ. Моментъ этотъ въ проектѣ означается особымъ терминомъ—вступленіе закона въ силу. Терминъ этотъ не отличается необходимой опредѣленностію. Въ

этомъ отношеніи ст. 59 основныхъ законовъ опредѣляетъ, что законъ получаетъ обязательную силу не прежде, какъ со дня его объявленія, и что въ присутственныхъ мѣстахъ каждый законъ воспріемлетъ свою силу не прежде, какъ со дня его полученія въ томъ мѣстѣ, къ исполненію коего оный подлежитъ. Такимъ образомъ, основные законы опредѣляютъ различно время воспріятія силы новыми законами, для присутственныхъ мѣстъ и для гражданъ. Для присутственныхъ мѣстъ новый законъ воспринимаетъ силу со дня его полученія, а для гражданъ—со дня его объявленія, подъ которымъ разумѣется ни что иное, какъ обнародованіе закона. Но самое обнародованіе закона слагается изъ ряда послѣдовательныхъ дѣйствій. По силѣ 57 и 58 ст. основныхъ законовъ, законы обнародываются во всеобщее извѣстіе Правительствующимъ Сенатомъ, а обнародованіе закона въ губерніи принадлежитъ губернскому правленію. Правительствующій Сенатъ предаетъ новый законъ тисненію и посылаетъ при указахъ присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ. Независимо отъ сего, новые законы печатаются въ разсылаемыхъ присутственнымъ мѣстамъ собраніяхъ узаконеній и распоряженій правительственныхъ. Новые законы выслушиваются общимъ присутствіемъ губернскаго правленія и разсылаются въ печатныхъ экземплярахъ городскимъ и уѣзднымъ полиціямъ (1 п. 667 и 754 ст. общ. губ. учр). Затѣмъ, распоряженія по обнародованію законовъ въ уѣздахъ и городахъ дѣлаются полицейскими управленіями, въ станахъ законы обнародываются становыми приставами, а въ волостяхъ—волостными старшинами (1 п. 1323, 1353, 1366 и 2164 ст. общ. губ. учр.). Но, установляя изложенный порядокъ послѣдовательнаго обнародованія законовъ, законъ не опредѣляетъ, однако, въ какой именно моментъ завершается такое надлежащее объявленіе или обнародованіе ихъ, послѣ котораго невѣдѣніемъ закона нельзя отговариваться. А между тѣмъ, опредѣленіе этого момента для практики уголовной весьма важно. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій случай изъ практики Екатеринодарскаго окружнаго суда. 30 Апрѣля 1879 г. акцизный надзоръ составилъ протоколъ объ обнаруженіи въ этотъ день въ духанѣ казака Ладожской станицы Ж. 17-ти бутылокъ водочныхъ издѣлій, неоплаченныхъ установленнымъ закономъ 26 Декабря 1878 г. бандерольнымъ сборомъ. По этому поводу Ж. былъ преданъ суду по обвиненію въ нарушеніи, предусмотрѣнномъ 31 ст. Высочайше утвержденныхъ 26 Декабря 1878 г. правилъ о производствѣ водокъ и о торговлѣ водочными издѣліями. Подсудимый сослался въ свое оправданіе на необъявленіе ему новыхъ правилъ. Судъ оправдалъ подсудимаго, а палата присудила его къ наказанію. Между тѣмъ, въ самомъ законѣ постановлено: «новыя правила ввести въ дѣйствіе, на общемъ основаніи, со дня распубликованія оныхъ

установленнымъ порядкомъ на мѣстахъ, причемъ, въ видѣ временной мѣры, для распродажи изъ мѣстъ продажи старыхъ водочныхъ издѣлій установленъ для городовъ двухнедѣльный, а для мѣстностей внѣ городовъ—мѣсячный срокъ, со дня введенія въ дѣйствіе новыхъ правилъ. Такимъ образомъ, въ виду этихъ законовъ, возраженіе подсудимаго имѣло существенное значеніе и судъ имѣлъ основаніе оправдать его, за отсутствіемъ доказательствъ, когда именно изданныя правила обнародованы были въ Ладожской станицѣ. Но палата отмѣнила приговоръ суда на томъ основаніи, что акцизное управленіе въ № 10 Кубанскихъ Вѣдомостей объявило, что такъ какъ новыя правила напечатаны въ № 8 тѣхъ же Вѣдомостей, вышедшемъ 24 Февраля, то мѣсячный срокъ распродажи старыхъ водочныхъ издѣлій долженъ кончиться 24 Марта. Само собой разумѣется, что, въ виду прямаго постановленія закона о времени его дѣйствія, публикація акцизнаго управленія ни для кого не была обязательною и весь исходъ дѣла зависѣлъ отъ разрѣшенія вопроса о времени распубликованія закона на мѣстахъ. Этотъ частный случай не можетъ не указывать на необходимость вполнѣ точнаго опредѣленія момента воспріятія новымъ уголовнымъ закономъ силы. Такая необходимость, по мнѣнію Суда, вытекаетъ и изъ соображеній, находящихся въ связи съ условіями вмѣняемости и вмѣненія. Собственно говоря, съ точки зрѣнія логической, и невѣдѣніе фактическаго обстоятельства, и невѣдѣніе юридической нормы не могутъ не имѣть одинаковаго значенія для вмѣненія извѣстнаго дѣянія, которое никогда не совершилось бы, не будь того, или другаго невѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе, по соображеніямъ, которыя судъ находитъ излишнимъ подробно излагать, единогласно и всюду признается, что невѣдѣніе запрещенности извѣстнаго дѣянія не можетъ устранить вмѣненіе. Такое положеніе основывается главнымъ образомъ на презумпціи общеизвѣстности законовъ. Понятно однако, что такая презумпція можетъ относиться исключительно къ обнародованнымъ или, точнѣе, вступившимъ въ силу законамъ, почему въ основныхъ законахъ (ст. 62) и сказано, что никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона, когда онъ обнародованъ установленнымъ порядкомъ. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, Окружный Судъ, признавая необходимымъ въ самомъ законѣ, касающемся дѣйствія уголовнаго закона во времени, точно и опредѣленно обозначить время воспріятія имъ обязательной силы, но затруняясь, однако, въ опредѣленіи этого момента, полагалъ бы измѣнить 12 ст. проекта слѣдующимъ образомъ: постановленія вновь изданныхъ уголовныхъ законовъ примѣняются только къ дѣяніямъ, учиненнымъ послѣ....; тутъ необходимо опредѣлить конкретно моментъ, съ которымъ связывалось бы воспріятіе новымъ закономъ силы. Затѣмъ, слѣдуетъ или ввести правило голландскаго кодекса: «при измѣненіяхъ,

происшедшихъ въ законодательствѣ послѣ совершенія преступнаго дѣянія, къ виновнику всегда примѣняется постановленіе наиболѣе благопріятное», или постановить: «новый уголовный законъ примѣняется и къ тѣмъ изъ дѣяній, учиненныхъ при дѣйствіи прежняго закона, по коимъ, до дѣйствія новаго закона, приговоръ не вступилъ въ силу, если новымъ закономъ, или вовсе отмѣнено, или назначено менѣе строгое наказаніе, или установлены болѣе краткіе сроки давности, или возбужденіе уголовнаго преслѣдованія допущено только по частной жалобѣ, или дозволено дѣло прекращать примиреніемъ. Что касается до изложенныхъ въ запискѣ мотивовъ, на которыхъ основана 12 ст. проекта, то, не отвергая всей вѣскости приведенныхъ соображеній, Екатеринодарскій Окружный Судъ находитъ, что соображенія эти должны служить основаніемъ для изданія особаго закона о порядкѣ введенія въ дѣйствіе проектируемаго уложенія и не могутъ оправдывать редакцію постановленія, имѣющаго задачей опредѣлить дѣйствіе во времени всякаго новаго уголовнаго закона, который будетъ изданъ и послѣ введенія въ дѣйствіе уложенія.

По отношенію къ 12 статьѣ проекта, опредѣляющей время, съ котораго дѣлается обязательнымъ примѣненіе новыхъ уголовныхъ законовъ, Прокуроръ Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскій представляетъ двоякаго рода возраженія: относительно умѣстности помѣщенія ея въ уложеніи и по самому существу содержащихся въ ней постановленій. Что касается перваго вопроса, то, по мнѣнію г. Хлодовскаго, уложеніе, какъ сборникъ законоположеній о преступленіяхъ и наказаніяхъ, долженъ совмѣщать въ себѣ лишь такія постановленія, которыя должны служить руководящимъ началомъ *на будущее время* по отношенію ко всѣмъ могущимъ впредь случиться преступнымъ дѣяніямъ. Правило же, изложенное въ 12 статьѣ проекта, заключаетъ въ себѣ разъясненіе тѣхъ недоразумѣній, которыя могутъ встрѣтиться на практикѣ при разсмотрѣніи дѣлъ о преступныхъ дѣяніяхъ, возникшихъ еще до введенія въ дѣйствіе сего уложенія, но не получившихъ къ тому времени окончательнаго разрѣшенія; иначе говоря, правило это относится къ прошедшему, а не будущему времени и составляетъ руководство, коимъ слѣдуетъ пользоваться лишь при введеніи въ дѣйствіе сего уложенія и которое до сихъ поръ, какъ это видно и изъ объяснительной записки Коммисіи, никогда не было включаемо въ дѣйствующій законъ, а всегда излагалось въ особыхъ Высочайшихъ повелѣніяхъ, сопровождавшихъ всегда появленіе какого-либо новаго закона. На этомъ основаніи, и въ настоящее время не представляется основаній отступать отъ прежде существовавшаго въ семъ отношеніи порядка и

включать статью 12, опредѣляющую порядокъ примѣненія постановленій уложенія относительно преступныхъ дѣяній, совершенныхъ до его изданія, въ самое уложеніе, ибо пройдетъ годъ, другой, когда всѣ прежнія дѣла получатъ окончательное разрѣшеніе, и тогда статья 12 сдѣлается мертвымъ закономъ,—какимъ-то анахронизмомъ, неимѣющимъ никакого практическаго примѣненія. Если же статья 12 включена Коммисіею въ проектъ уложенія на томъ основаніи, что, судя по употребленному въ ней выраженію: «постановленія *вновь изданныхъ законовъ уголовныхъ*», можно предполагать, что законъ этотъ относится не только до настоящаго уложенія, но и до всѣхъ могущихъ впредь появиться измѣненій въ уголовныхъ законахъ, то, и съ этой точки зрѣнія, включеніе статьи 12 въ уложеніе не можетъ быть практически оправдываемо, ибо, если возможно нынѣ установить точныя и опредѣленныя правила относительно порядка и условій обязательности постановленій настоящаго уложенія по дѣламъ о дѣяніяхъ, раньше изданія его совершенныхъ, то едва-ли возможно установить такое же единообразное правило и по отношенію ко всѣмъ впредь могущимъ появиться законамъ уголовнымъ, которые, по самому существу своему или по инымъ причинамъ, потребуютъ установленія какихъ-либо новыхъ по сему предмету правилъ,—и тогда опять придется допускать новыя измѣненія или отступленія отъ правила, выраженнаго въ 12 статьѣ, точно также какъ и нынѣ дѣлаются отступленія отъ требованія 60 статьи основныхъ законовъ. Кромѣ того, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда статья 12 будетъ примѣнима по отношенію къ какому-либо новому закону, во всякомъ случаѣ, для устраненія всякихъ недоразумѣній и сомнѣній относительно дѣйствія сихъ законовъ по дѣламъ прошедшаго времени, придется или дѣлать ссылку на статью 12, или же вновь излагать выраженное въ ней правило въ особыхъ повелѣніяхъ.

Вслѣдствіе сего, г. Хлодовскій полагаетъ *статью 12 вовсе исключить изъ уложенія* и правило относительно предѣловъ дѣйствія постановленій уложенія на прошедшее время включить въ особое Высочайшее повелѣніе о порядкѣ примѣненія уложенія.

Обращаясь, затѣмъ, къ существу того положенія, которое выражено въ 12 статьѣ проекта, г. Хлодовскій полагаетъ, что оно состоитъ въ прямомъ противорѣчіи какъ съ 60 статьею основныхъ законовъ, по силѣ коей никакой законъ не имѣетъ обратной силы и дѣйствуетъ только на будущее время, такъ и съ 1 статьею сего же проекта, на основаніи коей никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе, незапрещенное закономъ во время его совершенія. Такое отступленіе не можетъ быть оправдываемо ни теоретическими началами, ни практическими соображеніями. Съ точки зрѣнія теоріи, всякое дѣяніе можетъ быть преслѣдуемо лишь тѣмъ закономъ, который дѣйствовалъ *во время его совер-*

шенія, и по тѣмъ правиламъ, которыя тогда существовали; изъ сего допускается законодательствами исключеніе только по отношенію къ тѣмъ случаямъ, когда новый законъ слабѣе и мягче прежняго, но и это исключеніе допускается единственно въ видахъ гуманности и изъ снисхожденія къ преступнику. Поэтому г. Хлодовскій не видитъ основаній, въ силу коихъ въ данномъ случаѣ приходится дѣлать отступленіе отъ этого общаго начала, теоретически вѣрнаго. Тѣ практическія затрудненія, на которыя указываетъ Коммисія въ своей объяснительной запискѣ (стр. 54) и которыя, по ея мнѣнію, заключаются въ томъ: во 1-хъ, что сохраненіе на долгое время нынѣ отмѣняемыхъ мѣстъ отбытія наказанія едва-ли представляется желательнымъ, почему нерѣдко могутъ возникнуть случаи фактической невозможности примѣненія прежде дѣйствовавшаго закона, когда, напримѣръ, прежде назначаемый родъ наказанія, за отмѣною его новымъ уложеніемъ, оказался бы не существующимъ, и во 2) что при томъ существенномъ измѣненіи въ лѣстницѣ наказаній, какое предположено сдѣлать въ настоящемъ проектѣ, невозможно почти было бы разрѣшить вопросъ о сравнительной тяжести прежнихъ наказаній съ нѣкоторыми вновь проектируемыми,—едва-ли могутъ заслуживать уваженія по слѣдующимъ соображеніямъ: Коммисія создаетъ совершенно новую и неимѣющую ничего общаго съ прежнею лѣстницу наказаній, вслѣдствіе чего приспособленіе прежнихъ мѣстъ отбытія наказанія для осуществленія новыхъ едва-ли представляется возможнымъ,—и вѣрнѣе всего, что для осуществленія плана Коммисіи придется сооружать всѣ мѣста заключенія вновь, а для этого потребуется и слишкомъ много времени, и громадныя денежныя средства, почему съ увѣренностью можно сказать, что пройдетъ много лѣтъ, пока будутъ воздвигнуты всѣ требуемыя проектомъ мѣста отбыванія наказанія. Вслѣдствіе сего, если проектируемому уложенію суждено будетъ осуществиться нынѣ же въ непродолжительномъ времени, то опасеніе Коммисіи о томъ, что, при примѣненіи прежняго уложенія, многія мѣста заключенія могутъ оказаться несуществующими, не можетъ имѣть основанія, ибо существующія нынѣ мѣста заключенія во всякомъ случаѣ переживутъ тѣ сравнительно немногія дѣла, по коимъ и послѣ изданія новаго уложенія придется примѣнять прежній законъ. Съ другой стороны, всѣ нынѣ существующія мѣста заключенія настолько переполнены и продолжаютъ наполняться осужденными, что потребуетъ еще слишкомъ много времени для того, чтобы они освободили занимаемыя ими прежнія мѣста заключенія, а потому, если къ тѣмъ тысячамъ или десяткамъ тысячъ осужденныхъ, которые отбываютъ наказаніе въ прежнихъ мѣстахъ заключенія, прибавится еще одна, другая сотня таковыхъ же по дѣламъ, возникшимъ до изданія новаго уложенія и рѣшеннымъ послѣ того, то отъ сего нисколько не пострадаютъ государствен-

ные интересы. Что же касается вопроса о невозможности проведенія сравнительнаго соотвѣтствія между прежними и вновь проектируемыми наказаніями, то если въ этомъ отношеніи и можетъ дѣйствительно возникать какое либо затрудненіе, оно одинаково возможно при существованіи какъ того правила, которое выражено въ ст. 12 проекта, такъ и того правила, которое предлагается г. Хлодовскимъ относительно недозволенія распространенія новаго закона на прошедшее время, за исключеніемъ лишь болѣе мягкихъ законовъ, ибо въ обоихъ этихъ случаяхъ судъ долженъ сопоставить прежде дѣйствовавшій съ вновь изданнымъ закономъ и рѣшить, который изъ нихъ слабѣе и снисходительнѣе для виновнаго; въ первомъ случаѣ—для того, какъ гласитъ 12 ст. проекта, чтобы установить, представляется ли надобность въ обязательномъ на этомъ основаніи пониженіи наказанія въ предѣлахъ, указанныхъ 53 статьею, а въ послѣднемъ—для того, чтобы всецѣло примѣнить болѣе мягкій законъ. Слѣдовательно, затрудненій ни въ какомъ случаѣ невозможно будетъ избѣгнуть. Напротивъ того, существованіе правила, выраженнаго въ 12 ст., можетъ представить гораздо болѣе практическихъ неудобствъ и затрудненій, а именно: 1) такъ какъ ст. 12 не указываетъ предѣловъ, до коихъ должно быть доведено уменьшеніе наказанія въ силу 53 ст., и такое уменьшеніе предоставляется власти суда, то можетъ случиться, что уменьшенное наказаніе все-таки будетъ строже того, которое положено по закону, дѣйствовавшему во время совершенія дѣянія; 2) еще болѣе печальнымъ можетъ представиться тотъ случай, когда и при наибольшемъ пониженіи наказанія въ силу 53 ст. до самаго низшаго предѣла, избранное наказаніе всетаки будетъ строже назначеннаго за тоже дѣяніе прежнимъ закономъ, почему примѣненіе такого, болѣе строгаго наказанія было бы явно несправедливымъ, и 3) такъ какъ уменьшеніе наказанія по 12 ст. допускается на ряду съ другими уменьшающими обстоятельствами, то легко представить такой случай, что два субъекта, совершившіе преступныя дѣянія при совершенно одинаковой обстановкѣ, вызывающей необходимость уменьшенія наказанія по 53 ст. и помимо требованія 12 ст., но съ тою лишь разницею, что одинъ изъ нихъ совершилъ дѣяніе при дѣйствіи прежняго болѣе мягкаго закона, а другой—послѣ того, тѣмъ не менѣе подвергнутся одинаковому наказанію, что также было бы крайне несправедливо по отношенію къ первому изъ нихъ.

Вслѣдствіе сего г. Хлодовскій полагаетъ необходимымъ при введеніи въ дѣйствіе новаго уложенія о наказаніяхъ установить, что оно *обратной силы не имѣетъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда новый законъ окажется менѣе строгимъ въ сравненіи съ прежде дѣйствовавшимъ*, каковое правило должно быть примѣнимо не только къ объему наказанія, назначае-

маго за извѣстное дѣяніе, но и къ различнымъ элементамъ преступленія, опредѣляющимъ мѣру отвѣтственности или условія преступности и наказуемости.

Но если бы одновременно со введеніемъ въ дѣйствіе новаго уложенія признано было необходимымъ нынѣ же принять соотвѣтствующія мѣры къ уничтоженію и закрытію прежнихъ мѣстъ заключенія, то и въ такомъ случаѣ, кажется, ничто не можетъ препятствовать, установить, что ко всѣмъ прежде возникшимъ дѣламъ примѣняется прежній законъ въ полномъ его объемѣ съ изъятіемъ, выше указаннымъ, и въ тоже время, въ видахъ замѣны лишь мѣста заключенія, провести извѣстное соотвѣтствіе между прежними и новыми наказаніями, на основаніи каковыхъ правилъ прежнія наказанія могли бы быть замѣняемы судомъ новыми; соотвѣтствіе это могло бы быть установлено приблизительно на слѣдующихъ началахъ: каторга остается таже, равно какъ и поселеніе, которое, впрочемъ, могло бы быть замѣнено для всѣхъ преступленій, кромѣ религіозныхъ, исправительнымъ домомъ отъ 4 до 6 лѣтъ; $1\frac{1}{2}$ года арестантскихъ отдѣленій равняются 1 году исправительнаго дома, 2 года рабочаго дома и $1\frac{1}{2}$ года смирительнаго дома и тюрьмы равняются 1 году новой тюрьмы, ссылка на житье и заключеніе въ крѣпости могли бы остаться временно и впредь, или же ссылка на житье могла бы быть замѣнена по соотвѣтствію, установленному для арестантскихъ отдѣленій и рабочаго дома; праволишенія должны назначаться на основаніи того закона, который примѣняется къ данному дѣянію. Хотя подобное соотвѣтствіе и не можетъ быть признано абсолютно справедливымъ, но, во всякомъ случаѣ, оно ближе достигало бы цѣли наказанія виновнаго по мѣрѣ содѣяннаго имъ, нежели при существующемъ нынѣ порядкѣ, когда не дѣлается никакого фактическаго различія въ назначеніи арестантскихъ отдѣленій, рабочаго дома, смирительнаго дома, крѣпости и тюрьмы, и когда всѣ эти наказанія отбываются въ тюрьмѣ даже безъ какого-либо усиленія сроковъ заключенія при замѣнѣ однихъ наказаній другими.

Во всякомъ случаѣ, всѣ эти правила относительно порядка примѣненія постановленій новаго уложенія должны предшествовать введенію въ дѣйствіе сего уложенія и, какъ изложено выше, могутъ служить предметомъ особаго Высочайшаго повелѣнія, но не должны быть включаемы въ дѣйствующій законъ.

Предсѣдатель Кутаисскаго Окружнаго Суда Кайтмазовъ замѣчаетъ, что изъ смысла 12 статьи и соображеній Редакціонной Коммисіи оказывается, что новый болѣе мягкій законъ можетъ имѣть примѣненіе къ совершеннымъ до изданія

его дѣяніямъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда по дѣлу не постановлено еще приговора. Съ этимъ правиломъ Предсѣдатель Суда находитъ невозможнымъ согласиться: если по дѣйствующему закону извѣстное дѣяніе, признававшееся прежде преступнымъ, утратило преступный характеръ, или же преступность его ослабѣла, то нѣтъ никакого основанія подвергать далѣе подсудимаго страданію во имя лишь того принципа, что приговоръ о немъ состоялся. Напротивъ того, было бы согласно съ справедливостью обратную силу болѣе мягкаго закона распространить и на такія дѣянія, за которыя подсудимый началъ уже отбывать наказаніе, но еще не отбылъ его. При этомъ нельзя не замѣтить, что постановленіе 12 статьи имѣетъ временной характеръ и что потому оно должно быть помѣщено въ законѣ о введеніи уложенія въ дѣйствіе.

Ст. 12 вызываетъ со стороны чиновъ Уманскаго Окружнаго Суда слѣдующее замѣчаніе: нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что проектъ уложенія о наказ. устанавливаетъ совершенно новую лѣстницу наказаній, вслѣдствіе чего, при введеніи въ дѣйствіе новаго уложенія, невозможно соблюдать правила, подобныя установленнымъ закономъ 27 Марта 1846 г. о введеніи въ дѣйствіе уложенія 1845 г. Можно согласиться и съ тѣмъ, что правило, предложенное во второй части ст. 12 проекта уложенія, представляется вполнѣ цѣлесообразнымъ на время перехода отъ дѣйствующаго уложенія къ проектированному. Но едва-ли слѣдуетъ, въ видахъ временныхъ удобствъ, отступать въ столь важномъ законодательномъ актѣ, какимъ представляется новое уложеніе о наказ., отъ правила, не только усвоеннаго почти всѣми иностранными законодательствами, но и нашими дѣйствующими законами, отъ правила, представляющагося, при этомъ, наиболѣе цѣлесообразнымъ и наиболѣе отвѣчающимъ требованіямъ справедливости.

Временныя неудобства, тѣмъ менѣе, должны останавливать законодателя, что въ его власти и устранить ихъ.

Неудобства, указанныя Редакціонною Коммисіею, могутъ ощущаться лишь при введеніи въ дѣйствіе новаго уложенія, и отъ законодателя зависитъ установить на это переходное время особыя правила. Такъ дѣлалось и въ прежнее время, какъ это видно изъ самаго закона 27 Марта 1846 г., не внесеннаго въ текстъ уложенія 1845 г.

Въ виду сего, казалось бы болѣе удобнымъ въ 12 ст. проекта уложенія слова: «то судъ уменьшаетъ наказаніе въ порядкѣ, статьею 53 установленномъ», замѣнить словами: «то судъ назначаетъ это менѣе строгое наказаніе».

Такое правило примѣнялось бы ко всѣмъ случаямъ позднѣйшихъ измѣ-

ненiй въ самомъ новомъ уложенiи о наказ., на полную неизмѣняемость котораго, конечно, невозможно разсчитывать.

Для переходнаго времени отъ дѣйствующаго къ новому уложенiю, особымъ закономъ возможно, по мнѣнiю чиновъ Уманскаго Суда, установить такiя правила, которыя окажутся наиболѣе цѣлесообразными въ данное время, при данныхъ условiяхъ введенiя въ дѣйствiе новаго уложенiя.

По мнѣнiю совѣщанiя чиновъ прокурорскаго надзора Варшавской Судебной Палаты, первая часть статьи 12 упускаетъ изъ вида, что общее правило, выраженное въ статьѣ 1 проекта и заключающееся въ томъ, что никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе, не запрещенное во время его совершенiя, должно быть распространено и на время до изданiя новаго уложенiя, и что такимъ образомъ наказанiю за тѣ изъ преступныхъ дѣяній, которыя будутъ вновь введены новымъ уголовнымъ закономъ, могутъ подлежать лишь лица, совершившiя ихъ послѣ изданiя этого закона. Между тѣмъ, объ этомъ вовсе не упоминается въ текстѣ разбираемой статьи, первая часть которой, вслѣдствiе этого, по мнѣнiю совѣщанiя, должна быть редактирована въ слѣдующемъ видѣ:

Постановленiя вновь изданныхъ законовъ уголовныхъ примѣняются и къ преступнымъ дѣяніямъ, предусмотрѣннымъ законами, прежде дѣйствовавшими, учиненнымъ, но ненаказаннымъ до вступленiя новыхъ законовъ въ силу.

Далѣе, допуская смягченiе наказанiя въ порядкѣ, указанномъ въ 53 ст., *если* закономъ, дѣйствовавшимъ во время учиненiя дѣянiя, за сiе дѣяніе было установлено наказанiе менѣе строгое,—проектъ ничего не говоритъ о послѣдствiяхъ осужденiя по приговорамъ, вошедшимъ въ законную силу, но неприведеннымъ въ исполненiе ко времени введенiя въ дѣйствiе новаго закона. Въ этомъ отношенiи полнѣйшаго вниманiя заслуживаютъ постановленiя проекта итальянскаго уголовнаго кодекса, по которому: 1) если новый законъ исключаетъ изъ числа преступныхъ посягательствъ дѣяніе, наказуемое по прежнему закону, то прекращаются, въ силу самаго закона, и послѣдствiя процесса и осужденiя, 2) если наказанiе уже опредѣлено вошедшимъ въ законную силу приговоромъ, то оно замѣняется наказанiемъ болѣе мягкимъ по своему роду или продолжительности, положеннымъ позднѣйшимъ закономъ за то посягательство, которое признано въ приговорѣ, и 3) болѣе мягкiй позднѣйшiй законъ примѣняется точно также и къ послѣдствiямъ предшествовавшихъ осужденiй, оставляя неприкосновенными права третьихъ лицъ.

Изъ объясненій Редакціонной Коммисіи не видно, былъ ли въ ея обсужденіи вопросъ о примѣненіи послѣдствій сужденія по старому или новому уголовному закону, а между тѣмъ вопросъ этотъ, очевидно, встрѣтится въ будущемъ на практикѣ, которая для разрѣшенія его не найдетъ отвѣта въ текстѣ проектируемаго уложенія. Лица, приговоренныя къ каторжнымъ работамъ, будутъ требовать примѣненія къ нимъ 30 ст. проекта въ отношеніи къ послѣдствіямъ лишенія ихъ правъ супружескихъ и родительскихъ; административныя вѣдомства сочтутъ себя въ правѣ къ присужденнымъ къ отдачѣ подъ полицейскій надзоръ примѣнять, по усмотрѣнію, тотъ или другой видъ и условія этого надзора по прежде дѣйствовавшему, или по вновь изданному уложенію и т. д.

Въ виду этихъ соображеній, совѣщаніе чиновъ Варшавскаго прокурорскаго надзора находитъ, что непомѣщеніе въ 12 ст. проекта постановленія о послѣдствіяхъ прежнихъ осужденій составляетъ существенный пробѣлъ, восполнить который было бы возможно перенесеніемъ въ проектируемое уложеніе постановленій, заключающихся по этому поводу въ проектѣ итальянскаго уложенія.

Наконецъ, совѣщаніе полагало, что хотя во второй части 12 статьи и говорится, что при смягченіи наказанія, при указанныхъ въ ней условіяхъ, судъ уменьшаетъ его въ порядкѣ, 53 ст. установленномъ, но для опредѣленія сравнительной тяжести того или другаго рода наказанія судъ не будетъ имѣть никакого законнаго критеріума, если объемъ вновь вводимыхъ наказаній не будетъ, хотя приблизительно, опредѣленъ по сравненію ихъ съ установленнымъ нынѣ дѣйствующимъ уложеніемъ. Въ виду этого, совѣщаніе находитъ весьма полезнымъ, чтобы при обнародованіи новаго уложенія была издана особая таблица, въ родѣ приложенной къ воинскому уставу о наказаніяхъ, въ которой наказанія по этому уставу сравнены по объему съ соотвѣтствующими имъ наказаніями гражданскаго уложенія.

По замѣчанію Предсѣдателя Казанскаго Окружнаго Суда Грасса, Члена того же Суда Дьяченко и Присяжнаго Повѣреннаго Степанова, статья 12 устанавливаетъ общее правило, что новые уголовные законы примѣняются къ преступнымъ дѣяніямъ, учененнымъ до дня вступленія сихъ законовъ въ силу. Основательность такого правила подлежитъ однако, по мнѣнію ихъ, большому сомнѣнію. Дѣйствіе всякаго закона начинается не ранѣе его распубликованія; только съ этого момента возможно знаніе закона и требованіе, чтобы невѣдѣніемъ его никто не отговаривался (*). Отсюда само собою

(*) Berner, Wirkungskreis des Strafgesetzes nach Zeit etc, s. 20 и слѣд.

уже слѣдуетъ, что уголовный законъ не можетъ имѣть обратной силы и что примѣненіе къ преступному дѣянію благопріятнаго закона времени его совершенія не есть «снисхожденіе» къ преступнику, какъ полагаютъ редакторы (Объясненія стр. 54), а есть слѣдствіе самой сущности дѣла, есть слѣдствіе того, признаваемаго и редакторами, правила, по которому nullum crimen sine lege. Можно поэтому, слѣдуя Шварце и др., оспаривать мнѣніе, что примѣненіе къ преступному дѣянію новаго благопріятнаго закона не есть слѣдствіе снисхожденія къ преступнику (*), но нѣтъ основанія отрицать правило, исключающее обратную силу закона. Конечно, когда редакторы, хотя и изъ снисхожденія къ преступнику, не примѣняютъ къ совершенному имъ преступному дѣянію новые болѣе строгіе законы, то споръ объ обратной силѣ послѣднихъ сводится на теоретическую почву, но безспорно и то, что, безъ особой необходимости, нѣтъ основаній измѣнять начала общепринятыя и по существу своему правильныя. Правда, редакторы говорятъ, что признаніе правила о томъ, что уголовный законъ не имѣетъ обратной силы, повлекло бы къ практическимъ затрудненіямъ въ дѣлѣ опредѣленія сравнительной тяжести разныхъ родовъ наказанія по прежде дѣйствующимъ уголовнымъ законамъ и вновь изданнымъ (**), но затрудненія эти нисколько не зависятъ отъ принципіальнаго взгляда на вопросъ объ обратной силѣ закона и одинаково возможны, какъ при разрѣшеніи этого вопроса въ смыслѣ защищаемаго начала, такъ и при разрѣшеніи его по правилу 12 ст. проекта. И дѣйствительно, по силѣ этой статьи, если законами, дѣйствовавшими во время учиненія дѣянія, за сіе дѣяніе было установлено наказаніе менѣе строгое, то судъ уменьшаетъ наказаніе въ порядкѣ, ст. 53 установленномъ. Отсюда ясно, что для примѣненія новаго уголовнаго закона по началу обратной силы его судъ необходимо долженъ установить, что опредѣленное этимъ закономъ наказаніе менѣе строго, чѣмъ наказаніе по старому закону, т. е. опредѣлить сравнительную тяжесть наказаній по двумъ разнымъ законамъ — новому и старому, и, слѣдовательно, столкнуться съ тѣми затрудненіями, для избѣжанія которыхъ редакторы именно и ввели, въ противуположность общепринятому мнѣнію, правило объ обратной силѣ новыхъ уголовныхъ законовъ.

Чины Орловскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что, по ст. 12 проекта, новое уложеніе не будетъ имѣть примѣненія къ преступнымъ дѣяніямъ, наказаннымъ уже по дѣйствующему уложенію, если наказаніе за извѣстное преступное дѣяніе было болѣе строгое. Такое положеніе, однако, едвали справедливо.

(*) Schwarze, Der Wirkungskreis des Strafgesetzes. Holtzendorff, Handbuch B. II S. 27.
(**) Объясненія, стр. 54.

На практикѣ окажется, что два лица, осужденныя за одинаковыя преступныя дѣянія будутъ нести разныя наказанія: осужденный за убійство на 10 лѣтъ каторги по дѣйствующему уложенію будетъ еще отбывать наказаніе въ то время, когда совершившій подобное же преступленіе при дѣйствіи новаго уложенія и присужденный по новому закону къ каторгѣ только на 6 лѣтъ, давно уже будетъ перечисленъ въ состояніе поселейцевъ.

Во избѣжаніе этого, слѣдовало бы, если не внести въ проектъ уложенія правило, устраняющее такую очевидную несправедливость, то указать въ объяснительной запискѣ на необходимость изданія, одновременно съ уложеніемъ о наказ., особыхъ правилъ для Главнаго Тюремнаго Управленія объ обязательномъ пересмотрѣ тѣхъ изъ прежнихъ приговоровъ, по коимъ сроки наказанія превышаютъ максимальныя наказанія по новому закону, и о примѣненіи къ осужденнымъ такими приговорами ст. 21 и 22 проекта уложенія относительно перевода осужденныхъ къ каторгѣ въ состояніе поселенцевъ.

Соглашаясь вполнѣ съ мнѣніемъ редакторовъ проекта, что съ изданіемъ новаго закона, отмѣняющаго наказуемость извѣстнаго дѣянія, нельзя подвергать наказанію лицо, совершившее это дѣяніе до изданія новаго закона, но еще не наказанное, одинъ изъ членовъ собранія чиновъ прокуратуры Варшавскаго Окружнаго Суда находилъ, что мысль, высказанная въ проектѣ, подлежитъ дальнѣйшему развитію и что слѣдуетъ постановить, что лицо уже осужденное, но не отбывшее еще всего наказанія за извѣстное дѣяніе, не признаваемое новымъ закономъ преступнымъ, должно быть освобождаемо отъ дальнѣйшаго отбытія наказанія, къ коему оно было, при существованіи прежняго закона, приговорено. Это начало, признаваемое многими теоретиками, вошло, между прочимъ, и въ итальянскій уголовный кодексъ, который въ § 1 ст. 2 говоритъ: «если новый законъ исключаетъ изъ числа преступныхъ посягательствъ дѣяніе, наказуемое по прежнему закону, то прекращаются, въ силу самаго закона, и послѣдствія процесса и осужденія». Такое постановленіе итальянскаго кодекса должно быть признано вполнѣ правильнымъ, такъ какъ представляется нецѣлесообразнымъ подвергать наказанію за такое дѣяніе, которое самъ законодатель признаетъ уже непреступнымъ. Возбужденный вопросъ имѣетъ весьма важное значеніе у насъ, въ Россіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что цѣлый рядъ паспортныхъ и иныхъ правонарушеній, влекущихъ за собою пожизненное лишеніе правъ, будетъ исключенъ изъ новаго кодекса. Справедливо ли будетъ оставлять въ Сибири лицо, самовольно выѣхавшее за границу и по вызову правительства не возвратившееся въ Россію, а за симъ, согласно 325 ст. нынѣ дѣйствующаго уложенія, сосланное въ Сибирь на поселеніе, если, какъ слѣдуетъ предполагать, наказаніе,

коимъ угрожаетъ ст. 325, будетъ замѣнено простымъ исключеніемъ изъ числа русскихъ подданныхъ? Согласно ли съ началами справедливости и уголовной политики оставлять лишеннымъ пожизненно правъ такого гражданина, который совершилъ дѣяніе, признаваемое самимъ законодателемъ не имѣющимъ признаковъ преступленія? Собраніе единогласно признало правильность начала, внесеннаго во 2 ст. итальянскаго кодекса, и полагало дополнить ст. 12 проекта въ этомъ смыслѣ.

Одинъ изъ членовъ собранія обратилъ вниманіе на неточность 1 п. 12 ст. и на противорѣчіе между этой статьей и ст. 1 проекта. Въ ст. 12 говорится: «постановленія вновь изданныхъ законовъ уголовныхъ примѣняются и къ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ, но ненаказаннымъ до дня вступленія сихъ законовъ въ силу». Что разумѣетъ законодатель подъ словомъ «преступное дѣяніе»: то ли дѣяніе, за которое старый законъ угрожалъ наказаніемъ, или же тѣ дѣянія, которыя подлежатъ наказанію на основаніи новаго закона? Въ видѣ примѣра можно привести совершеніе лицомъ А преступленій, извѣстныхъ подъ именемъ шантажа или attentats à la pudeur; какъ извѣстно, преступленія эти не включены въ нынѣ дѣйствующее уложеніе и потому не могутъ считаться преступными дѣяніями; напротивъ, весьма возможно, что въ новомъ уложеніи дѣянія эти, по примѣру иностранныхъ кодексовъ, будутъ признаны преступными. Спрашивается: можетъ ли быть подвергнуто наказанію лицо, совершившее шантажъ до изданія новаго уложенія, но судимое послѣ изданія таковаго? На основаніи 1 ст. проекта отвѣтъ, конечно, долженъ быть отрицательный; между тѣмъ, по буквальному смыслу 1 п. 12 ст. проекта, такое лицо должно быть наказано, такъ какъ постановленія вновь изданныхъ законовъ уголовныхъ примѣняются и къ тѣмъ преступнымъ дѣяніямъ, которыя были учинены, но не наказаны до дня вступленія въ силу новыхъ законовъ. Очевидно, что составители проекта, какъ это видно изъ мотивовъ, въ 1 п. 12 ст. имѣли въ виду лишь тѣ преступныя дѣянія, которыя были запрещены во время ихъ совершенія, но мысли этой въ текстъ не внесли. Посему, представлялось бы правильнымъ въ текстѣ ст. 12, вмѣсто словъ «преступнымъ дѣяніемъ», помѣстить слова: «къ дѣяніямъ, запрещеннымъ во время ихъ совершенія подъ страхомъ наказанія, кои учинены, но не наказаны и т. д.».

Прокуроръ Полтавскаго Окружнаго Суда Люце не усматриваетъ достаточнаго основанія пріурочивать къ 53 статьѣ уменьшеніе наказанія въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ 2 частью 12 ст. Онъ полагаетъ, что эти случаи ничего не имѣютъ общаго съ уменьшающими вину обстоятельствами, о кото-

рыхъ говорится въ 53 ст. Постановленіе 2 части 12 ст., съ одной стороны, предоставляетъ суду слишкомъ обширное право въ уменьшеніи виновному наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда разница между наказаніями, опредѣленными прежнимъ и новымъ закономъ, не велика; съ другой стороны, въ тѣхъ случаяхъ, когда эта разница особенно значительна, постановленіе ст. 12 не устраняетъ возможности, что за данное преступленіе будетъ опредѣлено наказаніе болѣе строгое, чѣмъ то, которое было опредѣлено за него закономъ, дѣйствовавшимъ во время его совершенія. Послѣднее представляется особенно несправедливымъ, ибо ставитъ мѣру наказанія въ зависимость отъ совершенно случайнаго обстоятельства, а именно, отъ большей или меньшей скорости осужденія виновнаго послѣ совершенія имъ преступнаго дѣянія, и притомъ такъ, что осужденный немедленно послѣ совершенія имъ преступнаго дѣянія подлежитъ болѣе мягкому наказанію, а осужденный по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени можетъ быть подвергнутъ болѣе строгому наказанію, опредѣленному ему по новому закону съ примѣненіемъ лишь 53 ст. уложенія.

Невозможность подвергать виновнаго прежнему наказанію, за упраздненіемъ прежнихъ мѣстъ заключенія, не можетъ служить оправданіемъ ни смѣшенія этого случая съ предметомъ, разсматриваемымъ 53 ст. проекта, ни опредѣленія болѣе строгаго наказанія за преступное дѣяніе, совершенное во время дѣйствія болѣе снисходительнаго закона. Необходимо постановить, что судъ, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ приговорить обвиняемаго къ болѣе строгому наказанію, чѣмъ то, которому онъ могъ быть подвергнутъ, если бы былъ наказанъ немедленно послѣ совершенія имъ своего преступнаго дѣянія (*). Вѣроятно, въ первые годы дѣйствія новаго уложенія о наказаніяхъ нерѣдко придется встрѣчаться на практикѣ съ этимъ вопросомъ, и въ виду этого, можно было бы указать въ особомъ приложеніи, какія изъ наказаній новаго уложенія признаются соотвѣтствующими наказаніямъ уложенія 1866 года (**). Но во всякомъ случаѣ, при опредѣленіи наказаній по новому

(*) Это правило признано и наукою уголовнаго права (Hefftter, Lehrbuch des gemeinen deutschen Strafrechts, стр. 26; Geib, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, II, стр. 45; Berner, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, Leipzig, 1882 г., стр. 258) и иностранными кодексами (голландское уложеніе, ст. 1; венгерское, § 2; германское, § 2; бельгійское, ст. 2).

(**) Такую таблицу сравнительной тяжести прежнихъ и новыхъ наказаній, по всей вѣроятности, придется сдѣлать и для того, чтобы перевести въ новыя карательныя заведенія арестантовъ изъ прежнихъ тюремныхъ учрежденій, дабы не имѣть, въ теченіи многихъ лѣтъ, одновременно, учрежденій новаго и стараго образца и не переводить арестантовъ, отбывающихъ наказанія по прежнимъ приговорамъ, изъ одной старой тюрьмы въ другую, по мѣрѣ закрытія этихъ тюремъ.

закону, необходимо наблюдать, чтобы сроки лишенія свободы не превышали тѣхъ, какими грозилъ за данное преступное дѣяніе прежній законъ, потому что, хотя сравнительная тяжесть заключенія въ разныхъ карательныхъ заведеніяхъ иногда весьма различна, но она никогда не можетъ быть въ точности опредѣлена и представляется совершенно неизвѣстною величиною, которая, вслѣдствіе сего, и не можетъ быть принята во вниманіе; между тѣмъ, больший срокъ заключенія подъ стражей всегда увеличиваетъ тяжесть наказанія, и потому, ни въ какомъ случаѣ, не долженъ быть игнорируемъ.

По замѣчанію чиновъ Костромскаго Окружнаго Суда, редакція ст. 12-й на практикѣ можетъ возбудить сомнѣніе въ слѣдующемъ. Подходятъ-ли подъ дѣйствіе ея неисполненные приговоры какъ вошедшіе, такъ и не вошедшіе въ законную силу, и какъ подлежатъ дальнѣйшему исполненію приговоры, начатые исполненіемъ, но еще далеко неисполненные?

Далѣе, въ этой же статьѣ установлено, что если закономъ, дѣйствовавшимъ во время учиненія дѣянія, за таковое было установлено наказаніе менѣе строгое, то судъ уменьшаетъ наказаніе въ порядкѣ, 53 ст. установленномъ. Оставаясь вѣрнымъ идеѣ обратнаго дѣйствія смягчающихъ законовъ, чины Костромскаго Окружнаго Суда находятъ полезнымъ добавить, что если и при уменьшеніи наказанія въ порядкѣ, 53 ст. установленномъ, новое наказаніе будетъ болѣе строгое, чѣмъ дѣйствовавшее во время совершенія преступленія, то къ нему примѣняется послѣднее. Совершая извѣстное дѣяніе, преступникъ долженъ знать о грозящей ему отвѣтственности, а посему было бы крайне несправедливо отягчать участь его болѣе тяжкою репрессіею, чѣмъ та, которая установлена была закономъ во время совершенія преступленія. Въ виду же существенныхъ недоразумѣній, возбуждаемыхъ 12 ст. въ настоящей ея редакціи, необходимо или пополнить самую редакцію этой статьи, или же, при введеніи въ дѣйствіе новаго уложенія, издать подробныя правила о порядкѣ замѣны старыхъ наказаній новыми, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда старыя наказанія совершенно уничтожаются.

Вторая часть ст. 12-й не согласуется, по замѣчанію чиновъ прокуратуры Казанскаго Суда, съ общимъ началомъ права, въ силу котораго болѣе строгій карательный законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія. Практическое неудобство примѣнять по прежнему закону наказаніе, несуществующее въ новомъ законѣ, не можетъ оправдывать нарушеніе этого общаго начала, такъ какъ на

этотъ случай возможно законодательнымъ же порядкомъ установить замѣну прежнихъ наказаній новыми по сравнительной ихъ тяжести.

По отношенію къ ст. 12 проекта Московскій Столичный Мировой Съѣздъ замѣчаетъ, что въ виду истиннаго смысла статьи, по которой, въ отмѣну прежняго правила, новый законъ получаетъ обратную силу, если онъ для обвиняемаго благопріятнѣе прежняго закона, представляется необходимымъ болѣе обезпечить подсудимому предполагаемую льготу. Одно смягченіе наказанія въ порядкѣ 53 ст. проекта, предполагаемое по 12 ст., не представляетъ такого обезпеченія, какъ потому, что въ ст. 53 о смягченіи ареста или денежной пени вовсе не упоминается, такъ и потому, что вообще трудно предусмотрѣть всю разницу, могущую быть въ нормахъ наказаній, опредѣляемыхъ прежнимъ и новымъ закономъ, такъ что можетъ случиться, что, даже и при установленномъ смягченіи, новое наказаніе будетъ всетаки строже прежняго. Поэтому и во избѣжаніе недоразумѣній въ отношеніи дѣяній, наказуемыхъ по новому закону, а по прежнему закону ненаказуемыхъ, представляется желательнымъ такое измѣненіе редакціи ст. 12 проекта, при которомъ вполнѣ ясно было бы, что по новому закону не наказуемо дѣяніе, ненаказывавшееся до изданія сего закона (согласно ст. 1 проекта), и что новый законъ распространяется на дѣянія, совершенныя до его изданія, только въ томъ случаѣ, если онъ благопріятнѣе для обвиняемаго.

Въ этихъ видахъ, Московскій Столичный Мировой Съѣздъ предлагаетъ слѣдующую редакцію ст. 12-й:

«Постановленія вновь изданныхъ законовъ уголовныхъ примѣняются и къ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ, но ненаказаннымъ до дня вступленія сихъ законовъ въ силу, если закономъ, дѣйствовавшимъ во время учиненія дѣянія, за оное было установлено наказаніе болѣе строгое».

«Если же закономъ, дѣйствовавшимъ во время учиненія дѣянія, оное не было воспрещено подъ страхомъ наказанія, или же опредѣлялось наказаніе менѣе строгое, были установлены болѣе краткіе сроки давности, или возбужденіе преслѣдованія допускалось только по частной жалобѣ, и дозволялись отмѣна наказанія и прекращеніе дѣла за состоявшимся примиреніемъ, то судъ въ этихъ случаяхъ руководствуется прежнимъ закономъ.»

Останавливаясь на содержаніи 12 ст. проекта уложенія, Бакинскій Окружный Судъ признаетъ, что внесеніе въ новое уложеніе о наказаніяхъ, по примѣру новѣйшихъ заграничныхъ уложеній, какъ основнаго уголовнаго

закона, того правила, которое изображено въ 12 ст. проекта Редакціонной Коммисіи, поскольку таковое имѣетъ цѣлью урегулировать отношеніе стараго закона къ новому въ связи съ содержаніемъ 1 ст. проекта уложенія, представляется весьма важнымъ нововведеніемъ въ системѣ дѣйствующихъ уголовныхъ законовъ Россійской Имперіи; желательно только, по мнѣнію Суда, чтобы правило о неимѣніи обратной силы законовъ и ограниченіи таковой по отношенію къ примѣненію къ дѣяніямъ, совершеннымъ до изданія новаго уложенія, болѣе мягкихъ старыхъ законовъ было-бы изложено въ другомъ видѣ и измѣнено въ смыслѣ примѣненія къ дѣяніямъ, совершеннымъ до обнародованія новаго болѣе строгаго, чѣмъ старый, закона, хотя и не сего послѣдняго, если почему-либо это окажется и неудобнымъ, то, по возможности, по силѣ наказанія, ему соотвѣтствующаго, тѣмъ болѣе, что начало примѣненія къ лицу, совершившему преступленіе при господствѣ болѣе мягкихъ законовъ, этихъ послѣднихъ, а не новыхъ, менѣе снисходительныхъ къ участи подсудимаго, вошедшее, какъ основной уголовный законъ, почти во всѣ новѣйшія уголовныя уложенія европейскихъ державъ, признавалось законодателемъ и у насъ и провозглашалось при изданіи всѣхъ законодательныхъ работъ позднѣйшаго времени, касающихся уголовнаго права. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, составители проекта не нашли, по видимому, возможнымъ признать за упомянутымъ выше началомъ характеръ безусловнаго правила. Какъ изъ самаго текста 12 ст., такъ равно и мотивовъ, на которыхъ эта статья основана, явствуетъ, что, по мнѣнію составителей проекта уложенія, наличность болѣе мягкаго закона во время содѣянія того или другаго преступленія можетъ служить для виновнаго лишь основаніемъ къ уменьшенію ему наказанія, слѣдуемаго по новому закону, и именно въ порядкѣ, ст. 53 проекта установленною. Придавая, такимъ образомъ, совершенію преступленія при существованіи болѣе мягкаго закона характеръ лишь уменьшающаго вину обстоятельства, составители проекта нѣсколько уклонились отъ того пути, по которому, въ этомъ отношеніи, шелъ до настоящаго времени законодатель. Независимо отъ этого, по смыслу упомянутой выше 53 ст., право суда на уменьшеніе наказанія не одинаково и находится въ зависимости, по видимому, отъ обстоятельства совершенно случайнаго, а именно отъ того, установленъ ли въ санкціонирующей части того или другаго запретительнаго закона особый низшій предѣлъ слѣдуемаго за нарушеніе этого закона наказанія, или нѣтъ, и только лишь въ послѣднемъ случаѣ дозволено суду переходить къ низшему роду наказанія, напр. отъ каторжныхъ работъ къ исправительному дому и пр.; въ первомъ же случаѣ, при опредѣленіи низшаго предѣла наказанія, судъ не вправѣ выходить отъ того рода наказанія, которое будетъ опредѣлено закономъ, ни нисходить ниже установленнаго послѣднимъ minimum'а; несом-

*

нѣнно, что при уменьшеніи наказанія по 53 ст., даже въ томъ случаѣ, когда за извѣстное преступное дѣяніе не будетъ опредѣленъ закономъ низшій предѣлъ таковаго, суду не всегда будетъ возможно назначить лицу, совершившему преступленіе до изданія новаго уложенія, хотя-бы приблизительно тождественное по своей силѣ наказаніе съ тѣмъ, которое слѣдовало-бы ему по старому закону. Совершенно соглашаясь съ составителями проекта уложенія въ томъ отношеніи, что, въ виду предполагаемаго измѣненія въ существѣ самой лѣстницы наказанія, примѣненіе къ совершившему преступленіе при господствѣ стараго карательнаго закона установленнаго послѣднимъ такого наказанія, которое или совершенно исключено новымъ закономъ изъ системы наказаній или получило нѣсколько иной характеръ, представлялось бы не только весьма затруднительнымъ, но почти невозможнымъ, Бакинскій Окружный Судъ находитъ, что достигнуть, для указанной выше категоріи преступниковъ, извѣстной соразмѣрности въ наказаніи является вполнѣ возможнымъ при оставленіи даже большей части текста 12 ст. въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ составителями проекта, и при измѣненіи извѣстной лишь части таковаго въ смыслѣ установленія болѣе полнаго, чѣмъ допускается редакціею 12 ст., соотвѣтствія строгости наказанія по новому закону со старымъ, относительно дѣяній, совершившихся до обнародованія послѣднихъ, а именно возложеніемъ законодателемъ на судебную власть обязанности, при примѣненіи новаго болѣе строгаго карательнаго закона къ дѣянію, совершенному при господствѣ болѣе мягкаго, понижать наказаніе по правиламъ, изложеннымъ въ 53 ст., переходя, даже и въ случаяхъ, 1 п. 53 ст. указанныхъ, въ установленномъ 2 п. той же статьѣ порядкѣ, не только къ слѣдующему роду, но и родамъ наказанія, то есть предоставить судебной власти, въ извѣстныхъ случаяхъ, при пониженіи доходить отъ каторжныхъ работъ къ тюремному заключенію.

По мнѣнію Бакинскаго Окружнаго Суда, 12 ст. проекта слѣдовало-бы редактировать въ слѣдующемъ видѣ: «постановленія вновь изданныхъ законовъ уголовныхъ примѣняются и къ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ, но ненаказаннымъ до дня вступленія сихъ законовъ въ силу, съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ правилъ. Если закономъ, дѣйствовавшимъ во время учиненія дѣянія, за сіе дѣяніе было установлено наказаніе менѣе строгое, то судъ обязанъ уменьшать наказаніе въ порядкѣ, 2 п. 53 ст. установленномъ, причемъ, для достиженія возможнаго соотвѣтствія наказанія, слѣдовавшаго по старому закону, съ новымъ, долженъ переходить, какъ при условіяхъ, 2 п., такъ равно и въ 1 п. 53 установленныхъ, къ слѣдующимъ родамъ наказанія».

Прокуроръ Владикавказскаго Окружнаго Суда Чинчинадзе усматриваетъ, что 2 ч. 12 ст. проекта, согласно ученію объ уголовной отвѣтственности, вводя въ наше законодательство новое постановленіе объ обратной силѣ закона, смягчающаго отвѣтственность, ставитъ непремѣннымъ условіемъ уменьшеніе наказанія въ порядкѣ, 53 ст. установленномъ, если закономъ, дѣйствовавшимъ во время учиненія дѣянія, за сіе дѣяніе было установлено наказаніе менѣе строгое.

Признавая постановленіе это вполнѣ цѣлесообразнымъ и согласнымъ какъ съ наукою права, такъ съ требованіемъ справедливости, нельзя не сказать однако, что оно, вслѣдствіе нѣкоторой своей неполноты, можетъ повлечь за собою неправильное примѣненіе его на практикѣ и извратить точный смыслъ, положенный въ основаніе его.

Цѣль означеннаго постановленія, какъ сказано выше, заключается въ томъ, чтобы, съ изданіемъ новыхъ уголовныхъ законовъ, не подвергать большему наказанію, если по старому, дѣйствовавшему во время совершенія преступнаго дѣянія, закону за это дѣяніе было положено наказаніе менѣе строгое, чѣмъ въ новомъ законѣ, и для достиженія этой цѣли въ постановленіи опредѣленъ порядокъ уменьшенія наказанія, а именно порядокъ, указанный въ 53 ст. проекта; въ этой же послѣдней статьѣ обозначены предѣлы власти суда въ уменьшеніи наказанія. Такимъ образомъ, вслѣдствіе ограниченности власти суда въ уменьшеніи наказанія, на практикѣ можетъ оказаться, что, несмотря на уменьшеніе судомъ наказанія въ границахъ, указанныхъ въ 53 ст. проекта, виновный все-таки будетъ подлежать большему наказанію, чѣмъ то, которому онъ подвергся бы по закону, дѣйствовавшему во время учиненія преступленія. Такъ, это можетъ случиться, если бы, напр., оправдались газетные слухи о томъ, что предполагается въ нѣкоторыхъ случаяхъ увеличить наказаніе за растрату или присвоеніе чиновникомъ ввѣренныхъ ему по службѣ казенныхъ или частныхъ денежныхъ суммъ—до каторжныхъ работъ. Въ нынѣ дѣйствующемъ уложеніи (ст. 354) за означенное выше преступленіе опредѣлена, какъ высшая норма взысканія, ссылка на житье въ Сибири или отдача въ исправительныя арестантскія отдѣленія, по 4 ст. 31 ст. улож. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ, какъ бы судъ ни смягчалъ виновному наказаніе, тѣмъ не менѣе, держась границъ, указанныхъ въ 53 ст. проекта, онъ во всякомъ случаѣ долженъ будетъ опредѣлить наказаніе гораздо большее, чѣмъ то, которому виновный подлежалъ бы по старому, т. е. нынѣ дѣйствующему закону, что естественно противорѣчило бы принципу, положенному въ основаніе 2 ч. 12 ст. проекта.

Поэтому и въ видахъ предоставленія суду большаго простора въ наложеніи наказанія въ случаяхъ, означенныхъ выше сего, г. Чинчи-

надзе находилъ-бы болѣе правильнымъ измѣнить редакцію 2 ч. 12 ст. проекта, а именно, послѣ словъ: статьею 53 установленномъ, прибавить: «но съ тѣмъ однако, чтобы наказаніе во всякомъ случаѣ не превышало того, которое было установлено закономъ, дѣйствовавшимъ во время учиненія дѣянія».

Часть 2 статьи 12 проекта постановляетъ, что въ томъ случаѣ, когда закономъ, дѣйствовавшимъ во время учиненія дѣянія, за сіе дѣяніе было установлено наказаніе менѣе строгое, то судъ уменьшаетъ положенное въ новомъ законѣ, болѣе тяжкое наказаніе въ порядкѣ, ст. 53 установленномъ. Но ст. 12 не даетъ, по замѣчанію Предсѣдательствующаго Ландрата Эстляндскаго Оберъ-Ландгерихта фонъ-Фока, никакого масштаба для сравненія отмѣненныхъ наказаній съ новыми. При примѣненіи ч. 2 ст. 12 на практикѣ не рѣдко будетъ возникать сомнѣніе въ томъ, представляется ли прежнее наказаніе болѣе легкимъ или нѣтъ. Если, напр., за какое-либо дѣяніе, по прежнему закону, былъ положенъ рабочій или исправительный домъ, а по новому—полагается тюрьма, то судьѣ неизвѣстно, долженъ ли онъ смягчить новое наказаніе или нѣтъ. Поэтому, слѣдовало бы опредѣлить въ таблицахъ сравнительную тяжесть старыхъ и новыхъ наказаній.

Указанное во второй части 12 ст. уменьшеніе наказанія въ порядкѣ, установленномъ 53 ст., можетъ, по замѣчанію Прокурора Харьковскоій Судебной Палаты Закревскаго, не устранять различія между прежнимъ и новымъ закономъ, если послѣдній гораздо строже. Справедливѣе было бы предоставить суду въ подобныхъ случаяхъ руководствоваться прежнимъ закономъ.

По мнѣнію Симферопольскаго Окружнаго Суда, ст. 12 слѣдуетъ быть помѣщенной непосредственно послѣ 1 ст., какъ это сдѣлано въ венгерскомъ и германскомъ уложеніяхъ (см. § 2 уложеній).

Статью 12 Екатеринославскій Окружный Судъ не можетъ понять иначе, какъ въ смыслѣ переходной мѣры, имѣющей лишь временное значеніе при введеніи въ дѣйствіе новаго уложенія. Такая временная мѣра имѣетъ смыслъ и значеніе въ теченіи сравнительно непродолжительнаго времени отъ 10 до 15 лѣтъ, т. е. никакъ не далѣе самаго продолжительнаго срока давности.

Послѣ же сего она потеряетъ всякую силу и будетъ оставаться въ кодексѣ безъ примѣненія. Очевидно, существованіе въ уложеніи такой статьи, которая очень скоро останется безъ примѣненія, совершенно неумѣстно, тѣмъ болѣе, что новый законъ издается не на десятки лѣтъ, а можетъ служить цѣлому столѣтію. Всякія же временныя мѣры, какъ общепринято, всегда предписываются особыми правилами о порядкѣ введенія въ дѣйствіе новаго обязательнаго закона. Если же, затѣмъ, статья эта должна имѣть значеніе общаго правила въ будущемъ, въ такомъ случаѣ она подлежитъ измѣненію какъ въ редакціи, такъ и въ самомъ ея содержаніи. По мнѣнію Окружнаго Суда, можетъ быть постановлено общее правило, что, при введеніи въ дѣйствіе новаго уголовнаго закона, къ лицамъ, совершившимъ преступленія до изданія таковаго, но еще не наказаннымъ, должны быть примѣнены всѣ облегченія, истекающія какъ изъ предшествовавшаго, такъ и изъ вновь обнародованнаго закона, и тогда ссылка на уменьшеніе наказанія по 53 ст. новаго уложенія должна быть вовсе исключена изъ редакціи 12 ст., но только при условіи изложенія ея въ формѣ общаго правила въ будущемъ.

По мнѣнію прокуратуры Череповецкаго Окружнаго Суда, статья 12 представляется излишнею въ уложеніи; правило, что вновь издаваемый законъ не имѣетъ обратной силы и примѣняется только въ случаѣ большей мягкости его, заключается въ основныхъ законахъ. Статья эта можетъ имѣть значеніе только для момента изданія новаго уложенія и приведенія его въ дѣйствіе; вводить ее въ уложеніе, долженствующее дѣйствовать постоянно, излишне, и правильнѣе было бы объявленіе ея при Высочайшемъ повелѣніи о введеніи въ дѣйствіе новаго закона.

Московская Судебная Палата находитъ, что помѣщеніе настоящей статьи въ кодексѣ уголовныхъ законовъ не можетъ быть оправдано какими либо соображеніями: статья эта является лишнею, такъ какъ имѣетъ значеніе лишь временныхъ правилъ для разрѣшенія вопросовъ и затрудненій, неизбѣжно связанныхъ съ отмѣною стараго и съ введеніемъ новаго закона, а тѣмъ болѣе при полной отмѣнѣ цѣлаго кодекса законовъ. Поэтому не представляется достаточныхъ основаній включать таковыя въ общее уложеніе. Даже если смотрѣть на правила, изложенныя въ ст. 12, какъ на общій принципъ, устанавливаемый въ видѣ закона на будущія времена, то и въ такомъ случаѣ статьѣ этой не мѣсто въ уложеніи, такъ какъ при изданіи каждаго закона существуютъ особыя постановленія о введеніи его въ дѣйствіе—постановленія, отъ которыхъ нельзя будетъ отказатся даже при наличности

проектированной 12 ст., ибо невозможно предусмотрѣть всѣ особенности, которыя могутъ возникнуть при введеніи того или другаго новаго закона. Наконецъ, что касается нашей предшествующей практики, то слѣдуетъ сказать, что и въ ней мы находимъ подтвержденіе высказаннаго взгляда. Такъ, въ дѣйствующемъ нынѣ уложеніи не содержится никакихъ постановленій, подобныхъ выраженнымъ въ ст. 12 настоящаго проекта. Напротивъ, относящіяся сюда правила изложены были въ законѣ 27 Марта 1846 г. о введеніи въ дѣйствіе уложенія 1845 г., однако никакихъ затрудненій при примѣненіи вновь издаваемыхъ законовъ вслѣдствіе этого не послѣдовало. Поэтому слѣдовало бы ст. 12 совершенно исключить изъ уложенія, а выраженныя въ ней начала помѣстить во временныхъ правилахъ, которыя имѣютъ быть изданы при введеніи въ дѣйствіе проектированнаго нынѣ уложенія.

По ст. 12, постановленія вновь изданныхъ законовъ уголовныхъ примѣняются къ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ, но *не наказаннымъ* до дня вступленія сихъ законовъ въ силу, и т. д. Спрашивается: въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать употребленное въ этой статьѣ выраженіе: «ненаказанное» преступленіе? Говоря иначе, съ какого момента преступное дѣяніе становится наказаннымъ? Руководствуясь практикой Кассаціоннаго Сената, нужно думать, что дѣяніе является наказаннымъ съ момента обращенія приговора къ исполненію. Но соотвѣтствуетъ ли такое толкованіе смыслу приведенной статьи? Объяснительная записка въ этомъ отношеніи не даетъ никакихъ точныхъ указаній. Между тѣмъ, вопросъ сей имѣетъ весьма важное значеніе. Поэтому, во избѣжаніе всякихъ сомнѣній, разъясненіе упомянутаго термина было бы весьма желательно.

Далѣе, обращаетъ на себя вниманіе участь лицъ, уже осужденныхъ, но еще не отбывшихъ наказанія, а равно и ссыльныхъ. Редакціонная Коммисія оставила совершенно безъ вниманія какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Справедливость, однако, требуетъ, чтобы и ихъ, въ той или другой мѣрѣ, коснулась предполагаемая реформа въ системѣ наказаній, именно въ виду того, что проектируемое уложеніе, по самому существу положенныхъ въ его основу началъ, является болѣе гуманнымъ и мягкимъ, нежели нынѣ дѣйствующіе уголовные законы.

Наконецъ, на практикѣ, при примѣненіи ст. 12, можетъ представиться случай, къ разрѣшенію котораго статья эта не даетъ никакихъ указаній. Подразумѣвается тотъ именно случай, когда наказаніе за извѣстное дѣяніе, совершенное до изданія новыхъ законовъ, уже наложено судомъ, приговоръ вступилъ въ законную силу, но, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, становится необходимымъ замѣнить наложенное судомъ наказаніе другимъ.

Какъ въ такомъ случаѣ долженъ поступить судъ? Какими правилами ему слѣдуетъ руководствоваться при замѣнѣ стараго наказанія новымъ? Какъ уже сказано выше, ст. 12 не даетъ на эти вопросы никакого отвѣта.

Вполнѣ признавая необходимость существованія ст. 12 о дѣйствіи уголовныхъ законовъ во времени, вслѣдствіе чего станетъ излишнимъ отдѣльное о томъ упоминаніе при изданіи каждаго закона съ карательной санкціей (пп. 1, 2 § IV закона 18 Мая 1882 г. объ измѣненіи наказаній за кражи со взломомъ), Прокуроръ Плоцкаго Окружнаго Суда Фуксъ полагаетъ, что ей не мѣсто въ уложеніи о наказаніяхъ. Правда, за удержаніе ея говоритъ почти единогласная западно-европейская практика (код. венгерскій ст. 2, германскій ст. 2, бельгійскій ст. 2, нидерландскій ст. 1, италіанскій пр. ст. 2); но примѣръ этотъ едва ли заслуживаетъ подражанія. Ст. 12 служитъ выраженіемъ основнаго правила для всякаго суда, а потому и сила ея должна распространяться не только на законы, заключающіеся въ уложеніи о наказаніяхъ, но и на другіе того же самаго содержанія и характера, именно на законы о наказаніяхъ за преступленія воинскія, дисциплинарныя, церковныя; между тѣмъ, включеніе ея въ такое отдѣльное законоположеніе съуживаетъ ея значеніе и примѣненіе, и дѣлаетъ необходимымъ новое о томъ постановленіе при изданіи законовъ, карающихъ перечисленныя нарушенія; поэтому опредѣленія ст. 12, редактированныя въ болѣе общемъ смыслѣ, слѣдовало бы помѣстить въ основныхъ законахъ вслѣдъ за ст. 60 и 61, трактующими объ обратной силѣ законовъ.

Обсудивъ правило ст. 12 о порядкѣ примѣненія постановленій вновь изданныхъ уголовныхъ законовъ къ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ, но ненаказаннымъ до дня вступленія этихъ законовъ въ силу, Коммисія, образованная изъ состава Варшавской Судебной Палаты, пришла къ убѣжденію, что означенная статья будетъ вызывать на практикѣ много недоразумѣній, для устраненія которыхъ, по мнѣнію Коммисіи, было бы желательно, чтобы въ дополненіе къ ст. 12 была приложена сравнительная таблица тяжести наказаній по новому и нынѣ дѣйствующему уложеніямъ.

Статья 12, по мнѣнію Уфимскаго Губернскаго Прокурора Мѣщанинова, имѣетъ характеръ временной, и по сему, не занимая мѣста въ уложеніи, она съ большимъ удобствомъ могла бы быть помѣщена или въ положеніи о введеніи

въ дѣйствіе новаго уложенія, или, если такого положенія не будетъ, въ видѣ особаго приложенія къ ст. 1 уложенія.

Прокуроръ Люблинскаго Окружнаго Суда Полланъ находитъ, что ст. 12 подлежитъ отмѣнѣ по слѣдующимъ соображеніямъ:

во 1-хъ, постановленія, изложенныя въ ст. 12, относятся къ кореннымъ началамъ правоваго порядка и уже помѣщены въ ст. 59, 60, 61, ч. 1 т. 1 Свод. Зак.;

во 2-хъ, правила относительно смягченія наказанія за дѣянія, учиненныя раньше дня вступленія уложенія въ силу, будутъ имѣть только временную силу и затѣмъ потеряютъ значеніе, въ виду чего умѣстнѣе помѣстить ихъ въ указѣ о введеніи уложенія въ дѣйствіе.

Однимъ изъ членовъ совѣщанія чиновъ С.-Петербургской прокуратуры было заявлено (г. Островскій), что ст. 12 должна быть исключена изъ уложенія, а содержащіяся въ ней постановленія слѣдуетъ изложить, съ большею притомъ подробностью, въ правилахъ о введеніи въ дѣйствіе новаго уложенія. Совѣщаніе не согласилось съ этимъ мнѣніемъ, такъ какъ постановленія ст. 12 имѣютъ постоянный, а не временной характеръ, относясь и къ послѣдующимъ измѣненіямъ новаго уложенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, совѣщаніе признавало, что, въ виду предполагаемаго нынѣ полнаго измѣненія дѣйствующей лѣстницы наказаній, независимо ст. 12, въ особыхъ правилахъ о введеніи должна быть выработана сравнительная таблица тяжести прежнихъ и новыхъ наказаній, безъ чего судьи, по крайней мѣрѣ въ первое время послѣ введенія уложенія, будутъ поставлены въ чрезвычайно затруднительное положеніе при примѣненіи наказаній. Такая сравнительная таблица, по мнѣнію одного изъ членовъ (г. Кичинъ), тѣмъ болѣе нужна, что уменьшеніе наказанія по 2 ч. ст. 12 основывается не на принципѣ снисхожденія къ преступнику, а на фактической невозможности примѣнить уже существующія прежнія наказанія. Съ другой стороны, разница между взглядомъ новаго и прежняго закона на извѣстное преступное дѣяніе, можетъ значительно превышать предѣлы смягченія по ст. 53, и такимъ образомъ болѣе суровый законъ будетъ оказывать обратное дѣйствіе.

По поводу редакціи ст. 12 было предложено: 1) вмѣсто: постановленія вновь «*изданныхъ*», сказать «*издаваемыхъ*» (г. Васильевъ), и 2) вмѣсто: учиненнымъ, но не «*наказаннымъ*»—каковое выраженіе можетъ возбуждать сомнѣніе о томъ, что сюда входятъ и случаи, когда наказаніе уже отбывается,—

редактировать: «но не осужденнымъ окончательнымъ приговоромъ суда» (гг. Островскій и Бомъ).

Совѣщаніе приняло объ означенныя поправки.

Допуская, въ принципѣ, возможность, что новое уголовное уложеніе можетъ назначить за тѣ или другія преступныя дѣянія наказанія высшія, по сравненію съ нынѣ дѣйствующимъ уложеніемъ, не только по своей продолжительности, но и по роду своему, Одесскій Окружный Судъ находитъ, что примѣненіе такихъ высшихъ наказаній къ лицамъ, совершившимъ преступное дѣяніе при дѣйствіи настоящаго уложенія, противорѣча общимъ началамъ права и справедливости, не оправдывалась бы и тѣми соображеніями, которыя изложены въ объяснительной запискѣ Редакціонной Коммисіи. Поэтому Окружный Судъ находитъ, что, при изданіи новаго уложенія, надлежало бы установить таблицу, указывающую соотвѣтствіе родовъ наказаній, нынѣ дѣйствующихъ, тѣмъ, которые будутъ устанавлены новымъ уложеніемъ, и постановить, чтобы, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ новомъ законѣ будетъ опредѣлено наказаніе, по роду своему болѣе тяжкое, нежели прежнее, судъ ограничивался примѣненіемъ къ подсудимому наказанія не высшаго, а соотвѣтствующаго, по роду своему, прежнему, и въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ прежнему наказанію, приговаривая, въ тоже время, подсудимаго ко всѣмъ дополнительнымъ наказаніямъ, установленнымъ для этого рода наказаній новымъ закономъ.

Прокуроръ Кашинскаго Окружнаго Суда Безе указываетъ, что 12 статья проекта опредѣляетъ отношеніе новаго уложенія къ нынѣ дѣйствующему, а потому, статья эта, соединяя въ себѣ лишь правила, которыя могутъ дѣйствовать только временно, съ большимъ успѣхомъ могла бы быть отнесена къ закону, при которомъ новое уложеніе стало бы вводиться въ дѣйствіе.

Чины Ставропольской прокуратуры останавливаются на томъ правилѣ 12 статьи проекта, согласно коему, «если закономъ дѣйствовавшимъ во время учиненія дѣянія, за сіе дѣяніе установлено наказаніе менѣе строгое, то судъ уменьшаетъ наказаніе въ порядкѣ, ст. 53 установленномъ». Въ виду кореннаго измѣненія всей системы наказаній, принятой дѣйствующимъ уложеніемъ, и въ виду отсутствія какого-либо мѣрила для опредѣленія сравнительной тяжести существующихъ наказаній съ вновь учреждаемыми,

примѣненіе приведеннаго постановленія можетъ, по предположенію названныхъ чиновъ, встрѣтить на практикѣ большія затрудненія. Такъ напр., если преступное дѣяніе, караемое по дѣйствующему уложенію арестантскими отдѣленіями, будетъ подлежать сужденію по изданіи новаго уложенія, облагающаго это преступленіе исправительнымъ домомъ, то при постановленіи приговора неизбѣжно возникнетъ вопросъ, которое изъ двухъ наказаній, арестантскія ли отдѣленія или исправительный домъ, должно быть признано менѣе строгимъ! Не трудно предвидѣть, что, по отсутствію какого либо критерія для подобной оцѣнки, законъ будетъ примѣняться и произвольно и не единообразно. Въ предупрежденіе этого слѣдовало бы, вмѣстѣ съ новымъ уложеніемъ, издать и сравнительную таблицу старыхъ и новыхъ наказаній.

По замѣчанію Тифлисской Судебной Палаты, 12 статья проекта возбуждаетъ недоразумѣніе по вопросу о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ дѣяніями, ненаказанными до вступленія въ силу новаго уложенія. Слѣдуетъ ли считать ненаказанными только такія дѣянія, по которымъ не состоялось приговоровъ, или же и такія, по которымъ приговоры хотя и состоялись, но неокончательные, или не вошедшіе въ законную силу, или не обращенные къ исполненію, или, наконецъ, не приведенные въ дѣйствителное исполненіе совершеннымъ отбытіемъ наказанія, или по крайней мѣрѣ началомъ отбытія таковаго.

Признавая, такимъ образомъ, необходимымъ дополнить означенную статью проекта въ смыслѣ болѣе точнаго опредѣленія того, что должно понимать подъ выраженіемъ: «ненаказанное дѣяніе», участвовавшіе въ обсужденіи проекта Предсѣдатели и Члены Палаты, съ своей стороны, по большинству голосовъ, полагали, что постановленія новаго уложенія, болѣе благопріятныя для обвиняемыхъ, должны быть примѣняемы не только къ дѣяніямъ, по которымъ, до дня вступленія въ силу новаго уложенія, не состоялось приговоровъ, но и къ тѣмъ изъ нихъ, по которымъ приговоры судебныхъ мѣстъ хотя и состоялись, но не приведены еще въ дѣйствительное исполненіе, понимая въ этомъ случаѣ подъ дѣйствительнымъ исполненіемъ приговора *совершенное отбытіе наказанія*. Что же касается постановленій новаго уложенія, усиливающихъ мѣру отвѣтственности обвиняемыхъ, то въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ 12 ст. проекта не съ надлежащею послѣдовательностью проведено то общее правило, вытекающее, по выраженію объяснительной записки, изъ самой природы законовъ, по которому всякій,

болѣе суровый законъ дѣйствуетъ только на будущее время и обратной силы не имѣетъ. Логическое развитіе этого общаго правила требуетъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда новый уголовный законъ назначаетъ за какое-либо дѣяніе болѣе тяжкую отвѣтственность, къ тѣмъ дѣяніямъ этого рода, которыя совершены при дѣйствіи прежняго закона, примѣнялся этотъ прежній, менѣе строгій законъ. Между тѣмъ по 2 ч. 12 ст. проекта, въ подобныхъ случаяхъ, судъ только уменьшаетъ подсудимому наказаніе въ порядкѣ, 53 ст. установленномъ. Но допускаемое этою статьею уменьшеніе наказанія не всегда можетъ привести къ надлежащему соотвѣтствію съ тѣмъ наказаніемъ, которое опредѣляется за то же самое дѣяніе уголовнымъ закономъ, дѣйствовавшимъ во время совершенія онаго. Возможны такіе отдѣльные случаи, когда, даже при уменьшеніи наказанія въ порядкѣ, ст. 53 установленномъ, до послѣдняго предѣла, все таки окажется, что отвѣтственность будетъ болѣе тяжкою, въ сравненіи съ тѣмъ наказаніемъ, которому подсудимый подвергался бы при дѣйствіи прежняго закона. Кромѣ того, 3 часть той же статьи проекта допускаетъ примѣненіе прежняго, болѣе снисходительнаго для подсудимыхъ, закона только въ опредѣленіи сроковъ давности возбужденія уголовнаго преслѣдованія и въ отношеніи къ дѣламъ частнаго обвиненія, при обсужденіи вопросовъ о порядкѣ начатія уголовнаго преслѣдованія и возможности прекращенія дѣлъ примиреніемъ; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ, относящихся до обсужденія обстоятельствъ, опредѣляющихъ мѣру отвѣтственности и обусловливающихъ преступность и наказуемость дѣяній, каковы несовершеннолѣтіе, повтореніе, различіе видовъ участія и прикосновенности къ преступленію, а равно вновь установляемый проектомъ, усиливающій наказаніе, признакъ совершенія преступленія по привычкѣ или ремеслу, Коммисія, какъ видно изъ объяснительной записки, полагаетъ, по примѣру закона 26 Марта 1846 г. о введеніи въ дѣйствіе уложенія 1845 г., примѣнять безусловно постановленія новаго уложенія, хотя бы эти постановленія и вели къ отвѣтственности болѣе строгой, сравнительно съ тою, которой подлежалъ бы подсудимый по законамъ, дѣйствовавшимъ во время совершенія обсуждаемаго дѣянія. Признавая такія правила, установляемыя проектомъ, не соотвѣтствующими вполнѣ справедливому положенію о неимѣніи закономъ обратной силы, Судебная Палата полагала бы измѣнить редакцію 2 и 3 ч. 12 ст. проекта въ смыслѣ установленія общаго правила, по которому всякій болѣе снисходительный для подсудимаго законъ прежняго уложенія *долженъ сохранить силу въ отношеніи къ дѣяніямъ, совершеннымъ до изданія новаго закона.*

Относительно редакціи 12 статьи Товарищъ Прокурора Полтавскаго Окружнаго Суда Сливицкій высказываетъ слѣдующее. Первая часть этой статьи гласитъ: «постановленія вновь изданныхъ уголовныхъ законовъ примѣняются и къ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ, но ненаказаннымъ до дня вступленія сихъ законовъ въ силу». Спрашивается: о какихъ преступныхъ дѣяніяхъ идетъ рѣчь—о тѣхъ ли, по коимъ не состоялся приговоръ или и о тѣхъ, по которымъ приговоръ состоялся, обращенъ къ исполненію или подсудимый уже началъ отбывать наказаніе? Изъ словъ: «судъ уменьшаетъ», надо думать, что постановленіе имѣетъ въ виду первый случай, когда еще за преступное дѣяніе не состоялся приговоръ суда, когда, такъ сказать, подсудимый имѣетъ дѣло съ судомъ, а не съ органами, исполняющими приговоръ. Врядъ ли подобное ограниченіе дѣйствія уложенія будетъ справедливо, и, такъ какъ постановленіе будетъ относиться и къ приведенію въ дѣйствіе новаго уложенія, то оно въ этомъ отношеніи будетъ непрактично и во многихъ случаяхъ неисполнимо.

Слѣдовало бы распространить примѣненіе новаго уголовнаго закона и на тѣ случаи, когда приговоръ не приведенъ въ исполненіе до дня вступленія закона уголовнаго въ силу, по крайней мѣрѣ, когда преступное дѣяніе влечетъ тотъ или другой видъ лишенія свободы. Непрактичность этого постановленія по введенію въ дѣйствіе новаго уложенія заключается въ слѣдующемъ: проектъ установляетъ новые типы и систему наказаній, неимѣющіе ничего общаго съ нынѣ дѣйствующею системою, и если допустить это постановленіе въ проектированномъ видѣ, то придется сохранить мѣста заключенія нынѣ дѣйствующей системы и учреждать новые типы по проекту, допустивъ одновременное существованіе обоихъ типовъ параллельно, такъ какъ, при введеніи въ дѣйствіе проектируемаго уложенія и примѣненіи его только, согласно 12 ст., къ преступнымъ дѣяніямъ, совершеннымъ до его изданія, окажется множество отбывающихъ наказаніе по приговорамъ, постановленнымъ на основаніи уложенія 1866 г., а для преступленій, совершенныхъ послѣ введенія въ дѣйствіе новаго уложенія, наказаніе будетъ опредѣляться по новому уложенію, и примѣняться будетъ система наказаній, установленная симъ послѣднимъ.

Редакція 2 части статьи тоже неточна и неполна; по тексту этого постановленія, сужденіе о сравнительной строгости прежняго и новаго наказанія суду не предоставляется, такъ какъ не говорится: «судъ назначаетъ то наказаніе, которое *признаетъ* менѣе строгимъ», между тѣмъ законнаго мѣрила для такого опредѣленія сравнительной строгости наказанія проектъ не даетъ. Такое мѣрило необходимо должно быть установлено закономъ, потому что, если бы суду и предоставлено было судить о сравнительной

строгости наказаній, то судъ поставленъ былъ бы въ затрудненіе дѣлать сравненіе между наказаніями, отличающимися между собой какъ по сущности своей, такъ и по типу.

Сенаторъ А. К. Фриде относительно редакціи ст. 12, которую онъ полагалъ бы обратить *въ ст. 2* (см. выше замѣчаніе его подъ 1 ст. улож.), замѣчаетъ, что если бы и можно было согласиться съ тѣмъ взглядомъ Коммисіи, что, при изданіи новаго уложенія «*съ существеннымъ измѣненіемъ лѣстницы наказаній*», было бы удобнѣе для судебныхъ мѣстъ имѣть въ виду общее правило, выраженное въ 1 ч. ст. 12, по которому «постановленія вновь изданныхъ законовъ уголовныхъ примѣняются и къ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ, но не наказаннымъ до дня вступленія сихъ законовъ въ силу», то, все же, казалось-бы, при этомъ упущена изъ виду возможность измѣненія, въ послѣдствіи времени, и отдѣльныхъ статей новаго уложенія, безъ существеннаго измѣненія самой лѣстницы наказаній, онымъ установленной. Если подобно тому, какъ то имѣло мѣсто по отношенію къ ст. 1449—1471 улож. о смертоубійствѣ въ 1863 и 1871 г., или по отношенію къ конокрадству въ 1881 г., законодательство признаетъ необходимымъ усилить наказанія за отдѣльныя преступленія, указанныя *въ новомъ уложеніи*, то всѣ тѣ соображенія, которыя въ мотивахъ къ ст. 12 изложены въ защиту общаго начала, выраженнаго въ 1 ч. ст. 12, уже не могуть имѣть примѣненія.

Поэтому, для устраненія всѣхъ возможныхъ, въ семъ отношеніи, недоумѣній, Сенаторъ А. К. Фриде полагалъ бы въ ст. 12, вмѣсто начальныхъ словъ: «постановленія вновь изданныхъ законовъ уголовныхъ» сказать: «*постановленія сего уложенія*»; такою редакціею, при изложеніи ст. 1 въ предположенномъ А. К. Фриде видѣ, устранятся всякія сомнѣнія; общее правило о дѣйствіи закона уголовнаго, какъ и всякаго другаго, только на будущее время будетъ сохранено и исключеніе изъ сего общаго правила будетъ заключаться въ ст. 2, а необходимость сего исключенія и причины онаго могутъ быть разъяснены въ мотивахъ къ статьѣ. При предлагаемой редакціи первыхъ двухъ статей устранится вопросъ о томъ: «а какъ быть въ томъ случаѣ, когда *по новому уложенію*, подъ страхомъ уголовнаго наказанія будетъ запрещено такое дѣяніе, которое прежде не запрещалось и не предвидѣлось, какъ напр. поврежденіе «телефонныхъ сообщеній», о которыхъ въ уложеніи нынѣ дѣйствующемъ и не могло быть рѣчи, потому что и телефоновъ не существовало, а между тѣмъ, въ виду самаго порядка проведенія телефонныхъ проволокъ черезъ крыши многихъ частныхъ и казенныхъ

домовъ въ городахъ, дѣла о нарушеніи ихъ не могутъ быть разрѣшены простымъ примѣненіемъ къ нимъ правилъ о поврежденіи сообщеній телеграфныхъ.

Предсѣдатель Сумскаго Окружнаго Суда Золотницкій замѣчаетъ, что новое уложеніе можетъ распространяться и на дѣянія, нынѣ незапрещенныя подъ страхомъ наказанія. Напримѣръ, въ немъ могутъ быть предусмотрѣны безнравственныя, вредящія здоровью, отношенія между женщинами. По этому 2 подразд. ст. 12, послѣ словъ: «или дозволялось дѣло оканчивать примиреніемъ», слѣдуетъ дополнить предложеніемъ: или преступное дѣяніе не было наказуемо.

По мнѣнію Люблинскаго Окружнаго Суда, въ ст. 12 ч. 1, вмѣсто: «постановленія вновь изданныхъ законовъ уголовныхъ» лучше сказать: «новые законы уголовные». Выраженіе: «не наказаннымъ», нѣсколько неопредѣленно. Ч. 2 заключаетъ въ себѣ правило, во многихъ случаяхъ неосуществимое. Въ ч. 3 слова: «то судъ въ сихъ отношеніяхъ руководствуется прежнимъ закономъ», должны быть замѣнены словами: «то примѣняется прежній законъ».

Изложенное въ 1 пунктѣ 12 статьи правило о примѣненіи постановленій вновь изданныхъ законовъ уголовныхъ къ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ, но «не наказаннымъ» до дня вступленія сихъ законовъ въ силу, является, по отзыву чиновъ Московской прокуратуры, крайне неточнымъ и порождающимъ недоразумѣнія по вопросу о томъ, что именно надо понимать подъ выраженіемъ: «наказаннымъ»? Слѣдуетъ ли подъ этимъ разумѣть фактическое наказаніе извѣстнаго лица, или же только обращеніе къ исполненію приговора суда, въ дѣйствительности еще неисполненнаго? Въ устраненіе недоразумѣній, 1 пунктъ статьи слѣдовало бы, какъ кажется, изложить такимъ образомъ:

«Ст. 12. Постановленія вновь изданныхъ законовъ уголовныхъ примѣняются и къ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ до дня вступленія сихъ законовъ въ силу, но по которымъ или не послѣдовало приговора или состоявшійся приговоръ не вошелъ въ законную силу».

Сенаторъ С. И. Зарудный предлагаетъ слѣдующее, измѣненное въ редакціонномъ отношеніи, изложеніе ст. 12 проекта:

«Постановленія вновь изданныхъ законовъ уголовныхъ примѣняются и къ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ, но не наказаннымъ до дня вступленія сихъ законовъ въ силу.

Судъ уменьшаетъ наказаніе за дѣяніе, подходящее подъ силу прежняго, менѣе строгаго закона (ст. 53) дѣйствовавшаго во время учиненія дѣянія.

Судъ руководствуется прежнимъ, дѣйствовавшимъ до учиненія преступнаго дѣянія, закономъ:

1) установлявшимъ болѣе краткіе сроки давности;

2) допускавшимъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія только по частной жалобѣ;

3) дозволявшимъ оканчивать дѣло примиреніемъ.»

ОГЛАВЛЕНІЕ

первагo тома.

Стр.

Общія замѣчанія на проектъ . . . . . 1.

Замѣчанія на главу первую . . . . . 42.

— на статью 1 . . . . . 44.

— — — 2 . . . . . 98.

— — — 3 . . . . . 121.

— — — 4 . . . . . 130.

— на главу вторую . . . . . 181.

— на статью 5 . . . . . 181.

— — — 6 . . . . . 189.

— — — 7 . . . . . 211.

— — — 8 . . . . . 244.

— — — 9 . . . . . 279.

— — — 10 . . . . . 289.

— — — 11 . . . . . 297.

— — — 12 . . . . . 317.

PROPERTY OF HARVARD LAW LIBRARY

СВОДЪ ЗАМѢЧАНІЙ

НА ПРОЕКТЪ ОБЩЕЙ ЧАСТИ

УЛОЖЕНІЯ О НАКАЗАНІЯХЪ,

ВЫРАБОТАННЫЙ РЕДАКЦІОННОЮ КОММИСІЕЮ.

СОСТАВЛЕНЪ

ДѢЛОПРОИЗВОДИТЕЛЕМЪ РЕДАКЦІОННОЙ КОММИСІИ

Бароном Э. Ю. Нольде.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЗАМѢЧАНІЯ НА ТРЕТЬЮ ГЛАВУ ПРОЕКТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1884.

NOV 13 1925

Въ Государственной Типографіи.

ЗАМѢЧАНІЯ НА ТРЕТЬЮ ГЛАВУ ПРОЕКТА.

УЛОЖЕНІЕ О НАКАЗАНІЯХЪ.

ПРОЕКТЪ РЕДАКЦІОННОЙ КОММИСІИ.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

О преступныхъ дѣяніяхъ и наказаніяхъ вообще.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Наказанія.

Профессоръ фонъ-Листъ замѣчаетъ, что соціально-политическое обоснованіе всей системы наказаній и отдѣльныхъ ея частей покоится на соціально-національныхъ условіяхъ, принципіальное же ея значеніе можетъ быть выведено лишь изъ примѣненія отдѣльныхъ видовъ наказаній въ особенной части уложенія. При обсужденіи системы наказаній, научная критика, если только она не довольствуется быть однимъ лишь субъективнымъ усмотрѣніемъ критикующаго, встрѣчается съ задачею, значительно превышающею ея компетенцію.

Это соображеніе имѣетъ, прежде всего, значеніе при оцѣнкѣ смертной казни. Объяснительная къ проекту Коммисіи записка вполнѣ исчерпала и точно взвѣсила доводы за и противъ смертной казни; окончательное же рѣшеніе вопроса о сохраненіи смертной казни предоставлено главенствующимъ въ политической сферѣ факторамъ. Они должны обсудить, можетъ-ли Россія обойтись безъ того, что до сихъ поръ ни одно большое государство не считало излишнимъ, и существуетъ-ли аналогія между условіями малыхъ странъ съ однороднымъ населеніемъ и условіями обширнаго и, потому,

отличающагося разнообразнымъ населеніемъ восточнаго государства. Отмѣна смертной казни была-бы встрѣчена восторженнымъ рукоплесканіемъ со стороны многочисленныхъ аболиціонистовъ; сохраненіе же ея будетъ одобрено всѣми тѣми, для кого политическія соображенія имѣютъ бо́льшую цѣну, нежели болѣзненныя, хотя и навѣянныя идеальными стремленіями, гуманитарныя идеи. Молодое нѣмецкое поколѣніе, имѣющее своихъ представителей и въ средѣ ученыхъ спеціалистовъ, даетъ многочисленный контингентъ защитниковъ смертной казни; я, съ своей стороны,—говоритъ авторъ,—охотно признаюсь, что причисляю себя также къ этой группѣ.

Вышеозначенное соображеніе имѣетъ также значеніе и при обсужденіи наказаній лишеніемъ свободы, которыя, не смотря на направленныя противъ нихъ въ послѣднее время нападки, вполнѣ правильно занимаютъ первенствующее мѣсто во всѣхъ современныхъ системахъ наказаній. Сверхъ того, существованіе наказаній лишеніемъ свободы обусловливается дѣйствительными условіями жизни. Съ принципіальной точки зрѣнія должно быть выставлено лишь слѣдующее требованіе: гибкостью (Schmiegsamkeit) наказаній лишеніемъ свободы (тѣмъ ихъ свойствомъ, благодаря которому они занимаютъ главное мѣсто въ системѣ наказаній) слѣдуетъ пользоваться такъ, чтобы отдѣльные виды лишенія свободы соотвѣтствовали преслѣдуемымъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ уголовнымъ цѣлямъ. Мнѣніе свое по этому вопросу профессоръ фонъ-Листъ уже высказалъ въ «Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft» (III B., 1 Heft), а потому и принимая во вниманіе краткость настоящей статьи, онъ ограничивается нынѣ лишь нѣкоторыми коротенькими замѣчаніями. Принципіально слѣдуетъ установить три вида лишенія свободы: 1) тяжкое долгосрочное наказаніе, обезпечивающее безопасность общества (Siecherungsstrafe) и направленное противъ преступности по ремеслу; 2) исполняемое по прогрессивной системѣ исправительное наказаніе (Besserungsstrafe); 3) сильно дѣйствующее (intensive), но не обезчещивающее, устрашительное наказаніе (Abschreckungsstrafe) съ значительными сроками. Цѣль, преслѣдуемая каждымъ изъ этихъ видовъ лишенія свободы, и обусловливаемая этою цѣлью основная типическая форма каждаго вида разрѣшаетъ всѣ отдѣльные, касающіеся исполненія этихъ наказаній, вопросы, которые поэтому не подлежатъ дальнѣйшему разъясненію. Система лишенія свободы, установленная проектомъ, вообще удовлетворяетъ вышеозначенному требованію. Каторга является строгимъ и дѣйствительнымъ наказаніемъ, обезпечивающимъ безопасность общества; исправительный домъ—соотвѣтствуетъ понятію исправительнаго наказанія; заточеніе и арестъ могутъ быть разсматриваемы какъ наказанія устрашительныя въ вышеуказанномъ смыслѣ. Ссылка дополняетъ систему

лишенія свободы; г. Листъ не можетъ судить о томъ, достаточно-ли и въ указанномъ-ли выше направленіи воспользовались составители проекта существующими въ Россіи столь благопріятными условіями для удаленія неисправимыхъ преступниковъ изъ гражданскаго общества, какими не обладаетъ никакая другая страна. Весьма жалко, что по проекту тюрьма имѣетъ совершенно безцвѣтный и неопредѣленный характеръ, что она получитъ вполнѣ осязательную форму и жизнь лишь въ постановленіяхъ объ исполненіи наказаній. Равнымъ образомъ, сомнѣнія возникаютъ по поводу установленнаго ст. 22 условнаго освобожденія, которое до сихъ поръ не получило въ Германіи права гражданства и ежедневно встрѣчаетъ многочисленныхъ и рѣшительныхъ противниковъ. Впрочемъ, благодаря тому, что настоящее условное освобожденіе примѣняется лишь къ заключеннымъ въ исправительномъ домѣ и что въ случаяхъ, ст. 21 указанныхъ, установленъ существенно уклоняющійся отъ этого настоящаго условнаго освобожденія своеобразный видъ его, самыя большія сомнѣнія, вызываемыя установленіемъ условнаго освобожденія, хотя и не вполнѣ устраняются, однако уменьшаются въ значительной степени. Основательное развитіе въ проектѣ полицейскаго надзора и опредѣленіе правопораженій (Nebenstrafen an der Ehre) заслуживаютъ неограниченнаго одобренія. Теоретически, конечно, несомнѣнно, что обезчещиваетъ преступника преступленіе, а не наказаніе; но, съ другой стороны, неоспоримо также и то, что обезчещивающій характеръ дѣянія выражается и долженъ выражаться именно въ наказаніи, дабы онъ являлся удобораспознаваемымъ, нѣкоторымъ образомъ осязаемымъ съ внѣшней стороны. Ст. 30, по указаннымъ въ мотивахъ основаніямъ, также заслуживаетъ одобренія.

Но, повторяетъ г. фонъ-Листъ, достоинство системы наказаній должно обнаруживаться изъ примѣненія наказаній къ отдѣльнымъ преступленіямъ, а потому и одобрительное сужденіе о проектѣ можетъ быть высказано лишь условно. Шатаніе въ стремленіяхъ къ тюремной реформѣ, безцѣльное хожденіе ощупью то въ одну, то въ другую сторону, большею частью происходитъ именно отъ того, что наказаніе, а въ особенности лишеніе свободы, разсматриваются обыкновенно безотносительно къ вѣрной почвѣ положительнаго права.

Въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества, *В. В. Смиттенъ* изложилъ слѣдующія *общія замѣчанія объ основныхъ принципахъ, принятыхъ Коммиссіей при установленіи системы наказаній, и о наказаніяхъ, ею выброшенныхъ.*

Указавъ на то, что внесеніе въ проектъ нѣкоторыхъ наказаній предрѣшено Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 11 декабря 1879 г. и что поэтому Коммисія не входила въ *принципіальное* обсужденіе наказаній, принятыхъ этимъ закономъ, референтъ остановился на проектированномъ Коммисіею:

1) уничтоженіи послѣдней остающейся сословной разницы наказаній (устраненіи ссылки на житье для привилегированныхъ сословій и устраненіи для нихъ лишенія особенныхъ правъ и преимуществъ за мелкія кражу, присвоеніе и мошенничество; стр. 6-я записки). Соглашаясь, въ принципѣ, съ таковымъ уничтоженіемъ, имѣющимъ въ виду достиженіе равенства наказаній, референтъ замѣтилъ, однако, что не слѣдуетъ черезчуръ увлекаться принципомъ равенства наказаній, не слѣдуетъ потому, что, въ дѣйствительности, невозможно достигнуть такового равенства. Одно и то же наказаніе различно поражаетъ разныхъ субъектовъ: напр., тюремное заключеніе во сто кратъ тяжелѣе для лица интеллигентнаго или избалованнаго жизнью, насилуя усвоенныя имъ утонченныя привычки, чѣмъ для простолюдина, простыя привычки котораго болѣе соотвѣтствуютъ суровому тюремному режиму; извѣстны даже примѣры, когда неприглядная жизнь, соединенная съ тяжкими лишеніями, побуждала искать тюрьмы, какъ блага, и нарочно съ этой цѣлью совершать преступленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, референтъ находилъ, что допускаемое Коммисіей по ст. 26 неравенство для различныхъ сословій въ области правопораженій, естественно вытекающее изъ различія сословныхъ преимуществъ, принадлежащихъ обвиняемымъ, слѣдуетъ распространить, по тому-же основанію, на преступленія мелкихъ кражъ, присвоенія (не по легкомыслію) и мошенничества, сохранивъ для дворянъ и почетныхъ гражданъ существующее въ настоящее время лишеніе сословныхъ правъ за эти преступленія. Въ настоящее время, по мнѣнію референта, принадлежность къ дворянскому сословію не даетъ почти никакихъ матеріальныхъ преимуществъ; съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости и свободы отъ рекрутской повинности и съ распространеніемъ на другія сословія свободы отъ тѣлесныхъ наказаній и корпоративныхъ правъ (послѣднихъ даже въ болѣе широкомъ объемѣ, чѣмъ для дворянства) и въ виду того, что остающіяся важныя матеріальныя преимущества, въ видѣ свободы отъ подушной подати, въ принципѣ уже отмѣненной, и въ видѣ значительныхъ служебныхъ льготъ, должны, безъ сомнѣнія, скоро отойти въ область исторіи, дворянское званіе, въ сущности, составляетъ, съ точки зрѣнія закона, лишь почетное общественное званіе. Такое-же лишь званіе присвоиваетъ лицу принадлежность къ сословію почетныхъ гражданъ. Сохраненіе-же за дворянами и почетными гржданами, совершившими указанныя выше позорящія преступленія,

ихъ почетнаго общественнаго званія составляло-бы противорѣчіе взгляду закона на сословія дворянъ и почетныхъ гражданъ. Референтъ находилъ поэтому, что, пока существуютъ такъ - называемыя привилегированныя сословія, было-бы неудобно сохранять привилегированное званіе за лицами, совершившими мелкія кражу, мошенничество и присвоеніе, и что необходимо расширить, въ этомъ смыслѣ, допускаемое Коммисіей неравенство наказаній, въ области правопораженій, для различныхъ сословій;

и 2) на уничтоженіи послѣдняго остатка тѣлесныхъ наказаній въ кодексѣ. Такъ-какъ тѣлесныя наказанія и въ дѣйствующемъ уложеніи существуютъ лишь въ видѣ замѣняющаго наказанія (за исключеніемъ розогъ для бродягъ по ст. 952), и то лишь de jure, то, очевидно, проектъ не могъ уже сдѣлать въ этомъ отношеніи большаго шага впередъ. Радикальныя измѣненія въ эту область наказаній были внесены законами 17 Апрѣля 1863 г. Въ настоящее время тѣлесныя наказанія существуютъ еще: въ видѣ розогъ—въ крестьянскомъ самоуправленіи, въ тюремныхъ уставахъ, въ качествѣ дисциплинарныхъ взысканій, и для нижнихъ чиновъ разряда штрафованныхъ, и въ весьма тяжкомъ видѣ наказанія плетьми и прикованія къ тѣлѣжкѣ на многіе годы—для ссыльно-каторжныхъ, ссыльно-поселенцевъ и ссыльныхъ бродягъ.

Проектъ не касается и не можетъ касаться непосредственно тюремныхъ уставовъ, но сохраняетъ за ними право облагать наказаніями лишь дисциплинарныя вины, объемъ которыхъ, впрочемъ, увеличивается съ увеличеніемъ тяжести заключенія: напр., для каторжныхъ объемъ дисциплинарныхъ винъ, какъ и теперь, будетъ обширнѣе, чѣмъ для заключенныхъ въ исправительномъ домѣ или тюрьмѣ. Но все, что выходитъ за предѣлы дисциплинарныхъ винъ заключенныхъ, будетъ, на основаніи ст. 57 проекта, облагаться общими наказаніями по уложенію, въ томъ числѣ и «преступленія» каторжныхъ. Поэтому, есть основаніе полагать, что, если наказаніе розгами и будетъ сохранено въ разныхъ тюремныхъ уставахъ въ качествѣ дисциплинарнаго взысканія, то наказаніе плетьми для ссыльныхъ разнаго рода и прикованіе каторжныхъ къ тѣлѣжкѣ исчезнетъ.

Перейдя, затѣмъ, къ существующимъ наказаніямъ, исключаемымъ Коммисіей, референтъ указалъ, что проектъ исключаетъ:

А. Изъ такъ-называемыхъ *главныхъ* (въ отличіе отъ дополнительныхъ) наказаній слѣдующія:

Общія или нормальныя. Уничтожается ссылка на Кавказъ, смирительные и рабочіе дома и арестантскія отдѣленія. Взамѣнъ двухъ послѣднихъ, вводится исправительный домъ. Заключеніе въ крѣпости замѣняется заточеніемъ, которое, сверхъ того, получаетъ совершенно особый характеръ,

совмѣщая значеніе наказаній, начиная отъ маловажнаго до весьма тяжкаго, соотвѣтствующаго каторгѣ (отъ смертной казни допускается переходъ прямо къ заточенію на высшіе сроки). Уничтожаются выговоръ, замѣчаніе и внушеніе, какъ общія наказанія, но сохраняется внушеніе для малолѣтнихъ въ качествѣ замѣняющаго взысканія (3 п. 38 ст. проекта).

Референтъ не имѣетъ никакихъ возраженій противъ этихъ предположеній проекта.

Изъ *исключительныхъ* наказаній, занесенныхъ въ общую и особенную части дѣйствующаго уложенія и имѣющихъ значеніе иногда самостоятельныхъ, иногда замѣняющихъ взысканій (*), отмѣняются: церковное покаяніе; высылка за-границу, взамѣнъ ссылки на житье, соотвѣтствующей рабочему дому; высылка въ опредѣленное мѣсто (по уложенію, а не въ качествѣ административной мѣры); вѣчное изгнаніе; заключеніе въ монастырь для малолѣтнихъ; лишеніе завѣщательнаго права и др.

Изъ исключительныхъ мѣръ сохранены лишь, и то въ качествѣ взысканій *замѣняющихъ*, не вошедшихъ, поэтому, въ перечень 2 ст., отдача малолѣтнихъ въ воспитательныя и исправительно-воспитательныя заведенія, либо подъ надзоръ родителей и другихъ лицъ, и указанное выше внушеніе для малолѣтнихъ же.

Особенныя наказанія за преступленія по службѣ. Какъ извѣстно, эти наказанія раздѣляются на налагаемыя въ дисциплинарномъ порядкѣ и налагаемыя по суду. Первыя изъ нихъ Коммисія относитъ къ дисциплинарнымъ уставамъ, противъ чего нельзя возражать, а вторыя совершенно исключаетъ (стр. 7 записки).

Это исключеніе записка мотивируетъ лишь тѣмъ, что эти наказанія «являются не самостоятельными наказаніями, а только ихъ послѣдствіями, относящимися къ области правопораженій». Между тѣмъ, по дѣйствующему уложенію, эти наказанія (исключеніе изъ службы, отрѣшеніе отъ должности, вычетъ изъ времени службы и выговоръ со внесеніемъ въ послужной списокъ) именно являются самостоятельными и единственными наказаніями за большинство преступленій по службѣ. Возникаетъ вопросъ, чѣмъ будутъ замѣнены эти особенныя наказанія. Коммисія не даетъ на это отвѣта, но нужно думать, что частью они будутъ замѣнены дисциплинарными взысканіями по дисциплинарному уставу, въ случаяхъ же болѣе важныхъ—тюрьмой и даже, быть можетъ, низшими сроками исправительнаго дома.

(*) Иногда, по дѣйствующему уложенію, они имѣютъ значеніе и дополнительныхъ наказаній, напр. церковное покаяніе.

Если свести все сказанное объ исключаемыхъ главныхъ наказаніяхъ, то окажется, что предположенная Коммисіей система наказаній чрезвычайно упрощена и сведена къ 8 главнымъ наказаніямъ, изъ коихъ 5 представляются нормальными и 3 исключительными наказаніями. Иностранные кодексы, говоря вообще, идутъ еще далѣе въ проведеніи принципа простоты системы наказаній: такъ, германскій кодексъ не знаетъ ни каторги (Zuchthaus, соотвѣтствующій проектированному у насъ исправительному дому, замѣняетъ, по продолжительности и даже пожизненности срока заключенія, нашу каторгу), ни поселенія; голландскій кодексъ не знаетъ, сверхъ того, смертной казни, исправительнаго дома и заточенія (соотвѣтствующаго въ Германіи заключенію въ крѣпости, которое можетъ быть даже пожизненнымъ) и допускаетъ всего три наказанія: тюрьму, арестъ и денежное взысканіе.

Если, съ одной стороны, простота системы наказаній представляетъ немалыя практическія удобства, то, съ другой стороны, она несомнѣнно стѣсняетъ законодательство въ выборѣ наиболѣе подходящей и справедливой кары (см. стр. 20 записки).

За исключеніемъ смертной казни и пени, всѣ остальныя 6 наказаній, допускаемыхъ Коммисіей, сводятся къ разнообразному лишенію свободы. Но излишнее увлеченіе этимъ родомъ наказанія, по мнѣнію референта, едва-ли основательно. Оно могло-бы быть оправдано только въ томъ случаѣ, если-бы заключеніе, въ томъ или другомъ видѣ, было дѣйствительно исправительно. Но предположеніе объ исправительности заключенія—полнѣйшая иллюзія. Не говоря уже о нашихъ мѣстахъ заключенія, составляющихъ истинную школу преступности и разврата, изъ которой, говоря вообще, человѣкъ, попавшій туда нерѣдко вслѣдствіе легкомыслія или временнаго паденія, выходитъ опытнымъ преступникомъ и рѣшительнымъ негодяемъ, и заграницей исправленіе заключенныхъ составляетъ, въ большинствѣ случаевъ, не болѣе, какъ благочестивое желаніе. Отдѣльные примѣры исправленія, даже преступниковъ, казавшихся неисправимыми, ничего не доказываютъ. Во всякомъ случаѣ, необходимо имѣть въ виду, что у насъ еще въ теченіи десятковъ лѣтъ забота можетъ быть направлена лишь на то, чтобы мѣста заключенія не были притонами разврата и школами воровства и, вообще, преступности. Для покрытія всей Имперіи частой сѣтью правильныхъ мѣстъ заключенія нужны громаднѣйшія средства. Но средствъ денежныхъ еще недостаточно: нуженъ запасъ дѣятелей, въ видѣ опытныхъ и образованныхъ директоровъ тюремъ, гуманныхъ надзирателей, умныхъ священниковъ, внимательныхъ врачей и т. п. Пройдетъ лѣтъ 30—40 прежде, чѣмъ наши тюрьмы будутъ сколько нибудь соотвѣтствовать своему назначенію и перестанутъ приносить прямой

вредъ. Перевоспитывать же, исправлять преступника едва-ли онѣ будутъ въ состояніи когда-либо.

Не увлекаясь, поэтому, мнѣніемъ о яко-бы исправительномъ значеніи заключенія, референтъ не сочувствуетъ излишнему, сверхъ надобности, размноженію тюремнаго населенія. Притомъ же необходимо имѣть въ виду— кромѣ того, что тюрьмы, при дурномъ устройствѣ, развращаютъ,—и другія дурныя стороны заключенія: 1) оно несомнѣнно составляетъ наказаніе, наиболѣе требующее жертвъ отъ государства. Противники заключенія не безъ основанія могутъ указывать на то, что едва-ли справедливо возлагать на населеніе тяжкія жертвы въ пользу порочныхъ членовъ общества, отдавая мѣстамъ заключенія преимущество предъ удовлетвореніемъ многихъ другихъ настоятельныхъ потребностей общества. Принять мѣры къ привлеченію самихъ заключенныхъ къ участію въ этихъ расходахъ невозможно. Хотя въ теоріи и можно признать, что тюрьмы соотвѣтствуютъ больницамъ для нравственно-больныхъ, и, подобно больницамъ, обращать плату за содержаніе на заключенныхъ, но фактически это было-бы возможно и могло-бы быть желательно лишь въ отношеніи лицъ состоятельныхъ, семьи которыхъ не пострадали-бы отъ взноса платы. Но такъ какъ заключеніе лица состоятельнаго явленіе весьма рѣдкое, а наблюденіе и обезпеченіе взносовъ весьма хлопотливо, то не стоитъ устанавливать такого правила, которое на практикѣ повело-бы только къ распложенію безконечной переписки; и 2) оно въ громадномъ большинствѣ случаевъ чрезвычайно вредно отражается на средствахъ и хозяйственномъ бытѣ семьи, лишая ее рабочей силы, и на той же семьѣ часто въ нравственномъ отношеніи. Между тѣмъ заботы государства должны быть болѣе всего обращены на прочность этой основной клѣточки общественнаго организма. Разстройство семейнаго быта въ нравственномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ имѣетъ неисчислимыя вредныя послѣдствія и, въ томъ числѣ, вліяетъ на повтореніе преступленій.

Если, тѣмъ не менѣе, безспорно, что, въ большинствѣ случаевъ, государство не имѣетъ иныхъ средствъ наказанія, кромѣ заключенія, то, по крайней мѣрѣ, должно быть обращено самое серьезное вниманіе на возможное ослабленіе вредныхъ его сторонъ. Въ этомъ отношеніи весьма желательно:

I. Имѣть въ виду, при назначеніи заключенія, наиболѣе возможную *краткосрочность* его (стр. 66 записки). Само собой, что за важныя преступленія немыслимо назначать краткосрочное заключеніе, но важныя преступленія сравнительно немногочисленны и преобладаютъ преступленія, среднія по важности. Вознагражденіемъ уменьшенія сроковъ заключенія должно служить, въ видахъ сохраненія достаточной чувствительности наказанія, усиленіе строгости заключенія. Въ этомъ отношеніи, нельзя не

сочувствовать установленію проектомъ *одиночности* заключенія въ тюрьмѣ и отчасти въ исправительномъ домѣ, которая значительно тяжелѣе общаго заключенія. Вмѣстѣ съ этимъ, одиночность заключенія—лучшая мѣра противъ нравственнаго развращенія заключенныхъ.

II. Безусловно необходимо также, согласно съ проектомъ, принять обязательность работы. Съ одной стороны, поговорка: «праздность есть мать пороковъ»—составляетъ аксіому, а съ другой—работы эти необходимо обратить въ подспорье хозяйственному быту семьи. Когда наши тюрьмы будутъ—безъ сомнѣнія, не скоро—соотвѣтствовать этимъ двумъ основнымъ требованіямъ, онѣ перестанутъ, по крайней мѣрѣ, быть школами разврата и преступности.

Нельзя, однако, не замѣтить, что введеніе обязательныхъ работъ составляетъ одну изъ наиболѣе трудно осуществимыхъ задачъ тюремной реформы: обезпечить всѣхъ арестантовъ работой, произведенія которой находили-бы сбытъ, и умѣть примѣняться въ выборѣ работъ къ способностямъ каждаго—дѣло крайне трудное.

III. Выработать правила обращенія части заработка заключеннаго въ пользу семьи и вообще лицъ, находящихся на его попеченіи.

Въ общихъ чертахъ эти правила могли-бы быть слѣдующія:

п. 1. Семьи и лица, находящіяся на попеченіи осужденныхъ, сами, или въ лицѣ законныхъ представителей, обращаются, по вступленіи приговора въ силу, съ просьбой объ обращеніи въ ихъ пользу части заработка, въ судъ первой степени, постановившій приговоръ, съ представленіемъ свидѣтельства мироваго судьи или общественнаго начальства (подобно тому, какъ въ просьбахъ о признаніи права бѣдности) объ ихъ имущественномъ и семейномъ положеніи.

п. 2. Смотря по семейному и имущественному положенію, судъ отказываетъ въ просьбѣ или присуждаетъ не свыше $^3/_4$ той части заработка, которая обращается въ пользу заключеннаго.

Заключенный можетъ, если желаетъ, отдавать и остальную часть заработка, обращаемаго въ его пользу.

п. 3. Въ тѣхъ случаяхъ, когда срокъ назначеннаго заключенія превышаетъ одинъ годъ, на мироваго судью, по мѣсту жительства семьи, либо лицъ, находящихся подъ попеченіемъ осужденнаго, возлагается, по просьбѣ осужденнаго, обязанность имѣть наблюденіе, непосредственно, либо чрезъ мѣстную или сельскую полицію, за измѣненіями въ семейномъ и имущественномъ положеніи семьи и лицъ, въ пользу коихъ присуждена часть заработка. Тому же судьѣ сообщается копія съ постановленія о присужденной части заработка и свѣдѣнія о мѣстѣ, куда заключенъ осужденный, если приговоръ

постановленъ не имъ самимъ, а какимъ-либо другимъ судомъ. Объ измѣненіяхъ въ семейномъ и имущественномъ положеніи мировой судья объявляетъ осужденному чрезъ тюремное начальство. Въ случаѣ перехода семьи, либо лицъ, находящихся на попеченіи заключеннаго, въ другой участокъ на жительство, вся переписка передается въ подлежащій мировой участокъ, и объ этомъ объявляется осужденному.

п. 4. Въ случаѣ перемѣнъ, происшедшихъ въ семейномъ и имущественномъ положеніи семьи и лицъ, находящихся на попеченіи заключеннаго, послѣдній имѣетъ право просить судъ, указанный въ 1-мъ пунктѣ, объ освобожденіи его отъ производства платы или объ уменьшеніи ея. Каторжные обращаются съ этими просьбами въ ближайшій судъ, соотвѣтствующій, по степени власти, суду, указанному въ 1-мъ пунктѣ. Тюремное начальство прилагаетъ къ просьбамъ заключенныхъ всѣ доставленныя ему свѣдѣнія объ имущественномъ и семейномъ положеніи въ копіяхъ. Судъ можетъ требовать дополнительныхъ свѣдѣній отъ подлежащаго мироваго судьи.

Постановленія суда сообщаются въ мѣста заключенія и объявляются чрезъ мироваго судью семьѣ и лицамъ, находящимся на попеченіи.

и п. 5. Настоящія правила не распространяются на супруговъ и дѣтей, въ случаѣ прекращенія супружества и родительскихъ правъ заключеннаго по 30 ст. проекта.

и IV. Не прибѣгать къ заключенію безъ рѣшительной въ томъ надобности, и стараться обходиться безъ него, когда это возможно. Въ этомъ отношеніи, референтъ не раздѣляетъ устраненія Коммисіей разнообразныхъ видовъ исключительныхъ и особенныхъ наказаній, а также устраненія возможности обращать такъ-называемыя дополнительныя наказанія въ самостоятельныя. Во многихъ случаяхъ, всѣ эти наказанія представлялись-бы достаточно чувствительнымъ возмездіемъ. Чтобы не ограничится однимъ принципомъ, референтъ считаетъ нужнымъ въ общихъ чертахъ указать, какія изъ исключительныхъ, особенныхъ и дополнительныхъ наказаній могли-бы быть сохранены въ видѣ самостоятельныхъ наказаній:

1) *Изъ особенныхъ служебныхъ наказаній.* Исключеніе изъ службы составляетъ удаленіе отъ должности съ воспрещеніемъ вступать на государственную и общественную службу. Съ принятіемъ принципа проекта о томъ, что лишеніе правъ не должно быть пожизненнымъ, отнятіе права на службу могло-бы продолжаться до 10 лѣтъ. Считать подобное наказаніе, налагаемое за серьезныя служебныя преступленія, нечувствительнымъ,— едва-ли есть основаніе. Служба составляетъ для большинства кусокъ хлѣба, для немногихъ, состоятельныхъ людей—удовлетвореніе честолюбивыхъ желаній, стремленія къ составленію карьеры. Для обѣихъ категорій потеря

должности и самаго права служить не можетъ не быть чувствительной, и нѣтъ основанія упрятывать чиновника, сверхъ того, въ тюрьму или даже въ исправительный домъ. Само собой, что при этомъ имѣются въ виду не наиболѣе серьезныя служебныя преступленія, когда можетъ представиться надобность не только въ исправительномъ домѣ, но и въ каторгѣ. Отрѣшеніе отъ должности совпадетъ съ предыдущимъ наказаніемъ, которое могло-бы лишать права на службу въ теченіи отъ 1 до 10 лѣтъ. Это наказаніе должно *вовсе* лишать правъ на пенсію и награды за прежнюю службу. Значеніе вычета изъ времени службы представляется не совсѣмъ яснымъ по нашему законодательству. Значеніе вычета, указанное въ улож. (ст. 68) и 1 ч. II т. (ст. 223), не соотвѣтствуетъ значенію, придаваемому служебнымъ наказаніямъ, налагаемымъ лишь по суду, III томомъ. Тогда какъ по уложенію вычетъ соотвѣтствуетъ исключенію изъ срока выслуги на чины, награды и пенсію времени не болѣе одного года, по III т. (ст. 683 и 790) всѣ наказанія, налагаемыя лишь по суду, въ томъ числѣ и вычетъ, исключаютъ изъ срока выслуги на чины и награды неопредѣленное, но весьма значительное, время и, во всякомъ случаѣ, не менѣе 6 лѣтъ; выслуга совершенно прекращается впредь до воспослѣдованія—не ранѣе трехъ лѣтъ—въ видѣ награды, дозволенія не считать понесенное взысканіе препятствіемъ къ полученію наградъ, послѣ чего начинается новый срокъ на выслугу таковыхъ. По уставу же о пенсіяхъ, даже дисциплинарныя взысканія, кромѣ простаго выговора и замѣчанія, лишаютъ права на пенсію, если, въ видѣ особой награды, не будетъ дано прощеніе и дозволено не считать ихъ препятствіемъ къ полученію пенсіи. Но это послѣднее постановленіе едва-ли не стоитъ въ противорѣчіи съ духомъ закона, вовсе не дающаго дисциплинарному взысканію такого серьезнаго вліянія на права служащихъ. Если примирить противорѣчіе закона въ отношеніи вычета и отдать преимущество точному указанію ст. 68 улож. и ст. 233 1 ч. II т., что вычетъ вліяетъ на права и преимущества службы и на пенсію исключеніемъ изъ срока выслуги времени не болѣе года, то окажется, что выговоръ со внесеніемъ въ послужной списокъ, въ сущности, несравненно строже вычета, такъ какъ выговоръ исключаетъ изъ срока выслуги на чины и награды весьма продолжительное время, которое можетъ доходить до 10 лѣтъ и болѣе, и притомъ право на эту выслугу возстановляется лишь въ силу особаго Высочайшаго прощенія, даваемаго въ видѣ награды. Точно также выговоръ лишаетъ права на пенсію за прежнее время, если не будетъ дано такого-же прощенія. Изъ этого видно, что выговоръ и вычетъ изъ времени службы составляютъ чувствительное взысканіе для служащаго, и нѣтъ основанія исключать ихъ изъ числа наказаній. Притомъ, марая послужной списокъ, они обращаютъ его въ нѣчто въ родѣ

волчьяго паспорта и дѣлаютъ дальнѣйшую службу чиновника тягостной и непривлекательной. По однородности этихъ наказаній, они могли-бы быть слиты въ одно, въ видѣ срочнаго, до 5 лѣтъ, вычета изъ времени выслуги на чины, награды и пенсіи.

Точно также референтъ не видѣлъ-бы серьезныхъ препятствій допустить въ качествѣ самостоятельныхъ наказаній: 2) срочное *воспрещеніе жительства* и въѣзда въ извѣстныя мѣста въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣяніе лица показываетъ, что пребываніе его въ извѣстномъ мѣстѣ можетъ быть вредно; 3) срочное *лишеніе права заниматься той или другой дѣятельностью*, если злоупотребленіе этой дѣятельностью дѣлаетъ ее вредной въ рукахъ лица, и 4) *срочное лишеніе правъ по ст. 27* проекта.

Безъ сомнѣнія, противъ подобнаго расширенія области наказаній можетъ быть сдѣлано весьма много возраженій, такъ: 1) Коммисія находитъ, въ отношеніи исключительныхъ наказаній, что они непригодны, какъ абсолютно опредѣленныя. Но абсолютно опредѣленныхъ изъ числа указываемыхъ взысканій нѣтъ и всѣ они связаны со сроками, сокращеніе которыхъ и составитъ смягченіе наказаній, и 2) безъ сомнѣнія, съ допущеніемъ этихъ наказаній устранится простота уголовнаго кодекса, но дѣло примѣненія наказаній вовсе не на столько сложно, чтобы нужно было заботиться объ упрощеніи его. Установить соотвѣтствіе, необходимое въ кодексѣ, этихъ особенныхъ наказаній съ нормальными наказаніями не представлялось-бы дѣломъ невозможнымъ; точно также не было-бы особенно трудно опредѣлить вліяніе совокупности, повторенія, давности, несовершеннолѣтія и т. п. на примѣненіе ихъ.

Б. Перейдя къ устраняемымъ Коммисіей *дополнительнымъ* наказаніямъ, референтъ указалъ, что изъ этихъ наказаній проектомъ отмѣняются: конфискація, церковное покаяніе, высылка за-границу, воспрещеніе жительства въ столицахъ, имѣніи и другихъ мѣстахъ (по уложенію, а не въ качествѣ административной мѣры). Изъ этихъ дополнительныхъ наказаній оставляется лишь высылка иностранцевъ въ качествѣ взысканія, замѣняющаго надзоръ полиціи.

Референтъ возражаетъ противъ безусловнаго устраненія конфискаціи.

Въ запискѣ бывшаго Министра Юстиціи, на которую ссылается Коммисія, указывается на слѣдующія соображенія въ пользу отмѣны конфискаціи: 1) она поражаетъ исключительно наслѣдниковъ преступника, а не его самого, какъ лишеннаго уже имущественныхъ правъ; 2) колеблетъ довѣріе къ прочности имущественныхъ правъ; 3) вредно отражается на экономическомъ бытѣ страны и 4) возбуждаетъ неудовольствіе въ населеніи. Согла-

шаясь съ тѣмъ, что въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ, она дѣйствительно несправедлива, поражая не только преступника (съ отмѣной лишенія имущественныхъ правъ, она поражаетъ и его), но и его неповинную семью, референтъ, однако, полагаетъ, что было бы желательно сохранить конфискацію въ измѣненномъ видѣ—именно въ видѣ экспропріаціи съ распространеніемъ ея исключительно на поземельное имущество преступника. Извѣстно, что поземельное владѣніе, болѣе чѣмъ обладаніе капиталомъ или городскимъ недвижимымъ имуществомъ, даетъ способы оказывать вліяніе—иногда весьма обширное—на окрестное населеніе въ болѣе или менѣе значительныхъ предѣлахъ. Конфискація и по дѣйствующему уложенію допускается лишь за политическія преступленія, въ которыхъ для государства наиболѣе опасно то вліяніе, которое можетъ имѣть преступникъ на населеніе. Хотя-бы преступникъ былъ подвергнутъ смертной казни, или—чего слѣдуетъ ожидать чаще—былъ отправленъ въ каторгу или въ заточеніе, или, наконецъ, на поселеніе, этимъ не устранится вредное вліяніе, связанное съ поземельнымъ владѣніемъ. Политическій преступникъ имѣетъ всегда кругъ единомышленниковъ, или, по крайней мѣрѣ, сочувствующихъ ему людей. Эти люди, конечно, употребятъ всѣ усилія къ тому, чтобы не упустить изъ рукъ могущественное средство вліянія, предоставляемое поземельнымъ владѣніемъ. Имѣются, такимъ образомъ, всѣ основанія полагать, что, съ сохраненіемъ въ рукахъ преступника, хотя-бы удаленнаго, поземельнаго владѣнія, вредное вліяніе на окрестное населеніе преступника, иногда даже одного его имени, не прекратится. Референтъ находитъ, поэтому, нежелательнымъ въ принципѣ отнять у правительства право пресѣчь, когда окажется нужнымъ, въ самомъ корнѣ возможность оказывать вредное вліяніе на населеніе, отобраніемъ отъ преступника орудія этого вліянія—земельнаго имущества. Но, такъ какъ это наказаніе по возможности не должно отражаться на положеніи семьи или наслѣдниковъ преступника по закону или завѣщанію, то отобраніе должно производиться за соотвѣтственное денежное вознагражденіе, подобно тому, какъ дѣлается при экспропріаціи. Съ тѣмъ вмѣстѣ, правительству должно быть предоставлено воспользоваться установленной судебнымъ приговоромъ экспропріаціей, или отказаться отъ нея, а поэтому въ самомъ приговорѣ осуществленіе экспропріаціи должно быть поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія правительства. Подобное же, условно назначаемое дополнительное наказаніе составляетъ, по проекту, отдача подъ надзоръ полиціи (ст. 31).

Такая экспропріація весьма мало будетъ поражать имущественное положеніе семьи или наслѣдниковъ преступника. Но подобное пораженіе составляетъ послѣдствіе всякаго наказанія, и необходимо заботиться лишь о возмож-

ности уменьшенія объема этого пораженія. Нѣтъ основанія говорить о колебаніи довѣрія къ прочности имущественныхъ правъ, такъ-какъ большее или меньшее пораженіе этихъ правъ, неизбѣжное при всякомъ наказаніи, составляетъ явленіе правомѣрное. Еще менѣе основаній полагать, что экспропріація вредно отразится на экономическомъ бытѣ страны. Вліяніе экспропріаціи на экономическій бытъ извѣстной мѣстности будетъ зависѣть отъ употребленія, которое будетъ сдѣлано съ отобраннымъ имѣніемъ. Наконецъ, нѣтъ также основаній думать, чтобы она непремѣнно породила неудовольствіе въ населеніи. Такое неудовольствіе она можетъ породить лишь въ той его части, которая сочувствовала дѣятельности преступника и которая, и безъ того, будетъ недовольна. Во всякомъ случаѣ, зло, которое можетъ проистечь отъ сохраненія за преступникомъ имѣнія, можетъ быть, въ цѣляхъ государственной безопасности, гораздо значительнѣе того зла, которое проистекаетъ изъ недовольства части окрестнаго населенія.

По выслушаніи реферата В. В. Смиттена, Общество постановило на свое разрѣшеніе слѣдующіе вопросы:

а) Слѣдуетъ-ли дворянъ и почетныхъ гражданъ, за кражи, присвоеніе и мошенничество, лишать сословныхъ правъ, хотя-бы они и подлежали только заключенію въ тюрьмѣ?

Изъ числа присутствующихъ девятеро, раздѣляя мнѣніе референта, дали на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ; семеро-же лицъ, находя, что въ сословныхъ правахъ нѣтъ ничего почетнаго, дали отвѣтъ отрицательный, а членъ Общества А. В. Степановъ высказалъ мнѣніе, что должно лишать не сословныхъ правъ, а только почетныхъ титуловъ.

б) Слѣдуетъ-ли установить особыя правила для полученія семьями извѣстной доли заработка заключеннаго? За утвердительное рѣшеніе этого вопроса подано 12 голосовъ, за отрицательное 4; кромѣ того, А. В. Степановъ, исходя изъ той мысли, что, при обсужденіи проекта уложенія о наказаніяхъ, должно принимать въ соображеніе только свойство и характеръ наказанія, а не интересы обезпеченія семьи, что̀ есть дѣло не уголовное, а гражданское, высказалъ мнѣніе, что при заключеніи на краткій срокъ весь заработокъ долженъ быть отдаваемъ семьѣ, при заключеніи-же на долгій срокъ весь заработокъ долженъ оставаться въ пользу заключеннаго, такъ какъ долгосрочное заключеніе и безъ того достаточно тяжкое наказаніе.

в) Желательно-ли установить въ уложеніи для лицъ служащихъ нѣкоторыя особенныя наказанія, не составляющія дисциплинарныхъ взысканій?

и г) Желательно-ли, вообще, установленіе наказаній, заключающихся только въ ограниченіи правъ или свободы дѣятельности по 27—29 ст. проекта?

Большинство присутствующихъ, раздѣляя взгляды, изложенные В. В. Смиттеномъ, высказалось за утвердительное разрѣшеніе этихъ вопросовъ, и только три голоса подано за отрицательное рѣшеніе; въ числѣ послѣднихъ находился и А. С. Френкель, который, между прочимъ, высказалъ, что состоящіе на государственной службѣ и безъ того пользуются многими преимуществами предъ другими гражданами, и нѣтъ, по его мнѣнію, основаній устанавливать для нихъ еще особое преимущество въ видѣ особыхъ наказаній: вполнѣ справедливо будетъ и лицъ служащихъ, за совершенныя ими преступленія, подвергать тѣмъ-же наказаніямъ, которымъ подвергаются, за эти-же преступленія, обыкновенные граждане.

Товарищъ Прокурора Владимірскаго Окружнаго Суда С. Н. Коптевъ замѣчаетъ, что проектъ уложенія о наказаніяхъ, при опредѣленіи лишенія свободы, установляетъ степени этого наказанія не только по продолжительности его, но и по тому мѣсту, гдѣ это наказаніе отбывается, и по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя оно за собою влечетъ. Но нужно ли это и не удобнѣе ли въ уголовномъ уложеніи опредѣлять лишеніе свободы только срокомъ его, какъ лишеніе имущества опредѣляется количествомъ штрафа? Уложеніе о наказаніяхъ есть руководство для суда и гражданъ, посредствомъ котораго точно опредѣлено, что и въ какой мѣрѣ считается преступнымъ и какъ наказывается, но какая польза для суда и гражданъ знать, въ моментъ приговора, гдѣ именно будетъ отбываться присужденное виновному наказаніе, и если судъ въ своемъ приговорѣ не считаетъ нужнымъ опредѣлять, какими денежными знаками внесенъ будетъ штрафъ, то точно также нѣтъ ему надобности и указывать, гдѣ осужденный проведетъ столько-то лѣтъ лишенія свободы.

Но кромѣ того, измѣнить всю систему тюремнаго заключенія у насъ въ Россіи не такъ-то легко и добиться проведенія на практикѣ строгаго по закону различія между разными мѣстами заключенія и дѣйствительною тяжестью содержанія въ нихъ придется не скоро; такимъ образомъ, и при введеніи новаго уложенія мы на практикѣ услышимъ снова просьбы о скорѣйшемъ переводѣ осужденнаго изъ тюрьмы, менѣе тяжелой по закону, въ исправительный домъ, болѣе строгій, такъ какъ въ дѣйствительности содержаться въ послѣднемъ для арестантовъ много удобнѣе и пріятнѣе, чѣмъ въ первой. Г. Коптевъ полагаетъ, что всѣ мѣста заключенія должны быть равны по качеству содержанія, и если допустима разница, то развѣ для нѣкоторыхъ долгосрочныхъ арестантовъ, строгость къ которымъ можетъ быть примѣнена во всякомъ мѣстѣ заключенія, для чего вовсе нѣтъ надобности

заводить особыя тюрьмы и особую администрацію; но во всякомъ случаѣ нормированіе самаго содержанія въ тюрьмахъ должно быть предметомъ не уложенія о наказаніяхъ, а устава о содержащихся подъ стражею, иначе уложенію грозитъ, при введеніи его на практикѣ, участь мертвой буквы, какъ уже не разъ бывало, когда новый законъ вторгался въ сферу другой отрасли законодательства.

Что касается устанавливаемыхъ проектомъ послѣдствій наказаній, то ихъ желательно бы вовсе не видать не только въ уголовномъ кодексѣ, но и во всемъ сводѣ законовъ; не касаясь этого вопроса подробно, г. Коптевъ считаетъ достаточнымъ замѣтить, что и ссылка на поселеніе, и полицейскій надзоръ, и лишеніе правъ страдаютъ однимъ важнымъ недостаткомъ—неравномѣрностію, а этотъ порокъ ихъ такъ важенъ, что ради него можно смѣло и совсѣмъ отказаться отъ этихъ дополнительныхъ наказаній, тѣмъ болѣе, что цѣли исправленія преступника наказанія эти не достигаютъ, а напротивъ, мѣшаютъ ей, ставя освобожденнаго изъ тюрьмы зачастую въ безвыходное положеніе и поневолѣ толкая его на старый преступный путь жизни. Затѣмъ, ограниченіе правъ осужденныхъ уже указывается въ тѣхъ законахъ, кои постановлены относительно разныхъ отраслей государственной жизни, и отдѣльное перечисленіе ихъ вновь въ уголовномъ уложеніи, по мнѣнію г. Коптева, излишне.

Обращаясь къ обозначеннымъ во 2 ст. наименованіямъ наказаній, Предсѣдатель Казанскаго Окружнаго Суда Грассъ, Членъ того же Суда Дьяченко и Присяжный Повѣренный Степановъ замѣчаютъ, что безъ серьезной необходимости не представляется основаній измѣнить терминологію, освященную закономъ и сжившуюся съ практикою; между тѣмъ, редакторы измѣнили терминологію наказаній, не указавъ достаточныхъ къ тому мотивовъ. Такъ, употребляемые въ дѣйствующемъ уложеніи термины: каторжныя работы, ссылка на поселеніе, заключеніе въ тюрьмѣ и крѣпости, денежное взысканіе замѣнены въ проектѣ выраженіями: каторга, поселеніе, тюрьма, заточеніе, денежная пеня. За такую терминологію говоритъ, безспорно, краткость ея, но весьма сомнительно, чтобы терминологія эта также точно означала называемые ею предметы, какъ терминологія дѣйствующаго уложенія. Такъ, выраженія: тюремное заключеніе и тюрьма—едва-ли можно признать однозначущими, какъ сомнительно и то, чтобы названіе «тюрьма» могло служить не только для обозначенія извѣстнаго рода зданія или учрежденія, но и для наименованія наказанія, отбываемаго въ этомъ зданіи. Но совершенно неопредѣленнымъ является наказаніе въ видѣ заточенія. Редакторы и сами

сознаются, что названіе этого наказанія не предрѣшаетъ мѣста его отбытія (объясненія, стр. 12), а безъ этого признака терминъ «заточенія» также мало опредѣляетъ характеръ и сущность именуемаго имъ спеціально наказанія, какъ и слово: заключеніе или лишеніе свободы. Нельзя не пожелать поэтому, чтобы въ проектируемомъ уложеніи номенклатура наказаній, общихъ съ наказаніями дѣйствующаго уложенія, была оставлена по возможности безъ измѣненія.

Чины Изюмской прокуратуры замѣчаютъ, что постановленія закона и основанные на нихъ приговоры суда должны быть просты: они не должны представлять никакихъ затрудненій или недоразумѣній при выполненіи ихъ. Между тѣмъ, проектъ новаго уложенія не избѣгъ, по мнѣнію названныхъ чиновъ, осложненій, перечисленныхъ въ ст. 15—19, 21, 22, 31—33, и при томъ такихъ, коимъ мѣсто надлежитъ отвести не въ уложеніи, а въ инструкціяхъ и правилахъ, относящихся до внутренняго распорядка мѣстъ заключенія.

Сенаторъ И. Н. Орловъ указываетъ, что въ проектѣ не установлено наказаній служебныхъ за преступленія и проступки по должности. Хотя въ объяснительной запискѣ (стр. 7) и говорится, что нѣкоторыя изъ нынѣ полагаемыхъ, по ст. 65 уложенія, карательныхъ мѣръ суть мѣры дисциплинарныя, но, тѣмъ не менѣе, при отсутствіи въ другихъ вѣдомствахъ, кромѣ судебнаго, суда дисциплинарнаго, необходимъ на это спеціальный законъ. Но въ ст. 65 уложенія есть и такія наказанія, которыя, по существу своему, не могутъ быть ни относимы къ дисциплинарнымъ (исключеніе изъ службы, отрѣшеніе и удаленіе отъ должности), ни почитаемы, какъ сказано въ объяснительной запискѣ, лишь правопораженіемъ, какъ послѣдствіемъ наказаній; напротивъ того, они должны быть поставлены въ разрядъ самостоятельныхъ наказаній, ибо могутъ вполнѣ, сами по себѣ, соотвѣтствовать сущности и важности должностнаго проступка и влекутъ за собою особыя правопораженія (улож., ст. 66 и 67).

Московская Судебная Палата указываетъ, что въ ст. 2 и 3, перечисляющихъ виды наказаній и присоединяемыя къ симъ наказаніямъ дополнительныя наказанія, вовсе не вошли тѣ виды, которые, подъ названіемъ: «особенныхъ наказаній за преступленія и проступки по службѣ», предусмотрѣны ст. 65 дѣйствующаго нынѣ уложенія. Въ объяснительной запискѣ по этому

поводу говорится, что Коммисія не сочла возможнымъ внести въ законъ перечень подобныхъ спеціальныхъ взысканій на томъ основаніи, что одни изъ нихъ оказываются дисциплинарными мѣрами, кои, по своему существу и по порядку ихъ назначенія, не входятъ въ область уголовныхъ взысканій въ тѣсномъ смыслѣ, другія же являются не самостоятельными наказаніями, а только ихъ послѣдствіями, относящимися къ области правопораженій. Изъ объясненій этихъ, однако, не видно, куда отнесены такія взысканія, какъ исключеніе изъ службы и отрѣшеніе отъ должности, да и будутъ ли они вообще удержаны въ новой системѣ наказаній, и если будутъ, то въ качествѣ ли особыхъ наказаній, налагаемыхъ по суду уголовному, или же они будутъ предоставлены суду по взысканіямъ дисциплинарнымъ?

Между тѣмъ, вопросъ этотъ весьма важный, такъ какъ именно такого рода наказанія имѣютъ большое значеніе въ нѣкоторыхъ особыхъ нарушеніяхъ по службѣ, въ особенности въ нарушеніяхъ, произведенныхъ должностными лицами административнаго вѣдомства,—значеніе даже большее, нежели тюрьма и т. п., если только допустить, что и эти нарушенія должностныхъ лицъ по службѣ будутъ облагаться наказаніями по предлагаемой въ ст. 2 и 3 общей ихъ лѣстницѣ. Въ виду изложеннаго, исключеніе изъ общей системы наказаній нынѣ дѣйствующихъ наказаній за нѣкоторыя особыя нарушенія должностныхъ лицъ по службѣ не оправдывается никакими соображеніями, а потому и слѣдовало бы сохранить въ уложеніи такія взысканія, какъ исключеніе изъ службы и отрѣшеніе отъ должности не только въ качествѣ дополнительныхъ, но, напротивъ, какъ самостоятельный видъ въ общей лѣстницѣ наказаній.

Тульскій Окружный Судъ полагалъ бы необходимымъ установить нѣкоторыя спеціальныя наказанія, опредѣляемыя для должностныхъ лицъ за противозаконныя дѣянія ихъ по службѣ.

Многія дѣянія должностныхъ лицъ настолько, по свойству своему, не похожи на общія противозаконныя дѣянія, что и приноровить къ нимъ справедливо наказанія, установленныя 2 статьею проекта, едва ли было бы возможно. Иногда нарушеніе служащимъ долга его можетъ влечь за собою такое взысканіе, которое, въ порядкѣ дисциплинарнаго судопроизводства, было бы не совсѣмъ удобно опредѣлить по строгости нравственной и матеріальной, а между тѣмъ и опредѣлить ему хотя одно изъ слабѣйшихъ наказаній общихъ было бы непомѣрною строгостію. По службѣ могутъ быть такія уклоненія отъ долга, которыя влекутъ чуствительныя для виновнаго взысканія личныя, не поражая косвенно членовъ его семьи,—вычетъ напр.

извѣстнаго времени изъ службы для полученія пенсіи, наградъ и проч.; а подобныя взысканія едва ли могутъ быть наложены уставомъ дисциплинарнымъ, не поражающимъ обыкновенно существенныхъ правъ должностнаго лица, пріобрѣтенныхъ службою государственною. Важныя иногда упущенія могутъ влечь, напр., исключеніе лица изъ службы или отрѣшеніе отъ должности, не опорочивая однакоже его чести (неумышленныя важныя упущенія) и не преграждая ему тѣмъ способомъ устроить свое положеніе службою частною, а между тѣмъ, если принаровить такое важное наказаніе по дѣйствующему уложенію къ наказанію общему, то пришлось бы должностное лицо лишить свободы на продолжительное время, какъ это можетъ быть по 87 статьѣ нашего уложенія. Если къ сему присовокупить, что отвѣтственности за важныя упущенія по службѣ могутъ подлежать лица должностныя не рѣдко по винѣ другихъ и вслѣдствіе довѣрія къ послѣднимъ, какъ необходимаго установившагося условія въ отношеніяхъ служебныхъ, которыя однакоже по закону, въ виду извѣстныхъ принциповъ, не должны быть признаваемы уважительными, то станетъ понятною вся тяжесть неспеціальнаго наказанія для должностнаго лица. На основаніи этихъ соображеній, было бы, по мнѣнію Суда, желательнымъ установить въ статьѣ новаго уложенія о различныхъ общихъ наказаніяхъ и наказанія спеціальныя въ отношеніи лицъ должностныхъ, по нарушенію ими долга службы, принявъ въ соображеніе 261—269 статьи учрежденія судебныхъ установленій и 1066 статью устава уголовнаго судопроизводства, т. е. въ статьѣ 2, независимо отъ общихъ наказаній, указать слѣдующія спеціальныя по службѣ наказанія:

1) исключеніе изъ службы,
2) отрѣшеніе отъ должности,
3) удаленіе отъ должности,
4) перемѣщеніе съ высшей должности на низшую,
5) вычетъ изъ времени службы,
6) выговоръ со внесеніемъ въ послужной списокъ и
7) вычетъ изъ жалованья.

По поводу главы 3 проекта, чины Черниговскаго Окружнаго Суда и мѣстнаго прокурорскаго надзора находятъ, что невнесеніе въ оную перечня особыхъ наказаній по преступленіямъ и проступкамъ должностныхъ лицъ (ст. 65 дѣйствующаго уложенія), въ томъ соображеніи, какъ это высказано Коммисіей, что одни изъ сихъ взысканій оказываются мѣрами дисциплинарными, какъ по существу, такъ и по порядку ихъ назначенія, и не входятъ

въ область уголовныхъ взысканій въ тѣсномъ смыслѣ, а что другія являются несамостоятельными наказаніями, а только ихъ послѣдствіями, относящимися къ области правопораженій, является не вполнѣ основательнымъ въ виду того во 1-хъ, что не всѣ взысканія съ должностныхъ лицъ будутъ на столько тяжки, чтобы могли наступить лишь въ видѣ дополнительныхъ правопораженій при главномъ, болѣе строгомъ, наказаніи, а могутъ существовать, какъ самостоятельныя наказанія для соотвѣтствующаго рода преступныхъ дѣяній, какъ напримѣръ исключеніе изъ службы, вычетъ изъ времени службы и т. д., а во 2-хъ, что, наоборотъ, не всѣ эти взысканія могутъ быть настолько слабы, чтобы наложеніе ихъ не превышало предѣловъ власти начальства должностныхъ лицъ, опредѣленнаго въ ст. 1078 уст. угол. суд.; посему, если предѣлы этой власти не будутъ расширены, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ признано необходимымъ сохранить за особыя преступныя дѣянія должностныхъ лицъ нѣкоторыя изъ взысканій, указанныхъ 65 ст. дѣйствующаго нынѣ уложенія, или же ввести какія-либо новыя, но превышающія компетентность начальствъ, то такія взысканія должны бы войти въ перечень статьи 2-ой проекта новаго уложенія.

Предсѣдатель Нѣжинскаго Окружнаго Суда Ланге замѣчаетъ, что въ проектѣ новаго уложенія *особыя наказанія* за преступленія должности, кои исчислены въ 65 ст. улож., вовсе отмѣнены, а безъ такихъ наказаній, по самому свойству преступленій и ихъ послѣдствій, врядъ ли возможно обойтись. Напримѣръ, чиновникъ, не совершивъ никакого преступленія и проступка, оказывается нерадивымъ по страсти къ пьянству. Неужели за это слѣдуетъ его, вмѣсто отрѣшенія отъ должности или исключенія изъ службы, заключить въ тюрьму?

Собраніе чиновъ Кіевской прокуратуры находитъ, что невнесеніе въ проектъ перечня особыхъ наказаній по преступленіямъ и проступкамъ должностныхъ лицъ (ст. 65 дѣйствующаго уложенія) не вполнѣ оправдывается соображеніями, высказанными Коммисіей. Послѣдняя полагаетъ, что одни изъ такихъ взысканій являются мѣрами дисциплинарными, какъ по существу, такъ и по порядку ихъ назначенія, и не входятъ въ область уголовныхъ взысканій въ тѣсномъ смыслѣ, другія же составляютъ не самостоятельныя наказанія, а только послѣдствія таковыхъ, относящіяся къ области правопораженій. Между тѣмъ не всѣ взысканія съ должностныхъ лицъ представляются столь тяжкими, чтобы спеціальныя наказанія могли наступить лишь въ видѣ дополнительнаго правопораженія при главной, болѣе

строгой, карѣ, и для извѣстнаго рода преступныхъ дѣяній такія взысканія могутъ составлять самостоятельное наказаніе, какъ напримѣръ: исключеніе изъ службы, вычетъ изъ времени службы и т. д. Затѣмъ, собраніе, имѣя въ виду, что не всѣ преступленія и проступки должности могутъ быть настолько незначительны, чтобы наложеніе ихъ не превышало предѣловъ власти начальствъ должностныхъ лицъ, опредѣленныхъ въ ст. 1078 уст. угол. суд., т. XV ч. II. свод. зак. изд. 1876 года, полагаетъ, что, при сохраненіи на будущее время нѣкоторыхъ спеціальныхъ наказаній за проступки по службѣ, надлежитъ или расширить предѣлы власти начальствъ должностныхъ лицъ, указанные въ ст. 1078 уст. угол. суд., если всѣ эти спеціальныя наказанія будутъ внесены въ дисциплинарный уставъ, или же, если таковыя будутъ превышать юрисдикцію административной власти и налагаться по уложенію не въ видѣ дополнительныхъ правопораженій, а какъ самостоятельныя наказанія, включить ихъ въ перечень ст. 2 проекта.

По замѣчанію Прокурора Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскаго, къ числу особенностей новой лѣстницы наказаній относится и то, что въ ст. 2 проекта вовсе не упоминаются изложенныя въ ст. 65 нынѣ дѣйствующаго уложенія особенныя наказанія, налагаемыя на должностныхъ лицъ за нѣкоторыя преступныя дѣянія по службѣ, причемъ, какъ видно изъ разсужденій Коммисіи, наказанія эти не включены въ проектъ на томъ основаніи, что они оказываются, по существу своему, дисциплинарными мѣрами, кои, по порядку ихъ назначенія, не входятъ въ область уголовныхъ наказаній въ тѣсномъ смыслѣ, и что въ особенную часть уложенія вовсе не будутъ включены тѣ нарушенія по службѣ, кои имѣютъ характеръ только дисциплинарныхъ проступковъ (стр. 7), но если соображеніе это вѣрно и справедливо относительно такихъ дисциплинарныхъ проступковъ, которые могутъ влечь за собою низшія служебныя взысканія, какъ-то: замѣчанія, выговоры и даже удаленіе отъ должности, то едва-ли оно вполнѣ примѣнимо къ тѣмъ служебнымъ нарушеніямъ, которыя должны повлечь за собою высшее спеціальное служебное взысканіе, каковымъ является исключеніе изъ службы. Можно представить цѣлый рядъ служебныхъ нарушеній и проступковъ, для которыхъ совершенно достаточнымъ является лишь одно исключеніе изъ службы, какъ напр. нѣкоторыя случаи превышенія или бездѣйствія власти,—а между тѣмъ, наказаніе это, довольно серьезное по существу своему и послѣдствіямъ и влекущее за собою извѣстныя служебныя ограниченія, представляется настолько, сравнительно, важнымъ, что въ видахъ гарантіи виновнаго казалось-бы весьма желательнымъ, чтобы назначеніе сего наказанія за преступныя дѣянія,

за которыя оно можетъ быть назначено, слѣдовало властью суда, а не подлежащаго начальства виновнаго лица въ дисциплинарномъ порядкѣ. Вслѣдствіе сего, признавая съ своей стороны вполнѣ цѣлесообразнымъ исключить изъ уложенія всѣ низшія служебныя взысканія, могущія быть назначаемы за разные дисциплинарные проступки, г. Хлодовскій полагалъ-бы *включить въ уложеніе*, на ряду съ другими спеціальными наказаніями, *исключеніе изъ службы*, какъ такое самостоятельное наказаніе, которое можетъ быть назначаемо за нѣкоторыя преступныя дѣянія только по приговору суда,—указавъ притомъ, что наказаніе это влечетъ тѣ же послѣдствія, какія указаны и въ ст. 66 нынѣ дѣйствующаго уложенія.

Хотя лѣстница наказаній, принятая проектомъ, установлена собственно Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта отъ 11 Декабря 1879 г., тѣмъ не менѣе чины Рыбинскаго прокурорскаго надзора не могутъ не высказать пожеланія, чтобы таковая была пополнена однимъ самостоятельнымъ наказаніемъ—лишеніемъ права на извѣстную профессіональную дѣятельность, въ частности—права на службу государственную или общественную и т. п. Проектъ знаетъ это наказаніе лишь какъ дополнительное къ тѣмъ главнымъ, кои перечислены во 2 ст. проекта. Между тѣмъ, наказаніе это, какъ самостоятельное, и нынѣ существуетъ по уложенію 1866 г. для множества преступленій преимущественно должностныхъ лицъ, и для удержанія его на будущее время въ такомъ же видѣ существуютъ слишкомъ достаточныя основанія, несмотря на предстоящее изданіе дисциплинарнаго устава объ отвѣтственности должностныхъ лицъ. Сколько можно догадываться изъ объясненій Редакціонной Коммисіи, этотъ послѣдній дисциплинарный уставъ будетъ имѣть въ виду проступки должностныхъ лицъ, подлежащіе вѣдѣнію не суда, а начальства обвиняемаго. Но при надлежащемъ проведеніи въ государственномъ организмѣ принципа отдѣленія судебной власти отъ всякой другой, предоставленіе въ руки административнаго начальства столь важной карательной прерогативы, какъ лишеніе навсегда, или надолго права заниматься извѣстнаго рода дѣятельностью, или вступать на службу, къ которой процессомъ многолѣтняго труда только и способенъ наказанный, не можетъ не произвести впечатлѣнія рѣжущей глаза аномаліи. Не ожидая поэтому встрѣтиться съ симъ видомъ наказанія въ уставѣ дисциплинарномъ, придется весьма пожалѣть, если таковое не найдетъ себѣ мѣста и въ уложеніи, такъ-какъ существуетъ не мало преступныхъ содѣяній, а въ особенности упущеній, для которыхъ воспрещеніе виновнымъ извѣстнаго рода дѣятельности явилось бы и вполнѣ достаточнымъ и вытекающимъ изъ самой природы

содѣяннаго ими наказаніемъ. Напр., на городскую или общественную должность избирается лицо, ищущее этой должности въ матеріальныхъ разсчетахъ, или изъ честолюбія и т. п., и избирается въ корыстныхъ видахъ пользоваться его неспособностью, непониманіемъ дѣла, или прямымъ обѣщаніемъ съ его стороны допускать такія нарушенія, которыя, будучи безусловно вредными для общественнаго блага, тѣмъ не менѣе могутъ тянуться весьма продолжительное время, и наконецъ, когда обнаружатся, то, всею тяжестью падая на общество, не могутъ быть формулированы подъ извѣстное воспрещенное закономъ дѣяніе, влекущее наказаніе для лица, создавшаго такую участь обществу, по первымъ 8 пп. 2 ст. проекта уложенія (напр. растрата, подлоги, мошенничество и т. п.). Такъ, въ городѣ NN существуетъ общественный банкъ; избранный директоръ, съ избраннымъ правленіемъ, съ цѣлію раззорить это учрежденіе, въ извѣстныхъ личныхъ разсчетахъ, предпринимаетъ рядъ такихъ дѣйствій, которыя съ формальной стороны не даютъ права обвинять его ни въ подлогѣ, ни растратѣ и т. п., а между тѣмъ цѣль достигнута и банкъ раззоренъ, общество пострадало. Совершившій же это зло остается не только безнаказаннымъ, но за это избирается директоромъ акціонернаго банка, имъ же, съ своими избирателями, созданнаго, для чего и представлялось необходимымъ общественный банкъ раззорить.

Правительственный инспекторъ желѣзной дороги, утверждающій неосновательные проекты правленія, умышленно не замѣчающій такихъ дѣйствій эксплуатаціи, отъ которыхъ должны послѣдовать несчастные случаи, управляющій дѣлами акціонернаго общества, предпринимающій раззорительныя для предпріятія мѣры, городской голова, затрачивающій городскія суммы на постройки, напр., театровъ, музеевъ и т. п. въ уѣздномъ городѣ, гдѣ нѣтъ ни воды, ни мостовой, ни освѣщенія и т. д. и т. д., въ крайнихъ случаяхъ устраняются отъ должностей, но, вслѣдъ за симъ, поступаютъ на другія, не вознаградивъ ничѣмъ пострадавшее отъ ихъ дѣятельности общество, такъ какъ право ихъ на продолженіе службы не можетъ быть отнято у нихъ административнымъ путемъ, по примѣру нынѣ существующаго права для начальства по III т. Уст. о сл. отъ прав. (ст. 706).

Членъ Казанской Судебной Палаты Пенчковскій находитъ желательнымъ удержаніе церковнаго покаянія въ тѣхъ же случаяхъ, въ коихъ оно назначается и нынѣ дѣйствующимъ уложеніемъ, какъ мѣру исправленія и примиренія виновнаго съ его совѣстью. Извѣстны случаи благотворнаго вліянія этой мѣры, благоразумно духовнымъ начальствомъ примѣняемой, въ отношеніи лицъ, не вполнѣ нравственно-испорченныхъ,—напримѣръ, нарушителей постановленій, ограждающихъ общественную нравственность, въ

особенности женщинъ. И хотя опредѣленіе сущности церковнаго покаянія и способа его исполненія должно зависѣть отъ духовнаго начальства, потому что только оно, ознакомившись съ совѣстью виновнаго, способно принять надлежащія мѣры къ достиженію упомянутыхъ цѣлей, но это, казалось бы, не должно служить препятствіемъ къ принятію церковнаго покаянія въ число дополнительныхъ наказаній потому только, что сущность его опредѣляется духовною властью, такъ какъ мѣра эта, и при отсутствіи регламентаціи относительно сущности ея, полезна, и, затѣмъ, дѣятельность духовнаго начальства заключается лишь *въ приведеніи ея въ исполненіе*.

Остальные члены совѣщанія чиновъ Казанской Судебной Палаты признаютъ напротивъ, что церковное покаяніе правильно исключено изъ числа дополнительныхъ наказаній.—Если обратиться къ случаямъ, въ коихъ оно назначалось, то оказывается, что церковное покаяніе примѣнялось или къ неосторожнымъ убійствамъ, или къ другаго рода нарушеніямъ, которыя не доказывали испорченности провинившагося предъ закономъ. Человѣкъ,—истинно религіозный, безъ судебнаго принужденія, принесетъ покаяніе, если совѣсть его того требуетъ, человѣкъ же невѣрующій исполнитъ наложенное покаяніе, какъ одну форму,—потому оно не достигаетъ цѣли.

Наконецъ, покаяніе можетъ быть наложено духовнымъ отцомъ, безъ всякаго вмѣшательства суда, на покаявшагося въ преступленіи при исповѣди, почему и помѣщать его въ уложеніе нѣтъ основанія.

Членъ Стародубскаго Окружнаго Суда Борщовъ указываетъ, что въ числѣ дополнительныхъ наказаній не помѣщено въ проектѣ Коммисіи церковное покаяніе.

Между тѣмъ, церковное покаяніе надлежало бы присоединить къ наказаніямъ по нѣкотораго рода преступленіямъ, какъ примиряющее совѣсть человѣка, особенно простолюдина, сохранившаго всецѣло религію предковъ, съ тѣми событіями, которыя сопровождали или были причиной воли и притомъ лишь по преступленіямъ противорелигіознымъ, совершеннымъ вслѣдствіе заблужденій, или же противъ личной безопасности человѣка, если послѣдствіемъ этого была смерть потерпѣвшаго. Народъ, по своему взгляду на жизнь и ея проявленія, смотритъ такимъ образомъ, что можно нерѣдко слышать въ средѣ его ропотъ на назначеніе общаго наказанія за неосторожное лишеніе жизни другаго, въ томъ соображеніи, что слѣдовало бы лишь примирить совѣсть человѣка съ самимъ собой церковнымъ покаяніемъ. При этомъ, конечно, церковное покаяніе, какъ дополнительное наказаніе, должно примѣняться, какъ и по уложенію 1866 г., лишь къ лицамъ христіанскихъ исповѣданій.

Съ такимъ, предложеннымъ г. Борщовымъ дополненіемъ ст. 3 Предсѣдатель Стародубскаго Окружнаго Суда Мальте не можетъ согласиться, находя, что церковное покаяніе въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ нынѣ, потеряло всякое значеніе и ведетъ только къ злоупотребленіямъ.

При разсмотрѣніи проекта чинами прокуратуры Варшавскаго Окружнаго Суда, одинъ изъ членовъ собранія сихъ чиновъ признавалъ неправильными соображенія редакторовъ проекта, въ силу коихъ они исключили изъ уголовнаго кодекса право общества выселять порочныхъ лицъ, уже наказанныхъ судомъ. По мнѣнію этого члена, пока существуетъ у насъ въ деревенскомъ быту круговая порука, нельзя сомнѣваться въ правѣ общества не принимать въ свою среду лицъ, отбывшихъ извѣстныя наказанія. Однако другіе члены собранія не согласились съ такимъ взглядомъ, въ особенности въ виду тѣхъ злоупотребленій, которыя, какъ доказано опытомъ, обыкновенно замѣчаются при пользованіи обществомъ своимъ правомъ выселять своихъ сочленовъ. Опытъ убѣждаетъ, что правомъ выселенія общество пользуется не по отношенію къ закоренѣлымъ злодѣямъ, которыхъ оно боится, полагая, что они могутъ бѣжать изъ Сибири и отомстятъ обществу, а по отношенію къ лицамъ не столь вреднымъ, но почему-либо заслужившимъ нерасположеніе вліятельныхъ міроѣдовъ и кулаковъ, которые, за угощеніе общества водкою, добиваются приговора о выселеніи. Независимо отъ сего, выселеніе представляется весьма тяжкимъ наказаніемъ, которое едва-ли будетъ справедливо примѣнять къ лицу, уже отбывшему такое наказаніе, которое, по мнѣнію суда, признано соотвѣтствующимъ его винѣ. При голосованіи большинство высказалось противъ предоставленія обществу права выселенія своихъ порочныхъ сочленовъ.

Къ числу наказаній частный повѣренный фонъ-Велькъ полагалъ бы добавить еще два: 1) удаленіе изъ государства съ воспрещеніемъ въѣзда и 2) исключеніе изъ государства съ удаленіемъ изъ его предѣловъ воспрещеніемъ въѣзда и лишеніемъ гражданскихъ правъ.

Спеціальныя эти наказанія онъ полагалъ бы справедливымъ примѣнять за преступленія словомъ и приготовленіями по нарушенію правъ государства и церкви,—вообще къ преступленіямъ, за которыя Россія не выдаетъ иностранцевъ по 11 ст. проекта уложенія.

Каждый человѣкъ, кромѣ того, что онъ русскій подданный, принадлежитъ также и всему человѣчеству; данное особье можетъ быть вреднымъ въ Россіи, которая, наказывая его съ пожертвованіемъ собственныхъ

средствъ, губитъ его интелектуальную личность,—тогда какъ оно можетъ жить внѣ Русской Имперіи своими трудами и быть очень полезнымъ по спеціальностямъ своимъ, или талантамъ, внѣ своего отечества (Вирховъ, Вагнеръ, Фогтъ и другіе),—не будучи болѣе въ состояніи вредить Россіи.

Пусть жители Россіи знаютъ, что государство считаетъ жизнь въ ономъ и принадлежность къ оному для своихъ подданныхъ не только обязанностью, но и преимуществомъ, котораго лишиться можетъ быть очень чувствительно и нравственно, и матеріально.

Статья 13.

Смертная казнь совершается чрезъ повѣшеніе, не публично.

Профессоръ Вальбергъ замѣчаетъ, что превосходные мотивы съ полною ясностью разработали вопросъ о томъ, необходима ли смертная казнь, положенная нынѣ, какъ исключительное наказаніе, за самыя тяжкія государственныя, карантинныя и воинскія преступленія, или нѣтъ, но рѣшеніе этого вопроса отложено изъ политическихъ видовъ. Къ мотивамъ проекта онъ бы прибавилъ еще, что мало государствъ имѣютъ столь благопріятныя, какъ Россія, условія для установленія дѣйствительнаго наказанія взамѣнъ смертной казни, въ ея карательныхъ колоніяхъ, въ формѣ ссылки на поселеніе и на тяжкія работы.

Уголовная статистика исполненія смертныхъ приговоровъ до 1881 года говоритъ за то, что это исключительное средство, примѣнимое во время войны и полевыми судами, является излишнимъ въ обыкновенномъ уголовномъ судопроизводствѣ, въ мирное время. Если даже приведенные въ исполненіе смертные приговоры не оказываютъ достаточно устрашающей силы, то тѣмъ менѣе имѣетъ таковую смертная казнь, положенная въ законѣ. Психологическое дѣйствіе сознанія того, что по закону можетъ быть назначена смертная казнь, фактическое исполненіе которой невѣроятно, парализуется болѣе сильнымъ мотивомъ надежды на безнаказанность или помилованіе, или же отчаянною рѣшимостью на самоубійство въ случаѣ неудачи. Въ Россіи приходится 27% самоубійствъ на одинъ милліонъ жителей, и хотя вообще славяне рѣже прибѣгаютъ къ самоубійству, чѣмъ народы романскіе и германскіе, но въ послѣднее время мы чаще читаемъ о самоубійцахъ изъ образованныхъ классовъ русскаго общества. Казалось бы, что при обсужденіи вопроса о репрессивной силѣ смертной казни необходимо принимать во вниманіе и

количество самоубійствъ, какъ уголовно-политическій факторъ. Къ этому надо прибавить, что, при усиливающемся нерасположеніи судей и присяжныхъ къ смертной казни въ обыкновенномъ порядкѣ уголовнаго судопроизводства, вѣроятность осужденія за преступленіе, обложенное смертною казнью, постоянно уменьшается. Слѣдовательно, самое тяжкое положенное въ законѣ наказаніе теряетъ, по общему правилу, на этой наклонной плоскости, вѣроятность своего исполненія, и возможность найти въ смертной казни послѣднее, абсолютное средство и охраненія безопасности, и устрашенія является иллюзіей криминалистовъ. Эта иллюзія самымъ яснымъ образомъ разоблачается практикою уголовнаго суда и помилованія въ замѣнѣ смертной казни; практика можетъ, пользуясь предоставляемымъ ей статьею 53 проекта правомъ смягченія и замѣны наказаній при наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ, постепенно фактически отмѣнить смертную казнь (*).

Оправдывать сохраненіе наказанія, истребляющаго людей, ссылкою на отдѣльныя злодѣянія—значитъ выдать государственной цивилизаціи свидѣтельство объ уголовно-политической бѣдности. Ужасъ наводящія преступленія будутъ встрѣчаться на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи. Утверждать, что еще несвоевременно отмѣнить смертную казнь въ общемъ порядкѣ уголовнаго судопроизводства,—значитъ отодвигать отмѣну этого карательнаго средства ad calendas graecas и не давать ей возможности наступить когда-либо. Если тотъ же самый результатъ въ уголовномъ правосудіи можетъ быть достигнутъ съ меньшею роскошью въ жизнеистребленіи, то расточеніе этого наказанія является излишнимъ во всякое время. Примѣнять же смертную казнь отъ времени до времени, въ угоду лишенной принципа уголовной политики,—значитъ, по меньшей мѣрѣ, уничтожать ее.

Если же Государственный Совѣтъ найдетъ, что потребности уголовнаго правосудія въ Россіи еще не вызываютъ отмѣны смертной казни въ общемъ порядкѣ судопроизводства, то, въ такомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ казнь чрезъ повѣшеніе должна быть замѣнена обезглавленіемъ посредствомъ машины. Повѣшеніе не есть самый цѣлесообразный способъ казни. Неловкость палача часто бывала, даже при исполненіи казни intra muros, причиною возбуждающихъ отвращеніе, ожесточающихъ сценъ,—сценъ, роняющихъ достоинство уголовнаго правосудія. Съ этимъ старымъ наказаніемъ, назначавшимся за воровство, связана традиція безчестія. Въ системѣ наказаній, различающей безчестящіе и небезчестящіе виды наказаній, способъ

(*) Относительно практики помилованія ср. II томъ сочиненія пр. Вальберга: Die gesammelten kleineren Schriften, Wien, 1877; R. D'Olivecrona, Sur l'expérience obtenue par la suppression de la peine de mort dans le Grand-Duché de Finlande, Paris, 1882.

исполненія смертной казни, сохраненной для государственныхъ преступленій, не долженъ быть одинъ и тотъ же, заключающійся въ висѣлицѣ и веревкѣ палача, такъ какъ есть тяжкіе государственные преступники, заслуживающіе, по своей индивидуальности, самой тяжкой кары, но не безчестящаго, позорящаго обращенія. Если смертная казнь будетъ сохранена не на короткое время, то своевременно ввести болѣе сообразный способъ казни, который-бы не позорилъ каждаго приговореннаго къ смерти, безъ различія его вины, его предшествующей жизни, характера и т. д., и не подвергалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, позору невинную семью повѣшеннаго.

Профессоръ Гуго Мейеръ находитъ неправильнымъ, что средствомъ исполненія смертной казни признается во всѣхъ случаяхъ повѣшеніе, которому всегда присущъ позорящій характеръ.

Профессоръ Гольцендорфъ находитъ, что непубличному совершенію смертной казни должно отдать преимущество, но только слѣдовало бы, для отклоненія подозрѣнія относительно возможности совершенія тайныхъ казней, узаконить присутствованіе при казни понятыхъ.

Профессоръ Даневскій находитъ, что право государства на примѣненіе смертной казни не можетъ быть,—какъ это справедливо признаетъ Редакціонная Коммисія,—серьезно оспариваемо. Весь вопросъ сводится къ справедливости и цѣлесообразности этой кары. Но если съ точки зрѣнія справедливости еще возможны толкованія за и противъ смертной казни, то наблюденія надъ исполненіемъ смертныхъ приговоровъ въ Россіи и за границею почти не оставляютъ сомнѣній на счетъ признанія *нецѣлесообразности* этого наказанія по отношенію къ устрашающему его дѣйствію, которое долго считалось важнымъ основаніемъ для признанія цѣлесообразности этой кары. Г. Даневскому пришлось присутствовать при исполненіи смертныхъ приговоровъ у насъ и за границею. Онъ особенно интересовался именно этою стороною дѣла и, *безъ всякой предвзятой мысли*, старался подмѣчать вліяніе, оказываемое казнью преступника на присутствовавшихъ. Вынесенное имъ впечатлѣніе было совершенно противоположно тому, на которое вообще разсчитываютъ: казнь не оказывала устрашающаго дѣйствія ни на него, ни на толпу; чувствовалось только сожалѣніе къ преступнику. Нельзя было не обратить вниманія и на проявленія въ толпѣ различныхъ признаковъ сомнѣнія на счетъ справедливости приговора, даже среди наиболѣе невѣжественной

публики. Въ толпѣ, жадной до подобныхъ зрѣлищъ, всегда можно услышать разговоры на тему сравненій относительной важности нѣсколькихъ аналогичныхъ случаевъ, изъ которыхъ одни влекли за собою приведеніе приговора въ исполненіе, другіе же заканчивались актомъ помилованія. А какъ смертная казнь, по существу своему, недѣлима, не есть и не должна быть квалифицирована, а между тѣмъ она прилагается къ массѣ разнообразныхъ, по индивидуальнымъ особенностямъ, случаевъ, то въ публикѣ вообще и въ толпѣ, присутствующей при казни, въ частности, невольно возникаютъ сомнѣнія на счетъ справедливости приложенія этой кары въ томъ или другомъ случаѣ. Это ведетъ къ заподозриванію въ жестокости по отношенію къ однимъ и въ излишней снисходительности по отношенію къ другимъ преступникамъ. Всѣ эти толки нисколько не устраняются при непубличномъ исполненіи смертной казни, которая производитъ тоже далеко не устрашающее впечатлѣніе на немногихъ присутствующихъ при ней, въ силу занимаемой ими должности или въ качествѣ десяти человѣкъ изъ публики. Г. Даневскій положительно можетъ удостовѣрить, что, присутствуя при казни (13 Ноября 1882 г.) арестанта Юхнова (въ Ново-Бѣлгородской центральной каторжной тюрьмѣ), осужденнаго за убійство надзирателя, онъ наблюдалъ дѣйствіе исполненія приговора надъ арестантами, присутствовавшими при казни ихъ товарища, въ числѣ отъ восьмидесяти до ста человѣкъ, по распоряженію начальства: среди арестантовъ не было замѣтно ни страха, ни даже смущенія, а скорѣе было состраданіе къ преступнику, переходившее въ замѣтное раздраженіе, когда имъ пришлось быть свидѣтелями продолжительныхъ конвульсій повѣшеннаго.

Весьма вѣроятно, что въ высшихъ законодательныхъ сферахъ не будетъ признано возможнымъ сдѣлать, во всякомъ случаѣ, очень рѣшительный шагъ по пути къ дальнѣйшему прогрессу идеи гуманизаціи уголовнаго кодекса посредствомъ совершенной отмѣны смертной казни. Защитники этой кары, допуская ея примѣненіе въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, могутъ указать на особое внутреннее положеніе нашего государства, находящагося въ экстренныхъ условіяхъ, напоминающихъ собою состояніе необходимой обороны, которое вызываетъ примѣненіе чрезвычайныхъ мѣръ, въ числѣ же послѣднихъ смертная казнь можетъ играть ту же роль, какая ей принадлежитъ въ военное время, напримѣръ при охраненіи особыми мѣрами спокойствія и безопасности арміи, занявшей непріятельскую территорію. Если же дѣло поставлено на такую почву, то все сводится къ рѣшенію вопроса о томъ, что лучше: исключить смертную казнь изъ числа каръ, вводимыхъ въ общіе законы (уложенія о наказаніяхъ), которые предполагаются дѣйствующими при ординарныхъ обстоятельствахъ, въ нормальномъ государственномъ

состояніи, и предоставить, слѣдовательно, примѣненіе ея особымъ чрезвычайнымъ законамъ, спеціально издаваемымъ на случай нужды, или же, сохранивъ ее въ самомъ уложеніи для нѣкоторыхъ видовъ преступленій, къ коимъ она примѣняется и въ настоящихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, тѣмъ самымъ сдѣлать излишнимъ всякое исключеніе изъ нормальной подсудности и изданіе и примѣненіе къ преступникамъ спеціальныхъ законовъ? Г. Даневскому кажется, что справедливѣе и цѣлесообразнѣе будетъ рѣшеніе вопроса во второмъ смыслѣ. Исключительные законы и порядки вообще должны быть примѣняемы въ возможно рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, когда государству угрожаетъ серьезная и крайняя степень опасности. Въ этомъ смыслѣ прибѣгаютъ къ пользованію исключительными законами и державы запада. Идея современнаго государства стремится къ возможно полному и всестороннему осуществленію законодательства постояннаго и нормальнаго, въ частности, въ сферѣ уголовнаго законодательства настоятельно необходимо строгое проведеніе начала, по которому преступникъ, по возможности, заранѣе долженъ знать все зло, представляющееся ему отъ нарушенія закона, и тяжесть угрожающей ему кары, послѣдняя не должна бы вообще находиться въ зависимости отъ различныхъ случайностей, съ которыми сопряжено часто изданіе того или другого экстреннаго закона. Самое даже примѣненіе тягчайшей кары, смертной казни, является болѣе справедливымъ и болѣе примиряетъ съ собою общество въ томъ случаѣ, когда оно происходитъ на основаніи общаго законоположенія, имѣющаго въ виду нормальныя обстоятельства и условія, чѣмъ въ случаѣ примѣненія ея на основаніи сепаратнаго или исключительнаго закона, чрезвычайными судами, которые даже, при наилучшемъ устройствѣ ихъ и величайшей осторожности, не могутъ дать обвиняемому всѣхъ гарантій защиты.

Такимъ образомъ, если законодатель признаетъ нужнымъ сохранить смертную казнь для нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ политическихъ преступленій (согласно дѣйствующему праву), то лучше было бы ввести эту кару въ уложеніе о наказаніяхъ. Но такъ какъ смертная казнь, по справедливому замѣчанію Коммисіи (объясн., стр. 13), находится въ періодѣ вымиранія, а по отношенію къ Россіи даже до такой степени, что ее и совсѣмъ можно бы «вычеркнуть изъ списка уголовныхъ наказаній, налагаемыхъ по общимъ законамъ», то, примиряя, по возможности, сейчасъ приведенное мнѣніе Коммисіи съ вышеупомянутыми соображеніями и возможнымъ несогласіемъ законодательной власти на полную отмѣну этого наказанія остается только пожелать, чтобы число случаевъ смертной казни было крайне *ограничено* и чтобы законъ имѣлъ въ этомъ отношеніи особую снисходительность вообще, а къ *молодому возрасту* и къ *женскому полу* въ частности.

Для того, чтобы сдѣлать примѣненіе смертной казни, по возможности, рѣдкимъ, слѣдовало бы сдѣлать ее *факультативною*, какъ это принято въ венгерскомъ уголовномъ кодексѣ. Наши законы, подобно французскимъ, бельгійскимъ и даже англійскимъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. при *murder*, предумышленномъ убійствѣ), лишаютъ судъ права не приговаривать къ смерти преступниковъ, признанныхъ виновными въ совершеніи одного изъ преступленій, влекущихъ за собою смертную казнь, если судъ или присяжные не признали въ дѣяніи обвиненнаго наличности смягчающихъ обстоятельствъ (circonstances atténuantes). Не рѣдки примѣры, особенно во Франціи, гдѣ судъ, стѣсненный въ свободѣ выбора наказанія, вынужденъ приговаривать подсудимаго къ смерти, сознавая въ то же время, что, несмотря на отсутствіе видимыхъ поводовъ къ снисхожденію, обвиненный все же настолько еще молодъ, относительно не настолько испорченъ и опасенъ, а вредъ, имъ причиненный, не настолько великъ, чтобы къ нему слѣдовало примѣнить эту тяжкую и ничѣмъ не вознаградимую уголовную кару. Въ подобныхъ случаяхъ, французскіе суды прибѣгаютъ обыкновенно къ такъ называемому *recours en grâce*, которое восходитъ на усмотрѣніе верховной власти, помимо и независимо отъ просьбы о помилованіи, подаваемой обвиненнымъ. У насъ, всѣ приговоры о смертной казни (кромѣ преступленій карантинныхъ), постановляются судомъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, и суду, на общемъ основаніи, предоставляется право ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи наказанія. Но какъ французскіе, такъ и наши судьи въ особенности очень стѣснены въ пользованіи этимъ правомъ. Если присяжные или самъ судъ отвергли смягчающія вину обстоятельства, то они этимъ самымъ уже какъ бы признали обвиненнаго лишеннымъ формальнаго права на смягченіе примѣняемаго къ нему нормальнаго наказанія. Такое ходатайство о помилованіи представляется въ существѣ формальнымъ противорѣчіемъ съ непризнаніемъ подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, въ частности же русскому суду было бы очень трудно формулировать подобнаго рода ходатайства; а между тѣмъ общественная совѣсть и соображенія уголовной политики не всегда примирятся со смертными приговорами относительно преступниковъ, злодѣянія которыхъ хотя и обложены нормальнымъ наказаніемъ, смертною казнью, но вмѣстѣ съ тѣмъ не настолько чрезвычайны, чтобы къ нимъ было вполнѣ справедливо и цѣлесообразно примѣнять эту кару. Конечно, и въ этомъ случаѣ преступнику остается еще одинъ путь: обращеніе къ верховной власти съ просьбою о помилованіи. Но акты послѣдняго рода должны бы, какъ это признано въ настоящее время теоріею и, до извѣстной степени, и практикою нѣкото-

рыхъ западныхъ государствъ, исходить возможно рѣже, такъ какъ, вообще говоря, они не соотвѣтствуютъ идеѣ нормальнаго отправленія правосудія.

По этому было бы желательно оговорить въ законѣ, что смертная казнь назначается *факультативно*, т. е. что судъ можетъ, даже не признавъ въ дѣлѣ наличности обстоятельствъ, дающихъ ему право уменьшить наказаніе въ силу статьи 53, замѣнить это наказаніе безсрочною или срочною каторжною работою. Исторія нашего суда съ 1864 года не даетъ достаточныхъ основаній подозрѣвать наши суды (особенно коронныхъ судей) въ излишней снисходительности; поэтому врядъ ли можно ожидать отъ нихъ легкомыслія или злоупотребленія началомъ факультативности. Если бы, однако, законодатель не счелъ возможнымъ и удобнымъ распространить эту факультативность на всѣ случаи, которые будутъ обложены въ законѣ смертною казнью, то ему не трудно ограничить это право суда. Послѣднее можетъ быть отнято у него относительно нѣкоторыхъ, самыхъ тяжкихъ, видовъ государственныхъ преступленій и оставлено за судомъ въ другихъ случаяхъ, предусматривающихъ другіе виды этихъ преступленій.

Въ виду вышеизложеннаго, по мнѣнію г. Даневскаго, представлялось бы желательнымъ измѣнить редакцію статьи 13 проекта такимъ образомъ:

> «Примѣненіе смертной казни факультативно, за исключеніемъ случаевъ, въ ст. предусмотрѣнныхъ. Она совершается чрезъ повѣшеніе, не публично»,

или же, сохранивъ предлагаемую проектомъ редакцію статьи 13-й, оговорить факультативность этого наказанія въ особенной части уложенія, въ соотвѣтствующихъ его статьяхъ, тамъ именно, гдѣ законодатель найдетъ справедливымъ и цѣлесообразнымъ поставить примѣненіе этой кары въ зависимость отъ усмотрѣнія суда.

Резюмируя все сказанное имъ о смертной казни (см. также его замѣчанія, приведенныя подъ ст. 49, 50 и 51), профессоръ Даневскій высказываетъ слѣдующее: допустивъ факультативность смертной казни, хотя бы только для нѣкоторыхъ политическихъ преступленій, изъявъ изъ нея женщинъ безусловно, стариковъ, достигшихъ шестидесяти пяти лѣтъ, и лицъ моложе двадцати пяти лѣтъ, мы сдѣлаемъ значительное *de jure* сокращеніе числа случаевъ ея примѣненія. Всѣ постановленія въ этомъ родѣ, если бы они получили законодательную санкцію, въ связи съ правомъ верховной власти миловать преступника, осужденнаго на смерть, правомъ, которымъ всегда пользовались и будутъ пользоваться наши Монархи, могли бы создать для настоящаго переходнаго времени компромиссъ между неизбѣжностью и необ-

ходимостью, если таковая будетъ признана законодательною властью, сохранить для рѣдкихъ случаевъ эту ужасную кару въ лѣстницѣ уголовныхъ наказаній, и справедливымъ стремленіемъ нашего вѣка къ ея совершенной отмѣнѣ, стремленіемъ, находящимъ себѣ достаточную почву въ исторіи запада, въ уголовной статистикѣ, и особенно у насъ въ Россіи.

Профессоръ Тальбергъ находитъ, что по вопросу *о смертной казни* Коммисія обнаруживаетъ нѣкоторую нерѣшительность. Высказавшись *принципіально* противъ цѣлесообразности этой, отжившей, повидимому, свое время, карательной мѣры и приведя весьма вѣскія соображенія противъ нея, Редакціонная Коммисія, тѣмъ не менѣе, удерживаетъ смертную казнь въ числѣ главныхъ наказаній. Въ виду того, что «вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни», говоритъ Коммисія, «кромѣ чисто юридической стороны, заключаетъ въ себѣ и весьма важную политическую сторону, долженствующую значительно вліять на признаніе своевременности или несвоевременности таковой отмѣны, Редакціонная Коммисія признала болѣе цѣлесообразнымъ *предоставить рѣшеніе этого вопроса на благоусмотрѣніе Государственнаго Совѣта*, а въ лѣстницу проектируемыхъ нынѣ наказаній внести и смертную казнь, ограничивъ область ея примѣненія наиболѣе тяжкими изъ государственныхъ преступленій». Постановка вопроса едва-ли правильная. Государственному Совѣту, въ качествѣ высшаго законодательнаго учрежденія, подлежитъ окончательное обсужденіе всего проекта уложенія, а потому предоставленіе на благоусмотрѣніе Государственнаго Совѣта вопроса объ отмѣнѣ смертной казни не есть рѣшеніе вопроса въ первоначальномъ проектѣ уложенія, при начертаніи коего Редакціонная Коммисія необходимо должна имѣть въ виду совокупность всѣхъ соображеній, говорящихъ въ пользу того или другого рѣшенія вопроса, безъ разграниченія чисто юридическихъ и политическихъ его сторонъ. Область преступленія и наказанія, какъ явленій глубоко публичнаго характера, затрогиваетъ столько сторонъ народной жизни, что Редакціонной Коммисіи въ дальнѣйшей ея работѣ надъ особенною частью уложенія не разъ придется останавливаться надъ вопросами, заключающими въ себѣ извѣстныя *политическія стороны*, и, конечно, трудно предполагать, что Редакціонная Коммисія въ каждомъ подобномъ случаѣ будетъ вносить въ проектъ то, что опровергается въ мотивахъ. Иное отношеніе къ вопросу объ отмѣнѣ смертной казни мы видимъ, напр., въ Австріи, гдѣ парламентская коммисія 1879 г. вовсе не внесла смертную казнь въ проектъ, въ то время какъ правительственные проекты 1874 и 1881 гг. удерживаютъ это наказаніе. Во всякомъ случаѣ, рѣшеніе вопроса здѣсь находится въ проектѣ, а не въ мотивахъ.

Положеніе проекта о смертной казни нуждается въ одномъ существенномъ дополненіи. Примѣненіе закона о лишеніи жизни человѣка должно каждый разъ получать санкцію Верховной Власти въ государствѣ, и было бы несправедливо лишать приговоренныхъ къ смертной казни права пользоваться благодѣяніями помилованія; дополненіе ст. 13 въ томъ смыслѣ, что каждый смертный приговоръ долженъ подлежать утвержденію Государя, значительно ограничитъ область примѣненія смертной казни въ Россіи, если она будетъ удержана въ числѣ наказаній проектируемаго уложенія.

Г. фонъ-Резонъ замѣчаетъ, что общіе доводы за и противъ смертной казни извѣстны всѣмъ и повторять ихъ незачѣмъ. Съ своей стороны, онъ приверженецъ смертной казни и находитъ, что она такое-же необходимое наказаніе, какъ и лишеніе свободы, въ особенности же у насъ. Каждый законъ, а слѣдовательно и уголовное уложеніе, издается не для какого-либо отвлеченнаго идеальнаго общества, не для человѣка вообще, а для людей, живущихъ въ данномъ государствѣ. Слѣдовательно, и вопросъ о необходимости извѣстнаго наказанія рѣшается не одними теоретическими соображеніями и историческими справками, а требованіями и условіями того времени, въ которомъ мы живемъ.

По поводу внесенія въ проектъ смертной казни г. Лихтенштадтъ замѣчаетъ, что если при обсужденіи этого вопроса будетъ обращено вниманіе на число голосовъ, то онъ подаетъ свой скромный, но убѣжденный и рѣшительный голосъ за отмѣну смертной казни. Смертная казнь составляетъ зло, которое не можетъ уравновѣшиваться никакимъ преступленіемъ, потому что подвергаетъ преступника, задолго до ея исполненія, страху смерти. «Живая смерть»—называютъ приговоренные свое состояніе въ промежутокъ отъ произнесенія приговора до его исполненія. Этой живой смерти убійцы не подвергаютъ своихъ жертвъ, по крайней мѣрѣ на столь долгое время. Поэтому острота одного публициста, который сказалъ, что согласенъ на отмѣну смертной казни, но «que les assassins commencent», не выдерживаетъ критики: убійцы убиваютъ, но не подвергаютъ смертной казни. Борьба со смертью жертвы преступленія продолжается нѣсколько минутъ, борьба со смертью приговореннаго къ ней—нѣсколько дней, иногда недѣль.

Скажутъ: неужели же можно было оставить безъ смертной казни злодѣевъ 1 Марта; г. Лихтенштадтъ думаетъ, что они были бы строже наказаны, еслибъ имъ была оставлена жизнь: они увидѣли-бы безплодность своего преступленія, услышали не только проклятія, но и плачъ народа по Царѣ-Осво-

бодителѣ, сознали-бы свою роковую ошибку и всю жизнь мучились-бы раскаяніемъ. Но онъ готовъ сдѣлать уступку. Онъ былъ-бы счастливъ, если бы уложеніе сохранило смертную казнь только для цареубійцъ. Онъ твердо вѣруетъ, что Русская земля не осквернится болѣе подобнымъ злодѣяніемъ и что смертная казнь останется безъ примѣненія.

Если смертная казнь будетъ сохранена за тягчайшія преступленія, она должна быть совершаема, по мнѣнію г. Лихтенштадта, публично. Коммисія предполагаетъ, что публичность казни значительно отягощаетъ участь наказаннаго. Онъ-же, съ своей стороны, думаетъ напротивъ. Если въ тысячной толпѣ преступникъ увидитъ одно лицо, выражающее состраданіе, одну грудь, осѣняющуюся крестнымъ знаменіемъ, онъ съ большимъ присутствіемъ духа встрѣтитъ смерть. Онъ почувствуетъ, что наказаніе искупаетъ его вину, примиряетъ его съ людьми, и онъ въ послѣднюю минуту передъ смертью почувствуетъ себя вновь человѣкомъ. Притомъ, въ публичности онъ долженъ видѣть гарантію правомѣрности своей казни, освященіе ея волею народа. Это особенно относится къ политическимъ преступникамъ. При ограниченіи публичности и гласности суда надъ ними, они могутъ въ непублично исполняемой смертной казни видѣть не казнь, а убійство, которое боится дневнаго свѣта. Они и ихъ соумышленники могутъ, кромѣ того, думать, что народъ сочувствуетъ ихъ преступленію.

При исполненіи казни можетъ случиться, что палачъ, по небрежности или съ умысломъ, увеличитъ страданія своей жертвы, напр., дастъ ей сорваться съ петли, и такимъ образомъ подвергнетъ ее два раза казни; при публичности, такіе случаи не останутся безнаказанными, при келейности же, какъ знать, будутъ-ли такіе случаи записаны въ протоколъ и повѣдутъ-ли они ко взысканію съ виновнаго.

Наконецъ, если сохранить смертную казнь, то нужно пользоваться тѣми немногими выгодами, которыя она можетъ доставить. Онъ говоритъ не объ устрашеніи, выгодѣ сомнительной, а объ отводѣ народной ярости, объ удовлетвореніи жажды мщенія, вызванной преступленіемъ въ народѣ, который могъ-бы обратить свою самоуправную месть на невинныхъ, еслибъ не видѣлъ казни преступниковъ.

Если публичность казни можетъ создать ореолъ мученичества политическимъ преступникамъ, если зрѣлище казни дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ на массу, то мы имѣемъ однимъ аргументомъ больше для отмѣны смертной казни.

Г. Лихтенштадтъ не можетъ не привести здѣсь словъ Chauffour—Kestner'a:

Si la peine de mort est juste, osez donc, comme le faisaient nos pères,

l'exercer au grand jour. Si elle doit moraliser les masses, donnez leur en plein soleil ce terrible enseignement, mais si vous doutez vous-même de votre oeuvre, si vous ne croyez point à l'efficacité de l'appareil du sens, pourquoi n'accordez-vous pas à l'humanité une satisfaction entière? (Спасовичъ, Учебникъ уголовнаго права, § 66).

Г. Зачинскій (Судебная Газета 1883 г., № 4) замѣчаетъ, что къ мотивамъ, высказаннымъ Коммисіею въ пользу отмѣны смертной казни, можно-бы прибавить вопросъ: вправѣ-ли человѣкъ отнимать у себя подобнаго то, что создать не въ его власти? Съ точки зрѣнія религіи, жизнь есть благо, дарованное Богомъ; слѣдовательно, одинъ только Богъ властенъ надъ жизнію человѣка. Это весьма важно въ случаяхъ судебныхъ ошибокъ.

Если же, по современнымъ соображеніямъ, будетъ признано необходимымъ оставить въ числѣ наказаній смертную казнь, то казалось бы примѣненіе ея должно имѣть мѣсто только въ отношеніи къ отчаяннымъ рецидивистамъ, когда окажется, что государство не располагаетъ другими средствами самообороны.

Тотъ-же авторъ останавливается на правилѣ ст. 13, въ силу коего смертная казнь совершается черезъ повѣшеніе. Избирая этотъ способъ казни, Коммисія, повидимому, противорѣчитъ собственнымъ разсужденіямъ о началахъ гуманности и достоинствѣ правосудія. Повѣшеніе, какъ и всякій другой видъ задушенія, или правильнѣе удавленія, сопровождается такими ужасными страданіями, которыя неприсущи никакому иному роду смерти. Остается пожалѣть, что Коммисія не заручилась по этому вопросу мнѣніемъ компетентныхъ врачей. Впрочемъ, не нужно быть врачемъ; всякій, кто имѣлъ случай видѣть смерть отъ механическаго задушенія и удавленія, можетъ судить о мученіяхъ вѣшаемаго. Испытываемый при этомъ ужасъ не поддается описанію.

Вошедшее какъ-бы въ обычай исполненіе казни черезъ повѣшеніе основано на томъ ложномъ убѣжденіи, что повѣшеніе есть болѣе позорный видъ смерти. Позорно собственно преступленіе, но никакъ не наказаніе, которое бываетъ только болѣе или менѣе легкимъ и тяжкимъ. Съ точки зрѣнія каноническаго права, наказаніе есть искупленіе и, по одному этому, непозорно.

Какъ менѣе мучительный видъ казни можно бы рекомендовать разстрѣляніе и обезглавленіе.

Вообще, при всѣхъ видахъ казни невообразимо мучительно—приготовленіе. Спокойное хладнокровіе, нерѣдко непокидающее осужденнаго на

смерть, есть не болѣе какъ разсчетъ на эффектъ; это просто рисовка и желаніе казаться героемъ. Если-же исключить месть изъ числа причинъ смертной казни, то терзанія осужденнаго не отвѣчаютъ требованіямъ правосудія.

Государству нужно защитить общество, извести опаснаго индивидуума.

Поэтому не было-ли бы цѣлесообразнѣе употребленіе сильнодѣйствующихъ ядовъ, даваемыхъ такъ, чтобы осужденный не зналъ, что принимаетъ? Мысль, скажутъ быть-можетъ, дикая, но она человѣчна.

Едва-ли можно считать серіезнымъ возраженіе о необходимости дать возможность преступнику помириться съ своею совѣстью и приготовиться къ смерти, какъ потому, что далеко не всѣ преступники раскаиваются, такъ и потому, что умный духовникъ съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ вліять нравственно и помимо угрозы смертью.

По вопросу объ оставленіи въ текстѣ проекта уложенія перваго изъ перечисленныхъ въ оном наказаній—смертной казни, *В. Д. Спасовичъ*, въ засѣданіи СПБ. Юридическаго Общества, высказалъ, съ своей стороны, слѣдующія соображенія: первая попытка исключенія смертной казни изъ лѣстницы наказаній сдѣлана была Императрицею Елизаветою, по чувству гуманности, въ отношеніи лишь общихъ преступленій, неполитическихъ. Попытка эта обусловливалась существованіемъ кнута, плетей, прогнанія сквозь строй, короче сказать, существованіемъ наказаній тѣлесныхъ, равносильныхъ, при строгомъ исполненіи, усиленной смертной казни. Прошло затѣмъ цѣлое столѣтіе, въ теченіе коего эти тѣлесныя наказанія мало по малу вымирали, а смертная казнь, по отношенію къ общимъ преступленіямъ, не возстановлялась. И нынѣ вопросъ о существованіи смертной казни въ лѣстницѣ наказаній за преступленія общія (даже и карантинныя) рѣшается составителями новаго проекта уложенія въ отрицательномъ смыслѣ.

Но исключеніе смертной казни изъ общаго уложенія уголовнаго не предрѣшаетъ даже, по мнѣнію самой Коммисіи, вопроса о томъ, что смертная казнь не будетъ примѣняться.

При нынѣшнихъ условіяхъ жизни, нельзя и льстить себя надеждою, что вычеркнутая изъ лѣстницы наказаній, установленной въ кодексѣ, смертная казнь не будетъ примѣняться въ дѣйствительности. Она можетъ воскреснуть и возстановиться въ иной формѣ, если не въ общемъ уложеніи, то въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ, и можетъ быть примѣняема, если не гражданскими, то военными или иными судами.

А. Н. Турчаниновъ, возразилъ на это, что уложеніе пишется для правильнаго и обыкновеннаго теченія жизни общества, и высказался за исключеніе изъ лѣстницы наказаній смертной казни.

Е. И. Утинъ, высказываясь за исключеніе смертной казни изъ текста ст. 2 проекта уложенія, замѣтилъ, что не можетъ не упрекнуть составителей проекта въ нѣкоторой непослѣдовательности, выразившейся въ томъ, что Редакціонная Коммисія, высказавшись категорически, по основаніямъ, изложеннымъ въ объяснительной запискѣ, противъ пригодности смертной казни, какъ наказанія, нашла, тѣмъ не менѣе, возможнымъ удержать этотъ видъ наказанія въ выработанномъ ею проектѣ. Было-бы правильнѣе, по мнѣнію г. Утина, не внося въ проектъ уложенія смертной казни, возложить отвѣтственность за сохраненіе въ новомъ кодексѣ этого вымирающаго наказанія на тѣхъ государственныхъ людей, которымъ, при окончательной выработкѣ уложенія, предстоитъ руководствоваться, главнымъ образомъ, соображеніями политическаго и практическаго свойства.

Возражая г. Утину, предсѣдательствующій *В. Д. Спасовичъ* замѣтилъ, что вопросъ объ исключеніи смертной казни изъ уложенія не ставится столь рѣзко и безусловно, какъ то дѣлается въ выводахъ г. Утина, то есть, что могутъ быть лица, отвергающія смертную казнь въ принципѣ, которые, однако, выскажутся противъ своевременности ея исключенія нынѣ-же изъ кодекса. Ненаказуемость смертною казнью общихъ уголовныхъ преступленій есть такое пріобрѣтеніе русской исторіи, которое останется и котораго отмѣна и не предвидится, и не предлагается. Весь вопросъ только въ смертной казни за преступленія политическія. Отмѣна смертной казни за политическія преступленія была-бы, во всякомъ случаѣ, доказательствомъ вѣры правительства въ совершенную прочность и устойчивость государственнаго порядка; посему, она обыкновенно была изрекаема во времена совершенно спокойныя, а не тревожныя. Если съ этой стороны подойти къ вопросу и разрѣшать его не по тому, что кому нравится и чему онъ сочувствуетъ, но по тому, правильно-ли его разрѣшеніе въ условіяхъ нашей жизни 1882 и 1883 годовъ, то, можетъ быть, нѣкоторые изъ разсуждающихъ предпочтутъ, вмѣсто того, чтобы строить государственныя идилліи, посмотрѣть прямо дѣйствительности въ глаза и отказаться отъ немедленнаго осуществленія идеаловъ, пока пора осуществленія ихъ еще не пришла.

По мнѣнію *П. А. Александрова*, вопросъ объ удержаніи въ лѣстницѣ наказаній смертной казни долженъ быть разсмотрѣнъ при обсужденіи особенной части. Кромѣ того, едва-ли желательно исключеніе смертной казни изъ уложенія, такъ-какъ она несомнѣнно сохранится въ исключительныхъ законахъ, которые будутъ примѣняться исключительными судами,—сохра-

неніе-же ея въ уложеніи дастъ возможность примѣнять ее судамъ ординарнымъ.

Дѣйст. членъ *К. М. Гарткевичъ*, признавая неудобнымъ совершенное исключеніе смертной казни изъ проекта уложенія, предложилъ: не вводя смертной казни въ лѣстницу наказаній, установляемую проектомъ, оставить ее, всетаки, въ уложеніи, въ видѣ исключительной мѣры, указавъ въ законѣ точно и опредѣленно объемъ и случаи ея примѣненія.

А. Ф. Кони высказалъ, что онъ присоединяется къ мнѣнію о разсмотрѣніи вопроса при обсужденіи особенной части. Вопросъ о смертной казни нельзя разрѣшить теоретически и отвлеченно: на этой почвѣ пренія могутъ быть безконечны. Станъ противниковъ смертной казни обширенъ, но и въ ряду ея защитниковъ есть такія имена, какъ Д. С. Милль. Составители проекта считаютъ возможнымъ упразднить смертную казнь въ уложеніи съ чисто юридической стороны, но находятъ, что есть соображенія практически-политическія, по которымъ смертная казнь можетъ быть удержана. Поэтому и надо этотъ вопросъ свести на практическую почву и посмотрѣть, за что именно предполагается смертная казнь въ особенной части. Только тогда можно оцѣнить тѣ соображенія, по которымъ смертная казнь могла-бы остаться. При этомъ пренія могли-бы выяснить, на конкретныхъ случаяхъ, какихъ результатовъ, по отношенію къ нравственному удовлетворенію общества и по отношенію его къ осужденному, достигаетъ казнь, и не ведетъ-ли она въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ результатамъ, противуположнымъ тѣмъ, которыхъ предполагалось достигнуть.

На замѣчанія А. Ф. Кони, *В. К. Случевскій* возразилъ, что, по мнѣнію его, вопросъ о внесеніи смертной казни въ лѣстницу наказаній можетъ быть разрѣшенъ при обсужденіи проекта 1-го раздѣла. У каждаго изъ криминалистовъ имѣется въ представленіи каталогъ преступныхъ дѣяній и слѣдующихъ за нихъ наказаній. Если кто-либо признаетъ, что мыслимъ случай совершенія такого преступленія (въ чемъ-бы ни заключалась его природа), за которое слѣдуетъ примѣнить смертную казнь, то такому лицу надлежитъ подать голосъ за удержаніе въ проектѣ смертной казни, и наоборотъ, если, по убѣжденію члена общества, подающаго свой голосъ, немыслимо существованіе такого преступленія, за которое надлежало-бы примѣнить смертную казнь, то онъ долженъ подать голосъ противъ смертной казни, независимо отъ оцѣнки особенной части уложенія. Что касается до существа вопроса, то В. К. Случевскій замѣчаетъ, что главнымъ основаніемъ защитниковъ смертной казни представляется презумпція, что наказаніе это дѣйствуетъ устрашительно и, благодаря этому своему свойству, получаетъ высокое

практическое значеніе. В. К. Случевскій не можетъ признать этого основанія вѣрнымъ. Присутствуя, въ 60-хъ годахъ, при исполненіи шести смертныхъ приговоровъ, въ Царствѣ Польскомъ, онъ убѣдился личнымъ опытомъ, что смертная казнь возбуждаетъ своимъ исполненіемъ только чувство злобы, а также сожалѣнія къ личности казненнаго.—Не вѣря по сему въ цѣлесообразность этого наказанія, В. К. Случевскій подаетъ голосъ противъ него.

М. В. Красовскій полагалъ, что обществу нѣтъ основанія откладывать возбужденнаго вопроса до изготовленія Коммисіею особенной части уложенія. Дѣйствующее уложеніе знаетъ только два случая примѣненія смертной казни: за преступленія политическія и карантинныя.—Можно смѣло разсчитывать, что объемъ примѣненія смертной казни не только не будетъ расширенъ, а скорѣе съуженъ, въ смыслѣ примѣненія ея лишь за одни политическія преступленія.

Н. Д. Сергіевскій полагалъ, что, такъ-какъ юридическое общество не законъ пишетъ, а ограничивается лишь подачею своего мнѣнія по содержанію возбужденнаго имъ-же самимъ вопроса, то оно и должно высказать категорически, нынѣ-же, свое мнѣніе за отмѣну или сохраненіе смертной казни въ лѣстницѣ наказаній проектируемаго уложенія. Высказываясь, съ своей стороны, за отмѣну смертной казни, въ подкрѣпленіе такого своего мнѣнія, онъ указалъ на слѣдующія основанія.

При обсужденіи проекта 1813, а затѣмъ 1824 гг., указъ Елизаветы 1754 г. получилъ совершенно неправильное толкованіе, удерживавшееся и до послѣдняго времени, что имъ смертная казнь отмѣнялась только за общія преступленія. Изъ матеріаловъ, нынѣ обнародованныхъ по этому предмету, напротивъ видно, что Императрица Елизавета имѣла намѣреніе *безусловно* отмѣнить смертную казнь, какъ за общія преступленія, такъ и за политическія. Указомъ 30 Марта 1754 г. она поручила Дѣйств. Стат. Совѣт. Олсуфьеву объявить коммисіи, сочинявшей проектъ уложенія 1754 г., что «Ея Императорское Величество повелѣть соизволила въ новосочиняемомъ уложеніи за подлежащія вины смертной казни не писать». Коммисія однако не послѣдовала указу Императрицы Елизаветы. Въ слѣдующее царствованіе, вслѣдствіе временныхъ смутъ въ государствѣ, указъ этотъ былъ забытъ. Но въ настоящее время государственный порядокъ настолько окрѣпъ, что, слѣдуя примѣру Елизаветы, смертную казнь можно смѣло вычеркнуть изъ проектируемаго уложенія.

Собраніе, признавая необходимымъ нынѣ же высказаться по возбужденному имъ вопросу о смертной казни, приступило къ голосованію, причемъ за исключеніе смертной казни изъ числа наказаній подано 27 голосовъ, 9—за

ея оставленіе, и 4—за отложеніе голосованія до разсмотрѣнія особенной части уложенія, а именно: отдѣла о преступленіяхъ политическихъ.

Останавливаясь на текстѣ ст. 13, Редакціонный Комитетъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества предложилъ слѣдующія измѣненія въ означенной статьѣ: 1) смертная казнь совершается публично и 2) всякій приговоръ о смертной казни вносится на Высочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе.

Соображенія, на которыхъ основано предложеніе, слѣдующія:

Въ ст. 18 улож. сказано: виды смертной казни опредѣляются судомъ въ его приговорѣ, а изъ ст. 71 слѣдуетъ заключить, что предоставлены два вида казни: либо отсѣченіе головы, либо повѣшеніе. Если, по объяснительной запискѣ къ проекту, смертная казнь оставляется до поры до времени, когда ее можно будетъ совсѣмъ отмѣнить, то ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ видоизмѣнять теперешнее положеніе дѣлъ по закону, оставляя изъ двухъ закономъ допускаемыхъ способовъ самый позорный и, повидимому, самый мучительный. Что касается до публичности исполненія казни, то главное, по мнѣнію ея защитниковъ, ея достоинство заключается только въ ея устрашительности, въ впечатлѣніи, которое производитъ самый видъ ея на народъ. Непубличность казни указываетъ на сомнѣніе въ этомъ качествѣ, соединенное съ желаніемъ сохранить казнь какъ можно дольше, хотя-бы она, вслѣдствіе ея непубличнаго исполненія, никакого непосредственнаго впечатлѣнія не производила, т. е. отсрочить отмѣну казни на возможно продолжительное время.

Н. Д. Сергіевскій высказалъ, что, по его мнѣнію, исключеніе словъ: «черезъ повѣшеніе»—не можетъ быть принято, въ виду отсутствія возможности замѣны этого способа какимъ-либо другимъ, лучшимъ.

К. М. Гарткевичъ—что есть и другой способъ совершенія смертной казни—это разстрѣляніе, которое, при предполагаемомъ измѣненіи 13 ст., можетъ быть примѣнено.

Н. Д. Сергіевскій — относительно публичности и непубличности отправленія смертной казни объяснилъ, что оба рода имѣютъ деморализующее вліяніе на массу народа; въ подтвержденіе подобнаго вліянія при совершеніи казни непублично, онъ привелъ, какъ примѣръ, совершеніе казни въ Англіи, въ стѣнахъ тюрьмы, причемъ у воротъ ея собирается толпа народа въ ожиданіи появленія на зданіи тюрьмы чернаго флага—знака о совершившемся правосудіи. Въ Берлинѣ, послѣ казни Геделя, дѣти въ садахъ и на улицахъ воспроизводили ее въ своихъ играхъ. Всякое наказаніе держится въ практикѣ до тѣхъ поръ, пока народное сознаніе съ нимъ мирится; совершеніе-же казни непублично прямо указываетъ

на попытку изъять ее отъ контроля народа. Въ заключеніе, г. Сергѣевскій высказался за совершеніе казни публично.

Онъ-же, относительно представленія приговоровъ о смертной казни на Высочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе, замѣтилъ, что исторія русскаго права прямо указываетъ на то, что исполненіе смертной казни находилось подъ контролемъ Верховной Власти. Въ подтвержденіе сказаннаго, онъ сослался на ст. 617 2 ч. XV т. изд. 1857 г. и 799 ст. тѣхъ же законовъ изд. 1876 г., на основаніи которыхъ приговоры о смертной казни восходили на Высочайшее утвержденіе. Въ заключеніе, г. Сергѣевскій предложилъ, въ виду того, что представленіе приговоровъ на утвержденіе есть судопроизводственная обрядность, а не постановленіе матеріальнаго права—сдѣлать соотвѣтствующую вставку въ этомъ смыслѣ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства.

На голосованіе были поставлены слѣдующіе вопросы:

1) за исключеніе въ 13 ст. словъ «черезъ повѣшеніе» высказалось 13 голосовъ противъ 6;

2) за совершеніе казни непублично, согласно закону отъ 26 Марта 1881 г.,—12 г. противъ 8;

3) за предложеніе прибавки о представленіи смертныхъ приговоровъ на Высочайшее усмотрѣніе—15 г. противъ 5.

Изъ числа наказаній, внесенныхъ въ проектъ, Коммисія Новороссійскаго Юридическаго Общества считаетъ необходимымъ исключить смертную казнь.

Коммисія не находитъ нужнымъ подробно мотивировать это заключеніе свое, такъ-какъ доводы несправедливости и нецѣлеобразности смертной казни съ достаточною полнотою приведены въ объяснительной запискѣ Редакціонной Коммисіи, а ограничивается только указаніемъ мотивовъ въ общихъ чертахъ.

1) Лишеніе преступника жизни идетъ въ разрѣзъ съ современнымъ понятіемъ объ уголовномъ наказаніи, которое, отвергнувъ жестокое jus talionis, постановило цѣлью исправленіе преступника.

2) Наказаніе это, отнимая жизнь осужденнаго, дѣлаетъ невозможнымъ исправленіе судебной ошибки. Кромѣ того, оно исключаетъ отмѣнимость наказанія на тотъ случай, когда, въ силу ли измѣнившагося общественнаго строя, или въ силу перемѣнъ въ законодательствѣ данной страны, окажется ненаказуемымъ, или наказуемымъ, но не въ такой степени, то дѣяніе, за которое, въ моментъ его совершенія, назначалась смертная казнь.

3) Наказаніе смертною казнью не достигаетъ и цѣли устрашенія;

и 4) Оно, какъ наказаніе абсолютное, не допускаетъ ни дѣлимости, ни устепененности,этихъ основныхъ условій всякаго уголовнаго наказанія.

Члены Коммисіи Новороссійскаго Юридическаго Общества А. В. Волковъ и А. А. Степановъ, признавая несостоятельность смертной казни, какъ наказанія, со стороны юридической, находили, согласно съ мнѣніемъ Редакціонной Коммисіи, что вопросъ о своевременности отмѣны смертной казни несомнѣнно заключаетъ въ себѣ весьма важную политическую сторону, подлежащую окончательному обсужденію законодательной власти. Вслѣдствіе сего, они полагали, что, изложивъ свое сужденіе о значеніи этого наказанія, Коммисіи не слѣдуетъ исключать его изъ разсматриваемаго проекта, высказавъ, однако, при этомъ мнѣніе свое, что, если смертная казнь будетъ сохранена въ уголовномъ уложеніи, то, по убѣжденію Коммисіи, область ея примѣненія надлежало-бы ограничить лишь государственными преступленіями, и при этомъ наиболѣе тяжкими изъ нихъ.

Обсуждая проектъ, Юридическое Общество при Новороссійскомъ Университетѣ высказалось противъ смертной казни съ юридической стороны, признавъ себя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не компетентнымъ обсуждать вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни за государственныя преступленія.

По вопросу о включеніи въ проектъ смертной казни, *В. В. Смиттеномъ* прочитанъ, въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества, рефератъ слѣдующаго содержанія:

Сдѣлавъ прекрасный историческій очеркъ примѣненія смертной казни на Западѣ и въ Россіи, во-очію доказывающій постепенное ея вымираніе, Коммисія высказывается противъ этого наказанія. Но, въ виду того, что вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни имѣетъ, кромѣ юридической, и политическую сторону, она признала нужнымъ предоставить рѣшеніе этого вопроса на усмотрѣніе Государственнаго Совѣта, а смертную казнь сохранить въ проектѣ, съ ограниченіемъ,однако, области ея примѣненія наиболѣе тяжкими изъ государственныхъ преступленій.

Коммисія разсматриваетъ вопросъ о смертной казни съ точекъ зрѣнія: 1) права государства на примѣненіе ея, 2) справедливости и 3) цѣлесообразности ея.

Коммисія признаетъ право государства на примѣненіе смертной казни и выводитъ его изъ общаго права государства наказывать нарушителей закона, въ видахъ охраненія интересовъ и безопасности всего общества.

Нельзя, однако, не замѣтить, что такимъ-же путемъ можно было-бы

вывести право государства на примѣненіе квалифицированной смертной казни или изувѣчивающихъ наказаній. Несомнѣнное право государства отправлять уголовное правосудіе и карать преступниковъ для защиты интересовъ и безопасности общества не служитъ, само по себѣ, доказательствомъ права государства останавливаться на такихъ видахъ наказанія, примѣненіе которыхъ не вызывается справедливостью и необходимостью или, по меньшей мѣрѣ, общею пользою. Право государства на примѣненіе того или другого рода возмездія не можетъ быть устанавливаемо съ точки зрѣнія *абсолютной*, въ силу какихъ-либо метафизическихъ началъ. Оно возникаетъ путемъ историческимъ, подъ вліяніемъ условій и нуждъ общежитія. И въ прежнія времена, когда правовое начало не было господствующимъ въ общественныхъ организмахъ, государство, примѣняя тотъ или другой видъ наказанія, руководилось не столько возможностью осуществить его, сколько дѣйствительными требованіями общежитія. Если смертная казнь, во многихъ случаяхъ квалифицированная, была въ то время чуть не единственнымъ наказаніемъ за болѣе важныя преступленія, то потому, что у государства не было другихъ средствъ для обезпеченія общества отъ преступника; при безправности-же личности и существованіи общей опасности, жизнь не имѣла значенія такого блага, какъ въ настоящее время, и потому угроза простымъ лишеніемъ жизни не представлялась угрозой достаточно сильной. Тѣмъ болѣе, въ современныхъ «полицейскихъ» или «юридическихъ» государствахъ, при господствѣ въ нихъ правоваго начала, право государства на примѣненіе того или другаго вида наказанія опредѣляется условіями и надобностями современной государственной жизни. Насколько измѣнчивы эти условія, настолько измѣнчиво понятіе о правѣ государства примѣнять извѣстный видъ наказанія. Едва-ли, въ настоящее время, могъ быть поставленъ вопросъ о правѣ государства примѣнять квалифицированную смертную казнь, наказывать выкалываніемъ глазъ и т. п. По историческому ходу примѣненія смертной казни не трудно предвидѣть, согласно съ мнѣніемъ Коммисіи, что и простая смертная казнь не въ далекомъ будущемъ должна исчезнуть изъ общихъ гражданскихъ кодексовъ. Съ исчезновеніемъ ея, не будетъ и вопроса о правѣ государства на примѣненіе ея.

Устраняя, такимъ образомъ, вопросъ объ *абсолютномъ* правѣ государства на примѣненіе смертной казни, *В. В. Смитгенъ* находитъ, что вопросъ можетъ быть поставленъ лишь *относительно*: можно-ли, въ настоящее время, при существующихъ условіяхъ общественной жизни въ культурныхъ государствахъ, признавать за государствомъ право на примѣненіе смертной казни? Отвѣтъ, кажется, можетъ быть только одинъ: если примѣненіе смертной казни справедливо и необходимо для охраны существующаго порядка и

безопасности въ государствѣ, то право государства на примѣненіе ея невозможно оспаривать. Но, съ такимъ разрѣшеніемъ, самый вопросъ о правѣ теряетъ самостоятельное значеніе и сводится къ справедливости и необходимости или цѣлесообразности смертной казни.

Затѣмъ, Коммисія выражаетъ сомнѣніе въ справедливости смертной казни. Указывая на разнообразіе, существующее въ постановленіяхъ разныхъ кодексовъ по вопросу о примѣненіи ея, такъ что преступленія, которыя въ одномъ государствѣ облагаются смертною казнью, въ другомъ государствѣ наказываются сравнительно легко, она полагаетъ, что народная совѣсть не можетъ представлять такія различія въ странахъ, сходныхъ по культурѣ, темпераменту и нравамъ жителей. Такимъ образомъ, объяснительная записка хочетъ сказать, что нѣтъ основанія полагать, чтобы примѣненіе смертной казни соотвѣтствовало требованіямъ народной совѣсти.

Нѣтъ сомнѣнія, что постановленія кодексовъ могутъ не соотвѣтствовать требованіямъ народной совѣсти; но трудно согласиться съ мнѣніемъ, что народныя понятія о справедливости примѣненія смертной казни къ тому или другому виду преступленія не могутъ быть различны въ странахъ, даже сходныхъ во многихъ отношеніяхъ.

Понятіе о справедливомъ и несправедливомъ, подобно понятіямъ добра и зла, въ большей или меньшей мѣрѣ, присущи сознанію каждаго человѣка и каждаго общественнаго союза. Понятіе о справедливости составляетъ необходимый элементъ общежитія, и безъ господства ея, не могутъ быть обезпечены спокойствіе и миръ внутри общества. Но это понятіе можетъ быть признано абсолютнымъ только въ самыхъ общихъ, основныхъ своихъ началахъ, во всемъ прочемъ оно—вполнѣ относительное. То, что признавалось справедливымъ въ одно время, часто признается рѣшительно несправедливымъ въ другое. Въ обществахъ понятія о справедливости складываются и видоизмѣняются подъ неуловимымъ вліяніемъ всей совокупности условій его жизни. Въ примѣненіи къ вопросамъ уголовнымъ, наказаніе, какъ общее понятіе, всегда и вездѣ, по господствующимъ воззрѣніямъ, представлялось и представляется прежде всего актомъ справедливости, актомъ воздаянія заслуженнаго и должнаго. Но, по вопросу о справедливости того или другого вида наказанія, господствующіе взгляды подвергались постепенно значительнымъ измѣненіямъ. Квалифицированная смертная казнь и тяжкія тѣлесныя наказанія признавались въ прежнее время справедливыми даже людьми передовыми. Теперь о справедливости ихъ не можетъ быть и рѣчи. Нѣтъ также сомнѣнія, что въ будущемъ общественное сознаніе, во всѣхъ культурныхъ государствахъ, признаетъ несправедливою и простую смертную казнь. Можно основательно предполагать, что затѣмъ ту-же участь постигнетъ по-

жизненное лишеніе свободы и что, послѣ того, возникнетъ вопросъ о справедливости сократить сроки заключенія. На чемъ окончится это поступательное движеніе, невозможно предвидѣть.

Вопросъ о справедливости, въ настоящее время, смертной казни можетъ быть подвергнутъ изслѣдованію съ двоякой точки зрѣнія.

Теоретически этотъ вопросъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ. Если условія общественной жизни не предоставляютъ достаточныхъ гарантій противъ наиболѣе опасныхъ и тяжкихъ преступниковъ, и необходимость заставляетъ прибѣгать къ легчайшему изъ способовъ отдѣлаться отъ такихъ лицъ, то смертную казнь слѣдуетъ признавать справедливою.

Несправедливымъ представляется лишь то наказаніе, которое жестоко *свыше надобности*. Всякое наказаніе, по существу своему, жестоко. Но справедливость не предполагаетъ непремѣнно мягкости, она можетъ быть и сурова; и справедливость и гуманность—понятія близкія, но не тождественныя.

Съ этой теоретической точки зрѣнія, вопросъ о справедливости смертной казни теряетъ самостоятельное значеніе и, подобно вопросу о правѣ государства примѣнять ее, сводится къ вопросу объ ея необходимости и цѣлесообразности.

Но вопросъ о справедливости смертной казни не теряетъ самостоятельнаго значенія, если посмотрѣть на него съ точки зрѣнія господствующихъ общенародныхъ воззрѣній на смертную казнь. Если швейцарцы—впрочемъ, незначительнымъ большинствомъ голосовъ—возстановили смертную казнь за нѣкоторыя общія преступленія, то едва-ли они входили въ юридическія соображенія о необходимости и цѣлесообразности ея. По всей вѣроятности, они признали ее справедливою подъ вліяніемъ непосредственнаго чувства, возмущаемаго наиболѣе рѣзкими и отвратительными проявленіями преступности. Если поставить вопросъ: соотвѣтствуетъ-ли смертная казнь понятіямъ о справедливости, господствующимъ въ Россіи, то, по всему вѣроятію, на общій вопросъ о справедливости смертной казни совѣсть нашего народа, склоннаго гуманно смотрѣть на тяжкихъ преступниковъ и считать ихъ несчастными, дала-бы отвѣтъ не въ пользу этого наказанія. Но не подлежитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни малѣйшему сомнѣнію, что народная совѣсть во всѣхъ слояхъ государства, отъ низшихъ до высшихъ, сдѣлала-бы нѣкоторыя исключенія изъ этого общаго правила и высказалась-бы самымъ рѣшительнымъ образомъ за безусловную справедливость смертной казни въ одномъ, по меньшей мѣрѣ, тягчайшемъ случаѣ преступности.

Законодательство должно одинаково изслѣдовать обѣ точки зрѣнія на справедливость смертной казни. Оно должно изслѣдовать необходимость и

цѣлесообразность этого наказанія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обращать вниманіе на непосредственныя понятія народа о справедливости смертной казни. Какой изъ этихъ точекъ зрѣнія, въ случаѣ несогласія между ними, отдать преимущество, какъ примирить ихъ,—вопросъ болѣе политическаго, чѣмъ юридическаго свойства.

Наконецъ, Коммисія признаетъ смертную казнь нецѣлесообразною: 1) потому что мнѣніе объ устрашительности ея опровергается указаніями опыта и уголовной статистики; въ нѣкоторыхъ-же преступленіяхъ смертная казнь, по мнѣнію Коммисіи, какъ-бы способствуетъ ихъ распространенію, и 2) потому что мнѣніе о необходимости смертной казни въ отношеніи закоренѣлыхъ преступниковъ, для охраны безопасности общества, несостоятельно, такъ-какъ наиболѣе неисправимыми являются не тяжкіе, а сравнительно маловажные преступники.

Доводы противниковъ смертной казни не ограничиваются этими аргументами. Изъ числа ихъ указаній, серьезнѣйшими, кромѣ указанныхъ Коммисіей, признаются: 1) непоправимость смертной казни, 2) вредное вліяніе ея на отправленіе правосудія и 3) тяжелое впечатлѣніе и вредное вліяніе на нравы, производимыя ея примѣненіемъ.

Но противъ этихъ доводовъ можно представить достаточно вѣскія возраженія.

1) Прежде всего нельзя не сказать, что имѣющихся данныхъ опыта и уголовной статистики весьма недостаточно для заключенія, что смертная казнь устрашительнѣе не болѣе, чѣмъ пожизненное заключеніе.

Коммисія, приводя многочисленныя данныя о количествѣ произнесенныхъ и исполненныхъ смертныхъ приговоровъ, вовсе не указываетъ статистическихъ данныхъ о вліяніи, какое оказывала отмѣна смертной казни за извѣстныя преступленія на количество возникавшихъ преступленій того-же рода. Наиболѣе полный сборникъ статистическихъ данныхъ, касающихся смертной казни, сколько извѣстно г. Смиттену, представляетъ сочиненіе Миттермайера. Но и у него нѣтъ никакихъ точныхъ данныхъ по этому предмету (стр. 18, 19, 152 и 87 о Тосканѣ; стр. 20 объ Австріи; стр. 39 и 87 объ Ольденбургѣ; стр. 41 и 86 объ Англіи; стр. 88 о Нассау и Невшательскомъ кантонѣ). Большая часть его указаній ссылается на мнѣнія и отзывы отдѣльныхъ лицъ, писателей и государственныхъ людей о томъ, что отмѣна смертной казни за то или другое преступленіе не имѣла вліянія на увеличеніе въ извѣстномъ государствѣ преступленій, облагавшихся прежде смертной казнью. Но, рядомъ съ этимъ, имѣются указанія на то, что неоднократно были высказываемы діаметрально противоположные взгляды о вліяніи отмѣны смертной казни на увеличеніе преступленій (напр., стр. 41, 46, 87 и др.).

Иногда заявленіе Миттермайера, что отмѣна смертной казни не оказывала вліянія на количество преступленій, составляетъ произвольный выводъ изъ приводимыхъ имъ статистическихъ данныхъ, вовсе не дающихъ основанія для такого заключенія (стр. 88 о Нассау). Въ одномъ случаѣ (стр. 41 и 86 объ Англіи) онъ ссылается на статистическія данныя, но, къ сожалѣнію, не приводитъ ихъ. У Миттермайера-же есть указанія, что были случаи увеличенія преступленій послѣ отмѣны смертной казни (стр. 87 о Родъ-Эйландѣ), и что въ законодательныхъ палатахъ нерѣдко указывалось на опыты и статистическія данныя, въ подтвержденіе того, что количество преступленій, обложенныхъ смертной казнью, увеличилось съ отмѣною ея (стр. 41 и 46 о Бельгіи).

Такимъ образомъ, нѣтъ надежныхъ матеріаловъ, изъ коихъ можно былобы дѣлать точныя заключенія о вліяніи отмѣны смертной казни на количество преступленій, облагавшихся ею, и не представляется основаній дѣлать выводы о томъ, что отмѣна ея не увеличиваетъ количества преступленій.

То, весьма возможное, обстоятельство, приводимое Коммисіею, что смертная казнь никогда не могла *остановить роста* той или другой группы преступленій, не доказываетъ, однако, чтобы отмѣна смертной казни не повліяла, въ такія эпохи, на усиленіе роста этихъ преступленій.

Несомнѣнно, что преступленіе вызывается совокупностью разнообразныхъ условій, лежащихъ какъ въ самомъ преступникѣ, такъ и внѣ его. Но невозможно, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрицать, особенно въ преступленіяхъ предумышленныхъ, что страхъ возможнаго наказанія долженъ оказывать на преступника нѣкоторое вліяніе, въ смыслѣ обстоятельства, удерживающаго отъ совершенія преступленія. Чѣмъ выше наказаніе, которымъ грозитъ законъ, тѣмъ страхъ наказанія долженъ быть сильнѣе въ душѣ преступника. Поэтому, основываясь, при недостаткѣ статистическихъ данныхъ, на указаніяхъ непосредственнаго чувства, едва-ли можно отрицать наиболѣе устрашительное дѣйствіе смертной казни на душу готовящагося преступника. Этого вліянія не отрицаютъ въ принципѣ даже противники смертной казни. Такъ, Миттермайеръ (стр. 118) признаетъ, что устрашающая сила смертной казни удерживала во многихъ случаяхъ отъ совершенія преступленія, но находитъ это вліяніе смертной казни непостояннымъ. Бернеръ (Учебникъ, въ изложеніи г. Неклюдова, т. I, стр. 755), не отрицая большой устрашительности смертной казни, находитъ, что устрашающая сила лишенія свободы столь же, если не больше, дѣйствительна, чѣмъ постановленная закономъ, *но въ большинствѣ случаевъ неупотребляемая*, смертная казнь. Г. Спасовичъ только сомнѣвается въ устрашительности смертной казни (Учебникъ, стр. 186 и 189), но, затѣмъ, и не отрицаетъ ея (стр. 190). Конечно, Коммисія

права, говоря, что страхъ подвергнуться смертной казни ослабляется надеждою на то, что виновность не будетъ раскрыта, на возможность побѣга и, между прочимъ, помилованія. Но это соображеніе только подтверждаетъ мнѣніе о наибольшей устрашительности самой смертной казни.

Въ частности, нельзя не замѣтить: 1) что устранить, ослабляющее устрашеніе, вліяніе чрезмѣрно частаго помилованія зависитъ отъ законодателя и 2) что усиленіе репрессіи несомнѣнно можетъ вести къ уменьшенію случаевъ примѣненія смертной казни и къ замѣнѣ ея, по закону, пожизненнымъ заключеніемъ, такъ-какъ ослабленіе надежды на безнаказанность вознаграждаетъ уменьшеніе устрашительнаго дѣйствія самаго наказанія.

Съ мнѣніемъ Коммисіи, что въ области политическихъ преступленій смертная казнь нерѣдко какъ-бы усиливаетъ распространеніе преступленій, сплачивая партіи и создавая мученичество, нельзя, говоря вообще, не согласиться, но съ весьма важной оговоркой. Насколько это мнѣніе вѣроятно въ отношеніи обыкновеннаго вида государственныхъ преступленій, на столько-же оно сомнительно въ отношеніи безчестныхъ преступленій измѣны отечеству и посягательства на личность главы государства. Если первое преступленіе способно возбуждать фанатизмъ, потому что въ основѣ его нерѣдко лежитъ жажда общаго блага, хотя и превратно понимаемаго, то послѣднія, какъ дѣйствія безусловно безчестныя, могутъ оказывать лишь ограниченный кругъ вліянія на совершенно испорченныя натуры, дошедшія до крайняго предѣла изувѣрства и животной злобы; вызывая лишь чувство омерзѣнія и самое недвусмысленное общественное негодованіе, эти послѣднія преступленія не въ состояніи возбуждать фанатизма въ сколько нибудь распространенной средѣ.

2) Вопросъ о примѣненіи смертной казни для охраны безопасности общества можетъ возникать лишь въ отношеніи наиболѣе тяжкихъ преступленій. Хотя и замѣчено, что самыми неисправимыми являются, преимущественно, сравнительно маловажные преступники, но приносимый ими вредъ не настолько великъ, чтобы, по правовымъ воззрѣніямъ общества, представлялось справедливымъ подвергать ихъ смертной казни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и необходимою можетъ представляться смертная казнь лишь въ томъ случаѣ, если сохраненіе жизни преступника грозитъ серьезною опасностью высшимъ благамъ членовъ общества. Такъ, напр., если совокупность преступленій или повтореніе оныхъ доказываютъ, что преступникъ является по профессіи убійцей или разбойникомъ, не останавливающимся ни предъ причиненіемъ своей жертвѣ тяжкихъ истязаній, ни предъ убійствомъ ея, и если въ то же время будетъ признано, что ссылка въ каторгу недостаточно гарантируетъ отъ возможности побѣга или даже отъ возможности

проявленія преступникомъ звѣрскихъ наклонностей въ отношеніи лицъ тюремнаго персонала и тюремной стражи, то несомнѣнно можетъ возникнуть вопросъ о необходимости примѣнить къ подобнымъ преступникамъ смертную казнь и весьма вѣроятно, что примѣненіе ея въ подобномъ случаѣ будетъ оправдано и голосомъ общественной совѣсти. Невозможно относиться къ этому вопросу съ легкимъ сердцемъ. Особенно у насъ, при сравнительной легкости побѣга для тяжкихъ преступниковъ, при крайней трудности, если не невозможности, принять мѣры къ исправленію ихъ, при недостаточности полиціи безопасности, при нашихъ пространствахъ и безлюдіи, вопросъ этотъ далеко не праздный. Еще болѣе онъ умѣстенъ собственно на Кавказѣ. Всѣмъ намъ извѣстны нерѣдкіе примѣры, когда бѣглые каторжники наводили панику на обширныя мѣстности, терроризировали населеніе, убивали и другими способами мстили своимъ противникамъ и даже свидѣтелямъ, осмѣлившимся сказать на судѣ что-либо не въ ихъ пользу. Въ населеніи, справедливо находящемъ, что власть недостаточно гарантируетъ его безопасность, создается боязнь преступника и то явленіе, составляющее истинную язву для края, что населеніе препятствуетъ обнаруженію преступниковъ, получаетъ нѣкоторое оправданіе. Указывая на случаи особой опасности преступника, которые могли-бы оправдывать у насъ примѣненіе смертной казни, референтъ, однако, не имѣетъ въ виду, чтобы слѣдовало установить въ подобныхъ случаяхъ смертную казнь въ уголовномъ уложеніи: 1) потому что она не примѣняется въ подобныхъ случаяхъ и дѣйствующимъ уложеніемъ о наказаніяхъ, установленіе же ея вновь представлялось-бы неудобнымъ во многихъ отношеніяхъ, и 2) потому что для огражденія въ подобныхъ случаяхъ общественной безопасности представляется достаточнымъ по существующему, въ видѣ корректива общаго закона, правилу объявлять извѣстныя мѣстности на военномъ положеніи или въ положеніи усиленной охраны: казалось бы даже, что представляется достаточнымъ, не прибѣгая къ объявленію мѣстности въ положеніи усиленной охраны, оглашать, что всѣ дальнѣйшія преступленія извѣстнаго преступника и участниковъ его шайки будутъ, съ извѣстнаго времени, подлежать военному суду по законамъ военнаго времени, причемъ за всѣ прежде совершонныя преступленія преступникъ подлежалъ-бы обыкновенному суду. Еслибы подобное объявленіе не возымѣло устрашающаго дѣйствія на преступника, то, по крайней мѣрѣ, съ поимкой его, обществу была-бы гарантирована дальнѣйшая навсегда безвредность его.

3) Указаніе на вредную сторону смертной казни въ томъ отношеніи, что она представляется непоправимою, безъ сомнѣнія, наиболѣе вѣско для юриста тѣмъ болѣе, что указываютъ на возможность судебной ошибки

въ разрѣшеніи нетолько вопроса о совершеніи преступленія, но и вопроса о вмѣненіи совершеннаго преступленія; ошибки послѣдняго рода могутъ произойти легче, чѣмъ первыя. Но непоправимость смертной казни, не доказывая ни несправедливости, ни ненадобности этого наказанія, должна лишь побуждать законодателя къ установленію такихъ правилъ, при которыхъ судебныя ошибки сдѣлались-бы невозможны. Во многихъ случаяхъ виновность преступника, подлежащаго смертной казни, представляется столь очевидною, что исключаетъ всякую возможность судебной ошибки. Напротивъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда виновность не представляется безусловно очевидною, слѣдовалобы представить суду возможность замѣнить ее пожизненнымъ заключеніемъ. Можно было-бы обязать судъ ставить для своего разрѣшенія, кромѣ обыкновенныхъ вопросовъ, вопросъ о томъ, представляется-ли вина подсудимаго настолько очевидною, что исключаетъ возможность судебной ошибки, и допустить примѣненіе казни лишь при единогласномъ разрѣшеніи этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ. Мнѣніе, будто постановка подобнаго вопроса несообразна, потому что разрѣшеніе вопроса о виновности въ утвердительномъ смыслѣ служитъ или, по крайней мѣрѣ, должно служить доказательствомъ дѣйствительной и несомнѣнной виновности, страдаетъ излишнимъ формализмомъ. Это мнѣніе хочетъ, такъ-сказать, скрыть отъ себя истину и представить человѣческое правосудіе непогрѣшимымъ. Существованіе судебныхъ ошибокъ доказываетъ, что виновность подсудимаго признается не въ однихъ лишь случаяхъ очевидности вины, но и въ случаяхъ значительной степени ея вѣроятія. Иначе и невозможно поступать въ дѣлѣ отправленія человѣческаго правосудія.

Немыслимо требовать отъ судей, чтобы они отвѣчали головой за правильное разрѣшеніе вопроса о виновности. Подобное требованіе повело-бы къ повальному оправданію преступниковъ. Если убѣжденіе судьи о виновности подсудимаго складывается, въ большинствѣ случаевъ, лишь на основаніи наибольшей вѣроятности вины, то подобное убѣжденіе не исключаетъ возможности ошибки, но всякій судья отличитъ такое убѣжденіе отъ убѣжденія, основаннаго на очевидности вины.

4) Вредное вліяніе, оказываемое смертною казнью на отправленіе правосудія, заключается въ томъ, что нерѣдко всѣ лица, принимающія участіе въ процессѣ, начиная отъ свидѣтелей, иногда и потерпѣвшихъ, дающихъ уклончивыя показанія, до экспертовъ, присяжныхъ и судей, направляютъ процессъ къ тому, чтобы избѣжать смертной казни, а присяжные иногда даже прямо оправдываютъ, при наличности несомнѣнныхъ доказательствъ виновности. Но всѣ эти явленія возможны лишь въ томъ случаѣ,

когда примѣненіе смертной казни къ обсуждаемому преступленію представляется, по общимъ понятіямъ, несправедливымъ;

и 5) Наконецъ, что касается тяжелаго впечатлѣнія и вреднаго вліянія на нравы, производимыхъ примѣненіемъ смертной казни, то огрубѣнію нравовъ содѣйствуетъ не самая смертная казнь, а публичное исполненіе ея. Болѣзненное-же впечатлѣніе производитъ не только смертный приговоръ, но и объявленіе приговора о ссылкѣ въ каторгу, и не только на посторонникъ, но и на самихъ судей. Показывая мягкость и впечатлительность человѣческой природы, подобныя впечатлѣнія не служатъ, конечно, доводомъ противъ справедливости и цѣлесообразности смертной казни.

Изъ сдѣланнаго разбора доводовъ защитниковъ смертной казни *В. В. Смиттенъ* приходитъ къ заключенію, что они не заключаютъ въ себѣ чего-либо рѣшающаго въ вопросѣ объ этомъ наказаніи. *Болѣе, быть можетъ, чѣмъ какой-либо другой вопросъ, онъ связанъ съ обстоятельствами даннаго времени и мѣста.* Невозможно разрѣшать его, не соображаясь съ этими обстоятельствами, въ особенности—*съ господствующими понятіями о справедливости смертной казни за то или другое преступленіе, и съ условіями, въ которыя поставлена общественная безопасность въ государствѣ.*

Примѣняя высказанныя теоретическія соображенія къ преступленіямъ, облагаемымъ смертною казнію по нашему уложенію, референтъ полагаетъ, что слѣдовало-бы:

1) Отмѣнить смертную казнь за нарушенія карантинныхъ уставовъ. Эти преступленія составляютъ, въ сущности, нарушенія полицейскихъ правилъ. Хотя они могутъ имѣть чрезвычайно вредныя послѣдствія, тѣмъ не менѣе они вызываются, въ большинствѣ случаевъ, желаніемъ отдѣлаться отъ стѣснительныхъ формальностей, иногда—корыстными наклонностями. При относительно незначительной злой волѣ, проявляющейся въ этихъ нарушеніяхъ, было-бы несообразно съ величиною вины облагать смертною казнью нарушителей карантинныхъ уставовъ.

2) Отмѣнить смертную казнь за возстаніе противъ государственной власти. Хотя во многихъ случаяхъ мотивами этого преступленія служатъ не только превратныя идеи, но и разсчетъ какъ честолюбія, такъ иногда и другіе, болѣе низменнаго свойства, тѣмъ не менѣе невозможно отрицать, что во многихъ случаяхъ преступниками руководятъ однѣ безумныя мысли о переустройствѣ государства на свой ладъ, постоянно вызывавшія снисходительное къ преступникамъ отношеніе власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при твердости основъ государства, при неразрывной связи народа съ верховною властью, эти преступленія въ Россіи, менѣе чѣмъ гдѣ-либо, могутъ представлять серьезную опасность для государства. При томъ же, правительство

вооружено возможностью прибѣгать, въ исключительныхъ случаяхъ, къ мѣрамъ чрезвычайнымъ.

Наконецъ, примѣненіе смертной казни къ подобнымъ преступленіямъ вызываетъ серьезныя опасенія, что оно можетъ иногда способствовать распространенію этихъ преступленій.

3) Сохранить смертную казнь за убійство или покушеніе на убійство верховнаго главы государства. При чрезмѣрной важности этого преступленія, смертная казнь за него, съ тѣмъ вмѣстѣ, соотвѣтствуетъ требованіямъ народной совѣсти.

4) Сохранить смертную казнь за наиболѣе тяжкіе виды государственной измѣны (напр., передача непріятелю крѣпости, отряда войскъ и т. п.).

Большая важность этихъ преступленій едва-ли допускаетъ возможность ограничиться пожизненнымъ заключеніемъ.

Сверхъ того, г. Смиттенъ находитъ смертную казнь логически необходимою за наиболѣе тяжкія преступленія, совершаемыя лицами, приговоренными къ высшему изъ допускаемыхъ при этомъ наказаній—безсрочной каторгѣ съ воспрещеніемъ перевода на поселеніе (2 п. 56 ст. проекта). Такъ-какъ ограничиться, наприм, въ случаѣ совершенія такимъ лицомъ убійства, дисциплинарнымъ наказаніемъ невозможно, усиленіе-же заключенія для такого лица также невозможно, и такъ-какъ тяжкія тѣлесныя наказанія, въ видѣ плетей и прикованія къ тѣлѣжкѣ, устраняются для каторжниковъ статьей 57-й проекта (чему нельзя не сочувствовать), то, казалось-бы, примѣненіе смертной казни представляется въ этомъ случаѣ логическою необходимостью.

При обсужденіи проекта въ Кавказскомъ Юридическомъ Обществѣ по поводу реферата В. В. Смиттена о смертной казни, высказали:

Ѳ. А. Быковъ: Рефератъ В. В. Смиттена долженъ, по моему мнѣнію, вызвать возраженія въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ отношеніи цѣлесообразности смертной казни вообще и, во-вторыхъ, въ отношеніи способа ея примѣненія. Я начну со втораго вопроса, такъ-какъ, если даже и признать казнь нужною, то примѣнять ее способомъ, предлагаемымъ въ рефератѣ, мнѣ кажется, во всякомъ случаѣ, невозможнымъ. Находя казнь необходимою по нѣкоторымъ общимъ преступленіямъ, референтъ, однакоже, говоритъ, что онъ не предлагаетъ внести ее по этимъ преступленіямъ въ новый уголовный кодексъ, потому, во-первыхъ, что ея нѣтъ въ нынѣ дѣйствующемъ кодексѣ, и потому, во-вторыхъ, что, по его мнѣнію, достаточно примѣнять ее посредствомъ военныхъ судовъ, по правиламъ военнаго положенія или положенія усиленной охраны. Но если казнь въ нашей жизни нужна, то отсутствіе ея въ кодексѣ составляетъ его недостатокъ, который

и надо исправить. Достоинство всякаго кодекса заключается въ его соотвѣтствіи потребностямъ жизни. Кодексъ долженъ содержать въ себѣ сводъ правилъ, подлежащихъ примѣненію на практикѣ: тотъ-же кодексъ, который рисуетъ идеальныя отношенія, въ жизни непригодныя, очевидно, дуренъ. Что же касается до примѣненія казни по правиламъ исключительныхъ законовъ, то врядъ-ли можно, какъ то дѣлаетъ референтъ, употреблять, при этомъ, выраженіе: «достаточно». Напротивъ, такой способъ гораздо сильнѣе, суровѣе и жестче простаго примѣненія казни нормальнымъ судомъ къ случаямъ, заранѣе предусмотрѣннымъ въ правильно составленномъ кодексѣ. Примѣненіе казни судомъ нормальнымъ, имѣющимъ право смягчать наказаніе, представляетъ, конечно, болѣе гарантіи дѣйствительной ея необходимости въ данномъ случаѣ, чѣмъ примѣненіе ея судомъ исключительнымъ, вызваннымъ къ жизни только потому, что признано нужнымъ кого-то казнить, который всю цѣль своего существованія видитъ только въ примѣненіи смертной казни, а потому, совершенно невольно, и склоненъ именно ее-то и назначать. Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что въ рефератѣ допущено еще смѣшеніе двухъ положеній, не имѣющихъ, однако, другъ съ другомъ ничего общаго, именно: положенія военнаго съ положеніемъ усиленной охраны. Все военное положеніе состоитъ въ томъ, что всякое приказаніе главнокомандующаго должно быть всѣми безпрекословно исполняемо, яко-бы Высочайшее повелѣніе. При этомъ, однакоже, говорится далѣе въ Сводѣ Военн. Постановленій, главнокомандующій не долженъ безъ надобности вмѣшиваться въ общій ходъ дѣлъ распорядительныхъ и хозяйственныхъ. Надобность, могущая заставить главнокомандующаго вмѣшаться въ ходъ административныхъ дѣлъ, есть, очевидно, какая-нибудь надобность, вызванная интересами военныхъ дѣйствій, а такъ-какъ, конечно, одинъ только главнокомандующій есть компетентный судья въ вопросѣ о томъ, чего эти интересы требуютъ, то и понятно, что всякое его приказаніе должно быть безпрекословно исполнено. Очевидно, однако, что такое положеніе цѣлесообразно только въ мѣстностяхъ, составляющихъ театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ вся гражданская жизнь временно замираетъ предъ интересами войны. Примѣнять это положеніе къ мѣстностямъ, гдѣ войны нѣтъ, совершенно безполезно, что, между прочимъ, обнаружилось при примѣненіи военнаго положенія къ мѣстностямъ Россіи, охваченнымъ нигилистическимъ движеніемъ. Законъ объ усиленной охранѣ именно вызванъ несоотвѣтствіемъ военнаго положенія. Нигилистическое движеніе внесло въ русское общество не войну, а смуту, что разумѣется, большая разница. Въ войнѣ имѣешь врага открытаго и вся задача заключается въ томъ, чтобы его осилить, тогда какъ при смутѣ—врагъ тайный и задача состоитъ въ томъ, чтобы его розыскать; о томъ, чтобы его осилить,

не стоитъ и думать; онъ слишкомъ слабъ, чтобы вступить въ открытую борьбу. Законъ объ усиленной охранѣ и состоитъ, въ сущности, въ увеличеніи власти администраціи въ двухъ направленіяхъ, именно: а) въ облегченіи ей розыска виновниковъ смуты; сюда относятся: право обыска, право изданія обязательныхъ полицейскихъ постановленій, и б) въ устраненіи изъ данной мѣстности элементовъ, хотя и не производящихъ смуты, но благопріятствующихъ ея распространенію; сюда относятся: право воспрещенія произведеній печати и право высылки того или другого лица изъ данной мѣстности. Съ этимъ правомъ не должно смѣшивать административной ссылки въ назначенное мѣстожительство, для которой существуютъ особыя правила. Итакъ, между военнымъ положеніемъ и положеніемъ усиленной охраны нѣтъ ничего общаго: если-же обратиться къ тому значенію, которое при обоихъ этихъ положеніяхъ имѣетъ смертная казнь, то нельзя не замѣтить, что еще при военномъ положеніи она можетъ быть оправдана тѣмъ, что на театрѣ военныхъ дѣйствій весьма естественно ожидать полнаго разстройства или даже, въ случаѣ занятія, напр., непріятельской территоріи, и совершеннаго отсутствія всякой гражданской администраціи; нѣтъ полиціи, нѣтъ этаповъ, нѣтъ тюремъ, а между тѣмъ, оставлять въ тылу арміи разбойничьи шайки невозможно; при такихъ условіяхъ понятно употребленіе простѣйшаго способа избавленія отъ преступника, именно—лишеніе его жизни. Въ совершенно иномъ видѣ представляется вопросъ при положеніи усиленной охраны. Способствовать розыску виновниковъ смуты смертная казнь, конечно, не можетъ, а какъ средство удалить изъ данной мѣстности вредные элементы—она безполезна, такъ какъ и безъ нея они могутъ быть удалены, а потому противъ цѣлесообразности примѣненія казни при положеніи усиленной охраны можно сдѣлать буквально всѣ тѣ-же возраженія, которыя дѣлаются противъ примѣненія ея при нормальномъ порядкѣ жизни. Впрочемъ, въ рефератѣ даже не предлагается вводить положеніе усиленной охраны, а предлагается только брать изъ этого положенія одно правило о смертной казни, т. е. именно то, цѣлесообразность чего и въ самомъ-то этомъ положеніи можетъ подлежать спору, и, притомъ, объявить примѣненіе ея не къ извѣстной категоріи дѣяній, а къ преступленіямъ точно опредѣленнаго лица или шайки. Отъ такого правила всего только одинъ, да и весьма небольшой, шагъ до простаго объявленія того или другого человѣка внѣ закона.

Переходя затѣмъ къ вопросу о смертной казни вообще, я позволю себѣ обратить вниманіе ваше на то особое положеніе, которое по этому вопросу занимаетъ наше Кавказское Юридическое Общество. Отъ всѣхъ другихъ русскихъ юридическихъ обществъ мы отличаемся полнымъ отсутствіемъ въ нашей средѣ теоретиковъ и это обстоятельство, могущее по всѣмъ дру-

гимъ вопросамъ служить къ умаленію значенія нашихъ заключеній, можетъ, въ вопросѣ о смертной казни, придать нашимъ мнѣніямъ особаго рода вѣсъ. Дѣло въ томъ, что этимъ вопросомъ интересуются не одни юристы, подобно тому, какъ одни только юристы интересуются вопросами о совокупности, о повтореніи и т. п. Смертной казнью интересуются публицисты, интересуются особенно администраторы, но изъ всѣхъ лицъ, этимъ вопросомъ интересующихся, изучаютъ-то его одни только юристы. Между тѣмъ, въ Россіи есть еще довольно много защитниковъ казни, утверждающихъ, что отмѣна ея есть теоретическая фантазія, непригодная въ практической жизни. Не составляя себѣ никакихъ иллюзій на счетъ авторитетности нашего голоса, нельзя, однакоже, не замѣтить, что если мы примемъ заключенія В. В. Смиттена, т. е. выскажемся за казнь, то это дастъ основаніе всѣмъ защитникамъ казни утверждать, что даже и сами юристы, какъ только находятся внѣ тлетворнаго вліянія теоретиковъ, тоже признаютъ казнь необходимою. Но неужели, въ самомъ дѣлѣ, жизнь общества безъ смертной казни есть только теоретическая фантазія? Неужели на практикѣ безъ нея обойтись нельзя? Вѣдь обходится-же Россія 140 лѣтъ безъ казни за общія преступленія? Вѣдь это-же фактъ, а не фантазія, и, въ виду такого факта, мы вправѣ ожидать отъ лицъ, предлагающихъ установленіе казни, чтобы они доказали, что полуторавѣковой опытъ Россіи неудаченъ, что отсутствіе у насъ казни имѣетъ вредныя послѣдствія. Замѣчательно, что всѣ защитники казни у насъ считаютъ даже лишнимъ это доказывать и обыкновенно ограничиваются опроверженіемъ доводовъ противниковъ казни; но такой способъ аргументаціи, умѣстный еще на Западѣ Европы, гдѣ казнь по общимъ преступленіямъ существуетъ, очевидно неумѣстенъ, гдѣ казнь не имѣетъ за собою даже права существующаго факта. Попытку доказать вредъ отсутствія казни, да и то не по отношенію ко всей Россіи, а собственно по отношенію къ Кавказу, я, по крайней мѣрѣ, впервые встрѣчаю въ обсуждаемомъ рефератѣ. На Кавказѣ казнь отмѣнена первымъ-же русскимъ законодательнымъ актомъ объ управленіи Кавказомъ, именно Манифестомъ Императора Александра I отъ 12 Сентября 1801 г., гдѣ сказано, что дѣла гражданскія на Кавказѣ должны рѣшаться по мѣстнымъ законамъ и обычаямъ, дѣла-же уголовныя—по общимъ русскимъ законамъ, чѣмъ, конечно, казнь и отмѣнялась. И не думайте, чтобы таковая отмѣна произошла, такъ сказать, случайно, только потому, что были введены русскіе законы, гдѣ казни не было. Нѣтъ, Императоръ Александръ именно имѣлъ въ виду уничтожить здѣсь казнь, что видно изъ того, что, когда въ 1803 г. велись переговоры о принятіи Бакинскаго хана Гусейнъ-Кули въ русское подданство на вассальныхъ отношеніяхъ, ханъ выговаривалъ себѣ право во внутреннихъ дѣлахъ ханства управлять по прежнему, безъ

вмѣшательства русскихъ властей, и Государь, соглашаясь на это, ставилъ, однакоже, непремѣннымъ условіемъ уничтоженіе въ ханствѣ смертной казни и этотъ пунктъ условій поручалъ особому попеченію и вниманію главнокомандовавшаго въ Грузіи князя Циціанова, ведшаго переговоры съ ханомъ. Такимъ образомъ, 80 лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ Государей Россіи находилъ возможнымъ обходиться на Кавказѣ безъ казни. Много или мало съ того времени ушелъ Кавказъ по пути цивилизаціи, я разбирать не стану; но, во всякомъ случаѣ, онъ ушелъ впередъ, а не назадъ, и вотъ мы теперь слышимъ, что здѣсь будто-бы нужна казнь, и единственнымъ для этого основаніемъ выставляется то, что здѣсь нерѣдко бываютъ разбойничьи шайки, наводящія такую панику на извѣстную мѣстность, что въ населеніи развивается боязнь преступника, послѣдствіемъ чего бываетъ истинная язва нашего края, именно—препятствованіе со стороны населенія обнаруженію преступленій. Признавая вполнѣ, что здѣсь, дѣйствительно, бываютъ разбойничьи шайки, наводящія иногда панику на ту или другую мѣстность, а также и то, что здѣшнее населеніе весьма часто не только не содѣйствуетъ власти въ обнаруженіи истины и розыскѣ виновныхъ, но даже, путемъ, напр., хоть лжесвидѣтельства, прямо этому препятствуетъ, нельзя, однакоже, не замѣтить, что это послѣднее явленіе свойственно не однимъ только дѣламъ о названныхъ выше шайкахъ, но и всякимъ другимъ дѣламъ, даже дѣламъ гражданскимъ, гдѣ по дознаніямъ о нарушенномъ или давностномъ владѣніи, мы встрѣчаемся съ такими-же рядами лжесвидѣтелей, какъ и въ дѣлахъ уголовныхъ; приписывать, поэтому, это грустное явленіе вліянію страха предъ разбойничьими шайками нѣтъ никакого основанія. На основаніи-же своей 12-ти лѣтней прокурорской практики въ Закавказьѣ, я позволяю себѣ утверждать, что именно въ дѣлахъ о шайкахъ это явленіе гораздо слабѣе, чѣмъ во многихъ другихъ дѣлахъ, какъ, напр., въ убійствахъ изъ мести, въ дракѣ, а также и въ кражахъ, и это совершенно понятно, такъ-какъ по многимъ изъ дѣлъ послѣдней категоріи между сторонами происходитъ примиреніе, и населеніе, считая подобный исходъ дѣла вполнѣ для всѣхъ удовлетворительнымъ, не понимаетъ нашего дальнѣйшаго правосудія, не сочувствуетъ ему, а потому ходу его и препятствуетъ; вредъ-же, причиняемый шайками, слишкомъ великъ, онъ затрогиваетъ слишкомъ многихъ, а потому и сознаніе необходимости преслѣдованія шаекъ въ населеніи живѣе. Кромѣ того я положительно утверждаю, что всѣ тѣ шайки, о которыхъ мы говоримъ, были уничтожены и участники ихъ сдѣланы безвредными не путемъ смертной казни, а путемъ усиленія полицейской дѣятельности, имѣвшей своимъ послѣдствіемъ или арестъ участниковъ шайки, или просто невозможность для

шайки выѣхать на дорогу и грабить. Я бы могъ представить вамъ документальныя доказательства справедливости моихъ словъ, но для этого пришлось-бы излагать вамъ обстоятельства многихъ дѣлъ объ этихъ шайкахъ, а это было-бы слишкомъ мелочнымъ и для вашего вниманія утомительнымъ трудомъ. Ограничусь только указаніемъ на то, что для уничтоженія шаекъ требовалось: въ одномъ мѣстѣ—неспособнаго полицейскаго начальника замѣнить болѣе энергическимъ, въ другомъ потребовалось только усилить полицію, давъ въ распоряженіе уѣзднаго начальника большее количество земской стражи или казаковъ; былъ даже одинъ случай, гдѣ неуловимость шайки происходила только отъ того, что самъ мѣстный полицейскій приставъ состоялъ ея членомъ; я говорю о всѣмъ здѣсь извѣстномъ, такъ-называемомъ леммермановскомъ дѣлѣ и о приставѣ Шахморскомъ. Если-же до сихъ поръ всегда удавалось уничтожать шайки, прекратить причиняемый ими вредъ однимъ только усиленіемъ полицейской дѣятельности, то къ чему-же тутъ нужна казнь? Говорятъ, что разбойники изъ тюремъ могутъ бѣжать; но если наши тюрьмы такъ плохи, что изъ нихъ бѣгаютъ, то изъ этого слѣдуетъ только то, что надо ихъ улучшить. Препятствіемъ улучшенія тюремъ обыкновенно выставляется недостатокъ денежныхъ средствъ. Дѣйствительно, покрытіе всей Россіи цѣлой системой новыхъ тюремъ, соотвѣтствующихъ всѣмъ требованіямъ современнаго тюрьмовѣдѣнія, можетъ стоить очень дорого, но для того, чтобы обезопасить тюрьмы отъ побѣговъ, не нужно ни одной копѣйки, а нужны только бдительность и вниманіе тюремной администраціи и стражи. Главный недостатокъ русскаго тюремнаго дѣла состоялъ въ томъ, что дѣло это не имѣло своего хозяина; теперь таковой есть въ лицѣ Главнаго Тюремнаго Управленія, что и даетъ намъ полное основаніе ожидать, что черезъ нѣсколько времени мы будемъ имѣть вполнѣ удовлетворительныя правила тюремной администраціи и дисциплины. Оправдывать-же смертную казнь неудовлетворительностью тюремъ, которая происходитъ по нашей-же винѣ, отъ неисполненія нами самими нашихъ, по отношенію къ тюрьмамъ, обязанностей—равносильно оправданію, напр., воровства нежеланіемъ трудиться. Нельзя-же забывать, что казнь есть лишеніе жизни, т. е. убійство, а совершенное безъ крайней въ томъ необходимости убійство позоритъ убійцу, будетъ-ли убійцею отдѣльный человѣкъ или все общество, очевидно,—безразлично. Впрочемъ, на Кавказѣ были и опыты примѣненія смертной казни къ разбойникамъ. Правда, не къ тѣмъ организованнымъ шайкамъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, а просто къ единичнымъ случаямъ разбоя. Къ счастію, опыты эти были очень рѣдки. Богъ дастъ, они никогда больше не повторятся; но, тѣмъ не менѣе, вполнѣ своевременно вспомнить, что въ то самое утро послѣдняго Іюня мѣсяца, когда здѣсь, въ Тифлисѣ,

были казнены виновные въ разбоѣ въ домѣ Иртеля, чрезъ два-три квартала отъ того мѣста, гдѣ стояла висѣлица, былъ совершенъ точно такой-же разбой въ домѣ Кобіевой. Все сказанное приводитъ меня къ заключенію, что на Кавказѣ никакихъ особенностей, вызывающихъ необходимость примѣненія казни, не существуетъ.

Обсуждая доводы защитниковъ казни, нельзя, мнѣ кажется, не замѣтить, что хотя они весьма часто выставляютъ цѣлью казни охрану общества и устрашеніе преступниковъ, но рядомъ съ этимъ они обставляютъ примѣненіе казни такими условіями, которыя не имѣютъ ничего общаго съ этими цѣлями, что̀ и доказываетъ, что въ дѣйствительности-то казнь примѣняется не ради охраны или устрашенія, а единственно только ради возмездія. Такъ, напр., оправдывая казнь разбойниковъ необходимостью прекратить вредъ, ими причиняемый, видя въ казни этихъ злодѣевъ единственное средство обезопасить отъ нихъ общество, референтъ требуетъ, однакоже, чтобы о примѣненіи къ нимъ этого наказанія было предварительно оглашено съ тѣмъ, чтобы казнь примѣнялась только за преступленія, совершенныя послѣ оглашенія. Но если смерть этихъ людей нужна для безопасности общества, если иначе нельзя себя отъ нихъ оградить, то къ чему-же тутъ оглашеніе? Предположимъ, что люди совершили два, три десятка преступленій; безъ такихъ преступленій не будетъ, очевидно, по мысли референта, и надобности въ оглашеніи. Предположимъ, что сегодня это оглашеніе сдѣлано, и предположимъ, что завтра эти люди схвачены, не успѣвъ совершить послѣ оглашенія ни одного новаго преступленія. Чѣмъ, спрашиваю я, опасность ихъ побѣга и возможности впослѣдствіи опять разбойничать въ этомъ случаѣ меньше, чѣмъ если-бы они успѣли совершить и тридцать первое преступленіе? Ужь если смерть людей необходима за тридцать одно преступленіе, то необходима она и за тридцать; если-же за тридцать можно не казнить, то и за тридцать первое въ этомъ нѣтъ надобности. Не требуемъ-же мы отъ человѣка, находящагося въ состояніи необходимой обороны, чтобы онъ предупреждалъ нападающаго на него, что убьетъ его; зачѣмъ-же мы будемъ требовать такого предупрежденія отъ общества, а вѣдь если общество лишаетъ человѣка жизни только потому, что не можетъ иначе избавиться отъ причиняемаго имъ вреда, то, значитъ, оно находится въ состояніи необходимой обороны. Соображенія эти доказываютъ, что разъ уже требуется предварительное оглашеніе о примѣненіи казни, то, значитъ, преступникъ казнится не ради охраны общества, а ради возмездія за совершенныя имъ дѣянія. Тоже самое окажется, если мы разсмотримъ вопросъ объ устрашеніи. Когда говоришь объ устрашеніи, то необходимо помнить, что устрашать требуется не казнимаго, а другихъ людей. Казнимаго устрашать, очевидно, нечего: онъ

преступленіе уже совершилъ, онъ дѣло свое кончилъ и если онъ лишается жизни, то только въ качествѣ жертвы, для примѣра другимъ людямъ, еще не совершившимъ преступленія, но могущимъ таковое замыслить. При этомъ, устрашеніе дѣйствуетъ тѣмъ, что въ сознаніе человѣка, задумавшаго преступленіе, вводится страхъ смерти, какъ противовѣсъ побужденіямъ, влекущимъ его къ преступленію. Отсюда ясно, что, обсуждая раціональность угрозы смертью въ томъ или другомъ случаѣ, надо сопоставлять силу страха смерти съ силою побужденій къ преступленію. Нашъ военный кодексъ представляетъ очень ясные примѣры назначенія казни ради устрашенія; это— случаи смертной казни безъ лишенія правъ, каковы, напр., самовольное оставленіе своего поста въ виду непріятеля или сдача крѣпости безъ истощенія всѣхъ средствъ защиты. Мотивъ подобныхъ преступленій, очевидно, лежитъ въ желаніи избавиться отъ лишеній и опасностей, а потому угроза такой-же или даже еще болѣе вѣрной опасности въ лицѣ смертной казни тутъ вполнѣ цѣлесообразна. Обыкновенная-же мирная жизнь такихъ случаевъ представлять не можетъ, такъ какъ она вовсе не требуетъ, чтобы человѣкъ каждую данную минуту былъ готовъ рисковать своей жизнью; напротивъ, гражданское общество признаетъ за человѣкомъ полное право всячески свою жизнь оберегать и защищать. Достойно замѣчанія, что никогда еще защитники казни не распредѣляли ее между преступленіями сообразно ихъ мотивамъ. При назначеніи казни принимаются въ соображеніе совершенно иныя данныя. Такъ, для назначенія казни за убійство берутся во вниманіе предумышленность, жестокость, особыя отношенія къ жертвѣ, повтореніе; если иногда и обращается вниманіе на корыстную цѣль, то не въ качествѣ мотива къ убійству, а въ качествѣ обстоятельства, доказывающаго особую безнравственность преступника. Иными словами: принимается въ соображеніе степень злой воли, степень безнравственности даннаго преступника, т. е, все то, что слѣдуетъ принять въ соображеніе, когда измѣряешь наказаніе, какъ надлежащее возмездіе за совершенное дѣяніе, что и доказываетъ, что человѣкъ казнится *за то именно, что онъ самъ совершилъ, а не потому, что нужно устрашить другихъ.*

Къ этому-же положенію о возмездіи долженъ быть сведенъ и тотъ случай казни безсрочнаго каторжника, который въ рефератѣ называется логическою необходимостью. Казнить безсрочнаго каторжника, по мнѣнію референта, необходимо, потому что у этого человѣка, кромѣ жизни, все остальное уже отнято, а ограничиваться дисциплинарнымъ взысканіемъ, въ случаѣ совершенія имъ важныхъ преступленій, невозможно. По моему-же мнѣнію, безсрочный каторжникъ, прежде всего, долженъ быть, подобно сумасшедшему, поставленъ въ такія условія, подъ такой бдительный надзоръ, чтобы для него

совершеніе преступленій было просто невозможно. Количество такихъ, дѣйствительно, безсрочныхъ каторжниковъ будетъ, очевидно, весьма мало, а значитъ и учрежденіе надзора за ними не особенно трудно. Кромѣ того, какъ ни мало у такого каторжника свободы—ограничить ее все-таки же еще возможно путемъ закованія, заключеніемъ въ карцеръ, и если эти взысканія признаются недостаточными, то, очевидно, потому, что кажутся слишкомъ легкими сравнительно съ тяжестью преступленія, что и доказываетъ, что имѣются въ виду вовсе не какія-то *логическія* потребности, а именно потребности *возмездія*.

Итакъ, всѣ цѣли примѣненія смертной казни могутъ быть сведены къ возмездію данному преступнику за совершенное имъ дѣяніе. Вполнѣ признавая элементъ возмездія однимъ изъ существенныхъ элементовъ большинства наказаній, признавая, что возмездіе требуется общественнымъ сознаніемъ, общественнымъ чувствомъ, я думаю, однакоже, что для установленія правильнаго отношенія къ этому элементу наказанія надо уяснить себѣ, какое-же именно чувство въ насъ говоритъ, когда мы требуемъ возмездія преступнику. Чувства бываютъ разныя: хорошія и дурныя, сильныя и слабыя; отъ характера и свойства даннаго чувства, конечно, должно зависѣть и наше отношеніе къ его требованіямъ, наша готовность удовлетворить ихъ. Въ рефератѣ говорится, что возмездіе есть требованіе народной *совѣсти*; но мнѣ это кажется невѣрнымъ, такъ какъ совѣстью мы называемъ то чувство, которое побуждаетъ человѣка къ добру и удерживаетъ его отъ зла, а вѣдь смертная казнь ужь, во всякомъ же случаѣ, не добро; сами ея защитники называютъ ее, правда, необходимымъ, но все-таки же зломъ. Уяснить-же себѣ, какое чувство требуетъ, чтобы въ наказаніи было возмездіе и насколько требованія этого чувства должны быть удовлетворяемы, можно только, установивъ твердую точку зрѣнія на то, во имя чего отправляется уголовное правосудіе. Если держаться Кантовскаго взгляда на то, что наказаніе есть возстановленіе нарушенной правды, или-же взгляда извѣстнаго графа Жозефа де-Мэстра о томъ, что человѣческое правосудіе есть только выполненіе правосудія божескаго, то тогда, конечно, разсуждать не о чемъ, а надо просто предъ казнью преклониться. Но Кантъ совершенно послѣдовательно дошелъ до утвержденія, что уличеннаго преступника надо казнить, хотя-бы доподлинно было извѣстно, что чрезъ полчаса погибнетъ весь міръ, т. е., въ сущности, дошелъ до знаменитаго положенія: fiat justitia, pereat mundus; но мы уже давно держимся того мнѣнія, что если міръ погибнетъ, то нашему бѣдному человѣческому правосудію некуда будетъ дѣваться: оно несомнѣнно должно погибнуть вмѣстѣ съ міромъ, а потому ставить интересы нашего правосудія выше интересовъ міра невозможно. Что касается до графа де-Мэ-

стра, то, видя въ наказаніи только исполненіе божественной воли, онъ, конечно, предъ всякимъ наказаніемъ безропотно преклонялся, а потому и могъ написать апофеозъ палача и колесованія, гдѣ онъ съ трепетомъ религіознаго благоговѣнія описалъ, какъ хрустятъ кости казнимаго на колесѣ. Это вполнѣ естественно, потому что съ этой точки зрѣнія наказаніе налагается во славу Божію, ad majorem Dei gloriam. Мы, однакоже, теперь нашего человѣческаго правосудія не смѣшиваемъ съ правосудіемъ божескимъ и признаемъ, что наше правосудіе отправляется не во имя предвѣчной истины и правды, не во имя какихъ-либо началъ, внѣ и выше человѣческаго общества стоящихъ, а исключительно только въ интересахъ именно этого общества. Одно уже то, что дѣйствіе уголовныхъ кодексовъ ограничивается территоріей даннаго государства, доказываетъ, что мы отказываемся отправлять правосудіе, когда оно не касается непосредственно нашего спеціальнаго государственнаго общества. Если-же правосудіе отправляется только въ интересахъ общества, то, значитъ, судъ есть только представитель общества, и, значитъ, въ уголовномъ процессѣ есть только два фактора: общество, въ лицѣ своего представителя—суда, и преступникъ. Никакого третьяго фактора, никакого посредника между ними нѣтъ. Такимъ образомъ, въ уголовномъ судѣ лицомъ къ лицу стоятъ два врага, изъ которыхъ общество—сильнѣйшій, и само-же оно рѣшаетъ, какъ ему расправиться съ нарушителемъ его правъ. Тамъ-же, гдѣ рѣчь идетъ о расправѣ врага съ врагомъ, тамъ, конечно, туманное и неопредѣленное выраженіе *возмездіе* можно замѣнить вполнѣ яснымъ словомъ *месть*, т. е. признать, что такъ-называемое возмездіе есть не что иное, какъ удовлетвореніе чувства мести. Это то самое чувство, которое побуждаетъ всякаго обиженнаго отплатить обидчику. Если мы сравнимъ то чувство досады и неудовлетворенной злобы, которую мы испытываемъ, не отплативъ за полученное оскорбленіе, съ тѣмъ чувствомъ, которое мы испытываемъ предъ ненаказаннымъ преступленіемъ, то, думаю, мы всѣ согласимся, что эти чувства тождественны. Только признавая, что элементъ возмездія въ наказаніи вызывается чувствомъ мести, и можно объяснить несомнѣнное и указанное также въ рефератѣ постепенное вымираніе жестокости наказанія. По мѣрѣ развитія и цивилизаціи людей, чувство мести въ нихъ ослабѣваетъ. Чтобы убѣдится въ этомъ, достаточно сравнить въ этомъ отношеніи наше общество съ тѣми, въ которыхъ существуетъ такъ-называемое кровомщеніе, гдѣ жажда мести переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и охватываетъ цѣлыя семьи и роды. Если сила возмездія въ наказаніи зависитъ отъ силы мести, то понятно, что и оно, съ ходомъ цивилизаціи, должно ослабѣвать, что въ дѣйствительности и происходитъ. Месть—чувство дурное, но оно несомнѣнно существуетъ въ человѣческой природѣ и оставлять его совершенно безъ удовлетворенія мы

пока еще не въ силахъ, и намъ приходится платить извѣстную дань этому чувству, подобно тому, какъ мы удовлетворяемъ и другія наклонности нашей природы, хотя нѣкоторыя изъ нихъ также считаемъ дурными. Находя, такимъ образомъ, что мы, при современномъ состояніи нашего развитія, не можемъ еще удержаться и не мстить за преступленіе, я думаю, однакоже, что настолько-то ужь мы развиты, чтобы не мстить причиненіемъ преступнику физическихъ страданій. На нашей памяти уничтожены шпицрутены, клейменіе и другія тѣлесныя наказанія и мы всѣ этому радовались; какъ-же намъ не желать теперь, чтобы изъ кодекса окончательно исчезла смертная казнь, этотъ послѣдній остатокъ тѣлесныхъ наказаній!

Этимъ собственно я кончаю свои возраженія противъ реферата, но хочу сказать нѣсколько словъ по поводу еще одного основанія въ пользу казни, на которое рефератъ не ссылается, но о которомъ часто говорится въ русскомъ обществѣ и которое недавно указывалось даже одною изъ нашихъ газетъ. Именно говорятъ, что неумѣстно Россіи опережать старѣйшія націи Европы и отмѣнять казнь у себя, тогда какъ таковая не отмѣнена еще на Западѣ. Но вѣдь вопросъ о томъ, почему казнь въ Россіи исчезла раньше, чѣмъ на Западѣ—вопросъ старый, вопросъ, обсуждавшійся въ юридической литературѣ и вполнѣ удовлетворительно разъясненный тѣмъ, что нашъ русскій характеръ отличается добродушіемъ, мягкостью и снисходительностью къ побѣжденному. Что эти качества, дѣйствительно, составляютъ русскую народную отличительную черту, такъ это признаемъ не мы одни, но и иностранцы. Иностранные военные писатели признаютъ, что нѣтъ болѣе мягкаго и снисходительнаго побѣдителя, чѣмъ русскій солдатъ. Такъ что правило о томъ, что лежачаго не бьютъ, не есть пустая фраза въ русской жизни... На эту нашу мягкость за послѣднее время довольно много нападали, но если она, можетъ быть, и вредитъ намъ иногда въ области международныхъ отношеній, гдѣ не мѣшаетъ иногда быть пожестче и поэгоистичнѣе, то, въ области нашихъ внутреннихъ, домашнихъ отношеній, и мягкостью, и добродушіемъ надо дорожить, такъ какъ эти качества составляютъ лучшую почву для распространенія гуманитарныхъ идей, а чѣмъ больше эти идеи распространены въ обществѣ, тѣмъ меньше въ этомъ обществѣ будетъ грубости, жестокости, самоуправства и воровства, а также тѣмъ труднѣе будетъ вербовать въ немъ адептовъ динамита.

Въ виду всего сказаннаго, я и позволяю себѣ предложить обществу двѣ резолюціи, именно:

1) выразить полное сочувствіе мнѣнію Редакціонной Коммисіи о томъ, что Россіи пора сдѣлать еще шагъ впередъ и окончательно вычеркнуть смертную казнь изъ лѣстницы наказаній;

и 2) признать, что на Кавказѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ особенностей, требующихъ примѣненія смертной казни.

А. С. Френкель, вполнѣ присоединяясь къ доводамъ Ѳ. А. Быкова, который, по его мнѣнію, исчерпалъ вполнѣ предметъ, замѣтилъ, что, на его взглядъ, рефератъ В. В. Ситтена не представляетъ никакихъ убѣдительныхъ данныхъ въ пользу сохраненія смертной казни. Все, что сказано въ рефератѣ, это—критика статистическихъ данныхъ противниковъ смертной казни и указаніе на историческую привычку. Своихъ какихъ-либо особыхъ доводовъ референтъ не только не представилъ, но и не доказалъ даже права государства облагать преступленіе смертною казнію. Самъ референтъ признаетъ, что этого права абсолютно государство не имѣетъ. Еслибы допустить такое право, то можно было-бы оправдать и квалифицированную смертную казнь. Что касается опороченія цифровыхъ данныхъ, преимущественно добытыхъ Миттермайеромъ, по вопросу объ устрашеніи, то ссылка референта на страницы 18, 19, 152 и страницы относительно Тосканы и нѣкоторыя другія, на взглядъ г. Френкеля, невѣрна, такъ какъ выводы Миттермайера основаны на весьма достаточныхъ цифровыхъ указаніяхъ. Это усматривается изъ цитатъ подъ литерами 15, 21 и многими др. Во всякомъ случаѣ, недостаточно опорочить статистическіе выводы противниковъ смертной казни, необходимо представить и свои цифровыя указанія. Но этого референтъ не дѣлаетъ. А что смертная казнь не имѣетъ такого устрашающаго значенія, то это подтверждается и опытами нашего времени, на что указано г. Быковымъ (напр. по дѣлу фонъ-Иртеля), не говоря уже о томъ, что опыты примѣненія смертной казни у другихъ народовъ и въ прежнее время не доказали устрашимости смертной казни для другихъ преступниковъ, такъ-какъ были примѣры, что, когда казнили одного преступника за кражу, другіе въ это-же время и на мѣстѣ казни обкрадывали публику. Референтъ принимаетъ весьма оригинальный способъ убѣжденія: онъ говоритъ въ своемъ рефератѣ, что «то весьма возможное обстоятельство, приводимое Коммисіею, что смертная казнь никогда не могла остановить роста той или другой группы преступленій, не доказываетъ, однако, чтобы отмѣна смертной казни не повліяла въ такія эпохи на усиленіе роста этихъ преступленій». Но возможно-ли доказывать, такъ-сказать, отрицательныя обстоятельства? Относительно историческаго оправданія смертной казни можно только замѣтить, что отсутствіе такого оправданія въ Россіи и на Кавказѣ блистательно доказано г. Быковымъ, именно указаніемъ на то, что смертная казнь формально отмѣнена уже 140 лѣтъ въ Россіи и 80 лѣтъ на Кавказѣ, и возстановлять ее нѣтъ никакого историческаго основанія. Далѣе, г. Френкель указалъ, что *нѣтъ мѣрки* для опредѣленія: какія преступленія должны быть обложены смертною казнью?

Если принять за принципъ важнѣйшія преступленія, то это—крайне неопредѣленное понятіе. Что сегодня важно, какъ правонарушеніе, завтра можетъ быть признано неважнымъ. Такимъ образомъ, обложеніе преступленій смертною казнью будетъ зависѣть отъ произвола случайности. Всякое убійство отвратительно, но смертная казнь есть тоже убійство, лишь облеченное въ легальную форму. Эти-же выводы примѣнимы и относительно смертной казни за политическія преступленія, такъ какъ *источникъ* какъ политическихъ, такъ и обыкновенныхъ преступленій есть нарушеніе установленныхъ законовъ.

Во всякомъ случаѣ, смертная казнь есть нарушеніе шестой заповѣди Господней, гласящей: «не убей». Нельзя отнять того, чего нельзя дать: жизнь человѣка не во власти государства. Равномѣрно не можетъ быть принято предложеніе референта—подвергать смертной казни безсрочно-каторжныхъ, учинившихъ новое тяжкое преступленіе, потому что власти имѣютъ полную возможность совершенно изолировать этихъ преступниковъ, сдѣлавъ ихъ безвредными для другихъ. Въ заключеніе г. Френкель, вполнѣ присоединяясь къ проекту резолюціи Ѳ. А. Быкова, прочелъ 755 стр. «Учебника уголовнаго права» профессора Бернера, на которую сослался г. Смиттенъ въ въ своемъ рефератѣ, и пришелъ засимъ къ выводу, что профессоръ Бернеръ вовсе не признаетъ, чтобы смертная казнь могла вліять посредствомъ устрашенія на уменьшеніе количества преступленій, которыя подлежали-бы обложенію смертною казнью.

С. М. Арцруни: Редакціонная Коммисія сдѣлала историческій очеркъ кодексовъ Западной Европы по отношенію къ смертной казни, какъ уголовнаго наказанія, и пришла къ весьма правильному заключенію о томъ, что, съ теченіемъ времени, во всѣхъ кодексахъ и всѣхъ временъ замѣчается прогрессивное уменьшеніе числа случаевъ, къ которымъ примѣняется смертная казнь, и прогрессивное уменьшеніе случаевъ исполненія смертныхъ приговоровъ. Отсюда Коммисія должна была придти къ заключенію, что въ недалекомъ будущемъ смертная казнь, какъ уголовное наказаніе, должна быть совершенно вычеркнута изъ уголовныхъ кодексовъ Западной Европы, какъ это и сдѣлано во многихъ изъ нихъ.

Переходя къ исторіи русскаго уголовнаго права, Коммисія подмѣтила то-же явленіе относительно казни, что и на Западѣ, причемъ она коснулась и русскихъ законодательныхъ памятниковъ. Я позволяю себѣ дополнить соображенія Коммисіи, въ этомъ отношеніи, возможно подробнымъ сообщеніемъ обществу и подлиннаго содержанія этихъ памятниковъ, чтобы ближе ознакомиться съ взглядомъ нашей законодательной власти и нашихъ законовъ на то, насколько смертная казнь въ Россіи была терпима, какъ необходимое нака-

заніе, и потому насколько и нынѣ есть основаніе и необходимость сохраненія ея въ лѣстницѣ наказаній при проектированіи новаго уложенія.

Я начну съ свода уголовныхъ законовъ 1832 г. Ст. 17 этихъ законовъ говоритъ: «Казнь смертная за разныя преступленія, въ прежнихъ законахъ наложенная и, по указамъ 1753 и 1754 г., другими наказаніями замѣненная, съ того времени опредѣляется дѣйствующими нынѣ законами за слѣдующія преступленія», и, затѣмъ, перечисляются три преступленія: противъ Особы Верховной Власти и престола, преступленія карантинныя и преступленія, судимыя по полевому уголовному уложенію.

Указы 1753 и 1754 г. постановляютъ: «Которые преступники натуральною смертью по государственнымъ правамъ и указамъ подлежатъ: таковымъ по прежнимъ указамъ той смертной экзекуціи до разсмотрѣнія и точнаго указанія не чинить, но по наказаніи кнутомъ сослать въ каторжную работу». Ст. 217 свода уголовныхъ законовъ 1832 г. за преступленіе противъ Особы Государя назначаетъ смертную казнь въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло рѣшается верховнымъ уголовнымъ судомъ; когда-же оно рѣшается судомъ обыкновеннымъ, смертная казнь замѣняется каторгою. Такимъ образомъ, смертная казнь, какъ наказаніе, не была необходимымъ и безусловнымъ послѣдствіемъ преступленія: она обусловливалась подсудностью дѣла тому или другому суду, каждый разъ опредѣляемою особо. Соображая вышеизложенное, можно, мнѣ кажется, придти къ заключенію, что, по взгляду тогда дѣйствовавшихъ законовъ, смертная казнь не была ординарнымъ, обыкновеннымъ, признаваемымъ необходимымъ, наказаніемъ и, по смыслу указовъ 1753 и 1754 г., была отмѣнена.

Вообще говоря, законодатель крайне несочувственно относится къ ней и, примѣняя ее къ случаямъ рѣдкимъ и чрезвычайнымъ, допускалъ большія исключенія и въ этихъ случаяхъ, обусловливая ея примѣненіе особою и, такъ сказать, исключительною подсудностью. Поэтому, съ нѣкоторымъ основаніемъ можно утверждать, что еще тогда законодатель *въ принципѣ* отвергъ смертную казнь, какъ мѣру карательную, и иногда допускалъ, по тогдашнимъ понятіямъ, какъ необходимое зло.

Съ большею еще увѣренностью можно доказать это заключеніе по дальнѣйшимъ законодательнымъ распоряженіямъ. Такъ, учрежденный въ 1844 г., комитетъ для составленія проекта новаго уложенія о наказаніяхъ по поводу смертной казни высказалъ слѣдующія мысли, которыя нынѣ и мы можемъ повторить: «Казнь смертная, говоритъ комитетъ, есть величайшее и, безъ сомнѣнія, жестокое наказаніе, не только по общему, такъ-сказать, инстинктивному о семъ понятію всѣхъ вѣковъ и народовъ, но и по самому существу своему; ибо, во первыхъ, она одна, изъ всѣхъ наказаній, лишаетъ правительство воз-

можности исправить впослѣдствіи ошибку суда или смягчить участь осужденнаго, если-бы сіе, по вновь открывшимся обстоятельствамъ, оказалось нужнымъ; во вторыхъ, ею и у преступника, можетъ быть, еще способнаго къ раскаянію, отнимается сіе послѣднее средство спасенія, и онъ, съ омраченною злодѣйствомъ душою, передается мгновенно вѣчному суду Божію. Посему нельзя не согласиться, что сія казнь есть въ нѣкоторомъ смыслѣ *зло уголовнаго законодательства*,—крайность, которую иные философы-моралисты, не совсѣмъ несправедливо, почитаютъ противною религіи. Но нельзя не сознаться также, что сіе зло едва-ли необходимо, что оно должно быть допускаемо для отвращенія другаго, еще большаго,—опасности, коею иногда угрожается все гражданское общество, когда преступленія принадлежатъ къ роду потрясающихъ государство въ его основаніяхъ, или-же доказывающихъ неисправимость дозволяющаго ихъ себѣ, не признающаго никакихъ законовъ, никакой святыни, злодѣя».

Такимъ образомъ, комитетъ, признавая, что смертная казнь есть зло въ законахъ, что оно противно чувству людей всѣхъ вѣковъ, что оно лишаетъ правительство возможности исправить ошибку суда и смягчить наказаніе, отнимая у преступника возможность раскаянія, являясь также противнымъ и религіи, въ то-же время воздалъ дань схоластицизму, допустивъ смертную казнь для преступниковъ особо-важныхъ. Надо замѣтить, что изложенныя соображенія комитета были, такъ сказать, продиктованы ему манифестомъ 21 Апрѣля 1826 г., на который позволю себѣ обратить вниманіе общества. Въ немъ сказано: «Съ самаго начала царствованія Нашего и управленія различными подвластными скиперту Нашему государствами, примѣненіе и исполненіе уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сіе уложеніе опредѣляетъ смертную казнь, составляло предметъ живѣйшей нашей заботы. Съ одной стороны Мы усматривали, что безусловное положеніе онаго законодательства въ семъ отношеніи не согласуется съ основанными на внутреннемъ убѣжденіи, сообразными съ судопроизводствомъ въ Имперіи, правилами Нашими; съ другой же стороны, Мы не могли отступить отъ предначертаннаго Нами самими въ совѣсти Нашей долга не утверждать никакого, хотя и сообразнаго съ законоположеніями, смертнаго приговора, если преступленіе не будетъ толикой важности, что цѣлію онаго было нарушеніе общественнаго существованія, спокойствія государственнаго, безопасности престола и святости Величества».

Если общественный и государственный строй конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія и не совсѣмъ освободившаяся отъ схоластицизма и несостоятельныхъ взглядовъ на задачи государства наука уголовнаго права давали нѣкоторыя основанія и признавать, и не признавать необходимость

смертной казни; если въ тѣ времена общества не знали иногда способа борьбы съ «важнымъ» преступникомъ, какъ путемъ отсѣченія его головы, или повѣшенія, или разстрѣлянія, или колесованія съ квалифицированными жестокостями надъ человѣкомъ,—за то, въ наши дни, при измѣнившихся условіяхъ нашей жизни и при прогрессѣ науки по пути гуманности, мы обязаны съ критикою отнестись къ тѣмъ «случаямъ», за которые наши предки казнили смертью.

Редакціонная Коммисія замѣтила уже, что понятіе «о важности преступленія» есть понятіе относительное и сильно колеблющееся. То, что особенно важно у насъ, не особенно важно у другихъ народовъ, и наоборотъ, и этою относительно важностью преступленія нельзя оправдывать чрезвычайности наказанія смертью, ничѣмъ не поправимою. Самое уменьшеніе числа случаевъ, къ которымъ примѣняется смертная казнь, очевиднымъ образомъ доказываетъ, что у народовъ понятіе о важности преступленій мѣняется съ теченіемъ времени, съ измѣненіемъ взглядовъ на жизнь и на людей. То, что важно сегодня, будетъ не важно завтра. Между тѣмъ, законы въ нормахъ своихъ должны руководствоваться болѣе или менѣе прочными, постоянными принципами.

Современная жизнь наглядно убѣждаетъ насъ, что теперь уже немыслимы случаи, способные колебать основы обществъ и государствъ.

Затѣмъ, наука доказала, что въ наказаніи смертною казнью нѣтъ ни одного изъ элементовъ, изъ которыхъ слагается понятіе о наказаніи въ юридическомъ смыслѣ этого слова. Я не стану обременять вниманія общества повтореніемъ мнѣній авторитетовъ науки по вопросу о смертной казни и тѣхъ соображеній, которыя высказаны уже предыдущими ораторами. Не подлежитъ сомнѣнію, что смертная казнь не предупреждаетъ преступленія, не исправляетъ преступника, не устрашаетъ, отнимаетъ возможность исправленія ошибки суда и смягченія наказанія и производитъ на массу деморализирующее впечатлѣніе. Но, по моему мнѣнію, кромѣ сказаннаго, смертная казнь не имѣетъ существеннаго признака наказанія: она *недробима*, она не имѣетъ ни мѣры, ни степеней. Поэтому ни одно обстоятельство, признаваемое законами за обстоятельство, смягчающее наказаніе, непримѣнимо къ смертной казни. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, одинаково подлежатъ казни и взрослый, и несовершеннолѣтній, и человѣкъ съ развитыми волею и умомъ, и пятнадцатилѣтній мальчикъ. Уже это одно обстоятельство отнимаетъ у общества всякое право видѣть въ смертной казни характеръ наказанія, ибо, по причинѣ своей недробимости, она несправедлива.

Я долженъ сдѣлать, впрочемъ, одну оговорку, что смертная казнь имѣетъ устрашающій характеръ, но не для преступника и общества, *а для*

лицъ, которыя по закону должны постановить смертный приговоръ, для судей. Я имѣю въ виду случай, когда нѣсколько лицъ гражданскаго вѣдомства у насъ на Кавказѣ были преданы военному суду за преступленіе, за которое по нормальнымъ законамъ полагалось исправительное наказаніе, а по военнымъ—смертная казнь. Есть основаніе утверждать, что страшная разница между этими двумя наказаніями могла быть причиною нерѣшимости суда подписать смертный приговоръ.

Обобщая это положеніе, я удостовѣряю, что ни одинъ судья не можетъ не толковать малѣйшее сомнѣніе въ пользу преступника, чтобы не взять на свою совѣсть лишеніе человѣка жизни при возможности ошибки въ дѣяніяхъ и мнѣніяхъ людскихъ. И, такимъ образомъ, можетъ случиться, что преступленіе останется ненаказуемымъ. Чѣмъ строже будетъ наказаніе, тѣмъ рѣже будетъ его примѣненіе. Слѣдовательно, такое устрашающее значеніе смертной казни для судей косвенно ведетъ къ потворству, преступленію и преступнику. Желаніе референта «единогласнаго» осужденія судомъ, къ смертной казни фактически приведетъ къ упраздненію этого наказанія, потому что единогласное сужденіе немыслимо въ такихъ важныхъ случаяхъ и оно будетъ въ пользу преступника. При всемъ этомъ, все-таки не предотвратима судебная ошибка.

Что же касается Кавказа, смертная казнь и здѣсь не найдетъ себѣ оправданія. Правильно организованныя охранительныя мѣры и справедливый судъ, въ связи съ развитіемъ школъ, уже вывели край изъ первобытнаго его положенія, и Кавказъ нынѣ не представляется страною дикихъ звѣрей; онъ идетъ рука объ руку съ Имперіею.

По этимъ соображеніямъ, я присоединяюсь къ заключенію Коммисіи объ исключеніи смертной казни изъ новаго уложенія и полагаю, однако-же, что опредѣленіе наказанія ничего политическаго въ себѣ не заключаетъ: поэтому, ся заключеніе полагаю признать безъ оговорокъ и категорически рѣшающимъ судьбу смертной казни.

В. А. Хлѣбниковъ: Референтъ требуетъ сохраненія смертной казни въ трехъ случаяхъ; онъ является защитникомъ ея.

Посмотримъ доводы, приводимые имъ въ защиту этого наказанія, отъ котораго человѣчеству давно пора отдѣлаться совсѣмъ.

Нельзя не согласиться съ нимъ, что для разрѣшенія вопроса о томъ, что такое смертная казнь, нѣтъ метода лучшаго, чѣмъ историческій. Но исторія смертной казни противъ референта. Если только ограничиться исторіей ея, то она представится тѣмъ, что она есть на самомъ дѣлѣ, т. е. наслѣдствомъ, завѣщаннымъ намъ самымъ древнимъ варварствомъ.

Вотъ краткая исторія наказанія смертью.

Смертная казнь существуетъ у самыхъ дикихъ племенъ. Всѣ европейскія общества знали ее отъ самыхъ началъ ихъ существованія. Задолго еще до появленія христіанства, древній міръ практиковалъ ее. Но она имѣла для него значеніе нѣсколько иное, чѣмъ у насъ, именно религіозное. Древній человѣкъ связывалъ съ нею три представленія: возмездія, устрашенія и жертвы разгнѣванному преступленіемъ божеству. Это послѣдне значеніе объясняетъ происхожденіе слова supplicium и формулы объявленія смертнаго приговора преступнику у римлянъ: sacer esto. У германцевъ этотъ приговоръ объявлялъ жрецъ.

Христіанство застало народы въ этотъ моментъ ихъ развитія, и ни одно изъ учрежденій этой цивилизаціи не было такъ противно его ученію, какъ смертная казнь. Оно, сдѣлавшись господствующимъ, начало вездѣ борьбу съ этой казнью. Эта борьба была серьезной борьбой за идею, но оказалось, что въ нравахъ она была сильнѣе, чѣмъ истины христіанства. Церковь отстаивала противъ свѣтской власти свои права спасать приговоренныхъ къ смерти. Различныя убѣжища—монастыри, церкви, ограды могилъ святыхъ, даже существовали цѣлые города, въ которыхъ свѣтская власть не могла казнить преступниковъ. Миттермайеръ приводитъ примѣръ этой силы и борьбы христіанства. Благочестивый Бернгардъ разъ вырвалъ изъ рукъ палачей одного преступника и увелъ съ собою, чтобы тотъ всю жизнь раскаивался. Создалось даже цѣлое ученіе церкви о смертной казни. Государство, говорила она, наказывая людей смертью, нарушаетъ божественное право. Оно переходитъ предѣлы, граничащіе земную власть отъ небесной. Богъ не хочетъ смерти грѣшника, говорили учителя христіанства, слѣдовательно, эта насильственная смерть уничтожаетъ у преступника возможность раскаяться и загладить грѣхъ. Съ такимъ взглядомъ христіанство естественно должно было быть врагомъ смертной казни. Эта борьба продолжалась до начала новой исторіи. Хотя съ конца среднихъ вѣковъ сама церковь учреждаетъ инквизицію, преслѣдуетъ своихъ враговъ той-же карой, но казни она не выполняетъ сама, а въ этихъ случаяхъ заставляетъ дѣйствовать свѣтскую власть. Между тѣмъ, государственная власть въ европейскихъ обществахъ крѣпнетъ все болѣе и болѣе, а вмѣстѣ съ нею, и право, за которое стоитъ государство—казнить людей смертью. Когда ужасъ, внушаемый сначала этимъ наказаніемъ христіанству, притупился и когда самое ученіе это стало терять свою чистоту, смертная казнь получила въ Европѣ право гражданства; это даже была не простая казнь, а квалифицированная, съ отнятіемъ рукъ, ногъ, вытягиваніемъ жилъ, выкалываніемъ глазъ и другими ужасами. Такъ продолжалось до половины XVIII столѣтія, до появленія книжки Беккаріа о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Первая книга написана противъ этого наказанія.

Появленіе этого небольшаго сочиненія произвело въ умахъ большой переворотъ. Съ этого времени въ общественномъ мнѣніи начинаетъ создаваться все болѣе и болѣе ясное понятіе объ этомъ наказаніи. Сначала мыслители и нѣкоторые правители, побуждаемые благородствомъ ихъ натуры, начали смотрѣть на него съ омерзѣніемъ; затѣмъ, число противниковъ ея растетъ все болѣе и болѣе. Криминалисты раздѣлились на два лагеря, и самые лучшіе изъ нихъ заявляютъ себя врагами ея. Этотъ вопросъ такъ занимаетъ умы до настоящаго времени, что литература о смертной казни—одна изъ самыхъ богатыхъ въ наукѣ уголовнаго права. Сотни томовъ написаны и въ защиту ея, и ея противниками. Послѣдніе въ своихъ рядахъ считаютъ много славныхъ именъ. Послѣднее время и между государственными людьми было много людей замѣчательнаго ума, которые считаются врагами этого наказанія. Такъ Гербстъ, австрійскій министръ, умершій Гамбетта, Гладстонъ, Викторъ Гюго, Гизо, императоръ Леопольдъ, Іосифъ II, Елизавета Императрица Россійская, Екатерина II, Александръ I, Жюль Симонъ, Эмиль Жирарденъ, Пасторэ, Росси, и всѣхъ не перечесть. Число противниковъ ея было такъ велико, что, подъ вліяніемъ ихъ, законодательства Европы начали, съ конца прошлаго столѣтія, отказываться отъ этого наказанія, и уже многіе уничтожили ее, затеревъ въ своихъ кодексахъ мѣсто, которое она занимала, откровеннымъ сознаніемъ, что причиной ея существованія была одна дикость нравовъ и предразсудокъ мысли объ ее ужасной устрашительности. Вотъ какія государства отказались отъ нея: она была уничтожена въ 1782 г. Тосканою, въ 1799 г. во Франціи при 1-й республикѣ, въ 1826 г. въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи, въ 1830 г. въ шт. Луизіанѣ и въ Бразиліи, въ 1831 г. на островѣ Таити, 1846 г. въ шт. Мичиганъ, 1849 г. въ герцогствѣ Нассау, кантономъ Фрейбургъ, великимъ герцегствомъ Ольденбургъ, герц. Брунсвикскимъ, герц. Кобургскимъ, въ 1852 г. шт. Родъ-Эйлендъ, республикою Санъ-Марино, Тосканою, вторично послѣ введенія ея Сардинскимъ кодексомъ: въ 1860 г. Румыніею, въ 1862 г. велик. герц. Веймарнскимъ, герц. Саксенъ - Мейнингенскимъ, въ 1863 году кантономъ Невшатель, Цюрихскимъ, велик. герц. Баденскимъ, 1864 г. шт. Колумбіей, 1866 г. велик. герц. Виртембергскимъ, 1867 г. Швеціею, Португаліею, 1868 г. Саксоніею, 1870 г. Голландіею. Затѣмъ, были и обратныя движенія законодательства. Въ Бельгіи въ парламентъ былъ внесенъ въ 1838 году проектъ закона объ отмѣнѣ, подписанный королемъ и министромъ Бора; онъ былъ отвергнутъ; въ Германіи союзный парламентъ, благодаря только вмѣшательству желѣзнаго канцлера, ввелъ смертную казнь въ нѣмецкихъ государствахъ, присоединенныхъ къ Германіи въ

1870 году; въ Швейцаріи союзная конституція 1874 г. возобновила ее большинствомъ голосовъ 200,000 противъ 186,000.

Въ настоящее время, въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ она существуетъ, она примѣняется въ очень рѣдкихъ случаяхъ: въ Англіи въ 3-хъ, въ Австріи въ 2-хъ, въ Германіи въ 2-хъ, во Франціи въ 5-и. Между тѣмъ, въ началѣ этого столѣтія Англія практиковала ее въ 160-ти случаяхъ, Германія въ 25-ти, Франція—въ политическихъ преступленіяхъ.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Коммисіи, что это наказаніе вымираетъ. Такъ исторія его показываетъ, что, родившись въ эпоху невѣжества и грубости нравовъ, она перешла къ намъ, вмѣстѣ съ другими остатками грубости и безполезной жестокости. Мы въ колыбели ея находимъ съ ней вмѣстѣ пытки, колесованіе, отсѣченіе членовъ, вытягиванія жилъ. Всѣ эти мученія одного и того-же происхожденія. Отъ нихъ человѣчество отдѣлалось; остается теперь отдѣлаться и отъ послѣдней. Референтъ, говоря объ исторіи, какъ слагалось право государства наказывать, историческаго намъ не сообщилъ, да и не могъ, потому что исторія смертной казни, какъ мы видѣли, противъ него. Новая ея исторія доказываетъ только все болѣе и болѣе развивающееся чувство общественнаго омерзѣнія противъ этого наказанія. Но, поставивъ сначала историческій путь доказательствъ смертной казни, референтъ начинаетъ ее защищать единственнымъ ея свойствомъ—необходимостью. Я въ этомъ согласенъ съ нимъ. Доказать, что смертная казнь необходима, и дѣло кончено. Г. Спасовичъ разрѣшилъ всѣ споры защитниковъ и противниковъ наказанія о негодности или пригодности казни слѣдующимъ образомъ: «Справедливо то наказаніе, которое необходимо; если-же оно обходимо, то несправедливо». Оставивъ въ сторонѣ другія свойства казни, ея устрашимость и споры по поводу этого свойства, посмотримъ, какъ необходима смертная казнь? Что государство преслѣдуетъ ею? Ему нужно отдѣлаться отъ преступника, опаснаго для него. Вотъ какъ оно отдѣлывается отъ него въ Луизіанѣ, гдѣ давно не существуетъ этой казни: онъ лишается свободы и всякаго сообщенія съ міромъ на всю жизнь. Онъ можетъ работать, гулять, не видя никого, кромѣ тюремщика, врача, и священника въ годовщины дня совершенія имъ преступленія. Такимъ образомъ, государство отдѣлывается отъ него, не прибѣгая къ смертной казни. Надзоръ за нимъ силенъ, убѣжать ему невозможно—общество совершенно спокойно. Это, если хотите, тоже смертная казнь, только нѣтъ крови, нѣтъ мученій физическихъ, нѣтъ ни одного изъ развращающихъ вліяній самой казни. Слѣдовательно, нельзя говорить, что она необходима; она обходима, значитъ—и несправедлива.

Народная совѣсть, говоритъ референтъ, требуетъ ее въ нѣкоторыхъ

случаяхъ, тамъ она нужна. Г. Быковъ говорилъ о значеніи этой народной совѣсти, онъ назвалъ ее чувствомъмести; я скажу, что, въ большей части случаевъ, это еще хуже. Народныя толпы вездѣ любятъ смертную казнь, но не болѣе, какъ зрѣлище, исполненное сильныхъ ощущеній, захватывающаго драматизма. Тысячи бѣгутъ смотрѣть, какъ казнятъ преступника, посмотрѣть на это съ тѣмъ-же чувствомъ, какъ римляне смотрѣли на гибель христіанъ въ циркахъ; какъ испанцы—на бой быковъ, какъ у насъ смотрятъ другія изувѣрства. Можно эту любовь только и объяснить страстью къ сильному ощущенію. Сами государства чувствуютъ это; теперь они почти вездѣ совершаютъ казнь келейно, за оградой тюрьмы; но и это производитъ впечатлѣніе: къ оградѣ тюрьмы, въ день казни, стекаются толпы народа и съ замираніемъ сердца ждутъ, пока покажется черный флагъ—знакъ, что у человѣка уже отнята жизнь, и съ чувствомъ сознанія, что величайшая несправедливость совершена, эта толпа расходится.

Въ Берлинѣ въ этотъ день мальчишки всего города играютъ въ смертную казнь. Вліяніе этого зрѣлища на народъ—одно изъ развращающихъ, а впечатлѣніе весьма сильное: такъ, въ Ліонѣ, въ 1839 г., во время казни три солдата не выдержали его и упали въ обморокъ. Такое значеніе имѣетъ эта народная совѣсть. Она въ древнемъ Римѣ требовала цирка, у насъ—смертной казни. Слѣдовательно, о ней нечего говорить, и требовать во имя ея смертной казни въ 3-хъ случаяхъ, какъ дѣлаетъ это референтъ, это значитъ—поощрять грубые животные инстинкты народныхъ массъ.

Теперь я скажу объ исторіи этого наказанія у насъ, въ Россіи.

Я не согласенъ съ мнѣніемъ г. Быкова, что мы уже 140 лѣтъ обходимся безъ смертной казни. У насъ она существовала до нашего времени, хотя въ уложеніи не было ея названія. Наказаніе 12,000 шпицрутеновъ—это тоже смертная казнь въ самомъ ужасномъ, средневѣковомъ ея видѣ: этого наказанія не могла вынести самая сильная, могучая организація человѣка. Приговорить къ этому наказанію значитъ приговорить къ смертной казни. Такъ мы не имѣемъ основанія гордиться ничѣмъ въ этомъ случаѣ передъ Западомъ. Намъ нужно теперь отдѣлаться отъ смертной казни на чистоту, и мы совсѣмъ не въ особенномъ положеніи, чѣмъ Германія, Англія и Франція. Нѣтъ государственной необходимости въ ней; признаемъ это и этимъ скажемъ о ней откровенно наше мнѣніе. Это мнѣніе не новое, мы повторимъ только слова императрицы Елизаветы, которой принадлежатъ слова, замѣченныя исторіею: «Мы не имѣемъ права казнить преступленіе, подражая ему». «Мы»—это государство. Въ нашей исторіи законодательства замѣтно, во многихъ случаяхъ, желаніе избавиться отъ этого наказанія. Многіе изъ нашихъ Государей старались обойтись безъ нея.

Омерзѣніе къ ней существуетъ и въ правящихъ классахъ. Такъ, составители уложенія 1844 г. хотѣли внести въ него смертную казнь за отцеубійство; Государственный Совѣтъ отказалъ въ томъ и оставилъ ее только для 3-хъ случаевъ.

Составители проекта раздѣлили въ этомъ дѣлѣ вопросы юридическій отъ политическаго; первый рѣшаютъ такъ, что мы можемъ обойтись безъ смертной казни и отказаться отъ нея; второй не рѣшаются рѣшить и предоставляютъ это Государственному Совѣту. Съ такой постановкой согласенъ г. Быковъ. Я думаю, что это—не разрѣшеніе вопроса. Какая политическая сторона возможна въ этомъ вопросѣ? Уголовная политика—но эта политика требуетъ уничтоженія смертной казни. Вліяніе суда на общество—вопросъ этой политики. Чѣмъ это вліяніе сильнѣе, чѣмъ болѣе въ обществѣ уваженія къ суду, тѣмъ, конечно, и большое воспитательное значеніе онъ имѣетъ. Его приговоры должны обществомъ считаться за непреложныя истины,—вотъ идеалъ суда. У насъ-же общество относится къ суду критически; оно расположено противъ него, недовольно и хмурится. Возможность ошибки всегда будетъ. Какой хотите, устройте судъ, ошибки будутъ за нимъ слѣдовать, какъ за всякими человѣческими дѣлами. Эти ошибки въ дѣлѣ приговора къ смертной казни дѣйствуютъ ужасно на общественное мнѣніе. Сознаніе, что судъ легально можетъ вывести на плаху невиннаго, невыносимо для человѣка. Тутъ уже нѣтъ никакого оправданія безчеловѣчному учрежденію, и, обыкновенно, въ этихъ случаяхъ высказывается то, что внушаетъ смертная казнь человѣку. Обыкновенно виноватъ судъ, судьи, и это отношеніе часто дѣлается острымъ. Къ чему-же ставить судъ въ такое неловкое положеніе, когда нѣтъ къ тому никакой необходимости? Это не политично.

Я согласенъ со всѣми доводами Коммисіи объ юридической сторонѣ вопроса. Смертная казнь вымираетъ вездѣ и у насъ. Она не нужна, ее нужно исключить изъ уложенія. Но я считаю, что необходимо выразить это мнѣніе въ формѣ ясной и точной; эта формула такая:

Наказанія смертной казнью въ уложеніи не должно быть.—Я и предлагаю ее Обществу.

А. В. Степановъ заявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ смертной казни, какъ наказанія несправедливаго съ точки зрѣнія христіанской любви и нравственности, а также съ точки зрѣнія современнаго взгляда на преступленіе, какъ на продуктъ не свободной воли преступника, а самыхъ разнообразныхъ условій и обстоятельствъ, высказалъ удивленіе по поводу той скромности, съ которой отнеслась Коммисія къ вопросу о смертной казни. Вопросъ этотъ ничѣмъ не отличается отъ массы другихъ вопросовъ, возбужденныхъ новымъ проектомъ уложенія. Окончательное слово по всѣмъ этимъ

вопросамъ одинаково принадлежитъ законодателю, и Коммисія, образованная для составленія проекта уложенія, должна была-бы исключить смертную казнь изъ лѣстницы наказаній, разъ она находитъ это справедливымъ. Затѣмъ, г. Степановъ возражалъ противъ предложенія референта ставить на судѣ отдѣльный вопросъ о возможности судебной ошибки, полагая, что такой вопросъ долженъ быть въ виду судей во всѣхъ случаяхъ, и безразлично—идетъ-ли рѣчь о примѣненіи смертной казни, или какого другаго наказанія. Неправильно также и предложеніе референта объ оставленіи смертной казни въ виду «устрашительнаго дѣйствія этого наказанія на душу готовящагося преступника». «Человѣчество, говорилъ г. Степановъ,—къ чести его надо сказать—далеко ушло отъ того времени, когда жестокостью наказанія думали уменьшить число преступленій. Съ точки зрѣнія уголовныхъ теорій, устрашеніемъ можно оправдывать не только смертную казнь, но и выкалываніе глазъ, и четвертованіе, и колесованіе. Нынѣ силу уголовной репрессіи никто не ищетъ болѣе въ жестокости наказанія, ее справедливо находятъ въ его неизбѣжности».

Затѣмъ въ Кавказскомъ Юридическомъ Обществѣ приступлено къ продолженію преній по вопросу о смертной казни, причемъ высказали:

В. В. Смиттенъ. Можно было, конечно, предвидѣть, что юристы-теоретики отвергнутъ мое сообщеніе о смертной казни; но послѣ талантливой и прочувствованной рѣчи Ѳ. А. Быкова, это сдѣлалось еще болѣе ясно. Я съ намѣреніемъ назвалъ всѣхъ насъ, не дѣлая въ этомъ отношеніи исключенія и для себя, юристами-теоретиками, въ противоположность эпитету юристовъ-практиковъ, приданному намъ Ѳ. А. Быковымъ. На мой взглядъ, насъ можно назвать юристами-техниками, юристами, приставленными къ судебной практикѣ, но менѣе всего—юристами-практиками, въ томъ смыслѣ, какой придавалъ этому выраженію мой почтенный оппонентъ. Интеллигенція вообще, а русская въ особенности, склонна къ теоретизированію. Едва-ли гдѣ-либо интеллигентный классъ болѣе чуждъ родной жизни, чѣмъ въ Россіи. Мы, по преимуществу, любимъ заниматься всяческими теоретическими построеніями и составленіемъ воздушныхъ замковъ и, менѣе всего, знаемъ свой народъ, его стремленія и нужды; до послѣдняго времени мы, къ сожалѣнію, даже весьма мало интересовались народной жизнью, и насъ болѣе занимало то, что дѣлается въ Парижѣ, чѣмъ то, что дѣлается дома.

Оторванность нашей интеллигенціи отъ родной почвы и, вслѣдствіе, того, теоретичность ея—фактъ, неоднократно замѣчавшійся наблюдательными иностранцами. Но если русская интеллигенція мало знаетъ практическія условія русской жизни, то и русскіе юристы, какъ часть интеллигенціи, такіе-же теоретики. Еще болѣе примѣнимъ этотъ эпитетъ къ кавказскимъ юри-

стамъ, которые, въ сущности, являются въ краѣ иностранцами. Намъ, конечно, болѣе или менѣе, извѣстна жизнь гор. Тифлиса и другихъ мѣстныхъ центровъ, но жизнь массы населенія намъ совершенно незнакома. Вотъ почему я нахожу, что насъ нельзя назвать практиками. Только немногимъ изъ насъ, принадлежащихъ къ числу туземцевъ, быть можетъ, приличествуетъ до нѣкоторой степени это названіе.

Основнымъ мотивомъ рѣчи Ѳ. А. Быкова, красной нитью проходящимъ чрезъ нее, служитъ горячее чувство ненависти къ смертной казни. Онъ считаетъ ее зломъ, даже убійствомъ, и настаиваетъ на отмѣнѣ ея, потому что она представляетъ тяжкое физическое страданіе и противна чувству гуманности. Не могу не поблагодарить моего оппонента за то, что, при всемъ горячемъ отношеніи къ дѣлу, побуждающемъ его прилагать заботы о томъ, чтобы мнѣнія, высказанныя въ нашемъ Обществѣ, не дали оружія въ руки защитниковъ смертной казни, онъ отдаетъ послѣднимъ справедливость, признавая, что они не питаютъ нѣжныхъ чувствъ къ этому виду наказанія и также считаютъ ее зломъ, хотя и необходимымъ. Считаю нужнымъ, однако, прибавить, что зломъ представляется смертная казнь собственно съ внѣшней стороны. Всякое наказаніе, составляя сумму извѣстныхъ лишеній, въ этомъ смыслѣ представляется зломъ. Смертная казнь, поражая драгоцѣннѣйшее изъ благъ, составляетъ, въ ряду наказаній, наибольшее зло. Но смертная казнь, какъ и другія наказанія, составляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, актъ правосудія и самозащиты и, съ этой точки зрѣнія, не представляется ни зломъ, ни, тѣмъ болѣе, убійствомъ. Физическое страданіе не составляетъ сущности смертной казни. Тогда какъ цѣль наказаній «тѣлесныхъ» состоитъ именно въ причиненіи физическихъ мученій, цѣль смертной казни совсѣмъ другая, и защитники ея, безъ сомнѣнія, сочувствовали-бы такому способу ея примѣненія (напр., посредствомъ сильнаго тока электричества или быстро дѣйствующаго яда), который, если не совершенно исключалъ, по крайней мѣрѣ, доводилъ-бы до минимума физическія страданія казнимаго. Притомъ, и при существующемъ способѣ казни, нѣтъ основанія говорить о тяжкихъ физическихъ мученіяхъ. По разсказамъ повѣсившихся, снятыхъ во-время съ петли и возвращенныхъ къ жизни, они испытывали страданія лишь въ первыя мгновенія. Въ смертной казни тяжки не физическія, а нравственныя страданія преступника въ послѣдніе дни или часы его жизни; страшно то отчаяніе, которое овладѣваетъ преступникомъ, вслѣдствіе присущаго человѣку чувства самосохраненія. Но и въ этомъ отношеніи защитники смертной казни сочувствовали-бы такому примѣненію ея, при которомъ смерть, постигшая преступника, при соблюденіи необходимыхъ юридическихъ гарантій, болѣе или менѣе неожиданно или быстро устраняла-бы или дѣлала возможно-непродол-

жительными его нравственныя страданія. Полагаю, они не имѣли-бы ничего и противъ того, чтобы предоставить казнимому самому покончить съ жизнью, если это можетъ служить къ облегченію его нравственныхъ мученій. Гуманность, безъ сомнѣнія, вещь прекрасная и я вполнѣ сочувствую желанію, чтобы гуманитарныя начала какъ можно болѣе проникали во всѣ сферы частной и общественной жизни. Но гуманность—дѣло обоюдоострое. То, что гуманно въ отношеніи преступника, можетъ быть негуманнымъ въ отношеніи мирныхъ гражданъ. Противники смертной казни гуманны къ преступнику, не обращая вниманія на то, что эта гуманность представляетъ серьезную опасность для общества. Защитники этого наказанія предпочитаютъ казнить негодяя, чѣмъ подвергать опасности мирныхъ гражданъ. Кто поступаетъ болѣе гуманно—вопросъ очевидно спорный.

Перехожу къ аргументальной части рѣчи Ѳ. А. Быкова.

Почтенный оппонентъ возражаетъ сначала не противъ принципіальной стороны реферата, а противъ частной моей мысли о способѣ назначенія смертной казни въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда я нахожу ее необходимой для охраны общественной безопасности въ отношеніи наиболѣе опасныхъ общихъ преступниковъ. Хотя эта мысль составляетъ второстепенную и незначительную часть моего сообщенія, тѣмъ не менѣе считаю необходимымъ разсмотрѣть возраженія Ѳ. А. Быкова. Онъ находитъ: 1) что если разъ допускать смертную казнь, то ее слѣдуетъ внести въ кодексъ, а не примѣнять на основаніи исключительныхъ законовъ; говоря иначе, онъ предпочитаетъ ввести ее въ большую дверь, тогда какъ я признаю лучшимъ допускать ее лишь въ маленькую боковую дверь; 2) онъ обстоятельно доказываетъ, будтобы я смѣшалъ военное положеніе съ положеніемъ усиленной охраны, и 3) онъ возражаетъ противъ моей мысли о возможности примѣнить смертную казнь безъ примѣненія положенія объ усиленной охранѣ, стѣснительнаго для мирныхъ обывателей.

Смѣю думать, что, если-бы я и смѣшалъ военное положеніе съ положеніемъ усиленной охраны, то это обстоятельство не имѣло-бы никакого значенія для проводимой мною мысли о достаточности въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускать смертную казнь по исключительнымъ законамъ. Пришлось-бы вычеркнуть изъ реферата два слова. Но едва-ли я допустилъ смѣшеніе понятій. Дѣло въ томъ, что названіе «усиленной охраны» появилось лишь въ 1881 г., и до тѣхъ поръ, сколько помню, соотвѣтственное усиленной охранѣ положеніе, установленное, напримѣръ, по поводу ветлянской чумы и въ губерніяхъ, подчиненныхъ временнымъ генералъ-губернаторамъ, называлось въ литературѣ «военнымъ положеніемъ». Точно также за границей положеніе усиленной охраны называется «осаднымъ положеніемъ». Такимъобразомъ, употребляя

безразлично два термина, я просто примѣнялся къ существующей терминологіи и, конечно, говоря о военномъ положеніи, не могъ имѣть въ виду того спеціальнаго «военнаго положенія» для мѣстностей, составляющихъ театръ военныхъ дѣйствій, которое, очевидно, никакого отношенія къ моему реферату не имѣетъ.

Не понимаю, почему Ѳ. А. Быкову не нравится предположеніе о возможности примѣнять смертную казнь и безъ объявленія извѣстной мѣстности въ положеніи усиленной охраны. Съ примѣненіемъ этого положенія будетъ назначаться и смертная казнь; такъ не лучше-ли назначать послѣднюю, не примѣняя остальныхъ стѣснительныхъ правилъ усиленной охраны, тѣмъ болѣе, что эти правила, будучи направлены преимущественно противъ политическихъ преступниковъ, не нужны въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ, по моему мнѣнію, необходимо сохранить въ исключительныхъ случаяхъ смертную казнь за общія преступленія.

Что касается того, почему я, допуская въ исключительныхъ случаяхъ смертную казнь за общія преступленія, для охраны общественной безопасности, не вношу ея въ кодексъ, то по этому вопросу мною высказано въ рефератѣ, что смертная казнь, въ этихъ случаяхъ, и въ настоящее время не внесена въ дѣйствующее уложеніе, установленіе-же ея въ кодексѣ вновь представлялось-бы неудобнымъ во многихъ отношеніяхъ. Въ виду дѣлаемаго Ѳ. А. Быковымъ возраженія, считаю необходимымъ указать на эти неудобства. Они формальнаго и принципіальнаго свойства. Формальное затрудненіе заключается въ томъ, что нѣтъ никакой, кажется, возможности точно формулировать тѣ признаки общественной опасности, наличность которыхъ только могла-бы оправдывать примѣненіе смертной казни въ той или другой мѣстности; между тѣмъ, внося смертную казнь въ кодексъ, было-бы необходимо опредѣлить, при какомъ именно состояніи общественной безопасности должна она примѣняться. Принципіальное затрудненіе состоитъ въ томъ, что, разъ примѣненіе смертной казни поставлено въ зависимость отъ состоянія въ извѣстной мѣстности общественной безопасности, судъ не можетъ быть признанъ компетентнымъ учрежденіемъ для разрѣшенія вопроса о положеніи общественной безопасности, да и не въ состояніи разрѣшить его правильно. По самому существу дѣла, разрѣшеніе этого вопроса можетъ зависѣть лишь отъ верховной или высшей административной власти.

Если-бы мой почтенный оппонентъ нашелъ выходъ изъ этихъ затрудненій, то я не сталъ-бы, въ принципѣ, возражать противъ внесенія смертной казни, для указанныхъ мною случаевъ, въ кодексъ. Нельзя, однако, не замѣтить, что, со внесеніемъ ея въ кодексъ, необходимо расширится сфера ея примѣненія. Я не раздѣляю мнѣнія, высказаннаго Ѳ. А. Быковымъ объ исклю-

чительныхъ судахъ, и нахожу, что факты ихъ дѣятельности не даютъ основанія для тѣхъ заключеній, къ которымъ онъ приходитъ. Но, во всякомъ случаѣ, я ничего не имѣю противъ того, чтобы обязанность примѣненія смертной казни въ особыхъ случаяхъ, мною указываемыхъ, была возложена на общегражданскіе суды.

Переходя къ принципіальной сторонѣ дѣла, Ѳ. А. Быковъ утверждаетъ, что смертная казнь за общія преступленія не имѣетъ въ Россіи историческаго основанія и что Россія обходится безъ нея 140 лѣтъ, а въ частности Кавказъ 80 лѣтъ. Этотъ доводъ имѣлъ-бы весьма серьезное значеніе, особенно съ моей чисто-практической точки зрѣнія на вопросъ, если-бы онъ былъ вѣренъ. Уже В. А. Хлѣбниковъ указалъ на ошибочность этого аргумента почтеннаго оппонента. Съ своей стороны, считаю нелишнимъ прочитать изъ курса г. Кистяковскаго, одного изъ противниковъ смертной казни, двѣ страницы, касающіяся этого предмета. (Референтомъ прочитаны стр. 319—321 учебника г. Кистяковскаго, изданія 1875 года). Изъ указываемыхъ г-мъ Кистяковскимъ свѣдѣній, доходящихъ до 1875 года, вы усмотрите, что до введенія въ 1846 году уложенія 1845 года и отчасти до 1863 года у насъ, въ сущности, существовала квалифицированная смертная казнь посредствомъ засѣченія за общія преступленія, и что отмѣна въ 1863 г. тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній (впрочемъ, для ссыльно-каторжныхъ, ссыльно-поселенцевъ и ссыльныхъ бродягъ шпицрутены отмѣнены лишь въ 1871 г., но и до нынѣ сохранено для нихъ наказаніе плетьми) повела къ назначенію смертной казни за общія преступленія по военнымъ законамъ. Изъ тѣхъ-же свѣдѣній вы усмотрите, что единственный небольшой промежутокъ, въ теченіи котораго не примѣнялась смертная казнь за общія преступленія, касается времени съ 1866 по 1875 годъ (времени изданія учебника г. Кистяковскаго) и лишь тѣхъ, относительно немногихъ, мѣстностей, въ которыхъ постепенно вводилась судебная реформа; на Кавказѣ-же смертная казнь за общія преступленія примѣнялась и послѣ введенія судебной реформы. Что касается времени послѣ 1875 года, то извѣстно, что, со введеніемъ въ различныхъ мѣстностяхъ военнаго положенія и, затѣмъ, положенія усиленной охраны, смертная казнь примѣнялась нерѣдко и за общія преступленія. Въ частности, на Кавказѣ въ послѣдніе годы смертная казнь примѣнялась въ разныхъ мѣстностяхъ довольно часто. Въ одномъ Тифлисѣ, за послѣдніе четыре года моего пребыванія въ немъ, совершенъ рядъ казней. Все это даетъ мнѣ основаніе полагать, что почва «существующаго факта», на которой думаетъ стоять мой оппонентъ, подъ нимъ колеблется.

Считаю удобнымъ сказать въ этомъ мѣстѣ нѣсколько словъ по поводу

дѣлаемаго мнѣ упрека, что я отнесся къ дѣлу съ отрицательной точки зрѣнія, ограничившись опроверженіемъ доводовъ противниковъ смертной казни.

Я и не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду составлять цѣлый трактатъ о смертной казни и мое сообщеніе, плодъ труда нѣсколькихъ дней, дѣйствительно касается вопроса о смертной казни преимущественно съ указанной отрицательной точки зрѣнія. Изслѣдуя вопросъ этимъ способомъ, я имѣлъ въ виду, съ одной стороны, что это способъ безъ сомнѣнія наиболѣе легкій, и съ другой, что смертная казнь имѣетъ у насъ за собой именно право существующаго факта, вслѣдствіе чего для отмѣны ея нужны важныя данныя, во всякомъ случаѣ, болѣе сильныя, чѣмъ тѣ, которыя приводитъ Коммисія. Въ рефератѣ намѣчены, однако, въ общихъ чертахъ и положительныя данныя, приводящія меня къ заключенію о необходимости сохранить смертную казнь въ нѣкоторыхъ случаяхъ и заключающіяся въ народныхъ понятіяхъ о справедливости назначенія ея за нѣкоторыя преступленія и въ необходимости ея, иногда, въ интересахъ общественной безопасности.

Затѣмъ, Ѳ. А. Быковъ оспариваетъ ту часть моего реферата, въ которой я допускаю примѣненіе смертной казни въ Россіи вообще и на Кавказѣ въ особенности для охраны общественной безопасности. Вслѣдствіе послѣдовавшаго мнѣ возраженія представляется необходимымъ развить сдѣланное въ этой части доклада, въ общихъ чертахъ, указаніе на условія, наличность которыхъ можетъ дѣлать смертную казнь необходимою для огражденія общественной безопасности, порядка и спокойствія. Перечислить всѣ эти условія настолько-же невозможно, насколько мудрено опредѣлить всю совокупность условій, создающихъ понятіе объ общественной безопасности.

Главнѣйшія-же изъ нихъ заключаются въ слѣдующемъ:

1) въ проявившейся наклонности преступника къ совершенію тяжкихъ преступленій (совокупность или повтореніе оныхъ) и въ личной его энергіи. Эти условія создаютъ понятіе объ особой личной опасности преступника;

2) въ ненадежномъ состояніи тюремной части — общихъ тюремъ, пересыльной части и каторжныхъ тюремъ,—недостаточно гарантирующемъ обществу безвредность преступника, въ смыслѣ невозможности для него совершить побѣгъ. Какъ-бы ни была велика личная опасность преступника и какое-бы удобное поприще ни представляло мѣсто его подвиговъ для дальнѣйшей преступной дѣятельности его, я не вижу необходимости въ смертной казни для охраны общественной безопасности, если задержаніе преступника и осужденіе его на лишеніе свободы окончательно обезвреживаетъ его,

и 3) въ шаткомъ положеніи общественной безопасности въ извѣстной мѣстности, дающемъ обширное поприще для дѣятельности энергичнаго преступника. Если такой преступникъ появится въ мѣстности, не дающей

удобнаго поприща для преступной дѣятельности, то, по причинамъ, лежащимъ внѣ его личности, онъ не будетъ представлять особенной опасности. Къ сожалѣнію, извѣстно, что осужденнымъ преступникамъ, состоящимъ въ бѣгахъ, свойственно возвращаться въ родныя мѣста. Поэтому, напримѣръ, кавказскій преступникъ-бѣглецъ изъ мусульманъ, который былъ-бы относительно безвреденъ во внутреннихъ губерніяхъ, всегда бѣжитъ на родину, гдѣ присутствіе его представляетъ чрезвычайную опасность. Элементы, совокупность которыхъ создаетъ понятіе о шаткомъ состояніи общественной безопасности въ извѣстной мѣстности, крайне разнообразны. Но главнѣйшими факторами для опредѣленія этого состоянія представляются: а) развитіе преступности, иначе — степень обилія въ ней преступнаго контингента; б) болѣе или менѣе благопріятныя для дѣятельности преступника условія, лежащія въ мѣстности и населеніи, особенно — насколько послѣднее склонно скрывать преступниковъ, и в) качество и количество полицейской власти. Послѣдній факторъ имѣетъ, безъ сомнѣнія, немаловажное значеніе, но, во всякомъ случаѣ, не столь важное, какъ два предъидущіе. Еслибы, напримѣръ, перенести англійскую полицію на Кавказъ, то все-же ей не удалось-бы установить здѣсь порядокъ и спокойствіе, господствующіе въ Англіи.

Совокупность всѣхъ этихъ условій, опредѣляющая необходимость примѣненія смертной казни для охраны общественной безопасности, существуетъ, конечно, не во всей Россіи. Но, и помимо Кавказа, найдутся мѣстности, соотвѣтствующія этимъ условіямъ.

Впрочемъ и на Кавказѣ имъ соотвѣтствуютъ преимущественно лишь мусульманскія провинціи.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, перехожу къ вопросу о смертной казни на Кавказѣ, котораго собственно и касается Ѳ. А. Быковъ.

Я указалъ въ своемъ рефератѣ на одну весьма характерную черту для оцѣнки положенія общественной безопасности на Кавказѣ—частое появленіе шаекъ и отдѣльныхъ отважныхъ преступниковъ, преимущественно изъ бѣглыхъ, наводящихъ панику на цѣлыя мѣстности и успѣвающихъ совершать массу тяжкихъ преступленій. Безъ сомнѣнія, это не единственный характерный признакъ состоянія общественной безопасности въ краѣ; но я, въ качествѣ такъ-сказать иностранца въ здѣшнихъ мѣстахъ, не могу, къ сожалѣнію, нарисовать полной и яркой картины шаткаго положенія спокойствія и порядка на Кавказѣ. Люди опыта и дѣйствительной жизни, конечно, могли-бы, помимо шаекъ, указать на много характеристическихъ чертъ состоянія болѣе или менѣе постоянной опасности, въ которомъ живетъ мѣстное населеніе. Могу впрочемъ и съ своей стороны, указать, напри-

мѣръ, на разсказы лицъ достовѣрныхъ, доходившіе, вѣроятно, и до васъ о томъ, что иногда бѣглыхъ ссыльныхъ держатъ есаулами и, притомъ, держатъ не по злоупотребленію, а по нуждѣ, выбирая изъ двухъ золъ меньшее и предпочитая оплачивать преступника, къ тому-же до нѣкоторой степени гарантирующаго спокойствіе въ извѣстной мѣстности и служащаго сыщикомъ, чѣмъ вынуждать его на объявленіе открытой войны обществу. Этотъ фактъ былъ-бы, пожалуй, характернѣе самыхъ шаекъ, указывая, къ какого рода сдѣлкамъ вынуждена прибѣгать власть, но я не намѣренъ и не считаю нужнымъ основываться на немъ, такъ какъ эти разсказы все-же не имѣютъ за собой значенія оффиціальной достовѣрности. Могу указать еще на особый, извѣстный мнѣ, видъ преступности въ Терской, напримѣръ, области, гдѣ нерѣдко убиваютъ человѣка изъ религіознаго фанатизма, только потому, что онъ — христіанинъ, причемъ иногда находятъ убитаго на дорогѣ даже неограбленнымъ. Всѣмъ намъ также извѣстно, что во многихъ мѣстахъ Кавказа пути сообщенія не безопасны и что, кромѣ главнѣйшихъ артерій, весьма рисковано пускаться въ путь безъ конвоя даже днемъ.

Почтенный оппонентъ вполнѣ признаетъ фактъ появленія шаекъ, наводящихъ панику на отдѣльныя мѣстности, но прежде всего находитъ, что это «единственное» основаніе недостаточно для признанія смертной казни на Кавказѣ нужною. Предположимъ даже, что это единственный признакъ, приводящій меня къ убѣжденію о необходимости примѣнять смертную казнь на Кавказѣ въ исключительныхъ случаяхъ. Онъ, во всякомъ случаѣ, слишкомъ достаточенъ для моего мнѣнія. Хочетъ-ли сказать уважаемый оппонентъ, что фактъ появленія и болѣе или менѣе продолжительной безнаказанной дѣятельности шаекъ не доказываетъ ненормальнаго состоянія общественной безопасности на Кавказѣ? Быть можетъ, мы живемъ въ какомъ-либо англійскомъ графствѣ или германской провинціи (гдѣ, однако, находятъ еще нужнымъ сохранить смертную казнь и за общія преступленія), или по крайней мѣрѣ, въ какой-либо Тамбовской губерніи? Но вѣдь во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, еслибы даже появилась разбойничья шайка, то не нашла-бы простора для своей дѣятельности и была-бы быстро изловлена. На Кавказѣ-же не только появленіе шаекъ вещь самая заурядная, но шайки имѣютъ возможность убивать, разбойничать и жечь весьма продолжительное время. Смѣю думать, что достаточно рѣшиться смотрѣть на явленія дѣйствительной жизни прямо, не сквозь призму предвзятыхъ теорій, чтобы признать, что этотъ фактъ самымъ рѣшительнымъ образомъ указываетъ на совершенно шаткое положеніе общественной безопасности во многихъ мѣстностяхъ Кавказа.

Затѣмъ Ѳ. А. Быковъ утверждаетъ, что всѣ шайки, наводившія панику

на населеніе, уничтожены и участники ихъ обезврежены, путемъ усиленія полицейской дѣятельности.

Прежде всего, нельзя не сказать, что личное утвержденіе почтеннаго оппонента можетъ касаться лишь тѣхъ шаекъ, дѣла о которыхъ доходили за послѣднія 4—5 лѣтъ до Судебной Палаты. Но много-ли было такихъ дѣлъ? Во всякомъ случаѣ, не болѣе десятка, много—двухъ десятковъ дѣлъ. А сколько намъ осталось неизвѣстными, о сколькихъ дѣла не доходили до Палаты, о сколькихъ дѣла прекращены либо пріостановлены за побѣгомъ пойманныхъ? Наконецъ, во сколько разъ больше количество дѣлъ объ отдѣльныхъ преступленіяхъ головорѣзовъ, дѣйствовавшихъ то въ шайкѣ, то самостоятельно, не могло доходить до Ѳ. А. Быкова? Само собой, что шайки не вѣчны, что онѣ расходятся, какъ сами по себѣ, такъ и подъ вліяніемъ встрѣчаемыхъ ими затрудненій къ дальнѣйшей дѣятельности, что онѣ разбиваются на группы, переносятъ операціонный базисъ въ другія мѣстности и т. п. Но важно то, что онѣ успѣваютъ дѣйствовать безнаказанно болѣе или менѣе продолжительное время. Не спорю также, что усиленная дѣятельность полиціи мѣшаетъ свободѣ дѣйствій шаекъ, иногда даже прекращаетъ ихъ дѣятельность. Но, съ одной стороны, не мѣшаетъ имѣть въ виду, что тѣ шайки, на которыя указываетъ Ѳ. А. Быковъ, обращали на себя особое вниманіе,—быть можетъ, потому что жертвами ихъ являлись даже чиновные люди,—и вслѣдствіе того пущены были въ ходъ всѣ пружины полицейской власти, чтобы прекратить ихъ дѣятельность. Съ другой стороны, важно, дѣйствительно-ли и въ этихъ случаяхъ шайки были уничтожаемы и участники ихъ обезвреживаемы. Къ сожалѣнію, самъ оппонентъ даетъ отвѣтъ, подрывающій значеніе сдѣланнаго имъ утвержденія. Оказывается, что уничтоженіе шаекъ и обезвреженіе ихъ участниковъ онъ видитъ въ томъ, что или участники были арестуемы, или шайки поставляемы въ невозможность выѣхать на дорогу и грабить. Говоря о дорогѣ, Ѳ. А. Быковъ разумѣетъ, конечно, большую проѣзжую дорогу, такъ-какъ, чтобы заказать шайкѣ всякія дороги и сообщенія, нужно ее окружить, причемъ она была-бы арестована, либо истреблена. Но усиленные разъѣзды конной стражи по большой почтовой дорогѣ, препятствующіе шайкѣ разбойничать на этой дорогѣ, не равносильны уничтоженію и не мѣшаютъ ей грабить по селеніямъ и проселочнымъ дорогамъ, а въ крайнемъ случаѣ перенести свою дѣятельность нѣсколько дальше отъ усиленныхъ разъѣздовъ. Точно также арестъ участниковъ шайки не равносиленъ обезвреженію ихъ. Вся мысль этой части моего доклада въ томъ и состоитъ, что не только предварительная поимка, но и самое осужденіе опаснаго преступника въ каторгу не обезвреживаетъ его при нынѣшнемъ ненадежномъ состояніи нашей тюремной части.

Θ. А. Быковъ говоритъ, что, если наша тюремная часть неудовлетворительна, то нужно ее улучшить, а не вводить смертную казнь. Вполнѣ сочувствую благочестивому пожеланію объ улучшеніи тюремъ, но «соловья баснями не кормятъ», и защитники смертной казни предлагаютъ сначала устроить надежнымъ образомъ тюремную часть, а потомъ отмѣнить смертную казнь, какъ уже не нужную для охраны общественной безопасности.

Не могу не возразить еще противъ двухъ частныхъ мыслей, высказанныхъ Θ. А. Быковымъ по вопросу о примѣненіи смертной казни на Кавказѣ. Признавая, что шайки наводятъ панику на отдѣльныя мѣстности, онъ въ то-же время находитъ, что противодѣйствіе мѣстнаго населенія обнаруженію преступниковъ объясняется не вліяніемъ страха предъ шайками, какъ думаю я, а другими причинами. Какими именно, онъ не указываетъ, но утверждаетъ, въ подкрѣпленіе своей мысли, что противодѣйствіе замѣчается въ болѣе сильной степени въ дѣлахъ менѣе важныхъ, чѣмъ въ дѣлахъ о шайкахъ. Съ этимъ мнѣніемъ мудрено согласиться. Прежде всего, казалось-бы, нельзя, не противорѣча себѣ, съ одной стороны, соглашаться, что шайки наводятъ панику на населеніе, а съ другой стороны, находить, что онѣ не внушаютъ ему особеннаго страха. Затѣмъ, ни религіозные взгляды, ни другія какія-либо условія не могутъ имѣть для населенія того значенія, какъ естественное чувство самосохраненія. Каждому ближе всего своя рубаха и забота о своей цѣлости и о цѣлости своихъ ближнихъ и своего имущества. Поэтому, если шайки и отдѣльные смѣлые преступники въ состояніи наводить панику и терроризировать населеніе, то понятно, что послѣднее прежде всего не можетъ не бояться людей, готовыхъ во всякое время убить, ограбить, поджечь и т. п. Къ тому же преступники вовсе не такъ просты, чтобы, по возможности, не гарантировать себѣ безнаказанности. У нихъ есть единомышленники и пріятели, кунаки, и дѣйствуютъ они по самому простому разсчету: всѣхъ не переловишь, да не всѣ и извѣстны; выдадутъ одного, за него мстятъ другіе. Такимъ образомъ преступники какъ-бы взаимно гарантируютъ себѣ безнаказанность. Не то преступника оправдаютъ, или онъ бѣжитъ и, въ такомъ случаѣ, самъ мститъ выдавшимъ его. Спрашивается, кто же себѣ врагъ и много-ли нужно, чтобы сообразить, что гораздо безопаснѣе и выгоднѣе, не выдавая преступника, стараться задобрить его, въ крайнемъ случаѣ, даже, пожалуй, платить ему контрибуцію? Что все это такъ, то достаточно не закрывать глазъ и не затыкать ушей предъ явленіями дѣйствительности. Въ мѣстной прессѣ вы можете еженедѣльно читать крики и вопли изъ разныхъ угловъ края о томъ, что житья нѣтъ отъ преступниковъ, и нѣтъ этого житья потому, что населеніе скрываетъ ихъ, а скрываетъ потому, что, если кто выдастъ преступника, то его или убьютъ,

или, по меньшей мѣрѣ, выжгутъ его имущество. Кричатъ объ этомъ люди сравнительно интеллигентные, имѣющіе болѣе возможности обезопасить себя. Каково-же тому убогому, безграмотному люду, который не въ состояніи подать и голоса о своей печали! Чтобы не далеко ходить за примѣрами, укажу на недавно появившуюся въ «Юридическомъ Обозрѣніи» статью г. Гвиніева о судѣ присяжныхъ на Кавказѣ, интересную въ томъ между прочимъ отношеніи, что, по его мнѣнію, судъ присяжныхъ долженъ содѣйствовать усиленію репрессіи, столь хромающей въ настоящее время въ краѣ. Въ этой статьѣ онъ прямо объясняетъ повальное лжесвидѣтельство мусульманъ на судѣ чувствомъ страха за себя и свое имущество. Г. Гвиніевъ долго служилъ въ должности мироваго судьи въ мусульманскихъ провинціяхъ и конечно болѣе, чѣмъ мы, можетъ считаться практикомъ. Если, по утвержденію Ѳ. А. Быкова, противодѣйствіе со стороны населенія обнаруженію преступниковъ въ большей степени замѣчается въ болѣе мелкихъ дѣлахъ, чѣмъ въ дѣлахъ о шайкахъ, то самъ оппонентъ разъясняетъ это обстоятельство совершенно спеціальными причинами. Оказывается, что болѣе мелкія дѣла весьма часто оканчиваются примиреніемъ и населеніе, не понимая дальнѣйшаго преслѣдованія, противодѣйствуетъ отправленію правосудія. Выкиньте эту причину усиленнаго противодѣйствія по болѣе мелкимъ дѣламъ и окажется, что населеніе, по меньшей мѣрѣ, въ такой-же степени скрываетъ преступниковъ и лжетъ на судѣ по дѣламъ о шайкахъ, какъ и по другимъ, относительно менѣе важнымъ, дѣламъ.

Я не совсѣмъ понимаю удивленіе, выраженное Ѳ. А. Быковымъ по поводу моей мысли о необходимости предварительно оглашать о примѣненіи къ дальнѣйшимъ преступленіямъ извѣстнаго лица исключительныхъ законовъ. Само собою, что, оправдывая примѣненіе смертной казни для охраны общественной безопасности, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ юристъ, не могу не признавать, что назначеніе этого наказанія должно быть правомѣрно. Мы всѣ согласились, что новый, болѣе суровый, законъ не можетъ имѣть обратнаго дѣйствія и къ преступнику можетъ быть примѣняемъ лишь тотъ законъ, который онъ преступилъ и который почитается извѣстнымъ ему (см. замѣч. на ст. 12). Поэтому и исключительный законъ не можетъ быть примѣняемъ безъ предварительнаго о томъ оглашенія.

Думаетъ-ли почтенный оппонентъ, что я, относясь къ дѣлу sine ira et studio, могъ забыть это простое, логическое правило абсолютной справедливости? Такимъ образомъ убѣжденіе въ необходимости смертной казни въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мѣры самозащиты, не исключаетъ, конечно, необходимости обставлять примѣненіе ея всѣми нужными юридическими гарантіями.

Съ тѣмъ, что говоритъ Ѳ. А. Быковъ объ устрашительной точкѣ зрѣнія въ вопросѣ о смертной казни и наказаніи вообще, я, говоря вообще, согласенъ, хотя и нахожу, что, если устрашеніе и имѣетъ въ виду страхомъ грозящаго наказанія пересилить въ душѣ готовящагося преступника побужденія, толкающія его на преступленія, то все-же законодатель, который въ основаніе наказаній клалъ-бы устрашительныя цѣли, лишенъ всякой возможности соразмѣрять наказанія съ мотивами преступленій, такъ какъ, при разнообразіи этихъ мотивовъ, невозможно предусмотрѣть ихъ, тѣмъ болѣе ихъ силу. Во всякомъ случаѣ то, что Ѳ. А. Быковъ говоритъ объ устрашеніи, не касается моего реферата, такъ-какъ я не рекомендую казнить собственно для примѣра другимъ. Я не придаю устрашительной точкѣ зрѣнія самостоятельнаго значенія въ вопросѣ о смертной казни. Необходимость этого наказанія опредѣляется другими соображеніями. Наибольшая-же его устрашительность имѣетъ для меня значеніе лишь придаточнаго полезнаго обстоятельства.

Ѳ. А. Быковъ правъ, приходя къ заключенію, что главное основаніе смертной казни лежитъ въ понятіи о возмездіи за совершенное дѣяніе. Но самое возмездіе мы понимаемъ совершенно различно. Тогда какъ я вижу въ возмездіи актъ справедливости и заслуженнаго возданія и допускаю смертную казнь лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она представляется справедливою по правовымъ воззрѣніямъ общества, Ѳ. А. Быковъ видитъ въ возмездіи актъ мести, а въ уголовномъ процессѣ—наличность двухъ враговъ: общества, въ лицѣ суда, и преступника. Мнѣ кажется, что натяжка въ этомъ сравненіи очевидна. Чувство мести, питаемое врагомъ, есть личное, злобное чувство. Въ процессѣ-же преступникъ имѣетъ дѣло съ безличнымъ закономъ и судомъ, склоннымъ, говоря вообще, мягко относиться къ преступнику и, во всякомъ случаѣ, не питающимъ къ нему личныхъ злобныхъ чувствъ. Если нужны сравненія, то, кажется, ближе было-бы сравнить положеніе преступника въ процессѣ съ отношеніями провинившагося сына къ отцу или, еще лучше и чтобы устранить привходящее въ эти отношенія естественное чувство любви, съ отношеніями воспитателя къ погрѣшившему питомцу. Точно также мудрено согласиться, чтобы чувство, которое мы испытываемъ при видѣ ненаказаннаго преступленія, было чувствомъ неудовлетворенной злобы. Приведу примѣръ изъ области, доступной высокимъ чувствамъ уважаемаго оппонента. Если какое-либо видное лицо творитъ разныя мерзости и эти мерзости сходятъ ему съ рукъ, то общественное негодованіе, вызванное безнаказанностью его преступленій, составляетъ-ли доброе и благородное чувство, которое необходимо поддерживать и поощрять, или оно вытекаетъ изъ низкаго чувства мести, которое необходимо подавлять?

Но могу сказать, что, если наказаніе вообще представляется актомъ справедливости, то, въ частности, смертная казнь несправедлива. Я и старался моимъ рефератомъ доказать, что на это нѣтъ никакой безусловной мѣрки, и что вопросъ о справедливости смертной казни есть вопросъ времени и мѣста, зависящій отъ господствующихъ понятій о справедливости назначенія ея за то или другое преступленіе и отъ условій, въ которыя поставлена общественная безопасность въ государствѣ. Въ прежнее время, по условіямъ жизни, представлялась справедливою и необходимою даже квалифицированная смертная казнь. По отношенію къ нашему времени и нашему государству, вопросъ сводится къ тому, представляется-ли смертная казнь, по условіямъ нашей современной жизни и правовымъ воззрѣніямъ нашего народа, необходимою и справедливою. О необходимости ея въ нѣкоторыхъ случаяхъ было уже достаточно сказано. О справедливости же ея, съ точки зрѣнія народной совѣсти, можно конечно говорить pro и contra, при невозможности подвергнуть эту совѣсть прямому изслѣдованію. Но все, что мнѣ извѣстно о міровоззрѣніи нашего народа, приводитъ меня къ убѣжденію, что смертная казнь составляетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшительное требованіе нашей народной совѣсти.

Наконецъ оппонентъ не согласенъ и съ необходимостью смертной казни за наиболѣе тяжкія преступленія, совершаемыя лицами, приговоренными уже къ безсрочной каторгѣ съ воспрещеніемъ перевода на поселеніе. Я нахожу, въ этомъ случаѣ, смертную казнь логически необходимою на томъ простомъ основаніи, что рѣшительно не вижу, какое другое наказаніе, сколько-нибудь соразмѣрное съ тяжестью совершеннаго преступленія, могло-бы быть назначено подобнымъ лицамъ. Необходимость есть понятіе условное. Конечно, еслибы извѣстное наказаніе было настолько необходимо, что безъ примѣненія его погибъ-бы міръ или извѣстное общество, то никто не сталъ бы спорить противъ его необходимости. Но въ большинствѣ случаевъ необходимость того или другаго наказанія можетъ быть оспариваема. Поэтому и я, признавая въ нѣкоторыхъ случаяхъ смертную казнь нужною для охраны общественной безопасности, называю эти случаи казни просто необходимыми. Не находя же для тяжкихъ преступленій лицъ, приговоренныхъ къ высшему изъ допускаемыхъ проектомъ наказаній, никакого исхода внѣ смертной казни, я назвалъ этотъ случай логическою необходимостью. Смѣю думать, что Ѳ. А. Быковъ не придумалъ сколько-нибудь удовлетворительнаго наказанія для подобныхъ случаевъ. Рекомендуя карцеръ, онъ, конечно, не имѣетъ въ виду такого карцера, который превратилъ-бы жизнь заключеннаго въ жизнь цѣпной собаки въ темной канурѣ, потому что такая живая могила была бы во сто кратъ хуже смертной казни. Если-же онъ имѣлъ въ виду простой

карцеръ, то, конечно, подобное указаніе можетъ имѣть значеніе лишь шутки.

По возраженію, сдѣланному мнѣ А. С. Френкелемъ, я имѣю сдѣлать два замѣчанія.

И Ѳ. А. Быковъ, и А. С. Френкель указываютъ на случаи, доказывающіе, по ихъ мнѣнію, неустрашительность смертной казни, одинъ—на разбой, совершенный въ день казни по дѣлу Иртеля, другой—на упоминаемые и Коммисіей случаи кражъ, совершавшихся въ Англіи во время и на мѣстѣ самой казни воровъ. Присоединю къ этому еще фактъ, сообщаемый г. Кистяковскимъ и признаваемый имъ за «замѣчательный фактъ, прямо говорящій противъ устрашительности смертной казни»—разсказъ священника Робертса изъ Бристоля, что изъ 167 человѣкъ, которыхъ онъ напутствовалъ предъ казнью, 161 сознались ему, что присутствовали при казняхъ.

Эти указанія дѣйствительно имѣли-бы значеніе, еслибы защитники смертной казни утверждали, что смертная казнь составляетъ панацею противъ преступленій и что достаточно разъ примѣнить ее, чтобы на болѣе или менѣе продолжительное время прекратились тяжкія преступленія. Еслибы что-либо подобное могло быть въ дѣйствительности, то, конечно, число противниковъ смертной казни сильно-бы поубавилось, потому что, въ такомъ случаѣ, смертная казнь оказалась-бы гуманною не только въ отношеніи мирныхъ гражданъ, но и кандидатовъ въ преступники. Но дѣло въ томъ, что такого вздора защитники смертной казни не утверждаютъ, и поэтому подобныя указанія составляютъ лишь холостые выстрѣлы въ ея защитниковъ. Я нахожу только, что непосредственное чувство указываетъ на то, что смертная казнь должна имѣть на людей, по крайней мѣрѣ, на громадное большинство ихъ, болѣе устрашающее дѣйствіе, чѣмъ пожизненное заключеніе. Основываюсь-же я на указаніяхъ непосредственнаго чувства, потому что у насъ нѣтъ точныхъ статистическихъ данныхъ о количествѣ преступленій, облагавшихся смертной казнью и совершенныхъ до и послѣ ея отмѣны. Такимъ образомъ вопросъ сводится къ тому лишь, что̀ болѣе устрашительно—смертная казнь или пожизненное заключеніе. Приведенные примѣры не разрѣшаютъ этого вопроса. На указанныхъ г. Кистяковскимъ 160 казняхъ присутствовалъ, при любви простаго народа къ этимъ отвратительнымъ зрѣлищамъ, не одинъ милліонъ зрителей. Если изъ нихъ нашлось 160 или даже болѣе лицъ, рискнувшихъ своей жизнью, то вопросъ въ томъ, не нашлось-ли бы болѣе охотниковъ совершить тяжкія преступленія, еслибы народъ присутствовалъ не при казняхъ, а при объявленіи приговоровъ о пожизненномъ заключеніи. А. С. Френкель хочетъ показать, что я не доглядѣлъ у Миттермайера какихъ-то статистическихъ данныхъ, доказывающихъ,

что съ отмѣною смертной казни не увеличивалось количество преступленій, ею облагавшихся. Смѣю однако утверждать, что ошибается онъ, а не я, и что никакихъ сравнительныхъ данныхъ по этому предмету у Миттермайера нѣтъ. Я также благодаренъ А. С. Френкелю за то, что онъ потрудился прочитать полстраницы изъ Бернера, такъ-какъ по прочтеніи оказалось, что я передалъ мнѣніе Бернера вѣрно и цитировалъ подлинныя его выраженія.

По указанію, что смертная казнь за политическія преступленія отвергается теоріей, въ виду измѣнчивости политическихъ условій, считаю достаточнымъ замѣтить, что я нахожу необходимымъ сохранить смертную казнь за такія политическія преступленія, по отношенію къ которымъ политическія условія не имѣютъ никакого значенія.

С. М. Арцруни и В. А. Хлѣбниковъ разсматривали вопросъ о смертной казни въ его историческомъ развитіи. Это, безъ сомнѣнія, наиболѣе вѣрный и спокойный способъ изслѣдованія и я охотно повторяю за ними указаніе, сдѣланное и въ моемъ рефератѣ, что смертная казнь несомнѣнно исчезнетъ изъ кодексовъ. Но весь вопросъ въ томъ, наступило-ли уже для того время у насъ, перестала-ли она быть необходимою при нашихъ современныхъ условіяхъ жизни и не признается-ли она еще справедливою нашимъ общественнымъ сознаніемъ.

А. В. Степановъ прежде всего коснулся вопроса съ точки зрѣнія церковно-исторической. Я не послѣдую по этому пути, какъ потому, что не считаю себя компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и потому, что нахожу неудобнымъ разрѣшать общественные вопросы съ точки зрѣнія канонической. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ находитъ ее абсолютно несправедливою и съ общерелигіозной точки зрѣнія. Онъ говоритъ, что Богъ даровалъ жизнь и только онъ можетъ отнять ее, государство-же можетъ лишить только тѣхъ правъ, которыя оно даруетъ. Но, на основаніи этого аргумента, логически необходимо прійти къ отрицанію и наказаній лишеніемъ свободы и даже къ отрицанію денежныхъ взысканій, такъ какъ Богомъ созданы мы существами свободными, а государство не даровало намъ ни свободы, ни имущества; послѣднее есть продуктъ личной энергіи людей.

А. В. Степановъ находитъ, что, съ точки зрѣнія устрашенія, логически необходимо допустить самую мучительную казнь. Совершенно вѣрно, но дѣло въ томъ, что уголовныя теоріи чистаго устрашенія не имѣютъ въ настоящее время послѣдователей. Самое большее, если устрашенію придаютъ значеніе одной изъ цѣлей наказанія, въ ряду другихъ, болѣе важныхъ. По моему мнѣнію, устрашеніе вовсе не имѣетъ значенія самостоятельнаго основанія для наказанія. Послѣднее опредѣляется другими условіями, устрашительная-же его сила является не болѣе, какъ неизбѣжнымъ и весьма

полезнымъ свойствомъ всякаго наказанія. Наказаніе eo ipso должно быть чувствительно, иначе оно теряетъ значеніе наказанія и обращается въ шутку и безнаказанность. Если-же оно чувствительно, то оно тѣмъ самымъ устрашительно. Отрицать это свойство наказанія въ принципѣ невозможно и безполезно.

Съ чѣмъ рѣшительно невозможно согласиться, такъ это съ мнѣніемъ А. В. Степанова о необходимости суду задаваться вопросомъ объ очевидности вины при примѣненіи не только смертной казни, но и всякаго наказанія. Предлагая ставить при примѣненіи смертной казни вопросъ объ очевидности вины, я нахожу, что, при отсутствіи единогласнаго отвѣта на этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, слѣдуетъ не оправдывать признаннаго виновнымъ, а лишь замѣнять ему смертную казнь пожизненнымъ, либо долгосрочнымъ заключеніемъ. По отношенію къ другимъ наказаніямъ, какая-либо замѣна въ подобномъ случаѣ (или уменьшеніе срока наказанія), допускаемая мной для смертной казни собственно въ видахъ избѣжанія непоправимой судебной ошибки, не имѣла-бы практическаго въ этихъ видахъ значенія. Нужно поэтому думать, что, предлагая задаваться по всякому уголовному дѣлу вопросомъ объ очевидности вины, А. В. Степановъ полагаетъ оправдывать преступника въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Но къ чему-бы это повело? Къ тому, что большинство изъ нынѣ осуждаемыхъ, на основаніи простого убѣжденія о виновности, преступниковъ было-бы оправдываемо за невозможностью признать ихъ вину очевидною. Но всюду, и особенно на Кавказѣ, кричатъ не объ обиліи, а о недостаткѣ репрессіи. Что-же будетъ, если еще большинство осуждаемыхъ преступниковъ отпускать на всѣ четыре стороны! Позволительно-ли послѣ этого думать, что мы—не теоретики до мозга костей!

Если находить, что предлагаемыя мной гарантіи для избѣжанія ошибочнаго назначенія смертной казни не устраняютъ возможности ошибокъ въ разрѣшеніи вопроса о вмѣненіи, то можно было-бы обязать судъ въ преступленіяхъ, облагаемыхъ смертною казнью, предварительно выслушивать мнѣнія психіатровъ. Полагаю, что засимъ едва-ли останется какое-либо мѣсто для судебной ошибки.

Наконецъ А. В. Степановъ смотритъ на преступленія, какъ на продуктъ не свободной воли, а среды, въ которой находится преступникъ. Но на этой почвѣ, въ корнѣ отрицающей справедливость всякаго наказанія, нужно говорить или очень много, или ничего, и я предпочитаю обойти его.

Θ. А. Быковъ указалъ на то, что существованіе въ Россіи нѣкоторыхъ видовъ жестокихъ наказаній, которыя иногда въ отдѣльныхъ случаяхъ влекли за собою смерть, не доказываетъ того, чтобы смертная казнь, какъ опре-

дѣляемое судомъ лишеніе жизни, практиковалась въ русской жизни, и на то, что, обсуждая вопросъ о примѣненіи смертной казни на Кавказѣ, необходимо отличать мѣстности, находящіяся въ постоянномъ военномъ управленіи, отъ мѣстностей съ общимъ гражданскимъ управленіемъ; въ этихъ-же послѣднихъ мѣстностяхъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ случаевъ казни за убійство должностныхъ лицъ, что̀ по всей Россіи приравнивается къ политическимъ преступленіямъ, былъ за послѣднія 15 лѣтъ только одинъ случай казни за разбой въ домѣ Иртеля. Что касается до приведеннаго В. В. Смиттеномъ примѣра негодованія несомнѣнно благороднаго, которое испытываютъ люди при видѣ знатнаго человѣка, остающагося безнаказаннымъ, то примѣръ этотъ ничуть не доказываетъ того, чтобы элементъ возмедія въ наказаніи проистекалъ изъ какого-либо болѣе чистаго или высокаго источника, чѣмъ чувство мести, такъ-какъ негодованіе въ приведенномъ примѣрѣ происходитъ не отъ того, что преступленіе остается безъ возмездія, а отъ того, что сильный человѣкъ остается ненаказаннымъ при такихъ условіяхъ, при которыхъ люди мелкіе несомнѣнно были-бы наказаны, чѣмъ нарушается равноправность людей.

С. М. Арцруни, во-первыхъ, указалъ на то, что большая часть разбойническихъ шаекъ образуется не въ предѣлахъ Закавказья, а въ Турціи и Персіи, и затѣмъ уже прорывается чрезъ границу, а во-вторыхъ, высказалъ, что шайки эти никакого особеннаго страха на населеніе не наводятъ, такъ-какъ весьма нерѣдки случаи, когда жители того или другого селенія, даже безъ участія полиціи, преслѣдуютъ разбойниковъ.

А. С. Френкель и *А. В. Хлѣбниковъ* развили нѣкоторыя изъ высказанныхъ ими въ предъидущемъ засѣданіи положеній.

В. А. Андреевъ. Я не предполагаю предложить какое-либо новое разъясненіе вопроса о смертной казни, какое-либо не высказанное еще мнѣніе о ея значеніи; мое заявленіе имѣетъ въ виду такъ-сказать предложить другой пріемъ постановки подлежащихъ разрѣшенію вопросовъ, другой способъ изложенія сужденій. Заключеніе Объяснительной Записки Коммисіи, изложившей почти всѣ существенно важные доводы противъ смертной казни и затѣмъ предоставляющей Государственному Совѣту произнести рѣшительное слово по этому предмету, оставляетъ широкое поле для обсужденія вопроса о смертной казни во всемъ его объемѣ, во всѣхъ отношеніяхъ, какъ со стороны теоретической, такъ и со стороны практической. Теоретическая сторона этого вопроса была подвергнута всестороннему обсужденію Юридическаго Общества, но практическая сторона осталась до сихъ поръ мало затронутою. Между тѣмъ, я считаю необходимымъ

предложить нѣсколько соображеній собственно въ этомъ отношеніи, а затѣмъ перейти и къ моему заключенію въ теоретическомъ отношеніи.

Въ теоріи смертная казнь можетъ считаться почти совершенно опровергнутою; можно считать несомнѣнно доказаннымъ, что смертная казнь противна христіанской религіи, безнравственна, какъ по своему существу, такъ и по вліянію на народъ, что она не устрашаетъ, что она непоправима и неотмѣнима, что она несправедлива, что она нецѣлесообразна. Едва-ли можно сомнѣваться, что вообще сторонники смертной казни по теоріи могутъ найтись только въ средѣ людей неразвитыхъ, немыслящихъ. Но въ томъ-то и дѣло, что въ средѣ людей мыслящихъ и развитыхъ, не сомнѣвающихся въ недостаткахъ смертной казни по теоріи, находится масса, едва-ли не большинство, убѣжденныхъ въ ея необходимости, убѣжденныхъ или сомнѣвающихся. Фактъ этого колебанія усматривается и изъ Объяснительной Записки Коммисіи. Примѣровъ этого-же колебанія или раздвоенія убѣжденій, къ сожалѣнію, массы. Не распространяясь и не заходя далеко, вспомнимъ недавно бывшее законодательное собраніе кантоновъ Швейцаріи, которые приняли вновь отмѣненную-было смертную казнь. Вспомнимъ случаи, которые встрѣчались каждому изъ насъ въ жизни, когда въ извѣстные періоды совершеніе нѣкоторыхъ преступленій вызываетъ изъ народныхъ массъ и изъ общества голоса, восклицающіе: «этому, извергу мало смертной казни, его нужно жечь на маломъ огнѣ, четвертовать!» Таковы времена нѣкоторыхъ цареубійствъ, времена террора революціи 1790-хъ годовъ, времена петролейщицъ и т. п. Взвѣшивая эти колебанія убѣжденій по вопросу о смертной казни, эти, живущія еще въ массахъ, стремленія видѣть въ чрезвычайныхъ случаяхъ примѣненіе чрезвычайныхъ мѣръ и строгостей, я останавливаюсь на томъ мнѣніи, что покуда не слѣдуетъ-ли, не ограничиваясь однимъ теоретическимъ разсмотрѣніемъ вопроса, подойти къ нему ближе со стороны практической и попытаться, не удастся-ли такимъ пріемомъ хоть нѣсколько его подвинуть или хотя что-нибудь сдѣлать для его успѣха.

Для обсужденія вопроса о смертной казни въ этомъ отношеніи, я нахожу нужнымъ установить, прежде всего, двѣ стороны смертной казни: въ отношеніи общества и въ отношеніи казнимаго.

Въ отношеніи общества, смертная казнь представляетъ два условія: а) *угрозу* смертью за совершеніе извѣстныхъ преступленій и б) вселеніе въ общество убѣжденія, что оно безвозвратно избавлено отъ тяжкаго преступника. Я не буду говорить о первомъ условіи,—его значеніе, по моему мнѣнію, опровергнуто съ достаточною основательностью другими членами Общества,—и остановлюсь на послѣднемъ, которое, по моему мнѣнію,

существенно важно. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ смертная казнь отмѣнена, она замѣняется вѣчнымъ заключеніемъ съ различными чрезвычайными атрибутами, имѣющими цѣлью или отягчать участь казнимаго или повліять обстановкой на общество. Существенно и безусловно важно и необходимо, въ этомъ отношеніи, пріисканіе такого способа заключенія, который, дѣйствительно, представлялъ-бы полное ручательство въ невозможности побѣга и имѣлъ-бы извѣстную обстановку, напоминающую преступнику, что заключеніе замѣняетъ для него смертную казнь. Пріисканіе, изобрѣтеніе такого способа должно быть предметомъ трудовъ лицъ, спеціально знакомыхъ съ технической стороной наказаній этого рода вообще, и еслибы законодательство было склонно принять эту мысль въ принципѣ, то оно могло-бы поручить разработку этого предмета спеціальной коммисіи.

Во второмъ отношеніи—въ отношеніи казнимаго—я считаю необходимымъ припомнить положенія нашихъ законовъ: по XV т. изд. 1857 г. ст. 529, смертная казнь исполняется посредствомъ отрубленія головы или повѣшенія (по военнымъ законамъ—разстрѣляніе). По улож. о наказ. 1866 г. ст. 18, виды смертной казни опредѣляются судомъ. По проекту уложенія, ст. 13, смертная казнь совершается чрезъ повѣшеніе. По XV т. изд. 1857 г., приговоръ о смертной казни объявляется за 10 дней обвиняемому (7 дней на приготовленіе къ причастію и 3 послѣ причастія). Въ отношеніи казнимаго, смертная казнь есть его истребленіе, сопровождаемое хотя, большею частью, кратковременнымъ, но величайшимъ изъ могущихъ быть воображаемыми мученій, именно насильственнымъ лишеніемъ жизни человѣка, находящагося въ полномъ сознаніи, съ предувѣдомленіемъ его о томъ, что его ожидаетъ. Я сказалъ: большею частью, кратковременнымъ мученіемъ—потому что изъ статьи 529 т. XV свод. зак., изд. 1857 г. видно, что законъ повелѣваетъ: если палачъ не отрубитъ головы съ одного разу, или веревка оборвется, а осужденный, оторвавшись, еще живъ будетъ, то палачъ долженъ продолжать эти дѣйствія, покуда осужденный жизни лишенъ будетъ. Не смотря на дѣйствіе этого закона по настоящее время, на сколько мнѣ извѣстно, смертная казнь не совершалась уже давно посредствомъ отрубленія головы; она всегда совершается посредствомъ повѣшенія и разстрѣлянія. Какъ повѣшеніе, такъ и растрѣляніе представляютъ собой, безъ сомнѣнія, одинъ изъ вѣрнѣйшихъ способовъ отнять жизнь скорѣе; неудачи въ этотъ отношеніи, предвидѣнныя 526 ст., не измѣняютъ того впечатлѣнія, что наше законодательство избрало способы лишенія жизни наикратчайшіе, по его мнѣнію. Сопоставляя съ этимъ выводомъ упомянутое, недавно состоявшееся, Высочайшее повелѣніе о совершеніи смертной казни непублично, нельзя не замѣтить, что законодательство наше склоняется къ

тому, что въ смертной казни должно быть наименьше мученій, чтобы она совершалась возможно скорѣе, и чтобы мученія эти, хотя и краткія, не были выставляемы на видъ толпы. Нельзя-ли и не слѣдуетъ-ли воспользоваться этой склонностью нашего законодательства и пріискать способы уменьшить, сократить остающіяся и засимъ и конечно ненужные два момента страданія: объявленіе приговора и самый способъ исполненія смертной казни? Не слѣдуетъ-ли отмѣнить объявленіе приговора о смертной казни, или, по крайней мѣрѣ, объявлять его передъ самымъ исполненіемъ (въ тотъ же часъ, когда объявляется объ оставленіи кассаціонной жалобы или просьбы о помилованіи безъ послѣдствій)? Зачѣмъ объявлять преступнику приговоръ о смертной казни? Онъ подлежитъ истребленію; къ чему-же эта формальность? Для него она ненужна и составляетъ только излишнее страданіе, въ которое повергаетъ его объявленіе приговора до момента смертной казни. Не слѣдуетъ-ли изыскать, изслѣдовать, какіе способы насильственной смерти достигаютъ цѣли въ возможно краткое время, съ возможно меньшими мученіями? Отвѣтъ на эти вопросы могутъ дать практическія науки: медицина, химія, физика.

Во всякомъ случаѣ, я не въ силахъ принять на себя заявленіе о рѣшительныхъ и окончательныхъ способахъ разрѣшенія этихъ задачъ; я ставлю только эти вопросы въ томъ порядкѣ послѣдовательности, въ которомъ они мнѣ представляются необходимыми. Еслибы этимъ вопросамъ было суждено встрѣтить сочувствіе и еслибы первый вопросъ о замѣнѣ смертной казни вѣчнымъ заключеніемъ могъ быть разрѣшенъ утвердительно, то, разумѣется, дальнѣйшія сужденія по этому вопросу оказались-бы ненужными. Но такъ-какъ Государственный Совѣтъ можетъ, какъ замѣчаетъ Коммисія, по политическимъ причинамъ, признать сохраненіе смертной казни необходимымъ, то я перехожу къ дальнѣйшему обсужденію положеній Объяснительной Записки Коммисіи.

Общія положенія и выводы Коммисіи, ведущіе къ признанію умѣстности отмѣны смертной казни вообще, я вполнѣ раздѣляю, но не могу признать правильнымъ оставленіе разрѣшенія вопроса о примѣненіи смертной казни къ такъ-называемымъ политическимъ преступленіямъ на усмотрѣніе Государственнаго Совѣта, безъ всякаго выраженія своего мнѣнія; я полагаю, что для Государственнаго Совѣта довольно важно знать и имѣть въ виду, какъ смотрятъ на всѣ стороны этого вопроса тѣ, отъ кого требуются объ этомъ мнѣніе, хотя-бы для одного счета голосовъ, высказавшихся за или противъ смертной казни, за тѣ или другіе способы и случаи ея примѣненія.

Въ этомъ отношеніи я останавливаюсь на слѣдующихъ соображеніяхъ: что такое смертная казнь?

Я нахожу, что она есть только чрезвычайное средство защиты въ чрезвычайныхъ случаяхъ; поэтому, смертная казнь, если она не можетъ быть отмѣнена, должна быть назначаема, только какъ средство чрезвычайное, выходящее изъ ряда мѣръ обыкновенныхъ и только за тѣ тягчайшія преступленія, которыя угрожаютъ или нарушаютъ спокойствіе, безопасность и благо большинства общества и государства. Въ этомъ только случаѣ она можетъ быть оправдываема, какъ прискорбная необходимость.

Таковыми преступленіями слѣдуетъ признать: а) покушеніе на убійство и убійство главы государства, б) наиболѣе тяжкіе виды измѣны и в) совершаемыя и повторяющіяся образовавшимися шайками убійства, поджоги, разбои и преступленія, предусмотрѣнныя 1601 ст., съ какою-бы ни было цѣлью, въ томъ числѣ и политическою.

Такъ-какъ въ извѣстныя времена могутъ быть случаи проявленія и повторенія тяжкихъ преступленій, угрожающихъ спокойствію и безопасности большинства общества, требующіе принятія особыхъ мѣръ строгости для прекращенія этихъ преступленій, то въ этихъ случаяхъ я нахожу, что примѣненіе смертной казни временно къ извѣстнымъ, точно указаннымъ въ особомъ законѣ, случаямъ, должно быть допущено. Какъ на примѣры подобныхъ преступленій, я укажу: на аграрныя убійства въ Ирландіи, на дѣйствія партіи террористовъ въ Россіи въ 1879, 1880 и 1881 гг., на поджоги во время коммуны въ Парижѣ въ 1871 г. и другіе. Само собою разумѣется, что она можетъ быть примѣняема только къ дѣйствіямъ, совершеннымъ послѣ разрѣшенія на примѣненіе этого спеціальнаго закона, а не обратно. Примѣненіе ея должно быть возлагаемо въ этихъ случаяхъ на общіе суды; въ кодексѣ должно быть изложено, въ особой статьѣ или примѣчаніи, объ этомъ порядкѣ, потому что невнесеніе этого постановленія въ кодексъ имѣлъ-бы характеръ примѣненія смертной казни по произволу.

Такимъ образомъ, я прихожу къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) было-бы справедливо и цѣлесообразно смертную казнь отмѣнить, замѣнивъ ее въ соотвѣтствующихъ случаяхъ вѣчнымъ заключеніемъ съ особыми исключительными аттрибутами; еслибы эта замѣна была признана несвоевременной, то 2) изыскать способы возможнаго сокращенія и уменьшенія причиняемыхъ объявленіемъ и исполненіемъ ея страданій и мученій; 3) смертную казнь внести въ кодексъ и примѣнять за покушеніе на убійство и убійство главы государства и высшіе виды государственной измѣны, и 4) внести въ кодексъ особую статью о томъ, что, въ случаяхъ обнаруженія въ государствѣ или части онаго повторяющихся преступле-

ній, угрожающихъ общественному спокойствію и безопасности и именно совершаемыхъ шайками убійствъ, разбоевъ, преступленій по 1601 ст. и поджоговъ, требующихъ особыхъ мѣръ для ихъ прекращенія, можетъ быть испрошено и послѣдовать Высочайшее повелѣніе, объявляющее тѣ или другія мѣстности временно въ состояніи чрезвычайной охраны и разрѣшающее общимъ судамъ примѣнять къ упомянутымъ, точно указаннымъ въ семъ Высочайшемъ повелѣніи, преступленіямъ, совершеннымъ послѣ его обнародованія, смертную казнь.

По окончаніи преній, Кавказское Юридическое Общество нашло, что разрѣшенію его подлежитъ только вопросъ о томъ: *необходимо-ли сохранить въ лѣстницѣ наказаній смертную казнь?*

Что касается до другихъ, возбужденныхъ преніями, вопросовъ, то Общество нашло, что вопросъ о казни на Кавказѣ входитъ въ общій вопросъ о казни, а вопросъ о томъ, не долженъ-ли быть выработанъ для замѣны смертной казни особый типъ лишенія свободы, удобнѣе обсудить при обсужденіи вообще типовъ лишенія свободы.

Въ голосованіи поставленнаго выше вопроса приняли участіе 27 лицъ; изъ нихъ трое, именно В. В. Смѝттенъ, Ѳ. К. Бакало и А. А. Квятковскій высказались за необходимость сохраненія казни, остальные-же высказались противъ, причемъ В. А. Андреевъ, согласно съ высказанными имъ взглядами, находилъ, что, если полное исключеніе смертной казни изъ лѣстницы наказаній съ замѣною ея особымъ типомъ вѣчнаго лишенія свободы, окажется невозможнымъ, то примѣненіе ея должно быть ограничено случаями, точно и заблаговременно обозначенными въ кодексѣ.

Въ отношеніи смертной казни, не внесенной Коммисіею Статсъ-Секретаря Грота въ лѣстницу обыкновенныхъ наказаній, Сенаторъ А. К. Фриде замѣчаетъ, что вопросъ о современности этого наказанія настолько уже исчерпанъ наукою и, въ особенности, подвергался въ послѣднее время такимъ подробнымъ обсужденіямъ въ германскомъ рейхстагѣ, что, кажется, все дѣло, въ настоящее время, разрѣшается простымъ вопросомъ, не о пригодности или непригодности этого наказанія, а о томъ, пожелаемъ-ли мы подчиняться требованіямъ науки или не пожелаемъ, безъ выраженія какихъ-бы то ни было принципіальныхъ взглядовъ и мотивовъ ни pro, ни contra. Со стороны-же Редакціонной Коммисіи, во всякомъ случаѣ, въ виду тѣхъ вполнѣ правильныхъ соображеній, которыя изложены въ Объяснительной Запискѣ, было-бы, кажется, во всякомъ случаѣ, *послѣдовательнѣе* помѣстить смертную казнь, какъ исключительное, по ея мнѣнію, наказаніе, въ особую статью, вмѣстѣ съ

другими, такими же особыми наказаніями, т. е. съ заточеніемъ и съ поселеніемъ. Кромѣ того, однако, по отношенію къ *смертной казни* нельзя еще не обратить вниманія на правило ст. 13, установляющей видъ этой казни.

Способъ исполненія приговора о смертной казни черезъ *повѣшеніе* во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ *опозоривающій*, по понятіямъ вѣка, обрядъ. Между тѣмъ Коммисія при Государственномъ Совѣтѣ вполнѣ правильно признала возможнымъ, примѣняясь къ военноуголовному уложенію, ввести и смертную казнь «*съ лишеніемъ или безъ лишенія*» правъ состоянія. Если это послѣднее соображеніе не принято въ проектѣ въ виду тѣхъ общихъ разсужденій, которыя изложены въ Объяснительной Запискѣ и по которымъ Коммисія *вообще не желала*-бы примѣненія смертной казни, то, включивъ однако это наказаніе въ ст. 2, Коммисія, въ то же время, въ особенной части уложенія, будетъ уже *обязана* указать тѣ преступленія, которыя подлежатъ этой карѣ.

Если притомъ, въ виду высказаннаго въ Объяснительной Запискѣ взгляда, есть основаніе предполагать, что въ особенной части уложенія число преступленій, подвергающихъ виновныхъ смертной казни, уже никакъ не будетъ увеличено и что эта послѣдняя, такимъ образомъ, при сохраненіи оной на будущее время, будетъ примѣнена къ однимъ государственнымъ преступленіямъ, то, и по отношенію къ этимъ преступленіямъ однако все же спрашивается: распространяется-ли и впредь это наказаніе, въ томъ видѣ, какъ это установлено ст. 243 и слѣд. улож. о наказ., не только на главныхъ виновныхъ, но и на всѣхъ сообщниковъ, подстрекателей, попустителей и лицъ недонесшихъ?

Если такъ (хотя о попустителяхъ и недонесшихъ въ ст. 47 проекта не говорится), то, при редакціи новаго уложенія, подвергать недонесшаго и укрывателя тому-же наказанію, какъ и главнаго виновника, представляется, по меньшей мѣрѣ, несправедливымъ, хотя-бы и по отношенію къ государственнымъ преступленіямъ. Вслѣдствіе сего, если смертная казнь вообще уже должна быть сохранена, то необходимо и сохранить ст. 18 уложенія, по которой «*виды смертной казни опредѣляются судомъ*», но при этомъ, для большей ясности, въ особенности въ виду предположенной въ проектѣ непубличности исполненія приговора о смертной казни, слѣдовало-бы ст. 13 проекта изложить слѣдующимъ образомъ: «виды простой смертной казни опредѣляются судомъ».

Засимъ по вопросу о публичности или непубличности исполненія смертной казни Сенаторъ А. К. Фриде находитъ, во 1-хъ, что, *собственно* говоря, вопросъ о порядкѣ исполненія приговора къ смертной казни, какъ и всякаго другаго приговора, относится болѣе къ предметамъ не *уголовнаго*

уложенія, а устава уголовнаго судопроизводства, и во 2-хъ, что, хотя въ новѣйшее время во всѣхъ уложеніяхъ принято правило *о непубличности* исполненія смертной казни, такое правило, по *меньшей мѣрѣ,* сопряжено со столькими-же неудобствами, какъ и публичное исполненіе казни. Толки публики о томъ: «*казненъ*-ли такой-то дѣйствительно, или нѣтъ? *такъ-ли онъ былъ казненъ,* какъ «законъ повелѣваетъ», или «съ предшествующимъ истязаніемъ», и т. д., къ возбужденію каковыхъ толковъ всегда найдутся охотники, столь-же не выгодно подѣйствуютъ, но только въ другомъ смыслѣ, какъ и публично совершаемый обрядъ; а нынѣ сознаваемыя *вредными,* въ нравственномъ и психическомъ отношеніяхъ, послѣдствія *публичной* казни,— если эта послѣдняя будетъ сохранена какъ принципъ, истекающій изъ *права контроля общества надъ порядкомъ исполненія закона,*—скорѣе всѣхъ кабинетныхъ разсужденій, быть можетъ, именно поведутъ къ отмѣнѣ смертной казни, которая при *непубличности* исполненія приговора сохранится еще на долго. Самый принципъ публичности казни, кромѣ того, вовсе не требуетъ, чтобы о времени казни объявлялось при звукѣ трубъ и литавръ, какъ о какомъ-то публичномъ зрѣлищѣ или народномъ увеселеніи, и самое мѣсто казни, подобно тому, какъ это всегда и соблюдалось, можетъ быть охранено кордономъ войска отъ наплыва публики; и подобно тому, какъ и при публичномъ уголовномъ производствѣ въ *небольшой* залѣ публичнаго суда, важно не то, чтобы всѣ присутствовали, и при казни важно то, чтобы она исполнялась такъ, чтобы о порядкѣ исполненія оной всѣ, тѣмъ или инымъ способомъ, могли-бы получить достовѣрныя свѣдѣнія. Если-же иные, которые волею или неволею должны видѣть казнь, гнушаются этимъ зрѣлищемъ, то это уже послѣдствіе не столько публичности, сколько вообще существованія самой казни. Что касается до другаго соображенія о томъ, что въ большинствѣ случаевъ смертная казнь не будетъ примѣняться къ тѣмъ, которые окажутся незачинщиками или не главными виновными, и что она не будетъ къ нимъ примѣнена по *Монаршему милосердію,* то оно не можетъ быть принято въ основаніе, коль скоро вопросъ идетъ о редакціи *закона,* которымъ только и можетъ руководствоваться судъ. Столь-же мало для установленія въ нашемъ законѣ единственнымъ видомъ смертной казни «*повѣшеніе*» можетъ служить руководствомъ для Россіи то, что этотъ именно видъ смертной казни установленъ въ уложеніи венгерскомъ въ то время, какъ въ германскомъ уложеніи смертная казнь исполняется *отсѣченіемъ* головы (§ 13), а тоже соблюдается и по бельгійскому уложенію (ст. 8), а равно и по французскому code pénal. Сверхъ того, по законамъ военноуголовнымъ, допускается и у насъ, и въ другихъ странахъ Европы, разстрѣляніе и этотъ видъ смертной казни, въ политическихъ преступленіяхъ, для которыхъ у насъ,

со временъ Екатерины II, въ мирное время, только и сохранена, по общимъ законамъ, эта казнь, тѣмъ болѣе могъ-бы быть примѣненъ у насъ для участниковъ или для укрывателей и недоносителей,—если они не будутъ освобождены вовсе отъ смертной казни самимъ закономъ,—такъ-какъ, въ большинствѣ случаевъ, преступленія противъ первыхъ двухъ пунктовъ разсматриваются у насъ пока военнымъ судомъ.

На случай, если смертная казнь будетъ оставлена въ лѣстницѣ наказаній, Старшій Предсѣдатель Кіевской Судебной Палаты, Сенаторъ И. Н. Орловъ замѣчаетъ, что онъ находитъ прежній законъ о томъ, что виды смертной казни опредѣляются судомъ въ его приговорѣ (ст. 18 улож.), болѣе удобнымъ и не видитъ необходимости его измѣнять.

Кромѣ повѣшенія можно, по мнѣнію чиновъ Екатеринбургскаго Окружнаго Суда, допустить и другой способъ выполненія смертной казни—разстрѣляніе, предоставивъ опредѣленіе того или другаго вида казни судебному приговору.

Прокуроръ Казанской Судебной Палаты Похвисневъ и Товарищи Прокурора Патонъ и Клименко полагаютъ, что указаніе порядка совершенія смертной казни составляетъ предметъ, касающійся исполненія приговора, а потому мѣсто ему врядъ-ли въ уложеніи (*).

Прокуроръ Тифлисской Судебной Палаты Андреевъ указываетъ, что Коммисія, отвергнувъ смертную казнь въ принципѣ, оставила разрѣшеніе вопроса о ней всецѣло на усмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Съ своей-же стороны, г. Андреевъ полагаетъ, что слѣдуетъ теперь-же найти и установить, почему именно смертная казнь необходима, и, если она не необходима, то чѣмъ ее замѣнить. Никто, конечно, не станетъ теперь утверждать, что она необходима именно потому, что въ ней заключается наибольшая доля страданій и мученій, состоящихъ въ сознательномъ испытаніи на себѣ насильственнаго отнятія жизни.

(*) По мнѣнію-же Товарища Прокурора той-же Палаты Н. М. Кочукова, указаніе въ уложеніи о совершеніи казни не публично составляетъ не порядокъ приведенія въ исполненіе приговора, а самый родъ наказанія, а потому такому постановленію прямое мѣсто въ уложеніи.

Она необходима единственно потому, что она одна даетъ обществу и государству увѣренность, что такой-то тяжкій преступникъ не совершитъ болѣе такого-же тяжкаго преступленія.

Кромѣ этого, дѣйствительно трудно замѣнимаго, свойства, смертная казнь имѣетъ еще сторону, заслуживающую вниманія, которая состоитъ въ томъ впечатлѣніи, которое оставляетъ лишеніе высшаго человѣческаго блага— жизни.

Оба эти свойства, однако, могутъ быть, по мнѣнію Прокурора Палаты, замѣнены. Неужели не можетъ быть изобрѣтенъ такой способъ пожизненнаго заключенія, который исключилъ-бы возможность побѣга? Для удовлетворенія-же второму свойству смертной казни, тюрьма, замѣняющая оную, могла-бы быть установлена одна на всю Имперію и обставлена такими особыми условіями, которыя удовлетворили-бы общественному мнѣнію, могущему въ полной отмѣнѣ смертной казни, съ замѣною ея высшими родами обыкновенныхъ наказаній, видѣть ослабленіе надлежащей строгости. Но покуда эти вопросы еще не разрѣшены, слѣдовало-бы теперь-же сдѣлать все, что можно для уничтоженія тѣхъ сторонъ смертной казни, которыя заключаютъ въ себѣ ненужныя страданія.

Смертная казнь есть собственно истребленіе преступника; въ этомъ состоитъ покуда необходимая цѣль смертной казни, этимъ и должно ограничиваться ея исполненіе; продолженіе страданій, усиленіе ихъ вовсе для этой цѣли ненужно; болѣе того, оно положительно вредно. Это собственно вопросъ процессуальный, но г. Андреевъ считаетъ необходимымъ сказать о немъ нѣсколько словъ:

а) На основаніи 521 ст. XV т. свод. зак., изд. 1857 года, смертная казнь приводится въ исполненіе чрезъ 10 дней послѣ объявленія обвиненному окончательнаго приговора; не слѣдуетъ-ли приводить приговоръ къ смертной казни въ исполненіе въ тотъ-же часъ, когда осужденному объявляется объ оставленіи жалобы о кассаціи или просьбы о помилованіи безъ уваженія, и не довольно ли одного часа на приготовленіе, вмѣсто 10 дней?

б) Совершеніе смертной казни чрезъ повѣшеніе и отрубленіе головы вызвало необходимость постановленія 529 ст. XV т. свод. зак. о томъ, что, въ случаѣ, если веревка оборвется, или голова не будетъ отсѣчена съ одного раза, палачъ долженъ продолжать исполнять свои обязанности до тѣхъ поръ, покуда смерть наступитъ.

Уложеніе о наказаніяхъ 1866 года предоставило опредѣленіе рода смертной казни усмотрѣнію суда; при этомъ, вѣроятно, имѣлось въ виду, что практика судовъ можетъ указать другіе способы исполненія смертной казни; но таковымъ правомъ ни одинъ судъ не воспользовался.

Нельзя-ли сдѣлать еще шагъ по этому пути, и сдѣланный намекъ, предположеніе, замѣнить откровеннымъ и прямымъ постановленіемъ? Если теперь извѣстны способы прекращенія жизни безъ всякихъ страданій и даже безъ сознанія, то почему не воспользоваться ими?

Частный повѣренный при Бакинскомъ окружномъ судѣ фонъ-Велькъ находитъ, что лишеніе человѣка жизни почитается вездѣ уголовнымъ преступленіемъ, за исключеніемъ случаевъ необходимой обороны личности или тѣлесной неприкосновенности, или имущества, когда обороняющійся *не можетъ инымъ способомъ охранить своихъ правъ.*

Поэтому смертную казнь, какъ наказаніе, возможно счесть правильнымъ только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оной требуетъ необходимая оборона государства. Необходимость эта печальна, но нельзя ее не признать, именно тамъ, гдѣ иначе отъ даннаго особья нельзя охранить государства, его порядка, его бытія; но, во всякомъ случаѣ человѣка, сотвореннаго по образу и по подобію Божьему, хотя и жестоко-заблудившагося, и учинившаго большое зло, наказывающій ради собственнаго достоинства, его обороняющагося, не долженъ-бы уничтожать, издѣваясь при этомъ надъ человѣческими чувствами, представляя тѣло обвиняемаго на воздухѣ въ видѣ легкой тяжести.

Человѣкъ кончаетъ жизнь *на земль.*

Повѣшеніе какъ будто пародія вознесенія человѣка *надъ землею.*

Признавая необходимымъ сохранить настоящую редакцію ст. 13 по соображеніямъ, изложеннымъ въ Объяснительной Запискѣ (стр. 55—56), докладчикъ въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры г. Кильштетъ возбудилъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли всякій приговоръ о смертной казни представлять на Высочайшее благоусмотрѣніе, какъ это было принято С.-Петербургскимъ Юридическимъ Обществомъ. Вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ отрицательно, такъ какъ не слѣдуетъ наиболѣе тяжелую обязанность судьи переносить на Верховную Власть. Соглашаясь съ такимъ мнѣніемъ, двое членовъ (гг. Марковъ и Кичинъ) находили, что судъ, если признаетъ необходимымъ, можетъ, согласно ст. 828 уст. угол. судопр., ходатайствовать передъ Императорскимъ Величествомъ о замѣнѣ смертной казни другимъ наказаніемъ. Съ другой стороны, было высказано (г. Бомъ), что слѣдуетъ сдѣлать обязательнымъ для суда представленіе Императорскому Величе-

ству всѣхъ постановленныхъ приговоровъ о смертной казни, но правило это должно быть введено не въ общую часть уложенія, а въ уставъ уголовнаго судопроизводства; совѣщаніе раздѣлило послѣдній взглядъ.

Однимъ изъ членовъ совѣщанія (г. Марковъ) было заявлено, что, если совершеніе казни чрезъ повѣшеніе, какъ сущность этого наказанія, должно быть указано въ общей части уложенія, подобно тому, какъ это сдѣлано и иностранными кодексами (§ 12 code pénal, § 13 герм. улож., § 21 венгер. улож.), то, съ другой стороны, условіе *непубличности* обряда смертной казни, принятое закономъ 26 Мая 1881 г., должно быть отнесено въ уставъ угол. судопр. (ст. 963). Не соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, совѣщаніе признало, что въ уст. угол. суд. должны быть указаны подробности исполненія обряда казни, а постановленіе о непубличности ея—сохранено въ ст. 13 уложенія.

По поводу выраженнаго составителями проекта уложенія желанія, чтобы, при разсмотрѣніи онаго въ Государственномъ Совѣтѣ, изъ проектированныхъ наказаній была вовсе исключена смертная казнь, Предсѣдатель Сумскаго Окружнаго Суда Золотницкій приводитъ слѣдующее соображеніе о необходимости оставленія въ отечественномъ уложеніи смертной казни съ распространеніемъ этой кары и на нѣкоторыя преступленія, нынѣ ею не наказуемыя. Совершеніе важнѣйшихъ уголовныхъ преступленій весьма разнообразно по его мотивамъ и послѣдствіямъ. Соотвѣтственно этому, слѣдуетъ предоставить усмотрѣнію уголовнаго правосудія и разнообразныя высшія наказанія, въ числѣ которыхъ должна быть и смертная казнь, не только какъ мѣра возмездія, но и устрашенія. Справедливо, что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ приступающему къ совершенію одного изъ важнѣйшихъ преступленій и приводящему въ извѣстность наказаніе, которому онъ можетъ подвергнуться за его совершеніе, смертная казнь можетъ представляться наказаніемъ несравненно менѣе тяжкимъ, чѣмъ каторга, съ ея средою, съ ея физическимъ и нравственнымъ гнетомъ, но закоренѣлаго злодѣя, уже свыкнувшагося съ высшими уголовными наказаніями и не оставляющаго надежды при встрѣтившемся удобномъ случаѣ совершить побѣгъ изъ мѣста заключенія, только и можетъ устрашить идея о смертной казни, которой онъ не избѣжитъ при обнаруженіи его вины.

Но, оставляя въ сторонѣ теорію устрашенія, не имѣющую многочисленныхъ сторонниковъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ смертная казнь должна служить не только мѣрою возмездія или устрашенія, но и мѣрою пресѣченія зла.

Вспомнимъ о рецидивистахъ по убійству, совершающихъ безпрерывныя злодѣянія по жаждѣ крови, или для удовлетворенія самой ничтожной корысти.

Природа иногда одаряетъ злодѣевъ необыкновенною физическою силою, гибкостью членовъ, замѣчательною энергіею и даже изобрѣтательностію. Почти ежедневно въ газетахъ оповѣщается о побѣгѣ самыхъ опасныхъ преступниковъ, совершенномъ съ преодолѣніемъ трудностей, представлявшемся почти невѣроятнымъ. Оставленіемъ жизни этимъ злодѣямъ приносятся въ жертву невинные, которые рано или поздно пострадаютъ отъ ихъ руки. Иногда необходимость примѣненія смертной казни находится въ связи даже съ государственною необходимостью. Еслибы Пугачевъ судился и въ позднѣйшее время, то оставленіе ему жизни, за отсутствіемъ въ уложеніи, въ числѣ каръ, смертной казни, представляло-бы собою несообразность, грозящую государственной безопасности; при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что смертная казнь,—наказаніе, неимѣющее низшей и высшей мѣры (ст. 53 проекта),—находясь въ зависимости отъ коронныхъ судей и присяжныхъ засѣдателей, имѣла-бы примѣненіе лишь въ случаяхъ крайней необходимости.

Относительно способа исполненія смертной казни г. Золотницкій замѣчаетъ, что важныя обстоятельства, преимущественно политическаго характера, могутъ потребовать всенароднаго исполненія смертнаго приговора (Пугачевъ и др.). Поэтому въ ст. 13 должно быть объяснено, что смертная казнь исполняется не публично за исключеніемъ случаевъ, когда Верховная Власть предпишетъ исполнить ее всенародно. Конечно Верховная Власть, въ нынѣшнемъ пространствѣ ея правъ, всегда можетъ по каждому отдѣльному случаю издать законъ, но слѣдуетъ облегчить ея дѣйствія—чтобы она могла предписать публичное исполненіе казни, опираясь на существующій законъ. Въ этой статьѣ также весьма умѣстнымъ было-бы описаніе обряда казни, производимой не публично.

Относительно предположенія составителей проекта объ ограниченіи примѣненія смертной казни Главный Военно-Морской Прокуроръ находитъ, что если принятое проектомъ начало безусловной ненаказуемости умысла и исключеніе прикосновенности изъ понятія о соучастіи будутъ проведены послѣдовательно и при редакціи статей о государственныхъ преступленіяхъ, то чрезъ это самъ собою съузится объемъ примѣненія къ этимъ преступленіямъ смертной казни, сравнительно съ дѣйствующимъ правомъ. Идти дальше въ этомъ направленіи, по мнѣнію Статсъ-Секретаря Яневича-Янев-

скаго, едва-ли можно и должно. Еще менѣе цѣлесообразно безусловное, въ силу закона, устраненіе примѣненія смертной казни къ несовершеннолѣтнимъ отъ 17 лѣтъ до 21 года. Вопросъ о томъ, заслуживаетъ-ли обвиняемый этого возраста, и въ какихъ предѣлахъ, смягченія наказанія, долженъ быть, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, предоставленъ рѣшенію суда, какъ это и нынѣ дѣлается на практикѣ. Установлять-же напередъ въ законѣ, что для несовершеннолѣтнихъ, недостигшихъ 21 года, смертная казнь замѣняется каторгою (и притомъ *срочною*, по 1 п. 49 ст. проекта) или заточеніемъ,— едва-ли своевременно и согласно съ интересами правосудія. Не слѣдуетъ забывать, что нигдѣ несовершеннолѣтніе не пользуются такою продолжительною презумпціею неполной вмѣняемости, какъ по нашимъ законамъ, и что именно изъ ихъ среды вышелъ у насъ цареубійца.

При этомъ Статсъ-Секретарь Яневичъ-Яневскій не можетъ не отмѣтить довольно своеобразнаго, по его мнѣнію, взгляда Редакціонной Коммисіи, которая, приравнивая женщинъ до 70-ти-лѣтняго возраста къ *несовершеннолѣтнимъ*, выражаетъ, на этомъ основаніи (Объясн. Зап. стр. 175 и 176), «желаніе уменьшить вообще число преступленій (разумѣется политическихъ), за которыя онѣ могли-бы подлежать смертной казни. Вліяніе пола на уголовную отвѣтственность женщинъ ограничивается, въ наукѣ и законодательствахъ, исключительно способомъ или мѣстомъ, а иногда (относительно беременныхъ) и временемъ исполненія наказанія; но современные кодексы, удерживающіе смертную казнь, въ тѣхъ случаяхъ, когда она полагается для мужчинъ, не освобождаютъ отъ нея женщинъ только потому, что онѣ женщины, и г. Яневичу-Яневскому неизвѣстенъ ни одинъ серьезный авторъ, который развивалъ-бы подобный тезисъ. Поэтому и въ виду политическихъ процессовъ послѣдняго десятилѣтія, осуществленіе приведеннаго желанія редакторовъ проекта представляется Главному Военно-Морскому Прокурору не только нежелательнымъ, но и до нѣкоторой степени небезопаснымъ.

Относительно смертной казни Прокуроръ Харьковской Судебной Палаты Закревскій высказываетъ сомнѣніе въ совершенной точности и полнотѣ свѣдѣній, заключающихся въ Объяснительной Запискѣ Коммисіи касательно примѣненія смертной казни въ Россіи въ теченіи текущаго столѣтія. Если принять во вниманіе число лицъ, умершихъ мучительною смертью при исполненіи надъ ними тѣлеснаго наказанія (плети, шпицрутены и т. п., а приговаривалось къ такому числу ударовъ, которое человѣкъ не въ состояніи былъ вынести, оставаясь живымъ), всѣхъ лицъ, казненныхъ за политическія преступленія, напримѣръ, во время возстанія въ Царствѣ Польскомъ и т. п., то

едва-ли возможно будетъ заключить, чтобы количество случаевъ исполненія смертной казни въ Россіи было меньшее, чемъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, чтобы мы отвыкли отъ примѣненія этого рода наказанія, вслѣдствіе гуманнаго взгляда нашего законодательства, съ которымъ, какъ находитъ г. Закревскій, совершенно расходится наша практика.

Существенное отличіе наше отъ прочихъ европейскихъ государствъ заключается въ томъ, что тамъ смертная казнь примѣняется на основаніи положительнаго закона, наказывающаго этимъ способомъ самыя тяжкія изъ преступленій, которыя только могутъ быть совершены человѣкомъ, между тѣмъ какъ въ Россіи она примѣняется обыкновенно на основаніи особыхъ распоряженій, которыя сообщаютъ закону иногда какъ-бы обратное дѣйствіе.

Заключеніе Коммисіи о томъ, что смертная казнь находится «въ періодѣ вымиранія» въ Европѣ, едва-ли также совершенно точно. О ней упоминается въ огромномъ большинствѣ европейскихъ кодексовъ и она примѣняется на дѣлѣ въ Европѣ. Хотя предложенія о полной отмѣнѣ смертной казни и вносятся отъ времени до времени въ представительныхъ собраніяхъ, исходя большею частью отъ членовъ такъ-называемой крайней лѣвой стороны, но эти предложенія остаются безъ послѣдствій, и смертная казнь продолжаетъ существовать по прежнему. Пройдутъ вѣка, и наступитъ время отмѣны смертной казни, когда нравы смягчатся, когда матеріальное благосостояніе, умственный и нравственный уровень общества возвысятся, когда прекратятся войны между государствами, когда звѣрскія преступленія станутъ встрѣчаться все рѣже и рѣже. Но въ настоящую эпоху, при современномъ состояніи гражданственности законодательства самыхъ образованныхъ странъ всего міра считаютъ необходимымъ удержаніе смертной казни.

Стремленіе поставить въ этомъ вопросѣ русское общество впереди другихъ ничѣмъ, по мнѣнію г. Закревскаго, не оправдывается, ни высшею степенью нашей культуры, ни большею мягкостью нашихъ нравовъ, ни лучшими средствами полицейской охраны. Но это стремленіе влечетъ за собою то, что смертная казнь, не встрѣчаясь въ уложеніи о наказаніяхъ, какъ угроза за самыя тяжкія преступленія, тѣмъ не менѣе примѣняется на дѣлѣ на основаніи особыхъ распоряженій; подобный-же порядокъ, повидимому, всего болѣе расходится съ коренными началами правомѣрности и законности, на которыхъ основанъ весь строй современныхъ государствъ.

Самый строгій приговоръ суда, но постановленный съ соблюденіемъ всѣхъ обыкновенныхъ формъ процесса и съ примѣненіемъ общихъ положеній матеріальнаго уголовнаго права, производитъ совершенно иное, болѣе

благопріятное впечатлѣніе на общество, чѣмъ приговоръ сравнительно даже болѣе мягкій, но постановленный при противоположныхъ условіяхъ.

Пора стать на болѣе реальную точку зрѣнія и лучше понять условія нашей русской дѣйствительности, а составленіе новаго уложенія о наказаніяхъ доставляетъ полную къ этому возможность.

Что бы ни говорилось теоретиками противъ смертной казни, а то, что противъ нея говорится,—напримѣръ, «что угроза смертью никогда не могла остановить роста той или другой группы преступленій» (а какое-же наказаніе имѣло это дѣйствіе?)—можетъ быть сказано противъ всякаго рода наказаній вообще, но нельзя отрицать, что смертной казни свойственъ устрашительный характеръ, что примѣненіе ея успокоиваетъ народную совѣсть, возмущающуюся тяжкими преступленіями, и что она устраняетъ навсегда изъ общества извѣстныхъ людей, способныхъ на совершеніе подобныхъ преступленій.

Г. Закревскій находитъ далѣе, что, при составленіи новаго уложенія о наказаніяхъ, которое пишется для современнаго общества, слѣдовало-бы, отбросивъ въ сторону всякое теоретическое сентиментальничаніе, затемняющее пониманіе жизни, и предоставивъ вопросъ о совершенной отмѣнѣ смертной казни грядущимъ поколѣніямъ,—установить ее за то преступленіе, которое вызываетъ примѣненіе ея въ большинствѣ европейскихъ государствъ, именно: предумышленное убійство (assasinat, Mord, murder). Сверхъ того, справедливо было-бы установить ее, по общеопасности преступленія, за поджогъ или разрушеніе посредствомъ взрывчатыхъ веществъ зданія или всякаго помѣщенія (поѣзда, корабля и т. п.), въ которомъ въ то время были люди, и за поджогъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ города или селенія съ намѣреніемъ произвести опустошеніе (сравни австр. угол. кодекс., ст. 167, и франц. кодекс., ст. 434).

Само собою разумѣется, что при этомъ судъ имѣлъ-бы право перейти, при уменьшающихъ вину обстоятельствахъ, отъ смертной казни къ безсрочной каторгѣ или даже срочной.

Введеніе упомянутаго наказанія въ уложеніе устранитъ примѣненіе его чрезъ посредство особо назначеннаго военнаго суда, дѣйствіе котораго въ мирное время представляетъ собою какъ-бы нѣкоторое отступленіе отъ твердыхъ основаній строгой правомѣрности.

Далѣе, установивъ смертную казнь за тяжкія общія преступленія, не будетъ уже надобности вводить ее исключительно для такъ-называемыхъ политическихъ преступленій, къ которымъ она менѣе всего примѣнима, если только эти преступленія не заключаютъ въ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и призна-

ковъ тяжкихъ общихъ преступленій (убійства, или поджоговъ и взрывовъ, подвергающихъ опасности жизнь людей).

При исчисленіи видовъ наказаній, ст. 2 ставитъ на первомъ мѣстѣ смертную казнь, но Прокуроръ Плоцкаго Окружнаго Суда Фуксъ указываетъ на то, что, какъ видно изъ соображеній Коммисіи, симпатіи ея не на сторонѣ смертной казни, и что предполагается самое большее удержать ее для политическихъ преступленій. Не надѣясь прибавить что-нибудь новое къ теоретическому разрѣшенію этого вопроса, имѣющаго громадную литературу, вполнѣ выяснившую всѣ возможныя возраженія за и противъ этого порядка, г. Фуксъ считаетъ нелишнимъ высказать два практическія соображенія по этому поводу. Ссылаться на примѣръ Запада въ этомъ отношеніи едва-ли правильно. Поступательное уменьшеніе числа преступленій, за которыя полагается смертная казнь, и число случаевъ ея дѣйствительнаго исполненія нисколько не указываетъ на ея анахронизмъ въ настоящее время, но составляетъ явленіе, вполнѣ естественное и согласное какъ съ общимъ ходомъ общественнаго развитія, такъ и съ улучшеніемъ средствъ и способовъ уголовной репрессіи; немалочисленные-же все-таки случаи ея примѣненія убѣждаютъ въ томъ, что репрессія другими средствами еще не достигаетъ полнаго успѣха и нуждается для того и въ этомъ средствѣ, правда, ужасномъ, но, тѣмъ не менѣе, неизбѣжномъ. Если на Западѣ, гдѣ существуютъ пенитенціаріи и прекрасно организованныя каторжныя работы, могущія исправить и дѣйствительно исправляющія самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ, то что-же мы въ состояніи сказать и сдѣлать въ этой области? Каторжныя работы наши устроены такъ, что не удовлетворяютъ первымъ требованіямъ наказанія, именно окончательнаго изъятія преступника изъ общества. И изъ Сибири, и изъ каторжныхъ тюремъ преступники учиняютъ побѣги по нѣсколько разъ, а такъ-какъ эти мѣста заключенія содѣйствовали не нравственному ихъ исправленію, а, напротивъ, еще большему огрубѣнію и возбужденію ихъ противъ общества, то они и совершаютъ новыя преступленія и даже болѣе тяжкія, чѣмъ первыя. Г. Фуксъ вспоминаетъ изъ собственной практики одного такого субъекта, бывшаго мѣщанина Семенова, три раза бѣгавшаго изъ Сибири, куда онъ былъ сосланъ за убійство жены, и во время каждаго побѣга совершавшаго новыя убійства; также можно напомнить и объ извѣстномъ разбойникѣ и убійцѣ, павшемъ въ прошломъ году отъ руки колонистовъ возлѣ Одессы, неоднократно бѣгавшемъ съ каторги и дожившемъ, не смотря на плети, до глубокой старости. Подобные факты ослабляютъ въ глазахъ народа авторитетъ судебной и правительственной власти и возбуждаютъ панику

въ цѣлыхъ мѣстностяхъ; паника эта ведетъ или къ полнѣйшей парализаціи всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ къ поимкѣ бѣжавшихъ преступниковъ, или вызываетъ отчаяніе и самосудъ, за который виновнымъ приходится познакомиться съ скамьей подсудимыхъ и испытать всю тяжесть уголовнаго наказанія. Развѣ не было-бы цѣлесообразнѣе во всѣхъ отношеніяхъ подвергать подобныхъ лицъ смертной казни? Могутъ возразить, что такимъ образомъ нѣкоторымъ единицамъ пришлось-бы отвѣчать своей жизнью за неустройство мѣстъ заключенія; возраженіе справедливо, но оно падаетъ передъ такимъ-же возраженіемъ съ другой стороны, такъ-какъ очевидно жертвы этихъ единицъ также платятся своею жизнью за это неустройство. Но если неизбѣжно дѣлать выборъ между жизнями, то несомнѣнно слѣдуетъ пожертвовать первыми для послѣднихъ. Кромѣ этихъ случаевъ, практика указываетъ еще и на другіе. Неужели можно надѣяться на исправленіе преступника, вырѣзавшаго, изъ личной ненависти или изъ корыстныхъ видовъ, цѣлую семью? На что нужна его личность государству, задача котораго относительно его сводится къ постоянной заботѣ объ охранѣ отъ него общества. Въ виду вышеизложеннаго, представляется вполнѣ цѣлесообразнымъ назначеніе въ настоящее время смертной казни за убійство нѣсколькихъ лицъ; если-же когда-либо наши каторжныя тюрьмы достигнутъ полнаго соотвѣтствія съ установляемыми уложеніемъ типами заключенія и будутъ обезпечивать общество отъ побѣговъ и нравственно перерождать преступниковъ, то этотъ родъ наказанія, какъ излишній, можетъ быть и отмѣненъ.

Товарищъ Прокурора Лубенскаго Окружнаго Суда Китицынъ останавливается на томъ, что составители проекта полагаютъ смертную казнь совсѣмъ вычеркнуть изъ лѣстницы наказаній, или, въ крайнемъ случаѣ, ограничить ея примѣненіе къ однимъ государственнымъ преступленіямъ. Исходная точка зрѣнія составителей—вполнѣ гуманная.

Теоретически противъ этого возражать нѣтъ основаній, но дѣйствительная жизнь указываетъ намъ совсѣмъ иное. Она указываетъ на то, что въ нашемъ обществѣ совершаются не рѣдко тяжкія преступленія противъ жизни и имущества, соединенныя въ послѣднемъ случаѣ тоже съ нарушеніемъ личныхъ правъ, которыя, какъ возмущающія общество своею звѣрскою обстановкою, вызываютъ въ самомъ-же обществѣ разныя ходатайства, чрезъ административную власть, о сужденіи виновныхъ въ такихъ преступленіяхъ по военнымъ, а не по гражданскимъ законамъ. Обыкновенно такія ходатайства удовлетворяются, слѣдуетъ военный судъ, а за нимъ и казнь. Если-же такое преступленіе совершается въ другой мѣстности, гдѣ почему либо общество или административная власть не настаиваютъ на военномъ

судѣ, то виновный, завися отъ случая, судится общимъ судомъ, избѣгая примѣненія къ нему военныхъ законовъ.

Такая случайная подсудность, которая въ послѣднее время такъ часто у насъ повторяется, не желательна и едва-ли полезна, порождая лишь въ обществѣ недовѣріе къ самому закону, такъ-какъ, будь смертная казнь опредѣлена въ уложеніи за самые тяжкіе виды преступленій, намъ не пришлось-бы прибѣгать постоянно подъ покровительство законовъ военныхъ. Не слѣдуетъ увлекаться одною лишь стороною исключеніемъ казни, выходя изъ гуманныхъ началъ и игнорируя дѣйствительную жизнь, вызывающую у насъ постоянно экстраординарный порядокъ, въ формѣ военнаго суда, который въ дѣйствительности будетъ казнить, а мы на бумагѣ, хотя-бы и въ видѣ статей закона въ уложеніи, будемъ считать, что смертная казнь у насъ не существуетъ. Не слѣдуетъ этимъ увлекаться еще и потому, что военный судъ гораздо менѣе обезпечиваетъ справедливость рѣшеній, чѣмъ судъ общественной совѣсти—присяжныхъ. Одно изъ двухъ: или смертную казнь, въ числѣ другихъ, менѣе тяжкихъ, наказаній, ввести въ уложеніе за самые возмутительные виды преступленій, напр. за убійство одновременно нѣсколькихъ человѣкъ, убійство цѣлой семьи, или намъ постояннно придется видѣть туже казнь примѣняемою военными судами, и притомъ въ ущербъ правосудію. Въ самомъ дѣлѣ, въ общемъ судѣ, между нѣсколькими наказаніями, начиная отъ казни и кончая другими, не сопряженными съ казнью, послѣдняя будетъ имѣть весьма рѣдкое примѣненіе, а гдѣ она будетъ примѣнена, то, безъ сомнѣнія, совершенное преступленіе было слишкомъ тяжкое. Въ судѣ-же военномъ напротивъ выбирать не изъ чего и остается только остановиться на казни, такъ какъ по военно-уголовнымъ законамъ, въ большинствѣ случаевъ, за тяжкіе виды преступленій, она одна опредѣляется. Г. Китицынъ думаетъ, что обществу нуженъ не тотъ законъ, который теоретически безспоренъ, а тотъ, который соотвѣтствуетъ условіямъ дѣйствительной его жизни. Если эта жизнь, не только въ другихъ западныхъ государствахъ, но и у насъ, указываетъ на необходимость примѣненія казни въ извѣстныхъ случаяхъ, то безусловное исключеніе ея изъ уголовнаго кодекса, хотя-бы и во имя гуманныхъ началъ, не желательно уже потому, что оно только порождаетъ вредный обходъ такого закона, вызывая военный судъ.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, по мнѣнію г. Китицына, что введеніе у насъ въ числѣ другихъ наказаній смертной казни за самые тяжкіе виды преступленій не противорѣчило-бы и современнымъ воззрѣніямъ нашего народа о справедливости, такъ-какъ примѣненіе ея нерѣдко вызывается его же ходатайствами.

По вопросу о смертной казни Предсѣдатель Нѣжинскаго Окружнаго Суда Ланге замѣчаетъ, что по нынѣ дѣйствующему уложенію смертная казнь полагается исключительно только за преступленія государственныя; между тѣмъ на практикѣ было не мало примѣровъ разстрѣлянія простыхъ убійцъ, когда совершенныя ими преступленія, по своему изувѣрству и особой жестокости, признавались выходящими изъ предѣловъ всякой терпимости; но въ такихъ случаяхъ всегда испрашивалось Высочайшее повелѣніе на изъятіе подобныхъ дѣлъ изъ категоріи общей подсудности. Казалось-бы возможнымъ и болѣе удобнымъ, не допуская особыхъ исключеній, узаконить, какъ общее правило, наказаніе смертною казнью такихъ преступниковъ, кои совершили рядъ злодѣяній, сопровождавшихся особою жестокостью и имѣвшихъ послѣдствіемъ общественныя бѣдствія, какъ напр., шайки убійцъ, поджигателей городовъ и селеній, умышленныхъ отравителей рѣкъ и колодцевъ и т. п. Хотя такое мнѣніе идетъ въ разрѣзъ съ нынѣшнимъ гуманнымъ направленіемъ юридической литературы, но пока существуетъ право войны, т. е. право истреблять тысячами неповинныхъ людей, до тѣхъ поръ рядомъ можетъ существовать, какъ неизбѣжное зло, и право истребленія людей вредныхъ, нетерпимыхъ въ обществѣ и безнадежныхъ къ исправленію. Гуманнымъ нужно быть не къ однимъ поджигателямъ и убійцамъ, но и къ страдающимъ отъ нихъ, а такихъ гораздо болѣе. Въ судебной практикѣ г. Ланге ему пришлось познакомиться съ легендарнымъ преступникомъ Юрловымъ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершилъ сорокъ, самыхъ возмутительныхъ, убійствъ, нѣсколько разъ скрывался изъ тюрьмы и, наконецъ, будучи пойманъ, былъ преданъ военному суду и разстрѣлянъ къ общему успокоенію общества. Можно еще указать на Симбирскій пожаръ, истребившій весь городъ: одинъ изъ заподозрѣнныхъ былъ также разстрѣлянъ, и хотя общество осталось не совсѣмъ довольно такой быстрой расправой, то потому только, что благодаря скорости наряженнаго военнаго суда, остались необнаруженными главные виновные поджога, чего-бы не случилось, если бы дѣйствовалъ обыкновенный судъ на легальномъ основаніи съ правомъ казни.

Чины Эриванской прокуратуры находятъ, что изъ лѣстницы наказаній не слѣдуетъ исключать смертной казни, каковому наказанію должны быть подвергаемы лица, признанныя виновными въ наиболѣе тяжкихъ государственныхъ преступленіяхъ. Смертная казнь въ этомъ случаѣ является не мѣрою устрашенія или возмездія, а единственнымъ цѣлесообразнымъ средствомъ удаленія изъ общества безусловно вредныхъ и грозящихъ опасностью цѣлому обществу членовъ его.

Сверхъ того, желательно было-бы предоставить судамъ право приговаривать къ смертной казни въ мѣстностяхъ Закавказскаго края, граничащихъ съ Персіею и Турціею, лицъ, виновныхъ въ разбояхъ, совершаемыхъ шайками и сопровождающихся убійствами. Въ Эриванской губерніи, не смотря на принятыя правительствомъ мѣры (кордонная стража), безпрестанно повторяются набѣги огромныхъ организованныхъ шаекъ персидскихъ и турецкихъ подданныхъ, преимущественно курдовъ, на селенія, въ которыхъ шайки эти совершаютъ разбои и звѣрскія убійства. Увѣренные въ томъ, что, въ случаѣ поимки ихъ, имъ грозитъ ссылка въ каторгу, откуда есть возможность бѣжать, люди эти дѣйствуютъ съ необычайною наглостью. Присужденіе къ смертной казни лицъ, виновныхъ въ такого рода преступленіяхъ, могло-бы, если не совершенно прекратить послѣднія, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ихъ менѣе частыми, а самыя шайки—менѣе многочисленными и, вслѣдствіе этого, не столь вредоносными.

Чины прокурорскаго надзора Ставропольскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что столѣтній научный споръ о смертной казни кончился изгнаніемъ ея изъ числа уголовныхъ наказаній, изгнаніемъ, впрочемъ, теоретическимъ, ибо смертная казнь внесена въ уголовные кодексы всѣхъ государствъ, стоящихъ на самой высокой ступени цивилизаціи: повидимому, вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ разрѣшеніи которыхъ самыя гуманныя и безошибочныя теоріи должны подчиниться суровымъ требованіямъ необходимости. Посему, и исходя изъ предположенія, что въ особенной части уложенія случаи смертной казни будутъ ограничены, названные чины находятъ, что смертная казнь должна быть включена въ число уголовныхъ наказаній.

Товарищъ Прокурора Полтавскаго Окружнаго Суда Сливицкій находитъ, что доводы, приводимые противъ примѣненія смертной казни, настолько существенны, что врядъ-ли для преступленій, не принадлежащихъ къ категоріи политическихъ, смертная казнь можетъ быть установлена, какъ наказаніе, постоянно примѣняемое; ее можно оставить лишь для такихъ преступленій, которыя угрожаютъ государственной безопасности и спокойствію, для преступленій государственныхъ. Но постоянное колебаніе во взглядѣ на смертную казнь, начавшееся чуть-ли не съ самой отмѣны смертной казни и являющееся при наступленіи тревожныхъ для государства обстоятельствъ, даетъ право утверждать, что едва ли возможна безусловная отмѣна смертной казни и для преступленій, не относящихся къ категоріи политическихъ:

при тревожномъ состояніи государства, такія преступленія, какъ поджоги, убійства, преступленія противъ порядка управленія, когда они учащаются или совершаются при исключительной обстановкѣ или по опаснымъ мотивамъ, могутъ иногда угрожать государственной безопасности и спокойствію. Въ такіе періоды, вездѣ, гдѣ смертная казнь въ принципѣ была отмѣнена, подымался вопросъ объ ея возстановленіи. Это даетъ право сказать, что не всегда такое наказаніе, цѣль котораго, главнымъ образомъ, заключается въ исправленіи преступника, дѣйствительна, и что бываютъ періоды, когда такое наказаніе недостаточно, когда наказаніе должно имѣть главнымъ образомъ устрашающій характеръ. Въ указанные выше періоды чувствуется необходимость, въ интересахъ государственной безопасности и спокойствія, въ устрашающемъ наказаніи—смертной казни. Поэтому, хотя за преступленія негосударственныя смертная казнь, какъ наказаніе постоянное, не можетъ быть введена въ уложеніе, но все-таки должна быть удержана въ уложеніи, какъ особое наказаніе, съ тѣмъ, что, при наступленіи извѣстныхъ тревожныхъ обстоятельствъ для государства, возстановленіе смертной казни за эти преступленія должно послѣдовать по особому Высочайшему повелѣнію и только до минованія вызвавшихъ такую мѣру обстоятельствъ.

Желательно-бы было, по мнѣнію Старшаго Предсѣдателя Казанской Судебной Палаты Окулова и Членовъ той-же Палаты Глобо-Михаленко, Кобеко, Орлова и Ростковскаго, чтобы власть законодательная навсегда исключила изъ числа уголовныхъ наказаній смертную казнь, какъ мѣру, несогласную съ религіозными началами и, кромѣ того, не соотвѣтствующую тѣмъ общимъ карательнымъ цѣлямъ, которыхъ имѣлось въ виду когда-либо достичь посредствомъ уголовнаго наказанія; по новѣйшимъ изслѣдованіямъ многихъ авторитетовъ въ области уголовнаго права, смертная казнь, какъ уголовное наказаніе, и не устрашительна, и не исправительна, и не уравнительна, и, въ тоже время, не возмѣстима и не поправима, въ случаѣ судебной ошибки. Однимъ изъ самыхъ вѣскихъ доводовъ противъ этого наказанія можетъ служить тотъ фактъ, что въ послѣднее время во многихъ государствахъ узаконено совершать казнь не публично, а въ стѣнахъ тюрьмы.

Съ такимъ взглядомъ не согласилось большинство лицъ, участвовавшихъ въ совѣщаніи Казанской Судебной Палаты, которыя признали, съ своей стороны, что для важнѣйшихъ политическихъ преступленій смертная казнь должна быть удержана и впредь, причемъ было указано, что многія государства, отмѣнившая временно смертную казнь, вновь пришли къ необходимости ея примѣненія не только для исключительныхъ случаевъ, выше ука-

занныхъ, но и для другихъ важныхъ преступленій, признавая таковую мѣру единственно способною устрашить неисправимыхъ преступниковъ.

Обсуждая статью 13, совѣщаніе чиновъ прокурорскаго надзора Варшавской Судебной Палаты поставило себѣ на разрѣшеніе вопросъ: не подлежитъ-ли смертная казнь совершенному исключенію изъ числа наказаній, предположенныхъ новымъ уложеніемъ?

При голосованіи этого вопроса, мнѣнія членовъ совѣщанія раздѣлились:

1) Трое изъ членовъ высказались за безусловную отмѣну смертной казни для какихъ-бы то ни было преступленій, находя, что всѣ данныя, выработанныя въ послѣднее время наукою и опытомъ, достаточно свидѣтельствуютъ о несправедливости и нецѣлесообразности этого наказанія, неоправдываемаго ни для какихъ преступленій ни свойствомъ этихъ послѣднихъ, ни народнымъ воззрѣніемъ на право человѣка лишать своего ближняго того блага, которое дано ему Богомъ.

2) Трое другихъ членовъ напротивъ находили, что смертная казнь должна быть введена въ уложеніе за тѣ особыя преступленія, для которыхъ всѣ другія наказанія представляются недѣйствительными.

3) Одинъ голосъ высказался за то, что, если сохранить въ уложеніи смертную казнь, какъ наказаніе, то для политическихъ преступленій въ этомъ отношеніи должно быть сдѣлано изъятіе по причинамъ, достаточно подробно приводимымъ въ тѣхъ изъ западныхъ уголовныхъ законодательствъ, которыя ввели это постановленіе въ свои уголовные кодексы.

4) Противъ этого четыре голоса, высказавшіеся за отмѣну смертной казни за всѣ преступленія, кромѣ политическихъ, возражали, что въ послѣднее время характеръ такъ-называемыхъ политическихъ преступленій совершенно видоизмѣнился сравнительно съ тѣми изъ нихъ, которыя имѣлись въ виду иностранными законодательствами при составленіи уголовныхъ кодексовъ. Развитіе соціалистическихъ ученій, доведшее сторонниковъ ихъ до признанія анархіи за единственно возможную форму общественнаго устройства, дѣлаетъ въ настоящее время всякое политическое движеніе не мыслимымъ безъ одновременнаго съ нимъ совершенія общихъ уголовныхъ преступленій лицами, участвующими въ этихъ движеніяхъ, во главѣ которыхъ всегда будутъ становиться вожаки или соціальной партіи, или партіи революціи посредствомъ террора (чему примѣромъ служатъ попытки подобнаго движенія, производившіяся недавно въ Россіи, или происходящія въ настоящее время въ Ирландіи). Въ виду этого, двое изъ членовъ совѣщанія полагали, что

смертная казнь должна быть сохранена въ уложеніи, какъ наказаніе за политическія преступленія, соединенныя съ общими.—Одинъ изъ членовъ высказался за безусловное сохраненіе смертной казни за преступленія политическія и, наконецъ, одинъ находилъ, что помѣщеніе смертной казни въ лѣстницѣ наказаній новаго уложенія является необходимымъ уже по тому одному, что этимъ устраняется возможность учрежденія особыхъ судовъ для разсмотрѣнія такихъ преступленій, за которыя, по тѣмъ или другимъ временнымъ поводамъ, правительствомъ будетъ признано нужнымъ подвергать виновныхъ смертной казни. Затѣмъ на случай, если смертная казнь будетъ оставлена въ уложеніи, нѣкоторыми изъ членовъ совѣщанія было высказано пожеланіе, чтобы въ нашъ уставъ уголовнаго судопроизводства было введено правило, существующее въ германскомъ уставѣ судопроизводства, по которому каждый приговоръ къ смертной казни приводится въ исполненіе только въ томъ случаѣ, если на исполненіе его послѣдуетъ соизволеніе Императора. Но совѣщаніе, по большинству голосовъ, не приняло этого предложенія, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что подобное представленіе смертныхъ приговоровъ на усмотрѣніе Высочайшей власти, и безъ того, по собственной иниціативѣ, обладающей правомъ помилованія и освобожденія отъ всякаго наказанія, повело-бы за собою то, что суды менѣе осмотрительно стали-бы приговаривать къ смертной казни, имѣя каждый разъ въ виду возможность смягченія этого наказанія при представленіи приговора на усмотрѣніе Государя Императора.

По поводу 13-ой статьи проекта большинство чиновъ Смоленской прокуратуры, соглашаясь вполнѣ съ доводами Редакціонной Коммиссіи, выразило желаніе исключить смертную казнь изъ числа наказаній, опредѣляемыхъ по уложенію. Одинъ изъ Товарищей Прокурора, высказываясь за смертную казнь, полагалъ, что смертная казнь, какъ наказаніе, необходима въ виду теперешняго положенія Россіи, тѣхъ попытокъ со стороны разнаго рода анархическихъ партій, которыя угрожаютъ всему государственному строю. Отмѣну смертной казни можно предоставить будущему, когда измѣнится настоящее положеніе вещей, а до тѣхъ поръ уничтоженіе смертной казни повлечетъ за собою лишь увеличеніе числа дѣлъ, передаваемыхъ въ военные суды. Исключительныя преступленія должны вызывать и исключительныя наказанія.

При обсужденіи чинами Тульской прокуратуры вопроса о введеніи въ проектъ смертной казни, мнѣнія раздѣлились: большинство, соглашаясь въ

принципѣ съ доводами Редакціонной Коммиссіи о томъ, что желательно было-бы исключеніе смертной казни изъ числа наказаній, полагало необходимымъ въ настоящее время лишь въ видѣ исключенія сохранить смертную казнь, какъ наказаніе за самыя тяжкія государственныя преступленія. Другіе-же чины, кромѣ того, находили полезнымъ сохраненіе въ лѣстницѣ наказаній смертной казни и для другихъ тяжкихъ преступленій при ихъ повтореніи, и, наконецъ, одно изъ должностныхъ лицъ Тульскаго прокурорскаго надзора высказалось за безусловную отмѣну смертной казни.

Въ собраніи чиновъ Херсонскаго Окружнаго Суда и мѣстныхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ по вопросу о смертной казни голоса раздѣлились: пять лицъ высказалось за устраненіе смертной казни изъ системы наказаній, по мотивамъ, согласнымъ въ существѣ съ тѣми, кои помѣщены въ Объяснительной Запискѣ Редакціонной Коммисіи. Четыре-же лица вотировали за удержаніе смертной казни и, главнѣйшимъ образомъ, по тому мотиву, чтобы уголовный кодексъ, предназначаемый для общихъ судовъ въ Имперіи, имѣлъ въ распоряженіи своемъ такое наказаніе, коимъ могли-бы быть поражаемы возмущающія народное и нравственное чувство преступленія, какъ напримѣръ, цареубійство, государственная измѣна, и чтобы исключеніемъ смертной казни изъ системы наказаній не ставить правительство въ тяжкую необходимость прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ, несоотвѣтствующимъ общимъ законамъ.

Владимірскій Окружный Судъ выражаетъ сожалѣніе, что въ Объяснительной Запискѣ вовсе не выяснено, какіе именно мотивы въ исторіи человѣчества вліяли на усиленіе и ослабленіе примѣненія наказанія—смертной казни; ссылка-же на одни статистическія данныя, доказывающія несомнѣнно сокращеніе случаевъ примѣненія этого наказанія, безъ освѣщенія ихъ идеею историческаго хода событій, во всякомъ случаѣ недостаточно убѣдительна. Сопоставленіе исторіи Западной Европы съ исторіею нашего отечества убѣдило-бы, что нѣтъ никакихъ основаній отрѣшаться отъ прогрессивнаго хода исторіи Западной Европы и, тѣмъ болѣе, отечественной, и отводить смертной казни мѣсто нормальнаго наказанія; оставаясь вѣрнымъ исторіи нашего отечества и признавая несомнѣннымъ, что смертная казнь, по существу своему, является лишь возмездіемъ и удовлетвореніемъ раздраженнаго общественнаго чувства, проявляющагося лишь въ острыя эпохи общественной жизни—въэпохи политической и религіозной борьбы,—слѣдуетъ примѣненіе смертной

казни обставить особыми условіями, и раціональнѣе всего было-бы отвести ей не болѣе той области, сколько ей предоставлено въ настоящее время.

Прокуратура Пермскаго Окружнаго Суда замѣчаетъ, что смертная казнь, по проекту уложенія, вводится въ систему наказаній условно, и, вѣроятно, Государственный Совѣтъ ограничитъ ея примѣненіе тѣми-же преступленіями, какъ и нынѣ, т. е. имѣющими характеръ политическихъ, а также нарушеній карантинныхъ правилъ. Болѣе широкое распространеніе ея не вызывается ни понятіями нынѣшняго вѣка, ни государственными потребностями въ сферѣ внутренней уголовной политики.—Что касается до способа ея исполненія, то повѣшеніе слѣдуетъ признать однимъ изъ жестокихъ способовъ уже потому, что при немъ смерть не всегда наступаетъ мгновенно, и, такимъ образомъ, наказаніе сопровождается мученіями, что, конечно, совершенно чуждо цѣли наказанія. Поэтому, справедливѣе было-бы установить другой способъ исполненія смертной казни, напр., обезглавленіе. Засимъ, слѣдуетъ замѣтить, что указаніе собственно обрядовой стороны выполненія смертной казни не должно имѣть мѣста въ уложеніи, ибо это—собственно постановленіе, относящееся до порядка исполненія приговоровъ.

При обсужденіи въ особой Коммисіи, образованной изъ состава Варшавской Судебной Палаты, вопроса о смертной казни, высказаны были слѣдующія мнѣнія:

Три члена (гг. Кочубей, Суходольскій и Фейлертъ) высказались за оставленіе смертной казни въ ряду наказаній, но съ слѣдующимъ, предложеннымъ А. В. Кочубеемъ, добавленіемъ: «всякій приговоръ, присуждающій подсудимаго къ смертной казни, представляется, чрезъ Министра Юстиціи, на Высочайшее утвержденіе»; если-же добавленіе это будетъ признано неумѣстнымъ въ уложеніи, то включить оное въ 945 ст. уст. угол. суд., такъ-какъ это вопросъ процессуальнаго свойства.

Прочіе 4 члена Коммисіи (гг. Томашевскій, Потуловъ, фонъ-Вендрихъ и Сарандо) полагали исключить смертную казнь изъ числа наказаній, причемъ Предсѣдатель Томашевскій высказалъ, что смертная казнь въ случаяхъ чрезвычайныхъ, само собою разумѣется, должна быть возстановляема, какъ вызываемая необходимостью и особыми обстоятельствами временная кара, но оставленіе смертной казни въ ряду наказаній, налагаемыхъ въ общемъ порядкѣ, можетъ вести, по его мнѣнію, къ постановленію неправильныхъ приговоровъ присяжными засѣдателями, которые нерѣдко будутъ признавать подсудимаго, подлежащаго этому наказанію по закону, или невинов-

нымъ, или заслуживающимъ снисхожденія, не по обстоятельствамъ дѣла, но съ единственною цѣлью сохранить преступнику жизнь. Членъ Коммисіи фонъ-Вендрихъ заявилъ, приэтомъ, что, исключивъ изъ числа наказаній смертную казнь, слѣдовало-бы, по его мнѣнію, ввести, вмѣсто нея, «каторгу безъ срока», какъ отдѣльный родъ наказанія, а затѣмъ во 2-мъ пунктѣ ст. 2-й къ слову: «каторга»: прибавить «на срокъ».

Относительно статьи 13 Общее Собраніе Департаментовъ Варшавской Судебной Палаты, соглашаясь съ большинствомъ Коммисіи объ исключеніи смертной казни изъ лѣстницы наказаній, налагаемыхъ въ общемъ порядкѣ уголовнымъ уложеніемъ, на основаніяхъ, Коммисіею приведенныхъ, т. е. съ тѣмъ, что смертная казнь могла-бы быть лишь карою, «возстановляемою въ исключительныхъ случаяхъ, какъ вызываемая необходимостью и особыми обстоятельствами»—нашло необходимымъ присовокупить нижеслѣдующее замѣчаніе: меньшинство членовъ Коммисіи высказалось за сохраненіе въ уложеніи о наказаніяхъ смертной казни, но признало необходимымъ, чтобы приговоръ, присуждающій подсудимаго къ смертной казни, представлялся, чрезъ Министра Юстиціи, на усмотрѣніе Императорскаго Величества; Судебная Палата, находя: 1) что подобное обращеніе къ Императорскому Величеству, для утвержденія всякаго смертнаго приговора, было-бы несогласно съ чувствами и взглядами народа, привыкшаго видѣть въ обращеніи къ Государю относительно участи подсудимаго—обращеніе къ Его милосердію, просьбу о смягченіи участи, 2) что требованіе утвержденія всякаго смертнаго приговора Императорскимъ Величествомъ могло-бы въ глазахъ извѣстной части судей дать поводъ менѣе серіозно относиться къ самой серіозной части составляемыхъ ими приговоровъ,—такъ какъ судьи разсчитывали-бы на то, что приговоры эти будутъ еще разъ пересмотрѣны для представленія на утвержденіе Императорскаго Величества, не признало возможнымъ согласиться съ меньшинствомъ Коммисіи, т. е. не признало необходимымъ представленіе всякаго приговора къ смертной казни на усмотрѣніе Императорскаго Величества, еслибы смертная казнь была сохранена въ лѣстницѣ наказаній по уложенію.

При обсужденіи проекта, большинство судей Тифлисской Судебной Палаты высказалось за совершенное исключеніе смертной казни изъ лѣстницы наказаній, установляемыхъ новымъ уложеніемъ, руководствуясь, въ этомъ отношеніи, какъ теоретическими соображеніями, выработанными наукой права и отчасти приведенными въ Объяснительной Запискѣ, такъ и указаніями опыта, съ достаточною ясностью свидѣтельствующими, что смертная

казнь, какъ наказаніе, опредѣляемое общими уголовными законами, даже въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ она назначается сравнительно въ довольно значительномъ числѣ случаевъ, находится, по выраженію Объяснительной Записки, въ періодѣ вымиранія и рѣдко примѣняется на самомъ дѣлѣ, существуя, такимъ образомъ, въ кодексахъ болѣе какъ угроза, нежели какъ наказаніе, дѣйствительно исполняемое. Нельзя поэтому не согласиться съ мнѣніемъ Коммисіи, что нынѣ Россія, при изданіи новаго уложенія, могла-бы сдѣлать дальнѣйшій шагъ по пути отмѣны смертной казни совершеннымъ исключеніемъ ея изъ системы наказаній по общимъ уголовнымъ законамъ. Но трое изъ участвовавшихъ въ обсужденіи вопроса судей не согласились съ мнѣніемъ большинства, высказавъ, съ своей стороны, что, по ихъ мнѣнію, смертная казнь должна быть удержана въ лѣстницѣ наказаній по новому уложенію, и даже число случаевъ примѣненія ея должно быть увеличено назначеніемъ смертной казни и за болѣе тяжкія общія преступленія. Высказывая такое мнѣніе, поддерживавшіе его судьи основывались, главнымъ образомъ, на томъ, что смертная казнь, въ ряду допускаемыхъ уголовными законами наказаній, наиболѣе устрашительна, сильнѣе вліяетъ на злую волю расположеннаго къ совершенію преступленій лица, а потому угроза примѣненія смертной казни, болѣе, нежели другія наказанія, можетъ ограждать общество отъ самыхъ опасныхъ и тяжкихъ посягательствъ на жизнь и имущество гражданъ.

На случай, если смертная казнь будетъ оставлена въ лѣстницѣ наказаній, принятой новымъ уложеніемъ, то, не ограничивая видовъ совершенія ея однимъ повѣшеніемъ, какъ это сказано въ 13 ст. проекта, слѣдовало-бы, по мнѣнію Тифлисской Судебной Палаты, допустить назначеніе смертной казни и чрезъ разстрѣляніе, предоставивъ въ этомъ отношеніи, по примѣру 18 ст. нынѣ дѣйствующаго уложенія, самому суду избраніе того или другаго способа совершенія наказанія. По господствующимъ воззрѣніямъ, повѣшеніе считается позорнымъ видомъ лишенія жизни. Между тѣмъ, въ соображеніяхъ Объяснительной Записки допущена возможность такого положенія, что, по мотивамъ даннаго дѣянія, поступокъ виновнаго не будетъ указывать на его безчестность и нравственную развращенность. Для такихъ случаевъ преступности предполагается даже установленіе особыхъ видовъ наказанія, менѣе позорящихъ лицо, подвергшееся онымъ, каковы заточеніе и ссылка на поселеніе. Но разъ допустивъ возможность отсутствія въ дѣяніи преступника безчестныхъ мотивовъ и предоставивъ въ этихъ случаяхъ суду назначать особыя, менѣе позорныя, наказанія, слѣдовало-бы допустить такое-же различіе и въ отношеніи къ преступленіямъ, за совершеніе которыхъ будетъ назначена смертная казнь, предоставленіемъ суду, при необнаруженіи въ дѣяніи виновнаго безчестныхъ побужденій и нравственной развращенности, назна-

чать ему наказаніе смертною казною въ менѣе позорномъ видѣ ея совершенія черезъ разстрѣляніе, а не чрезъ повѣшеніе.

Прокуроръ Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскій указываетъ, что проектъ, устанавливая лѣстницу наказаній, прежде всего упоминаетъ о смертной казни; между тѣмъ изъ Объяснительной Записки (стр. 17) оказывается, что Коммисія, послѣ всесторонняго обсужденія всѣхъ доводовъ, приводимыхъ за и противъ отмѣны смертной казни, пришла къ заключенію, что наказаніе это является несправедливымъ и нецѣлесообразнымъ и что Россія могла-бы въ этомъ вопросѣ сдѣлать еще новый дальнѣйшій шагъ впередъ, совершенно вычеркнувъ смертную казнь изъ списка уголовныхъ наказаній, налагаемыхъ по общимъ законамъ. Вопросъ о смертной казни имѣетъ богатую литературу не только за границею, но даже и у насъ, и все, что могло быть сказано въ защиту этого рода наказанія или противъ него, уже высказано и подробно разработано криминалистами; а потому, не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе сего вопроса и не прибѣгая къ изложенію тѣхъ доводовъ, въ силу которыхъ въ теоріи смертная казнь давно уже отвергнута, г. Хлодовскій не можетъ не высказать глубокое сочувствіе Редакціонной Коммисіи по поводу выраженнаго ею въ Объяснительной Запискѣ взгляда на своевременность и возможность совершеннаго исключенія смертной казни изъ общаго уголовнаго кодекса; къ сему онъ позволяетъ себѣ только присовокупить, что даже и для Кавказа, продолжающаго и по нынѣ находиться въ нѣкоторыхъ особыхъ условіяхъ,—гдѣ убійства почитаются совершенно обыденнымъ фактомъ и нерѣдко появляются разбойничьи шайки, смертная казнь является тѣмъ не менѣе непригоднымъ наказаніемъ, ибо, съ одной стороны, смертная казнь, какъ дознано уже многолѣтнимъ опытомъ, вовсе не дѣйствуетъ устрашающимъ образомъ, съ каковой точки зрѣнія только и можетъ быть разсматриваемо примѣненіе смертной казни въ мѣстностяхъ, особенно изобилующихъ преступленіями, а съ другой стороны знакомство съ мѣстными условіями приводитъ къ безошибочному убѣжденію, что слишкомъ частое повторе ніе на Кавказѣ убійствъ, появленіе разбойничьихъ шаекъ и т. п. преступленій являются послѣдствіемъ укоренившейся и укореняемой въ мѣстномъ населеніи фанатизмомъ кровной мести, полнымъ отсутствіемъ народнаго образованія, неудовлетворительностью и неопредѣленностью экономическаго положенія, неудовлетворительностью системы мѣстнаго управленія, близостью Персіи и многими другими чисто бытовыми условіями, которыхъ ни сколько не можетъ устранить репрессія наказанія въ видѣ смертной казни.

Такимъ образомъ, раздѣляя вполнѣ совершенную справедливость сооб

раженій Редакціонной Коммисіи относительно нецѣлесообразности смертной казни и возможности исключенія ея изъ общихъ уголовныхъ законовъ, г. Хлодовскій, съ своей стороны, полагалъ-бы *смертную казнь вовсе исключить изъ проекта уложенія*. Хотя-же Коммисія, включая въ проектъ смертную казнь, объяснила это тѣмъ, что вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни заключаетъ въ себѣ еще и весьма важную политическую сторону, но соображеніе это, за признаніемъ Коммисіею полной несправедливости и нецѣлесообразности смертной казни, едва-ли можетъ служить основаніемъ къ включенію этого рода наказанія въ проектъ уложенія, ибо политическія основанія, коими законодательная власть можетъ руководиться въ вопросѣ о своевременности или несвоевременности отмѣны смертной казни, не имѣютъ ничего общаго съ требованіями науки уголовнаго права и указаніями опыта, каковыми указаніями Коммисія, собственно говоря, только и должна была руководствоваться при введеніи въ кодексъ того или другаго рода наказанія. При томъ-же, хотя политическія основанія къ оставленію смертной казни неизвѣстны въ точности, но г. Хлодовскій полагаетъ, что съ этой именно точки зрѣнія оставленіе смертной казни можетъ быть объясняемо не тѣмъ устрашающимъ вліяніемъ, которое она должна, повидимому, производить на преступниковъ, такъ-какъ исторія убѣждаетъ, на что указываетъ и Редакціонная Коммисія (стр. 15), въ совершенно обратномъ иногда дѣйствіи смертной казни, которая въ сферѣ политическихъ преступленій нерѣдко какъ-бы усиливаетъ распространеніе преступленій,—а единственно тѣмъ соображеніемъ, что нѣкоторыя государственныя преступленія, по существу своему, представляютъ такую важность и грозятъ столь сильною опасностью государственному строю, что оставленіе въ живыхъ подобныхъ преступниковъ какъ-бы несовмѣстимо съ государственными интересами и, при неудовлетворительности существующей тюремной системы, не можетъ предотвратить вреднаго вліянія такого лица на общество и возможности возвращенія его обратно въ ту среду, изъ коей онъ былъ изъятъ, хотя-бы, напримѣръ, путемъ побѣга съ мѣста ссылки. Но всѣ эти опасенія, кажется, должны рушиться съ устройствомъ пенитенціарной системы на правильныхъ и раціональныхъ началахъ, и такъ-какъ проектъ уложенія, создавая новую лѣстницу наказаній, въ то же время имѣетъ въ виду установить и особую систему отбыванія наказанія согласно съ требованіями тюремной науки, то не представится уже основаній опасаться совершенія осужденнымъ преступникомъ побѣга; для того-же, чтобы важнѣйшіе государственные преступники лишены были навсегда возможности возвратиться въ прежнее общество и вновь проявить свою преступную дѣятельность, было-бы совершенно справедливо для нѣкоторыхъ государственныхъ преступленій, въ виду особой ихъ важности, позорности и

опасности, смертную казнь замѣнить безсрочною каторгою съ воспрещеніемъ навсегда перевода на поселеніе, какъ это указано, между прочимъ, въ п. 2 56 ст. проекта, за исключеніемъ лишь случаевъ особенной дряхлости или болѣзненности, причемъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ подобные преступники, взамѣнъ поселенія, за освобожденіемъ отъ каторги, должны были-бы оставаться въ тюрьмѣ. Это послѣднее наказаніе, будучи не менѣе тяжкимъ и ощутительнымъ для преступника, какъ и самая смертная казнь, и, въ тоже время, не обладая тѣми вредными качествами, которыя присущи лишенію жизни, могло-бы замѣнить собою вполнѣ смертную казнь даже для самыхъ важнѣйшихъ политическихъ преступленій.

Но если, за всѣмъ тѣмъ, при окончательномъ обсужденіи проекта уложенія, смертная казнь будетъ оставлена въ числѣ наказаній, то весьма желательно было-бы, чтобы случаи примѣненія ея ограничились лишь наиболѣе важными государственными преступленіями, къ числу каковыхъ должны быть отнесены посягательство на Особу Государя Императора и бунтъ.

Прокуроръ Хлодовскій находитъ далѣе, что если статья 13, равно какъ и самая смертная казнь, будутъ оставлены въ уложеніи, то, во всякомъ случаѣ, изъ 13 ст. должно быть исключено выраженіе: «*непублично*», ибо оно, нисколько не опредѣляя самаго характера или рода наказанія, указываетъ лишь порядокъ исполненія, каковой порядокъ всецѣло долженъ быть опредѣленъ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, заключающемъ уже въ себѣ нѣкоторыя постановленія по сему предмету въ ст. 962—964.

Относительно введенія въ проектъ смертной казни чины Ярославской прокуратуры считаютъ необходимыхъ замѣтить, что всякія сужденія по сему предмету представляются нынѣ совершенно безцѣльными, въ виду существующей возможности передачи извѣстныхъ уголовныхъ дѣлъ въ военный судъ. Тѣмъ болѣе основаній не касаться вовсе этого вопроса, что не подлежитъ сомнѣнію, что разъ подлежащія статьи уголовнаго процесса не будутъ подвергаться измѣненіямъ,—не будетъ почти никогда примѣняться и смертная казнь, не смотря даже на помѣщеніе ея въ проектъ. При случаѣ, однако, одинъ изъ названныхъ чиновъ считаетъ невозможнымъ, хотя вкратцѣ, не указать на потрясающее впечатлѣніе, испытанное имъ лично при выслушиваніи приговора о смертной казни за самое обыкновенное преступленіе. Нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ—и все-таки ему живо представляется и настроеніе суда, и дрожавшій голосъ предсѣдателя, и невольный, непритворный

стонъ осужденнаго, и сдержанный ропотъ присутствовавшей публики, и наступившая затѣмъ мертвенная тишина, смѣнившаяся напускною беззаботностію, выражающею собою, однако, безпредѣльную тоску.—Кажется, что человѣкъ готовъ былъ-бы въ эту минуту простить убійство, даже роднаго дитяти, лишь-бы не испытывать всѣхъ этихъ ощущеній. Конечно не мѣсто здѣсь анализу всѣхъ этихъ и послѣдующихъ впечатлѣній какъ самаго приговореннаго, такъ и остающихся въ живыхъ, но безошибочно, казалось-бы, можно сказать, что, если иное наказаніе и удовлетворяетъ иногда возмущенное нравственное общественное чувство и жажду мести потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ, причемъ возстановляетъ нарушенное преступленіемъ, въ области морали, равновѣсіе, то смертная казнь, какъ и всякое излишество, внушаетъ потерпѣвшимъ чувство внутренняго неудовлетворенія и какую то неловкость, а окружающихъ совершенно невольно заставляетъ сторониться, какъ отъ потерпѣвшаго, такъ и отъ самаго суда. Врядъ-ли найдется много лицъ, иначе относящихся къ этому вопросу; какъ-бы то ни было, все-таки жаль человѣческой жизни, жаль родныхъ казненнаго, и, при томъ, вся безцѣльность этого наказанія достаточно говоритъ противъ его примѣненія.

Далѣе, по поводу правила ст. 13 о непубличности исполненія смертной казни, чины Ярославской прокуратуры высказываютъ, что если что и можетъ извинить примѣненіе смертной казни, какъ наказанія, то именно только причины, заставляющія совершать ее публично. То возмущеніе нравственнаго чувства, на которое обыкновенно ссылаются защитники совершенія смертной казни въ тюрьмахъ, касается весьма немногихъ—именно тѣхъ, которые никогда при этомъ зрѣлищѣ присутствовать не будутъ и на которыхъ то же впечатлѣніе произведено уже слушаніемъ, или даже чтеніемъ приговора; относительно-же развращающаго впечатлѣнія можно сказать, что смертная казнь будетъ совершаема настолько рѣдко, что опасенія въ этомъ послѣднемъ случаѣ сводятся положительно къ нулю. Съ другой стороны, тайная экзекуція несовмѣстна съ достоинствомъ правосудія, правомъ государства наказывать порочныхъ своихъ членовъ, равно какъ и съ уваженіемъ къ преступнику, какъ къ человѣку.

При голосованіи въ собраніи чиновъ прокуратуры Варшавскаго Окружнаго Суда вопроса о томъ, должна-ли быть отмѣнена смертная казнь, *девять голосовъ* было подано за безусловную отмѣну смертной казни и *одинъ голосъ* за сохраненіе таковой, какъ наказанія лишь за выдающіяся политическія преступленія, соединенныя съ тяжкими общими преступленіями.

При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи ст. 13, одинъ изъ членовъ собранія замѣтилъ, что, устанавливая въ законѣ порядокъ исполненія самаго тяжкаго наказанія, каковымъ представляется смертная казнь, редакторамъ не слѣдовало допускать одно лишь отрицательное опредѣленіе и указывать, что казнь совершается не публично; что слѣдовало положительно указать, какимъ именно порядкомъ будетъ совершаться смертная казнь, причемъ въ ст. 13 проекта, послѣ словъ: «не публично» слѣдовало-бы прибавить, «установленнымъ въ законѣ порядкомъ».

Это мнѣніе не было поддержано присутствовавшими, причемъ собраніе большинствомъ семи голосовъ постановило: ст. 13 оставить вовсе безъ обсужденія, такъ-какъ, по мнѣнію большинства, смертная казнь должна быть вовсе исключена изъ числа наказаній.

Чины Орловскаго Окружнаго Суда считаютъ необходимымъ выразить свое полное сочувствіе тѣмъ соображеніямъ составителей проекта, которыя высказаны ими относительно полной отмѣны смертной казни и невключенія ея въ лѣстницу наказаній.

Вмѣстѣ съ этимъ, тѣ-же чины замѣчаютъ, что изъ ст. 13 должно быть исключено выраженіе «*не публично*», какъ опредѣляющее порядокъ исполненія приговора, чему мѣсто не въ уголовномъ кодексѣ, а въ уставѣ угол. суд.; уложеніе должно только опредѣлить, какъ отбывается наказаніе смертною казнью, и оно опредѣляетъ это, говоря, что казнь совершается чрезъ повѣшеніе; самый-же способъ повѣшенія, условія, при которыхъ оно должно совершиться, долженъ быть опредѣленъ въ уст. угол. суд.

Одесскій Окружный Судъ, останавливаясь на вопросѣ о сохраненіи смертной казни въ числѣ наказаній, устанавливаемыхъ общимъ уголовнымъ кодексомъ, нашелъ, что, независимо отъ соображеній, приведенныхъ въ Объяснительной Запискѣ Редакціонной Коммисіи въ пользу отмѣны смертной казни, нельзя не обратить вниманія на слѣдующія стороны разсматриваемаго вопроса.

Несомнѣнно, что за государствомъ должно быть признано право жертвовать интересами и благами отдѣльной личности для защиты безопасности всего общества, но не менѣе несомнѣнно и то, что причисленіе къ такимъ жертвамъ высшаго человѣческаго блага—жизни, лишеніе которой обусловливалось-бы цѣлью устранить совершенно ту опасность, которую представляетъ личность человѣка для государства, могло-бы быть оправдано лишь въ томъ случаѣ, если бы государство не обладало никакими другими средства-

ми къ тому, чтобы пресѣчь вредному субъекту всякую возможность причинять зло и такимъ образомъ обезопасить отъ него общество. Но такія средства находятся въ распоряженіи государственныхъ властей; государство, и безъ примѣненія смертной казни, можетъ поставить вреднаго для него человѣка въ совершенную невозможность осуществлять свою злую волю, если онъ будетъ лишенъ свободы и будутъ приняты дѣйствительныя мѣры пресѣченія ему всякихъ способовъ къ соприкосновенію съ внѣшнимъ міромъ. Отсюда слѣдуетъ, что за смертною казнью, какъ наказаніемъ, отличающимся своею жестокостью, недѣлимостью, неустрашимостью и неисправимостью по отношенію къ преступнику, нельзя признать въ то же время и значенія мѣры къ охраненію государства и общества, вызываемой необходимостью.

Независимо отъ этого опытъ показываетъ, что какъ-бы совершенно ни было организовано уголовное правосудіе въ государствѣ, возможность, при отправленіи его, тѣхъ печальныхъ въ высшей степени явленій, которыя извѣстны подъ именемъ «судебныхъ ошибокъ», не устраняется. Возможность такихъ явленій предъявляетъ къ наказанію настоятельное требованіе о томъ, чтобы самое наказаніе было исправимо, т. е. чтобы оно обладало такимъ именно качествомъ, отсутствіе котораго составляетъ отличительную черту смертной казни. Нельзя пройти молчаніемъ и того обстоятельства, нелишеннаго значенія, что тяжкія преступленія противъ государства, влекущія за собою смертную казнь, совершаются обыкновенно въ такія грустныя эпохи народной жизни, когда жизнь эта уклоняется отъ обыкновеннаго теченія своего въ предѣлахъ правоваго государственнаго порядка и когда, вслѣдствіе этого, состояніе умовъ въ обществѣ не отличается полнымъ спокойствіемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ такія эпохи общее неспокойное настроеніе не можетъ не отразиться и на судьяхъ, какъ на членахъ того-же общества; не подлежитъ сомнѣнію, что судьи, призванные къ сужденію обвиняемаго вскорѣ послѣ совершеннаго преступленія и возмущенные злодѣяніемъ, находясь подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ гнусности преступленія, лишены возможности отнестись къ фактической сторонѣ обсуждаемаго дѣла съ тѣмъ спокойствіемъ, съ тою ясностью ума, съ тою логичностью въ своихъ выводахъ, которыя представляются необходимыми условіями для постановленія приговора вполнѣ правильнаго, въ смыслѣ достиженія въ немъ матеріальной истины. Отсюда видно, что, по отношенію къ преступленіямъ подобнаго рода, усиливается самая возможность допущенія судебныхъ ошибокъ, а слѣдовательно и примѣненія къ нимъ наказанія неисправимаго представляется тѣмъ болѣе опаснымъ.

Вслѣдствіе изложенныхъ основаній, большинство судей Одесскаго Окружнаго Суда не можетъ не присоединиться къ тому мнѣнію, что исклю-

ченіе смертной казни изъ числа наказаній, устанавливаемыхъ проектомъ уложенія, представляется крайне желательнымъ. Меньшинство-же чиновъ этого Суда, также признавая смертную казнь, какъ наказаніе, несостоятельною, со стороны юридической, карательною мѣрою, находило, согласно съ мнѣніемъ Редакціонной Коммисіи, что вопросъ о примѣнимости этого наказанія къ наиболѣе тяжкимъ изъ государственныхъ преступленій несомнѣнно заключаетъ въ себѣ весьма важную политическую сторону. Вслѣдствіе сего меньшинство Суда не считаетъ возможнымъ окончательно высказаться по вопросу о своевременности отмѣны смертной казни за упомянутыя преступленія, вопросу, требующему соображенія съ такими данными, которыхъ Судъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи, и потому, присоединяясь къ мнѣнію Редакціонной Коммисіи, меньшинство Суда полагаетъ: не исключая смертной казни изъ проекта, предоставить этотъ вопросъ усмотрѣнію законодательной власти.

Одесскій Окружный Судъ, какъ выше изложено, пришелъ къ заключенію, что въ новомъ уложеніи о наказаніяхъ надлежитъ не только, по возможности, ограничить случаи примѣненія смертной казни, но и вычеркнуть ее вовсе изъ списка уголовныхъ наказаній, налагаемыхъ по общимъ законамъ. Но если бы законодательною властью признано было несвоевременнымъ отмѣнить смертную казнь за наиболѣе тяжкія изъ государственныхъ преступленій, то, по мнѣнію Окружнаго Суда, представляется необходимымъ и цѣлесообразнымъ постановить правило, въ силу котораго приговоръ суда, присуждающій къ смертной казни, по вступленіи въ законную силу, прежде обращенія его къ исполненію, долженъ быть представленъ, чрезъ Министра Юстиціи, на усмотрѣніе Императорскаго Величества. Однородное съ этимъ правило, существуя во многихъ изъ иностранныхъ законодательствъ, какъ указываютъ сравнительныя цифры приговоренныхъ къ смерти и въ дѣйствительности казненныхъ, содѣйствуетъ значительному уменьшенію числа случаевъ дѣйствительнаго примѣненія смертной казни. Въ виду важности и безповоротности этого наказанія, возможности судебныхъ ошибокъ, существованія извѣстныхъ настроеній, неотразимо охватывающихъ людей въ извѣстные историческіе моменты, отъ которыхъ иногда не могутъ быть свободны и воззрѣнія судей, правило, устанавливающее возможность сохранить человѣческую жизнь, предотвратить непоправимыя послѣдствія судебной ошибки, правило, опирающееся на высокое начало Монаршаго милосердія, по мнѣнію Одесскаго Окружнаго Суда, представляется и справедливымъ, и цѣлесообразнымъ. Установленіе означеннаго правила не вводитъ начала утвержденія уголовныхъ приговоровъ Верховною властью въ ревизіонномъ порядкѣ, не налагаетъ этой тяжелой обязанности на Верховную власть, какъ

это принято почти вездѣ въ иностранныхъ государствахъ. Напротивъ представленіе на Высочайшее благоусмотрѣніе такихъ приговоровъ, по вступленіи уже ихъ въ законную силу, будетъ имѣть то значеніе, что послѣдующее смягченіе по нимъ опредѣленнаго судомъ наказанія окажется послѣдствіемъ Монаршаго милосердія. По всѣмъ симъ соображеніямъ представляется желательнымъ, чтобы означенное правило нашло себѣ мѣсто или въ видѣ примѣчанія къ 13 ст. улож. о нак., или видѣ прибавленія къ ст. 945 уст. угол. суд.

Относительно смертной казни Товарищъ Астраханскаго Губернскаго Прокурора Лабунскій находитъ, что если уже ее сохранять въ уголовномъ кодексѣ, такъ желательно было-бы предоставить суду право приговаривать къ ней или замѣнять ее каторжными работами, какъ это введено въ венгерскомъ уложеніи. Не безусловное примѣненіе могло-бы дать возможность на практикѣ избѣгать непоправимыхъ судебныхъ ошибокъ.

Останавливаясь на разрѣшеніи вопроса о томъ, представляется-ли необходимость оставить въ лѣстницѣ наказаній смертную казнь, которая въ настоящее время примѣняется лишь въ исключительныхъ случаяхъ, чины Калужскаго Окружнаго Суда приходятъ къ отрицательному отвѣту.

Несомнѣнно, что государство, въ видахъ общественной безопасности, устанавливаетъ различныя наказанія, карающія преступниковъ закона соотвѣтственно важности дѣяній и степени причиняемаго ими зла, но всякое излишнее усиленіе наказанія становится безполезнымъ и безцѣльнымъ потому, что, независимо отъ возмездія за содѣянное зло, наказаніе имѣетъ своею цѣлью или исправить преступника, или поставить его въ невозможность вредить болѣе обществу, и, если для достиженія этой послѣдней цѣли интересы государства требуютъ оставленія смертной казни за болѣе важныя государственныя преступленія, то нѣтъ такой необходимости въ примѣненіи этой крайней мѣры къ общимъ преступленіямъ, и, слѣдовательно, не нужно вводить ее въ лѣстницу наказаній, такъ какъ отъ Высочайшей воли зависитъ назначеніе за извѣстныя преступленія смертной казни сообразно важности дѣяній и обстоятельствамъ даннаго времени. Высказывая это, чины Калужскаго Суда исходятъ изъ того соображенія, что, быть можетъ, предстоящій проектъ особой части уложенія допуститъ эту высшую кару за нѣкоторыя изъ общихъ преступленій, подлежащихъ суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, а всякому, близко знакомому съ этимъ институтомъ и съ свойствами природы русскаго человѣка, хорошо извѣстно, что во многихъ случаяхъ

на постановленіе оправдательныхъ приговоровъ имѣетъ большое вліяніе мысль, что обвиняемый понесетъ слишкомъ тяжелую кару за свое преступленіе, и этимъ мотивомъ часто объясняются оправдательные приговоры, выносимые при наличности уликъ и даже при собственномъ сознаніи; изъ сего возникаетъ то основательное опасеніе, что, если ввести смертную казнь за нѣкоторыя изъ общихъ преступленій, подлежащихъ вѣдѣнію присяжныхъ засѣдателей, то мѣра эта повлечетъ за собою, въ ущербъ правосудію, снисходительные и даже оправдательные приговоры въ отношеніи къ такимъ лицамъ, которыя въ настоящее время, при отсутствіи смертной казни, не вызываютъ ни жалости, ни снисхожденія. Посему желательно было-бы исключить смертную казнь изъ лѣстницы наказаній, оставивъ ее, какъ мѣру чрезвычайную, для общихъ государственныхъ преступленій.

Вполнѣ соглашаясь съ заключеніемъ Коммисіи какъ о правѣ верховной государственной власти на установленіе смертной казни за извѣстныя злодѣянія, такъ и о нежеланіи допущенія смертной казни по крайней мѣрѣ въ видѣ нормальной кары, Сенаторъ Князь М. Н. Шаховскій считаетъ необходимымъ сдѣлать оговорку по поводу одного изъ доводовъ, приводимыхъ Коммисіею въ подкрѣпленіе ея мнѣнія, а именно, по поводу указанія ея на *неустрашительность смертной казни.*

Указаніе это представляется вполнѣ правильнымъ, только Коммисія употребила не вполнѣ удачный, по мнѣнію Князя М. Н. Шаховскаго, пріемъ для доказательства неустрашительности смертной казни, а именно Коммисія находитъ, что смертная казнь неустрашительна потому, что люди, совершая злодѣянія, караемыя смертью, нерѣдко не сознаютъ юридическихъ послѣдствій этихъ злодѣяній, а когда они и сознаютъ эти послѣдствія, то угроза смертью парализуется для нихъ мыслію объ отдаленности осуществленія этой угрозы и надеждою избѣжать кары, вслѣдствіе трудности раскрытія преступленій, а также возможности побѣга, снисхожденія со стороны суда, наконецъ, помилованія.

На основаніи этого разсужденія можно было-бы доказывать неустрашительность всѣхъ уголовныхъ каръ; нѣтъ такихъ преступныхъ дѣяній, къ которымъ это разсужденіе не могло-бы имѣть примѣненія.

Если не слѣдуетъ преувеличивать вліяніе уголовной юстиціи на уменьшеніе числа преступленій, то нельзя отрицать и существованіе этого вліянія, впрочемъ только при условіяхъ: 1) удовлетворительности устройства полицейской и судебной части и 2) умѣренности законныхъ каръ, такъ-какъ, при

этихъ условіяхъ, для преступниковъ представляется очень мало вѣроятія избѣжать и скораго изобличенія, и осужденія, и понесенія законныхъ каръ.

Если-же угроза смертною казнью не производитъ ожидаемаго отъ нея особенно устрашающаго вліянія, то это зависитъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ полиція и судъ устроены хорошо, исключительно отъ того, что, при *жестокости* смертной казни, люди совершающіе преступленія, караемыя смертью, имѣютъ *болѣе, чѣмъ преступники всякаго другаго рода*, основаніе надѣяться на *снисхожденіе* и на *помилованіе*, благодаря все болѣе и болѣе распространяющемуся нынѣ въ образованной средѣ отвращенію отъ смертной казни.

Отвращеніе это заслуживаетъ полнаго сочувствія, ибо оно свидѣтельствуетъ о постепенномъ смягченіи нравовъ, какъ въ правительственныхъ, такъ и въ общественныхъ сферахъ (*).

Не считая ни возможнымъ, ни нужнымъ воспроизводить доводы противъ смертной казни, накопившіеся въ такомъ изобиліи въ богатой юридической и общей литературѣ цѣлаго столѣтія, Варшавскіе Присяжные Повѣренные признаютъ умѣстнымъ заявить, что сознаніе нелогичности и нецѣлесообразности этого наказанія, равно какъ и противности его религіозному, философскому и соціологическому ученіямъ, стало, насколько имъ извѣстно, всеобщимъ убѣжденіемъ образованныхъ классовъ нашего общества, а потому они вполнѣ раздѣляютъ мнѣніе Коммисіи, что смертная казнь должна исчезнуть изъ общихъ гражданскихъ кодексовъ и считаютъ только долгомъ отмѣтить нѣкоторыя различія ихъ взглядовъ отъ воззрѣній Коммисіи.

Коммисія полагаетъ, что право государства на примѣненіе смертной казни основано на правѣ государства жертвовать, въ необходимыхъ случахъ, интересами отдѣльныхъ личностей, для защиты интересовъ или безопасности всего общества. Вполнѣ раздѣляя, въ принципѣ, это основаніе, Варшавскіе Присяжные Повѣренные не могутъ однакоже не замѣтить, что Коммисія вовсе не опредѣлила тѣхъ «необходимыхъ случаевъ», въ которыхъ государство можетъ требо-

---

(*) Остается, по мнѣнію Князя М. Н. Шаховскаго, пожелать, чтобы это отвращеніе отъ всякаго намѣреннаго посягательства на человѣческую жизнь выражалось съ одинаковою силою, какъ въ порицаніи *смертной казни*, такъ и въ респрессіи *убійствъ*, и чтобы, на ряду съ этимъ, развивалось попеченіе объ охраненіи человѣческой жизни путемъ устраненія, какъ въ законодательствѣ и управленіи, такъ и въ жизни общества, того, обусловливаемаго главнѣйше невѣжествомъ, *бездѣйствія по санитарной части*, которое *обрекаетъ ежегодно на преждевременную смерть* не нѣсколько только лицъ, *а цѣлыя населенія*, не однихъ злодѣевъ, а массу людей неповинныхъ ни въ чемъ.

вать такой жертвы, безъ такого-же опредѣленія невозможно по этому предмету выйти изъ сферы произвольныхъ предположеній. По ихъ же мнѣнію, государство имѣетъ полное право жертвовать интересами отдѣльныхъ личностей для блага общества, когда оно находится въ такомъ состояніи, въ какомъ находится частное лицо, вынужденное на необходимую оборону, или дѣйствующее для спасенія высшихъ благъ человѣка, *непосредственно* угрожаемыхъ, т. е. въ состояніи, предвидѣнномъ въ ст. 41 и 42 проекта.

Такимъ состояніемъ является для государства состояніе открытой войны. Но ежели даже на войнѣ, по минованіи непосредственной опасности, не убиваютъ плѣнныхъ, то тѣмъ болѣе противное правило не примѣнимо при существованіи нормальнаго правоваго порядка, который предоставляетъ государству громадныя, подавляющія средства для борьбы со слабою и беззащитною отдѣльною личностью, безъ ея уничтоженія, которое подлежитъ законамъ физической природы, а не законамъ государства.

Вполнѣ раздѣляя доводы, приведенные Коммисіею противъ смертной казни за преступленія общія (стр. 14 и 15), Варшавскіе Присяжные Повѣренные не могутъ, при этомъ, не замѣтить, что эти доводы еще болѣе примѣнимы, какъ это допускаетъ и Коммисія, къ преступленіямъ политическимъ. Ежели, какъ полагаетъ Коммисія, эти преступленія не указываютъ на позорный или безчестный характеръ лицъ, ихъ совершающихъ, то и народная совѣсть, которая, впрочемъ, на практикѣ оказывается мѣриломъ весьма гладкимъ и измѣнчивымъ, не можетъ высказываться противъ нихъ столь всеобще и положительно, какъ противъ преступленій общихъ. Еслибы нравственная испорченность и неисправимость преступника могли быть признаваемы достаточнымъ основаніемъ для сохраненія смертной казни, то этотъ аргументъ гораздо болѣе можно примѣнить къ преступленіямъ общимъ, относительно которыхъ, однакоже, это наказаніе считается уже безусловно неумѣстнымъ. Крайне сомнительная устрашимость этого наказанія для преступленій общихъ замѣняется, при политическихъ преступленіяхъ, послѣдствіями совершенно противоположными, а именно апоѳеозомъ приговоренныхъ и ожесточеніемъ лицъ, имъ сочувствующихъ. По изложеннымъ соображеніямъ Варшавскіе Присяжные Повѣренные полагаютъ, что смертная казнь должна быть исключена изъ уголовнаго уложенія.

При обсужденіи вопроса о смертной казни въ засѣданіи Нижегородскаго Окружнаго Суда, происходившемъ въ составѣ десяти Членовъ, послѣ продолжительныхъ и оживленныхъ преній, по мнѣнію четырехъ Членовъ, принятому Предсѣдателемъ Суда, заключено высказаться въ пользу внесенія

смертной казни въ разрядъ ординарныхъ наказаній.—Не раздѣляя взгляда большинства по сему вопросу и считая излишнимъ вдаваться въ повтореніе извѣстныхъ по этому поводу въ наукѣ доводовъ за отмѣну смертной казни—четыре судьи названнаго Окружнаго Суда находятъ, что смертная казнь, какъ не оправдываемая ни общими началами уголовнаго права, ни условіями современной жизни, должна быть исключена изъ общей лѣстницы проектируемыхъ наказаній и, если можетъ быть сохранена, то лишь въ исключительныхъ случаяхъ, въ видѣ особаго наказанія для наиболѣе важныхъ политическихъ преступленій.

Относительно смертной казни Екатеринодарскій Окружный Судъ замѣчаетъ, что, такъ-какъ наказаніе это и въ дѣйствующемъ правѣ не примѣнительно къ общимъ преступленіямъ и вообще назначеніе его и за важнѣйшія политическія преступленія было весьма рѣдко, то Судъ не располагаетъ ни статистическими данными, ни данными непосредственнаго наблюденія, которыя-бы давали возможность дѣлать какіе-либо особенные практическіе выводы на счетъ цѣлесообразности и справедливости этого наказанія. Руководясь-же выводами, господствующими въ наукѣ, доказывающими неустрашительность этого наказанія и указывающими на величайшіе недостатки его, заключающіеся въ недѣлимости и невознаградимости въ случаяхъ судебныхъ ошибокъ, Окружный Судъ находитъ всѣ доводы, направленные противъ смертной казни, до такой степени убѣдительными и непререкаемыми, что единодушно присоединяется къ мнѣнію Редакціонной Коммисіи, что Россія можетъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ по историческому пути, преемственно начертанному еще съ прошлаго вѣка, вычеркнувъ смертную казнь изъ списка наказаній, налагаемыхъ по общимъ законамъ.

Останавливаясь на обсужденіи вопроса о смертной казни, члены собранія чиновъ Кишиневскаго Окружнаго Суда и мѣстныхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ гг. Кирiякъ, Давыдовичъ и Свроцинскій, исходя изъ того положенія, что гуманность, развитіе общественности, разумъ и опытъ одинаково отвергаютъ это наказаніе и давно осудили его примѣненіе; что смертная казнь, какъ наказаніе, не совмѣщаетъ въ себѣ ни одного изъ условій, кои дѣлали-бы ее цѣлесообразною и пригодною карательною мѣрою, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ сами составители проекта въ ихъ Объяснительной Запискѣ,—полагали смертную казнь совсѣмъ исключить изъ уложенія.

Большинство собранія находило: а) что исключеніе смертной казни изъ

общаго уложенія уголовнаго не представляетъ еще ручательства въ томъ, что этотъ родъ наказанія не будетъ никогда примѣняться въ дѣйствительности, такъ-какъ онъ можетъ быть удержанъ, если не въ общемъ уложеніи, то въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ, и будетъ примѣняться въ исключительныхъ случаяхъ чрезвычайными судами, хотя такое расширеніе компетенціи исключительныхъ судовъ было-бы крайне нежелательно, и б) что постепенное уменьшеніе случаевъ примѣненія смертной казни есть такое отрадное явленіе въ жизни государствъ, которое, въ дальнѣйшемъ слѣдствіи по этому пути, ставитъ въ настоящее время на очередь совершенное изгнаніе этого наказанія изъ уголовныхъ кодексовъ. По симъ соображеніямъ, большинство собранія постановило: не высказываясь категорически за исключеніе смертной казни изъ текста 2 ст. проекта, признать разрѣшеніе этого вопроса подлежащимъ усмотрѣнію высшаго государственнаго учрежденія, которому, при окончательной выработкѣ уложенія, предстоитъ руководствоваться, главнымъ образомъ, соображеніями политическаго и практическаго свойства; причемъ, собраніе выражаетъ полное сочувствіе соображеніямъ Редакціонной Коммисіи о безцѣльности и непригодности смертной казни, какъ наказанія.

Хотя по вопросу о смертной казни существуетъ богатая и обильная литература, хотя объ этомъ говорилось и писалось не мало, какъ въ юридическихъ обществахъ, такъ и въ повременныхъ изданіяхъ, и хотя наконецъ въ самой Объяснительной Запискѣ къ проекту Редакціонной Коммисіи вопросу этому отведено весьма почтенное мѣсто,—тѣмъ не менѣе, Екатеринославскій Окружный Судъ, чисто съ практической точки зрѣнія, считаетъ своимъ долгомъ, въ дополненіе къ вѣскимъ и солиднымъ доводамъ Записки, высказать еще слѣдующія соображенія. Существованіе судебныхъ ошибокъ признано всѣми европейскими законодательствами. Обстоятельство это не забыто и судебными уставами 1864 года, причемъ въ ст. 935 уст. угол. суд. исчислены случаи возобновленія дѣлъ, по коимъ приговоры уже обращены къ исполненію, но по коимъ невинныя лица осуждены, благодаря судебнымъ ошибкамъ, допускаемымъ въ силу самой природы вещей и въ силу того, что уголовный процессъ есть все-таки дѣло, созданное человѣчествомъ, а слѣдовательно—не абсолютно совершенное. Возобновленіе дѣлъ въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ цѣлью исправить судебную ошибку, возвратить невинно-осужденному его честь и доброе имя, и, по мѣрѣ возможности, вознаградить его за тѣ физическія и нравственныя мученія, которыя перенесены имъ не только во время слѣдствія и суда, но и при отбываніи неправильно наложеннаго наказанія. Такимъ образомъ, хотя и не вполнѣ, но до извѣстной степени, зло,

порожденное судебной ошибкой, является сглаженнымъ, и самая ошибка—поправимою. Очевидно, что это можетъ быть достигаемо только лишь для лица, наказаннаго за дѣянія, болѣе или менѣе важныя, но все-таки не стоящія на самой высшей ступени въ лѣстницѣ преступленій, ибо только за сіи послѣднія преступленія допускалось и впредь предполагается къ допущенію высшее изъ наказаній, смертная казнь. Но здѣсь-то и возникаетъ вопросъ: какъ облегчить участь невинно-казненнаго?... Неправильно казненному можно возвратить все, только не жизнь!... Какой-же нравственный гнетъ будетъ тяготѣть надъ самими судьями, если послѣ казни откроется, что человѣкъ лишенъ жизни по судебной ошибкѣ? И зачѣмъ тогда въ уставѣ уголовнаго судопроизводства статьи о судебныхъ ошибкахъ, когда онѣ не могутъ быть всеобъемлющими и составлять оплотъ подсудимому, полагающему всю свою надежду на твердынѣ закона? Справедливо-ли будетъ, что великими гарантіями уголовнаго права, дарованными въ отдѣлѣ о возобновленіи слѣдствій по причинѣ судебныхъ ошибокъ,—будутъ пользоваться не всѣ осужденные и напротивъ ими не будутъ пользоваться именно тѣ, которымъ они такъ желательны, которымъ несправедливо (по судебной ошибкѣ) приписываются самыя страшныя злодѣянія и у которыхъ, наконецъ, отнимаютъ все, даже жизнь?... Законъ долженъ быть всеобщъ и безъ исключенія примѣнимъ ко всякому роду преступныхъ дѣяній. Если-же общности такого закона мѣшаетъ существованіе въ лѣстницѣ наказаній смертной казни, то сія послѣдняя кара должна быть исключена изъ этой лѣстницы; иначе пришлось-бы для частнаго случая нарушить общую идею незыблимости и равноправности закона.

Относительно смертной казни Товарищъ Предсѣдателя Плоцкаго Окружнаго Суда Павловскій замѣчаетъ, что, оцѣнивая этотъ родъ наказанія, съ какой-бы ни было точки зрѣнія: исторической, юридической, психологической и соціологической, по неволѣ приходится высказаться противъ самаго принципа смертной казни. Въ мотивахъ проекта Редакціонной Коммисіи, какъ нельзя лучше, сгруппированы и изложены всѣ данныя и доводы, говорящіе противъ этого наказанія.

Въ виду соображеній самой Редакціонной Коммисіи, основанныхъ на новѣйшихъ успѣхахъ науки, на наблюденіяхъ за постепеннымъ развитіемъ во всемъ мірѣ принциповъ гуманности, на столь ясномъ, видимомъ, проявившемся еще въ первой половинѣ XVIII столѣтія и все болѣе и болѣе осуществляемомъ стремленіи Русскихъ Самодержцевъ къ отмѣнѣ смертной казни, какъ одной изъ наитягчайшихъ карательныхъ мѣръ въ общемъ строѣ уголов-

наго правосудія, можно-ли усумниться относительно не только возможности, но даже и необходимости отмѣны этого вида наказанія?

Къ доводамъ по сему предмету Редакціонной Коммисіи г. Павловскій присовокупляетъ слѣдующее:

Смертная казнь, вошедшая въ область карательной системы всѣхъ государствъ, по освященному еще библіею ветхаго завѣта принципу возмездія (talio): глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, была мѣрою вполнѣ цѣлесообразною и соотвѣтствующею въ періодъ завязки политическихъ обществъ (государствъ), въ періодъ господствованія Гоббесовой гипотезы: bellum omnium contra omnes или Дарвиновой борьбы за существованіе, а также средневѣковой теоріи устрашенія; но впослѣдствіи, когда эти общества, озаренныя свѣтомъ христіанской любви и мира, уже образовались, устроились, обзавелись всѣмъ необходимымъ, окрѣпли и стали развиваться и шагать по пути внутренняго благосостоянія и прогресса,—смертная казнь теряла, мало по малу, свое первоначальное значеніе и цѣлесообразность.

Нынѣ, въ исходѣ XIX столѣтія, столь рѣзко отдѣлившагося развитіемъ гуманности и прогресса даже отъ предшествующаго XVIII вѣка,—смертная казнь становится противоестественнымъ и противоевангельскимъ анахронизмомъ.

Казнь эта, состоящая въ пресѣченіи существованія одного человѣческаго созданія, а говоря проще, процесса жизненныхъ его отправленій, другимъ такимъ-же созданіемъ, хотя-бы и собирательнымъ, какъ общество, представляется произвольнымъ присвоеніемъ себѣ правъ, присущихъ лишь одному Творцу—одной лишь природѣ.—Общество, могущее своимъ единицамъ даровать и ограждать личную свободу, личныя или сословныя права и преимущества, вправѣ и лишать ихъ сихъ благъ, или ограничить въ пользованіи оными навсегда или на извѣстное, опредѣленное время; оно вправѣ исключить изъ своей среды вредную единицу, вправѣ ее обезсилить, обезоружить и отнять у нея возможность вредить обществу, но едва-ли оно вправѣ отнять у этой единицы право на существованіе, жизнь ея.

На основаніи вышеизложеннаго, не прибѣгая даже къ утрированной мечтателями Дарвиновой теоріи объ атавизмѣ, оставляя въ сторонѣ всѣ доводы соціологовъ-мечтателей относительно того, что нѣтъ преступленій и преступниковъ, а есть только болѣзни и больные, нуждающіеся только въ бдительномъ леченіи и уходѣ со стороны потерпѣвшаго отъ нихъ общества, г. Павловскій высказывается положительно противъ смертной казни, признавая ее мѣрою противоестественною и анормальною.

Правда, что, по проекту Редакціонной Коммисіи, предполагается оставленіе въ уложеніи о наказаніяхъ смертной казни единственно за наиболѣе

тяжкія изъ государственныхъ преступленій, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ преступныхъ дѣяній и ставящія край, въ данную минуту, въ анормальное, исключительное положеніе, въ которомъ мѣру эту примѣняютъ не общія судебныя мѣста, а особыя, исключительныя и временныя, судилища;—но въ виду именно этой исключительности моментовъ жизни государства и соотвѣтствующихъ оной спеціальныхъ судилищъ (fora specialia), едва-ли смертная казнь должна найти мѣсто въ уложеніи о наказаніяхъ, предначертываемомъ для нормальнаго положенія края и для примѣненія общими судебными мѣстами.

Обстоятельство это подтверждается самыми мотивами проекта Редакціонной Коммисіи, изъ которыхъ видно, что въ Имперіи въ теченіе 15 лѣтъ послѣдовало 46 смертныхъ приговоровъ, приведенныхъ въ исполненіе только надъ 28 подсудимыми, въ числѣ которыхъ было по приговору Верховнаго Уголовнаго Суда 2

Особаго Присутствія Правительствующаго Сената 5

военныхъ судовъ 21

Итого 28

Изъ этого отчета по мотивамъ проекта оказывается:

что ни одного смертнаго приговора не было произнесено общими судебными учрежденіями;

что изъ числа 46 смертныхъ приговоровъ было исполнено только 28, и

что приговоры спеціальныхъ судилищъ, въ сравненіи съ приговорами однихъ военныхъ судовъ, составляютъ пропорцію 7: 21, т. е. $^1/_3$ общей цифры всѣхъ приговоровъ.

Всѣ эти выводы и цифры становятся еще рельефнѣе по отношенію къ Царству Польскому, состоящему, съ 1833 года, подъ дѣйствіемъ неотмѣненнаго до сихъ поръ и только отъ времени до времени болѣе или менѣе облегчаемаго военнаго положенія. Въ этомъ краѣ хотя и были болѣе многочисленные случаи исполненія надъ виновными смертной казни и болѣе многочисленные примѣры отмѣнившаго оную помилованія, но всѣ эти приговоры были произнесены не судебными мѣстами, а полевымъ аудиторіатомъ и исполнены по конфирмаціи ихъ въ установленномъ порядкѣ.

Если-же по проекту предполагается въ числѣ наказаній оставить смертную казнь, съ примѣненіемъ ея не общими, а какими-либо особыми спеціальными судилищами, то это можетъ имѣть даже нѣкоторое, хотя косвенное, вредное вліяніе на умы населенія, въ особенности-же на умы менѣе образованнаго класса народа.

Знаніе о существованіи въ изданномъ для общихъ судебныхъ мѣстъ законѣ правила, допускающаго смертную казнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность въ невозможности ея примѣненія тѣми-же мѣстами,—вмѣсто обузданія преступной воли темнаго народа, будетъ обнадеживать ее и вести къ ошибочному убѣжденію или въ ихъ почти безнаказанности, или-же въ безсиліи какъ закона, такъ и судовъ.

Наконецъ нельзя не замѣтить, что смерть, какъ отрицаніе жизни (*) и крайній предѣлъ всего того, чѣмъ она сопровождается, имѣетъ нѣкоторое обаяніе для многихъ несчастныхъ, которые, будучи изнурены продолжительною, непосильною и безнадежною борьбою съ неугомонною судьбою и всѣми злобами человѣческаго существованія, не ищутъ отрады и опоры въ религіи, въ добродѣтели, а, падая духомъ, ждутъ спасенія отъ смерти, съ другой стороны, представляются на столько нерѣшительными и малодушными, что не имѣютъ достаточно силы воли наложить на себя руки;—и эти-то именно несчастные бываютъ наиболѣе предрасположены къ совершенію тягчайшихъ преступленій, въ томъ убѣжденіи, что за это ихъ постигнетъ смертный приговоръ, который избавитъ ихъ, при ихъ совершенной пассивности, отъ всѣхъ невзгодъ и мученій жизни. Стало быть, для нихъ смертная казнь не угроза, а отрада и единственная цѣль ихъ стремленій. Не безъ вреднаго вліянія тоже, какъ справедливо замѣчено въ мотивахъ Редакціонной Коммисіи, для многихъ—придаваемое смертной казни, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, значеніе и обаяніе мученическаго ореола.

Резюмируя все вышесказанное, г. Павловскій находитъ, что допускаемая по проекту Редакціонной Коммисіи смертная казнь, долженствующая примѣняться лишь въ исключительныхъ обстоятельствахъ и исключительными судилищами, въ уложеніи о наказаніяхъ, издаваемомъ на случай нормальнаго положенія края и для общихъ судебныхъ установленій, сводится къ значенію несбыточной и безполезной угрозы и въ этомъ значеніи слѣдуетъ ее исключить изъ числа наказаній, чѣмъ проектъ болѣе приблизится къ осуществленію этой завѣтной, болѣе чѣмъ столѣтней, благородной и человѣколюбивой мысли Монарховъ Всероссійскихъ.

При первомъ-же разсмотрѣніи видовъ и свойствъ наказаній, устанавливаемыхъ новымъ уложеніемъ, нельзя, по мнѣнію Уральскаго Областнаго Прокурора Юнѣева, не замѣтить рѣдко бросающейся въ глаза исключительности одного изъ этихъ видовъ—смертной казни. Наказаніе это, по свойству своему,

(*) Сочин. Pompeyo Geuer, «La mort et le diable.

сравнительно со свойствами всѣхъ остальныхъ, не можетъ быть признано ступенью той лѣстницы, которую должны-бы составлять всѣ наказанія, опредѣляемыя закономъ. Оно стоитъ изолированно. Проектъ уложенія, при установленіи системы карательныхъ мѣръ, постоянно, при опредѣленіи каждаго вида наказанія, имѣетъ въ виду возможность исправиться караемому преступнику и загладить свою вину. Это особенно ясно видно изъ ст. 21, 22 и 33 и объясненій къ нимъ. Законоположеніями этими устанавливается досрочное освобожденіе преступниковъ отъ присужденныхъ имъ наказаній и даже полное прекращеніе карательныхъ послѣдствій. Такимъ образомъ, ни одинъ, даже тяжкій, преступникъ не извергается новымъ уголовнымъ закономъ навсегда изъ общества остальныхъ гражданъ, какъ было это до сего времени при наказаніяхъ уголовныхъ. Проектъ уложенія въ этомъ случаѣ, устанавливая наказанія, не отступаетъ отъ усвоеннаго въ наукѣ права ученія о цѣляхъ наказанія, ученія, коимъ признается въ наказаніи, кромѣ другихъ, и цѣль исправленія наказуемаго. Такимъ образомъ, даже съ точки зрѣнія самаго уложенія, установленіе смертной казни, какъ наказанія, не можетъ быть оправдываемо. Сама Редакціонная Коммисія, разрѣшая вопросъ о смертной казни, указала въ Объяснительной Запискѣ вполнѣ вѣскія и неопровержимыя, можно сказать, возраженія противъ этой кары. Но, независимо отъ сказаннаго, нельзя не обратить вниманія на нецѣлесообразность этого наказанія еще и потому, что оно есть наказаніе безповоротное, исключающее возможность исправленія судебной ошибки. Умертвивъ невиннаго осужденнаго, мы можемъ иногда уничтожить, вмѣстѣ съ нимъ, и средства, которыя могли-бы появиться у него для оправданія, еслибы онъ былъ живъ. Самъ осужденный скорѣе, разумѣется, чѣмъ кто-либо иной, можетъ выискать и выяснить пути къ своему оправданію, или направить вниманіе и дѣятельность другихъ въ эту сторону.

Противъ этого довода о нецѣлесообразности смертной казни въ виду безповоротности этого наказанія говорятъ, что, и при осужденіи, напр., въ каторгу, ошибка суда можетъ обнаружиться уже тогда, когда осужденный умеръ отъ трудовъ и лишеній, сопряженныхъ съ каторгой,—что такимъ образомъ, слѣдовательно, и каторга можетъ оказаться наказаніемъ безповоротнымъ. Безповоротнымъ до извѣстной степени считаютъ и всякое другое наказаніе, ибо нельзя напр. возвратить годы, потерянные въ лишеніи свободы, возвратить разстроенное этимъ лишеніемъ здоровье, уничтожить претерпѣнныя муки.

Но всѣ эти возраженія не имѣютъ за собой надлежащихъ основаній. Такъ смерть осужденнаго въ каторгу отъ трудовъ и лишеній каторги есть случай, а не установленный или предвидѣнный уголовнымъ закономъ

исходъ наказанія. Нельзя, правда, вернуть время, проведенное на каторгѣ или въ заключеніи, но возвратить свободу, вернуть съ каторги—можно.

Разрушеніе-же здоровья наказаніемъ не предполагается. Здоровье человѣка, напротивъ, и въ наказаніи, какъ видно изъ самаго уголовнаго закона (уложенія), старательно охраняется. Причиненіе мученій также не входитъ въ разсчеты уголовнаго закона при установленіи наказаній; напротивъ, вся система наказаній направлена къ избѣжанію этихъ мученій, особенно въ проектѣ новаго уложенія.

Нѣкоторыми сторонниками смертной казни, въ видѣ довода о нецѣлесообразности ея (при возможности судебной ошибки), какъ наказанія безповоротнаго, рекомендуется средство къ устраненію судебныхъ ошибокъ; средство это—хорошее устройства суда. Но средство это не всегда можетъ достигать желаемой этими сторонниками цѣли. Несомнѣнно, конечно, что лучшій судъ лучше достигаетъ цѣли правосудія, но несомнѣнно также и то, что и этотъ лучшій судъ, какъ учрежденіе все-таки человѣческое, не можетъ быть идеальнымъ, дающимъ полную гарантію противъ судебныхъ ошибокъ.

Присоединяя эти соображенія къ тѣмъ, кои имѣются въ Объясненіяхъ Редакціонной Коммисіи по вопросу о смертной казни, Уральскій Прокуроръ Юнѣевъ приходитъ къ заключенію, что смертная казнь должна быть исключена изъ числа наказаній, устанавливаемыхъ уложеніемъ.

Предсѣдатель Казанскаго Окружнаго Суда Грассъ, Членъ того-же Суда Дьяченко и Присяжный Повѣренный Степановъ замѣчаютъ, что составители проекта, категорически доказавъ въ своемъ обстоятельномъ Объясненіи всю несостоятельность наказанія смертью съ точки зрѣнія юридической и исторической, оставили вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни открытымъ, предоставивъ разрѣшеніе его благоусмотрѣнію Государственнаго Совѣта. Тѣмъ не менѣе, наказаніе это послѣдовательно фигурируетъ во всемъ проектѣ. Названнымъ лицамъ кажется, что исторія и статистика неопровержимо устанавливаютъ тотъ фактъ, что смертная казнь есть наказаніе, не выдерживающее юридической критики. Если всѣ европейскія законодательства послѣдовательно ограничиваютъ число преступленій, влекущихъ за собою смертную казнь; если случаи примѣненія смертной казни на Западѣ повторяются все рѣже и рѣже, то тѣмъ болѣе наказаніе это рѣшительно не имѣетъ своего raison d'être въ нашемъ отечествѣ, оно не соотвѣтствуетъ духу русскаго народа, въ глазахъ котораго мученичество и смерть вызываютъ только сочувствіе къ жертвѣ; оно-же не вытекаетъ изъ прошлой жизни русскаго народа. Не даромъ уже со временъ Императрицы Елизаветы смертная казнь существо-

вала лишь въ отношеніи государственныхъ преступленій, какъ мѣра исключительная, чрезвычайная. Наше уложеніе о наказаніяхъ до сихъ поръ не примѣняетъ смертной казни къ преступленіямъ общимъ (исключая нарушеній карантиннаго устава), а исторія примѣненія смертной казни по политическимъ преступленіямъ указываетъ на то, что наказаніе смертью есть явленіе совершенно исключительное. Если законодательства иностранныхъ цивилизованныхъ государствъ постепенно стремятся къ уничтоженію смертной казни, или, вѣрнѣе, къ возможному ограниченію ея примѣненія, то особенно мы, русскіе, изстари не сочувствовавшіе этой страшной легальной карѣ, должны вовсе выбросить ее изъ лѣстницы наказаній. Если и существуютъ въ высшихъ слояхъ русскаго общества защитники смертной казни, то мнѣніе это частью навѣяно практикою Западной Европы, а частью сознаніемъ неудовлетворительнаго состоянія нашей каторги.

При правильномъ устройствѣ послѣдней, лицъ, защищающихъ смертную казнь, будетъ все меньше и меньше. Исходя изъ тѣхъ-же основаній, какъ и Коммисія, составлявшая «проектъ», гг. Грассъ, Дьяченко и Степановъ позволяютъ себѣ подать голосъ противъ помѣщенія смертной казни въ лѣстницу наказаній.

Товарищъ Предсѣдателя Казанскаго Окружнаго Суда Пашковскій находитъ, что соображенія Коммисіи о непригодности смертной казни, какъ наказанія, настолько убѣдительны, что къ оставленію засимъ этого рода наказанія въ проектѣ уже не представляется основаній. Если проектируемое уложеніе получитъ надлежащую санкцію, то оно будетъ едва-ли не совершеннѣйшимъ современнымъ уголовнымъ кодексомъ, именно благодаря составителямъ онаго, не затруднившимся очистить нынѣ дѣйствующее уложеніе отъ всего излишняго, отжившаго; исключеніе смертной казни только еще болѣе украситъ проектъ.

Чины Владикавказскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что, по свидѣтельству людей, посвятившихъ свою жизнь улучшенію тюремной системы и сношенію съ заключенными, нѣтъ преступника, который-бы не оказался доступнымъ къ исправленію. Между тѣмъ смертная казнь не даетъ возможности преступнику исправиться,—хотя, по справедливости, исправленіе преступника путемъ нравственнаго вліянія должно быть главною заботою правительства и общества.

Всѣ извѣстные криминалисты единогласно признаютъ, что наказаніе должно быть доступно отмѣняемости. Такое требованіе основано на томъ соображе-

ніи, что, какъ-бы ни было совершенно организовано отправленіе правосудія, возможны судебныя ошибки, чему служатъ доказательствомъ многочисленныя казни невинныхъ въ судебной практикѣ англійской, французской и прусской. Такимъ образомъ, въ виду погрѣшности человѣка съ одной стороны, и невозможности исправить зло, въ случаѣ доказанности судебной ошибки, съ другой, желательно было-бы совершенное исключеніе смертной казни изъ списка уголовныхъ наказаній. Положеніе судей, участвующихъ въ разсмотрѣніи дѣлъ, по которымъ подсудимымъ угрожаетъ смертная казнь, должно быть признано крайне тяжелымъ. Страхъ осудить невиннаго долженъ неминуемо повліять на увеличеніе числа оправдательныхъ приговоровъ.

Чины Эриванскаго Окружнаго Суда находятъ, что въ Объяснительной Запискѣ Редакціонной Коммисіи чрезвычайно краснорѣчиво сведены въ одно стройное цѣлое многія возраженія, существующія противъ удержанія въ уголовномъ кодексѣ смертной казни; въ проектъ это наказаніе внесено лишь потому, что окончательное рѣшеніе вопроса объ отмѣнѣ или-же удержаніи смертной казни въ уложеніи Коммисія предоставляетъ Государственному Совѣту. Къ возраженіямъ, приведеннымъ въ Объяснительной Запискѣ противъ смертной казни, трудно прибавить что-либо новое,—о чемъ не было-бы говорено множество разъ и криминалистами, и моралистами, и философами. Вотъ почему, считая излишнимъ приводить еще что-либо въ возраженіе противъ удержанія смертной казни, чины Эриванскаго Окружнаго Суда признаютъ своимъ долгомъ заявить себя безусловными сторонниками указанныхъ въ Объяснительной Запискѣ доводовъ противъ этого наказанія.

Соглашаясь вполнѣ съ доводами Редакціонной Коммисіи о нецѣлесообразности смертной казни, Предсѣдатель Кутаисскаго Окружнаго Суда Кайтмазовъ считаетъ необходимымъ замѣтить, что эта карательная мѣра представляется вопіющею несправедливостію въ виду судебныхъ ошибокъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ смерть невиннаго. Данныя судебной практики свидѣтельствуютъ, что, какъ-бы хорошо ни былъ устроенъ судъ, какими-бы гарантіями онъ ни былъ обставленъ, судъ, какъ произведеніе рукъ человѣческихъ, не можетъ избѣжать ошибокъ. Поэтому, въ интересахъ правосудія и справедливости, слѣдовало-бы исключить смертную казнь изъ лѣстницы наказаній.

Чины прокуротуры Казанской Судебной Палаты присоединяются къ пожеланіямъ членовъ Редакціонной Коммисіи объ исключеніи смертной казни изъ лѣстницы наказаній по основаніямъ, приведеннымъ въ трудахъ Коммисіи.

При обсужденіи проекта въ совѣщаніи чиновъ Смоленскаго Окружнаго Суда, всѣ присутствовавшіе въ совѣщаніи единогласно высказались, что смертную казнь было-бы благовременно вовсе исключить изъ лѣстницы наказаній, такъ-какъ эта уголовная кара вполнѣ осуждена наукою, въ лицѣ извѣстнѣйшихъ криминалистовъ Европы, совершенно затѣмъ отмѣнена въ нѣкоторыхъ новыхъ уголовныхъ кодексахъ и, наконецъ, какъ можно судить по статистическимъ даннымъ, весьма рѣдко примѣняется на практикѣ въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ законъ о смертной казни продолжаетъ еще оставаться дѣйствующимъ закономъ.

Предсѣдатель Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Бартеневъ признаетъ, что въ проектѣ будущихъ законоположеній должны быть выражены тѣ выводы, къ коимъ пришла Коммисія. Исходя изъ этого основанія, онъ находитъ, что, если Коммисія въ принципѣ признала, на основаніи соображеній, изложенныхъ въ Объяснительной ея Запискѣ, съ коими нельзя не согласиться, что смертная казнь не должна быть упомянута въ лѣстницѣ наказаній, то ее и не слѣдуетъ помѣщать въ проектѣ,—и если присутствіе этого рода наказанія можетъ быть признано въ послѣдующемъ движеніи этого акта, то о немъ можетъ быть лишь упомянуто въ соображеніяхъ Коммисіи, но не въ редактированной статьѣ проекта, а потому смертная казнь должна быть исключена изъ него.

По мнѣнію Воронежскаго Окружнаго Суда, смертная казнь должна быть исключена изъ числа наказаній. Основанія къ такому заключенію, между прочимъ, изложены Редакціонной Коммисіей въ Объясненіяхъ къ проекту уложенія и настолько подробно разработаны юридическою литературою, что не представляется надобности въ повтореніи доводовъ за отмѣну этого наказанія. Не лишне, однако, замѣтить, что такимъ главнѣйшимъ доводомъ служитъ—невозможность исправленія судебной ошибки и безцѣльность этого наказанія, какъ способа предупрежденія преступленій устрашеніемъ; послѣдній доводъ въ особенности рѣзко подтверждается уголовною практикою послѣдняго времени, гдѣ преступники, совершая преступленія, за которыя грозила смертная казнь, явно пренебрегали этой угрозой; безсрочная каторжная работа,

не лишая человѣка жизни, во всѣхъ отношеніяхъ и вполнѣ достигаетъ цѣли наказанія за самыя тяжкія преступленія.

На основаніи соображеній, изложенныхъ Редакціонной Коммисіей въ ея Объясненіяхъ, и того научнаго положенія, что наказаніе, по природѣ своей, должно быть вознаградимо, дабы оно, въ случаѣ судебной ошибки, могло быть исправлено и даже уничтожено, Членъ Нѣжинскаго Окружнаго Суда Каменцовъ полагалъ-бы исключить смертную казнь изъ списка уголовныхъ наказаній, налагаемыхъ по общимъ законамъ.

Прокуратура Сарапульскаго Окружнаго Суда находитъ, что, согласно съ мнѣніемъ Редакціонной Коммисіи, признающей несостоятельность смертной казни и безсрочной каторжной работы, желательно было-бы, ставъ на уровень современной уголовной науки и взглядовъ большинства просвѣщенныхъ государствъ, совершенно исключить изъ уголовнаго кодекса эти наказанія или ограничить ихъ «чрезвычайными случаями», замѣнивъ смертную казнь «чрезъ повѣшеніе» инымъ способомъ, который-бы, въ лицѣ повѣшеннаго (удавленнаго), не унижалъ человѣческое достоинство вообще.

По мнѣнію Симферопольскаго Окружнаго Суда, смертная казнь должна быть вычеркнута изъ уголовнаго уложенія по основаніямъ, изложеннымъ подробно въ Объясненіяхъ Коммисіи, и согласно началамъ уголовнаго права.

Томскій Губернскій Прокуроръ Соинъ признавалъ-бы желательнымъ упразднить изъ лѣстницы наказаній смертную казнь, по тѣмъ общественнымъ основаніямъ, которыя разработаны подробно какъ въ иностранной, такъ и въ нашей отечественной литературѣ по этому вопросу.

Чины прокурорскаго надзора Череповецкаго Окружнаго Суда указываютъ, что Коммисія, сознавая справедливость и необходимость совершенной отмѣны смертной казни, тѣмъ не менѣе вводитъ ее въ лѣстницу наказаній, признавая за ней, кромѣ стороны юридической, еще и сторону политическую, и предоставляя оставленіе ея или исключеніе изъ числа наказаній усмотрѣнію Государственнаго Совѣта. Если, по соображеніямъ практическимъ, смертная казнь иногда и можетъ быть нужной, то во всякомъ случаѣ не слѣдовало-бы включать ее въ проектъ уложенія и оставить въ видѣ мѣры исклю-

чительной, принимаемой въ отдѣльныхъ случаяхъ, а тѣмъ болѣе не включать ее условно, какъ это сдѣлано Редакціонной Коммисіей.

Не вдаваясь въ разборъ ученій лицъ, стоящихъ за и противъ смертной казни, чины Псковской прокуратуры признаютъ, что соображенія Коммисіи, изложенныя въ Объяснительной Запискѣ, настолько вѣски, что, въ виду только этихъ соображеній, смертная казнь должна быть исключена изъ числа наказаній.

Статья 14—19.

По замѣчанію Профессора Гейера, проектъ дѣлаетъ значительный шагъ впередъ по тернистому пути въ третьей главѣ, говорящей о наказаніяхъ, правильно оцѣнить которую даютъ возможность прекрасныя и поучительныя «Объясненія». Онъ останавливается лишь вкратцѣ на пунктахъ, возбуждающихъ въ немъ сомнѣніе.

Одинъ изъ нихъ касается заточенія, которое, представлялось вообще, подобно заключенію въ крѣпость нѣмецкаго права или государственной тюрьмѣ венгерскаго уголовнаго уложенія и австрійскаго проекта, какъ-бы параллельнымъ наказаніемъ прочимъ видамъ лишенія свободы (за исключеніемъ, быть можетъ, ареста), должно примѣняться въ тѣхъ случаяхъ, когда, «по мотивамъ даннаго дѣянія, поступокъ виновнаго не указываетъ на его безчестность» (стр. 63) въ видѣ «custodia honesta». Но для придачи этого характера заточенію въ дѣйствительности и для того, чтобы сдѣлать его примѣнимымъ, по возможности, во всѣхъ случаяхъ, требуется двоякое:

1) высшій размѣръ срока заточенія долженъ доходить до «безсрочнаго» времени или, по крайней мѣрѣ, до пятнадцати лѣтъ, подобно каторгѣ;

2) съ нимъ не должны соединяться: ни принудительная работа (даже и въ объемѣ, опредѣляемомъ 3 частью ст. 15), ни, въ особенности, лишеніе означенныхъ въ статьяхъ 25 и 27 правъ. Ничего нельзя возразить лишь противъ постановленія 2 части статьи 28 (по которому, во время отбыванія заточенія, не могутъ быть носимы знаки отличія); представляется также умѣстнымъ допустить здѣсь лишеніе занимаемыхъ публичныхъ должностей и правъ, пріобрѣтенныхъ публичными выборами, подобно тому, какъ это постановляетъ германское уложеніе при «custodia honesta» въ примѣненіи къ государственной и земской измѣнѣ (ср. 3 часть § 81, 3 часть § 83, 3 часть

§ 87, 4 часть § 88, 2 часть § 89, 3 часть § 90 германскаго уголовнаго уложенія).

Изъ «Объясненій» становятся вполнѣ ясными трудности, сопряженныя именно въ Россіи съ проведеніемъ правильной системы наказаній, которая осуществляла-бы справедливость, безъ уклоненій въ сторону чрезмѣрной строгости или излишней мягкости. Да исполнятся въ скорости надежды, возлагаемыя Коммисіею на преобразованіе тюремнаго дѣла! Конечно и въ Россіи наказанія лишеніемъ свободы будутъ все болѣе выступать на первый планъ и постепенно совсѣмъ вытѣснятъ неисчислимое въ своихъ послѣдствіяхъ наказаніе ссылки.

Профессоръ Вальбергъ вполнѣ цѣнитъ важное достоинство постановленій статей 15, 17, 18 и 19, которыя ариѳметически опредѣляютъ обращаемый въ пользу заключенныхъ доходъ отъ ихъ работъ и тѣмъ даютъ имъ возможность знать ихъ законныя требованія. Однако, при измѣнчивости количества чистаго дохода отъ работъ заключенныхъ, при трудности дать соотвѣтствующую и оплачиваемую работу всѣмъ содержащимся въ мѣстахъ заключенія, особенно-же при прекращеніи работъ или сбыта ихъ продуктовъ, легко можетъ случиться, что опредѣленное закономъ вознагражденіе за работы заключенныхъ будетъ болѣе или менѣе неравнымъ тому, которое предполагалось законодателемъ. Если-же при этомъ вознагражденіе заключенныхъ будетъ опредѣлено третями и половинами чистаго дохода отъ ихъ работъ, то, въ случаѣ измѣненія экономическихъ отношеній труда, эти опредѣленія должны быть вновь измѣнены дополнительнымъ закономъ, проведеніе котораго нерѣдко сопряжено съ медленностью и затрудненіями. Во всякомъ случаѣ, стремленіе обезпечить заключеннымъ законное право на вознагражденіе за работы заслуживаетъ полнаго сочувствія.

Профессоръ Лукини полагаетъ, что предполагаемая проектомъ система наказаній лишеніемъ свободы не обѣщаетъ значительнаго прогресса тюремной реформѣ въ Россіи. Но она вполнѣ логична и послѣдовательна при своей драконовской жестокости. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, заботиться о будущности преступника, когда за тяжкими наказаніями слѣдуетъ вѣчное поселеніе? Правда, еще остается огромная армія малолѣтныхъ преступниковъ. Но и въ этомъ отношеніи Коммисія, составившая проектъ, повидимому пришла, на основаніи своихъ изслѣдованій, къ убѣжденію, что на государство отнюдь не падаетъ излишняя для него гражданская и экономическая отвѣтственность

вслѣдствіе общей проскрипціи преступниковъ и что именно такимъ образомъ будетъ создана дѣйствительная преграда для тяжкихъ преступленій, а въ отношеніи поведенія массъ и мелкихъ преступниковъ будетъ осуществляться соотвѣтствующій нравственный контроль.

Признавая основательность взгляда Редакціонной Коммисіи, что въ уложеніи должна быть означена только юридическая сущность каждаго изъ видовъ наказанія лишеніемъ свободы, Варшавскій Профессоръ Миклашевскій обращаетъ вниманіе на указанные ею существенные элементы, а именно:

1) обязательность работъ,

2) ихъ публичность

и 3) размѣръ вознагражденія.

ад. 1) Въ основаніе системы наказаній лишеніемъ свободы совершенно справедливо положено стремленіе къ исправленію преступниковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что одно изъ самыхъ важныхъ средствъ къ осуществленію этого стремленія составляетъ *правильно организованный, полезный вообще и для арестанта посильный, осмысленный трудъ*. Сообразуясь съ видами этихъ наказаній, можно устепенить трудъ двумя признаками: тяжестью и обязательностью работъ.

Тяжесть работъ зависитъ отъ самыхъ разнообразныхъ условій, между которыми и индивидуальность работника немаловажна, а потому устепенить тюремный трудъ по тяжести нельзя въ уложеніи, но только въ надлежащихъ законоположеніяхъ, ограничиваясь въ уложеніи указаніемъ, что на каторгѣ работы должны быть тяжелыя, какъ это сдѣлалъ проектъ въ ст. 14.

Обязательность работъ исключаетъ устепененіе, ибо дозволяетъ предполагать только исключеніе обязательности работъ, т. е. возможность ничего не дѣлать,—или разрѣшеніе заниматься работами по собственному выбору арестанта, насколько естественно выборъ его не противорѣчитъ тюремной дисциплинѣ,—или наконецъ обязательность работъ по назначенію администраціи, въ нѣкоторые или всѣ будничные дни. *Первое* предположеніе совершенно противно пенитенціарной системѣ, въ настоящемъ ея значеніи, и допустимо въ благоустроенныхъ тюрьмахъ единственно въ отношеніи столь краткосрочнаго заключенія, что и само пристроеніе заключеннаго къ работѣ оказывается едва возможнымъ. Крайнимъ предѣломъ для исключенія обязательности работъ, съ точки зрѣнія г. Миклашевскаго, слѣдовало-бы назначить трехдневное заключеніе. *Второе* предположеніе свойственно только краткосрочнымъ тюрьмамъ, при нестрогомъ въ нихъ режимѣ, и потому можетъ быть осуществимо, согласно проекту, въ арестахъ. Во всѣхъ-же прочихъ

видахъ наказанія лишеніемъ свободы, необходимо примѣнять послѣднее предположеніе, устепеняя работы ихъ тяжестью и продолжительностью. Такъ какъ трудъ составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ средствъ воздѣйствія на арестанта, то ограниченіе работъ только нѣкоторыми днями въ недѣлѣ не можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія пенитенціарной системы, а потому и примѣняемо внѣ низшихъ видовъ наказанія лишеніемъ свободы.

Вслѣдствіе этого Профессоръ Миклашевскій находитъ непонятнымъ, отчего проектъ въ 15 ст. предполагаетъ дозволить заточеннымъ на срокъ не свыше шести лѣтъ заниматься работами по ихъ выбору. Указанія въ Объяснительной Запискѣ (стр. 62) не содержатъ никакого оправданія этого отступленія отъ общихъ началъ, и если-бы даже заточеніе признавалось наказаніемъ параллельнымъ съ каторгою, исправительнымъ домомъ и тюрьмою, то и тогда работы заточенныхъ должны быть обязательны, такъ-какъ работы по выбору допускаются только при заключеніи въ арестѣ. Безчестность или небезчестность проступка виновнаго не можетъ тоже имѣть вліянія на обязательность работъ, развѣ лишь на родъ работъ, но назначеніе послѣдняго зависитъ отъ администраціи съ единственнымъ ограниченіемъ, что работы эти не должны быть тяжкія.—Если-же проектъ имѣлъ въ виду особые виды преступленій и желалъ въ заточеніи на срокъ отъ двухъ недѣль до шести лѣтъ видѣть исключительный видъ наказанія, то онъ долженъ былъ выдѣлить оное совершенно, а самое заключеніе на срокъ не свыше шести лѣтъ опредѣлить яснѣе и точнѣе.

ад. 2) Общественныя работы, внѣ тюремнаго помѣщенія, возможны и полезны только въ каторжныхъ тюрьмахъ, которыя предполагаются въ пустопорожнихъ, ненаселенныхъ пространствахъ, и потому, въ виду ссылки въ Объяснительной Запискѣ (стр. 65) на журналъ Коммисіи Государственнаго Совѣта (№ 3, стр. 20), непонятно, отчего проектъ съ ст. 17 предполагаетъ занимать приговоренныхъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ общественными работами внѣ помѣщенія. Если имѣются въ виду работы земледѣльческія или огородныя и въ устроенныхъ для этого фермахъ, что, по мнѣнію Профессора Миклашевскаго, въ виду многочисленности крестьянскаго населенія въ тюрьмахъ, малаго вообще подготовленія къ раціональному веденію хлѣбопашества, легкости и дешевизны устройства земледѣльческихъ и огородничьихъ фермъ, сбереженій на содержаніе арестантовъ, доставляющихъ своимъ трудомъ значительную долю продовольствія на свое содержаніе, и преимущественно въ виду весьма исправительнаго вліянія осмысленнаго веденія такихъ работъ и самыхъ лучшихъ гигіеническихъ условій, какія онѣ доставляютъ, не только въ высшей степени желательно, но и необходимо,—то объ общественныхъ работахъ не должно быть и рѣчи. Если же

предполагаются дѣйствительно общественныя работы, то непонятно, какимъ образомъ при оныхъ можетъ быть преслѣдуема цѣль исправленія, а она однако лежитъ въ основаніи системы наказаній, опредѣленной въ проектѣ.

Вслѣдствіе того онъ полагалъ бы, что въ 17 ст. проекта слова: «приговоренные занимаются работами въ самомъ помѣщеніи, а лица мужескаго пола и общественными работами, внѣ помѣщенія, но во всякомъ случаѣ отдѣльно отъ свободныхъ рабочихъ», должны быть замѣнены словами:

«*Приговоренные занимаются работами въ самомъ помѣщеніи или въ устроенныхъ для сего фермахъ*».

ад. 3) Вопросъ о томъ, имѣетъ-ли арестантъ право на вознагражденіе за свой трудъ во время пребыванія въ тюрьмѣ, можетъ быть рѣшаемъ различно. Руководствуясь общимъ экономическимъ началомъ, что трудъ вознаграждается, можно-бы полагать, что и трудящійся арестантъ имѣетъ право на заработокъ. Соображая однако, что наказаніе есть лишеніе или ограниченіе извѣстныхъ правъ, къ которымъ можетъ быть отнесено и право на заработки; что заработывающій на свободѣ долженъ на свои заработки содержаться, между тѣмъ какъ арестантъ получаетъ полное содержаніе на счетъ казны, и потому справедливо, чтобы онъ своимъ трудомъ покрывалъ хотя часть издержекъ на свое содержаніе въ тюрьмѣ; что тюремный трудъ и тюремное производство всегда оплачивается несравненно дешевле, чѣмъ производство свободное, и, по затрудненію сбыта, издержкамъ на транспортъ и проч., приноситъ очень незначительный чистый доходъ; что многія изъ исполняемыхъ арестантами въ тюрьмахъ работъ не могутъ быть разсчитаны на чистый личный доходъ и вообще чистый доходъ можетъ быть получаемъ только отъ проданныхъ издѣлій арестантовъ; что разсчетъ чистаго дохода, получаемаго отъ труда каждаго арестанта, вызываетъ весьма сложное счетоводство, которое указываетъ или самую ничтожную сумму заработковъ, или-же обремеияетъ тюремное производство новыми издержками; соображая, наконецъ, что такой разсчетъ вызываетъ постоянныя недоразумѣнія между арестантами и производящею разсчетъ администраціею и подрываетъ то довѣріе, которое является самымъ первымъ условіемъ нравственнаго вліянія тюремной администраціи на арестантовъ,—слѣдуетъ прійти къ отрицательному рѣшенію этого вопроса.

Отказавшись отъ выдачи арестантамъ заработковъ полностью или въ извѣстной долѣ, г. Миклашевскій не только не отрицаетъ, но даже считаетъ необходимымъ выдавать арестантамъ *денежныя награды* за ихъ трудъ, обусловливая оныя хорошимъ поведеніемъ. Такія награды имѣютъ двойную цѣль:

а) дать арестанту возможность собрать во время пребыванія въ тюрьмѣ

хотя незначительную сумму на первыя потребности послѣ оставленія тюрьмы, до пріисканія подходящаго заработка;

б) весьма существенное пенитенціарное средство для поощренія къ трудолюбію и хорошему поведенію.

Денежныя награды устраняютъ всѣ практическія затрудненія при разсчетѣ и опредѣленіи заработковъ, могутъ быть устепенены не только сообразно продуктивной силѣ арестанта, но и другимъ пенитенціарнымъ условіямъ и указаніямъ, и, при правильномъ веденіи тюремной продукціи, не обременятъ бюджета казны, а могутъ доставлять арестантамъ:

а) возможность помогать своей семьѣ, оставшейся на свободѣ;

б) возможность собрать необходимую на первыхъ порахъ, послѣ выпущенія изъ тюрьмы, сумму для пріисканія мѣста или, вообще, средствъ къ существованію.

Вслѣдствіе сказаннаго г. Миклашевскій полагалъ-бы, что вопросъ о вознагражденіи за трудъ арестантовъ долженъ быть вполнѣ исключенъ изъ уложенія, а разработанъ, какъ одно изъ пенитенціарныхъ средствъ награжденія за трудъ и хорошее поведеніе арестантовъ, въ тюремномъ уставѣ.

Во всякомъ случаѣ онъ полагаетъ, что выраженіе: «*чистаго дохода отъ работъ*», причинитъ неимовѣрныя затрудненія на практикѣ, заведетъ громадное счетоводство, постоянныя недоразумѣнія между арестантами и производящими разсчетъ и, во многихъ случаяхъ, лишитъ возможности достигнуть указанной выше цѣли выдачи денежныхъ наградъ, преимущественно—первой. Кромѣ того, выраженіе «*чистый доходъ*» неясно; имѣется-ли въ виду вычетъ изъ полученной за продукты суммы только стоимости матеріала и порчи употребленныхъ для выдѣлки инструментовъ, или и подходящую долю содержанія веркюрера, или-же и содержаніе работника, и въ какомъ объемѣ?

Становясь на почву проекта, г. Миклашевскій не понимаетъ, отчего заточенные на срокъ не свыше шести лѣтъ, наравнѣ съ содержимыми подъ арестомъ, должны получать полный чистый доходъ отъ ихъ работъ, заточенные на срокъ свыше 6 лѣтъ—$^2/_3$ дохода, заключенные въ тюрьмѣ только—$^1/_2$, въ исправительномъ домѣ только—$^1/_3$, а каторжники не должны получать ничего? Если заточеніе, по словамъ Объяснительной Записки, является наказаніемъ, параллельнымъ съ каторгою, исправительнымъ домомъ и тюрьмою, то и вознагражденіе за трудъ должно быть тоже соразмѣрное. Столь значительная привилегія заточенныхъ, даже приговоренныхъ на срокъ свыше 6 лѣтъ, въ сравненіи съ заключенными въ тюрьмѣ и съ каторжниками, не можетъ быть оправдана; облегчать-же строгость наказанія долею признаваемаго заработка нѣтъ никакой возможности.

Съ своей стороны г. Миклашевскій считаетъ, что вознагражденіе за трудъ вообще, оставляя въ сторонѣ требованія пенитенціарной системы, должно сообразоваться:

а) съ производительностью работъ;

б) съ потребностями выходящаго изъ тюремнаго заключенія, вызываемыми затрудненіями въ его общественномъ положеніи вслѣдствіе того, что онъ отбылъ извѣстнаго рода наказаніе;

в) съ продолжительностью заключенія;

г) со строгостью наказанія.

Итогъ этихъ условій долженъ состоять въ предоставленіи возможности трудолюбивому арестанту получить, при выходѣ изъ тюрьмы, соотвѣтственную сумму на первыя его потребности, а при долгосрочномъ заключеніи—и на обзаведеніе себя на свободѣ такъ, дабы онъ честнымъ трудомъ могъ зарабатывать на свое содержаніе. Опредѣлить подробности надлежаще можно только въ тюремномъ уставѣ; если же было бы признано необходимымъ поставить норму въ самомъ уложеніи, то, выражая полную сумму въ 1, слѣдовало-бы содержимымъ въ арестѣ, въ виду краткосрочности, признать 1, содержимымъ въ тюрьмѣ и заточеніи до 2-хъ лѣтъ—$^1/_2$, содержимымъ въ исправительномъ домѣ и заточеніи до 6 лѣтъ—$^1/_3$, содержимымъ въ заточеніи свыше шести лѣтъ—$^1/_4$, а каторжникамъ—$^1/_6$.

Лишеніе каторжниковъ права на заработки или, по предположенію г. Миклашевскаго, на денежныя награды, въ виду признанія этого права за другими осужденными, для него вполнѣ непонятно. Въ Объяснительной Запискѣ (стр. 62) говорится объ обзаведеніи поселяемыхъ каторжниковъ; признается, вслѣдствіе того, необходимымъ дать имъ возможность существованія по отбытіи наказанія на каторгѣ. Не правильнѣе-ли, признавая за ними, наравнѣ съ другими, право на заработки (мы всегда даемъ преимущество денежнымъ наградамъ), обезпечить имъ возможность обзавестись, послѣ отбытія каторги, на свои мѣдные гроши; вѣдь это сильно подѣйствуетъ на ихъ нравственное исправленіе, освободитъ казну отъ большей части непроизводительныхъ издержекъ, а обществу доставитъ людей, которые будутъ содержаться на свои сбереженія и свой трудъ, а не на подаянія, хотя-бы и казенныя. Обзаведеніе, о которомъ идетъ рѣчь въ Объяснительной Запискѣ, могло-бы быть необходимымъ только въ отношеніи престарѣлыхъ, больныхъ и вообще тѣхъ, которые не были въ состояніи скопить достаточной суммы сбереженій.

Профессоръ Будзинскій замѣчаетъ, что предполагаемые Коммисіею 4 вида заключенія вѣроятно будутъ существовать на бумагѣ, а въ дѣйстви-

тельности они будутъ сведены къ двумъ видамъ. Совершенно достаточно ограничиться (какъ въ нидерландскомъ уложеніи) двумя видами заключенія, тюрьмою и арестомъ, изъ которыхъ первая можетъ быть соединена съ ограниченіемъ правъ.

Профессоръ Тальбергъ замѣчаетъ, что установленныя въ уголовномъ законѣ наказанія, въ интересахъ правосудія, должны различаться не только по свойству преступныхъ дѣяній и размѣрамъ произведеннаго ими правонарушенія, но также по степени виновности субъекта преступленія. Отсюда вытекаетъ необходимость извѣстнаго разнообразія въ системѣ наказаній и установленія различныхъ степеней въ одномъ и томъ-же родѣ наказанія. Опредѣленіе степени наказанія находится въ зависимости отъ признанія большей или меньшей степени виновности, которая бываетъ крайне разнообразна въ каждомъ конкретномъ случаѣ преступнаго дѣйствія, а потому въ наше время можно считать вполнѣ установившимся положеніе, что опредѣленіе степени наказанія—дѣло внутренняго убѣжденія судьи. Съ этой стороны, задача современнаго законодателя ограничивается лишь опредѣленіемъ высшаго и низшаго размѣра наказанія за то или другое преступное дѣйствіе. Въ иномъ положеніи находится вопросъ о томъ, какіе виды наказаній установить въ уголовномъ кодексѣ, на какія преступныя дѣянія распространить дѣйствіе того или другаго наказанія, дабы при этомъ сохранить соразмѣрность уголовной кары со свойствомъ и природою извѣстнаго правонарушенія. Удовлетворительное разрѣшеніе этого вопроса нѣсколько облегчается въ настоящее время, при господствѣ въ системѣ наказаній современныхъ кодексовъ *лишенія свободы*; это наказаніе, по суммѣ связанныхъ съ нимъ лишеній и ограниченій правъ личности, представляетъ возможность наибольшаго разнообразія видовъ, но здѣсь необходимо соблюсти извѣстныя границы, такъ-какъ нарушеніе мѣры въ настоящемъ случаѣ, т. е. установленіе большаго числа различныхъ видовъ лишенія свободы значительно усложняетъ задачу государства по исполненію наказаній и, въ то же время, затрудняетъ выполненіе того, вполнѣ раціональнаго, требованія уголовной политики, по которому всякое наказаніе, чтобы быть дѣйствительнымъ, должно имѣть опредѣленный, ясный для всякаго характеръ, что достигается установленіемъ немногихъ, но рѣзко отличающихся одно отъ другаго видовъ лишенія свободы. Такимъ образомъ соблюденіе должной мѣры въ разнообразіи уголовныхъ каръ, отсутствіе опредѣленныхъ въ законѣ степеней одного и того-же рода наказанія, послѣдовательное проведеніе извѣстныхъ, выработанныхъ наукою и законодательною практикою, общихъ началъ права, наконецъ опредѣленность, законченность

въ характеристикѣ свойствъ каждаго отдѣльнаго вида наказанія—таковы тѣ требованія, которыя могутъ быть выставлены по отношенію къ системѣ наказаній въ томъ или другомъ уголовномъ кодексѣ. Съ точки зрѣнія указанныхъ требованій, проектъ оставляетъ немногаго желать. Отбросивъ существующее въ дѣйствующемъ правѣ дѣленіе наказаній на уголовныя и исправительныя, различіе между наказаніями для лицъ привилегированныхъ и непривилегированныхъ, а равно дѣленіе наказаній на общія, особенныя и исключительныя; выбросивъ изъ системы проектируемаго уложенія такія, лишенныя практическаго значенія, наказанія, какъ смирительные и рабочіе дома, или церковное покаяніе, а также выговоръ, замѣчаніе и внушеніе, или такія неумѣстныя въ уголовномъ кодексѣ мѣры, какъ дисциплинарныя за нарушенія по службѣ взысканія; наконецъ, уничтоживъ дѣленіе наказаній по степенямъ,—Редакціонная Коммисія устанавливаетъ въ проектѣ систему наказаній, которая, при отсутствіи сложности, при опредѣленности въ характеристикѣ каждаго отдѣльнаго вида наказанія, вполнѣ отвѣчаетъ самымъ строгимъ требованіямъ науки и современной законодательной практики. Наказанія раздѣляются на *главныя* и *дополнительныя*; къ первымъ относятся смертная казнь, заточеніе, поселеніе, исправительный домъ, тюрьма, арестъ и денежная пеня, ко вторымъ—лишеніе правъ, отдача подъ надзоръ полиціи, опубликованіе приговора и отобраніе вещей. За исключеніемъ смертной казни и денежной пени, вся система главныхъ наказаній выражается въ различныхъ видахъ лишенія свободы. Сравнительно съ другими дѣйствующими кодексами на Западѣ, разнообразіе видовъ лишенія свободы въ проектѣ значительное; въ то время какъ въ общегерманскомъ уложеніи 1871 г. и въ проектѣ австрійскаго уложенія 1881 г. установлено всего четыре вида лишенія свободы (*), въ проектѣ Редакціонной Коммисіи число ихъ доходитъ до шести, а именно: каторга, заточеніе, поселеніе, исправительный домъ, тюрьма и арестъ. Но едва-ли проектъ Коммисіи заслуживаетъ упрека въ многообразіи видовъ лишенія свободы. Если въ системѣ наказаній проекта и большее число видовъ лишенія свободы, чѣмъ на Западѣ, то это объясняется исключительными особенностями отечественнаго законодательства и, такъ-сказать, территоріальными условіями Россіи. Отсутствіе въ нашемъ законодательствѣ смертной казни за такъ-называемыя общія преступленія вызываетъ необходимость созданія особаго вида наказанія съ болѣе суровыми формами, нежели Zuchthaus въ Германіи и Австріи; если къ этому прибавить, что каторжныя

(*) Впрочемъ, въ проектѣ итальянскаго кодекса установлено было 7 видовъ лишенія свободы, что вызываетъ удивленіе Тальберга. См. Handbuch des deutschen Strafrechts, herausg. v. Holtzendorff, 2 Bd., 5. 478.

тюрьмы предполагается устраивать преимущественно въ Восточной Сибири (*), то соединеніе въ одной формѣ, въ родѣ Zuchthaus, двухъ проэктируемыхъ видовъ лишенія свободы—каторги и исправительнаго дома—было-бы очевиднымъ нарушеніемъ того элементарнаго требованія, по которому каждое изъ звѣньевъ въ общей цѣпи наказаній должно соотвѣтствовать природѣ извѣстной группы преступныхъ дѣяній, и всякое наказаніе должно быть соразмѣрено со степенью внутренней виновности лица. Что касается *поселенія*, то, при существованіи у насъ значительныхъ пространствъ малонаселенныхъ земель, открывается возможность установить для незначительной группы правонарушеній *поселеніе*, наказаніе, котораго нѣтъ въ германскомъ и австрійскомъ кодексахъ и коимъ наши сосѣди не могутъ пользоваться по своему географическому положенію. Такимъ образомъ въ общемъ система наказаній въ проектѣ Редакціонной Коммисіи не заключаетъ ни одного наказанія, которое, на взглядъ г. Тальберга, было-бы излишнимъ.

Г. фонъ-Резонъ считаетъ необходимымъ разсмотрѣть нѣсколько общихъ вопросовъ, относящихся къ 14—19 ст. Первый изъ этихъ вопросовъ—*объ одиночномъ заключеніи*. Принимая оное, проектъ поступилъ, по его мнѣнію, совершенно правильно. Но спрашивается, вѣрно-ли примѣненъ общій принципъ къ отдѣльнымъ видамъ заключенія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ разумѣется отъ того, какія цѣли предполагается достигнуть одиночнымъ заключеніемъ. «Объясненія» говорятъ (стр. 64), что при исправительномъ домѣ оно должно служить для усиленія репрессіи и для того, чтобы дать возможность управленію ознакомиться съ арестантами, узнать ихъ характеръ и наклонности; при тюрьмѣ оно назначается для предупрежденія сношеній между арестантами и усиленія строгости наказанія; при арестѣ—какъ льгота. Послѣдній мотивъ очевидно примѣнимъ только въ исключительныхъ случаяхъ и поэтому незачѣмъ на немъ останавливаться; но несомнѣнно, что, не говоря уже о необходимости болѣе интенсивнаго наказанія при уменьшеніи его сроковъ, предупрежденіе сношеній между арестантами и исключеніе возможности вліянія болѣе испорченныхъ на менѣе испорченныхъ одинаково важно при всѣхъ видахъ заключенія и что знакомство тюремнаго управленія съ арестантами есть необходимое условіе вѣрнаго съ ними обращенія. Но если послѣдній мотивъ требуетъ одиночнаго заключенія лишь на болѣе короткое время, то по первымъ напротивъ оно должно быть продолжено какъ возможно болѣе и, при томъ, разумѣется, безъ различія видовъ лишенія свободы. Проектъ однако примѣнилъ выставленныя въ Объяс

(*) Объясненія къ проекту, стр. 61.

неніяхъ соображенія со всей послѣдовательностью лишь въ 18 и 19 ст. Эта непослѣдовательность можетъ быть объяснена относительно каторги тѣмъ, что трудно соединить особо тяжкія работы съ одиночнымъ заключеніемъ, хотя подобное соединеніе оказалось возможнымъ во многихъ иностранныхъ каторжныхъ тюрьмахъ. Но это практическое затрудненіе уже не существуетъ для осужденныхъ въ каторгу женщинъ, содержащихся, согласно 14 ст., въ исправительныхъ домахъ, такъ-какъ всѣ остальныя, присужденныя къ заключенію въ исправительномъ домѣ, содержатся, по крайней мѣрѣ временно, въ одиночномъ заключеніи. Что же касается до заточенныхъ, то дѣйствительно и въ иностранныхъ законодательствахъ (напр., въ германскомъ и венгерскомъ) для этого вида заключенія не допускается одиночнаго заключенія; но было-бы послѣдовательнымъ постановить, какъ относительно присужденныхъ къ аресту, что они, по своей просьбѣ, могутъ быть содержимы въ одиночномъ заключеніи; заточеніе, какъ и арестъ, налагается за преступныя дѣянія, чуждыя позорящаго характера; слѣдовательно, льготы, которыя соединяются съ однимъ изъ этихъ наказаній, должны быть присоединены и къ другому.

Наконецъ и ограниченіе одиночнаго заключенія въ исправительномъ домѣ на шестимѣсячный срокъ едва-ли можетъ быть оправдано какими-либо теоретическими соображеніями.

Г. фонъ-Резонъ полагаетъ и съ этимъ согласны «Объясненія», что одиночное заключеніе есть, прежде всего, усиленіе наказанія и что поэтому оно въ особенности примѣнимо къ непродолжительнымъ заключеніямъ въ тюрьмѣ или исправительномъ домѣ, какъ это отчасти признано въ 18 ст.; но рядомъ съ этимъ, при болѣе продолжительномъ лишеніи свободы, оно является единственнымъ, болѣе надежнымъ, средствомъ для исправленія преступника, которое въ общемъ заключеніи возможно лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Поэтому, одиночное заключеніе должно быть по принципу примѣнено при всѣхъ видахъ лишенія свободы и на болѣе продолжительный срокъ. Исключеніе можетъ быть допущено лишь тогда, если самый видъ работъ (напр., работа въ каменноугольныхъ копяхъ на Сахалинѣ) исключаетъ его возможность, или если заключенный, такъ сказать, не требуетъ особеннаго управленія, причемъ однако въ послѣднемъ случаѣ, согласно 19 ст., оно должно имѣть мѣсто по просьбѣ самого заключеннаго. Что-же касается до срока, то по 18 ст. уже признано, что при заключеніи въ тюрьму онъ можетъ продолжаться до двухъ лѣтъ; поэтому едва-ли встрѣтится затрудненіе назначить для другихъ видовъ заключенія одинъ изъ сроковъ, опредѣленныхъ германскимъ или голландскимъ уложеніями.

Здѣсь однако является еще одно сомнѣніе. Можно безошибочно сказать, что ко времени введенія новаго уложенія не вездѣ будутъ готовы исправительные дома и тюрьмы съ нужными приспособленіями для одиночнаго заключенія. Слѣдовательно, постановленія 17 и 18 ст. временно останутся мертвою буквою, какъ теперь заключеніе въ рабочемъ или смирительномъ домѣ. Но въ въ такомъ случаѣ, и если одиночное заключеніе именно служитъ для усиленія наказанія,—не слѣдуетъ-ли постановить правила о замѣнѣ, т. е. за отсутствіемъ одиночнаго заключенія продлить сроки общаго? Правда, что напр. мотивы къ проекту сѣверо-германскаго уложенія (стр. 46) высказываются противъ этого, находя, что одиночное заключеніе не есть болѣе строгое наказаніе, а только болѣе правильный видъ исполненія наказанія. Но эти соображенія едва-ли вполнѣ убѣдительны. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, одиночное заключеніе будетъ чувствоваться какъ болѣе тяжкое наказаніе, и поэтому, по общему правилу, увеличеніе сроковъ общаго заключенія, въ случаѣ невозможности одиночнаго, представляется вполнѣ справедливымъ. Само собою разумѣется, что Коммисіи извѣстно, представится-ли необходимость подобной замѣны на продолжительное время или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ будетъ вѣрнѣе помѣстить правила о замѣнѣ въ законѣ о введеніи уложенія; въ первомъ же случаѣ они должны найти мѣсто въ VI главѣ общей части уложенія.

Второй вопросъ—*о вознагражденіи заключенныхъ за произведенныя ими работы*. Прежде всего, г. фонъ-Резону кажется, что онъ относится болѣе къ будущему закону о тюрьмахъ и о ссылкѣ, чѣмъ къ уложенію; «Объясненія», правда, говорятъ (стр. 57 и 61), что размѣръ вознагражденія составляетъ «существенный элементъ наказанія», но ничѣмъ не мотивируютъ свое положеніе. Оно едва-ли правильно уже потому, что вознагражденіе, по своему юридическому характеру, есть только даруемая заключеннымъ льгота при исполненіи наказанія, которая имѣетъ приблизительно то-же значеніе, какъ улучшеніе пищи и т. п. За разрѣшеніе же этого вопроса въ законѣ о тюрьмахъ говорятъ особенно практическія соображенія, ибо очевидно, что, для дѣйствительнаго приведенія въ исполненіе правилъ о вознагражденіи, потребуются еще многія частныя постановленія, безъ которыхъ оно останется мертвою буквою, и которыя могутъ найти мѣсто лишь въ этомъ законѣ. По всему этому, г. фонъ-Резонъ полагалъ-бы правила о вознагражденіи совершенно исключить изъ уложенія, или, по крайней мѣрѣ, ограничиться общимъ правиломъ, что заключенные получаютъ вознагражденіе за работу, предоставляя закону о тюрьмахъ опредѣлить размѣръ его. Но такое мнѣніе не освобождаетъ г. фонъ-Резона отъ разсмотрѣнія этого вопроса и по существу. Согласно проекту, размѣръ вознагражденія различается смотря по наказанію: каторж-

ники ничего не получаютъ, приговоренные къ заточенію получаютъ $^2/_3$, къ исправительному дому—$^1/_3$, къ тюрьмѣ—$^1/_2$ и, наконецъ, содержащіеся подъ арестомъ весь чистый доходъ отъ произведенныхъ ими работъ. Эти правила представляются несосостоятельными въ двоякомъ отношеніи. Правда, что отбывающіе наказаніе не имѣютъ никакого *права* требовать вознагражденія за произведенныя ими въ это время работы, но кажется единогласно признано, что крайне полезно выдавать таковое, чтобы возбудить въ заключенныхъ охоту къ работамъ. Но если это такъ, то незачѣмъ исключать изъ этого общаго правила лицъ, находящихся въ каторгѣ; то обстоятельство, что каторга есть высшій видъ лишенія свободы, никакого особеннаго значенія для даннаго вопроса не имѣетъ и нисколько не ослабляетъ тѣхъ общихъ основаній, по коимъ признается полезнымъ предоставить извѣстное вознагражденіе за работы всѣмъ вообще заключеннымъ. «Объясненія» находятъ, что это вознагражденіе можетъ быть выдано каторжникамъ только какъ льгота, даруемая администраціею каторги, и что поэтому постановленія о порядкѣ назначенія и объ объемѣ вознагражденія каторжныхъ должны находиться въ законѣ объ устройствѣ каторги; единственный мотивъ именно тотъ, что каторга есть высшій видъ лишенія свободы. Но видовое различіе не можетъ поколебать силы разсужденій, относящихся, по содержанію своему, къ лишенію свободы вообще, безъ всякаго видоваго различія. Здѣсь возможно лишь одно изъ двухъ: или *весь* вопросъ о вознагражденіи принадлежитъ къ закону о тюрьмахъ, или вознагражденіе должно распространяться на всѣхъ заключенныхъ.

Второе сомнѣніе вызывается разностью мѣры вознагражденія, смотря по виду наказанія. Всѣ виды заключенія можно раздѣлить на двѣ категоріи: съ одной стороны, заточеніе и арестъ, при которыхъ не предполагается особенной испорченности заключеннаго, съ другой стороны, всѣ остальные виды. Смотря по этому основному дѣленію, размѣръ вознагражденія можетъ быть двоякій, но къ дальнѣйшему раздѣленію не усматривается никакихъ основаній. Во всякомъ случаѣ, размѣръ этотъ долженъ быть не свыше чистаго заработка свободнаго работника. Ни текстъ 16 — 19 ст., ни «Объясненія», не даютъ возможности опредѣлить, въ этомъ отношеніи, намѣренія проекта; слова: «чистый доходъ», могутъ означать или общій доходъ, за исключеніемъ только расходовъ по производству работъ, или-же за исключеніемъ, кромѣ того, и содержанія заключенныхъ. Но нельзя не сказать, что только при послѣднемъ толкованіи можетъ быть одобренъ принципъ вознагражденія, принятый проектомъ. Въ противномъ-же случаѣ, заработокъ арестантовъ, пользующихся даровою квартирою и пищею, будетъ часто выше заработка свободнаго работника, обязаннаго изъ своего заработка заплатить и ту, и другую, что очевидно несправедливо. Согласно этому

долженъ быть опредѣленъ одинъ общій размѣръ вознагражденія для заключенныхъ въ каторгѣ, исправительномъ домѣ и тюрьмѣ (напр., отъ 1 до 5 коп. ежедневно, по усмотрѣнію тюремнаго начальства), между тѣмъ, какъ осужденнымъ къ заточенію и аресту можетъ быть выданъ весь доходъ, за исключеніемъ издержекъ по ихъ содержанію.

Насколько съ изложенными мнѣніями согласны иностранныя законодательства? Г. фонъ-Резонъ могъ, къ сожалѣнію, справиться только въ немногихъ: 1) *въ Баденѣ* выдается всѣмъ заключеннымъ (за исключеніемъ содержащихся въ крѣпостяхъ, арестѣ и Amtsgefängniss) вознагражденіе въ размѣрѣ 1—3 крейцеровъ ежедневно, по усмотрѣнію тюремнаго начальства, смотря по степени прилежанія и способности арестанта; вознагражденіе можетъ быть увеличено до 6 крейц., если арестантъ работаетъ болѣе, чѣмъ ему назначено; 2) въ *Пруссіи* во всѣхъ мѣстахъ заключенія, подлежащихъ вѣдѣнію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, вознагражденіе выдается одинаково (и въ Zuchthaus'ѣ), но по довольно сложнымъ правиламъ; высшій размѣръ 20 пф. ежедневно, причемъ, какъ и въ Баденѣ, обращается вниманіе на количество отбытой каждымъ работы; лица, которыя, по дряхлости, незнанію ремесла или другимъ причинамъ, ограничены въ своей дѣятельности, получаютъ не болѣе 3 пф. въ день; 3) въ *Саксоніи* для заключенныхъ въ тюрьмѣ и Zuchthaus'ѣ опредѣлена ежедневная ратификація отъ 3 до 12 пф., къ которой еще присоединяется въ извѣстныхъ случаяхъ Verdienstantheil; 4) въ *Виртембергѣ* прилежнымъ работникамъ выдается вознагражденіе по усмотрѣнію начальника тюрьмы, не свыше $^1/_4$ чистаго дохода. Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что они вполнѣ подтверждаютъ изложенные выводы: 1) заключенные въ Zuchthaus'ѣ (каторга) получаютъ вездѣ вознагражденіе за работу; 2) вознагражденіе это вездѣ одинаково для лицъ заключенныхъ въ тюрьмѣ и въ Zuchthaus'ѣ; 3) при назначеніи размѣра вознагражденія предоставляется извѣстный просторъ начальнику даннаго мѣста заключенія; 4) вознагражденіе и размѣръ онаго опредѣляется не уложеніемъ о наказаніяхъ, а особыми постановленіями. Г. фонъ Резонъ указываетъ далѣе, что проектъ устанавливаетъ, помимо заточенія, четыре вида лишенія свободы: каторга, исправительный домъ, тюрьма и арестъ. Между тѣмъ, во всѣхъ новыхъ уголовныхъ законодательствахъ мы видимъ стремленіе упростить систему наказаній; такъ, напр., Германія и Венгрія имѣютъ три вида лишенія свободы (кромѣ заключенія въ крѣпости), а Голландія—всего только два вида. Независимо отъ сего можно сомнѣваться, удастся-ли нашему тюремному управленію устроить своевременно мѣста заключенія всѣхъ различныхъ типовъ. Извѣстно, что и теперь многія наказанія существуютъ лишь на бумагѣ, что отдача въ исправительныя арестант-

скія отдѣленія весьма часто, а заключеніе въ рабочемъ и смирительномъ домѣ почти всегда замѣняются тюремнымъ заключеніемъ. Поэтому казалось-бы цѣлесообразнѣе исключить изъ лѣстницы наказаній исправительный домъ. Изъ отдѣльныхъ видовъ заключенія обращаетъ на себя вниманіе заточеніе; изъ 15 ст. проекта видно, что оно назначается на срокъ отъ двухъ недѣль до десяти лѣтъ, между тѣмъ какъ по улож. 1866 г. высшій размѣръ заключенія въ крѣпости былъ четыре года. Въ Объясненіяхъ къ проекту не указано прямо, за какія именно дѣянія предполагается назначать высшія степени заточенія. На стр. 17 сказано, что Коммисія и нынѣ полагаетъ необходимымъ сохранить въ числѣ наказаній «особый видъ лишенія свободы, т. е. заключеніе въ крѣпости или заточеніе, который назначается за нѣкоторыя, особо указанныя, преступленія, поводомъ которыхъ служатъ заблужденія, увлеченія или общественные предразсудки»; на стр. 21 говорится, что Коммисія «раздѣляетъ, въ главныхъ чертахъ, соображенія Коммисіи Государственнаго Совѣта, по которымъ и ссылка на поселеніе должна быть назначаема единственно за дѣянія, необнаруживающія порочной нравственности и истекающія изъ увлеченій, заблужденій, общественныхъ предразсудковъ или фанатизма», причемъ, какъ единственные примѣры подобныхъ преступленій, приведены преступленія религіозныя и политическія. Наконецъ, на стр. 62 и 63 сказано, что заточеніе должно быть назначаемо за такія дѣянія, «которыя не выказываютъ ни особенной испорченности, ни безнравственности виновнаго, а свидѣтельствуютъ только объ его неумѣніи подчинять порывы своихъ желаній требованіямъ законовъ». Примѣровъ подобныхъ преступленій здѣсь не приведено, но изъ сопоставленія всего сказаннаго и изъ сравненія германскаго и венгерскаго уложеній, кажется, нельзя не прійти къ тому выводу, что высшія степени заточенія могутъ примѣняться только къ политическимъ преступленіямъ. Подобное исключительное наказаніе для этихъ преступленій однако не можетъ быть оправдано.

По замѣчанію юристовъ-практиковъ (Судебная Газета 1883 г., № 33), статьи 14—19 проекта, опредѣляющія порядокъ содержанія въ каторжныхъ тюрьмахъ, мѣстахъ заточенія, исправительныхъ домахъ, общихъ тюрьмахъ и подъ арестомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ особыхъ пунктахъ, указываютъ на порядокъ содержанія арестантовъ въ каждомъ изъ перечисленныхъ мѣстъ заключенія, на занятія ихъ и на количество вознагражденія за работы. Редакціонная Коммисія, въ мотивахъ своихъ (стр. 57 и 58), объясняетъ, что подробныя правила устройства мѣстъ заключенія и ссылки, а равно и управле-

нія оными, будутъ опредѣлены особымъ закономъ, который долженъ быть представленъ одновременно съ проектомъ уложенія, но на ряду съ этимъ Коммисія полагаетъ, что въ уголовномъ кодексѣ должны быть означены юридическая сущность каждаго наказанія и существенные элементы видовъ лишенія свободы, т. е. сроки заключенія, порядокъ размѣщенія арестантовъ по системѣ одиночной, общей или смѣшанной, обязательность работъ и ихъ публичность и наконецъ размѣръ вознагражденія, получаемаго арестантомъ за свою работу. Такое соображеніе Коммисіи, съ теоретической точки зрѣнія, представляется несомнѣнно правильнымъ, ибо указаніемъ важнѣйшихъ элементовъ лишенія свободы опредѣляется значеніе и тяжесть каждой отдѣльной карательной мѣры; тѣмъ не менѣе, противъ включенія въ уложеніе правилъ, *присоединенныхъ* выше, можно сдѣлать, въ практическомъ отношеніи, нѣсколько, нелишенныхъ также основанія, возраженій. Во 1-хъ, сущность проектируемыхъ наказаній, если не вполнѣ, то въ достаточной степени, опредѣляется самымъ ихъ названіемъ, а сравнительная тяжесть оныхъ— мѣстомъ, занимаемымъ каждымъ изъ нихъ въ общемъ перечнѣ, и размѣромъ правопораженій, къ нимъ присоединенныхъ. Во 2-хъ, указаніе въ уложеніи нѣкоторыхъ, хотя-бы и существенныхъ, элементовъ отдѣльныхъ видовъ лишенія свободы не исчерпываетъ всѣхъ условій содержанія подъ стражею и, слѣдовательно, не можетъ вести къ точному и окончательному представленію о значеніи и тяжести уголовнаго взысканія, полное понятіе о которомъ созидается только по соображеніи всѣхъ подробныхъ правилъ, а эти послѣднія сама-же Коммисія относитъ къ области законовъ о тюрьмахъ и тюремныхъ инструкцій. Въ 3-хъ, будучи послѣдовательною въ своихъ заключеніяхъ, Коммисія должна-бы была намѣтить и мѣстности для каторги и поселенія, ибо нельзя не признать, что тяжесть этихъ наказаній обусловливается климатическими и другими особенностями мѣста ссылки; между тѣмъ, она нашла возможнымъ обойти такое указаніе, выражая, при этомъ, мнѣніе, что обозначеніе «соотвѣтствующей мѣстности для поселенія, а равно и правила объ устройствѣ поселеній, должны быть помѣщены въ законѣ объ устройствѣ тюремъ и ссылки и управленіи оными (стр. 63)». Наконецъ, въ 4-хъ, уголовное уложеніе, имѣя практическій характеръ, служитъ не столько руководствомъ для гражданъ, опредѣляя границы дозволеннаго и запрещеннаго, сколько кодексомъ для судей, примѣняющихъ его постановленія на каждомъ шагу и къ каждому отдѣльному случаю проявленія злой воли человѣка. Поэтому постановленія уложенія должны быть, по возможности, кратки и ихъ не слѣдовало бы обременять такими подробностями, которыя не вносятся въ судебный приговоръ, въ видѣ-ли существенной части наказанія, какъ срокъ заключенія, или въ видѣ придатка къ нему, какъ дополнительныя

взысканія. Само собою разумѣется, что съ измѣненіемъ, согласно проекту, видовъ наказанія и характера мѣстъ заключенія, должны быть одновременно опредѣлены и условія содержанія въ отдѣльныхъ типахъ тюремъ, но приведенныя соображенія позволяютъ сдѣлать заключеніе, что мѣсто для обозначенія такихъ условій не въ уложеніи, а въ законахъ о содержащихся подъ стражею, гдѣ они могутъ быть регламентированы и съ большею подробностью, и съ надлежащею точностью; въ уложеніи-же, подъ статьями 13—19, могло-бы быть помѣщено такое примѣчаніе: «порядокъ размѣщенія заключенныхъ въ каторжныхъ тюрьмахъ, мѣстахъ заточенія, исправительныхъ домахъ, въ общихъ тюрьмахъ и въ помѣщеніяхъ для ареста, опредѣленіе рода работъ, степени ихъ обязательности и тяжести, а также размѣра вознагражденія за нихъ для арестантовъ обозначены въ законахъ о содержащихся подъ стражею».

Такимъ образомъ, указанныя статьи могли-бы быть изложены въ слѣдующемъ видѣ:

«Ст. 14. Каторга назначается или безсрочно, или на срокъ отъ 5 до 15 лѣтъ, а въ случаѣ, статьею 56-ю указанномъ, до 20 лѣтъ, и отбывается лицами мужскаго пола въ каторжныхъ тюрьмахъ, а лицами женскаго пола въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ. Приговоренные зачисляются въ состояніе ссыльно-поселенцевъ и, по выходѣ изъ тюрьмы, водворяются въ отведенныхъ для нихъ мѣстностяхъ».

«Безсрочная каторга, по истеченіи 15 лѣтъ, можетъ быть, по распоряженію Главнаго Тюремнаго Управленія, замѣнена для осужденныхъ поселеніемъ въ назначенныхъ мѣстностяхъ, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ уставахъ о ссыльныхъ и о содержащихся подъ стражею».

Замѣна выраженія: «для того» словами: «для нихъ», представляется необходимою въ тѣхъ соображеніяхъ, что первое, поставленное послѣ слова: «поселяются» (или водворяются), указываетъ какъ-бы на то, что освобожденные изъ каторги водворяются на мѣстахъ, отведенныхъ вообще для поселенія, т. е. общихъ и для освобожденныхъ изъ заточенія и для тѣхъ лицъ, которыя будутъ приговорены къ наказанію по ст. 16-й,—поселенцевъ въ тѣсномъ смыслѣ слова; между тѣмъ, сама Коммисія смѣшенія отбывшихъ наказаніе въ каторгѣ, вышедшихъ изъ заточенія и поселенцевъ не допускаетъ, а предполагаетъ, что для каждой изъ перечисленныхъ группъ осужденныхъ будетъ назначена особая мѣстность, да такое смѣшеніе въ отношеніи мѣста поселенія было-бы и нежелательнымъ и крайне несправедливымъ, въ виду характера и различія преступленій, караемыхъ каторгою, заточеніемъ и поселеніемъ.

«Ст. 15.—Заточеніе назначается на срокъ отъ двухъ недѣль до десяти

лѣтъ и отбывается или въ крѣпостяхъ, или въ устроенныхъ для заточенія помѣщеніяхъ. Приговоренные на срокъ свыше 6 лѣтъ зачисляются въ состояніе ссыльно-поселенцевъ и, по освобожденіи изъ мѣстъ заточенія, водворяются въ отведенныхъ для нихъ мѣстностяхъ».

«Ст. 17.—Исправительный домъ. . . . (какъ въ текстѣ проекта). . . . до десяти лѣтъ».

«Ст. 18. Тюрьма. . . . до двухъ лѣтъ».

«Ст. 19. Арестъ. . . . для того помѣщеніяхъ».

Г. Зачинскій (Судебная Газета 1883 г., № 4) указываетъ, что ст. 14, 15, 17—19 опредѣляютъ права осужденнаго на чистый доходъ отъ заработка. Спрашивается, на основаніи какого принципа, лишая однихъ дохода отъ заработка, можно предоставить оный другимъ полностью, или въ извѣстномъ размѣрѣ? Отвѣта нѣтъ.

Трудъ есть наилучшее средство исправленія, а задѣльная плата поощряетъ къ труду. Трудъ по неволѣ, трудъ раба ничего не стоитъ, а принужденіе къ даровому труду влечетъ за собою необходимость усиленнаго надзора, который нерѣдко обходится дороже произведеній труда.

Несостоятельность наказанія въ видѣ принудительныхъ работъ, напримѣръ, въ случаяхъ лѣсныхъ порубокъ, доказана опытомъ.

Поэтому казалось бы естественнѣе доходъ отъ труда считать собственностью труженника.

Но такъ-какъ содержаніе наказуемаго не должно ложиться тягостью на государство, то каждый наказуемый безразлично обязанъ, хотя отчасти, платить за свое содержаніе. Логическимъ послѣдствіемъ сказаннаго будетъ удержаніе примѣрно половины заработка въ пользу казны. Другая половина заработка, по отбытіи наказанія, безусловно можетъ быть отдана работнику еще и по тому соображенію, что, при личномъ задержаніи, большею частью наказывается семейство, лишенное рабочей силы. Кромѣ того каторжные, по отбытіи каторги, въ силу закона поселяются въ отведенныхъ для того мѣстахъ, а при этомъ сбереженный заработокъ далъ-бы имъ средства къ обзаведенію и существованію на первыхъ порахъ. Отсутствіе такихъ средствъ, какъ доказалъ опытъ, нерѣдко вызываетъ новыя преступленія.

Наконецъ, если a priori согласиться съ проектомъ о правѣ наказуемыхъ на большій или меньшій процентъ заработка, то казалось-бы болѣе справедливымъ принять въ соображеніе матеріальное состояніе осужденнаго, но не тяжесть преступленія. Нужда одна изъ главныхъ причинъ посягательствъ на

чужую собственность, поэтому, устраняя нужду, предупреждаемъ возможность преступленія.

Начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія Галкинъ-Врасскій замѣчаетъ, что, при разсмотрѣніи проекта уложенія о наказаніяхъ, нельзя не остановиться прежде всего на предположеніи Редакціонной Коммисіи совершенно измѣнить существующій нынѣ порядокъ отбыванія наказаній въ тюрьмахъ, влекущемъ за собою необходимость устроить почти для всѣхъ осуждаемыхъ къ наказаніямъ новыя тюремныя помѣщенія. Всѣ имѣющіяся въ настоящее время въ Имперіи мѣста заключенія, какъ: каторжныя тюрьмы, исправительныя арестантскія отдѣленія, тюремные замки и другія помѣщенія разныхъ наименованій устроены почти исключительно по системѣ общаго, казарменнаго содержанія арестантовъ, а потому они и не могутъ удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя ставятся проектомъ новаго уложенія. Такъ въ каторжныхъ тюрьмахъ и въ мѣстахъ заточенія ст. 14 и 15 проекта требуется ночное разъединеніе; въ исправительныхъ домахъ, согласно 17 ст., должны быть устроены и одиночныя камеры, и камеры для разобщенія во все свободное отъ работъ время, а ст. 18 установляется для тюремнаго заключенія почти исключительно одиночное содержаніе. Такимъ образомъ, для всей массы преступниковъ, подлежащихъ осужденію къ наказаніямъ, предусмотрѣннымъ 2, 3, 5 и 6 пп. 2 ст. проекта уложенія, необходимо устроить новыя мѣста заключенія.

Исполненіе этого вызоветъ громадный, непосильный для государственнаго казначейства, расходъ, размѣръ котораго, въ виду неимѣнія достаточныхъ данныхъ относительно числа лицъ, которыя будутъ подлежать заключенію по новому уложенію, и сроковъ, на которые они будутъ приговариваемы, въ настоящее время не представляется возможнымъ опредѣлить; но достаточно указать, что, по имѣющимся въ Главномъ Тюремномъ Управленіи статистическимъ даннымъ и свѣдѣніямъ, въ 1882 г. въ мѣстахъ заключенія, среднимъ числомъ, содержались въ день:

1) присужденныхъ къ каторгѣ около	12,000	человѣкъ
2) присужденныхъ къ заключенію на срокъ свыше года около	22,000	—
3) присужденныхъ къ заключенію на срокъ до года около	28.000	—
Итого около	62,000	человѣкъ.

Въ это число не вошли преступники, содержащіеся въ тюрьмахъ бывшаго Кавказскаго Намѣстничества, а потому общее число содержа-

щихся въ тюрьмахъ Имперіи слѣдуетъ опредѣлить, по меньшей мѣрѣ, въ 65,000 чел.

Но къ этому контингенту арестантовъ, въ виду предположенной, какъ это видно изъ мотивовъ къ 16 ст. проекта, отмѣны ссылки на поселеніе за общія преступленія, съ оставленіемъ ея для самаго лишь незначительнаго числа преступниковъ, слѣдуетъ еще причислить, по крайней мѣрѣ, 15,000 чел., для которыхъ придется устроить соотвѣтствующія требованіямъ проекта тюремныя помѣщенія. Опредѣленіе означенной цифры въ 15,000 чел. основывается на томъ предположеніи, что въ настоящее время, по дѣйствующему уложенію, ежегодно высылается въ Сибирь на поселеніе около 3,000 чел.; при этомъ, за преступленія, которыя, по, важности своей, какъ можно полагать, будутъ, по новому уложенію, подлежать или высшимъ срокамъ содержанія въ исправительныхъ домахъ, или-же низшимъ каторжныхъ работъ, т. е., въ среднемъ выводѣ, пятилѣтнему заключенію.

Поэтому, чтобы положенія новаго уложенія не оставались мертвою буквою и присужденное преступникамъ наказаніе дѣйствительно примѣнялось, необходимо устроить соотвѣтствующія требованіямъ новаго уложенія тюремныя помѣщенія примѣрно для 80,000 арестантовъ, причемъ помѣщенія эти слѣдуетъ въ дѣйствительности устроить по крайней мѣрѣ на 100,000 мѣстъ, такъ-какъ, при постоянномъ колебаніи тюремнаго населенія въ отдѣльныхъ мѣстахъ заключенія, невозможно, при системѣ одиночнаго заключенія и ночнаго разъединенія, содержать въ тюрьмахъ большее число лицъ, чѣмъ на которое онѣ будутъ устроены.

Сооруженіе тюремъ одиночнаго заключенія, по имѣющимся въ Главномъ Тюремномъ Управленіи свѣдѣніямъ и практическимъ даннымъ, должно обойтись до 1.200 р. на человѣка; но, признавая, съ одной стороны, что тюрьмы съ однимъ только ночнымъ разъединеніемъ должны стоить нѣсколько дешевле, а съ другой, что для нѣкоторыхъ тюремъ возможно будетъ отчасти воспользоваться существующими тюремными зданіями, стоимость постройки можно опредѣлить въ 1.000 р., и не какъ уже не менѣе, какъ въ 900 р. на человѣка, и такимъ образомъ, для осуществленія тюремной реформы, соотвѣтственно проекту новаго уложенія, потребуется громадная сумма отъ 100.000.000 до 90.000.000 руб.

При невозможности разсчитывать на отпускъ подобной суммы для постройки новыхъ тюремныхъ зданій, новое уложеніе не получитъ такимъ образомъ осуществленія на практикѣ и примѣненіе его сведется лишь къ указанію въ судебныхъ приговорахъ наказаній по новому уложенію, которыя осужденные будутъ продолжать отбывать существующимъ нынѣ порядкомъ. Поэтому Начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія находитъ крайне жела-

тельнымъ, чтобы Управленіе сіе было поставлено въ возможность исполнять назначаемыя судомъ наказанія, и для этого необходимо отказаться, при составленіи уложенія, отъ однихъ чисто теоретическихъ соображеній и принять во вниманіе какъ положеніе существующихъ нынѣ карательныхъ учрежденій, такъ и тѣ средства, на которыя Главное Тюремное Управленіе можетъ разсчитывать для удовлетворенія поставляемымъ ему новымъ уложеніемъ требованіямъ.

Въ сихъ видахъ г. Галкину-Врáскому казалось-бы необходимымъ исключить изъ 14 ст. проекта обязательное постановленіе о ночномъ разъединеніи каторжныхъ, также какъ и требованія 17 ст. того-же проекта о временномъ содержаніи въ одиночномъ заключеніи лицъ, присуждаемыхъ къ исправительному дому, и о разобщеніи ихъ на все время, свободное отъ работъ, что позволило-бы воспользоваться для устройства каторжныхъ тюремъ и исправительныхъ домовъ нѣкоторыми существующими нынѣ тюремными помѣщеніями, причемъ вниманіе Главнаго Тюремнаго Управленія ограничилось-бы до времени, главнѣйшимъ образомъ, заботою объ устройствѣ собственно «тюремъ», каковыя, при нѣкоторыхъ пожертвованіяхъ со стороны Государственнаго Казначейства, было-бы возможно въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ организовать согласно требованіямъ 18 ст. проекта уложенія, причемъ, для скорѣйшаго устройства и этихъ тюремъ, срокъ содержанія въ нихъ слѣдовало-бы, по возможности, сократить и наказанію тюрьмою подвергать какъ можно меньшее количество преступниковъ.

Считая, при соблюденіи этихъ условій, возможнымъ удовлетворить потребности въ новыхъ тюрьмахъ устройствомъ таковыхъ на 25—30,000 человѣкъ, и даже допуская возможность, при желаніи Правительства споспѣшествовать скорѣйшему устройству этихъ тюремъ, ежегоднаго отпуска изъ казны на постройку новыхъ тюремъ до 1.500.000 рублей, вдвое болѣе противу того, что нынѣ, сношеніемъ съ Министерствомъ Финасовъ, испрашивается на новыя тюремныя постройки,—явится надежда устроить повсемѣстно соотвѣтственныя тюремныя помѣщенія въ теченіи примѣрно 20 лѣтъ, и, такимъ образомъ, постановленія уложенія постепенно получали-бы примѣненіе, согласно его дѣйствительнымъ требованіямъ, причемъ до осуществленія тюремно-строительной реформы, даже и въ этомъ ограниченномъ видѣ, необходимо было-бы указать въ проектѣ уложенія правила о порядкѣ замѣны одиночнаго заключенія общимъ.

Въ виду возможности установленія подобной-же замѣны наказаній, опредѣляемыхъ проектомъ уложенія и для осуждаемыхъ къ каторгѣ и къ исправительному дому, постановленія проекта объ устройствѣ мѣстъ для отбытія сихъ наказаній не поставятъ Главное Тюремное Управленіе въ столь

существенное затрудненіе, какъ предполагаемая проектомъ уложенія почти полная отмѣна ссылки на поселеніе.

Выше было приведено, что, при подобной отмѣнѣ, тюремное населеніе увеличится приблизительно на 15,000 чел., а потому и представляется необходимость нынѣ-же обезпечить это количество арестантовъ достаточнымъ тюремнымъ помѣщеніемъ, будетъ-ли оно новаго или стараго устройства, такъ какъ, и при теперешнемъ составѣ тюремнаго населенія, существующія тюрьмы повсемѣстно переполнены, какъ это видно изъ того, что къ 1 Января 1882 г. въ тюрьмахъ, устроенныхъ менѣе чѣмъ на 70,000 мѣстъ, содержалось болѣе 90,000 арестантовъ, почему немедленная отмѣна ссылки на поселеніе повлечетъ за собою или громадный за разъ расходъ казны, или же еще большее, въ дѣйствительности совершенно невозможное, переполненіе существующихъ мѣстъ заключенія.

Поэтому, соглашаясь въ сущности съ правильностью соображеній Редакціонной Коммисіи о недостаткахъ существующей нынѣ ссылки на поселеніе въ виду однакоже невозможности, по вышеизложеннымъ соображеніямъ, полной ея отмѣны, г. Галкинъ-Враскій полагалъ-бы болѣе соотвѣтственнымъ принять мѣры къ упорядоченію ссылки на поселеніе, имѣя, при опредѣленіи репресивности ссылки какъ наказанія, въ виду того, что, согласно 261 и 607 ст. уст. о ссыл., по прод. 1876 г., сосланные на поселеніе, до окончательнаго ихъ водворенія, должны употребляться, въ теченіи не менѣе 4 лѣтъ, на принудительныя работы, вслѣдствіе чего, наказаніе это можетъ приравниваться къ низшей степени каторжныхъ работъ. Точно также при обсужденіи вреда, наносимаго ссылкою въ Сибирь, слѣдуетъ имѣть въ виду, что главную язву Сибири составляютъ не столько ссылаемые по суду, которые во всякомъ случаѣ будутъ подлежать, по окончаніи срока каторги, водворенію въ Сибири (ст. 14 проекта), сколько, и главнымъ образомъ, ссылаемые въ порядкѣ административномъ, по приговорамъ обществъ, число каковыхъ высылаемыхъ обществами, по свѣдѣніямъ Тюменскаго приказа о ссыльныхъ, достигаетъ до 10,000 чел. ежегодно.

Въ видахъ устройства ссылки на поселеніе на болѣе правильныхъ основаніяхъ и устраненія главнѣйшихъ ее недостатковъ, г. Галкинъ-Враскій призналъ-бы необходимымъ осуществить слѣдующія предположенія:

а) замѣну ссылки на поселеніе въ Сибирь инымъ наказаніемъ въ предѣлахъ Европейской Россіи для неспособныхъ къ работамъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ, а также для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, приговариваемыхъ нынѣ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе;

б) сосредоточеніе всѣхъ ссыльно-поселенцевъ въ предѣлахъ Енисейской и Иркутской губерній и Якутской области, какъ для предварительныхъ работъ

на арендуемыхъ казенныхъ солеваренныхъ заводахъ и др., на частныхъ пріискахъ, общественныхъ работахъ и пр., съ пріуроченіемъ ихъ затѣмъ на водвореніе въ тѣхъ же мѣстностяхъ (*);

в) самую отдачу ссыльно-поселенцевъ въ работы установить на болѣе правильныхъ, чѣмъ нынѣ, основаніяхъ, съ допущеніемъ разсчета товаромъ не иначе, какъ въ извѣстной только долѣ заработка, и съ непремѣннымъ обязательствомъ для хозяевъ обезпечить ссыльнаго рабочаго помѣщеніемъ и довольствіемъ его и семьи, леченіемъ и, въ случаяхъ увѣчья, помѣщеніемъ въ богодѣльни;

г) распредѣленіе ссыльно-поселенцевъ, при причисленіи ихъ къ селеніямъ, соразмѣрно съ численностью старожиловъ и съ количествомъ свободныхъ земель;

д) отмѣну нынѣ существующихъ стѣсненій въ отношеніи вступленія ссыльнопоселенцевъ въ бракъ и пріобрѣтенія ими недвижимой собственности, и

е) усиленіе наказанія за бродяжество.

Всѣ эти предположенія были въ разсмотрѣніи Совѣта по тюремнымъ дѣламъ, при слушаніи отчетной записки г. Галкина-Врасскаго по поѣздкѣ его въ Сибирь, и, согласно постановленію Совѣта, сообщены выписками Министерству Юстиціи.

Съ осуществленіемъ этихъ мѣръ, въ связи съ другими второстепенными, можно надѣяться, что главные недостатки ссылки въ томъ видѣ, какъ они нынѣ проявляются, будутъ въ значительной степени устранены, и на Главномъ Тюремномъ Управленіи, въ случаѣ оставленія, при объясненныхъ условіяхъ, ссылки на поселеніе съ принудительными работами, останется забота о правильномъ устройствѣ этого наказанія, безъ непосильнаго расхода казны на этотъ предметъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ еще привести, что всѣ изложенныя соображенія вызваны, главнымъ образомъ, тѣми финансовыми затрудненіями, при которыхъ невозможно разсчитывать на осуществленіе тюремной реформы, сообразно задачамъ проекта новаго уложенія, даже въ отдаленномъ будущемъ, причемъ предварительному устройству одиночныхъ тюремъ для тюремнаго заключенія отдано предпочтеніе потому, что наказанію этому имѣетъ подле-

---

(*) Практикуемое нынѣ поселеніе, по отбытіи работъ, ссыльно-каторжныхъ въ предѣлахъ Иркутской губерніи и Якутской области, по соображеніямъ, изложеннымъ въ запискѣ т. с. Галкина-Врасскаго по поѣздкѣ въ Сибирь, вполнѣ одобреннымъ Совѣтомъ по тюремнымъ дѣламъ, предполагается отмѣнить, сосредоточивая всѣхъ каторжныхъ исключительно въ Забайкальѣ и на островѣ Сахалинѣ и поселяя ихъ тамъ-же.

жать наибольшее количество преступниковъ и, притомъ, далеко еще не вполнѣ испорченныхъ нравственно, на коихъ общее заключеніе могло-бы имѣть окончательно пагубное вліяніе; одиночное-же, надо надѣяться, будетъ имѣть отрезвляющее, несомнѣнно полезное дѣйствіе.

Независимо отъ изложеннаго, при составленіи новаго уложенія необходимо имѣть въ виду, что, со стороны казны, кромѣ постройки новыхъ тюремъ, настоятельны еще значительные расходы какъ на устройство новыхъ и поддержаніе существующихъ, мѣстами разваливающихся, тюремъ для слѣдственныхъ и пересыльныхъ арестантовъ, такъ равнымъ образомъ и на необходимое улучшеніе тюремныхъ управленія и надзора, что̀, въ видахъ карательныхъ и исправительныхъ, не менѣе существенно самаго устройства тюремныхъ помѣщеній.

Варшавскіе Присяжные Повѣренные обсуждаютъ отдѣльно слѣдующіе моменты, опредѣляющіе существо устанавливаемыхъ въ проектѣ наказаній лишеніемъ свободы: 1) сроки заключенія; 2) мѣсто отбыванія наказанія; 3) способъ содержанія, и 4) занятіе работами и вознагражденіе за работу.

1. Сроки содержанія.

Низшимъ предѣламъ каторги, вмѣсто принятыхъ Коммисіею 5 лѣтъ, было-бы умѣстнымъ назначить 4 года, такъ-какъ это принято въ нынѣ дѣйствующемъ уложеніи (ст. 19) и вошло уже, такъ сказать, въ обычай. Коммисія не приводитъ никакихъ мотивовъ для возвышенія этого низшаго предѣла до 5 лѣтъ и никакого къ этому основанія въ дѣйствительности не усматривается.

Относительно исправительнаго дома (предполагая соединеніе его съ тюрьмою) было-бы, по мнѣнію Варшавской адвокатуры, наиболѣе практичнымъ срокъ содержанія въ исправительномъ домѣ назначить отъ шести мѣсяцевъ до 4 лѣтъ. Предполагая, что въ исправительный домъ будутъ отдаваемы лица, совершившія проступки по позорнымъ побужденіямъ, Варшавскіе Присяжные Повѣренные находятъ низшій, принятый Коммисіею, предѣлъ—2 недѣли—слишкомъ незначительнымъ, несоразмѣрнымъ съ гнусными мотивами преступленія, и притомъ не представляющимъ возможности достиженія цѣли исправленія, которая, однакоже, при этихъ проступкахъ должна быть главнымъ образомъ имѣема въ виду. Съ другой стороны, принятый Коммисіею высшій шестилѣтній срокъ содержанія въ исправительномъ домѣ, представляется слишкомъ продолжительнымъ. Здѣсь опять увеличи-

вается безъ надобности и достаточнаго основанія, нынѣ принятый высшій предѣлъ содержанія въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ (ст. 31). Увеличеніе нынѣ принятаго срока для цѣлей исправленія кажется совершенно безполезнымъ: кто не исправится въ четыре года, тотъ, по всей вѣроятности, не исправится и въ шесть. Слишкомъ продолжительный срокъ исправительнаго заключенія навлекаетъ только на государство безплодныя издержки, переполняетъ мѣста заключенія, для приговоренныхъ-же является безполезнымъ удрученіемъ, напрасно лишая ихъ возможности скорѣе возвратиться въ общество и загладить тамъ слѣды своихъ преступныхъ дѣяній.

Что касается ареста,—то высшій шестимѣсячный предѣлъ сего наказанія представляется слишкомъ высокимъ и таковый слѣдовало-бы ограничить до 3-хъ мѣсяцевъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ нынѣ дѣйствующемъ уложеніи (ст. 39). Увеличеніе сего срока могло-бы, однакоже, быть допущено, но лишь въ томъ случаѣ, если-бы арестомъ наказывались проступки противъ благоустройства и благочинія, которые Коммисія предполагаетъ наказывать тюремнымъ заключеніемъ.

Притомъ было-бы полезнымъ, по примѣру 57 ст. нынѣ дѣйствующаго уложенія, допустить въ нѣкоторыхъ случаяхъ содержаніе подъ арестомъ въ собственномъ мѣстѣ жительства осужденнаго или въ нанятыхъ для сего на его счетъ помѣщеніяхъ, ставя допущеніе такого снисхожденія въ зависимость отъ усмотрѣнія суда, для тѣхъ лицъ, для которыхъ содержаніе въ арестномъ домѣ оказывалось-бы слишкомъ обременительнымъ, по поводу семейнаго или общественнаго ихъ положенія (а не по поводу сословныхъ преимуществъ).

Относительно заточенія представители Варшавской адвокатуры находятъ, что, такъ-какъ это наказаніе должно быть назначаемо лицамъ, невыказавшимъ особенной безнравственности и испорченности, за преступныя дѣянія, причину которыхъ составляютъ заблужденія, увлеченія или общественные предразсудки, то, при такихъ мотивахъ преступленія, принятый Коммисіею высшій десятилѣтній предѣлъ этого наказанія слѣдуетъ считать слишкомъ строгимъ и нецѣлесообразнымъ. Принимая раздѣленіе этого наказанія на два вида, изъ которыхъ высшій долженъ быть назначаемъ за преступленія, а низшій—за проступки, они полагаютъ, что, если высшій предѣлъ исправительнаго наказанія слѣдовало-бы назначить на 4 года, то срокъ заточенія за одинаковые проступки не долженъ превышать 3 лѣтъ, заточеніе-же за преступленія не должно-бы превышать этотъ срокъ болѣе, чѣмъ вдвое, а потому высшимъ предѣломъ заточенія за преступленія слѣдовало-бы принять 6 лѣтъ.

2. Мѣсто отбыванія наказанія.

Изъ соображеній Редакціонной Коммисіи оказывается, что отбываніе каторги предполагается устроить въ Сибири. Варшавскіе Присяжные Повѣренные не признаютъ возможнымъ раздѣлить соображенія, на которыхъ основано это предположеніе. Коммисія полагаетъ, что отдаленность Сибири затруднитъ побѣги ссыльныхъ. Но соображеніе о случаяхъ бѣгства, которые всегда будутъ составлять исключеніе, едва-ли можетъ быть признаваемо обстоятельствомъ существеннымъ и рѣшающимъ вопросъ по столь важному предмету, какъ участь многихъ тысячъ лицъ, ссылаемыхъ на каторгу. Впрочемъ побѣги, затрудняемые отдаленностью мѣста, облегчаются слабостью надзора, едва-ли предотвратимою въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ большихъ центровъ населенія. Статистика легко можетъ доказать, что число побѣговъ изъ обыкновенныхъ тюремъ гораздо менѣе значительно числа побѣговъ изъ Сибири. Что касается до «изобилія свободныхъ земель и нетронутыхъ богатствъ», которое, по мнѣнію Коммисіи, должно во многомъ облегчить задачу Правительства, то это обстоятельство не имѣетъ ничего общаго съ устройствомъ каторжныхъ тюремъ, не нуждающихся въ особенно значительномъ количествѣ земель свободныхъ и едва-ли могущихъ успѣшно содѣйствовать развитію нетронутыхъ богатствъ, которыя гораздо вѣрнѣе раскроетъ свободный трудъ, между тѣмъ какъ трудъ принудительный, не говоря уже о всѣхъ соединенныхъ съ нимъ ужасахъ, оказывается для этой цѣли негоднымъ, и, не смотря на мнимую свою дешевизну, въ окончательномъ выводѣ, несомнѣнно приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Группировка каторжныхъ тюремъ, согласно мнѣнію Коммисіи, въ одномъ мѣстѣ, была-бы предпріятіемъ, поражающимъ своею громадностью, до сихъ поръ не практиковавшимся и едва-ли полезнымъ. Накопленіе такихъ заведеній въ одной мѣстности, еслибы въ ней, по предположенію Коммисіи, поселять и всѣхъ каторжныхъ, отпускаемыхъ на поселеніе, угрожало-бы постоянно безопасности и благосостоянію того края, которому предназначалось-бы подобное населеніе. Задача государства состоитъ въ томъ, чтобы разобщать, а не группировать разлагающіе общество элементы. Существованіе большой тюрьмы, даже проживаніе на свободѣ большаго количества лицъ сомнительной нравственности, гораздо менѣе опасно въ большихъ центрахъ населенія, при тщательномъ надзорѣ не только полиціи, но и самаго свободнаго населенія, бдительно стоящаго на стражѣ своихъ собственныхъ интересовъ.

Выгоды отъ устройства каторжныхъ тюремъ въ Сибири, ожидаемыя

Коммисіею на случай перехода каторжныхъ на поселеніе, представляются, по мнѣнію Варшавскихъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, гораздо болѣе кажущимися, нежели дѣйствительными. Чтобы имѣть возможность говорить объ этихъ выгодахъ, надлежало-бы прежде всего изслѣдовать вопросъ о томъ, можно-ли переводъ каторжныхъ на поселеніе считать мѣрою необходимою и цѣлесообразною. Въ Объяснительной Запискѣ Коммисіи этотъ чрезвычайно важный во многихъ отношеніяхъ вопросъ вовсе поднимаемъ не былъ. Не смотря однакоже на это, соображенія Коммисіи представляютъ достаточныя данныя для разъясненія сего вопроса. Коммисія (стр. 18) находитъ особенно вреднымъ, чтобы на поселеніе ссылаемы были, напр., виновные въ поддѣлкѣ ассигнацій, осужденные за подлогъ, за грабежъ, за кражу и мошенничество, повторенныя нѣсколько разъ. По мнѣнію Коммисіи, совершенно справедливому, преступники этихъ категорій не обнаружатъ охоты селиться въ Сибири и заниматься тамъ постояннымъ трудомъ, а неизбѣжно будутъ стремиться или уйти изъ Сибири, или-же тамъ отыскивать себѣ средства содержанія незаконными путями. Водвореніе такихъ личностей властью Правительства Коммисія считаетъ неосуществимымъ въ большихъ размѣрахъ, такъ что, по мнѣнію Коммисіи, «едва-ли есть необходимость входить по этому предмету въ подробныя сужденія». Далѣе Коммисія замѣчаетъ, что «другихъ способовъ для осуществленія цѣлей ссылки не существуетъ», и, по мнѣнію ея, «не подлежитъ сомнѣнію, что эти цѣли не будутъ достигнуты при назначеніи въ ссылку людей, осужденныхъ за такія преступленія». Коммисія рѣшительно полагаетъ, что, «если разбойники, воры и подобные имъ люди, будутъ по прежнему удаляемы въ ссылки и оставляемы на свободѣ и просторѣ, то *причиняемыя ссылкою зло и бѣдствія не прекратятся*, преступники не перестанутъ скитаться и бродяжничать; населеніе по прежнему будетъ терпѣть отъ ихъ злодѣяній». Всѣ эти соображенія побудили Коммисію къ тому, чтобы ссылку на поселеніе назначать лишь за нѣкоторыя спеціальныя преступленія, не обнаруживающія порочной нравственности. «*Только при такомъ условіи*», по мнѣнію Коммисіи, «исполненіе этого наказанія не будетъ связано съ затрудненіями».

Но ежели преступники, назначаемые въ каторгу, согласно 2 п. ст. 14 проекта, будутъ поселяемы «въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ», т. е. именно въ Сибири, и вблизи каторжныхъ тюремъ, какъ предполагаетъ Коммисія, то именно разбойники, грабители и воры наполнятъ собою эти поселенія, и, какъ предполагаетъ Коммисія, они не перестанутъ скитаться и бродяжничать, вслѣдствіе чего вся страна будетъ страдать подъ гнетомъ ихъ злодѣяній, хотя и не въ такомъ значительномъ размѣрѣ, какъ нынѣ, ежели число ссыльныхъ на поселеніе уменьшится, но все-же тамъ останутся преступники

наиболѣе испорченные и закоренѣлые, которые будутъ играть главную роль въ этихъ поселеніяхъ.

Коль скоро цѣли ссылки, по мнѣнію Коммисіи, при такихъ условіяхъ, не могутъ быть достигнуты, то даже и предполагаемая мѣра—назначать поселеніе за дѣянія, обнаруживающія порочной нравственности, останется безусловно безуспѣшною и бѣдствія, причиняемыя ссылкою не прекратятся. Въ виду вышеизложеннаго Варшавскіе Присяжные Повѣренные усматриваютъ противорѣчіе между назначеніемъ поселенія за спеціальныя преступленія, не обнаруживающія порочной нравственности, и назначеніемъ того же наказанія, какъ дополнительнаго къ каторгѣ, за преступленія самыя безнравственныя и опасныя. Это противорѣчіе, по ихъ мнѣнію, можетъ разрѣшиться лишь тѣмъ, что ссылка на поселеніе не должна быть назначаема ни за тѣ, ни за другія преступленія, а, согласно съ выводами Коммисіи, всего менѣе за преступленія самыя тяжкія, наказываемыя каторгою. Если-же, съ точки зрѣнія интересовъ государственныхъ и общественныхъ, каторжниковъ, отбывшихъ наказаніе, не слѣдуетъ ссылать на поселеніе, то и сбереженія, предполагаемыя Коммисіею отъ устройства каторжныхъ тюремъ въ Сибири, по выходѣ каторжниковъ на поселеніе, окажутся неимѣющими цѣли и предмета: не нужно ссылать освобождаемыхъ изъ каторги на поселеніе, не будетъ на эту цѣль издержекъ, а слѣдовательно и о сбереженіяхъ рѣчи быть не можетъ.

Напротивъ того, устройство каторжныхъ тюремъ въ Сибири вызвало-бы громадные расходы, какъ на постройку гигантскихъ зданій, которыя оказались-бы необходимыми при скопленіи въ одной мѣстности каторжныхъ преступниковъ изъ всей Россіи, такъ и на пересылку ихъ въ эти отдаленныя мѣстности, совершенно безполезную.

Но эта пересылка не только безполезна. Она положительно вредна.

Независимо отъ непроизводительныхъ издержекъ, необходимымъ послѣдствіемъ ссылки преступниковъ въ отдаленную и безлюдную мѣстность является безусловное отреченіе общества отъ исполненія одной изъ благороднѣйшихъ своихъ задачъ, т. е. отъ исправленія преступниковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ числѣ преступниковъ можно встрѣтить весьма значительный, едва-ли не преобладающій, процентъ людей способныхъ, смышленныхъ и даже доступныхъ нравственному вліянію, часто вовлеченныхъ въ преступленіе лишь вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ и неумѣнія совладѣть съ ними, людей, которые при добросовѣстномъ и умѣломъ обращеніи съ ними, могли-бы еще возстановить свое человѣческое достоинство и принести извѣстную долю пользы обществу. Отправляя ихъ въ ссылку, общество отрѣзываетъ эту часть своего организма, не испытавъ

еще ея жизнеспособности. Конечно, для здоровыхъ частей общественнаго организма, и при отсутствіи сознанія своихъ обязанностей, по отношенію къ провинившимся, этотъ методъ, избавляющій отъ труда и хлопотъ, можетъ казаться удобнымъ, но едва-ли онъ согласенъ съ дѣйствительною, серьезною цѣлью жизни общественной. Основываясь на опытѣ, Варшавскіе адвокаты находятъ, что весьма значительный процентъ преступленій есть не что иное, какъ результатъ неисполненія обществомъ своихъ обязанностей по отношенію къ своимъ членамъ, недостатка заботливости о нравственномъ и умственномъ ихъ усовершенствованіи. Такая заботливость составляетъ одно изъ необходимыхъ условій и признаковъ нормальнаго развитія жизни общественной, она развиваетъ въ обществѣ гражданскія добродѣтели и служитъ полезнымъ упражненіемъ, пріучающимъ къ исполненію высшихъ гражданскихъ обязанностей.

Чуждаясь провинившихся и выбрасывая ихъ навсегда изъ нѣдръ своихъ, общество предаетъ ихъ, такъ-сказать, на произволъ судьбы и стихійныхъ силъ. Страданія, какимъ подвергаются люди, исторгнутые изъ природныхъ условій своего быта, невозможно считать возмездіемъ, соотвѣтственнымъ даже преступленіямъ самымъ возмутительнымъ. Эти страданія не искореняютъ зла, а, напротивъ, ведутъ за собою необходимо постепенный нравственный упадокъ осужденныхъ, отражающійся на обществѣ рядомъ звѣрскихъ злодѣяній, совершаемыхъ озлобленными преступниками и убивающихъ въ нихъ постепенно всѣ признаки существа человѣческаго. Наказаніе только тогда можетъ произвести свое спасительное дѣйствіе, когда осужденный не лишается безусловно участія въ жизни того общества, къ которому онъ принадлежитъ, съ которымъ его соединяютъ узы крови, языка и вѣры, передъ которымъ онъ сознаетъ себя отвѣтственнымъ, отъ котораго можетъ ожидать состраданія къ своей участи, и ея смягченія, въ которомъ онъ находитъ единственную для себя сферу дѣятельности.

По всѣмъ симъ соображеніямъ, Варшавскіе Присяжные Повѣренные полагаютъ, что каторжныя тюрьмы не должны быть устраиваемы въ Сибири, а напротивъ, что наказаніе каторжными работами, подобно какъ и другія наказанія, состоящія въ лишеніи свободы, должно быть отбываемо въ средѣ наиболѣе близкой и знакомой осужденнымъ, а именно въ округѣ той Судебной Палаты, въ которой совершено преступное дѣяніе, что обыкновенно совпадаетъ съ мѣстомъ рожденія и воспитанія осужденныхъ. Это правило должно быть положительно выражено въ текстѣ закона и служить краеугольнымъ камнемъ новой системы наказаній, которая, безъ сего начала, несомнѣнно не достигнетъ столь желательнаго и необходимаго улучшенія.

Согласно 2 п. ст. 14 и 4 п. ст. 15 проекта, приговоренные къ

каторгѣ и заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ, по отбытіи наказанія, «поселяются въ отведенныхъ для сего мѣстностяхъ». Читая эти слова, лицо, незнающее нашей дѣйствительности, едва-ли могло-бы догадаться, въ чемъ именно здѣсь дѣло. Съ перваго взгляда, можно-бы подумать, что здѣсь идетъ рѣчь только объ обезпеченіи мѣста жительства и быта людей отбывшихъ каторгу, потому что въ этомъ пунктѣ проекта не встрѣчается той опредѣлительности, съ которою нынѣ дѣйствующее уложеніе объявляетъ, что послѣдствіе осужденія въ каторгу есть, между прочимъ, по прекращеніи работъ, «поселеніе въ Сибири навсегда». Только послѣ сравненія ст. 14 съ ст. 16, 2 п. 21 ст. и особенно съ послѣдними пунктами ст. 25, становится яснымъ, что слова: «поселяются въ отведенныхъ для сего мѣстностяхъ», означаютъ поселеніе въ смыслѣ уголовнаго наказанія по отбытіи уже каторги, а объясненія Коммисіи окончательно разъясняютъ, что дѣло идетъ о поселеніи въ Восточной Сибири. Такимъ образомъ объясненія чрезвычайно усиливаютъ интенсивность наказанія, значащагося въ текстѣ закона, подобно тому, какъ это встрѣчается часто въ другихъ случаяхъ, хотя этого никогда нельзя считать желательнымъ.

Какъ бы то ни было, съ каторгою и заточеніемъ соединяется еще поселеніе и, притомъ, поселеніе въ Восточной Сибири.

Варшавскіе Присяжные Повѣренные встрѣчаютъ нѣкоторое затрудненіе въ опредѣленіи значенія этого наказанія. Оно не помѣщено въ лѣстницѣ главныхъ наказаній (ст. 2), ни въ поименованіи наказаній дополнительныхъ (ст. 3),—такъ что неизвѣстно, какое мѣсто слѣдуетъ отвести въ системѣ наказаній. Каторга, по ст. 2-й, есть наказаніе самостоятельное, поселеніе, по ст. 2-й, есть тоже наказаніе самостоятельное.—Назначеніе за одно и то же преступленіе каторги и поселенія имѣетъ такой видъ, что за одно преступное дѣяніе назначаются два наказанія,—что̀ представляется логически немыслимымъ. По какимъ соображеніямъ Коммисія сочла возможнымъ назначать эти два наказанія за одно преступленіе, этого изъ Объяснительной Записки разъяснить себѣ невозможно. Неизвѣстно, можно-ли предположить, что Коммисія послѣдовала въ этомъ отношеніи существующему порядку, системѣ нынѣ дѣйствующаго уложенія, не считая нужнымъ провѣрить эту систему, ея раціональность и цѣлесообразность. При передѣлкѣ нынѣшней системы на научныхъ основаніяхъ и на болѣе гуманныхъ, въ сравненіи съ нынѣшними, принципахъ, эта провѣрка не можетъ быть считаема излишнею.

До тѣхъ поръ, пока въ уложеніи соединено будетъ съ каторгою поселеніе, невозможно даже ставить въ параллель систему наказаній нынѣ дѣйствующаго и теперь предполагаемаго уложеній съ системою новѣйшихъ

европейскихъ уголовныхъ кодексовъ, изъ которыхъ ни въ одномъ не встрѣчается столь обременительное для подсудимыхъ удвоеніе наказанія. Тамъ, гдѣ, по другимъ кодексамъ, по отбытіи опредѣленнаго закономъ числа лѣтъ каторги, наказаніе оканчивается, по дѣйствующему уложенію и по проекту Коммисіи, оно только начинается. Отбывшій каторгу, въ каждомъ изъ европейскихъ государствъ, дѣлается человѣкомъ свободнымъ; между тѣмъ, по отбытіи каторги, на основаніи дѣйствующаго уложенія и проекта Коммисіи, начинается для осужденнаго новое наказаніе и притомъ наказаніе уголовное, сопряженное съ самыми тяжкими правопораженіями, начинается поселеніе, къ тому же еще безсрочное, которому осужденный не предвидитъ конца, раньше окончанія своей жизни; наказаніе, которое, по своей продолжительности, по лишенію приговоренныхъ родной почвы и роднаго очага, несравненно тяжелѣе даже отбытыхъ нѣсколькихъ лѣтъ каторги. Если наказаніе каторгою достигнетъ высшаго 15-ти-лѣтняго предѣла и за нимъ послѣдуетъ необходимое 10-ти-лѣтнее поселеніе, съ зависящимъ отъ усмотрѣнія административной власти его удлиненіемъ; ежели далѣе по 31-й статьѣ проекта, присоединятся къ этому восемь лѣтъ полицейскаго надзора, то вся средняя продолжительность жизни человѣка недостаточна для того, чтобы искупить послѣдствія одного мгновенія вины. Осужденный, влача десятки лѣтъ несчастную жизнь, лишается даже той увѣренности, которая для страждующихъ служитъ единственнымъ утѣшеніемъ и подкрѣпленіемъ среди лишеній: что наступитъ срокъ, въ который они должны кончиться. Въ кодексѣ Царства Польскаго 1818 г., незнавшемъ ссылки, сказано объ исполненіи наказанія, что, когда виновный отбылъ наказаніе, назначенное приговоромъ, то преступленіе погашается, осужденному возвращаются всѣ гражданскія права, ежели утрата или пріостановленіе оныхъ на извѣстное время не опредѣлены въ приговорѣ; что отбывшій наказаніе не долженъ встрѣчать ни отъ кого никакого препятствія въ пользованіи правами, которыхъ онъ не утратилъ, или пользованіе которыми ему возвращено послѣ пріостановленія, и при хорошемъ дальнѣйшемъ его поведеніи, никто не вправѣ попрекать его прежнимъ преступленіемъ (ст. 205). Такого правила, вполнѣ справедливаго и гарантирующаго личность преступника, не находится въ дѣйствующемъ уложеніи и въ проектѣ и, при накопленіи наказаній каторгою съ поселеніемъ и полицейскимъ надзоромъ, для отдѣльной личности, вмѣсто отрадной надежды на облегченіе, оно отодвигается въ незримую даль,—мѣсто надежды занимаетъ отчаяніе, ведущее къ новому преступленію и къ преждевременной гибели.

Назначеніе поселенія послѣ каторги, по убѣжденію Варшавскихъ адвокатовъ, не имѣетъ за себя ни юридическихъ, ни нравственныхъ основаній.

Оно, кажется, держится только обычаемъ, унаслѣдованнымъ пренебреженіемъ къ личности, впавшей въ преступленіе, пренебреженіемъ, которое отжило свой вѣкъ въ другихъ государствахъ и замѣнилось разумнымъ и доброжелательнымъ участіемъ къ судьбѣ приговоренныхъ. Вслѣдствіе укоренившагося обычая, для многихъ представляется чѣмъ-то непостижимымъ, чтобы преступника, по отбытій каторги, одарить полною свободою, съ которою напуганное воображеніе соединяетъ предвидѣніе цѣлаго ряда будущихъ злодѣяній освобожденнаго. Но подобное положеніе существуетъ и теперь, при отправленіи каторжныхъ, по отбытіи каторги, на поселеніе. Поселенецъ, выходя изъ острога на свободу, имѣетъ такую-же возможность совершить преступленіе, какъ и лицо, не ссылаемое на поселеніе: что онъ воруетъ, или убиваетъ не здѣсь, а въ Сибири, отъ этого не измѣняется ни вредность, ни преступность его дѣйствій. Но, будучи ссылаемъ на поселеніе, онъ въ своемъ безотрадномъ и безвыходномъ положеніи, находитъ новыя побужденія къ совершенію новыхъ преступленій, между тѣмъ, дѣлаясь свободнымъ и возвращаясь въ среду того общества, къ которому онъ принадлежитъ, получая возможность труда и честнаго заработка, подвергаясь предъ своимъ обществомъ отвѣтственности, которая постигнетъ его неминуемо и гораздо скорѣе здѣсь, чѣмъ въ Сибири, гдѣ онъ можетъ скитаться и безчинствовать цѣлые годы, состоя подъ бдительномъ надзоромъ и начальства, и самаго общества, дорожащаго своею безопасностью и спокойствіемъ, и умѣющаго ограждать свои интересы,—отбывшій наказаніе самъ теряетъ интересъ въ совершеніи новаго преступленія (*). Извѣстно, что повтореніе преступныхъ дѣяній несравненно чаще встрѣчается въ преступленіяхъ противъ собственности, за которыя виновные не наказываются ссылкою. У насъ, при дѣйствіи кодекса 1818 г., ссылки не было и это не отражалось на обществѣ никакими, особенно вредными послѣдствіями. Между тѣмъ теперь, хотя ссылка и существуетъ, общественная безопасность и спокойствіе отъ этого не особенно выигрываютъ.

Всѣ соображенія, приводимыя выше противъ поселенія, какъ наказанія самостоятельнаго и противъ отбыванія наказанія въ Сибири, вполнѣ примѣняются къ поселенію, какъ дополнительному наказанію къ каторгѣ. Вмѣсто каторжныхъ работъ въ Сибири, и вмѣсто неосуществимаго водворе-

---

(*) Для укрощенія неугомонныхъ государство имѣетъ впрочемъ въ запасѣ соотвѣтственныя мѣры строгости, какъ напр. указанныя въ 361 и 362 ст. германскаго уложенія,— кромѣ ареста, еще такъ называемую correctionelle Nachhaft, которую можно-бы распространить на неисправляющихся и рецидивистовъ (впрочемъ безъ употребленія ихъ въ общественныя работы).

нія тамъ властью Правительства отбывшихъ каторгу осужденныхъ, необходимо лишь преобразованіе мѣстныхъ тюремъ, находящихся въ округѣ каждой Судебной Палаты, назначеніе ихъ для лицъ, приговариваемыхъ къ каторгѣ въ этомъ-же округѣ, и наконецъ содѣйствіе Правительства и общества ко введенію тѣхъ учрежденій, которыя извѣстны на западѣ подъ именемъ патронатствъ, гораздо дѣйствительнѣе и полезнѣе для общества, разрѣшающихъ ту задачу, которой дополнительное поселеніе разрѣшить не можетъ. Варшавскіе Присяжные Повѣренные увѣрены, что въ ихъ краѣ общество, при соотвѣтственномъ содѣйствіи Правительства, вполнѣ способно сознать и исполнить эту задачу (*), а потому поселеніе, какъ дополнительное наказаніе къ каторгѣ (2-й пунктъ статьи 14-й проекта), должно быть исключено изъ новаго уложенія.

3. Способъ содержанія.

По проекту Редакціонной Коммисіи, приговоренные къ каторгѣ и къ заточенію содержатся въ общемъ заключеніи, но съ разобщеніемъ на ночь. Приговоренные къ исправительному дому содержатся первые 6 мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, а потомъ въ общемъ, но съ разобщеніемъ на время свободное отъ работъ и на ночь. Приговоренные къ тюрьмѣ содержатся въ одиночномъ заключеніи, но, при усмотрѣнной врачемъ опасности одиночнаго содержанія для здоровья заключеннаго, управленію тюрьмы предоставлено право содержать его, временно, совмѣстно съ другими заключенными. Приговоренные къ аресту содержатся въ общемъ заключеніи, но, по ихъ просьбѣ, могутъ быть, по распоряженію управленія, содержимы и въ одиночномъ заключеніи.

Съ своей стороны Варшавскіе Присяжные Повѣренные полагаютъ, что опредѣленіе способа содержанія заключенныхъ относится болѣе къ тюремной инструкціи, чѣмъ къ уголовному уложенію, въ которомъ должны быть изложены только существенные признаки наказанія и въ которомъ слѣдуетъ избѣгать подробностей, часто могущихъ измѣняться, которыми неудобно наполнять уложеніе, долженствующее содержать въ себѣ только постановленія постоянныя и неизмѣнныя.

Къ существу наказанія относится несомнѣнно вопросъ о примѣненіи одиночнаго заключенія, какъ мѣры, съ одной стороны усиливающей наказа-

---

(*) Указаніемъ на это служитъ участіе мѣстнаго общества къ земледѣльческимъ колоніямъ для малолѣтныхъ преступниковъ и достигаемые тѣмъ результаты.

ніе, а съ другой—дѣлающей его болѣе дѣйствительнымъ и болѣе соотвѣтственнымъ цѣли исправленія. Но самый способъ раціональнаго примѣненія этой мѣры зависитъ отъ столь многихъ и разнообразныхъ, внѣшнихъ и индивидуальныхъ условій, что условія эти не могутъ быть надлежащимъ образомъ предвидѣны и опредѣлены закономъ, а потому въ законѣ слѣдуетъ допустить только возможность примѣненія одиночнаго заключенія, пріискавъ при этомъ такую формулу, которая не стѣсняла-бы судебную власть, а предоставляла-бы ей право примѣнить эту мѣру, сообразно съ каждымъ отдѣльнымъ случаемъ.

Что касается до примѣненія одиночнаго заключенія, то проектъ, постановляя содержаніе приговоренныхъ къ каторгѣ и заточенію свыше шести лѣтъ въ общемъ заключеніи, очевидно устраняетъ одиночное заключеніе для приговоренныхъ къ этимъ наказаніямъ, а именно устраняетъ оное *на день*. Но, съ другой стороны, проектъ вводитъ эту мѣру въ каторжныхъ тюрьмахъ и въ заточеніи, постановляя разобщеніе *на ночь*. Сія послѣдняя мѣра представляется несомнѣнно полезною, такъ-какъ общее заключеніе на ночь, на основаніи опыта, слѣдуетъ считать лишь школою разврата и преступленія. Но коль скоро въ проектѣ допускается разобщеніе на ночь, то это постановленіе предполагаетъ уже такое устройство каторжныхъ тюремъ и заточенія, что въ нихъ могло-бы быть примѣнено и разобщеніе на день, т. е. полное одиночное заключеніе. Почему однакоже Коммисія, допуская разобщеніе на ночь, не допускаетъ разобщенія на день, этого изъ Объяснительной Записки нельзя достаточно себѣ уяснить. Поводомъ къ этому можно-бы считать развѣ только употребленіе арестантовъ на общественныя работы. Но отбываніе работъ общественныхъ не составляетъ непремѣннаго условія каторжныхъ работъ, а, напротивъ, оно можетъ быть замѣнено работами индивидуальными, внутри тюремнаго помѣщенія, почему этотъ аргументъ для примѣненія общаго заключенія падаетъ. Исключеніе Коммисіею одиночнаго заключенія въ каторгѣ и въ заточеніи, можно-бы еще объяснить развѣ тѣмъ, что законодательство не преслѣдуетъ въ каторгѣ и въ заточеніи цѣли исправленія преступниковъ. Но такое предположеніе было-бы опять несогласно съ здравыми началами законодательства. Поэтому одиночное заключеніе должно быть допущено и въ каторгѣ, и въ заточеніи, съ соблюденіемъ однако необходимыхъ предосторожностей.

Принятый Коммисіею срокъ одиночнаго заключенія въ исправительномъ домѣ лишь на первые 6 мѣсяцевъ, представляется недостаточнымъ, такъ-какъ срокъ этотъ можетъ оказаться слишкомъ короткимъ для исправленія, которое, при этомъ наказаніи, главнымъ образомъ должно быть имѣемо

въ виду. Съ другой стороны, одиночное заключеніе въ тюрьмѣ на все время содержанія, т. е. на одинъ годъ и даже на два года, является опять мѣрою несоразмѣрно строгою.

По мнѣнію Варшавской адвокатуры, одиночное заключеніе должно быть допущено для всѣхъ видовъ лишенія свободы, не исключая и каторги и даже ареста. Но назначеніе его должно быть только допущено, а не предписано закономъ. Примѣненіе этой мѣры къ отдѣльнымъ случаямъ должно быть предоставлено усмотрѣнію суда при постановленіи приговора, съ тѣмъ однакоже, чтобы срокъ одиночнаго заключенія для приговоренныхъ къ заключенію не свыше трехъ лѣтъ не превышалъ одного года, для приговоренныхъ-же къ заключенію свыше трехъ лѣтъ, чтобы одиночное заключеніе было назначаемо на время не свыше одной трети всего срока наказанія (по германской системѣ, но съ измѣненіями). Кромѣ того, въ случаяхъ опасности одиночнаго заключенія для здоровья заключенныхъ, одиночное заключеніе должно быть замѣняемо общимъ, по распоряженію наблюдательной коммисіи.

4. Употребленіе на работы и вознагражденіе за оныя.

Употребленіе арестантовъ на работы, или занятіе ихъ работами по ихъ выбору, принадлежитъ къ существу наказанія, а поэтому должно найти себѣ мѣсто въ уложеніи. По мнѣнію Варшавскихъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, принудительное употребленіе на работы, по назначенію тюремнаго управленія, должно имѣть мѣсто только для содержащихся въ каторжныхъ тюрьмахъ и въ исправительномъ домѣ (по ихъ предположенію, соединяемомъ съ наказаніемъ тюрьмою), такъ-какъ всѣ преступленія и проступки, облагаемые этими наказаніями, предполагаются истекающими изъ позорныхъ побужденій. Напротивъ того приговоренные къ заточенію, хотя-бы и свыше 6 лѣтъ, должны заниматься работами по ихъ выбору, въ виду того обстоятельства, что преступленія, наказываемыя заточеніемъ, не предполагаются истекающими изъ позорныхъ побужденій, слѣдовательно въ исполненіи этого наказанія необходимо сохранить особенный его характеръ. Потому 2 й періодъ 3-го пункта ст. 15 проекта подлежитъ исключенію.

Употребленіе содержащихся въ каторжныхъ тюрьмахъ и въ исправительномъ домѣ на работы внѣ помѣщенія Варшавскіе адвокаты признаютъ въ принципѣ зломъ, котораго слѣдуетъ избѣгать или которое надлежитъ по крайней мѣрѣ обставить условіями, предотвращающими вредныя отъ него

послѣдствія. Работы внѣ помѣщенія съ одной стороны навлекаютъ позоръ на арестантовъ, лишаютъ ихъ остатка чувства чести и стыда, представляютъ свободнымъ лицамъ случай издѣваться надъ арестантами, подозрительнымъ личностямъ облегчаютъ нежелательныя съ арестантами сношенія, наконецъ представляютъ вредный примѣръ для бѣдныхъ свободныхъ рабочихъ, для которыхъ можетъ быть соблазнительно видѣть, что арестанты, работая лѣниво и плохо, однакоже имѣютъ обезпеченное содержаніе. Поэтому принудительныя общественныя работы арестантовъ должны быть отбываемы внутри тюремнаго заведенія или, по крайней мѣрѣ, въ его оградѣ, въ хорошо провѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ, или на свѣжемъ воздухѣ, для охраненія здоровья арестантовъ, или наконецъ въ замкнутыхъ земледѣльческихъ колоніяхъ. Работы внѣ заведенія, ежели онѣ окажутся необходимыми, по мнѣнію представителей Варшавской адвокатуры, должны быть отбываемы вдали отъ жилыхъ помѣщеній свободнаго населенія и съ безусловнымъ разобщеніемъ арестантовъ отъ свободныхъ работниковъ.

Представлялось-бы полезнымъ упомянуть въ самомъ законѣ, какъ это имѣло мѣсто въ кодексѣ Царства Польскаго 1818 г. (ст. 31, 32), что арестанты будутъ употребляемы на работы, насколько это дозволитъ состояніе ихъ здоровья и силъ. Хотя условіе это довольно эластично и, собственно говоря, должно-бы подразумѣваться само собою, но опытъ указываетъ, что помѣщеніе этого условія не было-бы излишнимъ: оно могло-бы предотвратить разныя злоупотребленія, приговореннымъ-же доставило-бы то отрадное сознаніе, что законъ, наказывая ихъ, не забываетъ въ нихъ, однакоже, правъ существа человѣческаго.

Далѣе относительно вознагражденія за работы Варшавскіе адвокаты полагаютъ, что этотъ предметъ не относится къ существу наказанія, а составляетъ обстоятельство второстепенное, о которомъ слѣдуетъ упомянуть въ уставѣ о содержащихся подъ стражею, но котораго не слѣдуетъ вводить въ законъ уголовный, постановляющій только наказанія, а не награды за преступленіе.

По существу вопроса о вознагражденіи за работы они полагаютъ, что права на вознагражденіе не должны быть лишаемы и содержащіеся въ каторжныхъ тюрьмахъ. Засимъ они не находятъ основанія, по которому весь чистый доходъ отъ работы приговоренныхъ къ заточенію и къ аресту обращается въ ихъ пользу, а для содержащихся въ исправительномъ домѣ и въ тюрьмѣ—назначается только одна треть или половина этого дохода. По ихъ мнѣнію, никто изъ содержащихся въ заключеніи, начиная съ каторжной тюрьмы и оканчивая арестомъ, не исключая даже заточенія, не долженъ получать всего чистаго дохода отъ своей работы. Всѣ они содержатся въ

заключеніи по своей собственной винѣ; содержаніе всѣмъ имъ доставляетъ государство; они должны по крайней мѣрѣ отчасти искупить свою вину и причиняемыя ею государству издержки соотвѣтственными вычетами изъ вознагражденія за ихъ работу. Потому Варшавскіе Присяжные Повѣренные полагали-бы умѣстнымъ, чтобы въ пользу содержащихся во всѣхъ мѣстахъ заключенія, начиная съ каторги и до ареста, не исключая заточенія, въ пользу арестантовъ обращаемо было не болѣе двухъ третей чистаго дохода, остальная-же часть была-бы назначаема на содержаніе мѣстъ заключенія.

Предположенная въ проектѣ система карательныхъ мѣръ вызываетъ со стороны Главнаго Военно-Морскаго Прокурора слѣдующее замѣчаніе: съ теоретической точки зрѣнія нельзя конечно ничего возразить противъ стремленія проекта перенести центръ тяжести нашей карательной лѣстницы на такое наказаніе, которое, по общему признанію, будучи правильно организовано, способно не только карать, но и нравственно исправлять преступника. Но къ осуществленію этого стремленія есть весьма важное препятствіе, съ которымъ редакторы проекта, повидимому, не считались въ достаточной степени, почему и новый кодексъ врядъ-ли избѣгнетъ дѣлаемаго ими нынѣшнему уложенію упрека, что при немъ, вслѣдствіе излишняго разнообразія формъ лишенія свободы, приходится одно наказаніе замѣнять другимъ, причемъ «угроза закона и мѣра взысканія, налагаемая судьею, становятся мертвою буквою (Объясн. Зап. стр. 76)». Въ самомъ дѣлѣ, не говоря о каторжныхъ тюрьмахъ для мужчинъ, которыя предполагаются организованными надлежащимъ образомъ, по проекту у насъ должны быть слѣдующія, различныя по устройству, мѣста заключенія: а) особыя отдѣленія при исправительныхъ домахъ, для отбыванія каторги лицами женскаго пола; б) крѣпости для заточенія въ общемъ заключеніи, но съ разобщеніемъ на ночь и рабочими камерами; в) особыя и такъ-же приспособленныя помѣщенія для той-же цѣли, на случай неимѣнія мѣста въ крѣпостяхъ; г) исправительные дома, частью одиночной, частью смѣшанной системы, т. е. съ разобщеніемъ на ночь и на время свободное отъ занятій; д) собственно тюрьмы келейнаго устройства съ рабочими залами и помѣщеніями для общаго, по требованію врача, содержанія заключенныхъ; е) арестные дома общаго устройства, но съ рабочими камерами и келейными помѣщеніями для желающихъ содержаться въ одиночномъ заключеніи, наконецъ ж) исправительно-воспитательныя заведенія—для замѣны извѣстныхъ наказаній малолѣтнымъ отъ 10—17 лѣтъ, признаннымъ дѣйствовавшими съ разумѣніемъ. Одного перечня столь разнообразныхъ мѣстъ заключенія, долженствующихъ быть устроенными на всемъ

протяженіи Россійской Имперіи и Царства Польскаго, достаточно, по мнѣнію Статсъ-Секретаря Яневича-Яневскаго, чтобъ усомниться въ возможности дѣйствительнаго примѣненія проектируемыхъ типовъ лишенія свободы въ близкомъ будущемъ, особливо, если сообразить, для примѣрнаго сравненія, что въ такомъ небольшомъ государствѣ, какъ Голландія, новое уголовное уложеніе 1881 г., основанное на этомъ наказаніи, до сихъ поръ не введено еще въ дѣйствіе, за неимѣніемъ потребнаго количества тюремъ, не смотря на то, что тамъ уже давно существуютъ два образцовыя пенитанціальныя учрежденія въ Утрехтѣ и Амстердамѣ. Если-же принять во вниманіе, какъ усматривается изъ послѣдняго отчета нашей тюремной администраціи (*): 1) что, при настоящемъ положеніи тюремнаго дѣла въ Россіи, не только устройство новыхъ, подобныхъ проектируемымъ пенитенціарныхъ учрежденій, но и примѣненіе къ существующимъ уже тюрьмамъ «сколько-нибудь удовлетворительнаго порядка содержанія арестантовъ (въ смыслѣ ночнаго разъединенія) находится почти внѣ всякой возможности» (стр. 7); 2) что, по случаю крайней недостаточности денежныхъ средствъ, чрезвычайнаго переполненія мѣстъ заключенія и разрушающагося состоянія тюремныхъ зданій, необходимо первѣе всего прійти на помощь этимъ наиболѣе неотложнымъ потребностямъ (стр. 31); 3) что на одно ремонтное поддержаніе тюремъ понадобилось-бы отпускать въ распоряженіе Главнаго Тюремнаго Управленія не менѣе 1.000.000 р. въ годъ, «продолжая такой усиленный отпускъ денегъ по крайней мѣрѣ въ теченіи 3 лѣтъ» (стр. 22), и 4) что, къ 1 Января 1882 г., весь такъ-называемый сборный тюремный капиталъ, предназначенный исключительно на постройку новыхъ и капитальное переустройство существующихъ мѣстъ заключенія, равнялся всего 1.969.176 р., т. е. составлялъ такую сумму, которой, по стоимости келейныхъ сооруженій, едва хватитъ на возведеніе одного, много двухъ центральныхъ исправительныхъ домовъ или тюремъ по одиночной системѣ; если, притомъ, взять въ разсчетъ, что, съ изъятіемъ ссылки на поселеніе изъ лѣстницы общихъ наказаній и предположеннымъ ограниченіямъ преступленій, обложенныхъ каторжными работами, число лицъ, отдаваемыхъ въ мѣста заключенія, еще болѣе увеличится, то станетъ очевиднымъ, что задуманной составителями проекта системѣ наказаній лишеніемъ свободы по пенитенціарнымъ началамъ еще на долго суждено оставаться въ области теоріи.

Практическому нынѣ примѣненію этихъ наказаній, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которымъ предположено дать наибольшее развитіе (исправи-

(*) Отчетъ по Главному Тюремному Управленію за время съ 16 Іюня 1880 г. по 1 Января 1882 года.

тельный домъ и тюрьма) препятствуютъ, впрочемъ, кромѣ матеріальныхъ, еще и преграды другаго, высшаго порядка, кроющіяся въ нашихъ соціальныхъ и культурныхъ условіяхъ. Таковы удостовѣряемыя приведеннымъ отчетомъ тюремной администраціи: а) отсутствіе сколько-нибудь удовлетворительнаго и подготовленнаго личнаго состава служащихъ, а слѣдовательно и управленія и надзора въ тюрьмахъ (стр. 52, 61, 63 и 70); б) невозможность, вслѣдствіе этого и за неимѣніемъ средствъ и мѣста, организовать трудъ арестантовъ, бездѣйствіе коихъ, по словамъ отчета (стр. 60), составляетъ «зло повсемѣстное и глубоко укоренившееся»; в) пассивное, въ нравственномъ смыслѣ, отношеніе къ дѣлу мѣстныхъ органовъ Общества Попечительнаго о Тюрьмахъ, несмотря на множество ихъ Вице-Президентовъ (154), Директоровъ (5048), Директрисъ (116) и Членовъ (стр. 48), а главнымъ образомъ то обстоятельство, что до сихъ поръ у насъ ровно ничего не сдѣлано по части реальнаго обученія, умственнаго развитія и религіознаго назиданія заключенныхъ, такъ что въ отчетѣ нѣтъ даже рубрикъ, соотвѣтствующихъ этимъ понятіямъ.

Замѣчателенъ констатируемый тѣмъ-же отчетомъ фактъ, что сама тюремная архитектура у насъ не получила еще никакого развитія (стр. 45) и что «отсутствіе или недостатокъ спеціальныхъ тюремно-строительныхъ знаній замѣчается даже среди техниковъ, которыми могло-бы располагать центральное тюремное управленіе» (стр. 46).

Въ виду всего этого, Статсъ-Секретарь Яневичъ-Яневскій находитъ, что было-бы напрасно обольщать себя надеждою на возможность приложенія упомянутыхъ типовъ лишенія свободы *на дѣлѣ*, согласно мысли проекта, не только ко времени утвержденія новаго закона, но и въ неотдаленномъ будущемъ. А между тѣмъ, потребность въ новомъ уложеніи, согласованномъ съ новымъ судопроизводствомъ, настоятельно ощущается какъ въ гражданскомъ, такъ и въ военномъ вѣдомствахъ, по уставамъ коихъ (ст. 1), въ случаяхъ, когда сими уставами не постановлено изъятій или особыхъ правилъ, къ лицамъ, подлежащимъ дѣйствію военно-уголовныхъ законовъ, примѣняются, относительно преступленій и наказаній, общія, существующія въ государствѣ уголовныя узаконенія. При такихъ обстоятельствахъ и при невозможности проектированныя наказанія лишеніемъ свободы, впредь до устройства соотвѣтственныхъ имъ мѣстъ заключенія, исполнять по существующимъ нынѣ постановленіямъ, остается, по его убѣжденію, одно изъ двухъ: или, по примѣру дѣйствующаго уложенія, внести въ новый законъ правила о замѣнѣ одного вида лишенія свободы другимъ, сколь это ни мало желательно для дѣйствительности уголовной угрозы, или измѣнить проектированную лѣстницу наказаній, въ смыслѣ расширенія примѣненія

ссылки, въ пользу которой, по отношенію къ рецидивистамъ, неисправимымъ преступникамъ и бродягамъ, совершается теперь замѣтный поворотъ общественнаго мнѣнія во Франціи.

Изъ Объяснительной Записки не видно, былъ-*ли*, при разработкѣ Редакціонною Коммисіею настоящаго предмета столь капитальной важности, приглашенъ *для* совѣщанія представитель Главнаго Тюремнаго Управленія. Между тѣмъ, присутствіе въ Коммисіи такого лица было-бы въ этомъ случаѣ не менѣе полезно, чѣмъ приглашеніе въ нее представителя Министерства Иностранныхъ Дѣлъ *для* разъясненія вопроса о подсудности нашимъ законамъ китайцевъ.

Относительно принятой въ проектѣ системы наказаній Сенаторъ А. К. Фриде высказываетъ слѣдующее замѣчаніе: въ соображеніяхъ Коммисіи при Государственномъ Совѣтѣ, съ которыми, въ главныхъ чертахъ, согласился и Государственный Совѣтъ, принято то начало, что вся система наказаній должна основываться, преимущественно, на лишеніи свободы и что это лишеніе, хотя можетъ быть квалифицированное и неквалифицированное, но, во всякомъ случаѣ, должно быть установлено такимъ образомъ, чтобы каждый меньшій родъ наказанія заключался въ лишеніи свободы (въ томъ или иномъ помѣщеніи) *на менѣе продолжительный срокъ*. Выраженіе сего начала, съ правильностью котораго можно согласиться или не соглашаться по теоріи, составляетъ, однако, и по мнѣнію Редакціонной Коммисіи, болѣе или менѣе совершившійся фактъ, и, кромѣ того, оно представляется, по мнѣнію г. Фриде, по отношенію *къ преступленіямъ и проступкамъ*, довольно желательнымъ. Конечно и Коммисія при Государственномъ Совѣтѣ не вполнѣ строго провела принятое ею-же начало, ибо она установила лишеніе свободы безъ срока съ каторжною работою, лишеніе свободы отъ 15—4-хъ лѣтъ съ каторжною работою, лишеніе свободы отъ 6 лѣтъ до одного года съ заключеніемъ въ исправительный домъ, лишеніе свободы отъ одного года до 2-хъ недѣль и лишеніе свободы арестомъ до 3-хъ мѣсяцевъ; но непослѣдовательность Коммисіи выразилась въ существѣ только въ допущеніи 6-ти-лѣтняго срока *для* содержанія въ исправительномъ домѣ, вмѣсто 4-хъ-лѣтняго, и въ установленіи *4-хъ-лѣтняго* содержанія въ каторжной тюрьмѣ низшею степенью этого наказанія, вмѣсто *6-ти-лѣтняго* срока, а равно въ установленіи ареста до 3-хъ мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ низшая степень содержанія въ тюрьмѣ, въ которой часто отбывается и арестъ, установленъ ею въ 2 недѣли. Но эта незначительная непослѣдовательность вполнѣ устранена и исправлена Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государствен-

наго Совѣта отъ 11 Декабря 1879 г. (Собр. Узак. 1879 г., № 914), въ которомъ, для руководства при предстоящемъ пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ, приняты, на будущее время, слѣдующіе виды сопряженныхъ съ лишеніемъ свободы наказаній уголовныхъ и исправительныхъ: а) *ссылка на каторгу* безъ срока и на срокъ; б) *заключеніе въ исправительномъ домѣ* на время до *шести* лѣтъ; в) *заключеніе въ тюрьмѣ* на время до одного года; г) *арестъ* до трехъ мѣсяцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено (п. 2), что сроки каторжныхъ работъ, а равно сроки содержанія въ мѣстахъ заключенія имѣютъ быть перемѣнены, при пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ, не выходя однако, въ отношеніи къ наказаніямъ исправительнымъ, изъ означенныхъ въ п. 1 *высшихъ предѣловъ* содержанія въ исправительномъ домѣ, въ тюрьмѣ и подъ арестомъ. При этомъ должно быть наблюдаемо, чтобы низшая степень заключенія въ исправительномъ домѣ ни въ какомъ случаѣ не была менѣе тяжкою въ сравненіи съ высшею степенью заключенія въ тюрьмѣ. Вотъ преподанныя Государственнымъ Совѣтомъ начала.

Вмѣсто этого въ новомъ проектѣ уложенія уже лѣстница такъ-называемыхъ ординарныхъ наказаній (т. е. содержаніе въ каторжной тюрьмѣ, въ исправительномъ домѣ, въ тюрьмѣ и въ арестныхъ домахъ), въ отличіе отъ экстраординарныхъ, замѣняющихъ первыя наказанія (заточеніе и поселеніе), является въ слѣдующемъ видѣ: каторга *безсрочная*; каторга отъ 20—5 лѣтъ; исправительный домъ отъ 10 л. (вмѣсто 6 лѣтъ) до 1 года; тюрьма отъ 2 лѣтъ (вмѣсто 1 года) до 2 недѣль; арестъ отъ 1 года (вмѣсто 3 мѣсяцевъ) до одного дня, и хотя 10-ти-лѣтній срокъ исправительнаго дома и 2-хъ-лѣтній срокъ тюрьмы сохраненъ только для случаевъ, предусмотрѣнныхъ ст. 56, но, во первыхъ, ни изъ чего не видно, чтобы Государственный Совѣтъ, говоря о наивысшемъ срокѣ содержанія въ исправительномъ домѣ и тюрьмѣ, не имѣлъ въ виду и случая, предусмотрѣннаго въ ст. 56, а во вторыхъ, если Государственный Совѣтъ въ своихъ соображеніяхъ и не касался вопросовъ о совокупности и повтореніи, то, по отношенію къ аресту, установленный въ проектѣ шестимѣсячный, обыкновенный, срокъ, все же *вдвое* больше установленнаго Совѣтомъ (3-хъ-мѣсячнаго) срока. Такимъ образомъ, независимо отъ несоблюденія указаннаго Государственнымъ Совѣтомъ *maximum'a* лишенія свободы, исходною точкою вообще принятъ Коммисіею, при установленіи лѣстницы наказаній, не этотъ maximum возможнаго лишенія свободы, а *minimum* возможнаго *смягченія* наказанія судомъ, который въ дѣйствительности, быть-можетъ, примѣнится только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, и, кажется, *не лишеніе* свободы принято Коммисіею главнымъ руководящимъ началомъ при установленіи лѣстницы наказаній, а скорѣе прежняя *терминологія:* каторга, исправительный домъ, тюрьма и арестъ, и въ этихъ терми-

нахъ усматривается уже какая-то самостоятельность. Въ силу этого каждое изъ сихъ наказаній представляется какъ-бы «родовымъ понятіемъ наказанія», на столько отличающимся отъ прочихъ сравнительною своею строгостью или мягкостью, что, по мнѣнію составителей проекта, какъ видно изъ ст. 55 проекта, только 10-ти-лѣтнее содержаніе въ исправительномъ домѣ, 15-ти-лѣтнее содержаніе въ тюрьмѣ, 20-ти-лѣтнее заточеніе и 30-ти-лѣтнее содержаніе въ арестномъ домѣ, можно сравнить съ 5-ти-лѣтнею каторгою. Но такой взглядъ представляется, по мнѣнію А. К. Фриде, несогласнымъ съ жизнію и отвѣтъ на вопросъ, предложенный подсудимому, предпочитаетъ ли онъ быть заключеннымъ въ каторжную тюрьму на 5 лѣтъ или въ арестномъ на 30 лѣтъ (т. е. въ большинствѣ случаевъ на всю жизнь), не можетъ быть сомнителенъ. Независимо отъ сего каторжными работами можетъ завѣдывать человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, который сознаетъ, что необходимо принять въ соображеніе какъ прежнюю жизнь преступника, такъ и поведеніе его во время отбыванія имъ наказанія и который поэтому въ самыхъ широкихъ предѣлахъ воспользуется правомъ, предоставленнымъ ему 21 ст. проекта, а исправительнымъ домомъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ, можетъ завѣдывать человѣкъ, не допускающій никакого снисхожденія и не пользующійся вовсе правомъ, предоставленнымъ ему ст. 22 проекта, и при такомъ предположеніи, не только 10-ти-лѣтнее, а даже 5-ти-лѣтнее содержаніе въ исправительномъ домѣ окажется, быть можетъ, хуже 5-ти-лѣтней каторги. Совсѣмъ другое значеніе получитъ лѣстница наказаній, означенная въ п. 2, 5, 6 и 7 ст. 2 проекта, если вся эта статья будетъ изложена слѣдующимъ образомъ: «Наказанія обыкновенныя суть:

лишеніе свободы,

денежная пеня».

Затѣмъ, *въ новой* статьѣ, слѣдовало-бы изложить: «лишеніе свободы бываетъ:

пожизненное, въ каторжной тюрьмѣ;

отъ 15 до 6 лѣтъ въ каторжной тюрьмѣ;

отъ 6 лѣтъ до одного года въ исправительномъ домѣ;

отъ 1 года до 3 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ;

отъ 3-хъ мѣсяцевъ до одного дня подъ видомъ ареста».

При такой редакціи, вполнѣ согласной съ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта отъ 11 Декабря 1879 г., высшая мѣра каждой низшей степени наказанія *близко* подходитъ къ низшей мѣрѣ *высшей степени*, ибо, хотя maximum срока каждой низшей степени равенъ minimum'у предъидущей высшей степени, разницу въ наказаніи составляетъ самый характеръ того мѣста заключенія, въ которое преступникъ

будетъ помѣщенъ. При такомъ изложеніи первой статьи о наказаніяхъ все дѣло будетъ уже заключаться въ томъ, чтобы, при редакціи отдѣльныхъ статей спеціальной части уложенія, разграничивать строго преступленія, подвергающія виновныхъ *каторгѣ, исправительному дому, тюрьмѣ или аресту и денежному штрафу или пени*, при этомъ, конечно, денежная пеня должна быть установлена въ такомъ размѣрѣ, чтобы, при замѣнѣ оной арестомъ, *высшій размѣръ* денежнаго взысканія, по принятому правилу зачета, не превышалъ опять 3 мѣсяцевъ ареста.

Если-же засимъ будетъ признано, что разница между 6-ти-лѣтнею каторгою и 6-ти-лѣтнимъ заключеніемъ въ исправительный домъ, между заключеніемъ въ этотъ послѣдній на годъ и годовымъ тюремнымъ заключеніемъ и между заключеніемъ въ тюрьмѣ на 3 мѣсяца и трехмѣсячнымъ арестомъ слишкомъ велика, чего г. Фриде, съ своей стороны, не находитъ, то можно было-бы данную статью изложить слѣдующимъ образомъ:

«Лишеніе свободы бываетъ:
пожизненное въ каторжной тюрьмѣ;
въ той-же каторжной тюрьмѣ на срокъ не свыше 15-ти-лѣтъ;
въ исправительномъ домѣ на срокъ не свыше 6-ти лѣтъ;
въ тюрьмѣ на срокъ не свыше одного года;
подъ видомъ ареста на срокъ не свыше 3-хъ мѣсяцевъ».

При этой редакціи, предоставляющей суду полную свободу въ назначеніи, въ томъ и другомъ случаѣ, меньшей мѣры лишенія свободы, въ извѣстныхъ, указанныхъ закономъ, предѣлахъ, всѣ неудобства могутъ быть устранены, если только, при редакціи особенной части, сроки каждаго отдѣльнаго вида лишенія свободы не будутъ слишкомъ спеціализированы. Что касается случая, предусмотрѣннаго ст. 56 проекта, если уже признать, что онъ не былъ въ виду Совѣта, то лучше, по всѣмъ родамъ лишенія свободы, выразить общее правило, что:

«въ случаѣ, указанномъ въ ст. 56, всѣ виды лишенія свободы могутъ быть увеличены на одну треть»; тогда наивысшимъ срокомъ каторги будетъ тотъ же 20-ти-лѣтній срокъ, который указанъ въ проектѣ; наивысшимъ срокомъ содержанія въ исправительномъ домѣ будетъ 8-ми-лѣтній срокъ; наивысшимъ срокомъ тюремнаго заключенія 1 годъ и 4 мѣсяца; наивысшимъ срокомъ ареста 8-ми-мѣсячный срокъ.

Эти сроки, по мнѣнію Сенатора А. К. Фриде, вполнѣ достаточны и кромѣ того всѣ принципы, высказанные въ Совѣтѣ, будутъ сохранены.

По отзыву Прокурора Харьковской Судебной Палаты Закревскаго, Коммисія предлагаетъ установить слишкомъ сложную систему наказаній. Соображенія, ею высказываемыя относительно принятой въ дѣйствующемъ правѣ системы наказаній, въ которой она признаетъ многое излишнимъ и не имѣющимъ практическаго значенія, относятся въ полной силѣ и къ той новой системѣ, которою предполагается замѣнить прежнюю.

Такія наказанія, какъ *заточеніе* и *исправительный домъ*, совершенно излишни. Они безъ всякой пользы усложняютъ лѣстницу наказаній и, сверхъ того устанавливаютъ такого рода кары, которыя, еслибы даже и была доказана—чего Коммисія не умѣла кажется сдѣлать—необходимость ихъ существованія съ теоретической точки зрѣнія, во всякомъ случаѣ, въ дѣйствительности существовать не будутъ, такъ-какъ едва-ли возможно разсчитывать на то, чтобы наше правительство, при отсутствіи денежныхъ средствъ на устройство и содержаніе правильно организованныхъ мѣстъ заключенія вообще, рѣшилось-бы учредить такое число ихъ, съ подраздѣленіемъ на различные типы, которое соотвѣтствовало-бы предположеніямъ Коммисіи. Зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ создавать завѣдомо на бумагѣ то, что въ жизни существовать не будетъ? Пусть устроятся хорошія каторжныя и простыя тюрьмы и арестные дома; пусть введутъ въ нихъ строгую дисциплину, полезный трудъ и обученіе. Этой задачи одной, безъ всякихъ усложненій, станетъ на текущее и будущее столѣтіе. А усложненія могутъ сдѣлать ее только окончательно неразрѣшимою. Кому нужны эти мѣста «заточенія», эти «исправительные дома», которые Коммисія вводитъ въ свой проектъ, какъ-бы забывая, что она сама-же возстаетъ противъ прежней сложной и неудовлетворительной системы наказаній?

Если предположенія Коммисіи объ установленіи столь разнообразныхъ типовъ лишенія свободы войдутъ въ законъ, то на практикѣ, безъ сомнѣнія, будетъ происходить тоже самое, что и теперь: суды станутъ приговаривать къ заточенію, къ исправительному дому и т. п., а заключенные будутъ содержаться въ тюрьмахъ, быть можетъ, съ продленіемъ еще срока по разсчету въ родѣ того, который встрѣчается въ послѣдней части 55-й статьи проекта. Затѣмъ, даже съ теоретической точки зрѣнія, едва-ли оправдывается установленіе особаго типа лишенія свободы (заточеніе) за такія дѣянія, которыя, «хотя и заключаютъ въ себѣ иногда весьма тяжкія нарушенія закона, причиняютъ существенный вредъ и сопряжены съ значительною даже для общества опасностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ не выказываютъ ни особой испорченности, ни безнравственности виновнаго, а свидѣтельствуютъ только объ его неумѣніи подчинить порывы своихъ желаній требованіямъ закона».

Субъективные признаки преступленія могутъ имѣть вліяніе на степень наказанія, но едва-ли оправдываютъ установленіе совершенно особаго рода его. Если считается необходимымъ выдѣлить, въ отношеніи къ наказанію, извѣстныя преступленія, въ виду особенно рѣзко выдающихся субъективныхъ признаковъ, въ виду, напримѣръ, отсутствія такъ-называемыхъ «безчестныхъ мотивовъ», то это достижимо инымъ, болѣе простымъ путемъ: можно освобождать лицъ, приговоренныхъ къ тюремному заключенію за извѣстныя преступленія, положимъ, за поединокъ, за злоупотребленіе печатнымъ словомъ и т. п., отъ обязательныхъ работъ и отъ одиночнаго заключенія и назначить въ особенной части за извѣстныя преступленія тюрьму безъ одиночнаго заключенія и безъ обязательныхъ работъ. Наконецъ нельзя, по мнѣнію г. Закревскаго, не усмотрѣть какого-то внутренняго противорѣчія между тѣми мотивами, по которымъ считается необходимымъ ввести «заточеніе», и предположенными размѣрами этого наказанія—до десяти лѣтъ.

Что же касается спеціально исправительныхъ домовъ, то они—наслѣдіе прошедшаго, не имѣющее разумной причины существованія въ будущемъ.

Прокуроръ Палаты Закревскій указываетъ далѣе, что, по принятой въ проектѣ системѣ карательныхъ мѣръ, между прочимъ, болѣе тяжкія преступленія будутъ наказываться слабѣе, чѣмъ менѣе тяжкія (въ исправительномъ домѣ одиночное заключеніе назначается на 6 мѣсяцевъ, а въ тюрьмѣ оно можетъ быть продлено до двухъ лѣтъ), и выражаетъ при этомъ желаніе, чтобы въ новомъ уложеніи о наказаніяхъ встрѣчалось болѣе простоты и, такъ-сказать, удобоисполнимости въ правилахъ о наказаніяхъ, чѣмъ тѣ правила, которыя изложены въ настоящихъ статьяхъ.

Отбросивъ заточеніе и исправительный домъ и устранивъ излишнее разнообразіе постановленій,—разнообразіе, которое является естественнымъ послѣдствіемъ слишкомъ большаго числа различныхъ типовъ лишенія свободы, проектированныхъ Коммисіею,—слѣдовало-бы, для устраненія всего излишняго, замѣнить всѣ три статьи (15, 16 и 17) слѣдующею статьею:

«Тюрьма назначается на срокъ отъ двухъ недѣль до десяти лѣтъ. Приговоренные содержатся въ одиночномъ заключеніи,—если не освобождены отъ одиночнаго заключенія по приговору суда,—въ теченіи одной третьей части срока, но во всякомъ случаѣ не долѣе одного года. По отбытіи одиночнаго заключенія, приговоренные содержатся въ общемъ, но съ разобщеніемъ на ночь. Одиночное заключеніе можетъ быть замѣнено общимъ по распоряженію управленія тюрьмы, въ случаѣ удостовѣренія врача объ опасности одиночнаго заключенія для здоровья заключеннаго. Освобожденные по приго-

вору суда отъ одиночнаго заключенія содержатся въ особыхъ отдѣленіяхъ тюрьмы въ теченіи всего срока. Приговоренные употребляются какъ внутри помѣщенія, такъ и внѣ онаго, если не освобождены отъ работъ по приговору суда. Одна половина чистаго дохода отъ работъ обращается въ пользу заключенныхъ. Освобожденные отъ работъ занимаются ими, по желанію своему, въ самомъ помѣщеніи тюрьмы».

Независимо отъ сего г. Закревскій замѣчаетъ, что въ особенной части уложенія должно быть указано, за какія преступленія полагается тюрьма безъ одиночнаго заключенія и безъ обязательныхъ работъ. Эта мѣра предоставитъ возможность выдѣлить извѣстныя преступленія по субъективнымъ признакамъ, не создавая особаго рода лишенія свободы «заточенія». Освобожденные отъ одиночнаго заключенія будутъ содержаться въ особомъ отдѣленіи тюрьмы, соотвѣтствующемъ тому, которое теперь носитъ обыкновенно названіе «дворянской половины». Такимъ образомъ лица, приговоренныя за поединокъ или за преступленія противъ постановленій о печати, не будутъ содержаться въ общемъ помѣщеніи съ лицами, осужденными за кражу и т. п., и не будутъ подвергаемы обязательнымъ работамъ. Или-же, при предлагаемомъ порядкѣ, теперешнія арестантскія роты могли-бы превратиться въ тюрьмы съ обязательными работами и съ одиночнымъ заключеніемъ, а въ теперешнихъ тюремныхъ замкахъ помѣщались-бы лица, освобожденныя отъ обязательныхъ работъ и отъ одиночнаго заключенія, и лица, подвергнутыя предварительному задержанію.

Но если, не смотря на все сказанное, будетъ признано необходимымъ ввести *заточеніе*, то во всякомъ случаѣ, по мнѣнію г. Закревскаго, слѣдовалобы это наказаніе исключить изъ лѣстницы наказаній и поставить его особо, въ виду того, что оно назначается за особенныя преступленія, отличающіяся субъективными признаками своими (какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, нынѣ дѣйствующее уложеніе относительно заключенія въ крѣпости) и не допускать перехода отъ смертной казни или отъ поселенія къ заточенію, а съ другой стороны, допустить переходъ отъ заточенія къ аресту, несчитающемуся позорящимъ наказаніемъ.

Предсѣдательствующій Ландратъ Эстляндскаго Ландгерихта фонъ-Фокъ замѣчаетъ, что современная наука уголовнаго права и гуманность настоятельно требуютъ, по возможности, индивидуализаціи наказаній, т. е., чтобы наказаніе было назначено виновному и примѣнено къ нему такъ, чтобы размѣръ и способы исполненія наказанія соотвѣтствовали индивидуальности виновнаго, т. е. условіямъ его жизни, степени его образованія и т. д., и не были для него болѣе легкими или болѣе тяжкими, чѣмъ для лица, обставлен-

наго иными условіями жизни. Работящій отецъ семейства, на которомъ лежатъ заботы о семьѣ, несравненно сильнѣе наказывается лишеніемъ свободы, чѣмъ какой-нибудь праздношатающійся бродяга, для котораго та же тюрьма является, можетъ быть, желаннымъ убѣжищемъ; для человѣка, привыкшаго къ умственному труду, образованнаго—тяжелая принудительная работа или работа публичная являются болѣе тяжкими, чѣмъ для простаго ремесленника или крестьянина; бѣдному денежная пеня причиняетъ несравненно большій ущербъ, чѣмъ та же пеня—богатому.

Г. фонъ-Фоку кажется, что это настоятельное требованіе справедливости слишкомъ мало принято во вниманіе при составленіи проекта. Нынѣ дѣйствующее уголовное право исходило, при дѣленіи наказаній на наказанія для лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, и на наказанія для лицъ, отъ тѣлесныхъ наказаній неизъятыхъ, изъ вышеупомянутаго правильнаго начала, хотя послѣднее нашло себѣ въ этомъ дѣленіи совершенно неудачное и несправедливое примѣненіе. Для индивидуализаціи наказаній вовсе не надо сохранять институтъ наказаній для привилегированныхъ сословій. Но истинное матеріальное равенство всѣхъ передъ закономъ и справедливость требуютъ не того, чтобы со всѣми людьми обращались одинаково, а чтобы съ каждымъ обращались сообразно его индивидуальности и чтобы такимъ образомъ, чрезъ соображеніе условій жизни лица, подвергающагося наказанію—насколько сіе соображеніе возможно,—въ практикѣ сглаживалась неодинаковость дѣйствія наказанія на каждаго отдѣльнаго человѣка. Послѣдняго можно достичь посредствомъ *справедливаго назначенія наказанія*. Возможность-же справедливаго назначенія наказанія можетъ быть дана судьѣ предоставленіемъ ему бо́льшей свободы въ выборѣ размѣра наказанія, т. е. проектированною отмѣною существующихъ до сихъ поръ весьма узкихъ границъ наказаній. Этотъ способъ уравненія наказаній предоставляется естественно на усмотрѣніе судьи и, слѣдовательно, практики.

Другое-же средство уравненія наказаній состоитъ въ *индивидуализированномъ исполненіи наказанія*. Индивидуализація наказаній при помощи этого втораго средства гораздо дѣйствительнѣе установляется путемъ законодательныхъ опредѣленій. Въ виду важности этого вопроса, едва-ли было-бы полезно вполнѣ предоставить его разрѣшеніе и опредѣленіе практикѣ и подлежащимъ спеціальнымъ уставамъ тюремныхъ управленій и т. д. Наоборотъ нѣкоторыя *руководящія начала* должны быть преподаны въ самомъ уголовномъ уложеніи, а это тѣмъ болѣе возможно и удобоисполнимо, что въ проектѣ (ст. 14 и слѣд.) и безъ того уже находятся нѣкоторыя важныя основныя постановленія объ исполненіи наказаній (какъ то: постановленія объ одиночномъ заключеніи, о принудительныхъ работахъ, о вознагражденіи

за работы и т. д.). Въ этихъ постановленіяхъ слѣдовало-бы вообще выразить, что при исполненіи наказаній надлежитъ обращать вниманіе на индивидуальность приговореннаго. Такъ-какъ вполнѣ возможно устроить или сохранить въ мѣстахъ заключенія особыя помѣщенія или отдѣленія для лицъ болѣе высокаго положенія въ жизни и образованія, то слѣдовало-бы въ законѣ указать, что такія лица помѣщаются въ этихъ особенныхъ отдѣленіяхъ, и во всякомъ случаѣ, по возможности, предотвратить самимъ закономъ то зло, что приговоренные болѣе высокаго образованія содержатся вмѣстѣ съ общими преступниками низшаго сравнительно съ ними положенія въ жизни. Было-бы справедливо предоставить судьѣ право постановить о томъ, долженъ-ли приговоренный быть заключенъ въ особыя отдѣленія для лицъ съ болѣе высокимъ образованіемъ или нѣтъ, и не всегда, и не исключительно давать это право тюремному управленію, такъ-какъ судья долженъ знать не только обстоятельства подлежащаго его разсмотрѣнію дѣла, но и характеръ виновнаго, и, слѣдовательно, можетъ лучше обсудить и впередъ опредѣлить необходимость или справедливость примѣненія особаго способа исполненія наказанія, чѣмъ служащій въ тюремномъ управленіи, который можетъ ознакомиться съ заключеннымъ лишь во время отбыванія послѣднимъ наказанія. Равнымъ образомъ, было-бы справедливо, чтобы были назначаемы различные роды принудительныхъ работъ, сообразно съ положеніемъ въ жизни и призваніемъ преступника, и чтобы приговоренному было предоставлено самимъ уголовнымъ уложеніемъ право заниматься въ особыхъ отдѣленіяхъ работою, по крайней мѣрѣ приблизительно соотвѣтствующею условіямъ его жизни.

Г. фонъ-Фокъ замѣчаетъ далѣе, что въ первыхъ частяхъ статей 14, 15, 17, 18 и 19 говорится, что судъ, при назначеніи срока лишенія свободы, можетъ дойти до извѣстнаго максимума, превышающаго обыкновенную продолжительность лишенія свободы, но при этомъ не упоминается о случаѣ, 3-ею частью статьи 55-ой указанномъ, въ каковомъ случаѣ, *по смыслу ст. 55*, судъ также можетъ назначить срокъ лишенія свободы, превышающій обыкновенную продолжительность послѣдняго.

Въ скалѣ наказаній прежде всего поражаетъ, по мнѣнію Прокурора Полтавскаго Окружнаго Суда Люце, многочисленность разныхъ наказаній лишеніемъ свободы. Коммисія установляетъ пять мѣстъ заключенія разнаго рода, присоединяя къ установленнымъ Высочайше утвержденнымъ 11 Декабря 1879 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта каторгѣ, исправительному дому, тюрьмѣ и аресту, еще и заточеніе.

Многочисленность разнаго рода мѣстъ заключенія представляется на

практикѣ весьма неудобнымъ установленіемъ, вслѣдствіе того, что чрезвычайно трудно устроить и содержать эти мѣста въ такомъ видѣ, чтобы они дѣйствительно различествовали между собою по тяжести отбываемаго въ нихъ наказанія, сообразно требованію закона; напротивъ, на практикѣ весьма не рѣдки случаи, что то или другое заключеніе, которое по закону считается болѣе тяжкимъ, оказывается, вслѣдствіе какихъ-либо мѣстныхъ условій, болѣе легкимъ, чѣмъ другія. Кому, напр., изъ лицъ прокурорскаго надзора не приходилось выслушивать неотступныя просьбы арестантовъ, присужденныхъ въ исправительное отдѣленіе и оставленныхъ въ тюрьмѣ (на тѣ-же самые сроки), за недостаткомъ мѣста въ исправительномъ отдѣленіи,—просьбы о переводѣ ихъ въ сіе послѣднее, гдѣ, по случаю работъ внѣ мѣста заключенія, жизнь гораздо веселѣе и отбываніе наказанія гораздо легче. Чѣмъ больше различнаго рода карательныхъ заведеній, тѣмъ труднѣе сохранить между ними опредѣленное различіе и тѣмъ проблематичнѣе дѣлается сравнительная тяжесть заключенія въ этихъ заведеніяхъ. Весьма возможно, что тюремное заключеніе на два года (ст. 56) окажется на практикѣ неизмѣримо тяжелѣе заключенія въ исправительномъ домѣ на тотъ-же срокъ (*), а исправительный домъ на 6 лѣтъ окажется гораздо тяжелѣе каторжной работы на тотъ же срокъ.

Уже по самому проекту нѣкоторыя постановленія о разныхъ мѣстахъ заключенія дѣлаютъ, какъ будто, болѣе суровымъ содержаніе въ тѣхъ мѣстахъ заключенія, которыя по закону назначаются за менѣе тяжкія преступныя дѣянія. Напр., заточеніе на срокъ свыше 6-ти лѣтъ назначается за преступленія, а между тѣмъ подвергаемые этому наказанію пользуются $^2/_3$ дохода, получаемаго отъ ихъ работъ (ст. 15); исправительный домъ и тюрьма назначаются за проступки, между тѣмъ какъ заключенные въ эти заведенія пользуются только $^1/_3$ и $^1/_2$ дохода отъ своихъ работъ (ст. 17 и 18). Судя по 10 ст. проекта, надо полагать, что заточеніе на срокъ свыше 1 года представляется наказаніемъ болѣе строгимъ, чѣмъ тюрьма; между тѣмъ заключенные въ тюрьмѣ получаютъ лишь $^1/_2$ заработанныхъ ими денегъ, тогда какъ находящіеся въ заточеніи на срокъ не свыше 6-ти лѣтъ пользуются всѣми заработанными ими деньгами. Одиночное заключеніе Коммисія считаетъ мѣрой, отягчающею содержаніе подъ стражей (стр. 64, 67) (**), между

(*) Въ особенности въ виду того, что заключеніе въ тюрьмѣ одиночное на все время наказанія, а въ исправительномъ домѣ только на первые 6 мѣсяцевъ (ст. 17 и 18).

(**) И, безъ сомнѣнія, оно будетъ имѣть такой характеръ въ самой высшей степени, вслѣдствіе отсутствія у насъ хорошо подготовленнаго тюремнаго персонала, который умѣлъ-бы правильно обращаться съ этимъ видомъ заключенія.

тѣмъ какъ присуждаемые *за преступленія* къ каторжнымъ работамъ и къ заточенію вовсе не содержатся въ одиночномъ заключеніи и разобщаются только на ночь (ст. 14 и 15); присуждаемые *за проступки* къ исправительному дому содержатся въ одиночномъ заключеніи первые 6 мѣсяцевъ и затѣмъ разобщаются не только на ночь, но и на все время свободное отъ работъ (ст. 17), и наконецъ присуждаемые къ тюрьмѣ *за менѣе важные проступки* содержатся въ полномъ одиночномъ заключеніи, на сколько-бы времени они ни были приговорены къ заключенію, хотя-бы до двухъ лѣтъ (ст. 18); въ силу этихъ постановленій, напримѣръ, женщины, отбывающія въ исправительномъ домѣ наказанія за проступки, содержатся первые 6 мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, а затѣмъ разобщаются на все время, свободное отъ работъ, между тѣмъ какъ въ особомъ отдѣленіи того-же исправительнаго дома содержатся другія женщины, осужденныя за преступленія (на основ. 14 ст. улож.), и эти послѣднія привилегированы: ихъ вовсе нельзя содержать въ одиночномъ заключеніи и разобщать можно только на ночь и это потому только, что онѣ каторжницы (ст. 14).

На практикѣ, безчисленное множество мѣстныхъ условій и особенностей еще болѣе перепутаетъ всѣ постановленія о большей или меньшей тяжести разнаго рода заключеній, и одинъ только неизмѣнный масштабъ этой тяжести останется, безъ сомнѣнія, въ продолжительности лишенія свободы.

Въ виду этого г. Люце возбуждаетъ сомнѣніе, не слѣдовало-ли бы, по возможности, уменьшить разнообразіе мѣстъ заключенія, опредѣляемыхъ закономъ (*), и совершенно не допускать назначеніе болѣе тяжкаго вида лишенія свободы на такой срокъ, на какой назначается менѣе тяжкое заключеніе.

Прежде всего напр. представляется-ли необходимымъ устраивать особыя мѣста заключенія, называемыя тюрьмами, коль скоро все время содержанія въ нихъ осужденный проводитъ въ одиночномъ заключеніи и коль скоро кельи для одиночнаго заключенія обязательно должны имѣться въ исправительныхъ домахъ. Не все-ли равно для тяжести наказанія, въ какомъ именно зданіи проводитъ свое заключеніе осужденный, ежели это заключеніе одиночное? Если-же осужденные къ тюрьмѣ могутъ отбывать свое наказаніе въ кельяхъ исправительнаго дома, то не слѣдовало-ли бы слить оба эти карательныя заведенія въ одно, подъ однимъ общимъ названіемъ тюрьмы и разли-

(*) Голландское уложеніе 1881 г. признало, напримѣръ, возможнымъ установить всего 2 вида лишенія свободы: арестъ и тюрьму.

чать наказанія за болѣе или менѣе важные проступки только по продолжительности заключенія, опредѣливъ при томъ, что въ одиночномъ заключеніи чрезвычайно, они проводится, напримѣръ, только первый годъ заключенія? Не устранило-бы это многія неточности въ сравнительной тяжести наказаній, назначаемыхъ за болѣе важные и за менѣе важные проступки.

Что касается до заточенія, то едва-ли представляется необходимость вводить его въ систему наказаній. Безъ сомнѣнія, очень трудно судить о значеніи этого наказанія до изданія особенной части проекта уложенія, когда будетъ видно, за какія именно преступленія и проступки предполагается назначать его. Указаніе Объяснительной Записки на необходимость назначать это наказаніе за тяжкія преступныя дѣянія, не указывающія «на позорный и безчестный характеръ лицъ, ихъ совершившихъ, которыхъ было-бы несправедливо смѣшивать съ общими преступниками», представляется несовсѣмъ яснымъ. Одни и тѣ-же преступныя дѣянія и даже почти всѣ преступныя дѣянія могутъ быть совершены по весьма различнымъ побужденіямъ и лицами разнаго характера; ежели принимать во вниманіе характеръ подсудимыхъ при избраніи наказаній, то за всѣ преступныя дѣянія необходимо было-бы опредѣлять, кромѣ обыкновенныхъ наказаній, и заточеніе, въ видѣ custodia honesta. Но это было-бы, конечно, неосновательно: характеръ и побужденія подсудимаго достаточно принимать во вниманіе, какъ обстоятельства, уменьшающія его виновность. Кромѣ того представляется вообще крайне сомнительнымъ, чтобы была необходимость, за какія-бы то ни было дѣянія, подвергать виновнаго чрезвычайно продолжительному и въ то же время очень снисходительному (въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ) содержанію подъ стражею, какимъ представляется заточеніе. Арестъ, тюрьма (съ одиночнымъ заключеніемъ) и поселеніе, кажется, вполнѣ были-бы достаточны для наказанія тѣхъ, болѣе или менѣе тяжкихъ преступныхъ дѣяній, которыхъ, во вниманіе къ ихъ характеру, нельзя наказывать каторгою и исправительнымъ домомъ.

По замѣчанію Прокурора Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскаго, изъ разсмотрѣнія статей проекта о наказаніяхъ оказывается, что Коммисія, опредѣляя самый родъ наказанія, вмѣстѣ съ тѣмъ включила въ законъ и главныя условія отбытія наказанія; условія эти, заключающіяся въ статьяхъ 14—22, касаются слѣдующихъ положеній: а) способа содержанія, б) производимыхъ заключенными работъ и вознагражденія за оныя и в) порядка сокращенія срока одиночнаго заключенія и времени содержанія.

Возраженія, вызываемыя этими законоположеніями, представляются двоякаго рода: съ формальной стороны и по самому существу оныхъ. Въ первомъ отношеніи прежде всего подлежитъ разрѣшенію вопросъ, должны-ли быть включаемы въ уложеніе законоположенія относительно порядка и способа отбыванія наказанія. Уложеніе о наказаніяхъ представляетъ изъ себя собраніе законовъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ и слѣдовательно задачею уложенія является опредѣленіе преступности дѣяній и ихъ наказуемости, указаніе, какія именно дѣянія считаются преступными, какими условіями сопровождается ихъ наказуемость и какія наказанія могутъ быть опредѣляемы за преступленія; опредѣленіе-же порядка отбыванія наказанія или, иначе говоря, внутренняго распорядка, быта заключенныхъ, условій содержанія ихъ, порядка освобожденія и т. п. составляетъ задачу устава о содержащихся подъ стражею вообще и каждаго отдѣльнаго мѣста заключенія въ частности, какъ это и нынѣ распредѣлено въ сводѣ законовъ (см. XIV т.). Поэтому, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что Редакціонная Коммисія, установивъ совершенно новую лѣстницу наказаній и вводя совершенно новыя наказанія, должна была указать тѣ главныя условія, по которымъ сопровождается отбываніе того или другаго наказанія (стр. 57), дабы послѣдующія коммиссіи, коимъ будетъ поручена окончательная выработка собственно тюремнаго устава, могли руководствоваться, при устройствѣ мѣстъ заключенія, тѣми предначертаніями, которыя нынѣ установлены Коммисіею и удостоятся Высочайшаго утвержденія, но предначертанія эти не должны быть включаемы въ дѣйствующій законъ уложенія и должны быть изложены или въ Объяснительной Запискѣ Коммисіи, или въ особомъ ея докладѣ, который долженъ быть представленъ на Высочайшее утвержденіе одновременно съ проектомъ уложенія. При томъ-же порядкѣ, который принятъ Коммисіею, включившею порядокъ отбыванія наказанія въ текстъ уложенія, произойдетъ то, что одни и тѣже законоположенія будутъ помѣщены въ сводѣ законовъ въ двухъ мѣстахъ: и въ уложеніи, и особо еще въ уставѣ о содержащихся подъ стражею, гдѣ законоположенія эти впослѣдствіи несомнѣнно также будутъ изложены, но лишь съ гораздо большею подробностью и полнотою. Поэтому, исходя изъ того начала, что всѣ законоположенія должны быть изложены въ сводѣ законовъ въ строгой системѣ и послѣдовательности, г. Хлодовскій полагаетъ *законоположенія, опредѣляющія, въ статьяхъ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21 и 22, порядокъ отбыванія наказанія, исключить изъ уложенія*, отнеся правила эти всецѣло къ уставу о содержащихся подъ стражею.

Обращаясь затѣмъ къ разсмотрѣнію существа тѣхъ условій, коими Коммисія предполагаетъ обставить выполненіе разныхъ наказаній и которыя вовсе не должны быть включаемы въ уложеніе, а должны быть изложены особо въ

видѣ главныхъ предначертаній, долженствующихъ послужить обязательною программою при окончательномъ устройствѣ тюремнаго дѣла, г. Хлодовскій находитъ, что избранная Коммисіею система наказаній—система условнаго одиночнаго заключенія съ обязательными для заключенныхъ работами, съ точки зрѣнія теоріи и указаній опыта, является наиболѣе цѣлесообразною и правильною въ ряду всѣхъ остальныхъ существующихъ системъ наказанія; но нѣкоторое возраженіе въ этомъ отношеніи возбуждаютъ лишь указанія Коммисіи относительно тѣхъ работъ, которыми должны заниматься заключенные, и слѣдуемаго имъ за работы вознагражденія. По первому вопросу Коммисія, какъ видно изъ текста 14, 15, 17, 18 и 19 статей проекта, полагаетъ установить во всѣхъ мѣстахъ заключенія обязательныя работы по назначенію управленія и только въ видѣ исключенія допускаетъ избраніе работъ по выбору заключенныхъ при заточеніи на срокъ до 6 лѣтъ и арестѣ. Но если правило это и можетъ быть примѣнимо по отношенію къ каторгѣ, какъ высшему наказанію, при назначеніи коего, по самой сущности производящихся въ каторгѣ работъ, невозможно предоставить выборъ таковыхъ заключеннымъ, то нѣтъ правильнаго основанія къ установленію такого стѣснительнаго правила и въ другихъ низшихъ мѣстахъ заключенія—заточеніи вообще, исправительномъ домѣ и тюрьмѣ. Работы для заключенныхъ, безразлично отъ мѣста заключенія вообще, должны быть признаны обязательными; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы заключенные не могли сами выбрать ту или иную работу по своимъ способностямъ и желаніямъ. Напротивъ многолѣтній опытъ и неоднократныя наблюденія приводятъ къ несомнѣнному убѣжденію, что предоставленіе выбора работъ самимъ заключеннымъ способствуетъ болѣе успѣшному производству таковыхъ; трудъ и работа представляются наилучшими средствами исправленія, составляющаго одинъ изъ главныхъ элементовъ наказанія, а пріохотить заключеннаго къ труду можно, между прочимъ, предоставленіемъ ему заниматься тою работою, которая ему по душѣ и къ которой онъ считаетъ себя наиболѣе способнымъ, если конечно избранная заключеннымъ работа согласуется вообще съ уставомъ мѣста заключенія и, по самому свойству своему, безъ затрудненія можетъ быть производима въ мѣстѣ заключенія, и только при неизбраніи заключеннымъ какой-либо работы по желанію можетъ быть таковая назначена по выбору управленія.

Равнымъ образомъ г. Хлодовскій не видитъ основаній лишать заключенныхъ права пользоваться извѣстнымъ вознагражденіемъ за произведенныя работы; къ сожалѣнію, и Коммисія, установливающая въ ст. 14, 15, 17, 18 и 19 правила относительно пользованія осужденными доходомъ отъ работъ и указывающая, что каторжные вовсе не пользуются никакимъ доходомъ, заточенные пользуются или всѣмъ доходомъ или только $^2/_3$ чистаго

дохода, смотря по сроку заточенія, а приговоренные къ исправительному дому и тюрьмѣ пользуются: первые $^1/_3$ дохода и послѣдніе $^1/_2$ дохода,—не даетъ никакого разъясненія по сему предмету и, какъ видно изъ Объяснительной Записки (стр. 60, 63, 66 и 67), соразмѣряетъ количество разрѣшаемаго заключеннымъ дохода отъ работъ единственно съ свойствомъ и тяжестью наказанія, полагая очевидно, что, чѣмъ строже наказаніе, къ коему присужденъ заключенный, тѣмъ въ меньшей степени онъ можетъ пользоваться доходомъ. Такая система обязательнаго труда г. Хлодовскому представляется несправедливою и непрактичною. Всякое наказаніе должно служить средствомъ исправленія преступника, каковое исправленіе достигается двоякимъ путемъ—болѣе или менѣе долгосрочнымъ лишеніемъ свободы въ видахъ упрощенія преступныхъ страстей виновнаго и пріученіемъ его къ правильному и систематическому труду. Для достиженія-же этого послѣдняго условія необходимо пріохотить преступника къ труду, сдѣлать трудъ для него, помимо обязательности, и желательнымъ, что возможно лишь тогда, когда производимая работа не будетъ для него безцѣльною и безплодною и будетъ представлять извѣстныя матеріальныя выгоды, ибо главнымъ двигателемъ всякаго труда является приносимый имъ доходъ. Такимъ образомъ, въ виду возможности полученія извѣстной задѣльной платы за работу, осужденные съ большею охотою и усердіемъ будутъ приниматься за работу и самыя занятія пойдутъ значительно успѣшнѣе и потребуютъ не столь бдительнаго надзора за ними, какой понадобился-бы въ случаѣ присужденія заключенныхъ къ работѣ, совершенно для нихъ безполезной и невыгодной. Съ другой стороны всякое наказаніе, выражающееся въ лишеніи свободы и изъятіи лица на извѣстное время изъ его семьи, до нѣкоторой степени отражается на семьѣ осужденнаго, лишая ее рабочей силы; съ этой точки зрѣнія, вознагражденіе труда осужденнаго представляется также необходимымъ, дабы получаемыми отъ работъ деньгами осужденный имѣлъ возможность оказать своей семьѣ, нисколько неповинной въ совершенномъ преступленіи, матеріальную поддержку на время отбыванія наказанія, и, въ этомъ отношеніи, чѣмъ строже наказаніе, т. е. чѣмъ продолжительнѣе срокъ лишенія свободы, тѣмъ настоятельнѣе сказывается надобность въ такой матеріальной поддержкѣ. Наконецъ, какъ извѣстно изъ практики, главною причиною большинства совершаемыхъ преступленій является необезпеченность въ матеріальномъ отношеніи, неудовлетворительность условій экономическаго быта и отсутствіе или недостатокъ средствъ къ жизни. Но если причины эти служатъ главными двигателями по пути преступленія въ обыденной жизни вообще, то тѣмъ больше онѣ даютъ себя чувствовать и могутъ натолкнуть на преступленіе, когда преступникъ, окончившій болѣе или менѣе продолжительный срокъ

наказанія, вновь вступаетъ въ общество безъ всякихъ средствъ къ существованію и безъ надежды пріискать себѣ немедленно соотвѣтствующее занятіе или ремесло. Послѣдствіемъ сего нерѣдко бываетъ то, что преступники, отбывшіе наказаніе тотчасъ-же въ слѣдъ за выходомъ изъ тюрьмы впадаютъ въ новыя преступленія единственно въ виду необезпеченности своего матеріальнаго положенія. Для устраненія подобныхъ гибельныхъ послѣдствій, на обязанности общества и государства лежитъ оказать на первыхъ порахъ отбывшему преступнику посильную помощь и тѣмъ отклонить его отъ преступнаго пути; такая-же помощь кажется наилучшимъ образомъ могла-бы быть оказана предоставленіемъ освобожденному заработанныхъ имъ за время заключенія денегъ, коими онъ могъ-бы обезпечить свое матеріальное существованіе до пріисканія соотвѣтствующаго занятія. Но если подобная помощь со стороны государства необходима и весьма полезна лицамъ, отбывшимъ нисшія наказанія, какъ то: тюрьму и исправительный домъ, и, по отбытіи наказанія, въ большинствѣ случаевъ, вступающимъ въ прежнюю семью и общество, то тѣмъ больше она оказывается настоятельною въ отношеніи лицъ, освобождаемыхъ изъ каторги. Будучи оторваны отъ прежняго общества во всѣхъ отношеніяхъ и оставаясь, по окончаніи каторги, поселенцами, эти послѣдніе вполнѣ предоставлены себѣ и не могутъ разсчитывать на чью-либо помощь; кромѣ того переходъ на поселеніе влечетъ за собой необходимость устроить первоначальное обзаведеніе и, если со стороны правительства не будетъ оказана имъ надлежащая помощь путемъ предоставленія имъ болѣе или менѣе годной и удобной для жизни земли и извѣстнаго денежнаго вспомоществованія для устройства осѣдлости и хозяйства, то съ полною вѣроятностью можно заключить, что такія освобожденныя отъ каторги лица, вообще весьма малонадежныя въ нравственномъ отношеніи, или тотчасъ обратятся на путь новыхъ злодѣяній, или въ большинствѣ случаевъ будутъ прибѣгать къ побѣгамъ съ мѣста поселенія. Для устраненія сего и въ видахъ болѣе прочнаго устройства быта поселенцевъ, освобожденныхъ отъ каторги, было-бы не только справедливо, по изложеннымъ выше соображеніямъ, но и необходимо предоставить каторжнымъ, наравнѣ со всѣми остальными осужденными, пользоваться извѣстнымъ доходомъ за производимыя ими работы съ тѣмъ, чтобы заработанныя деньги были имъ выдаваемы по окончаніи каторги на обзаведеніе и устройство хозяйства въ мѣстѣ поселенія, подъ наблюденіемъ ближайшаго мѣстнаго начальства.

Но такъ-какъ содержаніе осужденныхъ стоитъ государству слишкомъ большихъ издержекъ и было бы несправедливо издержки эти всецѣло возлагать на Правительство, а напротивъ слѣдуетъ часть оныхъ возложить и на самихъ осужденныхъ, по винѣ коихъ означенныя затраты производятся,

то слѣдовало-бы установить, что часть вознагражденія, причитающагося осужденнымъ, должна идти на покрытіе расходовъ по содержанію ихъ, и вслѣдствіе сего, представляется вполнѣ цѣлесообразнымъ выдавать осужденнымъ не всю заработанную ими плату, а только половину ея, оставивъ размѣръ этого вознагражденія одинаковымъ для всѣхъ родовъ наказанія, ибо, хотя съ одной стороны чѣмъ тяжелѣе преступленіе и строже слѣдующее за него наказаніе, тѣмъ большими стѣсненіями во всѣхъ отношеніяхъ, а слѣдовательно и въ смыслѣ права пользоваться доходами съ труда, долженъ быть обставленъ преступникъ, но за то съ другой стороны чѣмъ строже наказаніе и продолжительнѣе срокъ заключенія, тѣмъ менѣе обезпеченнымъ въ матерьяльномъ отношеніи выпускается въ общество отбывшій наказаніе преступникъ, и слѣдовательно въ интересахъ государства оказать тѣмъ большее содѣйствіе къ упроченію дальнѣйшаго его существованія...

По изложеннымъ соображеніямъ г. Хлодовскій полагалъ-бы предначертанія Коммисіи относительно условій производства осужденными лицами обязательныхъ работъ и слѣдуемаго имъ вознагражденія, каковыя условія изложены въ ст. 14, 15, 17, 18, и 19 проекта, исключивъ эти правила вовсе изъ уложенія, измѣнить слѣдующимъ образомъ: а) *приговоренные къ каторгѣ, заточенію, исправительному дому, тюрьмѣ и аресту занимаются обязательными работами каторжные—по назначенію управленія, а всѣ остальные—по ихъ выбору, если только избранная работа не противорѣчитъ уставу мѣста заключенія и, безъ затрудненія, можетъ быть производима,—а при неизбраніи работы самимъ осужденнымъ, таковая назначается по распоряженію управленія, причемъ осужденные въ каторгу и къ исправительному дому, кромѣ женщинъ, могутъ быть употребляемы на работы какъ внутри помѣщенія, такъ и внѣ онаго, а приговоренные ко всѣмъ прочимъ наказаніямъ занимаются работами въ самомъ помѣщеніи,—и б) всѣ приговоренные къ каторгѣ, заточенію, исправительному дому, тюрьмѣ и аресту получаютъ въ свою пользу половину дохода отъ работъ, причемъ всѣ заработанныя деньги выдаются имъ по окончаніи срока наказанія, но приговоренные къ исправительному дому, заточенію, тюрьмѣ и аресту имѣютъ право на полученіе части заработанныхъ денегъ и во время заключенія для оказанія помощи своей семьѣ.*

Наконецъ послѣдній вопросъ, возбуждаемый разсмотрѣніемъ законоположеній проекта Коммисіи о наказаніяхъ, касается порядка сокращенія срока одиночнаго заключенія въ тюрьмѣ и исправительномъ домѣ и срока отбыванія наказанія въ каторгѣ, на поселеніи и исправительномъ домѣ. Въ этомъ отношеніи Коммисія установила: а) что, въ случаѣ удостовѣренія врача объ

опасности одиночнаго заключенія для здоровья заключеннаго въ исправительномъ домѣ и тюрьмѣ, таковое можетъ быть замѣнено общимъ *по распоряженію управленія исправительнымъ домомъ и тюрьмы* (ст. 17 и 18) и б) что приговорённые къ каторгѣ, поселенію, заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ и исправительному дому на срокъ свыше 3 лѣтъ могутъ получать облегченіе въ порядкѣ, указанномъ 21 и 22 статьями, также *по представленію управленія мѣста заключенія, утвержденному Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ*. Въ существѣ означенныя правила представляются въ высшей степени гуманными и по соображеніямъ, изложеннымъ въ Объяснительной Запискѣ, должны быть приняты, хотя все-таки правиламъ этимъ мѣсто не въ уложеніи, а въ уставѣ о содержащихся подъ стражею; но исходя изъ того совершенно вѣрнаго начала, которое имѣла въ виду Коммисія, что допущеніе досрочнаго освобожденія представляется несомнѣнно полезнымъ дополненіемъ правильно устроенной тюремной системы лишь тогда, *если оно будетъ допускаемо съ надлежащею осторожностью и по тщательномъ обсужденіи каждаго такого случая компетентною властью* (стр. 73), г. Хлодовскій полагаетъ, что Коммисія допустила ошибку, предоставивъ право досрочнаго освобожденія всецѣло въ руки тюремной власти. Практикамъ, близко знакомымъ съ положеніемъ тюремнаго дѣла на мѣстѣ, весьма хорошо извѣстно, изъ кого состоитъ мѣстное тюремное управленіе и кому именно предоставляется столь важное право досрочнаго освобожденія; въ большинствѣ случаевъ вся нисшая тюремная администрація сосредоточивается въ лицѣ смотрителей, тюремъ, которые зачастую бываютъ весьма невысокой нравственности и, получая сравнительно небольшое содержаніе, а также не получивъ никакого образованія и будучи весьма мало развитыми, почти всегда вступаютъ въ близкія отношенія съ заключенными, тѣсно ихъ связующія между собою и ставящія нерѣдко самихъ смотрителей въ зависимость отъ заключенныхъ. Вообще нисшая тюремная администрація рѣдко когда отвѣчаетъ высотѣ своего призванія и, если разрѣшеніе въ каждомъ данномъ случаѣ вопроса о допущеніи досрочнаго освобожденія предоставить власти мѣстнаго тюремнаго начальства, то съ увѣренностью можно сказать, что такое положеніе въ дѣйствительности повлечетъ за собою громадный произволъ и цѣлую массу злоупотребленій, послѣдствіемъ коихъ будетъ, что указанною въ статьяхъ 17, 18, 21 и 22 льготою будутъ пользоваться не тѣ заключенные, которые дѣйствительно того заслуживаетъ, а главнымъ образомъ вліятельные, по своему положенію или состоянію, заключенные, которые съумѣютъ тѣми или другими средствами склонить смотрителя тюрьмы на свою сторону и заставить его дѣйствовать въ своихъ интересахъ. Хотя же, какъ-бы въ видахъ устраненія подобнаго произвола со стороны нисшаго тюремнаго начальства, Ком-

мисія установляетъ, что досрочное освобожденіе можетъ послѣдовать съ утвержденія Главнаго Тюремнаго Управленія, но такое ограниченіе нисколько не можетъ стѣснять дѣйствій мѣстной тюремной власти: Главное Тюремное Управленіе, существующее въ Петербургѣ, не можетъ имѣть фактическаго дѣйствительнаго надзора за дѣйствіями всѣхъ смотрителей и директоровъ подвѣдомственныхъ ему мѣстъ заключенія; оно не можетъ въ каждомъ данномъ случаѣ провѣрить, на сколько основательно, правильно и согласно съ дѣйствительностью то или другое представленіе мѣстнаго тюремнаго начальства, и въ большинствѣ случаевъ ему останется, если только самое представленіе будетъ изложено болѣе или менѣе убѣдительно, утверждать представленія нижшаго тюремнаго начальства, въ рукахъ котораго такимъ образомъ право досрочнаго освобожденія заключенныхъ будетъ сосредоточено почти безконтрольно. Поэтому надзоръ со стороны Главнаго Тюремнаго Управленія въ разсматриваемомъ вопросѣ будетъ чисто фиктивный и нисколько не устранитъ могущихъ возникнуть въ семъ отношеніи злоупотребленій мѣстной тюремной власти. Для устраненія-же произвола со стороны смотрителей мѣстъ заключенія, было-бы кажется необходимымъ предоставить въ разрѣшеніи означенныхъ вопросовъ извѣстную долю участія мѣстному прокурорскому надзору, какъ ближайшему и, по закону, главному блюстителю интересовъ тюрьмы; вслѣдствіе сего г. Хлодовскій, съ своей стороны, полагалъ-бы установить, что какъ замѣна одиночнаго заключенія общимъ въ исправительномъ домѣ и тюрьмѣ въ случаяхъ, указанныхъ 17 и 18 статьями, такъ и досрочное освобожденіе отъ наказанія, указанное 21 и 22 статьями, по представленію мѣстнаго тюремнаго начальства, разрѣшается, согласно предложенію о томъ мѣстной прокурорской власти, или окружнымъ судомъ въ порядкѣ, указанномъ 955 ст. уст. угол. суд. для разрѣшенія затрудненій, возникающихъ при исполненіи приговора, или, что было-бы еще цѣлесообразнѣе, губернскими тюремными комитетами, причемъ эти послѣдніе, для разсмотрѣнія подобныхъ вопросовъ, должны быть составляемы не изъ тѣхъ лицъ, изъ коихъ вообще такіе комитеты состоятъ и которыя, дѣлая извѣстные денежные взносы, весьма индифферентно относятся къ дѣламъ тюрьмы, а изъ лицъ компетентныхъ, по своему служебному положенію близко знакомыхъ съ положеніемъ тюремнаго дѣла на мѣстѣ, съ бытомъ арестантовъ, съ личнымъ составомъ тюрьмы, и поэтому имѣющихъ твердыя основанія для правильной оцѣнки подлежащаго ихъ разрѣшенію ходатайства; къ числу такихъ компетентныхъ лицъ, которыя по справедливости должны быть призываемы въ составъ тюремныхъ комитетовъ для разрѣшенія вопросовъ о замѣнѣ одиночнаго заключенія и досрочномъ освобожденіи отъ наказанія, должны быть отнесены губернаторы, мѣстные пред-

сѣдатель окружнаго суда, прокурорскій надзоръ, мировые судьи, представитель полицейской власти, смотритель мѣста заключенія, священникъ и врачъ онаго.

Въ частности установленныя Коммисіею правила о досрочномъ освобожденіи отъ наказанія возбуждаютъ слѣдующія практическія возраженія: а) Коммисія устанавливаетъ двоякій порядокъ освобожденія заключенныхъ. Съ одной стороны приговоренные къ каторгѣ и къ заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ за хорошее поведеніе могутъ быть совершенно освобождаемы, по отбытіи двухъ третей наказанія, отъ дальнѣйшаго заключенія; съ другой-же стороны приговоренные къ исправительному дому пользуются этою льготою лишь условно, подъ опасеніемъ вновь возвратиться въ мѣсто заключенія. Въ Объяснительной Запискѣ Коммисіи не указано основаній установленія такого различія для разныхъ родовъ наказанія и г. Хлодовскій не видитъ основаній допускать подобное различіе, ибо если преждевременно освобожденные изъ исправительнаго дома впослѣдствіи, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ быть вновь возвращены въ мѣсто заключенія, то кажется правило это должно въ одинаковой, если не въ большой еще, степени, относиться къ каторгѣ, куда поступаютъ люди, гораздо больше испорченные и нравственно ненадежные, и по отношенію къ коимъ, по освобожденіи раньше срока отъ каторги, во всякомъ случаѣ гораздо больше необходима острастка въ видахъ удержанія ихъ, вслѣдъ за выходомъ изъ каторжной тюрьмы, отъ поползновенія къ преступной дѣятельности и пріученія ихъ къ соблюденію правилъ должнаго порядка и благочинія. То обстоятельство, что каторжные, по окончаніи срока наказанія, переходятъ на поселеніе, нисколько кажется не устраняетъ возможности примѣненія и къ нимъ условнаго досрочнаго освобожденія, ибо на томъ-же основаніи, какъ и приговоренные къ исправительному дому, освобожденные до срока отъ каторги, оказавшіеся недостойными этой льготы, могутъ быть съ мѣста поселенія обратно взяты въ каторгу для окончанія срока наказанія. Что-же касается заточенія на срокъ свыше 6 лѣтъ, то примѣненіе означеннаго правила по отношенію къ этому роду наказанія не можетъ возбуждать никакихъ затрудненій уже потому, что заточеніе вообще не должно сопровождаться поселеніемъ. Поэтому и признавая, что условное досрочное освобожденіе во всякомъ случаѣ представляется болѣе цѣлесообразнымъ и желательнымъ, ибо оно устанавливаетъ извѣстное переходное состояніе отъ лишенія свободы къ полному и неограниченному пользованію свободою и значительно способствуетъ удержанію освобожденнаго отъ наказанія въ предѣлахъ благоразумія и благопристойности, г. Хлодовскій полагаетъ, что условное освобожденіе должно быть въ одинаковой мѣрѣ примѣняемо какъ къ приговореннымъ къ исправительному дому, такъ и

къ приговореннымъ къ каторгѣ, заточенію вообще и даже тюрьмѣ, безъ различія сроковъ наказанія, ибо предоставленіе этой льготы однимъ заключеннымъ и допущеніе въ семъ отношеніи изъятія по отношенію къ другимъ заключеннымъ лишь потому, что одинъ присужденъ къ исправительному дому, а другой къ тюрьмѣ, или одинъ на болѣе значительный срокъ наказанія, а другой на меньшій срокъ, хотя эти послѣдніе быть можетъ, по своему поведенію и другимъ качествамъ, гораздо скорѣе заслуживаютъ вниманія къ себѣ,—съ точки зрѣнія уголовной политики было-бы крайне несправедливымъ; такъ напримѣръ двое заключенныхъ за разныя преступныя дѣянія къ исправительному дому, одинъ на 2, а другой на 3 года, при одинаково хорошемъ поведеніи, понесли-бы въ дѣйствительности одинаковое наказаніе, ибо къ первому по сроку заключенія, на основаніи проекта Коммисіи, не можетъ быть допущено сокращеніе срока заключенія, а послѣдній, по истеченіи двухъ лѣтъ заключенія, можетъ воспользоваться свободою. Предоставляя находящимся на поселеніи возможность оставить обязательное для нихъ мѣстопребыванія, Коммисія въ ст. 21 не указываетъ, относится-ли эта льгота къ тѣмъ только лицамъ, которые присуждены къ поселенію, какъ самостоятельному наказанію, или-же къ тѣмъ, которыя попадаютъ на поселеніе по окончаніи срока каторги; по мнѣнію т. Хлодовскаго, означенная льгота должна одинаково относиться къ обѣимъ указаннымъ категоріямъ поселенцевъ и это должно быть точно выражено въ предначертаніяхъ Коммисіи. Далѣе постановляя, что освобожденные до срока, будучи замѣчены, до истеченія опредѣленнаго приговоромъ срока наказанія, въ нарушеніи установленныхъ для такихъ освобожденныхъ правилъ, *возвращаются въ мѣста заключенія*. Коммисія ни въ текстѣ 22 статьи проекта, ни въ Объяснительной Запискѣ (стр. 73), не указываетъ, въ какомъ именно порядкѣ и по чьему распоряженію дѣлается такое возвращеніе, и потому вопросъ этотъ, весьма важный, остается открытымъ. Съ своей стороны г. Хлодовскій полагаетъ, что какъ досрочное освобожденіе отъ наказанія, такъ и возвращеніе такого освобожденнаго въ мѣсто заключенія, должно происходить въ одинаковомъ порядкѣ и можетъ послѣдовать съ разрѣшенія одной и той-же власти, ибо только та власть, которой принадлежитъ право освободить заключеннаго отъ наказанія раньше истеченія положеннаго срока, можетъ и возвратить такое лицо обратно въ прежнее мѣсто заключенія. Предоставленіе такого права мѣстной тюремной или полицейской власти представляется еще больше нежелательнымъ и невозможнымъ, нежели признаніе за нею права досрочнаго освобожденія, ибо правомъ этимъ личность освобожденнаго преступника ставилась-бы въ полную и безграничную зависимость отъ произвола и своеволія

практика должна была-бы убѣдить составителей проекта, что чѣмъ больше будетъ установлено типовъ лишенія свободы, тѣмъ меньше ихъ будетъ въ дѣйствительности. Несмотря на изобиліе видовъ лишенія свободы, установленныхъ дѣйствующимъ улож. о нак., въ дѣйствительности существуетъ только пять смирительно-рабочихъ домовъ и 32 исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій, ротъ и полуротъ, т. е. во многихъ губерніяхъ не только нѣтъ смирительныхъ и рабочихъ домовъ, но даже и исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій, и всѣ эти три типа заключенія замѣняются содержаніемъ въ тюрьмѣ. (См. отчетъ Глав. Тюрем. Управ. за время съ 16 Іюня 1880 г. по 1 Января 1882 г.). Разладъ закона съ практикою слишкомъ очевидный. Не то-ли будетъ въ дѣйствительности въ случаѣ установленія многихъ видовъ лишенія свободы? На этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ тотъ-же отчетъ Главнаго Тюремнаго Управленія, который удостовѣряетъ: 1) что количество помѣщеній въ *каторжныхъ* тюрьмахъ «крайне недостаточно», такъ что каторжные нѣкоторое время остаются въ обыкновенныхъ тюремныхъ замкахъ и переводятся въ каторжныя тюрьмы, по мѣрѣ открытія свободныхъ мѣстъ въ послѣднихъ (стр. 15 отчета); 2) что «большая половина» приговоренныхъ къ *исправительному арестантскому отдѣленію* отбываютъ наказаніе случайно, т. е. по мѣрѣ очищенія въ нихъ мѣстъ, а при недостаткѣ таковыхъ, остаются въ тюрьмахъ (стр. 11—14 отчета); 3) «что за рѣдкими исключеніями, всѣ вообще *тюремныя* зданія находятся въ самомъ запущенномъ и неудовлетворительномъ состояніи» (стр. 17), работы арестантовъ, какъ тюремныхъ замковъ, такъ и исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій «не устроены и не организованы» (стр. 60); 4) что «въ теченіи 1½ лѣтъ, съ 1 Іюля 1880 г. по 1 Января 1882 г., всего бѣжало 1,352 арестанта» (стр. 70); 5) что стѣснительное положеніе Государственнаго Казначейства служитъ постоянною причиною къ неассигнованію достаточныхъ средствъ на ремонтъ тюремныхъ зданій, «какова-бы ни была настоятельная въ нихъ надобность» (стр. 17), а по отзыву Министра Финансовъ «не представляется никакой возможности» къ увеличенію расхода на ремонтъ тюремъ (стр. 18), и 6) что, въ виду недостаточности средствъ, Главное Тюремное Управленіе «вынуждено было отказаться на первое время отъ примѣненія къ переустраиваемымъ тюрьмамъ одиночной системы заключенія или начала ночнаго разъединенія,—какъ основныхъ положеній указаннаго уже тюремнаго преобразованія» (стр. 31 отчета). Основываясь на послѣднемъ отчетѣ Главнаго Тюремнаго Управленія и принимая во вниманіе, что у насъ нѣтъ ни одной тюрьмы, устроенной по системѣ одиночнаго заключенія, и ни одного исправительнаго арестантскаго отдѣленія съ необходимыми одиночными камерами; что всѣ наши мѣста заключенія требуютъ радикальнаго переустройства; что, кромѣ

передѣлки существующихъ негодныхъ мѣстъ заключенія, необходимо будетъ построить не мало тюремъ и исправительныхъ домовъ и еще создать каторжныя тюрьмы въ Сибири (стр. 61 Об. Зап.), а между тѣмъ, даже на переустройство тюремъ, въ настоящее время, недостаетъ средствъ, и что затрачивать капиталы на устройство такихъ мѣстъ заключенія, въ коихъ не имѣется настоятельной надобности, и непроизводительно и неблагоразумно, чины Вологодскаго Суда останавливаются на мысли по возможности упростить карательную систему и создать наименьшее число видовъ лишенія свободы. Чѣмъ меньше будетъ у насъ типовъ мѣстъ заключенія, тѣмъ скорѣе Государственное Казначейство въ состояніи будетъ ассигновать необходимыя суммы, а Главное Тюремное Управленіе надлежаще устроить мѣста заключенія. Создать въ дѣйствительности и надлежаще устроить меньшее число видовъ лишенія свободы гораздо важнѣе, чѣмъ устанавливать на бумагѣ большее ихъ число и довольствоваться нынѣ существующими мѣстами заключенія. Для непоколебимости судебнаго приговора и укрѣпленія въ народѣ законности, нельзя впредь допускать разлада практики съ закономъ тѣмъ болѣе, что въ проектѣ не предлагается замѣны однихъ наказаній другими, а слѣдовательно замѣна одного вида заключенія другимъ, по неимѣнію перваго, будетъ мѣрою произвольною со стороны исполнителей приговора. По симъ основаніямъ необходимо:

а) Каторгу, какъ самостоятельный, особый видъ заключенія, исключить изъ лѣстницы наказаній и слить ее съ исправительнымъ домомъ; увеличить срокъ содержанія въ исправительномъ домѣ до 15 лѣтъ, а въ случаѣ, ст. 56 указанномъ, до 20 лѣтъ; для приговоренныхъ къ содержанію въ исправительномъ домѣ на срокъ болѣе шести лѣтъ (ст. 17) установить, по отбытіи наказанія, поселеніе въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ.

Въ пользу исключенія каторги изъ числа наказаній, помимо финансовыхъ соображеній, служитъ: *во 1-хъ*, то, что, согласно ст. 14, 50 и 38 проекта, каторга отмѣняется не только для семидесятилѣтнихъ стариковъ и малолѣтныхъ до 17 лѣтъ, но и для лицъ женскаго пола; и *во 2-хъ*, то, что каторжные, наравнѣ съ арестантами исправительнаго дома, не лишаясь, по проекту, имущественныхъ правъ, не будутъ безусловно лишены и дохода отъ работъ, предоставленнаго имъ Высочайше утвержденнымъ 19 Іюня 1881 г. положеніемъ Комитета Министровъ (Собр. Узак., № 87), но отвергаемаго 14 ст. проекта. Уничтоженіе каторги не воспрепятствуетъ Главному Тюремному Управленію выработать два разные порядка управленія для приговоренныхъ (вмѣсто каторги) къ заключенію въ исправительномъ домѣ на сроки отъ шести лѣтъ и для приговоренныхъ на сроки до шести лѣтъ,— если только можно создать существенную разницу въ дисциплинарныхъ

порядкахъ управленія каторжными и арестантами исправительнаго дома. Съ уничтоженіемъ каторги, останется *три* вида заключенія: арестъ, тюрьма и исправительный домъ, которые будутъ соотвѣтствовать *тремъ* видамъ преступныхъ дѣяній: нарушенію, проступку и преступленію, указаннымъ въ 4 ст. проекта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такое важное соотвѣтствіе трехъ видовъ преступныхъ дѣяній тремъ видамъ лишенія свободы, дастъ возможность установить рѣзкое, существенное различіе въ подсудности; такъ напр. общія *нарушенія* караемыя,—какъ высшимъ наказаніемъ,—арестомъ и общіе *проступки* караемые тюрьмою могутъ быть отнесены къ вѣдомству Мировыхъ Судей, а *преступленія* караемыя исправительнымъ домомъ (и въ нѣкоторыхъ случаяхъ—крѣпостью)—къ вѣдомству Окружныхъ Судовъ. Если исключенію каторги изъ числа наказаній будутъ препятствовать произведенныя затраты на приспособленіе къ каторгѣ острова Сахалина, то отмѣна сего рода наказанія не лишитъ Главное Тюремное Управленіе права отправлять на Сахалинъ присужденныхъ къ исправительному дому на сроки болѣе 10 лѣтъ и затѣмъ поселять ихъ тамъ на всегда,—но она избавитъ сіе Управленіе отъ заботъ, а государство отъ расходовъ по устройству и содержанію каторжныхъ тюремъ въ Сибири.

б) Заточеніе замѣнить крѣпостью и срокъ сего заключенія установить, не отъ двухъ недѣль до 10 лѣтъ, какъ предположено въ ст. 15 проекта, а отъ четырехъ недѣль до шести лѣтъ.

Заточеніе слѣдуетъ исключить изъ проекта какъ потому, что нѣтъ никакихъ основаній исключать крѣпость изъ лѣстницы нынѣ дѣйствующаго улож. о нак., такъ и потому, чтобы не ставить Главное Тюремное Управленіе въ необходимость заботиться объ устройствѣ ненужныхъ мѣстъ заточенія. Срокъ заточенія, указанный въ 15 ст. проекта, во всякомъ случаѣ подлежитъ измѣненію потому: *во 1-хъ*, что безъ достаточно важныхъ основаній не слѣдуетъ отступать отъ нынѣ дѣйствующаго улож. о нак., въ которомъ наименьшій срокъ заключенія въ крѣпости опредѣленъ въ четыре недѣли (3 степ. 35 ст.); *во 2-хъ*, что если опредѣлить меньшій срокъ противу установленнаго улож., то приговоры суда, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, останутся мертвою буквою, такъ какъ при исчисленія срока исполненія приговора со дня задержанія (ст. 20 проек.), пока осужденнаго доставятъ за тысячу верстъ въ крѣпость, пройдетъ двухнедѣльный срокъ указанный въ проектѣ; *въ 3-хъ*, если заточеніе предполагается назначить за преступленія, «которыя вовсе не указываютъ на позорный или безчестный характеръ лицъ ихъ совершившихъ» (стр. 18 об. зап.), и если въ нынѣ дѣйствующимъ уложеніи (въ ст. 1503) высшій срокъ заключенія въ крѣпости опредѣленъ до шести лѣтъ и восьми мѣсяцевъ (за поединокъ, коего

послѣдствіемъ будетъ смерть), то не представляется никакого основанія увеличивать срокъ сего заключенія свыше шести лѣтъ тѣмъ болѣе, что трудно согласовать отсутствіе безчестности и позора въ преступленіи со строгостью наказанія, достигающаго 10 лѣтъ заключенія съ принудительными работами, поражающаго права состоянія и влекущаго поселеніе, какъ это предложено въ проектѣ (ст. 15, 25 и 27). Одно изъ двухъ: или за непозорное преступленіе не должно быть позорнаго наказанія съ послѣдствіями, для каторжныхъ опредѣленными, или-же для присуждаемыхъ къ тяжкому позорному наказанію не должно быть мѣста въ крѣпости.

А потому чины Вологодскаго Окружнаго Суда полагали бы: изъ 2 ст. исключить каторгу, заточеніе замѣнить крѣпостью и, согласно съ симъ, измѣнить 4, 14, 15, 20, 21, 22, 25, 26, 27, 28, 30, 31, 38, 49, 50, 51, 53, 54, 55, 56 и 60 ст. проекта.

Прокуроръ Тифлисской Судебной Палаты Андреевъ замѣчаетъ, что лѣстница наказаній по проекту уложенія сокращена, упрощена и составлена цѣлесообразнѣе; но нужно настоятельно желать, чтобы она не оказалась также несоотвѣтствующею дѣйствительности, какъ нынѣ дѣйствующая, нужно-бы статистическими цифрами выяснить, достаточно-ли мѣстъ для исполненія наказаній не только теперь, но еще по крайней мѣрѣ на 10 лѣтъ впередъ. Покуда мы только знаемъ, что мѣстъ для приговариваемыхъ въ каторжныя работы и исправительныя арестантскія отдѣленія уже недостаточно, что смирительныхъ домовъ и помѣщеній для подлежащихъ аресту почти нигдѣ не имѣется; поэтому приговоры судовъ объ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія съ цѣлью исправленія преступниковъ посредствомъ постоянныхъ работъ и тщательнаго надзора, въ дѣйствительности, осуществляются отдачею въ тюрьмы, гдѣ заключенные, какъ извѣстно, вслѣдствіе совершенной праздности и нахожденія въ обществѣ преступныхъ людей, не исправляются, а развращаются; приговоры судовъ объ арестѣ въ дѣйствительности осуществляются тоже заключеніемъ въ тюрьмы, гдѣ осужденные за маловажные проступки содержатся вмѣстѣ съ подлежащими ссылкѣ въ каторжныя работы.

Вслѣдствіе этого приговоры судовъ теряютъ ихъ правдивость; то, что постановляетъ и объявляетъ судъ, теперь не исполняется.

Это представляется г. Андрееву настолько важнымъ, что, покуда невозможно исполнять въ точности требованія законовъ и приговоры судовъ, лучше просто отказаться отъ такого порядка и расширивъ примѣненіе ссылокъ и денежныхъ пеней—оставить примѣненіе лишенія свободы исклю-

чительно въ томъ размѣрѣ, въ какомъ возможно дѣйствительное исполненіе подобныхъ приговоровъ.

Чины Череповецкаго прокурорскаго надзора замѣчаютъ, что устройство и содержаніе мѣстъ заключенія по новой системѣ, предполагаемой проектомъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго, но возможность осуществленія этой системы вызываетъ сомнѣнія. Всѣ нынѣшнія мѣста заключенія при новой системѣ окажутся непригодными и придется замѣнить ихъ новыми, приспособленными къ совершенно инымъ требованіямъ. Расходъ, потребный на это, такъ громаденъ, что едва-ли можетъ быть сдѣланъ даже и не при настоящемъ финансовомъ положеніи, и можно ожидать, что новая система наказаній, при старыхъ мѣстахъ заключенія, останется прекрасною только въ теоріи. Въ виду этого слѣдовало-бы, прежде введенія въ дѣйствіе новаго уложенія, создать новые законы о мѣстахъ заключенія, примѣнительно къ новымъ условіямъ и осуществить эти законы, иначе примѣненіе новыхъ началъ, вмѣсто пользы, можетъ принести вредъ. Ставить вопросъ о нравственномъ исправленіи преступника и о снисхожденіи къ нему въ зависимость отъ отзывовъ начальниковъ мѣстъ заключенія и полиціи крайне рискованно; контингентъ этихъ смотрителей, какъ извѣстно, въ большинствѣ случаевъ пополняется изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, стоящихъ на довольно низкой степени развитія и рѣдко обладающихъ высокою нравственностью, полицейскіе-же чины, соприкасающіеся непосредственно съ населеніемъ, тоже немногимъ ихъ превосходятъ, а при этихъ условіяхъ власть, даваемая смотрителямъ мѣстъ заключенія и чинамъ полиціи, можетъ повести къ большимъ злоупотребленіямъ. Одно существованіе закона не можетъ вскорѣ создать массы лицъ, нужныхъ для тюремнаго надзора и обладающихъ высокимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ.

Чины прокурорскаго надзора Псковскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что переполненіе тюремъ и иныхъ мѣстъ заключенія есть въ настоящее время явленіе, признанное уже всѣми, и задача мѣстной администраціи и Главнаго Тюремнаго Управленія сводятся теперь лишь къ тому, чтобы, по возможности, уровнять число содержащихся подъ стражей въ различныхъ тюрьмахъ, хотя, тѣмъ не менѣе, весьма нерѣдко количество арестантовъ вдвое, втрое и болѣе превышаетъ ту норму, которая имѣлась въ виду при устройствѣ той или другой тюрьмы. Съ 16 Іюня 1879 по 16 Іюня 1880 г., въ однихъ арестантскихъ отдѣленіяхъ содержалось 9,609 человѣкъ, тогда какъ всѣ эти отдѣленія, числомъ 33, устроены на 7,136 мѣстъ, а общее число ежегодно

приговариваемыхъ къ отдачѣ въ арестантскія отдѣленія доходило до 8,000 человѣкъ.

Редакціонная Коммисія, вводя совершенно новые виды и способы лишенія свободы (заточеніе, исправительный домъ, тюрьма, арестъ, одиночное заключеніе, разобщеніе на ночь и въ свободное отъ работъ время), очевидно, признавала, что необходимыя для того мѣста заключенія будутъ существовать ко времени введенія въ дѣйствіе новаго уложенія, но какъ-бы медленно ни подвигалась работа Коммисіи, нельзя не предвидѣть, что постройка необходимыхъ тюремъ, исправительныхъ домовъ и переустройство существующихъ съ необходимыми въ нихъ приспособленіями будутъ идти еще медленнѣе и суды, какъ и въ настоящее время, будутъ поставлены въ необходимость приговаривать осужденныхъ къ несуществующимъ наказаніямъ.

Если теперь это совершенно ненормальное положеніе имѣетъ мѣсто, то такая аномалія можетъ быть объяснена и терпима лишь въ виду предполагаемыхъ въ ближайшемъ будущемъ реформъ, но для того, чтобы устранить такой порядокъ вещей, необходимо принять теперь-же самыя энергическія мѣры къ уничтоженію причинъ, его вызывающихъ.

Требованіе обвинителемъ примѣненія несуществующаго на самомъ дѣлѣ наказанія и присужденіе этого наказанія судомъ, очевидно, несовмѣстно съ достоинствомъ суда и обвинительной власти и кромѣ того наказаніе, которому на самомъ дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ подвергается осужденный, при замѣнѣ его на практикѣ другимъ, не соотвѣтствуетъ намѣреніямъ суда, безъ сомнѣнія стремящагося постановить, по возможности, справедливый приговоръ; такъ напр. одиночное заключеніе есть наказаніе болѣе строгое, чѣмъ содержаніе въ общей камерѣ; зная, что присужденные въ тюрьму подвергаются одиночному заключенію (ст. 18), судъ, по соображеніи обстоятельствъ дѣла, признаетъ справедливымъ подвергнуть осужденнаго тюремному заключенію на три недѣли; при физической невозможности, за недостаткомъ одиночныхъ камеръ, исполнить этотъ приговоръ, осужденный отбудетъ указанный срокъ въ общей камерѣ и понесенное имъ наказаніе, очевидно, не будетъ соотвѣтствовать требованіямъ справедливости, выраженнымъ въ приговорѣ суда.

Эти общія соображенія о необходимости создать мѣста заключенія сообразно съ вводимыми въ уложеніи, не имѣя непосредственнаго отношенія къ разсматриваемому проекту, тѣмъ не менѣе находятся въ такой тѣсной съ нимъ связи, что самое введеніе въ дѣйствіе проектируемаго уложенія, по мнѣнію названныхъ чиновъ, обусловливается тюремной реформой.

Останавливаясь на обзорѣ принятыхъ въ проектѣ карательныхъ мѣръ, чины прокурорскаго надзора Изюмскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что проектъ, сдѣлавъ большой шагъ впередъ сравнительно съ прежними разнообразными и сложными карательными мѣрами, не отрѣшился однакоже отъ установленія такихъ наказаній, изъ которыхъ одни съ теченіемъ времени могутъ оказаться недѣйствительными, другія на первое-же время существованія останутся безъ примѣненія и наконецъ нѣкоторыя, по усложненной ихъ системѣ, будутъ существовать лишь на бумагѣ.

Въ этомъ отношеніи невольно выдвигается на первый планъ вопросъ о томъ, не будетъ-ли излишне существованіе такого мѣста заключенія, какъ «заточеніе» и не лучше-ли было-бы исключить его вовсе изъ числа карательныхъ мѣръ.

Въ Объяснительной Запискѣ къ проекту уложенія (стр. 62 об.) указано, что заточеніе полагается за тяжкія нарушенія закона, совершаемыя такими членами общества, которыхъ нельзя признать глубоко испорченными и безнравственными, но которые въ то-же время не умѣютъ подчинять порывы своихъ желаній требованіямъ закона.

Въ этихъ видахъ съ увѣренностью можно сказать, что много такого-же направленія преступниковъ будетъ находиться и въ исправительномъ домѣ и что устройство помѣщеній для «заточенія» явится непроизводительнымъ расходомъ для правительства и излишнимъ разнообразіемъ карательныхъ мѣръ; самое «заточеніе» едва-ли, и по существу, и по силѣ наказанія, будетъ имѣть важное отличіе отъ содержанія въ исправительномъ домѣ, въ которомъ къ тому-же всегда возможно усилить самое наказаніе для болѣе важныхъ преступниковъ временемъ содержанія ихъ въ исправительномъ домѣ, или же увеличить одиночное содержаніе въ случаѣ необходимости. Съ этой стороны «заточеніе» въ уложеніи представляется излишнимъ.

То же самое, до нѣкоторой степени, надлежитъ, по мнѣнію Изюмской прокуратуры, замѣтить и въ отношеніи «тюремнаго заключенія». По мнѣнію Коммисіи, въ тюрьмѣ будутъ содержимы такіе нарушители закона, вина которыхъ представляется сравнительно меньшею противъ приговоренныхъ къ содержанію въ исправительномъ домѣ, почему и сроки содержанія въ тюрьмѣ надлежитъ установить значительно меньшія, но при условіи одиночнаго заключенія.

Изъ обозрѣнія ст. 15, 17 и 18 усматривается, что разница въ наказаніяхъ, опредѣляемыхъ приведенными статьями, заключается въ срокахъ и видахъ лишенія свободы, а также въ выполненіи работъ, назначаемыхъ для содержащихся. Для достиженія этихъ условій необходимы будутъ особыя приспособленія въ зданіяхъ этихъ трехъ видовъ лишеній свободы со стро-

гимъ примѣненіемъ тѣхъ въ отношеніи содержащихся началъ, которыя высказаны въ Объяснительной Запискѣ, на стр. 65 (въ началѣ) и обор. стр. 66 (въ концѣ). Обзоръ этихъ-же статей указываетъ съ другой стороны, и на то, что ни цѣль наказанія, какъ возможное исправленіе преступника, ни выполненіе его не будутъ утрачены, если одинъ «исправительный домъ» замѣнитъ эти три рода наказаній (совмѣстивъ въ себѣ отдѣлы для одиночныхъ и общихъ заключеній), въ особенности въ виду того важнаго начала, что равенство отвѣтственности для всѣхъ передъ закономъ обусловливается не принадлежностію къ тому или другому сословію, а индивидуальною обстановкою и особенностями виновности.

Повсемѣстное устройство зданій для всѣхъ трехъ видовъ лишенія свободы и содержаніе администраціи въ нихъ несомнѣнно требуетъ большихъ затратъ, тогда какъ замѣна всѣхъ этихъ видовъ карательныхъ мѣръ одною—«исправительнымъ домомъ»—дастъ полную возможность сократить затрату на постройку зданія и на содержаніе администраціи и дастъ возможность болѣе правильно примѣнять наказаніе и достигать цѣли его, не говоря уже о томъ, что этимъ достигается также упрощеніе самыхъ карательныхъ мѣръ и что рано или поздно всѣ эти три вида наказанія едва-ли будутъ чѣмъ-либо разниться другъ отъ друга подобно тому, какъ и въ настоящее время почти стушевалось всякое различіе между арестантскими ротами, рабочими домами и тюрьмами.

Само собою разумѣется, что, съ такою замѣною и въ видахъ такого упрощенія, самые сроки содержанія должны быть измѣнены и въ особенной части уложенія должны быть опредѣлены максимальные и минимальные предѣлы заключенія за то или другое правонарушеніе, съ указаніемъ и на время одиночнаго заключенія.

Чины прокуратуры Вологодскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что проектъ установляетъ пять видовъ лишенія свободы. Хотя иностранныя уложенія (венгерское, германское, бельгійское и французское) довольствуются четырьмя видами заключенія, но тѣмъ не менѣе нѣтъ основанія возражать противъ установленія пяти видовъ заключенія тѣмъ болѣе, что по дѣйствующему уложенію имѣютъ примѣненіе тѣ-же пять видовъ: каторга, крѣпость, исправительное отдѣленіе, тюрьма и арестъ. Хотя по уложенію существуетъ заключеніе въ смирительные и рабочіе дома, но за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ существуютъ эти пять смирительно-рабочихъ домовъ, во всей остальной Россіи они замѣняются тюрьмою. При этомъ слѣдуетъ поставить непремѣннымъ условіемъ: 1) чтобы всѣ мѣста заключенія, ко времени введе-

*

нія въ дѣйствіе новой карательной системы, были устроены согласно требованіямъ новаго уложенія, т. е. тюрьмы приспособлены для одиночнаго заключенія, исправительные дома должны быть устроены и для одиночнаго заключенія и для разобщенія арестантовъ на ночь и т. п., и 2) необходимо устранить существующій порядокъ произвольной замѣны означеннаго въ приговорѣ заключенія другимъ его видомъ, по недостатку-ли мѣстъ заключенія или помѣщенія въ нихъ. Посему, если Главное Тюремное Управленіе будетъ не въ состояніи устроить потребное количество тюремныхъ помѣщеній всѣхъ пяти видовъ съ необходимыми приспособленіями каждаго изъ нихъ, то въ такомъ случаѣ, во избѣжаніе разлада закона съ практикою, было-бы лучше ограничиться установленіемъ меньшаго количества видовъ лишенія свободы, но устроить ихъ такъ и въ такомъ количествѣ, чтобы не приходилось приговоренныхъ къ исправительному дому содержать въ тюрьмахъ, какъ это существуетъ теперь, и содержаніе въ одиночномъ заключенін замѣнять общимъ.

При разсмотрѣніи постановленій проекта, опредѣляющихъ юридическую сущность типовъ лишенія свободы (ст. 14—19), судьями Тифлисской Судебной Палаты высказаны слѣдующія замѣчанія: во 1-хъ, для содержащихся въ каторжныхъ тюрьмахъ слѣдовало-бы, наравнѣ съ содержащимися въ остальныхъ мѣстахъ заключенія, установить самимъ закономъ, а не по усмотрѣнію администраціи каторги, какъ полагаетъ Коммисія, обязательное отчисленіе опредѣленной, хотя и незначительной, части чистаго заработка въ пользу заключенныхъ. Принятіе такого правила устранило-бы разнообразіе, которое неизбѣжно должно установиться въ этомъ отношеніи въ различныхъ каторжныхъ тюрьмахъ, при соблюденіи предложеннаго Объяснительною Запискою порядка, и, съ другой стороны, дало-бы болѣе вѣрную возможность каждому каторжному при выходѣ изъ мѣста заключенія на поселеніе, имѣть болѣе или менѣе значительный капиталъ для первоначальныхъ затратъ на мѣстѣ водворенія; во 2-хъ, однимъ изъ Членовъ Палаты высказано мнѣніе, что если допускается одиночное заключеніе на опредѣленный срокъ при поступленіи въ каждое изъ остальныхъ мѣстъ лишенія свободы, то слѣдовало-бы допустить таковое и для осужденныхъ въ каторжныя работы, представляющія болѣе тяжкій видъ наказанія. Противъ этого нѣкоторыми изъ судей было высказано, что одиночное заключеніе, по тому вредному вліянію, которое оно можетъ имѣть на здоровье заключеннаго, едва-ли слѣдовало-бы вообще допускать въ новомъ уложеніи, и потому оно не только не должно имѣть примѣненія по отношенію къ каторжнымъ, но его можно было-бы

вовсе исключить и изъ другихъ видовъ лишенія свободы; въ 3-хъ, при назначеніи заключеннымъ обязательныхъ работъ по назначенію управленія, а не по собственному выбору, слѣдовало-бы принять обязательнымъ правиломъ, чтобы работы назначались управленіемъ сообразно способностямъ и здоровью осужденныхъ, каковое правило надлежало-бы внести въ самый кодексъ, или установить въ особомъ законѣ объ устройствѣ каторги, и, въ 4-хъ, въ отношеніи къ заточенію на срокъ не свыше шести лѣтъ въ проектѣ сказано, что приговоренные занимаются работами по ихъ выбору, но если приговоренный самъ не выберетъ себѣ работы, то въ проектѣ не сказано, можетъ-ли администрація мѣста заточенія назначить таковую по своему усмотрѣнію, и вообще изъ постановленій проекта не видно, *обязательны-ли работы для приговоренныхъ къ заточенію на срокъ до шести лѣтъ*, или же занятіе таковыми зависитъ отъ самихъ заключенныхъ, которые поэтому могутъ и вовсе не работать. Для разъясненія такого недоразумѣнія слѣдовало-бы дополнить ст. 15 проекта указаніемъ на обязательность или необязательность работъ для приговоренныхъ къ означенному виду лишенія свободы.

Прокуроръ Плоцкаго Окружнаго Суда Фуксъ указываетъ, что ст. 14—19 установляютъ типы наказаній лишеніемъ свободы и подробности ихъ исполненія.

При взглядѣ на нихъ г. Фуксу приходитъ мысль, что мѣсто имъ не въ уложеніи о наказаніяхъ, а въ отдѣльныхъ уставахъ, опредѣляющихъ сущность и подробности для каждаго вида лишенія свободы. Для назначенія наказанія всѣ положенія въ приведенныхъ статьяхъ не имѣютъ значенія, потому что, по своей безусловности, исключаютъ возможность какихъ-либо относительно себя измѣненій; сократить время одиночнаго заключенія, отмѣнить разобщеніе на день, лишить той или другой части заработанныхъ денегъ судъ не вправѣ, а если это такъ, то и говорить о томъ нѣтъ надобности въ уложеніи о наказаніяхъ, установляющемъ случаи и правила наказуемости. Несомнѣнно, что каждый судья, какъ лицо знакомое съ законами, будетъ имѣть понятіе о сущности и даже подробностяхъ типа лишенія свободы, къ которому онъ приговариваетъ, но знакомиться съ этимъ онъ будетъ не изъ уложенія о наказаніяхъ, а изъ отдѣльныхъ уставовъ, ихъ нормирующихъ.

Кромѣ того, вполнѣ соглашаясь съ цѣлесообразностью и раціональностью перечисляемыхъ видовъ лишенія свободы, г. Фуксъ не можетъ однако не высказать нѣкоторыхъ опасеній за послѣдствія такого подробнаго опредѣ-

ленія ихъ въ имѣющемъ быть изданнымъ уложеніи о наказаніяхъ. Что мѣста заключенія у насъ крайне неудовлетворительны и, за исключеніемъ очень немногихъ, поголовно подлежатъ передѣлкѣ и будутъ передѣланы—это несомнѣнно, но главное, когда можно ожидать приведенія ихъ въ соотвѣтствіе съ типами, указываемыми въ приведенныхъ статьяхъ. Судя по даннымъ настоящаго времени, такое соотвѣтствіе можетъ произойти въ самомъ отдаленномъ будущемъ, а между тѣмъ составленіе новаго уложенія о наказаніяхъ, по всей вѣроятности, не заставитъ себя долго ждать, и тогда предстоитъ два исхода: или пріостановиться введеніемъ новаго закона, или ввести его въ дѣйствіе и примѣнять старые типы лишенія свободы. Первый исходъ мы видимъ въ Нидерландахъ, гдѣ введеніе уложенія о наказаніяхъ отъ 3 Марта 1881 г., представляющаго едва-ли не самое совершенное произведеніе въ этой области, отложено на 3 года, до надлежащаго реформированія мѣстъ заключенія; второй мы сами испытали на своемъ уложеніи о наказаніяхъ 1845 г., опредѣлившемъ нѣсколько видовъ лишенія свободы, замѣненныхъ въ большинствѣ случаевъ на практикѣ, по недостатку соотвѣтствовавшихъ мѣстъ заключенія, однимъ—тюрьмою. Если въ Нидерландахъ потребовалась отсрочка въ 3 года для переустройства мѣстъ заключенія, что и вызываетъ справедливыя жалобы и сильное недовольство, то у насъ окажется необходимою отсрочка вчетверо и впятеро болѣе продолжительная, а между тѣмъ несостоятельность дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ даетъ себя чувствовать ежеминутно и не допускаетъ и мысли объ отсрочкѣ въ замѣнѣ его новымъ, какъ только послѣднее будетъ составлено. Установить-же типы наказанія для того, чтобы ихъ не примѣнять—значитъ впередъ подрывать и авторитетъ и смыслъ новаго закона. Поэтому казалось-бы болѣе удобнымъ, исключивъ ст. 14—19, ограничиться перечисленіемъ въ ст. 2 родовъ наказаній; опредѣленіе-же ихъ въ подробностяхъ предоставить отдѣльнымъ уставамъ, которые и будутъ издаваться постепенно по мѣрѣ дѣйствительнаго улучшенія существующихъ мѣстъ заключенія и приведенія ихъ въ желаемое состояніе, отвѣчающее цѣлямъ и правосудія, и исправленія.

Система наказаній, проектируемая Коммисіей, вызываетъ, со стороны Прокурора Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалева, слѣдующія замѣчанія. Извѣстно, что настоящее наше уложеніе страдаетъ многочисленностью и разнородностью установленныхъ имъ наказаній, которыхъ въ дѣйствительности не существуетъ; уже давно изыскивались способы къ устраненію этого недостатка, и, между прочимъ, Высочайше утвержденнымъ 11 Декабря 1879 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта (собр. узак. 1879 г., № 914)

были проектированы въ этомъ отношеніи нѣкоторыя правила для руководства составителямъ новаго уложенія; однако Коммисія въ своемъ проектѣ отступила отъ этихъ указаній и число предположенныхъ ею различныхъ видовъ лишенія свободы почти такое же, какъ и нынѣ.

По замѣчанію Товарища Астраханскаго Губернскаго Прокурора Лабунскаго, въ проектѣ обращаетъ на себя вниманіе многочисленность наказаній: кромѣ смертной казни, каторги и тюрьмы, проектируется заключеніе въ исправительномъ заведеніи и заточеніе въ крѣпости. Само собою разумѣется, что это многообразіе въ наказаніяхъ стремится къ тому, чтобы дать возможность уравновѣсить преступленіе съ наказаніемъ. Но, какъ практика показала, эта система мало удовлетворяетъ своему назначенію и ведетъ къ затруднительности сортировки и выбора мѣста заключенія. Отсюда является случайность и непослѣдовательность, которыхъ трудно будетъ избѣгнуть въ спеціальной части кодекса, когда дѣло будетъ идти о подведеніи отдѣльныхъ преступленій подъ тѣ или другіе изъ проектированныхъ способовъ лишенія свободы.

Обращаясь къ разсмотрѣнію лѣстницы наказаній, Владимірскій Окружный Судъ замѣчаетъ, что этотъ предметъ самый главный и существенный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый трудный для установленія; при разсмотрѣніи этого предмета, рѣзче всего выражается необходимость разсмотрѣнія общей части уложенія въ совокупности съ особенною. Въ ст. 2 проекта, напримѣръ, установлено 8 формъ наказанія; но чтобы рѣшить, вызываетсяли такое разнообразіе наказаній совершеніемъ преступленій, запрещенныхъ подъ страхомъ тѣхъ или другихъ наказаній, должны быть приняты въ соображеніе числовыя данныя, которыя могутъ быть отысканы лишь при опредѣленіи, за какое именно дѣяніе и какое грозитъ наказаніе и въ какомъ мѣстѣ заключенія оно должно быть отбыто. Касаясь разнообразія формъ наказанія, нельзя отвергнуть той истины, что чѣмъ многообразнѣе формы наказаній, тѣмъ справедливѣе можетъ быть наложено наказаніе сообразно мотивамъ преступленія, закоренѣлости воли и т. д., но, съ другой стороны, многообразіе это не должно быть достигнуто только на словахъ, заключаться лишь въ устрашительныхъ названіяхъ, не должна быть допускаема въ широкихъ размѣрахъ замѣна одного наказанія другимъ, хотя по правиламъ, даннымъ администраціи, но допускающимъ все таки недоразумѣніе, даже произволъ; между тѣмъ, насколько разнообразіе формъ наказанія можетъ быть

достигнуто—зависитъ, конечно, не отъ одной юстиціи, а отъ другихъ, болѣе существенныхъ условій осуществленія широкихъ плановъ—финансовъ. Обращаясь къ положенію вещей настоящаго времени въ этомъ отношеніи и сличая лѣстницу наказаній проекта съ лѣстницею наказаній нынѣ дѣйствующаго уложенія, оказывается, что многообразіе наказаній одно и то-же; но не смотря на теченіе времени, довольно продолжительное со дня изданія уложенія, насколько достигнуто осуществленіе разнообразныхъ наказаній уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ? гдѣ и сколько имѣется въ настоящее время рабочихъ, смирительныхъ, исправительныхъ домовъ? какое наказаніе, постановленное судомъ на основаніи уложенія, при исполненіи, не должно быть замѣнено, сокращено или продолжено, причемъ даже суррогатомъ допускается употребленіе ударовъ розгами? Не слѣдуетъ-ли, при такихъ данныхъ, представленныхъ практикою, новому уложенію отказаться отъ многообразія формъ наказанія и отъ разнообразной перейти къ болѣе однообразной системѣ наказаній, къ упрощенію ея формъ, предоставивъ времени и условіямъ его впослѣдствіи уразнообразить формы наказанія, тѣмъ болѣе, что сему имѣется примѣръ въ системахъ наказаній иностранныхъ законодательствъ?

Екатеринодарскій Окружный Судъ замѣчаетъ, что, по системѣ наказаній, проектъ принадлежитъ къ числу современныхъ кодексовъ, направляющихъ наказаніе главнымъ образомъ на свободу. Въ этомъ отношеніи проектъ мало отличается и отъ дѣйствующаго уложенія. Но тогда какъ дѣйствующее уложеніе установляетъ 10 видовъ лишенія свободы, которые, подраздѣляясь на степени, образуютъ дальнѣйшую лѣстницу, состоящую изъ 43-хъ ступеней, проектъ установляетъ только 6 видовъ лишенія свободы, опредѣляя въ каждомъ видѣ, за исключеніемъ безсрочной каторги и поселенія, maximum и minimum срока заключенія. Не смотря однако на такое уменьшеніе наказаній, юридическая сущность каждаго изъ нихъ, состоящая въ сочетаніи сроковъ лишенія свободы, порядка содержанія арестантовъ, публичности и обязательности работъ, права на вознагражденіе за работу и, наконецъ, степени правопораженій и другихъ послѣдствій, такъ разнообразно опредѣляется проектомъ, что является полная возможность соразмѣрять усвоенную имъ систему наказаній съ самыми разнообразными, по свойствамъ своимъ, преступленіями. Въ то-же время, опредѣленіе въ каждомъ видѣ наказанія высшаго и низшаго размѣра наказанія дѣлаетъ возможнымъ назначеніе наказанія, соразмѣрное съ степенью виновности въ каждомъ данномъ случаѣ. По этимъ соображеніямъ, судъ признаетъ усвоенную проектомъ систему наказаній,

удовлетворяющею всѣмъ требованіямъ, какія только могутъ быть предъявлены со стороны уголовнаго правосудія.

Совѣщаніе чиновъ Варшавской прокуратуры находитъ, что, за исключеніемъ смертной казни, остальныя наказанія, проектируемыя новымъ уложеніемъ, могутъ быть обсуждаемы тогда только, когда, во 1-хъ, изъ подлежащихъ уставовъ будутъ извѣстны цѣль и условія примѣненія ихъ, и, во 2-хъ, когда въ особенной части уложенія будутъ указаны всѣ преступленія, которыя будутъ имъ обложены; до наступленія-же этихъ обстоятельствъ, разсмотрѣніе цѣлесообразности вводимой уложеніемъ карательной системы едва-ли могло-бы имѣть практическое значеніе. Хотя затѣмъ въ Объясненіяхъ Редакціонной Коммисіи на стр. 57 и говорится, что подробныя правила устройства мѣстъ заключенія, а равно управленія ими, будутъ опредѣлены особымъ закономъ, который долженъ быть представленъ въ Государственный Совѣтъ одновременно съ проектомъ уложенія, но такъ какъ изъ этого сообщенія не видно того, будутъ-ли новые виды лишенія свободы введены въ дѣйствіе одновременно съ новымъ кодексомъ, согласно съ началами, проектируемыми этимъ послѣднимъ, то совѣщаніе чиновъ прокурорскаго надзора, съ своей стороны, считаетъ необходимымъ высказать пожеланіе, чтобы окончаніе преобразованія всѣхъ мѣстъ заключенія совпало съ обнародованіемъ уложенія о наказаніяхъ, примѣненію коего въ противномъ случаѣ будетъ угрожать участь нынѣ дѣйствующаго уложенія, заключающаяся въ томъ, что многія изъ существующихъ въ немъ наказаній вовсе не примѣняются за отсутствіемъ всякой къ тому возможности или замѣняются другими, несоотвѣтствующими имъ наказаніями.

Останавливаясь на правилахъ ст. 14—19 проекта объ обязательности и публичности работъ въ мѣстахъ заключенія и вознагражденіи арестантовъ за работу, Товарищъ Прокурора Полтавскаго Окружнаго Суда Сливицкій замѣчаетъ, что каторга будетъ назначаема за болѣе тяжкія преступленія; лицо, подвергаемое каторгѣ, по 14 ст. поселяется въ отведенныхъ для этого мѣстахъ, а по 25 ст. лишается правъ и обязательно приписывается къ городскому или сельскому обществу. Такимъ образомъ каторга изъемлетъ человѣка изъ прежней среды; приговоренные къ каторгѣ навсегда утрачиваютъ свое прежнее положеніе въ обществѣ, они зачисляются въ особое состояніе о ссыльныхъ и 21 ст. даетъ имъ весьма слабую надежду на возвращеніе въ прежнюю среду. Въ виду тяжести такого наказанія, соотвѣтствую-

щей тяжести самаго преступленія, для лицъ подвергаемыхъ каторгѣ, работы должны быть установлены въ такомъ видѣ, какъ предполагаетъ Коммисія, т. е. обязательныя и публичныя, не смотря на то, что въ каторгу попадутъ и люди несродные съ трудомъ физическимъ. Не то надо сказать о работѣ въ заточеніи. Проектъ относительно работъ дѣлитъ заточеніе на два вида: заточеніе на срокъ свыше 6 лѣтъ и на срокъ менѣе 6 лѣтъ. Для перваго вида проектируются хотя не публичныя, но обязательныя работы по назначенію администраціи, для втораго-же вида заточенія допускается выборъ работъ самими заключенными. Такое дѣленіе совершенно произвольно и лишено практическаго значенія: строгость наказанія лишеніемъ свободы должна измѣряться срокомъ заточенія, а не иными элементами, составляющими сущность наказанія и долженствующими быть одинаковыми для извѣстнаго рода наказанія, безотносительно къ продолжительности срока. Установленіе проектируемаго вида работъ въ заточеніи, т. е. работъ обязательныхъ, непослѣдовательно, такъ-какъ противорѣчитъ типу заточенія, установленному въ Объясненіяхъ Коммисіи и противорѣчіе это заключается въ слѣдующемъ: Коммисія полагаетъ, что заточеніе не должно безчестить человѣка, какъ не безчеститъ его то преступленіе, за которое предполагается опредѣлять этотъ видъ лишенія свободы. Судя по этому, большинство подвергаемыхъ заточенію будетъ состоять изъ лицъ, физическій трудъ для которыхъ будетъ противенъ ихъ прежней дѣятельности, привычкамъ, воспитанію, будетъ имъ несроденъ, а иногда и гибеленъ; правда въ меньшинствѣ въ заточеніе попадутъ и субъекты, для которыхъ физическій трудъ—есть природная сфера дѣятельности и для которыхъ по этому онъ необходимымъ. Исходя изъ того положенія, что заточеніе будетъ назначаться за менѣе тяжкія преступленія, на трудъ въ заточеніи нельзя смотрѣть, какъ на необходимый элементъ наказанія,—трудъ здѣсь долженъ быть лишь возможенъ и желателенъ, но не обязателенъ. Противъ обязательности труда въ заточеніи говоритъ еще и то, что при обязательности труда не для всѣхъ заточеніе будетъ одинаково и слишкомъ тяжело оно будетъ для людей несродныхъ съ физическимъ трудомъ.

Такимъ образомъ, типу заточенія будутъ болѣе соотвѣтствовать необязательныя работы безотносительно къ сроку заточенія.

Установленіе для заточенія однихъ внутреннихъ работъ едва-ли практично; тѣмъ болѣе, что заключенные охотнѣе идутъ на внѣшнія работы. Такія работы полезнѣе въ гигіеническомъ отношеніи и кромѣ того установленіе тѣхъ или иныхъ работъ всегда находится въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, а не отъ воли и усмотрѣнія администраціи. Если установить, что работы для заключенныхъ въ заточеніи могутъ быть внѣшнія или внутреннія, то, при необязательности работъ, нежелающіе идти на внѣшнія работы

могутъ заявить отказъ отъ работы. Если, въ виду разнородности будущаго населенія въ заточеніи, установить и обязательныя, и необязательныя работы, то выборъ тѣхъ или другихъ долженъ быть предоставленъ суду, постановляющему приговоръ, такъ-какъ суду ближе извѣстна личность подсудимаго изъ судебнаго слѣдствія и онъ компетентнѣе опредѣлитъ, насколько работа подсудимаго въ заточеніи будетъ для него полезна, какъ исправительная мѣра.

Тоже должно сказать и относительно работъ въ исправительномъ домѣ и тюрьмѣ. И здѣсь слѣдуетъ установить два вида работъ: обязательныя и необязательныя, допустивъ и публичность работъ, но не иначе какъ съ согласія заключеннаго; выборъ-же обязательныхъ или необязательныхъ работъ тоже слѣдуетъ предоставить суду.

Проектъ придаетъ значеніе праву заключенныхъ на выборъ работъ. Право это не можетъ имѣть дѣйствительнаго значенія уже по тому одному, что необходимо, при назначеніи заключеннаго на работы, сообразоваться съ его прежнимъ положеніемъ, способностями; еслибы право выбора работъ и имѣло какой-либо практическій смыслъ, то оно будетъ весьма ограничено, распространяясь на тѣ только работы, которыя могутъ быть введены въ мѣстѣ заключенія.

Что касается до вознагражденія за трудъ заключенныхъ, то вообще относительно всѣхъ видовъ лишенія свободы надо сказать, что едва-ли справедливо будетъ лишать заключеннаго заработка. Каждый заключенный за трудъ свой долженъ получать извѣстное вознагражденіе уже по тому, что трудъ вознаграждаемый всегда производительнѣе, а слѣдовательно и полезнѣе для заключеннаго въ смыслѣ исправительной мѣры, а въ будущемъ этотъ заработокъ, при переходѣ заключеннаго къ свободной жизни, по крайней мѣрѣ на первое время, будетъ для него большимъ подспорьемъ. Размѣръ вознагражденія долженъ опредѣляться размѣромъ заработной платы и равняться послѣдней за вычетомъ по организаціи работъ, стражѣ и т. п. Какъ норму, можно опредѣлить заработокъ въ $\frac{1}{3}$ съ тѣмъ, что, по иниціативѣ тюремной администраціи, за особое прилежаніе къ работѣ, въ видѣ поощренія, размѣръ вознагражденія за работу можетъ быть увеличенъ до $\frac{2}{3}$ заработной платы.

По замѣчанію Прокурора Владикавказскаго Окружнаго Суда Чинчинадзе, задача общей части уголовнаго права, какъ извѣстно, заключается въ изложеніи родовыхъ понятій о преступленіи и наказаніи, т. е. въ опредѣленіи признаковъ, входящихъ въ составъ этихъ понятій, и потому все то, что

прямо не относится къ этой задачѣ должно быть предметомъ особыхъ подлежащихъ уставовъ. Примѣняя эти соображенія къ вопросу о заработкахъ, о чемъ трактуетъ 3 ч. 15 ст. проекта, нельзя не признать, что постановленіе о заработкѣ вошло въ общую часть уложенія совершенно не подлежаще и что ему скорѣе всего мѣсто въ уставѣ о содержащихся подъ стражею. Помимо того, что размѣръ того или другаго вознагражденія, получаемаго арестантомъ за свою работу, строго говоря, не имѣетъ характера наказанія, что явствуетъ изъ ст. 2 и 3 проекта, въ коихъ перечислены всѣ главныя и дополнительныя наказанія и въ коихъ не упоминается о вознагражденіи, и что поэтому уже одному положеніе о заработкахъ арестантовъ не должно быть предметомъ уложенія, но и кромѣ того внесеніе въ общую часть уложенія постановленія закона о вознагражденіи арестантовъ за ихъ работу не можетъ быть оправдано даже и практическими цѣлями. Всякое законодательство стремится къ тому, чтобы насколько возможно правильнѣе и точнѣе спеціализировать законы, дабы тѣмъ самымъ облегчить пользованіе ими, и чѣмъ больше законодательство достигаетъ этой цѣли, тѣмъ, естественно, представляется больше гарантіи въ правильности примѣненія закона. Не подлежитъ сомнѣнію, что примѣненіе закона о вознагражденіи арестантовъ за ихъ работу всецѣло будетъ относиться къ обязанностямъ администраціи карательныхъ учрежденій, и такъ какъ всѣ постановленія закона, относящіяся до содержанія арестантовъ, какъ это видно изъ соображеній Редакціонной Коммисіи, будутъ внесены въ новый законъ о тюрьмахъ и ссылкѣ, то и постановленію о заработкахъ арестантовъ, казалось-бы, слѣдовало отвести мѣсто въ законѣ о тюрьмахъ и ссылкѣ, дабы тѣмъ самымъ избѣгнуть той разбросанности въ законахъ, какая замѣчается въ отношеніи заработковъ арестантовъ въ проектѣ общей части уложенія. По предположеніямъ Редакціонной Коммисіи, въ будущій законъ о тюрьмахъ и ссылкѣ, между прочимъ, войдутъ положенія о порядкѣ пріисканія и выбора работъ и употребленія на нихъ арестантовъ, а также положеніе о порядкѣ опредѣленія вознагражденія за нихъ и пользованія этимъ вознагражденіемъ. При такомъ сознаніи самою Коммисіею необходимости спеціализировать законы о тюрьмахъ и ссылкѣ и внесенія въ нихъ положенія о вознагражденіи арестантовъ и пользованіи этимъ вознагражденіемъ, едва-ли представляется надобность въ дальнѣйшемъ обсужденіи этого вопроса, и потому остается лишь желать, чтобы изъ проекта было исключено все, касающееся вознагражденія арестантовъ за ихъ работу, и чтобы постановленіе по этому предмету было внесено въ уставъ о тюрьмахъ и ссылкѣ.

Основываясь на опытахъ, сдѣланныхъ въ Митавскомъ острогѣ, Курляндскій Губернскій Прокуроръ Баронъ Майдель полагаетъ, что постановленія какъ о томъ, чтобы $^2/_3$, $^1/_2$, $^1/_3$ чистаго дохода отъ работъ заключенныхъ обращались въ ихъ пользу (ст. 15, 17 и 18 проекта), такъ и о томъ, чтобы приговоренные къ содержанію въ тюрьмѣ занимались работою въ одиночныхъ камерахъ, будутъ служить препятствіемъ къ правильной организаціи работъ въ мѣстахъ заключенія, такъ какъ: 1) вольные рабочіе не пользуются опредѣленнымъ процентомъ отъ чистаго дохода ихъ работъ, но получаютъ извѣстную плату поденно или поштучно, причемъ нельзя упустить изъ виду, что арестантъ работаетъ, вообще говоря, вдвое хуже и медленнѣе, чѣмъ вольный рабочій, а кромѣ того арестантъ долженъ получить свой заработокъ не позже дня освобожденія его изъ заключенія; но въ рѣдкихъ случаяхъ будетъ возможно съ точностью опредѣлить въ этотъ день чистый доходъ всей его работы; и 2) устройство работъ въ камерахъ значительно труднѣе и дороже, чѣмъ въ общихъ мастерскихъ; такъ напримѣръ въ каждой камерѣ должно быть такое освѣщеніе, котораго въ общей мастерской хватало-бы на нѣсколько человѣкъ работающихъ одновременно; въ общей мастерской достаточно на нѣсколько человѣкъ одного экземпляра извѣстныхъ инструментовъ: пилы, мѣрки, тигеля съ клеемъ, печки для варенія его и т. п., которыми каждый изъ нихъ можетъ пользоваться порознь въ случаѣ надобности; въ общей мастерской можно пользоваться машинами и другими приспособленіями, которыя или по объему ихъ, или по другимъ причинамъ не могутъ быть удобно помѣщены въ маленькихъ камерахъ, а равно можно занимать арестантовъ такими работами, которыя въ камерахъ невозможны, напр. приготовленіемъ издѣлій изъ желѣза, жести и т. п.; въ общихъ мастерскихъ хорошій ремесленникъ изъ арестантовъ можетъ руководить другихъ и учить ихъ и только въ нихъ можно удобно пользоваться дѣленіемъ труда и т. д.

По замѣчанію Старшаго Предсѣдателя Кіевской Судебной Палаты Сенатора И. Н. Орлова, всѣ указанія ст. 14—19 на порядокъ содержанія заключаемыхъ лицъ, на родъ работъ ихъ въ мѣстахъ заключенія и на количество вознагражденія, опредѣляемаго имъ изъ чистаго дохода, не должны имѣть мѣста въ уложеніи о наказаніяхъ.

«Юридическая сущность» каждаго наказанія вполнѣ точно и опредѣленно выражается его названіемъ, а всѣ правила устройства различнаго рода мѣстъ заключенія должны уже составить предметъ особаго закона, который, какъ справедливо указываетъ Объяснительная Записка, и долженъ быть соста-

вленъ одновременно съ настоящимъ проектомъ. Но если признано будетъ необходимымъ оставить эти статьи съ подобнымъ содержаніемъ, то Сенаторъ И. Н. Орловъ считаетъ необходимымъ:

а) въ ст. 14 и 15 указать, что разобщеніе заключенныхъ слѣдуетъ распространять и на время, свободное отъ работъ (какъ о томъ упомянуто въ ст. 17);

б) въ ст. 15, о работахъ по выбору приговоренныхъ къ заточенію на срокъ не свыше 6 лѣтъ, указать какъ на то, что тутъ разумѣются работы, не только возможныя, но и удобныя въ самомъ помѣщеніи, такъ и на то, какъ поступать, если заключенные откажутся отъ выбора работъ или же выберутъ такія, которыя неудобны; при этомъ не лишнее припомнить тутъ, что говорится о необходимости работъ и вредѣ праздности заключенныхъ на 67 стр. объяснительной записки, въ статьѣ объ арестѣ.

Неудобство введенія въ уложеніе регламентаціи о родѣ работъ очевидно и само по себѣ уже достаточно свидѣтельствуетъ въ пользу высказаннаго мнѣнія о томъ, что сему не мѣсто здѣсь, а не сказать этого значитъ допустить крайне неточную редакцію сихъ статей уложенія.

Затѣмъ Сенаторъ И. Н. Орловъ не видитъ основанія ограничивать работы приговоренныхъ къ заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ самымъ ихъ помѣщеніемъ; подобные преступники, какъ-бы ни была мало безнравственна ихъ вина, уже будутъ лишены правъ состоянія и предназначены къ поселенію (слѣдовательно, и преступленіе ихъ предполагается тяжкимъ), а потому и нѣтъ основанія освобождать ихъ отъ работъ внѣ помѣщенія, особенно въ виду санитарныхъ и другихъ соображеній, приведенныхъ въ концѣ 65 и въ началѣ 66 стр. Объяснительной Записки о работахъ въ исправительномъ домѣ. Вообще, къ выраженіямъ ст. 17 и 18 «занимаются работами» не лишнее прибавить «заведенными въ томъ мѣстѣ заключенія», какъ это и сказано въ Высочайше утвержденномъ 11 Декабря 1879 г. мнѣніи Государственнаго Совѣта;

в) все, что въ ст. 17 и 18 говорится о переводѣ изъ одиночнаго заключенія въ общее, исключить, такъ-какъ правилу сему мѣсто также не тутъ, а въ законѣ о мѣстахъ заключенія; но кажется несомнѣнно, что едва-ли одно удостовѣреніе врача можетъ быть признано за достаточное основаніе къ такому переводу; для таковаго существеннаго измѣненія кореннаго правила уголовной репрессіи и общаго порядка заведенія, необходимо и постановленіе совѣта заведенія и согласіе мѣстнаго лица прокурорскаго надзора;

г) въ ст. 17 исключить ограниченіе работъ внѣ заведенія только для лицъ мужскаго пола; подходящія работы внѣ заведенія (конечно непубличныя и отдѣльныя отъ мужчинъ) могутъ быть найдены и для женщинъ, осо-

бенно, если исправительнымъ домамъ данъ будетъ типъ земледѣльческихъ колоній (стр. 66 Объяснительной Записки).

Постановленія проекта, относящіяся къ вознагражденію арестантовъ за ихъ работы во время отбыванія наказанія, вызываютъ, со стороны чиновъ Смоленской прокуратуры, слѣдующія замѣчанія:

Идея, что человѣкъ, лишенный свободы, долженъ участвовать самъ въ своемъ содержаніи и помогать въ этомъ казнѣ—несостоятельна. Государство, признавая необходимымъ лишить извѣстное лицо свободы, отрывая это лицо отъ семьи, отъ общества, отъ его прежнихъ занятій, тѣмъ самымъ отнимаетъ у него возможность содержать себя своимъ трудомъ. Постановленный въ новыя условія жизни, человѣкъ уже не можетъ работать съ прежнимъ успѣхомъ; такъ адвокатъ, посаженный въ тюрьму, не можетъ съ успѣхомъ заниматься хотя-бы и плетеніемъ корзинъ; далѣе трудъ только тогда можетъ быть плодотворенъ когда у трудящагося есть увѣренность воспользоваться его (труда) результатами; наконецъ, отнимая у арестанта его заработную плату, мы тѣмъ самымъ уменьшаемъ средства его семьи, которая не должна отвѣчать за своего преступнаго члена.

Въ виду вышеизложеннаго, представлялось-бы необходимымъ весь чистый доходъ, получаемый арестантами за различнаго рода работы во время отбытія наказанія, обращать въ ихъ (арестантовъ) пользу.

По мнѣнію Члена Стародубскаго Окружнаго Суда Борщова, ст. 15—19 надлежитъ дополнить относящимся ко всѣмъ статьямъ этимъ общимъ примѣчаніемъ по вопросу о порядкѣ работъ въ заключеніи, а также распредѣленію заработанной суммы. Примѣчаніе это можно изложить такъ: «подвергнутые заключенію въ исправительныхъ домахъ, тюрьмѣ или подъ арестомъ занимаются работами: въ заточеніи свыше 6 лѣтъ, исправительныхъ домахъ или тюрьмѣ—по назначенію управленія этихъ мѣстъ заключенія, при чемъ $^1/_3$ часть чистаго дохода поступаетъ въ пользу заключенныхъ. Подвергнутые заточенію на срокъ менѣе 6 лѣтъ, а также подвергнутые аресту, занимаются работами въ самомъ помѣщеніи по ихъ выбору, но если таковаго выбора не послѣдовало, то—по назначенію управленія этого мѣста заключенія; причемъ $^1/_2$ чистаго дохода поступаетъ въ пользу заключенныхъ. Слѣдуемая часть изъ чистаго дохода выдается заключеннымъ лишь по освобожденіи ихъ изъ мѣста заключенія. Заключенныя въ исправительныхъ домахъ лица мужескаго пола занимаются и общественными работами, но отдѣльно отъ свободныхъ рабо-

чихъ». Обязательность работъ во всѣхъ мѣстахъ заключенія необходима во избѣжаніе гибельной для нравственности заключенныхъ праздности.

Останавливаясь на правилахъ проекта о работахъ арестантовъ независимо отъ выбора заключеннаго, Предсѣдатель Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Бартеневъ утверждаетъ, что такого рода работы въ практикѣ бываютъ крайне неудовлетворительны и результатомъ бываетъ, что тамъ, гдѣ извѣстный трудъ могъ-бы быть выполненъ однимъ лицомъ, нерѣдко онъ исполняется 2, а часто 4—5 лицами. Поэтому г. Бартеневъ полагалъ-бы предоставлять каждому заключенному исполнять работы, по его выбору, и только если такого не будетъ, то возлагать обязательныя работы.

Кромѣ того вся вырученная плата за работы должна идти въ пользу заключеннаго, не дѣлая того исключенія, которое допущено въ ст. 15, 17 и 18 проекта. Предоставленіе возможности каждому работать на себя увеличиваетъ его трудъ; кромѣ того лишнія деньги пригодятся заточенному на поселеніи, а приговоренному въ исправительный домъ при выходѣ изъ него. Независимо отъ этого, выдавая лишь часть заработной платы, законъ тѣмъ самымъ косвенно наказываетъ лицъ непричастныхъ къ совершенному дѣянію, т. е. семью и родныхъ заключеннаго. Подобный взглядъ подтверждается между прочимъ и соображеніями Коммисіи на стр. 98, гдѣ говорится, что выходящій изъ тюрьмы нуждается въ матеріальной поддержкѣ, каковую проектъ усматриваетъ въ полицейскомъ надзорѣ, но г. Бартеневъ полагалъ-бы, что эта поддержка имѣла-бы болѣе твердое основаніе при существованіи у освобожденнаго своихъ денежныхъ средствъ. На томъ же основаніи, г. Бартеневъ предполагалъ-бы предоставить и каторжнымъ получать если не всю, то часть вырученной платы, какъ это признаетъ въ принципѣ и Коммисія на стр. 61, но съ тѣмъ только, что объемъ вознагражденія долженъ быть обозначенъ въ законѣ объ устройствѣ каторги, но не въ уложеніи. По этому поводу можно лишь сказать, что если плата каторжнымъ должна быть опредѣлена не въ уложеніи, то и плата заточеннымъ и приговореннымъ въ исправительный домъ и тюрьму можетъ быть упомянута въ учрежденіяхъ объ этихъ установленіяхъ тѣмъ болѣе, что работы служатъ лишь послѣдствіемъ наказанія и относятся посему къ исполненію приговора суда.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, г. Бартеневъ находитъ, что вся заработная плата должна быть выдаваема выручившему её.

Останавливаясь на правилахъ ст. 14—19 проекта о размѣрахъ выдаваемой заключеннымъ части заработка, чины Самарскаго Окружнаго Суда

замѣчаютъ, что въ Объяснительной Запискѣ нѣтъ указаній на то, чѣмъ руководствовалась Коммисія при распредѣленіи вознагражденія за работу. Имѣя-же въ виду, что Коммисія лишила каторжныхъ права на полученіе вознагражденія за трудъ, а находящимся подъ арестомъ предположила выдавать весь чистый доходъ, надобно думать, что въ основаніе къ распредѣленію вознагражденія была принята важность преступнаго дѣянія и присужденнаго за оное наказанія. Исходя изъ этого положенія, оказывается, что распредѣленіе Коммисіи сдѣлано несогласно приводимому соображенію, и, по мнѣнію Окружнаго Суда, казалось-бы болѣе правильнымъ производить выдачу содержащимся: въ заточеніи и исправительномъ домѣ, въ каждомъ болѣе 6 лѣтъ, $^1/_3$ чистаго дохода; въ исправительномъ домѣ до 6 лѣтъ—$^1/_2$; въ заточеніи до 6 лѣтъ и въ тюрьмѣ—$^2/_3$, и подъ арестомъ—весь чистый доходъ.

Предметъ общей части уголовнаго уложенія, по мнѣнію Нижегородскаго Окружнаго Суда, должны составлять лишь постановленія объ условіяхъ преступности и наказуемости дѣяній, о порядкѣ примѣненія судебными мѣстами изложенныхъ въ уложеніи законовъ къ конкретнымъ случаямъ.

Такое начало, какъ видно изъ проекта уложенія о наказаніяхъ, принято и Редакціонной Коммисіей, съ нѣкоторыми отступленіями. Такъ въ 15—19 статьяхъ проекта въ изложеніи постановленій о срокахъ и порядкѣ отбытія наказаній, состоящихъ въ лишеніи свободы, идетъ рѣчь и о распредѣленіи заработковъ, могущихъ быть вырученными отъ работъ, производимыхъ въ заключеніи лицами, осужденными на оное.

Правило относительно заработной платы и распредѣленія ея, по мнѣнію Суда, должны имѣть мѣсто не въ уголовномъ кодексѣ, а въ подлежащихъ уставахъ о проектированныхъ и существующихъ мѣстахъ заключенія.

Сопоставляя правила проекта о работѣ и задѣльной платѣ арестантовъ, Товарищъ Предсѣдателя Плоцкаго Окружнаго Суда Павловскій замѣчаетъ, что приговоренные къ заточенію, хотя-бы на полныхъ шесть лѣтъ, и приговоренные къ аресту занимаются работами *по собственному ихъ выбору* и пользуются *цѣлымъ чистымъ доходомъ* отъ своихъ работъ, а потому положеніе лицъ, совершившихъ преступленіе, подвергшее ихъ заточенію на шесть лѣтъ, и лицъ, провинившихся въ мелкомъ правонарушеніи, повлекшемъ за собою заключеніе въ арестъ на однѣ сутки,—одинаково.

Оставляя даже въ сторонѣ одинаковый размѣръ слѣдующей тѣмъ и другимъ задѣльной платы, болѣе всего бросается въ глаза предоставленіе какъ первымъ, такъ и послѣднимъ, полной личной свободы по отношенію къ выбору рода занятій, что, въ сравненіи съ виновностію лицъ, отбывающихъ оба рода сихъ наказаній, кажется, не выдерживаетъ критики передъ чувствомъ справедливости.

Далѣе, предоставленіе въ пользу лицъ, отбывающихъ наказаніе 5 или 6-лѣтняго заточенія, цѣлаго чистаго дохода отъ ихъ работъ, а въ пользу содержащихся въ исправительномъ домѣ—только одной трети, а въ тюрьмѣ—половины ставитъ лицъ, подвергшихся заточенію, въ болѣе выгодное матеріальное положеніе, чѣмъ осужденныхъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ или тюрьмѣ.

При этомъ представляется необходимымъ дополнить ст. 17 и 18 положительнымъ опредѣленіемъ, какими работами занимаются отбывающіе наказаніе въ исправительномъ домѣ и въ тюрьмѣ, свободными-ли, то есть по собственному ихъ выбору, или принудительными, то есть по назначенію мѣстнаго управленія.

Наконецъ помѣщенная въ ст. 17 оговорка: «но отдѣльно отъ свободныхъ рабочихъ» кажется излишнею, во-первыхъ потому, что, по правиламъ о тюремныхъ заведеніяхъ, не допускается никакого сообщенія лицъ, въ нихъ содержащихся, съ кѣмъ-либо изъ постороннихъ, и во-вторыхъ потому, что, въ случаѣ какихъ-либо общественныхъ работъ, свободныя рабочія артели или свободные вообще работники, вѣроятно, сами не пожелаютъ работать *сообща съ арестантами*.

По мнѣнію чиновъ прокуратуры Казанской Судебной Палаты, слѣдовало-бы исключить изъ уложенія и внести въ уставъ о содержащихся подъ стражею всѣ указанія о количествѣ личнаго вознагражденія осужденныхъ изъ ихъ заработковъ, имѣющіяся въ 15, 17, 18 и 19 статьяхъ проекта, и въ ст. 17 кромѣ того слова: «но во всякомъ случаѣ отдѣльно отъ свободныхъ рабочихъ».

Принятую въ проектѣ терминологію относительно работъ арестантовъ слѣдовало-бы, по замѣчанію тѣхъ-же чиновъ, измѣнить; именно, работы «по выбору» замѣнить работами «по желанію», а работы «по назначенію»—работами «обязательными», ибо первый терминъ, какъ будто, указываетъ лишь на родъ или видъ работы и *это только* предоставляетъ усмотрѣнію заключеннаго, а не самый вопросъ—заниматься-ли ему работой вообще или нѣтъ, такъ что, прежде всего, за прочтеніемъ фразы о работахъ по ихъ выбору,

невольно возникаетъ вопросъ: а какъ поступать въ томъ случаѣ, если выбора не послѣдуетъ?

По мнѣнію Товарища Астраханскаго Губернскаго Прокурора Лабунскаго, изъ существующихъ системъ лишенія свободы самая прогрессивная ирландская система; она беретъ у каждой изъ остальныхъ ихъ хорошее, не забывая при этомъ карательнаго характера тюрьмы. Система эта старается путемъ утилизаціи всѣхъ струнъ человѣческой души: эгоизма, соревнованія и другихъ, перевоспитать арестанта, и средствами къ этому у ней служатъ: трудъ, заработокъ, школа и дисциплина. Нравственное улучшеніе арестанта, такъ сказать, подстрекается льготнымъ положеніемъ въ самой тюрьмѣ и даже ему уменьшается срокъ заключенія. Наконецъ, отсидѣвшаго срокъ арестанта тюрьма сдаетъ не подъ надзоръ полиціи, который въ большинствѣ случаевъ является тормозомъ на пути пріискиванія освобожденнымъ себѣ средствъ къ существованію и, такъ сказать, порождаетъ (хотя совершенно по неволѣ) рецидивизмъ, а въ руки многочисленныхъ благотворительныхъ обществъ, которыя и стараются обезпечить существованіе освобожденнаго.

Само собою разумѣется, составители проекта уложенія имѣли въ виду ирландскую тюремную систему, но, можетъ быть, по весьма уважительнымъ причинамъ, дали преимущество предъ нею другой системѣ: совмѣстныхъ работъ днемъ вѣроятно съ принудительнымъ молчаніемъ и съ разъединеніемъ на ночь, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и полное одиночное заключеніе, если только это заключеніе не можетъ повести за собою органическаго разстройства.

Въ статьяхъ 14, 15, 17, 18 и 19 проекта говорится о правѣ заключеннаго на чистый доходъ отъ его заработка. Но почему не всѣ заключенные пользуются этимъ правомъ и почему доля заработка, которою должны будутъ воспользоваться заключенные, во всѣхъ заключеніяхъ не равномѣрна,—кажется г. Лабунскому не убѣдительно доказаннымъ. Система эта заимствована изъ Франціи, но почему-же ее не исправить? Вѣдь и каторжные, послѣ окончанія срока работъ (у насъ нѣтъ пожизненныхъ каторжныхъ работъ), поселяются въ отведенныхъ для того мѣстахъ, и, значитъ, и имъ тоже сбереженный заработокъ принесъ-бы весьма существенную поддержку на первыхъ порахъ и, въ большинствѣ случаевъ, спасъ-бы поселенцевъ отъ новыхъ преступленій. Затѣмъ было-бы справедливѣе, еслибы весь остатокъ заработка, за пополненіемъ расходовъ на содержаніе заключенныхъ, принадлежалъ-бы имъ; тогда-бы семьи приговоренныхъ къ наказаніямъ, по большей части лишенныя на все время заключенія приговоренныхъ рабочей силы, могли-бы этимъ остат-

комъ сколько-нибудь поддерживать свое существованіе. Наконецъ, какъ указываетъ г. Лабунскій, есть мнѣніе, что если уже и соглашаться съ постановленіемъ о правѣ заключенныхъ на большій или меньшій процентъ заработанной платы, то безусловно слѣдуетъ распредѣленіе это поставить въ соотвѣтствіе не съ тяжестью совершеннаго преступленія, а съ матеріальнымъ положеніемъ осужденнаго; по крайней мѣрѣ съ устраненіемъ или даже смягченіемъ нужды предупреждается возможность преступленія.

Товарищъ Прокурора Лубенскаго Окружнаго Суда Прокоповичъ находитъ, что вопросъ о содержаніи преступниковъ въ одиночномъ заключеніи въ тюрьмахъ, исправительныхъ домахъ и каторгѣ не долженъ быть установленъ какъ общее правило для всѣхъ арестантовъ, а эту мѣру слѣдуетъ установить лишь какъ штрафъ для тѣхъ изъ нихъ, кои въ заведеніяхъ сихъ будутъ отличаться дурнымъ поведеніемъ. Заключеніе въ отдѣльной камерѣ есть, само по себѣ, весьма тяжкое наказаніе и притомъ такое, которое значительно превосходитъ наказаніе простаго заключенія въ общей камерѣ. Не говоря уже о видѣ такого заключенія, г. Прокоповичъ полагаетъ, что государство не имѣетъ права наказывать преступника вдвойнѣ, т. е. лишать его свободы дѣйствій (главная цѣль заключенія) и сверхъ того обрекать на уединеніе, которое, по свойству человѣческой природы, составляетъ для человѣка огромное лишеніе. Указанныя въ Объясненіяхъ къ проекту Редакціонной Коммисіи оправданія и цѣли разъединенія арестантовъ не убѣдительны: они или административнаго характера, или-же исправительнаго. Что касается цѣлей перваго рода, то онѣ, какъ не имѣющія прямаго отношенія къ пользѣ заключенныхъ (разъединеніе арестантовъ для удобства надзора за ними), не заслуживаютъ, по мнѣнію г. Прокоповича, вниманія, что-же касается цѣлей исправительнаго характера, то объ этомъ можно сказать слѣдующее: Трудно допустить исправленіе взрослаго человѣка вообще, и, въ частности, врядъ-ли возможно исправленіе человѣка путемъ наказанія. Если современная наука, даже въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, отвергаетъ наказанія, то какимъ же образомъ можно воспитывать этимъ путемъ человѣка взрослаго, у котораго уже вполнѣ образовался характеръ?

Частный повѣренный при Бакинскомъ Окружномъ Судѣ фонъ-Велькъ полагалъ-бы цѣлесообразнымъ и обязательнымъ и при каторгѣ, и при заточеніи часть срока обвиненному содержаться въ одиночномъ заключеніи, но съ обязательными пропорціональными перерывами; отбытіе одиночнаго заключе-

нія съ перерывами должно лучше дѣйствовать на обвиняемаго для его исправленія.

Обязательный 6-мѣсячный срокъ одиночнаго заключенія, и то безъ обязательныхъ перерывовъ, по 17 ст. составляетъ несправедливость. При болѣе продолжительномъ заключеніи можно срокъ одиночнаго заключенія назначить $^1/_6$, при болѣе краткомъ $^1/_3$ или $^1/_4$ всего времени, но обязательно съ перерывами.

Совершенно неуравнительно будутъ наказаны лица по 18 ст.; имъ полагается на все время одиночное заключеніе; было-бы справедливѣе $^1/_3$ и съ перерывами.

Членъ Нѣжинскаго Окружнаго Суда Каменцовъ указываетъ, что двѣ послѣднія части статей 14, 16, 17, 18 и 19 заключаютъ въ себѣ правила о порядкѣ размѣщенія арестантовъ по системѣ общей, одиночной или смѣшанной, объ обязательности и публичности ихъ работъ и о размѣрѣ вознагражденія арестантовъ за сдѣланныя ими работы.

Правила эти, по своей условности и зависимости отъ характера и положенія арестанта и всей тюремной системы, не могутъ быть введены въ судебное рѣшеніе и примѣненіе ихъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ полномъ или сокращенномъ объемѣ, должно быть предоставлено тюремной администраціи. Поэтому г. Каменцовъ полагалъ-бы болѣе цѣлесообразнымъ помѣстить ихъ въ уст. угол. суд., въ отдѣлѣ о порядкѣ исполненія приговоровъ, гдѣ находится 970 ст., опредѣляющая порядокъ употребленія на работы женщинъ беременныхъ и кормящихъ грудью дѣтей. Обращаясь затѣмъ къ существу этихъ правилъ, онъ находитъ, что обязательное одиночное заключеніе, рѣзко не соотвѣтствующее общежительной природѣ человѣка, не упомянутое въ судебномъ рѣшеніи, составляетъ очень тяжелый, мучительной придатокъ къ опредѣленному въ немъ наказанію. Опыты и наблюденія, основанныя на тщательно собранныхъ статистическихъ данныхъ, доказали, что одиночное заключеніе тогда только исправляетъ обвиненнаго, когда онъ входитъ въ келію съ извѣстнымъ запасомъ, выработаннымъ предшествующей жизнью, добрыхъ склонностей и побужденій, такъ сказать, подготовленнымъ къ нравственному перерожденію, и что напротивъ безъ этого хорошаго задатка одиночное заключеніе еще болѣе отупляетъ, озлобляетъ, дѣлаетъ его нравственно надломленнымъ. Посему г. Каменцовъ, съ своей стороны, полагалъ-бы совершенно достаточнымъ сдѣлать обязательнымъ разобщеніе арестантовъ на ночь и на время свободное отъ работъ, а одиночное заключеніе допустить только или въ видѣ наказанія для стропти-

выхъ, непослушныхъ и лѣнивыхъ преступниковъ, или для тѣхъ изъ нихъ, которые сами будутъ просить содержать ихъ отдѣльно отъ другихъ.

Чины Ставропольскаго прокурорскаго надзора находятъ желательнымъ, чтобы техническія подробности отбытія наказанія были выдѣлены изъ текста уложенія и перенесены въ особое «приложеніе», ибо подробности эти, имѣющія отношеніе лишь къ дѣятельности тюремной администраціи, безъ сомнѣнія, будутъ измѣняемы по указаніямъ опыта, текстъ-же уложенія не долженъ подвергаться частой передѣлкѣ.

При разсмотрѣніи совѣщаніемъ чиновъ прокуратуры округа Варшавской Судебной Палаты статей 14—19 было замѣчено, что опредѣленіе порядка отбыванія наказанія каторгою, заточеніемъ, исправительнымъ домомъ, тюрьмою и арестомъ едва-ли умѣстно въ уголовномъ уложеніи и что было бы правильно всѣ относящіяся до этого предмета постановленія, заключающіяся въ статьхъ 14, 15, 17—19, помѣстить въ имѣющихъ быть вновь изданными уставахъ поименованныхъ мѣстъ заключенія. Но это возраженіе было отклонено совѣщаніемъ, которое нашло, что права арестованныхъ, составляющія предметъ разбираемыхъ статей проекта, настолько важны и входятъ въ понятіе состава различныхъ родовъ наказаній, что точное и обязательное для тюремной администраціи установленіе ихъ должно, несомнѣнно, находиться въ текстѣ уголовнаго уложенія.

По мнѣнію Ставропольскаго-Окружнаго Суда, 2 отд. 14 ст., 2 и 3 отд. 15, 2 и 3 отд. 17, 2 и 3 отд. 18, 2 отд. 19, вся 21, 22, 31 и 32 ст. проекта Коммисіи должны быть исключены изъ общей части уложенія, потому что мѣсто имъ—въ уставѣ о содержащихся подъ стражей, такъ какъ ими опредѣляется порядокъ отбытія наказаній по судебнымъ приговорамъ и уменьшенія сроковъ ихъ тюремнымъ начальствомъ въ случаѣ хорошаго поведенія осужденныхъ.

Чины прокурорскаго надзора Великолуцкаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что проектъ, указывая различные роды лишеній свободы, призналъ нужнымъ указать и порядокъ исполненія ихъ, т. е. когда должно быть одиночное заключеніе, совмѣстное, и притомъ какое именно и т. п. Дозволятъ-ли средства тюремной администраціи исполнить всѣ предначертан-

ныя въ проектѣ предположенія по этому предмету? Если-же нѣтъ, то, безъ всякой вины со стороны администраціи, всѣ постановленія новаго уложенія останутся съ перваго-же раза мертвою буквою, что не желательно-бы видѣть. А потому не было-ли бы практичнѣе совсѣмъ исключить положенія, относящіяся къ порядку отбыванія лишеній свободою?

Членъ Симферопольскаго Окружнаго Суда Тальбергъ находитъ, что указаніе въ уложеніи порядка содержанія заключенныхъ, т. е. въ одиночномъ или общемъ заключеніи, представляется неудобнымъ. Не говоря о томъ, что порядокъ содержанія заключенныхъ составляетъ предметъ, выходящій изъ круга вѣдѣнія суда, постановляющаго приговоръ, нельзя не остановиться на томъ соображеніи, что фактическое исполненіе предположеннаго одиночнаго заключенія находится въ зависимости отъ реформы тюремъ, а послѣднія, по финансовымъ затрудненіямъ, едва-ли могутъ быть вскорѣ преобразованы на столько, чтобы удовлетворить требованіямъ проекта объ одиночномъ заключеніи. Введеніе въ проектъ такихъ неудобоисполнимыхъ положеній или затруднитъ законодательное утвержденіе проекта, или-же, въ противномъ случаѣ, создастъ законоположенія столь-же фиктивныя, какъ и существующія нынѣ въ отношеніи различнаго рода каторжныхъ работъ, смирительнаго и рабочаго дома.

Поэтому удобнѣе было-бы опредѣлить порядокъ содержанія приговоренныхъ не въ уложеніи о наказаніяхъ, долженствующемъ быть незыблимымъ закономъ на многіе годы, а въ особомъ уставѣ о тюрьмахъ и ссылкѣ, каковой уставъ можетъ въ законодательномъ порядкѣ пересматриваться всякій разъ, какъ измѣнятся тѣ или другія условія. Въ этомъ уставѣ можетъ быть съ подробностью указано, отъ кого зависитъ распоряженіе объ одиночномъ заключеніи, зачастую могущее удесятерить тяжесть наказанія, кому можетъ быть обжаловано такое распоряженіе, и въ немъ-же можетъ быть опредѣленъ выходъ изъ создаваемаго проектомъ (2 ч. 17 и 18 ст.) труднаго случая содержанія приговореннаго въ общемъ заключеніи, когда всѣ остальные приговоренные остаются въ одиночномъ. Въ этотъ-же тюремный уставъ могли-бы войти и проектированныя положенія о размѣрѣ дохода отъ работъ, поступающаго въ пользу заключеннаго. Засимъ въ уложеніи должны-бы остаться только опредѣленія объ обязательности работъ и ихъ публичности.

Владимірской Окружной Судъ полагалъ-бы болѣе цѣлесообразнымъ порядокъ содержанія, назначеніе работъ, даже примѣненіе одиночнаго заключенія, распредѣленіе и назначеніе заработковъ, установленіе мѣръ

поощренія для примѣрныхъ по поведенію и т. п. установить въ особыхъ положеніяхъ, такъ какъ правила эти могутъ быть измѣнены согласно указаніямъ практики и на опредѣленіе ихъ имѣетъ большое значеніе соображеніе административной власти, а не одной юстиціи. При этомъ установленіе ихъ такъ или иначе не настолько важно, чтобы ими слѣдовало увеличивать текстъ уложенія и давать имъ безусловное значеніе закона. Важно то, чтобы на все это были извѣстныя правила, которыя и могутъ составить особое положеніе о мѣстахъ заключенія, въ видѣ дополненія къ уложенію, по введеніи послѣдняго въ дѣйствіе.

Статьи 14, 15, 17, 18 и 19, опредѣляющія принятые настоящимъ проектомъ типы лишенія свободы, останавливаются на такихъ подробностяхъ въ опредѣленіи самой организаціи будущихъ мѣстъ заключенія, которыя, относясь къ внутреннему распорядку ихъ, а не къ ихъ карательнымъ условіямъ, врядъ-ли могутъ, по мнѣнію Московской Судебной Палаты, имѣть мѣсто въ текстѣ закона. Подробности, касающіяся внутренней организаціи тюремъ, свойства производимыхъ въ нихъ работъ, распредѣленія получаемаго отъ нихъ дохода и т. п., не должны входить въ судебные приговоры.

Къ тому же, становясь предметомъ частныхъ жалобъ со стороны осужденныхъ, онѣ въ сильной степени стѣснятъ суды и, такимъ образомъ, поведутъ къ значительнымъ практическимъ неудобствамъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ уложеніи уголовномъ должна быть означена возможно точно юридическая сущность каждаго наказанія; но именно въ виду этого, редакція разсматриваемыхъ статей является неудовлѣтворительною. Текстъ закона долженъ состоять лишь изъ существенныхъ элементовъ наказаній, и таковыми при лишеніи свободы являются: 1) мѣсто заключенія, 2) срокъ его и 3) обязательность или необязательность работъ, свойственныхъ тому или другому мѣсту заключенія. Поэтому весьма желательно, чтобы каждая изъ поименованныхъ статей была-бы построена именно на этихъ трехъ существенныхъ элементахъ при лишеніи свободы.

Всѣ-же подробности, которыя кромѣ того вошли въ нихъ, могутъ быть предусмотрѣны въ инструкціяхъ для соотвѣтственныхъ мѣстъ заключенія или же въ законѣ о тюрьмахъ и ссылкѣ, проектъ котораго уже составленъ и въ который, какъ видно изъ Объяснительной Записки, и безъ того войдутъ правила, заключающія въ себѣ развитіе началъ, установленныхъ настоящими статьями, а равно и условій ихъ примѣненія.

При обсужденіи проекта чинами прокуратуры Варшавскаго Окружнаго Суда, по поводу статей 14—19 одинъ изъ членовъ собранія обратилъ вниманіе на многія ненужныя, по его мнѣнію, подробности, которыя введены редакторами проекта въ эти статьи при опредѣленіи существа того или инаго наказанія. Такимъ опредѣленіямъ, какъ напр., что каторжныя работы производятся какъ внутри помѣщенія, такъ и внѣ онаго, что чистый доходъ обращается или не обращается въ пользу лицъ, отбывающихъ наказаніе и т. п. не мѣсто въ уголовномъ кодексѣ, такъ-какъ приведенныя опредѣленія не обрисовываютъ наказанія и потому не должны входить въ сферу общей части уложенія. Съ этимъ мнѣніемъ не согласился другой членъ собранія, который находилъ, что всѣ опредѣленія, введенныя редакторами въ ст. 14—19 проекта, обрисовываютъ типъ даннаго наказанія и представляются признаками, отличающими одно наказаніе отъ другаго. Другіе члены собранія, соглашаясь съ тѣмъ, что помѣщенныя въ ст. 14—19 опредѣленія представляются отличительными признаками извѣстнаго типа наказаній, находили однако, что помѣщеніе этихъ опредѣленій въ ст. 14—19 неумѣстно, такъ какъ въ вышеупомянутыхъ статьяхъ перечислены не всѣ даже существенные признаки того или другаго наказанія, причемъ было указано на то, что такъ какъ въ уложеніи невозможно съ полною подробностью опредѣлить всѣ существенные признаки извѣстнаго типа наказаній, то представляется болѣе правильнымъ опредѣлять существо наказаній не въ уголовномъ уложеніи, а въ особомъ уставѣ. Наконецъ неизвѣстно, какой именно признакъ самый существенный въ данномъ наказаніи; такъ, напр., опредѣленіе закона о томъ, что арестанты, приговоренные къ каторгѣ, отбываютъ работы въ кандалахъ или съ такъ-называемымъ «бубновымъ тузомъ» на спинѣ, представляется обстоятельствомъ, болѣе отягчающимъ положеніе каторжника, нежели опредѣленіе закона о томъ, что каторжныя работы могутъ отбываться внѣ каторжныхъ помѣщеній; для многихъ преступниковъ гораздо важнѣе знать, въ своей-ли одеждѣ они будутъ отбывать наказаніе арестомъ, нежели о томъ, куда будетъ идти чистый доходъ отъ ихъ работъ. При голосованіи вопроса о томъ, подлежатъ-ли опредѣленія, внесенныя редакторами въ ст. 14—19 проекта для опредѣленія типовъ разныхъ наказаній, исключенію изъ проекта, большинство голосовъ было подано за исключеніе всѣхъ этихъ опредѣленій изъ текста новаго уложенія и лишь меньшинство высказалось за сохраненіе въ ст. 14—19 всѣхъ подробныхъ опредѣленій, внесенныхъ редакторами въ эти статьи.

Архангельскій Губернскій Прокуроръ Краусъ указываетъ, что Редакціонная Коммисія, признавая, что въ уголовномъ уложеніи должна быть означена

только юридическая сущность каждаго наказанія, какъ мѣры взысканія, соотвѣтствующей тому или другому типу преступленія, однакоже въ ст. 14, 15, 17—19 сочла необходимымъ въ отношеніи отдѣльныхъ видовъ лишенія свободы установить подробныя правила о порядкѣ размѣщенія арестантовъ по системѣ одиночной, общей или смѣшанной, о способѣ занятія ихъ работами внутри или внѣ мѣста заключенія и о размѣрѣ получаемаго ими за эти работы вознагражденія. Г. Краусъ думаетъ, что постановленія эти едва-ли можно отнести къ юридической сущности отдѣльныхъ видовъ лишенія свободы, различающихся между собою не столько порядкомъ размѣщенія арестантовъ или размѣромъ получаемаго за работы вознагражденія, сколько продолжительностію сроковъ заключенія, сопровождающими ихъ послѣдствіями ограниченія правъ и большею или меньшею тяжестію обязательныхъ работъ. Остальныя затѣмъ правила, относящіяся до порядка содержанія арестантовъ, выработанныя особою отъ уголовнаго права наукою—тюрьмовѣдѣніемъ, *должны быть, по мнѣнію г. Крауса, излагаемы, въ положительномъ законодательствѣ, въ законахъ о мѣстахъ заключенія, а не въ уложеніи о наказаніяхъ,* которое въ этомъ отношеніи должно ограничиться указаніемъ *на родъ и видъ наказаній и на продолжительность сроковъ ихъ за отдѣльныя преступленія.* Въ данномъ случаѣ такая система тѣмъ болѣе желательна, что, по мѣрѣ преобразованія и устройства каторжныхъ тюремъ, исправительныхъ отдѣленій и другихъ мѣстъ заключенія, едва-ли окажется возможнымъ точно и неизмѣнно сохранить тѣ условія о порядкѣ содержанія арестантовъ, производствѣ работъ и размѣрѣ получаемаго вознагражденія, которыя нынѣ поставлены проектомъ въ видѣ существенныхъ элементовъ того или другаго рода лишенія свободы. На это въ соображеніяхъ своихъ отчасти указываютъ и сами составители проекта, допуская отступленія отъ постановленныхъ ими условій, какъ напр., вознагражденіе, въ видѣ льготы, каторжныхъ за произведенныя ими работы (стр. 61).

Въ виду изложеннаго, г. Краусъ полагалъ-бы *въ статьяхъ 14, 15, 17, 18 и 19 ограничиться постановленіями о срокахъ наказанія и сопровождающемъ каторгу и заточеніе свыше 6-ти лѣтъ поселеніи,* правила-же, относящіяся до порядка содержанія арестантовъ, производства работъ и размѣра получаемаго вознагражденія, изложить въ законахъ о мѣстахъ заключенія.

При обсужденіи 14, 15, 16, 17, 18 и 19 статей чинами Костромскаго Окружнаго Суда высказано мнѣніе, что содержащіяся въ сихъ статьяхъ ука-

занія о порядкѣ содержанія осужденныхъ, распредѣленія занятій ихъ и т. п. не могутъ быть отнесены къ области уголовнаго закона, а посему и должны быть помѣщены въ уставѣ о содержащихся подъ стражею. Мнѣніе это основано на томъ соображеніи, что судебныя установленія, какъ органы уголовнаго правосудія, лишены возможности наблюдать за способомъ примѣненія къ заключеннымъ того порядка, который указанъ въ этихъ законоположеніяхъ, и такъ какъ примѣненіе его будетъ исключительно находиться въ рукахъ тюремной администраціи, то и регламентація этого порядка должна содержаться въ тѣхъ законахъ, кои опредѣлены будутъ для администраціи этого рода, т. е. въ уставѣ о содержащихся подъ стражею.

Одинъ изъ чиновъ Радомскаго Окружнаго Суда находитъ, что, начиная съ 14 до 19 ст. включительно, слѣдовало-бы исключить тѣ части статей, которыя относятся къ порядку отбыванія наказанія, ибо опредѣленіе этого порядка относится къ тюремному уставу, который долженъ сообразоваться съ наличнымъ состояніемъ карательныхъ заведеній. Опредѣленіе такого порядка въ уложеніи тѣмъ болѣе неумѣстно, что на дѣлѣ оно можетъ оказаться неисполнимымъ, а отъ этого можетъ потерять лишь авторитетъ уложенія. Независимо отъ сего, слѣдовало-бы постановить рядъ временныхъ правилъ, указывающихъ, какія наказанія должны быть назначаемы, взамѣнъ указанныхъ въ уложеніи, до преобразованія нынѣ существующей тюремной системы.

Указанныя въ ст. 14, 15, 17, 18 и 19 сего проекта правила относительно порядка содержанія арестантовъ и устройства тюремныхъ работъ, по мнѣнію Прокурора Люблинскаго Окружнаго Суда Поллана, должны быть опредѣлены особою тюремною инструкціею, а не уложеніемъ о наказаніяхъ. Коммисія отчасти раздѣляетъ этотъ взглядъ, такъ какъ нашла нужнымъ указать въ Объяснительной Запискѣ (стр. 57), что въ уголовномъ уложеніи должна быть означена только юридическая сущность каждаго наказанія, причемъ указала, что такими существенными элементами при лишеніи свободы являются: сроки заключенія, порядокъ размѣщенія арестантовъ по системѣ одиночной, общей или смѣшанной, обязательность работъ и ихъ публичность и наконецъ размѣры вознагражденія, получаемаго арестантомъ за свою работу. Опредѣленіе юридической сущности каждаго наказанія излишне въ кодексѣ, во-первыхъ потому, что судья, приговаривая виновнаго къ опредѣленному за извѣстное преступленіе наказанію, не справляется съ главными элементами этого наказанія, а во-вторыхъ потому, что весьма трудно точно

опредѣлить, какіе существенные элементы при лишеніи свободы. Казалось, бы, что пища, одежда, система безусловнаго молчанія, порядокъ свиданія, самое устройство мѣстъ заключенія по паноптическому плану составляютъ также весьма важные элементы при лишеніи свободы. При семъ нельзя не замѣтить, что карательная система, выработанная Коммисіею, нарушаетъ правила, изложенныя въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта отъ 11 Декабря 1879 г. (собр. узак. А. 149—1879 г.).

Заключающіяся въ проектѣ положенія относительно порядка размѣщенія арестантовъ въ мѣстахъ заключенія, отбыванія ими работъ и правъ на извѣстную долю заработка, по мнѣнію Уфимскаго Губернскаго Прокурора Мѣщанинова, не должны имѣть мѣста въ уложеніи. Надлежащее мѣсто ихъ въ уставѣ о содержащихся подъ стражею, но такъ какъ пересмотръ этого послѣдняго не совпадаетъ съ пересмотромъ уложенія, то было-бы возможно, составить изъ этихъ положеній особенныя временныя правила, которыя и помѣстить въ концѣ уложенія, въ видѣ временнаго приложенія къ поименованнымъ статьямъ. Такимъ образомъ:

Изъ 14 ст. слѣдовало-бы исключить 2 отдѣлъ, оставя 1 и 3.
15 ст. исключить 2 и 3 отд., оставя 1 и послѣдній.
17 ст. исключить 2 и 3 отд., оставя 1.
18 ст. — 2 и 3 — 1.
19 ст. — 2 — 1.

Изъ 38 ст. слѣдовало-бы исключить послѣднее положеніе: «въ тюрьмѣ они содержатся въ общемъ заключеніи и отдѣльно отъ взрослыхъ».

Прокуратура Пермскаго Окружнаго Суда останавливается на томъ обстоятельствѣ, что, при описаніи родовъ наказанія, состоящихъ въ лишеніи свободы, проектъ въ каждомъ отдѣльномъ родѣ указываетъ на способъ его исполненія. Такое указаніе, относящееся, какъ сказано выше, до порядка исполненія приговоровъ, должно получить мѣсто или въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, или въ спеціальныхъ уставахъ, на основаніи коихъ будутъ устроены мѣста заключенія для отбыванія наказаній, состоящихъ въ лишеніи свободы. Это-же замѣчаніе относится и къ правиламъ объ исчисленіи сроковъ наказанія.

Вторыя части статей 14, 15, 17—19, въ которыхъ указанъ порядокъ содержанія приговоренныхъ къ наказаніямъ, должны быть, по мнѣнію Проку-

рора Лубенскаго Окружнаго Суда Яновскаго, исключены изъ уложенія и помѣщены въ тюремныхъ уставахъ.

Смотри также редакціонное замѣчаніе Сенатора С. И. Заруднаго, приведенное подъ 2-ю ст. проекта.

Статья 14.

Каторга назначается или безсрочно, или на срокъ отъ пяти до пятнадцати лѣтъ, а въ случаѣ, статьею 56 указанномъ, до двадцати лѣтъ.

Приговоренные содержатся въ каторжныхъ тюрьмахъ, въ общемъ заключеніи, но съ разобщеніемъ на ночь; они употребляются на тяжкія работы, какъ внутри помѣщенія, такъ и внѣ онаго. Лица женскаго пола отбываютъ каторгу въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ.

По отбытіи каторги преступники поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ.

Профессоръ фонъ-Гольцендорфъ, исходя изъ предположенія, что Коммисія не упустила изъ виду тѣхъ возраженій, которыя высказывались во французской литературѣ противъ выраженія: «travaux forcés les plus pénibles», ограничивается только неоднократно уже дѣлавшимся относительно этого указаніемъ, что едва-ли слѣдуетъ (во 2 ч. 14 ст.) *тяжесть* каторжныхъ работъ возводить на степень ихъ характеристическаго признака. Если понимать эту *тяжесть* въ объективномъ смыслѣ, то въ такомъ случаѣ слѣдуетъ допустить (подобно тому, какъ это сдѣлано относительно одиночнаго заключенія въ ст. 18) изъятія во вниманіе къ состоянію здоровья субъекта; если-же, напротивъ того, понимать тяжесть субъективно, сообразуясь съ личными качествами тѣхъ индивидовъ, отъ которыхъ требуется чрезвычайное напряженіе силъ, то тѣмъ самымъ вводится начало индивидуализированія, каковое, повидимому, устраняется статьею 14-ю.

Эвентуально надлежало-бы, по аналогіи съ ст. 13, сказать, что отъ тяжелыхъ работъ должны быть освобождаемы, на основаніи медицинскаго свидѣтельства, тѣ осужденные, здоровье или состояніе силъ которыхъ позволяетъ только употребленіе ихъ для легкихъ работъ.

По замѣчанію профессора Вальберга, каторга носитъ характеръ тягчаіі-

шаго наказанія за общія преступленія и, какъ замѣстительница смертной казни, должна освобождать общество отъ опасныхъ злодѣевъ, будучи соединенною съ поселеніемъ.

Какъ замѣстительница смертной казни, каторга должна быть суровымъ наказаніемъ, но при этомъ она должна быть примѣняема лишь къ испорченнымъ преступникамъ и къ тѣмъ изъ общихъ преступленій, кои свидѣтельствуютъ о безчестномъ образѣ мыслей виновнаго въ нихъ.

Проектируемый высшій срокъ этого тягчайшаго наказанія проф. Вальбергъ, согласно уже заявленному имъ въ приложеніяхъ къ трудамъ международнаго Стокгольмскаго пенитенціарнаго конгресса 1878 г. (стр. 169—177), одобряетъ, но лишь подъ условіемъ примѣненія его въ случаяхъ повторенія преступленій или доказанной привычки къ преступленіямъ. Наоборотъ, онъ не можетъ согласиться съ тѣмъ, что проектъ въ ст. 56 признаетъ одно лишь учиненіе совокупныхъ преступныхъ дѣяній по ремеслу (Gewerbsmässigkeit der zusammentreffenden verbrecherischen Handlungen) достаточнымъ для сохраненія двадцатилѣтняго срока наказанія.

Преступникъ можетъ быть виновнымъ въ учиненіи многихъ дѣяній по ремеслу, не будучи ни преступникомъ по привычкѣ, ни рецидивистомъ, и не принадлежа къ числу тяжкихъ обще-уголовныхъ преступниковъ.

Учиненіе преступнаго дѣянія по ремеслу не всегда есть въ то же время и учиненіе дѣянія по привычкѣ къ преступной дѣятельности, такъ какъ даже одно лишь повтореніе дѣянія съ намѣреніемъ раскрыть себѣ этимъ опредѣленный источникъ доходовъ является достаточнымъ для того, чтобы признать его учиненнымъ по ремеслу, между тѣмъ какъ, для наличности учиненія преступнаго дѣянія по привычкѣ къ преступной дѣятельности, ни въ коемъ случаѣ недостаточно единичное повтореніе сего дѣянія, но требуется частое повтореніе дѣятельности, сдѣлавшейся постоянною характеристическою чертою или второю природою дѣятеля и исходящей изъ постоянно текущаго источника одного и того же мотива. Итакъ, при учиненіи преступленія по ремеслу, необратившемся еще въ привычку къ преступной дѣятельности, не всегда и не необходимо существуетъ та, свидѣтельствуемая дѣятельностью преступника наклонность, которая составляетъ главное основаніе для увеличенія наказуемости преступленій, учиненныхъ по привычкѣ къ преступной дѣятельности. Между тѣмъ какъ эти преступленія ведутъ къ нравственному вырожденію преступника чрезъ увеличивающееся ослабленіе его силы противодѣйствія каждому представляющемуся, удобному для совершенія преступленія, случаю,—при только-что начинающейся преступной дѣятельности по ремеслу (gewerbsmässige Verübung), которая не обратилась еще въ характеристическое свойство преступника, послѣдній можетъ

гораздо легче подавлять въ себѣ стремленіе къ учиненію совершаемыхъ имъ по ремеслу преступныхъ дѣяній, не поддаваясь безсильно искушенію, какъ это бываетъ при преступленіяхъ, учиняемыхъ по укоренившейся привычкѣ къ преступной дѣятельности. Уже это одно соображеніе не дозволяетъ проводить параллель между преступленіями, учиняемыми по привычкѣ къ преступной дѣятельности, и преступленіями, учиняемыми вслѣдствіе обращенія преступной дѣятельности въ ремесло, хотя communis oppinio и считаетъ даже одно дѣяніе достаточнымъ для признанія его учиненнымъ по ремеслу, если только при этомъ видно у виновнаго намѣреніе учинять такого-же рода дѣянія въ будущемъ, съ цѣлью извлеченія доходовъ, если это намѣреніе представляется лишь направленнымъ на предполагаемую въ будущемъ дѣятельность. Если учиненіе преступленій по привычкѣ къ преступной дѣятельности есть, во всякомъ случаѣ, частое повтореніе одного и того-же преступленія, а дѣятельность по ремеслу не всегда необходимо предполагаетъ множество преступленій (Mehrheit von Fällen), и если совокупность нѣсколькихъ, повторенныхъ по ремеслу, преступленій карается какъ одно цѣлое, то ставить учиненіе преступныхъ дѣяній по привычкѣ къ преступной дѣятельности и учиненіе ихъ по ремеслу на одну линію—значитъ относиться одинаково къ двумъ случаямъ, различнымъ между собою по обстоятельствамъ. Между тѣмъ текстъ ст. 56 даетъ возможность заключить, что если одно дѣяніе было учинено по привычкѣ къ преступной дѣятельности, а другое—по ремеслу, не имѣя однако характера привычки къ преступной дѣятельности, то высшій двадцатилѣтній срокъ наказанія былъ-бы примѣненъ и къ дѣянію, учиненному не по привычкѣ къ преступной дѣятельности, а по ремеслу въ первый разъ. Нельзя также не предполагать, что возможно стеченіе дѣянія, учиненнаго по ремеслу, но не происходящаго отъ привычки къ преступной дѣятельности, съ позднѣйшимъ дѣяніемъ, учиненнымъ съ цѣлью наживы и по привычкѣ къ преступной дѣятельности (gewohnheitsmässige Erwerbshandlung). Это обстоятельство слѣдовало-бы принять въ соображеніе при назначеніи тягчайшаго наказанія, каторги.

Если область примѣненія безсрочной каторги не будетъ ограничиваться одними лишь неисправимыми преступниками, преступленіями по привычкѣ къ преступной дѣятельности и самыми тяжкими злодѣяніями, учиняемыми изъ безчестныхъ побужденій и стоящими, въ ряду преступленій, непосредственно за преступленіями, облагаемыми смертною казнью, то тогда нельзя будетъ оправдывать сохраненія нераціональной пожизненной каторги, которая постепенно портитъ преступника и физически, и нравственно, и, какъ наказаніе, лишающее здоровья (Gesundheitsstrafe), изнуряетъ заживо погребенныхъ каторжниковъ болѣзнями до послѣдняго дня ихъ жизни.

Если Редакціонная Коммисія полагаетъ, что нельзя обойтись безъ пожизненнаго наказанія лишеніемъ свободы, то такое наказаніе по крайней мѣрѣ должно быть назначаемо не абсолютно, и въ этомъ смыслѣ нельзя не одобрить ст. 21 проекта. Надо однако замѣтить, что, для предупрежденія произвола и протекціи при допущенномъ уменьшеніи въ административномъ порядкѣ сроковъ этого тягчайшаго вида наказанія, слѣдовало-бы точно опредѣлить въ самомъ законѣ понятіе «хорошаго поведенія».

Г. Вальбергъ не можетъ согласиться съ тѣмъ, что каторжники не получаютъ никакого вознагражденія за свои работы, и даже тѣ изъ нихъ, которые приговорены къ каторгѣ на короткій срокъ. Это отличіе каторги отъ другихъ видовъ лишенія свободы, соединенныхъ съ обязательными работами, съ пенитенціарной точки зрѣнія не выдерживаетъ критики.

Работы преступниковъ ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть разсматриваемы исключительно, какъ средство для отягченія наказанія. Для лѣниваго заключеннаго понужденіе къ работѣ является мучительнымъ принужденіемъ, особенно, если онъ принуждается къ тяжкимъ работамъ; но для работящаго заключеннаго занятіе, соотвѣтствующее и его индивидуальной природѣ, и его способностямъ, составляетъ по меньшей мѣрѣ благодѣяніе, въ особенности, если это занятіе не имѣетъ характера наказанія и работящему заключенному, при его хорошемъ поведеніи, выдается часть доходовъ отъ его работъ, съ сохраненіемъ, конечно, за государствомъ права на возмѣщеніе издержекъ по содержанію заключеннаго изъ доходовъ отъ работъ послѣдняго, если сіи издержки не покрываются инымъ способомъ. Въ этомъ-то и заключается настоящее значеніе карательныхъ работъ, какъ одного изъ самыхъ дѣйствительныхъ исправительныхъ средствъ, которое увеличиваетъ и укрѣпляетъ охоту къ труду, содѣйствуетъ будущей пріобрѣтательной способности выпущеннаго на волю заключеннаго и даетъ заключенному возможность легче переносить гнетущую его печаль. При этомъ нужно принять во вниманіе, что работа, какъ исправительное средство, оказываетъ въ одиночномъ заключеніи иное дѣйствіе, чѣмъ въ заключеніи общемъ, которое даже самому худшему изъ заключенныхъ доставляетъ нѣкоторое развлеченіе, будучи какъ-бы клубомъ преступниковъ (Verbrecherskasino), и дѣлаетъ потребность работы менѣе ощутительною. Не имѣя въ виду вознагражденія за работу, заключенные будутъ большею частью дурно и всегда съ горечью исполнять принудительныя работы, что, въ свою очередь, будетъ вызывать частое примѣненіе дисциплинарныхъ взысканій за уклоненіе отъ работы и за порчу работы. Принудительная работа, исполняемая исключительно для казны или для откупщика, эксплоатирующаго рабочія силы заключенныхъ, вполнѣ недѣйствительна и непроизводительна для уголовныхъ цѣлей государства.

Независимо отъ пожизненной конфискаціи рабочей силы каторжника, пожизненная каторга отягчаетъ для него дисциплину и вводитъ въ законную лѣстницу наказаній неизмѣримую пропасть, съ самыми различными послѣдствіями. Какое значеніе имѣетъ приговоръ къ этому виду наказанія для молодаго, здороваго человѣка, и какое—для хилаго старца? Развѣ пожизненное заключеніе, напр., въ рудникахъ, не вредитъ здоровью, хотя-бы само по себѣ взятое, въ три раза болѣе, нежели самая вредная для здоровья работа по призванію, исполняемая на свободѣ? Развѣ новое уголовное право не давно уже перестало злоупотреблять принудительною работою «исключительно, какъ средствомъ устрашенія или отягченія наказанія»? Дѣйствуетъ-ли въ интересахъ государства тюремная администрація, ослабляя рвеніе къ развитію способностей и прилежанію лишеніемъ заработковъ?

Въ силу этихъ соображеній, изъ проекта должно быть исключено лишеніе заработковъ, согласно тому требованію современнаго тюрьмовѣдѣнія, чтобы виды лишенія свободы существенно различались между собою, главнымъ образомъ, лишь по ихъ продолжительности и по послѣдствіямъ, которыя наступаютъ для заключеннаго по его освобожденіи.—Почти всѣ прославляютъ относительную мягкость русской карательной системы; неужели чрезмѣрная суровость отдѣльныхъ уголовныхъ опредѣленій должна сокрушить это хорошее мнѣніе? Зависитъ-ли достиженіе карательныхъ цѣлей, по общему правилу, болѣе отъ суровости вида наказанія, чѣмъ отъ правильности примѣненія и исполненія положеннаго въ законѣ наказанія?

Эти уголовно-политическія соображенія не должны быть упускаемы изъ виду при преобразованіи карательной системы, въ особенности-же слѣдовалобы значительно ограничить область примѣненія пожизненной каторги.

Профессоръ Тальбергъ указываетъ, что *каторга* составляетъ наиболѣе тяжкое, послѣ смертной казни, наказаніе и назначается или *безсрочно*, или *на срокъ отъ 5 до 20 лѣтъ*. «Основнымъ элементомъ каторги Коммисія признаетъ *обязательныя тяжкія работы*, и при томъ какъ внутри помѣщенія, такъ и внѣ онаго». Самая каторга должна быть устроена въ особыхъ тюрьмахъ, гдѣ осужденные содержатся въ общемъ заключеніи съ разобщеніемъ на ночь; *лица женскаго пола отбываютъ каторгу въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ* (проектъ, ст. 14). Въ постановленіяхъ, касающихся каторги, возбуждаетъ въ г. Тальбергѣ сомнѣніе вопросъ о безсрочности каторги и положеніе относительно отбыванія каторги лицами женскаго пола. Безсрочность наказанія, будучи несовмѣстною съ идеей исправленія преступника, противорѣчитъ тому направленію въ духѣ гуманности и

смягченія уголовныхъ законовъ, которое столь рѣзко обозначилось въ европейскихъ законодательствахъ съ конца прошлаго столѣтія; если безсрочность наказаній еще продолжаетъ существовать въ современномъ законодательствѣ (*), то объясненіе этого явленія слѣдуетъ видѣть въ томъ, что наше время еще не совсѣмъ освободилось отъ традицій того періода жизни общества, когда *устрашеніе* было основною цѣлью наказанія. Безсрочное лишеніе свободы въ новѣйшей исторіи законодательства имѣетъ значеніе суррогата смертной казни; повсюду, гдѣ это наказаніе вовсе исключалось изъ числа карательныхъ мѣръ, или область его примѣненія ограничивалась, смертная казнь замѣнялась пожизненнымъ лишеніемъ свободы. Явленіе понятное, такъ какъ и то, и другое наказаніе имѣютъ много общаго между собой; нѣкоторые горячіе и убѣжденные противники смертной казни съ неменьшею энергіей высказываются противъ безсрочности наказанія. Пожизненное лишеніе свободы, говорятъ они, разрушаетъ всю систему наказанія, такъ какъ это наказаніе, подобно смертной казни, не имѣетъ степеней и представляетъ собой абсолютное наказаніе; пожизненное лишеніе свободы, по выраженію Круга, нераціонально, такъ какъ оно въ системѣ наказаній занимаетъ второе мѣсто послѣ смертной казни, между тѣмъ какъ во многихъ случаяхъ это наказаніе гораздо сильнѣе смертной казни (**). При такомъ характерѣ безсрочнаго наказанія, многія изъ тѣхъ соображеній, которыя приведены Редакціонной Коммисіей противъ цѣлесообразности смертной казни, говорятъ въ равной степени и противъ безсрочности лишенія свободы, хотя суровость и безнадежность безсрочнаго наказанія каторгою нѣсколько смягчаются тѣмъ положеніемъ проекта, по которому приговоренные къ каторгѣ безъ срока могутъ быть по истеченіи 15 лѣтъ за *хорошее поведеніе* отсылаемы въ мѣста, отведенныя для поселенія (проектъ, ст. 21); но сокращеніе срока заключенія поставлено въ настоящемъ случаѣ въ зависимость отъ усмотрѣнія административной власти и, по существу, это правило нисколько не ослабляетъ *принципіальнаю* противорѣчія въ проектѣ между безсрочностью каторги, съ одной стороны, и идеею исправленія, какъ основною цѣлью уголовнаго наказанія—съ другой. Общій характеръ постановленій проекта—это дальнѣйшее развитіе нашего уголовнаго законодательства въ духѣ гуманности и г. Тальбергъ думаетъ, что *безсрочность* наказанія нарушаетъ нѣсколько этотъ общій духъ, характеръ положеній проекта, насколько это выясняется изъ текста его и мотивовъ Редакціонной Коммисіи. Что касается *отбыванія каторги*

(*) Code pénal; §§ 17 и 18; общегерм. кодексъ, проектъ австр., § 13.

(**) *Wahlberg*, Handbuch des deutschen Stafrecths, 1871.

лицами женскаго пола въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ, то, не отвергая въ принципѣ цѣлесообразности этого положенія, г. Тальбергъ замѣчаетъ, что постановленіе проекта въ настоящемъ случаѣ представляетъ крайнюю неопредѣленность. Читая проектъ, невольно является вопросъ: какой порядокъ содержанія долженъ быть установленъ для женщинъ, отбывающихъ каторгу въ *особыхъ* отдѣленіяхъ? Сохраняется-ли въ этихъ отдѣленіяхъ режимъ исправительнаго дома и, если это такъ, то не нарушается-ли здѣсь общее требованіе о равенствѣ всѣхъ предъ закономъ, такъ-какъ между каторгой и исправительнымъ домъ въ порядкѣ содержанія слишкомъ глубокое и рѣзкое различіе, чтобы изъ уваженія къ полу устанавливавать за одни и тѣ же преступленія замѣну каторги наказаніемъ, несравненно болѣе легкимъ? Отвѣтъ на эти вопросы, и то только отчасти, находится лишь въ мотивахъ къ проекту, но критика прежде всего имѣетъ передъ собой проектъ, который долженъ со временемъ стать закономъ, а потому относится къ проекту, какъ-бы къ дѣйствующему кодексу. Здѣсь, очевидно, редакціонный недосмотръ и устранить его легко, сдѣлавъ соотвѣтствующее дополненіе или въ статьѣ о каторгѣ, или въ статьѣ объ исправительномъ домѣ.

Профессоръ Даневскій находитъ, что поднятый нѣкоторыми нашими юристами, напр. въ «Вѣстникѣ Европы», за Декабрь 1882 г. (Внутреннее Обозрѣніе) (*), вопросъ о современномъ уничтоженіи каторги и о замѣнѣ ея соотвѣтствующими высшими сроками заключенія въ исправительныхъ домахъ наврядъ-ли можетъ быть признанъ разрѣшеннымъ удовлетворительно. Не подлежитъ сомнѣнію, что существуетъ цѣлый рядъ тяжкихъ преступленій, которыя требуютъ суровой репрессіи, если разъ стать на точку зрѣнія современнаго уголовнаго права и быть послѣдовательнымъ. Всѣ эти преступленія, напримѣръ, такъ-называемое предумышленное убійство, тяжкіе виды разбоя и грабежа и проч., должны влечь за собою такъ-называемыя peines diffamantes (сопряженныя съ высшимъ видомъ лишенія правъ и поселеніемъ) обузданіе подобныхъ злодѣяній тяжкими видами лишенія свободы и особенно трудными работами. Кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ, кои будутъ оговорены въ особенной части, невозможно, по общему правилу, признать справедливымъ, чтобы воры, совершители подлоговъ и убійцы (при смягчающихъ вину обстоятельствахъ) терпѣли наказаніе тѣмъ-же видомъ

(*) См. ниже, стр. 246.

лишенія свободы съ одинаково тяжкими обязательными работами, какъ и предумышленные убійцы, разбойники и т. д., хотя-бы даже число лѣтъ заключенія для тѣхъ и другихъ видовъ преступниковъ и было различно. Имѣя въ виду, что отбытіе наказанія за всѣ тяжкія преступленія должно, по общему правилу, сопровождаться поселеніемъ, было-бы желательно и практически полезно отдѣлить эти мѣста заключенія для самыхъ тяжкихъ преступниковъ отъ мѣстъ, предназначаемыхъ для отбытія наказаній преступниками менѣе важными; слѣдовало-бы устроить и расположить первыя въ мѣстностяхъ болѣе отдаленныхъ, по преимуществу въ Сибири, какъ предполагаютъ это и составители проекта. Отдѣленіе и размѣщеніе этихъ тюремъ по отдаленнымъ мѣстамъ уничтожитъ необходимость пересылки и препровожденія преступниковъ, по отбытіи наказанія, въ отдаленное отъ тюремъ поселеніе, что случилось-бы, если бы эти лица содержались въ исправительныхъ домахъ. Въ послѣднихъ пришлось-бы завести два отдѣленія съ двумя режимами, различествующими по строгости, количеству часовъ дневной работы и по количеству вознагражденія, перепадающаго отъ этихъ работъ арестантамъ, а также съ различными послѣдствіями для преступниковъ, соотвѣтствующими: одно—обыкновенному исправительному дому, а другое—наказанію, какъ-бы замѣняющему нынѣшнюю каторгу. Подобная двойственность не соотвѣтствуетъ, какъ выше сказано, справедливости по отношенію къ преступникамъ различной опасности для общества и практически затруднила-бы достиженіе должнаго однообразія въ режимѣ и надзорѣ за исправительными домами, которые, послѣ простой тюрьмы, явятся, конечно, по самому роду преступныхъ дѣяній, за которыя будетъ назначаться заключеніе въ нихъ, наиболѣе населенными мѣстами отбытія уголовныхъ наказаній. Каторжныя работы можно сохранить, не опасаясь излишней суровости этой кары, такъ-какъ Коммисія предполагаетъ уничтожить самые тяжкіе виды каторжныхъ работъ въ рудникахъ и крѣпостяхъ; между исправительнымъ домомъ и каторжными тюрьмами будетъ существенное отличіе по количеству часовъ работы и по самому качеству (тяжести) послѣдней. Эта работа можетъ получить большое практическое значеніе, но не въ смыслѣ излишней изнурительности или жестокости, а въ томъ, что каторжныя работы могутъ отбываться, по правиламъ, на открытомъ воздухѣ и внѣ стѣнъ тюрьмы, что̀ не такъ уже удобно для работъ исправительнаго дома; устройство такихъ работъ въ каторжныхъ тюрьмахъ дастъ возможность производительно затрачивать массы рукъ для проведенія и поддержанія дорогъ и на другія полезныя для мѣстнаго (сибирскаго) края сооруженія. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что наказаніе каторжными работами имѣетъ свои традиціи, пустившія глубокіе корни въ народѣ и среди большинства

русскихъ юристовъ и было-бы ошибкою отмѣнять ихъ безъ достаточныхъ на это основаній.

Совсѣмъ иное дѣло минимумъ и максимумъ продолжительности каторжныхъ работъ. Можно согласиться съ минимальнымъ предѣломъ въ пять лѣтъ, принятымъ Коммисіею, въ виду необходимости согласовать этотъ видъ наказанія съ непосредственно за нимъ слѣдующимъ заключеніемъ въ исправительномъ домѣ (Объясн., стр. 59). Возраженія могутъ вызвать только пятнадцати и двадцатилѣтніе (по ст. 56) максимальные сроки, допущенные составителями проекта. Послѣдній отличается, вообще говоря, гуманностью, съ началами которой долженъ считаться всякій уголовный законъ, если онъ желаетъ обезпечить себѣ продолжительное существованіе. Въ этомъ отношеніи уголовное законодательство Запада дѣлаетъ громадные успѣхи и, не рискуя ошибиться, можно сказать, что, въ интересахъ прочности закона и въ интересахъ общества, гораздо лучше пересолить въ смыслѣ большой гуманности его постановленій, узаконивъ что-нибудь, не всецѣло признанное наукой уголовнаго права и практикой сосѣднихъ государствъ, чѣмъ, опасаясь зайти впередъ и опередить такъ-называемое «послѣднее слово людей науки и опыта», принять узаконеніе, которое не можетъ разсчитывать на продолжительное существованіе. Съ этой точки зрѣнія, максимальные сроки въ пятнадцать и двадцать лѣтъ для каторжныхъ работъ представляются, по мнѣнію г. Даневскаго, слишкомъ продолжительными. Сама Коммисія въ Объясненіяхъ своихъ справедливо указываетъ на многихъ почтенныхъ и опытныхъ директоровъ нѣмецкихъ тюремъ, «которые находили даже пятнадцатилѣтній срокъ каторжныхъ работъ чрезмѣрнымъ и полагали замѣнить его десятилѣтнимъ» (стр. 59). Эти тюрьмовѣды основательно ссылались на ослабленіе чрезмѣрными сроками силъ арестанта и на неспособность его къ какимъ-либо занятіямъ по выходѣ изъ тюрьмы. Къ показаніямъ тюрьмовѣдовъ-практиковъ г. Даневскій могъ-бы прибавить и сдѣланныя ему заявленія директоровъ тюремъ въ Бельгіи, напр., опытнаго директора тюрьмы въ Лувенѣ (Жанъ-Жака Поля) и даже французскихъ директоровъ, какъ напр. инспектора женской тюрьмы въ Клермонѣ (гдѣ заключаются и каторжныя арестантки, и реклюзіонистки, и приговоренныя къ простому тюремному заключенію на срокъ свыше года). Всѣ они принимали высшую норму срочной каторжной работы въ десять—двѣнадцать лѣтъ. Положеніе нашихъ каторжниковъ хуже положенія такихъ-же лицъ въ упомянутыхъ государствахъ, гдѣ, какъ напр. въ Германіи и Бельгіи, не можетъ быть и рѣчи о поселеніи на всю жизнь, какъ результатѣ отбытія каторги. У насъ приговоръ къ каторжнымъ работамъ, хотя-бы и на низшіе сроки, напр. на пять—шесть лѣтъ, является, въ принципѣ, приговоромъ къ пожизненному наказанію, такъ-какъ поселеніе

до конца дней сопровождаетъ каторгу. Если кто-нибудь изъ приговоренныхъ и можетъ воспользоваться, по статьѣ 21, досрочнымъ освобожденіемъ изъ каторжныхъ работъ, а затѣмъ (по послѣдней части той же 21 ст.), чрезъ десять лѣтъ по переходѣ на поселеніе, разрѣшеніемъ оставить обязательное для него мѣсто пребыванія и даже возвратиться въ Европейскую Россію (Объясн., стр. 71 и 72), то все это возможно только въ самыхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ и притомъ для лицъ, приговоренныхъ на низшіе сроки. А какъ въ интересахъ гуманности и исправленія преступниковъ нужно обставить ихъ, по возможности, условіями благопріятными для того, чтобы преступники могли имѣть въ перспективѣ значительное смягченіе ихъ участи (т. е. переходъ на поселеніе), а затѣмъ и полное освобожденіе и даже возвращеніе на родину, составляющее, какъ признано опытомъ, для большинства постоянное pium desiderium, трудность достиженія котораго поддерживаетъ въ нихъ озлобленіе противъ существующаго порядка, то слѣдовало-бы, по мнѣнію г. Даневскаго, уменьшить на нѣсколько лѣтъ предѣльный высшій срокъ каторжныхъ работъ. Взявъ среднее ариѳметическое число между десятью, какъ низшимъ изъ указанныхъ, и пятнатцатью, какъ срокомъ, принятымъ Коммисіею, получимъ приблизительно двѣнадцать.

Вѣстникъ Европы (Внутреннее Обозрѣніе, 1882 г., № 12) замѣчаетъ, что, помимо заточенія, стоящаго въ сторонѣ отъ другихъ формъ лишенія свободы, проектъ установляетъ *четыре вида заключенія:* каторгу, исправительный домъ, тюрьму и арестъ. Въ сравненіи съ дѣйствующимъ закономъ, гдѣ ихъ, не считая крѣпости, шесть (каторга, исправительно-арестантское отдѣленіе, рабочій домъ, смирительный домъ, тюрьма, арестъ), это безспорно перемѣна къ лучшему, но нѣтъ причины къ отдѣленію каторги отъ исправительнаго дома, или, лучше сказать, къ удержанію каторги, какъ особаго, самостоятельнаго наказанія. Съ уничтоженіемъ работы въ рудникахъ, крѣпостяхъ и заводахъ, каторга становится просто тягчайшимъ видомъ лишенія свободы, ничѣмъ, въ сущности, не отличающимся отъ заключенія въ исправительномъ домѣ; лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то постановленіе проекта (ст. 14), по которому женщины отбываютъ каторгу въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ. Ничто не мѣшало-бы повысить maximum содержанія въ исправительномъ домѣ до крайняго предѣла, опредѣленнаго для каторги; ничто не мѣшало-бы сдѣлать его и безсрочнымъ въ тѣхъ случаяхъ, для которыхъ установлена безсрочная каторга. Лица, приговоренныя къ продолжительному содержанію въ исправительномъ домѣ, могли-бы быть, по отбытіи этого наказанія, обращаемы на поселеніе, какъ это

установлено проектомъ для приговоренныхъ къ каторгѣ. Тяжкія работы, составляющія принадлежность каторги, могли-бы быть введены, для болѣе важныхъ преступниковъ, и въ исправительномъ домѣ. Правда, проектъ установляетъ между каторгой и исправительнымъ домомъ еще ту разницу, что каторжники вовсе не подвергаются одиночному заключенію и ничего не получаютъ изъ выручки за производимыя ими работы, между тѣмъ какъ приговоренные къ исправительному дому содержатся первые шесть мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи и получаютъ одну треть чистаго отъ работъ дохода; но если одиночное заключеніе полезно въ одномъ случаѣ, то оно будетъ столь-же полезно и въ другомъ, а отказъ каторжникамъ въ правѣ на часть выручки едва-ли можетъ быть признанъ справедливымъ. Въ Германіи существуетъ только одинъ видъ тяжкаго лишенія свободы—заключеніе въ смирительномъ домѣ (Zuchthaus); maximum его (15 лѣтъ) соотвѣтствуетъ высшему предѣлу каторги, а minimum (одинъ годъ)—низшему предѣлу содержанія въ исправительномъ домѣ. Въ пользу сліянія каторги съ исправительнымъ домомъ говорятъ, сверхъ того, слѣдующія соображенія. Чѣмъ меньше будетъ различныхъ типовъ лишенія свободы, тѣмъ легче будетъ достигнуть дѣйствительнаго и повсемѣстнаго ихъ осуществленія. Если исправительныя арестантскія отдѣленія, а также рабочіе и смирительные дома, установленные уложеніемъ 1845 г., существовали и существуютъ большею частью только на бумагѣ; если приговоренные къ одному изъ этихъ наказаній сплошь и рядомъ содержались и содержатся просто въ тюрьмѣ,—то это зависитъ, между прочимъ, именно отъ излишняго разнообразія формъ, сочиненныхъ искуственною схемой. Со времени изданія уложенія прошло болѣе тридцати пяти лѣтъ—и все-таки практика продолжаетъ расходиться, въ этомъ отношеніи, съ буквой закона. Тѣхъ-же самыхъ результатовъ, хотя и въ меньшей степени, можно ожидать отъ повторенія, въ смягченномъ видѣ, прежней ошибки. Задачи нашего тюремнаго управленія безъ того уже крайне многочисленны и трудны; къ преобразованію тюремъ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и въ смыслѣ мѣстъ предварительнаго заключенія), къ правильному устройству мѣстъ содержанія для тяжкихъ преступниковъ не зачѣмъ присоединять еще усложненіе, связанное съ отдѣленіемъ каторги отъ исправительнаго дома. Чрезвычайно трудно, далѣе, выработать два различные порядка управленія для учрежденій, столь близкихъ между собою, какъ исправительные дома и каторжныя тюрьмы. Мѣсто заточенія, обыкновенная тюрьма, арестный домъ—имѣютъ свои рельефно выраженныя особенности; легкость проступковъ, за которыя назначается арестъ, свойство правонарушеній, за которыя назначается заточеніе, кратковременность сроковъ тюремнаго заключенія—все это проводитъ между ними рѣзкую, опредѣленную

черту, заранѣе предрѣшаетъ ихъ организацію. О каторгѣ и исправительномъ домѣ нельзя сказать ничего подобнаго; и тамъ, и тутъ, мы встрѣчаемся съ продолжительными сроками заключенія, съ потерей сословныхъ правъ, съ обязательными работами, съ тягчайшими формами нравственной порчи. Основныя начала тюремной дисциплины, главныя средства воздѣйствія на заключенныхъ—и тамъ, и тутъ, должны и могутъ быть одни и тѣ-же. Отдѣленіе каторги отъ исправительнаго дома предполагаетъ усиленную строгость въ управленіи первою—усиленную именно потому, что иначе не будетъ никакого различія между двумя, разъединяемыми закономъ, видами лишенія свободы. Проектъ считаетъ годъ каторги равнымъ двумъ годамъ исправительнаго дома; для того, чтобы эта фикція была сколько-нибудь похожа на правду, нужно будетъ водворить въ каторжныхъ тюрьмахъ строй по истинѣ желѣзный. Одно изъ двухъ слѣдовательно: или каторга приблизится къ исправительному дому и сдѣлается излишнею, или она станетъ чрезмѣрно тяжелою, тяжелою безъ достаточной надобности и безъ правильной цѣли. Самому названію *каторги*, вызывающему представленіе о «мертвомъ домѣ», пора исчезнуть изъ нашихъ законовъ; оно принадлежитъ къ числу тѣхъ фатальныхъ именъ, съ которыми тѣсно связанъ цѣлый рядъ предразсудковъ, традиціонныхъ взглядовъ и пріемовъ. Названіе «исправительнаго дома» будетъ гораздо больше подходить къ такому мѣсту заключенія, которое, по мысли составителей проекта, перестаетъ быть могилою правъ, достоинства и гражданской жизни заключенныхъ.

Г. фонъ-Резонъ останавливается на томъ обстоятельствѣ, что высшій срокъ каторги въ проектѣ назначается пятнадцатилѣтній, по примѣру нѣкоторыхъ иностранныхъ уложеній. Въ доказательство правильности этого постановленія, «Объясненія» ссылаются на мнѣнія директоровъ германскихъ тюремъ, высказанныя ими во время составленія германскаго уложенія. Однако мнѣнія эти не вполнѣ подтверждаютъ выводы Коммисіи. Прежде всего, директоры германскихъ тюремъ обратили, разумѣется, особое вниманіе на побочную цѣль наказанія, т. е. на вопросъ объ исправленіи заключенныхъ, и пришли къ тому выводу, что *для этой цѣли* десятилѣтнее заключеніе не только достаточно, но можетъ быть и слишкомъ продолжительно. Но при этомъ они предполагали, что все время или по крайней мѣрѣ значительная часть заключенія будетъ проведена въ одиночномъ заключеніи, и мотивировали сокращеніе срока именно этимъ обстоятельствомъ. Такъ напр., извѣстный Экертъ прямо говорилъ (стр. XXIV), что десять лѣтъ Zuchthaus, съ строгимъ одиночнымъ заключеніемъ, равняется двадцати годамъ обыкновен-

наго Zuchthaus. Но помимо этого, тѣ-же директора приходили къ другому результату, разсматривая наказаніе, какъ возстановленіе нарушеннаго преступникомъ правоваго порядка. Съ этой точки зрѣнія, они находятъ 10-ти-лѣтній срокъ недостаточнымъ, а одинъ изъ нихъ полагаетъ даже подвергать неисправимыхъ рецидивистовъ безсрочному заключенію. Наконецъ тюремный врачъ Делбрюкъ въ подробно мотивированномъ мнѣніи доказывалъ, что продолжительное заключеніе для рецидивистовъ, преступниковъ по привычкѣ и т. п. въ физическомъ и нравственномъ отношеніи скорѣе полезно, чѣмъ вредно. У насъ введеніе одиночнаго заключенія для каторжныхъ тюремъ не предполагается, слѣдовательно, объ исправленіи каторжниковъ едва-ли будетъ рѣчь, да для исправленія ихъ 10-ти-лѣтній срокъ или достаточенъ, или даже слишкомъ продолжителенъ. Слѣдовательно, остается только вопросъ, можно-ли 15-ти-лѣтнюю каторгу считать достаточнымъ возмездіемъ за тѣ тяжкія преступленія, которыя наказываются срочною каторгою. «Объясненія» оставляютъ этотъ вопросъ безъ разсмотрѣнія. Г. фонъ-Резонъ, съ своей стороны, не видитъ никакого основанія къ уменьшенію наказаній, ибо естественно, что если они будутъ уменьшены относительно болѣе тяжкихъ преступленій, то соотвѣтствующее уменьшеніе должно имѣть мѣсто и для всѣхъ другихъ противозаконныхъ дѣяній. Число преступныхъ дѣяній, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и число тяжкихъ преступленій въ особенности, постоянно увеличивается, и если угроза болѣе тяжкихъ наказаній не дѣйствуетъ на уменьшеніе преступленій, то во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія уменьшать силу репрессіи. Впрочемъ самъ проектъ допускаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ увеличеніе срока каторги до шестнадцати и двадцати лѣтъ, чѣмъ и признаетъ, что всѣ теоретическія соображенія въ пользу пятнадцатилѣтняго срока несостоятельны. Германское уложеніе по крайней мѣрѣ поступило послѣдовательно и даже въ случаѣ совокупности не допустило превышенія 15-ти-лѣтняго срока.

Г. Ц. Я. (Юридическій Вѣстникъ, 1883 г., № 8) находитъ, что польза постановленія ст. 14 о томъ, что женщины отбываютъ каторгу въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ, представляется спорною. Цѣль Редакціонной Коммисіи провести въ самомъ уложеніи различіе въ содержаніи каторжныхъ женщинъ и мужчинъ можетъ быть достигнута указаніемъ, что женщины отбываютъ каторгу въ особо устроенныхъ для нихъ тюрьмахъ или что онѣ могутъ отбывать каторгу въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ; безусловное-же постановленіе, что женщины отбываютъ каторгу при исправительныхъ домахъ или осуществится въ ущербъ удоб-

ствамъ содержанія женщинъ въ особыхъ тюрьмахъ, поближе къ мѣстамъ будущаго поселенія ихъ, или останется мертвою буквою.

По поводу ст. 14 проекта въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества В. Д. Спасовичъ заявилъ, что Редакціонный Комитетъ, указавъ на свое несогласіе съ предложеніемъ автора Внутренняго Обозрѣнія въ Вѣстникѣ Европы, за Декабрь мѣсяцъ, 1882 г. (К. К. Арсеньевъ), о слiяніи каторги съ исправительнымъ домомъ въ одно наказаніе: исправительный домъ,—основанное, между прочимъ, на томъ, что и по проекту каторга отбывается женщинами въ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ,—предложилъ исключить тѣ самыя слова: «при исправительныхъ домахъ», относящіяся къ женщинамъ, причемъ были высказаны слѣдующія соображенія: проектъ усложняетъ организацію исправительныхъ домовъ, включая туда каторжныхъ женщинъ, и лишаетъ поселеніе, которымъ заканчивается каторга, примѣси женскаго пола, безъ котораго организація земледѣльческаго, полусвободнаго, организованнаго поселенія, не чуждающагося семейнаго начала, невозможна.

Н. Д. Сергіевскій находилъ, что обсужденію подлежатъ два вопроса, а именно: 1) исключеніе словъ: «при исправительныхъ домахъ», и 2) о срочности и безсрочности каторги; относительно перваго вопроса онъ полагалъ, что будетъ усилено наказаніе женщинамъ при измѣненіи 14 ст., согласно предложенію Редакціоннаго Комитета, между тѣмъ какъ основная мысль проекта заключается въ томъ, чтобы установить для женщинъ, какъ болѣе слабыхъ, и болѣе слабое наказаніе и что нежелательно вообще усиливать строгость карательныхъ мѣръ противъ предположенія проекта.

К. М. Гарткевичъ высказалъ, что устройство особыхъ отдѣленій при каторжныхъ тюрьмахъ вовсе не предрѣшаетъ вопроса о возможности смягченія наказанія для женщинъ. Эти отдѣленія могутъ быть приспособлены для работъ соотвѣтственно свойствамъ женскаго пола.

В. К. Случевскій высказался за исключеніе словъ: «при исправительныхъ домахъ». Не оспаривая необходимости заключенія каторжныхъ женщинъ отдѣльно отъ мужчинъ, а также болѣе мягкаго режима ихъ содержанія, онъ полагалъ излишнимъ предопредѣленіе закономъ мѣста устройства тѣхъ отдѣленій. Обязательная организація каторжныхъ работъ для женщинъ при исправительныхъ домахъ представляется тѣмъ болѣе у насъ нежелательною, что наши тюремныя средства очень бѣдны и легко можетъ встрѣтиться практическая необходимость устройства каторги для женщинъ не только при исправительныхъ домахъ, но и при другихъ мѣстахъ заключенія. Исторія

каторжныхъ работъ показываетъ, до какой степени затруднительно пріурочивать ихъ къ одному опредѣленному мѣсту: изъ Сибири каторга перекочевала въ центральныя каторжныя тюрьмы Европейской Россіи. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о мѣстѣ организаціи каторжныхъ работъ—вопросъ организаціонный по существу и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ административный; онъ поэтому не долженъ быть предрѣшаемъ путемъ законодательныхъ опредѣленій.

К. М. Гарткевичъ находитъ, что при измѣненіи, предложенномъ Редакціоннымъ Комитетомъ Юридическаго Общества, будетъ проведенъ одинъ родъ наказанія за однородныя преступленія.

Вопросъ о срочности и безсрочности былъ отложенъ до обсужденія 16 ст.

При голосованіи, вопросъ объ измѣненіи ст. 14, согласно предложенію Редакціоннаго Комитета, разрѣшенъ утвердительно—15 голосами противъ 5.

Коммисія Новороссійскаго Юридическаго Общества предлагаетъ слѣдующее изложеніе ст. 14 проекта: «каторга назначается. . . . . на срокъ отъ четырехъ до пятнадцати лѣтъ, а въ случаѣ, ст. 56 указанномъ, до двадцати лѣтъ. Приговоренные содержатся въ каторжныхъ тюрьмахъ, первые девять мѣсяцевъ въ одиночномъ, а затѣмъ въ общемъ заключеніи съ разобщеніемъ на ночь; они употребляются на тяжкія, но производительныя работы, какъ внутри помѣщенія, такъ и внѣ онаго. Одна четвертая часть чистаго дохода отъ работъ каторжниковъ обращается въ ихъ пользу.

Лица женскаго пола отбываютъ каторгу въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ.

По отбытіи каторги преступники обоего пола поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ.

При удостовѣреніи врача объ опасности одиночнаго заключенія для здоровья заключеннаго, управленію каторжной тюрьмы предоставляется право содержать его временно съ другими заключенными».

Въ этой статьѣ Коммисія Юридическаго Общества находитъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько измѣненій по существу. Главное изъ нихъ заключается въ упраздненіи безсрочной каторги; мотивами къ этому послужили соображенія общія, клонящіяся къ отрицанію цѣлесообразности безсрочныхъ наказаній вообще, по поводу чего въ Коммисіи высказано было слѣдующее. Безсрочность наказанія неудовлетворительна, если даже смотрѣть на послѣднее только какъ на справедливое возмездіе преступнику за

причиненное имъ обществу зло, ибо нельзя назвать справедливымъ такое возмездіе, которое считаетъ себя удовлетвореннымъ только по смерти того, на кого направлено.

Нецѣлесообразность безсрочности проявляется еще съ большею рельефностію, если признать за наказаніемъ, помимо возмездія, и цѣли исправительныя: лишенный свободы безсрочно теряетъ всякія осязательные мотивы къ улучшенію своей испорченной натуры, такъ-какъ для него не предвидится впереди возможности проявлять самостоятельно свою дѣятельность. По этимъ основаніямъ, отрицая въ принципѣ безсрочныя наказанія, Коммисія нашла нужнымъ, даже въ виду практикуемаго проектомъ досрочнаго освобожденія, упразднить безсрочную каторгу. При этомъ высказано было, что этотъ видъ наказанія, умѣстный тамъ, гдѣ на верху лѣстницы каръ стоитъ смертная казнь, переходъ отъ которой прямо къ срочной каторгѣ представляется слишкомъ рѣзкимъ, теряетъ и этотъ доводъ за себя въ виду предположеннаго Коммисіею упраздненія смертной казни.

Дѣлая второе измѣненіе въ ст. 14, а именно назначая, чтобы каторжные отбывали часть своего наказанія—9 мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, Коммисія руководилась такого рода соображеніями. Одиночное заключеніе въ тюремной системѣ играетъ двоякую роль, какъ признано и самою Объяснительною Запискою: оно усугубляетъ силу репрессіи и даетъ тюремному начальству возможность лучшаго ознакомленія съ характеромъ заключеннаго. Разсматривая одиночное заключеніе въ первомъ его значеніи, признано было несправедливымъ не практиковать его по отношенію къ каторгѣ—наказанію, имѣющему выразить наибольшую репрессію, не практиковать его здѣсь въ то время, когда оно примѣнено въ болѣе мягкихъ наказаніяхъ, принятыхъ проектомъ (исправительномъ домѣ и тюрьмѣ). Съ другой стороны, по отношенію къ каторжникамъ, не менѣе чѣмъ по отношенію къ другимъ заключеннымъ, желательно предварительное ознакомленіе тюремной администраціи съ ихъ индивидуальными особенностями, каковое знакомство облегчаетъ начальству тюрьмы примѣненіе наиболѣе цѣлесообразныхъ, по отношенію къ каждому заключенному, мѣръ исправленія, сообразно съ индивидуальными особенностями характера. Девятимѣсячный срокъ и въ томъ, и въ другомъ отношеніи, признанъ былъ Коммисіею вполнѣ достаточнымъ. На случай-же, если бы одиночное заключеніе оказывало вредное вліяніе на здоровье заключеннаго, администраціи тюрьмы предоставлено переводить его въ общія помѣщенія, какъ это принято проектомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ назначаетъ одиночное заключеніе.

Дополняя опредѣленіе, сдѣланное проектомъ относительно работъ, словами: «но производительная», Коммисія имѣла при этомъ въ виду при-

мѣры изъ практики какъ заграничныхъ, такъ и отечественныхъ тюремъ, въ которыхъ для занятій арестантовъ придумывались работы, совершенно безцѣльныя, въ родѣ перекладыванія съ мѣста на мѣсто ядеръ, верченія колесъ и т. п. По мнѣнію Коммисіи, эти занятія ради занятія обращаютъ исполняющаго ихъ въ бездушную машину, унижаютъ человѣческое достоинство, притупляютъ его—и такимъ образомъ идутъ въ разрѣзъ съ исправительными тенденціями наказанія. Между тѣмъ, въ тюремной системѣ работы—одно изъ важнѣйшихъ средствъ морализующаго вліянія на преступника. Этотъ-же взглядъ на значеніе тюремныхъ работъ вызвалъ и слѣдующее постановленіе Коммисіи объ обращеніи части дохода отъ работъ въ пользу каторжниковъ. Разсуждая отвлеченно, не трудно прійти къ необходимости этого: для того, чтобы работы шли успѣшно, необходимо заинтересовать работающихъ; этотъ интересъ будетъ заключаться въ полученіи хоть малой матеріальной выгоды. Сами редакторы проекта на стр. 22 своихъ «Объясненій» выражаются такъ: «правильность организаціи работъ, заинтересованность въ нихъ самаго арестанта, составляетъ одно изъ существенныхъ условій раціональной тюремной системы». Исторія тюрьмы подтверждаетъ это апріористическое заключеніе. Не дальше, какъ въ послѣднемъ отчетѣ нашего Главнаго Тюремнаго Управленія, констатируется полнѣйшая невозможность заставить каторжниковъ работать прилежно и успѣшно, если они не заинтересованы въ исходѣ работъ обѣщаніемъ получить хоть малую часть дохода. Помимо этого, несправедливо лишать каторжниковъ возможности заработать кое-что къ окончанію срока заключенія. Опредѣляя размѣръ части чистаго дохода, отдаваемой каторжникамъ, четвертью, Коммисія соображалась съ нормами, назначенными въ этомъ отношеніи проектомъ для другихъ видовъ лишенія свободы.

Наконецъ, внося послѣднюю поправку въ эту статью въ томъ смыслѣ, что, по отбытіи каторги, преступники обоего пола поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ, Коммисія желала устранить этимъ всякія сомнѣнія относительно женщинъ, которыя будутъ отбывать каторгу въ исправительныхъ домахъ и для которыхъ поселеніе все-таки составляетъ необходимое послѣдствіе каторги.

Понижая минимумъ срока каторги до 4 лѣтъ, Коммисія имѣла въ виду, что въ настоящее время доставка осужденныхъ въ каторгу на мѣсто отбыванія наказанія не связана, благодаря улучшенію путей сообщенія, съ той потерею времени, на которую указываетъ Объяснительная Записка.

По поводу той-же 14 ст. въ Коммисіи Новороссійскаго Юридическаго Общества остались при мнѣніяхъ: члены ея 1) А. В. Волковъ, предлагавшій назначить срокъ одиночнаго заключенія не абсолютно, а пропорціонально

продолжительности всего срока наказанія; 2) Н. М. Шишмановъ, отрицавшій совсѣмъ примѣненіе здѣсь одиночнаго заключенія, и 3) Членъ Юридическаго Общества Н. К. Пасынковъ, который въ представленномъ имъ письменномъ сообщеніи настаивалъ еще на необходимости вычеркнуть изъ 14 ст. слово: «тяжкія». Въ сообщеніи этомъ высказано слѣдующее:

Устанавливая типъ наказанія лишеніемъ свободы, названный въ проектѣ каторгою, Редакціонная Коммисія предполагаетъ опредѣлить въ уложеніи слѣдующіе элементы этого наказанія: 1) мѣсто заключенія—каторжная тюрьма; 2) срокъ—или безъ срока, или на время отъ 5 до 15 лѣтъ; 3) работы—тяжкія, какъ внутри помѣщенія, такъ и внѣ его, и 4) содержаніе—въ общемъ заключеніи, но съ разобщеніемъ на ночь.

Не касаясь первыхъ двухъ элементовъ, г. Пасынковъ обращаетъ вниманіе на третій.

Не въ примѣръ всѣмъ остальнымъ типамъ наказанія лишеніемъ свободы, Редакціонная Коммисія полагаетъ возложить на каторжныхъ работы тяжкія.

Какое представленіе связывается въ умѣ каждаго съ выраженіемъ «тяжкая работа»?—Очевидно, представленіе о работѣ, превышающей нормальный запасъ силъ, о работѣ, требующей экстренной затраты энергіи, а слѣдовательно о работѣ такой, которая если и мыслима для человѣка среднихъ силъ безъ вреда для организма, то только въ теченіи сравнительно очень непродолжительнаго времени, и то подъ условіемъ соотвѣтствующаго послѣ этого отдыха.

Тяжкая работа, продолжаясь изо-дня въ день въ теченіи многихъ лѣтъ, да еще при тюремной обстановкѣ, неизбѣжно должна влечь за собою истощеніе и преждевременную смерть заключенныхъ.

Помимо такихъ печальныхъ результатовъ для физическаго здоровья каторжныхъ, подобнаго рода работа должна неизбѣжно вліять еще болѣе пагубно на нравственную ихъ сторону, вызывая отвращеніе, даже ненависть къ труду.

Такія, жестокія по своимъ послѣдствіямъ, работы, разъ онѣ опредѣлены въ самомъ законѣ, должны быть осуществлены на практикѣ: иначе законъ останется мертвою буквою. Но немыслимо, чтобы тяжкая изо-дня въ день работа не вызывала протеста со стороны арестантовъ. Придется, значитъ, подавлять и преслѣдовать этотъ протестъ, помимо того, что нужно заставить работать.

Отсюда—необходимость усиленно-карательныхъ мѣръ со стороны тюремнаго начальства.

Тяжесть работъ, въ соединеніи съ карательными за неисполненіе ихъ

мѣрами, необходимо придастъ заключенію въ каторжной тюрьмѣ настолько жестокій характеръ, что усилитъ значительно и безъ того весьма естественное стремленіе къ побѣгамъ. Отсюда—необходимость усиленія внутренняго надзора за заключенными и внѣшнихъ карауловъ.

Таковы неизбѣжныя послѣдствія тяжкихъ работъ. Возникаетъ вопросъ: зачѣмъ-же это? Интересы справедливости и интересы общества требуютъ-ли этого? Г. Пасынковъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно.

Работы для заключенныхъ—это, въ рукахъ тюремной администраціи, главное орудіе для исправленія преступниковъ, а не для наказанія ихъ.

Редакціонная Коммисія очевидно не отрицаетъ возможности исправленія этихъ преступниковъ, такъ-какъ далѣе въ ст. 21 своего проекта допускаетъ и для каторжниковъ досрочное освобожденіе. Затѣмъ Редакціонная Коммисія, повидимому, не считаетъ возможнымъ игнорировать и здоровье заключенныхъ. Обсуждая вопросъ о срокахъ заключенія въ каторжныхъ тюрьмахъ, она сокращаетъ ихъ, принимая во вниманіе слѣдующія соображенія: за работами въ каторжной тюрьмѣ слѣдуетъ еще поселеніе; «долговременное сидѣніе въ тюрьмахъ совершенно парализуетъ то хорошее вліяніе, которое произвели на осужденнаго первые годы заключенія»; слѣдующее за тюрьмой поселеніе требуетъ «достаточнаго запаса физическихъ силъ для веденія хозяйства и пропитанія себя и семьи». («Объясненія» стр. 59). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 60), мотивируя установленіе для каторжниковъ работъ внѣ заведенія, Редакціонная Коммисія принимаетъ во вниманіе также и то, что вольный воздухъ дастъ возможность лучше сберегать здоровье и силу преступниковъ. Какъ-же связать все это съ назначеніемъ для каторжниковъ тяжкихъ работъ?

Одно изъ двухъ: или только что приведенные мотивы не должны идти далѣе бумаги, и тогда пусть печальные результаты такихъ работъ проявляются въ полной своей силѣ, или дѣйствительно справедливо заботиться о здоровьѣ и силѣ арестантовъ, но тогда нужно уничтожить тяжкія работы.

Одиночное заключеніе назначено въ 14 ст. только на ночь; все остальное время заключенные содержатся въ общемъ помѣщеніи.

Это постановленіе отзывается полнѣйшимъ безразличіемъ къ дѣлу исправленія преступниковъ.

Въ системѣ исправленія одиночное заключеніе и большая или меньшая степень обособленности преступниковъ играютъ очень значительную роль. На послѣднемъ (1878 г.) пенитенціарномъ конгрессѣ въ Стокгольмѣ высказаны были даже мнѣнія, что это составляетъ чуть-ли не альфу и омегу исправительной системы. Не вдаваясь въ подробныя разсужденія объ этомъ, т. Пасынковъ указываетъ на то, что сама Редакціонная Коммисія признаетъ

значеніе этого элемента. Въ «Объясненіяхъ» къ ст. 17 высказано, что одиночное заключеніе можетъ имѣть въ виду усиленіе репрессіи и возможность для тюремнаго управленія лучше ознакомиться съ преступникомъ; что разъединеніе арестантовъ уменьшаетъ случаи безпорядковъ, препятствуетъ взаимному развращенію арестантовъ и, парализуя дурное вліяніе дурнаго товарищества, усиливаетъ благотворное вліяніе тюремной администраціи.

Спрашивается, развѣ все это не желательно по отношенію къ заключеннымъ въ каторжныхъ тюрьмахъ? Развѣ для нихъ, которые проявили наиболѣе злой, испорченной воли, не желательно, болѣе чѣмъ для остальныхъ, менѣе важныхъ преступниковъ, самое точное и разумное примѣненіе способовъ исправленія?

Объяснительная записка (стр. 58), характеризуя каторгу, какъ наказаніе самое тяжкое за самыя тяжкія преступленія, прибавляетъ: «необходимо озаботиться, чтобы строгостью своей наказаніе это было дѣйствительнымъ». Но вотъ одинъ изъ элементовъ, усиливающихъ строгость и, притомъ, безъ ущерба для цѣлей исправительныхъ,—одиночное заключеніе и разъединеніе на время свободное отъ работъ,—оставленъ безъ вниманія, а между тѣмъ другой элементъ работы, въ ущербъ цѣлямъ исправительнымъ, пущенъ въ дѣло въ видахъ жестокой репрессіи.

Г. Пасынковъ настаиваетъ на этомъ выраженіи: «жестокая», переходя къ обсужденію вопроса, тѣсно связаннаго съ элементомъ работъ. Онъ говоритъ о вознагражденіи арестантовъ за трудъ. Эта статья въ проектѣ, не въ примѣръ остальнымъ видамъ лишенія свободы, для каторжныхъ работъ представляетъ пустое мѣсто, которое пополнено только въ Объяснительной Запискѣ; тамъ (стр. 60—61) говорится, что вознагражденіе арестантовъ за работы можетъ быть допущено только какъ льгота, даруемая администраціей каторги тѣмъ изъ заключенныхъ, которые заслужили этого своимъ поведеніемъ и прилежаніемъ, или какъ средство къ развитію самыхъ работъ, но что оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть элементомъ наказанія. Прежде всего эту фразу должно дополнить, сказавъ: «не можетъ быть элементомъ наказанія каторгою», такъ какъ для другихъ видовъ наказанія лишеніемъ свободы вознагражденіе за работу входитъ въ качествѣ элемента, устанавливаемаго самимъ проектомъ.

Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе двойственность мотивовъ, которыми Редакціонная Коммисія обусловливаетъ допущеніе вознагражденія. Оно — или льгота, награда за прилежаніе, или средство къ развитію работъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣдній мотивъ уничтожаетъ возможность для тюремной администраціи руководствоваться, при назначеніи воз-

награжденія первымъ. Въ самомъ дѣлѣ каторжники не разобщены. Они знаютъ, что вознагражденіе можно получать или какъ награду за прилежаніе уже оказанное, или какъ залогъ будущаго прилежанія. Выборъ кажется не возбуждаетъ сомнѣнія. Работы будутъ идти вяло въ ожиданіи залога. И залогъ будетъ данъ, исторія тюрьмы подтверждаетъ это. Объяснительная записка (стр. 61) сама указываетъ на Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ 19 Іюля 1881 г., которымъ сдѣланы временныя уступки въ пользу вознагражденія каторжныхъ за работы, причемъ послѣ того предоставлено было Министру Внутреннихъ Дѣлъ дѣлать подобныя уступки по мѣрѣ надобности.

Не вполнѣ только категорически выставленъ въ Объяснительной запискѣ мотивъ этихъ уступокъ. А мотивъ этотъ слѣдующій: въ отчетѣ Главнаго Тюремнаго Управленія за 1881 г. сказано между прочимъ: «для устройства каторжныхъ работъ при Нерчинскихъ серебро-свинцовыхъ рудникахъ, было приступлено къ работамъ по исправленію существовавшихъ при нѣкоторыхъ рудникахъ зданій для помѣщенія каторжныхъ, а для удешевленія стоимости работъ сдѣлано было распоряженіе о производствѣ таковыхъ трудомъ каторжныхъ. Но опытъ показалъ, что каторжные, при отсутствіи особаго вознагражденія за трудъ, работаютъ лѣниво и недобросовѣстно и что никакими мѣрами взысканія нельзя побудить ихъ работать скорѣе и добросовѣстнѣе».

Фактъ этотъ говоритъ самъ за себя. Игнорировать его и отрицать значеніе вознагражденія, какъ необходимаго элемента каторжныхъ работъ, невозможно. Зачѣмъ-же ставить этотъ вопросъ на шаткую почву произвола тюремной администраціи вмѣсто того, чтобы, устранивъ неопредѣленность, закрѣпить его рѣшеніе, внеся въ текстъ закона?

Разобравъ такимъ образомъ элементы каторги, г. Пасынковъ не можетъ не согласиться, что послѣдствія ея будутъ именно такія, какими рисуетъ ихъ Объяснительная записка, разсуждая о поселеніи, слѣдующемъ для каторжниковъ по отбытіи срока заключенія. Тамъ (стр. 62) говорится, что каторжники, утомленные продолжительнымъ и тяжкимъ наказаніемъ, элементъ мало пригодный для колонизаціи; расположенные къ лѣности и нравственно павшіе, они неохотно будутъ избирать занятія земледѣльческія и, гораздо вѣроятнѣе, предпочтутъ бродячую, исполненную опасностей жизнь. Отсюда необходимость селить ихъ мѣрами Правительства.

Резюмируя эти результаты, мы получаемъ немощныхъ тѣлесно и духовно, освобожденныхъ изъ тюрьмы преступниковъ, представляющихъ для Правительства заботу о мѣрахъ къ заселенію, о мѣрахъ къ предупрежденію побѣговъ, о мѣрахъ . . . . . къ «развитію» работъ. Но не лучше-ли

возвратить этихъ освобожденныхъ въ каторжную тюрьму: тамъ всѣ эти мѣры организованы уже. И г. Пасынковъ думаетъ, что многіе освобожденные съ такими задатками дѣйствительно воротятся туда. Можно-ли удовлетвориться этимъ? «Проектъ» заставляетъ думать, что можно, но справедливость этого не можетъ находить.

Каторга въ томъ видѣ, какъ ее даетъ проектъ, удовлетворяетъ только одному чувству—мести, мести жестокой, которая не ограничивается срокомъ наказанія, но распространяется и на время отбытія его.

Институтъ досрочнаго освобожденія въ отношеніи каторжниковъ является при этомъ какимъ-то противорѣчіемъ. Чтобы заслужить досрочное освобожденіе, нужно исправиться, проявить это исправленіе въ своемъ поведеніи, но при этомъ каторжнику нужно побороть не только свою дурную натуру, но еще и тѣ условія каторжной жизни, которыя ставятся самою организаціею послѣдней (на сколько она проявляется въ проектѣ).

Борьба съ проявленіями своихъ дурныхъ природныхъ инстинктовъ трудна даже человѣку воспитанному; и ему нужна для успѣха поддержка окружающихъ.

И вотъ, наиболѣе явнымъ представителямъ преступнаго класса, въ которыхъ завѣдомо злое начало преобладаетъ надъ добрымъ, законъ не только не подаетъ руки помощи на пути къ исправленію, но еще ставитъ къ тому преграды.

Общественная совѣсть и общественная безопасность не могутъ удовлетвориться такимъ типомъ наказанія. Онъ, по мнѣнію г. Пасынкова, долженъ быть измѣненъ, и предлагаемыя имъ измѣненія сводятся къ слѣдующему:

1) нужно вычеркнуть изъ ст. 14 слово «тяжкія», замѣнивъ его выраженіемъ: «обязательныя по назначенію»;

2) самый способъ заключенія надлежало-бы формулировать въ этой статьѣ такъ: «содержатся въ теченіи перваго года въ одиночномъ заключеніи, а затѣмъ въ общемъ, съ разобщеніемъ на ночь и на время свободное отъ работъ и другихъ занятій», и

3) слѣдовало-бы дополнить 14 ст. назначеніемъ въ пользу каторжниковъ по крайней мѣрѣ $^1/_4$ чистаго дохода отъ работъ.

Въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества *В. В. Смиттеномъ* изложенъ былъ рефератъ, въ которомъ онъ провелъ параллель между нормальными (кромѣ ареста) типами лишенія свободы, установленными проектомъ, именно: каторгою, исправительнымъ домомъ и тюрьмою. Онъ усматриваетъ стороны, облегчающія положеніе каторжника и заключеннаго

въ исправительномъ домѣ, по сравненію съ заключеннымъ въ тюрьму, и стороны, отягчающія ихъ положеніе. Къ первымъ онъ относитъ: 1) установленіе одиночнаго заключенія для заключенныхъ въ исправительный домъ лишь въ теченіи первыхъ 6 мѣсяцевъ и совершенное устраненіе этого заключенія для каторжныхъ, тогда какъ приговоренные въ тюрьму подлежатъ одиночному заключенію въ теченіи всего срока содержанія, могущаго продолжаться два года. Между тѣмъ одиночность составляетъ, говоря вообще, значительное отягощеніе заключенія. Референтъ находитъ желательнымъ уравнять, по отношенію къ одиночности, всѣ категоріи заключенныхъ, принявъ для всѣхъ ихъ одиночность въ томъ видѣ, какъ она установлена для приговоренныхъ въ исправительный домъ; и

2) допущеніе для заключенныхъ въ исправительный домъ и для каторжныхъ, для послѣднихъ по преимуществу, внѣшнихъ работъ, тогда какъ въ тюрьмахъ допускаются лишь внутреннія работы. Не возражая противъ такого различія въ работахъ заключенныхъ разныхъ типовъ, референтъ находилъ, что, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ забывать, что внѣшнія работы, составляя разнообразіе въ монотонной жизни заключеннаго, болѣе нравятся, говоря вообще, арестантамъ, чѣмъ внутреннія работы. Записка основательно указываетъ на нѣкоторыя неудовлетворительныя стороны внѣшнихъ работъ (стр. 65), но едва-ли можно оспаривать, что арестанты изъ простолюдиновъ, въ большинствѣ, болѣе расположены къ внѣшнимъ, чѣмъ къ внутреннимъ работамъ.

Къ сторонамъ, отягощающимъ положеніе заключенныхъ въ исправительный домъ и особенно каторжныхъ, относятъ:

1) большую тяжесть работъ. Референтъ находитъ, что мнѣніе о большей тяжести работъ каторжныхъ составляетъ, въ сущности, фикцію. О внутреннихъ работахъ сама записка говоритъ, что «создать тяжкую работу внутри тюрьмы не только весьма трудно, а даже почти невозможно» (стр. 60). Что-же касается внѣшнихъ работъ, то, хотя онѣ, особенно земляныя работы, требуютъ большаго напряженія физическихъ силъ, но, съ другой стороны, доставляя арестантамъ нѣкоторое разнообразіе и благотворно дѣйствуя на ихъ здоровье, эти работы представляютъ, какъ указано, и облегченіе для арестантовъ. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что, хотя каторжники обязаны отбывать извѣстную сумму работъ, извѣстный урокъ, но само собою, что урокъ долженъ быть соразмѣренъ съ силами арестанта и не можетъ быть чрезмѣренъ. Сверхъ того внѣшнія работы будутъ обязательны не для однихъ каторжныхъ, но и для заключенныхъ въ исправительный домъ, хотя и будутъ отъ послѣднихъ требоваться рѣже. Наконецъ,

на женщинъ обязанность производить внѣшнія работы вовсе не распространяется и не можетъ распространяться.

2) Безплатность работъ въ каторгѣ. Эта сторона составляетъ серьезное отягощеніе положенія каторжника, но, по мнѣнію референта, безплатность работъ арестантовъ не должна быть допускаема ни въ какомъ случаѣ. Прежде всего безплатность работъ вредно отразится на хозяйственномъ бытѣ семьи арестанта, тогда какъ, какъ было уже говорено и одобрено Обществомъ, работы арестантовъ должны служить подспорьемъ хозяйственному быту ихъ семей или вообще лицъ, находящихся на ихъ попеченіи. Затѣмъ безплатность труда, обращая его въ безусловно подневольный, дѣлаетъ трудъ, какъ извѣстно, крайне непроизводительнымъ. Извѣстно, что, не смотря на суровость дисциплины въ каторгѣ, результаты работъ каторжныхъ настолько ничтожны, что вынудили правительство оплачивать, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, эти работы въ размѣрѣ 15% ихъ стоимости, причемъ мѣра эта прямо повліяла на увеличеніе производительности работъ. Еще важнѣе внутреннее значеніе оплачиваемаго труда. Платность работъ внушитъ каторжнику заботу объ обезпеченіи семьи или его самого при переходѣ на поселеніе, сообщитъ ему нѣкоторую надежду на лучшее устройство своей будущности и, тѣмъ самымъ, послужитъ стимуломъ для хорошаго поведенія. Эта надежда или возможность поддерживать существованіе семьи можетъ составлять единственное утѣшеніе и единственную нравственную поддержку каторжника, которую не только не слѣдуетъ отнимать отъ него, но полезно, по возможности, развивать и укрѣплять. Платность труда, въ большинствѣ случаевъ, устранитъ необходимость прибѣгать къ дисциплинарнымъ взысканіямъ за лѣнь и нерадивое исполненіе работъ. Трудъ, въ исполненіе котораго вносится извѣстная доля усердія, имѣетъ, самъ по себѣ, облагораживающее значеніе и, во всякомъ случаѣ, противуположность праздности, тогда какъ работа, производимая лишь изъ-подъ палки, мало чѣмъ отличается отъ праздности, всегда ведущей къ порочности. Сама записка признаетъ, что въ настоящее время, не смотря на суровость дисциплины, каторжники отличаются расположеніемъ къ лѣности (стр. 62). Между тѣмъ необходимо бороться противъ этого нежелательнаго явленія и лучшимъ, въ этомъ отношеніи, средствомъ послужитъ платность труда. Не слѣдуетъ при томъ забывать, что поддерживать въ каторжникѣ энергію и способность къ труду тѣмъ болѣе необходимо, что за каторгой слѣдуетъ поселеніе, которое можетъ имѣть смыслъ и быть устроено сколько-нибудь правильно лишь при условіи сохраненія каторжными способности къ труду. По этимъ соображеніямъ референтъ полагаетъ, что каторжники должны получать, по меньшей мѣрѣ, половину чистаго дохода отъ работъ.

3) Большую строгость дисциплины и дисциплинарныхъ мѣръ для каторжныхъ. Но разница въ этомъ отношеніи между каторгою и исправительнымъ домомъ едва-ли можетъ быть существенная, разъ устраняются тяжкія тѣлесныя наказанія (плети и прикованіе къ тележкѣ) для каторжныхъ.

4) Сравнительно большее удаленіе отъ родныхъ и семьи, такъ какъ исправительные дома будутъ устраиваться по одному на нѣсколько губерній, а каторжныя тюрьмы предполагается устроить въ Восточной Сибири. Эта сторона, отягощающая въ нравственномъ отношеніи положеніе каторжника, будетъ имѣть однако значеніе не для всѣхъ мѣстностей.

5) Послѣдствія каторги въ видѣ лишенія правъ по 25 и 27 ст. проекта и въ видѣ поселенія. Но лишеніе правъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не имѣетъ практически рѣшительно никакого значенія для тяжкихъ преступниковъ, и притомъ самая разница между каторжниками и заключенными въ исправительномъ домѣ въ отношеніи праволишеній ничтожна (особенно для лицъ привилегированныхъ сословій). Что-же касается поселенія, то, при ослабленіи, говоря вообще, карательнаго значенія этого наказанія, оно едва-ли не въ большинствѣ случаевъ составитъ даже льготу для каторжниковъ, такъ какъ они не будутъ выбрасываться на произволъ судьбы, а имъ обезпечится нѣкоторое попеченіе о нихъ государства.

и 6) Большую долгосрочность заключенія. Въ этомъ послѣднемъ, безъ сомнѣнія, и заключается существенная разница между разными типами заключенія, наиболѣе отягощающая участь каторжниковъ.

Приведенная параллель между нормальными типами лишенія свободы приводитъ референта къ заключенію, что, если уравнять эти типы по отношенію къ одиночности заключенія и распространить на каторгу оплату работъ, хотя и въ нѣсколько меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ въ другихъ видахъ лишенія свободы, то, помимо различія въ срокахъ заключенія, эти типы не представятъ рѣзкой, существенной разницы по самому существу содержащагося въ нихъ наказанія. Это обстоятельство и послужило поводомъ къ тому, что въ литературѣ (Вѣстникъ Европы, Декабрь 1882 года) была высказана мысль о ненужности каторги и достаточности ввести, согласно съ германскимъ уложеніемъ, два типа нормальныхъ мѣстъ заключенія: исправительный домъ и тюрьму (голландское уложеніе идетъ еще далѣе, установляя, не считая ареста, единственный типъ лишенія свободы, въ видѣ тюремнаго заключенія). Референтъ не раздѣляетъ однако этого мнѣнія. Прежде всего, каторга имѣетъ историческое основаніе и, чтобы устранить этотъ выработавшійся типъ заключенія, были-бы нужны весьма вѣскія основанія, которыхъ не имѣется въ виду. Говорятъ, каторга дурна уже тѣмъ, что

представляется воображенію мертвымъ домомъ. Но такъ какъ въ дѣйствительности каторга вовсе не такъ ужасна и, тѣмъ болѣе, не будетъ таковою съ уничтоженіемъ тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній, то одно то неважное обстоятельство, что она пугаетъ воображеніе болѣе, чѣмъ того заслуживаетъ, по мнѣнію референта, не только не говоритъ противъ этого типа заключенія, но скорѣе служитъ въ пользу его, сообщая этому наказанію значительную, хотя-бы воображаемую, устрашительность. Затѣмъ каторга непосредственно связана съ поселеніемъ и предположено каторжныя тюрьмы устраивать въ Восточной Сибири и по близости отъ нихъ селить каторжныхъ съ переходомъ ихъ на поселѐніе (стр. 61). Послѣднее обстоятельство весьма важно въ томъ отношеніи, что каторжные будутъ селиться въ мѣстностяхъ, имъ знакомыхъ, вслѣдствіе чего является основаніе ожидать, что хозяйство этихъ поселенцевъ можетъ пойти правильно и благопріятно. Этого благопріятнаго условія не будетъ представлять поселеніе лицъ, заключенныхъ въ исправительный домъ (при уничтоженія каторги), въ мѣстностяхъ имъ совершенно неизвѣстныхъ. Затѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что сохраненіе каторги уже признано необходимымъ закономъ 11 Декабря 1879 г. и что потому работы по тюремной реформѣ практически уже направлены и пріурочены къ установленію трехъ нормальныхъ типовъ мѣстъ заключенія. Наконецъ, хотя разница между этими типами и не рѣзкая, но она все-же существуетъ и, съ уравненіемъ этихъ типовъ въ отношеніи одиночности заключенія и съ распространеніемъ на каторгу платности работъ, будетъ заключаться, помимо сроковъ лишенія свободы и послѣдствій каторги (эти стороны могли-бы быть сохранены и при замѣнѣ каторги исправительнымъ домомъ) въ нѣсколько большей строгости дисциплины для каторжныхъ, въ сравнительно большемъ удаленіи ихъ отъ родины и семей и въ сравнительно меньшей платѣ за ихъ работы.

Полагая, по этимъ соображеніямъ, сохранить установленные три типа заключенія, въ видѣ каторги, исправительнаго дома и тюрьмы, референтъ, съ своей стороны, предложилъ высказаться за необходимость въ принципѣ, оплаты работъ въ каторгѣ.

Перейдя въ частности къ 14-й ст., референтъ высказался: 1) противъ безсрочной каторги. Примѣняя къ этому институту тѣ же критеріи, которые онъ примѣнялъ въ вопросѣ о смертной казни, референтъ находилъ, что преступникъ, отбывшій 15, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже 20 лѣтъ каторги, не можетъ представлять серьезной опасности для общества. Нимало не предполагая, чтобы такой преступникъ нравственно исправился и перевоспитался, референтъ полагаетъ, что преступникъ, пробывшій 15 или 20 лѣтъ въ столь суровой дисциплинѣ, какова каторжная, необходимо

выйдетъ изъ каторжной тюрьмы съ надломленною волею, тогда какъ только энергія въ преступности можетъ дѣлать лицо серьезно опаснымъ для общества. Нельзя себѣ представить такого кремня, который, послѣ 15—20 лѣтъ каторги, могъ-бы явиться энергичнымъ преступникомъ. Съ точки-же зрѣнія правовыхъ воззрѣній народа, болѣе или менѣе безразлично, будетъ-ли преступникъ приговоренъ къ безсрочной каторгѣ или такой долгосрочной, какова 15 или 20-ти-лѣтняя, тѣмъ болѣе, что немногіе преступники переживаютъ такой срокъ заключенія. По этимъ соображеніямъ, референтъ находилъ безсрочную каторгу ненужною, излишне-жестокою и не требуемою народной совѣстью. Сверхъ того онъ указалъ, что обыкновенно противъ пожизненнаго лишенія свободы дѣлаются два главнѣйшія возраженія: а) лишая преступника всякой надежды на освобожденіе, оно устраняетъ въ немъ всѣ стимулы къ исправленію; но это возраженіе теряетъ почти всякое значеніе въ виду ст. 21-й проекта, допускающей освобожденіе и безсрочныхъ каторжниковъ послѣ 15 лѣтъ за хорошее поведеніе, и б) пожизненное заключеніе крайне неуравнительно, неодинаково отражаясь на старикѣ или болѣзненномъ человѣкѣ, которымъ предстоитъ короткій срокъ жизни, и на молодомъ, здоровомъ человѣкѣ, который можетъ провести въ заключеніи нѣсколько десятковъ лѣтъ; этому возраженію придаетъ весьма серьезное значеніе и референтъ, находя, что оно сохраняетъ полную силу по отношенію къ проекту, разсматриваемому Обществомъ. 2) За необходимость распространить на каторгу одиночность заключенія въ томъ видѣ, какъ она установлена для исправительнаго дома, именно въ видѣ 6-мѣсячной полной одиночности и дальнѣйшаго затѣмъ разобщенія не только на ночь, какъ установлено проектомъ, но и на время, свободное отъ работъ, въ томъ числѣ на праздники. Несомнѣнно, что установленіе этого правила, особенно разобщенія на время, свободное отъ работъ, значительно отяготитъ участь каторжника; но референтъ находитъ правило это необходимымъ, потому: а) что оно необходимо для уравненія тяжести заключенія въ каторгѣ и исправительномъ домѣ,—въ противномъ случаѣ, каторга на 5—6 лѣтъ будетъ легче исправительнаго дома на тотъ-же срокъ, а тѣмъ болѣе на 10 лѣтъ (см. ст. 17); б) что это усиленіе тяжести заключенія дало-бы возможность сократить сроки заключенія въ каторгѣ, чему референтъ вполнѣ сочувствовалъ-бы; в) что одиночное заключеніе, какъ въ видѣ временной полной одиночности, такъ и въ видѣ разобщенія на время, свободное отъ работъ, хотя, само по себѣ, и не имѣетъ исправительнаго значенія, но, во всякомъ случаѣ, полезно въ томъ отношеніи, что по крайней мѣрѣ устраняетъ прямой вредъ общаго заключенія преступниковъ, поддерживающаго и развивающаго въ нихъ нравственную порчу, и г) что въ частности первоначальная шести-мѣсячная

полная одиночность весьма полезна въ томъ отношеніи, что даетъ тюремному управленію возможность близко ознакомиться съ личностью каждаго арестанта; пренебрегать этою полезною стороною одиночнаго заключенія не слѣдуетъ и по отношенію къ каторжнымъ. 3) Противъ установленія льготы для каторжныхъ женщинъ, въ видѣ отбытія ими каторги въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ. Единственнымъ мотивомъ этой льготы послужила для Коммисіи относительная слабость женщинъ, физическимъ силамъ которыхъ не соотвѣтствовали-бы тяжкія каторжныя работы. Но было уже указано, что исключительная яко-бы тяжесть каторжныхъ работъ составляетъ не болѣе, какъ фикцію. Притомъ-же, естественно, женщины могутъ быть употребляемы лишь на внутреннія работы, тяжесть которыхъ, даже по запискѣ, не можетъ быть различна въ разныхъ мѣстахъ заключенія. Между тѣмъ установляемое проектомъ правило составляетъ несомнѣнную и, притомъ, ничѣмъ неоправдываемую льготу для лицъ женскаго пола. Съ одной стороны, при неудобствѣ, если не невозможности, установить въ исправительныхъ домахъ два различные режима и двѣ различныя степени строгости дисциплины, женщины въ особыхъ отдѣленіяхъ исправительныхъ домовъ будутъ фактически подчиняться тѣмъ-же правиламъ содержанія, какъ и остальные заключенные въ исправительномъ домѣ. Съ другой стороны женщины, при дѣйствіи этого правила, будутъ подвергаться сравнительно меньшему, чѣмъ мужчины, удаленію отъ родины и семей. Наконецъ, съ принятіемъ этого правила, разрушается для женщинъ та ближайшая связь каторги съ поселеніемъ, о которой говорено выше. По этимъ основаніямъ, референтъ полагалъ выкинуть изъ 2 части 14 ст. выраженіе: «при исправительныхъ домахъ»; и 4) за дополненіе 2 части 14 ст. правиломъ, что половина чистаго дохода отъ работъ обращается въ пользу каторжныхъ.

Въ отношеніи поселенія, какъ послѣдствія каторги, референтъ, не дѣлая возраженія противъ правила проекта (3 часть 14 ст.), замѣтилъ, что необходимо отличать поселеніе, какъ дополнительное наказаніе, отъ поселенія, какъ наказанія самостоятельнаго, и, какъ наказаніе дополнительное, необходимо отличать поселеніе каторжныхъ отъ поселенія заточенныхъ. Поселеніе каторжныхъ предполагается, и совершенно основательно, устраивать на незанятыхъ земляхъ близъ каторжныхъ тюремъ, не допуская приселенія ихъ къ деревнямъ старожиловъ (стр. 61 и 62). Какимъ образомъ предполагается устроить поселеніе заточенныхъ, изъ проекта не видно (стр. 63); но очевидно, что поселеніе заточенныхъ (если оно необходимо), за которыми не предполагается испорченной нравственности, не можетъ имѣть ничего общаго съ поселеніемъ каторжныхъ, требующимъ большаго надзора и нѣсколько болѣе строгой дисциплины. Наконецъ поселеніе, какъ

самостоятельное наказаніе, предполагается устроить путемъ причисленія поселенцевъ, въ назначенныхъ для того мѣстностяхъ, къ городамъ или селеніямъ, по ихъ желанію (стр. 63).

По выслушаніи референта, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ возбудили вопросъ о томъ, *слѣдуетъ-ли вообще сохранять каторгу въ лѣстницѣ наказаній*, причемъ высказали, что, по тѣмъ признакамъ, которые характеризуютъ каторгу по проекту, она мало чѣмъ будетъ отличаться отъ исправительнаго дома. Между тѣмъ, исторія русскихъ уголовныхъ наказаній наглядно свидѣтельствуетъ о вредѣ установленія многоразличныхъ типовъ лишенія свободы. У насъ на бумагѣ существуютъ и рабочіе, и смирительные дома, и арестантскія роты. Между тѣмъ извѣстное дѣло, что жизнь всѣ эти отдѣльныя величины привела уже къ одному общему знаменателю—къ тюрьмѣ, да еще прескверно устроенной. Мало надежды на то, чтобы тюремная система въ Россіи, даже въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, приведена была въ сколько-нибудь удовлетворительный видъ. На это требуется затрата громадныхъ капиталовъ, а государственный бюджетъ Россіи обремененъ такими расходами, которые пока не даютъ возможности быть щедрымъ въ отношеніи такихъ предметовъ, какъ тюрьма, юстиція, народное просвѣщеніе и т. п. Надо всѣми силами стараться, чтобы будущее уложеніе не стояло въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ жизнью, въ какомъ находится нынѣ дѣйствующее. Установлять, безъ особенной въ томъ необходимости, различные типы лишенія свободы, значило-бы опять заранѣе обрекать ихъ на практическое уничтоженіе, что, разумѣется, не можетъ не отражаться вреднымъ образомъ на особенной части уложенія, въ которой, такимъ образомъ, извѣстныя преступленія будутъ обложены наказаніями, въ дѣйствительности не существующими и непримѣняемыми. Какъ на рѣзкое различіе исправительнаго дома и каторги, указываютъ на обязательное поселеніе въ извѣстной мѣстности отбывшаго наказаніе каторжника. Но это различіе не относится, во-первыхъ, къ самому способу отбыванія наказанія въ тюрьмѣ, исправительной и каторжной, а потомъ нетолько позволительно, но и желательно возбудить вопросъ: нужно-ли сохранить это обязательное поселеніе каторжниковъ? Ссылка вообще и на Западѣ въ настоящее время доживаетъ свои послѣдніе дни, какъ наказаніе, чрезвычайно дорогое, вносящее порчу въ колоніи и не достигающее никакихъ карательныхъ цѣлей; всюду стараются поставить на ея мѣсто начало правительственнаго патроната, т. е. покровительство добровольному переселенію каторжниковъ, такъ что весьма можно усумниться въ полезности обязательнаго поселенія въ извѣстныхъ мѣстностяхъ отбывшихъ наказанія преступниковъ. По всѣмъ этимъ основаніямъ, шесть членовъ полагали исключить каторжныя работы изъ числа наказаній по уложенію.

Остальные присутствовавшіе, въ числѣ девяти лицъ, высказались за сохраненіе каторги, находя, что главное отличіе этого типа лишенія свободы заключается въ тяжести работъ и въ устройствѣ каторжныхъ тюремъ въ болѣе отдаленныхъ частяхъ государства, а также въ томъ, что для каторжныхъ тюремъ, какъ мѣстъ заключенія наиболѣе серьезныхъ преступниковъ, должна быть и иная, болѣе строгая, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ заключенія, тюремная дисциплина. За сохраненіе каторги въ лѣстницѣ наказаній высказались 9 голосовъ, за исключеніе ея—6 голосовъ.

По вопросу о *безсрочной каторгѣ* 7 лицъ, раздѣляя мнѣнія референта, полагали, что таковую слѣдуетъ уничтожить, 6 лицъ высказались за ея сохраненіе, а гг. *Френкель* и *Степановъ* находили нужнымъ, ради общественной безопасности, сохранить безсрочную каторгу только какъ мѣру, замѣняющую смертную казнь, если таковая будетъ уничтожена.

Далѣе къ мнѣнію референта о необходимости ввести правило объ *одиночномъ заключеніи каторжниковъ*, въ теченіи первыхъ 6-ти мѣсяцевъ, и *разобщеніи ихъ на время свободное отъ работъ*, присоединился только *А. А. Сталь;* всѣ-же остальные находили, что подобныя правила будутъ только безцѣльнымъ отягощеніемъ участи наказанныхъ;—при этомъ *В. А. Андреевъ* высказалъ, что, по его мнѣнію, вообще всѣ правила объ одиночномъ заключеніи и разобщеніи заключенныхъ составляютъ правила внутренняго тюремнаго распорядка, которымъ вовсе не мѣсто въ уголовномъ кодексѣ.

По вопросу-же *о платѣ каторжникамъ за работу*, Общество, раздѣляя мнѣніе В. В. Смиттена, но не вдаваясь въ обсужденіе размѣра платы, единогласно однакоже признало, что нѣтъ основанія, въ этомъ отношеніи, дѣлать исключеніе для каторжниковъ и что, если при другихъ видахъ заключенія извѣстная доля заработка идетъ въ пользу самаго заключеннаго, то тоже самое должно имѣть мѣсто и при каторгѣ.

Относительно порядка *отбыванія каторги женщинами*, четыре лица (*) высказались за проектъ Коммисіи; остальныя-же, раздѣляя соображенія референта, полагали, что нѣтъ никакого основанія устраивать особыя отдѣленія при исправительныхъ домахъ и что женскія отдѣленія точно также могутъ быть устроены и при каторжныхъ тюрьмахъ.

Наконецъ, по вопросу *о поселеніи, какъ послѣдствіи каторги*, восемь голосовъ (**) подано за проектъ Коммисіи, т. е. за то, чтобы каторга сопро-

---

(*) Гг. Степановъ, Френкель, Кольчевскій и Дингельштетъ.

(**) Гг. Андреевъ, Смиттенъ, Дингельштетъ, Кольчевскій, Крашенинниковъ, Брандтъ, Квятковскій и Быковъ.

вождалась поселеніемъ, семеро-же лицъ (*) высказались, что не видятъ въ этомъ никакой надобности.

По поводу 17 ст. проекта, *В. В. Смиттенъ* полагалъ лишь, что размѣръ чистаго дохода, назначаемаго въ пользу заключеннаго, долженъ быть возвышенъ до двухъ третей.

При голосованіи этого вопроса, четыре лица высказались за предоставленіе въ пользу заключеннаго всего заработка; остальныя-же, не опредѣляя размѣра, находили только, что размѣръ въ одну треть, назначаемый по проекту, слишкомъ малъ. Затѣмъ, при обсужденіи вопроса объ *одиночномъ заключеніи* въ теченіи первыхъ 6 мѣсяцевъ пребыванія въ исправительномъ домѣ, за проектъ высказались гг. *Смиттенъ*, *Сталь и Быковъ;* гг. *Брандтъ и Квятковскій,* считая одиночное заключеніе полезнымъ, полагали только уменьшить шестимѣсячный срокъ; всѣ-же остальные высказались за совершенное уничтоженіе одиночнаго заключенія при исправительномъ домѣ, причемъ *А. Н. Сазоновъ* добавилъ, что практика военныхъ тюремъ положительно доказала невозможность выдерживать шестимѣсячный срокъ. Кромѣ того, по поводу 17 ст., гг. *Андреевъ*, *Френкель*, *Сазоновъ и Козловъ* высказались противъ *разобщенія заключенныхъ на время свободное отъ работъ*, всѣ-же остальные высказались за таковое разобщеніе.

По поводу 18 ст., *В. В. Смиттенъ* высказалъ, что тюрьмѣ, соединенной съ полнымъ одиночнымъ заключеніемъ во все время заключенія, придается, по преимуществу, значеніе наказанія исправительнаго. Сомнѣваясь въ томъ, чтобы въ дѣйствительности тюрьма могла имѣть исправительное значеніе, референтъ находилъ однако, что допускаемое проектомъ тюремное заключеніе на такой короткій срокъ, каковъ 2-хъ недѣльный, едва-ли можетъ сохранить за собой даже фикцію исправительности.

Сверхъ того референтъ находилъ, что минимальный срокъ тюремнаго заключенія необходимо увеличить уже потому, что въ противномъ случаѣ нарушался-бы правильный переходъ отъ тюрьмы къ аресту (ст. 53) и двѣ недѣли тюремнаго заключенія представлялись-бы наказаніемъ болѣе строгимъ, чѣмъ 6-ти мѣсячный арестъ, что очевидно несообразно.

Послѣ сдѣланнаго однако референту нѣкоторыми членами возраженія, что и двухнедѣльное одиночное заключеніе можетъ быть, въ отдѣльныхъ случаяхъ, исправительно, референтъ, отказавшись отъ мнѣнія о необходимости увеличить минимальный срокъ тюремнаго заключенія, заявилъ, что, такъ какъ во всякомъ случаѣ высшій срокъ ареста (6 мѣсяцевъ) не можетъ быть

(*) Гг. Кусиковъ, Френкель, Сталъ, Степановъ, Химшіевъ, Сазоновъ и Козловъ.

уменьшенъ, то необходимо будетъ, при разсмотрѣніи 53 ст. проекта, обсудить необходимость устранить возможность для суда переходить, при смягченіи наказанія, отъ низшихъ сроковъ тюрьмы къ высшимъ срокамъ ареста.

Затѣмъ референтъ находилъ: 1) что, при назначеніи въ тюрьмѣ одиночнаго заключенія на все время содержанія (которое можетъ доходить до 2-хъ лѣтъ), тюремное заключеніе будетъ наказаніемъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ заключеніе на-тѣ же сроки въ исправительный домъ, и что потому необходимо, въ отношеніи одиночнаго заключенія, сравнять тюрьму и исправительный домъ, и 2) что размѣръ чистаго дохода, обращаемаго въ пользу заключенныхъ, слѣдуетъ возвысить до трехъ четвертей.

По выслушаніи этого, Общество единогласно признало, что *постоянное одиночное заключеніе* сдѣлаетъ тюрьму строже исправительнаго дома, а потому пять лицъ (*) полагали, что одиночное заключеніе должно быть установлено не болѣе, какъ на $^1/_2$ всего срока заключенія, и притомъ ни въ какомъ случаѣ не болѣе 6 мѣсяцевъ; всѣ-же остальные полагали, что обязательнаго одиночнаго заключенія при тюрьмѣ вовсе ненужно.

Кромѣ того *А. С. Френкель* высказался противъ *разобщенія заключенныхъ въ тюрьмѣ на время свободное отъ работъ и на ночь*, всѣ-же остальные находили разобщеніе полезнымъ. Въ заключеніе Общество единогласно признало, что если, согласно высказанному выше, *размѣръ заработка*, удѣляемаго заключенному, будетъ увеличенъ при исправительномъ домѣ, то и при тюрьмѣ необходимо произвести соотвѣтственное возвышеніе онаго.

Главный Военно-Морской Прокуроръ не видитъ достаточнаго основанія къ уменьшенію высшаго предѣла срочной каторги до 15 лѣтъ. Приведенные въ Объяснительной запискѣ (стр. 59) къ оправданію этой мѣры доводы, заключающіеся въ томъ, что каторжныя работы ограничены 15-ю годами по уложеніямъ Германіи, Венгріи и Голландіи, и что, при обсужденіи германскаго уложенія, многіе директоры нѣмецкихъ тюремъ находили и этотъ срокъ чрезмѣрнымъ, представляются Статсъ-Секретарю Яневичу-Яневскому мало убѣдительными. Во-первыхъ изъ той-же Объяснительной записки видно, что гораздо болѣе близкіе къ проекту, по системѣ наказаній, кодексы французскій и бельгійскій до сихъ поръ удерживаютъ 20-ти-лѣтній размѣръ срочной каторги, который принятъ и въ дѣйствующемъ у насъ уложеніи. Съ другой стороны едва-ли вообще правильно изъ сужденій нѣмецкихъ директоровъ объ ихъ цухтгаузахъ выводить какое-либо заключеніе о нашей каторгѣ. Но,

---

(*) Гг. Брандтъ, Смиттенъ, Сталь, Кватковскій и Быковъ.

что здѣсь гораздо важнѣе, между этими двумя наказаніями, за исключеніемъ мѣста, занимаемаго ими въ карательной лѣстницѣ, нѣтъ почти ничего общаго. Внѣшнее благоустройство, строгая внутренняя дисциплина, образцовый и подготовленный персоналъ дѣлаютъ цухтгаузъ для содержащихся въ немъ наказаніемъ дѣйствительно тяжкимъ, независимо отъ того, что съ нимъ сопряжено полное одиночное заключеніе, которое можетъ продолжаться по германскому уложенію (ст. 22) до трехъ, а по нидерландскому (ст. 11) до пяти лѣтъ.—Напротивъ, при совершенномъ неустройствѣ нашихъ каторжныхъ работъ, чего не отрицаетъ и Объяснительная записка, карательная ихъ тяжесть болѣе предполагается, нежели существуетъ на самомъ дѣлѣ, и это обстоятельство, судя по нѣкоторымъ фактамъ, не безъизвѣстно въ порочномъ классѣ населенія. По крайней мѣрѣ, въ морскомъ и военномъ вѣдомствахъ случалось неоднократно, что подсудимые, коимъ угрожало менѣе строгое по закону, но болѣе чувствительное въ дѣйствительности наказаніе, совершали тяжкія преступленія съ единственною цѣлью избавиться отъ этого наказанія и быть сосланными на каторгу. При такихъ условіяхъ и невозможности ожидать надлежащей организаціи нашихъ каторжныхъ заведеній въ близкомъ будущемъ, проектированіе сокращенія высшаго предѣла срочной каторги не находитъ себѣ никакого оправданія. Допуская подобное сокращеніе, необходимо по крайней мѣрѣ удостовѣриться, уменьшается-ли у насъ число преступленій, которыя обложены предполагаемою къ отмѣнѣ степенью наказанія. Но въ Объяснительной запискѣ не приведено по этому предмету никакихъ статистическихъ данныхъ. Необходимо принять во вниманіе указанія нашей практики и юридической литературы. Между тѣмъ ни отечественная литература, ни чины судебнаго вѣдомства въ замѣчаніяхъ своихъ на уложеніе о наказаніяхъ, не возражаютъ противъ существующихъ сроковъ каторжной работы. Наконецъ, если и сравнивать каторгу съ соотвѣтствующимъ наказаніемъ въ другихъ кодексахъ, то необходимо, для избѣжанія одностороннихъ выводовъ, дѣлать это сравненіе въ связи со всею системой наказаній и инкриминацій въ сопоставляемыхъ законодательствахъ. Слѣдуя такому пріему, единственно правильному при сравнительной методѣ, окажется, что изъ числа 20 слишкомъ дѣяній, за которыя по нашему уложенію (не говоря о воинскихъ уставахъ) полагается каторжная работа до 20 лѣтъ, многія дѣянія, не только въ Англіи, но въ большинствѣ континентальныхъ государствъ, наказываются безсрочною каторгою или пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ, а другія, каковы именно всѣ виды предумышленнаго убійства, влекутъ за собою смертную казнь и по новѣйшимъ, указываемымъ редакторами проекта уголовнымъ уложеніямъ германскому (ст. 211) и венгерскому (ст. 278). Статсъ-Секретарь Яневичъ-Яневскій оста-

навливается на этомъ вопросѣ съ нѣкоторою подробностью въ виду вліянія его на наше военно-уголовное законодательство. Послѣднее, какъ неоднократно признано правительствомъ, не можетъ въ коренныхъ своихъ началахъ расходиться съ общими въ государствѣ уголовными законами, почему, въ случаѣ уменьшенія высшаго предѣла срочной каторги до 15 лѣтъ, согласно предположенію проекта, пришлось-бы ослабить отвѣтственность за всѣ тѣ воинскія и морскія преступленія, которыя караются нынѣ 20-ти-лѣтнею каторжною работою, уменьшивъ пропорціонально наказанія и за прочія спеціальныя нарушенія, предусмотрѣнныя нашими воинскими уставами, а этого, по мнѣнію Главнаго Военно-Морскаго Прокурора, допустить невозможно безъ существеннаго ущерба для службы и дисциплины.

По поводу той-же 14-й статьи Статсъ-Секретарь Яневичъ-Яневскій замѣчаетъ, что на стр. 57 Объясн. зап. къ числу существенныхъ элементовъ наказанія лишеніемъ свободы, которые должны быть означены въ уголовномъ уложеніи, отнесенъ между прочимъ размѣръ вознагражденія арестанта за работу; относительно-же каторги на стр. 61 вознагражденіе это такимъ элементомъ не признается. Если трудъ, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія, есть вообще начало морализующее и если заинтересовать арестанта въ хорошемъ и прилежномъ исполненіи работы столь-же важно въ его нравственныхъ интересахъ, сколь полезно и для правительства, то нѣтъ правильнаго основанія не опредѣлить въ законѣ нѣкотораго вознагражденія и каторжнымъ за производимыя ими работы. Согласно сему, надлежало-бы дополнить вторую часть разсматриваемой статьи тѣмъ болѣе, что въ принципѣ вопросъ о вознагражденіи каторжныхъ за трудъ рѣшенъ уже утвердительно приведеннымъ въ Объяснительной запискѣ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ 19 Іюля 1881 года.

Что касается отбыванія каторги лицами женскаго пола въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ, то, хотя подобное этому постановленіе и принято во французскомъ кодексѣ, тѣмъ не менѣе Статсъ-Секретарь Яневичъ-Яневскій считаетъ необходимымъ замѣтить, что сами французскіе криминалисты болѣе, такъ сказать, терпятъ его, нежели оправдываютъ, въ виду его неправомѣрности (Boitard, Lecons, стр. 70, Trébutien, Cours, T. I, стр. 215). Редакторы проекта, вводя это правило въ наше уложеніе, высказываютъ, что всѣ юридическія послѣдствія наказанія будутъ опредѣляться при этомъ по замѣняемому наказанію, т. е. по каторгѣ, какъ въ отношеніи къ праволишеніямъ, такъ и въ отношеніи къ обязательному поселенію преступницъ, и что самый порядокъ содержанія ихъ въ исправительномъ домѣ можетъ быть болѣе строгимъ сравнительно съ установленнымъ для прочихъ, въ немъ содержащихся (Объясн. зап. стр. 60). Все это совершенно

вѣрно; но такъ-какъ объясненіе это касается юридической сущности наказанія и само собою подразумѣваться не можетъ, то представлялось-бы, по мнѣнію Главнаго Военно-Морскаго Прокурора, необходимымъ, для устраненія всякаго недоразумѣнія и произвольныхъ толкованій, прямо упомянуть объ этомъ въ законѣ, причемъ большая строгость содержанія въ исправительныхъ домахъ для лицъ женскаго пола, отбывающихъ тамъ каторгу, должна быть не факультативною, а обязательною. При настоящей-же редакціи разсматриваемой статьи, не только нельзя составить себѣ яснаго понятія о существѣ и значеніи каторги для женщинъ, но, по употребленному въ 3 ч. этой статьи выраженію «преступники», можно даже усомниться, ссылаются-ли онѣ на поселеніе по отбытіи каторги. Посему и въ видахъ установленія хотя нѣкоторой равномѣрности въ наказаніи каторгою мужчинъ сравнительно съ женщинами, для коихъ и самыя праволишенія, означенныя въ 25 и 27 ст. проекта, не имѣютъ того значенія, какое они имѣютъ для мужчинъ,—Статсъ-Секретарь Яневичъ-Яневскій полагалъ-бы вторую и третью часть ст. 14 изложить слѣдующимъ образомъ:

«Приговоренные содержатся въ каторжныхъ тюрьмахъ, въ общемъ заключеніи, но съ разобщеніемъ на ночь; они употребляются на тяжкія работы, какъ внутри помѣщенія, такъ и внѣ онаго. Одна пятая часть чистаго дохода отъ работъ обращается въ ихъ пользу. Лица женскаго пола отбываютъ каторгу въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ, гдѣ онѣ подвергаются болѣе строгому порядку содержанія, сравнительно съ прочими заключенными, и употребляются на самыя тяжкія изъ установленныхъ въ сихъ домахъ для женщинъ работы. Въ пользу ихъ отчисляется также одна пятая часть чистаго дохода отъ работъ».

«По отбытіи каторги, осужденные обоего пола поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ».

По вопросу о каторгѣ безсрочной докладчикъ въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры г. Кильштетъ высказалъ, что, хотя по нашему дѣйствующему уголовному закону установлена каторга безсрочная, но въ дѣйствительности, за исключеніемъ ст. 1449 улож., каторга всегда оказывается срочною; что, въ виду ст. 56 проекта, новыя постановленія по этому предмету оказываются суровѣе прежнихъ, и что вообще безсрочность наказаній несправедлива и вредна практически. Оставляя обсужденіе вопроса о тѣхъ измѣненіяхъ ст. 56, которыя могутъ быть сдѣланы при послѣдующемъ обсужденіи этой статьи, Совѣщаніе считало необходимымъ сохранить без-

срочность каторги, съ одной стороны въ виду того, что этотъ видъ наказанія предусмотрѣнъ закономъ 11 Декабря 1879 г., а съ другой потому, что переводъ безсрочнаго каторжника въ разрядъ исправляющихся и освобожденіе его на поселеніе обусловливаются дѣйствительнымъ нравственнымъ исправленіемъ, которое можетъ и не наступить, а потому возможность такого перевода, поддерживая дисциплину среди каторжниковъ и оказывая на нихъ нравственное воздѣйствіе, не уничтожаетъ самаго понятія безсрочной каторги.

Предложенія докладчика о томъ, чтобы: 1) женщины отбывали каторгу не при исправительныхъ домахъ, а «въ особыхъ помѣщеніяхъ», и 2) чтобы въ ст. 14 было прямо указано, что, по отбытіи каторги, преступники поселяются «мѣрами правительства» въ отведенныхъ мѣстностяхъ,—Совѣщаніемъ были приняты, хотя однимъ изъ членовъ (г. Марковъ) было заявлено, что правило объ отбытіи каторги женщинами отдѣльно отъ мущинъ есть правило общее, которое относится ко всѣмъ видамъ лишенія свободы и должно быть или изложено въ этомъ смыслѣ въ особой статьѣ, какъ это дѣлаетъ ст. 38 проекта относительно малолѣтныхъ, или-же должно быть отнесено въ уставы тюремные.

Предложеніе г. Маркова, чтобы разобщеніе каторжниковъ распространялось не только на ночь, но и на время свободное отъ работъ, Совѣщаніемъ не принято въ виду долгосрочности каторги и свойства самыхъ работъ, производимыхъ нерѣдко внѣ тюрьмы, на значительномъ отъ нея разстояніи.

Обсуждая статью 14-ю и руководствуясь соображеніями Редакціонной Коммисіи о тяжести наказанія каторгою, о вліяніи этого наказанія на физическія силы отбывающаго наказаніе, Тульскій Окружный Судъ полагалъ-бы опредѣлить низшій размѣръ срочной каторги въ 4 года, а высшій безусловно въ 15 лѣтъ. Низшій срокъ каторжныхъ работъ по уложенію дѣйствующему, по мнѣнію Окружнаго Суда, нѣтъ серіознаго основанія измѣнять. Признавая каторгу тягчайшимъ наказаніемъ, 4 года работъ, безъ раздѣленія ихъ на заводскія, крѣпостныя и въ рудникахъ, представляютъ такой срокъ для осужденнаго, который вполнѣ достаточенъ, какъ норма низшая для тяжкихъ преступленій. Повышеніе Коммисіею низшаго срока вызвано необходимостію согласовать этотъ видъ наказанія съ непосредственно за нимъ слѣдующимъ заключеніемъ въ исправительномъ домѣ, особенно въ виду того, что, по отдаленности каторжныхъ тюремъ, предполагающихся

большею частію въ Сибири, изъ назначеннаго судомъ числа лѣтъ работъ нужно будетъ исключить время потребное на пересылку, которое весьма нерѣдко будетъ превышать полгода».

Противъ такихъ основаній, принятыхъ Коммисіею къ увеличенію низшаго размѣра до 5-ти лѣтъ, нельзя не замѣтить, что установить не только правильное, но и справедливое соотвѣтствіе сроковъ каторги съ сроками исправительнаго дома, какъ наказаній совершенно различныхъ по своей тяжести, едва-ли представляется возможнымъ; а засчитываніе каторжному въ срокъ назначенной каторги времени, проведеннаго имъ отъ вступленія приговора въ законную силу до дѣйствительнаго начатія имъ каторжныхъ работъ, является обстоятельствомъ случайнымъ. Различные способы отправки каторжныхъ—по этапу, по желѣзнымъ дорогамъ, по водянымъ сообщеніямъ,—разстояніе мѣста осужденія отъ мѣста каторжныхъ тюремъ, предполагаемыхъ безъ сомнѣнія въ пунктахъ разныхъ, наконецъ, время осужденія и время отправки каторжнаго,—всѣ эти обстоятельства даютъ понять, что къ одному приговоръ суда можетъ примѣниться черезъ мѣсяцъ и даже менѣе, къ другому—черезъ два мѣсяца, а къ третьему и чрезъ полгода. А обстоятельства такія, какъ чисто случайныя, служащія къ выгодѣ одного и къ невыгодѣ другаго, едва-ли могутъ служить основаніемъ къ увеличенію низшаго срока и входить въ разсчеты судей, опредѣляющихъ мѣру наказанія подсудимому только по винѣ его и обстоятельствамъ дѣла. Такимъ образомъ, приговоренный въ Бѣлгородѣ къ каторгѣ на 5 лѣтъ, можетъ поступить въ мѣстную каторжную тюрьму чрезъ нѣсколько дней по вступленіи приговора въ законную силу и отбыть весь низшій срокъ каторги; а приговоренный въ Нижнемъ-Новгородѣ къ такому-же сроку, въ позднее осеннее время, доставится въ каторжную тюрьму спустя полгода и болѣе и будетъ имѣть преимущество предъ первымъ осужденнымъ по обстоятельству совершенно случайному. Поэтому статью 14-ю слѣдовало бы въ началѣ ея изложить такъ: «Каторга назначается безсрочно и на срокъ отъ четырехъ до пятнадцати лѣтъ».

Обращаясь къ обсужденію высшаго предѣла срочныхъ каторжныхъ работъ, Окружный Судъ находитъ, что срокъ такихъ работъ въ 15-ть лѣтъ представляется настолько большимъ, что едва-ли человѣкъ съ обыкновенными физическими силами можетъ выдержать всѣ 15 лѣтъ. Въ уложеніяхъ венгерскомъ и германскомъ размѣръ срочнаго тяжкаго вида лишенія свободы не превышаетъ 15 лѣтъ, несмотря на то, что въ законодательствахъ этихъ нѣтъ наказанія каторжными работами. Засимъ, на основаніи 21 статьи, по мысли составителей проекта нашего уложенія, приговоренные къ каторгѣ безъ срока могутъ, по истеченіи 15 лѣтъ, за хорошее поведеніе, быть поселяемы въ отведенныхъ для того мѣстахъ. Изъ сего правила нельзя не выве-

сти заключенія, что даже для лицъ, приговоренныхъ къ безсрочной каторгѣ, безъ сомнѣнія, за самыя тяжкія преступленія, Редакціонная Коммисія нашла справедливымъ установить искупленіе самымъ тяжкимъ преступникомъ своей вины 15-ти-лѣтнею каторжною работою, т. е. такимъ срокомъ, который опредѣленъ, какъ нормальный maximum для срочной каторжной работы (14 статья).

Далѣе Коммисія, составляя проектъ уложенія, статьею 14-ю измѣнила высшій нормальный размѣръ срочной каторги противъ дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ, понизивъ этотъ срокъ на 5 лѣтъ. Этотъ пониженный срокъ, какъ нормальный, слѣдовало-бы оставить и для совершившихъ извѣстныя преступленія по привычкѣ къ преступной дѣятельности или вслѣдствіе обращенія преступной дѣятельности въ ремесло (56 статья проекта), а правила для опредѣленія наказанія по совокупности преступленій оставить только въ спеціальной для этого 55 ст. уложенія, исключивъ 56 ст. изъ проекта. Что касается до остальной части 14 ст. по вопросамъ, гдѣ содержатся каторжные, какія исполняютъ они работы и какъ проводятъ ночь, то въ этомъ отношеніи между лицами мужскаго и женскаго пола слѣдовало-бы сдѣлать различіе только въ тяжести работъ, сообразно разницѣ физическихъ силъ и крѣпости физической природы того и другаго пола, не различая мѣстъ содержанія, а ночное препровожденіе, какъ время сна и отдыха, не составляющее мѣры, входящей въ составъ тяжести наказанія, слѣдуетъ исключить и помѣстить въ уставѣ объ управленіи каторжными тюрьмами и каторжными. Вообще, было-бы соотвѣтственно въ уложеніи о наказаніяхъ помѣщать только все то, что составляетъ сущность свода карательныхъ законовъ и ихъ примѣненія.

Поэтому всю ст. 14-ю слѣдовало-бы изложить такъ:

«Каторга назначается безсрочно и на срокъ отъ четырехъ до пятнадцати лѣтъ».

«Приговоренные содержатся въ каторжныхъ тюрьмахъ и употребляются на тяжкія работы какъ внутри помѣщенія, такъ и внѣ онаго. Лица женскаго пола употребляются на менѣе тяжкія работы, сообразно силамъ ихъ».

«По отбытіи каторги, преступники поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ».

Въ отношеніи ст. 14 Предсѣдатель и Члены Томскаго Губернскаго Суда полагаютъ, что сроки каторги должны-бы быть не 5—15 и до 20 лѣтъ, а 5—10 и до 15 лѣтъ, какъ по соображеніямъ, приведеннымъ въ Объясненіяхъ къ проекту, такъ и потому еще, что и нынѣ въ практикѣ Губернскаго Суда и, вѣроятно, многихъ другихъ судебныхъ мѣстъ срочная каторжная

работа на время свыше 10—12 лѣтъ обыкновенно примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда постановленія уложенія рѣшительно не дозволяютъ примѣненіе этого наказанія въ такомъ или низшемъ размѣрѣ.

При разсмотрѣніи проекта собраніемъ чиновъ Кишиневскаго Окружнаго Суда, предсѣдательствующимъ предложены были на обсужденіе собранія слѣдующіе три вопроса: а) о сохраненіи или исключеніи безсрочности каторги; б) объ измѣненіи сроковъ срочной каторги и в) о вознагражденіи приговоренныхъ къ каторгѣ за произведенныя ими работы.

А что касается вопроса о безсрочной каторгѣ, то большинство собранія высказалось за сохраненіе такого вида наказанія, принявъ во вниманіе, что, высказываясь за желательную отмѣну смертной казни въ новомъ уголовномъ уложеніи, нельзя, не вызывая справедливыхъ опасеній относительно охраны общественной безопасности, вмѣстѣ съ тѣмъ одновременно высказываться и за отмѣну того наказанія, которое дѣйствительно можетъ быть замѣною смертной казни, что всѣ возраженія, которыя дѣлаются въ наукѣ противъ безсрочности наказаній, возраженія, основанныя на томъ, что безсрочность лишенія свободы страдаетъ недостаткомъ дѣлимости, подобно смертной казни, представляя собою абсолютное наказаніе и устраняя желательную цѣль исправленія,—ослабляются постановленіемъ 21 ст. проекта, по которому хорошее поведеніе каторжника можетъ вести къ замѣнѣ безсрочной каторги срочною до 15 лѣтъ, чѣмъ отнимается у пожизненнаго заключенія его абсолютный характеръ и дается стимулъ къ исправленію; наконецъ, въ этомъ отношеніи большинство собранія не могло не руководствоваться и примѣромъ новѣйшихъ законодательствъ, которыя, не смотря на либеральныя начала, въ основаніе ихъ положенныя, не находятъ возможнымъ отказаться отъ безсрочнаго лишенія свободы.

Что же касается до срочной каторги, то собраніе признаетъ желательнымъ пониженіе minimum'а съ 5 до 4 лѣтъ.

Пятилѣтній minimum является слишкомъ высокимъ, сравнительно какъ съ дѣйствующимъ уложеніемъ (4 года), такъ и съ законодательствами: германскимъ (minimum цухтгауза=1 году), венгерскимъ (minimum каторжныхъ работъ=2 годамъ) и голландскимъ (minimum тюрьмы, соотвѣтствующей нашимъ каторжнымъ работамъ,=одному дню при maximum'ѣ 15 лѣтъ). При исключеніи необходимаго времени на пересылку осужденнаго, если считать его даже болѣе полугода (объясн. записк., стр. 59), все-же остается слишкомъ два года, каковой minimum не представляется слишкомъ низкимъ. Между тѣмъ, при такой низшей мѣрѣ, несомнѣнно достигается желательная индивидуализація наказанія.

Предположенный Редакціонной Коммисіей высшій срокъ срочной каторги—15 и 20 лѣтъ собраніе постановило оставить неизмѣненнымъ, находя, съ своей стороны, что этотъ срокъ подготовляетъ переходъ къ безсрочной каторгѣ и даетъ большій просторъ суду при выборѣ мѣры наказанія.

Остановившись на вопросѣ о вознагражденіи за произведенныя каторжниками работы и не соглашаясь съ предположеніемъ Редакціонной Коммисіи, что при каторгѣ, какъ высшемъ видѣ лишенія свободы, вознагражденіе можетъ быть допущено только какъ льгота, даруемая администраціей каторги тѣмъ изъ заключенныхъ, которые заслужили это своимъ поведеніемъ и прилежаніемъ, собраніе находитъ, съ своей стороны, что то обстоятельство, что каторга есть высшій видъ лишенія свободы, нисколько не ослабляетъ тѣхъ общихъ основаній, по коимъ признается полезнымъ предоставить извѣстное вознагражденіе за работы всѣмъ вообще заключеннымъ. Посему собраніе полагаетъ, что было-бы болѣе согласно съ справедливостію и чувствомъ гуманности установить правило, чтобы и лица, отбывающія наказаніе на каторгѣ, получали доходъ отъ своихъ сверхъ-урочныхъ работъ не въ видѣ льготы, а какъ извѣстный закономъ опредѣленный размѣръ вознагражденія. Что касается этого размѣра, то собраніе, принимая въ соображеніе, что при другихъ видахъ лишенія свободы заключеннымъ предположена по проекту выдача части чистаго ихъ заработка, находитъ, что при каторгѣ, какъ тягчайшемъ видѣ лишенія свободы, возможно предоставить заключеннымъ пользоваться только доходомъ отъ сверхъ урочныхъ работъ, и то не вполнѣ, а лишь въ размѣрѣ $^2/_3$ сего дохода, о чемъ и слѣдуетъ добавить послѣ 2 и. 14 ст., которую редактировать такъ: «ст. 14. Каторга назначается или безсрочно, или на срокъ отъ 4 до 15 лѣтъ, а въ случаѣ, ст. 56 указанномъ, до двадцати лѣтъ».

«Приговоренные содержатся въ каторжныхъ тюрьмахъ, въ общемъ заключеніи, но съ разобщеніемъ на ночь; они употребляются на тяжкія работы, какъ внутри помѣщенія, такъ и внѣ онаго; причемъ за сверхъ урочныя работы каторжники получаютъ $^2/_3$ чистаго дохода произведенныхъ работъ. Лица женскаго пола отбываютъ каторгу въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ».

«По отбытіи каторги, преступники поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ».

Екатеринославскій Окружный Судъ никакъ не можетъ раздѣлить основательности назначенія низшаго и высшаго предѣла каторги отъ 5 до 15 лѣтъ и оставленія въ силѣ каторги безсрочной. Что касается низшаго предѣла и измѣненія таковаго изъ нынѣ существующаго 4-хъ-лѣтняго въ 5-ти-лѣтній, то

мотивы Коммисіи о необходимости согласованія таковаго съ непосредственно слѣдующимъ за каторгою наказаніемъ исправительнымъ домомъ, а равно и то обстоятельство, что на отсылку преступника на каторгу потребуется около полугода времени, недостаточно убѣдительны. Назначить человѣку лишній годъ мученій за то только, что ½ года его надо везти къ мѣсту назначенія, Суду кажется нерезоннымъ. Во-первыхъ, преступникъ несетъ наказаніе только за свое преступленіе и никоимъ образомъ не долженъ страдать свыше мѣры содѣяннаго; чѣмъ-же онъ виноватъ, что, послѣ вступленія о немъ приговора въ законную силу, правительство не обладаетъ средствами немедленно помѣстить его на каторгу, и какой-же резонъ за это только прибавлять ему цѣлый лишній годъ наказанія? Во-вторыхъ и нынѣ ссылка въ каторжныя работы не дѣлается мгновенно послѣ приговора; начало работъ наступаетъ подчасъ и годъ спустя послѣ назначенія таковыхъ, но обстоятельство это въ нынѣ дѣйствующемъ уложеніи не вызвало мѣры увеличенія 4-хъ-лѣтняго минимума каторги. Въ третьихъ самый процессъ отсылки цѣлой партіи на каторгу не равняется-ли самой каторгѣ? Эти этапныя передвиженія, тяжелые ночлеги, продолжительность и обременительность пути не составляютъ-ли начала каторги? Слѣдовательно и съ этой стороны увеличеніе низшаго размѣра не выдерживаетъ критики. Наконецъ, въ четвертыхъ— необходимость согласованія каторги съ непосредственно слѣдующимъ видомъ наказанія; это ужъ такой мотивъ, съ которымъ не согласуется общій духъ гуманности, проглядывающій во всемъ проектѣ новаго уложенія. Увеличивать срокъ человѣческаго страданія для согласованія одного вида наказанія съ другимъ значитъ жертвовать судьбою человѣка въ угоду сухой формѣ, а это едва ли желательно въ новомъ современномъ законѣ. Такимъ образомъ Екатеринославскій Окружный Судъ приходитъ къ убѣжденію, что не представляется никакихъ уважительныхъ основаній измѣнять нынѣ существующій и проектированный Коммисіею Государственнаго Совѣта 4-хъ-лѣтній низшій предѣлъ каторги. Что же касается высшаго предѣла, то, по мнѣнію Суда, таковой не можетъ превышать 10 лѣтъ и только въ случаяхъ особенно важныхъ можетъ доходить до 15 лѣтъ. Безсрочная-же каторга должна быть вовсе вычеркнута изъ уложенія. Лучшіе мотивы для сего высказаны въ самой запискѣ Редакціонной Коммисіи и состоятъ въ томъ: а) что долгіе сроки ослабляютъ силы арестанта и дѣлаютъ его неспособнымъ по выходѣ изъ заключенія къ какимъ-либо занятіямъ, и б) что долговременное сидѣнье не рѣдко парализуетъ то хорошее вліянія, которое произвели на осужденнаго первые годы заключенія. Къ этимъ убѣдительнымъ до наглядности доводамъ, по мнѣнію Екатеринославскаго Суда, прибавлять нечего, ибо такая обстановка, при коей наказаніе не возвышаетъ, а нравственно ослабляетъ преступ-

ника—другими словами, дѣйствуетъ не исцѣляющимъ, а растлѣвающимъ образомъ, не согласуется съ общимъ стремленіемъ новаго уложенія, имѣющаго въ виду, какъ сказано въ началѣ, опредѣленіе пути, по коему преступникъ изъ личныхъ своихъ выгодъ и расчетовъ безусловно долженъ идти къ исправленію и нравственному возвышенію.

Относительно каторги Владимірскій Окружный Судъ замѣчаетъ, что это наказаніе должно быть обставлено возможно строгими мѣрами и предназначено для случаевъ совершенія преступленій лишь самыхъ тяжкихъ, преимущественно для рецидивистовъ въ смертоубійствѣ, разбояхъ и т. п. Такое предназначеніе каторги возможно, если увеличить срокъ въ исправительномъ домѣ по крайней мѣрѣ до 10 лѣтъ, а съ другой стороны, такое назначеніе каторги вызывается тѣмъ, что каторгу нужно обставить такими условіями мѣста, времени отбытія, чтобы каторга на самомъ дѣлѣ была каторгою, чтобы работы на ней были на самомъ дѣлѣ тяжкими и чтобы каторга была вынесена въ отдаленные предѣлы Имперіи; иначе каторга, имѣя мало отличительныхъ признаковъ отъ исправительнаго дома, будетъ излишнею или, по крайней мѣрѣ, не достигнетъ цѣли назначенія служить наказаніемъ для тѣхъ лицъ, которыя, по своей неисправимости и преступности воли, не могутъ быть терпимы въ обществѣ и должны быть выброшены, какъ неисправимая зараза для другихъ. Въ сихъ соображеніяхъ слѣдуетъ *минимумъ* срока каторги увеличить до 10 лѣтъ. Допускаемое 21-ю ст. возвращеніе каторжныхъ на родину не должно имѣть мѣста. Замѣна для женщинъ этого наказанія исправительнымъ домомъ также не имѣетъ достаточнаго основанія.

Указаніе въ 14 статьѣ на обязанность разобщенія каторжныхъ на ночь излишне, такъ-какъ эта мѣра не имѣетъ особаго значенія, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы объ ней упоминать въ уложеніи.

По отзыву чиновъ Ярославской прокуратуры, помѣщенное въ ст. 14 ограниченіе минимума наказанія врядъ-ли необходимо и полезно; совершенно достаточно было-бы указать одинъ высшій предѣлъ. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить и относительно ст. 15, 17, 18 и 19. Вторая часть ст. 14, задавшаяся цѣлью опредѣлить способъ исполненія наказанія, указаннаго въ 1 части этой статьи, въ сущности, по мнѣнію Ярославской прокуратуры, ничего не объясняетъ. Спрашивается, что такое каторжная тюрьма, чѣмъ она отличается отъ тюрьмы не каторжной, что такое тяжкія работы, гдѣ предѣлъ легкой работы и какой признакъ дѣлаетъ ее тяжелою. Не подлежитъ сомнѣнію, что тяжесть работы понятіе чрезвычайно относительное: что легко для одного, то тяжело для другаго, и наоборотъ; слѣдовательно, что имѣетъ въ виду эта

статья: потребную-ли степень напряженія мускуловъ, продолжительность-ли работы, безцѣльность-ли ея, обязательность-ли, или условія, при которыхъ она совершается,—остается совершенно необъясненнымъ, а потому въ этой части этой статьи сказано или весьма мало, или весьма много, такъ какъ, въ смыслѣ объясненія сущности наказанія, способа его примѣненія, избѣжанія произвола и т. п., положенія этой статьи совершенно не категоричны, и, напротивъ, являются излишними въ уложеніи о наказаніяхъ, трактуя о томъ, что должно быть помѣщено въ уставахъ, касающихся мѣстъ заключенія.

Чины прокуратуры Казанскаго Окружнаго Суда предлагаютъ первую часть статьи изложить съ такою добавкою: «а въ случаѣ, статьею 56 указанномъ, *и при переходѣ отъ безсрочной къ срочной каторгѣ*, до двадцати лѣтъ. Добавленіе этого объясняется слѣдующими соображеніями: наряду съ случаями, указанными въ 56 ст. проекта, существуютъ тяжкія преступленія, за которыя виновному будетъ угрожать безсрочная каторга. Тяжесть послѣдняго наказанія столь велика, что переходъ отъ него, при смягчающихъ обстоятельствахъ, по 2 п. 53 ст. проекта къ каторгѣ на 15 лѣтъ представлялся-бы слишкомъ рѣзкимъ; преступленія-же, караемыя безсрочной каторгой, конечно, не уступаютъ въ значеніи своемъ случаямъ, указаннымъ въ 56 ст. проекта, въ которыхъ допускается однако каторга на 20 лѣтъ.

По замѣчанію Предсѣдателя Нѣжинскаго Окружнаго Суда Ланге, каторги, въ смыслѣ тяжкаго наказанія, рисуемаго въ народномъ воображеніи, вовсе не существуетъ на всемъ обширномъ пространствѣ Россійской Имперіи. Если-же и существуетъ нѣсколько пунктовъ, въ которыхъ приговариваемые къ каторжнымъ работамъ исполняютъ, въ теченіе опредѣленнаго срока, обязательной трудъ, то таковыя работы далеко легче тѣхъ работъ, какія исполняются не обязательно, по найму, многими тысячами рабочихъ на золотыхъ пріискахъ частныхъ лицъ, добровольно подвергающихъ себя и голоду и холоду и всѣмъ возможнымъ атмосферическимъ явленіямъ. Въ этомъ отношеніи, такъ-называемые каторжные находятся въ гораздо болѣе благопріятномъ положеніи, имѣя уже постоянный пріютъ отъ непогоды. Если признать достовѣрнымъ тотъ фактъ, что большинство каторжныхъ, по отсутствію обязательныхъ работъ и недостаточности помѣщеній, по прибытіи въ Сибирь употребляются на разныя послуги, по усмотрѣнію подлежащихъ властей, то невольно рождается вопросъ: въ чемъ-же заключается то устрашающее наказаніе, къ какому судьи приговариваютъ болѣе важныхъ пре-

ступниковъ? Если даже и допустить возможность существованія тяжкихъ каторжныхъ работъ, то какой-же практическій смыслъ подобнаго наказанія? Подвергаясь тяжелому, часто непосильному труду, не только въ продолженіи 20, но даже и 10 лѣтъ, каторжный, по отбытіи своего срока, дѣлается никуда негоднымъ поселенцемъ, язвою той мѣстности, гдѣ онъ водворяется на жительство. Если, по системѣ наказаній, преступникъ, совершившій извѣстное злодѣяніе, признается *безнадежнымъ къ исправленію* и долженъ подлежать болѣе чувствительному наказанію, то такимъ наказаніемъ представляется одиночное заключеніе, это *психическая каторга*, болѣе чувствительная, чѣмъ всякаго рода обязательныя работы. Но чтобы наказаніе это имѣло практическій смыслъ, необходимо, чтобы одиночное заключеніе не было продолжительное—не болѣе 2-хъ или 3-хъ лѣтъ. Такимъ образомъ, въ лѣстницѣ наказаній, послѣ *смертной казни*, тягчайшимъ наказаніемъ слѣдовало-бы признать *одиночное* заключеніе отъ 1-го до 3-хъ лѣтъ, сопровождающееся, затѣмъ, поселеніемъ. Послѣ этого наказанія можетъ слѣдовать поселеніе безъ предварительнаго заключенія и т. д. до заключенія въ тюрьму.

По. замѣчанію Прокурора Орловскаго Окружнаго Суда Хрулева, 14 статья проекта устанавливаетъ, между прочимъ, два правила, по коимъ приговоренные: а) содержатся въ каторжныхъ тюрьмахъ въ общемъ заключеніи, но съ разобщеніемъ на ночь, и б) употребляются на тяжкія работы какъ внутри помѣщенія, такъ и внѣ онаго. Эти правила вызываютъ слѣдующія замѣчанія:

1) Каторга, являясь репрессивнымъ возмездіемъ, преслѣдуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и общую другимъ наказаніямъ (кромѣ ареста и пени) цѣль исправленія осужденнаго. Къ каторгѣ будутъ приговариваться лишь за самыя тяжкія преступленія, а такія преступленія служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ нравственной испорченности человѣка. Естественно, что, по отношенію къ каторжнымъ, болѣе, чѣмъ къ преступникамъ другаго рода, не слѣдуетъ пренебрегать ни однимъ цѣлесообразнымъ средствомъ для нравственнаго исправленія ихъ. Средствомъ для исправленія каторжныхъ проектъ избралъ ирландскую систему заключенія, нѣсколько видоизмѣнивъ её, между прочимъ, тѣмъ, что не назначилъ каторжнымъ одиночнаго заключенія. Такимъ образомъ всѣ приговоренные будутъ находиться въ общемъ заключеніи съ раздѣленіемъ только на ночь. Между тѣмъ одиночное заключеніе представляетъ весьма сильное орудіе къ нравственному исправленію преступника. Одиночное заключеніе, изолируя преступника отъ порочныхъ товарищей, вмѣстѣ съ тѣмъ устрашаетъ его и заставляетъ подчиниться волѣ

администраціи, дисциплинируетъ его и ставитъ лицомъ къ лицу съ совѣстью своей, даетъ ему возможность глубже вдуматься въ тягость совершеннаго преступленія и въ справедливость заслуженнаго наказанія и вселяетъ надежду на облегченіе его путемъ нравственнаго исправленія. Такое душевное состояніе преступника, при добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей тюремнымъ священникомъ (который, разумѣется, долженъ быть на высотѣ своихъ обязанностей), подготовляетъ преступника къ нравственному перерожденію болѣе, чѣмъ долголѣтнее пребываніе въ тюрьмѣ совмѣстно съ такими-же преступниками. По особенностямъ нашего государства, въ которомъ пересылка въ каторжныя тюрьмы (предполагаемыя въ Восточной Сибири) арестантовъ будетъ тянуться болѣе полугода, такое отрезвленіе преступника отъ прежнихъ вліяній и вообще отъ прежней жизни представляется еще болѣе необходимымъ. Во время пересылки, въ теченіи болѣе полугода, приговоренный будетъ находиться въ самомъ разнообразномъ обществѣ преступниковъ, которое можетъ вліять на него только съ дурной стороны. Поступая въ каторжную тюрьму и оставаясь въ ней въ средѣ тѣхъ-же преступниковъ, приговоренный не отрѣшится и не можетъ отрѣшиться отъ товарищей и вліянія ихъ, которое будетъ испытывать ежедневно при совмѣстномъ заключеніи. Поэтому у насъ въ Россіи одиночное заключеніе представляется еще болѣе необходимымъ, чѣмъ въ западныхъ государствахъ, гдѣ оно принято. Кромѣ того одиночное заключеніе будетъ вполнѣ соотвѣтствовать взгляду на каторгу, какъ на самое тяжкое наказаніе, по строгости своей, непосредственно слѣдующее за смертною казною. Съ другой стороны, одиночное заключеніе даетъ управленію тюрьмы возможность ближе ознакомиться съ индивидуальными особенностями арестанта и его наклонностями, дабы затѣмъ успѣшнѣе вліять на него въ смыслѣ исправленія его.

Всѣ эти соображенія были приняты Коммиссіею при назначеніи одиночнаго заключенія для приговариваемыхъ къ содержанію въ исправительномъ домѣ. Въ виду сего представляется непонятнымъ, почему Коммиссія признала полезнымъ сохранить одиночное заключеніе въ исправительномъ домѣ и не признала полезнымъ сохранить одиночное заключеніе въ каторжныхъ тюрьмахъ, къ заключенію въ которыя будутъ приговариваемы лица «за самыя тяжкія преступленія, свидѣтельствующія о большой нравственной испорченности преступниковъ и о неумѣніи подчинять порывы своихъ страстей и наклонностей разсудку»? Опытъ западныхъ государствъ даетъ право съ увѣренностію сказать, что одиночное заключеніе для каторжныхъ должно дать благопріятный результатъ. И если въ прежнее время въ Западной Европѣ раздавались голоса противъ одиночнаго заключенія, то въ настоящее

время такіе голоса рѣдки, доказательствомъ чего можетъ служить стокгольмскій тюремный конгрессъ.

Обращаясь засимъ къ вопросу, какой срокъ одиночнаго заключенія долженъ быть опредѣленъ каторжнымъ, слѣдуетъ замѣтить, что срокъ этотъ вообще не долженъ быть великъ, не долженъ превышать одного года для всѣхъ арестантовъ, какъ срочныхъ, такъ и безсрочныхъ. Такимъ образомъ наибольшая тягость одиночнаго заключенія должна падать на приговоренныхъ къ каторгѣ на короткіе сроки. Но такое правило не будетъ несправедливымъ, ибо долгосрочнымъ и такъ предстоитъ продолжительное наказаніе, а краткосрочнымъ репрессія наказанія необходима. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ управленію тюрьмы предоставить право, по надлежащемъ удостовѣреніи объ опасности одиночнаго заключенія для здоровья арестанта, замѣнять его общимъ заключеніемъ съ тѣмъ, что, съ исчезновеніемъ причинъ перерыва, оно должно быть примѣнено дополнительно въ первую половину времени наказанія.

Одиночно заключенные должны работать въ своихъ камерахъ (*).

(*) Здѣсь, по мнѣнію г. Хрулева, будетъ умѣстно высказать нѣкоторыя соображенія и замѣчанія относительно мѣста постройки тюремъ и поселенія. Хотя эти замѣчанія и соображенія и не относятся непосредственно къ общей части уложенія, но они отчасти затронуты объяснительной запискою.

Такъ какъ поселеніе непремѣнно будетъ слѣдовать каторгѣ, то необходимо каторжныя тюрьмы строить именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣютъ быть поселенія, и вотъ почему: вообще всѣ каторжные, какъ отбывшіе свое наказаніе, такъ и отбывающіе установленные сроки (ст. 21 проекта) и за хорошее поведеніе получившіе право поселенія, не могутъ быть признаваемы лицами, нравственно переродившимися и недоступными для дурныхъ вліяній и примѣровъ. Напротивъ такіе преступники должны быть особенно оберегаемы и должны быть поставлены въ такія условія, при которыхъ дурное вліяніе и примѣры по возможности не имѣли-бы мѣста. Кромѣ того управленіе тюрьмы (предполагается, что директоръ и его помощники будутъ на высотѣ своихъ обязанностей) несомнѣнно будетъ имѣть вліяніе на каторжныхъ и нравственный авторитетъ въ глазахъ ихъ. Поэтому поселеніе освобождаемыхъ должно быть вблизи тюремъ, къ управленію которыхъ поселенцы могли-бы обращаться за своими неотложными нуждами и за совѣтомъ. Это, въ свою очередь, подниметъ управленіе тюрьмы въ глазахъ поселенцевъ, а слѣдовательно и арестантовъ, надѣющихся быть поселенцами, и дастъ возможность членамъ управленія тюрьмы имѣть вліяніе и на освобожденныхъ поселенцевъ. Кромѣ того ничто такъ не портитъ арестантовъ, какъ пересылка ихъ, во время которой они соприкасаются съ людьми, самыми испорченными и потому самыми авторитетными въ пересыльной партіи. Достаточно одного подобнаго путешествія въ продолженіи полугода изъ Россіи (если здѣсь будутъ устроены каторжныя тюрьмы) въ Сибирь, чтобы всѣ благіе результаты, достигнутые относительно нравственнаго исправленія преступника въ каторжной тюрьмѣ, исчезли, и на поселеніе явился-бы не раскаявшійся и готовый трудиться человѣкъ, а преступникъ, готовый къ совершенію новыхъ преступленій.

Всѣ эти соображенія относятся и къ женщинамъ, для которыхъ пересылка, по окончаніи срока содержанія въ исправительныхъ домахъ вмѣсто каторжныхъ тюремъ, въ нрав-

По поводу правила ст. 17, дозволяющей заключеннымъ въ исправительномъ домѣ общественныя работы внѣ помѣщенія только подъ условіемъ работы отдѣльно отъ свободныхъ рабочихъ, Прокуроръ Орловскаго Окружнаго Суда Хрулевъ полагаетъ, что, если признается необходимымъ установить такое правило для арестантовъ исправительнаго дома, то тѣмъ болѣе необходимо соблюдать его и въ отношенія каторжныхъ. Каторжные должны быть отдѣлены отъ соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ болѣе, чѣмъ другаго рода арестанты, по соображеніямъ весьма понятнымъ.

Такимъ образомъ, если принять означенныя соображенія, 14 статья проекта должна получить слѣдующую редакцію:

«Каторга назначается или безсрочно, или на срокъ отъ пяти до пятнадцати лѣтъ, а въ случаѣ, статьею 56 указанномъ, до двадцати лѣтъ».

«Приговоренные содержатся въ каторжныхъ тюрьмахъ: первый годъ—въ одиночномъ заключеніи, а по истеченіи года—въ общемъ заключеніи, но съ разобщеніемъ на ночь. Одиночное заключеніе можетъ быть замѣнено общимъ, если управленіе тюрьмою признаетъ его опаснымъ для здоровья заключеннаго. Если одиночное заключеніе не было примѣнено или было прервано, то, съ исчезновеніемъ причинъ перерыва, оно отбывается въ теченіи первой половины срока наказанія арестанта, но, во всякомъ случаѣ, не позже пяти лѣтъ со дня заключенія арестанта въ тюрьму».

«Приговоренные употребляются на тяжкія работы какъ внутри помѣщенія, такъ и внѣ онаго, но, во всякомъ случаѣ, отдѣльно отъ свободныхъ рабочихъ. Лица женскаго пола отбываютъ каторгу въ особыхъ отдѣленіяхъ. По отбытіи каторги, преступники поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ».

Въ тѣхъ видахъ, чтобы постепенно ввести присужденнаго къ каторгѣ въ условія жизни и дисциплины того мѣста заключенія, въ которое онъ поступитъ; чтобы дать возможность администраціи нѣсколько ознакомиться съ личными особенностями заключеннаго и хотя отчасти дисциплинировать, обыкновенно, грубую и буйную натуру такихъ преступниковъ,—Одесскій Окружный Судъ считаетъ цѣлесообразнымъ установить одиночное заключеніе

ственномъ отношеніи будетъ еще гибельнѣе. Поэтому, въ видахъ болѣе цѣлесообразнаго достиженія результатовъ исправленія преступниковъ, къ которому слѣдуетъ стремиться, необходимо устроить особую тюрьму для женщинъ въ той мѣстности Сибири, гдѣ будутъ устраиваемы каторжныя тюрьмы. Тогда женщина, по выходѣ изъ тюрьмы, непосредственно перейдетъ на поселеніе и оснуетъ семью, которая будетъ имѣть болѣе шансовъ на существованіе, чѣмъ послѣ полугодоваго скитанія женщины съ партіею преступниковъ.

и для каторжныхъ тюремъ, съ тѣмъ, чтобы оно отбывалось осужденными лишь первые мѣсяцы заключенія въ теченіи времени, пропорціональнаго всему сроку заключенія, считая одинъ мѣсяцъ одиночнаго заключенія за одинъ годъ каторги. Такимъ образомъ, осужденный на шесть лѣтъ каторги содержится въ одиночномъ заключеніи въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ. Приэтомъ одиночное заключеніе, конечно, прекращается, если оно будетъ признано администраціею вреднымъ для здоровья заключеннаго. Работы, на которыя будутъ употребляемы присужденные къ каторгѣ, должны быть непремѣнно производительными и это слѣдовало-бы оговорить въ самомъ текстѣ ст. 14 уложенія. Съ цѣлью дать отбывшему каторгу возможность имѣть въ своемъ распоряженіи хотя незначительныя средства для существованія, по крайней мѣрѣ на первое время по выходѣ изъ каторжной тюрьмы, пока освобожденный сколько-нибудь освоится съ новыми условіями жизни и получитъ возможность жить собственнымъ трудомъ, Окружный Судъ считаетъ необходимымъ постановить, чтобы хотя $\frac{1}{8}$ часть чистой прибыли отъ работъ обращалась въ пользу этихъ заключенныхъ. Такъ-какъ женщины будутъ, по проекту, отбывать каторгу въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ, то, во избѣжаніе недоразумѣній въ томъ, что и женщины, отбывшія это наказаніе, подлежатъ поселенію, Окружный Судъ считаетъ умѣстнымъ точнѣе редактировать послѣдній отдѣлъ 14 статьи проекта, добавивъ здѣсь къ слову: «преступники» слова: «обоего пола».

Старшій Предсѣдатель Казанской Судебной Палаты Окуловъ и Членъ Палаты Траубенбергъ обращаютъ вниманіе на то обстоятельство, что въ статьѣ 14 указано, что каторжники разобщаются только на ночь; въ статьѣ же 17-й значится, что содержащіеся въ исправительныхъ домахъ разобщаются и на время, свободное отъ работъ. Такъ какъ разобщеніе представляется отягощеніемъ заключенія, то не понятно, почему для каторжниковъ это разобщеніе не примѣняется въ часы, свободные отъ работъ, тогда какъ для преступниковъ меньшей важности оно признается необходимымъ.

Товарищъ Предсѣдателя Казанскаго Окружнаго Суда Пашковскій находитъ, что разобщеніе каторжниковъ на ночь, какъ мѣра вызываемая, полагать надо, исключительно стремленіемъ къ охраненію ихъ нравовъ, представляется по отношенію къ симъ лицамъ, удаленнымъ изъ общества, если не навсегда, то во всякомъ случаѣ на весьма продолжительное время, только излишне отягчающею ихъ участь.

По поводу 14 статьи проекта въ собраніи чиновъ прокуратуры Кіевскаго округа послѣдовало два замѣчанія. Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, что слова втораго пункта статьи: «приговоренные содержатся въ каторжныхъ тюрьмахъ въ общемъ заключеніи, но съ разобщеніемъ на ночь; они употребляются на тяжкія работы, какъ внутри помѣщенія, такъ и внѣ онаго», въ уложеніи о наказаніяхъ представляются совершенно неумѣстными на томъ основаніи, что, заключая въ себѣ опредѣленія условій и порядка содержанія въ каторжныхъ тюрьмахъ, они должны-бы войти въ особый законъ объ устройствѣ каторги и ссылки—законъ, который, по предположенію самой Коммисіи, будетъ ею представленъ въ Государственный Совѣтъ одновременно съ проектомъ уложенія. Кромѣ того включеніе вышеприведенныхъ словъ въ уложеніе представляется и безцѣльнымъ какъ потому, что слова эти далеко не даютъ яснаго и вѣрнаго понятія о будущемъ устройствѣ каторжныхъ тюремъ, такъ и потому, что судъ не имѣетъ права опредѣлять въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ условія содержанія осужденнаго въ каторгѣ.

Второе замѣчаніе заключается въ томъ, что лица женскаго пола должны отбывать каторгу въ особыхъ отдѣленіяхъ не при исправительныхъ домахъ, а при каторжныхъ тюрьмахъ. Мотивами къ такому заключенію служатъ: во первыхъ, представляющаяся возможность согласовать каторжныя работы съ физическими силами преступницы и пріурочить эти работы къ женскому труду, и во вторыхъ, отсутствіе основаній къ предоставленію лицамъ женскаго пола особой льготы передъ каторжниками—мужчинами, заключающейся въ томъ, что, при отбытіи каторги при исправительныхъ домахъ, онѣ на болѣе или менѣе продолжительное время избѣжали-бы отчужденія отъ родины или мѣста жительства, такъ какъ исправительные дома, устроенные несравненно въ большемъ количествѣ, чѣмъ каторжныя тюрьмы, будутъ конечно ближе послѣднихъ къ мѣсту родины или жительства осужденной.

Прокуроръ Кашинскаго Окружнаго Суда Безе останавливается на томъ обстоятельствѣ, что проектъ, при опредѣленіи порядка содержанія въ каторжныхъ тюрьмахъ, между прочимъ, устанавливаетъ, что «лица женскаго пола отбываютъ каторгу въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ»; но онъ не указываетъ, чѣмъ должно разниться наказаніе для женщинъ, приговоренныхъ къ каторгѣ и содержащихся въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ, отъ наказанія для женщинъ, приговоренныхъ, по 5 п. 2 ст., къ исправительному дому. Подобное умолчаніе проекта даетъ право заключить, что каторга, какъ наказаніе въ тягчайшей своей формѣ, не примѣнима къ женщинамъ, и послѣднія во всякомъ случаѣ, подвергаясь стро-

жайшему наказанію—каторгѣ, будутъ пользоваться ничѣмъ неоправдываемою льготою содержаться при исправительныхъ домахъ, гдѣ режимъ не настолько строгъ, какъ въ каторжныхъ тюрьмахъ. При проведеніи принципа изъятія каторги для женщинъ слѣдовало-бы болѣе подробно установить точный порядокъ содержанія ихъ въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ, а то умолчаніе по этому поводу можетъ повлечь за собой равномѣрность наказаній для женщинъ, приговоренныхъ къ каторгѣ и къ содержанію въ исправительныхъ домахъ.

По поводу ст. 14 Прокуроръ Харьковской Судебной Палаты Закревскій, ссылаясь на приведенное подъ главою III общее его замѣчаніе, находитъ вовсе нежелательнымъ, чтобы въ уголовномъ уложеніи упоминалось объ «исправительныхъ домахъ», которые будутъ существовать только на бумагѣ. Если предположенное правило войдетъ въ дѣйствіе, то женщины будутъ отбывать каторгу въ обыкновенныхъ тюрьмахъ, замѣняющихъ несуществующіе исправительные дома, и, притомъ, не подвергаясь одиночному заключенію. Лица женскаго пола должны-бы отбывать наказаніе или въ особыхъ каторжныхъ тюрьмахъ, или въ особыхъ отдѣленіяхъ каторжной тюрьмы, и всего основательнѣе, кажется, не упоминать вовсе въ ст. 14 о женщинахъ, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что онѣ не будутъ содержаться въ общемъ заключеніи съ мужчинами, и предоставить размѣщеніе ихъ Главному Тюремному Управленію.

Далѣе и каторжникамъ слѣдовало-бы предоставить извѣстную долю чистаго дохода отъ ихъ труда, чтобы придать каторжному труду болѣе производительности. Слѣдовало-бы ввести въ настоящую статью слѣдующее правило:

«одна четвертая часть чистаго дохода отъ работы приговореннаго обращается въ его пользу.»

По поводу правила 14 ст. о содержаніи присужденныхъ къ каторгѣ лицъ женскаго пола въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ, Сенаторъ А. К. Фриде указываетъ, что въ мотивахъ къ этой статьѣ Редакціонная Коммисія говоритъ, что она этимъ правиломъ «исправила упущеніе» Коммисіи при Государственномъ Совѣтѣ, которая, въ разсужденіяхъ своихъ о «ссылкѣ въ каторгу», *о женщинахъ* не упоминаетъ. Но врядъ-ли это замѣчаніе Редакціонной Коммисіи справедливо и едва-ли имъ оправдывается прибавленіе къ ст. 14 того, что прописано выше сего. При существованіи

дѣленія каторги: на каторгу въ рудникахъ, въ крѣпостяхъ и на заводахъ, женщины, по нынѣ дѣйствующему закону, не приговаривались никогда ни къ работамъ въ рудникахъ, ни къ работамъ въ крѣпостяхъ, а единственный, существующій для нихъ, видъ каторжныхъ работъ заключается въ работахъ на заводахъ. Къ этимъ работамъ однако приговариваются и мужчины, не подлежащіе каторгѣ первыхъ двухъ степеней. При этомъ, по существующему порядку, на заводахъ женщинъ отъ мужчинъ надлежитъ, по крайней мѣрѣ, содержать *отдѣльно*. Если-же въ заведеніяхъ третьей степени нынѣ существующихъ каторжныхъ работъ содержатся *и мужчины, и женщины*, то нѣтъ основанія, почему и въ новыхъ, предположенныхъ къ устройству каторжныхъ тюрьмахъ, кромѣ отдѣленія для мужчинъ, не могли-бы быть устроены и отдѣленія для женщинъ, съ сравнительно болѣе легкими работами, на основаніи особой инструкціи. При установленіи правила, предположеннаго Редакціонною Коммисіею: 1) *собственно говоря* каторги для женщинъ не существуетъ; 2) на практикѣ могутъ произойти значительныя затрудненія въ виду того, что въ одномъ и томъ-же мѣстѣ заключенія будутъ содержимы и *мужчины*, приговоренные къ заключенію въ *исправительный домъ*, и женщины, приговоренныя *какъ къ каторгѣ*, такъ и къ *исправительному дому;* 3) установленіе градаціи въ работахъ для каторжницъ и для другихъ арестантовъ *исправительнаго дома*, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ нерѣдко сопряжено съ весьма важными затрудненіями, и, главнымъ образомъ, 4) *послѣдствія* отбытія въ мѣстной исправительной тюрьмѣ наказанія каторжницами, выражающіяся въ ссылкѣ въ Восточную Сибирь на вѣчное поселеніе, породятъ также не мало затрудненій, ибо, съ одной стороны, мѣстное сибирское начальство, могущее всегда ожидать присылки къ нему, для поселенія, женщинъ, приговоренныхъ къ каторжной работѣ, изо всѣхъ исправительныхъ домовъ всей Россіи, можетъ встрѣтить важное затрудненіе въ размѣщеніи ихъ, а съ другой стороны, и самая пересылка такихъ женщинъ, которыя уже отбыли наказаніе каторжныхъ работъ, смотря по времени года и по способу препровожденія ихъ, будетъ для нихъ *новымъ* наказаніемъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, ссылка въ Сибирь на поселеніе, черезъ десять лѣтъ каторжныхъ работъ *въ исправительномъ домѣ*, покажется мѣрою *болѣе тяжкою*, чѣмъ препровожденіе преступницъ, *разъ на всегда*, немедленно послѣ приговора, въ Сибирь для отбытія сначала каторжныхъ работъ, а засимъ для поселенія въ томъ же самомъ мѣстѣ. Всѣ эти соображенія приводятъ А. К. Фриде къ заключенію, что данное правило ст. 14 проекта лучше было-бы опустить, предоставивъ затѣмъ вопросъ о *смягченіи* работъ въ каторжныхъ тюрьмахъ для женщинъ регламентаціи тюремнаго закона.

Московская Судебная Палата останавливается на томъ обстоятельствѣ, что ст. 14, по вопросу объ отбываніи наказанія на каторгѣ, установляетъ различіе ея для лицъ мужскаго пола и женскаго, причемъ приговоренные къ каторгѣ—мужчины содержатся въ каторжныхъ тюрьмахъ, тогда какъ женщины отбываютъ каторгу въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ. Спрашивается: почему-же женщины, приговоренныя къ каторгѣ, не могутъ отбывать таковую при тѣхъ-же каторжныхъ тюрьмахъ, но лишь въ особыхъ отдѣленіяхъ? Вообще-же говоря, вопросъ этотъ, не болѣе какъ вопросъ удобства и, какъ таковой, врядъ-ли можетъ имѣть какое-либо особенное значеніе, благодаря которому видоизмѣнялось-бы самое наказаніе каторги въ отношеніи женщинъ. Поэтому представляется болѣе цѣлесообразнымъ исключить изъ текста ст. 14 слова: «при исправительныхъ домахъ», и замѣнить ихъ словами: «при каторжныхъ тюрьмахъ» или «при сихъ помѣщеніяхъ».

По поводу правила, изложеннаго во 2 п. ст. 14 проекта, Членъ Стародубскаго Окружнаго Суда Борщовъ находитъ, что заключеніе женщинъ, приговоренныхъ къ каторгѣ, при исправительныхъ домахъ на опредѣленные сроки, не достигаетъ цѣли уголовной кары за важнѣйшія преступленія, а между тѣмъ можетъ деморализирующимъ образомъ дѣйствовать на остальныхъ заключенныхъ въ тѣхъ-же исправительныхъ домахъ, хотя бы и было устроено особое отдѣленіе. Поэтому цѣлесообразнѣе подвергать и женщинъ заключенію въ тюрьмы, устроенныя для каторжныхъ—конечно, въ совершенно отдѣльныхъ отъ устроенныхъ для мущинъ зданіяхъ и съ нѣкоторыми облегченіями соотвѣтственно полу заключенныхъ; разрѣшеніе вопроса о порядкѣ заключенія принадлежитъ всецѣло вѣдающимъ тюремное дѣло, по которому, само собою разумѣется, будетъ сдѣлано полное преобразованіе еще до введенія новаго уложенія въ дѣйствіе.

При обсужденіи 14 ст. двое изъ членовъ совѣщанія чиновъ Варшавской прокуратуры заявили, что постановленіе ея о томъ, что лица женскаго пола отбываютъ каторгу въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ, представляется несправедливымъ по отношенію къ лицамъ, приговариваемымъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ, и трудно осуществимымъ на практикѣ, такъ-какъ при каждомъ исправительномъ домѣ придется устраивать особое отдѣленіе для весьма незначительнаго числа обитательницъ и подчинить его особому режиму, имѣющему быть установленнымъ для каторж-

ныхъ тюремъ; если-же подобный режимъ не будетъ установленъ или, съ теченіемъ времени, ослабнетъ, или уравняется съ тѣмъ, который будетъ существовать въ исправительныхъ домахъ, то на практикѣ произойдетъ то-же самое, что въ настоящее время наблюдается въ нашихъ тюрьмахъ по отношенію къ лицамъ, содержимымъ въ нихъ взамѣнъ исправительныхъ отдѣленій и рабочихъ домовъ, т. е. между наказаніемъ каторгою и исправительнымъ домомъ для женщинъ не только не будетъ никакой разницы, но второе, въ томъ случаѣ, если оно будетъ назначено на болѣе продолжительный срокъ, будетъ даже тяжелѣе перваго. Большинство совѣщанія однако не согласилось съ этимъ заключеніемъ и полагало разбираемое постановленіе 14 ст. проекта оставить безъ измѣненія.

При обсужденіи въ образованной изъ состава Варшавской Судебной Палаты особой Коммисіи заключающихся въ ст. 14 постановленій о каторгѣ, Членъ Коммисіи Кочубей полагалъ несправедливымъ, чтобы лица женскаго пола отбывали каторгу въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ, а потому высказался за исключеніе изъ ст. 14 словъ: «при исправительныхъ домахъ», не находя въ проектѣ указаній на основанія, послужившія къ такому постановленію, нарушающему справедливость и неоправдываемому никакими мотивами, заслуживающими серіознаго вниманія.

Къ изложенному мнѣнію присоединились и прочіе Члены Коммисіи, находя, что лица женскаго пола могутъ отбывать каторгу хотя и въ особыхъ отдѣленіяхъ, но въ тѣхъ-же самыхъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ содержатся приговоренные къ каторгѣ мужчины.

При обсужденіи ст. 14, Коммисія снова остановилась (см. замѣчаніе подъ 13 ст.) на вопросѣ о раздѣленіи каторги на два вида—безсрочную и на срокъ и высказалась за оставленіе въ уголовномъ уложеніи того дѣленія видовъ каторги, которое изложено въ ст. 14 проекта уложенія.

Чины Уманскаго Окружнаго Суда высказываютъ слѣдующее замѣчаніе: поселеніе, какъ самостоятельное наказаніе, судя по мотивамъ къ проекту уложенія, предположено назначать лишь за преступныя дѣянія, не изобличающія привычки къ праздности и порочному образу жизни. То же правило предполагается соблюдать и при назначеніи заточенія. Такимъ образомъ контингентъ лицъ, присуждаемыхъ непосредственно къ поселенію и переходящихъ на поселеніе по отбытіи заточенія, будетъ достаточно однороденъ. И тѣмъ и другимъ путемъ, на поселеніе будутъ попадать люди, не отличающіеся особою испорченностью или безнравственностью.

Того-же самаго нельзя однако сказать о лицахъ, имѣющихъ переходить на поселеніе по отбытіи каторги. Поселенцы этой категоріи несомнѣнно будутъ отличаться тѣми особенностями, которыя указаны въ журналѣ Коммисіи Государственнаго Совѣта (№ 1, стр. 2), а потому всякое смѣшеніе ихъ съ поселенцами первыхъ двухъ категорій не можетъ быть желательнымъ.

Въ проектѣ уложенія не указано однако никакой между ними разницы и проектъ этотъ о всѣхъ трехъ категоріяхъ выражается вполнѣ тождественно.

Правда, что изъ объяснительной записки къ проекту можно заключить, что желаемая разница будетъ установлена въ законѣ объ устройствѣ мѣстъ заключенія, но на разницу эту желательно-бы было сдѣлать указаніе и въ самомъ текстѣ уложенія, прибавивъ напр. къ концу 14 ст. слова: «особо отъ поселенцевъ другихъ категорій».

Отдавая полную справедливость установленнымъ ст. 14 и 17 проекта различнымъ родамъ наказанія, чины прокуратуры Воронежскаго Окружнаго Суда признаютъ, что они стоятъ на высотѣ требованій современной науки и, по всей вѣроятности, наилучшимъ образомъ поведутъ къ достиженію цѣлей уголовнаго наказанія, но тѣмъ не менѣе соображенія чисто практическія заставляютъ ихъ сдѣлать слѣдующія возраженія противъ принятыхъ проектомъ положеній.

Прежде всего, при тщательномъ изученіи ст. 14 и 17 проекта и сопоставленіи изложенныхъ въ этихъ статьяхъ видовъ наказанія другъ съ другомъ, бросается въ глаза большое сходство или даже тождество каторги и исправительнаго дома, которые разнятся лишь по сопровождающимъ ихъ дополнительнымъ наказаніямъ, и то не въ значительной мѣрѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ каторгѣ, такъ и въ исправительномъ домѣ, заключенные содержатся въ общемъ помѣщеніи съ разобщеніемъ на ночь и употребляются на работы, которыя для каторжныхъ названы тяжкими, но это различіе на практикѣ не будетъ имѣть никакого значенія, такъ какъ большинство лицъ, присуждаемыхъ къ исправительнымъ заведеніямъ, будетъ изъ крестьянъ, которые знакомы только съ работами тяжкими и могутъ быть употребляемы только на эти работы.

Неполученіе каторжнымъ той трети заработанныхъ денегъ, которую получаютъ заключенные въ исправительный домъ, большой разницы между ними не устанавливаетъ и во всякомъ случаѣ съ избыткомъ искупается полугодовымъ одиночнымъ заключеніемъ, отбываемымъ приговоренными къ исправительному дому и не установленнымъ для каторжныхъ.

На близость этихъ двухъ видовъ наказанія указываетъ и самъ проектъ, допуская отбываніе каторги женщинами при исправительныхъ домахъ и назначая, въ случаяхъ особой важности (ст. 56 проекта), исправительный домъ въ размѣрахъ, значительно превышающихъ небольшіе сроки каторги.

Эти данныя съ одной стороны, а съ другой—соображенія о томъ, что осуществленіе новой системы наказаній повлечетъ за собою громадныя затраты на приспособленіе старыхъ и устройство новыхъ мѣстъ заключенія, что громадность этихъ затратъ заставляетъ опасаться, чтобы, подобно нынѣ существующему порядку, нѣкоторыя изъ мѣстъ заключенія не остались существующими лишь на бумагѣ, а на дѣлѣ будутъ замѣняться другими и что при сокращеніи видовъ наказаній, хотя-бы и на одинъ, значительно облегчится дѣло введенія новой системы наказаній въ дѣйствіе,—приводятъ къ тому практическому выводу, что каторгу надлежитъ слить съ исправительнымъ домомъ, превративъ ее въ долгосрочное содержаніе въ послѣднемъ.

Примѣръ такого порядка имѣется въ германскомъ и нидерландскомъ законодательствахъ, которыя каторги не знаютъ и замѣняютъ ее долгосрочнымъ содержаніемъ: первое—въ Zuchthaus, а второе—въ тюрьмѣ.

Возраженія о томъ, что, при сліяніи этихъ двухъ видовъ наказанія, преступники разной важности будутъ содержаться вмѣстѣ и при одинаково строгомъ режимѣ для тѣхъ и другихъ, сами собою устраняются съ раздѣленіемъ исправительныхъ домовъ на два разряда: для долгосрочныхъ и для краткосрочныхъ преступниковъ. Тогда, для первыхъ изъ нихъ можно будетъ ввести и болѣе строгій режимъ, чѣмъ для вторыхъ.

Такое дѣленіе исправительныхъ домовъ требуется и тою системою, которая принята проектомъ. Согласно проекту, въ исправительный домъ помѣщаются преступники, такъ сказать, обыкновенные, на срокъ отъ 1 года до 6 лѣтъ и преступники, обратившіе преступленіе въ ремесло и привычку (ст. 56 проекта), на срокъ отъ 6 до 10 лѣтъ.

Несомнѣнно, что преступники этой послѣдней категоріи, по своей нравственной испорченности, не могутъ быть приравнены къ тѣмъ обыкновеннымъ преступникамъ, которые за единичное преступное дѣяніе попали въ исправительный домъ или даже на короткій срокъ въ каторгу. Совмѣстное содержаніе этихъ преступниковъ съ менѣе порочными нравственно нельзя допустить уже въ видахъ возможности вреднаго воздѣйствія со стороны первыхъ на послѣднихъ. При этомъ не можетъ быть оставлена безъ вниманія и продолжительность срока заключенія. Нѣтъ сомнѣнія, что осужденные къ заключенію на срокъ свыше 6 лѣтъ могутъ быть, въ теченіи этого времени, обучены различнымъ ремесламъ, могутъ быть пріучены къ труду и отвык-

нутъ отъ праздности. Мѣры исправленія этихъ преступниковъ должны существенно разниться отъ тѣхъ, которыя могутъ быть употреблены по отношенію къ заключаемымъ на короткіе сроки. Эти соображенія приводятъ къ тому, что вышеуказанное раздѣленіе исправительныхъ домовъ необходимо и при той организаціи ихъ, которая предположена проектомъ.

Наконецъ сліяніе этихъ двухъ видовъ наказанія сдѣлаетъ излишнимъ терминъ: «каторга», который, въ силу сложившагося историческимъ путемъ воззрѣнія народа, заключаетъ въ себѣ понятіе о неисправимости, политической смерти преступника и о полномъ исключеніи его изъ человѣческаго общества. Къ этому роду наказанія общество питаетъ глубокое отвращеніе и ужасъ, а осужденные къ нему, видя въ немъ нѣчто окончательное и безповоротное, теряютъ всякую энергію и перестаютъ заботиться о своемъ нравственномъ исправленіи.

Такъ какъ исправительный домъ назначается отъ 1 года до 6 лѣтъ, а каторга—начиная съ 5 лѣтъ, то сліяніе этихъ двухъ видовъ наказанія не представляетъ особыхъ затрудненій: стоитъ лишь или уменьшить максимумъ исправительнаго дома до 5 лѣтъ, или увеличить минимумъ каторги до 6 лѣтъ; но дѣло осложняется нѣсколько назначеніемъ исправительнаго дома на срокъ отъ 6 до 10 лѣтъ за преступныя дѣянія, обращенныя преступникомъ въ ремесло или привычку. Выше было замѣчено, что преступники этой категоріи и важнѣе, и труднѣе исправляются, чѣмъ преступники, приговоренные за единичное преступное дѣяніе къ небольшимъ срокамъ каторги, такъ что присоединеніе ихъ къ разряду заключенныхъ на долгій срокъ въ исправительный домъ съ послѣдствіями по 25 или 27 ст. проекта, взамѣнъ каторги, является не только возможнымъ, но и въ высшей степени справедливымъ и желательнымъ.

Въ силу изложеннаго ст. 14 должна быть исключена изъ проекта, а ст. 17 исправлена соотвѣтственно изложенному.

Товарищъ Предсѣдателя Плоцкаго Окружнаго Суда Павловскій замѣчаетъ, что въ проектѣ объединяется и упрощается существующая до сихъ поръ система каторжныхъ работъ, которыя, по уложеніямъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 и 1866 гг., подраздѣлялись на каторжныя работы въ рудникахъ, въ крѣпостяхъ и на заводахъ. До сихъ поръ строгость каторги обусловливается родомъ тяжкихъ работъ и мѣстомъ ихъ отбыванія. Какъ ни желательны во всякихъ кодификаціонныхъ работахъ всевозможныя объединенія и упрощенія, но въ данномъ случаѣ едва-ли можно ожидать существенной пользы отъ этого измѣненія существующей системы. По пра-

виламъ дѣйствующаго уложенія, всякому влекущему за собою каторжную работу преступленію противоставлялся соотвѣтствующій родъ сихъ работъ, какъ должное возмездіе; по проекту-же, возмездіе это сведено лишь къ одному виду—къ заключенію въ каторжной тюрьмѣ, сопровождаемому тяжкими работами.

На этомъ основаніи, по проекту Редакціонной Коммисіи, одинаковымъ лишеніямъ и работамъ будутъ подвергаемы: отцеубійца, убійца-рецидивистъ, разбойникъ, грабитель, поджигатель и изобличенный въ противозаконныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 176, 184, 200, 201, 202, 210, 212, 245, 246, 248, 250, 251, 252, 259, 263, 265, 268, 270, 291, 295 и 1455 уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, и будутъ поставлены на одинъ уровень: закаленный въ преступленіяхъ злодѣй и увлеченный религіознымъ фанатизмомъ сектантъ, или лицо, подъ вліяніемъ аффекта убившее въ запальчивости своего оскорбителя.

Въ виду столь большаго разнообразія преступленій, влекущихъ за собою каторгу, изъ которыхъ одни доказываютъ большую, другіе меньшую степень нравственной испорченности и вредности обществу, казалось-бы гораздо соотвѣтственнѣе и справедливѣе пожертвовать единствомъ новой системы и возстановить прежнюю тройную систему каторжныхъ работъ въ рудникахъ, крѣпостяхъ и на заводахъ.

По мнѣнію чиновъ Казанской Судебной Палаты, вторая часть ст. 14 должна быть вынесена изъ уложенія въ уставъ о содержащихся подъ стражею.

Это-же замѣчаніе относится и къ послѣдующимъ статьямъ проекта: 15, 17, 18, 19, 21 и 28.

Относительно 14 ст. сдѣланы были въ совѣщаніи чиновъ Смоленскаго Окружнаго Суда слѣдующія два замѣчанія: 1) было-бы желательно, чтобы безсрочныя каторжныя работы назначались лишь за такія тяжкія преступленія, которыя, по важности своей, по своему политическому или общественному значенію, должны были-бы караться смертною казнію, 2) способъ отбыванія каторжныхъ работъ долженъ быть строго регламентированъ, дабы наказаніе это, тяжелое по своему назначенію, было-бы таковымъ, безъ всякихъ исключеній, и на практикѣ.

Чины Московской прокуратуры предлагаютъ слѣдующую редакцію: ст. 14: «Каторга назначается или безсрочно, или на срокъ отъ 5 до 15 лѣтъ, а въ случаѣ, ст. 56 указанномъ, до 20 лѣтъ.

Приговоренные содержатся въ общемъ заключеніи, но съ разобщеніемъ на ночь, и употребляются на тяжкія работы, какъ внутри помѣщенія, такъ и внѣ онаго. Лица мужескаго пола отбываютъ каторгу въ каторжныхъ тюрьмахъ, а лица женскаго пола въ особыхъ отдѣленіяхъ при исправительныхъ домахъ.

По отбытіи каторги, преступники поселяются въ отведенныхъ для нихъ мѣстностяхъ.

Безсрочная каторга, по истеченіи 15 лѣтъ, можетъ быть, по распоряженію Главнаго Тюремнаго Управленія, замѣнена для осужденныхъ поселеніемъ въ назначенныхъ мѣстностяхъ, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ уставахъ о ссыльныхъ».

При такомъ изложеніи ст. 14, названными чинами признано полезнымъ измѣнить 2 часть, въ цѣляхъ лучшаго выясненія вопроса, въ чемъ именно должно заключаться отбытіе каторги для лицъ женскаго пола: въ томъ-ли, какъ и для мужчинъ, или-же просто въ помѣщеніи ихъ на опредѣленный срокъ въ исправительный домъ, съ подчиненіемъ затѣмъ и всѣмъ правиламъ, установленнымъ для послѣдняго, т. е. 6 мѣсячному одиночному заключенію, работамъ, хотя и обязательнымъ, но не подходящимъ, по роду своему, къ тяжкимъ, и проч. При предполагаемомъ измѣненіи редакціи статьи, какъ-бы яснѣе выражается та мысль, что условія содержанія въ каторгѣ для лицъ обоего пола одинаковы, но измѣняется одно лишь мѣсто отбытія наказанія. Само собою однако разумѣется, что женщины не будутъ употребляться на тѣ-же самыя работы, какъ и мужчины, по невозможности уже самаго исполненія таковыхъ; для нихъ тяжкими работами должны быть признаны наиболѣе тяжелыя женскія работы и притомъ такія, исполненіе коихъ не возлагается на содержащихся съ ними одновременно въ исправительномъ домѣ другихъ преступницъ.

Замѣна въ 3 пунктѣ статьи выраженія: «для того» словами: «для нихъ», представляется необходимою въ тѣхъ соображеніяхъ, что первое, поставленное послѣ слова: «поселяются», указываетъ какъ-бы на то, что освобожденные изъ каторги водворяются на мѣстахъ, отведенныхъ вообще для поселенія, т. е. общихъ и для освобожденныхъ изъ заточенія и для тѣхъ лицъ, которыя будутъ приговорены къ наказанію по ст. 16, поселенцевъ въ тѣсномъ смыслѣ слова; между тѣмъ, сама Редакціонная Коммисія смѣшенія отбывшихъ наказаніе въ каторгѣ, вышедшихъ изъ заточенія и поселенцевъ не допускаетъ, а предполагаетъ, что для каждой изъ перечисленныхъ группъ осужденныхъ будетъ назначена особая мѣстность, да такое смѣшеніе въ отношеніи мѣста поселенія было-бы нежелательнымъ и крайне несправедли-

вымъ, въ виду характера и различія преступленій, караемыхъ каторгою, заточеніемъ и поселеніемъ.

Ст. 14 слѣдуетъ, по мнѣнію Люблинскаго Окружнаго Суда, исправить замѣною въ ч. 1 слова «безсрочно» словами «безъ срока» (сравн. ред. ст. 16), исключивъ оговорку относительно лицъ женскаго пола, которая ничѣмъ не оправдывается, а въ ч. 2 слово въ «общемъ» (заключеніи) замѣнивъ словомъ «совмѣстномъ». Тоже въ ст. 15 и въ ч. 2 ст. 17.

См. также приведенное подъ ст. 13 замѣчаніе чиновъ Сарапульской прокуратуры.

Статья 15.

Заточеніе назначается на срокъ отъ двухъ недѣль до десяти лѣтъ и отбывается или въ крѣпостяхъ, или въ устроенныхъ для заточенія помѣщеніяхъ.

Приговоренные содержатся въ общемъ заключеніи, но съ разобщеніемъ на ночь.

Приговоренные на срокъ не свыше шести лѣтъ занимаются въ самомъ помѣщеніи работами по ихъ выбору; чистый доходъ отъ работъ обращается въ ихъ пользу. Приговоренные на срокъ свыше шести лѣтъ занимаются въ самомъ помѣщеніи работами по назначенію управленія; двѣ трети чистаго дохода отъ работъ обращаются въ ихъ пользу.

Приговоренные на срокъ свыше шести лѣтъ, по отбытіи заточенія, поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ.

О наказаніи заточеніемъ, стоящемъ въ проектѣ параллельно съ каторгою, исправительнымъ домомъ и тюрьмою, профессоръ Вальбергъ замѣчаетъ, что логически слѣдовало-бы эти наказанія назначать въ уложеніи вмѣстѣ, предоставляя ихъ на выборъ суду, для того, чтобы непозорящее, по своему принципу, заточеніе было примѣняемо лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ дѣянія нельзя заключить о безчестности дѣятеля. Но всѣ-ли судьи будутъ считать, что заточенію присущъ тотъ характеръ, который должна имѣть custodia honesta, и ясно-ли выраженъ въ проектѣ этотъ именно характеръ заточенія?

На этотъ вопросъ должно отвѣтить отрицательно. Если за непозорящее дѣяніе, которое виновный учинилъ въ порывѣ аффекта, и до учиненія котораго онъ велъ безукоризненную жизнь, будетъ назначено наказаніе, соединенное съ тяжкими послѣдствіями для чести приговореннаго и даже для правъ его состоянія (ст. 25 проекта), то можно будетъ сказать, что создано новое названіе съ призракомъ непозорящаго наказанія, но не новое, непозорящее наказаніе.

Если проектъ полагаетъ центръ тяжести главнымъ образомъ въ различіи преступныхъ дѣяній позорящихъ и непозорящихъ, то слѣдовало-бы различать два вида тяжкаго лишенія свободы: одинъ—для позорящихъ дѣяній, другой—для непозорящихъ; причемъ, при опредѣленіи послѣдняго, должны быть тщательно отброшены всѣ признаки позора и безчестія, дабы общественное мнѣніе понимало установленное закономъ различіе.

Несомнѣнно, что никто не долженъ претерпѣвать, благодаря своему состоянію, своему прежнему общественному положенію и своей прежней жизни, меньшее, болѣе легкое страданіе отъ наказанія, сравнительно съ другимъ преступникомъ, учинившимъ такое-же преступленіе. Но не менѣе того несомнѣнно, что никто не долженъ претерпѣвать, благодаря тѣмъ-же обстоятельствамъ, болѣе тяжкое страданіе отъ наказанія, чѣмъ другой такой-же преступникъ. Начало равенства всѣхъ и каждаго предъ уголовнымъ закономъ требуетъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда, благодаря индивидуальности виновнаго и учиненнаго имъ преступнаго дѣянія, одинаковое, съ внѣшней стороны, наказаніе причиняетъ этому виновному не одинаково тяжкое страданіе, сравнительно съ другимъ виновнымъ,—это несправедливое неравенство должно быть изглажено примѣненіемъ другаго наказанія, замѣщающаго первое (durch eine Surrogatstrafe). Этимъ-то и оправдывается замѣна положеннаго въ законѣ тяжкаго, позорящаго наказанія допускаемою по закону, относительно столь же тяжкою, но непозорящею custodia honesta другаго наказанія, стоящаго параллельно съ первымъ и замѣщающаго таковое.

Относительно правопораженія, какъ послѣдствія заточенія, профессоръ Вальбергъ замѣчаетъ, что только въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, въ видѣ исключенія, должно быть указано, что судъ можетъ присоединить къ заточенію потерю общественныхъ правъ (Verlust öffentlichrechtlicher Stellungen). Съ критеріемъ, лежащемъ въ основѣ этого вида наказанія, не согласуется, по общему правилу, столь рѣзко проведенное ограниченіе въ правахъ, какъ оно указано въ ст. 25, въ особенности, если область примѣненія этого карательнаго средства въ особенной части уложенія будетъ обширна, или если оно будетъ назначаться факультативно, рядомъ съ каторгою.

Согласно части 1-й ст. 31 проекта, отбывшіе заточеніе не отдаются

подъ полицейскій надзоръ. Но часть 2-я той же статьи говоритъ о полицейскомъ надзорѣ, назначаемомъ на срокъ не свыше пяти лѣтъ «для приговоренныхъ къ заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ».

Равнымъ образомъ противорѣчіе съ опредѣленною въ ст. 2-й лѣстницею наказаній представляетъ ст. 28, по которой приговоренные къ заточенію и приговоренные къ тюрьмѣ, т. е. къ болѣе легкому наказанію, сравнены между собою по послѣдствіямъ наказанія, наступающимъ по отбытіи послѣдняго; если обратить вниманіе, съ одной стороны, на эти одинаковыя послѣдствія заключенія и тюрьмы, а съ другой—на оцѣнку этихъ карательныхъ мѣръ, при замѣнѣ наказаній, по ст. 53, напр., въ словахъ: «отъ поселенія—къ заточенію на одинъ годъ», то является вопросъ: гдѣ же тѣ критеріи, которые-бы существенно отличали эти наказанія другъ отъ друга?

По поводу 2 ч. 15 ст. профессоръ Гуго-Мейеръ затрудняется согласиться съ тѣмъ, чтобы заточеніе могло быть отбываемо лишь въ общемъ заключеніи. Равнымъ образомъ относительно 3-ей ч. ст. 15 возникаетъ вопросъ о томъ, можетъ-ли приговоренный къ долгосрочному заточенію быть принудительно употребляемъ на всякаго рода работы.

Опредѣленія, касающіяся *заточенія*, составляютъ, по мнѣнію профессора Тальберга, наиболѣе слабое мѣсто въ проектѣ. По значенію своему въ общей системѣ наказанія, какъ это видно изъ объяснительной записки, заточеніе въ новомъ уложеніи должно замѣнить наказаніе заключеніемъ въ крѣпость, которое назначается по дѣйствующему праву за особо-указанныя преступленія, *мотивомъ коихъ служатъ заблужденія, увлеченія и общественные предразсудки*. Исходя изъ того положенія, что въ дѣйствительной жизни несомнѣнно существуетъ цѣлый разрядъ тяжкихъ преступныхъ дѣяній, которыя вовсе не указываютъ на *позорный или безчестный характеръ лицъ*, ихъ совершившихъ, Редакціонная Коммисія признала необходимымъ сохранить тотъ видъ лишенія свободы, который именуется въ дѣйствующемъ уложеніи заключеніемъ въ крѣпость, причемъ высшій размѣръ этого наказанія, а именно *десять лѣтъ*, удерживается и въ проектѣ (сравни уложеніе, стр. 30 и ст. 1504). Выдѣленіе заточенія, какъ *custodia honesta*, изъ ряда другихъ видовъ лишенія свободы,—мысль, совершенно правильная, которой нельзя не сочувствовать. Подобное спеціальное наказаніе существуетъ въ большинствѣ современныхъ кодексовъ и Талландье, при обсужденіи закона во Франціи, имѣлъ полное основаніе сказать, что это наказаніе будетъ служить будущимъ

поколѣніямъ доказательствомъ той высокой степени цивилизаціи, до которой дошло наше отечество (*). Примѣръ Франціи, гдѣ *détention* было установлено преимущественно за преступленія политическія, нашелъ подражаніе въ Германіи. Такъ, напр., въ ганноверскомъ кодексѣ 1840 г., Art. 23 (Staatsgefängniss), въ вюртембергскомъ законѣ 13 Августа 1849 г., Art. 2 (Festung), въ баварскомъ законѣ 10 Ноября 1861 г., Art. 19 (Festung), въ прусскомъ кодексѣ 1851 г., § 13 (Entschliessung) (**). Наконецъ, въ новѣйшемъ общегерманскомъ кодексѣ (§ 17) и въ проектѣ австрійскаго кодекса (§ 10) существуетъ также особый спеціальный видъ лишенія свободы, соотвѣтствующій нашему заключенію въ крѣпость (Festungshaft, Staatsgefängniss), причемъ это спеціальное наказаніе опредѣляется или въ качествѣ самостоятельнаго наказанія, или въ видѣ замѣны смирительнаго дома (Zuchthaus) и тюрьмы (Gefängnisz strafe) (***). Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ допускаетъ подобную замѣну, смирительный домъ, т. е. наиболѣе тяжкая форма лишенія свободы, допускается только тогда, когда будетъ признано, что извѣстное преступное дѣйствіе имѣло своимъ мотивомъ *безчестныя* побужденія (****), иначе сказать—въ случаѣ отсутствія подобнаго рода мотивовъ, виновный приговаривается, вмѣсто смирительнаго дома, къ заключенію въ крѣпость. По мысли Редакціонной Коммисіи, совершенно ясно и опредѣленно выраженной въ объяснительной къ проекту запискѣ (*****), заточеніе есть спеціальное, стоящее особнякомъ въ общей системѣ, наказаніе, получающее таковой характеръ не отъ принадлежности того или другаго лица къ извѣстному классу общества или сословію, а отъ особыхъ свойствъ извѣстныхъ преступныхъ дѣйствій, которыя *eo ipso* исключаютъ возможность примѣненія къ ихъ совершителямъ общихъ карательныхъ мѣръ. Заточеніе имѣетъ мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ

(*) *F. Hélie*, Théorie du code pénal; Paris, t. I, p. 151.

(**) Bemerkungen zu dem Entwurf des Strafgesetzes, Wien, 1881, § 117.

(***) Въ общегерманскомъ кодексѣ Festungshaft назначается исключительно, въ весьма немногихъ случаяхъ, а именно: за враждебныя дѣйствія противъ дружественнаго государства и въ случаяхъ дуэли (§§ 201—206); затѣмъ—замѣна смирительнаго дома наказаніемъ Festungshaft опредѣляется факультативно или при наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ въ случаяхъ государственной и земской измѣны (§§ 81, 83—85, 87—91), дѣйствій противъ союзныхъ князей и членовъ ихъ дома (§§ 98 и 100), и, наконецъ, въ случаяхъ возбужденія и враждебныхъ дѣйствій противъ законодательныхъ собраній (§§ 105 и 106). Въ другихъ, болѣе легкихъ случаяхъ преступныхъ дѣйствій политическаго характера въ общегерманскомъ кодексѣ устанавливается замѣна тюрьмы заключеніемъ въ Festungshaft (§§ 95, 97, 99, 101, 103, 104, 107 и 345). По проекту австрійскаго уложенія, заключеніе въ «государственную тюрьму» опредѣляется за враждебныя дѣйствія противъ дружественнаго государства (§ 110), за враждебныя правительству сообщества (§ 125) и дуэль (§§ 209—216).

(****) Общегерм. код., § 20, Entwurf, ibid., § 14.

(*****) Объясненія къ проекту, стр. 17—18.

преступное дѣяніе не обнаруживаетъ особой нравственной испорченности въ виновномъ, а потому проектъ вовсе не упоминаетъ о заточеніи въ числѣ наказаній по правиламъ о совокупности за нѣсколько преступныхъ дѣяній, совершенныхъ виновнымъ по привычкѣ къ преступной дѣятельности или вслѣдствіе обращенія этой дѣятельности въ ремесло (*). Изъ изложеннаго логически слѣдуетъ, что заточеніе должно отличаться такими особенностями, которыя рѣзко выдѣляли-бы это лишеніе свободы изъ ряда другихъ карательныхъ мѣръ.—Обращаясь къ самому проекту, г. Тальбергъ желаетъ выяснить особенности заточенія и опредѣлить, насколько общая руководящая идея, указанная выше, выдержана въ частныхъ постановленіяхъ, касающихся заточенія.

Характеръ лишенія свободы, какъ уголовнаго наказанія, помимо различія въ срокахъ, выражается, во-первыхъ, въ способѣ содержанія подъ стражею или формѣ лишенія свободы и, во-вторыхъ, въ тѣхъ юридическихъ послѣдствіяхъ, которыя влечетъ за собою главное наказаніе. Эти двѣ особенности даютъ весьма опредѣленное понятіе о степени тяжести установленнаго въ законѣ взысканія; первая изъ указанныхъ особенностей составляетъ необходимое условіе наказанія лишеніемъ свободы, и законодатель всегда долженъ опредѣлить, въ какихъ ограниченіяхъ свободы должна выражаться та или другая форма наказанія; вторая-же особенность, т. е. юридическія послѣдствія лишенія свободы, можетъ быть и не быть, и совершенное отсутствіе ея всегда служитъ признакомъ сравнительной легкости наказанія. Переходя къ заточенію въ томъ видѣ, какъ это наказаніе опредѣлено въ проектѣ, г. Тальбергъ замѣчаетъ, что проектъ проводитъ рѣзкое различіе, *какъ въ порядкѣ содержанія* заключенныхъ, такъ и *по послѣдствіямъ наказанія*, между заточеніемъ на срокъ до 6 лѣтъ и заточеніемъ на срокъ свыше 6 лѣтъ и кромѣ того выдѣляетъ, по послѣдствіямъ наказанія, заточеніе на срокъ до 1 года, какъ не влекущее за собою никакихъ ограниченій правъ.

Различіе между двумя указанными видами заточенія менѣе значительно въ порядкѣ содержанія, нежели по юридическимъ послѣдствіямъ наказанія.

А. *Въ порядкѣ содержанія* заточенные на срокъ до 6 лѣтъ занимаются работами *по ихъ выбору* и получаютъ чистый доходъ отъ работъ, между тѣмъ какъ заточенные на срокъ свыше 6 лѣтъ занимаются работами *по назначенію управленія* и получаютъ всего $^2/_3$ заработанной платы. Если принять во вниманіе, что заточенные не употребляются на работы внѣ помѣщенія и не подвергаются одиночному заключенію, подобно тому, какъ

(*) Проектъ, ст. 56.

это установлено для содержащихся въ исправительномъ домѣ и тюрьмѣ, то общій характеръ режима отличается сравнительною мягкостью. Съ этой стороны, главная мысль проекта относительно организаціи заточенія остается выдержанною, хотя далеко не съ тою послѣдовательностью, какъ это мы видимъ въ другихъ законодательствахъ. Во французскомъ законодательствѣ «*détention*» есть не больше, какъ «простое лишеніе свободы»: «заключенные не могутъ быть принуждаемы къ работѣ и пользуются относительною свободою въ стѣнахъ заточенія». Законодатель желалъ по возможности смягчить эту форму лишенія свободы и устранилъ все, что только можетъ послужить къ отягощенію наказанія. По свойству тѣхъ преступныхъ дѣйствій, за которыя законъ грозитъ заключеніемъ въ крѣпость, нравственное исправленіе наименѣе имѣетъ мѣсто: время и лишеніе свободы достаточны; цѣль законодателя—безопасность общества, и «détention» ее обезпечиваетъ. (*) Тотъ-же характеръ заточеніе имѣетъ и въ позднѣйшихъ по времени германскомъ кодексѣ и проектѣ австрійскаго кодекса 1881 г. По германскому кодексу заточеніе состоитъ въ простомъ лишеніи свободы, причемъ администраціи мѣста заключенія предоставляется лишь *надзоръ* за занятіями и образомъ жизни заключенныхъ (§ 17) (**); проектъ-же австрійскаго уложенія идетъ еще дальше: заимствуя приведенное постановленіе германскаго кодекса, онъ добавляетъ, что заключенные въ «*Staatsgefängniss*» свободны въ выборѣ занятій, могутъ питаться на свой счетъ (***).

Такимъ образомъ заточеніе въ современныхъ законодательствахъ представляетъ *простое лишеніе свободы* (einfache Freiheitsentziehung), которое выражается лишь въ лишеніи заточеннаго права свободы передвиженія и сообщенія съ внѣшнимъ міромъ и въ надзорѣ со стороны тюремнаго начальства.

Подобная форма лишенія свободы наиболѣе отвѣчаетъ той мысли, которая положена въ основаніе выдѣленія заточенія изъ ряда другихъ наказаній въ проектѣ. Въ самомъ дѣлѣ заточеніе, по мысли Редакціонной Коммисіи, есть наказаніе спеціально предназначенное для лицъ, преступныя дѣйствія коихъ вовсе не указываютъ на позорный и безчестный ихъ характеръ; эти лица заслуживаютъ наказаніе, но это наказаніе, *во-первыхъ*, должно быть чуждо спеціальныхъ пенитенціарныхъ цѣлей, насколько онѣ выражаются въ порядкѣ содержанія, и *во-вторыхъ*, оно, по режиму своему, должно отличаться значительною мягкостью. Для лицъ, не обнаружившихъ безнравствен-

(*) F. Hélie, ibid., p. 131.

(**) *Holizendorf*, Haudbuch des deutschen Strafrechts, 4 Band, Berlin, 1877, s. 182.

(***) Entwurf etc., ibid., § 10, s. 25. Bemerkungen etc., ibid., s. 116—117.

ныхъ мотивовъ, одно простое и продолжительное лишеніе свободы является сильнымъ наказаніемъ и требованія уголовной репрессіи не оправдываютъ въ настоящемъ случаѣ такихъ отягощеній лишенія свободы, какъ необходимость работать не по своему выбору, а по назначенію управленія, регламентація всей, и безъ того подневольной, жизни заточеннаго, лишеніе его права распоряжаться своимъ временемъ и питаться на свой счетъ. При обсужденіи этого вопроса не слѣдуетъ забывать, что лишеніе свободы само по себѣ такое тяжкое наказаніе, вноситъ столько страданій въ жизнь человѣка, такъ ограничиваетъ его личныя, семейныя и общественныя права, что для усиленія тяжести многолѣтняго лишенія свободы нѣтъ надобности прибѣгать къ особымъ еще ограниченіямъ.

В. По *юридическимъ послѣдствіямъ* или *по тѣмъ дополнительнымъ наказаніямъ*, съ которыми соединено отбытіе главнаго наказанія, заточеніе первой степени рѣзко и существенно различается отъ заточенія второй степени. Заточенные на срокъ отъ одного года до 6 лѣтъ, подобно приговореннымъ къ тюрьмѣ, по *общему правилу*, лишаются, на *время отбыванія наказанія*, правъ, перечисленныхъ въ ст. 27 проекта, а также права носить, отбывая наказаніе, принадлежащіе имъ знаки отличія, и кромѣ того, въ *особо указанныхъ случаяхъ*, заточенные на указанный срокъ, по отбытіи наказанія, могутъ быть лишены означенныхъ въ ст. 27 правъ на время отъ одного года до 5 лѣтъ. За исключеніемъ этихъ дополнительныхъ наказаній, заточенные на срокъ до 6 лѣтъ не знаютъ никакихъ иныхъ юридическихъ послѣдствій: ни полицейскаго надзора, ни поселенія. Совершенно въ иномъ положеніи заточенные на срокъ свыше 6 лѣтъ; это, собственно говоря, тѣ-же каторжники, отъ которыхъ они отличаются только болѣе мягкимъ режимомъ содержанія. Заточенные этой категоріи наравнѣ съ приговореннными къ каторгѣ:

1) лишаются правъ сословныхъ и титуловъ почетнаго достоинства, лишаются духовнаго сана, государственной или общественной должности, ими занимаемой, служебныхъ отличій, какъ-то: чиновъ, орденовъ и другихъ жалуемыхъ правительствомъ знаковъ отличія, почетныхъ общественныхъ званій, получаемыхъ пенсій, равно какъ и права на полученіе таковыхъ за прежнюю службу (проектъ, ст. 25);

2) во время отбыванія наказанія они приписываются къ состоянію ссыльныхъ и лишаются правъ, означенныхъ въ ст. 27 (проектъ, ст. 25 и 27);

3) по отбытіи наказанія, въ теченіи 5 лѣтъ лишаются права быть избирателемъ или избираемымъ въ земскихъ, городскихъ или сословныхъ собраніяхъ, поступать на государственную службу, поступать на службу въ армію или флотъ и т. д;

4) по отбытіи заточенія, поселяются въ отведенныхъ для того мѣстно-

стяхъ и приписываются къ городскому или сельскому обществу (проектъ, ст. 15 и 25);

5) ограничиваются въ правахъ супружескихъ и родительскихъ (проектъ, ст. 30);

6) подлежатъ полицейскому надзору на срокъ не свыше 6 лѣтъ (проектъ, ст. 31).

Только въ отношеніи срока полицейскаго надзора заточенные на срокъ свыше 6 лѣтъ находятся сравнительно въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ приговоренные къ каторгѣ; для первыхъ *maximum*—шестилѣтній срокъ, для вторыхъ—восьмилѣтній. Но затѣмъ, за исключеніемъ этого, по существу неважнаго, различія, проектъ Редакціонной Коммисіи опредѣляетъ совершенно одинаковыя дополнительныя наказанія какъ для приговоренныхъ къ каторгѣ, такъ и для заточенныхъ на срокъ свыше 6 лѣтъ. То-же явленіе, до извѣстной степени, проводится во французскомъ законодательствѣ и новѣйшемъ проектѣ австрійскаго кодекса, гдѣ всякое лишеніе свободы свыше 6 мѣсяцевъ влечетъ за собой потерю всѣхъ государственныхъ и общественныхъ должностей, соединенныхъ съ извѣстнымъ общественнымъ довѣріемъ, и для приговоренныхъ къ заточенію въ государственной тюрьмѣ, подобно приговореннымъ къ смирительному дому (Zuchthaus) и тюрьмѣ, устанавливается одинаковое ограниченіе гражданскихъ правъ съ различіемъ только въ срокахъ (*). Въ указанномъ явленіи обнаруживается непослѣдовательность въ проведеніи общаго начала и нарушеніе того соотношенія, которое должно существовать между извѣстною группою преступныхъ дѣйствій, съ одной стороны, и установленнымъ для нея видомъ наказанія—съ другой. Французское «*détention*» есть, по выраженію Фостена Эли, наказаніе, опредѣляемое за преступленія, «представляющія больше смѣлости, чѣмъ развращенности, больше безпокойства духа, чѣмъ испорченности сердца, однимъ словомъ,—больше страсти, чѣмъ порока»; австрійское заключеніе въ «*государственную тюрьму*» предназначается за дѣйствія, «не вытекающія изъ позорныхъ побужденій»; *заточеніе* въ проектѣ Редакціонной Коммисіи предполагается назначать за особо указанныя преступленія, «*поводомъ которыхъ служатъ заблужденія, увлеченія или общественные предразсудки*, за дѣйствія, вовсе не указывающія *на безчестный и позорный характеръ лицъ*, ихъ совершившихъ». При такой характеристикѣ той группы правонарушеній, за которыя предполагается установить спеціальное наказаніе, уравненіе лицъ, приговоренныхъ къ этому наказанію по юридическимъ его послѣдствіямъ съ

(*) Code pénal, §§ 18, 28 и 29; Entwurf, ibid., §§ 38, 41; Bemerkungen, ibid., § 262—263.

прочими преступниками, является мѣрою крайне несправедливою. Уравнивая, въ этомъ отношеніи, заточенныхъ на срокъ свыше 6 лѣтъ съ приговоренными къ каторгѣ, проектъ ставитъ лицъ, преступныя дѣйствія коихъ не изобличаютъ ихъ позорный и безчестный характеръ, сравнительно въ болѣе тяжелое положеніе, чѣмъ находятся приговоренные къ смирительному дому или тюрьмѣ, т. е. люди, нравственное содержаніе коихъ требуетъ особаго исправительнаго режима, особыхъ мѣръ для борьбы съ ихъ глубокою развращенностью. Лишеніе или ограниченіе правъ есть выраженіе общественнаго недовѣрія къ лицу, совершившему преступленіе; но гдѣ основаніе лишать этого довѣрія лицо, ставшее жертвой *заблужденія, увлеченія, предразсудковъ*? не внесетъ-ли подобное положеніе разладъ между закономъ и дѣйствительною жизнью? не будетъ-ли законъ о лишеніи общественнаго довѣрія противорѣчить тому взгляду, который установился въ обществѣ на правонарушенія, мотивомъ коихъ служили не корыстныя или иныя нечистыя побужденія, а увлеченія, общественные предразсудки, извѣстныя заблужденія ума? Примѣръ новѣйшаго германскаго кодекса, гдѣ заключеніе въ крѣпость (Festungshaft) не влечетъ за собой какихъ-бы то ни было дополнительныхъ наказаній (*), заслуживаетъ, по мнѣнію г. Тальберга, подражанія; въ этомъ кодексѣ сдѣланъ новый смѣлый шагъ въ дѣлѣ ограниченнаго примѣненія того твердо установившагося въ континентальномъ законодательствѣ правила, по которому лишеніе правъ или чести объявляется послѣдствіемъ наказанія, *conséquence de la peine* или *incapacité résultant de certains châtiments*, вопреки правилу, по коему: *le crîme fait la honte et non pas l'échafaud*. По англо-американскому законодательству, человѣкъ, отбывшій самые тяжкіе виды лишенія свободы, возвращается въ общество безъ всякаго урѣзыванія его гражданскихъ правъ. Слѣдуетъ желать, чтобы въ проектируемомъ у насъ уложеніи основная мысль, лежащая въ выдѣленіи заточенія изъ ряда другихъ наказаній, была выдержана съ тою-же послѣдовательностью, какъ въ германскомъ кодексѣ, чтобы заточеніе вовсе не влекло за собой лишенія правъ.

Въ виду всего высказаннаго выше по поводу *заточенія*, г. Тальбергъ находитъ желательнымъ въ проектируемомъ уложеніи: *во-первыхъ*, уничтоженіе различія между заточеніемъ на срокъ до 6 лѣтъ и заточеніемъ на срокъ свыше 6 лѣтъ; *во-вторыхъ*, смягченіе общаго режима въ содержаніи заточенныхъ въ томъ смыслѣ, чтобы заточеніе по возможности представляло простѣйшую форму лишенія свободы, т. е. лишеніе свободы въ тѣсномъ

(*) Герм. кодексъ, §§ 31—34.

смыслѣ этого слова, и *въ-третьихъ*, полное освобожденіе заточенныхъ, безъ различія категорій, отъ лишенія правъ по отбытіи наказанія или, по крайней мѣрѣ, возможное ограниченіе всей суммы означенныхъ въ проектѣ Редакціонной Коммисіи правопораженій относительно заточенныхъ, буде не признаютъ возможнымъ послѣдовать примѣру германскаго кодекса.

Относительно *заточенія* профессоръ Палаузовъ замѣчаетъ, что въ основѣ этой формы наказанія лежитъ вполнѣ раціональная идея. Идея эта состоитъ въ томъ, чтобы, параллельно съ наказаніями, полагаемыми за преступныя дѣянія, совершенныя по безчестному побужденію, создать такой видъ кары, который, соотвѣтствуя, по тяжести, карѣ за вышеизложенныя безчестящія дѣянія, былъ-бы наказаніемъ *непозорящимъ*, такъ сказать— custodia honesta, соотвѣтственно самому характеру побужденія къ преступному дѣянію. Заточеніе, такимъ образомъ, должно быть параллельно тюрьмѣ, исправительному дому и каторгѣ. Такова идея и германской Festungshaft. Необходимость такой формы наказанія тѣмъ настоятельнѣе, съ точки зрѣнія разсматриваемаго проекта, что онъ, въ отличіе, напр., отъ германскаго уложенія, не знаетъ каторги безъ лишенія почетныхъ правъ (bürgerliche Ehrenrechte), что, слѣдовательно, по проекту каторга всегда является наказаніемъ за дѣянія, безчестящія виновнаго.

Если такъ, то важно изслѣдовать, насколько Редакціонною Коммисіею выдержана эта идея о непозорящемъ наказаніи, параллельномъ тюрьмѣ, исправительному дому и каторгѣ.

Вопросъ этотъ долженъ быть, по мнѣнію г. Палаузова, разрѣшенъ отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, съ заточеніемъ на срокъ свыше 6 лѣтъ, связано то-же послѣдствіе, какъ и съ каторжными работами,—именно: лишеніе правъ, пользованіе которыми предполагаетъ *общественное довѣріе* къ ихъ субъекту (27 ст.). Такимъ образомъ высшіе размѣры заточенія являются наказаніями, которыя, собственно говоря, могутъ быть примѣняемы только къ преступленіямъ, совершеннымъ по *безчестному побужденію*, между тѣмъ какъ редакторы хотѣли сдѣлать вообще изъ заточенія наказаніе, предназначенное спеціально для преступныхъ дѣяній, совершенныхъ *не* по безчестному мотиву.

Нѣтъ сомнѣнія, что такое отступленіе отъ идеи этого наказанія не только безусловно вредно для высшихъ размѣровъ его (отъ 6—10 лѣтъ), но можетъ вредно отразиться и на низшихъ размѣрахъ, извращая и ихъ характеръ, какъ custodia honesta,—по крайней мѣрѣ въ понятіяхъ публики. Если уже заточеніе на срокъ свыше 6 лѣтъ непремѣнно должно быть, въ глазахъ

Редакціонной Коммисіи, соединяться съ лишеніемъ правъ (чего, впрочемъ, отнюдь не видно изъ словъ, сказанныхъ на 62—63 стр. «Объясненій»), то въ такомъ случаѣ слѣдовало дать этому наказанію *другое названіе* и позаботиться о томъ, чтобы оно отбывалось въ совершенно *особыхъ мѣстахъ* отъ мѣстъ отбыванія заточенія въ собственномъ смыслѣ (не свыше 6 лѣтъ), вообще слѣдовало постараться о поддержаніи, въ средѣ общественнаго мнѣнія, *абсолютной чистоты* понятія о заточеніи, какъ о custodia honesta, какъ о наказаніи за небезчестныя, хотя и опасныя, вредныя дѣянія.

Въ связи съ сказаннымъ г. Палаузовъ отмѣчаетъ еще одну черту, въ которой также сказывается невыдержанность основной идеи заточенія.

Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ по проекту каторга *всегда* влечетъ за собою лишеніе нѣкоторыхъ правъ, слѣдовательно—*всегда* является наказаніемъ, позорящимъ въ глазахъ законодателя и потому примѣняемымъ къ преступленіямъ, порожденнымъ безчестнымъ мотивомъ, то слѣдовало-бы ожидать, что, въ виду параллелизма, въ виду потребности въ равномъ по тяжести, но, такъ сказать, почетномъ по характеру наказаніи,—проектъ установитъ тотъ-же maximum срока заточенія, какой принятъ для каторги, т. е. санкціонируетъ срочное заточеніе *на 15 лѣтъ* и допуститъ *безсрочное* заточеніе, какъ это сдѣлало германское уложеніе для Festungshaft, уровнявъ maximum этой кары съ maximum'омъ Zuchthaus'a. Г. Палаузовъ не поклонникъ вѣчныхъ наказаній, но онъ говоритъ здѣсь о *консеквентности* въ проведеніи идеи заточенія, которое, по словамъ самой-же Редакціонной Коммисіи, *должно непосредственно примыкать къ смертной казни* (Объясненія, стр. 62). Всякій, однако, согласится, что между 10-ти-лѣтнимъ заточеніемъ и смертной казнью—громадный промежутокъ.

И такъ за наиболѣе тяжкія преступныя дѣянія, порожденныя не безчестнымъ побужденіемъ, *въ проектѣ не имѣется соотвѣтствующихъ, непозорящихъ наказаній*, ибо во 1-хъ заточеніе вообще не можетъ быть назначено на срокъ свыше 10 лѣтъ, а во 2-хъ заточеніе и на срокъ отъ 6—10 лѣтъ сопряжено съ такими послѣдствіями, которыя дѣлаютъ этотъ размѣръ его непригоднымъ для дѣяній, непорожденныхъ безчестнымъ побужденіемъ.

По поводу правилъ ст. 15 проекта о заточеніи профессоръ Даневскій замѣчаетъ, что въ виду мысли, лежащей въ основаніи этого наказанія, назначаемаго за преступленія, хотя и опасныя, но не безчестныя (см. Объясн., стр. 62 и 63), трудно примириться съ невытекающими изъ существа дѣла различіями относительно качества работъ и обращенія заработка отъ нихъ

сполна или частью въ пользу заточенныхъ, какъ это установлено для приговоренныхъ на срокъ ниже и выше шести лѣтъ. Приговоренные на двѣ недѣли, три года, шесть, семь, девять и десять лѣтъ, все равно, всѣ безъ различія, содержатся въ мѣстахъ для заточенія, предназначенныхъ за преступныя дѣянія, хотя и значительно опасныя для общества, но не указывающія на особую испорченность или безнравственность виновнаго. Для всѣхъ ихъ эта custodia honesta (Festungshaft) представляется въ одинаковой степени справедливымъ и цѣлесообразнымъ наказаніемъ, сроки котораго должны находиться въ зависимости только отъ степени опасности дѣянія для общества, признанной, въ каждомъ данномъ случаѣ, судомъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ приговоренные на двѣ недѣли, такъ и приговоренные на десять лѣтъ одинаково не совершили ничего безнравственнаго, подлаго. Въ обоихъ случаяхъ, они одинаково повинны, если разсматривать ихъ дѣянія съ субъективной точки зрѣнія, въ «неумѣньи подчинять порывы своихъ желаній требованіямъ закона». Не справедливо поэтому различать ихъ по работамъ и количеству ихъ заработка, предоставляя однимъ выборъ первыхъ и пользованіе всѣмъ чистымъ отъ нихъ доходомъ и подчиняя другихъ волѣ начальства заведенія въ первомъ отношеніи и пользованію въ ограниченномъ размѣрѣ чистою прибылью, т. е. подводя послѣднихъ, хотя бы и при сохраненіи количественнаго различія въ высотѣ прибыли, выпадающей на долю заключеннаго, подъ ту регламентацію внутренняго режима мѣстъ заключенія, которая предположена Коммисіею для исправительнаго дома и тюрьмы. Между тѣмъ въ послѣднихъ будутъ заключаться преступники, дѣянія которыхъ отличаются именно тѣми свойствами «безчестящими», которыхъ, въ принципѣ, лишены преступныя дѣянія, влекущія за собою заточеніе. Приведенное различіе не совсѣмъ удобно и въ практическомъ отношеніи: оно приведетъ къ двойственности режима, построенной на существенномъ отличіи въ работахъ (однѣ—по выбору, другія—по назначенію). Это обстоятельство повлечетъ за собою необходимость создать или два отдѣленія для содержащихся въ заточеніи, или же нѣсколько особыхъ учрежденій одного законнаго типа (заточенія), т. е. къ лишнимъ издержкамъ, которыя не вызываются и не отравдываются никакимъ серьезными соображеніями.

При всякомъ наказаніи, для справедливости и цѣлесообразности его, должно принимать въ соображеніе какъ субъективную сторону преступнаго дѣянія, т. е. волю лица дѣйствовавшаго, такъ и объективную его сторону—степень вреда и опасности преступника для общества. Всѣ дѣянія, за которыя должно быть налагаемо заточеніе, имѣютъ, съ первой точки зрѣнія, общую, очень рельефную характеристику, указанную въ соображеніяхъ

Коммисіи. Своеобразные оттѣнки разныхъ дѣяній могутъ вліять на назначеніе сроковъ, но отнюдь не на самый способъ отбыванія наказанія. Въ еще большую зависимость различіе сроковъ должно быть поставлено отъ степени вреда и опасности извѣстнаго дѣянія, всегда носящаго на себѣ строго опредѣленный, вышенамѣченный характеръ. Становясь на эту точку зрѣнія, можно оправдать различія въ послѣдствіяхъ примѣненія заточенія, проектируемыхъ Коммисіею, соотвѣтственно различіямъ сроковъ этого наказанія; низшіе сроки (до шести лѣтъ) не вызываютъ за собою ни ограниченія въ правахъ, ни поселенія; высшіе (отъ шести до десяти) ведутъ за собою лишеніе правъ (ст. 25 и 27) и ссылку на поселеніе (по ст. 16). Эти отличія въ послѣдствіяхъ вызываются важными различіями въ степени опасности и вреда, угрожающаго и причиненнаго обществу и государству обвиненнымъ въ одномъ изъ преступленій, влекущихъ за собою заточеніе. Изъ объясненій Коммисіи, которыми она мотивируетъ введеніе въ лѣстницу наказаній этого вида лишенія свободы, явствуетъ, что оно будетъ примѣняться, въ большинствѣ случаевъ, къ нѣкоторымъ видамъ преступленій государственныхъ и противъ порядка управленія, именно къ ихъ менѣе тяжкимъ видамъ, не влекущимъ за собою смертной казни и другихъ высшихъ наказаній; опасность этихъ дѣяній объясняетъ необходимость удаленія преступника на поселеніе послѣ отбытія имъ заключенія, хотя послѣднее и не должно быть обставлено особенно тяжкими условіями. Поэтому вполнѣ оправдывается проектируемое Коммисіей различіе въ послѣдствіяхъ заточенія на срокъ до шести лѣтъ и на срокъ выше шести лѣтъ.

Вѣстникъ Европы (1882 г., № 12), останавливаясь на *заточеніи*, замѣчаетъ слѣдующее: проектъ установляетъ рѣзкую разницу между заточеніемъ на срокъ менѣе шести лѣтъ и на срокъ болѣе продолжительный. Въ первомъ случаѣ, заключенные занимаются работой по собственному выбору, получаютъ весь чистый отъ нея доходъ, освобождаются, по истеченіи срока, безусловно и лишаются на время только общественныхъ и политическихъ правъ, перечисленныхъ въ ст. 27-й проекта (права быть избирателемъ и избираемымъ, опекуномъ, повѣреннымъ, присяжнымъ засѣдателемъ, учителемъ, чиновникомъ и т. п.). Во второмъ случаѣ, заключенные занимаются работой по назначенію управленія, получаютъ только двѣ трети чистаго отъ нея дохода, по окончаніи срока—поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ и подвергаются лишенію правъ на томъ-же основаніи и въ той-же мѣрѣ, какъ и каторжники. Такое различіе кажется намъ явно несообразнымъ

съ основными свойствами заточенія, какъ custodia honesta,—какъ наказанія, стоящаго особнякомъ въ общей системѣ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ гораздо болѣе близкаго къ аресту, чѣмъ къ каторгѣ или исправительному дому. Преступленія, за которыя назначается заточеніе, могутъ быть болѣе или менѣе важныя, но характеръ ихъ во всякомъ случаѣ остается одинъ и тотъ-же—исключающій и чрезмѣрную строгость, и чрезмѣрное недовѣріе по отношенію къ заключенному; съ увеличеніемъ важности преступленія должна увеличиться только продолжительность заточенія. Мы не можемъ представить себѣ такихъ преступленій, за которыя логично было-бы назначать въ одно и тоже время заточеніе и полную потерю правъ; мотивы, говорящіе въ пользу первой изъ этихъ мѣръ, всегда говорятъ противъ послѣдней. Если преступленіе совершено подъ вліяніемъ корыстныхъ или вообще безчестныхъ побужденій, съ цѣлью пріобрѣтенія какой-нибудь личной выгоды, если самый выборъ средствъ свидѣтельствуетъ о нравственной испорченности преступника—заточеніе не можетъ имѣть мѣста, виновный долженъ быть приговоренъ, смотря по мѣрѣ вины, къ тюрьмѣ, исправительному дому или каторгѣ; если, наоборотъ, мотивы преступленія и обстоятельства, при которыхъ оно совершено, устраняютъ возможность примѣненія къ преступнику одной изъ обычныхъ формъ лишенія свободы, то несправедливо и непослѣдовательно подвергать его потерѣ правъ, наравнѣ съ лицомъ, совершившимъ опозоривающее преступленіе. Скажемъ болѣе: намъ кажется, что заточеніе, разъ—что окончился его срокъ, не должно имѣть никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, что лицо, освобожденное изъ крѣпости или другого, однороднаго съ нею мѣста заключенія, должно тотчасъ-же вступать во всѣ права ничѣмъ неопороченнаго гражданина. Въ основаніи временнаго лишенія правъ лежитъ предположеніе, что лицу, осужденному судомъ, не сразу можетъ быть возвращена свобода пользоваться ими; преступленія, влекущія за собою заточеніе, не даютъ повода къ такому предположенію, въ особенности если принять во вниманіе, что на время заточенія пользованіе общественными и политическими правами прекращается само собою. Отвергая продолжающееся, по окончаніи срока заточенія, ограниченіе правъ, мы отвергаемъ этимъ самымъ и поселеніе, установляемое проектомъ для заточенныхъ на срокъ болѣе шести лѣтъ. Поселеніе—это карательная мѣра, весьма тяжелая по своему свойству; понятная въ примѣненіи къ каторжникамъ, она ничѣмъ не можетъ быть оправдана по отношенію къ заточеннымъ. Самое большее, что можетъ быть допущено для послѣднихъ по окончаніи срока заточенія—это полицейскій надзоръ, если преступленіе, за которое они были осуждены, принадлежитъ къ числу часто и легко повторяемыхъ. Менѣе важенъ, сравнительно, вопросъ о выборѣ

работъ и о мѣрѣ получаемаго за нихъ вознагражденія; и здѣсь однако не трудно замѣтить явное противорѣчіе между постановленіями проекта и общимъ характеромъ заточенія. Весь смыслъ заточенія, все отличіе его отъ другихъ видовъ заключенія состоитъ именно въ томъ, что къ лишенію свободы не присоединяется никакихъ усложненій, никакихъ добавочныхъ стѣсненій. Установить для заточенныхъ обязательную, не ими самими выбранную работу, значитъ—въ связи съ тѣми мѣрами, о которыхъ мы уже говорили—окончательно уничтожить разницу между ними и другими заключенными. Представимъ себѣ, напримѣръ, что заточенію подвергается ученый, литераторъ, художникъ. Разрѣшите ему обычныя его занятія—вы сдѣлаете для него заточеніе сравнительно сноснымъ, дадите ему возможность идти впередъ, усовершенствоваться въ своемъ искуствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать существованіе семьи, живущей, можетъ быть, исключительно его трудами; принудьте его плесть корзины или стругать доски—вы доведете его до отчаянія и заставите пожалѣть, что онъ не осужденъ на болѣе краткій срокъ заключенія въ исправительномъ домѣ (съ точки зрѣнія проекта, годъ заключенія въ исправительномъ домѣ равенъ двумъ годамъ заточенія). Раздѣленіе заточенныхъ на двѣ категоріи—работающихъ по принужденію и по собственному выбору—усложнитъ притомъ управленіе мѣстами заточенія, затруднитъ поддержаніе въ нихъ однообразнаго для всѣхъ порядка, тѣмъ болѣе необходимаго, что заточенные, на основаніи проекта, содержатся въ общемъ заключеніи, съ разобщеніемъ только на ночь.

Окончательный отсюда выводъ таковъ: заточеніе должно быть сведено, независимо отъ его сроковъ, къ одному типу—именно къ тому, который установленъ проектомъ для заточаемыхъ на время до шести лѣтъ,—съ тѣмъ, чтобы ограниченію правъ, по отбытіи наказанія, никто изъ заточаемыхъ не подвергался. На этихъ основаніяхъ организовано заточеніе (Festungshaft) въ Германіи; продолжаясь отъ одного дня до пятнадцати лѣтъ, оно никогда не влечетъ за собою лишенія или ограниченія правъ и всегда исчерпывается простымъ лишеніемъ свободы, съ наблюденіемъ за занятіями и образомъ жизни заточенныхъ. Еслибы заточеніе на десять лѣтъ, при условіяхъ, нами предлагаемыхъ, показалось наказаніемъ недостаточно тяжкимъ для случаевъ особенно важныхъ, то гораздо лучше было-бы увеличить высшій предѣльный срокъ заточенія, чѣмъ искажать самое его свойство.

Ограниченіе срока заточенія на десять лѣтъ мотивируется Коммисіею тѣмъ, «что и въ этомъ объемѣ заточеніе представляется карою достаточно

репрессивною для тѣхъ преступныхъ дѣяній, за которыя она полагается». Эти соображенія кажутся г. фонъ-Резону неубѣдительными. Если заточеніе допускается какъ custodia honesta, параллельно съ другими наказаніями, коль скоро окажется, что, по мотивамъ даннаго дѣянія, поступокъ виновнаго не указываетъ на его безчестность, то было-бы послѣдовательно, по примѣру германскаго уложенія, назначить заточеніе въ томъ-же размѣрѣ, какъ и каторга, т. е. срочное до 15 и 20 лѣтъ и безсрочное, и допустить его при всѣхъ вообще преступленіяхъ, въ которыхъ нѣтъ безчестныхъ мотивовъ. Постановленіе 2 ч. 3 п. 15 ст. о томъ, что приговоренные на срокъ свыше шести лѣтъ занимаются въ самомъ помѣщеніи работами по назначенію управленія, несогласно съ характеромъ заточенія, какъ custodia honesta; оно не встрѣчается ни въ нѣмецкомъ, ни въ венгерскомъ уложеніяхъ.

По замѣчанію г. Ц. Я. (Юридическій Вѣстникъ, 1883 г., № 8), ст. 15 проводитъ трудно объясняемое различіе въ условіяхъ содержанія приговоренныхъ къ заточенію на срокъ до 6 лѣтъ и свыше 6 лѣтъ и въ послѣдствіяхъ этого наказанія.

Изъ установляемыхъ проектомъ пяти видовъ лишенія свободы заточеніе Коммисія желала провести параллельно каторгѣ, исправительному дому и тюрьмѣ, и назначать его за преступленія, которыя, «хотя и заключаютъ въ себѣ иногда весьма тяжкія нарушенія закона и сопряжены съ значительною даже опасностью для общества, но не высказываютъ ни особой испорченности, ни безнравственности виновнаго, а свидѣтельствуютъ только объ его неумѣніи подчинять порывы своихъ желаній требованіемъ закона». Высшій предѣлъ этого вида лишенія свободы Коммисія однакоже «нашла возможнымъ ограничить десятью годами, такъ какъ и въ этомъ объемѣ заточеніе представляется карою достаточно репрессивною для тѣхъ дѣяній, за которыя она полагается». Между тѣмъ къ заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ Коммисія присоединила поселеніе и лишеніе правъ и опредѣлила, что для малолѣтныхъ заточеніе замѣняется тюрьмою или исправительно-воспитательнымъ заведеніемъ.

Такимъ образомъ принятый Редакціонною Коммисіею принципъ выдѣленія заточенія изъ числа наказаній, назначенныхъ за непозорящія преступленія, не выдержанъ: мѣсто заключенія, по справедливымъ замѣчаніямъ Коммисіи Государственнаго Совѣта, на долго въ мнѣніи общества сохраняетъ свое значеніе для лица наказаннаго; въ виду этого-то и предположено было установить заточеніе, какъ «кару для лицъ, которыхъ нельзя смѣшивать съ

общими преступниками»; между тѣмъ проектъ такое смѣшеніе, хотя и въ весьма узкихъ предѣлахъ, узаконяетъ безъ особой надобности. Проектъ кромѣ того по отношенію къ заточенію отступаетъ и отъ начала приведенія правонарушеній въ соотношеніе съ позорящимъ характеромъ преступленій, мотивируя это отступленіе трудностью послѣдовательно провести его и большимъ техническимъ удобствомъ поставить объемъ и наступленіе правопораженій въ зависимость отъ рода наказаній. Всецѣло признавая безспорную убѣдительность этого довода, его же, кажется, можно привести противъ сдѣланнаго проектомъ отступленія. Заточеніе и есть именно особый родъ наказанія за преступленія, которыя, по взгляду законодателя, не разрушаютъ понятія о чести, къ чему-же лицъ, не опозорившихъ себя, хотя и навлекшихъ на себя тяжкое наказаніе, позорить лишеніемъ правъ? Засимъ, если Коммисія признаетъ, что заточеніе до 10 лѣтъ будетъ достаточно репрессивнымъ наказаніемъ, то зачѣмъ-же къ нему присоединять лишеніе правъ и поселеніе и не справедливѣе-ли, если это необходимо съ точки зрѣнія общественной самообороны или уголовной репрессіи, довести высшій предѣлъ заточенія до 15 лѣтъ, чѣмъ соединять наказанія, по мнѣнію самой-же Коммисіи, несовмѣстныя: custodia honesta и позорное лишеніе правъ!

По этимъ соображеніямъ г. Ц. Я. находитъ, что представлялось-бы правильнымъ послѣднюю часть 15 ст. вовсе исключить изъ уложенія, а 3 часть изложить слѣдующимъ образомъ: «Приговоренные занимаются въ самомъ помѣщеніи работами по ихъ выбору; чистый доходъ обращается въ ихъ пользу, за исключеніемъ расходовъ на ихъ содержаніе».

Г. Лихтенштатдъ находитъ, что такъ-какъ заточеніе будетъ назначаться за такія преступленія, которыя не указываютъ на позорный или безчестный характеръ лицъ, ихъ совершившихъ, и будетъ отбываться въ custodia honesta, то не слѣдовало-бы соединять это наказаніе съ удаленіемъ виновнаго изъ общества.

По поводу ст. 15 *В. Д. Спасовичъ*, въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, разъяснилъ, что Редакціонный Комитетъ Общества, принимая во вниманіе, что заточеніе, предназначаемое для опасныхъ, но не безчестныхъ преступниковъ, какъ custodia honesta, по имени только будетъ разниться отъ каторги, если присуждаемые къ нему на сроки свыше 6 лѣтъ будутъ подвергаемы принудительнымъ, по назначенію начальства, работамъ,

и что нѣтъ основанія дѣлать различія въ этомъ отношеніи между заключаемымъ на срокъ до 6 и свыше 6 лѣтъ, предлагаетъ измѣненіе статьи 15 въ томъ смыслѣ, чтобы были исключены слова (въ шестой строкѣ): «на срокъ не свыше 6 лѣтъ», и затѣмъ ниже, со словъ «приговоренные на срокъ свыше 6 лѣтъ» до конца періода.

При голосованіи собраніемъ одобрено предложеніе Комитета объ измѣненіи 15 статьи—14 голосами противъ 6.

Коммисія Новороссійскаго Юридическаго Общества предлагаетъ слѣдующую редакцію ст. 15: «заточеніе назначается на срокъ отъ двухъ недѣль *до 15 лѣтъ, а въ случаѣ ст. 56 указанномъ, до двадцати лѣтъ* и отбывается или въ крѣпостяхъ, или въ устроенныхъ для того помѣщеніяхъ. Приговоренные содержатся въ общемъ заключеніи, но съ разобщеніемъ на ночь.

Приговоренные занимаются въ самомъ помѣщеніи работами по ихъ выбору, чистый доходъ отъ работъ обращается въ ихъ пользу.

Приговоренные на срокъ свыше 6 лѣтъ, по отбытіи наказанія, поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ, *отдѣльно отъ лицъ, отбывшихъ каторгу*».

Мотивы такихъ принятыхъ названною Коммисіею измѣненій въ ст. 15 изложены въ особомъ сообщеніи Члена Коммисіи *Палаузова*, сущность коего изложена выше, стр. 304 и 305.

По принятымъ въ этомъ сообщеніи основаніемъ г. Палаузовъ предложилъ Коммисіи Новороссійскаго Юридическаго Общества проектировать слѣдующія поправки въ редакціи статей проекта, касающихся заточенія: 1) продлить въ 15 ст. maximum заточенія до 20 лѣтъ (не предлагая безсрочнаго заточенія, такъ какъ г. Палаузовъ высказывается за уничтоженіе всякихъ безсрочныхъ наказаній); 2) примѣнить начало свободнаго выбора работъ и для заточенныхъ на срокъ свыше 6 лѣтъ; 3) исключить изъ 25 и 27 статей упоминаніе о заточеніи, признавъ, что это наказаніе не должно быть сопряжено съ лишеніемъ правъ, по отбытіи его.

Принявъ такія предложенныя г. Палаузовымъ поправки, Коммисія, кромѣ того, нашла нужнымъ выразить въ текстѣ закона отличіе заточенія отъ каторги еще и тѣмъ, чтобы отбывшіе срокъ наказанія заточеніемъ поселялись отдѣльно отъ лицъ, отбывшихъ каторгу, и чтобы обязательный срокъ поселенія для нихъ (о чемъ говорится въ ст. 21) былъ ограниченъ двумя годами.

По поводу этого послѣдняго проекта измѣненій остались при мнѣніи *А. А. Муромцовъ* и *Н. М. Шишмановъ*, считавшіе болѣе послѣдовательнымъ и справедливымъ вовсе не распространять поселенія на отбывшихъ наказаніе заточеніемъ.

Въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества *В. В. Смиттенъ* по поводу ст. 15 замѣтилъ, что заточеніе, какъ наказаніе, назначаемое за самыя разнообразныя, не безчестящія преступленія, отъ легкихъ до тяжкихъ, возбуждаетъ, въ принципѣ, сочувствіе. По всему вѣроятію, это наказаніе будетъ примѣняемо къ большинству политическихъ преступниковъ, къ убійству въ запальчивости, къ большинству преступленій противъ порядка управленія, къ поединкамъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, до соображенія съ особенной частью уложенія, которая покажетъ, за какія именно преступленія будетъ назначаться это наказаніе, нѣтъ возможности съ положительностью высказаться о заточеніи. Повидимому, можно въ настоящее время замѣтить лишь, что, если проектъ имѣетъ въ виду поставить заточеніе, между прочимъ, параллельно съ каторгой (стр. 62), то онъ вовсе не достигаетъ этой цѣли, такъ какъ это наказаніе, по своему существу, не только не можетъ быть поставлено въ соотвѣтствіе съ каторгой, но легче и исправительнаго дома. Самъ проектъ приравниваетъ годъ каторги къ 4-мъ годамъ заключенія и годъ исправительнаго дома къ 2 годамъ заключенія (ст. 55); впрочемъ, по мнѣнію референта, это уравненіе проводитъ уже черезчуръ большую разницу между этими тремя видами наказанія. По германскому уложенію, заключеніе въ крѣпости, соотвѣтствующее заточенію, можетъ быть даже пожизненнымъ. Чтобы усилить тяжесть высшихъ сроковъ заточенія, проектъ установляетъ для нихъ нѣсколько иной режимъ въ отношеніи назначенія и оплаты работъ и назначаетъ для нихъ послѣдствіемъ поселеніе и большій объемъ праволіпеній. Но цѣлесообразность этого усиленія оспаривается въ литературѣ (Вѣстникъ Европы, Декабрь 1882 года), предпочитающей увеличеніе сроковъ заточенія. С.-Петербугское Юридическое Общество также высказалось за уравненіе режима для заточенныхъ на срокъ до и свыше 6 лѣтъ. Съ своей стороны, референтъ отказывается высказаться съ положительностью по этимъ вопросамъ, до соображенія съ особенной частью уложенія, но склоненъ думать, что поселеніе представляется полезнымъ послѣдствіемъ высшихъ сроковъ заточенія въ видахъ сообщенія этому наказанію (на срокъ свыше 6 лѣтъ) достаточной репрессивности и что работы могли-бы быть организованы и плата производиться на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ для заточенныхъ на сроки до 6 лѣтъ.

Выслушавъ это и обсудивъ 15 ст. проекта, Общество единогласно нашло, что такого рода типъ лишенія свободы, какъ *заточеніе*, необходимъ; но лица, находившія излишнимъ присоединять поселеніе къ каторгѣ, высказали, что считаютъ его излишнимъ также и при заточеніи.

Сенаторъ А. К. Фриде находитъ все то, что говорится въ объяснительной запискѣ въ оправданіе *заточенія*, не совсѣмъ понятнымъ. *Во 1-хъ*, заключеніе въ крѣпости или *«въ другія имъ подобныя помѣщенія»* все-же есть лишеніе свободы, а поэтому необходимо было-бы приравнять этотъ видъ лишенія свободы, какъ исключительный или экстраординарный видъ, къ одному изъ обыкновенныхъ *ординарныхъ* видовъ наказанія, которые въ томъ или въ другомъ данномъ случаѣ *замѣняются* заточеніемъ. Кромѣ того, *во 2-хъ*, въ законѣ необходимо указать положительно: къ какимъ именно помѣщеніямъ примѣняется новый терминъ *заточенія*, ибо, безъ сего указанія, мѣстное начальство, при медленности въ устройствѣ тюремныхъ помѣщеній, быть можетъ, и признаетъ возможнымъ содержать осужденныхъ на *заточеніе* въ теперешнихъ «смирительныхъ» или «рабочихъ» домахъ, тамъ, гдѣ эти помѣщенія существуютъ еще и не переустроены.

Въ 3-хъ, по лѣстницѣ наказаній, соотвѣтствующей Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта отъ 11 Декабря 1879 г., новое наказаніе *«заточенія»* по сроку, установленному въ ст. 15 (отъ 2-хъ недѣль до 10 лѣтъ), соотвѣтствовало-бы *всѣмъ* прочимъ наказаніямъ, т. е. оно было бы *больше* послѣдней мѣры содержанія въ каторжной тюрьмѣ (на 6 лѣтъ) (хотя, по ст. 56 проекта, 6 лѣтъ каторги равняются 24 годамъ заточенія) и меньше высшей мѣры ареста (на 3 мѣсяца); по лѣстницѣ-же наказаній на основаніи проекта Редакціонной Коммисіи, заточеніе на срокъ отъ 10 лѣтъ до 2 недѣль представляетъ еще большія неудобства; ибо высшая мѣра онаго (10 л.), по мнѣнію А. К. Фриде, строже 5-лѣтней каторги, а низшая мѣра (2 недѣли) равняется одной изъ послѣднихъ мѣръ ареста (отъ одного года до одного дня). За какого рода преступленія подобное наказаніе могло-бы быть примѣнено въ такихъ *широкихъ* предѣлахъ, не мыслимо, если имѣть въ виду соображенія Коммисіи о *custodia honesta*. Сенаторъ А. К. Фриде понимаетъ, что подъ это послѣднее понятіе подходитъ, напримѣръ, поединокъ безъ тѣхъ отягчающихъ вину обстоятельствъ, которыя превращаютъ дуэль *въ убійство*, но для подобнаго рода преступныхъ дѣйствій зачѣмъ-же допускать 10-лѣтній срокъ заточенія? А. К. Фриде допускаетъ, что этотъ послѣдній срокъ заточенія можетъ быть установленъ закономъ «въ замѣну смертной

казни или каторжныхъ работъ» *для политическихъ* преступленій, но въ такомъ случаѣ къ лицамъ, подлежащимъ этой мѣрѣ «заточенія», все-же не примѣняется понятіе о *custodia honesta*. Наконецъ еще менѣе съ этимъ послѣднимъ понятіемъ согласуется то обстоятельство, что заточеніе свыше 6 лѣтъ, по ст. 27 проекта, лишаетъ *ipso jure* приговоренныхъ къ этому наказанію исчисленныхъ въ 8 п. этой статьи гражданскихъ правъ.

Если напримѣръ по нынѣ дѣйствующему уложенію установлено въ случаѣ, предусмотрѣнномъ ч. 1 ст. 1503, заключеніе въ крѣпости отъ 4 лѣтъ до 6 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, и если это правило будетъ сохранено и въ новомъ уложеніи, съ замѣною только термина: заключеніе въ крѣпости, терминомъ: заточеніе, то спрашивается, за что-же лицо, подвергшееся уже за дуэль (то есть за такое дѣяніе, которое, по французскому code pénal наприм. и не признается преступленіемъ) 6-лѣтнему лишенію свободы, подвергать еще въ продолженіи 5 лѣтъ лишенію права быть свидѣтелемъ, быть опекуномъ и попечителемъ, записываться въ гильдіи, быть избирателемъ и избираемымъ и даже поступать на государственную службу, если, въ виду существующихъ въ обществѣ предубѣжденій и предразсудковъ, *невызовъ*, въ извѣстномъ случаѣ, на поединокъ полагаетъ на *невызвавшаго* пятно, которое, для многихъ, хуже 6-ти-лѣтняго заточенія?

Въ виду изложенныхъ соображеній, Сенаторъ А. К. Фриде полагалъ бы, въ статьѣ объ *исключительныхъ*, экстраординарныхъ, наказаніяхъ,— если уже сохранить терминъ *«заточенія»* (къ чему впрочемъ особой надобности не представляется), сказать:

«Лишеніе свободы отъ 6 лѣтъ до 1 года въ исправительномъ домѣ замѣняется, въ особо указанныхъ въ законѣ случаяхъ, заточеніемъ (въ крѣпости»).

Противъ такой редакціи статьи, по всей вѣроятности, укажутъ, что и въ новѣйшемъ законодательствѣ, т. е. въ германскомъ и венгерскомъ, кромѣ цухтгауза (который замѣняетъ наши каторжныя тюрьмы), пожизненнаго и срочнаго (отъ 1 года до 15 лѣтъ), въ Германіи существуетъ заключеніе *въ крѣпости на всю жизнь* и срочное (отъ 1 года до 15 лѣтъ), а въ Венгріи государственная тюрьма (отъ 1 дня до 15 лѣтъ). Все это такъ, но независимо отъ того, что А. К. Фриде не можетъ согласиться съ тѣми мотивами, которые привели германскихъ законодателей къ возможности допущенія заключенія въ крѣпости въ такихъ широкихъ предѣлахъ, все же въ Германіи наприм. заключеніе въ крѣпости не сопряжено ни съ какимъ особымъ стѣсненіемъ личности заключеннаго; онъ ни какимъ работамъ не принуждается, никакихъ правъ ни лишается, и даже 1 годъ заключенія въ крѣпости сравненъ съ 8-мѣсячнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Между тѣмъ

не то установлено въ проектѣ; по ст. 4 заточеніе на срокъ *свыше 6 лѣтъ* назначается за преступленія, а по ст. 15 *всѣ заточенные* обязаны все-же заниматься работами, хотя по ихъ выбору, но доставляющими доходъ, и, кромѣ того, по отбытіи заточенія, приговоренные на срокъ *свыше 6 лѣтъ поселяются* еще въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ и, такимъ образомъ, удаляются *на всю жизнь* изъ прежней среды. Такого рода послѣдствія уже никакъ ни подходятъ подъ понятіе о *custodia honesta*.

Прокуроръ Орловскаго Окружнаго Суда Хрулевъ замѣчаетъ, что, по смыслу проекта, заточеніе назначается за преступленія, которыя, хотя и представляютъ опасность для общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ не выказываютъ ни особой испорченности, ни безнравственности виновнаго, а свидѣтельствуютъ только объ его неумѣніи подчинять порывы своихъ желаній требованіямъ закона; это—преступленія, поводомъ къ которымъ служатъ «заблужденія, увлеченія или общественные предразсудки». «Хотя съ теоретической точки зрѣнія, говоритъ Коммисія, безчестіе и позоръ должно класть на виновнаго не наказаніе, а совершенное имъ преступленіе, но въ дѣйствительной жизни постановка вопроса измѣняется: преступленіе скоро забывается, а фактъ пребыванія въ томъ или другомъ мѣстѣ заключенія сохраняетъ надолго свое значеніе для наказаннаго. Между тѣмъ, несомнѣнно существуетъ цѣлый разрядъ даже тяжкихъ дѣяній, которыя вовсе не указываютъ на безчестный характеръ лицъ, ихъ совершившихъ, которыхъ по этому было-бы несправедливо смѣшивать съ общими преступниками».

Отсюда слѣдуетъ, что проектъ, включая заточеніе въ лѣстницу наказаній, имѣлъ въ виду установить совершенно особый видъ наказанія, имѣющій вполнѣ исключительный характеръ и назначаемый только за извѣстныя, опредѣленныя, а именно непозорящія преступленія. Это, такъ сказать, custodia honesta, наказаніе параллельное существующему въ новѣйшихъ западно-европейскихъ кодексахъ заключенію въ крѣпости или въ государственной тюрьмѣ.

Между тѣмъ тотъ характеръ наказанія, который явствуетъ изъ самаго его опредѣленія, далеко не проводится послѣдовательно, и въ проектѣ мы часто встрѣчаемся съ существенными отступленіями отъ только что упомянутыхъ началъ.

Прежде всего отступленіе это усматривается въ томъ, что, согласно 15 ст. проекта, заточеніе, назначаемое на срокъ свыше 6 лѣтъ, влечетъ за собою, какъ необходимое послѣдствіе, ссылку на поселеніе. Поселеніе-же,

по проекту, будетъ служить наказаніемъ за самыя разнообразныя преступленія и въ качествѣ дополнительнаго наказанія—за преступленія, доказывающія крайнюю нравственную испорченность ихъ совершителей. Между тѣмъ къ заточенію, хотя-бы на срокъ и свыше 6 лѣтъ, по смыслу проекта, могутъ быть приговариваемы лица, которыя такой безнравственности вовсе не обнаруживаютъ, и назначеніе для нихъ поселенія является мѣрою несправедливою и совершенно несоотвѣтствующею тѣмъ цѣлямъ, какія имѣлись въ виду при назначеніи перваго изъ этихъ видовъ наказанія. Выше было сказано, что заточеніе должно назначаться за преступленія, которыя свидѣтельствуютъ лишь о неумѣніи виновнаго подчинять порывы своихъ желаній требованіямъ закона. Наказаніе заточеніемъ, особенно назначаемое на болѣе продолжительный срокъ, будетъ имѣть именно то дисциплинирующее вліяніе на волю виновнаго, которое необходимо для того, чтобы научить его подчинять свои стремленія требованіямъ общей воли, выраженной въ законѣ. Лишать такого человѣка возможности снова возвратиться въ прежнюю среду и, притомъ, дѣлать такое рѣшеніе необходимымъ послѣдствіемъ, ео ірѕо вытекающимъ изъ присужденія къ заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ—нѣтъ никакаго основанія. Тѣ дѣянія, которыя предполагается облагать заточеніемъ, не указываютъ вовсе на безусловную неспособность виновнаго къ общественной жизни, а тѣмъ болѣе на невозможность для него въ будущемъ пріобрѣсти необходимыя для того свойства.—Поселеніе—наказаніе безсрочное. Осужденный навсегда извергается изъ общества и, какъ-бы онъ ни укрѣпилъ со временемъ своей воли, какъ-бы онъ ни развилъ въ себѣ способности къ соціальной жизни, онъ можетъ имѣть весьма слабую надежду воспользоваться, и то только въ далекомъ будущемъ (ст. 21 проекта), благами общественной жизни. Въ этомъ смыслѣ присоединеніе сего наказанія къ заточенію, хотя бы назначаемому и на продолжительный срокъ, является слишкомъ несправедливымъ отягощеніемъ и безъ того тяжелаго наказанія.

Вообще наказаніе заточеніемъ, по проекту, носитъ на себѣ двойственный характеръ: во 1-хъ, заточеніе назначается на срокъ до 6 лѣтъ и тогда оно вполнѣ отвѣчаетъ той мысли объ исключительномъ характерѣ этого наказанія, о которомъ говоритъ проектъ въ объяснительной запискѣ. Въ этомъ случаѣ оно не соединяется ни съ какими побочными отягчающими послѣдствіями: приговореннымъ къ нему допущены извѣстныя льготы: они занимаются (ст. 15) работами по своему выбору, чистый доходъ отъ этихъ работъ цѣликомъ обращается въ ихъ пользу и они, по отбытіи наказанія, ограничиваются въ своихъ правахъ (28 ст. проекта) только въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ. Въ 2-хъ, заточеніе на срокъ свыше 6 лѣтъ, оставаясь, по имени, тѣмъ-же наказаніемъ, носитъ на себѣ уже совершенно другой характеръ.

Оно соединяется, какъ уже было замѣчено, съ пожизненнымъ поселеніемъ осужденнаго, послѣ отбытія имъ срока своего наказанія; приговоренные къ нему занимаются работами по назначенію управленія; только $^1/_3$ чистаго дохода обращается въ ихъ пользу, и всѣ они ео ірso признаются лишенными правъ (ст. 27 проекта) и должны быть приписаны, какъ и каторжные, къ городскому или сельскому обществу, по отбытіи наказанія поселеніемъ.

Сравнивая это послѣднее наказаніе (заточеніе на срокъ свыше 6 лѣтъ) съ каторгой, г. Хрулевъ находитъ, что между ними нѣтъ почти никакой существенной разницы. Все различіе между каторгою и долгосрочнымъ заточеніемъ сводится лишь къ различію помѣщеній, въ которомъ приговоренные обѣихъ категорій будутъ отбывать свое наказаніе.

Спрашивается теперь, за какія преступленія можетъ быть назначаемо заточеніе на срокъ свыше 6 лѣтъ? Очевидно за такія, которыя указываютъ на совершенную неспособность преступника жить въ обществѣ, на совершенную невозможность для него сдѣлаться снова, если не полезнымъ, то хотя терпимымъ членомъ общества. Это явствуетъ изъ того, что наложеніе этого наказанія сопряжено съ такими послѣдствіями, которыя навсегда выбрасываютъ преступника изъ той среды, въ которой онъ находился до совершенія преступленія. Въ такомъ случаѣ, казалось-бы, естественнѣе облагать такія преступленія каторгою, какъ наказаніемъ назначаемымъ именно для такаго рода преступниковъ. Заточеніе-же, если желательно сохранить за нимъ значеніе custodiae honestae, а это нельзя не признать желательнымъ, по мотивамъ, приложеннымъ къ проекту (стр. 17 и 18), не должно влечь за собою ни поселенія, ни другихъ отягощеній, которыми въ нѣкоторыхъ случаяхъ обставлено это наказаніе по проекту. Въ виду сохраненія той-же исключительности заточенія, переходъ къ нему отъ высшаго наказанія, какъ напр. каторги, такъ равно отъ него къ низшему роду наказанія, исправительному дому или тюрьмѣ, не долженъ имѣть вовсе мѣста. Въ проектѣ встрѣчаются слѣдующія положенія по этому вопросу: ст. 49 проекта говоритъ: «для несовершеннолѣтнихъ отъ 17 до 21 года смертная казнь замѣняется каторгою на пятнадцать лѣтъ или заточеніемъ на десять лѣтъ»; ст. 53 проекта говоритъ: «если за судимое дѣяніе не опредѣленъ низшій предѣлъ наказанія, то суду, въ случаѣ признанія обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, предоставляется перейти къ другому наказанію въ слѣдующемъ порядкѣ: отъ смертной казни къ безсрочной или срочной каторгѣ или къ заточенію на срокъ отъ 1 года до 6 лѣтъ».

Здѣсь опять является смѣшеніе нѣсколькихъ совершенно разнородныхъ, по своему характеру, наказаній. Признаніе или непризнаніе обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, влекущее за собою уменьшеніе наказанія, предостав-

ляется, совершенно раціонально, суду. На практикѣ переходъ отъ высшаго наказанія къ низшему будетъ обусловливаться, такимъ образомъ, самыми разнообразными мотивами, вытекающими изъ разсмотрѣнія и оцѣнки каждаго даннаго случая. Понятно, что при этомъ условіи невозможно допустить, чтобы суды, примѣняя 53 ст., всегда переходили-бы къ пониженному наказанію, слѣдуя одному и тому-же критерію. Вслѣдствіе этого, при возможности перехода наказанія отъ каторги и поселенія къ заточенію, индивидуальный характеръ этихъ наказаній исчезаетъ. Къ заточенію будутъ присуждаться преступники, далеко не всегда отвѣчающіе тѣмъ условіямъ, какія законъ признаетъ необходимыми для этого наказанія. Такимъ образомъ, здѣсь опять встрѣчается то смѣшеніе принциповъ, лежащихъ въ основаніи совершенно разнородныхъ наказаній, о которомъ говорено выше. Если заточеніе признается наказаніемъ исключительнымъ, наказаніемъ съ характеромъ custodiae honestae, то необходимо, чтобы характеръ этотъ проводился послѣдовательно во всѣхъ случаяхъ, чтобы наказаніе это соотвѣтствовало извѣстному роду преступленій, имѣющихъ извѣстную, указанную въ законѣ, спеціальную особенность, и чтобы назначеніе его въ томъ или другомъ случаѣ ни какъ не было предоставлено разнообразнымъ случайностямъ. Въ случаѣ-же, если въ какомъ-либо преступленіи, влекущемъ за собою, какъ нормальную мѣру, каторгу, имѣются на лицо такія смягчающія вину обстоятельства, что самый минимальный срокъ этаго наказанія представляется несоразмѣрно тяжелымъ, то вполнѣ умѣстно отъ каторги перейти прямо къ исправительному дому, какъ это и устанавливается 2 п. 53 ст. проекта. Это наказаніе, по тѣмъ условіямъ, какими оно обставлено въ проектѣ, будетъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовать подобнаго рода преступленіямъ, которыя, очевидно, не доказываютъ ни безнадежной испорченности виновныхъ, ни его безусловной для общества опасности.

Тѣ аргументы, которые приведены выше противъ допущенія перехода къ заточенію отъ каторги или поселенія, говорятъ и противъ перехода отъ заточенія къ низшимъ родамъ наказанія. По ст. 38 проекта, «малолѣтный отъ 10—17-ти лѣтъ, признанный дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ, подлежитъ, вмѣсто заточенія на срокъ свыше 6 лѣтъ, отдачѣ въ исправительно-воспитальное заведеніе; буде-же виновному, во время обращенія приговора къ исполненію, уже исполнилось 18 лѣтъ, а равно и въ случаѣ неимѣнія въ данной мѣстности исправительно-воспитательнаго заведенія,—тюрьмѣ съ сокращеніемъ срока, противу замѣняемаго наказанія, на $^1/_2$».

Тюремному заключенію, какъ общему наказанію, подлежатъ преступники самыхъ разнообразныхъ категорій и потому тюрьма будетъ весьма неудачною замѣною заточенія. Если заточеніе имѣется въ виду назначать за пре-

ступленія, которыя показываютъ неумѣніе виновнаго подчинять порывы своихъ желаній требованіямъ закона, и если это неумѣніе совладать съ своими стремленіями въ человѣкѣ взросломъ, вполнѣ сформировавшемся, даетъ право на особое вниманіе законодателя, который не желаетъ смѣшивать его съ преступнымъ контингентомъ общихъ заключеній, то тѣмъ болѣе вниманія заслуживаютъ несовершеннолѣтніе, по самому свойству своей природы, менѣе способные противостоять тѣмъ или другимъ преступнымъ искушеніямъ. Увлеченія и заблужденія въ эту пору человѣческой жизни всего болѣе естественны, и для борьбы съ ними вполнѣ достаточно, какъ признаютъ это и составители проекта, воспитательнаго вліянія исправительныхъ заведеній. Въ случаѣ-же неимѣнія ихъ въ данной мѣстности, для такихъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ было-бы цѣлесообразнѣе соотвѣтствующее уменьшеніе срока наказанія, безъ измѣненія самаго характера послѣдняго. Что касается тюремъ, то какъ-бы ни были образцово онѣ устроены, все-таки общій контингентъ ихъ всегда будетъ имѣть болѣе или менѣе развращающее вліяніе на тѣхъ преступниковъ, которыхъ судъ, руководствуясь 38 ст. проекта, поселилъ-бы между ними. Великая-же задача законодателя, въ особенности по отношенію къ малолѣтнымъ преступникамъ, а тѣмъ болѣе къ тѣмъ изъ нихъ, преступность коихъ является послѣдствіемъ несдержанныхъ увлеченій, заключается въ удаленіи отъ нихъ всякихъ порочныхъ элементовъ и въ созданіи для нихъ такихъ условій, которыя сдѣлали-бы ихъ въ будущемъ вполнѣ способными къ гражданской жизни.

Резюмируя все изложенное по данному вопросу, нельзя, по мнѣнію г. Хрулева, не пожелать, чтобы за заточеніемъ сохранился тотъ исключительный характеръ custodiae honestae, о которомъ говоритъ проектъ. Съ этою цѣлью, необходимо спеціализировать это наказаніе, выдѣлить его изъ общей системы и ни въ какомъ случаѣ не допускать смѣшенія приговариваемыхъ къ нему съ преступниками другихъ категорій. Въ виду этой невозможности перехода отъ заточенія къ другимъ видамъ наказанія, необходимо предоставить суду возможно большій просторъ въ назначеніи сроковъ этого наказанія и тогда судъ будетъ имѣть возможность въ каждомъ данномъ случаѣ назначить наказаніе, вполнѣ соотвѣтствующее всѣмъ особенностямъ даннаго преступленія.

По изложеннымъ соображеніямъ, 15 ст. слѣдовало-бы изложить такъ:

«Заточеніе назначается на срокъ отъ двухъ недѣль до десяти лѣтъ и отбывается или въ крѣпостяхъ, или въ установленныхъ для заточенія мѣстахъ».

«Приговоренные содержатся въ общемъ заключеніи, но съ разобщеніемъ на ночь».

«Приговоренные занимаются въ самомъ помѣщеніи работами по ихъ выбору; чистый доходъ отъ работъ обращается въ ихъ пользу».

При обсужденіи собраніемъ чиновъ Кишиневскаго Окружнаго Суда и мѣстныхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ 15 ст. проекта, обращено было вниманіе на несоотвѣтствіе положеній, въ ней выраженныхъ, съ основными мыслями составителей проекта о значеніи и характерѣ этого вида лишенія свободы. По мысли составителей проекта, «заточеніе» представляется, подобно заключенію въ крѣпость германскаго, или государственной тюрьмѣ венгерскаго уголовнаго уложенія, какъ-бы параллельнымъ наказаніемъ прочимъ видамъ лишенія свободы и должно примѣняться въ случаяхъ, когда, по мотивамъ даннаго дѣянія, поступокъ виновнаго не указываетъ на его безчестность,—какъ custodia honesta. Понятно, что при такомъ значеніи, во 1-хъ, представляется непослѣдовательнымъ дѣлить «заточеніе» на два вида: на срокъ до 6 и свыше 6 лѣтъ, соединяя съ этимъ послѣднимъ видомъ заточенія такія послѣдствія, которыя могутъ быть примѣняемы только къ преступленіямъ, совершеннымъ по безчестному побужденію и отнимаютъ отъ заточенія его основную идею. Вслѣдствіе сего большинство собранія предположило измѣнить ст. 15-ю въ томъ смыслѣ, чтобы исключены были выраженія со словъ: «на срокъ не свыше 6 лѣтъ» и затѣмъ ниже со словъ «приговоренные на срокъ свыше 6 лѣтъ», до конца періода, что̀ повлечетъ за собой обрисовку «заточенія», какъ одного цѣльнаго типичнаго наказанія, параллельнаго другимъ видамъ лишенія свободы и однообразнаго въ своихъ деталяхъ, какой-бы ни былъ его срокъ, какъ относительно размѣра вознагражденія, такъ и порядка назначенія работъ. Во 2-хъ, та же указанная основная идея «заточенія», какъ custodiae honestae, не допускаетъ въ своемъ послѣдовательномъ развитіи ни добавочнаго наказанія, поселенія, о коемъ говоритъ исключаемая собраніемъ послѣдняя часть 15 ст., ни въ особенности лишенія правъ, означенныхъ въ статьяхъ 25 и 27.

Членъ Нѣжинскаго Окружнаго Суда Каменцовъ указываетъ, что, по мысли Редакціонной Коммисіи, заточеніе устанавливается для дѣяній, вызванныхъ не позорными и безчестными побужденіями, а заблужденіемъ или общественными предразсудками, присужденные-же къ «заточенію» будутъ отбывать наказаніе или въ крѣпостяхъ, или въ другихъ, устроенныхъ для этого, мѣстахъ заключенія. Устройство этого рода мѣстъ заключенія, какъ

custodia honesta, прежде всего теоретически ошибочно и шатко, какъ ошибочна и шатка и самая система дѣленія преступленій по мотивамъ ихъ вызвавшимъ. Важность и опасность преступленія въ его объективномъ и субъективномъ составѣ, не исчерпываются только мотивомъ, а опредѣляются, и въ большинствѣ случаевъ больше всего, всею конкретною обстановкою дѣянія въ связи съ его послѣдствіями, и нравственнымъ и умственнымъ уровнемъ обвиняемаго, созданнымъ всей его предшествующей жизнію. Но если допустить даже, что всѣ эти теоретическія трудности и будутъ обойдены въ особенной части уложенія обширными характерными опредѣленіями рода и видовъ каждаго преступленія, то и тогда, по мнѣнію г. Каменцева, противъ введенія у насъ въ Россіи этого новаго наказанія представляется много практическихъ неудобствъ такого серіознаго свойства, что устранить ихъ едва-ли будетъ возможно. Переустройство повсемѣстное и спѣшное, на новыхъ началахъ, по новой системѣ, существующихъ у насъ мѣстъ заключеній, арестантскихъ отдѣленій, тюремъ и арестныхъ домовъ, потребуетъ такихъ громадныхъ средствъ, что трудно даже предположить, при настоящемъ финансовомъ положеніи, возможность одновременнаго устройства еще и новыхъ помѣщеній для приговариваемыхъ къ «заточенію». Крѣпости по этому останутся на очень долгое время единственнымъ мѣстомъ для приговореннымъ къ заточенію. Крѣпости по своему устройству съ военной администраціей, ничего общаго съ юстиціей не имѣющей, едва-ли могутъ дать больше удобствъ заключенному, чѣмъ исправительный домъ или тюрьма, устроенные на новыхъ гуманныхъ началахъ; тѣмъ болѣе, что даже и въ настоящее время, при безобразномъ устройствѣ общихъ мѣстъ заключенія, обстановка содержанія арестантовъ въ крѣпостяхъ считается въ юридической литературѣ только сноснѣе и какъ-бы почетнѣе другихъ видовъ заключеній. Но и помимо этого крѣпости, и по числу, и по мѣсту расположенія почти на окраинахъ Россіи, не будутъ въ состояніи удовлетворить требованіямъ, предъявленнымъ къ нимъ проектомъ. Теперь, когда уложеніе знаетъ только 15 дѣяній, облагаемыхъ крѣпостями, когда число лицъ, присужденныхъ къ этому наказанію, не превышаетъ ежегодно цифры 25, когда наконецъ никакое другое наказаніе не могло быть замѣнено крѣпостью,—законъ (79 ст.) тѣмъ не менѣе призналъ необходимымъ предоставить право судамъ, расположеннымъ въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ крѣпостей, когда пересылка обвиненнаго могла-бы быть затруднительна, замѣнять крѣпость заключеніемъ въ тюрьмѣ. При дѣйствіи-же новаго уложенія, неудобства пересылки арестантовъ останутся тѣ же, но число послѣднихъ достигнетъ очень солидной цифры. Ибо, судя по мѣсту, отведенному «заточенію» въ лѣстницѣ наказаній, по числу лѣтъ и его послѣдствіямъ, уложеніе

предполагаетъ, напротивъ, расширить кругъ дѣяній, облагаемыхъ этимъ наказаніемъ; кромѣ того по 53 ст. къ крѣпости будутъ присуждаться лица, для коихъ нормальное наказаніе—смертная казнь или поселеніе, а по 55 ст. и тѣ по совокупности, которые будутъ присуждены въ исправительный домъ или тюрьму. А это послѣднее—двойное теченіе въ мѣста «заточенія», при системѣ общаго заключенія, смѣшаетъ, въ силу самаго закона, общихъ преступниковъ съ лицами не съ позорнымъ или безчестнымъ характеромъ и тѣмъ самымъ устранитъ для послѣднихъ почетность мѣста ихъ заключенія. Исключеніе по этимъ соображеніямъ заточенія изъ лѣстницы наказаній тѣмъ болѣе желательно и полезно, что и безъ «заточенія» проектъ заключилъ наказаніе въ такіе широкіе предѣлы, внутри которыхъ судья въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ безъ натяжекъ можетъ совершенно правильно опредѣлить его и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи.

Не возражая въ принципѣ противъ цѣлесообразности примѣненія заточенія къ нѣкоторымъ преступленіямъ, не указывающимъ на позорный или безчестный характеръ лицъ ихъ совершившихъ, прокуратура Ржевскаго Окружнаго Суда приходитъ тѣмъ не менѣе къ заключенію, что примѣненіе этой мѣры на практикѣ едва-ли не встрѣтитъ серьезныхъ препятствій.

При несовершенствѣ нашихъ мѣстъ заключенія, при недостаточномъ ихъ количествѣ, и въ настоящее время различные виды наказаній, какъ-то: заключеніе въ арестантскія роты, смирительные и рабочіе дома, въ большинствѣ случаевъ сводится къ заключенію въ тюрьму. Трудно ожидать, чтобы государство въ ближайшемъ будущемъ могло располагать столь значительными матеріальными средствами, какія необходимы для устройства мѣстъ заключенія, соотвѣтствующихъ указаннымъ въ лѣстницѣ наказаній: заточенію, исправительному дому и тюрьмѣ. Условія содержанія лицъ, приговариваемыхъ къ заточенію и исправительному дому, имѣютъ много общаго и приведеніе тѣхъ незначительныхъ различій, которыя между ними устанавливаются проектомъ, едва-ли настолько необходимо, чтобы государство тратило значительныя средства для устройства особыхъ мѣстъ заточенія.

Тѣ цѣли, которыя преслѣдуются проектомъ уложенія при установленіи заточенія, какъ особаго вида наказанія, могутъ быть съ успѣхомъ достигнуты и при помощи исправительныхъ домовъ. Для этого было-бы вполнѣ достаточно лицъ, признанныхъ виновными въ тѣхъ особыхъ преступленіяхъ, которыя не носятъ позорящаго характера, содержать въ особыхъ отдѣленіяхъ исправительныхъ домовъ, отдѣльно отъ прочихъ преступниковъ,

примѣняя, при содержаніи арестантовъ этого рода, всѣ тѣ условія заключенія, которыми проектъ считаетъ необходимымъ обставить заточеніе.

Переходя затѣмъ къ самому мѣсту заточенія въ лѣстницѣ наказаній, нельзя, по мнѣнію Ржевской прокуратуры, не отмѣтить нѣкоторой непослѣдовательности при опредѣленіи условій содержанія преступниковъ въ заточеніи и исправительномъ домѣ.

Благодаря особенностямъ характера и жизни русскаго народа, одиночное заключеніе является едва-ли не самымъ тяжкимъ наказаніемъ для русскаго, въ особенности же для простолюдина. Вслѣдствіе этого одиночное заключеніе, сопровождающее содержаніе въ исправительномъ домѣ и совершенно исключенное при заточеніи, дѣлаетъ послѣднее, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, болѣе легкимъ наказаніемъ, чѣмъ исправительный домъ, стоящій, между тѣмъ, въ лѣстницѣ наказаній гораздо ниже заточенія, которое, примыкая непосредственно къ каторгѣ, является однимъ изъ наиболѣе тяжкихъ наказаній.

Товарищъ Прокурора Полтавскаго Окружнаго Суда Сливицкій указываетъ, что заточеніе будетъ назначаемо лишь за нѣкотораго рода преступныя дѣянія, является наказаніемъ особеннымъ и, какъ таковое, не можетъ имѣть мѣста въ общей лѣстницѣ наказаній, устанавливаемой 2 ст. проекта. Кромѣ того, судя по постановленіямъ проекта объ усиленіи, смягченіи и замѣнѣ наказаній (ст. 49, 53—56 проекта), заточеніе теряетъ свой особенный характеръ, какъ наказанія за преступныя дѣянія, не разрушающія понятія о чести; такъ, по 49 ст., смертная казнь и каторга для несовершеннолѣтнихъ можетъ быть замѣнена заточеніемъ, а по 53 ст. и для совершеннолѣтнихъ такая замѣна допускается при наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ, т. е. по силѣ этихъ постановленій заточеніемъ можетъ быть караемо и преступное дѣяніе, позорящее человѣка, не совмѣстимое съ понятіемъ о чести. Такая непослѣдовательность во взглядѣ на заточеніе приведетъ къ тому, что если по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, ничего общаго неимѣющихъ съ тѣми, только при наличности которыхъ виновный и можетъ быть подвергнутъ заточенію, будутъ подвергаемы заточенію обвиненные въ убійствѣ съ корыстною цѣлью, грабежѣ и т. п. преступленіяхъ, позорящихъ человѣка, то заточеніе утратитъ свой первоначальный характеръ и для виновныхъ въ такихъ преступныхъ дѣяніяхъ, за которыя признано справедливымъ и цѣлесообразнымъ установить этотъ именно видъ лишенія свободы.

Заточеніе должно занимать въ уложеніи особое мѣсто и за этимъ нака-

заніемъ долженъ быть строго сохраненъ тотъ характеръ, который придаетъ ему Коммисія на стр. 62; во всякомъ случаѣ заточеніе должно быть исключено изъ ст. 2, какъ наказаніе не общее, а особенное.

Въ виду свойства тѣхъ преступленій, которыя предполагается наказывать заточеніемъ, и значенія этого наказанія, какъ не обезчещивающаго, докладчикъ въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры г. Кильштетъ полагалъ: 1) установить безусловное разобщеніе заточенныхъ въ теченіи перваго года и 2) уничтожить, съ другой стороны, тѣ различія, которыя указаны въ 1 и 2 ч. ст. 15 относительно заточенныхъ на срокъ свыше и ниже 6 лѣтъ, такъ какъ оба эти вида заточенія имѣютъ характеръ custodiae honestae. Поэтому докладчикъ полагалъ изложить эту часть статьи такъ: «приговоренные занимаются въ самомъ помѣщеніи работами по ихъ выбору; чистый доходъ отъ работъ обращается въ ихъ пользу». Наоборотъ, одинъ изъ присутствующихъ (г. Тимофеевскій) находилъ, что для обоихъ видовъ заточенія работы должны быть обязательно назначаемы начальствомъ мѣста заточенія. Въ виду представленныхъ возраженій (гг. Островскій, Бомъ и Марковъ) о томъ, что заточеніе на срокъ свыше и ниже 6 лѣтъ представляетъ по существу два различныхъ наказанія, назначаемыхъ первое—за преступленія, а второе—за проступки, и что выраженіе: «занимаются работами по ихъ выбору», не должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что заточенный вправѣ вовсе не работать, а имѣетъ тотъ смыслъ, что изъ указанныхъ уставомъ мѣста заточенія работъ дозволяется выбрать ту или другую, совѣщаніе признало, что ст. 15 должна быть оставлена безъ измѣненій.

Архангельскій Губернскій Прокуроръ Краусъ замѣчаетъ, что Редакціонная Коммисія, устанавливая заточеніе, какъ особое наказаніе, замѣняющее въ извѣстныхъ случаяхъ остальные виды лишенія свободы, начиная съ ареста и кончая каторгою,—разъясняетъ въ соображеніяхъ своихъ, что заточеніе въ видѣ custodiae honestae имѣетъ быть назначено за тѣ преступленія, какъ тяжкія, такъ и менѣе тяжкія, которыя вовсе не указываютъ на позорный или безчестный характеръ лицъ, ихъ совершившихъ, и которыхъ поэтому неосправедливо было-бы смѣшивать съ общими преступниками. «*Такимъ образомъ преступныя дѣянія, караемыя заточеніемъ, по субъективному элементу своему, рѣзко выдѣляются отъ массы остальныхъ преступленій, и сами преступники имѣютъ мало общаго съ главнымъ контингентомъ лицъ, под-*

вершаемыхъ карѣ уголовнаго закона». При такомъ исключительномъ характерѣ этихъ преступленій и самыхъ преступниковъ, казалось-бы, и налагаемое на послѣднихъ наказаніе,—заточеніе, должно быть осуществлено въ такой исключительной формѣ, которая, выдѣляя его отъ остальныхъ видовъ лишенія свободы, соотвѣтствовало-бы мотивамъ, вызывающимъ его установленіе. Между тѣмъ при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи статей 15, 25, 28 и 30 проекта оказывается, что лица, подвергнутыя заточенію въ мѣстахъ заключенія, занимаются обязательными работами, и что, по отбытіи наказанія, тѣ изъ нихъ, которыя приговорены на срокъ свыше 6 лѣтъ, наравнѣ съ каторжными, поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ (ст. 15). Сверхъ сего они подвергаются такому-же пораженію почетныхъ и сословныхъ правъ и тѣмъ-же ограниченіямъ право-и дѣеспособности, которыя установлены для каторги и ссылки на поселеніе (ст. 25, 27 и 30); заточенные-же на срокъ ниже 6 лѣтъ приравнены въ этомъ отношеніи къ лицамъ, подвергнутымъ тюремному заключенію (ст. 28 проекта). Такимъ образомъ оказывается, что на дѣлѣ заточеніе *въ сущности ничѣмъ не отличается отъ замѣняемыхъ имъ другихъ видовъ лишенія свободы.*

Такой порядокъ, по мнѣнію г. Крауса, противорѣчитъ тѣмъ соображеніямъ, которыя служили основаніемъ выдѣленія заточенія, какъ особаго наказанія за преступленія не опозоривающаго характера, если разъ признано, что осужденный совершилъ преступное дѣяніе не изъ за наклонности къ пороку, или отсутствія нравственныхъ принциповъ или неуваженія къ закону, а вслѣдствіе стеченія чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ порывѣ раздраженія, аффекта и вслѣдствіе неумѣлости подчинять обуревающія его страсти строгимъ требованіямъ закона, то болѣе или менѣе продолжительное лишеніе свободы вполнѣ достаточно для исправленія его и искупленія вины его въ глазахъ согражданъ, общественная совѣсть которыхъ нисколько не постыдится принять такое, отбывшее наказаніе лицо снова въ свою среду, какъ полноправнаго своего члена.

Этого рода преступники никогда не возбуждаютъ ненависти и презрѣнія, а скорѣе сожалѣніе, а иногда даже сочувствіе. Архангельскій Прокуроръ рѣшительно не понимаетъ, какую пользу ожидаютъ отъ выселенія такого лица, по отбытіи наказанія, въ другую отдаленную мѣстность и отъ пораженія право-и дѣеспособности его. Общественная совѣсть этого не требуетъ, а равнымъ образомъ этого не требуютъ интересы общественной безопасности, на самаго-же осужденнаго мѣры эти, ставящія его на всю остальную жизнь въ исключительное, опозоривающее положеніе, должны имѣть самое гибельное въ нравственномъ отношеніи вліяніе.

Въ виду этихъ соображеній, казалось-бы вполнѣ возможнымъ устано-

вить, въ видѣ общаго правила, *что заточеніе, какъ долгосрочное, такъ и менѣе продолжительное, не влечетъ за собою ни поселенія, ни ограниченія правъ или ограниченія право- и дѣеспособности, такъ какъ только при такихъ условіяхъ наказаніе это будетъ соотвѣтствовать тому назначенію, которое имѣлось въ виду при его установленіи.* Исключенія изъ этого общаго правила могутъ быть, по мнѣнію г. Крауса, допущены лишь въ отношеніи тѣхъ преступныхъ дѣяній не опозоривающаго характера, которыя выражаютъ собою извѣстное преступное и вредное направленіе образа мыслей, каковы, напр., преступленія, направленныя *противъ государственнаго, соціальнаго и религіознаго строя* общества. Этого рода преступленія являются продуктомъ глубоко вкоренившихся убѣжденій, вслѣдствіе чего срочное лишеніе преступника свободы не можетъ служить достаточною гарантіею невпаденія его вновь въ преступленіе.

Не зная въ точности, за какія именно изъ противозаконныхъ дѣяній по дальнѣйшимъ раздѣламъ проекта виновные будутъ подвергаться заточенію, и принимая за мѣрило сужденія о неизвѣстномъ лишь преподанную въ мотивахъ Редакціонной Коммисіи характеристику сихъ дѣяній, равно какъ и нѣкоторые роды преступленій и проступковъ по существующему уложенію о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, Товарищъ Предсѣдателя Плоцкаго Окружнаго Суда Павловскій приходитъ къ заключенію, что заточеніе будетъ примѣняемо къ немногочисленнымъ противозаконнымъ дѣяніямъ, въ родѣ предусматриваемыхъ напримѣръ въ статьяхъ 184, 189, 220, 234, 237, 245, 250—252, 258 и посл., 318, 329, 341 и посл. 349 и посл., 396, 425, 556, 1081, 1497 до 1512 и т. п. и влекущимъ за собою до сихъ поръ заключеніе въ крѣпостяхъ. Большая часть этихъ, хотя впрочемъ и весьма важныхъ, примыкающихъ даже къ рубежамъ преступленія (crimen) противозаконныхъ дѣяній, должна влечь за собою только, такъ-называемую, по словамъ мотивовъ проекта, *custodiam honestam*.

Такъ-какъ по проекту (ст. 15) наказаніе заточеніемъ будетъ отбываться или въ крѣпостяхъ, или въ особо для сего устроенныхъ мѣстахъ заключенія, то, въ виду не особенной численности подобныхъ случаевъ, едва-ли оказывается достаточно оправданнымъ это нововведеніе въ карательной системѣ, осуществленіе котораго, будучи сопряжено съ необходимостью въ устройствѣ новыхъ помѣщеній и въ соотвѣтственныхъ приспособленіяхъ, обойдется казнѣ не дешево.

Допущеніе-же отбывать этого рода наказаніе, кромѣ крѣпостей, въ другихъ, существующихъ уже общихъ мѣстахъ заключенія, какъ напримѣръ

въ тюрьмахъ или при полиціи, отнимало-бы несомнѣнно отъ «заточенія» тотъ характеръ, который придается этому роду наказанія по проекту Редакціонной Коммисіи.

По изложеннымъ соображеніямъ г. Павловскій полагалъ-бы: исключить какъ опредѣляемый по ст. 2 п. 3 проекта Редакціонной Коммисіи самый родъ наказанія, такъ и изображающій оное терминъ «заточеніе», наводящій по неволѣ на мысль о всѣхъ сопровождавшихся заточеніемъ ужасахъ средневѣковой эпохи, какъ-то ослѣпленіе виновнаго, пытки и т. п. или такъ-называемое оставленіе in pace, а вслѣдствіе сего оставить безъ измѣненія существующее до сихъ поръ заключеніе въ крѣпостяхъ съ тѣмъ, чтобы лица, заслужившія, по пониманію Редакціонной Коммисіи, за свои преступленія наказаніе болѣе строгое, то есть превышающее 6 лѣтъ заточенія, приговариваемы были просто къ каторжнымъ работамъ въ крѣпостяхъ.

Вполнѣ сочувствуя мысли Редакціонной Коммисіи—создать въ ряду различныхъ типовъ лишенія свободы такой видъ этого наказанія, который, допуская назначеніе его на весьма продолжительные сроки и, стало быть, за преступленія большой важности, хотя и не свидѣтельствующія объ особой испорченности и безнравственности виновнаго, въ тоже время на самый первый взглядъ отличался-бы отъ тюрьмы, исправительнаго дома и каторги своимъ названіемъ, внутреннимъ устройствомъ и порядкомъ содержанія, не допуская смѣшенія въ глазахъ населенія этого вида наказанія съ другими перечисленными, чины Рыбинской прокуратуры считаютъ однако нужнымъ замѣтить, что мысль эта, проведенная въ проектѣ, способна вызвать на практикѣ не малыя затрудненія.

По проекту (ст. 15 ч. 1), заточеніе предполагается отбывать или въ крѣпостяхъ, или въ особыхъ устроенныхъ для заточенія помѣщеніяхъ. Такъ какъ крѣпостей не много, а особыхъ мѣстъ заточенія соображенія государственной экономіи едва-ли позволятъ имѣть въ должномъ количествѣ по пространству, гдѣ дѣйствуютъ суды, примѣняющія уложеніе, то легко видѣть, что при назначеніи заточенія на кратчайшіе сроки—двѣ недѣли (случаевъ-же такихъ нужно ожидать не мало, при широкомъ правѣ суда на смягченіе наказаній и при условіи сравнительно наименьшей несимпатичности преступленій, караемыхъ заточеніемъ), центръ тяжести въ отбытіи этого наказанія перемѣстится въ акты заарестованія виновнаго и препровожденія его изъ мѣста жительства въ крѣпость или ближайшее мѣсто, гдѣ таковое помѣщеніе устроено для заточенія, причемъ, во 1-хъ, тяжесть этого наказанія для разныхъ лицъ станетъ въ прямую и исключительную зависи-

мость отъ того случайнаго обстоятельства, какъ близко отъ мѣста заточенія находится наказываемый, а во 2-хъ, во многихъ очень случаяхъ срокъ заточенія истечетъ ранѣе, чѣмъ лицо, подлежащее кратковременному заточенію, будетъ доставлено въ крѣпость, заставъ его гдѣ-либо на пути пересылки или тотчасъ вслѣдъ за прибытіемъ. Найти выходъ изъ этого практическаго затрудненія повидимому легко при нынѣ существующихъ условіяхъ назначенія и отбытія наказаній; въ каждомъ уѣздномъ городѣ имѣется такое мѣсто заключенія, которое отличается отъ тюрьмы, арестантскихъ отдѣленій и рабочаго дома именно тѣмъ признакомъ, который какъ бы долженъ лечь въ основу учрежденія заточенія—сравнительно гораздо менѣе постыднымъ своимъ значеніемъ въ глазахъ массы—это мѣста заключенія для арестуемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей, арестные дома. По проекту Коммисіи, эти послѣдніе должны остаться въ прежнемъ ихъ видѣ для лицъ, приговариваемыхъ къ аресту. Но при сравненіи существа этого наказанія, опредѣляемаго во 2-й половинѣ 19 ст. проекта, съ заточеніемъ, опредѣляемымъ въ 3 ч. 15 ст., оказывается, что между двумя сими видами лишенія свободы никакой существенной разницы не заключается. Сходные по существу и законной дефиниціи, два эти вида лишенія свободы могутъ быть естественно сближены между собою и внѣшнимъ образомъ въ лѣстницѣ наказаній, такъ чтобы арестъ служилъ продолженіемъ заточенія въ болѣе короткихъ его срокахъ и арестные дома уѣздными, филіальными отдѣленіями мѣстъ заточенія. Тогда будетъ возможность урѣзать кратчайшіе сроки заточенія, ограничивъ минимумъ этого наказанія однимъ годомъ и установивъ прямую связь этого наказанія съ арестомъ.

На основаніи вышеизложеннаго предполагается: 1) ст. 15, ч. 1, измѣнить такъ: «заточеніе назначается на срокъ отъ одного года до 10 лѣтъ»; 2) ст. 19, ч. 1, изложить такъ: «арестъ назначается на срокъ отъ одного дня до 6 мѣсяцевъ; а въ случаяхъ, ст. 33 п. 2 и 56 указанныхъ, до одного года и проч.; 3) въ ст. 53, п. 2, послѣ словъ: «отъ поселенія къ заточенію», вставить: «отъ заточенія къ аресту».

Членъ Казанской Судебной Палаты Орловъ не усматриваетъ достаточнаго основанія установлять новый видъ лишенія свободы, подъ именемъ *заточенія*, такъ какъ это ведетъ лишь къ усложненію лѣстницы наказаній, не цѣлесообразному уже и потому, что требуетъ образованія особыхъ, отдѣльныхъ учрежденій для отбытія этого рода наказанія, а между тѣмъ практика уже доказала, что гораздо легче установить на бумагѣ разнообразные виды и роды наказанія лишенія свободы, нежели устроить соотвѣтствую-

щія имъ мѣста заключенія; такъ напр., установленные для многихъ губерній рабочіе, исправительные и смирительные дома, существуютъ лишь на бумагѣ. Гораздо поэтому цѣлесообразнѣе дать болѣе широкое развитіе наказанію ссылки, допустивъ въ извѣстныхъ случаяхъ срочность ея и не обусловливая соединенія ея неизбѣжно съ лишеніемъ правъ.

По мнѣнію чиновъ прокуратуры Череповецкаго Окружнаго Суда, новый видъ наказанія, вводимый проектомъ,—заточеніе, долженъ будетъ создать при своемъ примѣненіи и особыя, такъ-сказать, привилегированныя преступленія. Конечно, мотивы у преступниковъ бываютъ разнообразные, и не всегда преступленіе есть послѣдствіе нравственной порчи, но создавать, въ силу тонкихъ психическихъ оттѣнковъ, особыя наказанія, едва-ли необходимо. Примѣненіе этого наказанія при настоящемъ устройствѣ мѣстъ заключенія не можетъ достигнуть своей цѣли, а устройство для заточенія новыхъ мѣстъ составило-бы роскошь, едва-ли возможную и желательную при болѣе настоятельной необходимости лучшаго устройства общихъ мѣстъ заключенія. Положеніе судьи, обязаннаго избрать тотъ или другой видъ лишенія свободы, можетъ быть весьма затруднительно, если ему придется изучать и изслѣдовать въ каждомъ случаѣ индивидуальныя свойства преступника и мотивы, по которымъ совершено имъ преступленіе, такъ-какъ отношеніе разныхъ лицъ къ одному и тому-же дѣянію можетъ быть весьма разнообразно и зависитъ отъ личныхъ свойствъ, умственнаго и нравственнаго развитія, взглядовъ и т. п.

Чины прокурорскаго надзора Эриванскаго Окружнаго Суда считаютъ немыслимымъ, чтобы повсемѣстно въ Имперіи были устроены одновременно помѣщенія для заточенія и исправительные дома. Поэтому въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не имѣется крѣпостей или особыхъ помѣщеній для заточенія и исправительныхъ домовъ и изъ коихъ пересылка лицъ, осужденныхъ къ сего рода наказаніямъ, въ тѣ мѣста, гдѣ имѣются такія помѣщенія, представляется, по особымъ условіямъ этихъ мѣстностей, затруднительною, наказанія, указанныя въ 3 и 5 п. 2 ст. проекта уложенія, невозможно будетъ примѣнять на практикѣ, и, всего вѣроятнѣе, наказанія эти, впредь до устройства упомянутыхъ помѣщеній, придется замѣнять заключеніемъ въ тюрьму. Поэтому желательно было-бы выработать и внести въ проектъ уложенія правила о замѣнѣ заточенія и отдачи въ исправительный домъ другими наказаніями.

Прокуроръ Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскій останавливается на томъ обстоятельствѣ, что заточеніе, опредѣленное на срокъ отъ 2 недѣль до 10 лѣтъ, какъ сказано въ 15 ст., *отбывается или въ крѣпостяхъ, или въ устроенныхъ для заточенія помѣщеніяхъ.*

Между тѣмъ, въ виду того, что заточеніе, по мысли Коммисіи, будетъ назначаемо лишь за нѣкоторыя спеціальныя преступленія, а слѣдовательно и присужденіе къ этому роду наказанія будетъ сравнительно рѣдко, особыхъ мѣстъ заточенія въ крѣпостяхъ или другихъ спеціально для сего предназначенныхъ помѣщеніяхъ будетъ весьма немного и таковыя будутъ устроены на далекомъ одно отъ другаго разстояніи, почему препровожденіе въ такія мѣста заключенія лицъ, присужденныхъ къ заточенію на низшіе сроки, представится или очень затруднительнымъ, или даже невозможнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда время, потребное для препровожденія осужденнаго въ мѣсто заточенія, будетъ превышать время самаго заключенія,—ибо тогда время заключенія для осужденнаго считается со дня его задержанія для доставленія по назначенію.

Вслѣдствіе сего, за неимѣніемъ въ проектѣ уложенія какихъ-либо указаній на возможность замѣны однихъ наказаній другими и въ видахъ устраненія практическихъ по сему предмету затрудненій, г. Хлодовскій полагалъ-бы совершенно возможнымъ допустить, чтобы *заточеніе на срокъ до 6 мѣсяцевъ или даже до 1 года, за отдаленностью мѣсть заключенія, могло быть отбываемо въ мѣстахъ, устроенныхъ для ареста, но въ особыхъ лишь отдѣленіяхъ,* въ каковомъ смыслѣ и слѣдовало-бы дополнить 15 ст. проекта.

Далѣе въ той-же статьѣ сказано, что приговоренные на срокъ свыше шести лѣтъ, по отбытіи заточенія, поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ. Едва-ли представляется надобность въ установленіи такого послѣдствія для заточенія.—Къ сожалѣнію, въ объяснительной запискѣ Коммисіи (стр. 63) не имѣется никакихъ указаній на то, почему именно допущено поселеніе при заточеніи; но кажется, что какъ-бы тяжело ни было совершенное дѣяніе и какимъ-бы вредомъ оно ни угрожало въ данномъ случаѣ, но коль скоро заточеніе назначается за дѣянія, непозорящія и невыказывающія ни особой испорченности, ни безнравственности виновнаго, какъ это признаетъ Коммисія, то въ подобныхъ случаяхъ совершенно достаточнымъ является продолжительное лишеніе свободы и незачѣмъ еще усиливать репрессію наказанія такимъ послѣдствіемъ, какъ поселеніе, которое, по самому существу своему, вовсе даже не можетъ быть примѣнимо къ дѣяніямъ, наказуемымъ заточеніемъ, ибо поселеніе можетъ быть назначаемо въ тѣхъ случаяхъ, когда является надобность изъятія преступника изъ той

среды, въ которой онъ вращался, для предотвращенія его вреднаго вліянія на общество и возможности дальнѣйшаго проявленія своей преступной дѣятельности; подобная-же надобность ничѣмъ рѣшительно не вызывается по отношенію къ лицамъ, нравственно совершенно неиспорченнымъ и совершившимъ извѣстное, хотя, быть можетъ, и весьма тяжкое, дѣяніе по заблужденію, по неумѣнію сдерживать порывы своихъ страстей и по многимъ другимъ, чисто случайнымъ причинамъ, нисколько необнаруживающимъ склонности и въ будущемъ слѣдовать по пути преступленій. Поэтому г. Хлодовскій полагаетъ: *поселеніе, какъ послѣдствіе заточенія на срокъ свыше 6 лѣтъ, вовсе исключить изъ 15 ст. проекта.*

Курляндскій Губернскій Прокуроръ баронъ Майдель замѣчаетъ, что наказаніе, именуемое въ проектѣ заточеніемъ, должно замѣнить заключеніе въ крѣпости по дѣйствующему уложенію. Это наказаніе, какъ и во всѣхъ прочихъ цивилизованныхъ государствахъ, такъ прежде и по нашему уложенію, считалось спеціальнымъ наказаніемъ для нѣкоторыхъ только преступленій, совершаемыхъ почти исключительно людьми образованныхъ классовъ и не изъ безчестныхъ мотивовъ. Такой-же характеръ полагаютъ сохранить за заточеніемъ и составители проекта, высказывая въ Объясненіяхъ, что примѣненіе сего наказанія должно обусловливаться отсутствіемъ признаковъ испорченности, безнравственности виновнаго и безчестности мотивовъ его дѣянія, и ставя это наказаніе,—въ Объясненіяхъ же,—параллельно съ другими, а не какъ одну изъ ступеней лѣстницы слѣдующихъ въ извѣстной постепенности одинъ за другимъ прочихъ видовъ наказаній. Только послѣдовательнымъ проведеніемъ этихъ правилъ и можетъ быть оправдываемо сохраненіе на будущее время этого особаго вида наказанія на ряду съ совершенно достаточнымъ числомъ другихъ видовъ наказанія. Но разъ примѣненіе сего наказанія обусловлено отсутствіемъ признаковъ безнравственности и безчестности виновнаго,—примѣненіе его уже не можетъ зависѣть отъ наличности въ данномъ случаѣ одного изъ разнообразныхъ «обстоятельствъ, уменьшающихъ вину»; а посему баронъ Майдель полагаетъ, что во 2 п. ст. 53 проекта о заточеніи не слѣдовало-бы вовсе говорить.

При разсмотрѣніи чинами прокуратуры Варшавскаго Окружнаго Суда новаго наказанія, вводимаго проектомъ подъ именемъ «заточенія», было замѣчено, что наказаніе это, по предположенію самихъ составителей проекта, должно имѣть ограниченный кругъ примѣненія и полагается лишь для тѣхъ

преступленій, которыя были слѣдствіемъ заблужденія, увлеченія или общественныхъ предразсудковъ. Соглашаясь съ мнѣніемъ Редакціонной Коммисіи о необходимости установленія особаго рода наказаній для вышеупомянутыхъ преступленій, нѣкоторые члены собранія названныхъ чиновъ однако находили новый видъ наказанія, вводимый Коммисіей, излишнимъ и нецѣлесообразнымъ. Представленія о мѣстахъ заключенія слагаются въ обществѣ постепенно и въ настоящее время въ обществѣ уже установилось понятіе о крѣпости, какъ о такомъ мѣстѣ заключенія, содержаніе въ коемъ не представляетъ ничего поворящаго для отбывающаго это наказаніе. Ломка сложившагося въ обществѣ представленія о крѣпости и установленіе новаго вида наказанія представляется тѣмъ менѣе цѣлесообразными, что заточеніе предполагается назначать за весьма немногія преступленія. Другіе члены собранія находили предложенное проектомъ «заточеніе» вполнѣ цѣлесообразнымъ, такъ-какъ терминъ «заточеніе» совершенно новый и въ обществѣ объ этомъ наказаніи еще не сложилось никакого представленія; замѣна-же «крѣпости» «заточеніемъ» представляется, въ виду практическихъ удобствъ, при незначительномъ числѣ крѣпостей, весьма желательною. Такъ напримѣръ, въ настоящее время студентъ, осужденный въ Дерптѣ за дуель, для отбытія наказанія пересылается въ Варшаву, со введеніемъ-же новаго наказанія можетъ быть устроено особое помѣщеніе въ Дерптѣ для лицъ приговариваемыхъ къ «заточенію».

При голосованіи *шесть голосовъ* было подано за предлагаемое проектомъ заточеніе, *три голоса* за сохраненіе крѣпости въ видѣ наказанія и *одинъ голосъ* за исключеніе изъ лѣстницы наказаній и крѣпости, и заточенія.

Чины прокуратуры Вологодскаго Окружнаго Суда указываютъ, что въ проектѣ подъ именемъ «заточенія» вводится видоизмѣненный родъ заключенія въ крѣпости за нѣкоторыя преступленія, поводомъ коихъ служатъ заблужденія, увлеченія или общественные предразсудки. Заточеніе назначается отъ 2 недѣль до 10 лѣтъ, отбывается въ крѣпостяхъ или въ особо устроенныхъ помѣщеніяхъ, при чемъ приговоренные на срокъ свыше 6-ти лѣтъ занимаются работами принудительно, лишаются правъ и ссылаются на поселеніе.

Между этими постановленіями и цѣлію учрежденія наказанія «заточеніемъ» замѣчается противорѣчіе. Если «заточеніе» предполагается назначать за такія преступленія, которыя не указываютъ на безчестный характеръ лицъ, ихъ совершившихъ, то какъ согласить съ этимъ строгость наказанія заточеніемъ, достигающаго 10 лѣтъ, поражающаго права состоянія и влеку-

щаго поселеніе? Если преступленіе не позорно, то за него не должно быть тяжкаго и позорнаго наказанія. Посему не представляется основаній установлять особый видъ наказанія «заточеніе», а достаточно удержать для нѣкоторыхъ не позорныхъ преступленій заключеніе въ крѣпости, существующее и въ дѣйствующемъ уложеніи. Нѣтъ надобности обременять Главное Тюремное Управленіе устройствомъ новыхъ помѣщеній для заточенія, не вызываемыхъ настоятельною потребностію. Существующихъ крѣпостей будетъ достаточно для помѣщенія въ нихъ лицъ, приговоренныхъ за непозорныя преступленія, а болѣе тяжкіе виды этихъ преступленій могутъ быть караемы или каторгою, ибо предполагаемое по проекту заточеніе свыше 6 лѣтъ, въ порядкѣ содержанія заключенныхъ и по своимъ послѣдствіямъ мало чѣмъ отличается отъ каторги, или поселеніемъ, которое также, по мысли составителей проекта, должно быть назначаемо за преступленія—«не изобличающія привычки къ праздности и порочному образу жизни».

Чины Воронежской прокуратуры замѣчаютъ, что заточеніе, какъ то видно изъ объяснительной записки къ проекту, устанавливается для преступниковъ, которые не проявили въ своемъ преступномъ дѣяніи нравственной испорченности, свойственной преступникамъ соотвѣтствующей важности вообще. Отсюда и цѣли этого вида наказанія иныя, чѣмъ наказаній обыкновенныхъ. Послѣднія прежде всего имѣютъ въ виду исправленіе и нравственное перевоспитаніе преступника, тогда какъ заточеніе имѣетъ дѣло съ преступникомъ, котораго нравственно перевоспитывать не надо, но котораго полезно на болѣе или менѣе продолжительное время лишить свободы дѣйствій. Поэтому все, что отягчаетъ для подобнаго преступника лишеніе свободы, какъ-то: строгій режимъ въ мѣстахъ заточенія, стѣсненіе въ выборѣ работъ и т. п., не вяжется съ общимъ значеніемъ этого наказанія.

Такой взглядъ на заточеніе проектомъ проведенъ довольно строго лишь относительно заточенія на срокъ менѣе 6 лѣтъ, заточеніе-же на болѣе продолжительные сроки влечетъ за собою назначеніе работъ по выбору начальства мѣста заключенія, лишеніе третьей части заработанныхъ денегъ, и какъ наказаніе дополнительное, поселеніе и лишеніе правъ, въ чемъ заточеніе сравнивается съ каторгою.

Въ виду изложеннаго и того соображенія, что важность преступнаго дѣянія, обусловливающая большую продолжительность заточенія, не указываетъ на сравнительно большую нравственную испорченность преступника, примѣненіе болѣе строгаго режима къ заключеннымъ на срокъ свыше 6 лѣтъ

и присоединеніе къ этому наказанію дополнительныхъ—лишенія правъ и поселенія—ничѣмъ не оправдываются.

Исключеніе изъ этого общаго правила могутъ составить лишь тѣ преступники, которые обратили преступленіе въ ремесло или привычку, и тѣ, которыхъ дѣянія отличаются особенно вреднымъ и опаснымъ для общества характеромъ.

Посему казалось-бы справедливымъ распространить на лицъ, приговоренныхъ къ заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ, правила, установленныя для приговариваемыхъ на болѣе краткіе сроки, и затѣмъ опредѣлить, что приговоренные къ заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ подлежатъ ссылкѣ на поселеніе въ случаяхъ, особо указанныхъ закономъ, равно какъ и въ случаѣ, упомянутомъ въ 56 ст. проекта.

Нижегородскій Окружный Судъ указываетъ, что заточеніе, какъ видно изъ соображеній Редакціонной Коммисіи (*л.* 17 об.), въ смыслѣ карательной мѣры можетъ имѣть примѣненіе лишь за такія, хотя и тяжкія преступныя дѣянія, которыя вовсе не свидѣтельствуютъ о позорномъ или безчестномъ характерѣ лицъ, оныя совершившихъ. Въ виду сего, не слѣдовало-бы приговариваемыхъ къ заключенію на сроки свыше 6 лѣтъ: во 1-хъ, ссылать на поселеніе въ особыя для того мѣста, какъ это предположено 4 ч. 15 ст. проекта, такъ-какъ такія лица, хотя и преступники, но не злодѣи опасные для общества, подлежащіе устраненію изъ онаго; во 2-хъ, подвергать лишенію правъ сословныхъ и службою пріобрѣтенныхъ и обязывать ихъ къ припискѣ въ сословіе ссыльныхъ, какъ это предположено 25 ст. проекта, и въ 3-хъ, подвергать, какъ предположено Редакціонною Коммисіею, лишенію, по отбытіи срока заточенія, правъ исчисленныхъ въ 27 ст. проекта.

Предсѣдатель Астраханской Соединенной Палаты Антоновъ останавливается на томъ обстоятельствѣ, что для заключенныхъ въ заточеніе ст. 15-ю установлена рѣзкая разница между осужденными на срокъ менѣе 6 лѣтъ и тѣми, которымъ опредѣлено заключеніе болѣе 6-ти-лѣтняго срока. Въ первомъ случаѣ осужденный занимается работами по выбору и получаетъ въ свою пользу весь чистый заработокъ, а во второмъ случаѣ заключенный занимается работами по назначенію и получаетъ $^2/_3$ чистой прибыли. Если для заключенныхъ въ заточеніе на сроки болѣе 6 лѣтъ будутъ устроены особыя, совершенно отдѣльныя помѣщенія, то такое различіе въ способѣ выбора работъ не будетъ имѣть особаго вреднаго вліянія. Но само собою разумѣется, что

устройство особыхъ помѣщеній для тѣхъ и другихъ повлечетъ на практикѣ къ двойнымъ расходамъ, такъ какъ для этого потребуется двойное количество помѣщеній и удвоенное число администраціи. А поэтому предположеніе объ устройствѣ двоякаго рода мѣстъ заключенія для осужденныхъ къ заточенію окажется на практикѣ едва-ли удобоисполнимо. Допущеніе же въ одномъ и томъ же мѣстѣ заключенія такого рѣзкаго различія способа занятія работами и вознагражденія за оное, можетъ повести къ немалому числу неудобствъ; а главное—вредно вліять на самихъ заключенныхъ, болѣе всего тяготящихся различіемъ, дѣлаемымъ въ способѣ содержанія ихъ собратій. Эти обстоятельства крайне затруднятъ поддержаніе порядка и спокойствія въ мѣстѣ заключенія.

По поводу заточенія чины Смоленской прокуратуры замѣчаютъ слѣдующее:

Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ заточенію, какъ наказанію параллельному другимъ родамъ наказаній, но примѣняемому къ такимъ преступнымъ дѣяніямъ, характеристическою чертою которыхъ является отсутствіе корыстныхъ мотивовъ. Идея выдѣлить всѣ такія дѣянія въ одну группу и обложить ихъ однимъ наказаніемъ весьма удачна и плодотворна. Нѣтъ сомнѣнія, что между преступленіями съ корыстными цѣлями и преступленіями, совершенными въ запальчивости, подъ вліяніемъ разнаго рода аффектовъ, можно замѣтить громадную разницу.

Первыя представляютъ гораздо большую опасность для общества и требуютъ наказаній, принаровленныхъ главнымъ образомъ къ устрашенію преступника, тогда какъ послѣднія менѣе опасны для общества и требуютъ наказаній нестолько для устрашенія преступника, сколько для примиренія общества съ нарушеніемъ правоваго порядка и для внушенія преступнику чувства законности, временно въ немъ затемненному подъ вліяніемъ разнаго рода неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

При всемъ томъ нельзя однако согласиться съ нѣкоторыми подробностями примѣненія общаго принципа заточенія и преже всего съ самымъ его (заточенія) терминомъ.

Съ словомъ «заточеніе» въ нашемъ представленіи связывается нѣчто весьма страшное, весьма серьезное по своимъ послѣдствіямъ, однимъ словомъ—такое понятіе, коему никакъ не можетъ соотвѣтствовать кратковременное лишеніе свободы. Нельзя подъ однимъ наказаніемъ соединять такія степени лишенія свободы, которыя обнимаютъ слишкомъ противоположные сроки, какъ двѣ недѣли и десять лѣтъ.

Въ виду вышеизложенныхъ мотивовъ чины Смоленской прокуратуры единогласно признали необходимымъ разграничить сферу примѣненія заточенія на два, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга, отдѣла, на два рода наказаній, изъ которыхъ первое—должно обнимать собою лишеніе свободы до шести лѣтъ и называться не заточеніемъ, а какимъ-либо другимъ терминомъ (напримѣръ, заключеніе), второе же, обнимающее лишеніе свободы свыше шести лѣтъ, можетъ сохранить названіе заточенія.

По поводу послѣдняго пункта 15 ст. проекта чины Смоленской прокуратуры выражаютъ желаніе исключить поселеніе, какъ необходимое послѣдствіе заточенія. При этомъ въ защиту такого положенія они высказываютъ слѣдующее:

Нельзя уравнивать воровъ, мошенниковъ, составителей подложныхъ документовъ, однимъ словомъ лицъ, обнаруживающихъ глубоко испорченную волю, лицъ, для которыхъ преступленіе стало, такъ сказать, профессіею, съ людьми, впавшими въ преступленіе подъ вліяніемъ какихъ-либо мгновенныхъ аффектовъ, или стеченія несчастныхъ обстоятельствъ. Послѣдняго рода лица вполнѣ доступны раскаянію; отбытіе наказанія возвращаетъ ихъ въ общество вполнѣ исправившимися, укрѣпляетъ въ нихъ чувство законности. Было-бы по этому весьма несправедливо лишать общество полезныхъ его членовъ, осуждая лицъ, отбывшихъ заточеніе, къ поселенію. Такимъ образомъ поселеніе въ примѣненіи къ лицамъ, отбывшимъ заточеніе, является мѣрою вдвойнѣ несправедливою, какъ по отношенію къ самимъ этимъ лицамъ, такъ и по отношенію къ обществу, полезными членами котораго они еще могутъ быть.

Предсѣдательствующій Ландратъ Эстляндскаго Оберъ-Ландгерихта фонъ-Фокъ останавливается на томъ обстоятельствѣ, что заточеніе показано третьимъ наказаніемъ въ лѣстницѣ наказаній. Но въ проектѣ (ст. 15) различаются два вида этого наказанія: заточеніе на срокъ отъ 6 до 10 лѣтъ и заточеніе на срокъ отъ 2 недѣль до 6 лѣтъ. Оба эти вида столь существенно отличаются другъ отъ друга, какъ по ихъ продолжительности, такъ и по способу ихъ исполненія (часть 3 ст. 15) и инымъ послѣдствіямъ (ст. 4, 21, 25, 27, 28, 31, пп. 1 и 2 ст. 38, п. 3 ст. 49, п. 2 ст. 53, 54, часть 2 ст. 55, 59), что, принимая во вниманіе эти отличія, едва-ли можно указать въ общей лѣстницѣ наказаній на заточеніе, какъ на одно наказаніе, и притомъ поставить его наказаніемъ третьимъ по тяжести. Заточеніе на срокъ до 6 лѣтъ представляется во всякомъ случаѣ болѣе легкимъ наказаніемъ сравнительно съ поселеніемъ (п. 4 ст. 2) и исправительнымъ домомъ (п. 5 ст. 2). Поэтому одинъ видъ

заточенія долженъ быть опредѣленъ какъ *тяжкое заточеніе*, а другой—какъ *легкое*, и легкое заточеніе должно быть поставлено въ ст. 2 за исправительнымъ домомъ, какъ отдѣльный видъ заточенія. Отсюда произошла-бы не маловажная выгода и въ редакціонномъ отношеніи, такъ какъ въ отдѣльныхъ соотвѣтствующихъ постановленіяхъ можно было-бы говорить, вмѣсто «заточенія на срокъ свыше 6 лѣтъ» и «заточенія на срокъ до 6 лѣтъ»—просто о заточеніи легкомъ и тяжкомъ.

Останавливаясь на «заточеніи», Прокуроръ Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалевъ указываетъ, что оно раздѣляется рѣзко на два вида по срокамъ заключенія: 1) отъ 2 недѣль до 6 лѣтъ и 2) отъ 6 до 10 лѣтъ. Первый видъ назначается за проступки и не влечетъ за собой даже полицейскаго надзора, а второй—опредѣляется за преступленія и сопровождается поселеніемъ; самый порядокъ содержанія заключенныхъ (напр. въ отношеніи занятія работами и полученія за нихъ вознагражденія) не одинаковъ (4, 15 и 31 ст.).

Отсюда слѣдуетъ, по мнѣнію г. Москалева, что заключенные того и другого рода настолько различаются между собою, что, безъ вредныхъ послѣдствій, не могутъ быть содержимы въ однихъ мѣстахъ заключенія и такимъ образомъ заточеніе представляетъ собою два отдѣльныхъ вида наказанія, которымъ, неизвѣстно почему, дано одно названіе. Поэтому, если признается нужнымъ ввести въ число наказаній заточеніе въ тѣхъ размѣрахъ, какъ предположено Коммисіей, то оно должно быть раздѣлено на два наказанія, изъ которыхъ одно, назначаемое за преступленія, можно и назвать заточеніемъ, а другое—опредѣляемое за проступки—какимъ-либо другимъ именемъ напр. смирительнымъ домомъ. Но г. Москалевъ полагаетъ, что первый видъ этого наказанія могъ-бы быть совершенно исключенъ, такъ какъ преступленія суть дѣянія настолько важныя, что назначеніе за нихъ каторги, въ видѣ общаго правила, не представляется несправедливымъ, въ случаяхъ же исключительныхъ, неуказывающихъ на нравственную испорченность преступника и вызывающихъ особое къ нему снисхожденіе, могло-бы быть назначаемо поселеніе.

Затѣмъ другой видъ заточенія хотя и могъ бы быть сохраненъ для проступковъ, не имѣющихъ безнравственнаго характера, но его слѣдовало бы сдѣлать параллельнымъ исправительному дому и назначить для него тѣ же сроки или, по крайней мѣрѣ, не менѣе 6 мѣсяцевъ, такъ какъ при меньшихъ срокахъ наказаніе это во многихъ случаяхъ будетъ лишено практическаго значенія. По всей вѣроятности мѣстъ заключенія, въ которыхъ заточеніе могло-бы быть отбываемо, будетъ не много, а слѣдовательно, при назна-

ченіи его лишь на нѣсколько недѣль пришлось-бы осужденныхъ изъ многихъ мѣстъ пересылать на значительныя разстоянія, что было-бы неудобно и затруднительно, или же замѣнять для нихъ назначенное наказаніе какимъ либо другимъ, что не желательно. При такихъ условіяхъ, двухнедѣльнаго заточенія будетъ иногда недостаточно даже и на одну пересылку. Съ другой стороны, при строго одиночномъ заключеніи въ тюрьмѣ, соприкосновеніе и сообщество съ людьми безнравственными, тягостныя для особъ неиспорченныхъ, уже не будутъ имѣть мѣста, кромѣ случаевъ исключительныхъ, а потому едва-ли и есть какая-либо надобность въ установленіи другаго наказанія, параллельнаго тюремному заключенію.

Относительно заточенія Предсѣдатель Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Бартеневъ находитъ, по существу Объясненій къ проекту Коммисіи, что оно должно быть поставлено ниже поселенія. По проекту заточеніе должно быть примѣняемо къ тѣмъ правонарушеніямъ, поводомъ къ коимъ служатъ заблужденія, увлеченія или общественные предразсудки. Всѣ эти причины не могутъ служить основаніемъ для окончательнаго удаленія такихъ лицъ изъ той среды и мѣстности, къ коимъ они принадлежатъ. Преступленія, совершаемыя такими лицами, имѣютъ основаніемъ или ложный, или неправильный валядъ индивидуума на существующіе предметы или дѣйствія, или выносятъ такой взглядъ изъ существующаго порядка вещей, или, наконецъ, къ числу лицъ, подвергаемыхъ заточенію будутъ отнесены такія, кои понесутъ это наказаніе вслѣдствіе усвоеннаго, такъ сказать, взгляда постороннихъ или общественнаго мнѣнія. Въ жизни доказывается опытомъ, что лица, не твердо держащіяся своихъ воззрѣній, легко отъ нихъ уклоняются, если они лишаются подъ собою присущей имъ почвы, въ случаѣ-же непоколебимыхъ условій ихъ взгляда на извѣстный предметъ, всѣ мѣры, принимаемыя къ поколебанію такихъ лицъ въ ихъ сужденіяхъ,—остаются тщетными. Изъ сего выходитъ, что въ первомъ случаѣ достаточно будетъ заточенія не свыше 6 лѣтъ, во второмъ—заточеніе свыше этого срока съ послѣдствіями по ст. 15 проекта, т. е. поселеніемъ, представится вреднымъ для окружающей ихъ новой среды. Въ виду этого г. Бартеневъ полагаетъ, что заточеніе не должно быть болѣе, чѣмъ на 6 лѣтъ, и что оно не должно влечь за собою поселенія. Къ такому мнѣнію онъ приходитъ, между прочимъ, и изъ того, что заточеніе, какъ видно изъ Объясненій Коммисіи, должно замѣнять нынѣ существующее наказаніе—заключеніе въ крѣпости. Признавая, что заточеніе должно быть только до 6 лѣтъ, г. Бартеневъ находитъ, что еслибы оно было признано все-таки впослѣдствіи болѣе долгимъ, т. е. даже до 10 лѣтъ, то во всякомъ

случаѣ лицъ, приговариваемыхъ къ заточенію, нельзя присуждать къ работамъ по назначенію управленія, уже потому, что на практикѣ никогда ни въ одномъ мѣстѣ заключенія никакія работы не бываютъ успѣшны по желанію управляющихъ и вопреки желанію управляемыхъ.

При этомъ онъ не можетъ не высказать, что многія послѣдствія заточенія, предполагаемыя по уложенію, не соотвѣтствуютъ этому наказанію. Въ виду того, что заточеніе не можетъ быть наказаніемъ за преступленія, позорящія честь и достоинство лица, г. Бартеневъ находитъ, что, на основаніи 25 ст. проекта, не слѣдуетъ виновнаго лишать правъ сословныхъ и титуловъ, а равно и причисленія къ городскому или сельскому обществамъ, но полагаетъ возможнымъ лишеніе духовнаго сана, службы государственной или сословной, даже лишеніе почетныхъ общественныхъ званій. Равнымъ образомъ онъ не видитъ никакого основанія къ тому, чтобы заточеніе, равно какъ и поселеніе, могли вести за собою лишеніе правъ, изложенныхъ въ 4, 5, 7 и 8 пунктахъ 27 ст. проекта, потому что лица, подвергнутыя заточенію, быть можетъ, по своимъ прежнимъ или оставшимся у нихъ воззрѣніямъ непригодны для службы общественной или правительственной и вообще занимать какой-либо постъ въ порядкѣ управленія, но во всѣхъ другихъ условіяхъ жизни, заточенный можетъ быть болѣе пригоденъ, чѣмъ лица, сему наказанію не подвергнутыя.

Г. Бартеневъ думаетъ, что подобное его мнѣніе подтверждается и соображеніями Коммисіи на стр. 86, гдѣ послѣдствія наказанія сообразуются съ порочностью и опасностью преступника, а равно и Объясненіями Коммисіи на стр. 94, гдѣ сказано, что разрѣшеніе чести и общественнаго довѣрія можетъ быть послѣдствіемъ преступнаго дѣянія, а не наказанія, почему и наступленіе правопораженій должно зависѣть отъ сущности преступныхъ дѣяній, условій ихъ совершенія, мотивовъ и т. п., а не рода или вида назначаемаго наказанія. Въ виду этого требованіе 30 ст. проекта о томъ, что заточеніемъ ограничиваются и прекращаются права супружескія, представляется слишкомъ строгимъ, такъ какъ лицо, подвергаемое этому наказанію, можетъ быть хорошимъ семьяниномъ, и потому такое послѣдствіе заточенія представляется тѣмъ болѣе неосновательнымъ, что при другихъ условіяхъ, напримѣръ при заключеніи въ исправительный домъ и тюрьму, права супружескія и родительскія остаются въ прежней силѣ, не смотря на то, что лица, подвергаемыя этимъ наказаніямъ, почти всегда испорчены нравственно, и потому въ жизни весьма часто приходится слышать, что женщина не желаетъ остаться женою вора, грабителя, обольстителя дочери своей, женою человѣка, который жестоко съ нею обращается, и т. п. многихъ преступленій, кои, по всей справедливости, должны были влечь за собою право супруга просить о расторженіи брака.

Къ этому г. Бартеневъ добавляетъ, что заключеніе свыше 6 лѣтъ, по существу своему, представляется слишкомъ строгимъ и по послѣдствіямъ, такъ какъ, по отбытіи срока заточенія, должно быть еще поселеніе. Заточеніе предположено для людей неиспорченныхъ, а для такихъ совершенно достаточно одного заключенія на 6 лѣтъ. Болѣе долгій срокъ заточенія съ поселеніемъ устанавливаетъ во 1-хъ, слишкомъ строгое наказаніе, и во 2-хъ, заточенные будутъ поставлены въ то положеніе, каковаго, повидимому, Коммисія желала избѣгнуть, т. е. на поселеніи столкнутся съ людьми вполнѣ испорченными, такъ какъ тамъ встрѣтятся съ каторжными, потому что трудно будетъ устроить поселеніе въ томъ новомъ видѣ, какъ оно обозначено въ проектѣ (стр. 21, 63).

Поэтому заточеніе должно быть назначено не свыше 6 лѣтъ, съ указанными выше ограниченіями, причемъ можетъ быть допускаемо и одиночное заключеніе не свыше 6 мѣсяцевъ.

По замѣчанію Старшаго Предсѣдателя Кіевской Судебной Палаты Орлова, едва-ли можно сомнѣваться, что мѣстъ заточенія у насъ скоро не будетъ, по крайней мѣрѣ, въ необходимомъ числѣ и съ надлежащимъ устройствомъ; а затѣмъ, при неустройствѣ каторжныхъ работъ, недостаткѣ и неустройствахъ тюремъ и при предположенномъ Коммиссіею ограниченіи случаевъ ссылки на поселеніе, придется ограничиваться тюрьмою, и при томъ безъ всякой мысли о возможномъ соотвѣтствіи подобнаго тюремнаго заключенія замѣняющимъ оное наказаніямъ; и вотъ повторится тоже, что было съ уложеніемъ о наказаніяхъ 1845 г., именно: одновременно съ новымъ уложеніемъ необходимо будетъ издать особыя «временныя» правила о замѣнѣ нѣкоторыхъ наказаній, съ убѣжденіемъ, взятымъ изъ исторіи и опыта, что эти «временныя» правила будутъ прочнѣе и продолжительнѣе постоянныхъ, а это едва-ли желательно. Если на заточеніе смотрѣть какъ на французское reclusion, то весь нашъ народный бытъ, наши судебные и административные порядки, климатическія, географическія и прочія условія не говорятъ въ пользу введенія такого обособленнаго, крайне дорогаго, весьма тяжелаго (свыше 6 лѣтъ) и непрактичнаго наказанія. Заточеніе (ст. 15, 25, 27, 28) назначается на срокъ отъ 2 недѣль до 10 лѣтъ и раздѣляется на два, по своему свойству и послѣдствіямъ совершенно различныхъ наказанія: одно на срокъ отъ 2 недѣль до 6 лѣтъ, а другое—отъ 6 до 10 лѣтъ, соединенное и съ лишеніемъ правъ; но такъ какъ мѣстъ заточенія не можетъ быть много, а вѣроятно они будутъ лишь кое-гдѣ, то на короткіе сроки и приговаривать будетъ нельзя, за невозможностью успѣть доставить приговореннаго въ мѣсто заточенія; зато-

ченіе же до 10 лѣтъ, наказаніе вообще весьма тяжкое, еще болѣе станетъ не только таковымъ, но даже просто страшно суровымъ у насъ, при общихъ недостаткахъ нашихъ мѣстъ заключенія, при полномъ отсутствіи работъ, крайней затруднительности ихъ организаціи, и при климатическихъ условіяхъ, когда въ теченіи 6 мѣсяцевъ осени и зимы заточеннымъ придется просиживать въ своихъ ужасныхъ камерахъ. Если заточеніе необходимо въ видѣ custodia honesta (объяснительная записка, стр. 18), то оно должно быть назначаемо отъ 3 мѣсяцевъ (minimum) до 6 лѣтъ (maximum), а затѣмъ то, что предполагалось подвести подъ заточеніе отъ 2 недѣль до 3 мѣсяцевъ, справедливо наказывать арестомъ; то же, что могло влечь заточеніе свыше 6 лѣтъ съ лишеніемъ правъ (т. е. столь тяжкія преступленія, что уже о custodia honesta и говорить нечего), карать прямо поселеніемъ.

Сенаторъ И. Н. Орловъ замѣчаетъ далѣе, что, въ виду несомнѣнныхъ практическихъ неудобствъ, едва-ли возможно назначить minimum заточенія въ двѣ недѣли. Хотя въ объяснительной запискѣ и указано, что низшій срокъ заточенія въ двѣ недѣли опредѣленъ параллельно такому-же сроку тюрьмы, но нельзя упускать изъ виду, что тюрьма есть во всякомъ городѣ, а спеціальныя мѣста заточенія, едва-ли будетъ возможно устроить даже во всѣхъ губернскихъ городахъ, не говоря уже объ уѣздныхъ; а при этомъ, при нашихъ средствахъ сообщенія и при порядкѣ отправленія арестанскихъ партій, никогда нельзя будетъ въ двѣ недѣли даже доставить осужденнаго въ мѣсто заточенія. Поэтому низшій срокъ заточенія долженъ быть не менѣе 3 мѣсяцевъ, а затѣмъ все, что полагалось наказывать заточеніемъ на срокъ отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, можно подвести частію подъ арестъ, частію-же подъ тюрьму.

Разобщеніе на ночь приговоренныхъ къ заточенію и вообще одиночное ихъ заключеніе слѣдуетъ, по мнѣнію чиновъ Екатеринбургскаго Окружнаго Суда, предоставить собственному желанію и просьбамъ заточенныхъ, подобно тому, какъ это установлено 2 ч. 19 ст. проекта.

По содержанію 15 ст. Президентъ Курляндскаго Оберъ-Гофгерихта баронъ Бистромъ возбуждаетъ вопросъ о томъ, совмѣстимы-ли содержаніе въ общемъ заключеніи и работы съ присвоеннымъ заточенію характеромъ наказанія за небезчестные проступки или преступленія?

Прокуроръ Харьковской Судебной Палаты Закревскій указываетъ на непослѣдовательность, которая проявляется, по его мнѣнію, въ проектѣ Коммисіи, именно: для заточенія свыше 6 лѣтъ полагаются обязательныя работы, ниже 6 лѣтъ—не полагаются. Какимъ образомъ срокъ заключенія можетъ обусловливать такое важное различіе, какъ исполненіе обязательныхъ работъ или освобожденіе отъ нихъ? Вѣдь обязательныя работы придаютъ совершенно особый характеръ извѣстному типу лишенія свободы. Если заточеніе—своего рода «custodia honesta», то оно остается таковымъ, хотя-бы осужденный былъ приговоренъ къ нему на срокъ свыше 6 лѣтъ. То, что преступныя дѣянія, за которыя положено наказаніе свыше 6 лѣтъ, называются преступленіями, не устраняетъ указанной выше поразительной непослѣдовательности, лишающей *заточеніе*, какъ особый типъ наказанія, всякаго значенія.

Приэтомъ слѣдуетъ замѣтить еще, что на практикѣ весьма бываетъ затруднительно пріискать работу для заключенныхъ; это одинъ изъ самыхъ замысловатыхъ вопросовъ. При посѣщеніи тюремъ, на вопросъ, почему приговоренные ничѣмъ не занимаются, постоянно приходится получать отвѣтъ, что нѣтъ возможности найти работу для нихъ. Поэтому было-бы крайне непрактично постановить, что приговоренные къ обязательнымъ работамъ занимаются ими только внутри помѣщенія тюрьмы. Это значило-бы обречь на праздность огромное число ихъ. Нужно въ этомъ дѣлѣ предоставить тюремному управленію возможный просторъ.

Товарищъ Предсѣдателя Казанскаго Окружнаго Суда Пашковскій замѣчаетъ, что, при свойственномъ преступнымъ дѣяніямъ, за которыя предполагается назначать заточеніе, характерѣ, было-бы не совсѣмъ удобно заставлять приговоренныхъ заниматься работами по назначенію управленія. Казалось бы для государства полезнѣе, чтобъ, напримѣръ, ученый, «не съумѣвшій подчинить порывовъ своихъ желаній требованіямъ закона», какъ говоритъ Коммисія, продолжалъ свои занятія въ заточеніи, при условіи, конечно, строгаго надзора и строгой цензуры надъ его литературными трудами, чѣмъ, чтобы онъ занимался обыкновенными тюремными мастерствами въ родѣ столярнаго, портняжняго, сапожнаго и т. д. Ни платья, ни сапогъ онъ, все равно, не сошьетъ, а только испортитъ матеріалъ, переколетъ себѣ руки и потратитъ не мало времени безъ всякой для кого-бы то ни было пользы; поэтому было-бы справедливѣе предоставить выборъ работъ, хотя-бы при обязательности ихъ, самимъ заточеннымъ, и уже во всякомъ случаѣ обращать

въ ихъ пользу весь чистый доходъ отъ работъ, не гоняясь за весьма сомнительнымъ источникомъ обогащенія мѣста заключенія на счетъ осужденнаго.

Чины Псковскаго прокурорскаго надзора замѣчаютъ, что 15, 17 и 18 ст. проекта упоминаютъ о работахъ заключенныхъ съ указаніемъ распредѣленія чистаго дохода отъ работъ, при чемъ работы эти производятся или по выбору осужденныхъ, или по назначенію управленія мѣста заключенія.

Редакція этихъ статей не можетъ быть признана достаточно ясною: трудно заключить, дѣлается-ли работа обязательною для каждаго заключеннаго, или онъ можетъ и вовсе отказаться отъ нея въ томъ случаѣ, когда по проекту выборъ работы предоставляется его усмотрѣнію. Въ виду этого и признавая, что затраты государства на содержаніе какъ заключенныхъ, такъ и мѣстъ заключенія, должны быть, по возможности, пополняемы осужденными, казалось-бы правильнымъ дополнить текстъ этихъ статей указаніемъ, что всѣ заключенные обязательно занимаются работами; при отказѣ лицъ, имѣющихъ право на выборъ работъ, таковыя назначаются управленіемъ. Съ цѣлью обезпечить лучше отношеніе къ работамъ было-бы полезнѣе признать одинаково для всѣхъ заключенныхъ право на чистый доходъ съ произведенной работы.

Чины прокурорскаго надзора Ярославскаго Окружнаго Суда находятъ, что относительно раздѣленія работъ въ ст. 15 нельзя мотивировать, почему одни изъ заключенныхъ занимаются работами по своему выбору, а другіе—нѣтъ, и почему для однихъ весь чистый доходъ отчисляется въ ихъ пользу, а для другихъ только $^2/_3$ этого дохода, такъ-какъ врядъ-ли эта $^1/_3$ дохода покроетъ собою издержки по содержанію арестантовъ.

Признавая справедливымъ, чтобы часть чистаго дохода отъ работъ заключенныхъ, какъ содержимыхъ на счетъ казны и отбывающихъ наказанія, къ какому-бы виду лишенія свободы они ни были присуждены, поступала въ доходъ казны, Одесскій Окружный Судъ находитъ, что это начало слѣдовало-бы примѣнить и къ отбывающимъ заточеніе на срокъ не свыше шести лѣтъ, обращая въ доходъ казны сравнительно незначительную, примѣрно $^1/_5$, часть чистаго дохода. По вопросу о поселеніи приговоренныхъ къ заключенію на срокъ свыше шести лѣтъ, Окружный Судъ полагаетъ необходимымъ дополнить ст. 15 проекта постановленіемъ, чтобы такіе осужденные

поселялись отдѣльно отъ отбывшихъ каторгу. Такимъ путемъ желательно было-бы избѣжать возможности совмѣстнаго поселенія осужденныхъ обѣихъ категорій въ тѣсныхъ предѣлахъ одного селенія, гдѣ отбывшіе заточеніе были-бы поставлены въ тягостную неизбѣжность находиться въ общеніи и быть смѣшиваемыми мѣстнымъ населеніемъ съ осужденными за преступленія, караемыя каторгой.

Симферопольскій Окружной Судъ указываетъ, что наказаніе заточеніемъ предполагается Коммисіею за преступныя дѣянія, поводомъ которыхъ служили заблужденія, увлеченія или общественные предразсудки, и которыя вовсе не указываютъ на позорный или безчестный характеръ лицъ, ихъ совершившихъ, не свидѣтельствуютъ ни объ особой испорченности, ни о безнравственности виновнаго, а доказываютъ только его неумѣніе подчинить порывы своихъ желаній требованіямъ закона. Посему всякія послѣдствія этого наказанія, въ видѣ ссылки на поселеніе, лишенія сословныхъ и другихъ правъ, представляются несправедливыми, не вытекающими изъ сущности вины, и самое наказаніе заточеніемъ совершенно достаточно для искупленія такой вины.

По поводу долгосрочнаго заточенія съ послѣдующимъ поселеніемъ, чины Калужскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что, по мысли составителей проекта, заточенію подлежатъ обвиняемые въ такихъ дѣяніяхъ, которыя, хотя и заключаютъ въ себѣ иногда весьма тяжкія нарушенія закона, причиняютъ существенный вредъ и сопряжены съ значительною даже опасностью для общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ не выказываютъ ни особой испорченности, ни безнравственности виновнаго, а свидѣтельствуютъ только объ его неумѣньи подчинять порывы своихъ желаній требованіямъ закона. Слѣдовательно, центръ тяжести этихъ преступленій лежитъ не въ самой природѣ человѣка, не въ нравственной его испорченности. Мотивами преступныхъ нарушеній являются или увлеченіе дурными примѣрами и вліяніемъ, преобладающими надъ голосомъ разсудка, или слабостью воли, безсильной предъ порывами страсти. Все это составляетъ такое проявленіе психической природы человѣка, которое объясняется извѣстными жизненными условіями, исчезающими съ теченіемъ времени, съ перемѣною обстановки обвиняемаго. Едва-ли можно отрицать, что человѣкъ, нравственно неиспорченный, предоставленный самому себѣ въ продолжительномъ заточеніи, удаленный отъ всякаго сторонняго дурнаго вліянія, спокойно анализируя дѣяніе, вызвавшее кару закона, въ большей части случаевъ придетъ къ сознанію своихъ заблужденій.

Жизнь представляетъ много примѣровъ того, что впавшіе въ преступленіе по увлеченію и искупившіе свою вину понесеннымъ наказаніемъ впослѣдствіи дѣлались полезными членами общества, относясь неодобрительно, даже враждебно, къ тѣмъ идеямъ, цѣлямъ и стремленіямъ, которыя такъ страшно преслѣдовали прежде. Отрицать вѣроятность исправленія человѣка къ лучшему значило-бы отрицать возможность его нравственнаго обновленія. Посему и принимая во вниманіе, что продолжительное заточеніе само по себѣ составляетъ тяжелое наказаніе за преступленіе непозорящаго характера и что интересы общества требуютъ изверженія изъ его среды только такихъ людей, которые обвинены въ преступленіяхъ, обличающихъ ихъ порочныя качества, чины Калужскаго Окружнаго Суда признавали-бы справедливымъ исключить изъ уложенія дополнительное наказаніе для осужденныхъ къ заточенію ссылку ихъ на поселеніе. Само собою разумѣется, что, въ интересахъ общественнаго спокойствія, эта мѣра можетъ быть оставлена для государственныхъ преступленій, если за нѣкоторыя, менѣе важныя, изъ нихъ будетъ опредѣлено заточеніе.

Прокуратура Сарапульскаго Окружнаго Суда находитъ, что ссылка на поселеніе, какъ дополнительное наказаніе, несомнѣнно необходима въ отношеніи лицъ, совершившихъ тяжкія преступленія, свидѣтельствующія объ окончательномъ ихъ нравственномъ паденіи, такъ какъ лица эти, по характеру отбытаго ими наказанія (каторга), должны считаться навсегда отверженными отъ общества, въ которомъ они жили. Поселеніе такихъ людей, какъ справедливо замѣчаетъ Редакціонная Коммисія, въ прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства, гдѣ надзоръ за ними неосуществимъ, невозможно, а потому предполагается отвести особыя мѣста для ихъ поселенія. Если такимъ образомъ ссылка на поселеніе въ видѣ дополнительнаго наказанія носитъ на себѣ характеръ репрессивно-предохранительной мѣры, то примѣненіе ея къ лицамъ, совершившимъ преступленія по мотивамъ непозорящаго свойства и не указывающимъ на ихъ нравственную испорченность, представлялось бы лишь ненужнымъ продолженіемъ перенесенной ими, и безъ того тяжкой, кары. Особенность этого наказанія, замѣняющаго, по нынѣ дѣйствующему закону, заключеніе въ крѣпости, и твердо намѣченный типъ преступниковъ, подлежащихъ сему наказанію, неимѣющій ничего общаго не только съ каторжниками, но и съ лицами, подвергающимися отдачѣ въ исправительный домъ, заставляетъ искренне желать, чтобы лица, отбывшія срокъ заточенія, не подвергались *одинаковой* съ каторжниками участи и не переносили *болѣе* тяжкой кары, чѣмъ лица, совершившія позорящія дѣянія и, слѣдовательно,

имѣющія менѣе шансовъ считаться полезными гражданами въ сравненіи съ тѣми, «кто не умѣлъ лишь подчинять порывы своихъ желаній требованіямъ закона».—Признавая несправедливымъ назначеніе ссылки на поселеніе лицъ, наказанныхъ заточеніемъ, по тѣмъ-же соображеніямъ желательно было-бы исключеніе изъ проекта постановленія объ ограниченіи въ правахъ этихъ лицъ. Основаніемъ къ такому желанію, между прочимъ, служитъ и довѣріе къ судамъ, которые несомнѣнно будутъ строго обсуждать характеръ преступника и мотивы его дѣяній, вслѣдствіе чего въ категорію лицъ «заточенныхъ» не попадутъ лица, могущія дурнымъ своимъ вліяніемъ исказить этотъ типъ преступниковъ.

Это же обстоятельство, въ свою очередь, устраняетъ всякое недовѣріе къ отбывшимъ даже самый продолжительный срокъ заточенія и опасеніе за общественный порядокъ въ случаѣ возвращенія въ общество этихъ лицъ полноправными гражданами. Наоборотъ, сознаніе тяготѣющаго надъ искупившимъ свою вину преступникомъ общественнаго недовѣрія, выражающагося въ ограниченіи его правъ послѣ многихъ лѣтъ лишенія свободы, скорѣе способно подорвать въ немъ довѣріе къ собственнымъ силамъ, убить энергію и вызвать даже озлобленіе, что весьма нежелательно въ интересахъ общественнаго порядка и исправительной цѣли наказанія.

По поводу правила 15 ст. о заточеніи и соображеній по сему предмету Редакціонной Коммисіи (объясн. зап., стр. 17—18 и 62) чины прокуратуры Самарскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ слѣдующее: и такъ заточеніе будетъ наказаніемъ за такія дѣянія, которыя, хотя и запрещены закономъ и потому считаются преступными, но не только не возбуждаютъ негодованія, отвращенія къ лицу, ихъ совершившему, но и вызываютъ сочувствіе, состраданіе къ нему, какъ къ жертвѣ «заблужденія, увлеченія или общественныхъ предразсудковъ», и несомнѣнно, что человѣкъ, совершившій такое дѣяніе и понесшій за него такое наказаніе, которое (по мысли самой Коммисіи) не будетъ почитаться позорящимъ честь и доброе имя лица, ему подвергшагося; такой человѣкъ, вернувшись, по отбытіи наказанія, въ свою среду, въ то общество, къ которому онъ принадлежалъ, не встрѣтитъ того-же отношенія къ себѣ, какъ преступникъ, совершившій какое-либо гнусное преступленіе и вернувшійся изъ арестанскихъ отдѣленій или изъ тюрьмы: отъ него никто не отвернется, ему не будетъ поводовъ стыдиться своего непозорнаго прошлаго. Гдѣ же основаніе, чтобы вырвать его навсегда изъ родной среды, лишить его возможности заниматься въ ней честнымъ трудомъ? И справедливо-ли человѣка, понесшаго столь тяжкое наказаніе, какъ заточеніе на десять лѣтъ, под-

вергать еще, за то же самое преступленіе, другому, еще болѣе тяжкому, наказанію—ссылкѣ на поселеніе? И если эта послѣдняя, какъ самостоятельное наказаніе, самою Коммисіею признается наказаніемъ нецѣлесообразнымъ и допускается только въ исключительныхъ случаяхъ, оправдывающихъ удаленіе преступника изъ мѣста прежняго жительства (стр. 21), то тѣмъ менѣе основаній оставлять его какъ наказаніе дополнительное, или какъ послѣдствіе другаго наказанія.

По поводу изложеннаго въ 4 пунктѣ 15-ой ст. правила, въ силу коего «приговоренные на срокъ свыше 6 лѣтъ, по отбытіи заточенія, поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ», въ собраніи чиновъ Черниговскаго Окружнаго Суда и мѣстной прокуратуры высказано было слѣдующее отдѣльное мнѣніе: Редакціонная Коммисія, вводя особый родъ наказанія, именуемаго заточеніемъ, въ объяснительной запискѣ своей намѣчаетъ, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, тѣ преступленія, которыя будутъ подлежать карѣ этого наказанія. Преступленія эти, весьма серьезныя съ государственной точки зрѣнія, вызываются, по мнѣнію Коммисіи, не столько злою волею и нравственною распущенностію, сколько «увлеченіями, заблужденіями и общественными предразсудками» лица, ихъ совершившаго. При такомъ сопоставленіи характера этихъ преступныхъ дѣяній съ соотвѣтствующими имъ наказаніями, заточеніе на срокъ отъ 6 до 10 лѣтъ, сопровождаемое притомъ пораженіемъ всѣхъ личныхъ и гражданскихъ правъ, само по себѣ является карою на столько тяжкою по своему роду и послѣдствіямъ, что присоединеніе къ нему еще и послѣдствія, указаннаго въ 4 п. 15 ст., т. е. высылки подвергшихся этому наказанію, по отбытіи онаго, въ отведенныя для того мѣстности, съ цѣлью поселенія ихъ тамъ, не соотвѣтствуетъ намѣченному Коммисіей характеру преступныхъ дѣяній, караемыхъ заточеніемъ, тѣмъ болѣе, что поселеніе само по себѣ составляетъ совершенно особое и притомъ весьма тяжкое наказаніе, которое, по проекту уложенія, будетъ назначаться въ исключительныхъ случаяхъ за такія-же, какъ и облагаемыя заточеніемъ, преступныя дѣянія непозорящаго свойства. Окончательное и безповоротное изгнаніе изъ среды общества тѣхъ членовъ его, которые, подъ вліяніемъ заблужденій или общественныхъ предразсудковъ, совершили преступныя дѣянія, непозорящія ихъ личности и не указывающія на наличность у нихъ особой злой воли или нравственной распущенности, было-бы мѣрою слишкомъ строгою и неоправдываемою необходимостью. Съ другой стороны установленіе для такихъ преступниковъ несоотвѣтствующаго характеру совершенныхъ ими преступныхъ дѣяній наказанія поведетъ на практикѣ къ увеличенію числа оправдательныхъ вердиктовъ присяжныхъ, не смотря на очевидность и доказанность

преступленій, что и въ настоящее время имѣетъ мѣсто при такомъ-же несоотвѣтствіи наказаній съ тяжестью караемыхъ ими преступленій по дѣйствующему уложенію. То соображеніе, что лица, отбывшія заточеніе, по возвращеніи своемъ въ среду общества, могутъ оказать дурное вліяніе на прочихъ его членовъ и продолжать свои прежнія заблужденія, устраняется тѣмъ доводомъ, что лица эти, утративши, вслѣдствіе лишенія ихъ личныхъ и гражданскихъ правъ, всякое вліяніе и значеніе въ средѣ общества, будутъ находиться въ то же время подъ надзоромъ полиціи, установляемымъ, согласно 31 ст. проекта, для лицъ, понесшихъ наказаніе за дѣянія, именуемыя преступленіями.

По этимъ основаніямъ, казалось-бы болѣе цѣлесообразнымъ и соотвѣтственнымъ основной цѣли наказанія лицъ, подвергшихся заточенію, по отбытіи сего наказанія, не отсылать на поселеніе въ отведенныя для того мѣста, а, предоставивъ имъ свободу избранія мѣста жительства, подвергать ихъ полицейскому надзору по усмотрѣнію тюремнаго начальства.

По мнѣнію Ставропольскаго Окружнаго Суда, 4 отд. 15 ст. о поселеніи лицъ, отбывшихъ заточеніе свыше 6 лѣтъ, является слишкомъ тяжкимъ, уравнивая преступниковъ этой категоріи съ каторжниками (стр. 14). Между тѣмъ, по мнѣнію самой Коммисіи, заточенію будутъ подвергаться за преступленія, совершенныя подъ вліяніемъ фанатизма, сословныхъ предразсудковъ и т. п. условій, не указывающихъ на особенную испорченность преступника. Поэтому, было-бы полезнымъ оставить вышеприведенное постановленіе лишь для опасныхъ обществу фанатиковъ, каковы нѣкоторые сектанты, а остальныхъ преступниковъ этой категоріи не подвергать поселенію. Равнымъ образомъ, ихъ не слѣдуетъ подвергать и послѣдствіямъ, указаннымъ въ ст. 27-ой проекта.

При обсужденіи чинами Костромскаго Окружнаго Суда 15 ст., высказано мнѣніе, что заточеніе будетъ установлено, какъ особый видъ наказаній для преступленій непозорящаго свойства, а при такомъ характерѣ этого рода наказанія не представляется основанія примѣнять къ заточеннымъ на срокъ свыше шести лѣтъ, по отбытіи наказанія, еще ссылку на поселеніе.

Собраніе чиновъ прокуратуры Кіевскаго округа предполагаетъ, въ виду тѣхъ же соображеній, которыя изложены въ замѣчаніи къ ст. 14 проекта, исключить изъ ст. 15 всѣ положенія, опредѣляющія условія и поря-

докъ содержанія въ заточеніи, какъ составляющія предметъ особыхъ законовъ объ устройствѣ вновь проектированныхъ мѣстъ заключеній. Кромѣ того, собраніе этихъ чиновъ, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что заточеніе предназначается наказаніемъ за такія преступныя дѣянія, которыя, хотя и могутъ быть весьма тяжкими, но не имѣютъ характера позорящаго свойства, признало умѣстнымъ, въ видахъ послѣдовательнаго проведенія этого положенія и въ послѣдствіяхъ сего наказанія, высказать желаніе, чтобы мѣста для поселенія послѣ заточенія свыше 6 лѣтъ отводимы были особо отъ мѣстъ, предназначенныхъ для поселенія послѣ каторги.

Названіе заточенія, данное наказанію, заключающемуся въ содержаніи въ крѣпости или въ особомъ устроенномъ для того помѣщеніи, на время отъ 2 недѣль до 10 лѣтъ, не можетъ, по мнѣнію Главнаго Военно-Морскаго Прокурора, быть признано удачнымъ. Съ заточеніемъ соединяется представленіе о чемъ-то безвѣстномъ и, если не безъисходномъ, то, во всякомъ случаѣ, продолжительномъ, и потому странно какъ-то слышать о заточеніи на 2 недѣли. Гораздо проще и правильнѣе удержать для этого наказанія существующее въ дѣйствующемъ уложеніи названіе: заключеніе въ крѣпости, подобно тому, какъ наказаніе это названо въ новомъ уложеніи для сѣверо-германскаго союза, хотя и тамъ оно исполняется не только въ крѣпостяхъ, но и въ иныхъ приспособленныхъ къ тому мѣстахъ (§ 17). Чрезъ это устранится и неизбѣжное, при упомянутомъ названіи, смѣшеніе разнородныхъ понятій, ибо наказаніе, подъ названіемъ заточенія, существуетъ въ нашихъ военномъ и морскомъ уголовныхъ законодательствахъ (Воин. и Воен.-Мор. Уст. о Наказ. ст. 18, 19 и 55), на основаніи коихъ оно опредѣляется на время отъ 10—20 лѣтъ, какъ замѣна смертной казни, каторги и поселенія въ Сибири, безъ лишенія всѣхъ правъ состоянія, за извѣстныя спеціальныя преступленія, хотя и весьма важныя, съ точки зрѣнія военной службы и дисциплины, но не имѣющія позорящаго характера.

Относительно предположенныхъ сроковъ и существа разсматриваемаго новаго наказанія, Статсъ-Секретарь Яневичъ-Яневскій затрудняется выразить окончательное сужденіе, не находя въ объяснительной запискѣ (стр. 18 и 63) съ одной стороны яснаго указанія на тѣ преступленія, за которыя предполагается назначать это наказаніе, а съ другой—отзыва Военнаго Министерства о возможности осуществленія установленной проектомъ организаціи этого рода наказанія въ крѣпостяхъ.

Чины Орловскаго Окружнаго Суда останавливаются на принятомъ въ проектѣ терминѣ «*заточеніе*». Не встрѣчаясь нигдѣ въ нашихъ прежнихъ законахъ и не имѣя за собою такимъ образомъ исторической почвы, терминъ этотъ не соотвѣтствуетъ тому значенію, которое придается ему проектомъ и объяснительною къ нему запискою. Буквальный смыслъ слова «заточеніе» указываетъ на особенную жестокость этого вида наказанія; такъ напр., заточить кого-нибудь въ монастырь—значило въ древней Руси подвергнуть это лицо заключенію на всю жизнь при тѣхъ условіяхъ строгихъ монастырскихъ правилъ, которыя существовали въ то время; продержать кого-либо въ заточеніи и нынѣ въ разговорномъ языкѣ обозначаетъ извѣстнаго рода жестокость обращенія съ этимъ лицомъ, соединеннаго съ такого рода лишеніями, которыя выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ. Между тѣмъ, по мысли составителей проекта, «заточеніе» вовсе не должно совмѣщать въ себѣ понятія жестокости, ибо должно примѣняться къ преступленіямъ характера непозорящаго. Поэтому, а также въ виду того, что по 15 ст. проекта предполагается присужденныхъ къ заточенію содержать въ крѣпости или въ особоустроенныхъ помѣщеніяхъ, что въ дѣйствующемъ уложеніи имѣется уже готовый для выраженія понятія этого вида наказанія терминъ «*заключеніе*» представлялось-бы болѣе правильнымъ замѣнить слово «заточеніе»—словомъ «*заключеніе*».

Избранный Редакціонною Коммисіею терминъ «заточеніе» не представляется, по мнѣнію чиновъ прокуратуры Казанской Судебной Палаты, удачнымъ. Съ этимъ именемъ возникаетъ представленіе о безсрочности. Его слѣдовало-бы замѣнить «заключеніемъ въ крѣпостяхъ или замѣняющихъ ихъ помѣщеніяхъ», тѣмъ болѣе, что къ тому-же опредѣленію приходитъ собственно и Редакціонная Коммисія въ 15 ст. проекта.

Останавливаясь на терминологіи наказаній, Владимірскій Окружный Судъ обращаетъ вниманіе на то, что слово «заточеніе», заимствованное изъ древняго нашего законодательства и удержавшееся еще до сихъ поръ въ церковномъ законодательствѣ, подразумѣваетъ заключеніе на долгое время и притомъ удаленіе отъ всякаго общенія со свѣтомъ и съ обществомъ, и посему понятіе о заточеніи представляется парадоксальнымъ въ примѣненіи къ заключенію на двѣ недѣли. Поэтому не слѣдуетъ-ли названіе «заточеніе» оставить только для болѣе тяжкихъ степеней онаго, а для непродолжительныхъ сроковъ заточеніе назвать заключеніемъ въ такомъ-то домѣ ареста?

По мнѣнію чиновъ прокуратуры Казанскаго Окружнаго Суда, названіе «заточеніе» ни по этимологическому происхожденію, ни по историческому его значенію, не соотвѣтствуетъ свойству и продолжительности этого рода лишенія свободы. Названіемъ этимъ опредѣлялось прежде удаленіе изъ общества въ монастырь, откуда при постриженіи не было возврата, нынѣ же это лишеніе свободы можетъ быть и на 2 недѣли, что̀, конечно, не соотвѣтствуетъ тому впечатлѣнію жестокости, которое производитъ слово «заточеніе».

Выраженіе того-же постановленія проекта «занимаются работами по ихъ выбору» вызываетъ въ названныхъ чинахъ сомнѣніе въ томъ, обязательны-ли эти работы для заключенныхъ или послѣдніе могутъ и вовсе не работать, если не пожелаютъ выбрать работу. Въ послѣднемъ случаѣ надлежало-бы это выраженіе замѣнить словами: «по ихъ желанію».

Чинами Московской прокуратуры предлагается слѣдующая редакція ст. 15-ой:

«Заточеніе назначается на срокъ отъ двухъ недѣль до 10 лѣтъ и отбывается или въ крѣпостяхъ, или въ устроенныхъ для заточенія помѣщеніяхъ».

«Приговоренные содержатся въ общемъ заключеніи, но съ разобщеніемъ на ночь».

«Приговоренные на срокъ не свыше 6 лѣтъ занимаются въ самомъ помѣщеніи обязательными работами по ихъ выбору изъ числа установленныхъ, чистый доходъ отъ работъ обращается въ ихъ пользу. Приговоренные на срокъ свыше шести лѣтъ занимаются въ самомъ помѣщеніи обязательными работами по назначенію управленія: двѣ трети чистаго дохода обращаются въ ихъ пользу».

«Приговоренные на срокъ свыше 6 лѣтъ, по отбытіи заточенія, поселяются въ отведенныхъ для нихъ мѣстностяхъ».

Такую редакцію названные чины мотивируютъ слѣдующимъ образомъ.

Въ видахъ большей ясности того положенія, что приговоренные къ наказанію лишеніемъ свободы должны въ теченіи всего срока содержанія подъ стражею не пребывать въ праздности, а заниматься работами, въ 3 части статьи прибавлено слово «обязательными» и такая-же прибавка должна была-бы быть сдѣлана въ слѣдующихъ 17, 18 и 19 статьяхъ, кромѣ того признано полезнымъ оговорить въ самомъ текстѣ закона, что выборъ работъ для приговоренныхъ къ заточенію на срокъ не свыше 6-ти лѣтъ дозволяется лишь изъ числа установленныхъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ наказаніе отбывается, иначе безъ такой оговорки, можетъ возникнуть вопросъ: обязательно-ли для управленія

домомъ заточенія предоставлять заточенному возможность заниматься всякаго рода выбранными имъ работами и можетъ-ли отбывающій наказаніе, въ случаѣ невозможности удовлетворить его просьбу, отказаться вовсе отъ работы.

По поводу ст. 15 Тульскій Окружный Судъ замѣчаетъ, въ отношеніи разобщенія содержащихся въ заточеніи на ночь и въ отношеніи распредѣленія заработковъ между заключенными, что все это, не составляя существенной части наказанія, можетъ быть помѣщено въ уставѣ о содержащихся въ заточеніи. Посему ст. 15 слѣдовало-бы изложить такъ:

«Заточеніе назначается на срокъ отъ двухъ недѣль до десяти лѣтъ и отбывается или въ крѣпостяхъ, или въ устроенныхъ для заточенія помѣщеніяхъ».

«Приговоренные на срокъ не свыше шести лѣтъ и приговоренные на срокъ свыше шести лѣтъ занимаются работами въ самомъ помѣщеніи, первые—по ихъ выбору, а вторые—по назначенію управленія».

«Приговоренные на срокъ свыше шести лѣтъ, по отбытіи заточенія, поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ».

По мнѣнію Люблинскаго Окружнаго Суда, ст. 15 ч. 3, не предусмотрѣла случай, когда заточенный на срокъ не свыше шести лѣтъ отказывается отъ выбора работъ (тоже см. 2 ч. 19 ст.)

См. также приведенное подъ ст. 14 замѣчаніе Люблинскаго Окружнаго Суда.

Статья 16.

Поселеніе назначается безъ срока и отбывается въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ.

Профессоръ Вальбергъ указываетъ, что изъ проекта нельзя вывести съ полною опредѣленностью различія между наказаніями главными и дополнительными. Такъ напр., хотя ссылка на поселеніе и поставлена въ ряду наказаній главныхъ (п. 4 ст. 2), но въ нѣкоторыхъ случаяхъ она соединяется съ послѣдними, причемъ не вполнѣ ясно видно, говорится-ли въ этихъ случаяхъ о ссылкѣ какъ главномъ наказаніи или же о ссылкѣ, какъ о наказа-

ніи дополнительномъ. Въ ст. 9 сказано «приговариваются и къ поселенію»; въ ст. 14: «по отбытіи каторги преступники поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ»; то же сказано и въ ст. 15 объ отбывшихъ заточеніе; въ ст. 50 вновь говорится о замѣнѣ двухъ главныхъ наказаній поселеніемъ; въ ст. 53—о замѣнѣ поселенія заточеніемъ; въ ст. 55—о заточеніи, соединенномъ съ поселеніемъ. Ср. также ст. 57. Поселеніе является также и послѣдствіемъ каторги, послѣдствіемъ, увеличивающимъ тяжесть главнаго наказанія, слѣдственно—обстоятельствомъ, отягчающимъ наказаніе, въ формѣ наказанія дополнительнаго. Изъ этого видно, что поселеніе поставлено въ проектѣ и какъ главное наказаніе, и какъ наказаніе дополнительное, что вредитъ правильной постановкѣ поселенія въ системѣ наказаній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, затрудняетъ пониманіе огранизаціи мѣстъ, для отбыванія наказаній предназначенныхъ.

Профессоръ Гуго-Мейеръ недоумѣваетъ, неужели даже присужденіе къ каторгѣ въ первый разъ должно влечь за собою пожизненное или (ср. ст. 21), по меньшей мѣрѣ, десятилѣтнее поселеніе? Это постановленіе проекта едва-ли основательно.

Г. Лонгиновъ (Судебная Газета, 1883 г., № 13) находитъ, что въ проектированной лѣстницѣ наказаній едва-ли не самою шаткою ступенью представляется поселеніе. Прежде всего бросается въ глаза противорѣчіе, заключающееся въ томъ, что поселеніе по проекту фигурируетъ и въ качествѣ *главнаго* наказанія, и какъ *послѣдствіе* каторги и заточенія свыше шести лѣтъ, хотя въ обоихъ случаяхъ условія поселенія отождествляются. По отбытіи каторги и заточенія свыше шести лѣтъ, преступники поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ (3 ч. 14 ст. и 4 ч. 15 ст.). Поселеніе назначается безъ срока и отбывается въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ (ст. 16). Находящіеся на поселеніи, по истеченіи десяти лѣтъ онаго, могутъ получить разрѣшеніе оставить обязательное для нихъ мѣстопребываніе (ст. 21).

Иного значенія, кромѣ *послѣдствія* каторги и заточенія свыше шести лѣтъ, наступающее за отбытіемъ этихъ видовъ лишенія свободы, поселеніе не имѣетъ потому, что за одно и то же преступленіе и даже при совокупности преступленій не можетъ быть назначено двухъ главныхъ уголовныхъ наказаній. Этимъ, вѣроятно, и объясняется—почему Редакціонная Коммисія, перечисляя главныя наказанія, не упомянула въ 2 и 3 п. 2 ст. о поселеніи, назначаемомъ при каторгѣ и долговременномъ заточеніи; но нельзя пріискать объясненія—почему она не включила это поселеніе въ число наказаній дополнительныхъ (ст. 3).

Обратимся къ источнику упомянутаго противорѣчія. Коммисія Государственнаго Совѣта по тюремному преобразованію, бывшая въ 1878 г. подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Грота, предположивъ упразднить ссылку на житье и ссылку на поселеніе за Кавказъ, нашла необходимымъ сохранить ссылку на поселеніе въ Сибирь, какъ мѣру, которая, хотя и *утратила свое карательное значеніе*, но удобна и наиболѣе достигаетъ цѣли безопасности, какъ спеціальное наказаніе лишь *для дѣяній, не обнаруживающихъ порочной нравственности* и не изобличающихъ привычки къ праздности, но истекающихъ изъ увлеченій, заблужденій и общественныхъ предразсудковъ или фанатизма, напр. принадлежность къ особенно вреднымъ сектамъ (объясн. зап. стр. 18—21 и 63). Признавъ преждевременнымъ утвержденіе всѣхъ подробностей построенной Тюремною Коммисіей лѣстницы наказаній, Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, 11 Декабря 1879 г., ограничилось установленіемъ, для руководства при тюремномъ преобразованіи и пересмотрѣ уложенія о наказаніи, видовъ, сопряженныхъ съ лишеніемъ свободы общихъ наказаній, въ томъ числѣ ссылки на каторгу безъ срока и на срокъ, указавъ, между прочимъ, что приговоренные къ ссылкѣ на каторгу должны быть подвергаемы *поселенію* по отбытіи работъ (ст. 3). Составители проекта новаго уложенія, соглашаясь, по ихъ словамъ, въ главныхъ чертахъ съ соображеніями Тюремной Коммисіи относительно полезности *ссылки* на поселеніе, рѣшились сохранить ее, какъ такую мѣру наказанія, которая можетъ быть назначаема только за нѣкоторыя преступленія, оправдывающія удаленіе преступника изъ мѣста прежняго его жительства, но не требующія болѣе или менѣе долгосрочнаго его заключенія (объясн. зап., стр. 6, 21 и 63). Изъ приведенныхъ мотивовъ видно, что *ссылкѣ* на поселеніе составители проекта отвели неподобающее мѣсто. Коль скоро она лишена репрессивности и оставляется единственно въ качествѣ мѣры предохранительной, то, очевидно, и помѣщеніе ее въ лѣстницѣ главныхъ наказаній крайне непослѣдовательно, особенно въ виду допускаемаго Редакціонною Коммисіей, вопреки мнѣнію Тюремной Коммисіи, возвращенія *всѣхъ* поселенцевъ въ Европейскую Россію по истеченіи опредѣленнаго срока (объясн. зап., стр. 72). Изъ сопоставленія соображеній Тюремной и Редакціонной Коммисій о значеніи ссылки на поселеніе, а отчасти и закона 11 Декабря 1879 г. о послѣдствіяхъ каторги, вытекаетъ тотъ логическій выводъ, что ссылка на поселеніе должна быть удержана не какъ самостоятельное, но какъ *дополнительное* наказаніе. Составители проекта въ своихъ разсужденіяхъ сами нечаянно обронили эту мысль, сводя примѣненіе ссылки на поселеніе къ преступленіямъ, не требующимъ *долгосрочнаго заключенія*. Нельзя думать, чтобы, говоря о болѣе или менѣе долгосрочномъ заключеніи,

не исключающемъ, конечно, краткосрочнаго, они разумѣли подъ симъ послѣднимъ лишеніе свободы, вызываемое самою пересылкою преступниковъ, а не заключеніе въ смыслѣ наказанія. Лучшимъ подтвержденіемъ справедливости такой догадки служитъ ст. 53 проекта, допускающая, при смягченіи наказаній, переходъ отъ ссылки на поселеніе къ заточенію на срокъ отъ одного года до шести лѣтъ. Дѣйствительно, если дѣянія, требующія удаленія виновныхъ изъ мѣстожительства, въ родѣ распространенія особенно вредной ереси, носятъ преступный характеръ, угрожая большимъ вредомъ государству, и заслуживаютъ соотвѣтственной кары, то нѣтъ никакого основанія прибѣгать къ какимъ-бы то ни было компромиссамъ и налагать на судъ весьма щекотливую обязанность приговаривать виновнаго къ такой мѣрѣ, которая, не будучи въ существѣ своемъ карательною, направлена единственно къ достиженію цѣлей безопасности. При такомъ порядкѣ вещей можно поручиться, что законъ о ссылкѣ въ видѣ самостоятельнаго наказанія останется мертвою буквою, и по дѣламъ о преступленіяхъ религіозныхъ присяжные станутъ или выносить оправдательные вердикты, или признавать наличность смягчающихъ обстоятельствъ.

Итакъ ссылка на поселеніе не можетъ, безъ нарушенія коренныхъ основъ здравой логики, практиковаться въ смыслѣ самостоятельнаго наказанія и должна быть отнесена, безусловно, къ послѣдствіямъ наказанія, наравнѣ съ лишеніемъ правъ,—съ которымъ она имѣетъ большую аналогію,—полицейскимъ надзоромъ и т. п. мѣрами, перечисленными въ 3 ст. и названными редакторами проекта дополнительными наказаніями (объясн. зап. стр. 7 и 8). Засимъ преступленія, за которыя Редакціонная Коммисія полагала опредѣлить ссылку на поселеніе, всего справедливѣе было-бы обложить заточеніемъ, пріурочивъ въ этихъ случаяхъ поселеніе, какъ его послѣдствіе, и къ срокамъ заточенія, не превышающимъ шести лѣтъ.

Изъ многихъ важныхъ неудобствъ оставленія ссылки на поселеніе въ лѣстницѣ главныхъ наказаній г. Лонгиновъ указываетъ на слѣдующее: при стеченіи нѣсколькихъ преступныхъ дѣяній, изъ коихъ одни свидѣтельствуютъ о полной развращенности преступника (кражи, мошенничества и т. п.), и обложены наказаніями исправительными, а одно—важнѣйшее—не носитъ на себѣ позорныхъ признаковъ (напр., принадлежность къ особенно вредной сектѣ), преступникъ будетъ подлежать только ссылкѣ на поселеніе, т. е. наказанію тягчайшему по установленной Коммисіею во 2-й ст. проекта постепенности, между тѣмъ какъ правило о поглощеніи тягчайшимъ наказаніемъ другихъ наказаній не устраняетъ примѣненія дополнительнаго наказанія, присоединяемаго къ главному слабѣйшему (ст. 55 проекта). Такимъ образомъ, по отношенію къ вопросу о цѣлесообразности ссылки на поселеніе,

подрываются сразу всѣ мотивы Коммисіи Государственнаго Совѣта и Редакціонной Коммисіи, построенные на доброй нравственности тѣхъ, которые будутъ приговариваемы къ ссылкѣ на поселеніе, и, наоборотъ, пріобрѣтаютъ неотразимую силу аргументы, приводимые въ доказательство вреда примѣненія ея къ преступникамъ порочной нравственности (см. объясн. зап., стр. 18—21).

Наконецъ, если-бы это мнѣніе не встрѣтило сочуствія, то, для устраненія указанной несообразности, слѣдовало-бы провести по крайней мѣрѣ ясную разграничительную черту между двумя существенно различными типами поселенія, смѣшиваемыми Редакціонною Коммисіею до такой степени, что и условія поселенія, и порядокъ сокращенія его сроковъ она полагаетъ примѣнять одни и тѣже для лицъ непосредственно приговоренныхъ къ поселенію и для обращенныхъ на таковое по отбытіи каторги или заточенія (объясн. зап., стр. 71). Насколько это смѣшеніе лишено правильнаго основанія, можно судить уже потому, что по началамъ, выработаннымъ Тюремною Коммисіею, отбывшихъ каторгу предположено селить вблизи каторжныхъ тюремъ (въ Восточной Сибири) на незанятыхъ земляхъ, отдѣльными колоніями, безъ права приписки къ деревнямъ старожиловъ, съ принятіемъ особыхъ предосторожностей для устраненія побѣговъ и т. п. *Ссылаемымъ* же на поселеніе признано ею необходимымъ дать значительныя льготы, даже право поступать въ городскія званія (цѣховые, мѣщане, купеческія гильдіи) съ сокращеніемъ сроковъ перехода въ свободное состояніе (объясн. зап., стр. 62, 63 и 71). Указывая на проведенную Тюремною Коммисіею параллель между поселеніемъ приговоренныхъ къ каторгѣ и ссылкою на поселеніе, г. Лонгиновъ умалчиваетъ о поселеніи приговоренныхъ къ заточенію свыше шести лѣтъ, полагая, что оно не оправдывалось-бы рѣшительно ничѣмъ *при сохраненіи ссылки на поселеніе, какъ самостоятельнаго наказанія*, а потому и подлежало-бы упраздненію.

Но при второй комбинаціи пришлось-бы, согласно съ программой Государственнаго Совѣта, подраздѣлить наказанія на *общія* и *особенныя*, отнеся къ послѣднимъ ссылку на поселеніе и заточеніе, причемъ, въ случаѣ смягченія участи виновнаго, было-бы возбранено переходить отъ общихъ наказаній къ особеннымъ, и наоборотъ. Для того же, чтобы не лишить судъ возможности уменьшенія наказанія, въ случаѣ признанія подсудимаго виновнымъ въ преступленіи, обложеннымъ ссылкою на поселеніе, полезно было-бы установить въ ней высшій и низшій предѣлы, смотря по бо́льшой или меньшей отдаленности мѣста ссылки.

Судебная Газета (1882 г. № 11) указываетъ на нѣкоторую неточность термина, употребляемаго составителями проекта, «поселеніе». Между тѣмъ не «поселеніе» составляетъ смыслъ репрессіи, а «*ссылка*» на поселеніе. Нельзя рѣшительно найти основаніе, почему-бы ясный и точный терминъ нужно было замѣнять менѣе точнымъ.

Г. Ц. Я. (Юридическій Вѣстникъ 1883 г., № 8) находитъ, что ст. 16 должна-бы быть редактирована такъ: «ссылка назначается безъ срока въ одинъ изъ ссыльныхъ округовъ и отбывается въ предѣлахъ того округа».

Ссылка, по соображеніямъ Редакціонной Коммисіи и по положенію, отведенному этой карѣ въ лѣстницѣ наказаній, должна занимать среднее мѣсто между продолжительнымъ и непродолжительнымъ заточеніемъ и назначаться, наравнѣ съ послѣднимъ, только за такія преступленія, которыя не указываютъ на испорченность и безнравственность преступника и оставляютъ надежду, что въ новыхъ условіяхъ жизни онъ можетъ сдѣлаться полезнымъ членомъ общества и пользоваться извѣстною свободою, необходимою для того, чтобы собственнымъ трудомъ добывать средства существованія. Въ виду такого значенія ссылки, какъ самостоятельнаго наказанія, не только необходимо указать на отличіе ея отъ поселенія—послѣдствія каторги, давъ этому наказанію другое названіе, но и указать на существенное различіе въ самомъ способѣ отбыванія ссылки и поселенія. Если составители проекта справедливо нашли нужнымъ указать на различіе каторги для женщинъ и мущинъ, то, кажется, неизмѣримо настоятельнѣе указать на различіе поселенія, какъ самостоятельнаго наказанія, отъ поселенія, какъ послѣдствія каторги, опредѣливъ, по крайней мѣрѣ, самое существенное отличіе въ условіяхъ того и другаго, и въ виду того, что ссыльнымъ предполагается предоставить нѣкоторый просторъ въ выборѣ мѣста пребыванія, опредѣлить, что ссылка отбывается въ назначенныхъ для того округахъ, а назначеніе округа зависитъ отъ суда. Если, при настоящемъ значеніи поселенія, право суда назначать его по 1 или 2 части 20 ст. уложенія вело къ тому, что нѣкоторыя мѣста поселенія переполнялись преступниками и, вслѣдствіе этого, мѣстное населеніе подвергалось всевозможнымъ неудобствамъ, а поселенцы страдали отъ невозможности найти работу, то, при отмѣнѣ водворенія въ Сибири лицъ, отъ принятія которыхъ отказались общества, и при громадномъ сокращеніи ссылки по приговорамъ судовъ, опредѣленіе мѣста ссылки судомъ не можетъ повлечь за собою никакихъ невыгодныхъ послѣдствій въ особенности, если раіоны округовъ будутъ довольно значительны; напротивъ, предоставленіе суду такого права, при недѣлимости наказанія ссылкою, представляется необходимымъ: привести

всѣ округа ссылки въ одинаковыя условія невозможно, ссылка въ одни округи всегда будетъ тяжелѣе, чѣмъ въ другіе. Какими-же началами можетъ руководствоваться администрація въ распредѣленіи ссыльныхъ? Не сошлетъ-ли она болѣе опасное или болѣе провинившееся лицо въ самый близкій и удобный округъ, а несравненно менѣе опасное—въ самый отдаленный или въ самый неудобный, и недостаточно-ли для того, чтобы не стѣснять и учрежденія, завѣдывающаго ссылкою, увеличить лишь раіоны округовъ, оставивъ за судомъ право избранія округа по сопровождающимъ вину обстоятельствамъ и относительной тяжести ссылки въ разныхъ округахъ, опредѣленной въ уставѣ о тюрьмахъ и ссылкѣ?

По поводу ст. 16 проекта Редакціонный Комитетъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, признавая правильнымъ начало ограниченія и устраненія, по возможности, наказаній безсрочныхъ, предложилъ ст. 16 измѣнить слѣдующимъ образомъ: «поселеніе назначается либо безъ опредѣленія срока, либо на срокъ не менѣе 6 лѣтъ, и отбывается въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ».

Н. Д. Сергіевскій высказалъ, что прогрессивное движеніе нашего законодательства болѣе и болѣе смягчаетъ суровость кары: въ старыя времена такія наказанія, какъ поселеніе, назывались *вѣчными*, затѣмъ—*пожизненными* и наконецъ *безсрочными;* теперь должно-бы придти къ заключенію о невозможности вообще безсрочныхъ наказаній, такъ какъ они не удовлетворяютъ цѣли каждаго наказанія—исправленію. Самый институтъ безсрочности и въ нынѣшнее время зависитъ болѣе отъ усмотрѣнія тюремнаго начальства, чѣмъ отъ суда; тюремное-же начальство не можетъ быть признано у насъ достаточно компетентнымъ для разрѣшенія подобныхъ вопросовъ. Кромѣ того пожизненность или безсрочность наказанія отнимаетъ у человѣка надежду, приводитъ его въ отчаяніе и вызываетъ въ немъ озлобленіе;—чувства, совершенно противуположныя ожидаемой возможности исправленія. Вообще пожизненность или безсрочность наказанія противны духу русскаго народа, всегда поэтому сочуствующаго бѣжавшимъ отъ такой кары и укрывающаго ихъ. Въ виду изложеннаго г. Сергѣевскій высказался за отмѣну безсрочности и установленіе сроковъ каторги maximum 15 и 20 лѣтъ, поселенія maximum 10 лѣтъ.

В. К. Случевскій полагалъ, что вопросъ о срочности и безсрочности не можетъ быть разрѣшенъ въ столь общей формѣ, а долженъ быть раздѣленъ на два вопроса: о безсрочности каторги и о безсрочности поселенія. Въ отношеніи безсрочности каторги г. Случевскій, соглашаясь съ доводами г. Сергѣев-

скаго, высказался за принятіе предложеннаго имъ maximum'а каторги; что же касается до безсрочности поселенія, то онъ полагалъ оставить, какъ въ проектѣ, поселеніе безъ опредѣленнаго срока, установивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и срочное поселеніе. Поселеніе, какъ отдѣльное наказаніе, не имѣетъ многихъ существенныхъ свойствъ наказанія; оно не достигаетъ ни устрашительныхъ, ни исправительныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ наказаніемъ, а имѣетъ прямымъ своимъ назначеніемъ удаленіе изъ общества преступника, нахожденіе котораго среди общества, по мнѣнію законодателя, можетъ угрожать интересамъ общественной безопасности. Поэтому вполнѣ мыслимы случаи совершенія такихъ преступленій, за которыя удаленіе изъ среды общества на опредѣленное только число лѣтъ не найдетъ себѣ достаточнаго оправданія. Таково преступленіе—скопчества, за которое дѣйствующій законъ назначаетъ, въ ряду другихъ наказаній, безсрочную ссылку на поселеніе въ отдаленный краіі Восточной Сибири.

При голосованіи, допущеніе въ уложеніи каторги безъ срока было отвергнуто единогласно; за установленія высшей ея мѣры въ 15 и 20 лѣтъ высказались 22 голоса.

За оставленіе ст. 16 въ томъ видѣ, какъ она изложена въ проектѣ, высказался одинъ голосъ; затѣмъ, 13 голосами противъ 9 рѣшено допущеніе назначенія поселенія по приговору суда и безсрочнаго, и срочнаго.

Коммисія Новороссійскаго Юридическаго Общества считаетъ правильнымъ самостоятельное наказаніе, наименованное въ проектѣ «поселеніемъ», назвать «ссылкою», такъ какъ этимъ достигается отличіе его отъ «поселенія»—наказанія дополнительнаго къ каторгѣ и заточенію свыше 6 лѣтъ, причемъ самый общепринятый смыслъ слова: «ссылка», по мнѣнію Коммисіи, вполнѣ соотвѣтствуетъ сущности этого наказанія по проекту уложенія, т. е., насильственное выселеніе преступника съ мѣста его жительства въ какую-либо отдаленную мѣстность.

Независимо отъ измѣненія названія «поселеніе», Коммисія Новороссійскаго Юридическаго Общества полагаетъ необходимымъ замѣнить назначенное проектомъ безсрочное поселеніе срочною ссылкою, причемъ въ основаніе сего легли тѣ же соображенія, которыя приняты Коммисіею по поводу упраздненія безсрочной каторги и которыя говорятъ противъ цѣлесообразности безсрочныхъ наказаній вообще. Обсуждая затѣмъ вопросъ о maximum'ѣ и minimum'ѣ срока этого наказанія, Коммисія признала необходимымъ назначить maximum по возможности высокій по слѣдующимъ основаніямъ: ссылка имѣетъ въ виду главнымъ образомъ безопасность общества путемъ

выселенія въ отдаленныя мѣстности вреднаго его члена, который, значитъ, если и можетъ быть возвращенъ обратно, то не иначе, какъ подъ условіемъ коренныхъ перемѣнъ въ его характерѣ и настроеніи, а такія перемѣны въ короткія сроки ссылки немыслимы.

Кромѣ того краткосрочный ссыльный мало будетъ имѣть мотивовъ къ основательному устройству своего быта на мѣстѣ поселенія, а это значительно затруднитъ для правительства правильную организацію ссылки. Что же касается maximum'а, то Коммисія руководствовалась при назначеніи его высшимъ срокомъ, принятымъ для каторги и заточенія. Затѣмъ въ виду заявленнаго предположенія, что могутъ встрѣтиться между ссыльными такіе, которые, по отбытіи срока наказанія, пожелаютъ остаться на мѣстѣ, высказано было желаніе, чтобы таковыя лица не были удаляемы помимо ихъ воли съ мѣста поселенія.

Съ своей стороны, Членъ Новороссійскаго Юридическаго Общества *т. Пасынковъ*, въ особомъ, представленномъ имъ въ Коммисію этого Общества, мнѣніи, замѣчаетъ по поводу ст. 16 слѣдующее: Въ объяснительной запискѣ къ этой статьѣ сказано, что поселеніе будетъ примѣняться въ небольшомъ количествѣ случаевъ и за особыя преступленія, не изобличающія привычки къ праздности и порочному образу жизни, за преступленія, которыя проистекаютъ изъ заблужденій, увлеченій, общественныхъ предразсудковъ или фанатизма. Изъ этого опредѣленія слѣдуетъ заключить, что преступленія эти не носятъ характера позорящаго и подходятъ, значитъ, подъ тѣ случаи, за которыя предположено наказывать заточеніемъ. Не имѣя передъ глазами особой части уложенія и не зная всѣхъ случаевъ, въ которыхъ поселеніе будетъ назначаемо, нельзя, по даннымъ «объяснительной записки», представить себѣ отличительныхъ признаковъ, долженствующихъ обусловливать примѣненіе къ тому или другому преступленію наказаній заточеніемъ или поселеніемъ.

Поэтому не представляется возможности судить, насколько необходимо введеніе въ лѣстницу каръ самостоятельнаго вида наказанія поселеніемъ.

Вѣрно то, что, только при извѣстной правильной организаціи, ссылка можетъ быть цѣлесообразна въ качествѣ уголовнаго наказанія. «Объяснительная записка», принимая во вниманіе это послѣднее обстоятельство, высказывается за необходимость предоставленія ссыльнымъ: права приписки не только къ селеніямъ, но и къ городамъ; права передвиженія въ цѣломъ округѣ, и за назначеніе поселенцамъ отъ правительства земель и денежныхъ пособій. Но наравнѣ съ этими заботами о расширеніи свободы ссыльныхъ, высказанныхъ въ «объяснительной запискѣ», въ самомъ проектѣ опредѣляется для поселен-

цевъ пораженіе правъ въ одинаковой степени съ приговоренными къ каторгѣ (ст. 28 и 30).

Принимая на видъ, во 1-хъ, что если для каторжника, заключеннаго въ тюрьмѣ, пораженіе правъ, которыми онъ все равно пользоватся не можетъ, безразлично, то для поселенца, обязаннаго на свободѣ добывать средства къ жизни, оно является очень тяжелымъ наказаніемъ, и, во 2-хъ, что поселеніе предполагается назначать за преступленія не позорящія, г. Пасынковъ находитъ уравненіе поселенцевъ въ безправіи съ каторжными несправедливымъ.

Наконецъ ссылка, по проекту безсрочна. Противъ безсрочности наказанія Коммисіей Юридическаго Общества высказано заключеніе по поводу каторги; соображенія эти имѣютъ силу и относительно разбираемаго вида наказанія. Но съ другой стороны, минимумъ срока не долженъ быть низкимъ, такъ какъ ссылка въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя имѣетъ въ виду главнымъ образомъ безопасность общества путемъ выселенія вреднаго его члена, который, значитъ, если и можетъ быть возвращенъ обратно, то не иначе, какъ подъ условіемъ радикальныхъ перемѣнъ къ лучшему въ его характерѣ, а такія перемѣны въ короткія сроки ссылки немыслимы. Кромѣ того, краткосрочный сыльный мало будетъ имѣть мотивовъ къ основательному устройству своего быта на мѣстѣ поселенія, а это значительно затруднитъ для правительства правильную организацію ссылки.

Исходя изъ этихъ соображеній, г. Пасынковъ думаетъ, что если почему либо необходимо внесеніе въ число каръ особаго рода наказанія поселеніемъ, то, во 1-хъ, оно должно быть срочное, отъ 10 до 20 лѣтъ, и, во 2-хъ, не должно сопровождаться пораженіемъ правъ общечеловѣческихъ (ст. 30) на время отбыванія наказанія, а по отбытіи послѣдняго, всѣ права ссыльнаго должны быть возстановляемы.

Въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества *В. В. Смитенъ* по поводу ст. 16 заявилъ, что поселеніе предполагается назначать также за преступленія, необнаруживающія испорченной нравственности, но оправдывающія удаленіе преступника изъ мѣста прежняго жительства. Объемъ примѣненія ссылки будетъ значительно съуженъ, по сравненію съ постановленіями дѣйствующаго уложенія. По всей вѣроятности, она будетъ сохранена лишь для вредныхъ сектъ и, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ для политическихъ преступниковъ (стр. 20—21 и 63 записки). Ссылка, опредѣляемая за совращеніе въ расколъ и ересь и иногда даже за одну принадлежность къ ереси, не можетъ быть, говоря вообще, разсматриваема въ смыслѣ

наказанія, какъ справедливаго возмездія за содѣянное; она должна быть скорѣе разсматриваема, какъ охранительная мѣра, имѣющая цѣлью предупредить и пресѣчь распространеніе раскола.

Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно, что, въ большинствѣ случаевъ, сектанты—люди нравственные, трезвые и трудолюбивые. Есть поэтому основаніе желать, чтобы населеніе сектантовъ было обставлено особымъ попеченіемъ и снисходительностью Правительства. Но если необходимо удалять сектантовъ изъ мѣстъ прежняго жительства, то рождается вопросъ: полезно-ли приселять ихъ къ городамъ и селеніямъ, какъ предположено въ отношеніи ссыльно-поселенцевъ вообще (стр. 63), и не слѣдуетъ-ли селить ихъ на незанятыхъ земляхъ, во всякомъ случаѣ, не соединяя ихъ съ поселеніями каторжныхъ? Затѣмъ, референтъ заявилъ, что въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ возбуждался вопросъ, не слѣдуетъ-ли назначать поселеніе на срокъ, и разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что поселеніе должно быть назначаемо, какъ на срокъ, такъ иногда и безсрочно. Съ своей стороны, референтъ думаетъ, что, въ отношеніи сектантовъ, поселеніе, составляя мѣру не столько карательную, сколько полицейскую и охранительную, едва-ли можетъ быть срочнымъ и что о срочности поселенія въ другихъ случаяхъ нельзя ничего сказать, не зная, за что именно оно будетъ назначаться.

А. В. Степановъ, *А. С. Френкель* и *А. Н. Сазоновъ* по вопросу *о поселеніи, какъ самостоятельномъ наказаніи*, высказали, что необходимость этого наказанія оправдывается только нѣкоторыми особенностями историческаго развитія русскаго народа, вызвавшими чрезвычайное развитіе сектанства. Съ лицами, принадлежащими къ вреднымъ сектамъ, дѣйствительно дѣлать больше нечего, какъ только выселять ихъ, потому что держать такихъ лицъ въ заключеніи было-бы и безчеловѣчно, и безцѣльно. Но этимъ и исчерпывается примѣнимость ссылки, какъ самостоятельнаго наказанія. Примѣнять ее вообще, какъ предполагаетъ Коммисія, къ преступленіямъ «небезчестящимъ» нѣтъ ни малѣйшей надобности, такъ какъ для этого рода преступленій сама-же Коммисія установляетъ особое наказаніе, въ видѣ заточенія. *В. Х. Кусиковъ* и *А. А. Кялтковскій* находили, что ссылка на поселеніе должна быть срочною; *А. А. Козловъ* и *кн. И. З. Хилшіевъ*, что такого наказанія, какъ поселеніе, вовсе существовать не должно; всѣ-же затѣмъ остальные высказались за сохраненіе ст. 16 проекта Коммисіи.

При обсужденіи вопроса о значеніи поселенія, какъ наказанія самостоятельнаго, Варшавскіе Присяжные Повѣренные считаютъ необходимымъ остановиться на соображеніяхъ Коммисіи Государственнаго Совѣта, подгото-

вившей законъ 11 Декабря 1879 г., и въ особенности на журналѣ сей Коммисіи отъ 24 Ноября 1879 г. (стр. 18 и 19 объяснительной записки Редакціонной Коммисіи). Въ этомъ чрезвычайно замѣчательномъ и важномъ документѣ изложены съ рѣдкою откровенностью, основательностью и рѣшительностью, существенные недостатки даннаго наказанія. Коммисія заявляетъ, что поселеніе утратило нынѣ всякое карательное значеніе, что огромный приливъ ссыльныхъ ложится тяжелымъ бременемъ на мѣстное населеніе, навлекаетъ на него весьма значительные расходы и лишенія, и при томъ ссыльные наталкиваютъ на порокъ и взрослыхъ, и дѣтей,—что начальство не въ силахъ исполнить обязанности, лежащія на немъ по отношенію къ поселенцамъ, что пересыльная часть въ Сибири находится въ безпорядочномъ и жалкомъ состояніи, что надзоръ за ссыльными не существуетъ, что ссыльные развращаются, что они лишены заработковъ, что, будучи покинуты на произволъ судьбы въ незнакомомъ краѣ, они въ большинствѣ случаевъ обращаются къ бродяжеству, нищенству и воровству, что ими совершаются весьма часто самыя тяжкія преступленія, что наконецъ самыя ограниченія правъ ссыльныхъ, по заявленіямъ мѣстныхъ властей, приводятъ къ наиболѣе гибельнымъ результатамъ.

Едва-ли когда-либо, надъ какою-либо карательною мѣрою, произнесено было болѣе строгое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе справедливою осужденіе. По этимъ даннымъ, исходящимъ изъ самаго достовѣрнаго и авторитетнаго источника, ссылка объявляется не столько наказаніемъ преступниковъ, сколько наказаніемъ самаго общества, которое, не испытавъ никакихъ мѣръ исправленія надъ провинившимися своими членами, не рѣдко сдѣлавшимися жертвою несовершенства общественныхъ учрежденій, лишается огромнаго количества производительныхъ силъ, освобождая одну часть территоріи отъ элементовъ, съ которыми оно не можетъ или же еще только не хочетъ совладать, жертвуетъ благомъ другой части территоріи, навлекая на нее то зло, котораго само избѣгаетъ, и неся при томъ на это громадныя издержки, не только совершенно непроизводительныя, но даже приносящія результаты отрицательные для самого общества и убійственные для приговоренныхъ.

Въ виду вышеизложенныхъ соображеній Коммисіи Государственнаго Совѣта, которыя и Редакціонная Коммисія признаетъ «вполнѣ справедливыми», Варшавскіе Присяжные Повѣренные приходятъ въ нѣкоторое недоумѣніе при послѣднихъ словахъ Коммисіи, которая заявляетъ: «что за всѣмъ этимъ было-бы полезно сохранить возможность пользованія ссылкою». Коммисія полагаетъ, что чѣмъ разнообразнѣе и шире способы преслѣдованія преступленій, тѣмъ вѣрнѣе могутъ быть удовлетворены требованія справедливости и интересы безопасности общественной. Но ежели эти средства,

вносящія разнообразіе и широту въ систему наказаній, вслѣдствіе долговременнаго опыта и неотразимыхъ внѣшнихъ условій, оказались совершенно негодными, то употребленіе ихъ, кажется, скорѣе будетъ противодѣйствовать, чѣмъ благопріятствовать требованіямъ справедливости и интересамъ общественнымъ. Негодность ссылки подтверждается всѣми выводами Коммисіи, которая считаетъ: «водвореніе поселенцевъ властью правительства неосуществимымъ», а «другихъ способовъ для осуществленія цѣлей ссылки», по мнѣнію Коммисіи, «не существуетъ». Что лица осуждаемыя въ ссылку за дѣйствія непричастныя общимъ преступленіямъ, ведутъ себя хорошо и, по необходимости, уживаются въ ссылкѣ, не смотря на самыя неблагопріятныя условія, это вовсе не измѣняетъ «мрачнаго вообще фона современной Сибирской ссылки», такъ какъ благопріятные результаты достигаются вовсе не ссылкою, а, какъ объясняетъ сама Коммисія, прежнимъ образомъ жизни отдѣльныхъ личностей, не предававшихся праздности и порочному поведенію, личностей, которыя безъ ссылки, по всей вѣроятности, развились-бы гораздо правильнѣе и удачнѣе, и которыя въ ссылкѣ находятъ лишь препятствіе, а не содѣйствіе своему нравственному развитію; для лицъ-же необразованныхъ и нравственно неподготовленныхъ ссылка представляетъ собою дѣйствительную школу нравственнаго растлѣнія. Коммисія, не опредѣляя въ особенности преступленій, которыя могутъ быть облагаемы ссылкою, ставитъ лишь общее правило, чтобы ссылка назначалась единственно за дѣянія, не обнаруживающія порочной нравственности, а истекающія изъ увлеченій, заблужденій, общественныхъ предразсудковъ и фанатизма. Но при этомъ не слѣдуетъ, по мнѣнію Варшавскихъ адвокатовъ, упускать изъ виду, что поселеніе есть наказаніе уголовное, влекущее за собою самыя тяжкія правопораженія; между тѣмъ едва-ли можно предполагать, чтобы новое уложеніе, исходя изъ раціональныхъ и гуманныхъ началъ, назначало столь тяжкія уголовныя наказанія за преступныя дѣянія, истекающія изъ побужденій, имѣющихъ менѣе серьезное преступное свойство, какъ заблужденіе, увлеченіе или фанатизмъ, при дѣйствіи которыхъ виновные обыкновенно причиняютъ гораздо болѣе зла самимъ себѣ, нежели обществу. Ссылка на поселеніе имѣетъ еще одно, особенно тягостное, можно сказать—анти-юридическое свойство—она безсрочна и, по этому своему свойству, она должна быть причисляема къ наказаніямъ самымъ строгимъ, къ какимъ не прибѣгаетъ ни одинъ изъ новѣйшихъ извѣстнѣйшихъ европейскихъ кодексовъ, за исключеніемъ лишь самыхъ тяжкихъ преступленій, которыя наказываются каторгою, а не поселеніемъ. Эта особенная обременительность пожизненной ссылки недостаточно исправляется даже указанною въ ст. 21 возможностію, предоставляемою ссыльнымъ, по истеченіи 10 лѣтъ, получать разрѣшеніе оста-

вить обязательное мѣстопребываніе. Во-первыхъ и десятилѣтній срокъ ссылки для людей, совершившихъ преступленіе вслѣдствіе заблужденія или увлеченія, свыше мѣры продолжителенъ. Во вторыхъ прекращеніе наказанія ставится при этомъ въ зависимость отъ административнаго учрежденія, безъ опредѣленія началъ, при которыхъ оно должно состояться. Осужденный лишается драгоцѣннаго права на разсмотрѣніе его дѣйствій судомъ; онъ изъемлется изъ подъ строгаго, но справедливаго контроля судебной власти, а вмѣсто того ставится въ условія неясныя и неопредѣленныя, что всегда наиболѣе убиваетъ человѣка. Въ то время, какъ во Франціи ссылка примѣняется въ новѣйшее время лишь къ самымъ неисправимымъ рецидивистамъ, да и притомъ еще относительно цѣлесообразности ея возбуждаются самыя серьезныя сомнѣнія, въ проектѣ Редакціонной Коммисіи ссылка имѣетъ видъ обыкновеннаго наказанія, назначаемаго за совершеніе въ первый разъ извѣстныхъ преступленій, притомъ-же менѣе угрожающихъ общественной безопасности. Это придавало-бы новому уложенію видъ несоразмѣрной и безполезной строгости. Представители Варшавской адвокатуры постараются доказать еще, говоря о каторгѣ, что то понятіе, которое составила себѣ Коммисія о поселеніи, и тѣ цѣли, которыхъ она предполагаетъ достигнуть посредствомъ проектируемаго ею устройства ссылки, окажутся недостижимыми вслѣдствіе предполагаемаго Коммисіею примѣненія ссылки на поселеніе къ каторжнымъ, отбывшимъ главное наказаніе.

Относительно примѣненія ссылки къ Привислянскому краю, кромѣ всѣхъ вышеизложенныхъ общихъ соображеній, они считаютъ необходимымъ указать на то обстоятельство, что это наказаніе, въ виду особенныхъ условій сего края, является для его уроженцевъ сугубо тягостнымъ и гибельнымъ.

Правительство несетъ, еще болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, значительныя издержки на пересылку ссыльныхъ, по причинѣ большей отдаленности этого края отъ мѣста ссылки. Общество лишается множества рабочихъ рукъ и не имѣетъ желательной возможности перевоспитать своихъ членовъ, запятнавшихъ себя преступленіемъ.

Приговоренные подвергаются участи гораздо болѣе тягостной, нежели жители внутреннихъ губерній. Уроженецъ сихъ губерній, переходя изъ мѣста своего жительства въ Сибирь, видитъ въ этомъ лишь простую перемѣну мѣста жительства. На новомъ мѣстѣ онъ находитъ почти тотъ-же климатъ, тотъ-же языкъ, ту-же вѣру, тѣ-же обычаи и родственныя связи, въ которыхъ онъ воспитывался на родинѣ. Жители запада или юга трудно переносятъ климатъ суроваго сѣвера; перемѣна климата нерѣдко равняется для нихъ смертному приговору, медленно, но неминуемо исполняемому.

На новомъ мѣстѣ они находятъ условія, совершенно для нихъ чуждыя и, въ особенности при недостаткѣ образованія, чрезвычайно тягостныя и убійственныя. Одна такая поразительная неравномѣрность послѣдствій наказанія для лицъ, судившихся на основаніи одного и того-же закона, за одно и тоже дѣяніе, должна обратить на себя особенное вниманіе и повести къ тому заключенію, что примѣненіе ссылки въ Сибирь къ уроженцамъ Западнаго края въ особенности не должно имѣть мѣста.

За преступленія и проступки, не указывающіе на особенно безнравственный характеръ приговоренныхъ, Коммисія приняла наказаніе, котораго потребность и цѣлесообразность никѣмъ не оспаривается, а напротивъ того всѣми одобряется,—это заточеніе. При правильномъ устройствѣ этого наказанія, оно представитъ весьма дѣйствительное и соотвѣтственное средство репрессіи за преступныя дѣянія того рода, за которыя предполагается назначать поселеніе.

Можно допускать, что въ извѣстныхъ случаяхъ опасеніе повторенія преступныхъ дѣяній, вреднаго примѣра и соблазна, можетъ вызывать потребность удаленія преступника изъ прежняго мѣста жительства (*). Этотъ видъ наказанія, предусмотрѣнный въ ст. 58 нынѣ дѣйствующаго уложенія, встрѣчается и въ проектѣ итальянскаго уголовнаго кодекса (confino, esilio locale, ст. 18, 19).

По кодексу Царства Польскаго 1818 г., допускаемо было воспрещеніе виновному пребывать въ извѣстномъ уѣздѣ или губерніи. Извѣстно изъ практики, что подобная мѣра вполнѣ достигала цѣли, для которой она была назначаема. Въ подобныхъ случаяхъ не нужно удалять виновныхъ за нѣсколько тысячъ верстъ, когда разстояніе въ нѣсколько десятковъ верстъ разрываетъ всѣ связи провинившагося лица съ мѣстомъ совершенія преступленія и вполнѣ достигаетъ цѣлей правосудія. Такая мѣра могла-бы быть, по мнѣнію Варшавскихъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, съ пользою введена въ новомъ уложеніи и могла-бы замѣнить ссылку на поселеніе для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ она могла-бы быть полезна, а засимъ ст. 16 слѣдовалобы исключить изъ проекта.

По поводу *поселенія* и комментаріевъ на оное со стороны Редакціонной Коммисіи, чины прокурорскаго надзора Казанской Судебной Палаты замѣчаютъ, что если система принудительнаго поселенія или ссылки находится

(*) Напримѣръ за неосторожное поврежденіе здоровья, нѣкоторыя преступленія противъ правъ семейственныхъ, контрабанду и т. п.

въ Россіи въ неудотворительномъ состояніи, то отсюда еще не слѣдуетъ выводъ о непригодности для Россіи этого рода наказанія. Все дѣло въ организаціи, не допускающей ни начала бездомности, ни начала безсемейности, неизбѣжно ведущихъ къ бродяжеству. Если такая организація потребуетъ средствъ, то не меньшихъ средствъ потребуетъ и развитіе въ громадныхъ размѣрахъ тюремной системы и примѣненіе оной, напримѣръ, къ рецедивистамъ, большая часть которыхъ проводитъ въ заключеніи добрую половину жизни. Громадное увеличеніе приспособленій къ содержанію подъ стражею, въ особенности при переходѣ къ системѣ одиночнаго заключенія и временнаго разобщенія, за тѣмъ самое содержаніе ихъ суть прямыя траты государства. Но къ этому слѣдуетъ прибавить еще косвенную трату для государства—потерю рабочаго труда, цѣнность котораго на каждаго простирается въ годъ отъ 50-ти до 80-ти рублей и болѣе, ибо, что ни говорили-бы объ арестантскомъ трудѣ, онъ можетъ еще имѣть значеніе исправительное; въ смыслѣ-же продуктивномъ онъ навсегда останется только фикціею, такъ что объ экономическомъ значеніи арестантскаго труда не можетъ быть и рѣчи. Такимъ образомъ, если подвергнуть подробному исчисленію, во что обходится содержаніе арестанта не въ смыслѣ только прокормленія его, но и со всѣми накладными расходами и тратами, то окажется, что, взамѣнъ этого, могли-бы быть удѣлены значительныя средства по устройству ссылки на вполнѣ раціональныхъ и обезпечивающихъ эту мѣру началахъ. Въ будущемъ-же осужденнаго этотъ видъ наказанія можетъ представлять изъ себя, конечно, болѣе твердый оплотъ, нежели тюремное дисциплинированіе. Во всякомъ случаѣ желательно-бы было допустить ссылку, какъ замѣну исправительнаго дома, если только осужденный семейный и семейство его изъявитъ желаніе слѣдовать за нимъ въ мѣсто ссылки.

Принятое въ проектѣ наказаніе поселеніемъ вызываетъ, со стороны Сенатора А. К. Фриде, слѣдующія замѣчанія: Редакціонная Коммиссія приняла безусловно относительно поселенія всѣ соображенія Коммиссіи при Государственномъ Совѣтѣ; но съ тѣми мотивами, которыя высказаны въ журналѣ этой послѣдней, А. К. Фриде, съ своей стороны, считаетъ невозможнымъ согласиться. Всѣ тѣ доводы, которые имѣютъ цѣлію указать на несостоятельность нынѣ существующаго, по обѣимъ степенямъ ст. 20 улож. о наказ., уголовнаго наказанія, вполнѣ справедливы и высказаны Коммисіею при Государственномъ Совѣтѣ съ замѣчательною силою; но выводить изъ нихъ *a contrario*, что *поселеніе*, какъ самостоятельное наказаніе, *несомнѣнно* должно быть все-же сохранено, потому что, «чѣмъ разнообразнѣе и шире

способы преслѣдованій, тѣмъ вѣрнѣе и лучше могутъ быть удовлетворены требованія справедливости и общественной безопасности», и признавать, что ссылка должна назначаться «единственно за дѣянія, не обнаруживающія порочной нравственности, а истекающія изъ увлеченій, заблужденій, общественныхъ предразсудковъ и фанатизма», кажется А. К. Фриде страннымъ по слѣдующимъ причинамъ: если увлекшагося предразсудками и фанатизмомъ, или принадлежностью къ «особенно вреднымъ сектамъ (см. журналъ Ком. при Госуд. Сов.) признано необходимымъ удалить изъ той среды, въ которой онъ жилъ, въ виду *вреда*, который онъ могъ причинить одной *части государства*, за что-же подвергать тому же опасенію *другую* часть того-же государства? Отчего то, что вредно въ Петербургѣ, перестаетъ быть вреднымъ въ Оренбургѣ или въ Тобольскѣ? Въ древнія времена высылка за предѣлы государства, «къ варварамъ», имѣла свое значеніе; «ибо она освобождала», весьма дѣйствительнымъ образомъ, «всѣхъ подданныхъ государства» отъ вліянія «вреднаго члена общества» и часто была для сего послѣдняго равносильною медленной смерти; но въ наше время, если ссылка своихъ подданныхъ въ другое государство невозможна и если ссылка на поселеніе въ другую часть того-же государства не сопряжена съ содержаніемъ *на мѣстѣ ссылки* въ закрытомъ помѣщеніи, то никакія мѣры мѣстнаго полицейскаго наблюденія, если бы онѣ и соблюдались на самомъ дѣлѣ, а не только на бумагѣ, не удержатъ сосланнаго *фанатика* отъ распространенія, на новомъ мѣстѣ, того, что все-же признается *лжеученіемъ*. Если-же сосланный долженъ на мѣстѣ ссылки содержаться въ закрытомъ помѣщеніи, то спрашивается, отчего онъ тому-же лишенію свободы не можетъ быть подвергнутъ и на мѣстѣ совершенія преступленія? Задаваться мыслію, что сосланный на поселеніе, съ прибытіемъ на мѣсто ссылки, отступится отъ своего ученія и вѣрованія, столь-же непрактично, какъ и предположеніе, что онъ будетъ находится какъ-бы на *«необитаемомъ островѣ»* и будетъ лишенъ возможности сообщенія съ людьми; да къ тому-же поселеніе кого-бы то ни было въ необитаемую мѣстность было-бы, и въ наше время, равносильно медленной смерти; между тѣмъ такого послѣдствія Коммисія весьма правильно гнушается. Всѣ эти соображенія приводятъ Сенатора А. К. Фриде къ заключенію, что либо за ученіе, пока *оно не переходитъ* въ преступное посягательство на чужую свободу или личность, никто наказываемъ быть не долженъ, ибо судьба всѣхъ религій на земномъ шарѣ служитъ подтвержденіемъ тому, что то, что сегодня признается вреднымъ лжеученіемъ, можетъ въ послѣдствіе времени обратиться въ общественное вѣрованіе, либо, если законъ признаетъ себя въ правѣ ограждать посредствомъ наказаній жителей одной части государства отъ того, что онъ считаетъ лжеученіемъ, то

такую-же обязанность онъ имѣетъ и по отношенію къ остальнымъ поддан нымъ того-же государства; эту-же обязанность онъ можетъ исполнить только содержаніемъ вреднаго лжеучителя въ заключеніи; а поэтому мнѣніе быв шаго Министра Юстиціи, признававшаго необходимымъ ссылку какъ на житье, такъ и на поселеніе, вовсе изъ числа самостоятельныхъ наказаній исключить, представляется вполнѣ правильнымъ. Къ тому же впрочемъ выводу пришелъ и Государственный Совѣтъ, не смотря на мнѣніе Коммисіи, образованной при Совѣтѣ, ибо въ 1 п. Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта отъ 11 Декабря 1879 г. не усматривается въ числѣ наказаній «*поселенія*». Что же касается до «*пользы широты и разно образія* способовъ *преслѣдованія* преступленій», которыя указаны не самимъ Государственнымъ Совѣтомъ, а Коммисіею при Государственномъ Совѣтѣ въ числѣ доводовъ къ сохраненію *поселенія*, то если, быть можетъ, способы *преслѣдованія* преступленій и должны быть *разнообразны*, необхо димости чего А. К. Фриде, впрочемъ, не усматриваетъ, то во всякомъ случаѣ слишкомъ большое разнообразіе способовъ *наказаній* ни на чемъ не осно вано и оно то и вызвало главнѣйше пересмотръ уложенія нынѣ дѣйствую щаго. Все вышесказанное представляется тѣмъ болѣе важнымъ при обсуж деніи вопроса о «*поселеніи*», что эта мѣра, въ одно и то же время, по ст. 4 и 16, является наказаніемъ самостоятельнымъ, а по ст. 14 и 15—послѣд ствіемъ *отбытаго* уже уголовнаго наказанія. Установлять-же поселеніе, какъ *отдѣльное* наказаніе, по мотивамъ, принятымъ Редакціонною Комми сіею, *для* лицъ, подпавшихъ увлеченію, и сохранять оное, какъ послѣдствіе *каторги*, для всѣхъ важнѣйшихъ преступниковъ, по крайней мѣрѣ не послѣдовательно.

Сенаторъ И. Н. Орловъ находитъ, что если и нельзя не согласиться съ замѣчаніями о недостаткахъ нашей нынѣшней ссылки на поселеніе, то это еще не значитъ, что слѣдовало-бы ограничивать по возможности примѣненіе этого наказанія; недостатки нашихъ тюремъ, въ связи съ нашими географи ческими условіями, приводятъ его къ заключенію, что у насъ слѣдуетъ по возможности ограничивать долгосрочное лишеніе свободы, а взамѣнъ онаго улучшить поселеніе избраніемъ для него болѣе подходящихъ мѣстностей и вообще лучшею организаціею онаго.

По поводу 16 статьи чины Екатеринбургскаго Окружнаго Суда замѣ чаютъ, что поселеніе, какъ наказаніе, предполагается отбывать въ отведен ныхъ для того мѣстностяхъ. Если предположитъ, что осуждаемые на посе-

леніе будутъ отправляемы только въ Сибирь, то и тогда, въ виду громадности ея разстояній, степени населенности и другихъ мѣстныхъ условій, большая разница представится между тѣми изъ осужденныхъ, которые будутъ поселены въ Тобольской и Томской губерніяхъ, и тѣми, которымъ будутъ отведены для поселенія мѣста въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ, особенно Якутской, Забайкальской, Амурской и Приморской областяхъ.

Такое значеніе близости или отдаленности мѣстности поселенія должно быть соразмѣряемо съ родомъ преступленія, обстоятельствами, его сопровождавшими, и вообще съ степенью виновности преступника, а слѣдовательно и можетъ исходить отъ суда, разсматривающаго дѣло по существу. Предоставить-же сказанное назначеніе административному начальству—значилобы дать ему право по произволу дополнять или измѣнять силу судебнаго приговора, причемъ болѣе виновный можетъ оказаться поселеннымъ въ ближайшія, а менѣе виновный въ отдаленныя мѣстности. Посему слѣдуетъ этотъ родъ наказанія подраздѣлить на поселенія въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ и на поселенія въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ, предоставивъ отнесеніе мѣстностей для поселенія къ разряду отдаленнѣйшихъ или не столь отдаленныхъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, подобно тому, какъ это дѣлается нынѣ относительно ссылаемыхъ на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ Сибирскихъ (ст. 33 улож. изд. 1866 г.), и узаконивъ притомъ, куда должны быть ссылаемы на поселеніе осуждаемые къ сему роду наказанія жители Сибири, сообразно съ тѣмъ, какъ это назначено въ 1 ч. 32 ст. улож. изд. 1866 г.

Члены Казанской Судебной Палаты Галкинъ-Врасскій и Траубенбергъ признаютъ вовсе нежелательнымъ проектированное ограниченіе ссылки на поселеніе въ Сибирь съ замѣною поселенія для нѣкоторыхъ разрядовъ преступниковъ заключеніемъ въ исправительныхъ домахъ. По ихъ мнѣнію, невозможно ожидать, чтобы эти, такъ-называемые, исправительные дома были устроены и управлялись дѣйствительно удовлетворительно, какъ по недостатку денежныхъ средствъ, такъ еще болѣе по отсутствію хорошо подготовленныхъ, смотрителей и надзирателей, что находится въ зависимости отъ общаго запаса умственныхъ и нравственныхъ силъ страны. Между тѣмъ, упорядоченіе поселенія и поставленіе его въ лучшія, чѣмъ нынѣ, условія вполнѣ возможно по предположеніямъ Главнаго Тюремнаго Управленія. На этомъ основаніи возможно было-бы сохранить и развить два рода поселенія: 1-й родъ, согласно 261 ст. XIV т. уст. о ссыл. по прод. 1876 г., съ обязательными работами для осужденныхъ за позорящія преступленія,

нынѣ приговариваемыхъ къ поселенію и высшимъ степенямъ арестанскихъ отдѣленій; и 2-й родъ—безъ обязательныхъ работъ, за преступленія противъ вѣры и нѣкоторыя политическія, согласно съ проектомъ (объясн. зап., стр. 6, 18 и 20).

Прокуроръ Орловскаго Окружнаго Суда Хрулевъ указываетъ, что, по предположенію проекта, ссылка на поселеніе должна назначаться за дѣянія, не обнаруживающія порочной нравственности, а истекающія изъ увлеченій, заблужденій, общественныхъ предразсудковъ или фанатизма. Изъ объяснительной записки къ проекту видно, что поселеніе должно представлять такую мѣру взысканія, которая можетъ быть назначаема только за нѣкоторыя, хотя-бы и тяжкія, преступленія, оправдывающія удаленіе преступника изъ мѣста прежняго жительства, но не требующія болѣе или менѣе долгосрочнаго его заключенія.

Проектъ установляетъ поселеніе, во 1-хъ, какъ самостоятельное наказаніе (ст. 16), и во 2-хъ, какъ послѣдствіе другихъ видовъ наказанія (ст. 14 и 15). Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ оно употребляется, между прочимъ, для преступниковъ, отбывшихъ срокъ своего заключенія въ каторжной тюрьмѣ (ст. 14).

Каторгу, какъ наказаніе, непосредственно слѣдующее за смертною казнью, предполагается назначать за самыя тяжкія и опасныя преступленія, которыя доказываютъ такую испорченность совершителей ихъ, что вызываютъ необходимость полнаго освобожденія общества отъ нихъ, какъ отъ крайне вредныхъ элементовъ. Хотя каторга и имѣетъ исправительную цѣль, но возможность нравственнаго перерожденія для осужденныхъ къ этому наказанію, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и при самомъ лучшемъ устройствѣ каторжныхъ тюремъ, во многихъ случаяхъ, если не въ большинствѣ ихъ, представляется крайне сомнительною. Въ виду этого проектъ не признаетъ возможнымъ возвращать лицъ, отбывшихъ наказаніе въ каторжной тюрьмѣ, снова въ то общество, изъ котораго они вышли и неспособность жить въ которомъ доказали своимъ преступленіемъ. По отбытіи срока заключенія, имъ не возвращается полная свобода, а они остаются на поселеніи.

Такимъ образомъ поселеніе вовсе не представляется исключительнымъ наказаніемъ, exilio honesto, которому подвергались-бы только за преступленія, вытекающія «изъ увлеченій, заблужденій, общественныхъ предразсудковъ или фанатизма». Напротивъ, согласно 14 ст. проекта, наказанію этому будутъ подлежать преступники самыхъ разнообразныхъ категорій и притомъ осужденные за самыя тяжкія преступленія.

Прокуроръ Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскій отмѣчаетъ обстоятельство, обращающее на себя вниманіе въ лѣстницѣ наказаній и заключающееся въ томъ, что въ числѣ проектируемыхъ Коммисіею наказаній вовсе не упоминается о ссылкѣ на житье въ Сибирь, и что ссылка на поселеніе устанавливается на особыхъ началахъ, съ примѣненіемъ ея къ весьма немногимъ преступленіямъ. По мнѣнію г. Хлодовскаго, нельзя вполнѣ не согласиться съ мнѣніемъ Коммисіи относительно того, что наказаніе это, не достигая вовсе желаемой цѣли, скорѣе приноситъ вредъ, чѣмъ пользу, ибо дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на ту среду, въ которой поселяются иногда весьма закоренѣлые и испорченные преступники. Вслѣдствіе сего Редакціонная Коммисія, согласно съ мнѣніемъ Коммисіи Государственнаго Совѣта (стр. 21 и 63), положила, что поселеніе будетъ назначаемо лишь за немногія преступныя дѣянія, не изобличающія привычки къ праздности и порочному образу жизни. Съ своей стороны г. Хлодовскій полагаетъ, что *поселеніе, какъ самостоятельное наказаніе*, исходя изъ той, совершенно вѣрной мысли, что оно должно быть назначаемо лишь за преступленія, требующія удаленія преступника изъ мѣста его жительства,—*должно быть оставлено единственно только для преступленій противорелигіозныхъ, ересей и расколовъ*, главная цѣль наказанія коихъ заключается въ предотвращеніи возможности дальнѣйшаго распространенія вредныхъ ученій; а эта цѣль наилучшимъ образомъ достигается удаленіемъ преступника изъ среды его окружающей и поселеніемъ его среди чуждаго ему элемента въ такой мѣстности, гдѣ ему преграждалась-бы возможность распространенія религіозныхъ идей. Къ такимъ мѣстностямъ, вполнѣ пригоднымъ для поселенія подобныхъ преступниковъ, должны быть отнесены Сибирь и Кавказъ. Многолѣтнія наблюденія за бытомъ ссыльно-поселенцевъ на Кавказѣ изъ сектантовъ приводятъ его къ несомнѣнному убѣжденію, что мѣра эта—поселеніе является весьма благотворною какъ въ отношеніи самихъ ссыльныхъ, такъ и относительно заселяемой ими мѣстности, такъ какъ, во 1-хъ, ссыльные эти, привычные къ труду и работамъ, образуютъ здѣсь цѣлыя селенія, нерѣдко весьма богатыя, и, занимаясь преимущественно землѣдѣліемъ и хлѣбопашествомъ, въ матерьяльномъ отношеніи обставлены гораздо лучше многихъ туземцевъ; 2) будучи людьми вообще непорочными и неиспорченными, лица эти имѣютъ громадное нравственное вліяніе на окружающую ихъ среду, которая въ большинствѣ случаевъ стоитъ ниже ихъ и по своему развитію, и по своимъ нравственнымъ качествамъ, и 3) наконецъ, что̀ самое главное, заселеніе подобными лицами, весьма полезными для края, отдаленныхъ мѣстностей Россіи, много способствуетъ обрусѣнію окраинъ, занятыхъ по преимуществу разными инородческими племенами, и съ этой точки зрѣнія

ссылка сектантовъ на поселеніе на Кавказъ представляетъ громадное значеніе какъ въ политическомъ, такъ и въ промышленномъ отношеніи.

Распространеніе-же ссылки на поселеніе, какъ самостоятельнаго наказанія, кромѣ религіозныхъ, еще и на другія преступленія, хотя-бы и непозорныя, но не представляющія настоятельной надобности къ выселенію преступника изъ извѣстной мѣстности, по мнѣнію г. Хлодовскаго, не должно имѣть мѣсто, ибо на ряду съ поселеніемъ въ проектѣ уложенія имѣется еще другое наказаніе—заточеніе, которое также предназначается для преступленій, совершенныхъ по заблужденію, увлеченію или ради общественнаго предразсудка и не обнаруживающихъ ни особой испорченности, ни безнравственности виновнаго (стр. 17 и 62), а такъ какъ наказаніе это слѣдуетъ на ряду съ каторгою, исправительнымъ домомъ и тюрьмою, то оно и можетъ быть съ успѣхомъ назначаемо за всѣ преступленія непозорнаго свойства.

При этомъ нельзя не замѣтить, что поселеніе, какъ самостоятельное наказаніе, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ поселеніемъ, коему будутъ подвергаться ссыльно-каторжные по окончаніи срока каторжныхъ работъ,—и такъ какъ лица, попадающія на поселеніе въ обоихъ этихъ случаяхъ, представляются весьма различной нравственности, то должны быть приняты мѣры къ тому, чтобы для поселенцевъ изъ каторжныхъ были отведены совершенно особыя мѣстности въ наиболѣе отдаленныхъ краяхъ Восточной Сибири и чтобы эти преступники не имѣли никакого общенія какъ съ другими поселенцами, такъ и съ мѣстнымъ населеніемъ; наилучшимъ средствомъ представлялось-бы устройство особыхъ колоній для такихъ ссыльно-поселенцевъ.

Разсматривая разсужденія Редакціонной Коммисіи по поводу ссылки на поселеніе и заточенія, оказывается, что оба эти наказанія, назначаемыя лишь за нѣкоторыя, особыя преступленія, представляются совершенно исключительными и не могутъ быть приведены въ надлежащее соотвѣтствіе при сравненіи съ остальными наказаніями, перечисленными въ ст. 2; такъ напримѣръ, хотя заточеніе поставлено ниже каторги и выше поселенія, но въ сущности заточеніе на высшіе сроки съ поселеніемъ не можетъ быть признано ниже каторги, и, наоборотъ, второй видъ заточенія безъ поселенія, безспорно ниже поселенія. При такой исключительности означенныхъ наказаній, съ одной стороны, и въ виду невозможности проведенія параллели этихъ наказаній съ другими, общими, назначаемыми за всѣ вообще преступленія,—въ порядкѣ ихъ постепенности, г. Хлодовскому казалось-бы, что включеніе заточенія и поселенія въ общую лѣстницу наказаній не должно имѣть мѣста, тѣмъ болѣе что и переходъ къ этимъ наказаніямъ въ порядкѣ постепенности, установленной 2 статьею, вовсе даже не допускается проек-

томъ уложенія, а потому онъ полагалъ-бы изъ лѣстницы общихъ наказаній, перечисленныхъ въ ст. 2, исключить заточеніе и поселеніе, и наказанія эти, какъ исключительныя для нѣкоторыхъ лишь преступленій, перенести въ особую самостоятельную статью.

По мнѣнію Члена Стародубскаго Окружнаго Суда Борщова, ссылку на поселеніе слѣдуетъ или вовсе изъять изъ лѣстницы наказаній, или же оставить её для нѣкотораго рода общихъ преступленій, помимо тѣхъ, о которыхъ упоминается въ мотивахъ Коммисіи. Ссылка на поселеніе, поставленная въ ряду тягчайшихъ наказаній и притомъ назначаемая пожизненно съ послѣдствіями, указанными въ 25 и 27 ст. уложенія, по проекту Коммисіи должн быть назначаема лишь за преступленія, совершенныя вслѣдствіе увлеченія, заблужденія, предразсудка, и не можетъ быть назначаема за обыкновенныя преступленія, указывающія на деморализацію преступника.

Къ такому мнѣнію Коммисія пришла потому, что ссылка не исправляетъ нравственно упавшихъ субъектовъ, а между тѣмъ наводняетъ страну людьми, ищущими приключеній, что вредно отзывается на бытовой и экономической жизни Сибири, куда преимущественно направлялись ссыльные. Между тѣмъ, на основаніи 14 ст. проекта уложенія, отбывшіе сроки каторги, заточенія, исправительнаго дома, въ нѣкоторыхъ случаяхъ поселяются въ особо отведенныхъ для того мѣстахъ, и, конечно, этимъ мѣстомъ будетъ та же Сибирь, какъ менѣе населенная.

Слѣдовательно отмѣною ссылки на поселеніе за прочія, не имѣющія характера заблужденія, преступленія весьма немного сократится количество порочнаго населенія, между которымъ придется жить заблудшимъ членамъ общества, а для этихъ послѣднихъ ссылка на поселеніе, какъ наказаніе пожизненное, отзовется весьма тяжело, и не только на нихъ самихъ, но и на семействахъ. Поэтому, если ссылка на поселеніе остается въ лѣстницѣ наказаній, то г. Борщовъ полагаетъ, что её слѣдовало-бы оставить въ особенной части уложенія, и за нѣкоторыя общія преступленія, помимо совершенныхъ по заблужденію, какъ-то—политическаго характера и противурелигіознаго.

Относительно ссылки на поселеніе Предсѣдатель и Члены Енисейскаго Губернскаго Суда замѣчаютъ, что тѣ основанія, по которымъ составители проекта новаго уложенія имѣютъ въ виду ограничить примѣненіе этого рода наказанія, остаются въ полной силѣ и для тѣхъ исключительныхъ случаевъ, когда это наказаніе будетъ назначаться, а потому едва-ли не лучше было-бы

этотъ родъ наказанія вовсе оставить. Не говоря уже о томъ, что несправедливо въ среду населенія какой-бы то ни было мѣстности въ государствѣ водворять лицъ, признанныхъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, вредными въ средѣ своихъ согражданъ, слѣдуетъ войти въ положеніе ссылаемаго, являющагося въ большинствѣ случаевъ безъ всякихъ матерьяльныхъ средствъ въ совершенно незнакомую ему мѣстность, безъ малѣйшаго знанія жизненныхъ условій той среды, въ которой ему придется жить и притомъ съ прошлымъ, которое дѣлаетъ его нежеланнымъ гостемъ. Предположивъ, что мѣстомъ ссылки будутъ лишь наиболѣе отдаленныя области Восточной Сибири, такъ какъ губерніи и области Западной Сибири, а также Енисейская и Иркутская губерніи Восточной Сибири достигли той степени развитія, что тяготятся ссылкою и уничтоженіе ея въ этихъ мѣстностяхъ давно признается справедливымъ, необходимо прійти къ тому заключенію, что положеніе ссыльнаго будетъ еще хуже, чѣмъ оно есть въ настоящее время. Указанія объяснительной записки къ проекту уложенія на то, что раскольники въ Якутской области и поляки, сосланные за возстаніе 1861 г., обжились въ Сибири, акклиматизировались до такой степени, что не желаютъ возвращенія на родину, едва-ли можетъ служить доказательствомъ полезности ссылки. Не слѣдуетъ-ли искать причины того, что эта часть ссыльныхъ не совершила новыхъ преступленій и не обратилась въ бродягъ, въ бо̀льшемъ единствѣ этихъ лицъ и въ томъ, что они ссылались группами и всегда находили поддержку какъ другъ въ другѣ, такъ и въ единомышленникахъ своихъ, оставшихся на родинѣ. Въ другихъ совсѣмъ условіяхъ стоитъ ссыльный, прибывшій одинъ. Въ объяснительной запискѣ такъ подробно изложены всѣ неудобства ссылки и вредныя послѣдствія ея для мѣстнаго населенія, что нѣтъ надобности говорить о томъ, что извѣстно каждому изъ Членовъ Губернскаго Суда по личному опыту, разсказамъ другихъ лицъ и дѣлопроизводству. Но записка не указываетъ, почему всѣ эти условія измѣняются отъ одного ограниченія объема примѣненія ссылки на поселеніе и какимъ образомъ можетъ измѣниться характеръ ссылки, какъ наказанія. Если однако Комитетъ признаетъ необходимымъ удержать въ числѣ наказанія ссылку на поселеніе, то слѣдовало-бы ограничиться примѣненіемъ ея лишь къ тяжелымъ преступленіямъ, являющимся послѣдствіемъ религіозныхъ заблужденій, фанатизма, или въ совершеніи которыхъ участвуютъ многія лица, связанныя единствомъ племеннымъ или общественнаго положенія, напр. возстаніе противъ властей.

Такіе преступники, неся наказаніе, не будутъ въ тягость мѣстному населенію, такъ какъ могутъ быть удалены отъ него и, будучи сосланы группами, найдутъ другъ въ другѣ поддержку для начала новой жизни. Сохраняя ссылку на поселеніе, необходимо установить срочность ея для того,

чтобы у тѣхъ изъ ссылаемыхъ, которые не сходятся съ новою обстановкою, была побудительная причина не вступать вновь на путь преступленія. Во многихъ случаяхъ безнадежность возврата на родину заставляетъ ссыльныхъ бѣжать, обращаетъ ихъ въ бродягъ, а послѣднее всегда влечетъ за собою новыя преступленія. Поселеніе должно быть срочно даже и послѣ каторги и заточенія. Лучшее чувство въ человѣкѣ это любовь къ родинѣ, а потому самое тяжкое наказаніе для него есть ссылка и, слѣдовательно, самое вѣрное средство отнять у ссылаемаго желаніе исправиться—это навсегда лишить его надежды возвратиться на родину. Надежда возвратиться заставитъ большинство ссыльныхъ жить на мѣстахъ поселенія и трудиться хотя-бы для того, чтобы собрать деньги на обратный путь.

Ст. 16, трактующая о поселеніи, вызываетъ со стороны Екатеринославскаго Окружнаго Суда слѣдующія соображенія, почерпнутыя изъ уголовной практики. До сихъ поръ поселеніе для всякаго преступника равнялось перемѣщенію его изъ какой угодно губерніи въ Сибирь,—и вся разница заключалась только въ назначеніи отдаленнѣйшихъ или менѣе отдаленныхъ мѣстъ Сибири. Но при этомъ не обращалось никакого вниманія на природу человѣка, привыкшаго къ извѣстному климату родной губерніи. Казалось бы, что въ этомъ-то и вся тяжесть наказанія поселеніемъ. Но въ дѣйствительности далеко не такъ. Независимо отъ того, что, при назначеніи поселенія, успокоивается общество удаленіемъ изъ него вреднаго сочлена, нарушившаго преступленіемъ мирную жизнь того общества, преступникъ самъ по себѣ несетъ весьма сильную отвѣтственность, которая выражается въ потерѣ родины и въ обязательномъ приспособленіи къ новымъ людямъ и новымъ нравамъ. Нельзя-же отрицать, что любовь къ родинѣ—чувство весьма сильное и что потеря родины должна вызвать тяжкія нравственныя страданія, переходящія нерѣдко въ психическую болѣзнь, именуемую тоскою по родинѣ. Изъ сего очевидно, что самое поселеніе, какъ перемѣщеніе съ родины, уже составляетъ одно изъ сильнѣйшихъ наказаній. Но вопросъ, все-ли равно перемѣстить въ Сибирь человѣка изъ той или другой губерніи? На практикѣ неоднократно приходилось видѣть, что преступники Пермской или Вятской губерніи весьма охотно предпочитаютъ поселеніе въ Сибири—продолжительному томленію въ арестантскомъ отдѣленіи; напротивъ жители юга нѣмѣютъ при одной мысли о поселеніи въ Сибири и готовы были-бы, взамѣнъ ея, перенести срокъ исправительнаго отдѣленія даже продолжительнѣе того, который въ высшей мѣрѣ опредѣленъ 1-ю степ. 31 ст. улож. о наказ. Явленіе это весьма понятно: для жителей Сѣвера и Востока природа

Сибири не страшна; имъ не надо привыкать къ ея суровости; тогда какъ жители Юга и Запада не выносятъ Сибирскаго климата и поселеніе ихъ въ этой странѣ зачастую равняется обреченію на медленную гибель. Отсюда слѣдуетъ, что, назначая наказаніе поселеніемъ за одно и то же преступленіе для уроженцовъ, напримѣръ, Пермской и Бессарабской губерній,—мы караемъ неизмѣримо сильнѣе втораго, чѣмъ перваго, и такимъ образомъ опять назначаемъ отвѣтственность, превышающую содѣянное. Посему Окружный Судъ приходитъ къ заключенію о необходимости точнаго и категорическаго опредѣленія въ новомъ уложеніи, что назначеніе мѣста поселенія должно быть непремѣнно сообразовано съ природою преступника.

Признавая, что устанавливаемое проектомъ на новыхъ началахъ поселеніе представляется вполнѣ раціональнымъ, можно, по мнѣнію Предсѣдателя Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Бартенева, допустить однако, что этотъ видъ наказанія, опредѣляемый, какъ и заточеніе, для лицъ неиспорченныхъ, встрѣтитъ громадное затрудненіе на практикѣ, потому что, при примѣненіи его, не окажется отведенныхъ и притомъ удобныхъ мѣстъ для поселенія, и потому нынѣ-же слѣдовало-бы выбрать и опредѣлить эти мѣста; такихъ мѣстъ можно было-бы много найти въ Закавказьѣ.

Устройство поселенія въ этомъ краѣ будетъ тѣмъ болѣе полезно, что, кромѣ сущности самаго наказанія для приговореннаго, поселеніе здѣсь русскаго элемента будетъ имѣть громадное значеніе и политическое, и промышленное. Въ Закавказьѣ до сего времени мало сдѣлано для обрусенія края, а туземное населеніе не умѣетъ, не желаетъ или не можетъ пользоваться благами края. Насколько извѣстно г. Бартеневу, самыя благоустроенныя и зажиточныя селенія составляютъ въ Закавказьѣ нѣмецкія колоніи и русскія селенія изъ сосланныхъ сюда сектантовъ разнаго наименованія. Они-то, водворяя русскія условія жизни, и служатъ новаторами и цивилизаторами края. При массѣ свободныхъ земель, при умѣньи работать и при сравнительно болѣе легкомъ трудѣ, но болѣе удовлетворяющемъ потребности во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ, г. Бартеневъ находилъ-бы, въ виду этихъ данныхъ, при составленіи уложенія необходимымъ обозначить большее число преступленій, не указывающихъ на порчу нравственную, за которыя можно было-бы назначать поселеніе въ Закавказьѣ.

Нижегородскій Окружный Судъ указываетъ, что поселеніе, по мнѣнію Коммисіи Государственнаго Совѣта, изложенному въ журналѣ ея 24 Ноября

1878 г., съ каковымъ мнѣніемъ соглашаются и составители разсматриваемаго проекта (*л.* 21), должно служить наказаніемъ единственно за дѣянія, не обнаруживающія порочной нравственности, а истекающія изъ увлеченій, заблужденій, общественныхъ предразсудковъ и фанатизма. Прежній образъ жизни людей, не предававшихся праздности и порочному поведенію, по мнѣнію Коммисіи, послужитъ ручательствомъ въ томъ, что они и на мѣстѣ ссылки обратятся къ труду (*л.* 20 и 63). При такомъ, придаваемомъ по проекту, характерѣ сего наказанія и въ виду свойства облагаемыхъ симъ наказаніемъ преступленій не представляется, по мнѣнію Окружнаго Суда, надобности подвергать ссыльныхъ на поселеніе, или точнѣе говоря, водворяемыхъ на жительство изъ прежней въ другую мѣстность, лишенію сословныхъ правъ, какъ это предположено 25 ст. проекта.

Предсѣдатель Елецкаго Окружнаго Суда Костылевъ останавливается на предположеніи Редакціонной Коммисіи объ удержаніи поселенія въ Сибири, какъ самостоятельнаго наказанія. «Составители новаго уголовнаго уложенія», сказано подъ 2 статьею,—«въ свое время внимательно обсудятъ и взвѣсятъ, какія именно преступленія могутъ быть безъ опасенія облагаемы ссылкою, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ замѣнять ею другія взысканія. Нужно только, чтобы ссылка назначалась единственно за дѣянія, не обнаруживающія порочной нравственности, а истекающія изъ увлеченій, заблужденій, общественныхъ предразсудковъ или фанатизма. Тогда и практическое исполненіе этого наказанія не будетъ связано съ затрудненіями. Прежній образъ жизни людей, не предававшихся праздности и порочному поведенію, послужитъ ручательствомъ въ томъ, что они и въ Сибири обратятся къ труду и къ осѣдлости. Для удержанія-же ихъ тамъ достаточнымъ побужденіемъ будетъ страхъ преслѣдованія за побѣгъ» (стр. 21).

Если такимъ образомъ предполагается подвергать ссылкѣ единственно за дѣянія, истекающія изъ увлеченій, заблужденій, общественныхъ предразсудковъ или фанатизма, то едва-ли будетъ справедливо подвергать за подобнаго рода преступленія, «не обнаруживающія порочной нравственности», поселенію безсрочно. Судебная практика указываетъ, что сосланные на поселеніе бѣгутъ оттуда массами на родину, преодолѣвая непомѣрныя въ пути лишенія, единственно отъ непреодолимой тоски по родинѣ.—Сосланные на поселеніе за преступленія, не обнаруживающія порочной нравственности, не суть злодѣи, которыхъ необходимо навсегда извергать изъ мѣстнаго общества; совершенныя ими преступленія вполнѣ окупались-бы нѣсколькими годами ссылки, послѣ чего они, безъ всякой опасности для мѣстнаго обще-

ства, могли-бы быть возвращаемы на родину: 1) при согласіи ихъ обществъ принять ихъ въ свою среду, хотя и неполноправными сочленами, и 2) если добропорядочно вели себя въ мѣстахъ ссылки. Несомнѣнно, что надежда возвратиться на родину удержитъ поселенцевъ отъ побѣга изъ Сибири дѣйствительнѣе всякихъ репрессивныхъ къ тому мѣръ. Безсрочная ссылка на поселеніе должна-бы быть оставлена лишь для скопцовъ и послѣдователей ересей вредныхъ или соединенныхъ съ свирѣпымъ изувѣрствомъ и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ или-же съ противонравственными гнусными дѣйствіями (197 и 203 ст. улож. о наказ.). Возвращеніе изъ ссылки подобнаго рода лицъ послужило-бы для ихъ адептовъ поводомъ къ превратному истолкованію снисхожденія закона къ участи возвращеннаго поселенца.

Съ наказаніемъ ссылки на поселеніе въ Сибири тѣсно связанъ вопросъ о наказаніи за побѣги оттуда. Въ 313 ст. улож. о наказ. нѣтъ указанія на усиленіе наказанія за 2, 3 и дальнѣйшіе случаи побѣга, такъ что, согласно 132 ст. улож. о наказ., maximum наказанія за повтореніе этого проступка не можетъ превышать тюремнаго заключенія на 1 годъ и 4 мѣсяца. Усиленіе этого наказанія за каждое повтореніе побѣга на 1 или 2 года тюремнаго заключенія, съ употребленіемъ притомъ на казенныя работы, представляется необходимымъ для ограниченія скитальчества поселенцевъ.

Прокуроръ Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалевъ указываетъ, что относительно поселенія въ проектѣ сказано, что оно назначается безъ срока (ст. 16), но затѣмъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ (25, 27) упоминается объ «отбытіи» этого наказанія; что-же должно считаться окончаніемъ поселенія— нигдѣ съ точностью не указано. Нужно думать, что поселеніе оканчивается съ полученіемъ ссыльнымъ разрѣшенія оставить обязательное для него мѣстопребываніе, но въ такомъ случаѣ, въ устраненіе всякихъ недоразумѣній, статью 21 слѣдовало-бы дополнить прибавленіемъ въ концѣ ея слѣдующихъ словъ: «послѣ чего наказаніе это считается отбытымъ». Далѣе, по статьѣ этой указанное въ ней разрѣшеніе поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія Главнаго Тюремнаго Управленія; но едва-ли это удобно. Примѣненіе такого правила вызоветъ только многосложную и продолжительную переписку съ отдаленными мѣстами и въ огромномъ большинствѣ случаевъ будетъ имѣть значеніе простой формальности, такъ какъ Тюремному Управленію въ распоряженіяхъ своихъ придется основываться единственно на донесеніяхъ мѣстныхъ властей, иногда, быть можетъ, не безпристрастныхъ. Не слѣдовалобы также допускать, чтобы присужденный къ тяжкому наказанію, чрезъ

небольшой сравнительно промежутокъ времени, могъ свободно явиться въ мѣсто прежняго своего жительства, гдѣ память о совершенномъ имъ преступленіи еще свѣжа.

Какъ кажется г. Москалеву, было-бы цѣлесообразнѣе установить для поселенія слѣдующія правила: находящіеся на поселеніи, по истеченіи 10 лѣтъ отъ начала онаго, въ силу самаго закона, исключаются изъ состоянія ссыльныхъ и причисляются къ городскимъ и сельскимъ обществамъ въ особо назначенныхъ для сего мѣстахъ; по освобожденіи-же отъ полицейскаго надзора и по возстановленіи утраченныхъ по суду правъ, указанныхъ въ 27 ст., означенныя лица получаютъ право свободнаго передвиженія, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они постоянно жили до осужденія и гдѣ ими совершено преступленіе, а также въ разстояніи менѣе 100 верстъ отъ этихъ мѣстъ, равно въ столицахъ и губернскихъ городахъ пребываніе, хотя-бы и временное, дозволяется имъ не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія мѣстной губернской власти.

Вышеозначенный 10-ти-лѣтній срокъ долженъ быть исчисляемъ: для поступившаго съ каторги—со времени освобожденія отъ каторжныхъ работъ, а для присужденнаго къ поселенію—со дня вступленія приговора въ законную силу, если онъ содержался подъ стражей, или со времени задержанія для исполненія приговора.

Если поселенецъ подвергнется наказанію, то время, проведенное имъ въ заключеніи, должно быть исключаемо изъ срока нахожденія въ состояніи ссыльныхъ, причемъ срокъ этотъ, въ случаѣ присужденія къ каторгѣ или исправительному дому, исчисляется вновь со времени отбытія означенныхъ наказаній, а при назначеніи тюрьмы онъ удлиняется на все то время, на которое, согласно 28 статьѣ, опредѣлено судомъ лишеніе правъ.

При устройствѣ поселенія на указанныхъ основаніяхъ, съ одной стороны—Тюремное Управленіе будетъ освобождено отъ напрасной переписки, а съ другой—общественная безопасность будетъ достаточно ограждена въ томъ отношеніи, что изъ состоянія ссыльныхъ не будутъ преждевременно исключены люди, проявляющіе преступныя наклонности.

Заключающееся въ статьѣ 16 положеніе о бесрочности ссылки на поселеніе вызвало въ средѣ чиновъ Черниговскаго Окружнаго Суда и мѣстнаго прокурорскаго надзора слѣдующее отдѣльное мнѣніе: изъ объяснительной записки Редакціонной Коммисіи видно, что ссылка на поселеніе, также какъ и заточеніе, имѣетъ въ виду преступленія не позорящаго характера, порождаемыя болѣе увлеченіями, заблужденіями и предразсудками, нежели побуж-

деніями злой воли; притомъ, по мѣсту, занимаемому поселеніемъ въ общемъ перечнѣ наказаній 2 статьи проекта, оно оказывается менѣе тяжкимъ, нежели заточеніе, назначаемое тѣмъ не менѣе на сроки. Въ виду сего назначеніе ссылки безъ срока является не соотвѣтствующимъ ни характеру преступныхъ дѣяній, имъ караемыхъ, ни основной цѣли наказанія. Безповоротное удаленіе изъ среды общества лицъ, совершившихъ преступленія, хотя и тяжкія, но не указывающія на ихъ нравственную испорченность и наличность злой воли, опасныхъ для общества, уничтоженіе всѣхъ связей съ прежней средой и отсутствіе надежды когда-либо вернуться на родину должны вліять угнетающимъ образомъ на лицъ, подвергшихся ссылкѣ и можетъ поэтому не повести къ тѣмъ результатамъ, которыхъ ждетъ Комиссія, предполагая создать изъ поселенцевъ физически здоровый и осѣдлый элементъ. А если принять притомъ во вниманіе, что ссылка на поселеніе, по предположенію Коммисіи, будетъ пріурочиваться къ весьма отдаленному краю Восточной Сибири, представляющему самыя тяжелыя условія жизни, какъ по климату, такъ и по другимъ основаніямъ, то безсрочное поселеніе окажется болѣе тяжкимъ наказаніемъ, чѣмъ однородныя съ нимъ, но назначаемыя на извѣстные сроки. Хотя Коммисія, въ видахъ ослабленія тяжести пожизненнаго поселенія, и допускаетъ возможность оставленія поселенцами обязательнаго для нихъ мѣста пребыванія по истеченіи 10 лѣтъ, какъ то указано во 2 ч. 21 ст. проекта, предоставляющей право такого смягченія Главному Тюремному Управленію, но юридическая сторона наказанія, изложенная въ 16 статьѣ, нисколько не измѣняется въ своемъ существѣ отъ примѣненія и дѣйствія подобнаго правила, а предоставленіе такого права администраціи, умаляя, съ одной стороны, силу и непоколебимость судебнаго приговора, ставитъ участь осужденнаго и его виды на возможность возвращенія въ будущемъ на родину въ зависимость отъ чисто случайныхъ колебаній и личныхъ взглядовъ мѣстнаго тюремнаго начальства. По этимъ соображеніямъ казалось-бы болѣе соотвѣтствующимъ цѣли наказанія и болѣе гуманнымъ обусловить поселеніе извѣстнымъ срокомъ, назначаемымъ судомъ, безъ всякаго вмѣшательства администраціи въ возможность его сокращенія.

Вопросъ о поселеніи, при обсужденіи его въ особой, образованной изъ состава Варшавской Судебной Палаты, Коммисіи вызвалъ возраженіе со стороны Члена Коммисіи Кочубея, который полагалъ установить два вида поселенія: а) поселеніе безъ срока, и б) на срокъ не свыше 10-ти лѣтъ; безусловная безсрочность поселенія, опредѣляемая хотя-бы и «сравнительно въ неболь-

шомъ количествѣ случаевъ и за особыя преступленія» (ст. 63 проекта), является мѣрою чрезвычайно строгою и противорѣчитъ общему принципу, вводимому въ уложеніе, о срочности не только каждаго наказанія, но и соединяемаго съ нимъ лишенія правъ. По проекту поселеніе стоитъ ниже заточенія (IV и III); между тѣмъ заточеніе можетъ быть назначаемо не свыше 10 лѣтъ, поселеніе-же безсрочно. Къ изложенному мнѣнію присоединились другіе два члена.

Большинство-же Членовъ Коммисіи (гг. Потуловъ, Сарандо, Томашевскій, Фейлертъ, Вендрихъ и Суходольскій) высказалось за оставленіе въ уложеніи о наказаніяхъ въ числѣ наказаній одного вида поселенія, именно поселенія безсрочнаго, проектируемаго статьею 16 проекта.

Докладчикъ въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры г. Кильштетъ полагалъ, что поселеніе, какъ самостоятельное наказаніе, должно быть не только безсрочное, но и срочное по приговору суда, но совѣщаніе признало, что, въ виду ст. 21 проекта, указывающей условія прекращенія поселенія, нѣтъ основанія къ измѣненію ст. 16. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣщаніе высказалось въ томъ смыслѣ, что постановленіе ст. 16 относится безразлично какъ къ тѣмъ случаямъ, когда поселеніе назначается, какъ самостоятельное наказаніе, такъ и къ тѣмъ, когда оно, согласно ст. 14 и 15, является послѣдствіемъ каторги и заточенія.

При обсужденіи въ совѣщаніи чиновъ Смоленскаго Окружнаго Суда 16 ст. проекта, Членъ Суда М. Е. Клейстъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: по его убѣжденію, было-бы справедливо и цѣлесообразно ввести въ новое уголовное уложеніе принципъ срочности поселенія (отъ 5 до 15 или 20 лѣтъ), такъ какъ нѣтъ серьезнаго основанія предполагать того: 1) что на практикѣ всѣ обвиняемые въ такого рода преступленіяхъ, которыя должны караться по закону поселеніемъ, непремѣнно будутъ заслуживать, по обстоятельствамъ дѣла, наказанія въ одинаковой мѣрѣ, и 2) что осуждаемый на поселеніе безусловно долженъ быть неисправимымъ преступникомъ, для котораго опасно даже установить возможность когда-либо вернуться въ ту среду, гдѣ онъ въ одинъ изъ моментовъ его жизни, въ силу, быть можетъ, какихъ-либо временныхъ заблужденій, признанъ былъ вреднымъ членомъ, подлежащимъ изгнанію. Но большинство, исходя изъ того, высказаннаго Редакціонною Коммисіею, положенія, что ссылка на поселеніе имѣетъ быть назначаема лишь при нѣкоторыхъ преступленіяхъ, оправдывающихъ удале-

ніе преступника изъ мѣста его прежняго жительства, высказалось за оставленіе безсрочнаго поселенія тѣмъ болѣе, что ст. 21 проекта открываетъ исправляющимся преступникамъ путь для смягченія сего наказанія.

Имѣя въ виду, что проектъ уголовнаго уложенія устанавливаетъ «поселеніе», какъ наказаніе самостоятельное и какъ дополнительное наказаніе къ каторгѣ и заточенію, Одесскій Окружной Судъ полагалъ-бы болѣе соотвѣтственнымъ наименовать поселеніе, какъ самостоятельное наказаніе, «ссылкою», тѣмъ болѣе, что слово «ссылка» скорѣе соотвѣтствуетъ понятію о принудительной высылкѣ осужденнаго изъ мѣста прежняго его жительства съ водвореніемъ въ мѣстахъ, указанныхъ для того правительствомъ.

Одесскій Окружной Судъ замѣчаетъ далѣе, что, какъ видно изъ объяснительной записки къ проекту уложенія, ссылкою на поселеніе предположено карать за преступныя дѣянія, не обнаруживающія порочной нравственности, а истекающія изъ увлеченій, заблужденій, общественныхъ предразсудковъ или фанатизма. Нельзя отрицать, что не всѣ преступленія такого рода вызываютъ необходимость въ пожизненномъ удаленіи осужденнаго изъ мѣста его постояннаго жительства. Поэтому надлежало-бы установить срочную ссылку, давъ этимъ осужденному увѣренность въ возможности возвращенія на родину, возможности, которая будетъ служить однимъ изъ важныхъ стимуловъ къ исправленію осужденнаго въ томъ направленіи, въ которомъ выразилась его преступность. Хотя, на основаніи 21 ст. проекта, осужденные къ ссылкѣ и могутъ получить, по истеченіи десяти лѣтъ, разрѣшеніе оставить обязательное для нихъ мѣстопребываніе, но законъ этотъ будетъ давать осужденному лишь надежду, далекую отъ увѣренности. Въ то же время, по самой сущности наказанія ссылкою, таковая не можетъ быть кратковременною, и потому Одесскій судъ полагалъ-бы опредѣлить ее срокомъ въ 15 лѣтъ. Допуская при этомъ, что, пробывъ на мѣстѣ ссылки столь значительный періодъ времени и устроивъ тамъ свой бытъ, ссыльный можетъ предпочесть остаться на мѣстѣ поселенія и на дальнѣйшее время, необходимо постановить, чтобы такіе осужденные, помимо ихъ желанія, не могли быть удаляемы съ мѣста поселенія и по окончаніи опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ срока.

Ставропольскій Окружной Судъ указываетъ, что 4-й видъ наказанія названъ «поселеніемъ»; между тѣмъ не «поселеніе» составляетъ смыслъ

репрессіи, а «ссылка»; кажется, нѣтъ основаній ясный и точный терминъ, у насъ установленный—«ссылка на поселеніе»—замѣнять менѣе точнымъ.

Прокуроръ Люблинскаго Окружнаго Суда Полланъ указываетъ, что проектъ уложенія предусматриваетъ два вида «поселенія». Во первыхъ, поселеніе, какъ самостоятельное наказаніе (см. ст. 16, 21, 25, 27, 30 и 31), которое сопровождается лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, и во 2-хъ, поселеніе, какъ послѣдствіе каторги и заточенія, которое предусмотрѣно 14 и 15 ст. проекта. Это поселеніе не сопровождается лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, такъ какъ преступникъ, въ силу присужденія его къ каторгѣ или заточенію, уже лишенъ правъ. Въ виду этого двоякаго характера поселенія, слѣдовало-бы точнѣе различить ихъ въ законѣ, изложивъ п. 4 ст. 2 такъ: «ссылка на поселеніе», и помѣстивъ «поселеніе» въ числѣ дополнительныхъ наказаній, указанныхъ въ ст. 3. Независимо отъ сего, нельзя, по мнѣнію г. Поллана, не указать, что, какъ видно изъ объяснительной записки, поселеніе назначается единственно за дѣянія, не обнаруживающія порочной нравственности и истекающія изъ увлеченій, заблужденій, общественныхъ предразсудковъ, или фанатизма (ст. 21). Между тѣмъ, въ силу 14 и 15 ст. проекта, съ этими, относительно говоря, неиспорченными людьми будутъ поселены и преступники, по отбытіи каторги или заточенія.

При разсмотрѣніи ст. 16, чины Московской прокуратуры обращаютъ вниманіе на слѣдующее противорѣчіе. Статья эта постановляетъ, что «поселеніе назначается безъ срока», въ статьяхъ-же 25, 27 и 31 проекта употреблены, по отношенію къ поселенію, выраженія: «по отбытіи наказанія», «освобожденные отъ поселенія». Естественно рождается такой вопросъ: если поселеніе безсрочно и, слѣдовательно, не имѣетъ срока окончанія, то что же считается отбытіемъ наказанія и когда таковое наступаетъ? Прямаго отвѣта на этотъ вопросъ въ проектѣ нѣтъ, но изъ ст. 21 видно, что «находящіеся на поселеніи, по истеченіи 10 лѣтъ онаго, могутъ получить, по распоряженію Главнаго Тюремнаго Управленія, разрѣшеніе оставить обязательное для нихъ мѣстопребываніе». Такимъ образомъ слѣдуетъ полагать, что поселеніе можетъ быть отбыто только въ случаѣ, указанномъ въ ст. 21, но тогда постановленіе 16 ст. теряетъ уже свое значеніе и поселеніе не можетъ быть признано въ строгомъ смыслѣ безсрочнымъ, да притомъ и выраженіе: «получить разрѣшеніе оставить обязательное мѣстопребываніе»—едва-ли обозначаетъ то-же понятіе, какъ выраженіе: «отбытіе поселенія». Какъ-бы то

ни было, 21 ст. (2 пунктъ) составляетъ исключеніе изъ ст. 16 и, какъ таковое, оно должно-бы быть обставлено въ этой же 21 ст. дальнѣйшими указаніями относительно положенія освобожденныхъ отъ поселенія, а между тѣмъ оказывается, что такимъ узаконеніямъ отведено особое мѣсто въ нѣсколькихъ статьяхъ (25, 27 и 31), на ряду съ постановленіями о послѣдствіяхъ для отбывшихъ срочныя наказанія, и потому само собою выводится заключеніе о срочности поселенія, какъ объ общемъ правилѣ, а о безсрочности его, по ст. 16, какъ объ исключеніи. Для устраненія недоразумѣній и противорѣчій, постановленіе 2 ч. 21 ст. слѣдовало-бы включить въ ст. 16, изложивъ послѣднюю такъ:

«ст. 16. Ссылка на поселеніе назначается безъ срока и отбывается въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ.

По истеченіи десяти лѣтъ, поселеніе можетъ быть, по распоряженію Главнаго Тюремнаго Управленія, признано отбытымъ, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ уставѣ о ссыльныхъ».

Чины Орловскаго Окружнаго Суда не могутъ признать вполнѣ удовлетворительною сдѣланную въ проектѣ замѣну принятаго дѣйствующимъ уложеніемъ наказанія *«ссылки на поселеніе»*. Изъ объяснительной записки къ проекту видно, что поселеніе является съ двойственнымъ характеромъ: разъ—какъ самостоятельное наказаніе и, во 2-хъ—какъ послѣдствіе другихъ наказаній; въ первомъ случаѣ поселеніе безсрочно (ст. 16); во 2-мъ оно можетъ подлежать сокращенію (ст. 21—31),—но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ проектъ употребляетъ одно и то-же выраженіе—*«поселеніе»*. Было бы правильнѣе выразить въ проектѣ разграниченіе этихъ двухъ понятій, между собою не сходныхъ, оставивъ для поселенія, какъ наказанія, выраженіе дѣйствующаго уложенія: *«ссылка на поселеніе»*.—Затѣмъ выраженіе *«поселеніе»* оставить для тѣхъ случаевъ, когда таковое наступаетъ, какъ послѣдствіе другихъ наказаній—каторги и заточенія. Но независимо отъ сего поселеніе подлежитъ включенію въ ст. 3 проекта, гдѣ оно не упомянуто, ибо, являясь послѣдствіемъ каторги и заточенія, оно въ сущности имѣетъ карательное значеніе и если въ числѣ дополнительныхъ наказаній упомянута напр. отдача подъ полицейскій надзоръ, который можетъ наступить, а можетъ и не наступить (ст. 31 проекта), и значеніе котораго, какъ наказанія, менѣе строго, чѣмъ обязательное поселеніе уже по одной продолжительности такихъ состояній (напр., при каторгѣ—поселеніе на 10 лѣтъ, по ст. 21, а полицейскій надзоръ не свыше 8 лѣтъ,

по ст. 31), то и поселеніе должно быть включено въ число дополнительныхъ наказаній.

Принятіе этихъ двухъ терминовъ: «*ссылка на поселеніе*» въ 4 пунктѣ 2 ст. и «*поселеніе*» въ 3 ст.—даетъ и болѣе опредѣлительности тѣмъ статьямъ проекта, которыя при настоящей редакціи наводятъ на нѣкоторыя сомнѣнія. При употребленіи проектомъ выраженія «*поселеніе*» безразлично въ обоихъ случаяхъ возникаетъ напр. слѣдующее недоразумѣніе: по ст. 16, поселеніе назначается безъ срока; по ст. 21, находящіеся на поселеніи, по истеченіи 10 лѣтъ могутъ получить разрѣшеніе оставить обязательное для нихъ мѣстопребываніе; по ст. 31, надъ освобожденными отъ поселенія можетъ быть учрежденъ полицейскій надзоръ, «*для приговоренныхъ къ поселенію*» на срокъ не свыше 5 лѣтъ. Такимъ образомъ выходитъ, что поднадзорное состояніе можетъ наступить и для лицъ «*приговоренныхъ къ поселенію*», а если таковое возможно, то поселеніе утрачиваетъ характеръ безсрочности. Очевидно, составители проекта при редакціи 31 ст. имѣли въ виду поселеніе, наступающее какъ послѣдствіе каторги и заточенія, но употребивъ выраженіе: «*для приговоренныхъ къ поселенію*», они возбуждаютъ приведенное недоразумѣніе; приговоренными къ поселенію могутъ считаться только тѣ, которые будутъ присуждены къ этому наказанію по 16 ст., тѣ-же, для коихъ поселеніе наступитъ какъ послѣдствіе каторги и заточенія, не приговариваются къ поселенію, а таковое наступаетъ для нихъ ipso facto;—первые вовсе не могутъ быть освобождены отъ поселенія, вторые освобождаются при условіи, указанномъ въ 21 ст. Поэтому изъ 2 части 31 ст. слово «поселеніе» слѣдуетъ исключить вовсе, ибо изъ 31 ст. и безъ того видно, что находящіеся на поселеніи, послѣ отбытія каторги, могутъ быть отданы подъ полицейскій надзоръ на срокъ не свыше 8 лѣтъ, а по отбытіи заточенія—на срокъ не свыше 5 лѣтъ, къ приговореннымъ-же на поселеніе поднадзорное состояніе вовсе примѣнено быть не можетъ.

По замѣчанію чиновъ прокуратуры Ярославскаго Окружнаго Суда, редакція ст. 16 представляется довольно странною. Понятія: «отбывается» и «безъ срока»—совершенно несовмѣстны, можно отбывать что-нибудь, требующее для отбытія извѣстнаго времени, отбывать въ теченіи года, двухъ и т. д., однимъ словомъ, то, что можно когда-нибудь отбыть, но не отбывать то, что никогда не можетъ быть отбыто; поэтому редакція этой статьи выиграла-бы въ отношеніи точности, если бы изъ нея вычеркнуть совсѣмъ слово: «отбывается».

По мнѣнію Владимірскаго Окружнаго Суда, «поселеніе», дабы его не смѣшивать съ поселеніемъ, какъ послѣдствіемъ другихъ наказаній, слѣдовало бы обозначить названіемъ *ссылка*, тѣмъ болѣе, что въ понятіи «ссылка» заключается понятіе принудительнаго поселенія въ наказаніе, слово-же «поселеніе» употребляется въ смыслѣ добровольнаго поселенія.

Тульскій Окружный Судъ находитъ, что названіе «поселеніе» слѣдовало-бы замѣнить выраженіемъ: «ссылка на поселеніе», потому что понятіе «поселеніе» не заключаетъ въ себѣ смысла принудительной, карательной мѣры.

Люблинскій Окружный Судъ находитъ, что безсрочное поселеніе «отбыть» нельзя (см. также 2 ч. 25 ст. и ст. 27). Притомъ поселеніе только и возможно въ отведенныхъ для того мѣстахъ. Поэтому конецъ статьи: «и отбывается въ отведенныхъ для того мѣстахъ»—слѣдуетъ исключить.

Статья 17.

Исправительный домъ назначается на срокъ отъ одного года до шести лѣтъ, а въ случаѣ, статьею 56 указанномъ, до десяти лѣтъ.

Приговоренные содержатся первые шесть мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, а потомъ въ общемъ, но съ разобщеніемъ на время свободное отъ работъ и на ночь. Одиночное заключеніе можетъ быть замѣнено общимъ, по распоряженію управленія исправительнымъ домомъ, въ случаѣ удостовѣренія врача объ опасности одиночнаго содержанія для здоровья заключеннаго.

Приговоренные занимаются работами въ самомъ помѣщеніи, а лица мужескаго пола и общественными работами внѣ помѣщенія, но во всякомъ случаѣ отдѣльно отъ свободныхъ рабочихъ; одна треть чистаго дохода отъ работъ обращается въ пользу заключенныхъ.

Статья 18.

Тюрьма назначается на срокъ отъ двухъ недѣль до одного года, а въ случаѣ, статьею 56 указанномъ, до двухъ лѣтъ.

Приговоренные содержатся въ одиночномъ заключеніи, но, при удостовѣреніи врача объ опасности одиночнаго содержанія для здоровья заключеннаго, управленію тюрьмы предоставляется право содержать его временно совмѣстно съ другими заключенными.

Приговоренные занимаются работами въ камерахъ; половина чистаго дохода отъ работъ обращается въ ихъ пользу.

Профессору Лукини представляется странною рѣзкая разница въ режимѣ тяжкихъ и легкихъ наказаній, тѣмъ болѣе, что различіе между ними существуетъ не только въ качествѣ, но и въ количествѣ. Въ отвлеченной теоріи, быть можетъ, есть возможность провести демаркаціонную линію между двумя родами преступности и отсюда имѣть возможность установить такое различіе въ законоположеніяхъ и способѣ обращенія съ преступниками. Но на практикѣ, при установленіи наказуемости отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній, слѣдуя общему трехчленному дѣленію, не легко будетъ оправдать это различіе и доказать его разумность.

Установленіе *одиночнаго заключенія* для приговоренныхъ къ исправительному дому (въ теченіи первыхъ 6 мѣсяцевъ) и къ тюрьмѣ (въ теченіи всего срока отъ 2 недѣль до 1 года, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и до 2 лѣтъ) вноситъ, по мнѣнію профессора Тальберга, весьма серьозное улучшеніе въ наши уголовные законы и находится въ связи съ общимъ признаніемъ въ европейскомъ законодательствѣ цѣлесообразности одиночнаго заключенія (*). Въ исторіи этого вида лишенія свободы можно указать періоды крайняго увлеченія, когда изолированіе заключенныхъ принимало весьма суровыя формы; въ настоящее время значительно утихъ споръ относительно достоинствъ или

(*) Одиночное заключеніе принято въ законодательствахъ Англіи, Франціи, Бельгіи, Германіи, Италіи и др. Въ новѣйшемъ по времени проектѣ австрійскаго уложенія предполагается установить одиночное заключеніе въ смирительномъ домѣ (Zuchthaus) и тюрьмѣ (Gefängnisstrafe) на срокъ не болѣе 3 лѣтъ (Entwurf, § 17). То-же ограниченіе срока наблюдается и въ другихъ законодательствахъ. Такъ въ Англіи установленъ 9-ти-мѣсячный срокъ предварительнаго одиночнаго заключенія, въ бернскомъ кантонѣ, въ Швейцаріи, годичный и для рецидивистовъ полугодичный, въ германскомъ кодексѣ трехгодичный (§ 22). Наибольшій срокъ одиночнаго заключенія существуетъ въ Бельгіи, а именно десятилѣтній (законъ 4 Марта 1870 г.). Во Франціи одиночная система заключенія имѣетъ высокій кредитъ. La transportation des récidivistes incorrigibles, par Charles Berteau, Paris, 1882, pp. 7—8, 36—48.

недостатковъ этой системы наказанія и самое примѣненіе ея подъ вліяніемъ времени по указаніямъ опыта значительно смягчилось. При опредѣленіи степени продолжительности одиночнаго заключенія въ проектѣ соблюдена должная мѣра; въ общемъ порядкѣ maximum продолжительности одиночнаго заключенія установленъ *годичный* и только въ случаяхъ совокупности преступленія или рецидива, когда въ дѣйствіяхъ подсудимаго будетъ усмотрѣна судомъ *привычка къ преступной дѣятельности и обращеніе послѣдней въ ремесло*—одиночное заключеніе можетъ быть увеличено до 2 лѣтъ. Далѣе—въ случаѣ удостовѣренія врача, одиночное заключеніе всегда можетъ быть замѣнено общимъ заключеніемъ, и этимъ устраняется, до извѣстной степени, возможность вреднаго вліянія изолированія на психическое и физическое состояніе здоровья заключенныхъ. Къ тому-же и самый фактъ этого вреднаго вліянія, приводимый обыкновенно въ числѣ аргументовъ противъ одиночнаго заключенія, подлежитъ большему сомнѣнію и до сихъ поръ не можетъ быть основанъ на данныхъ опыта и статистическомъ матеріалѣ; въ одной изъ прежнихъ своихъ работъ г. Тальбергъ имѣлъ случай съ большою подробностью остановиться на этомъ вопросѣ (*).

По поводу постановленія проекта относительно исправительнаго дома и тюрьмы онъ дѣлаетъ одно замѣчаніе чисто редакціоннаго свойства. Въ постановленіяхъ этихъ находится выраженіе: «*приговоренные занимаются въ самомъ помѣщеніи или въ камерѣ*» (проектъ, ст. 17 и 18), но при этомъ остается невыясненнымъ, занимаются-ли заключенные въ исправительномъ домѣ и тюрьмѣ «*по ихъ выбору*», или «*по назначенію управленія*»—различіе, довольно рѣзко отмѣчаемое въ статьяхъ, касающихся заточенія и ареста (сравни ст. 15 и 19 проекта).

По замѣчанію профессора Даневскаго, вопросъ о цѣлесообразности одиночнаго заключенія, которое введено проектомъ для содержащихся въ исправительномъ домѣ срокомъ на шесть мѣсяцевъ, а для жильцевъ тюрьмы на одинъ годъ и даже, по ст. 56-й, до двухъ лѣтъ, стоитъ въ настоящее время въ наукѣ уголовнаго права и въ практическомъ тюрьмовѣдѣніи далеко не такъ, какъ онъ стоялъ еще относительно недавно. Наблюденія опытныхъ тюрьмовѣдовъ и особенно лицъ медицинскаго персонала надъ вліяніемъ одиночнаго заключенія на физическое и психическое здоровье арестантовъ, на нравственную ихъ сторону, едва-ли оставляютъ сомнѣніе въ томъ, что это

(*) Тюремная литература и тюрьмовѣдѣніе, Юридич. Вѣстн. за 1876 г.

наказаніе можетъ быть допущено безъ разрушенія или значительнаго ослабленія здоровья заключенныхъ и безъ дурныхъ результатовъ для ихъ нравственности только на самые краткіе сроки и притомъ не иначе, какъ подъ строгимъ контролемъ начальства, медицинскаго персонала тюрьмы и подъ условіемъ возможно частаго посѣщенія арестанта начальствомъ и даже сторонними лицами, имѣющими наблюденіе надъ тюрьмою. Въ принципѣ, казалось-бы, не можетъ быть ничего раціональнѣе удаленія арестанта отъ окружающаго міра, предоставленіе его самому себѣ, въ особенности-же отдѣленіе его отъ порочныхъ товарищей. По идеѣ, чѣмъ продолжительнѣе подобное отдѣленіе и уединеніе, тѣмъ лучшихъ результатовъ можно достигнуть одиночнымъ заключеніемъ. Но не то показываетъ опытъ, разрушающій иллюзіи сторонниковъ продолжительнаго и строгаго келейнаго заключенія. Государство, примѣняя карательную власть къ преступникамъ прежде всего въ интересахъ общества и для его обезопасенія, не можетъ игнорировать и другую сторону—интересы наказываемаго, минимумъ его физическаго, психическаго и моральнаго благосостоянія, необходимаго и для преступника, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ наиболѣе встрѣчающихся случаяхъ, когда уголовная репрессія не имѣетъ въ виду совершеннаго уничтоженія преступной личности (какъ при смертной казни), или въ тѣхъ, относительно незначительныхъ по числу, случаяхъ, когда цѣль исправленія отходитъ на задній планъ, напр. при каторжныхъ работахъ, хотя, казалось-бы, при примѣненіи этого послѣдняго наказанія, все-же не слѣдовало-бы терять изъ виду и эту цѣль возможнаго исправленія караемаго субъекта. Возможность сохраненія минимума физическихъ, психическихъ и моральныхъ силъ за преступникомъ, кромѣ того, требуется еще соображеніями уголовной политики и цѣлесообразности. Преступнику суждено, въ громадномъ большинствѣ случаевъ (а по нашему проекту въ особенности, въ виду примѣненія одиночнаго заключенія только къ содержимымъ въ исправительномъ домѣ и тюрьмѣ, т. е. къ приговореннымъ на относительно небольшіе сроки заключенія), подвергаться заключенію не долгому. Потомъ его ожидаютъ свобода и переходъ въ прежнюю среду, въ которую онъ долженъ вернуться съ извѣстнымъ среднимъ запасомъ силъ физическихъ и нравственныхъ, для того, чтобы быть въ состояніи пропитывать себя и, можетъ быть, семью, вообще выдерживать борьбу за существованіе, которая особенно тяжела для него, поставленнаго въ неблагопріятныя условія уже тѣмъ, что надъ нимъ въ глазахъ общества тяготѣетъ укоръ прежняго осужденія и наказанія. Если одиночное заключеніе будетъ продолжительно и, благодаря этой продолжительности, разрушитъ или значительно ослабитъ вышеуказанный необходимый человѣку минимумъ силъ, то подобное наказаніе явится уже не только несправедливымъ по

отношенію къ преступнику, но и не соотвѣтствующимъ задачамъ государства и общества при отправленіи ими карательныхъ функцій. Слѣдовательно нужно рѣшить вопросъ: дѣйствительно-ли вредно продолжительное одиночное заключеніе и какой можетъ быть принятъ срокъ его, какъ достаточный для достиженія извѣстныхъ, хотя сколько-нибудь полезныхъ результатовъ одиночнаго заключенія и не вредный преступнику въсейчасъ указанныхъ отношеніяхъ? Продолжительные сроки одиночнаго заключенія, и притомъ въ наиболѣе строгихъ его формахъ, давно осуждены наукою и опытомъ и, если сохранились гдѣ, напр. въ Бельгіи, то не даютъ хорошихъ результатовъ. Даже при относительно непродолжительныхъ срокахъ, результаты тоже неутѣшительны. Такъ директоры тюремъ въ Лувенѣ и Гентѣ (въ Бельгіи) и опытнѣйшіе изъ такъ называемыхъ brigadiers (смотрителей), которымъ принадлежитъ ближайшій надзоръ за арестантами, говорили г. Даневскому въ 1880 г. при посѣщеніи имъ этихъ тюремъ, что одиночное заключеніе безъ вреда для здоровья арестанта можетъ быть допущено не болѣе какъ на время отъ шести до девяти мѣсяцевъ. При этомъ срокѣ замѣчаются благотворные результаты дѣйствія келейнаго содержанія; свыше этого срока преступники становятся раздражительными; они чаще нарушаютъ дисциплину и впадаютъ нерѣдко въ уныніе. «Углубленіе въ себя» ведетъ къ развитію фантазіи; заключенный предается мечтамъ о прошломъ, старается упиться ими и забыться; ограниченность получаемыхъ имъ реальныхъ впечатлѣній изъ убогаго и однообразнаго міра, которымъ онъ окруженъ, даетъ пищу дальнѣйшему развитію въ немъ праздной фантазіи въ ущербъ здоровой мысли, а тутъ сидячая жизнь въ тѣсной камерѣ, при незначительномъ движеніи, соединяясь съ фантазіею, развиваютъ половую похоть. Въ результатѣ огромное количество жертвъ онанизма, которые легко подмѣчаются и узнаются опытными надзирателями, сознающими полную безполезность и невозможность борьбы съ этимъ зломъ. Каждый лишній мѣсяцъ противъ шести, девяти мѣсяцевъ (мнѣнія о срокѣ дѣлятся), проведенный въ одиночномъ заключеніи,— лишній шансъ на впаденіе въ этотъ противоестественный порокъ. Каждый дальнѣйшій мѣсяцъ уноситъ быстро физическія и психическія силы арестанта. Въ Лувенѣ дѣйствительныхъ или подозрѣваемыхъ съ большими основаніями въ онанизмѣ насчитывали до ста (на все число арестантовъ, не восходившее до четырехсотъ), въ Гентѣ до четверти всего наличнаго числа заключенныхъ; въ Лондонѣ, въ тюрьмѣ Мильбанкъ, затруднялись опредѣлить ихъ число, но утверждали, что ихъ очень много. Нерѣдки и происходящіе отъ онанизма и ослабленія силъ случаи душевнаго разстройства, равно какъ и заболѣваніе грудными болѣзнями, хотя несомнѣнно, что формы душевныхъ заболѣваній чаще всего только начинались и субъекты выходили на волю съ зачатками или въ пер-

вомъ періодѣ развитія болѣзни и тюремная администрація лишена была возможности прослѣдить дальнѣйшую судьбу этихъ людей. Вліяніе продолжительнаго одиночнаго заключенія на малолѣтныхъ и несовершеннолѣтнихъ въ «la petite Roquette» (въ Парижѣ) замѣчательно: около половины дѣтей и юношей онанисты и выходятъ оттуда, по показанію начальства тюрьмы, совершенно нравственно деморализованными и физически надорванными, въ чемъ не трудно убѣдиться, поговоривъ только съ заключенными. Если во многихъ случаяхъ порочная жизнь совершеннолѣтнихъ и юношей, а иногда и совсѣмъ малыхъ дѣтей, въ бытность ихъ на свободѣ, объясняетъ послѣдующую ихъ склонность и дальнѣйшее развитіе въ нихъ указаннаго порока во время одиночнаго содержанія, то, во первыхъ, несомнѣнно (по показаніямъ тюремнаго начальства), что келейная обстановка всецѣло содѣйствуетъ усугубленію и интенсивности этого порока, а во вторыхъ,—что эти пороки почти на половину случаевъ пріобрѣтаются уже въ стѣнахъ тюрьмы. Этотъ грустный фактъ получаетъ свое разумное объясненіе въ вышенамѣченныхъ спеціальныхъ условіяхъ келейной жизни, способствующихъ развитію фантазіи и половой похоти. Поэтому необходимо остановиться на срокѣ по возможности низкомъ, который, являясь для большинства (для меньшинства, невыносящаго этого заключенія, самою Коммисіею сдѣлано исключеніе) полезнымъ въ цѣляхъ исправленія, не могъ-бы ни въ какомъ случаѣ привести къ указаннымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Очень вѣрно сама Коммисія, очевидно на основаніи показаній тюрьмовѣдовъ и медиковъ, опредѣлила этотъ срокъ въ шесть мѣсяцевъ (въ ст. 17), но далѣе, въ ст. 18-й, Коммисія уже совершенно непослѣдовательна, предписывая одиночное заключеніе для приговоренныхъ къ тюрьмѣ, срокъ содержанія въ которой восходитъ до одного года, а по ст. 56 и до двухъ лѣтъ, на все время ихъ пребыванія въ ней. Трудно объяснить себѣ эту непослѣдовательность, даже игнорируя вышеприведенные мотивы, съ которыми Коммисія, обладавшая, вѣроятно, при составленіи проекта, приведенными только что данными, могла и не согласиться: почему-бы извѣстный срокъ одиночнаго заключенія (въ шесть мѣсяцевъ), признанный достаточнымъ для содержащихся въ исправительномъ домѣ, оказался недостаточнымъ для достиженія цѣлей исправленія при перенесеніи его въ другое мѣсто и въ примѣненіи къ той-же человѣческой личности, но только заключенной въ другомъ помѣщеніи. Если съ пользою для цѣлей исправленія преступника и безъ серьезнаго вреда для его здоровья Коммисія признала шесть мѣсяцевъ нормальнымъ срокомъ для келейнаго заключенія, то ясно, что это содержаніе, полезное само по себѣ при извѣстномъ срокѣ и вредное свыше извѣстнаго срока, останется полезнымъ при томъ-же срокѣ или вреднымъ при его увеличеніи, безотносительно къ тому, будетъ-ли оно отбываться

въ домѣ, извѣстномъ подъ именемъ «исправительнаго», или въ помѣщеніи, именуемомъ «тюрьмою». Коммисія приняла (см. объясн., стр. 66) мнѣніе Коммисіи Государственнаго Совѣта, которое предъявляло къ выполненію наказанія тюрьмою слѣдующія важнѣйшія требованія: 1) предупрежденіе сношеній между арестантами; 2) возможное уменьшеніе продолжительности наказанія, и 3) усиленіе строгости его примѣненія, чтобы тѣмъ восполнить его краткосрочность. Если придерживаться исключительно, во всей строгости, мысли, выраженной въ первомъ пунктѣ, то её надлежало-бы примѣнить и провести послѣдовательно и относительно заключенія въ исправительномъ домѣ, тѣмъ болѣе, что и здѣсь, и въ тюрьмѣ нерѣдко будутъ содержаться люди, испорченные нравственно, напр., воры и мошенники, съ тою разницею, что въ первомъ (исправительномъ домѣ) будутъ субъекты, совершившіе болѣе крупныя и видныя дѣянія этого рода, а въ тюрьмѣ герои болѣе мелкаго разряда, причемъ въ послѣдней иногда только будутъ попадаться люди, несовершившіе преступленій безнравственныхъ. Что касается пункта третьяго, то наказаніе тюрьмою, по проектируемымъ въ ней работамъ, будетъ подходить по строгости къ исправительному дому, гдѣ работы, тоже обязательныя, по правилу, производятся въ стѣнахъ тюрьмы, и, въ видѣ исключенія, внѣ ихъ, и только доходъ съ заработанной платы, перепадающій заключеннымъ, нѣсколько различенъ. Допуская даже, что относительная краткосрочность содержанія въ тюрьмѣ, сравнительно съ содержаніемъ въ исправительномъ домѣ, оправдываетъ усиленіе строгости въ примѣненіи наказанія, хотя это не совсѣмъ и вѣрно потому уже, что въ тюрьму будутъ попадать люди за дѣянія менѣе опасныя, чѣмъ тѣ, которыя влекутъ за собою заключеніе въ исправительномъ домѣ, все-же эта кратковременность нисколько не оправдываетъ увеличенія той части уголовной репрессіи, именно келейнаго содержанія, срокъ которой долженъ быть установленъ только на основаніи возможно гармоническаго сочетанія двухъ началъ: принципа исправленія и тѣхъ интересовъ преступника, о которыхъ г. Даневскимъ сказано выше. Разъ увеличеніе срока уничтожаетъ или ставитъ en question второе изъ этихъ началъ, именно перечисленные выше интересы физической и духовно-нравственной организаціи преступника, то о немъ не можетъ быть и рѣчи, особенно въ виду столь непропорціональнаго увеличенія сроковъ одиночнаго заключенія въ тюрьмѣ противъ срока его въ исправительномъ домѣ. Можно смѣло сказать, что одинъ годъ одиночнаго заключенія, по своей тяжести и по своимъ послѣдствіямъ для арестанта, ничуть не легче двухъ съ половиною, даже трехъ лѣтъ общаго содержанія въ исправительномъ домѣ, поэтому наказаніе однимъ годомъ тюремнаго заключенія уравняется съ двумя съ половиною—тремя годами исправительнаго дома, между тѣмъ, не будутъ

рѣдки случаи присужденія къ заключенію въ тюрьмѣ на полтора и даже на два года, такъ какъ ему подвергнутся профессіональные мелкіе воришки и плуты (по ст. 56) и т. д. Но въ такомъ случаѣ это одиночное заключеніе сравняется, по своей тяжести, съ общимъ содержаніемъ въ исправительномъ домѣ въ теченіи трехъ съ половиною—пяти лѣтъ. Въ результатѣ выходитъ, что преступнику выгоднѣе, по отношенію къ самому отбытію наказанія, быть приговореннымъ къ тремъ годамъ исправительнаго дома, гдѣ онъ проведетъ въ одиночномъ заключеніи всего шесть мѣсяцевъ, чѣмъ къ одному, двумъ и даже полутора годамъ тюрьмы, гдѣ онъ отсидитъ въ кельѣ все это время, хотя, по мысли Редакціонной Коммисіи, наказаніе исправительнымъ домомъ должно быть и тяжелѣе, не только позорнѣе наказанія тюрьмою.

Поэтому слѣдовало-бы и въ ст. 18-й срокомъ одиночнаго заключенія установить шесть мѣсяцевъ, или, самое большее, девять мѣсяцевъ, если законодатель настаиваетъ на своей точкѣ зрѣнія, именно на усиленіи строгости примѣненія наказанія для восполненія его кратковременности и имѣетъ въ виду только принципъ исправленія преступника, не опасаясь дурныхъ послѣдствій для его физическаго и психическаго здоровья, при увеличеніи на три мѣсяца срока одиночнаго заточенія. По истеченіи этихъ шести или девяти мѣсяцевъ, заключенные должны содержаться или въ общихъ камерахъ, или, еще лучше, по нѣскольку человѣкъ въ небольшей камерѣ, причемъ сортировка ихъ по камерамъ предоставляется усмотрѣнію тюремнаго начальства, ознакомившагося съ каждымъ арестантомъ. Послѣдняя система имѣетъ то преимущество, что въ ней не представляется опасности взаимной порчи арестантовъ, тѣмъ болѣе, что они будутъ заняты работою подъ наблюденіемъ начальства. На устройство тюремъ съ подобною системою келій малыхъ и большихъ для заключенія нѣсколькихъ человѣкъ должно быть обращено особое вниманіе, и на нихъ должно быть отпущено всего больше средствъ, потребныхъ на осуществленіе всей вообще задуманной реформы, ибо въ нихъ-то и будетъ заключаться самый большій контингентъ изъ всего количества преступниковъ.

Въ редакціи ст. 18-й слѣдовало-бы также сдѣлать еще одну поправку. Въ этой статьѣ говорится, что, при вредѣ одиночнаго заключенія для здоровья заключеннаго, управленію тюрьмы предоставляется право содержать его временно совмѣстно съ другими заключенными. Слово «временно» должно быть выпущено, какъ противорѣчащее мысли о невозможности одиночнаго заключенія для арестанта, для здоровья котораго оно признано опаснымъ. Было-бы прямо непозволительно и даже противно цѣлямъ уголовнаго правосудія дѣлать опыты періодическаго возобновленія попытокъ келейнаго заключенія арестантовъ, здоровье которыхъ не выноситъ его, по удостовѣренію лицъ

компетентныхъ, въ надеждѣ, что авось они наконецъ привыкнутъ къ нему, побывъ нѣкоторое время въ общемъ заключеніи. Опытъ показываетъ, что арестанты, освобожденные, въ силу предписанія врачей, отъ келейнаго содержанія, съ еще большимъ трудомъ переносятъ его послѣ, извѣдавъ общаго заключенія; чаще всего они не могутъ свыкнуться съ нимъ, и дѣлать подобные опыты было-бы несправедливо.

По всѣмъ симъ соображеніямъ, ст. 18 проекта слѣдовало-бы изложить такъ:

«Приговоренные содержатся первые шесть (девять) мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, а потомъ въ общемъ, по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, съ разобщеніемъ на ночь».

«Одиночное заключеніе можетъ быть замѣнено общимъ, по распоряженію управленія тюрьмы, въ случаѣ удостовѣренія врача объ опасности одиночнаго содержанія для здоровья заключеннаго».

«Приговоренные занимаются работами въ самомъ помѣщеніи».

Ст. 17 и 18 проекта, по введенному въ обѣ эти статьи элементу одиночнаго заключенія, разсматривались С.-Петербургскимъ Юридическимъ Обществомъ совмѣстно.

Редакціонный Комитетъ Уголовнаго Отдѣленія Общества, принимая во вниманіе: а) несуществованіе у насъ почти никакихъ указаній опыта относительно пригодности вообще и въ примѣненіи къ нашему народу въ особенности одиночнаго заключенія; б) невозможность обязательнаго его введенія повсемѣстно во всѣхъ исправительныхъ домахъ и тюрьмахъ Россіи; в) несоотвѣтствіе его видамъ наказанія, изъ которыхъ въ болѣе тяжкомъ—исправительномъ домѣ, оно полагается только полугодовое, а въ менѣе тяжкомъ—тюрьмѣ, годовое и даже двухгодовое,—предлагаетъ, во 1-хъ, не вводя въ текстъ уголовнаго уложенія одиночнаго заключенія, представить разрѣшеніе этого вопроса указаніямъ опыта, и во 2-хъ, дополнить вторую alinea словами: «работами по назначенію».

По мнѣнію Комитета, одиночное заключеніе могло-бы быть введено постепенно, по мѣрѣ устройства приспособленныхъ къ нему тюремъ и съ соотвѣтствующимъ, въ особомъ законѣ опредѣленнымъ, сокращеніемъ срока заключенія противъ назначеннаго въ приговорѣ.

По тѣмъ-же соображеніямъ, какъ и при обсужденіи 17 статьи, Редакціонный Комитетъ предложилъ: 1) во 2-й alinea ст. 18 исключить отъ словъ: «въ одиночномъ»—до конца; 2) въ 3-й alinea—вмѣсто: «въ камерахъ»—«по

назначенію». (Разумѣется, что, при исключеніи одиночнаго заключенія, должно-бы быть произведено соотвѣтственное увеличеніе сроковъ заключенія).

Н. Д. Сергіевскій высказался противъ одиночнаго заключенія, основываясь на томъ, что примѣненіе его на Западѣ дало очень сомнительные результаты. Одиночное заключеніе, имѣвшее нѣкогда значительное количество самыхъ горячихъ приверженцевъ на Западѣ, въ настоящее время находится въ періодѣ упадка, и изъ западныхъ законодательствъ, кромѣ англійскаго, допускающаго эту форму заключенія на сроки до 9 мѣсяцевъ,—только Бельгія ввела его въ формѣ продолжительныхъ сроковъ. У насъ одиночное заключеніе было введено въ нѣкоторыхъ военныхъ тюрьмахъ, но полученные результаты нельзя назвать желательными; кромѣ этого въ нашей практикѣ нѣтъ никакихъ указаній. Устройство одиночнаго заключенія поведетъ за собою затраты огромныхъ капиталовъ, а результаты между тѣмъ получатся самые плачевные: съумасшествіе. Съ принятіемъ этой формы заключенія, предстоитъ обречь преступника на совершенное бездѣйствіе, такъ какъ проектируемая уложеніемъ обязательность труда при этомъ вовсе неосуществима. Самъ арестантъ работать не будетъ, а заставить его работать невозможно, или для этого нужно будетъ имѣть такой административный персоналъ, чтобы можно было приставить особыхъ надзирателей къ камерамъ. Одиночное заключеніе возникло въ концѣ 18 и началѣ 19 столѣтій, подъ вліяніемъ идей пенсильванскихъ мистиковъ. Они полагали, что человѣкъ въ обществѣ портится и потому нужно исправлять его уединеніемъ, чего можно достигнуть только при разобщеніи его съ этимъ обществомъ, предоставивъ его внутреннему своему самосозерцанію. Идея этого рода заключенія—идея Руссо. Квинтъ-эссенцію этой же идеи представляетъ романъ де Фоэ—Робинзонъ Крузоэ. Само по себѣ одиночное заключеніе совершенно непригодно для русскаго человѣка и примѣненіе его отразится по всѣмъ вѣроятіямъ самыми неблагопріятными послѣдствіями, въ особенности, если принять въ соображеніе, что у насъ нѣтъ достаточно опытныхъ директоровъ, которые могли бы взяться за проведеніе этой формы лишенія свободы. Нельзя кромѣ того вносить одиночное заключеніе въ проектъ новаго уложенія, когда у насъ нѣтъ еще тюремъ, приспособленныхъ для этой цѣли. Въ заключеніе г. Сергѣевскій полагалъ совсѣмъ исключить одиночное заключенію изъ проекта уложенія.

В. Н. Коковцевъ заявилъ, что возраженія свои онъ считаетъ необходимымъ направить именно противъ соображеній, высказанныхъ Н. Д. Сергѣевскимъ, тѣмъ болѣе, что борьба на почвѣ принципіальнаго вопроса о пользѣ или вредѣ одиночнаго заключенія вообще представляется крайне затруднительною. Этому вопросу посвящена на Западѣ обширная и весьма богатая

литература, и приводить доводы въ пользу одиночнаго заключенія значило бы повторять аргументы, хорошо извѣстные почтенному профессору. Этихъ доводовъ по существу не касается въ своихъ объясненіяхъ и Н. Д. Сергѣевскій, а затѣмъ возраженія противу высказанныхъ имъ соображеній, естественнымъ образомъ, должны выражать собою личное отношеніе его, г. Коковцева, къ самому принципіальному вопросу.

I. Положеніе, занимаемое вопросомъ объ одиночномъ заключеніи въ западно-европейскихъ уголовныхъ законодательствахъ и даже въ общественномъ мнѣніи на Западѣ, едва-ли, какъ ему кажется, правильно указано Н. Д. Сергѣевскимъ.

Не подлежитъ конечно ни малѣйшему сомнѣнію, что одиночное или келейное заключеніе пенсильванскихъ квакеровъ успѣло отойти въ область исторіи и не узаконяется ни однимъ изъ дѣйствующихъ уголовныхъ уложеній. Но между пенсильванскимъ келейнымъ заключеніемъ и современнымъ одиночнымъ заключеніемъ, которое слѣдовало-бы точнѣе назвать системою разъединенія или разобщенія преступниковъ,—громадная и коренная разница, измѣряемая всѣмъ послѣдовательнымъ развитіемъ самой идеи наказанія, въ теченіи всего XIX вѣка. Объ означенной камерѣ пенсильванской тюрьмы, въ которой преступникъ долженъ былъ искать примиренія съ Богомъ и собственною совѣстью,—въ совершенномъ уединеніи и полномъ бездѣйствіи,—теперь нѣтъ болѣе и рѣчи. Ее замѣнила камера—мастерская, въ которой обязательный трудъ занимаетъ весь досугъ арестанта; взамѣнъ прежняго уединенія—преступникъ имѣетъ обязательное общеніе, но только не съ сотоварищами по заключенію, а съ административнымъ персоналомъ тюрьмы, начиная съ директора и кончая надзирателемъ или мастеромъ. Прибавимъ къ этому обязательное посѣщеніе школы и церкви, ежедневныя прогулки на тюремномъ дворѣ, и мы легко поймемъ, что такое современное одиночное заключеніе. Его-то и допускаютъ западно-европейскія законодательства, и допускаютъ въ гораздо болѣе широкомъ объемѣ, нежели это указано Н. Д. Сергѣевскимъ.

Кромѣ 9-ти-мѣсячнаго одиночнаго заключенія при «penal servitude», англійскіе законы требуютъ одиночнаго заключенія и для низшаго наказанія—emprisonement, а оно, если онъ, г. Коковцевъ, правильно помнитъ, можетъ продолжаться до 2-хъ лѣтъ.

Общегерманское уголовное уложеніе требуетъ обязательнаго одиночнаго заключенія на срокъ до 3-хъ лѣтъ и только выше этого—по желанію самого преступника.

Французскій законъ 1875 года ввелъ одиночное заключеніе какъ

нормальный порядокъ отбыванія наказанія краткосрочнаго, т. е. до 1 года и 1 дня.

Въ Швеціи и Даніи точно также низшіе виды лишенія свободы отбываются въ одиночныхъ тюрьмахъ. Если къ этому присоединить даже краткій перечень всѣмъ извѣстныхъ тюремъ, построенныхъ и вновь строющихся по одиночной системѣ, то можно съ увѣренностью заявить, что эта система не только примѣняется теперь почти повсюду, но что она вскорѣ явится едва-ли не единственною, по крайней мѣрѣ для низшихъ формъ исправительныхъ наказаній. Такою напримѣръ является она и на основаніи трудовъ международнаго тюремнаго конгреса, и по заявленіямъ съѣздовъ нѣмецкихъ тюрьмовѣдовъ, и по признанію германскихъ юристовъ.

II. Заявленіе о сомнительности результатовъ примѣненія одиночнаго заключенія на Западѣ—едва-ли можетъ быть признано правильнымъ. Не имѣя подъ руками цифровыхъ данныхъ, онъ, г. Коковцевъ, лишенъ въ настоящую минуту возможности опровергнуть не словами, а фактами и данными, хотя и не приминулъ-бы представить ихъ юридическому обществу, если-бы оно признало это полезнымъ. Но главное опроверженіе такихъ нападокъ на западно-европейскіе порядки онъ видитъ въ томъ повсемѣстномъ примѣненіи одиночнаго заключенія, о которомъ было говорено выше. Какъ только какое-либо государство принималось или принимается за реформу своихъ карательныхъ учрежденій, оно сразу отводило одиночному заключенію болѣе или менѣе видное мѣсто въ стѣнахъ новыхъ тюремныхъ заведеній. Оставляя въ сторонѣ спорный вопросъ объ исправительномъ значеніи наказанія, т. е. о возможности сдѣлать преступника, путемъ наказанія, лучшимъ, нежели онъ былъ, совершая преступное дѣяніе,—юристы и администраторы, за крайне рѣдкими исключеніями, отдаютъ этой формѣ лишенія свободы, въ особенности въ отношеніи низшихъ наказаній, предпочтеніе предъ всякою другою уже по тому одному, что одиночная тюрьма не служитъ тѣмъ неизбѣжнымъ средствомъ къ взаимному развращенію преступниковъ, которымъ, по необходимости, является тюрьма съ общимъ заключеніемъ. А такое отношеніе къ одиночному заключенію на Западѣ едва-ли могло-бы имѣть мѣсто тогда, когда результаты его примѣненія являлись-бы въ дѣйствительности сомнительными.

У насъ, по совершенно справедливому заключенію Н. Д. Сергѣевскаго, нѣтъ еще опыта въ примѣненіи одиночнаго заключенія. Домъ предварительнаго заключенія въ С.-Петербургѣ, какъ учрежденіе, давшее будто-бы скорѣе отрицательные, чѣмъ положительные результаты, не долженъ быть, какъ кажется г. Коковцеву, вовсе принимаемъ въ соображеніе при обсужденіи вопроса объ одиночномъ заключеніи, какъ формы наказанія, а не подслѣд-

ственнаго содержанія, совершенно независимо отъ того, къ какимъ-бы результатамъ ни приводилъ на самомъ дѣлѣ семилѣтній опытъ этой тюрьмы.

Въ немъ нѣтъ, да и не можетъ быть обязательнаго труда; въ немъ принимаются по необходимости такія мѣры, въ отношеніи содержанія арестованныхъ, которыя вытекаютъ цѣликомъ изъ требованій слѣдственнаго заключенія и которыя вовсе не должны быть примѣняемы въ карательномъ учрежденіи. Наконецъ указаніе на отрицательные результаты, данные этою тюрьмою, должно было-бы исходить не изъ указанія на какія-либо единичные случаи, а точно также, изъ болѣе или менѣе обстоятельныхъ цифровыхъ данныхъ. Такихъ данныхъ нѣтъ; они не собирались и не регистрировались, а если-бы и были собраны, то общіе выводы были-бы, можетъ быть, вовсе не такъ отрицательны, какъ это кажется по единичнымъ случаямъ покушеній на самоубійство или проявленій психическаго разстройства.

III. Указаніе на несовмѣстимость мнѣнія объ обязательномъ трудѣ съ понятіемъ объ одиночной камерѣ—точно также едва-ли вполнѣ правильно.

Ссылаясь на опытъ не только лучшихъ нѣмецкихъ тюремъ одиночной системы, каковы: Брухсальская, Моабитская (старая), Нюренбергская, Гейльбронская, но даже небольшихъ судебныхъ тюремъ (бывшіе Kreisgerichtsgefängnisse) и наконецъ на любаго изъ писателей по тюремному вопросу, къ какому-бы лагерю онъ ни принадлежалъ, противниковъ-ли или сторонниковъ одиночнаго заключенія, В. Н. Коковцевъ утверждаетъ, что обращеніе къ обязательному труду арестантовъ, помѣщенныхъ въ одиночное заключеніе, не представляетъ на практикѣ рѣшительно никакихъ затрудненій. Заключенные исполняютъ работу не только лучше, усерднѣе и охотнѣе, нежели при системѣ общаго содержанія, но и смотрятъ всегда и вездѣ на нее, какъ на лучшее средство къ дополненію ихъ одиночества. Лишеніе работы даже фигурируетъ въ лучшихъ тюремныхъ уставахъ въ качествѣ одной изъ мѣръ дисциплинарнаго взысканія и является на самомъ дѣлѣ одною изъ весьма чувствительныхъ мѣръ, если только представить себѣ, какое вообще значеніе имѣетъ трудъ (производительный) въ обиходѣ тюремной жизни.

Этимъ соображеніямъ, проводимымъ г. Коковцевымъ на основаніи фактическихъ и общеизвѣстныхъ данныхъ, слѣдуетъ, по мнѣнію его, отвести нѣкоторое мѣсто въ сужденіяхъ по вопросу о введеніи у насъ одиночнаго заключенія уже по тому одному, что заводить работы въ тюрьмахъ вообще крайне нелегко, а если-бы приходилось еще бороться съ арестантскимъ противодѣйствіемъ, то и подавно, а между тѣмъ необходимость заведенія работъ въ мѣстахъ заключенія должна стоять у насъ на первомъ планѣ при всякихъ попыткахъ къ переустройству нашихъ карательныхъ учрежденій, въ кото-

рыхъ бездѣйствіе заключенныхъ успѣло обратиться въ хроническое и глубоко укоренившееся зло.

IV и V. Наконецъ, отсутствіе у насъ тюремъ, построенныхъ по одиночной системѣ, не стоитъ вовсе въ связи съ вопросомъ о введеніи самой системы въ лѣстницу наказаній. Тюрьмы можно строить только тогда, когда извѣстный порядокъ принятъ уложеніемъ, а не уложенію принаравливаться къ тому, какія имѣются тюрьмы. Не будетъ у насъ такихъ тюремъ, по необходимости придется установить рядъ переходныхъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что самыя-то тюрьмы могутъ быть устраиваемы лишь постепенно и, сравнительно, весьма медленно.

Затѣмъ, по поводу особенной тягости одиночнаго заключенія для русскаго человѣка, онъ, г. Коковцевъ, затрудняется высказать какія-либо рѣшительныя соображенія, но думаетъ, что правильно организованное одиночное заключеніе,—а иного и не можетъ имѣть въ виду проектъ уложенія,—при срокахъ до 6 мѣсяцевъ, въ примѣненіи къ исправительному дому, и до 1 года (по общему правилу) въ примѣненіи къ тюрьмѣ, вовсе не такая уже тяжелая карательная мѣра, которая подавила-бы и пришибла русскаго человѣка, какъ полагаетъ Н. Д. Сергѣевскій. Наказаніе есть вообще мѣра не легкая; всякое твердо, строго и систематически проводимое лишеніе свободы, въ особенности въ примѣненіи къ привыкшему къ свободѣ человѣку, таково, что этому человѣку трудно сживаться съ ней; но на то оно и наказаніе. А если уже наказаніе необходимо, то пусть оно будетъ лучше тяжелымъ и строгимъ, нежели тѣмъ безцѣльнымъ, а потому только вреднымъ, какимъ является, при короткихъ срокахъ лишенія свободы, всякое общее заключеніе.

На этихъ основаніяхъ и не присоединяя къ нимъ соображеній болѣе принципіальнаго свойства, В. Н. Коковцевъ подаетъ голосъ за оставленіе безъ измѣненія существа тѣхъ положеній, которымъ посвящаются 17 и 18 статьи проекта уложенія.

В. К. Случевскій высказался въ пользу принятія проектированнаго проектомъ одиночнаго заключенія. Возражая г. Сергѣевскому, онъ прежде всего замѣтилъ, что не можетъ согласиться съ вѣрностью установленной фактической стороны его аргументаціи и общими, выведенными изъ нея заключеніями. Отношеніе современныхъ уголовныхъ законодательствъ къ одиночному заключенію показываетъ, что заключеніе это пользуется довѣріемъ законодателей и примѣняется въ дѣйствительности въ размѣрахъ, далеко превышающихъ указанный г. Сергѣевскомъ maximum. Такъ, Швейцарія знаетъ одиночное заключеніе до 1 года, Голландія до 2 лѣтъ, Германія до 3, Бельгія до 10 лѣтъ. На этой системѣ одиночнаго заключенія построена вся система наказаній въ Бельгіи, Голландіи и Швеціи. Что же касается до

пенитенціарной науки, то она не только не извѣрилась въ достоинства этой формы заключенія, но, напротивъ того, все съ большею рѣшительностью высказывается въ пользу этого пенитенціарнаго средства. Правда въ настоящее время одиночное заключеніе не признается болѣе за единственную форму заключенія, долженствующую вытѣснить собою всѣ другіе способы заключенія. Проявившееся въ этомъ направленіи, на франкфуртскихъ тюремныхъ конгрессахъ 1846—1857 годовъ, увлеченіе этимъ заключеніемъ въ наше время не находитъ столь горячихъ, какъ прежде, защитниковъ. Увлеченіе замѣнилось спокойною критикою. Но если въ одиночномъ заключеніи перестали видѣть такія цѣлебныя свойства, отъ соприкосновенія съ которыми неизбѣжно происходитъ процессъ нравственнаго обновленія преступника, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы эта форма заключенія была въ наше время признана негодною. Она обставляется нынѣ только иными условіями примѣненія, чѣмъ прежде, и, вслѣдствіе этого, измѣнила свой характеръ. Практикуемое нынѣ одиночное заключеніе не влечетъ болѣе за собою тѣхъ страшныхъ послѣдствій, о которыхъ говорилъ г. Сергѣевскій. Послѣдній, указывая на эти послѣдствія, возражалъ въ сущности только противъ той келейной формы одиночнаго заключенія, которая, развившись въ Пенсильваніи путемъ одиночнаго содержанія преступника, при полномъ отстраненіи его отъ работъ и при стремленіи, посредствомъ самонаблюденія и созерцанія, возбудить въ немъ нравственное исправленіе, дѣйствительно творила много зла и въ настоящее время никѣмъ изъ пенитенціаристовъ не поддерживатся. Современная наука тюрьмовѣдѣнія указываетъ на совершенно иную форму одиночнаго заключенія, на такъ-называемое индивидуальное одиночное заключеніе (séparation individuelle). Сущность ея заключается въ томъ, что, при отбытіи ея, принимаются во вниманіе всѣ индивидуальныя особенности заключеннаго и затѣмъ къ нимъ принаравливаются всѣ тѣ пенитенціарныя средства, которыми обладаетъ тюремное начальство и въ ряду которыхъ работа заключеннаго занимаетъ первенствующее мѣсто. До какой степени и теорія и практика тюремнаго дѣла дорожатъ этою формою одиночнаго заключенія, видно, между прочимъ, изъ того, какъ относятся къ этому заключенію, въ настоящее время, въ Германіи. Существующіе тамъ съѣзды тюремныхъ смотрителей (Verein der deutschen Strafanstalt's Beamten) и юристовъ (Juristentag) высказались въ принципѣ единогласно за одиночное заключеніе; рейнско-вестфальское тюремное общество (Rheinich-westfalische Gefängnissgesellschaft) и сѣверозападный тюремный союзъ (Nord-west-deutscher Verein für Gefängnisswesen) точно также послѣдовали ихъ примѣру. Еще болѣе важнымъ указателемъ успѣховъ, дѣлаемыхъ одиночною формою заключенія, можетъ служить отношеніе къ ней международныхъ тюремныхъ кон-

гресовъ. На послѣднемъ стокгольмскомъ тюремномъ международномъ конгресѣ уже не нашлось противниковъ этого заключенія и обсужденію подвергался лишь вопросъ объ отношеніи этого заключенія къ національнымъ и инымъ соціальнымъ условіямъ государственной жизни. Такого рода данныя не могутъ не служить основаніемъ къ признанію, что высказываемый взглядъ на несочувственное отношеніе нашего времени къ одиночному заключенію не находитъ себѣ оправданія въ дѣйствительности. Значеніе этого заключенія несомнѣнно. Оно одно только можетъ дѣйствовать исправительно, ибо только при примѣненіи этого заключенія, преступникъ отстраняется отъ вреднаго вліянія сообщества другихъ преступниковъ и подвергается дѣйствію режима, принаровленнаго къ индивидуальнымъ особенностямъ его природы. Противникомъ этого заключенія въ принципѣ можетъ быть, по справедливому замѣчанію директора кассельской тюрьмы Крона, только тотъ, кто не дѣлаетъ надлежащаго разграниченія между понятіями келейнаго и индивидуальнаго заключенія.

Точно также и соображенія о непримѣнимости у насъ одиночнаго заключенія, вслѣдствіе отсутствія надлежащаго персонала и неимѣнія опыта, В. К. Случевскій признаетъ неубѣдительными. Каждая реформа у насъ встрѣчается съ такими возраженіями и, не смотря на это, для каждой находились всегда и люди, и надлежащія средства. Главное, чтобы реформа, по идеѣ своей, по тѣмъ потребностямъ, которымъ она призвана удовлетворять, была жизненна, и чтобы условія, коими обставляется приведеніе ее въ дѣйствіе, соотвѣтствовали ея интересамъ. Если правительство твердо рѣшится ввести задуманную тюремную реформу, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что найдутся и люди для примѣненія ея. Въ настоящее время во всѣхъ сферахъ государственной службы усматривается излишекъ служащаго персонала и поэтому нельзя уже болѣе серьезно поддерживать жалобы на недостатокъ людей въ дѣлѣ осуществленія правительственныхъ предначертаній. Останавливаться-же введеніемъ одиночнаго заключенія впредь до указаній опыта казалось-бы столь-же неосновательнымъ, какъ придерживаться рѣшимости не входить въ воду, не научившись предварительно плавать. Если уже исходить изъ предположенія о недостаточности средствъ для введенія у насъ тюремной реформы, то надлежало-бы не только противиться введенію одиночнаго заключенія, но и всей проектированной системы заключенія, необходимо предполагающей, со стороны тюремнаго персонала, способность принаравливать свои дѣйствія къ особенностямъ пенитенціарнаго характера каждаго изъ пяти создаваемыхъ при этомъ мѣстъ заключенія. При такомъ взглядѣ на условія примѣненія проекта, надлежало-бы, въ видахъ послѣдовательности, поддерживать предложеніе, разсматривавшееся въ

стокгольмскомъ международномъ конгресѣ, объ устройствѣ одного униформеннаго тюремнаго заключенія и объ опредѣленіи тяжести наказанія способомъ механическимъ, посредствомъ установленія градаціи въ однихъ только срокахъ заключенія.

Въ заключеніе В. К. Случевскій обратилъ вниманіе на то, что относительно непродолжительные сроки заключенія проекта разсчитаны на введеніе одиночнаго заключенія и что непринятіе послѣдняго неизбѣжно должно будетъ повлечь за собою увеличеніе продолжительности заключенія, въ виду того, что общее заключеніе не обладаетъ тою силою репрессіи, которою обладаетъ одиночное заключеніе.

Возражая гг. Коковцеву и Случевскому, *Н. Д. Сергіевскій* замѣтилъ, что правильнѣе было-бы ввести одиночное заключеніе только тогда, когда опытъ намъ покажетъ цѣлесообразность его. Наши изслѣдователи обычнаго права указываютъ, что сила, на которую можетъ опираться тюремная система—это только тюремная община.

По словамъ дѣйствительнаго члена *Н. Б. Хвостова*, хотя у насъ и не было опыта, но подслѣдственные арестанты даютъ нѣкоторыя указанія. Состоя слѣдователемъ при С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, г. Хвостовъ никогда не получалъ жалобъ отъ арестантовъ на вредное вліяніе самаго одиночнаго заключенія, но жаловались арестанты лишь на отсутствіе работы.

Н. Н. Ивановичъ указалъ, что изъ своего опыта онъ выноситъ противное: черезъ 3 или 4 дня всякій арестантъ былъ нравственно убитымъ и просилъ перевести его въ общее отдѣленіе.

И. Д. Ахшарумовъ вывелъ изъ своей практики, что краткосрочное одиночное заключеніе, не свыше 2-хъ мѣсяцевъ, благотворно дѣйствуетъ на арестантовъ, но свыше этого срока дѣйствіе его становится удручающимъ.

Э. Я. Фуксъ указалъ на то, что у него были случаи, когда арестанты сидѣли въ одиночномъ заключеніи и болѣе долгое время, чѣмъ указываетъ Н. Н. Ивановичъ, но они вовсе не имѣли удрученнаго вида. Опыты вообще, а въ особенности вынесенные изъ тюремъ подслѣдственныхъ, не могутъ дать точныхъ указаній, такъ какъ подслѣдственныя тюрьмы для этого вовсе не подготовлены. Хотя у него были примѣры очень вреднаго вліянія одиночнаго заключенія на состояніе здоровья арестанта, но тѣмъ не менѣе изъ собственнаго опыта онъ выноситъ, что тюремное заключеніе, какъ наказаніе общее, вполнѣ нормально и не является черезчуръ сильнымъ наказаніемъ. Н. Д. Сергѣевскій указываетъ на необходимость тюремной общины. Она является необходимою у насъ теперь, при настоящемъ положеніи вещей, потому что у насъ нѣтъ хорошаго управленія тюрьмами: на самомъ-же дѣлѣ она совершенно противна началу цѣлесообразности. Въ заключеніе г. Фуксъ

указалъ, что онъ не раздѣляетъ мнѣнія Н. Д. Сергѣевскаго, а склоняется въ пользу проекта.

При голосованіи были поставлены слѣдующіе вопросы:

1) за оставленіе ст. 17 безъ измѣненія высказалось 18 голосовъ противъ 8, высказавшихся за исключеніе изъ текста проекта одиночнаго заключенія;

и 2) относительно 18 ст. голоса раздѣлились точно также, какъ и относительно 17 ст.

Останавливаясь на постановленіяхъ ст. 17 и 18 объ исправительномъ домѣ и тюрьмѣ, Варшавскіе Присяжные Повѣренные не находятъ убѣдительныхъ основаній для созданія этихъ двухъ видовъ исправительнаго наказанія, которыя напоминаютъ только нынѣ дѣйствующую систему, изобилующую разными видами лишенія свободы, сливающимся на практикѣ въ одно и тоже наказаніе для преступныхъ дѣяній, истекающихъ изъ весьма разнородныхъ побужденій, отъ чего страдаетъ и уваженіе къ закону, и нравственность преступниковъ менѣе испорченныхъ. Раздѣленіе исправительныхъ наказаній на два упомянутые вида тѣмъ болѣе непонятно, что, по соображеніямъ Коммисіи, заключенію въ тюрьмѣ будутъ подвергаться лица испорченной нравственности и даже «опасные рецидивисты», которыхъ вліяніе на «вовсе еще неиспорченныхъ новичковъ» можетъ быть весьма вреднымъ. Потому было-бы полезно соединить исправительный домъ съ тюрьмою въ одинъ видъ наказанія, но за то устроить особыя отдѣленія исправительнаго дома такимъ образомъ, чтобы рецидивистовъ содержать отдѣльно отъ подвергающихся наказанію лишь въ первый разъ.—Заключеніе въ исправительномъ домѣ слѣдовало-бы назначать только за проступки, совершенные по низкимъ позорящимъ побужденіямъ; легкіе-же проступки противъ благоустройства и благочинія наказывать арестомъ.

Предсѣдатель Нѣжинскаго Окружнаго Суда Ланге въ замѣчаніяхъ своихъ задается вопросомъ, какое различіе существуетъ между наказаніемъ въ исправительномъ заведеніи и наказаніемъ въ тюрьмѣ? Если за болѣе важное нарушеніе закона предполагается *исправленіе* виновнаго, то почему-же менѣе важный нарушитель закона лишается права на такое-же исправленіе и приговаривается къ карательной мѣрѣ—заключенію въ тюрьмѣ? Если-же тюрьма такое-же мѣсто исправленія преступника (чѣмъ она и можетъ быть при соотвѣтствующемъ устройствѣ), то не представляется-ли излишнимъ учрежденіе и постройка новыхъ исправительныхъ домовъ, какъ особаго вида наказанія?

Могутъ возразить, что въ постройкѣ такихъ домовъ не предстоитъ надобности, такъ какъ для этой цѣли существуютъ исправительныя арестантскія отдѣленія, числомъ 33, вмѣстимостью до 8,000 человѣкъ, рабочіе и смирительные дома; но не будетъ-ли практичнѣе обратить сіи послѣдніе въ тѣ-же тюрьмы съ исправительнымъ характеромъ, въ отличіе отъ тюремъ для подслѣдственныхъ арестантовъ, или же—въ особые исправительные пріюты для малолѣтныхъ и несовершенолѣтнихъ преступниковъ?

Товарищъ Предсѣдателя Смоленскаго Окружнаго суда Н. И. Отто и Членъ Суда М. Е. Клейстъ замѣчаютъ, что исправительный домъ и тюрьму съ удобствомъ можно было-бы соединить въ одномъ мѣстѣ заключенія, предоставивъ лишь при этомъ судебнымъ мѣстамъ право въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлять для осужденнаго тотъ или иной родъ заключенія (общій или одиночный) и тотъ или другой способъ отбыванія работъ (внутри или внѣ мѣста заключенія); такое соединеніе значительно сократило-бы расходы правительства по устройству и приспособленію новыхъ мѣстъ заключенія, избавило-бы судей отъ обязанности прибѣгать къ постоянной замѣнѣ одного наказанія другимъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ устроено достаточное число новыхъ тюремъ и исправительныхъ домовъ, и, наконецъ, нисколько не измѣняло-бы для осужденнаго способа отбыванія имъ наказанія.

Мнѣніе это большинствомъ присутствующихъ въ совѣщаніи судей Смоленскаго Окружнаго Суда принято не было и по этому вопросу большинство раздѣляло редакцію проекта, полагая, что тюрьма и исправительный домъ должны существовать каждый отдѣльно, такъ-какъ оба эти мѣста заключенія совершенно разнохарактерны, какъ по продолжительности заключенія, такъ и по роду его и способу отбыванія работъ.

По поводу тѣхъ-же статей Предсѣдатель М. Н. Веселкинъ возбудилъ вопросъ о томъ, что, по его мнѣнію, было-бы полезно, во избѣжаніе могущихъ быть злоупотребленій, наиболѣе точно регламентировать право тюремнаго управленія переводить арестанта изъ одиночнаго заключенія въ общее въ случаѣ его болѣзни. По этому вопросу совѣщаніе единогласно высказалось, что распоряженія тюремнаго управленія о переводѣ арестантовъ изъ одиночнаго заключенія въ общее должны быть дѣлаемы не иначе, какъ при участіи прокурорскаго надзора, которому и должно быть предоставлено въ каждомъ данномъ случаѣ право обжаловать суду означенныя распоряженія тюремнаго управленія.

Чины прокуратуры Череповецкаго Окружнаго Суда находятъ, что исправительный домъ и тюрьма по проекту составляютъ почти одно и тоже по условіямъ содержанія заключенныхъ; разница устанавливаетея только въ срокахъ содержанія и въ нѣкоторыхъ частностяхъ. То и другое наказаніе назначается за проступки, и удобнѣе было-бы соединить оба эти вида содержанія въ одинъ, съ подраздѣленіями содержащихся въ подробностяхъ, чѣмъ устанавливать два мѣста заключенія, что дало-бы возможность устроить ихъ лучше и правильнѣе. Установленіе многихъ видовъ заключенія можетъ привести къ тому, что проектированныя мѣста, по недостатку средствъ на ихъ устройство и содержаніе, останутся въ теоріи, какъ остаются и въ настоящее время только на бумагѣ смирительные и рабочіе дома; въ настоящее время даже лица, приговариваемыя къ содержанію въ исправительныхъ заведеніяхъ, часто отбываютъ сроки содержанія въ тюрьмахъ, по неимѣнію мѣста въ отдѣленіяхъ.

Прокуроръ Елисаветпольскаго Окужнаго Суда Хлодовскій указываетъ, что въ порядкѣ послѣдовательной постепенности наказаній за исправительнымъ домомъ слѣдуетъ тюрьма, и судъ, при уменьшеніи наказанія, отъ исправительнаго дома переходитъ непосредственно къ тюрьмѣ; при такомъ соотношеніи обоихъ этихъ наказаній условія отбыванія таковыхъ должны быть опредѣлены такимъ образомъ, чтобы, при переходѣ въ порядкѣ постепенности отъ одного къ другому, преступникъ получалъ дѣйствительное облегченіе и уменьшеніе слѣдующаго ему наказанія, а не одно лишь фиктивное. Между тѣмъ, изъ сопостановленія обоихъ вышеприведеннымъ родовъ наказанія оказывается, что низшій предѣлъ исправительнаго дома равняется годичному содержанію, причемъ преступникъ изъ этого срока только половину года долженъ отбыть въ одиночномъ заключеніи; высшій-же предѣлъ тюрьмы хотя и простирается также до одного года, но осужденный весь этотъ срокъ проводитъ въ одиночномъ заключеніи; спрашивается, можетъ-ли быть признано уменьшеніемъ наказанія переходъ отъ годичнаго исправительнаго дома съ полугодовымъ только одиночнымъ заключеніемъ къ годичной также тюрьмѣ или даже къ тюрьмѣ на 10 или 11 мѣсяцевъ, но съ одиночнымъ заключеніемъ на все время содержанія? Если принять во вниманіе, что въ обоихъ этихъ случаяхъ главнымъ отягчающимъ условіемъ отбыванія наказанія, кромѣ факта лишенія свободы, является одиночность заключенія, г. Хлодовскій полагаетъ, что, при указанныхъ Коммисіею условіяхъ, переходъ отъ исправительнаго дома къ тюрьмѣ не только не будетъ служить уменьшеніемъ наказанія, но, скорѣе, отягчитъ участь осужденнаго. Устранить эту несообразность можно двоякимъ путемъ

или можно сократить срокъ одиночнаго заключенія при тюрьмѣ, назначивъ таковое, такъ же какъ и при исправительномъ домѣ, вмѣсто года до полугода, въ виду того, что всякое смягченіе наказанія какъ въ срокѣ заключенія, такъ и въ условіяхъ его отбыванія, является гуманнымъ и потому должно быть признано желательнымъ; или же, имѣя въ виду, что высшій предѣльный срокъ тюрьмы представляется весьма незначительнымъ, а между тѣмъ тюрьма по новому уложенію, замѣняя собою нынѣ существующій рабочій домъ, смирительный домъ и даже низшія степени арестантскихъ отдѣленій, будетъ назначаема за преступныя дѣянія, сравнительно довольно важныя, что посему восполненіе репрессіи этого наказанія должно послѣдовать путемъ отягченія тѣхъ условій, коими сопровождается пребываніе въ тюрьмѣ; что отягченіе это главнымъ образомъ заключается въ одиночности заключенія, которое замѣняетъ собою продолжительность сроковъ содержанія,—невозможно сокращать срокъ установленнаго Коммисіею одиночнаго заключенія, ибо, въ противномъ случаѣ, тюрьма потеряла-бы должную репрессію, и что тюремное заключеніе на все время пребыванія въ тюрьмѣ должно оставаться одиночнымъ, что коль скоро одиночное заключеніе въ тюрьмѣ можетъ простираться до 1 года, то нѣтъ основаній, почему-бы одиночное заключеніе на этотъ-же срокъ не могло быть назначаемо и въ исправительномъ домѣ, высшемъ въ порядкѣ постепенности наказаній, надлежало-бы, въ видахъ устраненія вышеуказанной непослѣдовательности при переходѣ въ порядкѣ постепенности отъ исправительнаго дома къ тюрьмѣ, установить, *что приговоренные къ исправительному дому содержатся въ одиночномъ заключеніи первый годъ*, а не 6 мѣсяцевъ.

При обсужденіи проекта чинами прокуратуры Варшавскаго Окружнаго Суда было обращено вниманіе на несоотвѣтствіе между низшею степенью исправительнаго дома и высшею степенью тюремнаго заключенія, а именно: по ст. 17 преступникъ можетъ быть приговоренъ къ исправительному дому на одинъ годъ, причемъ онъ будетъ содержаться въ одиночномъ заключеніи только шесть мѣсяцевъ; между тѣмъ, на основаніи 18 ст., преступникъ можетъ быть приговоренъ къ тюремному заключенію на два года, причемъ въ теченіи всего этого срока будетъ содержаться въ одиночномъ заключеніи. Несоотвѣтствіе это не устраняется и ст. 26, такъ какъ большинство осуждаемыхъ не имѣетъ никакихъ особыхъ правъ. Нѣчто подобное существуетъ и въ дѣйствующемъ уложеніи въ ст. 31 и 33 и нерѣдко судъ считаетъ болѣе справедливымъ не смягчать наказанія и назначаетъ таковое по 5 п. 31 ст., а не по 1 п. 33 ст. улож. изд. 1866 года. Желательно было-бы, чтобы въ новомъ

проектѣ подобнаго несоотвѣтствія между высшими и низшими наказаніями не существовало.

По поводу предположеннаго въ ст. 17 и 18 проекта одиночнаго заключенія при исправительномъ домѣ и тюрьмѣ чины Калужскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что одиночное заключеніе, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, не отвѣчаетъ задачѣ правосудія, такъ какъ оно крайне вредно вліяетъ и, во многихъ случаяхъ, даже разрушительно дѣйствуетъ на здоровье лица заключеннаго, впадающаго отъ разобщенія съ людьми нерѣдко въ меланхолію и даже въ полное умопомѣшательство. Наука медицины еще не представляется до такой степени совершенною, чтобы врачъ по одному внѣшнему осмотру заключеннаго могъ дать свое рѣшительное слово объ опасности или безвредности одиночнаго заключенія. Да наконецъ такое, болѣе или менѣе безошибочное, удостовѣреніе врача можетъ быть дано лишь по продолжительномъ наблюденіи надъ самимъ заключеннымъ, а между тѣмъ каждые лишніе сутки одиночнаго заключенія, при извѣстной долѣ впечатлительности и нервномъ разстройствѣ арестанта, въ значительной степени вредно могутъ вліять на здоровье, которое и безъ того уже должно страдать отъ всевозможныхъ лишеній и разныхъ неблагопріятныхъ условій, сопутствующихъ такому заключенію. Такимъ образомъ восполненіе краткосрочности заключенія одиночнымъ, а равно и другія соображенія, послужившія основаніемъ ввести въ наказаніе одиночное заключеніе, являются, по мнѣнію чиновъ Калужскаго Суда, недостаточными въ сравненіи съ тѣмъ вредомъ, который наносится здоровью заключеннаго. При этомъ нельзя не замѣтить: 1) что при сопоставленіи ст. 17 и 18 усматривается слѣдующая непослѣдовательность: за преступленія большей важности, подвергающія заключенію въ исправительный домъ, лицо заключенное отбываетъ одиночное заключеніе лишь первые 6 мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ за преступленія менѣе важныя, влекущія за собою содержаніе въ тюрьмѣ, такое заключеніе продолжается во все время содержанія, т. е. отъ 2 недѣль до 2 лѣтъ; 2) что соображенія, изложенныя въ объяснительной запискѣ, о восполненіи краткосрочнаго заключенія одиночнымъ не представляются вполнѣ основательными въ виду того, что краткосрочность заключенія вытекаетъ, безъ сомнѣнія, изъ незначительности самаго проступка, караемаго уголовнымъ закономъ, а потому и восполнять эту краткосрочность одиночнымъ заключеніемъ едва-ли будетъ справедливо, тѣмъ болѣе что судъ, опредѣляющій размѣръ наказанія, не можетъ принимать въ разсчетъ содержаніе лица въ одиночномъ заключеніи, а обязанъ лишь сообразоваться съ важностью самаго проступка, преступностью воли содѣявшаго пре-

ступленіе и другими обстоятельствами, которыми сопровождалось совершенное преступленіе. Изложенное-же въ запискѣ соображеніе, что одиночное заключеніе въ исправительномъ домѣ дастъ возможность тюремному управленію ознакомиться съ характеромъ и наклонностями арестанта, теряетъ всякое значеніе, если принять въ разсчетъ приносимый этимъ заключеніемъ существенный вредъ здоровью заключеннаго и то соображеніе, что при честномъ и ревностномъ исполненіи тюремнымъ управленіемъ возложенныхъ на него обязанностей, такое ознакомленіе съ личностью арестанта легко доступно и внѣ стѣнъ одиночнаго заключенія, такъ какъ въ общеніи съ другими арестантами наклонности и характеръ заключенныхъ рельефнѣе очерчиваются и тѣмъ самымъ становится доступнѣе для наблюденія и анализа. Такимъ образомъ желательно было-бы одиночное заключеніе, какъ неотвѣчающее цѣли исправленія и крайне вредное для здоровья заключенныхъ, совершенно отмѣнить, предоставивъ тюремному управленію прибѣгать къ нему въ административномъ порядкѣ за разныя нарушенія, допускаемыя въ самыхъ мѣстахъ заключенія.

По отзыву Предсѣдательствующаго Ландрата Эстляндскаго Оберъ-Ландгерихта фонъ-Фока, относительно проектируемаго въ ст. 17 и 18 одиночнаго заключенія для исправительнаго дома и тюрьмы возникаетъ практическое соображеніе о томъ, что современное состояніе мѣстъ заключенія сдѣлаетъ невозможнымъ реализацію одиночнаго заключенія, въ виду недостатка необходимыхъ для того помѣщеній, такъ что опредѣленное въ законѣ одиночное заключеніе должно будетъ остаться, по общему правилу, мертвою буквой. По крайней мѣрѣ, въ мѣстныхъ заведеніяхъ, для отбыванія наказаній предназначенныхъ, чувствуется столь существенный недостатокъ въ помѣщеніи, что едва-ли даже можно подумать о дѣйствительномъ введеніи одиночнаго заключенія. Само собою разумѣется, что это зло можетъ быть устранено расширеніемъ или постройкою мѣстъ заключенія лишь постепенно и при значительныхъ расходахъ. Поэтому въ началѣ будетъ во всякомъ случаѣ примѣняемо, вмѣсто одиночнаго заключенія, заключеніе общее. А такъ какъ одиночное заключеніе, по общему правилу, составляетъ гораздо болѣе тяжкое наказаніе, чѣмъ общее заключеніе, то, какъ и указано въ объяснительной къ проекту запискѣ, будущіе сроки наказаній будутъ значительно сокращены сравнительно съ нынѣшними и законодательное нововведеніе практически будетъ имѣть лишь то дѣйствіе, что приговоренные, въ дѣйствительности содержащіеся, какъ до, такъ и послѣ этого нововведенія, въ общемъ заключеніи, будутъ отбывать несравненно болѣе короткіе сроки наказанія, чѣмъ прежде, не ощущая при этомъ большей тягости наказанія. Отсюда возникаетъ опас-

ность того, что проектируемое одиночное заключеніе не только потеряетъ присущее ему дѣйствіе, но и поведетъ къ новымъ бѣдствіямъ, а именно къ слишкомъ снисходительной наказуемости преступниковъ. Поэтому необходимо помѣстить въ проектѣ постановленіе о томъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ одиночное заключеніе не можетъ быть примѣнено, вмѣсто него назначаются болѣе продолжительные сроки наказанія въ извѣстной соразмѣрности, которая должна быть особо опредѣлена закономъ.

Недостатокъ помѣщеній въ мѣстахъ заключенія нерѣдко былъ на столько ощутителенъ для мѣстной практики, что назначавшееся судомъ лишеніе свободы не могло быть приводимо въ исполненіе, и вмѣсто него необходимо было примѣнять наказаніе, его замѣняющее (тѣлесное наказаніе по ст. 78 улож. о нак.). Вслѣдствіе этого, Эстляндское губернское начальство было вынуждено разъ на всегда обратиться къ мѣстнымъ уголовнымъ судамъ съ просьбою назначать въ приговорѣ наказаніе, замѣняющее лишеніе свободы. Если-же по проекту существующія до сихъ поръ замѣняющія наказанія должны быть совершенно отмѣнены, то надо опасаться того, что въ такомъ случаѣ почти никогда нельзя будетъ приводить въ исполненіе лишеніе свободы (въ особенности-же заключеніе въ тюрьмѣ), а потому слѣдовало-бы по крайней мѣрѣ *временно* сохранить тѣлесное наказаніе, въ видѣ наказанія, замѣняющаго лишеніе свободы для лицъ, неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, на случай абсолютнаго недостатка помѣщенія въ мѣстахъ заключенія.

Воронежскій Окружной Судъ замѣчаетъ, что одиночное заключеніе безспорно, въ большинствѣ случаевъ, одно изъ тяжкихъ наказаній и влечетъ за собою вредныя послѣдствія для здоровья заключеннаго, между тѣмъ по проекту уложенія одиночное заключеніе, не сопровождая ни каторги, ни заточенія, наказаній, полагаемыхъ за важнѣйшія преступленія, примѣняется при заключеніяхъ въ исправительномъ домѣ и тюрьмѣ; такое прибавленіе наказанія не оправдывается никакими практическими соображеніями и слѣдуетъ одиночное заключеніе вовсе исключить изъ наказаній, оставивъ за администраціею право пользоваться этимъ заключеніемъ въ случаѣ совершенія заключеннымъ въ исправительномъ домѣ или тюрьмѣ проступка или нарушенія въ самомъ мѣстѣ заключенія, а также въ случаѣ просьбы о томъ самого заключеннаго, причемъ срокъ такого одиночнаго заключенія не долженъ быть назначаемъ каждый разъ болѣе одной недѣли.

Нижегородской Окружный Судъ находитъ, что при наказаніи лишеніемъ свободы заключеніемъ въ исправительномъ домѣ и тюрьмѣ, одиночное заключеніе не должно-бы имѣть мѣста. Если-же послѣднее и можетъ быть

допустимо для лицъ, приговоренныхъ къ заключенію въ тюрьму (ст. 18 проекта), то не иначе, какъ по просьбѣ самихъ осужденныхъ, согласно тому, какъ это предположено 19 ст. проекта относительно присужденныхъ къ аресту. Что же касается до предположенія Редакціонной Коммисіи (2 ч. 17 ст.) относительно содержанія приговоренныхъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ въ одиночномъ заключеніи въ теченіе первыхъ 6-ти мѣсяцевъ, безотносительно срока, на который приговоренъ осужденный, то, не говоря уже о нецѣлеосообразности этой мѣры вообще, Окружный Судъ замѣчаетъ, что принятіе оной въ уголовное уложеніе будетъ имѣть послѣдствіемъ несоотвѣтствіе въ размѣрѣ и тяжести наказанія въ каждомъ данномъ случаѣ. Такъ присужденный къ исправительному дому на одинъ годъ половину этого срока проведетъ въ одиночномъ заключеніи; присужденный-же на 6 лѣтъ-будетъ содержаться въ такомъ заключеніи $^1/_{12}$ часть всего срока заключенія; при совокупности-же преступленій, присужденный на 10 лѣтъ отбудетъ изъ этого времени въ одиночномъ заключеніи лишь $^1/_{20}$ часть срока. Но такъ какъ одиночное заключеніе представляется безусловно болѣе строгимъ видомъ заключенія, то и оказывается, что по проекту—за болѣе преступное дѣяніе и даже за совокупность таковыхъ виновный долженъ подвергнуться заключенію хотя на срокъ и болѣе продолжительный, чѣмъ совершившій не столь важное преступленіе, но понесетъ при томъ одинаковое съ послѣднимъ по размѣру срока, тягчайшее изъ заключеній—одиночное.

По отзыву Владимірскаго Окружнаго Суда, одиночное заключеніе, устанавливаемое для исправительнаго дома и тюрьмы, едва-ли можетъ быть признано цѣлесообразнымъ въ смыслѣ исправительнаго средства; уединеніе имѣетъ различное значеніе для различныхъ характеровъ; одни даже любятъ пребывать въ уединеніи, а для другихъ оно невыносимо. Во всякомъ случаѣ въ виду сомнительности пользы отъ одиночнаго заключенія, а также дороговизны и разширенія предѣловъ мѣстъ заключенія, сопряженныхъ съ введеніемъ одиночнаго заключенія, казалось-бы возможнымъ отказаться отъ этого нововведенія, оставивъ оное, какъ дисциплинарное взысканіе для арестантовъ. Въ особенности, къ чему одиночное заключеніе въ тюрьмѣ? Физическій трудъ, строгій порядокъ, неукоснительный надзоръ за поведеніемъ—лучшія средства исправленія и наказанія.

Сенаторъ Князь М. Н. Шаховскій высказываетъ слѣдующее замѣчаніе: по предположенію Коммисіи, въ тюрьмѣ—приговоренные къ оной содержатся

все время въ *одиночномъ заключеніи*; такимъ образомъ въ *тюрьмѣ* одиночное заключеніе можетъ продолжаться до 1 года и даже до 2 лѣтъ; между тѣмъ въ исправительномъ домѣ оно установляется только на первые 6 мѣсяцевъ по поступленіи осужденнаго въ исправительный домъ.

Князю М. Н. Шаховскому кажется непонятнымъ, почему въ этомъ отношеніи Коммисія дѣлаетъ такое различіе между тюрьмою и исправительнымъ домомъ. Разобщеніе въ смыслѣ предохранительной мѣры должно представляться одинаково умѣстнымъ и въ тюрьмѣ, и въ исправительномъ домѣ, а въ смыслѣ карательной мѣры менѣе умѣстнымъ въ тюрьмѣ, чѣмъ въ исправительномъ домѣ, заключеніе въ который почитается болѣе тяжкою карою.

По вопросу о срокѣ одиночнаго заключенія въ тюрьмѣ совѣщаніе чиновъ Варшавской прокуратуры не нашло возможнымъ согласиться съ доводами Редакціонной Коммисіи, изложенными въ Объясненіяхъ къ проекту и заключающимися въ томъ, что продолжительность одиночнаго заключенія въ тюрьмѣ, сравнительно съ сроками таковаго-же заключенія въ исправительномъ домѣ, оправдывается необходимостью восполнить краткосрочность наказанія тюрьмою и предупредить сношенія съ арестантами. Съ своей стороны, совѣщаніе находитъ, что учрежденіе одиночнаго заключенія на все время пребыванія въ тюрьмѣ лицъ, приговоренныхъ къ этому наказанію, стѣснило-бы судъ при назначеніи его по соображенію съ различными оттѣнками вины и преступности, и что оно является вообще карательною мѣрою, страдающею излишнею строгостью и неправомѣрностью по сравненіи съ наказаніемъ исправительнымъ домомъ; въ виду этого совѣщаніе, по большинству голосовъ, полагаетъ, что сроки одиночнаго заключенія при наказаніи тюрьмою должны быть назначаемы судомъ и во всякомъ случаѣ не должны превышать половины всего времени заключенія, къ коему виновный присужденъ по приговору суда.

Прокуратура Воронежскаго Окружнаго Суда находитъ, что, не вдаваясь въ разсужденія о пользѣ или вредѣ одиночнаго заключенія вообще, во всякомъ случаѣ должно признать, что оно изъ всѣхъ видовъ лишенія свободы— самый тягчайшій. Между тѣмъ, изъ сопоставленія исправительнаго дома, наказанія несомнѣнно болѣе строгаго, съ тюрьмою, оказывается, что въ болѣе строгомъ наказаніи одиночное заключеніе не превышаетъ 6 мѣсяцевъ, тогда какъ въ менѣе строгомъ оно можетъ продолжится полные два года. Такое несоотвѣтствіе можетъ въ иныхъ случаяхъ повести къ явной несправедли-

вости. Такъ приговоренный къ исправительному дому на годъ за болѣе тяжкое преступленіе отбудетъ половину въ общемъ заключеніи, тогда какъ приговоренный на тотъ-же срокъ, а слѣдовательно за менѣе тяжкое преступленіе, въ тюрьму все время будетъ содержаться въ одиночномъ заключеніи.

Эти соображенія приводятъ къ тому выводу, что справедливость требуетъ ограничить срокъ одиночнаго заключенія для приговоренныхъ въ тюрьму, также какъ и для приговоренныхъ къ исправительному дому, 6 мѣсяцами, такъ что маленькіе сроки будутъ отбываться исключительно въ одиночномъ заключеніи, а большіе—до истеченія 6 мѣсяцевъ въ одиночномъ, а послѣ того въ общемъ заключеніи.

Предсѣдатель Кутаисскаго Окружнаго Суда Кайтмазовъ выводитъ изъ сопоставленія между собою статей 17 и 18, что заключеніе въ тюрьмѣ можетъ повести къ отягченію участи преступника гораздо болѣе, чѣмъ приговореннаго къ заключенію въ исправительномъ домѣ, такъ какъ въ послѣднемъ одиночное заключеніе будетъ продолжаться только 6 мѣсяцевъ, а въ тюрьмѣ годъ или два. Такое явленіе трудно считать нормальнымъ въ виду общаго требованія, чтобы послѣдствія наказанія были прямо соразмѣрны съ тяжестью его. Въ виду этого, слѣдовало-бы въ тюрьмѣ одиночное заключеніе продлить не болѣе 2-хъ мѣсяцевъ.

Чины Изюмской прокуратуры считаютъ нелишнимъ указать на нѣкоторую суровость наказаній исправительнымъ домомъ и тюрьмою въ смыслѣ одиночнаго заключенія, простирающагося даже свыше шести мѣсяцевъ (ст. 17 и 18). Кто имѣлъ возможность наблюдать за содержащимися въ одиночномъ заключеніи, тотъ съ увѣренностію можетъ сказать, что одиночное заключеніе въ теченіе шести мѣсяцевъ и освобожденіе отъ него ранѣе этого срока только при условіи болѣзни или вообще опасности для здоровья—крайне тягостно для преступника, и едва-ли такой продолжительный срокъ будетъ справедливъ для исправляющихся преступниковъ, а это важное условіе (исправленіе), соотвѣтствующее цѣлямъ и назначенію мѣста заключенія, упущено въ уложеніи въ отношеніи одиночнаго заключенія и упоминается лишь въ ст. 22 въ отношеніи вообще срока содержанія и притомъ только въ исправительномъ домѣ.

На сколько ужасающее вліяніе имѣетъ для преступниковъ продолжительное одиночное заключеніе, можно судить по случаямъ наблюдаемымъ въ мѣстахъ, гдѣ устроены одиночныя заключенія. Въ г. Изюмѣ имѣется слѣд-

ственная тюрьма съ одиночными келіями; переводимые сюда буйные арестанты изъ другихъ округовъ, а равно арестанты этой тюрьмы и другихъ Изюмскаго округа окончательно измѣняютъ направленіе свое и совершенно смиряются при одной лишь угрозѣ остаться на нѣкоторое время въ одиночномъ заключеніи. Такого рода случаи и значеніе одиночнаго заключенія для преступника съ другой стороны указываютъ и на то, что сроки тюремнаго заключенія при условіяхъ, исчисленныхъ на стр. 66 объяснительной записки, должны быть по возможности сокращены и что не только опасность для здоровья, но и поведеніе преступника (исправленіе его) могутъ служить началомъ еще большаго сокращенія этихъ сроковъ.

Курляндскій Губернскій Прокуроръ баронъ Майдель останавливается на томъ обстоятельствѣ, что по проекту исправительный домъ считается наказаніемъ тягчайшимъ въ сравненіи съ тюрьмою и приговоренные къ первому содержатся въ одиночномъ заключеніи не болѣе шести мѣсяцевъ, а приговоренные къ тюрьмѣ—въ теченіе всего времени содержанія, т. е. до одного года и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже до двухъ лѣтъ. Такъ какъ опытъ доказываетъ, что для человѣка вообще (за немногими исключеніями), а въ особенности для людей необразованныхъ, несравненно тяжелѣе перенести одиночное заключеніе, чѣмъ лишеніе свободы въ сообществѣ съ другими лицами, то названный Прокуроръ полагаетъ, что содержаніе въ тюрьмѣ въ дѣйствительности будетъ—въ сравненіи съ исправительнымъ домомъ—болѣе тяжкимъ наказаніемъ по мѣрѣ большей продолжительности содержанія въ одиночномъ заключеніи.

Относительно срока одиночнаго при исправительномъ домѣ заключеніи Предсѣдатель Астраханской Соединенной Палаты Антоновъ признавалъ-бы практически полезнѣе назначить 6-мѣсячный срокъ, какъ максимумъ одиночнаго заключенія, а продолжительность онаго для отдѣльнаго субъекта предоставить усмотрѣнію управленія исправительнымъ домомъ. Правила объ одиночномъ заключеніи полезно примѣнить и къ тюрьмѣ, съ тѣмъ, чтобы вообще такое заключеніе долѣе 6 мѣсяцевъ могло-бы быть назначаемо только по желанію заключеннаго.

По замѣчанію Вологодской прокуратуры, тюрьма съ постояннымъ одиночнымъ заключеніемъ, назначаемая, по проекту уложенія, до двухъ лѣтъ, представляется болѣе тяжелымъ наказаніемъ, чѣмъ низшіе размѣры заключенія

въ исправительномъ домѣ, гдѣ одиночное заключеніе назначается только въ теченіи первыхъ шести мѣсяцевъ. Посему и въ виду значительной тяжести одиночнаго заключенія, было-бы справедливо установить общимъ правиломъ, что присужденные къ тюрьмѣ содержатся въ одиночномъ заключеніи: приговоренные на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ все время заключенія, приговоренные на срокъ до одного года—первые шесть мѣсяцевъ, а приговоренные на срокъ свыше одного года—первую половину того срока, на который они осуждены судомъ.

Чины Ставропольской прокуратуры указываютъ, что 17 и 18 статьи устанавливаютъ различные сроки одиночнаго заключенія. Такъ, по 17 ст. приговоренные къ исправительному дому содержатся первые шесть мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи; этимъ опредѣляется и maximum одиночнаго заключенія; между тѣмъ, на основаніи 18 ст., приговоренные къ тюремному заключенію содержатся въ одиночномъ заключеніи безъ опредѣленія maximum' а, который вслѣдствіе сего можетъ простираться на все время тюремнаго заключенія, т. е. на годъ и на два. Такимъ образомъ тюрьма окажется болѣе строгимъ наказаніемъ, чѣмъ исправительный домъ, при одинаковомъ срокѣ заключенія.

Чины прокурорскаго надзора Псковскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что въ ст. 17, 18, 22, 31 и отчасти 21 вводится совершенно новое начало, въ силу котораго администраціи, какъ общей, такъ и мѣстъ заключенія, предоставляется право измѣнять состоявшіяся и вошедшія въ законную силу судебныя рѣшенія.

Не говоря уже о томъ, что такое начало противорѣчитъ какъ теоріи, такъ и дѣйствующему закону, по которымъ окончательное судебное рѣшеніе частнаго дѣла имѣетъ силу закона для того дѣла, по коему оно состоялось (ст. 68 т. I свод. зак.), вновь вводимое положеніе не вызывается необходимостью, а безконтрольное право тюремнаго начальства своею властью видоизмѣнять приговоръ можетъ дать широкій просторъ разнаго рода злоупотребленіямъ.

Ст. 955 уст. угол. суд. установляетъ, что всѣ затрудненія или сомнѣнія, возникшія при исполненіи приговора, восходятъ на разрѣшеніе суда, чрезъ прокурора; казалось-бы, что въ случаяхъ, указанныхъ вышеприведенными статьями проекта, слѣдовало-бы предоставить право измѣнить приговоръ суда только суду, постановившему приговоръ, такъ-какъ, при постановленіи его судъ очевидно принималъ въ соображеніе всѣ подробности дѣла и, при невоз-

можности исполнить приговоръ, судъ, и только онъ, можетъ замѣнить или дополнить его согласно съ требованіями справедливости.

Въ случаѣ отдаленности мѣста заключенія отъ мѣста нахожденія суда, постановившаго приговоръ, обязанность видоизмѣнить этотъ приговоръ можетъ быть (и только въ виду практическихъ соображеній) возложена на ближайшій къ мѣсту заключенія судъ.

При такомъ разсмотрѣніи встрѣтившихся затрудненій, сторонамъ, обвинительной власти и подсудимому, должно быть предоставлено право представлять доказательства за и противъ представленій тюремнаго начальства, по иниціативѣ котораго должны начинаться дѣла этого рода, а суду, въ свою очередь, должно быть также предоставлено право, въ случаяхъ, указанныхъ 17 и 18 ст., удостовѣряться въ дѣйствительной опасности одиночнаго содержанія для здоровья заключеннаго, примѣняясь къ порядку, указанному въ 353—355 ст. уст. угол. суд.

Сообразно съ приведенными соображеніями, казалось-бы правильнымъ, исключивъ изъ текста 17 и 18 ст. введенное въ нихъ правило о замѣнѣ одиночнаго заключенія—общимъ, включить въ проектъ новую статью, слѣдующую непосредственно за названными двумя, такого содержанія:

Одиночное заключеніе, упомянутое въ 17 и 18 ст., можетъ быть замѣнено общимъ, въ случаѣ признанія судомъ, въ установленномъ порядкѣ, опасности одиночнаго содержанія для здоровья заключеннаго, причемъ, въ этомъ случаѣ, одинъ день одиночнаго содержанія приравнивается къ двумъ днямъ общаго.

Статью 22 слѣдовало-бы редактировать такимъ образомъ:

Приговоренные къ исправительному дому на срокъ свыше трехъ лѣтъ, по отбытіи ими двухъ третей наказанія, за хорошее поведеніе, по представленію о семъ управленія исправительнымъ домомъ, утвержденному Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ, могутъ быть освобождаемы изъ заключенія, по опредѣленію ближайшаго къ мѣсту заключенія суда. Если до истеченія опредѣленнаго срока наказанія, освобожденныя такимъ образомъ лица будутъ замѣчены въ нарушеніи установленныхъ для нихъ правилъ, то, по опредѣленію ближайшаго къ мѣсту жительства этихъ лицъ суда, они возвращаются въ мѣсто заключенія, и время пребыванія на свободѣ не засчитывается имъ въ срокъ наказанія.

Вторая часть проектируемаго измѣненія 22 ст. не можетъ встрѣтить какихъ-либо затрудненій на практикѣ; почти аналогичный случай предусмотрѣнъ и въ нынѣ дѣйствующемъ уложеніи, по 312 статьѣ котораго, въ случаѣ побѣга арестанта до окончанія опредѣленнаго ему срока заключенія, срокъ содержанія считается со дня доставленія его въ мѣсто заключенія.

См. также приведенное подъ ст. 15 замѣчаніе чиновъ той-же прокуратуры.

Прокуроръ Орловскаго Окружнаго Суда Хрулевъ указываетъ, что изъ текста 17 и 18 статей проекта видно, что одиночное заключеніе въ исправительномъ домѣ и тюрьмѣ можетъ быть замѣнено общимъ, при удостовѣреніи врача о томъ, что уединеніе можетъ вредно вліять на здоровье заключеннаго.

Безспорно, что какъ физическое здоровье заключеннаго, такъ и сильно угнетенное психическое состояніе его, могутъ требовать перевода его въ общія камеры. Въ виду важности точнаго исполненія судебнаго приговора, на долю тюремнаго врача слѣдуетъ отнести только починъ въ дѣлѣ замѣны одиночнаго заключенія общимъ и въ удостовѣреніи его о болѣзненномъ состояніи заключеннаго можно видѣть только достаточный поводъ къ обстоятельному освидѣтельствованію больнаго. Въ противномъ случаѣ, непреложность судебныхъ приговоровъ можетъ подвергнуться ничѣмъ неоправдаемымъ колебаніямъ и вліянію произвола врача, ничѣмъ нестѣсненнаго въ своемъ мнѣніи, которое, по проекту, признается обязательнымъ для управленія мѣстъ заключенія. Напримѣръ: тюрьма имѣетъ характеръ строго одиночнаго заключенія, но одно мнѣніе врача, или увлекающагося въ своихъ выводахъ, или недостаточно опытнаго, можетъ измѣнить характеръ наказанія. Правила о порядкѣ освидѣтельствованія арестантовъ въ этомъ отношеніи, разумѣется, должны быть опредѣлены въ особомъ наказѣ управленія тюрьмами, а не въ уложеніи; но разъ въ уложеніи имѣется какое-либо указаніе по этому предмету, указаніе это должно быть формулировано точно. Поэтому 17 и 18 статьи слѣдовало бы изложить такъ:

«Статья 17. Исправительный домъ назначается на срокъ отъ одного года до шести лѣтъ, а въ случаѣ, статьею 56 указанномъ, до десяти лѣтъ».

«Приговоренные содержатся первые шесть мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, а потомъ въ общемъ, но съ разобщеніемъ на время свободное отъ работъ и на ночь. Одиночное заключеніе должно быть замѣнено общимъ, если управленіе исправительнаго дома признаетъ его опаснымъ для здоровья заключеннаго».

«Статья 18. Тюрьма назначается на срокъ отъ двухъ недѣль до одного года, а въ случаѣ, статьею 56 указанномъ, до двухъ лѣтъ».

«Приговоренные содержатся въ одиночномъ заключеніи, но оно должно быть замѣнено временно общимъ, если управленіе тюрьмы признаетъ его опаснымъ для здоровья заключеннаго».

Чины прокуратуры Казанской Судебной Палаты замѣчаютъ, что одиночность или-же общность содержанія заключенныхъ суть обстоятельства весьма важныя, устанавливающія самый характеръ наказанія. Нежелательно поэтому, чтобы разрѣшеніе столь важныхъ вопросовъ, хотя-бы и по основаніямъ спеціально-медицинскимъ, было предоставлено исключительно тюремному управленію. Съ другой стороны, замѣна одиночнаго заключенія общимъ, въ существѣ своемъ, есть уже извѣстное отступленіе въ исполненіи судебнаго приговора отъ установленныхъ нормъ закона, а какъ, по общему правилу, наблюденіе за правильнымъ и точнымъ исполненіемъ судебныхъ приговоровъ возложено на прокурорскій надзоръ, то, казалось-бы, ему не можетъ быть отказано въ такомъ наблюденіи и въ данномъ случаѣ, и онъ долженъ имѣть право осуществить свой контроль дѣйствительнымъ образомъ. Отсюда замѣну эту слѣдуетъ предоставить соглашенію тюремнаго управленія съ лицомъ прокурорскаго надзора, а если такого соглашенія не послѣдуетъ, то объ основаніяхъ разномыслія Прокуроръ предлагаетъ на разрѣшеніе мѣстнаго Окружнаго Суда (ст. 17), или Суда и Мироваго Судьи и Съѣзда (ст. 18), по принадлежности.

Чины Уманскаго Окружнаго Суда находятъ, что возможность, въ извѣстныхъ случаяхъ, замѣнить одиночное заключеніе общимъ едва-ли составляетъ столь существенное правило внутренняго распорядка мѣстъ заключенія, чтобы занимать мѣсто въ уложеніи о наказаніяхъ.

Перенести его въ законы объ устройствѣ мѣстъ заключенія тѣмъ желательнѣе, что ближайшее разсмотрѣніе сихъ послѣднихъ, быть можетъ, вызоветъ необходимость установить возможность отступленія отъ правила объ одиночномъ заключеніи и по какимъ-нибудь инымъ, кромѣ болѣзни, основаніямъ.

Чины Херсонскаго Окружнаго Суда и мѣстные Присяжные Повѣренные останавливаются на томъ обстоятельствѣ, что въ статьяхъ 17 и 18, относительно случаевъ, когда одиночное заключеніе окажется вреднымъ для здоровья, выражено, что администрація мѣста заключенія можетъ перевести арестанта въ общую камеру, что это ей предоставляется. Между тѣмъ, по самому свойству опасности отъ одиночнаго заключенія, да еще при удостовѣреніи оной со стороны достаточно компетентнаго лица, т. е. врача, очевидно, что администраціи мѣста заключенія должно быть въ непремѣнную обязанность постановлено немедленно переводить арестанта въ общее

*

заключеніе изъ одиночнаго, при опасности послѣдняго для здоровья заключеннаго.

По мнѣнію чиновъ прокуратуры Казанскаго Окружнаго Суда, способъ удостовѣренія въ опасности одиночнаго заключенія можетъ быть опредѣленъ въ законахъ судопроизводственныхъ, или въ особыхъ постановленіяхъ. Во избѣжаніе злоупотребленій, слѣдовало-бы «удостовѣреніе врача» замѣнить удостовѣреніемъ особой коммисіи, на подобіе установленной для освидѣтельствованія арестантовъ въ годности къ работамъ въ арестантскихъ отдѣленіяхъ (законъ 28 Апрѣля 1881 г., собр. узак., № 56, стр. 305).

Симферопольскій Окружный Судъ находитъ излишними въ 17 ст. слова о возможности замѣны одиночнаго заключенія общимъ, такъ какъ это правило должно войти въ уставъ тюремный, причемъ вмѣсто словъ: *можетъ быть замѣнено*, должно быть сказано: *должно быть замѣнено* (ср. 32 ст. венг. ул.). То же самое относится къ 18 ст., въ которой выраженіе: *предоставлено право*—должно быть замѣнено *обязанностью* сдѣлать это для тюремнаго управленія. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что эта обязанность должна быть выполнимою для тюремнаго управленія, такъ какъ въ тюрьмѣ, гдѣ всѣ содержатся въ одиночномъ заключеніи, можетъ представиться невозможнымъ исполнить правило о содержаніи одного заключеннаго, хотя-бы и временно, совмѣстно съ другими, которые всѣ должны содержаться одиночно.

По мнѣнію Члена Стародубскаго Окружнаго Суда Борщова, одиночное заключеніе должно замѣняться общимъ, по сообщенію врача объ опасности для здоровья заключеннаго и освидѣтельствованіи врачемъ, въ присутствіи особой коммисіи, составъ которой долженъ быть опредѣленъ въ законодательномъ порядкѣ, причемъ долженъ быть назначенъ и возможно кратчайшій срокъ, въ который такое освидѣтельствованіе должно быть произведено. Одно удостовѣреніе врача о необходимости замѣнить одиночное заключеніе общимъ не гарантируетъ отъ злоупотребленій и несправедливости и можетъ повлечь какъ къ нареканіямъ на самыхъ врачей, такъ и къ пререканіямъ врачей съ мѣстнымъ тюремнымъ управленіемъ, чѣмъ конечно всегда воспользуются люди пронырливые, обладающіе средствами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть строго опредѣленъ самый краткій срокъ на освидѣтельствованіе, такъ напр. не позже какъ на другой день послѣ заявленія врача, ибо иначе здоровье осужденнаго подвергалось-бы случай-

ности и послѣдствія могли-бы быть крайне гибельны какъ по отношенію къ осужденному, такъ и общему настроенію заключенныхъ.

По поводу этого замѣчанія г. Борщова, Предсѣдатель Стародубскаго Окружнаго Суда Мальте высказываетъ, что освидѣтельствованіе во всякомъ случаѣ должно быть сдѣлано въ самый краткій срокъ, но требованіе такого освидѣтельствованія непремѣнно не позже, какъ на слѣдующій день послѣ заявленія врача, можетъ встрѣтить непредвидѣнныя препятствія, а между тѣмъ для здоровья осужденнаго продолженіе одиночнаго заключенія на нѣсколько дней послѣ заявленія врача не можетъ имѣть особаго значенія, такъ какъ очевидно здѣсь идетъ дѣло не о внезапныхъ опасныхъ болѣзняхъ, въ каковомъ случаѣ арестантъ очевидно долженъ быть перемѣщенъ въ тюремную больницу.

Прокуроръ Кашинскаго Окружнаго Суда Безе замѣчаетъ, что, при опредѣленіи порядка работъ въ исправительномъ домѣ и въ тюрьмѣ, не указано, должны-ли содержащіяся въ сихъ мѣстахъ заключенія заниматься работами по назначенію, или они могутъ работать по своему выбору. Недомолвка въ законѣ предоставляетъ право толкованія неточности 17 и 18 статей проекта въ пользу перваго или втораго предположенія, и, для устраненія всякихъ недоразумѣній, недомолвка въ означенныхъ статьяхъ требуетъ категорическаго опредѣленія по поводу того, занимаются-ли содержащіеся въ исправительныхъ домахъ и въ тюрьмахъ по выбору или по назначенію.

Во 2 ч. статьи 14 сказано, что приговоренные . . . . употребляются на тяжкія работы, какъ внутри помѣщенія, такъ и внѣ онаго, а въ статьѣ 17, ч. 3, относительно приговоренныхъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ, выражено, что они занимаются работами въ самомъ помѣщеніи . . . . и внѣ помѣщенія, но во всякомъ случаѣ отдѣльно отъ свободныхъ рабочихъ. Такая разница редакціи 2 ч. 14 ст. и 3 ч. 17 статьи произошла-ли случайно, или составители проекта уложенія нашли возможнымъ допускать работу содержащимся въ каторжныхъ тюрьмахъ вмѣстѣ съ свободными рабочими? Ежели это случайная разница, то она необходимо должна быть исправлена, ибо на практикѣ изъ различія постановленій статей 14 и 17 необходимо будетъ сдѣланъ выводъ, что содержащіеся въ каторжныхъ тюрьмахъ могутъ заниматься работами вмѣстѣ съ свободными рабочими. Ежели-же эта разница не случайная, то ни откуда не видно, на чемъ можетъ основываться такая льгота для осужденныхъ къ болѣе строгому, по опредѣленію проекта уложенія, наказанію.

Чины Псковской прокуратуры относительно редакціи 17 и 18 ст. замѣчаютъ, что, упоминая о работахъ, которыми занимаются содержащіеся въ исправительномъ домѣ и тюрьмахъ, Коммисія не высказалась, какого рода должны быть эти работы, т. е. по выбору-ли заключенныхъ, или по назначенію, и во избѣжаніе недоразумѣній казалось-бы необходимымъ дополнить редакцію, при чемъ и въ этихъ случаяхъ, какъ и по отношенію къ содержащимся въ заточеніи, можно-бы было предоставить заключеннымъ выборъ работъ.

См. также замѣчаніе тѣхъ же чиновъ, приведенное подъ 51 ст. и приведенныя: подъ ст. 14 пренія Кавказскаго Юридическаго Общества и подъ ст. 15 замѣчаніе чиновъ Московской прокуратуры.

Статья 17.

Въ виду неизвѣстности, въ какихъ случаяхъ будетъ назначенъ исправительный домъ, профессоръ Вальбергъ затрудняется высказать подробныя соображенія относительно наименьшаго срока этого наказанія (равнаго одному году), который представляется ему слишкомъ высокимъ.

По поводу ст. 17 профессоръ Гуго-Мейеръ находитъ, что трети чистаго дохода слишкомъ много, такъ какъ выгоду отъ этого постановленія получатъ также лица, совершенно того недостойныя.—Вмѣсто постановленія о томъ, что всѣ приговоренные къ исправительному дому содержатся первые шесть мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи и разобщаются на ночь, г. Гуго-Мейеръ предложилъ-бы постановить, что одиночное заключеніе примѣняется къ опредѣленнымъ классамъ преступниковъ, въ томъ числѣ и къ приговореннымъ въ первый разъ, въ теченіи всего срока наказанія, или, въ подлежащихъ случаяхъ, въ теченіи опредѣленнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго, срока.

Относительно ст. 17 проекта профессоръ Даневскій, сверхъ сказаннаго имъ объ одиночномъ заключеніи, замѣчаетъ, что въ статьѣ этой, безъ достаточныхъ основаній, предполагается разобщать арестантовъ, высидѣвшихъ срокъ одиночнаго заключенія и переведенныхъ въ общее содержаніе не только на ночь, что̀ не можетъ быть оспариваемо, но и на все «время свободное отъ работъ». Разобщеніе на ночь необходимо въ видахъ пресѣченія противоесте-

ственныхъ пороковъ, легко развивающихся при продолжительности заключенія, минимумъ котораго равняется уже одному году, а максимумъ восходитъ до шести и даже (по ст. 56) до десяти лѣтъ, а также въ виду недостаточности движенія на открытомъ воздухѣ и пребыванія среди людей, въ большинствѣ случаевъ распущенныхъ и порочныхъ. Такъ, совмѣстное заключеніе на ночь въ департаментской тюрьмѣ въ Меленѣ (Mellun), во Франціи, гдѣ заключаются лица, приговоренныя на высшіе сроки тюремнаго заключенія (т. е. до 5 лѣтъ) и къ такъ-называемому réclusion, приводитъ, какъ говорили г. Даневскому директоръ и инспекторъ этой тюрьмы, къ тому, что случаи мужеложства, изловляемые delicto flagranti, тамъ весьма не рѣдки, а все число лицъ, относительно которыхъ можно предполагать съ достаточнымъ основаніемъ, что они подвержены этому гнусному пороку, могло быть въ 1880 г. опредѣлено, приблизительно, въ восемьдесятъ—сто человѣкъ, при населеніи, недостигавшемъ и пятисотъ человѣкъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло разобщенія арестантовъ внѣ ночи на время, свободное отъ общихъ работъ. Разобщеніе ихъ на время принятія пищи, прогулокъ и простаго отдохновенія не вызывается никакою особенною необходимостью; всѣ лица, допущенныя къ совмѣстному содержанію, по общему правилу, уже прошли тяжелый пріуготовительный искусъ, т. е. періодъ келейнаго содержанія. Они предполагаются уже подготовленными къ совмѣстному содержанію, обставленному извѣстными гарантіями, каковы: обязательное молчаніе во время работъ, запрещеніе праздныхъ и безнравственныхъ разговоровъ во время отдыха, и т. д. За всѣмъ этимъ должны конечно наблюдать надзиратели, по примѣру западно-европейскихъ. Было-бы излишнею суровостью, а для лицъ, приговоренныхъ на долгіе сроки, напр., на четыре года и пять лѣтъ, тѣмъ болѣе на шесть, восемь, или десять лѣтъ, какъ это допущено въ проектѣ, даже жестокостью—отягчать ихъ продолжительное содержаніе въ исправительномъ домѣ при продолжительной и трудной работѣ отнятіемъ у нихъ возможности проводить вмѣстѣ, кромѣ рабочей поры, когда они всецѣло поглощены лежащими на нихъ занятіями, то немногое свободное время отдыха и принятія пищи, которое выпадаетъ на ихъ долю. Такое отягченіе не вызывается опасностью нравственной заразы, такъ какъ за арестантами и ихъ разговорами и поведеніемъ за все это время должно и можно слѣдить съ успѣхомъ, карая малѣйшія нарушенія дисциплины и проявленія распущенности и даже не подходящей и излишней болтливости. Допуская невозможность или даже большую трудность надзора за арестантами въ это время, приходится допустить невозможность или даже затруднительность наблюденія за ними во время ихъ общихъ работъ; однако, проектъ допускаетъ эту совмѣстность при работахъ. Во всякомъ случаѣ профессоръ Даневскій

думаетъ, что приведенными выше соображеніями можно до нѣкоторой степени поколебать то мнѣніе составителей проекта (объясн., стр. 65), по которому «разъединеніе арестантовъ затруднитъ постоянныя между ними сношенія, чѣмъ могутъ быть предупреждены многіе случаи тюремныхъ безпорядковъ и взаимнаго развращенія арестантовъ». Допуская, что все это безусловно вѣрно, нельзя не сказать, что въ такомъ случаѣ надлежало-бы, въ видахъ послѣдовательности этого мнѣнія, не допускать даже совмѣстныхъ работъ, такъ какъ и при этихъ работахъ могутъ быть «постоянныя сношенія между арестантами», и даже болѣе легкія, если принять въ соображеніе естественную суету и движеніе при многихъ работахъ, отвлекающія вниманіе стражи отъ отдѣльныхъ работниковъ и концентрирующія это вниманіе скорѣе на всей массѣ арестантовъ, производящихъ извѣстную работу, или спеціальную ея часть. То же должно и въ меньшей степени, высказать и относительно возможности развращенія арестантовъ; что-же касается возможности безпорядковъ, то они не устранимы, или же на столько устранимы при совмѣстной работѣ, какъ и при совмѣстномъ отдыхѣ или обѣдѣ. Скорѣе даже можно сказать, что, во время обѣда или прогулки, голодные арестанты, спѣшащіе утолить голодъ, или усталые, думающіе объ отдыхѣ или о свѣжемъ воздухѣ, представляютъ менѣе основаній ожидать какихъ-либо ссоръ или безпорядковъ, чѣмъ во время работъ, когда тяжесть ихъ или количество заданнаго урока могутъ раздражить заключенныхъ, вызвать между ними чувство зависти и злобы противъ начальства. Наконецъ возникаетъ еще вопросъ: почему указанныя выше соображенія составителей проекта не приведены ими въ соотвѣтствіе съ основаніями для режима каторжныхъ тюремъ, и не требуетъ-ли послѣдній, какъ предназначенный для тяжкихъ злодѣевъ, наиболѣе опасныхъ и испорченныхъ, такихъ-же, если не большихъ еще, мѣръ для «затрудненія постоянныхъ сношеній между арестантами», въ видахъ «предупрежденія тюремныхъ безпорядковъ и взаимнаго развращенія арестантовъ?» Между тѣмъ составители проекта не устанавливаютъ для каторжнаго режима ни предварительнаго одиночнаго заключенія, ни разобщенія послѣ работъ на время свободное отъ труда, а довольствуются основательно, однимъ разобщеніемъ на ночь. Полагая далѣе, что такое разобщеніе на «время свободное отъ работъ и иныхъ занятій» послужитъ «къ усиленію тяжести наказанія и дѣйствительности его» (см. объясн., стр. 65), составители проекта упускаютъ изъ виду, во-первыхъ, то, что всякое заключеніе въ исправительномъ домѣ, по общему правилу, начинается одиночнымъ заключеніемъ на шесть мѣсяцевъ, а это является уже сильнымъ отягченіемъ наказанія; во-вторыхъ, что сроки заключенія въ исправительномъ домѣ настолько велики, что сами по себѣ являютъ кару вполнѣ достаточную,

и отягчать ее сверхъ одиночнаго заключенія было-бы суровостью, не вызываемою, казалось-бы, никакою настоятельною необходимостью. Достаточно при этомъ обратить вниманіе на то, что срокъ этого наказанія восходитъ до шести лѣтъ, а по ст. 56—даже до десяти; большинство сроковъ заключенія придется, по теоріи вѣроятности, на время отъ четырехъ до пяти лѣтъ,— весьма почтенный срокъ заключенія въ общей системѣ наказаній, проектируемыхъ составителями, въ теченіи котораго придется нести тяжкую работу и просидѣть еще полгода въ строгомъ келейномъ содержаніи. Если принять въ соображеніе, что каторга не сопряжена ни съ какимъ одиночнымъ заключеніемъ, ни съ «разобщеніемъ на время свободное отъ работъ и иныхъ занятій», что срокъ отбытія наказанія будетъ считаться со дня вступленія приговора въ законную силу, а мѣсто отбытія каторги, по общему правилу, проектируютъ въ Сибири (что потребуетъ не мало времени для доставки арестанта въ одну изъ каторжныхъ тюремъ), и что работы въ этихъ тюрьмахъ производятся на открытомъ воздухѣ, то трудно будетъ не согласиться, что низшіе сроки каторги, въ пять, шесть лѣтъ, окажутся, пожалуй, менѣе тяжкими противъ соотвѣтствующихъ сроковъ исправительнаго дома и, уже внѣ сомнѣнія, менѣе тяжелыми для преступниковъ, чѣмъ заключеніе въ исправительномъ домѣ на время отъ восьми до десяти лѣтъ.

Полагаютъ также, что это разъединеніе заключенныхъ избавитъ «лучшихъ изъ нихъ отъ гнета болѣе испорченныхъ и опытныхъ тюремныхъ сидѣльцевъ», побудитъ арестантовъ проводить часы досуга съ большею пользою, чѣмъ «перебранки, ссоры и разсказы о преступныхъ приключеніяхъ», ослабитъ въ нихъ то «чувство ложнаго стыда предъ товарищами, которое заставляетъ арестантовъ совмѣстнаго заключенія отдавать преступной удали преимущество предъ голосомъ нравственности и ослабляетъ благотворное вліяніе на нихъ тюремнаго начальства» (объясн., стр. 65). Всѣ эти возможныя бѣды устранимы, при помощи строгаго надзора, ввѣряемаго опытнымъ и дѣльнымъ людямъ, безъ которыхъ не только невозможно провести задуманныя у насъ на столь широкихъ началахъ тюремныя преобразованія, но нечего было-бы и затѣвать предполагаемую реформу. Незачѣмъ и распространяться о томъ, что подобные люди у насъ нашлись-бы и теперь, найдутся и послѣ въ еще большемъ числѣ, по мѣрѣ увеличенія спроса на нихъ, соотвѣтственно постепенному введенію новыхъ образцовъ тюремъ и исправительныхъ домовъ. Всѣ такія бѣды возможны еще въ большей степени среди населенія каторжныхъ тюремъ, болѣе опаснаго и склоннаго къ указаннымъ порокамъ, и, однако, составители проекта не остановились въ дѣлѣ каторжнаго режима на системѣ «разобщенія на время свободное отъ работъ и другихъ занятій». Кромѣ того отдѣльнымъ заключеннымъ, которые пожелаютъ «наполнить

часы досуга содержаніемъ болѣе полезнымъ, чѣмъ ссоры, и т. д. и напр., заняться чтеніемъ полезной книги, всегда можно представить право не принимать участіе въ совмѣстномъ препровожденіи часовъ досуга съ товарищами, а удалиться въ келью на все свободное время. Подобныя личности вѣдь исключеніе, а законы должны быть писаны для массы среднихъ людей. Совершенно вѣрно, за то, послѣднее замѣчаніе Коммисіи, что разобщеніе «предупреждаетъ тѣ отвратительные пороки, которые столь распространены въ мѣстахъ заключенія, имѣющихъ общія спальни»; очевидно, однако, что это замѣчаніе всецѣло относится къ общему заключенію на ночь и только мотивируетъ необходимость строгаго разъединенія на ночь, нисколько не касаясь и не подкрѣпляя мысли о разобщеніи заключенныхъ днемъ послѣ работъ.

По всѣмъ симъ соображеніямъ, слова ст. 17-й проекта: «но съ разобщеніемъ на время, свободное отъ работъ и на ночь», слѣдовало-бы, по мнѣнію г. Даневскаго, замѣнить словами: «но съ разобщеніемъ на ночь».

Вѣстникъ Европы (1882 г., № 12) указываетъ, что срокъ одиночнаго заключенія для лицъ, содержащихся въ исправительномъ домѣ, установленъ шестимѣсячный, между тѣмъ какъ, по закону 1879 г., онъ могъ простираться до девяти мѣсяцевъ. Нельзя не замѣтить однако, что этотъ срокъ былъ опредѣленъ только какъ maximum, а въ проектѣ шестимѣсячный срокъ имѣетъ безусловное значеніе, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда будетъ удостовѣрена врачемъ опасность одиночнаго заключенія для здоровья заключеннаго. Какъ кажется, что одиночное заключеніе можетъ угрожать вредомъ не только здоровью, но и характеру заключеннаго и продолжительность его, поэтому, должна быть опредѣляема управленіемъ исправительнаго дома для каждаго отдѣльнаго случая, съ тѣмъ только, чтобы оно никогда не продолжалось долѣе шести мѣсяцевъ.

По мнѣнію г. Ц. Я. (Юридическій Вѣстникъ, 1883 г., № 8), послѣднюю часть 17-й ст. проекта слѣдовало-бы изложить такъ: «Приговоренные занимаются работами какъ въ самомъ помѣщеніи, такъ и внѣ онаго; двѣ трети чистаго дохода отъ работъ обращаются въ ихъ пользу».

Такое измѣненіе представляется справедливымъ и полезнымъ въ виду того, что безусловное воспрещеніе женщинамъ работъ внѣ помѣщенія лишитъ ихъ лучшихъ, а иногда и единственныхъ заработковъ, управленіе-же исправительнымъ домомъ ограничитъ въ употребленіи женщинъ на такія

работы, которыя обусловливаются самымъ содержаніемъ арестантовъ, какъ напримѣръ, мытье арестантскаго бѣлья въ рѣкѣ, обработка принадлежащихъ тюрьмѣ огородовъ и т. п. За симъ условіе, что арестанты работаютъ отдѣльно отъ свободныхъ рабочихъ, должно быть опредѣленно формулировано не въ уложеніи, а въ уставѣ о тюрьмахъ, вмѣстѣ съ другими условіями, при которыхъ арестанты занимаются работами внѣ помѣщенія. Наконецъ предоставленіе арестантамъ, вмѣсто $^1/_3$ дохода отъ работъ, $^2/_3$ или даже $^3/_4$ вызывается тѣмъ соображеніемъ, что увеличеніе вознагражденія неминуемо должно благотворно дѣйствовать на нравственность арестантовъ, развивать въ нихъ стремленіе къ труду, привычку къ сбереженіямъ, можетъ дать имъ возможность помогать своей семьѣ и разсчитывать на то, что, по выходѣ на свободу, они будутъ располагать необходимыми на первое время средствами, чтобы начать честную, трудовую жизнь. Нынѣшнее вознагражденіе арестантовъ третьею частью заработка вселило въ нихъ убѣжденіе, что они работаютъ «почти даромъ» и никогда не заработаютъ даже столько, сколько нужно на покупку новой одежды и обуви.

По поводу постановленія ст. 17 о томъ, что «приговоренные (къ исправительному дому) содержатся первые шесть мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи», г. Лихтенштадтъ, признавая одиночное заключеніе несоотвѣтствующимъ характеру нашего народа, замѣчаетъ, что слѣдовало-бы ограничить одиночное заключеніе шестью недѣлями.

По поводу-же правила той-же статьи, въ силу коего «одна треть чистаго дохода отъ работъ обращается въ пользу заключенныхъ», онъ полагаетъ, что слѣдовало-бы сказать: «...отъ работъ заключенныхъ обращается въ ихъ пользу», а то можно подумать, что въ пользу заключенныхъ вообще, т. е. мѣстъ заключенія.

Разсматривая ст. 17, Коммисія Новороссійскаго Юридическаго Общества остановилась на вопросѣ, слѣдуетъ-ли оставить назначенное для заключенныхъ въ исправительномъ домѣ разобщеніе на время, свободное отъ работъ, и рѣшила этотъ вопросъ отрицательно, причемъ такъ мотивировала свое рѣшеніе. Если разобщеніе это будетъ сводиться къ содержанію арестантовъ въ кельяхъ, предназначенныхъ имъ для ночлега, то оно не достигнетъ никакихъ другихъ результатовъ, кромѣ излишняго физическаго стѣсненія заключенныхъ, такъ какъ кельи эти, малыя по своимъ размѣрамъ, раздѣляются только тонкими деревянными перегородками. Если-же устроить это разобщеніе раціонально, то слѣдуетъ для каждаго арестанта имѣть одиночную

камеру, что̀ крайне затруднительно въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ устройство одиночныхъ камеръ обходится очень дорого. Кромѣ того, по мнѣнію Коммисіи, подобное полное разобщеніе не представляется нужнымъ для цѣлей исправительныхъ, для которыхъ достаточно раздѣленія арестантовъ на группы по степени большей или меньшей испорченности ихъ, что, конечно, и будетъ установлено спеціальными правилами организаціи быта заключенныхъ въ исправительномъ домѣ.

Далѣе Коммисія обратила вниманіе на то обстоятельство, что употребленное проектомъ въ 3 ч. ст. 17 выраженіе: «приговоренные занимаются работами въ самомъ помѣщеніи», даетъ возможность предположить, будто работы эти должны производиться только въ самомъ зданіи, между тѣмъ какъ, очевидно, здѣсь разумѣются и принадлежащіе къ заведенію огороды, поля или мастерскія, которые въ совокупности своей и составляютъ исправительный домъ. Во избѣжаніе этого недоразумѣнія, Коммисія предлагаетъ сдѣлать соотвѣтственную поправку въ редакціи этой части статьи.

Въ особомъ, представленномъ въ Коммисію Новороссійскаго Юридическаго Общества, мнѣніи, членъ этого Общества Н. К. Пасынковъ по поводу ст. 17 излагаетъ, что, останавливаясь на организаціи исправительнаго дома и ободряемый какъ самымъ названіемъ «исправительный», такъ и явно выразившеюся въ проектѣ заботою объ исправленіи заключаемыхъ въ это помѣщеніе преступниковъ, онъ находитъ умѣстнымъ указать на то, что онъ считаетъ въ системѣ исправленія наиболѣе существеннымъ и какая изъ существующихъ тюремныхъ организацій, по его мнѣнію, наиболѣе приспособлена къ цѣлямъ исправленія. По мѣткому и глубоко правдивому выраженію автора «Мертваго дома», весь смыслъ слова: арестантъ, означаетъ «человѣка безъ воли». «Арестантъ любитъ представиться предъ товарищами и увѣрить даже себя хоть на время», говоритъ этотъ авторъ, «что у него воля и власть несравненно больше, чѣмъ кажется, однимъ словомъ, что онъ что-нибудь можетъ сдѣлать, что это въ его рукахъ». Это замѣчаніе—результатъ долговременнаго разумнаго наблюденія характера заключенныхъ—даетъ въ руки тѣхъ, кто беретъ на себя дѣло исправленія преступниковъ, незамѣнимое орудіе для вліянія на послѣднихъ. Обѣщайте арестанту, что кругъ дѣятельности, въ которой онъ можетъ проявлять свою свободную волю, будетъ постепенно расширяться подъ условіемъ исполненія имъ извѣстныхъ требованій и, какъ-бы тяжелы ни были эти требованія, вы добьетесь этимъ путемъ исполненія ихъ въ сто кратъ легче, чѣмъ угрозами и примѣненіемъ всевозможныхъ дисциплинарныхъ взысканій.

Вамъ останется только ставить условія, сообразуясь съ цѣлями исправительными. Такими условіями, безъ сомнѣнія, должны быть: добросовѣстный

трудъ по мѣрѣ силъ, подчиненіе установленному правилами заведенія порядку и умѣніе сдерживать дурныя, злыя поползновенія своей натуры. Только привычка трудиться, уважать чужія права и управлять самимъ собою можетъ гарантировать для общества полезнаго члена, котораго желательно видѣть въ отбывшемъ наказаніе преступникѣ. Чтобы развить эту привычку въ человѣкѣ, нужно дать ему возможность практиковать эти способности постепенно все въ большихъ и большихъ размѣрахъ, т. е. опять-таки постепенно расширять сферу его самостоятельной дѣятельности. Такимъ образомъ эти постепенныя стадіи служатъ для заключенныхъ стимуломъ подчиненія требованіямъ тюремнаго начальства, а для послѣдняго—средствомъ развитія и укрѣпленія въ заключенныхъ воли и привычки къ труду. Это основной законъ всякой раціональной системы исправленія. Онъ, повидимому, и легъ въ основаніе Ирландской пенитенціарной системы, достигшей наибольшей цѣльности въ рукахъ капитана Крофтона. Система эта отчасти принята германскимъ кодексомъ 1870 г., затѣмъ, если г. Пасынковъ не ошибается, австрійскимъ уложеніемъ и, наконецъ, въ полномъ своемъ объемѣ нашла примѣненіе въ венгерскомъ кодексѣ 1878 г., гдѣ и представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Въ лѣстницѣ каръ, практикуемыхъ венгерскимъ уложеніемъ, приняты 4 вида наказанія лишеніемъ свободы, а именно: каторжныя работы, пожизненныя или на срокъ отъ 2 до 15 лѣтъ, государственная тюрьма, имѣющая характеръ custodia honesta—отъ 1 дня до 15 лѣтъ, рабочій домъ—отъ 6 мѣсяцевъ до 10 лѣтъ, и острогъ—отъ 1 дня до 5 лѣтъ. Изъ этихъ 4-хъ видовъ мѣстъ заключеній три—каторжныя работы, рабочій домъ и острогъ—назначены за преступленія позорящія, для субъектовъ съ испорченною нравственностью, требующихъ исправленія. А система исправленія, принятая венгерскимъ кодексомъ и изложенная до мельчайшихъ подробностей въ статьяхъ его общей части 29, 30, 34, 37, 38, 40, 44 и 47, такова:

Преступники за время своего заключенія проходятъ три стадіи. Первая—одиночное заключеніе и днемъ, и ночью: для заключенныхъ на три года и свыше—въ теченіи одного года, а для отбывающихъ болѣе короткіе сроки—въ теченіи $\frac{1}{3}$ всего заключенія. Для безсрочныхъ каторжниковъ одиночное заключеніе можетъ быть назначаемо на 10 лѣтъ съ перерывами. Не полагается одиночнаго заключенія отбывающимъ въ рабочемъ домѣ и острогѣ сроки менѣе 1 года.

Вторую стадію составляютъ совмѣстныя работы: для каторжниковъ—по назначенію внутри помѣщенія; для заключенныхъ въ рабочемъ домѣ и острогѣ—по выбору въ помѣщеніи, а публичныя—только съ ихъ согласія.

Третья стадія—полутюрьма. Объ ней въ 44 ст. кодекса говорится такъ: «тѣ, которые, бывъ присуждены къ каторжной работѣ или къ заключенію въ

рабочемъ домѣ на срокъ не менѣе 3 лѣтъ, отбыли $^2/_3$ времени своего наказанія и своимъ прилежаніемъ, а также хорошимъ поведеніемъ, подаютъ основательную надежду на исправленіе, препровождаются, для отбыванія остающагося имъ времени наказанія, въ полутюрьму, гдѣ они также занимаются работою, но подчинены болѣе легкому порядку». Для безсрочныхъ переводъ въ полутюрьму допускается по истеченіи 10 лѣтъ заключенія.

Эти полутюрьмы, по свидѣтельству видѣвшихъ ихъ, организаціею своею и внѣшнимъ видомъ напоминаютъ скорѣе частныя хозяйственныя учрежденія, чѣмъ тюремныя заведенія. Послѣ полутюрьмы слѣдуетъ условная свобода, опять таки для заслужившихъ этого и на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ предположена въ нашемъ проектѣ для исправительнаго дома.

Имѣя въ виду эту, наиболѣе цѣлесообразную, систему исправленія, г. Пасынковъ полагаетъ въ организаціи исправительнаго дома сдѣлать прежде всего поправку въ смыслѣ установленія переходной ступени отъ совмѣстныхъ работъ къ условной свободѣ.

Онъ полагаетъ, что если ужъ нельзя ввести въ нашъ проектъ стадію, которая называется въ венгерскомъ кодексѣ полутюрьмой, то, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ такъ разграничить совмѣстныя работы, чтобы являлась въ законѣ нѣкоторая тенденція къ постепенности, которая давала-бы возможность, при составленіи правилъ для мѣстъ заключенія, устроить, если не отдѣльную полутюрьму, то во всякомъ случаѣ переходную стадію съ большимъ просторомъ для самостоятельности заключенныхъ.

Затѣмъ предполагаемыя г. Пасынковымъ измѣненія могутъ быть формулированы такимъ образомъ:

1) Послѣ одиночнаго заключенія—назначить содержаніе въ общемъ помѣщеніи, съ разобщеніемъ только на ночь, а не на все время свободное отъ работъ (это было-бы умѣстнымъ только для каторги).

2) Характеръ работъ опредѣлить такъ: обязательныя—по назначенію начальства, а для отбывшихъ $^1/_2$ срока наказанія—по выбору, если они того заслужатъ своимъ прилежаніемъ и хорошимъ поведеніемъ.

3) Не дѣлать исключенія для женщинъ, предоставивъ имъ исполнять публичныя работы по желанію.

При обсужденіи ст. 17, касающейся исправительнаго дома, Коммисія, образованная изъ состава Варшавской Судебной Палаты, не нашла возможнымъ согласиться съ постановленіемъ этой статьи, по которому «приговоренные содержатся первые шесть мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи», и пришла къ единогласному заключенію, что вышеприведенныя слова ст. 17

слѣдовало-бы замѣнить слѣдующимъ положеніемъ: «приговоренные содержатся первое время въ одиночномъ заключеніи не свыше шести мѣсяцевъ», и затѣмъ сдѣлать добавленіе: «срокъ одиночнаго заключенія опредѣляется судомъ въ его приговорѣ»; добавленіе это Коммисія признала необходимымъ какъ, во 1-хъ, потому, что срокъ каждаго наказанія долженъ быть опредѣляемъ судомъ, такъ, во 2-хъ, для устраненія произвола тюремной администраціи.

Кромѣ того Членъ Коммисіи Кочубей полагалъ изъ текста статей 15 и 17 исключить постановленія о томъ, какія части доходовъ отъ работъ приговоренныхъ къ заточенію (ст. 15) и исправительному дому (ст. 17) могутъ быть обращаемы въ ихъ пользу, такъ какъ, по мнѣнію его, постановленія эти должны быть помѣщены въ подлежащихъ уставахъ.

Прочіе-же Члены, за исключеніемъ г. Потулова, не нашли возможнымъ согласиться съ изложеннымъ мнѣніемъ въ виду того, что означенныя постановленія являются въ извѣстной степени ограниченіемъ правъ собственности осужденныхъ, и высказались за оставленіе въ текстѣ 15 и 17 статей постановленій относительно доходовъ отъ работъ приговоренныхъ къ указаннымъ въ этихъ статьяхъ наказаніямъ.

Докладчикомъ въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры г. Кильштетомъ было заявлено: 1) что срокъ одиночнаго заключенія приговариваемыхъ къ исправительному дому долженъ быть отъ 1 до 6 мѣсяцевъ, по усмотрѣнію суда, сообразно самому сроку содержанія въ исправительномъ домѣ, сообразно личности подсудимаго и обстоятельствамъ дѣла; 2) что въ теченіи такого одиночнаго заключенія оно должна быть келейнымъ и безъ работъ, такъ какъ это время посвящается всецѣло нравственному исправленію приговореннаго, что предполагаетъ и проектъ. Кромѣ того, докладчикъ считалъ нужнымъ возбудить вопросъ о томъ, не слѣдуетъ-ли установить, чтобы замѣна одиночнаго заключенія общимъ, какъ отступленіе отъ самой сущности наказанія исправительнымъ домомъ, была разрѣшаема лишь судомъ. По первому вопросу одинъ изъ присутствующихъ (г. Тимофеевскій) присоединился къ мнѣнію докладчика; остальные-же находили, что одиночное заключеніе имѣетъ въ дѣлѣ исправленія преступника рѣшающее значеніе, а потому указанный ст. 17 шестимѣсячный срокъ долженъ быть постояннымъ. Съ другой стороны однако—по второму вопросу—работа и при одиночномъ заключеніи необходима для достиженія самой цѣли нравственнаго исправленія, а потому, по мнѣнію совѣщанія, въ 3 части ст. 17 слѣдуетъ выразить, что «всѣ приговоренные занимаются работами; лица муж-

скаго пола, отбывшіе одиночное заключеніе, могутъ быть назначаемы на общественныя работы внѣ помѣщенія исправительнаго дома». По третьему вопросу было замѣчено, что распоряженіе суда объ отмѣнѣ одиночнаго заключенія будетъ всегда основано на бумагѣ управленія домомъ и что переводъ въ общія камеры, мотивированной опасностью для здоровья арестанта, долженъ быть выполняемъ немедленно, ближайшимъ начальствомъ (г. Бомъ). Однимъ изъ присутствующихъ было предложено (г. Марковъ), чтобы управляющій домомъ на такой переводъ испрашивалъ согласіе мѣстнаго лица прокурорскаго надзора, но совѣщаніе признало, что Прокуроръ обязанъ вообще наблюдать за правильностью дѣйствій тюремнаго начальства, оговаривать-же это въ общей части уложенія нѣтъ основаній, съ чѣмъ согласился и докладчикъ, раздѣлившій мнѣніе совѣщанія о томъ, что по сему предмету ст. 17 измѣненію не подлежитъ.

По поводу ст. 17 Тульскій Окружный Судъ замѣчаетъ, что коль скоро, по мысли составителей проекта, можетъ быть допущенъ срокъ исправительнаго дома отъ 6 до 10 лѣтъ, при обстоятельствахъ, особо увеличивающихъ вину, которыя, однакоже, трудно перечислить въ законѣ, то и въ самомъ текстѣ 17 ст. безъ неудобствъ можетъ быть означенъ прямо minimum и maximum наказанія, т. е. отъ одного года до десяти лѣтъ. Далѣе во 2 отдѣлѣ этой статьи говорится, что заключенные разобщаются «на ночь» и одиночное заключеніе можетъ быть замѣнено общимъ, по распоряженію управленія исправительнымъ домомъ, въ случаѣ удостовѣренія врача объ опасности одиночнаго содержанія для здоровья заключеннаго; въ отдѣлѣ 3-мъ,—что «заключенные занимаются работами внѣ помѣщенія, во всякомъ случаѣ отдѣльно отъ свободныхъ рабочихъ; одна треть чистаго дохода отъ работъ обращается въ пользу заключенныхъ». Въ отношеніи разобщенія заключенныхъ на ночь Окружный Судъ высказывается за исключеніе изъ закона уголовнаго выраженія «на ночь», какъ несоставляющаго существенную часть наказанія, ибо для арестанта совершенно безразлично, проводитъ-ли онъ ночь во снѣ одинъ или съ кѣмъ-либо изъ заключенныхъ, и разобщеніе арестантовъ на ночь для сна можетъ быть лишь мѣрою административною, предупреждающею возможную стачку арестантовъ для предпріятія противозаконнаго въ то время, когда главный надзоръ и многіе подчиненные ему люди покоятся сномъ отъ дневныхъ трудовъ. Точно также и переводъ арестанта изъ одиночнаго заключенія въ общее по обстоятельству, указанному Коммисіею, едва-ли можетъ имѣть мѣсто въ текстѣ карательнаго общаго закона, какъ льгота, безусловно необходимая въ отношеніи только извѣстнаго

арестанта. Поэтому подобное распоряженіе администраціи слѣдовало-бы помѣстить въ уставѣ объ управленіи заключенными. За симъ, безъ всякихъ, казалось-бы, неудобствъ, можно исключить изъ текста 17 ст. и правила о разобщеніи заключенныхъ во время ихъ работы отъ свободныхъ рабочихъ и объ отчисленіи одной трети заработка въ пользу заключенныхъ; ибо положеніе первое для администраціи вытекаетъ само собою изъ существа наказанія, а положеніе второе можетъ составлять предметъ устава о содержащихся въ заключеніи. Подобные разсчеты зависятъ отъ разныхъ условій и не могутъ быть одинаковы какъ для разныхъ мѣстъ заключенія, что видно и изъ проекта уложенія, такъ и во все время дѣйствія уложенія о наказаніяхъ, которое можетъ продлиться 10, 20 и 30 лѣтъ, а разныя благопріятныя условія жизни и содержаніе мѣста заключенія съ заключеннымъ могутъ вызвать со стороны администраціи поводы для правительства къ изданію правилъ о другихъ разсчетахъ въ заработкахъ заключенныхъ. Наконецъ нельзя обойти молчаніемъ и безусловное требованіе этой статьи о содержаніи приговоренныхъ въ одиночномъ заключеніи первые шесть мѣсяцевъ. Строгость этого требованія слѣдуетъ смягчить въ виду могущихъ быть различныхъ сроковъ заключенія; если обвиняемый приговоренъ на одинъ годъ въ исправительный домъ, то онъ половину наказанія долженъ отбыть въ одиночномъ заключеніи, а если обвиняемый приговоренъ къ 10 годамъ, то онъ долженъ отбыть лишь 20-ю часть наказанія въ одиночномъ заключеніи. Такая неравномѣрная строгость къ приговореннымъ на небольшіе сроки въ исправительный домъ побуждаетъ заявить, что размѣръ срока до шесть мѣсяцевъ содержанія въ одиночномъ заключеніи слѣдовало-бы предоставить на усмотрѣніе суда. По всѣмъ этимъ основаніямъ надлежало-бы ст. 17 изложить такъ:

«Исправительный домъ назначается на срокъ отъ одного года до десяти лѣтъ».

«Приговоренные, по усмотрѣнію суда, содержатся сначала, не свыше шести мѣсяцевъ, въ одиночномъ заключеніи, а потомъ въ общемъ, но съ разобщеніемъ на время свободное отъ работъ».

«Приговоренные занимаются работами въ самомъ помѣщеніи, а лица мужскаго пола и общественными внѣ помѣщенія».

Относительно исправительнаго дома, Прокуроръ Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалевъ находитъ, что это наказаніе поставлено не совсѣмъ правильно: мнѣніемъ Государственнаго Совѣта отъ 11 Декабря 1879 г. было рекомендовано при составленіи новаго уложенія наблюдать, чтобы низшая

степень заключенія въ исправительномъ домѣ ни въ какомъ случаѣ не была менѣе тяжкою, въ сравненіи съ высшею степенью заключенія въ тюрьмѣ; однако Коммисія не послѣдовала этому весьма основательному требованію: по проекту наименьшій срокъ для исправительнаго дома опредѣленъ въ одинъ годъ, изъ каковаго времени только 6 мѣсяцевъ отбываются въ одиночномъ заключеніи, содержаніе же въ тюрьмѣ, простирающееся до 2-хъ лѣтъ, должно быть вполнѣ одиночное. Такимъ образомъ выходитъ, что тюремное заключеніе во многихъ случаяхъ будетъ несравненно тяжеле, чѣмъ содержаніе въ исправительномъ домѣ; чтобы избѣжать этого, необходимо низшій срокъ для исправительнаго дома назначить не менѣе 2-хъ лѣтъ, а крайній предѣлъ тюремнаго заключенія понизить, какъ сказано выше, до полутора года.

Далѣе Коммисія допускаетъ для заключенныхъ въ исправительныхъ домахъ внѣшнія работы (об. стр. 65), но прибавляетъ, что работы эти должны быть общественныя (ст. 17); это добавленіе представляется совершенно излишнимъ, такъ какъ общественныхъ работъ въ нашихъ городахъ очень мало, вслѣдствіе чего недопущеніе частныхъ работъ, при невозможности найти занятія для всѣхъ заключенныхъ внутри тюремныхъ помѣщеній, приведетъ къ тому, что многіе изъ нихъ будутъ проводить время въ праздности; между тѣмъ многія изъ частныхъ работъ, каковы: пилка и складываніе дровъ, переноска вещей въ разныхъ случаяхъ и т. п. вполнѣ доступны большинству заключенныхъ и они ходятъ на нихъ съ охотой. Что же касается опасенія побѣговъ, то по этому поводу слѣдуетъ замѣтить, что на внѣшнія работы могутъ быть отпускаемы болѣе надежные арестанты, а на случай побѣговъ должны быть установлены нѣкоторыя карательныя мѣры, какъ напр.: бѣжавшіе, по поимкѣ ихъ, вновь подвергаются одиночному заключенію на 6 мѣсяцевъ, причемъ время это не включается въ срокъ содержанія, какъ равно и время, проведенное въ бѣгахъ; на внѣшнія работы они болѣе не отпускаются.

По замѣчанію Прокурора Владикавказскаго Окружнаго Суда Чинчинадзе, 2 ч. 17 ст. проокта, вводя новое постановленіе объ одиночномъ заключеніи, дѣлаетъ этотъ способъ отбытія наказанія обязательнымъ для исправительныхъ домовъ и, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и допускаетъ возможность замѣны одиночнаго заключенія общимъ, но въ то же время ставитъ эту замѣну въ полную зависимость отъ управленія исправительнымъ домомъ.

Одиночное заключеніе, какъ извѣстно, по самому существу своему представляется одною изъ самыхъ неустановившихся системъ лишенія

свободы. Какъ теорія, такъ и практика не только не даютъ намъ данныхъ, чтобы признавать за системою одиночнаго заключенія какую-либо полезность въ смыслѣ исправленія преступника, но, наоборотъ, скорѣе убѣждаютъ въ противномъ. Опытъ показалъ, что иногда, при самыхъ короткихъ срокахъ одиночнаго заключенія, мѣра эта являлась самымъ тяжелымъ испытаніемъ для заключеннаго и нерѣдко самые крѣпкіе, сильные и здоровые люди не выдерживали тѣхъ нравственныхъ страданій и мученій, съ которыми связано одиночное заключеніе, и или сходили съ ума, или впадали въ такое душевное состояніе, при которомъ всякая попытка къ исправленію заключеннаго является немыслимою. Точно также едва-ли можно признать за системою одиночнаго заключенія устрашающее значеніе и видѣть полезность ея хотя-бы съ этой послѣдней стороны. Наоборотъ, и статистика преступленій, и наблюденія за этого рода заключаемыми убѣждаютъ, что одиночное заключеніе не только не устрашаетъ другихъ, но напротивъ возбуждаетъ въ нихъ сожалѣніе и сочувствіе, а въ самомъ заключенномъ порождаетъ ожесточеніе.

Но во всякомъ случаѣ, оставляя въ сторонѣ всѣ неприглядныя стороны системы одиночнаго заключенія и, поэтому, не касаясь прямо вопроса о примѣнимости и полезности этой системы, г. Чинчинадзе считаетъ необходимымъ высказать, что 2 ч. 17 ст. проекта, вмѣсто того, чтобы вполнѣ оградить отъ одиночнаго заключенія въ томъ случаѣ, когда таковое заключеніе является опаснымъ для здоровья заключеннаго и чтобы въ этомъ случаѣ сдѣлать замѣну одиночнаго заключенія общимъ обязательнымъ для управленія исправительнымъ домомъ, предоставлять эту замѣну усмотрѣнію управленія, что видно изъ буквальнаго смысла этой статьи, и именно изъ словъ: «можетъ быть замѣнено».

Находя, что допущенное во 2 ч. 17 ст. проекта выраженіе: «можетъ быть замѣнено»—должно будетъ породить на практикѣ недоразумѣнія, неблагопріятныя для заключенныхъ, и оставленіе замѣны одиночнаго заключенія общимъ тогда, когда одиночное заключеніе представляетъ дѣйствительную опасность для здоровья заключеннаго въ зависимости отъ воли управленія исправительнымъ домомъ, дастъ этому послѣднему управленію опасное орудіе для произвольнаго, не въ интересахъ заключенныхъ, толкованія означеннаго постановленія закона, г. Чинчинадзе полагалъ-бы полезнымъ нѣсколько измѣнить редакцію 2 ч. 17 ст. проекта, а именно слова «по распоряженію управленія исправительнымъ домомъ» совершенно исключить, а слово «можетъ быть» замѣнить словомъ «должно быть».

Товарищъ прокурора Рязанскаго Окружнаго Суда Побѣдоносцевъ указываетъ, что въ лѣстницѣ наказаній, по проекту, исправительный домъ занимаетъ пятое мѣсто и какъ-бы является наказаніемъ менѣе тяжкимъ, чѣмъ заточеніе, на самомъ же дѣлѣ, изъ сопоставленія ст. 15 проекта съ 17 оказывается, что исправительный домъ является болѣе тяжкимъ наказаніемъ; во первыхъ одиночное заключеніе, чего не имѣется при заточеніи, а во вторыхъ въ исправительномъ домѣ только треть чистаго дохода съ работы поступаетъ въ пользу заключеннаго, а при заточеніи двѣ трети. Между тѣмъ изъ соображеній Коммисіи видно, что заточеніе, примыкая непосредственно къ смертной казни, является наказаніемъ какъ-бы параллельнымъ съ каторгою, исправительнымъ домомъ и тюрьмой. Г. Побѣдоносцевъ считаетъ излишнимъ особо останавливаться на продолжительности заключенія въ исправительномъ домѣ, ибо, несомнѣнно, продолжительность заключенія тогда лишь будетъ цѣлесообразною и удовлетворять цѣли исправленія, когда исправительные дома будутъ стоять на высотѣ своего назначенія, отвѣчая на всѣ требованія науки и жизни. Однако нельзя, по его мнѣнію, не признать, что десятилѣтній срокъ содержанія, даже при наличности условій, указанныхъ ст. 56 проекта, представляется слишкомъ большимъ. Назначеніе исправительнаго дома—исправлять, а едва-ли это будетъ достигаться, если человѣка, какъ бы испорченъ онъ ни былъ, отрывать отъ общества и семьи на десять лѣтъ, держать его совершенно изолированнымъ отъ общества и затѣмъ выпускать въ ту же жизнь, отъ которой онъ совершенно отвыкнетъ и въ которую вступитъ, если можно такъ выразиться, какъ человѣкъ, котораго очень долгое время держали въ темномъ помѣщеніи и за симъ вдругъ показали яркое солнце. Такимъ образомъ продолжительность заключенія въ исправительномъ домѣ можетъ быть сокращена на половину, т. е. высшій размѣръ заключенія имѣетъ быть назначаемъ до пяти лѣтъ. Это срокъ весьма серьезный и достаточный для нравственнаго вліянія и перевоспитанія, если таковое возможно, человѣка, впадающаго въ преступленія. Доходъ отъ работъ заключенныхъ можетъ быть увеличенъ до половины чистаго дохода; по проекту, 17 ст., заключеннымъ полагается одна только треть чистаго дохода съ ихъ работъ. Чѣмъ болѣе заключенные въ исправительномъ домѣ будутъ имѣть доли въ доходахъ, получаемыхъ отъ ихъ работъ, тѣмъ послѣднія пойдутъ энергичнѣе и осмысленнѣе. Практика послѣднихъ лѣтъ безусловно установила, что одна принудительная работа, безъ участія въ прибыли отъ оной работающаго, не цѣлесообразна, даже не выгодна и менѣе чѣмъ работа по найму свободнаго человѣка. Задача исправительнаго дома—путемъ труда и работы исправлять. Требуется употребить всѣ мѣры, чтобы эти трудъ и работа были живые, не мертвые, и привлекали къ себѣ заключенныхъ. Одна

изъ этихъ мѣръ—большее или меньшее участіе заключенныхъ въ доходности работы.

Въ ст. 17 проекта, между прочимъ, изложено, что приговоренные къ исправительному дому содержатся первые шесть мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи. Коммисія установила это положеніе съ одной стороны для усиленія репрессіи наказанія, а съ другой, чтобы дать управленію дома возможность ознакомиться съ арестантомъ, узнать его характеръ и наклонности.

Съ этимъ положеніемъ одиночнаго заключенія и соображеніями Коммисіи г. Побѣдоносцевъ находитъ невозможнымъ согласиться по слѣдующимъ даннымъ:

1) Исправительный домъ принадлежитъ къ учрежденіямъ, хотя и наказывающимъ, но въ то же время и исправительнымъ, и послѣднее значеніе учрежденія даже болѣе важно, чѣмъ первое. Характеръ наказующій исправительнаго дома безусловно заключается въ лишеніи свободы, въ невозможности располагать своими дѣйствіями по личному усмотрѣнію, въ строгой дисциплинѣ. Увеличивать это наказаніе прибавленіемъ еще обязательнаго для каждаго поступающаго одиночнаго заключенія на шесть мѣсяцевъ—не представляется надобности, такъ какъ самое лишеніе свободы, изолированіе личности отъ всего, внѣ учрежденія стоящаго, міра, формализмъ, необходимый для каждаго исправительнаго учрежденія, есть уже вполнѣ достаточное наказаніе для всякаго преступившаго закономъ дозволенное и невоспрещенное.

2) Узнать характеръ лица, его наклонности, ознакомиться съ арестантомъ, какъ полагаетъ Коммисія, путемъ шестимѣсячнаго одиночнаго заключенія, едва-ли возможно; напротивъ того, именно этимъ способомъ одиночнаго заключенія начальство заключеннаго никогда не познаетъ его; характеръ лица можетъ быть понятъ путемъ наблюденія за этимъ лицомъ въ его отношеніяхъ съ ему подобными товарищами или съ начальствомъ. Негласное наблюденіе за заключеннымъ во время его работы, отношеніе къ послѣдней, сношеніе съ товарищами, по мнѣнію г. Побѣдоносцева, скорѣе дадутъ начальству возможность узнать характеръ и наклонности заключеннаго и засимъ вліять на него въ исправительномъ смыслѣ тѣми или другими мѣрами. Шестимѣсячное одиночное заключеніе приведетъ къ совершенно инымъ результатамъ, чѣмъ полагаетъ Коммисія. Арестованный, взятый изъ среды ему подобныхъ и заключенный въ одиночную камеру на полгода, или дойдетъ до полнѣйшаго отупѣнія или до нервныхъ аффектовъ, которые могутъ проявляться въ разныхъ формахъ. При томъ или другомъ положеніи едва-ли начальству учрежденія возможно дѣлать выводы о характерѣ и наклонностяхъ осужденнаго. Если принять во вниманіе, что контингентъ содержа-

щихся въ исправительномъ домѣ будетъ преимущественно заключаться въ рабочихъ классахъ и вообще въ лицахъ неинтеллигентныхъ, привыкшихъ преимущественно къ общей жизни, къ артельной работѣ, то слѣдуетъ придти къ убѣжденію, что полугодовое одиночное заключеніе этихъ лицъ безусловно будетъ дѣйствовать разрушительно на ихъ нравственный и физическій организмъ. При обсужденіи вопроса объ одиночномъ заключеніи, возникаетъ одно положеніе, слѣдуетъ-ли вовсе исключить одиночное заключеніе въ исправительныхъ домахъ или допустить оное, и если допустить, то въ какихъ случаяхъ. Г. Побѣдоносцевъ полагалъ-бы цѣлесообразнымъ допустить одиночное заключеніе въ слѣдующихъ только случаяхъ: во-первыхъ, всякій поступающій въ исправительный домъ подвергается одиночному заключенію на семь дней, этотъ срокъ кажется вполнѣ достаточнымъ въ предоставленіи арестанту возможности вдуматься въ свое новое положеніе, анализировать себя и вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомиться съ своими новыми обязанностями и требованіями того учрежденія, куда онъ поступилъ; при этомъ начальству учрежденія должно быть вмѣнено въ обязанность ознакомить арестанта съ правилами, инструкціями и дисциплиной дома. Сосредоточившись такимъ образомъ въ продолженіи недѣли и ознакомившись со всѣмъ, что до него относится, арестантъ уже будетъ совершенно легально и справедливо отвѣтствовать за каждое допущенное имъ нарушеніе и отступленіе даже отъ самыхъ мелкихъ требованій дисциплины учрежденія. Во-вторыхъ, одиночное заключеніе должно безусловно остаться, какъ дисциплинарное взысканіе противъ небрежныхъ къ работѣ, вообще нарушающихъ требованія дисциплины учрежденія и неподдающихся исправленію. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ одиночное заключеніе должно стоять въ ряду другихъ дисциплинарныхъ взысканій и срокъ его можетъ быть повышенъ до мѣсяца и даже до двухъ мѣсяцевъ, причемъ могутъ быть допущены и нѣкоторыя осложненія одиночнаго заключенія, какъ напримѣръ: а) урочная работа, б) безусловное молчаніе, в) крайнее ограниченіе пищи и пр. Несмотря на видимую суровость послѣдней мѣры, она будетъ справедлива, ибо арестанту сразу будутъ уже извѣстны всѣ правила и отвѣтственность, при поступленіи его въ учрежденіе.

Принимая во вниманіе, что одиночное заключеніе представляется крайне тяжкимъ видомъ лишенія свободы, въ особенности для людей неразвитыхъ и необразованныхъ, не обладающихъ умственнымъ запасомъ, несомнѣнно облегчающимъ уединеніе, Одесскій Окружный Судъ находитъ, что продолжительность одиночнаго заключенія должна быть сокращена до минимума,

необходимаго для достиженія цѣлей, указанныхъ въ объяснительной запискѣ къ проекту уложенія. Хотя 17 ст. проекта, во избѣжаніе вреднаго вліянія одиночнаго заключенія на здоровье заключенныхъ, и устанавливаетъ замѣну его общимъ заключеніемъ, въ случаѣ удостовѣренія врача объ опасности одиночнаго содержанія для здоровья, но Окружный Судъ полагаетъ, что такое удостовѣреніе не можетъ служить достаточною для сего гарантіею, такъ какъ тюремный врачъ легко можетъ оказаться и недостаточно свѣдущимъ, и недостаточно внимательнымъ къ положенію заключеннаго. Поэтому наилучшую гарантію слѣдуетъ видѣть въ самой непродолжительности одиночнаго заключенія. Вслѣдствіе сего и признавая, что одиночное заключеніе не можетъ содѣйствовать тюремной администраціи къ изученію характера осужденнаго, поставляя заключеннаго въ исключительныя условія, при которыхъ не могутъ обнаружиться особенности его характера и наклонности, Окружный Судъ полагаетъ, что сохраняя одиночное заключеніе, главнымъ образомъ, въ видахъ усиленія репрессіи, было-бы цѣлесообразнымъ сообразовать продолжительность одиночнаго содержанія съ продолжительностью всего срока заключенія, считая 15 дней одиночнаго заключенія на одинъ годъ содержанія въ исправительномъ домѣ. При этомъ, конечно, должно быть оставлено въ силѣ правило объ освобожденіи отъ одиночнаго содержанія въ случаѣ удостовѣренія врача о вредѣ таковаго для здоровья заключеннаго.

По мнѣнію Симферопольскаго Окружнаго Суда, правило о содержаніи приговоренныхъ къ исправительному дому въ одиночномъ заключеніи первые шесть мѣсяцевъ будетъ неуравнительно для всѣхъ приговоренныхъ, такъ какъ присужденному на одинъ годъ придется половину срока наказанія отбыть въ одиночномъ заключеніи, а присужденному на 6 лѣтъ—лишь двѣнадцатую часть онаго. Посему это постановленіе должно быть измѣнено въ томъ смыслѣ, чтобы приговоренные къ исправительному дому подвергались одиночному заключенію на время пропорціональное общему сроку ихъ заключенія, такъ чтобы каждому году заключенія соотвѣтствовалъ одинъ мѣсяцъ одиночнаго заключенія.

Чины прокурорскаго надзора Владимірскаго Окружнаго Суда указываютъ, что замѣна одиночнаго заключенія общимъ, въ случаѣ удостовѣренія врача объ опасности одиночнаго содержанія для здоровья заключеннаго, предоставлена распоряженію управленія исправительнымъ домомъ, безъ участія въ разрѣшеніи этого вопроса со стороны лицъ судебнаго вѣдомства. Слѣдовательно отмѣна извѣстной части судебнаго приговора будетъ зависѣть отъ

усмотрѣнія администраціи, безконтрольно въ этомъ случаѣ распоряжающейся; отсюда неминуемо должны возникнуть столкновенія съ прокурорскимъ надзоромъ, права котораго, въ отношеніи наблюденія за правильнымъ размѣщеніемъ содержащихся подъ стражею, остаются до сего времени не отмѣненными. Во избѣжаніе этого, желательно было-бы, чтобы нынѣ существующій порядокъ, относительно лицъ, присужденныхъ къ работамъ въ исправительномъ отдѣленіи и по болѣзни, или инымъ причинамъ, переводимыхъ для содержанія въ тюрьмѣ, былъ примѣненъ и къ вопросу объ отмѣнѣ одиночнаго заключенія, т. е. чтобы состояніе здоровья арестанта свидѣтельствовалось при участіи врача, въ присутствіи лица прокурорскаго надзора и смотрителя исправительнаго дома, причемъ, при несогласіи съ заключеніемъ эксперта, производилось переосвидѣтельствованіе во врачебномъ отдѣленіи.

Предсѣдатель и Члены Енисейскаго Губернскаго Суда останавливаются на томъ правилѣ, въ силу коего для содержащихся въ исправительномъ домѣ одиночное заключеніе можетъ быть замѣнено общимъ по распоряженію управленія исправительнымъ домомъ, въ случаѣ удостовѣренія врача объ опасности одиночнаго содержанія для здоровья заключеннаго. Совершенно правильно, что иногда могутъ быть случаи, когда одиночное заключеніе можетъ имѣть вредныя послѣдствія для здоровья заключеннаго, тѣмъ не менѣе предоставленіе права перевода арестанта изъ одиночнаго заключенія въ общее управленію исправительнаго дома по удостовѣренію однаго врача, можетъ породить злоупотребленія этимъ правомъ, а потому правильное и точное исполненіе приговора суда должно быть болѣе гарантировано.

По мнѣнію чиновъ Рыбинской прокуратуры, ст. 17 желательно-бы дополнить положительнымъ установленіемъ правила объ *обязательной* работѣ; такимъ образомъ, слѣдовало-бы выразить: «приговоренные обязательно занимаются работами въ самомъ помѣщеніи».

Исходя изъ того общаго правила, что чѣмъ лучше оплачивается трудъ, тѣмъ онъ производительнѣе, и принимая въ уваженіе, что семья заключеннаго, лишившись работника, а иногда и единственнаго своего кормильца, можетъ впасть въ нищету, Люблинскій Окружный Судъ находитъ необходимымъ по крайней мѣрѣ половину заработка предоставить въ пользу заключеннаго въ исправительномъ домѣ.

По поводу правила ст. 17 проекта объ одиночномъ заключеніи заключенныхъ въ исправительный домъ, Сенаторъ А. К. Фриде замѣчаетъ, что, если при открытіи исправительнаго дома въ оный будетъ помѣщено 20 арестантовъ, которые всѣ подлежатъ сначала 6 мѣсячному одиночному содержанію, а относительно *одного* только врачъ удостовѣритъ, что для него одиночное заключеніе можетъ имѣть вредныя для здоровья послѣдствія, то съ кѣмъ же изъ остальныхъ 19 арестантовъ, относительно которыхъ такого отзыва врачемъ не дано, этотъ 20-й будетъ содержаться вмѣстѣ? Послѣ 6 мѣсяцевъ, правда, этотъ случай врядъ-ли можетъ часто встрѣчаться, но, тѣмъ не менѣе, довольно и того, чтобы правило, установляемое закономъ, въ самомъ началѣ онаго, не было исполнимо, чтобы обратить вниманіе на недостаточность либо основнаго правила, либо редакціи закона. К. А. Фриде полагаетъ, въ особенности въ виду того, что уголовное уложеніе не должно содержать въ себѣ спеціальныхъ правилъ о внутреннемъ распорядкѣ и дисциплинѣ въ тюремныхъ помѣщеніяхъ, необходимымъ какъ въ ст. 17, такъ равно и въ слѣдующей ст. 18, сказать:

«Приговоренные содержатся преимущественно въ одиночномъ заключеніи; изъятія изъ сего правила допускаются по усмотрѣнію начальства тюремнаго на основаніи особыхъ инструкцій».

По мнѣнію чиновъ Московской прокуратуры, помѣщенное во второй половинѣ 2 ч. 17 ст. постановленіе о замѣнѣ для содержащихся въ исправительномъ домѣ одиночнаго заключенія общимъ должно быть перенесено въ законы о внутреннемъ распорядкѣ въ тюремныхъ помѣщеніяхъ, такъ какъ постановленіе это не относится къ характеристикѣ самаго наказанія и оставленіе его въ уложеніи породитъ смѣшеніе въ одномъ законѣ двухъ понятій условій извѣстнаго вида наказанія и порядка его отбытія, да притомъ, какъ видно изъ самаго текста статьи, разрѣшеніе вопроса о замѣнѣ одиночнаго заключенія не зависитъ отъ судебной власти, и потому существованіе узаконенія о такой замѣнѣ въ уложеніи, издаваемомъ, главнымъ образомъ, для суда, недостаточно оправдывается. Сообразно сему, ст. 17-я могла бы быть, по мнѣнію Московской прокуратуры, редактирована въ такомъ видѣ:

«Исправительный домъ назначается на срокъ отъ 1 года до 6 лѣтъ, а въ случаѣ, ст. 56 указанномъ, до 10 лѣтъ».

«Приговоренные содержатся первые 6 мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, а потомъ въ общемъ, но съ разобщеніемъ на время свободное отъ работъ и на ночь, и занимаются обязательными работами въ самомъ помѣщеніи, а лица мужескаго пола, по отбытіи одиночнаго заключенія, и обществен-

ными работами внѣ помѣщенія, но во всякомъ случаѣ отдѣльно отъ свободныхъ рабочихъ; одна треть чистаго дохода отъ работъ обращается въ пользу заключенныхъ».

Въ предлагаемой редакціи статьи прибавлено, что лица мужескаго пола занимаются общественными работами внѣ помѣщенія лишь по отбытіи одиночнаго заключенія. Ни въ чемъ не измѣняя мысли составителей проекта, прибавка эта рельефнѣе выражаетъ, съ одной стороны, то положеніе, что одиночные арестанты не должны заниматься работами иначе, какъ въ своихъ камерахъ, а съ другой—то, что и во время одиночнаго содержанія работы для нихъ представляются обязательными.

Исходя изъ тѣхъ же соображеній, которыя изложены въ замѣчаніи на ст. 14, собраніе чиновъ Кіевской прокуратуры предполагаетъ исключить изъ ст. 17 проекта всѣ положенія, опредѣляющія условія и порядокъ содержанія въ исправительныхъ домахъ, какъ составляющія предметъ особыхъ законовъ объ устройствѣ мѣстъ заключеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, собраніе нашло, что при составленіи этихъ законовъ было-бы желательно установить, чтобы работы въ исправительныхъ домахъ, въ отличіе отъ работъ при арестѣ, были принудительныя.

См. также приведенныя подъ ст. 14 замѣчанія автора Внутренняго Обозрѣнія Вѣстника Европы, профессора Даневскаго, Люблинскаго Окружнаго Суда, чиновъ Ярославской и Воронежской прокуратуры, а также приведенное подъ ст. 15 замѣчаніе Эриванской прокуратуры.

Статья 18.

По мнѣнію профессора Гуго Мейера, наибольшій размѣръ срока тюрьмы долженъ быть значительно выше установленнаго уложеніемъ, дабы судъ могъ подвергнуть виновнаго соотвѣтственному винѣ его наказанію въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ причинъ назначить ни позорящее, ни положительно пристойное наказаніе, но слѣдуетъ назначить долгосрочное лишеніе свободы. Половины чистаго дохода, по указанной въ замѣчаніи профессора на ст. 17 причинѣ, слишкомъ много.

Вѣстникъ Европы (1882 г. № 12) указываетъ, что, на основаніи проекта, приговоренные къ тюрьмѣ содержатся все время въ одиночномъ заключеніи, развѣ еслибы оно оказалось опаснымъ для ихъ здоровья. Высшій срокъ тюремнаго заключенія, вообще говоря, годовой, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ (при совокупности преступленій) онъ можетъ быть продолженъ до двухъ лѣтъ. Два года, даже одинъ годъ одиночнаго заключенія—наказаніе во всякомъ случаѣ слишкомъ тяжкое. Дальше полугода одиночное заключеніе, по убѣжденію автора статьи, могло бы продолжаться только тогда, когда этого пожелаетъ самъ заключенный.

По замѣчанію г. Ц. Я. (Юридическій Вѣстникъ, 1883 г. № 8), первую часть ст. 18 слѣдовало-бы дополнить указаніемъ въ ней на 53 ст., а въ послѣдней опредѣлить, что судъ, переходя отъ исправительнаго дома къ тюрьмѣ, можетъ назначить послѣднюю на два года. Это уменьшило-бы рѣзкость перехода отъ исправительнаго дома къ тюрьмѣ.

По поводу ст. 18 проекта, опредѣляющей, что «приговоренные (къ тюрьмѣ) содержатся въ одиночномъ заключеніи, но при удостовѣреніи врача объ опасности одиночнаго содержанія для здоровья заключеннаго, управленію тюрьмы предоставляется право содержать его временно *съ другими* заключенными», г. Лихтенштадтъ замѣчаетъ слѣдующее:

Во первыхъ, съ какими другими, если всѣ будутъ содержаться въ одиночномъ заключеніи и если такое удостовѣреніе будетъ только объ одномъ?

Во вторыхъ, тюрьма есть меньшее наказаніе, чѣмъ исправительный домъ, а между тѣмъ въ послѣднемъ одиночное заключеніе будетъ продолжаться только шесть мѣсяцевъ, а въ тюрьмѣ оно можетъ продолжаться годъ или два. Такимъ образомъ, уменьшеніе наказанія можетъ повести къ отягощенію участи преступника. Въ тюрьмѣ одиночное заключеніе должно-бы продолжаться не болѣе мѣсяца.

Ст. 18 проекта принята Коммисіею Новороссійскаго Юридическаго Общества безъ измѣненія, но по поводу ея представлены нижеслѣдующія замѣчанія члена Юридическаго Общества Н. К. Пасынкова, который считаетъ организацію тюрьмы въ томъ видѣ, въ какомъ она предложена проектомъ, нецѣлесообразною.

Г. Пасынковъ указываетъ, что тюрьма предназначается для наказанія за

проступки, имѣющіе позорный характеръ, притомъ за самые разнообразные, «начиная съ корыстныхъ посягательствъ на чужое имущество и кончая легкими проступками противъ благоустройства и благочинія («объяснительная записка», стр. 66); это наказаніе будетъ имѣть, по числу случаевъ, наказуемыхъ имъ, самое широкое примѣніе.

Система исправленія, по замѣчанію опытныхъ тюрьмовѣдовъ, особенно нужна для преступниковъ съ характеромъ мелочно испорченнымъ, она нужна имъ болѣе, чѣмъ для характеровъ явно выразившихъ свою дурную натуру въ какомъ-либо сравнительно крупномъ преступленіи. Въ объяснительной запискѣ (стр. 14) находится также признаніе этого факта. Тамъ говорится: «Тюремный опытъ и статистика повторенія преступныхъ дѣяній указываетъ намъ, что наиболѣе неисправимыми являются лица, виновныя въ сравнительно маловажныхъ преступныхъ дѣяніяхъ: мелкіе воры, бродяги, укрыватели краденаго и т. д.».

Судя по даннымъ объяснительной записки, такіе преступники и будутъ въ числѣ сидѣльцевъ тюрьмы.

Затѣмъ, само собою разумѣется, что тюрьма, предназначаемая для самого большого числа преступниковъ (*), уже по этому самому будетъ имѣть наибольшее значеніе въ видахъ общественной безопасности. Посему тюрьма не должна выпускать изъ нѣдръ своихъ субъектовъ, къ исправленію которыхъ или ничего, или очень мало сдѣлано.

Изъ замѣчаній г. Пасынкова подъ ст. 17 проекта вытекаетъ, что одиночное заключеніе, по мнѣнію его, должно являться только первою стадіею въ цѣломъ ряду другихъ и, какъ таковая, оно представляется цѣлесообразнымъ, но будучи первою и послѣднею ступенью наказанія, оно рѣшительно не можетъ удовлетворять цѣлямъ исправленія. Оно можетъ устрашить, вызвать признаки раскаянія, случается искренняго, но оно ничѣмъ не гарантируетъ продолжительности, прочности этого раскаянія. Преступникъ, отсидѣвъ срокъ въ одиночной кельѣ и выпущенный за тѣмъ на произволъ судьбы, не вынесетъ съ собой привычки для борьбы съ искушеніями.

Объяснительная записка находитъ, что тюрьма должна удовлетворять прежде всего слѣдующимъ условіямъ: 1) предупрежденіе сношеній между арестантами, такъ какъ тутъ помѣщаются и испорченный рецидивистъ и новичекъ очень мало провинившійся, 2) возможное уменьшеніе продолжительности наказанія, потому что, въ 1-хъ, очень велико число отсылаемыхъ въ тюрьму и, въ 2-хъ, здѣсь много лицъ совершившихъ незначительные про-

(*) По разсчету Редакціонной Коммисіи, около 60,000 человѣкъ на всю Имперію (стр. 66 «Объясненій»).

ступки, лицъ, которыя при этомъ составляютъ единственную опору семьи и должны быть возвращены въ нее по возможности скоро; наконецъ, 3-е условіе—усиленіе строгости примѣненія наказанія, чѣмъ восполнялась-бы его краткосрочность.

Всѣ основанія этихъ трехъ условій носятъ, по мнѣнію г. Пасынкова, слишкомъ случайный характеръ для того, чтобы служить основательнымъ аргументомъ предполагаемаго устройства тюрьмы.

Предупрежденіе сношеній между арестантами условіе желательное для всѣхъ видовъ позорящихъ наказаній лишеніемъ свободы; во всѣхъ мѣстахъ заключеній неизбѣжно встрѣтятся преступники въ разной степени испорченные.

Возможное уменьшеніе продолжительности срока наказанія для лицъ, совершившихъ незначительные проступки и составляющихъ единственную опору семьи—это простое требованіе справедливости для даннаго индивидуальнаго случая, требованіе, которое можетъ имѣть въ виду судья, налагающій на виновнаго наказаніе, а не законодатель, соображающій только въ общихъ чертахъ виды преступленій съ видами наказаній.

Что же касается усиленія строгости примѣненія наказанія, чѣмъ восполнялась-бы краткосрочность, то справедливость и цѣлесообразность такого соображенія для случаевъ, требующихъ исправительнаго вліянія тюрьмы, крайне сомнительны.

Желаніе поскорѣе освободить даннаго субъекта изъ тюрьмы повлечетъ за собой то, что онъ во 2-й и 3-й разъ попадетъ туда-же и такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы отсидѣть сразу 3—4 года, отбудетъ ихъ (занимая мѣсто въ тюрьмѣ) съ антрактами, пользуясь послѣдними для нарушенія общественной безопасности. Менѣе же всего эта краткосрочность наказанія пригодна, по мнѣнію лицъ знакомыхъ съ преступными классами, для рецидивистовъ.

На основаніи всего этого, г. Пасынковъ полагаетъ, что или слѣдуетъ совсѣмъ упразднить этотъ видъ наказанія, соединивъ его съ исправительнымъ домомъ, или видоизмѣнить организацію тюрьмы, сообразуясь съ цѣлями исправленія. Въ послѣднемъ случаѣ:

1) назначить срокъ отъ 2-хъ недѣль, но не до года, а до 5 лѣтъ;

2) одиночное заключеніе назначить въ качествѣ первой стадіи для тѣхъ, кто присужденъ на срокъ въ одинъ годъ и болѣе—въ теченіи шести мѣсяцевъ;

3) работы назначить сначала обязательныя по назначенію, а потомъ по выбору и

4) предоставить заключеннымъ на срокъ въ 2 года и болѣе—право условной свободы.

Останавливаясь на обсужденіи правилъ проекта о наказаніи тюрьмою, Предсѣдатель Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Бартеневъ находитъ, что такъ какъ этотъ видъ наказанія будетъ примѣняться къ тѣмъ случаямъ, за которые нынѣ полагается, по дѣйствующему закону, низшія степени исправительныхъ арестанскихъ отдѣленій, рабочій домъ, ссылка на житье, смирительный домъ, какъ это изложено въ Объясненіяхъ Коммисіи на стр. 66, то предѣльный срокъ тюремнаго заключенія до 1 года представляется крайне незначительнымъ, между прочимъ въ виду новаго закона, по коему даже мировой судья за проступки по уставу, имѣетъ право приговорить къ 1 $^1/_2$ годичному заключенію въ тюрьмѣ. Изъ сего вытекаетъ, что компетенція мироваго судьи, только что расширенная должна быть, вновь съужена или же тюремное заключеніе по уложенію должно быть увеличено въ срокѣ. Послѣднее будетъ справедливѣе, какъ въ виду тѣхъ наказаній, кои тюрьма должна замѣнить, такъ въ виду испорченности лицъ, кои будутъ подлежать этому наказанію. При этомъ, вопреки мнѣнію Коммисіи, г. Бартеневъ полагалъ-бы легкіе проступки противъ благоустройства, благочинія и уставовъ казенныхъ управленій, карать не тюрьмою, а арестомъ съ присоединеніемъ денежной пени, такъ какъ нарушенія эти не имѣютъ позорящаго характера, а потому и согласно соображеніямъ Коммисіи, изложеннымъ на стр. 67, должны быть наказываемы арестомъ.

Въ виду этого онъ полагалъ-бы возможнымъ назначить тюремное заключеніе въ размѣрѣ до 3-хъ лѣтъ, а при условіяхъ, въ ст. 56 указанныхъ, до 6 лѣтъ, увеличивъ сообразно сему заключеніе и въ исправительномъ домѣ по ст. 17 проекта.

Прокуроръ Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалевъ указываетъ на отступленіе Редакціонною Коммисіею отъ указаній Государственнаго Совѣта, преподанныхъ въ мнѣніи его, Высочайше утвержденномъ 11 Декабря 1879 г. Государственнымъ Совѣтомъ срокъ тюремнаго заключенія предположенъ былъ не свыше одного года, а высшій срокъ ареста опредѣленъ въ 3 мѣсяца, по проекту-же тюремное заключеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть продлено до 2 лѣтъ, а арестъ можетъ простираться до 6 мѣсяцевъ и даже иногда до одного года; едва-ли такое удлиненіе сроковъ желательно; тюремное заключеніе, простирающееся до 2 лѣтъ, представляется мѣрой слишкомъ тяжелой и по всей вѣроятности будетъ вызывать

отступленіе отъ существеннаго условія этого рода наказанія одиночнаго содержанія, чего необходимо по возможности избѣгать; продленіе срока ареста до одного года, по мнѣнію г. Москалева, также не соотвѣтствуетъ свойствамъ этого наказанія и при постоянномъ общемъ заключеніи можетъ даже вредно дѣйствовать на нравственность заключенныхъ.

Нужно еще при этомъ имѣть въ виду, что устроить работы въ тюрьмѣ для всѣхъ заключенныхъ весьма затруднительно: большинство изъ нихъ будетъ принадлежать къ крестьянскому сословію, которому знакомы главнымъ образомъ занятія сельскохозяйственныя и другія простыя работы, какъ напр. пилка дровъ, очистка улицъ и т. п., но эти занятія при одиночномъ заключеніи невозможны, какъ равно работы плотничныя, столярныя и слесарныя, требующія мастерскихъ съ особыми приспособленіями и во всякомъ случаѣ болѣе просторнаго отдѣленія, чѣмъ одиночная камера. Такимъ образомъ возникаетъ опасеніе, что многіе изъ заключенныхъ въ тюрьмахъ будутъ оставаться безъ работъ. Также будетъ затруднительно устроить занятія и для всѣхъ, содержащихся подъ арестомъ. Здѣсь кстати слѣдуетъ замѣтить, что по проекту работы для арестованныхъ считаются обязательными и только избраніе рода ихъ предоставлено самимъ заключеннымъ (об. стр. 67), по предположеніямъ-же Государственнаго Совѣта, о которыхъ упомянуто выше, употребленіе арестованныхъ на работы допускается не иначе какъ по собственному ихъ желанію. Это послѣднее правило, какъ кажется г. Москалеву, болѣе соотвѣтствуетъ свойствамъ ареста, какъ простаго, кратковременнаго лишенія свободы, назначаемаго за маловажныя нарушенія.

Въ виду всего изложеннаго, названный Прокуроръ полагалъ-бы, что крайній предѣлъ тюремнаго заключенія (по ст. 56) не долженъ превышать полутора года, а арестъ долженъ быть назначаемъ на срокъ не болѣе 3 мѣсяцевъ и только въ исключительныхъ случаяхъ до 6 мѣсяцевъ.

Бакинскій Окружный Судъ указываетъ, что по ст. 18 тюрьма назначается на срокъ отъ двухъ недѣль до одного года, а въ случаѣ, ст. 56 указанномъ, до двухъ лѣтъ. Приговоренные содержатся въ одиночномъ заключеніи и т. д. Статья эта безусловно устанавливаетъ, что тюремное заключеніе, хотя бы срокомъ и на два года, требуетъ непрерывнаго одиночнаго заключенія на весь срокъ наказанія, къ коему подсудимый присужденъ. Положеніе это, по мнѣнію Суда, не согласуется съ тѣми гуманными началами, какія проведены во всемъ проектѣ уложенія. Не говоря о томъ, что практикою иностранныхъ государствъ по настоящее время далеко еще не доказана сообразность этой мѣры

съ идеею объ исправленіи преступника, одно сопоставленіе его съ болѣе строгимъ наказаніемъ, исправительнымъ домомъ, гдѣ одиночное заключеніе ограничено 6 мѣсячнымъ срокомъ независимо отъ того срока, къ коему осужденный присужденъ приговоромъ суда, приводитъ Бакинскій Судъ къ тому выводу, что болѣе правильнымъ и послѣдовательнымъ было-бы принять въ основу къ опредѣленію одиночнаго заключенія ¼ ч. срока самаго наказанія, къ коему присуждается осужденный; такъ, при осужденіи подсудимаго срокомъ на шесть мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, одиночное заключеніе должно быть, сообразно съ этимъ наказаніемъ, опредѣлено въ одной четвертой части его, т. е. на 1 ½ мѣсяца, причемъ и это наказаніе при безупречномъ поведеніи осужденнаго, по усмотрѣнію ближайшаго мѣстнаго начальника, можетъ быть сокращаемо. Посему Бакинскій Окружной Судъ, съ своей стороны, полагалъ-бы въ 18 ст. добавить, что одну четверть срока тюремнаго заключенія осужденные выдерживаютъ въ одиночномъ заключеніи, которое для заключеннаго, при безупречномъ его поведеніи, управленію тюрьмы предоставляется сокращать на половину. Предложеніе Бакинскаго Окружнаго Суда основано между прочимъ и на томъ соображеніи: а) что Коммисія, не увеличивая срока одиночнаго заключенія въ исправительномъ домѣ при увеличеніи наказанія по 56 ст. уложенія, по всѣмъ даннымъ, имѣла въ виду тяжесть и опасность этой мѣры, почему предѣлы ея далѣе 6 мѣсяцевъ и не распространены; не разширяя-же предѣловъ ея при заключеніи въ исправительномъ домѣ, не представляется никакого основанія отягчать заключеніе въ тюрьмѣ, несомнѣнно наказаніе низшее въ лѣстницѣ наказаній, проектируемыхъ въ уложеніи, и б) что, при избраніи наказанія, какъ судья, такъ и осужденный несомнѣнно будутъ признавать наказаніе въ исправительномъ домѣ на годичный срокъ менѣе тяжкимъ при годичномъ заключеніи въ тюрьмѣ и, такимъ образомъ, въ дѣйствительности виновный въ болѣе тяжкомъ пресупленіи несетъ менѣе тяжкое наказаніе и наоборотъ.

При обсужденіи ст. 18 Екатеринославскій Окружный Судъ обратилъ вниманіе, что наказаніе тюрьмою будетъ назначаемо за проступки, сравнительно менѣе важные и притомъ, нерѣдко, непозорящаго характера. Слѣдовательно, какая-же надобность усиливать ему отвѣтственность назначеніемъ одиночнаго заключенія, которое, по мнѣнію Суда, само по себѣ можетъ сравниться съ самыми высшими видами наказаній. Конечно, если наказаніе тюрьмою будетъ назначено и за нѣкоторые проступки позорящаго характера (напр. кражи), то является весьма нежелательнымъ, чтобы такія лица содержались вмѣстѣ съ наказанными, напр., за увѣчье, раны и т. п.

Слѣдовательно, одиночное заключеніе въ тюрьмѣ, по мнѣнію Суда, можетъ быть назначено развѣ лишь за проступки позорящаго характера, съ тѣмъ только, чтобы продолжительность его не превышала 6 мѣсячной нормы, установленной при назначеніи исправительнаго дома, такъ что, въ случаѣ назначенія тюрьмы за проступки позорящіе—напримѣръ, въ размѣрѣ 10 мѣсяцевъ,—осужденный, какъ и при назначеніи исправительнаго дома, можетъ быть подвергнутъ одиночному заключенію лишь первые 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ подлежитъ переводу или въ общія камеры или въ спеціальныя, отдѣльно отводимыя для подобной категоріи арестантовъ. Оставленіе-же одиночнаго заключенія для всѣхъ, приговоренныхъ къ тюрьмѣ, Суду кажется мѣрою крайне строгою, не вызываемою никакими соображеніями. Наказаніе это будетъ неизмѣримо строже назначаемаго по нынѣ дѣйствующему уложенію. Разительный примѣръ этому—если, положимъ, за причиненіе легкой раны посадить виновнаго въ одиночное тюремное заключеніе хотя-бы на 3 мѣсяца. Такая кара буквально въ 10 разъ сильнѣе нынѣшняго общаго заключенія въ тюрьмѣ хотя-бы и на годъ.

Въ виду приведенныхъ подъ ст. 17 проекта соображеній о значеніи одиночнаго заключенія, Одесскій Окружный Судъ высказывается противъ исключительно одиночнаго содержанія лицъ, присужденныхъ къ тюремному заключенію. Такое заключеніе, которое можетъ длиться годъ и даже два, превратится въ нравственную пытку осужденныхъ за сравнительно маловажные проступки и дастъ въ результатѣ или полное умственное угнетеніе, или совершенное озлобленіе заключеннаго. Поэтому Окружный Судъ признаетъ необходимымъ и для этого вида лишенія свободы допустить одиночное содержаніе лишь пропорціональное всему сроку заключенія, а именно на срокъ отъ 3 дней до 1 года. Болѣе продолжительные сроки одиночнаго заключенія Окружный Судъ считаетъ цѣлесообразнымъ допустить лишь по отношенію къ рецидивистамъ, караемымъ тюремнымъ заключеніемъ, въ видахъ наибольшей репрессіи, съ тѣмъ, чтобы такіе осужденные содержались въ одиночномъ заключеніи половину всего срока заключенія, къ которому они будутъ присуждены приговоромъ суда. При этомъ Окружный Судъ находитъ, что, по собственному желанію осужденнаго, можетъ быть допущено одиночное содержаніе и въ теченіе всего срока заключенія.

Ссылаясь на приведенные подъ ст. 17 проекта замѣчанія свои, Товарищъ Прокурора Рязанскаго Окружнаго Суда Побѣдоносцевъ высказываетъ,

что замѣчанія эти, по скольку они касаются одиночнаго заключенія, должны примѣняться и къ ст. 18 проекта, т. е., что и при тюрьмѣ одиночнымъ заключеніемъ слѣдуетъ пользоваться съ крайнею осторожностью, причемъ можно было-бы ввести положеніе, что половина срока заключенія въ тюрьмѣ должна проходить въ одиночной камерѣ, а другая—въ общей, въ которой могутъ быть соединяемы по два и по три арестанта (о такомъ условіи содержанія, т. е. раздробленія на камеры по два и по три человѣка говорится и въ соображеніяхъ Коммисіи). Къ этому можно было-бы, по мнѣнію г. Побѣдоносцева, добавить, что если заключенный по своему желанію пожелаетъ остаться въ одиночной камерѣ, а не переходить въ общую, то таковое желаніе должно быть уважаемо.

Товарищъ Предсѣдателя Казанскаго Окружнаго Суда Пашковскій не знаетъ, можно-ли возражать противъ этой статьи, такъ какъ она почти буквально перепечатана съ новаго, хотя не дѣйствовавшаго еще закона 11 Декабря 1879 г., но если проектъ подвергается нынѣ обсужденію во всѣхъ его частяхъ, то нельзя не замѣтить непослѣдовательности, выражающейся въ томъ, что приговоренные къ отдачѣ въ исправительный домъ, т. е. къ болѣе тяжкому наказанію, будутъ содержаться въ одиночномъ заключеніи только шесть мѣсяцевъ, а приговоренные къ заключенію въ тюрьмѣ, т. е. къ менѣе тяжкому наказанію, должны содержаться, каждый отдѣльно, во все время пребыванія въ ней, стало-быть—иногда два года. Кажется, не надо быть врачемъ для того, чтобы предсказать, что врядъ-ли кто вынесетъ двухгодичное одиночное заключеніе. Слѣдовало-бы поставить продолжительность одиночнаго заключенія въ зависимость отъ срока всего содержанія въ тюрьмѣ и, опредѣливъ минимумъ таковаго заключенія (напр. три мѣсяца), установить, что осужденные отбываютъ наказаніе въ одиночномъ заключеніи въ теченіи первой четверти того времени, на которое они лишены свободы вообще, если только сами не пожелаютъ пользоваться отдѣльнымъ помѣщеніемъ. Послѣднее правило было-бы совершенно справедливымъ въ отношеніи лицъ, у которыхъ стыдъ и совѣсть развиты на столько, что обнаруженіе ихъ несчастія передъ другими заключенными служило-бы только отягченіемъ ихъ участи.

По мнѣнію Тульскаго Окружнаго Суда, статья 18 проекта требуетъ опредѣленія извѣстнаго срока одиночнаго заключенія. Исправительный домъ поставленъ составителями проекта уложенія наказаніемъ болѣе строгимъ, чѣмъ тюрьма, и, судя по minimum'у и maximum'у этихъ видовъ

лишенія свободы, исправительный домъ будетъ назначаться нерѣдко за преступленія важныя; между тѣмъ содержащіеся въ исправительномъ домѣ испытываютъ одиночное заключеніе только первые шесть мѣсяцевъ, а содержащіеся въ тюрьмѣ постоянно, въ продолженіи отбываемаго срока наказанія. По этому въ текстѣ 18 статьи слѣдовало-бы упомянуть, что приговоренные содержатся сначала, не свыше трехъ мѣсяцевъ, въ одиночномъ заключеніи, и опредѣлить minimum и maximum всего срока тюремнаго заключенія, исключивъ въ отдѣлѣ 2 все, касающееся случайныхъ обстоятельствъ и правъ администраціи по отношенію къ заключеннымъ, а въ отдѣлѣ 3—разсчетъ объ отчисленіи части дохода отъ работъ заключенныхъ въ ихъ пользу. Основанія къ такому измѣненію редакціи статьи будутъ въ сущности тѣ же, которыя высказаны Судьями въ отношеніи статьи 17. Такимъ образомъ, статью 18 слѣдовало-бы изложить такъ:

«Тюрьма назначается на срокъ отъ двухъ недѣль до двухъ лѣтъ».

«Приговоренные содержатся сначала не свыше трехъ мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи».

«Приговоренные занимаются работами въ камерахъ».

Докладчикъ въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры г. Кильштетъ, въ виду краткости сроковъ тюрьмы, не возражалъ противъ одиночности заключенія.—Противъ этого было замѣчено (г. Марковъ), что наблюденіе за нашими арестантами доказываетъ вредъ одиночнаго заключенія, когда оно превышаетъ 6 мѣсяцевъ; что при условіи одиночности—тюрьма будетъ тяжелѣе исправительнаго дома на тѣ же сроки, и что поэтому слѣдовало-бы по истеченіи 6 мѣсяцевъ обязательно содержать арестантовъ въ камерахъ, устроенныхъ на 2—3 лица.— Не соглашаясь съ этимъ замѣчаніемъ, совѣщаніе присоединилось къ высказанному мнѣнію (г. Островскій) о томъ, что слово «временно» относительно совмѣстнаго содержанія должно быть замѣнено выраженіемъ «впредь до устраненія таковой опасности».

Чины Вологодскаго Окружнаго Суда указываютъ, что срокъ заключенія въ тюрьмѣ опредѣленъ въ проектѣ отъ двухъ недѣль до *одного года;* между тѣмъ, послѣ изданія 11 Декабря 1879 г. основныхъ положеній, закономъ 18 Мая 1882 г. компетенція мировыхъ судей, въ опредѣленіи наказанія, расширена до полуторагодичнаго тюремнаго заключенія. А такъ какъ нельзя ожидать, чтобы наказаніе за кражу со взломомъ было уменьшено, въ особенности—съ необходимой передачей вѣдомству мировыхъ судей еще

нѣкоторыхъ дѣлъ о кражѣ со взломомъ, кромѣ переданныхъ по закону 18 Мая,—и такъ какъ нельзя желать предоставленія мировымъ судьямъ права присуждать къ исправительному дому, то необходимо срокъ заключенія въ тюрьмѣ увеличить до полутора года и, въ видахъ постепенности наказанія, увеличить низшій размѣръ содержанія въ исправительномъ домѣ, опредѣливъ отъ полутора года.—Кромѣ того, въ видахъ послѣдовательности, невозможно допустить разницы въ срокахъ одиночнаго заключенія, для приговоренныхъ къ тюрьмѣ и исправительному дому. Если въ исправительный домъ будутъ присуждаемы за болѣе важныя преступленія, чѣмъ въ тюрьму, и если арестанты исправительнаго дома должны нести болѣе строгое наказаніе, чѣмъ приговоренные къ тюрьмѣ, то правильно-ли подвергать тяжкому одиночному заключенію—первыхъ на шесть, а вторыхъ—до двухъ лѣтъ, какъ это предложено въ ст. 17, 18 и 55 ст. проекта? А потому, было-бы и послѣдовательнѣе и справедливѣе, для приговоренныхъ къ тюрьмѣ, сократить срокъ одиночнаго заключенія до шести мѣсяцевъ и согласно съ симъ измѣнить редакцію 18 статьи.

Въ особой Коммисіи, образованной изъ состава Варшавской Судебной Палаты, при разсмотрѣніи ст. 18, касающейся тюрьмы, были высказаны слѣдующія мнѣнія:

Членъ Коммисіи Кочубей полагалъ, что въ текстѣ ст. 18, послѣ словъ: «приговоренные содержатся въ одиночномъ заключеніи», слѣдовало-бы прибавить слова: «не свыше двухъ мѣсяцевъ».

Предсѣдатель Коммисіи Томашевскій полагалъ, вмѣсто словъ «не свыше двухъ мѣсяцевъ», предполагаемыхъ Членомъ Коммисіи Кочубеемъ, въ означенномъ мѣстѣ ст. 18 прибавить: «причемъ время одиночнаго заключенія опредѣляется судомъ не свыше трехъ мѣсяцевъ, по приговору суда».

Членъ же Коммисіи Суходольскій полагалъ ст. 18 оставить безъ измѣненій.

При дальнѣйшемъ обсужденіи этого вопроса, Коммисіею принято мнѣніе Предсѣдателя.

По мнѣнію Люблинскаго Окружнаго Суда, срокъ одиночнаго заключенія для содержащихся въ тюрьмѣ желательно ограничить шестью мѣсяцами (сравни. 2 ч. 17 ст.). Если-же арестанты будутъ подлежать одиночному заключенію въ теченіи всего времени пребыванія въ тюрьмѣ, то немыслимо будетъ и временное содержаніе совмѣстно съ другими заключенными, при

удостовѣреніи врача объ опасности одиночнаго содержанія для здоровья арестанта.

Чины прокурорскаго надзора Казанскаго Окружнаго Суда находятъ, что, при постоянномъ одиночномъ заключеніи въ тюрьмѣ всѣхъ арестантовъ, невозможно помѣстить совмѣстно съ другими—арестанта, для котораго одиночное заключеніе окажется вреднымъ, если такой арестантъ въ тюрьмѣ будетъ одинъ.

Независимо отъ сего, одиночное заключеніе въ тюрьмѣ въ теченіе всего срока наказанія едва-ли оправдывается необходимостью и едва-ли можетъ быть признано послѣдовательнымъ: 1) не допуская совмѣстнаго содержанія, оно не представляетъ весьма полезной переходной ступени отъ тяжкаго способа лишенія свободы одиночнаго заключенія—къ полному освобожденію, и 2) продолжаясь до одного года и даже до двухъ лѣтъ, оно было-бы тяжелѣе исправительнаго дома, въ которомъ одиночное заключеніе полагается только на полгода, а потому указанное въ 53 ст. проекта смягченіе наказанія при переходѣ отъ исправительнаго дома къ тюрьмѣ было-бы не осуществимо.

Тѣже чины замѣчаютъ, что отчисленіе половины чистаго дохода отъ работъ въ пользу арестантовъ, въ виду непродолжительности заключенія, не можетъ ни доставить приговоренному какой-либо существенной матеріальной поддержки, ни заохотитъ его къ работамъ.

Поэтому надлежало-бы одиночное заключеніе въ тюрьмѣ установить въ первые шесть мѣсяцевъ, подвергая ему безъ исключенія лицъ, присуждаемыхъ на меньшіе сроки, и отчислять въ пользу приговоренныхъ ½ чистаго дохода отъ работъ.

Въ замѣчаніи Прокурора Владикавказскаго Окружнаго Суда Чинчинадзе, приведенномъ подъ 17 ст. проекта, указано на необходимость точнаго опредѣленія предѣловъ власти управленія исправительнымъ домомъ въ случаяхъ, когда одиночное заключеніе представляетъ видимую опасность для здоровья заключеннаго, дабы тѣмъ самымъ устранить всякую въ этомъ отношеніи возможность къ произволу со стороны управленія. Между тѣмъ изъ разсмотрѣнія 2 ч. 18 ст. проекта оказывается, что постановленіемъ этой послѣдней статьи не только расширены предѣлы власти управленія тюрьмы относительно замѣны одиночнаго заключенія общимъ, но еще, сверхъ постановленія этого вопроса въ безусловную зависимость отъ

воли управленія тюрьмы, сдѣлано ограниченіе въ случаяхъ замѣны одиночнаго заключенія общимъ, а именно: постановлено подобную замѣну, при удостовѣреніи врача объ опасности одиночнаго заключенія для здоровья заключеннаго, дѣлать лишь «временно».

Не говоря уже о томъ, что всякое расширеніе власти управленія тюрьмы относительно замѣны одиночнаго заключенія общимъ и предоставленіе его усмотрѣнію разрѣшенія вопросовъ, касающихся такого важнаго предмета, какъ одиночное заключеніе, можетъ и должно вредно отразиться на практикѣ, и что поэтому желательно было-бы, въ видахъ огражденія заключенныхъ отъ всякаго возможнаго въ этомъ отношеніи произвола, ограничить власть управленія тюрьмы въ этомъ отношеніи и сдѣлать для управленія обязательнымъ замѣну одиночнаго заключенія общимъ въ томъ случаѣ, когда одиночное заключеніе, по удостовѣренію врача, представляетъ дѣйствительную опасность для здоровья заключеннаго, но и помимо всего этого самое постановленіе, выраженное во 2 ч. 18 ст. проекта, по мнѣнію г. Чинчинадзе, должно быть признано лишеннымъ твердаго основанія и при томъ противорѣчащимъ требованіямъ справедливости,—2 ч. 18 ст. проекта, допуская возможность замѣны одиночнаго заключенія общимъ, въ случаѣ удостовѣренія врача объ опасности одиночнаго содержанія для здоровья заключеннаго, вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы таковая замѣна имѣла характеръ временной. Такимъ образомъ, по буквѣ этого постановленія, оказывается, что какъ-бы одиночное заключеніе ни вліяло вредно на здоровье заключеннаго и къ какимъ бы пагубнымъ послѣдствіямъ оно ни вело, заключенный можетъ быть избавленъ отъ одиночнаго содержанія и переведенъ въ общую камеру не иначе, какъ только на время. Какія именно соображенія приняты въ основаніе этого постановленія, изъ проекта не видно, но каковы-бы они не были, г. Чинчинадзе затрудняется согласиться съ ними и признать эту мѣру цѣлесообразною. Не подлежитъ сомнѣнію, что могутъ быть такіе случаи, когда не только болѣе или менѣе продолжительные сроки, но и одни лишніе сутки одиночнаго заключенія производятъ на заключеннаго такое угнетающее, подавляющее вліяніе на душевное его состояніе, что, для предупрежденія начала и развитія душевной или физической болѣзни такого заключеннаго, представится неотложная надобность въ переводѣ его въ общую камеру. Неужели-же такой заключенный, болѣзнь котораго отъ одиночнаго содержанія удостовѣрена врачемъ, долженъ выдержать опредѣленный терминъ въ одиночномъ заключеніи и только «временно» можетъ быть переведенъ въ общую камеру? Между тѣмъ, слѣдуя буквальному смыслу 2 ч. 18 ст. проекта, оказывается, что тюремная администрація, коей предоставляется дѣлать замѣну одиночнаго

заключенія общимъ, какъ-бы ни была увѣрена въ пагубномъ вліяніи одиночнаго содержанія на здоровье заключеннаго, лишена права на совершенное избавленіе такого заключеннаго отъ одиночнаго содержанія. Названный Прокуроръ полагаетъ, что всякое отрицаніе въ этомъ случаѣ права тюремной администраціи на совершенное освобожденіе заключеннаго изъ одиночнаго содержанія было-бы равносильно посягательству на здоровье и жизнь заключеннаго, что очевидно не можетъ входить въ задачу закона и въ интересы государства.

Въ виду сего и находя, что вопросъ о полезности системы одиночнаго заключенія ни наукою, ни практикою до сего времени далеко еще не разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ и что поэтому едва-ли справедливо и цѣлесообразно расширять предѣлы примѣненія этой мѣры, г. Чинчинадзе полагаетъ болѣе правильнымъ 2 ч. 18 ст. проекта редактировать слѣдующимъ образомъ: «приговоренные содержатся въ одиночномъ заключеніи, но, при удостовѣреніи врача объ опасности одиночнаго содержанія для здоровья заключеннаго, управленіе тюрьмы обязано содержать его совмѣстно съ другими заключенными».

Прокуратура Самарскаго Окружнаго Суда замѣчаетъ, что, по статьѣ 18, приговоренные въ тюрьму содержатся въ одиночномъ заключеніи, но, при *удостовѣреніи* врача *объ опасности* одиночнаго содержанія для здоровья заключеннаго, управленію тюрьмы *предоставляется право* содержать его *временно* совмѣстно съ другими заключенными.

Подобное-же правило постановлено въ предшедшей 17 статьѣ относительно приговоренныхъ къ исправительному дому, но тамъ замѣна одиночнаго заключенія общимъ въ указанномъ случаѣ обязательна, а не предоставляется усмотрѣнію управленія. Тоже слѣдовало-бы постановить и относительно заключенныхъ въ тюрьму: предоставленіе, въ этомъ отношеніи, столь широкаго простора тюремному начальству (какъ предложено въ ст. 18) едва-ли желательно, такъ какъ это можетъ повести къ произволу и злоупотребленіямъ.

Чины Рыбинской прокуратуры находятъ, что статья 18 неточно редактирована. Сказано: «приговоренные содержаться въ одиночномъ заключеніи, но . . . . предоставляется право содержать его (заключеннаго) временно совмѣстно съ другими заключенными». Слѣдовало-бы прямо

раздѣлить содержаніе одиночное и содержаніе совмѣстное, для устраненія возможнаго произвола со стороны мѣстной тюремной администраціи.

Собраніе чиновъ Кіевскаго прокурорскаго надзора по мотивамъ, приведеннымъ въ замѣчаніи на 14 статью проекта, полагаетъ исключить изъ редакціи 18 ст. всѣ положенія, опредѣляющія условія и порядокъ содержанія въ тюрьмахъ, высказавъ при этомъ, что характеръ принудительности работъ было-бы желательно сохранить и въ отношеніи работъ въ тюрьмахъ.

Чины Московской прокуратуры предлагаютъ слѣдующую редакцію ст. 18: «тюрьма назначается на срокъ отъ двухъ недѣль до одного года, а въ случаѣ, статьею 56 указанномъ, до двухъ лѣтъ».

«Приговоренные содержатся въ одиночномъ заключеніи и занимаются обязательными работами въ камерахъ: половина чистаго дохода отъ работъ обращается въ ихъ пользу».

См. также приведенныя: подъ ст. 17 замѣчаніе Сенатора А. К. Фриде, и подъ ст. 14 замѣчаніе чиновъ Ярославской прокуратуры.

Статья 19.

Арестъ назначается на срокъ отъ одного дня до шести мѣсяцевъ, а въ случаѣ, статьею 56 указанномъ, до одного года, и отбывается въ устроенныхъ для того помѣщеніяхъ.

Приговоренные содержатся въ общемъ заключеніи, но, по ихъ просьбѣ, могутъ быть, по распоряженію управленія арестнымъ домомъ, содержимы и въ одиночномъ заключеніи; они занимаются работами по ихъ выбору; чистый доходъ отъ работъ обращается въ ихъ пользу.

По поводу ч. 2. ст. 19-ой профессоръ Гольцендорфъ замѣчаетъ, что право заниматься по собственному выбору могло-бы привести къ неудобствамъ въ сферѣ управленія. Предпочтительнѣе, казалось-бы, внести постановленіе аналогическое съ существующимъ въ англійскомъ законодательствѣ, по которому судья рѣшаетъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, должно-ли назначить осужденному родъ занятій, соотвѣтственно его состоянію, или же можно предоставить выборъ занятій его усмотрѣ-

нію (напр. по отношенію къ образованнымъ осужденнымъ). Засимъ профессоръ Гольцендорфъ предложилъ-бы одно нововведеніе, имѣющее, на его взглядъ, важное значеніе. По аналогіи съ разсрочкою въ платежѣ денежной пени, въ ст. 23 ч. 2 судьѣ надлежало-бы предоставить право дозволять отбываніе по частямъ также и кратковременныхъ наказаній лишеніемъ свободы такимъ образомъ, чтобы, въ интересѣ матеріальнаго благостоянія и сельскаго хозяйства, наказаніе лишеніемъ свободы могло быть прерываемо на время жатвы. По отношенію къ аресту слѣдовало-бы, сверхъ того, сдѣлать возможнымъ отбываніе его по частямъ полу-днями, такъ чтобы заключеніе приходилось на ночное время. Подобная мѣра принесла-бы пользу трудолюбивымъ работникамъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, понизила-бы стоимость небольшихъ тюремъ, такъ какъ ночныя кельи могутъ быть меньшей величины.

По мнѣнію профессора Гуго Мейера, постановленіе ст. 19-ой представляется неправильнымъ въ виду того, что въ пользу приговоренныхъ къ аресту обращается весь чистый доходъ отъ работъ. Сверхъ того, является несоотвѣтственнымъ предоставленіе приговоренному яко-бы права на общее заключеніе.

Не зная особенной части уложенія, профессоръ Вальбергъ не можетъ судить о границахъ и о практическомъ различіи между тюрьмою и арестомъ, такъ какъ шестимѣсячный арестъ можетъ быть почитаемъ равнымъ тюрьмѣ, назначенной въ среднемъ размѣрѣ, если при этомъ не принимать во вниманіе различія въ способѣ содержанія заключенныхъ и въ занятіи ихъ работами, тѣмъ болѣе, что внутреннее различіе наказаній не бросается въ глаза публикѣ.

По замѣчанію г. Ц. Я. (Юридическій Вѣстникъ 1883 г., № 8), въ въ первой части ст. 19 къ словамъ «и отбываются въ устроенныхъ для того помѣщеніяхъ» слѣдовало-бы прибавить «или въ особыхъ отдѣленіяхъ при тюрьмахъ, по мѣстнымъ условіямъ и усмотрѣнію суда». Такое дополненіе вызывается нынѣшнимъ состояніемъ арестныхъ домовъ, до полнаго преобразованія которыхъ арестъ представляется наказаніемъ крайне неравномѣрнымъ и во многихъ случаяхъ несостоятельнымъ, а также соображеніями о необходимости возможнаго сокращенія числа мѣстъ заключенія. Установленная проектомъ система лишенія свободы предполагаетъ существованіе многочисленныхъ тюремъ такихъ размѣровъ, чтобы арестанты могли быть на

ночь разобщаемы, и слѣдовательно, имѣли особыя кельи. Устройство, согласно этимъ требованіямъ, тюремныхъ зданій потребуетъ не только единовременно громадныхъ средствъ на сооруженіе зданій, но и весьма значительныхъ постоянныхъ затратъ на ремонтъ и содержаніе зданій, охрану ихъ стражею, содержаніе тюремной администраціи и увеличенные расходы по содержанію арестантовъ, которые, какъ извѣстно, не находятся въ неизмѣнной пропорціи къ числу арестантовъ, а зависятъ главнымъ образомъ отъ самыхъ условій содержанія, при которыхъ стоимость содержанія каждаго арестанта въ извѣстной тюрьмѣ, выраженная въ процентномъ отношеніи къ суммѣ всѣхъ расходовъ на тюрьму, возрастаетъ соразмѣрно уменьшенію числа арестантовъ въ этой тюрьмѣ. Въ виду этого-то и необходимо установить такія условія содержанія заключенныхъ, чтобы средства, которыя государство можетъ удѣлить на устройство и содержаніе мѣстъ заключенія, были употреблены съ наибольшею экономіею и могли удовлетворять такія потребности тюремъ, отъ возможно полнаго удовлетворенія которыхъ можно ожидать наилучшихъ результатовъ. Однимъ распредѣленіемъ арестантовъ по разнымъ тюрьмамъ нельзя достигнуть не только соблюденія относительной репрессивности наказанія и исправленія заключенныхъ, но и устраненія вреднаго вліянія на нихъ другихъ заключенныхъ и праздной жизни. Но достиженіе э
представляется возможнымъ или, по крайней мѣрѣ, вѣроятнымъ пр
номъ опредѣленіи порядка и условій содержанія каждой категоріи а
товъ и способовъ соотвѣтственнаго воздѣйствія на нихъ посре
устройства мастерскихъ, рабочихъ, библіотекъ, чтенія для зак
и т. п. Устройство особыхъ каторжныхъ тюремъ отъ испр
домовъ представляется вполнѣ цѣлесообразнымъ, въ виду большей тя
каторжнаго заключенія и въ виду того, что приговоренные, по отбытіи
каторги, поселяются, вслѣдствіе чего необходимость пересылки ихъ неизбѣж
на, а содержать ихъ удобнѣе въ спеціально для нихъ устроенныхъ тюрьмахъ
вблизи мѣстъ поселенія ихъ, гдѣ содержаніе ихъ будетъ дешевле стоит
и лучше можетъ быть приведено въ соотвѣтствіе съ требованіемъ больше
репрессивности этого наказанія, и заключенные могутъ знакомиться съ усло
віями жизни въ мѣстностяхъ, въ которыхъ должны по отбытіи наказанія жит
Устройство особыхъ исправительныхъ домовъ также обусловливаются значи
тельною разницею въ условіяхъ содержанія приговоренныхъ къ этому закл
ченію и къ тюрьмѣ, и удобствами отдѣленія этихъ арестантовъ отъ других
категорій заключенныхъ въ виду того, что при относительной долгосро
ности исправительнаго дома и краткосрочности тюрьмы, ареста и предв
рительнаго заключенія, препровожденіе приговоренныхъ къ исправите

ному дому въ эти дома не представитъ большихъ затрудненій и не увеличитъ значительно расходовъ на содержаніе заключенныхъ, такъ какъ исправительные дома, вѣроятно, будутъ устраиваемы на значительное число лицъ и при такомъ сосредоточеніи въ нихъ заключенныхъ могутъ быть поставлены въ хорошія условія: расходы на содержаніе завѣдующихъ домами и надзирателей могутъ быть увеличены, чтобы привлечь на службу людей развитіемъ и опытностью соотвѣтствующихъ своему назначенію; затраты, сдѣланныя на устройство работъ, мастерскихъ, библіотекъ и т. п. будутъ окупаться результатами, которые могутъ быть достигнуты этимъ. Но этими соображеніями не оправдывается устройство вездѣ особыхъ зданій для содержанія приговоренныхъ къ аресту. Изъ соображеній Коммисіи слѣдуетъ заключить, что приговоренные къ тюрьмѣ будутъ отбывать ее въ отдѣленіяхъ подслѣдственныхъ тюремъ. Это представляется вполнѣ удобнымъ, такъ какъ въ условіяхъ содержанія тѣхъ и другихъ заключенныхъ разница незначительная и число заключенныхъ обѣихъ категорій въ каждой губерніи будетъ, безъ сомнѣнія, на столько значительно, что затраты на хорошее устройство тюремъ не представятся непроизводительными. Въ совершенно другихъ условіяхъ окажутся арестные дома. Хотя новое уложеніе продлило срокъ ареста до 6 мѣсяцевъ, а при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и до 1 года, и увеличило число случаевъ перехода отъ тюрьмы къ аресту, однакоже и при этихъ условіяхъ число лицъ, отбывающихъ арестъ, будетъ сравнительно съ числомъ заключенныхъ въ тюрьмѣ, ничтожно. Устройство и содержаніе для такого незначительнаго числа арестованныхъ особыхъ арестныхъ домовъ, въ особенности въ такомъ количествѣ, въ какомъ они содержатся въ настоящее время земствами—по два, три и даже четыре дома на уѣздъ, не можетъ не происходить въ ущербъ качеству содержанія. Въ настоящее время въ чрезвычайно многихъ арестныхъ домахъ не болѣе двухъ—трехъ комнатъ и нѣкоторые заключенные отбываютъ арестъ въ квартирѣ надзирателя или сторожа арестнаго дома; въ громадномъ большинствѣ арестныхъ домовъ не готовятъ пищи для заключенныхъ, а выдаютъ суточныя кормовыя деньги, на которыя арестанты не могутъ достать горячей пищи; контроль за этими домами имѣетъ характеръ рѣдкой случайности и заключенный претерпѣваетъ въ нихъ лишенія, которымъ подвергаются и содержащіеся въ тюрьмѣ, или же пользуется такими удобствами, которыя несовмѣстны съ понятіемъ о лишеніи свободы.

Предоставленіе суду права назначать арестъ при тюрьмѣ или въ арестномъ домѣ устранило-бы въ значительной мѣрѣ эти неудобства и необходимость содержать въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть или будутъ устроены большія тюрьмы, особые арестные дома. При хорошемъ устройствѣ тюремъ, при-

говоренные къ аресту могли-бы имѣть не только особыя камеры, но и совершенно отдѣльные дворы для прогулокъ, находились-бы подъ общимъ бдительнымъ надзоромъ и пользовались-бы здоровою пищею, книгами изъ тюремныхъ библіотекъ, инструментами изъ мастерскихъ и т. п. и содержаніе ихъ обходилось-бы сравнительно дешево.

Засимъ, 2-ю часть той-же 19-й ст. проекта слѣдовало-бы изложить такъ: «Приговоренные содержатся въ общемъ заключеніи, но, по ихъ просьбѣ или по распоряженію управленія, могутъ быть содержимы въ одиночномъ заключеніи» и т. д., чтобы предоставить управленію арестнымъ домомъ право отдѣлить отъ другихъ арестантовъ такого арестанта, котораго по извѣстнымъ причинамъ не слѣдуетъ держать съ другими арестантами.

Г. Лонгиновъ (Судебная Газета 1883 г., № 16) указываетъ, что по 19 ст. проекта арестъ назначается отъ одного дня до *шести мѣсяцевъ*, а въ случаѣ ст. 56-ю указанномъ (совокупность нѣкоторыхъ преступныхъ дѣяній, совершенныхъ по привычкѣ или по ремеслу), можетъ быть увеличенъ до *одного года*. Допуская, по просьбѣ арестуемыхъ, одиночное для нихъ заключеніе, составители проекта, очевидно, полагали, что арестъ будетъ отбываться не въ нынѣшнихъ арестантскихъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ одиночныя камеры встрѣчаются рѣдко, но во вновь устроенныхъ арестныхъ домахъ.

Сравнительно съ дѣйствующимъ уложеніемъ, проектируемый срокъ заключенія въ арестѣ оказывается ровно *вдвое*, а въ иныхъ случаяхъ *вчетверо* продолжительнѣе. Мотивируется это тѣмъ, что «между *нарушеніями* встрѣчаются такія, которыя заслуживаютъ болѣе продолжительныхъ наказаній, но которыя не могутъ быть обложены тюрьмою, какъ мѣрою, принятою въ законѣ для дѣяній, имѣющихъ позорящій характеръ». При этомъ редакторы проекта ссылаются на законъ 11 Декабря 1879 г., по которому арестъ является простымъ лишеніемъ свободы и долженъ, слѣдовательно, назначаться за маловажныя нарушенія, чуждыя позорящаго характера (объясн. зап., стр. 67).

Обращаясь къ закону 11 Декабря 1879 г., установившему основныя положенія *для руководства* при предстоящемъ тюремномъ преобразованіи и пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ, г. Лонгиновъ находитъ, что по этому закону, *безусловно обязательному* для составителей новаго уложенія (ст. 2), высшій размѣръ ареста, согласно съ дѣйствующимъ правомъ, ограниченъ *тремя мѣсяцами* (ст. 1), и подлежащіе аресту должны быть содержимы или въ особыхъ

помѣщеніяхъ при полиціи, или въ помѣщеніяхъ для приговариваемыхъ къ аресту мировыми судебными установленіями, а также и въ иныхъ мѣстахъ, допускаемыхъ закономъ (ст. 6).

Сопоставляя проектъ Редакціонной Коммисіи съ Высочайше утвержденнымъ, 11 Декабря 1879 г., мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, по отношенію къ сроку ареста и мѣсту содержанія арестуемыхъ, нельзя не пожалѣть, что Коммисія отклонилась отъ указаннаго ей пути. Въ данномъ случаѣ отступленіе отъ предначертаннаго законодателемъ стройнаго плана является отчасти плодомъ напрасной надежды, что въ организаціи помѣщеній для подвергаемыхъ аресту послѣдуетъ радикальная реформа (объясн. зап., стр. 76 и 77). Но сколько-бы мы ни строили воздушныхъ замковъ, такая реформа, по весьма понятнымъ причинамъ, немыслима въ близкомъ будущемъ, ибо для устройства новыхъ и даже для капитальной передѣлки существующихъ арестантскихъ помѣщеній, въ виду ихъ многочисленности, потребовались-бы затраты въ десятки милліоновъ рублей казною и земствомъ, между тѣмъ она вовсе не столь настоятельна, какъ реформа собственно *тюремная*, и приговариваемые къ аресту могутъ, согласно съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, по прежнему отбывать наказаніе въ приспособленныхъ для того помѣщеніяхъ (съ исправленіемъ, конечно, пришедшихъ въ совершенную негодность), противъ чего не содержится никакихъ замѣчаній и въ Матеріалахъ для пересмотра уголовнаго законодательства. При современномъ-же состояніи арестантскихъ помѣщеній, продленіе установленнаго maximum'а срока содержанія угрожало-бы чрезмѣрнымъ ихъ переполненіемъ и было-бы несправедливо, падая всей своей тяжестью на интеллигентные классы населенія, для коихъ долговременное заключеніе въ тѣсныхъ, зловонныхъ камерахъ, совмѣстно со всякимъ сбродомъ, равнялось-бы страшной пыткѣ и лишило-бы возможности лицъ, привыкшихъ къ умственному труду, продолжать въ заключеніи свои обычныя занятія. Великой хвалы заслуживаетъ стремленіе Редакціонной Коммисіи поддержать принципъ равной отвѣтственности всѣхъ передъ закономъ, но вѣдь изъ этого принципа вовсе не слѣдуетъ, чтобы можно было людей, пользующихся уваженіемъ и почетомъ въ обществѣ, сажать въ одну и ту же грязь съ какими-нибудь нищими, карманными воришками и бездомными пьяницами, да и сама Коммисія не отрицаетъ необходимости нѣкоторыхъ изъятій, предоставляя выборъ мѣста заключенія подъ арестомъ для священнослужителей и монашествующихъ ихъ епархіальному начальству (ст. 52 проекта). Единственное коренное измѣненіе, необходимое, по мнѣнію г. Лонгинова, въ порядкѣ содержанія подъ арестомъ, сводится къ уничтоженію ничѣмъ не оправдываемаго *ареста при тюрьмѣ* по 57 ст. дѣйствующаго уложенія для лицъ привилегированныхъ

безъ ихъ согласія на отбытіе ареста въ тюрьмѣ, а также *ареста на военной гауптвахтѣ для* лицъ привилегированныхъ гражданскаго вѣдомства.

Что касается minimum'а ареста, то въ дѣйствующемъ правѣ существуютъ двѣ различныя системы. По уложенію 1866 г., низшая мѣра низшей степени ареста полагается въ одинъ день (4 степ. 39 ст.), по уставу-же о наказаніяхъ, за исключеніемъ нарушенія скотобойныхъ правилъ и замѣны штрафа до 15 р. (ст. 114 и 1 п. 7 ст.), арестъ не можетъ быть назначенъ менѣе 4-хъ дней (2 п. 12 ст.). Норма эта, говорится въ мотивахъ къ послѣдней статьѣ, установлена съ тою цѣлью, чтобы всякому недовольному рѣшеніемъ мироваго судьи дать возможность обжаловать таковое мировому съѣзду (ст. 124 уст. угол. судопр.). Въ виду явной несостоятельности упомянутаго соображенія, принятый редакторами проекта низшій предѣлъ ареста въ *одинъ день* представляется вполнѣ правильнымъ.

Такъ какъ по смыслу объяснительной записки, работы и при арестѣ обязательны, а при невыборѣ ея арестантомъ, онѣ назначаются ему начальствомъ, то Редакціонный Комитетъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, находя эту обязнность несоотвѣтствующею наказанію арестомъ, предлагаетъ установить прямо необязательность работъ.

В. К. Случевскій согласился съ измѣненіемъ согласно предложенію Редакціоннаго Комитета.

Н. Д. Сергіевскій высказался за обязательность работъ.

В. Н. Коковцевъ замѣтилъ, что самое устройство работъ при арестѣ весьма трудно, въ виду краткосрочности самаго ареста.

М. В. Красовскій полагалъ возможнымъ допустить обязательность работъ при арестѣ, назначаемомъ на срокъ свыше 2 мѣсяцевъ.

При голосованіи, вопросъ о необязательности работъ при арестѣ разрѣшенъ утвердительно—15 голосовъ противъ 3.

Предложеніе г. Красовскаго не было принято, такъ какъ за него высказалось только 6 голосовъ.

Коммисія Новороссійскаго Юридическаго Общества предлагаетъ дополнить ст. 19 проекта слѣдующимъ постановленіемъ:

«Содержащимся подъ арестомъ предоставляется имѣть свою пищу и одежду на условіяхъ, не противорѣчащихъ правиламъ арестнаго дома».

Такая прибавка къ ст. 19-й вызывается желаніемъ оттѣнить въ самомъ текстѣ уложенія наказаніе арестомъ, какъ слабѣйшее изъ всѣхъ видовъ наказаній лишеніемъ свободы, назначаемое за маловажные проступки, чуждые

позорящаго характера. Поэтому Коммисія находитъ нужнымъ предоставить содержащимся въ арестномъ домѣ имѣть свою пищу и свою одежду. Эти льготы допускаются уже по правиламъ нынѣ существующихъ у насъ арестныхъ домовъ. По поводу возникшаго при этомъ вопроса о томъ, умѣстно-ли внесеніе подобной регламентаціи въ самый текстъ уложенія, высказано было, что теорія въ послѣднее время признала это вполнѣ цѣлесообразнымъ и уже нашла себѣ примѣненіе въ новѣйшихъ европейскихъ кодексахъ, на примѣръ въ венгерскомъ, гдѣ регламентація внутренняго порядка мѣстъ заключенія съ большею подробностью внесена въ текстъ статей общей части уложенія.

Въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества *В. В. Смиттенъ*, разбирая 19-ю ст., находилъ нужнымъ выразить въ текстѣ ея, что, въ случаѣ неизбранія арестантомъ какой-либо изъ работъ, допущенныхъ въ арестномъ домѣ, онъ занимается работою по назначенію администраціи дома, каковая мысль высказана въ запискѣ (стр. 67), но не внесена въ текстъ статьи. Референтъ находилъ также желательнымъ, чтобы и въ арестныхъ домахъ приговоренные, по возможности, содержались ночью въ разобщеніи.

Оба эти замѣчанія приняты Обществомъ единогласно и только А. С. Френкель замѣтилъ, что, такъ какъ нѣтъ основанія лицъ, подвергаемыхъ аресту, считать особо безнравственными, то нѣтъ и основанія, по его мнѣнію, непремѣнно настаивать на разобщеніи на ночь.

Относительно ст. 19 объ арестѣ, Сенаторъ А. К. Фриде замѣчаетъ, что ежели одиночное заключеніе допущено для приговоренныхъ къ тюрьмѣ и къ исправительному дому,—*тѣмъ болѣе* оно необходимо для приговоренныхъ къ простому аресту. Работы лондонскаго тюремнаго конгресса 1872 г. съ особою силою и полнотою указываютъ на деморализующее вліяніе именно *краткихъ сроковъ* заключенія въ общей тюрьмѣ, какъ на школу будущихъ преступниковъ, и ежели по существующимъ въ обществѣ понятіямъ и по теоріямъ криминалистовъ, проглядывающимъ во всѣхъ уголовныхъ уложеніяхъ новѣйшаго времени, ни въ денежной пенѣ, ни въ лишеніи извѣстныхъ (избирательныхъ или сословныхъ) правъ не усматривается пока *эквивалента* лишенія свободы, хотя, съ другой стороны, по странному противорѣчію, въ тюрьмѣ усматриваютъ эквивалентъ неуплаченной денежной пени, то за что же подвергать еще лишеннаго уже свободы возможности *скрывать свой* стыдъ отъ посторонняго взгляда, за что же лицо виновное въ *незначительномъ нарушеніи* подвергать необходимости и даже возможности находиться,

хотя бы въ теченіи одного дня, въ обществѣ, быть можетъ, нравственно вполнѣ упадшихъ существъ, хотя не совершившихъ еще, либо на этотъ разъ, преступленія, подвергающаго ихъ наказанію уголовному? Если при значительномъ количествѣ арестныхъ домовъ, потребныхъ на практикѣ, и при неуказаніи въ проектѣ ни на *домашній арестъ*, ни на арестъ на *гауптвахтѣ*, устройство отдѣльныхъ помѣщеній въ арестныхъ домахъ признано будетъ, по финансовымъ соображеніямъ, невозможнымъ, то лучше, быть можетъ, упразднить вовсе этотъ видъ лишенія свободы, какъ самостоятельное наказаніе; ибо, какъ справедливо указываетъ Беранже въ рѣчи, произнесенной имъ по сему предмету 2 Іюня 1875 г., въ національномъ собраніи въ Парижѣ, «*въ общей краткосрочной тюрьмѣ для мужчинъ воровство и бродяжничество вербуютъ новобранцевъ, въ общей-же краткосрочной тюрьмѣ для женскаго пола набираются будущія жрицы разврата и цинизма*». Изъ 200,000 лицъ, ежегодно пребывающихъ въ разныхъ тюремныхъ помѣщеніяхъ во Франціи, не болѣе 60,000 содержатся за важные преступленія или проступки на продолжительные (свыше трехъ лѣтъ) сроки, остальные же 140,000 совершаютъ, такъ сказать, только прогулки по тюрьмамъ, знакомятся съ житьемъ-бытьемъ въ нихъ и настолько приглядываются къ нему, что на будущій годъ новый контингентъ болѣе важныхъ преступниковъ, вѣроятно, наберется уже изъ нихъ; ибо, какъ видно по статистикѣ, $^2/_3$ изъ указанныхъ выше 60,000 суть рецидивисты.

Нельзя кромѣ того не обратить вниманія и на то обстоятельство, что ст. 18 и 19 проекта относятся почти исключительно *до мировой подсудности*, въ томъ видѣ, въ какомъ эта послѣдняя существуетъ, по крайней мѣрѣ, до нынѣ; при неустройствѣ-же тюремныхъ помѣщеній для мировыхъ установленій, всѣ приговариваемые судьями къ заключенію въ тюрьму, разумѣется, должны будутъ помѣщаться въ общей тюрьмѣ, для которой, по ст. 18, установлено одиночное заключеніе, а такъ называемые арестные дома останутся исключительно для тѣхъ лицъ, которыя будутъ подлежать наказанію по ст. 19 й проекта. Между тѣмъ по этой-же статьѣ maximum срока ареста, въ отмѣну ст. 39 уложенія, предположено для обыкновенныхъ случаевъ увеличить съ трехъ мѣсяцевъ до полугода и, засимъ, подъ оную должны будутъ, само собою, подойти многія дѣянія, караемыя нынѣ на основаніи 38 ст. уложенія, т. е. тюрьмою. Спрашивается, какія же изъ подсудныхъ нынѣ мировымъ судьямъ дѣла будутъ подведены подъ ст. 19 проекта? Если, напр., лица виновныя по нынѣ дѣйствующей ст. 44 устава о наказаніяхъ, или хотя по ст. 42, 43, 46 или 63 устава о наказаніяхъ, а равно по ст. 173 и 180 того же устава,—такъ какъ ни въ одной изъ сихъ статей нынѣ установленное наказаніе не превышалось заключенія въ тюрьму на три мѣсяца,—

будутъ подведены подъ ту же 19 ст. проекта и всѣ, осужденныя за эти различные проступки, лица будутъ содержаться вмѣстѣ съ такими, между прочимъ, лицами, которыя и по новому закону подлежатъ только денежному взысканію, но которыя заключены подъ арестъ вслѣдствіе несостоятельности къ уплатѣ штрафа, то вредъ отъ такого сообщества можетъ быть весьма существенный. Поэтому, казалось-бы, въ арестныхъ домахъ, въ которыхъ будутъ и люди не порочные и люди уже нравственно испорченные, болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ заключенія, для огражденія невинности отъ соблазна, необходимо руководствоваться соображеніями Коммисіи при Государственномъ Совѣтѣ, высказанными относительно тюремнаго заключенія, принявъ за правило одиночное заключеніе, не обусловливаемое *однимъ желаніемъ* заключеннаго, или отзывомъ начальства арестнаго дома о достаточности или недостаточности помѣщенія. Если же это невозможно, то для всѣхъ проступковъ, въ которыхъ нельзя предполагать *злого умысла*, а только *небрежность*, безпечность или легкомысліе, слѣдовало-бы замѣнить арестъ денежнымъ штрафомъ, сообразно съ средствами виновнаго, въ предѣлахъ указаннаго закономъ maximum'a, не установляя, на случай несостоятельности къ уплатѣ штрафа, замѣны онаго арестомъ. Ибо всякій разсчетъ для замѣны арестнаго *дня* извѣстною суммою денегъ, или для замѣны извѣстной суммы штрафа *суточнымъ заключеніемъ* подъ арестъ, всегда будетъ мѣрою крайне *проблематической* справедливости и даже нравственности. Бѣдный человѣкъ охотно отсидитъ, быть можетъ, и цѣлый мѣсяцъ, вмѣсто уплаты 25 р., а богачъ охотно внесетъ и десятки тысячъ, чтобы освободиться отъ срама быть подвергнутымъ заключенію подъ арестъ, хотя-бы и на одни сутки. Если-же предоставлять судьѣ выбирать тотъ видъ наказанія, который въ данномъ случаѣ либо строже, либо легче, по отношенію къ тому или другому подсудимому, то уже лучше кажется предоставить ему сумму денежнаго штрафа, въ извѣстныхъ *крайнихъ предѣлахъ*, разсчитывать сообразно съ средствами подсудимаго. Принятый Коммисіею при Государственномъ Совѣтѣ принципъ замѣны всѣхъ наказаній уголовныхъ *лишеніемъ свободы*, квалифицированнымъ или неквалифицированнымъ, по отношенію *къ третьей части* новаго уложенія, относящейся къ простымъ нарушеніямъ, «исключительно подсуднымъ мировой юстиціи», долженъ, какъ кажется А. К. Фриде, уступить мѣсто *другому принципу* замѣны для подобныхъ дѣяній или отступленій лишенія свободы преимущественнаго денежнымъ взысканіемъ, тѣмъ болѣе, что при множествѣ этихъ нарушеній, по крайней мѣрѣ по нынѣ дѣйствующему уставу о наказаніяхъ и даже по уложенію о наказаніяхъ, казна, въ видахъ улучшенія самыхъ мѣстъ заключенія, можетъ извлечь денежную пользу, въ чемъ А. К. Фриде ничего безнравственнаго не усматриваетъ. Въ Сѣверной Америкѣ, напримѣръ, какъ

въ странѣ наиболѣе практической, изъ ежедневныхъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ нарушеній, обложенныхъ штрафомъ по усмотрѣнію судьи, общество извлекаетъ немаловажную выгоду, такъ какъ вся сумма означенныхъ штрафовъ обращается на усиленіе *училищнаго фонда* даннаго штата.

Совѣщаніе чиновъ С.-Петербургской прокуратуры согласилось съ докладчикомъ г. Кильштетомъ въ томъ, что такъ какъ арестованный не можетъ быть принужденъ къ работѣ, то выраженіе работы «по выбору» точнѣе замѣнить «по желанію», каковой терминъ принятъ въ законѣ 11 Декабря 1879 года.

Относительно ч. 1 ст. 19 было высказано (г. Марковъ), что арестъ по своему существу долженъ быть *краткосрочный* и потому слѣдовало-бы сохранить существующій maximum ареста въ 3 мѣсяца (ст. 39 улож. 66 г. ст. 1 уст. о нак.). Устройство всѣхъ нашихъ арестныхъ помѣщеній и необязательность работъ пригодны только при условіи краткосрочности ареста, признаваемаго и иностранными кодексами (§ 18 герм. улож.—maximum ареста 6 недѣль).—Наличность условій, исчисленныхъ въ ст. 56 проекта, указываетъ на необходимость исправительныхъ мѣръ, и въ этихъ случаяхъ правильнѣе, вмѣсто ареста, назначать тюрьму на срокъ (гг. Кичинъ и Васильевъ) до 6 мѣсяцевъ. Двое изъ членовъ совѣщанія (гг. Островскій и Бомъ) полагали оставить ст. 19 безъ измѣненій, докладчикъ и остальные присутствующіе признали высказанныя выше замѣчанія правильными и согласными съ закономъ 11 Декабря 1879 года.

Прокуроръ Полтавскаго Окружнаго Суда Люце полагаетъ, что арестъ необходимо сдѣлать простымъ лишеніемъ свободы безъ всякихъ другихъ стѣсненій личности арестованнаго. Правило, содержащееся въ ст. 19 проекта, что арестованный можетъ, по его просьбѣ, отбывать наказаніе въ одиночномъ заключеніи, представляется весьма драгоцѣннымъ правомъ, которое законъ признаетъ за тѣмъ, кто присужденъ къ простому лишенію свободы; лишеніе этого права и принужденіе арестованнаго имѣть, вопреки его желанію, товарищей по заключенію, есть весьма существенное отягченіе его участи; потому никакъ нельзя согласиться съ высказаннымъ въ объяснительной запискѣ положеніемъ (стр. 67), что отдѣльное помѣщеніе дается арестованному только въ томъ случаѣ, если таковое имѣется; напротивъ, отдѣльное помѣщеніе должно имѣться, и пока его нѣтъ, не можетъ быть исполняемъ приговоръ о наказаніи арестомъ. Обязательность работы при арестѣ представляется также стѣсненіемъ личности арестованнаго, не соотвѣтствующимъ значенію этого рода наказанія, и ее не слѣдуетъ установлять закономъ, хотя на

практикѣ, при умѣломъ обращеніи начальства арестнаго дома съ содержащимися въ немъ лицами, безъ сомнѣнія, можно пріохотить ихъ къ работѣ и не допустить ихъ до безділья, вреднаго, прежде всего, для нихъ самихъ.

Останавливаясь на *арестѣ*, Предсѣдатель Нѣжинскаго Окружнаго Суда Ланге отрицаетъ вовсе пригодность этой карательной мѣры. Если спустя почти 40 лѣтъ послѣ изданія перваго уложенія, наши тюрьмы не поставлены еще въ соотвѣтствіе съ требованіями слѣдствія и суда, и по необходимости отслуживаютъ службу и за арестантскія роты и за рабочіе дома, и потому всегда выше мѣры переполнены, то весьма возможно предсказать, что пройдутъ еще десятки лѣтъ, явится вновь необходимость по условіямъ жизни въ пересмотрѣ системы наказанія и изданія третьяго уложенія, а предлагаемыя по второму уложенію *особыя помѣщенія* для выдержанія приговариваемыхъ къ *аресту* останутся лишь въ идеѣ, а въ дѣйствительности будетъ продолжать практиковаться нынѣ существующій порядокъ содержанія подъ арестомъ при тюрьмѣ, или при полиціи. Но содержаніе подъ арестомъ при тюрьмѣ, въ сущности, такое же тюремное заключеніе, а слѣдовательно арестъ при тюрьмѣ, какъ особый видъ наказанія, не имѣетъ практическаго смысла. Аресты же при полиціи—это наказаніе лишь номинальное, не существующее, такъ какъ при полиціи, даже въ столицахъ, помѣщеній для такого ареста не имѣется и средствъ для прокормленія арестуемыхъ, особенно на продолжительные сроки, нѣтъ никакихъ. Домашніе аресты тоже одна фикція. Поэтому арестъ, какъ дѣйствительное наказаніе, возможно допустить только за преступленія по должности и притомъ на самые непродолжительные сроки.

Чины прокуратуры Ржевскаго Окружнаго Суда находятъ, что увеличеніе maximum'а срока ареста едва-ли можно признать удачнымъ.

Соображенія Коммисіи о томъ, что между нарушеніями встрѣчаются и такія, которыя заслуживаютъ болѣе продолжительныхъ наказаній, но которыя не могутъ быть обложены тюрьмою, какъ мѣрою, принятою въ законѣ для дѣяній, носящихъ позорящій характеръ, нельзя конечно не признать правильными, но было-бы съ практической стороны цѣлесообразнѣе назначать для лицъ, совершившихъ особенно важныя нарушенія, не болѣе продолжительный, а болѣе строгій арестъ.

Продолжительное заключеніе виновнаго въ большинствѣ случаевъ не столько имѣетъ карательное для него значеніе, сколько ложится тяжелымъ бременемъ на его семью, на ея матеріальное благосостояніе.

Благодаря тому, что наибольшій процентъ населенія Россіи составляютъ крестьяне и, слѣдовательно, наибольшая часть нарушеній (какъ это удостовѣряется и уголовною статистикою) совершается простолюдинами, нельзя, при обсужденіи цѣлесообразности продолжительныхъ сроковъ ареста, не принять во вниманіе тѣхъ послѣдствій, которыя мѣра эта можетъ повлечь для крестьянскаго населенія. Практика указываетъ намъ, что оторванный на продолжительный срокъ отъ дома крестьянинъ совершенно разстраиваетъ свое хозяйство; самъ онъ, содержась подъ арестомъ, хотя-бы и соединеннымъ съ принудительными работами, поставленный иногда въ гораздо лучшія матеріальныя условія, чѣмъ въ домашней жизни, страдаетъ сравнительно менѣе, чѣмъ семья его, которая нерѣдко, лишенная хозяина-работника, въ особенности въ рабочую пору, доходитъ до нищеты.

Поэтому было-бы полезно, оставивъ maximum ареста до 3 мѣсяцевъ, усиливать строгость содержанія арестованныхъ, по мѣрѣ продолжительности заключенія, причемъ для лицъ приговоренныхъ къ аресту свыше недѣли, установить не добровольное, а принудительное одиночное заключеніе, срокъ котораго долженъ увеличиваться соразмѣрно съ увеличеніемъ срока ареста.

Было-бы въ высшей степени желательно установить въ законѣ, какъ общее правило, чтобы крестьяне приговариваемые, къ аресту, подвергались ему по окончаніи полевыхъ работъ. Подобная мѣра отвѣчала-бы вполнѣ и требованіямъ справедливости, такъ какъ для крестьянина время заключенія его подъ арестъ всецѣло опредѣляетъ строгость этого наказанія. Недѣля ареста въ горячую, рабочую пору является для него несравненно болѣе тяжкимъ наказаніемъ, чѣмъ мѣсяцъ такого-же ареста зимой.

При обсужденіи 19 ст. собраніе чиновъ Кишиневскаго Окружнаго Суда и мѣстныхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, исходя изъ того положенія, что арестъ назначается за маловажныя нарушенія, чуждыя позорящаго характера, и что въ арестномъ домѣ могутъ встрѣтиться лица разныхъ общественныхъ положеній и развитія, для которыхъ будетъ крайне неудобно отбывать это наказаніе въ общемъ заключеніи, находитъ, что слѣдуетъ въ законѣ категорически установить льготу—для приговоренныхъ къ аресту отбывать это наказаніе, буде пожелаютъ въ одиночномъ заключеніи, и для сего постановило замѣнить въ текстѣ редакціи слова: «могутъ быть»—словомъ: «должны».

Указанная въ 19 ст. обязанность работать для содержащихся подъ арестомъ представляется, по мнѣнію Ярославскаго прокурорскаго надзора,

совершенно излишнею и даже вовсе нежелательною. Эта работа можетъ отрывать людей отъ ихъ спеціальности и потому вредно отозваться на ихъ дѣятельности въ будущемъ,—установляя собою извѣстный контроль власти надъ осужденными, можетъ возбудить недоразумѣнія въ отношеніяхъ между заключенными и ихъ начальствомъ. Указаніе объяснительной записки на то, что только въ случаѣ отказа отъ выбора изъ числа дозволенныхъ въ помѣщеніи работъ, таковыя опредѣляются начальствомъ арестнаго дома, нисколько не устраняетъ указанныхъ неудобствъ. Представимъ себѣ для примѣра профессора университета, или ученаго химика, или художника, или фокусника, которымъ предлагаютъ работу по ихъ выбору изъ имѣемыхъ въ помѣщеніи; конечно, подходящей для нихъ не найдется, и отъ праздности или, что одно и тоже, отъ проведеннаго за несвойственною имъ работою времени, можетъ пострадать наука, искусство, развитіе индивидуума, ловкость его и т. д. безъ всякой пользы для правосудія, между тѣмъ какъ ни одно лицо изъ принадлежащихъ къ указанной выше категоріи не гарантировано отъ заключенія подъ арестъ и даже на болѣе продолжительные сроки.

Примѣняя начало, которое приведено въ замѣчаніи на ст. 15 проекта, Одесскій Окружный Судъ полагаетъ, что относительно присуждаемыхъ къ аресту слѣдуетъ постановить, чтобы $^1/_5$ чистаго дохода отъ работъ обращалась въ казну.

Московскій Столичный Мировой Съѣздъ замѣчаетъ, что, въ отмѣну дѣйствовавшаго до сихъ поръ правила, изложеннаго въ ст. 4 уст. о наказ., ст. 19 проекта установляетъ обязательность работъ для лицъ, подвергаемыхъ аресту, предоставляя этимъ лицамъ лишь право выбора работы. Изъ объяснительной къ проекту записки видно, что въ случаѣ неизбранія арестованнымъ работы, таковая назначается ему отъ управленія мѣстнаго заключенія.

Сохраненіе дѣйствующаго правила о занятіи арестованныхъ работами только по ихъ собственному желанію представляется болѣе справедливымъ, какъ потому, что арестъ опредѣляется весьма часто за дѣянія сравнительно незначительной важности, особливо, когда онъ составляетъ замѣну денежной пени, и при томъ опредѣляется иногда на весьма краткій срокъ, такъ и потому, что подвергающіяся аресту лица часто могутъ быть неспособны къ работамъ, практикуемымъ въ мѣстахъ заключенія. Право выбора работы будетъ оставаться неосуществимымъ, въ виду крайне ограниченнаго, по необходимости, рода работъ въ арестномъ домѣ, и невозможности произво-

дить нѣкоторыя работы подъ арестомъ. Принимая затѣмъ во вниманіе, что въ значительномъ числѣ случаевъ для арестованныхъ служитъ тяжкимъ наказаніемъ самое пребываніе въ арестномъ домѣ и лишеніе свободы—нельзя, по мнѣнію Мироваго Съѣзда, не прійти къ убѣжденію, что увеличеніе наказанія для арестованныхъ работами, которыя неизбѣжно обратятся въ принудительныя, не вызывается необходимостью. Поэтому представляется желательнымъ измѣненіе редакціи послѣдней (второй) части ст. 19 въ слѣдующемъ видѣ: «арестованные занимаются работами лишь по собственному желанію. Чистый доходъ отъ работъ обращается въ ихъ пользу».

Чины Уманскаго Окружнаго Суда останавливаются на томъ обстоятельствѣ, что, какъ видно изъ объяснительной записки, занятіе работами для лицъ, находящихся подъ арестомъ, признается обязательнымъ, и что лицамъ этимъ представляется лишь выборъ той или другой работы.

Такое правило представляется вполнѣ цѣлесообразнымъ и желательнымъ, такъ какъ невозможно допустить въ арестныхъ домахъ полнѣйшей праздности заключенныхъ; такая праздность вызвала-бы на практикѣ множество затрудненій. Между тѣмъ, оно въ текстѣ уложенія выражено неясно и неясность эта, конечно, легко устранима путемъ небольшой редакціонной поправки.

Выраженіе 19 ст. «работами по ихъ выбору», по мнѣнію чиновъ прокуратуры Казанскаго Окружнаго Суда, слѣдовало-бы замѣнить выраженіемъ «по своему желанію».—См. мотивы въ замѣчаніи на ст. 15.

Собраніе чиновъ прокуратуры Кіевскаго округа, по соображеніямъ, приведеннымъ въ замѣчаніи на ст. 14, полагаетъ исключить и изъ ст. 19 проекта всѣ положенія, опредѣляющія условія и порядокъ содержанія въ арестныхъ домахъ, относя эти положенія тоже къ предмету особыхъ законовъ объ устройствѣ мѣстъ заключеній.

Въ 19 ст. слова «могутъ быть, по распоряженію управленія арестнымъ домомъ», по мнѣнію Предсѣдателя и Членовъ Енисейскаго Губернскаго Суда, слѣдуетъ замѣнить словами: «должны быть, если дозволитъ помѣщеніе . . . . », такъ-какъ иначе допускается произволъ со стороны управленія арестнымъ домомъ.

Чины Московской прокуратуры предлагаютъ такую редакцію ст. 19; «Арестъ назначается на срокъ отъ одного дня до 6 мѣсяцевъ, а въ случаѣ, статьею 56 указанномъ, до одного года и отбывается въ устроенныхъ для того помѣщеніяхъ».

«Приговоренные содержатся въ общемъ заключеніи и занимаются обязательными работами по ихъ выбору изъ числа установленныхъ; чистый доходъ отъ работъ обращается въ ихъ пользу».

На основаніи соображеній, изложенныхъ въ замѣчаніи подъ ст. 17, изъ текста ст. 19 исключено постановленіе объ условіяхъ одиночнаго содержанія лицъ, подвергаемыхъ аресту.

Статью 19 слѣдовало-бы, по мнѣнію Рыбинскаго прокурорскаго надзора, формулировать такъ: «приговоренные содержатся или въ общемъ, или въ одиночномъ заключеніи, по постановленію Суда».

Тульскій Окружный Судъ находитъ, что, по основаніямъ высказаннымъ въ замѣчаніи суда на ст. 17, слѣдовало-бы изложить ст. 19 такимъ образомъ:

«Арестъ назначается на срокъ отъ одного дня до одного года и отбывается въ устроенныхъ для того помѣщеніяхъ».

«Приговоренные содержатся въ общемъ заключеніи и занимаются работами по ихъ выбору».

См. также приведенныя: подъ ст. 14 проекта—замѣчаніе чиновъ Ярославской прокуратуры, подъ ст. 15—замѣчаніе чиновъ Московской прокуратуры и подъ ст. 18—замѣчаніе Прокурора Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалева.

Статья 20.

Срокъ каторги и заточенія свыше шести лѣтъ назначается годами и полугодами; срокъ заточенія не свыше шести лѣтъ, исправительнаго дома и тюрьмы назначается годами, мѣсяцами и недѣлями, а срокъ ареста и днями.

При исчисленіи срока лишенія свободы мѣсяцъ считается въ 30 дней, недѣля въ 7 дней, день въ 24 часа.

Срокъ лишенія свободы исчисляется для лицъ, содержащихся подъ стражею по тому же обвиненію, по коему состоялся приговоръ, со дня вступленія приговора въ законную силу, а для прочихъ лицъ со дня задержанія для исполненія приговора.

Относительно установленнаго ст. 20 исчисленія сроковъ лишенія свободы, профессоръ Вальбергъ замѣчаетъ, что хотя оно и не столь благопріятно для заключенныхъ, которые должны быть выпущены на свободу, но съ выгодою упрощаетъ отнимающее время, а потому и дорого стоющее, исчисленіе сроковъ. Нельзя не одобрить также того положенія проекта, что сроки исчисляются со дня, а не со времени (Zeitpunkt) вступленія приговора въ законную силу.

По мнѣнію г. фонъ-Резона, 1 п. ст. 20 не вызываетъ особыхъ возраженій, хотя впрочемъ онъ не видитъ никакихъ препятствій назначенію сроковъ каторги и заточенія свыше шести лѣтъ, не только годами и полугодами, но и мѣсяцами. Впрочемъ, это вопросъ не важный. Но 1 п. находится не только въ кажущемся противорѣчіи съ 56 и 58 ст. проекта, о чемъ упоминается въ «Объясненіяхъ», но и въ прямомъ и очевидномъ противорѣчіи съ 2 п. 38 ст. и 3 п. 49 ст. При уменьшеніи сроковъ заключенія на треть или половину, ст. 20 будетъ нарушаема безпрестанно; напр., 5 ½ лѣтъ каторги сокращаются на 3 года 8 мѣсяцевъ, тюрьма на 1 годъ 2 мѣсяца и 1 недѣлю—на 9 мѣсяцевъ и 12 дней и т. д. Поэтому необходимо или совершенно уничтожить 1 п. 20 ст., или измѣнить статьи, съ которыми она не согласна, или, наконецъ, прибавить: «исключеніе изъ этого правила допускается въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ. . . . . статьями».

2-ой п. опредѣляетъ, что мѣсяцъ считается въ 30 дней; постановленіе это пожалуй соотвѣтствуетъ абсолютной справедливости, но за то оно крайне неудобно въ практическомъ отношеніи, при исполненіи приговоровъ. Поэтому онъ полагалъ-бы исчислять мѣсяцы по календарю. При теперешнемъ исчисленіи является сомнѣніе, какъ исчислить годъ; равняется ли онъ 12 мѣсяцамъ (т. е. 360 днямъ) или 365 днямъ?

Г. Ц. Я. (Юридическій Вѣстникъ, 1883 г., № 8) находитъ, что началу, установленное въ послѣдней части ст. 20, удобнѣе изложить въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, сдѣлавъ соотвѣтствующее измѣненіе въ ст. 968; къ тому-же заключенію приходятъ чины Одесскаго Окружнаго Суда и Москов-

ской и Вологодской прокуратуры, Прокуроръ Владикавказскаго Окружнаго Суда Чинчинадзе, Прокуроръ Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскій и Членъ Нѣжинскаго Окружнаго Суда Каменцовъ.

Въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества *В. В. Смиттенъ*, по поводу первыхъ двухъ частей ст. 20-й, замѣтилъ: 1) что слѣдуетъ допустить назначеніе срока каторги и заточенія свыше шести лѣтъ не только полугодами, но и мѣсяцами. Онъ не видитъ никакого основанія для опредѣленія срока каторги и долгосрочнаго заточенія тою широкою мѣркою, которая установлена проектомъ. Сочувствуя возможному сокращенію сроковъ заключенія, онъ находитъ нежелательнымъ стѣснять судъ въ выборѣ срока заключенія. И по дѣйствующему уложенію, судъ не лишенъ возможности назначать сроки каторги мѣсяцами. По германскому уложенію (ст. 19), сроки заключенія въ Zuchthaus могутъ быть опредѣляемы также мѣсяцами, а по голландскому уложенію (ст. 21), сроки заключенія въ тюрьмѣ (могущаго доходить до 15 лѣтъ) могутъ быть назначаемы даже недѣлями и днями; 2) что, при исчисленіи срока лишенія свободы, болѣе удобно исчислять продолжительность мѣсяца по календарю, подобно германскому уложенію (ст. 19), а не всегда въ 30 дней, какъ требуетъ проектъ. Послѣдній способъ, безъ сомнѣнія, точнѣе и, самъ по себѣ, правильнѣе, но неудобенъ въ примѣненіи и можетъ повести къ путаницѣ: напр. подвергнутый заключенію 15 Іюля на 6 мѣсяцевъ долженъ, при этомъ способѣ исчисленія, содержаться не 6 календарныхъ мѣсяцевъ и, слѣдовательно, быть выпущеннымъ не 15 декабря, а ровно 180 дней и быть выпущеннымъ 12 декабря.

Затѣмъ, референтъ находилъ необходимымъ внести въ текстъ 20 ст. правила, выраженныя въ запискѣ (стр. 69 п. 3), о томъ, что, при назначеніи закономъ за извѣстное преступленіе каторги безъ дальнѣйшихъ указаній, судъ можетъ назначить только срочную каторгу, но небезсрочную. Безъ подобной оговорки, судъ, очевидно, не былъ-бы лишенъ права назначить и пожизненную каторгу. Подобное правило внесено въ текстъ германскаго уложенія (ст. 14, часть 3).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, референтъ признавалъ весьма важнымъ внести въ 20 ст., или выразить отдѣльною статьею, правило о томъ, что въ случаяхъ, когда законъ представляетъ суду выборъ между заточеніемъ и каторгою, послѣдняя назначается только тогда, когда судъ найдетъ, что преступленіе совершено по безчестнымъ побужденіямъ. Это правило составляетъ необходимое послѣдствіе принятаго проектомъ принципа—назначать заточеніе за преступленія,

не позорящія. Это весьма важное правило высказано и въ запискѣ (стр. 63), но почему-то осталось невнесеннымъ въ текстъ. Въ германскомъ уложеніи оно прямо выражено въ ст. 20-й. Это правило должно служить руководствомъ для суда и въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ признано нужнымъ перейти, при смягченіи наказанія, отъ смертной казни къ другому наказанію, причемъ по 2 п. 53 ст. допускается переходъ, какъ къ каторгѣ, такъ и къ заточенію.

По выслушаніи этихъ замѣчаній, семеро (*) изъ числа присутствовавшихъ высказались за сохраненіе редакціи 1 ч. 20 ст. проекта безъ измѣненія, остальныя-же девять лицъ присоединились къ мнѣнію В. В. Смиттена. Вторая часть 20 ст. проекта принята большинствомъ 13 голосовъ противъ 4-хъ (**), полагавшихъ введеніе календарнаго счета болѣе удобнымъ.

Кромѣ того единогласно признано необходимымъ внести въ текстъ закона: а) правило о томъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда суду предоставляется выборъ нѣсколькихъ наказаній и судъ признаетъ, что мотивы дѣянія не безчестны, то онъ долженъ назначать заточеніе (стр. 63 объяснительной записки къ проекту), и

б) правило о томъ, какъ должно понимать отсутствіе въ законѣ указанія на срокъ лишенія свободы, или же указаніе только на высшій или низшій предѣлъ этого срока (п. 3 ст. 69 объяснительной записки).

Затѣмъ референтъ, перейдя къ 3 ч. 20 ст., высказалъ, что справедливо и правильно, чтобы содержаніе подъ стражей, со дня вступленія приговора въ силу до дня начала фактическаго отбытія наказанія, не пропадало даромъ для приговореннаго къ лишенію свободы, но не слѣдуетъ, подобно проекту, засчитывать это содержаніе всѣмъ приговореннымъ въ срокъ отбытія наказанія день за день, мѣсяцъ за мѣсяцъ и годъ за годъ. Подобный зачетъ долженъ быть дѣлаемъ для приговоренныхъ къ каторгѣ и къ исправительному дому лишь въ извѣстной соразмѣрности, подобно тому, какъ засчитывается отбытое заключеніе при назначеніи наказанія, по совокупности преступныхъ дѣяній (послѣдняя часть ст. 55 проекта). Правило же 3 ч. 20 ст., допуская для приговоренныхъ къ каторгѣ и къ исправительному дому *фиктивное* отбытіе, если не всего, то части срока наказанія, устанавливаетъ для нихъ весьма существенную льготу. Понятно, что у приговоренныхъ къ этимъ наказаніямъ явится естественное побужденіе добиваться этой льготы незаконными путями.

(*) Гг. Хлѣбниковъ, Еленинъ, Дингельштетъ, Крашенинниковъ, Соколовъ, Брантъ и Быковъ.

(**) Гг. Андреевъ, Смиттенъ, Сталь и Лебединскій.

Принципъ, устанавливаемый 3 ч. 20 ст., неправиленъ въ отношеніи приговоренныхъ къ каторгѣ и исправительному дому, по слѣдующимъ основаніямъ:

1) Отбытіе наказанія должно происходить съ точностью, по возможности, математическою. Эта точность, очевидно, нарушается въ корнѣ, разъ простое содержаніе подъ стражей приравнивается къ заключенію въ каторгѣ или исправительномъ домѣ. То обстоятельство, что и по дѣйствующему закону (ст. 968 уст. угол. суд. и дополненіе къ ней, по прод. 1879 г.) содержаніе подъ стражею со дня вступленія приговора въ силу засчитывается въ срокъ наказанія, не устраняетъ совершенной неправильности этого принципа. Впрочемъ, г. Смиттену неизвѣстны мотивы, побудившіе распространить правило ст. 968 уст. угол. суд. на приговоренныхъ къ каторгѣ. Быть можетъ, это распространеніе составило лишь коррективъ излишне-продолжительныхъ сроковъ каторги по дѣйствующему уложенію (до 20 лѣтъ, вмѣсто 15-ти, установленнаго проектомъ). Какъ-бы то ни было, невозможно признать логичнымъ и правильнымъ приравниваніе дня, мѣсяца и года содержанія подъ стражей къ дню, мѣсяцу и году заключенія въ каторгѣ или исправительномъ домѣ. Коммисія основывается на томъ соображеніи (стр. 68), что непримѣненіе къ осужденнымъ наказанія, немедленно послѣ вступленія приговора въ силу, происходитъ уже не по волѣ, а помимо воли подсудимаго. Конечно, самыя условія необходимости дѣлаютъ невозможнымъ немедленное примѣненіе наказанія къ приговореннымъ въ каторгу и въ исправительный домъ, но и осужденные не лишены безусловно возможности незаконными путями затягивать исполненіе приговора, напр. помощью притворной болѣзни или даже совершеніемъ новыхъ преступленій, которыя, при извѣстныхъ условіяхъ (5 п. 959 ст. уст. угол. суд.), ведутъ къ отсрочкѣ исполненія приговора до постановленія новаго приговора, по совокупности преступныхъ дѣяній; правило проекта прямо искушаетъ приговоренныхъ прибѣгать къ этимъ незаконнымъ средствамъ. Но, если бы даже неприведеніе приговора немедленно въ исполненіе происходило помимо воли осужденнаго, это обстоятельство все же нимало не оправдывало-бы зачета содержанія подъ стражей въ срокъ отбытія каторги или исправительнаго дома сполна, т. е. день за день, мѣсяцъ за мѣсяцъ, годъ за годъ, тогда какъ эти величины, очевидно, неравныя. Если, при совокупности преступленій, отбытое наказаніе засчитывается въ извѣстной соразмѣрности, то неизвѣстно, почему при исполненіи наказанія простое содержаніе подъ стражей должно быть зачтено сполна, а не по соразмѣрности.

2) Повидимому, правило, устанавливаемое 3 частью 20 ст., находится въ противорѣчіи съ правиломъ послѣдней части ст. 55 проекта, по которой, при назначеніи наказанія по совокупности преступленій, отбытое за одно или нѣсколько изъ этихъ преступленій наказаніе засчитывается въ извѣстной сораз-

мѣрности (*) Повидимому при этомъ подъ отбытіемъ наказанія разумѣется лишь дѣйствительное отбытіе его (записка, стр. 203), а не то фиктивное отбытіе, которое создается 3 частью 20 ст. Если такъ, то между этими статьями можетъ произойти конфликтъ. Напр. приговоренный къ каторгѣ, въ виду имѣющихся другихъ дѣлъ о немъ, просидѣлъ подъ стражей, послѣ вступленія приговора въ законную силу, 1 годъ и считается, по 20 ст., отбывшимъ годъ каторги; затѣмъ, онъ судится по совокупности дѣяній; повидимому, по 55 ст., онъ не можетъ быть сочтенъ отбывшимъ годъ каторги, какъ въ дѣйствительности не отбывавшій ея; самое большее, если, по духу ст. 55, годъ содержанія подъ стражей будетъ ему сочтенъ за годъ тюрьмы или, что тоже, за четыре мѣсяца каторги (по соразмѣрности между каторгой и тюрьмой, устанавливаемой 55 ст.). Но если примирить правила статей 20 и 55, повидимому противорѣчивыя, и признать, что въ ст. 55 подъ «отбытіемъ наказанія» разумѣется и та фикція отбытія наказанія, о которой говорится въ ст. 20, и что въ приведенномъ сейчасъ примѣрѣ слѣдуетъ считать приговореннаго, при примѣненіи къ нему 55 ст., отбывшимъ годъ каторги, то выйдетъ нѣчто еще худшее,—окажется, по соображеніи 20 и 55 ст., что совокупность можетъ быть иногда выгодна, какъ это видно на приведенномъ примѣрѣ. Между тѣмъ правила о совокупности преступленій, и безъ того, составляютъ одну изъ слабыхъ сторонъ уголовныхъ кодексовъ. При невозможности, по условіямъ необходимости, примѣнять къ совокупности преступныхъ дѣяній суровое правило сложенія наказаній, совокупникъ, и безъ того, находится въ положеніи болѣе льготномъ, по сравненію съ преступникомъ, совершившимъ одно преступленіе, и уголовные кодексы, по необходимости, оправдываютъ на немъ одну изъ вреднѣйшихъ, по своимъ послѣдствіямъ, пословицъ: «семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ». Не доставало только, чтобы и этотъ «одинъ отвѣтъ» былъ болѣе легкимъ и, по условіямъ его примѣненія, болѣе выгоднымъ, чѣмъ наказаніе преступника, совершившаго только одно преступленіе и не имѣющаго, вслѣдствіе того, права пользоваться установленной для совокупниковъ возможностью, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отбывать каторгу въ видѣ простаго содержанія подъ стражей. Если законодательство должно серьезно заботиться, чтобы поговорка «семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ» не находила себѣ слишкомъ обширнаго оправданія въ уголовномъ

(*) Референтъ, однако, находитъ соразмѣрность, устанавливаемую послѣднею частью 55 ст., неправильною и не соотвѣтствующею сравнительной тяжести разныхъ видовъ лишенія свободы. По мнѣнію референта, разница въ тяжести этихъ наказаній гораздо слабѣе, чѣмъ проводитъ проектъ.

кодексѣ, то ст. 20, безъ сомнѣнія, должна дѣйствовать въ совершенно противоположномъ духѣ.

3) При дѣйствіи правила ст. 20, приговоренные къ исправительному дому на низшіе сроки могутъ иногда и не увидѣть исправительнаго дома. Извѣстно, что при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, до доставки приговореннаго въ арестантское отдѣленіе (не говоря о каторжной тюрьмѣ), если оно находится въ болѣе или менѣе отдаленномъ разстояніи отъ мѣста содержанія приговореннаго, проходитъ около полугода и болѣе. При временной болѣзни или другихъ какихъ-либо экстраординарныхъ обстоятельствахъ, проходитъ до доставки арестанта и весь годъ, а то и болѣе. Тѣмъ болѣе времени проходитъ въ случаяхъ вторичнаго сужденія по совокупности преступленій (причемъ наказаніе, назначенное первымъ приговоромъ, можетъ и не быть увеличено), о которомъ говорилось выше. Такимъ образомъ приговоренный, напр., на годъ въ исправительный домъ, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, отбудетъ въ немъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ, а при особенныхъ обстоятельствахъ, можетъ и вовсе не дойти до него. При чемъ-же въ такихъ случаяхъ будетъ приговоръ суда, принципъ необходимости отбыть наказаніе, опредѣленное судомъ, и фикція—впрочемъ, только фикція—объ исправительности заключенія въ исправительномъ домѣ?

4) Выше, во 2 пунктѣ,было указано, что правило ст. 20 можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, выгодно при совокупности преступленій. При этомъ говорилось лишь о той, такъ сказать, прежней совокупности, которая существовала еще до постановленія перваго приговора. Но это правило можетъ вести и къ созданію новой совокупности совершеніемъ приговореннымъ къ каторгѣ или исправительному дому, послѣ постановленія приговора, но до вступленія его въ законную силу (см. ст. 57 проекта), новаго преступленія. Объ этомъ уже упоминалось выше, но необходимо подробнѣе остановиться на этомъ предметѣ. Очевидно, что правило ст. 20, устанавливая весьма существенную льготу для приговоренныхъ къ каторгѣ и исправительному дому, можетъ побуждать и добиваться этой льготы какими-бы то ни было средствами, къ числу этихъ средствъ можетъ принадлежать и совершеніе новыхъ преступленій, какъ влекущее за собою, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, пріостановленіе исполненія приговора. Этимъ средствомъ пріостанавливать исполненіе приговора вообще нерѣдко злоупотребляютъ: напр., въ періодической печати указывалось, что опытные содержатели питейныхъ заведеній, присужденные, между прочимъ, къ закрытію ихъ заведеній, систематически совершали новыя нарушенія устава о питейномъ сборѣ, съ единственною цѣлью затягивать исполненіе приговоровъ, и что имъ удавалось оттягивать этимъ путемъ закрытіе заведеній на нѣсколько лѣтъ. У приговореннаго къ каторгѣ или къ испра-

вительному дому тѣмъ болѣе побужденій оттягивать исполненіе приговора совершеніемъ новыхъ преступленій, что такое оттягиваніе даетъ имъ, по ст. 20, право отбывать каторгу или исправительный домъ въ мѣстѣ предварительнаго заключенія. Конечно, совершеніемъ новыхъ преступленій эти лица идутъ на рискъ. Съ одной стороны, къ новымъ преступленіямъ можетъ и не подойти 5 пунктъ 959 ст. уст. угол. суд. о пріостановленіи исполненія приговора, а съ другой стороны, въ случаѣ таковаго пріостановленія, они рискуютъ, что наказаніе, по совокупности совершенныхъ ими преступленій, будетъ имъ увеличено. Но 1) шансы, что 5 п. 959 ст. будетъ къ нимъ примѣненъ, весьма, говоря вообще, значительны. И въ настоящее время, когда, при существованіи степеней наказанія, сфера примѣненія этого закона ограниченнѣе, чѣмъ будетъ при дѣйствіи новаго уложенія (по проекту), уничтожающаго степени наказаній, шансы примѣненія 5 п. 959 ст. весьма достаточны, преимущественно впрочемъ потому, что практика склонна широко примѣнять этотъ законъ, вслѣдствіе, быть можетъ, недостаточной его точности: что̀ понимать подъ болѣе тяжкимъ наказаніемъ, грозящимъ за новое преступленіе и составляющимъ, по этому закону, необходимое условіе *для* пріостановленія исполненія приговора? Практика склоняется къ тому, что, хотябы наказаніе за новое преступленіе было, *само по себѣ*, менѣе тяжкое или равное тому, къ которому уже приговоренъ осужденный, но, если оно не покрывается сполна послѣднимъ наказаніемъ (2, 4 и 6 пункты 152 ст. улож.) и если, притомъ, это послѣднее наказаніе назначено не въ высшей мѣрѣ (1, 3 и 5 пункты той-же статьи), то слѣдуетъ пріостанавливать исполненіе приговора, такъ какъ при осужденіи *по совокупности* преступленій должна быть увеличена, въ случаѣ обсужденія, *мѣра* наказанія. Съ уничтоженіемъ въ новомъ уложеніи степеней и расширеніемъ простора для усмотрѣнія суда въ назначеніи мѣры наказанія, область примѣненія 5 п. 959 ст. должна расшириться; и 2) шансы, что наказаніе будетъ увеличено при сужденіи по совокупности преступленій, напротивъ, не велики (развѣ наказаніе, грозящее за новое преступленіе, тяжелѣе по самому роду его) при мягкости, говоря вообще, нашихъ судовъ и тѣмъ болѣе, что, по правиламъ ст. 55 проекта, совокупность не ставится даже обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину, болѣе тяжкое изъ назначенныхъ наказаній вполнѣ поглощаетъ, по общему правилу, менѣе тяжкое (1 часть 55 ст.), и суду лишь предоставляется право, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, усиливать болѣе тяжкое изъ назначенныхъ наказаній (3 часть той же статьи, а также ст. 56, имѣющая лишь исключительное значеніе и для немногихъ преступленій). Рискъ подвергнуться увеличенному наказанію особенно незначителенъ для болѣе тяжкихъ преступниковъ, уже приговоренныхъ къ высшимъ срокамъ каторги или исправи-

тельнаго дома. Притомъ-же человѣку свойственно болѣе соблазняться непосредственно наступающими выгодами въ отбытіи наказанія, представляемыми ст. 20-й проекта, чѣмъ пугаться возможнаго усиленія наказанія, которое отразится на немъ лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Никогда не слѣдуетъ ставить преступника въ положеніе, въ которомъ ему, посредствомъ какихъ-либо уловокъ, представлялась-бы возможность выгадать что-либо изъ назначеннаго ему наказанія. Ст. 20, во всякомъ случаѣ, искушаетъ преступника, приговореннаго къ каторгѣ и исправительному дому, на подобныя уловки.

Сводя все сказанное о принципѣ, устанавливаемомъ послѣднею частью 20 ст., референтъ находитъ, что это правило могло-бы быть принято въ существѣ лишь въ отношеніи приговоренныхъ къ каторгѣ, заточенію и аресту (на случай если бы для приговоренныхъ къ аресту оказалось, по какимъ-либо причинамъ, возможнымъ предварительное содержаніе подъ стражей), а также—къ поселенію. *Въ отношеніи-же приговоренныхъ къ каторгѣ и исправительному дому, время, проведенное содержащимися подъ стражей со дня вступленія приговора въ силу, а не содержащимися—со дня задержанія для исполненія приговора до доставленія ихъ въ каторжную тюрьму или исправительный домъ, должно засчитываться въ назначенный имъ срокъ наказанія въ соразмѣрности, установленной послѣдней частью ст. 55, причемъ годъ содержанія подъ стражею приравнивается къ году заключенія въ тюрьмѣ.* Съ принятіемъ этого правила, между простымъ содержаніемъ подъ стражей и дѣйствительнымъ отбытіемъ каторги или исправительнаго дома установится равенство, болѣе или менѣе точное, и устранятся вредныя послѣдствія правила ст. 20, указанныя выше во 2, 3 и 4 пунктахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ референтъ обратилъ вниманіе на то, что въ германскомъ кодексѣ вовсе нѣтъ правила, соотвѣтствующаго правилу ст. 20, и въ 60 ст. германскаго уложенія выражено лишь правило, установленное 54 ст. проекта. Въ голландскомъ уложеніи (ст. 26) установлено, по общему правилу, что срокъ заключенія начинается со дня *исполненія* приговора; но судъ *можетъ* (ст. 27) опредѣлить въ приговорѣ, чтобы время, проведенное осужденнымъ въ предварительномъ заключеніи *до приведенія приговора въ исполненіе*, было зачтено въ наказаніе, *сполна или частью*, при исполненіи приговора.

Затѣмъ референтъ находилъ не вполнѣ удачною редакцію послѣдней части 20 ст. въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

I. Изъ редакціи нельзя съ точностью заключить, распространяется-ли дѣйствіе послѣдней части 20 ст. на приговоренныхъ къ поселенію, вопросъ, имѣющій практическое значеніе, въ виду 2 части 21 ст., допускающей осво-

божденіе отъ поселенія по истеченіи 10 лѣтъ. Такъ какъ поселеніе есть также наказаніе, поражающее свободу, то, конечно, къ нему слѣдуетъ примѣнять и правило послѣдней части 20 ст., но, во избѣжаніе недоразумѣній, не мѣшало бы ясно высказать это положеніе.

II. Выраженіе: «.... по тому же обвиненію, по которому состоялся приговоръ»—вызываетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, недоумѣніе. Конечно, если, кромѣ обвиненія (или нѣсколькихъ обвиненій), по которому состоялся приговоръ, другихъ обвиненій противъ осужденнаго не имѣется, то примѣненіе послѣдней части 20 ст. не представляетъ затрудненій. Но въ иномъ видѣ представляется дѣло, если, кромѣ обвиненія (или обвиненій), по которому состоялся приговоръ, имѣется противъ осужденнаго еще другое (или нѣсколько другихъ), неразсмотрѣнное, обвиненіе.

Въ этомъ случаѣ могутъ, по отношенію содержанія осужденнаго подъ стражей, представиться три различныя комбинаціи:

1) Онъ можетъ содержаться подъ стражей по обвиненію, по которому состоялся приговоръ, и не содержаться по неразсмотрѣнному обвиненію. Разрѣшеніе этой комбинаціи не представляетъ затрудненій: этотъ случай прямо подходитъ подъ дѣйствіе послѣдней части 20 ст. и содержаніе подъ стражею должно быть почитаемо отбытіемъ наказанія. Неразсмотрѣнное обвиненіе двигается и разрѣшается въ установленномъ порядкѣ и, въ случаѣ оправданія по нему (либо прекращенія его), пріостановленный исполненіемъ приговоръ по первому обвиненію приводится въ исполненіе, а въ случаѣ осужденія, постановляется приговоръ по совокупности преступленій, причемъ отбытое по первому приговору наказаніе засчитывается на основаніи послѣдней части 55 ст.

2) Наоборотъ, осужденный можетъ быть на свободѣ по обвиненію, по которому состоялся приговоръ, и содержаться подъ стражею по неразсмотрѣнному обвиненію. Разрѣшеніе этого случая также не представляетъ затрудненій: прямо не подходя подъ дѣйствіе послѣдней части 20 ст., осужденный не почитается отбывающимъ наказаніе со дня вступленія приговора въ силу. Неразсмотрѣнное обвиненіе получаетъ свое законное движеніе и, въ случаѣ оправданія по нему, либо прекращенія его, арестантъ или освобождается изъ-подъ стражи до исполненія перваго приговора, либо оставляется подъ стражей въ порядкѣ исполненія этого приговора, а въ случаѣ осужденія (съ оставленіемъ подъ стражей), постановляется приговоръ по совокупности преступленій, но отбытіе наказанія начинается лишь со дня вступленія въ силу послѣдняго приговора. Напр., первый приговоръ вошелъ въ силу 1 Января, второй—шестью мѣсяцами позже (1 Іюля); арестантъ считается отбываю-

щимъ наказаніе съ 1 Іюля, хотя содержался всѣ предшествующе 6 мѣсяцевъ со дня вступленія въ силу перваго приговора.

И 3) осужденный можетъ содержаться подъ стражею какъ по тому обвиненію, по которому состоялся приговоръ, такъ и по неразсмотрѣнному обвиненію. Разрѣшеніе этого случая вызываетъ недоумѣніе. По буквальному смыслу послѣдней части 20 ст., арестантъ, какъ содержащійся, между прочимъ, «по тому же обвиненію, по которому состоялся приговоръ», долженъ считаться отбывающимъ наказаніе со дня вступленія приговора въ силу, а неразсмотрѣнное обвиненіе должно имѣть послѣдствія, указанныя въ 1 пунктѣ. Между тѣмъ это было-бы, очевидно, несообразно, такъ какъ устанавливалобы для арестанта ничѣмъ не оправдываемое и незаслуженное преимущество, по сравненію со вторымъ случаемъ. Такъ въ приведенномъ во 2 пунктѣ примѣрѣ отбытіе наказанія начинается съ 1 Іюля; при тѣхъ-же обстоятельствахъ, въ 3-мъ случаѣ, осужденный, какъ это ни странно, долженъ считаться отбывающимъ наказаніе съ 1 Января, т. е. шестью мѣсяцами ранѣе, тогда какъ въ обоихъ случаяхъ они одинаково находятся въ предварительномъ заключеніи (во 2-мъ случаѣ по неразсмотрѣнному обвиненію, въ 3-мъ случаѣ по обоимъ обвиненіямъ). Во избѣжаніе такого страннаго результата, котораго, конечно, не могъ имѣть въ виду и желать проектъ, необходимо присоединить къ выраженію: «по тому же обвиненію, по которому состоялся приговоръ» слова « *и притомъ только по этому обвиненію*». Съ такою прибавкою содержаніе осужденнаго еще по другому (или другимъ) неразсмотрѣнному дѣлу не будетъ устанавлять для него вышеуказанной незаслуженной привиллегіи.

Предложенный нѣкоторыми членами, вмѣсто измѣненія редакціи послѣдней части 20 ст., другой выходъ изъ затрудненія, изложеннаго въ 3 пунктѣ, именно: посредствомъ распространенія и на второй случай правила ст. 20 о зачетѣ въ наказаніе времени содержанія подъ стражей со дня вступленія въ силу перваго приговора, совершенно, по мнѣнію референта, неправиленъ. Съ принятіемъ этого предложенія, арестанту засчитывалось-бы въ наказаніе не содержаніе подъ стражей по вступившему въ силу приговору—такого содержанія не существуетъ въ 2-мъ случаѣ,—а содержаніе подъ стражей по неразсмотрѣнному обвиненію *до постановленія приговора*. Такой *обязательный* зачетъ установлялъ-бы новую привиллегію *спеціально для судимыхъ по совокупности преступленій*, противъ чего въ особенности возстаетъ референтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это предложеніе смѣшиваетъ зачетъ, устанавливаемый 20 ст., съ зачетомъ содержанія подъ стражей до постановленія приговора, вводимымъ 54 ст. *лишь для низшихъ видовъ наказанія, и то факультативно*.

При возникшихъ, затѣмъ, преніяхъ, шестеро лицъ (*) присоединились къ мнѣнію референта о томъ, что время, проведенное въ мѣстахъ предварительнаго заключенія со дня вступленія приговора въ законную силу, должно быть для приговоренныхъ къ каторгѣ и исправительному дому засчитываемо, по соразмѣрности, по правиламъ послѣдней части 55 ст. проекта. Остальные же десятеро присутствовавшихъ высказали, что отправка въ подлежащее мѣсто заключенія не зависитъ отъ самого осужденнаго и, потому, нельзя возлагать на него невыгодныя послѣдствія промедленія въ отправленіи, а при громадныхъ русскихъ разстояніяхъ, при невозможности во всякое время года производить пересылку арестантовъ въ отдаленныя части государства, гдѣ будутъ каторжныя тюрьмы, принятіе правила, предлагаемаго В. В. Ситтеномъ, можетъ повлечь значительное увеличеніе срока лишенія свободы; такъ напр. если придержаться соразмѣрности, установленной въ 55 ст. проекта, и приравнивать домъ предварительнаго заключенія къ тюрьмѣ, то окажется, что приговоренный къ каторгѣ, но доставленный въ каторжную тюрьму только чрезъ три года послѣ вступленія приговора въ силу, будетъ лишенъ свободы лишнихъ два года, такъ какъ три года, проведенные до доставленія на каторгу, зачтутся только за одинъ годъ каторги, а потому названныя десять лицъ и полагали, что надо сохранить послѣднюю часть 20 ст. проекта.

Затѣмъ Обществомъ единогласно признано, что, во избѣжаніе недоразумѣнія, желательно дополнить послѣднюю часть 20 ст. указаніемъ на то, что она относится и до лицъ, приговоренныхъ къ поселенію, т. е. что время, проведенное такими лицами въ мѣстахъ предварительнаго заключенія, должно быть засчитываемо въ десятилѣтній срокъ, установленный 21 ст. проекта.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о томъ, какъ считать срокъ заключенія, когда лицо содержится подъ стражею по нѣсколькимъ обвиненіямъ, изъ которыхъ одни разсмотрѣны, а другія еще не разсмотрѣны, четверо (**) лицъ присоединились къ мнѣнію референта, одинъ (***) голосъ поданъ за сохраненіе редакціи проекта, остальные-же присутствовавшіе находили необходимымъ измѣнить редакцію въ томъ смыслѣ, чтобы срокъ приговора считался съ момента вступленія въ законную силу, хотя-бы только и приговора по одному изъ тѣхъ обвиненій, по которымъ лицо содержится подъ стражей.

(*) Гг. Андреевъ, Арцруни, Козловъ, Лебедевъ, Соколовъ и Кленинъ.

(**) Гг. Сталь, Воюцкій, Козловъ и Быковъ.

(***) Г. Хлѣбниковъ.

Послѣднюю часть 20 статьи слѣдовало-бы, по мнѣнію Прокурора Полтавскаго Окружнаго Суда Люце, изложить въ томъ смыслѣ, что въ срокъ лишенія свободы, въ чемъ бы таковое ни состояло (хотя бы въ каторжныхъ работахъ), во всякомъ случаѣ, должно быть включено все время предварительнаго ареста, послѣдовавшаго по тому-же обвиненію, по которому состоялся приговоръ. Въ сущности, всякое заключеніе подъ стражу во время производства дѣла бываетъ задержаніемъ виновнаго для исполненія приговора, который будетъ о немъ впослѣдствіи постановленъ. Если для лицъ, находящихся на свободѣ, срокъ лишенія свободы по приговору считается, въ силу 20 ст., со времени задержанія ихъ для исполненія приговора, то почему для лицъ, состоящихъ подъ предварительнымъ арестомъ, считать срокъ со времени вступленія приговора въ законную силу, а не тоже съ того времени, когда они задержаны для исполненія приговора, т. е. съ самаго начала ихъ предварительнаго ареста?

О зачетѣ времени предварительнаго заключенія въ срокъ лишенія свободы по приговору говорится въ 54 статьѣ проекта. Но этотъ зачетъ относится, собственно, къ вопросу объ исчисленіи срока наказанія, опредѣленнаго приговоромъ, а не къ вопросу объ обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину обвиняемаго, или требующихъ замѣны или смягченія наказанія по причинамъ, касающимся личности обвиняемаго (Geib. Lehrbuch. p. 103. Berner. Lehrbuch. 12 Aufl. 1882 p. 282) (*). Поэтому правильнѣе было бы разрѣшить этотъ вопросъ въ 20 статьѣ уложенія, статью же 54 вовсе исключить (**).

Предварительный арестъ, ежели не засчитывать его въ срокъ присуждаемаго затѣмъ наказанія, представляется, по мнѣнію г. Люце, до такой степени тяжкою и несправедливою мѣрою въ отношеніи обвиняемаго, что, съ

(*) Что предварительный арестъ не есть поводъ къ уменьшенію наказанія, а представляется только однимъ изъ способовъ отбытія наказанія, состоящаго въ срочномъ лишеніи свободы, это необходимо не упускать изъ виду, потому что, если его считать поводомъ къ уменьшенію наказанія, то его придется принимать во вниманіе при опредѣленіи и другихъ наказаній, незаключающихся въ срочномъ лишеніи свободы, даже, напр., при присужденіи обвиняемаго къ смертной казни (баварское уложеніе 1813 г., ст. 105) или къ пожизненному заключенію, и считать этотъ арестъ, наравнѣ съ другими обстоятельствами, уменьшающими виновность, поводомъ къ уменьшенію наказанія въ этихъ случаяхъ, что было-бы совершенно невѣрно (Geib. Lehrbuch. стр. 104, см. цитату изъ статьи Abeg. N. Archiv des Criminalrechts. XIV).

(**) Самое выраженіе, употребленное въ 54 статьѣ: «предварительное заключеніе можетъ быть *засчитано* въ наказаніе» указываетъ, на то, что статья эта относится не къ тѣмъ предметамъ, которые разсматриваются въ главѣ VI, а къ правиламъ исчисленія срока наказанія.

*

одной стороны, онъ совершенно опрокидываетъ всѣ соображенія законодателя о мѣрѣ отвѣтственности, которой надлежитъ подвергнуть виновнаго за данное преступное дѣяніе, а съ другой, онъ служитъ нерѣдко поводомъ къ несправедливому оправданію виновнаго присяжными засѣдателями. Вслѣдствіе этого, почти всѣ законодательства признаютъ необходимымъ принимать этотъ арестъ во вниманіе при опредѣленіи наказанія осужденному, обыкновенно предоставляя суду засчитывать въ срокъ наказанія все время, проведенное подсудимымъ подъ предварительнымъ арестомъ, считая день за день (венгерскій кодексъ § 94, германскій § 60, голландскій ст. 27). Но это представляется г. Люце недостаточнымъ. Необходимо сдѣлать обязательнымъ такой зачетъ предварительнаго ареста въ наказаніе, подобно тому, какъ это постановляетъ ст. 30 бельгійскаго уложенія (*) и проектъ итальянскаго уложенія, въ ст. 49 котораго говорится, что во всякое наказаніе, не исключая и денежнаго или замѣняющаго его наказанія, должно быть зачтено время, проведенное подъ стражей до вступленія приговора въ законную силу. Только при этомъ условіи, предварительный арестъ потеряетъ, въ значительной степени, характеръ несправедливости. Основаніе, приведенное Коммисіей къ допущенію необязательности зачета предварительнаго ареста въ наказаніе, а именно, что обвиняемый иногда умышленно затягиваетъ слѣдствіе и самъ виновенъ въ продолжительности своего ареста (**), не выдерживаетъ критики. Во-первыхъ, такъ-какъ обвиняемые, находящіеся на свободѣ, не подлежатъ никакому наказанію за то, что они затягиваютъ слѣдствіе (а только эти именно обвиняемые и затягиваютъ таковое), то и обвиняемаго, содержащагося подъ стражею, нѣтъ никакого основанія подвергать наказанію за затягиваніе процесса; да и вообще, крайне несправедливо придавать предварительному аресту значеніе прибавочнаго наказанія, опредѣляемаго подсудимому, какъ бы за его сопротивленіе судебной

(*) Подобныя-же постановленія встрѣчаются и во многихъ другихъ уложеніяхъ. (Berner. Lehrbuch. стр. 283. Heinze. Das Recht. d. Untersuchungshaft, стр. 13).

(**) Коммисія полагаетъ даже, что обвиняемый можетъ находить для себя удобнымъ предварительный арестъ и стараться продлить его (объясн. зап., стр. 182). Но замедлять ходъ дѣла съ цѣлью остаться подъ стражей можетъ только тотъ обвиняемый, который будетъ бояться оправданія и освобожденія его изъ подъ ареста, ибо для всякаго другаго предварительный арестъ не представляетъ никакихъ выгодъ; какъ бы этотъ арестъ ни былъ устроенъ, будетъ ли это одиночное заключеніе или содержаніе обвиняемаго въ обществѣ другихъ преступниковъ, предварительный арестъ будетъ всегда представляться не менѣе тяжкимъ наказаніемъ, какъ и заключеніе въ какомъ либо карательномъ заведеніи, по крайней мѣрѣ, сравнительная тяжесть его со всѣми другими видами заключеній совершенно неизвѣстна и главнымъ образомъ зависитъ только отъ большей или меньшей продолжительности его.

власти (Ungehorsamsstrafe). Во вторыхъ, разрѣшеніе вопроса о томъ, пользовался ли обвиняемый только своимъ законнымъ правомъ защиты, или напрасно затягивалъ слѣдствіе, представляетъ большія затрудненія (*), въ особенности въ виду того, что, при разрѣшеніи этого вопроса, суду приходится, до извѣстной степени, быть судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

Приведенныя Коммисіей основанія къ незачисленію предварительнаго ареста въ срокъ наказанія при осужденіи обвиняемаго къ каторгѣ, или къ заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ (объясн. зап., стр. 188), представляются г. Люце также неубѣдительными. Коммисія указываетъ на то, что за этими наказаніями слѣдуетъ поселеніе, которое безсрочно, и что эти наказанія назначаются за тяжкія преступленія, которыя вполнѣ оправдываютъ предварительный арестъ. Но безсрочность поселенія нисколько не касается предшествующей ему каторги, и если послѣдняя назначена приговоромъ суда на опредѣленный срокъ, то нѣтъ основанія произвольно увеличивать этотъ срокъ предварительнымъ арестомъ; 5 лѣтъ каторги съ безсрочнымъ, затѣмъ, поселеніемъ вовсе не равняются этому-же самому наказанію, но съ прибавкой къ нему предварительнаго ареста на болѣе или менѣе продолжительное время, напротивъ того, эта прибавка можетъ быть иногда столь существеннымъ отягченіемъ наказанія, что она дѣлаетъ самое наказаніе совершенно неопредѣленнымъ. Наконецъ, ст. 20. проекта признаетъ справедливымъ засчитывать въ срокъ каторги предварительный арестъ со дня вступленія въ силу приговора суда; между тѣмъ предварительный арестъ этотъ ничѣмъ не отличается отъ таковаго же ареста, отбываемаго обвиняемымъ до вступленія приговора въ законную силу, напр., въ то время, пока Сенатъ разсматриваетъ кассаціонную жалобу обвинителя или обвиняемаго (**). Что же касается до тяжести преступленій, на которую ссылается Коммисія, то хотя эта тяжесть и оправдываетъ предварительный арестъ обвиняемаго, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она оправдывала незачтеніе затѣмъ предварительнаго ареста въ срокъ наказанія и превращеніе его въ какую-то неопредѣленную и совершенно случайную прибавку къ наказанію (***).

(*) Heinze. Das Recht der Untersuchungshaft, стр. 23—26.

(**) Въ особенности несправедливо назначеніе въ срокъ наказанія предварительнаго ареста, проведеннаго обвиняемымъ во время разсмотрѣнія высшей инстанціей суда его жалобы, хотя бы даже таковая оказалась вполнѣ заслуживающею уваженія; это представляется наказаніемъ обвиняемаго за то, что онъ пользуется законнымъ правомъ защиты. Еще болѣе несправедливо незачтеніе въ срокъ наказанія времени, проведеннаго обвиняемымъ подъ арестомъ по случаю обжалованія приговора обвинителемъ, хотя-бы жалоба послѣдняго оказалась совершенно неосновательною.

(***) Весьма возможно, что въ проектѣ уложенія будетъ принято постановленіе объ обязанности зачтенія предварительнаго ареста въ срокъ наказанія, въ чемъ бы таковое ни

Независимо отъ сего, Прокуроръ Полтавскаго Окружнаго Суда считаетъ необходимымъ обратить вниманіе еще на одну неточность редакціи 20 и 54 статей уложенія, которая имѣетъ своимъ послѣдствіемъ весьма несправедливое постановленіе. Въ ст. 54 сказано, что предварительное заключеніе можетъ быть зачислено въ наказаніе, если виновный приговаривается къ такому-то лишенію свободы; при этомъ подразумѣвается, конечно, предварительный арестъ, отбытый обвиняемымъ до постановленія приговора (*), такъ что, въ силу 54 ст., въ наказаніе можетъ быть зачтенъ только этотъ арестъ. Въ статьѣ же 20 срокъ наказанія (для находящихся подъ стражей) считается со времени вступленія приговора въ законную силу. Такимъ образомъ, время, проведенное обвиняемымъ подъ арестомъ съ момента постановленія приговора до момента вступленія его въ законную силу, на основаніи ст. 20 и 54, никогда не можетъ быть зачислено обвиняемому въ срокъ наказанія. Такое постановленіе несправедливо, потому что время отъ произнесенія судомъ приговора до вступленія этого приговора въ законную силу, можетъ быть весьма продолжительнымъ, въ случаѣ перехода дѣла въ кассаціонную инстанцію, вслѣдствіе чего, при незачтеніи этого ареста въ срокъ наказанія, опредѣленное приговоромъ заключеніе въ тюрьмѣ на 2, на 3 мѣсяца можетъ иногда удвоиться и утроиться только въ силу той случайности, что дѣло перешло въ кассаціонную инстанцію.

Вторая часть 20 ст. проекта уложенія устанавливаетъ, по мнѣнію чиновъ Уманскаго Окружнаго Суда, несвойственное дѣйствующему законодательству и житейской практикѣ понятіе о мѣсяцѣ, какъ о пространствѣ времени, равномъ 30 днямъ.

состояло. Въ этомъ случаѣ, по замѣчанію г. Люце, слѣдовало-бы дополнить уставъ уголовнаго судопроизводства особымъ правиломъ о томъ, что всякій обвиняемый, отбывшій въ предварительномъ заключеніи время, равное высшей мѣрѣ наказанія, какая можетъ быть ему опредѣлена за его преступное дѣяніе, долженъ быть немедленно освобождаемъ изъ предварительнаго заключенія и слѣдствіе въ отношеніи его уголовной отвѣтственности должно быть прекращено, развѣ бы онъ самъ потребовалъ продолженія слѣдствія, желая доказать на судѣ невиновность свою въ томъ преступномъ дѣяніи, за которое онъ отбылъ наказаніе въ видѣ предварительнаго ареста.

(*) На это указываетъ выраженіе «засчит*ано*» . . . если виновный приго*варивается*», иначе было бы сказано: «предварительное заключеніе можетъ быть засчит*ываемо* въ наказаніе, если виновный приго*ворен*» и проч. При томъ-же предварительный арестъ можетъ иногда послѣдовать только послѣ постановленія приговора, или даже послѣ подачи обвиняемымъ кассаціонной жалобы (напр. на основ. прим. къ ст. 911 уст. угол. суд., по прод. 1879 г.).

Сдѣлано это, насколько можно судить по мотивамъ, изложеннымъ въ объяснительной запискѣ, въ видахъ достиженія большей справедливости при назначеніи сроковъ наказанія.

Колебанія срока, назначеннаго судомъ въ цѣлыхъ мѣсяцахъ, вслѣдствіе того, что приговоръ будетъ исполняться въ ту или другую часть года, настолько незначительны, что ради этого обстоятельства едва-ли слѣдуетъ измѣнять существующее счисленіе мѣсяцевъ за мѣсяцы календарные, тѣмъ болѣе, что на практикѣ несравненно удобнѣе считать такъ, какъ это дѣлается теперь, и не справляться каждый разъ съ календаремъ изъ опасенія, забывъ одинъ изъ длинныхъ мѣсяцевъ, продержать человѣка лишній день подъ стражею.

Подобными практическими удобствами едва-ли слѣдуетъ пренебрегать тамъ, гдѣ, путемъ уничтоженія ихъ, не достигается никакой теоретической цѣли.

Если считать, вмѣстѣ съ германцами, мѣсяцы за мѣсяцы календарные, то можно будетъ совершенно уничтожить всю вторую часть 20 ст., такъ какъ едва-ли нужно законодательное указаніе на то, что въ недѣлѣ семь дней, а для того, чтобы день считали въ 24 часа стоитъ только назвать его сутками и замѣнить слова «и днями» въ концѣ первой части ст. 20 словами: «и сутками».

Въ третьей части ст. 20 проекта слѣдовало-бы, по мнѣнію тѣхъ-же судебныхъ чиновъ, выпустить слова: «по тому-же обвиненію, по которому состоялся приговоръ», такъ какъ на практикѣ можетъ случиться, что человѣкъ, присужденный напр. къ аресту за извѣстное нарушеніе, будетъ содержаться подъ стражею по обвиненію въ преступленіи или проступкѣ и по этому послѣднему обвиненію будетъ признанъ по суду оправданнымъ. Едва-ли окажется справедливымъ такого подсудимаго подвергать, послѣ оправданія, еще новому лишенію свободы, тогда какъ трудно указать основанія, по которымъ предварительное заключеніе, понесенное имъ безъ всякой вины (онъ оправданъ, слѣдовательно ни въ чемъ невиноватъ), не должно быть зачтено въ срокъ ареста.

По отзыву Прокурора Плоцкаго Окружнаго Суда Фукса, ст. 20 пополняетъ ощущаемый въ настоящее время пробѣлъ относительно исчисленія сроковъ наказанія, но вмѣсто совершенно естественнаго счета мѣсяцевъ по календарю вводитъ вполнѣ искуственное, именно въ 30 дней. Изъ иностранныхъ кодексовъ, въ новѣйшихъ и лучшихъ (Венгер. ст. 3, Герман. ст. 19, Нидерл. ст. 21), сроки наказанія исчисляются полными мѣсяцами по кален-

дарю, и только во Французскомъ кодексѣ (ст. 40), въ принявшемъ его за образецъ Бельгійскомъ (ст. 25) и въ Итальянскомъ проектѣ (ст. 48), мѣсяцъ считается въ 30 дней. Имѣя въ виду, что чѣмъ менѣе законъ отступаетъ отъ обыденныхъ понятій и установившихся мѣрокъ, тѣмъ проще и вѣрнѣе его примѣненіе, искуственность-же всегда влечетъ за собою недоумѣнія и ошибки, г. Фуксъ признавалъ-бы правильнымъ послѣдовать примѣру болѣе совершенныхъ иностранныхъ законодательствъ и замѣнить вводимое ст. 20 искуственное исчисленіе мѣсяцевъ естественнымъ, по календарю.

Способъ исчисленія сроковъ лишенія свободы, указанный въ 20 ст., по мнѣнію Прокурора Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалева, неудобенъ въ практическомъ отношеніи и весьма затруднитъ разсчеты; напр., если кто либо присужденъ на 8 мѣсяцевъ, то срокъ этотъ придется считать въ 240 дней и для опредѣленія, когда онъ окончится, нужно будетъ производить довольно сложныя исчисленія, при которыхъ легко сдѣлать ошибку.

Г. Москалевъ находитъ гораздо болѣе удобнымъ способъ исчисленія сроковъ, указанный въ уставѣ гражданскаго судопроизводства (ст. 819, 820, 821), который и слѣдовало-бы заимствовать, а именно установить, что срокъ лишенія свободы, исчисляемый годами, истекаетъ въ соотвѣтствующее число послѣдняго года, срокъ, исчисляемый по мѣсяцамъ, оканчивается въ соотвѣтствующее число послѣдняго мѣсяца, а при неимѣніи таковаго числа въ послѣдній день этого мѣсяца, срокъ, считаемый по недѣлямъ, истекаетъ въ соотвѣтствующій день послѣдней недѣли; день считается въ 24 часа.

Затѣмъ, по этой статьѣ срокъ заключенія для лицъ, находившихся на свободѣ, исчисляется со дня задержанія ихъ для исполненія приговора, но соблюденіе этого порядка будетъ, какъ находитъ г. Москалевъ, соединено въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ затрудненіями при исполненіи, напр., приговора объ арестѣ на нѣсколько дней можетъ случиться, что на одну пересылку арестованнаго въ городъ изъ какого-либо отдаленнаго уѣзднаго пункта потребуется больше времени, такъ что срокъ, исчисляемый со дня задержанія, окончится ранѣе, чѣмъ осужденный будетъ доставленъ въ надлежащее мѣсто заключенія. Во избѣжаніе такихъ неудобствъ, было-бы полезно и вполнѣ справедливо установить слѣдующее правило:

Лицо, присужденное къ аресту и находящееся на свободѣ, вызывается въ мѣсто нахожденія арестнаго помѣщенія порядкомъ, указаннымъ въ ст. 377—385 уст. угол. суд.; если же осужденный добровольно не явится, не представивъ удостовѣренія о законныхъ причинахъ своей неявки (ст. 388

уст. угол. суд.), то подвергается приводу, при чемъ срокъ содержанія считается со времени доставленія его въ арестное помѣщеніе.

Кромѣ этого тотъ-же Прокуроръ замѣчаетъ, что, въ видахъ установленія единообразнаго порядка и въ устраненіе возможныхъ недоразумѣній, слѣдовало бы 20 статью дополнить еще такимъ постановленіемъ:

въ послѣдній день заключенія срокъ содержанія считается оконченнымъ: при исчисленіи его днями—въ томъ часу, съ котораго исчисленіе срока началось, а въ остальныхъ случаяхъ въ 12 часовъ дня.

При дѣйствіи такого правила, заключенные будутъ освобождаемы въ удобное время дня и могутъ быть немедленно препровождаемы въ полицейскія управленія для полученія, напр., путевыхъ билетовъ.

Воронежскій Окружный Судъ останавливается на томъ обстоятельствѣ, что, на основаніи ст. 20, срокъ заключенія для лицъ, содержащихся подъ стражею по тому-же обвиненію, считается со дня вступленія въ законную силу въ разное время, между прочимъ, когда протестъ или жалоба, поданные въ кассаціонномъ порядкѣ, оставлены безъ послѣдствій, въ этомъ послѣднемъ случаѣ срокъ вступленія приговора въ законную силу значительно увеличивается въ виду отдаленности многихъ судовъ отъ мѣста нахожденія кассаціонной инстанціи, незачисленіе этого времени въ срокъ наказанія представляется совершенно несправедливымъ, тѣмъ болѣе въ томъ случаѣ, когда это не зависитъ отъ воли наказываемаго, напр. въ случаѣ протеста прокурора о примѣненіи наказанія или жалобы гражданскаго истца, оставленныхъ безъ уваженія; а потому статью эту слѣдуетъ дополнить: «въ случаѣ же оставленія жалобы и протеста на приговоръ суда безъ послѣдствій—съ того дня, когда приговоръ долженъ былъ вступить въ законную силу, если бы жалобы или протеста подано не было».

Чины Воронежской прокуратуры замѣчаютъ, что проектъ, принимая при исчисленіи сроковъ календарный способъ счисленія времени, сдѣлалъ исключеніе по отношенію къ мѣсяцамъ, которые установлено исчислять всегда въ 30 дней. На практикѣ такой способъ счисленія можетъ повести къ затрудненіямъ, разнаго рода претензіямъ и даже къ явной несправедливости.

Такъ при исчисленіи мѣсяцевъ въ 30 дней каждый, какъ то установлено проектомъ, можетъ имѣть мѣсто слѣдующій случай. Приговоренный въ тюрьму на 11 мѣсяцевъ пробудетъ въ ней $11 \times 30 = 330$ дней, тогда

какъ приговоренный и безъ того къ болѣе тяжкому годовому тюремному заключенію долженъ будетъ пробыть въ тюрьмѣ 365 или 366 дней, такъ что для него послѣдній мѣсяцъ заключенія будетъ равняться 35 или 36 днямъ. Поэтому, а также и въ виду того, что исчисленіе мѣсяцевъ въ практикѣ нашихъ гражданскихъ и уголовныхъ судовъ до сихъ поръ велось не по днямъ, къ чему привыкло уже населеніе, чины Воронежской прокуратуры находили-бы болѣе удобнымъ принять вообще, подобно указанному въ ст. 819 у. г. с., календарное дѣленіе времени.

По поводу правила 20 ст. чины прокуратуры Самарскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что порядокъ исчисленія сроковъ относится болѣе къ судопроизводству, нежели къ праву матеріальному, и потому въ уложеніи едва-ли представляется необходимымъ говорить объ этомъ. Въ дѣйствующемъ уставѣ уголовнаго судопроизводства не содержится никакихъ по этому предмету правилъ, и при приведеніи уголовныхъ приговоровъ въ исполненіе примѣняются въ этомъ отношеніи правила, постановленныя въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, согласно которымъ окончаніе мѣсячнаго срока полагается въ соотвѣтсвующее число слѣдующаго мѣсяца, окончаніе недѣльнаго срока—въ соотвѣтственный день слѣдующей недѣли. И такой порядокъ исчисленія сроковъ представляется болѣе легкимъ и удобнымъ въ примѣненіи, нежели предположенный въ проектѣ. Но и кромѣ легкости и удобопримѣнимости, въ пользу его же говоритъ и другое соображеніе: для практики весьма важно, чтобы способъ исчисленія сроковъ былъ одинаковъ во всѣхъ дѣлахъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ. Въ дѣлахъ же гражданскихъ, во всѣхъ имущественныхъ юридическихъ отношеніяхъ, въ торговыхъ сдѣлкахъ, исчисленіе сроковъ дѣлается по правилу, принятому въ уставѣ гражданскаго судопроизводства; окончаніе мѣсячнаго срока всегда полагается въ соотвѣтствующее число мѣсяца, сколько бы дней ни заключалось въ этомъ срокѣ. Такъ, срокъ мѣсячнаго векселя, выданнаго 15 Ноября, наступитъ чрезъ 30 дней—15 Декабря, но срокъ мѣсячнаго векселя, выданнаго 15 Декабря, наступитъ чрезъ 31 день—15 Января, а срокъ векселя, выданнаго 15 Февраля, наступитъ чрезъ 28 дней (въ высокосномъ году—чрезъ 29 дней), но опять таки 15 же Марта. Законъ, который ввелъ-бы измѣненіе въ порядкѣ исчисленія сроковъ въ этихъ имущественныхъ и торговыхъ отношеніяхъ, надолго, если не навсегда, остался-бы мертвой буквой. Исчисленіе срока лишенія свободы для лицъ, не содержащихся подъ стражею, со дня задержанія ихъ для исполненія приговора, представляется, конечно, вполнѣ правильнымъ, но въ дѣйствительности примѣненіе этого пра-

вила окажется въ большинствѣ случаевъ невозможнымъ, именно въ уѣздѣ, въ деревнѣ, такъ какъ задержаніе таковыхъ лицъ будетъ возлагаться, какъ и нынѣ, на мѣстныхъ сельскихъ властей и низшихъ полицейскихъ служителей, которые, при своей почти поголовной неграмотности, не въ состояніи будутъ каждый разъ удостовѣрить, когда именно такое-то лицо ими задержано. Съ другой стороны, при существующихъ средствахъ сообщеній, кратковременные сроки ареста будутъ оканчиваться прежде чѣмъ осужденные, по задержаніи, будутъ доставлены въ мѣсто заключенія. Для устраненія этого слѣдовало-бы постановить, что кратковременные сроки ареста (напр. до 7 или до 10 дней) осужденные отбываютъ въ мѣстѣ ихъ пребыванія, т. е. тамъ, гдѣ застигнетъ ихъ исполнительный листъ или копія приговора.

По замѣчанію Люблинскаго Окружнаго Суда, не мѣшало-бы замѣнить исчисленіе ареста днями исчисленіемъ сутками. Такая замѣна устранила-бы необходимость считать день въ 24 часа (2 ч. 20 ст.). При исчисленіи сроковъ лишенія свободы тюремному начальству удобнѣе руководствоваться календаремъ, нежели искуственнымъ масштабомъ. Напр., для приговореннаго къ тюрьмѣ на 9 мѣсяцевъ, о которомъ приговоръ вступилъ въ законную силу 1 Января, срокъ заключенія кончится 1 Октября (273 дня). Если же мѣсяцъ считать въ 30 дней (270 дней), то срокъ истечетъ 28 Сентября. Исчисленіе такимъ образомъ значительно усложняется и, при накопленіи арестантовъ, легко можетъ повести къ ошибкамъ.—Выраженіе: «по тому же обвиненію, по коему состоялся приговоръ», слѣдуетъ устранить, въ виду возможности поглощенія однихъ приговоровъ другими, позднѣйшими приговорами по правиламъ совокупности. Подъ прочими лицами («а для прочихъ лицъ»), по буквальному смыслу 3 ч. 20 ст., слѣдуетъ разумѣть и содержащихся подъ стражею не по тому же обвиненію, по коему состоялся приговоръ, а въ такомъ случаѣ исчислить срокъ со дня задержанія, очевидно, нельзя, такъ какъ правило это примѣнимо только къ состоящимъ на свободѣ. Проектированное правило необходимо согласовать съ ст. 968 уст. угол. суд.

По замѣчанію Товарища Предсѣдателя Плоцкаго Окружнаго Суда Павловскаго, послѣдняя часть ст. 20 заключаетъ въ себѣ правило, что для содержащихся подъ стражею по тому обвиненію, по которому состоялся приговоръ, срокъ, съ котораго наказаніе признается начавшимся, считается со дня вступленія приговора въ законную силу, а для прочихъ лицъ, то есть для находящихся

во время слѣдствія и суда на свободѣ, со дня задержанія для исполненія приговора.

Г. Павловскій находитъ, что первая часть этого правила не вполнѣ соотвѣтствуетъ проводимой во всемъ проектѣ Редакціонной Коммисіи высокогуманной идеѣ и стремленію къ облегченію участи подсудимыхъ.

Бываютъ случаи, что подсудимый, заключенный подъ стражу немедленно по совершеніи противозаконнаго дѣянія, несмотря на всю искренность своего, на первыхъ же порахъ учиненнаго признанія въ содѣянномъ, на открытіе соучастниковъ и на истинное раскаяніе, вслѣдствіе-ли усложенности дѣла, или продолжительной и развѣтвленной переписки, наконецъ, вслѣдствіе упорства соучастниковъ, апелляціи и апелляціоннаго производства, или по какимъ-либо другимъ, постороннимъ и отъ подсудимаго нисколько не зависящимъ, но замедляющимъ ходъ слѣдствія и суда причинамъ, будетъ лишенъ свободы слишкомъ продолжительное время:—будетъ ли тогда справедливымъ признавать срокъ опредѣленнаго ему наказанія только со дня вступленія приговора въ законную силу?

А потому, для сохраненія послѣдовательности въ общемъ стремленіи проекта и въ видахъ самой политики уголовнаго права, состоящей въ поощреніи подсудимыхъ къ скорому, чистосердечному признанію, наконецъ, для сокращенія занятій судебныхъ мѣстъ и расходовъ на содержаніе подслѣдственныхъ арестантовъ, во избѣжаніе притомъ переполненія тюремъ, г. Павловскій полагалъ-бы постановить правило:

а) что въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ въ пунктахъ 1, 2 и 3 ст. 134 существующаго уложенія о наказаніяхъ, независимо отъ указаннаго въ ст. 135 того же уложенія способа облегченія участи подсудимыхъ, опредѣленное подсудимому наказаніе считается начавшимся со дня заключенія его подъ стражу во время слѣдствія и суда.

б) Въ тѣхъ-же случаяхъ,—для подсудимыхъ, остающихся на свободѣ, но временно содержавшихся подъ стражею во время слѣдствія и суда,—время это зачислять имъ въ общій итогъ присужденнаго по приговору заключенія;—и

в) Въ случаѣ опредѣленія лицамъ сей послѣдней категоріи только денежной пени, время содержанія ихъ въ подслѣдственномъ арестѣ признавать эквивалентомъ соотвѣтствующаго количества (согласно ст. 24 проекта) денежной пени, и таковую опредѣлять въ пропорціи лишь остальнаго количества.

Чины прокуратуры Казанской Судебной Палаты замѣчаютъ, что при исчисленіи мѣсяца тридцатью днями счетъ заключенія, въ большинствѣ случаевъ придется вести цѣлыми сотнями дней, что будетъ, конечно, затруднительно и для тюремнаго управленія, и для самихъ заключенныхъ. Не цѣлесообразнѣе-ли поэтому установить, что мѣсяцъ признается истекающимъ въ соотвѣтственное число другаго мѣсяца?

Въ послѣднее отдѣленіе этой статьи слѣдовало-бы, по мнѣнію тѣхъ-же чиновъ, внести указаніе на время, съ котораго долженъ исчисляться срокъ лишенія свободы по приговору и для такого лица, которое въ моментъ вступленія приговора о немъ въ законную силу содержится уже подъ стражею, но по другому совсѣмъ дѣлу.

По замѣчанію Прокурора Лубенскаго Окружнаго Суда Яновскаго, вторую часть ст. 20, касающуюся исполненія приговоровъ, слѣдуетъ изъ проекта уложенія исключить и отнести въ уставъ уголовнаго судопроизводства. Первая же часть этой статьи можетъ, по замѣчанію г. Яновскаго, вызвать на практикѣ недоразумѣніе въ отношеніи исчисленія срока лишенія свободы для приговоренныхъ къ заключенію на годъ и болѣе. Примѣняясь къ принятому проектомъ исчисленію,—мѣсяцъ считать въ 30 дней,—можно прійти къ заключенію, что приговоренные на годъ должны содержаться только 360 дней, а не полный годъ, т. е. 365 дней. Хотя въ Объясненіяхъ къ проекту уложенія и сказано, что календарное счисленіе сохранено для годовъ, а для мѣсяцевъ однообразное въ 30 дней, но такая двойственная система представляется не вполнѣ справедливою и равномѣрною, а потому желательно было-бы установить однообразную систему исчисленія какъ для приговариваемыхъ къ лишенію свободы на нѣсколько мѣсяцевъ, такъ и для приговариваемыхъ на годъ или болѣе, т. е. принять или календарное исчисленіе, или назначить срокъ мѣсяцами, считая мѣсяцъ въ 30 дней.

По поводу ст. 20 проекта въ собраніи чиновъ Кіевской прокуратуры послѣдовало два замѣчанія. Первое изъ нихъ относится до 3 пункта этой статьи, въ коемъ значится, что «срокъ лишенія свободы исчисляется для лицъ содержащихся подъ стражею по тому же обвиненію, по коему состоялся приговоръ, со дня вступленія приговора въ законную силу»; съ такимъ положеніемъ нельзя согласиться, какъ потому, что при этомъ возможенъ случай, что осужденный, изъявившій удовольствіе на приговоръ въ день его постановленія, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе даже неосновательнаго протеста лица прокурорскаго надзора, можетъ просидѣть

нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ подъ стражею, такъ и потому, что подобный случай противорѣчилъ-бы основному духу всѣхъ нашихъ новѣйшихъ законодательствъ, стремящихся къ огражденію участи преступника отъ всякаго напраснаго отягощенія. Посему собраніе признало болѣе справедливымъ установить, чтобы срокъ лишенія свободы для лицъ, содержащихся подъ стражею по тому-же обвиненію, по коему состоялся приговоръ при необжалованіи ими послѣдняго, исчисляется со дня постановленія этого приговора, а для обжаловавшихъ его со дня вступленія приговора въ законную силу.

Затѣмъ, второе замѣчаніе собранія состоитъ въ томъ, что 2 и 3 пункты 20 ст., какъ заключающіе въ себѣ положенія объ исчисленіи сроковъ, умѣстнѣе было-бы включить въ уставъ уголовнаго судопроизводства.

При разсмотрѣніи чинами прокуратуры Варшавскаго Окружнаго Суда ст. 20, одинъ изъ нихъ обратилъ вниманіе на неточность употребленнаго въ 3 части этой статьи выраженія: «лишенія свободы», такъ какъ представляется неяснымъ какія именно наказанія подходятъ подъ это опредѣленіе и считаются-ли каторга и заточеніе лишеніемъ свободы. Сами редакторы проекта на стр. 76 об. (5 строка снизу) утверждаютъ, что проектомъ новаго уложенія вводятся только два главныхъ типа лишенія свободы—исправительный домъ и тюрьма; отсюда, повидимому, слѣдовало-бы прійти къ заключенію, что каторга и заточеніе не признаются редакторами проекта лишеніемъ свободы, но такой выводъ былъ-бы не согласенъ съ мотивами къ 20 ст. проекта. Посему и во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, надлежало-бы слова «лишенія свободы» замѣнить другимъ выраженіемъ, болѣе точно опредѣляющимъ ту мысль, которую желали выразить редакторы проекта. Соглашаясь съ высказаннымъ мнѣніемъ, собраніе признало необходимымъ слова: «срокъ лишенія свободы» замѣнить словами: «срокъ наказанія».

Далѣе одинъ изъ членовъ собранія находилъ, что 3 часть ст. 20 содержитъ въ себѣ постановленіе процессуальнаго характера и потому подлежитъ перенесенію въ уст. угол. суд. Другіе члены собранія съ этимъ мнѣніемъ не согласились, находя, что въ 3 ч. 20 ст. заключается весьма важное постановленіе матеріальнаго уголовнаго права, опредѣляющее продолжительность наказанія.

По поводу ст. 20 проекта въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры докладчикъ г. Кильштетъ признавалъ основанія исчисленія сроковъ лишенія свободы, указанныя проектомъ, правильными. Не соглашаясь

съ этимъ, нѣкоторые члены (гг. Марковъ и Васильевъ) полагали, что срокъ каторжныхъ работъ долженъ исчисляться со времени дѣйствительнаго обращенія осужденнаго на эти работы. Хотя дополненіемъ къ ст. 968 уст. угол. суд., по прод. 1879 г., въ отмѣну прежде дѣйствовавшихъ правилъ (ст. 592 и 602 уст. о ссыльн.), и установлено, что со времени вступленія приговора въ законную силу содержаніе ссыльно-каторжныхъ какъ въ особыхъ центральныхъ тюрьмахъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ заключенія Европейской Россіи, зачисляется въ опредѣленный судомъ срокъ каторжныхъ работъ, но правило это, вызванное переполненіемъ тюремъ каторжными, не поступившими по назначенію и вслѣдствіе отсутствія правильнаго устройства каторжныхъ работъ отбывавшими свое наказаніе въ Европейской Россіи, не можетъ быть сохранено при дѣйствіи новаго уложенія, предполагающаго какъ уменьшеніе преступленій, караемыхъ каторжными работами, такъ, съ другой стороны, такую организацію тюремнаго дѣла, при которой каждое наказаніе будетъ отбываться въ установленномъ законами порядкѣ и въ подлежащихъ мѣстахъ заключенія. Сущность наказанія каторги состоитъ въ отбываніи, въ теченіи срока, опредѣленнаго судомъ, тяжкихъ работъ въ каторжныхъ тюрьмахъ въ Сибири, порядкомъ, указаннымъ въ ст. 14 проекта.—Содержаніе подъ стражею какъ въ домѣ предварительнаго заключенія, такъ и въ пересыльныхъ тюрьмахъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приравниваемо къ каторжнымъ работамъ и время, необходимое для пересылки въ Сибирь, должно считаться необходимымъ для осуществленія каторги условіемъ, сопровождающимъ это наказаніе. Независимо сего, въ виду ст. 57 проекта, отмѣняющей дѣйствіе п. 5 ст. 959 уст. угол. суд., является опасеніе, что для сокращенія срока работъ каторжные будутъ совершать новыя, менѣе тяжкія преступленія, въ томъ разсчетѣ, что содержаніе ихъ подъ стражею во время слѣдствія и суда за это новое преступленіе въ домѣ предварительнаго заключеніе зачтется полностью въ срокъ каторги и значительно превыситъ ту прибавку каторжныхъ работъ, какую можетъ назначить судъ согласно правиламъ, указаннымъ въ ст. 55 улож. Если и допустить, что въ виду возраженій нѣкоторыхъ членовъ (г. Домерщиковъ) о томъ, что замедленіе въ исполненіи приговора весьма часто происходитъ не по винѣ осужденнаго (прекращеніе навигаціи, болѣзнь осужденнаго во время пересылки) и что равномѣрность наказанія можетъ быть достигнута лишь при принятіи правилъ объ исчисленіи срока всѣхъ видовъ лишенія свободы, исчисленныхъ въ ст. 20 проекта, то во всякомъ случаѣ содержаніе въ домѣ предварительнаго заключенія и пересыльной тюрьмѣ осужденнаго на каторгу и въ исправительный домъ должно быть засчитываемо въ срокъ наказанія не полностью, а по соразмѣрности, указанной въ послѣдней части ст. 55 проекта

(гг. Марковъ, Васильевъ и Кичинъ). Противъ этого мнѣнія было высказано что преступленія, совершаемыя каторжными по вступленіи приговора въ законную силу, должны быть наказываемы въ особомъ порядкѣ, по уставу о ссыльныхъ (г. Островскій), что замедленіе въ отправкѣ осужденнаго и содержаніе его не въ надлежащемъ, по существу назначеннаго ему наказанія, мѣстѣ заключенія не можетъ влечь за собою отягощенія участи осужденнаго и увеличенія сроковъ, доказавшаго свою непрактичность и неоднократно вызывавшаго жалобы и волненія въ средѣ арестантовъ, и что, въ случаѣ совершенія осужденнымъ новаго преступленія, въ уст. угол. суд. должны быть указаны подробныя правила пріостановки теченія наказанія за первое преступленіе (г. Кильштетъ). Въ виду этихъ соображеній, совѣщаніе согласилось въ существѣ съ тѣми правилами исчисленія сроковъ лишенія свободы, которыя намѣчены въ ст. 20 проекта, но вмѣстѣ съ тѣмъ, за исключеніемъ двухъ членовъ (гг. Островскій и Бомъ), признало основательнымъ высказанное мнѣніе (г. Марковъ) о томъ, что ч. 2 ст. 20 имѣетъ чисто судопроизводственный характеръ и, относясь къ правиламъ объ исполненіи приговоровъ, должна найти мѣсто не въ общей части уложенія, а въ уст. угол. суд., въ задачу котораго входитъ представить болѣе точное и полное изложеніе означенныхъ правилъ.

Въ редакціонномъ отношеніи было высказано замѣчаніе (г. Марковъ), что выраженіе срокъ ареста исчисляется «и днями», слѣдуетъ замѣнить выраженіемъ «и сутками», исключивъ во 2-й части ст. 20-й слова «недѣля въ 7 дней, день въ 24 часа», такъ какъ, въ виду вышеуказаннаго измѣненія первой части статьи, слова эти окажутся излишними.

Употребленное въ ст. 20 выраженіе «срокъ лишенія свободы» представляется чинамъ Херсонскаго Окружнаго Суда и мѣстнымъ Присяжнымъ Повѣреннымъ не вполнѣ точнымъ и потому они полагали бы редакцію статьи видоизмѣнить такъ:

«*Начало срока отбыванія наказаній вышеуказанныхъ исчисляется и т. д.*:»:

Сверхъ того, статью сію надлежало-бы дополнить слѣдующимъ положеніемъ: «*при опредѣленіи наказанія арестомъ, а также и въ случаѣ замѣны арестомъ денежной пени суду предоставляется право опредѣлить и самое время отбытія ареста по соображеніи съ положеніемъ и нуждами судимаго лица*».

Практика судебная имѣетъ въ виду случаи, когда осужденныя къ лишенію свободы лица переносятъ въ аппелляціонную инстанцію дѣла съ един-

ственною цѣлію продлить окончаніе процесса и тѣмъ перенести отбытіе наказанія на другую, болѣе удобную, пору года, а также и такіе случаи, когда судебные приговоры, напримѣръ, по отношенію къ крестьянамъ, обращаются къ исполенію въ самое дорогое для нихъ лѣтнее время. Въ случаяхъ послѣдняго рода, наказаніе становится болѣе тяжкимъ, чѣмъ оно должно быть по мысли самаго закона.

Чины прокуратуры Казанскаго Окружнаго Суда находятъ, что мѣсяцы и годы заключенія несравненно удобнѣе исчислять по календарю, подобно германскому уложенію, во избѣжаніе запутанности расчета, въ особенности при зачисленіи въ наказаніе предварительнаго ареста. Условіе это весьма важно, когда большинство заключенныхъ неграмотны и не въ состояніи сами услѣдить за истеченіемъ срока своего заключенія, какъ это показываетъ нынѣ практика.—По мнѣнію тѣхъ-же чиновъ, 3-я часть 20 ст. можетъ породить недоразумѣнія въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если приговоренный не подлежалъ по этому обвиненію предварительному аресту, а содержался подъ такимъ арестомъ по другому обвиненію, по которому послѣ оправданъ; 2) если приговоренный содержался подъ предварительнымъ арестомъ по двумъ отдѣльнымъ обвиненіямъ, по которымъ приговоры состоялись разновременно и если по обоимъ приговорамъ онъ обвиненъ. Какъ въ первомъ случаѣ справедливо было-бы засчитать приговоренному предварительный арестъ, по вступленіи обвинительнаго приговора въ силу, въ срокъ наказанія, такъ во второмъ случаѣ слѣдовало-бы считать срокъ наказанія со времени вступленія въ законную силу приговора по совокупности обоихъ преступленій. Проектируемый законъ въ нынѣшней редакціи ни того, ни другаго случая не разрѣшаетъ.

По мнѣнію Тульскаго Окружнаго Суда, изъ текста ст. 20 можно вывести заключеніе, что каторга и заточеніе только при срокахъ свыше шести лѣтъ назначаются годами и полугодами, ибо статья эта начинается такъ: «сроки каторги и заточенія свыше шести лѣтъ назначаются годами и полугодами и т. д.»

Между тѣмъ, по дѣйствующему уложенію, судьи назначаютъ сроки каторги полугодами безъ различія степеней, и составители проекта, при сравненіи тяжести наказаній, установили правило, что одинъ годъ каторги равняется четыремъ годамъ заточенія. Въ виду, поэтому, особой тяжести наказанія срочною каторгою и во избѣжаніе недоразумѣній въ толкованіи

20 ст., въ текстѣ ея, послѣ словъ: «срокъ каторги», слѣдовало-бы прибавить слово: «вообще», т. е. статью эту начать такъ: Срокъ каторги вообще и заточенія свыше шести лѣтъ . . . . . За симъ, въ отдѣлѣ 2-мъ слѣдуетъ безъ неудобствъ исключить несомнѣнный счетъ недѣли въ семь дней (Французское уложеніе, гл. II, ст. 40.).

По мнѣнію Старшаго Предсѣдателя Кіевской Судебной Палаты, Сенатора И. Н. Орлова, въ ст. 20 замѣчается нѣкоторая неточность редакціи, ибо нельзя сроки тюрьмы назначать годами, когда высшій срокъ не превышаетъ одного года (ст. 18). Сверхъ сего тамъ, гдѣ низшій срокъ опредѣляется двумя недѣлями, нельзя исчислять сроки лишь недѣлями, безъ явнаго отягощенія участи осужденнаго; для чего заставлять судъ назначать, напримѣръ, тюрьму на три недѣли, когда онъ находитъ достаточнымъ 15 дней и т. п.? Посему слѣдовало-бы сказать: «срокъ заточенія не свыше 6 лѣтъ и исправительнаго дома назначается годами, мѣсяцами и недѣлями, а срокъ тюрьмы и ареста и днями».

---

3 пунктъ 20 ст. проекта долженъ быть отмѣненъ, по мнѣнію Прокурора Люблинскаго Окружнаго Суда Поллана, такъ какъ правило, изложенное въ немъ, заключается уже въ 968 статьѣ уст. угол. судопр.

Статья 21.

Приговоренные къ каторгѣ безъ срока, по истеченіи пятнадцати лѣтъ, а приговоренные къ срочной каторгѣ или къ заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ, по отбытіи двухъ третей наказанія, могутъ быть, по распоряженію Главнаго Тюремнаго Управленія, за хорошее поведеніе, отсылаемы въ мѣста, отведенныя для ихъ поселенія.

Находящіеся на поселеніи, по истеченіи десяти лѣтъ онаго, могутъ получить, по распоряженію Главнаго Тюремнаго Управленія, разрѣшеніе оставить обязательное для нихъ мѣстопребываніе.

Статья 22.

Приговоренные къ исправительному дому на срокъ свыше трехъ лѣтъ, по отбытіи ими двухъ третей наказанія,

за хорошее поведеніе, могутъ быть освобождаемы изъ заключенія, по представленію управленія исправительнымъ домомъ, утвержденному Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ, съ тѣмъ, что они, если до истеченія опредѣленнаго приговоромъ срока наказанія будутъ замѣчены въ нарушеніи установленныхъ для такихъ освобожденныхъ правилъ, возвращаются въ мѣста заключенія и время пребыванія на свободѣ не засчитывается имъ въ срокъ наказанія.

Профессоръ Лукини находитъ справедливыми и прекрасно составленными постановленія, которыми смягчается строгость ссылки и проводится институтъ условнаго освобожденія, хотя здѣсь представляется слишкомъ большою власть тюремной администраціи.

Профессоръ Владиміровъ замѣчаетъ, что ст. 21 и 22 вводятъ, по примѣру нѣкоторыхъ новѣйшихъ уголовныхъ кодексовъ, правило объ условно-досрочномъ освобожденіи арестантовъ. Противъ принципа условно-досрочнаго освобожденія, какъ заключительной пенитенціарной стадіи, едва-ли умѣстно возражать отвлеченно. Только наблюденія надъ многолѣтнимъ дѣйствіемъ подобнаго учрежденія, въ данныхъ бытовыхъ условіяхъ, въ связи съ другими пенитенціарными пріемами, могутъ уяснить его настоящее уголовно-политическое значеніе. Но противъ помѣщенія ст. 21 и 22, какъ новаго *принципа*, въ кодексѣ матеріальнаго уголовнаго права, можно и должно возражать на основаніяхъ теоретическихъ. Принявъ эти статьи въ свою систему, не высказывается-ли уложеніе слишкомъ смѣло о цѣли уголовнаго наказанія? Не введетъ-ли это въ практику мысль, что главная, основная, чуть-ли не единственная цѣль уголовнаго наказанія есть исправленіе нравственной испорченности? Какъ повліяетъ подобная мысль на ходъ правосудія въ судѣ присяжныхъ, и безъ того наклонномъ обращать преимущественное вниманіе на нравственную сторону дѣла? Не измѣнитъ-ли эта мысль *характеръ* и *предѣлы* судебнаго изслѣдованія виновности? Не сдѣлается-ли темная область нравственной виновности одною изъ главныхъ задачъ суда? Какое орудіе дается уголовной защитѣ, которая можетъ строить слѣдующіе доводы: «Уголовное наказаніе имѣетъ своею цѣлью исправленіе нравственной стороны преступника. Доказательствомъ этого положенія служатъ ст. 21 и 22 уложенія. Подсудимый — человѣкъ неиспорченный; онъ человѣкъ хорошій, онъ несчастный. Изъ-за чего же вы будете его подвергать исправленію, коли, въ нравственномъ отношеніи, онъ вполнѣ годный членъ общества»? При воспринятіи какого-либо новаго начала въ области законодательства, не трудно предвидѣть прямыя его послѣдствія; но дѣло

не легкое и не всегда удающееся—прослѣдить возможныя косвенныя его послѣдствія и вліянія.

Принципъ условно-досрочнаго освобожденія можетъ вызвать опасенія вовсе не потому, что онъ сокращаетъ арестантамъ срокъ содержанія въ заключеніи, а потому, что введенный въ систему уголовнаго права онъ окажетъ вліяніе на характеръ правосудія и на содержаніе общественныхъ представленій о сущности и значеніи уголовнаго наказанія. Весь сложный и дорого стоющій аппаратъ уголовнаго правосудія нуженъ человѣчеству вовсе не потому, что онъ можетъ покарать всѣ вообще совершающіяся преступленія—это, очевидно, никогда не достигается,—а потому, что онъ поддерживаетъ въ обществѣ живое чувство *соціальной отвѣтственности* за поступки. Можно-ли достичь исправленія преступниковъ—это вопросъ нерѣшенный; но что въ обществѣ можно поддерживать чувство отвѣтственности единообразною и непоколебимою юстиціею—это не подлежитъ сомнѣнію, на основаніи эмпирическихъ наблюденій.

Уголовное наказаніе должно представляться человѣку искупленіемъ его прошлой вины; это искупленіе должно находить свою мѣру въ совершонномъ дѣяніи, а не въ послѣдующемъ поведеніи арестанта въ тюрьмѣ. ***Вотъ этато идея искупленія и есть величайшее педагогическое средство для воспитанія и исправленія человѣчества.*** Уголовное правосудіе практикуетъ людей въ чувствѣ соціальной отвѣтственности посредствомъ положенія напередъ въ законѣ опредѣленной кары. Что время тюремнаго заключенія можетъ и должно быть употреблено на религіозное просвѣщеніе, обученіе, пріученіе къ труду и вообще морализованіе—это само собою разумѣется, такъ какъ современная культура требуетъ, чтобы обученіе и нравственное улучшеніе имѣли мѣсто вездѣ, гдѣ только люди живутъ и дѣйствуютъ. Излишне прибавлять, что идея искупленія вовсе не требуетъ жестокости, которая у народовъ образованныхъ выводится совсѣмъ не пенитенціарною системою, далеко не кроткою въ дѣйствительности, а просто гуманностью, этимъ общимъ результатомъ европейской цивилизаціи.

Какой рядъ идей логически влечетъ за собою внесеніе принципа условно-досрочнаго освобожденія въ систему уголовнаго кодекса, можно прослѣдить въ объясненіяхъ Редакціонной Коммисіи. Вотъ какъ обосновываетъ Коммисія внесеніе этого принципа въ кодексъ: «Мѣра уголовной отвѣтственности, опредѣленная въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, выражаетъ воззрѣніе суда на важность совершоннаго дѣянія и на степень опасности, отъ него возникающей, но какъ-бы ни былъ тщательно постановленъ такой приговоръ, несомнѣнно, что *лица*, завѣдывающія тюрьмою и, слѣдовательно, наблюдающія арестанта гораздо болѣе долгое время, будутъ имѣть возможность еще полнѣе

оцѣнить преступника, его характеръ, даже иногда условія, сопровождавшія преступленіе и причины, его вызвавшія. Съ другой стороны, какъ указываетъ опытъ, въ дѣйствительной жизни нерѣдко встрѣчаются и такіе случаи, когда лицо, совершившее тяжкое преступленіе, высказавшее на судѣ полное нераскаяніе и цинизмъ, впослѣдствіи, подъ вліяніемъ тюремной администраціи, или въ силу какого-либо внутренняго переворота, измѣняется къ лучшему, даетъ доказательства несомнѣннаго исправленія. Очевидно, что въ этихъ случаяхъ и справедливость, и интересъ общественнаго порядка требуютъ уменьшенія сроковъ наказанія, назначеннаго судомъ». Но если такъ, то слѣдуетъ-ли кодексу вообще опредѣлять какой-бы то ни было размѣръ наказанія? Не предоставить-ли это дѣло администраціи? Принятіе принципа условно-досрочнаго освобожденія въ систему матерьяльнаго уголовнаго права логически должно повлечь на практикѣ два послѣдствія: 1) исправленіе будетъ разсматриваться, какъ основная цѣль наказанія, и 2) судъ будетъ заниматься изслѣдованіемъ трудно распознаваемаго вопроса о нравственной виновности подсудимаго, находя для этого удобную почву въ ст. 53 проекта уложенія о наказаніяхъ.

Такой оборотъ дѣла представляется важнымъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи нашей юстиціи. Его послѣдствія громадны. По мнѣнію г. Владимірова, ст. 21 и 22 должны быть исключены изъ проекта уложенія. Онѣ могутъ, въ случаѣ надобности, войти въ административный законъ объ исполненіи наказанія лишеніемъ свободы, какъ пенитенціарная мѣра, которая, смотря по опытамъ, можетъ быть удержана или отмѣнена, но внѣ связи съ кодексомъ матерьяльнаго уголовнаго права.

Относясь совершенно сочувственно къ введенію англійскаго института *досрочнаго освобожденія* въ наше право, профессоръ Палаузовъ тѣмъ не менѣе не можетъ не обратить вниманія на конкретное осуществленіе его въ проектѣ. Дѣло въ томъ, что для разныхъ по тяжести наказаній проектъ предлагаетъ *двѣ различныя* системы освобожденія: для *болѣе* тяжкихъ наказаній (каторга, заточеніе болѣе чѣмъ на 6 лѣтъ, поселеніе) проектировано *безусловное* или, вѣрнѣе, *безвозвратное* освобожденіе отъ нѣкоторой части наказанія (ст. 21); для наказаній же *менѣе тяжкихъ* (исправительный домъ свыше 3 лѣтъ) усвоена другая, *менѣе благопріятная* для освобождаемыхъ система—заключенные оовобождаются съ тѣмъ, что если до истеченія опредѣленнаго приговоромъ срока наказанія будутъ замѣчены въ нарушеніи установленныхъ для такихъ освобожденныхъ правилъ, то *возвращаются* въ мѣста заключенія и время пребыванія на свободѣ не засчитывается имъ въ срокъ наказанія (ст. 22).

Итакъ *условія освобожденія, по своей выгодѣ для освобождаемаго, такъ сказать, обратно пропорціональны тяжести наказанія*,—явленіе, которое трудно считать нормальнымъ въ виду общаго требованія, чтобы послѣдствія наказанія были прямо соразмѣрны съ тяжестью его. Г. Палаузовъ думаетъ, что необходимо было-бы выбирать между двумя выходами: *или* и *для* менѣе тяжкихъ наказаній установить систему безвозвратнаго освобожденія, *или*, оставляя условное освобожденіе *для* исправительнаго дома, организовать такую-же систему и *для* тягчайшихъ каръ.

Онъ не видитъ обстоятельствъ, препятствующихъ такому постановленію *для срочной каторги*, въ силу котораго освобожденные, за хорошее поведеніе, отъ отбыванія послѣдней трети наказанія, были-бы, въ случаѣ нарушенія установленныхъ правилъ до истеченія опредѣленнаго приговоромъ срока каторги, возвращаемы въ каторжныя тюрьмы, причемъ время пребыванія на поселеніи не засчитывалось-бы имъ въ срокъ главнаго наказанія. Затрудненіе является только относительно *безсрочныхъ наказаній* (безсрочная каторга и поселеніе). Но и здѣсь, *для* установленія пропорціональности послѣдствій наказаній, можно, кажется, рекомендовать такую градацію: освобождая, по отбытіи 15 лѣтъ каторги или 10 лѣтъ поселенія, отъ дальнѣйшаго наказанія, можно установить затѣмъ еще извѣстный *промежуточный*, *пробный* квантумъ времени (напр. 5 лѣтъ), до истеченія котораго освобожденный можетъ быть снова обращенъ, за нарушеніе предписанныхъ *для* его поведенія правилъ, къ дальнѣйшему отбыванію наказанія, отъ котораго онъ освобожденъ. И при такихъ условіяхъ нашъ законъ былъ-бы гуманнѣе, напр., германскаго, не знающаго вовсе освобожденія отъ безсрочныхъ наказаній.

Г. фонъ-Резонъ находитъ, что досрочное освобожденіе, само по себѣ, не можетъ быть не одобрено. Но спрашивается, при какихъ условіяхъ оно можетъ быть примѣнено? Проектъ требуетъ два условія: отбытіе двухъ третей наказанія и хорошее поведеніе, такъ что досрочное освобожденіе является въ сущности наградою за хорошее поведеніе заключеннаго? Подобный взглядъ однако не вѣренъ; изъ тюремной практики извѣстно, что весьма часто лучшимъ поведеніемъ отличаются рецидивисты или вообще лица, убѣдившіяся по опыту, что только этимъ путемъ они могутъ улучшить свое положеніе въ заведеніи, въ которомъ находятся; но это хорошее поведеніе не можетъ имѣть ничего общаго съ дѣйствительнымъ исправленіемъ. Поэтому, первымъ условіемъ досрочнаго освобожденія (помимо отбытія извѣстной части наказанія) является не просто хорошее поведеніе заключеннаго, а такое, которое даетъ ручательство за хорошее вліяніе на него наказанія. Но для дѣйствительнаго успѣха безсрочнаго освобожденія необходимо еще и

другое условіе, чтобы были извѣстныя гарантіи, что освобожденный нашелъ пріютъ или занятія, обезпечивающія возможность вести честную жизнь. Освобожденіе-же хотя и исправившагося преступника, безъ предоставленія ему возможности заработывать себѣ пропитаніе честнымъ трудомъ, будетъ всегда полумѣрою. Что же касается до иностранныхъ законодательствъ, то венгерское уложеніе и проектъ уложенія для Кроаціи требуютъ не только хорошаго поведенія,но поведенія, представляющаго ручательства въ исправленіи. Особенно интересно развитіе этого вопроса въ Германіи, гдѣ до изданія уложенія досрочное освобожденіе существовало въ Саксоніи. Оно здѣсь допускалось, если представлялись нѣкоторыя ручательства въ дѣйствительномъ исправленіи заключенныхъ и если они могли возвратиться въ свою прежнюю обстановку и къ прежнимъ занятіямъ, или если имъ было обезпечено занятіе, доставляющее имъ возможность честнымъ трудомъ добывать средства къ жизни и притомъ въ такой сферѣ, которая могла имѣть на нихъ хорошее вліяніе. Коммисія для обсужденія проекта германскаго уложенія проектировала подобное правило, допустить досрочное освобожденіе заключеннаго въ случаѣ исправленія его, но оно было отвергнуто рейхстагомъ потому, что либералы боялись дать этимъ слишкомъ большое значеніе тюремнымъ священникамъ. Однако-же, въ 1871 г., въ Пруссіи было издано особое постановленіе, которое, повторяя въ сущности вышеизложенныя саксонскія правила, между прочимъ, опредѣлило, что досрочное освобожденіе можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если тюремное управленіе пришло къ убѣжденію, что заключенный исправился и что средства къ жизни его на свободѣ обезпечены. Постановленіе это принято почти всѣми германскими государствами и вполнѣ одобрено практиками по тюремному дѣлу.

Въ виду очевидной цѣлесообразности этихъ постановленій, заимствованіе ихъ у насъ кажется г. фонъ-Резону необходимымъ для успѣха проектируемой мѣры. Это можетъ дѣлаться двоякимъ образомъ, а именно: можно исключить слова «за хорошее поведеніе» и затѣмъ подробныя условія досрочнаго освобожденія изложить въ законахъ о тюрьмахъ, или измѣнить надлежащимъ образомъ редакцію 21 и 22 ст. Иначе можетъ случиться тоже, что въ Германіи, а именно, что необходимость заставитъ издавать впослѣдствіи постановленія (въ законѣ о тюрьмахъ), несогласныя съ уложеніемъ, и тѣмъ самымъ дать всему институту совершенно другое назначеніе, чѣмъ то, которое предполагалось первоначально. Наконецъ, для досрочнаго освобожденія требуется отбытіе извѣстной части наказанія. Проектъ допускаетъ освобожденіе послѣ отбытія $^2/_3$ наказанія. Въ германскомъ и венгерскомъ уложеніи требуется отбытіе $^3/_4$, и нѣтъ никакого основанія уменьшать этотъ срокъ. Особенно опасно подобное уменьшеніе у насъ,

потому что, благодаря недостаточности помѣщенія въ тюрьмахъ, тюремное начальство, вѣроятно, воспользуется своимъ правомъ очищенія тюремъ въ широкихъ размѣрахъ. Въ особенности недостаточенъ срокъ относительно лицъ, осужденныхъ къ безсрочной каторгѣ; основная разница между каторгой срочной и безсрочной фактически уничтожается: присужденный къ 15-ти-лѣтней каторгѣ, можетъ быть, окончитъ каторгу и поселеніе въ 20 лѣтъ, присужденный къ безсрочной въ 25 лѣтъ. Разница, кажется, слишкомъ незначительная. Поэтому слѣдовало-бы освобождать ихъ не ранѣе 20 лѣтъ, а 2 п. 21 ст. на нихъ не распространять. Иностранныя законодательства требуютъ еще другаго условія: просьбы или согласія заключеннаго; кажется, дѣйствительно, что нельзя административнымъ путемъ прогнать заключеннаго изъ тюрьмы, если онъ приговоромъ суда, такъ сказать, пріобрѣлъ право находиться въ оной и не желаетъ ее оставить.

Далѣе спрашивается, слѣдуетъ-ли допустить досрочное освобожденіе относительно всѣхъ преступниковъ или нѣтъ? Г. фонъ-Резонъ находитъ весьма мудрыми исключенія, установленныя въ венгерскомъ уложеніи; извѣстно, что рецидивисты-воры и т. п. никогда не исправляются, а потому досрочное освобожденіе ихъ, даже при самомъ безупречномъ поведеніи, поведетъ за собою лишь умноженіе преступленій. Совершенно непонятно, почему 2 п. 22 ст., по которому освобожденные, замѣченные въ нарушеніи установленныхъ для нихъ правилъ, возвращаются въ мѣсто заключенія, не распространенъ на 21 ст. Разумѣется, что такое распространеніе необходимо. Непонятно далѣе, почему для освобожденія приговоренныхъ къ исправительному дому и тюрьмѣ, требуется представленіе управленія симъ домомъ или тюрьмой, между тѣмъ какъ для освобожденія приговоренныхъ къ каторгѣ и къ заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ, представленіе ближайшаго тюремнаго начальства не считается нужнымъ. Очевидно, что только оно, а не Главное Тюремное Управленіе, можетъ съ нѣкоторою достовѣрностью опредѣлить, исправился-ли заключенный или нѣтъ.

Неизвѣстно также, чѣмъ напр. объяснить, что о женщинахъ, присужденныхъ къ каторгѣ и отбывающихъ наказаніе въ исправительномъ домѣ, управленіе не спрашивается, между тѣмъ какъ выслушаніе мнѣнія его о другихъ заключенныхъ обязательно?

Кромѣ того казалось-бы, что 22 ст. можетъ быть распространена и на приговоренныхъ къ заточенію хотя на срокъ свыше 3 лѣтъ. Зачѣмъ лицо, убившее на дуэли своего противника, должно быть лишено той льготы, которая предоставляется человѣку, убившему другаго для ограбленія? Наконецъ, было-бы цѣлесообразно дополнить 21 и 22 ст. особымъ постановленіемъ, по

примѣру 26 ст. германскаго уложенія. Въ виду новости дѣла, это постановленіе можетъ предупредить разныя недоразумѣнія.

По мнѣнію г. Зачинскаго (Судебная Газета, 1883 г., № 4), право тюремной администраціи сокращать сроки каторги, заточенія и заключенія казалось-бы необходимымъ ограничить, поставивъ оное въ зависимость отъ удовлетворенія гражданскаго иска.

Опытъ доказалъ, что непосредственныя и продолжительныя отношенія возможны только между арестантами и низшею тюремною администраціею. Къ сожалѣнію послѣдняя далеко не всегда отвѣчаетъ высотѣ своего призванія, но за то всегда можетъ ввести въ заблужденіе самое благонамѣренное начальство.

При такихъ условіяхъ всѣ Юханцевы и подобные имъ хищники, грабители почтъ и казнокрады легко могутъ быть признаны раскаявшимися грѣшниками, а между тѣмъ вѣрнымъ и притомъ единственнымъ признакомъ ихъ раскаянія было-бы возвращеніе похищеннаго.

Въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества *В. В. Смиттенъ*, разбирая 21 и 22 ст. проекта, высказалъ, что этими статьями вводится въ уложеніе прекрасное новое правило о досрочномъ освобожденіи исправившихся преступниковъ. Продолжать отбытіе наказанія, какъ скоро оно достигло лучшей своей цѣли—исправленія преступника, было-бы не цѣлесообразно. Безопасность общества не страдаетъ отъ досрочнаго освобожденія, правильно и осмотрительно примѣняемаго. Справедливость тоже не требуетъ продолженія наказанія, разъ оно сдѣлалось ненужнымъ. Общественное сознаніе, безъ сомнѣнія, не можетъ быть противъ досрочнаго освобожденія, тѣмъ болѣе, что послѣднее допустимо лишь по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго срока заключенія, когда понесенное преступникомъ наказаніе дало достаточное удовлетвореніе общественной совѣсти, содѣянное имъ зло забывается и общество примиряется съ преступникомъ. Не нарушая требованій справедливости, институтъ досрочнаго освобожденія высоко гуманенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ полезенъ, служа для заключеннаго сильнѣйшимъ стимуломъ къ хорошему поведенію и исправленію и для тюремнаго управленія подспорьемъ тюремной дисциплинѣ. Единственное возраженіе, чисто формальнаго свойства, которое дѣлаютъ противъ досрочнаго освобожденія, заключается въ томъ, что оно колеблетъ силу постановленнаго судомъ приговора и уголовнаго закона. Но ни тотъ, ни другой не непогрѣшимы; никакой судъ не въ состоя-

ніи предусмотрѣть вліянія, какое окажетъ на преступника наказаніе, и институтъ досрочнаго освобожденія долженъ служить коррективомъ уголовнаго закона, фактически оказывающагося иногда излишне суровымъ, по отношенію къ тому или другому отдѣльному преступнику.

По существу своему, досрочное освобожденіе примѣнимо лишь къ наказаніямъ, состоящимъ въ лишеніи свободы, притомъ болѣе или менѣе долгосрочномъ, и не примѣнимо къ смертной казни, денежному взысканію и кратковременному заключенію.

Въ вопросѣ о досрочномъ освобожденіи проектъ идетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ далѣе иностранныхъ кодексовъ. Такъ, германское и голландское уложенія не допускаютъ досрочнаго освобожденія при пожизненномъ заключеніи и требуютъ для примѣненія его отбытія не менѣе $^3/_4$ назначеннаго приговоромъ срока заключенія (по проекту требуется отбытіе $^2/_3$ наказанія). Оба кодекса допускаютъ лишь условное освобожденіе. тогда какъ проектъ допускаетъ безусловное освобожденіе для каторжныхъ и заточенныхъ на срокъ свыше 6 лѣтъ, съ переходомъ къ отбытію дополнительнаго наказанія, а также для поселенцевъ. Наконецъ германскій кодексъ не распространяетъ досрочнаго освобожденія на заключеніе въ крѣпости (заточеніе по проекту), не смотря на то, что оно можетъ продолжаться 15 лѣтъ и даже быть пожизненнымъ.

Разрѣшеніе вопросовъ о досрочномъ освобожденіи отбывающихъ наказаніе не можетъ зависѣть отъ судебной власти, являющейся некомпетентною въ этомъ дѣлѣ. Оно, по необходимости, должно быть предоставлено тюремной администраціи. Досрочное освобожденіе могло-бы быть предоставлено суду лишь въ томъ случаѣ, еслибы на представителей судебной власти было возложено ближайшее участіе въ тюремномъ дѣлѣ. Но, если такое важное право, какъ досрочное освобожденіе, предоставляется власти административной, то, конечно, тѣмъ болѣе необходимо обставить разрѣшеніе вопросовъ о досрочномъ освобожденіи условіями, которыя гарантировали-бы безусловно безпристрастное и правильное отношеніе къ этому вопросу. Нельзя сказать, чтобы этого достигалъ проектъ, такъ какъ, хотя окончательное разрѣшеніе вопросовъ о досрочномъ освобожденіи ставится въ зависимость отъ Главнаго Тюремнаго Управленія, но отношеніе послѣдняго къ этимъ вопросамъ не можетъ быть инымъ, какъ чисто формальнымъ и бумажнымъ. Фактически разрѣшеніе досрочнаго освобожденія и, что особенно важно, вся инициатива въ дѣлѣ будутъ сосредоточиваться въ рукахъ ближайшаго тюремнаго начальства.

Остановившись на 21 ст., референтъ высказалъ, что ею опредѣляется безусловное досрочное освобожденіе для каторжниковъ, заключенныхъ на

срокъ свыше 6 лѣтъ, и поселенцевъ. Для первыхъ двухъ категорій досрочное освобожденіе допущено въ безусловномъ видѣ, по всей вѣроятности потому, что оно прекращаетъ отбытіе лишь главнаго наказанія (каторги и заточенія), не освобождая отъ отбытія поселенія, какъ дополнительнаго наказанія. Безусловное освобожденіе отъ поселенія можетъ быть допущено, потому что собственно карательное значеніе поселенія вообще незначительно.

Референтъ не имѣетъ возраженій противъ 1-й части 21 ст., но оговорился, что находитъ справедливымъ распространить институтъ досрочнаго освобожденія, въ условномъ однако видѣ, на заточеніе на срокъ не свыше 6 лѣтъ и коснется подробнѣе этого вопроса при разсмотрѣніи 22 ст.

По поводу 2 части 21 ст. референтъ, ссылаясь на изложенное въ запискѣ на стр. 71 и 72, находилъ желательнымъ сохранить для поселенцевъ, сверхъ льготы, установляемой проектомъ, и тѣ льготы, которыя были предположены Коммисіею Государственнаго Совѣта подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Грота. И въ настоящее время ссыльно-поселенцы, по истеченіи 10-ти лѣтняго срока, могутъ перечисляться въ крестьяне и выбирать мѣсто жительства почти во всей Сибири. За хорошее поведеніе указанный 10-ти-лѣтній срокъ можетъ быть сокращаемъ имъ до 6-ти-лѣтняго. Коммисія Государственнаго Совѣта предположила предоставить ссыльно-поселенцамъ перечисляться не только въ крестьяне, но и въ городскія сословія, и притомъ по истеченіи шести, а въ уважительныхъ случаяхъ даже четырехъ лѣтъ, и сохранить за ними право водворяться, съ перечисленіемъ въ свободное состояніе, по всей Сибири кромѣ трехъ областей. Редакціонная Коммисія по составленію проекта уголовнаго уложенія, взамѣнъ этихъ льготъ, установляетъ для поселенцевъ лишь одну льготу: по истеченіи 10 лѣтъ получать разрѣшеніе Главнаго Тюремнаго Управленія оставить обязательное мѣстопребываніе съ правомъ водворяться, гдѣ угодно, не исключая Европейской Россіи. Безъ сомнѣнія, возможность возвращаться даже въ Европейскую Россію составляетъ весьма существенную льготу, но этою возможностью пожелаетъ воспользоваться не всякій поселенецъ. Между тѣмъ, предоставляя эту льготу, проектъ, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, лишаетъ поселенцевъ предположеннаго Коммисіей Государственнаго Совѣта права, по истеченіи уже 6 лѣтъ переходить въ свободное состояніе и водворяться въ предѣлахъ Сибири (кромѣ трехъ областей). Такъ-какъ поселеніе, какъ самостоятельное наказаніе, назначаемое по проекту лишь за исключительныя, притомъ не позорящія, преступленія, имѣетъ не столько карательное, сколько предупредительное значеніе и, вслѣдствіе того, должно вызывать къ поселенцамъ возможное снисхожденіе, то, по мнѣнію референта, было-бы справедливо пре-

доставить поселенцамъ не только льготу, устанавливаемую проектомъ, но и льготу, предположенную Коммисіей подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Грота. Референтъ не видитъ препятствій къ предоставленію обѣихъ льготъ и поселенцамъ, отбывающимъ поселеніе въ качествѣ дополнительнаго наказанія.

Перейдя къ 22 ст., референтъ высказалъ, что ею устанавливается досрочное освобожденіе приговоренныхъ къ исправительному дому условно, съ тѣмъ, что если до истеченія опредѣленнаго приговоромъ срока будутъ замѣчены въ нарушеніи особо установленныхъ для нихъ правилъ, то возвращаются въ исправительный домъ и время, проведенное на свободѣ, не засчитывается имъ въ срокъ наказанія. Раздѣляя въ принципѣ правило ст. 22, референтъ находилъ однако: 1) что это правило должно быть распространено и на заточенныхъ на срокъ не свыше 6 лѣтъ, такъ какъ, съ одной стороны, это заточеніе есть также долгосрочное заключеніе и нѣтъ никакого основанія не допускать для него досрочнаго освобожденія, а съ другой стороны, съ принятіемъ положенія проекта о нераспространеніи на заточенныхъ на срокъ не свыше 6 лѣтъ досрочнаго освобожденія, заточенные на высшіе сроки (свыше 6 лѣтъ) находились-бы, иногда, въ лучшемъ положеніи, чѣмъ заточенные на срокъ не свыше 5 лѣтъ. Такъ, заточенный напр. на 6½ лѣтъ можетъ быть по ст. 21 освобожденъ изъ заточенія и перейти на поселеніе чрезъ 4 года и 4 мѣсяца; заточенный-же ровно на 6 лѣтъ долженъ отбыть весь срокъ наказанія, хотя-бы проявилъ тѣ-же признаки исправленія. То обстоятельство, что первый, по освобожденіи, долженъ еще отбыть поселеніе, не измѣняетъ этого неравенства, такъ какъ поселеніе должно быть имъ отбыто во всякомъ случаѣ, хотя-бы онъ не былъ досрочно освобожденъ, и въ отбытіи главнаго наказанія онъ, очевидно, выгадываетъ сравнительно со вторымъ. Уже было говорено, что въ отбытіи наказанія должно быть соблюдаемо возможное равенство между преступниками. Если досрочное освобожденіе можетъ, само по себѣ, нарушать равенство въ отбытіи наказанія, назначеннаго приговоромъ нѣсколькимъ преступникамъ, то нарушаетъ его на строго справедливомъ основаніи—потому, что исправленіе одного изъ преступниковъ даетъ право установить для него льготу, незаслуженную другими. Но было-бы, конечно, несообразно, при наличности исправленія двухъ преступниковъ, заставлять одного изъ нихъ, менѣе тяжкаго, отсиживать заключеніе долѣе, чѣмъ другаго преступника, болѣе тяжкаго, и 2) что 22 ст. редактирована настолько неудачно, что установляетъ только-что указанное неравенство въ отбытіи наказанія и для приговоренныхъ къ исправительному дому. Такъ, по 22 ст. выходитъ, что приговоренный къ исправительному дому, напр., на три года и одну недѣлю, можетъ быть освобожденъ по истеченіи

двухъ лѣтъ пяти дней, приговоренный-же на три года и также исправившійся долженъ непремѣнно отсидѣть всѣ три года.

Референтъ находилъ, поэтому, необходимымъ, съ одной стороны, распространить правила ст. 22 на приговоренныхъ къ заточенію на срокъ не свыше 6 лѣтъ, а съ другой, замѣнить въ ней выраженіе: «на срокъ свыше трехъ лѣтъ по отбытіи ими двухъ третей наказанія»—словами: «по отбытіи ими, сверхъ двухъ лѣтъ, половины остающагося срока заключенія». Съ принятіемъ этихъ предложеній, ст. 22 получитъ такую редакцію:

«Приговоренные къ исправительному дому или къ заточенію на срокъ не свыше 6 лѣтъ, по отбытіи ими, сверхъ двухъ лѣтъ, половины остающагося срока заключенія, за хорошее поведеніе, могутъ быть освобождаемы» и т. д.

При этой редакціи невозможна указанная выше несообразность. Всякій приговоренный, хотя-бы уже на первыхъ порахъ проявившій признаки исправленія, долженъ, согласно съ проектомъ, отсидѣть не менѣе двухъ лѣтъ, такъ какъ дѣйствительное исправленіе можетъ быть констатировано лишь послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго наблюденія. Но приговоренный на два года, обязанный, даже при наличности исправленія, отбыть полный срокъ, не будетъ находиться въ худшемъ положеніи, чѣмъ приговоренный на болѣе продолжительное время, напр. осужденный на 2 года съ недѣлей долженъ будетъ отсидѣть не менѣе 2 лѣтъ и 4 дней.

По выслушаніи этого, прежде всего былъ возбужденъ вопросъ о томъ, должно-ли право сокращать сроки заключенія предоставить суду или администраціи? Три (*) лица находили, что такъ какъ рѣчь идетъ объ измѣненіи судебнаго приговора, то и рѣшеніе этого должно быть предоставлено суду, отъ котораго можно ожидать большей, въ этомъ отношеніи, справедливости. Остальные-же полагали, что сокращеніе срока можетъ быть послѣдствіемъ хорошаго поведенія, слѣдить-же за поведеніемъ заключеннаго судъ лишенъ возможности, а можетъ только тюремная администрація, которая поэтому одна и компетентна рѣшить вопросъ о томъ, заслужилъ-ли заключенный снисхожденія.

Затѣмъ Предсѣдатель Общества возбудилъ вопросъ о томъ, что разъ право сокращать сроки заключенія предоставляется администраціи, то есть-ли надобность правила этого сокращенія помѣщать въ самый уголовный кодексъ? Общество, принявъ во вниманіе, что сокращеніе сроковъ есть одно изъ условій наказанія и что правила о такомъ сокращеніи, помѣщенныя

(*) Гг. Андреевъ, Сазоновъ и Химшіевъ.

въ кодексѣ, будутъ прочнѣе, чѣмъ помѣщенныя только въ тюремныхъ инструкціяхъ, единогласно признало необходимымъ помѣщеніе правилъ сокращенія въ самомъ кодексѣ.

По вопросу о льготахъ въ отбываніи наказанія ссыльно-поселенцами, мнѣніе В. В. Сми́ттена принято единогласно.

Относительно 22 ст. Общество, раздѣляя мнѣніе референта, единогласно признало необходимымъ право получать досрочное освобожденіе распространить, какъ на приговоренныхъ къ заключенію въ исправительный домъ, на срокъ менѣе трехъ лѣтъ, такъ и на приговоренныхъ къ заточенію, на срокъ менѣе 6 лѣтъ.

При возникшихъ затѣмъ преніяхъ по вопросу объ условіяхъ досрочнаго освобожденія, семь (*) лицъ, находя, что такое освобожденіе должно быть допущено только для признанныхъ исправившимися и что сохраненіе за администраціей права, по своему усмотрѣнію, вновь заключать освобожденнаго, поставитъ человѣка въ полную отъ администраціи зависимость, полагали, что освобожденіе должно быть безусловное, безъ права вновь заключать освобожденнаго.

Остальные-же, находя, что досрочное освобожденіе не есть отмѣна наказанія, а только льгота за хорошее поведеніе, которой лицо, оказавшееся недостойнымъ, и должно быть лишено, высказались за проектъ уложенія.

Кромѣ того Предсѣдатель Общества высказалъ, что правило о томъ, что, въ случаѣ вторичнаго заключенія лица, освобожденнаго до срока, время, проведенное имъ на свободѣ, безусловно не засчитывается въ срокъ заключенія, по его мнѣнію, слишкомъ сурово, такъ какъ нарушенія, за которыя лицо можетъ быть заключено вторично, могутъ быть различны, а потому онъ полагалъ необходимымъ опредѣлить тѣ нарушенія, при которыхъ время не засчитывается. Къ этому мнѣнію присоединились 6 голосовъ, противъ-же него высказались трое.

Чины Владикавказскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что статьями 21 и 22 допускается сокращеніе сроковъ наказанія, назначаемыхъ судебнымъ приговоромъ, въ виду хорошаго поведенія преступника, причемъ сокращеніе этихъ сроковъ ставится въ зависимость отъ усмотрѣнія тюремной администраціи.

Вводя это новое начало въ проектъ уложенія, Редакціонная Коммисія не нашла возможнымъ примѣнить его ко всѣмъ наказаніямъ въ виду новости

(*) Гг. Еленинъ, Дингельштетъ, Френкель, Крашенинниковъ, Козловъ, Хмыпѣевъ и Сазоновъ.

учрежденія, а равно и въ виду особенныхъ свойствъ нѣкоторыхъ наказаній. Съ одной стороны, по мнѣнію Коммисіи, необходимо было исключить наказанія, соединенныя съ поселеніемъ, порядокъ уменьшенія коихъ указанъ особо, съ другой—наказанія краткосрочныя, при осуществленіи которыхъ вопросъ объ исправленіи преступника стоитъ, по необходимости, на второмъ планѣ; поэтому Коммисія допустила примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія только при заключеніи въ исправительный домъ на срокъ не менѣе 3-хъ лѣтъ, если притомъ прошло не менѣе $^2/_3$ назначеннаго по суду наказанія. Вопросъ о сокращеніи сроковъ наказаній, опредѣляемыхъ судомъ, вообще и достаточнаго освобожденія въ частности, всесторонне обсуждавшійся на международномъ стокгольмскомъ тюремномъ конгрессѣ, имѣвшій массу сторонниковъ и противниковъ и разрѣшенный конгрессомъ въ утвердительномъ смыслѣ, имѣетъ несомнѣнное практическое значеніе. Возможность сокращенія наложеннаго судомъ наказанія, при условіи хорошаго поведенія осужденнаго, принимая таковое въ обширномъ смыслѣ этого слова, безусловно развиваетъ въ преступникѣ стремленіе заслужить уменьшеніе наказанія, возбуждаетъ между осужденными соревнованіе и всѣмъ этимъ несомнѣнно содѣйствуетъ цѣлямъ исправленія, почему и введеніе этого начала въ уложеніе о наказаніяхъ нельзя не привѣтствовать съ полнымъ сочувствіемъ, нельзя не считать шагомъ впередъ на пути развитія отечественнаго уголовнаго законодательства. Но насколько введеніе досрочнаго освобожденія изъ заключенія представляется цѣлесообразнымъ по существу, настолько несовершенною представляется чинамъ Владикавказскаго Суда форма, въ которой проводится въ проектѣ это начало. Во 1-хъ, не смотря на объясненія Редакціонной Коммисіи, представляется непонятнымъ, почему досрочное освобожденіе примѣнено проектомъ только къ заключенію въ исправительномъ домѣ, и притомъ при заключеніи въ немъ на срокъ не менѣе 3-хъ лѣтъ? Новость какого-либо учрежденія, если оно само по себѣ хорошо, не можетъ служить основаніемъ къ ограничительному его примѣненію. Практика всѣхъ реформъ достаточно доказала, что благодѣтельное нововведеніе приноситъ всегда скорѣйшіе и лучшіе результаты, когда примѣняется во всемъ объемѣ. То соображеніе Редакціонной Коммисіи, приводимое въ оправданіе примѣненія досрочнаго освобожденія лишь къ заключенію въ исправительномъ домѣ, что при краткосрочныхъ заключеніяхъ цѣли исправленія въ силу необходимости отодвигаются на второй планъ, имѣетъ лишь относительную вѣрность и можетъ быть примѣнено развѣ къ самому краткосрочному заключенію, не превышающему недѣль, но вѣрность этого соображенія исчезаетъ, коль скоро заключеніе, какого-бы вида оно ни было, является болѣе продолжительнымъ. Время и видъ заключенія соразмѣряются съ важностью проступка,

съ количествомъ проявленной злой воли, и, по отношенію къ маловажнымъ проступкамъ, арестъ на нѣсколько мѣсяцевъ является такою-же исправительною мѣрою, какою исправительный домъ для проступковъ важныхъ; да притомъ изъ 18 и 19 ст. проекта нельзя не видѣть, что тюрьма и арестъ суть тѣ-же исправительные дома, только низшаго ранга, если можно такъ выразиться: и тамъ, и тутъ заключенные занимаются работою, и тамъ, и тутъ заключеніе должно служить къ исправленію преступника. Поэтому непримѣненіе возможности досрочнаго освобожденія къ тюрьмѣ и аресту представляется неосновательнымъ; оно можетъ оказаться, сверхъ того, и несправедливымъ, если принять во вниманіе, что срокъ ареста, по 19 и 56 ст. проекта, въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть продолженъ до одного года, а срокъ заключенія въ тюрьмѣ до двухъ лѣтъ. Тутъ выйдетъ, что приговоренный судомъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ на 3 года можетъ, при хорошемъ поведеніи, быть освобожденъ черезъ два года, а приговоренный къ тюрьмѣ на два года и, слѣдовательно, совершившій менѣе тяжкое преступленіе сравнительно съ первымъ, чѣмъ бы онъ ни доказалъ свое исправленіе, долженъ пробыть все-таки въ заключеніи время одинаковое съ первымъ. То обстоятельство, что тюрьма представляетъ по закону болѣе легкій, чѣмъ исправительный домъ, видъ заключенія, не устраняетъ возникающей въ приведенномъ примѣрѣ несправедливости, такъ какъ и дѣяніе, за которое опредѣляется тюремное заключеніе, представляется по закону менѣе тяжкимъ, чѣмъ то, за которое опредѣляется исправительный домъ. Еще къ болѣе разительной несправедливости ведетъ примѣненіе возможности досрочнаго освобожденія къ исправительному дому единственно при заключеніи въ немъ на срокъ не менѣе 3 лѣтъ. Представимъ себѣ слѣдующій случай: два соучастника въ одномъ и томъ-же преступленіи приговариваются судомъ—одинъ, болѣе виновный, къ заключенію въ исправительномъ домѣ на три года, другой, менѣе виновный—на $2^1/_2$ года. Одинъ и притомъ болѣе виновный, при хорошемъ поведеніи въ мѣстѣ заключенія, можетъ быть освобожденъ черезъ два года, другой-же, менѣе виновный, хотя-бы онъ велъ себя несравненно лучше перваго и представилъ несомнѣнныя доказательства своего исправленія, долженъ все-таки, въ силу 22-й ст. проекта, пробыть въ заключеніи на $^1/_2$ года долѣе, чѣмъ первый. Тутъ уже оказывается явная несправедливость, могущая у послѣдняго изъ взятыхъ въ примѣръ осужденныхъ отбить всякое стараніе къ исправленію. Поэтому только распространеніе начала возможности досрочнаго освобожденія на всѣ виды и сроки заключенія, кромѣ самыхъ кратковременныхъ, дастъ благіе результаты, не составляя несправедливой привилегіи, принадлежащей лишь извѣстной категоріи заключенныхъ. Далѣе, при разсмотрѣніи вопроса о досрочномъ освобожденіи, чины Владикавказскаго

Суда не могутъ согласиться съ основательностью положеній проекта, которыми освобожденіе это поставляется въ зависимость отъ усмотрѣнія тюремной администраціи. Предоставленіе администраціи такой дискреціонной власти, въ отношеніи исполненія судебныхъ рѣшеній, является нарушеніемъ принципа неприкосновенности этихъ рѣшеній и грозитъ опасностію поставить массу осужденныхъ въ зависимость отъ произвола низшаго тюремнаго управленія, отъ котораго, по ст. 22 проекта, должны исходить представленія въ Главное Тюремное Управленіе о досрочномъ освобожденіи осужденнаго и отъ котораго такимъ образомъ фактически будетъ зависѣть освобожденіе преступника; еще меньше гарантіи отъ произвола представитъ случай, когда управленіе тюрьмою или исправительнымъ домомъ будетъ сосредоточено въ рукахъ одного лица. Посему болѣе цѣлесообразнымъ было-бы примѣнить къ порядку досрочнаго освобожденія тѣ правила, которыя Редакціонная Коммисія выработала въ 33-й ст. проекта, по отношенію къ порядку возстановленія правъ осужденнаго и освобожденія его отъ полицейскаго надзора, т. е. поставить досрочное освобожденіе изъ заключенія, представляющее собою сложеніе части наказанія въ виду доказанной исправленности осужденнаго, въ зависимость отъ усмотрѣнія суда. Оттого, что функція, контролирующая правильность представленія начальства дома заключенія о возможности досрочнаго освобожденія заключеннаго будетъ предоставлено не Главному Тюремному Управленію, учрежденію административному, а суду,—дѣло досрочнаго освобожденія ничуть не проиграетъ, а между тѣмъ устранится ничѣмъ, казалось-бы, неоправдываемое вторженіе администраціи во власть суда. Наконецъ слѣдуетъ указать, что безусловному досрочному освобожденію изъ заключенія должно быть отдано преимущество надъ условнымъ, такъ какъ при послѣднемъ надъ освобожденнымъ продолжаетъ тяготѣть страхъ, при малѣйшемъ нарушеніи предписанныхъ ему для соблюденія правилъ, вновь подвергнуться наказанію, остается клеймо преступности, усиливающее недовѣріе къ нему общества, среди котораго ему приходится жить, и все это препятствуетъ спокойной свободной дѣятельности условно освобожденнаго. Сводя все вышеизложенное, названные судебные чины приходятъ къ заключенію, что введеніе въ уложеніе о наказаніяхъ начала досрочнаго освобожденія изъ заключенія необходимо въ цѣляхъ исправленія, причемъ желательно, чтобы оно было безусловнымъ, распространяясь на всѣ виды заключенія и совершалось по постановленію суда, основанному на ходатайствѣ осужденнаго и на провѣркѣ его заявленія объ его исправленіи тѣмъ или другимъ путемъ.

Архангельскій Губернскій Прокуроръ Краусъ замѣчаетъ, что Редакціонная Коммисія, вводя въ новое уложеніе систему условнаго досрочнаго освобожденія, признала необходимымъ примѣнить ее только къ болѣе тяжкимъ и долгосрочнымъ наказаніямъ, т. е. къ каторгѣ, заточенію свыше 6 лѣтъ и исправительному дому свыше 3 лѣтъ. Основаніями такого ограниченнаго примѣненія выставлены Коммисіею какъ новость у насъ этого учрежденія, такъ и особенныя свойства нѣкоторыхъ наказаній, въ томъ числѣ и наказаній краткосрочныхъ, при осуществленіи которыхъ вопросъ объ исправленіи преступника стоитъ по необходимости на второмъ планѣ.

Хотя и большинствомъ другихъ уголовныхъ кодексовъ, какъ видно изъ соображеній Коммисіи, досрочное условное освобожденіе примѣняется *лишь* къ наказаніямъ болѣе продолжительнымъ, г. Краусъ *однакоже не видитъ тѣхъ основаній, которыя препятствовали-бы распространенію этой полезной и благотворной системы, возможно широкое примѣненіе которой кажется ему крайне желательнымъ*. Въ этомъ отношеніи онъ высказываетъ слѣдующія соображенія:

1) Система досрочнаго освобожденія, какъ замѣчаютъ составители проекта, служитъ какъ-бы дополнительнымъ регуляторомъ положеннаго судомъ наказанія съ дѣйствительною виновностію осужденнаго, такъ какъ тюремное начальство, имѣя постоянное наблюденіе надъ арестантомъ, въ состояніи лучше оцѣнить степень испорченности преступника, чѣмъ судъ, имѣвшій въ виду лишь единичное дѣйствіе его. Съ другой стороны возможность досрочнаго освобожденія, по словамъ составителей проекта, поддерживаетъ въ арестантахъ стремленіе хорошимъ поведеніемъ уменьшить срокъ своего наказанія и служитъ важнымъ подспорьемъ организаціи тюремной дисциплины. Такимъ образомъ несовершенство человѣческаго правосудія и стремленіе человѣка улучшить свою участь—вотъ тѣ факторы, которые легли основаніями системы досрочнаго освобожденія.

Но оба эти явленія, *вытекая изъ самой природы человѣка, одинаково относятся ко всѣмъ приговорамъ суда и ко всѣмъ преступникамъ*, безразлично тяжести присужденнаго наказанія. Поэтому возможное соразмѣреніе наказанія съ дѣйствительною виновностію осужденнаго, въ интересахъ справедливости, одинаково желательно и необходимо, какъ для болѣе тяжкихъ, такъ и для менѣе тяжкихъ преступниковъ и возможность хорошимъ поведеніемъ содѣйствовать къ облегченію своей участи, казалось-бы должна вызвать рвеніе и стараніе, какъ въ каторжникѣ, такъ и въ арестантѣ, приговоренномъ къ тюремному заключенію, или даже аресту. *Такимъ образомъ вышесказанныя соображенія, которыя служатъ основными началами появленія и введенія у насъ системы досрочнаго условнаго освобожденія, одинаково*

относятся ко всѣмъ осужденнымъ, вслѣдствіе чего въ этомъ отношеніи не представляется никакихъ основаній къ изъятію изъ дѣйствія ея арестантовъ краткосрочныхъ.

2) Примѣненіе системы досрочнаго условнаго освобожденія только въ отношеніи однихъ долгосрочныхъ арестантовъ *вообще противорѣчитъ требованіямъ справедливости*, такъ какъ въ этомъ случаѣ менѣе тяжкіе преступники оказываются изъятыми отъ льготы возможнаго сокращенія срока, которою пользуются лица, совершившія болѣе тяжкія преступленія.

3) Несправедливость эта можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ *доходить до явныхъ противорѣчій и несообразностей:* осужденному къ исправительному дому на $3^1/_2$ или даже 4 года, по сокращеніи при хорошемъ поведеніи срока на одну треть придется быть лишеннымъ свободы только 2 года 4 мѣсяца или 2 года 8 мѣсяцевъ, осужденному же за менѣе тяжкое преступленіе къ исправительному дому на 3 или даже на $2^1/_2$ года, несмотря на образцовое поведеніе его, придется отбыть весь срокъ положеннаго ему наказанія и онъ, такимъ образомъ, при лучшемъ даже поведеніи окажется на дѣлѣ строже наказаннымъ, чѣмъ болѣе тяжкій преступникъ. Несообразность эта неизбѣжна при всякомъ обусловленіи примѣненія досрочнаго освобожденія извѣстнымъ срокомъ присужденнаго наказанія, а не извѣстною продолжительностію времени, проведеннаго уже арестантомъ въ заключеніи.

4) Мѣста заключенія наши всегда переполнены и страдаютъ недостаткомъ помѣщенія; по отмѣнѣ-же ссылки на житье, ограниченіи случаевъ ссылки на поселеніе и преобразованіи системы каторжныхъ работъ, слѣдуетъ ожидать, что при постоянномъ возрастаніи преступности, упомянутый недостатокъ нашихъ мѣстъ заключенія скорѣе увеличится, чѣмъ уменьшится.

Тогда система условнаго досрочнаго освобожденія, при распространеніи ея и на осужденныхъ къ менѣе продолжительнымъ срокамъ, *будетъ содѣйствовать количественному уменьшенію числа арестантовъ и избавитъ вмѣстѣ съ тѣмъ Правительство отъ расходовъ на содержаніе такихъ лицъ, которыя, безъ вреда для общества, могутъ пользоваться свободою.*

5) Указанная въ проектѣ *новость* у насъ досрочнаго условнаго освобожденія едва ли можетъ служить поводомъ къ ограниченію ея примѣненія, коль скоро она, по теоретическимъ основаніямъ и практическимъ своимъ послѣдствіямъ, оказывается соотвѣтствующею требованіямъ справедливости и цѣлесообразности. Если-же еще имѣются сомнѣнія въ годности этой системы, то все-же опаснѣе примѣнять ее къ болѣе тяжкимъ преступникамъ, чѣмъ къ лицамъ, учинившимъ менѣе тяжкія преступленія; *признавъ же ее подлежащею примѣненію въ отношеніи первыхъ—нѣтъ основаній не примѣнять ее и къ послѣднимъ.*

Кромѣ того досрочное, хотя и не условное, освобожденіе арестанта за хорошее поведеніе вовсе не составляетъ у насъ нѣчто совершенно новое и небывалое, такъ какъ оно установлено для лицъ, содержащихся въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи (1065 ст. т. XIV, изд. 1857 г., уст. о содер. подъ стражею) и нынѣ практикуется въ весьма обширныхъ размѣрахъ, въ виду примѣчанія къ той-же 1065 ст. по прод. 1876 года.

Совокупность изложенныхъ доводовъ приводитъ г. Крауса къ заключенію, что *возможно большее распространеніе системы досрочнаго условнаго освобожденія и на краткосрочныхъ арестантовъ вполнѣ согласно съ цѣлями, вызвавшими эту систему въ жизни, требуется во имя справедливости и полезно по практическимъ своимъ послѣдствіямъ*. Если это такъ, то болѣе обширное примѣненіе этой системы подлежитъ ограниченію лишь настолько, насколько это вызывается необходимостію. Такая-же необходимость представляется лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда отбываемое преступникомъ наказаніе на столько непродолжительно, что тюремное начальство лишено возможности составить себѣ опредѣленное мнѣніе о личности арестанта. Въ этомъ отношеніи Архангельскій Прокуроръ полагаетъ, что полугодичный срокъ вполнѣ достаточенъ для оцѣнки тюремнымъ начальствомъ нравственныхъ качествъ менѣе важныхъ преступниковъ, каковой полугодичный срокъ поэтому и надлежало-бы ставить крайнимъ предѣломъ примѣненія досрочнаго условнаго освобожденія. При установленіи такого полугодичнаго срока уже не будетъ указанной выше несообразности, изъ за которой менѣе тяжкій преступникъ можетъ подвергнуться болѣе суровому наказанію, чѣмъ преступникъ болѣе тяжкій, такъ какъ въ крайнемъ случаѣ при такомъ срокѣ только возможно уравненіе продолжительности заключенія лица, приговореннаго къ полугодичному лишенію свободы, съ лицами, приговоренными къ заключенію отъ 6—9 мѣсяцевъ.

Въ виду всего изложеннаго, г. Краусъ полагалъ-бы ст. 22 редактировать слѣдующимъ образомъ: «*Приговоренные къ исправительному дому, заточенію менѣе шести лѣтъ, тюремному заключенію и аресту, по отбытіи* $^2/_3$ *времени наказанія, но не ранѣе полугода со дня ихъ заключенія*, могутъ быть освобождены по представленію. . . .»

Далѣе, по поводу установленнаго проектомъ *порядка исполненія досрочнаго освобожденія*, Архангельскій Губернскій Прокуроръ замѣчаетъ, что, согласно ст. 21 и 22 проекта, досрочное освобожденіе должно послѣдовать не иначе, какъ по распоряженію (ст. 21) или съ утвержденія (ст. 22) Главнаго Тюремнаго Управленія. Г. Краусу кажется, что вопросъ о досрочномъ освобожденіи того или другаго арестанта *едва-ли столь важенъ*, чтобы разрѣшеніе его въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требовало непосредственнаго

участія высшаго государственнаго учрежденія. При этомъ такой порядокъ на практикѣ окажется *не совсѣмъ удобнымъ*. Представленія о досрочномъ освобожденіи поступятъ, какъ слѣдуетъ полагать, со всѣхъ концовъ Россіи въ довольно значительномъ количествѣ, такъ какъ, при переполненности нашихъ мѣстъ заключенія, начальства ихъ увидятъ въ досрочномъ освобожденіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, средство избавиться отъ излишняго накопленія арестантовъ. Вслѣдствіе этого Главное Тюремное Управленіе обременено будетъ работою, и работою при томъ едва-ли плодовитою, ибо, въ качествѣ учрежденія центральнаго, *оно лишено возможности отнестись критически* къ представленіямъ о досрочномъ освобожденіи того или другаго арестанта. Процедура утвержденія поэтому *сведется къ одной формальности*, порождающей излишнюю, обременительную для управленія, переписку и отвлекающей его отъ болѣе производительной дѣятельности.

Съ своей стороны г. Краусъ полагаетъ, что упомянутыя представленія должны быть провѣрены такими лицами и властями, которыя, *находясь на мѣстѣ и ближе къ дѣлу, имѣютъ возможность лучше судить, на сколько каждое изъ нихъ заслуживаетъ уваженія*. Такимъ лицомъ въ каждой данной мѣстности состоитъ Прокуроръ Окружнаго Суда, имѣющій постоянныя и непосредственныя сношенія съ тюрьмою, съ ея начальствомъ и даже съ отдѣльными арестантами. Но такъ какъ единоличная власть Прокурора не представляетъ собою достаточной гарантіи вполнѣ безпристрастной оцѣнки, то, кромѣ его, должно участвовать учрежденіе, стоящее, по устройству и положенію своему, выше всякихъ посторонникъ побужденій. Такимъ учрежденіемъ является мѣстный Окружный Судъ, который, по свойству отправляемыхъ имъ функцій и личному своему составу, далеко не чуждъ этому дѣлу.

Въ виду изложеннаго, надлежало-бы установить такой порядокъ, въ силу коего *представленія тюремныхъ начальствъ о досрочномъ освобожденіи поступаютъ къ Прокурору мѣстнаго Окружнаго Суда, который съ своимъ заключеніемъ вноситъ ихъ въ Окружный Судъ на утвержденіе*.

Предполагаемый порядокъ, сверхъ сего, соотвѣтствовалъ-бы тому значенію, которое придается закономъ вошедшимъ въ законную силу судебнымъ рѣшеніямъ, такъ какъ они подвергались-бы измѣненію при исполненіи не иначе, какъ по санкціи той же судебной власти. Порядокъ этотъ, наконецъ, оказывается соотвѣтствующимъ и системѣ освобожденія отъ полицейскаго надзора, установленной 33 ст. проекта уложенія, въ силу коей надзоръ этотъ прекращается ранѣе срока только съ утвержденія того же суда, который факультативно назначилъ его своимъ приговоромъ, согласно 31 ст. проекта.

Можетъ быть, появятся опасенія, что при предлагаемомъ порядкѣ

система досрочнаго освобожденія примѣнится въ болѣе, противъ желаемаго, широкихъ размѣрахъ, но въ этомъ отношеніи участіе прокуратуры, которая въ своихъ дѣйствіяхъ обязана руководствоваться указаніями высшаго начальства, послужитъ достаточною гарантіею.

По замѣчанію Прокурора Орловскаго Окружнаго Суда Хрулева, проектъ имѣетъ въ виду условное освобожденіе приговоренныхъ къ каторгѣ на срокъ не менѣе 6 лѣтъ и къ заключенію въ исправительный домъ на срокъ не менѣе 3-хъ лѣтъ, если при хорошемъ поведеніи они отбыли $^2/_3$ наказанія. При высшихъ срокахъ каторги и исправительнаго дома правило это не вызываетъ возраженій, но при низшихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, оно представитъ видимую странность. Такъ приговоренный къ каторгѣ на $6^1/_2$ лѣтъ, при хорошемъ поведеніи, можетъ быть поселенъ по отбытіи 4 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ наказанія, а приговоренный къ каторгѣ на 5 лѣтъ, при такомъ-же поведеніи, не можетъ получить права на поселеніе и такимъ образомъ окажется строже наказаннымъ, чѣмъ первый. Этотъ примѣръ точно также относится и къ приговореннымъ къ заключенію въ исправительный домъ.

Во избѣжаніе такой неравномѣрности слѣдовало-бы опредѣлить минимальные сроки отбытія наказанія, дающіе право, при хорошемъ поведеніи, на поселеніе для каторжныхъ и на условное освобожденіе для приговоренныхъ къ исправительному дому. Сроки слѣдовало-бы опредѣлить, согласно предположенію проекта, для первыхъ—въ 6 лѣтъ, а для вторыхъ,—въ три года.

Такое средство представляется единственнымъ. Распространить условное освобожденіе на всѣхъ преступниковъ, т. е. и на приговоренныхъ къ низшимъ срокамъ каторги и исправительнаго дома, не цѣлесообразно, ибо исправленіе преступника, какъ внутреннее перерожденіе человѣка, есть результатъ медленнаго процесса и не совершается вдругъ, а тѣмъ менѣе можетъ быть констатировано постороннимъ наблюдателемъ въ короткій срокъ. Кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе, что для первыхъ собственно срокъ содержанія въ каторжныхъ тюрьмахъ самъ собою сокращается на время, потребное для пересылки арестантовъ въ Восточную Сибирь; на что пойдетъ отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года (если приговоръ состоялся осенью или зимою).

Г. Хрущевъ замѣчаетъ далѣе, что условное освобожденіе исправившагося преступника есть мѣра, безъ сомнѣнія, желательная и нельзя не раздѣлять всѣхъ соображеній проекта по этому вопросу. Несомнѣнно, что находящійся на условной свободѣ преступникъ, въ своемъ стремленіи сохранить эту свободу, будетъ осторожнѣе вести себя, дабы дурнымъ поведеніемъ своимъ не

дать права подлежащей власти заключить, что условное освобожденіе дано ему преждевременно. Боязнь потерять условную свободу заставитъ освобожденнаго вести себя осмотрительнѣе и во многихъ случаяхъ окажетъ на него болѣе благотворное вліяніе, чѣмъ сидѣніе въ исправительномъ домѣ.

Съ другой стороны, для человѣка, пробывшаго нѣсколько лѣтъ въ заключеніи и нерѣдко принужденнаго по освобожденіи устроивать заново свой образъ жизни и пріурочиться къ какому-нибудь дѣлу, весьма важно сознаніе, что ему не грозитъ опасность вновь попасть въ заключеніе за дурное поведеніе, которое однимъ понимается такъ, а другимъ иначе. Поэтому прекращеніе условной свободы должно быть обставлено такими гарантіями, которыя давали-бы освобожденному увѣренность, что онъ лишится ея не по капризу полицейскаго чиновника, урядника или волостнаго старшины; полиція врядъ-ли будетъ имѣть возможность наблюдать за освобожденными съ цѣлью ознакомиться съ его нравственностью и его поведеніемъ и потому, въ силу порядка вещей, будетъ основывать свое мнѣніе на получаемыхъ ею свѣдѣніяхъ. Вообще замѣчено, что долговременное служеніе въ полиціи предрасполагаетъ такихъ полицейскихъ чиновниковъ придавать значеніе и вѣру получаемымъ имъ свѣдѣніямъ. Если лишеніе условной свободы будетъ наступать только по полицейскимъ свѣдѣніямъ, ни чѣмъ не провѣреннымъ, то всѣ слухи о безпорядочной жизни освобожденнаго, при весьма естественной подозрительности полиціи къ освобожденнымъ преступникамъ, будутъ принимать характеръ доказательствъ такой жизни. Напротивъ, надлежащій контроль мѣстной власти заставитъ полицію относиться осторожнѣе къ получаемымъ свѣдѣніямъ, провѣрять ихъ и давать свои заключенія осмотрительнѣе. Здѣсь не идетъ рѣчь о контролѣ Главнаго Тюремнаго Управленія, контроль котораго въ данномъ случаѣ будетъ фиктивенъ. Поэтому, для правильнаго хода этого новаго и труднаго дѣла, необходимо путемъ взаимныхъ усилій Правительства и общества создать учрежденіе, могущее имѣть бдительный надзоръ за условно освобожденными, до того-же времени необходимо въ каждой губерніи создать такое учрежденіе (совѣтъ изъ губернатора, прокурора, предсѣдателя суда, членовъ земства и мироваго судьи), которое разсматривало-бы всѣ представленія полиціи о лишеніи свободы освобожденныхъ и постановляло-бы окончательныя опредѣленія. Только тогда установленіе условной свободы можетъ принести пользу освобожденнымъ, а обществу дать гарантію, что она не отнимается произвольно, и заслужить симпатію общества.

Въ этомъ смыслѣ и слѣдовало-бы измѣнить 22 статью проекта. Опредѣленіе того, изъ кого собственно долженъ состоять наблюдательный комитетъ,—есть дѣло особаго закона.

Вопросъ-же о томъ, можетъ-ли условное освобожденіе распространяться и на рецидивистовъ, проектъ разрѣшаетъ въ утвердительномъ смыслѣ; но едва-ли такое рѣшеніе будетъ правильно. Рецидивистами являются люди, уже понесшіе такое наказаніе, при которомъ принимались мѣры къ исправленію ихъ. Впаденіе ихъ въ новое преступленіе даетъ основаніе ожидать отъ нихъ менѣе дѣйствительнаго исправленія, чѣмъ наружнаго проявленія покорности закону и раскаянія. Поэтому условная свобода на рецидивистовъ распространяться не должна.

Въ виду особыхъ свойствъ заточенія, условное освобожденіе изъ заточенія не должно имѣть мѣста, ибо этотъ видъ заключенія предназначается и безъ того для лицъ, непроявившихъ безнравственности или испорченности, а потому исправленіе ихъ не является главною цѣлью наказанія.

Далѣе поселеніе, какъ было уже сказано въ замѣчаніи на 2 ст. проекта, предполагается назначать за «дѣянія, не обнаруживающія порочной нравственности, а истекающія изъ увлеченій, заблужденій, общественныхъ предразсудковъ или фанатизма». Такимъ образомъ преступники, которые будутъ, согласно проекту, подвергаться поселенію, принадлежатъ не къ той категоріи людей со слабою и неустойчивою волею, которыхъ представляетъ намъ большая часть обыкновенныхъ преступниковъ и противъ которыхъ законъ употребляетъ тѣ или другія мѣры, имѣющія своею задачею укрѣпить слабую волю субъекта и направить ее къ добрымъ цѣлямъ. Напротивъ, это по большей части люди, воля которыхъ представляется настолько сложившеюся въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи, что законодатель принужденъ выдѣлить ихъ совершенно изъ среды того общества, въ которомъ они жили до совершенія преступленія. Не передѣлать ихъ имѣетъ въ виду законъ, а лишь парализировать то вредное вліяніе, которое они могли-бы имѣть на общество. Задача поселенія въ томъ, чтобы поставить преступника въ условія, при которыхъ онъ не могъ-бы вліять на окружающихъ тѣми сторонами своего характера, которыя вызвали въ немъ совершеніе преступленія, и предоставить вмѣстѣ съ тѣмъ ему полную возможность къ честному законному существованію. Въ виду этого проектъ находитъ необходимымъ дать поселенцамъ всѣ средства заработывать себѣ на новомъ мѣстѣ кусокъ хлѣба и устраивать свое будущее полезнымъ трудомъ. Но облегчая, по возможности, существованіе поселенца на новомъ его мѣстѣ, законъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ это наказаніе безсрочнымъ. И эта безсрочность есть естественное послѣдствіе самаго характера тѣхъ преступленій, за которыя будутъ назначаться поселеніе. Есть полное основаніе предполагать, что, напр., фанатикъ, сектантъ не измѣнитъ своихъ убѣжденій только потому, что онъ нѣсколько лѣтъ проживетъ въ другомъ мѣстѣ и при томъ въ такомъ, гдѣ онъ больше,

чѣмъ гдѣ-либо, будетъ имѣть возможность соприкасаться съ людьми одинаковаго съ нимъ образа мыслей. Въ обществѣ онъ встрѣчается съ людьми крайне разнообразныхъ убѣжденій, часто совершенно противоположныхъ его собственнымъ, и такимъ образомъ находится подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ факторовъ, могущихъ такъ или иначе видоизмѣнять его собственныя воззрѣнія. На поселеніи онъ, въ силу необходимости, находится въ обществѣ людей, сосланныхъ туда за однородныя преступленія и, слѣдовательно, до извѣстной степени однороднаго склада идей. Возвращеніе его опять на родину не имѣетъ вовсе основанія, ибо если существованіе его среди общества прежде признавалось настолько опаснымъ, что государство нашло необходимымъ удалить его изъ общества, то онъ останется тѣмъ-же, чѣмъ и былъ, и послѣ прожитія въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени въ ссылкѣ. Конечно, не всѣ преступленія, за которыя по проекту предполагается назначать поселеніе, носятъ на себѣ такой исключительный характеръ. Въ числѣ мотивовъ къ этимъ преступленіямъ проектъ указываетъ, напримѣръ, на увлеченіе. Между увлеченіемъ и фанатизмомъ громадная разница и человѣкъ, совершившій преступленіе изъ увлеченія, хотя бы и очень сильнаго, можетъ, подъ вліяніемъ новой жизни, до извѣстной степени или даже совершенно, пріучить себя сдерживать свои порывы. Принципъ индивидуализированія наказанія требуетъ, чтобы разнородныя преступленія облагались и разнородными наказаніями. Если преступленія, вытекающія изъ фанатизма, требуютъ безусловно безсрочнаго поселенія, то для преступленій, вытекающихъ изъ увлеченій, напр., можетъ и даже должно быть сдѣлано большее или меньшее ограниченіе этого правила.

Обращаясь къ проекту, оказывается, что въ статьѣ 16-й онъ провозглашаетъ безсрочность этого наказанія. Статья 16-я говоритъ: «поселеніе назначается безъ срока и отбывается въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ». Но въ 21 статьѣ, во 2-й ея части, существуетъ положеніе, въ значительной степени ограничивающее только что приведенное правило. Въ статьѣ этой сказано: «находящіеся на поселеніи, по истеченіи десяти лѣтъ онаго, могутъ получить, по распоряженію Главнаго Тюремнаго Управленія, разрѣшеніе оставить обязательное для нихъ мѣстопребываніе».

Въ виду того, что сказано было выше, слѣдуетъ придти къ заключенію, что правило это едва-ли приведетъ къ желательнымъ результатамъ. Возвращеніе поселенца въ прежнюю среду въ многихъ случаяхъ представляется весьма нежелательнымъ. Судить-же о томъ, на сколько человѣкъ успѣлъ перемѣнить свой образъ мыслей, весьма трудно и всего менѣе это возможно для Главнаго Тюремнаго Управленія. Ибо чѣмъ будетъ руководствоваться Тюремное Управленіе, разрѣшая или не разрѣшая поселенцу оставить

мѣсто его ссылки? Конечно, сужденія его будутъ основаны на тѣхъ внѣшнихъ признакахъ, которые доступны наблюденію ближайшихъ, непосредственныхъ для поселенца, властей. Но въ большинствѣ разбираемыхъ случаевъ эти внѣшніе признаки не могутъ дать никакой точки опоры, чтобы судить по нимъ о внутреннемъ измѣненіи человѣка. Если корень преступности человѣка лежитъ въ извѣстномъ религіозномъ заблужденіи, то судить объ ослабленіи или объ уничтоженіи этого заблужденія по внѣшнимъ признакамъ совершенно невозможно. Такимъ образомъ администрація, не имѣя надъ собой твердой опоры, будетъ руководствоваться исключительно своимъ произволомъ. Предоставленіе-же администраціи такой обширной дискреціонной власти, безъ явной къ тому необходимости, является совершенно нежелательнымъ. Во избѣжаніе этого, въ самомъ законѣ должны быть указаны преступленія, за которыя сосланный по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени можетъ получить свободу. Разграниченіе это вовсе не представитъ собой трудности, такъ какъ преступленія, за которыя предполагается назначать поселеніе, настолько характерны, что заранѣе дадутъ возможность судить о томъ, должно-ли выдѣленіе совершителя его изъ общества быть, при извѣстныхъ условіяхъ, только временною мѣрою, или же онъ навсегда долженъ быть изолированъ отъ окружавшей его среды.

Согласно съ этими началами, 21 и 22 статьи желательно-бы формулировать слѣдующимъ образомъ:

Статья 21. «Приговоренные къ каторгѣ безъ срока, по истеченіи 15 лѣтъ, а приговоренные къ срочной каторгѣ свыше шести лѣтъ—по отбытіи двухъ третей наказанія, но, во всякомъ случаѣ не ранѣе шести лѣтъ, могутъ быть, по распоряженію Главнаго Тюремнаго Управленія, за хорошее поведеніе, отсылаемы въ мѣста, отведенныя для ихъ поселенія».

«Находящіеся на поселеніи, по истеченіи 10 лѣтъ онаго, могутъ получить, по распоряженію Главнаго Тюремнаго Управленія, разрѣшеніе оставить обязательное для нихъ мѣстопребываніе; постановленіе это не примѣняется къ лицамъ, осужденнымъ за дѣянія, предусмотрѣнныя . . . . . ст. уложенія.

Статья 22. «Приговоренные къ исправительному дому на срокъ свыше трехъ лѣтъ, по отбытіи ими двухъ третей наказанія, но, во всякомъ случаѣ, не ранѣе трехъ лѣтъ, за хорошее поведеніе, могутъ быть освобождаемы изъ заключенія, по представленію управленія исправительнымъ домомъ, утвержденному Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ».

«Если освобожденные, до истеченія опредѣленнаго приговоромъ срока наказанія, будутъ замѣчены въ нарушеніи установленныхъ для нихъ правилъ, то, по постановленію . . . . (совѣта или комитета) . . . ., возвращаются въ

мѣста заключенія и время пребыванія на свободѣ не засчитывается имъ въ срокъ наказанія».

Примѣчаніе. «Условному освобожденію не подлежатъ рецидивисты преступленій и проступковъ».

Соглашаясь вполнѣ съ воззрѣніемъ редакторовъ проекта о возможности досрочнаго освобожденія преступниковъ за хорошее поведеніе, одинъ изъ членовъ собранія чиновъ прокуратуры Варшавскаго Окружнаго Суда находилъ, что отвѣту на вопросъ о томъ, кѣмъ именно и въ какомъ порядкѣ дѣлается распоряженіе объ освобожденіи арестантовъ, не мѣсто въ уголовномъ кодексѣ, почему и слѣдовало-бы высказать въ уложеніи лишь общій принципъ о томъ, что арестанты могутъ подлежать досрочному освобожденію, указавъ въ примѣчаніи, что порядокъ сокращенія сроковъ заключенія опредѣляется въ особомъ уставѣ; къ этому мнѣнію присоединились и другіе члены собранія, находившіе, что принципъ досрочнаго освобожденія—принципъ новый, впервые вводимый проектомъ и въ настоящее время безъ указаній опыта трудно разрѣшить вопросъ о томъ, какой именно власти съ большею пользою для дѣла можетъ быть предоставлено право досрочнаго освобожденія арестантовъ; предоставить-же разрѣшеніе вопроса о досрочномъ освобожденіи, какъ это дѣлаетъ проектъ, Главному Тюремному Управленію едва-ли умѣстно какъ потому, что Главное Тюремное Управленіе—учрежденіе новое, неизвѣстно долго-ли оно просуществуетъ и насколько окажется цѣлесообразною его дѣятельность, такъ и потому, что Главное Тюремное Управленіе, какъ учрежденіе центральное, будетъ лишь лишнею инстанціею, тормозящею дѣло, и очевидно будетъ судить о поведеніи арестантовъ лишь по бумажной перепискѣ. Находя, что подробное опредѣленіе порядка досрочнаго освобожденія арестантовъ въ уложеніи является лишнимъ и должно быть предоставлено указаніямъ времени, собраніе признало полезнымъ слова: «по представленію управленія исправительнымъ домомъ, утвержденному Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ»—замѣнить словами: «по распоряженію тюремной администраціи», или-же въ примѣчаніи къ ст. 22 проекта указать, что порядокъ сокращенія сроковъ опредѣляется въ особыхъ уставахъ объ исправительныхъ домахъ.

Послѣдняя часть ст. 22 проекта вызвала возраженіе со стороны всѣхъ членовъ собранія. По мнѣнію одного члена собранія, слѣдуетъ или вовсе не допускать возможности досрочнаго освобожденія, или, если допустить такое освобожденіе, то не слѣдуетъ ставить освобождаемаго арестанта въ зависимость отъ произвола администраціи. Одно изъ двухъ: или арестантъ исправился, или нѣтъ; если онъ не исправился вполнѣ, то не слѣдуетъ его освобож-

дать. Если-же тюремная администрація ошиблась и освобожденный арестантъ совершилъ новое преступленіе, то за преступленіе это освобожденный арестантъ можетъ быть наказанъ наравнѣ со всѣми прочими преступниками; создавать-же для освобождаемаго арестанта особое положеніе и ставить его въ полную зависимость отъ администраціи представляется несправедливымъ, ибо сроко арестантъ настолько хорошаго поведенія, что признается возможнымъ освободить его ранѣе назначеннаго ему по судебному приговору срока. Къ тому же въ проектѣ вовсе не указано, какой власти предоставлено будетъ право разрѣшенія вопроса о нарушеніи освобождаемыми арестантами установленныхъ для нихъ правилъ; если подобное право будетъ предоставлено администраціи, то освобождаемый арестантъ можетъ оказаться въ худшемъ положеніи, нежели тѣ, которые не подлежатъ освобожденію. Несомнѣнно, что высшіе представители администраціи не имѣютъ никакой физической возможности знать о поведеніи освобождаемыхъ арестантовъ, принадлежащихъ, въ большинствѣ случаевъ, къ самому низшему слою общества; такимъ образомъ, аттестація въ поведеніи освобождаемыхъ арестантовъ будетъ зависѣть вполнѣ отъ околоточныхъ надзирателей, земскихъ стражниковъ, волостныхъ старшинъ и т. п. представителей власти, такъ какъ высшее полицейское начальство всегда будетъ судить о поведеніи освобожденныхъ по донесенію своихъ низшихъ агентовъ. Если-же донесеніе земскаго стражника и останется случайно безъ послѣдствій, то положеніе освобожденнаго арестанта можетъ отъ этого не только не улучшиться, а ухудшиться, такъ какъ земскій стражникъ всегда съумѣетъ сдѣлать невыносимымъ положеніе лица, поставленнаго въ непосредственную отъ него зависимость.

Къ изложенному одинъ изъ членовъ собранія присовокупилъ, что въ настоящемъ случаѣ примѣры иностранныхъ государствъ, допускающихъ возможность прекращенія досрочнаго освобожденія, не могутъ служить основаніемъ для примѣненія этого начала у насъ въ Россіи, такъ какъ положеніе полиціи за границей имѣетъ мало общаго съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находятся русская полиція и администрація. Собраніе единогласно признало, что изъ ст. 22 подлежатъ исключенію пять послѣднихъ строкъ, начиная со словъ: «съ тѣмъ, что» и т. д. до конца.

Одинъ изъ членовъ собранія замѣтилъ, что вторая часть 21 ст. представляется неясною въ томъ отношеніи, что въ ней не указано, влечетъ-ли за собой прекращеніе обязательнаго поселенія отмѣну лишенія правъ и полицейскаго надзора. Хотя постановленный вопросъ редакторами проекта въ мотивахъ и разрѣшается отрицательно (стр. 72), но самый текстъ ст. 21 можетъ послужить основаніемъ и къ иному толкованію.

По обсужденіи этихъ статей, совѣщаніе чиновъ прокуратуры округа Варшавской Судебной Палаты, по большинству голосовъ, пришло къ слѣдующему заключенію. Вполнѣ раздѣляя мнѣніе Редакціонной Коммисіи о необходимости предоставленія осужденнымъ права на досрочное освобожденіе вслѣдствіе хорошаго поведенія, совѣщаніе находитъ однако, что осуществленіе этого права должно быть обусловлено какъ для самихъ осужденныхъ, такъ и для общества нѣсколько большими гарантіями, чѣмъ тѣ, которыя установлены разбираемыми статьями проекта. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при всякомъ досрочномъ освобожденіи изъ мѣста заключенія главная роль будетъ принадлежать лицамъ, завѣдывающимъ этими послѣдними, такъ какъ аттестаціи этихъ лицъ будутъ представлять единственный матеріалъ для признанія за осужденнымъ права на освобожденіе ранѣе назначеннаго ему судомъ срока лишенія свободы. Всѣмъ извѣстно однако, что хорошее мнѣніе объ арестантѣ слагается у тюремной администраціи весьма часто на основаніи такихъ данныхъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ исправленіемъ: лицемѣріе, лесть и доносы на товарищей по заключенію зачастую играютъ при этомъ первенствующую роль; съ другой стороны, одного открытаго заявленія о злоупотребленіяхъ завѣдывающихъ тюрьмами бываетъ достаточно для аттестованія такого заявителя человѣкомъ безнадежнымъ въ смыслѣ исправленія. Если и въ настоящее время по этому поводу со стороны тюремной администраціи замѣчаются злоупотребленія, то нѣтъ никакого основанія предполагать, что они не будутъ повторяться и впослѣдствіи, когда ближайшее тюремное начальство пріобрѣтетъ съ новымъ закономъ право, такъ сказать, рѣшать и связывать судьбы подчиненныхъ ему арестантовъ. Вовсе избѣжать этихъ злоупотребленій конечно представляется дѣломъ невозможнымъ, но полагать единственную гарантію ихъ въ утвержденіи представленій тюремной администраціи однимъ лишь непосредственнымъ начальствомъ ея, Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ, т. е., другими словами, передать осуществленіе столь важнаго права въ руки одного вѣдомства,—представляется едва-ли умѣстнымъ съ точки зрѣнія уголовной политики. Вотъ почему всѣ члены совѣщанія, за исключеніемъ одного (полагавшаго оставить редакцію 21 и 22 ст. безъ измѣненія), полагаютъ, что представленія тюремной администраціи не должны подлежать исключительному утвержденію Главнаго Тюремнаго Управленія, какъ учрежденія, результаты дѣятельности котораго въ отношеніи къ надзору за внутреннею жизнью тюремъ до настоящаго времени еще вполнѣ не опредѣлились и извѣстны весьма немногимъ. При переходѣ къ обсужденію вопроса, какому учрежденію должно быть передано право утвержденія означенныхъ представленій, взамѣнъ Главнаго Тюремнаго Управленія, мнѣнія членовъ совѣщанія раздѣлились. Двое находили, что

порядокъ досрочнаго освобожденія долженъ быть опредѣленъ впослѣдствіи въ подлежащихъ уставахъ мѣстъ заключеній. Три члена совѣщанія полагали, что какъ досрочное освобожденіе изъ каторжныхъ тюремъ съ переводомъ на поселеніе, такъ равно и таковое по освобожденіи изъ исправительнаго дома и разрѣшеніе оставить для лицъ, сосланныхъ на поселеніе, обязательное для нихъ мѣсто пребыванія, должны подлежать соглашенію Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи, по собраніи ими необходимыхъ для сего свѣдѣній черезъ подчиненныхъ имъ мѣстныхъ агентовъ. Наконецъ остальные три находили, что порядокъ утвержденія представленій тюремной администраціи о досрочномъ освобожденіи высшею центральною властью, имѣющею мѣстопребываніе въ Петербургѣ, представляется непрактичнымъ: для каторжныхъ тюремъ—вслѣдствіе ихъ отдаленности отъ столицы, а для исправительныхъ домовъ—по незначительности права, предоставляемаго арестантамъ этихъ послѣднихъ путемъ досрочнаго ихъ освобожденія, и громадности контингента подобныхъ арестантовъ. Въ виду этихъ соображеній, вышеупомянутые три члена совѣщанія полагали-бы достаточнымъ утвержденіе представленій о досрочномъ освобожденіи изъ каторги и исправительнаго дома и объ оставленіи мѣста, назначеннаго для поселенія, предоставить высшей мѣстной администраціи, по соглашенію съ прокурорскимъ надзоромъ.

Далѣе совѣщаніе не находитъ возможнымъ согласиться съ правильностью постановленія ст. 22, опредѣляющаго, что приговоренные къ исправительному дому и освобожденные ранѣе срока изъ заключенія, будучи замѣчены въ нарушеніи установленныхъ для такихъ освобожденныхъ правилъ, возвращаются въ мѣста заключенія и время пребыванія на свободѣ не засчитывается имъ въ срокъ наказанія. Совѣщанію, конечно, неизвѣстно, въ чемъ будутъ заключаться упоминаемыя въ 22 ст. правила, но какъ-бы строги они ни были, нарушеніе ихъ едва-ли можетъ быть обложено такимъ тяжелымъ наказаніемъ, какъ возвращеніе въ исправительный домъ на остающійся не исполненнымъ срокъ заключенія въ немъ по приговору суда, тѣмъ болѣе, что удостовѣреніе въ дѣйствительности нарушеній возлагается ст. 22, очевидно, не на судъ.

Чины Ярославской прокуратуры замѣчаютъ, что 21 и 22 ст. содержатъ въ себѣ такія постановленія, въ результатѣ которыхъ окажется иногда выгоднѣе быть приговореннымъ къ болѣе строгому наказанію. Не говоря о заточеніи, при которомъ еще можно допустить, что послѣдствіе его, т. е. ссылка, уравновѣситъ наказуемость,—при каторгѣ и наказаніи заключеніемъ въ исправительный домъ окажется, что, согласно ст. 21 и 22, приговорен-

ные, напримѣръ, къ 7-ми-лѣтней каторгѣ, по отбытіи 4-хъ лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, а приговоренные на 3 года и 3 мѣсяца въ исправительный домъ, по отбытіи двухъ лѣтъ и 2-хъ мѣсяцевъ, могутъ быть освобождены, тогда какъ приговоренные къ меньшему наказанію, а именно къ 6 годамъ каторги и 3 годамъ исправительнаго дома должны содержаться весь положенный срокъ. Поэтому было-бы цѣлесообразнѣе распространить возможность послѣдующаго сокращенія заключенія на всѣ вообще сроки таковаго.

При этомъ названные чины считаютъ необходимымъ коснуться и способа, которымъ достигается по новому закону право на это пониженіе и вообще на уменьшеніе наказаній и разныхъ его послѣдствій уже послѣ осужденія преступника и вступленія приговора о немъ въ законную силу. Способъ этотъ, состоящій преимущественно въ хорошемъ поведеніи, является какъ-бы поощреніемъ къ исправленію и потому ему, конечно, нельзя не сочувствовать, но для того, чтобы это законоположеніе дѣйствительно достигало цѣли, необходимо его строгое и справедливое примѣненіе, а этого нельзя ожидать отъ тѣхъ учрежденій и лицъ, которымъ предоставляется по закону право умечьшать опредѣленное судомъ наказаніе. Главное Тюремное Управленіе настолько отдалено отъ преступника, отбывающаго наказаніе, настолько чуждо внутренней жизни и управленія мѣстами заключенія, настолько лишено возможности сознательно дѣлать выборъ достойныхъ поощренія, что по необходимости оно должно только будетъ санкціонировать рѣшенія въ этомъ отношеніи мѣстныхъ: администраціи или управленій мѣстами заключенія. Между тѣмъ, личный составъ нашей низшей полиціи и нашихъ тюремныхъ смотрителей представляется, по мнѣнію чиновъ Ярославской прокуратуры, настолько неудовлетворительнымъ, что не оказывалось-бы возможнымъ положиться на ихъ отзывы въ столь важномъ дѣлѣ. Поэтому всего цѣлесообразнѣе было-бы предоставить подлежащему Прокурору Суда предлагать тому Суду, въ округѣ котораго отбываетъ наказаніе заключенный, сокращать ему срокъ заключенія, причемъ постановленіе Суда могло-бы имѣть мѣсто послѣ провѣрки сообщенныхъ Суду Прокуроромъ данныхъ путемъ дознанія чрезъ одного изъ его членовъ. Возраженіе же, что нельзя допустить двухъ приговоровъ по одному дѣлу не выдерживаетъ никакой критики уже потому, что это не будетъ приговоръ, а одно изъ тѣхъ постановленій, которыя возможны въ Судѣ (напримѣръ постановленіе Съѣзда Мировыхъ Судей объ освобожденіи жены отъ слѣдованія за мужемъ высылаемымъ на водвореніе въ Сибирь и т. п.), да и кромѣ того, и въ настоящее время бываютъ-же два приговра по одному и тому-же дѣлу, напримѣръ, при примѣненіи ст. 312 улож. о наказ.

Относительно освобожденія отъ заключенія за хорошее поведеніе приговариваемыхъ къ каторгѣ и заточенію, или къ исправительному дому, по отбытіи двухъ третей наказанія (ст. 21, 22), Варшавскіе Присяжные Повѣренные въ принципѣ признаютъ эту мѣру полезною, но съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы приговариваемые къ каторгѣ и заточенію освобождались отъ заключенія за хорошее поведеніе, по отбытіи двухъ третей наказанія, *безъ ссылки ихъ на поселеніе*. Относительно содержанія въ исправительномъ домѣ они полагаютъ, что тамъ освобожденіе могло-бы имѣть мѣсто по отбытіи не менѣе одного года (*) наказанія (вмѣсто трехъ лѣтъ, принятыхъ Коммисіею).

Такое однакоже условное освобожденіе, должно-бы, по мнѣнію Варшавскихъ адвокатовъ, послѣдовать по распоряженію Главнаго Тюремнаго Управленія, которое, отстоя слишкомъ далеко отъ приговоренныхъ, не имѣя возможности убѣдиться лично въ хорошемъ ихъ поведеніи, по необходимости, должно было-бы основываться лишь на безконтрольныхъ представленіяхъ мѣстнаго тюремнаго управленія. Разрѣшеніе по предметамъ досрочнаго условнаго освобожденія было-бы полезно возложить на особое учрежденіе, которое слѣдовало бы образовать для этой цѣли, на подобіе наблюдательной коммисіи (Aufsichts-Kommission), извѣстной въ венгерскомъ уложеніи (§ 43) и состоящей изъ предсѣдателя суда, или лица, заступающаго его мѣсто, прокурора или его товарища, начальника тюремнаго заведенія, духовнаго пастыря, учителя мѣста заключенія и двухъ лицъ по выбору городской управы. Опредѣленія такого учрежденія должны подлежать исполненію съ утвержденія Старшаго Предсѣдателя Судебной Палаты. Притомъ, представлялось-бы необходимымъ указать въ законѣ случаи, въ которыхъ не только освобожденные изъ исправительнаго дома, но и освобожденные отъ каторги могутъ быть возвращаемы въ мѣста заключенія (**).

21-ю и 22-ю ст. установляются правила о сокращеніи опредѣленнаго въ приговорѣ наказанія и притомъ властью административною. Предоставленіе такого важнаго права, какъ досрочное освобожденіе администраціи, ставитъ, по отзыву чиновъ Вологодской прокуратуры, администрацію выше судебнаго приговора, имѣющаго силу закона (68 ст. Осн. Зак.), и противорѣчитъ основному правилу, въ силу коего судебный приговоръ можетъ быть измѣненъ высшею судебною инстанціею или верховною властію.—Посему такое измѣненіе или сокращеніе судебнаго приговора должно быть возложено

(*) Какъ въ германскомъ уложеніи, ст. 23.

(**) Подобные тому, напримѣръ, случаи эти указаны въ приложеніи къ инструкціи Саксонскаго Министра Юстиціи отъ 5 Ноября 1862 г. (Verhaltungs-Vorschrifte § 2, приложеніе 2-е къ мотивамъ германскаго уложенія).

на судъ, постановившій приговоръ. Въ мотивахъ проекта уложенія не указано, почему такое важное право, какъ измѣненіе судебнаго приговора, отнято отъ суда.—Никакихъ практическихъ удобствъ не вытекаетъ изъ предоставленія этого права Главному Тюремному Управленію, которое само непосредственно слѣдить за хорошимъ поведеніемъ арестанта не можетъ и будетъ распоряжаться сокращеніемъ срока исключительно на основаніи отзывовъ объ арестантѣ, получаемыхъ отъ управленія того или другаго мѣста заключенія. Развѣ судъ, по представленіи ему свѣдѣній о поведеніи арестанта, былъ-бы менѣе компетентенъ на постановленіе опредѣленія объ измѣненіи срока наказанія, чѣмъ Главное Тюремное Управленіе? Отдаленность суда, постановившаго приговоръ, отъ мѣста заключенія арестанта, не можетъ служить основаніемъ для предоставленія права сокращенія сроковъ административной власти. Главное Тюремное Управленіе находится, какъ извѣстно, въ Петербургѣ и, конечно, въ большинствѣ случаевъ будетъ дальше отъ мѣста заключенія, гдѣ содержится арестантъ, чѣмъ судъ, постановившій о немъ приговоръ. Кромѣ того крайне страннымъ представляется и противорѣчіе 21 и 22 ст. съ 33 ст. проекта. Почему отмѣна дополнительныхъ наказаній—лишенія правъ и полицейскаго надзора—наказаній сравнительно меньшихъ, чѣмъ каторга, заточеніе и исправительный домъ, предоставлены суду, а сокращеніе и отмѣна наказаній болѣе важныхъ изъяты изъ вѣдѣнія суда?—По всѣмъ симъ соображеніямъ и во избѣжаніе вреда, могущаго произойти отъ предоставленія административной власти права колебать судебный приговоръ по своему усмотрѣнію, надлежитъ 21 и 22 ст. измѣнить въ томъ смыслѣ, что сокращеніе срока наказанія, означеннаго въ судебномъ приговорѣ, за хорошее поведеніе арестанта, должно происходить по опредѣленію суда, постановившаго приговоръ.

Если же, по какимъ-либо соображеніямъ, было-бы признано невозможнымъ предоставить суду право сокращать и измѣнять сроки, означенные въ приговорѣ, то въ такомъ случаѣ слѣдуетъ 21 и 22 ст. совершенно исключить изъ проекта уложенія и помѣстить ихъ въ уставы, опредѣляющіе дѣятельность тюремныхъ учрежденій. И въ настоящее время существуютъ правила о сокращеніи или измѣненіи сроковъ наказаній, означенныхъ въ приговорѣ, но правила эти помѣщены не въ улож. о наказ., а въ уставѣ о ссыльныхъ (569 и 570 ст.) и въ уставѣ о содержащихся подъ стражею (1065 ст.).

Пермская прокуратура останавливается на томъ, что сокращеніе сроковъ наказанія, по проекту уложенія, предоставляется административной

власти. Такое значительное вліяніе на самое существо приговора власти, совершенно чуждой дѣлу суда, подрываетъ непоколебимость приговора и можетъ повлечь за собою произволъ со стороны администраціи въ дѣлѣ отбыванія наказанія. Нынѣ существующіе въ Сибири, по этому предмету, порядки неоднократно вызывали ропотъ. Поэтому справедливѣе было-бы сокращеніе сроковъ, вызываемое тѣми условіями, какія указаны въ проектѣ, предоставить всецѣло судебной власти въ порядкѣ, установленномъ 955 ст. уст. угол. суд., или же, если предоставить участіе въ такомъ дѣлѣ Тюремному Управленію, то, по примѣру другихъ государствъ, не иначе, какъ подъ контролемъ судебной власти въ лицѣ Министра Юстиціи.

Чины прокуратуры Казанской Судебной Палаты признавали-бы болѣе основательнымъ и цѣлесообразнымъ случаи уменьшенія содержанія заключенныхъ за хорошее ихъ поведеніе предоставить разрѣшенію не Главнаго Тюремнаго Управленія, а мѣстнаго губернскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета, вмѣнивъ лишь послѣднему въ обязанность о каждомъ такомъ случаѣ доводить до свѣдѣнія Главнаго Тюремнаго Управленія съ изложеніемъ всѣхъ свѣдѣній, послужившихъ основаніемъ къ такому распоряженію? Измѣненіе въ этомъ смыслѣ желательно въ виду того, что Главное Тюремное Управленіе, если возложить на него самое разрѣшеніе вопроса, принуждено будетъ, за весьма рѣдкими исключеніями, принимать указанія того-же мѣстнаго тюремнаго управленія. Слѣдовательно, въ результатѣ получится только неизбѣжное при такомъ порядкѣ скопленіе дѣлъ сего рода въ одномъ пунктѣ Имперіи и замедленіе въ разрѣшеніе ихъ, не говоря уже о проволочкѣ времени, обусловливаемой самыми разстояніями тѣхъ мѣстъ, отъ которыхъ должны будутъ восходить представленія. Если этой централизаціей имѣется въ виду пресѣчь возможность неосновательнаго произвола и придать разрѣшенію вопроса извѣстную солидность, а въ пріемахъ самаго разрѣшенія—установить необходимое однообразіе и послѣдовательность, то все это можетъ быть достигнуто предлагаемымъ правиломъ, въ силу котораго мѣстныя тюремныя управленія будутъ, такъ сказать, отчитываться въ основательности своихъ дѣйствій предъ Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ, отъ котораго, на основаніи той-же отчетности, и могутъ получать руководящія указанія.

Чины Вологодскаго Окружнаго Суда останавливаются на правилѣ 21 и 22 ст., предоставляющемъ Главному Тюремному Управленію уменьшать на $\frac{1}{3}$ время заключенія приговореннымъ къ каторгѣ, заточенію и исправительному дому. Почему постановленія о досрочномъ освобожденіи должны исхо-

дить отъ Главнаго Тюремнаго Управленія—на этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта въ объяснительной запискѣ. Такое важное право, какъ досрочное освобожденіе, колеблющее силу приговора, не должно быть предоставлено администраціи потому: *во 1-хъ*, что право это нарушаетъ авторитетъ судебной власти, единственно компетентной на постановленіе приговоровъ; *во 2-хъ*, что оно ставитъ власть администраціи выше судебнаго приговора, имѣющаго силу закона, какъ это признано въ 68 ст. основн. госуд. зак. (т. I, ч. 1 свод. зак.); *въ 3-хъ*, что оно противорѣчитъ основному принципу, по которому судебное рѣшеніе можетъ быть измѣнено или верховною, или высшею судебною властію, но не административною, и *въ 4-хъ*, что оно противно 33 ст. проекта, по которой вопросъ о возстановленіи правъ или о снятіи полицейскаго надзора подлежитъ разрѣшенію не тюремнаго управленія, но окружнаго суда.

Но кромѣ сихъ основаній, указывающихъ на несправедливость предоставленія администраціи права нарушать авторитетъ судебной власти, такое право еще и не практично, потому что этимъ сосредоточится въ Главномъ Тюремномъ Управленіи, со всѣхъ отдаленныхъ концовъ обширнаго нашего государства, такая масса производствъ о досрочномъ освобожденіи, что это неизбѣжно повлечетъ за собою медленность въ ихъ разрѣшеніи и вызоветъ увеличеніе штата присутствія и канцеляріи сего управленія, вопреки провозглашенному принципу бережливости въ расходахъ. И безъ того Главному Тюремному Управленію будетъ болѣе, чѣмъ достаточно, заботъ по устройству и завѣдыванію тюремною частью; по этому можно-бы освободить его отъ несвойственной ему судебной дѣятельности, направленной къ повѣркѣ приговоровъ суда и безконтрольному измѣненію сроковъ, въ сихъ приговорахъ опредѣленныхъ. А такъ какъ судъ не менѣе тщательно, чѣмъ Главное Тюремное Управленіе, можетъ обсудить вопросъ о досрочномъ освобожденіи, по разсмотрѣніи доказательствъ несомнѣннаго исправленія, представленныхъ мѣстнымъ тюремнымъ управленіемъ, то и право уменьшенія на $\frac{1}{3}$ времени заключенія, противъ опредѣленнаго въ приговорѣ, должно быть предоставлено суду, но не Главному Тюремному Управленію. Переходя затѣмъ къ разрѣшенію вопроса о томъ, какой именно судъ долженъ разсматривать ходатайства о досрочномъ освобожденіи, и принимая во вниманіе, что, въ силу 955 ст. уст. угол. суд., всѣ затрудненія или сомнѣнія, возникшія при исполненіи приговора, подлежатъ разсмотрѣнію суда, приговоръ коего исполняется, и что только судъ, постановившій приговоръ, имѣетъ у себя подъ рукою все слѣдственное и судебное производство, въ извлеченіи изъ коего свѣдѣній можетъ нерѣдко встрѣтиться надобность, то для избѣжанія переписки по собиранію необходимыхъ свѣдѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ медленности въ разрѣ-

шеніи сихъ ходатайствъ, а равно въ видахъ сохраненія должнаго авторитета суда, постановившаго приговоръ, слѣдуетъ признать, что указанное право досрочнаго освобожденія должно быть предоставлено суду, приговоръ коего исполняется, будетъ-ли онъ окружный судъ гражданскаго или военнаго вѣдомства, соединенная или дореформенная палата, областной судъ, или-же судебная палата, Правительствующій Сенатъ и Верховный Судъ. Но для того, чтобы важное право досрочнаго освобожденія не было безконтрольно, слѣдуетъ предоставить какъ прокурору, такъ и осужденному, право принести на постановленіе суда жалобу въ высшую судебную инстанцію и, согласно съ симъ, дополнить подлежащія статьи устава угол. суд. и закон. о суд. по дѣламъ о преступ. и прост., такъ какъ сему послѣднему постановленію не мѣсто въ улож. о нак.

По симъ основаніямъ необходимо:

въ 21 ст. двукратно употребленные слова: «по распоряженію Главнаго Тюремнаго Управленія» замѣнить словами: *по опредѣленію суда, постановившаго приговоръ;*

а въ 22 ст. слова: «утвержденному Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ» замѣнить словами: *утвержденному судомъ, постановившимъ приговоръ*; послѣ-же слова: «возвращаются» прибавить слова: *по опредѣленію того-же суда.*

По отношенію къ ст. 21 и 22 Сенаторъ А. К. Фриде полагалъ-бы не ставить льготы, указанныя въ этихъ статьяхъ, въ зависимость отъ разрѣшенія и распоряженія *Главнаго Тюремнаго* начальства (находящагося въ С.-Петербургѣ), а возложить обязанности и права сего управленія, подобно тому, какъ это выражено въ ст. 33, по отношенію къ поднадзорнымъ лицамъ, на мѣстный *судъ*, либо по представленію тюремнаго начальства, либо по предложенію мѣстнаго прокурора, либо по прошенію самого арестанта, поданному прокурору или въ судъ.

Въ другихъ европейскихъ государствахъ ходатайства и представленія о сокращеніи сроковъ заключенія поступаютъ въ Министерство Юстиціи; но то, что возможно, безъ особаго затрудненія, въ маленькой Голландіи, въ которой каждодневныя сношенія столицы со всѣми мѣстностями королевства происходятъ по нѣсколько разъ, то не примѣнимо къ нашему громадному отечеству, въ особенности въ виду того, что каторга, во всякомъ случаѣ, будетъ отбываться въ Восточной Сибири, изъ которой казенная переписка въ одинъ конецъ, какъ извѣстно, не доходитъ и въ теченіи многихъ мѣсяцевъ; телеграфныя-же сношенія врядъ-ли будутъ допускаемы по вопросамъ о сокра-

щеніи арестантамъ сроковъ содержанія, такъ какъ по онымъ весьма часто потребны будутъ обстоятельныя справки.

Предсѣдатель Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Бартеневъ находитъ, что въ уложеніи должно быть упомянуто лишь о возможности сокращенія срока заключенія и поселенія, но условія и способы сокращенія должны быть опредѣлены въ законѣ объ установленіи этихъ мѣстъ заключенія. При этомъ на случай установленія такихъ правилъ надлежало-бы принять во вниманіе слѣдующія соображенія: Главное Тюремное Управленіе, какъ стоящее вдали отъ всѣхъ мѣстъ заключенія, естественно будетъ уважать представленія мѣстныхъ управленій. Эти-же послѣднія, какъ и по существу своему, такъ и по устройству, представляются крайне неудовлетворительными. Всякое заявленіе въ смыслѣ сокращенія срока, такъ сказать, иниціатива подобнаго вопроса будутъ принадлежать смотрителю тюрьмы. Между тѣмъ эта личность въ большинствѣ случаевъ бываетъ крайне неблагонадежная и, какъ можно усмотрѣть изъ практики, на эти должности назначаются личности, не ушедшія далеко по нравственнымъ качествамъ отъ тѣхъ, кои подвергаются самому заключенію. Всѣ другія власти, въ руки коихъ попадетъ представленіе смотрителя тюрьмы, т. е. полиціймейстеръ, исправникъ и даже Тюремные Комитеты, состоящіе преимущественно изъ лицъ, индифферентно относящихся къ вопросу о заключенныхъ, могутъ относиться съ одобреніемъ ко всякому представленію смотитреля тюрьмы. Въ виду изложеннаго г. Бартеневъ полагалъ-бы, что за невозможностью найти, при настоящемъ неудовлетворительномъ во всѣхъ отношеніяхъ положеніи должности смотрителя, тѣхъ директоровъ тюремъ, какіе имѣются за границей и къ коимъ, по ихъ развитію умственному и нравственному, можно относиться съ полнымъ довѣріемъ,—слѣдовало-бы обставить всякій вопросъ о сокращеніи срока заключенія большими гарантіями для заключеннаго. Для этого г. Бартеневъ полагалъ-бы, что предполагаемые по проекту о преобразованіи слѣдственной части слѣдственные судьи, мировые судьи и всѣ лица прокурорскаго надзора того участка, гдѣ находится мѣсто заключенія, а если возможно, то и члены общихъ судебныхъ установленій, ipso jure по должностямъ своимъ должны бы быть директорами Тюремныхъ Комитетовъ, и только по удостовѣренію этихъ лицъ заключенному сокращался срокъ заключенія или прекращалось одиночное заключеніе, что при такомъ положеніи представлялось-бы уже излишнимъ входить въ Главное Тюремное Управленіе, которое, получивъ такое представленіе, конечно должно только его утвердить, а потому этимъ своимъ актомъ допускало-бы только медленность въ разрѣшеніи вопроса, а стало быть излишнее задержаніе лица въ заключеніи.

Съ другой стороны, вопросъ о сокращеніи срока, какъ относящійся до приведенія приговора въ исполненіе, могъ-бы разрѣшаться и на основаніи существующаго закона, въ порядкѣ, указанномъ 955 ст. 2 ч. XV т., изд. 1866 г., въ каковомъ и нынѣ дѣлается весьма часто замѣна одного наказанія другимъ, если о томъ не упомянуто въ приговорѣ.

На томъ-же основаніи г. Бартеневъ полагалъ-бы, что для установленія правилъ, значащихся въ объясненіи Коммисіи на стр. 58, въ администраціи карательныхъ учрежденій безусловно должны принимать участіе лица судебнаго вѣдомства въ томъ смыслѣ, какъ это изложено выше.

По поводу ст. 21 и 22 Предсѣдатель и Члены Томскаго Губернскаго Суда находятъ, что сокращеніе по этимъ статьямъ сроковъ заключенія должно-бы быть не милостію, а правомъ для преступника, если управленіе мѣста заключенія ведущимся за все время заключенія штрафнымъ спискомъ о заключенномъ не докажетъ, что онъ былъ замѣчаемъ въ другихъ проступкахъ. Предположенная-же проектомъ редакція этихъ статей даетъ слишкомъ большое значеніе отзывамъ завѣдывающихъ мѣстами заключенія, которые могутъ злоупотреблять своимъ вліяніемъ, входя съ ходатайствами объ освобожденіи арестантовъ и давая о нихъ хорошіе отзывы изъ личныхъ видовъ (напр., взятка, любовная связь лица тюремной администраціи съ красивой молодой арестанткой и т. п.). Самое рѣшеніе вопроса, заслуживаетъ-ли проситель освобожденія изъ заключенія, должно-бы быть предоставлено суду, такъ какъ случаи освобожденія на основаніи несправедливыхъ, вытекшихъ изъ корыстныхъ или вообще личныхъ видовъ тюремной администраціи, ходатайствъ или отзывовъ могутъ поколебать въ народѣ вѣру въ непреложность судебнаго приговора и въ законность вообще и вселить въ немъ убѣжденіе, что сроки заключенія зависятъ не столько отъ суда и закона, сколько отъ милостей начальства, преимущественно низшаго тюремнаго.

По замѣчанію Владимірскаго Окружнаго Суда, предоставленіе 21 и 22 ст. Главному Тюремному Управленію сокращать сроки заключенія едвали представится возможнымъ; успѣетъ-ли Главное Тюремное Управленіе разрѣшать во время подобныя сокращенія и какія Управленіе можетъ имѣть данныя для контроля за правильностью отмѣтокъ хорошаго поведенія мѣстнымъ начальствомъ? Не отвергая въ принципѣ благодѣтельнаго значенія этой мѣры, какъ поощренія къ лучшему поведенію, слѣдовало-бы предоставить это право мѣстному начальству съ участіемъ прокурорскаго надзора, но въ такомъ случаѣ почему-же это право заслужить сокращеніе хорошимъ, часто, можетъ

быть, лицемѣрнымъ, поведеніемъ предоставлено только приговореннымъ къ наказанію на долгайшіе сроки и отнято у лицъ, приговоренныхъ, напримѣръ, къ 3-хъ-лѣтнему заключенію въ исправительномъ домѣ (ст. 22). Далѣе, 21 ст. возбуждаетъ недоразумѣніе—относится-ли 2 часть до лицъ, подвергаемыхъ поселенію, какъ наказанію, или до лицъ поселенныхъ, какъ бывшихъ каторжниковъ.

Предоставляемое ст. 21 и 22 проекта Главному Тюремному Управленію право облегчать положеніе каторжныхъ, приговоренныхъ къ заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ, а также къ ссылкѣ на поселеніе, или къ заключенію въ исправительномъ домѣ свыше трехъ лѣтъ, по отбытіи приговоренными къ каторгѣ безъ срока 15-ти лѣтъ къ срочной каторгѣ, или къ болѣе чѣмъ шестилѣтнему заточенію, а также къ заключенію въ исправительномъ домѣ $^2/_3$ частей сихъ наказаній, а ссыльными на поселеніе, по пробытіи въ ссылкѣ десяти лѣтъ—представляется Товарищу Предсѣдателя Плоцкаго Окружнаго Суда Павловскому присвоеніемъ Главному Тюремному Управленію права отмѣнять въ нѣкоторомъ смыслѣ послѣдовавшіе о подвергшихся симъ наказаніямъ лицахъ судебные приговоры,—права миловать преступниковъ,—(jus aggratiandi), которое, какъ извѣстно, присуще единственно Верховной Власти.

Посему г. Павловскій считалъ-бы вполнѣ достаточнымъ и цѣлесообразнымъ признать за Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ только право иниціативы, то есть право ходатайствовать передъ судебною властію объ облегченіи участи заслужившимъ этого лицамъ, несущимъ наказаніе по отбытіи ими опредѣленныхъ по ст. 21 и 22 проекта частей онаго, но такъ какъ сіи лица во время исполненія надъ ними приговоровъ перестали уже быть подвѣдомы судебнымъ мѣстамъ, то, съ одной стороны, для огражденія святыни и ненарушимости судебныхъ приговоровъ, а съ другой, для избавленія судебныхъ мѣстъ отъ необходимости озабочиваться вторично участію лицъ, уже разъ ими рѣшенною, и отъ излишняго вслѣдствіе сего обремененія сихъ мѣстъ, надлежало-бы по ст. 21 и 22 проекта предоставить Главному Тюремному Управленію, въ случаяхъ, этими статьями обусловленныхъ, право на ходатайство,—по примѣру § 23—26 германскаго и § 14—17 голландскаго кодексовъ, передъ Министромъ Юстиціи о вышеозначенномъ облегченіи положенія подвѣдомыхъ сказанному управленію арестантовъ.

Относительно-же лицъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ на поселеніе, то такъ какъ они не содержатся ни въ какомъ изъ мѣстъ заключенія, а находятся на свободѣ, подъ особеннымъ надзоромъ административныхъ властей, то

предоставленіе въ послѣднемъ пунктѣ ст. 21 проекта, Главному Тюремному Управленію права на разрѣшеніе имъ оставить обязательное мѣсто пребыванія и переселиться въ другія, болѣе удобныя для нихъ, мѣста—не выдерживаетъ критики, и было-бы гораздо соотвѣтственнѣе право это присвоить начальникамъ мѣстной администраціи, какъ-то: губернаторамъ и областнымъ начальникамъ.

Наконецъ, въ послѣднемъ пунктѣ ст. 21 замѣчается нѣкоторая неполнота, а именно: въ немъ не досказано, въ какихъ мѣстахъ могутъ водвориться получившіе такое облегченіе ссыльные, во всѣхъ-ли мѣстахъ Имперіи, не изъемля губернскихъ городовъ, и даже столицъ, или же только въ районѣ назначенной имъ для ссылки губерніи, области или другой точно означенной территоріи.

Хотя сей послѣдній вопросъ, въ виду существующаго устава о ссыльныхъ (т. XIV свод. зак.), кажется излишнимъ, но тѣмъ не менѣе соотвѣтственная ссылка въ разбираемой статьѣ на относительныя правила означеннаго устава была-бы несомнѣнно полезна.

Товарищъ Прокурора Полтавскаго Окружнаго Суда Сливицкій замѣчаетъ, что досрочное освобожденіе, повидимому, заимствовано изъ германскаго уголовнаго уложенія 1872 г., но съ измѣненіями, которыя едва-ли имѣютъ серьезное основаніе. Такъ, уменьшенъ кругъ примѣненія досрочнаго освобожденія: досрочное освобожденіе по проекту не распространяется на заключенныхъ въ исправительномъ домѣ на срокъ менѣе 3-хъ лѣтъ и на заключенныхъ въ тюрьмѣ. Если смотрѣть на досрочное освобожденіе, какъ на мѣру поощренія къ хорошему поведенію, на мѣру весьма полезную въ интересахъ исправленія преступника, то примѣненіе досрочнаго освобожденія должно быть возможно шире и по крайней мѣрѣ, какъ то установляетъ и германское уложеніе, оно должно распространяться на заключенныхъ на сроки болѣе $1\frac{1}{2}$ года, значитъ должно распространяться и на заключенныхъ въ тюрьмѣ, срокъ пребыванія въ которой можетъ дойти до 2 лѣтъ. Второе измѣненіе заключается въ томъ, что досрочное освобожденіе будетъ зависѣть отъ Главнаго Тюремнаго Управленія, а не отъ суда. Противъ такого постановленія можно привести слѣдующія возраженія: 1) задачи Главнаго Тюремнаго Управленія широки, заключаются въ организаціи мѣстъ заключенія, наблюденіи за ними и вообще за ходомъ тюремнаго дѣла, въ выработкѣ и проведеніи общихъ мѣръ къ его совершенствованію. Съ точки зрѣнія такихъ задачъ, для Главнаго Тюремнаго Управленія завѣдываніе дѣломъ досрочнаго освобожденія и всѣ распоряженія о каждомъ отдѣльномъ случаѣ примѣненія его—дѣло слишкомъ мелочное, не говоря

уже объ его обременительности; по этому едва-ли цѣлесообразно сосредоточивать это дѣло въ Главномъ Тюремномъ Управленіи въ томъ видѣ, какъ проектируется; достаточно, если тюремное управленіе для своихъ цѣлей будетъ имѣть лишь свѣдѣніе о каждомъ случаѣ досрочнаго освобожденія или даже явится учрежденіемъ, контролирующимъ правильность примѣненія постановленій о досрочномъ освобожденіи въ томъ отношеніи, что о каждомъ случаѣ досрочнаго освобожденія извѣщается Главное Тюремное Управленіе, и въ случаѣ, если оно усмотритъ какія-либо неправильности въ примѣненіи закона, то будетъ въ правѣ, въ силу своихъ задачъ и руководящаго положенія, обратить вниманіе на эти неправильности, не отмѣняя однако-же распоряженія о досрочномъ освобожденіи, а для устраненія этихъ неправильностей на будущее время. 2) Центральность Главнаго Тюремнаго Управленія и отдаленность его отъ мѣстъ заключенія тоже говоритъ противъ предположеннаго постановленія: вопросъ о досрочномъ освобожденіи можетъ возникнуть не ранѣе, какъ по отбытіи заключеннымъ $^2/_3$ опредѣленнаго въ приговорѣ срока наказанія, такъ какъ поведеніе заключеннаго въ этотъ періодъ времени будетъ служить основаніемъ для досрочнаго освобожденія. Если распоряженіе о досрочномъ освобожденіи будетъ исходить отъ Главнаго Тюремнаго Управленія, то время, употребленное на сношенія по этому предмету и на обсужденіе его въ Главномъ Тюремномъ Управленіи, при совершенно естественномъ накопленіи такого рода дѣлъ въ Главномъ Тюремномъ Управленіи, будетъ иногда весьма продолжительно, что̀ приведетъ къ тому, что для заключенныхъ на менѣе продолжительные сроки распоряженіе о досрочномъ освобожденіи прійдетъ слишкомъ поздно, да и заключенные на продолжительные сроки не воспользуются вполнѣ правомъ досрочнаго освобожденія. 3) По проекту, основаніемъ досрочнаго освобожденія должно служить поведеніе заключеннаго, но самое понятіе хорошаго поведенія, внѣшніе его признаки не опредѣляются, да врядъ-ли и могутъ быть опредѣлены; заключеніе о хорошемъ коведеніи можетъ составляться часто по такимъ неуловимымъ даннымъ, которыя трудно и передать на бумагѣ. Письменныя свѣдѣнія о поведеніи заключеннаго не могутъ быть полны, а такъ какъ Главное Тюремное Управленіе въ вопросѣ о досрочномъ освобожденіи не можетъ руководствоваться ничѣмъ инымъ, какъ письменными свѣдѣніями, поступающими отъ мѣстной администраціи, то и распоряженіе его о досрочномъ освобожденіи не будетъ имѣть желательной обстоятельности и основательности. Цѣлесообразнѣе и практичнѣе будетъ, если распоряженіе о досрочномъ освобожденіи будетъ исходить отъ мѣстныхъ органовъ административныхъ или судебныхъ. Эти распоряженія будутъ основываться не только на письменныхъ свѣдѣніяхъ тюремной администраціи, но и на словесныхъ объясненіяхъ

ея и мнѣніи, степень же довѣрія къ этому мнѣнію будетъ зависѣть отъ личности и нравственныхъ качествъ завѣдующаго мѣстомъ заключенія, а послѣдніе ближе извѣстны мѣстнымъ учрежденіямъ, чѣмъ центральному—Главному Тюремному Управленію. Поэтому распоряженіе мѣстныхъ учрежденій будетъ основано на болѣе вѣрныхъ и подробныхъ данныхъ.

Въ 22 ст. проекта постановлено, что досрочно освобожденные въ томъ случаѣ, если будутъ замѣчены въ нарушеніи установленныхъ для нихъ правилъ, возвращаются въ мѣсто заключенія безъ зачета проведеннаго ими на свободѣ времени въ срокъ заключенія. Но по иниціативѣ кого и отъ какого учрежденія будетъ исходить распоряженіе о вторичномъ заключеніи досрочно освобожденнаго, на чьей обязанности будетъ лежать наблюденіе за исполненіемъ досрочно освобожденнымъ установленныхъ правилъ, въ какомъ порядкѣ должно послѣдовать удостовѣреніе о дѣйствительномъ нарушеніи этихъ правилъ? На эти вопросы въ проектѣ отвѣтовъ нѣтъ, между тѣмъ опредѣленіе въ законѣ правилъ о вторичномъ заключеніи досрочно освобожденныхъ представляется, по мнѣнію г. Сливицкаго, еще болѣе необходимымъ, чѣмъ о самомъ досрочномъ освобожденіи.

При обсужденіи 21 и 22 ст., чины прокуратуры Тульскаго Окружнаго Суда, признавая пользу и справедливость установляемаго проектомъ уложенія сокращенія срока наказанія для лицъ, осужденныхъ на каторгу, поселеніе и заточеніе, и досрочнаго освобожденія присужденныхъ въ исправительный домъ, остановились на вопросѣ о томъ, какое учрежденіе можетъ быть признано компетентнымъ для разрѣшенія указанныхъ сокращенія и освобожденія. Несомнѣнно, что сокращеніе срока наказанія и досрочное освобожденіе значительно измѣняютъ первоначальный приговоръ суда и потому признаніе Главнаго Тюремнаго Управленія учрежденіемъ, отъ котораго будетъ зависѣть сокращеніе наказанія и досрочное освобожденіе, установитъ такое положеніе, при которомъ тюремная администрація будетъ произвольно измѣнять приговоры суда, смягчая ихъ. А приговоры суда, по самому свойству ихъ, должны быть считаемы незыблемыми и могутъ быть видоизмѣняемы лишь съ крайнею осмотрительностію и при томъ лицами, знающими уголовное право.

Тюремная администрація можетъ судить о возможности и цѣлесообразности фактическаго смягченія приговора суда надъ даннымъ осужденнымъ лишь на основаніи замѣченнаго ею исправленія его, выразившагося въ хорошемъ поведеніи, между тѣмъ какъ одно хорошее поведеніе осужденнаго въ мѣстѣ заключенія, взятое въ отдѣльности, не можетъ еще служить достаточнымъ основаніемъ для справедливаго смягченія участи осужденнаго въ раз-

мѣрѣ, указанномъ въ проектѣ. Для этого необходимо обсудить свойство преступленія, за которое онъ осужденъ, и мотивъ, и подробности его совершенія, и понять волю суда, опредѣлившаго наказаніе. Однимъ словомъ, оцѣнка поведенія осужденнаго лишь вмѣстѣ со всестороннимъ разсмотрѣніемъ самаго приговора о немъ суда можетъ дать право смягчить этотъ приговоръ, а такое разсмотрѣніе приговора возможно лишь для лицъ знакомыхъ въ теоріи и на практикѣ съ дѣйствующими у насъ уголовными законами.

Въ виду изложеннаго, предоставленіе права на смягченіе отбываемаго осужденными наказанія учрежденію чисто административному является, по мнѣнію чиновъ Тульской прокуратуры, крайне нежелательнымъ. Помимо изложеннаго, сосредоточеніе въ Главномъ Тюремномъ Управленіи производства о сокращеніи срока наказанія не представляетъ гарантіи справедливости и по существу, такъ какъ членамъ Управленія не можетъ быть лично, непосредственно извѣстно поведеніе осужденнаго и они должны ограничиваться свѣдѣніями, доставляемыми мѣстнымъ начальствомъ. Кромѣ того, сосредоточеніе всѣхъ этихъ дѣлъ въ Главномъ Тюремномъ Управленіи должно вызвать значительную переписку и замедлить рѣшеніе дѣлъ, что можетъ быть крайне затруднительно при примѣненіи 22 ст. проекта, особенно же второй ея части (возвращеніе въ мѣста заключенія условно-освобожденныхъ), особенно въ виду отдаленности многихъ мѣстъ Имперіи отъ мѣста пребыванія Главнаго Тюремнаго Управленія.

Такимъ образомъ было-бы желательно, чтобы положенія, устанавливаемыя 21 и 22 ст. проекта, примѣнялись окончательно мѣстными учрежденіями (т. е. той мѣстности, гдѣ осужденный отбываетъ наказаніе), члены которыхъ могли-бы непосредственно и безъ соблюденія особыхъ формъ провѣрять представленія тюремнаго начальства о поведеніи осужденныхъ и при этомъ обладали-бы качествами, указанными выше. Предоставить это право исключительно суду тоже едва-ли цѣлесообразно и практично, ибо, съ одной стороны, разсмотрѣніе судомъ письменныхъ представленій начальниковъ мѣстъ заключенія о хорошемъ поведеніи осужденныхъ, безъ провѣрки ихъ чрезъ одного изъ своихъ членовъ, поставило-бы судъ въ положеніе не согласное съ коренными условіями дѣятельности судебныхъ учрежденій, созданныхъ уставами 1864 г. (устность, провѣрка каждаго обстоятельства судебнымъ слѣдствіемъ и т. д.), а съ другой стороны, изслѣдованіе обстоятельствъ, дающихъ право осужденному на облегченіе его участи, путемъ судебнаго слѣдствія, вызвало-бы значительное увеличеніе занятій и труда, лежащаго на судахъ и при томъ установило-бы сложность и неизбѣжную медленность разрѣшенія вопроса о смягченіи наказанія. Учрежденіемъ, болѣе другихъ гарантирующимъ справедливое, быстрое и цѣлесообразное рѣшеніе вопроса о досрочномъ

освобожденіи и о возвращеніи въ мѣста заключенія досрочно освобожденныхъ, было-бы, по мнѣнію тѣхъ-же чиновъ, коммисія подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго Губернатора, состоящая изъ Предсѣдателей Окружнаго Суда, Съѣзда Мировыхъ Судей и Губернской Земской Управы, Прокурора Суда, почетнаго попечителя арестантскаго дома или директора мѣстнаго тюремнаго комитета, а въ мѣстностяхъ, гдѣ еще не введены въ дѣйствіе земскія и новыя судебныя учрежденія,—изъ лицъ, болѣе подходящихъ, по условіямъ служебной и общественной дѣятельности, къ перечисленнымъ.

Возвращеніе досрочно освобожденнаго въ мѣсто его заключенія должно зависѣть отъ той же коммисіи, но полиція, удостовѣрившись въ нарушеніи освобожденнымъ установленныхъ для него правилъ, имѣетъ право въ крайнихъ случаяхъ арестовать нарушителя, о чемъ обязана немедленно довести до свѣдѣнія коммисіи.

Далѣе Тульская прокуратура обратила вниманіе на слѣдующее положеніе, долженствующее произойти при примѣненіи 22 ст. проекта: лицо, приговоренное, напр., на 3 года въ арестантскій домъ, заслужившіи хорошимъ поведеніемъ смягченіе наказанія, будетъ освобождено по истеченіи 2-хъ лѣтъ, тогда какъ присужденный, напр., на $2^1/_2$ года, слѣдовательно къ менѣе строгому наказанію, при совершенно такомъ же или даже лучшемъ поведеніи, не будетъ подлежать досрочному освобожденію и такимъ образомъ будетъ наказанъ гораздо строже перваго. Для избѣжанія подобнаго неравенства было предложено слѣдующее измѣненіе редакціи 22 ст. проекта: «приговоренные къ исправительному дому на срокъ свыше 2-хъ лѣтъ, по отбытіи имъ двухъ третей наказанія, если они приговорены на 3 года и болѣе, и 2 лѣтъ, если они приговорены на срокъ свыше 2-хъ и менѣе 3-хъ лѣтъ, за хорошее поведеніе могутъ быть освобождены изъ заключенія.....и т. д.».

При этой редакціи можетъ лишь произойти, что приговоренный на 3 года и приговоренный на срокъ свыше 2-хъ и менѣе 3-хъ лѣтъ—оба будутъ освобождены по истеченіи 2-хъ лѣтъ, но такого неравенства, чтобы первый былъ освобожденъ ранѣе втораго, уже быть не можетъ.

Тульскій Окружный Судъ находитъ, что статьи 21 и 22 очевидно никогда не будутъ примѣняться судьями въ ихъ приговорахъ и, составляя, по своему содержанію, предметъ вѣдомства органа не судебнаго, должны быть и помѣщены въ уставѣ о лишенныхъ свободы. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что льготы заключеннымъ предоставляются разнообразныя и значительныя, существенно измѣняющія приговоръ суда, по силѣ своей отмѣняемый только Высочайшею властью. Поэтому, вводя такія правила въ

уставъ администраціи, слѣдовало-бы опредѣлить въ составъ мѣстнаго присутствія представителей суда и прокурорскаго надзора. При подобномъ составѣ присутствія, обсуждаемые матеріалы для льготъ заключенному будутъ разнообразнѣе, а самое разсмотрѣніе ихъ обширнѣе, что, безъ сомнѣнія, послужитъ къ болѣе прочному основанію дѣлать то или другое распоряженіе въ отношеніи заключеннаго. Учреждая такое присутствіе, едва-ли есть серьезный поводъ ставить Главное Тюремное Управленіе въ положеніе власти контролирующей, въ семъ отношеніи, дѣйствія мѣстнаго присутствія: ибо, во 1-хъ, основанія къ сокращенію сроковъ лишенія свободы, полагаемыя въ 21 и 22 статьяхъ, должны быть принимаемы отдаленнымъ, центральнымъ учрежденіемъ на вѣру, безъ провѣрки представленій мѣстнаго присутствія, какъ компетентнаго и близкаго цѣнителя поведенія отбывающаго наказаніе, а во 2-хъ, громадность разстояній столицы отъ многихъ областей Имперіи должна будетъ заставлять мѣстное присутствіе обсуждать вопросъ о льготѣ заключенному значительно ранѣе конца второй трети наказанія, чтобы получить своевременно распоряженіе Главнаго Тюремнаго Управленія, и, такъ сказать, ручаться за хорошее поведеніе лица впредь до конца двухъ третей наказанія. Поэтому названный судъ полагалъ бы предоставить право мѣстному присутствію, въ извѣстномъ составѣ, прекращать лишеніе свободы по истеченіи опредѣленныхъ сроковъ, если оно признаетъ отбывающаго наказаніе достойнымъ этого, за его хорошее поведеніе во время отбытія всего извѣстнаго срока наказанія.

При обсужденіи 21 и 22 статей въ собраніи чиновъ Кіевской прокуратуры возникло два вопроса: объ умѣстности таковыхъ въ улож. о наказ. и о цѣлесообразности предоставленія администраціи права сокращенія опредѣленныхъ судомъ сроковъ заключенія.

По первому вопросу собраніе не можетъ согласиться съ соображеніемъ Редакціонной Коммисіи о томъ, что внесеніе въ общую часть уложенія правилъ о сокращеніи сроковъ заключенія необходимо потому, что правилами этими опредѣляется значеніе и сравнительная тяжесть карательныхъ мѣръ, предусмотрѣнныхъ уложеніемъ. Исходя изъ такого соображенія, можно было-бы помѣстить въ общую часть уложенія и другія правила, опредѣляющія значеніе и тяжесть карательныхъ мѣръ; но подобное обремененіе уголовнаго кодекса излишними подробностями не соотвѣтствуетъ назначенію послѣдняго и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно безполезно, ибо всѣ эти свѣдѣнія должны заключаться въ особомъ законѣ объ устройствѣ мѣстъ заключеній и порядкѣ содержанія въ нихъ осужденныхъ. Въ виду этого представляется болѣе

правильнымъ ст. 21 и 22 исключить изъ проекта уложенія и внести ихъ въ особые законы объ устройствѣ мѣстъ заключеній.

По второму вопросу собраніе нашло, что предоставленіе права сокращенія сроковъ заключеній при отбытіи наказанія исключительно и безконтрольно тюремной администраціи представляется нежелательнымъ потому, что на практикѣ возможны будутъ случаи, когда при примѣненіи правилъ о сокращеніи сроковъ тюремное начальство будетъ руководствоваться иными цѣлями, чѣмъ тѣ, которыя имѣетъ въ виду Коммисія. Посему и въ виду того, что наблюденіе за правильнымъ исполненіемъ судебныхъ приговоровъ лежитъ по уставу уголовнаго судопроизводства на обязанности прокурорскаго надзора, было-бы полезнѣе право сокращенія сроковъ заключеній при отбытіи наказаній предоставить не Главному Тюремному Управленію, а какому нибудь коллегіальному учрежденію, при главномъ участіи въ немъ лица мѣстной прокуратуры, и при томъ учрежденію губернскому, которое, какъ ближе стоящее къ мѣстамъ заключенія, будетъ болѣе компетентно въ разрѣшеніи такихъ вопросовъ.

Относительно 21 и 22 ст. слѣдуетъ, по мнѣнію чиновъ Рыбинской прокуратуры, постановить вопросъ: касаются-ли правила, въ нихъ изложенныя, и суда, или только одной администраціи? Если только послѣдней, то статьи эти могли-бы быть и невносимы въ уложеніе: если же установить, (чего нельзя не признать болѣе правильнымъ), что судъ въ приговорѣ своемъ можетъ предоставлять, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, право администраціи сокращать срокъ въ установленной мѣрѣ (послѣ $^2/_3$ отбытаго наказанія), то необходимо въ статьяхъ сдѣлать прибавку: «если въ приговорѣ суда о томъ постановлено». Значеніе этого права и обязанности суда не требуетъ особаго разъясненія. Судъ, свойствомъ всѣхъ имѣющихся у него подъ рукою разностороннихъ данныхъ, лучше мѣстной администраціи въ состояніи будетъ опредѣлить, какую цѣну можно давать тому поведенію, которымъ человѣкъ, чѣмъ глубже онъ испорченъ, тѣмъ ловчѣе, можетъ воспользоватся, чтобы вырваться изъ заточенія, каторги, или исправительнаго дома. Ошибка здѣсь суда не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій, ибо постановленіе его условно:— «если поведеніемъ своимъ осужденный докажетъ начальству свое исправленіе»,—значитъ, начальство нисколько не стѣснено въ своемъ правѣ и не воспользоваться разрѣшеніемъ суда сократить срокъ назначеннаго наказанія, если обвиненный поведеніемъ своимъ не вызываетъ начальство на такое дѣйствіе. Предоставленіе исключительнаго права мѣстному административному начальству сокращать сроки назначенныхъ наказаній, или ходатайство-

вать объ этомъ сокращеніи у Главнаго Тюремнаго Управленія, помимо того, что можетъ повлечь рядъ злоупотребленій этимъ правомъ, ибо трудно разсчитывать, чтобы непосредственные надзиратели надъ осужденными могли быть только люди съ должными для этой роли нравственными качествами (по крайней мѣрѣ теперь еще нѣтъ такихъ) но и низведетъ самые приговоры суда на меньшую степень ихъ неприкосновенности и значенія. Поэтому, было-бы желательно оставить за однимъ судомъ право дѣлать или не дѣлать оговорку о сокращеніи срока наказанія.

При разсмотрѣніи въ Тифлисской Судебной Палатѣ 21 и 22 статей проекта, нѣкоторыми изъ судей было высказано мнѣніе, что статьи эти должны быть исключены изъ уложенія и помѣщены въ особыхъ узаконеніяхъ, опредѣляющихъ устройство мѣстъ заключенія и порядокъ содержанія въ оныхъ. Но большинство судей не согласилось съ этимъ мнѣніемъ, находя, что постановленія означенныхъ статей представляются *настолько существенными*, что они должны быть отнесены къ опредѣляющимъ *юридическую сущность наказаній* и потому, въ качествѣ постановленій этого рода, должны быть оставлены въ уложеніи. При этомъ одинъ изъ членовъ Палаты замѣтилъ, что сокращеніе срока заключенія за хорошее поведеніе, во всѣхъ вообще видахъ наказаній этого рода, слѣдовало-бы предоставить суду, а не тюремному управленію, такъ какъ при условіи разрѣшенія этихъ вопросовъ судомъ возможна большая правильность въ предоставленіи осужденнымъ разсматриваемаго заключенія. Независимо отъ изложеннаго, нельзя не замѣтить, что примѣненіе 22 ст. проекта въ настоящей ея редакціи должно будетъ повести къ тѣмъ неудобствамъ, что совершившій болѣе тяжкое преступленіе и присужденный за таковое къ болѣе продолжительному заключенію въ исправительномъ домѣ *можетъ въ дѣйствительности подвергнуться менѣе строгой отвѣтственности*, нежели совершившій преступленіе менѣе важнаго свойства и присужденный за таковое къ менѣе тяжкому, по продолжительности, наказанію. Такъ напримѣръ, приговоренный къ четыремъ годамъ исправительнаго дома, при сокращеніи ему за хорошее поведеніе срока заключенія на основаніи приведенной статьи проекта, можетъ быть освобожденъ по истеченіи *двухъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ* заключенія, тогда какъ приговоренный къ тому же наказанію только *на три года* обязанъ отбыть полный срокъ назначеннаго ему заключенія и, слѣдовательно, можетъ быть освобожденъ не ранѣе, какъ по истеченіи трехъ лѣтъ. Для устраненія такого несоотвѣтствія въ отбытіи наказанія исправительнымъ домомъ надлежало бы, по мнѣнію Тифлисской Судебной Палаты, или распро-

странить возможность сокращенія сроковъ за хорошее поведеніе для этого вида лишенія свободы *на всѣ сроки заключенія*, или установить, чтобы при сокращеніи сроковъ только для тѣхъ осужденныхъ, которые приговорены на время свыше трехъ лѣтъ, они могли быть освобождаемы изъ исправительнаго дома, *во всякомъ случаѣ не ранѣе трехлѣтняго въ немъ пребыванія.*

Чины Московской прокуратуры замѣчаютъ, что статьи 21 и 22, допускающія сокращеніе сроковъ содержанія въ каторжныхъ тюрьмахъ, въ мѣстахъ заточенія и въ исправительныхъ домахъ, могли-бы быть въ тѣхъ частяхъ, которыя не подлежали-бы, согласно приведеннымъ выше предположеніямъ, включенію въ ст. 14 и 16,—перенесены въ уставъ о содержащихся подъ стражею, на томъ основаніи, во 1-хъ, что такое сокращеніе будетъ допускаемо не для всѣхъ, а лишь для нѣкоторыхъ приговоренныхъ, при условіи хорошаго поведенія ихъ, и во вторыхъ, что это сокращеніе опредѣляется не по постановленію суда, а по распоряженію Главнаго Тюремнаго Управленія. Соображеніе это подверждается и тѣмъ, что хотя въ нашемъ дѣйствующемъ правѣ администраціи предоставлено также право сокращать сроки отбытія наказанія, но право это нормируется не въ уложеніи, а въ спеціальныхъ уставахъ о ссыльныхъ и о содержащихся подъ стражею. Изъ мотивовъ Коммисіи явствуетъ, что одновременно съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго уложенія будетъ изданъ и спеціальный законъ о внутреннемъ распорядкѣ ссылки и мѣстъ заключенія. Въ этомъ-то законѣ и должны быть помѣщены исключаемыя статьи: но въ виду 25 и 27 ст. проекта, а также предлагаемаго чинами Московской прокуратуры измѣненія ст. 16, необходимо, согласно 21 ст., сдѣлать такого же рода исключенія и для статьи 14, внеся въ ея текстъ, какъ указано, постановленіе о томъ, что «безсрочная каторга, по истеченіи 15 лѣтъ, можетъ быть, по распоряженію Главнаго Тюремнаго Управленія, замѣнена для осужденныхъ поселеніемъ въ назначенныхъ мѣстностяхъ, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ уставѣ о ссыльныхъ», въ противномъ случаѣ постановленія 26 и 27 статей, по отношенію къ приговореннымъ къ безсрочной каторгѣ, вызовутъ такія-же недоразумѣнія, какъ и относительно ссылаемыхъ на поселеніе.

Членъ Нѣжинскаго Окружнаго Суда Каменцевъ замѣчаетъ, что досрочное освобожденіе арестантовъ, коимъ посвящены статьи 21 и 22, зависитъ отъ усмотрѣнія и распоряженія Главнаго Тюремнаго Управленія, а потому условія и правила ихъ примѣненія должны быть установлены или въ законѣ о тюрьмахъ, или въ уст. угол. судопр. Но если признается полезнымъ и

необходимымъ оставить ихъ въ уложеніи, то надлежало-бы дополнить ихъ еще обязанностію суда постановлять приговоры относительно-опредѣленные, обозначая въ нихъ наказаніе въ предѣлахъ maximum'a и minimum'a (напр., заключить въ исправительный домъ на время не больше 5 лѣтъ и не меньше 3 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ), считая послѣдній обязательнымъ срокомъ, съ котораго можетъ начаться «досрочное освобожденіе». При такомъ порядкѣ, и обвиненный, и публика, выслушивающіе приговоръ, будутъ знать съ успокоивающею точностью срокъ заключенія перваго.

По замѣчанію Московской Судебной Палаты, ст. 21 и 22 вносятъ въ систему проектированныхъ уголовныхъ законовъ несуществовавшее у насъ доселѣ начало, которое всецѣло основано на предполагаемомъ исправительномъ дѣйствіи будущихъ наказаній на преступное лицо, а потому заслуживаетъ полнаго одобренія. Тѣмъ не менѣе однако въ уложеніи статьи эти являются лишними. Дѣйствительно, постановленія объ освобожденіи осужденныхъ раньше истеченія срока наказанія, по названнымъ статьямъ, предоставлены Главному Тюремному Управленію, а самый порядокъ пользованія этимъ правомъ, какъ указываетъ Коммисія, имѣетъ быть опредѣленъ въ законѣ о тюрьмахъ. Слѣдовало-ли послѣ этого включать начала, выраженныя въ ст. 21 и 22, въ настоящій проектъ, и не лучше-ли помѣстить ихъ въ томъ-же законѣ о тюрьмахъ, въ которомъ будетъ установленъ и самый способъ ихъ осуществленія?

По мнѣнію Нижегородскаго Окружнаго Суда, постановленія, составляющія предметъ ст. 21 и 22 разсматриваемаго проекта, не подлежатъ внесенію въ уголовное уложеніе, такъ какъ примѣненіе ихъ не зависитъ отъ судебныхъ мѣстъ. Законъ ,предоставляющій Главному Тюремному Управленію право, въ случаѣ хорошаго поведенія осужденныхъ, сокращать сроки отбытія каторги и исправительнаго дома, равно какъ и прочіе законы, опредѣляющіе права и обязанности тюремнаго начальства по отношенію къ заключеннымъ (принятіе дисциплинарныхъ и другихъ мѣръ, предоставленіе какихъ либо льготъ и проч.), должны имѣть мѣсто въ подлежащихъ уставахъ о каторгѣ и исправительномъ домѣ, или же въ Учрежденіи Тюремнаго Управленія при исчисленіи функцій онаго.

Прокуроръ Плоцкаго Окружнаго Суда Фуксъ указываетъ, что ст. 21 и 22, трактуя о сокращеніи сроковъ наказанія и досрочномъ освобожденіи отъ

него, всѣ распоряженія въ этомъ отношеніи оставляютъ за Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ безъ малѣйшаго участія суда и прокуратуры; но въ такомъ случаѣ самъ собой возбуждается вопросъ: зачѣмъ же говорить о томъ въ уложеніи о наказаніяхъ? правильнѣе было-бы помѣстить эти правила или по принадлежности въ особыхъ уставахъ, опредѣляющихъ подробности видовъ наказанія и способы его исполненія, или въ положеніи, очерчивающемъ кругъ дѣятельности Главнаго Тюремнаго Управленія. Правда, въ иностранныхъ уголовныхъ кодексахъ повторяются упомянутыя правила, но они примѣняются вездѣ при дѣятельномъ участіи суда, прокуратуры и Министерства Юстиціи (венгер. ст. 43—52, герман. ст. 25, нидерл. ст. 16) и только проектъ италіянскаго уложенія присоединяетъ къ нимъ еще и Министра Внутреннихъ Дѣлъ (ст. 55); этимъ и слѣдуетъ объяснить помѣщеніе ихъ въ кодексахъ, хотя настоящее мѣсто имъ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства въ отдѣлѣ о порядкѣ исполненія приговоровъ. Поэтому, высказываясь за исключеніе этихъ правилъ изъ уложенія о наказаніяхъ и признавая съ тѣмъ вмѣстѣ полнѣйшую ихъ раціональность, г. Фуксъ полагалъ-бы перенести ихъ въ раздѣлъ VI кн. 2 ч. 2 т. XV свод. зак. и такъ какъ, въ силу 949 и 955 статей того раздѣла, обязанность наблюденія за исполненіемъ приговоровъ возложена на прокурорскій надзоръ, а разрѣшеніе всѣхъ возникающихъ при томъ сомнѣній—на судъ, то и примѣненіе правилъ о досрочномъ освобожденіи необходимо поставить въ зависимость отъ тѣхъ же учрежденій; 2-й отд. 23 ст., 2-й отд. 24 ст. и 52 ст., какъ регулирующіе дѣятельность суда по исполненію приговоровъ о штрафахъ, также надлежало-бы перенести въ вышеупомянутый VI раздѣлъ.

Соглашаясь съ мнѣніемъ Коммисіи вообще о сокращеніи срока заключенія въ виду хорошаго поведенія арестантовъ, чины Самарскаго Окружнаго Суда находятъ, что эти правила должны быть исключены изъ уложенія и помѣщены въ уставѣ о содержащихся подъ стражею. Основаніемъ къ такому положенію служатъ слѣдующія соображенія: если бы отъ Окружнаго Суда зависѣло при каждомъ постановленіи приговора, смотря по обстоятельствамъ дѣла, установлять срокъ, съ котораго арестантъ, при хорошемъ поведеніи, долженъ воспользоваться правомъ на сокращеніе срока заключенія, то правила 21 и 22 ст. были-бы необходимы для помѣщенія ихъ въ текстъ уложенія, а какъ въ этихъ статьяхъ срокъ назначается для всѣхъ подсудимыхъ и составляетъ предметъ, могущій подлежать обсужденію по окончаніи судебнаго приговора, то онъ и долженъ войти въ область обязанностей тюремной администраціи, а не суда.

Относительно ст. 21 и 22 проекта уложенія чины Калужскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что, находя безусловно полезными содержащіяся въ нихъ постановленія, они признавали-бы желательнымъ перенесеніе ихъ въ уставъ о содержащихся подъ стражею, такъ какъ статьи эти, по существу своему, относятся до тюремной дисциплины.—Къ тому-же заключенію приходитъ также одинъ изъ чиновъ Радомскаго Окружнаго Суда.

Чины Ставропольской прокуратуры замѣчаютъ, что ст. 21 и 22 содержатъ постановленія, примѣненіе коихъ всецѣло возлагается на администрацію; поэтому помѣщеніе ихъ въ уложеніи о наказаніяхъ предоставляется излишнимъ.

Чины Великолуцкой прокуратуры останавливаются на томъ правилѣ ст. 21 и 22 проекта, въ силу коего Главному Тюремному Управленію предоставляется право сокращать заключеніе тѣмъ лицамъ, которыя присуждены къ болѣе продолжительнымъ срокамъ, и замѣчаютъ, что такое же право не предоставляется относительно лицъ, присужденныхъ къ менѣе продолжительнымъ срокамъ, а слѣдовательно, совершившихъ менѣе важныя преступленія и проступки. Такое предпочтеніе болѣе тяжкихъ преступниковъ должно быть признано несправедливостью по отношенію къ менѣе важнымъ, въ особенности когда досрочное освобожденіе первыхъ представитъ случаи, что присужденные къ тягчайшимъ наказаніямъ, вслѣдствіе постановленія тюремныхъ управленій, на самомъ дѣлѣ понесутъ болѣе легкія наказанія.

Прокуроръ Владикавказскаго Окружнаго Суда Чинчинадзе указываетъ, что по основнымъ положеніямъ нашего судопроизводства и судоустройства, власть судебная совершенно отдѣлена отъ административной и въ силу этихъ положеній: а) разсмотрѣніе уголовныхъ дѣлъ и постановленіе приговоровъ всецѣло отнесено къ обязанности судовъ безъ всякаго участія властей административныхъ, б) исполненіе приговоровъ возложено на административную власть, причемъ наблюденіе за точностью и безотлагательностью исполненія приговоровъ поручено прокурорскому надзору, и в) исполнители обязаны слѣдовать въ точности судебному приговору и о всѣхъ затрудненіяхъ, возникшихъ при исполненіи приговора, они представляютъ на разрѣшеніе суда. Такимъ образомъ изъ всего этого ясно видно, что наше законодательство, устранивъ всякое вмѣшательство административной власти въ дѣла судебныя и отнеся это исключительно къ компетенціи судебной власти, оставило за административною

властью одну лишь чисто механическую обязанность точнаго и буквальнаго исполненія судебныхъ приговоровъ.

Между тѣмъ, изъ разсмотрѣнія ст. 21 и 22 проекта оказывается, что обѣ эти статьи какъ-бы противорѣчатъ положенному въ основаніе нашего судопроизводства началу отдѣленія власти судебной отъ власти административной; разрѣшая административной власти въ извѣстныхъ случаяхъ уменьшать сроки назначеннаго по суду наказанія, ст. 21 и 22 проекта тѣмъ самымъ очевидно разрушаютъ въ основаніи означенный выше принципъ и допуская вмѣшательство административной власти въ дѣла судебныя, естественно, съ одной стороны, должны будутъ подорвать авторитетъ суда, а съ другой поколебать силу и значеніе судебныхъ приговоровъ. Поэтому, въ интересахъ поддержанія власти и авторитета суда, г. Чинчинадзе полагаетъ болѣе правильнымъ и цѣлесообразнымъ совершенно исключить изъ уложенія проектированныя Редакціонною Коммисіею ст. 21 и 22.

Товарищъ Астраханскаго Губернскаго Прокурора Лабунскій затрудняется возразить что-либо въ принципѣ противъ ст. 21 и 22 проекта, въ которыхъ выразилось высокое чувство гуманности составителей. Въ этихъ статьяхъ узаконяется въ опредѣленныхъ случаяхъ досрочное освобожденіе осужденнаго изъ заключенія или-же досрочное разрѣшеніе осужденному оставить мѣсто, назначенное ему для ссылки. Но г. Лабунскій опасается, чтобы у насъ примѣненіе этого гуманнаго правила не привело къ такимъ результатамъ, отъ которыхъ энергически будутъ отказываться тѣ тюрьмы на западѣ, кои усвоили себѣ этотъ принципъ. Такъ напримѣръ, въ Лозанской каторжной тюрьмѣ, за пятилѣтіе 1875 по 1880 г., изъ 102 человѣкъ, отпущенныхъ раньше срока, было возвращено обратно только 5 человѣкъ (трое за воровство, одинъ за угрозы и одна женщина за пьянство); такіе-же результаты дала эта система и въ большой каторжной тюрьмѣ въ Брухзалѣ. Но вѣдь для этого, во 1-хъ, требуется разборчивость тюремной администраціи при оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ осужденныхъ, которымъ можетъ быть дарована льгота, и, во 2 хъ, необходимо, чтобы досрочно-освобожденный и слѣдовательно исправившійся бывшій преступникъ, при выходѣ изъ мѣста заключенія, встрѣтилъ существенное участіе въ своей судьбѣ правильно организованнаго общественнаго патроната надъ освобожденными изъ заключенія, съ цѣлью облегчить имъ возможность найти работу и стать на честный путь труда. У насъ же опытъ показалъ, что непосредственныя и долговременныя сношенія возможны только между арестантами и низшею тюремною администраціею и, къ сожалѣнію, послѣдняя далеко не всегда отвѣчаетъ высотѣ своего при-

званія и потому всегда можетъ ввести въ заблужденіе самое благонамѣренное начальство. Съ другой стороны, при отсутствіи всякаго участія общества къ освобожденнымъ изъ заключенія и въ виду возможныхъ злоупотребленій со стороны лицъ, завѣдывающихъ полицейскимъ надзоромъ, всякій освобожденный изъ заключенія бывшій преступникъ ставится въ такое безотрадное положеніе, что весьма не трудно угадать, что̀ изъ такого положенія можетъ выйти? Эти разсужденія не къ тому клонятся, чтобы вычеркнуть ст. 21 и 22 проекта, а къ тому, чтобы о бокъ съ введеніемъ въ дѣйствіе силы этихъ статей, правительство приняло бы на себя починъ въ организаціи особаго учрежденія, для спеціальнаго надзора во всѣхъ его видахъ не только надъ досрочно-освобожденными лицами, но и надъ всѣми отбывшими свое наказаніе; иначе никакая образцовая тюремная система не будетъ въ состояніи вполнѣ исполнить свои функціи и процентъ рецидивистовъ не слишкомъ убавится.

Предположенное проектомъ сокращеніе сроковъ наказанія въ случаѣ исправленія представляется, по мнѣнію чиновъ прокуратуры Череповецкаго Окружнаго Суда, весьма желательнымъ, но правильное примѣненіе этой мѣры при настоящемъ составѣ лицъ, завѣдывающихъ каторгою и исправительными отдѣленіями, весьма затруднительно и ждать въ близкомъ будушемъ улучшенія въ этомъ отношеніи едва-ли возможно; еще менѣе гарантій можетъ имѣть предоставляемое проектомъ администраціи право возвращенія въ мѣсто заключенія преждевременно освобожденныхъ.

Люблинскій Окружной Судъ недоумѣваетъ, почему правило объ обратномъ возвращеніи въ мѣсто заключенія не распространено на каторжныхъ (ст. 21). Не мѣшаетъ опредѣлить: отъ какого начальства должно исходить распоряженіе о такомъ возвращеніи. Вмѣсто: по представленію «утвержденному», лучше сказать «уваженному». Если же Главное Тюремное Управленіе будетъ уполномочено только утвердить представленіе управленія исправительнымъ домомъ, то кто-же будетъ разрѣшать это представленіе?

По мнѣнію Симферопольскаго Окружнаго Суда, ст. 21 и 22 должны быть помѣщены въ уставахъ мѣстъ заключенія, причемъ редакція ст. 22 должна быть измѣнена въ томъ смыслѣ, что приговоренные *могутъ быть освобождаемы изъ заключенія управленіемъ исправительнаго дома, съ разрѣшенія Главнаго Тюремнаго Управленія.*

Условіемъ для освобожденія должно быть поставлено не хорошее поведеніе, а исправленіе преступника.

При этомъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ совѣщанія чиновъ Симферопольскаго Суда (И. А. Выставкинъ, Б. М. Гиммельфарбъ, Н. А. Говоровъ, И. Г. Корецкій, Н. М. Левченко), для поддержанія достоинства судебныхъ приговоровъ и для гарантіи интересовъ заключенныхъ было-бы болѣе цѣлесообразнымъ предоставить обратное водвореніе освобожденныхъ въ мѣста заключенія не Главному Тюремному Управленію, а мѣстному Окружному Суду, въ округѣ котораго проживаетъ осужденный.

По замѣчанію Старшаго Предсѣдателя Кіевской Судебной Палаты, Сенатора И. Н. Орлова, въ ст. 21 и 22 говорится объ одномъ и томъ же, но въ различныхъ выраженіяхъ: «по распоряженію Главнаго Тюремнаго Управленія» и «по представленію управленія исправительнымъ домомъ, утвержденному Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ»; необходимо для устраненія недоумѣній, согласовать это различіе. Сверхъ сего, для полноты редакціи и по соображеніямъ, указаннымъ въ объяснительной запискѣ, къ словамъ: «хорошее поведеніе» слѣдуетъ вездѣ прибавить «и трудолюбіе» и, сверхъ сего, ввести эти же мотивы и во вторую половину ст. 21.

См. также приведенныя подъ ст. 17 и 18 проекта замѣчанія чиновъ прокурорскаго надзора Псковскаго Окружнаго Суда и приведенныя подъ ст. 14 и 19 замѣчанія Ставропольскаго Окружнаго Суда, чиновъ Изюмской прокуратуры и Прокурора Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскаго.

Статья 21.

Къ правилу ст. 21 о томъ, что «находящіеся на поселеніи...могутъ получить...разрѣшеніе оставить обязательное для нихъ мѣстопребываніе», слѣдуетъ, по мнѣнію г. Лихтенштадта, добавить: «и имъ можетъ быть дозволено возвращеніе въ Европейскую Россію». Онъ находитъ, что это весьма важное нововведеніе слѣдуетъ побольше оттѣнить, яснѣе выразить, такъ сказать, подчеркнуть: иначе оно останется мертвою буквою.

Въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества предсѣдательствующій В. Д. Спасовичъ заявилъ, что, по мнѣнію Редакціоннаго Комитета,

ст. 21 страдаетъ нѣкоторыми недостатками, а именно: она предоставляетъ разрѣшеніе вопроса о досрочномъ освобожденіи не мѣстному губернскому начальству, какъ бы то слѣдовало, по мнѣнію Комитета, а центральному тюремному управленію въ С.-Петербургѣ. При такихъ условіяхъ досрочное освобожденіе является актомъ вовсе произвольнымъ и зависящимъ отъ власти, ненаблюдавшей за арестантомъ и потому мало способной судить объ облегченіи его участи. Въ виду этого Комитетъ предполагалъ предоставить власть досрочнаго освобожденія арестантовъ мѣстной, высшей административной власти, а не центральному управленію.

В. Д. Спасовичъ замѣтилъ, что, съ своей стороны, онъ, лично, не вполнѣ раздѣляя это мнѣніе, считалъ-бы нужнымъ идти дальше, такъ какъ въ большей части законодательствъ, гдѣ существуетъ институтъ досрочнаго освобожденія, разрѣшеніе этого вопроса предоставляется Министру Юстиціи, а не Внутреннихъ Дѣлъ, но можно-бы его предоставить и суду. Такъ, по германскому законодательству, досрочное освобожденіе арестантовъ разрѣшается Министромъ Юстиціи (ergeht von der obertsten Justiz—Aufsichtsbehörde). 48 § венгерскаго уложенія предоставляетъ разрѣшеніе этого вопроса Министру Юстиціи, причемъ въ совѣщаніи по этому предмету принимаютъ участіе: предсѣдатель мѣстнаго суда, прокуроръ, директоръ тюремнаго заведенія, духовникъ заведенія и два члена городской думы. По мнѣнію В. Д. Спасовича представлялось-бы наиболѣе соотвѣтственнымъ присвоить это право высшему мѣстному установленію, такъ какъ судъ, разсматривавшій дѣла по существу, знаетъ лишь фактическія обстоятельства совершенія преступленія, но лишенъ возможности судить о томъ, заслуживаетъ-ли арестантъ, по своему поведенію въ тюрьмѣ, льготы досрочнаго освобожденія. Согласно этому, редакція 21 ст. измѣнилась-бы слѣдующимъ образомъ: могутъ быть за хорошее поведеніе отсылаемы въ мѣста, отведенныя для ихъ поселенія. Находящіеся на поселеніи—по истеченіи десяти лѣтъ онаго, а поселенные на срокъ, по отбытіи $^2/_3$ этого срока, могутъ получить разрѣшеніе оставить обязательное для нихъ мѣстопребываніе, съ тѣмъ, что если до истеченія опредѣленнаго приговоромъ срока наказанія они будутъ замѣчены въ нарушеніи установленныхъ для такихъ поселяемыхъ или освобожденныхъ правилъ, то будутъ возвращены въ мѣсто заключенія, а время пребыванія на свободѣ не зачислится имъ въ срокъ наказанія. Какъ переводъ на поселеніе, такъ и освобожденіе отъ поселенія до срока, а равно и возстановленіе въ прежнее состояніе, разрѣшаются по постановленіямъ высшаго мѣстнаго установленія, въ особо установленномъ порядкѣ, по выслушаніи отзыва начальства, завѣдывавшаго осужденными.

А. П. Зубовъ замѣтилъ, что для разрѣшенія вопроса о порядкѣ досроч-

наго освобожденія арестантовъ, имѣются вполнѣ достаточныя данныя въ уставѣ уголовнаго судопроизводства; законъ говоритъ (955 ст.), что исполнители обязаны слѣдовать въ точности судебнымъ приговорамъ и исполнять согласныя съ онымъ требованія прокурора, чрезъ котораго восходятъ на разрѣшеніе суда и всѣ затрудненія или сомнѣнія, возникшія при исполненіи приговора. По мнѣнію названнаго члена, вопросъ о досрочномъ освобожденіи есть именно одно изъ такихъ затрудненій, подлежащихъ рѣшенію мѣстнаго суда.

Н. Д. Сергѣевскій замѣтилъ, что вопросъ о томъ, какому учрежденію съ наибольшимъ удобствомъ и пользою для дѣла могло-бы быть предоставлено право досрочнаго освобожденія осужденныхъ, заключаетъ въ себѣ двѣ альтернативы: слѣдуетъ-ли предоставить рѣшеніе этого вопроса суду или администраціи, и если администраціи, то какой—мѣстной или центральной. Выборъ между администраціей и судомъ, по мнѣнію Н. Д. Сергѣевскаго, разрѣшается въ пользу первой, такъ какъ естественно является опасеніе, что судъ, при разрѣшеніи вопроса о досрочномъ освобожденіи арестанта, будетъ главнымъ образомъ принимать въ соображеніе существо преступленія и обстановку, при которой оно было совершено, и такимъ образомъ подвергнетъ пересмотру и провѣркѣ первый приговоръ суда, вошедшій въ законную силу, вопреки правилу: res judicata pro veritate habetur;—съ другой стороны, если предоставить рѣшеніе вопроса администраціи; то выборъ между администраціей мѣстной и центральной склоняется въ пользу послѣдней; при такомъ рѣшеніи вопроса оказывается одно неудобство—продолжительность переписки о досрочномъ освобожденіи и вытекающія отсюда неизбѣжныя замедленія, но за то лишь при этомъ условіи можно надѣяться достигнуть единообразія въ порядкѣ досрочнаго освобожденія лицъ, отбывающихъ наказаніе по суду.

Дѣйствительный членъ *А. Ф. Масловскій* высказалъ, что этотъ вопросъ вовсе къ вѣдѣнію суда не относится, такъ какъ единственною посылкою при разрѣшеніи его служитъ поведеніе преступника, т. е. вопросъ, который можетъ быть возбужденъ только администраціей, наиболѣе-же компетентною для разрѣшенія его властію являлась-бы высшая мѣстная администрація (Генералъ-Губернаторъ или Губернаторъ) при участіи мѣстнаго прокурора.

Дѣйствительный членъ *И. Д. Ахшарумовъ* замѣтилъ, что, по его мнѣнію, разрѣшеніе этого вопроса могло-бы быть предоставлено мѣстному суду, такъ какъ хорошее поведеніе осужденнаго опредѣляется весьма просто, именно тѣмъ, что осужденный, во время отбыванія наказанія, не подвергался штрафамъ и подъ судомъ не состоялъ. Всего лучше-бы было указать въ объясни-

тельной запискѣ, что должно разумѣть подъ хорошемъ поведеніемъ осужденнаго, допускающимъ досрочное его освобожденіе.

На разрѣшеніе были предположены слѣдующіе вопросы.

во 1-хъ, слѣдуетъ-ли предоставить досрочное освобожденіе власти судебной или административной?—вопросъ разрѣшенъ въ пользу администраціи, большинствомъ 17 голосовъ противъ 5.

во 2-хъ, какая администрація должна быть признана компетентною въ разрѣшеніи этого вопроса, центральная или мѣстная?—разрѣшенъ въ пользу центральной, большинствомъ 14 голосовъ противъ 3.

Затѣмъ г. предсѣдателемъ былъ предложенъ на обсужденіе собранія вопросъ о примѣнимости обратнаго возвращенія въ прежнее состояніе, за дурное поведеніе досрочно-освобожденныхъ отъ каторги, заточенія и поселенія.

В. К. Случевскій высказался за оставленіе проекта въ отношеніи этого вопроса безъ измѣненій. Онъ замѣтилъ, что лица освобождающіяся, по отбытіи срока заключенія, изъ каторги или заточенія въ дѣйствительности не освобождаются совсѣмъ отъ наказанія, они, поступая на поселеніе, въ сущности, только переводятся изъ одного періода наказанія въ другой. Оставивъ каторгу или заточеніе, они не могутъ считать себя освобожденными, а поэтому и институтъ досрочнаго освобожденія не можетъ найти къ нимъ примѣненія.

Н. Д. Сергіевскій высказалъ, что два соображенія заставили Коммисію ограничить примѣненіе досрочнаго освобожденія исправительнымъ домомъ, не распространяя его на каторгу и заточеніе; прежде всего руководило то соображеніе, что институтъ досрочнаго освобожденія представляется нововведеніемъ, организовать которое довольно трудно, вслѣдствіе чего Коммисія нашла болѣе удобнымъ ограничиться на первое время примѣненіемъ досрочнаго освобожденія къ наиболѣе мягкимъ формамъ заключенія; кромѣ того, Коммисія не могла не остановиться на тѣхъ практическихъ затрудненіяхъ, которыя неминуемо возникли-бы при примѣненіи этой мѣры къ каторжнымъ; лицо, осужденное въ каторгу, по отбытіи срока наказанія, идетъ на поселеніе; такимъ образомъ, допуская досрочное освобожденіе каторжныхъ, перешедшихъ въ разрядъ поселенцевъ, пришлось-бы, въ случаѣ совершенія ими новаго преступленія, возвращать ихъ изъ Россіи въ Сибирь, наконецъ, возникаетъ вопросъ и о томъ, кто будетъ наблюдать за ихъ поведеніемъ въ Россіи?

По произведенному голосованію, вопросъ объ обратномъ возвращеніи лицъ осужденныхъ къ каторгѣ, заточенію или поселенію, въ случаяхъ нару-

шенія ими правилъ, установленныхъ для досрочно освобожденныхъ арестантовъ, разрѣшенъ отрицательно значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Коммисія Новороссійскаго Юридическаго Общества признаетъ необходимымъ не распространять дѣйствіе правилъ ст. 21 на отбывшихъ наказаніе заточеніемъ и ссылкою. — Мотивы такого заключенія Коммисіи слѣдующія: досрочное освобожденіе, о которомъ говорится въ ст. 21, назначается преступникамъ, исправившимся до окончанія срока ихъ наказанія.— Ожидать исправленія можно только отъ тѣхъ лицъ, которыя въ совершенномъ дѣяніи проявили испорченность своей натуры и были подвергнуты такому наказанію, которое прямо преслѣдуетъ цѣль исправительную.—Ни то, ни другое не примѣнимо къ заточенію и ссылкѣ.—Преступныя дѣянія, караемыя этими видами наказанія, не имѣютъ позорящаго характера;—они не обнаруживаютъ въ совершившемъ ихъ испорченной нравственности, привычки къ праздности и порочному образу жизни.—Говорить объ исправленіи подобнаго рода субъектовъ, очевидно, не логично.—Поэтому неумѣстно и примѣненіе къ нимъ досрочнаго освобожденія.

На это было сдѣлано возраженіе, что подобное исключеніе можетъ почитаться для приговоренныхъ къ заточенію и ссылкѣ отягченіемъ ихъ участи. Конечно, это возраженіе справедливо, но въ данномъ случаѣ представляется альтернатива: или признать, вопреки логикѣ, что неиспорченные субъекты могутъ исправляться, или, оставаясь послѣдовательнымъ, отвергнуть примѣненіе къ нимъ досрочнаго освобожденія. Коммисія Юридическаго Общества остановилась на послѣднемъ, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ представляется возможнымъ двойной коррективъ. Во 1-хъ, судъ, при назначеніи сроковъ наказанія заточеніемъ и ссылкою, можетъ сокращать эти сроки, имѣя въ виду, что къ осужденнымъ, въ этомъ случаѣ, не будетъ примѣняться досрочное освобожденіе и, во 2-хъ, за осужденными къ этимъ наказаніямъ остается возможность получать помилованіе отъ Верховной Власти.

Послѣ этихъ измѣненій, въ 1 ч. ст. 21 рѣчь идетъ только о досрочно-освобождаемыхъ каторжникахъ. Относительно этихъ послѣднихъ Коммисія нашла нужнымъ сдѣлать ту-же оговорку, которая сдѣлана въ ст. 22 относительно другихъ досрочно-освобождаемыхъ. Въ этомъ случаѣ Коммисія согласилась съ соображеніями В. Н. Палаузова, который указываетъ, что въ проектѣ Редакціонной Коммисіи для разныхъ по тяжести наказаній предложено двѣ различныя системы освобожденія: для болѣе тяжкихъ наказаній (каторга и др.) проектировано безусловное или вѣрнѣе безвозвратное осво-

божденіе отъ нѣкоторой части наказанія (ст. 21); для наказаній-же менѣе тяжкихъ (исправительный домъ свыше 3 лѣтъ) усвоена другая менѣе благопріятная для освобождаемыхъ система — заключенные освобождаются съ тѣмъ, что если до истеченія опредѣленнаго приговоромъ срока наказанія будутъ замѣчены въ нарушеніи установленныхъ для такихъ освобожденныхъ правилъ, возвращаются въ мѣста заключенія и время пребыванія на свободѣ не засчитывается имъ въ срокъ наказанія (ст. 22). И такъ, условія освобожденія, по своей выгодѣ для освобождаемаго, такъ сказать обратно пропорціональны тяжести наказанія, — явленіе, которое трудно считать нормальнымъ въ виду общаго требованія, чтобы послѣдствія наказанія были прямо соразмѣрны съ тяжестью его».

Во 2-й части 21 ст. говорится о досрочномъ освобожденіи находящихся въ поселеніи, причемъ проектъ разумѣетъ здѣсь и тѣхъ, кто приговоренъ къ поселенію, какъ самостоятельному наказанію (ссылка), и тѣхъ, которые поселены по отбытіи сроковъ въ каторгѣ и заточеніи. Выше было уже высказано мнѣніе Коммисіи, въ силу котораго она не признаетъ возможнымъ примѣнять къ ссыльнымъ институтъ досрочнаго освобожденія. Что же касается до поселенцевъ, отбывшихъ каторгу и заточеніе, то въ отношеніи ихъ нельзя оставить одинаковые сроки поселенія въ виду рѣзкаго различія въ характерѣ преступленій, караемыхъ каторгой и заточеніемъ. Поэтому, оставляя для отбывшихъ сроки каторги 10 лѣтъ поселенія, ранѣе истеченія которыхъ они не могутъ получить разрѣшенія оставить назначенное имъ мѣсто, Коммисія полагаетъ возможнымъ сократить этотъ срокъ для отбывшихъ заточеніе до 2-хъ лѣтъ. По мнѣнію Коммисіи, двухъ лѣтъ поселенія въ качествѣ полусвободнаго состоянія достаточно для провѣрки, если бы таковая понадобилась, насколько отбывшій срокъ заточенія можетъ быть возвращенъ въ общество безъ вреда для послѣдняго.

Въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры докладчикъ г. Кильштетъ, признавая постановленія ст. 21 вполнѣ справедливыми и полезными, указалъ, что, въ сравненіи съ дѣйствующимъ уставомъ о ссыльныхъ, проектъ представляетъ безусловное преимущество, такъ какъ онъ открываетъ возможность лучшимъ изъ ссыльныхъ вернуться на родину и возможность такого искупленія вины, поддерживая энергію ссыльныхъ, служа прекраснымъ средствомъ для ихъ нравственнаго возрожденія, не можетъ быть признана опасною для общества, такъ какъ вернуться изъ Сибири осужденный можетъ лишь послѣ многихъ лѣтъ заключенія и поселенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, докладчикъ полагалъ, что въ ст. 21 должно быть прямо ука-

зано, что распоряженія Главнаго Тюремнаго Управленія должны быть основаны на представленіяхъ мѣстной полицеской власти, какъ болѣе компетентной высказаться въ каждомъ данномъ случаѣ по вопросамъ о сокращеніи срока каторги и о возвращеніи поселенца изъ Сибири. Противъ возвращенія поселенцевъ изъ Сибири было замѣчено (г. Марковъ), что, по предположенію Коммисіи Государственнаго Совѣта о тюремномъ преобразованіи, каторга есть наказаніе, навсегда исключающее виновнаго изъ общества; что поселенцамъ можетъ быть присвоено право оставить обязательное мѣсто пребываніе, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы они селились въ предѣлахъ Сибири; что такое ограниченіе соотвѣтствуетъ намѣченной проектомъ цѣли, посредствомъ колонизаціи ссыльными малонаселенныхъ мѣстностей способствовать развитію въ нихъ ремеслъ и земледѣлія; что государство не можетъ принять на свой счетъ обратнаго препровожденія на родину ссыльныхъ, которые будутъ бродяжничать и совершать по пути новыя преступленія; что такіе возвращенные ссыльные будутъ на родинѣ бичемъ мѣстнаго населенія и тягостью для семьи, нравственная связь съ которою прерывается преступленіемъ и долголѣтнею ссылкою; наконецъ, что сами составители проекта повидимому полагаютъ, что за обществами будетъ сохранено право удалять навсегда изъ своей среды порочныхъ членовъ въ административномъ порядкѣ (объясн. зап., стр. 97). Въ подкрѣпленіе этихъ соображеній было добавлено (г. Васильевъ), что возвращеніемъ на родину по проекту воспользуются не престарѣлые, которые могутъ быть, если не полезными, то по крайней мѣрѣ безвредными членами общества, но весьма часто и лица зрѣлаго возраста. Такъ, преступникъ 21 года, осужденный на 5-ти-лѣтнюю каторгу, согласно проекту, можетъ быть отпущенъ изъ Сибири 35 лѣтъ. — Кромѣ того, было сдѣлано предложеніе (г. Домерщиковъ) объ оставленіи въ Сибири навсегда исключительно тѣхъ послѣдователей вредныхъ сектъ, для которыхъ проектомъ предположено установить ссылку на поселеніе, какъ самостоятельное наказаніе. — Остальные члены совѣщанія, соглашаясь съ докладчикомъ, находили, что разрѣшеніе поселенцамъ возвращенія на родину не представляетъ серьезной опасности, тѣмъ болѣе (г. Тимофеевскій), что такое разрѣшеніе не сдѣлано обязательнымъ, а дается по мысли проекта лишь лучшимъ изъ ссыльныхъ въ видѣ исключенія, и что съ другой стороны (г. Кильштетъ) сектанты-фанатики, возвращеніе которыхъ можетъ возбуждать опасенія, очевидно и будутъ оставляемы въ Сибири навсегда. По вопросу о томъ, какой власти должны быть предоставлены распоряженія объ освобожденіи осужденныхъ отъ каторги и поселенія, было предлагаемо въ виду нахожденія Главнаго Тюремнаго Управленія въ Петербургѣ и, во избѣжаніе проволочекъ, оставить это право за мѣстнымъ тюремнымъ начальствомъ

(г. Домерщиковъ), за ближайшимъ судомъ (г. Островскій), и за мѣстнымъ прокурорскимъ надзоромъ съ согласія Генералъ-Губернатора Восточной Сибири (г. Марковъ). Остальные члены совѣщанія высказались однако за сохраненіе порядка, указаннаго въ проектѣ, такъ какъ въ видахъ устраненія произвола и злоупотребленій, столь существенныя дѣйствія, какъ сокращеніе назначенныхъ по судебному приговору сроковъ каторги и прекращеніе поселенія не могутъ быть оставлены въ вѣдѣніи мѣстныхъ полицейскаго и тюремнаго начальства, а съ другой стороны распоряженіе ссыльными всецѣло относится къ вѣдѣнію Главнаго Тюремнаго Управленія, причемъ оговаривать въ общей части уложенія, что такія распоряженія должны основываться на донесеніяхъ мѣстныхъ начальствъ, по мнѣнію совѣщанія, излишне. Поддерживая свои предложенія, докладчикъ добавилъ, что только Главное Тюремное Управленіе можетъ установить единство по столь важному вопросу.

По возбужденному (г. Островскій) вопросу о томъ, не слѣдуетъ ли исключить ст. 21, такъ какъ содержаніе ея должно войти въ уставъ о ссыльныхъ и тюремныя инструкціи, подобно тому, какъ это существуетъ въ настоящее время,—совѣщаніе согласилось съ тѣми чинами (гг. Домерщиковъ и Кичинъ), которые возражали, что правила, указанныя въ ст. 21, касаются самаго существа наказаній и правъ осужденнаго, хотя и обставленныхъ въ своемъ осуществленіи извѣстными условіями,—а потому правила эти должны быть сохранены въ общей части уложенія.

По поводу замѣчанія (г. Бомъ) о томъ, что въ ст. 21 должно быть оговорено, что возвращенные въ Имперію ссыльные не имѣютъ права селиться въ столицахъ и другихъ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, совѣщаніе признало, что вопросъ этотъ подлежитъ разсмотрѣнію въ связи ст. 31 и 32 проекта.

Независимо сего совѣщаніе высказалось, что 2-я часть ст. 21 въ редакціонномъ отношеніи не вполнѣ ясна, такъ какъ, находясь въ непосредственной связи съ 1 ч., говорящей объ осужденныхъ на каторгу и заточеніе, допускаетъ несогласное съ мыслью составителей проекта толкованіе о томъ, что въ ней говорится лишь о поселеніи, какъ послѣдствіи каторги, въ противуположность безсрочному поселенію, указанному въ ст. 16-й.

По поводу 21 ст. проекта Сенаторъ А. К. Фриде указываетъ, что, согласно этой статьѣ, приговоренный въ *заточенію* на 6 лѣтъ, отсидѣвъ означенный въ приговорѣ срокъ, освобождается изъ содержанія и затѣмъ, какъ на основаніи означенной статьи, такъ и въ виду ст. 28 проекта, всту-

паетъ во всѣ прежнія житейскія отношенія. Приговоренный-же къ заключенію *на 6 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ*, по окончаніи срока заточенія, долженъ, по меньшей мѣрѣ, пребывать еще на поселеніи 10 лѣтъ сряду. Хотя этотъ срокъ заточенія (6 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ) можетъ быть для него сокращенъ, по усмотрѣнію тюремнаго начальства, при хорошемъ поведеніи арестанта, на 4 года и 45 дней, чего для приговоренныхъ къ заточенію на срокъ не свыше 6 лѣтъ *не установлено*, (?!), но чтобы *и 4 года и 45 дней* заточенія + 10 лѣтъ поселенія могли-бы быть *даже приблизительно* сравнены съ 6-ти-лѣтнимъ, *не подлежащимъ сокращенію* заточеніемъ—этого А. К. Фриде никакъ признать не можетъ, а между тѣмъ казалось-бы, что между заточеніемъ на 6 лѣтъ и заточеніемъ на 6 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ должна же быть менѣе значительная разница, чѣмъ между заточеніемъ на годъ или на два года и заточеніемъ на 6 лѣтъ. А такъ какъ такой градаціи въ одномъ и томъ-же, по номенклатурѣ, наказаніи не соблюдено, то оказывается, что заточеніе на срокъ до *6 лѣтъ* и на срокъ свыше 6 лѣтъ представляются совсѣмъ иными, *ничего общаго не имѣющими*, наказаніями; а коль скоро это такъ, то зачѣмъ же связывать ихъ однимъ и тѣмъ-же терминомъ, въ особенности новымъ и по самому существу крайне *неопредѣленнымъ*, допускающимъ полный произволъ администраціи, какъ относительно выбора мѣста заточенія, такъ и относительно способа содержанія въ ономъ арестантовъ.

По отношенію къ осужденнымъ, отбывшимъ заточеніе, было-бы, по мнѣнію Одесскаго Окружнаго Суда, справедливо установить болѣе краткіе сроки поселенія, по истеченіи которыхъ имъ могло-бы быть разрѣшаемо, за хорошее поведеніе, оставить обязательное для нихъ мѣстопребываніе. Такимъ минимумомъ можно было-бы назначить три года поселенія.

По ст. 21 досрочное освобожденіе отъ каторги и заточенія предоставлено Главному Тюремному Управленію. По этому поводу Прокуроръ Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалевъ замѣчаетъ, что проектъ возлагаетъ на Тюремное Управленіе слишкомъ много обязанностей, которыя оно едва-ли въ состояніи добросовѣстно исполнить: на него возлагается разрѣшеніе досрочнаго освобожденія отъ каторги, заточенія и изъ исправительнаго дома, а также и освобожденіе отъ поселенія. При такомъ сосредоточеніи власти Тюремное Управленіе будетъ завалено массою дѣлъ подобнаго рода и не будетъ имѣть возможности относиться съ должнымъ вниманіемъ къ каждому разрѣшаемому вопросу, тѣмъ болѣе, что оно не будетъ располагать достаточнымъ матеріаломъ для правильнаго заключенія. Г. Москалевъ полагаетъ,

что если уже признано возможнымъ пренебречь трудностью и медленностью сношеній съ отдаленными мѣстами, то было-бы удобнѣе предоставить разрѣшеніе всѣхъ означенныхъ вопросовъ суду, постановившему приговоръ: онъ можетъ справиться съ дѣломъ и такимъ образомъ будетъ имѣть въ виду не только отзывъ тюремнаго начальства о поведеніи заключеннаго во время отбытія наказанія, но и свѣдѣнія о прошлой его жизни и объ обстоятельствахъ совершеннаго имъ преступленія. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ судъ поставленъ въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ Тюремное Управленіе, да и вообще будетъ болѣе правильно и соотвѣтственно задачамъ судебной власти предоставить не администраціи, а суду разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, касающихся видоизмѣненія судебныхъ приговоровъ.

Чины Рыбинской прокуратуры замѣчаютъ, что ст. 21 допускается право Главнаго Тюремнаго Управленія смягчать или отмѣнять приговоръ суда, по отбытіи $^2/_3$ наказанія для лицъ, присужденныхъ къ заточенію на срокъ *свыше* шести лѣтъ, т. е. за преступленія болѣе тяжкія, но о правѣ этомъ не говорится относительно лицъ, присужденныхъ къ заточенію на меньшіе сроки, слѣдовательно за менѣе тяжкія преступленія. Такимъ образомъ окажется, что присужденный къ заточенію на пять лѣтъ и шесть мѣсяцевъ отбудетъ полностью назначенное ему наказаніе, не смотря на отличное поведеніе въ мѣстѣ заключенія, а присужденный на шесть лѣтъ и шесть мѣсяцевъ, по отбытіи четырехъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ, можетъ быть освобожденъ, съ отправленіемъ въ мѣсто, назначенное ему для жительства. Едва-ли такое правило можетъ быть допущено въ видахъ справедливости.

По поводу ст. 21 проекта чины прокурорскаго надзора Смоленскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что безусловное досрочное освобожденіе лицъ, присужденныхъ къ заточенію, но признанныхъ исправившимися по отбытіи двухъ третей наказанія, является мѣрою вполнѣ цѣлесообразною и согласною съ характеромъ тѣхъ дѣяній, которыя облагаются заточеніемъ. Если по отношенію къ лицамъ, обвиняемымъ въ какихъ-либо позорящихъ преступленіяхъ, нельзя предполагать скораго исправленія, то совсѣмъ другимъ представляется дѣло по отношенію къ лицамъ, впавшимъ въ преступленіе вслѣдствіе стеченія какихъ-либо несчастныхъ обстоятельствъ, или дѣйствовавшихъ подъ вліяніемъ минутныхъ порывовъ. Раскаяніе у такихъ лицъ весьма часто является почти вслѣдъ за совершеніемъ преступленія. При наличности же исправленія, нѣтъ никакой необходимости настаивать на отбытіи преступникомъ всего срока наказанія.

На основаніи изложенныхъ соображеній, чины Смоленской прокуратуры, за исключеніемъ одного, признавали-бы необходимымъ поселеніе, какъ послѣдствіе досрочнаго освобожденія лицъ, присужденныхъ къ заточенію, совершенно отмѣнить.

По мнѣнію Членовъ Казанской Судебной Палаты *Галкина-Враскаго*, *Глобо-Михаленко* и *Кобеко*, слѣдовало-бы разрѣшить сокращеніе срока заключенія также для приговоренныхъ къ заточенію на время отъ 3 до 6 лѣтъ.

По поводу ст. 21 частный повѣренный при Бакинскомъ Окружномъ Судѣ фонъ-Велькъ считаетъ необходимымъ разъяснить, могутъ-ли поселенцы возвратиться на родину и съ чьего разрѣшенія?

См. выше замѣчаніе чиновъ Орловскаго Окружнаго Суда, приведенное подъ ст. 16.

Статья 22.

Касательно условнаго досрочнаго освобожденія, указаннаго въ ст. 22, профессоръ Вальбергъ замѣчаетъ, что оно, ограничиваясь однимъ лишь исправительнымъ домомъ, получаетъ, вслѣдствіе сего, исключительно характеръ односторонней милости, въ видѣ испытанія, между тѣмъ, какъ институтъ условнаго освобожденія и уменьшенія сроковъ наказанія, будучи, главнымъ образомъ, существеннымъ элементомъ исполненія наказанія, соотвѣтствующаго современному состоянію науки права, и дѣйствительнымъ рычагомъ тюремной дисциплины, требуетъ широкаго, хотя и осторожнаго примѣненія.

Г. Вальбергъ не находитъ въ статьѣ 22 того требованія, чтобы освобожденіе происходило «по просьбѣ заключеннаго», и, сверхъ того, онъ полагаетъ, что въ законѣ объ исполненіи наказаній должно быть дано опредѣленіе понятія «хорошаго поведенія», могущее служить болѣе близкимъ критеріемъ для примѣненія условнаго освобожденія.

Согласіе заключеннаго на его условное досрочное освобожденіе вовсе не представляетъ собою «излишней декораціи на сценѣ современнаго исполненія наказанія», потому что опасность быть возвращеннымъ въ мѣсто

заключенія лежитъ на условно-освобожденномъ до послѣдняго дня послѣдней трети назначеннаго ему срока наказанія, а при такой опасности онъ можетъ требовать, чтобы имъ не распоряжались безъ его согласія. Вѣдь какъ легко можетъ случиться, что какая-нибудь грубая или чрезмѣрно-ревностная начальственная особа увидитъ нарушеніе ticket of leave въ его просто необдуманномъ поступкѣ, который не можетъ оправдать возвращенія освобожденнаго въ мѣсто заключенія, со всѣми послѣдствіями этого возвращенія. Если, напр., освобожденный, въ послѣдній день своего испытанія, съ радости о наступившемъ, наконецъ, желанномъ концѣ срока его наказанія, напьется и въ опьянѣніи преступитъ предѣлы дозволеннаго ему? Время пребыванія на свободѣ не засчитывается ему въ срокъ наказанія, и хотя-бы онъ, будучи исправившимся, досталъ себѣ въ это время мѣсто для работы . . . напрасно! . . . онъ долженъ обратно возвратиться въ мѣсто заключенія и отбыть тамъ весь остающійся срокъ своего наказанія.—Сверхъ того, заключенный, выпущенный на свободу безъ его на то согласія, можетъ, и притомъ вполнѣ основательно, опасаться и того, что онъ не найдетъ необходимаго заработка и поддержки.

Въ статьѣ 22-й слѣдовало-бы постановить законнымъ условіемъ досрочнаго освобожденія представленіе доказательствъ того, что подлежащій освобожденію заключенный будетъ имѣть достаточно обезпеченныя средства къ существованію, такъ какъ было-бы непростительно подвергать лишеннаго средствъ къ существованію освобожденнаго бѣдствіямъ, происходящимъ отъ отсутствія заработка, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, искушенію впасть въ рецидиву. Горячее желаніе того, чтобы ни одно управленіе мѣстами заключенія не вносило предложеній объ условномъ освобожденіи заключенныхъ безъ представленія означенныхъ доказательствъ, не услышано, по крайней мѣрѣ, практикою ticket'a of leave, а между тѣмъ, при легкомысленномъ освобожденіи большаго числа заключенныхъ, высшій размѣръ получаемыхъ отъ того сбереженій парализуется тѣмъ вредомъ, который представляютъ для общественной безопасности лица, освобожденныя изъ мѣстъ заключенія, не будучи исправленными и безъ представленія доказательствъ о наличности средствъ къ существованію.

Къ рецидивистамъ (Wiederholtrückfällige) или преступникамъ по привычкѣ къ преступной дѣятельности досрочное освобожденіе, даже при такъ называемомъ хорошемъ поведеніи ихъ во время отбытія наказанія, не должно быть примѣняемо. Рецидивисты, эти главные гости мѣстъ заключенія, выказываютъ такъ называемое хорошее поведеніе часто изъ лукавыхъ разсчетовъ, между тѣмъ какъ нерѣдко самые лучшіе заключенные, впавшіе въ преступленіе въ первый разъ или по несчастному

случаю (Erstlings=oder Gelegenheitsverbrecher) легко грѣшатъ противъ домашняго порядка въ мѣстахъ заключенія и чрезъ то могутъ быть лишены преміи досрочнаго освобожденія. Не всякій, чье имя не внесено въ штрафную книгу, долженъ быть, вслѣдствіе этого, признаваемъ исправившимся заключеннымъ, хотя-бы формально его хорошее поведеніе не было ничѣмъ запятнано.

Изъ сказаннаго можно заключить, что эта новая мѣра уменьшенія срока наказанія должна быть самымъ тщательнымъ образомъ опредѣлена и закономъ, и административными распоряженіями; она должна доставлять освобожденному, за его неподлежащее наказанію поведеніе (unsträfliches Verhalten) на свободѣ, удовлетворительное положеніе въ обществѣ. Конечно, способные директора мѣстъ заключенія и надзиратели нападутъ на правильный способъ примѣненія этой мѣры, но всегда-ли тюремная администрація и надзирающая за порядкомъ полиція представляютъ достаточныя основанія для того, чтобы приписывать имъ означенное качество? А между тѣмъ, для общества одинаково важно какъ то, чтобы органы исполненія наказанія были въ силахъ справиться съ своею задачею, требующею въ одно и то же время и строгости, и гуманности, такъ и то, чтобы освобожденный изъ мѣста заключенія нашелъ, въ критическій моментъ по освобожденіи, работу и вознагражденіе, дабы не впасть вновь въ преступленіе.

Неправильность мнѣнія доктринерныхъ консерваторовъ о томъ, что будто-бы институтъ условнаго освобожденія захватываетъ принадлежащее Монарху право помилованія, настолько сама по себѣ понятна, что это мнѣніе заслуживаетъ лишь насмѣшки; съ либерализмомъ этотъ институтъ не имѣетъ ничего общаго. Онъ не умаляетъ также и значенія тюремнаго управленія, такъ какъ законнымъ условіемъ условнаго досрочнаго освобожденія является удостовѣреніе въ томъ, что освобождаемый исправился и что онъ имѣетъ обепеченное пристанище. Но въ виду того, что этотъ институтъ долженъ служить какъ-бы принятою предпочтительно передъ другими переходною ступенью, которая является средствомъ для перехода изъ состоянія неволи черезъ промежуточное состояніе ограниченной свободы,— слѣдовало-бы установить приготовительную, переходную стадію въ самомъ мѣстѣ заключенія, и на этой стадіи предоставить подлежащимъ освобожденію заключеннымъ большія льготы, съ цѣлью испытать ихъ свободную дѣятельность. Такъ какъ по проекту условное освобожденіе примѣняется лишь по отношенію къ содержащимся въ исправительныхъ домахъ, въ коихъ, согласно ст. 17, принята смѣшанная система заключенія, то вышеуказанному техническому требованію тюрьмовѣдѣнія можно было-бы удовлетворить содержаніемъ лучшихъ, заслужившихъ довѣрія заключенныхъ въ общемъ

заключеніи, съ цѣлью ихъ испытанія, причемъ имъ должна быть предоставлена нѣкоторая свобода въ употребленіи получаемыхъ ими доходовъ отъ работъ и въ занятіяхъ.

Соглашаясь съ тѣмъ, что сроки лишенія свободы, вслѣдствіе хорошаго поведенія приговоренныхъ, подлежатъ сокращенію, профессоръ Гуго Мейеръ не можетъ высказаться за установленіе одного лишь условнаго рода освобожденія и за освобожденіе приговоренныхъ отъ трети наказанія. Слѣдовало-бы освобождать ихъ приблизительно отъ четверти наказанія.

Профессоръ Миклашевскій находитъ неподлежащимъ сомнѣнію, что къ существеннымъ условіямъ надлежащей пенитенціарной системы принадлежитъ *условное освобожденіе*, какъ самое *сильное* побужденіе вести себя безпорочно въ тюрьмѣ, и лучшая гарантія *для* общественной безопасности въ томъ, что выпускаемые изъ тюрьмы, въ дѣйствительности, могутъ быть безопасно принимаемы въ общественную среду. Изъ объяснительной записки (стр. 73) видно, что редакторы проекта вполнѣ сознавали значеніе условнаго освобожденія, и потому не понятно, отчего срокъ заключенія можетъ быть сокращаемъ только приговореннымъ къ исправительному дому на срокъ свыше трехъ лѣтъ.

Нельзя отрицать, что между лишаемыми свободы есть не мало личностей, не испорченныхъ нравственно и не требующихъ особыхъ мѣръ исправленія. Они содержатся въ тюрьмѣ для отбытія наказанія, но возвратъ ихъ въ общественную среду не представляетъ ни для нихъ, ни для общества никакой опасности. Разузнать такихъ лицъ при надлежащемъ наблюденіи можетъ только тюремная администрація, суду-же очень рѣдко удается имѣть въ виду это обстоятельство при рѣшеніи дѣла, и вслѣдствіи того сообразно опредѣлить мѣру наказанія. Кромѣ того срокъ для исправленія нуждающихся въ ономъ не можетъ быть однообразенъ и видоизмѣняется до безконечности. Несомнѣнно только то, что для надлежащаго разузнанія личности арестанта и правильной оцѣнки его характера и нравственности, для самой даже лучшей тюремной администраціи необходимо болѣе продолжительное время. Въ виду этого г. Миклашевскій полагалъ-бы, что основаніемъ, по которому можно рѣшить вопросъ о крайнемъ срокѣ, съ котораго можетъ начаться примѣненіе условнаго освобожденія, должно служить соображеніе, въ какой срокъ администрація тюрьмы можетъ надлежаще ознакомиться съ личностью арестанта. Г. Миклашевскій считаетъ, что одинъ годъ является совершенно удовлетворительнымъ для этой цѣли временемъ, имѣя всегда

въ виду, что есть субъекты, которыхъ надлежаще извѣстными до селѣ средствами вовсе нельзя разузнать. И потому въ ст. 22 выраженіе: «*на срокъ свыше трехъ лѣтъ*»—слѣдовало-бы замѣнить словами: «*на срокъ свыше полутора года*».

Въ виду новизны вводимаго учрежденія, желательно было-бы, до провѣрки результатовъ опыта, обставить осуществленіе его требованіемъ строго мотивированныхъ ходатайствъ тюремнаго начальства объ условномъ освобожденіи и разборчивостью и особеннымъ вниманіемъ Главнаго Тюремнаго Комитета при разсмотрѣніи и опредѣленіи о такихъ ходатайствахъ.

Г. Элленбогенъ по поводу ст. 22 проекта замѣчаетъ, что статья эта вводитъ новое начало досрочнаго освобожденія приговоренныхъ къ исправительному дому преступниковъ, причемъ во второй части этой статьи указывается, что если освобожденные до истеченія опредѣленнаго приговоромъ срока наказанія будутъ замѣчены въ нарушеніи особыхъ установленныхъ для нихъ правилъ, то они возвращаются въ мѣста заключенія и время пребыванія на свободѣ не засчитывается имъ въ срокъ наказанія. Соглашаясь вполнѣ съ гуманнымъ началомъ, вводимымъ редакторами проекта, о возможности досрочнаго освобожденія арестантовъ, онъ не можетъ признать правильною и цѣлесообразною вторую часть разбираемой статьи проекта. По его мнѣнію, одно изъ двухъ: или арестантъ исправился, или нѣтъ; если арестантъ еще невполнѣ исправился, то не слѣдуетъ его освобождать до истеченія срока назначеннаго ему по суду наказанія; если же тюремная администрація находитъ, что арестантъ настолько хорошаго поведенія, что признается возможнымъ освобожденіе его до срока, то нѣтъ никакого основанія создавать для исправившагося преступника особое положеніе и ставить его въ полную зависимость отъ администраціи, такъ какъ за всякое новое преступленіе, которое могъ-бы совершить освобожденный до срока преступникъ, онъ подлежитъ суду наравнѣ со всѣми прочими свободными гражданами. Къ тому же въ проектѣ не указано вовсе, какой власти предоставлено будетъ право разрѣшенія вопроса о нарушеніи освобождаемыми арестантами установленныхъ для нихъ правилъ; если подобное право будетъ предоставлено администраціи, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей будетъ полный произволъ низшихъ полицейскихъ должностныхъ лицъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что высшая полицейская власть не имѣетъ никакой физической возможности знать о поведеніи освобождаемыхъ арестантовъ, принадлежащихъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, къ самому низшему слою общества; такимъ образомъ, аттестація въ поведеніи

освобождаемыхъ арестантовъ будетъ вполнѣ зависѣть отъ урядниковъ и околоточныхъ надзирателей; между тѣмъ всѣмъ извѣстны нравственныя качества этихъ низшихъ полицейскихъ должностныхъ лицъ. Освобожденный до срока арестантъ, поставленный въ полную зависимость отъ урядника, для достиженія хоть сколько-нибудь сноснаго положенія, долженъ сдѣлаться рабомъ этого урядника, а такія отношенія, въ которыя ставитъ законодатель двухъ лицъ, неминуемо должны дѣйствовать самымъ развращающимъ образомъ на обѣ стороны. Законодатель долженъ стремиться не къ созданію такихъ щекотливыхъ положеній, а напротивъ, къ устраненію ихъ и къ поставленію всѣхъ свободныхъ гражданъ въ зависимость отъ равнаго для всѣхъ и нелицепріятнаго суда. Такимъ образомъ, если будетъ сохранена вторая часть 22 ст. проекта, то арестантъ, заслужившій хорошимъ поведеніемъ освобожденіе до срока изъ мѣста заключенія, но не съумѣвшій послѣ освобожденія поладить съ урядникомъ, очутится въ гораздо худшемъ положеніи, нежели арестантъ дурнаго поведенія, такъ какъ можетъ случиться, что вслѣдствіе происковъ низшихъ полицейскихъ должностныхъ лицъ, первый долѣе будетъ находиться въ положеніи лица, отбывающаго наказаніе, нежели второй.

Въ мотивахъ къ разсматриваемой статьѣ проекта редакторы не приводятъ соображеній, на основаніи которыхъ они пришли къ установленію въ новомъ законѣ правила о возможности прекращенія досрочнаго освобожденія, а ссылаются лишь на примѣры иностранныхъ государствъ; но приводимые редакторами примѣры не могутъ служить основаніемъ для примѣненія этого начала и у насъ, въ Россіи, такъ какъ положеніе полиціи за-границей имѣетъ мало общаго съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находятся русская полиція и администрація.

По поводу ст. 22 г. Лихтенштадтъ замѣчаетъ, что онъ не видитъ причины, почему условное освобожденіе не допущено для приговоренныхъ къ тюрьмѣ, напр., на срокъ свыше полугода?

По замѣчанію Вѣстника Европы (1882 г., № 12), досрочное условное освобожденіе установляется проектомъ только для приговоренныхъ къ исправительному дому на срокъ свыше трехъ лѣтъ. Трудно понять, почему это правило не распространено на заточенныхъ; предъидущая статья проекта даетъ заточеннымъ на срокъ болѣе шести лѣтъ льготу другого рода—досрочный переводъ на поселеніе,—но заточеннымъ на срокъ менѣе шести лѣтъ никакой льготы не предоставлено. Всего правильнѣе было-бы, кажется, уста-

новить досрочное условное освобожденіе, по примѣру Германіи, для всѣхъ присужденныхъ къ заточенію или къ исправительному дому, послѣ отбытія ими двухъ третей наказанія,—если они провели, притомъ, въ заключеніи не менѣе одного года.

По поводу 22 ст. *П. А. Александровъ*, въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, замѣтилъ, что при ея нынѣшней редакціи слабѣйшее наказаніе можетъ оказаться болѣе суровымъ, чѣмъ сильнѣйшее. Если лицо приговорено на два года и десять мѣсяцевъ, то оно уже лишается возможности воспользоваться льготою досрочнаго освобожденія за хорошее поведеніе, поэтому вполнѣ казалось-бы возможнымъ измѣнить эту статью въ томъ смыслѣ, что лица, приговоренныя къ исправительному дому на срокъ свыше двухъ лѣтъ, по отбытіи въ этомъ заключеніи двухъ лѣтъ, могутъ равнымъ образомъ воспользоваться льготою сокращенія для нихъ остатка наказанія.

М. В. Красовскій, присоединяясь къ мнѣнію П. А. Александрова о томъ, что примѣненіе льготы досрочнаго освобожденія должно имѣть мѣсто и по отношенію къ лицамъ, присужденнымъ на сроки не менѣе двухъ лѣтъ, предложилъ, съ своей стороны, измѣнить редакцію 22 ст. въ томъ смыслѣ, что лицо, отбывшее два года заключенія въ исправительномъ домѣ, можетъ быть освобождаемо отъ половины остающагося, сверхъ того, срока заключенія, что соотвѣтствовало-бы вполнѣ разсчету, принятому Коммисіею.

По произведенному голосованію, предложеніе о досрочномъ освобожденіи лицъ, присуждаемыхъ на срокъ свыше двухъ лѣтъ, было принято.

По поводу постановленія 22 ст. объ условномъ досрочномъ освобожденіи Главный Военно-Морской Прокуроръ, вполнѣ сочувствуя намѣренію редакторовъ проекта въ принципѣ, высказываетъ слѣдующія общія замѣчанія по содержанію предположеннаго правила и его мотивовъ, руководствуясь при этомъ единственною цѣлью указать, какимъ образомъ могло-бы, по его мнѣнію, быть осуществлено у насъ съ успѣхомъ и пользою для дѣла установленіе, которое во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

Вводя въ законъ совершенно новое у насъ начало условнаго освобожденія заключенныхъ, надлежало, казалось-бы, представить всѣ свѣдѣнія и данныя, необходимыя для правильнаго сужденія объ истинномъ значеніи и

цѣли вводимаго учрежденія и въ особенности о результатахъ его дѣйствія въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно возникло и развилось и откуда заимствуется. Въ данномъ случаѣ это необходимо было тѣмъ болѣе, что институтъ условнаго досрочнаго освобожденія, надъ которымъ на Западѣ трудились не только спеціалисты и ученые, но и государственные люди, и для всесторонняго изслѣдованія коего назначались правительственныя коммисіи и отряжались члены ученыхъ обществъ, имѣетъ разныя системы и направленія, выражающіяся въ различныхъ способахъ его организаціи, и потому ближайшее изученіе и сравненіе достоинства каждой изъ этихъ системъ и достигнутыхъ ими результатовъ, въ смыслѣ наилучшаго обезпеченія и огражденія какъ личныхъ пользъ освобождаемыхъ, при возвращеніи ихъ въ общество, такъ и безопасности общества, въ которое они условно возвращаются прежде отбытія опредѣленнаго судомъ наказанія, живо интересуетъ тамъ не только учрежденія и лица, управляющія тюремною частью, но и всякаго просвѣщеннаго человѣка. Напротивъ, у насъ, гдѣ тюрьмовѣдѣніемъ занимались весьма немногіе, институтъ условнаго освобожденія заключенныхъ, въ подробности, мало знаномъ даже юристамъ. Все это давало право надѣяться, что редакторы проекта изложатъ соображенія свои и мотивы къ предлагаемому ими новому постановленію съ достаточною полнотою и обстоятельностью. Къ сожалѣнію, объяснительная записка содержитъ въ себѣ на этотъ счетъ весьма лаконическія объясненія, вслѣдствіе чего, по мнѣнію Статсъ-Секретаря Яневича-Яневскаго, довольно трудно разрѣшить тѣ вопросы и сомнѣнія, которые вызываются проектированнымъ правиломъ.

Есть двѣ системы условнаго досрочнаго освобожденія: собственно англійская и ирландская. Послѣдняя отличается отъ первой преимущественно тѣмъ, что по ней осужденный, который удостоился досрочнаго увольненія, получаетъ это увольненіе не прямо по отбытіи безпорочно извѣстнаго времени, сначала въ одиночномъ, а потомъ въ общемъ заключеніи, но по предварительномъ испытаніи его въ такъ называемыхъ *промежуточныхъ* или *переходныхъ* заведеніяхъ (intermediate prisons), разсчитанныхъ, главнымъ образомъ, на поддержку въ немъ энергіи къ повороту на путь труда и честности, и устроенныхъ такъ, что заключенный, который въ тюрьмѣ отвыкъ отъ самостоятельной, дѣйствительной жизни, мало по малу, снова освоивается съ ея опытами и искушеніями, постепенно, при посредствѣ агентовъ тюремной власти, сближается съ свободнымъ классомъ людей, получая возможность доказать имъ свое исправленіе, посылается подчасъ и на вольную работу, исполняетъ одинъ, внѣ заведенія, разныя порученія, требующія довѣренности, словомъ, пользуется все большею степенью внѣшней свободы, по мѣрѣ усиленія въ немъ чувства нравственной отвѣтствен-

ности. Эта система, связанная съ зоркимъ, хотя и полнымъ участія, контролемъ поведенія условно-освобожденныхъ во все время ихъ штрафованнаго положенія и разрѣшившая трудную задачу такого способа уголовной репрессіи, при которомъ наибольшее развитіе нравственныхъ силъ исправляющагося преступника соединяется съ наименьшею долею шансовъ на то, что онъ, очутясь на волѣ, впадаетъ въ новое преступленіе, достигло въ Ирландіи блестящихъ результатовъ, почему и прежніе, и современные изслѣдователи тюремнаго вопроса (Миттермайеръ, фонъ-деръ-Брюссенъ, Гольцендорфъ) указываютъ на нее, какъ на единственную, заслуживающую подражанія. Напротивъ, англійская система досрочнаго увольненія заключенныхъ, безъ предварительной подготовки и испытанія ихъ въ переходныхъ учрежденіяхъ и бдительнаго надзора за ними по освобожденіи, встрѣтила рѣшительныхъ порицателей и противниковъ въ печати и обществѣ, не только на континентѣ Европы, но и въ самой Англіи, и неоднократно тревожила англійское общество и правительство, вслѣдствіе множества уличныхъ разбоевъ и другихъ важныхъ безпорядковъ, которые совершались освобожденными по билетамъ преступниками (ticket-of-leave men), какъ напр., въ 1862 г., въ Лондонѣ.

Почему-же, спрашивается, этой именно системѣ дано составителями проекта предпочтеніе предъ ирландскою системою, которая усвоена новымъ венгерскимъ уголовнымъ уложеніемъ? Недоумѣніе это не находитъ себѣ разрѣшенія въ объяснительной запискѣ. Правда, англійскій порядокъ принятъ кодексами германскимъ, голландскимъ и проектомъ новаго итальянскаго уложенія; но послѣдній еще не вышелъ изъ области проекта, голландскій кодексъ не примѣнялся на дѣлѣ, относительно-же степени успѣшности примѣненія германскаго уложенія въ отношеніи способа условнаго освобожденія въ объяснительной запискѣ не приведено никакихъ данныхъ, которыя позволяли-бы судить какъ о достоинствѣ этого способа, само по себѣ, такъ и по сравненію его съ ирландскимъ способомъ, практикуемымъ въ Венгріи. Между тѣмъ въ дѣлѣ, подобномъ настоящему, практическія, на опытѣ основанныя наблюденія и сравнительные выводы имѣютъ особенныя значенія и важность для законодателя. Если Коммисія не сомнѣвалась въ возможности осуществить у насъ теперь-же начало условнаго досрочнаго освобожденія заключенныхъ, то для этого слѣдовало бы, какъ полагаетъ г. Яневичъ-Яневскій, избрать тотъ способъ примѣненія означеннаго начала, который, хотя и болѣе сложенъ, но за то представляетъ надежную гарантію для нравственныхъ интересовъ исправляющагося преступника и для спокойствія общества. Таково главное недоумѣніе, возбуждаемое постановленіемъ проекта объ условномъ досрочномъ освобожденіи.—Есть, однако, и другіе во-

просы, на которые наводитъ содержаніе этого постановленія. Почему, напримѣръ, проектируется досрочное освобожденіе заключенныхъ по отбытіи ими $^2/_3$ наказанія, тогда какъ во всѣхъ упомянутыхъ кодексахъ требуется для этого $^3/_4$ назначеннаго по суду срока? Почему, далѣе, устранено принятое также во всѣхъ этихъ кодексахъ и не лишенное основанія правило, по которому досрочное освобожденіе обусловливается не только представленіемъ тюремнаго начальства, но и согласіемъ на то или просьбою самаго заключеннаго? Почему изъ права на полученіе условнаго освобожденія не исключены, по примѣру венгерскаго уложенія, рецидивисты кражи, мошенничества, вымогательства, грабежа, поджога и другихъ наиболѣе частыхъ и опасныхъ для общества преступленій? На всѣ эти вопросы также не отвѣчаетъ объяснительная записка, тогда какъ, при редакціи всякаго, а тѣмъ болѣе новаго закона, все должно быть выяснено и мотивировано надлежащимъ образомъ.

Вообще правильная и прочная постановка въ законодательствѣ и успѣшное примѣненіе на дѣлѣ института досрочнаго освобожденія заключенныхъ—не такая простая и легкая вещь, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда, даже для государствъ, поставленныхъ въ болѣе благопріятныя для этого условія; въ Россіи-же, при ея пространствѣ, рѣдкости населенія, недостаточности полиціи въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ, сильномъ развитіи праздности, нищенства, бродяжества и проч., не говоря о неустройствѣ тюремъ,—успѣшное на практикѣ разрѣшеніе этой задачи сопряжено съ великими трудностями. Выраженное въ объяснительной запискѣ (стр. 72) мнѣніе, что, съ изданіемъ новаго германскаго кодекса, означенное учрежденіе окончательно получило на континентѣ Европы право гражданства, должно быть, по мнѣнію Главнаго Военно-Морскаго Прокурора, признано, по меньшей мѣрѣ, поспѣшнымъ; изъ всѣхъ государствъ, входящихъ въ составъ германскаго союза, только въ Саксоніи привилось оно съ успѣхомъ, благодаря личной заботливости объ этомъ покойнаго короля Іоанна и такой организаціи индивидуальнаго полицейскаго надзора за каждымъ изъ условно-освобожденныхъ преступниковъ, смотря по его характеру и степени внушаемаго имъ довѣрія, какой въ болѣе обширныхъ странахъ достигнуть весьма трудно. Затѣмъ, ни собственно въ Австріи, ни въ Бельгіи, ни въ Швейцаріи, система условнаго освобожденія не усвоена законодательствомъ. Франція, которой Беранже еще въ 1855 г. рекомендовалъ ввести эту систему, изучавшуюся имъ въ Англіи, по порученію Французской Академіи, до сихъ поръ не послѣдовала этому совѣту и, кажется, совсѣмъ отказалась отъ этой мысли, судя по внесенному въ палату депутатовъ законопроекту о высылкѣ рецидивистовъ и преступниковъ по ремеслу въ колоніи. Въ самой Англіи

правительство не разъ задумывалось надъ цѣлесообразностью сложившагося тамъ способа условнаго освобожденія заключенныхъ, безнаказанно злоупотреблявшихъ увольнительными билетами, и назначало коммиссіи для его пересмотра и измѣненія въ смыслѣ, болѣе ограждающемъ спокойствіе и безопасность общества; система-же ирландскихъ переходныхъ учрежденій освящена была закономъ тогда только, когда сдѣланный надъ нею, по предложенію и подъ личнымъ наблюденіемъ бывшаго директора тюремъ въ Ирландіи, Крофтона, опытъ оказался на практикѣ успѣшнымъ и отвѣчающимъ своей цѣли.

Намъ тѣмъ болѣе надлежитъ поступать въ этомъ дѣлѣ съ должною осмотрительностью и постепенностью. Хотя самъ проектъ допускаетъ условное освобожденіе только при заключеніи въ исправительномъ домѣ на срокъ не менѣе 3-хъ лѣтъ, но, не касаясь того, что мы не имѣемъ пока ни одного исправительнаго дома проектированной системы, которой условное освобожденіе могло-бы служить увѣнчаніемъ, нельзя не замѣтить, что, по проекту, исправительный домъ является такимъ именно наказаніемъ, къ которому будетъ приговариваемо наибольшее число преступниковъ и притомъ наихудшаго сорта. Поэтому Статсъ-Секретарь Яневичъ-Яневскій думаетъ, что прежде, чѣмъ включать въ новое уложеніе очевидно невыполнимое нынѣ правило объ условномъ досрочномъ освобожденіи, надлежало-бы представить предварительно всестороннюю разработку этого предположенія Главному Тюремному Управленію съ тѣмъ, чтобы, по сравнительномъ изученіи и изслѣдованіи разныхъ системъ означеннаго учрежденія, чрезъ компетентныхъ лицъ, за границею, Управленіе вошло въ подробное разсмотрѣніе собранныхъ такимъ образомъ свѣдѣній и матеріаловъ и направило на дальнѣйшій ходъ соображенія свои и заключеніе о томъ, на какихъ основаніяхъ и какимъ порядкомъ, по состоянію нашей тюремной части, могло бы быть введено начало условнаго досрочнаго освобожденія въ наши уголовные законы.

По приведеннымъ соображеніямъ Статсъ-Секретарь Яневичъ-Яневскій полагалъ-бы ст. 22 вовсе изъ проекта исключить. Принимая, однако, во вниманіе, что нѣкоторое уменьшеніе срока наказанія, въ награду за хорошее поведеніе заключенныхъ, есть несомнѣнно полезная мѣра поощренія арестантовъ и немаловажное средство къ поддержанію между ними дисциплины и порядка, и что начало это, примѣняемое въ теченіи 19 лѣтъ съ успѣхомъ въ военно-исправительной тюрьмѣ морскаго вѣдомства въ С.-Петербургѣ (полож. ст. 117), введено также и въ Высочайше утвержденное, 11 Апрѣля 1883 г., Положеніе о плавучей тюрьмѣ сего вѣдомства въ Севастополѣ, Статсъ-Секретарь Яневичъ-Яневскій находитъ, что полезно было-бы ввести подобное правило и въ новое уложеніе, примѣнивъ его къ содержанію

не только въ исправительномъ домѣ, но и въ тюрьмѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда заключеніе въ ней назначается на болѣе продолжительные сроки. По сему и руководствуясь означенными положеніями, Главный Военно-Морской Прокуроръ полагалъ-бы, вмѣсто 22 ст. проекта, постановить слѣдующее:

Приговореннымъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ на всѣ сроки а равно приговореннымъ къ заключенію въ тюрьмѣ на срокъ не менѣе двухъ мѣсяцевъ, если они въ продолженіи заключенія не подверглись никакому взысканію, можетъ быть, по представленію начальства исправительнаго дома или тюрьмы, по принадлежности, утвержденному Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ, сокращенъ опредѣленный приговоромъ срокъ наказанія: первымъ на $^1/_7$, а послѣднимъ на $^1/_6$ часть этого срока.

По мнѣнію Прокурора Люблинскаго Окружнаго Суда Поллана, право, представляемое ст. 22 управленію исправительнымъ домомъ, представлять арестантовъ за хорошее поведеніе къ освобожденію изъ заключенія нарушаетъ прежде всего авторитетность судебнаго приговора и, наконецъ, поведетъ къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ. Почему освобождать ранѣе срока за хорошее поведеніе? Не составляетъ-ли это хорошее поведеніе непремѣнное условіе содержанія арестантовъ. Цѣль наказанія между прочимъ ограждать общество отъ лицъ, доказавшихъ уже на дѣлѣ, что они имѣютъ склонность нарушать тѣмъ или другимъ способомъ общественный порядокъ. Почему-же лицемѣрное хорошее поведеніе въ тюрьмѣ какого-нибудь Струсберга, Овсянникова, или Мельницкаго, удостовѣренное смотрителемъ тюрьмы, будетъ служить ручательствомъ, что эти лица на свободѣ не прибѣгнутъ къ тому-же «хищенію» для достиженія преступныхъ своихъ цѣлей?

Система условнаго освобожденія, можетъ быть, и составляетъ необходимый элементъ англійской тюремной системы, но у насъ въ Россіи такая система не возможна, въ особенности при теперешней организаціи тюремнаго управленія. Допуская мысль, что оклады жалованья смотрителей тюремныхъ мѣстъ будутъ увеличены, что будетъ установленъ извѣстный образовательный цензъ при опредѣленіи въ должность тюремныхъ смотрителей, г. Полланъ, однакоже, считаетъ, что въ ихъ рукахъ будетъ находиться слишкомъ широкое право измѣнять судебный приговоръ и что участіе Главнаго Тюремнаго Управленія сведется только къ канцелярской формальности.

Прокуроръ Полтавскаго Окружнаго Суда Люце находитъ не вполнѣ основательнымъ установленное 22 ст. ограниченіе досрочнаго освобожденія

тѣми случаями, когда содержащіеся въ исправительномъ домѣ присуждены къ заключенію на срокъ свыше 3-хъ лѣтъ. При такомъ постановленіи окажется, что осужденный на 3 ½ года можетъ быть освобожденъ изъ заключенія чрезъ два года и четыре мѣсяца, а менѣе виновный, и осужденный только на три года, долженъ непремѣнно отбыть въ заключеніи всѣ три года.

Ежели не представляется основанія говорить о досрочномъ освобожденіи изъ подъ ареста, который, вообще, назначается на непродолжительные сроки, и кромѣ того, представляется только простымъ лишеніемъ свободы, безъ всякаго другаго карательнаго или исправительнаго воздѣйствія на осужденнаго, то при всѣхъ остальныхъ видахъ заключеній, сопровождаемыхъ безусловнымъ подчиненіемъ осужденнаго карательному заведенію, которое распоряжается имъ, наблюдаетъ за нимъ и, до извѣстной степени, воспитываетъ его, слѣдуетъ, по мнѣнію г. Люце, допустить право администраціи карательнаго учрежденія освобождать осужденнаго, коль скоро онъ отбылъ большую часть наказанія и заведеніе считаетъ его исправившимся. Казалось-бы, можно было вполнѣ довѣриться администраціи тюремъ, что она не будетъ освобождать изъ заключенія тѣхъ, кто содержится въ заключеніи очень короткій срокъ, и предоставить ей освобождать, за хорошее поведеніе, всякаго арестанта, отбывшаго ⅔ опредѣленнаго ему наказанія, хотя-бы онъ находился въ тюрьмѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ.

Но ежели-бы было признано необходимымъ сохранить ограниченіе, установленное въ 22 ст. проекта, то во всякомъ случаѣ, по мнѣнію г. *Люце*, слѣдовало-бы, вмѣсто словъ: «приговоренные къ исправительному дому на срокъ свыше 3-хъ лѣтъ», сказать «содержащіеся въ исправительномъ домѣ неменѣе двухъ лѣтъ» (*), *для* того, чтобы осужденные на три года не были поставлены въ худшее положеніе, чѣмъ тѣ, которые осуждены на болѣе продолжительный срокъ.

Примѣненіе правила, изложеннаго въ 22 ст. проекта уложенія, можетъ, по замѣчанію чиновъ Уманьскаго Окружнаго Суда, повлечь за собой иногда явную несправедливость. Слѣдуя ему, осужденный на три года и три недѣли, по отбытіи двухъ лѣтъ и одной недѣли, можетъ воспользоватся досрочнымъ освобожденіемъ, коимъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ воспользоваться осужденный ровно на три года, хотя-бы онъ велъ себя и трудился даже лучше заслужившаго досрочное освобожденіе товарища своего, осужденнаго на срокъ

(*) Подобно тому, какъ это постановлено въ ст. 15 голландскаго уложенія и § 23 германскаго.

нѣсколько большій и стало быть признаннаго судомъ заслуживающимъ большей кары.

Изъ объяснительной записки видно, что при назначеніи наименьшаго срока заключенія, допускающаго досрочное освобожденіе, Коммисіею руководило желаніе не допускать сокращенія наказаній краткосрочныхъ, при осуществленіи которыхъ вопросъ объ исправленіи преступника стоитъ, по необходимости, на второмъ планѣ. При этомъ, какъ видно, признано, что, въ видахъ достиженія цѣлей исправленія, срокъ заключенія въ исправительномъ домѣ не долженъ быть менѣе двухъ лѣтъ.

Вполнѣ раздѣляя эти соображенія Коммисіи, названные судебные чины считаютъ однако возможнымъ придать 22 ст. проекта уложенія такую редакцію, которая устраняла-бы возможность осужденному на болѣе долгій срокъ освободиться ранѣе одновременно съ нимъ осужденнаго на срокъ менѣе долгій.

Цѣли этой, какъ кажется, можно достигнуть, изложивъ начало статьи въ такой формѣ:

«Лица, проведшія въ исправительномъ домѣ, по приговору суда, не менѣе двухъ лѣтъ, если притомъ они отбыли не менѣе двухъ третей назначеннаго имъ срока наказанія, за хорошее .....».

По мнѣнію прокуратуры Воронежскаго Окружнаго Суда, правила, изложенныя въ 21 и 22 ст. проекта, имѣютъ громадное исправительное значеніе, очевидно и возражать противъ нихъ вообще нельзя, но можно и слѣдуетъ возразить противъ формы, въ которой изложена ст. 22 проекта, ибо такая редакція на практикѣ можетъ повести къ явной несправедливости. Въ самомъ дѣлѣ, преступникъ, приговоренный на 3 года въ исправительный домъ, не имѣетъ права воспользоваться,за свое хорошее поведеніе, уменьшеніемъ наказанія на одну треть и отбудетъ весь срокъ сполна, тогда какъ преступникъ, присужденный, очевидно, за болѣе тяжкое преступленіе на срокъ въ 3 года и 1 мѣсяцъ можетъ быть за хорошее поведеніе освобожденъ по истеченіи 2 лѣтъ и 10 дней, т. е. почти что на годъ ранѣе менѣе важнаго преступника. (*)

Для устраненія возможности такой явной несправедливости чины Воро-

---

(*) На неудобство принятія, согласно 22 ст. проекта, трехлѣтняго срока заключенія въ исправительномъ домѣ въ качествѣ минимальнаго срока, при коемъ допускается досрочное освобожденіе, указываютъ также чины Казанской Судебной Палаты, Костромскаго Окружнаго Суда и Московскаго прокурорскаго надзора.

нежской прокуратуры признавали-бы необходимымъ опредѣлить наименьшій срокъ заключенія, которое долженъ отбыть освобожденный, и установить, что всѣ заключенные на время свыше этого срока могутъ подлежать, по отбытіи его, за хорошее поведеніе освобожденію.

По мнѣнію Предсѣдателя Астраханской Соединенной Палаты Антонова, досрочное условное освобожденіе практически полезно распространить на всѣ виды лишенія свободы. Практика тюремной системы западныхъ государствъ наглядно доказала, что могущественнымъ рычагомъ исправленія заключенныхъ служитъ, между прочимъ, досрочное освобожденіе, такъ что въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ на Западѣ Европы принято за правило: по истеченіи каждой недѣли выдавать особыя знаки, удостовѣряющіе хорошее поведеніе и трудолюбіе заключеннаго. По количеству такихъ знаковъ сокращается время заключенія до установленнаго закономъ предѣла, а въ случаѣ проступка заключеннаго у него отбирается за каждый проступокъ извѣстное количество такихъ знаковъ, что служитъ средствомъ наказанія.

Чины прокурорскаго надзора Казанской Судебной Палаты не видятъ основанія не допускать такого же уменьшенія въ срокахъ заключенія для приговоренныхъ къ исправительному дому на срокъ менѣе 3-хъ лѣтъ, какое установлено въ ст. 22 для заключенныхъ высшихъ сроковъ. По цѣли своей, мѣра эта не есть состраданіе и не должна быть таковымъ, а скорѣе одинъ изъ способовъ исправительнаго воздѣйствія. Уже по одному принципу нельзя обходить въ этомъ воздѣйствіи кого-бы то ни было изъ присужденныхъ къ одному и тому-же наказанію, но лишь на разные сроки, и въ особенности даже заключенныхъ краткосрочныхъ, потому что относительная краткость срока свидѣтельствуетъ лишь о меньшей испорченности вообще, или же о меньшей виновности въ совершенномъ преступленіи. Съ одной стороны, нѣтъ разумнаго основанія лишать ихъ импульса къ исправленію, а съ другой почему-же начало возмездія ляжетъ въ полной мѣрѣ на краткосрочныхъ, а въ отношеніи долгосрочныхъ оно будетъ ослабляться? Хотя въ 22 ст. проекта относительно случаевъ возвращенія освобожденныхъ *досрочно* и указывается на изданіе по сему предмету *особыхъ правилъ*, тѣмъ не менѣе установить компетенцію той власти, которой будетъ принадлежать право этого возвращенія, слѣдуетъ именно въ уложеніи.

По мнѣнію Прокурора Харьковской Судебной Палаты Закревскаго, правило, изложенное въ 22 ст., слѣдовало-бы примѣнить къ тюремному заключенію.

Условія досрочнаго освобожденія изъ исправительнаго дома, указанныя въ 22 ст., въ практическомъ примѣненіи неизбѣжно, по мнѣнію Прокурора Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалева, приведутъ къ несправедливости: можетъ случиться, что осужденный къ заключенію на 3 ½ года будетъ освобожденъ чрезъ 2 года и 4 мѣсяца, а приговоренный на 2 года 11 мѣсяцевъ и 3 недѣли долженъ просидѣть все это время, какъ-бы хорошо онъ себя ни велъ. Во избѣжаніе такой несообразности, слѣдовало-бы видоизмѣнить разбираемую статью въ томъ смыслѣ, что приговоренные къ исправительному дому могутъ быть освобождаемы изъ заключенія по отбытіи ими двухъ третей наказанія, если при томъ они содержались не менѣе двухъ лѣтъ. На тѣхъ-же основаніяхъ, какъ кажется г. Москалеву, досрочное освобожденіе могло-бы быть примѣняемо и къ присужденнымъ къ заточенію на срокъ не свыше шести лѣтъ, но почему Коммисія не признала этого возможнымъ, изъ объясненій къ проекту не видно (стр. 73).

Затѣмъ, по указаннымъ въ замѣчаніи на 21 ст. соображеніямъ, досрочное освобожденіе слѣдовало-бы допускать съ разрѣшенія суда, а не тюремнаго управленія.

Въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской Прокуратуры докладчикомъ г. Кильштетомъ заявлено, что сокращеніе сроковъ заключенія въ исправительномъ домѣ, предположенное проектомъ, должно быть распространено и на заточеніе, и притомъ слѣдуетъ установить: 1) что такимъ сокращеніемъ наказанія могутъ воспользоваться приговоренные къ исправительному дому и заточенію на срокъ свыше 1 года и 2) что такое освобожденіе должно быть безусловное, а не условное, какъ предполагаетъ проектъ, такъ какъ съ одной стороны, трудно установить порядокъ обнаруженія и удостовѣренія такихъ нарушеній со стороны условно освобожденныхъ, которыя могутъ оправдывать возвращенія ихъ въ мѣста заключенія, а съ другой—въ случаѣ совершенія новыхъ преступленій правильнѣе такихъ рецидивистовъ судить и подвергнуть новому наказанію. Въ развитіе соображеній докладчика противъ условности освобожденія до сроковъ заключенныхъ въ исправительномъ домѣ и заточеніи, было высказано (г. Марковъ), что подобное освобожденіе не примѣнимо по условіямъ нашего быта, въ виду недостаточности и несостоятельности низшихъ органовъ нашей полиціи, на которыхъ должно пасть наблюде-

ніе за освобожденными и отъ произвола которыхъ будетъ зависѣть возвращеніе освобожденныхъ въ мѣста заключенія. Притомъ нарушенія правилъ, установленныхъ для такихъ освобожденныхъ, по существу своему, могутъ влечь за собою возбужденіе противъ виновныхъ отвѣтственности по однороднымъ съ ст. 29, 63 и т. п. уст. о наказ., но едва-ли могутъ оправдывать обращеніе лицъ обвиняемыхъ въ подобныхъ незначительныхъ преступленіяхъ, притомъ неустановленныхъ и недоказанныхъ судебнымъ порядкомъ,—обратно въ исправительный домъ и заточеніе. Независимо сего, досрочное освобожденіе не должно распространяться на рецидивистовъ и, подобно иностраннымъ кодексамъ, не можетъ быть допущено ранѣе истеченія $^3/_4$ срока, опредѣленнаго судомъ. Далѣе было заявлено (г. Домерщиковъ), что досрочное освобожденіе не распространено проектомъ на лицъ, подвергающихся заточенію на срокъ не свыше 6 лѣтъ, въ виду особенностей преступленій, влекущихъ за собою, по мысли составителей проекта, подобное наказаніе, которое не задается цѣлями исправленія и должно быть отбыто въ той мѣрѣ, какая, согласно приговору суда, соотвѣтствуетъ мѣрѣ вины осужденнаго. Противъ этого мнѣнія было заявлено (г. Тимофеевскій), что слѣдуетъ распространить, согласно мнѣнію докладчика, досрочное освобожденіе на всѣхъ заключенныхъ на срокъ свыше 1 года и что такая мѣра въ отношеніи заточенія является тѣмъ болѣе правильною, что самое назначеніе этаго наказанія предполагаетъ отсутствіе нравственной испорченности виновнаго, что судъ не можетъ всегда безошибочно опредѣлить срокъ наказанія и что несоразмѣрность и даже сравнительная несправедливость послѣдняго (г. Кильштетъ) не рѣдко очевидна для лицъ близко стоящихъ къ тюремному населенію. Поэтому предполагалось (гг. Тимофеевскій и Кичинъ) для заточенія свыше одного года допустить досрочное освобожденіе, оставивъ 3-хъ лѣтній срокъ для исправительнаго дома.

Совѣщаніе, высказавшись въ пользу мнѣнія докладчика объ исключеніи 2 части ст. 22 и о безусловности досрочнаго освобожденія лицъ, приговоренныхъ къ исправительному дому и заточенію, не признало возможнымъ примѣнять такое освобожденіе къ лицамъ, осужденнымъ на срокъ менѣе 3 лѣтъ и подходящимъ подъ условія, указанныя въ ст. 56 проекта.

Относительно редакціи 1 части ст. 22 совѣщаніе согласилось съ высказаннымъ мнѣніемъ (г. Марковъ) о томъ, что согласно этой статьѣ, въ настоящемъ ея видѣ, осужденный на срокъ свыше трехъ лѣтъ и до 4 лѣтъ 6 мѣсяцевъ можетъ быть освобожденъ ранѣе 3-хъ лѣтъ, между тѣмъ какъ приговоренный судомъ къ 3-хъ годамъ заключенія досрочнымъ освобожденіемъ не воспользуется. Поэтому, по мнѣнію совѣщанія, въ ст. 22 слѣдуетъ выразить, что могутъ быть освобождаемы приговоренные къ исправительному дому и

заточенію на срокъ свыше 3-хъ лѣтъ, по отбытіи ими не менѣе ⅔ наказанія, но во всякомъ случаѣ не ранѣе истеченія полныхъ 3-хъ лѣтъ.

Вполнѣ присоединяясь къ установленному проектомъ началу досрочнаго освобожденія изъ исправительнаго дома, Одесскій Окружный Судъ считаетъ цѣлесообразнымъ и справедливымъ распространить это постановленіе закона и на осужденныхъ къ заточенію на срокъ не свыше шести лѣтъ. Заточеніе будетъ назначаемо за проступки, не свидѣтельствующіе ни объ особенной испорченности, ни о безнравственности виновнаго, и потому, по идеѣ этого наказанія, присужденные къ нему не требуютъ въ этомъ смыслѣ исправленія, и, слѣдовательно, оно и не можетъ наступить и обусловить такимъ образомъ собою досрочнаго освобожденія.

Тѣмъ не менѣе, однако, и такіе осужденные, злая воля которыхъ выразилась въ неумѣніи ихъ, какъ говоритъ объяснительная записка, подчинять порывы своихъ желаній требованіямъ закона, могутъ перевоспитаться и убѣдить тюремную администрацію, что какъ самое преступленіе, ими совершенное, такъ и постигшая ихъ кара въ такой мѣрѣ повліяли на волю и характеръ осужденнаго, что досрочное освобожденіе изъ заключенія представляется мѣрою и справедливою по отношенію къ осужденнымъ, и не угрожающею общественному порядку. Но, присоединяясь къ идеѣ досрочнаго освобожденія и признавая желательнымъ распространеніе таковаго на осужденныхъ къ заточенію на срокъ не свыше 6 лѣтъ, Одесскій Окружный Судъ не можетъ раздѣлить предположенія проекта о возвращеніи въ мѣста заключенія такихъ освобожденныхъ, которые будутъ замѣчены въ нарушеніи установленныхъ для нихъ особыхъ правилъ. Наказаніе имѣетъ, между прочимъ, цѣлью вліять, въ смыслѣ исправленія, на тѣ стороны природы осужденнаго, которыми была проявлена имъ преступная воля. За эти именно, а не за другія преступныя наклонности виновный и былъ присужденъ къ наказанію. Между тѣмъ, послѣ досрочнаго освобожденія, онъ можетъ быть замѣченъ въ нарушеніи полицейскаго постановленія, неимѣющаго, по характеру своему, ничего общаго съ преступнымъ дѣяніемъ, прежде совершеннымъ. Какое же, въ такомъ случаѣ, оправданіе для того, чтобы такое лицо возвратить къ отбыванію наказанія, назначеннаго ему судомъ за преступленіе, за которое оно признано достаточно наказаннымъ и освобождено, какъ исправившееся? Было-бы совершенно справедливо и необходимо обложить нарушеніе постановленныхъ для досрочно освобожденныхъ правилъ особыми взысканіями, но не возвращать ихъ къ отбытію наказанія, назначеннаго за совершеніе другаго дѣянія, котораго досрочно освобожденный не повторилъ. Такое возвра-

щеніе, не обусловливаясь ни необходимостью, ни чувствомъ справедливости, способно будетъ, по мнѣнію Одесскаго Суда, лишь колебать довѣріе къ правосудію и умалять достоинство и значеніе судебнаго приговора, который можетъ быть то прекращенъ исполненіемъ, то вновь возобновленъ, и притомъ по иниціативѣ низшаго полицейскаго агента, который будетъ наблюдать за поведеніемъ досрочно освобожденнаго. При этомъ само собою очевидно, какимъ опаснымъ орудіемъ угрозы и злоупотребленія можетъ сдѣлаться обсуждаемое постановленіе закона въ рукахъ недобросовѣстнаго или придирчиваго мелкаго исполнителя. Такое взысканіе за нарушеніе установленныхъ для досрочно-освобожденныхъ особыхъ правилъ можетъ оказаться и въ высшей степени несправедливымъ по несоразмѣрности своей. На основаніи *22 ст.* проекта, осужденный въ исправительный домъ на 6 лѣтъ можетъ быть освобожденъ и по отбытіи 4 лѣтъ заключенія, и по отбытіи 5, и 5 ½ лѣтъ; въ первомъ случаѣ, будучи возвращенъ въ исправительный домъ за нарушеніе указанныхъ постановленій, онъ долженъ будетъ подвергнуться вновь заключенію на два года, во второмъ, за то-же нарушеніе, на одинъ годъ, въ третьемъ—на полгода. По этимъ соображеніямъ, Окружный Судъ признаетъ необходимымъ исключить постановленіе о возвращеніи досрочно-освобожденныхъ къ дальнѣйшему отбыванію наказанія, въ случаѣ нарушенія ими установленныхъ для нихъ особыхъ правилъ.

Чины прокуратуры Казанскаго Окружнаго Суда считаютъ желательнымъ, чтобы сокращеніе срока содержанія въ исправительномъ домѣ предоставлено было мѣстному тюремному попечительству, если оно сохранится въ формѣ существующихъ тюремныхъ комитетовъ. Главное Тюремное Управленіе при сокращеніи сроковъ можетъ пользоваться только донесеніемъ мѣстнаго тюремнаго управленія, не имѣя ни поводовъ, ни возможности провѣрять ихъ, между тѣмъ какъ мѣстное попечительство располагало-бы надлежащимъ для этого матеріаломъ. Самое обращеніе въ Главное Тюремное Управленіе, требующее продолжительнаго времени, или лишитъ приговоренныхъ безусловно возможности воспользоваться сокращеніемъ на цѣлую треть, или-же поведетъ къ преждевременнымъ, поспѣшнымъ, а потому и неосмотрительнымъ представленіямъ о сокращеніи со стороны мѣстнаго тюремнаго управленія.

Соглашаясь съ введеніемъ новаго правила объ освобожденіи изъ заключенія за хорошее поведеніе, по отбытіи двухъ третей наказанія въ исправительномъ домѣ, Воронежскій Окружный Судъ затрудняется согласиться съ

предполагаемымъ порядкомъ этого освобожденія, по которому право освобожденія предполагается предоставить управленію исправительнымъ домомъ, но не иначе, какъ съ утвержденія Главнаго Тюремнаго Управленія; въ большинствѣ случаевъ Главному Тюремному Управленію не будутъ вовсе извѣстны ни обстоятельства дѣла, по которому приговоренный отбываетъ наказаніе, ни личность приговореннаго, ни даже составы управленія, отъ котораго будетъ исходить представленіе объ освобожденіи, и такимъ образомъ утвержденіе такого представленія будетъ чисто одной канцелярской формальностью и право освобожденія, вслѣдствіе этого, всецѣло будетъ принадлежать управленію исправительнымъ домомъ безъ всякаго посторонняго контроля, что нельзя не признать слишкомъ рискованнымъ; правильнѣе-бы было, предоставивъ иниціативу освобожденія заключеннаго ранѣе срока, опредѣленнаго приговоромъ, управленію исправительнаго дома, и утвержденіе поставить въ зависимость отъ суда, постановившаго приговоръ, съ участіемъ при этомъ прокурорскаго надзора. Этотъ порядокъ согласуется съ тѣмъ, который, по 33 ст. проекта, предполагается примѣнить при возстановленіи правъ и при освобожденіи отъ полицейскаго надзора лицъ, отбывшихъ наказаніе; затѣмъ, точно также слѣдуетъ предоставить управленію, не иначе какъ съ утвержденія суда, и право возвращенія въ мѣста заключенія лицъ, нарушившихъ правила, установленныя для освобожденныхъ, при этомъ въ средѣ названнаго Суда высказано было одно мнѣніе, что разъ за хорошее поведеніе приговоренный освобожденъ изъ заключенія, то всѣ счеты его съ исправительнымъ домомъ должны быть покончены, и не только несправедливо вновь заключать освобожденнаго за нарушеніе какихъ-бы то ни было правилъ, но и небезопасно предоставить управленію это право, ибо это будетъ допущеніе ни чѣмъ не оправдываемаго произвола; кто будетъ наблюдать за освобожденнымъ? какія нарушенія правилъ повлекутъ за собой возвращеніе въ заключеніе? положеніе освобожденнаго съ висящей надъ головой угрозой новаго заключенія едва-ли будетъ легче самаго заключенія, а потому таковое условное освобожденіе не имѣетъ никакого значенія, ни цѣли.

По мнѣнію Старшаго Предсѣдателя Кіевской Судебной Палаты Сенатора И. Н. Орлова, вторая половина статьи 22 не можетъ быть одобрена. Не говоря уже о томъ, что непонятно, что разумѣется подъ словами: «установленныхъ для такихъ освобожденныхъ правилъ» (гдѣ эти правила?), спрашивается, кто будетъ судить о томъ, нарушены-ли эти правила, кто будетъ постановлять о возвращеніи виновныхъ въ мѣста заключенія. Нѣтъ, кажется, сомнѣнія въ томъ, что лицо, разъ получившее, въ силу закона,

досрочное освобожденіе отъ дальнѣйшаго наказанія, не можетъ уже быть подвергнуто продолженію этого наказанія иначе, какъ по суду; а потому, если для такихъ лицъ будутъ постановлены «особыя правила», то нарушеніе ихъ составитъ самостоятельное преступленіе или проступокъ, который и долженъ быть введенъ въ свое мѣсто особой части уложенія, а потому вся вторая половина этой статьи здѣсь излишня.

По мнѣнію чиновъ Калужской прокуратуры, постановленіе, изложенное во 2-й части статьи 22, даетъ обширный просторъ произволу администраціи и можетъ повести къ отягченію участи лица, присужденнаго къ содержанію въ исправительномъ домѣ и освобожденнаго до срока подъ условіемъ соблюденія извѣстныхъ правилъ. Досрочное освобожденіе предоставлено Главному Тюремному Управленію, но возвращеніе въ мѣсто заключенія очевидно будетъ зависѣть уже отъ низшей административной власти, на которую будетъ возложена обязанность наблюденія за исполненіемъ освобожденнымъ лицомъ установленныхъ правилъ. Не говоря уже о возможности въ этихъ случаяхъ злоупотребленій со стороны администраціи, которая можетъ воспользоваться малѣйшимъ нарушеніемъ освобожденнымъ изъ исправительнаго дома лицомъ означенныхъ правилъ, чтобы снова возвратить въ мѣсто заключенія почему-либо неудобное для нея лицо, но такое возвращеніе въ мѣсто заключеніе можетъ послѣдовать послѣ довольно продолжительнаго времени, прошедшаго отъ освобожденія, а потому представляется тѣмъ болѣе тягостнымъ и несовмѣстнымъ съ цѣлями правосудія. Приговоренный, напримѣръ, къ 6-ти-лѣтнему заключенію въ исправительномъ домѣ и освобожденный послѣ 4-хъ лѣтъ, пробывъ на свободѣ 1 годъ и 11 мѣсяцевъ и обратившись къ честной трудовой жизни, обзаведясь семействомъ, хозяйствомъ, можетъ быть снова заключенъ въ исправительный домъ на два года за какое-нибудь ничтожное или случайное нарушеніе правилъ, установленныхъ для такого рода лицъ. Не удобнѣе-ли было-бы ограничиться учрежденіемъ за освобожденнымъ ранѣе окончанія срока заключенія лицомъ полицейскаго надзора или по крайней мѣрѣ назначить срокъ, въ предѣлахъ котораго предоставить администраціи возвращать въ мѣста заключенія лицъ, не исполнившихъ извѣстныхъ правилъ. Такой срокъ могъ-бы быть назначенъ, напримѣръ, 3-хъ-мѣсячный, по исполненіи котораго учреждается уже полицейскій надзоръ по правиламъ, изложеннымъ въ 31 и 32 ст. проекта.

Чины Ржевской прокуратуры замѣчаютъ, что уменьшеніе срока наказанія заключеннымъ въ исправительные дома на одну треть, за хорошее

поведеніе, представляется вполнѣ справедливымъ и соотвѣтствующимъ понятію о наказаніи этого рода, какъ о мѣрѣ исправленія. Но, съ другой стороны, проведеніе на практикѣ второй части 22 статьи проекта, по смыслу которой лица, освобожденныя изъ исправительныхъ домовъ за хорошее поведеніе, вновь возвращаются въ мѣста заключенія, если до истеченія опредѣленнаго приговоромъ срока наказанія будутъ замѣчены въ нарушеніи установленныхъ для такихъ освобожденныхъ правилъ, могло-бы оказаться несправедливымъ и крайне затруднительнымъ. Если въ мѣстахъ заключенія при тѣсныхъ, непосредственныхъ отношеніяхъ смотрителя и надзирателей къ заключеннымъ, надзоръ за послѣдними далеко не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ, то какія-же мѣры надзора могутъ быть установлены для лицъ, до истеченія срока освобождаемыхъ изъ заключенія и живущихъ на свободѣ.

Учрежденіе, для наблюденія за ихъ поведеніемъ, особыхъ надзирателей едва-ли можетъ быть признано цѣлесообразнымъ; возложеніе обязанностей по надзору за подобными лицами и оцѣнкѣ ихъ поведенія на общую полицію, и безъ того уже обремененную массою разнообразныхъ обязанностей, можетъ повести, съ одной стороны, къ полному отсутствію надзора, а съ другой, къ административному произволу, къ перенесенію, такъ сказать, функцій суда на администрацію. Если же, наконецъ, предоставить суду постановленіе въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣленія о томъ, должно-ли извѣстное лицо возвратиться въ мѣсто заключенія, для отбытія послѣдней трети назначеннаго ему судомъ наказанія, то и подобный порядокъ не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Для постановленія такихъ опредѣленій, суду, конечно, необходимы какія-нибудь фактическія данныя, собраніе которыхъ, по изложеннымъ выше соображеніямъ, обставлено величайшими затрудненіями и не можетъ быть обезпечено достаточными гарантіями, ручающимися за ихъ достовѣрность.

Поэтому названные чины находили-бы желательнымъ, чтобы лица, освобожденныя изъ исправительныхъ домовъ, за хорошее поведеніе, не были вновь возвращаемы въ заключеніе.

Статья 22 вызываетъ со стороны чиновъ Рыбинской прокуратуры слѣдующее возраженіе: «приговоренные къ исправительному дому на срокъ свыше 3-хъ лѣтъ . . . . за хорошее поведеніе могутъ быть освобождаемы изъ заключенія, по представленію управленія исправительнымъ домомъ, утвержденному Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ съ тѣмъ, что они, если до истеченія опредѣленнаго приговоромъ срока наказанія будутъ замѣ-

чены въ нарушеніи установленныхъ для такихъ освобожденныхъ правилъ, возвращаются въ мѣсто заключенія». . . . Какія именно правила должны быть нарушены для того, чтобы вновь быть заключеннымъ, подъ чьимъ надзоромъ, какимъ мѣстомъ, учрежденіемъ или лицомъ будетъ опредѣляться, нарушены или не нарушены въ дѣйствительности данныя правила, нарушеніе ихъ должно-ли быть въ той степени вмѣнено нарушителю, чтобы вновь подвергнуть его заточенію, при томъ съ очень важнымъ въ жизни его условіемъ отстраненія времени выхода изъ мѣста заключенія? Рядъ такихъ вопросовъ, неразрѣшенныхъ Редакціонною Коммисіею, представляетъ выработанное ею положеніе на практикѣ не только неудобоисполнимымъ въ его осуществленіи, но и дающимъ рядъ поводовъ къ злоупотребленіямъ какъ частныхъ лицъ, такъ и полиціи, или администраціи, пользующихся правомъ забирать освобожденнаго и водворять его въ прежнее мѣсто заключенія. Едва-ли можно объяснить какою-нибудь необходимостью установленіе такого закона, какъ 22 статья, по самому содержанію своему возбуждающая эти сомнѣнія, какъ несогласныя съ условіями дѣйствительной жизни. Было-бы практичнѣе, если желательно установить за тюремной администраціей непремѣнное право сокращать сроки отбыванія присужденнаго наказанія по ея усмотрѣнію, редактировать 22 статью такъ:

«освобожденные остаются подъ особымъ надзоромъ полиціи и общества, гдѣ поселяются, и совершенное ими въ теченіе сего (т. е. недожитаго въ заключеніи) времени какое-бы то ни было преступное дѣяніе влечетъ за собою, помимо установленнаго по суду, за то дѣяніе наказанія, по постановленію же суда (или судьи) и возвращеніе въ прежнее мѣсто заключенія для отбыванія всего назначеннаго прежнимъ приговоромъ срока.»

По поводу правила ст. 22 о томъ, что условно-освобожденные изъ исправительнаго дома, если будутъ замѣчены въ нарушеніи установленныхъ для нихъ правилъ, возвращаются въ мѣста заключенія, чины Орловскаго Окружнаго Суда возбуждаютъ вопросъ, кѣмъ именно возвращаются условно освобожденные? Предоставленіе такого права администраціи можетъ быть весьма опасно для общества. Наблюдать за освобожденными будутъ низшіе чины полиціи; они-же своими донесеніями будутъ и констатировать фактъ нарушенія освобожденными установленныхъ для нихъ правилъ. Необходимо установить извѣстный контроль, гарантирующій освобожденныхъ отъ произвола, послѣдствіемъ котораго, по проекту, является новое лишеніе свободы. Достигнуть этого можно, по мнѣнію большинства членовъ совѣщанія чиновъ названнаго суда, внесеніемъ въ проектъ правила о томъ, что освобожденные

возвращаются въ мѣста заключенія по опредѣленію суда, постановленному въ особомъ установленномъ закономъ порядкѣ; самый-же порядокъ долженъ быть установленъ въ уст. угол. суд. примѣнительно къ 955 ст. уст. Меньшинство же совѣщанія полагало, что вопросы эти должны разрѣшаться особою коммисіею, состоящею изъ мѣстныхъ—Губернатора, Предсѣдателя Суда и Прокурора.

Нѣкоторые изъ чиновъ прокурорскаго надзора Смоленскаго Окружнаго Суда, одобряя въ принципѣ досрочное освобожденіе, выражаютъ желаніе, чтобы констатированіе факта нарушенія правилъ, установленныхъ для досрочно-освобожденныхъ, и самое обсужденіе этого факта было предоставлено судебной власти, въ виду возможности злоупотребленія въ этомъ дѣлѣ со стороны представителей администраціи, въ лицѣ урядниковъ, волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ, и желаютъ дополненія въ этомъ смыслѣ статьи 22-й проекта новаго уложенія. Другіе-же чины Смоленской прокуратуры считали-бы необходимымъ оставить разрѣшеніе вопроса о нарушеніи правилъ, установленныхъ для досрочно-освобожденныхъ въ рукахъ администраціи, въ виду невозможности для суда непосредственно наблюдать за поведеніемъ досрочно-освобожденныхъ.

См. также приведенное подъ ст. 17—18 замѣчаніе чиновъ Псковской прокуратуры.

Статья 23.

Денежная пеня назначается въ размѣрѣ не ниже пятидесяти копѣекъ и опредѣляется не менѣе какъ рублями или полурублями.

Уплата денежной пени можетъ быть отсрочена или разсрочена на время не свыше одного года со дня вступленія приговора въ законную силу.

Денежная пеня, для коей закономъ не установлено особаго назначенія, обращается на устройство мѣстъ заключенія.

Статья 24.

Денежная пеня или часть оной, неуплаченныя въ теченіи мѣсяца со дня вступленія приговора въ законную силу, а при отсрочкѣ или разсрочкѣ платежа со дня наступленія

срока уплаты, замѣняются арестомъ на сроки, опредѣляемые судомъ въ приговорѣ, въ слѣдующей соразмѣрности: пеня до 25 рублей—арестомъ до одной недѣли; пеня отъ 25 до 100 рублей—арестомъ отъ одной недѣли до одного мѣсяца; пеня отъ 100 до 500 рублей—арестомъ отъ одного до двухъ мѣсяцевъ; пеня отъ 500 до 1.000 рублей—арестомъ отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ; а пеня свыше 1.000 рублей—арестомъ отъ трехъ до шести мѣсяцевъ.

При уплатѣ денежной пени или части оной во время отбыванія замѣняющаго ее ареста, сей арестъ или прекращается, или же срокъ его уменьшается соразмѣрно съ внесенною частью пени; при такомъ уменьшеніи арестъ засчитывается въ соразмѣрности, установленной судомъ въ его приговорѣ.

По мнѣнію профессора Вальберга, относительно правильности примѣненія денежной пени можно дать заключеніе лишь на основаніи особенной части уложенія. Изъ статей 23 и 24 нельзя выяснить, будетъ-ли денежная пеня назначаться въ уложеніи вмѣстѣ съ лишеніемъ свободы, причемъ суду будетъ предоставляемо право выбрать одно изъ этихъ наказаній, и если да, то велика-ли будетъ область такого примѣненія денежной пени, или же денежная пеня будетъ назначаема вмѣстѣ съ лишеніемъ свободы, но безъ предоставленія суду означеннаго права, или, наконецъ, будутъ сохранены существующіе и нынѣ два рода денежныхъ взысканій, упоминаемые въ объяснительной запискѣ.

Въ проектѣ неясно выражено, что въ судебномъ приговорѣ къ денежной пенѣ долженъ быть одновременно съ послѣдней назначенъ арестъ, замѣняющій пеню въ случаѣ неуплаты послѣдней приговореннымъ. Въ проектѣ не опредѣлено также, что въ томъ случаѣ, когда взысканіе денежной пени можетъ причинить, благодаря имущественнымъ условіямъ или особенностямъ добыванія средствъ существованія, виновному или его семьѣ существенное разстройство, то денежная пеня замѣняется арестомъ. Въ статьѣ 53 ничего не говорится о замѣнѣ денежной пени арестомъ, вѣроятно потому, что такая замѣна наказанія не почитается его смягченіемъ (ср. объяснительную записку, стр. 78—79). Въ проектѣ не выяснено также, обращается-ли взысканіе денежной пени на имущество, оставшееся послѣ смерти лица, присужденнаго къ оной вошедшимъ въ законную силу приговоромъ или нѣтъ; другими словами: удержитъ-ли проектъ то невыдерживающее критики положеніе, что взысканіе денежной пени переходитъ и на наслѣдниковъ (Vererblichkeit de Geldstrafe) (*).

(*) См. Wahlberg, Gesammelte kl. Schriften, II B., s. 248.

Принимая во вниманіе весьма обширную компетенцію мироваго суда, а также то обстоятельство, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, денежныя пени обращаются въ земскій капиталъ, г. Вальбергъ считаетъ нелишнимъ замѣтить, съ ссылкою на страницы 93 и 94 объяснительной записки, что необходимо точно опредѣлить способъ обращенія денежныхъ взысканій и отнять у карательной системы уложенія характеръ фискальнаго источника доходовъ или источника для возмѣщенія причиненнаго вреда, на счетъ уголовнаго понятія карательнаго элемента денежной пени. Постановленіе статьи 23 объ обращеніи денежныхъ пеней на устройство мѣстъ заключенія заслуживаетъ полнаго одобренія. Къ нему слѣдовало-бы присовокупить, что часть денежныхъ пеней обращается на вспомоществованіе нуждающимся заключеннымъ при освобожденіи ихъ изъ мѣстъ заключенія, въ особенности-же съ цѣлью помѣщенія ихъ на частные заработки. При этомъ можно было-бы коснуться вознагражденія за понесенное безъ вины заключеніе, тѣмъ болѣе, что нынѣ юристы занимаются вопросомъ о вознагражденіи за вредъ, безъ вины понесенный отъ уголовнаго судопроизводства, вопросомъ старымъ, возбужденнымъ еще въ 1781 году, но такимъ, который всегда оставался новымъ и еще теперь встрѣчаетъ противниковъ, руководящихся финансовыми соображеніями. Но эти противники не соображаютъ того обстоятельства, что если правильно-формулированное постановленіе объ упомянутомъ вознагражденіи будетъ побуждать органы уголовнаго судопроизводства быть болѣе осторожными и тщательными, какъ въ назначеніи и продленіи предварительнаго заключенія, такъ и въ присужденіи подсудимаго къ заключенію, то будутъ сберегаться большія издержки по излишнему содержанію въ заключеніи и бюджетъ уголовной юстиціи можетъ быть значительно сокращенъ.

Въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ уже положено хорошее начало рѣшенію этого вопроса тѣмъ, что обвиняемому выдается опредѣленное вознагражденіе въ случаѣ отмѣны судебнаго приговора при вторичномъ разбирательствѣ, и можетъ быть выдано (fakultativ stattfinden könne) за незаслуженно понесенное имъ продолжительное предварительное заключеніе.

Обсужденіемъ этого вопроса должна была бы заняться Редакціонная Коммисія, предпринявшая рѣшительный шагъ въ надеждѣ уничтожить традицію тѣлесныхъ наказаній и тѣмъ устранить начало сословнаго различія, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи уголовной отвѣтственности, т. е. изъ системы назначаемыхъ по суду главныхъ наказаній.

Прокуроръ Плоцкаго Окружнаго Суда Фуксъ замѣчаетъ, что постановленія о денежной пени заключаются только въ двухъ статьяхъ 23 и 24 и, по своей краткости, возбуждаютъ многіе вопросы. Подставляя, вмѣсто прежняго термина (п. VII ст. 30 улож. о нак.) «денежнаго взысканія», новый «денежная пеня», проектъ сущности ея вовсе не опредѣляетъ. Въ обыденномъ словоупотребленіи пеня значитъ штрафъ, т. е. выражаетъ понятіе болѣе узкое, чѣмъ взысканіе, а потому она собственно не обнимаетъ части денежнаго взысканія, налагаемой въ смыслѣ вознагражденія за причиненные убытки, напр., отъ безпатентной продажи вина, провоза контрабанды и т. п. Практика показываетъ, что за частью денежнаго взысканія, присуждаемой въ смыслѣ возмѣщенія убытковъ, желательно было-бы и сохранить характеръ гражданскаго вознагражденія, и при производствѣ его удержать исполненіе по уставу гражданскаго судопроизводства. Не говоря уже о томъ, что приложеніе къ такому вознагражденію правилъ о замѣнѣ его арестомъ совершенно противорѣчитъ закону объ отмѣнѣ личнаго задержанія за долги, оно влечетъ за собой для потерпѣвшаго, въ большинствѣ случаевъ—казны, неудовлетвореніе понесенныхъ убытковъ, но новые убытки въ видѣ расходовъ на содержаніе арестованныхъ; между тѣмъ примѣненіе порядка производства по гражданскимъ дѣламъ очень часто гарантировало-бы удовлетвореніе въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ и если не полное, то хотя-бы частичное, а также не вводило-бы въ новые непроизводительные расходы. Поэтому необходимо болѣе точное опредѣленіе денежной пени и именно въ смыслѣ только наказанія за самое нарушеніе; что же касается до вознагражденія причиненнаго убытка, то его надлежало-бы опредѣлять особо и не замѣнять арестомъ, и начало это, установивъ въ общей части уложенія, провести послѣдовательно въ отдѣльныхъ статьяхъ; напр., ст. 1543 уст. там. (VI т. свод. зак.) полагаетъ за водвореніе контрабанды пятерную или двойную пошлину съ водвореннаго товара, но неизвѣстно, какая часть изъ этого взысканія приходится на долю наказанія и какая на вознагражденіе за причиненный казнѣ убытокъ, при опредѣленіи котораго слѣдуетъ принять во вниманіе не только неуплаченную пошлину, но и расходы по содержанію таможенной стражи и т. п.; между тѣмъ, при точномъ разграниченіи этихъ составныхъ элементовъ всякаго взысканія, назначаемаго за фискальныя нарушенія, первая часть подлежала-бы замѣнѣ арестомъ, вторая—нѣтъ и отыскивалась-бы путемъ гражданскаго исполненія.

Кромѣ того, денежная пеня бываетъ и самостоятельнымъ наказаніемъ, и добавочнымъ, налагается и за проступокъ, и за нарушеніе (венгер. ст. 53, герм. ст. 28, бельг. ст. 40, нидерл. ст. 25), но, очевидно, въ обоихъ случаяхъ характеръ ея не одинаковъ, а потому необходимо пояснить: можетъ-ли

замѣна арестомъ имѣть мѣсто въ обоихъ случаяхъ и въ какой пропорціональности? Въ настоящее время денежныя взысканія, присуждаемыя за нарушенія уставовъ казеннаго управленія дополнительно къ личнымъ наказаніямъ, остаются, на основаніи 7 п. 152 ст. улож., безъ такой замѣны, и если не будетъ особаго о томъ опредѣленія, то возможно ожидать подобной практики и при дѣйствіи новаго уложенія, такъ какъ по ст. 55 допускается только присоединеніе добавочныхъ наказаній къ главнымъ и поглощеніе различныхъ наказаній тягчайшимъ изъ нихъ, причемъ тюрьма или другой высшій видъ лишенія свободы должны считаться сравнительно съ арестомъ, замѣняющимъ денежную пеню, болѣе тяжкими наказаніями, а потому и поглощать его.

Кромѣ того, при сравненіи съ иностранными законодательствами нашихъ постановленій о денежной пенѣ оказывается, что въ послѣднихъ не встрѣчаются два правила, крайне практичныя и вполнѣ справедливыя, именно: о взысканіи штрафовъ съ наслѣдства осужденнаго, если приговоръ вступилъ въ законную силу еще при его жизни, и о погашеніи преслѣдованія за проступки и нарушенія, обложенные однимъ денежнымъ взысканіемъ, уплатой этого взысканія въ высшемъ размѣрѣ, судебныхъ издержекъ по дѣлу и представленіемъ предметовъ, подлежащихъ конфискаціи, или ихъ стоимости. Первое правило содержится въ ст. 53 венгер. и 30 герм. кодексовъ, и если правильность его относительно части взысканія, налагаемой собственно за нарушеніе, представляется сомнительною, то относительно другой части взысканія, составляющей вознагражденіе за вредъ и убытки, она является неподлежащею спору. Что же касается погашенія преслѣдованія уплатою слѣдуемаго взысканія, то, не говоря уже о практическихъ удобствахъ, изъ него вытекающихъ какъ для Правительства, избавляемаго этимъ средствомъ отъ вчинанія безспорныхъ по существу преслѣдованій, такъ и для частныхъ лицъ, благодаря ему избавляющихся отъ сложной и непріятной процедуры уголовнаго суда, оно выражаетъ начало, проводимое въ ст. 240 добровольномъ исполненіи приговора о денежномъ взысканіи, а потому и примѣненіе его не только при окончаніи уголовнаго преслѣдованія, но и при началѣ послѣдняго будетъ совершенно послѣдовательно и едва-ли дастъ поводъ къ возраженіямъ.

По поводу установливаемой проектомъ *денежной пени*, о коей упоминается въ 23 и 24 статьяхъ, возраженія Прокурора Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскаго касаются слѣдующихъ двухъ обстоятельствъ: а) *относительно допущенія отсрочки или разсрочки въ уплатѣ денежной пени;* по этому вопросу между г. Хлодовскимъ и его сотрудниками по

работѣ (*) вышло разногласіе: всѣ они, кромѣ г. Хлодовскаго, полагали, что означенная отсрочка или разсрочка, какъ устанавливаемая въ видахъ предоставленія извѣстнаго облегченія осужденному, должна быть допущена по чувству гуманности и изъ снисхожденія къ осужденному; г. Хлодовскій же полагаетъ, что допущеніе такого правила противорѣчитъ основному принципу наказуемости дѣяній и повлечетъ за собою множество злоупотребленій.—По общему правилу всякое наказаніе, а въ томъ числѣ и денежная пеня, какъ признаетъ и Коммисія (стр. 75), должно слѣдовать немедленно за преступленіемъ и ни въ какомъ случаѣ назначеніе наказанія, равно какъ и опредѣленіе времени наказанія не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ воли и желанія самаго осужденнаго, исходя изъ этого вѣрнаго теоретически начала, г. Хлодовскій не можетъ допустить возможности какихъ-либо разсрочекъ или отсрочекъ въ взысканіи денежной пени по желанію осужденнаго, точно также какъ не могутъ быть допускаемы никакія соглашенія съ осужденными при приведеніи надъ ними въ исполненіе приговора суда и относительно лишенія свободы, наказаніе слѣдуетъ силою самаго закона и наступленіе онаго не можетъ зависить отъ того, представляется-ли оно удобнымъ или желательнымъ для осужденнаго въ данное время. Съ другой стороны, какъ уже упомянуто выше, льгота эта повлечетъ за собою и нѣкоторыя злоупотребленія, ибо во 1-хъ, всякій осужденный всегда постарается предоставленнымъ ему правомъ отсрочить время наступленія наказанія и употребить всѣ зависящія отъ него къ тому мѣры, а суды будутъ поставлены въ необходимость въ большинствѣ случаевъ удовлетворять заявляемыя имъ просьбы объ отсрочкѣ взысканія денежной пени, ибо при разборѣ дѣла они не будутъ имѣть никакихъ данныхъ для удостовѣренія, насколько въ томъ или другомъ случаѣ подобная просьба является основательною, и во 2-хъ, къ такому обходу закона, могутъ и будутъ прибѣгать и тѣ лица, которыя, будучи присуждены къ денежной пенѣ и не желая вовсе уплатить таковой, пожелаютъ лишь отдалить время замѣняющаго оное ареста подъ предлогомъ отсрочки уплаты денежнаго взысканія. Вслѣдствіе сего и за неуказаніемъ Коммисіею какихъ-либо основаній, коими оправдывалась-бы необходимость или полезность подобной мѣры, г. Хлодовскій полагаетъ установленное Коммисіею *правило относительно возможности отсрочки или разсрочки уплаты денежной пени вовсе исключить изъ уложенія*, какъ несоотвѣтствующее общимъ началамъ наказуемости и требованіямъ справедливости.

(*) Мѣстный Товарищъ Прокурора, одинъ Членъ Суда и одинъ Мировой Судья.

Но если правило это будетъ оставлено въ уложеніи, то въ семъ послѣднемъ случаѣ казалось-бы необходимымъ статью 23 дополнить указаніемъ, что уплата денежной пени можетъ быть отсрочена и разсрочена только при самомъ постановленіи приговора, ибо никакихъ указаній по сему предмету въ означенной статьѣ не имѣется и вслѣдствіе сего можетъ возникнуть сомнѣніе въ томъ, что отсрочка и разсрочка уплаты денежной пени могутъ быть допускаемы и послѣ постановленія приговора, по особой о томъ просьбѣ со стороны осужденнаго.

Какъ видно изъ текста 24 статьи, установливающей условія замѣны денежной пени арестомъ, уплата денежной пени поставлена въ полную зависимость отъ воли осужденнаго, ибо въ случаѣ невнесенія имъ добровольно присужденной пени въ извѣстный срокъ, таковая тотчасъ же замѣняется арестомъ. И это правило, по мнѣнію г. Хлодовскаго, также не можетъ быть одобрено; коль скоро извѣстныя преступленія обложены денежнымъ штрафомъ, взысканіе таковаго должно слѣдовать помимо воли и желанія осужденнаго въ силу самаго закона и осужденному никоимъ образомъ не можетъ быть предоставлено на выборъ или внести присужденный денежный штрафъ, или, не внеся таковаго, подвергнуться замѣняющему оный аресту, смотря потому, что ему удобнѣе, ибо замѣна эта можетъ послѣдовать лишь въ крайности, при дѣйствительной невозможности взысканія съ виновнаго присужденнаго штрафа, за неимѣніемъ у него никакихъ средствъ къ уплатѣ таковаго. По этому слѣдовало-бы *статью 24 дополнить* тѣмъ, что *денежная пеня замѣняется арестомъ*, какъ это сказано въ 84 ст. нынѣ дѣйствующаго уложенія, *лишь въ случаѣ несостоятельности осужденнаго къ уплатѣ присужденной пени.*

Относительно статей 23 и 24 проекта, касающихся денежной пени Членами Коммисіи, образованной изъ состава Варшавской Судебной Палаты, было высказано:

Членъ Коммисіи фонъ-Вендрихъ полагалъ, что объ отсрочкахъ или разсрочкахъ денежной пени не слѣдовало бы упоминать въ уголовномъ уложеніи, такъ какъ производство такихъ отсрочекъ или разсрочекъ не должно входить въ кругъ обязанностей судебныхъ мѣстъ; по нарушеніямъ-же казенныхъ уставовъ обязанность эта лежитъ на казенныхъ управленіяхъ.

Соглашаясь съ изложеннымъ мнѣніемъ, Членъ Коммисіи Кочубей полагалъ въ означенныхъ статьяхъ сдѣлать слѣдующія измѣненія: въ 23 и 24 статьяхъ вторыя части исключить изъ текста статей и, кромѣ того, изъ 24 ст. исключить выраженіе или часть оной, неуплаченныя въ

теченіи мѣсяца со дня вступленія приговора въ законную силу, а при отсрочкѣ или разсрочкѣ платежа со дня наступленія срока уплаты.

Кромѣ того Членъ, Коммисіи Вендрихъ, признавая устанавливаемую ст. 24 замѣну свыше 1.000 р. арестомъ отъ трехъ до шести мѣсяцевъ недостаточною, высказался за замѣну пени свыше 1.000 р. арестомъ отъ 3 мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ, т. е. полагалъ въ текстѣ 24 статьи слова «отъ трехъ до шести мѣсяцевъ» замѣнить словами «отъ трехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ.»

Изложенныя мнѣнія Членовъ фонъ-Вендриха и Кочубея приняты Коммисіею, причемъ было высказано, что maximum ареста по проекту въ шесть мѣсяцевъ представляется срокомъ слишкомъ незначительнымъ, въ случаѣ пени въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, а предполагаемое Коммисіею увеличеніе срока ареста представляется тѣмъ болѣе правильнымъ, если имѣть въ виду 1234 ст. уст. граж. суд.

Товарищъ Предсѣдателя Плоцкаго Окружнаго Суда Павловскій останавливается на томъ, что статья 23 проекта, опредѣляя minimum денежной пени на 50 копѣекъ, не опредѣляетъ *maximum* оной.

Причина этого достаточно изложена въ мотивахъ Редакціонной Коммисіи. Въ виду приведенныхъ въ сихъ мотивахъ соображеній Коммисіи Государственнаго Совѣта (журналъ № 3, стр. 30), а также авторитетныхъ примѣровъ германскаго, венгерскаго и голландскаго кодексовъ, нечего, по мнѣнію г. Павловскаго, возражать противъ предположеній проекта Редакціонной Коммисіи, но тѣмъ не менѣе ему кажется не излишнимъ представить вкратцѣ нѣкоторыя, относящіяся къ сему предмету, соображенія.

Изъ статьи 24 проекта, въ которой излагаются правило и пропорція допускаемаго взамѣнъ денежной пени ареста казалось-бы явствуетъ, что размѣръ денежной пени свыше 1.000 р. безпредѣленъ и что вмѣсто наивысшей, хотя бы простирающейся на десятки и сотни тысячъ рублей, денежной пени, лицо подвергшееся этому наказанію, можетъ отбыть арестъ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, и тѣмъ уже отдѣлаться окончательно.

Это безусловное, для подсудимыхъ весьма выгодное, правило должно быть обставлено нѣкоторыми необходимыми условіями. По проекту заключеніе въ арестѣ на 6 мѣсяцевъ составляетъ maximum ареста, долженствующаго служить эквивалентомъ наивысшему размѣру денежной пени; стало быть: лицо, нарушившее правило таможеннаго или акцизнаго уставовъ съ причиненіемъ казнѣ убытка на нѣсколько сотъ рублей и навлекшее на себя денежную пеню въ 1.000 р., и лицо, причинившее казнѣ убытка на сотни тысячъ руб-

лей и подвергшееся соотвѣтственной этому денежной пенѣ, въ случаѣ допущенія замѣны денѣжной пени арестомъ, подвергнутся аресту въ одинаковомъ размѣрѣ, то есть до 6 мѣсяцевъ.

Наказаніе это, не сопряженное ни съ какими почти лишеніями или ограниченіями и дозволяющее виновнымъ столь удобно и дешево отдѣлаться отъ бѣды, вмѣсто того, чтобы воздерживать промышляющихъ контрабандою, корчемствомъ и т. п. противозаконными операціями и причиняющихъ казнѣ громадные, иногда невознаградимые убытки,—будетъ еще поощрять ихъ къ этимъ промысламъ, указывая на ожидающую ихъ въ недалекомъ, шестимѣсячномъ, будущемъ вѣрную, громадную, противозаконную наживу, состоящую въ неприкосновенности ихъ барышей, добытыхъ контрабандою, корчемствомъ и т. п.

По причинѣ однакоже невозможности установить норму максимума ареста, соотвѣтствующаго наивысшему размѣру денежной пени, по неотразимой однакожь необходимости усилить мѣры къ предотвращенію подобныхъ противозаконныхъ выгодныхъ операцій, г. Павловскій предлагаетъ maximum могущаго замѣнить денежную пеню заключенія подъ стражу обусловить, соотвѣтственно пункту 3 статьи 84 и ст. 85 дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ, тюремнымъ заключеніемъ, при соблюденіи сроковъ означенныхъ статьею 1234 устава гражданскаго судопроизводства; а съ другой стороны, чтобы эта мѣра гармонировала съ общимъ строемъ проекта Редакціонной Коммисіи, maximum тюремнаго заключенія надлежало-бы опредѣлить по ст. 18 проекта въ два года. Примѣненіе этого правила оказывается болѣе удобнымъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, въ которыхъ правила о личномъ задержаніи за долги до сихъ поръ не отмѣнены. Притомъ допущеніе, взамѣнъ денежной пени, заключенія подъ стражу слѣдуетъ ограничить только тѣми случаями, когда совершенная несостоятельность виновнаго будетъ вполнѣ законно доказана.

При обсужденіи 24 ст. проекта указано въ собраніи чиновъ Кишиневскаго Окружнаго Суда и мѣстныхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ было на то, что денежная пеня есть самостоятельное наказаніе, наиболѣе цѣлесообразно примѣнимое къ извѣстному роду преступленія, что замѣна однихъ наказаній другими, по общему правилу, вовсе не должна быть допускаема, ибо каждое наказаніе должно безусловно соотвѣтствовать извѣстному преступленію; исключеніе допускается или по особымъ условіямъ виновности, физическаго состоянія виновнаго, или по свойствамъ назначеннаго наказанія, всего чаще по физической невозможности примѣненія нормальнаго наказанія, напримѣръ,

назначеннаго денежнаго взысканія при фактической несостоятельности лица къ уплатѣ, а посему въ этомъ только послѣднемъ случаѣ и можетъ быть, по мысли составителей проекта допущена замѣна этого наказанія арестомъ. Между тѣмъ изъ текста редакціи 24 ст. проекта оказывается, что произволу приговореннаго какъ-бы предоставляется подчиниться денежному взысканію или аресту. Собраніе, находя, съ своей стороны, что такое положеніе вещей противорѣчило-бы выше приведеннымъ соображеніямъ теоріи, что оно не согласно съ фискальными интересами, какіе преслѣдуетъ государство этого рода наказаніемъ, и что, при предоставленіи осужденному выбора между денежною пенею и арестомъ, этотъ послѣдній видъ наказанія, при неразвитости массы населенія и все еще не достаточномъ сознаніи его цѣны личной свободы, будетъ предпочитаться денежной пенѣ прямо вслѣдствіи разсчета, постановило: измѣнить текстъ редакціи 24 ст. проекта въ томъ смыслѣ, чтобы обязанность уплаты денежнаго взысканія была высказана категорически, а именно слѣдующимъ образомъ: «денежная пеня или часть оной, неуплаченныя въ теченіи мѣсяца со дня вступленія приговора въ законную силу, а при отсрочкѣ или разсрочкѣ платежа со дня наступленія срока уплаты, взыскиваются въ общемъ порядкѣ исполненія приговоровъ; при невозможности взысканія замѣняются арестомъ на сроки, опредѣляемые судомъ въ приговорѣ, въ слѣдующей соразмѣрности: пеня до 25 рублей—арестомъ до одной недѣли, пеня отъ 25 до 100 руб.—арестомъ отъ одной недѣли до одного мѣсяца, пеня отъ 100 до 500 руб.—арестомъ отъ одного до двухъ мѣсяцевъ; пеня отъ 500 до 1.000 рублей—арестомъ отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ, а пеня свыше 1.000 рублей отъ трехъ до шести мѣсяцевъ.

При уплатѣ денежной пени или части оной во время отбыванія замѣняющаго ее ареста, сей арестъ или прекращается, или-же срокъ его уменьшается соразмѣрно съ внесенною частью пени; при такомъ уменьшеніи арестъ засчитывается въ соразмѣрности, установленной судомъ въ его приговорѣ.

Вслѣдъ за симъ, предсѣдательствующій въ собраніи замѣтилъ, что, при такомъ, принятомъ собраніемъ, измѣненіи текста 24 ст. проекта, опредѣляемый 2 п. 23 ст. того же проекта срокъ разсрочки уплаты денежной пени «не свыше одного года» во многихъ случаяхъ, а именно при взысканіи крупной цифры денежной пени будетъ недостаточенъ, можетъ повлечь нежелательное экономическое раззореніе лица, подвергшагося такому взысканію, но что, съ другой стороны, при болѣе продолжительныхъ срокахъ уплаты представляется необходимымъ принятіе мѣръ, которыя обезпечивали-бы возможность взысканія, и посему предложилъ собранію измѣнить 2 п. 23 ст. добавленіемъ: «въ исключительныхъ случаяхъ разсрочка допускается и на болѣе продолжительное время, но не иначе, какъ подъ обезпеченіе.» Собраніе согласилось съ

этимъ предложеніемъ и приняло редакцію 2 ч. 23 ст. проекта въ слѣдующемъ текстѣ: уплата денежной пени можетъ быть отсрочена или разсрочена на время не свыше одного года со дня вступленія приговора въ законную силу, а въ исключительныхъ случаяхъ и на дальнѣйшій срокъ, но не иначе какъ подъ обезпеченіе.

По замѣчанію Предсѣдателя и Членовъ Енисейскаго Губернскаго Суда, денежная пеня, будучи налагаема въ незначительномъ количествѣ на лицъ состоятельныхъ, во многихъ случаяхъ не достигнетъ своей карательной цѣли. Многія такія лица выказываютъ въ незначительныхъ нарушеніяхъ, напр. противъ общественной безопасности, здравія, тишины, спокойствія и пр., особенное упорство въ совершеніи ихъ, пренебреженіе къ интересамъ менѣе состоятельныхъ согражданъ своихъ и къ судебнымъ приговорамъ, легко уплачиваютъ штрафы и даже какъ-бы кичатся тѣмъ, что привлеченіе къ суду и приговоръ не составляютъ для нихъ никакой тягости. Для воздѣйствія на такихъ лицъ справедливо было-бы пеню замѣнять соотвѣтствующимъ арестомъ, причемъ слѣдуетъ предоставить суду опредѣленіе того, къ чему долженъ быть присужденъ виновный, къ аресту или пенѣ. Поэтому 24 ст. проекта уложенія слѣдовало-бы дополнить тѣмъ, что по усмотрѣнію суда денежная пеня можетъ замѣняться арестомъ независимо отъ состоятельности виновнаго къ уплатѣ пени, причемъ судъ долженъ мотивировать подобную замѣну.

Статья 23.

Профессоръ Лукини можетъ только похвалить новое положеніе, по которому осужденному можетъ быть дана отсрочка до одного года для уплаты денежной пени.

Вознагражденіе несправедливо понесшихъ наказаніе или оправданныхъ по суду, если они своимъ поведеніемъ не навлекли на себя подозрѣнія и если вслѣдствіе содержанія ихъ подъ стражею или по другимъ причинамъ во время производства дѣла понесли убытки, составляетъ, по замѣчанію профессора Будзинскаго, существенную обязанность государства. Поэтому 3-я часть 23 ст. должна быть замѣнена соотвѣтственными правилами о вознагражденіи названныхъ лицъ. Такое правило относительно оправданныхъ принято уже ст. 52 уложенія кантона Аппенцелль а. Р.

Опредѣленіе минимума денежной пени въ 50 к. можетъ быть, по мнѣнію профессора Миклашевскаго, оправдано только тѣмъ, что предполагается разсрочка уплаты, но и такъ такое ограниченіе власти суда крайне нежелательно тѣмъ болѣе, что указанный минимумъ въ извѣстныхъ случаяхъ, при маловажныхъ нарушеніяхъ, можетъ оказаться слишкомъ высокимъ и несоотвѣтствующимъ винѣ въ особенности бѣдныхъ людей, приговариваемыхъ за маловажныя нарушенія.

При обсужденіи проекта въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ, ст. 23 вызвала замѣчаніе со стороны *А. П. Зубова*, который полагалъ не опредѣлять вовсе minimum'а денежной пени, такъ какъ и 50 к. можетъ оказаться весьма обременительнымъ для лица безусловно несостоятельнаго, какъ напр., для нищаго.

Предложеніе это не было принято.

Въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества *В. В. Смитенъ*, остановившись на принципіальномъ значеніи денежной пени, какъ уголовнаго наказанія, высказалъ, что въ отвлеченіи она представляетъ прекрасное наказаніе. Битье по карману, достаточно чувствительное, могло-бы съ пользою замѣнить краткосрочное заключеніе въ видѣ ареста и низшихъ сроковъ тюрьмы. Къ сожалѣнію, денежная пеня, въ виду ея крайней неуравнительности, представляется наказаніемъ практически непригоднымъ. Для бѣдняка уплата одного рубля можетъ быть тяжелѣе, чѣмъ для милліонера уплата 500.000 р. Штрафы, опредѣляемые нашимъ Мировымъ Уставомъ, нисколько нечувствительны для богача и, въ сущности, оставляютъ его проступки безнаказанными. И другія наказанія поражаютъ не одинаково различныхъ субъектовъ, но ни одно изъ нихъ не представляетъ такой колоссальной неуравнительности, какъ денежное взысканіе. Устранить, до нѣкоторой степени, эту неуравнительность можно было-бы лишь при условіи предоставленія суду величайшаго простора въ опредѣленіи размѣра пени по степени состоятельности подсудимаго, установленіемъ, напр., правила, что опредѣленный уголовными законами maximum пени имѣетъ въ виду лишь бѣднѣйшихъ гражданъ и можетъ быть, смотря по степени состоятельности субъекта, постепенно увеличиваемъ судомъ и доходить для наиболѣе богатыхъ до суммы, примѣрно, въ 100—500 разъ большей, по сравненію съ суммою, опредѣленною въ уголовномъ законѣ (для бѣднѣйшаго). Но предоставленіе такого необычайнаго простора суду, очевидно, невозможно, какъ потому, что такой просторъ легко могъ-бы перейти въ полнѣйшій произволъ, который

былъ-бы хуже самой неуравнительности наказанія, такъ и потому, что предоставленіе этого права породило-бы массу процессуальныхъ затрудненій, едва-ли обходимыхъ.

Такимъ образомъ, при всѣхъ прекрасныхъ качествахъ, въ принципѣ, наказанія въ видѣ денежной пени, оно практически неудобно по своей крайней неуравнительности, устранить которую едва-ли есть какая-либо возможность. Это свойство денежной пени дѣлаетъ ее наказаніемъ наименѣе демократическимъ и наиболѣе плутократическимъ, репрессивнымъ для массы населенія и нечувствительнымъ или мало чувствительнымъ для болѣе состоятельныхъ классовъ общества.

Проектъ имѣетъ въ виду назначать это наказаніе за незначительныя нарушенія закона и за нарушеніе уставовъ казенныхъ управленій (стр. 21 и 74).

По поводу 23 ст. референтъ не представилъ никакихъ возраженій, но находилъ желательнымъ внести въ кодексъ, кромѣ правилъ этой статьи, еще: 1) правило ст. 30 германскаго уложенія о томъ, что, въ случаѣ смерти лица, приговореннаго къ пенѣ, послѣдняя обращается на оставшееся послѣ него наслѣдство только тогда, если приговоръ вошелъ въ силу при жизни приговореннаго. Соотвѣтствующее этому правилу постановленіе имѣется въ 998 ст. уст. угол. судопр., въ отношеніи судебныхъ издержекъ. Идти еще дальше и, какъ предлагаютъ нѣкоторые члены, вовсе не взыскивать пени послѣ смерти приговореннаго, хотя-бы приговоръ вошелъ въ силу при его жизни, по мнѣнію референта, неправильно потому, что, со вступленіемъ приговора въ силу, пеня почитается лежащею на имуществѣ приговореннаго и входящею, въ случаѣ его смерти, въ составъ наслѣдства и, поэтому, взысканіе ея не составитъ переноса наказанія на наслѣдника приговореннаго. По этому, безъ сомнѣнія, соображенію взыскиваются съ наслѣдства приговореннаго и судебныя издержки, опредѣленныя приговоромъ, вступившимъ въ силу при его жизни, и 2) правило, опредѣляющее отношеніе пени, въ порядкѣ взысканія съ имущества приговореннаго, къ безспорнымъ требованіямъ и гражданскимъ взысканіямъ, обращаемымъ на то же имущество. Это отношеніе опредѣляется въ дѣйствующемъ уложеніи 2 част. 41 и 63 ст. Повидимому, правило ст. 63-й не вошло въ проектъ, потому что заключается въ отдѣлѣ о вознагражденіи за вредъ и убытки, относимомъ запискою Коммисіи къ гражданскимъ законамъ. Но, если нельзя не согласиться съ тѣмъ, что правила о вознагражденіи за вредъ, причиненный преступнымъ дѣяніемъ, должны быть опредѣляемы гражданскими законами, то, напротивъ, казалось-бы вполнѣ умѣстнымъ опредѣлить въ уголовномъ кодексѣ отношеніе одного изъ уголовныхъ наказаній къ однороднымъ съ этимъ наказаніемъ безспорнымъ

требованіямъ и гражданскимъ взысканіямъ. Согласно съ этимъ, и въ устав уголовн. судопр. (ст. 997) внесено правило, опредѣляющее отношеніе судебныхъ издержекъ къ вознагражденію за вредъ и убытки. Со внесеніемъ въ уголовный кодексъ правила, опредѣляющаго отношеніе денежной пени къ безспорнымъ требованіямъ и гражданскимъ взысканіямъ, слѣдуетъ, по мнѣнію референта, расширить постановленія 41 и 63 ст. дѣйствующаго уложенія, установивъ, что всякое безспорное требованіе и всякое гражданское взысканіе имѣетъ, въ порядкѣ взысканія, преимущество предъ денежной пеней. Основаніемъ къ установленію такого общаго правила служитъ то соображеніе, что пеня не имѣетъ фискальнаго значенія и можетъ быть замѣняема другимъ наказаніемъ, тогда какъ безспорныя и гражданскія взысканія имѣютъ исключительно имущественный характеръ и не могутъ быть замѣняемы другими способами удовлетворенія.

Предложеніе В. В. Смиттена о необходимости въ самомъ текстѣ закона помѣстить правило о преимуществѣ гражданскихъ взысканій предъ уголовными пенями принято единогласно; что-же касается до предложенія его о томъ, чтобы, въ случаѣ смерти присужденнаго къ пенѣ, послѣ вступленія приговора въ законную силу, пеня, все-таки, была взыскана съ оставшагося послѣ него имущества, то къ таковому присоединились только двое (*); остальные-же (**) присутствовавшіе, въ числѣ семи человѣкъ, находили, что уголовная пеня, какъ и всякое другое наказаніе, является наказаніемъ личнымъ и что разъ оно не исполнено при жизни приговореннаго, то и нѣтъ основанія исполнять его на счетъ имущества, принадлежащаго уже другимъ лицамъ, такъ какъ подобное исполненіе было-бы равнссильно перенесенію наказанія на лицъ неосужденныхъ.

Товарищъ Прокурора Полтавскаго Окружнаго Суда Сливицкій указываетъ, что проектъ предполагаетъ установить пеню за маловажныя нарушенія и за нарушенія уставовъ казеннаго управленія. Кругъ преступныхъ дѣяній, наказуемыхъ пенею по проекту, весьма ограниченъ; слѣдовало-бы расширить этотъ кругъ, назначивъ пеню и за болѣе тяжкія преступныя дѣянія вмѣстѣ съ лишеніемъ свободы или инымъ наказаніемъ, а именно за такія преступныя дѣянія, мотивъ которыхъ корысть и матеріальная выгода, а затѣмъ, по примѣру устава о наказаніяхъ, за нѣкоторыя преступныя дѣянія опредѣлить

(*) Гг. Н. Смиттенъ и Кусиковъ.

(**) Гг. Андреевъ, Арцруни, Дингельштетъ, Френкель, Воюцкій, Козловъ и Быковъ.

лишеніе свободы или денежную пеню, предоставивъ суду опредѣлять по выбору то или другое наказаніе.

Г. Сливицкій приводитъ слѣдующія основанія своего мнѣнія: весьма часты преступныя дѣянія, мотивъ которыхъ корысть и матеріальныя выгоды, какъ-то: убійство съ корыстною цѣлью, грабежъ, кража, мошенничество. Наказаніе за такого рода преступныя дѣянія должно парализировать корыстныя поползновенія, лишая виновнаго возможности впослѣдствіи по отбытіи наказанія воспользоваться плодами своего преступленія. Для лицъ, коихъ на преступленіе подвигаетъ корысть, наказаніе однимъ лишеніемъ свободы едва-ли будетъ дѣйствительно; если же наказаніе для нихъ, кромѣ лишенія свободы или иного личнаго наказанія, будетъ заключаться и въ денежной пенѣ, по размѣру не ниже причиненнаго потерпѣвшему вреда, то такое средство пріобрѣтенія матеріальныхъ благъ какъ преступленіе, явится менѣе надежнымъ и заманчивымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшится и число лицъ, которыя обращаются къ этому средству въ разсчетѣ, что хотя преступное дѣяніе повлечетъ личное наказаніе, но не коснется тѣхъ благъ, которые пріобрѣтены путемъ преступленія. Правда, лица, потерпѣвшія отъ преступленія, въ правѣ взыскивать съ виновныхъ убытки, причиненные преступленіемъ, но правомъ этимъ пользуются весьма рѣдко, да и кромѣ того есть множество преступныхъ дѣяній, которыя прямо не нарушаютъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ или нарушаютъ ихъ въ столь малой степени, что не могутъ вызвать гражданскаго иска. Къ такимъ дѣяніямъ относятся мелкія мошенничества при торговлѣ, обмѣрѣ, обвѣсѣ, продажа недоброкачественной и вредной для здоровья провизіи, неособлюденіе санитарныхъ условій и проч. Такого рода преступныя дѣянія потому-ли, что не поддаются наблюденію, или потому, что не затрогиваютъ непосредственно интересовъ частныхъ лицъ настолько, чтобы вызвать со стороны ихъ жалобу, какъ напр., единичный обвѣсъ на 1 золотникъ въ фунтѣ, рѣдко наказываются, между тѣмъ они практикуются иногда довольно долго, обращаются въ спеціальность и доставляютъ виновнымъ иногда значительныя матеріальныя выгоды. Наказывать такія преступныя дѣянія однимъ лишеніемъ свободы или однимъ штрафомъ тоже будетъ недостаточно: найдется не одинъ спеціалистъ подобнаго рода, который отбудетъ личное наказаніе, чтобы продолжать свою спеціальность для наживы. Для такихъ лицъ, наряду съ личнымъ наказаніемъ и въ связи съ нимъ, должна быть назначена и пеня въ размѣрахъ болѣе или менѣе значительныхъ, чтобы они, поплатившись карманомъ, кромѣ личнаго наказанія, нашли невыгоднымъ вновь приниматься за свою спеціальность.

Чины Владикавказскаго Окружнаго Суда высказываютъ желаніе объ исключеніи денежныхъ взысканій изъ системы уголовныхъ наказаній, какъ неудовлетворяющихъ главному принципу наказанія—соразмѣрности его съ преступленіемъ: будучи для состоятельныхъ лицъ необременительными, денежныя взысканія не послужатъ къ предотвращенію такихъ лицъ отъ содѣянія въ будущемъ правонарушеній, облагаемыхъ пеней, а скорѣе вселятъ мысль о возможности откупа за правонарушенія: что же касается до лицъ несостоятельныхъ, то денежныя взысканія или не будутъ приниматься къ нимъ, замѣняясь арестомъ, или же тяжесть наказанія денежнымъ взысканіемъ, подобно тому, какъ и при конфискаціи, будетъ отражаться не только на личности виновнаго, но и на семьѣ его, ни въ чемъ неповинной. Удержаніе денежныхъ взысканій въ системѣ наказаній Редакціонная Комиссія объясняетъ тѣмъ, что «кромѣ карательнаго элемента большинство этихъ взысканій заключаетъ въ себѣ и вознагражденіе казны (въ дѣлахъ о нарушеніи казеннаго интереса) за претерпѣнный убытокъ, доказать который въ порядкѣ гражданскомъ представляется затруднительнымъ». Относительно необходимости сохраненія денежныхъ взысканій, какъ наказаній за нарушеніе интересовъ казны, а также частныхъ лицъ и обществъ, названные судебные чины сомнѣваются въ такой необходимости при наличности въ такихъ проступкахъ злого умысла, а только въ этомъ случаѣ и можно разсматривать такіе проступки какъ уголовныя правонарушенія, одни денежныя взысканія представляются недостаточными по несостоятельности ихъ карательнаго элемента, посему они могутъ служить лишь неизбѣжнымъ вознагражденіемъ причиненнаго правонарушеніемъ имущественнаго вреда, доказать причиненіе котораго врядъ-ли въ этомъ случаѣ затруднительно, такъ какъ искъ, возникающій изъ правонарушеній, разсматривается уголовнымъ судомъ и доказательствами такого иска служитъ обыкновенно доказательства виновности правонарушителя. Какъ-бы то ни было, фискальныя цѣли не могутъ служить достаточнымъ основаніемъ къ выдѣленію въ систему наказаній—наказанія, неудовлетворяющаго общимъ условіямъ таковаго. Если денежныя пени и могутъ имѣть мѣсто, то лишь въ дисциплинарныхъ уставахъ, а никакъ не въ уложеніи о наказаніяхъ.

Чины Владикавказскаго Окружна Суда замѣчаютъ далѣе, что ст. 23 проекта, допуская отсрочку или разсрочку въ уплатѣ пени, не говоритъ о томъ, кѣмъ могутъ быть даны отсрочка или разсрочка. Такая отсрочка или разсрочка должна быть даваема лишь «судомъ».

Чины прокуратуры Воронежскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что въ настоящее время рубль составляетъ далеко не ту крупную денежную

единицу, какою онъ былъ еще не въ далекомъ прошедшемъ, и для того, чтобы сдѣлать пеню хотя-бы сколько-нибудь чувствительною даже для бѣднаго рабочаго и крестьянина, ее нужно назначить въ размѣрѣ не ниже рубля. Посему справедливо будетъ установить minimum денежной пени въ рубль, взамѣнъ проектированныхъ 50 копѣекъ.—Къ тому-же заключенію приходятъ чины Владимірскаго Окружнаго Суда и Прокуроръ Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалевъ.

Варшавскіе Присяжные Повѣренные полагаютъ, что въ ст. 23, кромѣ низшаго предѣла денежной пени, слѣдуетъ опредѣлить и высшій ея предѣлъ, какъ это встрѣчается въ нѣкоторыхъ иностранныхъ законодательствахъ. Опредѣленіе высшаго предѣла денежной пени въ общей части уложенія не только желательно для гражданъ, которые должны знать, какому взысканію они могутъ подвергаться, но оно необходимо особенно на случай совокупности преступныхъ дѣяній, въ каковомъ случаѣ пеня не должна превышать установленнаго въ общей части maximum'a. Въ кодексѣ 1818 г. высшій предѣлъ денежной пени былъ назначенъ въ 300 рублей. При настоящемъ уменьшеніи цѣнности денегъ, этотъ предѣлъ не долженъ былъ-бы превышать 500 рублей.

Люблинскій Окружный Судъ спрашиваетъ, почему, если низшій размѣръ пени положенъ въ 50 коп., нельзя назначить ее напр. въ 75 коп.? Правило «и опредѣляется не менѣе какъ рублями или полурублями» лучше исключить, какъ совершенно безполезную регламентацію. При сохраненіи же его, выраженіе «не менѣе» необходимо замѣнить словомъ «не иначе».

Нѣкоторыми изъ членовъ Совѣщанія чиновъ С.-Петербургской прокуратуры (кг. Островскій, Бомъ и Кильштетъ) было высказано, что разсрочки денежной пени не должны быть допускаемы, такъ какъ, при опредѣленіи размѣра пени, судъ долженъ сообразоваться съ имущественнымъ положеніемъ осужденнаго, избѣгая обложенія неимущаго непосильными пенями, а съ другой—разсрочка пени приведетъ на практикѣ только къ тому, что осужденные будутъ имѣть возможность скрыть свое имущество. Остальные члены Совѣщанія находили, что размѣръ пени будетъ опредѣленъ судомъ на основаніи положительныхъ предписаній закона, сообразно свойству нарушенія, что устраненіе разсрочекъ пени не лишитъ осужденнаго возможности скрыть въ извѣстныхъ случаяхъ имущество до обращенія приговора къ исполненію,

и что разсрочки будутъ служить, напротивъ, весьма часто средствомъ для осуществленія существа наказанія пенею и облегченіемъ для тѣхъ лицъ, которые желаютъ уплатить опредѣленную съ нихъ сумму и которые, не имѣя средствъ исполнить это сразу, должны были-бы подвергнуться аресту. Кромѣ того было указано (г. Тимофеевскій), что допустить или не допустить разсрочку, сообразно обстоятельствамъ дѣла, зависитъ отъ суда.

Замѣчаніе одного изъ присутствующихъ (г. Марковъ), что пеня должна быть обращаема въ доходъ казны (ст. 42 улож. 1866 г.), на средства которой содержатся Главное Тюремное Управленіе и подвѣдомственныя ему мѣста заключенія, было отвергнуто Совѣщаніемъ въ виду того, что специальное назначеніе пеней на устройство мѣстъ заключенія полезно указать въ законѣ, а съ другой стороны (г. Кичинъ), въ виду ст. 27 уст. о нак., узаконившей уже для мировыхъ судебныхъ установленій подобное правило, повторенное въ болѣе общей формѣ статьи 23 проекта.

Чины Рыбинской прокуратуры находятъ, что установляемая статьею 23 проекта отсрочка платежа пени есть ослабленіе силы приговора и, сверхъ того, даетъ возможность осужденному укрыться отъ исполненія приговора, ибо отсрочка, напр. на срокъ до года, есть такое время, въ которое имущество, если таковое окажется у осужденнаго, можетъ быть переведено, а самъ осужденный съ удобствомъ выбыть «неизвѣстно куда». Исполнительная власть, обремененная такими приговорами суда, поставлена будетъ въ невозможность ихъ точно осуществлять. Контроль за этимъ крайне сложенъ и затруднителенъ. Для практическихъ выгодъ правильнѣе было-бы постановить, что «отсрочка допускается на время отъ вступленія приговора въ законную силу не далѣе двухъ недѣль».

Останавливаясь на установляемой 23 ст. проекта денежной пенѣ, Предсѣдатель Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Бартеневъ находитъ, что какъ нынѣ, такъ и при введеніи новаго уложенія, на практикѣ будетъ постоянно встрѣчаться затрудненіе во взысканіи этой пени, если не будутъ строго обозначены сроки и способы взысканія ея.

Прежде всего г. Бартеневъ не можетъ понять, для чего въ отношеніи этого наказанія, по приведенію его въ исполненіе, сдѣлано исключеніе противъ всѣхъ другихъ наказаній и допущена отсрочка и разсрочка на цѣлый годъ. Если Коммисія признала принять такой порядокъ въ принципѣ, то во всякомъ случаѣ не слѣдовало-бы ограничивать опредѣленнымъ срокомъ,

такъ какъ при существованіи какихъ-бы то ни было сроковъ, на практикѣ пользуются обыкновенно послѣднимъ днемъ предъ окончаніемъ срока, а слѣдовательно и при примѣненіи 23 ст. будутъ на практикѣ брать въ разсчетъ годичный срокъ.

Присоединяясь къ вводимому въ уложеніе постановленію о разсрочкѣ денежной пени, Одесскій Окружный Судъ находитъ цѣлесообразнымъ увеличить продолжительность срока, на который можетъ быть разсрочена или отсрочена судомъ уплата денежной пени съ тѣмъ, чтобы предоставить осужденному наибольшую возможность исполнить наложенное на него взысканіе. Поэтому Окружный Судъ полагалъ-бы постановить, что «уплата денежной пени можетъ быть отсрочена или разсрочена на время не свыше одного года со дня вступленія приговора въ законную силу, а въ особо уважительныхъ случаяхъ и на время до трехъ лѣтъ». Окружный Судъ принялъ, при этомъ, въ соображеніе, что нѣкоторые проступки могутъ влечь за собою столь значительныя денежныя взысканія, что и при разсрочкѣ на годъ осужденный будетъ лишенъ возможности исполнить приговоръ суда, при всемъ своемъ желаніи, и долженъ будетъ неизбѣжно подвергнуться аресту, хотя законъ имѣлъ въ виду подвергнуть его лишь денежной пенѣ.

Прокуроръ Лубенскаго Окружнаго Суда Яновскій находитъ, что проектируемая въ 23 ст. разсрочка денежной пени можетъ повести на практикѣ къ различнаго рода затрудненіямъ и тогда наказаніе потеряетъ силу.

Въ ст. 23 должно быть, по мнѣнію чиновъ Казанской Судебной Палаты, включено правило, что отсрочка или разсрочка пени могутъ быть допущены при условіи обезпеченія исправности ея платежа въ назначенное время.

Чины прокуратуры Казанской Судебной Палаты замѣчаютъ неопредѣленность по вопросу о томъ, кѣмъ будетъ дѣлаться отсрочка или разсрочка денежной пени? Слѣдовало-бы добавить: «прокуроромъ или мировымъ судьею по принадлежности», какъ исполнителями приговора.

Во второй части 23 ст. слѣдуетъ, по замѣчанію чиновъ Вологодской прокуратуры, добавить, что уплата денежной пени можетъ быть отсрочена или разсрочена судомъ во избѣжаніе могущихъ встрѣтиться недоумѣній на практикѣ, кѣмъ именно должна быть сдѣлана отсрочка: судомъ или исполнителями приговора.

По замѣчанію Оренбургской Соединенной Палаты, ст. 23 допускаетъ разсрочку денежной пени на годъ, не упоминая о томъ, кто уполномочивается разсрочить платежъ, хотя въ объяснительной запискѣ право это оставлено за судомъ.

По замѣчанію Прокурора Кашинскаго Окружнаго Суда Безе, въ части 2 23 ст. для ясности должно быть между словами «разсрочена» и «на время» вставлено слово «судомъ», такъ какъ изъ объяснительной записки видно, что составители проекта такую отсрочку или разсрочку предоставляютъ дѣлать только суду, а не исполнителямъ приговоровъ.—Къ тому же заключенію приходятъ чины Симферопольскаго Окружнаго Суда, Варшавской, Казанской (окружной) прокуратуры, Предсѣдатель Кутаисскаго Окружнаго Суда Кайтмазовъ и г. Лихтенштадтъ.

Вторая часть 23 ст. должна быть, по мнѣнію чиновъ Московской прокуратуры, перенесена въ уст. угол. судопр. (ст. 187), какъ опредѣляющая порядокъ и сроки взысканія присужденной денежной пени.—Къ тому-же заключенію приходятъ и юристы-практики въ своихъ замѣчаніяхъ, помѣщенныхъ въ Судебной Газетѣ (1883 г., № 33), а также чины Люблинскаго Окружнаго Суда.

Предсѣдательствующій Ландратъ Эстлянскаго Оберъ-Ландгерихта фонъ-Фокъ замѣчаетъ, что хотя въ главѣ III и опредѣлена общая цѣль, на которую обращается денежная пеня, но, тѣмъ не менѣе, недостаетъ аналогичнаго со ст. 42 улож. о нак. постановленія о томъ, въ какую кассу должна быть вносима пеня: въ казначейство-ли, или земскую кассу.

Одинъ изъ чиновъ Радомскаго Окружнаго Суда предлагаютъ исключить 3 ч. 23 ст. о назначеніи денежныхъ пеней, ибо правило это фискальнаго

свойства и не имѣетъ ничего общаго съ уголовнымъ уложеніемъ.—По мнѣнію же Люблинскаго Окружнаго Суда, правило это чисто процессуальное.

См. также выше общее замѣчаніе на проектъ Курляндскаго Губернскаго Прокурора.

Статья 24.

По поводу ст. 24 профессоръ Гольцендорфъ предлагаетъ, по соображеніямъ уголовной политики, чтобы судьѣ было предоставлено дозволять тѣмъ изъ осужденныхъ, которые заслуживаютъ снисхожденія, отработывать денежные штрафы, къ уплатѣ которыхъ они оказались несостоятельными, посредствомъ добровольно производимыхъ работъ въ пользу государства и общины. Наибольшая экономія въ наказаніяхъ лишеніемъ свободы обязательна; въ той-же мѣрѣ слѣдуетъ щадить и чувство чести бѣднаго человѣка.

Постановленія о замѣнѣ денежныхъ взысканій свыше 100 р. могутъ быть приняты, по мнѣнію г. фонъ-Резона, лишь въ томъ случаѣ, если по болѣе серьезнымъ нарушеніямъ уставовъ казенныхъ управленій, кромѣ денежныхъ взысканій, будутъ назначены и другія наказанія. Иначе мы придемъ къ слѣдующимъ результатамъ: за обманъ частнаго лица, виновный можетъ попасть въ тюрьму или, можетъ быть, и въ исправительный домъ, за обманъ-же казны на сотни тысячъ рублей, напр. на винокуренномъ заводѣ, причемъ для совершенія обмана употреблены самые мошенническіе пріемы, онъ подлежитъ, въ случаѣ несостоятельности (а такіе господа всегда несостоятельны), лишь аресту на шесть мѣсяцевъ. Подобныя постановленія, разумѣется, будутъ служить прямо подстрекательствомъ для совершенія болѣе крупныхъ нарушеній уставовъ казенныхъ управленій. Въ 24 ст. между прочимъ сказано: «денежныя пени или часть оной, при отсрочкѣ или разсрочкѣ платежа со дня поступленія срока уплаты, замѣняются»... Изъ текста слѣдуетъ, что если платежъ пени былъ отсроченъ на разные сроки, напр. ½ на три мѣсяца, а другая ½ на шесть, то неплатежъ первой половины въ 1-й срокъ даетъ суду право замѣнить лишь эту часть пени, такъ какъ 2-й срокъ платежа еще не наступилъ, слѣдовательно не исключена возможность внесенія своевременно второй части пени. «Объясненія» (стр. 83) однако держатся противоположнаго, болѣе раціональнаго мнѣнія: если этотъ

срокъ былъ первымъ, то разсчетъ замѣны дѣлается по полной суммѣ пени; но къ сожалѣнію это мнѣніе не выражено въ текстѣ 24 ст., который поэтому требуетъ измѣненія.

Г. Лонгиновъ (Судебная Газета 1883 г., № 16) замѣчаетъ, что Комиссія, въ видахъ послѣдовательности со ст. 19, проектировала въ ст. 24 замѣну неуплаченной денежной пени арестомъ до *шести мѣсяцевъ* вмѣсто существующей замѣны ее арестомъ до трехъ мѣсяцевъ, если она не превышаетъ 300 р. и тюрьмою до пяти лѣтъ по 1234 ст. уст. гражд. суд., для несостоятельныхъ къ уплатѣ пени свыше 300 р. (ст. 7 уст. о наказ. и ст. 84 улож.).

Основаніями правила 24 ст. проекта послужили: съ одной стороны—мнѣніе Тюремной Коммисіи, находившей, что примѣненіе къ дѣяніямъ, влекущимъ денежныя взысканія, тюремнаго заключенія, направленнаго къ карѣ преступниковъ, требующихъ обузданія и тяжкаго урока, вызвало-бы несоотвѣтствіе между преступленіемъ и наказаніемъ, а съ другой стороны—отсутствіе въ денежной пенѣ, какъ мѣрѣ чисто карательной, гражданскаго элемента, за какія-бы нарушенія она ни налагалась (объясн. зап. стр. 82 и 83). Главнымъ-же образцомъ при проектированіи высшаго размѣра ареста, какъ наказанія вспомогательнаго, принято, вѣроятно, нидерландское уложеніе, замѣняющее штрафъ арестомъ до шести мѣсяцевъ и лишь въ исключительныхъ случаяхъ—до восьми мѣсяцевъ.

Всему этому г. Лонгиновъ противопоставляетъ слѣдующія соображенія: 1) замѣняющій денежную пеню арестъ долженъ быть ей равносиленъ. Изыскивая правильное соотношеніе между этими наказаніями, не трудно найти норму, которая устраняла-бы добровольное предпочтеніе ареста большому штрафу людьми состоятельными. Значеніе такой нормы особенно важно по нарушеніямъ уставовъ казенныхъ управленій, не подходящимъ подъ общій уровень другихъ нарушеній (см. объясн. къ ст. 1126 уст. угол. суд.), такъ какъ въ первыхъ объективный элементъ всегда играетъ преобладающую роль и штрафы достигаютъ наибольшей величины. Всякое послабленіе закона въ этой области нарушеній, нерѣдко имѣющихъ, вопреки взгляду Тюремной Коммисіи, весьма позорящій характеръ, близко примыкая къ воровству-мошенничеству, и нуждающихся въ обузданіи, повело-бы не къ предотвращенію ихъ, а къ поощренію. Нельзя, однако, не согласиться, что нынѣшній законъ требуетъ значительнаго смягченія,—также точно какъ и установленный способъ обезпеченія личности обвиняемыхъ по дѣламъ о нарушеніи казенныхъ уставовъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ случаевъ обезпе-

ченія, когда казенный ущербъ не превышаетъ 300 р. Въ настоящее-же время для обезпеченія личности приходится нерѣдко заключать въ тюрьму, за непредставленіемъ поручительства или залога, обвиняемыхъ въ самыхъ ничтожныхъ нарушеніяхъ, причинившихъ казнѣ убытокъ на нѣсколько рублей (ст. 1164 уст. угол. суд.). Само собою разумѣется, что и правосудіе и казна здѣсь въ чистомъ проигрышѣ.—2) Даже по нидерландскому уложенію (ст. 23 и 62) отношеніе къ штрафу ареста, какъ наказанія вспомогательнаго, поставлено, сравнительно съ проектированнымъ, въ гораздо болѣе строгія для приговореннаго условія, ибо по упомянутому уложенію высшій размѣръ ареста пропорціоналенъ высшему размѣру штрафа, не превышающаго 900 гульденовъ, считая пять гульденовъ равными одному дню. Слѣдовательно штрафъ въ 800 гульденовъ можетъ замѣняться арестомъ въ пять мѣсяцевъ и десять дней, по статьѣ-же 24 проекта, арестъ замѣняющій штрафъ въ 1.000 р. не можетъ превышать трехъ мѣсяцевъ. Такая крайняя снисходительность наименѣе оправдывается примѣромъ, который приводятъ составители проекта, именно—присужденіе винокуреннаго заводчика за нарушеніе акцизныхъ правилъ къ уплатѣ взысканія въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей (объясн. зап. стр. 83).

И такъ: а) высшій предѣлъ ареста не долженъ превышать трехъ мѣсяцевъ, б) арестомъ должна замѣняться пеня, не превышающая извѣстной суммы, напр. 300 р., и в) болѣе значительная пеня, при неуплатѣ ея въ опредѣленный срокъ, должна замѣняться заключеніемъ въ тюрьмѣ по крайней мѣрѣ до одного года (ср. 18 ст. проекта). Предлагаемый порядокъ замѣны денежной пени, не заключая въ себѣ ничего новаго, согласенъ въ главныхъ чертахъ съ принятымъ большинствомъ иностранныхъ кодексовъ. Такъ, по германскому уложенію, денежный штрафъ, взыскать который невозможно, замѣняется или арестомъ до шести недѣль, или *тюрьмою* до одного года (ст. 28 и 29). По венгерскому уложенію денежный штрафъ замѣняется *тюрьмою* до шести мѣсяцевъ или трехмѣсячнымъ лишеніемъ свободы въ соотвѣтственномъ мѣстѣ заключенія (ст. 53). По бельгійскому уложенію онъ замѣняется *тюрьмою* до шести мѣсяцевъ (ст. 40). Французскій законъ строже всѣхъ (ст. 52 и 53).

Г. Элленбогенъ указываетъ, что ст. 24 проекта говоритъ о замѣнѣ неуплаченной денежной пени арестомъ, причемъ установлено, что замѣна эта опредѣляется судомъ въ слѣдующей соразмѣрности: пеня до 25 рублей замѣняется арестомъ до одной недѣли; пеня отъ 25 до 100 рублей—арестомъ отъ одной недѣли до одного мѣсяца; пеня отъ 100 до 500 рублей—арестомъ

отъ одного до двухъ мѣсяцевъ; пеня отъ 500 до 1.000 рублей—арестомъ отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ; а пеня свыше 1.000 рублей—арестомъ отъ трехъ до шести мѣсяцевъ. Подобные краткіе сроки ареста, по мнѣнію г. Элиногена, будутъ служить прямымъ поощреніемъ къ совершенію тѣхъ нарушеній уставовъ казеннаго управленія, которыя влекутъ за собою большіе денежные штрафы. Въ пограничной полосѣ губерній Привисляискаго края, почти всѣ жители поголовно занимаются контрабандою и уменьшать сроки замѣняющихъ денежныя пени наказаній значило-бы содѣйствовать еще большему развитію этого промысла, наносящаго существенный вредъ государственной казнѣ. Контрабандный промыселъ устроенъ такимъ образомъ, что лица состоятельныя, занимающіяся контрабандою, лишь издали наблюдаютъ за дѣйствіями лицъ, нанимаемыхъ ими для веденія этого промысла; самое-же водвореніе контрабандныхъ товаровъ производится крестьянами-бобылями, не имѣющими никакого имущества и состоящими на жалованьи у болѣе богатыхъ людей. Такимъ образомъ, если замѣняющія денежныя пени наказанія будутъ столь незначительны, какъ это предлагается редакторами проекта, то лица, ведущія контрабанду en gros, всегда въ состояніи будутъ вознаградить тѣ наказанія, которымъ будутъ подвергаться ихъ агенты, а казна ни въ какомъ случаѣ не получитъ причитающейся ей денежной пени. Въ настоящее время, когда законодатель въ ст. 84 улож. о нак. и 1234 уст. гражд. судопр. угрожаетъ лицу, водворяющему контрабанду на сумму болѣе 300 р., тюремнымъ заключеніемъ на время отъ шести мѣсяцевъ до пяти лѣтъ, бываютъ случаи, что контрабандисты выдаютъ своихъ состоятельныхъ руководителей-хозяевъ и казна вознаграждаетъ хотя отчасти наносимый ей контрабандою матеріальный вредъ; съ принятіемъ-же предлагаемыхъ проектомъ замѣняющихъ наказаній, едва-ли будетъ хоть одинъ случай, когда контрабандистъ добровольно укажетъ хозяина водворяемыхъ товаровъ, такъ какъ угрожающее ему наказаніе настолько слабо, что его легко перевести на деньги и даже на деньги, весьма небольшія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ для крестьянина-бобыля что-либо значитъ, если его продержатъ мѣсяцъ подъ арестомъ, особенно въ зимнее время, когда никакихъ полевыхъ работъ нѣтъ; такое заключеніе ничего кромѣ выгоды принести ему не можетъ: онъ будетъ имѣть даровое помѣщеніе, его будутъ безмездно кормить, въ большей части случаевъ лучше, чѣмъ онъ привыкъ ѣсть и, наконецъ, онъ будетъ заниматься работами по своему выбору и чистый доходъ отъ этихъ работъ цѣликомъ обращается въ его пользу (ст. 19 проекта). Но, быть можетъ, самолюбіе крестьянина будетъ страдать, если онъ будетъ содержаться подъ арестомъ, и ему будетъ стыдно передъ своими согражданами? Но какой-же стыдъ можетъ испытывать крестьянинъ, попавшій за водвореніе контрабанды подъ

арестъ, если онъ знаетъ, что почти всѣ его однодеревенцы занимаются этимъ промысломъ, а въ самомъ арестѣ онъ встрѣтитъ другихъ своихъ однодеревенцевъ, которые ранѣе его туда попали. Наказаніе должно непремѣнно причинять извѣстную сумму страданія и соотвѣтствовать объему причиненнаго преступленіемъ вреда, въ противномъ случаѣ наказаніе никакой пользы приносить не будетъ, а государство будетъ нести совершенно непроизводительный расходъ на содержаніе мѣстъ заключенія. Высказанное редакторами проекта соображеніе, что примѣненіе тюремнаго заключенія къ нарушеніямъ уставовъ казеннаго управленія вызвало-бы очевидное несоотвѣтствіе между преступленіемъ и наказаніемъ, не можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ, напротивъ того, очевидно, что человѣкъ, похищающій, хотя-бы изъ обитаемаго строенія, какую-либо вещь, стоимостью въ 1 р., причиняетъ менѣе вреда обществу, нежели тотъ человѣкъ, который по ремеслу занимается водвореніемъ контрабанды на значительныя суммы. Равнымъ образомъ и для физической неприкосновенности гражданъ представляетъ несравненно большую опасность контрабандистъ, нежели похититель, ломающій замки. Опытъ указываетъ, что контрабандистъ, для защиты водворяемой имъ контрабанды, рѣшается на самыя страшныя убійства и въ пограничной полосѣ иногда происходятъ настоящія сраженія между контрабандистами и таможенной стражей. Въ виду всего изложеннаго, г. Элленбогенъ приходитъ къ заключенію, что не представляется достаточныхъ основаній къ отмѣнѣ ст. 84 дѣйствующаго нынѣ уложенія и къ замѣнѣ ея мягкими мѣрами, указанными въ ст. 24 проекта.

Г. Ц. Я. (Юридическій Вѣстникъ, 1883 г., № 8) находитъ, что въ ст. 24 проекта слова: «пеня до 25 р.—арестомъ до одной недѣли; пеня отъ 25 р. до 100 р.—арестомъ отъ одной недѣли до одного мѣсяца» слѣдовало-бы замѣнить словами: «пеня до 100 р.—арестомъ до 1 мѣсяца», иначе можно ожидать, что пеня до 75 р., за исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ, не будетъ уплачиваема; репресивность взысканія за нѣкоторыя нарушенія ослабнетъ, расходы на содержаніе арестованныхъ возрастутъ, а незначительный доходъ на устройство мѣстъ заключенія уменьшится; если-же судъ, признавая наказаніе пенею болѣе соотвѣтствующимъ свойству нарушенія, чѣмъ арестъ, пожелаетъ опредѣлить пеню въ такихъ размѣрахъ, чтобы осужденный не имѣлъ особеннаго желанія подвергнуться не пенѣ, а замѣняющему ее аресту, то будетъ вынужденъ крайне уменьшить размѣръ пени.

По поводу 24 ст. *В. Д. Спасовичъ* внесъ на обсужденіе С.-Петербургскаго Юридическаго Общества предложеніе Комитета Общества объ указаніи въ этой статьѣ, что установляемыя ею правила о замѣнѣ денежной пени, неуплаченной въ теченіи мѣсяца, арестомъ, не должны быть примѣняемы къ нарушеніямъ уставовъ казенныхъ управленій, такъ какъ въ этомъ случаѣ наказаніе не достигало-бы цѣли, ибо громадные штрафы погашались-бы шестимѣсячнымъ арестомъ при состоятельности осужденнаго.

Предложеніе это не было подвергнуто голосованію, въ виду заявленія *М. В. Красовскаго*, что по проектируемой системѣ денежныхъ взысканій за нарушенія уставовъ казеннаго управленія, эти взысканія во всякомъ случаѣ будутъ раздѣлямы на двѣ части: изъ коихъ первая, изображая собою вознагражденіе казны за вредъ и убытки, понесенные ею отъ нарушенія уставовъ казенныхъ управленій, не будетъ подлежать замѣнѣ арестомъ, а только вторая, штрафъ за нарушеніе, который, во всякомъ случаѣ, не будетъ доходить до десятковъ тысячъ рублей, допускаетъ замѣну арестомъ.

Въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества *В. В. Смитгель*, останавливаясь на 1-й части 24 ст. проекта, высказался противъ вводимаго ею принципа замѣны пени арестомъ, не въ случаѣ несостоятельности приговореннаго, *а въ случаѣ неуплаты имъ пени въ теченіи извѣстнаго срока*. Необходимо замѣтить, что этотъ совершенно новый принципъ не соотвѣтствуетъ соображеніямъ самой записки Коммисіи. Неоднократно, на стр. 75—84, Коммисія высказывается, что замѣна пени арестомъ, которая по принципу не должна была-бы быть допускаема, такъ какъ каждое наказаніе преслѣдуетъ свою опредѣленную цѣль (стр. 76), но вызывается условіями необходимости, потому что иначе преступники могли-бы оставаться безнаказанными (стр. 79),—устанавливается на случай «несостоятельности виновнаго къ уплатѣ пени» (стр. 79 и 84) «при фактической невозможности» примѣнить пеню (стр. 179) и что пеня «взыскивается» въ общемъ порядкѣ исполненія приговоровъ (стр. 75 и 83). Между тѣмъ, выраженіе 24 ст. «денежная пеня или часть оной, *неуплаченныя въ теченіи мѣсяца со дня вступленія приговора въ силу*, замѣняются арестомъ» ставитъ прямо взносъ пени въ зависимость отъ желанія приговореннаго, а замѣну пени арестомъ въ зависимость не отъ несостоятельности приговореннаго къ уплатѣ оной или фактической невозможности взыскать ее, а отъ невзноса пени по доброй волѣ приговореннаго. Этимъ самымъ устраняется всякая необходимость и даже правильность производства взысканія пени въ общемъ порядкѣ исполненія приговоровъ. Притомъ-же, очевидно, въ большинствѣ случаевъ, и невозможно произвести понудительное

взысканіе въ тотъ короткій срокъ (мѣсячный со дня вступленія приговора въ силу), который назначается проектомъ для уплаты пени. Въ общихъ судебныхъ установленіяхъ приговоръ о пенѣ даже едва можетъ дойти въ этотъ срокъ—чрезъ посредство Прокурора и Предсѣдателя—до подлежащаго судебнаго пристава, и то не всегда. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что текстъ ст. 24, вопреки мнѣнію Коммисіи, устраняетъ понудительное взысканіе пени и ставитъ взносъ ея въ зависимость отъ доброй воли приговореннаго. Невозможно оспаривать, что это правило въ высшей степени удобно въ практическомъ отношеніи, устраняя хлопотливое, а иногда сопряженное даже съ издержками для самой казны, производство понудительнаго взысканія. Но едва-ли также возможно спорить, что правило это принципіально совершенно неправильно, такъ какъ, въ сущности, оно предоставляетъ выборъ пени или ареста самому осужденному. Очевидно, что, если всякое наказаніе преслѣдуетъ свою опредѣленную цѣль, то замѣна его можетъ быть допущена лишь при безусловной въ томъ необходимости и, въ примѣненіи къ денежному взысканію, замѣна пени арестомъ можетъ быть допущена лишь *при невозможности взыскать ее*. Таково и правило дѣйствующаго уложенія и этому-же правилу соотвѣтствуютъ и соображенія Коммисіи. Германскій кодексъ также ставитъ замѣну пени въ зависимость отъ невозможности исполнить приговоръ о денежномъ взысканіи (ст. 28: eine nicht beizutreibende Geldstrafe ist umzuwandeln); напротивъ, голландскій кодексъ ставитъ эту замѣну въ зависимость отъ невзноса пени въ извѣстный срокъ (ст. 23).

Соразмѣрность между пенею и арестомъ, устанавливаемая 24 ст., по мнѣнію референта, вполнѣ искусственная. Люди недостаточные предпочтутъ замѣну пени арестомъ по всѣмъ ея подраздѣленіямъ, не исключая перваго. Для людей богатыхъ устанавливаемая 24 ст. замѣна можетъ быть выгодною лишь по пятому подраздѣленію, въ отношеніи высшихъ размѣровъ пени. Денежное взысканіе за нарушеніе уставовъ казенныхъ управленій можетъ быть милліонное. Понятно, что милліонеру, при наложеніи на него такого взысканія, выгоднѣе отсидѣть подъ арестомъ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, чѣмъ лишиться состоянія. Тѣмъ не менѣе, референтъ не возражаетъ противъ соразмѣрности между пеней и арестами, устанавливаемой 24 ст., такъ какъ и всякая иная соразмѣрность была-бы болѣе или менѣе искуственною и неправильною. Притомъ-же, чтобы сдѣлать замѣну пени арестомъ невыгодною, если не для всѣхъ, то для большинства приговоренныхъ, пришлось-бы весьма значительно увеличить сроки заключенія, замѣняющаго арестъ. Но значительное увеличеніе сроковъ заключенія было-бы несправедливо въ отношеніи лицъ, дѣйствительно неимѣющихъ возможности уплатить пени, по соображеніямъ, изложеннымъ на 83 страницѣ записки.

Однако иностранные кодексы (голландскій, германскій, и особенно французскій) допускаютъ, какъ видно и изъ записки, болѣе продолжительные сроки заключенія, замѣняющаго пеню, чѣмъ 24 ст. проекта.

Затѣмъ, референтъ находилъ, что при разсрочкѣ пени замѣна такой разсроченной пени арестомъ можетъ возбуждать недоразумѣнія, не разрѣшаемыя текстомъ ст. 24-й. Референтъ усматриваетъ два подобныхъ техническихъ недоразумѣнія: 1) слѣдуетъ-ли, при неисправности въ платежѣ отдѣльнаго взноса разсроченной пени, опредѣлять срокъ ареста сообразно съ суммою всей пени или по суммѣ неуплаченнаго взноса? Напримѣръ, пеня въ 4.000 р., разсрочена на четыре срока, по 1.000 р., и вся пеня замѣняется, по приговору, при невозможности взыскать ее, примѣрно четырьмя мѣсяцами ареста; внесено въ три срока 3.000 р., въ 4-й же срокъ 1.000 р. не внесены; если замѣнить не внесенные 1.000 р. арестомъ сообразно суммѣ всей пени, то слѣдуетъ отсидѣть одинъ мѣсяцъ; если-же замѣнить не внесенные 1.000 р. арестомъ по суммѣ неуплаченнаго взноса, то слѣдуетъ, по 4-му подраздѣленію 24 ст., отсидѣть менѣе двухъ мѣсяцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ атомъ случаѣ срокъ ареста долженъ быть опредѣляемъ сообразно съ суммою всей пени, такъ какъ иначе, вопреки справедливости, пришлось-бы отсиживать при неуплатѣ по частямъ разсроченной пени больше, чѣмъ при неуплатѣ неразсроченной пени того-же размѣра. Однако, на практикѣ этотъ вопросъ можетъ вызвать недоумѣнія, тѣмъ болѣе, что редакція 1-й части 24 ст. даетъ скорѣе основаніе придти къ противоположному заключенію. Въ ней говорится, что замѣна дѣлается «на *сроки*, опредѣленные судомъ въ *приговорѣ*», такъ что выходитъ, будто судъ обязанъ въ приговорѣ назначать не одинъ общій срокъ ареста, соотвѣтствующій суммѣ всей пени, а нѣсколько отдѣльныхъ сроковъ, соотвѣтствующихъ размѣру каждаго взноса. Еще болѣе недоразумѣній вызываетъ 2-й вопросъ, слѣдуетъ-ли, при исправности въ платежѣ отдѣльнаго взноса разсроченной пени, замѣнять арестомъ всѣ еще неуплаченные взносы или лишь одинъ неуплаченный взносъ. Напримѣръ, пеня въ 4.000 р., разсрочена на 4 срока по 1.000 р., и въ первый-же срокъ не внесено 1.000 р.; слѣдуетъ-ли отсидѣть за всѣ 4.000 р., или лишь за 1.000 р., и для взноса остальныхъ трехъ взносовъ въ 3.000 р. ждать наступленія сроковъ, назначенныхъ для каждаго изъ этихъ взносовъ? Записка разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что замѣняется арестомъ не одинъ лишь срочный взносъ, а всѣ еще неуплаченные взносы; она говоритъ на 83 страницѣ, что, если неуплата произошла въ первый срокъ, то разсчетъ замѣны дѣлается по полной суммѣ пени, а если не въ первый, то по разсчету оставшейся къ уплатѣ суммы. Но такое разрѣшеніе этого вопроса, которое референтъ находитъ вполнѣ цѣлесообразнымъ, вовсе не вытекаетъ изъ текста

24 ст. Напротивъ, редакція 24 ст., ставящая замѣну разсроченной пени арестомъ въ зависимость отъ наступленія вообще «срока уплаты,» безъ дальнѣйшихъ оговорокъ, скорѣе даетъ основаніе заключать, что арестомъ долженъ быть замѣняемъ лишь неуплаченный срочный взносъ. Находя разрѣшеніе вопроса, дѣлаемое Коммисіей, практичнымъ, тѣмъ болѣе, что отбытіе ареста, замѣняющаго лишь срочный взносъ, фактически происходило-бы, въ большинствѣ случаевъ, уже послѣ наступленія сроковъ для слѣдующихъ взносовъ, и что арестованный не лишенъ возможности прекратить арестъ взносомъ неуплаченной суммы, референтъ признавалъ нужнымъ внести въ текстъ 24 ст. правило, разрѣшающее вопросъ въ этомъ смыслѣ.

По поводу изложенныхъ техническихъ вопросовъ, вызываемыхъ 1-ю частью 24 ст., референтъ высказалъ, что вообще допущеніе разсрочки пени можетъ, повидимому, породить массу практическихъ затрудненій и что потому желательно, чтобы разсрочка пени допускалась лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, при назначеніи пени въ крупныхъ суммахъ.

Перейдя ко 2-й части 24 ст., референтъ высказалъ, что едва-ли можно признать правило этой части статьи удовлетворительнымъ, какъ въ принципіальномъ, такъ и въ редакціонномъ отношеніи.

Нельзя, прежде всего, не замѣтить, что редакція ея такова, что, по грамматическому ея толкованію, слѣдуетъ прійти къ такимъ страннымъ выводамъ, какъ, напр., что при уплатѣ, во время ареста, пени сполна, арестъ не безусловно прекращается, «*или* прекращается, *или* уменьшается», и что, наоборотъ, при уплатѣ ничтожной части пени, нисколько не соотвѣтствующей остающемуся сроку заключенія (напр., при уплатѣ по пенѣ въ 1.000 руб., замѣненной трехмѣсячнымъ арестомъ, 50 к. по отбытіи одного дня ареста), арестъ можетъ быть прекращенъ, такъ какъ редакція статьи не обусловливаетъ прекращенія ареста взносомъ суммы, соразмѣрной остающемуся сроку заключенія.

Въ принципіальномъ отношеніи 2 часть 24 ст., устанавливаетъ два правила:

1) Въ отличіе отъ правила 23 ст. мироваго устава о томъ, что взносъ части пени, соразмѣрной остающемуся сроку заключенія, прекращаетъ арестъ, устанавливается, что взносъ таковой части не обязываетъ прекращать арестъ, и суду предоставляется либо прекращать, либо только уменьшать срокъ ареста. Записка объясняетъ, на страницѣ 84, что несвоевременность взноса можетъ происходить по уважительнымъ причинамъ, вслѣдствіе дѣйствительной невозможности для приговореннаго внести его въ свое время, и можетъ быть результатомъ скупости, самодурства и т. д., такъ что позднѣйшая уплата вызывается только тяжестью лишенія свободы; что эти слу-

чаи, съ уголовной точки зрѣнія, могутъ представлять нѣкоторое различіе и что, потому, суду слѣдуетъ предоставить право, при уплатѣ части пени, соразмѣрной остающемуся сроку, засчитывать отбытый срокъ ареста, или не засчитывать. Напримѣръ, по пенѣ въ 600.000 р., замѣненной 6-ти-мѣсячнымъ арестомъ, арестованный вноситъ 100.000 р., и проситъ освободить его по истеченіи 5 мѣсяцевъ ареста;—судъ можетъ отказать въ его просьбѣ, не принять во вниманіе отбытаго имъ срока ареста и потребовать для освобожденія его взноса всѣхъ 600.000 р. Едва-ли, однако, предоставленіе такого права суду правильно въ принципѣ. Осуществленіе этого права вело-бы, въ сущности, къ усиленію назначеннаго приговоромъ наказанія и къ назначенію приговоренному наказанія въ видѣ полной суммы пени (600.000 р., въ приведенномъ примѣрѣ) плюсъ отбытый срокъ ареста (5 мѣсяцевъ). Между тѣмъ, наказаніе, при отбытіи его, не можетъ быть увеличиваемо по сравненію съ размѣромъ его, опредѣленнымъ въ приговорѣ. Едва-ли государству есть дѣло до того, по какимъ причинамъ пеня не внесена въ свое время и было-ли поведеніе приговореннаго, въ этомъ случаѣ, добросовѣстно, или недобросовѣстно.

Но, если-бы и было возможно карать недобросовѣстное уклоненіе отъ взноса пени, то, во всякомъ случаѣ, путемъ постановленія новаго приговора, а не измѣненія прежняго въ смыслѣ усиленія назначеннаго приговоромъ наказанія. Приговоръ постановляется по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ преступное дѣяніе и бывшимъ въ виду суда при его постановленіи, и не можетъ быть измѣняемъ въ смыслѣ усиленія наказанія по обстоятельствамъ, имѣвшимъ мѣсто при отбытіи наказанія.

Необходимо, однако, имѣть въ виду, что, въ сущности, изложенный принципъ не вытекаетъ изъ текста 2 ч. 24 ст. Если первыя выраженія этой части статьи, не обязывающія прекращать арестъ при взносѣ части пени, соразмѣрной остающемуся сроку заключенія, и даютъ мѣсто этому принципу, то послѣдующія выраженія устраняютъ его. Именно, изъ дальнѣйшихъ выраженій видно, что взносъ такой части пени, во всякомъ случаѣ, обязываетъ судъ «уменьшать срокъ ареста». Въ какой степени уменьшать? «Соразмѣрно съ внесенной частью пени, причемъ арестъ засчитывается въ соразмѣрности, установленной судомъ въ его приговорѣ». Такимъ образомъ оказывается, беря приведенный выше примѣръ, что если, съ одной стороны, судъ можетъ, не смотря на взносъ 100.000 р., не освобождать арестованнаго отъ ареста въ теченіи послѣдняго, шестаго мѣсяца и потребовать для того взноса всѣхъ 600.000 р., то, съ другой стороны, судъ не имѣетъ этого права, такъ какъ обязанъ, во всякомъ случаѣ, по взносѣ 100.000 р., уменьшить срокъ замѣняющаго пеню ареста и, притомъ, не по своему усмотрѣнію, а

сообразно съ отношеніемъ пени и ареста, установленнымъ въ приговорѣ. А какъ по этому соотношенію 100.000 р. приравниваются къ мѣсяцу ареста, то выходитъ, что судъ обязанъ освободить приговореннаго отъ ареста въ теченіи послѣдняго, шестаго мѣсяца. Изъ сказаннаго видно, что, по разсматриваемому принципіальному вопросу, начало 2 ч. 24 ст., допускающее непрекращеніе ареста при взносѣ части пени, соразмѣрной остающемуся сроку заключенія, уничтожается концомъ ея, обязывающимъ къ таковому прекращенію ареста; и

2) Вторая часть 24 ст., какъ видно изъ точнаго ея смысла, допускаетъ взносъ не только такой части пени, которая соотвѣтствуетъ остающемуся сроку заключенія, но всякой ея части. Неудобство этого правила очевидно. Оно дало-бы возможность какому-либо шутнику нарочно вносить пеню копѣйками съ спеціальной цѣлью досадить управленію арестнаго дома, либо судебному мѣсту, смотря потому, на кого падетъ обязанность вести бухгалтерскіе счеты сдѣланнымъ взносамъ и вычисленіямъ соотвѣтственнаго взносамъ уменьшенія срока ареста. Повидимому, Коммисія вовсе и не имѣла въ виду устанавливать подобнаго правила; по крайней мѣрѣ, записка умалчиваетъ о немъ; но возможность всякихъ взносовъ въ счетъ пени прямо вытекаетъ изъ содержанія 2 ч. 24 статьи.

Сверхъ того, нельзя не замѣтить, по поводу 2 ч. 24 ст., что мысль записки (стр. 84) о возложеніи на суды обязанности, при уплатѣ арестованными части пени, производить зачетъ отбытому заключенію и уменьшать срокъ ареста—непрактична. Во многихъ случаяхъ, при большей или меньшей отдаленности арестнаго дома отъ мѣста нахожденія суда, постановленія по этому предмету суда могли-бы состояться по истеченіи самаго срока ареста, такъ что производство уплаты части пени не имѣло-бы смысла. Конечно, если сохранить мысль записки, что уплата части пени, соразмѣрной остающемуся сроку заключенія, не должна обязывать къ прекращенію ареста, то разрѣшеніе вопроса, слѣдуетъ-ли, или нѣтъ, прекратить въ этомъ случаѣ арестъ, можетъ быть предоставлено лишь суду. Но невозможность требовать постановленій суда только подтверждаетъ ошибочность означенной мысли записки.

Сводя все сказанное о 2 ч. 24 ст., референтъ находилъ, что, помимо неудовлетворительности ея редакціи, она неправильна въ принципѣ, и что, вмѣсто нея, слѣдовало-бы установить простое, практичное и цѣлесообразное правило 23 ст. мироваго устава о томъ, что взносъ части пени, соразмѣрной остающемуся сроку заключенія, прекращаетъ арестъ. Съ принятіемъ этого правила, будетъ возможенъ для арестованнаго лишь одинъ взносъ части пени и, притомъ, такой, которымъ прекращается дальнѣйшее отбытіе ареста, и

совершенно устранится необходимость участія суда въ производствѣ зачета ареста и пени: дѣло сведется къ простому ариѳметическому вычисленію, на основаніи соразмѣрности между пеней и арестомъ, установленной приговоромъ, вычисленію, вполнѣ доступному управленію арестнаго дома.

По выслушаніи этихъ замѣчаній, шестеро (*) изъ числа присутствовавшихъ присоединились къ мнѣнію референта о томъ, что замѣна штрафа арестомъ должна быть поставлена въ зависимость не отъ платы штрафа, въ теченіи опредѣленнаго срока, а отъ несостоятельности осужденнаго; четверо же (**), высказываясь за принятіе правила, установленнаго въ проектѣ, полагали только необходимымъ увеличить сроки ареста, дабы арестъ всегда и для всякаго являлся болѣе тяжелымъ, чѣмъ штрафъ.

Мнѣніе В. В. Сметтена о томъ, что редакція 24 ст., не выражаетъ принятаго въ запискѣ положенія, что неуплата части разсроченной пени влечетъ за собою замѣну арестомъ не только этой неуплаченной въ данный срокъ части, но и вообще всѣхъ невнесенныхъ еще частей пени, Обществомъ признано правильнымъ; причемъ признано желательнымъ измѣненіе въ этомъ смыслѣ редакціи статьи, и только Членъ Общества А. С. Френкель, доказывая, что, разъ законъ даетъ осужденному право вносить пеню въ разные сроки, то нѣтъ основанія карать обвиненнаго за невзносъ пени въ какой-либо срокъ, такъ какъ это можетъ произойти и по обстоятельствамъ совершенно случайнымъ, временнымъ, а главное, не по винѣ плательщика. Такое право плательщика, если и нельзя строго пріурочить къ договору о срочномъ взносѣ платежей, то, во всякомъ случаѣ, это есть право плательщика, лишать котораго, въ случаѣ одной неисправности, несправедливо. Наконецъ, судъ или приводящіе приговоръ въ исполненіе, во всякомъ случаѣ, должны-же слѣдить за сроками взносовъ, а потому никакой особенной трудности, сверхъ указанной, не предстоитъ. Поэтому А. С. Френкель полагалъ, что замѣна арестомъ должна послѣдовать за каждый отдѣльный срокъ.

Наконецъ, Общество единогласно присоединилось къ мнѣнію референта о томъ, чтобы, вмѣсто 2 ч. 24 ст. проекта, было новымъ уложеніемъ сохранено правило 23 ст. уст. о наказ., налаг. мировыми судьями.

Сенаторъ А. К. Фриде указываетъ, что въ ст. 23 minimum *денежной пени*, если такой долженъ быть опредѣленъ, назначенъ въ достаточно широкихъ предѣлахъ, но затѣмъ недостаетъ необходимаго указанія на возможный maximum. Употребленное въ ст. 24 выраженіе пеня *свыше 1.000 р.*—слиш-

(*) Гг. Андреевъ, Кусиковъ, Дингельштетъ, Френкель, Быковъ и Арцруни.

(**) Гг. Н. Сметтенъ, Крашенинниковъ, Воюцкій и Козловъ.

комъ обширное, и ежели оказывается необходимымъ предоставленіе суду большаго простора «*при назначеніи пени или штрафа*», какъ уголовнаго наказанія, которымъ, по мнѣнію А. К. Фриде, необходимо даже замѣнить арестъ, то не возможно однако предоставить суду облагать подсудимаго пенею въ *милліонъ* рублей только потому, что суду извѣстно, что у одного подсудимаго столько-же милліоновъ рублей, сколько у другаго, виновнаго въ томъ же нарушеніи, отыщется рублей. Допуская замѣну денежнаго штрафа, какъ уголовнаго наказанія, арестомъ, законъ *необходимо*, въ общей части, долженъ установить, выше чего судъ не можетъ идти въ назначеніи цени, какъ наказанія, и ежели и возможно указывать, въ особенной части, на денежныя взысканія свыше 1.000 р., въ видѣ возмѣщенія убытковъ казны (напр., такъ называемыя гербовыя, питейныя и другія взысканія), то *всѣмъ этимъ взысканіямъ*, назначаемымъ *не въ пользу мѣстъ заключенія*, а въ пользу извѣстныхъ вѣдомствъ, являющихся гражданскими истцами въ уголовномъ процессѣ, необходимо, какъ полагаетъ А. К. Фриде, придать характеръ *гражданскаго взысканія*, а засимъ, къ этимъ взысканіямъ *въ полной мѣрѣ*, съ одной стороны, примѣняется законъ объ освобожденіи отъ личнаго задержанія за долги, а съ другой стороны и законы о давности, *не уголовной*, а *гражданской*.

Сообразно съ этимъ, ст. 23 надлежало-бы изложить такъ:

«Денежная пеня назначается въ размѣрѣ не ниже 50 к. и не свыше 1.000 р.»

Затѣмъ въ послѣдней части этой статьи должно было-бы быть положительно выражено общее правило:

«Денежная пеня обращается на устройство мѣстъ заключенія; всѣ денежныя взысканія въ пользу извѣстныхъ вѣдомствъ признаются не уголовнымъ наказаніемъ, а взысканіемъ гражданскимъ и подчиняются всѣмъ правиламъ устава гражданскаго судопроизводства».

Этимъ правиламъ и освятится новѣйшая практика Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, которою, въ отмѣну прежней, признано (1874 г., № 338), что взысканіе патента за нарушеніе правилъ о питейной торговлѣ составляетъ не личное наказаніе, а лишь вознагражденіе казны, не покрывающееся, между прочимъ, прекращеніемъ обвиненія за давностью уголовною.

Засимъ въ ст. 24, если на основаніи вышеизложеннаго не будетъ признано возможнымъ исключить ее *вовсе изъ проекта*, слѣдовало-бы послѣднія слова первой части «*а пеня свыше 1.000 р.* и т. д.» вовсе исключить, замѣнивъ, сообразно съ вышеуказаннымъ, maximum денежной пени и срока ареста болѣе сообразными суммами. Къ этому представляется тѣмъ большая необходимость, что въ разсчетѣ, содержащемся въ ст. 24, не усматривается послѣдовательности, ибо въ первой мѣрѣ пени, до 25 руб., арестный *день*

равняется 3 р. 75 к., во второй мѣрѣ, до 100 р., онъ составитъ 3 р. 3 к.; въ третьей мѣрѣ—8 р. 33 к., въ четвертой—11 р. 11 к., а засимъ въ пятой можетъ дойти до фантастическихъ размѣровъ.

Въ уголовномъ уложеніи Голландіи минимумъ уголовной пени опредѣленъ въ 50 центовъ, т. е. *въ 26 к.* на наши деньги а затѣмъ, высшая, мѣра опредѣлена въ 900 *гульденовъ*, что составитъ 468 р., а затѣмъ, для замѣны штрафа личнымъ арестомъ принято за правило, что арестный день исчисляется *въ пять* гульденовъ, т. е. въ 2 р. 60 к. и что, смотря по суммѣ присужденной пени, она замѣняется личнымъ задержаніемъ *на столько дней*, сколько разъ сумма въ 5 гульденовъ содержится въ неуплаченной суммѣ пени.

По германскому уложенію опредѣленъ только minimum штрафъ въ 3 марки, за проступки, и 1 марку за нарушенія и, при этомъ, принято за правило, что штрафъ за проступки, въ случаѣ несостоятельности приговореннаго къ оному, замѣняется тюрьмою, а штрафъ за нарушенія арестомъ въ порядкѣ, установленномъ ст. 28 того уложенія, причемъ въ первомъ случаѣ, сумма отъ 3—15 марокъ замѣняется однимъ днемъ заключенія въ тюрьму, а во второмъ случаѣ, сумма отъ 1 до 15 марокъ однимъ днемъ ареста; вмѣстѣ съ тѣмъ по ст. 29, наименьшій размѣръ замѣняющаго денежный штрафъ лишенія свободы есть одинъ день, а наивысшій, по отношенію къ аресту, 6 недѣль, а по отношенію къ тюрьмѣ 1 годъ.

По венгерскому уложенію день лишенія свободы вообще исчисленъ отъ 1 до 10 гульденовъ, причемъ, болѣе благоразумно, опредѣленъ только maximum срока лишенія свободы, которымъ замѣняется штрафъ, составляющій главное наказаніе (шесть мѣсяцевъ) и maximum лишенія свободы, которымъ замѣняется штрафъ, составляющій *добавочное* наказаніе.

Всѣ эти правила въ указанныхъ выше сего государствахъ имѣютъ, главнымъ образомъ, основаніе въ томъ,—что *личное задержаніе* за *долги*, сначала отмѣненное, *въ существѣ*, въ нихъ возстановлено опять (см. по отношенію къ Франціи законъ 1871 г., а по отношенію къ Германіи законъ 1 Октября 1879 г.) и съ этой точки зрѣнія и въ нашемъ уложеніи по изд. 1866 г., ст. 84, указывающая на ст. 1234 уст. гражд. судопр. имѣла правильное основаніе, до отмѣны означенной и послѣдующихъ статей. Кромѣ того существующія въ иностранныхъ уложеніяхъ правила, по мнѣнію А. К. Фриде, указываютъ отчасти и на нѣкоторое смѣшеніе понятій о *штрафѣ*, какъ уголовномъ наказаніи, и денежномъ *взысканіи*, какъ о мѣрѣ второстепенной, прибавочной, которую въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ, она установлена судомъ, казалось лучше было-бы признавать взысканіемъ гражданскимъ,

именно въ виду того, что въ ст. 30 германскаго уложенія, напр., признано необходимымъ установить,—что взысканіе «*штрафа*» можетъ быть обращено на наслѣдство только въ такомъ случаѣ, когда приговоръ вступитъ въ законную силу при жизни осужденнаго, чего, при принятіи предложеннаго г. Фриде правила, нечего установлять; ибо тогда, само собою, въ случаѣ смерти осужденнаго до исполненія надъ нимъ приговора, все то, что составляетъ наказаніе *личное*, не должно переходить на наслѣдниковъ, а та часть приговора, которая составляетъ гражданское послѣдствіе онаго, переходитъ на нихъ и, при необжалованіи приговора самимъ подсудимымъ, по причинѣ смерти его, можетъ быть предметомъ жалобы со стороны наслѣдниковъ. Соображенія Коммисіи въ оправданіе редакціи ст. 24 проекта, а между прочимъ и послѣдней части оной, «*а пеня свыше 1.000 р.* арестомъ *отъ 3-хъ до 6 мѣсяцевъ*», по мнѣнію Сенатора А. К. Фриде, не могутъ быть признаны безусловно правильными; ибо, независимо отъ того, что въ принципѣ они установляютъ произволъ суда, при оцѣнкѣ стоимости арестнаго дня, какъ то указано выше, они, съ другой стороны, замѣняя всякое даже *громадное взысканіе* въ пользу казны, содержаніемъ подъ арестомъ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, могутъ, въ значительной степени, послужить основаніемъ къ поощренію нарушеній уставовъ казенныхъ, въ особенности если одна *неуплата* денежной пени въ указанный ст. 23 проекта срокъ будетъ признана доказательствомъ *несостоятельности къ уплатѣ* и основаніемъ къ наступленію замѣны денежнаго взысканія арестомъ, безъ всякой справки о томъ,—дѣйствительно-ли приговоренный не имѣетъ средствъ къ уплатѣ штрафа или-же онъ признаетъ для себя болѣе выгоднымъ, вмѣсто уплаты штрафа въ 500,000 или въ 1 милліонъ, просидѣть подъ арестомъ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ.

Тифлисская Судебная Палата указываетъ, что, на основаніи 24 ст. проекта, денежная пеня свыше 1.000 руб., при неуплатѣ, замѣняется арестомъ на срокъ до шести мѣсяцевъ и затѣмъ, какъ-бы ни былъ великъ размѣръ наложенной пени, дальнѣйшее увеличеніе срока замѣняющаго оную ареста не допускается. Между тѣмъ по нарушенію различныхъ уставовъ казенныхъ управленій и въ особенности устава о питейномъ сборѣ, какъ замѣчено и въ объяснительной запискѣ, виновный можетъ быть присужденъ къ уплатѣ не только десятковъ, но и сотенъ тысячъ. Для денежной пени въ такихъ высокихъ размѣрахъ, слѣдовало-бы, по мнѣнію Судебной Палаты, *предоставить судамъ назначать арестъ до одного года*, каковая продолжительность этого вида лишенія свободы вообще допущена проектомъ въ ст. 19, при условіи существованія особыхъ обстоятельствъ, указанныхъ въ 56 ст. проекта.

По поводу правила 24 ст., опредѣляющаго порядокъ замѣны денежной пени арестомъ, Екатеринодарскій Окружный Судъ замѣчаетъ, что вообще правила о замѣнѣ однихъ наказаній другими размѣщены проектомъ въ трехъ главахъ, въ главѣ 3-й, въ которой помѣщена 24 ст., въ главѣ 4-й, въ которой 38 ст. опредѣляетъ порядокъ замѣны наказаній для малолѣтнихъ отъ 10 до 17 лѣтъ, признанныхъ дѣйствовавшими съ разумѣніемъ, и въ главѣ 6-й, въ которой изложены разные другіе случаи замѣны наказаній. Судя по мотивамъ, такое размѣщеніе сдѣлано по соображеніямъ существеннаго различія въ самыхъ условіяхъ замѣны. Соглашаясь вполнѣ съ мнѣніемъ редакторовъ, что между поводами къ замѣнѣ существуетъ рѣзкое различіе, Окружный Судъ тѣмъ не менѣе находитъ болѣе удобнымъ, для практическаго пользованія кодексомъ, свести всѣ правила о замѣнѣ однихъ наказаній другими въ одну главу, именно шестую, какъ спеціально трактующую о замѣнѣ и смягченіи наказаній. Если въ главѣ пятой, озаглавленной «виды виновности», изложены законы о такихъ разнородныхъ предметахъ, какъ умыселъ, неосторожность, покушеніе, приготовленіе и соучастіе, и помѣщены, очевидно, потому, что характеризуются, какъ общимъ признакомъ,—тѣмъ или другимъ вліяніемъ на мѣру отвѣтственности, чѣмъ облегчается практическое пользованіе уложеніемъ, то тоже самое можетъ быть сдѣлано и съ правилами о замѣнѣ наказаній. Не придавая, впрочемъ, особенно серьезнаго значенія этому замѣчанію, Екатеринодарскій Окружный Судъ находитъ, что ст. 24 проекта требуетъ измѣненія по самому существу. Статья эта единственнымъ условіемъ замѣны денежной пени ставитъ невзносъ денегъ въ опредѣленный статьей срокъ. Но, какъ видно изъ мотивовъ, Коммисія полагаетъ сохранить денежныя пени въ двоякомъ видѣ: какъ мѣру взысканія за разнообразныя незначительныя нарушенія закона и какъ особое наказаніе за проступки противъ уставовъ казенныхъ управленій. И если, по отношенію къ первому виду денежной пени, устанавливаемое проектомъ условіе замѣны можетъ имѣть мѣсто, то, по отношенію ко второму виду пени, условіе это безусловно неприложимо. Объяснительная записка справедливо говоритъ, что «большинство изъ взысканій этого послѣдняго вида, кромѣ карательнаго элемента, заключаетъ въ себѣ также и вознагражденіе казны за причиненные убытки и притомъ иногда за такіе убытки, коихъ прямое доказательство въ порядкѣ гражданскомъ представлялось-бы затруднительнымъ, такъ что такое взысканіе имѣетъ какъ-бы видъ публичной неустойки». Притомъ денежныя пени этого рода могутъ быть, по размѣрамъ своимъ, весьма значительны, а между тѣмъ высшій предѣлъ замѣняющаго пеню ареста опредѣляется въ 6 мѣсяцевъ. Очевидно, ставить условіемъ замѣны и относительно подобныхъ взысканій невзносъ присужденныхъ

денегъ въ срокъ, значитъ подвергать казну значительнымъ убыткамъ и даже давать поводъ къ новымъ убыточнымъ для казны нарушеніямъ. Справедливость и политика требуютъ опредѣлить для подобныхъ случаевъ какое-либо иное условіе. Такимъ условіемъ по дѣйствующему праву признавалась несостоятельность къ уплатѣ денежныхъ взысканій, причемъ Правительствующій Сенатъ, въ указѣ отъ 29 Февраля 1880 г., состоявшемся по вопросу о порядкѣ производства разныхъ денежныхъ взысканій, разъяснилъ, что подъ несостоятельностію къ уплатѣ денежныхъ взысканій, налагаемыхъ за разныя нарушенія, кромѣ нарушеній казенныхъ уставовъ, слѣдуетъ разумѣть фактическую невозможность пополнить взысканіе одновременно съ предъявленіемъ требованія, т. е. неимѣніе въ данное время денегъ, а подъ несостоятельностію къ уплатѣ взысканій, налагаемыхъ за нарушенія казенныхъ уставовъ, законъ разумѣетъ фактическую несостоятельность къ уплатѣ, обнаруженную принятыми казеннымъ управленіемъ гражданскими мѣрами взысканія. Этотъ послѣдній принципъ, какъ вполнѣ согласный съ ст. 1211 уст. угол. судопр., долженъ быть усвоенъ и проектируемымъ уложеніемъ. Онъ долженъ быть также распространенъ и на денежныя взысканія, налагаемыя за лѣсные проступки въ лѣсахъ частныхъ лѣсовладѣльцевъ, буде подобныя взысканія будутъ сохранены въ томъ-же видѣ, въ какомъ они установлены дѣйствующимъ закономъ, такъ какъ по дѣйствующему праву эти взысканія еще болѣе имѣютъ характеръ вознагражденія за убытки. По этимъ соображеніямъ, Окружный Судъ признаетъ правильнымъ измѣнить законъ въ томъ смыслѣ, что денежная пеня, назначаемая за нарушеніе устава казеннаго управленія, а также лѣснаго устава въ лѣсахъ частныхъ лѣсовладѣльцевъ и вообще въ лѣсахъ, владѣемыхъ на правѣ частной собственности, замѣняется арестомъ, при обнаруженіи, по истеченіи сроковъ уплаты, мѣрами гражданскими несостоятельности осужденнаго. Независимо отъ всего этого, редакція ст. 24, по мнѣнію Екатеринодарскаго Окружнаго Суда, возбуждаетъ еще слѣдующіе небезразличные для практики вопросы: по смыслу статьи, суды, присуждая къ денежному взысканію, должны въ приговорѣ своемъ эвентуально опредѣлять и замѣну этого наказанія арестомъ въ установленной соразмѣрности, которая, само собою разумѣется, только и можетъ быть установлена въ моментъ постановленія приговора, по отношенію къ цѣлой денежной пенѣ. Между тѣмъ, по вступленіи приговора въ силу, въ установленный закономъ или приговоромъ срокъ, можетъ быть внесена, а въ указанныхъ выше случаяхъ взыскана, мѣрами гражданскими, только часть денежной пени. Предусматривая подобный случай, проектъ говоритъ: денежная пеня, или часть оной, не уплаченныя въ срокъ и т. д. замѣняются и т. д. Спрашивается, въ какой соразмѣрности и въ какомъ порядкѣ приговоръ долженъ быть измѣненъ въ

опредѣленіи назначеннаго уже срока ареста и не подлежитъ-ли эта часть приговора исполненію въ цѣломъ его объемѣ? Но положимъ, вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ, по соображенію съ постановленіемъ послѣдней части статьи, т. е. приговоръ долженъ быть измѣненъ въ установленной этимъ постановленіемъ соразмѣрности и, очевидно, въ порядкѣ разрѣшенія сомнѣній, возникающихъ при исполненіи приговоровъ (ст. 955 уст. угол. судопр.). Все-таки представляется неудобо-разрѣшимымъ другой вопросъ: законъ допускаетъ въ приговорѣ не только отсрочку, но и разсрочку въ уплатѣ денежной пени. Затѣмъ присужденная пеня, будучи наказаніемъ, по существу своему, представляется обязательствомъ, съ точки-же зрѣнія гражданскаго права, разсроченный долгъ разлагается на нѣсколько обязательствъ, подлежащихъ исполненію въ разные сроки и порождающихъ въ каждый моментъ неисполненія особые иски (actio nata) о взысканіи только той суммы, которая подлежала уплатѣ въ данный срокъ. Между тѣмъ, при разсрочкѣ денежной пени, возможенъ случай, что осужденный не внесетъ причитающихся денегъ въ первый же изъ сроковъ. Спрашивается, какъ поступать въ такомъ случаѣ съ той частью приговора, въ которой опредѣлена замѣна: приводить-ли въ исполненіе приговоръ объ арестѣ въ цѣломъ его объемѣ, или измѣнить только приговоръ по отношенію къ размѣрамъ причитающейся въ данный срокъ пени и, подвергнувъ осужденнаго аресту, ожидать наступленія новаго срока и т. д.? Очевидно, по мнѣнію Екатеринодарскаго Суда, что всѣ подобныя, возникающія изъ разсматриваемаго закона, недоразумѣнія должны быть устранены соотвѣтствующими постановленіями. Наконецъ Окружный Судъ находитъ умѣстнымъ замѣтить, что съ проектируемымъ Коммисіей измѣненіемъ правилъ о денежныхъ взысканіяхъ, долженъ быть измѣненъ и порядокъ исполненія приговоровъ, присуждающихъ къ денежной пенѣ. По уставу уголовнаго судопроизводства—ст. 947, 948 и 558,—исполненіе приговора во всемъ томъ, что не выходитъ изъ круга непосредственныхъ судебныхъ дѣйствій, принадлежитъ къ обязанностямъ судовъ, а всѣ другія распоряженія по исполненію приговоровъ относятся къ обязанностямъ прокурора. Но, по смыслу проекта, исполненіе приговора о денежной пенѣ производится добровольною уплатою пени, а, при принятіи предлагаемыхъ Окружнымъ Судомъ измѣненій относительно казенныхъ взысканій и взысканій за лѣсные проступки, приговоры будутъ подлежать исполненію въ порядкѣ производства гражданскихъ взысканій. Ясно такимъ образомъ, что до наступленія условій, при которыхъ обнаружится необходимость исполнить замѣняющую часть приговора, прокурору нечего дѣлать. Поэтому Екатеринодарскій Судъ находитъ правильнымъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ устава уголовнаго судопроизводства установить правило, что приговоры, присуждающіе къ денежной

пенѣ, обращаются чрезъ прокурора къ исполненію только въ томъ случаѣ, когда явится необходимость привести въ исполненіе ту часть приговора, въ которой назначенъ арестъ.

При обсужденіи 24 статьи совѣщаніе чиновъ Смоленскаго Окружнаго Суда нашло необходимымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: по своей редакціи статья 24 даетъ слишкомъ большой просторъ для замѣны денежныхъ пеней арестомъ и ставитъ такимъ образомъ приговоръ суда, въ отношеніи исполненія, въ полную зависимость отъ желанія и воли осужденнаго. А между тѣмъ такое широкое право его не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый присужденъ къ крупному денежному штрафу (въ дѣлахъ по нарушенію акцизныхъ правилъ денежныя пени могутъ доходить до десятковъ тысячъ рублей) и когда слѣдовательно есть возможность изъ замѣны штрафа незначительнымъ арестомъ сдѣлать своего рода коммерческую операцію. Во избѣжаніе такихъ ненормальныхъ явленій было-бы весьма цѣлесообразнымъ пени свыше тысячи рублей замѣнять, въ случаѣ ихъ неуплаты, арестомъ въ высшей мѣрѣ, чѣмъ это установлено ст., 24 а именно хотя-бы въ той соразмѣрности, какая была опредѣлена для несостоятельныхъ ст. 1234 уст. гражд. судопр.

Тульскій Окружный Судъ указываетъ, что статья 24 опредѣляетъ замѣну денежной пени арестомъ, назначая для сего 5 степеней; въ степени высшей размѣръ пени установленъ болѣе 1.000 р., а размѣръ замѣняющаго ареста отъ трехъ до шести мѣсяцевъ. Эта статья, по мнѣнію Окружнаго Суда, должна быть измѣнена въ отношеніи крайняго срока ареста за пеню свыше 1.000 р. Арестъ, по мнѣнію Редакціонной Коммисіи, въ силу ст. 19 проекта, можетъ быть назначенъ до одного года, а пеня, при совокупности преступленій (ст. 55 проекта), можетъ быть удвоена. При такихъ условіяхъ назначенія срока ареста и количества пени, нѣтъ никакого неудобства и несправедливости опредѣлить и въ проектируемой ст. 24 арестъ до одного года и сказать: «а пеня свыше 1.000 р.—арестомъ отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года». Хотя пеня въ 1.000 р. и представляется большою, но за нею, по всей вѣроятности, будутъ опредѣляться въ особенной части уложенія пени, значительно превышающія 1.000 р., въ особенности при совокупности однородныхъ нарушеній. Въ этомъ отношеніи законодательства уголовныя Западной Европы опредѣляютъ довольно значительные сроки замѣняющаго

денежный штрафъ лишенія свободы, въ случаѣ совокупности преступныхъ дѣяній, влекущихъ штрафъ, и только уложеніе нидерландское устанавливаетъ срокъ ареста въ 8 мѣсяцевъ, а венгерское, германское и итальянское—не менѣе одного года лишенія свободы (нидерландское ст. 23, венгерское ст. 53 и 102, германское 29 и 78, итальянское ст. 83 § 3). По этому и въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ было-бы послѣдовательнѣе, въ виду ст. 19 и 55 проекта, установить въ ст. 24 замѣняющій пеню арестъ на срокъ до одного года.

По поводу ст. 24 Владимірскій Окружный Судъ замѣчаетъ, что сроки ареста въ замѣну денежной пени слишкомъ благопріятны для лицъ, желающихъ уклониться отъ пени. Можно положительно сказать, что никто не станетъ платить штрафа—всѣ предпочтутъ арестъ; но въ этомъ случаѣ слѣдуетъ стремиться къ противоположной цѣли; пеня во всякомъ случаѣ дѣйствительнѣе ареста и притомъ экономичнѣе; она только должна быть въ достаточно чувствительномъ размѣрѣ, сообразно состоянію, назначена, и въ этихъ соображеніяхъ слѣдуетъ ограничить добровольную возможность замѣны пени лишеніемъ свободы и допустить ее лишь при неимѣніи имущества, на которое возможно было-бы обратить взысканіе пени и притомъ по усмотрѣнію суда, соотвѣтственно обстоятельствамъ дѣла.

Такъ какъ на практикѣ бываютъ случаи наложенія денежныхъ взысканій въ наказаніе свыше 10.000 р., то представляется нужнымъ, по мнѣнію Екатеринбургскаго Окружнаго Суда, въ концѣ ст. 24 проекта добавить: «пеня же свыше 10.000 р. замѣняется арестомъ отъ шести мѣсяцевъ до одного года», а сообразно съ симъ и въ 1 части 19 ст. проекта надлежитъ сдѣлать ссылку на ст. 24 проекта въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «арестъ назначается на срокъ отъ одного дня до шести мѣсяцевъ, а въ случаяхъ, статьями 24 и 56 указанныхъ, до одного года, и отбывается въ устроенныхъ для того помѣщеніяхъ».

Одесскій Окружный Судъ находитъ, что замѣна денежной пени свыше одной тысячи рублей, до какой-бы значительной суммы она не простиралась, арестомъ отъ трехъ до шести мѣсяцевъ, не будетъ достигать карательной цѣли закона. Значительною денежною пенею, какъ слѣдуетъ ожидать, будутъ

караемы въ новомъ уложеніи, главнымъ образомъ, нарушенія уставовъ казенныхъ управленій (какъ устава таможеннаго, устава о питейномъ сборѣ и т. п.), совершаемыя, обыкновенно, съ корыстною цѣлью. Необходимо, слѣдовательно, чтобы угрожающая денежная пеня или замѣняющій ее арестъ воздерживали отъ совершенія такихъ нарушеній или-же служили достаточнымъ за нихъ наказаніемъ. Въ противномъ случаѣ, можетъ оказаться выгоднымъ, извлекши значительную денежную прибыль путемъ преступныхъ нарушеній закона и скрывъ нажитыя такимъ путемъ средства, подвергнуться сравнительно непродолжительному аресту и затѣмъ свободно пользоваться результатами такого стяжанія. Признавая, что установленныя въ настоящее время въ ст. 84 уложенія и 1234 уст. гражд. судопр. высшіе сроки ареста представляются слишкомъ продолжительными, Окружный Судъ находитъ однако, въ силу вышеизложеннаго, необходимымъ возвысить сроки, проектированные въ ст. 24, и съ тою же цѣлью увеличить число степеней денежной пени и замѣняющаго ее ареста. Вслѣдствіе сего, Одесскій Судъ полагалъ-бы постановить: а) для денежной пени отъ 1 до 5 тысячъ рублей замѣну арестомъ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, б) отъ 5 до 10 тысячъ—арестомъ отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года и в) свыше 10 тысячъ—арестомъ отъ 1 до 3 лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Окружный Судъ не раздѣляетъ предположенія Редакціонной Коммисіи о томъ, чтобы отъ усмотрѣнія суда зависѣлъ зачетъ отбытаго уже, вмѣсто денежной пени, ареста, въ счетъ присужденной денежной пени, если таковая или часть ея будутъ осужденнымъ уплачены. Такой зачетъ долженъ быть совершаемъ судомъ въ силу закона, обязательно, ибо несвоевременность уплаты денежной пени не должна быть возводима на степень особаго проступка, караемаго внѣ порядка установленнаго для постановленія приговора по уголовному дѣлу, и по какимъ-бы мотивамъ осужденный ни уплатилъ первоначально наложенной на него пени, всякій сдѣланный имъ взносъ долженъ быть, по справедливости, исключенъ изъ срока ареста, по соразмѣрности его, въ силу 1 отдѣла ст. 24 Если-же этотъ высказанный въ объяснительной запискѣ принципъ зачета по усмотрѣнію суда, а не безусловно въ силу закона, будетъ принятъ законодательствомъ, то необходимо эту мысль ясно выразить въ редакціи 2 отдѣла ст. 24, ибо, при настоящей редакціи, этотъ отдѣлъ 24 ст. слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что отбытый арестъ обязательно исключается, по соразмѣрности, изъ общей суммы денежной пени.

Правило ст. 24 вызываетъ со стороны чиновъ Самарскаго Окружнаго Суда слѣдующее замѣчаніе; при неуплатѣ присужденной денежной пени

виновный подвергается аресту, причемъ проектъ установляетъ слѣдующее дѣленіе:

пеня		до	25 р.	поражаетъ	арестомъ	до	1	недѣли,		
—	отъ 25 р.	—	100	—	—	—	отъ 1	—	до 1	мѣсяц.
—	— 100	—	500	—	—	—	— 1	—	— 2	—
—	— 500	—	1.000	—	—	—	— 2	—	— 3	—
—	— свыше	—	1.000	—	—	—	— 3	—	— 6	—

суду-же ставится въ непремѣнную обязанность постановить въ своемъ приговорѣ, что при уплатѣ денежной пени всей или части оной во время отбыванія замѣняющаго пеню ареста, арестъ сей или прекращать или же срокъ его уменьшать соразмѣрно съ внесенною частью пени, и чтобъ не было произвольнаго сокращенія, то въ приговорѣ должно быть указано: какая часть пени причитается на каждый день ареста. Въ объяснительной запискѣ къ проекту приведенъ даже слѣдующій примѣръ: если судъ, приговоривъ виновнаго къ 600 р. пени, предположилъ, на случай несостоятельности, замѣнить ее двуми мѣсяцами ареста, т. е. 60 днями, то каждый день ареста долженъ быть признаваемъ равнымъ 10 р. Не говоря уже о томъ, что принятое Коммисіею дѣленіе неравномѣрно для лицъ, подвергаемыхъ взамѣнъ пени аресту, такъ какъ для первой категоріи арестуемыхъ день ареста соотвѣтствуетъ 3 р. 57 к., для второй категоріи—3 р. 33 к., третьей категоріи—8 р. 33 к. и для четвертой категоріи—11 р. 11 к., но на практикѣ могутъ встрѣтиться случаи, которые будутъ идти въ разрѣзъ правосудія и справедливости. Для примѣра приводятся слѣдующіе случаи: два нарушителя приговорены къ пени, одинъ въ размѣръ 100 р., а другой—500 р.; судъ, упоминая въ приговорѣ о замѣнѣ пени арестомъ, долженъ опредѣлить, согласно закону, и срокъ ареста, а равно, на случай взноса пени или части ея, и количество пени, причитающейся на каждый день ареста. На основаніи ст. 24, первый нарушитель подвергается аресту на одинъ мѣсяцъ и каждый день ареста равняется 3 р. 33 к., второй же подвергается аресту на два мѣсяца и каждый день ареста его равняется 8 р. 33 к. Оба нарушителя не уплачиваютъ пени, первый по дѣйствительной несостоятельности, а послѣдній по скупости или самодурству, поэтому заключаются подъ стражу; но послѣдній, просидѣвъ подъ арестомъ 12 дней и образумившись, вноситъ 400 р. и получаетъ свободу, потому что вносимая имъ сумма 400 р.: 8 р. 33 к., равняется 48 днямъ, которые съ отсиженными 12 днями составляютъ присужденный срокъ ареста 60 дней или два мѣсяца. Такимъ образомъ оба нарушителя, не уплативъ одинаковую сумму пени (по 100 р.), подвергнутся различнымъ срокамъ ареста: первый просидитъ

30 дней, а послѣдній 12 дней. Кромѣ того, судьи будутъ поставлены въ затрудненіе при постановленіи приговора о сокращеніи сроковъ при уплатѣ части пени для нарушителей, на которыхъ положены взысканія болѣе 1.000 р.

Для избѣжанія такой, бьющей въ глаза, неправильности, Самарскій Окружный Судъ полагалъ-бы въ отношеніи замѣны пени арестомъ принять правила, введенныя въ голландскій кодексъ, именно положить опредѣленную сумму для всѣхъ зачетовъ, какъ напримѣръ 5 р. пени считать за одинъ день ареста, причемъ слѣдовало-бы увеличить вообще срокъ содержанія подъ арестомъ взамѣнъ денежнаго взысканія до одного года. Поводомъ къ этому увеличенію служатъ значительныя денежныя взысканія, налагаемыя по нарушеніямъ правилъ уставовъ по акцизамъ питей, табаку и т. д., и самое увеличеніе не будетъ противорѣчить 19 ст. проекта Редакціонной Коммисіи. Такимъ образомъ maximum'у ареста будетъ подвергаться нарушитель, не уплатившій пеню въ количествѣ (365 дней×5 р.) 1.825 р. и свыше. Кромѣ того, надлежало-бы поставить правиломъ, что лицо, не уплатившее пени выше 1.825 р. и во время отбыванія ареста внесшее часть пени, можетъ воспользоваться сокращеніемъ срока въ томъ лишь случаѣ, когда остающаяся за нимъ сумма будетъ менѣе 1.825 р. Напримѣръ, нарушитель приговоренъ къ пенѣ въ 3.000 р. и во время отбытія ареста внесетъ 2.000 р., разность 2.000—1.825=175 р. и можетъ быть принята для сокращенія срока задержанія, т. е. срокъ можетъ быть сокращенъ (175:5) на 35 дней.

По замѣчанію чиновъ Уманскаго Окружнаго Суда, практика несомнѣнно указываетъ на то, что многіе изъ присужденныхъ къ штрафамъ предпочитаютъ подвергнуться лишенію свободы, вмѣсто уплаты слѣдуемаго съ нихъ взысканія. Это стремленіе, при отсутствіи всякой возможности взыскать штрафъ съ человѣка, умышленно желающаго подвергнуть себя лишенію свободы въ замѣнъ такого взысканія, очевидно тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше сумма присужденнаго взысканія. Поэтому оно особенно вредно вліяетъ при исполненіи приговоровъ о нарушеніяхъ уставовъ казенныхъ управленій. За нарушенія этихъ уставовъ нерѣдко присуждаются огромныя суммы, взысканіе коихъ часто можетъ служить единственнымъ средствомъ возмѣстить казнѣ понесенные ею убытки.

Въ этого рода случаяхъ менѣе всего желательно поощрять разсматриваемое стремленіе, а между тѣмъ правила, устанавливаемыя 24 ст. проекта уложенія, даютъ широкое мѣсто такому поощренію.

Слѣдуя этимъ правиламъ, штрафъ, какъ-бы онъ великъ ни былъ, если-

бы онъ достигъ размѣровъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей, не можетъ быть замѣненъ лишеніемъ свободы болѣе тяжкимъ, чѣмъ арестъ на шесть мѣсяцевъ.

Такой арестъ, достаточный, быть можетъ, при замѣнѣ штрафовъ до трехъ или пяти тысячъ рублей, въ случаяхъ выходящихъ изъ этихъ рамокъ представляется слишкомъ незначительною мѣрою взысканія.

Между евреями напр. рѣдко можно найти человѣка неспособнаго совершить нарушеніе, положимъ, хоть устава питейнаго, а между нарушителями этого устава человѣка способнаго предпочесть уплату 20—30 тысячъ—аресту не только на шесть мѣсяцевъ, но даже и на годъ.

Такъ какъ крупные денежные штрафы, всего вѣроятнѣе, будутъ назначаться за нарушенія уставовъ казенныхъ управленій, то и представляется въ высшей степени желательнымъ замѣнять эти штрафы, когда они превышаютъ извѣстный размѣръ (3 или 5 тысячъ рублей), тюрьмою и даже не только на сроки, 18 ст. проекта уложенія установленные, но, въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, и на сроки, установленные 56 его статьею.

Правило статьи 24, опредѣляющее замѣну пени свыше 1.000 р. арестомъ на срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ, по отзыву чиновъ Костромскаго Окружнаго Суда, представляется крайне нецѣлесообразнымъ, ибо лице, приговоренное къ денежной пенѣ въ размѣрѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, напримѣръ, за нарушеніе дѣйствующей акцизной системы, всегда воспользуется правомъ замѣны и въ результатѣ можетъ оказаться, что льготою этою воспользуются лица, обладающія матеріальнымъ достаткомъ; кромѣ того, такой замѣной никогда не будетъ достигнуто формальнаго равновѣсія въ наказаніи, ибо пеня въ 1.000 р. будетъ замѣнена арестомъ на 3 мѣсяца, а въ 50.000, 100.000 и т. д. на 6 мѣсяцевъ. При установленіи проектированной замѣны слѣдуетъ установить болѣе продолжительные и дробные сроки заключеній для пеней свыше 1.000 р.

Симферопольскій Окружный Судъ находитъ, что замѣну денежной пени арестомъ никакъ нельзя ставить въ зависимость отъ добровольной уплаты ея осужденнымъ, а слѣдуетъ обусловить несостоятельностью осужденнаго, причемъ порядокъ удостовѣренія несостоятельности долженъ быть опредѣленъ въ уст. угол. суд. Особенно важною представляется замѣна пени по несостоятельности арестомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда размѣръ пени достигнетъ очень значительной суммы и когда срокъ ареста не свыше 6 мѣсяцевъ пред-

ставится слишкомъ недостаточнымъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ или установить высшій срокъ ареста или постановить, что при назначеніи пени свыше напр. 3.000 р. назначается вмѣстѣ съ тѣмъ арестъ на извѣстный срокъ (отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года), какъ добавочное къ пенѣ наказаніе.

Чины Орловскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что ст. 24 опредѣляетъ замѣну денежной пени арестомъ, почему мѣсто для нея должно быть отведено въ главѣ 6 проекта о замѣнѣ и смягченіи наказаній. Самая замѣна пени арестомъ наступаетъ по проекту при неуплатѣ пени въ извѣстный срокъ. Такимъ образомъ денежная пеня, уплата которой поставлена въ зависимость отъ воли лица, будетъ утрачивать характеръ наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда присужденный къ ней сочтетъ болѣе для себя выгоднымъ подвергнуться аресту. Такое положеніе подрываетъ значеніе и силу судебныхъ приговоровъ. Положеніе, что арестъ наказаніе болѣе строгое, чѣмъ денежная пеня, положеніе невѣрное;—практика указываетъ противное, кромѣ того просидѣть подъ арестомъ для большинства населенія не представляется позорнымъ и на практикѣ весьма часто будутъ возникать случаи такой добровольной замѣны денежной пени арестомъ, при полной возможности уплатить первую. Поэтому было-бы желательнымъ, чтобы и по новому уложенію замѣна денежной пени арестомъ наступала не при неуплатѣ ея въ срокъ, а только при несостоятельности лица къ таковой уплатѣ; только при этомъ условіи денежная пеня будетъ дѣйствительно наказаніемъ. Кромѣ того, названные выше чины указываютъ, что замѣна пени свыше 1.000 р. арестомъ до 6-ти мѣсяцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный будетъ подлежать пенѣ въ несравненно высшемъ размѣрѣ, напр. въ 5.000 р., равносильна отсутствію всякаго наказанія, ибо можно съ увѣренностью сказать, что такая пеня, въ особенности при условіи добровольной уплаты, почти никогда вносима не будетъ, а присужденный къ ней будетъ отсиживать подъ арестомъ въ удобномъ «одиночномъ заключеніи», занимаясь работами «по своему выбору» (ст. 19). Поэтому, было-бы желательно, чтобы пеня свыше извѣстной суммы, хотя-бы отъ 2.000 р., замѣнялась тюрьмою на срокъ отъ 3—6 мѣсяцевъ.

Люблинскій Окружный Судъ находитъ, что въ ст. 24 начало льготнаго срока слѣдуетъ отнести не ко дню вступленія приговора въ законную силу, который можетъ быть и неизвѣстенъ оштрафованному, а ко дню объявленія ему требованія объ уплатѣ. При замѣнѣ пени свыше 1.000 р. срокъ ареста

слѣдовало-бы продолжить по крайней мѣрѣ до года. Иначе законъ будетъ поощрять нарушеніе казенныхъ уставовъ въ крупныхъ размѣрахъ.

По замѣчанію Предсѣдателя Казанскаго Окружнаго Суда Грасса, Члена того-же Суда Дьяченко и Присяжнаго Повѣреннаго Степанова, вопросъ о замѣнѣ денежной пени тюрьмою, арестомъ или общественными работами есть вопросъ далеко не новый, въ практикѣ и теоріи разрѣшаемый самымъ разнообразнымъ способомъ. Никто однакоже не оспариваетъ одного положенія, стоящаго во главѣ предлежащаго вопроса, что наказаніе это неуравнительно. Для богатаго человѣка штрафъ лишенъ репрессивной силы; для бѣдняка онъ слишкомъ отяготителенъ, такъ-какъ отнимаетъ у него послѣдніе скудныя средства къ жизни. Чтобы штрафъ былъ уравнительнымъ наказаніемъ, необходимо, чтобы онъ соотвѣтствовалъ степени состоятельности осужденнаго, что однакоже, не смотря на попытки многихъ ученыхъ юристовъ, покамѣсть не достижимо. Необходимо посему, чтобы хотя замѣна штрафа была уравнительна, какъ наказаніе.

Съ этой стороны едва-ли требуетъ доказательствъ, что установленный Коммисіею максимумъ штрафа 1.000 р., въ настоящее время, по нашимъ экономическимъ условіямъ, недостаточенъ, посему слѣдовало-бы штрафъ этотъ поднять до 10.000 р.

По нынѣ дѣйствующему уложенію о наказаніяхъ штрафъ замѣняется арестомъ или тюрьмою.

Съ точки зрѣнія нравственной и государственной, содержаніе подъ арестомъ неисправныхъ должниковъ казны представляется невыгоднымъ потому, что часто человѣка, неиспорченнаго морально, бросаютъ для сожительства съ людьми самыхъ развращенныхъ нравовъ, для государства-же не производительно содержать на свой счетъ человѣка несостоятельнаго.

Французское законодательство, хотя и медленно, уже переходитъ отъ содержанія подъ стражею несостоятельныхъ должниковъ къ отдачѣ ихъ на общественныя работы.

По 6 ст. французскаго закона о ссылкѣ и общаго закона 19 Ноября 1859 г. неисправные должники извѣстной категоріи отдаются на общественныя работы. Такая мѣра, не отягощая государственнаго казначейства, не бросая человѣка въ заточеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ для многихъ служитъ побудительною къ уплатѣ штрафа причиною.

Посему возможно дать большее развитіе 85 ст. нашего уложенія, установивъ, что судъ въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣляетъ, чѣмъ слѣдуетъ замѣнять штрафъ: содержаніемъ подъ арестомъ или отдачею на общественныя ра-

боты, если только осужденный къ нимъ годенъ; понятно, что срокъ работъ слѣдуетъ значительно сократить противъ назначеннаго для содержанія подъ стражею.

Мысль эта вообще не новая и, не ссылаясь на крайнее по сему предмету мнѣніе Emile de Girardin (Du droit de punir, 1871 г.), нельзя не указать на авторитетный трудъ Robin «La question pénitentiaire» 1874 г.

Ст. 24 заключаетъ въ себѣ, по мнѣнію Товарища Предсѣдателя Казанскаго Окружнаго Суда Пашковскаго, три погрѣшности.

Во-первыхъ, если, какъ совершенно справедливо замѣчала Коммисія 1872 г., «замѣна однихъ наказаній другими, вовсе не должна быть допускаема, ибо каждое наказаніе должно преслѣдовать свою опредѣленную цѣль, и законодатель, облагая извѣстныя преступленія извѣстными наказаніями, тѣмъ самымъ признаетъ, что къ данному преступленію наиболѣе цѣлесообразно примѣненіе даннаго наказанія» и если, какъ не менѣе справедливо говоритъ Редакціонная Коммисія, «необходимость сохраненія замѣны пени арестомъ вытекаетъ изъ самаго существа замѣняемаго наказанія, такъ-какъ иначе пришлось-бы допускать весьма часто безнаказанность дѣяній, обложенныхъ въ законѣ денежными взысканіями», то предоставленіе засимъ суду дискреціонной власти при замѣнѣ пени арестомъ не вызывается никакими мотивами, ибо чѣмъ, кромѣ произвола, можетъ руководствоваться судъ, замѣняя напр. 26-ти-рублевую пеню — мѣсячнымъ, а 99-ти-рублевую—недѣльнымъ арестомъ? Если къ самой замѣнѣ можно прибѣгать только за невозможностью примѣненія наиболѣе подходящаго къ преступному дѣянію наказанія, если это послѣднее, т. е. наиболѣе подходящее наказаніе, уже соразмѣрено со степенью вины осужденнаго, то къ чему-же еще соразмѣрять съ виной и замѣняющее наказаніе, которое приходится примѣнять только въ силу крайней необходимости? И такъ г. Пашковскій полагаетъ, что эту часть 24 ст. слѣдовало-бы измѣнить въ томъ смыслѣ, что въ теченіи первой недѣли ареста, день соотвѣтствуетъ столькимъ-то рублямъ пени, въ теченіи слѣдующихъ трехъ недѣль—столькимъ-то и т. д.

Во-вторыхъ, замѣна пени отъ 500 до 1.000 р. арестомъ отъ 2-хъ до 3-хъ мѣсяцевъ, а свыше 1.000 р. — арестомъ отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ положительно несправедлива, какъ въ отношеніи лицъ приговариваемыхъ къ меньшей пенѣ, такъ и въ отношеніи сравнительной тяжести преступныхъ дѣяній. Такой крупной пенѣ, какъ 500 и больше рублей, могутъ быть подвергнуты только крупные нарушители закона, т. е. люди несомнѣнно богатые, разсчитывавшіе, кромѣ того, поживиться на счетъ казны солиднымъ ку-

шемъ. Замѣнять такимъ людямъ пеню, положимъ въ 1.000 р., хотя-бы шестимѣсячнымъ арестомъ, значитъ оставлять нарушеніе вовсе ненаказаннымъ. Поэтому было-бы справедливѣе, придерживаясь нынѣшней 84 ст. улож. о наказ., замѣнять крупныя пени—тюрьмою, не свыше конечно двухъ лѣтъ.

Въ-третьихъ, вмѣсто словъ «денежная пеня неуплаченная..... заменяется» слѣдовало-бы сказать «неуплаченная по несостоятельности», такъ какъ только доказанная несостоятельность и ничто больше можетъ служить основаніемъ для того, чтобы законъ облагалъ арестомъ такое нарушеніе, которое онъ признаетъ наиболѣе справедливымъ облагать пеней.

По поводу ст. 24 Членъ Симферопольскаго Окружнаго Суда Тальбергъ замѣчаетъ, что главное достоинство уголовнаго закона и основаннаго на немъ судебнаго приговора составляютъ, во 1-хъ, справедливая соразмѣрность наказанія, налагаемаго на виновнаго, и, во 2-хъ, безусловная его сила, не допускающая обхода его по волѣ приговореннаго. Каждому судебному практику извѣстно однако, что исполненіе приговора о денежномъ взысканіи зависитъ въ большинствѣ случаевъ отъ осужденнаго, когда этотъ послѣдній имѣетъ средства, но жалѣетъ отдать деньги, подчасъ добытыя именно тѣмъ преступнымъ дѣяніемъ, за которое онъ осужденъ. Стоитъ приговоренному отозваться исполнительной власти своей несостоятельностью, стоитъ ему только разсчитать, что для него выгоднѣе: арестъ или уплата денегъ, и онъ самъ разрѣшаетъ вопросъ о родѣ наказанія. 84 ст. улож. о наказ. говоритъ однако о замѣнѣ наказанія арестомъ только при несостоятельности къ уплатѣ штрафа; хотя способъ удостовѣренія этой несостоятельности не указанъ въ законѣ, а по смыслу разъясненія сената (циркулярный указъ отъ 29 Февраля 1880 г., № 644, по опредѣленію Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ 6 Ноября 1878 г.) никакого удостовѣренія и не требуется, но достоинство и сила судебнаго приговора, хотя и на словахъ только, охранялись понятіемъ о фактической невозможности исполнить приговоръ о денежномъ взысканіи. Проектъ, не сохраняя условіе о несостоятельности, предоставляетъ самому приговоренному выборъ наказанія и потому здѣсь, конечно, нельзя будетъ говорить объ обходѣ закона. При такомъ правилѣ естественно было-бы ожидать строгой соразмѣрности въ двухъ параллельно грозящихъ наказаніяхъ, замѣняющихъ другъ друга. Но соразмѣрности такой нѣтъ въ проектѣ и потому зло, которое до сихъ поръ происходило вслѣдствіе обхода закона, будетъ совершаться нынѣ съ разрѣшенія закона.

И теперь можно слышать, какъ въ обществѣ насмѣшливо встрѣчается судебный приговоръ, замѣняющій взысканіе 300 р. арестомъ на одинъ

мѣсяцъ, причемъ указывается впередъ, что деньги не будутъ уплачены, но теперь въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ судъ, по силѣ 3 п. 84 ст. улож. и 1234 ст. уст. гражд. судопр., могъ лишить приговореннаго способа обойти главное рѣшеніе суда. Между тѣмъ по проекту приговоренный къ 1.001 р. пени и присужденный къ пенѣ въ 100.000 р. могутъ одинаково подвергнуты аресту отъ 5 до 6 мѣсяцевъ; присужденный за продажу фунта неоплаченнаго акцизомъ табаку къ 30 р. пени можетъ вынести мѣсячный арестъ, а совершившій то же нарушеніе, но только въ громадныхъ размѣрахъ, и присужденный къ пенѣ въ 25.000 р. можетъ отдѣлаться арестомъ въ три мѣсяца, самое большое въ шесть мѣсяцевъ. Отсюда проистекаетъ выводъ, что извѣстныя преступныя дѣянія, чѣмъ большій вредъ они принесутъ, чѣмъ большей пеней будутъ наказаны, тѣмъ легче сравнительно будутъ караемы въ дѣйствительности. По проекту приговоренные къ пенѣ не будутъ вынуждены ни къ переукрѣпленію своего имущества, ни къ объявленію себя несостоятельными. Возникаетъ вопросъ, много-ли найдется охотниковъ заплатить, не говоря уже о десяткахъ тысячъ, но даже и 1.000 р. вмѣсто ареста отъ 3—6 мѣсяцевъ? Кто рѣшится отдать добровольно цѣлое состояніе, хотя и незаконно нажитое, изъ страха 6 мѣсяцевъ ареста?

Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе, что установленные въ ст. 1234 уст. угол. судопр. сроки ареста являются дѣйствительно чрезмѣрно продолжительными, слѣдовало-бы, если невозможно будетъ сохранить условіе о несостоятельности, предоставить суду право, во 1-хъ, увеличивать срокъ ареста за пеню отъ 300—1.000 р. до 6 мѣсяцевъ, за пеню до 10.000 р. до 2 лѣтъ, а свыше 10.000 р. до 3 лѣтъ въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ убѣдится, что неуплата пени не оправдывается дѣйствительною несостоятельностью и, во 2-хъ, признавать арестъ такой связаннымъ съ обязательными непубличными работами, большая часть дохода отъ которыхъ должна поступать въ пользу лица или учрежденія, къ которому поступила-бы невзысканная пеня.

Въ концѣ объясненій Коммисіи къ 24 ст. говорится, что при несвоевременномъ взносѣ пени, послѣ начатія ареста, Коммисія полагаетъ: предоставить суду право уменьшать сумму первоначально назначеннаго взысканія въ виду уже отбытыхъ сроковъ, но не обязываетъ судъ къ такому зачету во всѣхъ безусловно случаяхъ. Между тѣмъ изъ редакціи 2 ч. 24 ст. не видно такого дѣйствительно необходимаго права суда, а значится лишь обязанность.

Если это право уменьшать пеню войдетъ въ законъ, то необходимо было-бы въ уставѣ уголовнаго судопроизводства помѣстить постановленіе

о разрѣшеніи этого вопроса судомъ въ распорядительномъ засѣданіи безъ обязательнаго вызова сторонъ. Такой порядокъ вызывается необходимостью быстроты рѣшенія вопроса.

Что касается увеличенія срока ареста вслѣдствіе нежеланія осужденнаго платить пеню, то постановленіе суда о такомъ увеличеніи можетъ быть сдѣлано или при разрѣшеніи дѣла по существу или, если вопросъ объ этомъ будетъ возбужденъ послѣ вступленія приговора въ силу, въ дополнительномъ судебномъ засѣданіи, въ которомъ судъ, по выслушаніи сторонъ и ихъ доказательствъ, постановляетъ дополнительный приговоръ. Послѣдній порядокъ долженъ быть указанъ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства.

Членъ Стародубскаго Окружнаго Суда Борщовъ предлагаетъ слѣдующее измѣненіе редакціи ст. 24: «денежная пеня замѣняется арестомъ на сроки: пеня до 25 р.—арестомъ до 1 недѣли; отъ 25 р. до 100 р.—арестомъ отъ 1 недѣли до 1 мѣсяца; отъ 100 р. до 500 р.—арестомъ до 4 мѣсяцевъ; отъ 500 до 1.000 р.—заключеніемъ въ тюрьмѣ отъ 2 до 4 мѣсяцевъ; пени свыше 1.000 р.—заключеніемъ въ тюрьму отъ 4 мѣсяцевъ до 4 лѣтъ».

Большинство денежныхъ взысканій полагается за нарушенія противъ доходовъ и имущества казны, имѣющія, по характеру своему, близкое сходство, если не съ самовольнымъ пользованіемъ чужимъ имуществомъ, то съ присвоеніемъ и даже обманомъ, особенно нарушенія противу таможеннаго, питейнаго и табачнаго уставовъ.

Нарушенія эти практикуются людьми опытными, нерѣдко составляющими себѣ состояніе на счетъ фиска, съ явнымъ ущербомъ для людей, честно относящихся къ доходу и имуществу казны. Эти опытные люди въ обманѣ казны, столь-же опытны и въ сокрытіи имущества, имъ принадлежащаго, какъ только обнаружатся сдѣланныя ими нарушенія, а потому прямой выгодой для такого рода субъектовъ является отбытіе денежной пени кратковременнымъ арестомъ.

Изъ судебной практики какъ мировыхъ, такъ и общихъ судебныхъ установленій, можно убѣдиться, что чѣмъ состоятельнѣе нарушитель и чѣмъ болѣе приносится убытку казнѣ нарушеніемъ, тѣмъ лучше и изощреннѣе способъ сокрытія нарушителемъ своего имущества, чему конечно помогаютъ и правила нашего гражданскаго процесса и услужливая—для такого рода дѣла—наша русская адвокатура.

Въ Стародубскомъ Окружномъ Судѣ дѣлъ такого рода было нѣсколько, можно сказать столько, сколько было сдѣлано евреями нарушеній противъ питейнаго устава, особливо по винокуренію.

Слѣдовательно, помимо установленія извѣстнаго порядка обезпеченія казны со стороны представителей ея немедленно при обнаруженіи нарушенія, до производства еще слѣдствія, необходимо денежную пеню замѣнить такимъ наказаніемъ, которое было-бы и правомѣрно по большей или меньшей значительности нарушенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ не было-бы мертвою буквою закона.

Законъ въ той формѣ, какъ онъ установленъ 24 ст. по проекту Комиссіи, при высшихъ размѣрахъ денежной пени, можетъ послужить поблажкою всѣмъ тѣмъ коммерсантамъ, которые считаютъ казну и ея доходы не чѣмъ то священнымъ, о расхищеніи которой и думать не слѣдуетъ, а какъ-бы своей кассою, благо нарушенія эти весьма рѣдко и весьма неудачно открываются. Да и самая справедливоеть требуетъ, чтобы за широкіе замыслы нажиться на счетъ фиска, приведенные и даже неприведенные еще въ исполненіе, взыскивалось строже, нежели за нарушенія маловажныя и менѣе убытку казнѣ приносящія.

Примѣненіе 24 ст. улож., какъ она г. Борщовымъ проектирована, должно имѣть мѣсто и при вознагражденіи за вредъ и убытки, понесенные преступнымъ дѣяніемъ частнымъ лицомъ, если только вознагражденіе не покрывается заработною платою при назначеніи заключенія обвиняемому, конечно, въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ тяжестью наказанія, которому подвергался обвиняемый.

По поводу замѣчанія г. Борщова на 24 ст., Предсѣдатель Стародубскаго Окружнаго Суда Мальте, съ своей стороны, замѣчаетъ, что хотя при замѣнѣ пени свыше 1.000 р. заключеніемъ въ тюрьмѣ пришлось-бы стать въ нѣкоторое несогласіе съ 4 ст. проекта, по которой преступныя дѣянія, караемыя пенею и арестомъ, отнесены къ нарушеніямъ, а караемыя тюрьмою къ проступкамъ, но замѣнять пеню на всякую сумму свыше 1.000 р. арестомъ не свыше 6-ти мѣсяцевъ—было-бы, на основаніи соображеній, высказанныхъ г. Борщовымъ, непрактично, а потому г. Мальте присоединяется и къ замѣнѣ, проектируемой г. Борщовымъ.

Съ проектируемымъ г. Борщовымъ примѣненіемъ 24 ст. проекта и при вознагражденіи за вредъ и убытки, нанесенные преступнымъ дѣяніемъ частнымъ лицамъ, г. Мальте несогласенъ, такъ какъ вознагражденіе за вредъ не есть наказаніе и потому арестомъ, какъ наказаніемъ, замѣняемо быть не должно.

Ст. 24.

Въ Совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры докладчикъ г. Кильштетъ, поддерживая мнѣніе о томъ, что разсрочки пени не должны быть допускаемы, находилъ, что замѣна пени арестомъ должна имѣть мѣсто по истеченіи мѣсяца не со дня вступленія приговора въ законную силу, а со времени обращенія такого приговора къ исполненію и полученія осужденнымъ повѣстки Судебнаго Пристава объ уплатѣ. Нѣкоторыми присутствующими противъ этого мнѣнія было высказано, что самыя условія замѣны пени арестомъ, принятыя проектомъ, не могутъ быть признаны правильными. Сами составители проекта указываютъ на важность того начала, что каждое наказаніе должно быть осуществлено безъ измѣненій въ своемъ существѣ и замѣна его другимъ можетъ быть допускаема лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Сущность пени заключается въ невыгодныхъ имущественныхъ послѣдствіяхъ для осужденнаго и потому нельзя предоставлять усмотрѣнію послѣдняго уплатить пеню или потребовать замѣны ея арестомъ, т. е. наказаніемъ иного характера, личнымъ, преслѣдующимъ другія цѣли. По смыслу ст. 974 уст. угол. суд., допускается принудительное взысканіе пени, наложеніе ареста и запрещенія на имущество виновнаго, а затѣмъ продажа таковаго имущества (г. Марковъ). Въ виду сего, необходимо установить, что пеня замѣняется арестомъ лишь въ случаѣ дѣйствительной несостоятельности виновнаго къ уплатѣ, какъ это указано въ статьѣ 84 уложенія (г. Домерщиковъ). Совѣщаніе, за исключеніемъ 2 членовъ (гг. Бомъ и Кильштетъ), полагавшихъ необходимымъ принять вводимый проектомъ новый принципъ безусловной альтернативности денежныхъ взысканій, согласилось съ приведенными соображеніями, признавая, что взысканіе пени должно производиться по общимъ правиламъ устава гражданскаго судопроизводства съ тѣмъ различіемъ, что неуплата пени, при неимѣніи или недостаточности имущества, изъ котораго таковая могла-бы быть пополнена, должно влечь за собою замѣну пени арестомъ. Посему и имѣя въ виду, что самый порядокъ взысканія пени долженъ быть указанъ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, Совѣщаніе полагало въ 1-й части ст. 24 проекта выразить, что «денежная пеня или, при разсрочкѣ, часть оной, замѣняется арестомъ въ случаѣ несостоятельности осужденнаго, на сроки» и т. д.

Относительно указанныхъ въ ст. 24 проекта правилъ объ исчисленіи сроковъ ареста, замѣняющаго пеню, было замѣчено (г. Марковъ), что съ одной стороны правила эти грѣшатъ своею дробностью и формальностью, возвращаясь къ прежней системѣ нашего уложенія 1845 г., а съ другой для пеней свыше 1.000 р. являются несоразмѣрно мягкими, полагая за такія пени, хотя-бы и милліонныя, арестъ на срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ. Новѣйшіе иностранные кодексы гораздо строже; такъ венгерское уложеніе въ § 53 допускаетъ замѣну

пени тюрьмою на срокъ до 6 мѣсяцевъ, а германское уложеніе въ §§ 28 и 29 тюрьмою до 1 года, причемъ, по смыслу означенныхъ постановленій, замѣна наступаетъ лишь при несостоятельности осужденнаго и непополненіи пени изъ его имущества. Точно также и ст. 84 улож. о наказ. 1866 г., при взысканіяхъ на сумму свыше 300 р., согласно 1234 ст. уст. гражд. судопр., установила содержаніе несостоятельнаго плательщика въ долговой тюрьмѣ на срокъ не свыше 5 лѣтъ. Хотя съ уничтоженіемъ особыхъ долговыхъ тюремъ и слѣдуетъ понизить maximum содержанія, но къ замѣнѣ пени, превышающей 300 р., не арестомъ, а тюрьмою, не представляется препятствій съ одной стороны въ виду того, что заключеніе въ тюрьмѣ, на срокъ хотя-бы до 6 мѣсяцевъ, своею тяжестью будетъ восполнять относительную краткость лишенія свободы, а съ другой—такой способъ замѣны дастъ возможность усиливать тягость наказанія не уплатившимъ пени, сообразно величинѣ таковой пени, не искажая существа ареста, который всегда долженъ быть кратковременнымъ. Поэтому предлагалось постановить, что пеня до 25 р. замѣняется арестомъ до 1 недѣли, пеня отъ 25 р. до 1.000 р.—арестомъ отъ 1 недѣли до 3 мѣсяцевъ, а пеня свыше 1.000 р.—тюрьмою отъ 1 до 6 мѣсяцевъ.

При обсужденіи этого предложенія большинство членовъ (гг. Островскій, Бомъ, Васильевъ, Домерщиковъ и Кичинъ) высказались въ его пользу съ тѣмъ измѣненіемъ, что пеня свыше 1.000 р. должна быть замѣняема арестомъ отъ 3 мѣсяцевъ до 1 года, такъ какъ, по мнѣнію большинства, по маловажности нарушеній, облагаемыхъ пенею, онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть наказываемы тюрьмою, установленною для преступниковъ и имѣющею поэтому характеръ наказанія исправительнаго, а съ другой стороны содержаніе въ арестныхъ помѣщеніяхъ, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, нѣкоторыхъ лицъ въ теченіи года, не можетъ представить затрудненій. Двое членовъ Совѣщанія (гг. Кильштетъ и Тимофеевскій) признавали сроки замѣны пени арестомъ, указанные въ ст. 24 проекта, правильными, указывая на то, что основаніе для замѣны въ этихъ случаяхъ и должно быть формальное, а именно количество пени, независимо положенія, имущественнаго и общественнаго, осужденнаго и что maximum ареста въ 6 мѣсяцевъ достаточенъ, такъ какъ, по предположенію составителей проекта, наиболѣе крупныя пени, а именно по дѣламъ казеннаго управленія, будутъ имѣть характеръ не пени уголовной, а вознагражденія гражданскаго иска казны за вредъ и убытки.

Сроки ареста, установленные 24 ст. проекта, для замѣны таковымъ пени представляются, по отзыву чиновъ Великолуцкаго прокурорскаго надзора, слишкомъ короткими сравнительно съ тѣми пенями, взамѣнъ которыхъ

арестъ назначается. Поэтому есть основаніе предполагать, что пеня особенно относительно бѣднѣйшихъ классовъ останется только въ уложеніи.

Устанавливаемый 24 ст. высшій предѣлъ ареста, назначаемаго судомъ на случай неуплаты пени, представляется, по отзыву чиновъ Московской прокуратуры, весьма незначительнымъ, если принять во вниманіе, что за нѣкоторые проступки, напр. акцизные, виновный можетъ быть приговоренъ къ уплатѣ не только десятковъ, но и сотенъ тысячъ рублей. Въ послѣднемъ случаѣ лицо состоятельное охотно подвергнетъ себя 6-ти-мѣсячному аресту, лишь-бы сохранить отъ взысканія скрытые капиталы, и едва-ли устоитъ передъ соблазномъ обогатиться на счетъ казны. Поэтому желательно-бы было увеличеніе высшаго срока лишенія свободы, при замѣнѣ денежнаго взысканія, примѣнительно къ правиламъ, установленнымъ 84 ст. дѣйствующаго уложенія и 1234 ст. уст. гражд. судопр.—Буквально то же замѣчаніе высказываютъ юристы-практики (Судебная газета, 1883 г., № 33).

Прокуроръ Харьковской Судебной Палаты Закревскій находитъ, что, при замѣнѣ денежной пени арестомъ, опредѣлены слишкомъ короткіе сроки ареста. Если допустить, что лицо, приговоренное напр. за преступленіе противъ доходовъ казны къ нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ рублей штрафа, можетъ отдѣлаться шестимѣсячнымъ арестомъ, то высокіе размѣры денежной пени обратятся въ наказаніе, только на бумагѣ существующее, суды будутъ исчислять пени, которыхъ никто платить не станетъ, такъ какъ выгоднѣе отсидѣть въ теченіи короткаго времени подъ арестомъ, прокармливаясь при этомъ на казенный или земскій счетъ, чѣмъ платить крупный штрафъ.

Слѣдовало-бы посему продлить срокъ ареста, замѣняющаго денежную пеню, допустивъ арестъ до пяти лѣтъ (сравн. 1234 ст. уст. гражд. судопр.) и опредѣливъ, что арестъ свыше шести мѣсяцевъ отбывается при тюрьмѣ, такъ какъ арестные дома не будутъ приспособлены для долгосрочнаго заключенія.

Обсуждая сроки замѣны денежной пени арестомъ, Совѣщаніе чиновъ Варшавской прокуратуры нашло эти сроки недостаточными для пени свыше 1.000 р., которая по многимъ изъ нарушеній казенныхъ уставовъ можетъ доходить до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей, поэтому, съ своей стороны, Совѣщаніе полагаетъ, что сроки замѣны такого рода пеней должны быть исчисляемы на основаніи нынѣ дѣйствующихъ правилъ, изложенныхъ

въ 84 ст. улож. 1866 г., съ тѣмъ однако измѣненіемъ ихъ, что вмѣсто безусловно опредѣленныхъ сроковъ, указанныхъ въ 1234 ст. уст. гражд. судопр., суду слѣдуетъ предоставить возможность понижать ихъ, не выходя изъ предѣловъ, указанныхъ въ подлежащихъ пунктахъ этой статьи.

При разсмотрѣніи чинами прокуратуры Варшавскаго Окружнаго Суда ст. 24 проекта, одинъ изъ членовъ собранія замѣтилъ, что устанавливаемая въ ней замѣна денежной пени не соотвѣтствуетъ тому значительному вреду, который причиняется государству лицами, приговариваемыми къ денежнымъ пенямъ. По мнѣнію другихъ членовъ собранія, краткіе сроки ареста будутъ служить прямымъ поощреніемъ къ совершенію тѣхъ нарушеній, которыя влекутъ за собою большія денежныя штрафы.

Практика показываетъ, что въ предѣлахъ Варшавскаго судебнаго округа лица еврейскаго происхожденія никогда не уплачиваютъ болѣе значительныхъ штрафовъ, предпочитая скрывать свое имущество и отбывать тюремное заключеніе. Такимъ образомъ не представляется никакихъ основаній уменьшать тѣхъ замѣняющихъ денежную пеню наказаній, которыя установлены дѣйствующимъ правомъ. По заявленію одного изъ членовъ собранія, въ пограничной полосѣ Царства Польскаго почти всѣ жители поголовно занимаются контрабандою и уменьшатъ сроки замѣняющихъ наказаній значило-бы содѣйствовать еще большему развитію этого промысла, причиняющаго существенный вредъ государству. Трудно согласиться съ высказаннымъ редакторами проекта соображеніемъ о томъ, что примѣненіе тюремнаго заключенія къ нарушеніямъ уставовъ казеннаго управленія вызвало-бы очевидное несоотвѣтствіе между преступленіемъ и наказаніемъ, такъ какъ напротивъ того очевидно, что человѣкъ, похищающій изъ обитаемаго строенія какую-либо вещь стоимостью въ 1 рубль, причиняетъ менѣе вреда обществу, нежели тотъ человѣкъ, который по ремеслу занимается водвореніемъ контрабанды на значительныя суммы; равнымъ образомъ, для физической неприкосновенности гражданъ представляетъ большую опасность контрабандистъ, нежели воръ, ломающій замки. Какъ извѣстно, контрабандистъ для защиты водворяемой имъ контрабанды рѣшается на самыя страшныя убійства и въ пограничной полосѣ нерѣдко происходятъ вооруженныя столкновенія между контрабандистами и таможенною стражею.

Наконецъ, было указано еще и на то, что и въ иностранныхъ кодексахъ опредѣлены болѣе строгія, замѣняющія денежныя пени, наказанія въ сравненіи съ тѣми легкими замѣняющими наказаніями, которыя предлагаются составителями проекта.

Собраніе единогласно высказалось за сохраненіе въ новомъ уголовномъ кодексѣ ст. 84 нынѣ дѣйствущаго уложенія.

Собраніе чиновъ Кіевской прокуратуры находитъ невозможнымъ согласиться съ указанною въ ст. 24 проекта замѣною, ибо постановленіе это построено, очевидно, на томъ соображеніи, что свобода есть одно изъ величайшихъ благъ человѣка и что лишеніе этого блага составляетъ для него одно изъ величайшихъ золъ. Соображеніе это, будучи вѣрно теоретически и въ примѣненіи къ тѣмъ немногимъ личностямъ, коихъ образъ мыслей и понятія совпадаютъ съ точкою зрѣнія Редакціонной Коммисіи, не обнимаетъ собою цѣлой массы людей, въ которыхъ чувство свободы развито не до такой тонкости. Практика знаетъ категорію людей, для которыхъ лишеніе свободы составляетъ даже разсчетъ: бѣднякъ старается попасть въ тюрьму на казенный хлѣбъ и квартиру; преступница-мать беретъ съ собою въ тюрьму малолѣтныхъ дѣтей, чтобы воспользоваться благами, въ 128 ст. уст. о содерж. подъ стражею указанными; для цѣлой массы грубаго и корыстолюбиваго люда ударъ по карману гораздо чувствительнѣе лишенія свободы, особенно если это лишеніе обставлено льготами, свойственными аресту. Конечно, трудно въ настоящее время выяснить вполнѣ этотъ вопросъ, такъ какъ неизвѣстно, какія нарушенія будутъ обложены денежной пеней, но если таковая будетъ установлена и для нарушеній уставовъ казенныхъ управленій, то можно напередъ сказать, что никогда значительныя пени не будутъ взыскиваться, такъ какъ условія проектированнаго Коммисіею ареста въ случаѣ несостоятельности слишкомъ для сего благопріятны.

По этимъ соображеніямъ, собраніе названныхъ чиновъ высказывается за сохраненіе замѣны денежной пени установленными ст. 1234 уст. гражд. судопр. сроками ареста, съ добавленіемъ къ нимъ сроковъ замѣны пени арестомъ въ слѣдующей соразмѣрности: пеня до 25 р.—арестомъ на три дня: отъ 25 до 100 р.—арестомъ на одну недѣлю; отъ 100 до 500 р.—арестомъ на одинъ мѣсяцъ; отъ 500 до 1.000 р.—арестомъ на три мѣсяца; отъ 1.000 до 2.000 р.—арестомъ на шесть мѣсяцевъ и отъ 2.000 до 10.000 р.—арестомъ на годъ. Затѣмъ, такъ какъ послѣдующіе сроки заключеній указанной 1234 ст., взамѣнъ взысканій свыше 10.000 р., превышаютъ высшій предѣлъ проектируемыхъ Коммисіей сроковъ ареста (ст. 19 проекта уложенія), то, имѣя въ виду съ одной стороны необходимость перейти къ болѣе долгосрочному виду заключенія, а съ другой, что таковымъ не могутъ быть ни тюрьма, ни исправительный домъ, непосредственно восходящіе за арестомъ, ибо караемыя или преступныя дѣянія предполагаются позорящаго свойства,

тогда какъ нарушенія, по существу своему, не могутъ носить подобнаго характера, собраніе предположило, что арестъ свыше одного года, опредѣленный взамѣнъ соотвѣтствующей денежной пени, долженъ отбываться въ заточеніи.

Независимо отъ сего, собраніе признало необходимымъ измѣнить и первую часть редакціи ст. 24 проекта, исключивъ изъ нея слова: «неуплаченныя въ теченіи мѣсяца со дня вступленія приговора въ законную силу» и замѣнивъ ихъ словами «при несостоятельности къ платежу». Измѣненія эти обусловливаются тѣмъ соображеніемъ, что денежная пеня должна замѣняться арестомъ лишь въ томъ случаѣ, когда преступникъ дѣйствительно оказывается несостоятельнымъ къ уплатѣ таковой, а между тѣмъ, по смыслу редакціи ст. 24 проекта, ему какъ будто предоставляется на личное усмотрѣніе избрать себѣ тотъ или другой видъ наказанія за совершенное имъ нарушеніе.

Чины прокуратуры Казанской Судебной Палаты указываютъ на крайне краткіе сроки ареста, при замѣнѣ имъ денежной пени, въ особенности—при замѣнѣ большихъ по суммѣ взысканій. Это можетъ имѣть весьма вредное вліяніе. Лѣстница этой замѣны составлена такъ, что лицу, задумавшему обмануть казну, не будетъ никакого основанія остановиться въ своемъ преступленіи въ тѣхъ предѣлахъ, за которые угрожаетъ ему пеня въ 1.000 р., а, напротивъ, будетъ прямой разсчетъ довести это преступленіе до болѣе высшаго взысканія, такъ какъ по проекту и за пеню въ 1.000 р., и за пеню въ 100.000 р. и болѣе, онъ подлежитъ одинаково продолжительному аресту. Въ соображеніяхъ Редакціонной Коммисіи (83 стр.) прямо указывается основаніе, почему она стѣсняется, при замѣнѣ пени личнымъ взысканіемъ, допустить болѣе строгую репрессію послѣдняго,—а именно, что самыя преступленія сего рода, касающіяся преимущественно нарушеній уставовъ казенныхъ управленій, «вызываются» будто-бы не буйною или *корыстною волею*, требующею обузданія, а составляютъ въ существѣ своемъ неисполненіе *гражданскихъ обязательствъ*, постановленныхъ подъ санкцію уголовной угрозы. Воззрѣніе это, по мнѣнію названныхъ чиновъ, столь-же искуственно, какъ и вся теорія о *подразумѣваемомъ* договорномъ соглашеніи. Гдѣ не предшествовало *дѣйствительное* договорное соглашеніе, тамъ нельзя говорить объ *обязательствѣ* гражданскомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого понятія. Оно можетъ быть обязательствомъ только по началамъ государственнаго права, въ томъ смыслѣ, въ какомъ *обязательны* всѣ постановленія правительственной власти не дѣлать того или другаго. Такимъ образомъ, и воспрещеніе закона по уставамъ казенныхъ управленій, какъ по источнику своему, такъ и по

нравственному значенію, суть прямыя уголовныя воспрещенія, не имѣющія ничего общаго съ сферою гражданскаго права. Затѣмъ въ наличности корыстной именно воли при такихъ преступленіяхъ, равно какъ и въ обширномъ объемѣ вреда врядъ-ли можно сомнѣваться, такъ что, напротивъ, врядъ-ли что можно найти въ пользу смягченія строгости наказанія за эти преступленія. Еще такъ недавно само законодательство признавало возможнымъ допускать замѣну денежнаго взысканія лишеніемъ свободы до 5 лѣтъ даже въ тюрьмѣ, а не арестомъ, и при томъ не въ видѣ уголовнаго наказанія, а уже по прямымъ гражданскимъ взысканіямъ. Въ настоящее-же время оно не признаетъ даже «*справедливымъ*» идти въ замѣнѣ пени лишеніемъ ареста даже шестимѣсячнаго срока. Такого крутаго поворота не можетъ быть въ юридическомъ сознаніи народа,—его не должно быть и въ законодательной дѣятельности правительства.

По замѣчанію чиновъ прокуратуры Казанскаго Окружнаго Суда, редакція ст. 24 заставляетъ полагать, что замѣна денежной пени арестомъ является результатомъ не несостоятельности приговореннаго, а истеченія льготнаго для уплаты срока. Но это, во 1-хъ, не согласуется съ мотивами, изложенными въ объясненіяхъ къ проекту (стр. 79, л. 83), гдѣ эта замѣна приводится, какъ послѣдствіе несостоятельности, а во 2-хъ, вводило-бы не соотвѣтствующій свойству уголовной кары принципъ—назначенія одного изъ наказаній по волѣ осужденнаго, желающаго или не желающаго уплатить пеню или подвергнуться аресту. При высшихъ размѣрахъ денежной пени, такой выборъ наказанія опредѣлялся-бы исключительно простымъ разсчетомъ осужденнаго, которому приходилось-бы слишкомъ дорого оплачивать каждыя сутки своей свободы. Поэтому слѣдовало-бы замѣну денежной пени арестомъ допустить при наличности двухъ условій: 1) несостоятельности приговореннаго и 2) неуплаты въ теченіе опредѣленнаго въ проектѣ срока.

Тѣ же чины находятъ, что сроки лишенія свободы по проекту, при замѣнѣ денежной пени, ничтожны для высокихъ размѣровъ послѣдней и давали-бы несправедливое преимущество тягчайшимъ преступнымъ дѣяніямъ, облагаемымъ пенею. Принимать во вниманіе цѣну рабочаго дня для исчисленія сроковъ лишенія свободы при замѣнѣ денежной пени, дѣйствительно,—какъ выражено въ объясненіяхъ къ проекту,—невозможно не только потому, что при высшихъ размѣрахъ пени это повело-бы къ чрезмѣрной продолжительности ареста, но и потому еще, что напр. цѣну рабочаго дня земледѣльца невозможно сравнить съ цѣною рабочаго дня биржеваго дѣятеля, винокуреннаго и сахарнаго заводчика или другаго предпринимателя и наказаніе

для каждаго изъ нихъ было бы неравномѣрно. Въ свою очередь и высшій предѣлъ лишенія свободы при этой замѣнѣ—шесть мѣсяцевъ ареста—низводилъ-бы это наказаніе на степень ничтожности при денежной пенѣ въ нѣсколько десятковъ или сотенъ тысячъ рублей, такъ какъ, при совершеніи преступнаго дѣянія, виновникъ не подвергалъ-бы себя риску понести соотвѣтствующее наказаніе, а руководился-бы разсчетомъ, выгода котораго далеко превышала-бы опасенія подвергнуться незначительному, по времени и способу выполненія, лишенію свободы.

Поэтому болѣе цѣлесообразнымъ было-бы:

а) при замѣнѣ денежной пени лишеніемъ свободы, принять систему существующей нынѣ 84 ст., улож. 1866 года;

б) замѣнять арестомъ денежную пеню не свыше 5.000 рублей;

в) денежную пеню свыше 5.000 р. замѣнять заключеніемъ въ тюрьмѣ на соотвѣтствующіе сроки до двухъ лѣтъ.

Прокуроръ Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалевъ указываетъ, что по 24 ст. денежная пеня свыше 1.000 р., какъ бы она ни была велика, замѣняется лишь арестомъ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, но это едва-ли справедливо; пеня по нарушеніямъ питейнаго устава на заводахъ иногда превышаетъ 100.000 р., причемъ дѣянія этого рода, доставляющія ихъ виновникамъ большія выгоды, нерѣдко сопровождаются разными мошенническими продѣлками, въ родѣ порчи контрольнаго снаряда. При такихъ условіяхъ наказаніе 6-ти-мѣсячнымъ арестомъ не можетъ быть признано соотвѣтственнымъ и въ значительномъ большинствѣ случаевъ виновные предпочтутъ отсидѣть этотъ небольшой срокъ, сохранивъ для себя громадное состояніе, пріобрѣтенное явно незаконнымъ путемъ. Поэтому слѣдовало-бы арестъ до 6 мѣсяцевъ назначать взамѣнъ пени не болѣе 2.000 р., а при высшемъ ея размѣрѣ допускать замѣну другимъ наказаніемъ, напр. заточеніемъ до 3-хъ лѣтъ. Далѣе въ 24 ст. слѣдовало-бы пояснить, примѣняясь къ 137 ст. уст. гражд. судопр., что допустившіе неисправность въ уплатѣ разсроченной пени, подвергаются личному задержанію одновременно взамѣнъ всей суммы, оставшейся неуплаченною, хотя-бы она и была распредѣлена на нѣсколько сроковъ, иначе по одному и тому-же приговору пришлось-бы осужденнаго подвергать аресту нѣсколько разъ.

Редакціонная Коммисія, безъ сомнѣнія, имѣла въ виду это правило (стр. 83), но яснаго указанія на оное въ практикѣ не сдѣлано, вслѣдствіе чего на практикѣ могутъ возникнуть въ этомъ отношеніи недоразумѣнія.

Кромѣ того, по отношенію къ денежнымъ взысканіямъ, проектомъ не разрѣшены и даже не затронуты еще слѣдующіе вопросы:

1) какимъ порядкомъ должна быть назначаема денежная пеня при совершеніи нарушенія нѣсколькими лицами, если за нарушеніе это полагается взысканіе въ опредѣленномъ размѣрѣ (напр. при лѣсныхъ порубкахъ, нарушеніяхъ устава о питейномъ сборѣ), должна-ли пеня въ такихъ случаяхъ распредѣляться по ровну между всѣми участниками съ взаимною другъ за друга отвѣтственностью или какимъ-либо инымъ образомъ,

2) если, при взаимной отвѣтственности соучастниковъ, часть пени слѣдовавшая съ одного изъ нихъ, будетъ уплачена другими, то слѣдуетъ-ли оказавшагося несостоятельнымъ подвергать личному задержанію, или-же онъ долженъ считаться отвѣтственнымъ только въ гражданскомъ порядкѣ предъ лицами, уплатившими за него пеню (648 ст. т. X ч. 1),

3) какимъ образомъ должна быть замѣняема пеня личнымъ задержаніемъ, если она назначается вмѣстѣ съ другимъ наказаніемъ (1151 ст. уст. угол. судопр., прим. къ 152 и 1039 ст. улож. о нак.); примѣнимы-ли въ данномъ случаѣ правила объ опредѣленіи наказаній при совокупности проступковъ или-же слѣдующій вмѣсто пени арестъ долженъ быть присоединяемъ къ другому наказанію въ соразмѣрности, указанной въ 55 ст.;

4) будутъ-ли распространяться правила уложенія о наказаніяхъ и на тѣ нарушенія, которыя подлежатъ вѣдѣнію казенныхъ и другихъ административныхъ управленій (прилож. къ 1149 и 1239 ст. уст. угол. судопр. и если будутъ распространяться, то кѣмъ должна быть производима замѣна пени, при неуплатѣ ея, соотвѣтственнымъ личнымъ задержаніемъ.

На всѣ эти вопросы въ будущемъ уложеніи должны быть опредѣленные отвѣты.

Наконецъ, слѣдуетъ еще указать на то, что, по смыслу 24 ст., освобожденіе отъ личнаго задержанія, въ случаѣ взноса части пени, соотвѣтствующей остающемуся сроку заключенія—обязательно, между тѣмъ изъ объясненій къ проекту слѣдуетъ заключить, что Коммисія имѣла въ виду предоставить это усмотрѣнію суда (стр. 84).

Прокуроръ Кашинскаго Окружнаго Суда Безе замѣчаетъ, что, согласно ст. 24, денежная пеня, или часть оной, не уплаченныя въ теченіи . . . . . замѣняются арестомъ. Изъ буквальнаго смысла этой статьи не видно, предоставляется-ли приговоренному на выборъ или уплатить пеню, или отказаться отъ уплаты и подвергнуться аресту, или-же взысканіе пени производится изъ имущества, принадлежащаго приговоренному, несмотря на

его отказъ добровольно внести деньги. Между тѣмъ изъ объяснительной записки (*л.* 83, строка 8 снизу) оказывается, что составители проекта находятъ, что пеня должна быть взыскиваема въ общемъ порядкѣ исполненія приговоровъ.

Принимая во вниманіе, что въ законодательномъ порядкѣ будетъ утвержденъ только проектъ уложенія, а не записка, и что записка будетъ лишь разъяснять взглядъ составителей проекта, а не самый законъ, при толкованіи-же закона обращаться къ высказаннымъ въ запискѣ положеніямъ не представится возможнымъ, придется благодаря тексту ст. 24 проекта, предоставлять на усмотрѣніе приговореннаго или платежъ пени или подвергнуться аресту.

По мнѣнію Прокурора Люблинскаго Окружнаго Суда Поллана, ст. 24 слѣдовало-бы изложить такъ: «денежная пеня или часть оной, неуплаченныя въ теченіи мѣсяца со дня предъявленія подсудимому требованія объ уплатѣ и т. д.»

Такое измѣненіе редакціи 24 ст. проекта вызвано тѣмъ, что на практикѣ весьма часто случается, что приговоръ приводится фактически въ исполненіе черезъ мѣсяцъ со дня его вступленія, напр. вслѣдствіе неотысканія по адресу подсудимаго или по другимъ причинамъ; такимъ образомъ, основываясь на буквальной мысли этой статьи, прокуроръ въ приведенномъ случаѣ обязанъ бы былъ, по полученіи приговора отъ суда, прямо предлагать полиціи о взятіи подсудимаго подъ стражу.

Прокуроръ Орловскаго Окружнаго Суда Хрулевъ указываетъ, что ст. 24 проекта, говоря о замѣнѣ денежной пени арестомъ, устанавливаетъ пять степеней денежныхъ взысканій и соотвѣтствующую замѣну ихъ извѣстными сроками ареста:

1) до 25 р.—арестъ не свыше недѣли;
2) отъ 25—100 р. отъ недѣли до мѣсяца;
3) отъ 100—500 р. отъ одного до двухъ мѣсяцевъ;
4) отъ 500—1.000 р. отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ,
и 5) свыше 1.000 р. отъ трехъ до шести мѣсяцевъ.

Какъ видно изъ объяснительной записки, Коммисія не находитъ основаній къ установленію постояннаго и опредѣленнаго соотношенія между размѣромъ взысканія и временемъ заключенія по слѣдующимъ соображеніямъ: «Возрастанія интенсивности наказанія лишеніемъ свободы,» говоритъ записка, «идетъ вовсе не въ той пропорціи, въ какой возрастаетъ тяжесть денеж-

ныхъ взысканій, съ другой стороны и преступность, опредѣляющая сроки лишенія свободы при замѣнѣ денежныхъ взысканій зависитъ не отъ одного только объема вреда, но и отъ степени опасности воли, отъ свойства побужденій и т. д., такъ что и въ этомъ отношеніи формальное равновѣсіе было-бы совершенно несправедливо.» Съ этими доводами нельзя согласиться, ибо они вовсе не устраняютъ возможности и удобства принятія той системы, противъ которой направлены, а напротивъ широкій maximum и minimum позволяетъ суду взвѣсить и принять во вниманіе всѣ особенности каждаго данн. случая при опредѣленіи того или другаго размѣра налагаемаго взысканія и тѣ обстоятельства, о коихъ говоритъ записка.

Разъ законъ допустилъ извѣстный просторъ при замѣнѣ лишеніемъ свободы денежнаго взысканія, не должно быть опасеній, что система эта сама по себѣ будетъ служить орудіемъ несправедливости, установляя неравномѣрность наказанія. Напротивъ, въ виду того, что денежными пенями будутъ обложены преимущественно нарушенія, т. е. противузаконныя дѣянія, совершенныя самымъ разнообразнымъ контингентомъ людей, по сословнымъ, служебнымъ, процессуальнымъ, имущественнымъ и другимъ различіямъ, нельзя не признать, что установляемый 24 ст. масштабъ замѣны пени арестомъ далеко не предоставляетъ необходимаго, при такомъ разнообразномъ положеніи подсудимыхъ, простора суду въ замѣнѣ наказанія.

Очевидно, что для чернорабочаго семидневный арестъ явится сравнительно ничтожнымъ наказаніемъ предъ пенею въ 25 р., которая можетъ равняться его полугодовому заработку, съ другой стороны, для человѣка, занимающаго общественное положеніе, уплата пени въ 100 р. не обременитъ его, а мѣсяцъ ареста представится наказаніемъ несоразмѣрно строгимъ. Въ тѣсныхъ рамкахъ 24 ст. проекта часто встрѣтятся на практикѣ случаи, когда подсудимые будутъ подвергнуты наказанію слишкомъ слабому или слишкомъ несоразмѣрному съ виною по своей продолжительности. Для большаго устраненія такихъ очевидно предвидимыхъ случаевъ, слѣдовало-бы установить, что одинъ день ареста соотвѣтствуетъ возможно различнымъ суммамъ пени и предѣлами оцѣнки одного дня ареста взять низшій 50 к., а высшій 5 р. При такомъ масштабѣ 5 степеней пени, указанныя въ 24 ст., будутъ соотвѣтствовать степенямъ ареста съ болѣе отличными одинъ отъ другаго предѣльными сроками.

Такое-же основаніе для зачета должно быть принято безъ сомнѣнія и при уплатѣ арестованнымъ части присужденной пени, т. е. внося 10 р., одинъ осужденный можетъ сократить этимъ срокъ ареста на 20 дней, другой же только на два дня.

Необходимость самаго большаго простора для суда въ выборѣ срока

ареста, замѣняющаго пеню, признана въ кодексахъ французскомъ, бельгійскомъ и въ особенности германскомъ, т. е. въ государствахъ, гдѣ сословныя и служебныя различія менѣе рѣзки, тѣмъ въ Россіи. Между тѣмъ, проектъ новаго уложенія относительно этой замѣны устанавливаетъ болѣе тѣсныя рамки, чѣмъ нынѣ существующій законъ (1 ст. Уст. о нак., налаг. Мир. Суд.), по которому штрафъ свыше 15 р. можетъ быть замѣненъ арестомъ отъ 4 дней до 3 мѣсяцевъ.

По этимъ соображеніямъ, 24 ст. проекта желательно изложить слѣдующимъ образомъ:

«Денежная пеня или часть оной, неуплаченная въ теченіи мѣсяца со дня вступленія приговора въ законную силу, а при отсрочкѣ или разсрочкѣ платежа со дня наступленія срока уплаты, замѣняется арестомъ на сроки, опредѣленные судомъ въ приговорѣ; причемъ сумма отъ 50 к. и до 5 р. считается равными одному дню лишенія свободы и наблюдаются правила, изложенныя въ 19 и 56 ст. проекта.»

Курляндскій Губернскій Прокуроръ баронъ Майдель указываетъ, что пеня свыше 1000 р. замѣняется по ст. 24 проекта арестомъ отъ трехъ до шести мѣсяцевъ. Не зная, за какіе проступки будетъ предусмотрѣно денежное взысканіе, трудно дѣлать замѣчаніе на означенное постановленіе. Если-же, по примѣру дѣйствующаго уложенія, въ многочисленныхъ случаяхъ лишенія казны доходовъ мошенническимъ образомъ, виновные будутъ подлежать денежному взысканію, то, въ особенности въ виду весьма часто повторяющагося явленія, что мошенники не только липаютъ казну доходовъ, но кромѣ того, въ случаѣ присужденія къ денежной пени, весьма ловко умѣютъ скрыть имущество, съ котораго можно было-бы взыскать пеню, — было-бы, по мнѣнію Прокурора, справедливымъ соразмѣрить наказаніе, которымъ въ указанныхъ случаяхъ будетъ замѣнена денежная пеня, съ наказаніемъ, которому подлежатъ виновные въ присвоеніи мошенническимъ образомъ имущества частныхъ лицъ.

Губернскій Прокуроръ замѣчаетъ далѣе, что по вопросу о томъ, можетъ-ли въ случаѣ, статьею 56 указанномъ, срокъ ареста, замѣняющаго денежную пеню, также быть назначенъ въ удвоенномъ размѣрѣ, т. е. до одного года, или нѣтъ,—въ проектѣ не находится особаго постановленія. Въ виду сего обстоятельства, этотъ вопросъ въ практикѣ могъ-бы возбудить самыя разнорѣчивыя толкованія.

Ст. 24.

По поводу 24 ст. проекта, Московскій Столичный Мировой Съѣздъ замѣчаетъ слѣдующее: въ отношеніи замѣны денежной пени, при неуплатѣ оной, — арестомъ, статья эта, независимо отъ отсрочки и разсрочки пени, предоставляемой суду по 23 ст. того-же проекта, установляетъ новую льготу осужденнымъ, предоставляя имъ внести пеню въ теченіи мѣсяца, со дня вступленія приговора въ законную силу, а при отсрочкѣ или разсрочкѣ платежа, со дня наступленія срока уплаты. Установленіе такой льготы не принесетъ никакой практической пользы. Лица неимущія изъ приговоренныхъ не въ состояніи будутъ уплатить пени и въ теченіи льготнаго мѣсяца, лица же состоятельныя въ такой льготѣ не нуждаются. Между тѣмъ льгота эта весьма неблагопріятно отразится на ходѣ дѣла, не только безполезно отдаляя на цѣлый мѣсяцъ исполненіе приговора, но и дѣлая весьма часто самое исполненіе приговора затруднительнымъ и даже невозможнымъ, создавая такимъ образомъ новый путь для уклоненія обвиняемыхъ отъ наказанія. Судебная практика приводитъ къ убѣжденію, что по маловажнымъ дѣламъ и тѣ сроки обжалованія, отсрочивающіе исполненіе приговора, которые установлены судебными уставами и которые казались столь краткими въ сравненіи съ прежнимъ порядкомъ судопроизводства,—оказываются весьма значительными и нерѣдко служатъ для обвиненныхъ только средствомъ къ продолжительной отсрочкѣ наказанія. Правило-же, изображенное въ ст. 24, увеличиваетъ эти сроки еще на цѣлый мѣсяцъ. Денежною пенею караются самыя незначительныя преступленія (отнесенныя по новому проекту къ нарушеніямъ), и судъ по дѣламъ этого рода, по необходимости, ограничивается самыми легкими мѣрами для пресѣченія обвиняемому возможности уклоняться отъ суда и наказанія, а потому исполненіе приговоровъ по такимъ дѣламъ весьма часто бываетъ сопряжено съ значительными затрудненіями, медленностью и перепискою. Въ большихъ городахъ, при массѣ пришлаго населенія, весьма быстро мѣняющагося, затрудненія эти еще значительнѣе. Ст. 76 уст. угол. суд., воспрещающая обвиняемымъ отлучаться безъ разрѣшенія мироваго судьи, не нашла себѣ никакого примѣненія на практикѣ и единственнымъ средствомъ къ своевременному исполненію приговора служитъ возможная скорость обращенія его къ исполненію. Въ случаѣ-же предоставленія мѣсячной льготы для внесенія присужденной пени, обвиненный въ теченіи этого времени выѣдутъ изъ мѣста осужденія, начнется безконечная переписка о розыскѣ ихъ и многія нарушенія останутся фактически не наказанными; или-же судъ будетъ поставленъ въ необходимость принимать противъ обвиняемыхъ болѣе строгую мѣру для пресѣченія способовъ уклоненія отъ суда, какъ напр., отобраніе письменныхъ видовъ, что, безъ сомнѣнія, вызоветъ такое стѣсненіе для лицъ, обвиняемыхъ въ маловажныхъ наруше-

ніяхъ, которое нисколько не уравновѣсится предполагаемою по ст. 24 проекта льготою.

На основаніи изложеннаго Мировой Съѣздъ признаетъ желательнымъ слѣдующее измѣненіе ст. 24 проекта:

«Денежная пеня, или, при разсрочкѣ, часть оной, неуплаченная обвиненными при исполненіи приговора, замѣняется арестомъ на сроки и т. д.».

По поводу правила 24 ст. Предсѣдатель Казанско-Царевококшайскаго Мироваго Съѣзда Николаи замѣчаетъ, что такъ-какъ при существующемъ порядкѣ взысканія денежной пени, при неимѣніи наличныхъ денегъ у обвиняемаго, или при нежеланіи его уплатить штрафъ,—описи и продажи имущества обвиняемаго не производится, какъ это разъяснено въ указѣ Правительствующаго Сената, отъ 29 Февраля 1880 г. за № 812, то, при обязательности для суда во всѣхъ случаяхъ выжидать мѣсячный срокъ для замѣны денежной пени арестомъ, приговоры относительно лицъ, имѣющихъ лишь кратковременное пребываніе въ извѣстной мѣстности, останутся въ нерѣдкихъ, вѣроятно, случаяхъ неисполненными за невозможностью розыскать обвиняемаго, а въ другихъ — исполненіе значительно замедлится, вслѣдствіе переписки съ судебными и полицейскими властями по мѣсту жительства обвиняемаго.

Предсѣдательствующій Ландратъ Эстляндскаго Оберъ - Ландгерихта фонъ-Фокъ указываетъ, что по 1-й части ст. 24 началомъ теченія срока, полагающагося для уплаты денежной пени, почитается день вступленія приговора въ законную силу. На основаніи мѣстнаго судопроизводства, уголовные приговоры, вступаютъ въ законную силу послѣ ихъ пропуска прокуроромъ и утвержденія губернаторомъ, и только затѣмъ эти приговоры объявляются, иногда—даже въ отсутствіе обвиняемаго, что, однако, не замедляетъ вступленія приговора въ законную силу. Поэтому, въ виду существующаго въ Остзейскихъ губерніяхъ порядка судопроизводства, слѣдовало-бы въ части 1 ст. 24 прибавить, что срокъ, полагающійся для уплаты денежной пени, исчисляется со дня выдачи приговора (Urtheilsinsinuation), т. е. со дня фактическаго сообщенія приговора сторонамъ.

Въ статьяхъ 23 и 24 не указывается, можетъ-ли быть денежная пеня назначена вмѣстѣ съ другими наказаніями, какъ это допускается по дѣйствующему праву, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ, закономъ долженъ быть указанъ какой-нибудь особый способъ замѣны денежной пени.

Вообще ст. 24, по своему существу относится, какъ кажется г. фонъ-Фоку, не къ раздѣлу III (о наказаніяхъ), а къ раздѣлу VI (о замѣнѣ наказаній).

По замѣчанію Оренбургской Соединенной Палаты, ст. 24 не упоминаетъ о томъ, кѣмъ прекращается арестъ, или уменьшается таковой соразмѣрно съ внесенною частію пени, не смотря на то, что по объяснительной записк эта обязанность возлагается на судъ, который можетъ и не исполнить этого, но въ какихъ именно случаяхъ—въ текстѣ 24 ст. объ этомъ не говорится, а объяснительная записка не у всѣхъ судей можетъ быть подъ рукою, да наконецъ и высказанныя въ ней соображенія не обязательны для судей. Если, съ уголовной точки зрѣнія, случаи неплатежа денежной пени и могутъ представить нѣкоторое различіе относительно побудительныхъ причинъ уклончивости лицъ, присужденныхъ къ штрафу, то слѣдуетъ въ текстѣ закона категорически перечислить таковые. Иначе допускается возможность произвола къ отягченію участи осужденнаго, могущаго, вопреки сознательнаго его образа дѣйствій, понести двойное наказаніе—арестъ и денежную пеню. Точное-же указаніе закона, сдѣлавшись извѣстнымъ каждому, лишаетъ осужденнаго предполагаемой изворотливости, права обжалованія и гарантируетъ судъ отъ противорѣчивыхъ рѣшеній и неизбѣжныхъ нападокъ.

Статья 25—30.

Прежде чѣмъ приступить къ обсужденію послѣдствій уголовныхъ наказаній, профессоръ Вальбергъ приноситъ повинную въ томъ, что ему не вполнѣ извѣстно, будутъ-ли тѣлесныя наказанія, полную отмѣну которыхъ имѣетъ въ виду настоящій проектъ, уничтожены только какъ наказанія, налагаемыя по суду, и должны-ли быть они оставлены, какъ дисциплинарныя взысканія, примѣняемыя въ мѣстахъ заключенія. Если тѣлесныя наказанія могутъ быть назначаемы административными установленіями, и если заключенные могутъ быть подвергаемы тѣлеснымъ наказаніямъ, то рождается дальнѣйшій вопросъ: смотритъ-ли средній человѣкъ въ Россіи на тѣлесное наказаніе, какъ на наказаніе позорящее, или нѣтъ?

Отъ утвердительнаго или отрицательнаго отвѣта на этотъ сомнительный для него вопросъ, зависитъ тотъ уровень, съ котораго должны быть разсматриваемы установленныя проектомъ наказанія, лишающія чести

(Ehrenstrafen), такъ-какъ лежащее въ основѣ сихъ наказаній понятіе чести есть не только понятіе соціально-политическое, но и національное. Соціально-политическое начало сословій въ Россіи и вытекающія изъ этого начала зачисленіе приговоренныхъ въ состояніе ссыльныхъ и приписываніе ихъ къ городскому или сельскому обществу имѣютъ столь частный, самобытный характеръ, что едва-ли нѣмецкій профессоръ уголовнаго права можетъ правильно оцѣнить значеніе установленныхъ проектомъ лишеній правъ сословныхъ и ограниченій въ этихъ правахъ, а равно и значеніе перехода въ низшее состояніе.

Насколько неоспоримо то положеніе, что, при опредѣленіи праволишеній, вопросъ о томъ, лежитъ-ли въ основѣ дѣянія безчестное намѣреніе, или нѣтъ, долженъ быть признаваемъ вопросомъ руководящимъ, кардинальнымъ, и что праволишеніе должно соотвѣтствовать специфической природѣ того дѣянія, за которое оно опредѣляется; настолько-же не подлежитъ сомнѣнію и тотъ фактъ, что приговоръ виновнаго государствомъ къ праволишенію направленъ не противъ безчестности и негодности приговариваемаго къ праволишенію лица, но что разъ эта безчестность и негодность распознается въ учиненномъ преступленіи, неминуемымъ послѣдствіемъ ея является потеря виновнымъ добраго имени. Изъ этихъ положеній допускается лишь то исключеніе, что нѣкоторыя маловажныя наказанія не соединяются съ праволишеніями и что дѣлается различіе между праволишеніями, назначаемыми въ законѣ обязательно для суда, и праволишеніями, назначаемыми въ законѣ факультативно для суда и, при томъ, имѣющими срочный характеръ.

Возстановленіе въ правахъ, согласно съ его законнымъ, опредѣленіемъ, состоитъ въ томъ, что, по истеченіи опредѣленнаго времени, судъ можетъ, на основаніи представленныхъ ему доказательствъ объ исправленіи праволишеннаго, возвратить послѣднему права, отнятыя у него въ видѣ дополнительнаго наказанія. Возстановленія въ правахъ проектъ касается въ ст. 33, не упоминая о возможности принести апелляцію въ высшее судебное установленіе. Постановленія ст. 33, хотя и относятся къ уголовному судопроизводству, но тѣмъ не менѣе имѣютъ весьма важное значеніе.

Если, установляя высшій срокъ срочныхъ наказаній, проектъ выходитъ изъ того положенія, что, при данномъ предѣлѣ срока наказанія, цѣли уголовнаго правосудія вполнѣ достижимы и что продолжительность срока наказанія свыше этого предѣла недѣйствительна, безсильна или слишкомъ сурова, то было послѣдовательно установить опредѣленный срокъ и для послѣдствій наказаній. По отбытіи наказанія, освобожденному преступнику, при его дальнѣйшемъ правомѣрномъ (legal) поведеніи, должна быть предоставлена законная возможность быть возстановленнымъ въ правахъ и въ соціальномъ,

и въ правовомъ, и въ хозяйственномъ отношеніяхъ. Современная система срочныхъ наказаній совершенно сокрушаетъ пожизненное клейменіе преступника, вновь возвратившагося въ общество; она сокрушаетъ жестокія слова: hic niger est, hunc tu, Romane, caveto, какъ жестокое отчисленіе освобожденныхъ преступниковъ къ людямъ втораго класса или къ отрѣшеннымъ отъ всякихъ правъ паріямъ, которые, вслѣдствіе этого, дѣлаются смертельными врагами гражданскаго общества.

Лишеніе гражданскихъ правъ, какъ послѣдствіе приговора къ наказанію за опредѣленные преступленія и проступки, нынѣ можетъ проявиться лишь въ отрѣшеніи на продолжительное время отъ должностей и общественныхъ правъ и преимуществъ, которыя имѣютъ публичное значеніе, причемъ, однако, неправоспособность лица къ пріобрѣтенію вновь этихъ правомочій отпадаетъ по истеченіи опредѣленнаго закономъ или судебнымъ приговоромъ срока. Исключеніе составляютъ лишь праволишенія, соединенныя съ пожизненными наказаніями и съ смертною казнью.

Тотъ-же самый принципъ, который заставилъ отмѣнить пытку, тѣлесныя наказанія, квалифицированную смертную казнь, долженъ господствовать и въ системѣ праволишеній, и такъ-какъ обладаніе и пользованіе чисто частными правами не имѣетъ своимъ необходимымъ условіемъ безпорочность лица, обладающаго или пользующагося ими, и, наоборотъ, обладаніе и пользованіе общественными правами и преимуществами сопряжено съ обладаніемъ добраго имени, то и лишеніе правовой чести должно простираться лишь на общественныя права и преимущества, но отнюдь не на дѣеспособность и правоспособность лица правопоражаемаго.

Насколько проведены эти начала въ проектѣ, настолько его постановленія, заставляющія, однако, въ томъ сомнѣваться, въ виду нѣкоторой ихъ суровости, могутъ быть признаваемы соотвѣтствующими прогрессивной правовой культурѣ. Пока государственное уголовное право будетъ считать для себя необходимымъ руководствоваться, въ отношеніи къ правопораженіямъ, началомъ привилегированности сословій, до тѣхъ поръ современное основное понятіе объ общей государственно-гражданской чести будетъ парить между небомъ и землею и обязательный переводъ преступника, принадлежащаго къ привилегированному состоянію, въ сословіе непривилегированное, будетъ имѣть печальное значеніе униженія для другихъ сословій, нѣкотораго оскорбительнаго для послѣднихъ требованія принимать въ свою среду обезчещенныхъ колодниковъ. Какъ наказаніе, такъ точно и его послѣдствія, должны, насколько возможно, поражать преступника, а не третье, ни въ чемъ неповинное лицо. Безсчестный преступникъ есть самоубійца своей чести. Не дѣло современнаго государства предупреждать нравственный при-

говоръ членовъ сословій. Только тѣ права должны быть потеряны для личности привилегированнаго, которыя зависятъ отъ его состоянія (die von seinem Stande abhängigen Rechte). Хотя объяснительная записка и стоитъ на высотѣ научнаго понятія этого вопроса и свидѣтельствуетъ объ основательномъ изученіи европейскихъ законодательствъ, однако г. Вальбергу кажется, что, при разработкѣ этого вопроса, Редакціонная Коммисія слишкомъ осторожно отнеслась къ іерархическому рангу сословій. Вопросъ о правопораженіи есть именно тотъ пунктъ, относительно котораго иностранецъ не въ состояніи дать вполнѣ правильное заключеніе и сказать, должна-ли быть разсматриваема предпринятая Коммисіей реформа въ правопораженіяхъ, какъ плодъ, неразрывно связанный съ отечественнымъ развитіемъ; должно-ли останавливаться на полдорогѣ въ опредѣленіи объема правопораженій, послѣ того какъ тѣлесныя наказанія, которыя были тѣсно связаны съ сословной іерархіей, отмѣнены; соотвѣтствуетъ-ли потеря личной чести, какъ она опредѣлена въ проектѣ, тому понятію, которое имѣетъ о ней большинство изъ образованныхъ людей русскаго народа. Мѣрило высоты народной культуры не слѣдуетъ выгребать изъ низшихъ слоевъ народа.

Разсматривая отдѣльные пункты постановленій о правопораженіяхъ, г. Вальбергъ замѣчаетъ, что постановленіе о наступленіи ipso jure указанныхъ п. 5, частью-же и пп. 6 и 7 ст. 27, послѣдствій, безъ указанія при этомъ на специфическій характеръ тѣхъ преступныхъ дѣяній, за которыми эти послѣдствія наступаютъ, не соотвѣтствуетъ требованіямъ уголовной политики. Его поражаетъ указаніе между обязательными правопораженіями на потерю права быть опекуномъ или попечителемъ, записываться въ гильдіи (Zunftangehörigkeit), быть учителемъ въ частномъ учебномъ заведеніи или присяжнымъ повѣреннымъ.

Профессоръ Вальбергъ полагаетъ, что разрушать хозяйственное существованіе присяжнаго повѣреннаго или лица, занимающаго мѣсто учителя, напр. математики или какого-либо иностраннаго языка, въ частномъ учебномъ заведеніи, т. е. подвергать ихъ такому наказанію, которое фактически является наказаніемъ имущественнымъ, и въ тѣхъ-же случаяхъ подвергать другое, не менѣе ихъ виновное, лицо менѣе чувствительному наказанію— значитъ поступать нѣсколько драконовски и, при томъ, безъ всякой къ тому необходимости. Не достаточно-ли будетъ предоставить воздѣйствіе на осужденнаго уже присяжнаго повѣреннаго надлежащей дисциплинарной власти?

Равнымъ образомъ, можно защищать и сохраненіе права быть опекуномъ или попечителемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда осужденный не виновенъ ни въ какомъ позорящемъ преступномъ дѣяніи, ни въ какомъ уничтожающемъ довѣріе къ нему злодѣяніи, но совершилъ въ аффектѣ такое преступ-

леніе, которое заставляетъ только сожалѣть его-же самого, напр. убилъ захваченную in flagranti нарушительницу супружеской вѣрности, участвовалъ в поединкѣ и т. д. Не слѣдуетъ-ли въ этихъ случаяхъ предоставить постановленіе приговора о томъ, что виновный не достоенъ быть опекуномъ или попечителемъ, опекунскому управленію (Vormundschaftsbehörde) или семейному совѣту, а въ извѣстныхъ случаяхъ, руководствуясь принципомъ индивидуализаціи каждаго отдѣльнаго случая, предоставить суду право постановить о томъ, что виновный не подвергается нѣкоторымъ правопораженіямъ, которые при этомъ должны быть ясно указаны въ приговорѣ. Если правила о правопораженіи слишкомъ суровы и даже, въ тѣхъ случаяхъ, когда представляется достаточнымъ установить менѣе суровыя мѣры, подобны драконовымъ законамъ, то является опасность, что почти всѣ плоды славнаго вліянія реформы, проведенной въ системѣ главныхъ наказаній, погибнутъ вслѣдствіе несчастнаго преобразованія дополнительныхъ наказаній, или же, что гуманно-мыслящіе судьи, желая, чтобы слишкомъ суровыя послѣдствія наказаній не разрушали ipso jure жизнь преступника, будутъ примѣнять къ нему изъ милости низшее наказаніе, обходя положенное въ законѣ болѣе высокое наказаніе, соединенное съ черезчуръ тяжкими послѣдствіями.

Въ настоящее время, уголовное законодательство, имѣющее своею цѣлью произвести реформу въ уголовныхъ постановленіяхъ, должно тщательно избѣгать признаковъ ненавистной servitus criminis во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не установленъ безчестный характеръ преступнаго дѣянія и гдѣ общественное презрѣніе не направлено противъ послѣдняго. Игнорировать это мудрое требованіе уголовной политики значитъ усиливать столкновеніе между органами государственной уголовной юстиціи и освященнымъ правомъ и обычаемъ общественнымъ мнѣніемъ образованныхъ слоевъ народа. Если взять за масштабъ степень образованности преступниковъ, то, какъ видно изъ оффиціальнаго отчета по Министерству Юстиціи Россіи за 1872 г., изъ 36,368 осужденныхъ преступниковъ 25% умѣли читать, откуда можно вывести, что относительно образованная часть народа болѣе участвуетъ въ преступной дѣятельности, чѣмъ вся необразованная масса. Казалось-бы, что и это статистическое доказательство не лишено значенія при обсужденіи правопораженій.—

Значительное отличіе полицейскаго надзора по ст. 31 и 32 проекта, сравнительно съ новыми западными законодательствами, состоитъ въ томъ, что отдача подъ полицейскій надзоръ предполагаетъ постановленіе суда о возможности примѣнить къ приговоренному полицейскій надзоръ, а самое исполненіе этого наказанія составляетъ административную мѣру.

Эта, возникшая въ эпоху революціи, surveillance légale отчасти пред-

ставляетъ собою удобное поле для законодательныхъ опытовъ, съ цѣлью преобразованія уголовныхъ законовъ. Значительной части изъ свѣдущихъ служащихъ при тюрьмахъ лицъ извѣстенъ вредъ, причиняемый этимъ дополнительнымъ лишеніемъ свободы цѣлямъ исправленія и гражданскому благосостоянію освобожденныхъ преступниковъ, но, несмотря на это, даже сама Англія, и та имѣетъ свой Habitual Criminals act.—Эта мѣра имѣетъ не только предупредительно-полицейскій характеръ, но, сверхъ того, въ указанныхъ закономъ случаяхъ, является дополненіемъ къ наказанію, назначаемому судомъ, слѣдовательно—дополненіемъ, имѣющимъ характеръ карательной мѣры. Конечно, по проекту срокъ факультативно назначенной судомъ отдачи подъ полицейскій надзоръ исчисляется съ того дня, когда виновный отбылъ наказаніе, къ коему онъ былъ приговоренъ.

Профессоръ Вальбергъ не находитъ въ ст. 31 опредѣленія наименьшихъ размѣровъ сроковъ полицейскаго надзора и полагаетъ, что таковые не должны быть слишкомъ малы. Если опредѣленный ст. 32 минимальный срокъ въ шесть мѣсяцевъ примѣняется ко всѣмъ приговореннымъ, то, по его мнѣнію, онъ слишкомъ кратокъ. Наоборотъ, если указанный ст. 33 minimum въ два года примѣняется ко всѣмъ приговореннымъ, несмотря на незначительность лишенія свободы, коему они могутъ быть подвергнуты, то, какъ ему кажется, minimum этотъ слишкомъ высокъ.

Сверхъ того, г. Вальбергъ замѣчаетъ, что изъ постановленій Устава Уголовнаго Судопроизводства онъ не выяснилъ себѣ, сообщается-ли приговоренному о дѣйствительной отдачѣ его подъ полицейскій надзоръ, прежде чѣмъ таковой начнется, или нѣтъ.

Для иностранцевъ проектъ установляетъ высылку за границу, какъ замѣняющее полиційскій надзоръ наказаніе. Но какъ-же долженъ поступить судья въ томъ случаѣ, когда иностранецъ, приговоренный въ Россіи къ отдачѣ подъ полицейскій надзоръ, отбылъ уже срокъ послѣдняго? Долженъ-ли быть этотъ иностранецъ, несмотря на то, подвергнутъ высылкѣ за границу? Въ томъ-то и дѣло, что слѣдуетъ различать карательныя послѣдствія полицейскаго надзора отъ чисто административно-полицейскихъ ограниченій и запрещеній пребыванія.

Не слѣдуетъ-ли для русскихъ подданныхъ, коихъ личность и нравственность не даетъ повода предполагать, что они въ состояніи и въ послѣдствіи продолжать свою преступную жизнь, установить болѣе мягкій суррогатъ полицейскаго надзора, состоящій въ томъ, что высшей губернской власти предоставляется право освобождать такихъ поднадзорныхъ, при ихъ хорошемъ поведеніи, благодаря которому отъ нихъ нельзя ожидать реци-

дивы, отъ полицейскаго надзора даже до истеченія срока послѣдняго, за поручительствомъ или при внесеніи опредѣленнаго залога?

При отправленіи полицейскаго надзора слѣдовало-бы допустить необременительные для поднадзорнаго явки въ полицію и обыски, и лишь по отношенію къ завѣдомо-опаснымъ поднадзорнымъ должны быть примѣнены самыя строгія мѣры надзора, напр. запрещеніе оставлять мѣсто жительства ночью.

Обращаясь къ общему впечатлѣнію, которое дѣлаютъ постановленія проекта о дополнительныхъ наказаніяхъ, профессоръ Вальбергъ позволяетъ себѣ замѣтить, что было-бы лучше, если-бы уважаемая Редакціонная Комиссія менѣе придерживалась суровыхъ, частью даже неоправдываемыхъ, кодовъ французскаго права. Такое-же впечатлѣніе относительно послѣдствій карательныхъ мѣръ произвелъ и проектъ новаго итальянскаго уголовнаго уложенія, за что онъ и не одобряется большею частью новѣйшихъ работъ по уголовному законодательству. Развѣ нѣкоторыя изъ самыхъ суровыхъ, глубоко врѣзывающихся въ сферу частныхъ правъ, послѣдствій карательныхъ мѣръ не могутъ быть отмѣнены безъ ущерба строгости, пригодности и репрессивной силѣ главныхъ наказаній?—Дѣлая эти замѣчанія профессоръ Вальбергъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду постановленія ст. 27, 29, 30 и 35 проекта.

Профессоръ Будзинскій замѣчаетъ, что всѣ лучшія новѣйшія законодательства, хотя и допускающія возстановленіе правъ (срав. ст. 33 проекта), уже начиная съ ольденбургскаго уложенія 1858 г. (ст. 16), нашли необходимымъ признать правиломъ присоединять къ болѣе строгимъ наказаніямъ лишеніе правъ, не на всегда (что несопоставимо съ важною цѣлью исправленія преступника), а на время, и то не болѣе 5 лѣтъ (какъ въ ольденбургскомъ, ст. 16, и нидерландскомъ, ст. 31, уложеніяхъ) или 10 лѣтъ (какъ въ уложеніяхъ общегерманскомъ, ст. 32, венгерскомъ, ст. 59, и кантоновъ Гларусъ 1867 ст. 9, Швицъ 1861 ст. 15 и Цюрихъ 1871 ст. 20). Между тѣмъ это правило отвергается въ проектѣ.

Кромѣ того, г. Будзинскій признавалъ-бы желательнымъ послѣдовать превосходному примѣру нидерландскаго уложенія и временное лишеніе правъ предоставить въ каждомъ случаѣ усмотрѣнію судьи, такъ какъ даже въ весьма важныхъ преступленіяхъ могутъ существовать обстоятельства, говорящія за непримѣненіе въ данномъ случаѣ лишенія правъ.

Ст. 25 (и отчасти 27) приравниваетъ, относительно объема правопораженія, приговоренныхъ къ заточенію свыше шести лѣтъ къ присужденнымъ къ каторгѣ и смертной казни. Это не соотвѣтствуетъ, по замѣчанію г. фонъ-Резона, характеру этого наказанія, какъ онъ опредѣленъ самыми «Объясненіями»; если заточеніе будетъ назначено лишь за такія дѣянія, по коимъ не видно ни особенной испорченности, ни безнравственности или безчестности виновныхъ, то разумѣется и не представляется никакой возможности ставить ихъ на одну доску съ каторжными, у которыхъ именно предполагается эта особенная испорченность, безнравственность и т. д. Поэтому и нѣтъ никакого основанія (какъ это и признано напр. германскимъ уложеніемъ) лишить ихъ правъ сословныхъ и т. д. и лишить ихъ временно правъ, указанныхъ въ 27 ст. Лишеніе правъ можетъ простираться лишь на тѣ права, сохраненіе коихъ несовмѣстимо съ самымъ наказаніемъ и должно кончаться вмѣстѣ съ окончаніемъ наказанія. То же нужно сказать и о приговоренныхъ къ поселенію.

27 ст., между прочимъ, опредѣляетъ, что приговоренные къ каторгѣ, по отбытіи наказанія въ теченіе десяти лѣтъ, и приговоренные къ заточенію или поселенію въ теченіе пяти лѣтъ, признаются лишенными извѣстныхъ правъ. Такимъ образомъ, каторжникамъ и заточеннымъ, хотя и находящимся на поселеніи, чрезъ 10 или 5 лѣтъ по отбытіи перваго наказанія, возвращаются эти права, между тѣмъ какъ сосланнымъ прямо на поселеніе они возвращаются лишь пять лѣтъ послѣ разрѣшенія оставить обязательное мѣстожительство. Такимъ образомъ, являются два класса ссыльно-поселенцевъ: одинъ, бывшій присужденнымъ къ болѣе тяжкимъ наказаніямъ и пользующійся извѣстными правами, другой, совершившій сравнительно менѣе тяжкія преступленія, но непользующійся никакими правами. Г. фонъ-Резону кажется, что, для устраненія этой несправедливости, слѣдуетъ постановить, что каторжникамъ, заточеннымъ и поселенцамъ возвращаются указанныя въ 27 ст. права только по освобожденіи ихъ отъ обязательнаго поселенія.

Онъ полагаетъ далѣе, что лишеніе по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ въ 27 ст. правъ, должно быть не временное, а пожизненное. Трудно допустить напр., чтобы отцеубійца, чрезъ 25 лѣтъ, сдѣлался присяжнымъ или занималъ болѣе или менѣе видное мѣсто на государственной службѣ, сдѣлался начальникомъ тѣхъ лицъ, которыя въ свое время постановили объ немъ обвинительный приговоръ, и т. п. Поэтому было-бы болѣе правильнымъ признать, что общественныя права не возвращаются присужденнымъ къ каторгѣ; къ таковымъ правамъ слѣдуетъ причислить упомянутыя въ 1, 2, 3 и 7 п. 27 ст. Естественно, что это правило должно быть распространено и на приговоренныхъ къ исправительному дому,

которые, относительно праворасположенія, проектомъ совершенно правильно приравнены къ каторжникамъ. Но г. фонъ-Резонъ хотѣлъ-бы идти еще далѣе; несомнѣнно, что многіе случаи кражи, мошенничества и т. п. будутъ наказываться тюрьмою; и по этимъ преступленіямъ суду должно быть по крайней мѣрѣ предоставлено право лишить виновныхъ означенныхъ правъ не только на пять лѣтъ, но, по обстоятельствамъ дѣла, и на всегда. Не достаточно-ли у насъ воровъ, пользующихся всевозможными правами? Поэтому, надлежало-бы измѣнить ст. 25—29 приблизительно слѣдующимъ образомъ: 1) исключить изъ 1 ч. 25, 27 и 28 ст. постановленія о приговоренныхъ къ заточенію и поселенію; 2) прибавить въ 25 ст. 3 п., въ который включить указанныя въ 1, 2, 3 и 7 п. 27 ст. права; 3) въ 26 ст. замѣнить слова «въ пунктѣ 2», словами «въ пунктахъ 2 и 3»; 4) 27 ст. изложить въ слѣдующей редакціи: «приговоренные къ каторгѣ, какъ во время отбыванія наказанія, такъ и во время обязательнаго поселенія признаются лишенными правъ»... слѣдуютъ п. 4, 5, 6 и 8 27 ст.; 5) прибавить новую статью: «приговоренные къ заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ или къ поселенію признаются лишенными государственной или общественной должности ими занимаемой. кромѣ того, во время отбыванія наказанія или нахожденія въ обязательномъ поселеніи, они признаются лишенными правъ, указанныхъ въ 3 п. 25 и въ 27 ст. Приговоренные къ заточенію на срокъ отъ одного года до шести лѣтъ признаются лишенными означенныхъ въ 3 п. 25 и 27 ст. правъ, на время отбыванія сего наказанія»; 6) 1 ч. 28 ст. изложить въ слѣдующей редакціи: «приговоренные къ тюрьмѣ признаются лишенными означенныхъ въ 3 п. 25 и 27 ст. правъ, на время отбыванія сего наказанія, а въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, правъ, означенныхъ въ 27 ст., на время отъ одного года до пяти лѣтъ по отбытіи наказанія, а правъ, указанныхъ въ 3 п. 25 ст. на то же время или навсегда»; 7) изложить 2 п. 28 ст. такъ: «приговоренные къ заточенію, къ поселенію или къ тюрьмѣ, лишаются права носить во время отбыванія наказанія, а первые и во время нахожденія въ обязательномъ поселеніи, принадлежащіе имъ знаки отличія».

Г. Арс. Лонгиновъ (Судебная Газета, 1883, № 22) замѣчаетъ, что правопораженіе поставлено редакторами проекта въ исключительную зависимость отъ наказанія. Отступивъ отъ требованій теоріи, гласящей, что разрушеніе чести и общественнаго довѣрія можетъ быть только послѣдствіемъ преступнаго дѣянія, а не наказанія, являющагося искупленіемъ вины,—они разсчитывали на то, что создаваемая ими система правопораженія значительно выиграетъ въ точности и опредѣлительности, а требованіе теоріи осуще-

ствится тѣмъ, что законодатель самымъ выборомъ наказанія будетъ свидѣтельствовать, считаетъ-ли онъ данное дѣяніе позоряцимъ, безчестнымъ, или наоборотъ. Стать на такую точку зрѣнія побудила редакторовъ проекта, по ихъ словамъ, затруднительность послѣдовательнаго проведенія упомянутаго теоретическаго положенія, *усвоеннаго новѣйшими кодексами германскимъ, венгерскимъ и голландскимъ*,—такъ какъ при этомъ пришлось-бы или осложнить уложеніе особымъ перечисленіемъ преступныхъ дѣяній, сопряженныхъ съ правопораженіемъ, или всецѣло предоставить примѣненіе правопораженій произвольному усмотрѣнію суда (объясн. зап. стр. 94).

И такъ, Редакціонная Коммисія сдѣлала чрезвычайно рискованный шагъ, пожертвовавъ выводами науки ради соображеній техническаго удобства, не смотря на то, что имѣла предъ собою замѣчательные по своимъ достоинствамъ иностранные образцы, гдѣ послѣдовательно проведено отвергнутое ею начало.

Не трудно доказать ошибочность разсчета Коммисіи. Достаточно сослаться на проектированную ею 53 ст., по которой, въ случаѣ признанія обстоятельствъ уменьшающихъ вину, если за судимое дѣяніе не опредѣленъ низшій предѣлъ наказанія, суду предоставляется переходить отъ срочной каторги къ исправительному дому, отъ ссылки на поселеніе къ заточенію до шести лѣтъ, отъ исправительнаго дома къ тюрьмѣ и отъ тюрьмы къ аресту. Такъ какъ: а) по ст. 25 проекта потеря правъ сословныхъ, служебныхъ и проч. постигаетъ только приговоренныхъ къ смертной казни, каторгѣ, заточенію свыше шести лѣтъ и поселенію, и б) по ст. 26 проекта отдача въ исправительный домъ сопровождается потерею тѣхъ-же правъ для дворянъ и почетныхъ гражданъ, а для лицъ другихъ состояній потерею тѣхъ-же правъ за исключеніемъ сословныхъ, то совершившій преступленіе, обложенное поселеніемъ или исправительнымъ домомъ, при смягченіи наказанія посредствомъ перехода отъ поселенія къ заточенію до шести лѣтъ или отъ исправительнаго дома къ тюрьмѣ, сохраняя всѣ права, перечисленныя въ 25 ст., можетъ быть, на основаніи 28 ст., лишенъ только нѣкоторыхъ правъ, поименованныхъ въ 27 ст. Подобнаго несоотвѣтствія преступленія съ объемомъ пораженія правъ не допускаютъ даже кодексы, связывающіе правопораженіе не столько съ преступленіемъ, сколько съ наказаніемъ. Такъ, по бельгійскому уложенію, при замѣнѣ уголовнаго наказанія тюрьмою, виновные могутъ быть приговорены къ лишенію на время отъ 5—10 лѣтъ всѣхъ или нѣкоторыхъ правъ, сопровождающему присужденіе къ смертной казни или къ каторжнымъ работамъ (ст. 31 и 84). Оно и понятно, ибо снисхожденіе къ виновному, служащее основаніемъ къ облегченію его участи, не можетъ, въ силу общественныхъ и государственныхъ интересовъ, простираться на права осужден-

нато, входящія въ сферу его публичной дѣятельности. Принятая-же Редакціонною Коммисіею система ведетъ къ явной дисгармоніи между свойствомъ совершеннаго преступленія и объемомъ правопораженія. Уравновѣсить ихъ въ каждомъ данномъ дѣлѣ можетъ только судъ, которому, вопреки ошибочному мнѣнію Коммисіи, и необходимо предоставить возможно большій просторъ въ этомъ отношеніи, какъ принято лучшими иностранными кодексами.

Сдѣлавъ это общее, главное замѣчаніе, г. Лонгиновъ сосредоточиваетъ вниманіе на частностяхъ.

Перечисливъ права, коихъ лишаются приговоренные къ смертной казни, каторгѣ, заточенію свыше шести лѣтъ, поселенію и исправительному дому, ст. 25 и 26 проекта умалчиваютъ объ исключеніи изъ духовнаго званія церковнослужителей. Правда, по 1 п. 25 ст. они лишаются правъ сословныхъ, если присуждаются къ одному изъ этихъ наказаній за изъятіемъ исправительнаго дома, но коль скоро во 2 п. 25 ст. сказано о лишеніи приговариваемыхъ къ тѣмъ-же наказаніямъ священнослужителей и монашествующихъ *духовнаго сана*, то надлежало упомянуть и о лишеніи *духовнаго званія*, потеря котораго сопровождаетъ по дѣйствующему уложенію даже лишеніе церковнослужителей нѣкоторыхъ правъ (ст. 50 улож. срав. 341, 371, 373 и 5 п. 599 ст. т. IX свод. зак.). Необходимость такого дополненія тѣмъ настоятельнѣе, что, по проекту, приговоренные къ исправительному дому не лишаются вообще правъ сословныхъ, исключая дворянъ и почетныхъ гражданъ. По поводу лишенія правъ *сословныхъ* можно заѣтить, что оно влечетъ и потерю правъ имущественныхъ *для* лицъ всѣхъ состояній, не исключая *разночинцевъ*, т. е. нижнихъ придворныхъ, статскихъ нижнихъ чиновъ и т. п. (ст. 320, 327, 376, 557—561, 715, 716 и др. т. IX свод. зак.). По этому ст. 25 п. 1 и 26 проекта идутъ въ разрѣзъ съ соображеніями Коммисіи, не признающей возможнымъ распространить правопораженіе на имущественныя права осужденныхъ (объясн. зап. стр. 92 и 93). Далѣе: ст. 25 и 26 опредѣляютъ, что приговоренные къ каторгѣ, заточенію свыше шести лѣтъ и поселенію зачисляются въ *состояніе* (слѣдовало сказать въ *разрядъ*) ссыльныхъ, а по отбытіи наказанія, равно какъ и приговоренные къ исправительному дому дворяне и почетные граждане, *причисляются къ городскому или сельскому обществу*. Съ такою редакціею согласиться нельзя. Городское *общество*, въ строгомъ смыслѣ, есть совокупность всѣхъ городскихъ *сословій* (почетные граждане, купцы, мѣщане, ремесленники), связанныхъ единствомъ своихъ интересовъ, какъ городскихъ обывателей, гражданъ (ст. 566, 569, 596 и др. т. IX свод. зак.). Сверхъ поименованныхъ сословій, къ состоянію городскихъ обывателей, именуемому

также сословіемъ, въ обширномъ смыслѣ (ст. 2 и 3 того же тома), относятся *рабочіе*, т. е. приписываемые къ городамъ съ положеніемъ въ мѣщанскій окладъ, *порочные люди* (ст. 494 и 499 и др. того же тома). Слѣдовательно, приписаться можно или къ какому-либо отдѣльному городскому сословію, или къ состоянію рабочихъ людей. Подъ припискою къ городскому обществу въ обширномъ смыслѣ разумѣется закономъ причисленіе къ сему послѣднему состоянію (ст. 528—531 того же тома). Но едва-ли цѣлесообразно и согласно съ 27 ст. было-бы запрещеніе лицамъ, отбывшимъ наказаніе, приписываться къ мѣщанамъ или ремесленникамъ (цеховымъ). Поэтому выраженіе проекта: «приписываются къ городскому обществу» должно быть замѣнено другимъ, болѣе точнымъ. Нельзя также узаконить приписку, по отбытіи наказанія, къ сельскому обществу. Вступленіе въ состояніе сельскихъ обывателей совершается двоякимъ путемъ: посредствомъ *записки въ сельское общество* или *приписки къ волостямъ*. Между этими двумя способами причисленія существуетъ глубокое различіе (ст. 701—705 т. IX свод. зак.), и нѣтъ никакого основанія навязывать желающему, по отбытіи наказанія, поступить въ состояніе сельскихъ обывателей исключительно первый изъ законныхъ способовъ вступленія въ него, тогда какъ второй способъ, преимущественно практикуемый относительно отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, не рѣдко представлялся-бы гораздо болѣе соотвѣтственнымъ. Кромѣ того, не лишне было-бы указать: къ какому состоянію причисляются приговоренные къ исправительному дому священнослужители, монашествующіе, церковнослужители.

По смыслу 27 и 28 ст., *дѣйствіе* пораженія правъ наступаетъ съ начала отбытія наказанія, тогда какъ по общимъ правиламъ оно должно наступать со времени вступленія приговора въ законную силу (сравни ст. 957 и 961 уст. угол. суд., ст. 36 герм. улож. и 31 нидерл. улож.). Теченіе *сроковъ* лишенія правъ по отбытіи наказанія (10 и 5 лѣтн.) для приговоренныхъ къ каторгѣ, заточенію свыше шести лѣтъ, а затѣмъ поселенію, и къ простой ссылкѣ на поселеніе должно относиться одинаково къ моменту отбытія *поселенія*. Такимъ образомъ, будутъ лишены правъ по отбытіи поселенія: каторжники 10 лѣтъ, а заточенные и приговоренные къ ссылкѣ на поселеніе 5 лѣтъ (см. объясн. зап. стр. 90 и сравни 2-ю ч. 25 ст. проекта). Но текстъ 27 ст. самъ по себѣ допускаетъ превратное ея толкованіе, ибо наступленіе сроковъ лишенія правъ пріурочено въ ней ко времени, слѣдующему за отбытіемъ *наказанія*, а такъ какъ поселеніе въ смыслѣ послѣдствія каторги и заточенія свыше шести лѣтъ не помѣщено редакторами проекта ни въ числѣ главныхъ, ни въ числѣ дополнительныхъ наказаній (ст. 2 и 3), то, по буквальному смыслу разбираемой статьи, приходится отнести: начало

10-ти-лѣтняго срока къ моменту отбытія собственно каторги, начало же 5-ти лѣтняго срока—къ моменту отбытія собственно заточенія и простой ссылки на поселеніе, тѣмъ болѣе, что поселеніе въ этой статьѣ противополагается другимъ наказаніямъ—каторгѣ, заточенію и исправительному дому. Въ послѣднемъ случаѣ по отношенію къ срокамъ пораженія правъ, приговоренные къ каторгѣ и заточенію, а затѣмъ къ поселенію, были-бы, вопреки требованію справедливости, поставлены въ гораздо болѣе выгодное положеніе, нежели приговоренные къ одной ссылкѣ на поселеніе, т. е. другими словами, сравнительно съ приговоренными къ ссылкѣ на поселеніе возстановленіе правъ начиналось-бы ранѣе—ровно на 10 лѣтъ для приговоренныхъ къ заточенію и ровно на 5 лѣтъ для приговоренныхъ къ каторгѣ, причемъ для первыхъ оно начиналось-бы до отбытія поселенія, которое для всякаго рода поселенцевъ не можетъ послѣдовать до истеченія 10 лѣтъ поселенія (2 ч. 21 ст.).

Наиболѣе выдающіеся недостатки перечня правъ, подлежащихъ временному ограниченію, заключаются, по мнѣнію г. Лонгинова, въ слѣдующемъ:

а) Запрещеніе быть избирателемъ или избираемыхъ въ земскихъ, городскихъ или сословныхъ собраніяхъ не обнимаетъ многихъ отраслей публичной дѣятельности, на которыя должно распространяться правопораженіе, напр. занятіе тѣхъ или другихъ должностей въ разнаго рода учрежденіяхъ, основанныхъ на акціонерномъ началѣ: кредитныхъ, промышленныхъ, желѣзнодорожныхъ, страховыхъ и т. п. (сравни 1 п. 43 ст. дѣйств. улож., 3 и 4 п. 34 ст. герм. улож., 1 п. 28 ст. нидерл. улож., 1 п. 31 ст. бельг. улож., 34 ст. франц. улож. и 2 п. 1 § 20 ст. проекта итал. улож.).

б) Запрещеніе поступать на службу въ армію и флотъ не исключаетъ права поступленія на службу ни въ другія части постоянныхъ сухопутныхъ войскъ, именно въ казачьи войска и въ войска, образуемыя изъ инородцевъ, ни въ ополченіе,—тогда какъ, по дѣйствующему закону, лишенные всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ не допускаются къ жребію и на службу не принимаются какъ въ постоянныя войска, такъ и въ ополченіе, часть коего предназначается для комплектованія постоянныхъ войскъ (ст. 7 и примѣч. къ ней, ст. 13, 36, 38 и др. уст. о воинск. пов., изд. 1876 г., сравн. ст. 26 и 27 т. IX свод. зак.). Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что, по спеціальному постановленію 172 ст. уст. о воинск. пов., осужденные за воровство или мошенничество не могутъ поступать въ военную службу вольноопредѣляющимися. Обстоятельство это не мѣшаетъ принять въ соображеніе при окончательной редакціи 28 ст. проекта, указывающей объемъ правопораженія для приговоренныхъ къ заточенію до шести

лѣтъ или къ тюрьмѣ. Засимъ пп. 2 и 3 27 ст. придется свести къ запрещенію поступать на государственную (гражданскую или военную) службу.

в) Запрещеніе записываться въ гильдіи для приговоренныхъ купцовъ не имѣетъ инаго значенія, какъ лишенія сословныхъ правъ, въ виду того, что право купечества пріобрѣтается взносомъ гильдейскихъ пошлинъ (ст. 519, 539, 540, 549 т. IX и ст. 8—57 уст. торг. т. XI свод. зак.). Срочность лишенія правъ не имѣетъ здѣсь существеннаго значенія, ибо право приписки къ городскому или сельскому состоянію, по отбытіи наказанія, дѣлаетъ лишеніе правъ сословныхъ также срочнымъ для всѣхъ сословій, исключая духовенства, дворянъ и почетныхъ гражданъ. Имѣя при томъ въ виду, что 4 п. 27 ст. относится одинаково до приговоренныхъ къ исправительному дому и къ болѣе тяжкимъ наказаніямъ, а приговоренные къ болѣе тяжкимъ наказаніямъ признаются, по 1 п. 25 ст., лишенными правъ сословныхъ, г. Лонгиновъ полагаетъ, что въ 26 ст. надлежало упомянуть о лишеніи правъ сословныхъ купцовъ, приговоренныхъ къ исправительному дому.

г) Говоря о лишеніи права быть опекуномъ или попечителемъ, проектъ не дѣлаетъ необходимой оговорки относительно сохраненія права опеки осужденнаго надъ своими дѣтьми, съ надлежащаго на то разрѣшенія, а также напрасно не упоминаетъ о членахъ семейнаго совѣта, на которыхъ должно распространяться правопораженіе по тѣмъ же основаніямъ, какъ и на опекуновъ (сравни 6 п. 34 ст. герм. улож., 4 п. 28 ст. нидерл. улож., 5 п. 31 ст. бельг. улож., 4 п. 34 ст. франц. улож. и ст. 345—466 дѣйствующаго въ варш. суд. окр. гражд. улож.).

Обращаясь къ разбору ст. 25—30 проекта, Сенаторъ А. К. Фриде находитъ, что Редакціонная Коммисія, «*поставивъ*», какъ то сказано въ объяснительной запискѣ, въ отличіе отъ принятыхъ въ Европейскихъ законодительствахъ началъ, «объемъ и наступленіе правопораженій въ зависимость отъ рода наказаній», тѣмъ самымъ поставила объемъ и наступленіе этихъ правопопораженій также въ зависимость отъ «*свойства преступнаго дѣянія*». Такъ-какъ по ст. 4 дѣленіе преступныхъ дѣяній на *преступленія, проступки и нарушенія* поставлено исключительно въ зависимость отъ того, какое, въ томъ или другомъ случаѣ, за дѣяніе предусмотрѣно наказаніе, конечно, все равно, будетъ-ли въ законѣ сказано «*извѣстныя правопораженія суть послѣдствія такихъ-то дѣяній, исчисляемыхъ въ законѣ*» или же «*извѣстныя пораженія суть послѣдствія преступленій, а другія послѣдствія проступковъ*», или-же, наконецъ, будетъ сказано, что «*такія-то правопораженія сопряжены съ такими-то наказаніями,*

исключительно назначаемыми за преступленія, а другія исключительно связаны съ другими наказаніями, назначаемыми за проступки».... но возможно-ли соблюденіе такой системы при назначеніи наказаній при той лѣстницѣ наказаній, которая установлена въ проектѣ уложенія? Коль скоро рѣчь идетъ о подведеніи извѣстнаго преступнаго дѣянія, совершеннаго въ первый разъ подсудимымъ, подъ тотъ или другой признакъ ст. 4 проекта, конечно законъ можетъ сказать «я признаю *преступнымъ* только лицо, подлежащее извѣстному наказанію потому, что наказаніе это я назначу только *за такія дѣянія*, которыя обнаруживаютъ, какъ по злому умыслу и преступному направленію воли, такъ равно по важности послѣдствій, которыми они угрожаютъ обществу,—присутствіе такихъ признаковъ, которые *въ прежнемъ законѣ* подводили извѣстное дѣяніе подъ понятіе *уголовнаго преступленія*. Но ежели, *по спеціальной части* уложенія, можно будетъ указать *хотя на одинъ случай* назначенія рецидивисту наказанія, поименованнаго въ *первой* части ст. 4 проекта, за такое дѣяніе, которое въ *первый разъ* облагается однимъ изъ наказаній, указанныхъ во второй части означенной статьи, вся система уже теряется и дѣлается уже не твердою. А это между тѣмъ на практикѣ очень возможно,—ибо можетъ случиться, что лицо, подлежащее за дѣяніе, совершенное *въ первый разъ*, заточенію на срокъ до 6 лѣтъ и будетъ приговорено судомъ къ 6-ти-лѣтнему сроку. Затѣмъ это-же лицо совершитъ послѣ вступленія приговора въ силу новое однородное преступленіе, за которое оно будетъ приговорено опять къ тому-же наказанію, т. е. опять къ заточенію на 6 лѣтъ. Но дважды *6 лѣтъ* составляетъ уже *12 лѣтъ* заточенія. Здѣсь, само собою, возникаетъ вопросъ, можетъ-ли такой подсудимый, осужденный очевидно къ заточенію на дважды 6 лѣтній срокъ, быть признанъ осужденнымъ на срокъ свыше 6 лѣтъ? Само собою, что на это отвѣтятъ, что по уголовной ариѳметикѣ нѣсколько однородныхъ, незначительныхъ дѣяній, совершенныхъ со всѣми признаками легкомыслія или страсти, не могутъ составить *уголовнаго преступленія*, со всѣми признаками предумышленія и испорченной воли? Но для публики это разсужденіе не вполнѣ будетъ понятно, коль скоро приговоръ къ заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ подводитъ дѣяніе, за которое таковой приговоръ послѣдовалъ, подъ признакъ преступленія, сопряженнаго съ извѣстными правопораженіями, и коль скоро онъ въ одномъ и томъ-же засѣданіи суда выслушаетъ два приговора, изъ которыхъ по одному Петровъ, приговоренный къ заточенію на 6 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, лишается всѣхъ правъ, указанныхъ въ ст. 25 проекта, а по другому Карповъ, приговоренный на основаніи ст. 57 проекта «къ новому 6 лѣтнему заточенію, по отбытіи такого же наказанія, на основаніи перваго о немъ приговора, къ лишенію правъ, указанному въ ст. 25, не будетъ приговоренъ.

По указаннымъ соображеніямъ, а равно для устраненія всякаго сомнѣнія о правильности въ данномъ случаѣ приговора суда, кажется болѣе осторожнымъ, по примѣру нидерландскаго уложенія, въ ст. 25 и 26 проекта исчислить только вообще правопораженія, которыя *могутъ быть* послѣдствіями приговоровъ къ наказаніямъ, указаннымъ въ п. п. 1 и 2 ст. 4 проекта, сказавъ затѣмъ, что «*эти послѣдствія наступаютъ въ каждомъ данномъ указанномъ въ спеціальной части случаѣ*». Независимо отъ сего, встрѣчая съ полнымъ сочувствіемъ *отсутствіе* въ проектѣ статьи, подобной ст. 26 и 28 нынѣ дѣйствующаго уложенія, Сенаторъ А. К. Фриде полагалъ-бы, въ проведеніи того-же приципа, который послужилъ основаніемъ къ исключенію означенныхъ правилъ изъ проекта, идти немного далѣе. Въ п. 2 ст. 25, между прочимъ, къ правопораженіямъ отнесено «*лишеніе получаемыхъ пенсій*, равно какъ и права на полученіе таковыхъ за прежнюю службу». Во-первыхъ въ большинствѣ вѣдомствъ, кромѣ пенсій отъ правительства, служащіе имѣютъ нынѣ право на полученіе *эмеритальныхъ* пенсій. Капиталъ для производства означенныхъ пенсій, по Министерству Юстиціи напр., образовывается *исключительно* изъ вычетовъ, производимыхъ изъ окладовъ служащихъ, да изъ такихъ-же вычетовъ *между прочимъ* производится и пенсіонный капиталъ (прим. къ ст. 188 уст. пенс.). По ст. 28 уст. о пенс., всѣ приговоренные не только по ст. 17, но и по п. п. I—IV ст. 30, а равно къ исключенію изъ службы,—лишаются права на полученіе пенсіи. Не говоря уже о томъ, что въ означенной статьѣ объ *эмеритурѣ* ничего не сказано, ст. 28 уст. о пенс., при редакціи ст. 25 и 27 проекта уложенія, уже не можетъ быть сохранена и подлежитъ измѣненію, но спрашивается, за что, если подсудимый приговоренный къ уголовному наказанію не подвергается болѣе послѣдствіямъ по 26 и 28 ст. улож. о нак., подвергать его лишенію пенсіи, выслуженной извѣстнымъ срокомъ безпорочной службы, только за то, что послѣ этого срока имъ совершено преступленіе. Если все его имущество поступаетъ только въ опеку и въ ономъ наслѣдство по закону не открывается, то не вправѣ-ли также опека требовать выдачи ей пенсіи за прежнюю, до преступленія, безпорочную службу чиновника, коль скоро пенсія, по закону, составляетъ *законное* послѣдствіе безпорочной службы, а не милость? Конечно, если преступленіе было такого рода, что оно обнаруживаетъ казнокрадство или растрату казенныхъ суммъ, то не только о выдачѣ пенсіи, но и о выдачѣ *эмеритуры* рѣчи быть не можетъ; но если приговоръ уголовный о чиновникѣ состоялся за дѣяніе, ничего общаго съ служебною дѣятельностью не имѣющее, то, не признавая возможнымъ лишать такое лицо правъ, по преимуществу исчисленныхъ въ ст. 26 и 28 улож., незачѣмъ и лишать его тѣхъ-же правъ на основаніи нынѣ дѣйствующей *ст. 28 Уст.*

о пенс.? По этому А. К. Фриде еще болѣе приходитъ къ заключенію, что и лишеніе правъ на *пенсію* и на *эмериторы* можетъ послѣдовать только на основаніи спеціальной части уложенія и должно быть указываемо въ каждомъ данномъ случаѣ; общее-же правило, выраженное въ ст. 28 уст. пенс., подлежало-бы отмѣнѣ.

Совокупность всѣхъ изложенныхъ соображеній заставляетъ г. Фриде желать ст. 25 до 30 замѣнить слѣдующими двумя статьями.

«Ст. . . . Права, которыхъ виновный въ дѣяніяхъ, подвергающихъ его наказаніямъ, указаннымъ въ ч. 1 и 2 ст. 4 улож., можетъ быть лишенъ въ опредѣленныхъ въ законѣ случаяхъ, суть:

1) права супружескія и родительскія;

2) право быть опекуномъ и попечителемъ;

3) права сословныя;

4) права на почетные титулы и достоинства;

5) права духовнаго сана;

6) права на занятіе государственной и общественной должности;

7) право на полученіе и на ношеніе отличій и почетныхъ общественныхъ званій;

8) право на испрошеніе пенсіи какъ изъ Государственнаго Казначейства, такъ и изъ эмеритальныхъ кассъ;

9) право на дальнѣйшее производство пенсій какъ изъ Государственнаго Казначейства, такъ и изъ эмеритальныхъ кассъ;

10) право быть избирателемъ и избираемымъ въ члены, городскихъ и сословныхъ собраніяхъ;

11) право записываться въ гильдію;

12) право быть начальствующимъ, воспитателемъ или учителемъ въ общественномъ или частномъ учебномъ заведеніи;

13) право быть третейскимъ судьею, присяжнымъ засѣдателемъ, присяжнымъ повѣреннымъ и частнымъ повѣреннымъ по дѣламъ постороннихъ, производящимся въ правительственныхъ, судебныхъ и общественныхъ установленіяхъ;

14) право ходатайствовать въ правительственныхъ, судебныхъ и общественныхъ установленіяхъ не только по дѣламъ постороннихъ лицъ, но и по дѣламъ членовъ собственнаго семейства и по своимъ собственнымъ;

15) право быть свидѣтелемъ при договорахъ или какихъ-либо актахъ, требующихъ свидѣтельской скрѣпы, и

16) право быть свидѣтелемъ вообще по дѣламъ гражданскимъ.

Ст. . . . «Въ случаяхъ закономъ указанныхъ, къ наказанію какъ за преступленія, такъ и за проступки, а равно за нарушенія можетъ быть

присоединено судомъ запрещеніе заниматься въ теченіи установленнаго закономъ или судомъ срока, опредѣленными въ законѣ видами торговли, ремесла, промысла, или какою-либо иною опредѣленною дѣятельностью, подавшею поводъ къ совершенію извѣстнаго противузаконнаго дѣянія».

Относительно правилъ проекта о лишеніи правъ особая, образованная изъ состава Варшавской Судебной Палаты, Коммисія прежде всего останавливалась на вопросѣ о томъ, съ какого времени считать лишеніе правъ, упоминаемыхъ въ 25, 26 и 30 статьяхъ, имѣя въ виду гражданскія послѣдствія лишенія правъ.

По настоящему вопросу Членъ Коммисіи Фейлертъ полагалъ, что лишеніе правъ слѣдуетъ считать со времени вступленія приговора въ законную силу, о чемъ должно быть упомянуто въ текстѣ 25, 26 и 30 статей.

Къ этому мнѣнію присоединились и прочіе Члены.

Кромѣ того по поводу 25 и 26 статей Членъ Коммисіи Кочубей, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что пенсія есть, такъ сказать, собственность лица, получающаго ее за свою прежнюю службу, и имѣя въ виду принципъ срочности наказаній и ихъ послѣдствій, высказался за исключеніе изъ этихъ статей постановленій относительно лишенія правъ на полученіе пенсій, т. е. за исключеніе изъ 2 пункта 25 статьи выраженія: «получаемыхъ пенсій, равно какъ и права на полученіе таковыхъ за прежнюю службу».

Мнѣніе это принято Коммисіею.

Далѣе, при обсужденіи 27 статьи, тотъ-же Членъ Коммисіи, признавая справедливымъ воспретить лицамъ, приговореннымъ къ указаннымъ въ этой статьѣ наказаніямъ, поступать не только на государственную службу, какъ сказано въ проектѣ, но и на общественную, полагалъ п. 2 этой статьи изложить такъ: «поступать на государственную и общественную службу».

Прочіе Члены, за исключеніемъ г. фонъ-Вендриха, раздѣлили изложенное мнѣніе г. Кочубея. Членъ-же Коммисіи фонъ-Вендрихъ высказался за оставленіе п. 2 ст. 27 безъ измѣненій, такъ какъ, по его мнѣнію, поступленіе на общественную службу должно находиться въ тѣсной связи съ довѣріемъ того или другаго общественнаго учрежденія къ лицамъ, желающимъ поступить въ нихъ на службу; а потому не представляется основаній лишать общественныя учрежденія права принимать на службу лицъ, пользующихся полнымъ ихъ довѣріемъ, хотя-бы эти лица и были приговорены когда-либо къ уголовнымъ наказаніямъ.

Кромѣ того, относительно п. 5 ст. 27, лишающаго права лицъ, приговоренныхъ къ указаннымъ въ этой статьѣ наказаніямъ, быть опекунами или попечителями, Членъ Коммисіи Фейлертъ полагалъ необходимымъ лишить означенныхъ лицъ и права быть членами семейныхъ совѣтовъ, прибавивъ въ п. 5 слѣдующее: «и членомъ семейныхъ совѣтовъ, гдѣ они установлены мѣстными гражданскими законами».

Изложенное мнѣніе Члена Коммисіи Фейлерта принято Коммисіею единогласно. При этомъ Предсѣдателемъ Томашевскимъ было высказано, что слѣдовало-бы признать лишенными навсегда исчисленныхъ въ 27 ст. проекта правъ осужденныхъ за похищеніе чужой собственности во всѣхъ ея видахъ и за подлоги, какъ за преступленія позорныя и безчестныя, ибо, по его мнѣнію, не могутъ быть принимаемы на государственную службу или назначены опекунами, воспитателями, присяжными засѣдателями и проч. лица, изобличенныя въ составленіи подложныхъ векселей, въ кражахъ, грабежахъ и т. д.

Разсмотрѣвъ затѣмъ ст. 28 и 29 проекта, Члены Коммисіи не признавали нужнымъ сдѣлать какія-либо возраженія противъ постановленій этихъ статей.

Съ своей стороны Общее Собраніе Департаментовъ Варшавской Судебной Палаты находитъ, что статья 30 проекта уложенія въ той части своей, въ которой говорится о расторженіи, по просьбѣ одного изъ супруговъ, браковъ лицъ, приговоренныхъ къ извѣстнаго рода наказаніямъ, не можетъ имѣть приложенія къ огромному большинству жителей Варшавскаго Судебнаго Округа, такъ-какъ, на основаніи каноническихъ правилъ, развода и соотвѣтствующаго этому разводу расторженія брака у католиковъ не существуетъ. отлученіе-же отъ стола и ложа (separatio) не соотвѣтствуетъ тому разводу или расторженію брака, которыя существуютъ у лицъ православнаго вѣроисповѣданія.

Предсѣдательствующій Ландратъ Эстляндскаго Оберъ - Ландгерихта фонъ-Фокъ находитъ, что съ теоретической точки зрѣнія представляется болѣе правильнымъ и справедливымъ—какъ это признано и въ объяснительной къ проекту запискѣ—чтобы потеря сословныхъ и почетныхъ правъ (Verlust von Standes—und Ehrenrechten) не соединялась обязательно съ извѣстными видами наказаній, но чтобы она поставлена была въ зависимость отъ характера преступнаго дѣянія, такъ какъ, при лишеніи кого

либо по суду почетныхъ правъ гражданства (der bürgerlichen Ehrenrechte), существенное значеніе имѣетъ вопросъ о томъ, безчестно-ли разсматриваемое судомъ дѣяніе, или нѣтъ, о чемъ можно заключить лишь изъ даннаго случая, на основаніи природы преступленія, между тѣмъ какъ наказаніе, положенное за преступленіе, не можетъ a priori указывать на послѣднее, какъ на дѣяніе безчестное и заслуживающее того, чтобы за него было назначено правопораженіе. Г. фонъ-Фокъ полагаетъ, что въ законѣ слѣдуетъ шире, сравнительно съ проектомъ (ст. 28), проводить эти, даже самою Коммисіею признанныя правильными, теоретическія начала, не смотря на высказанныя въ объяснительной къ проекту запискѣ соображенія, будто при этомъ можно опасаться произвольнаго примѣненія закона.—Принципъ обязательнаго присоединенія правопораженія къ нѣкоторымъ наказаніямъ представляется явно суровымъ, что, въ свою очередь, будетъ побуждать и законодателя съ судьею къ назначенію слишкомъ легкихъ наказаній за преступныя дѣянія. Между тѣмъ практическое проведеніе того начала, что право назначать правопораженія предоставляется судьѣ, не можетъ встрѣтить, при извѣстныхъ, установленныхъ закономъ, ограниченіяхъ, какихъ-либо слишкомъ важныхъ затрудненій. Во избѣжаніе произвола, можно было-бы соединить *нѣкоторыя наказанія* (напр. каторгу), въ виду ихъ тяжести и иныхъ послѣдствій, съ обязательнымъ правопораженіемъ; равнымъ образомъ, можно было-бы назначить обязательное правопораженіе за нѣкоторыя преступленія, вслѣдствіе ихъ безчестнаго характера, если они при этомъ влекутъ за собою тяжкія наказанія (напр. за обманъ, тяжкую кражу, клятвопреступленіе, сводничество). Но во всякомъ случаѣ за нѣкоторыя другія преступленія, кои не всегда носятъ на себѣ клеймо безчестія (напр. тяжкое тѣлесное поврежденіе, сопротивленіе, поединокъ и т. д.) правопораженіе слѣдовало-бы назначить лишь факультативно, употребляя для сего, въ надлежащихъ мѣстахъ особенной части, приблизительно слѣдующую формулу: «вмѣстѣ съ *такимъ-то наказаніемъ* можетъ быть назначено лишеніе *такихъ-то* правъ»,—при чемъ это дополнительное постановленіе не рѣдко можетъ относиться, въ формѣ самостоятельной статьи, къ цѣлой главѣ уложенія. Едва-ли можно опасаться того, чтобы вслѣдствіе такихъ постановленій произошли существенныя затрудненія и пространность въ изложеніи текста статей; во всякомъ случаѣ, отъ редакціонныхъ затрудненій не могутъ зависѣть получаемыя вслѣдствіе означенныхъ постановленій матеріальныя выгоды. Сверхъ того, въ общей части уложенія слѣдовало-бы прибавить къ ст. 25, 26 и 27 послѣ слова: «признаются»—слѣдующія слова: «буде, въ указанныхъ закономъ случаяхъ, лишеніе сихъ правъ не предоставлено на усмотрѣніе судьи».

Само собою разумѣется, что эта прибавка не можетъ относиться къ каторгѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняя обязательно сопровождается правопораженіемъ.

При обсужденіи проекта чинами прокуратуры Варшавскаго Окружнаго Суда, былъ возбужденъ вопросъ о томъ, можетъ-ли быть оправдано вводимое редакторами новое начало, что преступленія не влекутъ за собою лишенія имущественныхъ правъ. Одни изъ членовъ собранія находили, что бываютъ преступленія, когда лишеніе имущественныхъ правъ представляется безусловно необходимымъ, напр. убійство съ цѣлію полученія наслѣдства, но это замѣчаніе было опровергнуто тѣмъ соображеніемъ, что въ гражданскихъ законахъ можетъ быть установлено правило о лишеніи наслѣдства лицъ, совершившихъ преступленіе для полученія таковаго, и ради этого единичнаго случая нѣтъ надобности вводить въ уголовный кодексъ начало лишенія имущественныхъ правъ. Между тѣмъ, лишеніе преступника имущественныхъ правъ должно быть признано неправильнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) имущество не даруется преступнику государствомъ, почему государство и не въ правѣ отнимать того, что не было имъ дано: 2) лишеніе имущественныхъ правъ, какъ наказаніе, представляется неравномѣрнымъ, такъ какъ оно дѣйствительно лишь по отношенію къ лицамъ состоятельнымъ; 3) всякое наказаніе должно имѣть своею цѣлью исправленіе, между тѣмъ этой цѣли лишеніе имущественныхъ правъ не можетъ достигнуть, а наоборотъ лицо, привыкшее къ комфорту и извѣстной обстановкѣ, лишенное, по отбытіи наказанія, своего имущества и поставленное въ иныя непривычныя для него условія, тѣмъ самымъ можетъ быть вынуждено идти вновь на путь преступленія. Другіе члены собранія, не соглашаясь съ этими доводами, находили, что право собственности создается и охраняется государствомъ, почему государство въ правѣ лишить имущественныхъ правъ лицо, нарушающее государственный порядокъ. Правда, лишеніе имущественныхъ правъ представляется наказаніемъ неравномѣрнымъ, но проектъ сохраняетъ другія одинаково-неравномѣрныя наказанія, какъ напр. лишеніе дворянъ принадлежащихъ имъ правъ; съ другой стороны неравномѣрность разсматриваемаго наказанія, собственно говоря, касается лишь состоянія предшествующаго наказанію, а не самаго наказанія, такъ какъ наказаніе лишеніемъ имущественныхъ правъ лишь уравниваетъ положеніе лицъ, совершившихъ извѣстное преступленіе и находившихся до того въ различной обстановкѣ. Задача наказанія не одно исправленіе, но и устрашеніе; къ тому-же отнятіе имущества можетъ не рѣдко повести и къ исправленію пре-

ступника. Напротивъ, владѣніе имуществомъ можетъ служить средствомъ къ ослабленію тяжести наказанія. Это послѣднее соображеніе было опровергнуто другими членами собранія, находившими, что лицо состоятельное и при системѣ нынѣ дѣйствующаго уложенія всегда съумѣетъ облегчить тяжесть отбываемаго наказанія, такъ какъ имущество можетъ быть скрыто и такъ какъ наслѣдники состоятельнаго человѣка всегда могутъ прійти съ помощью къ наслѣдодателю. При голосованіи вопроса большинство голосовъ было подано за сохраненіе редакціи проекта, меньшинство-же за сохраненіе правилъ нынѣ дѣйствующаго уложенія.

Члены собранія, признающіе необходимость исключенія изъ уголовнаго закона лишенія имущественныхъ правъ, находили, что пенсія есть также имущественное право, такъ какъ она составляется изъ взносовъ, дѣлаемыхъ самими служащими, почему изъ ст. 25 должны быть исключены слова: «получаемыхъ пенсій, равно какъ и права на полученіе такихъ за прежнюю службу».

Ст. 25—29 вызвали въ Совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры лишь немногія частныя замѣчанія. Такъ, было предложено: 1) въ 1 п. ст. 25 выраженіе «титуловъ почетнаго достоинства» замѣнить болѣе краткимъ «почетныхъ титуловъ» (г. Марковъ); 2) во 2 п. выяснить, что семья осужденнаго не лишается полученія выслуженной имъ пенсіи (гг. Марковъ и Кичинъ); 3) въ послѣдней части 25 ст. и въ ст. 26 замѣнить слова: «по отбытіи наказанія», болѣе точными «по окончаніи срока поселенія» (г. Кичинъ), наконецъ 4) въ ст. 27 пп. 2 и 3 соединить въ одинъ, который изложить словами «поступать въ государственную службу, военную и гражданскую». Не возражая противъ 1-го и 3-го изъ означенныхъ замѣчаній, Совѣщаніе нашло болѣе правильнымъ оставить 2 и 3 пп. ст. 27 въ ихъ настоящей редакціи, такъ какъ запрещеніе поступать въ армію и флотъ, упомянутое отдѣльно и въ нѣкоторыхъ иностранныхъ кодексахъ (герман. улож. § 34, п. 2), у насъ должно быть въ особенности оттѣнено, какъ начало новое и соотвѣтствующее измѣненіямъ во взглядахъ на военную службу, служившую прежде наказаніемъ для порочныхъ членовъ общества, а нынѣ являющеюся всесословною повинностью и правомъ гражданина принимать участіе въ охранѣ своего отечества. Относительно сохраненія за семьею осужденнаго права на пенсію нѣкоторые присутствующіе полагали (гг. Островскій, Бомъ и Кильштетъ), что вопросъ этотъ, какъ чисто гражданскаго свойства, не подлежитъ обсужденію Совѣщанія, другіе (гг. Тимофеевскій, Марковъ и Кичинъ), поддерживая сдѣланное замѣчаніе, находили

умѣстнымъ выразить нынѣ же, что въ гражданскихъ законахъ должно быть оговорено право семьи, неповинной въ преступленіи, пользоваться выслуженною во время прежней безпорочной службы осужденнаго пенсіею, « одинъ изъ присутствующихъ (г. Домерщиковъ) находилъ, что и самый преступникъ по приписке къ городскому и сельскому состоянію не можетъ быть лишаемъ таковой пенсіи.

Прокуроръ Полтавскаго Окружнаго Суда Люце находитъ, что лишеніе правъ, поименованныхъ въ 25, 26, 27 и 30 ст., не можетъ считаться дополнительнымъ наказаніемъ. Оно въ силу этихъ статей безусловно слѣдуетъ за присужденіемъ подсудимаго къ данному наказанію, является послѣдствіемъ его, а не особымъ добавочнымъ наказаніемъ; оно не опредѣляется судомъ и подразумѣвается при осужденіи обвиняемаго къ тому или другому наказанію. Всѣ эти статьи изложены въ такихъ словахъ: приговоренные къ такому-то наказанію признаются лишенными такого-то права на столько-то времени. Такого рода лишеніе правъ уже не есть особое наказаніе, а представляетъ одною изъ составныхъ частей даннаго наказанія, указаннаго въ законѣ, подобно тому, какъ напр. зачисленіе въ состояніе ссыльныхъ и причисленіе, по отбытіи наказанія, къ городскому или сельскому обществу (ст. 25) не считаются особыми добавочными наказаніями. Только упомянутыя: въ 28 ст. лишеніе нѣкоторыхъ правъ на время отъ 1 года до 5 лѣтъ въ нѣкоторыхъ закономъ опредѣленныхъ случаяхъ, и въ 29 ст. лишеніе права заниматься тою или другою дѣятельностью дѣйствительно представляются дополнительными наказаніями, такъ какъ они не присоединены закономъ безусловно къ другимъ наказаніямъ въ качествѣ неизбѣжныхъ ихъ послѣдствій, а назначаются только за нѣкоторыя преступныя дѣянія, какъ справедливое возмездіе именно за этотъ видъ преступной дѣятельности.

Въ виду этихъ соображеній, казалось-бы наиболѣе правильнымъ, вмѣсто 3 ст. проекта, помѣстить только ту часть 28 ст., которая говоритъ о лишеніи нѣкоторыхъ правъ на время отъ 1 года до 5 лѣтъ, и 29 ст., какъ единственно заключающія въ себѣ постановленія о такихъ дополнительныхъ наказаніяхъ, которыя полезно было-бы сохранить въ уложеніи.

Исходя изъ того положенія, что смертная казнь вовсе должна быть исключена изъ уложенія и что заточеніе, какъ наказаніе, назначаемое за преступныя дѣянія непозорящаго свойства, не должно сопровождаться поселеніемъ, Прокуроръ Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскій (стр. 95—97)

полагаетъ: 1) *что о смертной казни вовсе не должно быть упоминаемо въ ст. 25* и 2) *что не представляется основанія при заточеніи вообще, равно какъ и при поселеніи лишать осужденныхъ сословныхъ правъ, о коихъ упомянуто въ п. 1 ст. 25*, ибо лишеніе это, заключая въ себѣ позорный характеръ, можетъ сопровождать лишь каторгу, а равно лица эти не должны быть переводимы въ состояніе ссыльныхъ; вслѣдствіе сего осужденные къ заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ и поселенію, по мнѣнію г. Хлодовскаго, должны подлежать тому-же лишенію правъ, какъ и осужденные къ исправительному дому, ибо оставленіе у осужденнаго къ заточенію на срокъ болѣе 6 лѣтъ и поселенію тѣхъ правъ, о коихъ говорится во 2 п. 25 ст., было-бы несовмѣстимо съ свойствомъ сихъ наказаній и тяжестью дѣяній, за которыя таковыя назначаются и только дворяне и почетные граждане въ этомъ случаѣ должны быть лишаемы также и сословныхъ правъ. Такимъ образомъ заточеніе на срокъ свыше 6 лѣтъ должно быть исключено изъ ст. 25 и перенесено въ ст. 26.

Товарищъ Астраханскаго Губернскаго Прокурора Лабунскій указываетъ, что въ ст. 25—30 проекта опредѣляется, какихъ именно правъ должны быть лишены присужденные къ разнымъ наказаніямъ, причемъ приговоренные къ заточенію на срокъ до шести лѣтъ или къ тюрьмѣ лишаются извѣстныхъ правъ на время отбыванія самаго наказанія, а въ случаяхъ закономъ указанныхъ, и на время отъ одного года до пяти лѣтъ, по отбытіи наказанія (ст. 28). Значитъ приговоренныхъ къ наказаніямъ высшихъ родовъ, хотя они и срочны, дополнительное наказаніе лишеніемъ правъ будетъ сопровождать на всю жизнь.

Такое категорическое постановленіе о пожизненности или безсрочности такъ-называемыхъ «позорящихъ наказаній» (лишенія правъ) какъ-то не вяжется съ современными представленіями науки объ основаніи и цѣли наказанія, потому что оно тяготѣетъ надъ лицемъ и тогда, когда оно, путемъ отбытія главной кары, уже искупило свою вину и тяготѣніе это бываетъ на практикѣ такъ сильно, что толкаетъ лицо на такую дорогу снискиванія себѣ существованія, которая наиболѣе для него неблагопріятна. Это вопросъ большой практической важности и потому, въ видахъ правильнаго его разрѣшенія, было-бы желательно, чтобы осужденнымъ и къ тяжкимъ наказаніямъ, по отбытіи ихъ, были возвращаемы хотя нѣкоторыя права и чтобы суду было предоставлено въ каждомъ данномъ случаѣ налагать дополнительную кару или ограничиться присужденіемъ виновнаго къ одному только главному наказанію, или же, при наложеніи дополнительной кары, давать суду права выбора

лишенія тѣхъ или другихъ правъ. Нидерландскій уголовный кодексъ 1881 г. проще поступаетъ: въ ст. 31 говорится, что, при осужденіи къ пожизненному тюремному заключенію, срокъ лишенія правъ опредѣляется пожизненно. Затѣмъ при срочномъ осужденіи лишеніе правъ превышаетъ только на пять лѣтъ. И это постановленіе ближе стоитъ къ практической жизни, чѣмъ опредѣленія нашего проекта.

Варшавскіе Присяжные Повѣренные считаютъ долгомъ высказать полное свое уваженіе къ той просвѣщенной и благородной рѣшимости, съ которой Редакціонная Коммисія признала возможнымъ отказаться отъ злополучной фикціи вымиранія юридической личности, фикціи, не имѣющей ни устойчиваго реальнаго основанія, ни логической послѣдовательности. Вмѣсто этой фикціи Коммисія сочла необходимымъ, примыкая къ современной доктринѣ, выдвинуть теорію ограниченія юридической право- и дѣеспособности, достойное нашей эпохи и степени развитія, начало дробимости и срочности правопораженій.—Названныя лица вполнѣ согласны съ принятымъ Коммисіею началомъ, что: «по отбытіи наказанія, долженъ наступать моментъ, когда преступнику забывается его прошлое, заглаженное наказаніемъ, когда онъ снова можетъ стать въ положеніе вполнѣ тождественное съ прочими гражданами». Они равнымъ образомъ вполнѣ раздѣляютъ принятый Коммисіею принципъ, что: «условіе возстановленія правъ отбывшаго наказаніе преступника является необходимымъ дополненіемъ всякой раціонально устроенной тюремной системы». Для блага общества, для котораго назначается новое уложеніе, остается только желать полнаго развитія сихъ началъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выразить надежду, что всѣ сіи начала найдутъ въ новомъ уложеніи свое осуществленіе.

Относительно примѣненія сихъ началъ къ практикѣ, Варшавскіе Присяжные Повѣренные считаютъ нужнымъ изложить свои воззрѣнія по тѣмъ предметамъ, въ которыхъ они разнятся отъ постановленій проекта.

Въ числѣ правопораженій, принятыхъ въ проектѣ, на первомъ мѣстѣ (ст. 25 п. 1) встрѣчается лишеніе правъ сословныхъ, какъ послѣдствіе (изъ числа предполагаемыхъ Варшавскими адвокатами наказаній) каторги, заточенія свыше 6 лѣтъ (по ихъ предположенію свыше 3 лѣтъ и исправительнаго дома (ст. 26). При обсужденіи этого правила, прежде всего встрѣчается вопросъ: предполагается-ли этимъ правиломъ лишеніе сихъ правъ, пріобрѣтенныхъ только до времени совершенія преступленія, или же лишеніе прежнихъ правъ сословныхъ и на будущее время, лишеніе возможности осуществлять таковыя права по отбытіи наказанія? Изъ соображеній Коммисіи

(стр. 90) слѣдуетъ заключить, что Коммисія допускаетъ правопораженіе въ области сословныхъ правъ, какъ относящееся и къ тѣмъ правамъ, которыя принадлежали виновному во время совершенія преступленія, и къ возможности пріобрѣтенія этихъ правъ, но только въ теченіи извѣстнаго періода времени (а не безсрочно), по окончаніи отбытія наказанія. Редакція 1 п. 25 ст., вслѣдствіе отсутствія подробнаго по этому предмету опредѣленія, заставляетъ, однакоже, предполагать, что въ ней имѣется въ виду полное разрушеніе сословныхъ правъ осужденнаго, т. е. не только лишеніе правъ уже пріобрѣтенныхъ, но и невозможность осуществленія ихъ даже на будущее время.—Соображенія Коммисіи доказываютъ (стр. 90), что только пораженіе правъ уже пріобрѣтенныхъ разрушаетъ ихъ на всегда. Это однакоже не изъяснено въ текстѣ ст. 25.

Это начало, впрочемъ, кажется, противорѣчитъ изложенному на той же стр. 90 общему и вполнѣ вѣрному началу, что «пораженіе правоспособности, какъ это справедливо требуется наукою и принято многими новыми кодексами, должно быть срочнымъ». Изъ этого слѣдовало-бы заключать, что и лишеніе правъ сословныхъ по 1 п. 25 ст., а именно лишеніе возможности осуществленія ихъ на будущее время, то есть со времени совершенія преступленія и отбытія наказанія, слѣдуетъ тоже считать срочнымъ. Но съ другой стороны, въ проектѣ не содержится правилъ о возстановленіи, по отбытіи наказанія, правъ сословныхъ, утраченныхъ по 1 п. 25 ст. Въ этомъ отношеніи встрѣчается нѣкоторое противорѣчіе между ст. 25 и 1 пунктомъ ст. 27 проекта. Если предположить, что въ ст. 25 поставлено начало не только разрушенія правъ сословныхъ пріобрѣтенныхъ, но даже и разрушенія осуществленія ихъ въ будущемъ, то уже не могло-бы быть рѣчи о пользованіи осужденныхъ какими-либо сословными правами на будущее время. Между тѣмъ, по 1 п. 27 ст. приговоренный къ наказанію за преступленіе *лишается* лишь на срокъ, а именно на 10 лѣтъ по отбытіи наказанія, права быть избирателемъ или избраннымъ въ *земскихъ*, *городскихъ* или *сословныхъ* собраніяхъ,—изъ этого-же слѣдуетъ, что права *сословныя* ему принадлежатъ, что они только пріостановлены на извѣстное время, но не разрушены, ибо *пріобрѣтать* новыя сословныя права, вслѣдствіе преступленія—не мыслимо. Активное и пассивное право выбора принадлежитъ несомнѣнно къ числу правъ сословныхъ, и притомъ самыхъ важныхъ. Ежели осужденный *лишается* этого права только на извѣстный срокъ, то, значитъ, сословныя его права не разрушены. Нельзя лишать того, что еще не пріобрѣтено.

Во всякомъ случаѣ, разрушеніе сословныхъ правъ, о которомъ говорится въ п. 1 ст. 25, слѣдовало-бы понимать не въ смыслѣ осуществленія

прежнихъ и возможности пользованія новыми сословными правами на будущее время, а только какъ разрушеніе *пользованія* прежде *пріобрѣтеннымъ, до совершенія преступленія*, сословными правами, и изложеніемъ этого именно условія, по мнѣнію Варшавскихъ адвокатовъ, слѣдовало-бы дополнить 1 п. 25 ст., если-бы вообще помѣщеніе въ уложеніи правила о лишеніи правъ сословныхъ, признано было умѣстнымъ.—По этому одному вопросу представляются слѣдующія соображенія.

Изъ объясненій Коммисіи оказывается, что лишеніе правъ сословныхъ по 1 п. 25 ст. предполагается Коммисіею для всѣхъ сословій (духовенства, дворянъ, почетныхъ гражданъ, городскихъ обывателей и сельскихъ жителей); лишеніе-же сословныхъ правъ для приговоренныхъ къ содержанію въ исправительномъ домѣ по ст. 26 предполагается только для дворянъ и почетныхъ гражданъ, (причемъ въ числѣ привилегированныхъ, пропущено духовенство). Нельзя не изъявить сожалѣнія о томъ, что различіе сословій по отношенію къ наказаніямъ, разъ будучи устранено изъ уголовнаго закона при установленіи самыхъ наказаній, обнаруживается при опредѣленіи послѣдствій наказанія. Ежели за проступки, наказываемые исправительнымъ домомъ, лишаются правъ сословныхъ дворяне и почетные граждане, то нельзя усмотрѣть основанія, почему за тѣ-же проступки не лишаются правъ сословныхъ городскіе жители и крестьяне,—тѣмъ болѣе, что и они лишаются этихъ правъ по 1 п. 25 ст. за преступленія. Дѣленіе сословій въ уголовномъ законѣ на привилегированныя и непривилегированныя можно считать только остаткомъ прежнихъ общественныхъ отношеній, скорѣе воспоминаніемъ, а не дѣйствительностью. Въ Привислянскомъ краѣ, при дѣйствіи колекс. 1818 г., въ законахъ уголовныхъ не было сословій привилегированныхъ, они появились тамъ только съ 1847 г. Но и нынѣ, всѣ привилегіи дворянства состоятъ въ Царствѣ Польскомъ единственно въ томъ, что въ случаѣ преступленія дворяне ссылаются на житье въ отдаленныя мѣстности, вмѣсто отдачи въ исправительныя отдѣленія или въ рабочій домъ—привилегія впрочемъ вовсе незавидная и долженствующая изчезнуть съ новымъ уложеніемъ.—Въ настоящее время, при разрѣшеніи всѣмъ сословіямъ пріобрѣтать недвижимую собственность, при общей воинской повинности, при подведеніи дворянъ подъ общую податную систему,—привилегированныхъ сословій у насъ собственно не существуетъ. Если-бы можно было говорить о привилегированномъ сословіи въ Царствѣ, то такимъ сословіемъ тамъ можно бы считать развѣ одно крестьянское сословіе, созданное въ 1864 г., пользующееся активнымъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ по дѣламъ общественнаго управленія, не принадлежащимъ въ Царствѣ никакому другому сословію, какъ сословію, и имѣющее исключительное, тоже не присвоен-

ное никакому другому сословію, право на пріобрѣтеніе недвижимой крестьянской собственности. Въ такомъ положеніи, нельзя было-бы считать ни справедливымъ, ни цѣлесообразнымъ, чтобы за проступки, облагаемые исправительнымъ домомъ, лишать правъ сословныхъ дворянъ, которые собственно никакихъ привилегій въ Царствѣ не имѣютъ, и въ то же время оставлять эти права крестьянамъ, котырые пользуются дѣйствительными привилегіями.

Приэтомъ надлежитъ также обратить вниманіе на прискорбное впечатлѣніе, производимое постановленіемъ ст. 25 и 26, по которому приговоренные къ наказаніямъ уголовнымъ и къ исправительному дому, по отбытіи наказанія, приписываются къ городскому или сельскому обществу. Коммисія полагаетъ, что переводъ лицъ привилегированнаго сословія въ состояніе непривилегированное не можетъ служить къ умаленію достоинства сихъ состояній, а является лишь логическимъ выводомъ «іерархической постепенности» состояній. Съ этимъ мнѣніемъ не представляется возможности согласиться. Напротивъ того, эта приписка лицъ такъ называемыхъ привилегированныхъ сословій къ сословіямъ такъ называемымъ непривилегированнымъ будетъ порождать въ умахъ впечатлѣнія весьма не отрадныя, будто безчестный дворянинъ сравнивается съ честнымъ горожаниномъ или крестьяниномъ. Въ Привислянскомъ краѣ, приписка осужденнаго дворянина къ сельскому обществу имѣла-бы еще то особенное послѣдствіе, что дворянинъ, осужденный и приписанный къ сельскому обществу, пріобрѣлъ-бы такое право, котораго не имѣетъ дворянинъ, не подвергавшійся наказанію, а именно: право пріобрѣтать крестьянскую собственность. Въ чемъ состоитъ въ Царствѣ Польскомъ «іерархическая постепенность сословій», Варшавскіе Присяжные Повѣренные не знаютъ, по крайней мѣрѣ она не осуществляется ни въ какихъ распоряженіяхъ закона, предоставляющихъ какія-либо желательныя преимущества. Но, независимо отъ всего вышесказаннаго, лишеніе приговоренныхъ къ содержанію въ исправительномъ домѣ, дворянъ и почетныхъ гражданъ, принадлежащихъ имъ правъ сословныхъ, и нелишеніе таковыхъ правъ, приговоренныхъ къ тому-же наказанію горожанъ и крестьянъ, повлекло-бы за собою ту непослѣдовательность, что за одно и то-же преступленіе, одно сословіе наказывается, а другое не наказывается лишеніемъ принадлежащихъ ему правъ. Уложеніе 1845 г. и 1866 г. въ этомъ отношеніи послѣдовательнѣе: лишая правъ сословныхъ, оно лишаетъ ихъ даже и крестьянина, лишаетъ его «добраго имени и правъ, по состоянію ему присвоенныхъ».

Пріискивая исходъ изъ усматриваемаго отступленія отъ общихъ началъ и вытекающихъ изъ этого противорѣчій, представители Варшавской адвока-

туры считаютъ нужнымъ остановиться на фактѣ происхожденія сословныхъ правъ, и на юридическомъ ихъ свойствѣ.

Коммисія, оправдывая лишеніе сословныхъ правъ лицъ привилегированныхъ сословій, указываетъ на то, что русскія законоположенія, относительно дворянства и иныхъ привилегированныхъ сословій, существенно разнятся отъ законоположеній иностранныхъ, что дворянство и почетное гражданство въ Россіи жалуется за службу и за заслуги, или составляетъ результатъ полученнаго ордена. Но, съ другой стороны, и у насъ есть дворянство потомственное, если-же и оно дано было за заслуги предкамъ, то это фактъ, который отмѣнить, по отношенію къ потомкамъ, уже не въ силахъ закона, потому что это фактъ, такъ сказать, природы, а не закона. За границею также дворянство пріобрѣтается за заслуги, а, между тѣмъ, ни одно изъ новѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ не упоминаетъ о лишеніи преступниковъ дворянства. Еще въ прусскомъ уголовномъ кодексѣ 1851 г. упоминалось о лишеніи дворянства, и допускалось даже лишеніе участія въ гильдіяхъ и другихъ корпораціяхъ (§ 12), между тѣмъ въ германскомъ уголовномъ кодексѣ 1870 г. уже объ этомъ не упоминается (§ 34). Если-бы упоминать о лишеніи дворянства, то слѣдовало-бы равнымъ образомъ упомянуть о лишеніи правъ городскаго и крестьянскаго сословій, которыя и для государства и для принадлежащихъ къ этимъ сословіямъ членовъ, важны, во всякомъ случаѣ, не менѣе дворянскаго. Собственно говоря, о лишеніи извѣстнаго лица принадлежности къ сословію, пріобрѣтенной по происхожденію, до совершенія преступленія, рѣчи быть не можетъ, потому что эта принадлежность составляетъ фактъ, относящійся къ области прошедшаго, отъ воли человѣческой независимаго и котораго человѣку воротить невозможно. Лишеніе принадлежности къ сословію, пріобрѣтенной по происхожденію, столько-же невозможно, какъ и лишеніе кого-либо фамиліи или образа и подобія человѣческаго. Вмѣсто лишенія такихъ сословныхъ правъ, логически можно говорить только о воспрещеніи пользоваться на будущее время извѣстными преимуществами, которыми осужденные пользовались до времени совершенія преступленія, вслѣдствіе принадлежности своей къ извѣстному сословію, и притомъ такими преимуществами, которыя виновными пріобрѣтены лично. *Ежели принадлежность къ извѣстному сословію не представляетъ особенныхъ юридическихъ преимуществъ*, которыхъ осуществленіе или пріобрѣтеніе слѣдовало-бы воспретить виновному и на будущее время, то *государство и законъ уголовный не имѣютъ никакого интереса касаться послѣдствій преступленія по отношенію къ сословной принадлежности виновнаго.* Государство, собственно, можетъ и имѣетъ интересъ, воспретить виновному только пользованіе такими правами, какія оно само предоставило виновному,

по поводу личной его дѣятельности и осуществленіе которыхъ можетъ быть вредно для государства (*). Поименованіе подлежащихъ лишенію преимуществъ, заключающееся въ ст. 25, по мнѣнію Варшавскихъ адвокатовъ, слѣдовало-бы отчасти дополнить, отчасти сократить, такимъ образомъ, чтобы, вмѣсто вступленія и пп. 1 и 2 ст. 25, постановить: что приговоренные къ каторгѣ и къ исправительному дому признаются лишенными пользованія на будущее время пріобрѣтенными ими лично, до совершенія преступленія, на государственной или общественной службѣ правами, служебными отличіями и титулами почетнаго достоинства.

Такое постановленіе, при существованіи сверхъ того ст. 27, по которой осужденный лишается срочно преимуществъ, съ преступнымъ его дѣяніемъ несовмѣстныхъ, и могущихъ быть вредными для государства,—удовлетворяло-бы дѣйствительной потребности, не переходя за ея предѣлы.

Что касается до лишенія приговоренныхъ получаемыхъ пенсій и права на полученіе таковыхъ за прежнюю службу,—то лишеніе это слѣдовало-бы, по мнѣнію Варшавскихъ адвокатовъ, исключить изъ проекта, такъ какъ пенсія есть пріобрѣтенное имущественное право, а имущественныхъ правъ, какъ признано въ наукѣ и какъ полагаетъ Редакціонная Коммисія, за преступленіе никого лишать не слѣдуетъ.

Послѣдній періодъ ст. 25 о зачисленіи каторжныхъ въ состояніе ссыльныхъ и о причисленіи ихъ, по отбытіи наказанія, къ городскому или сельскому обществамъ слѣдовало-бы тоже исключить, потому что ссылка, если-бы даже допустить ее, есть лишь временное, преходящее положеніе извѣстнаго лица, а не общественное состояніе, потому что ссыльные не составляли до сихъ поръ и не должны составлять *состоянія* и на будущее время, такъ какъ ссылку вѣрнѣе можно разсматривать, какъ отрицаніе государственнаго состоянія, а не какъ таковое состояніе,—что, наконецъ, приписка лица, отбывшаго наказаніе, къ извѣстному обществу, есть мѣра полицейская, а не уголовная,—приписка-же, измѣняющая пріобрѣтенную по происхожденію, до совершенія проступленія, сословную принадлежность осужденнаго, не можетъ быть основываема на назначаемомъ преступнику наказаніи уголовномъ.

Если-бы предполагаемыя выше измѣненія могли быть приняты, въ

(*) Лишеніе правъ сословныхъ, относительно лицъ всѣхъ сословій, не должно имѣть мѣста, по мнѣнію Варшавскихъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, а только пріостановленіе пользованія этими правами, согласно ст. 27 проекта, можетъ быть допущено теоретически и практически оправдано.

такомъ случаѣ ст. 26 проекта слѣдовало-бы тоже исключить, ибо она составляла-бы, почти точно также какъ она и теперь составляетъ, лишь повтореніе ст. 25, съ примѣненіемъ только ея къ исправительному дому, и ст. 25 вполнѣ можетъ замѣнить ст. 26, если въ ст. 25 послѣ словъ: «приговоренныхъ къ каторгѣ», прибавить слова: «и къ исправительному дому».

Лишеніе особенныхъ правъ, поименованныхъ въ ст. 27, по мнѣнію представителей Варшавской адвокатуры, должно быть назначаемо приговореннымъ къ каторгѣ и къ исправительному дому на время отбыванія наказанія и на нѣкоторое время послѣ отбыванія наказанія, но сроки сего лишенія, предполагаемые Редакціонною Коммисіею, представляются, казалось-бы, слишкомъ продолжительными. Притомъ опредѣленіе *одного* срока, безъ высшаго и низшаго предѣла, не соотвѣтствуетъ разнообразію преступныхъ дѣяній и преступныхъ мотивовъ. Это лишеніе, для приговоренныхъ къ каторгѣ, должно-бы продолжаться отъ 4 до 6 лѣтъ, а для приговоренныхъ къ исправительному дому (и тюрьмѣ) отъ 1 года до 4 лѣтъ, по усмотрѣнію суда.

Что касается до заточенія, какъ въ высшей, такъ и въ низшей его степени, то имѣя въ виду, что преступныя дѣянія, облагаемыя сими наказаніями, не предполагаются истекающими изъ безнравственныхъ побужденій, Варшавскіе Присяжные Повѣренные полагаютъ, что установленныя въ ст. 27 ограниченія правъ должны быть назначаемы для приговоренныхъ къ заточенію, лишь на время отбыванія сего наказанія.

Статья 25.

Приговоренные къ смертной казни, каторгѣ, заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ или поселенію признаются лишенными:

1) правъ сословныхъ и титуловъ почетнаго достоинства;

2) духовнаго сана, государственной или общественной должности, ими занимаемой; служебныхъ отличій, какъ-то: чиновъ, орденовъ и другихъ жалуемыхъ правительствомъ знаковъ отличія; почетныхъ общественныхъ званій; получаемыхъ пенсій, равно какъ и права на полученіе таковыхъ за прежнюю службу.

Приговоренные къ каторгѣ, заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ или поселенію зачисляются въ состояніе ссыль-

ныхъ, а по отбытіи наказанія приписываются къ городскому или сельскому обществу.

Г. Ц. Я. (Юридическій Вѣстникъ, 1883 г., № 8) находитъ, что изъ числа правъ, перечисленныхъ во 2 п. 25 ст., слѣдовало-бы исключить право получать выслуженную уже пенсію, какъ составляющее пріобрѣтенное уже имущественное право, лишеніе котораго есть видъ лишенія права собственности, отвергнутаго проектомъ. Такое лишеніе въ громадномъ большинствѣ случаевъ поразитъ не самого преступника, а его семью, и вообще не можетъ быть оправдано началами справедливости и равномѣрности наказанія для всѣхъ.

Послѣднюю-же часть 25 ст. слѣдовало-бы, по отзыву того-же автора, изложить такъ: «Приговоренные къ каторгѣ по отбытіи ея приписываются на мѣстахъ поселенія къ городскому или сельскому обществу».

Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что настоящая редакція послѣдней части 25 ст., которая говоритъ о припискѣ къ обществу и по отбытіи поселенія, возбуждаетъ крайнее недоумѣніе—происходитъ-ли приписка къ обществу уже послѣ полученія поселенцемъ разрѣшенія оставить обязательное мѣстопребываніе или до этого полученія одновременно съ водвореніемъ на поселеніе?

По поводу ст. 25 *В. Д. Спасовичъ* сдѣлалъ въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества редакціонное замѣчаніе, предлагая замѣну слова «ссыльныхъ» (по второй ея части), словомъ «поселенцевъ», такъ какъ поселеніе можетъ существовать гдѣ угодно, т. е. и безъ ссылки.

Это предложеніе было принято безъ преній.

По мнѣнію г. *Спасовича*, ст. 25 и послѣдующая содержатъ двѣ великолѣпныя идеи: 1) полную отмѣну гражданской смерти, за исключеніемъ одного ея корешка, который остался для пользы третьихъ лицъ и семьи и который долженъ быть сохраненъ: расторженіе брака вслѣдствіе осужденія одного изъ супруговъ; 2) полную отмѣну лишеній правоспособности, т. е. вѣчнаго или постояннаго, или длящагося (dauernd) отсѣченія у лица всякой способности, не то, чтобы пользоваться, но вообще, чтобы имѣть извѣстныя права, омертвеніе его для нѣкоторыхъ сферъ дѣятельности и отношеній.

Всѣ уголовныя перемѣны въ области правъ подсудимаго сводятся къ двумъ статьямъ: а) либо къ праволишеніямъ, не касающимся правоспособности, т. е. къ усѣченію тѣхъ отличій, привилегій, особенныхъ, въ сравненіи съ другими лицами, преимуществъ и почестей, которыми подсудимый

пользовался до приговора и б) къ ограниченіямъ не въ правоспособности, а только въ дѣеспособности, имѣющимъ, какъ само собою разумѣется, одно только временное и преходящее значеніе.

При обсужденіи ст. 25 по проекту, возникли пренія по вопросу о лишеніи осужденныхъ выслуженныхъ ими пенсій.

По мнѣнію *В. Д. Спасовича*—пенсія есть долгъ, уплачиваемый государствомъ за прежнюю безпорочную службу и потому имѣетъ совершенно отличный характеръ отъ вознагражденія чинами и орденами, являясь имущественнымъ правомъ лица; такой имущественный характеръ пенсіи доказывается уже тѣмъ, что она переходитъ по наслѣдству, а такъ какъ осужденный ни въ какомъ случаѣ не лишается правъ имущественныхъ, то за нимъ должно быть сохраняемо и право полученія пенсіи; на время-же отбыванія наказанія, пенсія, какъ и прочее имущество, будетъ находиться въ вѣдѣніи опеки, причемъ подсудимый будетъ въ состояніи, подобномъ существующему во французскомъ правѣ законному прещенію (interdiction légale).

Н. Д. Сергіевскій—высказалъ, что хотя въ пользу сохраненія пенсіи осужденнымъ приводится довольно вѣскія и практическія соображенія (причемъ сослался на высказанное въ печати мнѣніе И. Я. Фойницкаго по тому же вопросу), тѣмъ не менѣе, ставя вопросъ на теоретическую почву, нельзя разсматривать пенсію какъ имущественное право, ибо она является однимъ изъ служебныхъ преимуществъ, которое отсѣкается вмѣстѣ съ лишеніемъ по суду и другихъ служебныхъ преимуществъ.

По произведенному голосованію, 15 голосовъ противъ 8 признало желательнымъ исключить изъ ст. 25 постановленіе о лишеніи осужденныхъ выслуженныхъ ими пенсій.

М. В. Красовскій, по поводу содержащагося въ 25 и 26 ст. указанія относительно того, что ссыльные, по отбытіи наказанія, приписываются къ городскому или сельскому обществамъ, замѣтилъ, что правиломъ этимъ предоставляется переводить лицъ, опороченныхъ по суду, изъ высшихъ сословій въ низшія. Не говоря уже о томъ, что сохраненіе подобнаго постановленія въ новомъ кодексѣ вполнѣ не соотвѣтствуетъ все болѣе и болѣе развивающемуся въ ходѣ нашего законодательства началу сліянія сословій, путемъ уничтоженія сословныхъ перегородокъ, подобное постановленіе вовсе не относится къ предметамъ, входящимъ въ содержаніе уголовнаго закона, а потому было-бы правильнѣе, исключивъ вовсе конецъ 25 и 26 ст. о приписке къ городскому и сельскому сословію, предоставить установленію подробныхъ правилъ о порядкѣ приписки ссыльныхъ—IX тому св. зак.

Н. Д. Сергіевскій, раздѣляя мнѣніе М. В. Красовскаго, обобщилъ его и полагалъ, что и правъ сословныхъ, и титуловъ почетнаго достоинства не

должны-бы касаться наказанія, такъ что эти лишенія должны быть исключены изъ кодекса. Званіемъ дворянина и титуломъ осужденный не могъ-бы пользоваться только временно во время отбыванія наказанія.

Противъ предложенія Н. Д. Сергѣевскаго высказалось 16 голосовъ, за предложеніе—12.

Затѣмъ было подвергнуто голосованію предложеніе М. В Красовскаго, которое было отвергнуто большинствомъ голосовъ 18 противъ 8.

Коммисія Новоросійскаго Юридическаго Общества предлагаетъ слѣдующее изложеніе ст 25: приговоренные . . . . . къ каторгѣ . . . . . признаются лишенными:

1) правъ сословныхъ и титуловъ почетнаго достоинства;

2) духовнаго сана, государственной или общественной должности ими занимаемой; служебныхъ отличій, какъ-то: чиновъ, орденовъ и другихъ жалуемыхъ правительствомъ знаковъ отличія, а равно и почетныхъ общественныхъ званій . . . .—Приговоренные къ каторгѣ и заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ зачисляются въ состояніе ссыльныхъ, а по отбытіи наказанія приписываются къ городскому или сельскому обществу, причемъ отбывшіе каторгу поселяются отдѣльно отъ отбывшихъ заточеніе.

При такомъ изложеніи ст. 25, смертная казнь вычеркнута изъ 1-ой ея части согласно измѣненію, предложенному Коммисіею Юридическаго Общества въ лѣстницѣ наказаній; заточеніе и ссылка—согласно съ тѣмъ особымъ характеромъ этихъ наказаній, о которомъ говорено уже въ засѣданіи Коммисіи. Изъ числа правъ, подлежащихъ пораженію, исключено лишеніе пенсій, равно какъ и права на полученіе таковыхъ за прежнюю службу, такъ какъ Коммисія смотритъ на пенсію, какъ на извѣстное имущественное право, отнятіе котораго всею своей тяжестью обрушится главнымъ образомъ на семейства заключенныхъ и будетъ равносильно конфискаціи имущества, не принятой и проектомъ Редакціонной Коммисіи. Наконецъ,—въ послѣдней части этой статьи повторено дополненіе, слѣланное уже въ ст. 15, и по тѣмъ-же основаніямъ, которыя были подъ нею изложены.

По поводу этой статьи въ средѣ Коммисіи остались при мнѣніи: 1) *А. А. Муромцовъ*, который взыскался противъ поселенія для отбывшихъ срокъ заточенія вообще, и 2) *А. В. Волковъ* и *А. А. Степановъ*, которые считали необходимымъ оставить послѣдствіемъ заточенія на срокъ свыше 6 лѣтъ лишеніе правъ, означенныхъ въ ст. 25, кромѣ правъ сословныхъ и пенсій.

Въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества *В. В. Смирновъ*, останавливаясь на 25-й и слѣдующихъ статьяхъ, высказалъ, что институтъ праволишеній основанъ на томъ принципѣ, что лицо, совершившее преступное дѣяніе, указывающее на испорченную нравственность, недостойно пользоваться принадлежащими ему публичными привилегіями, почетными отличіями и званіями и недостойно отправлять и впредь публичную дѣятельность, требующую общественнаго довѣрія. Изъ этого принципа вытекаютъ слѣдующія положенія: 1) институтъ праволишеній примѣнимъ только къ тѣмъ преступнымъ дѣяніямъ, которыя позорятъ совершившаго и лишаютъ его довѣрія общества. Нѣтъ, поэтому, основанія распространять его на дѣянія не безчестящія (см. стр. 94 записки), напр. на приговоренныхъ къ заточенію на высшіе сроки, или къ поселенію. Какъ-бы важны ни были совершенныя такими лицами преступленія, они, не клеймя ихъ въ нравственномъ отношеніи, не дѣлаютъ приговоренныхъ недостойными пользоваться принадлежащими имъ прерогативами и почетомъ и отправлять, по отбытіи наказанія, публичную дѣятельность. Приговоренный къ заточенію или поселенію можетъ, казалось-бы, сохранять, напр., дворянское достоинство или, хотя-бы, графскій титулъ. Согласно съ этимъ положеніемъ, германскій кодексъ не сопровождаетъ заключенія въ крѣпости (могущаго быть даже пожизненнымъ) никакими праволишеніями. Праволишеніе для приговоренныхъ къ заточенію и поселенію должны ограничиваться лишеніемъ тѣхъ лишь правъ, сохраненіе которыхъ не совмѣстимо съ отбытіемъ наказанія. Такъ, неудобно дозволить имъ ношеніе знаковъ отличія во время отбытія наказанія и невозможно сохранить за поселенцами и приговоренными къ заточенію, болѣе или менѣе долгосрочному, напр. на срокъ свыше года, духовный санъ, государственную или общественную должность, ими занимаемую; 2) институтъ правопораженій можетъ касаться лишь сферы публичныхъ правъ и не долженъ распространяться на частныя права приговореннаго, въ особенности на его имущественныя права. Съ одной стороны государство вообще должно избѣгать вторженія въ сферу частныхъ правъ безъ прямой въ томъ надобности. Съ другой стороны, лишеніе имущественныхъ правъ безцѣльно съ точки зрѣнія карательной и не соединено ни съ какой пользой для общества; напротивъ, скорѣе вредно пустить приговореннаго по отбытіи наказанія, по міру отнятіемъ у него его прежняго имущества. Наконецъ, отнятіе имущественныхъ правъ не соотвѣтствуетъ принципу правопораженія—что преступникъ являетъ себя недостойнымъ пользоваться правами, такъ какъ эта точка зрѣнія не примѣнима къ сферѣ имущественныхъ правъ. Согласно съ этимъ положеніемъ, проектъ устраняетъ лишеніе имущественныхъ правъ, сохраняя, однако, почему-то лишеніе получаемыхъ

пенсій. Такъ какъ, однако, получаемая пенсія представляетъ право имуще-
ственное, то, казалось-бы, праволишеніе не должно быть распространяемо на
таковую пенсію. Само собою, однако, что, въ теченіи отбытія наказанія, непо-
средственное пользованіе имущественными правами для приговореннаго
должно быть ограничено (см. ст. 30 проекта). Тоже само собой, что госу-
дарство можетъ воспрещать, въ видѣ наказанія дополнительнаго или само-
стоятельнаго, занятіе извѣстной частноіі дѣятельностью, непосредственно
связанною съ имущественными правами, если приговоренный проявилъ
наклонность злоупотреблять этой дѣятельностью во вредъ обществу (ст. 29).
Что касается семейныхъ правъ приговореннаго, то, съ точки зрѣнія уголов-
ной, государству также нѣтъ надобности лишать этихъ правъ, но оно втор-
гается въ эту сферу собственно въ интересахъ невиннаго супруга и дѣтей и,
поэтому, можетъ ставить прекращеніе брачнаго союза приговореннаго лишь
въ зависимость отъ желанія невиннаго супруга. Само собой разумѣется, что
нѣкоторыя ограниченія въ пользованіи этими правами составляютъ есте-
ственное послѣдствіе самаго отбытія наказанія, и 3) праволишеніе должно
быть, какъ признаетъ и записка (стр. 94), послѣдствіемъ позорящаго пре-
ступнаго дѣянія, а не наказанія. Такъ какъ, однако, нѣкоторыя изъ наказаній
положено назначать лишь за безчестящія дѣянія, то референтъ не возра-
каетъ противъ предположенія проекта связать праволишенія съ назначе-
ніемъ этихъ наказаній, которое представляется, притомъ, практичнымъ и
удобнымъ. Отъ этого предположенія проектъ отступаетъ лишь въ отношеніи
маловажныхъ преступныхъ дѣяній, караемыхъ тюрьмой, и въ отношеніи
праволишеній, заключающихся въ воспрещеніи заниматься торговлей, реме-
слами или другой частной дѣятельностью; въ этихъ случаяхъ, по ст. 28 и
29, праволишеніе ставится въ зависимость не отъ наказанія, а отъ самаго
преступнаго дѣянія, и будетъ назначаемо лишь по особому указанію закона
въ особенной части. Но проектъ, сверхъ того, дѣлаетъ праволишеніе обяза-
тельнымъ послѣдствіемъ извѣстныхъ наказаній или преступныхъ дѣяній, не
предоставляя суду никакого простора въ назначеніи или неназначеніи право-
лишеній. Повидимому, Коммисія боится, что предоставленіе суду права
назначать праволишенія факультативно можетъ повести къ произволу со сто-
роны суда (стр. 94). Необходимо, однако, имѣть въ виду, что, напримѣръ,
германскій кодексъ обязательно назначаетъ лишь лишеніе права служить въ
арміи и флотѣ и занимать общественныя должности, какъ послѣдствіе при-
сужденія въ Zuchthaus; во всѣхъ-же остальныхъ случаяхъ, ставя праволи-
шеніе, подобно нашему проекту, преимущественно въ зависимость отъ
назначеннаго наказанія, германскій кодексъ, въ то-же время, предоставляетъ
назначеніе или неназначеніе праволишенія усмотрѣнію суда. Еще далѣе

идетъ, въ этомъ отношеніи, голландскій кодексъ, предоставляя назначеніе праволишеній суду факультативно во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ. Хотя опредѣленія по сему предмету германскаго и голландскаго кодексовъ и нельзя не признать болѣе правильными, тѣмъ не менѣе референтъ не имѣетъ серьезныхъ возраженій противъ обязательнаго для суда назначенія праволишеній, такъ какъ не столько важно факультативное назначеніе праволишеній, сколько правильный выборъ уголовнымъ закономъ наказанія за преступное дѣяніе. Если наказанія, влекущія праволишенія, будутъ назначены лишь за дѣйствительно позорящія дѣянія и если, притомъ, по нѣкоторымъ преступленіямъ, самимъ по себѣ безчестящимъ, но могущимъ, по исключительнымъ условіямъ, терять позорящій характеръ, будетъ предоставленъ суду достаточный выборъ между наказаніями, такъ сказать, позорящими и непозорящими, то не будетъ вреда отъ обязательнаго назначенія праволишеній. В крайнемъ случаѣ, если-бы судъ, вынужденный примѣнить праволишеніе, находилъ таковое лишеніе, по обстоятельствамъ дѣла, несправедливымъ, онъ не лишенъ права войти къ Монарху съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ. Но, во всякомъ случаѣ, по мнѣнію референта, не могло-бы быть препятствій къ назначенію праволишеній факультативно за маловажныя преступныя дѣянія (ст. 28) и въ случаяхъ, указанныхъ 29 ст., такъ какъ сама записка признаетъ правильнымъ (см. стр. 91, 92 и 94) назначать, въ этихъ случаяхъ, лишеніе правъ факультативно и только по недосмотру, повидимому, это правило не вошло въ текстъ 28 и 29 статей.

По поводу 25 ст., референтъ, согласно съ изложеннымъ выше, находилъ нужнымъ: 1) исключить какъ изъ первой, такъ и изъ второй ея части приговоренныхъ къ заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ или къ поселенію, взамѣнъ того, внести—въ дополненіе 25 ст. или особой статьей—правило о томъ, что *приговоренные къ заточенію на срокъ свыше одного года или къ поселенію признаются лишенными духовнаго сана, государственной или общественной должности, ими занимаемой*, и 2) исключить изъ 3 ч. первой части статьи указаніе на лишеніе получаемой пенсіи.

Оба предложенія В. В. Смиттена по 25 ст. проекта Обществомъ приняты; первое—большинствомъ 14 голосовъ противъ двухъ, полагавшихъ, что вопросъ о лишеніи правъ въ указанныхъ референтомъ случаяхъ долженъ быть предоставленъ усмотрѣнію суда, а второе—большинствомъ 10 голосовъ противъ 4, находившихъ, что пенсія есть забота о содержаніи человѣка, посвятившаго свои силы службѣ, и что нѣтъ основанія продолжать заботы о человѣкѣ, оказавшемся недостойнымъ.

Разсматривая правило 25 ст. въ связи съ 30 ст. проекта, Тульскій Окружный Судъ замѣчаетъ, что каторжная работа, опредѣляемая обыкновенно за самыя тяжкія преступленія и одинъ годъ которой равняется четыремъ годамъ заточенія (55 ст. проекта), должна, безъ сомнѣнія, отличаться отъ другихъ наказаній и по своимъ послѣдствіямъ. Собственно, каторга всегда считалась для осужденнаго политическою смертію, а потому послѣдствія этого наказанія должны стоять въ законѣ особнякомъ и соотвѣтствовать понятію смерти. Если-же въ отношеніи такихъ послѣдствій и могли-бы быть допущены нѣкоторыя исключенія, то лишь такія, которыя не затрогиваютъ интересовъ лицъ постороннихъ. Что-же касается безсрочной каторги, то наказаніе это, по своему уже названію и послѣдствіямъ для приговореннаго, должно влечь навсегда лишеніе всѣхъ правъ состоянія, т. е. ставить приговореннаго въ положеніе лица какъ-бы дѣйствительно умершаго. Относительно же каторги срочной, можно было-бы допустить исключеніе только въ отношеніи жены осужденнаго, еслибы она пожелала слѣдовать за мужемъ и не разрывать съ нимъ супружеской жизни. Это исключеніе допущено можетъ быть потому, что оно не затрогиваетъ чьихъ-либо интересовъ, какъ возникшее изъ взаимнаго согласія только лицъ связанныхъ бракомъ. Допустить-же, напримѣръ, возстановленіе родительской власти надъ дѣтьми, прижитыми до вступленія приговора въ законную силу и пользующимися всѣми правами гражданъ, значило-бы допустить ничѣмъ не оправдываемое господство лица въ высшей степени порочнаго надъ совершенно чистыми членами общества и распоряженіе дальнѣйшею судьбою этихъ членовъ. Поэтому, въ отношеніи послѣдствій для каторжныхъ по 25 ст. дѣйствующаго уложенія, во 2 п. 27 ст. сего уложенія говорится: «въ прекращеніи власти родительской надъ дѣтьми прижитыми прежде осужденія, если дѣти осужденнаго не послѣдовали за нимъ въ мѣсто его ссылки или впослѣдствіи оное оставили». Это замѣчательное правило несомнѣнно ставитъ дѣтей въ положеніе независимое и предоставляетъ имъ, на ихъ волю, подчиниться власти осужденнаго ихъ отца или не подчиниться. Это правило заключаетъ въ себѣ и справедливость: могутъ быть случаи, когда лицо, присужденное и къ каторгѣ, не теряетъ въ глазахъ членовъ его семьи привязанности къ себѣ и чувства благодарности за его бывшія заботы и попеченія о нихъ; въ сихъ случаяхъ, очевидно, было-бы несправедливо воспретить подобнымъ членамъ семьи слѣдовать за осужденнымъ и сохранить подчиненіе къ нему въ формѣ прежней. Но есть такія преступленія, вслѣдствіе которыхъ можетъ, совершенно справедливо, отвернуться какъ отецъ отъ сына, такъ и сынъ отъ отца. Такое возмущенное чувство человѣка честнаго должно быть оберегаемо и закономъ. Можетъ-ли, напр., отцеубійца, приговоренный, въ силу снисходительнаго приго-

вора присяжныхъ, къ срочной каторгѣ, быть возстановленъ въ родительской власти надъ членами своей семьи, рожденными до осужденія его. Можетъ-ли, напр., приговоренный къ срочной каторгѣ за изнасилованіе собственныхъ дочерей или истязаніе, въ самой тяжкой формѣ, своихъ дѣтей, быть возстановленъ затѣмъ, въ силу закона, въ родительскихъ правахъ надъ членами своей бывшей семьи. Такіе примѣры, далеко неисчерпывающіе всѣхъ преступленій возмутительныхъ, въ отношеніи къ совершителямъ которыхъ никогда не умираетъ чувство отвращенія у людей порядочныхъ, съ очевидностію показываютъ, что для присужденныхъ и къ каторгѣ срочной послѣдствія должны быть подобныя послѣдствіямъ смерти лица. Если же и допустить нѣкоторое исключеніе въ послѣдствіяхъ, то только такое, которое-бы не затрогивало интересовъ лицъ постороннихъ, какъ это и установлено 27 ст. дѣйствующаго уложенія въ отношеніи женъ и дѣтей осужденнаго.

Разсуждая о положеніи осужденнаго въ отношеніи членовъ его семьи какъ главы, въ смыслѣ нравственномъ, нельзя обойти молчаніемъ и объ имуществѣ осужденнаго. Если принять въ разсчетъ населеніе крестьянское въ 70 милліоновъ, засимъ значительный классъ людей торговыхъ, то станетъ понятнымъ та громадная цифра семей, матеріальное состояніе которыхъ образовывается трудами членовъ семьи, а распоряжается симъ состояніемъ только глава семьи, какъ-бы собственнымъ. Возникаетъ поэтому вопросъ: справедливо-ли однакоже считать такое состояніе только собственностью главы семьи? Что члены семьи отдаютъ свои труды въ распоряженіе безусловное своему главѣ, это весьма естественно потому, что въ концѣ концовъ все нажитое вмѣстѣ и достанется имъ-же. Но съ отправленіемъ главы семьи на каторгу, должно-ли нажитое общими трудами считаться принадлежащимъ этому осужденному главѣ? Еслибы вопросъ этотъ разрѣшить утвердительно, то трудно было-бы предусмотрѣть всѣ невыгодныя послѣдствія для остальныхъ, ни въ чемъ не повинныхъ, членовъ семьи, отъ труда которыхъ образовалось то матеріальное благосостояніе, которое закрѣпляется однакоже за осужденнымъ. При такомъ положеніи имущества, за осужденіемъ главы семьи, сразу измѣняется и матеріальное положеніе, напр., дѣвицы, достигшей возраста для вступленія въ бракъ, и ея дальнѣйшая судьба; направленіе дѣятельности, принятое членами семьи, при ихъ матеріальномъ положеніи до осужденія ихъ главы, сразу измѣняется къ ихъ невыгодѣ, потому что всякое, напр., обращеніе капитала въ какое-либо предпріятіе, какъ сопряженное съ рискомъ, очевидно уже не можетъ быть допущено до возстановленія правъ собственности осужденнаго на этотъ капиталъ; положеніе нѣкоторыхъ членовъ семьи, стремящихся къ образованію, быть можетъ по желанію главы семьи, а быть можетъ и подъ справедливымъ и основатель-

нымъ давленіемъ жены на мужа, расходующихъ значительныя средства для благопріятнаго конца, сразу измѣняется въ невыгодное. Однимъ словомъ, съ осужденіемъ главы семьи въ каторжную работу, вся его семья, въ отношеніи матеріальномъ, ставится въ положеніе лица опекаемаго и какъ-бы въ понудительное къ признанію того лица снова своимъ главою и руководителемъ, хотя-бы лицо это своимъ преступленіемъ вызывало лишь одно неумираемое презрѣніе и негодованіе. Положеніе же въ особенности жены осужденнаго, отдавшей, по довѣрію, все свое состояніе въ руки мужа на обороты торговые или предпріятіе иное, дѣлается, съ осужденіемъ мужа, настолько, очевидно, плачевнымъ, что представляется излишнимъ и распространяться объ этомъ. Вслѣдствіе такихъ соображеній, Окружный Судъ находитъ, что для приговоренныхъ къ каторгѣ безъ срока и къ каторгѣ срочной слѣдуетъ установить, для послѣдствій осужденнаго, отдѣльныя статьи:

1) «Приговоренные къ безсрочной каторжной работѣ лишаются всѣхъ правъ состоянія, какъ-то: политическихъ, служебныхъ, сословныхъ, семейныхъ и имущественныхъ».

2) «Приговоренные къ срочной каторгѣ также лишаются всѣхъ принадлежавшихъ имъ, до вступленія о нихъ приговора въ законную силу,—правъ политическихъ, служебныхъ, сословныхъ и имущественныхъ. Права-же супружескія и родительскія прекращаются или ограничиваются, смотря по желанію тѣхъ членовъ, на которыхъ распространяется эта власть. Браки сихъ лицъ расторгаются по просьбѣ одного изъ супруговъ».

Въ редакціи такой Окружный Судъ полагаетъ въ отношеніи срочныхъ каторжныхъ выразить о лишеніи правъ, принадлежавшихъ имъ до вступленія о нихъ приговора въ законную силу, потому, что этотъ разрядъ каторжныхъ, по отбытіи наказанія, на основаніи 25 ст. проекта, можетъ приписываться къ городскому или сельскому обществу и вновь пріобрѣтать права политическія и гражданскія.

Признавая посему желательнымъ послѣдствія каторжныхъ работъ опредѣлить въ отдѣльныхъ статьяхъ закона, Тульскій Судъ полагаетъ, что ст. 25 проекта слѣдовало-бы изложить въ такомъ видѣ:

«Приговоренные къ заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ или ссылкѣ на поселеніе, признаются лишенными пріобрѣтенныхъ, до вступленія о нихъ приговора въ законную силу, правъ политическихъ, служебныхъ и сословныхъ, а права супружескія и родительскія прекращаются, или ограничиваются, смотря по желанію тѣхъ лицъ, на которыхъ распространяются эти права. Браки сихъ лицъ расторгаются по просьбѣ одного изъ супруговъ. Подробныя-же по симъ предметамъ правила и порядокъ управленія имуще-

ствомъ лицъ, приговоренныхъ къ симъ наказаніямъ, установляются законами гражданскими».

При такомъ изложеніи ст. 25 проекта, ст. 30 проекта является излишнею. Засимъ второй отдѣлъ ст. 25 проекта о положеніи осужденныхъ послѣ отбытія ими наказаній слѣдовало-бы обратить въ самостоятельную статью закона, потому что въ отдѣлѣ этомъ говорится о совершенно новомъ положеніи осужденныхъ и оно относится къ лицамъ, отбывшимъ разныя наказанія. Придавая отдѣлу этому форму самостоятельной статьи, слѣдуетъ изложить ее въ той-же редакціи съ прибавленіемъ словъ: «ссылкѣ» къ слову «поселеніе», слово «могутъ» къ слову «приписываться», а въ концѣ сказать: «съ согласія ихъ». Такимъ образомъ отдѣлъ этотъ, въ видѣ статьи закона, могъ-бы принять слѣдующую форму: «Приговоренные къ срочной каторгѣ, заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ или ссылкѣ на поселеніе, зачисляются въ состояніе ссыльныхъ, а по отбытіи наказанія могутъ приписываться къ городскому или сельскому обществу, съ согласія послѣднихъ». По такой редакціи выраженіе «могутъ приписываться» указываетъ на первое отрадное для отбывшихъ наказанія право, которое они осуществляютъ путемъ просьбъ и ходатайствъ сами отъ себя, а самая приписка должна состояться только съ согласія тѣхъ обществъ, къ которымъ желаютъ приписаться указанныя лица. Каждое общество имѣетъ право оберегать себя отъ вторженія въ него лицъ порочныхъ; оно-же имѣетъ право и удалять изъ своей среды такихъ людей. Это право коренное, вошедшее въ плоть и кровь общества и освященное закономъ. Если-же лицо, по отбытіи наказанія, не съумѣло зарекомендовать себя со стороны благопріятной и не съумѣло исходатайствовать у какого-либо общества согласія на принятіе его въ свою среду, то оно и остается въ положеніи ссыльнаго. Само собою разумѣется, что это положеніе ссыльнаго должно быть льготное, отличное отъ положенія не отбывшаго срокъ наказанія; но заботливость правительства о судьбѣ такихъ льготныхъ ссыльныхъ должна быть въ то же время согласована съ интересами лицъ ни въ чемъ не повинныхъ.

Обсудивъ второй отдѣлъ 25 ст., Тульскій Окружный Судъ находитъ, что выраженіе въ этомъ отдѣлѣ «а по отбытіи наказанія», въ связи съ перечнемъ наказаній въ началѣ отдѣла, не совсѣмъ согласуется съ редакціею ст. 14 и 15 проекта уложенія. Въ ст. 14 говорится «по отбытіи каторги преступники поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ», а въ ст. 15 сказано, что «приговоренные на срокъ свыше шести лѣтъ, по отбытіи заточенія, поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ». Изъ этихъ положеній законопроекта должно слѣдовать несомнѣнно, что лица, приговоренныя къ срочной каторгѣ вообще и заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ,

получаютъ право приписываться къ обществамъ, городскимъ или сельскимъ не тотчасъ по отбытіи каторги или заточенія, а по окончаніи извѣстнаго, по усмотрѣнію административнаго начальства, срока поселенія въ отведенныхъ мѣстностяхъ. Между тѣмъ, по смыслу означеннаго отдѣла 25 ст. проекта, эти самыя лица могутъ приписываться по отбытіи каторги или заточенія. Поэтому, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній въ примѣненіи ст. 25, надлежало бы второй отдѣлъ 25 ст. проекта облечь въ форму самостоятельной статьи, изложивъ ее, для большой ясности, такимъ образомъ:

Приговоренные къ ссылкѣ на поселеніе, къ срочной каторгѣ вообще и заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ съ поселеніемъ ихъ затѣмъ въ отведенныхъ мѣстностяхъ, зачисляются въ состояніе ссыльныхъ, а по отбытіи наказанія—могутъ приписаться къ городскому или сельскому обществу, съ согласія послѣднихъ.

Въ этомъ видѣ статья закона вполнѣ будетъ согласна съ требованіемъ ст. 14 и 15, какъ основныхъ.

По поводу правилъ проекта о лишеніи правъ чины Костромскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ слѣдующее: ст. 25 и 26, перечисляя тѣ виды правопораженій, кои влекутъ за собою каторгу и заключеніе въ исправительномъ домѣ, указываютъ въ числѣ ихъ на лишеніе пенсій и засимъ установляютъ, что лица, осужденныя къ каторгѣ, исправительному дому и поселенію, по отбытіи наказанія и по истеченіи опредѣленнаго срока, могутъ быть возстановляемы во всѣхъ правахъ, причемъ имъ предоставляется и право вступать въ государственную и общественную службу, быть опекунами и присяжными засѣдателями. Не опровергая принципа срочности правопораженій, названные судебные чины не могутъ не высказать однакоже, что идеи о государственной и общественной службахъ, о званіи опекуна и обязанности присяжнаго засѣдателя неразрывно связаны съ идеей объ особомъ довѣріи и незапятнанномъ поведеніи, а посему и нельзя допустить, чтобы лица, освобожденныя отъ каторги, поселенія и исправительнаго дома, могли бы вновь вступать въ государственную службу, быть опекунами и присяжными засѣдателями. Если допустить осуществленіе 27 ст. въ проектированномъ видѣ, то нельзя не предвидѣть заранѣе полное дискредитированіе, въ глазахъ населенія, правительственной власти. И въ самомъ дѣлѣ: какую долю вліянія и значенія въ глазахъ народа, могутъ возбудить начальникъ губерніи или области, начальникъ учебнаго заведенія, предсѣдатель суда, осужденные и отбывшіе передъ тѣмъ наказаніе за убійство, изнасилованіе, грабежъ, подлогъ и тому подобныя позорящія преступленія? Возможно ли ввѣрять такому

лицу отправленіе уголовнаго правосудія въ званіи присяжнаго засѣдателя, или заботу о нравственномъ воспитаніи подопечныхъ лицъ? Отвѣты на эти вопросы могутъ быть только отрицательные. Исходя изъ такихъ соображеній, по мнѣнію Костромскаго Суда, слѣдовало бы установить, что лица, осужденныя къ каторгѣ, поселенію и исправительному дому, по отбытіи наказанія лишаются навсегда права поступать въ государственную и общественную службу, быть опекунами и присяжными засѣдателями. Съ другой стороны, представляется излишнимъ включать въ область правопораженія лишеніе пенсій, ибо пораженіе это касается исключительно имущественныхъ правъ осужденнаго, т. е. такого пораженія правъ, которое въ принципѣ отвергнуто Редакціонною Коммисіею. Включая пенсіи въ область правопораженій, Коммисія допускаетъ напрасное отягощеніе лицъ, посвятившихъ себя государственному служенію; лицо, не состоявшее на государственной службѣ, совершивъ самое тяжкое преступленіе, ни въ какомъ случаѣ не теряетъ тѣхъ имущественныхъ благъ, кои пріобрѣтены имъ заботами и попеченіями въ жизни; лицо же, состоявшее на государственной службѣ, будучи лишено возможности обезпечить содержаніе семьи посторонними трудами и пріобрѣтя обезпеченіе это въ видѣ пенсіи, должно лишиться безвозвратно и этой, относительно незначительной, доли имущественнаго благосостоянія. Результатомъ этого окажется ничѣмъ неоправдываемая неравномѣрность наказаній.

Привѣтствуя вводимое Редакціонною Коммисіею новое постановленіе о срочномъ правопораженіи и о возстановленіи правъ путемъ судебнаго разсмотрѣнія, чины Самарскаго Окружнаго Суда считаютъ себя обязанными высказать свое по этому предмету мнѣніе. Тяжесть наказанія хотя и находится въ тѣсной зависимости отъ свойства преступнаго дѣянія, но, тѣмъ не менѣе есть много преступниковъ, какъ напримѣръ рецидивистовъ по убійствамъ съ корыстною цѣлью, зажигателей съ цѣлью грабежа и т. п., для которыхъ установленіе срочнаго правопораженія вредно отзовется на интересы общественные. Какъ бы ни раскаявались подобные преступники, какъ бы ни вели они себя пристойно въ мѣстахъ заключенія, они не могутъ искупить своимъ только поведеніемъ послѣдствій, причиненныхъ преступными ихъ дѣяніями, почему они и должны быть навсегда изъяты изъ среды своего общества. Поэтому Окружный Судъ полагалъ бы для лицъ, совершившихъ особо важныя, тяжкія преступленія, въ подлежащихъ статьяхъ уложенія указанныя, установить лишеніе правъ навсегда; для всѣхъ-же остальныхъ преступниковъ,

вводя срочное пораженіе правъ, означенное въ 25, 26 и 27 ст. проекта (*), постановить, что права ихъ могутъ быть возстановлены, по отбытіи лишь наказанія и по прошествіи сроковъ, указанныхъ въ 27 ст. проекта, не иначе какъ только судомъ; ранѣе же сего срока возстановленіе правъ можетъ быть допущено по особо уважительнымъ причинамъ.

При обсужденіи Тифлисскою Судебною Палатою 25 ст. проекта, было высказано, что такъ-какъ поселеніе и заточеніе на срокъ свыше шести лѣтъ предположено назначать за такія дѣянія, которыя не обнаруживаютъ въ виновномъ ни особенной испорченности, ни безнравственности его, а свидѣтельствуютъ только объ его неумѣніи подчинить порывы своихъ желаній требованіямъ закона, то возможно было бы допустить назначеніе этихъ наказаній, если не всегда, *то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, безъ лишенія правъ состоянія*, которое между тѣмъ установлено приведенною статьею проекта, какъ непремѣнное послѣдствіе означенныхъ видовъ наказанія. Примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить воинскій уставъ о наказ. 1875 г., допускающій заточеніе въ крѣпости и даже смертную казнь безъ лишенія правъ состоянія. Послѣдняя часть этой же 25 ст. проекта вызываетъ еще недоразумѣніе въ томъ отношеніи, слѣдуетъ ли считать приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ и къ заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ—*отбывшими наказаніе*, а слѣдовательно и имѣющими право приписаться къ городскому или сельскому обществу, тотчасъ послѣ окончанія сроковъ назначенной имъ каторги или заточенія, или же только уже когда они будутъ отосланы на поселеніе и затѣмъ, въ порядкѣ, указанномъ 24 ст. проекта, имъ будетъ разрѣшено оставить обязательное для нихъ мѣстопребываніе. Если принять первое изъ этихъ положеній, то возникаетъ вопросъ: что понимать подъ отбытіемъ наказанія для приговоренныхъ къ поселенію, которое, по 16 ст. проекта, назначается безъ срока?

Собраніе чиновъ Кишиневскаго Окружнаго Суда и мѣстныхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ указываетъ, что ст. 25 приравниваетъ, относительно объема правопораженія, приговоренныхъ къ заточенію свыше шести лѣтъ къ присужденнымъ къ каторгѣ и смертной казни. Такъ-какъ «заточеніе» есть тотъ видъ лишенія свободы, коему составители придали значеніе custodiae

(*) Съ своей стороны Членъ Самарскаго Окружнаго Суда Муравьевъ полагаетъ оставить ст. 25—27 проекта безъ измѣненій.

honestae, то посему, на взглядъ большинства собранія, не представляется никакого основанія (какъ это и признано германскимъ уложеніемъ) лишать лицъ, приговоренныхъ къ заточенію, тѣхъ же правъ, какихъ лишаются приговоренные къ каторгѣ: у первыхъ нѣтъ той особенной испорченности, безчестности, какія предполагаются у послѣднихъ. Лишеніе правъ для лицъ, приговоренныхъ «къ заточенію», можетъ и должно простираться лишь на тѣ права, сохраніе коихъ несовмѣстимо съ самимъ наказаніемъ и должно кончаться вмѣстѣ съ окончаніемъ наказанія. То же нужно сказать и о приговоренныхъ къ поселенію, въ виду того, что поселеніе «предполагается за дѣянія, не изобличающія привычки къ праздности и порочному образу жизни» (объясн. записка, стр. 63), а слѣдовательно не представляется возможности ставить этихъ лицъ на одну доску съ каторжниками. По симъ соображеніямъ, большинство собранія нашло необходимымъ исключить изъ текста первой и послѣдней части 25 ст. проекта слова «заключенію на срокъ свыше шести лѣтъ, или поселенію». По мнѣнію же меньшинства собранія, предполагаемое большинствомъ существенное измѣненіе 15 и 25 ст. проекта нарушаетъ кореннымъ образомъ лѣстницу и систему наказаній, проведенную послѣдовательно во всемъ проектѣ, а потому, принимая во вниманіе отсутствіе достаточно ясныхъ указаній на то, какія преступленія будутъ въ особенной части уложенія облагаемы заточеніемъ свыше 6 лѣтъ и поселеніемъ, меньшинство полагало оставить 15 и 25 ст. безъ измѣненія.

По соображеніямъ, изложеннымъ въ замѣчаніи Прокурора Орловскаго Окружнаго Суда Хрулева на 15 ст. проекта, онъ не видитъ основанія лишать правъ приговоренныхъ къ заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ и полагалъ бы поэтому исключить изъ 25 и 27 ст. все говорящее о заточеніи. Точно также, по тѣмъ же соображеніямъ, изъ 28 ст. слѣдуетъ исключить слова: «на срокъ отъ одного года до шести лѣтъ», ибо одинаковому лишенію правъ должны подлежать и приговоренные къ заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ.

По поводу 25 ст. проекта большинство чиновъ Смоленской прокуратуры, исходя изъ общей идеи заточенія, какъ наказанія за преступленія, не позорящія, полагало бы необходимымъ не соединять это наказаніе съ послѣдствіями, предполагающими окончательную утрату въ преступникѣ нравственнаго достоинства; такимъ образомъ, изъ 25 ст. должны были бы быть исключены, какъ послѣдствія заточенія, лишеніе сословныхъ правъ и титуловъ, служебныхъ отличій, почетныхъ общественныхъ званій. При этомъ

названные чины единогласно высказываютъ замѣчаніе, что лишеніе права на полученіе пенсіи должно быть вовсе исключено изъ числа послѣдствій наказаній, такъ-какъ право на пенсію составляетъ одно изъ проявленій права собственности, которое Коммисія по составленію новаго уложенія сочла неприкосновеннымъ, такъ что лишеніе его не включено въ число послѣдствій наказаній. При этомъ было бы необходимо исключить изъ редакціи 25 ст. поселеніе, какъ послѣдствіе заточенія, въ виду тѣхъ мотивовъ, которые изложены въ замѣчаніяхъ названныхъ чиновъ на 14 и 21 ст. проекта.

По замѣчанію чиновъ Псковской прокуратуры, 25 ст. проекта создаетъ новое и не достаточно ясное опредѣленіе «титулы почетнаго достоинства». Т. IX свод. зак., упоминая о дворянствѣ въ ст. 17, говоритъ о «титулами отличенныхъ родахъ». Изъ сопоставленія же 25 ст. съ 26 возможно заключить, что Коммисія какъ бы допускаетъ существованіе лицъ, имѣющихъ титулъ почетнаго достоинства и не принадлежащихъ къ сословію дворянъ и почетныхъ гражданъ, такъ какъ, по редакціи 26 ст., приговоренные къ исправительному дому почитаются лишенными . . . . . титуловъ почетнаго достоинства, а дворяне и почетные граждане, сверхъ сего и . . . . .

Въ объяснительной запискѣ нѣтъ разъясненія встрѣченнаго недоразумѣнія и полагать слѣдуетъ, что подъ титулами почетнаго достоинства Коммисія разумѣла дворянскіе, титулами отличенные роды; нынѣ дѣйствующее уложеніе, упоминая о послѣдствіяхъ извѣстнаго рода наказаній, между прочимъ употребляетъ выраженіе: лишеніе почетныхъ титуловъ (23, 43 ст.), что не вызываетъ какихъ-либо сомнѣній; вотъ почему казалось бы правильнымъ, взамѣнъ разбираемаго опредѣленія въ 1 п. 25 ст., включить «и почетныхъ титуловъ», а 26 ст. редактировать такъ: «приговоренные къ исправительному дому признаются лишенными правъ, въ п. 2 ст. 25 поименованныхъ, а дворяне и почетные граждане, сверхъ сего, признаются лишенными принадлежащихъ имъ правъ сословныхъ, почетныхъ титуловъ и . . . .»

По замѣчанію Старшаго Предсѣдателя Кіевской Судебной Палаты, Сенатора И. Н. Орлова, во 2 п. ст. 25 слѣдуетъ упомянуть и объ орденахъ иностранныхъ, согласно изложенному на стр. 91 объяснительной записки.

Люблинскій Окружный Судъ находитъ, что чины, ордена и другіе знаки отличія жалуются не только по службѣ, но и внѣ службы; поэтому выраженіе: «служебныхъ отличій»—неудовлетворительно. Лишеніе пенсіи,

особенно эмеритальной, несправедливо. Она входитъ въ область правъ имущественныхъ (сравн. объясн. зап., стр. 92). Упоминая же о пенсіи, нельзя не упомянуть и объ арендѣ. Состояніе ссыльныхъ вовсе не существуетъ и создать его нельзя. Такъ какъ поселеніе назначается безъ срока, то приписка къ городскому или сельскому обществу приговореннаго къ поселенію не можетъ обусловливаться отбытіемъ онаго. То же соображеніе относится до приговоренныхъ къ каторгѣ и заточенію свыше шести лѣтъ,—наказаній, послѣ которыхъ назначается поселеніе (3 ч., 14 ст.). Вообще содержащееся въ этой части правило нашло бы себѣ лучшее мѣсто въ уставѣ о ссыльныхъ (см. также замѣч. на ст. 16).

Въ ст. 25, п. 2, слѣдуетъ, по мнѣнію чиновъ Рыбинской прокуратуры, выразить во множественномъ, а не единственномъ числѣ, т. е., вмѣсто «государственной» и проч., сказать: «государственныхъ или общественныхъ должностей, ими занимаемыхъ».

По мнѣнію Одесскаго Окружнаго Суда, лицъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ, какъ самостоятельному наказанію, нѣтъ основанія лишать правъ сословныхъ, въ виду самаго характера тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя будутъ караемы ссылкою; сверхъ того, Окружный Судъ признаетъ, что какъ на пенсію, такъ и на эмеритуру, слѣдуетъ смотрѣть не какъ на политическое, а какъ на имущественное право, пріобрѣтенное службою. Въ эмеритурѣ и пенсіи нельзя видѣть награды за службу, какъ выражается объяснительная записка: это, скорѣе и правильнѣе, сбереженіе, образуемое вслѣдствіе вычетовъ, производимыхъ во время службы изъ содержанія. Вслѣдствіе сего и такъ какъ конфискація имущества отвергнута составителями проекта уложенія то слѣдуетъ исключить изъ 25 ст. проекта лишеніе получаемыхъ пенсій, равно какъ и права на полученіе таковыхъ за прежнюю службу. Къ указанному основанію слѣдуетъ прибавить, что лишеніе пенсіи или выслуженнаго права на нее, точно также какъ и лишеніе другаго имущества, если не исключительно, то преимущественно отразится на интересахъ и участіи не самого осужденнаго, а его семьи. Слѣдуетъ лишь и относительно личнаго пользованія пенсіею со стороны осужденнаго установить ограничительныя правила, о коихъ говорится въ 30 ст. проекта, по отношенію къ имуществу осужденнаго, дабы пенсія могла служить поддержкою для его семьи.

По поводу ст. 25 и 26 проекта чины Черниговскаго Окружнаго Суда и мѣстной прокуратуры замѣчаютъ слѣдующее: 2 п. 25 и 26 ст., перечисляя права и привилегіи, поражаемыя при смертной казнѣ, каторгѣ, заточеніи на срокъ свыше 6 лѣтъ, поселеніи и отдачѣ въ исправительный домъ, указываютъ, въ числѣ таковыхъ правопораженій, и на выслуженную преступникомъ пенсію. Между тѣмъ лишеніе пенсіи не соотвѣтствуетъ высказанному Коммисіей въ ея объяснительной записке принципу сохраненія за лишеннымъ правъ его правъ имущественныхъ, не стоящихъ ни въ какомъ соотношеніи съ фактомъ преступленія и представляющихъ матеріальный интересъ не только для самаго осужденнаго, но и для его семьи, къ преступленію непричастной. Пенсія, получаемая лицомъ, ее выслужившимъ, и составляющая его имущественное право до смерти, при извѣстныхъ условіяхъ переходитъ по смерти къ его наслѣдникамъ, представляя часто для послѣднихъ единственный источникъ существованія, а потому было бы несправедливо, лишая преступника правъ, т. е. подвергая его, такъ сказать, гражданской смерти, лишать ни въ чемъ неповинную семью его того, что пріобрѣлъ глава этой семьи до совершенія преступленія путемъ долгой и безпорочной службы. Въ этихъ видахъ представлялось бы болѣе послѣдовательнымъ и справедливымъ оставить пенсію въ числѣ правъ, не поражаемыхъ при лишеніи таковыхъ, а лишь ограничить возможность для преступника личнаго ею распоряженія до полнаго отбытія наказанія.

Чины Калужскаго Окружнаго Суда останавливаются на томъ обстоятельствѣ, что ст. 25 проекта, исчисляющая правопораженія, слѣдующія за карою преступника, упоминаетъ и о лишеніи осужденнаго получаемой пенсіи. Такое послѣдствіе преступленія, представляясь справедливымъ относительно самого преступника, не должно, по справедливости, поражать невинное семейство его, чтобы мѣра эта не имѣла характера конфискаціи, и потому было бы желательно право на полученіе пенсіи, уже выслуженной осужденнымъ, переносить на семейство его.

Предсѣдатель Кутаисскаго Окружнаго Суда Кайтмазовъ находитъ, что пенсія составляетъ результатъ служебнаго труда, имѣетъ вполнѣ имущественный характеръ, но такъ какъ фактъ преступленія, какъ это справедливо признано Редакціонною Коммисіею, ни въ какомъ случаѣ не разрушаетъ имущественныхъ правъ осужденнаго, то въ виду этого за послѣднимъ должно быть сохраняемо и право на полученіе пенсіи.

По поводу ст. 28 совѣщаніе чиновъ прокуратуры округа Варшавской Судебной Палаты находитъ, что лишеніе пенсіи лицъ, приговоренныхъ къ наказаніямъ, означеннымъ въ этой статьѣ, представляется непослѣдовательнымъ и несогласуемымъ съ ст. 30, по буквальному смыслу которой право собственности такихъ лицъ ограничивается лишь въ отношеніи распоряженія принадлежащимъ имъ имуществомъ. Къ такому имуществу, а не къ наградамъ, какъ полагаетъ Редакціонная Коммисія, должны быть отнесены особые виды пенсій, образуемые изъ ежегодныхъ, въ теченіи всей службы вычетовъ изъ жалованья; хотя въ законѣ дѣйствительно говорится, что пенсія дается въ награду за безпорочную службу, но выраженіе это имѣетъ значеніе болѣе нравственное, чѣмъ юридическое, въ виду указаннаго выше способа образованія того капитала, изъ котораго производятся пенсіонныя выдачи. Къ той-же категоріи должна быть причислена и эмеритура, составляющая въ Царствѣ Польскомъ для всѣхъ мѣстныхъ уроженцевъ исключительный видъ пенсіи, право на которую ими пріобрѣтается вслѣдствіе 10-ти-процентныхъ, въ теченіи 40 лѣтъ, обязательныхъ вычетовъ изъ получаемого ими содержанія. Тамъ же, гдѣ эмеритура образуется изъ добровольныхъ вкладовъ участвующихъ въ ней лицъ, она уже несомнѣнно составляетъ принадлежащую имъ экономію, скопляемую на началахъ взаимнаго страхованія жизни. Поэтому, какъ бы ни назывались пенсія и эмеритура въ существующемъ законѣ, онѣ все таки составляютъ право, пріобрѣтенное службою и ежегодными денежными взносами, и поэтому отчужденіе его при наложеніи уголовнаго взысканія является въ одинаковой степени противнымъ тому высокому принципу справедливости, который Редакціонною Коммисіею положенъ въ основаніе отмѣны нынѣ дѣйствующаго уголовнаго закона, по которому лица, присуждаемыя къ наказаніямъ, соединеннымъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ, лишаются также и права собственности. Еще болѣе противно этому принципу распространеніе дѣйствія 2 п. 25 ст. на семейства осужденныхъ, которыя такимъ могутъ получать пенсіи «въ награду за службу» своего главы. Независимо отъ сего, постановленіе о лишеніи пенсіи можетъ вызвать недоразумѣнія относительно того, должно ли оно распространяться на эмеритуру, а также на пенсію, существующія въ нѣкоторыхъ изъ общественныхъ и частныхъ учрежденій, такъ какъ въ ст. 22 не сказано, о какой именно службѣ въ ней идетъ рѣчь.

Ст. 25 и 26 проекта остановили на себѣ вниманіе собранія чиновъ прокуратуры Кіевскаго округа въ слѣдующемъ отношеніи: 2-е пункты этихъ статей, перечисляя права и привилегіи, поражаемыя при смертной казни, которыя,

заточеніи на срокъ свыше 6 лѣтъ, поселеніи и отдачѣ въ исправительный домъ, указываютъ въ числѣ таковыхъ и на выслуженную преступникомъ пенсію. Собраніе полагаетъ, что лишеніе пенсіи не соотвѣтствуетъ высказанному Редакціонною Коммисіею, въ ея объяснительной запискѣ, принципу сохраненія за лишеннымъ правъ его правъ имущественныхъ, не находящихся ни въ какомъ соотношеніи съ фактомъ преступленія и представляющихъ матеріальный интересъ не только для самаго осужденнаго, но и для его семьи, къ преступленію непричастной. Пенсія, получаемая лицомъ, ее выслужившимъ, и составляющая его личное имущественное право до смерти, при извѣстныхъ условіяхъ, переходитъ, по смерти, къ его наслѣдникамъ, представляя часто для послѣднихъ единственный источникъ существованія, а потому было бы несправедливо, лишая преступника правъ, т. е. подвергая его, такъ сказать, гражданской смерти, лишать ни въ чемъ неповинную семью его того, что пріобрѣлъ глава этой семьи до совершенія преступленія путемъ долгой и безпорочной службы. Въ этихъ видахъ собраніе находитъ болѣе послѣдовательнымъ и справедливымъ оставить пенсію, выслуженную до совершенія преступленія, въ числѣ правъ, не поражаемыхъ при лишеніи таковыхъ, а лишь ограничить для преступника возможность личнаго ею распоряженія до полнаго отбытія наказанія.

Включать въ число поражаемыхъ правъ—право на получаемую пенсію, а равно и право на полученіе ея за прежнюю службу, не представляется, по мнѣнію чиновъ прокуратуры Казанской Судебной Палаты, не только справедливымъ, но и послѣдовательнымъ системѣ, принятой проектомъ. Пенсія есть, безъ сомнѣнія, право имущественное, а права имущественныя по проекту не поражаются «лишеніемъ правъ».

Въ ст. 25 и 26 проекта слѣдовало бы, по мнѣнію чиновъ прокуратуры Казанскаго Окружнаго Суда, добавить: «семейства приговоренныхъ къ этимъ наказаніямъ не лишаются права на полученіе слѣдуемыхъ имъ по закону частей выслуженной приговореннымъ пенсіи». Съ теченіемъ времени учрежденіе пенсіи болѣе и болѣе приближается къ типу страхованія дохода и принимаетъ характеръ собственныхъ сбереженій, а такъ какъ по проекту никакое наказаніе не сопровождается лишеніемъ имущественныхъ правъ, то надлежало бы сдѣлать приведенное добавленіе, согласно коему, однако, самому приговоренному пенсія не сохраняется, такъ какъ онъ поступаетъ на содержаніе казны.

Ст. 25.

Относительно ст. 25 и 26 проекта чины Тульской прокуратуры замѣчаютъ, что лишеніе права на полученіе пенсій должно быть исключено изъ числа послѣдствій наказаній, такъ какъ право на пенсію составляетъ одно изъ проявленій права собственности, которое Редакціонная Коммиссія сочла неприкосновеннымъ и лишеніе котораго она не включила въ число послѣдствій наказанія.

Въ ст. 25, въ числѣ правъ, которыхъ лишается осужденный, указано право полученія пенсій, какъ слѣдующихъ ему за прежнюю службу, такъ и уже имъ получаемыхъ. Такое постановленіе чины Ярославскаго прокурорскаго надзора находятъ несправедливымъ уже въ виду того, что пенсіи эти по закону назначаются не за хорошее поведеніе, или честность правилъ, а являются результатомъ продолжительной службы, удовлетворяющей условіямъ, требуемымъ для ея полученія, и, конечно, послѣдующіе дурные поступки лицъ, заработавшихъ эту ренту, не должны вліять на ея отнятіе, какъ будто бы это былъ даръ, отнимаемый за несоблюденіе условій, при которыхъ онъ принятъ.

Ст. 25 вызываетъ, со стороны чиновъ Смоленскаго Окружнаго Суда, слѣдующее замѣчаніе: желательно, чтобы наказаніе, со всѣми его послѣдствіями, падало, по возможности, на одного только осужденнаго, а не на лицъ связанныхъ съ нимъ узами родства. Поэтому, лишая осужденнаго права на полученіе заслуженной имъ пенсіи или эмеритуры, законъ не долженъ распространять этого лишенія на его семейство, такъ какъ пенсіи и эмеритуры переходятъ по наслѣдству и, слѣдовательно, составляютъ достояніе не одного того, кто лично заслужилъ ихъ.

По мнѣнію Предсѣдателя и Членовъ Енисейскаго Губернскаго Суда, слѣдуетъ допустить, чтобы лица, лишаемыя, на основаніи ст. 25 проекта уложенія, государственной или общественной должности, ими занимаемой, но обладающія извѣстными знаніями, пріобрѣтенными профессіональнымъ образованіемъ, какъ напримѣръ, инженеры, доктора, адвокаты и проч., не были лишены права пользоваться своими знаніями возмездно или безвозмездно, не нарушая, конечно, условій положенія, опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ. Напримѣръ: если докторъ, сосланный, за какое-либо преступное дѣяніе, не имѣющее отношенія къ его профессіи, на поселеніе, или приговоренный къ каторжныя работы, подаетъ возмездно или безвозмездно помощь больному, т

за это не должно подвергать его отвѣтственности; подобная практика не можетъ быть допущена лишь въ случаяхъ, прямо нарушающихъ порядокъ, которому обвиняемый докторъ долженъ подчиняться. Такъ, каторжникъ-докторъ не можетъ обратить тюрьму въ кабинетъ консультацій, но имѣетъ полное право подать медицинскую помощь своему товарищу или служащему той тюрьмы, гдѣ онъ заключенъ. Словомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникъ несетъ наказаніе не за злоупотребленіе своими профессіональными знаніями, пользованіе ими не должно быть воспрещаемо. Хотя объяснительная записка къ проекту и говоритъ, что о запрещеніяхъ отправлять извѣстную профессію спеціалисту, въ случаѣ осужденія его за злоупотребленія своими знаніями, будетъ сказано въ статьяхъ особенной части уложенія по принадлежности, но, съ другой стороны, она ничего не упоминаетъ о сохраненіи права пользованій своими знаніями въ тѣхъ случаяхъ, когда спеціалистъ осужденъ за общее преступленіе.

Московская Судебная Палата находитъ, что, при обсужденіи ст. 25—27, возникаютъ слѣдующія сомнѣнія:

1) По смыслу ст. 16 проекта, поселеніе назначается безъ срока. Между тѣмъ въ послѣднемъ отдѣлѣ ст. 25 мы читаемъ, что «приговоренные. . . . къ поселенію. . . ., по отбытіи наказанія, приписываются къ городскому или сельскому обществу», т. е., другими словами, по ст. 25 поселеніе является наказаніемъ срочнымъ. Такимъ образомъ, названныя статьи находятся во внутреннемъ противорѣчіи другъ къ другу. При этомъ естественно возникаетъ еще вопросъ: когда слѣдуетъ считать наказаніе отбытымъ, если поселеніе, дѣйствительно, согласно ст. 16, предполагать наказаніемъ безсрочнымъ? Единственный способъ объяснить указанное противорѣчіе представляетъ обращеніе къ ст. 21, во 2 части которой сказано, что «находящіеся на поселеніи, по истеченіи 10 лѣтъ онаго, могутъ получить, по распоряженію Главнаго Тюремнаго Управленія, разрѣшеніе оставить обязательное для нихъ мѣстопребываніе». Если это такъ, если дѣйствительно указанное противорѣчіе ст. 25, а слѣдовательно и 27, находитъ себѣ объясненіе въ ст. 21, въ такомъ случаѣ необходимо было упомянуть объ этомъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній. Но помимо этого, едва-ли можно допустить, чтобы опредѣленіемъ того, отбыто ли наказаніе поселеніемъ или нѣтъ, призванъ былъ служить столь шаткій и ничѣмъ неоправдываемый принципъ, какимъ на практикѣ неизбѣжно окажется разрѣшеніе Главнаго Тюремнаго Управленія оставить осужденному мѣстопребываніе, обязательное для него въ силу судебнаго приговора!

2) Согласно ст. 14 и 15, лица, приговоренныя къ каторгѣ или къ заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ, по отбытіи ими наказанія поселяются въ особо отведенныхъ для того мѣстностяхъ, а по ст. 25 (послѣдняя ея часть) тѣ же лица приписываются къ городскому или сельскому обществу. Вслѣдствіе этого возникаетъ вопросъ: упомянутое въ ст. 14 и 15 поселеніе въ отведенныхъ мѣстностяхъ равносильно ли поселенію, предусмотрѣнному, какъ одинъ изъ видовъ проектированной лѣстницы наказаній, въ п. 4 ст. 2 съ зачисленіемъ поселенныхъ въ состояніе ссыльныхъ? Руководствуясь объяснительной запиской, на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить утвердительно, но и въ этомъ случаѣ опять-таки возникаетъ указанное выше противорѣчіе со ст. 16.

3) Изъ сопоставленія ст. 25 и 26 оказывается, что дворяне и почетные граждане, какъ по той, такъ и по другой статьямъ, лишаются однихъ и тѣхъ же правъ. Между тѣмъ, лица непривилегированныхъ сословій въ обоихъ случаяхъ утрачиваютъ возможность пользоваться своими сословными правами на время отбытія наказанія, такъ какъ, въ силу ст. 25, по отбытіи наказанія, имъ сословныя права ихъ возвращаются: они приписываются къ городскому или сельскому обществу.

Такимъ образомъ, примѣненіе ст. 25 или 26 будетъ имѣть значеніе лишь для нѣкоторыхъ лицъ духовнаго вѣдомства и купеческаго сословія, а именно для тѣхъ изъ нихъ, кои, по основнымъ законамъ о состояніяхъ, не обладаютъ правами ни личнаго дворянства, ни почетнаго гражданства.

Въ виду сказаннаго представлялось бы болѣе удобнымъ соединить обѣ статьи, 25 и 26, въ одну, указавъ въ ней, что лишенію правъ сословныхъ подвергаются лишь лица, принадлежащія къ привилегированнымъ сословіямъ.

Не излишне остановиться при этомъ на разъясненіи значенія лишенія правъ сословныхъ для лицъ непривилегированныхъ, напримѣръ для крестьянина. Будетъ ли это для крестьянина лишеніемъ сословныхъ правъ вообще, или же только по отношенію къ тому обществу, въ составѣ котораго онъ пользовался своими правами? Другими словами—возникаетъ вопросъ о томъ, обладаетъ-ли крестьянинъ извѣстными сословными правами самъ по себѣ, какъ членъ извѣстнаго сословія, или же, напротивъ, эти сословныя права его пріурочены къ опредѣленному обществу и къ тому земельному надѣлу, лишь обладая которымъ, онъ становится составной частью этого общества?

Въ 1-мъ случаѣ лишеніе правъ, само по себѣ безсрочное, въ виду послѣдней части ст. 25, для крестьянина вовсе не существуетъ, а во 2-мъ случаѣ, послѣдствія наказаній, поименованныхъ въ ст. 25, едва ли могутъ быть названы лишеніемъ сословныхъ правъ!

4) Наконецъ, въ заключеніе нельзя не упомянуть о томъ, что, для опредѣленія правъ сословныхъ, въ Сводѣ Основныхъ Законовъ чаще этого выра-

женія употребляется другое—«права состоянія», тѣмъ болѣе, что терминъ «сословіе» служитъ, кромѣ того, и для опредѣленія другихъ понятій: напримѣръ, Государственный Совѣтъ—сословіе, сословіе Присяжныхъ Повѣренныхъ и т. д.

Чины Вологодскаго Окружнаго Суда указываютъ, что, по послѣдней части 25 ст., «*приговоренные къ* каторгѣ, заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ или *поселенію*, зачисляются въ состояніе ссыльныхъ, а *по отбытіи наказанія приписываются* къ городскому или сельскому обществу». Между тѣмъ, по 16 ст., «*поселеніе назначается безъ срока*». Слѣдовательно, выраженіе «*по отбытіи наказанія* приписываются», въ отношеніи приговоренныхъ *къ поселенію*, противорѣчитъ 16 ст. и возбуждаетъ сомнѣніе въ томъ: когда же приговоренные къ поселенію могутъ приписаться къ городскому или сельскому обществу, если поселеніе есть *безсрочное* наказаніе, а право приписки возникаетъ лишь *по отбытіи* наказанія? Посему было бы необходимо редакцію послѣдней части 25 ст. измѣнить и изложить ее въ слѣдующемъ видѣ:

«Приговоренные къ каторгѣ или заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ зачисляются въ состояніе ссыльныхъ, а по отбытіи наказанія приписываются къ городскому или сельскому обществу. Приговоренные къ поселенію зачисляются въ состояніе ссыльныхъ и, *по прибытіи на мѣсто ссылки*, приписываются къ городскому или сельскому обществу».

По отзыву чиновъ прокурорскаго надзора Московскихъ Судебной Палаты и Окружнаго Суда, редакція ст. 25 и 27 проекта является недостаточно опредѣленною. По первой изъ этихъ статей, приговоренные къ каторгѣ или заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ зачисляются въ состояніе ссыльныхъ и, по отбытіи наказанія, приписываются къ городскому или сельскому обществу, а по второй такія лица, какъ во время отбыванія наказанія, такъ и по отбытіи онаго, признаются лишенными нѣкоторыхъ, перечисленныхъ въ статьѣ правъ: ссыльно-каторжные—въ теченіи 10 лѣтъ, а находившіеся въ заточеніи—въ теченіи 5 лѣтъ. Возникаетъ вопросъ: съ какого времени наказаніе для каторжныхъ и заточенныхъ можетъ быть признано отбытымъ? По буквальному тексту приведенныхъ узаконеній, можно прійти къ заключенію, что отбытіе наказанія для осужденныхъ наступаетъ съ момента выхода ихъ изъ каторжныхъ тюремъ и мѣстъ заточенія, ибо по ст. 25 они только какъ бы на время лишенія свободы зачисляются въ состояніе ссыльныхъ, а затѣмъ, по отбытіи

наказанія, т. е. по окончаніи срока содержанія подъ стражею, приписываются къ городскому или сельскому обществу; по статьѣ же 27-й они признаются ограниченными въ правахъ во время отбыванія наказанія, слѣдовательно, во время пребыванія въ тюрьмахъ, и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ по выходѣ изъ послѣднихъ. При такомъ толкованіи оказалось бы, что приговоренный, напримѣръ, къ 5-ти-лѣтней каторгѣ, по освобожденіи изъ каторжной тюрьмы, былъ бы ограниченъ въ правахъ, обозначенныхъ ст. 27, въ теченіи 10 лѣтъ, и потомъ, согласно ст. 25, возвратилъ бы себѣ эти права, приписавшись къ городскому или сельскому обществу, а приговоренный, за меньшее преступленіе, къ 5-ти-лѣтнему заключенію въ исправительномъ домѣ не пользовался бы, въ сравненіи съ первымъ осужденнымъ, никакимъ преимуществомъ по отношенію къ сроку возвращенія этихъ правъ.

Правда, на основаніи ст. 14 и 15, преступники, по отбытіи каторги и заточенія, поселяются въ отведенныхъ для нихъ мѣстностяхъ, но это постановленіе не измѣняетъ приведеннаго вывода, и ст. 25 и 27, при сопоставленіи ихъ съ ст. 14 и 15, могутъ быть толкуемы такимъ образомъ, что освобожденные изъ каторги и заточенія немедленно причисляются къ городскому или сельскому обществу, но только въ предѣлахъ отведенной для нихъ мѣстности, такъ какъ выраженіе «поселяются» не означаетъ само по себѣ того, что такія освобожденныя лица переходятъ въ разрядъ поселенцевъ, наравнѣ съ осужденными по ст. 16. Между тѣмъ ст. 31, допускающая учрежденіе надзора надъ освобожденными отъ поселенія, изъ исправительнаго дома и даже тюрьмы, не упоминаетъ въ п. 1 объ освобожденныхъ изъ каторжныхъ тюремъ и мѣстъ заточенія, но во 2 части, которая перечисляетъ сроки надзора, говоритъ и о лицахъ, приговоренныхъ къ означеннымъ наказаніямъ. Очевидно, слѣдовательно, что отбытіе наказанія для каторжныхъ и заточенныхъ не можетъ быть пріурочено къ моменту выхода ихъ на свободу, ибо тогда оказалось бы, что они, по п. 1 ст. 31, пользовались бы привилегіею даже по отношенію къ полицейскому надзору, передъ выходящими изъ исправительнаго дома и тюрьмы; такое же отбытіе, въ виду п. 2 ст. 31, можетъ наступить лишь по отбытіи поселенія въ случаяхъ, указанныхъ ст. 21. Поэтому-то въ 1 части ст. 31 и упомянуты лишь освобожденные отъ поселенія, но подъ ними нужно разумѣть и поселенцевъ въ собственномъ смыслѣ слова, и тѣхъ, которые перешли въ состояніе поселенцевъ, по окончаніи срока содержанія въ каторжныхъ тюрьмахъ и заточеніи. Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что точный смыслъ ст. 14, 15, 25, 27 и 31 проекта можетъ быть выведенъ только изъ совмѣстнаго толкованія ихъ, а это положеніе, въ свою очередь, доказываетъ, что редакція означенныхъ статей и невполнѣ удачна, и неопредѣленна. Всѣ недоразумѣнія и сомнѣнія могли бы быть устранены,

по мнѣнію Московской прокуратуры, если бы ст. 25 и 27 были изложены въ слѣдующемъ видѣ:

«Ст. 25. Приговоренные къ смертной казни, каторгѣ, заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ, или поселенію, признаются лишенными:

1) правъ сословныхъ и титуловъ почетнаго достоинства;

2) духовнаго сана, государственныхъ или общественныхъ должностей (*), ими занимаемыхъ, служебныхъ отличій, какъ-то: чиновъ, орденовъ и другихъ жалуемыхъ правительствомъ знаковъ отличія; почетныхъ общественныхъ званій; дальнѣйшаго полученія пенсій и права на полученіе таковыхъ за прежнюю службу.

Приговоренные къ каторгѣ, заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ или поселенію, зачисляются въ составъ ссыльно-поселенцевъ и, по отбытіи поселенія, приписываются къ городскому или сельскому обществу».

Ст. 26—безъ измѣненій.

«Ст. 27. Приговоренные къ каторгѣ, заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ, поселенію или исправительному дому, какъ во время пребыванія въ мѣстахъ заключенія и на поселеніи, такъ и по отбытіи сихъ наказаній,—приговоренные къ каторгѣ или исправительному дому въ теченіи 10 лѣтъ, а приговоренные къ заточенію или поселенію въ теченіи 5 лѣтъ,—признаются лишенными правъ:

1) быть избирателями или избираемыми въ земскихъ, городскихъ, сословныхъ или иныхъ общественныхъ собраніяхъ;

2) поступать на государственную службу;

3) поступать на службу въ армію или флотъ;

4) записываться въ гильдіи;

5) быть опекунами или попечителями;

6) быть начальствующими, воспитателями или учителями въ общественномъ или частномъ учебномъ заведеніи;

7) быть третейскими судьями, присяжными засѣдателями, присяжными повѣренными или повѣренными по дѣламъ, производящимся въ правительственныхъ или общественныхъ установленіяхъ;

8) быть свидѣтелями при всѣхъ договорахъ и актахъ, требующихъ свидѣтельской скрѣпы».

При такомъ изложеніи, въ ст. 27, кромѣ чисто редакціонныхъ попра-

---

(*) Такъ какъ лицо, приговариваемое къ одному изъ перечисленныхъ въ настоящей статьѣ наказаній, можетъ занимать не одну только, а нѣсколько должностей, какъ государственныхъ, такъ и общественныхъ, то въ этомъ словѣ единственное число замѣнено множественнымъ.

вокъ, въ видахъ большей точности текста, и прибавленія съ тою же цѣлью слова «всѣхъ» (п. 8), признано необходимымъ добавить въ п. 1 выраженіе «и иныхъ общественныхъ собраній», такъ какъ подъ понятіе собраній земскихъ, городскихъ и сословныхъ не можетъ быть подведенъ цѣлый рядъ существующихъ у насъ собраній, допущеніе въ которыя лицъ, только-что отбывшихъ наказаніе каторгою и т. п., являлось бы крайне нежелательнымъ. Таковы, напримѣръ, собранія приходскія, благотворительныя, клубы и проч., гдѣ званіе членовъ или должностныхъ лицъ влечетъ и извѣстное почетное положеніе въ обществѣ, а иногда и нѣкоторую долю власти (церковные старосты и т. д.).—Къ тѣмъ же совершенно выводамъ и по тѣмъ же основаніямъ приходятъ юристы-практики (Судебная Газета, 1883 г., № 33).

Послѣдній отдѣлъ ст. 25 представляется, по мнѣнію прокурорскаго надзора Вологодскаго Окружнаго Суда, неяснымъ относительно времени и мѣста приписки ссыльныхъ. По соображеніи съ ст. 16, 14 и 15 проекта, ст. 25 слѣдовало бы изложить такъ: «приговоренные къ каторгѣ или заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ, по отбытіи срока заключенія, и приговоренные къ поселенію зачисляются въ состояніе ссыльныхъ и, по прибытіи на мѣсто ссылки, приписываются къ городскому или сельскому обществу».

По мнѣнію чиновъ прокуратуры Казанскаго Окружнаго Суда, выраженіе проекта: «зачисляются въ состояніе ссыльныхъ, а по отбытіи наказанія приписываются къ . . . обществу»—возбуждаетъ недоразумѣніе, такъ какъ особаго состоянія ссыльныхъ, и притомъ отдѣльнаго отъ поселенцевъ, не имѣется и такъ какъ зачисленіе въ состояніе ссыльныхъ, послѣ отбытія наказанія, не можетъ быть примѣнено къ поселенію, котораго срокъ отбытія не полагается (ст. 16 проекта).

По поводу правила ст. 25, въ силу коего приговоренные къ каторгѣ, заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ, *или поселенію* зачисляются въ состояніе ссыльныхъ, а *по отбытіи наказанія* приписываются къ городскому или сельскому обществу, чины прокуратуры Самарскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что такъ какъ по ст. 16 поселеніе назначается безъ срока, то представляется неизвѣстнымъ, когда именно считать это наказаніе отбытымъ: отбытіемъ поселенія, очевидно, нельзя считать моментъ, указанный во вто-

рой части ст. 21. То же замѣчаніе, въ отношеніи поселенія, относится и къ ст. 27.

По замѣчанію Уфимскаго Губернскаго Прокурора Мѣщанинова, послѣдній отдѣлъ ст. 25 возбуждаетъ слѣдующее недоразумѣніе: съ какого времени поименованныя въ статьѣ лица поступаютъ въ состояніе ссыльныхъ и сколько времени въ семъ состояніи находятся? Почитаются-ли они ссыльными лишь во время отбыванія личнаго наказанія или-же во все время пребыванія въ ссылкѣ или, наконецъ, лишь во время ограниченія ихъ свободы и правоспособности, указаннаго ст. 21 и 27? Въ теченіи какого времени пребыванія въ Сибири они будутъ подлежать дѣйствію устава о ссыльныхъ? Поселенцы, по истеченіи 10 лѣтъ ссылки, получаютъ право, съ надлежащаго разрѣшенія, оставлять обязательное для нихъ мѣсто пребыванія и, такимъ образомъ, будутъ поставлены въ возможность воспрещеннаго имъ нынѣ перехода въ Европейскую Россію. Будетъ-ли предоставлено имъ право возвращаться въ тѣ мѣстности, изъ коихъ они высланы? Нынѣ такого права, какъ извѣстно, лишены даже лица, высланныя въ Сибирь административнымъ порядкомъ (ст. 896 т. XIV уст. о содерж. подъ страж., по прод. 1876 г.).

Не слѣдуетъ-ли выраженіе этой статьи: «а по отбытіи наказанія» замѣнить такимъ: «и, по отбытіи личнаго наказанія, приписываются къ городскому или сельскому обществу».

Членъ Симферопольскаго Окружнаго Суда Тальбергъ указываетъ, что, согласно ст. 16 проекта, поселеніе назначается безъ срока, между тѣмъ въ ч. 2 ст. 25 говорится, что приговоренный къ поселенію приписывается къ городскому или сельскому обществу «послѣ отбытія наказанія». Является вопросъ: когда поселенецъ считается отбывшимъ наказаніе?

Смотри также приведенное подъ ст. 15 проекта замѣчаніе Архангельскаго Губернскаго Прокурора Крауса.

Статья 26.

Приговоренные къ исправительному дому признаются лишенными титуловъ почетнаго достоинства и правъ, въ пунктѣ 2-мъ статьи 25 поименованныхъ, а дворяне и почет-

ные граждане, сверхъ сего, признаются лишенными принадлежащихъ имъ правъ сословныхъ и, по отбытіи наказанія, **приписываются къ городскому или сельскому обществу.**

По поводу статьи 26 *Н. Д. Сергѣевскій*, въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, замѣтилъ, что лишеніе правъ должно-бы сообразоваться со свойствомъ преступленій, а не съ размѣромъ наказанія, слѣдовательно оно должно-бы быть переведено въ особую часть уложенія. Хотя составители въ объяснительной запискѣ и высказались въ пользу этого взгляда, раздѣляемаго какъ новѣйшею теоріею, такъ и законодательствомъ, но они отказались отъ практическаго его примѣненія.

Если можно считать безспорнымъ, что высшія наказанія: каторга и поселеніе, опредѣляются всегда за позорящія преступленія и что такимъ образомъ можно пріурочить неразрывно съ ними обязательное лишеніе правъ, что будетъ, во всѣхъ почти случаяхъ, соотвѣтствовать свойству самого преступленія, то нельзя того-же сказать объ исправительномъ домѣ, какъ болѣе легкомъ наказаніи, которымъ могутъ быть облагаемы и преступленія неимѣющія позорящаго характера; въ виду этого, по мнѣнію Н. Д. Сергѣевскаго, представлялось-бы болѣе правильнымъ изъяснить статью 26 въ томъ смыслѣ, чтобы указанное въ ней лишеніе правъ не было обязательнымъ послѣдствіемъ присужденія къ исправительному дому, а лишь факультативнымъ зависящимъ отъ усмотрѣнія суда.

А. А. Марковъ возражалъ, что лишеніе правъ правильно соединяется съ тяжкими наказаніями, въ томъ числѣ и съ исправительнымъ домомъ и что цѣль Н. Д. Сергѣевскаго, помимо измѣненія 26 ст., можетъ быть осуществлена, если составители уголовнаго уложенія, въ особенной его части, будутъ слѣдовать системѣ назначенія параллельныхъ наказаній, въ примѣненіи къ тѣмъ преступленіямъ, которыя, по признакамъ своимъ и условіямъ ихъ совершенія, могутъ иногда не заслуживать дополнительнаго наказанія, заключающагося въ лишеніи правъ.

Предложеніе г. Сергѣевскаго объ измѣненіи 26 статьи въ томъ смыслѣ, что лица, приговариваемыя къ исправительному дому, могутъ быть присуждаемы, въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ, или по усмотрѣнію суда, къ лишенію правъ, было отвергнуто большинствомъ 12 противъ 11 голосовъ.

Въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества, *В. В. Синятскій* по поводу 26 ст. проекта высказалъ, что, по его мнѣнію, правила этой статьи должны

быть цѣликомъ распространены и на приговоренныхъ къ тюрьмѣ за кражу, мошенничество и присвоеніе. Уже было говорено и одобрено Обществомъ, что дворяне и почетные граждане, приговоренные за такіе позорящіе проступки, должны быть лишены принадлежащихъ имъ сословныхъ правъ. Очевидно, что невозможно сохранять за воромъ, мошенникомъ и растратчикомъ и остальныя изъ указанныхъ въ ст. 25 правъ, какъ-то: титулы почетнаго достоинства, духовный санъ или должности, служебныя отличія, почетныя общественныя званія и право на полученіе пенсій за прежнюю службу.

Возраженіе противъ этого можетъ, по мнѣнію референта, послѣдовать лишь съ точки зрѣнія процессуальной. Такъ какъ означенныя дѣянія лицъ непривилегированныхъ сословій подлежатъ вѣдомству мировыхъ судебныхъ установленій, то можно находить, что неудобно предоставлять назначеніе праволишеній единоличной судебной власти въ лицѣ мировыхъ судей, которымъ таковое право не принадлежитъ и въ настоящее время. Такое возраженіе, само собой вытекающее изъ предложеннаго правила, едва-ли основательно. Дѣйствительно, дѣйствующіе законы выдѣляютъ изъ вѣдомства мировыхъ судей преступныя дѣянія, влекущія за собой праволишенія, и даже въ общихъ судахъ подчиняютъ ихъ вѣдомству судовъ съ присяжными засѣдателями. Но это постановленіе является естественнымъ послѣдствіемъ того обстоятельства, что, по дѣйствующему законодательству, праволишенія сопровождаютъ лишь важнѣйшія изъ преступныхъ дѣяній, либо дѣянія, хотя и не наиболѣе важныя, но совершенныя лицами привилегированными. Этимъ обстоятельствомъ, безъ сомнѣнія, объясняется и то, что составители Судебныхъ Уставовъ не нашли нужнымъ спеціально мотивировать, почему подсудность дѣлъ общимъ судамъ съ присяжными засѣдателями ставится въ зависимость отъ того, грозитъ-ли за преступное дѣяніе праволишеніе или нѣтъ. По крайней мѣрѣ, въ Судебныхъ Уставахъ, изданныхъ Государственной Канцеляріей, нельзя найти такой мотивировки (изд. второе, часть II, стр. 95—99); встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ лишь указаніе на то, что преступленія, влекущія за собой наказанія, соединенныя съ праволишеніями, подлежатъ вѣдомству судовъ съ присяжными засѣдателями, потому что эти преступленія наиболѣе важныя. Но наиболѣе важными едва-ли они признаются собственно потому, что влекутъ за собой лишеніе правъ. Скорѣе, они представляются таковыми потому, что влекутъ за собою наиболѣе тяжкія *главныя* наказанія; формально-же связана подсудность дѣлъ присяжнымъ засѣдателямъ съ институтомъ праволишеній повидимому потому, что праволишенія сопровождаютъ всѣ наиболѣе тяжкія главныя наказанія дѣйствующаго уложенія. Есть, однако, указаніе на то, что законодательство не при-

*

знало возможнымъ предоставить мировымъ судьямъ назначеніе правопишеній. Помимо выдѣленія изъ подсудности мировыхъ судей дѣлъ о кражахъ, мошенничествахъ и присвоеніи лицъ привилегированныхъ сословій, лишенныхъ сословныхъ правъ лишь съ Высочайшаго разрѣшенія, въ этихъ видахъ были устранены, съ изданіемъ мироваго устава, правопишенія для тѣхъ же проступковъ лицъ низшихъ званій, прежде сопровождавшія эти проступки (Суд. Уст. изд. Госуд. Канц., ч. II, стр. 43—44, и ч. III, стр. 5). Съ одной стороны, признавалось невозможнымъ передать всѣ эти проступки въ вѣдѣніе общихъ судовъ, которымъ они были-бы не по силамъ; съ другой, находили также невозможнымъ предоставить мировымъ судьямъ лишать правъ. Для выхода изъ затрудненія былъ придуманъ чисто искусственный выходъ—устраненіе лишенія правъ для проступковъ кражи, мошенничества и присвоенія, совершаемыхъ лицами непривилегированныхъ сословій. Не говоря объ искусственности такой мѣры, позволительно усумниться въ самой принципіальной правильности мысли о невозможности предоставить мировымъ судамъ назначать правопишенія, по крайней мѣрѣ, для лицъ непривилегированныхъ сословій. Эта точка зрѣнія придаетъ правопишенію неподобающее значеніе, ставя его на первый планъ и устраняя на задній планъ главное наказаніе. Между тѣмъ едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что для громаднаго большинства лицъ, особенно для простолюдиновъ, несравненно тяжелѣе подвергнуться тюремному заключенію, которое можетъ быть назначаемо мировымъ судьей до полутора года, чѣмъ лишиться публичныхъ правъ. Сверхъ того, законодательство, повидимому, упускаетъ изъ виду, что въ дѣйствительности наши мировые судьи лишаютъ правъ, какъ въ виду фактически установившихся условій общественной жизни, такъ и часто по указаніямъ самаго закона. Едва-ли, напримѣръ, возможно, чтобы служащій непривилегированнаго званія, приговоренный за простую кражу мировымъ судьей, сохранилъ должность. Точно также въ отдѣльныхъ законоположеніяхъ можно найти массу правопишеній, сопровождающихъ заключеніе въ тюрьмѣ; такъ напримѣръ, по учрежденію судебныхъ установленій, лицо, приговоренное къ тюрьмѣ, лишается (притомъ даже не срочно, а навсегда) права быть мировымъ судьей, присяжнымъ засѣдателемъ и занимать коронныя должности по судебному вѣдомству, кромѣ должности судебныхъ приставовъ; по городовому положенію и положенію о земскихъ учрежденіяхъ, не могутъ быть избирателями и избираемыми въ городскихъ и земскихъ собраніяхъ лица, приговоренныя мировымъ судьей за кражу, мошенничество, или присвоеніе и т. д.

По этимъ основаніямъ, находя, что подсудность преступныхъ дѣяній должна опредѣляться характеромъ дѣяній и родомъ главныхъ наказаній,

назначаемыхъ за оныя, а не въ зависимости отъ дополнительнаго наказанія въ видѣ праволишенія, референтъ не усматривалъ процессуальныхъ препятствій къ распространенію лишенія правъ на проступки кражи, мошенничества и присвоенія, подсудные мировымъ судьямъ. Принципіальная-же правильность таковаго распространенія едва-ли можетъ быть оспариваема. Къ этому референтъ присовокупилъ, что, повидимому, и Коммисія допускаетъ назначеніе праволишеній мировымъ судьей, такъ какъ, по 28 ст. проекта, устанавливается лишеніе правоспособности (по ст. 27) для приговоренныхъ къ тюрьмѣ, «въ случаяхъ, указанныхъ закономъ», причемъ, по всей вѣроятности, преимущественно имѣются въ виду приговоренные къ тюрьмѣ именно за кражу, мошенничество и присвоеніе.

Референтъ полагалъ, поэтому, изложить ст. 26 въ слѣдующей редакціи: «приговоренные къ исправительному дому, а также приговоренные къ тюрьмѣ за кражу, мошенничество или присвоеніе, признаются лишенными» и т. д.

Предложеніе это принято большинствомъ 12 голосовъ противъ 2 (*).

Къ дворянамъ и почетнымъ гражданамъ, признаваемымъ лишенными сословныхъ правъ, слѣдуетъ, по мнѣнію Старшаго Предсѣдателя Кіевской Судебной Палаты, присоединить еще и лицъ духовнаго званія, также пользующихся особыми сословными правами и подлежащихъ лишенію оныхъ.

По замѣчанію Тульскаго Окружнаго Суда, ст. 26 не возбуждаетъ какихъ либо неудобствъ въ примѣненіи и только въ концѣ, для огражденія правъ общества на добровольный пріемъ къ себѣ новыхъ членовъ, совершаемый извѣстнымъ порядкомъ, слѣдовало-бы прибавить: «съ согласія послѣднихъ», т. е. приписка къ городскому или сельскому обществу можетъ состояться по ходатайству лица, отбывшаго наказаніе, только съ согласія послѣднихъ. Засимъ, если-бы приведенныя подъ 25 статьею проекта замѣчанія Тульскаго Суда были приняты составителями новаго уложенія, то въ статьѣ 26, вмѣсто словъ: «и правъ, въ п. 2 ст. 25 поименованныхъ», слѣдовало-бы помѣстить самый перечень поражаемыхъ правъ по 2 пункту.

(*) Гг. Френкель и Кусиковъ.

При обсужденіи чинами прокуратуры Варшавскаго Окружнаго Суда текста ст. 26, нѣкоторые члены собранія обратили вниманіе на то, что въ этой статьѣ проводится различіе между привилегированными и непривилегированными лицами, причемъ для привилегированныхъ назначается болѣе строгое наказаніе. На это другіе члены собранія возразили, что необходимость подобнаго различія вызывается самымъ фактомъ существованія привилегированныхъ сословій, принадлежность къ коимъ, по отбытіи позорящихъ наказаній, не должна быть допускаема.

Засимъ статья 26 принята единогласно.

Прокуроръ Владикавказскаго Окружнаго Суда Чинчинадзе указываетъ, что проектъ общей части уложенія, стремясь къ проведенію начала равной отвѣтственности всѣхъ передъ закономъ, обусловленной, какъ это выражено въ мотивахъ Редакціонной Коммисіи подъ 2 и 3 ст., не принадлежностью къ тому или другому сословію, а индивидуальною обстановкою и особенностями виновности, и, устранивъ засимъ различіе наказуемости по сословіямъ, этимъ самымъ естественно внесъ весьма цѣнный вкладъ въ наше законодательство.

Не подлежитъ сомнѣнію, что различіе наказуемости по сословіямъ, дѣлаемое дѣйствующимъ уложеніемъ, не можетъ не быть признано аномальнымъ и не соотвѣтствующимъ принципу равенства всѣхъ передъ закономъ, и потому, конечно, было-бы желательно, чтобы начало равной отвѣтственности всѣхъ передъ закономъ было послѣдовательно проведено въ новомъ уложеніи. Между тѣмъ, изъ ст. 26 проекта г. Чинчинадзе усматриваетъ, что проектъ уложенія, признавая и вводя означенный принципъ, въ то же время дѣлаетъ нѣкоторыя въ этомъ отношеніи изъятія, а именно: въ то время, когда для приговоренныхъ къ исправительному дому установляетъ лишеніе титуловъ почетнаго достоинства и правъ, въ п. 2 ст. 25 поименованныхъ, для дворянъ и почетныхъ гражданъ, кромѣ того, установляетъ лишеніе принадлежащихъ имъ правъ сословныхъ.

Если разъ законъ признаетъ одинаковую отвѣтственность всѣхъ передъ закономъ, то онъ долженъ установить и одинаковую наказуемость, безразлично къ какому бы сословію обвиняемый ни принадлежалъ, при чемъ, само собою разумѣется, эта одинаковость наказанія должна въ равной мѣрѣ распространяться какъ на главныя, такъ и на дополнительныя наказанія, и потому, если для непривилегированныхъ законъ установляетъ исправительный домъ и лишеніе титуловъ почетнаго достоинства и правъ, въ п. 2 ст. 25 поименованныхъ, то, въ силу равенства всѣхъ передъ закономъ, это же наказаніе

должно быть установлено и для привилегированныхъ; иначе, опредѣляя для этихъ послѣднихъ, кромѣ означеннаго наказанія, еще и лишеніе правъ сословныхъ,—законъ естественно станетъ въ противорѣчіе съ принципомъ равенства всѣхъ передъ закономъ.

Поэтому и находя, что для установленія какого-бы ни было различія въ наказаніи для привилегированныхъ лицъ не представляется уважительныхъ причинъ, г. Чинчинадзе полагаетъ, что, въ видахъ полнаго осуществленія принципа равенства всѣхъ передъ закономъ, слѣдовало-бы изъятіе, сдѣланное въ отношеніи дворянъ и почетныхъ гражданъ, совершенно исключить изъ ст. 26 уложенія.

См. также приведенныя подъ ст. 25 замѣчанія чиновъ Московской Судебной Палаты, Самарскаго, Костромскаго и Черниговскаго Окружныхъ Судовъ, Кіевской, Казанской, Псковской и Тульской прокуратуры.

Статья 27.

Приговоренные къ каторгѣ, заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ, поселенію или исправительному дому, какъ во время отбыванія наказанія, такъ и по отбытіи онаго,—приговоренные къ каторгѣ или исправительному дому въ теченіи десяти лѣтъ, а приговоренные къ заточенію или поселенію въ теченіи пяти лѣтъ,—признаются лишенными права:

1) быть избирателемъ или избираемымъ въ земскихъ, городскихъ или сословныхъ собраніяхъ;

2) поступать на государственную службу;

3) поступать на службу въ армію или флотъ;

4) записываться въ гильдіи;

5) быть опекуномъ или попечителемъ;

6) быть начальствующимъ, воспитателемъ или учителемъ въ общественномъ или частномъ учебномъ заведеніи;

7) быть третейскимъ судьею, присяжнымъ засѣдателемъ, присяжнымъ повѣреннымъ или повѣреннымъ по дѣламъ, производящимся въ правительственныхъ или общественныхъ установленіяхъ;

8) быть свидѣтелемъ при договорахъ или какихъ-либо актахъ, требующихъ свидѣтельской скрѣпы.

Въ ст. 27 профессора Гейера поразили два постановленія, которыя не согласуются съ правильнымъ исходнымъ воззрѣніемъ Коммисій, по которому,

предметомъ наступающихъ, въ видѣ наказанія, правопораженій должны быть только права публичныя, а не частныя. Онъ разумѣетъ постановленіе п. 6 ст. 27, по которому въ наказаніе теряется право быть начальствующимъ воспитателемъ или учителемъ въ *частномъ* учебномъ заведеніи, и п. 8-го, говорящаго о правѣ «быть свидѣтелемъ при договорахъ или какихъ-либо актахъ, требующихъ свидѣтельской скрѣпы». Послѣднее постановленіе можетъ превратиться не въ наказаніе для преступника, но въ затрудненіе для юридической дѣятельности лицъ, непричастныхъ преступленію, и нерѣдко будетъ дѣлать невозможными для послѣднихъ заключеніе или доказательство юридическихъ сдѣлокъ, т. е. наносить тяжелый ущербъ невиннымъ.

Признавая вполнѣ цѣлесообразною и правильною постановку вопроса о лишеніи правъ, профессоръ Миклашевскій не можетъ не обратить вниманія на недоразумѣнія, могущія встрѣтиться по поводу редакціи пп. 2 и 5. По 2 п. рождается вопросъ: лишеніе права поступать на государственную службу распространяется-ли и на службу по вольному найму или нѣтъ? А по 5 п.—лишеніе права быть опекуномъ или попечителемъ распространяется-ли и на собственныхъ дѣтей, а также на право быть членомъ семейнаго совѣта?

Такъ какъ пораженіе правъ относится къ сферѣ, предполагающей особое довѣріе, то по 5 п. слѣдовало-бы расширить редакцію на исключеніе и собственныхъ дѣтей; соображая-же, что отбывшему наказаніе и такъ очень трудно снискать себѣ средства къ существованію и содержаться на свои заработки, что исполненіе обязанностей, возлагаемыхъ на вольнонаемныхъ, обыкновенно не требуетъ особеннаго къ нимъ довѣрія, и что выборъ вольнонаемныхъ все-таки зависитъ отъ непосредственнаго ихъ начальства, г. Миклашевскій полагалъ-бы, что редакцію 2 п. слѣдовало-бы съузить, не лишая эту категорію лицъ права искать мѣстъ по вольному найму, даже въ государственныхъ учрежденіяхъ.

По поводу 27 ст. профессоръ Будзинскій замѣчаетъ, что онъ находитъ совершенно излишнимъ энциклопедическій перечень ограниченій правоспособности, такъ какъ въ этомъ отношеніи довольно указать на ограниченіе въ пользованіи политическими правами, и такъ какъ остальныя ограниченія указаны въ подлежащихъ законахъ и уставахъ. Такой правильный взглядъ выраженъ уже бразилійскимъ уложеніемъ (ст. 53), а затѣмъ кодексами норвежскимъ 1842 г. (I, 14), шведскимъ 1864 г. (II, 19), датскимъ 1866 г., ст. 33,

венгерскимъ, ст. 54 и швейцарскихъ кантоновъ Граубюнденъ 1851 г. (17), Бернъ 1866 г. (ст. 18, 19), Глярусъ 1867 г. (9), Швицъ 1869 г. (15), Базель 1872 г. (6, 7), Цюрихъ 1870 (в, 20) и Цугъ 1876 г. (4).

Но не съ одной только формальной точки зрѣнія можно, по мнѣнію г. Будзинскаго, сдѣлать возраженіе на редакцію 27 ст. Лишеніе права быть третейскимъ судьею или повѣреннымъ по дѣламъ можетъ стѣснять свободу гражданъ, которые, не смотря на понесенное преступникомъ наказаніе, могутъ имѣть къ нему исключительное довѣріе.

Профессоръ Тальбергъ замѣчаетъ, что для него представляется непонятнымъ различіе между пп. 2 и 3 ст. 27; развѣ служба въ арміи или флотѣ не есть та-же государственная служба?

Г. Ц. Я. (Юридическій Вѣстникъ, 1883 г., № 8) находитъ, что ст. 27 проекта возбуждаетъ недоумѣніе относительно момента «отбытія поселенія». Если такимъ моментомъ для ссыльныхъ считать полученіе имъ разрѣшенія оставить обязательное мѣсто пребыванія, то ссыльный, пожелавшій остаться на мѣстѣ ссылки, никогда не будетъ пользоваться правами, поименованными въ 27 ст., тогда какъ ссыльный, исходатайствовавшій разрѣшеніе оставить ссылку, правами этими воспользуется. Очевидно, подъ отбытіемъ поселенія или ссылки, въ смыслѣ 27 ст., слѣдуетъ считать прибытіе ссыльнаго въ ссыльный округъ. Начало это и должно быть выражено опредѣленно въ слѣдующей 28 ст., опредѣляющей послѣдствія непродолжительнаго заточенія; 3 п. 27 ст. можетъ быть исключенъ, какъ составляющій развитіе 2 п., а послѣдній слѣдовало-бы распространить указаніемъ въ немъ и общественной службы, такъ какъ по 27 ст., въ настоящемъ ея видѣ, можно, напр., занимать должность земскаго врача, но нельзя вести по довѣренности дѣла въ губернской или уѣздной земской управѣ; 1 п. также слѣдовало-бы распространить воспрещеніемъ вообще участвовать въ собраніяхъ и изложить 27 ст. такъ: «Приговоренные къ каторгѣ и исправительному дому, какъ во время отбыванія наказанія, такъ и по отбытіи онаго, въ теченіи десяти лѣтъ, признаются лишенными правъ:

1) участвовать въ земскихъ, городскихъ или сословныхъ собраніяхъ;

2) поступать на государственную или общественную службу;

3) записываться въ гильдіи».

Въ 4, 5, 6 и 7 пп. слѣдовало-бы поименовать права, перечисленныя въ 5, 6, 7 и 8 пп. 27 статьи.

Въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, по поводу ст. 27 и 28 ст. *П. А. Александровъ* сдѣлалъ предложеніе объ измѣненіи ихъ въ томъ смыслѣ, чтобы лишеніе дѣеспособности для лицъ, приговариваемыхъ къ заточенію, исправительному дому и поселенію, было факультативно, причемъ опредѣленіе самаго срока лишенія зависѣло-бы отъ усмотрѣнія суда; предложеніе это было принято собраніемъ (13 голосовъ противъ 4 по каждому изъ этихъ трехъ наказаній).

По поводу редакціи 27 ст. *П. А. Александровъ* указывалъ на нѣкоторую неточность ея, такъ какъ слово «онаго» можетъ относиться и къ каторгѣ и поселенію, составляющему обязательное дополненіе къ этому наказанію. При преніяхъ обнаружено, что это возраженіе устраняется разсужденіями, содержащимися въ объяснительной запискѣ.

Н. Б. Хвостовъ предложилъ ограничить лишеніе правъ для лицъ, приговоренныхъ къ исправительному дому, и понизить его до пяти лѣтъ, но предложеніе это не было принято.

Проводя послѣдовательно усвоенный Коммисіею взглядъ на наказанія заточеніемъ и ссылкою, Коммисія Новороссійскаго Юридическаго Общества находитъ нужнымъ исключить ихъ и изъ этой статьи, въ которой, кромѣ того, предлагаютъ вычеркнуть пунктъ восьмой, такъ какъ онъ находитъ, что лишеніе права свидѣтельской скрѣпы на актахъ и договорахъ, не представляя никакого лишенія самому преступнику, можетъ служить большимъ лишеніемъ для третьихъ, совершенно невинныхъ лицъ, отъ которыхъ совершаются эти акты и договоры.

Съ постановленіемъ Коммисіи не согласился *А. В. Волковъ*, который считалъ нужнымъ оставить въ силѣ ст. 27, за исключеніемъ пп. 5 и 8 по отношенію къ заточенію и ссылкѣ.

Въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества, *В. В. Смирновъ* высказалъ, что ст. 27, въ отличіе отъ 25 и 26 ст., касающихся лишенія пріобрѣтенныхъ правъ, говоритъ о лишеніи правоспособности на будущее время, причемъ назначаетъ это лишеніе, какъ и слѣдуетъ, не на всегда, а на извѣстные сроки. Затѣмъ, въ виду соображеній, высказанныхъ по поводу ст. 26, референтъ полагалъ исключить изъ статьи приговоренныхъ къ заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ и къ поселенію и, напротивъ, распространить правила ея на приговоренныхъ къ тюрьмѣ за кражу, мошенничество и присвоеніе, изложивъ статью въ слѣдующемъ видѣ:

«Приговоренные къ каторгѣ или исправительному дому, а также приговоренные къ тюрьмѣ за кражу, мошенничество или присвоеніе, какъ во время..... десяти лѣтъ, а приговоренные къ тюрьмѣ за кражу, мошенничество или присвоеніе въ теченіи пяти лѣтъ, признаются» и т. д.

Предложеніе это принято единогласно, а по возбужденному вопросу о томъ, не должно-ли рецидивистовъ лишать правъ не на опредѣленные сроки, а на всегда, голоса раздѣлились по-ровну, именно семеро (*) лицъ признали это необходимымъ и семеро (**) не усматривали въ этомъ надобности.

По замѣчанію Оберъ-Прокурора Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената А. В. Иванова, ст. 27 проекта обусловливаетъ пораженіе правоспособности осужденнаго не сущностью и свойствомъ преступнаго дѣянія, условіями и мотивами его совершенія, а родомъ отбытаго наказанія. Принятіе столь формальнаго начала Коммисія (см. объясн. зап., стр. 94) оправдываетъ техническими затрудненіями и неудобствомъ осложненія кодекса перечисленіемъ всѣхъ преступленій, влекущихъ за собою пораженіе правоспособности. Но съ такимъ взглядомъ трудно согласиться. Особеннаго осложненія кодекса перечисленіемъ всѣхъ случаевъ пораженія правоспособности едва-ли можно опасаться. Если въ концѣ каждаго раздѣла [illegible]ной части уложенія, какъ это и принято въ венгерскомъ, нидерландскомъ [illegible]другихъ уголовныхъ кодексахъ, будетъ помѣщена спеціальная статья, [illegible]чъ, какія изъ перечисленныхъ въ томъ раздѣлѣ преступленій влекутъ пораженіе правоспособности, то такихъ статей, весьма краткихъ [illegible] содержанію, наберется, вѣроятно, около 30 (въ венгерскомъ [illegible]ул[illegible]тей—23, а въ нидерландскомъ—28, въ томъ числѣ въ [illegible]девяти [illegible]ексту статьи прибавлена лишь фраза: «можетъ быть [illegible]опредѣлено [illegible]ъ, перечисленныхъ въ такой то статьѣ»); казалось-бы, что эти три [illegible]гатей не особенно осложняютъ кодексъ, но за то внесеніе ихъ въ уложеніе дастъ возможность болѣе строго провести начало соотвѣтствія наказанія и его послѣдствій съ преступностью дѣянія. Съ другой стороны, справедливость установленія для всѣхъ лицъ, осужденныхъ за совершеніе извѣстнаго преступнаго дѣянія, одного общаго срока лишенія

(*) Гг. Андреевъ, Арцруни, Н. Смиттенъ, Воюцкій, Крашенинниковъ, Козловъ и Быковъ.

(**) Гг. В. Смиттенъ, Сазоновъ, Турковскій, Френкель, Кусиковъ, Дингельштетъ и Квятковскій.

ихъ правоспособности представляется также сомнительною. Кажется, было-бы цѣлесообразнѣе установить для каждаго преступленія наименьшій и наибольшій сроки пораженія правоспособности, предоставивъ суду назначать въ указанныхъ закономъ предѣлахъ, тотъ или другой срокъ, по обстоятельствамъ каждаго даннаго дѣла. Въ виду вышеизложеннаго, первая часть ст. 27 могла-бы быть редактирована, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: «Осужденные, какъ во время отбыванія наказанія, такъ и по отбытіи онаго въ теченіи опредѣленныхъ сроковъ, лишаются, въ указанныхъ закономъ случаяхъ, слѣдующихъ правъ» и т. д. Въ случаѣ принятія подобной редакціи, подлежала-бы соотвѣтственному измѣненію и первая часть ст. 2. Положеніе 4 п. ст. 27, о воспрещеніи осужденнымъ, *по отбытіи* ими наказанія, записываться въ гильдіи,—заимствовано изъ ст. 43 нынѣ дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ. Лишеніе осужденныхъ права записываться въ гильдію имѣло, очевидно, значеніе въ то время, когда купеческое званіе, независимо отъ правъ государственной службы и избирательныхъ правъ, которыхъ осужденный лишался въ силу 1 п. ст. 43,—давало еще другія сословныя права и преимущества. По Своду 1857 г., купеческое званіе освобождало отъ рекрутской повинности (ст. 537 т. IX и 74 т. XI, ч. 2, уст. торг.), отъ тѣлеснаго наказанія (ст. 76 т. XI, ч. 2, уст. торг.) и т. п. Въ настоящее время, съ введеніемъ общей воинской повинности, съ отмѣной тѣлесныхъ наказаній, наконецъ, съ исключеніемъ сословнаго различія изъ сферы уголовнаго права и процесса,—преимущества купеческаго сословія сводятся лишь къ праву государственной службы (ст. 3, п. 5 и 30, т. III, изд. 1876 г.), праву участвовать въ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ (ст. 1964 т. II, ч. I, изд. 1876 г.), освобожденію отъ подушной подати и нѣкоторыхъ повинностей, и, наконецъ, къ правамъ торговли и всякаго рода промысловъ. Правъ избирательныхъ и государственной службы обвиняемый лишается въ силу первыхъ трехъ пунктовъ ст. 27 проекта; освобожденіе отъ подушной подати и нѣкоторыхъ повинностей—не есть, собственно, сословное преимущество, а лишь послѣдствіе замѣны одного налога другимъ, болѣе высокимъ; наконецъ, всѣ преимущества по отношенію къ торговлѣ и промысламъ суть права общегражданскія, права имущественныя. Такимъ образомъ, лишеніе осужденнаго права записываться въ гильдіи имѣло-бы своимъ послѣдствіемъ лишь ограниченіе его общегражданскихъ правъ, ограниченіе его имущественной дѣятельности. Но подобнаго рода положеніе прямо противорѣчитъ тому, высказанному и принятому Коммисіею (см. объясн. зап., стр. 92), началу, что «фактъ преступленія не стоитъ ни въ какомъ соотношеніи съ пораженіемъ имущественныхъ правъ». Конечно, уплата пошлинъ за купеческое свидѣтельство предоставляетъ лицу еще право именоваться купцомъ,

но одно это не должно, казалось-бы, служить основаніемъ къ лишенію осужденнаго права производить торговлю и промыслы въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, доступныхъ лишь лицамъ, уплатившимъ гильдейскія пошлины (т. V, уст. о пошлин., ст. 464, п. 32 и слѣд., по прод. 1876 г.). Притомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что вообще законы, направленные къ ограниченію имущественныхъ правъ какого-либо класса людей, рѣдко достигаютъ предначертанной цѣли, а чаще ведутъ лишь къ обходу этихъ законовъ дѣйствительною жизнью, путемъ разныхъ фиктивныхъ сдѣлокъ, неподдающихся контролю подлежащей власти. Такъ какъ дѣйствіе новаго уложенія должно распространяться на Царство Польское и Остзейскія губерніи (см. ст. 5 и 6 проекта), то лишеніе осужденнаго права быть опекуномъ и попечителемъ (п. 5 ст. 27) слѣдовало-бы распространить и на право быть *членомъ семейнаго совѣта* (ст. 373—375 гражд. улож. Цар. Пол.) и *совѣтникомъ-соопекуномъ* (ст. 286, ч. 3, свод. мѣст. узак. Ост. губ). Къ поименованнымъ въ п. 7 ст. 27 проекта видамъ общественной дѣятельности, требующей особаго довѣрія и не запятнаннаго поведенія, слѣдуетъ присовокупить должности *кураторовъ* (ст. 1906 и слѣд., уст. торг. и 456, торг. код.) *администратора* (ст. 1873, уст. торг.) и *синдика* (ст. 480, торг. код.) Лица эти, завѣдывающія и управляющія, съ утвержденія судебной власти, имуществомъ должника, разбирающія претензіи кредиторовъ, представляющія на судѣ личность должника и т. п., очевидно должны заслуживать не меньшаго довѣрія, должны отличаться не менѣе безупречнымъ поведеніемъ, чѣмъ присяжные повѣренные или третейскіе судьи.

Наконецъ, есть еще одинъ видъ общественной дѣятельности, который не менѣе долженъ быть огражденъ отъ наплыва людей порочныхъ, доказавшихъ свою нравственную несостоятельность. Такою дѣятельностію представляется занятіе *должностей* въ нѣкоторыхъ *кредитныхъ* и *промышленныхъ* акціонерныхъ *обществахъ*. Конечно, законодательство не должно вторгаться въ сферу имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ и обществъ, не должно и не можетъ воспрещать частнымъ лицамъ и обществамъ привлекать, по своему усмотрѣнію, къ дѣятельности людей, признаваемыхъ ими полезными для дѣла,—но оно можетъ и даже обязано ограждать тѣ финансовыя и промышленныя учрежденія, кои состоятъ подъ покровительствомъ и контролемъ государства, тѣ учрежденія, разстройство дѣлъ которыхъ, непосредственно или косвенно, отражается и на интересахъ казны. Такими учрежденіями представляются: желѣзно-дорожныя общества, городскіе общественные банки, земскіе земельные банки и т. п. Подобная мѣра казалась-бы тѣмъ болѣе необходимою, что расхищеніе имуществъ разныхъ общественныхъ учрежденій, въ послѣднее время, приняло у насъ почти эпидемическій

характеръ. Вслѣдствіе сего, А. В. Ивановъ полагалъ-бы лишеніе правоспособности осужденныхъ распространить на занятіе мѣстъ и должностей въ кредитныхъ, промышленныхъ и другихъ учрежденіяхъ, состоящихъ подъ покровительствомъ или контролемъ Правительства, земскихъ учрежденій, городскихъ и сельскихъ обществъ. Положеніе это могло-бы либо составить отдѣльный пунктъ ст. 27 проекта, либо быть пріурочено къ 2 п. той-же статьи.

По замѣчанію Прокурора Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалева, отдѣлъ проекта о лишеніи правъ не отличается желательною ясностью и опредѣленностью. По поводу его возникаютъ слѣдующія недоразумѣнія.

Какое значеніе имѣетъ лишеніе правъ, перечисленныхъ въ 27 статьѣ, и распространяется ли оно на тѣ блага, которыя пріобрѣтены были до осужденія, посредствомъ пользованія этими правами?

1 п. этой статьи, напр., запрещаетъ быть избираемымъ въ земскихъ и городскихъ собраніяхъ, но если осужденный уже ранѣе былъ избранъ на какую-либо должность, то лишается-ли онъ ея; 2 п. запрещаетъ поступать на государственную службу, но должно-ли быть послѣдствіемъ его лишеніе должности по этой службѣ, полученной прежде осужденія. Нужно думать, что нѣтъ, потому что о лишеніи государственной или общественной должности особо упоминается во 2 п. 25 статьи, но, съ другой стороны, при такомъ толкованіи 27 статьи оказалось-бы, что лица, присужденныя къ исправительному дому, могли-бы оставаться опекунами, учителями въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и присяжными повѣренными, если уже были таковыми прежде осужденія, такъ какъ о лишеніи прежде пріобрѣтенныхъ правъ этого рода ни въ 25, ни въ 26 статьяхъ не говорится. Указанныя недоразумѣнія имѣютъ особенное значеніе по отношенію къ тюремному заключенію и заточенію не свыше шести лѣтъ. Въ 28 статьѣ сказано, что приговоренные къ этимъ наказаніямъ, на время заключенія, лишаются означенныхъ въ 27 ст. правъ, но какія это будетъ имѣть послѣдствія: должны-ли быть эти лица удаляемы отъ должностей по службѣ государственной и общественной, отъ званія опекуна, присяжнаго повѣреннаго и т. п., хотя-бы тюремное заключеніе продолжалось всего 2 недѣли, или же они сохраняютъ за собой всѣ эти должности и званія и только не могутъ получать новыхъ назначеній во время отбыванія наказанія? Но если 27 статья не лишаетъ должностей и званій, прежде полученныхъ, то тогда приговоренные къ тюремному заключенію ни въ какомъ случаѣ не могли-бы быть удаляемы отъ должностей, хотя-бы они были приговорены къ лишенію правъ на 5 лѣтъ, что, конечно, не можетъ быть допущено. Если скажутъ, что поводы къ удаленію отъ

должностей должны быть указаны въ подлежащихъ уставахъ, то въ такомъ случаѣ не было-бы основанія упоминать объ этомъ и во 2 п. 25 ст. Кромѣ того, ни въ 27, ни въ 28 статьяхъ не содержится никакого намека на то, чтобы присужденные къ тюремному заключенію и заточенію могли-бы быть лишаемы, въ какихъ-либо случаяхъ, духовнаго сана, хотя Коммисія, повидимому, считала невозможнымъ сохраненіе этого сана лицомъ, присужденнымъ къ означеннымъ наказаніямъ (стр. 177).

Въ видахъ устраненія всѣхъ этихъ противорѣчій и недоразумѣній, г. Москалевъ признавалъ-бы нужнымъ въ изложеніи 27 и 28 статей сдѣлать слѣдующія измѣненія:

въ 27 статьѣ прибавить еще одинъ пунктъ: «быть священно-служителемъ и монашествующимъ»; затѣмъ, пояснить въ ней, что съ утратою означенныхъ въ этой статьѣ правъ соединяется лишеніе должностей и званій, пріобрѣтенныхъ на основаніи этихъ правъ до осужденія;

28-же статью (1 часть) изложить слѣдующимъ образомъ: «приговоренные къ заточенію на срокъ не свыше 6 лѣтъ или къ тюрьмѣ, въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, признаются лишенными означенныхъ въ предшедшей статьѣ правъ на время отбыванія сихъ наказаній и, сверхъ того, на срокъ отъ одного года до пяти лѣтъ».

При такомъ изложеніи указанныхъ статей будетъ ясно, что лишеніе правъ по 27 статьѣ соединяется съ потерею должностей и званій, пріобрѣтенныхъ ранѣе осужденія и что приговоренные къ заточенію и тюрьмѣ лишаются правъ, а слѣдовательно духовнаго сана, различныхъ должностей и званій только въ особо указанныхъ закономъ случаяхъ; но помимо этого, въ видахъ огражденія интересовъ государственной и общественной службы, слѣдовало-бы предоставить подлежащимъ начальствамъ право удалять отъ должностей лицъ, присужденныхъ къ какимъ-либо наказаніямъ, если занятіе этихъ должностей будетъ признано несовмѣстнымъ съ отбытіемъ означенныхъ наказаній. Такое правило, какъ извѣстно, уже установлено по отношенію къ судьямъ (ст. 400 т. II, ч. 1, общ. губ. учр.), но такъ какъ примѣненіе его должно зависѣть отъ усмотрѣнія начальства, то было-бы умѣстнѣе включить его въ уставы дисциплинарные.

По поводу 27 статьи тотъ-же Прокуроръ считаетъ еще нужнымъ замѣтить, что для заточенія и поселенія, какъ назначаемыхъ за преступленія, срокъ лишенія правъ слѣдовало-бы опредѣлить не меньшій, чѣмъ для исправительнаго дома, т. е. десятилѣтній.

Кромѣ того, для большей ясности изложенія, въ статьѣ этой надлежалобы, передъ словомъ «отбытіи», поставить прилагательное: «окончательномъ», для означенія того, что приговореннымъ къ каторгѣ и заточенію срокъ лише-

нія правъ исчисляется не со времени отбытія собственно этихъ наказаній, а по освобожденіи и отъ поселенія.

Изложенное въ статьѣ 27 постановленіе о томъ, что приговоренные къ каторгѣ, заточенію, поселенію и содержанію въ исправительномъ домѣ на время отбыванія ими сего наказанія не могутъ пользоваться исчисленными въ этой статьѣ правами,—представляется, по мнѣнію Нижегородскаго Окружнаго Суда, совершенно излишнимъ, такъ какъ фактъ заключенія въ каторжную тюрьму, крѣпость и исправительный домъ eo ipso лишаетъ ихъ фактической возможности поступать на службу въ армію и во флотъ, быть профессорами, адвокатами и проч.

По мнѣнію Тульскаго Окружнаго Суда, статья 27 представляетъ неудобства въ примѣненіи и въ текстѣ требуетъ нѣкоторыхъ исправленій. Выраженіе просто «каторга» указываетъ какъ на каторгу безъ срока, такъ и на каторгу срочную. Но, по мысли составителей настоящаго проекта (21 статья), «приговоренные къ безсрочной каторгѣ могутъ, за хорошее поведеніе, по истеченіи 15 лѣтъ, быть поселяемы въ отведенныхъ мѣстахъ». Слѣдовательно, каторга безъ срока, обращаясь въ срочную, пятнадцатилѣтнюю, очевидно можетъ быть подведена подъ 27 статью. Однако едва-ли это будетъ справедливо: безсрочная каторга указываетъ на наказаніе за самое тяжкое преступленіе, а между тѣмъ приговоренный къ такой каторгѣ будетъ имѣть одинаковый срокъ на возстановленіе правъ съ приговоренными не только къ каторгѣ на 5 лѣтъ, но и съ приговоренными къ исправительному дому вообще, приговоренный къ каторгѣ безъ срока, получивъ величайшую льготу за хорошее поведеніе, обращеніемъ его, по истеченіи 15 лѣтъ, въ поселенія, затѣмъ уже самъ собою возстановляется въ политическихъ правахъ наравнѣ съ осужденными за неизмѣримо менѣе важныя преступленія. Допуская въ законѣ гуманное отношеніе къ осужденнымъ, слѣдуетъ однако же установить такой предѣлъ гуманности, который-бы указывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на справедливость, потому что въ основаніи не только процесса уголовнаго, но и самаго приговора о наказаніи, должна лежать справедливость не временная, а вліяющая на все дальнѣйшее положеніе осужденнаго въ обществѣ. Поэтому нельзя не сказать, что если законъ и дѣлаетъ разъ каторжнику безъ срока величайшую льготу за его хорошее поведеніе (выраженіе довольно общее и растяжимое), то затѣмъ возстановленіе такого каторжника въ правахъ политическихъ можетъ быть только въ случаяхъ необыкновенныхъ, исключи-

тельныхъ и притомъ дѣйствіемъ Монаршаго милосердія. Вслѣдствіе сего, Окружный Судъ полагалъ-бы прибавить, въ началѣ статьи 27, къ слову «каторгѣ»—слово «срочной», а послѣ слова «каторги» слово «вообще», слова «ссылка на» къ слову «поселеніе» и исключить изъ текста слова: «какъ во время отбытія наказанія, такъ», оставивши союзъ «и» съ замѣною слова «онаго» словомъ «наказанія», потому что многія изъ перечисленныхъ правъ не могутъ принадлежать осужденнымъ во время отбыванія наказанія уже въ силу статей 25 и 26 проекта, а съ исключеніемъ указанныхъ словъ, сохраняя союзъ «и», статья 27 будетъ указывать посредствомъ «и» на лишеніе перечисленныхъ въ ней правъ какъ во время отбытія наказанія, такъ и послѣ отбытія онаго. При такомъ исправленіи, редакція статьи 27 представится въ слѣдующемъ видѣ: «Приговоренные къ срочной каторгѣ вообще, заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ, ссылкѣ на поселеніе, или исправительному дому и по отбытіи наказанія—приговоренные къ каторгѣ или исправительному дому въ теченіи десяти лѣтъ, а приговоренные къ заточенію или поселенію въ теченіи пяти лѣтъ—признаются лишенными права».

Ставропольскій Окружной Судъ находитъ, что упоминаніе въ статьѣ 27 *поселенія*, очевидно, сдѣлано по ошибкѣ, такъ какъ на основаніи 16 ст. проекта оно назначается безъ срока.

По поводу ст. 27 Членъ Симферопольскаго Окужнаго Суда Тальбергъ указываетъ на необходимость точнаго означенія момента отбытія наказанія поселенія. Одно разрѣшеніе административнаго начальства (ст. 21 ч. 2) оставить обязательное мѣстопребываніе, за хорошее поведеніе, едва-ли можно принять за такой моментъ отбытія наказанія.

По мнѣнію чиновъ Казанской Судебной Палаты, лица, лишенныя правъ, указанныхъ въ ст. 25 и 30 проекта, должны быть навсегда лишены и правъ, указанныхъ въ ст. 27. Съ своей стороны Членъ той-же Палаты Галкинъ-Врасскій находитъ, что предположенія проекта, изложенныя въ ст. 27, должны сохранить свою силу для отбывшихъ свои сроки наказанія въ новомъ ихъ мѣстѣ жительства.

Старшій Предсѣдатель Кіевской Судебной Палаты, Сенаторъ И. Н. Орловъ, находитъ, что въ ст. 27 не содержится, при опредѣленіи лишенія правъ на 10 лѣтъ по отбытіи наказаній въ мѣстахъ: заточенія свыше 6 лѣтъ, каторги

всѣхъ сроковъ и поселенія, правильнаго соотвѣтствія этихъ родовъ высшихъ и тяжкихъ уголовныхъ наказаній—со всѣми сроками заключенія въ исправительномъ домѣ; для низшихъ сроковъ заключенія въ исправительномъ домѣ отъ одного года, такія послѣдствія пораженія правъ, непремѣнно на десять лѣтъ, положительно несправедливы, и слѣдовало-бы, для удовлетворенія требованіямъ справедливости, назначить 10 лѣтъ, какъ maximum, опредѣливъ для него и minimum для свободнаго примѣненія судомъ соразмѣрнаго срока сообразно конкретнымъ обстоятельствамъ дѣла. Эта недробимость такого срока пораженія правъ (10 лѣтъ) при всѣхъ срокахъ заключенія въ исправительномъ домѣ, отъ 1 года до 10 лѣтъ, обращаетъ на себя особое вниманіе своей несправедливостью. Сенаторъ И. Н. Орловъ полагаетъ, что для всѣхъ родовъ наказаній, а не только для заключенія въ исправительномъ домѣ, слѣдуетъ въ ст. 27 установить не точно опредѣленный срокъ пораженія правъ, а назначить предѣлы между maximum'омъ и minimum'омъ, предоставивъ суду распорядиться въ этихъ предѣлахъ, сообразно сроку главнаго наказанія и обстоятельствамъ дѣла.

Тифлисская Судебная Палата указываетъ, что, согласно ст. 27, приговоренные къ каторгѣ и къ исправительному дому въ равной мѣрѣ лишаются въ теченіи десяти лѣтъ исчисленныхъ ниже, въ той-же статьѣ, правъ. Въ виду различія этихъ наказаній, какъ по существу ихъ, такъ и по сравнительной важности преступленій, ими караемыхъ (ст. 4 проекта), казалось-бы болѣе справедливымъ, для приговоренныхъ къ исправительному дому назначить *болѣе короткій противъ осужденныхъ на каторгу срокъ лишенія правъ состоянія*.

Ставропольскій Окружной Судъ находитъ, что срочное пораженіе правъ для лицъ, приговариваемыхъ къ каторгѣ и исправительному дому, т. е. за самыя тяжкія и позорящія дѣянія, едва-ли можетъ быть допущено, по крайней мѣрѣ, въ той безусловной для всѣхъ осужденныхъ формѣ, какъ изложено въ проектѣ. Странно встрѣтить предумышленнаго убійцу, грабителя, вора и мошенника, чрезъ 10 лѣтъ, по отбытіи наказанія,—воспитателемъ, учителемъ, присяжнымъ засѣдателемъ, присяжнымъ повѣреннымъ и т. п.—Для этихъ преступниковъ пораженіе правъ должно быть пожизненное. Поэтому было-бы желательно, чтобы общественныя права не возвращались приговореннымъ къ каторгѣ и приговореннымъ къ исправительному дому. Къ такимъ правамъ слѣдуетъ отнести упомянутыя въ пп. 1, 2, 3, 5, 6 и 7 ст. 27.

Предсѣдательствующій Ландратъ Эстляндскаго Оберъ-Ландгерихта фонъ-Фокъ указываетъ, что установляемая ст. 27 продолжительность лишенія правоспособности имѣетъ безусловный характеръ, между тѣмъ какъ въ случаѣ, ст. 28 указанномъ, судья можетъ, по своему усмотрѣнію, назначить срокъ лишенія правоспособности въ предѣлахъ отъ одного года до пяти лѣтъ. По мнѣнію г. фонъ-Фока, было-бы справедливѣе предоставить суду право и при присужденіи виновныхъ къ каторгѣ, тяжкому заточенію, поселенію или заключенію въ исправительный домъ, назначать сроки правопораженія сообразно съ обстоятельствами дѣла, pro casu, и притомъ приблизительно въ предѣлахъ отъ 5 до 12 и отъ 3 до 6 лѣтъ.

Прокуроръ Люблинскаго Окружнаго Суда Полланъ замѣчаетъ, что, при разсмотрѣніи ст. 27 проекта, возникаетъ вопросъ: могутъ-ли поселенцы (ст. 14 и 15), по прошествіи 10 лѣтъ послѣ отбытія каторги и заточенія, пользоваться правами, указанными въ ст. 27, или-же эти 10 лѣтъ считаются съ того времени, когда поселенцы, на основаніи ст. 21, получатъ, по распоряженію Главнаго Тюремнаго Управленія, разрѣшеніе оставить обязательное для нихъ мѣстопребываніе.

Чины Орловскаго Окружнаго Суда находятъ, что ст. 27 изложена недостаточно ясно. Въ проектѣ принята слѣдующая редакція: «приговоренные къ каторгѣ . . . . *какъ во время отбыванія наказанія*, такъ и по отбытіи онаго, признаются лишенными права». Было-бы яснѣе изложить ст. 27 такимъ образомъ: «приговоренные къ каторгѣ . . . . *на все время отбыванія наказанія, а по отбытіи онаго сверхъ того*,—приговоренные . . . . признаются лишенными права . . . . ». Такая редакція вполнѣ согласуется съ ст. 28 проекта, опредѣляющей аналогичный случай, и не заставляетъ прибѣгать къ грамматическому толкованію.

По поводу ст. 27 проекта большинство чиновъ Смоленскаго прокурорскаго надзора высказываютъ мнѣніе, что лишеніе правъ, означенныхъ въ этой статьѣ, по отношенію къ лицамъ, присужденнымъ къ каторгѣ и исправительному дому, т. е. обнаруживающимъ глубокую нравственную испорченность и представляющимъ опасность для общества, должно быть не срочное, а пожизненное, и что лишеніе правъ, означенныхъ въ пп. 5 и 6 ст. 27

должно быть пожизненнымъ также и для лицъ, приговоренныхъ къ заточенію свыше шести лѣтъ.

Пунктъ 4 ст. 27 вызвалъ замѣчаніе со стороны троихъ изъ чиновъ Смоленской прокуратуры, что лишеніе права записываться въ гильдіи ввиду важности этого права и тѣхъ житейскихъ выгодъ, которыя съ нимъ соединены, должно быть вовсе исключено изъ числа, указанныхъ въ ст. 27, послѣдствій наказаній.

Прокурорскій надзоръ Вологодскаго Окружнаго Суда замѣчаетъ, что поселеніе по проекту предполагается въ двухъ видахъ: какъ самостоятельное наказаніе и какъ продолженіе наказанія для лицъ, выдержавшихъ сроки заключенія въ каторгѣ и заточеніи свыше шести лѣтъ. По 16 ст. поселеніе безсрочно, но по второму отдѣлу 21 ст. находящіеся на поселеніи той или другой категоріи, по истеченіи 10 лѣтъ онаго, могутъ получить разрѣшеніе оставить обязательное для нихъ мѣстопребываніе. Всѣ эти правила одинаково распространяются какъ на приговоренныхъ судомъ именно къ поселенію, такъ и на поселенныхъ въ отведенныхъ мѣстностяхъ послѣ отбытія срока каторги или заточенія (*л.* 71 мотив. проекта). Въ прямомъ противорѣчіи съ этими правилами находится, какъ полагаютъ чины Вологодской прокуратуры, редакція 27 ст. проекта, въ силу коей приговоренные къ поселенію какъ во время отбыванія его, такъ и по отбытіи онаго, въ теченіе 5 лѣтъ, признаются лишенными извѣстныхъ правъ. Если поселеніе безсрочно и если приговоренные къ поселенію, во все время отбыванія сего безсрочнаго наказанія должны считаться лишенными правъ, то является вопросъ, съ какого-то времени считать упоминаемый 27 статьею пяти-лѣтній срокъ и не касается ли этотъ срокъ исключительно того случая, когда приговоренному къ поселенію, по истеченіи 10 лѣтъ онаго, будетъ разрѣшено оставить мѣсто поселенія? Вообще редакція этой статьи не точна и возбуждаетъ недоумѣнія. Если выраженія 27 статьи «во время отбыванія наказанія, такъ и по отбытіи онаго,» относятся не до поселенія, а до каторги и заточенія, то редакція 27 ст. должна быть измѣнена такъ: «Приговоренные къ каторгѣ, заточенію свыше шести лѣтъ и исправительному дому какъ во время отбыванія сроковъ заключенія, такъ и по отбытіи оныхъ,—приговоренные къ каторгѣ и исправительному дому, въ теченіе 10 лѣтъ, и приговоренные къ заточенію, въ теченіе 5 лѣтъ, признаются лишенными правъ. . . . Тѣхъ-же правъ признаются лишенными, въ теченіе 5 лѣтъ со дня вступленія приговора въ законную силу, и приговоренные къ поселенію».

Если-же выраженіе 27 ст.: «во время отбыванія наказанія и по отбытіи онаго», относится и до поселенія, то возникаетъ неразъяснимое противорѣчіе съ 16 ст. и представляется единственный случай примѣненія упоминаемаго 27 ст. пяти-лѣтняго срока лишь къ тѣмъ приговореннымъ къ поселенію, которые, по истеченіи 10 лѣтъ, будутъ освобождены отъ него, согласно 2 отд. 21 ст. Посему, если составители проекта, при опредѣленіи въ 27 ст. пяти-лѣтняго срока лишенія правъ, имѣли въ виду освобожденныхъ отъ поселенія, то необходимо объ этомъ упомянуть не въ общей 27 ст., а особенно, въ 21 статьѣ.

Кромѣ того 3 п. 27 ст. долженъ быть исключенъ, такъ какъ служба въ арміи и флотѣ несомнѣнно считается государственною службою, о коей уже упоминается во 2-мъ пунктѣ.

По замѣчанію собранія чиновъ Кишиневскаго Окружнаго Суда и мѣстныхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, статьи 27 и 28 трактуютъ о срочномъ лишеніи правъ по отбытіи уже наказанія, т. е. проводятъ начало о срочномъ пораженіи правоспособности. Въ виду сего, на обсужденіе собранія поставленъ былъ вопросъ: насколько послѣдовательно съ точки зрѣнія Редакціонной Коммисіи распространять срочное пораженіе правоспособности по отбытіи наказанія на лицъ, приговоренныхъ къ заточенію и поселенію? Большинство собранія, руководствуясь соображеніями, приведенными подъ ст. 25 проекта, разрѣшило этотъ вопросъ отрицательно и постановило исключить изъ текста 27 ст. слова «заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ, поселенію». При обсужденіи 7 п. 27 ст., предсѣдательствующій замѣтилъ, что, при нравственномъ значеніи защиты въ уголовномъ процессѣ, было-бы странно и не совмѣстно съ достоинствомъ защиты видѣть въ роли защитника бывшаго каторжника или извѣстнаго вора и потому предложилъ собранію дополнить 7 п. 27 ст. выраженіемъ «и защитникомъ по уголовнымъ дѣламъ», находя, что по существующимъ правиламъ о повѣренныхъ запрещеніе этого права текстомъ 7 п. 27 ст. не предполагается.

Собраніе, раздѣляя правильность такого замѣчанія, постановило: дополнить 7 п. 27 ст. выраженіемъ: «и защитникомъ по уголовнымъ дѣламъ».

Измѣняя въ томъ-же направленіи и на основаніи тѣхъ-же соображеній, изложенныхъ при обсужденіи 25 ст. проекта, 28 ст. того-же проекта собраніе постановило редактировать эту статью слѣдующимъ образомъ: «Приговоренные къ заточенію, поселенію или тюрьмѣ признаются лишенными означенныхъ въ предшедшей статьѣ правъ и права носить принадлежащіе имъ знаки отличія, на время отбыванія сихъ наказаній; приговоренные къ тюрьмѣ, сверхъ того, въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, по особому при томъ усмотрѣ-

нію суда, признаются лишенными сихъ правъ на время отъ одного года до пяти лѣтъ и по отбытіи наказанія».

Люблинскій Окружный Судъ находитъ, что въ ст. 27 слова «на время отбыванія наказанія, такъ и по отбытіи онаго» затемняютъ смыслъ. Ихъ лучше замѣнить словами: «сверхъ времени со дня вступленія приговора въ законную силу до отбытія наказанія». Не мѣшаетъ пояснить: обязанъ-ли судъ всегда, въ подлежащихъ случахъ, о лишеніи правъ постановить въ приговорѣ (ст. 25—28) и простирается-ли на поселеніе, какъ послѣдствіе каторги и заточенія, срокъ пораженія правъ.—Вмѣсто «признаются лишенными права» лучше сказать «лишаются права» (сравн. ст. 33).—Въ перечисленіи правъ п. 1 необходимо дополнить: «или иныхъ общественныхъ» (собраніяхъ), 3 п.—лишній. Служба въ арміи и флотѣ есть государственная (п. 2).

Чины Вологодскаго Окружнаго Суда усматриваютъ неточность редакціи и противорѣчіе съ 16 ст., въ отношеніи приговоренныхъ къ *поселенію*, въ *27 ст.*, гдѣ употреблено выраженіе: «приговоренные къ *поселенію* . . . и *отбытіи онаго*». Посему правильнѣе было-бы 1 ч. 27 ст. изложить такъ:

«Приговоренные къ каторгѣ или исправительному дому, какъ во время отбыванія наказанія, такъ и въ теченіи десяти лѣтъ по отбытіи онаго, приговоренные къ заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ, какъ во время отбыванія наказанія, такъ и въ теченіи пяти лѣтъ по отбытіи онаго, а приговоренные къ поселенію, *со дня вступленія приговора въ законную силу*, признаются лишенными права. . . .»

Независимо отъ сего, изъ той-же 27 ст., слѣдовало-бы исключить 3 пунктъ, лишающій права «*поступать на службу въ армію или флотъ*» такъ какъ служба въ арміи и флотѣ, конечно, не частная и не общественная, а государственная, о воспрещеніи-же «поступать на государственную службу» указано во 2-мъ пунктѣ.

Наконецъ, буквальный смыслъ 2, 3 и 4 пунктовъ 27 ст. даетъ основаніе полагать, что статья эта лишаетъ права: *поступать* на службу и записываться въ гильдіи, но не лишаетъ права *оставаться* на службѣ лицамъ ранѣе поступившимъ и *оставаться* въ гильдіи ранѣе записавшимся; а потому, для устраненія сего неправильнаго буквальнаго толкованія, слѣдовало-бы 2 и 4 п. изложить такъ: 2 п.) *быть* на государственной службѣ, 4) быть записаннымъ въ гильдіи.

По поводу правилъ проекта, перечисляющихъ поражаемыя при извѣстныхъ наказаніяхъ права и преимущества, вытекающія изъ особаго довѣрія къ преступнику общества, чинами Черниговскаго Окружнаго Суда и мѣстной прокуратуры возбуждается вопросъ о томъ, сохраняются-ли за лишеннымъ правъ полученныя имъ ученыя степени и часто связанныя съ таковыми особыя права и преимущества, неупоминаніе объ этомъ въ проектѣ можетъ повести на практикѣ къ недоразумѣніямъ.—Тотъ-же вопросъ возбуждаютъ и чины Кіевской прокуратуры.

По мнѣнію чиновъ Самарскаго прокурорскаго надзора, статьи 27 и 28 совершенно ниспровергаютъ одинъ изъ основныхъ принциповъ главнѣйшихъ законоположеній прошлаго царствованія: для участія въ сельскомъ и волостномъ управленіи въ дѣлахъ земства и городскаго управленія, въ отправленіи правосудія, признавалось необходимымъ пользоваться довѣріемъ общества; такимъ довѣріемъ, предполагалось, не могутъ пользоваться лица, не только осужденныя за преступленія, влекущія за собой тюремное заключеніе или другія болѣе тяжкія наказанія, но и лишь судившіяся за такія преступленія и не оправданныя судебными приговорами. Вслѣдствіе этого, всѣ такія лица не могутъ быть избираемы: по положенію о крестьянахъ—въ сельскія и волостныя должности, по земскому и городовому положеніяхъ—въ земскіе и городскіе гласные и въ члены земскихъ и городскихъ управъ, по судебнымъ уставамъ въ присяжные засѣдатели и присяжные повѣренные. Проектъ уложенія возвращаетъ или даруетъ довѣріе всѣмъ осужденнымъ, даже каторжникамъ, допуская ихъ, по истеченіи извѣстныхъ сроковъ, ко всѣмъ означеннымъ должностямъ, а приговоренныхъ къ тюрьмѣ даже тотчасъ по отбытіи ими этого наказанія, тотчасъ по выходѣ изъ тюрьмы, съ званіемъ поднадзорныхъ (ст. 31 и 32) со всѣми присущими этому званію (ст. 32) ограниченіями, садитъ на кресло присяжныхъ засѣдателей судить, можетъ быть, ихъ-же бывшихъ сотоварищей по заключенію. Какимъ довѣріемъ, какимъ авторитетомъ будетъ пользоваться судъ присяжныхъ, когда въ числѣ ихъ будутъ лица, недавно вышедшія изъ тюрьмы.—См. также приведенное подъ 25 ст. замѣчаніе названныхъ чиновъ прокуратуры.

Въ ст. 27, при перечисленіи правъ, коихъ лишаются въ извѣстныхъ случаяхъ преступники, казалось-бы, по мнѣнію Уральскаго Областнаго Про-

курора Юнѣева, не лишнимъ въ пунктѣ 1 упомянуть и о правахъ избирательныхъ въ обществахъ инородческихъ племенъ. Дѣйствію уложенія подлежатъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ (судимость народнымъ обычнымъ судомъ), и инородческія племена, населяющія нѣкоторыя области Россіи (напр. киргизы) и имѣющія извѣстнаго рода общественное устройство, племена, притомъ, не причисляемыя къ «сословіямъ» городскимъ и сельскимъ (ст. 1 и 2, зак. о сост., Т. IX Свод. Зак.). Между тѣмъ, собранія (или сходы) въ обществахъ этихъ племенъ, по значенію и цѣли ихъ (для различныхъ выборовъ), совершенно сходны съ собраніями (или сходами) крестьянъ. И этому вполнѣ справедливо и цѣлесообразно охранять извѣстнымъ образомъ и инородческія общества отъ членовъ, опороченныхъ судомъ за извѣстныя преступныя дѣянія. Въ сихъ соображеніяхъ и въ видахъ наибольшей ясности Уральскій Прокуроръ предлагаетъ пополнить 1 пунктъ 27 ст., напр., такимъ образомъ: «быть избирателемъ или избираемымъ въ земскихъ, городскихъ, сословныхъ и *инородческихъ* собраніяхъ.

По мнѣнію чиновъ Рыбинской прокуратуры, статью 27 п. 1 было-бы правильнымъ дополнить послѣ слова: «городскихъ, сословныхъ», прибавивъ: «и иныхъ общественныхъ собраніяхъ».

По мнѣнію Бакинскаго Окружнаго Суда, 3 п. ст. 27 проекта правильнѣе было-бы вовсе исключить, такъ какъ 2 п. той-же статьи, говоря о лишеніи права поступать на государственную службу, само собою разумѣетъ: имѣетъ въ виду кромѣ гражданской службы и вообще всякаго рода служб государству, безъ указанія: военнаго, морскаго и гражданскаго вѣдомства.

Сенаторъ С. И. Зарудный находитъ, что въ ст. 27 пункты 2 и 3 возбуждаютъ сомнѣніе, считать-ли армію и флотъ за государственную служб

Чины Псковской прокуратуры указываютъ, что во 2 п. 27 ст. упоминается о государственной службѣ, а въ 3 п. той-же статьи о службѣ въ арміи и флотѣ; такое раздѣленіе службы наводитъ на соображеніе, что служба въ арміи и флотѣ какъ-бы противопоставляется государственной службѣ, т. едва-ли возможно, почему названнымъ чинамъ казалось-бы правильнымъ

соединить эти оба пункта въ одинъ, редактировавъ его такимъ образомъ: 2) поступать на государственную службу, какъ, гражданскую, такъ и военную.

По замѣчанію Прокурора Кашинскаго Окружнаго Суда Безе, статья 27 проекта не указываетъ на всѣ послѣдствія лишенія правъ, а въ то-же время въ двухъ пунктахъ (2 и 3) говоритъ объ одномъ и томъ-же, ибо служба въ арміи и флотѣ есть служба государственная.

По поводу пункта 3 ст. 27 проекта, въ собраніи чиновъ Кіевской прокуратуры было признано, что онъ подлежитъ исключенію изъ означенной статьи въ виду того, что заключающееся въ немъ постановленіе вполнѣ поглощается предыдущимъ пунктомъ той-же статьи, такъ какъ служба въ арміи и флотѣ считается государственною и слѣдовательно лишенный права поступить на государственную службу тѣмъ самымъ лишается и права служить въ арміи и флотѣ.

Одинъ изъ чиновъ Радомскаго Окружнаго Суда предлагаетъ добавить къ 5 п. 27 ст. слова: «кромѣ своихъ дѣтей». Правило это принято и въ дѣйствующемъ уложеніи. Оно заслуживаетъ оставленія, ибо поддерживаетъ семью, устраняетъ посторонникъ лицъ отъ вмѣшательства въ ея дѣла, даетъ возможность осужденному исполнить естественный долгъ по отношенію къ своимъ дѣтямъ, а не представляетъ ничего опаснаго, ибо съ одной стороны въ принципѣ никто не можетъ лучше отца, хотя и преступнаго, опекать дѣтей, съ другой-же, отецъ, въ случаѣ злоупотребленій, можетъ быть лишенъ родительской власти на основаніи гражданскихъ законовъ.

Имѣя въ виду, что, на основаніи дѣйствующихъ въ Царствѣ Польскомъ гражданскихъ законовъ, опека надъ малолѣтними, кромѣ главнаго опекуна и опекуна-блюстителя, ввѣряется особому коллегіальному учрежденію, именуемому семейнымъ совѣтомъ, совѣщаніе чиновъ прокурорскаго надзора округа Варшавской Судебной Палаты полагаетъ, что лица, поименованныя въ 27 ст., не должны быть на сроки, въ ней указанные, также и членами семейныхъ совѣтовъ. Въ виду этого 5-ый п. 27 ст. предполагается изложить въ слѣдующемъ видѣ:

«. . . . . быть опекуномъ, или попечителемъ, или членомъ семейнаго совѣта».

По обсужденіи 7 п. 27 ст. совокупно съ 28 ст. проекта, совѣщаніе тѣхъ-же чиновъ прокуратуры, по большинству голосовъ, нашло, что, по отношенію къ присяжнымъ засѣдателямъ и присяжнымъ повѣреннымъ, должны быть сохранены въ силѣ относящіяся до нихъ постановленія судебныхъ уставовъ, основанныя на такихъ соображеніяхъ, сила и значеніе которыхъ не умаляется необходимостью отмѣны безсрочнаго лишенія правъ.

Въ виду этого, совѣщаніе полагаетъ, что осужденные, поименованные въ 27 и 28 ст. проекта, должны быть лишаемы права быть присяжными повѣренными и присяжными засѣдателями не на срокъ, указанный въ этихъ статьяхъ, а на всю жизнь.

Одесскій Окружный Судъ считаетъ несправедливымъ и нецѣлесообразнымъ подвергать приговоренныхъ къ заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ или ссылкѣ, хотя-бы и временному, лишенію правъ, указанныхъ въ 5 и 8 п. 27 ст. проекта. Нѣтъ основанія лишать права быть опекуномъ или попечителемъ или свидѣтелемъ при договорахъ и другихъ актахъ людей, совершившихъ преступленія, не проистекающія изъ безнравственныхъ мотивовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, было-бы несправедливо не дать возможности избрать, хотябы близкимъ людямъ, въ опекуны или попечители поселенца, даже, быть можетъ, при отсутствіи, на мѣстѣ поселенія, людей, которые-бы въ избирающихъ родственникахъ или другихъ близкихъ людяхъ вызывали больше къ себѣ довѣріе, еще менѣе основанія къ лишенію такихъ осужденныхъ права быть свидѣтелями при договорахъ, гдѣ приглашеніе въ свидѣтели зависитъ отъ усмотрѣнія и выбора приглашающаго, и слѣдовательно, отъ его довѣрія, а въ такомъ довѣріи, въ этихъ предѣлахъ, закону, какъ сказано выше, нѣтъ основанія отказывать осужденнымъ за преступленія, караемыя заточеніемъ или ссылкой.

По поводу ст. 27 нѣкоторые члены собранія чиновъ прокуратуры Варшавскаго Окружнаго Суда высказываютъ, что они не могутъ согласиться съ тѣмъ, чтобы лицо, совершившее тяжкое преступленіе и приговоренное къ каторгѣ, когда-либо могло явиться присяжнымъ засѣдателемъ и принимать участіе въ опредѣленіи виновности лицъ, ничѣмъ еще не опороченныхъ. Мечта о томъ, что преступникъ можетъ исправиться, есть не болѣе какъ мечта, рѣдко оправдывающаяся на практикѣ, и излишняя гуманность къ преступнику можетъ въ этомъ случаѣ вредно отозваться на лицахъ честныхъ не совершившихъ никакого преступленія. Мало того, по смыслу ст. 27

проекта можетъ быть допущенъ къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя даже и такой преступникъ, который вовсе не исправился. Такъ напр. лицо, приговоренное къ исправительному дому и отбывшее наказаніе, если въ теченіе десяти лѣтъ по отбытіи таковаго, будетъ совершать кражи, влекущія за собою лишь тюремное заключеніе, по смыслу ст. 27, не лишается права быть присяжнымъ засѣдателемъ; воръ по ремеслу, сидѣвшій уже въ исправительномъ домѣ и случайно въ теченіи 10 лѣтъ по отбытіи наказанія попадавшій лишь въ тюрьму, будетъ судьей для лицъ, ничѣмъ не опороченныхъ и попавшихъ на скамью подсудимыхъ нерѣдко лишь вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ. Другіе члены собранія находили, что всѣ права, упоминаемыя въ ст. 27 проекта, за исключеніемъ права быть присяжнымъ засѣдателемъ или присяжнымъ повѣреннымъ, такого свойства, что осуществленіе ихъ можетъ быть предоставлено и лицамъ, отбывшимъ наказаніе за тяжкое преступленіе, если лицо это признается вполнѣ исправившимся, причемъ предоставленіе той или другой должности въ каждомъ данномъ случаѣ будетъ зависѣть или отъ начальства или отъ заинтересованныхъ сторонъ; но предоставленіе лицу, отбывшему каторгу или заключеніе въ исправительномъ домѣ, права быть присяжнымъ засѣдателемъ или присяжнымъ повѣреннымъ противорѣчило-бы основному взгляду высказанному въ ст. 82 и 355 учр. суд. уст. Наконецъ, нѣкоторые члены собранія признавали возможнымъ принятіе ст. 27 проекта безъ всякихъ измѣненій.

При голосованіи меньшинство высказалось за ст. 27 въ редакціи, предложенной составителями проекта, а большинство—за измѣненіе 7 п. вышеупомянутой статьи въ томъ смыслѣ, что приговоренные къ каторгѣ и исправительному дому *на всегда* лишаются права быть присяжными засѣдателями и присяжными повѣренными.

Ст. 27 проекта Предсѣдатель Стародубскаго Окружнаго Суда Мальте олагалъ-бы измѣнить, исключивъ въ п. 7 слова: «присяжнымъ засѣдателемъ», такъ какъ исполненіе всѣхъ исчисленныхъ въ 27 ст. обязанностей, ромѣ присяжныхъ засѣдателей, возможное только при согласіи другихъ ицъ, находится подъ контролемъ или начальства, или частныхъ лицъ, или уда, присяжные-же засѣдатели назначаются изъ опредѣленнаго круга лицъ затѣмъ дѣйствуютъ безъ всякаго съ чьей-либо стороны контроля надъ ихъ равственными качествами.

См. также приведенныя подъ ст. 25 замѣчанія чиновъ Московской прокуратуры и чиновъ Московской Судебной Палаты, Самарскаго и Костромскаго Окружныхъ Судовъ и Прокурора Орловскаго Окружнаго Суда Хрущ.

Статья 28.

Приговоренные къ заточенію на срокъ отъ одного года до шести лѣтъ или къ тюрьмѣ признаются лишенными опи-
ченныхъ въ предшедшей статьѣ правъ на время отбыван
сихъ наказаній, а въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, и на
время отъ одного года до пяти лѣтъ по отбытіи наказанія.

Приговоренные къ заточенію на срокъ не свыше шести
лѣтъ или къ тюрьмѣ лишаются права носить, во время отбы-
ванія наказанія, принадлежащіе имъ знаки отличія.

По замѣчанію г. Ц. Я. (Юридическій Вѣстникъ 1883 г.), послѣдняя часть 28 ст. должна-бы быть исключена изъ уложенія, такъ какъ она можетъ быть изъяснена въ томъ смыслѣ, что лица, приговоренныя къ тюрьмѣ или заточенію, могутъ, во время отбыванія наказанія, носить выслуженные ими или присвоенные имъ мундиры, что въ отношеніи соблюденія тюремнаго режима представляло-бы значительныя неудобства.

Признавая полезнымъ не распространять на лицъ, отбывшихъ заточеніе и ссылку, пораженіе правъ, Коммисія Новороссійскаго Юридическаго Общества находитъ вмѣстѣ съ тѣмъ неосновательнымъ сохранять за ними право время самаго нахожденія въ заключеніи. По свойству всякаго наказанія лишеніемъ свободы, при отбываніи котораго заключенный становится в невозможность осуществлять права, пріобрѣтаемыя и практикуемыя имъ в качествѣ свободнаго, дѣятельнаго члена общества, оставленіе за заключенными этихъ правъ не можетъ имѣть для нихъ никакого практическаго значенія, это будетъ не болѣе какъ фикція, въ допущеніи которой не представляется никакой надобности. Необходимость единообразія режима въ мѣстах заключенія и согласованія большей или меньшей строгости его не съ чѣм инымъ, какъ со степенью важности совершенныхъ преступныхъ дѣяній, за которыя заключенныя содержатся, говоритъ въ пользу того-же мнѣнія. При этомъ Коммисія не находитъ нужнымъ дѣлать исключеній ни для заточенія на срокъ менѣе 6 лѣтъ, ни для ссылки, ни для тюрьмы, причемъ она полагаетъ опредѣлить пораженіе правъ въ полномъ объемѣ, указанномъ ст. 25 и

27, такъ какъ изложенныя соображенія въ одинаковой силѣ относятся къ той и другой категоріи правъ. Что касается отбывшихъ срокъ наказанія въ тюрьмѣ, то Коммисія признаетъ совершенную цѣлесообразность примѣненія къ нимъ пораженія правъ, указанныхъ въ ст. 27, только не на тотъ срокъ, какой принятъ проектомъ (отъ 1 до 5 лѣтъ), а на меньшій, именно отъ 1 до 2-хъ лѣтъ, примѣняясь въ этомъ случаѣ къ самому сроку заключенія.

Въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества *В. В. Смиттенъ*, по первой части ст. 28, полагалъ: 1) правило о лишеніи правоспособности по ст. 27, на время отбыванія наказанія, распространить на приговоренныхъ къ заточенію на срокъ свыше одного года, въ томъ числѣ на высшіе сроки, и къ поселенію; 2) изъять изъ 28 ст. приговоренныхъ къ тюрьмѣ за кражу, мошенничество и присвоеніе, за внесеніемъ ихъ съ 26 и 27 ст., и 3) предоставить суду факультативно назначать лишеніе правоспособности для приговоренныхъ къ тюрьмѣ (кромѣ приговоренныхъ къ ней за кражу, мошенничество и присвоеніе).

По 2 й части 28 ст., референтъ, въ виду тѣхъ-же замѣчаній, полагалъ правило этой части распространить на приговоренныхъ къ заточенію вообще, въ томъ числѣ на высшіе сроки, и къ поселенію.

Въ виду сказаннаго, референтъ полагалъ редактировать 28 ст. слѣдующимъ образомъ:

«Приговоренные къ заточенію на срокъ свыше одного года, къ поселенію или къ тюрьмѣ, кромѣ приговоренныхъ къ послѣдней за кражу, мошенничество или присвоеніе, признаются лишенными означенныхъ въ предшедшей статьѣ правъ на время отбыванія сихъ наказаній, а приговоренные къ тюрьмѣ, въ случахъ, закономъ указанныхъ, могутъ быть лишены этихъ правъ и на время отъ одного года до пяти лѣтъ по отбытіи наказанія».

«Приговоренные къ заточенію, къ поселенію или тюрьмѣ лишаются права носить, во время отбыванія наказанія, принадлежащіе имъ знаки отличія».

Лишеніе профессіональныхъ правъ, опредѣляемое 29 ст., референтъ, по основанію, изложенному выше, полагалъ предоставить суду назначать факультативно, замѣнивъ въ 29 ст. слово «присоединяется» выраженіемъ: «можетъ быть присоединяемо».

Мнѣнія референта по 28 и 29 ст. приняты Обществомъ единогласно.

Въ виду свойства и сравнительной неважности проступковъ, которые будутъ наказываемы заточеніемъ на срокъ до шести лѣтъ, Одесскій Окруж-

ный Судъ находитъ, что отбывшіе это наказаніе не должны быть подвергаемы срочному лишенію правъ, означенныхъ въ 27 ст. проекта.

По поводу 2-й ч. ст. 28 чины Самарскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что данное постановленіе имѣло-бы значеніе въ томъ лишь случаѣ, если-бы ношеніе знаковъ отличія давало какое-либо преимущество между заключенными, при этомъ условіи запрещеніе носить знаки отличія конечно являлось-бы правопораженіемъ. Но какъ такого преимущества не полагается, то и запрещеніе носить знаки отличія будетъ одною лишь формальностью, не достигающею никакой цѣли.

Вторая часть 28 статьи могла-бы быть, по мнѣнію чиновъ Московской прокуратуры, съ удобствомъ перенесена въ уставъ о содержащихся подъ стражею, такъ какъ постановляемое ею запрещеніе носить во время отбыванія наказанія въ заточеніи или тюрьмѣ знаки отличія едва-ли входитъ въ область пораженія правъ, а скорѣе относится къ узаконеніямъ относительно порядка и условій содержанія осужденныхъ въ мѣстахъ заключенія, подобно правиламъ объ одеждѣ арестантовъ, объ ихъ поведеніи и проч.—Тоже буквально замѣчаніе дѣлаютъ юристы-практики (Судебная Газета, 1883 г., № 33).—Къ тому-же заключенію приходятъ чины Симферопольскаго Окружнаго Суда и чины прокуратуры Варшавской Судебной Палаты и Окружныхъ Судовъ Тульскаго, Смоленскаго и Варшавскаго, а также Архангельскій Губернскій Прокуроръ Краусъ.

Прокуроръ Орловскаго Окружнаго Суда Хрулевъ находитъ, что вторая часть 28 статьи, воспрещая носить знаки отличія во время заключенія, не имѣетъ отношенія къ области уголовнаго закона и всецѣло относится къ правиламъ о внутреннемъ тюремномъ распорядкѣ, такъ какъ запрещеніе носить орденъ въ мѣстѣ заключенія не равносильно отнятію его и имѣетъ чисто внѣшній характеръ. Поэтому вторую часть 28 статьи слѣдовало-бы вовсе исключить изъ проекта.—См. также приведенное подъ ст. 25 замѣчаніе того-же Прокурора.

По мнѣнію Люблинскаго Окружнаго Суда, объ ограниченіи права «носить» знаки отличія едва-ли умѣстно упоминать въ уложеніи. Иначе пришлось-бы трактовать въ немъ и о ношеніи мундировъ, почетныхъ кафтановъ

т. п.—Во всякомъ случаѣ можетъ быть рѣчь только о запрещеніи «надѣвать» знаки отличія.

По замѣчанію Сенатора С. И. Заруднаго, послѣдняя часть ст. 28 даетъ возможность предположить, что приговоренные къ заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ не лишаются права носить знаки отличія.

См. также приведенныя подъ ст. 27 замѣчанія чиновъ Кишиневскаго Окружнаго Суда и Кіевской и Самарской прокуратуры и Прокурора Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалева.

Статья 29.

Въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, къ наказанію присоединяется лишеніе права заниматься, въ теченіе установленнаго срока, опредѣленными въ законѣ видами торговли, ремеслъ, промысловъ, или же какою-либо иною дѣятельностью.

Относительно ст. 29 проекта, Оберъ-Прокуроръ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената А. В. Ивановъ замѣчаетъ, что срочное лишеніе осужденнаго профессіональныхъ правъ не всегда достигаетъ цѣли. Если лицо, занимающееся спеціальною дѣятельностью, требующею особыхъ научныхъ познаній, наприм., врачъ или аптекарь, обнаруживаетъ на судѣ полную свою неспособность или незнаніе своего дѣла, заставляющія опасаться вредныхъ послѣдствій отъ сохраненія за нимъ права отправленія этой дѣятельности, то врядъ-ли можно ожидать, чтобы срочное, болѣе или менѣе продолжительное, лишеніе его этого права сдѣлало подобное лицо болѣе способнымъ или свѣдущимъ. Въ подобныхъ случаяхъ, лишеніе профессіональныхъ правъ должно быть, по мнѣнію А. В. Иванова, *безсрочнымъ*, развѣ-бы лицо, подвергшись новому, закономъ установленному испытанію, вновь пріобрѣло право заниматься прежнею своею профессіею.

Предсѣдатель Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Бартеневъ находитъ, что высказанное въ ст. 29 проекта правило, въ силу коего къ наказанію можетъ быть присоединено лишеніе права заниматься въ теченіи установленнаго срока

опредѣленными въ законѣ видами торговли, ремеслъ и т. д. или-же какою либо иною дѣятельностью слишкомъ недостаточно и что редакцію этой статьи слѣдовало-бы дополнить, «въ теченіи извѣстнаго установленнаго срока или и всегда». Такое положеніе г. Бартеневъ выводитъ изъ того, что лицо, напр., уличенное въ продажѣ ядовъ или запрещенныхъ книгъ, навлекло на себя такое сомнѣніе въ своей дѣятельности, что необходимо его лишить возможности проявлять вновь свою волю въ повтореніи того-же преступленія и потому вообще по сему предмету нельзя не согласиться съ соображеніями приведенными въ объясненіи Коммисіи на стр. 91.

Товарищъ Предсѣдателя Казанскаго Окружнаго Суда Пашковскій затрудняется предположить, чтобы нѣкоторые преступники, нарушившіе обязанности, сопряженныя съ высшими въ государствѣ званіями, напр. судьи, священника и т. д., могли когда-либо быть допускаемы вновь къ судейству, священству и проч. Между тѣмъ слова 29 ст., «въ теченіи установленнаго срока» даютъ мѣсто такому предположенію.

Прокуроръ Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалевъ находитъ, что ст. 29 необходимо дополнить, прибавивъ въ концѣ ея: «а также опредѣляется закрытіе фабрикъ, заводовъ, торговыхъ или промышленныхъ заведеній».

По замѣчанію Сенатора С. И. Заруднаго, послѣднія слова ст. 29 «*или же какою-либо иною дѣятельностью*»—слѣдовало бы исключить, ибо они могутъ повести къ тому, что осужденному ничѣмъ заниматься начальство не позволитъ. Впрочемъ, такъ какъ здѣсь говорится о видахъ торговли и т. д., то можно, оставивъ эти слова, выразить ихъ въ другомъ падежѣ, и потому сказать: «*какой-либо иной дѣятельности*».

По замѣчанію Прокурора Харьковской Судебной Палаты Закревскаго употребляемыя слова «или-же какою либо-иною дѣятельностью» могутъ возбудить мысль, что имѣется въ виду запретить всякаго рода дѣятельность, осудить на полное бездѣйствіе. Между тѣмъ, не такова, очевидно, мысль Коммисіи. Коммисія разумѣла, безъ сомнѣнія, право воспретить всякую другую опредѣленную дѣятельность. Напримѣръ: лишить извѣстное лицо права заниматься врачебною практикою, винокуреніемъ и т. п. А потому

не слѣдовало-ли бы, для предупрежденія недоразумѣній, сказать: . . . . «или же иною опредѣленною въ законѣ дѣятельностью».

См. также приведенныя: подъ ст. 28 пренія Кавказскаго Юридическаго Общества и подъ ст. 27 замѣчанія чиновъ Кіевской прокуратуры.

Статья 30.

Права супружескія и родительскія лицъ, приговоренныхъ къ смертной казни, каторгѣ, заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ и поселенію, ограничиваются или прекращаются; браки сихъ лицъ расторгаются по просьбѣ одного изъ супруговъ. Подробныя по симъ предметамъ правила и порядокъ управленія имуществомъ лицъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы, установляются законами гражданскими.

Профессоръ Лукини замѣчаетъ, что хотя онъ и приверженецъ развода, все-же ему представляется превосходящимъ всякую мѣру постановленіе, по которому разводъ является по закону слѣдствіемъ краткосрочнаго наказанія.

Въ виду подлежащихъ правилъ въ гражданскихъ законахъ, 30 ст. является, по мнѣнію профессора Будзинскаго, излишнею. Притомъ въ статьѣ той не сдѣлано исключенія по отношенію къ католическому исповѣданію, по правиламъ котораго въ Имперіи и Царствѣ Польскомъ разводъ не допускается.

Г. фонъ-Резонъ находитъ, что общее правило, постановленное въ главѣ этой статьи, не можетъ не быть одобрено; но онъ считаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ нелишнимъ высказать желаніе, чтобы въ подлежащихъ законахъ гражданскихъ было обращено вниманіе на различныя категоріи преступниковъ, приговоренныхъ къ каторгѣ, съ одной, и къ заточенію и поселенію, съ другой стороны; можетъ быть, что окажется возможнымъ составить для послѣднихъ болѣе льготныя правила. Далѣе, обращаетъ на себя вниманіе правило, что браки сихъ лицъ расторгаются по просьбѣ одного изъ супруговъ. Очевидно, что если невиновный супругъ желаетъ слѣдовать за винов-

нымъ, то нѣтъ никакого разумнаго основанія признать за послѣднимъ право ходатайствовать о расторженіи брака. Поэтому было-бы лучше совершенно исключить это постановленіе, тѣмъ болѣе, что оно предрѣшаетъ до извѣстной степени тѣ подробныя правила, которыя, какъ это вѣрно опредѣляетъ проектъ, могутъ быть разсмотрѣны лишь въ законахъ гражданскихъ. Наконецъ, спрашивается, не слѣдуетъ-ли распространить правила о расторженіи брака на приговоренныхъ на болѣе продолжительное время (напр. болѣе шести лѣтъ) къ заключенію въ исправительномъ домѣ. Подтвержденные ежедневнымъ опытомъ мотивы «Объясненій», что «долговременное лишеніе свободы можетъ повести только къ безнравственнымъ послѣдствіямъ для невиннаго супруга», говорятъ въ пользу такого мнѣнія.

Вѣстникъ Европы (1882 г., № 12) указываетъ, что *расторженіе брака*, по просьбѣ одного изъ супруговъ, проектъ допускаетъ *только* по отношенію къ лицамъ, приговореннымъ къ каторгѣ, поселенію или заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ. Необходимо было-бы допустить его — по просьбѣ невиновнаго супруга — и по отношенію къ лицамъ, приговореннымъ, хотя-бы и на короткій срокъ, къ содержанію въ исправительномъ домѣ, такъ-какъ наказаніе это назначается преимущественно за преступленія опозоривающаго характера. Несправедливо заставлять кого-бы то ни было оставаться женою вора или мужемъ воровки. Одна изъ самыхъ вопіющихъ аномалій нашего законодательства—это сохраненіе въ силѣ супружескаго союза и власти мужа надъ женою, не смотря на признаніе мужа виновнымъ въ жестокомъ обращеніи съ женою (если только наказаніе, постигшее мужа, не сопряжено съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія). Въ случаяхъ этого рода слѣдовало-бы допустить расторженіе брака по просьбѣ жены, хотя-бы виновный былъ подвергнутъ наказанію менѣе тяжкому, чѣмъ заключеніе въ исправительномъ домѣ.

Г. Ц. Я. (Юридическій Вѣстникъ, 1883 г., № 8) находитъ, что ст. 30 проекта представляется несогласною со взглядами Коммисіи на исправительный домъ и относительную тяжесть этого наказанія. Если заточеніе и ссылка справедливо отнесены къ наказаніямъ, въ силу которыхъ супруги приговоренныхъ могутъ просить о расторженіи брака, то еще болѣе основаній предоставить такое-же право супругу лица, приговоренному къ исправительному дому, такъ какъ послѣдній принадлежитъ къ позорящимъ наказаніямъ и на болѣе продолжительное время, чѣмъ ссылка, поражаетъ права осужденнаго. Поэтому начало 30 ст. слѣдовало-бы изложить такъ: «Права семей-

ныя лицъ, приговоренныхъ къ смертной казни, каторгѣ, продолжительному заточенію, ссылкѣ и исправительному дому, ограничиваются» и т. д.

Юристы-практики (Судебная Газета, 1883 г., №№ 33 и 35) указываютъ, что, при обсужденіи статьи 30 проекта, не мало голосовъ въ судебномъ мірѣ раздается за присоединеніе къ предназначеннымъ правопораженіямъ, по отношенію къ лицамъ, приговореннымъ къ наказанію за *преступленія*, и лишенія правъ имущественныхъ. Въ пользу такого мнѣнія высказываются слѣдующія положенія: во 1-хъ, всякое наказаніе, помимо присущей ему цѣли исправленія преступника, имѣетъ своимъ назначеніемъ еще и возмездіе послѣднему за причиненное имъ зло, въ томъ смыслѣ, что онъ за отнимаемыя имъ блага или права долженъ и самъ, какъ недостойный, изгоняемый членъ общества, подвергнуться лишенію тѣхъ благъ, которыми пользовался, живя среди этого общества, при его содѣйствіи; для многихъ же лицъ, совершившихъ тяжкое преступленіе, лишеніе благъ имущественныхъ представляется единственно чувствительнымъ въ области другихъ правопораженій и даже иногда чувствительнѣе самаго наказанія; во 2-хъ, осужденный за преступленіе, со времени вступленія приговора суда въ силу, какъ-бы порываетъ окончательно связь съ прошедшимъ, прежніе его интересы отходятъ вмѣстѣ со старою семьею назадъ, и впереди ему должны являться новыя задачи, новыя заботы и совершенно новая жизнь, неимѣющая ничего общаго съ прежнею; между тѣмъ оставленіе за нимъ имущественныхъ правъ, пріобрѣтенныхъ до осужденія, естественно оставитъ и нѣкоторую связь съ прошедшимъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ внесетъ разладъ и въ его міръ, и въ жизнь покинутой имъ, ни въ чемъ неповинной, семьи; наконецъ, въ 3-хъ, нажитое до совершенія преступленія имущество не можетъ быть, съ точки зрѣнія житейской, признано исключительною собственностью преступника, а составляетъ общее достояніе семьи, ибо только при содѣйствіи всѣхъ ея членовъ, прямомъ или косвенномъ, оно и могло быть пріобрѣтено; разъ-же какой-нибудь членъ такой семьи извергается, такъ сказать, изъ ея среды за совершенное имъ преступленіе, онъ уже не можетъ имѣть доли въ общей собственности, которая всецѣло переходитъ въ руки остальныхъ членовъ.

Но противъ указаннаго мнѣнія можно сдѣлать нѣсколько возраженій, сущность которыхъ сводится къ слѣдующему. Проектъ новаго уложенія, замѣняя коренным образомъ существовавшую доселѣ систему карательныхъ мѣръ, придаетъ въ основѣ новое значеніе и самому наказанію, выдвигая на первый планъ исправительную цѣль его и предполагая въ этихъ видахъ пол-

ное преобразованіе тюремъ. При такомъ взглядѣ на характеръ наказан, при убѣжденіи въ возможности исправленія каждаго, даже закоренѣлаго преступника, путемъ раціонально построенной системы лишенія свободы, при отсутствіи въ новомъ уложеніи безусловно вѣчныхъ наказаній, такъ-какъ и такія безсрочныя мѣры, какъ каторга и поселеніе, при извѣстныхъ условіяхъ, переходятъ къ обыкновеннымъ срочнымъ взысканіямъ, и, наконецъ, при уничтоженіи такъ называемой политической смерти,—было-бы и непослѣдовательнымъ, и несправедливымъ допустить за преступленія, какъ-бы тяжки они ни были, вѣчное лишеніе правъ. Изъ проекта видно, что даже приговоренные къ каторгѣ, по прошествіи нѣкотораго періода времени, могутъ возвратить многія изъ правъ, присущихъ обыкновеннымъ гражданамъ (ст. 27), и если по 25 ст., осужденные къ каторгѣ, заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ и поселенію признаются лишенными правъ сословныхъ, титуловъ почетнаго достоинства, должностей, служебныхъ отличій и проч., то только потому, что всѣ эти права являются аттрибутами извѣстнаго положенія лица въ данномъ обществѣ, какъ общественнаго дѣятеля, а слѣдовательно не могутъ быть оставлены ему, коль скоро оно изъ этого общества изгоняется. Иное дѣло права имущественныя: они пріобрѣтаются каждымъ на счетъ личнаго труда и принадлежатъ человѣку не какъ члену того или другаго общества, а какъ индивидууму. Нельзя привести достаточно вѣскаго основанія къ праву общества или государства лишать лицо, совершившее преступное дѣяніе, того, что этимъ лицомъ было нажито или добыто помощью личныхъ силъ, совершенно честнымъ путемъ и до впаденія въ преступленіе. Напротивъ, принявъ въ соображеніе главную цѣль наказанія — исправленіе — и то, что осужденный возвращаетъ часть утраченныхъ имъ правъ послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго лишенія свободы и почти всегда въ престарѣлыхъ возрастѣ, съ ослабленными или вовсе подавленными силами, — было-бы несправедливо не дать такому исправленному, можетъ быть, наказаніемъ человѣку средствъ для поддержанія дальнѣйшаго его существованія на честныхъ началахъ, средствъ притомъ такихъ, которыя имъ-же самимъ пріобрѣтены честнымъ путемъ.

Тѣмъ не менѣе нельзя не принять во вниманіе, что въ виду допускаемаго 30 ст. проекта расторженія брака осужденнаго преступника, при существованіи просьбы о томъ со стороны супруга, для такого осужденнаго не могутъ быть сохранены его имущественныя права во всей цѣлости и неприкосновенности, а таковыя должны быть ограничены, и притомъ въ значительной степени, въ цѣляхъ обезпеченія оставляемой семьи. Размѣръ этого обезпеченія будетъ, конечно, опредѣленъ законами гражданскими, но самое ограниченіе имущественныхъ правъ, какъ послѣдствіе наказанія, слѣдовало

бы прямо обозначить и въ уложеніи. Въ ст. 30 проекта говорится, правда, о томъ, что порядокъ управленія имуществомъ лицъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы, устанавливается законами гражданскими; однако выраженіе: «порядокъ управленія имуществомъ» никакъ не можетъ указывать на ограниченіе имущественныхъ правъ въ смыслѣ обезпеченія членовъ семьи, а скорѣе намекаетъ на то, что эти права безраздѣльно сохраняются за осужденнымъ и, только въ силу необходимости, надъ имуществомъ его назначается въ особомъ порядкѣ управленіе до времени освобожденія его самаго изъ мѣста заключенія.

Признавая поэтому, согласно проекту, всю справедливость невключенія въ область правопораженій, намѣченную 25 ст., лишенія имущественныхъ правъ, юристы-практики тѣмъ не менѣе, съ своей стороны, полагали-бы необходимымъ придать болѣе опредѣленный характеръ ст. 30, которая могла-бы быть изложена въ такомъ смыслѣ:

«Права супружескія и родительскія лицъ, приговоренныхъ къ смертной казни, каторгѣ, заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ и поселенію, ограничиваются или прекращаются; браки сихъ лицъ расторгаются по просьбѣ одного изъ супруговъ, а имущественныя права ихъ *подвергаются ограниченію въ цѣляхъ обезпеченія семьи*. Подробныя по симъ предметамъ правила и порядокъ управленія имуществомъ лицъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы, установляются законами гражданскими».

При обсужденіи въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ 30 ст. проекта, въ преніяхъ приняли участіе *В. Д. Спасовичъ*, *Г. В. Гантоверъ* и *Н. Д. Сергіевскій*. Послѣдній отстаивалъ отнесеніе въ гражданскіе законы ограниченія въ дѣеспособности осуждаемыхъ лицъ, въ сферѣ имущественнаго и семейственнаго права. Первые два утверждали, что нельзя оставлять неопредѣленнымъ вопросъ: всѣ-ли права семейственныя теряются, или только нѣкоторыя? Какія изъ нихъ ограничиваются и какія прекращаются? Не затронутъ вопросъ: лишается-ли осужденный вслѣдствіе потери свободы, возможности не только управлять имуществомъ, но и вступать въ обязательства и составлять духовныя завѣщанія?

Само расторженіе брака, если оно имѣетъ значеніе только гражданскаго постановленія, неправильно включено въ 30 ст.; если-же оно и по историческому своему происхожденію (Высочайшее повелѣніе Св. Сѵноду 1753 г. о расторженіи браковъ ссыльныхъ) имѣетъ чисто уголовное происхожденіе и нынѣ сохраняетъ это-же свойство, то мѣсто ему въ уголовномъ кодексѣ, но рядомъ съ нимъ должны быть поставлены и законоположенія, опредѣляющія

имущественную дѣеспособность лицъ, приговариваемыхъ къ тягчайшимъ видамъ лишеній свободы.

Засимъ В. Д. Спасовичъ указалъ, что ст. 30 обнимаетъ двоякаго рода права присужденныхъ къ лишенію свободы:

А) права имущественныя

и В) права семейственныя.

Относительно первыхъ, въ Редакціонномъ Комитетѣ Общества образовались два мнѣнія, съ двумя подраздѣленіями:

1) Одни придерживались прямо проекта. Смыслъ проекта прямой и видимый тотъ, чтобы отослать весь вопросъ объ имущественной дѣеспособности къ цивилистамъ. Смыслъ другой—сокровенный, чтобы предоставить цивилистамъ только опредѣлить способъ управленія имуществомъ для арестантовъ, принять мѣры гражданскаго характера, чтобы оно не расхищалось или не разстраивалось, но оставить за осужденными полное право вступать въ обязательства, заключать всякія сдѣлки и дѣлать духовныя завѣщанія, владѣть и пользоваться правами вещными, насколько то допускаютъ правила тюрьмы, исправительнаго дома, каторги и заточенія. Въ доказательство что такая мѣра ограниченія пользованія правами возможна, Редакціонная Коммисія ссылается на новѣйшія законодательства венгерское и голландское и замѣчаетъ, что французскому code pénal, вмѣщающему въ себѣ учрежденіе interdiction légale, исполнилось 75 лѣтъ. Слѣдовательно, установляется принципъ, что лишеніе гражданской дѣеспособности не можетъ быть употребляемо, какъ уголовное средство, даже какъ придаточное. Такова одна система. Другая, противоположная ей, заключается въ томъ, чтобы установить дѣеспособность субъекта, отбывающаго одно изъ главныхъ наказаній: каторгу, заточеніе и поселеніе, въ крайнихъ случаяхъ, каторгу и заточеніе, на время отбыванія этихъ наказаній. Мотивы этой системы: необходимость идти мѣрными и вѣрными шагами впередъ, не метаясь изъ одной крайности въ другую. Если отмѣнена смертная казнь гражданская, то изъ сего не слѣдуетъ, чтобы надлежало предоставить наказываемому пользоваться всѣми его правами имущественными. Института interdiction légale не намѣрены вовсе покидать Франція и Бельгія. Намъ этотъ институтъ весьма пригоденъ: 1) по дальности наказаній каторгою и заточеніемъ, вѣроятно имѣющихъ быть устроенными въ ссылкѣ, откуда невозможно ссылаемому и управлять остающимся на родинѣ его имуществомъ; 2) въ виду невозможности оставить въ рукахъ наказываемаго значительныя денежныя средства, коими онъ могъ-бы дѣйствовать на тюремное начальство и администрацію; 3) въ видахъ попеченія о семьѣ наказываемаго, которая могла-бы оказаться совсѣмъ без-

средствъ, если-бы осуждаемому вздумалось лишить ее этихъ средствъ. Есть и юридическое основаніе дѣеспособности караемаго лица. Если въ видахъ пользы семьи расточителя, это средство практикуется надъ расточителемъ, то, и въ видахъ пользы общества, можно его допустить по отношенію къ преступнику, чтобы сдѣлать само наказаніе наименѣе призрачнымъ, наиболѣе дѣйствительнымъ, чтобы лишить преступника возможности пользоваться его богатствомъ, пока счеты его съ обществомъ не окончены. Равнымъ образомъ, по чисто уголовнымъ соображеніямъ, слѣдовало-бы оправдать и пріостановку въ правѣ дѣлать духовныя завѣщанія. Если будетъ одобрено ограниченіе дѣеспособности, то затѣмъ уже должны быть поставлены вопросы: a) слѣдуетъ-ли продолжать дѣеспособность послѣ перевода съ каторги и заточенія на поселеніе; b) не слѣдуетъ-ли, не дѣлая дѣеспособности непремѣннымъ спутникомъ главныхъ наказаній, присоединять ее только къ нѣкоторымъ преступленіямъ, наказуемымъ каторгою или заточеніемъ, въ особенной части уложенія?

Затѣмъ, предсѣдательствующимъ на разрѣшеніе собранія были предложены вопросы: 1) вносить-ли вообще въ законодательство ограниченіе дѣеспособности въ имущественной сферѣ лица, подвергающагося наказаніямъ, какъ средство, присоединяемое къ главнымъ наказаніямъ, и 2) гдѣ помѣщать это ограниченіе: въ уложеніи или въ законахъ гражданскихъ? Большинство высказалось за редакцію ст. 30 проекта уложенія (16 человѣкъ противъ 4).

Затѣмъ, начались пренія по 30 ст., относительно *правъ семейственныхъ, брака и власти родительской*. Отсылка къ законамъ гражданскимъ предполагается въ проектѣ, съ поименованіемъ только расторженія брака и распространеніемъ этого расторженія даже на случай требованія его со стороны виновнаго супруга. Большинство членовъ Комитета высказалось за редакцію проекта (кромѣ 2 голосовъ). Такъ какъ одинъ изъ этихъ голосовъ принадлежалъ г. предсѣдательствующему, то В. Д. Спасовичъ рѣшился изложить причины, почему онъ не можетъ согласиться съ проектомъ. Казнимому была-бы дана такая привилегія свободно разрывать узы брака, какою не пользуются непорочные граждане; этому (можетъ быть) злому человѣку, ввергшему всю семью въ срамъ и бѣдствіе, дана была-бы возможность отвязаться отъ семьи, оставить ее, обзавестись въ ссылкѣ новою; неужели будетъ красиво, когда лишенные средствъ къ жизни и отверженные, они въ мѣстѣ ссылки будутъ обращаться въ судебныя мѣста съ искомъ объ алиментахъ. Власть родительская караемаго не можетъ быть проявляема на время отбытія наказанія, казнимаго замѣняетъ невинный супругъ; если таковаго не

имѣется, должна быть учреждена опека. Справедливость требуетъ оставить положеніе, что бракъ расторгается по просьбѣ невиннаго супруга.

Н. И. Цухановъ, указывая на практическія неудобства расторженія брака лишь по просьбѣ невиннаго супруга, полагалъ справедливымъ предоставить право просить расторженія брака и виновному, понесшему наказаніе супругу, если невинный не слѣдуетъ за нимъ, причемъ онъ сослался на то, что въ настоящее время, какъ слышно, тюремныя начальства разрѣшаютъ ссыльнымъ вступать въ бракъ, а духовныя власти вѣнчаютъ такіе браки, хотя имъ не предшествовало формальное расторженіе брачныхъ союзовъ ссыльныхъ.

Н. Д. Сергіевскій поддерживалъ мнѣніе г. Цуханова.

П. А. Александровъ, соглашаясь съ редакціею ст. 30 проекта уложенія, считалъ тѣмъ не менѣе необходимымъ, въ видахъ облегченія такого имущественнаго положенія, въ которомъ очутился-бы невинный супругъ, вслѣдствіе предоставленія и виновному права требовать расторженія брака, опредѣлить въ законѣ права невиннаго супруга на участіе въ имуществѣ другаго супруга.

По произведенному голосованію собраніе, большинствомъ голосовъ 11 противъ 8, высказалось за предоставленіе права требовать расторженія брака лишь невинному супругу.

П. А. Александровъ предложилъ распространить постановленіе ст. 30 о прекращеніи правъ супружескихъ, и на лицъ, приговариваемыхъ къ заключенію въ исправительный домъ. Предложеніе это онъ мотивировалъ тѣмъ: 1) что заключеніе въ исправительномъ домѣ по ст. 26 проекта сопровождается также лишеніемъ правъ сословныхъ, какъ и при другихъ наказаніяхъ, съ правомъ, по отбытіи наказанія, приписаться къ городскому или сельскому обществу. Пораженіе правъ сословныхъ является несущественнымъ для массы лицъ. Такъ для купцовъ, по 27 ст., оно является срочнымъ: они не могутъ, по отбытіи ими наказанія, записываться въ гильдіи ранѣе, какъ по истеченіи 10-ти-лѣтняго срока. Для крестьянъ оно ограничивается по той же ст. 27 лишь утратою избирательнаго права; 2) что срокъ заключенія въ исправительномъ домѣ можетъ превышать даже срокъ заточенія (10 лѣтъ), и 3) что, по окончаніи содержанія въ исправительномъ домѣ, лицо также подвергается и полицейскому надзору, обязанности жить въ указанномъ мѣстѣ жительства.

В. Д. Спасовичъ, соглашаясь съ предложеніемъ П. А. Александрова, не считалъ однако возможнымъ допустить прекращеніе правъ супружескихъ при всякомъ долго и краткосрочномъ наказаніи исправительнымъ домомъ.

По произведенномъ голосованіи предложеніе П. А. Александрова было принято большинствомъ 23 голосовъ противъ 8.

Предложенный засимъ предсѣдательствующимъ вопросъ о безусловномъ ограниченіи родительской власти, во время отбытія наказанія, рѣшенъ большинствомъ (18 голосовъ) въ утвердительномъ смыслѣ.

Предсѣдательствующій сообщилъ, что Комитетъ пришелъ къ заключенію о необходимости внести въ ст. 29 проекта уложенія, два постановленія, заимствованныя изъ кодекса голландскаго, именно ст. 28 и 30 этого кодекса.

Могутъ быть случаи, когда продолженіе власти родительской нежелательно, какъ напр: 1) случай вовлеченія родителями дѣтей въ преступленіе, 2) случай преступнаго злоупотребленія родительскою властью, хотя-бы преступленія родителей и не влекли за собою каторги, заточенія или исправительнаго дома.

Въ особенной части присоединять эти постановленія къ отдѣльнымъ преступленіямъ неудобно. Цѣлесообразнѣе было-бы, подобно голландскому кодексу, включить ихъ въ ст. 29 проекта, въ слѣдующей формѣ: «къ наказанію присоединяется и лишеніе власти родительской, когда: 1) обнаружено, что родитель вовлекалъ дѣтей въ преступленіе или 2) когда дѣти были предметомъ преступленія, совершеннаго родителемъ».

Предложенное В. Д. дополненіе ст. 29 принято большинствомъ голосовъ (23).

Н. Д. Сергіевскій замѣтилъ, что произведенное голосованіе относительно предоставленія лишь невинному супругу права требовать расторженія брака, не предрѣшаетъ возможности рѣшенія этого вопроса въ смыслѣ, не слѣдуетъ ли предоставить такого-же права и виновному, если невинный не слѣдуетъ за нимъ, по переводѣ его на поселеніе.

Произведеннымъ голосованіемъ вопросъ, возбужденный Н. Д. Сергѣевскимъ, рѣшенъ большинствомъ 25 голосовъ утвердительно.

П. А. Александровъ замѣтилъ, что редакторы проекта уложенія, говоря о лишеніи правъ супружескихъ и родительской власти, установленіе подробныхъ по симъ предметамъ правилъ отнесли въ кодексъ гражданскій. Между тѣмъ является необходимость теперь-же, въ уложеніи, установить эти правила. Лишеніе правъ одного изъ супруговъ не распространяется на другаго и дѣтей. Здѣсь, прежде всего, возникаетъ вопросъ о дѣтяхъ, прижитыхъ послѣ осужденія отца, въ бракѣ, нерасторгнутомъ на основаніи ст. 30. Дѣти эти не могутъ пользоваться правами состоянія отца, которыми пользовались до осужденія, дѣти же, рожденные до осужденія, не лишаются правъ, принадлежащихъ имъ по прежнему состоянію ихъ отца, что явно несправедливо. Далѣе, если мать лишена правъ, дѣти, прижитыя въ бракѣ, даже по осужденіи матери, не теряютъ

никакихъ правъ, принадлежащихъ имъ по рожденію, такъ какъ они слѣдуютъ состоянію отца, а не матери. Такимъ образомъ, права дѣтей находятся въ зависимости отъ лишенія правъ одного изъ супруговъ. Поэтому опредѣленіе подробныхъ по этому предмету правилъ необходимо сдѣлать теперь же, въ уложеніи. Въ гражданскій кодексъ они могутъ не пройти.

С. А. Андреевскій замѣтилъ, что правила о разводѣ и о расторженіи брака по причинѣ наказанія умѣстнѣе помѣстить въ законахъ уголовныхъ. Тамъ-же, между прочимъ, необходимо указать, куда слѣдуютъ дѣти: остаются-ли при невинномъ супругѣ или слѣдуютъ за виновнымъ. Вообще регламентація послѣдствій гражданскаго характера умѣстна и въ законѣ уголовномъ.

В. Д. Спасовичъ предложилъ голосованію собранія вопросъ: исключить ли конецъ ст. 30,—и послѣдствія гражданскаго свойства, вытекающія изъ наказанія, помѣстить въ уголовномъ кодексѣ. Собраніе большинствомъ 14 голосовъ противъ 11 высказалось за ст. 30 проекта уложенія.

Относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ 30 ст. проекта, Коммисія Кавказскаго Юридическаго Общества приходитъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ заключенію о необходимости распространить дѣйствіе ея и на лицъ, приговоренныхъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ на срокъ свыше 6 лѣтъ. Эта мѣра представляется логически необходимою въ виду того, что если ужъ признано проектомъ за нужное ограничивать или прекращать супружескія и родительскія права лицъ, караемыхъ заточеніемъ и ссылкою, т. е. за преступленія не позорящія, то тѣмъ больше основаній примѣнить это постановленіе къ тѣмъ, кто совершаетъ преступленіе позорное, караемое исправительнымъ домомъ, да еще въ высшей, исключительной степени. Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, что преступникъ послѣдней категоріи съ гораздо большимъ основаніемъ можетъ быть признанъ порвавшимъ нравственную связь съ своимъ невиннымъ супругомъ и потерявшимъ право родительскаго авторитета для дѣтей.

По поводу этой статьи остались при мнѣніи *А. А. Муромцевъ* и *Н. И. Шиманов*ъ, полагавшіе распространить дѣйствіе ея на приговоренныхъ къ исправительному дому на срокъ менѣе 6 лѣтъ, но болѣе 2-хъ.

Въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества *В. В. Смитт* по поводу 30 ст. проекта., опредѣляющей лишеніе и ограниченіе семейныхъ и имущественныхъ правъ осужденнаго, высказалъ, что эти права

раженія разсматриваются запиской не какъ наказаніе, а какъ гражданское послѣдствіе преступнаго дѣянія. Тѣмъ не менѣе Коммисія находила нужнымъ общія по этому предмету положенія внести въ уголовный кодексъ.

По возникшему вопросу, слѣдуетъ-ли выраженіе 30 ст., что указаннымъ въ ней правопораженіямъ подвергаются «приговоренные» къ извѣстнымъ наказаніямъ, понимать въ томъ смыслѣ, что лица, приговоренныя къ этимъ наказаніямъ, подвергаются лишенію по 30 ст. и въ томъ случаѣ, когда приговоръ не приведенъ надъ ними въ исполненіе, по случаю побѣга, истеченія давности, помилованія и т. п.,—референтъ полагалъ, что выраженіе «приговоренные», одинаково употребленное въ большинствѣ статей 3-й главы, не разрѣшаетъ этого вопроса. Изъ указанныхъ причинъ неисполненія приговора, побѣгъ, конечно, не можетъ устранять примѣненія праволиченій, дѣйствіе которыхъ начинается со дня вступленія приговора въ силу. Что касается давности, то она не устраняетъ лишенія правъ, равно какъ надзора полиціи, въ виду спеціальнаго указанія послѣдней части 60 ст. проекта. Напротивъ, помилованіе, согласно 64 ст. проекта, устраняетъ всякое наказаніе, слѣдовательно—и праволиченія въ томъ числѣ по 30 ст. Такъ какъ, однако, правопораженія, по ст. 30, болѣе гражданскаго, чѣмъ уголовнаго характера, то, по мнѣнію референта, дѣйствіе помилованія не должно распространяться на лишеніе правъ по ст. 30, подобно тому, какъ оно не распространяется на вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные преступными дѣяніями. По германскому уголовному кодексу (ст. 36 и 38), дѣйствіе помилованія не распространяется ни на лишеніе правъ вообще, ни на надзоръ полиціи. Поэтому референтъ полагалъ, что правопораженія по ст. 30 должны быть примѣняемы и въ случаѣ помилованія и что, въ этомъ смыслѣ, слѣдуетъ дополнить 64 ст. проекта. Если признается невозможнымъ обязывать невиннаго супруга оставаться въ брачномъ союзѣ съ преступникомъ, то такое гражданское право невиннаго супруга на расторженіе брака не можетъ находиться въ зависимости отъ того, послѣдуетъ-ли, или нѣтъ помилованіе преступника.

Затѣмъ референтъ находилъ: 1) что правила 30 ст. объ ограниченіи или прекращеніи супружескихъ и родительскихъ правъ слѣдуетъ распространить и на приговоренныхъ къ исправительному дому, а также на осужденныхъ за злоупотребленіе правъ и нарушеніе обязанностей супружества и за злоупотребленіе родительской властью, предусмотрѣнныя 1583—1590 ст. дѣйствующаго уложенія. Что касается приговоренныхъ къ исправительному дому, то справедливость пораженія ихъ супружескихъ и родительскихъ правъ вытекаетъ какъ изъ продолжительности этого наказанія, могущей доходить до 10 лѣтъ, такъ еще болѣе изъ позорящаго характера совершен-

ныхъ ими дѣяній, могущаго разрушать нравственную связь, существующую между супругами (стр. 92 записки); если пораженіе этихъ правъ распространяется на приговоренныхъ къ заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ и к поселенію совершившихъ дѣянія не безчестящаго свойства, то тѣмъ болѣе оно должно быть распространяемо на приговоренныхъ къ исправительному дому. Что касается приговоренныхъ за злоупотребленіе родительскою властью или нарушеніе правъ и обязанностей супружества, то правильность ограниченія или прекращенія ихъ родительскихъ или супружескихъ правъ, самою собою, вытекаетъ изъ характера совершенныхъ ими преступныхъ дѣяній. 2) что право просить о расторженіи брака должно быть, по общему правилу, предоставлено лишь невинному изъ супруговъ, а никакъ не обоимъ супругамъ, въ томъ числѣ и осужденному, какъ постановляетъ проектъ. Представленіе такого права отдѣляться отъ брачнаго союза осужденному супругу составляло-бы ничѣмъ неоправдываемую льготу, которая, иногда, могла-бы даже служить побужденіемъ къ совершенію преступленія. Было-бы справедливо предоставить, въ видѣ изъятія, это право осужденному супругу лишь въ томъ случаѣ, если невиновный супругъ втеченіи продолжительнаго времени, напр. 2—3-хъ лѣтъ, не послѣдуетъ за виновнымъ въ мѣсто его наказанія и, тѣмъ самымъ, молчаливо выразитъ нежеланіе оставаться въ брачномъ союзѣ съ осужденнымъ.

При возникшихъ затѣмъ преніяхъ *В. А. Степановъ* предложилъ ст. 30, какъ опредѣляющую чисто гражданскія послѣдствія преступленія, изъ уголовнаго кедекса совершенно исключить, подобно тому, какъ предполагается исключить изъ него и правила о вознагражденіи за причиненные преступленіемъ вредъ и убытки. Предложеніе это было поддержано *А. А. Козловымъ* и *Ѳ. А. Быковымъ*, но всѣ остальные присутствовавшіе высказались противъ этого.

Затѣмъ Общество признало:

а) что лишеніе правъ супружескихъ должно быть распространяемо и на тѣ случаи, когда вступившій въ законную силу приговоръ, почему-либо, напр. при помилованіи, въ исполненіе не приводится и что, въ этомъ смыслѣ, должно дополнить ст. 64 проекта;

б) что къ числу преступленій, указанныхъ въ ст. 30, должно прибавить преступленія, караемыя исправительнымъ домомъ, и преступленія, заключающіяся въ злоупотребленіи родительскою или супружескою властью и въ нарушеніи супружескихъ обязанностей;

в) что право просить о расторженіи брака должно быть, по общему правилу, предоставлено только невинному супругу; виновному-же право это

можетъ быть предоставлено, только если невинный супругъ откажется послѣдовать за нимъ въ ссылку.

Притомъ однакоже, гг. *Френкель* и *Кольчевскій* полагали, что ужь если послѣдовало помилованіе, то оно и должно распространяться не только на личное наказаніе, но и на праволіпеніе. Тѣ-же двое лицъ высказались противъ распространенія ст. 30 на преступленія, караемыя исправительнымъ домомъ, а гг. *Арцруни* и *Лебединскій* полагали распространять такое праволіпеніе только на случаи заключенія въ исправительный домъ срокомъ свыше 3 лѣтъ; тотъ-же г. *Арцруни* полагалъ, что право просить о расторженіи брака ни въ какомъ случаѣ не должно быть распространяемо на виновнаго супруга, и, наконецъ, гг. *Френкель*, *Н. Смиттенъ*, *Арцруни*, *Лебединскій* и *Козловъ* полагали, что опредѣленіе праволіпеній при наказаніяхъ за злоупотребленія родительскою и супружескою властью и нарушенія супружескихъ обязанностей должно быть предоставлено усмотрѣнію суда.

Оберъ-Прокуроръ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената А. В. Ивановъ находитъ, что ст. 30 проекта можетъ возбудить сильныя сомнѣнія. Нынѣ дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ, принявъ начало *гражданской смерти*, вполнѣ послѣдовательно проводитъ для лицъ, подвергшихся этому наказанію, тѣ-же послѣдствія, которыя влечетъ за собою физическая смерть, т. е. пораженіе имущественныхъ и семейныхъ правъ. Редакціонная Коммисія отвергаетъ институтъ гражданской смерти, со всѣми его послѣдствіями (см. объясн. зап., стр. 89). Поэтому, теперь предстоитъ разрѣшить вопросъ: какія послѣдствія, въ отношеніи къ супружескимъ и родительскимъ правамъ, должно имѣть совершеніе преступленія и отбытіе наказанія? Вопросъ этотъ разрѣшается различно разными положительными законодательствами и юридическою литературою. Особенное разномысліе возбуждаетъ вопросъ о пораженіи правъ супружескихъ, сводящійся къ праву развода. Законодательства странъ *протестантскихъ* придаютъ, въ этомъ отношеніи, совершенію однимъ изъ супруговъ преступленія весьма важное значеніе. Такъ, саксонское гражданское уложеніе предоставляетъ одному изъ супруговъ право развода, въ случаѣ совершенія другимъ супругомъ предумышленнаго преступленія, или нѣсколькихъ преступленій, изъ которыхъ хотя одно предумышленое, влекущихъ за собою не менѣе трехлѣтняго лишенія свободы (ст. 1740). Комментаторы саксонскаго уложенія разъясняютъ, что право развода принадлежитъ супругу осужденнаго и въ томъ случаѣ, если послѣдній былъ осужденъ нѣсколько разъ къ болѣе краткосрочному лишенію свободы, но въ сложности, срокъ заключенія превы-

шаетъ три года. Гражданское уложеніе Цюрихскаго кантона Швейцаріи обусловливаетъ право развода осужденіемъ одного изъ супруговъ, за совершеніе уголовнаго (не политическаго) преступленія, свидѣтельствующаго о презрѣнныхъ (verächtliche) и безнравственныхъ наклонностяхъ, къ заключенію въ смирительномъ домѣ (Zuchthaus) или болѣе продолжительному тюремному заключенію (ст. 192). Законъ 6 Декабря 1843 г. для кантона Vaud допускаетъ разводъ въ случаѣ осужденія одного изъ супруговъ къ заключенію въ смирительномъ домѣ на срокъ не менѣе одного года, или къ тюремному заключенію на срокъ не менѣе пяти лѣтъ. Австрійское гражданское уложеніе (ст. 115) обусловливаетъ разводъ для лицъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, за исключеніемъ католическаго, осужденіемъ одного изъ супруговъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ (Kerker.). Наоборотъ, законодательства ***католическихъ*** странъ почти вовсе не допускаютъ развода въ случаѣ совершенія однимъ изъ супруговъ преступленія, а разрѣшаютъ въ подобныхъ случаяхъ лишь разлученіе отъ стола и ложа. Австрійское уложеніе допускаетъ подобное разлученіе въ случаѣ совершенія однимъ изъ супруговъ преступленія (ст. 109); итальянское уложеніе въ случаѣ осужденія одного изъ супруговъ къ уголовному наказанію (ст. 151). Положеніе о брачномъ союзѣ 1836 г. для Царства Польскаго допускаетъ разлученіе отъ стола и ложа въ случаѣ, когда одинъ изъ супруговъ уличенъ будетъ въ преступленіи или проступкѣ, подвергающемъ его суду и наказанію уголовному (ст. 62, п. 3). Подобное-же разномысліе по сему вопросу господствуетъ и въ литературѣ гражданскаго права. Рядомъ съ мнѣніемъ Блюнчли (*), утверждающаго, что потребность допущенія развода вызывается не столько заточеніемъ, разрушающимъ совмѣстную жизнь супруговъ, сколько совершеніемъ однимъ изъ нихъ гнуснаго преступнаго дѣянія, разрушающаго довѣріе и уваженіе къ нему другаго супруга, безъ которыхъ немыслимо существованіе настоящаго брачнаго союза,—встрѣчается не менѣе авторитетное мнѣніе Лорана, полагающаго, что совершеніе супругомъ преступленія не должно служить основаніемъ къ разводу: «во время отбытія осужденнымъ наказанія, общая совмѣстная жизнь супруговъ не имѣетъ мѣста; послѣ-же его освобожденія, другой супругъ не долженъ избѣгать его, какъ прокаженнаго. Можетъ-ли онъ найти мѣсто въ обществѣ, если онъ изгнанъ изъ домашняго очага? Богъ имѣетъ своимъ назначеніемъ взаимное усовершенствованіе супруговъ: если одинъ изъ нихъ падаетъ, другой супругъ долженъ протянуть руку помощи для поднятія его, также какъ Богъ насъ возстановляетъ, не смотря на наши

(*) Privatrecht, Gesetzbuch für den Ct. Zürich, herausgegeben von Beuntschli, 1 51 192.

паденія» (*). Въ виду столь различнаго разрѣшенія вопроса о допущеніи развода, по поводу совершенія однимъ изъ супруговъ преступленія, какъ положительными законодательствами, такъ и юридическою литературою, казалось-бы болѣе цѣлесообразнымъ разрѣшеніе вопроса о томъ, какія именно наказанія должны влечь за собою пораженія родительскихъ и супружескихъ правъ, предоставить Коммисіи для составленія *гражданскаго* уложенія, которая приэтомъ приметъ, безъ сомнѣнія, во вниманіе установленныя ею общія начала семейнаго и родственнаго союза, постановленія церковнаго права, начала обычнаго права и т. п. Въ частности, по поводу 30 ст., А. В. Ивановъ считаетъ долгомъ указать на неясность редакціи заключительной фразы первой части ея.

По смыслу этой редакціи, можно заключить, что право просить о разводѣ будетъ имѣть не только невинный супругъ, но и осужденный, съ чѣмъ, очевидно, едва-ли можно согласиться. Поэтому, если статья эта будетъ оставлена, то слѣдовало-бы выраженіе «одного изъ супруговъ»—замѣтить въ ней словами: «другаго супруга».

Раздѣляя вполнѣ соображенія Редакціонной Коммисіи относительно необходимости въ нѣкоторыхъ случаяхъ ограниченія и прекращенія для осужденныхъ супружескихъ и родительскихъ правъ, чины прокуратуры Московскихъ судебныхъ мѣстъ замѣчаютъ однако, что дѣйствія 30 ст. слѣдовало-бы распространить и на нѣкоторыхъ лицъ, приговоренныхъ къ исправительному дому. Основаніемъ 30 ст. служатъ два мотива—экономическій и моральный. Съ одной стороны, лицо, подвергнутое долгосрочному заключенію, поселенное иногда въ отдаленной мѣстности или наоборотъ, лишенное права пребыванія въ той или другой мѣстности, уже фактически не въ состояніи проявить права и исполнить обязанности, вытекающія изъ существа семейнаго союза; съ другой-же стороны, совершеніе того или другаго тяжкаго, нерѣдко позорящаго доброе имя, преступленія не можетъ не отразиться разрушительнымъ образомъ на духовно-нравственной связи приговореннаго съ остальными членами семьи, не можетъ не умалить авторитета отца или супруга. Всѣ эти условія въ большинствѣ случаевъ имѣютъ мѣсто и при примѣненіи исправительнаго дома. А. Исправительный домъ, по силѣ 26 ст., влечетъ за собою лишеніе правъ, указанныхъ въ 25 ст., и это послѣдствіе пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе для дворянъ и почет-

---

(*) Laurent Avant—projet de révision du code civil, T. II, p. 20.

ныхъ гражданъ. При обязательномъ продолженіи супружеской жизни, вы-
указанное правопораженіе должно отразиться на дальнѣйшемъ потомст.
жена, слѣдуя обязательно за лишеннымъ правъ мужемъ, безъ всякаго зако-
наго и справедливаго къ тому основанія, должна попасть въ совершенно
несвойственную ей среду городскаго или сельскаго общества. Б. Пригово-
ный къ исправительному дому, за силою 27 ст., лишается многихъ гражда-
скихъ и общественныхъ правъ на срокъ вдвое продолжительнѣе, чѣмъ
осужденный къ долгосрочному заточенію и поселенію. В. Освобожденный
изъ исправительнаго дома можетъ подлежать полицейскому надзору на срокъ
до 5 лѣтъ (31 ст.) и въ силу 32 ст. въ теченіе этого срока крайне стѣснается
въ свободѣ передвиженій, а также не имѣетъ права проживать въ нѣкото-
рыхъ мѣстностяхъ. Это положеніе поднадзорнаго можетъ, безъ сомнѣнія,
отражаться на остальныхъ членахъ семьи. Г. Исправительный домъ, какъ
слѣдуетъ предполагать, будетъ назначаться за совершеніе большинства
позорящихъ преступныхъ дѣяній (кража, мошенничество, подлогъ и пр.);
каковое обстоятельство, независимо отъ другихъ соображеній, само по себѣ
говоритъ за цѣлесообразность умаленія принадлежащихъ скомпроментиро-
ванному такимъ образомъ лицу правъ, проистекающихъ изъ семейнаго
союза. Д. Несомнѣнно, что группа преступныхъ дѣяній, совершаемыхъ въ
семейномъ кругу, извѣстныхъ подъ общимъ практическимъ названіемъ
«жестокаго обращенія», не всегда будетъ влечь наказаніе, превышающее
заключеніе въ исправительномъ домѣ, а между тѣмъ было-бы слишкомъ
сурово и даже неморально поддерживать насильственно семейный союзъ,
нагло попираемый однимъ изъ супруговъ. Е. Возраженіе, основанное на
томъ, что расторженіе брака нарушаетъ вообще принципъ святости и не-
зыблемости брачнаго союза, ослабляется тѣмъ, что оно одинаковымъ обра-
зомъ относится ко всѣмъ случаямъ, въ которыхъ законъ допускаетъ расто-
женіе брака.

На основаніи изложеннаго и въ виду того, что полное отбытіе наказанія
заключеніемъ въ исправительномъ домѣ съ его законными послѣдствіями,
могущее продолжаться до 20 лѣтъ (ст. 17, 27 и 31), наравнѣ съ прочими,
указанными 30 ст., видами наказаній, можетъ создать практическія затруд-
ненія къ осуществленію всѣхъ правъ и обязанностей, проистекающихъ изъ
семейнаго союза, что, по установившемуся въ обществѣ понятію о чест.
содержаніе въ исправительномъ домѣ можетъ лечь на виновнаго гораздо
большимъ пятномъ, чѣмъ заточеніе и поселеніе (это признаетъ сама Бох-
мисія, л. 94), что авторитетность главы семьи и прочность вообще семейнаг.
союза, какъ основанная на чисто нравственныхъ началахъ, не можетъ не
поколебаться при констатированныхъ судебнымъ приговоромъ безчестныхъ

и позорныхъ дѣяніяхъ одного изъ главныхъ членовъ семьи,—чины Москов-ской прокуратуры находятъ вполнѣ желательнымъ распространеніе дѣйствія 30 статьи и на нѣкоторыя преступныя дѣянія, караемыя исправительнымъ домомъ, указаніе-же таковыхъ дѣяній должно быть сдѣлано въ особенной части новаго уложенія.

Признавая затѣмъ въ принципѣ правильнымъ и согласнымъ съ идеею наказанія невключеніе въ область правопораженій лишенія имущественныхъ правъ, названные чины замѣчаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что по отношенію къ осужденнымъ, бракъ которыхъ въ силу 30 ст. будетъ расторгнутъ по просьбѣ невиннаго супруга, такія права не могутъ быть оставлены неприкосновенными, а должны быть ограничены, въ значительной притомъ степени, въ видахъ обезпеченія оставляемой семьи. Размѣръ этого обезпеченія будетъ, конечно, опредѣленъ законами гражданскими, но самое ограниченіе имущественныхъ правъ, какъ послѣдствіе наказанія, не мѣшало-бы прямо обозначить въ уложеніи. Въ ст. 30 говорится, правда, о томъ, что порядокъ управленія имуществомъ лицъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы, устанавливается законами гражданскими; однако, выраженіе «порядокъ управленія имуществомъ» никакъ не указываетъ на ограниченіе имущественныхъ правъ, въ смыслѣ обезпеченія членовъ семьи, а скорѣе намекаетъ на то, что эти права безраздѣльно сохраняются за осужденнымъ и, только въ силу одной необходимости, надъ его имуществомъ назначается въ особомъ порядкѣ управленіе до времени освобожденія его самого изъ мѣста заключенія.

Согласно приведеннымъ замѣчаніямъ, ст. 30 проекта могла-бы быть изложена такимъ образомъ:

«Ст. 30. Права супружескія и родительскія лицъ, приговоренныхъ къ смертной казни, каторгѣ, заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ, или поселенію, а въ особо указанныхъ закономъ случаяхъ и къ исправительному дому, ограничиваются или прекращаются; браки сихъ лицъ расторгаются по просьбѣ одного изъ супруговъ, а имущественныя права ихъ подвергаются ограниченію въ цѣляхъ обезпеченія семьи. Подробныя по симъ предметамъ правила и порядокъ управленія имуществомъ лицъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы, установляются законами гражданскими».

При обсужденіи ст. 30, совѣщаніе чиновъ С.-Петербургской прокуратуры остановилось на 3-хъ вопросахъ: 1) относительно сферы пораженія имущественныхъ правъ, какъ послѣдствія преступленія; 2) относительно предполагаемой срочности такого пораженія, и 3) относительно условій расторженія брака преступника.

По первому вопросу, вопреки мнѣнію докладчика г. Кильштет, раздѣлявшаго соображенія составителей проекта (объясн. записка, стр. 93), совѣщаніе согласилось съ замѣчаніемъ одного изъ присутствующихъ (г. Марковъ) о томъ, что предѣлы ограниченія имущественныхъ правъ преступника, хотя и должны быть указаны подробно въ законахъ гражданскихъ, но тѣмъ не менѣе, въ общихъ чертахъ они должны быть выражены и въ общей части уложенія по стольку, по скольку ими опредѣляется сущность наказаній, назначаемыхъ за преступленія. Въ этомъ смыслѣ постановленія ст. 30 не точны, такъ какъ не упоминаютъ вовсе объ ограниченіи правъ осужденнаго обязываться договорами и вступать въ сдѣлки, каковое ограниченіе должно быть прямо выражено, на ряду съ указаніемъ объ ограниченіи вещныхъ правъ осужденнаго.

По второму вопросу, въ связи съ замѣчаніями по ст. 21 проекта, было высказано (г. Марковъ), что лишеніе имущественныхъ правъ должно быть, какъ предполагала Коммисія Государственнаго Совѣта, безсрочнымъ; что оно вовсе не равносильно фиктивной смерти, какъ повидимому полагаютъ составители проекта (объясн. зап., стр. 89), такъ-какъ будетъ касаться только прежнихъ правъ, безповоротная утрата которыхъ, вслѣдствіе совершенія тяжкаго преступленія, является вполнѣ справедливою и, наоборотъ, вовсе не распространится на тѣ имущественныя права, которыя будутъ вновь пріобрѣтены по отбытіи каторги и заточенія; что, слѣдуя въ этомъ отношеніи прежнему пути постепеннаго облегченія положенія ссыльныхъ и открывая имъ возможность пріобрѣтать вновь права, равныя съ другими гражданами, законодательство наше достигаетъ вполнѣ той цѣли, къ которой стремятся составители проекта: поднять нравственный духъ преступника, указать ему выходъ изъ положенія отверженнаго, отрѣзаннаго отъ общества; при что если-бы приводить послѣдовательно высказанный составителями взглядъ о срочности всѣхъ правопораженій, то пришлось-бы допустить для преступниковъ привилегированныхъ сословій и срочность лишенія сословныхъ правъ, которыя, однако, согласно ст. 25 и 26 проекта, утрачиваются безповоротно; что назначеніе опеки надъ имуществомъ, стѣсняя права наслѣдниковъ, не лишитъ ихъ возможности, какъ повидимому полагаютъ составители проекта (объясн. зап., стр. 93), дѣлить доходы съ преступникомъ, а, напротивъ, облегчатъ послѣднему возможность пользоваться этими доходами, такъ какъ наслѣдники будутъ ждать, что, по отбытіи наказанія, преступникъ вернется и вступитъ вновь въ полное обладаніе своими правами; наконецъ, что такое возвращеніе лица, отбывшаго долгіе годы каторги и ссылки, весьма часто съ новою женой и дѣтьми, прижитыми въ ссылкѣ, крайне тяжело и въ нравственномъ, и въ имущественномъ отношеніи должно будетъ отзываться:

на прежнихъ семьяхъ, на прежнихъ наслѣдникахъ, лишить которыхъ средствъ къ существованію будетъ зависѣть вполнѣ отъ произвола ссыльнаго.

Не соглашаясь съ приведенными доводами, совѣщаніе признало, что вопросъ о срочности имущественныхъ правопораженій находится въ тѣсной связи съ разрѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросомъ о правѣ ссыльныхъ, согласно ст. 21 проекта, избирать по усмотрѣнію мѣстожительство, и что разъ ссыльный возвращается на родину, то было-бы безнравственно оставлять пользованіе его имуществомъ въ рукахъ его дѣтей и наслѣдниковъ. Поэтому совѣщаніе, согласно съ составителями проекта, полагало, что преступленіе должно влечь за собою не лишеніе, а лишь временное ограниченіе вещныхъ правъ осужденнаго и взятіе его имѣнія въ опеку.

По третьему вопросу объ условіяхъ расторженія брака,—совѣщаніе остановилось на соображеніи о томъ, что выраженіе ст. 30: «браки расторгаются по просьбѣ одного изъ супруговъ» не точно и допускаетъ различныя толкованія. Нѣкоторые изъ присутствующихъ полагали (гг. Марковъ и Тимофеевскій), что это право должно быть оставлено лишь за невиннымъ супругомъ, неслѣдующимъ въ ссылку (ст. 50 Т. X, ч. I; ст. 27 улож. о нак.), такъ какъ оно вызывается прекращеніемъ сожитія по винѣ другаго супруга и такъ какъ въ противномъ случаѣ каторжникъ, лишенный правъ, получилъ-бы возможность, по своему усмотрѣнію, расторгать семейный союзъ, что невозможно и для лицъ, пользующихся всѣми правами состоянія. Далѣе было высказано мнѣніе (г. Кичинъ), что просить о расторженіи брака можетъ и осужденный, если другой супругъ не слѣдуетъ въ ссылку. Наконецъ, остальные присутствующіе (гг. Васильевъ, Кильштетъ и Домерщиковъ) находили, что преступленіе настолько разрушаетъ нравственную связь семьи, что расторженіе брака можетъ послѣдовать по просьбѣ какъ осужденнаго, такъ и невиннаго супруга, что по видимому и желали выразить составители проекта.

Варшавскіе Присяжные Повѣренные указываютъ, что въ первомъ періодѣ ст. 30 изложено, что права супружескія и родительскія приговоренныхъ къ наказанію за преступленія ограничиваются или прекращаются. Такъ-какъ въ этой редакціи ограниченіе или прекращеніе сказанныхъ правъ въ точности не опредѣлено, не указаны его предѣлы и способъ исполненія, то и самое правило имѣетъ собственно видъ не положительнаго распоряже-

нія закона, а лишь отвлеченнаго начала, неприносящаго практической пользы, а потому въ законѣ излишняго.

Подъ конецъ, однакоже, перваго періода ст. 30 изложено и положительное постановленіе о прекращеніи одного изъ самыхъ важныхъ правъ семейственныхъ, а именно о расторженіи брака по просьбѣ одного изъ супруговъ. Сіе постановленіе помѣщено здѣсь какъ-бы не на своемъ мѣстѣ, оно кажется слишкомъ отрывочно. Послѣдствія уголовныхъ наказаній, относящіяся къ правамъ семейственнымъ, должны-бы обнимать цѣлую систему правопораженій, относящихся къ этой сферѣ, а не касаться одного только изъ нихъ съ пропущеніемъ всѣхъ прочихъ, это представляетъ очевидную неполноту системы, не встрѣчающуюся и въ нынѣ дѣйствующемъ уложеніи, которое хотя и не лучше, но послѣдовательнѣе въ этомъ отношеніи (ст. 27). Какое-бы ни было принято распоряженіе относительно вліянія преступленія на существованіе брака, оно должно быть помѣщено не въ уголовномъ, а въ гражданскомъ уложеніи и входить въ общую систему узаконеній о правѣ семейственномъ. Это отчасти такъ и сдѣлано, когда въ Сводѣ Законовъ, т. X ч. I, это правило изложено во 2 п. ст. 45, и не усматривается никакой потребности повторять тоже въ уголовномъ уложеніи. Съ точки зрѣнія уголовнаго права, въ этомъ отношеніи, было-бы наиболѣе соотвѣтственно придерживаться того правила, которое изложено въ объяснительной запискѣ (ст. 92), что: «пораженіе правъ семейственныхъ (подобно какъ и пораженіе правъ имущественныхъ) переходитъ предѣлы раціональнаго правоограниченія, такъ какъ прочность и устойчивость семейнаго союза могутъ быть вовсе не поколеблены фактомъ преступленія, и государство не имѣетъ права порвать эти узы; насильственно-же прекращая семейныя связи, оно вноситъ принципъ разрушенія въ институтъ, имъ-же столь бережно оберегаемый». Коммисія, помѣщая въ своемъ проектѣ постановленіе о расторженіи брака, основывается главнымъ образомъ на томъ, что преступленіе можетъ разрушить нравственную связь между супругами (*). Но Коммисія признаетъ также, что преступленія могутъ и не разрушать этой связи. Судъ уголовный, разсматривая преступленіе, не разсматриваетъ вопроса о томъ: нарушена-ли, или не нарушена нравственная связь между супругами. Если судъ уголовный этого не разсматриваетъ, то его приговоръ не долженъ помѣщать въ себѣ разрѣшеніе вопроса, котораго судъ не обсуждалъ. О томъ вопроса столь важнаго, какъ существованіе брака.

(*) Другихъ основаній, почерпываемыхъ изъ области нравственности и потребностей колонизаціи, какъ весьма спорныхъ и неимѣющихъ юридическаго свойства, Варшавскіе адвокаты не считаютъ нужнымъ касаться.

Если-бы, однакоже, признано было нужнымъ помѣстить въ новомъ уложеніи постановленіе о расторженіи брака, то и на этотъ случай правило, изложенное въ ст. 30, не представляется соотвѣтственнымъ. Въ немъ изложено, что расторженіе брака можетъ послѣдовать по просьбѣ «одного изъ супруговъ», а слѣдовательно каждаго изъ супруговъ. Такое правило, по мнѣнію представителей Варшавской адвокатуры, не согласно съ сущностью и цѣлью закона уголовнаго, еще болѣе, чѣмъ съ сущностью и цѣлью закона гражданскаго. Законъ уголовный наказываетъ за преступленіе, за вину. Расторженіе брака, есть не только гражданское послѣдствіе наказанія, но само по себѣ составляетъ наказаніе и притомъ весьма тяжкое. Во всякомъ случаѣ, оно составляетъ послѣдствіе *вины*. Ежели расторженіе брака составляетъ наказаніе или послѣдствіе вины, то оно должно постигнуть только виновнаго, но не должно предоставлять преимущества виновному, не должно ставить невиннаго въ зависимость отъ виновнаго. Потому, если-бы расторженіе брака могло имѣть мѣсто въ силу закона уголовнаго, то право на расторженіе брака по поводу преступленія должно-бы принадлежать не преступнику, а только супругу, въ преступленіи невиновному. Въ противномъ случаѣ, расторженіе брака составляло-бы премію за преступленіе. Преступленія могли-бы быть совершаемы именно съ тою цѣлью, чтобы расторгнуть ненавистный преступнику бракъ, чего законъ поощрять не можетъ.

Правило 30 ст. о расторженіи брака изложено столь безусловно, что оно даже не обращаетъ вниманія на религіозныя условія брака. Въ этомъ отношеніи нынѣ дѣйствующее уложеніе нѣсколько болѣе послѣдовательно. По ст. 27 уложенія 1866 г., по крайней мѣрѣ супругъ, не послѣдовавшій за осужденнымъ въ ссылку, можетъ просить о расторженіи брака свое духовное начальство, которое въ разрѣшеніи сей просьбы руководствуется правилами своего исповѣданія. Это правило доказываетъ, что существованіе брака собственно не зависитъ отъ преступленія и отъ суда уголовнаго, что по сему предмету существуютъ другія правила и другія основанія. Для тѣхъ исповѣданій, у которыхъ существуютъ особыя въ этомъ отношеніи правила, до тѣхъ поръ пока они не будутъ отмѣнены, слѣдовало-бы оставить нынѣ дѣйствующее въ этомъ отношеніи правило, ежели уже признано будетъ необходимымъ говорить въ новомъ уложеніи о расторженіи брака.

Въ Царствѣ Польскомъ и это правило въ огромномъ большинствѣ случаевъ неисполнимо. По ученію римско-католической церкви, къ которой принадлежитъ около шести милліоновъ населенія, бракъ есть союзъ нерасторгаемый. Слѣдовательно, хотя-бы въ законѣ уголовномъ и было сказано, что бракъ подлежитъ расторженію, это правило въ практикѣ не имѣло-бы къ римскимъ католикамъ примѣненія, было-бы lex imperfecta. Издавать-же

законы, которые не будутъ и не могутъ быть исполнены, несогласно съ назначеніемъ законодательства. По изложеннымъ соображеніямъ Варшавскіе Присяжные Повѣренные полагаютъ, что постановленіе о расторженіи брака, какъ послѣдствіи наказанія за преступленіе, должно быть исключено изъ проекта уложенія.

Ограниченіе правъ имущественныхъ, какъ послѣдствіе наказанія, должно-бы состоять только въ подверженіи виновныхъ въ преступленіи законному прещенію, на основаніи законовъ гражданскихъ, какъ единственно раціональной мѣрѣ, остающейся по исключеніи лишенія имущественныхъ правъ.

Согласно изложенному, было-бы умѣстно всю ст. 30 ограничить одними только третьимъ ея періодомъ, и изложить ее такимъ образомъ: правила объ ограниченіи правъ семейственныхъ и имущественныхъ, какъ послѣдствіи наказаній за преступленія опредѣляются законами гражданскими. Такая редакція была-бы согласна и съ X томомъ Свода Законовъ, и съ Гражданскимъ Уложеніемъ Царства Польскаго.

Относительно исполненія таковыхъ правилъ по отношенію къ имущественнымъ правамъ лицъ, приговоренныхъ къ наказанію за преступленія, въ Имперіи было-бы необходимо издать подробныя правила о законномъ прещеніи, что вмѣстѣ съ тѣмъ повлекло-бы за собою необходимость пересмотра законовъ объ опекѣ. Что-же касается до Привислянскаго края, то было-бы достаточно возстановить обязательную силу постановленій гражданскаго кодекса 1825 г. о законномъ прещеніи лицъ, подвергшихся наказанію уголовному, а именно возстановить силу ст. 21, 22, 500 и послѣдней части 501 ст. Гражданскаго Кодекса 1825 г., отмѣненныхъ молчаливо Уложеніемъ 1847 г. Подробныя по сему предмету постановленія были-бы здѣсь излишніе, такъ какъ постановленія сказанныхъ законовъ вполнѣ согласны съ дѣйствующими въ Царствѣ до нынѣ законами объ опекѣ и семейныхъ совѣтахъ. Ст. 23 Гражданскаго кодекса 1825 г. слѣдуетъ считать замѣненною ст. 99 Положенія 19 Февраля 1875 г. о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ Варшавскому Судебному Округу.

По мнѣнію Прокурора Кашинскаго Окружнаго Суда Безе, въ законахъ уголовныхъ должна быть опредѣлена вся совокупность послѣдствій для лица, совершившаго дѣяніе, запрещенное подъ страхомъ наказанія, т. е. во всемъ его объемѣ вся тяжесть наказанія, поэтому нельзя ограничиваться, какъ дѣлаетъ это ст. 30 проекта, только общими фразами о томъ, что права супружескія и родительскія ограничиваются или прекращаются, а правила

и порядокъ управленія имуществомъ лицъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы, установляются законами гражданскими.

Болѣе правильно было-бы опредѣлить, въ общей-же части проекта, въ чемъ должны заключаться эти ограниченія правъ семейственныхъ и имущественныхъ.

Кромѣ того, нельзя согласиться со взглядомъ составителей проекта, что имущественныя права приговоренныхъ къ наказаніямъ каторги, поселенія и заточенія на срокъ болѣе 6 лѣтъ, не должны быть нарушены, ибо въ проектѣ имѣются наказанія безсрочныя, какъ-то каторга и поселеніе, и оставлять за лицами, подвергнутыми такимъ наказаніямъ, права на имущества, пріобрѣтенныя ими до постановленія приговора, значило-бы дать имъ право контроля по управленію таковыми имуществами и право распоряженія, хотя-бы и чрезъ особыхъ лицъ.

По замѣчанію Члена Нѣжинскаго Окружнаго Суда Каменцова, редакція ст. 30 проекта, взятая отдѣльно отъ мотивовъ Редакціонной Коммисіи, можетъ на практикѣ привесть къ ошибочному заключенію, что послѣдствіемъ присужденія къ смертной казни, каторгѣ, заточенію и поселенію—должно быть обязательное ограниченіе или прекращеніе правъ супружескихъ и семейныхъ. Въ дѣйствительности-же, ограниченіе или лишеніе какъ этихъ правъ, такъ и имущественныхъ совершенно исключены изъ области правопораженій, вызываемыхъ совершеніемъ преступленія и отбываніемъ назначеннаго за него наказанія. Посему г. Каменцовъ полагалъ-бы настоящую статью исключить, предоставивъ гражданскому уложенію опредѣлить и установить всѣ измѣненія и ограниченія въ сферѣ означенныхъ правъ для лицъ, приговоренныхъ по судебному приговору къ срочному или безсрочному заключенію или поселенію.

Московская Судебная Палата замѣчаетъ, что 30 ст. проекта, опредѣляя область пораженія правъ семейныхъ и имущественныхъ лицъ, приговоренныхъ къ одному изъ поименованныхъ въ ст. 25 наказаній, не даетъ въ этомъ отношеніи никакихъ точныхъ указаній, ограничиваясь лишь общимъ положеніемъ, что права супружескія и родительскія такихъ лицъ «прекращаются» или «ограничиваются». Далѣе-же сказано, что «подробныя по симъ предметамъ правила и порядокъ управленія имуществомъ лицъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы, установляются законами гражданскими». Спрашивается, въ какихъ именно случаяхъ семейныя права этой категоріи

лицъ прекращаются и въ какихъ они лишь ограничиваются? Ни въ текстѣ закона, ни въ объясненіяхъ Редакціонной Коммисіи нѣтъ на это никакого отвѣта! Правда, въ силу той-же 30 ст. подробная разработка относящихся сюда правилъ, какъ уже было сказано выше, предоставлена законамъ гражданскимъ, но весь вопросъ именно и заключается въ томъ, можно-ли такой способъ считать раціональнымъ? Извѣстно, что въ настоящее время, образованная при Министерствѣ Юстиціи, особая Коммисія занята составленіемъ новаго гражданскаго уложенія, работы которой начались въ то время, когда настоящій проектъ общей части уложенія уже былъ выработанъ; притомъ же составленіе гражданскаго уложенія представляетъ несравненно болѣе трудностей, нежели составленіе уложенія уголовнаго. Поэтому, нужно думать, что и проектированное нынѣ уложеніе о наказаніяхъ будетъ введено въ дѣйствіе задолго до окончанія новаго кодекса гражданскихъ законовъ. Между тѣмъ, въ силу настоящей редакціи ст. 30, область пораженія правъ семейныхъ и имущественныхъ лицъ, лишенныхъ свободы, останется нерегулированною! Наконецъ, и при одновременномъ введеніи обоихъ уложеній можетъ статься, что составители гражданскаго уложенія не найдутъ возможнымъ включать въ него требуемыя ст. 30 правила. Въ виду этихъ соображеній, слѣдовало-бы уже теперь проектировать правила, въ установленіи коихъ нуждается ст. 30, и внести ихъ въ нынѣ дѣйствующіе гражданскіе законы, а затѣмъ уже будетъ дѣломъ составителей новаго гражданскаго уложенія вносить или не вносить ихъ въ послѣднее, или-же подвергнуть тѣмъ или другимъ измѣненіямъ, сообразно требованіямъ науки и практики.

Чины Орловскаго Окружнаго Суда останавливаются на томъ обстоятельствѣ, что 30 ст., касаясь ограниченій семейныхъ и имущественныхъ правъ лицъ, приговоренныхъ къ наказаніямъ, ограничивается однимъ общимъ указаніемъ на то, что права супружескія или родительскія ограначиваются или прекращаются и что браки сихъ лицъ расторгаются по просьбѣ одного изъ супруговъ; подробное-же опредѣленіе правилъ, касающихся ограниченія сихъ правъ, а равно и порядка управленія имуществомъ лицъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы, проектъ относитъ къ законамъ гражданскимъ. Практическое неудобство изъятія изъ уголовнаго уложенія подробнаго опредѣленія указанныхъ выше ограниченій правъ вытекаетъ уже изъ того, что законодательныя работы по пересмотру дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ находятся въ настоящее время въ періодѣ начинанія и, при сложности этого труда, едва-ли могутъ быть окончены одновременно съ уложеніемъ уголовнымъ, при введеніи въ дѣйствіе коего нынѣшніе гражданскіе законы

окажутся такимъ образомъ несогласованными съ 30 ст. проекта. Между тѣмъ опредѣленіе ограниченій семейныхъ и имущественныхъ правъ, какъ послѣдствій преступленій, можетъ быть съ удобствомъ помѣщено въ уложеніи уголовномъ безъ нарушенія правильной системы кодификаціи. Затѣмъ изъ соображеній къ 30 ст. проекта видно, что лица, приговоренныя къ лишенію свободы, на все время отбытія наказанія лишаются права распоряжаться своимъ имуществомъ, вступать въ сдѣлки и обязательства и пользоваться доходами. Такое ограниченіе гражданской правоспособности, хотя-бы и временное, должно быть точно опредѣлено въ уголовномъ законѣ, чего однако въ 30 ст. проекта не содержится.

Чины Уманскаго Окружнаго Суда находятъ, что смертная казнь, осуществляемая физическою смертью осужденнаго, едва-ли должна быть упоминаема въ ст. 30 уложенія, такъ какъ послѣдствія физической смерти одинаковы, какими-бы причинами смерть эта ни была вызвана.

Права лицъ, приговоренныхъ къ смертной казни, но помилованныхъ, очевидно, каждый разъ могутъ быть устанавливаемы актомъ, дарующимъ помилованіе, какъ это и указано въ объяснительной запискѣ по поводу невнесенія въ проектъ уложенія замѣны смертной казни.

По мнѣнію чиновъ Вологодской прокуратуры, изъ 30 ст. должны быть исключены слова «смертной казни», ибо физическая смерть и безъ всякихъ указаній въ уложеніи уничтожаетъ всѣ права и супружескія, и родительскія.

По поводу 30 ст. проекта Прокуроръ Орловскаго Окружнаго Суда Хрулевъ высказываетъ слѣдующія соображенія:

Всѣ постановленія о бракѣ, содержащіяся въ законахъ гражданскихъ, имѣютъ церковный характеръ въ томъ смыслѣ, что государство, нормируя въ своихъ постановленіяхъ бракъ, условія и послѣдствія его, всегда сообразовалось при этомъ съ церковными правилами и подчинялось имъ. По правиламъ церкви бракъ есть таинство и, какъ таковое, не можетъ быть уничтоженъ, т. е. расторгаемъ. Между тѣмъ жизнь, дѣлаясь сложнѣе и разнообразнѣе, заставила законодателей посмотрѣть на бракъ и съ другой стороны, со стороны соціальной.

Такимъ образомъ въ интересахъ соціальныхъ, т. е. государственныхъ, законодатель долженъ былъ обратить свое вниманіе на тѣ случаи, когда осуществленіе брака дѣлается невозможнымъ, и потому долженъ былъ уста-

новить правила, въ силу коихъ масса лицъ нашла-бы себѣ исходъ для своего несчастія. Отсюда явились постановленія, допускающія расторженіе брака: 1) при неспособности супруга къ брачному сожитію, 2) при ссылкѣ приговоренныхъ въ каторгу или на поселеніе и 3) при безвѣстномъ отсутствіи супруга въ продолженіи пяти лѣтъ (ст. 45 и 54 зак. гражд.). Изъ этого оказывается, что расторженіе брака есть необходимая уступка жизни, что условія, разрѣшающія расторженіе брака, какъ всякое условіе, есть понятіе относительное, и что законъ гражданскій представляется несмѣлою попыткою усвоить себѣ самостоятельность въ этой совершенно юридической сферѣ правоотношеній, ибо онъ не посмѣлъ идти дальше въ этомъ направленіи, когда есть много случаевъ настоятельно жизнью требующихъ права на разводъ.

Соціальная жизнь течетъ, не спрашиваясь съ законоположеніями и преградами, постановленными ей, она хлынетъ чрезъ эти преграды, если онѣ мѣшаютъ ей въ своемъ теченіи, и въ результатѣ окажется, какъ и всегда, масса несчастныхъ. Законъ долженъ быть консервативенъ; онъ долженъ быть весь до конца исчерпанъ жизнью, но тѣмъ не менѣе задача законодателя состоитъ въ томъ, чтобы уловить моментъ, когда законъ окажется отжившимъ, не отвѣчающимъ требованіямъ общественной жизни, ибо тогда только его начнетъ покрываться вредомъ, наносимымъ имъ. Такимъ образомъ, при установленіи причинъ, допускающихъ расторженіе брака, необходимо сообразоваться съ требованіями жизни и не останавливаться исключительно на неудобствахъ нарушенія церковныхъ правилъ.

Обращаясь къ послѣдствіямъ, которыя влечетъ за собою уголовный приговоръ, г. Хрулевъ замѣчаетъ, что совершеніе тяжкаго или позорящаго преступленія имѣетъ то вліяніе на брачный союзъ, что, во 1-хъ, продолжительное заключеніе или ссылка дѣлаютъ невозможнымъ существованіе его; во 2-хъ, такое преступленіе иногда разрушаетъ нравственную связь между супругами и дѣтьми, и въ 3-хъ, оно разрушаетъ имущественный строй семьи.

Законъ гражданскій уже призналъ, что разрушеніе указанныхъ выше элементовъ брачнаго союза наказаніемъ можетъ влечь за собою расторженіе брака. Теперь все дѣло заключается въ томъ, чтобы указать, какія именно наказанія, сами по себѣ и какъ послѣдствія совершенія извѣстнаго дѣянія, могутъ дать право невинному супругу не просить, а требовать расторженія брака. Проектомъ установляется такое право, когда одинъ изъ супруговъ приговоренъ къ каторгѣ, поселенію и заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ (сопряженному съ поселеніемъ), т. е. когда брачный союзъ фактически не можетъ осуществиться за ссылкою осужденнаго супруга. Но жизнь говоритъ

за то, что и помимо указанныхъ случаевъ, есть много такихъ, которыя дѣлаютъ невозможнымъ осуществленіе брачнаго союза и вмѣстѣ съ тѣмъ разрушаютъ нравственную и имущественную связь между супругами. Опытъ указываетъ, что не только предположенные проектомъ (ст. 17) десятилѣтніе сроки заключенія въ исправительномъ домѣ, но и менѣе продолжительные сроки одинокой жизни супруга оставляютъ его съ дѣтьми безъ куска хлѣба и наталкиваютъ его силою обстоятельствъ на порочную жизнь, отзывающуюся несомнѣнно и на дѣтяхъ. Такимъ образомъ преступленіе одного человѣка влечетъ за собою жизнь, полную страданій для неповинныхъ членовъ его семьи. Кто приглядывался къ жизни и имѣлъ случай наблюдать семьи осужденныхъ къ заключенію на долгіе сроки, тотъ, разумѣется, видѣлъ по истинѣ ужасное положеніе, въ которое были поставлены семьи. Страшно подумать, напр., о положеніи молодой женщины съ дѣтьми, мужъ которой приговоренъ къ десятилѣтнему заключенію въ исправительный домъ! Вѣдь это цѣлая жизнь! и быть связаннымъ все это время неразрывными цѣпями съ человѣкомъ, совершившимъ порочное преступленіе! Ни законъ, ни церковь, ни общество не могутъ желать такого ужаснаго наказанія неповинныхъ людей! Чувство справедливости заставляетъ желать иного порядка вещей. Необходимость предоставленія невинному супругу болѣе широкаго права на расторженіе брака давно уже вошло въ сознаніе общества. Кто прислушивался къ мнѣніямъ присяжныхъ засѣдателей, тотъ знаетъ, что много оправдательныхъ приговоровъ послѣдовало только благодаря тому, что, при долгихъ срокахъ заключенія, семья оставалась-бы безъ средствъ къ жизни. Несомнѣнно, что жизнь требуетъ и требуетъ настоятельнымъ образомъ измѣненія условій расторжимости брака вообще и въ особенности при осужденіи одного изъ супруговъ. Идти въ этомъ отношеніи на перекоръ жизни значитъ дѣлать несчастными массу людей, безъ всякихъ къ тому основаній, во имя какихъ-то отвлеченныхъ принциповъ, уже отжившихъ свое время.

Вотъ почему необходимо узаконить право невиннаго супруга требовать расторженія брака не только при осужденіи другаго супруга къ каторгѣ или поселенію, но и во всѣхъ другихъ случаяхъ осужденія къ заключенію на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Сроки должны быть небольшіе, и въ отношеніи къ совершителямъ позорныхъ дѣяній еще меньшіе, ибо число случаевъ, когда нравственная связь между супругами разрушается однимъ фактомъ совершенія преступленія, увеличивается, а нравственная связь составляетъ одинъ изъ преимущественныхъ факторовъ здоровой семейной жизни. Нѣтъ основанія бояться расширенія правъ на расторженіе брака. Правомъ этимъ, очевидно, воспользуются тѣ супруги, семейная жизнь которыхъ и безъ того сложилась неприглядно, а тѣ супруги, которые жили

между собою хорошо, не потребуютъ развода только потому, что супругъ приговоренъ къ какому-либо наказанію. Новый законъ дастъ жизнь мно-гимъ людей, принужденныхъ къ несчастію не по своей винѣ, и не отниметъ ни какихъ правъ у людей, которые довольны своимъ положеніемъ семейнымъ и соціальнымъ. Сроки эти должны быть для приговоренныхъ къ заточенію три года и къ исправительному дому—два года. Сроки эти не малы, ихъ слѣ-довало-бы назначить и меньше. Если для безвѣстно отсутствующихъ назна-ченъ пятилѣтній срокъ, то для супруговъ, приговоренныхъ къ заключенію, срокъ этотъ долженъ быть значительно пониженъ.

Кромѣ сего, въ 30 ст. опущено, что и имущественныя права лицъ, приговоренныхъ къ смертной казни, каторгѣ, поселенію, заточенію и испра-вительному дому, подлежатъ прекращенію или ограниченію.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, 30 ст. проекта слѣдовало-бы изложить такъ:

«Права супружескія, родительскія и имущественныя лицъ, приговорен-ныхъ къ смертной казни, по восшествіи въ законную силу приговора,—пре-кращаются».

«Права супружескія, родительскія и имущественныя лицъ, приговорен-ныхъ къ каторгѣ, поселенію, заточенію и къ исправительному дому, ограни-чиваются или прекращаются. Браки лицъ, приговоренныхъ къ каторгѣ, поселенію или заточенію на срокъ свыше трехъ лѣтъ и исправительному дому на срокъ свыше двухъ лѣтъ, расторгаются по требованію невинна-го супруга. Подробныя по симъ предметамъ правила и порядокъ управленія имуществомъ лицъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы, установляются законами гражданскими».

Ограниченіе правъ супружескихъ и родительскихъ въ нѣкоторыхъ слу-чаяхъ должно-бы, по мнѣнію Прокурора Тамбовскаго Окружнаго Суда Мо-калева, соединяться и съ заключеніемъ въ исправительномъ домѣ и тюрьмѣ, а именно, когда преступныя дѣянія были направлены противъ означенныхъ правъ: было-бы безчеловѣчно обязывать супруговъ жить вмѣстѣ, когда одинъ изъ нихъ отбылъ долголѣтнее заключеніе за истязаніе другаго или за причи-неніе ему тяжкаго насилія, невозможно также оставлять дѣтей подъ власты и надзоромъ отца, признаннаго виновнымъ въ развращеніи ихъ нравствен-ности, въ сводничествѣ и т. п. Ограниченіе правъ въ подобныхъ случаяхъ должно быть особо указано въ законѣ и въ виду этого въ 30 ст. послѣ словъ «поселенію» слѣдовало-бы добавить: «а въ случаяхъ, указанныхъ въ статьяхъ . . . . . и къ заключенію въ исправительномъ домѣ или тюрьмѣ

граничиваются» и т. д. (*). Сохраненіе за осужденными прежнихъ имуще-ственныхъ правъ во всѣхъ случаяхъ едва-ли, по мнѣнію г. Москалева, можетъ быть допущено; безъ лишенія этихъ правъ высшіе виды наказаній будутъ въ значительной мѣрѣ ослаблены и кромѣ того возникнетъ много неудобствъ для лицъ, интересы которыхъ близко связаны съ интересами осужденныхъ: при наказаніяхъ, соединенныхъ съ поселеніемъ, осужденные будутъ оторваны отъ прежняго мѣста жительства, вслѣдствіе чего всякія распоряженія имуществомъ, принадлежащимъ имъ вмѣстѣ съ другими лицами, было-бы и для послѣднихъ крайне затруднительно; что-же касается опеки, то вообще это весьма несовершенный способъ завѣдыванія имуществомъ и для другихъ совладѣльцевъ также крайне обременительный. Приведенныя соображенія имѣютъ особенное примѣненіе къ крестьянской средѣ, изъ которой и будетъ, конечно, большинство осужденныхъ: у крестьянъ все пріобрѣтаемое членами семьи считается обыкновенно достояніемъ цѣлой семьи (рѣш. гражд. кас. депар., 1881 г., № 161); притомъ благосостояніе ихъ создается почти исключительно личнымъ и совмѣстнымъ трудомъ всѣхъ членовъ семьи, въ которомъ ссыльный, безъ сомнѣнія, уже не можетъ принимать участія; какъ исключенный изъ членовъ прежняго общества, онъ даже не можетъ участвовать въ общинномъ владѣніи землею и теряетъ права на свою усадьбу (111 и 117 ст. мѣст. пол. о кр.); при такихъ условіяхъ считать его участникомъ въ общемъ семейномъ имуществѣ едва-ли было-бы справедливо.

Поэтому г. Москалевъ полагалъ-бы, что лишеніе имущественныхъ правъ для лицъ, подлежащихъ поселенію, должно быть сохранено и въ новомъ уложеніи; оно должно состоять въ томъ, что все имущество, пріобрѣтенное до осужденія, поступаетъ къ законнымъ наслѣдникамъ; кромѣ того, осужденный не долженъ пользоваться правомъ законнаго наслѣдованія, пока не будетъ освобожденъ отъ лишенія правъ, указанныхъ въ 27 статьѣ.

— —

Ст. 30, соотвѣтственно доказанной жизнію потребности, слѣдовало-бы, по мнѣнію чиновъ Рыбинскаго прокурорскаго надзора, измѣнить такъ: «Права имущественныя, супружескія и родительскія лицъ, приговоренныхъ къ смертной казни, каторгѣ, заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ и поселенію, прекращаются. Права-же супружескія и родительскія, и, въ особо установляемыхъ закономъ гражданскимъ случаяхъ, имущественныя ограничиваются для всѣхъ лицъ, присужденныхъ къ исправительному дому и заточе-

(*) Подобные случаи предусмотрѣны и нынѣ дѣйствующими законами, какъ, напр., 190 и 199 ст. улож. о нак.

нію на срокъ свыше 3-хъ лѣтъ. Браки сихъ лицъ расторгаются по просьбѣ одного изъ супруговъ. Подробныя по симъ предметамъ правила и порядокъ ограниченія имущественныхъ правъ лицъ, или управленія имуществомъ на время лишенія свободы ихъ, устанавливаются законами гражданскими. Такая редакція обусловливается потребностію, выработанною нашимъ экономическимъ и соціальнымъ строемъ жизни. Взятый изъ семьи работникъ ослабляетъ жизненные рессурсы ея, они могутъ быть возстановлены только, когда право семьи на свободу дѣйствій своихъ не задавлено мыслію, что черезъ 3—5 лѣтъ возвратится нравственно искалѣченный ея глава, опирающійся на свои законныя уполномочія требовать себѣ содержанія, ухода и проч. со стороны имъ-же разворенной семьи. Оставшаяся молодая жена, лишенная права разорвать свои супружескія узы съ осужденнымъ мужемъ, является неповинной страдалицей, какъ во время этой разлуки, такъ и по возвращеніи къ ней полноправнаго мужа, нерѣдко встрѣчающаго прибавку своего потомства и потому грубо оскорбляющаго невѣрную ему (по уставу церкви) супругу. Настаютъ новыя муки, раздоры, разворенія во имя принципа, съ которымъ не мирится чувство общечеловѣческой справедливости. Много можно было-бы указать поразительно тяжкихъ фактовъ, удостовѣряющихъ, въ какой степени необходимо установить право ходатайства одного изъ супруговъ о расторженіи брака съ осужденнымъ, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ (minimum 3 года), къ лишенію свободы. Новое уложеніе о наказаніяхъ явилось-бы первымъ проводникомъ въ жизнь русскаго народа начала гуманности для лицъ, страдающихъ отъ преступленій другихъ.

Останавливаясь на 30 ст. проекта новаго уложенія, чины прокуратуры Воронежскаго Окружнаго Суда находятъ непонятнымъ, почему условное прекращеніе правъ супружескихъ и родительскихъ, распространеніе на лицъ, приговоренныхъ къ заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ, не распространено на приговоренныхъ въ исправительному дому, по крайней мѣрѣ на тотъ-же свыше-шестилѣтній срокъ, когда, по объясненіямъ самой Редакціонной Коммисіи, заточеніемъ должны облагаться такія дѣянія, которыя не выказываютъ ни особой испорченности, ни безнравственности виновнаго, между тѣмъ, какъ исправительный домъ будетъ карать за преступныя дѣянія по преимуществу людей порочныхъ или нравственно испорченныхъ. Отсутствіе уравненія, въ этомъ отношеніи, приговоренныхъ къ исправительному дому съ присужденными къ заточенію на сроки свыше 6 лѣтъ, тѣмъ менѣе справедливо и понятно, что въ остальныхъ видахъ правопораженія то

и другія почти вполнѣ сравнены (ст. 25, 26 и 27), такъ-какъ нельзя-же считать за исправительнымъ домомъ большую пощаду правъ—потому только, что крестьяне и мѣщане, приговоренные къ этого рода наказанію, не лишаются своихъ сословныхъ правъ. Далѣе, по мнѣнію самой Коммисіи, даже одно «долговременное лишеніе свободы, при обязательномъ юридическомъ сохраненіи брака, можетъ повести только къ безнравственнымъ послѣдствіямъ для невиннаго супруга».

Во сколько-же разъ справедливѣе предоставленіе послѣднему возможности разрушенія нравственной и юридической связи, при столь-же долговременномъ содержаніи, съ супругомъ опозореннымъ и безчестнымъ. Наконецъ, *возможность* разрушенія такой связи естественнымъ образомъ поведетъ, съ одной стороны, къ сохраненію большей чистоты и нравственности семейнаго союза, съ другой—къ весьма значительному пониженію случаевъ звѣрски жестокаго обращенія порочныхъ мужей съ ихъ женами или истязаній и убійствъ. Въ практикѣ Воронежскаго Окружнаго Суда было нѣсколько случаевъ, когда жены лицъ, приговоренныхъ къ заключеніямъ въ исправительныя арестантскія отдѣленія и потомъ, по непринятіи ихъ обществами, ссылаемыхъ въ Сибирь, просили о разводѣ съ такими мужьями и предоставленіи имъ права вступить въ новый бракъ. Для жены продолжительнаго сидѣльца въ исправительномъ домѣ, въ особенности обремененной дѣтьми, если ей не будетъ дано право развода, почти нѣтъ другаго выхода, чтобы избавиться отъ лишеній, соединенныхъ съ необезпеченною жизнью, кромѣ занятій ниществомъ, проституціею и кражами. Такимъ образомъ прокурорскій надзоръ Воронежскаго Окружнаго Суда не видитъ основаній, почему-бы, въ дополненіе 30 ст., не обусловить расторженіе брака просьбою одного изъ супруговъ также и при назначеніи заключенія въ исправительномъ домѣ, по крайней мѣрѣ, на срокъ свыше 6 лѣтъ.

По поводу 30 ст. проекта чинами Тульской прокуратуры сдѣланы слѣдующія замѣчанія: Редакціонная Коммисія въ число послѣдствій наказаній включила и лишеніе семейственныхъ правъ для лицъ, присужденныхъ къ лишенію свободы на долгіе сроки, а именно свыше 6 лѣтъ, и сдѣлала это, имѣя, главнымъ образомъ, въ виду тѣ практическія неудобства, которыя вызываются долговременнымъ отсутствіемъ одного изъ супруговъ и которыя ведутъ къ фактическому разрыву супружескихъ и родительскихъ отношеній.

При этомъ, однакоже, Коммисія не включила потерю семейственныхъ правъ въ число послѣдствій заключенія въ исправительномъ домѣ на срокъ свыше 6 лѣтъ, вѣроятно потому, что это заключеніе не влечетъ за собою

поселенія; между тѣмъ, по мнѣнію названныхъ чиновъ прокуратуры, и одно заключеніе свыше 6 лѣтъ настолько ослабляетъ и разрушаетъ семейныя связи, что должно давать право на расторженіе ихъ, а потому слѣдуетъ распространить лишеніе правъ семейственныхъ и на лицъ, присужденныхъ к заключенію въ исправительный домъ на срокъ свыше 6 лѣтъ. Затѣмъ при обсужденіи той-же статьи, нѣкоторыя изъ лицъ Тульскаго прокурорскаго надзора остановились на вопросѣ о томъ, слѣдуетъ-ли сохранить осужденнымъ ихъ имущественныя права, причемъ большинствомъ высказано, что желательно было-бы распространить правопораженіе и на имущество, уже находившееся въ обладаніи лицъ, присужденныхъ къ каторгѣ, до ихъ осужденія. Основаніемъ къ такому рѣшенію послужили слѣдующія соображенія: хотя по мнѣнію Коммисіи, въ законахъ гражданскихъ и должна быть установлена опека надъ имуществомъ осужденныхъ на время отбытія ими наказанія, но отбытіе наказаній лицами, присужденными къ каторгѣ, во всякомъ случаѣ будетъ очень продолжительно, а всякая опека, какъ-бы хорошо она ни была устроена, будетъ чрезвычайно стѣснительна для семейства осужденнаго: едва-ли возможно допустить это стѣсненіе семьи въ интересахъ лицъ, присужденныхъ къ каторгѣ. Каторга назначается за самыя тяжкія, позорящія преступленія и потому при каторгѣ не только продолжительность заключенія осужденнаго, но часто само преступленіе, имъ совершенное, навсегда разрушаетъ связь преступника съ его семьей. Семьѣ, по той-же 30 ст. проекта, предоставляется право просить о лишеніи осужденнаго семейственныхъ правъ, а при такомъ положеніи несправедливо было-бы, разрушая связь преступника съ семьей, лишать эту семью возможности пользоваться имуществомъ осужденнаго и было-бы, напротивъ, справедливо, чтобы имущество пріобрѣтенное виновнымъ до его осужденія, полностью шло на обезпеченіе его семьи; самъ-же осужденный, въ случаѣ исправленія и освобожденія, будетъ лишенъ возможности вновь пріобрѣсти себѣ состояніе.

По содержанію 30 ст. проекта избранный чинами Кишиневскаго Окружнаго Суда и мѣстными Присяжными Повѣренными Комитетъ представилъ собранію названныхъ лицъ слѣдующія свои соображенія: составители проекта, исходя изъ того положенія, что наказаніе вообще не должно имѣть цѣлію пораженія семейственныхъ и имущественныхъ правъ виновнаго, сознавая неизбѣжность разрушенія семейственныхъ правъ и ограниченія или стѣсненіе въ пользованіи правами имущественными какъ естественныхъ послѣдствія наказанія,—полагаютъ, что, лишая виновнаго свободы, часто на продолжительные сроки, и вмѣстѣ съ тѣмъ возможности распоряжаться свои

имъ имуществомъ и доходами. Государство обязано облегчить въ этомъ отношеніи положеніе семьи осужденнаго, непричастной его преступленію, или же оградить отъ расхищенія имущество безсемейнаго преступника и потому остановились на мѣрахъ, установленныхъ въ иностранныхъ уголовныхъ кодексахъ, именно на обязательномъ учрежденіи опеки надъ имуществомъ лицъ лишаемыхъ свободы. Но отвергая въ принципѣ лишеніе семейственныхъ и имущественныхъ правъ, какъ дополнительное наказаніе, и признавая такое лишеніе лишь гражданскимъ послѣдствіемъ преступленія, нашли неудобнымъ говорить въ уложеніи объ учрежденіи опеки надъ имуществомъ обвиненныхъ и ограничились лишь включенною въ 30 ст. оговоркою о томъ, что правила и порядокъ управленія имуществомъ лицъ приговоренныхъ къ лишенію свободы установляются законами гражданскими, какъ-бы предоставляя кодификаторамъ гражданскихъ законовъ опредѣлить, при какихъ именно случаяхъ лишенія свободы умѣстно или необходимо учрежденіе опеки, такъ-какъ нельзя допустить, чтобы 30 ст. предполагала такое учрежденіе опеки во всѣхъ случаяхъ лишенія свободы, напримѣръ: при арестѣ или кратковременномъ заключеніи въ тюрьмѣ.

Однако такое слишкомъ общее выраженіе «лицъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы» въ особенности въ виду приведенныхъ къ 30 ст. соображеній составителей проекта уложенія о томъ, что «конечно, нельзя допустить (стр. 93), чтобы содержащіеся въ тюрьмѣ могли распоряжаться своимъ имуществомъ, совершать сдѣлки и обязательства», а также о томъ, что надъ имуществомъ лишаемыхъ свободы должна быть учреждена опека, можетъ привести составителей гражданскаго уложенія къ неправильному толкованію 30 ст., именно къ буквальному ея толкованію, можетъ поставить ихъ въ необходимость, — дабы согласовать гражданское уложеніе съ уголовнымъ — ограничить лишь установленіемъ порядка назначенія опеки надъ имуществомъ лишеннаго свободы безотносительно къ вопросу, во всѣхъ-ли случаяхъ лишенія свободы она должна быть учреждаема. А такое умолчаніе и въ гражданскомъ и въ уголовномъ уложеніяхъ можетъ породить на практикѣ такія стѣсненія для лицъ, осуждаемыхъ на краткіе сроки, которыя окажутся тяжелѣе и вреднѣе самаго наказанія.

Поэтому Комитетъ считалъ невозможнымъ оставить 30 ст. въ томъ видѣ, какъ оная проектирована, причемъ одни полагали слова: «къ лишенію свободы»—замѣнить словами: «къ смертной казни, каторгѣ, заточенію и поселенію». Другіе полагали совершенно исключить 30 ст. изъ уложенія, находя, что если пораженіе семейственныхъ и имущественныхъ правъ отвергается, какъ элементъ наказанія, и признается лишь гражданскимъ послѣд-

ствіемъ его, то логически необходимо придти къ совершенному умолчанію о томъ въ уложеніи.

Съ своей стороны, собраніе, при обсужденіи этой статьи, подвергло подробному разсмотрѣнію, слѣдующіе два вопроса: а) о разрушеніи правъ супружескихъ и объ ограниченіи или прекращеніи власти родительской лицъ, приговоренныхъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ на болѣе продолжительное время (напр. болѣе шести лѣтъ) и б) о порядкѣ осуществленія поражаемыхъ въ принципѣ имущественныхъ правъ лицъ, приговариваемыхъ къ тому или другому виду лишенія свободы.

Что касается перваго вопроса, то собраніе, исходя изъ подтверждаемыхъ опытомъ мотивовъ, изложенныхъ въ объяснительной запискѣ, что «долговременное лишеніе свободы можетъ повести только къ безнравственнымъ послѣдствіямъ для невиннаго супруга», и имѣя въ виду неудобства и часто прямую невозможность осуществленія заключенными своихъ родительскихъ правъ надъ дѣтьми, разрѣшило вопросъ этотъ утвердительно.

Второй вопросъ былъ развиваемъ въ собраніи въ предѣлахъ двухъ положеній: во 1-хъ, на указываемой въ объяснительной запискѣ непоражаемости имущественныхъ правъ, предполагающей слѣдовательно возможность и способность самостоятельнаго распоряженія своими имущественными дѣлами, и, во 2-хъ, на несовмѣстимости этого самостоятельнаго непосредственнаго распоряженія, какъ съ требованіями тюремнаго режима, такъ и часто съ фактической отдаленности мѣста заключенія отъ средоточія имущественныхъ дѣлъ.

Это послѣднее положеніе вызвало мысль о формахъ представительства имущественныхъ правъ заключеннаго, причемъ, съ одной стороны, сдѣлано было составителямъ проекта возраженіе, что рекомендуемая ими главнымъ образомъ опека надъ имуществомъ заключеннаго едва-ли будетъ удовлетворять безотлагательнымъ практическимъ требованіямъ и едва-ли будетъ всегда согласна съ интересами заключенныхъ, а съ другой стороны, указано было, что родные заключеннаго, свободно имъ избранныя лица могли-бы быть лучшими представителями и охранителями имущественныхъ интересовъ заключенныхъ.

Сознавая вполнѣ, что всѣ эти вопросы должны составить предметъ занятій составителей будущаго гражданскаго уложенія, къ области которыхъ относится опредѣленіе порядка управленія имуществомъ приговоренныхъ къ лишенію свободы, собраніе, не раздѣляя тенденціознаго взгляда Редакціонной Коммисіи, высказаннаго въ ея мотивахъ къ проекту, на обязательное установленіе опеки надъ имуществомъ заключенныхъ, нашло нужнымъ выразить пожеланіе, чтобы составители будущаго гражданскаго уложенія широ-

взглянули на этотъ крайне важный въ практическомъ отношеніи вопросъ и оставило вторую часть текста 30 ст. со словъ «подробныя по симъ. . . .» безъ измѣненія. Что касается первой части этой статьи, то собраніе, въ виду указанныхъ выше соображеній, постановило: упомянуть въ текстѣ ея и о лицахъ, приговоренныхъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ. Засимъ, усматривая изъ редакціи 1 ч. 30 ст. въ выраженіи «прекращаются» неточность, такъ-какъ супружескія права прекращаются по просьбѣ одного изъ супруговъ, собраніе предположило замѣнить это выраженіе словами «могутъ быть» и приняло 1 ч. 30 ст. въ нижеслѣдующей редакціи «права супружескія и родительскія лицъ, приговоренныхъ къ смертной казни (?) каторгѣ, заточенію, поселенію и исправительному дому, могутъ быть ограничены или прекращены; браки сихъ лицъ расторгаются по просьбѣ одного изъ супруговъ. Подробныя по симъ предметамъ правила и порядокъ управленія имуществомъ лицъ приговоренныхъ къ лишенію свободы, установляются законами гражданскими».

По поводу ст. 30 проекта члены Смоленской прокуратуры дѣлаютъ слѣдующее замѣчаніе:

Редакціонная Коммисія, включая лишеніе семейственныхъ правъ въ число послѣдствій наказанія, имѣла въ виду тѣ практическія неудобства, которыя вызываются долговременнымъ отсутствіемъ одного изъ супруговъ и которыя ведутъ къ фактическому разрыву супружескихъ отношеній. Но, становясь на эту, вполнѣ правильную, точку зрѣнія, Коммисія связала лишеніе семейственныхъ правъ съ слишкомъ продолжительнымъ срокомъ отбытія наказанія; тѣ послѣдствія, о которыхъ упоминается въ мотивахъ Редакціонной Коммисіи подъ ст. 30 проекта (ослабленіе семейныхъ связей вслѣдствіе невѣрности одного изъ супруговъ) въ дѣйствительности наступаютъ гораздо ранѣе, чѣмъ предполагаетъ Коммисія.

Въ виду изложеннаго, представляется необходимымъ распространить лишеніе правъ семейственныхъ и на лицъ, присужденныхъ къ заточенію и къ исправительному дому свыше трехъ лѣтъ.

По мотивамъ, изложеннымъ на стр. 92 (въ концѣ) объяснительной записки, Одесскій Окружной Судъ считаетъ необходимымъ распространить указанныя въ ст. 30 проекта послѣдствія на супружескія права лицъ, приговоренныхъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ на срокъ свыше шести лѣтъ; при этомъ, необходимо принять въ соображеніе не только продолжительность лишенія

свободы, но и самое свойство преступленій, караемыхъ этимъ наказаніемъ, преступленій, не только имѣющихъ, въ своемъ основаніи, безнравственные мотивы, но и осложненныхъ условіями, указанными въ ст. 56 проекта.

По ст. 30 проекта права супружескія и родительскія осужденныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ограничиваются или прекращаются; вполнѣ справедливо было-бы, по мнѣнію чиновъ Калужскаго Окружнаго Суда, причислить къ этимъ случаямъ и осужденіе въ исправительный домъ на срокъ свыше шести лѣтъ, при наличности условій, поименованныхъ въ ст. 56 проекта. Несомнѣнно, что при обращеніи подсудимымъ преступной дѣятельности въ ремесло и лишеніи его свободы на срокъ свыше шести лѣтъ, не представляется логическаго основанія къ обязательному сохраненію брачнаго союза для другаго супруга, противъ воли его, и къ сохраненію за преступникомъ, глубоко-испорченной нравственности, права распоряжаться судьбою семьи его.

Предсѣдатель Астраханской Соединенной Палаты Антоновъ полагаетъ, что правила ст. 30 о расторженіи брака по желанію невинной стороны полезно распространить и на осужденныхъ въ исправительный домъ. При обвиненіи-же въ жестокомъ обращеніи должно допустить расторженіе брака по просьбѣ невинной и въ томъ случаѣ, когда-бы виновная сторона была подвергнута наказанію менѣе строгому, чѣмъ исправительный домъ. Такъ какъ наказаніе исправительнымъ домомъ опредѣлено за преступныя дѣянія, позоряція честь обвиненнаго и показывающія не малую долю его нравственной испорченности, то обязательное сожительство въ бракѣ съ такимъ лицомъ, было-бы незаслуженнымъ отягченіемъ участи невинной стороны. Что-же касается жестокаго обращенія, то самое наименованіе этого преступнаго дѣянія показываетъ, что обязательное сожительство невинной стороны съ лицомъ, признаннымъ виновнымъ въ вышесказанномъ преступленіи, хотя-бы приговореннымъ только къ тюремному заключенію, можетъ повести къ новымъ преступнымъ дѣяніямъ со стороны обвиненнаго и къ напраснымъ незаслуженнымъ страданіямъ другаго супруга.

Люблинскій Окружной Судъ сомнѣвается въ необходимости упоминать о расторженіи брака приговореннаго къ смертной казни. Выраженіе «одного изъ супруговъ» двусмысленно. Предполагается-ли безразличнымъ — ст.

котораго изъ супруговъ ни будетъ исходить просьба, или редакторы разумѣли подъ однимъ изъ супруговъ оставшагося на свободѣ?

Чины Екатеринбургскаго Окружнаго Суда находятъ едва-ли справедливымъ вопросъ о расторженіи брака по отношенію къ невинному супругу ставить въ зависимость отъ супруга осужденнаго. Поэтому слѣдуетъ, вмѣсто словъ: «браки сихъ лицъ расторгаются по просьбѣ одного изъ супруговъ», изложить: «браки сихъ лицъ расторгаются по просьбѣ невиновнаго, не осужденнаго супруга, а въ случаѣ осужденія обоихъ супруговъ—по просьбѣ одного изъ нихъ».

Ст. 30 слѣдовало-бы, по мнѣнію Нижегородскаго Окружнаго Суда, дополнить постановленіемъ о томъ, что и при осужденіи обоихъ супруговъ къ такому наказанію, которое можетъ влечь за собою расторженіе брака,—послѣдній растограется въ случаѣ желанія котораго-либо изъ сихъ супруговъ. Такое постановленіе представляется необходимымъ въ виду того, чтобы, при поселеніи осужденныхъ супруговъ въ разныхъ мѣстностяхъ, дать возможность желающему изъ нихъ, или обоимъ, вновь вступить въ брачный союзъ. Воспрещеніе-же такого союза лишь въ виду факта состоянія въ бракѣ съ другимъ лицомъ, находящимся тоже въ ссылкѣ, можетъ вредно отразиться и на колонизаціи, какъ признаетъ и Редакціонная Коммисія въ соображеніяхъ своихъ по поводу вопроса о бракѣ ссыльныхъ.

Въ ст. 30, послѣ слова «прекращаются», желательно было-бы, по замѣчанію частнаго повѣреннаго при Бакинскомъ Окружномъ Судѣ Теръ-Саанова, прибавить: «за исключеніемъ лишь случаевъ, когда жена осужденнаго или мужъ осужденной, или дѣти ихъ, добровольно послѣдовали за осужденнымъ въ мѣсто ихъ ссылки», такъ-какъ нѣтъ правильнаго основанія лишить супруга и дѣтей, послѣдовавшихъ за осужденнымъ, семейственныхъ правъ.

По замѣчанію Владимірскаго Окружнаго Суда, разрушеніе брака лишь по просьбѣ одного изъ супруговъ, какъ объ этомъ сказано въ ст. 30, будетъ стѣснительно для желающихъ расторгнуть бракъ. Жена, при всемъ желаніи отторгнуться отъ присужденнаго къ каторгѣ мужа, можетъ быть иногда лишена возможности подать просьбу о разводѣ, частію изъ боязни отказа, въ особенности, когда хожденіе съ ходатайствомъ сопряжено съ потерею времени и денегъ и съ незнаніемъ, куда и какъ обратиться. Посему, не слѣ-

дуетъ-ли оставить безъ измѣненія порядокъ, установленный дѣйствующимъ закономъ.

Одинъ изъ чиновъ Радомскаго Окружнаго Суда полагалъ-бы желательнымъ къ ст. 30 добавить, что бракъ подлежитъ расторженію по правиламъ вѣроисповѣданія супруговъ и по требованію лишь невиновнаго супруга. Преступленіе создаетъ не права, но обязанности для преступника, поэтому неправильно предоставлять преступнику право требовать расторженія брака.

По замѣчанію чиновъ прокурорскаго надзора Казанскаго Окружнаго Суда, указаніе послѣдствій смертной казни для отношеній брачныхъ и семейственныхъ излишне, такъ-какъ права эти прекращаются физическою смертью лица сами по себѣ.

Независимо отъ сего, тѣ-же чины находятъ, что слѣдовало-бы допустить прекращеніе брака по просьбѣ невиннаго супруга; но если невинный супругъ не послѣдуетъ за приговореннымъ въ теченіе двухъ лѣтъ со времени поселенія, то бракъ расторгается и по просьбѣ приговореннаго супруга.

Въ ст. 30 собраніемъ чиновъ Кіевской прокуратуры предполагается замѣнить слова: «по просьбѣ одного изъ супруговъ», словами: «по просьбѣ невиновнаго супруга», въ виду того, что врядъ-ли будетъ логично супругу, лишенному правъ за совершенное имъ преступленіе, предоставлять какое для него право на расторженіе брака.

По мнѣнію Члена Казанской Судебной Палаты Печковскаго, раздѣляемому и прочими лицами, участвовавшими въ совѣщаніи чиновъ названной Палаты, первую половину ст. 30, касающуюся лицъ, приговоренныхъ къ каторгѣ, заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ и поселенію, слѣдовало-бы дополнить постановленіемъ, что прежнія права собственности ихъ прекращаются (ст. 25 дѣйств. уложенія). Такое пораженіе правъ представляется и справедливымъ, и необходимымъ. Если не подлежитъ сомнѣнію, что права сословныя, супружескія и родительскія, вообще, представляютъ извѣстныя значительныя блага и лишеніе ихъ въ видахъ, изложенныхъ въ проектѣ, составляетъ необходимое, для подлежащихъ непремѣнной высылкѣ изъ прежняго жительства приговоренныхъ, послѣдствіе приговора,—то врядъ-ли справедливо оставлять за ними пользованіе меньшимъ благомъ—собственностью. Оставленіе за ними пользованія необходимо будетъ нарушать права

ихъ близкихъ—жены и дѣтей, которымъ осужденный, если онъ состоитъ лавою семейства, обязанъ давать средства къ жизни, ибо онъ можетъ оставить ихъ безъ куска хлѣба, въ особенности въ томъ случаѣ, если невинный супругъ будетъ просить о расторженіи брака, и, кромѣ того, нарушаетъ права ихъ, какъ законныхъ наслѣдниковъ осужденнаго, ибо вслѣдствіе возможнаго,—по отдаленности пребыванія,—охлажденія родственныхъ отношеній, отсутствія сознанія нравственнаго долга, что относится преимущественно къ осужденнымъ въ каторгу, въ особенности въ случаѣ расторженія брака, по просьбѣ той или другой стороны,—вступленія осужденнаго въ новый бракъ и пріобрѣтенія этимъ путемъ новой семьи,—они останутся необезпеченными; между тѣмъ, какъ, по закону, они признаются наслѣдниками собственника, и, по справедливости, должны имѣть полное на это имущество право, какъ трудившіеся, въ особенности, въ низшихъ сословіяхъ, для его пріобрѣтенія. Такимъ образомъ, совокупность имущественныхъ условій новой семьи, пріобрѣтенной осужденнымъ, при условіи отсутствія у главы семейства прежнихъ, *главныхъ*, правъ его, можетъ заключаться и въ пользованіи, врядъ-ли справедливомъ, имущественными *правами прежней семьи*.

Засимъ, если даже, съ нѣкоторою основательностію, можно допустить ограниченное (п. 2 ст. 30) пользованіе осужденнаго *имъ-же нажитымъ* имуществомъ, то оставленіе за нимъ пользованія имуществомъ *родовымъ* недвижимымъ, будетъ крайнею несправедливостью; такія имущества составляютъ принадлежность *рода*, изъ котораго, вслѣдствіе проектированнаго Комиссіею пораженія правъ, данный владѣлецъ—осужденный уже, какъ-бы, выбываетъ. Затѣмъ, и по нынѣ дѣйствующимъ гражданскимъ законамъ, владѣлецъ такого имущества не можетъ распорядиться имъ неограниченно, какъ-бы благопріобрѣтеннымъ, и, наконецъ, *въ собираніи* такого имущества владѣлецъ не принималъ участія, а, напротивъ, принявъ, что осужденные, въ большинствѣ случаевъ, болѣе или менѣе нравственно-испорчены, весьма возможно, что многіе изъ нихъ даже растрачивали такое имущество. Если даже допустить, что осужденный долженъ пользоваться плодами прежнихъ трудовъ своихъ по пріобрѣтенію имущества, или даже трудами своихъ предковъ,—по родовымъ имуществамъ, то можно было-бы обязать наслѣдниковъ его, или казну, или извѣстное общество, если имущество окажется въ положеніи выморочнаго, выдавать осужденному необходимую на содержаніе его сумму. Оставленіе за осужденнымъ прежняго имущества противорѣчитъ п. 2 ст. 25 проекта, коимъ предположено лишать осужденныхъ «*выслуженныхъ имъ пенсій*», отнесенныхъ закономъ къ имуществамъ, и представляется, кромѣ того, несогласнымъ и съ мотивами проекта, въ вопросѣ объ уничто-

женіи конфискаціи, гдѣ Коммисія, совершенно справедливо разсуждая, что мѣра эта поражаетъ права ни въ чемъ неповинныхъ людей—наслѣдниковъ осужденнаго, этимъ самымъ не подвергаетъ сомнѣнію и правъ ихъ пользоваться имуществомъ осужденнаго.

Примѣръ иностранныхъ, по разсматриваемому предмету, законодательствъ не представляется достаточно убѣдительнымъ, такъ-какъ въ большинствѣ государствъ осужденное лицо, по отбытіи наказанія, возвращается въ мѣсто прежняго своего жительства,—вслѣдствіе чего передача имущества такихъ осужденныхъ наслѣдникамъ или казнѣ представлялась-бы мѣрою способною возбудить извѣстныя постоянныя неудобства: раздраженіе, непріязнь, волненія и даже преступленія; по проекту-же Коммисіи, такія лица будутъ удаляемы отъ прежняго жительства на цѣлыя тысячи верстъ, и потому такія неудобства въ нашемъ отечествѣ не должны приниматься въ соображеніе.

Необходимость предлагаемаго дополненія, при неуказаніи въ проектѣ Коммисіи (ч. 2 ст. 30) *системы правъ* пользованія осужденныхъ прежними ихъ имуществами, вытекаетъ изъ того, что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, доходъ съ имуществъ могутъ служить средствомъ преступной агитаціи,—съ цѣлями политическими.

Кромѣ того, въ этой статьѣ слово «ограничивается» должно быть уничтожено, а послѣднія строчки статьи, со словъ: «подробныя . . . . .» исключены.

По поводу правила ст. 30 проекта чины Самарскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ слѣдующее:

Редакціонная Коммисія, проводя новый взглядъ на пораженіе правъ преступниковъ, указала лишь на возможность ограниченія или прекращенія правъ супружескихъ и родительскихъ, въ отношеніи-же правъ имущественныхъ отозвалась невозможностью касаться ихъ, находя, что какое-бы преступленіе ни совершилъ виновный, нельзя лишить его возможности и права трудиться и пользоваться результатами труда, за исключеніемъ лишь имущественныхъ правъ пенсіи, которыя виновный пріобрѣлъ или долженъ былъ пріобрѣсти въ качествѣ награды за его прежнюю службу.

Обращаясь къ первому положенію, Самарскій Окружный Судъ и съ своей стороны находитъ, что права супружескія и родительскія не могутъ быть поражаемы безусловно, такъ какъ они находятся въ тѣсной связи виновныхъ съ другимъ и другими лицами, ничѣмъ неповинными. Поэтому расторженіе брака или прекращеніе власти родительской можетъ быть допущено только

въ случаѣ просьбы о томъ или одного изъ супруговъ или дѣтей. Но во всякомъ случаѣ виновный супругъ не долженъ, противу воли неповинныхъ супруги и дѣтей, пользоваться правами супружескими или родительскими.

Что же касается до правъ имущественныхъ, то Окружный Судъ считаетъ необходимымъ остановиться на уясненіи понятія вообще объ имуществѣ, которое можетъ быть пріобрѣтаемо различно, именно: какъ лично по наслѣдству и инымъ безмезднымъ путемъ, такъ и по службѣ въ награду въ видѣ пенсій, единовременныхъ денежныхъ выдачъ или пожалованія въ полную собственность недвижимыхъ имуществъ. Каждый изъ этихъ видовъ имущества безразлично составляетъ неотъемлемую собственность лица до тѣхъ поръ, пока право его не будетъ нарушено закономъ уголовнымъ или гражданскимъ. Если допустить, что тяжкія преступленія, хотя-бы и не влекущія за собою денежнаго взысканія или вознагражденія за вредъ и убытки, должны поражать право на имущество виновнаго, то это пораженіе должно распространяться на всѣ виды имущества и наоборотъ, если не допускать подобнаго пораженія правъ, то каждый изъ видовъ имущества долженъ составлять достояніе виновнаго. Между тѣмъ Редакціонная Коммисія допускаетъ, что тяжкія преступленія должны поражать право на одно только имущество, именно пенсіи, умалчивая о правѣ на другой, однородный видъ имуществъ, пріобрѣтаемыхъ пожалованіемъ, тогда какъ тотъ и другой видъ имущества составляютъ пріобрѣтеніе въ качествѣ награды за прежнюю службу. По мнѣнію Самарскаго Окружнаго Суда, тяжкія преступленія, влекущія за собою каторгу, заточеніе свыше 6 лѣтъ и поселеніе, должны поражать права виновнаго на извѣстную часть его имущества; мнѣніе это основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ: состоятельный виновный, совершившій тяжкое преступленіе противу правъ семейственныхъ (998, 1583, 1584, 1589, 1593—1597 ст. и др. улож. о нак.) и привлеченный къ отвѣтственности по жалобѣ одного изъ членовъ своего семейства, по всей вѣроятности, не пожелаетъ добровольно изъ своего состоянія обезпечить матеріально свою неповинную семью и было-бы несправедливо, въ ущербъ послѣднихъ, оставлять за виновнымъ право на обладаніе всѣмъ его имуществомъ. А потому Окружный Судъ полагалъ-бы ст. 30 изложить такъ:

«Права супружескія и родительскія лицъ, приговоренныхъ къ смертной казни, каторгѣ, заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ и поселенію, прекращаются; равно и право на имущество тѣхъ лицъ ограничивается выдѣломъ изъ него не менѣе половинной части на обезпеченіе ихъ семействъ, непожелавшихъ слѣдовать за ними въ мѣста ихъ поселенія. Браки сихъ лицъ расторгаются по просьбѣ одного изъ супруговъ. При неимѣніи семьи, право на имущество оставляется за виновнымъ.

Подробныя по симъ предметамъ правила и порядокъ управленія имуществомъ лицъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы, установляются законами гражданскими» (*).

Совѣщаніе чиновъ Варшавской прокуратуры замѣчаетъ, что, какъ видно изъ второй части ст. 30, для всѣхъ лицъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы, будутъ впослѣдствіи изданы особыя правила объ управленіи ихъ имуществами; въ чемъ будутъ заключаться эти правила, совѣщанію конечно неизвѣстно, хотя изъ объясненій Редакціонной Коммисіи (ст. 93) оказывается, что правительство считается обязаннымъ устроить особую опеку надъ имуществомъ такихъ лицъ, причемъ опредѣленіе условій и порядка назначенія такой опеки должно быть сдѣлано въ законахъ гражданскихъ. Совѣщаніе съ своей стороны находитъ распространеніе этого правила на всѣхъ вообще лицъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы, совершенно излишнимъ и полагало-бы сохранить его лишь для тѣхъ изъ нихъ, которыя поименованы въ первой части 30 ст. Въ виду этого слѣдовало-бы вторую часть этой статьи измѣнить такъ:

Подробныя по симъ предметамъ правила и порядокъ управленія имуществомъ вышепоименованныхъ лицъ установляются законами гражданскими.

Прокуроръ Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскій замѣчаетъ, что Коммисія, признавая, что ограниченія и лишенія правъ семейныхъ и имущественныхъ не могутъ входить въ область правопораженій и почитаются лишь гражданскими послѣдствіями преступнаго дѣянія, совершенно правильно установила, что подробныя по сему предмету правила должны быть изложены въ гражданскихъ законахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ объяснительной запискѣ (ст. 92) Коммисія высказала, что распространеніе правопораженія на имущественныя права виновнаго не можетъ быть вовсе допускаемо при всякомъ родѣ наказанія, ибо оно является произвольнымъ и не оправдывается никакими соображеніями права, и на этомъ основаніи въ ст. 30 проекта Коммисія провела ту мысль, что имущество всѣхъ вообще лицъ, присужденныхъ къ лишенію свободы, берется лишь въ опекунское управленіе въ порядкѣ, указанномъ гражданскими законами. Но если соображеніе это

(*) Съ своей-же стороны Товарищъ Предсѣдателя Суда Кочетковъ и Членъ Суда Устравьевъ полагали-бы текстъ 30 ст. проекта оставить безъ измѣненій.

тически, быть можетъ, и вѣрно, то едва-ли оно практически примѣнимо по отношенію хотя-бы къ такимъ лицамъ, которыя присуждаются къ каторгѣ; лица эти, по самому свойству наказанія, въ виду отдаленности отбыванія наказанія, долгосрочности онаго и неминуемаго зачисленія въ разрядъ ссыльныхъ, фактически прерываютъ всякую связь съ прежнимъ своимъ положеніемъ и вступаютъ въ совершенно новую жизнь; они лишаются и законнаго права, и физической возможности завѣдывать своими имущественными дѣлами и пользоваться доходами съ имѣнія, и установленіе надъ имуществомъ ихъ опекунскаго управленія на время отбыванія такими осужденными наказанія въ тѣхъ видахъ, что осужденные эти, по отбытіи наказанія, когда-то сами вступятъ въ управленіе своимъ прежнимъ имуществомъ, едва-ли представляется раціональнымъ, ибо оно влечетъ за собою совершенно произвольное и ничѣмъ не вызываемое стѣсненіе имущественной свободы наслѣдниковъ осужденнаго, къ коимъ имѣніе такого лица, по самому свойству наложеннаго на него наказанія, должно перейти въ естественномъ порядкѣ вещей. Мѣра эта тѣмъ болѣе представляется несправедливою, что всякое опекунское управленіе, какими-бы условіями и гарантіями оно ни было обставлено, всегда представляется для собственника имѣнія и его наслѣдниковъ актомъ весьма нежелательнымъ и невыгоднымъ, ибо, какъ дознано практикою, всякая опека сопровождается массою злоупотребленій и никакой пользы не приноситъ, за исключеніемъ лишь извѣстныхъ выгодъ самимъ опекунамъ. Указаніе-же Коммисіи на то, что система опеки надъ имуществомъ заключенныхъ можетъ казаться болѣе цѣлесообразною для охраны общественной безопасности, чѣмъ существующая нынѣ система обязательнаго перехода имущества къ законнымъ наслѣдникамъ, ибо она, будто-бы, затруднитъ наказаннымъ возможность пользоваться доходами отъ ихъ имущества во время самаго отбытія наказанія (стр. 93) едва-ли представляется вѣрнымъ: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ наслѣдники осужденнаго лица нисколько не лишены возможности оказывать матеріальную помощь и поддержку наказанному. Поэтому Глодовскій полагалъ-бы установить, что *имущество лицъ, приговоренныхъ къ каторгѣ переходитъ къ ихъ законнымъ наслѣдникамъ въ порядкѣ, указанномъ гражданскими законами*, и въ этомъ смыслѣ дополнить 30 статью проекта.

См. также приведенное подъ ст. 25 замѣчаніе Тульскаго Окружнаго суда.

Статья 31.

Надъ освобожденными отъ поселенія и изъ исправительнаго дома, а въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, и изъ тюрьмы, предоставляется высшей губернской власти право учредить, по выслушаніи мнѣнія мѣстнаго тюремнаго управленія, полицейскій надзоръ на сроки, назначенные судомъ.

Сроки сіи назначаются въ слѣдующей постепенности: не свыше восьми лѣтъ—для приговоренныхъ къ каторгѣ; не свыше пяти лѣтъ—для приговоренныхъ къ заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ, поселенію или исправительному дому; не свыше двухъ лѣтъ—для приговоренныхъ къ тюрьмѣ.

Для иностранцевъ отдача подъ надзоръ полиціи можетъ быть замѣняема, по усмотрѣнію высшей полицейской власти, высылкою за границу, съ воспрещеніемъ возвращаться въ Россію на время, соотвѣтствующее назначеннымъ въ приговорѣ срокамъ надзора.

Статья 32.

Поднадзорному воспрещается жительство и пребываніе въ указанныхъ особымъ закономъ губерніяхъ, уѣздахъ, городахъ или иныхъ мѣстахъ.

Отъ поднадзорнаго отбирается, по крайней мѣрѣ за два мѣсяца до окончанія срока его заключенія, заявленіе и письмѣ о мѣстѣ, въ которомъ онъ предполагаетъ жительствовать. Въ случаѣ уклоненія поднадзорнаго отъ такого заявленія, мѣсто жительства опредѣляется ему высшею губернскою властью.

Поднадзорному, при освобожденіи изъ заключенія, выдается путевой билетъ съ означеніемъ мѣстностей, гдѣ онъ не можетъ останавливаться, и наибольшаго срока переѣзда. По явкѣ поднадзорнаго на мѣсто жительства, путевой билетъ представляется, не позже сутокъ, мѣстному полицейскому начальству.

Поднадзорный не можетъ оставить избраннаго имъ или назначеннаго ему мѣста жительства до истеченія полугода со дня предъявленія билета. Переѣздъ въ другое мѣсто жительства или временная отлучка ранѣе этого срока могутъ быть разрѣшены высшею губернскою властью. Поднадзорный, желающій, по истеченіи упомянутаго срока, перемѣнить мѣсто

жительства, дѣлаетъ заявленіе о томъ мѣстной полиціи и получаетъ отъ нея путевой билетъ.

Проф. Миклашевскій замѣчаетъ, что противъ полицейскаго надзора, въ настоящемъ его значеніи, столько уже сказано, практика доказала такъ рельефно его полную безполезность и вредность, что нельзя не удивиться, встрѣтивъ этотъ надзоръ въ проектѣ. Разсмотрѣвъ, однако, ближе статьи проекта, касающіяся этого вопроса, оказывается, что отъ нынѣшняго полицейскаго надзора въ проектѣ, къ счастію, осталось одно только названіе. Въ виду этого рождается, прежде всего, вопросъ: нельзя-ли-бы освободиться и отъ самаго названія столь порицаемаго учрежденія, и, видоизмѣняя содержаніе, нельзя-ли перемѣнить и самое названіе? Вопросъ этотъ кажется только формальнымъ, но въ житейскихъ отношеніяхъ онъ играетъ немаловажную роль, такъ какъ общество, въ которомъ отбывшій наказаніе долженъ пріискать себѣ мѣсто и средства существованія, не скоро усвоитъ себѣ то различіе, которое является между теперешнимъ и проектированнымъ полицейскимъ надзоромъ, что, въ свою очередь, отзовется самыми плачевными результатами и на самомъ обществѣ, и на отбывшихъ наказаніе.

Мѣры, указанныя въ 32 ст., въ случаѣ учрежденія надзора въ силу 31 ст., по объяснительной запискѣ (стр. 98) имѣютъ цѣлію общественную безопасность, съ тѣмъ, однако, чтобы и интересы поднадзорнаго не были оставлены безъ вниманія. Коммисія, справедливо, эти послѣдніе интересы желаетъ возложить на особыя учрежденія, а именно: общества попеченія о выпущенныхъ изъ мѣстъ заключенія; но эти общества могутъ правильно дѣйствовать въ томъ только случаѣ, когда всякіе слѣды полицейскаго надзора надъ покровительствуемыми, отбывшими наказаніе, исчезнутъ, или, точнѣе высказавъ, когда примѣненіе и исполненіе полицейскаго надзора предоставится правленіямъ этихъ обществъ. Въ виду сего, учрежденіе надзора должно послѣдовать по выслушаніи заключенія правленія патронатства, если отбывающій наказаніе объявилъ желаніе подвергнуться его покровительству и общество приняло его подъ свою опеку; во всякомъ случаѣ, права и обязанности по надзору должны быть переносимы на правленіе общества патронатства, въ каждомъ случаѣ, если поднадзорный состоитъ подъ опекою общества патронатства. Не подлежитъ сомнѣнію, что полицейскій надзоръ составлялъ доселѣ одно изъ самыхъ важныхъ препятствій для возникновенія и надлежащаго развитія обществъ патронатства, а также, что безъ учрежденія такихъ обществъ, у отбывшихъ наказаніе не скоро будутъ средства добиться возможности пріискать себѣ подходящія мѣста и сдѣлаться честными тружениками въ общественномъ быту. Такъ какъ достиженіе послѣдней цѣли для обществен-

ной безопасности необходимо, такъ какъ самое лучшее даже устройство пре-
мъ не принесетъ ожидаемыхъ результатовъ, если отбывшій наказаніе
встрѣчаетъ на свободѣ непреодолимыя препятствія для честнаго труда и
достаточнаго заработка на свое содержаніе, то необходимо устранить эти
препятствія возникновенія обществъ патронатства, и, по возможности, облег-
чить отбывшимъ наказаніе пріисканіе себѣ средствъ честнымъ трудомъ за-
работывать на свое содержаніе, что, въ нѣкоторой мѣрѣ, можетъ быть дости-
нуто указанными выше способами. Предоставленіе-же указанныхъ прав
обществамъ патронатствъ, не представляетъ ни затрудненій, ни опасностей
ибо заслушаніе заключенія правленія общества высшею губернскою власты,
вмѣстѣ съ мнѣніемъ мѣстнаго тюремнаго управленія, не затруднительно, а
представители общества патронатства, управляющіе его дѣлами, вполнѣ
достаточно гарантируютъ правильное исполненіе правъ и обязанностей по
надзору.

Профессоръ Куплевасскій (Московскій Телеграфъ 1882 г., № 138) зам
чаетъ, что изъ статей проекта новаго уложенія о наказаніяхъ, которыя, сра-
нительно съ дѣйствующимъ законодательствомъ, болѣе благопріятны прави-
но понятымъ интересамъ общества, заслуживаютъ особеннаго внимані
ст. 31—33, касающіяся полицейскаго надзора надъ лицами, отбывшими
опредѣленный судомъ срокъ наказанія. По дѣйствующему законодательству
присужденіе къ уголовнымъ или высшимъ исправительнымъ наказаніямъ
само-собою ведетъ къ установленію полицейскаго надзора надъ преступ-
комъ. Для лицъ, сосланныхъ на житье, на поселеніе, а также для катор-
ныхъ, переведенныхъ въ ссыльно поселенцы, этотъ полицейскій надзоръ
конечно, имѣетъ постоянный характеръ; для лицъ, приговоренныхъ къ д
гимъ наказаніямъ, онъ—срочный. Для лицъ непривилегированныхъ сосло
полицейскій надзоръ бываетъ или административный, или-же общественный
По окончаніи срока исправительнаго наказанія, обществу, къ которому при-
лежитъ преступникъ, предлагается вопросъ, согласно-ли оно принять
преступника въ свою среду. Если общество согласно, то преступникъ пр-
провождается въ это общество и стоитъ подъ его полицейскимъ надзоро
Если общество отказываетъ въ пріемѣ, тогда администрація препровождает
его на водвореніе въ Сибирь, гдѣ онъ и состоитъ подъ ея надзоромъ, т. е. въ
сущности подвергаетъ его еще одному наказанію за прежнее преступле
По новому проекту, полицейскій надзоръ имѣетъ другой характеръ, менѣе
обременительный для поднадзорнаго. Прежде всего, проектъ уничтожаетъ
полицейскій надзоръ общества. Этотъ надзоръ общества никогда не былъ

дѣйствительнымъ; а правомъ отказа принять вновь въ свою среду освобожденнаго изъ заключенія общества не рѣдко пользуются съ цѣлію избавиться отъ лишняго участника въ земельномъ надѣлѣ. Совершенно соглашаясь съ составителями проекта въ томъ, что освобожденному изъ заключенія должно быть предоставлено право возвращаться въ свое прежнее мѣстожительство безъ особеннаго согласія на это общества, г. Куплевасскій считаетъ, однако, необходимымъ, чтобы всякій разъ, когда наказанный преступникъ изъявитъ желаніе возратиться въ свою общину, администрація запрашивала-бы необязательное для себя мнѣніе общества, чтобы, затѣмъ, временно не дозволить преступнику поселеніе въ общинѣ, если-бы, на основаніи этого мнѣнія и другихъ извѣстныхъ ей фактовъ, администрація пришла къ заключенію о существованіи такой вражды между преступникомъ и его односельцами, которая можетъ повести къ преступленіямъ. Что касается крестьянскаго надѣла и другаго имущества оставляемаго въ обществѣ, въ случаѣ недопущенія, го освобождаемому преступнику можетъ быть предоставлено право распорядиться своимъ имуществомъ и поручить его кому-ни будь другому на время своего отсутствія, какъ это дѣлаютъ многіе крестьяне, уходящіе по паспортамъ для заработковъ и остающіеся иногда на чужой сторонѣ нѣсколько лѣтъ.

Полицейскій надзоръ, въ томъ видѣ, какъ онъ предлагается составителями новаго уложенія, не наступаетъ самъ собою, какъ неизбѣжное послѣдствіе наказанія. Его значеніе только факультативное. Надъ освобожденными отъ поселенія и изъ исправительнаго дома, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, закономъ указанныхъ, и изъ тюрьмы, высшая губернская власть, по выслушаніи мнѣнія мѣстнаго тюремнаго управленія, можетъ установить полицейскій надзоръ на сроки не выше 8, 5 и 2-хъ лѣтъ, смотря по тяжести наказанія, которому подвергался преступникъ.

Такой-же факультативный характеръ имѣетъ полицейскій надзоръ и по французскому и германскому кодексамъ. Во Франціи вопросъ о необходимости установленія полицейскаго надзора рѣшается судомъ и, притомъ, преждевременно — не при выпускѣ преступника изъ мѣста заключенія, а еще при постановленіи уголовнаго приговора. Тоже самое и въ Германіи съ тою только разницею, что судъ не прямо устанавляетъ полиційскій надзоръ, а даетъ администраціи право установить такой надзоръ по окончаніи срока заключенія, если она сочтетъ это необходимымъ.

Самое существенное различіе полицейскаго надзора, предлагаемаго составителями проекта, отъ существующаго въ настоящее время, состоитъ въ большемъ просторѣ освобожденному избирать себѣ мѣсто жительства.

Существующій порядокъ состоитъ въ томъ, что лицамъ, состоящимъ подъ полицейскимъ надзоромъ, указывается правительствомъ опредѣленное мѣсто жительства, изъ котораго имъ не дозволено отлучаться безъ спеціальнаго каждый разъ разрѣшенія административной власти. Жительство въ столицахъ и губернскихъ городахъ такимъ лицамъ запрещено. Сущность постановленій проекта заключается въ томъ, что поднадзорному дозволяется жительствовать, гдѣ онъ пожелаетъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, указанныхъ особымъ закономъ. Но онъ долженъ заранѣе заявить о выбранномъ мѣстѣ жительства, получить отъ полиціи путевой билетъ, прибыть туда въ опредѣленный срокъ и заявить о своемъ прибытіи полиціи. Ему дается для возможность передвиженія, съ значительными, однако, ограниченіями. Въ теченіи первыхъ шести мѣсяцевъ пребываніе его въ избранномъ мѣстѣ жительства обязательно. Исключеніе допускается только по особому разрѣшенію высшей губернской власти. По истеченіи 6-ти мѣсяцевъ, онъ можетъ перемѣнить мѣсто жительства, но не иначе, какъ заявивши объ этомъ полиціи, которая должна дать ему путевой билетъ въ новое мѣсто жительства. Ст. 32 проекта предоставляетъ отбывшему наказаніе преступнику, лишенному правъ (права поступленія въ общественную и государственную службу, быть свидѣтелемъ, опекуномъ, третейскимъ судьей и другихъ подобныхъ правъ, обозначенныхъ въ ст. 27 проекта), а также поднадзорному, право ходатайствовать въ ближайшемъ окружномъ судѣ о возстановленіи его правъ или снятіи полицейскаго надзора, если прошла половина назначеннаго судомъ срока лишенія правъ или полицейскаго надзора, если, притомъ, ходатайствующій прожилъ въ послѣднемъ мѣстѣ жительства не менѣе 2-хъ лѣтъ и имѣетъ свидѣтельство о хорошемъ поведеніи отъ мѣстной полиціи и отъ мѣстнаго городскаго или сельскаго общества.

Г. Куплевасскому не ясны мотивы, по которымъ для ходатайства возстановленіи правъ и прекращеніи полицейскаго надзора требуется непрерывное 2-хъ-лѣтнее пребываніе въ послѣднемъ мѣстѣ жительства. Ни въ германскомъ, ни во французскомъ кодексѣ этого ограниченія нѣтъ. Правомъ, опредѣленное на извѣстный срокъ судомъ состояніе подъ надзоромъ полиціи можетъ быть окончательно устранено только посредствомъ помилованія; но администраціи предоставляется право во всякое время пріостановить (suspendre) полицейскій надзоръ и дать поднадзорному полную свободу мѣста жительства. Это требованіе окажется слишкомъ суровымъ по отношенію къ тѣмъ лицамъ, лишеннымъ правъ или состоящимъ подъ полицейскимъ надзоромъ, которыя, при всемъ своемъ хорошемъ поведеніи, принуждены были вслѣдствіе какихъ нибудь неблагопріятныхъ обстоятельствъ, перемѣнить мѣсто жительства въ послѣдніе два года. Только тогда перемѣна мѣста жи-

тельства должна быть разсматриваема какъ основаніе для отказа въ удовлетвореніи ходатайства, когда эта перемѣна свидѣтельствуетъ объ отсутствіи привычки къ правильному труду или о порочныхъ наклонностяхъ, и въ этомъ отношеніи суду, рѣшающему дѣло, слѣдовало-бы предоставить полную свободу.

По поводу этой статьи слѣдуетъ замѣтить еще, что она редактирована такъ, что, въ случаѣ невыдачи полиціей свидѣтельства о хорошемъ поведеніи, суду отрѣзывается всякая возможность уважить ходатайство. Всякому извѣстно состояніе у насъ низшей полиціи, какъ правительственной, такъ и общественной, а потому едва-ли благоразумно ея свидѣтельству о хорошемъ или нехорошемъ поведеніи придавать такое абсолютное значеніе. Достаточно, если будетъ постановлено, что судъ уважаетъ ходатайство или отказываетъ въ немъ, *по разсмотрѣніи* данныхъ о просителѣ, представленныхъ полиціею и мѣстными обществами.

Составители проекта предполагаютъ предоставить возможность поднадзорному жить вездѣ, гдѣ онъ пожелаетъ, за исключеніемъ мѣстностей, указанныхъ *закономъ*. Такими мѣстностями, конечно, будутъ прежде всего столицы и многолюдные города, гдѣ въ особенности необходимо предупреждать скопленіе лицъ съ преступными наклонностями. Но едва-ли могутъ быть обозначены напередъ въ законѣ всѣ тѣ мѣстности, пребываніе въ которыхъ слѣдовало-бы запретить данному преступнику, въ видахъ предупрежденія преступленія.

Нерѣдко случалось, что отбывшіе тюремное заключеніе, возвращаясь въ ту общину, въ которой они жили до своего заключенія, производили поджоги въ отместку за наказаніе, понесенное, благодаря содѣйствію или свидѣтельству на судѣ лицъ изъ этой общины. Запрещеніе поднадзорному жить въ маленькой общинѣ иногда можетъ быть, по своему общественному значенію, важнѣе, чѣмъ запрещеніе жить въ столицахъ.

Г. Куплевасскій думаетъ поэтому, что опредѣленіе запрещенныхъ мѣстностей должно быть сдѣлано особо для каждаго отдѣльнаго преступника постановленіемъ правительственнаго или судебнаго учрежденія, распоряжающагося судьбою преступника, освобождаемаго изъ заключенія. Конечно, вполнѣ допустимо и опредѣленіе напередъ закономъ или общимъ административнымъ распоряженіемъ нѣкоторыхъ мѣстностей (напримѣръ, столицъ), закрытыхъ для извѣстныхъ категорій преступниковъ; но, во 1-хъ, эти ограниченія мѣстожительства не должны имѣть такого всеобъемлющаго характера, какой они имѣютъ въ дѣйствующемъ правѣ, по которому *всѣмъ* поднадзорнымъ запрещается жить въ столицахъ и во *всѣхъ* губернскихъ городахъ; во 2-хъ, общій списокъ запрещенныхъ мѣстностей долженъ быть

пополненъ другими мѣстностями, по соображеніи характера и личныхъ отношеній преступника. На основаніи подобныхъ соображеній, по французскому закону о полицейскомъ надзорѣ 23 января 1874 г. и по германскому уголовному кодексу (§ 38), обозначеніе мѣстностей, пребываніе въ которыхъ поднадзорному запрещено, дѣлается правительствомъ отдѣльно по отношенію къ каждому преступнику, при выпускѣ его изъ заключенія.

Г. Куплевасскій считаетъ такимъ образомъ необходимымъ, чтобы подлежащемуся подъ полицейскимъ надзоромъ закрыты были *только* тѣ мѣстности, гдѣ отъ его присутствія можно заранѣе ожидать вреда, но за то всѣ такія мѣстности, хотя бы это было маленькое село; ему представляется необходимымъ опредѣленіе этихъ мѣстностей въ каждомъ частномъ случаѣ, а потому является вопросъ, какому учрежденію должно быть предоставлено установленіе этихъ ограниченій. Кажется, что указаніе запрещенныхъ мѣстностей должно быть дѣлаемо каждый разъ тѣмъ-же самымъ учрежденіемъ, которое, по проекту, рѣшаетъ болѣе общій вопросъ, слѣдуетъ-ли установить полицейскій надзоръ надъ выходящимъ изъ заключенія преступникомъ или же не слѣдуетъ, т. е. высшею губернскою властью, по выслушаніи мнѣнія тюремнаго управленія (г. Куплевасскій даже предпочелъ-бы редакцію нѣсколько иную: постановленіемъ тюремнаго управленія, съ утвержденіемъ губернской власти). Конечно, говоря это, онъ имѣетъ въ виду преобразованное тюремное управленіе съ персоналомъ, на знанія и безпристрастіе котораго можно полагаться. Если-бы тюремное управленіе сочтено было недостаточно компетентнымъ для этого, то какъ установленіе полицейскаго надзора, такъ и списокъ запрещенныхъ данному лицу мѣстностей можно было предоставить окружному суду, но не при постановленіи приговора, т. е. не до отбытія наказанія, а по окончаніи срока заключенія. Если составители проекта нашли возможнымъ представить окружному суду разрѣшать ходатайства о возстановленіи правъ и прекращеніи полицейскаго надзора, то расширеніе вліянія суда на самое установленіе полицейскаго надзора и опредѣленіе запрещенныхъ мѣстностей едва-ли они найдутъ слишкомъ смѣлымъ.

Г. Н. Селивановъ (Юридическій Вѣстникъ, 1883 г., № 10) замѣчаетъ, что изъ сопоставленія правилъ о надзорѣ, по проекту и по иностраннымъ кодексамъ, видно, что проектъ весьма близко подходитъ къ французскому типу; какъ тутъ, такъ и тамъ назначеніе надзора зависитъ отъ характера главнаго наказанія. Ст. 32 проекта составляетъ почти буквальную передачу 44 ст. (закона 23 Января 1874 г.), такъ что положеніе поднадзорныхъ у насъ значительно приблизится къ положенію поднадзорныхъ во Франціи. Если

ственное отличіе ст. 32 проекта отъ ст. 44 французскаго кодекса заключается въ томъ, что, по проекту, осужденный долженъ указать избранное имъ мѣсто жительства за два мѣсяца до освобожденія, а по 44 ст. за 2 недѣли, 1-й-же п. 31 ст. совершенно сходенъ съ 38 § германскаго уложенія. Сроки надзоровъ не совпадаютъ съ сроками иностранныхъ кодексовъ.

Переходя засимъ къ разсмотрѣнію института полицейскаго надзора по существу, г. Селивановъ прежде всего останавливается на вопросѣ: слѣдуетъ-ли считать отдачу подъ надзоръ полиціи за наказаніе? Противъ признанія его за наказаніе слышится не мало возраженій. Возраженія эти главнымъ образомъ сводятся къ тому, что надзоромъ не достигается ни одна изъ цѣлей, преслѣдуемыхъ наказаніемъ.

Онъ не будетъ касаться различныхъ опредѣленій цѣли наказанія, — этого краеугольнаго камня уголовнаго права, и отмѣтитъ лишь главныя возраженія противъ отнесенія надзора къ наказаніямъ. «Признаемъ за несомнѣнное, говоритъ Шатанье (Chatagnier), что Эли и Далло (Dalloz) правы и что цѣль наказанія — поддержка общественнаго порядка и покровительство закона какъ страхомъ внушаемаго наказанія, какъ требуемымъ имъ искупленіемъ, такъ и исправленіемъ преступника, котораго оно старается достигнуть. Но надзоръ не достигаетъ ни одной изъ этихъ цѣлей. Онъ не внушаетъ страха, потому что не обнаруживается никакимъ видимымъ признакомъ. Въ этомъ отношеніи онъ даже не имѣетъ того преимущества, которое имѣло клейменіе и выставка къ позорному столбу. Надзоръ не искупленіе, — онъ только предосторожность. Онъ также не исправляетъ виновнаго—это доказываютъ факты». «И такъ, продолжаетъ Шатанье, — надзоръ долженъ быть признанъ лишь простой полицейской мѣрой. Пусть лица, незнакомыя съ уголовнымъ правомъ, вооружась академическимъ словаремъ, доказываютъ намъ, что наказаніе—это горе и страданіе, а такъ какъ надзоръ тоже горе и страданіе, то слѣдовательно и надзоръ тоже есть наказаніе. Это естественно. Но, что трудно понять — это то, что и юристы такъ разсуждаютъ. Одно изъ двухъ: или отбросить всѣ принципы уголовнаго законодательства, освященные многими вѣками и народами, или признать, что наказаніе, съ точки зрѣнія закона, не что иное, какъ возмездіе за проступокъ; а такъ какъ надзоръ не есть возмездіе за проступокъ, то и невозможно относить его къ числу наказаній». Шовѐ и Эли также признаютъ за надзоромъ лишь характеръ опеки. Они говорятъ: «Мы вовсе не лишаемъ общества права принимать мѣры предосторожности противъ лицъ, поведеніе которыхъ оно имѣетъ справедливое основаніе подозрѣвать. Человѣкъ, уличенный закономъ въ какомъ-либо преступленіи, не можетъ стоять въ общественномъ мнѣніи на одной доскѣ съ тѣмъ, чья жизнь была всегда безупречна. Его окружаетъ справедливое недо-

вѣріе, и общественная власть только соглашается съ этимъ мнѣніемъ, принимая въ свою очередь нѣкоторыя мѣры надзора. Это, въ своемъ родѣ, исправленіе, которому общество подвергаетъ его, прежде чѣмъ возвратить ему права. Если на это возразятъ, что онъ уже отбылъ свое наказаніе, что этимъ искупленіемъ онъ смылъ свой грѣхъ, что долгъ его относительно общества уплаченъ,—то мы отвѣтимъ, что онъ вовсе и не отбываетъ другаго наказанія, а только поставленъ въ нѣкоторое стѣсненіе, которое не должно обуздывать уже наказанную вину, а только присоединено къ его положенію освобожденнаго преступника; что хотя общество его и не отталкиваетъ, и не обращаетъ вниманія на отбытое имъ наказаніе, но помнитъ его преступленіе и допускаетъ его въ свою среду, подъ условіемъ гарантіи его лучшаго поведенія. Надзоръ, слѣдовательно, есть законная мѣра, которую общество имѣетъ право употреблять въ интересахъ самосохраненія, но онъ не наказаніе. Наказаніе отбыто, а также вина не можетъ быть дважды наказана». Нечего и говорить, что это мнѣніе вполнѣ справедливо, что надзоръ не долженъ быть наказаніемъ. Но хотя теорія, въ лицѣ указанныхъ ученыхъ, приходитъ къ отрицательному отвѣту на поставленный вопросъ, — практика рѣшаетъ его иначе и современные кодексы признаютъ надзоръ наказаніемъ. Такъ на него смотрятъ и составители проекта, и французское уложеніе (см. ст. 11. С. Р.). Берто замѣчаетъ по этому поводу: «о надзорѣ упоминается въ главѣ о наказаніяхъ (ст. 11), и онъ, не только по названію, но и по характеру своему, долженъ быть отнесенъ къ наказанію».

На сколько-же тяжело это наказаніе и каково положеніе поднадзорнаго? Это первый вопросъ, на которомъ теперь слѣдуетъ остановиться. Относительно безъисходности и тяжести этого положенія не можетъ быть и споровъ. Французскіе и русскіе практики и теоретики сходятся въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ. Шатанье говоритъ, что онъ, въ качествѣ члена суда и судебнаго слѣдователя, не разъ встрѣчалъ случаи, когда обвиняемые просили лучше долыше держать ихъ въ тюрьмѣ, чѣмъ отдавать подъ надзоръ полиціи. Изъ одного этого уже ясно видно, какъ не легокъ надзоръ. Дѣйствительно, анализируя положеніе поднадзорнаго, трудно найти что-либо болѣе тяжелое. Одинъ изъ французскихъ практиковъ, Легранъ такъ рисуетъ картину появленія поднадзорнаго въ общинѣ: «Подлежащій надзору, говоритъ онъ, избралъ мѣсто жительства; мэръ предупрежденъ, что опасный человѣкъ готовится поселиться въ его общинѣ. Это дѣлается всѣмъ извѣстнымъ; всѣ испуганы и запираютъ передъ нимъ двери; онъ предложитъ взять его на работу — всякій съ ужасомъ отъ него отшатнется, и несчастный по необходимости долженъ идти въ другую общину, гдѣ снова повторяется то-же самое». Это во Франціи. Въ Россіи — буквально то-же самое. Въ «Судебной Газетѣ»

г. Тимановскій разсказываетъ, что когда поднадзорный обвиняется въ самовольной отлучкѣ съ мѣста жительства, то у него съ каждымъ обвиняемымъ происходитъ приблизительно слѣдующій діалогъ: «Вы были отданы подъ надзоръ; должны были жить въ такомъ-то мѣстѣ; зачѣмъ вы отлучились»? «Помилуйте, тамъ невозможно было жить: городокъ маленькій, всякій на тебя пальцемъ тычетъ; было хорошее мѣсто — отказали, узнали, что поднадзорный». «Вы-бы другое мѣсто искали; наконецъ-бы занялись поденной работой». «Пробовалъ — нашему брату и на поденьщинѣ дешевле платятъ: съ тобою, говорятъ, хлопотъ не оберешься, въ полицію изъ-за тебя начнутъ таскать и пр.».

По словамъ одного изъ французскихъ практиковъ, Фремона (Fremont), «всѣ криминалисты, серьезно разбиравшіе опустошительные результаты надзора полиціи, единогласно требуютъ его отмѣны, или, по крайней мѣрѣ, радикальнаго измѣненія. Они сознали, что освобожденный преступникъ ни въ чемъ не встрѣчаетъ такого неопреодолимаго препятствія къ возвращенію на путь порядка и честнаго труда, какъ въ этомъ дополнительномъ наказаніи, во сто разъ болѣе жестокомъ, чѣмъ главное». Не ошибочно многіе, писавшіе по поводу надзора, указываютъ на его сильное родственное сходство съ клейменіемъ. Какъ то, такъ и другое, служатъ одной цѣли: отмѣтить человѣка опаснымъ предъ обществомъ. Какая-же другая цѣль можетъ заставить дѣлать надзоръ явнымъ? Сами составители проекта допускаютъ, что въ случаѣ, если поднадзорный будетъ затрудненъ въ возможности существованія и пріисканія себѣ заработка, то надзоръ, являющійся лишь дополнительною карательною мѣрою, можетъ самъ обратиться въ крайне тяжкое наказаніе. Не затрудненъ-же онъ быть не можетъ; даже сами защитники полицейскаго надзора quand même понимаютъ и не отрицаютъ его тяжести. Такъ, Паско, между прочимъ, говоритъ: «надзоръ всегда имѣетъ для осужденнаго роковыя послѣдствія съ точекъ зрѣнія нравственной и матеріальной. Человѣкъ, подвергнутый этому наказанію, слишкомъ часто служитъ заранѣе предметомъ отвращенія и презрѣнія. Каково-бы ни было его поведеніе, раскаивается-ли онъ, или продолжаетъ слѣдовать своимъ заблужденіямъ, — онъ почти всегда парій, котораго отталкиваютъ,—нѣчто въ родѣ зачумленнаго, котораго съ ужасомъ избѣгаютъ. Какъ можетъ онъ, подъ вліяніемъ этого постояннаго нравственнаго и роковаго шельмованія, исправиться? Какъ можетъ онъ не быть способнымъ на зло, если его не признаютъ способнымъ на добро? Онъ съ яростью погружается въ преступленіе и объявляетъ обществу, которое его отталкиваетъ, безпощадную войну». «Пусть такъ, продолжаетъ этотъ защитникъ надзора, пусть поднадзорный лишенъ средствъ къ пропитанію,— тѣмъ хуже для него. Какъ-бы ни были ужасны послѣдствія надзора, все-таки

выгоды, имъ приносимыя, будутъ значительно выше его неудобствъ». Но въ томъ-то и дѣло, что надзоръ никакихъ выгодъ не приноситъ. Онъ—зло, которое не должно терпѣть цивилизованное государство. Вѣкъ клейменія и жестокихъ каръ давно перешелъ область преданій, и, конечно, ни одинъ разумный человѣкъ о томъ не пожалѣетъ. Не лишне вспоминать иногда слова, еще въ прошломъ столѣтіи сказанныя знаменитымъ Монтескье: «времена жестокихъ казней были и временами самыхъ звѣрскихъ преступленій».

Но посмотримъ, насколько полицейскій надзоръ защищаетъ общество отъ преступныхъ посягательствъ. Что надзоръ полиціи долженъ преслѣдовать одну эту цѣль,—конечно, не можетъ быть и спора. Вопросъ только въ томъ, насколько она имъ достигается. Защитники надзора такъ опредѣляютъ его пользу. «Поднадзорный, говоритъ Паско, несвободный въ передвиженіяхъ, не можетъ отправляться во всѣ тѣ мѣста, куда его влечетъ преступная воля, — слѣдовательно, онъ и не будетъ въ состояніи приготовить и устроить посягательство съ тою легкостью, какъ это дѣлаетъ человѣкъ, не встрѣчающій въ своихъ передвиженіяхъ никакихъ препятствій. Рука полиціи всегда тяготѣетъ надъ его головою; онъ знаетъ, что она контролируетъ каждый его шагъ, наблюдаетъ за каждымъ его дѣйствіемъ; страхъ быть открытымъ долженъ удержать протянутую руку и разрушить въ зародышѣ самые коварные замыслы. Благодаря надзору, общественная и политическая безопасность являются болѣе огражденными». Все это только слова, но убѣдительныя сами по себѣ и совершенно опровергаемыя жизненною правдою: надзоръ не устрашитъ готоваго на преступленія (*). Мѣры устрашенія никогда пользы не приносятъ. Предупреждать-же преступленія должна полиція: это не входитъ въ задачи уголовнаго законодательства. Полиція можетъ надзирать не только за осужденными, но и за всѣми тѣми изъ гражданъ, кои умышляютъ посягательство на общественныя отношенія. Съ принадлежностью полиціи негласнаго надзора и права предупрежденія, въ установленіи особаго полицейскаго надзора надъ осужденными — не представляется никакой надобности. И это тѣмъ болѣе, что цѣль его положительно не достигается. Г. Христіановичъ, въ изданныхъ Министерствомъ Юстиціи «Матеріалахъ для пересмотра нашего уголовнаго законодательства» (т. III, стр. 50) говоритъ, что «практика достаточно выказала слабыя стороны, чтобы не сказать—несостоятельность означенной мѣры надзора по самому ея существу: ибо, не говоря уже о крайней, недосягаемой для полиціи трудности ея-

(*) Въ 1882 г. въ одномъ городѣ, В. Волочкѣ, 9 чел. поднадзорныхъ привлекались въ качествѣ обвиняемыхъ за важныя преступленія, а 26 были присуждены за проступки власти.

стоянно слѣдить за тою или другою личностью (при невозможности сопровождать ее повсюду, гдѣ бы она ни находилась), поднадзорный, естественно, становится лишь осторожнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, т. е. онъ болѣе разборчивъ на средства для совершенія задуманнаго преступленія, болѣе обдуманно и тщательно заботится о сокрытіи слѣдовъ преступленія, — словомъ, онъ находится въ положеніи человѣка, предупрежденнаго объ угрожающей ему опасности, а слѣдовательно, и болѣе предусмотрительнаго».... «Надзоръ секретный имѣетъ безспорное преимущество предъ явнымъ, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что лицо, не знающее, что за нимъ слѣдятъ, скорѣе обнаружитъ въ своихъ дѣйствіяхъ признаки приготовленія къ задуманному имъ преступленію и слѣдовательно явится большая возможность предупредить со стороны его вредъ, или обнаружить противъ него улики».—Французскіе практики высказываются совершенно согласно съ этимъ мнѣніемъ; такъ, напр., почти буквально то-же самое говоритъ Шатанье: «поднадзорный окружаетъ себя большими предосторожностями, обдумываетъ свой планъ съ большимъ вниманіемъ, таинственностью и ловкостью и, такимъ образомъ, имѣетъ больше случаевъ избѣгать преслѣдованія».

Сказаннаго, какъ полагаетъ г. Селивановъ, довольно. Впрочемъ, будь надзоръ только безцѣленъ, онъ не вызывалъ-бы тѣхъ возраженій, которыя вызываетъ теперь. Дѣло въ томъ, что онъ безусловно вреденъ и опасенъ для общества и сохраненіе его въ кодексѣ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ цѣлями уголовнаго правосудія. Вредъ его заключается въ той трудности, съ которой связано для поднадзорнаго отысканіе работы и о которой мы уже упоминали. Хотя составители проекта новаго уложенія и говорятъ, что надзоръ не долженъ вредить интересамъ поднадзорныхъ и отягчать и безъ того уже трудное положеніе этихъ лицъ; но подобный надзоръ можно создать на бумагѣ, а ужь никакъ не въ дѣйствительности. Одно только близкое отношеніе поднадзорнаго къ полиціи заставитъ избѣгать принятія его услугъ. «Каждый наниматель, говоритъ Н. А. Неклюдовъ, предпочтетъ вступить въ договоръ съ лицомъ, не состоящимъ подъ надзоромъ, дабы не имѣть никакихъ столкновеній съ полиціей». Личный опытъ г. Селиванова не разъ утверждалъ его въ справедливости этого предположенія. Французская теорія и практика держатся того-же мнѣнія. «Дознано, говорятъ Шово и Эли, что система отдачи подъ надзоръ была источникомъ огромнаго количества рецидивовъ; поднадзорный, не имѣя часто возможности найти работу въ назначенномъ ему мѣстѣ, скрывался оттуда и предавался бродяжничеству, которое было постоянной угрозой общественной безопасности». «Никогда надзоръ не могъ помѣшать, говоритъ Фремонъ, отбывшему наказаніе—совершить новое преступленіе. Наиболѣе частымъ послѣдствіемъ отдачи подъ надзоръ поли-

ціи является лишеніе поднадзорнаго возможности найти заработокъ, что неизбѣжно натолкнетъ его на путь бродяжничества, нищенства и преступленій». Да иначе и быть не можетъ. Всегда и вездѣ люди честные будутъ избѣгать людей порочныхъ; это естественно. Человѣкъ-же, состоящій подъ явнымъ надзоромъ, при томъ на основаніи отзыва близко знающаго его прежняго начальства (ст. 31 проекта),—не можетъ не считаться порочнымъ человѣкомъ. Высшая губернская власть, отдавшая его подъ надзоръ, тѣмъ самымъ говоритъ обществу: «вотъ человѣкъ, котораго тюрьма не исправила, который остался все-таки испорченнымъ, опаснымъ — берегитесь его!» Какъ-же не сторониться отъ него обществу? Разъ-же общество сторонится отъ человѣка—ему не найти работы; никакія услуги полиціи ему въ томъ не помогутъ. Сами составители проекта сознаютъ, что нельзя возложить на полицію заботы о выпущенныхъ арестантахъ. Такимъ образомъ, новое уложеніе не избавитъ поднадзорныхъ отъ отчужденія общества, и трудность пріисканія имъ работы, какъ слѣдствіе этого отчужденія, останется неизмѣнною; съ ней вмѣстѣ останутся и вредъ и опасность отдачи отбывшихъ наказаніе подъ особый надзоръ полиціи. На сколько вообще мало ограждается общество отъ поднадзорныхъ, по проекту новаго уложенія, видно изъ слѣдующаго. «Безусловное прикрѣпленіе къ мѣсту жительства, хотя-бы и добровольно избранному поднадзорнымъ», говорятъ составители, «можетъ представиться весьма невыгоднымъ. Предположенія осужденнаго объ условіяхъ жизни, по выходѣ на свободу, могутъ оказаться не вѣрными; дальнѣйшее пребываніе въ избранномъ мѣстѣ можетъ или вредно вліять на его здоровье, или лишить его возможности существовать».... «поэтому Коммисія предполагаетъ разрѣшить прожившему полгода въ избранномъ мѣстѣ просить о переводѣ въ другое» (Объясн., стр. 90). Но чѣмъ-же долженъ питаться поднадзорный эти полгода? Положимъ, губернаторъ можетъ и ранѣе 6-ти-мѣсячнаго срока разрѣшить ему оставить то мѣсто, гдѣ онъ не можетъ найти работы, — но когда-то отъ губернатора придетъ отвѣтъ. Почему-бы, напримѣръ, не представить начальнику уѣздной полиціи давать это разрѣшеніе?

Ст. 32 проекта совершенно одинакова съ 44 ст. франц. улож. (изд. 74 г.); нелишнее, потому, посмотрѣть—въ какомъ положеніи находятся нынѣ поднадзорные во Франціи. Вотъ что говоритъ, между прочимъ, Лагрэнъ, сочиненіе котораго появилось въ 1882 г., т. е. 8 лѣтъ спустя послѣ изд. закона 1874 г. «Нѣтъ судьи, говоритъ онъ, который-бы не получалъ отъ поднадзорнаго, обвиняющагося въ самовольной отлучкѣ съ назначеннаго ему мѣста жительства, слѣдующаго отвѣта: «когда находишься подъ надзоромъ, то нѣтъ работы; никто не хочетъ вашихъ услугъ, а между тѣмъ и умирать-же съ голоду».—Такъ будетъ и у насъ, если ст. 31 и 32 проекта и

будутъ вычеркнуты изъ уголовнаго уложенія. Считая установленнымъ фактъ, что поднадзорный не можетъ найти себѣ работы, не трудно понять, къ чему это должно вести и какая опасность въ этомъ случаѣ грозитъ обществу. Отсутствіе труда и занятій не даромъ признается однимъ изъ наиболѣе частыхъ поводовъ къ преступленіямъ. Безъ труда невозможно исправленіе порочнаго человѣка. Одинъ честный трудъ лечитъ злую волю. Но что вынужденъ дѣлать человѣкъ, всѣми отталкиваемый, всѣми презираемый, не могущій найти работы, голодный, безпріютный, отдаленный отъ семьи (такъ-какъ рѣдко поднадзорный пойдетъ на родину, гдѣ всѣ его знали за честнаго человѣка, гдѣ все говоритъ ему о преступленіи, имъ совершенномъ)? Будетъ-ли онъ другомъ обществу, будетъ-ли охранять его интересы, или же, напротивъ, всѣ силы оскорбленной души употребитъ на вредъ, на зло этому, ненавидящему его, обществу. Онъ не можетъ не сознавать, что вина его предъ обществомъ искуплена отбытіемъ установленнаго наказанія; онъ ничего не долженъ обществу; онъ смылъ свою вину; онъ чистъ предъ обществомъ и совѣстью. За что-же это презрѣніе? Какое христіанское незлобіе нужно имѣть, чтобы не ожесточиться сердцемъ, не объявить обществу войны? Могутъ замѣтить на это: зачѣмъ-же общество такъ смотритъ на поднадзорныхъ, зачѣмъ оно не поддерживаетъ ихъ, зачѣмъ оно не устраиваетъ патронатовъ для освобожденныхъ преступниковъ? На этотъ вопросъ можно отвѣтить новымъ вопросомъ: зачѣмъ наши тюрьмы—не исправительныя заведенія, а академіи воровства и разврата? зачѣмъ наша полиція не предупреждаетъ, а плодитъ преступленія? Законъ уголовный долженъ знать, что никакимъ уложеніемъ, никакимъ циркуляромъ нельзя сразу измѣнить общественное мнѣніе,—что почеркомъ пера не измѣнишь того, что назрѣвало въ общественномъ сознаніи цѣлыя столѣтія. Уголовный законъ, чтобы быть жизненнымъ, долженъ считаться съ народными воззрѣніями. Нельзя не согласиться съ проф. Кистяковскимъ, что въ созданіи уголовнаго закона не остается мѣста произволу законодателя, которому приходится только закрѣплять народившіяся, или вызываемыя потребностями быта, понятія о правомъ и неправомъ, созданныя сложившимися и слагающимися общественными отношеніями. Поэтому, если общество смотритъ на поднадзорнаго, какъ на парія—законодатель долженъ этотъ взглядъ принять во вниманіе. Законъ пишется для того, чтобы быть проведеннымъ въ жизнь, и потому сначала нужно узнать, чѣмъ онъ можетъ быть въ жизни и къ чему онъ приведетъ. Надзоръ изъ всякаго или почти изъ всякаго поднадзорнаго создастъ обществу врага тѣмъ болѣе безпощаднаго, чѣмъ больше срокъ нахожденія его подъ надзоромъ. Всякій поднадзорный обязательно будетъ рецидивистомъ. Предположимъ, что въ числѣ поднадзорныхъ находится человѣкъ, настолько проник-

нутый началами христіанскаго смиренія, что онъ, какъ заслуженное, принимаетъ презрѣніе общества, считая вину свою предъ обществомъ не достаточно искупленною. Смѣло можно предсказать, что и такой человѣкъ непремѣнно сдѣлается преступникомъ, разъ онъ будетъ подъ надзоромъ: предъ чувствомъ голода не устоятъ никакіе нравственные принципы. Протянетъ онъ руку за милостыней—ему отвѣтятъ презрѣніемъ и предложеніемъ работать. Сжалится надъ нимъ сердобольная душа, дастъ работу,—товарищи по работѣ его прогонятъ. Одно спасеніе—тюрьма: тамъ кормятъ, а это слово—магическое для голоднаго. И вотъ является новое преступленіе; за отбытіемъ наказанія—снова надзоръ, снова голодъ, снова необходимое преступленіе, снова тюрьма, и т. д. Надо пожить въ провинціи, видѣть этихъ несчастныхъ, оборванныхъ поднадзорныхъ, голодныхъ, всѣми гонимыхъ и осторбляемыхъ,—чтобы всѣми силами души желать уничтоженія закона, ставящаго искупившаго наказаніе человѣка въ положеніе какого-то дикаго звѣря. Говоря о поднадзорныхъ, необходимо сказать объ ихъ семьѣ, объ ихъ дѣтяхъ; на нихъ также не можетъ не отражаться то презрѣніе, которое общество бросаетъ въ лицо ихъ отцу. Какъ оно должно на нихъ дѣйствовать, какія чувства оно должно будить? Семья поднадзорнаго—клейменная семья; на ней лежитъ печать отверженія. Но чѣмъ-же они виноваты, чѣмъ-же дѣти виноваты? Наконецъ, какое они воспитаніе могутъ получить, чему научитъ ихъ отецъ? Какой миръ можетъ водвориться въ этой семьѣ, гдѣ каждую минуту бередятъ едва закрывшуюся рану, о какомъ нравственномъ оздоровленіи можетъ быть тутъ рѣчь?

Не мѣшаетъ, далѣе, остановиться на вопросѣ, какъ вліяетъ отдача подъ надзоръ полиціи на цѣли, преслѣдуемыя наказаніемъ. Нечего и говорить что это вопросъ очень важный. Вліяніе института полицейскаго надзора въ цѣли наказанія имѣетъ много сходства съ вліяніемъ на нихъ института лишенія правъ. Какъ тамъ, такъ и тутъ, отбывшіе наказаніе возвращаются въ общество неполноправными и причисляются къ особому классу людей неблагонадежныхъ; положеніе—совершенно противорѣчащее задачамъ наказанія. Къ поднадзорнымъ совершенно примѣнимо замѣчаніе И. Я. Фойницкаго (*) относительно лишенныхъ правъ. «Создаваемое наказаніемъ изолированное положеніе, говоритъ онъ, сообщаетъ имъ духъ товарищества и прочную организацію беззаконія, столь гибельные для остальнаго общества». Надзоръ озлобляетъ подвергнутаго ему, парализуетъ добрую волю, наталкиваетъ на

(*) *Фойницкій*. Русская карательная система. Сб. Госуд. Знаній, т. I, 1874 стр. 117.

преступленіе. О какомъ-же исправленіи можетъ быть тутъ рѣчь? Все то, чего могла-бы достигнуть идеальная тюрьма, всѣ тѣ благіе зачатки, которые она можетъ развить въ душѣ преступника, заглохнутъ подъ губительнымъ вліяніемъ надзора. Надзоръ полиціи, долженствующій быть простою полицейскою мѣрою, превращается въ тяжкое уголовное наказаніе, отнюдь не обладающее ни однимъ изъ качествъ, требуемыхъ отъ наказанія современной наукой. Наказаніе это не только не охраняетъ общества отъ посягательствъ, а, напротивъ, способствуетъ ихъ развитію; оно не только не исправляетъ, но развращаетъ преступника и уничтожаетъ въ зародышѣ всякое его доброе побужденіе. Оно, далѣе, причиняетъ и физическія мученія: лишая человѣка возможности работать, оно неизбѣжно подвергаетъ его мукамъ голода. Оно не индивидуально, такъ-какъ поражаетъ жену и дѣтей поднадзорнаго, на которыхъ невольно отражается презрѣніе общества. Можетъ быть, замѣтятъ на это, что нѣтъ безусловно индивидуальныхъ наказаній, что наказаніе преступника всегда вредно отразится на его семьѣ. Но вѣдь надзоръ прибавляетъ новыя мученія къ тѣмъ, которыя уже вынесла семья при главномъ наказаніи ея члена. Если тамъ они были неизбѣжны, то здѣсь ихъ можно и должно избѣгнуть. Кромѣ всего этого, надзоръ рѣдко падаетъ на дѣйствительно въ немъ нуждающагося.

Отвергнувъ французскую систему назначенія надзора, проявившую, по замѣчанію Эли, лишь безцѣльную строгость, признаніемъ, что полицейскій надзоръ обязательно слѣдуетъ въ силу самаго закона при нѣкоторыхъ преступленіяхъ и приговорахъ, составители проекта уложенія приняли систему, усвоенную германскимъ уложеніемъ, которая, однако, только кажущимся образомъ избѣгаетъ недостатковъ французскаго кодекса. Въ сущности-же, надзоръ и здѣсь остается съ тѣмъ-же гадательнымъ характеромъ. Несправедливо назначеніе надзора и само по себѣ. Разъ наказаніе отбыто, разъ человѣкъ выпущенъ изъ тюрьмы — все прошлое должно быть забыто. Всякое стѣсненіе становится тогда несправедливымъ. Въ силу какого права оно налагается? Для безопасности общества? Но вѣдь общественная безопасность не можетъ ограждаться мѣрами завѣдомо несправедливыми, не говоря, конечно, о случаяхъ исключительныхъ, когда несправедливость противъ одного спасаетъ государство. Выше было, впрочемъ, указано, какъ охраняетъ надзоръ общественную безопасность.

Г. Селивановъ полагаетъ, что сказаннаго достаточно для признанія отдачи подъ явный надзоръ полиціи безусловно вредною какъ для общества, такъ и для преступника. Признавая необходимость надзора какъ-бы временною, составители проекта говорятъ, что, благодаря недостаткамъ нашей тюремной организаціи, опасность грозитъ обществу отъ лицъ, отбывшихъ въ

тюрьмѣ наказаніе, и за этими людьми требуется особенно тщательный полицейскій надзоръ. Совершенно вѣрно, но надзоръ этотъ долженъ быть тайнымъ.

По мнѣнію г. фонъ-Резона, не подлежитъ сомнѣнію, что полицейскій надзоръ можетъ являться необходимымъ условіемъ общественной безопасности во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда виновный окончаніемъ наказанія пріобрѣтаетъ полную свободу: это имѣетъ мѣсто, напр., при заключеніи въ исправительномъ домѣ и тюрьмѣ. Но совершенно другое дѣло при каторгѣ и заточеніи срокомъ свыше шести лѣтъ; по отбытіи этихъ наказаній, подсудимые поступаютъ на поселеніе, которое можетъ продолжаться до конца жизни: оно отмѣняется (какъ и относительно лицъ, присужденныхъ къ одному поселенію) главною тюремною администраціею, въ случаѣ хорошаго поведенія подсудимыхъ. Казалось-бы, что именно поселеніе можетъ вполнѣ заменить полицейскій надзоръ и что таковой, послѣ того, какъ продолженіе поселенія признано ненужнымъ, уже не представляется необходимымъ. Помимо этого нельзя не сказать, что вообще отдача подъ полицейскій надзоръ лицъ, присужденныхъ къ заточенію и поселенію, т. е. лицъ небезнравственныхъ и неиспорченныхъ, является мѣрою вполнѣ несогласною съ характеромъ этихъ наказаній.

Въ 3 п. 31 ст. заключительныя слова «на время» и т. д. должны быть исключены. Если государство и обязано терпѣть своихъ преступныхъ подданныхъ, то незачѣмъ открывать границы иностранцамъ, которые уже разъ высказали свою склонность къ нарушенію нашего правоваго порядка; этотъ взглядъ принятъ, напр., и германскимъ уложеніемъ (2 п. 39 ст.). Наконецъ было-бы, можетъ быть, полезно указать, по примѣру 3 п. 39 ст. германскаго уложенія, въ чемъ именно заключаются права полиціи относительно поднадзорнаго.

Г. Акуловъ (Судебная Газета 1883 г., № 32) замѣчаетъ, что въ числѣ другихъ дополнительныхъ уголовныхъ наказаній, полицейскій надзоръ, учреждаемый надъ лицами, отбывшими по суду главныя наказанія, можетъ быть оправданъ не столько цѣлями *карательными*, исчерпывающимися предшествующихъ ему главныхъ наказаніяхъ, сколько цѣлями *предупредительными* въ широкомъ смыслѣ, охватывающими собою какъ интересы поднадзорнаго, такъ и интересы общественной безопасности. Применяемый главнымъ образомъ, къ лицамъ, уже отбывшимъ наказанія въ мѣстахъ заклю-

ченія и непредставляющимъ собою полнаго ручательства въ исправленіи и и подготовленности къ правильной жизни въ обществѣ, полицейскій надзоръ, никогда неутрачивающій, по самому своему существу, извѣстной доли карательности, въ виду своего-же спеціальнаго назначенія—служить гарантіей общественной безопасности—*не долженъ противорѣчить*, какъ съ положительной, такъ и съ отрицательной стороны, общей всѣмъ уголовнымъ нарамъ *исправительной* тенденціи, сообщенной ему лучшими кодексами новѣйшаго времени. Отсюда, смотря потому, какой изъ указанныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ института полицейскаго надзора, получаетъ перевѣсъ надъ другими въ его организаціи и примѣненіи къ дѣйствительной жизни, и насколько всѣ они находятся во взаимномъ гармоническомъ отношеніи въ виду общей цѣли уголовнаго правосудія, и самый институтъ этотъ получаетъ такой или иной характеръ, такое или иное жизненное значеніе и оцѣнку съ точки зрѣнія уголовно-правовой науки и политики.

Но, какъ общее правило, можно выставить положеніе, что, при нормальномъ порядкѣ вещей, неотдѣлимый отъ полицейскаго надзора карательный элементъ дѣлаетъ его довольно тяжелою репрессивною мѣрою для поднадзорнаго, могущею иногда превысить тяжесть даже отбытаго имъ главнаго наказанія, если только институтъ этотъ поставленъ неправильно. Рѣчь идетъ здѣсь о томъ нормальномъ порядкѣ вещей, когда уголовно-правовыя воззрѣнія закона не расходятся съ таковыми-же воззрѣніями общества и когда государственная власть и уголовная юстиція пользуются достаточнымъ общественнымъ авторитетомъ: при наличности такого порядка, уже простой фактъ нахожденія подъ полицейскимъ надзоромъ, съ трудомъ скрываемый отъ окружающихъ и представляющій собою свидѣтельство продолжающагося недовѣрія къ поднадзорному со стороны общественной власти, неизбѣжно сопровождается и недовѣріемъ къ нему той ближайшей среды, въ которую онъ вступаетъ, чтобы начать новую правильную жизнь, и въ которой онъ долженъ найти возможность къ такому трудному для него начинанію. Сколько-бы ни толковали въ теоріи о томъ, что «не наказаніе, а преступленіе позоритъ человѣка», но въ дѣйствительности едва-ли можно встрѣтить не только въ массѣ простаго народа, но и между людьми, несомнѣнно просвѣщенными, много такихъ гуманистовъ, которые, при выборѣ между поднадзорнымъ и другимъ лицомъ, никогда неимѣвшимъ дѣла съ уголовнымъ судомъ, не отдали-бы, въ громадномъ большинствѣ случаевъ и при разныхъ условіяхъ, предпочтенія послѣднему... Поэтому, полицейскій надзоръ, могущій, уже въ силу одного своего примѣненія, поставить поднадзорнаго въ крайне тяжелое и даже безвыходное положеніе въ самомъ началѣ его новой жизни въ обществѣ,—чтобы не стать въ прямое противорѣчіе съ требова-

ніями справедливости, съ цѣлью довершенія исправленія поднадзорнаго, а, слѣдовательно, и съ интересами общественной безопасности,—предлагаетъ, какъ свое *необходимое дополненіе* и *коррективъ*, наличность общественнаго или правительственнаго патронатства лицамъ, находящимся въ переходномъ положеніи послѣ отбытія ими наказанія въ мѣстахъ заключенія. Вообще, институтъ полицейскаго надзора весь долженъ быть построенъ болѣе въ духѣ покровительства и поддержки, чѣмъ въ духѣ кары и наказанія, которыя, послѣ предшествующихъ ему главныхъ наказаній, не имѣютъ уже въ немъ разумнаго основанія передъ выступающею на первый планъ необходимостію скорѣйшаго сближенія наказаннаго правонарушителя съ обществомъ. Только при такомъ условіи устраняется *принципіальное возраженіе* противъ этого института, помимо возраженій *принципіально-политическихъ*, поставленныхъ ему, напр., лондонскимъ конгрессомъ, осудившимъ французскую систему полицейскаго надзора, преслѣдующую исключительно узкія, формальныя карательно-предупредительныя цѣли; съ такимъ построеніемъ институтъ этотъ порицается и самими французскими юристами, называющими полицейскій надзоръ мѣрою, которая, «какъ наказаніе, по трудностямъ, создаваемымъ ею для существованія освобожденнаго, скорѣе можетъ подвергать, чѣмъ освобождать общество отъ рецедивовъ», а также—мѣрою «не только безполезною, но безчеловѣчною и опасною» (Криминалисты: Берто и de Molens. Кистяковскій, Учебн. 1882 г., стр. 901).

Такъ какъ уже въ самомъ фактѣ примѣненія и нахожденія подъ полицейскимъ надзоромъ заключается сильный карательный элементъ, который способенъ легко увеличиваться отъ неправильной постановки и примѣненія этого института, то для введенія его въ систему карательныхъ мѣръ требуется большая осторожность, а къ его организаціи должны быть приложены самыя строгія требованія уголовной политики. По справедливому замѣчанію профессора Кистяковскаго, полицейскій надзоръ есть институтъ уголовнаго права «наиболѣе несовершенный по своей организаціи». За послѣднее время, на томъ-же лондонскомъ конгрессѣ, получила одобреніе система полицейскаго надзора англійская, по которой, подъ условіемъ исполненія поднадзорнымъ формальностей явки и извѣщенія о перемѣнѣ мѣста жительства, «полиція старается помочь ему въ пріисканіи работы, въ доставленіи въ случаѣ нужды, нѣкоторой денежной помощи, идущей отъ общества покровительства, вообще, окружаетъ поднадзорнаго, по выраженію профессора Кистяковскаго, полнымъ благорасположенія покровительствомъ» (учебн., стр. 899).

Хотя и видно признаніе со стороны Редакціонной Коммисіи необходимости сообразовать институтъ полицейскаго надзора съ интересами самого

поднадзорнаго (объясн. зап., стр. 98), но рядомъ съ этимъ признаніемъ стоитъ ея-же заявленіе и о неосуществимости путемъ полицейскаго надзора прямаго преслѣдованія означенныхъ интересовъ,—неосуществимости, обусловливающейся, по словамъ Коммисіи, «самымъ существомъ и условіями дѣятельности полиціи»; поэтому, оставляя патронатство на обязанности *имѣющихъ возникнуть* и образоваться особыхъ общественныхъ учрежденій, Коммисія признаетъ далѣе, что если полицейскій надзоръ и не можетъ оказывать помощи и содѣйствія освобожденнымъ арестантамъ, то, *во всякомъ случаѣ*, онъ *не долженъ* и *вредить* ихъ интересамъ, не долженъ еще болѣе отягощать и безъ того трудное положеніе такихъ лицъ, такъ какъ, поясняетъ Коммисія, при *неправильной постановкѣ*, полицейскій надзоръ, *являющійся* лишь дополнительною карательною мѣрою, можетъ самъ обратиться въ крайне тяжкое наказаніе, если поднадзорный будетъ затрудненъ въ возможности существованія и пріисканія себѣ заработка (стр. 98 объясн. зап.).

Такимъ образомъ, Редакціонная Коммисія, имѣя въ виду дать правильную постановку полицейскому надзору, прямо задается *исключительно* карательно-предупредительными цѣлями, принимаемыми *въ узкомъ смыслѣ* недопущенія и удержанія поднадзорныхъ отъ совершенія ими новыхъ преступленій; она хочетъ дать полицейскому надзору такую конструкцію, при которой онъ, не представляя собою *никакого положительнаго* содѣйствія поднадзорному, находился-бы только въ *отрицательномъ* отношеніи къ его интересамъ, т. е. не вредилъ имъ. Результатомъ такой попытки и являются ст. 31, 32 и 33 законопроекта, которыя, при частичномъ ихъ разсмотрѣніи, отчасти уже сами по себѣ, а главнымъ образомъ взятыя вмѣстѣ, при условіяхъ нашей дѣйствительности, среди которой предположено имъ дѣйствовать, не соотвѣтствуютъ, по мнѣнію г. Акулова, правильной постановкѣ полицейскаго надзора даже и въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ ее сами редакторы.

Устанавливая основныя положенія полицейскаго надзора, статьи эти даютъ въ результатѣ несомнѣнный *перевѣсъ карательному началу*, ко вреду поднадзорнаго, безъ пользы и въ прямой ущербъ цѣли предупрежденія. Съ одной стороны, они ограничиваются одною лишь формальной стороною надзора, одною регламентаціею карательнаго ограниченія и стѣсненія свободы передвиженія и мѣстопребыванія, съ другой—даютъ большой просторъ усмотрѣнію полицейской власти относительно поднадзорнаго. Уже самое *назначеніе* полицейскаго надзора въ каждомъ конкретномъ случаѣ (въ предѣлахъ срока, назначеннаго судомъ) предоставляется высшей губернской власти; *законные сроки* установлены крайне длинные, отъ 2 до 8 лѣтъ; назначеніе надзора поставлено въ *зависимость* не отъ преступленій, а отъ

наказаній; отсюда, приговоренный къ *заточенію* на срокъ свыше 6 лѣтъ можетъ быть поставленъ подъ полицейскій надзоръ срокомъ до 5 лѣтъ (ст. 31), тогда какъ заточенію, какъ «custodiae honestae», по мысли самихъ редакторовъ объ этомъ наказаніи, должны подлежать главнымъ образомъ лишь такіе преступники, которые болѣе обнаруживаютъ увлеченіе, заблужденіе и общественныя предразсудки, чѣмъ «нравственную испорченность и безчестность характера» (стр. 62 и 63 объясн. зап.); поднадзорный, безъ разрѣшенія каждый разъ высшей губернской власти, не можетъ оставить избранное имъ или указанное ему мѣсто жительства *ранѣе полугода* (ст. 33). Хотя ст. 33-ю и вводится, повидимому, капитальная поправка и смягченіе карательной тяжести полицейскаго надзора—предоставленіемъ поднадзорному права, по истеченіи *половиннаго* срока всего назначеннаго ему надзора, ходатайствовать передъ судомъ о снятіи съ него этой мѣры, но такая поправка оказывается незначительною, такъ какъ, съ одной стороны, и при сокращеніи срока на половину, онъ можетъ простираться отъ 1 до 4 лѣтъ, а съ другой—означенная поправка еще болѣе ослабляется 2-ю частью той-же статьи, гдѣ право ходатайства ставится въ зависимость отъ прожитія поднадзорнаго въ послѣднемъ мѣстѣ жительства *не менѣе 2 лѣтъ* и отъ предоставленія имъ *свидѣтельства о хорошемъ поведеніи* отъ мѣстной полиціи и отъ мѣстнаго городскаго или сельскаго управленія. Кромѣ того, означенное право ходатайства можетъ легко, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, подрываться и постановленіемъ предшествующей ст. 32—о правѣ поднадзорнаго, при условіи лишь заявленія о томъ полиціи и полученія отъ нея путеваго билета оставлять мѣсто жительства *по истеченіи* полугода, такъ какъ лицо, поставленное подъ полицейскій надзоръ, напр., на высшій, 8-ми-лѣтній срокъ, при совершеніи законной и дозволенной перемѣнѣ мѣста жительства чрезъ каждое полугодіе,—перемѣнѣ, вызываемой даже вопросомъ о средствахъ существованія, «eo ipso» *лишается* на весь длинный, 8-ми-лѣтній срокъ права *ходатайствовать* о снятіи съ него полицейскаго надзора.

Нельзя утверждать, чтобы каждое изъ указанныхъ постановленій, взятое въ отдѣльности, само по себѣ, было *всегда въ равной степени* съ остальными тяжело и стѣснительно для поднадзорныхъ лицъ, но всѣ они, взятыя въ совокупности, присоединяясь къ простому факту состоянія подъ правительственнымъ надзоромъ, помимо своей индивидуальной тяжести въ каждомъ конкретномъ случаѣ, еще живѣе напоминаютъ собою окружающей средѣ объ опальности и сомнительности нравственно-общественныхъ качествъ подлежащаго имъ субъекта, и въ цѣломъ представляютъ такую добавочную величину, отъ которой репрессивная сторона проектированнаго полицейскаго надзора получаетъ преобладающее значеніе; а это, при отсутствіи

часъ общественной, и съ устраненіемъ всякой правительственной помощи поднадзорнымъ, сообщаетъ проектированному институту духъ и характеръ тяжелой мѣры возмездія, прямо противорѣчащей справедливости, и косвенно подрываетъ исправительную тенденцію предшествующихъ ему главныхъ наказаній, а, слѣдовательно, въ конечномъ результатѣ, вредитъ и самымъ интересамъ общественной безопасности...

Но если, при указанныхъ условіяхъ, интересы безопасности, составляющіе, по мысли редакторовъ, центръ тяжести проектированнаго полицейскаго надзора, ставятся подъ сомнѣніе лишь косвеннымъ путемъ, то не выигриваютъ-ли они отъ какихъ-либо его прямыхъ положительныхъ мѣръ, и не представляютъ-ли собою эти мѣры такую дѣйствительную охрану отъ всякихъ преступныхъ посягательствъ со стороны лицъ поднадзорныхъ, что, не смотря на ихъ тяжелое и часто даже безвыходное положеніе, проектированный институтъ, хотя и въ ущербъ «отвлеченной»—какъ говорятъ иногда—справедливости, но, по крайней мѣрѣ, въ интересахъ прямой безопасности и спокойствія общественнаго, является мѣрою вполнѣ цѣлесообразною и оправдываемою требованіями уголовной политики?

Если принять во вниманіе то, что постановленія матеріальнаго уголовнаго закона о полицейскомъ надзорѣ, какъ мѣрѣ предупредительной, необходимо должны отличаться, хотя ограничиваясь лишь главными основными чертами, возможною опредѣленностью и точностью, такъ какъ съ этими постановленіями неразрывно связано заключающееся въ нихъ карательное начало, то, при самомъ бѣгломъ пересмотрѣ относящихся сюда статей законопроекта, видно, что ими нисколько не создается такой порядокъ вещей, чтобы полицейскій надзоръ могъ стать мѣрою дѣйствительнаго надзора и контроля надъ образомъ жизни подлежащихъ ему лицъ, какою-либо надежною гарантіей общественной безопасности отъ преступныхъ посягательствъ съ ихъ стороны. Не говоря уже о томъ, что, при сложности обязанностей и дѣятельности существующей полиціи, безъ выдѣленія изъ нея особыхъ органовъ со спеціальною цѣлью присмотра за поднадзорными, какъ показываетъ опытъ, все дѣло надзора сводится къ однимъ лишь стѣснительнымъ формальностямъ явки, извѣщенія и спроса при перемѣнѣ мѣста жительства: но и самая реформа полиціи въ указанномъ смыслѣ ничего не можетъ дать положительнаго на основаніи примѣненія постановленій проекта, если они получатъ силу закону. Представляя собою сжатую схему самыхъ общихъ положеній, исключающихъ возможность дать имъ, не искажая ихъ прямаго буквальнаго смысла, какое-либо иное опредѣленное содержаніе относительно рода и характера дѣятельности надзирающей полицейской власти,—содержаніе, помимо того, какое заключается въ совершенно ясныхъ выраженіяхъ

законопроекта,—всѣ относящіяся сюда постановленія, въ сущности, сводятся къ тѣмъ-же формальностямъ полученія путеваго билета, явки въ полицію, заявленія и просьбы разрѣшенія относительно перемѣны мѣста жительства: не содержа въ себѣ чего-нибудь матеріально существеннаго для цѣли предупрежденія, они являются мѣрами *болѣе каратсльными*, нежели назначенными частью для одного упражненія въ послушаніи, частью для стѣсненія жизни поднадзорныхъ лицъ, и, въ концѣ концовъ, дѣлаютъ проектированный институтъ безполезнымъ и призрачнымъ для обезпеченія интересовъ безопасности, наперекоръ ожиданіямъ редакторовъ, поставившихъ эти интересы главною его задачей.

Приходя къ такому выводу, г. Акуловъ вовсе не думаетъ сказать о томъ, что редакторы законопроекта не развили подробно его постановленій относительно способа и рода надзора, относительно права и обязанности полиціи слѣдить за частною жизнью поднадзорныхъ лицъ. Во-первыхъ, даже и при учрежденіи особыхъ органовъ для полицейскаго надзора, такая обязанность не выполнима ни для одной полиціи въ свѣтѣ; во-вторыхъ, цѣль предупрежденія достигается прочнѣе не такимъ примитивнымъ средствомъ, какъ постоянная и всесторонняя опека надъ личною сферою жизни, а устраненіемъ причинъ, предрасполагающихъ и поддерживающихъ противообщественныя наклонности; въ-третьихъ, какъ вообще, такъ въ особенности при низкомъ уровнѣ личнаго состава нашей полиціи, большее усиленіе и расширеніе правъ и обязанностей органовъ полицейскаго надзора, сравнительно съ опредѣленіемъ ихъ въ проектѣ, легко можетъ сдѣлать положеніе поднадзорныхъ лицъ для нихъ тяжелѣе самаго заключенія въ мѣстѣ отбытія главнаго наказанія. Г. Акуловъ сводитъ свой выводъ о предупреждающемъ значеніи проектированнаго полицейскаго надзора къ тому: слѣдуетъ-ли вообще вводить у насъ этотъ институтъ, когда онъ, безъ необходимой для него подкладки, самъ по себѣ, ни прямо, ни косвенно, не способенъ обезпечивать интересы общественной безопасности?

Если обобщить выше сказанное, принявъ выставленный масштабъ для оцѣнки юридическаго и жизненнаго значенія института полицейскаго надзора,—масштабъ, заключающійся въ правильномъ соотношеніи и развитіи входящихъ въ составъ этого института элементовъ, и примѣнивъ его къ проектированному полицейскому надзору, то должно сознаться, что ему дана, вопреки мнѣнію редакторовъ, неправильная постановка, оставляющая его открытымъ для возраженія не столько техническаго, сколько, и главнымъ образомъ, принципіальнаго свойства.

Такъ какъ фактъ назначенія и нахожденія подъ полицейскимъ надзоромъ, при нормальномъ порядкѣ вещей, по общему правилу, долженъ оста-

ать крайне тяжелое и даже безвыходное положеніе для поднадзорнаго, въ то переходное и трудное для него время жизни—что признаютъ и сами едакторы законопроекта,—такъ какъ рядомъ съ такимъ признаніемъ редакоры признаютъ и несуществованіе у насъ общественнаго патронатства надъ свобожденнымъ преступникамъ и безусловно устраняютъ всякое положиельное содѣйствіе и помощь поднадзорнымъ, какъ со стороны правительства ообще, такъ и изъ функцій полицейскаго надзора,—то всѣ эти посылки—азъ дѣло идетъ о правильной постановкѣ вопроса—должны были-бы за обою повести, какъ необходимое логическое послѣдствіе,—въ виду отсутвія существеннѣйшаго корректива въ органическомъ порокѣ проектируеаго института,—или *совершенно другое его построеніе*—въ смыслѣ возможаго ослабленія его формально-карательной стороны, съ одновременнымъ веденіемъ въ него, наперекоръ принятому рѣшенію, правительственнаго атронатства, или же *прямое исключеніе* института изъ ряда уголовно-караельныхъ мѣръ, по крайней мѣрѣ, до наступленія лучшаго порядка вещей, ъ отношеніи достаточнаго развитія у насъ общественнаго покровительства коренной реформы полиціи. Но этому помѣшала, по мнѣнію г. Акулова, ъ одной стороны, недостаточная оцѣнка всей карательной тяжести, присущей институту полицейскаго надзора, съ другой—слишкомъ большая адежда на прямую предупредительную силу составляющихъ его формальыхъ мѣръ.

Но и этого не могло-бы случиться, если-бы за исходную точку былъ ринятъ органическій законъ общественно-государственной политики, что нтересы общественной безопасности въ сильнѣшей степени обусловлиаются благополучіемъ и интересами отдѣльныхъ лицъ.

Отсюда естественно получится противоположный результатъ. Въ проктированномъ институтѣ дѣйствительно гарантирующая безопасность стоона (частію косвенно—посредствомъ усиленія карательнаго элемента, частію е прямо—устраненіемъ правительственной помощи поднадзорному), вляется сильно ослабленною; напротивъ, карательный элементъ (и косвенно—осредствомъ того-же устраненія всякой помощи, и прямо—предоставеіемъ большихъ полномочій полицейской власти) получаетъ въ немъ такую илу, которая совершенно несвойственна ни его юридической природѣ, ни азначенію, и которая дѣлаетъ полицейскій надзоръ по преимуществу лишь ѣрою наказанія. Весь проектированный институтъ, лишенный всякаго оложительнаго содержанія помощи поднадзорному и наблюденія за нимъ, мѣетъ, такимъ образомъ, *исключительно формальный характеръ* и даетъ оложительный результатъ, въ разрѣзъ своей принципіальной задачѣ, только ъ смыслѣ индифферентнаго къ интересамъ поднадзорнаго возмездія. Въ его

*

построеніи нельзя не замѣтить внутренняго противорѣчія и несоотвѣтстві поставленныхъ цѣлей съ предлагаемыми средствами. Въ проектированномъ видѣ, институтъ этотъ—лишь связывающая инстанція, лишняя помѣха на пути сближенія съ обществомъ лицъ, отбывшихъ наказаніе,—препятствіе которое устранить совершенно—будетъ во всякомъ случаѣ меньшимъ зломъ, чѣмъ вообще вводить этотъ полезный и важный по своей идеѣ, но извращённый, въ его неискаженномъ видѣ, институтъ при тѣхъ неблагопріятныхъ для него условіяхъ, которыя являются у насъ въ настоящее время непреодолимыми.

А потому, даже нѣкоторыя детальныя поправки въ юридической структурѣ проектируемаго института не принесутъ ему значительной пользы такъ, съ одной стороны, поправки въ тѣхъ постановленіяхъ относящихся сюда статей законопроекта, которыя отличаются чисто-карательнымъ характеромъ, напримѣръ, сокращеніе законныхъ сроковъ назначенія полицейскаго надзора (ст. 31), досрочнаго снятія его (33), а также—сокращеніе срока обязательнаго мѣстопребыванія (ст. 32), и, вообще, ограниченіе простора полицейскаго усмотрѣнія какъ въ назначеніи надзора въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ (ст. 31), такъ въ оцѣнкѣ поведенія поднадзорнаго (ст. 33); съ другой стороны, поправки въ постановленіяхъ карательно-предупредительнаго свойства, напримѣръ, усиленіе и подробное регулированіе путемъ особаго закона способовъ и рода дѣйствительнаго надзора съ соотвѣтствующимъ преобразованіемъ полиціи,—всѣ эти второстепенныя поправки будутъ только палліативами, которые, при поправкахъ въ первомъ отношеніи, лишь нѣсколько смягчатъ, но не исправятъ органическаго недостатка проектируемаго института, неимѣющаго подъ собою годной почвы, а при поправкахъ во второмъ отношеніи—черезъ узаконеніе всесторонней формальной опеки и вмѣшательства полиціи въ частную жизнь поднадзорнаго—могутъ до высшей степени, до степени главныхъ наказаній, поднять у насъ карательную сторону полицейскаго надзора, при которой онъ и безъ того является, по проекту, какъ съ единственной, по мнѣнію г. Акулова, и крайне усиленной стороной своего положительнаго содержанія.

Въ виду своего назначенія—висѣть надъ головою наказаннаго преступителя въ тотъ переходный моментъ его жизни между мѣстомъ заключенія и полною свободою, когда уголовная юстиція уже исчерпываетъ надъ нимъ всѣ свои, требуемыя каждымъ случаемъ, исправительно-репрессивныя мѣры, когда кара закона отступаетъ назадъ, чтобы очистить ему путь черезъ открывшеюся дверью въ среду незапятнанныхъ гражданъ, институту полицейскаго надзора суждено человѣческимъ правосудіемъ разрѣшать собою высшей степени трудную и деликатную задачу практическаго приспособ

ія означенному сложному и критическому моменту: ***быть мѣрою дѣйствительнаго надзора и предупрежденія и вмѣстѣ съ тѣмъ не обратиться въ рудіе холоднаго возмездія и не убить въ самомъ началѣ чувства замиренія искупившаго свою вину...***

И такъ какъ главнымъ образомъ трудности такой своей задачи, обусловленной самою силою вещей, институтъ полицейскаго надзора обязанъ и своимъ, часто порицаемымъ, органическимъ несовершенствомъ въ западноевропейскихъ законодательствахъ, то тѣмъ съ большею осторожностью должно тнестись къ введенію его у насъ, гдѣ, для его примѣненія въ неискаженномъ идѣ, наличная дѣйствительность, представляетъ собою, кромѣ совершеннаго тсутствія главныхъ, указанныхъ выше, вообще такъ мало благопріятныхъ словій сравнительно съ жизнью народовъ западной Европы. Если мы оставимъ у себя этотъ, для насъ безпочвенный, институтъ, то не внесемъ какой ибо вкладъ въ сумму правоохранительныхъ средствъ нашего общежитія, не олучимъ института въ настоящемъ его юридическомъ и уголовно-политическомъ видѣ, а нѣчто совсѣмъ другое, трудно поддающееся анализу и опредѣленію юриста и соціолога. Введеніе его у насъ, до наступленія лучшаго орядка вещей, можно объяснить развѣ привычкой видѣть его въ числѣ карательныхъ мѣръ европейскихъ кодексовъ вообще и боязнью—по исключеніи го—пустаго мѣста у насъ, которое нужно-же чѣмъ нибудь наполнить... Но если въ правовой жизни народовъ не рѣдкость такія сюрпризы, когда въ «дѣйствующемъ» кодексѣ находится то, чего не оказывается и не можетъ ыть—по крайней мѣрѣ въ данное время—въ дѣйствующей жизни, и братно,—если первое явленіе отчасти уже сбылось на нашемъ полицейскомъ надзорѣ по дѣйствующему уложенію—то, какъ одно присутствіе въ аконодательствѣ извѣстной матеріи еще не ручается за ея жизненную необходимость и фактическую цѣлесообразность, такъ и самая привычка видѣть е тамъ и боязнь пустоты теряютъ свою доказательную силу, особенно въ иду того факта, когда пустота и пробѣлъ являются, въ конечномъ результатѣ, или меньшимъ зломъ, или прямою выгодой. Сводя все сказанное имъ ъ одному заключенію, г. Акуловъ находитъ, что такъ какъ у насъ фактически е существуетъ ни общественнаго, ни правительственнаго покровительства ицамъ, отбывшимъ наказанія; такъ какъ первое едва-ли можетъ возникнуть и достаточно развиться даже ко второй половинѣ XX столѣтія, а второе признается недостижимымъ и прямо устраняется правительственною Редакціонной Коммисіей; такъ какъ у насъ нѣтъ на лицо и едва-ли ранѣе образованія общественнаго патронатства появятся достаточно подготовленныя для обязанности полицейскаго надзора правительственные органы, и такъ какъ, безъ указанныхъ условій, институтъ полицейскаго надзора немыслимъ, какъ

юридически нормальная и цѣлесообразная мѣра уголовной полиціи, то, до времени наступленія у насъ означенныхъ условій, чтобы не создать безъ нужды и съ большимъ вредомъ для общества несправедливо тяжелаго положенія огромной массы лицъ, могущихъ, въ теченіе неопредѣленно продолжительнаго времени, подвергнуться полицейскому надзору—мѣру эту слѣдуетъ совершенно исключить изъ лѣстницы уголовныхъ наказаній.

Г. Тимановскій (Судебная Газета, 1883 г., № 3) полагаетъ, что громадное большинство судебныхъ практиковъ, при обсужденіи проекта новаго уложенія, выскажется противъ учрежденія полицейскаго надзора, такъ какъ совершенно доказано, что для тѣхъ отбывшихъ наказаніе преступниковъ, которые порѣшили не возвращаться болѣе на путь преступленій, эта мѣра является настолько отяготительною, настолько мѣшающею въ устройствѣ личныхъ дѣлъ, что она одна, сама по себѣ, въ состояніи довести человѣка до извѣстной степени отчаянія и подтолкнуть его на новое преступленіе; для тѣхъ-же, которые, по выходѣ изъ тюрьмы, чувствуютъ себя болѣе подготовленными къ продолженію преступной дѣятельности, этотъ надзоръ, по своей организаціи и по своему осуществленію, не только не явится устрашающимъ или предупреждающимъ препятствіемъ, но и не будетъ изображать собою гарантіи, оберегающей общество отъ повторенія правонарушеній лицомъ состоящимъ подъ полицейскимъ надзоромъ.

Въ судебномъ засѣданіи спрашиваешь подсудимаго: «Вы были отданы подъ надзоръ; должны были жить въ такомъ-то мѣстѣ; зачѣмъ вы отлучались?»—«Помилуйте, тамъ невозможно было жить; городъ маленькій, всякій на тебя пальцемъ тычетъ; было сначала хорошее мѣсто, узнали, что я надзорный, отпустили».—«Вы-бы искали другаго мѣста, наконецъ, занялись бы поденною работою».—«Пробовалъ; нашему брату и на поденщинѣ дешевле платятъ; съ тобой, говорятъ, хлопотъ не оберешься, изъ-за тебя и полицію начнутъ таскать и проч.».

При такихъ условіяхъ, поднадзорный отлучается изъ назначеннаго мѣста безъ разрѣшенія полицейской власти, въ болѣе многолюдный городъ и тамъ, понятно, ему, какъ укрывающемуся, приходится быть вѣчно на сторожѣ, что, естественно, въ свою очередь, затрудняетъ пріисканіе работы, пока, наконецъ, за недостаткомъ ея, онъ вновь рѣшается на преступленіе. Подобныя исторіи настолько стереотипны, настолько условія поднадзорной обстановки мало варьируютъ между собою, что на судѣ почти безошибочно можно предугадать, что будетъ рецидивистъ говорить въ свое оправданіе

Обращаясь затѣмъ къ обсужденію той системы надзора, которая внесена въ проектированное уложеніе, нельзя не замѣтить, что полное заимствованіе французской системы представляется не особенно удачнымъ: почему право передвиженія предоставлено только тѣмъ изъ поднадзорныхъ, которые прожили въ избранномъ ими мѣстѣ жительства не менѣе полугода? Назначеніе такого опредѣленнаго срока не подкрѣплено въ соображеніяхъ Коммисіи никакими доводами и, напротивъ того, составляетъ полное противорѣчіе съ мотивами, высказанными ею-же самою, а именно съ тѣмъ, «что предположенія обвиняемаго объ условіяхъ жизни въ избранномъ имъ мѣстѣ жительства могутъ оказаться невѣрными, что дальнѣйшее пребываніе въ данномъ мѣстѣ можетъ вредно вліять на здоровье, что не найдется средствъ для заработка, и проч.»; если поднадзорный, въ первыя-же недѣли своего пребыванія, убѣдится въ невозможности подъискать соотвѣтствующія своимъ способностямъ и знаніямъ занятія, то спрашивается, зачѣмъ-же держать его въ этой мѣстности непремѣнно полгода? Почему этотъ шестимѣсячный срокъ прикрѣпленія поднадзорнаго къ извѣстной мѣстности заключаетъ въ себѣ что-нибо оберегающее общественные интересы? и не будетъ-ли, наоборотъ, такой порядокъ способствовать тому, что обозленный поднадзорный рѣшится на преступленіе, лишь-бы покончить съ томительнымъ для себя бездѣйствіемъ, и лишь бы имѣть возможность промѣнять всѣ ужасы голода на острожный казенный паекъ; правда, новое уложеніе предусматриваетъ случаи перехода въ другое мѣсто жительства и ранѣе 6-ти-мѣсячнаго срока, съ разрѣшенія высшей губернской власти, но очевидно, что, въ дѣйствительности, подобная мѣра или приведетъ къ большимъ затрудненіямъ, или обратится въ пустую формальность; возьмемъ, напр. положеніе поднадзорнаго въ г. Челябинскѣ (Оренбург. губ.), отстоящемъ отъ губернскаго города на 330 верстъ; сколько времени ему придется ждать желаемаго разрѣшенія? И хорошо еще, если это будетъ не весною и не осенью, т. е. не въ то время года, когда прерываются и усложняются пути сообщенія, и когда почты запаздываютъ, не только днями, а недѣлями; въ противномъ случаѣ, поднадзорному придется ждать разрѣшенія на временную отлучку въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, хотя вся эта отлучка требуется всего на нѣсколько дней и вызывается экстренными причинами. Съ другой стороны, какое значеніе будетъ имѣть разрѣшеніе непремѣнно губернскаго начальства? Само собою разумѣется, что, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, все будетъ зависѣть отъ основательности представленія, сдѣланнаго исправникомъ или уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ, и въ случаѣ желанія мѣстной полицейской власти создать поднадзорному затрудненія, эта послѣдняя будетъ имѣть полную возможность для составленія сообщенія въ неблагопріятномъ для поднадзорнаго смыслѣ.

Болѣе правильнымъ и цѣлесообразнымъ представляется: не ограничивая срока обязательнаго пребыванія въ первоначально избранномъ мѣстѣ жительства, предоставить право разрѣшенія переѣзда мѣстной полицейской власти, но съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ отказа поднадзорному въ его ходатайствѣ, постановленія полиціи сообщались къ свѣдѣнію мѣстному лицу прокурорскаго надзора, отъ котораго и будетъ зависѣть, при несогласіи, передавать этотъ вопросъ на разрѣшеніе высшей администраціи; такой контроль положительно необходимъ.

Вообще проектированныя частности полицейскаго надзора, нельзя считать вполнѣ удовлетворительными; если право суда въ назначеніи надзора является только правомъ факультативнымъ, и если окончательное примѣненіе этой мѣры будетъ зависѣть отъ администраціи, то незачѣмъ предоставлять суду обязанность назначенія срока надзора, такъ какъ весь смыслъ надзора будетъ заключаться въ сопоставленіи тѣхъ свѣдѣній и впечатлѣній, которыя будутъ вынесены тюремнымъ начальствомъ, и администрація будетъ поставлена въ положеніе: или не учреждать надзора, или-же назначить его на срокъ, опредѣленный судомъ, хотя-бы въ послѣднемъ случаѣ, по свѣдѣніямъ тюремнаго управленія, и не представлялось надобности въ столь продолжительномъ надзорѣ. Предположимъ, что подсудимый покажется суду опаснымъ или особенно испорченнымъ человѣкомъ, и судъ назначитъ высшій предѣлъ надзора въ 8 лѣтъ; между тѣмъ, по прошествіи извѣстнаго періода времени, тюремныя власти убѣдятся въ противномъ; но, съ другой стороны, онѣ не рѣшаются освободить осужденнаго безъ учрежденія надзора, такъ какъ особенно важно будетъ знать, какъ поставитъ себя преступникъ, отбывшій наказаніе, внѣ тюремной обстановки, какъ устроитъ онъ свою жизнь и первыхъ-же порахъ и проч.... Допустимъ, что это лицо съ первыхъ-же дней зарекомендуетъ себя на волѣ съ отличной стороны и будетъ казаться лицомъ возвратившимся на путь истины, а между тѣмъ, надъ нимъ будетъ тяготѣть многолѣтній полицейскій надзоръ, такъ какъ, по силѣ 33 ст. уложенія, таковой можетъ быть снятъ не ранѣе прошествія половины срока, назначеннаго судомъ, а слѣдовательно, не ранѣе 4-хъ лѣтъ, или, въ другомъ случаѣ не ранѣе $2^1/_2$ лѣтъ.

Г. Тимановскому кажется, что, вмѣстѣ съ правомъ осуществленія надзора, въ руки губернской администраціи и тюремнаго управленія слѣдуетъ отдать и право назначенія срока надзора, оставивъ для нихъ обязательнымъ проектированный въ 31 ст. maximum.

Останавливаясь въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества на разсмотрѣніи ст. 31 и 32, *В. Д. Спасовичъ* замѣтилъ, что Комитетъ

Общества, большинствомъ голосовъ, предлагалъ редактировать 4-ю строку 31 ст. въ слѣдующемъ видѣ: «на сроки не свыше означенныхъ судомъ», на томъ основаніи, что невозможно ограничивать губернскую власть сроками, назначенными судами. Если отъ этой власти зависитъ учрежденіе или неучрежденіе надзора, то очевидно она можетъ учредить его и на сроки меньшіе противъ назначенныхъ судомъ. Далѣе, въ виду того, что высылка за границу замѣняетъ собою полицейскій надзоръ, Комитетъ полагалъ предложить собранію принятую послѣднимъ поправку 3-й ст., въ смыслѣ включенія въ число дополнительныхъ наказаній и высылки за границу,—исключить.

А. Н. Турчаниновъ замѣтилъ, что для суда нѣтъ обязанности дѣлать постановленія о томъ, что учреждается надзоръ.

К. М. Гарткевичъ возразилъ, что суду предоставляется опредѣлять или не опредѣлять учрежденіе надзора. Категоричнѣе выражаясь, судъ обязательно постановляетъ о срокахъ надзора, учрежденіе-же его факультативно для власти административной.

В. Д. Спасовичъ предложилъ собранію вопросы: 1) объ измѣненіи редакціи 1-й ч. ст. 31 въ смыслѣ указанномъ выше; большинствомъ голосовъ поправка, предложенная Комитетомъ, принята; 2) обязательно-ли для суда, во всякомъ случаѣ, послѣ поселенія, заточенія и другихъ наказаній въ закономъ указанныхъ назначать надзоръ? За проектъ высказались 10 голосовъ, за предоставленіе суду факультативно назначать надзоръ по усмотрѣнію—11; 3) суду предоставляется выразить въ приговорѣ своемъ допустимость надзора, учрежденіе-же его факультативно для администраціи. Большинствомъ 18 голосовъ это положеніе принято.

А. Н. Турчаниновъ замѣтилъ, что содержаніе ст. 32 не опредѣляетъ сущности полицейскаго надзора, какъ наказанія. Юридическое Общество, предоставивъ суду опредѣлять въ приговорѣ своемъ допустимость его, необходимо должно опредѣлить, въ чемъ заключается это учрежденіе. Если полицейскій надзоръ ограничивается мѣрами, указанными въ ст. 32 и 33, то, по мнѣнію г. Турчанинова, соотвѣтственнѣе было-бы назвать это наказаніе стѣсненіемъ права переѣзда и проживаніемъ, съ вѣдома полиціи, въ извѣстныхъ мѣстахъ. Названіе-же «полицейскій надзоръ» болѣе широко, а потому слѣдовало-бы исключить его вовсе изъ уложенія.

М. В. Красовскій, присоединяясь къ мнѣнію А. Н. Турчанинова, указалъ на крайне стѣсненное положеніе поднадзорныхъ, въ виду невозможности установить точныя правила для руководства полиціи относительно мѣръ, принимаемыхъ ею противъ поднадзорныхъ.

С. А. Андреевскій предложилъ исключить слово «полицейскій».

П. А. Александровъ, признавая требованія А. Н. основательными, предложилъ измѣнить редакцію статьи въ слѣдующемъ видѣ: «назначаемый судомъ полицейскій надзоръ состоитъ въ томъ, что» и т. д. по проекту.

С. А. Андреевскій, указавъ, что понятіе надзора предполагаетъ отвѣтственность за исчезновеніе человѣка, предложилъ совсѣмъ устранить изъ уложенія слово «надзоръ», замѣнивъ его названіемъ «принудительное жительство».

К. М. Гарткевичъ предлагалъ замѣну слова «надзоръ» фразою: «принимаются мѣры, указанныя въ ст. 32».

По произведенномъ голосованіи: 1) за удержаніе въ уложеніи названія полицейскій надзоръ, высказалось 15 голосовъ противъ 15; вопросъ рѣшенъ утвердительно потому, что въ пользу его высказался предсѣдательствующій; 15 голосовъ противнаго мнѣнія поданы въ пользу того, чтобы заимствовать слова: «полицейскій надзоръ» фразою: «стѣсненіе въ выборѣ мѣстожительства»; 2) за редакціонную-же поправку, предложенную П. А. Александровымъ, поданъ 21 голосъ.

Въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества *В. В. Синицкій*, останавливаясь на полицейскомъ надзорѣ, опредѣляемомъ 31 и 32 ст. и установляемомъ, въ интересахъ общественной безопасности, въ видѣ дополнительнаго наказанія для лицъ, приговоренныхъ за болѣе или менѣе серьезныя преступныя дѣянія, высказалъ, что первая часть 31 ст. распредѣляетъ обязанности по установленію полицейскаго надзора между судомъ и администраціей. Назначается полицейскій надзоръ хотя и судомъ, но обязательно въ случаяхъ, указанныхъ въ 31 ст.

Такимъ образомъ, въ назначеніи или неназначеніи надзора ничего не предоставлено усмотрѣнію суда. Отъ него зависитъ лишь назначеніе срока надзора въ предѣлахъ, указанныхъ во второй части статьи. Затѣмъ осуществленіе надзора зависитъ вполнѣ отъ усмотрѣнія администраціи въ виду того, что дѣйствительная надобность въ учрежденіи надзора, установленнаго приговоромъ, можетъ выясниться лишь по отбытіи наказанія: если во время отбытія наказанія приговоренный проявилъ признаки исправленія, то отдача его подъ надзоръ можетъ представиться ненужною. Вполнѣ раздѣляя мысль, что осуществленіе полицейскаго надзора должно быть предоставлено усмотрѣнію администраціи, референтъ находилъ, однако, что нѣтъ никакой надобности стѣснять судъ обязательнымъ назначеніемъ надзора надъ приговоренными къ извѣстнымъ наказаніямъ. Нерѣдко, даже тяжкое преступленіе совершенное преступникомъ по какимъ-либо особеннымъ, личнымъ ус-

віямъ, не указываетъ на опасность послѣдняго для общества въ будущемъ и не даетъ основанія опасаться совершенія имъ новыхъ преступленій. То обстоятельство, весьма возможное, что приговоренный можетъ испортиться, получить наклонность къ преступности и, слѣдовательно, явиться опаснымъ для общества лицомъ уже во время отбытія наказанія, не оправдываетъ назначенія надъ нимъ надзора въ приговорѣ суда, такъ какъ надзоръ, будучи дополнительнымъ наказаніемъ, можетъ быть назначаемъ приговоромъ лишь по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя имѣлись въ виду до постановленія приговора. Референтъ находилъ поэтому, что назначеніе въ приговорѣ надзора должно быть предоставлено усмотрѣнію суда. Если-же надобность въ надзорѣ, не установленномъ приговоромъ суда, выяснилась-бы позже, во время отбытія приговореннымъ наказанія, то полиція не лишена возможности учредить надъ нимъ таковой надзоръ на общемъ основаніи, существующемъ для всѣхъ гражданъ, надзоръ, не стѣсняющій свободы личности; надзоръ-же, установляемый уложеніемъ въ видѣ наказанія и серьезно ограничивающій свободу личности, можетъ быть назначаемъ лишь приговоромъ суда. Сверхъ того, референтъ находилъ, что, если самое осуществленіе полицейскаго надзора зависитъ отъ администраціи, то нѣтъ основанія стѣснять ее срокомъ надзора, назначеннымъ судомъ. По его мнѣнію, было-бы болѣе практично предоставить администраціи назначать срокъ надзора не свыше сроковъ, указанныхъ во 2-й части 31 ст., причемъ было-бы достаточно максимальнымъ срокомъ надзора и для приговоренныхъ къ каторгѣ опредѣлить 5 лѣтъ. Вообще, референтъ находитъ болѣе практичнымъ то распредѣленіе правъ и обязанностей по установленію полицейскаго надзора, которое принято германскимъ кодексомъ. По ст. 38 этого кодекса, назначеніе надзора предоставляется суду факультативно, а осуществленіе надзора зависитъ отъ воли администраціи, которая, приэтомъ, опредѣляетъ и срокъ надзора не свыше извѣстнаго числа лѣтъ.

Перейдя къ 32 ст., референтъ высказалъ, что ею опредѣляются ограниченія, которымъ подвергается поднадзорный въ избраніи мѣста жительства и въ переходѣ изъ одного мѣста въ другое. Этой статьей не предоставляется производить во всякое время обыскъ у поднадзорныхъ. И съ этимъ нельзя не согласиться, такъ какъ поднадзорный, зная о возможности подвергнуться во всякое время обыску, не станетъ держать у себя вещественныхъ доказательствъ преступленія.

Поэтому, право производить обыскъ почти безполезно. Между тѣмъ, оно вредно въ томъ отношеніи, что, какъ указываетъ и записка (стр. 100), можетъ поставить поднадзорнаго въ невозможность добывать себѣ честнымъ путемъ пропитаніе. Совершенно достаточно тѣхъ ограниченій, которыя

установлены 32 ст. проекта и имѣютъ цѣлью предоставить полиціи возможность фактически осуществлять надзоръ.

По поводу 33 ст., референтъ находилъ: 1) что ходатайство о возстановленіи правъ или о снятіи полицейскаго надзора могло-бы быть заявляемо не только въ окружномъ судѣ, но и мировому судьѣ, тѣмъ болѣе, что и лишеніе правъ, какъ было высказано въ предъидущемъ засѣданіи, а также назначеніе полицейскаго надзора могло-бы быть предоставлено, въ указанныхъ закономъ случаяхъ, мировому судьѣ, и 2) что нѣтъ никакой надобности обязывать ходатайствующаго о возстановленіи правъ или снятіи ареста представлять свидѣтельство о хорошемъ поведеніи. Съ одной стороны, подобныя свидѣтельства могутъ и не доказывать хорошаго поведенія просителя, а съ другой стороны, судъ можетъ признать нужнымъ собрать доказательства о поведеніи другимъ путемъ, напр. посредствомъ дознанія чрезъ члена суда. Притомъ-же, вопросъ о способѣ доказывать хорошее поведеніе составляетъ всецѣло предметъ судопроизводственныхъ законовъ.

По выслушаніи этихъ замѣчаній, предложеніе референта о томъ, чтобы полицейскій надзоръ назначался не обязательно, а по усмотрѣнію суда, принято Обществомъ большинствомъ 9 голосовъ противъ 6 (*), высказавшихся за сохраненіе, въ этомъ отношеніи, проекта; предложеніе его-же—о возможности предоставить право снятія полицейскаго надзора не только окружному суду, но и мировому судьѣ,—принято единогласно; предложеніе-же о томъ, чтобы срокъ надзора опредѣлялся администраціею, единогласно отвергнуто.

Кромѣ того *Ѳ. А. Быковъ* высказалъ, что то, что устанавливается 31 и 32 ст. проекта, заключается, въ сущности, только въ ограниченіи свободы избранія мѣста жительства, что̀ ему кажется безцѣльнымъ. Это или слишкомъ много, или слишкомъ мало. Къ лицамъ осужденнымъ можно, по его мнѣнію, относиться двояко: или можно признать, что отбытое наказаніе вполнѣ достаточно и, въ такомъ случаѣ, отбывшаго наказаніе должно просто оставить на свободѣ, не налагая на него никакихъ особыхъ стѣсненій. Само собою разумѣется, что хорошая полиція должна тщательно слѣдить за всѣми отбывшими наказаніе, какъ за лицами, доказавшими свою склонность къ преступленію, но слѣдить за ними она должна на томъ-же основаніи, на которомъ она также тщательно должна слѣдить и за всякимъ неуличеннымъ и ненаказаннымъ, но почему-либо подозрительнымъ лицомъ. Или-же можно стать на ту точку зрѣнія, что лицо осужденное тѣмъ самымъ доказало, что оно не умѣетъ пользоваться тою свободою, которая предоставляется всякому граж-

(*) Гг. Степановъ, Воюцкій, Козловъ, Соколовъ, Дингельштетъ и Кольчевскій.

данину, а потому и не имѣетъ права разсчитывать на то, чтобы его личность и его жилище пользовались той неприкосновенностью, которою пользуются другіе граждане, и съ такой точки зрѣнія, конечно, можно и должно предоставить полиціи не только право обыска, но и право подвергать поднадзорныхъ дисциплинарнымъ взысканіямъ за несоблюденіе ими особыхъ, установленныхъ для поднадзорныхъ, правилъ, въ родѣ, напримѣръ, обязательной періодической явки въ полицію или обязательнаго сообщенія о перемѣнѣ мѣста и рода занятій и работъ. Стѣсняться тѣмъ, что право полиціи обыскивать затруднитъ поднадзорному пріисканіе работы, нѣтъ основанія—это есть одно изъ послѣдствій преступленія; при заключеніи въ тюрьму за преступленіе не принимается-же во вниманіе лишеніе заключеннаго возможности пріискивать работу. Право полиціи производить обыскъ не есть пустое право. Большинство поднадзорныхъ будетъ, конечно, состоять изъ осужденныхъ за похищеніе чужой собственности и, слѣдовательно, будетъ составлять готовый контингентъ для устройства воровскихъ притоновъ, и возможность полиціи, по своему усмотрѣнію, обыскивать жилища поднадзорныхъ, безъ сомнѣнія, затруднитъ для нихъ или даже сдѣлаетъ безусловно невозможнымъ устройство притоновъ.

По мнѣнію Симферопольскаго Окружнаго Суда, полицейскій надзоръ, какъ дополнительное наказаніе или какъ послѣдствіе наказанія, не долженъ существовать по слѣдующимъ соображеніямъ:

а) Разсужденія Коммисіи о томъ, что полицескій надзоръ необходимъ въ интересахъ самаго поднадзорнаго съ цѣлью обезпечить его существованіе и содѣйствовать избранію образа жизни и занятій, противорѣчитъ идеѣ наказанія, ибо, при такихъ условіяхъ, полицейскій надзоръ будетъ имѣть скорѣе характеръ благодѣянія.

б) Такая забота о личности поднадзорнаго не входитъ въ кругъ обязанностей исполнительной полиціи, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время разработывается проектъ не расширенія, а ограниченія полицейской дѣятельности (Высочайшій указъ о задачахъ Коммисіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Каханова).

в) Въ виду сложности возлагаемыхъ проектомъ на полицію обязанностей по наблюденію за поднадзорными и по многочисленности и разнообразію присвоенныхъ полиціи родовъ дѣятельности, представляется сомнительнымъ, чтобы полиція, въ особенности въ нынѣшнемъ, сознанномъ уже всѣми, неудовлетворительномъ ея составѣ, могла-бы надлежащимъ образомъ исполнить тѣ функціи, которыя возлагаются на нее проектомъ; обширныя

права, предоставляемыя проектомъ полиціи по надзору, могутъ скорѣе превратиться въ ея рукахъ въ орудія для разныхъ злоупотребленій. Опытъ современной судебной практики показываетъ, что судебные слѣдователи въ весьма рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ полицейскому надзору какъ мѣрѣ пресѣченія, допускаемой уст. угол. судопр., главнымъ образомъ, въ виду сознанія полной практической нецѣлесообразности этой мѣры.

г) Тѣ громадныя ограниченія, которыя установлены проектомъ для поднадзорныхъ, слишкомъ тяжки для лицъ, уже отбывшихъ наказаніе, и совершенно излишни для цѣлей надзора, ибо одна изъ главныхъ обязанностей полиціи въ томъ и состоитъ, чтобы имѣть постоянный надзоръ за лицами, по тѣмъ или другимъ причинамъ кажущимися ей подозрительными; этотъ надзоръ, вполнѣ соотвѣтствующій цѣлямъ проекта, можетъ съ успѣхомъ быть осуществленъ полиціею такими средствами, которыя не сопряжены съ весьма тяжкимъ и несправедливымъ ограниченіемъ правъ и свободы поднадзорныхъ. Несомнѣнно, что полиція, при удовлетворительной своей организаціи, всегда съумѣетъ осуществить негласный надзоръ за подозрительными лицами безъ ограниченія въ чемъ-либо правъ сихъ послѣднихъ.

Чины Кишиневскаго Окружнаго Суда и мѣстные Присяжные Попечительные замѣчаютъ, что, по мысли Редакціонной Коммисіи, основная задача полицейскаго надзора, какъ особаго института уголовной репрессіи, состоитъ въ предупредительномъ воздѣйствіи государства, въ интересахъ общественной безопасности, на выпущенныхъ на свободу лицъ, не представляющихъ собою полнаго ручательства въ исправленіи, причемъ составители проекта дѣлаютъ оговорку, что «всякое положительное содѣйствіе интересамъ поднадзорныхъ не достижимо путемъ полицейскаго надзора». Слѣдователь. Редакціонная Коммисія сводитъ все значеніе полицейскаго надзора, устанавливаемаго въ интересахъ общественной безопасности, къ внѣшней формальной сторонѣ предупредительной дѣятельности, направленной къ удержанію поднадзорнаго отъ совершенія новыхъ преступленій. Собраніе названныхъ лицъ остановилось, съ своей стороны, на вопросѣ о томъ, на сколько полицейскій надзоръ, проектируемый Редакціонной Коммисіей, въ томъ видѣ, какъ онъ предлагается, и при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ долженъ дѣйствовать, можетъ имѣть такое жизненное значеніе и оправданіе, чтобы вводить его въ систему карательныхъ мѣръ новаго уложенія.

Указанія опыта и серьезныя наблюденія лицъ, изучавшихъ вопросы тюрьмовѣдѣнія и условія, вызывающія преступность, устанавливаютъ безпомощное, весьма часто, положеніе лицъ, вышедшихъ изъ мѣстъ заключенія,

толкающее ихъ снова на преступный путь; здѣсь-то въ этотъ роковой моментъ должно прійти на помощь этимъ лицамъ государство мѣрами нравственнаго и матеріальнаго содѣйствія, въ какой-бы организаціи эти мѣры ни проявлялись, въ видѣ-ли патронатствъ, разныхъ обществъ покровительства лицамъ, отбывшимъ наказаніе и т. д. . . . .

Такого рода мѣры и составляютъ ту широкую полицейскую предупредительную дѣятельность государства, которая одновременно удовлетворяетъ и интересамъ общественной безопасности, и интересамъ освобожденныхъ изъ заключенія лицъ; внѣ этихъ мѣръ, всякій особый полицейскій надзоръ является безпочвеннымъ, превращается въ одно лишь формально-карательное средство, не только безполезное, какъ не достигающее своей цѣли, ибо преступные импульсы создаются не подъ вліяніемъ одной злой воли (теорія сія имѣетъ одно лишь историческое воспоминаніе), а подъ давленіемъ неблагопріятныхъ соціально-экономическихъ условій,—но излишнее и не рѣдко вредное: а) излишнее—потому что предупрежденіе преступленій входитъ въ кругъ общихъ полицейскихъ обязанностей, общаго полицейскаго надзора и нѣтъ, слѣдовательно, необходимости изъ общаго выдѣлять то, что, какъ часть, входитъ въ него,—нѣтъ необходимости побуждать полицію къ исполненію ею ея прямыхъ обязанностей, организаціей особаго полицейскаго надзора, помогать полиціи въ исполненіи ея обязанностей на счетъ свободы поднадзорныхъ лицъ; б) вредное средство—потому что полицейскій надзоръ, какъ свидѣтельство продолжающагося, весьма часто вполнѣ основательнаго недовѣрія государства къ наказанному преступнику, выпущенному на свободу,—не можетъ имѣть другаго значенія и въ глазахъ общества, въ понятіи той среды, въ которую вступаетъ поднадзорный и которая должна дать ему средства и способы правильнаго, честнаго существованія. Полицейскій надзоръ,—въ своемъ узко формальномъ проявленіи, по самому факту своего примѣненія, самъ по себѣ является печатью опальности, сомнительности качествъ состоящаго подъ нимъ лица, позора; отсюда недовѣріе общества къ такому поднадзорному, отчужденность отъ него и матеріальная безвыходность этого лица. Въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, собраніе нашло, что исключеніе особаго полицейскаго надзора изъ ряда уголовно-карательныхъ мѣръ новаго уложенія, во всякомъ случаѣ, безусловно будетъ меньшимъ зломъ сравнительно съ его удержаніемъ, а потому единогласно выразило мнѣніе о необходимости исключить изъ проекта постановленія объ особомъ полицейскимъ надзорѣ, изложенныя въ статьяхъ 31 и 32 проекта, а съ тѣмъ вмѣстѣ исключить его изъ перечня 3 ст. того-же проекта. Засимъ собраніе, имѣя въ виду, что послѣдняя часть проектированной Редакціонною Коммисіею 31 ст. говоритъ о замѣнѣ для иностранцевъ поли-

цейскаго надзора—высылкою ихъ за границу на извѣстный срокъ, и, съ своей стороны, находя эту мѣру вполнѣ практичною, признаваемою иностранными законодательствами, даже Англіею, допустившею такую высылку по поводу ирландскихъ дѣлъ, постановило: допустить высылку за границу иностранцевъ на срокъ до 5 лѣтъ, о чемъ упомянуть въ видѣ добавленія въ 29 ст. проекта, такъ какъ 29 ст. трактуетъ о случаяхъ пораженія профессіональныхъ правъ, какъ послѣдствіе наказанія, а высылка иностранцевъ за границу, являясь также послѣдствіемъ наказаній, тѣсно связана съ профессіональными занятіями иностранцевъ въ предѣлахъ Россіи и редактировать эту статью слѣдующимъ образомъ:

«Въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, къ наказанію присоединяется лишеніе права заниматься, въ теченіи установленнаго срока, опредѣленными въ законѣ видами торговли, ремеслъ, промысловъ, или же какою-либо иною дѣятельностію, а для иностранцевъ высылка за границу съ воспрещеніемъ возвращаться въ Россію на срокъ до 5 лѣтъ».

По мнѣнію чиновъ Эриванскаго Окружнаго Суда, организовать полицейскій надзоръ такъ, чтобы онъ приносилъ дѣйствительную пользу, поставить его на надлежащую высоту невозможно не только въ настоящее время, но и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Утверждать противное—значитъ утверждать возможность идеальной организаціи полицейской и административной власти, такой, словомъ, власти, которая едва-ли возможна въ дѣйствительности. Теперь-же каждому хорошо извѣстно, къ чему обыкновенно ведетъ на практикѣ полицейскій надзоръ: для того, кто отбывъ уже наказаніе, не желалъ-бы возвращаться на путь преступленія, надзоръ является крайне стѣснительною мѣрою, онъ виситъ надъ нимъ, какъ Дамокловъ мечъ, часто доводя до полнаго отчаянія, до новаго преступленія. А того-же, кто, по выходѣ изъ заключенія, не расположенъ разстаться съ преступной дѣятельностью, надзоръ никогда не въ состояніи явиться препятствіемъ къ осуществленію преступнаго намѣренія. Такимъ образомъ мѣра эта, какъ неспособная привести къ желанной цѣли и на практикѣ ведущая къ массѣ злоупотребленій, далеко превышающихъ въ своей совокупности возможную отъ нея пользу, должна быть выключена изъ проекта уложенія о наказаніяхъ. Если-же за удержаніе полицейскаго надзора дѣйствительно существуютъ какія-либо основательныя соображенія, то, тѣмъ не менѣе, по убѣжденію чиновъ Эриванскаго Окружнаго Суда, совершенно излишне возлагать на судъ обязанность назначать, на основаніи 31 ст. проекта, сроки надзора, такъ какъ, по смыслу этой-же статьи, право суда относи-

тельно назначенія надзора является условнымъ и самое осуществленіе надзора, хотя и на сроки, назначенные судомъ, принадлежитъ всецѣло административной власти. Вотъ почему слѣдовало-бы вовсе исключить изъ проекта правило объ этомъ правѣ судебной власти.

При обсужденіи статей 31 и 32 проекта, совѣщаніе чиновъ Смоленскаго Окружнаго Суда, большинствомъ голосовъ, пришло къ тому заключенію, что полицейскій надзоръ, какъ дополнительное наказаніе, желательно было-бы вовсе исключить изъ уголовнаго кодекса, такъ какъ весьма многія указанія опыта несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что означенный надзоръ является на практикѣ не одною только дополнительною карательною мѣрою, но, въ большинствѣ случаевъ, обращается въ самостоятельное и даже крайне тяжкое наказаніе и, при томъ, никогда почти не достигаетъ тѣхъ цѣлей и послѣдствій, которыя ему приписываются и которыя на него возлагаются. Отбывшій наказаніе арестантъ можетъ быть даже исправившимся.

Учрежденіе надзора можетъ, кромѣ того, поставить поднадзорнаго въ условія, при которыхъ ему нельзя будетъ вовсе найти себѣ работу, такъ какъ, съ одной стороны, его будутъ чуждаться наниматели, а съ другой—въ данной мѣстности можетъ вовсе не существовать той отрасли труда, которая ему извѣстна и пригодна. Такимъ образомъ, полицейскій надзоръ представляетъ собою въ дѣйствительности лишь крайне стѣснительную мѣру для отбывшихъ наказаніе, и при томъ главное, мѣру, едва-ли полезную, такъ какъ она рѣшительно не въ состояніи предупреждать совершеніе поднадзорнымъ новаго преступленія. Предсѣдатель Суда М. М. Веселкинъ не раздѣлялъ мнѣнія большинства по означенному вопросу. Соглашаясь съ доводами Редакціонной Коммисіи, онъ находилъ, что полицейскій надзоръ, какъ принятый во всѣхъ европейскихъ уголовныхъ кодексахъ и имѣющій своею задачею предохранять общество отъ новыхъ преступныхъ дѣяній со стороны лицъ, уже разъ совершившихъ преступленіе, несомнѣнно имѣетъ принести на практикѣ лишь полезные результаты.

Прокуроръ Люблинскаго Окружнаго Суда Полланъ находитъ, что полицейскій надзоръ долженъ быть вычеркнутъ изъ уголовнаго кодекса. По мнѣнію Редакціонной Коммисіи (л. 98), необходимость полицейскаго надзора оправдывается соображеніями двоякаго рода: во 1-хъ, интересами самого преступника, находящагося, по выходѣ изъ тюрьмы, весьма часто въ крайне затруднительномъ положеніи, а во 2-хъ, интересами самаго общества, для безо-

пасности котораго требуется учрежденіе особаго тщательнаго надзора по отношенію къ лицамъ, уже отбывшимъ сроки своего заключенія. Въ виду сего, Коммисія считаетъ нужнымъ сохранить въ кодексѣ полицейскій надзоръ, указавъ, что онъ заключается: во 1-хъ, въ ограниченіи въ свободномъ выборѣ мѣста жительства, и во 2-хъ, въ ограниченіи въ правѣ передвиженія изъ выбранной мѣстности.

Такимъ образомъ, изъ вышеизложеннаго оказывается, что проектъ устанавливаетъ полицейскій надзоръ для борьбы съ рецидивомъ. Между тѣмъ, въ этомъ отношеніи полицейскій надзоръ является, какъ полагаетъ г. Бланъ, не практичною мѣрою и несправедливымъ отягощеніемъ положенія освобожденнаго преступника. Тюрьма, выпуская арестантовъ на свободу, не въ состояніи дать имъ возможность бороться со всѣми условіями, создающими преступность въ общественной средѣ; она также неспособна преодолѣть то недовѣріе, которое оказывается обществомъ освобожденному арестанту. Какъ бы арестантъ ни былъ способенъ къ труду, пятно, наложенное на него тюрьмою, составляетъ подчасъ непреодолимое препятствіе къ пріисканію работы. Поэтому, ежели причинъ умноженія преступленій вообще слѣдуетъ искать въ язвахъ внутреннихъ, разъѣдающихъ общественный организмъ, то увеличеніе числа повтореній указываетъ уже прямо на тяжелое положеніе освобожденныхъ арестантовъ. Полицейскій надзоръ въ томъ видѣ, какъ онъ опредѣленъ проектомъ, не можетъ оказывать помощи и содѣйствія освобожденнымъ, а напротивъ того будетъ отягощать и безъ того трудное положеніе такихъ лицъ. Бытъ освобожденныхъ можетъ быть улучшенъ только учрежденіемъ обществъ для оказанія помощи освобожденнымъ арестантамъ. Къ этому выводу пришли на западѣ спеціалисты тюремнаго дѣла.

По мнѣнію Марке-Вассело, повтореніе преступленій неизбѣжно для трехъ пятыхъ освобожденныхъ арестантовъ и это будетъ до тѣхъ поръ, пока не устроится обширная система внутренней колонизаціи, гдѣ выпущенные изъ тюрьмы получатъ работу и вѣрное убѣжище отъ того унизительнаго презрѣнія, которое ихъ встрѣчаетъ всюду—внѣ тюрьмы. Покровительство, оказываемое освобожденнымъ, какъ выразился одинъ извѣстный тюремщикъ, это вѣнецъ пенитенціарнаго дѣла. На этомъ поприщѣ общество можетъ оказать громадныя услуги правительству, учреждая комитеты, заботящіеся о бѣдныхъ освобожденныхъ и, по возможности, надѣляющіе ихъ работою. Международный пенитенціарный конгрессъ, бывшій въ Стокгольмѣ въ 1878 году, призналъ, что такіе комитеты должны быть учреждаемы по иниціативѣ общества и при содѣйствіи государства. На западѣ подобныя общества и патронаты существуютъ, пользуются поддержкою со стороны государства и оказываютъ благотворное вліяніе на уменьшеніе рецидива. Французская Палата

въ засѣданіи 26 Іюня 1880 г., постановила ассигновать комитетамъ для оказанія помощи освобожденнымъ арестантамъ субсидію въ размѣрѣ 40.000 франковъ. Изъ рѣчи, произнесенной по этому поводу депутатомъ Луи Лаказ, оказывается, что во Франціи въ 1874 г., было только одно общество покровительства, основанное гг. Люке и Беранже. Въ 1877 г., возникло 53 общества, а въ 1880 г. количество обществъ увеличилось до 74. Франція покрылась, такимъ образомъ, сѣтью комитетовъ, которые поддерживаютъ освобожденнаго отысканіемъ и доставленіемъ ему работы, мѣста, оказаніемъ матеріальной помощи дѣйствительно нуждающемуся и, наконецъ, оказаніемъ ему нравственной поддержки. Изъ отчетовъ Парижскаго общества патронатства, помѣщенныхъ въ «Revue du patronage des libérés», видно, что, изъ числа состоящихъ подъ покровительствомъ общества, количество лицъ, впадающихъ въ новыя преступленія, сравнительно не велико: оно составляетъ менѣе 10%, между тѣмъ, какъ для прочихъ освобожденныхъ оно доходитъ 50%.

Только такими мѣрами можно успѣшно бороться съ редцидивомъ. Полицейскій-же надзоръ приноситъ неисправимый вредъ. Въ маленькихъ городахъ, куда высылаются поднадзорные и гдѣ почти всѣ и каждый извѣстны другъ другу, поднадзорные, конечно, сейчасъ-же замѣчаются и всѣмъ дѣлается извѣстно, кто они. Всѣ ихъ чуждаются, каждый боится имѣть съ ними какое-бы ни было дѣло и имъ не только не приходится поступать на постоянныя мѣста, но и чрезвычайно трудно находитъ поденную работу.

Всѣ эти условія ставятъ поднадзорныхъ въ такое положеніе, что они невольно должны добывать себѣ кусокъ хлѣба недозволенными средствами и дѣлать новыя преступленія. Трудно затѣмъ понять, почему людямъ этой категоріи запрещено жить именно въ столицахъ, губернскихъ и промышленныхъ центрахъ, гдѣ во-первыхъ, они могли-бы имѣть всегда болѣе возможности заработать себѣ кусокъ хлѣба и гдѣ, во-вторыхъ, существуетъ болѣе благоустроенная полиція. Опредѣленный маршрутъ, особый билетъ, запрещеніе подъ страхомъ наказанія оставлять мѣсто, назначенное для жительства, не удержатъ конечно поднадзорнаго, лишеннаго всякаго заработка, отъ совершенія новыхъ преступленій или отъ бѣгства въ другія мѣста, гдѣ, поступивъ въ категорію «нелегальныхъ», поднадзорный скоро перейдетъ въ категорію «обвиняемыхъ».

Постановленія проекта о полицейскомъ надзорѣ вызвали возраженія нѣкоторыхъ членовъ собранія чиновъ прокуратуры Варшавскаго Окружнаго Суда, которые находили, что надзоръ не достигаетъ своей цѣли—ограждать общество отъ порочныхъ его членовъ, а напротивъ, стѣсняя лицъ, состоящихъ подъ

надзоромъ, въ пріобрѣтеніи средствъ къ существованію, тѣмъ самымъ побуждаетъ ихъ къ совершенію новыхъ преступленій. Однако-же другіе члены собранія находили, что человѣкъ, совершившій преступленіе, вслѣдствіе своей порочности, представляетъ опасность для общества, почему и для ограждения общества отъ такого порочнаго члена должны быть приняты извѣстныя мѣры, хотя-бы и со стѣсненіемъ правъ лицъ подвергшихся наказанію. Мнѣніе о томъ, что полицейскій надзоръ не ограждаетъ общества не можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ снабженіе поднадзорнаго лица извѣстнымъ паспортомъ предупреждаетъ гражданъ о томъ, что противъ такого лица должны быть приняты извѣстныя мѣры предосторожности и что такое лицо не можетъ быть допущено безконтрольно къ исполненію нѣкоторыхъ обязанностей. Наконецъ, разныя формальности, предписываемыя закономъ при производствѣ обысковъ, не должны-бы имѣть примѣненія по отношенію къ преступникамъ по ремеслу, состоящимъ подъ надзоромъ полиціи, такъ какъ скорѣе можно предполагать, что похищенные предметы находятся у лицъ, уже однажды наказанныхъ за преступленіе, нежели у лицъ, ничѣмъ неопороченныхъ. Такимъ образомъ, въ принципѣ трудно сказать что-либо противъ полицейскаго надзора, на что и указываетъ опытъ западно-европейскихъ государствъ, съ успѣхомъ примѣняющихъ эту мѣру. Правда, что, вслѣдствіе неумѣлости полиціи, надзоръ стѣсняетъ преступника и мало ограждаетъ общество, но предоставленіе преступнику права самому избирать себѣ мѣстожительства значительно уменьшитъ тотъ вредъ, который вызывается правилами нынѣ существующаго полицейскаго надзора, такъ какъ преступникъ въ состояніи будетъ избрать себѣ такое мѣсто-жительства, гдѣ онъ въ состояніи будетъ найти подходящую къ его знаніямъ и способностямъ работу; такимъ образомъ правомъ преступника самому избирать себѣ мѣсто жительства будетъ уничтоженъ тотъ стимулъ, который нынѣ побуждаетъ преступника, состоящаго подъ надзоромъ, къ совершенію новыхъ преступленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, члены собранія находили полезнымъ перечислить въ проектѣ тѣ большіе города, пребываніе въ коихъ воспрещается поднадзорнымъ. Воспрещеніе поднадзорнымъ пребыванія въ большихъ городахъ вызывается самою сущностью полицейскаго надзора, такъ какъ въ большихъ центрахъ наблюденіе за поднадзорными представляется почти немыслимымъ, но съ другой стороны въ интересахъ самаго общества слѣдуетъ стѣснять поднадзорныхъ въ выборѣ мѣста жительства по возможности менѣе, для того, чтобы каждый поднадзорный могъ избрать подходящій для себя трудъ, почему и надлежитъ уменьшить до minimum'а число городовъ, пребываніе въ коихъ воспрещается поднадзорнымъ. Одинъ изъ членовъ собранія полагалъ воспретить поднадзорнымъ пребываніе лишь въ Петербургѣ и Москвѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не выдавать поднадзорнымъ

особыхъ билетовъ, а снабжать ихъ обыкновенными паспортами; но это мнѣніе не встрѣтило поддержки, такъ какъ, кромѣ С.-Петербурга и Москвы, существуютъ въ Россіи и другіе большіе центры, а съ другой стороны, если не выдавать поднадзорнымъ особыхъ билетовъ и если поднадзорные будутъ пользоваться правомъ свободнаго передвиженія, то и самое наблюденіе за ними сдѣлается немыслимымъ, а при такихъ условіяхъ частныя лица будутъ лишены возможности принимать свои мѣры предосторожности противъ поднадзорныхъ.

При голосованіи большинство голосовъ было подано за сохраненіе полицейскаго надзора въ уголовномъ кодексѣ.

Къ числу наказаній, не могущихъ имѣть никакого практическаго примѣненія, надлежитъ, по мнѣнію прокурорскаго надзора Изюмскаго Окружнаго Суда, отнести «отдачу подъ полицейскій надзоръ». Нѣтъ сомнѣнія, что лица, проявившія вредное направленіе и подвергшіяся однажды лишенію свободы, должны быть, такъ сказать, на счету у административной власти, но едва-ли такой надзоръ въ отношеніи этихъ лицъ долженъ быть по указанію власти судебной, обязанной созидать такія законныя постановленія, которыя-бы были дѣйствительны, а не мнимы. Существовавшая до сего времени практика въ отношеніи поднадзорныхъ, кажется, достаточно выяснила, что надзоръ за судившимися и наказанными по приговорамъ судебныхъ мѣстъ или вовсе не существовалъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и поднадзорный не только свободно переходилъ изъ одной мѣстности въ другую, но даже совершалъ новыя преступленія, или-же надзоръ осуществлялся въ формѣ постоянныхъ арестовъ и безусловнаго стѣсненія поднадзорнаго по произволу полиціи и ближайшаго сельскаго начальства подобно тому, какъ лица, преданныя церковному покаянію, нерѣдко были безплатными работниками у лицъ духовнаго вѣдомства. Кромѣ того, какъ-бы ни была реорганизована административная власть, обязанная надзирать за порочными людьми по указанію суда, она никогда не выполнитъ точно и добросовѣстно постановленія суда въ отношеніи этого дополнительнаго наказанія уже по одному тому простому соображенію, что многосложныя и трудныя обязанности ея по всѣмъ почти отраслямъ управленія не дадутъ ей возможности установить правильное наблюденіе за наказанными; въ случаяхъ-же, перечисленныхъ въ ст. 33, могутъ быть и злоупотребленія въ отношеніи выдачи одобрительныхъ свидѣтельствъ о хорошемъ поведеніи.

См. также приведенное подъ ст. 15—19 замѣчаніе чиновъ Изюмской прокуратуры.

Товарищъ Астраханскаго Губернскаго Прокурора Лабунскій замѣчаетъ, что, хотя въ статьяхъ 31, 32 и 33 проекта вопросъ о полицейскомъ надзорѣ поставленъ, сравнительно съ дѣйствующимъ уложеніемъ, и правильнѣе, но, вообще говоря, всетаки эти постановленія, по мнѣнію г. Лабунскаго, слабѣйшее мѣсто въ проектѣ. Прежде всего, оно вполнѣ заимствовано изъ французскаго права и въ немъ даже не сдѣлано исправленія, которое имѣется въ германскомъ правѣ по этому вопросу. Во Франціи, а значитъ и у насъ, какъ это видно изъ 31 ст., вопросъ о необходимости учрежденія полицейскаго надзора разрѣшается судомъ не при выпускѣ отбывшаго наказаніе лица, а при постановленіи приговора, тогда какъ въ Германіи судъ не правомъ установляетъ полицейскій надзоръ, а даетъ администраціи право учредить таковой по окончаніи срока заключенія, если она сочтетъ это нужнымъ. Г. Лабунскій полагаетъ, что если уже выбирать изъ двухъ золъ, то лучше, вмѣстѣ съ правомъ осуществленія надзора, отдать въ руки администраціи и тюремнаго управленія назначеніе срока надзора, во всякомъ случаѣ въ предѣлахъ, проектированныхъ въ 31 ст.

Если присмотрѣться на практикѣ, какіе результаты получаются отъ полицейскаго надзора, то найдутся такіе юристы-практики, которые выскажутся за полную отмѣну этого института, какъ это и сдѣлано въ норвежскомъ кодексѣ. Зачастую для тѣхъ изъ отбывшихъ наказаніе преступниковъ, которые укрѣпились въ желаніи начать честную и трудовую жизнь, полицейскій надзоръ можетъ явиться мѣшающимъ устройству личныхъ дѣлъ, чего одного будетъ совершенно достаточно, чтобы довести человѣка до извѣстной степени отчаянія и подтолкнуть его на новое преступленіе. Наоборотъ, для тѣхъ преступниковъ, которые не пожелаютъ покинуть свои преступные замыслы, полицейскій надзоръ по своей организаціи и по своему осуществленію не въ состояніи будетъ уберечь общество отъ новыхъ посягательствъ на его права.

Въ частности, въ проектѣ недостаточно мотивировано требованіе, почему поднадзорный обязательно долженъ сначала выжить полгода въ избранномъ имъ или назначенномъ ему мѣстѣ жительства и затѣмъ получить право перемѣщаться подъ контролемъ полиціи, а также почему только двухлѣтнее пребываніе поднадзорнаго на одномъ мѣстѣ можетъ дать ему право ходатайствовать о снятіи съ него надзора? Г. Лабунскому кажется, что эти постановленія, какъ-бы ихъ ни мотивировать, въ большинствѣ случаевъ будутъ ложиться тяжелымъ гнетомъ на судьбу поднадзорнаго, почему было-бы основательнѣе и цѣлесообразнѣе, не ограничивая срока обязательнаго пребыванія въ первоначально избранномъ мѣстѣ жительства, предоставить право разрѣшенія переѣзда мѣстной полицейской власти, но съ тѣмъ, чтобы въ

случаѣ отказа поднадзорному въ его ходатайствѣ, постановленія полиціи сообщались къ свѣдѣнію мѣстнаго прокурорскаго надзора, отъ котораго и будетъ зависѣть, при несогласіи съ мнѣніемъ полиціи, передавать этотъ вопросъ на разрѣшеніе высшей администраціи. Равнымъ образомъ, было-бы цѣлесообразнѣе назначить меньшій срокъ на пріобрѣтеніе поднадзорнымъ права ходатайствовать о снятіи съ него надзора и лишенія правъ и предоставить суду, по собраніи нужныхъ свѣдѣній о поднадзорномъ, уважать ходатайства даже и въ томъ случаѣ, когда полиція вздумала-бы не выдавать, по неуважительнымъ причинамъ, свидѣтельства о хорошемъ поведеніи поднадзорнаго. Наконецъ, если уже заимствовать у Франціи постановленія о полицейскомъ надзорѣ, то слѣдуетъ также обратить вниманіе и на то обстоятельство: предполагается предоставить возможность поднадзорному жить вездѣ, гдѣ онъ пожелаетъ, за исключеніемъ мѣстностей, прямо указанныхъ закономъ; и по французскому праву, а равно и германскому, обозначеніе мѣстностей, пребываніе въ которыхъ поднадзорному запрещено, дѣлается правительствомъ отдѣльно по отношенію къ каждому преступнику, при выпускѣ его изъ мѣста заключенія; у насъ-же опредѣленіе мѣста, гдѣ каждый данный преступникъ лишается права на извѣстное время жить, возможно было-бы предоставить губернской администраціи и тюремному управленію, подъ контролемъ прокурорскаго надзора; участіе прокурорскаго надзора тутъ необходимо въ виду того, что это дѣйствіе администраціи есть продолженіе исполненія судебнаго приговора.

Ссылаясь на практическій примѣръ Англіи, гдѣ полицейскій надзоръ, какъ дополнительное наказаніе, не существуетъ въ законодательствѣ уголовномъ, и на теоретическій авторитетъ Миттермайера, Варшавскіе Присяжные Повѣренные признаютъ это дополнительное наказаніе нецѣлесообразнымъ и вреднымъ. Оно вездѣ окажется ненужнымъ, гдѣ только полиція надлежащимъ образомъ исполняетъ свою обязанность общаго надзора надъ всѣми вообще гражданами, въ видахъ предупрежденія преступленій. Спеціальный полицейскій надзоръ не предупреждаетъ совершенія поднадзорными новыхъ преступленій; напротивъ того, опытъ доказываетъ, что наибольшее относительное число преступленій совершается именно поднадзорными. Съ другой стороны, полицейскій надзоръ, своими безполезными докучливостями, а также возбужденіемъ и постояннымъ поддерживаніемъ въ обществѣ недовѣрія къ поднадзорнымъ, отнимаетъ у нихъ возможность возвратиться на путь долга и честнаго труда.

Если однакоже сохраненіе полицейскаго надзора признано будетъ необходимымъ, то, прежде всего, необходимо было-бы опредѣлить, въ чемъ именно этотъ надзоръ долженъ состоять, чтобы въ этомъ отношеніи ничего не оставлять на произволъ исполнителей. По ст. 31 надзоръ можетъ быть назначаемъ только въ случаяхъ, указанныхъ законами, которыхъ слѣдуетъ ожидать въ особенной части уложенія, потому и судить объ этомъ будетъ возможнымъ только по ознакомленіи съ особенною частію.

Въ ст. 32 проекта изложено правило, что поднадзорному воспрещается жительство и пребываніе въ указанныхъ особымъ закономъ губерніяхъ, уѣздахъ, городахъ или иныхъ мѣстахъ. Не зная этого способа закона, не возможно судить объ его цѣлесообразности. Можно только выразить желаніе чтобы эти запрещенія ограничивались лишь одною только мѣстностью (городомъ, уѣздомъ или губерніею), и во всякомъ случаѣ, чтобы они не были многочисленны, чтобы для цѣлей надзора осужденный не лишался своей природной среды, чтобы запрещеніе пребыванія въ извѣстной мѣстности основывалось лишь на дѣйствительной опасности для государства и общественнаго спокойствія или высшихъ нравственныхъ интересовъ. Воспрещеніе поднадзорнымъ жительства въ большихъ городахъ нельзя признавать необходимымъ, такъ какъ въ большихъ городахъ, гдѣ полиція лучше устроена, надзоръ можетъ быть даже болѣе дѣйствительнымъ, а притомъ менѣе стѣснительнымъ для приговоренныхъ. Всѣ паспортныя подробности, столь пространно изложенныя въ статьѣ 32, весьма стѣснительны для приговоренныхъ и едва-ли нужны и дѣйствительны для предупрежденія новыхъ преступленій. Всѣ эти подробности можно-бы замѣнить однимъ общимъ правиломъ о томъ, что поднадзорному воспрещается оставлять мѣсто своего жительства безъ увѣдомленія полиціи о срокѣ предполагаемаго имъ выѣзда и о пути своего слѣдованія, въ мѣстностяхъ-же, въ которыхъ онъ будетъ останавливаться, онъ обязанъ заявить немедленно полиціи о своемъ пребываніи; нарушеніе-же этихъ правилъ обложить арестомъ, а при повтореніи даже содержаніемъ въ исправительномъ домѣ. Для того, чтобы полиція имѣла возможность слѣдить за приговореннымъ, она не имѣетъ надобности, потому и не должна проявлять свое наблюденіе внѣшними дѣйствіями, направленными непосредственно противъ личности приговореннаго, напр. производить обыски, требовать явки въ участокъ и т. п., до тѣхъ поръ пока осужденный не обвиняется прямо въ новомъ преступномъ дѣяніи.

Чины Владимірской прокуратуры замѣчаютъ, что проектъ вполнѣ измѣняетъ доселѣ существовавшій порядокъ относительно лицъ, отбывшихъ

содержаніе подъ стражею. Надзоръ со стороны общества отмѣняется и передается въ руки полиціи, у общества отнимается право непринятія въ свою среду лицъ, опороченныхъ судебными приговорами, наконецъ, освобожденному подъ надзоръ полиціи предоставляется указывать мѣсто приписки и черезъ каждые полгода перемѣнять жительство. Примѣненіе всѣхъ этихъ положеній на практикѣ поведетъ къ нижеслѣдующимъ затрудненіямъ. Полицейскій надзоръ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда его приходилось повѣрять по судебнымъ дѣламъ, существовалъ только на бумагѣ. Какъ исключеніе, нѣкоторые становые пристава практиковали такую мѣру, что обязывали поднадзорныхъ разъ или два въ мѣсяцъ являться къ нимъ, чтобы тѣмъ заявлять о своемъ существованіи въ раіонѣ ихъ стана, но этимъ надзоръ и ограничивался. Совсѣмъ въ другомъ видѣ являлся надзоръ со стороны общества, въ особенности сельскаго. Изъ чувства самосохраненія вся деревня обыкновенно слѣдитъ за каждымъ шагомъ освобожденнаго изъ тюрьмы и принятаго въ обществѣ односельца; съ мельчайшими подробностями сосѣди такого поднадзорнаго разсказываютъ при слѣдствіи, какъ провелъ онъ тотъ или другой день, гдѣ ночевалъ, куда отлучался, съ кѣмъ ведетъ знакомство, однимъ словомъ, получаются такія подробности, о которыхъ не можетъ быть и рѣчи со стороны полиціи. И все это совершается не по приказу, а путемъ естественнаго охраненія себя отъ преступныхъ дѣяній своего сочлена. Практика указала, что общества городское и сельское въ рѣдкихъ случаяхъ злоупотребляли правомъ своимъ не принимать въ свою среду опороченныхъ членовъ, напротивъ о непринятіи, въ большинствѣ случаевъ, только тогда составлялись приговоры, когда сочленъ, кромѣ судебнаго рѣшенія, успѣлъ навредить обществу своимъ поведеніемъ, пьянствомъ, обиралъ семью, грозилъ поджогами и т. п. Въ настоящее время, согласно проекту, у общества не только отнимается право разсуждать о своемъ односельцѣ, но ему, помимо его желанія, могутъ навязать совершенно посторонняго человѣка и обяжутъ признавать таковаго за равноправнаго гражданина. Отъ этого порядка не будутъ страдать только бѣдныя отдаленныя деревни, въ которыхъ и прокормиться нечѣмъ и съ которыхъ взять нечего, ибо туда никто изъ поднадзорныхъ и не пойдетъ жить, но за то всѣ богатыя и торговыя села и деревни, пристани, станціи желѣзныхъ дорогъ и вообще всѣ тѣ мѣста, гдѣ можно найти будетъ и поденную работу, а при случаѣ и украсть что-нибудь, наполнятся массою поднадзорныхъ. Зная бытъ арестантовъ, можно безошибочно сказать, что еще во время содержанія подъ стражею они уже будутъ условливаться о совмѣстномъ отправленіи въ то или другое мѣсто и такимъ образомъ въ центрахъ промышленности и торговли появятся скопища подобныхъ лицъ, которыя и будутъ держать въ страхѣ мѣстное населеніе, при-

чемъ учрежденный противъ нихъ надзоръ полиціи будетъ безсиленъ, что уже на практикѣ доказано существованіемъ такъ называемыхъ «золотыхъ ротъ», изъ безпаспортныхъ и бѣглыхъ личностей, имѣющихъ пристанище по большей части около прирѣчныхъ городовъ. Теперяшняя «золотая рота», при извѣстномъ рвеніи полиціи, еще можетъ быть разсѣяна, такъ какъ это люди, самовольно явившіеся изъ мѣста, назначеннаго имъ для жительства, слѣдовательно, по поимкѣ, каждый изъ нихъ можетъ быть по этапу препровожденъ на мѣсто родины. Между тѣмъ поднадзорные, по проекту уложенія, живутъ тамъ, гдѣ вздумаютъ, съ узаконенными на то письменными удостовѣреніями, и никакимъ высылкамъ подлежать не могутъ, доколѣ не будутъ арестованы за преступленіе или сами не пожелаютъ перейти въ другое мѣсто. Опредѣляемый проектомъ 6-ти-мѣсячный срокъ, ранѣе котораго поднадзорный, безъ особаго на то разрѣшенія, не можетъ отлучаться изъ мѣста, избраннаго имъ для жительства, стѣснителенъ лишь для людей направившихся и обратившихся послѣ наказанія къ честному труду и не представляетъ никакого стѣсненія для порочныхъ лицъ. Извѣстно, что русскій крестьянинъ, чтобы прокормить себя и семью, не можетъ въ теченіи всего года оставаться на одномъ мѣстѣ. Лѣтомъ онъ привязанъ къ своей деревнѣ, съ прекращеніемъ полевыхъ работъ отправляется въ заработокъ на сторону и часто даже самъ не знаетъ, гдѣ придется ему пристроиться. Чтобы имѣть право на подобную отлучку, поднадзорный долженъ о томъ заявить ходатайство ближайшему полицейскому начальству, слѣдовательно—становому приставу; становой приставъ доноситъ объ этомъ полицейскому управленію—высшей губернской власти. Затѣмъ отъ губернской власти тѣмъ же путемъ идетъ разрѣшеніе и доходитъ черезъ станового пристава до поднадзорнаго. Сколько времени потребуется на все это, при полномъ желаніи всѣхъ властей удовлетворить просителя какъ можно скорѣе? Хорошо, если предполагаемая отлучка на работы имѣетъ опредѣленное время и мѣсто, тогда и ранѣе можно и заявить просьбу, а если мѣсто работъ неизвѣстно самому поднадзорному, если онъ не знаетъ, на какой фабрикѣ найдетъ работу, въ какую губернію или уѣздъ судьба занесетъ его, тогда ему и разрѣшенія не выдадутъ, потому что, по смыслу 32 ст., при выдачѣ путеваго билета, отъ него отбирается свѣдѣніе объ избираемомъ мѣстѣ для жительства и дается проходное свидѣтельство именно до указаннаго имъ пункта. Это въ отношеніи работъ и отлучекъ, заранѣе по времени опредѣленныхъ; а если поднадзорному, занимающемуся хозяйствомъ въ своей деревнѣ, выпадаетъ случайная работа: отправиться на подводѣ съ кладью, быть нанятымъ пріѣхавшимъ въ деревню подрядчикомъ для работъ, къ которымъ немедленно за наймомъ и приступить слѣдуетъ, тогда въ какомъ положеніи онъ будетъ находиться?

Обязанъ-ли также будетъ выжидать разрѣшенія высшей губернской власти, которое можетъ послѣдовать уже въ то время, когда всякая надобность въ работѣ изчезнетъ. Съ другой стороны, этотъ 6-ти-мѣсячный срокъ для тѣхъ поднадзорныхъ, которые, по освобожденіи изъ тюрьмы, снова обратятся къ тунеядству и преступленіямъ, не будетъ служить средствомъ особаго надзора за ними. Для такихъ поднадзорныхъ, при заявленіи ихъ о желаніи перемѣнить мѣсто жительства ранѣе положеннаго срока, полицейское начальство будетъ прилагать все стараніе къ удовлетворенію ихъ ходатайства, чтобы тѣмъ избавить себя отъ безпокойнаго человѣка. Кому изъ полицейскихъ придетъ охота насильно удерживать въ своемъ раіонѣ такого поднадзорнаго и отказывать ему въ просимомъ свидѣтельствѣ, когда самое удержаніе это не можетъ быть продолжительно и ограничено лишь 6 мѣсяцами, послѣ чего поднадзорный и безъ особаго ходатайства можетъ уйти, куда вздумаетъ. Въ виду этихъ соображеній, чины Владимірской прокуратуры признавали-бы желательнымъ сохранить за городскими и сельскими обществами право отказа въ принятіи въ свою среду лицъ, опороченныхъ судебными приговорами, причемъ вопросъ о томъ, какъ устроить непринятыхъ, слѣдовало-бы поставить въ зависимость отъ распоряженія Главнаго Тюремнаго Управленія. Отвергая въ принципѣ ссылку на поселеніе, проектъ тѣмъ самымъ какъ-бы становится въ противорѣчіе съ экономическимъ бытомъ современнаго крестьянскаго общества. За послѣднее въ особенности время, многія крестьянскія семьи совершаютъ на свой счетъ переселенія въ отдаленныя мѣстности Сибири и Туркестана, такъ какъ не находятъ работы и не имѣютъ достаточнаго количества земли во внутреннихъ губерніяхъ Россіи и этимъ переселеніемъ несутъ на себѣ всю тягость ссылки, не совершивъ никакого преступленія; почему-же признавать несправедливымъ выселеніе порочныхъ людей въ тѣ отдаленныя мѣстности, куда добровольно идутъ честные люди? Если къ необезпеченному быту крестьянскаго сословія присоединить водвореніе поднадзорныхъ, помимо воли обществъ, то ко всѣмъ нынѣ испытываемымъ затрудненіямъ при веденіи сельскаго хозяйства присоединится полнѣйшая неувѣренность въ цѣлости имущества отъ наплыва порочныхъ людей. Можно безошибочно предположить, что, съ введеніемъ проектируемыхъ правилъ объ обязательной приписке, создастся новый способъ вымогательства. Освобождаемые изъ подъ стражи будутъ заявлять о приписке къ богатымъ селеніямъ, каковыя на перечетъ всѣмъ имъ хорошо извѣстны; затѣмъ, получивши проходной билетъ и явившись въ это селеніе, они вскорѣ пріобрѣтутъ здѣсь такое положеніе, что изъ страха быть обворованными, а еще хуже того— подожженными, крестьяне будутъ ублажать такихъ сочленовъ всѣми способами, чтобы только не подвергнуться ихъ гнѣву. Выходъ изъ подобнаго

ненормальнаго положенія двоякій: или общество постарается откупиться отъ такого сочлена и уговорить его перейти въ другое селеніе, или-же покончитъ съ нимъ самосудомъ. Эти предположенія почерпнуты изъ судебной практики. Стоитъ взять любое уголовное дѣло, въ которомъ фигурируетъ скрывающійся отъ правосудія преступникъ—и все сказанное повторится до мельчайшихъ подробностей. Часто, не смотря на строгое приказаніе полиціи поймать такого человѣка, цѣлая деревня скрываетъ его у себя, предупреждаетъ его о появленіи полиціи, не говоря уже о томъ, что доставляетъ ему пищу, одежду и даже деньги, и все это дѣлается не изъ расположенія къ преступнику, не изъ корыстныхъ какихъ-либо видовъ, а изъ страха за свое существованіе. Водворяя насильственно среди общества порочныхъ людей, законъ именно создастъ это неестественное положеніе.

Члены Уголовнаго Отдѣленія Астраханской Соединенной Палаты замѣчаютъ, что по проекту отчасти исключаются 48 и 49 ст. нынѣ дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ относительно отдачи отбывшихъ наказаніе въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ или рабочемъ домѣ на волю изъ общества и замѣняются 31 и 32 ст. проекта, по которымъ, помимо желанія даннаго общества, послѣднему судъ и администрація даютъ человѣка, отбывшаго наказаніе, состоящаго подъ особымъ полицейскимъ надзоромъ, въ большинствѣ случаевъ не поддавшагося исправленію и часто не исправимаго. По мнѣнію названныхъ судебныхъ чиновъ, нельзя признать вполнѣ практичнымъ такое прекращеніе права сельскихъ и городскихъ обществъ избавляться отъ вредныхъ въ матерьяльномъ и нравственномъ отношеніи элементовъ, которые иногда становятся бичемъ общества, какъ напримѣръ, конокрадство, отъ этого случаи безпощаднаго самосуда могутъ умножаться и повлечь за собою ожесточеніе нравовъ. Ибо, въ случаѣ добровольнаго принятія обществомъ въ свою среду опороченаго человѣка, оно конечно не станетъ прибѣгать къ самосуду надъ нимъ за новыя его правонарушенія, но будетъ искать другого способа избавиться отъ него. Въ случаѣ-же болѣе или менѣе принудительнаго водворенія такихъ лицъ въ ихъ общество, особенно—когда имѣютъ дѣло съ обществомъ сельскимъ, неизбѣжное и весьма естественное въ этомъ недовольство крестьянъ или поселянъ, всегда консервативныхъ и не забывшихъ свое прежнее право, можетъ выразиться въ формѣ самосуда. Съ правомъ удаленія изъ своей среды лицъ, опороченныхъ судомъ, свыкнулись даже калмыки и киргизы, обществамъ которыхъ уже не разъ удавалось легальнымъ путемъ удаленія изъ своей среды избавиться отъ порочныхъ и весьма вредныхъ своихъ членовъ, избѣгавшихъ осужденія и наказанія или

о недостаточности доказательствъ ихъ виновности въ преступленіяхъ, овершаемыхъ въ степи, при условіяхъ, затрудняющихъ органамъ правосуія собираніе таковыхъ доказательствъ. Хотя и бываютъ случаи злоупотреленія со стороны обществъ правомъ удалять своихъ членовъ изъ своей реды, но такіе случаи рѣдки и составляютъ зло, во-первыхъ, устранимое олѣе правильнымъ административнымъ контролемъ, во-вторыхъ, меньшее, равнительно съ случаями жестокого самосуда—меньшее, какъ по характеру качеству своему, такъ и по послѣдствіямъ своимъ въ количественномъ тношеніи, ибо самосудъ учиняется обыкновенно нѣсколькими лицами и лечетъ за собою, кромѣ изувѣченія или смерти жертвы самосуда, еще и ривлеченіе къ отвѣтственности и наказаніе нѣсколькихъ лицъ, виновныхъ ъ самосудѣ, и матерьяльное раззореніе ихъ семействъ. Надзоръ полиціи, станавливаемый проектомъ уложенія,—слишкомъ малая гарантія для обще-тва, а для поднадзорнаго, въ большинствѣ случаевъ, составляетъ самое тяготное, подчасъ безъисходное положеніе. Въ особености въ городахъ, поднадорное лицо едва находитъ работу и при томъ вполнѣ зависитъ отъ произола и каприза низшей полицейской власти, что нерѣдко ставитъ поднадзораго въ крайне стѣсненное положеніе, приводящее къ совершенію новаго реступленія.

Нижегородскій Окружный Судъ замѣчаетъ, что учреждаемый, по дѣйствующимъ законамъ (48 и 49 ст., улож. о наказ.), надъ осужденными, по тбытіи наказанія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и надъ заподозрѣнными въ реступленіяхъ (2 п. 416 ст. уст. угол. судопр.) полицейскій надзоръ, по тсутствію въ законѣ точнаго опредѣленія означенной мѣры и исчисленія равъ и обязанностей полицейскихъ властей по отношенію къ поднадзорному,—во многихъ случаяхъ оказывается чрезмѣрно тягостнымъ для послѣдяго: бывали случаи, что полиція изъ опасенія, чтобы поднадзорный не крылся и тѣмъ не навлекъ на нее отвѣтственности въ слабомъ надзорѣ или ъ отсутствіи послѣдняго, обязывала его, неоднократно въ теченіе сутокъ вляться къ полицейскому чиновнику или въ зданіе полицейскаго управленія, ногда даже и ночевать въ помѣщеніи послѣдняго; равнымъ образомъ и во ремя ночныхъ обходовъ полицейскаго патруля, сему послѣднему вмѣнялось ъ обязанность неоднократно, среди ночи, вызывать поднадзорнаго изъ его вартиры съ цѣлью удостовѣренія наличности его въ данномъ мѣстѣ. Во збѣжаніе подобныхъ и другихъ случаевъ, вызываемыхъ частію излишнимъ овеніемъ нѣкоторыхъ полицейскихъ чиновъ въ исполненіи обязанностей по надзору, а отчасти и другими мотивами, въ извиненіе коихъ всегда пред-

ставляется отсутствіе точнаго опредѣленія въ законѣ правъ и обязанностей полиціи въ отношеніи къ поднадзорнымъ, представляется существенно необходимымъ: или категорически высказать, въ дополненіе къ 32 ст. проекта, что полицейскій надзоръ и состоитъ лишь въ принятіи относительно поднадзорнаго исчисленныхъ въ той статьѣ мѣръ, или же, если тѣ мѣры признаются недостаточными,—во избѣжаніе могущихъ быть произвольныхъ мѣръ къ отягощенію участи поднадзорнаго—исчислить всѣ мѣры, которыя могутъ быть приняты полиціей по отношенію къ послѣднему.

Чины Костромскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что въ ст. 32 указанъ порядокъ пребыванія въ городахъ или иныхъ мѣстахъ поднадзорныхъ, но статья эта не опредѣляетъ, въ чемъ именно долженъ заключаться полицейскій надзоръ. Если въ одномъ лишь ограниченіи свободы передвиженій, то опредѣленіе это должно быть сдѣлано въ болѣе категорической формѣ; если-же ограниченіе такой свободы составляетъ лишь дополнительную функцію надзора, то содержащіяся въ статьѣ этой опредѣленія должны быть включены въ тѣ законоположенія, которыми будетъ опредѣляться сущность полицейскаго надзора; во всякомъ случаѣ сущность полицейскаго надзора должна быть указана въ уложеніи точно такъ, какъ и сущность другихъ наказаній.

Прокуроръ Лубенскаго Окружнаго Суда Яновскій находитъ, что статьи проекта, опредѣляющія порядокъ учрежденія полицейскаго надзора, продолжительность его и другія частности, не выясняютъ однакоже, въ чемъ долженъ заключаться надзоръ. Такимъ образомъ, положеніе поднадзорнаго остается неопредѣленнымъ, онъ не знаетъ, что его ожидаетъ, и все будетъ зависить отъ той полицейской власти, подъ надзоръ которой онъ отданъ. При такихъ условіяхъ, въ каждой отдѣльной мѣстности полицейскій надзоръ будетъ осуществляться своеобразно,—и ревностные исполнители, судя по примѣненію этой мѣры въ настоящее время въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ, могутъ довести этотъ надзоръ до произвола. Такъ, нерѣдко можно видѣть, что отъ поднадзорныхъ требуютъ ежедневной явки въ полицію, или-же собираютъ ихъ къ ночи въ арестантскую, гдѣ они остаются до утра. Въ виду тѣхъ неудобствъ и стѣсненій, которымъ могутъ подвергаться поднадзорные, слѣдовало-бы опредѣлить сущность надзора и права полиціи въ отношеніи поднадзорныхъ, или-же уничтожить вовсе полицейскій надзоръ, какъ дополнительное наказаніе. Для отбывшихъ наказаніе преступниковъ, которые порѣшили не возвращаться болѣе на путь преступленій, полицейскій надзоръ

является настолько обременительнымъ, настолько мѣшающимъ устройству личныхъ ихъ дѣлъ, что въ состояніи довести человѣка до отчаянія и подтолкнуть его на новое преступленіе; для тѣхъ-же, которые, по отбытіи наказанія, чувствуютъ себя болѣе подготовленными къ продолженію преступной дѣятельности, этотъ надзоръ, по своей огранизаціи и по своему осуществленію, не только не явится устрашающимъ или предупреждающимъ препятствіемъ, но не будетъ служить гарантіею, оберегающею общество отъ повторенія преступленій лицемъ, состоящимъ подъ полицейскимъ надзоромъ. Поднадзорные, оторванные отъ семьи и той мѣстности, гдѣ они имѣли занятіе, будутъ постоянно отлучаться изъ назначеннаго имъ мѣста безъ разрѣшенія полицейской власти на свою родину или-же въ болѣе многолюдные города для пріисканія себѣ заработка, а такія самовольныя отлучки вызовутъ новыя преступленія—бродяжничество, проживательство по подложнымъ видамъ и т. д.

По мнѣнію Предсѣдателя Казанскаго Окружнаго Суда Грасса, Члена того-же Суда Дьяченко и Присяжнаго Повѣреннаго Степанова, вопросъ о необходимости установленія дополнительнаго наказанія въ видѣ полицейскаго надзора надъ лицами, отбывшими наказаніе, имѣетъ первостепенную важность потому: 1) что, руководствуясь статистическими данными, издаваемыми Министерствомъ Юстиціи, и сравнивая ихъ съ научными, безспорно, что суды наши (всѣ) отдаютъ ежегодно около 30.000 человѣкъ подъ особый полицейскій надзоръ, слѣдовательно такой корпусъ поднадзорныхъ стоитъ того, чтобы озаботиться разрѣшеніемъ его участи; 2) что полицейскій надзоръ можетъ осуществляться у насъ вслѣдствіе территоріальныхъ условій и особой полицейской огранизаціи съ особеннымъ трудомъ, и 3) что опытъ положительно убѣдилъ насъ во вредѣ полицейскаго надзора надъ осужденнымъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ нынѣ. Эти соображенія заставляютъ обратить исключительное вниманіе Редакціонной Коммисіи на указанный вопросъ.

Какъ видно изъ соображеній Коммисіи и современныхъ теорій права, полицейскій надзоръ есть дополнительное наказаніе съ цѣлью слѣдить за субъектомъ, отбывшимъ наказаніе, но еще не представившимъ доказательствъ регулярной жизни среди общества. Такимъ образомъ первая его цѣль есть охрана общественной безопасности. Затѣмъ онъ долженъ быть направленъ на поддержаніе освобожденнаго отъ наказанія въ ту пору его жизни, когда онъ вездѣ встрѣчаетъ недовѣріе. Коммисія признала, что полицейскій надзоръ, если не всегда, то долгое время, не въ состояніи будетъ оказывать у насъ помощи

и содѣйствія освобожденнымъ арестантамъ: посему задача его должна состоять въ томъ, чтобы, обезпечивая общественные интересы, не вредить освобожденнымъ и не отягощать и безъ того труднаго ихъ положенія.

Не касаясь въ принципѣ разрѣшеннаго уже у насъ вопроса о необходимости дополнительнаго наказанія, естественно необходимо учредить этотъ надзоръ такъ, чтобы:

1) онъ примѣнялся только къ осужденнымъ, относительно которыхъ общественная безопасность того требуетъ;

2) чтобы онъ не вредилъ интересамъ поднадзорныхъ;

3) чтобы онъ могъ быть осуществимъ при нашихъ территоріальныхъ и общественныхъ условіяхъ, а также полицейскихъ средствахъ.

По I. Хотя въ Англіи тотъ только можетъ быть отданъ судомъ подъ надзоръ полиціи—на срокъ не свыше 7 лѣтъ,—кто во второй разъ признанъ виновнымъ въ важномъ преступленіи. Тѣмъ не менѣе, полицейскій надзоръ обратилъ на себя вниманіе послѣдняго лондонскаго тюремнаго конгресса при представителѣ отъ нашего правительства графѣ Соллогубѣ. Осуждая въ принципѣ такой надзоръ, конгрессъ принялъ его въ той лишь ограниченной формѣ, въ какой онъ существуетъ въ Англіи, гдѣ только осужденіе за второе тяжкое преступленіе предоставляетъ суду право, а не обязанность, подобный надзоръ учреждать.

Дѣйствительно, принявъ за принципъ, что полицейскій надзоръ слѣдуетъ примѣнять только къ преступникамъ, угрожающимъ общественной безопасности, нельзя не согласиться, что существуютъ цѣлыя группы преступленій, виновные въ которыхъ, подвергаясь, по основному принципу государственности, наказанію, не представляютъ рѣшительно никакой опасности для обществъ, среди которыхъ живутъ.

Чѣмъ опасенъ для общества человѣкъ, убившій изъ ревности свою жену на дуэли врага, вслѣдствіе существующихъ общественныхъ предразсудковъ,—начальникъ—за нанесенное оскорбленіе, и т. п.? Конечно, всѣ они передъ лицомъ государства люди, подлежащіе карѣ, но, тотчасъ послѣ совершенія преступнаго дѣянія и послѣ отбытія за оное наказанія, никто изъ нихъ не внушаетъ опасенія повторить свое преступленіе или совершить новое.

Посему слѣдуетъ заключить, что преступники, относительно приговореннаго наказанія, должны быть распредѣлены на тѣхъ, которые не могутъ судомъ быть отданы подъ полицейскій надзоръ, и на такихъ, относительно которыхъ судъ можетъ примѣнить подобную мѣру.

Безспорно, ко второй категоріи слѣдуетъ отнести всѣхъ, безъ исключенія, совершающихъ преступныя дѣянія съ корыстною цѣлью, или вслѣдствіе своихъ убѣжденій, идущихъ въ разрѣзъ съ общественными интересами, и

напр. въ преступленіяхъ противъ вѣры или такъ-называемыхъ политическихъ.

Въ виду сего, надлежало-бы въ особенной части уложенія указывать, когда нарушитель закона можетъ быть судомъ отданъ подъ полицейскій надзоръ, и уже изъ этого числа предоставить суду дискреціонное право, по ознакомленіи съ дѣломъ и личностью преступника, присуждать его къ отдачѣ подъ полицейскій надзоръ.

Такое начало, поставленное въ разрѣшеніе полицейскаго надзора, уменьшило-бы до половины число поднадзорныхъ и дало-бы власти возможность имѣть реальный надзоръ за дѣйствительно вредными людьми, а не ограничивать таковой однимъ лишь наблюденіемъ на бумагѣ.

По II. Хотя Коммисія признала, что надзоръ не долженъ безусловно вредить интересамъ подсудимыхъ, тѣмъ не менѣе, за образецъ полицейскаго надзора принято было законодательство Франціи, столь осуждаемое литературою вообще, французскою въ частности, и лондонскимъ тюремнымъ конгрессомъ въ особенности.

Не цитируя мнѣній такихъ писателей какъ Pascand (*), Auzies (**), нельзя позабыть слова Берто, сказавшаго, что по тѣмъ трудностямъ, которыя полицейскій надзоръ создаетъ для существованія освобожденнаго, онъ можетъ только подвергать общество рецидивамъ, но не избавлять отъ нихъ.

Принявъ за образецъ Францію, Коммисія учредила надзоръ настолько суровый и для освобожденнаго тяжкій, что къ нему безусловно можно примѣнить слова Берто.

Вопросъ о полицейскомъ надзорѣ точно и прекрасно разработанъ въ англійскомъ законодательствѣ. Осужденный за второе важное преступленіе можетъ быть отданъ подъ надзоръ полиціи, на срокъ до 7 лѣтъ; онъ долженъ ежемѣсячно являться въ полицію для заявленія о себѣ и родѣ своихъ занятій; онъ можетъ избирать мѣстопребываніе подъ условіемъ извѣщенія полиціи о своемъ переходѣ. Нашъ проектъ стремился достигнуть такихъ-же результатовъ, но съ какими для освобожденнаго трудностями? Особенно, если принять во вниманіе наши климатическія, экономическія условія и степень развитія большинства лицъ, составляющихъ армію поднадзорныхъ.

Человѣкъ, сидящій нѣсколько лѣтъ въ заключеніи, прекращаетъ почти всѣ отношенія не только со своими знакомыми, но даже и болѣе дальними родными, и именно въ это время его спрашиваютъ, гдѣ онъ намѣренъ

(*) Etude sur la surveillance de la haute police, ce qu'elle a été, ce qu'elle est, ce qu'elle devrait être. 1865.

(**) De la surveillance de la haute police.

избрать мѣсто своего жительства. Конечно, большинство указываетъ на то мѣсто, гдѣ живетъ кто-либо изъ ихъ родныхъ, либо гдѣ они занимались работою до заарестованія, либо, наконецъ, пожелаютъ возвратиться на родину. Но никто изъ нихъ не въ состояніи тогда-же обязать себя 6 мѣсяцевъ не переѣзжать изъ избраннаго пункта, а между тѣмъ, указавъ таковой, освобожденный можетъ переѣхать только съ разрѣшенія высшаго губернскаго начальства, что, при нашихъ разстояніяхъ и полицейской организаціи, не совсѣмъ удобно.

Множество рабочихъ, по климатическимъ нашимъ условіямъ, не можетъ 6 мѣсяцевъ прожить, по роду своихъ занятій, въ извѣстной мѣстности. Каменьщику, ни плотнику нельзя 6 зимнихъ мѣсяцевъ заниматься работою, какъ нельзя настройщику инструментовъ прокормить себя въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, живя въ какомъ-либо захолустьи, такъ какъ большіе центры, конечно, будутъ поднадзорнымъ воспрещены для жительства. Спрашивается, къ чему подобное стѣсненіе и какая его цѣль? Коммисія на вопросъ эти отвѣта не даетъ . . . . .

Да и дать ихъ невозможно. Цѣль надзора—знать, гдѣ находится освобожденный, наблюдать за нимъ; но требовать для переѣзда его изъ одного села, напр. Вологодской губерніи, въ другое, хотя-бы и другой волости, разрѣшенія губернатора за 300 верстъ, между тѣмъ какъ работа, которую могъ получить поднадзорный, его конечно ждать не будетъ,—ни чѣмъ не объяснимо. Вообще человѣкъ, живущій трудомъ своихъ рукъ, нуждается въ свободѣ передвиженія болѣе, чѣмъ другой, потому что онъ слѣдуетъ спросомъ на свой трудъ, а не обратно. Это законъ экономическій.

Всѣ эти соображенія, въ сжатомъ видѣ здѣсь представленныя, приводятъ къ убѣжденію, что 32 ст. проекта слѣдуетъ замѣнить правилами, въ англійскомъ законодательствѣ существующими и вышеизложенными.

По III. Озабочиваясь учрежденіемъ полицейскаго надзора, не стѣсняющаго осужденныхъ, законодательство обязано организовать его такъ, чтобъ онъ былъ дѣйствительнымъ, т. е. чтобы полиція имѣла реальную возможность наблюдать за человѣкомъ для общественыхъ интересовъ времени. Между тѣмъ, какъ у насъ каждому полицейскому предстоитъ наблюдать столькими поднадзорными разныхъ категорій, что объясненія полиціи о невозможности осуществлять этотъ надзоръ представляется ежедневнымъ явленіемъ, которому вполнѣ довѣряютъ администрація и суды.

Наши законы имѣли это въ виду и посему надзоръ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, предоставленъ былъ обществу, къ которому принадлежитъ поднадзорный, но система эта, совершенно основательно, еще въ 1872 г. Коммисіею, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, признана была негодною по соображеніямъ, на стр. 98 проекта изложеннымъ, да, кромѣ того

вѣроятно, главнымъ образомъ еще и потому, что общества являлись безответственными въ случаѣ неисполненія лежащихъ на нихъ подобныхъ обязанностей.

Отсутствіе въ нашемъ уложеніи 1857 г. отвѣтственности вообще поручителей обратило отдачу на поруки въ одну пустую формальность, а для нѣкоторыхъ лицъ даже въ промыселъ.

Эти соображенія послужили, между прочимъ, основаніемъ къ изданію 422 ст. уст. угол. судопр. (объясн. зап. 1863 г., стр. 197 и 198), съ такой пользою для обвиняемыхъ и государственнаго казначейства примѣняемой съ 1866 года.

Нѣтъ никакихъ основаній—принципъ, закономъ этимъ установленный, не примѣнять къ полицейскому надзору, тѣмъ болѣе, что исторія законодательства представляетъ подобные уже примѣры. По французскому кодексу 1810 г., правительство и даже заинтересованныя лица имѣли право требовать поручительствъ въ уплатѣ суммы опредѣленной въ приговорѣ. Законъ этотъ былъ отмѣненъ 28 Апрѣля 1832 г. только потому, что было вовсе отмѣнено тогда принужденіе для поднадзорныхъ жить въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ и правительство обязывало лишь поднадзорнаго не появляться въ извѣстныхъ пунктахъ государства.

Тотъ, передъ кѣмъ ежегодно иллюстрируются сотни подсудимыхъ, не будутъ отрицать, что даже среди лицъ, которыхъ судъ, по свойству совершенныхъ съ корыстною цѣлью преступныхъ дѣяній, признаетъ нужнымъ отдать подъ полицейскій надзоръ, найдется цѣлая масса такихъ, которые, по выдержаніи наказанія, могли-бы представить поручительство вполнѣ надежныхъ лицъ въ томъ, что они новыхъ преступленій не совершатъ. Для осужденныхъ-же, которые приговорены за преступныя дѣянія, совершенныя по убѣжденію, не съ корыстною цѣлью, подобный законъ былъ-бы истиннымъ благодѣяніемъ, такъ какъ представленіемъ поручительства съ денежною отвѣтственностью они были-бы избавлены отъ тяжелаго полицейскаго надзора и могли-бы свободно отыскать себѣ средство къ жизни, тамъ, гдѣ найдутъ это удобнымъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго, представлялось-бы возможнымъ, въ интересахъ государственныхъ и въ интересахъ самихъ поднадзорныхъ: 1) ст. 31 замѣнить правиломъ, что суды могутъ въ преступленіяхъ, въ особенной части уложенія указанныхъ, постановлять объ отдачѣ осужденнаго, по выдержаніи наказанія, подъ особый полицейскій надзоръ на срокъ не свыше 7 лѣтъ;

2) взамѣнъ 32 ст. постановить, что присужденные къ полицейскому надзору подлежатъ ограниченіямъ, въ англійскомъ законодательствѣ указаннымъ и вышеизложеннымъ, и 3) дополнить проектъ правиломъ, что поднад-

зорный, представившій поручительство съ денежною отвѣтственностью (ст. 422 уст. уг.), избавляется отъ надзора вовсе на срокъ поручительства.

Относительно 31 и 32 ст. проекта чинами Тульской прокуратуры высказано слѣдующее: полицейскій надзоръ, какъ послѣдствіе наказаній, необходимъ въ интересахъ общественной безопасности и спокойствія. Человѣкъ, совершившій извѣстное преступленіе, не можетъ пользоваться полнымъ довѣріемъ общества, и для охраненія общественнаго спокойствія необходимо принять противъ него извѣстныя мѣры. Но всякій надзоръ представляется чрезвычайно стѣснительнымъ для осужденнаго и потому примѣненіе его должно оправдываться лишь дѣйствительною необходимостью, и, конечно, не надъ каждымъ осужденнымъ, въ интересахъ общественной безопасности, необходимъ надзоръ. Это признаетъ и сама Коммисія, ибо, по проекту, назначеніе надзора является мѣрою не обязательною, а факультативною. Судъ только даетъ право назначить надзоръ, дѣйствительное-же его назначеніе зависитъ, по проекту, отъ высшей губернской власти, по выслушаніи мнѣнія тюремнаго управленія. Но едва-ли такой порядокъ будетъ цѣлесообразенъ. Что можетъ руководствоваться администрація при разрѣшеніи вопроса о томъ, нужно или не нужно учредить надзоръ за извѣстнымъ лицомъ? Хорошимъ поведеніемъ его въ мѣстѣ заключенія? Но какъ-бы безукоризненно ни было поведеніе лица, находящагося на поселеніи, въ исправительномъ домѣ или тюрьмѣ, одно поведеніе его, взятое въ отдѣльности, не можетъ служить вполнѣ достаточнымъ основаніемъ для правильнаго и справедливаго разрѣшенія вопроса о необходимости надзора надъ нимъ. По мнѣнію должностныхъ лицъ Тульскаго прокурорскаго надзора, только при всестороннемъ изученіи самаго преступленія, совершеннаго извѣстнымъ лицомъ, мотивовъ совершенія, обстоятельствъ, при которыхъ оно совершено, и, наконецъ, прежней жизни виновнаго, можно правильно и справедливо разрѣшить вопросъ о томъ, нужно или не нужно учредить надзоръ надъ осужденнымъ по отбытіи имъ наказанія, и потому только судъ, постановляющій приговоръ о немъ, можетъ быть признанъ компетентнымъ для разрѣшенія этого вопроса. Въ виду изложеннаго, надлежало-бы, сохранивъ полицейскій надзоръ, какъ дополнительное наказаніе, предоставить суду, постановляющему приговоръ, разрѣшать окончательно, по своему усмотрѣнію, вопросъ о томъ, назначать или не назначать полицейскій надзоръ надъ осужденнымъ, съ тѣмъ, однако же, чтобы назначеніе этого надзора не было обязательнымъ для суда.

Затѣмъ, большинство названныхъ чиновъ, принимая во вниманіе проводимое проектомъ дѣленіе преступленій на позорящія и непозорящія

находило возможнымъ предоставить суду право назначать полицейскій надзоръ только при осужденіи за преступленія, совершенныя изъ корыстныхъ видовъ.

Кромѣ того, было высказано, что для иностранцевъ полицейскій надзоръ долженъ обязательно замѣняться высылкою за границу.

Затѣмъ, обсуждая 32 ст. проекта, нѣкоторые изъ числа тѣхъ-же чиновъ полагали, что первая часть ея можетъ быть присоединена къ 31 ст., остальныя-же части должны быть исключены изъ уложенія и помѣщены въ уставѣ о пред. и прес. преступленій, другіе-же чины Тульской прокуратуры, оставшіеся въ большинствѣ, полагали, что существо полицейскаго надзора должно быть опредѣлено въ уложеніи и, при обсужденіи вопроса о томъ, въ чемъ долженъ заключаться полицейскій надзоръ, высказали слѣдующее: стѣсненіе свободы передвиженія лицъ, находящихся подъ надзоромъ полиціи въ томъ видѣ, какъ оно проектировано Коммисіей, будетъ часто гибельно для осужденнаго. Въ Россіи рабочему приходится часто преодолѣвать громадныя пространства, чтобы найти заработокъ, особенно во время покоса и жатвы. Пока рабочій станетъ хлопотать въ полиціи о разрѣшеніи отлучки, пройдетъ иногда часть рабочей поры; наконецъ, онъ придетъ въ то мѣсто, гдѣ онъ предполагалъ найти работу, и не найдетъ ея на самомъ дѣлѣ, опять онъ долженъ хлопотать о полученіи дозволенія идти въ другое мѣсто и такимъ образомъ можетъ совсѣмъ лишиться заработка, который иногда служитъ единственнымъ средствомъ существованія осужденнаго. То-же самое можетъ произойти и при обязанности поднадзорнаго не оставлять избраннаго имъ мѣста жительства въ теченіи 6 мѣсяцевъ. Поэтому присутствующіе полагали ограничить стѣсненіе передвиженія поднадзорнаго слѣдующими положеніями: 1) поднадзорный обязанъ избрать и указать мѣсто, въ которомъ онъ предполагаетъ жительствовать (кромъ мѣстъ, означенныхъ въ 1 п. 32 ст.), если-же онъ не изберетъ такого мѣста, то мѣстожительство избирается ему высшею губернскою властью; 2) поднадзорный можетъ отлучиться изъ постояннаго мѣста жительства, но о перемѣнѣ мѣста пребыванія обязанъ объявить полиціи мѣстной, хотя-бы даже сельской, а полиція уже сама должна озаботиться о перенесеніи надзора надъ осужденнымъ по мѣсту его новаго жительства. Можно возразить противъ этого, что поднадзорные не будутъ исполнять этого правила и тогда законъ останется мертвою буквою, но едва-ли предположенное Коммисіей ограниченіе свободы передвиженія представляетъ большія гарантіи въ этомъ отношеніи.

Полученіе разрѣшенія на отлучку гораздо затруднительнѣе для поднадзорнаго и потому можно предположить, что отлучки безъ разрѣшенія будутъ

происходить еще чаще, чѣмъ отлучки безъ объявленія о томъ мѣстной полиціи.

Затѣмъ, слѣдуя примѣру германскаго кодекса, чины Тульской прокуратуры полагали-бы необходимымъ предоставить полиціи право заходить во всякое время къ поднадзорному и дѣлать у него обыски и выемки. Какъ ни стѣснительна эта мѣра для поднадзорнаго, но она является единственно дѣйствительною въ интересахъ предупрежденія и пресѣченія преступленій и общественнаго спокойствія, особенно, если принять въ соображеніе, что надзоръ предполагается учредить лишь надъ лицами, осужденными за преступленія, направленныя противъ собственности частныхъ лицъ.

По мнѣнію Прокурора Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалева, изложенныя въ проектѣ правила о полицейскомъ надзорѣ едва-ли можно признать вполнѣ удовлетворительными. Сроки надзора опредѣляются судомъ, но назначеніе его зависитъ отъ усмотрѣнія административной власти; затѣмъ суду предоставлено право прекратить надзоръ и ранѣе срока, но не иначе, какъ на основаніи одобрительнаго отзыва полиціи, т. е. той-же административной власти. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что установленный проектомъ порядокъ отбытія наказаній не отличается желательной простотой и во многихъ случаяхъ требуются особыя распоряженія отъ различныхъ властей: сокращеніе сроковъ заключенія и освобожденіе отъ поселенія предоставлено Главному Тюремному Управленію, учрежденіе полицейскаго надзора — высшей губернской власти, а прекращеніе надзора и возстановленіе правъ — суду; далѣе для лишенія правъ установлены одни сроки, для полицейскаго надзора—другіе, и, кромѣ того, лишеніе правъ не всегда сопровождается надзоромъ, напр. относительно приговоренныхъ къ заточенію за проступки. Правила эти нельзя не признать нѣсколько сложными.

По мнѣнію г. Москалева, полицейскій надзоръ необходимъ по отношенію ко всѣмъ лицамъ, лишеннымъ правъ, и поэтому было-бы правильнѣе и проще сдѣлать его во всѣхъ этихъ случаяхъ обязательнымъ и назначать на тѣ-же сроки, какъ и лишеніе правъ. Правда, сроки эти выйдутъ нѣсколько длинны, но вѣдь они могутъ быть сокращаемы на половину по статьѣ 33; кромѣ того, можно-бы предоставить административной власти право по истеченіи двухъ лѣтъ, временно прекращать надзоръ за осужденнымъ, но съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ его неодобрительнаго поведенія, надзоръ этотъ могъ быть возстановленъ, совершенное-же освобожденіе отъ надзора ранѣе назначеннаго срока должно зависѣть отъ суда.

Тотъ-же Прокуроръ указываетъ, что статья 32 предоставляетъ поднадзорному право свободно избирать мѣсто жительства, за исключеніемъ особо указанныхъ мѣстностей, куда-бы онъ ни вздумалъ отправиться; по истеченіи 6 мѣсяцевъ, онъ можетъ постоянно переходить съ одного мѣста на другое, предаваясь вполнѣ бродячей жизни, и никто ему въ этомъ не можетъ воспрепятствовать; по крайней мѣрѣ разбираемая статья объ этомъ не упоминаетъ.

Въ видахъ устраненія подобныхъ случаевъ и для предоставленія полицейской власти дѣйствительной возможности осуществлять возложенный на нее надзоръ, слѣдовало-бы, по мнѣнію г. Москалева, 32 статью дополнить слѣдующими постановленіями:

«Поднадзорному, за исключеніемъ освобожденныхъ отъ поселенія, предоставляется или отправиться въ мѣсто постояннаго своего жительства и домашняго обзаведенія, или поселиться въ предѣлахъ той губерніи, гдѣ онъ отбывалъ наказаніе или въ одной изъ губерній съ нею смежныхъ, если пребываніе поднадзорныхъ во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ не воспрещено закономъ. Поднадзорные, не имѣющіе собственныхъ средствъ въ избранныя ими или назначенныя имъ мѣста жительства, находящіяся въ разстояніи болѣе 200 верстъ отъ того мѣста, гдѣ они отбывали наказаніе, отправляются этапнымъ порядкомъ.»

«Виды на жительство поднадзорнымъ не выдаются, а кратковременныя отлучки, на срокъ не болѣе 7 дней, по истеченіи полугода отъ начала надзора, дозволяются имъ съ вѣдома ближайшаго полицейскаго или сельскаго начальства, но отлучки эти, какъ равно и перемѣна мѣста жительства могутъ быть воспрещены полицейскою властью, если поднадзорный, не имѣя опредѣленныхъ занятій, предается бродячей жизни или когда во время отлучки онъ совершитъ какое-либо преступное дѣяніе.»

По поводу 31 и 32 статей г. Москалевъ считаетъ еще нужнымъ замѣтить слѣдующее:

1) по первой изъ нихъ, надзоръ учреждается «по выслушаніи мнѣнія мѣстнаго тюремнаго управленія», но что-же оно можетъ сказать относительно поселенцевъ, которые, по всей вѣроятности, не будутъ находиться въ ближайшемъ завѣдываніи какого-либо тюремнаго управленія;

2) во 2 п. 32 ст. правильнѣе было-бы сказать: отъ «подлежащаго надзору» вмѣсто «поднадзорнаго», потому что заявленіе отбирается отъ него еще въ то время, когда онъ содержится въ какомъ-либо мѣстѣ заключенія.

Относительно 33 ст. г. Москалевъ добавляетъ, что разрѣшеніе указанныхъ въ ней вопросовъ правильнѣе было-бы предоставить тому суду, кото-

рымъ постановленъ приговоръ, по тѣмъ-же соображеніямъ, которыя высказаны въ замѣчаніяхъ его по поводу 21 статьи.

По тексту разсматриваемой статьи, указанная въ ней льгота простирается только къ лицамъ, отбывшимъ наказаніе лишеніемъ свободы; по мнѣнію-же г. Москалева, ее слѣдовало-бы распространить и на присужденныхъ къ поселенію и въ этомъ смыслѣ ст. 33 дополнить.

Относительно полицейскаго надзора и связанныхъ съ нимъ ограниченій и стѣсненій личности, чины Черниговскаго Окружнаго Суда и мѣстной прокуратуры замѣчаютъ, что тотъ объемъ ограниченія личности поднадзорнаго, какой содержится въ проектѣ, не соотвѣтствуетъ практическимъ цѣлямъ, создавая существенныя стѣсненія для лицъ этого рода, безъ особенной пользы для общественной безопасности.

Такимъ стѣснительнымъ правиламъ для поднадзорныхъ представляетъ обязательный полугодичный срокъ пребыванія въ разъ избранной имъ мѣстности, такъ-какъ очень часто по занятіямъ поднадзорныхъ и мѣстнымъ условіямъ для нихъ представляется необходимымъ временно оставить обычное мѣстожительство, въ виду пропитанія и заработковъ. Въ проектѣ существуетъ, правда, правило, что поднадзорный можетъ просить высшее губернское начальство о разрѣшеніи временныхъ отлучекъ или о предоставленіи права оставить избранное мѣстожительство, но исходатайствованіе такого разрѣшенія, иногда, по разнымъ причинамъ, можетъ быть на столько затруднительнымъ для нуждающагося въ немъ, что обратится на практикѣ въ мѣру призрачную. Если-бы полицейскій надзоръ, какъ мѣра общественной безопасности, практиковался только въ случаяхъ дѣйствительной въ немъ надобности, сообразно условіямъ каждаго даннаго случая, а не предпринимался ради одного формальнаго порядка относительно всѣхъ лицъ, надъ коими согласно судебному приговору, предоставлено право учрежденія такого надзора, то и подобный объемъ ограниченій поднадзорнаго не былъ-бы такъ столько тяжелъ; но такъ-какъ, въ дѣйствительности, все дѣло полицейскаго надзора обращается только въ одну ненужную по существу, но тѣмъ не менѣе стѣснительную формальность, и онъ, ради той-же формы и какъ-бы по заведенному порядку, употребляется во всѣхъ случаяхъ, предоставленныхъ судомъ, то, въ виду множества лицъ, которыя подпадутъ надзору, эта мѣра станетъ особенно обременительною.

Судебная практика свидѣтельствуетъ, что рецидивисты впадали въ новыя преступленія именно благодаря стѣснительности для нихъ свобод-

перехода и права отлучекъ для заработковъ; а иногда одна только ссылка на эту причину, ссылка, быть можетъ, и несправедливая, но кажущаяся вѣроятною, влекла за собою оправданіе ихъ судомъ присяжныхъ.

Въ виду этого, не слѣдовало-ли бы ограничить полицейскій надзоръ, подобно обще-германскому кодексу, тѣмъ только, чтобы лицамъ, подлежащимъ ему, воспрещалось жительство въ извѣстныхъ опредѣленныхъ мѣстахъ, не лишая ихъ свободы перехода и обязывая лишь при всякой перемѣнѣ мѣста жительства заявлять о томъ полиціи, которая и можетъ такимъ образомъ негласно слѣдить за образомъ ихъ жизни и дѣятельностью.

Прокуроръ Полтавскаго Окружнаго Суда Люце находитъ, что полицейскій надзоръ, который 31 статьею предоставляется административной власти учреждать или не учреждать на сроки, назначенные судомъ, нѣтъ надобности ставить въ ряду наказаній. Скорѣе всего, его слѣдовало-бы вовсе уничтожить, такъ-какъ всѣ, установленныя статьями 31 и 32, правила значительно стѣснятъ тѣхъ поднадзорныхъ, которые хотѣли-бы честнымъ трудомъ зарабатывать себѣ пропитаніе, и въ то-же время едва-ли помогутъ администраціи въ предупрежденіи преступленій. Но во всякомъ случаѣ этотъ надзоръ вводится какъ одно изъ средствъ предупрежденія будущихъ преступленій, а вовсе не какъ наказаніе преступниковъ за прежнія ихъ преступныя дѣянія; поэтому онъ не имѣетъ никакого отношенія къ уголовнымъ законамъ и не долженъ быть установляемъ приговоромъ суда. При произнесеніи приговора, судъ даже лишенъ всякой возможности судить о томъ, будетъ-ли представляться необходимость подвергнуть осужденнаго полицейскому надзору, когда онъ отбудетъ наказаніе; рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ того, каково будетъ поведеніе осужденнаго передъ освобожденіемъ его отъ наказанія. Тѣмъ менѣе можетъ судъ, при произнесеніи приговора, опредѣлить срокъ (*), на который необходимо будетъ допустить полицейскій надзоръ надъ осужденнымъ, послѣ отбытія имъ наказанія. Какъ можетъ судъ рѣшить, напр., вопросъ: на сколько времени слѣдуетъ дозволить учрежденіе полицейскаго надзора надъ такимъ-то осужденнымъ къ поселенію, когда, за силою ст. 16

(*) Особенно страннымъ представляется то, что проектъ требуетъ отъ суда опредѣленіе, именно, срока полицейскаго надзора, тогда какъ разрѣшеніе вопроса о томъ, слѣдуетъ-ли вообще установить этотъ надзоръ, вполнѣ предоставлено усмотрѣнію администраціи. Скорѣе слѣдовало-бы постановить какъ разъ наоборотъ (Schwarze. Der Entwurf des Strafgesetzbuchs für den Nordeutschen Bund und die Kritiker des Entwurfs. Gerichtssaal, XXII, стр. 71).

и 2 ч. 21, суду, даже приблизительно, неизвѣстно сколько лѣтъ, даже сколько десятковъ лѣтъ, осужденный пробудетъ на поселеніи и по какимъ соображеніямъ администраціи будетъ освобожденъ отъ таковаго?

Представленіе губернской власти ad libitum учреждать или не учреждать полицейскій надзоръ, назначенный въ приговорѣ суда, какъ несогласное съ значеніемъ судебнаго приговора, должно быть, по мнѣнію чиновъ Псковской прокуратуры, совершенно исключено изъ текста ст. 31; составители проекта, допустивъ вмѣшательство администраціи въ сферу судебной власти, какъ-бы съ цѣлью возстановить нарушенное равновѣсіе, въ ст. 33 допускаютъ обратное вмѣшательство—снятіе судомъ надзора, учрежденнаго администраціей; не считая удобнымъ предоставлять суду право отмѣнять сдѣланное административною властью распоряженіе и тѣмъ самымъ какъ-бы умалять ея значеніе въ глазахъ населенія, нельзя тѣмъ не менѣе не признать, что хорошее поведеніе поднадзорнаго дастъ ему право на облегченіе его участи. Поэтому-то и казалось-бы полезнымъ оставить редакцію этой статьи при условіи измѣненія ст. 31; въ случаѣ-же, если это будетъ признано невозможнымъ, то снятіе надзора должно быть предоставлено высшей губернской власти той губерніи, въ которой проживаетъ поднадзорный.—См. также приведенное подъ ст. 17 и 18 замѣчаніе чиновъ Псковской прокуратуры.

При разсмотрѣніи постановленій ст. 31 и 33 проекта, прежде всего, слѣдуетъ, по мнѣнію прокуратуры Вологодскаго Окружнаго Суда, разрѣшить вопросъ: составляетъ-ли полицейскій надзоръ надъ отбывшимъ назначенное ему судомъ заключеніе или поселеніе собственно наказаніе за совершенное преступленіе или же только мѣру предупредительную, въ интересахъ общественныхъ, для огражденія общества отъ лица недостаточно исправленнаго отбытымъ имъ, въ той или другой тюрьмѣ, заключеніемъ или поселеніемъ. Если полицейскій надзоръ есть наказаніе, то учрежденіе, снятіе и порядокъ надзора должны быть представлены суду и выражены въ приговорѣ. Судебный приговоръ, имѣющій, по 68 ст. Осн. Закон., силу закона, должен заключать въ себѣ положительное, категорическое постановленіе, что осужденный подвергается тому или другому наказанію. Было-бы несовмѣстно съ цѣлями правосудія и значеніемъ судебнаго приговора предоставлять, въ приговорѣ, административной власти право наказать или не наказать осужденнаго, по усмотрѣнію. Наоборотъ, если полицейскій надзоръ есть лишь мѣра, имѣющая цѣлію оградить общество отъ неисправныхъ тюрьмою преступни-

овъ, посредствомъ тщательнаго надзора за ними,—то полицейскому над-
ору и законоположеніямъ, опредѣляющимъ его значеніе, снятіе и самый
орядокъ—не мѣсто въ уложеніи о наказаніяхъ. Въ нынѣ дѣйствующемъ
ложеніи, полицейскій надзоръ не упомянутъ въ числѣ собственно наказаній;
немъ говорится лишь какъ о послѣдствіяхъ наказанія, причемъ, будучи
азначенъ въ приговорѣ, надзоръ является обязательнымъ для исполненія
дминистративною властью. По мысли-же составителей проекта уложенія,
олицейскій надзоръ не составляетъ собственно наказанія, а именно долженъ
реслѣдовать вышеупомянутую цѣль, обезопасить общество отъ недостаточно
справленнаго преступника. Преслѣдованіе этой цѣли должно составлять
адачу администраціи, а посему всѣ постановленія о полицейскомъ надзорѣ
ъ ст. 3, 31—33 должны быть исключены изъ уложенія и помѣщены въ по-
ицейскомъ уставѣ. Это соображеніе представляется правильнымъ и съ точки
рѣнія практической. По мысли составителей проекта, судъ только предо-
тавляетъ администраціи право учредить надзоръ надъ извѣстнымъ осужден-
ымъ преступникомъ—право, коимъ администрація можетъ пользоваться по
воему усмотрѣнію; дѣятельность администраціи въ этомъ отношеніи не под-
ежитъ никакому контролю суда до тѣхъ поръ, пока осужденный не пробу-
детъ подъ надзоромъ половину срока, указаннаго во 2 отд. 31 ст. Но и
атѣмъ, при разрѣшеніи вопроса о снятіи надзора, судъ имѣетъ въ своемъ
аспоряженіи лишь матеріалъ, доставляемый ему тою-же административною
ластію и мѣстнымъ городскимъ и сельскимъ управленіемъ, причемъ изъ
мысла 33 ст. проекта слѣдуетъ заключить, что судъ можетъ снять надзоръ
ишь въ случаѣ, если сама администрація засвидѣтельствуетъ о хорошемъ
оведеніи осужденнаго, и что суду не предоставляется снять надзоръ, въ
лучаѣ неодобрительнаго отзыва полиціи о поднадзорномъ.

Такимъ образомъ, самостоятельная дѣятельность суда будетъ заклю-
аться лишь въ предоставленіи администраціи отвлеченнаго права учредить
адзоръ, а въ разрѣшеніи вопроса о снятіи надзора судъ, въ своихъ опредѣ-
еніяхъ, всецѣло будетъ зависѣть отъ тѣхъ или другихъ отзывовъ полиціи.
акая роль не достойна назначенія суда, подрываетъ значеніе судебнаго при-
овора и поведетъ лишь къ вреднымъ многочисленнымъ пререканіямъ между
удомъ и администраціей. Не лучше-ли было-бы, въ виду такой ничтожной
дѣятельности суда въ дѣлѣ установленія надзора и полной его зависимости
отъ отзывовъ полиціи при снятіи надзора, — какъ установленіе, такъ
и снятіе надзора всецѣло предоставить административной власти. Право
учреждать надзоръ надъ отбывшимъ наказаніе преступникомъ по усмотрѣ-
нію административной власти можетъ быть предоставлено ей общимъ зако-
номъ и упоминаніе о семъ каждый разъ въ приговорѣ суда будетъ излишне.

Точно также и снятіе надзора должно быть всецѣло вручено администраціи, которая сама слѣдитъ за преступникомъ и имѣетъ всѣ данныя для правильнаго разрѣшенія вопроса о томъ, можно-ли его освободить отъ надзора. Порядокъ самаго надзора слѣдуетъ опредѣлить также закономъ, но не въ уложеніи о наказаніяхъ, а въ полицейскомъ уставѣ. Соображеніе составителей проекта уложенія, что полицейскій надзоръ не долженъ вредить интересамъ поднадзорныхъ и отягощать и безъ того затруднительное положеніе ихъ—совершенно справедливо; но то незначительное участіе, которое въ дѣлѣ полицейскаго надзора предоставлено по проекту суду, безъ сомнѣнія, не можетъ служить гарантіею правильности назначенія надзора административнаго порядка и прекращенія его.

Посему, если желательно полицейскій надзоръ помѣстить въ числѣ дополнительныхъ наказаній, то слѣдуетъ какъ назначеніе, такъ и отмѣну его предоставить всецѣло суду, безъ всякаго произвольнаго участія въ сей части административной власти, причемъ необходимо предоставить суду, при разрѣшеніи вопроса о прекращеніи надзора, руководствоваться не одними лишь одобрительными отзывами полицейскихъ и административныхъ властей, а и всякимъ инымъ матеріаломъ, который можетъ быть представленъ суду въ доказательство хорошаго поведенія поднадзорнаго и его исправленія. Если же полицейскій надзоръ есть не наказаніе, а мѣра, устанавливаемая въ интересахъ огражденія общества отъ недостаточно исправленныхъ понесеннымъ заключеніемъ преступниковъ, то полицейскій надзоръ долженъ быть исключенъ изъ числа дополнительныхъ наказаній, означенныхъ въ 3 ст. проекта, всецѣло переданъ въ руки администраціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть исключены изъ проекта уложенія законоположенія, опредѣляющія порядокъ установленіе и отмѣну полицейскаго надзора.

Прокуроръ Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскій находитъ что установленный Коммисіею полицейскій надзоръ, какъ переходная ступень, по отбытіи наказанія, къ безусловному пользованію свободою, въ интересахъ общественной безопасности представляется мѣрою весьма цѣлесообразною; если надзоръ этотъ будетъ разумно примѣняться и не останется мертвою буквою, то несомнѣнно онъ принесетъ желаемую пользу. Но признавая, что полицейскій надзоръ составляетъ неизбѣжное послѣдствіе всякаго преступнаго дѣянія и, слѣдовательно, долженъ быть опредѣляемъ въ каждомъ данномъ случаѣ приговоромъ суда, г. Хлодовскій полагаетъ, что установленіе или неустановленіе сего надзора надъ освобожденными отъ наказанія не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія губернской или полицейской

власти, какъ это дѣлаетъ Коммиссія въ 31 ст., и должно непремѣнно слѣдовать въ силу самаго судебнаго приговора, точно также какъ и самое наказаніе, опредѣляемое судомъ. Непоколебимость судебныхъ приговоровъ и обязательность ихъ для исполнителей во всемъ объемѣ вызываютъ непремѣнную обязанность точнаго и непремѣннаго выполненія всего того, что опредѣлено судомъ въ приговорѣ, а изъ этого слѣдуетъ, что коль скоро судъ, по свойству совершеннаго виновнымъ дѣянія, призналъ необходимымъ учредить надъ нимъ, по отбытіи наказанія, полицейскій надзоръ на извѣстный срокъ, то мѣра эта неминуемо должна быть приведена въ исполненіе и административной власти не можетъ быть предоставлено или исполнить приговоръ суда въ этомъ отношеніи, или-же оставить таковой безъ исполненія по ея усмотрѣнію. Коль скоро-же назначеніе или неназначеніе полицейскаго надзора предоставляется исключительно усмотрѣнію губернской власти, то не зачѣмъ возлагать на судъ обязанность опредѣлять эту мѣру въ своемъ приговорѣ,— такую мѣру, которая потомъ безконтрольно можетъ быть отмѣнена властью исполнительною. Притомъ-же тѣ основанія, въ силу коихъ Коммисія признаетъ за губернскою властью право назначенія, вопреки судебному приговору, полицейскаго надзора, по выслушаніи мнѣнія тюремнаго управленія, вслѣдствіе хорошаго поведенія арестанта въ мѣстѣ заключенія, едва-ли могутъ быть признаны правильными, ибо если хорошее поведеніе арестанта можетъ влечь за собою сокращеніе срока наказанія, какъ это установлено ст. 21 и 22, то оно не должно имѣть никакого вліянія на устраненіе полицейскаго надзора, какъ такой мѣры, которая, не составляя сама по себѣ какого-либо наказанія, устанавливается единственно въ видахъ общественной безопасности и спокойствія.

Посему названный Прокуроръ полагалъ-бы первую часть 31 ст. измѣнить такимъ образомъ, что ***полицейскій надзоръ назначается въ силу самаго закона, на основаніи судебнаго приговора, помимо воли и усмотрѣнія губернской власти.***

Равнымъ образомъ, по мнѣнію г. Хлодовскаго, отдача подъ надзоръ полиціи для иностранцевъ во всякомъ случаѣ должна быть замѣняема высылкою за границу, ибо, во 1-хъ, по отношенію къ иностранцамъ не всегда возможно примѣнить всѣ тѣ мѣры надзора, которыя съ успѣхомъ могутъ быть предприняты относительно своихъ подданныхъ, и, во 2-хъ, правительство не должно терпѣть на своей территоріи такихъ иностранцевъ, которые, по своей порочности и преступности, представляются небезопасными въ интересахъ общественнаго спокойствія; а потому является полное основаніе такихъ иностранцевъ, по отбытіи ими наказанія, высылать за границу, и если въ этомъ отношеніи можетъ быть сдѣлано исключеніе, то лишь въ отношеніи присуж-

денныхъ къ тюрьмѣ, въ виду сравнительной незначительности и неважности преступныхъ дѣяній, наказываемыхъ тюрьмою.

Что-же касается ст. 32 и 33, то статьи эти, опредѣляющія порядокъ отбыванія полицейскаго надзора и условія, при коихъ возможно постановленіе правъ и снятіе полицейскаго надзора, какъ относящіяся до порядка отбыванія наказанія, должны быть вовсе исключены изъ уложенія, первая изъ нихъ по существу своему всецѣло относится къ XIV тому, а послѣдняя скорѣе должна быть помѣщена въ уставѣ уголовнаго судопроизводства въ раздѣлѣ объ исполненіи судебныхъ приговоровъ.

Московская Судебная Палата останавливается на томъ обстоятельствѣ, что, въ силу ст. 31, назначеніе сроковъ полицейскаго надзора, являющагося послѣдствіемъ извѣстнаго рода наказаній, предоставляется суду одновременно съ постановленіемъ приговора, самое-же учрежденіе его предоставлено власти административной, отъ усмотрѣнія которой зависитъ, по выслушаніи мнѣнія мѣстнаго тюремнаго управленія, прибѣгать къ этой мѣрѣ или нѣтъ. На практикѣ вскорѣ окажется, что участь осужденныхъ въ этомъ отношеніи всецѣло будетъ находиться въ рукахъ мелкаго тюремнаго начальства, преимущественно-же смотрителя тюрьмы и все это, конечно, можетъ повести къ различнаго рода злоупотребленіямъ. Съ другой стороны, по ст. 33, снятіе полицейскаго надзора, разъ учрежденнаго надъ осужденнымъ власти административною, до истеченія срока его, опять-таки предоставлено суду по ходатайству осужденнаго, причемъ ходатайствующій долженъ былъ прожить въ послѣднемъ мѣстѣ жительства не менѣе 2-хъ лѣтъ и обязанъ представить суду свидѣтельство о хорошемъ поведеніи отъ мѣстной полиціи отъ мѣстнаго городскаго или сельскаго управленія. По этому поводу естественно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ судъ долженъ руководствоваться подобными свидѣтельствами о поведеніи? Будетъ-ли ему предоставлено право входить въ оцѣнку ихъ? или-же онъ обязанъ принимать ихъ за безусловное доказательство хорошаго поведенія ходатайствующаго? Если такъ, то на практикѣ и снятіе полицейскаго надзора окажется дѣломъ низшихъ административныхъ властей.

Такимъ образомъ, изъ разсмотрѣнія ст. 31 и 33 не трудно убѣдиться, что на практикѣ учрежденіе полицейскаго надзора всецѣло будетъ зависѣть отъ ближайшаго тюремнаго начальства, а снятіе его станетъ дѣломъ ближайшихъ къ осужденному полицейскихъ властей. Поэтому становится желательнымъ измѣнить ст. 31 въ томъ смыслѣ, чтобы опредѣленіе обязательности или необязательности учрежденія полицейскаго надзора надъ осужденнымъ,

по отбытіи имъ главнаго наказанія, предоставлено было суду, но чтобы затѣмъ осужденному или администраціи было-бы предоставлено право обращаться въ судъ съ ходатайствомъ о снятіи этого надзора и до срока, назначеннаго судомъ. Въ этомъ случаѣ судъ не долженъ быть стѣсненъ представленными при этомъ свидѣтельствами о поведеніи, если таковыя выданы полиціей: напротивъ, ему должно быть предоставлено широкое право внутренней оцѣнки ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Для этого слѣдовало-бы въ ст. 33 совершенно исключить слова: «отъ мѣстной полиціи и отъ мѣстнаго городскаго и сельскаго управленія».

Все доселѣ сказанное о полицейскомъ надзорѣ относится, собственно говоря, до перваго момента его, т. е. касается самаго учрежденія его; поэтому возникаетъ вопросъ, въ чемъ именно состоитъ самая сущность полицейскаго надзора? Въ текстѣ закона не находится въ этомъ отношеніи никакихъ указаній, такъ-какъ ст. 32 касается только внѣшней стороны надзора и, устанавливая правила, стѣсняющія свободу передвиженія поднадзорнаго, опредѣляетъ, такъ сказать, мѣру пресѣченія ему способовъ уклоняться отъ предполагаемаго благотворнаго вліянія на него со стороны полиціи. Но въ чемъ именно будетъ состоять это воздѣйствіе полиціи—изъ текста закона не видно. Не даютъ на это отвѣта и объясненія Редакціонной Коммисіи. Дѣйствительно, матеріальной поддержки, какъ полагаетъ и сама Коммисія, полицейскій надзоръ отбывшему наказаніе оказать не въ силахъ. Напротивъ, нужно думать, что, стѣсняя его въ свободномъ передвиженіи, надзоръ этотъ стѣснитъ его и въ выборѣ средствъ къ жизни. Остается затѣмъ другое соображеніе, приводимое обыкновенно въ защиту необходимости полицейскаго надзора, какъ дополненія нѣкоторыхъ типовъ лишенія свободы: «интересы общественные». Въ этомъ случаѣ надзоръ, являясь гарантіей общественной безопасности отъ преступника, хотя и отбывшаго свое наказаніе, но еще не умѣющаго пользоваться предоставленной ему свободой, получаетъ такимъ образомъ значеніе исправительное. Въ результатѣ получается слѣдующая картина: съ одной стороны, въ основѣ всей проектированной системы наказаній и конечной ихъ цѣлью, по мнѣнію Коммисіи, является исправленіе преступнаго лица, съ другой—такой преступникъ, исправленный въ каторжной тюрьмѣ, заточеніи и т. д., по отбытіи наказанія, нуждается въ дальнѣйшемъ исправленіи со стороны полиціи! Не будетъ-ли это новымъ наказаніемъ для лица, по закону уже отбывшаго свое наказаніе? При этомъ не слѣдуетъ забывать тѣхъ случаевъ, когда надзоръ этотъ учреждается надъ лицомъ, приговореннымъ къ поселенію! По смыслу ст. 21, такое лицо можетъ, по истеченіи 10 лѣтъ, получить, по распоряженію Главнаго Тюремнаго Управленія, разрѣшеніе оставить обязательное для него мѣстопребываніе—нужно полагать, вслѣдствіе

выяснившагося исправленія. Но вотъ, въ силу 32 ст., такое лицо, признанное исправившимся, можетъ поступить подъ надзоръ полиціи опять-таки для исправленія! Во всякомъ случаѣ, какія-бы ни были соображенія, которыми руководствовалась Коммисія при опредѣленіи пригодности полицейскаго надзора для извѣстныхъ цѣлей, разъ она высказалась въ принципѣ за удержаніе этой мѣры, какъ дополненія большей части наказаній лишеніемъ свободы, и внесла его въ проектъ уложенія,—является необходимость опредѣлить и самую сущность его. Поэтому было-бы желательно, по установленіи такого опредѣленія, внести его въ соотвѣтственные уставы, а вмѣстѣ съ тѣмъ перенести туда-же ст. 32, совершенно лишнюю въ уложеніи, ибо суду никогда не придется имѣть дѣло съ самымъ осуществленіемъ полицейскаго надзора.

Относительно полицейскаго надзора Членъ образованной изъ чиновъ Варшавской Судебной Палаты Коммисіи фонъ-Вендрихъ полагалъ исключить изъ проекта всѣ статьи, коими установляется полицейскій надзоръ (п. 2 ст. 3, 31, 32 и 33), такъ-какъ, по мнѣнію его, полицейскій надзоръ не долженъ имѣть мѣста въ смыслѣ дополнительнаго наказанія. Въ основаніе своего мнѣнія названный Членъ Коммисіи привелъ: 1) что, по смыслу означенныхъ статей, полицейскій надзоръ является мѣрою чисто административною, а потому статьи эти болѣе были-бы умѣстны въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, чѣмъ въ уголовномъ уложеніи; 2) что устраненіемъ полицейскаго надзора, въ смыслѣ дополнительнаго наказанія, нисколько не отрицается полезность установленія попеченія надъ приговоренными объ освобожденіи ихъ изъ заключенія, въ видѣ устройства патронатствъ и другихъ благотворительныхъ заведеній, такъ-какъ ихъ устройство не имѣетъ ничего общаго съ полицейскимъ надзоромъ, въ смыслѣ дополнительнаго наказанія.

Раздѣляя изложенное мнѣніе и имѣя, кромѣ того, въ виду, что надзоръ полиціи въ дѣйствительности не осуществляется и остается лишь надзоромъ на бумагѣ, Коммисія высказалась за исключеніе полицейскаго надзора, какъ дополнительнаго наказанія, изъ Уголовнаго Уложенія.

Товарищъ Предсѣдателя Плоцкаго Окружнаго Суда Павловскій находитъ, что заключающіяся въ ст. 31—33 проекта правила объ учрежденіи, снятіи полицейскаго надзора, а также о способѣ, которымъ этотъ надзоръ осуществляется, относятся, по свойству своему, не къ уложенію о наказаніяхъ, а къ уставу благочинія; а потому, эти статьи, безъ вреда для цѣлости

проекта, могли-бы быть исключены изъ него и замѣнены лишь общею ссылкою на правила означеннаго Устава.

При обсужденіи проекта собраніемъ чиновъ прокуратуры Кіевскаго округа, мнѣнія о цѣлесообразности и умѣстности полицейскаго надзора въ уложеніи раздѣлились поровну: одни, соглашаясь съ мотивами Редакціонной Коммисіи, высказались за сохраненіе этого дополнительнаго взысканія; другіе-же полагали исключить его изъ проекта уложенія, находя, что главнымъ основаніемъ учрежденія надзора служатъ интересы общества, которое необходимо оградить отъ дальнѣйшихъ проявленій злой воли преступника, и что, при такомъ значеніи полицейскаго надзора, онъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ наказаніе, а составляетъ лишь мѣру предупрежденія и пресѣченія возможныхъ преступленій со стороны лица, уже проявившаго свою нравственную испорченность. Въ силу этихъ соображеній, какъ установленіе надзора, такъ и сокращеніе сроковъ его или совершенное отъ него освобожденіе должно быть отнесено къ предметамъ вѣдомства администраціи, а не суда, который, при томъ-же, получая о преступникѣ во время краткаго судебнаго засѣданія лишь самыя поверхностныя свѣдѣнія, не можетъ имѣть достаточныхъ данныхъ для опредѣленія степени опасности злой воли преступника, и, слѣдовательно, врядъ-ли будетъ въ состояніи основательно разрѣшать вопросъ о необходимости въ извѣстномъ данномъ случаѣ учрежденія надъ нимъ полицейскаго надзора. Кромѣ того, сторонники послѣдняго мнѣнія полагали, что 2 п. ст. 3 долженъ быть помѣщенъ въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и что вмѣстѣ съ тѣмъ подлежатъ исключенію изъ проекта уложенія и всѣ положенія, относящіяся до полицейскаго надзора, помѣщенныя въ ст. 9, 31, 32 и 33 этого проекта; лица-же прокурорскаго надзора, высказавшіяся за сохраненіе полицейскаго надзора въ видѣ дополнительнаго наказанія, нашли необходимымъ оставить въ проектѣ уложенія лишь первое постановленіе ст. 32 о томъ, что «поднадзорному воспрещается жительство и пребываніе въ указанныхъ особымъ закономъ губерніяхъ, уѣздахъ, городахъ или иныхъ мѣстахъ», а остальные три пункта этой статьи, какъ заключающіе въ себѣ положенія о порядкѣ проживанія и перехода поднадзорнаго въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ имѣетъ право пребыванія, признаны подлежащими исключенію изъ проекта уложенія, въ виду того, что выраженныя въ ихъ правила относятся къ административнымъ мѣропріятіямъ.

См. также приведенныя: подъ ст. 25—30 замѣчанія профессора Вальберга и подъ ст. 14—19 замѣчанія Ставропольскаго Окружнаго Суда.

Статья 31.

Нѣсколько страннымъ представляется, по мнѣнію профессора Лукина, что власть, отличная отъ судебной, и уже послѣ отбытія главнаго наказанія, призывается къ примѣненію дополнительнаго и факультативнаго наказанія—полицейскаго надзора. Если уже принять это наказаніе (значеніе его польза для г. Лукини, по меньшей мѣрѣ, сомнительны), то не странно-ли, самомъ дѣлѣ, что его примѣненіе изъемлется изъ власти судовъ и передается на эмпирическое благоусмотрѣніе администраціи.

Профессоръ Будзинскій находитъ, что назначеніе полицейскаго надзора въ порядкѣ, указанномъ въ мотивахъ (стр. 100), а именно: по выслушаніи мнѣнія тюремнаго управленія, лучше предоставить коллегіальному рѣшенію суда, чѣмъ административному произволу.

Профессоръ Даневскій находитъ, что, говоря вообще, нельзя ничего возразить противъ самаго института полицейскаго надзора надъ лицами, отбывшими наказаніе. Этотъ надзоръ одинаково требуется интересами общественной безопасности и самаго лица, подвергшагося наказанію. Это послѣднее, переходя изъ сурового режима тюрьмы въ состояніе свободы, можетъ, какъ показываетъ опытъ, особенно на первыхъ порахъ «свихнуться съ пути истиннаго» и избрать себѣ невѣрные, рискованные и даже преступные способы дѣятельности и снисканія куска хлѣба. Необходимо, чтобы полицейская власть имѣла законные способы къ охраненію общества отъ подобныхъ личностей, способы, которые, не стѣсняя предпріимчивости поднадзорнаго въ выборѣ средствъ къ поддержанію себя и своей семьи, оставляли эту дѣятельность освобожденнаго подъ извѣстнымъ контролемъ и наблюденіемъ. Слѣдуетъ только умѣть сочетать права общества, въ лицѣ полицейской власти, на контролированіе дѣятельноети поднадзорныхъ правами послѣднихъ на свободу передвиженія, на свободный трудъ и т. Всякія излишества въ ту или другую сторону, или не даютъ должныхъ гарантій обществу, или чрезмѣрно стѣсняютъ свободу поднадзорнаго, ставятъ его въ ложное, затруднительное, часто даже безъисходное положеніе. Слѣдуетъ еще обратить вниманіе и на то, что полицейскій надзоръ не долженъ разсматриваться, какъ необходимое послѣдствіе извѣстнаго наказанія. Онъ долженъ сообразоваться, главнымъ образомъ, съ характеромъ обвиненаго; индивидуальныя оссбенности, свойства и побужденія преступника могутъ вызвать необходимость этого надзора и даже усиленнаго для лицъ подвергшихся, относительно—незначительной карѣ. Всѣ эти соображенія могутъ сдѣлать надзоръ даже ненужнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный

ужденъ на тяжкое и продолжительное заключеніе, напр. на каторгу. Не едставляется поэтому вполнѣ справедливымъ пріурочивать сроки поли-ейскаго надзора къ большей или меньшей тяжести наказанія. Сама Комми-я, говоря напр. о лишеніи и ограниченіи правъ состоянія, замѣчаетъ раведливо, что съ теоретической точки зрѣнія «разрушеніе чести и обще-веннаго довѣрія можетъ быть только послѣдствіемъ преступнаго дѣянія, а наказанія» (объясн., стр. 94). Тоже, очевидно, можетъ быть примѣнено къ полицейскому надзору, какъ акту, являющемуся слѣдствіемъ обще-веннаго недовѣрія къ извѣстному наказанному лицу и результатомъ боты о немъ правительства. Степень недовѣрія и заботъ о лицѣ находятся кимъ образомъ, въ зависимости отъ свойствъ самаго дѣянія, за которое ужденъ виновный, его побужденій и т. д. Несомнѣнно напр., что чело-ѣкъ, осужденный на каторжную работу за предумышленное убійство, жетъ, по истеченіи срока наказанія, оказаться менѣе и даже совсѣмъ не ждающимся въ полицейскомъ надзорѣ, тогда какъ мелкій плутъ, совершив-ій нѣсколько кражъ и осужденный за нихъ, нуждается въ немъ, и при-мъ на большіе сроки, чѣмъ тотъ-же предумышленный убійца, или лицо, анесшее кому-нибудь тяжкія раны.

Эта субъективная сторона дѣяній принята въ соображеніе составите-ями проекта, которые сдѣлали назначеніе полицейскаго надзора факульта-ивнымъ, а не обязательнымъ для суда (объясн., стр. 100). Судъ можетъ не азначать вовсе полицейскаго надзора, и въ такомъ случаѣ высшая губерн-ская власть лишена права, по своему усмотрѣнію, назначать этотъ надзоръ; ли-же судъ нашелъ необходимымъ опредѣлить полицейскій надзоръ, то, акъ это слѣдуетъ изъ текста ст. 31 и объясненій Коммисіи, онъ можетъ и е быть примѣненъ къ наказанному; буде губернская власть, выслушавъ редварительно мнѣніе тюремнаго управленія, имѣвшаго возможность близко знакомиться съ арестантомъ во время пребыванія его въ тюрьмѣ, найдетъ, го ни интересы общественной безопасности, ни интересы самаго лица, не ызываютъ необходимости полицейскаго надзора, который имѣлся въ виду удомъ, предполагавшимъ эту необходимость. При подобной точкѣ зрѣнія, адлежало-бы, однако, провести ее болѣе послѣдовательно, предоставивъ уду, пользующемуся, вообще говоря, большимъ довѣріемъ составителей роекта, большій просторъ въ выборѣ самыхъ сроковъ полицейскаго надзора, е стѣсняя его тѣми рамками, въ которыя поставлены эти сроки по ст. 31, ѣ они пріурочены къ тяжести отбытыхъ наказаній: не свыше восьми лѣтъ ія каторжниковъ, не свыше пяти для приговоренныхъ къ заточенію на рокъ свыше шести лѣтъ поселенію, или исправительному дому и не свыше ухъ лѣтъ для осужденныхъ къ тюрьмѣ. Сроки: восемь, пять и два года

взяты Коммисіею произвольно, и, въ данномъ случаѣ, Коммисія, необ подкрѣпляющая свои соображенія ссылками на иностранныя законодат ства или на русское право, не представила никакихъ прецедентовъ изъ исторіи русскаго уголовнаго законодательства и, тѣмъ менѣе, примѣровъ иностранныхъ законодательствъ, изъ которыхъ въ германскомъ взятъ срокъ въ пять лѣтъ (для преступленій исключительно), а во французск.— двадцать лѣтъ (объясн., стр. 100).

Съ точки зрѣнія, лежащей въ основаніи института полицейскаго надзор надъ отбывшими наказаніе по суду было-бы справедливо не пріурочивать сроковъ этого надзора къ тяжести главнаго наказанія, т. е. было-бы цѣ сообразно, если напр. приговоренный за воровство, сдѣлавшееся ремесло къ тюрьмѣ, или исправительному дому, будетъ вынужденъ оставаться подъ полицейскимъ надзоромъ въ теченіи четырехъ, пяти и даже десяти лѣтъ, а отбывшій каторгу срокомъ на пятнадцать лѣтъ отбудетъ полицейскій надзоръ въ одинъ, два года или совсѣмъ будетъ освобожденъ отъ него. Въ виду этого г. Даневскому казалось-бы цѣлесообразнымъ, понизивъ минимумъ срока полицейскаго надзора съ двухъ лѣтъ на одинъ годъ и повысивъ максимумъ съ восьми до десяти лѣтъ, примѣнять эти сроки безразлично къ каторжникамъ, поселенцамъ, приговорѣннымъ къ заточенію свыше шести лѣтъ, къ исправительному дому и тюрьмѣ, по усмотрѣнію суда, которое будетъ потомъ исправляться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ высшею губернскою властью (по соглашенію съ мѣстнымъ тюремнымъ управленіемъ). Губернская власть могла-бы совсѣмъ отмѣнить этотъ полицейскій надзоръ или сократить его по своему усмотрѣнію; но ей не слѣдовало-бы, однако, предоставлять права на увеличеніе сроковъ надзора.

Такимъ образомъ, выкинувъ средину и конецъ текста ст. 31 проекта надлежало-бы редактировать, по мнѣнію г. Даневскаго, ее такъ:

«Надъ освобожденными отъ поселенія и изъ исправительнаго дом а въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, и изъ тюрьмы, предоставляетс высшей губернской власти право учредить, по выслушаніи мнѣнія мѣстнаго тюремнаго управленія, полицейскій надзоръ на сроки отъ одного до десяти лѣтъ, назначенные судомъ. Высшей губернской власти предоставляется право, также по выслушаніи мнѣнія мѣстнаго тюремнаго управленія, или совершенно освобождать отъ полицейскаго надзора, или же сокращать сроки, назначенные судомъ, по ея усмотрѣнію».

Установляемый 31 ст. проекта надзоръ полиціи надъ освобожденными отъ поселенія представляется, по мнѣнію г. Ц. Я. (Юридическій Вѣстникъ

1883, № 8), излишнимъ, а редакція первыхъ двухъ частей 31 ст.—неясною: по 1 ч. 31 ст., «надъ освобожденными отъ поселенія учреждается надзоръ на сроки, опредѣляемые судомъ», а по 2 ч. 31 ст.—срокъ надзора для приговоренныхъ къ каторгѣ назначается не свыше 8 лѣтъ, для приговоренныхъ къ продолжительному заточенію, поселенію и исправительному дому не свыше 5 лѣтъ. Такимъ образомъ 1 ч. 31 ст. даетъ право учрежденія надзора надъ всѣми «освобожденными отъ поселенія», а 2 ч. приводитъ къ заключенію, что срокъ надзора начинается съ момента поселенія лица, отбывшаго каторгу или продолжительное заточеніе, или приговореннаго къ ссылкѣ, но по 2 ч. 21 ст. всѣ находящіеся на поселеніи, «лишь по истеченіи 10 лѣтъ онаго», могутъ оставить обязательное мѣстопребываніе и, слѣдовательно, могутъ быть освобождены отъ поселенія только въ то время, когда сроки полицейскаго надзора для тѣхъ изъ нихъ, которые поселены по отбытіи каторги и заточенія, истекли; что-же касается лицъ, подвергнутыхъ поселенію, какъ самостоятельному наказанію, то срокъ ограниченія правъ ихъ по 27 ст., какъ было уже замѣчено, нельзя не отнести къ первымъ пяти годамъ поселенія, и поэтому, если даже къ одной этой категоріи поселенцевъ относить предписаніе 1 ч. 31 ст., то и въ такомъ случаѣ послѣдняя окажется въ принципіальномъ противорѣчіи со 2 ч. 21 ст., тогда какъ послѣдняя исходитъ изъ предположенія, что отбытіе десятилѣтняго поселенія, при хорошихъ о поведеніи поселенца отзывахъ, служитъ достаточною гарантіею исправленія его и ему можетъ быть дано разрѣшеніе оставить поселеніе, 31 ст., напротивъ, исходитъ изъ предположенія, что даже ссыльные, пользовавшіеся уже въ теченіе послѣднихъ лѣтъ ссылки всѣми гражданскими правами, по освобожденіи отъ поселенія вновь могутъ быть подвергнуты надзору полиціи. Едва-ли это могла имѣть въ виду Коммисія, высказавшая въ мотивахъ къ 31 ст. соображеніе, что сроки надзора должны считаться «со дня прекращенія отбытія главнаго наказанія». Для устраненія недоразумѣній, возбуждаемыхъ 31 ст., и согласованія ея съ другими статьями проекта необходимо изложить ее такъ: «Надъ приговоренными къ ссылкѣ и освобожденными изъ каторги, продолжительнаго заточенія, исправительнаго дома, а въ указанныхъ закономъ случаяхъ и изъ тюрьмы, предоставляется высшей губернской власти право учредить, по выслушаніи мнѣнія мѣстнаго тюремнаго управленія, полицейскій надзоръ на сроки, назначенные судомъ».

«Сроки сіи назначаются въ слѣдующей постепенности: не свыше восьми лѣтъ для приговоренныхъ къ каторгѣ, не свыше пяти лѣтъ—для приговоренныхъ къ продолжительному заточенію, ссылкѣ и исправительному дому, не свыше двухъ лѣтъ—для приговоренныхъ къ тюрьмѣ».

Коммисія Новороссійскаго Юридическаго Общества предлагаетъ слѣдующую редакцію ст. 31 проекта: надъ освобожденными отъ поселенія и изъ исправительнаго дома, а въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, и изъ тюрьмы предоставляется высшей губернской власти право, *на основаніи судебнаго приговора*, учредить, по выслушаніи мнѣнія мѣстнаго тюремнаго управленія, полицейскій надзоръ на сроки, назначенные судомъ.

Сроки эти назначаются въ слѣдующей постепенности: не свыше восьми лѣтъ—*для* приговоренныхъ къ каторгѣ; не свыше пяти лѣтъ—для приговоренныхъ. . . . . къ ссылкѣ или исправительному дому; не свыше двухъ лѣтъ—*для* приговоренныхъ къ тюрьмѣ.

Для иностранцевъ отдача подъ надзоръ полиціи можетъ быть замѣнена по усмотрѣнію *той-же власти*, высылкою за границу, съ воспрещеніемъ возвращаться въ Россію на время, соотвѣтствующее назначенному въ приговорѣ срокамъ надзора.

Въ этой редакціи слова «на основаніи судебнаго приговора» внесены Коммисіею для большей ясности редакціи, такъ какъ при редакціи текста въ проектѣ возможенъ вопросъ: когда назначаются судомъ сроки: во время постановленія приговора или послѣ, при окончаніи срока наказанія?

Изъ второй части исключены приговоренные къ заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ, на которыхъ Коммисія Юридическаго Общества находитъ желательнымъ не распространять этой статьи, какъ въ виду особаго характера этого наказанія, такъ и потому, что лица, караемыя заточеніемъ поставлены сравнительно въ неблагопріятное положеніе невозможностью примѣнять къ нимъ досрочное освобожденіе; нераспространеніе на нихъ полицейскаго надзора является по этому вполнѣ справедливымъ. При этомъ имѣлось въ виду, что, по предположенію Коммисіи Новороссійскаго Общества, отбывшіе заточеніе могутъ быть поселяемы на срокъ до 2-хъ лѣтъ: такимъ образомъ относительно ихъ есть уже переходная ступень отъ заточенія къ полной свободѣ, если-бы почему-либо оказалось опаснымъ поставить имъ послѣднюю непосредственно.

Наконецъ, во избѣжаніе недоразумѣній, могущихъ возникнуть вслѣдствіе упоминанія закономъ въ одной и той-же статьѣ о «высшей губернской власти», и затѣмъ о «высшей полицейской власти», рѣшено замѣнить послѣднее выраженіе въ 3 ч. 31 ст. словами «той же власти»,

---

Чины прокуратуры Пермскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что полицейскій надзоръ, какъ даетъ основаніе думать опытъ, вѣроятно, обратится въ мертвую букву закона. Болѣе исключительный надзоръ, устанавливаемый

уставомъ уголовнаго судопроизводства въ видѣ мѣры пресѣченія способовъ уклониться отъ суда, именно: особый надзоръ полиціи, и тотъ на практикѣ оказывается совершенно неосуществимымъ. Несостоятельность его съ особенною очевидностью доказывается тѣмъ, что всѣ сыски обвиняемыхъ путемъ публикаціи выпадаютъ на эту мѣру обезпеченія личности и являются послѣдствіемъ полной непримѣнимости этого надзора. Если, при нынѣшнемъ своемъ строѣ, полиція, въ такомъ, сравнительно, тѣсномъ кругу надзора, не имѣетъ средствъ проявить свою дѣятельность, то тѣмъ болѣе, при тѣхъ широкихъ размѣрахъ, въ какихъ полицейскій надзоръ можетъ практиковаться по проекту уложенія, силы полиціи окажутся совершенно несостоятельными. Равнымъ образомъ и преобразованная полиція едва-ли въ состояніи будетъ справиться съ подобнымъ надзоромъ, такъ какъ осуществленію его будутъ мѣшать многія другіе причины: разобщенность мѣстностей, затруднительные пути сообщенія и т. п. однимъ словомъ такія причины, которыя вовсе не имѣютъ мѣста въ другихъ европейскихъ государствахъ, принимающихъ систему полицейскаго надзора надъ освобожденными преступниками. Такова объективная сторона этой мѣры. Постановленія проекта, касающіяся субъективной стороны этой мѣры, настолько стѣснительны, что поднадзорные ставятся въ несравненно худшія условія, чѣмъ нынѣ, и съ увѣренностью можно предсказать, что будущій полицейскій надзоръ, въ томъ видѣ, какъ онъ устанавливается проектомъ, обратитъ большинство надзорныхъ въ рецидивистовъ, т. е. достигнетъ цѣли прямо противоположной той, къ которой стремится.

Чины Череповецкой прокуратуры находятъ, что полицейскій надзоръ, признаваемый теперь и предполагаемый проектомъ, слѣдовало-бы вовсе уничтожить, такъ какъ онъ, съ преобразованіемъ паспортной системы, потеряетъ свое значеніе и, кромѣ того, составляетъ положительное зло для лица, подвергнутаго этому надзору. Надзоръ этотъ стѣсняетъ свободу человѣка въ передвиженіяхъ, въ выборѣ мѣстности для своихъ занятій, и почти лишаетъ его возможности пріобрѣтать средства къ жизни честнымъ путемъ, такъ какъ состояніе человѣка подъ полицейскимъ надзоромъ кладетъ на него клеймо преступности и побуждаетъ общество уклоняться отъ всякихъ съ нимъ сношеній. Практика указываетъ, что мѣста скопленія такъ-называемыхъ поднадзорныхъ суть мѣста, гдѣ совершается большее число преступленій и рѣдкій поднадзорный не становится рецидивистомъ и не кончаетъ каторгою или поселеніемъ. Въ виду этого, было-бы гораздо-цѣлесообразнѣе, не учреждая за освобожденными изъ мѣстъ заключенія лицами гласнаго полицейскаго надзора, стѣсняющаго ихъ свободу, улучшить составъ и средства полиціи

для негласнаго наблюденія. Въ большинствѣ случаевъ положеніе поднадзорныхъ и продолжительность надзора могутъ зависѣть отъ отзыва полиціи объ ихъ нравственныхъ качествахъ и поведеніи, а это можетъ заставить подлѣзываться подъ взгляды мѣстной полицейской власти, а этимъ внести, вмѣсто исправленія, нравственное растлѣніе.

При обсужденіи проекта чинами прокурорскаго надзора Варшавскаго Окружнаго Суда, были высказаны разныя мнѣнія по поводу сохраненія проектомъ полицейскаго надзора, причемъ *пять голосовъ* было подано за сохраненіе надзора полиціи, а *пять голосовъ*—за отмѣну этого наказанія, какъ не достигающаго своей цѣли; одинъ-же изъ членовъ собранія, высказавшись противъ полицейскаго надзора, полагалъ однако необходимымъ увѣдомлять крестьянское или мѣщанское обществó о каждомъ состоявшемся приговорѣ, касающемся члена этого общества, такъ какъ только этимъ путемъ общество можетъ быть ограждено отъ вреднаго вліянія порочныхъ своихъ членовъ.

Постановленія о полицейскомъ надзорѣ, какъ дополнительномъ наказаніи, вызвали въ средѣ совѣщанія чиновъ Варшавской прокуратуры многочисленныя замѣчанія, какъ по отношенію къ учрежденію надзора, такъ и особенности, къ регламентаціи его по проекту Редакціонной Коммиссіи.

Одинъ изъ членовъ совѣщанія, въ подробно мотивированномъ заключеніи, высказалъ мнѣніе, къ которому присоединились и трое другихъ членовъ, о томъ, что учрежденіе полицейскаго надзора является совершенно излишнимъ, какъ не достигающее на практикѣ тѣхъ цѣлей, для которыхъ оно проектируется.

По заключенію лицъ, высказавшихъ это мнѣніе, для разрѣшенія вопроса о томъ, дѣйствительно-ли полицейскій надзоръ можетъ обезпечить общество отъ вредныхъ наклонностей преступника, необходимо обратиться не къ теоріи, а къ жизни, которая въ этомъ отношеніи показываетъ слѣдующее: большинство преступленій вообще и противъ собственности въ частности совершается не вслѣдствіе особой какой-либо нравственной испорченности преступника или неотразимой наклонности его къ совершенію преступленій, а вслѣдствіе тѣхъ или другихъ ненормальныхъ условій ихъ жизни, иными словами, побудительная причина многихъ преступленій коренится не въ самихъ преступникахъ, а въ томъ положеніи, въ которое они бываютъ поставлены благодаря тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ. Такого рода фактъ необходимо приводитъ къ мысли о томъ, что безопасность общества отъ преступ-

ковъ можетъ быть достигнута только путемъ измѣненія ихъ жизни къ лучшему, или, если это недостижимо, то по крайней мѣрѣ путемъ предоставленія имъ наибольшей возможности идти по пути исправленія. Подобную задачу конечно могли-бы взять на себя благотворительныя заведенія, образуемыя съ цѣлью патронатства надъ освобожденными преступниками, но, при равнодушіи къ дѣлу правосудія и матеріальной недостаточности нашего общества, трудно разсчитывать на то, чтобы у насъ, подобно тому, какъ это существуетъ въ Западной Европѣ, подобныя патронатства были учреждены въ ближайшемъ будущемъ въ количествѣ, отвѣчающемъ дѣйствительной въ нихъ потребности. Посему единственнымъ средствомъ въ этомъ отношеніи является предоставленіе лицу, отбывшему наказаніе, полной свободы въ выборѣ рода и мѣста его занятій. Такая свобода можетъ быть достигнута только правомъ безпрепятственнаго передвиженія и избранія мѣста жительства. По правиламъ вводимаго уложеніемъ о наказаніяхъ полицейскаго надзора, лицамъ, освобожденнымъ изъ мѣстъ заключеній или отъ поселенія, запрещается проживаніе въ извѣстныхъ губерніяхъ, уѣздахъ и городахъ. Этимъ самымъ стѣсняется для нихъ свободный выборъ труда, а слѣдовательно, какъ неизбѣжное послѣдствіе этого, закрывается путь къ исправленію. Большая часть преступленій противъ собственности совершается фабричными, мастеровыми или чернорабочими, т. е. такими людьми, для которыхъ вопросъ о работѣ равносиленъ вопросу о жизни. Если они находятся въ такомъ центрѣ, гдѣ есть примѣненіе ихъ труда, они имѣютъ возможность уберечься отъ новаго преступленія, если-же они удалены отъ подобнаго центра и не пригодны къ другому виду труда, имъ остается одинъ путь—путь преступленія, и они несомнѣнно и неизбѣжно должны будутъ пойти по этому пути. И въ самомъ дѣлѣ, не будучи ничѣмъ связанными съ избраннымъ по необходимости или назначеннымъ мѣстомъ жительства, они не имѣютъ возможности, въ совершенно чуждомъ имъ и глухомъ мѣстѣ, найти работу; оставивъ семью и всѣ интересы въ губернскомъ городѣ, поднадзорный ставится въ безвыходное положеніе. Онъ еще находится подъ вліяніемъ тяжести только что испытаннаго наказанія, онъ зачастую напрягаетъ всѣ силы, чтобы уберечься отъ новаго грѣха, но, какъ человѣкъ и, въ большинствѣ случаевъ, неразвитой, а слѣдовательно, непривыкшій къ внутренней борьбѣ, онъ по необходимости поддается искушенію и сперва, для улучшенія своего положенія, прибѣгаетъ къ ухищреніямъ, т. е. начинаетъ тайно отлучаться изъ назначеннаго ему мѣстожительства, а потомъ, когда его нѣсколько разъ отправятъ обратно и поставятъ въ невозможность возвращаться на родину подъ своимъ именемъ, онъ или прибѣгаетъ къ составленію подложныхъ паспортовъ, или начинаетъ проживать по чужому виду на жительство, или нако-

нецъ, когда ни то, ни другое невозможно, подъ вліяніемъ нищеты и невозможности работы, впадаетъ въ новое преступленіе. Такимъ образомъ поднадзорное состояніе не спасаетъ общество отъ рецидивистовъ, но весьма часто ведетъ освобожденнаго отъ наказанія къ повторенію преступленій. Полицейскій надзоръ не достигаетъ своей цѣли не только по внутреннему своему содержанію, но и со стороны, такъ сказать, внѣшней, т. е. и физически не обезпечиваетъ общество отъ новыхъ преступленій. По проекту, всѣ поднадзорные должны будутъ жить въ сравнительно небольшихъ центрахъ, т. е. имѣть исключительно въ уѣздахъ и незначительныхъ губернскихъ городахъ; между тѣмъ въ подобныхъ городахъ полиція слабѣе, нравы проще и, слѣдовательно, шансовъ для успѣшнаго совершенія преступленія несравненно больше. Въ Варшавѣ, напримѣръ, всѣ кражи совершаются исключительно днемъ, такъ какъ ночью ворота вездѣ заперты, на улицахъ разставлены сторожа и совершеніе кражи физически невозможно; въ незначительныхъ-же городахъ и деревняхъ, за отсутствіемъ означенныхъ мѣръ предосторожности, та возможность существуетъ и днемъ, и ночью, особенно лѣтомъ, когда все населеніе находится на работахъ въ полѣ. Отсюда слѣдуетъ, что, благодаря системѣ полицейскаго надзора, въ небольшихъ городахъ, предоставляемыхъ для жительства поднадзорнымъ, преступленій всегда будетъ совершаться больше. Наконецъ, полицейскій надзоръ въ той формѣ, въ какой онъ нынѣ существуетъ, не смотря на измѣненія условій его, проектируемыя новымъ уложеніемъ, является вполнѣ недѣйствительнымъ: онъ только освобождаетъ полицію отъ лежащей на ней обязанности слѣдить за подозрительными лицами и предупреждать преступленія подобно тому, какъ, благодаря паспортной системѣ, полиція никогда не знаетъ о томъ, кто изъ лицъ, долженствующихъ подлежать ея наблюденію, проживаетъ въ раіонѣ ея дѣйствій, такъ по отношенію къ поднадзорнымъ выдачею имъ, такъ называемаго, волчьяго паспорта, обязаніемъ еженедѣльной явки въ полицейскій участокъ и отсутственнымъ обвиненіемъ всѣхъ поднадзорныхъ при совершеніи какого-либо преступленія, ограничивается дѣятельность полиціи по наблюденію за ихъ передвиженіемъ. Измѣненіе этихъ условій возможно только съ освобожденіемъ полиціи отъ исполненія многихъ изъ лежащихъ на ней въ настоящее время обязанностей и съ уничтоженіемъ полицейскаго надзора, какъ особой формальности, по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ наступающей лишь въ силу присужденнаго ими наказанія. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, принявшіе участіе въ совѣщаніи находятъ, что при изданіи новаго уложенія о наказаніяхъ полицейскій надзоръ, какъ дополнительное наказаніе, долженъ быть отмѣненъ, какъ это существуетъ въ Венгріи, уголовный кодексъ которой не знаетъ полицейскаго надзора; между тѣмъ, по общему мнѣнію, венгерскому

нію безспорно принадлежитъ первенство между современными европейскими кодексами (*), а потому увлекаться подражаніемъ этимъ послѣднимъ не представляется достаточнаго основанія.

По выслушаніи и обсужденіи приведеннаго мнѣнія, большинство совѣщанія не сочло возможнымъ согласиться съ нимъ по нижеслѣдующимъ основаніямъ:

Совѣщаніе находитъ, что полицейскій надзоръ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ у насъ въ настоящее время, дѣйствительно не всегда достигаетъ своей цѣли огражденія общества отъ новыхъ посягательствъ со стороны лицъ, отбывшихъ наказаніе, и слишкомъ стѣснителенъ для этихъ послѣднихъ. Причины, поставившія институтъ полицейскаго надзора въ такое положеніе, заключаются однако столько-же въ неудовлетворительной дѣятельности полиціи, сколько и въ условіяхъ подобнаго надзора по нынѣ дѣйствующимъ уголовнымъ законоположеніямъ. Извѣстно, что, кромѣ лицъ, отдаваемыхъ подъ надзоръ полиціи, по отбытіи наказанія, существуютъ еще поднадзорные по административнымъ распоряженіямъ и цѣлая масса лицъ, противъ которыхъ полицейскій надзоръ установляется какъ мѣра, обезпечивающая ихъ личность на случай призыва въ судъ. Слѣдить за всей этой арміей поднадзорныхъ можетъ только такая полиція, у которой руки не связаны, какъ у нашей, многочисленными обязанностями самаго различнаго свойства, тѣмъ болѣе, что однообразныхъ правилъ для полицейскаго надзора за разными лицами, надъ которыми онъ учреждается, у насъ не существуетъ и полиція руководствуется въ этомъ отношеніи или инструкціями мѣстныхъ административныхъ властей, или собственнымъ усмотрѣніемъ, хотя впрочемъ повсемѣстно наиболѣе усиленный надзоръ существуетъ по отношенію къ поднадзорнымъ административнымъ, регулированный особымъ недавно изданнымъ положеніемъ, наименьшій-же—за тѣми лицами, которыя отбываютъ его по приговорамъ судовъ. Всѣ эти факты вызываютъ, конечно, потребность въ возможномъ сокращеніи числа поднадзорныхъ, но еще не указываютъ на необходимость совершеннаго уничтоженія полицейскаго надзора, какъ мѣры, будто-бы, вполнѣ недѣйствительной по состоянію полицейской части въ Россіи. Совѣщаніе находитъ, что дѣятельность нашей полиціи представляется неудовлетворительною и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, такъ напримѣръ—по слѣдственной части, по врачебно-полицейскому надзору и т. п.; изъ этого нельзя однако выводить необходимости совершеннаго прекращенія этой дѣятельности въ указанныхъ отношеніяхъ. То-же самое слѣдуетъ сказать

(*) Матеріалы для пересмотра нашего уголовнаго законодательства, т. I, предисловіе ст. VI.

въ частности и по отношенію къ полицейскому надзору, учреждаемому надъ осужденными по отбытіи ими наложенныхъ наказаній: подобный надзоръ представляется безполезнымъ только тогда, когда онъ существуетъ по закону уничтожте-же его и тогда только приносимая имъ польза можетъ быть оцѣнена по ея дѣйствительному достоинству. Примѣры подобныхъ временныхъ отмѣнъ полицейскаго надзора уже бывали неоднократно въ практикѣ разныхъ государствъ, но всѣ до одного приводили къ реакціи; такъ напр., въ Бельгіи, по закону 22 Октября 1830 г., былъ отмѣненъ полицейскій надзоръ но вновь возстановленъ 6 лѣтъ спустя закономъ 1 Сентября 1836 г.; то же самое было въ Гессенъ-Кассель и другихъ мѣстахъ, подробно перечисленныхъ профессоромъ Бернеромъ въ статьѣ его о полицейскомъ надзорѣ, помѣщенной въ 5 и 6 тетрадяхъ Gerichtsaal за 1881 годъ. Во всѣхъ этихъ государствахъ полицейскій надзоръ, послѣ отмѣны его, былъ вновь учрежденъ на сроки, еще болѣе продолжительные; такъ, въ Бельгіи онъ можетъ быть въ настоящее время назначаемъ на срокъ отъ 5 до 20 лѣтъ, во Франціи онъ опредѣляется на 20 лѣтъ и т. д. Венгерское уложеніе дѣйствительно въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе, но послѣдованіе за нимъ было-бы рискованнымъ уже по одному тому, что оно введено въ дѣйствіе лишь въ 1879 г., а слѣдовательно результаты его примѣненія на практикѣ въ точности еще не опредѣлились въ настоящее время. Съ другой стороны, хотя положеніе поднадзорныхъ и дѣйствительно таково, какъ оно описано въ заключеніи лицъ, возражавшихъ противъ введенія полицейскаго надзора въ проектѣ уложенія о наказаніяхъ, но оно является послѣдствіемъ не одного только надзора полиціи, но цѣлаго ряда причинъ, несравненно болѣе этого послѣдняго вліяющихъ на означенное положеніе и заключающихся въ тѣхъ невыгодныхъ экономическихъ и матеріальныхъ условіяхъ, въ которыхъ вообще находится человѣкъ, только что освобожденный изъ мѣста заключенія безразлично отъ того, будетъ-ли онъ отданъ подъ полицейскій надзоръ или вполнѣ предоставленъ самому себѣ. О такихъ людяхъ несомнѣнно должно заботиться то общество, къ которому они принадлежатъ, и такъ какъ этотъ видъ благотворительности представляется однимъ изъ самыхъ затруднительныхъ, то нѣтъ основанія не предполагать, что впослѣдствіи онъ пріобрѣтетъ развитіе, вполнѣ отвѣчающее потребности въ немъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, большинство совѣщанія, находя, что число преступленій, влекущихъ за собою полицейскій надзоръ, должно быть по возможности ограничено, и что этотъ послѣдній долженъ быть вновь совершенно реорганизованъ полагало, что полицейскій надзоръ въ принципѣ долженъ быть введенъ въ новое уложеніе въ видѣ дополнительнаго наказанія.

Допуская такимъ образомъ въ принципѣ установленіе полицейскаго

надзора, какъ дополнительнаго наказанія, совѣщаніе приступило къ разсмотрѣнію условій его, помѣщенныхъ въ 31 ст. проекта. При обсужденіи первой части этой статьи, нѣкоторыми изъ членовъ совѣщанія былъ возбужденъ вопросъ о томъ, возможно-ли ставить полицейскій надзоръ въ зависимость отъ наказанія, а не отъ преступленія?

Трое изъ членовъ совѣщанія, присоединяясь въ этомъ отношеніи къ редакціи проекта Уложенія, полагали оставить первую часть 31 ст. безъ измѣненія, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, какъ-бы ни была совершенна та организація, которая, при тюремной реформѣ, будетъ дана вновь устраиваемымъ мѣстамъ заключенія, но вліяніе ихъ почти всегда будетъ деморализующимъ для лицъ, отбывающихъ въ нихъ наказаніе, а потому это послѣднее является вполнѣ удовлетворительнымъ мѣриломъ для необходимости подвергать на извѣстный срокъ особому полицейскому наблюденію лицъ, отбывшихъ его въ каторгѣ, заточеніи, исправительномъ домѣ и тюрьмѣ. Кромѣ того, подобный надзоръ входитъ всецѣло въ кругъ обязанностей, лежащихъ на полиціи, а потому вмѣшательство въ это судебной власти, выражающееся въ опредѣленіи полицейскаго надзора за то или другое преступленіе для одного лица и освобожденіе отъ него другаго будетъ противно принципу Судебныхъ Уставовъ о раздѣленіи административной власти отъ судебной.

Двое другихъ членовъ совѣщанія находили, напротивъ, что не только назначеніе полицейскаго надзора не по наказаніямъ, а по преступленіямъ, но и освобожденіе отъ него даже за тѣ преступленія, за которыя полицейскій надзоръ будетъ установленъ особенною частью уложенія о наказаніяхъ, должно составлять факультативное право суда, который въ этомъ отношеніи долженъ будетъ руководствоваться не только свойствомъ преступленія, но и личностью осужденнаго, поскольку она будетъ или не будетъ заслуживать отдачи подъ полицейскій надзоръ въ видахъ общественной безопасности.

Но большинство совѣщанія не нашло возможнымъ согласиться ни съ однимъ изъ этихъ мнѣній и, съ своей стороны, полагаетъ, что хотя многія изъ преступныхъ дѣяній въ особенной части уложенія и будутъ какъ-бы сравнены между собою тѣми наказаніями, которыми они будутъ обложены, но въ сущности только тѣ изъ нихъ могутъ вызывать полицейскій надзоръ для лицъ ихъ учинившихъ, которыя сами по характеру своему представляются вообще опасными для общества, или обладаютъ свойствомъ повторяемости, или были совершаемы въ видѣ ремесла. Между тѣмъ, съ другой стороны, существуютъ такія преступныя дѣянія, которыя, по степени причиняемаго ими вреда, не могутъ быть оставлены безъ болѣе или менѣе строгаго уголовнаго возмездія, но, по своему свойству, не представляются настолько опасными, чтобы противъ лицъ, совершившихъ ихъ, по отбытіи ими опредѣленнаго

наказанія, являлась необходимость въ принятіи такой мѣры, какъ полицейскій надзоръ. Въ виду этихъ соображеній, совѣщаніе находитъ, что было бы желательно, чтобы Редакціонная Коммисія отказалась отъ принципа, какого ею за основаніе при введеніи правила, установленнаго 31 ст. проекта и заключающагося въ томъ, что полицейскій надзоръ учреждается надъ лицами, освобожденными отъ поселенія и исправительнаго дома, независимо отъ рода совершенныхъ ими преступленій. Совѣщаніе полагаетъ, что всѣ тѣ преступленія, за которыя, по отбытіи наказанія, можетъ быть назначенъ полицейскій надзоръ, должны быть указаны въ особенной части Уложенія; въ статьѣ же 31 слѣдуетъ лишь указать, что полицейскій надзоръ на извѣстные сроки назначается судомъ въ его приговорѣ. Безъ означенія этого послѣдняго, редакція первой части представляется недостаточно ясною и опредѣленіе срока полицейскаго надзора въ приговорѣ, а не по отбытіи наказанія вытекаетъ не изъ буквальнаго ея смысла, а лишь изъ сопоставленія съ послѣднею частью той-же статьи, въ которой говорится, что иностранцы могутъ быть высылаемы за границу съ воспрещеніемъ возвращаться въ Россію на время, соотвѣтствующее назначеннымъ въ приговорѣ срокамъ надзора.

По отношенію къ 2 ч. 31 ст. совѣщаніе, по большинству голосовъ, нашло, во-первыхъ, что назначеніе сроковъ по роду наказаній является не имѣющимъ достаточныхъ основаній, во вторыхъ, что, по наблюденіямъ надъ лицами, освобождаемыми изъ мѣстъ заключенія, замѣчается, что рецидивъ или возвращеніе къ преступной дѣятельности въ весьма рѣдкихъ случаяхъ наступаетъ по истеченіи пяти лѣтъ, такъ что этотъ срокъ можетъ быть принятъ за нормальный для полицейскаго надзора относительно всѣхъ тѣхъ преступленій, за которыя по уложенію онъ будетъ слѣдовать за главнымъ наказаніемъ, и въ третьихъ, что во избѣжаніе назначенія слишкомъ короткаго срока надзора, едва-ли могущаго быть вызваннымъ какими-либо причинами, слѣдовало-бы установить годовой срокъ минимума того полицейскаго надзора, который можетъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ назначенъ судомъ.

Наконецъ, относительно третьей части 31 ст. совѣщаніе нашло, что право высшей полицейской власти замѣнять для иностранцевъ полицейскій надзоръ высылкою за границу должно быть каждый разъ опредѣляемо судомъ, который такимъ образомъ пріобрѣтетъ возможность воспрепятствовать подобной высылкѣ въ тѣхъ случахъ, когда признаетъ это нужнымъ и когда эта высылка сопряжена съ раззореніемъ или съ нарушеніемъ важныхъ имущественныхъ интересовъ осужденнаго иностранца.

Чины прокурорскаго надзора Московскихъ Судебной Палаты и кружнаго Суда замѣчаютъ, что, по 1 пункту статьи 31, надзоръ надъ осво-жденными отъ поселенія, изъ исправительнаго дома и изъ тюрьмы учреж-ается высшею губернскою властью въ тѣхъ только случаяхъ, когда она приз-аетъ это нужнымъ, а между тѣмъ Судъ, постановляя приговоры, коими иновные присуждаются къ каторгѣ, заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ, посе-енію, исправительному дому и, за нѣкоторые проступки, къ тюрьмѣ, обя-анъ во всѣ эти приговоры включить и постановленія о надзорѣ, опредѣливъ рокъ онаго. Такимъ образомъ, по редакціи 31 ст., главная роль въ учрежде-и надзора принадлежитъ административной власти, а обязанность суда вляется второстепенною, и самое существованіе подобнаго узаконенія въ ложеніи, примѣняемомъ судомъ, постановленія котораго всегда излагаются ъ повелительной формѣ, представляется нѣсколько страннымъ. Цѣль учреж-енія надзора за лицами, отбывшими наказаніе, состоитъ въ томъ, чтобы бѣдиться, на сколько это послѣднее въ дѣйствительности исправило преступ-ика и можетъ-ли онъ, съ полною безопасностію для общественнаго спокой-твія, пользоваться свободою. Для составленія подобнаго убѣжденія необхо-имо извѣстное время и потому, казалось-бы, всѣ приговоренные къ указан-ымъ выше наказаніямъ, должны по отбытіи таковыхъ, подвергнуться, въ идахъ испытанія, полицейскому или общественному надзору, но нельзя, ь другой стороны, не допустить, что нѣкоторые изъ осужденныхъ, еще во ремя пребыванія подъ стражею, окажутся настолько исправившимися, что ережденіе за ними надзора явилось-бы совершенно излишнею мѣрою, безъ здобности стѣсняющею ихъ свободу. Въ силу этого, предоставленіе высшей убернской власти права, по выслушаніи мѣстнаго тюремнаго управленія, збавлять иныхъ окончившихъ наказаніе осужденныхъ отъ полицейскаго адзора не можетъ быть не признано вполнѣ основательнымъ; тѣмъ не менѣе равила о дѣйствительномъ учрежденіи надзора и объ освобожденіи нѣкото-ыхъ отъ таковаго, какъ судомъ не примѣняемыя, должны быть помѣщены е въ Уложеніи, а въ законахъ полицейскихъ. На томъ-же основаніи, изъ головнаго кодекса должно быть исключено и постановленіе о замѣнѣ надзора ія иностранцевъ высылкою ихъ за границу, ибо изъ самаго текста закона идно, что замѣна эта необязательна и примѣняется лишь по усмотрѣнію ысшей полицейской власти. Въ статьѣ-же 31 слѣдуетъ оставить только уза-оненія о правѣ суда назначать какъ дополнительное наказаніе, отдачу подъ адзоръ полиціи и общества, о срокахъ этого надзора и о самомъ существѣ го.

Что касается 2 пункта 31 статьи, то, по мнѣнію чиновъ Московской про-ратуры, онъ возбуждаетъ такой вопросъ: обязанъ-ли судъ назначать въ

приговорахъ сроки надзора только въ максимальныхъ предѣлахъ, т. е., опредѣляя, смотря по роду наказанія, надзоръ на сроки «не свыше 8 лѣтъ» или двухъ лѣтъ», или-же онъ можетъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, соображаясь съ особенностями преступнаго дѣянія и тяжестью присуждаемаго наказанія, установлять сроки надзора ниже максимума? Если допустить первое толкованіе, то роль суда по 31 ст. сведется къ нулю, ибо назначеніе надзора является и безъ того мѣрою факультативною, принятіе которой зависитъ отъ административной власти, а опредѣленіе сроковъ надзора для каждаго осужденнаго перейдетъ также къ этой власти. Очевидно, слѣдательно, что 2 пунктъ 31 статьи нужно понимать въ томъ смыслѣ, что суд обязанъ опредѣлять срокъ надзора въ предѣлахъ, назначенныхъ закономъ, т. е. онъ можетъ, напр. въ одномъ случаѣ назначить для приговореннаго къ каторгѣ 8-ми-лѣтній срокъ надзора, а въ другихъ, для осужденныхъ къ такому-же наказанію, 6-ти-лѣтній, 4-хъ-лѣтній и болѣе краткій, но это право суда не мѣшало-бы опредѣлить точнѣе, изложивъ постановленіе означеннаго 2 пункта въ формѣ, не допускающей произвольнаго толкованія.

Измѣненная, сообразно сдѣланнымъ чинами Московской прокуратуры указаніямъ, 31 статья представится въ такомъ видѣ:

«Приговоренные къ каторгѣ, заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ и поселенію, по освобожденіи отъ поселенія, а приговоренные къ исправительному дому и въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, къ тюрьмѣ, по освобожденіи изъ мѣстъ заключенія, отдаются подъ надзоръ полиціи и общества на опредѣленные судомъ въ приговорахъ сроки, которые не должны превышать: для приговоренныхъ къ каторгѣ восьми лѣтъ, для приговоренныхъ къ заточенію на срокъ свыше 6 лѣтъ, поселенію или исправительному дому пяти лѣтъ, для приговоренныхъ къ тюрьмѣ—двухъ лѣтъ».—То-же, въ сущности, замѣчаніе высказываютъ и юристы-практики (Судебная Газета 1883, № 35).

По мнѣнію прокуратуры Казанской Судебной Палаты, весьма важно въ терминологіи представляется, чтобы терминъ соотвѣтствовалъ юридическому понятію, чтобы вслѣдъ за произнесеніемъ термина возникало въ сознаніи и опредѣленное, связанное съ нимъ, представленіе. Такого соотвѣтствія нѣтъ между терминомъ «полицейскій надзоръ» и сущностью и объемомъ того понятія, которое отведено ему 32 ст. проекта. Сообразно содержанію этой статьи, заключающееся въ ней понятіе слѣдовало-бы назвать «*ограниченіемъ въ свободѣ перемѣны мѣста жительства*». Наказаніемъ было здѣсь эта, именно, мѣра, стѣсняющая извѣстныя права и направленная къ легчайшему осуществленію для полиціи задачъ ея надзора, а не

олицейскій надзоръ, который, составляя собою общую и необходимую по тношенію всѣхъ, а не однихъ преступниковъ, мѣру или систему правительственнаго управленія, уже по одному этому не можетъ быть трактуемъ самимъ-же правительствомъ въ смыслѣ *наказанія*, какъ это, однако, слѣдуетъ непосредственно изъ содержанія 3 ст. проекта. Въ этомъ отношеніи оразду удачнѣе и логичнѣе былъ прежній терминъ — *«особый* полицейскій адзоръ». Хотя никто и никогда не могъ уловить, въ чемъ заключается и чѣмъ исчерпывается этотъ особый надзоръ полиціи: ни тѣ, которые ему подергались, ни тѣ, кто долженъ былъ осуществлять его; тѣмъ не менѣе уже ъ этой *особенности*, хотя бы и неопредѣленной, заключалось указаніе на о, что онъ не есть обычный полицейскій надзоръ, въ смыслѣ мѣры, общей ля всѣхъ гражданъ государства. Такимъ образомъ, терминъ этотъ неудаенъ прежде всего со стороны его лексическаго значенія. Но не слѣдовалоы на немъ останавливаться и потому еще, что полицейскій надзоръ, какъ ридическій институтъ для цѣлей уголовнаго правосудія, не оправдалъ себя ъ прошломъ, благодаря, быть можетъ, именно той безсодержательности воей, на которую указано выше. Нынѣ достаточно только произнести слова полицейскій надзоръ» какъ вмѣстѣ съ ними возникаетъ цѣлый рядъ предтавленій неопредѣленнаго свойства о безправіи съ одной стороны и о провволѣ съ другой, о разныхъ стѣсненіяхъ и мѣрахъ не по указаніямъ закона, по непосредственнымъ усмотрѣніямъ. Не сослуживъ службы въ прошломъ, полицейскій надзоръ»,—въ смыслѣ уголовно-юридическаго института, окончательно подорвалъ къ себѣ довѣріе и заслужилъ справедливое нерасположеіе. Дать ему живое значеніе можно-бы было только путемъ точной регламентаціи, весьма, однако, затруднительной для закона.

Чины Владикавказскаго Окружнаго Суда находятъ, что статья 31 имѣетъ значительные редакціонные недостатки, могущіе породить недоразумѣніе при ея примѣненіи, а по существу своему, въ настоящей ея формѣ, вляется въ системѣ уложенія о наказаніяхъ излишнею. Редакціонные недостатки статьи заключаются въ томъ, что она не выясняетъ, какая роль тводится суду при назначеніи сроковъ полицейскаго надзора? Долженъ-ли удъ назначать сроки полицейскаго надзора, при постановленіи первональнаго приговора надъ обвиняемымъ, или-же по отбытіи имъ наказанія, въ омъ случаѣ, когда губернская власть признаетъ учрежденіе полицейскаго адзора надъ освобожденнымъ необходимымъ? Если судъ назначаетъ сроки олицейскаго надзора при постановленіи приговора надъ обвиняемымъ, то ожетъ-ли онъ, при постановленіи приговора, и вовсе воспретить учрежде-

ніе надзора? Чѣмъ, наконецъ, долженъ руководствоваться судъ при назначеніи срока, низшаго чѣмъ предѣльный, указанный въ статьѣ? Объяснительныя замѣчанія Редакціонной Коммиссіи, да и болѣе внимательное ознакомленіе съ существомъ 31 статьи, а также сопоставленіе ея съ другими статьями той-же главы, конечно способствуютъ разрѣшенію указанныхъ вопросовъ; но сама по себѣ статья 41 безъ объяснительнаго ея толкованія выражаетъ «на сроки назначенные судомъ»—единственнымъ выраженіемъ, указывающимъ на участіе суда въ учрежденіи полицейскаго надзора,—не даетъ отвѣта и въ этомъ заключается редакціонный недостатокъ статьи.

По существу-же этой статьи, изъ объяснительныхъ примѣчаній Коммиссіи оказывается, что «назначеніе полицейскаго надзора является мѣрою не обязательною. Судъ въ своемъ приговорѣ даетъ только право назначить полицейскій надзоръ, дѣйствительное же назначеніе его зависитъ отъ усмотрѣнія высшей власти губернской, которая при этомъ предварительно выслушиваетъ мнѣніе тюремнаго управленія, имѣвшаго возможность болѣе близко ознакомиться съ арестантомъ во время пребыванія его въ тюрьмѣ и слѣдовательно могущаго дать болѣе точныя указанія о необходимости назначенія за нимъ надзора». И такъ изъ объясненія этого видно, что участіе суда въ разрѣшеніи вопроса объ учрежденіи полицейскаго надзора заключается въ предоставленіи администраціи права учреждать надзоръ на тотъ или другой срокъ. Но тутъ возникаетъ вопросъ, нуждается-ли въ дѣйствительности администрація въ особомъ разрѣшеніи со стороны суда для учрежденія надзора надъ освобожденными? — Конечно нѣтъ. По смыслу 31 статьи, полицейскій надзоръ надъ освобожденными отъ поселенія и изъ заключенія можетъ быть учрежденъ только въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, является добавочнымъ спутникомъ только извѣстныхъ видовъ наказанія, а потому судъ не можетъ не дать права администраціи учредить надъ освобожденными изъ заключенія надзоръ въ случаяхъ, когда возможность его учрежденія опредѣляется самимъ закономъ, и не можетъ дать такого права, когда оно не предоставляется въ силу самого закона. Такимъ образомъ вся роль суда, по просу о назначеніи полицейскаго надзора надъ освобожденными отъ поселенія и изъ заключенія, сводится къ опредѣленію и притомъ напередъ, при постановленіи приговора, сроковъ, на которые въ данномъ случаѣ можетъ быть назначенъ надзоръ. Но такая дѣятельность суда представляется излишнею. Предѣльные сроки полицейскаго надзора опредѣлены самимъ закономъ; для избранія того или другаго срока ниже предѣльнаго суду, при постановленіи приговора, при опредѣленіи этихъ сроковъ напередъ, единственными основаніями могутъ служить качества воли преступника, опредѣляемыя обстоятельствами совершеннаго имъ преступленія, а между тѣмъ основаніемъ

для назначенія вообще полицейскаго надзора, а не только сроковъ его по смыслу 31 статьи должны служить качества воли преступника, подвергшейся уже исправленію отбытіемъ главнаго наказанія. Принявъ послѣднее основаніе за масштабъ необходимости полицейскаго надзора послѣдовательнѣе предоставить и назначеніе сроковъ надзора администраціи, отъ которой зависитъ вообще и самое назначеніе надзора. Иначе, при настоящей редакціи 31 статьи проекта, участіе суда въ назначеніи полицейскаго надзора вноситъ противорѣчіе въ существо статьи, такъ какъ при этомъ выходитъ, что полицейскій надзоръ назначается по однимъ основаніямъ и соображеніямъ, а сроки продолжительности его по совсѣмъ инымъ. Въ виду этого, при сохраненіи 31 статьи въ настоящей ея редакціи, послѣдовательность требуетъ, чтобы участіе суда въ наложеніи полицейскаго надзора было устранено и слова, указывающія на это участіе, были выброшены изъ текста статьи. Но въ такомъ случаѣ учрежденіе полицейскаго надзора явится не добавочнымъ наказаніемъ, а мѣрою предупрежденія и пресѣченія возможности лицамъ, отбывшимъ наказанія совершать новыя преступленія, и тогда вся 31 статья, а вмѣстѣ съ тѣмъ и 2 пунктъ статьи 3 проекта не должны имѣть мѣста въ уложеніи о наказаніяхъ, какъ положенія не касающіяся опредѣленій наказаній. Однако нельзя не видѣть, что полицейскій надзоръ въ данномъ случаѣ является не мѣрою предупредительною, а составляетъ продолженіе исправительнаго наказанія; поэтому-то и составители проекта сочли невозможнымъ устранить судъ отъ участія въ опредѣленіи такого надзора, но внесли это участіе въ неудачной формѣ. Разъ полицейскій надзоръ признается наказаніемъ, опредѣленіе его должно безусловно зависѣть отъ суда, какъ единственной власти, компетентной въ назначеніи наказаній, будь они главныя или добавочныя. Сознаніе этого обстоятельства самою Редакціонною Коммисіею проглядываетъ въ правильно поставленной 33 статьѣ уложенія о наказаніяхъ, по которой досрочное сложеніе полицейскаго надзора предоставляется лишь суду. Измѣненіе 31 статьи проекта, въ смыслѣ постановленія назначенія полицейскаго надзора надъ освобожденнымъ отъ поселенія и заключенія въ зависимость отъ усмотрѣнія суда, желательно подобно тому, какъ желательнымъ представится постановленіе въ зависимость отъ суда досрочнаго освобожденія, а также въ видахъ огражденія принципа неприкосновенности судебныхъ рѣшеній, представляющихъ къ тому-же и большій, чѣмъ административныя постановленія, оплотъ отъ произвола. Единственное возраженіе, которое могло-бы быть высказано въ видѣ препятствія суду опредѣлять, по своему усмотрѣнію, полицейскій надзоръ надъ осужденными, отбывшими главное наказаніе, заключается въ томъ, что выходящій изъ заключенія осужденный можетъ и при самомъ выходѣ представить доказательства

своего исправленія и излишности учрежденія надъ нимъ напередъ опредѣленнаго полицейскаго надзора. Но это возраженіе легко устраняется предоставленіемъ осужденнымъ права ходатайствовать объ освобожденіи отъ полицейскаго надзора, къ которому они были приговорены, не только по истеченіи извѣстнаго срока надзора, какъ это установлено 33 ст. проекта, но и при самомъ освобожденіи изъ заключенія, причемъ основательность ихъ ходатайства подобно тому, какъ и въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ 33 статьею проекта, должна быть провѣрена судомъ тѣмъ или другимъ способомъ.

Ст. 31 проекта уложенія возбудила среди чиновъ прокурорскаго надзора Смоленскаго Окружнаго Суда оживленныя пренія. Нѣкоторые изъ этихъ чиновъ, съ принципіальной точки зрѣнія, осуждаютъ полицейскій надзоръ какъ мѣру недостигающую своей цѣли и весьма стѣснительную для личной свободы гражданъ. Въ подтвержденіе этого общаго положенія они приводятъ слѣдующія соображенія: ст. 31, цѣликомъ заимствованная изъ бельгійскаго уложенія, быть можетъ, и вполнѣ соотвѣтствуетъ условіямъ западно-европейской жизни, но она вовсе непригодна для Россіи: на Западѣ Европы населеніе гораздо гуще, пространство цѣлой страны едва лишь равняется одной нашей губерніи; понятно, что тутъ свобода передвиженія не играетъ такой роли, какъ въ Россіи; наконецъ, и полиція, которая завѣдуетъ полицейскимъ надзоромъ, организована совершенно иначе на Западѣ, чѣмъ въ Россіи, иначе относится къ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Въ нѣкоторыхъ странѣ стѣсненіе свободы передвиженія является вмѣстѣ съ тѣмъ и ограниченіемъ права на трудъ. Нашему рабочему приходится преодолѣвать громадныя пространства, чтобы найти гдѣ-нибудь работу: извѣстны, напримѣръ, періодическія перекочевки крестьянъ нашихъ среднихъ черноземныхъ губерній на югъ, во время покоса и жатвы. Періодичность этихъ работъ предполагаетъ полную свободу передвиженія; пока крестьянинъ станетъ хлопотать въ полиціи о разрѣшеніи себѣ отлучки, пройдетъ большая часть страдной поры и онъ останется безъ заработковъ. Возможенъ и такой случай: поднадзорному, по ст. 31 проекта уложенія, воспрещается отлучка изъ мѣста жительства, имъ избраннаго, или ему назначеннаго, въ теченіи полугода; естественно, что полугодовая отлучка совершенно разстроитъ хозяйство нашего крестьянина; ему придется искать заработка на сторонѣ, для удовлетворенія своихъ незатѣйливыхъ потребностей и платежа податей, и вотъ начинаются поиски за работой; часто крестьянинъ самъ не можетъ заранѣе опредѣлить, куда онъ направится: не найдетъ заработка въ одномъ мѣстѣ, онъ

отправляется въ другое, перекочевывая, такимъ образомъ, по нѣскольку сотенъ верстъ; это особенно часто наблюдается въ приволжскихъ губерніяхъ, гдѣ употребляется даже особый, весьма характеристическій, терминъ для обозначенія скитаній крестьянъ въ поискахъ за заработками: «бѣгать на цароходѣ». Понятно, что рабочій, отправляющійся туда, гдѣ найдетъ заработокъ, будетъ страшно стѣсненъ требованіемъ спрашивать у полиціи каждый разъ разрѣшеніе на такое странствованіе; понятно, что эта формальность будетъ во многихъ случаяхъ прямымъ запрещеніемъ передвиженія для отысканія заработковъ, прямымъ стѣсненіемъ личнаго права труда, которымъ долженъ пользоваться каждый. Далѣе, естественно, что люди, снабженные полицейскимъ «волчьимъ билетомъ», не станутъ также никуда приниматься въ услуженіе; отринутые обществомъ, лишенные заработка, они станутъ совершать новыя преступленія, подъ вліяніемъ безъисходной нужды и отчаянія; такъ что, въ концѣ концовъ, установленіе полицейскаго надзора поведетъ лишь къ увеличенію числа рецидивовъ. Нужно также замѣтить, что полицейскій надзоръ не достигаетъ цѣли; онъ или превращается въ чистую формальность, каковъ, напримѣръ, полицейскій надзоръ, устанавливаемый надъ лицами, привлеченными къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ, или же является страшнѣйшимъ бременемъ для лицъ, имѣющимъ несчастіе ему (полицейскому надзору) подвергнуться, если принимаетъ, напримѣръ, такую форму, каковъ полицейскій надзоръ надъ политическими ссыльными, но въ той и другой своей формѣ онъ одинаково безполезенъ. Полиція, при всей своей бдительности, не можетъ, однако, слѣдить за каждымъ шагомъ поднадзорнаго, у послѣдняго останется всегда довольно времени для совершенія преступленія; слѣдовательно, полицейскій надзоръ не въ силахъ предупредить преступленія.

Наконецъ, полицейскій надзоръ представляетъ въ принципѣ нѣчто не вполнѣ логическое, ибо исходитъ изъ той фикціи, что каждый человѣкъ, разъ совершившій преступленіе, таитъ въ себѣ, такъ сказать, задатки, склонность къ новому совершенію преступленій: дѣйствительность не вполнѣ оправдываетъ эту фикцію; значительное число рецидивистовъ у насъ объясняется несовершенствомъ мѣстъ заключенія, которыя могутъ испортить даже и вполнѣ нравственнаго человѣка, и неудовлетворительностью самой системы наказаній. Высказываясь противъ полицейскаго надзора, какъ мѣры, установленной для наблюденія за лицами отбывшими наказаніе, сторонники отмѣны полицейскаго надзора считаютъ возможнымъ оставить для такихъ лицъ запрещеніе жить въ столицахъ и вообще многолюдныхъ центрахъ, гдѣ воля такихъ лицъ подвергается большимъ испытаніямъ, гдѣ представляется большій соблазнъ къ совершенію преступленій, чѣмъ въ глухихъ мѣстностяхъ.

Въ заключеніе, сообразно сему, предлагается слѣдующая редакція ст. 31 и 32:

1) Лицамъ, отбывшимъ наказаніе, воспрещается жить въ столицѣ и другихъ многолюдныхъ городахъ, гдѣ то будетъ признано администраціей вреднымъ.

2) Никакія другія мѣры надзора не входятъ въ уложеніе.

3) По соглашенію полицейскаго начальства съ Генералъ-Губернаторами и Губернаторами столицъ или другихъ многолюдныхъ городовъ, лицамъ непризнаннымъ вредными, можетъ быть дозволено проживаніе въ столицѣ или тѣхъ городахъ, гдѣ имъ таковое было воспрещено.

Съ другой стороны, Товарищи Прокурора Смоленскаго Окружнаго Суда, несогласные съ вышеизложенными соображеніями, приводятъ въ защиту полицейскаго надзора въ томъ видѣ, какъ онъ устанавливается ст. 31 уложенія, слѣдующія соображенія:

Полицейскій надзоръ въ томъ видѣ, какъ онъ устанавливается ст. 31 уложенія, обставленъ такими гарантіями, которыя вполнѣ ручаются за то, что этотъ надзоръ не обратится въ излишнее, не вызываемое необходимостью стѣсненіе личности и ея свободы передвиженія: такъ, полицейскій надзоръ учреждается администраціей, по выслушаніи мѣстнаго тюремнаго управленія, причемъ самый срокъ полицейскаго надзора назначается судомъ. Между тѣмъ полицейскій надзоръ совершенно необходимъ по своему важному значенію для цѣлей предупрежденія преступленій. Лицо, разъ совершившее преступленіе, конечно, не можетъ пользоваться полнымъ довѣріемъ общества и административной власти, которыя должны слѣдить за дѣйствіями такихъ лицъ; единственное-же дѣйствительное средство къ тому и есть полицейскій надзоръ.

Послѣ преній, большинствомъ чиновъ Смоленской прокуратуры была принята редакція въ слѣдующемъ измѣненномъ видѣ: ст. 31 проекта, оставленная безъ измѣненій, была соединена съ 1-мъ пунктомъ ст. 32; остальные-же пункты ст. 32, по единогласному соглашенію, были вовсе исключены, въ виду того, что различныя подробности, опредѣляющія самый порядокъ полицейскаго надзора и его внутреннее содержаніе, должны имѣть мѣсто не въ уложеніи, а въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій.

Лица прокурорскаго надзора Смоленскаго Суда высказываютъ далѣе свое сочувствіе къ отмѣнѣ права сельскаго общества не принимать лицъ, совершившихъ наказаніе, въ свою среду.

Единственнымъ основаніемъ такого права могла служить круговая порука всѣхъ членовъ общества въ аккуратномъ платежѣ податей, но эта,

однако, по отношенію къ этому праву, не играетъ большой роли, ибо сельское общество можетъ отнять землю у неисправнаго плательщика и передать кому-либо другому, исключить такимъ образомъ неаккуратнаго плательщика изъ круговой поруки.

По мнѣнію троихъ изъ чиновъ прокуратуры Казанскаго Окружнаго Суда, полицейскій надзоръ надлежало-бы замѣнить воспрещеніемъ перемѣнять мѣсто жительства безъ вѣдома полиціи.

По поводу ст. 31 проекта Главный Военно-Морской Прокуроръ замѣчаетъ, что отдача подъ полицейскій надзоръ лицъ, отбывшихъ главныя наказанія, обязательна по дѣйствующему у насъ праву. Такой-же обязательный характеръ имѣетъ мѣра эта частію по отношенію къ извѣстнымъ преступленіямъ (между прочимъ, направленнымъ противъ внутренней или внѣшней безопасности государства), частію—по отношенію къ важнѣйшимъ наказаніямъ, съ которыми она прямо и неразрывно связана во французскомъ законодательствѣ, гдѣ полицейскій надзоръ получилъ наибольшее развитіе. Этому законодательству, какъ видно изъ объяснительной записки (стр. 100), слѣдовала и Редакціонная Коммисія при проектированіи разсматриваемаго постановленія ст. 31. Между тѣмъ въ статьѣ этой назначеніе полицейскаго надзора не только является мѣрою необязательною, но, неизвѣстно почему, не допускается вовсе по отношенію къ лицамъ, приговариваемымъ къ заточенію на срокъ до шести лѣтъ, тогда какъ подъ это наказаніе, насколько можно догадываться изъ объяснительной записки (стр. 18), подойдутъ такія изъ караемыхъ и нынѣ заключеніемъ въ крѣпости преступныя дѣянія, за виновными въ коихъ надзоръ долженъ быть признанъ мѣрою особенно цѣлесообразною и даже необходимою, въ интересахъ общественнаго порядка. Таковы, напримѣръ, преступленія, указанныя въ ст. 245, 251, 252, 258, 320, 322, 2 ч. 986, 1022 и 1026 улож. о наказ. Посему и для возможнаго предупрежденія произвола въ примѣненіи полицейскаго надзора, назначеннаго по суду, Статсъ-Секретарь Яневичъ-Яневскій полагалъ-бы первыя двѣ части ст. 31 изложить такъ: «освобожденные изъ поселенія и изъ исправительнаго дома, а въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, изъ заточенія и изъ тюрьмы, отдаются подъ надзоръ полиціи на время, назначенное судомъ, въ слѣдующей постепенности: приговоренные къ каторгѣ—на время не болѣе восьми лѣтъ; приговоренные къ заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ, поселенію или заключенію въ исправительномъ домѣ—на время не болѣе пяти лѣтъ; приговорен-

ные къ заточенію на срокъ не свыше шести лѣтъ и къ заключенію въ тюрьмѣ—на время не болѣе трехъ лѣтъ».

Въ ст. 31, послѣ словъ: «и изъ тюрьмы», слѣдуетъ, по мнѣнію чиновъ Казанской Судебной Палаты, вставить слова: «судебнымъ мѣстомъ», а вмѣсто словъ: «назначенные судомъ»,—поставить слова: «назначены въ приговорѣ».

Независимо отъ сего, Члены Казанской Судебной Палаты Галкинъ-Врасскій, Глобо-Михаленко и Кобеко находятъ, что полицейскій надзоръ должен быть распространенъ на лицъ, приговоренныхъ къ заточенію на срокъ не шести лѣтъ.

Одинъ изъ чиновъ Радомскаго Окружнаго Суда признавалъ-бы полезнымъ назначать полицейскій надзоръ по преступленіямъ, а не по наказаніямъ и то не безусловно, а съ предоставленіемъ суду права назначать оный смотря по обстоятельствамъ. Система эта имѣетъ преимущество потому, что уменьшаетъ число поднадзорныхъ, безъ чего мѣра эта не можетъ быть полезною.

Тотъ-же судебный дѣятель считаетъ необходимымъ предоставить полиціи, въ нѣкоторыхъ указанныхъ закономъ и судомъ случаяхъ, право опредѣлять для извѣстныхъ личностей порядокъ проведенія ночнаго времени. Такое ограниченіе поднадзорныхъ, какъ мѣра предупредительная, имѣетъ громадное значеніе по отношенію къ извѣстной категоріи преступниковъ, какими воры, грабители и т. п.

По мнѣнію докладчика въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры, г. Кильштета, и двоихъ изъ присутствующихъ (гг. Тимоѳеевскаго и Качакъ), полицейскій надзоръ вообще вреденъ и не достигаетъ на практикѣ своей цѣли, но если допустить его, въ видѣ исключенія, какъ значится въ ст. 31 проекта, то учрежденіе надзора должно быть оставлено за администраціею, въ вѣдѣніи которой находится осужденный во время отбытія наказанія, тѣмъ болѣе, что той-же администраціи предоставлено проектомъ весьма важное право: сокращать сроки каторги, заточенія и исправительнаго арест. При этомъ, по мнѣнію докладчика, крайне желательно, чтобы было сохранено правило проекта о томъ, что возможность назначенія надзора должна быть указана въ приговорѣ суда, рѣшающаго дѣло. По этому докладчикъ предлагалъ, что въ ст. 31 должно быть выражено, что «судъ можетъ предоставить

высшей губернской власти» право учредить надъ освобожденными . . . . тюрьмы, по выслушаніи . . . . и т. д.

Остальные присутствующіе (гг. Марковъ, Домерщиковъ и Васильевъ) полагали, что заключеніе администраціи о необходимости учредить за тѣмъ или другимъ осужденнымъ полицейскій надзоръ будетъ произвольно, такъ какъ на основаніи поведенія арестанта, подчиненнаго строгой тюремной дисциплинѣ, нельзя заключать о томъ, каково будетъ его поведеніе на свободѣ. Гораздо правильнѣе можетъ высказаться по вопросу о полицейскомъ надзорѣ судъ, который, разсматривая дѣло, знакомится со всею жизнію подсудимаго, съ его нравственными свойствами, съ его обстановкою и мотивами, вызвавшими преступленіе. При этомъ двое (гг. Марковъ и Домерщиковъ) полагали, что суду должно быть предоставлено право и вовсе не назначать надзора, если по обстоятельствамъ дѣла для этой мѣры, которая можетъ быть дѣйствительна лишь при примѣненіи въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ,— не будетъ усмотрѣно основаній. Одинъ изъ присутствующихъ (г. Васильевъ) полагалъ сдѣлать учрежденіе полицейскаго надзора обязательнымъ, предоставивъ усмотрѣнію суда лишь сокращать сроки надзора, согласно ст. 31 проекта.

Относительно послѣдней части ст. 31 проекта было предложено (г. Марковъ), чтобы высылка иностранцевъ за границу назначалась не полицейскою властью, а судомъ. Совѣщаніе не согласилось, однако, съ этимъ предложеніемъ.

Ст. 31 заключаетъ въ себѣ, по мнѣнію чиновъ Рыбинской прокуратуры, неточность: «статьей этой предоставляется право высшей губернской власти, по выслушаніи мнѣнія мѣстнаго тюремнаго управленія, учреждать полицейскій надзоръ *на сроки, назначенные судомъ*».

Названные чины думаютъ, что если такой полицейскій надзоръ установленъ въ приговорѣ суда, то администрація уже не имѣетъ права устанавливать то, что установлено компетентною властью; если судъ въ приговорѣ своемъ этого надзора не устанавливалъ, то какой-же порядокъ можетъ быть допущенъ при опредѣленіи администраціей сроковъ надзора, *назначенныхъ судомъ*. Состоится-ли для этого новое судебное засѣданіе, по требованію губернской власти, или этимъ Коммисія выражаетъ, что администрація имѣетъ право отмѣнять опредѣленіе суда въ приговорѣ, объ отдачѣ подъ полицейскій надзоръ. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ согласить это начало съ положеніемъ въ ст. 33 проекта, которою самому отбывшему наказаніе предоставляется ходатайствовать предъ судомъ-же о снятіи полицейскаго надзора?

Прокуроръ Кашинскаго Окружнаго Суда Безе замѣчаетъ, что, на основаніи ст. 31, приговоръ суда, подлежащій исполненію со стороны административныхъ учрежденій, будетъ въ своихъ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ зависѣть отъ усмотрѣнія губернской власти, безъ контроля самаго суда или лицъ, наблюдающихъ за исполненіемъ приговора. Такое, устанавливаемое проектомъ, положеніе, при современномъ состояніи тюремнаго управленія, легко можетъ повлечь за собою произволъ и несправедливое назначеніе полицейскаго надзора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ставитъ послѣдствія приговора суда въ зависимость отъ усмотрѣнія исполнительной власти. Если допустить, что назначеніе полицейскаго надзора является мѣрою факультативною, то и назначеніе его, заранѣе опредѣленное приговоромъ, должно будетъ находиться въ зависимости отъ усмотрѣнія самаго суда, а не исполнительной власти, приводящей приговоръ суда въ исполненіе и обязанной за всякимъ затрудненіемъ при исполненіи приговора обращаться къ тому-же суду. Въ виду изложенныхъ соображеній, г. Безе казалось-бы болѣе цѣлесообразнымъ назначеніе полицейскаго надзора, въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 31, поставить въ зависимость отъ суда.

Относительно ст. 31 Сенаторъ А. К. Фриде находитъ, что выраженіе: «*предоставляется* высшей губернской власти и т. д.», не согласно съ послѣдними выраженіями первой части этой статьи «на сроки, *назначенные судомъ*». Коль скоро судъ разъ установилъ въ приговорѣ надзоръ по отбытіи наказанія и установилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и срокъ этого надзора, высшей губернской власти *не можетъ быть* уже «*предоставлено*» учреждать надзоръ; ибо такое право учреждать надзоръ вмѣщаетъ въ себѣ и право *не учреждать* надзора. Хотя въ мотивахъ къ ст. 31 и 32 Коммисія и полагаетъ суду предоставить только факультативное право назначенія надзора, но предоставленіе такого широкаго права администраціи, подвергнуть надзору или не подвергать оному *отбывшаго* наказаніе, крайне опасно и, въ особенности, не можетъ быть допускаемо у насъ; поэтому, во всякомъ случаѣ, осторожнѣе было-бы ст. 31 изложить слѣдующимъ образомъ:

«Надъ освобожденными отъ поселенія и изъ исправительнаго дома въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, и изъ тюрьмы, высшая губернская власть «учреждаетъ» и т. д.

По мнѣнію чиновъ Сарапульской прокуратуры, ст. 31 возбуждаетъ недоразумѣніе неточностью своей редакціи: срокъ полицейскаго надзора устана-

ливается, по смыслу ея, судебнымъ приговоромъ, а между тѣмъ самое учрежденіе этого надзора «предоставляется» высшей губернской администраціи, слѣдовательно, послѣдняя можетъ не воспользоваться предоставленнымъ ей правомъ и тогда часть судебнаго приговора останется неисполненною единственно по усмотрѣнію административной власти, что̀ не согласно съ кореннымъ началомъ незыблемости судебнаго приговора вообще.

Чины Ставропольской прокуратуры замѣчаютъ, что, на основаніи постановленій ст. 31, право учрежденія полицейскаго надзора надъ освобожденными отъ поселенія и изъ исправительнаго дома и тюрьмы, принадлежитъ высшей губернской власти; а сроки этого надзора опредѣляются судебнымъ приговоромъ. Практичность этого постановленія находится въ прямой зависимости отъ устройства тюремнаго управленія. Если вся наша тюремная система будетъ подвергнута коренному преобразованію, если должности смотрителей тюремъ, исправительныхъ домовъ и т. д. будутъ замѣщаемы лицами вполнѣ благонадежными, честными и справедливыми, если должности эти будутъ обезпечены хорошими окладами и возвышены въ іерархическомъ отношеніи такъ, чтобы лица, занимающія оныя, дорожили своимъ служебнымъ положеніемъ и сознавали всю важность его, тогда противъ постановленія ст. 31 ничего возразить нельзя. Но, при нынѣшнемъ устройствѣ мѣстъ заключенія, практичность и цѣлесообразность этого постановленія подвергается сильному сомнѣнію, ибо распоряженіе высшей губернской администраціи должно опираться на аттестацію смотрителей тюремъ (т. е. бывшихъ частныхъ и становыхъ приставовъ и иныхъ полицейскихъ чиновъ), которые, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, весьма мало проникнуты сознаніемъ святости своего долга, такъ что учрежденіе или неучрежденіе полицейскаго надзора можетъ быть проявленіемъ какого-нибудь злоупотребленія. Впредь до тюремнаго преобразованія, взамѣнъ ст. 31 проекта, слѣдуетъ, по мнѣнію названныхъ чиновъ прокуратуры, право учрежденія полицейскаго надзора (притомъ факультативное) предоставить суду.

Чины Вологодскаго Окружнаго Суда указываютъ, что ст. 31 проекта предоставляетъ усмотрѣнію губернской власти назначать полицейскій надзоръ, опредѣленный въ приговорѣ суда, т. е. администрація уполномочивается на оставленіе приговора безъ послѣдствій. Для устраненія поводовъ къ вреднымъ пререканіямъ между администраціею и судомъ, не слѣдуетъ подчинять судебнаго приговора усмотрѣнію административной власти и предостав-

лять ей на волю исполнить или-же оставить безъ исполненія опредѣлен въ приговорѣ. Одно изъ двухъ: или исполненіе приговоровъ суда, не имѣющихъ силу закона (согласно ст. 68 основ. госуд. зак.), должно быть поставлено внѣ усмотрѣнія губернской власти, или-же мѣры необязательны, зависящія отъ произвола исполнителей, должны быть выброшены изъ приго вора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ проекта уложенія о наказаніяхъ. Если ж тельно установить полицейскій надзоръ, какъ дополнительное наказание, слѣдуетъ выразить безусловное о томъ требованіе, независящее отъ во исполнителей и ст. 31 изложить въ слѣдующемъ видѣ:

Надъ освобожденными отъ поселенія и изъ исправительнаго дома, въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, и изъ тюрьмы, назначается полицейскій надзоръ на слѣдующіе сроки: . . . . . .

Для иностранцевъ отдача подъ надзоръ полиціи можетъ быть замѣнена ***по усмотрѣнію суда,*** высылкою за границу, съ воспрещеніемъ возвращаться въ Россію, на время, ***соотвѣтствующее срокамъ надзора, опредѣленнымъ в приговорѣ.***

По поводу ст. 31, чины Уманскаго Окружнаго Суда высказываютъ слѣ дующее замѣчаніе: статья эта устанавливаетъ такой порядокъ назначенія учрежденія надзора полиціи. Прежде всего судъ, постановляя приговоръ, назначаетъ срокъ, на который надзоръ, если это окажется нужнымъ, можетъ быть учрежденъ. Срокъ этотъ, судя по тексту закона, долженъ быть опредѣленъ извѣстнымъ періодомъ времени, исчисленнымъ, положимъ, годами мѣсяцами, но не свыше указанной въ законѣ нормы. Затѣмъ, съ наступленіемъ момента учрежденія надзора, администрація, безъ всякаго участія суда, можетъ учредить его или не учреждать.

По точному смыслу разсматриваемой статьи 33 проекта, администрація, рѣшивъ однажды учредить надзоръ, не можетъ своею властію сократить назначенный для него судомъ срокъ, и вообще этотъ срокъ, до истеченія половины его, не можетъ быть ни кѣмъ сокращенъ, а, по истеченіи полнаго срока, самый надзоръ можетъ быть отмѣненъ судомъ.

Право учреждать или не учреждать надъ отбывшимъ личное задержаніе осужденнымъ надзоръ полиціи присвоено администраціи, какъ это видно изъ объяснительной записки, на томъ основаніи, что о степени вліянія наказанія лишеніемъ свободы на осужденнаго нельзя судить a priori, почему судъ и не можетъ, постановляя приговоръ, сказать, исправится или нѣтъ тотъ или другой преступникъ, по отбытіи назначеннаго ему срока заключенія, а зависи-

и не можетъ рѣшить вопроса о необходимости или безполезности самаго учрежденія надзора полиціи.

Отдавая полную справедливость такому взгляду на дѣло, трудно, однако, понять, почему судъ, не имѣя достаточныхъ основаній къ рѣшенію вопроса о томъ, понадобится-ли впослѣдствіи надзоръ полиціи, долженъ точно опредѣлить срокъ, на который этотъ надзоръ будетъ учрежденъ, если онъ понадобится.

Нельзя себѣ представить, какими соображеніями будетъ руководствоваться судъ, назначая тотъ или другой срокъ. Очевидно, что продолжительность надзора, конечно въ извѣстныхъ рамкахъ, прежде всего должна зависѣть отъ степени исправленія осужденнаго, между тѣмъ судъ не можетъ имѣть никакого понятія объ этомъ наиболѣе важномъ факторѣ.

Съ другой стороны, проектированный законъ будетъ ставить въ крайне неловкое положеніе и администрацію.

Конечно, наблюденіе надъ тюремною жизнію осужденнаго можетъ дать извѣстный матеріалъ для сужденія о степени его исправленія, но такое сужденіе могло-бы быть несравненно болѣе основательнымъ, если-бы администрація имѣла право продолжать свои наблюденія и въ теченіи нѣкотораго времени послѣ освобожденія, притомъ въ теченіи такого періода, какой она сама признаетъ необходимымъ, не превышая, однако, извѣстныя рамки.

Слѣдуя проектированному закону, администрація должна или вовсе не учреждать надзора, или учредить его непремѣнно на срокъ, указанный судомъ, не имѣвшимъ никакихъ основаній для опредѣленія этого срока, въ большинствѣ случаевъ продолжительнаго.

Непонятно, почему администраціи, обладающей правомъ отмѣны надзора, не можетъ быть дано право опредѣлять его срокъ, разумѣется въ извѣстныхъ рамкахъ.

Въ виду изложеннаго казалось-бы болѣе удобнымъ обязать судъ, въ приговорѣ своемъ, назначить maximum срока, на который въ данномъ случаѣ надзоръ можетъ быть опредѣленъ и притомъ maximum, точно въ законѣ указанный, предоставивъ администраціи или вовсе не учреждать надзора, или, учреждая надзоръ, опредѣлять его продолжительность въ рамкахъ, судомъ указанныхъ.

Прокуроръ Орловскаго Окружнаго Суда Хрулевъ замѣчаетъ, что первою и второю частью 31 ст. проекта предоставляется административной власти учреждать полицейскій надзоръ, между прочимъ, и надъ приговорен-

ными къ заточенію на срокъ свыше шести лѣтъ и освобожденными изъ сего отъ поселенія (ст. 21 проекта).

По соображеніямъ, изложеннымъ въ замѣчаніи г. Хрулева на 15 ст. проекта, предполагается уничтожить двойственность характера заточенія, придавъ ему характеръ особаго спеціальнаго наказанія за извѣстныя преступленія. Поэтому надъ освобожденными изъ заточенія, если будетъ принята предложенная мысль, нѣтъ основанія учреждать полицейскій надзоръ.

Третья часть 31 ст. предоставляетъ право высшей полицейской власти высылки иностранцевъ за границу съ воспрещеніемъ имъ возвращаться въ Россію на время, соотвѣтствующее назначеннымъ въ приговорѣ срокамъ надзора.

Очевидно, такое право и должно быть предоставлено полиціи въ тѣхъ случаяхъ, когда она, по общественному положенію, образу жизни и другимъ условіямъ, фактическій надзоръ за иностранцемъ признаетъ невозможнымъ; но при этомъ нѣтъ видимаго основанія ограничивать срокъ высылки. Если высылка за границу обусловливается затруднительностью полицейскаго надзора на мѣстѣ жительства иностранца въ предѣлахъ Имперіи, то не можетъ быть никакихъ данныхъ признавать иностранца безопаснымъ членомъ общества послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни за границею, внѣ всякаго надзора и при невозможности имѣть свѣдѣнія объ этой жизни. Къ тому-же, нѣтъ никакого основанія давать радушный пріютъ иностранцамъ-преступникамъ, если иностранныя государства будутъ высылать намъ русскихъ подданныхъ, послѣ отбытія ими тамъ наказаній по приговорамъ судовъ (ст. 64 Венгерск. кодекса, ст. 39 Германск., ст. 35 Бельгійск. и 26 Итальянск. кодекса). Въ иностранныхъ государствахъ, вмѣстѣ взятыхъ, нѣтъ столько преступниковъ русскихъ подданныхъ, сколько присуждается нашими судами иностранцевъ за дѣянія именуемыя проектомъ преступленіями и простуками. И если иностранныя государства не желаютъ терпѣть на своей территоріи преступниковъ русскихъ, то тѣмъ меньше мы имѣемъ основаній стремиться къ идеальнымъ международнымъ постановленіямъ во вредъ намъ. Совершенно достаточно намъ и своихъ преступниковъ и нѣтъ никакого основанія во имя отвлеченной идеи давать убѣжище преступникамъ иностранцамъ (какъ извѣстно, преимущественно нѣмецкимъ и турецкимъ подданнымъ).

Напротивъ, слѣдовало-бы установить общее правило, по коему всѣ иностранцы, присужденные къ наказанію за проступки (за преступленія, коимъ подвергаются ссылки на поселеніе) вытекающіе изъ позорныхъ побужденій, къ заключенію въ исправительный домъ, подлежатъ высылкѣ изъ предѣловъ Имперіи, съ воспрещеніемъ возвращаться обратно, подъ угрозою ссылки на поселеніе.

По этимъ соображеніямъ, слѣдовало бы 31 ст. изложить такъ:

«Надъ освобожденными отъ поселенія и изъ исправительнаго дома, а въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, и изъ тюрьмы предоставляется высшей губернской власти право учредить, по выслушаніи мнѣнія мѣстнаго тюремнаго управленія, полицейскій надзоръ на сроки, назначенные судомъ».

«Сроки сіи назначаются въ слѣдующей постепенности: не свыше восьми лѣтъ для приговоренныхъ къ каторгѣ; не свыше пяти лѣтъ для приговоренныхъ къ поселенію или исправительному дому; не свыше двухъ лѣтъ для приговоренныхъ къ тюрьмѣ».

«Иностранцы, по освобожденіи ихъ отъ поселенія и изъ исправительнаго дома, высылаются за границу, съ воспрещеніемъ возвращаться въ предѣлы Имперіи. Въ случаѣ возвращенія высланнаго иностранца, онъ подлежитъ ссылкѣ на поселеніе».

Прокуроръ Харьковской Судебной Палаты Закревскій затрудняется понять, какую пользу можетъ принести правило, что для иностранца отдача подъ надзоръ полиціи можетъ быть замѣняема высылкою за границу на время, соотвѣтствующее назначенію въ приговорѣ срокомъ надзора.

Это значитъ полицейскій надзоръ замѣнить отсутствіемъ всякаго надзора. Если иностранецъ вреденъ въ Россіи, то его слѣдуетъ удалить навсегда, но пребываніе его въ теченіи нѣкотораго времени за предѣлами Россіи, внѣ территоріи, на пространствѣ которой дѣйствуютъ русскія власти, не только не равносильно полицейскому надзору, а скорѣе противоположно ему. Поэтому слова.... «на время, соотвѣтствующее назначеннымъ въ приговорѣ срокамъ надзора»—слѣдуетъ, по мнѣнію г. Закревскаго, исключить.

Люблинскій Окружный Судъ указываетъ, что разрѣшеніе поселенцамъ поставить обязательное для нихъ мѣстопребываніе предполагаётся поставить въ зависимость исключительно отъ Главнаго Тюремнаго Управленія (ст. 21). Едва-ли раціонально обязывать судъ назначать сроки полицейскаго надзора на случай дарованія такой льготы поселенцу административнымъ начальствомъ. Лучше предоставить сему послѣднему назначать сроки надзора въ извѣстныхъ предѣлахъ. Распоряженіе объ учрежденіи надзора должно предшествовать освобожденію осужденнаго, поэтому выраженіе «надъ освобожденными» лучше замѣнить словами «надъ подлежащими освобожденію». Выраженіе «высшей губернской властью» неопредѣленно.

Противъ ст. 31 Тульскій Окружный Судъ считаетъ нужнымъ возразить въ отношеніи собственно редакціи перваго отдѣла и исправить ее согласно соображеніямъ составителей разсматриваемаго проекта уложенія (стр. 100). По редакціи 31 ст. надъ освобожденными отъ поселенія, изъ исправительнаго дома и тюрьмы, «предоставляется высшей губернской власти право учредить, по выслушаніи мнѣнія мѣстнаго тюремнаго начальства, полицейскій надзоръ на сроки, назначенные судомъ».

Такая редакція не совсѣмъ отвѣчаетъ требованіямъ 949 и 955 ст. Устава Уголовнаго Судопроизводства, въ силу которыхъ приговоръ суда исполняется администраціею въ точности, и предоставляетъ мѣстной административной власти право, путемъ мнѣнія тюремнаго начальства, обсуждать — слѣдуетъ или не слѣдуетъ исполнить часть приговора суда объ учрежденіи надъ осужденнымъ полицейскаго надзора на извѣстные сроки. Не признавая всему удобнымъ ст. 31 оставить въ настоящей редакціи, Окружный Судъ полагалъ-бы изложить ее въ томъ смыслѣ, въ какомъ, по мнѣнію составителей проекта, опредѣляется полицейскій надзоръ въ приговорѣ суда. Составители проекта, на стр. 100 объясненій, выразили, что «назначеніе надзора (полицейскаго) является мѣрою необязательною, а факультативною. Судъ въ своемъ приговорѣ только даетъ право назначить полицейскій надзоръ по отбытіи главныхъ наказаній; дѣйствительное-же его назначеніе будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія высшей губернской власти». Согласно этимъ мыслямъ Редакціонной Коммисіи, отдѣлъ первой статьи слѣдовало-бы нѣсколько измѣнить и вставить, наприм., предъ словомъ: «предоставляется»—слово *судебнымъ приговоромъ*, а передъ словомъ «назначенные»—слово *условно*. Такая редакція I отдѣла 31 ст., съ ясностію опредѣляя значеніе приговора суда для исполнителей, могла-бы быть изложена слѣдующимъ образомъ:

«*Надъ освобожденными отъ поселенія и изъ исправительнаго дома въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, и изъ тюрьмы, судебнымъ приговоромъ предоставляется высшей губернской власти право учредить, по выслушаніи мнѣнія мѣстнаго тюремнаго управленія, полицейскій надзоръ на сроки, условно назначенные судомъ*».

---

1 ч. 31 ст. проекта, при внимательномъ разсмотрѣніи ея и при сообра-женіи съ приведенными подъ нею мотивами Редакціонной Коммисіи, пред-ставляется Прокурору Владикавказскаго Окружнаго Суда Чинчинадзе столько неясною, что неизбѣжно должна будетъ встрѣтить на практикѣ за-трудненіе въ правильномъ примѣненіи ея. Такъ, прежде всего возникаетъ вопросъ, обязанъ-ли судъ въ своемъ приговорѣ назначать срокъ полицей-

скаго надзора, или-же на обязанности суда лежитъ указать лишь, что надъ осужденнымъ, по отбытіи имъ главнаго наказанія, долженъ быть учрежденъ полицейскій надзоръ, не обозначая въ приговорѣ срока полицейскаго надзора, или-же, наконецъ, судъ въ своемъ приговорѣ совершенно не долженъ касаться полицейскаго надзора и только, по отбытіи осужденнымъ главнаго наказанія, по представленію высшей губернской власти, обязанъ постановить опредѣленіе объ учрежденіи полицейскаго надзора съ указаніемъ срока этого надзора.

Судя по тому, что полицейскій надзоръ, по самому существу своему, составляетъ наказаніе (3 ст. проекта) и что поэтому онъ можетъ быть назначенъ только компетентною властію—судомъ, должно полагать, что судъ обязанъ въ своемъ приговорѣ не только назначать, въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, полицейскій надзоръ, но и точно обозначить срокъ полицейскаго надзора. Между тѣмъ, изъ соображеній Редакціонной Коммисіи подъ 31 ст. проекта видно, что судъ въ своемъ приговорѣ не обязанъ и не вправѣ не только назначать срокъ полицейскаго надзора, но и вообще учреждать полицейскій надзоръ и объ учрежденіи таковаго лишь даетъ право губернской власти, отъ усмотрѣнія которой и будетъ зависѣть учредить надзоръ и на какой срокъ или-же нѣтъ. Изъ буквальнаго-же смысла 1 ч. 31 ст. проекта усматривается, что учрежденіе полицейскаго надзора всецѣло зависитъ отъ губернской власти, опредѣленіе-же срока полицейскаго надзора возложено на судъ. Затѣмъ, что касается вопроса о томъ, обязанъ-ли судъ въ своемъ приговорѣ опредѣлить срокъ полицейскаго надзора, или-же это должно быть предметомъ особаго опредѣленія суда, по отбытіи уже осужденнымъ главнаго наказанія, то вопросъ этотъ прямо не разрѣшается 1 ч. 31 ст. проекта. Напротивъ, буквальный смыслъ означеннаго закона даетъ одинаковое право какъ къ заключенію къ тому, что срокъ полицейскаго надзора долженъ быть обозначенъ въ приговорѣ суда, такъ и къ тому, что опредѣленіе срока полицейскаго надзора можетъ имѣть мѣсто лишь по отбытіи осужденнымъ главнаго наказанія, когда въ этомъ встрѣтитъ надобность губернская власть.

Въ виду такой неясности, могущей породить на практикѣ разномысліе въ толкованіи 1 ч. 31 ст. проекта, г. Чинчинадзе находилъ-бы желательнымъ, чтобы мысль, положенная въ основаніе постановленія означенной статьи, была выражена болѣе опредѣленно и точно.

Уфимскій Губернскій Прокуроръ Мѣщаниновъ замѣчаетъ, что первый отдѣлъ 31 ст. возбуждаетъ слѣдующій, неразрѣшенный проектомъ, вопросъ: составляетъ-ли право администраціи на учрежденіе надзора неизбѣжное по-

слѣдствіе извѣстнаго рода наказаній, т. е. обязанъ-ли судъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, предоставлять администраціи это право, или только можетъ предоставлять его?

Точно также требуетъ разъясненія вопросъ: какая высшая губернская власть будетъ имѣть право на учрежденіе этого надзора? Власть-ли, имѣющая мѣстность, гдѣ жилъ осужденный и гдѣ совершилъ преступленіе, или власть, въ районѣ которой находится судъ, предоставившій администраціи право учредить надзоръ, или, наконецъ, власть той губерніи, въ которой находится мѣсто заключенія, гдѣ осужденный отбываетъ личное наказаніе? Извѣстно, что территоріи судовъ не совпадаютъ съ границами губерній, такъ напр. Новоузенскій уѣздъ Самарской губ. принадлежитъ къ округу Саратовскаго окружнаго суда, такъ Бахмутскій и Славяносербскій уѣзды Екатеринославской губ. входятъ въ составъ округа Изюмскаго окружнаго суда Харьковской губ., такъ Рыльскій и Путивльскій уѣзды Курской губ. издаются Сумскимъ окружнымъ судомъ Харьковской губ. Такихъ примѣровъ можно насчитать десятки. При осужденіи, напр. Саратовскимъ окружнымъ судомъ жителя Новоузенскаго уѣзда къ заключенію въ исправительный домъ легко возможно, что заключеніе это будетъ отбыто осужденнымъ въ Симбирскомъ исправительномъ домѣ. Какой изъ трехъ губернаторовъ: Симбирскій, Саратовскій или Самарскій, распорядится учрежденіемъ полицейскаго надзора надъ отбывшимъ наказаніе?

Чины Орловскаго Окружнаго Суда находятъ, что, по ст. 31 проекта, при примѣненіи ея на практикѣ, можетъ возбудиться вопросъ: когда должен быть назначенъ судомъ срокъ поднадзорнаго состоянія—при самомъ-ли постановленіи приговора или когда высшая губернская власть признаетъ необходимымъ учредить надъ извѣстнымъ лицомъ полицейскій надзоръ? Очевидно, вопросъ этотъ разрѣшенъ долженъ быть въ томъ смыслѣ, что, при постановленіи приговора, судъ долженъ опредѣлить и срокъ, на который кто-либо другое лицо можетъ быть отдано подъ полицейскій надзоръ, ибо отдача подъ полицейскій надзоръ есть дополнительное наказаніе (ст. 3 проекта), а наказаніе можетъ быть опредѣлено только судомъ и только при самомъ разсмотрѣніи дѣла. Но если это такъ, то при чемъ-же здѣсь право высшей губернской власти? Если приговоромъ суда назначено дополнительное наказаніе—отдача подъ полицейскій надзоръ,—то и это наказаніе должно возыметь свое дѣйствіе, независимо отъ усмотрѣнія какой-бы то ни было власти, кромѣ имѣющей право помилованія; если-же губернская власть имѣетъ право учреждать и не учреждать полицейскій надзоръ, хотя-бы онъ и назначенъ

иговоромъ суда — то къ чему суды будутъ назначать такія наказанія въ воихъ приговорахъ, примѣненіе которыхъ будетъ поставлено въ зависи-ость отъ власти административной? Исходя изъ этихъ соображеній и при-навая за непреложную истину непоколебимость судебныхъ приговоровъ, азванные чины признаютъ необходимымъ установить обязательность учреж-енія полицейскаго надзора надъ осужденнымъ, когда мѣра эта, какъ допол-нительное наказаніе, указана въ приговорѣ суда, и, соотвѣтственно этому, 1 ч. т. 31 изложить въ такомъ видѣ: «*надъ освобожденными отъ поселенія и изъ исправительнаго дома, а въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, и изъ тюрьмы учреждается полицейскій надзоръ, если приговоромъ суда такой назначенъ на сроки, указанные въ приговорѣ*».

При установленномъ 33 ст. правѣ поднадзорнаго просить о снятіи съ его надзора при условіяхъ, въ этой статьѣ означенныхъ, факультативное наченіе этого наказанія не измѣняется, но еслибы признавалось необходи-ымъ предусмотрѣть случаи, когда, по тѣмъ или другимъ условіямъ, поли-ейскій надзоръ, назначенный судомъ, представлялся обременительнымъ для сужденнаго и высшая губернская власть находила-бы справедливымъ вовсе свободить такое лицо отъ надзора, то гораздо удобнѣе было-бы, по мнѣнію иновъ Орловскаго Суда, ввести въ проектъ право высшей губернской власти или мѣстнаго тюремнаго управленія представлять такіе вопросы на разрѣ-еніе суда, установивъ для послѣдняго въ Уст. Угол. Суд. особый порядокъ азсмотрѣнія этихъ представленій.

Членъ Симферопольскаго Окружнаго Суда Тальбергъ замѣчаетъ, что изъ едакціи 1 части 31 ст. можно заключить, въ противность объясненій Ком-иссіи, что надзоръ полиціи будетъ учреждаться по усмотрѣнію и постанов-енію административной власти, а суду предоставляется только опредѣленіе рока надзора.

Г. Тальбергъ указываетъ далѣе, что въ проектѣ не предусмотрѣнъ лучай, когда судъ въ своемъ приговорѣ не опредѣлилъ полицейскаго над-ора, не имѣя данныхъ для разрѣшенія вопроса о необходимости такой мѣ-ы, а между тѣмъ, по мнѣнію тюремнаго управленія, наблюдавшаго заклю-еннаго во все время его содержанія, полицейскій надзоръ является необхо-имымъ въ видахъ общественной безопасности.

Что касается высылки иностранцевъ за границу, то, по отзыву того-же удебнаго дѣятеля, цѣлесообразнѣе было-бы высылать ихъ или навсегда, или о крайней мѣрѣ, на сроки вдвое продолжительнѣе, чѣмъ указанные во 2 асти 31 ст.

Предсѣдатель Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Бартеневъ находитъ, что редакція ст. 31 проекта, особенно въ связи съ объясненіями на нее Коммисіи, можетъ порождать на первыхъ-же порахъ недоразумѣніе. К подобному заключенію онъ приходитъ въ виду текста статьи, гдѣ говорится:... «предоставляется высшей губернской власти право учредить.... надзоръ».

При соображеніи этой редакціи съ объясненіями Коммисіи на стр. 100 окажется, что по 31 ст. предоставляется на усмотрѣніе губернской власти учредить надзоръ или нѣтъ, на основаніи-же объясненій Коммисіи, надзоръ является мѣрою необязательною и сказано, что «судъ въ своемъ приговорѣ только даетъ право назначить надзоръ, дѣйствительное-же назначеніе его зависитъ отъ губернской власти». Посему слѣдуетъ дополнить 31 ст. проекта словами, что «судъ предоставляетъ губернской власти учредить надзоръ» или «по отбытіи наказанія надъ осужденнымъ учреждается надзоръ». Если-же этихъ дополненій не дѣлать, то слѣдуетъ исключить изъ объясненій Коммисіи, что «судъ даетъ только право на учрежденіе надзора».

Старшій Предсѣдатель Кіевской Судебной Палаты, Сенаторъ, П. П. Орловъ замѣчаетъ по поводу ст. 31, что прежде всего возникаетъ вопросъ, есть-ли полицейскій надзоръ необходимое послѣдствіе наказанія, или-же нѣтъ? Въ предшествовавшихъ статьяхъ на это отвѣта нѣтъ; въ ст. 3 сказано лишь, что отдача подъ полицейскій надзоръ есть присоединяемое къ главному дополнительное наказаніе, ст. 31 равномѣрно не даетъ отвѣта. Въ объяснительной запискѣ (стр. 100) кратко, безъ особыхъ соображеній, сказано, что назначеніе надзора не обязательно, а составляетъ мѣру факультативную и что, судъ даетъ только губернской власти право назначить таковой надзоръ. Это и слѣдуетъ принципіально высказать въ проектѣ. Кромѣ того, двѣ первыя части этой статьи недостаточно согласованы между собою въ ея редакціи; въ первой половинѣ говорится объ освобождаемыхъ отъ поселенія и изъ исправительнаго дома, съ пропускомъ каторги и заточенія, а во второй—объ освобождаемыхъ отъ каторги и отъ заточенія на срокъ 6 лѣтъ, съ пропускомъ заточенія не свыше 6 лѣтъ.

Статья 32.

По замѣчанію Профессора Даневскаго, въ ст. 32 проекта подробно регламентируется существо полицейскаго надзора: вліяніе его на ограниче-

ніе свободнаго избранія поднадзорнымъ мѣста жительства, на свободное передвиженіе въ теченіи извѣстнаго времени. Въ этой статьѣ установляется правило объ отобраніи отъ поднадзорнаго особаго заявленія на письмѣ (за два мѣсяца до срока освобожденія) о мѣстожительствѣ, которое онъ предполагаетъ избрать, и о выдачѣ ему, по освобожденіи, особаго путеваго билета, съ обозначеніемъ мѣстностей, гдѣ ему воспрещено останавливаться и т. д. Вся эта регламентація, чисто полицейскаго характера и притомъ крайне подробная и мелочная, не должна по мнѣнію г. Даневскаго имѣть мѣста въ уложеніи о наказаніяхъ. Въ уголовномъ кодексѣ рѣчь можетъ идти только о преступленіяхъ и наказаніяхъ, о важнѣйшихъ послѣдствіяхъ наказаній. Законъ (loi) долженъ опредѣлять различные способы наказанія, распредѣленные по извѣстной системѣ, сообразно ихъ тяжести, самые способы лишенія свободы, главныя послѣдствія отбытія наказанія по отношенію къ правамъ наказаннаго, сословнымъ, семейнымъ и т. д. Онъ долженъ также опредѣлить самыя основанія для лишенія свободы, напр. указать, что заключенный подлежитъ одиночному заключенію, или общему, что работа обязательна или необязательна, что заработокъ идетъ сполна, или частью въ пользу заключеннаго и т. д. Законъ можетъ еще установить въ принципѣ, что полицейскій надзоръ надъ освобожденными назначается обязательно или факультативно. Признавъ справедливость и полезность послѣдняго, законодатель намѣчаетъ въ уложеніи о наказаніяхъ главныя основанія этого ограниченія свободы, такъ сказать, существо полицейскаго надзора. Но было-бы несообразно съ задачами уголовнаго кодекса, съ необходимою его краткостью и простотою, вносить въ него подробную регламентацію способовъ отбытія наказанія, режима заключенныхъ и т. д. Современное уголовное законодательство, отказывающееся отъ казуистичности и подробной мелочной регламентаціи, господствовавшей въ прежнемъ законодательствѣ, не должно вносить въ уголовное уложеніе никакихъ подробныхъ перечисленій и указаній часовъ работъ въ тюрьмахъ, отдыха, сна, времени на прогулки, указывать въ законѣ на количество и качество пищи, дисциплинарныя мѣры взысканій, налагаемыхъ на арестантовъ и т. д. Мѣсто постановленіямъ (ordonnances) этого рода въ тюремныхъ регламентахъ, въ родѣ существующихъ за границею и у насъ, напр., въ уставѣ о содержащихся подъ стражею и въ уставѣ о ссыльныхъ.

При этомъ конечно, желательно, чтобы эти постановленія (ordonnances), служащія развитіемъ основныхъ началъ уголовнаго кодекса, исходили отъ законодательной власти и, имѣя значеніе и силу дополнительныхъ къ уголовному уложенію узаконеній, отнимали-бы возможность къ изданію цир-

куляровъ и распоряженій отдѣльныхъ вѣдомствъ, которые иногда могли измѣнять основную мысль и духъ самаго уложенія.

Примѣняя все сказанное къ полицейскому надзору, г. Даневскій видитъ-бы излишнимъ вносить въ уложеніе всю мелочную регламентацію, приведенную въ текстѣ ст. 32 проекта. Въ послѣдней слѣдовало-бы ограничиться только основными началами существа ограниченій для освобожденныхъ, вытекающихъ изъ полицейскаго надзора, а всѣ мелочи и подробности надлежало-бы перенести въ уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. Постановленія сего послѣдняго рода могли-бы быть изданы путемъ законодательнымъ, послѣ внимательнаго и всесторонняго изслѣдованія вопроса о пользѣ или вредѣ полицейскаго надзора, вопроса, какъ извѣстно, даже еще не рѣшеннаго въ подробностяхъ. Здѣсь всегда представляется опасность повредить излишнимъ стѣсненіемъ свободы въ избраніи мѣста жительства и въ передвиженіи поднадзорнаго интересамъ послѣдняго, ограничивъ или даже уничтоживъ для него возможность заработковъ, и такимъ образомъ толкнуть его на путь преступленія.

Засимъ, ст. 32 проекта, по мнѣнію г. Даневскаго, можно-бы изложить такъ:

«Полицейскій надзоръ заключается въ ограниченіи свободы поднадзорнаго въ избраніи мѣста жительства и свободы передвиженія».

«Порядокъ сего надзора опредѣляется въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій».

Юристы-практики (Судебная Газета, 1883 г., № 35) замѣчаютъ, что ст. 32 въ настоящемъ ея видѣ допускаетъ такое заключеніе, что, помимо указанныхъ въ ней мѣръ, полиція можетъ принять и другія къ осуществленію надзора за лицомъ, отбывшимъ наказаніе; но изъ мотивовъ Редакціонной Коммисіи видно, что надзоръ долженъ осуществляться исключительно во временномъ стѣсненіи свободы передвиженія поднадзорнаго. Конечно, нельзя освобожденному изъ мѣста заключенія преступнику предоставить сразу полную, безусловную свободу, и поэтому необходимо наблюденіе за нимъ въ продолженіи извѣстнаго періода времени, съ цѣлью удостовѣренія въ дѣйствительности исправленія его посредствомъ наказанія. Этимъ оправдывается учрежденіе за такимъ лицомъ временнаго надзора, полицейскаго или общественнаго. Но противъ такой мѣры приводится обыкновенно возраженіе, что надзоръ, необставленный извѣстными нормами, или вовсе не будетъ существовать въ дѣйствительности, или породитъ массу злоупотребленій со стороны устанавливающихъ его органовъ, которые произвольно станутъ изъ-

рать тѣ или другія средства къ осуществленію въ этомъ отношеніи своей обязанности, будутъ безпрестанно врываться, такъ сказать, въ частную жизнь поднадзорнаго и лишать его возможности свободно и спокойно предаться избранной профессіи. Для устраненія подобнаго произвола сущность надзора должна быть строго опредѣлена въ законѣ, съ указаніемъ и тѣхъ мѣръ, въ которыхъ этотъ надзоръ можетъ проявляться, и тѣхъ рамокъ или предѣловъ, изъ коихъ не можетъ выступить власть, примѣняющая постановленіе суда. Новое уложеніе, въ 32 ст. проекта, и указываетъ эти мѣры и рамки, но для того, чтобы не могло явиться предположеніе о возможности принятія, при установленіи надзора въ отдѣльныхъ случаяхъ, другихъ мѣръ, помимо указанныхъ, статью эту слѣдовало-бы изложить въ безусловно-ограничительной формѣ, примѣрно такъ:

«Указанный въ ст. 31 надзоръ учреждается въ видахъ временнаго стѣсненія свободы передвиженія поднадзорнаго и ограничивается слѣдующими мѣрами:

1) Поднадзорному воспрещается . . . . . }
2) Отъ поднадзорнаго отбирается. . . . . } какъ въ тек-
3) Поднадзорному при освобожденіи. . . . . } стѣ проекта.
4) Поднадзорный не можетъ . . . . . }

Само собою разумѣется, что въ такомъ смыслѣ надзоръ только и мыслимъ со стороны полицейской власти, а потому о надзорѣ общественномъ и рѣчи быть не можетъ.

По мнѣнію г. Лихтенштадта, въ ст. 32 слово «поднадзорнаго» слѣдуетъ замѣнить словами: «подлежащаго надзору», такъ какъ надзоръ учреждается лишь по освобожденіи изъ заключенія.

По поводу той-же статьи онъ находитъ, что слѣдуетъ обозначить, кѣмъ изготовляется путевой билетъ, и что неизготовленіе онаго не можетъ служить причиною къ задержанію отбывшаго наказаніе, послѣ срока его заключенія.

Г. Лихтенштадтъ замѣчаетъ, что, при дальности нашихъ разстояній и неудовлетворительности въ отдаленныхъ губерніяхъ путей сообщенія, слѣдовало-бы допустить разрѣшеніе поднадзорнымъ временныхъ отлучекъ мѣстною полицейскою властью.

По мнѣнію Сенатора И. В. Орлова, ст. 32 должна имѣть мѣсто не въ уложеніи, а въ особомъ законѣ о поднадзорныхъ, о которомъ упоминается и въ объяснительной запискѣ.—Къ тому-же заключенію приходитъ и Люблинскій Окружный Судъ.

По мнѣнію Тульскаго Окружнаго Суда, ст. 32 слѣдовало-бы помѣстить въ особомъ уставѣ, такъ какъ она, заключая въ себѣ обязанности и права поднадзорныхъ, права учреждающихъ надзоръ и наблюдающихъ за поднадзорными, не составляетъ въ сущности предмета вѣдомства уложенія о наказаніяхъ и не служитъ руководствомъ для судей при постановленіи приговора. Желательно было-бы имѣть уложеніе въ видѣ сжатомъ, ясномъ и простомъ, со включеніемъ въ него только того, что, по существу своему, можетъ быть предметомъ свода карательныхъ законовъ и къ нимъ руководящихъ правилъ для опредѣленія наказаній при извѣстныхъ условіяхъ; при такомъ содержаніи и объемѣ, изученіе уложенія о наказаніяхъ представляется весьма удобнымъ какъ для примѣняющихъ его, такъ и для остальныхъ гражданъ.

По мнѣнію Прокурора Кашинскаго Окружнаго Суда Безе, правила, установляемыя ст. 32, по характеру своему относятся къ исполненію приговора и потому съ большимъ успѣхомъ должны быть отнесены къ уставу уголовнаго судопроизводства, въ раздѣлѣ объ исполненіи уголовныхъ приговоровъ судебныхъ мѣстъ.

Ст. 32 подлежитъ, по мнѣнію чиновъ Казанской Судебной Палаты, совершенно исключенію, какъ содержащая правила о порядкѣ дѣйствій административной власти съ поднадзорными, ничуть не относящіяся къ уголовному кодексу.

При обсужденіи Тифлисскою Судебною Палатою 32 ст. проекта, нѣкоторыми изъ судей было замѣчено, что она должна быть исключена изъ уложенія и помѣщена въ законахъ объ устройствѣ мѣстъ заключенія и порядкѣ содержанія въ оныхъ; но большинствомъ голосовъ замѣчаніе это отвергнуто.

Чины Рыбинскаго прокурорскаго надзора находятъ, что ст. 32 едва-ли занимаетъ, по своему содержанію, законное мѣсто въ уложеніи о наказ-

ніяхъ. Она всецѣло относится къ закону о дѣятельности полиціи или администраціи по исполненію приговоровъ. Поэтому ее слѣдовало-бы исключить. При обязательномъ-же ея нахожденіи въ текстѣ уголовнаго кодекса, она должна быть пополнена ссылкою на тѣ статьи закона, которыя устанавливаютъ наказаніе за нарушеніе ея.

Докладчикъ въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры г. Кильштетъ полагалъ, что правила, указанныя въ ст. 32, должны войти въ особый уставъ о поднадзорныхъ, а потому предложилъ ст. 32 вовсе исключить. Противъ этого мнѣнія было заявлено (г. Марковъ), что въ общей части уложенія должны быть указаны наиболѣе существенныя черты надзора, подобно тому, какъ въ ст. 15—19 проекта указана сущность различныхъ родовъ лишенія свободы. Поэтому, за исключеніемъ тѣхъ подробностей, которыя должны быть отнесены въ уставъ о поднадзорныхъ, ст. 32 могла-бы быть изложена слѣдующимъ образомъ: «Поднадзорному воспрещается пребываніе въ мѣстностяхъ, указанныхъ особымъ закономъ. До истеченія полугода поднадзорный не можетъ оставить избраннаго имъ или назначеннаго ему мѣста жительства безъ разрѣшенія высшей губернской власти».

Совѣщаніе предложенную редакцію приняло, за исключеніемъ одного лица (г. Тимофеевскій), полагавшаго оставить ст. 32 безъ измѣненія.

По мнѣнію чиновъ Владикавказскаго Окружнаго Суда, пункты 1, 2 и 3 ст. 32, опредѣляющіе порядокъ учрежденія полицейскаго надзора, не должны имѣть мѣста въ уложеніи о наказаніяхъ, а должны быть помѣщены въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій.

По мнѣнію чиновъ Вологодскаго Окружнаго Суда, изъ текста ст. 32 слѣдовало-бы оставить только слѣдующее постановленіе: поднадзорному воспрещается: жительство и пребываніе въ указанныхъ закономъ губерніяхъ, уѣздахъ, городахъ или иныхъ мѣстахъ, *а равно самовольное оставленіе избраннаго имъ или назначеннаго ему мѣста жительства.*—Остальныя указанныя въ сей статьѣ полицейскія правила: объ истребованіи отъ поднадзорнаго заявленія, о выдачѣ ему путеваго билета и о разрѣшеніи ему отлучекъ высшею губернскою властью или мѣстною полиціей, должны быть исключены изъ карательнаго кодекса. Ихъ мѣсто не въ уложеніи о наказаніяхъ, а въ полицейскомъ уставѣ.

По мнѣнію Предсѣдательствующаго Ландрата Эстляндскаго Оберъ-Лан-герихта, фонъ-Фока, слѣдовало-бы только въ общихъ чертахъ указать ограниченія, соединенныя съ полицейскимъ надзоромъ, а именно: запрещеніе пребыванія въ извѣстныхъ, особо указанныхъ, мѣстностяхъ и ограниченіе свободы передвиженія въ теченіи опредѣленнаго срока (часть 1 и первое положеніе части 4), болѣе-же подробныя постановленія, какъ напр., постановленія, заключающіяся въ частяхъ 2 и 3, въ положеніяхъ 2 и 3 части 4, не помѣщать въ уголовномъ уложеніи, такъ какъ они опредѣляютъ административныя обязанности и вовсе не касаются судьи.

2, 3 и 4 части 32 ст., какъ опредѣляющія не условія или сущность самаго наказанія (надзора), а порядокъ отбытія его, не должны, по мнѣнію чиновъ Московской прокуратуры, имѣть мѣста въ уложеніи, а могутъ быть помѣщены въ законахъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и въ уставѣ о паспортахъ, по отношенію къ выдачѣ поднадзорнымъ путевыхъ билетовъ.

Засимъ, текстъ ст. 32 останется таковъ:

«Поднадзорному воспрещается жительство и пребываніе въ указанныхъ особымъ закономъ губерніяхъ, уѣздахъ, городахъ или иныхъ мѣстахъ».

Владимірскій Окружный Судъ по поводу 32 ст. замѣчаетъ, что подробное указаніе, какъ долженъ быть учрежденъ особый полицейскій надзоръ, едва-ли не излишне, такъ какъ надзоръ тѣмъ или другимъ способомъ зависитъ отъ полиціи, сообразно особому положенію по этому предмету, а установленіе разнаго рода правилъ о невыбытіи въ другое мѣсто породитъ множество нарушеній и часто лишитъ возможности поднадзорныхъ зарабатывать хлѣбъ честнымъ трудомъ.

По вопросу о сущности полицейскаго надзора чины Уманскаго Окружнаго Суда затрудняются согласиться съ мнѣніемъ Редакціонной Коммиссіи объ устраненіи права полиціи дѣлать у поднадзорныхъ обыски и выемки безъ всякихъ ограниченій.

Эта мѣра, принятая въ отношеніи поднадзорныхъ германскимъ уложеніемъ, представляется во многихъ случаяхъ крайне существенною и полезною на практикѣ.

Кто не знаетъ, что въ настоящее время, несмотря на законы, стро-

опредѣляющіе условія, при которыхъ можно дѣлать обыски и выемки, практика жизни установила въ этомъ отношеніи совершенно своеобразные порядки.

Каждый представитель судебнаго вѣдомства провинціи не знаетъ, что если въ деревнѣ случается кража, то дѣлаются немедленно-же обыски сперва у лицъ подозрительныхъ, замѣченныхъ уже прежде того въ кражахъ, совершенно независимо отъ того, судились они или нѣтъ, а затѣмъ, очень не рѣдко, такъ называемый повальный подворный обыскъ: съ края деревни по порядку, во всѣхъ дворахъ, впредь до отысканія похищеннаго.

Можно возмущаться такимъ порядкомъ, но нельзя не признать, что благодаря ему, похищенное очень часто отыскивается и виновные обнаруживаются.

Если повальный подворный обыскъ производится только благодаря общему на то согласію всѣхъ домохозяевъ деревни, нерѣдко прямо требующихъ производства подобнаго обыска, въ видахъ очищенія своей репутаціи, съ заднею мыслью путемъ обысковъ людей неподозрительныхъ дойти и до подозрительныхъ, то обыски у сихъ послѣднихъ производятся, конечно, безъ ихъ на то согласія и составляютъ уже прямое нарушеніе закона.

Самая распространенность этого рода обысковъ указываетъ, по мнѣнію чиновъ Уманскаго Окружнаго Суда, на несоотвѣтствіе правилъ закона потребностямъ общежитія, а такое несоотвѣтствіе слѣдуетъ по возможности сглаживать.

Поэтому казалось-бы болѣе правильнымъ предоставить полиціи право обыскивать, безъ всякихъ ограниченій, если не всѣхъ поднадзорныхъ, то хотя-бы тѣхъ изъ нихъ, кои были осуждены за кражи.

Практическія-же удобства побудятъ вѣроятно предоставить полиціи право обыска въ отношеніи тѣхъ поднадзорныхъ, которые подвергнутся этой мѣрѣ за преступныя дѣянія политическаго характера.

Лучше регулировать то или другое стѣсненіе личности закономъ, чѣмъ заставлять практику прибѣгать къ мѣрамъ, никакимъ закономъ не урегулированнымъ.

Что касается обязанности поднадзорныхъ избрать себѣ мѣсто жительства и правилъ, регулирующихъ ихъ передвиженія, то, признавая полную необходимость всего этого, чины Уманскаго суда не могутъ согласиться съ умѣстностію въ уложеніи о наказаніяхъ столь подробнаго изложенія какъ порядка избранія этого мѣста жительства, такъ и всѣхъ послѣдующихъ правилъ.

Подробности, казалось-бы, слѣдовало опредѣлить особымъ закономъ,

коимъ будутъ указаны мѣста, гдѣ пребываніе поднадзорныхъ не будетъ дозволено.

Въ виду сего послѣднія три части ст. 32 можно-бы было замѣнить слѣдующею прибавкою къ ея первой части: «Порядокъ избранія поднадзорными мѣста жительства, слѣдованія ихъ въ избранныя мѣста и полученія на то разрѣшенія на отлучки устанавливается тѣмъ-же особымъ закономъ».

Такое измѣненіе текста 32 ст. проекта уложенія представляется тѣмъ болѣе желательнымъ, что порядокъ слѣдованія по путевымъ билетамъ, при всей своей гуманности, благодаря обширности нашихъ пространствъ и бѣдности тѣхъ, для коихъ онъ учреждается, на практикѣ часто окажется крайне неудобнымъ, способнымъ только побудить пользующагося имъ, дорогою, къ пропитанія себя, совершать новыя преступленія.

На практикѣ этапами нерѣдко и совершенно добровольно пользуются для путешествій лица, свобода коихъ ни въ чемъ не стѣснена (слѣдованіе этапомъ «не въ родѣ арестанта»).

Прокуроръ Плоцкаго Окружнаго Суда Фуксъ, замѣчаетъ, что изъ числа особыхъ постановленій ст. 32, опредѣляющихъ сущность полицейскаго надзора; отсутствуетъ одно весьма существенное въ смыслѣ облегченія наблюденія за поднадзорными лицами и содержащееся въ 39 ст. германскаго кодекса, именно о правѣ полиціи на обыски у нихъ безъ всякаго ограниченія относительно времени ихъ производства. Лица, подвергшіяся наказанію и затѣмъ такой мѣрѣ, какъ полицейскій надзоръ, очевидно представляютъ весьма ненадежный общественный элементъ и должны подлежать постоянному наблюденію, между тѣмъ обыски по уст. угол. суд. могутъ имѣть мѣсто ночью при крайней необходимости и всегда при наличности достаточныхъ основаній. Такимъ образомъ, требованіе соблюденія этихъ правилъ касательно поднадзорныхъ и опасеніе подвергнуться отвѣтственности за ихъ нарушеніе часто лишило-бы полицію возможности предупредить преступленіе или обнаружить виновныхъ.

По отношенію къ первой части 32 ст. совѣщаніе чиновъ Варшавской прокуратуры, по большинству голосовъ, находитъ, что устанавливаемое ею исключеніе нѣкоторыхъ городовъ, уѣздовъ и другихъ мѣстностей изъ числа тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ поднадзорные имѣютъ право жительства, является для нихъ такимъ ограниченіемъ ихъ свободы, которое во многихъ случаяхъ будетъ равносильно ссылкѣ. По этому прежде всего противъ него говорятъ

всѣ соображенія, послужившія Редакціонной Коммисіи къ исключенію ссылки изъ лѣстницы наказаній, проектируемой для новаго уложенія. Независимо отъ сего, подобное ограниченіе является въ высшей степени непрактичнымъ, потому что, благодаря ему, тѣ изъ поднадзорныхъ, которые будутъ высылаемы изъ мѣстъ ихъ постояннаго жительства, тѣмъ самымъ будутъ поставлены въ безвыходное положеніе въ отношеніи къ пріобрѣтенію честнымъ путемъ средствъ для существованія, которое едва-ли уничтожается предоставленіемъ самимъ поднадзорнымъ права избирать себѣ мѣсто жительства; съ другой стороны жители тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ будутъ водворены лица, отданныя подъ надзоръ полиціи, совершенно безвинно, пріобрѣтутъ въ свою среду такой элементъ, относительно котораго въ самомъ законѣ существуетъ презумція опасности, увеличиваемой вышеупомянутымъ безвыходнымъ положеніемъ поднадзорныхъ въ чужихъ и незначительныхъ городахъ и малочисленностью полиціи въ этихъ послѣднихъ. Поэтому, если признавать подобное ограниченіе необходимымъ въ видахъ устраненія скопленія преступныхъ элементовъ въ большихъ центрахъ, то оно должно быть распространено лишь на обѣ столицы и Варшаву, съ тѣмъ однако условіемъ, что подъ дѣйствіе его не должны подходить лица, приписанныя къ этимъ городамъ или имѣющія въ нихъ постоянное мѣстожительство. Взамѣнъ этого, слѣдовало-бы въ уложеніи установить правило, практикуемое въ настоящее время въ административномъ порядкѣ, по которому лица, совершившія преступныя дѣянія во время кратковременныхъ отлучекъ изъ мѣстъ приписки или постояннаго жительства и приговариваемыя къ полицейскому надзору, отбываютъ его всегда въ этихъ послѣднихъ, а не въ той мѣстности, гдѣ преступныя дѣянія были ими совершены.

Кромѣ того, ни въ 32 ст., ни въ объясненіяхъ къ ней Редакціонной Коммисіи, ничего не говорится о тѣхъ видахъ на жительство, которые будутъ выдаваемы поднадзорнымъ; между тѣмъ нынѣ дѣйствующія правила въ этомъ отношеніи, заключающіяся въ снабженіи такихъ лицъ извѣстными паспортами, справедливо пріобрѣтшими названіе «волчьихъ», по мнѣнію большинства членовъ совѣщанія, подлежатъ полному осужденію и отмѣнѣ, если не путемъ особаго постановленія уголовнаго уложенія, то по крайней мѣрѣ одновременнымъ съ нимъ изданіемъ особаго по этому поводу административнаго закона, который несомнѣнно выведетъ полицію изъ апатіи по отношенію къ наблюденію за поднадзорными и превратитъ полицейскій надзоръ изъ формальнаго въ дѣйствительный, уменьшивъ съ другой стороны число проживательствъ по чужимъ и подложнымъ видамъ на жительство.

По замѣчанію частнаго повѣреннаго фонъ-Велька, избраніе мѣста пребыванія лицомъ, освобожденнымъ изъ подъ заключенія, должно производиться такъ, чтобы ему возможно было заработывать свое содержаніе работою, умственною или физическою.

Чины Самарскаго Окружнаго Суда останавливаются на томъ правилѣ ст. 32, въ силу коего поднадзорному предоставляется право избрать мѣсто жительства по своему желанію и даже въ прежнемъ своемъ обществѣ, не спрашивая согласія послѣдняго.—Правило это введено Редакціонною Коммисіею, которая согласилась въ семъ отношеніи съ соображеніями, высказанными Коммисіею Государственнаго Совѣта. Соображенія обѣихъ Коммисій состоятъ въ томъ: во 1-хъ, что государство будетъ обременено попеченіемъ о массѣ людей, освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія; во 2-хъ, что мѣста заключенія на столько будутъ устроены, что осужденные, по возможности, будутъ исправляться и что сохранять за обществомъ право не принимать освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія значило-бы подрывать значеніе и смыслъ тюремнаго преобразованія; въ 3-хъ, что отъ водворенія освобожденныхъ безопасность общественная отнюдь не ставится въ угрожающее положеніе, такъ какъ за обществомъ, въ случаѣ угрожающаго общественной безопасности поведенія наказаннаго, его остается право удалить по его неблагонадежности, и въ 4-хъ, что охраненіемъ общества отъ такого лица будетъ служить тщательный надзоръ со стороны полицейскихъ властей.

Не касаясь лицъ, принадлежавшихъ къ привилегированнымъ сословіямъ, а равно и къ городскимъ жителямъ, чины Окружнаго Суда останавливаются на вопросѣ о возвращеніи поднадзорныхъ въ сельскія общества. Жизненный опытъ не даетъ основаній безусловно согласиться съ соображеніями, приводимыми Коммисіями по этому предмету, именно: 1) неріѣдки примѣры судимости рецидивистовъ, освобожденныхъ изъ исправительныхъ отдѣленій, указываютъ, что нельзя упрекать сельскія общества въ томъ что они отказываютъ всѣмъ отбывшимъ наказаніе въ пріемѣ ихъ въ свою среду, даже въ настоящее время, когда всѣ мѣста заключенія не исправляютъ, а портятъ нравственность заключенныхъ, слѣдовательно, если вновь устроенныя тюремныя заключенія будутъ достигать желаемой цѣли исправленія арестантовъ, то нѣтъ сомнѣнія, что общества не будутъ отказывать имъ въ пріемѣ, и 2) есть много примѣровъ того, что осужденный, при испорченности нравственности, былъ на столько опасенъ, что удаленіе его изъ общества было успокоеніемъ отъ тревогъ, причиняемыхъ обществу. Возвращеніе такого лица, противу согласія общества, было-бы несправедливостью къ

послѣднему, ничѣмъ неповинному; тѣмъ болѣе, что никакой полицейскій надзоръ не спасетъ общество, если въ возвратившемся, кромѣ порочныхъ наклонностей, проявится еще месть къ тѣмъ членамъ общества, за которыхъ онъ понесъ наказаніе. Кромѣ того, подобнаго рода возвращеніе можетъ породить въ обществѣ стремленіе избавиться отъ водвореннаго къ нимъ порочнаго лица путемъ собственной расправы, такъ нерѣдко случающейся нынѣ съ ворами и конокрадами. Поэтому Самарскій Окружный Судъ полагалъ-бы при освобожденіи поднадзорнаго одновременно требовать, какъ отъ него указанія мѣста жительства, такъ и согласія прежняго общества на пріемъ его, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы отстранить произволъ общества, постановить, чтобы общество, въ случаѣ отказа отъ принятія, подробно излагало доводы, побуждающіе на непринятіе въ свою среду поднадзорнаго и, если эти доводы окажутся неуважительными, то поднадзорнаго водворять въ прежнее мѣсто жительства, если онъ того пожелаетъ.

По замѣчанію Сенатора А. К. Фриде, въ мотивахъ къ ст. 32 проекта вовсе упущено разрѣшеніе одного, весьма существеннаго, вопроса, который, немедленно-же по введеніи проекта въ дѣйствіе возникнетъ, если редакція ст. 32 будетъ оставлена въ настоящемъ ея видѣ. Этотъ вопросъ именно заключается въ томъ, *на чей счетъ* совершается пересылка поднадзорнаго въ избранное имъ мѣсто жительства? Если *первоначальная* пересылка можетъ быть совершена на счетъ правительства (на счетъ какого вѣдомства?), то послѣдующіе переѣзды изъ избраннаго поднадзорнымъ жительства, конечно, могутъ совершаться *только на его собственный счетъ*, ибо иначе придется открыть особый кредитъ государственнаго казначейства *«на путешествіе и экскурсіи»* по Россіи лицъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи. Поэтому въ дополненіе къ 2 п. ст. 32, слѣдуетъ сказать:

«Пересылка поднадзорнаго въ избранное имъ или въ назначенное ему высшею губернскою властью мѣсто жительства совершается на счетъ казны».

Въ четвертой-же части ст. 32 г. Фриде полагалъ-бы сказать: «переѣздъ въ другое мѣсто жительства *на счетъ самого поднадзорнаго*» и т. д.

---

3 отдѣлъ 32 ст. слѣдовало-бы, по мнѣнію чиновъ Калужской прокуратуры, дополнить тѣмъ, что поднадзорный, не имѣющій собственныхъ средствъ для переѣзда на мѣсто жительства, можетъ, если пожелаетъ, быть отправленъ этапнымъ порядкомъ.

Прокурорскій надзоръ Сарапульскаго Окружнаго Суда замѣчаетъ по, 32 ст., устанавливая полицейскій надзоръ надъ отбывшими извѣстныя наказанія, главнѣйшимъ образомъ имѣетъ въ виду общественную безопасность (стр. 98 объяснительной записки), но, съ другой стороны, вслѣдствіе заботы о судьбѣ поднадзорнаго, она вводитъ такія ограниченія, которыя дѣлаютъ этотъ надзоръ почти призрачнымъ: такъ, прежде всего, учрежденіе полицейскаго надзора не на мѣстѣ жительства поднадзорнаго, гдѣ его знаютъ и за наблюденіе за нимъ легче, значительно ослабляетъ эту мѣру съ точки зрѣнія общественной безопасности. Установленіе ничѣмъ немотивированнаго полугодичнаго срока проживанія поднадзорнаго въ извѣстномъ мѣстѣ для того, чтобы получить право на дальнѣйшее передвиженіе, страдаетъ слишкомъ большимъ недостаткомъ. Тяжелое положеніе «поднадзорнаго» всѣмъ извѣстно. По отбытіи наказанія, поднадзорный, поселившись въ избранной имъ, или назначенной, по распоряженію администраціи, мѣстности, можетъ остаться безъ работы, потому что ея нѣтъ, или потому что его опасаются принять, какъ состоящаго подъ надзоромъ полиціи. Такимъ образомъ поднадзорный долженъ жить безъ всякихъ занятій въ теченіе полугода или ожидать отъ губернской администраціи на отлучку разрѣшенія, которое онъ можетъ получить также не скоро, когда уѣздный городъ отъ губернскаго находится въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ; поэтому не представляется основательнымъ стѣснять свободу передвиженія поднадзорнаго, который, не имѣя средствъ къ существованію, можетъ озлобиться и скорѣе рѣшиться сдѣлать новое преступленіе, чтобы попасть опять въ тюрьму на казенные хлѣба, чѣмъ голодать въ ожиданіи окончанія назначеннаго ему срока для жительства въ извѣстной мѣстности; достаточно обязать поднадзорнаго не отлучаться безъ вѣдома полиціи и предъявлять ей свой видъ въ тотъ-же день, когда онъ прибудетъ, съ отвѣтственностью за неисполненіе сего требованія по 29 ст. устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Чины Ярославской Прокуратуры замѣчаютъ, что ст. 32 и друг., упоминающія о высшей губернской власти, совершенно не разъясняютъ, что такое высшая губернская власть? Въ числѣ указанныхъ во 2 т. мѣстъ и лицъ губернскихъ сдѣлано раздѣленіе на высшіе и низшіе по отношенію одного къ другому, а не вообще, и если по отношенію къ лицамъ можно еще пожалуй руководствоваться классомъ ихъ должностей, то по отношенію къ мѣстамъ и этого различія сдѣлать невозможно (ст. 20 и 21 т. II ч. 1 свод. зак.).

Признавать высшею губернскою властью въ губерніи губернское прав-

леніе—это анахронизмъ, потерявшій уже причину бытія. Съ другой стороны, помѣщеніе самыхъ правилъ объ осуществленіи полицейскаго надзора въ уложеніи о наказаніяхъ позволяетъ предполагать, что законъ подъ высшею губернскою властью подразумѣваетъ Окружный Судъ, или Прокурора Суда. Поэтому, взамѣнъ выраженія этого, слѣдовало-бы точно указать, отъ кого зависитъ разрѣшеніе поднадзорному переѣзда въ другое мѣсто. Съ другой стороны, весьма неправильными являются проектируемые Коммисіею, какъ то видно изъ содержанія ст. 32, особые паспорты для поднадзорныхъ. Такимъ образомъ, законъ сохраняетъ тотъ-же волчій паспортъ, тотъ-же желтый билетъ, клеймящій обладателей ихъ и лишающій ихъ возможности пристроиться, заработать кусокъ хлѣба, а потому нерѣдко заставляющій человѣка вновь впадать въ преступленія.

Статья 33.

Отбывшій наказаніе лишеніемъ свободы, но лишенный означенныхъ въ статьѣ 27 правъ, или отданный подъ надзоръ полиціи, можетъ ходатайствовать, въ ближайшемъ къ его мѣсту жительства окружномъ судѣ, о возстановленіи правъ или о снятіи съ него полицейскаго надзора, если прошла половина назначеннаго судомъ срока лишенія правъ или полицейскаго надзора, и притомъ ходатайствующій прожилъ въ послѣднемъ мѣстѣ жительства не менѣе двухъ лѣтъ и имѣетъ свидѣтельство о хорошемъ поведеніи отъ мѣстной полиціи и отъ мѣстнаго городскаго или сельскаго управленія.

По замѣчанію профессора Гольцендорфа, статья эта заслуживаетъ одобренія, но слѣдовало-бы выразить въ законѣ, что всякой просьбѣ о возстановленіи правъ должно быть даваемо движеніе, и, кромѣ того, указать, кому будетъ принадлежать рѣшеніе вопроса. Будетъ-ли это дѣломъ судебной власти, администраціи, или актомъ Высочайшей милости?

По замѣчанію профессора Лукини, постановленіе ст. 33 не согласуется съ предъидущими статьями, такъ какъ оно отчасти предоставляетъ суду право отмѣнять распоряженія администраціи. Гдѣ юридическіе критеріи, на осно-

ваніи которыхъ будетъ производиться это вмѣшательство, и руководствуясь которыми судья будетъ постановлять свое рѣшеніе?

33-я статья идетъ, по мнѣнію г. фонъ-Резона, слишкомъ далеко по пути гуманности и смягченія наказанія. Мотивъ Коммисіи, что было-бы несправедливо не предоставить преступнику, вполнѣ раскаявшемуся и загладившему свою вину хорошимъ поведеніемъ, возможность уменьшить срокъ разнаго рода ограниченій, напоминающимъ ему его прошлое,—едва-ли убѣдителенъ. Прежде всего, самое юридическое основаніе этого смягченія, если о такомъ вообще можно говорить,—несостоятельно. Одно хорошее поведеніе никакъ преступнаго дѣянія загладить не можетъ; несомнѣнно, что поведеніе Юшкевцева, Рыкова и др. будетъ весьма хорошее, но слѣдуетъ ли изъ этого, что нужно поскорѣе уничтожить ограниченія, напоминающія объ ихъ прошлыхъ. Но и помимо этого, кажется, что одно и то же обстоятельство можетъ служить только одинъ разъ къ уменьшенію или увеличенію наказанія: здѣсь однако оказывается совершенно другое; хорошее поведеніе служитъ и каторжнику и заключенному въ заточеніе: 1) для уменьшенія срока каторги, 2) для уменьшенія срока поселенія, 3) для уменьшенія срока послѣдствій. Это юридически столько же правильно, какъ уменьшеніе наказанія въ виду сознанія подсудимаго на дознаніи, на предварительномъ слѣдствіи и на судѣ (по улож.), не на двѣ, а на шесть степеней. Правило non bis in idem должно быть примѣнено и здѣсь, хотя въ обратномъ смыслѣ. Но, сверхъ того, фонъ-Резонъ не видитъ и практическихъ соображеній, говорящихъ въ пользу предложеннаго ст. 33 смягченія. Наказаніе должно быть зломъ для преступника и таковымъ должно и остаться. Несомнѣнно, что это весьма непріятно и для него, но нужно быть гуманнымъ не только относительно преступника, но и относительно порядочныхъ людей; наконецъ не понятно, какими доказательствами суды будутъ убѣждаться въ исправленіи и раскаяніи преступника. Неужели свидѣтельства полиціи или общества о хорошемъ поведеніи есть достаточная гарантія?

По всему этому онъ полагалъ-бы заключающееся въ 33 ст. правило, которое, сколько извѣстно г. фонъ-Резону, не встрѣчается ни въ одномъ иностранномъ законодательствѣ, совершенно исключить изъ проекта. Кромѣ этого, и самая редакція 33 ст. не можетъ быть одобрена: 1) прежде всего спрашивается: какъ слѣдуетъ понимать слова «отбывшій наказаніе лишеніемъ свободы»; составляетъ-ли поселеніе послѣдствіе каторги и заточенія или часть этихъ наказаній? Смотря по отвѣту, и ст. 33 получаетъ разный смыслъ. Разумѣется, что явившееся здѣсь сомнѣніе можетъ быть устранено не только

вами, а только новою редакціею 33 ст.; 2) едва-ли удачно постановленіе, что упомянутыя въ 33 ст. ходатайства разрѣшаетъ *ближайшій* окружный судъ. Какое-же дѣло Екатеринбургскому суду до преступниковъ, жившихъ въ Приморской области; возможно-ли ему судить о степени уважительности ходатайства? Поэтому, за неимѣніемъ въ данной мѣстности окружнаго суда, обязанность его слѣдовало-бы возложить на мѣстные суды. Кромѣ того, слово «ближайшій» вызываетъ сомнѣнія; напр., Курмышскій уѣздъ Симбирской губерніи ближе къ Нижнему, чѣмъ къ Симбирску, слѣдовательно изъ этого уѣзда слѣдуетъ обратиться въ Нижегородскій судъ. Но несомнѣнно, что ему еще труднѣе повѣрить основательность ходатайства, чѣмъ Симбирскому; 3) едва-ли цѣлесообразно предоставить снятіе полицейскаго надзора судамъ; онъ налагается, согласно 31 ст., высшею губернскою властью; поэтому ей и должно быть предоставлено право снятія. Это необходимо уже потому, что суду не могутъ быть извѣстны мотивы, коими руководствовалась въ свое время администрація и которые могутъ существовать и въ то время, когда, по имѣющимся въ судѣ свѣдѣніямъ, снятіе полицейскаго надзора кажется возможнымъ. Кромѣ того, съ практической, провинціальной точки зрѣнія, не можетъ быть сомнѣнія, что предоставленіе судамъ права отмѣнять распоряженія администраціи будетъ весьма обильнымъ источникомъ самыхъ непріятныхъ пререканій. Казалось-бы болѣе правильнымъ исходатайствовать сначала согласіе администраціи на снятіе полицейскаго надзора, а затѣмъ обратиться съ просьбою о возстановленіи правъ въ судѣ.

Г. Арс. Лонгиновъ (Судебная Газета 1883 г., № 22) замѣчаетъ, что ст. 33, предоставляя отбывшимъ наказаніе ходатайствовать о возстановленіи правъ и снятіи полицейскаго надзора, не даетъ суду прямаго полномочія на удовлетвореніе ходатайства. Подобный пробѣлъ едва-ли умѣстенъ въ законѣ. Ходатайствовать о возстановленіи правъ предоставляется отбывшему наказаніе *лишеніемъ свободы*. Такъ какъ: а) теченіе опредѣленнаго судомъ срока лишенія правъ начинается съ момента отбытія наказанія; б) подъ отбывшими наказаніе лишеніемъ свободы разумѣются въ 33 ст. не только содержавшіеся въ мѣстахъ заключенія, но и находившіеся на поселеніи, на которыхъ Комиссія распространяетъ проектированную льготу возстановленія правъ (объясн. зап. стр. 101), и в) поселеніе нельзя подвести подъ понятіе наказанія лишеніемъ свободы, предполагающимъ непремѣнно содержаніе въ какомъ-либо мѣстѣ заключенія, то и выраженіе *отбывшій наказаніе лишеніемъ свободы* оказывается неправильнымъ, подавая поводъ относить его къ окончанію заключенія въ каторжной тюрьмѣ, крѣпости и исправительномъ домѣ, въ проти-

ворѣчіе съ приводимымъ Коммисіей равенствомъ положенія всѣхъ поселянъ по отношенію къ льготѣ оставленія обязательнаго для нихъ мѣстопребыванія (2 ч. 21 ст.). Ходатайство должно быть направлено *въ ближайшій къ мѣстожительства осужденнаго* окружный судъ. Правило это не имѣетъ съ общими правилами подсудности. Напр., живущему въ сѣверной части района Тамбовскаго Окружнаго Суда, постановившаго приговоръ, пришлось-бы обратиться съ просьбою о возстановленіи правъ въ Рязанскій Окружный Судъ. Вмѣсто ожидаемаго удобства, проектированное правило породило-бы неизбѣжную переписку, ибо безъ сношенія съ мѣстнымъ (Тамбовскимъ) прокуроромъ и Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ, гдѣ сосредоточивались-бы всѣ свѣдѣнія по исполненію приговора, Рязанскій судъ не могъ-бы приступить къ разрѣшенію ходатайства, да и вообще разрѣшеніе такихъ домогательствъ по весьма естественнымъ причинамъ, было-бы сопряжено съ значительными затрудненіями и нерѣдко возникали-бы даже сомнѣнія и пререканія о томъ, какому суду подлежитъ разсмотрѣніе дѣла. Поэтому проектированный порядокъ возстановленія правъ, зависящаго нынѣ отъ Верховной Власти (ст. 1 т. IX свод. зак.), долженъ быть отвергнутъ.

По поводу ст. 33 проекта, предсѣдательствующій въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества В. Д. Спасовичъ сообщилъ: 1) что, при обсужденіи ея, Комитетъ Общества призналъ необходимымъ измѣнить редакцію 3-й строки, и именно: слова «въ ближайшемъ окружномъ судѣ», замѣнить словами: окружномъ или соотвѣтствующемъ, по степени, окружному—судѣ, въ округѣ коего поднадзорный имѣетъ мѣстожительство»; 2) что по вопросу о томъ, какія аттестаціи долженъ представить требующій освобожденія отъ полицейскаго надзора, мнѣнія въ Комитетѣ раздѣлились. Одни требовали только отъ полиціи,—другіе, по проекту, отъ полиціи и городскаго и сельскаго общества,—третьи, наконецъ, не требовали никакихъ аттестацій.

А. Ф. Кони, обращаясь къ порядку, въ которомъ состоящій подъ надзоромъ долженъ ходатайствовать о льготахъ, предоставляемыхъ 33 ст. проекта, находилъ, что требованіе удостовѣренія о добромъ поведеніи отъ мѣстной полицейской власти и отъ городскаго или сельскаго управленія, представляется стѣснительнымъ и нецѣлесообразнымъ. Оно можетъ на практикѣ подать поводъ къ разнымъ поборамъ и притѣсненіямъ особливо со стороны сельскаго начальства, т. е., въ сущности, со стороны волостнаго писаря. Самыя хлопоты объ исходатайствованіи этого свидѣтельства могутъ быть тяжелы и вводить въ напрасные расходы. Не лучше-ли предоставить обращаться съ такой просьбой къ прокурору, который самъ соберетъ всѣ необходимыя свѣ-

дѣнія изъ всѣхъ источниковъ, находящихся въ его распоряженіи, и со своимъ заключеніемъ будетъ вносить ходатайство объ уменьшеніи кары на разсмотрѣніе окружнаго суда. Этотъ порядокъ былъ-бы цѣлесообразнѣе, особливо если обязать прокурора вносить такія ходатайства, во всякомъ случаѣ, на разрѣшеніе суда.

Н. И. Цуканов, *Н. Д. Сергіевскій* и *П. А. Александровъ* замѣтили на это предложеніе, что судьба ходатайствъ о возстановленіи права передвиженія будетъ поставлена въ полную зависимость отъ прокурора.

А. Н. Турчаниновъ, указавъ, что предоставленіе права вчинанія ходатайствъ объ освобожденіи отъ надзора, только черезъ прокурора, можетъ вызвать затрудненія, которыя сдѣлаютъ безцѣльнымъ самый законъ. По его мнѣнію, необходимо установить оба способа представленія ходатайствъ непосредственно и черезъ прокурора.

В. К. Случевскій замѣтилъ, что ст. 33 проекта, требуя отъ желающаго освободиться отъ полицейскаго надзора, въ оправданіе его ходатайства, представленія суду однихъ только письменныхъ аттестацій отъ полиціи и городскаго сельскаго управленія, вводитъ въ законодательство начало формальныхъ доказательствъ. Поэтому онъ предложилъ исключить двѣ послѣднія строки 33 ст.

Н. Д. Сергіевскій возразилъ на это замѣчаніе, что требуемыя аттестаціи не доказательство, а лишь поводъ къ начатію дѣла.

В. К. Случевскій замѣтилъ, что поводъ къ начатію дѣла есть моментъ процессуальный и не можетъ быть включаемъ въ матеріальный кодексъ. Да и не къ чему стѣснять судъ оцѣнкою письменныхъ свидѣтельствъ.

По произведенномъ голосованіи: 1) измѣненіе редакціи 3 строки ст. 33, предложенное Комитетомъ, принято собраніемъ; 2) измѣненіе редакціи ст. 33, предложенное А. Ф. Кони, съ поправкою А. Н. Турчанинова, принято большинствомъ 18 голосовъ.

А. Н. Турчаниновъ указалъ, что условіе, выставляемое ст. 33, «для права ходатайства о снятіи надзора, прожить въ послѣднемъ мѣстѣ жительства», представляетъ собою стѣсненіе крайне неосновательное, да и притомъ не совпадаетъ съ ст. 32, предоставляющею право переѣзда изъ однаго мѣстажительства въ другое черезъ полгода. Достаточно представленія доказательствъ хорошаго поведенія. Поэтому онъ предлагалъ исключить изъ статьи: «прожилъ въ послѣднемъ мѣстѣ жительства не менѣе двухъ лѣтъ». Это предложеніе не было принято собраніемъ.

По мнѣнію Статсъ-Секретаря Яневича-Яневскаго, ст. 33 содержитъ в себѣ постановленіе не только совершенно новое, идущее въ разрѣ съ принципомъ раздѣленія властей и дѣйствующимъ правомъ (Улож. ст. 165, Воин. и Воен. Мор. уст. о наказ., ст. 95), но и такое, котораго нигдѣ не существуетъ. Функція, которою здѣсь облекается судъ,—принимать и окончательно разрѣшать ходатайства о смягченіи или отмѣнѣ послѣдствій наказанія,—должна принадлежать и вездѣ принадлежитъ не суду, а исполнительной власти. По французскому закону 3 Іюля 1852 г. (Code d' Instr. Crim. ст. 619—634), къ разрѣшенію ходатайствъ подобнаго рода (demandes en réhabilitation) привлекается, правда, и власть судебная; но, во-первыхъ, она даетъ лишь предварительныя заключенія, которымъ предшествуетъ строгое административное дознаніе о личности, способахъ существованія и нравственномъ поведеніи просителя во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ проживалъ со времени отбытія имъ наказанія, а также о томъ, уплатилъ-ли онъ судебныя издержки, пени и денежныя взысканія въ вознагражденіе за вредъ и убытки (если таковыя—были съ него присуждены); и во-вторыхъ, заключенія эти, если они благопріятны для просителя, восходятъ, во всякомъ случаѣ, іерархически, на усмотрѣніе главы государства и не имѣютъ ничего обязательнаго для правительства. При этомъ и такая доля участія судебной власти въ разрѣшеніи упомянутыхъ ходатайствъ признается нѣкоторыми французскими криминалистами излишнею и нецѣлесообразною (Girand. De la surveillance de la haute police et de la réhabilitation, стр. 27). Въ виду сего и тѣмъ какъ разсматриваемое постановленіе проектировано въ дополненіе, отвергаемаго Статсъ-Секретаремъ Яневичемъ-Яневскимъ, условнаго досрочнаго освобожденія заключенныхъ (см. замѣчаніе его на ст. 22), онъ полагалъ-бы ст. 33 изъ проекта исключить, тѣмъ болѣе, что преступнику, искренно раскаявшемуся и загладившему вину свою добрымъ поведеніемъ, и въ настоящее время, по сознанію самихъ редакторовъ проекта (объясн. зап. стр. 101) не закрытъ путь ходатайства о Монаршемъ милосердіи. При существующемъ порядкѣ, какъ видно изъ отчета по Главному Тюремному Управленію за время съ 16 Іюня 1880 по 1-е Января 1882 г. (стр. 67—69), милосердіе это оказывается съ надлежащею разборчивостью и осмотрительностью, въ случаяхъ, дѣйствительно заслуживающихъ уваженія, и какъ всѣ эти случаи повергаются на Высочайшее воззрѣніе, то есть и единство, и правомѣрность въ ихъ разрѣшеніи. Можно-ли ожидать этого при системѣ, предлагаемой проектомъ, когда каждый Окружной Судъ будутъ рѣшать дѣла эти по своему, съ своей точки зрѣнія, и когда, по самымъ условіямъ, опредѣленнымъ въ проектѣ для права ходатайства объ отмѣнѣ послѣдствій понесенныхъ наказаній, правомъ этимъ будутъ одинаково пользоваться всѣ преступники без

разбора, не исключая и самыхъ опасныхъ рецидивистовъ, такъ какъ проектъ въ этомъ отношеніи не дѣлаетъ никакого различія. Притомъ надлежитъ еще сообразить, въ какой степени удобно обременять Окружные Суды дѣлами, совершенно не соотвѣтствующими прямому ихъ назначенію.

Старшій Предсѣдатель Кіевской Судебной Палаты, Сенаторъ И. Н. Орловъ сомнѣвается въ необходимости ст. 33 проекта, при опредѣленіи новымъ уложеніемъ наказаній, болѣе соотвѣтствующихъ преступленію, при предоставленіи суду большаго простора въ назначеніи наказаній сообразно со всѣми обстоятельствами дѣла, при предстоящемъ улучшеніи тюремъ и наконецъ при установленіи досрочнаго освобожденія такихъ заключенныхъ, которые будутъ того заслуживать своимъ поведеніемъ и трудолюбіемъ, будутъ кажется вполнѣ достаточно соблюдены всѣ цѣли и гуманности и справедливости, и потому 33 ст. проекта представляется излишнею. Сверхъ сего, эта статья вызоветъ въ Окружныхъ Судахъ новый и притомъ весьма обширный родъ дѣлъ, весьма затруднительныхъ къ своему разрѣшенію по невозможности собрать положительныя и достаточно убѣдительныя доказательства хорошаго поведенія поднадзорныхъ. Всѣ, нынѣ установленныя доказательства этого рода, упоминаемыя и въ текстѣ статьи, именно—свидѣтельства полиціи, представляются и мало доказательными, и притомъ свидѣтельствующими объ отрицательныхъ фактахъ, т. е. о томъ, что объ извѣстномъ лицѣ не возникало дѣлъ, вредящихъ его репутаціи. Достоинство свидѣтельствъ этого рода, выдаваемыхъ полиціею или сельскимъ управленіемъ, какъ извѣстно изъ практики, ничтожно; городское-же управленіе даже и не имѣетъ права выдачи таковыхъ свидѣтельствъ, ибо оно завѣдуетъ лишь хозяйственными дѣлами города. Поэтому понятно, что окружные суды, если-бы имъ пришлось рѣшать и притомъ не формально только, а сознательно, вопросы о досрочномъ возвращеніи осужденному правъ, будутъ затруднены основывать свои рѣшенія на такихъ свидѣтельствахъ; потребуется новый особый родъ слѣдствій о поведеніи поднадзорнаго, но и самымъ слѣдствіемъ едва-ли можно достигнуть достаточныхъ въ этомъ отношеніи результатовъ.

Вполнѣ сознавая гуманность постановленія означенной статьи и послѣдовательность внесенія ея въ проектъ уложенія, при взглядѣ на наказаніе какъ на такую уголовную кару, которая, кромѣ возмездія за причиненное зло, должна еще вліять на преступника и побуждать его къ раскаянію и исправленію, чему, конечно, можетъ способствовать то обстоятельство, что

онъ имѣетъ въ виду надежду и возможность хорошимъ поведеніемъ освободиться отъ стѣснительныхъ послѣдствій наказанія и возвратить себѣ утраченныя права, собраніе чиновъ прокуратуры Кіевской Судебной Палаты тѣмъ не менѣе высказалось противъ 33 ст., по той причинѣ, что заключающееся въ ней постановленіе почти неосуществимо на практикѣ и поставитъ судъ въ большое затрудненіе.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ судъ, при полномъ желаніи добросовѣстно выполнить возложенную на него этою статьею обязанность, осуществить послѣднюю, когда опредѣленія его по этому предмету будутъ поставлены въ полную и исключительную зависимость отъ того, выдадутъ или не выдадутъ преступнику чины полиціи и городскаго или сельскаго управленія свидѣтельство о хорошемъ поведеніи. При безконтрольности такой аттестаціи, рѣшеніе вопроса о возстановленіи правъ преступника фактически будетъ принадлежать административной власти, а опредѣленіе суда является лишь формальностью, покрывающею весьма возможныя притомъ злоупотребленія со стороны низшихъ чиновъ администраціи. Между тѣмъ, такія злоупотребленія со стороны упомянутыхъ чиновъ составляютъ въ настоящее время почти обыденное явленіе и въ этомъ отношеніи достаточно указать на способъ составленія мірскихъ приговоровъ о принятіи или непринятіи сельскимъ обществомъ въ свою среду осужденныхъ къ извѣстнаго рода наказаніямъ, содержаніе каковыхъ приговоровъ часто зависитъ отъ угощенія, предложеннаго обществу заинтересованными въ этомъ дѣлѣ лицами.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній, собраніе пришло къ заключенію о необходимости исключенія 33 ст. изъ проекта уложенія.

Ставропольскій Окружный Судъ находитъ, что 33 ст. безусловно должна быть исключена изъ проекта. Постановленіе этой статьи представляется совершенно излишнимъ, въ виду возможности для всякаго исправившагося преступника обращаться къ Монаршему милосердію съ просьбой о помилованіи.

Чины прокурорскаго надзора Ставропольскаго Окружнаго Суда находятъ, что постановленіе 33 ст. проекта по меньшей мѣрѣ преждевременнымъ: свидѣтельство мѣстныхъ полицій и сельскихъ управленій, долженствующее служить основаніемъ для суда при обсужденіи ходатайства о возстановленіи правъ или о снятіи полицейскаго надзора, составитъ лишь новый источникъ для злоупотребленій. Притомъ законъ этотъ создастъ и немаловажныя про-

суальныя затрудненія. Должно-ли упомянутое свидѣтельство имѣть обязатель-ное значеніе для суда или-же судъ будетъ вправѣ назначить особое изслѣдо-ваніе? Въ первомъ случаѣ, какія гарантіи достовѣрности и истинности изло-женнаго въ свидѣтельствѣ будутъ въ виду суда, и не противорѣчитъ-ли обязательность свидѣтельства принципу свободнаго убѣжденія суда? А во второмъ, не создаетъ-ли это новый кругъ дѣятельности для судовъ, вовсе не предусмотрѣнный уст. угол. судопр.? По этимъ соображеніямъ, наэванные лины полагали-бы ст. 33 исключить изъ проекта.

Предсѣдатель Нѣжинскаго Окружнаго Суда Ланге полагаетъ, что ст. 33 и 34, имѣя значеніе больше процессуальное, не должны входить въ кодексъ матеріальнаго уголовнаго права.

По мнѣнію Прокурора Харьковской Судебной Палаты Закревскаго, въ ст. 33 изложено правило, которое породитъ чисто формальныя производства, лишенныя всякаго внутренняго значенія. Не касаясь, съ теоретической точки зрѣнія, вопроса о томъ, слѣдуетъ-ли вообще допускать возстановленіе правъ, которыхъ осужденный лишенъ по суду, г. Закревскій полагаетъ, что самое производство въ окружномъ судѣ объ этомъ предметѣ, а также и о снятіи полицейскаго надзора сведется къ совершенно формальному дѣйствію, при которомъ все будетъ зависѣть отъ пріобрѣтенной неизвѣстно какими путями аттестаціи полиціи или мѣстнаго городскаго или сельскаго управленія. Какую роль приэтомъ будетъ играть судъ кромѣ чисто формальной? Какими средствами онъ будетъ провѣрять правдивость выданныхъ административ-ными властями свидѣтельствъ? Сколько разъ можетъ одно и то-же лицо, въ случаѣ отказа, возбуждать подобное производство? Такіе вопросы уже сами о себѣ указываютъ на непрактичность предложеннаго Коммисіею правила, которое могло-бы быть сведено только развѣ къ предоставленію высшей губернской власти снимать при хорошемъ поведеніи полицейскій надзоръ, если прошла половина назначеннаго судомъ срока его.

Прокуроръ Полтавскаго Окружнаго Суда Люце полагаетъ, что ст. 33 слѣдовало-бы исключить изъ уложенія о наказаніяхъ, потому что разсмо-трѣніе вопроса о возвращеніи кому-либо правъ положительно не можетъ быть отнесено къ дѣятельности окружныхъ судовъ. Эта статья, притомъ, не указываетъ, чѣмъ долженъ руководиться судъ при возвращеніи осужденному изъ правъ; если только свидѣтельствомъ о хорошемъ поведеніи, выдаваемымъ

полиціею или обществомъ, то не правильнѣе-ли было-бы предоставить административнымъ учрежденіямъ и самое возвращеніе осужденному его прав. Это возвращеніе представляется дѣйствіемъ совершенно несудебнымъ: судъ не имѣетъ никакой возможности провѣрить раскаяніе просителя и его хорошее поведеніе; при опредѣленіи наказанія, судъ провѣрилъ виновность виновнаго путемъ предварительнаго и судебнаго слѣдствія, но нелишнимъ было-бы производить снова слѣдствіе для провѣрки заявленія просителя о раскаяніи и хорошемъ поведеніи. Подобно тому, какъ досрочное освобожденіе осужденнаго изъ заключенія совершенно предоставлено административной власти, надлежало-бы предоставить ей-же и досрочное возвращеніе осужденному его правъ, по удостовѣреніи въ томъ, что онъ своимъ хорошимъ поведеніемъ заслужилъ пользованіе этими правами (*).

По поводу заключающагося въ ст. 33 правила о сокращеніи срока полицейскаго надзора ближайшимъ къ мѣсту жительства осужденнаго судебными чины Черниговскаго Окружнаго Суда и мѣстной прокуратуры замѣчаютъ, что правило это не имѣетъ достаточныхъ основаній въ виду того, что если сокращеніе болѣе существенной части наказанія лишенія свободы предоставляется въ нѣкоторыхъ случаяхъ Главному Тюремному Управленію, какъ учрежденію административному, то нѣтъ основаній не предоставить той-же власти и сокращеніе сроковъ полицейскаго надзора, тѣмъ болѣе, что судъ, къ коему подобное ходатайство будетъ обращено, согласно правилу, изображенному въ означенной 33 ст., поставленъ въ полную зависимость отъ того, выдастъ или не выдастъ полиція,—слѣдовательно опять-таки администрація,—ходатайствующему свидѣтельство о хорошемъ поведеніи, а при такомъ условіи постановленіе суда о сокращеніи надзора или отказѣ въ немъ обратится въ пустую, но стѣснительную формальность.

(*) Неосновательно называть такое возвращеніе осужденному пользованія его правами «возстановленіемъ его правъ». Возстановленіе правъ, дѣйствительно, можетъ быть сдѣлано только судомъ, но подъ этимъ подразумѣвается не прощеніе осужденнаго, а пересмотръ его процесса, признаніе судомъ, что осужденный былъ приговоренъ къ наказанію по судебной ошибкѣ, что онъ, по справедливости, вовсе не подлежалъ лишенію правъ и что поэтому онъ долженъ быть возстановленъ въ *принадлежащихъ ему* правахъ. Но съ этимъ ничего не имѣетъ общаго возвращеніе осужденному пользованія его правами, предусмотрѣнное 27 ст. уложенія, ибо, въ этомъ случаѣ, даруемыя ему права не принадлежатъ ему, не только въ силу судебнаго приговора, но и по всей справедливости, т. е. въ силу справедливаго судебнаго приговора. Въ этомъ случаѣ нѣтъ повода къ пересмотру процесса объ осужденномъ и потому нѣтъ основанія возвращать ему пользованіе его правами, непремѣнно путемъ судебной процедуры.

Статью 33-ю, по мнѣнію прокуратуры Казанской Судебной Палаты, слѣдовало-бы раздѣлить на двѣ части, оставивъ для просьбъ о возстановленіи правъ, означенныхъ въ 27 ст. проекта, тотъ порядокъ, который проектируется. Но для снятія полицейскаго надзора порядокъ этотъ не выдерживаетъ критики. Съ одной стороны, онъ не совсѣмъ послѣдователенъ по отношенію къ администраціи, съ другой, не обезпечиваетъ правильности исхода вопроса и по отношенію къ осужденному. По проекту (ст. 31), администраціи предоставлено громадное право—право самаго учрежденія въ каждомъ данномъ случаѣ той стѣсняющей въ переходахъ и переѣздахъ мѣры, которая такъ неудачно наименована полицейскимъ надзоромъ, ей предоставлено право, такъ сказать, исполнять или не исполнять въ этой части приговоръ суда, по своему усмотрѣнію. Если признается за ней такое право въ тотъ моментъ, когда осужденный только что оставляетъ мѣсто заключенія, когда, слѣдовательно, сужденіе о поведеніи его само собою замыкается тѣснымъ кругомъ строгой и узкой для человѣка обстановки тюремной жизни и тюремной дисциплины, то какъ-же отнять отъ администраціи право судить собственно о томъ-же, т. е. нужна-ли эта мѣра или нѣтъ, но уже послѣ того, какъ полиція имѣла возможность наблюдать проявленія и наклонности осужденнаго въ болѣе широкой жизни, гдѣ въ поступкахъ своихъ онъ вполнѣ былъ предоставленъ самому себѣ. Зачѣмъ, во-первыхъ, нужно будетъ посредство суда въ томъ случаѣ, когда сама администрація придетъ къ сознанію о возможности освободить извѣстное лицо отъ установленнаго надъ нимъ надзора; и во-вторыхъ, чѣмъ можетъ быть оправдано то ограниченіе, что съ просьбою о снятіи разъ учрежденнаго надзора можно будетъ обращаться не прежде, какъ по прошествіи уже половины поднадзорнаго времени? Разъ вообще мѣра эта ставится въ такое положеніе, что она, по усмотрѣнію администраціи, можетъ примѣняться, можетъ и не примѣняться, то не послѣдовательно лишать администрацію права отказаться отъ нея, ограничивать безусловную необходимость примѣненія ея непремѣнно половиннымъ срокомъ, такъ какъ сама администрація, на основаніи болѣе вѣскихъ данныхъ, чѣмъ тюремный искусъ, можетъ скоро-же придти къ убѣжденію, что первоначальное ея заключеніе было не точно, ошибочно, или-же просто основывалось на фактахъ недостаточныхъ. Въ не менѣе неправильное положеніе поставлена проектомъ и личность осужденнаго. Что въ приговорѣ суда назначается, въ видѣ наказанія, извѣстная мѣра,—въ этомъ не можетъ быть никакого произвола: таковы неизбѣжныя условія закона, постановленныя не о лицѣ, а о преступленіи; условія, эти предназначены для всякаго прежде, чѣмъ онъ явится передъ судомъ. Но когда законъ открываетъ возможность сказать уже извѣстному предѣленному лицу: вы должны подвергнуться по закону такимъ-то послѣд-

ствіямъ, но предварительно будете подвергнуты только одному изъ нихъ, другому, смотря по обстоятельствамъ и по усмотрѣнію извѣстной власти, причѣмъ ни эти обстоятельства, ни основанія этого усмотрѣнія закономъ точно не указываются и, конечно, не могутъ быть и указаны,—тогда вопросъ, а слѣдовательно, и исходъ его переносятся на почву произвола.

Для возможности послѣдняго нѣтъ необходимости предполагать пристрастіе; довольно того, что люди во всѣхъ положеніяхъ остаются людьми несвободными, при оцѣнкѣ извѣстнаго явленія, отдѣлиться отъ субъективныхъ и, до нѣкоторой степени, предвзятыхъ воззрѣній, выработанныхъ у каждаго прежде встрѣчи съ даннымъ явленіемъ, воззрѣній соотвѣтствующихъ собственно, не этому явленію въ точности, а всему кругу явленій извѣстнаго *рода*.

Отсюда односторонность въ воззрѣніяхъ, даже при полной искренности убѣжденій, способная, въ свою очередь, на ошибки и увлеченія. Мысль проекта о необходимости предоставить осужденному право доказать передъ судомъ фактическую несостоятельность стѣсненія его въ извѣстныхъ правахъ разъ вообще стѣсненіе это будетъ предприниматься не безусловно, а по фактическимъ основаніямъ,—мысль въ основаніи своемъ вѣрная. Но въ такомъ случаѣ нельзя-же ставить ни судъ, ни осужденнаго, въ то положеніе въ которое они поставлены проектомъ. Суду предоставлено очень мало простора:—онъ вправѣ снять полицейскій надзоръ только тогда, когда ему будутъ представлены извѣстнаго рода документы, такъ что роль его при этомъ, какъ суда, является и ненужною, и несоотвѣтствующею понятію о судѣ. Еще менѣе резонно требовать отъ осужденнаго, чтобы, протестуя противъ основательности наложеннаго на него ограниченія, онъ доказывалъ его неосновательность мнѣніемъ о немъ той самой власти, иниціативѣ которой принадлежитъ это ограниченіе. Наконецъ, если усвоенный проектомъ порядокъ разрѣшенія вопросовъ о надзорѣ исходитъ только изъ того соображенія, что въ основаніи своемъ онъ принадлежитъ судебному приговору и, потому признается неудобнымъ освобождать отъ него безъ посредства суда, то врядъ-ли это нужно, ибо принципъ въ этомъ смыслѣ гораздо болѣе поколебленъ уже тѣмъ правомъ администраціи, въ силу котораго отъ нея будетъ зависѣть примѣнять или не примѣнять къ дѣйствительности назначенный судебнымъ приговоромъ надзоръ. Да и не въ одномъ этомъ случаѣ проектъ обходитъ судъ и обходитъ, конечно, совершенно основательно: уменьшеніе сроковъ самаго заключенія и избавленіе отъ поселенія совершаются также безъ вѣдома и участія суда, а эти случаи, несомнѣнно, болѣе важны, нежели полицейскій надзоръ. Изъ сказаннаго, такимъ образомъ, слѣдуетъ, что врядъ-ли что можно сказать противъ самой мысли о непримѣненіи полицейскаго

надзора, какъ дополнительнаго наказанія, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ признается ненужнымъ въ отношеніи даннаго лица, а равно и противъ того, что ближайшее сужденіе объ этомъ должно принадлежать не суду, а администраціи. Но притомъ, ей-же должно быть предоставлено право и снять это ограниченіе самостоятельно, не ограничиваясь никакимъ срокомъ. На ряду съ этимъ, въ виду невозможности для закона регламентировать усмотрѣніе администраціи, слѣдуетъ предоставить осужденному право ходатайствовать о снятіи съ него этого ограниченія передъ судомъ, не стѣсняя ни его въ пособахъ доказательствъ, ни судъ въ сужденіи о силѣ оныхъ, и допустивъ даже ссылки въ добропорядочномъ поведеніи на постороннихъ лицъ, объ отзывахъ которыхъ судъ можетъ удостовѣряться чрезъ ту-же полицію. При такомъ порядкѣ, въ осужденныхъ не можетъ образоваться опасное убѣжденіе, что послѣдствія правосудія могутъ падать на нихъ, при однихъ и тѣхъ-же условіяхъ, не одинаково и неравномѣрно, по сравненію съ другими.

Докладчикъ въ совѣщаніи чиновъ С.-Петербургской прокуратуры г. Кильтетъ находилъ болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы ходатайства о возстановленіи правъ и о снятіи полицейскаго надзора разрѣшались не судомъ, а Главнымъ тюремнымъ Управленіемъ, подобно тому какъ этому Управленію предоставлено сокращеніе сроковъ каторги и проч. Докладчикъ поясняетъ свою мысль тѣмъ соображеніемъ, что съ осужденнымъ суду дѣлать болѣе нечего; судъ своевременно сказалъ о немъ свое слово, принявъ на видъ все то, что подлежало его обсужденію. Иначе это былъ-бы какъ-бы новый судебный приговоръ по одному и тому-же дѣлу, причемъ иногда приговоръ суда высшаго былъ-бы замѣняемъ низшимъ судомъ. Совѣщаніе полагало однако необходимымъ сохранить распоряженія о снятіи надзора и возстановленіи правъ за судебною властью, согласившись со сдѣланными замѣчаніями о томъ, что тюремная администрація не имѣетъ никакого отношенія къ поднадзорнымъ (г. Тимофеевскій и Марковъ), и что такая важная функція, какъ возстановленіе правъ, не можетъ быть предоставлена иной власти, какъ верховной въ порядкѣ, указанномъ ст. 63 проекта, и судебной, постановляющей лишеніе правъ (г. (Кичинъ, Тимофеевскій).

По вопросу о томъ, къ какому суду должны быть обращаемы ходатайства о возстановленіи правъ и снятіи надзора,—трое присутствующихъ (г. Тимофеевскій, Кичинъ и Домерщиковъ) высказали, что это право должно принадлежать не окружному суду, по мѣсту жительства поднадзорнаго, а суду, постановившему приговоръ; такимъ образомъ приговоръ Сената о лишеніи правъ можетъ быть отмѣненъ лишь тѣмъ-же присутствіемъ Сената. Одинъ

изъ присутствующихъ (г. Васильевъ) заявилъ, что возстановленіе [illegible] должно быть во всѣхъ случаяхъ оставлено за высшимъ судилищемъ, т. е. за Кассаціоннымъ Сенатомъ, а одинъ (г. Марковъ) находилъ, что ст. 33 проекта должна быть оставлена безъ измѣненій, такъ какъ съ одной стороны слѣдуетъ облегчить для осужденнаго способы возстановить утраченныя [illegible], предоставивъ ему ходатайствовать о семъ въ ближайшемъ судѣ, а съ другой — мѣстный судъ имѣетъ болѣе способовъ провѣрить, насколько такое ходатайство оправдывается поведеніемъ просителя, причемъ, если признаетъ нужнымъ, истребуетъ и подлинное дѣло, по которому послѣдовалъ приговоръ о лишеніи правъ.

Пермская прокуратура останавливается на 33 ст. по сравненію [illegible] другими постановленіями проекта, касающимися исполненія наказаній, именно со ст. 21 и 22. Вопреки этимъ послѣднимъ постановленіямъ, 33 ст. признаетъ за судомъ компетентность въ разрѣшеніи ходатайствъ подлежащихъ о снятіи съ нихъ надзора, тогда какъ въ болѣе важномъ вопросѣ о сокращеніи сроковъ наказанія, вызываемомъ тѣми-же причинами (хорошимъ поведеніемъ), признается компетентною только административная власть.

Одинъ изъ чиновъ Радомскаго Окружнаго Суда предлагаетъ изложить 33 ст. возложеніемъ права отмѣнять полицейскій надзоръ и лишеніе правъ не на судъ, а на администрацію. Судъ рѣшаетъ дѣло на основаніи судебнаго слѣдствія. Трудно допустить, чтобы судъ отбывалъ реабилитаціонную процедуру; исполняя обязанность свою по 33 ст., онъ долженъ былъ-бы всегда безусловно подчиняться мнѣнію администраціи. Въ виду этого, фактически рѣшали-бы вопросъ административныя мѣста, а отвѣтственность за рѣшенія эти падала-бы на судъ.

Чины Уманскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что проектъ [illegible] предоставивъ администраціи право сокращать сроки столь тяжкихъ наказаній, каковы каторга, поселеніе и исправительный домъ, предоставивъ тѣмъ же администраціи право, по ея усмотрѣнію, учреждать или не учреждать въ дѣйствительности надзоръ полиціи, требуетъ затѣмъ вмѣшательства [illegible] въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ полезнымъ сократить сроки лишенія правъ, въ ст. 27 проекта указанныхъ, и полицейскаго надзора.

Мнѣніе названныхъ чиновъ о несостоятельности подобнаго требованія по отношенію надзора полиціи приведено въ замѣчаніи подъ ст. 31.

Но и по отношенію къ лишенію правъ оно едва-ли можетъ быть признано цѣлесообразнымъ.

Судебныя установленія не могутъ имѣть, непосредственно или чрезъ органы имъ подчиненные, никакихъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ и образѣ жизни тѣхъ лицъ, коихъ права они должны будутъ возстановить или съ коихъ они должны будутъ снимать надзоръ полиціи.

Очевидно, что, при постановленіи рѣшеній по этимъ вопросамъ, судебныя установленія вынуждены будутъ довольствоваться тѣми свѣдѣніями и отзывами, кои будутъ доставлены имъ мѣстными представителями полиціи и общества. Такъ оно и въ законѣ указано. Судъ долженъ будетъ только оцѣнить эти отзывы. Но такую оцѣнку, очевидно, съ большимъ удобствомъ можетъ произвести высшая въ губерніи административная власть, такъ какъ мѣста и лица, доставляющія матеріалъ для оцѣнки, непосредственно подчинены этой власти и, стало быть: 1) хорошо ей извѣстны, съ точки зрѣнія своихъ свойствъ и степени достовѣрности своихъ отзывовъ и 2) будутъ, очевидно, осмотрительнѣе въ сношеніяхъ съ своимъ начальствомъ, чѣмъ съ вѣдомствомъ постороннимъ.

Въ виду изложеннаго, представляется, по замѣчанію чиновъ Уманскаго Суда, болѣе удобнымъ права, даваемыя судамъ 33 ст. проекта уложенія, предоставить высшей въ губерніи административной власти.

Раздѣляя вполнѣ гуманное постановленіе 33 ст. проекта, предоставляющее лицу возможность возстановить свое право и избавиться отъ полицейскаго надзора, гибельное значеніе котораго такъ хорошо извѣстно, и. д. Прокурора Новгородскаго Окружнаго Суда Дейтрихъ, тѣмъ не менѣе, находитъ, что принятый въ проектѣ способъ осуществленія означеннаго права, т. е. освобожденія изъ-подъ надзора полиціи, неудобенъ въ практическомъ отношеніи и представляетъ нѣкоторое несогласіе съ другими статьями проекта, предусматривающими болѣе или менѣе аналогичные случаи смягченія наказанія во время отбыванія послѣдняго.

Статьей 33 проекта возлагается на окружные суды новая, до сихъ поръ еще не практиковавшаяся ими и принадлежавшая административной власти, обязанность, невольно бросающаяся въ глаза не только по своей новизнѣ, но и при сопоставленіи ея съ существомъ компетенціи суда. Судъ, по своему назначенію, призванъ судить, и дѣятельность его, при исполненіи приговоровъ, ограничивается лишь разрѣшеніемъ затрудненій и сомнѣній, встрѣчаемыхъ исполнительными органами (955 ст. У. У. С.); въ данномъ же случаѣ на

судъ возлагается распоряженіе, по свойству своему относящееся къ функціямъ административной власти по исполненію приговоровъ.

Въ этомъ отношеніи ст. 33 обращаетъ на себя вниманіе своею непослѣдовательностью, въ сопоставленіи со статьями 21 и 22 того-же проекта изъ коихъ явствуетъ, что тамъ, гдѣ вопросъ о порядкѣ отбытія наложеннаго наказанія прямо касается измѣненія приговора, разрѣшеніе его предоставлено на усмотрѣніе административной власти вполнѣ самостоятельно, безъ всякаго вмѣшательства со стороны суда.

Содержаніе ст. 33 даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что составители проекта не довѣряли администраціи разрѣшеніе вопроса объ освобожденіи изъ-подъ надзора самостоятельно, поставивъ ее въ этомъ отношеніи подъ контроль суда, а между тѣмъ, въ дѣйствительности, на судъ возлагаетъ чисто формальная обязанность, вполнѣ зависимая отъ администраціи. По смыслу статьи 33, судъ, при освобожденіи изъ-подъ надзора, долженъ руководствоваться свѣдѣніями, представленными поднадзорнымъ о поведеніи отъ мѣстной полиціи и отъ мѣстнаго городскаго или сельскаго общества. Весьма понятно, что если полиція или общество не выдадутъ свидѣтельства о хорошемъ поведеніи, то поднадзорный не будетъ имѣть основанія ходатайствовать предъ судомъ объ освобожденіи изъ-подъ надзора и, наоборотъ, если полиція и общество выдадутъ такія свидѣтельства, то суду ничего не останется сдѣлать, какъ освободить просителя изъ-подъ надзора; такимъ образомъ постановленіе суда, въ виду прямо предустановленныхъ въ статьѣ условій освобожденія изъ-подъ надзора полиціи, окажется обязательнымъ. Изъ приведеннаго слѣдуетъ, что дѣятельность суда, въ данномъ случаѣ, будетъ совершенно пассивнаго свойства, зависимая отъ администраціи, и, безъ сомнѣнно, обратится въ пустую канцелярскую формальность. Съ другой стороны, подобная обязанность будетъ для суда довольно обременительною, потому что, хотя ходатайство объ освобожденіи изъ-подъ надзора предоставлено поднадзорному факультативно, но, само собою разумѣется, ни одинъ изъ нихъ не преминетъ воспользоваться этимъ правомъ, а такихъ поднадзорныхъ можетъ быть значительное количество и разрѣшеніе просьбъ ихъ объ освобожденіи изъ-подъ надзора отниметъ понапрасну много времени у суда.

Казалось-бы послѣдовательнѣе и удобнѣе было предоставить освобожденіе изъ-подъ надзора полиціи всецѣло на разрѣшеніе административной власти, тѣмъ болѣе, что самое дѣйствительное назначеніе полицейскаго надзора поставлено проектомъ въ зависимость отъ усмотрѣнія высшей губернской власти (ст. 31 проекта и объясненіе Редакціонной Коммисіи на стран. 100 об.).

Послѣднее постановленіе еще болѣе убѣждаетъ г. Дейтриха въ не-

таточномъ согласованіи статей проекта, исходящихъ, по видимому, изъ раз-ичныхъ, противоположныхъ основаній. По предписанію ст. 31 проекта, азначеніе надзора является мѣрою не обязательною, а факультативною; судъ ь своемъ приговорѣ только даетъ право назначить полицейскій надзоръ по гбытіи главныхъ наказаній, дѣйствительное-же его учрежденіе будетъ зави-ѣть отъ усмотрѣнія высшей губернской власти, которая при этомъ предва-ительно выслушиваетъ мнѣніе тюремнаго управленія, имѣвшаго возможность олѣе близко ознакомиться съ арестантомъ во время пребыванія его въ тюрьмѣ , слѣдовательно, могущаго дать болѣе точныя указанія о необходимости наз-аченія за нимъ надзора. Между тѣмъ, по ст. 33 проекта, прекращеніе чрежденнаго такимъ образомъ, по усмотрѣнію администраціи, полицейскаго адзора требуетъ постановленія суда.

Вполнѣ раздѣляя мнѣніе Редакціонной Коммисіи о необходимости предо-тавить осужденнымъ право ходатайствовать, по истеченіи указаннаго въ этой атьѣ срока, о возстановленіи правъ или о снятіи полицейскаго надзора, и ринимая вмѣстѣ съ тѣмъ во вниманіе, во-первыхъ, что окружные суды чреждены не повсюду и что едва-ли можно ожидать введенія ихъ въ ближай-емъ будущемъ въ Сибири или въ мѣстностяхъ, населенныхъ исключи-ельно инородцами, и во-вторыхъ, что судебныя учрежденія не должны быть тѣснены въ выборѣ доказательствъ хорошаго поведенія осужденныхъ, пред-тавляемыхъ ими въ подтвержденіе ходатайствъ о возстановленіи правъ и сня-ія полицейскаго надзора,—совѣщаніе чиновъ Варшавской прокуратуры, по ольшинству голосовъ, нашло, что ст. 33 должна быть измѣнена въ слѣдую-емъ видѣ:

Отбывшій наказаніе лишеніемъ свободы, но лишенный означенныхъ въ т. 27 правъ или отданный подъ надзоръ полиціи, можетъ ходатайствовать ь ближайшемъ къ его мѣсту жительства окружномъ судѣ, а гдѣ таковаго ѣтъ, то въ равномъ ему судебномъ установленіи, о возстановленіи правъ ли о снятіи съ него полицейскаго надзора, если прошла половина назначен-аго судомъ срока лишенія правъ или полицейскаго надзора и притомъ хода-айствующій прожилъ въ послѣднемъ мѣстѣ жительства не менѣе двухъ лѣтъ представилъ доказательство о своемъ хорошемъ поведеніи.

Кромѣ того, одинъ изъ членовъ совѣщанія замѣтилъ, что встрѣчаетъ въ т. 33 противорѣчіе со статьями 21 и 22, заключающееся, по его мнѣнію, ъ томъ, что въ послѣднихъ сокращеніе сроковъ главнаго наказанія предо-тавляется администраціи, тогда какъ въ ст. 33 таковое-же сокращеніе нака-

заній дополнительныхъ, т. е. менѣе важныхъ, можетъ быть сдѣлано только по постановленію суда.

По ст. 33, отбывшему наказаніе лишеніемъ свободы предоставляется ходатайствовать въ ближайшемъ къ мѣсту его жительства «окружномъ суд» (по объяснительной запискѣ «въ мѣстномъ окружномъ судѣ») о возстановленіи правъ или о снятіи полицейскаго надзора. Таковая редакція 33 ст. можетъ по мнѣнію Уральскаго Областнаго Прокурора Юнѣева, повлечь за собой недоразумѣнія и неудобства въ практикѣ, если ко времени введенія въ дѣйствіе новаго уложенія не будутъ учреждены во всѣхъ мѣстностяхъ окружные суды. Въ виду этого, слѣдовало-бы сдѣлать дополненіе къ редакціи 33 ст. дозволивъ разсмотрѣніе ходатайствъ какъ въ окружныхъ судахъ, такъ и въ другихъ судебныхъ учрежденіяхъ той-же степени, равныхъ по правамъ съ окружными судами.

По поводу правила ст. 33 проекта о томъ, что «отбывшій наказаніе лишеніемъ свободы, но лишенный означенныхъ въ ст. 27 правъ, или подвергнутый подъ надзоръ полиціи, можетъ ходатайствовать, *въ ближайшемъ къ мѣсту жительства окружномъ судѣ*, о возстановленіи правъ или о снятіи съ него полицейскаго надзора». . . . чины Вологодскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что возложеніе обязанности разсмотрѣнія сихъ ходатайствъ на *ближайшій окружный судъ*, когда приговоръ былъ постановленъ судебной или дореформенной палатой, областнымъ судомъ, военнымъ судомъ, судебной палатой, правительствующимъ сенатомъ или верховнымъ судомъ, не можетъ быть признано правильнымъ, потому (какъ это изложено въ замѣчаніяхъ на ст. 21 и 22), что разрѣшить такое ходатайство, безъ замедленія и безъ нарушенія чужаго авторитета, можетъ только судъ, постановившій приговоръ, а не ближайшій окружный судъ. Въ виду сихъ основаній слѣдовало-бы слова: «въ ближайшемъ къ его мѣсту жительства окружномъ судѣ», замѣнить словами: *въ судѣ, постановившемъ надъ нимъ приговоръ*.

Чины Казанской Судебной Палаты, признавая, что права, указанныя въ 25 ст., не должны быть возстановляемы, находятъ, что ст. должна получить соотвѣтствующее измѣненіе, а именно: со словъ: «имѣетъ ходатайствовать . . . .» она должна быть изложена такъ: «въ ближайшемъ къ его мѣсту жительства окружномъ судѣ о снятіи съ него полицейскаго надзора, если прошла половина назначеннаго срока».

Съ своей стороны, Члены той-же Палаты Кобеко и Траубенбергъ полагаютъ, что ходатайство о снятіи полицейскаго надзора должно быть обращаемо не въ ближайшій къ мѣсту жительства осужденнаго окружный судъ, а въ тотъ, который постановилъ этотъ надзоръ.

По замѣчанію Прокурора Плоцкаго Окружнаго Суда Фукса, ст. 33, возлагающая на окружные суды разсмотрѣніе просьбъ о возстановленіи правъ и снятіи полицейскаго надзора, возбуждаетъ недоумѣніе въ томъ отношеніи, что окончательные приговоры по преступленіямъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, по 2 ч. XV т. постановляются не только окружными судами, но и судебными палатами, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже исключительно послѣдними, а также и правительствующимъ сенатомъ; поэтому едва-ли правильно предоставить судамъ низшей инстанціи измѣнять приговоры высшей; соображенія о практическихъ удобствахъ для предъявленія и разрѣшенія подобныхъ просьбъ не могутъ имѣть преобладающаго значенія и должны уступить соображеніямъ болѣе высшаго порядка о поддержаніи нормальныхъ отношеній между существующими инстанціями; поэтому разрѣшеніе упомянутыхъ просьбъ судомъ, хотя и ближайшимъ, но равнымъ по компетентности постановившему приговоръ, представлялось-бы правиломъ вполнѣ цѣлесообразнымъ и притомъ даже облегчающимъ возможность ихъ предъявленія, такъ какъ требованіе для того двухлѣтняго пребыванія въ округѣ одного суда нельзя не признать крайне стѣснительнымъ и оно значительно смягчается, если округъ суда будетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣненъ округомъ палаты. Наконецъ, допущеніе только двухъ способовъ удовлетворенія въ исправленіи и благонадежности просителя, именно свидѣтельствъ мѣстной полиціи и городскаго или сельскаго общества, идетъ совершенно въ разрѣзъ съ проводимымъ во всѣхъ другихъ статьяхъ началомъ свободнаго усмотрѣнія суда и напоминаетъ собою формальную теорію доказательствъ; негодность подобныхъ свидѣтельствъ въ смыслѣ обнаруженія истины, извѣстная всякому практическому дѣятелю, не дозволяетъ пользоваться только одними ими и потому, удержавъ ихъ въ ст. 33, необходимо дать мѣсто и всѣмъ тѣмъ способамъ удостовѣренія, какіе судъ признаетъ наиболѣе подходящими къ каждому отдѣльному случаю.

Собраніе чиновъ Кишиневскаго Окружнаго Суда и мѣстныхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ полагало-бы исключить изъ 33 ст. все, относящееся къ полицейскому надзору, ибо самый надзоръ признается названными лицами не подлежащимъ включенію въ проектъ уложенія; вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе,

вполнѣ раздѣляя гуманное начало 33 ст. о возможности смягченія послѣдствій наказанія преступнику, вполнѣ раскаявшемуся и загладившему свою вину хорошимъ поведеніемъ, остановилось на практическомъ вопросѣ о выдачѣ свидѣтельствъ о хорошемъ поведеніи преступника. Указавъ на печальную возможность, при настоящемъ нравственномъ уровнѣ полиціи, разныхъ злоупотребленій, собраніе избрало средній путь, исключивъ изъ «мѣстной полиціи», о коей говоритъ 33 ст.,—сельскую и волостную полицію, и постановивъ замѣнить выраженіе текста 33 ст. «отъ мѣстной полиціи и отъ мѣстнаго городскаго или сельскаго управленія» выраженіемъ «отъ мѣстнаго городскаго или уѣзднаго полицейскаго управленія».

Чины прокуратуры Казанскаго Окружнаго Суда находятъ, что, для требованія свидѣтельства о хорошемъ поведеніи, надлежало-бы ввести слова: «если полиція по требованію не укажетъ данныхъ, опорочивающихъ поведеніе поднадзорнаго». Условіе это необходимо не только въ видахъ ограниченія произвола, но и въ особенности въ цѣляхъ нравственности, такъ какъ требованіе свидѣтельства о хорошемъ поведеніи побуждало-бы поднадзорнаго стремиться угождать личнымъ особенностямъ характера представителя власти, а не заниматься производительнымъ трудомъ.

Чины Херсонскаго Окружнаго Суда и мѣстные Присяжные Повѣренные указываютъ, что 33 ст. предоставляется отбывшему извѣстное наказаніе ходатайствовать въ Окружномъ Судѣ о возстановленіи утраченныхъ правъ или о снятіи полицейскаго надзора, при томъ, между прочимъ, условіи, если отбывшій наказаніе имѣетъ свидѣтельство о хорошемъ поведеніи отъ мѣстнаго начальства.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, право на это ходатайство поставлено въ зависимость отъ удостовѣренія мѣстнаго начальства о хорошемъ поведеніи лица, а съ другой, судъ признается компетентною властію для возстановленія утраченныхъ правъ, либо снятія полицейскаго надзора.

Но, коль скоро компетентною властью для рѣшенія вопроса по существу признается судъ, и при томъ судъ уголовный, то врядъ-ли согласно будетъ съ нормальнымъ функціонированіемъ такого органа правительственной власти предустановленіе въ законѣ указаннаго выше условія, которое, открывая или закрывая самую возможность доступа къ суду, тѣмъ самымъ становится для суда единственнымъ способомъ удостовѣренія о хорошемъ поведеніи лица.

Предустановленіе-же въ законѣ способовъ удостовѣренія для суда въ хорошемъ поведеніи лица, напоминая собою отжившую теорію законныхъ доказательствъ, несогласно съ достоинствомъ нашего новаго суда и высотою его призванія.

И въ этомъ случаѣ судъ уголовный долженъ быть совершенно свободенъ въ своемъ рѣшеніи, а заинтересованное въ возстановленіи правъ или снятіи полицейскаго надзора лицо должно имѣть свободный доступъ къ суду и право доказывать предъ нимъ свое хорошее поведеніе не только свидѣтельствами мѣстныхъ властей, но и всякими другими способами, такъ, напримѣръ, дознаніемъ чрезъ мѣстныхъ жителей, либо допросомъ хотя-бы одного или двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей, каковое дознаніе или допросъ могли-бы быть поручаемы судомъ мѣстнымъ мировымъ судьямъ. При этомъ, конечно, и самое удостовѣреніе мѣстныхъ властей могло-бы имѣть подобающее ему, но не рѣшающее, значеніе.

По такимъ основаніямъ 33 ст. надлежало-бы видоизмѣнить и вмѣсто словъ «и имѣетъ свидѣтельство о хорошемъ поведеніи отъ мѣстной полиціи . . . . . .» принять: «*и докажетъ предъ судомъ о своемъ хорошемъ поведеніи*».

Согласно съ симъ, въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, въ отдѣлѣ объ обязанностяхъ мировыхъ судей, должно было-бы сдѣлать приличное сему случаю дополненіе.

Нѣкоторые члены собранія чиновъ прокуратуры Варшавскаго Окружнаго Суда находятъ неудобнымъ установляемое проектомъ стѣсненіе суда при обсужденіи вопроса о снятіи полицейскаго надзора и о возстановленіи правъ. По редакціи ст. 33, для снятія полицейскаго надзора должно быть представлено свидѣтельство о хорошемъ поведеніи отъ мѣстной полиціи и отъ мѣстнаго городскаго или сельскаго управленія. Между тѣмъ, могутъ быть случаи, когда судъ придастъ болѣе вѣры свидѣтельству о хорошемъ поведеніи, выданному частнымъ лицомъ, у коего поднадзорный проживалъ, чѣмъ свидѣтельству полиціи и волостнаго правленія. Поэтому надлежало-бы въ ст. 33 слова: «и имѣетъ свидѣтельство . . . .» и такъ до конца исключить и, вмѣсто этихъ словъ, сказать «если онъ представитъ доказательства своего хорошаго поведенія». При голосованіи большинство голосовъ было подано за предложенное измѣненіе редакціи ст. 33.

Чины прокуратуры Владимірскаго Окружнаго Суда замѣчаютъ, что ст. 33 проекта, возлагая на судъ обязательство возстановлять права отбыв-

шаго наказаніе, ранѣе положеннаго срока, указываетъ при этомъ, какіе должны быть представлены для того письменные документы, именно свидѣтельства: отъ мѣстной полиціи и общества о хорошемъ поведеніи, при условіи двухъ-годичнаго пребыванія на одномъ мѣстѣ. Этимъ законоположеніемъ, во-первыхъ, совершенно измѣняется значеніе судебныхъ приговоровъ, подлежащихъ отмѣнѣ лишь въ порядкѣ, указанномъ судебными уставами, а съ другой стороны, установляется новый способъ оцѣнки доказательствъ. До настоящаго времени дѣйствія полиціи могли быть повѣрены, дополняемы и отмѣняемы властію даже судебнаго слѣдователя (ст. 269). С введеніемъ 33 ст. улож., полицейскія свидѣтельства пріобрѣтаютъ такую доказательную силу, что и самый судъ долженъ подчиняться этимъ свидѣтельствамъ, и разъ полиція одобрила поведеніе поднадзорнаго, судъ уже не имѣетъ права провѣрять этого одобренія и обязательно долженъ вынесть свой приговоръ.

По мнѣнію Симферопольскаго Окружнаго Суда, ст. 33 должна быть установлена возможность *возстановленія правъ*, а не возможность *ходатайства* о томъ. Способъ собранія доказательствъ для удостовѣренія хорошаго поведенія долженъ быть всецѣло предоставленъ суду. Поэтому статья эта должна быть изложена слѣдующимъ образомъ:

Отбывшему наказаніе лишеніемъ свободы, но лишенному означенныхъ въ 27 ст. правъ, могутъ быть ближайшимъ къ его мѣсту жительства окружнымъ судомъ, по удостовѣреніи въ хорошемъ его поведеніи, возстановлены права, если прошла половина назначеннаго судомъ срока лишенія прежде и если ходатайствующій прожилъ въ послѣднемъ мѣстѣ жительства не менѣе двухъ лѣтъ.

По поводу ст. 33 одинъ изъ чиновъ Смоленской прокуратуры высказывается противъ тѣхъ источниковъ, которые служатъ основаніемъ для ходатайства о реабилитаціи; по его мнѣнію, источники эти (свидѣтельство полиціи о хорошемъ поведеніи, отъ мѣстнаго городскаго или сельскаго управленія, т. е. отъ мѣстныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ) заключаютъ весьма недостаточныя гарантіи своего безпристрастія; въ этомъ вопросѣ надо отдать предпочтеніе свидѣтельству общественнаго мнѣнія, напримѣръ, приговору сельскаго схода. Согласно этому замѣчанію, принятому прочими чинами Смоленской прокуратуры, было сдѣлано слѣдующее добавленіе къ ст. 33: «Онъ можетъ представить какія-либо другія доказательства, которыя судъ при-

знаетъ достаточными для удовлетворенія ходатайства о возстановленіи правъ».

По мнѣнію Товарища Предсѣдателя Казанскаго Окружнаго Суда Пашковскаго, установляемое ст. 33 проекта требованіе отъ осужденнаго свидѣтельства о благонадежности, можетъ вызвать совсѣмъ нежелательныя отношенія его къ администраціи, развивая въ немъ лесть, низкопоклонство, лицемѣріе и т. д. Было-бы цѣлесообразнѣе установить, чтобы, въ случаѣ полученія просьбы объ освобожденіи отъ послѣдствій наказанія, судъ спрашивалъ администрацію, не встрѣчаетъ-ли она препятствій къ удовлетворенію такого ходатайства, обязывая послѣднюю указать основанія къ отказу, если-бы таковой признавался ею необходимымъ.

Относительно ст. 33 проекта чины прокуратуры Тульскаго Окружнаго Суда находятъ, что источники, служащіе основаніемъ для ходатайства о реабилитаціи, перечисленные въ проектѣ, а именно: свидѣтельства полиціи или мѣстнаго городскаго или сельскаго управленія о хорошемъ поведеніи поднадзорнаго, представляются недостаточными и могутъ быть пристрастны, а потому не слѣдуетъ стѣснять судъ указаніемъ тѣхъ источниковъ, которые должны служить основаніемъ для удовлетворенія ходатайства о реабилитаціи. Въ виду сего, ст. 33 надлежало-бы дополнить такъ: «или можетъ представить какія-либо другія доказательства, которыя судъ признаетъ достаточными для удовлетворенія его ходатайства», при этомъ, конечно, свидѣтельства полиціи и т. п. о хорошемъ поведеніи поднадзорнаго не могутъ обязывать судъ удовлетворить его ходатайство.

Ст. 33, предоставляющая лицу, отбывшему наказаніе и отданному подъ надзоръ, ходатайствовать въ ближайшемъ окружномъ судѣ о возстановленіи правъ и о снятіи надзора, недостаточно, по отзыву чиновъ Московской прокуратуры, опредѣляетъ роль суда въ этихъ случаяхъ. По смыслу узаконенія оказывается, что такое ходатайство можетъ быть уважено только при томъ условіи, если проситель имѣетъ свидѣтельство о хорошемъ поведеніи отъ мѣстной полиціи и отъ мѣстнаго городскаго или сельскаго управленія; но какъ долженъ поступить судъ, если ходатайствующій, представивъ, напримѣръ, удостовѣреніе о хорошемъ поведеніи отъ мѣстнаго общественнаго управленія, заявитъ, что полиція, вслѣдствіе личной непріязни къ нему или по другимъ причинамъ, отказываетъ безъ законныхъ основаній въ выдачѣ подобнаго-же

удостовѣренія? обязанъ-ли судъ, въ такомъ случаѣ, провѣрять заявленіе просителя, или долженъ просто отвергнуть просьбу, въ виду непредставленія свидѣтельства отъ полиціи, и, если обязанъ провѣрить, то въ какомъ порядкѣ и какими способами?

Желательно, чтобы эти вопросы были разрѣшены опредѣленіемъ въ уст. угол. судопр., порядка производства суда при примѣненіи ст. 33 проекта и указаніемъ тѣхъ пріемовъ, которымъ судъ долженъ слѣдовать при разрѣшеніи ходатайствъ о возстановленіи правъ и о снятіи надзора; самую же статью было-бы лучше изложить въ слѣдующей редакціи:

«Ст. 33. Отбывшій наказаніе лишеніемъ свободы, но лишенный означенныхъ въ ст. 27 правъ, или отданный подъ надзоръ полиціи и общества можетъ ходатайствовать въ ближайшемъ, къ мѣсту его жительства, окружномъ судѣ о возстановленіи правъ и о снятіи съ него надзора, если прошла половина назначеннаго судомъ срока лишенія правъ или надзора и притомъ ходатайствующій прожилъ въ послѣднемъ мѣстѣ жительства не менѣе двухъ лѣтъ и можетъ удостовѣрить свое хорошее поведеніе».—То-же замѣчаніе высказываютъ и юристы-практики (Судебная Газета 1883 г., № 35).

Ст. 33 вызвала, со стороны чиновъ Смоленскаго Окружнаго Суда, слѣдующее замѣчаніе: желательно, чтобы судъ, при поступленіи къ нему ходатайства о возстановленіи правъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда признаетъ нужнымъ, имѣлъ-бы право провѣрить, чрезъ своего Члена, насколько справедливо и заслуживаетъ довѣрія представленное просителемъ свидѣтельство полиціи или мѣстнаго управленія о хорошемъ его поведеніи.

По мнѣнію Члена Стародубскаго Окружнаго Суда Борщева, ст. 33 слѣдуетъ измѣнить такъ: . . . . «и имѣетъ свидѣтельство отъ мѣстнаго полицейскаго управленія».

Окружный Судъ не можетъ принимать во вниманіе свидѣтельства городскаго и сельскаго управленія, такъ какъ только полицейскому управленію ввѣренъ надзоръ за отбывшимъ наказаніе и этому управленію, находящемуся подъ контролемъ высшей въ губерніи административной власти, по иниціативѣ которой (ст. 34) самый надзоръ назначается, должно быть болѣе извѣстно, нежели управленіямъ общественнымъ, насколько осужденный, состоящій подъ надзоромъ представляетъ своими нравственными качествами гарантію для пользованія правами остальныхъ гражданъ.

Удостовѣренія городскихъ и сельскихъ управленій, если ихъ взять въ

основаніе для освобожденія изъ подъ надзора, или для возстановленія утраченныхъ по суду правъ, даже при самомъ законномъ составленіи ихъ, что бываетъ рѣдко, могутъ идти совершенно въ разрѣзъ со взглядомъ высшей администраціи въ губерніи и парализировать дѣйствія послѣдней, и, конечно, возбудятъ не только нареканіе на судебныя мѣста, основывающіяся на данныхъ, имъ представляемыхъ, но и пререканія между судебными мѣстами и высшей губернской администраціей.

Ст. 33, опредѣляя порядокъ освобожденія отъ полицейскаго надзора, требуетъ отъ поднадзорнаго представленія свидѣтельствъ о хорошемъ поведеніи отъ полиціи и отъ городскаго или сельскаго управленія. При обсужденіи чинами Костромскаго Окружнаго Суда этой статьи, высказано мнѣніе, что городское управленіе, не участвуя въ осуществленіи надзора, не имѣетъ возможности, особенно въ большихъ центрахъ, знать о поведеніи поднадзорныхъ, и свѣдѣнія свои, по этому предмету, будетъ исключительно основывать на заключеніи полицейской власти, поэтому и не представлялось-бы основанія требовать отъ поднадзорнаго представленія двухъ свидѣтельствъ и отъ полиціи, и отъ общественнаго управленія.

Изъ сопоставленія ст. 33 со 2 отд. ст. 31 вытекаетъ, по мнѣнію Уфимскаго Губернскаго Прокурора Мѣщанинова, что лица, присужденныя къ тюремному заключенію, ни въ какомъ случаѣ не могутъ ходатайствовать о снятіи учрежденнаго за ними, по отбытіи личнаго наказанія, полицейскаго надзора. Принимая во вниманіе, что наказаніемъ этимъ будутъ облагаться сравнительно незначительныя по важности преступныя дѣянія, а между тѣмъ легко возможны случаи, что тотъ-же самый двухъ-годичный надзоръ, какъ minimum, будетъ учрежденъ, по силѣ ст. 31, и надъ лицомъ, осужденнымъ за тяжкое преступленіе, окажется, что положеніе лица, отбывшаго наказаніе за проступокъ, будетъ приравниваться, а иногда можетъ оказаться и тяжелѣе положенія дѣйствительнаго преступника. Въ интересахъ справедливости, было-бы, по замѣчанію г. Мѣщанинова, желательнымъ или уменьшеніе установленнаго ст. 33 обязательнаго срока проживанія въ послѣднемъ мѣстѣ жительства до 1 года, или учрежденіе особаго, болѣе короткаго срока этого проживанія для лицъ, отбывшихъ тюремное заключеніе.

Одесскій Окружный Судъ считаетъ достаточнымъ обусловить право ходатайствовать о возстановленіи правъ или о снятіи полицейскаго надзора

жительствомъ въ послѣднемъ мѣстѣ не менѣе «одного» года, вмѣсто предложенныхъ Коммисіею двухъ лѣтъ.

Чины Орловскаго Окружнаго Суда останавливаются на томъ пунктѣ ст. 33, въ силу коего ходатайство о снятіи полицейскаго надзора можетъ быть предъявлено въ окружномъ судѣ, если прошла половина назначеннаго судомъ срока надзора и притомъ ходатайствующій прожилъ въ послѣднемъ мѣстѣ жительства не менѣе 2 лѣтъ, и замѣчаютъ, что послѣднее условіе исключаетъ всякую возможность снятія надзора съ лицъ, отбывшихъ наказаніе въ тюрьмѣ, такъ какъ срокъ такого надзора для нихъ, по ст. 31, можетъ быть не свыше 2 лѣтъ и, слѣдовательно, ходатайство о снятіи надзора можетъ быть предъявлено только тогда, когда срокъ надзора окончится самъ собою. Достаточно было-бы ограничить срокъ послѣдняго мѣстопребыванія для приговоренныхъ къ тюрьмѣ однимъ годомъ.

Люблинскій Окружный Судъ находитъ, что хорошее поведеніе въ теченіи двухъ лѣтъ, по отбытіи наказанія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ ни снятія полицейскаго надзора, ни возстановленія права: осужденному, напримѣръ, за растрату или служебные подлоги поступить—въ государственную службу; осужденному за изнасилованіе или растлѣніе—быть воспитателемъ; осужденному за разныя мошенничества—быть присяжнымъ засѣдателемъ и т. п. Самое производство о возстановленіи правъ было-бы сопряжено съ большими затрудненіями для судовъ, а выдача свидѣтельствъ о хорошемъ поведеніи обратилась-бы въ пустую формальность. Нельзя также не замѣтить, что статья не даетъ никакихъ полномочія суду на возстановленіе правъ, оставляя какъ-бы въ силѣ правила ст. 13 т. IX свод. зак., и что по отношенію къ поселенію выраженіе «отбывшій наказаніе лишеніемъ свободы», а по отношенію къ ст. 25 и 30 выраженіе «можетъ ходатайствовать о возстановленіи правъ» (какихъ?) представляется нѣсколько темнымъ.

По замѣчанію Самарской прокуратуры, ст. 33 вызываетъ недоразумѣнія въ томъ отношеніи, что въ ней говорится о назначеніи *судомъ* срока лишенія правъ, тогда какъ этотъ срокъ опредѣленъ самимъ закономъ (въ ст. 31) соотвѣтственно съ видомъ наказанія и, слѣдовательно, назначеніе его не предоставляется суду.

Сенаторъ С. И. Зарудный предлагаетъ слѣдующее измѣненное съ редакціонной стороны изложеніе ст. 33 проекта:

«Отбывшій наказаніе лишеніемъ свободы, но лишенный означенныхъ въ ст. 27 правъ, или отданный подъ надзоръ полиціи, можетъ ходатайствовать, въ ближайшемъ къ его мѣсту жительства окружномъ судѣ, о возстановленіи правъ или о снятіи съ него полицейскаго надзора, по истеченіи половины назначеннаго судомъ срока лишенія правъ или полицейскаго надзора. Право на таковое ходатайство принадлежитъ лицу, прожившему въ послѣднемъ мѣстѣ жительства не менѣе двухъ лѣтъ и имѣющему свидѣтельство о хорошемъ поведеніи отъ мѣстной полиціи и отъ мѣстнаго городскаго или сельскаго управленія.»

См. также приведенное подъ ст. 25—30 замѣчаніе профессора Вальберга, приведенныя подъ ст. 31—32 пренія, происходившія въ Кавказскомъ Юридическомъ Обществѣ, и замѣчанія профессора Куплевасскаго, Московской и Варшавской Судебныхъ Палатъ, чиновъ Псковской, Вологодской и Изюмской прокуратуры, Товарища Предсѣдателя Плоцкаго Окружнаго Суда Павловскаго, Прокурора Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалева, Прокурора Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Хлодовскаго и Товарища Астраханскаго Губернскаго Прокурора Лабунскаго.—Сравни также общее замѣчаніе на проектъ Курляндскаго Губернскаго Прокурора барона Майделя.

Статья 34.

Въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, приговоръ суда, по вступленіи его въ законную силу, можетъ быть напечатанъ, на счетъ виновнаго, въ одной изъ столичныхъ и въ одной изъ мѣстныхъ газетъ, по назначенію суда.

По поводу правила ст. 34 профессоръ Гольцендорфъ находитъ, что такъ какъ столичныя газеты мало читаются нисшими классами въ провинціи, то предпочтительнѣе является, какъ способъ опубликованія, вывѣшиваніе оффиціальнаго объявленія въ общинѣ, по мѣсту жительства осужденнаго, по крайней мѣрѣ въ сельской общинѣ.

Напечатаніе приговора суда на счетъ виновнаго представляется, по мнѣнію Прокурора Полтавскаго Окружнаго Суда Люце, наказаніемъ, въ уста-

новленіи котораго едва-ли имѣется какая-либо необходимость. Оно сводится въ сущности, лишь къ небольшому денежному взысканію, которое, въ виду другаго, болѣе строгаго наказанія, назначеннаго обвиняемому, представляется совершенно незначительнымъ и потому излишнимъ. Самое опубликованіе приговора не составляетъ вовсе ни наказанія для осужденнаго, ни удовлетворенія для потерпѣвшаго. При гласности судопроизводства, всякій приговоръ, который можетъ разсчитывать на читателей, печатается безъ всякаго постановленія о томъ суда, и въ весьма многихъ газетахъ. Какое-же значеніе имѣетъ напечатаніе того-же приговора еще въ двухъ газетахъ, по постановленію суда (*).

Любинскій Окружный Судъ находитъ въ ст. 34 слова «по вступленіи его въ законную силу» лишними. Это—общее процессуальное правило. Указаніе, на чей счетъ печатается приговоръ, заключается въ уставѣ уголовнаго судопроизводства (3 п. 977 и 993 ст.).

Не возражая противъ 34 ст. проекта, совѣщаніе чиновъ С.-Петербургской прокуратуры признало, однако, необходимымъ нынѣ-же оговорить, что напечатаніе приговора на счетъ виновнаго, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ ст. 1047 и 1536 улож. 1866 г., можетъ быть желательно и по нѣкоторымъ другимъ преступленіямъ, какъ-то предусмотрѣннымъ ст. 940, 1354, 1412, 1683—1685 улож.

Прокуроръ Плоцкаго Окружнаго Суда Фуксъ указываетъ, что ст. допускаетъ, въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, печатать приговоръ на счетъ виновнаго въ двухъ газетахъ, но просвѣщеніе не настолько еще распространено у насъ въ массѣ народа, чтобы возможно было ограничиться этимъ способомъ опубликованія приговора, если, по какимъ-либо обстоятельствамъ желательно довести о немъ до всеобщаго свѣдѣнія. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія постановленія ст. 18 бельгійскаго и ст. 36 ...

(*) Ежели постановленіе 34 ст. останется въ той редакціи, въ какой оно изложено въ проектѣ, т. е. напечатаніе приговора будетъ предоставлено усмотрѣнію суда, то, по всей вѣроятности, оно точно также никогда не будетъ примѣняться на практикѣ, какъ и въ настоящее время никогда не примѣняется находящаяся въ уставѣ уголовнаго судопроизводства ст. 975 о напечатаніи оправдательнаго приговора въ случаѣ просьбы о томъ подсудимаго.

скаго кодексовъ объ аффишированіи приговоровъ въ общинѣ. Въ настоящее время наши общества, и городскія, и сельскія, по большей части вовсе не знаютъ объ участи, постигающей ихъ членовъ, или получаютъ о томъ путемъ слуховъ невѣрныя и даже извращенныя свѣдѣнія, вліяющія какъ на міросозерцаніе ихъ, такъ и на отношенія ихъ къ правительственной власти и преступникамъ изъ своей среды; поэтому ознакомленіе ихъ съ судебными опредѣленіями посредствомъ аффишированія послѣднихъ на мѣстѣ дѣйствія или происхожденія осужденныхъ лицъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ признаетъ это необходимымъ, было-бы весьма желательно.

Чины Уманскаго Окружнаго Суда находили-бы болѣе правильнымъ, опредѣливъ закономъ число изданій, въ коихъ можетъ быть допущено опубликованіе приговора на счетъ виновнаго, самый выборъ этихъ изданій предоставить лицу, потерпѣвшему отъ преступленія.

Можетъ случиться, что для потерпѣвшаго гораздо будетъ важнѣе видѣть приговоръ напечатаннымъ въ двухъ провинціальныхъ газетахъ (напр. въ Одессѣ и Кіевѣ), чѣмъ въ газетахъ столичныхъ.

Одинъ изъ членовъ Радомскаго Окружнаго Суда предлагалъ-бы отмѣнить ограниченіе суда относительно числа и рода газетъ, въ коихъ можетъ быть припечатанъ приговоръ. Печатать слѣдуетъ въ тѣхъ газетахъ, гдѣ это необходимо въ видахъ достиженія цѣли припечатанія, а для этого нельзя впередъ ни назвать газетъ, ни опредѣлить ихъ числа. Нельзя опасаться злоупотребленій со стороны суда, ибо опасеніе это устраняется характеромъ суда.

Нижегородскій Окружный Судъ указываетъ, что Редакціонная Комиссія, какъ видно изъ соображеній ея, приведенныхъ къ 34 ст. проекта, признаетъ опубликованіе обвинительнаго приговора полезною мѣрою въ особенности по дѣламъ объ обидахъ (*л.* 102). Но такъ какъ не всегда въ интересахъ обиженнаго разглашеніе путемъ печати учиненнаго надъ нимъ преступленія, хотя-бы за оное виновный и подвергнулся отвѣтственности, то, посему представляется необходимымъ дополнить 34 ст. постановленіемъ о томъ, что опубликованіе приговора можетъ имѣть мѣсто лишь по просьбѣ потерпѣвшаго (подобно тому, какъ это постановлено и въ 1536 ст. дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ).—Къ тому же заключенію приходятъ чины Владикавказскаго Окружнаго Суда.

Прокуроръ Люблинскаго Окружнаго Суда Поллакъ предлагаетъ слѣдующее изложеніе ст. 34: «Въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, приговоръ суда, по вступленіи его въ законную силу, можетъ быть напечатанъ на счетъ виновнаго въ одной или нѣсколькихъ столичныхъ или мѣстныхъ газетъ по назначенію суда».

См. также приведенное подъ 3 ст. замѣчаніе Архангельскаго Губернскаго Прокурора Крауса и подъ ст. замѣчаніе 33 Предсѣдателя Ченстоховскаго Окружнаго Суда Ланге.

Статья 35.

Найденные у виновнаго предметы, коихъ изготовленіе, продажа, распространеніе, имѣніе или храненіе запрещены въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, и вещи, принадлежащія виновному и предназначавшіяся или служившія для совершенія преступнаго дѣянія, отбираются и, буде не подлежатъ истребленію, обращаются въ казну.

Постановленіе сіе примѣняется судомъ и въ случаѣ оправданія подсудимаго или освобожденія его отъ наказанія.

По отзыву профессора Гуго Мейера, общее правило о факультативномъ отобраніи плодовъ преступнаго дѣянія и средствъ совершенія такового представляется, на ряду съ правилами, заключающимися въ постановленіяхъ объ отдѣльныхъ посягательствахъ, излишнимъ.

По мнѣнію профессора Лукини, «отобраніе вещей слѣдовало-бы оставить на усмотрѣніе суда, по крайней мѣрѣ въ случаѣ оправданія подсудимаго или освобожденія его отъ суда».

Слова «найденные у виновнаго» должны быть, по замѣчанію г. фонъ-Резона, замѣнены другимъ терминомъ, потому что, очевидно, ст. 35 должна быть примѣняема и въ томъ случаѣ, если указанные въ 1 ч. 1 п. ея предметы были найдены не у самаго виновнаго, а были имъ скрыты и т. д. Далѣе редакція 2 п. должна быть тоже измѣнена, ибо несомнѣнно, что ст. 35 измѣняется не только въ случаѣ оправданія подсудимаго или освобожденія

отъ суда, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, дѣло пріостанавливается за нерозыскомъ виновнаго, прекращается за необнаруженіемъ виновнаго и т. п.

Въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества предсѣдательствующій *В. Д. Спасовичъ* предложилъ исключить изъ ст. 35 слово «предназначается», такъ какъ этотъ терминъ входитъ въ область приготовленія, которое, само по себѣ, ненаказуемо и несудимо. Если же оно является самостоятельнымъ преступленіемъ, то остается въ статьѣ терминъ «служившія».

Н. Д. Сергѣевскій замѣтилъ, что въ ст. 35 не разумѣются орудія совершенія преступленія, а говорится о конфискаціи предметовъ, въ случаяхъ, закономъ указанныхъ.

П. А. Александровъ, по редакціи ст. 35, замѣтилъ: 1) при сопоставленіи начала этой статьи: «предметы, найденные у виновнаго», съ постановленіемъ, содержащимся во второй части ея: «постановленіе примѣняется и въ случаяхъ оправданія подсудимаго или освобожденія его отъ наказанія», встрѣчается противорѣчіе: неизвѣстно—о какихъ предметахъ, найденныхъ у виновнаго, говоритъ ст. 35; 2) замѣна затѣмъ слова «виновный», словомъ «обвиняемый», также неправильна, ибо предметы, «изготовленіе, продажа и т. д., коихъ запрещены закономъ», могутъ быть найдены и не у обвиняемаго; напримѣръ, при поддѣлкѣ фальшивыхъ билетовъ; 3) не всѣ предметы, найденные у обвиняемаго или посторонняго лица, изготовленіе, продажа, имѣніе и т. д. коихъ запрещены закономъ, могутъ подлежать конфискаціи. Примѣръ: законъ воспрещаетъ выдѣлку издѣлій неузаконенной пробы. По проекту, найденныя у мастера, они подлежатъ конфискаціи въ пользу казны. Въ нашей практикѣ бывали слѣдующіе случаи. Издѣлія такія были выпущены въ продажу и часть уже продана. Содержатель магазина не могъ провѣрить пробы. У купца эти издѣлія отобраны; по окончаніи суда, издѣлія не подлежатъ продажѣ и выпуску въ обращеніе. Что съ ними оставалось дѣлать? Судъ поступилъ совершенно справедливо: отослалъ въ пробирную палату переплавить ихъ, и слитокъ металла, представлявшій извѣстную цѣнность, былъ возвращенъ купцу. Въ подобныхъ случаяхъ постановленіе ст. 35 явится крайне несправедливымъ. Можетъ быть установлено только факультативное право суда или подвергать конфискаціи, или истребленію.

По симъ соображеніямъ, П. А. предложилъ слѣдующую редакцію ст. 35: «предметы—изготовленіе, продажа и т. д., коихъ запрещены закономъ . . . . отбираются и могутъ быть обращены въ казну, буде не подлежатъ истребленію».

Редакція, предложенная П. А., принята большинствомъ 12 против 4 голосовъ.

Коммисія Новороссійскаго Юридическаго Общества предлагаетъ внести въ ст. 35, послѣ словъ «или храненія запрещены», слова «на основаніи закона», въ тѣхъ видахъ, что, въ противномъ случаѣ, по мнѣнію Коммисіи представляется слишкомъ большая неопредѣленность и широта понятія «запрещеннаго»,—такъ какъ и по распоряженію мѣстнаго начальства могутъ выходить такія запрещенія.

Слѣдуя буквальному смыслу ст. 35 проекта уложенія, нужно, по мнѣнію чиновъ Уманскаго Окружнаго Суда, признать, что ею устанавливается конфискація двоякаго рода: 1) вещей, безусловно запрещенныхъ къ обращенію, и 2) орудій преступныхъ дѣяній.

Вещи первой категоріи подлежатъ конфискаціи всегда, вещи второй—въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ.

Нѣкоторыя мѣста объяснительной записки наводятъ, однако, на мысль о неправильности такого вывода. Въ то время какъ текстъ статьи говоритъ о предметахъ, коихъ изготовленіе, продажа, распространеніе или храненіе запрещены, мотивы, вмѣсто этого послѣдняго слова, ставятъ фразу: «заключаетъ въ себѣ нарушеніе закона»; это далеко не одно и то-же.

Изготовлять спиртъ или порохъ, говоря вообще, не запрещено; но изготовленіе ихъ съ отступленіемъ отъ извѣстныхъ правилъ несомнѣнно заключаетъ въ себѣ нарушеніе закона. Провозить изъ-за границы ткани и другіе товары, обложенные пошлиною, вообще говоря, не запрещено; но привозъ ихъ безъ пошлины, совершенный тайно, тоже заключаетъ въ себѣ нарушеніе закона.

Если понимать начало ст. 35 проекта буквально, то, на основаніи этого закона, едва-ли можно будетъ установить въ особенной части уложенія о наказаніяхъ конфискацію контрабанды или незаконно выкуреннаго спирта.

Если понимать этотъ законъ сообразно вышеприведенной фразѣ объяснительной записки,—придется конфисковать всегда и всякіе предметы, изготовленные съ отступленіемъ отъ извѣстныхъ, установленныхъ закономъ правилъ, какъ-бы эти отступленія ни были незначительны.

Признавать выкуренный контрабандой, съ нарушеніемъ законнаго порядка, спиртъ и т. п. вещами, добытыми преступленіемъ и затѣмъ поступать съ ними, согласно указаніямъ объяснительной записки, по нынѣ дѣйствую-

цимъ правиламъ уст. угол. судопр.,—едва-ли возможно, такъ какъ такой способъ дѣйствій будетъ равносиленъ конфискаціи, а, слѣдовательно, примѣненіе его вызоветъ тѣ-же неудобства, которыя сопряжены съ толкованіемъ первой половины ст. 35 проекта, по смыслу мотивовъ объяснительной къ нему записки.

Совершенно отказаться отъ возможности конфисковать подобные предметы едва-ли желательно, а потому является, по мнѣнію названныхъ судебныхъ чиновъ, необходимымъ установить еще третью категорію предметовъ подлежащихъ конфискаціи, а именно: такихъ предметовъ, обращеніе коихъ, по свойству ихъ самихъ, не запрещено, но въ данномъ случаѣ совершается съ нарушеніемъ законовъ. Случаи, въ которыхъ подобная конфискація можетъ имѣть мѣсто, должны быть указаны въ особенной части уложенія.

Прокуроръ Полтавскаго Окружнаго Суда Люце полагаетъ, что конфискація такихъ предметовъ, которые предназначались или служили для преступнаго дѣянія (если они только не такіе, которыхъ изготовленіе, имѣніе или храненіе воспрещено закономъ), не имѣетъ достаточнаго основанія. Она представляется наказаніемъ весьма несправедливымъ, когда эти предметы имѣютъ большую цѣнность, такъ какъ тяжесть этой прибавки къ наказанію является совершенно случайною, не можетъ быть предусмотрѣна законодателемъ и вовсе не находится въ соотвѣтствіи съ тяжестью преступнаго дѣянія (*). Когда-же предметы, предназначавшіеся или служившіе для совершенія преступленія, не имѣютъ сколько-нибудь значительной цѣнности, тогда прибавка къ наказанію конфискаціи этихъ предметовъ не имѣетъ никакого значенія, представляется излишнею и имѣетъ видъ какого-то нападенія судебной власти на неодушевленные предметы, случайно послужившіе орудіями совершенія преступленія; что-же касается конфискаціи такихъ предметовъ, коихъ приготовленіе или храненіе воспрещено закономъ, то конфискація ихъ вовсе не есть наказаніе, ибо тяжесть ея падаетъ не на виновнаго, а на собственника запрещенныхъ предметовъ; эта конфискація есть административная мѣра, которая должна быть принята судомъ (какъ и всякимъ другимъ

(*) Эти предметы, напримѣръ, подлежатъ конфискаціи только въ томъ случаѣ, когда они принадлежатъ самому осужденному (ст. 35); такимъ образомъ тотъ, кто при совершеніи преступнаго дѣянія пользуется, какъ орудіемъ, чужими вещами, не подлежитъ никакому имущественному взысканію, а кто пользуется своими, тотъ, кромѣ обыкновеннаго наказанія, подвергается еще и конфискаціи вещей, служившихъ ему для совершенія преступнаго дѣянія; какъ будто его дѣятельность представляется болѣе преступною отъ того, что онъ употреблялъ при совершеніи своего проступка не чужія, а свои вещи.

государственнымъ учрежденіемъ, во власть котораго случайно попадутъ эти предметы), совершенно независимо отъ оправданія или осужденія обвиняемаго, а только въ силу того факта, что данныя запрещенныя вещи находятся во власти суда (*). Правила о томъ, какъ поступать съ подобными вещами, когда таковыя не нужны болѣе для дѣла, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, относятся къ законамъ уголовнаго судопроизводства и не должны быть включаемы въ уложеніе о наказаніяхъ.

Членъ Симферопольскаго Окружнаго Суда Тальбергъ указываетъ, что, отвергая въ объясненіяхъ подъ ст. 3 конфискацію какъ наказаніе, Редакціонная Коммисія находитъ необходимымъ сохранить, въ видѣ «дополнительнаго наказанія», отобраніе въ казну или истребленіе, во 1-хъ, предметовъ, изготовленіе, продажа, распространеніе, имѣніе или храненіе которыхъ запрещено, во 2-хъ, въ особо указанныхъ въ законѣ случаяхъ—вещей, предназначавшихся или служившихъ для совершенія преступленія. Конфискація предметовъ 1-й группы не имѣетъ тѣсной связи съ понятіемъ о преступномъ намѣреніи; она можетъ практиковаться въ видахъ общественной безопасности, независимо отъ обвиненія владѣльца такихъ предметовъ въ преступномъ дѣяніи: напримѣръ, задержаніе казначействомъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, представленныхъ частнымъ лицомъ въ числѣ другихъ денегъ; найденныя случайно у частнаго лица печати присутственнаго мѣста могутъ быть отобраны у него безъ всякаго даже предположенія о преступности способовъ обрѣтенія ихъ или преступности цѣли храненія ихъ. Но если-бы эти частныя лица и были преданы суду и затѣмъ оправданы, то почему то-же самое отобраніе отъ нихъ вещей должно было-бы считаться наказаніемъ и послѣдовать не иначе, какъ въ силу судебнаго приговора? И о какомъ дополнительномъ наказаніи можетъ идти рѣчь въ отношеніи оправданнаго, когда онъ не подвергается никакому главному наказанію? Такое существенное противорѣчіе, не могущее быть оправдываемо даже какъ исключеніе изъ общаго правила, объясняется тѣмъ, что отобраніе такихъ вещей не есть наказаніе, а возстановленіе нарушеннаго порядка, которое дѣлается судомъ лишь

(*) Въ ст. 35 прибавлено, что ея постановленія примѣняются и въ случаѣ оправданія подсудимаго, изъ чего слѣдуетъ заключить, что, вѣроятно, подъ предметами, упомянутыми въ этой статьѣ, Коммисія подразумѣваетъ вообще только такіе, которыхъ пріобрѣтеніе и храненіе запрещено закономъ. Во всякомъ случаѣ такая прибавка къ ст. 35 доказываетъ, что въ ней говорится вовсе не о наказаніи, такъ такъ наказаніе никогда не можетъ быть примѣняемо къ оправданнымъ.

когда другая власть не сдѣлала или не могла сдѣлать соотвѣтствующаго распоряженія. Посему включеніе конфискаціи этихъ предметовъ въ уложеніе, въ отдѣлъ о наказаніяхъ, представляется неправильнымъ и рѣчь объ этомъ была-бы умѣстнѣе въ ст. 323 уст. о пред. и прес. прест., съ ссылкою на эту статью въ 777 ст. уст. угол. суд. Кромѣ того, нельзя не остановиться еще на томъ соображеніи, что въ числѣ такихъ вещей могутъ быть и цѣнныя, напримѣръ дорогое оружіе, храненіе котораго запрещено временно въ извѣстной мѣстности; безусловное обращеніе такихъ вещей въ казну нарушаетъ интересъ пострадавшаго отъ преступленія и тогда дополнительное наказаніе постигаетъ въ сущности не подсудимаго, а гражданскаго истца. Что касается конфискаціи предметовъ 2-й группы, то, на сколько въ особенной части будущаго уложенія предметы эти не будутъ отличаться свойствомъ предметовъ 1-й группы, т. е. ихъ опасностью для общественнаго порядка, конфискація эта будетъ дѣйствительно дополнительнымъ наказаніемъ для виновнаго. Слѣдовало-бы однако и тутъ сдѣлать оговорку: «отбирается въ казну, съ погашеніемъ исковыхъ требованій потерпѣвшаго частнаго лица». Но и засимъ постановленіе о конфискаціи и такихъ предметовъ у оправданныхъ было-бы умѣстнѣе не въ уложеніи, говорящемъ о наказаніяхъ, не могущихъ имѣть никакого примѣненія къ оправданнымъ, а въ уставѣ уголовнаго судопроизводства; о конфискаціи-же этихъ предметовъ у освобожденныхъ отъ суда за невмѣняемостью, давностью и т. п., умѣстнѣе было-бы сказать въ соотвѣтствующихъ статьяхъ уложенія (глава 4 и 8 проекта).

Послѣдняя часть статьи 35 должна быть, по мнѣнію Симферопольскаго Окружнаго Суда, исключена, такъ-какъ правило объ отобраніи вещей у подсудимаго оправданнаго или освобожденнаго отъ наказанія должно имѣть мѣсто въ уст. уг. суд., а не въ уложеніи, имѣющемъ дѣло лишь съ присужденными и съ наказаніями.

Прокуроръ Тамбовскаго Окружнаго Суда Москалевъ находитъ, что, согласно замѣчаніямъ, сдѣланнымъ по поводу 3 ст., статью 35 надлежалобы дополнить слѣдующимъ постановленіемъ: «Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ на виновнаго возлагается обязанность исправить сдѣланныя упущенія или уничтожить послѣдствія незаконныхъ дѣйствій, подавшихъ поводъ къ судебному преслѣдованію, съ предоставленіемъ правительственнымъ лицамъ или учрежденіямъ исполнить приговоръ суда за счетъ виновнаго, въ случаѣ его уклоненія отъ исполненія предписаннаго въ назначенный для того срокъ».

Предсѣдатель Елисаветпольскаго Окружнаго Суда Бартеневъ полагалъ-бы дополнить редакцію 35 ст. проекта правиломъ, въ силу коего приговоренному можетъ быть судомъ запрещено вновь пріобрѣтать тѣ предметы, кои служили ему, между прочимъ, средствомъ къ совершенію преступленія. Такое дополненіе 35 ст. особенно имѣло-бы значеніе въ Закавказьѣ, гдѣ совершается громадное количество убійствъ и пораненій, гдѣ все населеніе вооружено и къ разоруженію коего не принимаютъ никакихъ мѣръ, а потому хотя-бы вновь установленный законъ, въ смыслѣ только-что изложеннома, послужилъ-бы иниціативою въ вопросѣ о разоруженіи края и былъ-бы полицейскою мѣрою предупрежденія новаго преступленія.

Курляндскій Губернскій Прокуроръ баронъ Майдель находитъ, что постановленіе ст. 35 проекта можно было-бы распространить на всѣ права, пріобрѣтенныя преступнымъ дѣяніемъ; напримѣръ, если виновный посредствомъ обмана исходатайствовалъ утвержденіе его въ правахъ какого-либо изъ привилегированныхъ сословій и эти права, по смерти его, перешли къ его наслѣдникамъ, то признаніе этихъ правъ недѣйствительными могло-бы послѣдовать по приговору уголовнаго суда, не смотря на то, что виновный умеръ во время производства дѣла.

Люблинскій Окружный Судъ указываетъ, что въ уложеніи отобраніе вещей имѣетъ исключительное значеніе дополнительнаго наказанія (ст. 3 проекта). Ст. 35 должна ограничиться развитіемъ этого основнаго положенія. Поэтому въ ней можно упомянуть только объ отобраніи вещей, принадлежащихъ виновному, или обнаруженныхъ у виновнаго по связи съ преступленіемъ, хотя-бы независимо отъ принадлежности ему таковыхъ. Что касается отобранія вещей, имѣющихъ связь съ преступленіемъ, но найденныхъ не у виновнаго и ему не принадлежащихъ, не имѣющаго собственно карательнаго характера, то едва-ли въ уложеніи нужно повторять общія правила ст. 371—376 уст. угол. суд. о вещественныхъ доказательствахъ. Вмѣсто того и вмѣсто проектированной 2 ч. 35 ст. лучше дополнить 1 п. 776 и 777 ст. уст. угол. суд. по соображеніи съ 323 ст. уст. о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій.

Въ виду того, что предметы, о которыхъ говорится въ этой статьѣ, подлежатъ истребленію или обращенію въ казну во всякомъ случаѣ, у кого-бы они ни были отобраны, и что 1 часть статьи, говоря о предметахъ, отобранныхъ у *виновнаго*, не согласуется со 2 частью, говорящей о случаяхъ оправ-

данія подсудимаго,—совѣщаніе чиновъ С.-Петербургской прокуратуры согласилось съ высказаннымъ мнѣніемъ (г. Марковъ) о томъ, что слова «найденные у виновнаго» «принадлежавшія виновному и» изъ 1 части, а также вся 2 часть статьи—должны быть исключены, какъ затемняющія истинный смыслъ всей статьи. Одинъ изъ присутствовавшихъ (г. Васильевъ), соглашаясь на исключеніе вышеозначенныхъ словъ изъ 1 ч. ст. 35, — вмѣстѣ съ тѣмъ однако полагалъ 2 часть статьи сохранить въ настоящемъ ея видѣ.

Товарищъ Предсѣдателя Плоцкаго Окружнаго Суда Павловскій находитъ, что употребленное въ ст. 35, въ значеніи обладанія или содержанія какого либо предмета, слово: «имѣніе», можетъ быть смѣшиваемо съ представленіемъ объ имуществѣ (les biens) и потому подлежало-бы или исключенію изъ этой статьи, или замѣнѣ словомъ «содержаніе».

По замѣчанію Прокурора Плоцкаго Окружнаго Суда Фукса, ст. 35, требующая для конфискаціи вещей, предназначавшихся или служившихъ для совершенія преступнаго дѣянія, принадлежности ихъ виновному, крайне съуживаетъ ея примѣненіе и совершенно напрасно вводитъ въ фактическія отношенія понятія гражданскаго права; казалось-бы проще замѣнить слово «принадлежавшія» словами: «состоявшія въ распоряженіи», невызывающими никакихъ сомнѣній и недоразумѣній.

При обсужденіи проекта въ Тифлисской Судебной Палатѣ, по поводу 35 ст. было высказано мнѣніе о томъ, чтобы деньги, вырученныя отъ конфискованныхъ предметовъ, были обращаемы *не въ казну*, какъ сказано въ упомянутой статьѣ, *а въ капиталъ на устройство мѣстъ заключенія*, каковое назначеніе упомянутыхъ денегъ признано болѣе соотвѣтственнымъ.

Относительно ст. 35, опредѣляющей порядокъ отобранія у виновнаго вещей, Предсѣдатель образованной изъ состава Варшавской Судебной Палаты Коммисіи, Томашевскій полагалъ 2 часть этой статьи, именно положеніе: «постановленіе сіе примѣняется судомъ и въ случаѣ оправданія подсудимаго или освобожденія его отъ наказанія», изложить слѣдующимъ образомъ: «Постановленіе сіе примѣняется судомъ и въ случаѣ освобожденія подсудимаго отъ наказанія за давностью и другими причинами невмѣняемости», слово-же «оправданія» должно быть исключено на томъ основаніи, что,

послѣ оправданія подсудимаго, возникшее о немъ дѣло почитается неправильно возбужденнымъ, а слѣдовательно и вещи, при немъ оказавшіяся, закономъ невоспрещенныя, должны быть ему возвращены, какъ несостоявшія, очевидно, и не предназначавшіяся для совершенія преступленія.

Къ мнѣнію Предсѣдателя присоединились другіе два Члена (гг. Антріето и фонъ-Вендрихъ).

Остальные-же Члены (гг. Потуловъ, Кочубей и Фейлертъ) высказались за оставленіе 2 части 35 ст. въ той редакціи, въ какой она помѣщена въ проектѣ, но съ исключеніемъ слова «оправданія».

Относительно этихъ соображеній Коммисіи по ст. 35 проекта, Общее Собраніе Департаментовъ Варшавской Судебной Палаты высказалось за сохраненіе редакціи, принятой въ проектѣ Редакціонной Коммисіи.

Чины Костромскаго Окружнаго Суда указываютъ, что ст. 35 проекта, установляя безусловное отобраніе предметовъ, коихъ изготовленіе, продажа и распространеніе запрещены закономъ, распространяетъ такой секвестръ на вещи, принадлежащія преступнику и служившія для совершенія преступленія, даже и въ случаѣ оправданія обвиняемаго. Соглашаясь съ этимъ отдѣломъ этой статьи о конфискаціи предметовъ, безусловно воспрещенныхъ, названные судебные чины не считали-бы возможнымъ распространить дѣйствіе этого закона на такія вещи, принадлежащія обвиняемому, ношеніе коихъ не воспрещено закономъ, если обвиняемый не признанъ виновнымъ во взводимомъ на него преступленіи, ибо въ противномъ случаѣ будетъ допущено ничѣмъ не оправдываемое и вполнѣ бездоказательное нарушеніе правъ чужой собственности.

Прокуроръ Кашинскаго Окружнаго Суда Безе замѣчаетъ, что постановленіе 2 части 35 статьи проекта касается, между прочимъ, и вещей, не надлежавшихъ оправданному подсудимому и служившихъ для совершенія преступнаго дѣянія. Въ случаѣ оправданія подсудимаго, такія вещи подлежатъ истребленію или обращенію въ казну. Примѣненіе на практикѣ постановленія 2 части 35 ст. можетъ, по мнѣнію г. Безе, встрѣтить затрудненія со стороны суда и вмѣстѣ съ тѣмъ является несправедливымъ по отношенію къ оправданному лицу. Легко себѣ представить случаи оправданій, при которыхъ присяжные засѣдатели отвергли самый фактъ преступнаго обвиненія. Чѣмъ, спрашивается, будетъ судъ мотивировать истребленіе вещей оправданнаго подсудимаго, служившихъ къ совершенію преступнаго дѣянія, въ

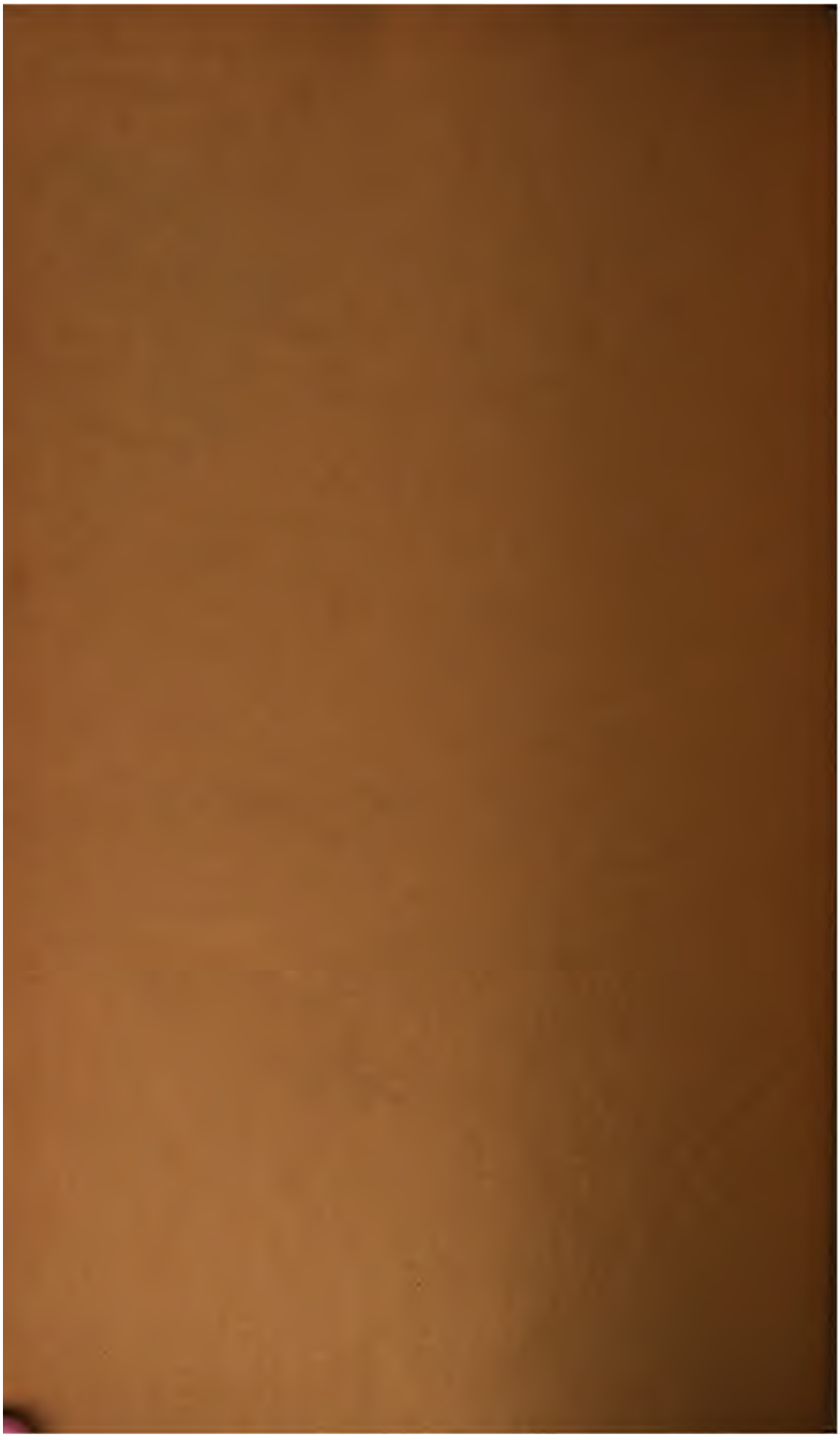
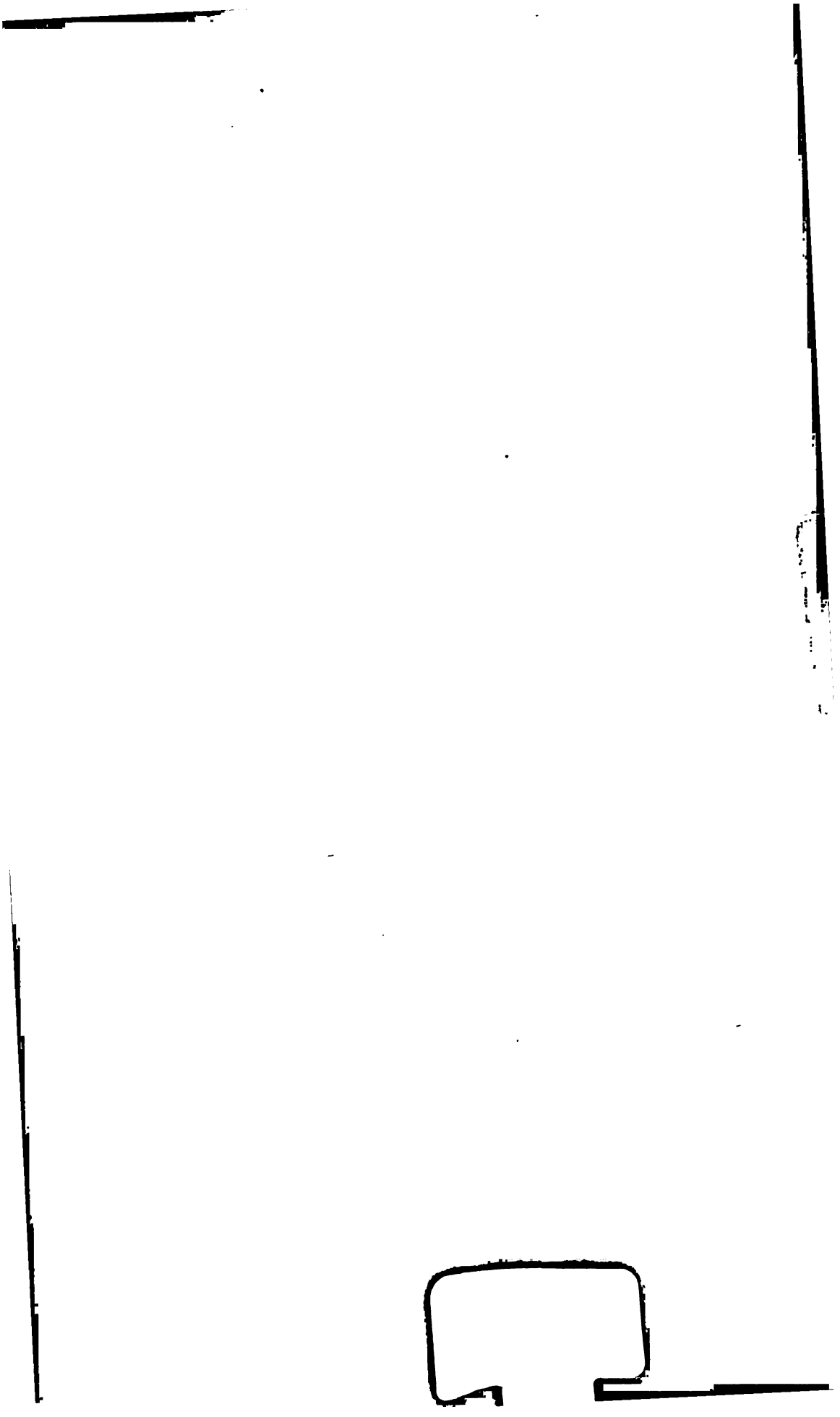
таковое признано недоказаннымъ? При такой постановкѣ судьба вещей, принадлежащихъ оправданному подсудимому, не можетъ слѣдовать повелѣнію 2 ч. 35 ст., и судъ, согласно вердикту присяжныхъ и для устраненія всякаго противорѣчія, долженъ будетъ, вопреки требованію 2 ч. 35 ст., вещи эти возвратить по принадлежности. Такимъ образомъ 2 ч. 35 ст., при примѣненіи ея на практикѣ, не можетъ быть осуществлена и казалось-бы болѣе цѣлесообразнымъ измѣнить ее добавленіемъ правила, что она относится въ случаяхъ оправданія только до предметовъ, коихъ изготовленіе, продажа, распространеніе, имѣніе и храненіе запрещены; во всѣхъ-же другихъ случаяхъ съ вещественными доказательствами слѣдуетъ поступать по точному смыслу 323 ст. Т. XIV, уст. о пред. и пресѣч. преступленія.

Частный повѣренный фонъ-Велькъ находитъ несправедливымъ отбирать у оправданнаго подсудимаго вещи, ему принадлежащія и предназначавшіяся или служившія будто для совершенія преступнаго дѣянія. Безъ того ему уже много напрасное обвиненіе.

Вмѣсто сложной редакціи 35 ст. надлежало-бы, по мнѣнію одного изъ чиновъ Радомскаго Окружнаго Суда, постановить болѣе обширное правило о томъ, что предметы, происшедшіе отъ преступленія или служащіе для совершенія онаго, конфискуются, хотя-бы принадлежали и невиновному лицу, исключеніе-же допускается, когда предметы, происшедшіе отъ преступленія или служащіе для совершенія онаго, похищены у кого-нибудь, и тогда они подлежатъ возврату потерпѣвшему.

Смотри также приведенныя подъ ст. 3 проекта замѣчанія Одесскаго Окружнаго Суда и Архангельскаго Губернскаго Прокурора Крауса.

ОГЛАВЛЕНІЕ

второго тома.

	Стр.
Общія замѣчанія на главу третью	1.
Замѣчанія на статью 13	26.
Общія замѣчанія на статьи 14—19	142.
Замѣчанія на статью 14	237.
— — — 15	295.
— — — 16	353.
Общія замѣчанія на статьи 17 и 18	388.
Замѣчанія на статью 17	422.
— — — 18	442.
— — — 19	456.
— — — 20	471.
Общія замѣчанія на статьи 21 и 22	498.
Замѣчанія на статью 21	550.
— — — 22	560.
Общія замѣчанія на статьи 23 и 24	583.
Замѣчанія на статью 23	593.
— — — 24	603.
Общія замѣчанія на статьи 25—30	648.
Замѣчанія на статью 25	678.
— — — 26	705.
— — — 27	711.
— — — 28	732.
— — — 29	735.
— — — 30	737.
Общія замѣчанія на статьи 31 и 32	780.
Замѣчанія на статью 31	859.
— — — 32	884.
— — — 33	897.
— — — 34	923.
— — — 35	926.